НИЛ ГЕЙМАН

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ

Книги 1-7

Сборник "Избранные романы". Книги 1-7

Нил Ричард Гейман

Аннотация
Нил Гейман. Американские боги
Предуведомление, оно же и предостережение для путников
Часть 1. Тени
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Часть 2. Я Айнсель
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Интермедия
Вторая интермедия
Третья интермедия. Джексонвилл, Флорида,

2 часа ночи
Глава тринадцатая
Часть 3. Буря
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Часть 4. Эпилог. О чем молчат мертвые
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Постскриптум
Благодарности
Нил Гейман. Дети Ананси
Посвящение
Глава первая,. в которой рассказывается об именах и делах семейных
Глава вторая,. в которой рассказывается о том, что иногда случается после похорон
Глава третья,. в которой происходит воссоединение семьи
Глава четвертая,. которая завершается вечером с вином, женщинами и песнями
Глава пятая,. в которой речь идет об утренней расплате
Глава шестая,. в которой Толстому Чарли не

удается попасть домой даже на такси
Глава седьмая,. в которой Толстый Чарли заходит очень далеко
Глава восьмая,. в которой полный кофейник оказывается как нельзя кстати
Глава девятая,. в которой Толстый Чарли идет открывать дверь, а Паук знакомится со стаей фламинго
Глава десятая,. в которой Толстый Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон крайне недовольна
Глава одиннадцатая,. в которой Рози учится говорить «нет» незнакомым, а Толстый Чарли обзаводится зеленым лимоном
Глава двенадцатая,. в которой Толстый Чарли кое-что делает впервые
Глава тринадцатая,. которая кое для кого плохо кончается
Глава четырнадцатая,. в которой все нити находят логичное завершение
Нил Гейман. Звездная пыль
Глава первая,. в которой мы узнаем о селении под названием Застенье и о загадочном событии, которое происходит там каждые девять лет
Глава вторая,. в которой Тристран Тёрн вырастает и дает опрометчивое обещание

Глава третья,. в которой мы встречаем некоторых других персонажей, в том числе и ныне здравствующих, и узнаем кое-что об упавшей звезде
Глава четвертая. «При свече туда дойдешь»
Глава пятая,. в которой состоится бой за корону
Глава шестая. Что сказало дерево
Глава седьмая. Под знаком колесницы
Глава восьмая,. в которой повествуется о воздушных замках и не только о них
Глава девятая,. повествующая по большей части о событиях в Теснине Диггори
Глава десятая. Звездная пыль
Эпилог,. в котором заканчиваются кое-какие истории
Выражения благодарности
Нил Гейман. ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ
Предисловие автора к российскому изданию
Глава
1. КАК НИКТО НЕ ИСПУГАЛСЯ ПОКОЙНИКОВ
Глава 2. НОВАЯ ПОДРУЖКА
Глава 3. ПСЫ ГОСПОДНИ
Глава 4. НАДГРОБИЕ ДЛЯ ВЕДЬМЫ
Глава 5. ДАНС-МАКАБР
Интерлюдия. БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ
Глава 6. ШКОЛЬНЫЕ ДНИ НИКТА ОУЭНСА

Глава 7. МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ
Глава 8. РАССТАВАНИЯ И ПРОЩАНИЯ
Благодарности
Послесловие переводчика
Комментарии
Нил Гейман. Никогде
Предисловие к этому изданию
Совершенно иной пролог. Четыреста лет назад
Пролог
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII

Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Благодарности
Нил Гейман. ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ
0
ПРОЛОГ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
ЭПИЛОГ
Благодарности
Послесловие переводчика
Нил Гейман – Хрупкие вещи. Сказки и истории

ПРЕДИСЛОВИЕ
ЭТЮД В ИЗУМРУДНЫХ ТОНАХ
1. Новый друг
2. Комната
3. Дворец
4. Представление
5. Кожица и косточка
ЭЛЬФИЙСКИЙ РИЛ
ОКТЯБРЬ В ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОМ КРЕСЛЕ
ТАЙНАЯ КОМНАТА
ЗАПРЕТНЫЕ НЕВЕСТЫ БЕЗЛИКИХ РАБОВ В ПОТАЙНОМ ДОМЕ НОЧИ ПУГАЮЩЕЙ СТРАСТИ
КРУПИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ
ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ
ВЛИТЬСЯ В ЛЕСА
ГОРЬКИЕ ЗЕРНА
1. «Не сумеешь вернуться пораньше – можешь не возвращаться вообще»
2. «Язык привел меня сюда»
3. «Нигде ничего не случится»
4. «Эти люди должны знать, кто мы. Они нам скажут, что мы еще здесь»
ДРУГИЕ ЛЮДИ
СУВЕНИРЫ И СОКРОВИЩА
БАСОВЫЙ КЛЮЧ
ФАКТЫ ПО ДЕЛУ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ МИСС

ФИНЧ
- СТРАННЫЕ ДЕВОЧКИ
- ВЛЮБЛЕННЫЙ АРЛЕКИН
- ЗАМКИ
- ПРОБЛЕМА СЬЮЗЕН
- ИНСТРУКЦИИ
- КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ?
- ЖИЗНЬ МОЯ
- ПЯТНАДЦАТЬ РАСКРАШЕННЫХ КАРТ ИЗ КОЛОДЫ ВАМПИРА
  - 0. Дурак
  - 1. Маг.
  - 2. Верховная жрица
  - 5. Иерофант
  - 6. Влюбленные
  - 7. Колесница
  - 10. Колесо фортуны
  - 11. Справедливость
  - 14. Умеренность
  - 15. Дьявол
  - 16. Башня
  - 17. Звезда
  - 19. Солнце
  - 20. Страшный Суд
  - 22. Мир
- КТО-ТО КОРМИТ, КТО-ТО ЕСТ

НЕДУГОТВОРЧЕСКИЙ КРИЗ
В КОНЦЕ
ГОЛИАФ
СТРАНИЦЫ
ИЗ ДНЕВНИКА, НАЙДЕННОГО В КОРОБКЕ ИЗ-ПОД
ОБУВИ, ЗАБЫТОЙ В МЕЖДУГОРОДНОМ АВТОБУСЕ
ГДЕ-ТО МЕЖДУ ТАЛСОЙ, ШТАТ ОКЛАХОМА, И
ЛУИСВИЛЛОМ, ШТАТ КЕНТУККИ
КАК
ОБЩАТЬСЯ С ДЕВУШКАМИ НА ВЕЧЕРИНКАХ
ДЕНЬ, КОГДА ПРИЗЕМЛИЛИСЬ ЛЕТАЮЩИЕ
ТАРЕЛКИ
ЖАР-ПТИЦА
СОТВОРЕНИЕ АЛАДДИНА
ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ. новелла из
цикла «Американские боги»
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая

Аннотация

Нил Гейман – мастер современного фэнтези, автор знаменитых романов «Американские боги», «Дети Ананси», «Звездная пыль». Он – создатель самого нашумевшего романа для детей «Коралина», а также удивительной коллекции страшных, странных и смешных историй, в которых фантазия смешивается с реальностью

Содержание:

1. **Нил Гейман**: Американские боги *(Перевод: Е. Решетникова, Вадим Михайлин)*
2. **Нил Гейман**: Дети Ананси *(Перевод: Анна Комаринец)*
3. **Нил Гейман**: Звездная пыль *(Перевод: Анастасия Дубинина)*
4. **Нил Гейман**: История с кладбищем *(Перевод: Екатерина Мартинкевич)*
5. **Нил Гейман**: Никогде *(Перевод: Надежда Конча, Мария Мельниченко)*
6. **Нил Гейман**: Океан в конце дороги *(Перевод: Виталий Нуриев)*
7. **Нил Гейман**: Хрупкие вещи *(Перевод: М. Немцов, А. Комаринец, А. Аракелов, Т. Покида-*

ева, Н. Эристави, Н. Гордеева)

Нил Гейман
Американские боги

Отсутствующим друзьям — от Кэти Акер до Роджера Желязны

Меня всегда занимал вопрос: что происходит с демоническими существами, когда люди превращаются в иммигрантов и переселяются в другие страны. Американцы ирландского происхождения помнят ***фейри****, выходцы из Норвегии —* ***нис****, греко-американцы —* ***врыколаков****, но исключительно в связи с событиями, имевшими место в Старом свете. Когда однажды я спросил, почему подобного рода существ никто никогда не видел в Америке, мои собеседники принялись смущенно посмеиваться, а потом ответили: «Они просто боятся плыть через океан, в такую-то даль» — и в конечном счете обратили мое внимание на тот факт, что ни Христос, ни апостолы до Америки тоже так и не добрались.*

Ричард Дорсон. К теории американского фольклора.
(История и американский фольклор. University of Chicago Press, 1971)

Предуведомление, оно же и предостережение для путников

Книга, которую вы держите в руках, — плод вымысла, а не путеводитель по Соединенным Штатам Америки. Я не хочу сказать, что всю географию страны придумал заново — многие из описанных мест можно увидеть воочию, а пути-дороги персонажей отследить и нанести на карту, — но некоторые вольности я себе все-таки позволил. Их меньше, чем может показаться на первый взгляд, но они есть.

Я не испрашивал и не получал разрешений на использование реально существующих названий, фигурирующих в этой истории: и наверняка владельцы Рок-сити или Дома-на-Скале, а также члены охотничьего клуба, чьей собственностью является мотель в центре Америки, удивятся не меньше любого другого человека, который, открыв эту книгу, обнаружил бы на ее страницах свою недвижимость.

В ряде случаев я сознательно исказил истинные координаты — это, к примеру, относится к городку под названием Лейксайд или ферме,

расположенной в часе езды к югу от Блэксбурга, той самой, где растет Ясень. Можете их поискать, если придет охота. Можете даже и найти.

Кроме того, само собой разумеется, что все выведенные в этом романе люди — живые, мертвые и всякие прочие — вымышлены и действуют в сугубо вымышленных обстоятельствах. И только боги — реальны.

Часть 1
Тени
Глава первая

Границы нашей страны, сэр?
Проще некуда: с севера нас подпирает полярное сияние, с востока — восходящее солнце, по южной границе выстроились равноденствия, а на западе маячит Судный день.

Джо Миллер. Книга американского юмора.

В тюрьме Тень отмотал три года. Габариты у него были впечатляющие, а выражение лица такое, что связываться с ним никому не хотелось, так что самая большая его проблема была — как убить время. Поэтому он старательно поддерживал физическую форму, научился делать фокусы с монетами, а еще очень много думал о том, как сильно любит жену.

Самое лучшее, что есть в тюремной отсидке, — а с точки зрения Тени единственное, что во всем этом хорошего, — это чувство облегчения. Ощущение, что ударился о самое дно и дальше падать

просто некуда. Здесь не нужно дергаться, что вот-вот заметут, тебя уже замели. И переживать по поводу того, что будет завтра: все, что могло случиться, уже случилось, причем вчера.

А еще Тень пришел вот к какому выводу: сделал ты то, за что тебя посадили, или нет, на самом деле не важно. Каждый из тех, с кем он познакомился в тюрьме, жил с чувством обиды: полицейское, судебное или тюремное начальство совершало несправедливость за несправедливостью и обвиняло тебя в том, чего ты не делал, — ну, или делал, но не совсем так, как это всем представлялось. Так что важным было только то, что тебя все-таки замели.

Это он понял еще в первые дни, когда всё здесь, от сленга до скверной пищи, было в новинку. Он чувствовал себя несчастным, на него волнами накатывал ужас оттого, что его здесь заперли, и надолго, но дышать он стал свободнее.

Говорить Тень старался как можно меньше. Примерно в середине второго года отсидки он поделился своей теорией с сокамерником по имени Космо Дей и по прозвищу Ловкий.

Ловкий, мошенник из Миннесоты, с целой россыпью шрамов у самого рта, улыбнулся в ответ:

— Ага, — сказал он, — в самую точку. А если

тебе дадут вышку, так еще того лучше. Сразу вспоминаешь пацанов, что скидывали башмаки в момент, когда у них на шее затягивали петлю, — только потому, что кто-то когда-то сказал, что они сдохнут, не сняв ботинок. Типа, не в своей постели.

— Это что, юмор такой? — спросил Тень.

— А ты как думал. Юмор висельников. Самый лучший юмор на свете.

— А когда в этом штате в последний раз кого-нибудь вешали?

— А кой хер мне знать? — Волосы у Космо были светло-рыжие, и стригся он под карандаш, так что очертания черепа светили сквозь оранжевый пушок на голове. — Но вот что я тебе хочу сказать. Эта страна начала катиться к едрене фене именно тогда, когда людей перестали вешать. Ни базара стоящего не стало. Ни понтов путёвых.

Тень пожал плечами. Ничего романтического в смертном приговоре с его точки зрения не было.

Если тебе не впаяли смертный приговор, подумал он, значит в лучшем случае тюрьма для тебя — только отсрочка от жизни. По двум причинам. Во-первых, жизнь так или иначе умудряется втереться даже в тюрьму. Даже и на самом дне бывают ямы, в которые можно упасть. Жизнь

продолжается. А во-вторых, если ты тут подвис, это не значит, что тебя в один прекрасный день не выпустят.

Поначалу перспектива эта казалась слишком отдаленной, чтобы Тень по ней заморачивался. Потом она превратилась в далекий лучик надежды, а он научился говорить себе «и это тоже пройдет», когда происходила очередная тюремная хрень, потому что без хрени в тюрьме не бывает. В один прекрасный день откроется волшебная дверь, и он сделает шаг наружу. Тень даже начал вычеркивать дни в календаре с певчими птицами Северной Америки, потому что других календарей в тюремном чепке не продавали, и солнце вставало и закатывалось за горизонт, а он не видел ни восходов, ни закатов. Он упражнялся с монетами, потому что как-то на унылых полках тюремной библиотеки обнаружил книжку «Фокусы с монетами»; он качался; а еще он составлял про себя списки того, что сделает, когда откинется.

Во-первых, он пойдет и примет ванну. Так, чтобы надолго и всерьез, так, чтобы отмокнуть, и чтобы вода с пеной. Может, при этом он станет читать газету. А может, и не станет. Бывали дни, когда ему хотелось думать так, а бывали, когда

— иначе.

Во-вторых, он вытрется насухо полотенцем и наденет халат. А может, еще и тапочки. Идея насчет тапочек ему нравилась. Если бы он курил, то после ванной, в халате, было бы самое время выкурить трубку — но он не курил. Он подхватит жену на руки («Бобик, — пискнет она, с поддельным ужасом и неподдельной радостью, — что ты *делаешь*?»). Он отнесет ее в спальню и закроет дверь. А если они проголодаются, то закажут по телефону пиццу.

В-третьих, после того как они с Лорой выйдут из спальни — может быть, дня через два-три, — он прикинется ветошью и не станет отсвечивать до конца своих дней.

— И жить будешь долго и счастливо? — спросил у него Ловкий Космо Дей. В тот день они работали в тюремных мастерских, лабали кормушки для птиц. Альтернатива была еще более увлекательная — штамповать автомобильные номера.

— Никого не зови счастливым, — ответил Тень, — пока он не умер.

— Геродот, — подытожил Ловкий. — Надо же. А ты времени зря не теряешь.

— Что, мать вашу, еще за Геродот такой? — спросил Ледокол, вставляя борта кормушки в

пазы и передавая ее Тени, который должен был окончательно закрепить углы шурупами.

— Один мертвый грек, — сказал в ответ Тень.

— У меня последняя девчонка гречанка была, — сказал Ледокол. — Эх и говно у них в доме была еда! Вы себе представить не можете. Типа, завернут рис в какие-то листья и жрут. Ну и все такое.

Ростом и габаритами Ледокол был — точь-в-точь автомат по продаже кока-колы, и это при голубых глазах и кипельно-белой шевелюре. Однажды какому-то парню сдуру взбрело в голову полапать его подружку в том баре, где она танцевала, а Ледокол работал вышибалой. Ледокол ему и вломил. Приятели того парня вызвали полицию, полиция взяла Ледокола за жабры и прогнала по базе данных, откуда и выяснилось, что из тюрьмы он вышел всего полтора года тому назад, условно-досрочно.

— А что мне оставалось делать? — убитым голосом спросил Ледокол у Тени, когда пересказал ему эту печальную историю. — Я ж его предупредил, это моя девчонка. И че, стоять и смотреть, как он мне в душу гадит? Так, да? Ты понимаешь, он же ее облапал всю, с ног до головы.

— Попробуй еще кому-нибудь это объяснить, — сказал ему тогда Тень, давая понять, что разговор

окончен. Он уже усвоил, что в тюрьме у каждого свои проблемы. И нечего совать нос в чужие.

Сиди и не отсвечивай. Мотай свой срок.

За несколько месяцев до этого Космо Дей одолжил ему потрепанный экземпляр геродотовой «Истории» в мягкой обложке.

— Совсем даже она и не скучная, — сказал он, когда Тень попытался ему объяснить, что книжек не читает. — Крутая, между прочим, книжка. Сначала прочти, потом сам скажешь, что это круто.

Тень поморщился, но читать все-таки начал и втянулся, против собственной воли.

— Так что не рассказывайте мне про греков, — с видимым отвращением сказал Ледокол. — Хотя, кстати, то, что про них говорят, полная брехня. Я как-то попытался трахнуть эту телку в жопу, так она мне чуть глаза не выцарапала.

А потом Ловкого перевели, совершенно неожиданно. Геродот так и остался у Тени. Между страницами там был затарен пятицентовик. Монеты в тюрьме держать нельзя, потому что монету можно в любой момент заточить о камень и располосовать кому-нибудь в драке морду. Но Тени оружие было без надобности; Тени нужно было что-нибудь, чем занять руки.

Суеверным Тень не был. Он не верил в то, чего

не мог увидеть собственными глазами. И все-таки в последний месяц отсидки не мог не чувствовать, как над тюрьмой сгущаются тучи, — точно такое же чувство, как в несколько последних дней перед ограблением. Под ложечкой у него образовалась какая-то пустота, и он старательно пытался убедить себя в том, что это всего лишь страх ожидания, что он боится возвращаться в тот мир, который ждет его снаружи. Но уговоры не особенно помогали. Он сделался более мнительным, чем всегда, а в тюрьме мнительность и без того обычное состояние, залог выживания. Тень старался отсвечивать меньше прежнего и как никогда сделался и впрямь похож на тень. Он часто ловил себя на том, что наблюдает за охранниками и другими заключенными, пытаясь в манере их поведения, мельчайших жестах разгадать пакость, которая вот-вот случится: а в том, что случится, он уже нимало не сомневался.

Примерно за месяц до того, как выйти на свободу, Тень оказался в зябком тюремном кабинете, и через стол от него сидел коротышка с багровым родимым пятном на лбу. На столе перед коротышкой лежало раскрытое дело Тени, а в руке он держал шариковую ручку. Кончик у ручки был изгрызен в никуда.

— Что, замерз, Тень?

— Есть немного, — ответил Тень.

Коротышка передернул плечами.

— Система, блин, — сказал он. — Отопление включат не раньше первого декабря. А первого марта выключат. Не я придумал эти правила, — он провел пальцем вниз по листу бумаги, приклеенному к левой стороне обложки дела. — Сколько тебе сейчас, тридцать два?

— Так точно, сэр.

— А выглядишь моложе.

— Слежу за собой.

— Ты, говорят, у нас примерный заключенный.

— Мне два раза объяснять, что к чему, не нужно, сэр.

— Ты это серьезно? — он внимательно посмотрел на Тень, и родимое пятно у него на лбу сместилось чуть ниже. Тень хотел было поделиться с ним своей теорией насчет тюрьмы, но передумал. А вместо этого кивнул и постарался принять надлежащий вид: раскаявшегося грешника.

— Тут написано, что у тебя есть жена, да, Тень?

— И зовут ее Лора.

— И как у вас с ней?

— Полный порядок. Навещает меня, как только

получается выкроить время, — ехать досюда все-таки не ближний свет. Переписываемся с ней, я ей звоню, когда подвертывается возможность.

— А кем она работает?

— Агентом в бюро путешествий. Люди ездят по всему свету, а она им в этом помогает.

— А как вы с ней познакомились?

Тень никак не мог взять в толк, зачем коротышка его обо всем этом спрашивает. Вертелось у него на языке что-то вроде: «А твое какое дело», но вслух он сказал:

— Она была самой близкой подружкой жены моего лучшего друга. Вот они и сговорились — мой друг и его жена — устроить нам свидание вслепую. И как-то все сразу сложилось.

— И как только выйдешь на свободу, с трудоустройством проблем не будет?

— Так точно, сэр. У Робби, этого моего друга, про которого я вам только что говорил, есть свое дело, называется «Силовая станция», я там раньше работал инструктором. Он говорит, что возьмет меня на прежнее место, как только так сразу.

Пятно поползло вверх:

— Да что ты говоришь?

— Он говорит, по его прикидкам, ему от меня будет прямая выгода. Кое-кто из стариков вернет-

ся, ну и прочие крутые парни, которым хочется стать еще круче прежнего.

Судя по всему, коротышку его ответы удовлетворили. Он пожевал кончик ручки, потом перелистнул страницу в деле.

— А что ты думаешь насчет того, за что тебя посадили?

Тень пожал плечами:

— Дурак был, — ответил он совершенно искренне.

Человек с родимым пятном вздохнул и принялся ставить во вклеенном в дело бланке галочки. Потом еще раз перелистал дело.

— А как ты отсюда до дома добираться будешь? — спросил он. — На «Грейхаунде»?[1]

— Да нет, самолетом. Когда у тебя жена работает в туристическом агентстве, должен же быть от этого какой-то толк.

Коротышка нахмурился, и родимое пятно у него на лбу подернулось рябью.

— Она что, уже и билет выслала?

— А зачем? Просто сообщила номер, и все дела. Электронный билет. Приду в аэропорт, покажу

---

[1] notes: 1

«Грейхаунд» (букв. «борзая») — национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородние маршруты. На эмблеме компании изображена бегущая борзая.

паспорт — и полетели.

Коротышка кивнул, нацарапал что-то в самом конце бланка, потом закрыл папку и отложил ручку в сторону. Бледные ладошки его легли на серую столешницу бок о бок, как две светло-розовые зверушки. Он сложил руки домиком и поднял на Тень водянистые карие глаза.

— Везучий ты, — сказал он. — И вернуться тебе есть к кому, и работа тебя ждет не дождется. Вроде как раз — и не было ничего. Вроде как раз тебе — и вторая попытка. Очень советую всерьез ею воспользоваться.

Он встал, давая понять, что собеседование окончено, — но руки не протянул; впрочем, Тень ничего подобного от него и не ожидал.

Хуже всего было в последнюю неделю. В каком-то смысле даже хуже, чем за все три года вместе взятые. Может, погода виновата, думал Тень: смурная, холодная и безветренная. Такое впечатление, будто вот-вот начнется гроза, но грозы никакой не было. Его била дрожь, передергивало от озноба, и еще это тянущее ощущение пустоты под ложечкой, ощущение, что все летит в тартарары. Во дворике для прогулок время от времени протягивало ветерком. Тени казалось, он чует в воздухе запах снега.

Тень позвонил жене с оплатой за ее счет. Он знал, что телефонные компании облагают каждый исходящий из тюрьмы звонок дополнительным сбором в три доллара. Поэтому и операторы всегда такие вежливые, если звонишь из тюрьмы: знают, с тебя навар особенный.

— Что-то не то происходит, — сказал он Лоре. Не во первых словах, конечно же. Во первых словах было «Я тебя люблю», потому что если ты по-настоящему человека любишь, никогда не будет лишним ему об этом напомнить, а Лору Тень любил по-настоящему.

— Привет, — отозвалась Лора. — И я тебя тоже. А что такого, собственно, происходит?

— Не знаю, — сказал он. — Может, просто погода. Такое впечатление, будто вот-вот гроза начнется. Наверное, если бы и впрямь началась, сразу бы полегчало.

— А у нас тут все тихо, — сказала она. — И даже листья не совсем еще опали. Если ветра сильного не будет, ты успеешь на них взглянуть, как вернешься.

— То есть через пять дней, — сказал Тень.

— Каких-нибудь сто двадцать часов, и ты дома, — подхватила она.

— Там все в порядке, дома-то? Ничего такого?

— Все в порядке. Сегодня вечером увижусь с Робби. Устроим тебе такой прием, какого и не ждешь!

— Типа, сюрприз, что ли?

— Ну да. Только я ничего тебе не говорила, хорошо?

— А я ничего и не слышал.

— Узнаю своего мужа, — сказала она.

Тень поймал себя на том, что стоит и улыбается. Он отсидел целых три года, а она по-прежнему может вот так, запросто, заставить его улыбнуться.

— Я люблю тебя, маленькая моя, — сказал Тень.

— И я тебя, бобик ты мой, — сказала Лора.

Тень положил трубку.

Когда они поженились, Лора сказала Тени, что хочет завести собаку, но хозяин квартиры, узнав об этом, тут же указал им на пункт в договоре о найме, согласно которому домашних животных они держать не имели права.

«Так в чем проблема? — тут же нашелся Тень. — Нужен тебе этот бобик, когда у тебя есть я. Чем я хуже? Хочешь, тапочки твои сгрызу. Или надую на кухне. А может, в нос тебя лизнуть? Или, к примеру, ткнуться мордой тебе между ног, хочешь? Голову даю на отсечение, нет на свете ничего

такого, что мог бы сделать пес, а я не смог бы!»

И он подхватил ее на руки, так, словно она вообще ничего не весила, и принялся лизать в нос, а она смеялась и отбивалась, как могла, а потом он отнес ее в спальню.

В столовой к Тени бочком подошел Сэм Фетишер и улыбнулся, показав неровные стертые зубы. Он сел рядом и стал есть свои макароны с сыром.

— Разговор есть, — сказал Сэм.

Сэм Фетишер был чернее черного, таких черных Тень за всю свою жизнь видел от силы два-три раза. Лет ему было под шестьдесят. Или под восемьдесят — с тем же успехом. С другой стороны, Тени доводилось встречать и тридцатилетних наркоманов, которые выглядели еще старше, чем Сэм Фетишер.

— Мм? — отозвался Тень.

— Будет буря, — сказал Сэм.

— Похоже на то, — ответил Тень. — Может, и снежку подсыплет.

— Не та буря, другая. Посильнее прочих. И вот что я тебе, парень, скажу: когда идет такая буря, лучше сидеть здесь, чем околачиваться там, снаружи.

— Я свое отсидел, — сказал Тень. — В пятницу

меня уже здесь не будет.

Сэм Фетишер воззрился на Тень.

— Ты сам-то откуда будешь?

— Игл-Пойнт. Индиана.

— Не еби мне мозги, — сказал Сэм Фетишер. — Я в том смысле, откуда предки твои приехали.

— Из Чикаго, — ответил Тень. Его мать и впрямь провела свое детство в Чикаго, там же и скончалась, полжизни тому назад.

— Ну, я тебя предупредил. Идет большая буря. Держись от нее подальше, сынок. Это вроде как… ну, как называются эти штуки, на которых сидят континенты? Плиты или вроде того?

— Тектонические плиты? — попробовал угадать Тень.

— Во-во. Тектонические плиты. Вроде того, когда они начинают двигаться, и Северную Америку того и гляди занесет на Южную — ты же не захочешь об эту пору оказаться посередке между ними? Понимаешь, о чем я?

— Вообще без понятия.

Сэм медленно подмигнул ему темно-карим глазом.

— Ну, бля, не говори потом, что я тебя не предупреждал, — сказал Сэм Фетишер и затолкал в рот полную ложку дрожащего апельсинового желе.

— Не скажу.

Ночь Тень провел в мутной полудреме, то погружаясь в сон, то снова из него выныривая, а на нижней койке кряхтел и храпел его новый сокамерник. Несколькими камерами дальше человек скулил и плакал во сне, и выл как животное, и время от времени кто-нибудь принимался кричать, чтобы он, сука, заткнулся на хрен. Тень пытался отключиться и ничего не слышать. Чтобы минута за минутой тихо уплывали у него над головой, бессмысленные и пустые.

Еще два дня. Сорок восемь часов, которые начались, как всегда, с овсянки и тюремного кофе, а потом охранник по фамилии Уилсон ткнул Тень в плечо несколько сильнее, чем следовало, и сказал:

— Тень? Двигай сюда!

Тень попытался прислушаться к тому, что происходит у него внутри. Внутри было тихо, однако он по собственному опыту знал, что в тюрьме это ничего не значит, и на самом деле ты можешь уже торчать в дерьме по самое не хочу. Охранник шел почти бок о бок с Тенью, и шаги их слитной дробью выстукивали по металлу и бетону.

Где-то в глотке у Тени застрял привкус страха, горький, как вчерашний кофе. Вот оно, нача-

лось…

В затылке вдруг завел шарманку пакостный голосок, и тот голосок шептал, что сейчас ему накинут лишний год отсидки, засунут в одиночку, закуют в наручники, отрежут голову. Он твердил сам себе: успокойся, не дергайся, — но сердце стучало так, словно пыталось пробиться на волю сквозь грудную клетку.

— Что-то я тебя не понимаю, Тень, — сказал ему по дороге Уилсон.

— Чего вы не понимаете, сэр?

— Тебя. Такой ты, блядь, тихоня. Вежливый такой. Сидишь и ждешь, как старый пердун, а тебе, между прочим, сколько? Двадцать пять? Двадцать восемь?

— Тридцать два, сэр.

— А ты кто вообще такой? Испашка? Цыган?

— Не знаю, сэр. Может, и так.

— Может, ты вообще черномазый, а? Есть в тебе черномазая кровь, а, Тень?

— Может, и есть, сэр. — Тень выпрямился во весь рост, стараясь смотреть прямо перед собой. Нельзя вестись на провокации, ни в коем случае нельзя.

— Н-да? Ну, не знаю. Знаю только, что у меня, блядь, от тебя мурашки по коже. — Желтые, как

песок, волосы Уилсона, желтое, как песок, лицо и желтая, как песок, улыбка. — Ты, говорят, покидаешь нас скоро.

— Очень на это надеюсь, сэр.

Они прошли через несколько контрольных пунктов. Уилсон каждый раз показывал пропуск. Потом вверх по лестнице — и вот она, дверь кабинета начальника тюрьмы. Прямо на двери, черными буквами, имя — Дж. Паттерсон, — а рядом световой индикатор в виде маленького дорожного светофора, и под ним кнопка.

Огонек горел самый верхний, но красный.

Уилсон нажал на кнопку.

Пару минут они стояли в полной тишине. Тень все твердил сам себе, что все в порядке, в пятницу утром он уже будет сидеть в самолете, а самолет полетит в Игл-Пойнт, но отчего-то ему уже во все это не верилось.

Красный огонек погас, загорелся зеленый, и Уилсон толкнул дверь. Они вошли.

За последние три года Тень несколько раз видел начальника тюрьмы. Один раз тот проводил экскурсию для какого-то политика. В другой раз, после того как тюрьму ни с того ни с сего перевели на более строгий режим содержания, заключенных разбили на группы по сто человек,

и начальник выступил с речью перед каждой такой группой, объяснив в двух словах, что тюрьма переполнена, и поскольку переполненной она останется и впредь, лучше к подобному положению вещей привыкнуть сразу.

Издалека вид у Паттерсона был несколько лучше, чем при ближайшем рассмотрении. Вытянутое лицо, седые волосы подстрижены очень коротко, на военный манер. И запах «Олд спайс». За спиной у начальника — книжный шкаф, на каждом корешке надпись: «Тюрьма». Стол девственно чист, не считая телефона и перекидного календаря с картинками из «По ту сторону».[2] За правым ухом у начальника был слуховой аппарат.

— Садитесь, прошу вас.

Тень сел. Уилсон встал у него за спиной.

Начальник выдвинул ящик стола, достал папку и положил ее перед собой.

— Здесь написано, что вам дали шесть лет за нанесение тяжких телесных, при отягчающих обстоятельствах. Отбыли вы три года. И в пятницу вас должны были освободить.

Должны были? Тень почувствовал, как где-то

---

[2] notes: 2
Популярная серия комиксов Гэри Ларсона. Публикуется с 1979 года.

в районе желудка у него разверзлась пустота. Сколько же ему добавят? Год? Два? Все три, по полной? Но вслух он сказал:

— Так точно, сэр.

Начальник провел по губам кончиком языка.

— Что вы сказали?

— Я сказал: «Так точно, сэр».

— Послушайте, Тень, мы освободим вас сегодня, после обеда. Выйдете на пару дней раньше.

Тень кивнул и стал ждать, когда за ложкой меда последует бочка дегтя. Начальник уставился в папку с делом.

— Эта бумага пришла к нам из больницы имени Джонсона в Игл-Пойнте… Речь идет о вашей жене. Она погибла вчера вечером, вернее, сегодня ночью. В автомобильной катастрофе. Примите мои соболезнования.

Тень снова кивнул.

Уилсон отвел его обратно молча. Он открыл дверь, впустил Тень в камеру, а потом сказал:

— Это вроде как в тех анекдотах, про хорошую новость и плохую, да? Хорошая новость, что откинешься на пару дней раньше, и тут же плохая — жена померла.

И рассмеялся, будто шутка и впрямь удалась.

Тень промолчал.

Как во сне, он стал собирать пожитки, а большую часть просто раздал. Ни Космо Дейва Геродота, ни книжки по фокусам с монетами он брать с собой не стал; и в конце концов, после минутной вспышки сожаления, расстался и с металлическими кружочками, которых наворовал в мастерской и которые служили ему вместо монет. Там, снаружи, будут у него монеты, настоящие монеты. Он побрился. Переоделся в гражданку. А потом шел сквозь двери, сквозь двери, сквозь двери, отдавая себе отчет в том, что в обратном направлении не пройдет уже ни разу в жизни; и внутри у него было пусто.

С низкого серого неба короткими злыми ливнями налетал ледяной дождь. Среди капель воды попадались крохотные льдинки, и они секли Тень по лицу, а дождь тут же промочил его тонкое пальто; его и других освободившихся отвели через двор к желтому школьному — бывшему школьному — автобусу, который должен был довезти их до ближайшего города.

По дороге к автобусу дождь успел промочить всех насквозь. Уезжало их восемь человек. А оставалось — полторы тысячи. Тень забрался в автобус, и дрожь била его до тех пор, пока не заработали обогреватели, и все это время он думал:

что я делаю, куда же мне теперь ехать?

В голове теснились невнятные и непрошеные образы. Ему казалось, что когда-то, давным-давно, он уже выходил из тюрьмы.

Его держали в темной комнате без окон, и держали долго, слишком долго: он зарос бородой, волосы висели сосульками. Стража свела его вниз по серой каменной лестнице, а потом была площадь, заполненная множеством ярких пятен: людей и всевозможных предметов. День был базарный, его сразу оглушил шум, он щурился от яркого солнечного света, затопившего площадь, в воздухе пахло морской соленой сыростью и множеством прекрасных вещей, что продают на рынке, а слева солнце отблескивало на воде…

Автобус качнулся и остановился на красный сигнал светофора.

За окном завывал ветер, дворники через силу скребли по лобовому стеклу, размазывая город в красно-желтую лужу неонового света. День только близился к вечеру, но сквозь стекло казалось, что снаружи — ночь.

— Твою мать, — сказал человек у него за спиной; Тень протер рукой запотевшее окно и смотрел теперь на быстро идущую по тротуару мокрую фигурку. — Там телка, на улице.

Тень сглотнул. Ему вдруг пришло в голову, что он ни разу даже не заплакал — да, по большому счету, и вообще ничего не почувствовал. Ни слез. Ни горя. Ничего.

Он поймал себя на том, что думает о парне по имени Джонни Ларч, с которым сидел в одной камере в самом начале срока и который рассказал ему о том, как однажды вышел из тюрьмы, отсидев за решеткой пять лет, имея в кармане сотню долларов и билет до Сиэтла, где у него жила сестра.

Джонни Ларч добрался до аэропорта, протянул билет женщине за стойкой, и та попросила его предъявить водительские права.

Он предъявил. Но срок действия его прав уже года два как истек. И она сказала, что не может принять их в качестве удостоверения личности. А он на это ответил, что, может быть, за руль с этими правами садиться уже и нельзя, но с какого, спрашивается, хрена, права перестали удостоверять его личность, и вообще, кто, с ее сраной точки зрения, перед ней сейчас стоит, если не тот человек, чья фотография вклеена в эти права?

На что она ответила, что с ее точки зрения ему стоило бы говорить немного потише.

И тогда он сказал, чтобы она уже выписала ему

наконец этот гребаный посадочный талон, а то он за себя не отвечает, потому что ему не нравится, когда его не уважают. В тюрьме нельзя допускать, чтобы тебя не уважали.

Тогда она нажала кнопку, через несколько секунд появились ребята из службы безопасности и попытались сделать так, чтобы Джонни Ларч тихо покинул помещение, а он уходить не захотел, и пошла бодяга.

В результате в Сиэтл Джонни Ларч не улетел; следующие несколько дней он провел в городе, в барах, а когда сто долларов вышли под ноль, купил игрушечный пистолет и ограбил заправочную станцию. А взяли его в конце концов за то, что он мочился на улице. Так что Джонни оглянуться не успел, как вернулся назад, в тюрьму, доматывать срок до звонка, плюс еще чуток за эту самую заправку.

А мораль у этой истории, если верить Джонни Ларчу, была такова: если ты пришел в аэропорт, не выеживайся на тамошнюю публику.

— А ты уверен, что к данному случаю не применима следующая истина: «Поведенческая модель, действенная в узкоспециализированной среде, каковой является тюремная, за ее пределами может оказаться не только неадекватной, но и

опасной для носителя»? — спросил Тень, когда Джонни Ларч рассказал ему эту историю.

— Да нет, я тебе о чем *толкую*-то, братан, — сказал в ответ Джонни Ларч, — с этими сучками в аэропортах лучше вообще не связываться.

Тень вспомнил этот разговор, и ему захотелось улыбнуться. Срок действия его собственных прав должен был закончиться через несколько месяцев.

— Автовокзал! Все на выход!

В здании воняло мочой и пивной кислятиной. Тень сел в такси и сказал водителю, чтобы тот отвез его в аэропорт. И пять долларов сверх счетчика, если он это сделает молча. Домчались они за двадцать минут, и водитель молчал как рыба.

Потом Тень шел, нога за ногу, через ярко освещенное пространство терминала. Его терзали сомнения насчет электронного билета. То есть на пятницу-то он, конечно, действителен, а вот как насчет сегодня? Вся эта электронная дребедень по определению казалась Тени — ну как будто фокусник наколдовал, и в любой момент оно возьмет, и исчезнет.

Впрочем, в кармане у него был бумажник, в первый раз за последние три года, а в бумажнике три просроченных кредитки и еще одна, Visa,

действительная до конца января: этому обстоятельству он удивился и порадовался. У него был номер билета. А еще он вдруг понял, что стоит ему добраться до дома, как все будет в порядке — так или иначе. И с Лорой тоже все будет в порядке. Может, им просто очень нужно было, чтобы он откинулся на пару дней пораньше, мало ли какие дела они там втихаря обделывают. Или еще вариант: извлекли из покореженной машины тело какой-нибудь другой Лоры Мун и все перепутали.

За стеклянными стенами терминала блеснула молния. Тень поймал себя на том, что затаил дыхание и чего-то ждет. Вдалеке громыхнул гром. Он выдохнул.

Из-за стойки на него подняла усталый взгляд женщина, белая.

— Добрый вечер, — сказал Тень. *Ты первая незнакомая женщина из плоти и крови, с которой я заговорил за последние несколько лет.* — У меня тут номер электронного билета. Должен был лететь в пятницу, а приходится вот сегодня. На похороны.

— Мм. Примите мои соболезнования. — Она пошуршала по клавиатуре, посмотрела на экран, нажала еще несколько клавиш. — Все в порядке.

Я посажу вас на рейс в три тридцать. Его могут отложить из-за грозы, так что следите за информацией на табло. Багаж сдавать будете?

Он снял с плеча сумку.

— Такую ведь можно и не сдавать, правда?

— Да, конечно, — сказала она. — У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

Тень показал ей права.

Аэропорт был не бог весть какой большой, но людей по залу бродило удивительно много. Он стоял и смотрел, как беспечно люди оставляют на полу чемоданы, засовывают бумажники в задние карманы брюк, вешают сумки — не глядя — на спинки кресел. И тут до него дошло, что он уже не в тюрьме.

До начала посадки еще полчаса. Тень купил треугольничек пиццы и обжегся о расплавленный сыр. Потом взял сдачу и пошел к телефонам-автоматам. Позвонил Робби, на «Силовую станцию», но на том конце провода был только автоответчик.

— Привет, Робби, — сказал Тень. — Мне тут сказали, что Лора умерла. И выпустили пораньше. Еду домой.

А поскольку людям вообще свойственно ошибаться, и он сам был тому свидетель, он набрал

свой домашний номер и послушал голос Лоры.

— Привет, — сказала она, — меня сейчас нет дома и к телефону я подойти не могу. Оставьте сообщение, я вам перезвоню. И — *доброго* вам дня.

Тень так и не смог выдавить из себя ни слова.

Он сидел в пластмассовом кресле возле выхода на посадку и сжимал сумку так крепко, что у него заболела рука.

Он вспоминал о том, как впервые увидел Лору. Он даже не знал тогда, как ее зовут. Она была подружкой Одри Бертон. Тень с Робби сидел в кабинке в «Чи-Чи», и тут вошла Одри, а сразу за ней — Лора, и Тень поймал себя на том, что внимательно на нее смотрит. У нее были длинные каштановые волосы, а глаза столь пронзительно голубые, что ему поначалу показалось, что она носит цветные контактные линзы. Она заказала клубничный дайкири, заставила Тень попробовать коктейль и покатилась со смеху, когда он и впрямь отпил глоток из ее бокала.

Лоре нравилось, когда другие люди пробуют то, что пробует она.

В тот вечер он поцеловал ее на прощанье; от нее пахло клубничным дайкири, и с тех пор ему больше никого не хотелось целовать — только ее.

Какая-то женщина объявила посадку на его

рейс, и первыми вызвали пассажиров, чьи места были в том же ряду, что и у него. Его посадили в самом хвосте, рядом оказалось пустое кресло. По борту самолета непрерывно барабанил дождь: он представил, как на небе сидят сейчас маленькие дети и швыряют вниз сухой горох, горсть за горстью.

Он заснул, едва самолет оторвался от земли.

И оказался в каком-то темном месте, и на него пялилось непонятное существо с бизоньей головой, огромной и косматой. Тело у него было человечье, мужское, обильно умащенное жиром.

— Грядут перемены, — сказал, не двигая губами, бизон. — И придется принимать решения.

На влажных стенах пещеры плясали отблески пламени.

— Где я? — спросил Тень.

— В земле и под землей, — сказал человек-бизон. — Там, где забытые ждут своего часа.

Глаза у него были — два жидких мраморных камня, а голос — как гром, который поднимается из преисподней. Пахло от человека-бизона мокрой коровой.

— Уверуй, — сказал гром. — Если тебе суждено выжить, ты должен уверовать.

— Уверовать во что? — переспросил Тень. — Во

что я должен поверить?

Он посмотрел на Тень, этот человек-бизон, и встал вдруг, и выпрямился во весь свой гигантский рост, и в глазах у него загорелся огонь. Он открыл свою бизонью пасть с засохшими по краям клочьями пены, и пасть была красной от пышущего изнутри подземного пламени.

— Во все! — взревел человек-бизон.

Мир покачнулся и завертелся колесом; Тень снова оказался на борту самолета, но ощущение, что мир висит наискосок, никуда не делось. В передней части самолета вскрикнула женщина — без особой паники в голосе, будто на пробу.

Вокруг самолета ослепительными вспышками взрывались молнии. По громкой связи прорезался голос капитана: экипаж постарается набрать высоту, чтобы уйти от грозы.

Самолет трясло и бросало, и Тени пришла в голову ленивая и спокойная мысль о том, что вот сейчас, может быть, он и умрет. Есть такая возможность, подумал он, — хотя нет, вряд ли. Он выглянул в иллюминатор и стал смотреть, как молнии расчерчивают горизонт.

Потом он опять задремал, и ему приснилось, что он снова в тюрьме, и в очереди к обеденной раздатке Ловкий шепчет ему на ухо, будто кто-то

с кем-то заключил пари на его жизнь, но кто это сделал и по какой причине, Тень никак не мог понять; когда он проснулся, самолет уже заходил на посадку.

Еще не успев вполне прийти в себя, щурясь на яркий свет, он вышел из самолета.

Все аэропорты, подумал он, похожи один на другой. Неважно, где ты — ты в аэропорту: стены и переходы, выходы на посадку и комнаты отдыха, киоски с газетами и лампы дневного света везде такие же. Один аэропорт есть точная копия любого другого аэропорта. Проблема только в том, что летел он совсем не сюда. Этот аэропорт был слишком большой, здесь было слишком много посадочных площадок, и людей вокруг тоже слишком много.

— Простите, мэм…

Женщина подняла на него глаза, оторвавшись от клавиатуры компьютера.

— Да?

— Что это за аэропорт?

Она удивленно подняла бровь, видимо, пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно, а потом ответила:

— Сент-Луис.

— А мне казалось, мой самолет летел в Игл-

Пойнт.

— Да, летел. Его перенаправили сюда из-за грозы. Вам что, не объявили об этом на борту?

— Может, и объявили. Я спал.

— Поговорите вон с тем человеком, в пальто.

Ростом человек оказался почти вровень с Тенью. Вид у него был как у отца семейства из какого-нибудь сериала семидесятых годов: он вбил что-то себе в компьютер и велел Тени срочно бежать — *бегом!* — к выходу на посадку в самом дальнем конце терминала.

Тень рванул через зал, но когда добежал до нужной двери, ее уже успели закрыть. Он стоял и смотрел сквозь стекло, как его самолет выруливает на взлетную полосу.

Женщина в отделе помощи пассажирам (невысокая, русоволосая, с бородавкой на одной ноздре) пошушукалась с еще одной женщиной, куда-то позвонила («Нет-нет, не получится. Они его только что отменили!»), а потом распечатала для Тени еще один посадочный талон.

— Надеюсь, хоть этот сработает, — сказала она. — Мы сейчас позвоним на посадку и скажем, чтобы они вас дождались.

Тень почувствовал себя горошиной, которую гоняют по столу между трех стаканчиков, или

картой, которую затасовали в колоду. Он опять помчался через весь аэропорт, чтобы в итоге прибежать чуть ли не в то же самое место, откуда стартовал.

Маленький человечек за посадочной стойкой заглянул в его талон.

— Вас-то мы и ждали, — утвердительно кивнул он, оторвав от талона корешок с номером места, на котором Тени предстояло лететь дальше, — 17D. Тень быстрым шагом двинулся вперед, и у него за спиной закрыли дверь.

Он прошел через салон первого класса, в котором было всего четыре кресла, и три из них заняты. Сидевший рядом с пустым креслом бородач в светлом костюме поднял голову, когда Тень проходил мимо, ухмыльнулся и постучал пальцем по стеклышку часов: опаздываем, молодой человек.

Да, да, конечно, я тебя задерживаю, подумал Тень. *Пусть это будет самой большой из всех твоих неприятностей.*

Он пошел дальше: самолет, судя по всему, был заполнен почти до отказа. Собственно, дошло вдруг до Тени, не почти, а точно до отказа, и на месте 17D сидела какая-то средних лет женщина. Тень показал ей корешок посадочного талона,

она показала ему свой: места были двойные.

— Вы не могли бы занять свое место? — попросила его стюардесса.

— Нет, — ответил он. — Боюсь, не мог бы.

Она поцокала языком, сличила корешки, повела его обратно по проходу и указала рукой на пустующее кресло в первом классе.

— Такое впечатление, что у вас сегодня счастливый день, — сказала она. — Принести вам чего-нибудь выпить? Осталось несколько минут до взлета. И сдается мне, после такой беготни вам это не повредит.

— Тогда принесите, пожалуйста, пива, — сказал Тень. — Любого, какое найдется.

Стюардесса ушла.

Бородач в светлом костюме, который сидел в соседнем кресле, снова постучал ногтем по стеклышку наручных часов. Это были «Ролекс», черные.

— Опаздываем, — сказал бородач и расплылся в широченной ухмылке. Дружеским этот оскал назвать было никак нельзя.

— Простите?

— Я говорю — опаздываем!

Стюардесса сунула Тени в руку стакан с пивом.

Псих какой-то, подумал было Тень, но потом

решил, что скорее всего бородач имеет в виду, что целый самолет был вынужден ждать одного единственного опоздавшего пассажира.

— Простите, если я вас задержал, — вежливо сказал он. — Вы очень спешите?

Самолет попятился от стенки терминала. Вернулась стюардесса и забрала у Тени стакан. Бородач осклабился ей и сказал:

— Не беспокойтесь, я его из рук не выпущу, — и она не стала отбирать у него стакан с «Джек Дэниэлс», хотя и попыталась что-то объяснить насчет правил поведения на борту — впрочем, у нее это вышло не слишком убедительно. («Послушай, дорогуша, я сам буду судить, что мне можно, а чего нельзя».)

— Время и впрямь пищит, — сказал бородач. — Но дело не в этом. Я просто беспокоился, вдруг ты и на этот самолет опоздаешь.

— Очень любезно с вашей стороны.

Самолет вырулил на взлетную полосу и остановился, нетерпеливо гудя моторами.

— Хрена лысого любезно, — сказал человек в светло-сером костюме. — У меня для тебя есть работа, Тень.

Рев моторов. Маленький самолет рванул вперед, вдавив Тень в спинку сиденья. И как-то вдруг

они оказались уже в воздухе, и огни аэропорта скользнули назад и вниз. Тень посмотрел на сидящего рядом с ним человека.

Волосы седые, с рыжеватым отливом; борода — скорее двухнедельная щетина — рыжая с проседью. Лицо морщинистое, квадратное, глаза блекло-серые. Дорогой, по крайней мере на вид, костюм цвета растаявшего ванильного мороженого. Темно-серый шелковый галстук, на булавке — серебряное дерево: ствол, ветви, мощные длинные корни.

Стаканчик с виски он держал в руке, и за время взлета не расплескал ни капли.

— Не хочешь поинтересоваться, что за работа? — спросил он.

— Откуда вы знаете, кто я такой?

Бородач усмехнулся.

— Узнать, как человека зовут, проще всего на свете. Память, умение мыслить логически, чуть-чуть удачи — всего понемножку. Ну, про работу-то будешь спрашивать?

— Нет, — ответил Тень. Стюардесса принесла ему еще пива, и он сделал первый глоток.

— А что так?

— Я лечу домой. Работа у меня там будет. И никакой другой работы мне не надо.

Улыбка на морщинистом лице собеседника ничуть не изменилась, по крайней мере внешне, но теперь Тени стало казаться, что их беседа бородача забавляет.

— Никакая работа тебя дома не ждет, — сказал он. — Там вообще никто и ничто тебя не ждет. А я между тем предлагаю тебе вполне законный способ заработка — за хорошие деньги, не слишком опасный, плюс масса дополнительных возможностей. Твою мать, я даже пенсию тебе готов назначить — если ты, конечно, до нее доживешь. Неплохо звучит, тебе не кажется?

Тень сказал:

— А имя написано у меня на сумке, сбоку. Там вы его, наверное, и прочитали.

Бородач промолчал.

— Кем бы вы ни были, — продолжил Тень, — знать о том, что я полечу именно на этом самолете, вы не могли никак. Я и сам понятия не имел, что окажусь здесь, и если бы мой самолет не завернули на Сент-Луис, ни за что бы здесь не оказался. Сдается мне, любите вы людям голову морочить. А может, маракуете что-нибудь. Так что, наверное, будет спокойнее, если мы просто прекратим сейчас этот разговор, и все.

Бородач пожал плечами.

Тень вынул из кармашка глянцевый журнал авиакомпании. Самолетик швыряло по небу во всех мыслимых направлениях, и сосредоточиться было трудно. Слова плыли сквозь его мозг, как мыльные пузыри — читаешь, и вроде вот оно, тут как тут, а секунду спустя как будто и не было его.

Бородач тихо сидел рядом и потягивал свой «Джек Дэниэлс». С закрытыми глазами.

Тень прочел от начала до конца список музыкальных каналов, доступных для пассажиров во время трансатлантических перелетов, потом принялся разглядывать карту мира, расчерченную красными линиями — направлениями, по которым летали самолеты компании. Потом журнал кончился, и Тень нехотя закрыл его и сунул в кармашек на спинке впереди стоящего кресла.

Бородач тут же открыл глаза. Тень отметил для себя, что с глазами у соседа тоже что-то было не так. Оба серые, но один вроде как темнее другого. Бородач посмотрел на Тень.

— Да, кстати, — проговорил он. — Очень расстроился, когда мне сказали насчет твоей жены. Такая потеря.

Тень едва сдержался, чтобы его не ударить. И вместо этого набрал полную грудь воздуха. («Вот че я тебе и кричу-то, не связывайся ты с

этими сучками в аэропорту, — включился у него в голове голос Джонни Ларча, — а то загремишь с их помощью обратно на шконку, и бзднуть не успеешь».)

— Я тоже очень расстроился, — сказал Тень.

Бородач покачал головой:

— Жаль, конечно, что вышло именно так, а не иначе, — вздохнул он.

— Она погибла в автомобильной катастрофе, — сказал Тень. — Случаются и другие истории, куда хуже.

Сосед опять покачал головой, очень медленно. На секунду Тени показалось, будто рядом с ним на самом деле вообще никого нет; салон самолета вдруг стал виден отчетливее прежнего, а сосед как будто подернулся какой-то зыбкой рябью.

— Тень, — снова заговорил бородач. — Шутки в сторону, Тень. Никаких фокусов. Получать у меня ты будешь столько, сколько никто другой не станет тебе платить. Ты только что отсидел. Навряд ли народ выстроится в очередь и будет пихаться локтями, чтобы поиметь возможность предложить тебе работу.

— Послушайте, вы, кем бы вы там, блядь, ни были, — сказал Тень, понизив голос ровно настолько, чтобы сосед мог расслышать его сквозь

гул моторов, — нет таких денег на свете, за которые я стал бы на вас работать.

Ухмылка стала шире. Тень вспомнил, что видел примерно такую же в одной передаче по Пи-би-эс,[3] про шимпанзе. Там рассказывали, что нам только кажется, будто человекообразные обезьяны — в том числе шимпанзе — улыбаются, на самом деле они просто показывают зубы, либо от ненависти, либо от ярости, либо от страха. Короче, улыбка у обезьяны — знак угрозы.

— Давай, устраивайся ко мне. Риск некоторый, конечно, есть, но если останешься в живых, получишь все, что душе будет угодно. И выберут тебя следующим королем Америки. Ну вот и прикинь, — сказал бородач, — кто еще станет тебе платить такие бабки? А?

— Кто вы такой?

— Ах, да. Информационная эра! Барышня, не могли бы вы налить мне еще стаканчик «Джек Дэниэлс»? Льда поменьше… Хотя конечно, разве были на земле другие эры? Информация и знания: две валюты, которые никогда не выходили из моды.

— Я задал вам вопрос — кто вы такой?

---

[3] notes: 3
Public Broadcasting Service, государственная служба телевещания США.

— Так-так, дай-ка подумать. Если учесть, что день сегодня определенно мой — то почему бы тебе не называть меня просто Среда. Мистер Среда. Хотя, если приглядеться к погоде, можно подумать, что нынче самый настоящий Торов четверг, как тебе кажется?

— Как вас зовут — по-настоящему?

— Если будешь на меня работать, достаточно хорошо и достаточно долго, — сказал человек в светлом костюме, — глядишь, со временем я даже это тебе скажу. Такие дела. Перед тобой потенциальный работодатель. Подумай над этим хорошенько. Никто же не заставляет тебя соглашаться прямо на месте, пока ты еще не разобрался, не предлагают ли тебе часом прыгнуть в бочку с пираньями или в яму с медведями. Время у тебя есть. — Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Мне так не кажется, — сказал Тень. — Вы мне не нравитесь. Я не хочу на вас работать.

— Вот я и говорю, — не открывая глаз, проговорил бородач, — не спеши с выводами. Время у тебя есть.

Самолет неловко ударился о посадочную полосу. Несколько пассажиров сошли. Тень выглянул из окна: маленький аэропорт посреди вселенской

пустоты, до Игл-Пойнта еще два таких же. Тень перевел взгляд на человека в светлом костюме — как там его, мистер Среда? Вроде спит.

Повинуясь внезапному импульсу, Тень встал, схватил сумку, вышел из самолета, спустился по трапу на мокрый скользкий бетон и ровным шагом двинулся к огонькам аэровокзала. На лицо оседала легкая водяная взвесь.

Перед входом в аэровокзал он остановился, обернулся и оглядел посадочную площадку. Из самолета больше никто не вышел. Люди из наземной службы катили трап прочь, дверь уже задраили, и самолет начал движение. Тень вошел в аэровокзал и взял напрокат машину, которая на поверку — когда добрался до парковки — оказалась маленькой красной «Тойотой».

Карту ему дали с собой. Он развернул ее и разложил на пассажирском сиденье. До Игл-Пойнта оставалось что-то около 250 миль.

Гроза кончилась — если она вообще дошла до этих мест. Воздух был холодный и чистый. Мимо луны мягко неслись облака, и на долю секунды Тени показалось, что это не облака движутся, а она, луна.

Он ехал на север, полтора часа.

Дело шло к ночи. Ему захотелось есть, и когда

до него дошло, насколько отчаянно ему хочется есть, он свернул на первом же перекрестке и въехал в городишко под названием Ноттаман (нас. 1301 чел.). Залив на «Амоковской» заправке полный бак, он спросил у замученной кассирши, где здесь можно перекусить.

— У Джека, бар «Крокодил», — ответила та. — Шоссе N, местное, ехать в западном направлении.

— Там что, правда крокодилы?

— Ну да. Джек говорит, для колорита. — Она нарисовала ему, как проехать, на обороте розово-голубого флаера с объявлением о благотворительном пикнике с жареными курами в пользу девочки, которой нужна пересадка почки. — У него там пара крокодилов, змея и еще офигительная такая тварь, типа, ящерица.

— Игуана, что ли?

— Ага, вот-вот.

Он проехал через весь город, потом через мост и еще пару миль, и притормозил у приземистого прямоугольного здания со светящейся рекламой пива «Пабст».

Парковка полупустая.

Внутри было не продохнуть от табачного дыма, а в музыкальном автомате играла «Гуляю

по ночам».[4] Тень огляделся: крокодилов видно не было. Лихо она меня развела, эта кассирша с заправки, подумал он.

— Что будем заказывать? — спросил у него бармен.

— Ваше фирменное пиво и гамбургер, с чем вы его обычно подаете. Картошки жареной.

— А может, мисочку чили для начала? Лучший чили на весь штат.

— Звучит неплохо, — сказал Тень. — А где у вас здесь туалет?

Бармен указал рукой на дверь, сразу за стойкой. Над дверью висело чучело головы аллигатора. Тень открыл дверь.

Туалет был чистый, свет яркий. Первым делом Тень огляделся: привычка. («Помни, Тень, когда стоишь и ссышь, отмахиваться тебе не с руки», — зашуршал у него в голове голос Ловкого, как всегда вполшепота и как всегда откуда-то из дальнего закута). Тот писсуар, что слева, понравился ему больше прочих. Он расстегнул молнию,

---

[4] notes: 4

«Гуляю по ночам» (Walking after midnight, Алан Блок/Дон Хехт, 1957), одна из самых известных песен в исполнении Пэтси Клайн (1932–1963), популярнейшей американской певицы в стиле кантри. Именно с этой песней Клайн стала знаменитой в 1957 году. В 1963-м, в возрасте 30 лет, она погибла в авиакатастрофе: самолет попал в грозу. Лирическая героиня песни гуляет по ночам в надежде, что ее любимый, где бы он ни был, делает то же самое.

пустил долгую, бесконечно долгую струю, и его охватило чувство облегчения. Прямо перед глазами у него оказалась пожелтевшая газетная вырезка с фотографией Джека в обнимку с двумя аллигаторами, и он стал читать.

В дверь никто не входил, но от того писсуара, что справа, до него вдруг донеслось вежливое покашливание.

Человек в светлом костюме оказался куда выше ростом, чем можно было подумать, когда он сидел в кресле, там, в самолете. Почти вровень с Тенью, а Тень был дылда еще та. Он стоял и смотрел прямо перед собой. Закончив и стряхнув последние капли, застегнул брюки.

И — осклабился, как лис, который подошел к забору из колючей проволоки и шамает застрявшее в шипах дерьмо.

— Ну что, Тень, — сказал мистер Среда, — времени на то, чтобы подумать, у тебя было вполне достаточно. Берешься за работу?

Где-то в Америке

Лос-Анджелес. 11:26 утра

В темно-красной комнате — стены цветом напоминают сырую печень — стоит высокая

женщина, одетая как актриса из дурного фильма: шелковые шортики чуть не лопаются на ягодицах, грудь торчит вперед и вверх, утянутая завязанной узлом желтой блузкой. Черные волосы зачесаны вверх и заколоты на макушке. Рядом с ней коротышка в шикарных джинсах и оливкового цвета футболке. В правой руке у него бумажник и мобильный телефон, «Нокия» с красно-бело-синей панелькой.

В комнате — кровать, застланная атласным белым бельем и покрывалом цвета бычьей крови. В ногах — маленький деревянный столик, на столике маленькая каменная статуэтка женщины с огромными бедрами и канделябр.

Женщина протягивает мужчине маленькую красную свечку.

— На, — говорит она, — зажги.

— Я?

— Ты, — говорит она. — Если хочешь меня поиметь.

— Надо было просто дать тебе в рот прямо в машине, и все дела.

— Может, оно и так, — соглашается она. — Но разве ты меня не хочешь?

Ее рука скользит по телу вверх, от бедра к груди: как в рекламном ролике с раскруткой нового

товара.

Торшер в углу затянут красным муслином, и свет тоже кажется красным.

Мужчина окидывает ее жадным взглядом, потом берет свечку и вставляет ее в канделябр.

— Зажигалка есть?

Она протягивает ему спичечный коробок. Он чиркает спичкой, поджигает фитиль: огонек дрожит, потом выравнивается, и от этого безликая статуэтка рядом с подсвечником как будто оживает: сплошь бедра и груди.

— Деньги положи у статуэтки.

— Полтинник.

— Ага, — говорит она. — Иди сюда, люби меня.

Он расстегивает джинсы и стягивает оливковую футболку. Смуглыми пальчиками она массирует его белые плечи; потом переворачивает его на спину и начинает ласкать руками, пальцами, языком.

Ему кажется, что лампа в углу погасла, и теперь свет исходит только от ярко разгоревшейся свечи.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Билкис,[5] — она поднимает голову, — через «кью».

— Через что?

— Да бог с ним.

Дыхание у него становится прерывистым.

— Дай вставлю, — говорит он. — Давно пора тебе вставить.

— Да, милый, — отвечает она. — Конечно. Но пока ты будешь брать меня — можно попросить тебя об одной услуге?

— Слушай, ты, — в нем вдруг всплескивает раздражение, — это ведь *я* плачу тебе деньги, так, кажется?

Одним плавным движением она садится на него верхом и шепчет:

— Да, милый, конечно, я знаю, ты платишь мне деньги, но по тому, как дело складывается, это я должна тебе платить, мне так повезло…

Он поджимает губы: она должна понять, что все эти блядские штучки на него не действуют, с ним этот номер не пройдет; ведь кто она такая, если разобраться: уличная давалка, а он, можно

---

[5] notes: 5

Билкис — в арабской традиции имя царицы Савской. В средневековой европейской традиции этот персонаж смешивается также с Суламифью, возлюбленной царя Соломона, которой адресована «Песнь песней» (что и обыгрывается далее в тексте), и с Сивиллой.

сказать, без пяти минут *продюсер*, и вытянуть из него под настроение лишнюю десятку еще никому не удавалось, — но она не просит денег. А вместо этого шепчет:

— Милый, пока ты будешь брать меня, пока ты будешь насаживать меня на этот толстый твердый кол — пожалуйста, *боготвори* меня.

— Чего?

Она раскачивает бедрами, подаваясь то взад, то вперед: налитая головка его члена трется о влажные губы вульвы.

— Называй меня богиней, ладно? Молись мне, хорошо? Почти меня своим телом!

Он улыбается. И только-то? У каждого свои тараканы — особенно под конец рабочего дня.

— Ладно, — соглашается он.

Она запускает руку себе между ног и вводит член.

— Хорошо тебе, а, богиня? — спрашивает он, и у него перехватывает дыхание.

— Поклоняйся мне, милый, — говорит ему Билкис, уличная шлюха.

— Да, — говорит он. — Я боготворю твои груди, и волосы твои, и пизду твою. Я поклоняюсь твоим бедрам, и глазам, и губам, алым, как вишни…

— Да… — мурлычет она и ударяет бедрами в

такт.

— Я поклоняюсь соскам твоим, из коих течет млеко жизни. Поцелуй твой слаще меда, и прикосновение твое обжигает, как пламя, и я боготворю его. — Слова он произносит все ритмичнее, и они постепенно тоже попадают в такт слитному движению тел. — Дай мне страсть твою на восходе солнца, и на закате дай мне облегчение и благословение твое. Пусть иду я сквозь тьму без ущерба и страха, и пусть приду к тебе снова, чтобы спать с тобой рядом и любить тебя. Боготворю тебя всем, что только есть во мне, и в душе моей, всем тем, чем был я и в мечтах моих и в… — он осекается, окончательно задохнувшись. — Что ты *делаешь*? Какое удив*и*тельное чувство. Какое удив*и*тельное…

Он пытается посмотреть вниз, туда, где соединяются их тела, но ее указательный палец упирается ему в подбородок и откидывает голову назад, так что он видит только ее лицо и еще — потолок.

— Говори, милый, говори, — шепчет она. — Не останавливайся. Тебе хорошо?

— Я вообще никогда в жизни ничего подобного не испытывал! — тут же откликается он, и голос у него совершенно восторженный. — Глаза твои

— звезды, горящие во — т-твою мать — во тверди небесной, губы твои — что волны, окатывающие песок, и я боготворю их… — Он уходит в нее все глубже и глубже: его продергивает электрическим спазмом, будто эрекция распространилась на всю нижнюю половину его тела, и та вздыбилась, налилась, исполнилась благодати.

— Одели меня даром твоим, — шепчет он, не ведая уже, что говорит, — истинным даром твоим, и сделай меня вечно… вечно… молю тебя… умоляю…

И тут наслаждение достигает пика и перерастает в оргазм, и душа его срывается в пропасть; все его тело, вся сущность изливаются до пустоты, до последней капли, пока он вонзается в нее все глубже и глубже…

С закрытыми глазами, содрогаясь всем телом, он повисает в этой роскошной пустоте; потом чувствует толчок, и ему начинает казаться, будто он висит уже головой вниз, хотя удовольствие не ослабевает.

Он открывает глаза.

С трудом обретая способность логично и связно мыслить, сперва он вспоминает о родах и пытается понять, без страха, с пронзительной посткоитальной ясностью, не спит ли он, не гре-

зит ли наяву.

А видит он вот что.

Он ушел в нее уже по пояс, и пока он смотрит на нее, не веря своим глазам, она кладет ему обе руки на плечи и тихо толкает к себе.

И он скользит еще глубже.

— Что такое ты со мной делаешь? — спрашивает он, или ему только кажется, что он спрашивает у нее об этом вслух.

— Ты сам это делаешь, милый, — шепчет она.

Он чувствует, как плотно сомкнулись губы ее вульвы у него под мышками, и у лопаток на спине, как они сдавливают и обволакивают его. Он прикидывает, как это должно выглядеть со стороны — если бы кто-нибудь сейчас взглянул на них со стороны. Он удивлен: ему совершенно не страшно. И тут до него доходит.

— Я приношу тебе тело свое, — шепчет он, и она заталкивает его в себя. По лицу его влажно скользят губы, и свет перед глазами меркнет.

Она раскидывается на кровати, как большая кошка, — и зевает.

— Да, милый, — говорит она. — Все так.

«Нокия» разражается высокой электронной модуляцией на тему «Оды к радости». Она берет телефон, нажимает клавишу и подносит трубку

к уху.

Живот у нее плоский, половые губы — маленькие и плотно сомкнутые. На лбу и на верхней губе выступили крохотные капельки пота.

— Да-а? — мурлычет она. А потом: — Нет, дорогуша, его здесь нет. Он ушел.

Она отключает телефон перед тем как навзничь упасть на кровать в темно-красной комнате, потом еще раз потягивается, закрывает глаза и засыпает.

Глава вторая

На кладбище отвез ее
Большой кабриолет.
На кладбище отвез ее,
А обратно — нет.

Старинная песня

— Я взял на себя смелость, — сказал мистер Среда, споласкивая руки в туалете бара «Крокодил», — и попросил, чтобы мой заказ принесли к твоему столику. В конце концов, нам с тобой столько всего нужно обсудить.

— Это вряд ли, — сказал Тень, вытер руки бумажным полотенцем, скомкал его и бросил в

бачок.

— Тебе нужна работа, — сказал Среда. — Кто станет нанимать бывшего зэка? Народ вас шугается, ребятки.

— Работа меня ждет. Хорошая работа.

— Ты, часом, не насчет того места в «Силовой станции»?

— Может, оно и так, — ответил Тень.

— Не-а. Не ждет. Робби Бертон мертв. А без него и «Силовая станция» тоже, считай, накрылась.

— Врешь!

— Причем довольно часто и успешно. Другого такого вруна ты в жизни своей не встретишь. Вот только боюсь, что именно сейчас я говорю чистую правду. — Он сунул руку во внутренний карман пиджака, вынул сложенную газету и протянул ее Тени. — Седьмая страница, — сказал он, — и пойдем-ка мы с тобой обратно в бар. За столом почитаешь.

Тень толкнул дверь. Воздух был сизым от дыма; музыкальный автомат голосами «Дикси капс»

выводил «Айко Айко».[6] Тень улыбнулся уголками рта, узнав знакомую с детства песню.

Бармен ткнул пальцем в сторону столика в самом дальнем углу. На одном его конце стояли миска чили и блюдце с гамбургером, а напротив, на большой тарелке — бифштекс с кровью и груда жареной картошки.

А мой король весь в красном по городу идет,

Айко Айко, гуляй и пей,

И спорим на пятерку, что он тебя убьет,

Джокамо-фина-нэй.

Тень сел за столик. И отложил газету в сторону.

— Я в первый раз ем как свободный человек. И пока не поем, твоей седьмой страницы читать не стану.

Тень съел свой гамбургер. С тюремными гам-

---

[6] notes: 6

Ритм-энд-блюз в исполнении черного женского трио «Дикси капс» (на сцене с 1963 года), впервые исполненный ими в 1965 году, пятый и последний хит группы. Традиционная негритянская песня, сюжет которой связан с соперничеством разных «индейских племен», как называются группы участников карнавала в Новом Орлеане, в «жирный вторник». У каждого «племени» свои «король», «знаменосец», «разведчик» и «дикий человек».

бургерами не сравнить. Чили тоже был вполне достойный, хотя, решил он после пары ложек, никак не лучший во всем штате.

Лора готовила изумительный чили. Брала постное мясо, темную фасоль, меленько крошила морковь, потом еще темного пива, примерно бутылку, и жгучий перчик — тонкими ломтиками и прямиком в кастрюлю. Тушила все это какое-то время, добавляла красного вина, лимонного сока, щепотку свежего укропа и, наконец, начинала отмерять и добавлять всякие свои приправы, специально для чили. Не раз и не два Тень пытался понять, как она эта делает: следил за каждым ее движением, начиная с лука, который, нарезав кольцами, она отправляла жариться в оливковом масле на донышке кастрюли. Он даже записал рецепт, ингредиент за ингредиентом, и однажды вечером, в субботу, когда ее не было в городе, решил приготовить себе Лорин чили. Получилось очень даже неплохо — вполне съедобно получилось, но это был не Лорин чили.

В новостной колонке на седьмой странице Тень в первый раз прочитал сообщение о смерти жены. Лора Мун, которой, с точки зрения автора заметки, было двадцать семь, и Робби Бертон, тридцати девяти лет от роду, двигались по фе-

деральной трассе в машине Робби, отчего-то выехали на встречную полосу и столкнулись с тяжелой тридцатидвухколесной фурой. Грузовик всего-навсего задел машину Робби, но она потеряла управление и вылетела в кювет.

Из обломков машины Робби и Лору извлекли спасатели. К тому моменту, как «скорая» привезла их в больницу, оба уже были мертвы.

Тень сложил газету и подтолкнул ее через стол Среде, который жадно уминал бифштекс: бифштекс был такой сырой, и крови в нем было столько, что, казалось, его даже и близко не подносили к сковороде.

— На. Забери, — сказал Тень.

За рулем был Робби. Наверняка пьяный, хотя в заметке об этом ни слова. Тень поймал себя на том, что пытается представить лицо Лоры, когда та поняла: Робби слишком пьян, чтобы вести машину. Сцена сама собой начала разворачиваться у него в голове, и он ничего не мог с этим поделать: Лора кричит на Робби — кричит, чтобы тот съехал с трассы, потом глухой удар — грузовик — и руль вылетает из рук Робби…

…машина в кювете, разбитое стекло сверкает в свете фар как колотый лед, как бриллианты, а рядом натекла рубиновая лужа крови. Из маши-

ны вынимают оба тела и аккуратно кладут бок о бок, у обочины.

— Ну? — подал голос мистер Среда. Бифштекс он сожрал до крошки, так, словно умирал с голоду. И набивал теперь рот жареной картошкой, насаживая ее на вилку, как на острогу.

— Ты прав, — ответил ему Тень, — работа мне не светит.

Тень вынул из кармана четвертак: решка. Он подбросил монету вверх, подкрутив ее большим пальцем в момент щелчка, потом поймал и шлепнул о тыльную сторону ладони.

— Орел или решка? — спросил он.

— Какого? — спросил Среда.

— Не хочу работать на человека, которому везет еще меньше, чем мне. Орел или решка?

— Орел, — фыркнул мистер Среда.

— Обломись, — сказал Тень, даже не дав себе труда взглянуть на четвертак. — Решка. Ловкость рук.

— На ловкости рук человек проще всего и ловится. — Среда поводил толстым пальцем из стороны в сторону. — Глянь-ка, на всякий случай.

Тень посмотрел на монету. Она лежала орлом.

— Закрутил, что ли, не так? — озадаченно проговорил он.

— Все ты правильно закрутил, не переживай! — ухмыльнулся Среда. — Просто мне прет, мне всегда прет. — Он поднял голову. — Мать честная, кого я вижу! Бешеный Суини.[7] Выпьешь с нами?

— «Сазерн комфорт»[8] с кокой, без льда, — раздался голос за спиной у Тени.

— А ты не хочешь справиться, что буду пить я? — поинтересовался Тень.

— Да знаю я, что ты будешь пить, — ответил Среда и тут же оказался возле стойки. Пэтси Клайн в музыкальном автомате опять затянула «Гуляю по ночам».

«Сазерн комфорт с кокой» сел рядом с Тенью. Короткая рыжая бородка. Джинсовая куртка со множеством нашитых внахлест цветных заплат,

---

[7] notes: 7

Бешеный Суини (Mad Sweeney) — персонаж ирландской легендарной традиции, главный герой прозо-поэтической скелы «Buile Shuibhne» («Безумие Суини», «Бешенство Суини»), самая ранняя из дошедших до нас рукописных версий которой относится ко второй половине XVII века. Суини, король Дал н'Арядя (Dál nAraidi) в Ульстере, был проклят епископом Ронаном Финном перед битвой при Мой Рат (Magh Rath) в 637 году за то, что убил копьем одного из певчих Ронана, а другое копье бросил в самого Ронана, но попал в колокол и разбил его (Суини раздражали громкие звуки). Попав во власть наложенного на него проклятия (Ронан обрек его впадать в безумие от любого резкого звука и обещал ему смерть от копья — в отместку за смерть певчего), Суини превратился в своеобразного «птице-человека», обретая в приступы безумия способность летать, но утрачивая собственно человеческие качества.

[8] notes: 8

Пряная и сладкая фруктовая настойка (ваниль, корица, сахар, апельсин, лимон, банан, персик, возможны варианты) на кукурузном виски, придуманная во второй половине XIX века нью-орлеанским барменом по имени Мартин Уилкс Херон. Традиционно используется при приготовлении коктейлей.

под курткой — заляпанная белая футболка с надписью:

ТО, ЧТО НЕ МОЖЕШЬ СЪЕСТЬ, ВЫПИТЬ, ВКУРИТЬ ИЛИ ВДОЛБИТЬ, ОТПРАВЛЯЙ НА ХУЙ!

На голове — бейсболка, тоже с надписью:

ЕДИНСТВЕННАЯ БАБА, КОТОРУЮ Я ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛЮБИЛ, И ТА БЫЛА ЗАМУЖЕМ… МАТЬ МОЯ!

Он сколупнул грязным ногтем уголок мягкой пачки «Лаки страйк», вынул сигарету и протянул пачку Тени. Тень совсем уже было собрался вытянуть из пачки сигарету — сам он не курил, но в тюрьме на сигареты можно выменять все что угодно — и тут сообразил, что он уже на воле. И покачал головой.

— Ты, значит, работаешь на нашего старика? — поинтересовался рыжий. Он был уже нетрезв, хотя и пьяным его назвать тоже было нельзя.

— Похоже на то, — ответил Тень. — А ты чем занимаешься?

Рыжий прикурил сигарету.

— Я лепрекон, — ответил он и ухмыльнулся.

— Иди ты, — Тень даже не улыбнулся в ответ. — Тогда тебе, наверное, следовало бы пить «Гиннесс».

— Стереотипы. Это не ты сейчас сказал, это телевизор — давай-ка, дружок, учись думать самостоятельно. В Ирландии еще много всякого есть и кроме «Гиннесса».

— И акцента ирландского у тебя нет.

— Слишком, блядь, долго тут проторчал.

— Так ты что, правда *родился* в Ирландии?

— А я тебе о чем толкую. Я же лепрекон. Мы же, блядь, не в Москве на свет появляемся.

— Да уж, это вряд ли.

К столику вернулся Среда: три стакана в его огромных лапах разместились безо всякого труда.

— Тебе «Сазерн комфорт» с кокой, друг мой Бешеный Суини, мне — «Джек Дэниэлс». А *это* тебе, Тень.

— Что это такое?

— А ты попробуй.

Напиток был темно-золотистого цвета. Тень отхлебнул: довольно странная на вкус кисло-сладкая жидкость. Напиток был алкогольный, и отдушка — весьма необычная. Немного похоже на тюремную бражку, которую настаивают в

мешке для мусора из смеси гнилых фруктов, хлеба, воды и сахара, но только слаще, и вкус куда более странный.

— Ну, — сказал Тень, — попробовал. Так что это такое?

— Мед, — ответил Среда. — Медовое вино. Напиток героев. Напиток богов.

Тень еще раз осторожно пригубил из своего стакана. Да, кажется, медом действительно пахнет. Но не одним только медом.

— На вкус — вроде как на огуречный рассол похоже. Вино из сладкого огуречного рассола.

— На вкус — вроде как моча пьяного диабетика, — согласился Среда. — Терпеть не могу эту гадость.

— Тогда зачем ты мне ее принес? — резонно поинтересовался Тень.

Среда в упор уставился на него своими разноцветными глазами. Один наверняка стеклянный, подумал Тень, только вот неясно, какой именно.

— Я дал тебе испить меда потому, что так велит традиция. А сейчас настали такие времена, что чем чаще мы обращаемся к традиции, тем лучше. Это скрепит нашу сделку.

— Мы не заключали никакой сделки.

— Как бы не так. Теперь ты работаешь на меня.

Ты обязан меня защищать. Перевозить с места на место. Исполнять разовые поручения. В случае необходимости — но только в случае крайней необходимости — набьешь морду тем, кому давно следовало набить морду. В случае моей смерти ты обязан отбыть по мне бдение — хотя сильно сомневаюсь, что дело до этого дойдет. Со своей стороны я заверяю, что позабочусь об удовлетворении всех твоих нужд.

— Он тебе мозги парит, — потерев заросший рыжей щетиной подбородок, сказал Бешеный Суини. — Он жулик.

— Просто клейма ставить негде, — сказал Среда. — Именно по этой причине кто-то и должен за мной приглядывать.

Песня в музыкальном автомате закончилась, разговоры смолкли сами собой, и на секунду в баре воцарилась полная тишина.

— Кто-то мне говорил, что если все разом замолчали, значит сейчас либо без двадцати чего-нибудь, либо двадцать минут чего-то.

Суини ткнул пальцем вверх и в сторону: над барной стойкой висела еще одна крокодилья башка, с безразличным видом сжимавшая в массивных челюстях циферблат. Часы показывали 11:20.

— Ну вот, — сказал Тень. — Хрен его знает почему, но именно так оно и есть.

— Я знаю почему, — тут же подхватил Среда. — Допивай свой мед.

Тень опрокинул стакан и осушил его в один прием.

— Может, имело бы смысл подавать его со льдом? — поинтересовался он, поставив стакан на стол.

— Как бы хуже не вышло, — отозвался Среда. — Жуткое пойло.

— Ага, — согласился Суини. — А теперь, джентльмены, прошу простить, но у меня возникла насущная необходимость пустить долгую золотистую струйку.

Он встал из-за стола и вышел. Господи, вот это оглобля, подумал Тень, в нем же два метра с гаком.

Официантка вытерла со стола и собрала тарелки. Среда попросил ее повторить каждому — только на сей раз мед для Тени пусть будет со льдом.

— Ну, в общем, — Среда вернулся к неоконченному разговору, — таковы требования твоего работодателя.

— А как насчет моих требований к работодате-

лю? — поднял голову Тень.

— Валяй, с удовольствием выслушаю.

Официантка принесла стаканы. Тень отхлебнул меда со льдом. И впрямь вышло хуже: лед только усиливал кислый привкус и после каждого глотка оставлял во рту неприятное послевкусие. Впрочем, успокоил себя Тень, судя по всему, градусов здесь немного. Напиваться ему сейчас не стоит. Пока не стоит.

Он набрал полную грудь воздуха.

— Ну, ладно, — начал Тень. — В общем, жизнь моя, которая три последних года была весьма далека от идеала, только что самым внезапным и явным образом сделала поворот к худшему. Есть несколько вещей, которые я должен сделать в самое ближайшее время. Во-первых, попасть на похороны Лоры. Я хочу с ней попрощаться. Уладить все ее дела. Если ты по-прежнему настаиваешь на том, что хочешь взять меня на работу, для начала я хочу получать пятьсот долларов в неделю. — Цифру он назвал первую, какая пришла в голову. Среда смотрел на него с прежним бесстрастным выражением лица. — Если все у нас с тобой пойдет нормально, через полгода поднимешь ставку до тысячи в неделю.

Он перевел дух. Это была его самая длинная

речь за последние три года.

— Ты сказал, что мне, возможно, придется применять силу. Так вот, силу я буду применять только против тех людей, которые попытаются применить ее к тебе. Но калечить людей забавы ради или выгоды для не стану. У меня нет никакого желания возвращаться в тюрьму. Одного раза мне хватило вполне.

— Это понятно, — сказал Среда.

— Так что второго раза не будет, — Тень допил мед, и где-то на заднем плане в мозгу у него зашевелилась мысль: а не мед ли виной тому, что он эдак разговорился? Однако слова текли из него сами собой, как вода, что фонтаном хлещет вверх, летом, из пробитого гидранта, и при всем своем желании остановиться он уже не мог. — Ты не нравишься мне, мистер Среда, или как там тебя зовут по-настоящему. Ты мне не друг, и я тебе тоже не друг. Я понятия не имею, как ты сумел выбраться из самолета так, что я тебя не заметил, — и как ты выследил меня потом. Но деваться мне сейчас некуда. Когда работа кончится — все, разбежались. Если попытаешься меня кинуть — то же самое. А до той поры я согласен на тебя работать.

— Прекрасно, — подытожил Среда. — Значит,

договорились. Контракт вступает в силу прямо сейчас.

— Что он там делает? — повернул голову Тень. На другом конце зала Бешеный Суини кормил музыкальный автомат четвертаками. Среда плюнул себе на ладонь и протянул руку. Тень пожал плечами. Потом тоже плюнул себе на ладонь и взял протянутую руку. Среда тут же начал давить. Тень ответил тем же. Через несколько секунд он почувствовал боль. А еще через несколько секунд Среда ослабил хватку — и высвободил руку.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Очень хорошо. Теперь еще стаканчик этого гребаного вонючего меда для закрепления сделки, и дело сделано.

— А мне «Сазерн комфорт» с колой, — подхватил отлепившийся наконец от музыкального автомата Суини.

Автомат начал играть «Зачем это солнце?».[9] Интересно, как эта песня вообще попала в музыкальный автомат, подумал Тень. Редкий случай.

---

[9] notes: 9

Песня в исполнении роковой американской группы «Вельвет Андерграунд», первая в ее четвертом по счету альбоме «Loaded». Для музыкального автомата в придорожном баре выбор действительно довольно странный: группа была ориентирована на экспериментальную музыку, ее первым «настоящим» продюсером с 1966 года был Энди Уорхол.

Хотя, с другой стороны, то же самое легко можно сказать обо всем нынешнем вечере.

Тень подобрал лежащий на столе четвертак, при помощи которого чуть раньше пытался сыграть в орлянку, и зажал его между большим и указательным пальцами правой руки, поймав себя на том, сколько радости может доставить человеку одно только ощущение настоящей свежеотчеканенной монетки. Потом он сделал вид, что переложил ее в левую руку одним ловким движением, — а на самом деле вжал поглубже в ладонь правой. Его левая ладонь сомкнулась на воображаемом четвертаке. Потом он взял еще один четвертак, правой, точно так же, между указательным и большим пальцами, и сделал вид, что уронил его в левую руку — уронив при этом в правую, так, чтобы он ударился об уже лежавший там четвертак. Сам этот звук должен был послужить дополнительным подтверждением тому, что теперь обе монеты лежат у него в левой руке, при том, что лежали они обе в правой.

— Что, фокусы с монетами показываешь? — выкатив подбородок вперед, так что рыжая щетина встала торчком, спросил Суини. — Ну, если дело у нас дошло до фокусов с монетами, тогда смотри сюда.

Он взял со стола пустой стакан. Потом вытянул руку и достал прямо из воздуха золотую монету, большую и блестящую. И бросил ее в стакан. Потом достал из воздуха еще одну монету, подкинул ее, подставил стакан, и она звякнула о первую. Потом он вынул еще одну — из пламени горящей в настенном бра свечи, вторую — из щетины у себя на подбородке, третью — из пустой левой руки Тени, и тоже побросал их в стакан, одну за другой. Потом он пересыпал липкие монеты из стакана в карман своего пиджака — и похлопал по карману, чтобы продемонстрировать, что там пусто.

— Вот так-то, — сказал он. — Вот это я называю хорошим фокусом.

Тень, который пристально следил за каждым его движением, наклонил голову набок.

— Покажи, как ты это делаешь.

— Я это делаю, — сказал Суини с таким видом, будто выдавал самую страшную тайну на свете, — лихо и стильно. И по-другому не умею.

И беззвучно затрясся от смеха, ощерив редкие зубы и раскачиваясь на каблуках.

— Согласен, — кивнул головой Тень, — лихо и стильно. Я тоже так хочу. Если судить по той технике, что описана в моей книжке, ты, веро-

ятнее всего, спрятал монеты в той же руке, где был стакан, а потом ронял их по одной в стакан, а нам показывал — правой рукой — одну и ту же монету.

— Загребешься с этой твоей техникой, — сказал Бешеный Суини. — По мне так проще доставать их из воздуха, и все дела.

Тут вмешался Среда:

— Твой мед, Тень. Я сохраню верность «Джеку Дэниэлсу». Что же касается этого ирландского халявщика…

— Бутылочного пива, если можно, темного, — тут же подхватил Суини. — Значит, говоришь, халявщик? — Он поднял стакан с остатками коктейля и развернулся к Среде. — Да минует нас буря и да оставит нас без ущерба и в добром здравии! — возгласил он и опрокинул стакан в глотку.

— Прекрасный тост, — сказал Среда. — Жаль, бессмысленный.

Перед Тенью поставили очередной стакан с медом.

— Мне что, обязательно это пить?

— Боюсь, что так. Для закрепления сделки. Первая колом, вторая соколом, третья мелкой пташкой.

— Дерьма до кучи, — сказал Тень и опорожнил стакан двумя большими глотками. Во рту расцвел удушливый букет медового маринада.

— Ну вот и все, — сказал мистер Среда. — Теперь ты мой.

— Так как же все-таки, — вклинился Суини, — хочешь ты узнать, как я делаю этот фокус?

— Хочу, — ответил Тень. — Что, в рукаве держишь?

— В каком еще, на хрен, рукаве, — фыркнул Суини, раскачиваясь и подскакивая на месте, и сделался похож на долговязый небритый вулкан, вот-вот готовый взорваться от восторга по поводу собственного великолепия. — Все просто, как два пальца об асфальт. Побьешь меня, скажу.

Тень покачал головой.

— Я пас.

— Вот *ни фига* себе, — сказал Суини, обращаясь ко всему залу. — Старик Среда нанимает себе гориллу, а у парня керосину не хватает даже на то, чтобы кулаки из жопы вынуть.

— Я не стану с тобой драться, — повторил Тень.

Суини продолжал раскачиваться на пятках, на лбу у него выступила испарина. Он поправил козырек бейсболки. Потом вынул из воздуха очередную монету и положил ее на стол.

— Чистое золото, ежели что, — сказал он. — Победишь или проиграешь, — а ты проиграешь — не важно, она твоя. Такой амбал, и кто бы мог подумать, обосрался при первом же шухере, да?

— Он тебе уже сказал, что не станет с тобой драться, — вмешался Среда. — Вали отсюда, Бешеный Суини. Бери свое пиво и оставь нас в покое!

Суини сделал шаг по направлению к Среде.

— А это не ты, часом, назвал меня халявщиком, ты, пердун старый? Ты, злобный выродок, висельник сраный! — Лицо у него побагровело от злости.

Среда примирительно выставил перед собой руки, ладонями вперед.

— Потише, Суини. Выбирай слова.

Суини смерил его взглядом. Потом проговорил мрачным тоном вусмерть пьяного человека:

— Ты труса нанял, понял? Как ты думаешь, что он станет делать, если я сейчас дам тебе в морду?

Среда повернулся к Тени.

— Все, с меня хватит, — сказал он. — Разберись с ним.

Тень встал, и ему пришлось задрать голову, чтобы посмотреть Суини в лицо: господи, сколько же росту в этакой дылде, подумал он.

— Ты пьян, — сказал он. — И здесь тебе больше

делать нечего. Проваливай подобру-поздорову.

По лицу у Суини медленно расплылась блаженная улыбка.

— Ну наконец-то, — сказал он и тут же выбросил вперед тяжелый кулак.

Тень попытался уйти назад, но кулак все равно пришелся ему под правый глаз: посыпались искры, полыхнула боль.

Вот с этого драка и началась.

В том, как дрался Суини, не было ни стиля, ни особой хитрости — ничего, кроме беспорядочного воодушевления от самой драки: мощные, резкие удары наотмашь, и мазал он примерно так же часто, как попадал в цель.

Тень ушел в защиту и дрался очень аккуратно, блокируя удары Суини или уходя от них. Вокруг собрались зрители, и он ясно отдавал себе в этом отчет. Кто-то пытался протестовать, но столы моментально оказались отодвинуты к стенам, чтобы дать бойцам свободное пространство. Чувствовал Тень на себе и пристальный взгляд Среды — и его обычную недобрую ухмылку. Ежу понятно, ему устроили проверку: вот только — что проверяем?

Тюрьма научила Тень различать два вида драки: драку из разряда *я тебе глаза на жопу*

натяну, где главное произвести как можно больше впечатления на публику, и драку частную, *настоящую*, стремительную и неразборчивую в средствах, которая неизменно заканчивалась буквально за несколько секунд.

— Слушай, Суини, — задохнувшись от очередного удара в корпус, проговорил Тень, — ты ради чего дерешься-то?

— Ради радости, — отозвался Суини, трезвый как стеклышко: не то и впрямь протрезвел, не то перестал притворяться пьяным. — Ради чистого, охеренного, блядского удовольствия. Разве ты не чуешь, как по жилам у тебя растекается радость, как сок по дереву? — Губа у него кровоточила. Как, собственно, и костяшка на кулаке у Тени.

— Так как ты все-таки делаешь этот трюк? — спросил Тень.

Он качнулся назад, ушел в сторону и принял на плечо удар, который был нацелен ему в лицо.

— Да я ж тебе сразу сказал как, в самый первый раз! — гоготнул Суини. — Только фигли объяснять — ого! Вот это по-нашему! — тому, кто ни фига не слышит.

Тень весь вложился в хороший прямой в корпус, и Суини опрокинулся спиной вперед на стол; пустые стаканы и пепельницы посыпались на

пол. Вот тут бы его и добить.

Тень посмотрел на Среду; тот кивнул. Тень перевел взгляд на Бешеного Суини.

— Ну, хватит с тебя? — спросил он.

Суини поколебался, потом кивнул. Тень отпустил его и сделал несколько шагов назад. Суини, отдуваясь, перевел свое длинное туловище в вертикальное положение.

— А с тебя не хватит, жопа ты этакая! — взревел он. — Ты у меня сам сейчас соплями умоешься!

Он осклабился и ринулся на Тень, отведя руку для хлесткого свинга. Но тут под ногу ему попался кубик льда: улыбка тут же превратилась в отчаянную гримасу, ноги поехали вперед, а сам он грохнулся навзничь и с явственным стуком ударился затылком об пол.

Тень поставил колено ему на грудь.

— Еще раз спрашиваю, хватит с тебя? — повторил он.

— Ну, может, на сей раз и стоит с тобой согласиться, — ответил Суини, оторвав голову от пола, — потому что радости уже никакой, утекла радость, как мальчонка обоссался, плавая в бассейне в жаркий летний день.

Он выплюнул сгусток крови, закрыл глаза и тут же захрапел: густая, хорошо темперированная

каденция.

Кто-то похлопал Тень по спине. Среда сунул ему в руку бутылку пива.

На вкус оно было куда лучше меда.

* * *

Проснулся Тень на заднем сиденье седана. Солнце било прямо в глаза, голова трещала. Он неловко выпрямился и сел, потягиваясь.

За рулем сидел Среда и что-то мычал себе под нос: ни мелодии, ни ритма. В подставке для чашки — картонный стакан с кофе. Ехали они по федеральной трассе. На пассажирском сиденье никого не было.

— Как чувствуешь себя прекрасным этим, ясным утром? — не повернув головы, поинтересовался Среда.

— Где моя машина? — вопросом на вопрос ответил Тень. — Я ее напрокат взял.

— Бешеный Суини отгонит. Во исполнение сделки, которую вы с ним заключили вчера вечером. После драки.

В голове у Тени лениво зашевелились обрывки вчерашнего разговора.

— У тебя там кофе не осталось?

Среда пошарил могучей лапой под сиденьем

и протянул ему через плечо непочатую бутылку минералки.

— Держи. Страшная вещь обезвоживание. Сейчас это тебе поможет лучше, чем кофе. Как попадется заправка, остановимся, купим чего-нибудь на завтрак. И привести себя в порядок тебе тоже не мешает. А то вид такой, как будто тебя вчера козел драл.

— Кошки драли, — поправил его Тень.

— Козел, — повторил Среда. — Долговязый такой козлина, душной и смрадный, и с огромными зубищами.

Тень свернул на бутылке крышку и запрокинул голову. В кармане у него звякнуло что-то тяжелое. Он сунул руку в карман и вынул монету размером с доллар. Тяжелую и темно-желтую.

На заправке Тень купил гигиенический набор; в него входили бритвенный станок, упаковочка крема для бритья, расческа и одноразовая зубная щетка, к которой был прикреплен крохотный тюбик зубной пасты. Потом пошел в мужской туалет и посмотрел на себя в зеркало.

Под глазом у него красовался синяк, он осторожно надавил на кожу пальцем, и тут же почувствовал острую боль, губа тоже распухла.

Тень умылся с местным жидким мылом, по-

том намылил лицо и побрился. Почистил зубы. Намочил волосы и зачесал назад. Вид у него по-прежнему был так себе.

Что скажет Лора, когда увидит этакую рожу, подумал он, но тут же вспомнил, что Лора теперь уже никогда ничего не скажет, и увидел, как его лицо в зеркале дрогнуло — но лишь на долю секунды.

Он вышел из туалета.

— Дерьмово выгляжу, — сказал Тень.

— С чего бы это? — поддакнул Среда.

Среда как раз вывалил перед кассой охапку всякой снеди и расплатился и за нее и за бензин: он суетился, то вытаскивал пластиковую карточку, то опять прятал и открывал бумажник с наличными — к вящему раздражению мрачно жующей жвачку дамочки за кассовым аппаратом. Тень стоял и смотрел, как дрожат у Среды руки, как он мямлит и извиняется через каждые два слова. Он вдруг показался ему очень старым. Кассирша вернула ему деньги, взяв карточку, потом протянула ему чек и взяла деньги, потом снова вернула деньги и взяла другую карту. Среда уже едва не плакал: несчастный старик, окончательно запутавшийся в непостижимом мире кредитных карт.

Они вышли из теплого помещения наружу, и изо рта тут же повалил пар.

Потом снова тронулись в путь, и по обе стороны от машины поплыли бурые осенние луга и унылые голые деревья. Две черные птицы, усевшиеся на телеграфную линию, проводили их долгим взглядом.

— Слушай, Среда.

— Ну?

— Если я правильно понимаю, за бензин ты ей так и не заплатил.

— Как-как?

— Если я не ошибаюсь, она еще и приплатила тебе за удовольствие принять столь важную персону на свой заправке. Как ты думаешь, до нее уже дошло, что к чему?

— До нее это никогда не дойдет.

— Так кто ты есть на самом деле? Сшибаешь пару долларов за счет ловкости рук?

— Так точно, — кивнул Среда. — И этим я тоже охотно занимаюсь. Среди прочего.

Он перестроился, чтобы обогнать грузовик. Небо было унылое, равномерного серого цвета.

— Будет снег, — сказал Тень.

— Ага.

— Насчет Суини. Он что, и правда показал мне,

как делать этот фокус с золотыми монетами?

— Конечно.

— Ничего не помню.

— Само вспомнится. Мы долго вчера сидели.

На лобовое стекло упали несколько снежинок и тут же растаяли.

— Тело твоей жены выставлено сейчас в похоронном бюро Уэнделла, — сказал Среда. — После обеда его собираются везти на кладбище.

— Откуда ты знаешь?

— Позвонил, справился, пока ты был в сортире. Знаешь, где похоронное бюро Уэнделла?

Тень кивнул. Снежинки вертелись перед лобовым стеклом и закладывали головокружительные пируэты.

— Сверни здесь, — сказал Тень.

Машина скатилась с федеральной трассы, мимо мотелей, сбившихся в кучку к северу от Игл-Пойнта.

Да, прошло три года. Незнакомые вывески, и огней стало больше. Когда они ехали мимо «Силовой станции», Тень попросил Среду сбавить ход. «ЗАКРЫТО НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК, — гласила написанная от руки и вывешенная на двери табличка, — В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ УТРАТОЙ».

Налево, на Мейн-стрит. Мимо тату-салона, за

ним армейский рекрутский центр, «Бургер Кинг», далее — аптека Ольсена, знакомая и ничуть не изменившаяся — и наконец желтый кирпичный фасад похоронного бюро Уэнделла. Неоновая надпись в витрине: «ДОМ УСПОКОЕНИЯ». Под вывеской — каменные надгробия, не тронутые резцом каменотеса, безликие и безымянные.

Среда вырулил на парковку.

— Хочешь, зайду с тобой? — спросил он.

— Да нет, не стоит.

— Хорошо, — все та же недобрая усмешка. — Да и у меня есть чем заняться, пока прощаешься с женой. Номера я сниму для нас обоих в мотеле «Америка». Как закончишь, подходи туда.

Тень вышел из машины и проводил ее взглядом. Потом вошел в здание. В сумеречном коридоре пахло цветами и мастикой, так что запах формальдегида едва угадывался. В дальнем конце коридора был вход в «Часовню успокоения».

Тень поймал себя на том, что вертит в руке золотую монету, судорожно перебрасывая ее вверх-вниз по ладони. Этот прохладный тяжелый кружочек в руке почему-то его успокаивал.

Возле двери в самой дальней части коридора висел листок с именем его жены. Он вошел в «Часовню успокоения». Почти всех, кто был в

комнате, он знал в лицо: несколько коллег Лоры по работе, кое-кто из друзей.

Его тоже узнали, все до единого — это было видно по выражению лиц. Но — ни улыбки, ни приветствия.

В дальнем конце комнаты был небольшой подиум, на нем кремового цвета гроб с расставленными вокруг цветами: алыми, желтыми, белыми и темно-красными, кровавого пурпурного оттенка. Он сделал шаг вперед. Лорино тело было видно уже отсюда. Ближе подходить ему не хотелось; развернуться и уйти он не решался.

Человек в черном костюме — Тень решил, что это работник похоронного бюро, — сказал:

— Сэр, не желаете ли вы сделать запись в книге соболезнований и воспоминаний? — и указал ему на лежавшую на маленьком пюпитре книгу в кожаном переплете.

Почерк у него был очень хороший. Он вывел «ТЕНЬ» и поставил дату, а потом, очень медленно, приписал рядом «(БОБИК)», откладывая тот момент, когда нужно будет идти в дальний конец комнаты, где люди и кремовый гроб, а в гробу — этот предмет, который никакого отношения к Лоре не имеет.

В дверь вошла маленькая женщина и замеш-

калась на пороге. Медно-рыжие волосы, очень черное и очень дорогое платье. *Вдовий траур*, подумал Тень: с этой женщиной он был знаком давным-давно. Одри Бертон, жена Робби.

В руках у Одри был букетик фиалок, перехваченный внизу полоской серебряной фольги. Такие букетики в июне собирают дети, подумал Тень. Вот только сейчас для фиалок был не сезон.

Она двинулась через комнату к гробу Лоры. Тень пошел следом.

Лора лежала с закрытыми глазами, сложив на груди руки. На ней был строгий синий костюм — Тень его раньше не видел. Длинные русые волосы убраны со лба. Да, это его Лора, и в то же время не она; потом он понял, что чужой ее делает неподвижная, напряженная поза. Лора даже во сне и нескольких минут не могла полежать тихо.

Одри положила букетик весенних фиалок на грудь Лоры. Потом пожевала губами — и плюнула, с силой, в мертвое лицо.

Плевок попал Лоре на скулу и тут же начал стекать к уху.

Одри уже шла к дверям. Тень догнал ее.

— Одри! — он окликнул ее.

— Тень! Ты что, из тюрьмы сбежал? Или они тебя сами выпустили?

На секунду ему показалось, что она на транквилизаторах. Голос уж больно глухой и ровный.

— Выпустили, вчера. Я свободный человек, — сказал Тень. — А теперь объясни мне, в чем дело?

Она остановилась в сумеречном коридоре.

— Ты насчет фиалок? Это были ее любимые цветы. Мы с ней с детства ходили их собирать.

— Я не про фиалки.

— Ах, так *вот* ты о чем. — Она вытерла с уголка рта невидимую каплю. — Мне кажется, и так все ясно.

— Не ясно, Одри. Мне — не ясно.

— Тебе что, ничего не сказали? — Тон у нее был совершенно ровный, бесстрастный. — Твоя жена умерла с членом моего мужа во рту, Тень.

Он вернулся назад, в часовню. Плевок кто-то успел вытереть.

После обеда — Тень поел в «Бургер Кинге» — были похороны. Кремовый гроб с телом Лоры предали земле на маленьком общем кладбище на краю города: неогороженный холмистый участок, луговая трава и перелески, сплошь усеянные черными гранитными и белыми мраморными надгробиями.

На кладбище он ехал на уэнделловом катафал-

ке, вместе с матерью Лоры. Судя по всему, миссис МакКейб склонна была считать, что в смерти Лоры виноват Тень.

— Если бы ты был здесь, — сказала она ему, — ничего этого бы не случилось. Вообще не понимаю, зачем она вышла за тебя замуж. Я ей говорила. Предупреждала ее, не раз и не два. Но кто теперь слушает, что говорят матери, а, я вас спрашиваю? — Она помолчала, потом пристально вгляделась в его лицо. — Ты что, дрался?

— Да, — ответил он.

— Варвар, — подытожила она, плотно сжала губы, задрала голову, так что все ее многочисленные подбородки заходили ходуном, и принялась глядеть в стену, прямо перед собой.

К немалому удивлению Тени, Одри Бертон тоже пришла на похороны, хотя держалась в тени. Закончилась краткая служба, гроб опустили в холодную землю. Люди начали расходиться.

Тень остался стоять у могилы: засунув руки в карманы, дрожа, глядя в глубокую яму.

Небо у него над головой было серо-стального цвета, безликое и плоское, как зеркало. Время от времени срывался снег, невесомыми блеклыми хлопьями.

Что-то он такое хотел сказать Лоре и готов

был ждать до тех пор, пока в голове у него не прояснится, и он не вспомнит, что именно. Мир вокруг начал понемногу терять свет и цвет. Ноги у Тени затекли, лицо и руки горели от холода. Он снова сунул руки в карманы, пытаясь хоть немного согреться, и пальцы сомкнулись на золотой монете.

Он подошел к могиле.

— Это тебе, — сказал он.

На гроб уже бросили несколько лопат земли, но места в могиле было еще предостаточно. Он бросил золотую монету Лоре, а потом набросал сверху немного земли, чтобы уберечь золото от алчности могильщиков. Тень отряхнул землю с рук и сказал:

— Спи спокойно, Лора, — а потом добавил: — Мне очень жаль, что все так вышло.

Потом повернулся к городским огням и пошел обратно в Игл-Пойнт.

До мотеля было мили две, не меньше, но после трех лет в тюрьме сама возможность идти и идти вперед, даже бесконечно долго, была — как подарок. Если идти все время на север, попадешь на Аляску, а там можно свернуть и пойти обратно, на юг, в Мексику, и даже еще того дальше. До самой Патагонии или до Огненной земли.

Рядом остановилась машина. Стекло поползло вниз.

— Подвезти тебя, Тень? — спросила Одри Бертон.

— Не надо, — ответил он. — От тебя мне ничего не надо.

Он продолжил идти в прежнем темпе. Одри ехала рядом, на скорости три мили в час. В лучах фар танцевали снежинки.

— Мне все время казалось, что она моя лучшая подруга, — сказала Одри. — Мы болтали с ней каждый день. Если у нас с Робби случалась драчка, она узнавала об этом самая первая — и мы отправлялись с ней в «Чи-Чи», чтобы поговорить о том, какие мужики свиньи. И все это время она трахалась с ним за моей спиной.

— Прошу тебя, Одри, ехала бы ты отсюда!

— Я просто хочу, чтобы ты понял: для того, что я сделала, у меня были свои причины, причем довольно веские.

Он промолчал.

— Эй! — крикнула она. — Эй, ты! Я с тобой разговариваю!

Тень повернулся.

— Ты что, хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты была права, когда плюнула Лоре в лицо? И что

меня это совсем не задело? Или что после всего, что ты мне рассказала, я ее возненавидел и перестал по ней тосковать? Не бывать этому, Одри!

Еще с минуту она молча ехала рядом. Потом сказала:

— Как оно там, в тюрьме, а, Тень?

— Прекрасно, — ответил он. — Ты бы там себя чувствовала просто как дома.

Она ударила ногой по газам, мотор взревел, и машина умчалась.

Едва фары скрылись из виду, мир погрузился во тьму. Сумерки успели перерасти в ночь. Тень все ждал, когда же, наконец, от ходьбы станет теплее, когда тепло потечет по заледеневшим рукам и ногам. Но ничего подобного с ним не происходило.

Как-то раз, в тюрьме, Космо Дей по прозвищу Ловкий назвал маленькое тюремное кладбище, расположенное позади больнички, костяным садом, и образ этот застрял у Тени в голове. В ту же ночь ему приснился сад, залитый лунным светом, с белыми скелетообразными деревьями, ветви у которых заканчивались скрюченными пальцами, а корни уходили глубоко в могилы. На деревьях в приснившемся ему костяном саду росли плоды, и в этих плодах крылась какая-то

опасность, но, проснувшись, он так и не смог вспомнить ни того, что это были за плоды, ни того, почему держаться от них следовало как можно дальше.

Мимо проносились машины. Жаль, что тут нет тротуара, подумал Тень, и тут же запнулся обо что-то невидимое в темноте и растянулся во весь рост, одной рукой угодив в придорожную канаву, так что она на несколько дюймов ушла в ледяную грязь. Он поднялся на ноги, вытер руки о штанины, выпрямился, нелепо и неловко, как чучело, и успел только сообразить, что рядом кто-то есть, — словно ко рту и к носу прижали что-то мокрое, и он задохнулся от едкого химического запаха.

На этот раз канава показалась ему уютной и теплой.

* * *

Виски ломило так, будто к черепу их приколотили кровельными гвоздями. Руки были связаны за спиной: судя по ощущениям, чем-то вроде ремня. Он был в машине, на обшитом кожей автомобильном сиденье. Поначалу ему показалось, что у него нелады с пространственным восприятием, но потом он понял, что — нет, другое сиденье действительно отстоит от его собствен-

ного именно на *такое* расстояние.

Рядом с ним кто-то сидел, но повернуться и посмотреть, кто именно, он не мог.

Жирный молодой человек на противоположной стороне салона этого невероятного лимузина достал из бара банку диетической колы и с хрустом открыл ее. Длинное черное пальто из какого-то шелковистого материала, на вид — лет двадцать, не больше: на щеках полноценные зрелые угри. Увидев, что Тень пришел в себя, он улыбнулся.

— Привет, Тень, — сказал он. — Мой тебе совет: постарайся не действовать мне на нервы.

— Договорились, — сказал Тень. — Не буду. Если можно, высадите меня у мотеля «Америка», рядом с федеральной.

— Врежь ему, — сказал парнишка человеку, который сидел слева от Тени. Удар пришелся в солнечное сплетение, Тень задохнулся и сложился пополам. Потом выпрямился, как мог медленно.

— Я же сказал, не действуй мне на нервы. А ты действуешь. Постарайся отвечать коротко и в тему, не то я просто порешу тебя на хер, и все. Или, может, даже не убью. А скажу ребятам, чтобы они, блядь, переломали тебе все кости до единой.

А их, между прочим, двести шесть штук. Так что постарайся не действовать мне на нервы.

— Понял, — сказал Тень.

Лампочки, вделанные в потолок лимузина, поменяли цвет с фиолетового сперва на синий, потом на зеленый и наконец на желтый.

— Ты работаешь на Среду, — продолжил молодой человек.

— Да, — ответил Тень.

— Какого хера ему здесь нужно? В смысле, что он задумал? У него должен быть какой-то план. Какой у него план?

— Я начал работать на мистера Среду сегодня утром, — сказал Тень. — Я у него вроде как на посылках.

— То есть ты хочешь сказать, что не знаешь?

— Я хочу сказать, что не знаю.

Парень расстегнул пиджак и достал из внутреннего кармана серебряный портсигар. Открыл его и предложил сигарету Тени:

— Куришь?

Тень хотел было попросить, чтобы ему развязали руки, но потом передумал:

— Нет, спасибо.

Судя по всему, в портсигаре были не сигареты, а самокрутки, и когда паренек закурил, щелкнув

матовой черной «Зиппо», запах у дыма был — как от горелой проводки.

Парнишка глубоко затянулся и задержал дыхание. Потом выпустил немного дыма изо рта и снова втянул его носом. Такое впечатление, что он репетировал этот номер перед зеркалом прежде чем предъявить его публике, подумал Тень.

— Если ты мне соврал, — сказал парнишка, и голос его прозвучал как будто из другой комнаты, — я тебя, блядь, грохну. Ты меня понял?

— Да, вы уже говорили об этом.

Парнишка затянулся еще раз.

— Значит, говоришь, остановились в мотеле «Америка»? — Он постучал по водительскому стеклу. Окошко открылось. — Эй, там. Мотель «Америка», возле федеральной. Надо высадить там нашего гостя.

Водитель кивнул, стекло вновь поднялось.

Мерцающие оптоволоконные огоньки в салоне лимузина время от времени меняли цвет, пробегая по одной и той же не слишком яркой гамме. Тени показалось, что вместе с ними мерцают и глаза жирного молодого человека, и цвет напоминает зеленоватое свечение допотопного компьютерного монитора.

— А скажи-ка ты Среде вот что, приятель. Скажи

ему, что его дело прошлое. И его давно списали в утиль. Он старый. Скажи ему, что будущее за нами, и нам насрать на него и ему подобных. Его место в мусорном баке древней истории, а такие люди, как я, поедут в будущее на лимузинах, по суперскоростному шоссе.

— Я передам, — сказал Тень.

У него начала кружиться голова. Будем надеяться, что не стошнит, подумал он.

— Передай ему, что мы, блядь, перепрограммировали реальность. Передай, что язык — это вирус, вера — операционная система, а молитвы — ебаный спам. Передай ему все это слово в слово, а не то я замочу тебя на хер, — мягко, сквозь дым, сказал парнишка.

— Я понял, — ответил Тень. — Можете высадить меня прямо здесь. Остаток пути пройду пешком.

Молодой человек кивнул.

— Приятно с тобой говорить, — сказал он. Дым явно действовал на него умиротворяюще. — И запомни: если мы тебя, блядь, не уебашим, то просто потрем, и все дела. Ты понял? Один клик, и ты переписан единичками и ноликами, в случайном порядке. И операция «восстановить» не предусмотрена. — Он постучал по водительскому окошку. — Он выходит прямо здесь, — потом

повернулся к Тени и ткнул пальцем в свою самокрутку. — Синтетическая жабья кожа, — сказал он. — Вот, научился народ синтезировать буфотенин,[10] слыхал об этом?

Лимузин остановился, дверь открылась. Тень кое-как выбрался наружу. Путы у него на руках перерезали. Тень обернулся. Салон превратился в единое клубящееся облако дыма, сквозь которое мерцали два огонька, и цвет у них теперь был медно-красный, красивый такой цвет, как глаза у жабы.

— Речь у нас идет о доминирующей, на хрен, парадигме, Тень. Остальное неважно. Да, кстати, прими соболезнования, насчет твоей старушки.

Дверца захлопнулась, и лимузин тихо тронулся с места. Тень стоял ярдах в двухстах от мотеля. Он двинулся по направлению к гостинице, вдыхая холодный воздух, мимо красных, желтых и голубых огней, рекламирующих все мыслимые и немыслимые разновидности фастфуда, которые только может представить себе человек, если, конечно, он задался целью представить себе гамбургер; и до мотеля «Америка» Тень добрался без

[10] notes: 10

Буфотенин — наркотическое галлюциногенное вещество, по действию на человеческую психику сходное с ЛСД. Добывается из кожной слизи жабы буфо-буфо.

приключений.

Глава третья

Каждый час ранит. Последний — насмерть.

Старая поговорка

За стойкой в мотеле «Америка» сидела худая барышня. Она сказала Тени, что друг его уже зарегистрировал, и протянула ему прямоугольный пластиковый ключ от номера. Блеклая блондинка, чем-то неуловимо похожая на грызуна. Сходство это делалось особенно наглядным, когда барышне что-то не нравилось: улыбка же явно шла ее внешности на пользу. Она отказалась называть Тени номер комнаты, в которой поселился Среда, и настояла на том, что сама позвонит постояльцу и скажет, что его гость уже прибыл.

Среда вышел из двери в дальнем конце холла и кивнул Тени.

— Как прошли похороны?

— Прошли, — ответил Тень.

— Не хочешь говорить об этом?

— Не хочу, — подтвердил Тень.

— Ну и ладно, — осклабился Среда. — И без того в последнее время болтовни вокруг стало слиш-

ком много. Слова, слова, слова. Этой стране явно пошло бы на пользу, если бы люди научились страдать молча.

Среда отвел его в свой номер, который оказался напротив комнаты Тени. Номер был сплошь завален картами: карты разложены на кровати, карты пришпилены к стенам. На всех Среда уже успел что-то начертить яркими фломастерами: флуоресцирующий зеленый, режущий глаз розовый, веселенький оранжевый.

— Меня только что взял в заложники какой-то жирный парень, — сказал Тень. — Он велел тебе передать, что твое место на свалке истории, тогда как сам он и ему подобные будут ездить на лимузинах по суперскоростным автострадам бытия. Что-то вроде этого.

— Вот сопля зеленая, — отреагировал Среда.

— Ты его знаешь?

Среда пожал плечами.

— Знаю, кто он такой и откуда взялся. — Он тяжело опустился на единственный в комнате стул. — А вот ключа у них нет, — продолжил Среда. — Гребаный ключ им в руки не дается. Сколько времени тебе еще придется оставаться в этом городе?

— Не знаю. Может, с неделю. Надо будет, навер-

ное, уладить Лорины дела. Решить, что делать с квартирой, избавиться от ее одежды и так далее. Мамаша ее, конечно, будет кипятком ссать, но так ей и надо.

Среда кивнул тяжелой косматой башкой.

— В общем, чем быстрее ты со всем этим разберешься, тем быстрее нас не будет в Игл-Пойнте. Спокойной ночи.

Тень пересек холл. Его комната была точной копией комнаты Среды, вплоть до идиотской картинки с закатом, пришпиленной над кроватью. Он заказал себе пиццу с сыром и мясным фаршем, потом набрал ванну, вылив в воду все гостиничные пузырьки с шампунем, чтобы вода вспенилась.

Он был слишком большой и не мог лечь в гостиничной ванне в полный рост, так что он в нее сел и постарался получить максимум удовольствия. Тень пообещал себе ванну, как только выйдет из тюрьмы, Тень свое слово держит.

Пиццу принесли вскоре после того, как он вышел из ванной, и Тень ее съел, запив банкой рутбира.[11]

---

[11] notes: 11

Root beer — газированный напиток из корнеплодов с экстрактом американского лавра, анисом, мускатным маслом и другими ингредиентами. В продаже с конца XIX века.

Тень лежал в постели и думал: *В первый раз сплю в постели, как свободный человек*, но мысль эта радовала его куда меньше, чем ожидалось. Он не стал задергивать занавески, смотрел через окно на огоньки проезжающих машин, витрины фастфудов напротив, и его грела мысль о том, что там расположен совсем другой мир, и что человек по имени Тень свободен идти в этом мире, куда ему заблагорассудится.

Человек по имени Тень мог бы, конечно, лежать сейчас и в собственной постели, подумал он, в квартире, где он жил вместе с Лорой, — в постели, в которой он спал вместе с Лорой. Но от одной только мысли о том, что лежать там пришлось бы в одиночку, в окружении ее вещей, ее запахов, ее жизни, ему делалось больно…

Не ходи туда, сказал себе Тень. И решил думать о чем-нибудь другом. Например, о фокусах с монетами. Тень отдавал себе отчет в том, что хорошим фокусником ему никогда не стать: не такой он человек. Он не сможет заговаривать публике зубы, чтобы она между делом заглатывала наживку, карточные фокусы он тоже не любил, как не любил доставать бог весть откуда бумажные цветы. Ему просто нравилась ловкость рук, особенно когда в этих руках были монеты. Он начал

вспоминать все те способы, которыми мог заставить монету исчезнуть, и это напомнило ему о той монете, которую он бросил в могилу Лоры, а потом откуда-то из глубины возник голос Одри и принялся рассказывать о том, что Лора умерла с членом Робби во рту, и в сердце у Тени снова свила себе гнездышко маленькая пакостная боль.

Каждый час ранит. Последний — насмерть. От кого он это слышал?

Он вспомнил, что сказал на сей счет Среда, и улыбнулся, против собственной воли: Тень сто раз слышал, как люди советуют друг другу не сдерживать обуревающие их чувства, выплеснуть эмоции, дать боли уйти. Тень подумал, что и в пользу противоположной тактики наверняка можно сказать много дельного. Если достаточно долго и достаточно глубоко держать свои чувства под спудом, очевидно, рано или поздно вообще перестанешь чувствовать что бы то ни было.

Сон пришел сам, так что Тень даже не заметил.

Он шел…

Он шел по комнате, которая была больше, чем целый город, и куда ни бросишь взгляд, везде были статуи, резные скульптуры и грубо вылепленные идолы. Он остановился возле женской фигуры: голые висячие груди плоско

лежат на животе, вокруг пояса — плетенка из отрубленных человеческих рук, сама она держит в обеих руках по острому ножу, а вместо головы у нее поднимаются из шеи две переплетшиеся змеи, выгнувшиеся, готовые впиться друг другу в глотку. Было в этой статуе что-то жутко отталкивающее, какая-то глубокая, отчаянная противоестественность. Тень попятился.

Он пошел дальше. Каменные глаза тех статуй, у которых были глаза, казалось, следили за каждым его шагом.

Потом, во сне, до него дошло, что у каждой статуи есть имя, и что оно горит на полу, у ее подножия. Седой мужчина с ожерельем из зубов на шее и барабаном в руках, звался *Левкотиос*;[12] женщина с широкими бедрами, у которой из зияющей промежности сыпались чудовищного вида существа, была *Хубур*;[13] человек с бараньей го-

---

[12] notes: 12

Левкетиос (Левцетиос, Луцетиос) — галльское божество (большая часть посвятительных надписей обнаружена в восточных галльских областях, в особенности в местностях, которые населяло племя вангионов), которое и римлянами, и самими галлами ассоциировалось с Марсом. Имя можно приблизительно перевести как «Светлый», «Белый», «Белобог».

[13] notes: 13

Умму-Хубур — видимо, одно из культовых имен вавилонской богини Тиамат, связанной с водами (преимущественно, морскими или смешанными, пресно-солеными) и первородным хаосом.

ловой и золотым шаром в руках был *Хершеф*.[14]

К нему, во сне, обращался голос, взвинченно-вычурный, отчетливо и внятно произносивший каждый звук, — но видеть он никого не видел.

— Все это боги, давно забытые людьми, боги, которые, вероятнее всего, уже умерли. Только сухая ткань мифов сохранила их. Они ушли, ушли совсем, и только их образы и имена до сих пор остаются с нами.

Тень свернул за угол и оказался в другой комнате, еще большей, чем первая. Прямо перед ним были отполированный до блеска коричневый череп мамонта и маленькая женщина с изуродованной левой рукой, одетая в крашенную охрой меховую накидку. Далее шли три женщины, вырезанные из единой гранитной глыбы и сросшиеся у пояса: лица у них были не проработаны, словно резали их наспех и кое-как, зато груди и гениталии мастер выполнил с любовью и знанием дела; еще там была бескрылая птица неизвестной породы, в два раза выше Тени, с клювом, как у стервятника, и человеческими руками; и так далее, и тому подобное.

Голос прорезался снова, с навязчивой интона-

---

[14] notes: 14

Хершеф (Харшаф) — локальное египетское водное божество с головой барана, ассоциируется чаще всего с Гором или Амоном.

цией классного наставника:

— А это боги, о которых теперь вообще никто не помнит. Даже их имена стерлись из памяти. Народы, которые им молились, забыты точно так же, как их боги. Изваяния низвержены давным-давно и разбиты. Последние жрецы умерли, никому не передав своих тайн… Боги смертны. И когда они умирают совсем, никто не оплакивает их, никто не вспоминает. Идею убить куда труднее, чем человека, но в конечном счете можно убить и ее.

Откуда-то из глубины залы накатил слитный шум, то ли шепот, то ли шорох, который начал отдаваться в разных частях пространства, и от которого Тень охватило чувство необъяснимого и невыразимого ужаса. Его обуяла паника, он заметался по зале, в которой жили боги, самый факт существования которых был забыт, — боги с лицами осьминогов, боги в виде мумифицированных рук, падающих скал, лесных пожаров…

Он пришел в себя: сердце колотилось как бешеное, лоб в испарине, сна ни в одном глазу. Красные цифры на электронном будильнике показывали три минуты второго. В окно попадал свет от неоновой вывески мотеля, которая оказалась прямо над его комнатой. Тень встал и,

пошатываясь, пошел в крохотную гостиничную ванную. Помочился, не включая света, и вернулся в спальню. Только что приснившийся сон все еще стоял перед глазами, но было непонятно, чего он так испугался и по какой причине.

Свет, что лился в комнату через окно, был довольно тусклым, но глаза Тени успели привыкнуть к темноте. На краешке его кровати сидела женщина.

Он узнал ее. Он узнал бы ее даже в толпе из тысячи, сотни тысяч других женщин. На ней по-прежнему был темно-синий костюм, в котором ее похоронили.

Говорила она шепотом, но шепот был ему знаком.

— Ты, наверное, хочешь спросить, — начала Лора, — что я здесь делаю?

Тень не ответил.

Он сел на единственный в комнате стул, помолчал, а потом спросил наконец:

— Это ты?

— Да, — ответила она. — Мне холодно, бобик.

— Ты умерла, девочка моя.

— Да, — сказала она. — Да. Я знаю. — Она положила ладонь на кровать, рядом с собой. — Иди сюда, посиди со мной, — попросила она.

— Нет, — сказал Тень. — Я уж лучше здесь как-нибудь. Нам с тобой надо кое-что выяснить.

— Это насчет того, что я мертвая?

— Можно и так сказать. Но меня скорее беспокоит то, как именно ты умерла. Вы умерли — ты и Робби.

— А, — сказала она, — ты об этом.

Тень почувствовал — или это ему только показалось? — запах тлена, цветов и формальдегида. Его жена — его бывшая жена… нет, поправил он сам себя, его *покойная* жена — сидела на кровати и не моргая смотрела на него.

— Бобик, — сказала она, — не мог бы ты — в общем, если тебе не сложно, не мог бы ты найти мне сигарету?

— Мне казалось, ты бросила курить.

— Бросила, — согласилась она. — Но я теперь уже не очень-то переживаю насчет здорового образа жизни. Глядишь, успокоюсь немного. Там, в холле, стоял автомат.

Тень натянул джинсы и майку и вышел, босой, в холл. Ночной портье, средних лет мужчина, сидел за стойкой и читал роман Джона Гришема. Тень купил в автомате пачку «Вирджинии слимс». И попросил у портье коробку спичек.

— Вы в номере для некурящих, — сказал пор-

тье. — Так что будьте добры, открывайте окно, когда курите. — Он протянул Тени спичечный коробок и пластмассовую пепельницу с логотипом мотеля «Америка».

— Будет сделано, — кивнул Тень.

Он вернулся в комнату. Лора успела лечь на спину, прямо поверх скомканного покрывала. Тень открыл окно и отдал ей сигареты и спички. Пальцы у нее были холодные. Она чиркнула спичкой, и он увидел, что ногти, которые обычно были у нее в безукоризненном состоянии, облуплены и обломаны, и под ними — грязь.

Лора прикурила, затянулась и задула спичку. Потом затянулась еще раз.

— Ничего не чувствую, — сказала она. — Наверное, зря я это.

— Мне очень жаль, — сказал Тень.

— Мне тоже, — ответила Лора.

Когда она затягивалась, огонек разгорался, и он видел ее лицо.

— Значит, — сказала она, — тебя все-таки выпустили.

— Да.

Огонек из темно-красного стал оранжевым.

— Спасибо тебе еще раз. Не стоило тебя во все это впутывать.

— Брось ты, — сказал он. — Это был мой выбор. Вполне мог отказаться.

Интересно, подумал он, а почему ты ее совсем не боишься? Только что сон про музей напугал тебя до смерти, а вот ходячий труп — ничуть не беспокоит.

— Ага, — подхватила она. — Мог, конечно. Дубина ты моя стоеросовая.

Дым вился у ее лица. В тусклом свете сигареты она казалась ему очень красивой.

— Хочешь узнать, что было у нас с Робби?

— В общем, да.

Она затушила сигарету в пепельнице.

— Ты был в тюрьме, — начала она. — А мне нужно было хоть с кем-то поговорить. Нужна была жилетка, в которую я могла выплакаться. Тебя же не было. А мне было плохо.

— Извини. — Тень обратил внимание, что с голосом у нее что-то не так, вот только неясно, что именно.

— Да ладно. Ну, началось все с малого — кофе вместе попить. Поговорить о том, что мы устроим, когда ты выйдешь. Как будет здорово, когда ты вернешься. Ты же знаешь, ты ему нравился, по-настоящему. Ему хотелось, чтобы ты снова устроился к нему на работу.

— Я знаю.

— А потом Одри уехала на неделю в гости к сестре. Было это через год, нет, через тринадцать месяцев после того, как тебя посадили. — Голос у нее был абсолютно ровным, лишенным всякого выражения; каждое слово — глухое и плоское, будто камушки падают в глубокий колодец, один за другим. — Робби зашел в гости. И мы напились. И трахнулись на полу в спальне. Классно было. Просто здорово.

— Вот об этом ты мне лучше не рассказывай.

— Правда? Ну, извини. Когда умираешь, все становится без разницы. Ну, понимаешь, вроде как фотографии смотришь. И, в общем, как-то все равно.

— Мне не все равно.

Лора прикурила еще одну сигарету. Движения у нее были быстрые и отточенные, никакой скованности. Тень даже на мгновение засомневался, — а мертвая ли она на самом деле. Вдруг это какой-то сложносочиненный фокус.

— Ну да, — продолжила она. — Понятно. В общем, начался у нас с ним роман — хотя мы его так и не называли, мы вообще это никак не называли — и длился он почти два года.

— Ты собиралась от меня уйти? К нему?

— Это еще зачем? Ты — мишка мой здоровенный. Ты — мой бобик. Ты меня так выручил. Я все три года тебя ждала. Я тебя люблю.

Фраза *Я тоже тебя люблю* едва не вырвалась у него наружу, но он вовремя остановился. Никогда я больше этого тебе не скажу. Никогда.

— А что произошло той ночью?

— Это когда я погибла?

— Да.

— Ну, мы с Робби собирались обсудить вечеринку, которую устроим по случаю твоего возвращения. Такая классная была задумка. И я ему сказала: все, хватит. Совсем хватит. Ты вернешься, и по-другому быть никак не может.

— М-да. И на том спасибо.

— Не за что, милый, — по лицу у нее пробежала тень улыбки. — В общем, мы опять выпили, расчувствовались. Так здорово было. Такая дурка на нас напала. Я была пьяная в драбадан. А он нет, не очень. Ему еще машину надо было вести. Мы ехали домой, и тут я заявила, что на прощанье сделаю ему минет, с большим и светлым чувством, а потом расстегнула ему брюки и сделала минет.

— Зря ты это.

— И не говори. Нечаянно плечом переключи-

ла передачу на нейтралку, он попытался меня оттолкнуть, включить передачу и выжать сцепление, но машину уже повело, и тут раздался сильный хруст, и я помню, что мир вокруг начал кружиться и вертеться, и я подумала: сейчас я умру. И — полное спокойствие. Это я точно помню. Вообще никакого страха. А после я уже ничего не помню.

Потянуло чем-то вроде паленой пластмассы. Да это же фильтр у нее горит, понял Тень. Лора, судя по всему, ничего не замечала.

— А здесь ты что делаешь, Лора?

— А что, жена не имеет права зайти проведать мужа?

— Ты умерла. Сегодня днем я был у тебя на похоронах.

— Ага. — Она кивнула и уставилась перед собой в пустоту. Тень встал, подошел к ней, вынул у нее из пальцев крохотный окурок и выбросил его в окно.

— И что?

Она попыталась встретиться с ним взглядом.

— Не то чтобы я много нового узнала по сравнению с тем, что знала, пока была живая. А большую часть из того, что узнала, словами не выскажешь.

— Когда человек умирает, он, как правило, остается лежать в могиле, — сказал Тень.

— Правда? Ты действительно так считаешь, бобик? Я раньше тоже так думала. А теперь уже не слишком в этом уверена. Хотя… — она выбралась из постели и подошла к окну. Ее лицо при свете неоновой вывески было таким же красивым, как раньше. Лицо женщины, ради которой он отправился в тюрьму.

Сердце у него болело так, словно кто-то стиснул его в кулаке и давит, давит…

— Лора…

Она даже не посмотрела на него.

— Ты впутался в очень скверную историю, Тень. И влипнешь ты по самое не хочу, если хоть кто-нибудь не возьмется за тобой присматривать. Я буду за тобой присматривать, Тень. И — спасибо тебе за подарок.

— Какой подарок?

Она потянулась к карману блузки и вынула золотую монету, ту самую, которую он сегодня днем бросил ей в могилу. На монету налипла земля.

— Наверное, лучше подвесить ее на цепочку. Очень мило с твоей стороны.

— Всегда пожалуйста.

И тут она повернулась и посмотрела ему прямо

в лицо — глазами, которые, казалось, одновременно видели его насквозь и вообще ничего не видели.

— Мне кажется, в нашей с тобой истории есть целый ряд тем, которые нам следует непременно обсудить.

— Девочка моя, — сказал он ей. — Ты же мертвая.

— Ну да, с этим, конечно, не поспоришь, — она помолчала. — Ладно. Мне пора. Будет лучше, если я уйду сейчас.

Легко и естественно она повернулась, положила Тени руки на плечи и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его на прощанье, точно так же, как всегда его целовала, когда они расставались.

Он неловко нагнулся, чтобы чмокнуть ее в щеку, но она быстро повернула голову и прижалась губами к его губам. От нее едва уловимо пахло формалином.

Язык Лоры скользнул Тени в рот. Он был сухой и холодный, от него пахло сигаретным дымом и желчью. Если до этой секунды у Тени были сомнения насчет того, что его жена мертва, теперь от них не осталось и следа.

Он отодвинулся.

— Я люблю тебя, — сказала она, все так же про-

сто. — Я не дам тебя в обиду. — Она двинулась к двери. Во рту у него остался странный привкус. — Тебе надо немного поспать, бобик, — сказала она. — И постарайся не впутываться лишний раз в неприятности.

Она отворила дверь в холл. Лампы дневного света безжалостно констатировали: Лора была — мертвец мертвецом. Хотя, с другой стороны, кто в их свете выглядит иначе?

— Мог бы попросить меня остаться, — сказала она каменно-холодным голосом.

— Это вряд ли, — ответил Тень.

— Еще попросишь, милый, — сказала она. — Прежде чем все это кончится. Ты меня об этом еще попросишь. — Она повернулась и пошла по коридору прочь.

Тень выглянул из дверного проема и посмотрел ей вслед. Ночной портье, который читал роман Джона Гришема, едва поднял голову, когда она проходила мимо него. На туфли у нее налип толстый слой кладбищенской глины. А потом она исчезла.

Тень выдохнул, очень медленно. Сердце, сбиваясь с ритма, отчаянно колотилось у него в груди. Он пересек холл и постучался к Среде — и в тот же самый момент его охватило пренеприятное чув-

ство, словно по коже полоснули черные крылья, словно огромная черная ворона пролетела сквозь него, потом через холл — и вылетела наружу.

Среда открыл дверь — совершенно голый, если не считать обернутого вокруг пояса белого гостиничного полотенца.

— Какого лешего тебе надо? — спросил он.

— Хотел кое о чем рассказать, — сказал Тень. — Может, конечно, мне это приснилось, — но только не приснилось мне это: может, я надышался дымом от синтетической жабьей кожи, что курил тот жирный парень, или, может, у меня поехала крыша…

— Ладно, ладно. Валяй, что там у тебя, — сказал Среда. — Видишь ли, я тут, типа, несколько занят.

Тень заглянул в комнату. На кровати кто-то лежал и смотрел на него. Простыня натянута до самых плеч, чтобы прикрыть маленькие грудки. Блеклая блондинка, остренькая, как у крыски, мордашка. Тень понизил голос.

— Я только что видел свою жену, — сказал он. — Там, в номере.

— В смысле, призрак? Ты видел призрак?

— Нет. Не призрак. Она была настоящая. И — это была она. Мертвая, конечно, но никакое это

было не привидение. Я до нее дотрагивался. Она меня поцеловала.

— Понятно, — Среда повернулся к лежавшей у него в постели женщине. — Я сейчас вернусь, дорогая.

Они пошли в номер к Тени. Среда включил свет. Покосился на сигаретный окурок в пепельнице. Почесал грудь. Соски у него были темные — соски старика, — а волосы на груди совершенно седые. На одном боку — белый шрам. Он понюхал воздух и передернул плечами.

— Ну ладно, — сказал он. — Значит, тебе явилась мертвая жена. Напугался?

— Есть немного.

— Тоже понятно. У меня от мертвецов всегда мороз по коже. И что дальше?

— Я готов уехать из Игл-Пойнта. С квартирой и прочим пускай разбирается Лорина мамаша. Она все равно меня терпеть не может. Так что едем, как только скажешь.

Среда ухмыльнулся.

— Славные новости, сынок. Утром и тронемся. А теперь тебе надо немного поспать. Если боишься, что сразу не заснешь, — у меня в номере есть немного виски. Будешь?

— Да нет. Обойдусь.

— Тогда не беспокой меня больше. Ночь у меня впереди долгая и многотрудная.

— Доброй ночи, — сказал Тень.

— Именно что доброй, — кивнул Среда и притворил за собой дверь.

Тень сел на койку. В воздухе по-прежнему пахло табачным дымом и формальдегидом. Досадно, что он даже и погоревать по Лоре, как подобает, не в состоянии: теперь, когда она исчезла, он понял, что и впрямь испугался ее, и что оплакивать умершего куда лучше, чем встречаться с ним по ночам. Да и потосковать по ней — самое бы время. Он выключил свет, вытянулся на кровати и стал думать о Лоре, какой она была до того, как он угодил в тюрьму. О времени сразу после свадьбы, о том, какие они тогда были молодые и глупые, как они были счастливы и как не могли друг от друга оторваться.

Тень не плакал столько лет, что ему уже давно стало казаться: он забыл, как это делается. Он не плакал даже когда умерла мать.

И вот теперь зашелся короткими, болезненными спазмами, и впервые со времен далекого-далекого детства он плакал, пока не заснул.

Прибытие в Америку

813 год н. э.

Они шли по зеленому морю по звездам и линии берега, а если от берега оставалось одно воспоминание, а ночное небо застили тучи и сгущалась тьма, их вела вера, они молились Отцу Всех, чтобы он дозволил им снова увидеть землю.

Дорога на этот раз не легла им скатертью, пальцы, оцепенев, превратились в крючья, а в костях поселилась дрожь, которую невозможно было выжечь оттуда даже вином. По утрам они просыпались с бородами, покрытыми инеем, и до той поры, покуда солнце их не отогревало, выглядели стариками, поседевшими прежде времени.

К тому времени, как они добрались до зеленой земли на западе, зубы уже начали шататься, а глаза глубоко запали в глазницы. И тогда люди сказали: «Мы далеко-далеко от домов и очагов наших, от морей, знакомых нам, и земель, которые любим. Здесь, на краю света, наши боги забудут о нас».

Их вождь забрался на вершину высокого утеса и стал насмехаться над тем, как мало в них веры: «Отец Всех сотворил этот мир, — прокричал

он. — Он вылепил его своими руками из раздробленных костей и мяса Имира, деда своего. Мозг Имира он забросил на небо, и стали облака, а соленая кровь его стала морем, по которому мы сюда плыли. И если он создал весь мир, неужто вы не поняли, что и эту землю тоже создал он? И если мы умрем здесь как мужчины, неужто не допустит он нас в залу свою?»

И тогда они обрадовались и стали смеяться. А потом дружно взялись за работу и возвели из расщепленных древесных стволов большой дом, и окружили его частоколом из заостренных бревен, хотя, насколько им было известно, кроме них других людей вокруг не было.

В день, когда постройка была закончена, случилась буря: в полдень небо сделалось черным, как ночью, от горизонта до горизонта заплясали белые росчерки пламени, удары грома были настолько сильными, что люди едва не оглохли, а корабельный кот, которого возили с собой на удачу, забился под вытащенную на берег ладью. Буря удалась на славу — мощи и злости в ней хватило бы на несколько бурь — и люди смеялись, хлопали друг друга по спине и говорили: «Громовик тоже с нами в этой чужой земле», — и они возблагодарили бога, и возрадовались, и пили,

пока у них не закружилось в головах.

А ночью, в дымной полумгле большой залы, сказитель пел им старые песни. Он пел об Одине Отце Всех, который самого себя принес самому же себе в жертву — с той доблестью и отвагой, с какой потом встречали смерть другие его жертвы. Девять дней Отец Всех провисел на мировом древе, истекая кровью от нанесенной копьем раны в боку. И спел он им обо всех тех вещах, которые Отец Всех постиг в муках своих: девять имен, девять рун и дважды девять заклятий. Когда речь дошла до копья, пронзившего тело Одина, сказитель закричал от боли, точно так же, как и сам Отец Всех возопил в муках своих, и все они содрогнулись, представив себе эту боль.

На следующий день, который как раз пришелся на день Отца Всех, они обнаружили скрэлинга, маленького человека с длинными волосами, черными как вороново крыло, и с кожей, как жирная красная глина. Он говорил слова, которых ни один из них не в состоянии был понять — даже сказитель, а тот когда-то плавал на корабле, что прошел чрез Геркулесовы столпы, и потому знал купеческое наречие, внятное всем людям, живущим в Средиземноморье. Чужак был одет в меха и перья, а в волосы его были вплетены

маленькие кости.

Они привели его в свой большой дом и дали ему поесть жареного мяса, и дали крепкого питья для утоления жажды. Они покатывались со смеху, когда ноги у чужака начали заплетаться, а сам он начал петь песни, и голова его качалась и падала на грудь, и все это с полрога меда. Они дали ему выпить еще, и вскоре он уже лежал под столом, закрывши рукой голову.

И тогда они подняли его на руки — по человеку на каждое плечо, по человеку на ногу, — и четверо мужчин превратили его в коня об осьми ногах, и подняли его на плечи, и понесли во главе процессии к высокому ясеню, что стоял на холме, над бухтой, а потом они захлестнули ему шею веревкой и повесили сушиться на ветру, принеся его в жертву Отцу Всех, повелителю виселиц. Тело скрэлинга закачалось на ветру, лицо почернело, язык вывалился, глаза вылезли из орбит, пенис напрягся так, что на него можно было бы повесить кожаный шлем, а люди веселились и кричали, и гордились тем, что от них отправилась на небеса такая славная дань.

А когда на следующий день два огромных ворона прилетели к трупу скрэлинга, опустились каждый на свое плечо, и стали клевать ему глаза

и щеки, люди поняли, что Отец Всех принял их жертву.

Зима была долгой, и людей мучил голод, но их согревала мысль о том, что весной они отправят корабль обратно в северные земли, и корабль привезет сюда поселенцев — и женщин. Когда стало совсем холодно и дни сделались короче, несколько человек отправились на поиски деревни скрэлингов, в надежде отыскать еду — и женщин. Не нашли они ровным счетом ничего, кроме старых костровищ и проплешин от маленьких стойбищ.

Как-то раз, в самой середине зимы, когда солнце висело на небе далекое и холодное, как потускневшая серебряная монетка, они заметили поутру, что останки скрэлинга исчезли с ясеня. А после полудня пошел снег, огромными, неспешно падающими хлопьями.

Люди из северных земель затворили ворота своей маленькой крепости и укрылись за деревянной стеной.

Военный отряд скрэлингов напал на них в ту же ночь: пять сотен против трех десятков. Они перебрались через стену, и за следующие семь дней убили тридцать человек тридцатью разными способами. И мореходы исчезли — исчезли из

истории, исчезли из памяти своего собственного народа.

Стену скрэлинги снесли, дом сожгли. Ладью, перевернутую кверху килем и стоявшую на галечнике подальше от воды, они сожгли тоже, в надежде, что у бледнолицых чужаков был всего один такой корабль, и вот он сгорел, и больше ни один норманн никогда не высадится на их берег.

А было это за сто с лишним лет до того, как Лейф Счастливый, сын Эрика Рыжего, заново открыл эти земли и назвал их Винландом. Когда он прибыл, его боги уже дожидались его на берегу: Тюр, однорукий, седой Один, бог виселиц, и Тор, громовик.

Они были на берегу.

Они ждали.

Глава четвертая

Пускай посветят мне в окно
Ночные поезда,
Волшебные и добрые
Ночные поезда.

«Ночные поезда», народная песня

Тень и Среда позавтракали в «Деревенской

кухне», через дорогу от мотеля. На дворе было восемь часов утра, и мир был туманен и сыр.

— Ты по-прежнему готов уехать из Игл-Пойнта? — спросил Среда. — Если да, то сперва мне нужно сделать пару звонков. Сегодня пятница. Пятница — день бездельный. Женский день. А завтра суббота. Пора за работу.

— Я готов, — ответил Тень. — Ничто меня здесь не держит.

Среда навалил себе в тарелку целую гору мясной нарезки. Тень ограничился парой ломтиков дыни, рогаликом и сливочным сырком. Расположились они в отдельной кабинке.

— Так ты говоришь, ночью тебе приснился странный сон, — сказал Среда.

— Н-да, — согласился Тень, — действительно странный.

Утром, когда он вышел из номера, грязные следы Лоры, ведущие от его номера через холл ко входной двери, были отчетливо видны на полу.

— Да, кстати, — вскинулся Среда, — а откуда вообще такое имя: Тень?

Тень пожал плечами:

— Такое вот имя.

За окном подернутый дымкой мир превратился в карандашный эскиз с дюжиной оттенков

серого и разбросанными кое-где расплывчатыми пятнами электрического красного и чистого белого цвета.

— А как ты потерял глаз?

Среда заправил в рот с полдюжины ломтей бекона, прожевал и тыльной стороной руки вытер с губ жир.

— Да не терял я его, — ответил он. — Я точно знаю, где он и что с ним.

— Ладно, что делаем дальше?

Вид у Среды сделался задумчивый. Он съел еще несколько ярко-розовых ломтиков ветчины, вынул из бороды кусочек мяса и бросил его обратно в тарелку.

— А делаем мы вот что. Завтра вечером у нас встреча с несколькими именитыми персонами — каждой в своей области. Ты, кстати, особо перед ними не тушуйся. Встреча назначена в одном из самых значимых мест во всей стране. Потом выпьем с ними и угостим их ужином. Я тут затеваю одно предприятие, и мне нужна их поддержка.

— А где находится это самое значимое место во всей стране?

— Увидишь, мальчик мой. Одно из самых значимых. Единого мнения на сей счет не существует. Своих коллег я об этой встрече уже известил. По

дороге заскочим в Чикаго, надо подзапастись деньжатами. Нам предстоят серьезные представительские расходы, на которые моей нынешней наличности явно не хватит. Потом двинем в Мэдисон, — Среда расплатился за завтрак и они направились через дорогу, к стоянке у мотеля. Среда перебросил Тени ключи от машины.

Тень вырулил на трассу и выжал газ.

— Будешь по нему скучать? — спросил Среда. Он рылся в папке, битком набитой картами.

— По городу? Нет. Я ведь и не жил здесь никогда по-настоящему. В детстве вообще никогда подолгу не задерживался на одном месте, а когда приехал сюда, мне было уже за двадцать. Это Лорин город, не мой.

— Будем надеяться, что здесь она и останется, — сказал Среда.

— Это был сон, — сказал Тень. — Мы же договорились.

— Ну и правильно, — поддакнул Среда. — Здравый подход. Ты хоть трахнул ее, ночью-то?

Тень задержал дыхание. Потом выдохнул и сказал:

— Не твое собачье дело. Нет, не трахнул.

— А хотелось?

Тень на это вообще ничего не ответил. Он

ехал на север, по направлению к Чикаго. Среда усмехнулся и занялся своими картами: он то развертывал их, то свертывал снова, время от времени большой серебряной шариковой ручкой делая пометки в желтом линованном блокноте.

Наконец занятие это ему надоело. Он отложил ручку, бросил папку с картами на заднее сиденье.

— Что приятно в тех штатах, куда мы направляемся, — сказал Среда, — ну, там, в Миннесоте, Висконсине и все такое, так это женщины. Самый тот тип, который мне нравился в молодые годы. Кожа белая, глаза голубые, волосы такие светлые, что почти совсем белые, винного цвета губы и округлые полные груди, с прожилками, как в добром сыре.

— В молодые годы, и только-то? — отозвался Тень. — А мне показалось, нынче ночью ты тоже времени зря не терял.

— Так точно, — Среда улыбнулся. — Хочешь узнать, в чем секрет моего успеха?

— Деньги платишь?

— Фу, пошлость какая! Нет, все дело в личном обаянии. Простом и неотразимом.

— Ну, обаяние дело нехитрое. Оно либо есть, либо нет, чужого, как говорится, не займешь.

— Ну, как раз чарам-то можно и выучиться, — заметил Среда.

Тень настроил радио на ретро-волну и стал слушать песни, которые были в ходу еще до того, как он появился на свет. Боб Дилан пел о том, что скоро будет ливень, и Тень подумал: интересно, этот ливень уже прошел или только еще собирается. Дорога впереди была пуста, и кристаллы льда сверкали в лучах утреннего солнца, как бриллианты.

Чикаго подкрадывался незаметно, как головная боль. Сперва они ехали по сельской местности, потом понемногу маленькие придорожные городки переросли в неряшливые приземистые пригороды, а те как-то сами собой превратились вдруг в огромный город.

Они остановились у крепко сбитого многоквартирного дома, выкрашенного в черный цвет. Дорожка к подъезду расчищена от снега. Они зашли в подъезд, и Среда нажал на самую верхнюю кнопку старенького, с желобками, интеркома. Никакой реакции. Он нажал снова. Потом, пробы ради, начал нажимать на все кнопки подряд, пытаясь вызвонить других жильцов — с тем же результатом.

— Да сломанный он, — сказала на ходу спус-

кавшаяся по лестнице сухонькая старушка. — Не работает. Мы в обслугу звонили, говорим, когда чинить придешь, а ему что, он в Аризону съехал, легкие лечить.

Говорила она с довольно-таки сильным акцентом. Восточноевропейским, как показалось Тени.

Среда отвесил ей низкий поклон.

— Зоря, дорогая моя, ты не поверишь, но выглядишь ты — просто глаз не оторвать, свет ты мой ясный! Ни чуточки не постарела.

Старушка смерила его взглядом.

— Не желает он тебя видеть. И я тебя видеть не желаю. Ты горевестник.

— Это просто потому, что если новости того не стоят, я к вам не приезжаю.

Старушка фыркнула. На ней было старое красное пальто, застегнутое на все пуговицы, в руках — пустая авоська. Она подозрительно покосилась на Тень.

— А это еще что за дылда? — спросила она у Среды. — Опять бандита нанял?

— Милостивая госпожа, как можно! Этого джентльмена зовут Тень. Да, он работает на меня, но исключительно для вашего же блага. Тень, позволь тебе представить: очаровательная мисс Зоря Вечерняя.

— Очень приятно, — сказал Тень.

Старуха уставилась на него птичьим глазом.

— Тень, — повторила она. — Славное имя. Когда тени становятся долгими, наступает мой час. А ты — длинная тень. — Она смерила его взглядом с головы до ног и улыбнулась. — Можешь поцеловать мне руку, — и она протянула ему холодную ладошку.

Тень наклонился и поцеловал ее худые пальцы. На среднем — большой перстень с янтарем.

— Славный мальчик, — проговорила она. — Пойду, куплю овощей. Я, понимаешь, единственная в этом доме, кто приносит хоть какие-то деньги. Сестры не гадают. Это все оттого, что говорят они только правду, а правду люди слушать не хотят. Правда — штука скверная, от нее у людей душа не на месте, и в другой раз они уже не придут. А я-то вру, как воду лью, и говорю им то, что они хотят услышать. Так что на хлеб в этом доме зарабатываю я одна. Вы что, и на ужин собираетесь остаться?

— Если нам будет дозволено, — тут же встрял Среда.

— Тогда давайте деньги, еды будет больше, — сказала она. — Гонору мне хватает, но на мякине меня не проведешь. У сестер гонору побольше,

чем у меня. А больше всех, конечно — у *него*. Так что давайте деньги, а им об этом не говорите.

Среда расстегнул бумажник, сунул в него руку и вынул двадцатку. Зоря Вечерняя тут же выхватила купюру у него из пальцев, но взгляда не отвела. Он достал еще одну двадцатку и тоже отдал ей.

— Вот и ладно, — сказал она. — Как баре есть будете. А теперь идите по лестнице на самый верх. Зоря Утренняя уже проснулась, но третья наша сестрица спит себе, так что шуму особо не подымайте.

Тень и Среда пошли вверх по темной лестнице. Площадка третьего этажа была сплошь завалена черными пластиковыми мешками с мусором, от которых шел запах гнилых овощей.

— Они что, цыгане? — спросил Тень.

— Зоря и ее семейство? Попал пальцем в небо. Нет, они не *Rom*. Они русские. Типа, славяне.

— Так ведь она же гадалка.

— Мало ли на свете гадалок! Я и сам балуюсь иногда, под настроение. — К последнему лестничному пролету Среда уже пыхтел как паровоз. — Что-то я начал терять форму.

На самой верхней площадке оказалась одна-единственная дверь, выкрашенная в красный цвет и с глазком посередине.

Среда постучался. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, уже сильнее.

— Иду! Иду! Слышу я вас! Слышу! — защелкали замки, задвигались по полозьям засовы, лязгнула цепочка. Красная дверь со скрипом отворилась.

— Кто здесь? — мужской голос, старческий и прокуренный насквозь.

— Старый друг, Чернобог. С компаньоном.

Дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка. В темноте Тень разглядел седую голову: человек внимательно их разглядывал.

— Что ты здесь забыл, Вотан?

— Во-первых, удовольствие видеть тебя и говорить с тобой. Ну, а еще есть у меня кое-какая информация. Как там говорится?.. Ах да, было наше, станет ваше.

Дверь распахнулась. За ней стоял плотно сбитый коротышка, одетый в несвежий купальный халат: волосы — перец с солью, морщинистое лицо. Светло-серые потертые штаны в полоску — и тапочки. В толстых мощных пальцах была зажата сигарета без фильтра, которую он курил, пряча огонек в кулак. Как зэк, подумал Тень. Или как профессиональный солдат. Хозяин квартиры протянул Среде левую руку.

— Ну тогда добро пожаловать, Вотан.

— Теперь меня зовут Среда, — ответил тот, рукопожатием на рукопожатие.

Короткая улыбка, сверкнули желтые прокуренные зубы.

— Да уж, — сказал хозяин квартиры. — Обхохочешься. А это кто?

— Мой партнер. Тень, познакомься, это мистер Чернобог.

— Ну, здорово! — сказал Чернобог и пожал Тени левую руку. Руки у него были шершавые и загрубелые, а кончики пальцев — настолько густого желтого цвета, будто он вымачивал их в растворе йода.

— Как поживаете, мистер Чернобог?

— Хреново поживаю. Нутро болит, спину ломит, а по утрам от кашля наружу выворачивает.

— Ну что вы стоите в дверях? — раздался женский голос. Тень заглянул через плечо Чернобога и увидел еще одну старушку, еще более субтильную и хрупкую, чем сестра, — вот только волосы у нее до сих пор были длинными и золотистыми. — Я Зоря Утренняя, — сказала она. — Нечего стоять в прихожей. Проходите, присаживайтесь. Я принесу вам кофе.

За дверью была квартира, в которой пахло

вареной капустой, кошачьим туалетом и сигаретами без фильтра; их провели через крошечную прихожую мимо нескольких закрытых дверей в гостиную на том конце коридора и усадили на огромный древний диван, набитый конским волосом, потревожив по дороге престарелого серого кота, который вытянулся, встал и проследовал, нога за ногу, на дальний конец дивана, где и улегся, смерив каждого по очереди взглядом, — после чего закрыл глаза и вновь отошел ко сну. Чернобог уселся в кресло напротив.

Зоря Утренняя отыскала пустую пепельницу и поставила ее перед Чернобогом.

— Какой кофе вы предпочитаете? — спросила она у гостей. — У нас его пьют черным, как ночь, и сладким, как грех.

— Звучит превосходно, мэм, — сказал Тень и посмотрел в окно, на стоящие напротив здания.

Зоря Утренняя вышла. Чернобог посмотрел ей вслед.

— Вот это женщина, я понимаю, — сказал он. — Не то что ее сестры. Одна — просто гарпия, а другая только и знает, что спать целыми днями.

Ногу в тапочке он водрузил на длинный приземистый кофейный столик, в центре которого красовалась инкрустированная шахматная дос-

ка, сплошь в подпалинах от сигарет и отпечатках кофейных чашек.

— Ваша жена? — спросил Тень.

— Никому она не жена, — старик посидел с минуту молча, разглядывая мозолистые руки. — Да нет. Мы все тут родственники. И приехали сюда все вместе, в старые-стародавние времена.

Чернобог вынул из кармана халата пачку сигарет без фильтра. Среда тут же достал узкую золотую зажигалку и дал ему прикурить.

— Сперва мы приехали в Нью-Йорк, — начал Чернобог. — Наши соотечественники всегда едут только в Нью-Йорк. А потом перебрались сюда, в Чикаго. И дела пошли из рук вон. Даже там, на родине, люди про меня почти совсем забыли. А здесь я и вовсе — дурное воспоминание. Знаешь, чем я занялся, когда приехал в Чикаго?

— Нет, — честно ответил Тень.

— Нашел работу в мясной промышленности. На бойне. Когда бычок оказывается на пандусе, там его ждет забойщик. То есть я. А знаешь, почему нас называют забойщиками? Потому что в руках у меня кувалда, и ею я шарашу скотину по лбу. Бац! В этом деле главное — сильные руки. Понял? Потом тушу цепляют, поднимают и перерезают горло. Прежде чем отрезать голову, надо спустить

кровь. Самые сильные люди на всех бойнях — это мы, забойщики. — Он откинул рукав халата и согнул в локте руку, так что под старческой кожей заиграл и впрямь довольно приличный бицепс. — Хотя, конечно, одной силой не обойдешься. Тут нужен поставленный удар. Иначе ты скотину разве что оглушишь, а то, чего доброго, она может еще и разбуяниться. А потом, в пятидесятые, нам выдали пневмопистолеты. Приставляешь его быку к башке и — бац! бац! Тут, казалось бы, кто угодно может скотину забить. Ан нет! — Он всадил воображаемый штырь в голову воображаемой корове. — Тут тоже нужна техника.

Он улыбнулся, вспомнив былое, и во рту у него блеснул стальной зуб.

— Опять досаждаешь людям своими россказнями про то, как убивал коров? — Зоря Утренняя внесла на красном деревянном подносе кофе в маленьких расписных эмалированных чашечках. Она раздала каждому по чашке и села рядом с Чернобогом.

— Зоря Вечерняя ушла в магазин, — сказала она. — Скоро вернется.

— Мы встретились внизу, — подхватил Среда. — Говорит, в гадалки подалась.

— Да-да, — кивнула Зоря Утренняя, — сумерки — самое время для лжи. А из меня какая лгунья, так что и в гадалки я не гожусь. А сестричка наша, Зоря Полуночная, та вообще врать не умеет.

Кофе оказался еще крепче и слаще, чем Тень ожидал.

Он извинился и вышел в туалет — крохотную, похожую на чулан комнатку, в которой висело несколько пожелтевших фотографий мужчин и женщин, застывших в неестественных викторианских позах. Казалось, едва успел наступить полдень, но дневной свет уже пошел на убыль. В гостиной беседа тем временем перешла на повышенные тона. Он вымыл руки в ледяной воде дурно пахнущим обмылком.

Когда Тень вернулся в гостиную, Чернобог стоял на ногах.

— От тебя одни неприятности! — кричал он. — И ничего, кроме неприятностей! И слушать тебя не желаю! И вообще, проваливай из моего дома!

Среда по-прежнему сидел на диване, потягивал кофе и гладил серого кота. Зоря Утренняя стояла на вытертом ковре, нервически перебирая пряди своих длинных светлых волос.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался Тень.

— Главная проблема — это *он*! — закричал Чернобог. — Он главная проблема! Скажи ему, что ничто на свете не заставит меня ввязываться в его делишки! И вообще пусть убирается отсюда! Убирайтесь оба!

— Прошу тебя, — мягко сказала Зоря Утренняя. — Прошу тебя, потише, ты же разбудишь Зорю Полуночную.

— Ты не лучше его, тоже спишь и видишь, чтобы я ввязался во все это безумие! — продолжал кричать Чернобог. Вид у него был такой, будто он вот-вот разрыдается. Столбик пепла сорвался с его сигареты и упал на ветхий ковер.

Среда встал, подошел к Чернобогу и положил ему руку на плечо.

— Послушай меня, — миролюбиво сказал он. — Во-первых, никакое это не безумие. Другого выхода у нас нет. Во-вторых, там будут все. Ты же не хочешь остаться в одиночестве, а, что скажешь?

— Ты меня знаешь, — сказал Чернобог. — Ты знаешь, что творили эти руки. Тебе нужен не я, тебе нужен мой брат. А его нет.

Дверь открылась, и сонный женский голос спросил:

— Случилось что-нибудь?

— Нет-нет, сестренка, ничего не случилось, — засуетилась Зоря Утренняя. — Спи спокойно, — и тут же обернулась к Чернобогу. — Вот видишь? Видишь, что ты натворил? А ну-ка иди и сядь на место. Садись, я говорю!

На секунду показалось, что Чернобог сейчас ввяжется с ней чуть ли не в драку; но тут весь его пыл вдруг улетучился. Вид у него сделался больной и несчастный — и очень одинокий.

Все трое вернулись в неряшливую гостиную. По стенам, сантиметрах в тридцати от потолка, шло ровное никотиновое кольцо, похожее на венчик ржавчины в старой ванне.

— Ты или не ты, какая разница, — невозмутимо продолжил, обращаясь к Чернобогу, Среда. — Если это имеет отношение к твоему брату, значит, и к тебе это тоже имеет отношение. Уж в этом с вами, дуалистическими существами, никому из нас не равняться, правильно я говорю?

Чернобог ничего ему на это не ответил.

— Кстати, о Белобоге, о нем ничего не слышно?

Чернобог покачал головой и перевел взгляд на Тень:

— У тебя есть брат?

— Нет, — ответил Тень. — По крайней мере, мне об этом ничего не известно.

— А вот у меня есть. Говорят, как две капли воды. Понимаешь? Когда мы были молоды, волосы у него, ну, они белые, понимаешь, очень светлые, и глаза голубые, вот люди и говорили, что он — хороший брат. А у меня волосы темные, темнее даже, чем у тебя, и я, значит, нехороший, понимаешь? Я плохой брат. А теперь вот сколько времени прошло, волосы у меня поседели. У него, кстати, тоже — тоже наверняка поседели. И если сейчас поставить нас рядом — как понять, кто был светлый, кто темный?

— Вы с ним дружили? — спросил Тень.

— Дружили? — переспросил Чернобог. — Да нет. Это как ты себе представляешь? У нас и интересы были совершенно разные.

В конце коридора раздался какой-то шум. Вошла Зоря Утренняя.

— Ужин будет через час, — сказала она и вышла.

Чернобог вздохнул.

— Она уверена, что прекрасно готовит, — сказал он. — Где она выросла, там кухарки готовили. А теперь — нету кухарок. И ничего нету.

— Так не бывает, — вмешался Среда. — Всегда остается хоть что-то.

— Опять ты, — обернулся на него Чернобог. —

Не желаю тебя слушать.

Он повернулся к Тени:

— Ты в шашки играешь? — спросил он.

— Да, — ответил Тень.

— Вот и славно. Значит, сыграешь со мной в шашки. — Он снял с каминной полки деревянную коробку с шашками и вытряхнул их на столик. — Я буду играть черными.

Среда дотронулся до руки Тени:

— Не стоит, знаешь, лучше не делай этого, — сказал он.

— А что такого-то? Я и сам не прочь, — сказал Тень. Среда пожал плечами и вынул из небольшой стопки пожелтевших журналов старый номер «Ридерз дайджест».

Коричневые пальцы Чернобога закончили расставлять шашки, и игра началась.

Потом Тень много раз будет ловить себя на том, что вспоминает эту игру. А по ночам она ему даже снилась. Плоские круглые кусочки дерева, которыми он играл, были грязно-желтого цвета, номинально — белого. Те, что у Чернобога — тусклого, выцветшего черного. Первый ход должен был сделать Тень. Ему снилось, что во время игры никто вообще ничего не говорил, и слышны были только громкие щелчки, когда шашки опуска-

лись на доску, или шорох дерева о дерево, когда их передвигали с одного поля на другое.

Первые пять-шесть ходов оба игрока передвигали передние шашки в центр доски, оставив задние ряды нетронутыми. Между ходами случались паузы, долгие, как в шахматах: оба сидели, смотрели на доску и думали.

Тень играл в шашки и в тюрьме: так проще было убить время. В шахматы ему тоже доводилось играть, но он был не из тех, кто любит все рассчитывать на несколько ходов вперед, просто по складу характера. Ему больше нравилось, когда получается в нужный момент найти единственно правильное решение. А в шашки можно выиграть и так — иногда.

Раздался щелчок: Чернобог поднял одну из черных фишек и перепрыгнул ею фишку белую. Старик снял с доски шашку Тени и положил ее на столик, рядом.

— Первая кровь. Ты проиграл, — сказал Чернобог. — Партия.

— Да нет, — не согласился Тень. — До конца еще далеко.

— Тогда, может, поставишь что-нибудь на кон? Мелочь какую-нибудь, просто для интереса.

— Нет, — Среда поднял голову, оторвавшись от

колонки «Юмор в мундире». — Никаких ставок.

— Я не с тобой играю, слышишь, ты, дед. Я с ним играю. Так как же, мистер Тень, замажем игру?

— А о чем вы здесь спорили, когда я пришел? — спросил Тень.

Чернобог поднял кустистую бровь.

— Твой хозяин хочет, чтобы я к нему присоединился. И помогал в этой его дурацкой затее. А я скорее сдохну, чем соглашусь.

— Хотите ставку? Пожалуйста. Если я выиграю, вы работаете с нами.

Старик поджал губы.

— Ну, может, я и соглашусь, — сказал он. — Но только при одном условии. Если ты согласишься на мою ставку.

— Какую?

На лице у Чернобога не дрогнул ни один мускул.

— Если выиграю, вышибу тебе мозги. Кувалдой. Сперва ты встанешь на колени. Потом я ударю тебя, один раз. И больше ты не встанешь. — Тень поднял глаза на старика, пытаясь понять по лицу, что у того на уме. Старик не шутил. Совсем не шутил: в глазах у него явственно читалась внезапно вспыхнувшая жажда не то боли, не то смерти, не то возмездия.

Среда захлопнул журнал.

— Хватит пороть чушь! — сказал он. — Не стоило нам вообще сюда приезжать. Тень, идем отсюда!

Потревоженный серый кот встал, перебрался на стол и остановился рядом с игральной доской. Оценив расположение шашек, он спрыгнул на пол и, высоко задрав хвост, удалился.

— Нет, — сказал Тень. Смерти он не боялся. В конечном счете, жить ему было незачем. — Хорошая ставка. Я ее принимаю. Если вы игру выиграете, я дам вам возможность вышибить мне мозги одним ударом молота, — и передвинул следующую шашку на соседний квадратик, у самого края доски.

Больше никто не сказал ни слова, но Среда к отложенному «Ридерз дайджест» так и не притронулся. Он сидел и смотрел на игру, обоими глазами, настоящим и искусственным, и лицо его было абсолютно бесстрастным.

Чернобог взял у Тени еще одну шашку. Тень взял две шашки Чернобога. Из коридора донесся запах готовящейся пищи: непривычный. Не все составляющие этого запаха были Тени по вкусу, но ею вдруг охватило отчаянное чувство голода.

Они передвигали шашки, по очереди, черные

и белые. Суматоха размена, потом — расцветает вдруг дамка, в два раза выше обычной шашки: более не скованные необходимостью двигаться только вперед и вбок, по одной клетке за раз, дамки имеют право скользить по доске в любую сторону, и оттого становятся вдвойне опасней. Они дошли до последнего предела, и поэтому обретают право идти туда, куда им заблагорассудится. У Чернобога было три дамки, у Тени — две.

Чернобог прошелся по доске одной из своих дамок, сметя все оставшиеся в живых шашки Тени, покуда две другие его дамки заперли обе дамки противника.

Потом Чернобог провел четвертую дамку, вернулся на свою сторону доски, туда, где томились две запертые дамки Тени, и, без тени улыбки, взял обе. Партия.

— Ну вот, — сказал Чернобог. — Теперь осталось только вышибить тебе мозги. И на колени ты встанешь сам, добровольно. Мне это нравится.

Он вытянул старческую сморщенную руку и похлопал Тень по плечу.

— Но обед-то еще не готов, время у нас есть, — поднял глаза Тень. — Хотите еще одну партию? На тех же условиях?

Чернобог прикурил очередную сигарету, вынув спичку из кухонного коробка.

— Что значит, на тех же условиях? Ты что, хочешь, чтобы я убил тебя дважды?

— На настоящий момент у вас право на один удар, не больше и не меньше. Вы же сами говорили, что не все в этом деле зависит от силы, нужен навык. Ну и вот, если вы и на этот раз выиграете, у вас будет право на два удара.

Чернобог насупился.

— Один удар, и все, одною удара вполне достаточно. Это целое искусство, — левой рукой он похлопал себя по бицепсу правой, попутно сбросив в ладонь пепел с кончика сигареты.

— Это было много лет назад. Если навык ушел, вы меня всего лишь покалечите, не более. Сколько времени прошло с тех пор, как вы в последний раз взмахнули молотом на чикагской скотобойне? Тридцать лет? Сорок?

Чернобог промолчал. Плотно сомкнутые губы — как серый шрам через нижнюю часть лица. Он побарабанил пальцами по столешнице, явно пытаясь поймать какой-то свой ритм. Потом начал заново расставлять на доске шашки.

— Играем, — сказал он. — Ты опять за светлые. А я — темный.

Тень двинул вперед первую шашку. Чернобог двинул свою. И Тень вдруг понял, что Чернобог сейчас будет пытаться разыграть ту же самую партию, которую только что довел до победы, и что именно на этом его и можно поймать.

На сей раз Тень играл совершенно отчаянно. Он легко велся на самые простенькие комбинации, делал ходы не задумываясь, не давая себе ни секунды на размышление. И на сей раз на лице у него сияла улыбка, и с каждым ходом, который делал Чернобог, улыбка эта сияла все ярче и ярче.

Вскоре Чернобог уже не просто передвигал по полям шашки, он лупил ими о деревянную доску со всей дури, так, что остальные шашки подпрыгивали на своих черных квадратиках, а столик ходил ходуном.

— А вот тебе! — рявкнул Чернобог, сметя с доски очередную шашку Тени и с грохотом поставив на нужное поле свою собственную, черную. — Вот тебе. Что ты на это скажешь?

Тень ничего на это не сказал: он просто улыбнулся, перепрыгнул через шашку, которую только что поставил Чернобог, а потом еще через одну, и еще, и через четвертую тоже, расчистив от черных шашек весь центр доски. Потом взял

из стопки битых шашек одну белую и положил на свою сверху, обозначив только что проведенную дамку.

После этого осталось только провести зачистку: игра была сделана буквально через несколько ходов.

— Ну что, третью, для ровного счета? — спросил Тень.

Но Чернобог просто сидел и смотрел на него, и глаза у него были как два стальных наконечника. А потом вдруг расхохотался и ударил обеими руками Тень по плечам:

— А ты мне нравишься! — заорал он. — Тебе палец в рот не клади!

Но тут Зоря Утренняя просунула в дверь голову и сказала, что ужин готов и чтобы они убирали со стола свои шашки и стелили скатерть.

— Столовой у нас в доме нет, — сказала она. — Так что извините. Мы едим прямо здесь.

На стол поставили подтарельники. Потом каждый получил по маленькому расписному подносу, на котором лежал потускневший столовый прибор. Подносы надлежало класть на колени.

Зоря Вечерняя принесла пять деревянных плошек и положила в каждую по неочищенной разварной картофелине, которую затем залила

доброй порцией отчаянно красного борща. Сверху она шлепнула по ложке сметаны — и раздала плошки по рукам.

— Я думал, нас будет шестеро, — сказал Тень.

— Зоря Полуночная еще спит, — сказала Зоря Вечерняя. — Еду мы ей оставляем в холодильнике. Как проснется, так и поест.

Картошка оказалась рассыпчатой, борщ — кислым, и на вкус больше напоминал маринованную свеклу.

На второе подали жесткое, как подметка, тушеное мясо с каким-то овощным гарниром — овощи, похоже, варили так долго и усердно, что различить в этом месиве исходные растительные компоненты было решительно невозможно.

Засим последовали капустные листья, фаршированные смесью риса с рубленым мясом, и капустные листья эти были настолько толстыми и жилистыми, что разрезать их, не разбросав при этом по ковру рис и мясо, тоже было нелегко. Тень сидел и гонял сей кулинарный изыск по тарелке.

— Мы тут в шашки сыграли, — сказал Чернобог, отсадив от куска тушеного мяса очередную порцию. — С этим вот молодым человеком. Он выиграл партию, я выиграл партию. Поскольку он выиграл, я согласился отправиться с ним и

Средой и поддержать их в этом безумном начинании. А поскольку выиграл я, то, когда все это кончится, мне придется молодого человека убить ударом молота.

Обе Зори со скорбным видом закивали.

— Экая жалость! — сказала Тени Зоря Вечерняя. — Если бы я взялась вам погадать, наверняка напророчила бы долгую и счастливую жизнь и кучу детишек.

— Вот поэтому из тебя и получилась хорошая гадалка, — подхватила Зоря Утренняя. Вид у нее был сонный донельзя, будто она и так уже засиделась много дольше привычного для нее времени. — Врешь ты лучше нас всех вместе взятых.

Ужин кончился, а чувство голода у Тени так и не прошло. В тюрьме еда была — дрянь, но и в тюрьме кормили лучше, чем здесь.

— Славная трапеза, — сказал Среда, который только что с видимым удовольствием очистил свою тарелку. — Дамы, огромное вам спасибо. А теперь, боюсь, мне придется взять на себя смелость и попросить вас порекомендовать нам какую-нибудь приличную гостиницу неподалеку.

При этих его словах вид у Зори Вечерней сде-

лался обиженным донельзя.

— А с чего это вам вздумалось идти в гостиницу? — вскинулась она. — Или мы вам не друзья?

— Я никоим образом не собирался обеспокоить вас… — начал Среда.

— Да какое уж тут беспокойство, — перебила его Зоря Утренняя, перебирая рукой свои волосы — невероятно, неуместно золотые, — и зевнула. — *Ты* можешь лечь в комнате Белобога, — ткнула она пальцем в Среду. — Она все равно стоит пустая. Что же до вас, молодой человек, постелем вам на диване. Честное слово, спать будете, как убитый.

— Как мило с вашей стороны, — сказал Среда. — А что, мы, пожалуй, примем ваше приглашение.

— И заплатишь ты мне за это ровно столько, сколько собирался оставить в гостинице, — торжествующе подытожила, кивнув, Зоря Вечерняя. — Сто долларов.

— Тридцать, — сказал Среда.

— Пятьдесят.

— Тридцать пять.

— Сорок пять.

— Сорок.

— По рукам. Сорок пять долларов. — Зоря Вечерняя потянулась через стол и пожала Среде

руку. И тут же начала убирать со стола.

Зоря Утренняя зевнула так отчаянно, что Тени на секунду показалось, что она вот-вот свернет себе челюсть, сказала, что отправляется спать прямо сейчас, а то еще чего доброго уснет за столом с пирогом вместо подушки, — и пожелала всем спокойной ночи.

Тень помог Зоре Вечерней отнести тарелки и плошки на крохотную кухоньку. К его удивлению, под раковиной оказалась допотопная посудомоечная машина, в которую он всю свою ношу и загрузил. Зоря Вечерняя заглянула ему через плечо, поцокала языком и изъяла из машины все деревянные плошки.

— Эти в раковину, — сказала она.

— Извините.

— Да пустяки. Пойдем-ка лучше обратно, у нас еще пирог, — ответила она.

Пирог — яблочный — оказался покупным и разогретым в микроволновке: и очень, очень вкусным. Они, все четверо, съели его с мороженым, после чего Зоря Вечерняя выгнала всех из гостиной и постелила Тени на диване — выглядело все очень уютно.

Когда они вышли в коридор, Среда повернулся к Тени.

— Что такое ты сделал там, в комнате — в смысле, с шашками? — спросил он.

— А что такого?

— Сильный ход. Ты, конечно, большую глупость свалял, просто огромную. Но ход хороший. Спи спокойно.

Тень почистил зубы, умылся холодной водой в маленькой ванной, вернулся в гостиную, выключил свет и заснул еще до того, как его голова коснулась подушки.

Тени снились взрывы: он вел грузовик по минному полю, и по обе стороны от машины рвались заряды. Лобовое стекло разлетелось вдребезги, и он чувствовал, как по лицу течет кровь.

Потом кто-то начал в него стрелять.

Одна пуля пробила ему легкое, другая раздробила позвоночник, третья ударила в плечо. Каждый удар он чувствовал по отдельности, а потом упал на рулевое колесо.

Последний взрыв раздался уже в полной тьме.

Наверное, все это мне снится, думал Тень, оставшись один в темноте. *Кажется, я уже умер, только что.* Он вспомнил, как в детстве ему говорили, что если умрешь во сне, то и на самом деле тоже умрешь, и как он в это верил. Но мертвым он себя не чувствовал. Он приоткрыл глаза: на

пробу.

В маленькой гостиной, у окна, спиной к нему стояла женщина. Сердце у него оборвалось, застыло на секунду, потом пошло снова.

— Лора? — спросил он.

Она обернулась, обрамленная лунным светом.

— Извини, — сказала она. — Я не хотела тебя будить.

У нее был мягкий восточноевропейский акцент.

— Я сейчас уйду.

— Да нет, ничего страшного, — сказал Тень. — Ничуть вы меня не разбудили. Просто сон приснился.

— Да-да, — подхватила она. — Ты вскрикивал — и стонал. Мне даже захотелось и в самом деле тебя разбудить, но потом я подумала — нет, не надо, пусть будет все как есть.

В тусклом лунном свете волосы у нее казались совершенно бесцветными. На ней была белая ночная сорочка с высоким, под самое горло, кружевным вырезом: длинная настолько, что подол лежал на полу. Тень сел, окончательно проснувшись:

— Вы — Зоря Полу… — он замялся. — Ну, та из сестер, которая все время спит.

— Да, я Зоря Полуночная. А тебя зовут Тень, правильно? Так мне тебя назвала Зоря Вечерняя, когда я проснулась.

— Правильно. А на что такое вы там смотрели, в окне?

Она подняла на него глаза, а потом поманила рукой — к себе, к окну. Пока он надевал джинсы, она стояла к нему спиной. Он подошел. Комната была маленькая, но шел он к ней, казалось, целую вечность.

Сколько ей лет, сказать было совершенно невозможно. Кожа ровная, без морщин, темные глаза, длинные ресницы, волосы — седые и длинные, до самого пояса. Лунный свет превратил дневные цвета в призраки, пародии на самих себя. Она была самой высокой из трех сестер.

Она подняла руку вверх, к ночному небу.

— Вот на это я и смотрела, — сказала она, указывая на большой ковш. — Видишь?

— Ursa Major, — сказал он. — Большая Медведица.

— Да, можно и с этой точки зрения на нее взглянуть, но в тех местах, откуда я приехала, привыкли к другой точке зрения. Я хотела пойти, посидеть на крыше. Составишь мне компанию?

Она подняла раму и, как была, босая, выбралась

на пожарную лестницу. В окно ворвался ледяной ветер. В глубине души у Тени шевелилось какое-то смутное беспокойство, но в чем, собственно, дело, он понять не мог; поколебавшись секунду, он надел свитер, носки и туфли и последовал за ней на ржавую пожарную лестницу. Она ждала, выдыхая в холодный ночной воздух облачка пара. Он пошел за ней вверх, на крышу, глядя, как ступают со ступеньки на заледеневшую ступеньку ее босые ноги.

Ветер налетал кинжальной остроты порывами, ее сорочка липла к телу, и Тени вдруг стало неудобно оттого, что он смотрит на нее, а под рубашкой на ней совсем ничего нет.

— Вам не холодно? — спросил он, когда они добрались до верхней площадки, но ветер тут же унес его слова прочь.

— Что-что?

Она наклонилась к нему совсем близко. Запах ее дыхания был уютным и теплым.

— Я говорю: вам не холодно?

Вместо ответа она подняла палец: *погоди* — и перескочила, легко и быстро, через парапет, на плоскую крышу дома. У Тени это получилось несколько менее ловко, — а она уже шла по крыше туда, где лежало пятно тени от водонапорного

бака. Там стояла скамейка, и она села, а он сел рядом. Бак экранировал ветер, и Тень был ему за это весьма признателен.

— Нет, — сказала она, — холодно мне не бывает. Это время — мое: ночь для меня — что глубокая темная вода для рыбы.

— Должно быть, ночь — ваше любимое время суток, — сказал Тень, понимая, что сморозил глупость, но ничего более умного в голову ему не пришло.

— У каждой из моих сестер свое время. Зоря Утренняя — хозяйка зари. Там, на родине, она отворяла ворота, чтобы отец мог выехать из них на своей… — ой, слово забыла, ну, вроде машины, только запряжена лошадьми.

— Колесница?

— Да, на колеснице. Отец выезжал из ворот на своей колеснице. А Зоря Вечерняя отворяла ему ворота в сумерках, когда он к нам возвращался.

— А вы?

Она помолчала. Губы у нее были полные, но очень бледные.

— А я отца никогда не видела. Я спала.

— Это что, болезнь такая?

Она не ответила. И ее как будто передернуло легкой дрожью — если то была дрожь, если он

вообще мог что-то разглядеть в темноте.

— Так ты хотел знать, на что я смотрела?

— На Большой Ковш.

Она подняла руку, чтобы указать на созвездие, и ветер снова облепил ее тело тонким полотном сорочки. На секунду сквозь белый хлопок проступили соски, настолько четко, что каждый маленький пупырышек на ареоле стал виден ясно, как днем. Тень пробила дрожь.

— Ее называют Повозкой Одина. И Большой Медведицей. Там, откуда мы приехали, верят в то, что есть нечто такое, не бог, но нечто наподобие бога, очень плохое, и он прикован к небу цепями, между этих звезд. И если он сорвется с цепей, то сожрет весь свет. И поэтому три сестры должны постоянно смотреть на небо, весь день и всю ночь. Если он сорвется с цепей, этот небесный зверь, то миру конец. *Пф!* — и нет его.

— И что, люди действительно в это верят?

— Раньше верили. Давным-давно.

— И вы пытались рассмотреть между звездами это чудище?

— Ну, что-то вроде того. Да, пыталась.

Он улыбнулся. Если бы не этот холод, подумал он, было бы полное впечатление, что я сплю и вижу сны. Потому что в действительности такого

просто не бывает.

— А можно задать вам вопрос сколько вам лет? Судя по всему, обе сестры гораздо старше вас.

Она кивнула.

— Я самая младшая. Зоря Утренняя родилась на восходе солнца, Зоря Вечерняя на закате, а я — в полночь. Я полуночная сестра: Зоря Полуночная. Ты женат?

— Моя жена умерла. Погибла на прошлой неделе в автомобильной катастрофе. Вчера были похороны.

— Мне очень жаль.

— А вчера ночью она приходила повидаться со мной. — Выговорить эти слова оказалось легче легкого: в этой темноте, в этом лунном свете они уже не казались настолько невероятными, как днем.

— Ты спросил ее, что ей нужно?

— Нет. В общем, нет.

— А стоило, пожалуй. Самый правильный вопрос, который нужно задавать мертвым. Иногда они отвечают. Зоря Вечерняя сказала, что ты играл с Чернобогом в шашки?

— Ага. И он выиграл право расколоть мне череп молотом.

— В былые времена людей для этого уводили

высоко в горы. На самые кручи. И разбивали голову камнем. В честь Чернобога.

Тень огляделся. Нет, на крыше, кроме них, никого не было.

Зоря Полуночная рассмеялась.

— Глупый, да нет его здесь! К тому же, ты ведь тоже выиграл свою партию. И он не сможет нанести свой удар, пока это все не кончится. Он сам так сказал. Ты поймешь, когда настанет этот миг. Как те коровы, которых он убивал. Они всегда все понимали заранее. А иначе — какой бы во всем этом был смысл?

— У меня такое чувство, — сказал ей Тень, — словно я попал в какой-то другой мир, в котором действует совершенно иная логика. Свои правила. Как будто спишь и понимаешь, что есть тут такие правила, которые ни в коем случае нельзя нарушать. Даже если ты понятия не имеешь, что это за правила. И я просто пытаюсь под них подстроиться, понимаете?

— Понимаю, — сказала она и взяла его за руку: ладонь у нее была холодная как лед. — Один раз тебе уже дали защиту. Дали тебе само солнце. Но ты его уже потерял. Отдал его. А я могу тебе предложить защиту куда более слабую. Вместо отца — дочь. Но всякая помощь — в помощь. Ведь

правда?

Холодный ветер перебирал ее белые волосы, то и дело забрасывая прядки на лицо.

— Мне теперь с вами что, драться предстоит? Или в шашки играть?

— Тебе даже целовать меня и то не придется, — ответила она. — Просто возьми у меня луну, и все.

— Как?

— Возьми луну.

— Я не понимаю.

— Смотри, — сказала Зоря Полуночная. Она подняла левую руку и расставила большой и указательный пальцы так, что луна оказалась словно бы зажатой между ними. И — как будто сорвала ее с ветки, быстрым ловким движением. На долю секунды ему и впрямь показалось, что она сняла луну с неба, но — нет, луна сияла на прежнем месте, а когда Зоря Полуночная раскрыла ладонь, между большим и указательным пальцами у нее оказался серебряный доллар с профилем Свободы.

— Красивый номер, — сказал Тень. — Даже и заметить не успел, когда и как вы его переправили в ладонь. И на последнем этапе тоже — не уследил.

— Я никуда ее не переправляла, — сказала она. — Я просто взяла ее, и все. А теперь отдам тебе, для сохранности. Держи. И никому не отдавай.

Она вложила ему доллар в правую руку и свела пальцы. Монета была совершенно ледяная на ощупь. Зоря Полуночная подалась вперед, опустила ему пальцами веки и поцеловала, легонько, по разу в каждый глаз.

Тень проснулся на диване, одетым. В узком косом луче солнечного света, который пробивался через окно, танцевали пылинки.

Он встал и подошел к окну. При дневном освещении комната показалась ему куда более тесной.

Еще с прошлой ночи в нем жила какая-то мысль и не давала ему покоя, и вот теперь, после того как он высунулся в окно и огляделся по сторонам, мысль эта предстала перед ним со всей ясностью. За окном не было никакой пожарной лестницы; не было ни балкона, ни ржавых металлических ступеней.

И тем не менее в руке у него был зажат — плотно зажат — серебряный доллар 1922 года, с профилем Свободы, гладкий и блестящий, словно его только что отчеканили.

— А, встал уже! — Дверь приоткрылась и в образовавшейся щели показалась голова Среды. — Вот и славно. Кофе будешь? Сейчас пойдем грабить банк.

Прибытие в Америку

1721 год

Самое важное, что необходимо понять в американской истории, — *записал мистер Ибис в свой толстый, в кожаном переплете дневник,* — есть совершенно фиктивный, выдуманный ее характер: перед нами не более чем набросок, сделанный карандашом для детей или для прочей не слишком разборчивой публики. По большей части она остается неосмысленной, неотрефлексированной, неизученной — это скорее некритическая репрезентация факта, нежели сам факт. Иначе говоря, изящная словесность, — *продолжил он, помедлив немного, дабы обмакнуть перо в чернильницу и собраться с мыслями,* — примером которой может служить история о том, что первопроходцами в Америке были пилигримы, которые приехали сюда в поисках мест, где они могли бы свободно исповедовать свою веру; о том, как они приехали сюда, взрастили хлеб свой

и детей своих, и заполнили пустую землю.

По правде говоря, американские колонии были местом, где могли бесследно раствориться разного рода отбросы общества — и заставить забыть о себе. В те дни, когда в Лондоне за кражу двенадцати пенни можно было отправиться на виселицу, на Тайбернское дерево о трех вершинах,[15] Америка стала символом милосердия, возможности получить еще один шанс. Впрочем, условия перевозки заключенных были таковы, что некоторые предпочитали честно прыгнуть с безлистого ствола и станцевать на воздушном паркете, пока не кончится сей быстрый танец. Приговор так и звучал: ссылка. Ссылка на пять, на десять лет, пожизненная.

Вас продавали капитану корабля, и в трюмах судна, набитого битком, точь-в-точь как невольничье, вы совершали путешествие либо в Северо-Американские колонии, либо в Вест-

---

[15] notes: 15

Тайберн — деревушка в графстве Мидлсекс, неподалеку от Лондона (ныне Лондон, район Мраморной Арки), возле которой в 1571 году была сооружена знаменитая «тройная» виселица (хотя преступников казнили на этом месте еще начиная с XII века). Виселица представляла собой треугольник из положенных горизонтально, на трех опорах, деревянных перекладин, благодаря чему и получила в народе прозвище «трехногого коня» (то есть «одинические» коннотации в контексте «Американских богов» вполне возможны) или «трехногого табурета». Бытовали также такие эвфемизмы, как «дерево о трех вершинах», «прогуляться в Тайберн», «сплясать тайбернскую джигу» и т. д.

Индию; там капитан продавал вас в качестве сервента[16] человеку, который выбивал из вашей шкуры каждое вложенное пенни, пока не истекал срок контракта. Но зато вам по крайней мере не приходилось ждать смертной казни в английской тюрьме (ибо тюрьма в те времена представляла собой место, где человек дожидался освобождения, ссылки или повешения: к отсидке никого не приговаривали), а потом пред вами открывался новый мир, полный неисследованных возможностей. Имелась в вашем распоряжении еще и возможность подкупить капитана, с тем чтобы он отвез вас обратно в Англию до истечения срока контракта. Попадались люди, которые именно так и поступали. И если власти ловили вас на обратном пути — или если находился старый враг или старый друг, который числил за вами должок, а потом вы попадались ему на глаза, и он сообщал об этом куда следует, — вас просто вешали, не моргнув глазом.

Все это напомнило мне, — *продолжил он,*

[16] notes: 16

Сервент, законтрактованный работник (indentured servant) — человек, обязанный в течение оговоренного срока выполнять ту или иную работу до полной выплаты долга, получая при этом от хозяина только стол, кров и одежду. Транспортировка через Атлантику «тянула» по меркам XVII–XVIII веков лет на пять работы «по контракту» — для вольнонаемных лиц. Осужденные на «отправку» преступники работали дольше.

помедлив немного для того, чтобы заново наполнить вделанную в стол чернильницу, достав для этой цели из шкафчика бутылку с умбровыми чернилами, а потом, обмакнув еще раз в чернильницу перо, — о жизненном пути Эсси Трегован, которая появилась на свет в продуваемой всеми ветрами корнуолльской горной деревушке, на юго-западе Англии, где семейство ее обитало с незапамятных времен. Отец у нее был рыбак, а кроме того — поговаривали — был у него и еще один промысел: развешивать в самые бурные ночи на самых опасных скалах фонари и заманивать тем самым корабли на рифы, в надежде поживиться выброшенным на берег грузом. Мать Эсси работала в услужении у местного сквайра кухаркой, и Эсси с двенадцати лет тоже поступила туда на работу, судомойкой. Она была маленькая и тощая, с огромными карими глазищами и темно-каштановыми волосами; работница из нее была так себе, зато она вечно была тут как тут, стоило только появиться в доме человеку, способному рассказать добрую историю или

сказку: про пикси[17] и спригганов,[18] про черных болотных собак и девушек-тюленей из Пролива. Сам сквайр над подобными суевериями только смеялся, но прислуга каждую ночь выставляла за порог фарфоровое блюдечко с самым что ни на есть цельным молоком — для пикси.

Прошло несколько лет, и Эсси перестала быть маленькой и тощей; везде, где нужно, тело ее налилось и округлилось, как волны на зеленом море, карие глаза так и брызгали искрами смеха, а волосы вились и разлетались прядями по сторонам. Особенный огонь загорался в ее глазах, когда где-то поблизости появлялся Бартломью, восемнадцатилетний сын сквайра, который как раз об эту пору вернулся домой из Рагби;[19] вот она и отправилась однажды ночью к стоячему

---

[17] notes: 17

Пикси (они же писки или пигзи) — персонажи корнуолльской и девонширской низовой мифологии, местный вариант «маленького народца». Отличаются заостренными на концах ушами, носят зеленую одежду и остроконечные шляпы. Как правило, обитают на заболоченных пустошах. Любят лошадей: катаются на них, заплетают им гривы. Знатоки кладов, в особенности тех, что спрятаны в приморских пещерах или под водой, в ручьях. Очень музыкальны, любят танцевать.

[18] notes: 18

Спригганы — еще одна разновидность корнуолльского «маленького народца», хотя именно спригганы обладают способностью превращаться в великанов и иногда считаются духами древних гигантов. Как правило, обитают в развалинах и на курганах, где охраняют зарытые клады. Обладают крайне уродливой внешностью. В отличие от пикси не расположены к людям: насылают бури и град, крадут детей и

оставляют вместо них подменышей.

[19] notes: 19

Регби — одна из старейших (основана в 1567 г. Лоуренсом Шериффом, поставщиком овощей ко двору Елизаветы I) британских частных школ, расположена в одноименном городе в графстве Уорвикшир. Выпускниками этой школы в разные годы были Невилл Чемберлен, Томас и Мэтью Арнольды, Руперт Брук и Салман Рушди.

камню на краю леса, и оставила на этом камне кусок хлеба, который Бартломью надкусил, но не доел, — а перед тем отрезала прядь собственных волос и обмотала этот хлеб волосами. И надо же такому случиться, что на следующий же день, когда она выгребала золу из камина в спальне у Бартломью, он сам подошел и заговорил с ней, и смотрел на нее более чем выразительно, и глаза у него были — опасные глаза, синие-синие, как небо перед бурей.

Очень опасные у него были глаза, говорила потом Эсси.

Недолгое время спустя Бартломью уехал в Оксфорд, а Эсси выгнали из дому вон, как только ее положение сделалось очевидным. Впрочем, ребенок родился мертвым, и в качестве знака особого благорасположения к матери Эсси, — а та была очень хорошей кухаркой — жена сквайра уговорила-таки мужа вернуть бывшую горничную на ее самое первое место, в судомойки.

Однако любовь Эсси к Бартломью обернулась ненавистью ко всему его семейству; не прошло и года, как она обзавелась новым ухажером, человеком с весьма сомнительной репутацией. Жил он в соседней деревне и звали его Джозайя Хорнер. И вот однажды ночью, когда вся семья

отошла ко сну, Эсси встала и отворила заднюю дверь, чтобы впустить в дом своего любовника. И пока все спали, он обчистил дом.

Сразу возникло подозрение, что к ограблению причастен кто-то из домашних, потому что этот кто-то должен был открыть дверь изнутри (а жена сквайра точно помнила, как сама затворяла засов), а также иметь представление о том, где сквайр держал столовое серебро и где находится ящик, в котором лежали золотые монеты и векселя. И все же Эсси настолько отчаянно все отрицала, что ее совершенно ни в чем не подозревали до тех самых пор, пока мистера Джозайя Хорнера не задержали в эксетерской лавчонке при попытке обналичить один из принадлежавших сквайру векселей.

Дело Хорнера слушалось на местном выездном заседании суда присяжных, который и постановил, выражаясь довольно жестким, но точным языком того времени, *списать его со счетов*, а вот над Эсси судья сжалился — в силу ее нежного возраста, а также густых каштановых волос — и приговорил ее к семи годам ссылки. Отправить в Америку ее должны были на судне под названием «Нептун», командовал которым некий капитан Кларк. Итак, Эсси держала путь в Каролину; од-

нако по дороге туда она — по предварительному умыслу — вступила в сговор с вышеупомянутым капитаном, коего и убедила отвезти ее обратно в Англию в качестве собственной капитана Кларка законной супруги, а также доставить ее в дом капитановой матери, в городе Лондоне, где ее решительно никто не знал. Обратное путешествие, после того как живой груз был обменян на табак и хлопок, прошел под знаком полного и счастливого согласия любящих сердец; капитан и его новообретенная невеста, подобно двум голубкам или паре порхающих бабочек, были не в силах друг от друга оторваться и едва ли не ежеминутно обменивались нежными прикосновениями, маленькими подарками и ласковыми словами.

По прибытии в Лондон капитан Кларк поселил Эсси в доме своей матери, которая обращалась с ней так, как подобает обращаться с молодой женой сына. Восемь недель спустя «Нептун» отправился в очередное плавание, и прекрасная новобрачная с каштановыми волосами на прощанье помахала с пирса мужу. После чего юная особа вернулась в дом свекрови и там, воспользовавшись отсутствием пожилой женщины, присвоила отрез шелка и серебряную кружку, где почтенная дама хранила пуговицы; при-

карманив вышеперечисленные предметы, Эсси растворилась в лондонских трущобах.

За последующие два года Эсси сделалась профессиональной воровкой, специалисткой по магазинным кражам, чьи широкие юбки скрывали великое множество различных прегрешений, состоявших по большей части из краденых отрезов шелка и кружев, — и жила она полноценной насыщенной жизнью. Из всех превратностей судьбы Эсси умудрялась выходить как ни в чем не бывало и благодарила за это тех самых существ, о которых ей рассказывали еще в детстве, а именно пикси (чье влияние распространялось и на город Лондон, в этом она была свято уверена), и каждый вечер выставляла за окошко деревянную миску с молоком, пусть даже все ее товарки и покатывались над ней со смеху; хорошо смеется тот, кто смеется последним: товарки рано или поздно подхватывали сифон или триппер, а Эсси по-прежнему отличалась самым что ни на есть цветущим здоровьем.

Она уже год как стеснялась своего двадцатого дня рождения, когда судьба нанесла ей коварный удар: она сидела в трактире «Перекрещенные вилки» в Белл-ярде, позади Флит-стрит, и вдруг туда вошел молодой человек, прямиком из уни-

верситета, и уселся поближе к огоньку. Ого! Этакого каплуна грех не ощипать, думает про себя Эсси, садится с ним рядом и начинает рассказывать ему о том, какой он замечательный, — а одной рукой уже гладит ему колено, в то время как другая ее рука, куда более осторожно, отправляется на поиски карманных часов. И вдруг он смотрит ей прямо в глаза, и сердечко у нее подпрыгивает в груди, а потом падает в бездну, потому что глаза у него той самой пронзительной голубизны, какая бывает в небе перед бурей, и вот уже мастер Бартломью называет ее по имени.

Ее отвезли в Ньюгейт по обвинению в том, что она самовольно вернулась из ссылки. Выслушав обвинительный приговор, Эсси не удивила ровным счетом никого из присутствующих, представив в качестве последнего аргумента в свою защиту вздувшийся живот: впрочем, городские матроны, к помощи которых обычно прибегали в такого рода случаях (как правило, диагноз не подтверждался), все-таки испытали порядочный шок, когда им против воли пришлось-таки признать, что Эсси и впрямь ждет ребенка, назвать отца которого Эсси отказалась наотрез.

Смертный приговор был повторно заменен ссылкой, на сей раз пожизненной.

Теперь она отправилась в путь на «Русалке», трюмы которой набили двумя сотнями ссыльных, и было там людям тесно, как откормленным свиньям в телеге, по дороге на рынок. Дизентерия и лихорадка свирепствовали вовсю; места не хватало даже на то, чтобы сесть, не говоря уже о том, чтобы лечь; в кормовой части трюма умерла родами женщина, а поскольку людей в трюм набили столько, что даже передать ее тело к люку не было никакой возможности, то и ее саму, и ребенка просто выпихнули наружу в крохотный кормовой порт, прямиком в бурное зеленое море. Эсси и сама была на восьмом месяце, и просто удивительно, как она умудрилась сохранить ребенка — тем не менее она его сохранила.

Всю оставшуюся жизнь ее будут преследовать ночные кошмары: ей будет сниться время, которое она провела в трюме «Русалки», она будет просыпаться с криком и чувствовать в глотке затхлую трюмную вонь.

«Русалка» бросила якорь в Норфолке, в Вирджинии, и контракт Эсси был выкуплен «мелким плантатором», специализировавшимся на выращивании табака фермером по имени Джон Ричардсон, у которого жена умерла от родильной горячки через неделю после того, как произвела

на свет ребенка, и которому по этой причине нужна была разом кормилица и прислуга, способная выполнять все работы по дому.

Вот так и вышло, что новорожденный сынишка Эсси, которого она назвала Энтони, в память, по ее словам, о покойном муже, отце несчастного младенца (она отдавала себе отчет в том, что опровергнуть ее утверждение здесь некому, да к тому же, кто знает, вдруг она и в самом деле встречалась некогда с каким-нибудь Энтони), сосал материнскую грудь вместе с Филлидой Ричардсон, и хозяйский ребенок всегда получал грудь первым, так что девочка выросла здоровой, высокой и стройной, а вот собственный сын Эсси, который получал только то, что осталось, выдался хилым и рахитичным.

И вместе с молоком Эсси дети, по мере того как росли, впитывали ее сказки: о стукачи-

ках[20] и синих колпачках,[21] которые живут в шахтах; о Букке,[22] самом пакостном из всех корнуолльских духов, гораздо более опасном, чем рыжеволосые, с курносыми носами пикси, — для которого первую пойманную рыбу всегда оставляют на камнях в зоне прилива, а в поле, в пору созревания пшеницы — свежевыпеченную ковригу хлеба, чтобы обеспечить добрый урожай; рассказывала она им и про яблоневых дедов — про старые яблони, которые время от времени, когда к ним возвращается память, умеют разговаривать, и которые нужно подкармливать первым сидром, полученным с нового урожая, и сидр этот нужно лить им в корни на самом повороте года — если, конечно, хочешь, чтобы и на следующий год урожай был хорошим. Она рассказывала им,

---

[20] notes: 20

Стукачики (knockers) — в корнуолльской мифологии рудничные «оловянные» гномы, которые живут в самых отдаленных (и заброшенных) местах подземных разработок и могут указать путь к богатым залежам руды тем, к кому относятся с симпатией. Как и прочие существа подобной природы, терпеть не могут навязчивого внимания со стороны людей. Не любят также свиста и крестного знамения — тем, кто злоупотребляет тем или другим, могут заморочить голову и завести в опасные места.

[21] notes: 21

Синие колпачки — еще одна разновидность корнуолльских рудничных духов. Иногда готовы договориться с рудокопом, которому нужно отлучиться, и дать за него полную дневную выработку — за полную дневную оплату. Обманывать синих колпачков не рекомендуется.

[22] notes: 22

Букка — корнуолльский аналог распространенных по всем британским островам персонажей с именами Пак, Пука, Поука и т. д. Чаще всего встречается в прибрежных районах (приношения Букке положено оставлять на берегу моря), насылает бури и грозы. Впрочем, встречается также и в шахтерском фольклоре.

мелодично, на традиционный корнуолльский лад растягивая гласные, каких деревьев следует опасаться, и пела специально для этого существующую песенку:

Ярым гневом пышет дуб,
Тяжкой думой вязнет вяз,
Те, кто ходит по ночам —
У ракитника в руках.

Она рассказывала им обо всем этом, и они верили, потому что верила она сама.

Ферма процветала, и каждую ночь Эсси Трегован выставляла на порог у задней двери фарфоровое блюдечко с молоком — для пикси. И однажды ночью, через восемь месяцев, Джон Ричардсон тихонько постучался в дверь к Эсси и попросил одарить его теми радостями, которыми только женщина может одарить мужчину, а Эсси объяснила ему, насколько глубоко задело и шокировало ее подобное предложение, поскольку кто она есть в этом доме — всего лишь сервентка, и положение у нее, несчастной вдовы, ничуть не лучше рабского, и вот мужчина, которого она так уважала, смотрит на нее как на какую-нибудь шлюху; а замуж сервентки выходить не имеют никакого права; да как ему только в голову при-

шло так издеваться над бедной девушкой, этого она понять не в состоянии — и ее прекрасные карие глаза наполнились слезами, и вот уже Джон Ричардсон просит у нее прощения, а закончилась эта сцена тем, что прямо здесь, в коридоре, у двери, в жаркую летнюю ночь, он встал перед Эсси Трегован на одно колено и предложил считать, что с этой минуты срок ее контракта истек, и тут же попросил ее выйти за него замуж. И после этого, хотя выйти за него замуж она согласилась, Эсси до самой свадьбы не провела с ним ни одной ночи, — а после свадьбы перебралась из своей каморки на чердаке в хозяйскую спальню в передней части дома; и хотя некоторые друзья и знакомые фермера Ричардсона, а также их жены, перестали с ним здороваться, когда он в следующий раз приехал в город, гораздо большее число его друзей и знакомых придерживалось мнения, что новая миссис Ричардсон — чертовски привлекательная женщина, и что Джонни Ричардсону очень повезло, раз он отхватил этакий лакомый кусочек.

Через год она родила еще одного ребенка, тоже мальчика, но только светловолосого, точь-в-точь как его отец и единокровная сестра — и мальчика назвали Джоном, в честь отца.

Все трое детей ходили по воскресеньям в местную церковь, послушать заезжего проповедника, а еще в местную школу, чтобы научиться читать и считать, вместе с другими детьми с других окрестных ферм; а кроме того, Эсси не забывала им рассказывать о самых важных тайнах на свете, то есть о тайнах, связанных с пикси, рыжеволосыми людьми, глаза и одежда у которых зеленые, как вода в реке, а носы курносые, а сами они смешные, и глаза у них раскосые, но если им вдруг придет такая охота, они так тебя закружат-заплутают, что забудешь, где твой дом и как тебя зовут, если, конечно, у тебя в кармане не окажется на такой случай щепотка соли или кусочек хлеба. Когда дети ходили в школу, у каждого из них в одном кармане была щепотка соли, а в другом кусочек хлеба, древние символы жизни и земли — просто на всякий случай, для уверенности, что они вернутся домой целыми и невредимыми: и они всегда возвращались, целыми и невредимыми.

Дети росли меж зеленых вирджинских холмов и выросли высокими и сильными (хотя Энтони, первый ее сын, всегда был слабее и бледнее двоих других, и в большей мере подвержен болезням и скверному расположению духа), семейство

Ричардсонов жило счастливо; и Эсси любила своего мужа так, как только могла. Они жили как муж и жена десять лет кряду, а потом как-то раз у Джона Ричардсона развилась зубная боль, да такая сильная, что он упал с лошади. Его отвезли в ближайший город и вырвали зуб; но было уже слишком поздно, и его, стонущего и почерневшего лицом, свело в могилу заражение крови — и схоронили Джона Ричардсона под его любимой ивой.

И пришлось вдове Ричардсон управляться с фермой, пока двое детей и наследников мужа не встанут на ноги: она командовала рабами и сервентами, и раз в два года собирала урожай табака; вечером под Новый год она поливала сидром корни яблонь, а в пору созревания хлебов относила в поле каравай свежевыпеченного хлеба и никогда не забывала выставить на заднее крыльцо блюдечко с молоком. Ферма процветала, и за вдовой Ричардсон закрепилась репутация крепкого орешка, который торгуется за каждый пенни, но товар поставляет всегда самый отменный и даже не пытается ради пущей выгоды сбывать с рук третий сорт.

И еще десять лет все шло прекрасно; а потом настал плохой год, когда Энтони, ее сын, зарезал

Джонни, своего единоутробного брата, в отчаянной ссоре из-за того, что дальше будет с фермой, и за кого нужно выдать замуж Филлиду; и были такие люди, которые говорили, что брата он убивать не собирался, что удар был дуровой и только по случайности оказался слишком глубоким, — а были и такие, что придерживались противоположной точки зрения. Энтони ударился в бега, предоставив матери самой хоронить сына рядышком с мужем. И были такие люди, которые говорили, что он удрал в Бостон, а были и такие, которым казалось, что он подался к югу, сама же Эсси придерживалась мнения, что он сел на корабль и уплыл в Англию, где нанялся в армию короля Георга и воюет теперь с мятежными шотландцами. Как бы то ни было, с исчезновением обоих сыновей ферма превратилась в пустыню, и в пустыню унылую, и Филлида бледнела и чахла с каждым днем, так, словно сердце ее было разбито, и как ни старалась мачеха, что ни говорила девушке, ничто не могло вернуть на ее уста улыбку.

Но из разбитого сердца каши не сваришь, ферме нужен хозяин, и со временем Филлида вышла замуж за Гарри Сомза, который по профессии был корабельный плотник, но устал скитаться по

морям и уже давно мечтал о деревенской жизни, и чтоб была своя ферма, точь-в-точь такая, как та, в Линкольншире, на которой он когда-то вырос. И невзирая на то, что ферма Ричардсонов мало напоминала линкольнширскую ферму, Гарри Сомз находил в ней вполне достаточное для счастья число совпадений. У Филлиды и Гарри родилось пятеро детей; выжили трое.

Вдова Ричардсон тосковала по своим сыновьям и по мужу она тоже тосковала, хотя от него теперь осталось разве что смутное воспоминание — о светловолосом человеке, который хорошо к ней относился. Детишки Филлиды прибегали к Эсси слушать сказки, и она рассказывала им про Черных Псов с Пустоши, про Череп и Кости, про Яблоневого Деда, но все это было им совсем неинтересно; а хотелось им сказок про Джека — про Джека и бобовое зерно, про Джека Победителя Великанов или про Джека, Джекова кота и короля. Она любила этих детишек так, будто они были ее плоть и кровь, хотя ей иногда и случалось называть их именами давно умерших людей.

Стоял месяц май, она вынесла стул в задний сад, чтобы нарвать горошка и почистить его на солнышке, ибо даже в роскошной вирджинской жаре холод теперь проникал ей в самые кости,

совсем как иней — в волосы на голове, и лишней толике тепла она теперь всегда была рада.

Пока вдова Ричардсон перебирала горох, ей пришла мысль о том, как было бы здорово прогуляться еще хоть разок по болотистым пустошам и иссеченным солеными ветрами скалам родного Корнуолла, и еще ей вспомнилось, как она, совсем еще маленькая девочка, сидела на галечнике и ждала, когда вернется из серых морских далей отцовский корабль. Ее руки, утратившие былую ловкость, с распухшими суставами, лущили стручки, ссыпали налитые горошины в глиняную миску, а пустые стручки роняли в фартук, в ямку между коленями. Потом ей вспомнилось то, о чем она уже давным-давно не вспоминала: жизнь, которая канула в лету. Как эти вот самые пальцы, такие ловкие в былые времена, вытягивали из карманов кошельки и переправляли в укромные места отрезы шелка; а потом она вспомнила того стражника в Ньюгейтской тюрьме, который сказал ей, что дело ее будет слушаться еще месяца через три, не раньше, и что виселицы она сможет избежать, если на суде выяснится, что она беременна, и что красавица она — просто пальчики оближешь; и как она повернулась к стене и смело задрала юбки, в единый миг возненавидев и

этого охранника, и себя саму, но прекрасно отдавая себе отчет в том, что он прав; и как чувство набухающей внутри нее жизни означало, что ей еще какое-то время удастся обманывать смерть…

— Эсси Трегован? — произнес незнакомый голос.

Вдова Ричардсон подняла голову, прикрыв глаза рукой от яркого майского солнышка.

— А мы что, с вами знакомы? — спросила она. Она не слышала, как он подошел к ней.

Человек был одет во все зеленое: пыльно-зеленые узкие панталоны, зеленая курточка, темно-зеленый сюртук. Он скалился во весь рот, волосы у него были морковно-рыжего цвета, а глаза — раскосые неимоверно. Было в этом человеке что-то такое, отчего ей было радостно на него смотреть, и к этому добавлялось смутное чувство исходившей от него угрозы.

— Можно сказать и так, — сказал человек, — можно сказать и так.

Он посмотрел на нее раскосыми глазами сверху вниз, и она тоже сощурилась и попыталась отыскать в этой круглой физиономии хоть что-то знакомое. По виду он годился в ровесники любому из ее внуков, но назвал-то он ее старым именем, да и в голосе у него была знакомая ей с

детства картавинка, сродни далеким корнуолльским пустошам и скалам.

— Так вы из Корнуолла? — спросила она.

— Так точно, и зовут меня кузен Джек, — ответил рыжеволосый. — Или, скорее, раньше меня так звали, а теперь я обретаюсь в этом новом мире, где никто не удосужится выставить наружу для честного человека чуть-чуть молока или эля — или коврижку хлеба, когда поспевают хлеба.

Старуха поправила на коленях миску с горохом.

— Если вы тот, про кого я думаю, — сказала она, — то я с вами не в ссоре.

Было слышно, как где-то в глубине дома Филлида честит экономку.

— Да и я с тобой не ссорился, — сказал с оттенком грусти в голосе рыжеволосый, — хотя это именно ты привезла меня сюда, ты и еще горстка тебе подобных, в эту землю, где на волшебство ни у кого нет времени, и где нет места для пикси и прочих в том же роде.

— Вы часто помогали мне, в былые дни, — сказала она.

— И помогали, и мешали, — сказал раскосый незнакомец. — Мы — как ветер. Мы дуем в обе стороны.

Эсси кивнула.

— Возьмешь меня за руку, Эсси Трегован?

И он протянул ей руку. Она была сплошь веснушчатая, и хотя глаза у Эсси были уже не те, она успела разглядеть каждый рыжий волосок на тыльной стороне его ладони, отливавший золотом в послеполуденном солнце. Она закусила губу. А потом — нерешительно — вложила в его руку свою, пронизанную синими старческими жилками.

Она была еще теплая, когда ее нашли, — хотя жизнь уже утекла из ее тела, и гороха она успела вылущить едва ли половину.

Глава пятая

Жизнь — это дама в расцвете лет,
У мистера Смерть — нездоровый вид:
Она ждет вас дома и варит обед,
Он в подворотне с кастетом стоит.
У. Э. Хенли.[23] Жизнь — это дама в расцвете лет

---

[23] notes: 23

Уильям Эрнест Хенли (1849–1903) — британский поэт, критик и издатель, прототип Долговязого Джона Сильвера из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (в возрасте 12 лет у Хенли, больного костным туберкулезом, отняли левую ногу).

Утром в воскресенье проснулась, чтобы попрощаться с ними, одна только Зоря Утренняя. Она взяла у Среды сорок пять долларов и настояла на том, что непременно должна выписать ему расписку в получении денег — размашистым, с завитушками, почерком, на обороте просроченного талона на скидку при покупке безалкогольных напитков. Вид у нее в утреннем свете был совершенно кукольный — тщательный макияж на старушечьем лице, высоко заколотые золотые волосы.

На прощанье Среда поцеловал ей руку.

— Благодарю вас за гостеприимство, сударыня, — сказал он. — Вы и ваши очаровательные сестры по-прежнему лучезарны, как свет небесный.

— Ах ты, старый пакостник! — ответила она и погрозила ему пальцем. А потом обняла. — Береги себя. Мне бы очень не хотелось услышать о тебе дурные вести.

— Мне бы тоже очень этого не хотелось, милая моя.

Тени она пожала руку.

— Вы очень понравились Зоре Полуночной, — сказала она. — И мне тоже.

— Благодарю вас, — поклонился Тень. — Спа-

сибо за ужин.

— Так вам понравилось? — Она вздернула бровь. — Тогда заходите еще.

Среда и Тень пошли вниз по лестнице. Тень сунул руку в карман. Серебряный доллар был тут как тут, холодный и гладкий. С такой большой и тяжелой монетой ему еще ни разу не приходилось работать. Классический зажим в ладони; затем он выбросил руку перед собой, и монета как будто сама прыгнула в переднюю позицию — как тут и была, и держал он ее легко и незаметно, едва-едва прижав по гуртам мизинцем и указательным пальцем.

— Ловко, — кивнул Среда.

— Я только учусь, — сказал Тень. — Техническими навыками более или менее овладел. Труднее всего заставить людей смотреть на твою другую руку.

— Правда, что ли?

— Ага, — кивнул Тень. — Отвлекать внимание.

Он согнул средний и безымянный пальцы, просунув их под монету, и перевел ее на тыльную сторону ладони, чуть-чуть ослабив при этом зажим. Монета выскользнула у него из руки, ударилась о ступеньку и остановилась на полпролета ниже. Среда наклонился и поднял ее.

— Если тебе делают подарок, — сказал Среда, — подарок надо беречь. С такими вещами, как эта, вообще нужно быть очень осторожным. И пореже выпускать из рук. — Он принялся рассматривать доллар, сначала орла на аверсе, потом, на реверсе, — лик Свободы. — Да-да, госпожа Свобода. Красотка, а, как тебе кажется?

Он подбросил монету вверх, закрутив ее щелчком в сторону Тени, который тут же ее поймал и «убрал» — по всей видимости уронив в левую руку, хотя на самом деле она осталась в правой, после чего левая его рука подчеркнуто «сунула» монету в карман. Доллар, между тем, остался сиять в его правой руке. Прохладная тяжесть монеты действовала на него успокаивающе.

— Госпожа Свобода, — вздохнул Среда. — Иностранка, как и большая часть тех богов, которых так почитают американцы. В данном случае француженка. Хотя французы, оберегая чувствительность американских граждан, и прикрыли ее роскошную грудь, когда делали этот подарок. Свобода, — продолжил он, сморщив нос при виде лежавшего на нижней ступеньке использованного презерватива и с видимым отвращением отодвинув его ногой в сторону. — Кто-нибудь ведь может и поскользнуться на этой штуке. И

шею себе сломать, — пробормотал он, отвлекшись на секунду от главной темы. — Все равно, что шкурка от банана, только на вкус похуже, и с иронической начинкой. — Он толчком распахнул входную дверь, и в глаза им ударил солнечный свет. — Свобода! — рокотал Среда, пока они шли к машине. — Это шлюха, которую нужно употреблять на подстилке из трупов.

— Ты действительно так считаешь? — поинтересовался Тень.

— Цитата, — отмахнулся Среда. — Из какого-то француза. Вот кому они поставили памятник в Нью-Йоркской гавани: шлюхе, которая любила трахаться на куче мусора. Держи-держи свой факел, дорогуша, повыше его поднимай, а в подоле-то у тебя снуют крысы, а по ноге твоей ползет вниз струйка холодной малафьи.

Он отпер машину и ткнул Тени пальцем на пассажирское место.

— А я считаю, что она и впрямь красавица, — сказал Тень, зажав монету в кулаке. Серебряный лик Свободы немного напоминал ему лицо Зори Полуночной.

— Вот она, — сказал Среда, выруливая с подъездной дорожки, — извечная дурь человеческая. Гнаться за сладкой плотью, не отдавая себе отче-

та в том, что это не более чем изящная оболочка, упаковка для костей. Корм для червей. И по ночам ты трешься о червячный корм. Никого не хотел обидеть.

Тень еще ни разу не видел Среду таким возбужденным. Значит, подумал он, вот как обстоят дела: фазы экстравертности сменяются у моего нового босса периодами полного спокойствия.

— Так ты, значит, не американец? — спросил Тень.

— А кто американец? — тут же вскинулся Среда. — Американцев по происхождению в природе не существует. Вот об этом-то я тебе и толкую, — он глянул на часы. — До закрытия банков нам с тобой нужно убить еще несколько часов. Кстати, здорово это ты вчера, с Чернобогом. Рано или поздно я бы и сам его уломал, но ты поставил его под знамена так легко и изящно, как у меня самого ни за что бы не вышло.

— Правда, самого меня потом за это убьют.

— Не факт. Как ты сам изволил совершенно справедливо заметить, он стар, удар у него уже не тот, и для тебя это может закончиться всего лишь, скажем, возможностью остаться парализованным до конца твоих дней. Безнадежным калекой. Так что у тебя есть на что надеяться

— если, конечно, мистер Чернобог переживет грядущие лихие времена.

— А в этом есть какие-то серьезные сомнения? — поднял голову Тень. Он откровенно передразнил манеру Среды: и очень себе в этой роли не понравился.

— Серьезнее, твою мать, некуда, — сказал Среда, выруливая на парковку возле банка. — Вот, — обернулся он к Тени, — банк, который я намереваюсь ограбить. До закрытия еще несколько часов. Давай зайдем и поздороваемся.

Он махнул Тени рукой: выходи. Тот нехотя выбрался из машины. Если старик вознамерился совершить какую-нибудь глупость, подумал Тень, какого черта светиться перед камерами. Но любопытство подталкивало его в спину, и он пошел к дверям банка. Смотреть он старался вниз, то и дело тер нос — и вообще делал все, чтобы понадежнее спрятать лицо.

— Извините, мэм, а где у вас депозитные бланки? — обратился Среда к скучающей барышне-оператору.

— Вон там.

— Превосходно. А если я захочу оформить ночной депозит?..

— Заполняйте ту же самую форму, — она улыб-

нулась. — Вы знаете, где автомат для ночных депозитов? Слева от главной двери, дорогуша, прямо в наружной стене.

— Премного благодарен.

Среда зацепил сразу несколько депозитных бланков и улыбнулся девушке на прощанье, после чего они с Тенью вышли на улицу.

Секунду Среда постоял на тротуаре, задумчиво почесывая бороду. Потом подошел к встроенным в стену банкомату и ночному сейф-приемнику и внимательно их осмотрел. После чего перешел через дорогу в супермаркет, где купил себе шоколадное мороженое с карамельной начинкой, на палочке, а Тени — чашку горячего шоколада. Возле входа, прямо под доской, сплошь завешанной объявлениями о сдаче квартир и о щенках-котятах, которым нужен дом и добрый хозяин, висел телефон-автомат. Среда подошел и списал номер автомата. Потом они снова перешли через дорогу.

— Чего нам не хватает, — сказал вдруг Среда, — так это снега. Доброго, основательного, лезущего людям в глаза снегопада. Будь добр, подумай ради меня о снеге, хорошо?

— Что?

— Сконцентрируйся вон на тех облаках — ви-

дишь, вон там, к западу — и представь, что они становятся все темнее и гуще. Думай о низком нависшем небе и пронизывающем ветре, прямиком из самой Арктики. Думай о снеге.

— Сдается мне, толку от этого будет немного.

— Чушь собачья. В любом случае, тебе будет чем заняться, — буркнул Среда, отпирая машину. — А теперь едем в «Кинкоз».[24] Пошевеливайся.

Снег, подумал Тень, сидя на пассажирском сиденье и прихлебывая свой шоколад. *Тяжелые, завораживающие хлопья снега кружатся в воздухе, белая мишура на фоне темно-серого неба, снег, который пахнет зимой и холодом, который иголочками колет язык и осторожными поцелуями покрывает тебе лицо перед тем, как заморозить насмерть. Двенадцать дюймов сахарной ваты, и мир превращается в волшебную сказку, и все вокруг становится прекрасным до неузнаваемости…*

Среда уже давно что-то говорил, обращаясь к нему.

— Прошу прощения? — встрепенулся Тень.

— Я говорю, приехали, — повторил Среда. — По-моему, ты где-то не здесь.

---

[24] notes: 24

Kinko's — копировальный центр с возможностью самообслуживания.

— О снеге задумался, — сказал Тень.

В «Кинкоз» Среда первым делом принялся ксерокопировать банковские депозитные бланки. Потом заказал у оператора два набора по десять визитных карточек. У Тени начала болеть голова, а между лопатками на спине поселилось какое-то неприятное ощущение; должно быть, просто спал в неудобной позе, подумал он, спасибо чумурудному диванчику из чумурудной квартиры.

Среда перебрался за компьютерную стойку, сочинил письмо, а потом подозвал оператора и с его помощью вывел на печать несколько объявлений, в крупном формате.

Снег, думал Тень. *Где-то там, высоко-высоко, вокруг микроскопических частичек пыли формируются идеальной чистоты ледяные кристаллы, идеальные кружевные вариации на тему фрактала. И пока эти снежные кристаллы падают вниз, они слипаются в хлопья, покрывая Чикаго роскошной белой пеленой, дюйм за дюймом…*

— Держи, — сказал Среда. Он протянул Тени чашку «кинковского» кофе с плавающим на поверхности комком полурастворившихся порошковых сливок. — И хватит уже, наверное.

— Чего хватит?

— Снега. Мы же не хотим, чтобы весь этот город

засыпало доверху, правда?

Небо снаружи было равномерного темно-серого цвета, как борт дредноута. И с этого неба — именно так — вовсю сыпал снег.

— Ты же не хочешь сказать, что это сделал я? — слабым голосом сказал Тень. — В смысле, я ведь не делал ничего подобного? На самом-то деле, а?

— Пей кофе, — сказал Среда. — Дерьмовый, понятное дело, но от головной боли хоть чуть-чуть да поможет. — А потом добавил: — Хорошая работа.

Среда расплатился с «кинковским» оператором и вышел на улицу, удерживая между пальцами все свои объявления, письма и карточки. Он открыл багажник, загрузил бумаги в металлический, инкассаторского вида кейс — и закрыл его. А потом протянул Тени визитную карточку.

— Кто такой, — спросил Тень, — А. Хэддок, начальник службы безопасности, Охранная компания А1?

— Это ты.

— А. Хэддок?

— Так точно.

— А что значит это А?

— Альфредо? Альфонс? Августин? Амброуз? Выбирай сам.

— Ага, понятно.

— А меня зовут Джеймс О'Горман, — сказал Среда. — Для друзей — просто Джимми. Уловил? И у меня тоже есть карточка.

Они вернулись в машину. Среда сказал:

— Если и про А. Хэддока ты будешь думать столь же убедительно, как про снег, к вечеру у нас образуется куча ласково шуршащих банкнот, с помощью которых мы на славу угостим всех моих друзей.

— Я не хочу обратно в тюрьму.

— А тебе никто и не предлагает туда возвращаться.

— Мне кажется, мы договорились, что ничего противозаконного я делать не стану.

— А ты ничего противозаконного и не сделаешь. В какой-то мере это можно будет квалифицировать как пособничество и содействие, по предварительному, естественно, сговору с другими лицами, со вполне понятной целью получения — в дальнейшем — незаконно изъятых денежных средств, но поверь мне, выйдешь ты из этого дела, благоухая, как майская роза.

— До или после того, как этот твой славянский

Чарли Атлант[25] проломит мне одним ударом череп?

— Глаза у него уже не те, — сказал Среда. — Может, он вообще промахнется, вчистую. А теперь нам нужно убить еще какое-то количество времени: видишь ли, банки, они по субботам закрываются ровно в полдень. Может, заодно и пообедаем?

— С удовольствием, — сказал Тень. — Я просто умираю с голоду.

— Знаю я тут одно местечко, — Среда выкрутил руль и принялся мурлыкать довольно бойкую мелодию, Тени решительно незнакомую. Снег шел уже вовсю, роскошными белыми хлопьями, точно такими, как представлял себе Тень — и он вдруг почувствовал нелепый прилив гордости.

---

[25] notes: 25

Charles Atlas, урожденный Анджело Сицилиано (1892–1972) — создатель системы бодибилдинга. Добился весьма впечатляющих результатов в наращивании рельефной мышечной массы, при том, что в юности был, по его собственным словам, «лядащим слабаком». Принял псевдоним «Чарльз Атлант» после того, как один из приятелей сказал ему, что он похож на статую Атланта, венчающую отель на Кони-Айленде; в 1922 году псевдоним превратился в официальные имя и фамилию. Впоследствии позировал для множества статуй, стал образцом для подражания для нескольких поколений бодибилдеров (включая Арнольда Шварценеггера) и вошел в американскую мифологию через посредство стандартного сюжета (неоднократно использованного в рекламных компаниях, сериях комиксов и т. д.) о «лядащем слабаке», для которого очередное унижение становится поводом для того, чтобы изменить себя.

Умом он, конечно, понимал, что не имеет к этому снегу никакого отношения, точно так же, как то, что серебряный доллар, лежавший у него в кармане, — не луна, и луной никогда не был. И все-таки…

Они остановились возле большого, похожего на ангар здания. Вывеска гласила, что здешний шведский стол (ешь-сколько-влезет) обойдется в четыре девяносто девять с человека.

— Люблю я эту забегаловку, — сказал Среда.

— Что, кухня хорошая? — спросил Тень.

— Да нет, не так чтобы очень, — отозвался Среда. — Но атмосфера здесь просто незабываемая.

Атмосфера, которая была так мила сердцу Среды, — как выяснилось после обеда (Тень съел жареную курицу, очень даже неплохо приготовленную) — относилась к торговому комплексу, занимавшему всю заднюю часть помещения: в самом центре зала висел транспарант с извещением о том, что именуется сие предприятие «Постоянно действующей распродажей обанкротившихся и ликвидированных компаний».

Среда удалился к машине и вернулся с маленьким чемоданчиком, с которым и проследовал в мужской туалет. Тень прикинул, что в детали задуманной Средой аферы его так или иначе рано

или поздно посвятят, вне зависимости от его собственного на сей счет мнения, так что он просто отправился на прогулку между стеллажами, разглядывая выставленные на распродажу товары: коробки с кофе «исключительно для использования в кофейных машинах, принадлежащих авиакомпаниям», выводок черепашек-ниндзя, гарем Зен-Королев-Воинов, плюшевых мишек, которые, если подключить их к сети, принимались выстукивать на ксилофоне патриотические мелодии, банки с тушенкой, галоши и бахилы, пастилу, подарочные часы президентской кампании Билла Клинтона, миниатюрные искусственные рождественские елки, солонки и перечницы в форме зверушек, частей тела, фруктов и монахинь, а также — Тени он больше всего понравился — набор для изготовления снеговика под названием «просто добавь морковку», в который входили пластмассовые глаза-угольки, трубка из кукурузного початка и пластмассовая же шляпа.

Думал Тень о том, как можно отвести человеку глаза так, что он и впрямь поверит, будто луна сошла с неба и превратилась в серебряный доллар, — и что может заставить женщину вылезти из могилы и идти потом через весь город, чтобы

просто поговорить.

— Правда, замечательное местечко? — спросил Среда, появившийся из мужского туалета. Руки у него были мокрые, и он вытирал их на ходу носовым платком. — У них там кончились бумажные полотенца, — пояснил Среда. Он успел переодеться. Теперь на нем была темно-синяя куртка, такие же брюки, синий вязаный галстук, плотный синий джемпер, белая сорочка и черные туфли. Выглядел он точь-в-точь как сотрудник охранной компании, о чем Тень его тут же известил.

— И знаете, что я вам на это скажу, молодой человек, — проговорил в ответ Среда, подцепив с полки коробочку с плавающими пластмассовыми аквариумными рыбками (*«Не сдохнут никогда — и кормить не надо!»*), — у вас замечательная интуиция. Как, кстати, насчет Артура Хэддока? Славное имя — Артур.

— И главное — редкое.

— Ну, на тебя не угодишь. Тогда сам придумывай. Давай-ка двигать обратно в город. Наше банковское ограбление не терпит отлагательств, а после него у меня появится некоторое количество карманных денег.

— Порядочные люди, — сказал Тень, — деньги на карманные расходы берут в банкоматах.

— Знаешь, тебе это может показаться странным, но примерно это я как раз и собираюсь сделать.

Машину Среда поставил на парковке у супермаркета, напротив банка. Извлек из багажника металлический кейс, планшет с бумагодержателем и наручники. Наручниками он пристегнул кейс к собственному левому запястью. Снег валил по-прежнему. Среда надел на голову синюю фуражку и прицепил к нагрудному карману куртки эмблему на липучке. И на кокарде, и на эмблеме красовался один и тот же логотип: А1, СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ. В бумагодержатель он вставил пачку депозитных бланков. И — как-то вдруг съежился, в мгновение ока превратившись в потертого бывшего полицейского, с пивным животиком и горестной складкой у рта.

— Ну вот, — сказал он, — ступай теперь, купи чего-нибудь поесть, а потом задержись у телефона-автомата. Если кто-нибудь начнет задавать вопросы, скажи, что ждешь звонка от подружки, у которой сломалась машина.

— И почему, спрашивается, ей взбрело в голову звонить мне именно сюда?

— А тебе откуда знать, почему ей в голову взбрело именно это?

Среда нацепил пару видавших виды розовых меховых наушников. Закрыл кейс. Снежинки уже начали оседать на фуражке и наушниках.

— Как видец? — поинтересовался он.

— Нелепый, — ответил Тень.

— Нелепый?

— Ну, или, может быть, просто дебильный, — подумав, добавил Тень.

— Ммм. Нелепый и дебильный. То, что нужно, — улыбнулся Среда. Из-за этих дурацких наушников ему отчего-то и впрямь хотелось верить, он был забавный и — милый. Он перебежал через дорогу и двинулся по направлению к банку; Тень, в свою очередь, зашел в супермаркет и принялся за ним наблюдать.

Среда прилепил к банкомату большую красную бумажку с извещением о том, что аппарат не работает. Щель сейфа для ночных депозитов он заклеил красной же лентой, а сверху пристроил выведенное на принтере объявление. Тень с нарастающим чувством удивления прочел:

ИЗВЕЩАЕМ ВАС О ТОМ, ЧТО В ДАННОЕ ВРЕМЯ
ПРОВОДЯТСЯ РАБОТЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА РАБОТЫ С

КЛИЕНТАМИ. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ВРЕМЕННЫЕ НЕУДОБСТВА.

Закончив оформлять сцену, Среда развернулся на сто восемьдесят градусов и встал лицом к улице. Вид у него был замерзший и несчастный до крайности.

К банкомату подошла какая-то девушка. Среда покачал головой и объяснил, что аппарат не работает. Она выругалась, извинилась за то, что выругалась, и побежала дальше.

Подъехал автомобиль, из автомобиля вышел мужчина, в руках у него были маленький серый мешочек и ключ. Тень стоял и смотрел, как Среда рассыпается перед этим человеком в извинениях, потом подставляет ему планшет, чтобы тот расписался, изучает его депозитную карточку, старательно, едва ли не высунув язык, выписывает квитанцию, путается в том, какую именно бумажку отдать клиенту — оригинал или копию, — и наконец открывает свой большой металлический кейс и кладет туда серый мешочек.

Клиент дрожал и переминался с ноги на ногу в ожидании, пока престарелый банковский служащий покончит со всей этой канцелярской чепухой и сам он сможет оставить свои ценности

на хранение, вернуться в теплый салон машины и рвануть дальше, по своим делам; наконец, он получил свою квитанцию, прыгнул в машину и умчался.

Среда перешел через дорогу, согнувшись под тяжестью металлического кейса, и купил себе в супермаркете стаканчик кофе.

— День добрый, молодой человек, — покровительственно усмехнулся он, проходя мимо Тени. — Что, не май месяц на дворе, да?

После чего вернулся на свой боевой пост и принялся собирать серые мешочки и конверты у людей, которые в этот стылый холодный вечер спешили отдать на хранение свои сбережения и ценности: славный старый служака в смешных розовых наушниках.

Тень купил себе несколько журналов — «Терки хантинг», «Пипл» и «Уикли уорлд ньюс», последний только из-за очаровательной фотографии снежного человека на обложке — и снова выглянул через витрину наружу.

— Могу я вам чем-то помочь? — обратился к нему средних лет чернокожий мужчина с седыми усами. Судя по всему, здешний менеджер.

— Да нет, спасибо большое. Я тут звонка жду. У подружки машина сломалась.

— Аккумулятор, скорее всего, — кивнул менеджер. — Народ вечно забывает, что эти штуки работают года три, не больше. Ну, четыре. И стоят-то гроши.

— Она мне сейчас все расскажет, — поднял на него глаза Тень.

— Ладно, громила, удачи тебе, — сказал менеджер и вернулся обратно в супермаркет.

Снег превратил все происходившее на улице в сценку внутри хрустального шара, где каждая деталь видна отчетливо, как под микроскопом.

Тень стоял и смотрел, и ему становилось все интереснее. Голосов через улицу и через стекло он, естественно, слышать не мог, и впечатление было такое, будто он смотрит изысканный немой фильм, целиком построенный на пантомиме и выразительной игре актеров: и главным героем здесь был суровый старый служака, может быть, немного неуклюжий, но зато безукоризненно честный и преисполненный самых благих намерений. Каждый человек, который отдавал ему свои деньги и шел дальше, чувствовал себя чуть-чуть счастливее, чем до встречи с ним.

А потом к банку подъехала полицейская машина, и сердце у Тени ушло в пятки. Среда приложил два пальца к козырьку фуражки и подошел к

патрульной машине. Он сперва что-то сказал, потом поздоровался с обоими полицейскими через открытое окно и принялся рыться в карманах, пока не выудил из них визитную карточку и письмо, которые тут же протянул им в окошко. И — отхлебнул глоток кофе.

Зазвонил телефон. Тень снял трубку и изо всех сил постарался сделать так, чтобы голос у него звучал как можно более устало.

— Служба безопасности А1, — сказал он.

— Могу я поговорить с А. Хэддоком? — спросил сидящий на другой стороне улицы в патрульном автомобиле полицейский.

— Анди Хэддок на проводе, — небрежно уронил Тень.

— Да-да, мистер Хэддок, это полиция беспокоит, — сказал ему коп с той стороны дороги. — Вы отправляли сотрудника к Первому Иллинойсскому банку, на угол Маркет и Второй?

— Ну да. Так точно. Джимми О'Гормана. А что, намечаются какие-то проблемы, офицер? Джим прилично себя ведет? Он, случаем, не выпимши?

— Да нет, никаких проблем, сэр. С вашим сотрудником все в совершенном порядке. Просто хотел удостовериться, что все идет как надо.

— Послушайте, офицер, передайте Джиму, что

если он еще раз попадется на том, что прикладывается к бутылке в рабочее время, мы его уволим. Вы меня поняли? К чертовой матери. Без выходного пособия. У нас в А1 с этим шутки плохи.

— Видите ли, сэр, я не считаю, что должен передавать ему что бы то ни было в этом роде. Он прекрасно справляется со своей работой. Мы и подъехали только потому, что, как правило, такого рода операции осуществлять должны двое сотрудников. Оставлять одного невооруженного сотрудника с такой суммой денег просто опасно.

— Вот только не надо меня учить, хорошо? А еще того лучше — расскажите это жлобам из Первого Иллинойсского. Я своих ребят под это дело подставляю, офицер. Хороших ребят. Таких же, как вы, офицер! — Тень начинал входить в образ. Он просто чувствовал, как буквально на глазах превращается в Анди Хэддока, что в пепельнице перед ним лежит изжеванная дешевая сигара, а на столе громоздится куча бумаг, с которыми нужно разобраться до ухода со службы, что у него дом в Шомберге и любовница, которая живет в маленькой квартирке на Лейк-Шор-драйв. — Знаете, мне кажется, вы очень способный молодой человек, офицер, э-э…

— Майерсон.

— Офицер Майерсон. В общем, если захотите подработать на выходные или если вам придет в голову идея уйти из полиции — по любым причинам, — позвоните мне в А1, хорошо? У вас есть моя карточка?

— Так точно, сэр.

— Не теряйте ее, — сказал Анди Хэддок. — В общем, жду вашего звонка.

Патрульная машина тронулась с места, и Среда потопал по снегу обратно, туда, где уже выстроилась небольшая очередь из людей, жаждущих отдать ему деньги.

— Ну что, все у нее в порядке? — спросил менеджер, высунувшись на минутку из-за стеклянной двери. — У этой вашей подружки?

— Аккумулятор, как и следовало ожидать, — пожал плечами Тень. — Стой тут теперь и жди ее.

— Женщины, — развел руками менеджер. — Надеюсь, ваша хотя бы стоит того, чтобы ее ждали.

Спустились зимние сумерки, тусклый вечерний свет начал понемногу переплавляться в ночь. Зажглись фонари. Людей, которые отдавали Среде свои ценности, становилось все больше. Внезапно, словно повинуясь какому-то сигналу, Среда подошел к стене, снял все свои наклейки и быстрым шагом двинулся через дорогу, через

снежную кашу, по направлению к стоянке. Тень подождал еще минуту и пошел следом.

Среда расположился на заднем сиденье. Он уже успел открыть металлический кейс и методично раскладывал его содержимое — аккуратными стопками.

— Трогай, — сказал он. — Едем в отделение Первого Иллинойсского на Стейт-стрит.

— Дубль два, что ли? — спросил Тень. — Тебе не кажется, что два раза подряд испытывать удачу — это уже слишком?

— А кто тебе сказал про дубль два? — ощерился Среда. — Мы туда едем, чтобы совершить несколько банковских операций.

Пока Тень вел машину, Среда сидел на заднем сиденье, горстями доставал из депозитных мешочков купюры, оставляя в неприкосновенности чеки и квитанции по кредитным картам; из некоторых конвертов он тоже вынимал наличные, хотя и не изо всех подряд. Деньги он бросал обратно в кейс. Тень притормозил у банка, метрах в пятидесяти от входа, с гарантией не попасть в поле обозрения камер наружного наблюдения. Среда выбрался из машины и принялся заталкивать конверты в щель ночного приемника. Потом открыл ночной сейф и покидал туда серые

мешочки. И закрыл сейф.

Он сел на пассажирское сиденье.

— Двигай на I-90, — сказал он. — Смотри на указатели. Мы едем на запад, в сторону Мэдисона.

Тень тронулся с места.

Среда оглянулся на оставшийся позади банк.

— Ну вот и все дела, молодой человек! — радостно проговорил он. — Это окончательно собьет их с толку. Конечно, если нужны по-настоящему большие деньги, подобную операцию следует производить в воскресенье, в половине пятого утра, когда ночные клубы и бары скидывают ночную выручку. Попался тебе нужный банк и нужный парень с хорошей суммой денег — знаешь, они подбирают таких здоровенных честных ребят, а иногда еще приставляют к ним пару горилл для порядка, вот только ребята эти как правило звезд с неба не хватают — и ты вполне можешь унести в клюве четверть миллиона долларов. За один вечер работы.

— Если все настолько просто, — буркнул Тень, — почему не каждый второй в этой стране зашибает деньгу именно таким образом?

— В занятии этом тоже есть определенный риск, — сказал Среда, — в особенности в половине пятого утра.

— Хочешь сказать, что копы в это время становятся особенно подозрительными?

— Да нет. А вот гориллы — становятся. И события могут пойти по довольно странному сценарию.

Он пробежал пальцами по пачке пятидесятидолларовых купюр, добавил сверху пачку двадцаток, потоньше первой, и протянул обе пачки Тени.

— Держи, — сказал он. — Твой первый недельный заработок.

Тень, не пересчитывая, сунул деньги в карман.

— Значит, именно этим ты и занимаешься? — спросил он. — Это и есть твой способ зарабатывать деньги?

— Время от времени, не более того. Только в тех случаях, когда за короткое время нужно найти большую сумму денег. Как правило, я получаю деньги от людей, которые даже не отдают себе отчета в том, что их кинули, которые никогда не жалуются и всегда готовы выстроиться в очередь, чтобы я кинул их еще раз, если мне случится опять проезжать мимо.

— Этот парень, Суини, помнится, назвал тебя жуликом.

— Правду сказал. Но к этой профессии мой

способ жить ничуть не сводится. И тебя, Тень, эта сторона моей биографии касаться будет в последнюю очередь.

Снаружи стояла ночь: снег кружил в свете фар и бился о лобовое стекло. Зрелище было завораживающее.

— Эта страна — единственная в мире, — сказал вдруг в полной тишине Среда, — которая никак не может взять в толк, что такое она собой представляет.

— Как-как?

— Все остальные отдают себе отчет в том, кто они и что они. Кому, спрашивается, придет в голову отправляться на поиски сердца Норвегии? Или там — где живет душа Мозамбика. Они и так знают, кто они такие.

— И что дальше?

— Да нет, ничего, просто мысли вслух.

— Значит, ты успел объехать полсвета, я правильно понимаю?

Среда ничего ему на это не ответил. Тень посмотрел на него.

— Нет, — вздохнул Среда. — Нет. Нигде-то я не был.

Они остановились на бензоколонке; Среда отправился в туалет, в темно-синей униформе и с

чемоданчиком в руке, а вышел оттуда в шикарном, с иголочки светлом костюме, коричневых туфлях и слегка укороченном, по колено, коричневом же пальто, сшитом, судя по всему, в Италии.

— А когда мы доберемся до Мэдисона — что будет дальше?

— Свернем на хайвей-четырнадцать, на запад, к Спринг-Грин. Встреча у нас назначена в месте под названием Дом-на-Скале. Ты когда-нибудь там бывал?

— Не доводилось, — сказал Тень. — Только рекламные щиты видел.

В этой части обитаемого мира рекламные щиты Дома-на-Скале были повсюду: что именно в них рекламировалось, было не совсем понятно, однако по всему Иллинойсу, по всей Миннесоте и по всему Висконсину, а пожалуй, подумал Тень, и вплоть до самой Айовы, забыть о существовании Дома-на-Скале у едущего по дороге человека никак не получится. Щиты Тень видел и даже давал себе труд над ними задуматься. Интересно, этот дом и вправду торчит на самой вершине скалы? И что в этой скале такого интересного? А в доме? Впрочем, надолго его обычно не хватало, и он выбрасывал все это из головы. Не тот он был

человек, чтобы его привлекали придорожные достопримечательности.

С федеральной трассы они съехали в Мэдисоне, проследовали мимо забранного в строительные леса купола нового законодательного собрания штата (еще одна великолепная картинка внутри полного кружащихся снежинок стеклянного шара) и начали плутать по каким-то местного значения дорогам. После того как примерно час подряд им попадались городишки с названиями вроде Чернозем, они свернули на узкое боковое ответвление меж двух запорошенных снегом каменных ваз, обвитых похожими на ящериц драконами. Обсаженная деревьями парковка была почти пуста.

— Скоро совсем закроются, — сказал Среда.

— Так и что это за место? — спросил Тень, пока они шли через парковку к приземистому, неказистому на вид зданию.

— Придорожная достопримечательность, — ответил Среда. — Одна из самых-самых. И следовательно, место магическое.

— Не понял.

— Проще некуда, — сказал Среда. — В других странах, из века в век, люди постепенно распознавали свои магические места. Это мог

быть какой-нибудь природный объект, ну, или обычное место, но только — необычное. До них доходило, что в такого рода местах происходит нечто важное, что это — словно бы некий фокус, канал, окно в Вечность. Ну, и они строили в таком месте храм или собор, или просто круг из поставленных на попа камней, или… ну, в общем, ты понял.

— В Штатах тоже церквей хоть отбавляй, — сказал Тень.

— В каждом городе. А то и в каждом квартале. И в нашем смысле толку от них примерно столько же, сколько от зубоврачебных кабинетов. Нет, в Соединенных Штатах людям, конечно, тоже случается слышать зов, по крайней мере некоторым: живет человек, живет, и вдруг до него доходит, что к нему обращаются некие высшие силы из глубин неведомых, и он подрывается с места и сооружает из пивных бутылок уменьшенную копию какого-нибудь чуда света, которое сам в глаза не видел, или воздвигает гигантское гнездилище летучих мышей, причем в какой-нибудь такой части страны, где летучих мышей отродясь не водилось. Придорожные достопримечательности: людей вдруг начинает с сумасшедшей силой тянуть в некое место, в котором — будь это

в какой-нибудь другой стране мира — им бы и впрямь удалось пообщаться с той частью их же собственной души, которая не от мира сего; и там они покупают себе хот-дог, болтаются какое-то время по округе, и чувствуют удовлетворение, объяснить которое словами они не в состоянии — и глубокую неудовлетворенность где-то внутри, там, куда вообще не привыкли заглядывать.

— Теории у тебя, конечно, иногда бывают просто убойные, — сказал ему на это Тень.

— Какие, на хрен, теории? Чистой воды практика, молодой человек, — вскинулся Среда. — Уж к настоящему-то моменту тебе давно следовало это понять.

Из нескольких билетных окошек открыто было лишь одно.

— Продажа билетов прекращается через полчаса, — сказала кассирша. — У нас, понимаете, чтобы все как следует обойти, часа два нужно, не меньше.

Среда заплатил за билеты наличными.

— А где скала? — спросил Тень.

— Под домом, — ответил Среда.

— А дом где?

Среда поднес палец к губам, и они пошли дальше. Где-то впереди пианола мучила мелодию, в

которой смутно угадывалось Равелево «Болеро». Больше всего дом оказался похож на перестроенное в конструктивистском стиле холостяцкое логово шестидесятых: стены из дикого камня, на полах ковролин, а еще на удивление уродливые грибообразные люстры из цветного стекла. На второй этаж вела винтовая лестница: там обнаружилась еще одна комната, сплошь уставленная какими-то дурацкими сувенирами.

— Говорят, выстроил этот дом злой брат-близнец Фрэнка Ллойда Райта, — сказал Среда. — По имени Фрэнк Ллойд Ронг.[26]

И хихикнул над собственной шуткой.

— Я уже видел эту надпись на футболке, — сказал Тень.

Потом они снова поднимались и спускались

---

[26] notes: 26

Не то чтобы данная игра слов была непереводима, но поскольку речь идет о реальном историческом лице, переводчик счел необходимым просто транслитерировать имена. Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright, 1867–1959) был одним из самых выдающихся американских архитекторов. В 1900–1917 годах Райт стал родоначальником так называемого «стиля прерий», название которого носит локально обусловленный характер: первые здания в этом стиле строились в основном в окрестностях Чикаго. Демонстративное использование природных материалов, вписанность невысоких, с покатыми крышами и короткими трубами, зато довольно просторных зданий в пейзаж, особый акцент на «периферийных» конструкциях (террасы, веранды, переходы) — все это дает основание считать «стиль прерий» одним из первых экологически ориентированных направлений в архитектуре XX века. Впрочем, в дальнейшем Райт работал в более чем разнообразных стилистиках.

Игра слов вполне очевидна и выходит на одну из доминирующих смысловых дихотомий романа: фамилия архитектора переводится как «правильный», «правый». Его виртуальный близнец, сохраняя имена оригинала, приобретает говорящую фамилию Wrong, «ошибочный», «неправильный».

по лестницам, пока не очутились в длинной-предлинной комнате, сплошь из стекла, которая подобно игле торчала над безлистым черно-белым пейзажем, расстилавшимся в нескольких сотнях метров внизу. Тень стоял и смотрел, как падает, закручиваясь гигантскими спиралями, снег за окном.

— Это и есть Дом-на-Скале? — с несколько озадаченным видом спросил он.

— Ну да, более или менее. Это Зал Бесконечности, часть дома, хотя именно эту часть построили несколько позже, чем все остальное. Но в целом ответ отрицательный, поскольку мы с тобой, молодой человек, даже близко еще не подошли к тому, что этот дом в состоянии нам предложить.

— Следовательно, если верить твоей теории, — сказал Тень, — самое святое место во всей Америке — это «Мир Уолта Диснея».

Среда нахмурился и погладил бороду.

— Уолт Дисней скупил несколько апельсиновых рощ в центре Флориды и выстроил на их месте городок для туристов. Никакой магии в этом нет и не было. Вот разве что в Диснейленде, каким он был изначально. Там кое-что могло и проклюнуться, в довольно странной форме, и вытянуть оттуда эту магию было бы непросто. Хотя

есть во Флориде такие места, из которых магия едва ли не фонтаном бьет. Нужно только смотреть как следует, чтобы видеть. Ну, а что касается русалок из Вики Вачи…[27] Иди за мной, сюда.

Повсюду в доме звучала музыка: резковатая и нестройная, то и дело сбивающаяся с ритма и такта. Среда вынул пятидолларовую купюру и вставил ее в разменный аппарат, который выплюнул ему взамен пригоршню медных жетонов. Один он запустил в сторону Тени, который поймал металлический кружок и, заметив, что на него смотрит какой-то мальчонка, зажал жетон между указательным и большим пальцами и — заставил бесследно исчезнуть. Мальчик тут же подбежал к матери, которая разглядывала одного из вездесущих Санта Клаусов — «НАС ШЕСТЬ С ЛИШНИМ ТЫСЯЧ!» — гласила вывешенная рядом со статуей табличка, — и дернул ее за полу пальто.

Среда и Тень ненадолго вынырнули под открытое небо: дальнейший путь им указала стрелка:

---

[27] notes: 27

Weeki Wachee — городок в округе Эрнандо, штат Флорида. В данном случае речь идет об одном из аттракционов в карстовых пещерах Вики Вачи, где берет начало одноименная река: пещеры заполнены пресной водой, максимальная глубина полостей достигает 130 метров. Аттракцион представляет собой подводное шоу, в котором участвуют 15 переодетых русалками девушек и 4 «принца». Зрители наблюдают зрелище из-за стеклянной стены, как в океанариуме.

на Улицы Вчерашних Дней.

— Сорок лет тому назад Алекс Джордан, профиль которого красуется на том жетоне, что у тебя в руке, Тень, начал строить дом на высоком скальном выступе, посреди земельного участка, прав на который он не имел, и боюсь, даже сам он не смог бы объяснить, зачем он это делает. Со всех сторон начали съезжаться люди, чтобы посмотреть на эту стройку: были среди них искренне озадаченные, были просто любопытствующие, а были и такие, которым по большому счету все пофигу, и они даже понятия не имели, зачем, собственно, сюда притащились. И в конце концов он начал делать то, что сделал бы на его месте любой здравомыслящий американец его поколения и мужеска полу — он стал брать с них деньги за возможность на все это посмотреть. Не бог весть какие. По пятачку с носа, кажется. А он все строил и строил, и люди все ехали и ехали. А потом он сложил вместе все эти пятаки и четвертаки и создал нечто еще более масштабное и странное. Уровнем ниже дома он понастроил обширных помещений и заполнил их всякой всячиной, чтобы приезжим было на что посмотреть, и люди поехали смотреть на всякую всячину. Миллионы людей приезжают сюда каждый год.

— Зачем?

Но Среда только улыбнулся ему в ответ, и они ступили на тускло освещенные, обсаженные деревьями Улицы Вчерашних Дней. Из запыленных витрин на них смотрели сотни фарфоровых, с поджатыми губками викторианских кукол, похожих на массовку из не слишком затейливого фильма ужасов. Под ногами — брусчатка, над головами — темная крыша, на заднем фоне — разболтанный механический перезвон музыкальной шкатулки. Они прошли мимо стеклянного короба со сломанными куклами и гигантского музыкального автомата, забранного в стеклянный шкаф. Они прошли мимо зубоврачебного кабинета и мимо аптеки («ВОССТАНОВИТЕ СВОЮ ПОТЕНЦИЮ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ МАГНИТНЫМ ПОЯСОМ О'ЛИРИ!»).

В самом конце улицы был еще один стеклянный бокс, а внутри него — женский манекен, наряженный цыганкой-гадалкой.

— Да, кстати, — прогрохотал Среда, перекрывая механическую музыку, — негоже трогаться в путь, да и вообще начинать какое бы то ни было предприятие, не проконсультировавшись предварительно с норнами. Так что пускай эта

Сивилла станет нашей Урд,[28] правильно?

Он бросил в щель медного цвета жетон Дома-на-Скале. Цыганка неловким механическим жестом подняла руку и снова ее опустила. Из щели выползла бумажная полоска.

Среда взял ее, прочел текст, что-то проворчал себе под нос, свернул бумажку и сунул в карман.

— Может, и мне покажешь? А я тебе потом свою покажу, — предложил Тень.

— Судьба человека — дело интимное, — поджав губы, отозвался Среда. — Я твою тоже смотреть не стану.

Тень сунул в щель монетку. И взял бумажку. На ней было написано:

ЛЮБОЙ КОНЕЦ ЕСТЬ НОВОЕ НАЧАЛО
ТВОЕ СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО — НЕТ ТАКОГО
ТВОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЦВЕТ — МЕРТВЫЙ
ДЕВИЗ — КАКОВ ОТЕЦ, ТАКОВ И СЫН

Тень скорчил кислую мину. А потом свернул бумажку и тоже сунул ее во внутренний карман.

---

[28] notes: 28

Среда почему-то хочет, чтобы ему предсказали прошлое, а не будущее, потому что, согласно «Старшей Эдде», из трех сестер-норн, Урд, отвечает именно за прошлое. Настоящим распоряжается Верданди, будущим — Скульд.

Они пошли дальше по красному коридору, мимо комнат, где на стульях стояли скрипки, альты и виолончели, которые, если бросить монетку, играли сами собой — или притворялись, что играют. Западали клавиши, звенели тарелки, шланги накачивали воздух в кларнеты и гобои. Тень с веселым изумлением обратил внимание на то, что механические руки, что манипулировали струнными инструментами, в принципе не касаются смычками струн, — а струны зачастую были не натянуты, а то и вовсе отсутствовали. Интересно, подумал он, все эти звуки издает что-то вроде эоловой арфы плюс перкуссия — или это элементарная магнитофонная запись?

Судя по всему, они успели отмахать уже не одну милю, когда наконец вышли к залу под названием «Микадо», одна из стен которого представляла собой выполненный в псевдо-восточном стиле образца девятнадцатого века ночной кошмар: из глубины расписанного драконами грота на них смотрели механические барабанщики в шлемах с выступами, похожими на рога больших жуков, и отчаянно лупили при этом в большие и маленькие барабаны. Непосредственно в тот момент, когда в зал вошли Среда и Тень, барабанщики изгалялись над «Пляской смерти» Сен-Санса.

На вделанной в стенную нишу скамье, лицом к этой гротескной и громоздкой музыкальной машине сидел Чернобог и отбивал такт пальцами.

Среда сел рядом. Тень почел за лучшее постоять в сторонке. Чернобог выбросил перед собой левую руку, пожал руку Среде, потом — Тени.

— Добрая встреча, — сказал он и снова откинулся на спинку скамьи: музыка явно доставляла ему удовольствие.

«Пляска смерти» подошла к бурному дисгармоничному финалу. То обстоятельство, что все эти искусственные инструменты были слегка расстроены, придавало общей атмосфере места дополнительный оттенок потусторонности. Машина начала играть новую мелодию.

— Как прошло ограбление? — спросил Чернобог. — Удачно?

Он встал: покидать зал «Микадо» с его грохочущей макабрической музыкой ему откровенно не хотелось.

— Гладко, как змея скользит в бочонке с маслом, — ответил Среда.

— Мне скотобойня пенсию платит, — проворчал Чернобог. — На жизнь хватает, а больше и не надо.

— И это пройдет, — сказал Среда. — Все в этом

мире когда-нибудь канет в лету.

Опять коридоры и комнаты с музыкальными автоматами. Тень начал понимать, что идут они не по тому маршруту, который проложен для обычных туристов: у Среды явно был в голове собственный план этих комнат и переходов. Двигались они теперь под горку, и Тень, окончательно запутавшись, начал прикидывать, а не по второму ли кругу они пошли.

Чернобог ухватил Тень под локоть.

— Быстро, сюда! — сказал он и подвел его к стоявшему у стены большому стеклянному шкафу. Внутри была диорама: бродяга спит в церковном дворике прямо у церковных врат. Табличка гласила, что именуется сей артефакт «СОН ПЬЯНИЦЫ» и представляет собой механическую диораму, которая запускалась, если бросить в щель монетку в один пенс, и стояла когда-то на одной из английских железнодорожных станций. Монетоприемник был распилен так, чтобы в него входил жетон Дома-на-Скале.

— Кинь денежку, — сказал Чернобог.

— Зачем? — спросил Тень.

— Покажу тебе кое-что. Ты должен это увидеть.

Тень сунул жетон в щель. Лежавший на кладбище пьяница поднес ко рту бутылку. Одна из

могильных плит сдвинулась: под ней обнаружился скелет с вытянутыми перед собой руками. С другой стороны от пьяного прокрутилось надгробие, и на месте цветов оказался оскалившийся в ухмылке череп. Справа из-за церкви выплыл призрак, слева — и вовсе что-то невнятное, с непроработанным, заостренным, птичьим лицом, этакая нелепая, бледная, напоминавшая босховские кошмары тень, которая возникла прямо из каменной стены и тут же исчезла. Потом открылась церковная дверь и вышел священник. Духи, призраки и скелеты исчезли, и на церковном кладбище остались только поп и пьяница. После чего священник с укоризною посмотрел на бродягу и попятился; дверь за ним закрылась, оставив пьяницу в гордом одиночестве.

Механическая эта история оставила в душе у Тени жутковатый осадок. Н-да, подумал Тень, жути она на меня нагнала гораздо больше, чем это позволительно заводной игрушке.

— Знаешь, почему я тебе ее показал? — спросил Чернобог.

— Нет, не знаю.

— Потому что наш мир именно такой и есть. Именно так он и устроен. Как там, в этой стеклянной штуке.

Они прошли через комнату, выполненную в кроваво-красных тонах и битком набитую старыми театральными органами, гигантскими органными трубами и чем-то вроде колоссального размера медных перегонных кубов, но только без змеевиков и прочей винокуренной парафернали.

— А куда мы, собственно, идем? — поинтересовался Тень.

— На карусель, — ответил Чернобог.

— Но мы уже раз десять проходили мимо указателей, на которых было написано: «Карусель».

— Он знает, куда идет. Мы движемся по спирали. Иногда кратчайший путь — самый длинный.

У Тени уже начали побаливать ноги, и последняя изреченная Чернобогом максима показалась ему неубедительной.

Музыкальный автомат играл «Осьминожий садик» в зале, которая уходила ввысь не на один десяток этажей: весь центр ее занимало огромное, черное, похожее на кита чудище, зажавшее в гигантских стекловолоконных челюстях большой, в натуральную величину, макет рыбацкого судна. Оттуда они прошли в Зал Дальних Странствий, где стояли выложенный плиткой автомобиль, действующая модель «куриной машины» Руба

Голдберга,[29] а на стене висели наборы дорожных табличек «Берма шейв»:[30]

Мир — бардак
И жизнь — рутина.
Избавься, братец,
От щетины.
Берма шейв,

— Гласил один, а за ним следующий:

Хотел подрезать,
Не вписался.
Так небритым
И остался.
Берма шейв.

---

[29] notes: 29

Руб Голдберг (1883–1970) — известный американский карикатурист, одним из «ноу-хау» которого были рисунки нелепых гиперусложненных механических устройств для выполнения простейших действий. «Куриная машина», далеко не самая изящная придумка Голдберга, тем не менее приобрела самую широкую известность: шар для боулинга падает на курицу, которая принимается кудахтать и бить крыльями, отчего проливается вода — только для того, чтобы наполнить стакан испытывающего жажду персонажа.

[30] notes: 30

Берма шейв (Burma-shave) — марка американской пены для бритья. С 1927 года компания, продающая «Берма шейв», развернула оригинальную рекламную кампанию, основанную на вывешивании вдоль автомобильных дорог красных табличек с надписями. На каждой табличке — всего одна строка, на каждом следующем столбе — следу-

ющая табличка. Пять-шесть табличек подряд дают стихотворение (как правило, комическое), в конце которого всегда стоит название товара. В рекламных стишках «Берма шейв» часто обыгрывались «советы водителю» (Past / Schoolhouses / Take it slow / Let the little / Shavers grow / Burma-Shave), зачастую основанные на черном юморе (Don't stick / Your elbow / Out so far / It might go home / In another car / Burma-Shave). Были тексты, носящие иронико-дидактический характер (Within this vale / Of toil / And sin / Your head grows bald / But not your chin — use / Burma-Shave). Стихотворная матрица рекламной компании «Берма шейв» столь прочно вошла в дискурсивный обиход англоговорящих стран, что даже «поэзия общественных уборных» чаще всего строится именно по этой модели (Here I sat / And meditate / Should I shit / Or masturbate).

И вот они уже у подножия пологого спуска, а прямо перед ними — кафе-мороженое. Судя по внешним признакам, оно было открыто, но на лице у барышни, которая убирала со столиков, настолько явственно читалось: «Отвали», что они прошли дальше — в гибрид кафетерия и пиццерии, совершенно пустой, если не считать одиноко сидевшего в уголке престарелого негра в кричащей расцветочки клетчатом костюме и канареечных перчатках. Роста он был совсем крошечного, из той породы старичков, которых прожитые годы выжали и высушили, — он сидел и поглощал колоссальную, шариков на десять порцию мороженого с сиропом, запивая его кофе из не менее впечатляющих размеров чашки. В пепельнице пускала дымок тонкая черная сигарка.

— Три кофе, — обернулся к Тени Среда и отправился прямиком в туалет.

Тень расплатился за три чашки кофе и вернулся с ними к Чернобогу, который уже успел подсесть к старому негру и курил теперь сигарету — в кулак, быстрыми затяжками, будто боялся, что его за этим занятием того и гляди застукают. Его сосед на сигарку свою не обращал никакого внимания, радостно поглощая мороженое, ложку за ложкой, но как только Тень оказался рядом

со столиком, он мигом ее подхватил, глубоко затянулся и выпустил два кольца дыма — сперва большое, потом еще одно, поменьше, которое аккуратнейшим образом проскочило сквозь первое, — и осклабился во весь рот, довольный собой до крайности.

— Тень, это мистер Нанси, — представил своего соседа Чернобог.

Старичок тут же вскочил и вытянул перед собой затянутую в желтую перчатку руку.

— Рад познакомиться, — сияя ослепительной улыбкой, сказал он. — Кто ты такой, долго гадать не нужно. Должно быть, работаешь на этого старого одноглазого ублюдка, угадал?

Легкая гнусавинка в голосе, намек на акцент, скорее всего — карибский.

— Да, я работаю на мистера Среду, — ответил Тень. — Вы угадали. Да садитесь вы, бога ради.

Чернобог затянулся сигаретой.

— Сдается мне, — мрачно возгласил он, — что наш брат так любит всяческое курево по той простой причине, что оно напоминает нам о тех приношениях, которые когда-то возжигались в нашу честь, и дым поднимался вверх, а люди искали нашего одобрения — или милости.

— А вот лично мне никогда ничего подобного

не предлагали, — сказал Нанси. — Самое лучшее, на что я мог рассчитывать, так это на корзину с фруктами, плюс, может быть, цельную козочку, запеченную с карри, стаканчик чего-нибудь холодного и крепкого, ну и крепенькую бабенку с торчащими сиськами, просто чтобы мне за трапезой не было скучно.

Он снова сверкнул улыбкой, на все тридцать два, и подмигнул Тени.

— А в нынешние времена, — сказал, не меняя тона, Чернобог, — нам и вовсе рассчитывать не на что.

— Ну, конечно, о таком количестве фруктов, которое мне приносили в старые добрые времена, даже и вспоминать не приходится, — сказал, поблескивая глазами, мистер Нанси. — Но все-таки нет в этом мире ничего такого, что я мог бы купить за деньги и что сравнилось бы с крепенькой бабенкой с торчащими сиськами. Вот поговоришь иногда с какими-нибудь ребятами, и складывается впечатление, что кроме как о доле в добыче больше и порассуждать не о чем, но вот что я хочу вам сказать: по утрам мой моторчик до сей поры заводится исключительно от сисек.

Смех у мистера Нанси был старческий, дребезжащий, одышливый — но столько в нем было

самой искренней радости, что Тень едва ли не против собственной воли поймал себя на том, что этот старик ему нравится.

Среда вернулся из туалета и поздоровался с Нанси за руку.

— Тень, ты не хочешь перекусить? Кусочек пиццы? Или там сэндвич?

— Я не голоден, — ответил Тень.

— Позволь дать тебе один совет, — сказал мистер Нанси. — Может так случиться, что от трапезы до трапезы пройдет изрядное количество времени. Если кто-то предлагает тебе поесть, соглашайся. Годы у меня уже не те, я понимаю, но вот что тебе скажу: никогда не отказывайся, если у тебя есть возможность отлить, поесть или полчасика вздремнуть. Понимаешь?

— Понимаю. Но есть мне действительно совсем не хочется.

— Здоровый ты парень, — сказал Нанси, уставившись Тени прямо в глаза, насыщенный цвет красного дерева против светло-серого, — долго по тебе вода бежит, но вот что я тебе скажу: особым умишком ты не блещешь. Есть у меня сын, тупой, как тот парень, что пошел на распродажу тупости и купил себе две по цене одной, — так вот, ты мне его напоминаешь.

— С вашего позволения, приму это как комплимент, — сказал Тень.

— То, что тебя сравнили с человеком, который решил выспаться в то самое утро, когда раздавали мозги?

— То, что меня сравнили с членом вашей семьи.

Мистер Нанси загасил сигарку и щелчком смахнул с перчатки воображаемую частичку пепла.

— Ну что ж, судя по всему, наш Одноглазый сделал не самый худший выбор, — он перевел взгляд на Среду. — Ты хоть представляешь себе, сколько наших сегодня сюда заявится?

— Я постарался известить об этой встрече всех, кого только смог отыскать, — поднял голову Среда. — Приехать, понятное дело, смогут далеко не все. А найдутся и такие, — он выразительно посмотрел на Чернобога, — которые приехать не захотят. Но я думаю, в том, что наберется несколько дюжин, мы можем быть уверены. А дальше информация разойдется сама собой.

Они проследовали мимо выставки рыцарских доспехов («Викторианская подделка, — вещал Среда, пока они шли вдоль застекленной витрины, — современная подделка, шлем двенадцатого века на имитации, выполненной в семнадцатом

веке, а вот перчаточка латная — это пятнадцатый…»), а затем Среда толкнул наружную дверь, провел их по крытой галерее вокруг здания («В жизни бы не запомнил всех этих входов и выходов, — проворчал Нанси, — я уже не тот, каким был в молодости, да и климат в тех местах, откуда я родом, помягче»), потом распахнул еще одну, входную, и они очутились в зале с каруселью.

Играла каллиопа: вальс Штрауса, с чувством, но временами не в такт. Стена перед ними была увешана сотнями старомодных карусельных лошадок; некоторых не мешало бы подкрасить, других как следует пропылесосить. Над лошадками висели десятки ангелов, по которым было отчетливо видно, что основой для фигур послужили отбывшие свой срок в витринах женские манекены — у некоторых была видна бесполая грудь, другие успели потерять где-то крылья и смотрели теперь широко раскрытыми слепыми глазами прямо перед собой, в пустоту.

А дальше была — карусель.

Табличка гласила, что перед ними находится самая большая в мире карусель; дальше шли сведения о том, сколько она весит, сколько тысяч электрических ламп вкручено в люстры, что свисали с потолка в поистине готическом изоби-

лии, а также строжайший запрет забираться на подиум и садиться верхом на зверей.

И что это были за звери! Тень во все глаза разглядывал их, стесняясь признаться самому себе в охватившем его чувстве восторга: сотни и сотни животных, в натуральную величину, по всей глубине и окружности платформы. Существа природные и существа мифологические, и все возможные варианты смешения тех и других — и ни единой повторяющейся фигуры. Здесь были русалка и тритон, кентавр и единорог, слоны (один большой и один совсем крошечный), бульдог, лягушка и феникс, зебра, тигр, мантикора и василиск, запряженные в карету лебеди, белый бык, лиса, пара моржей, здесь была даже морская змея, — все яркие и натуральные настолько, что казались живыми: и все они двигались по кругу под музыку вальса, который как раз закончился и тут же сменился другим. Карусель даже не притормозила.

— Зачем это все? — спросил Тень. — Ну то есть ладно, самая большая в мире, сотни зверей, тысячи лампочек — но она же крутится не останавливаясь, и никто никогда на ней не катается.

— Она здесь не для того, чтобы на ней катались, по крайней мере, не для того, чтобы на ней ката-

лись люди, — сказал Среда. — Она здесь для того, чтобы ею восхищались. Просто, чтобы она *была*.

— Вроде молитвенного барабана, который вертится без остановки, — подхватил мистер Нанси. — И аккумулирует силу.

— А где все? — спросил Тень. — Судя по твоим словам, место сбора назначено было здесь — по крайней мере, я тебя понял именно так.

Среда раздвинул губы в невеселой, на шрам похожей усмешке.

— Тень, — сказал он. — Ты задаешь слишком много вопросов. А деньги тебе платят совсем не за то, чтобы ты задавал вопросы.

— Прошу прощения.

— А теперь иди сюда и подсади нас наверх, — сказал Среда и направился к краю платформы, туда, где висела табличка с описанием карусели и запретом ею пользоваться.

Тень собрался было что-то ему ответить, но вместо этого помог им, одному за другим, забраться на подиум. Среда оказался тяжелым неимоверно, Чернобог залез сам, позволив себе разве что опереться для равновесия о плечо Тени, Нанси был легким как пушинка. Забравшись наверх, каждый из стариков проделал один и тот же номер: шаг вперед, прыжок, и он уже на карусели.

— Ну? — рявкнул Среда. — И долго мы будем тебя ждать?

Тень, после некоторых колебаний, оглядевшись на всякий случай вокруг, — а вдруг кто-нибудь из служащих Дома-на-Скале стоит сейчас неподалеку и смотрит, — тоже вскарабкался на подиум. Мысль о том, что правила пользования каруселью он боится нарушить куда сильнее, чем несколько часов назад боялся совершить действия, которые любой суд счел бы пособничеством и содействием в организации мошеннической операции, позабавила его и слегка озадачила.

Все три старика уже успели выбрать себе по верховому зверю. Среда уселся на золотого волка. Чернобог сидел на спине закованного в латы кентавра, с лицом, скрытым за металлическими нащечниками шлема. Нанси, хихикнув, скользнул на спину огромного льва, собравшегося перед прыжком и раскрывшего пасть в немом рычании. И — похлопал льва по боку. Вальс Штрауса волшебным образом уносил их все дальше и дальше.

На лице у Среды играла улыбка, Нанси хохотал во всю глотку рассыпчатым старческим смехом, и даже вечно мрачный Чернобог, судя по всему, откровенно наслаждался аттракционом. У Тени

вдруг как будто гора с плеч упала: трое стариков веселятся от души, катаясь на Величайшей в Мире Карусели. Ну и что с того, что их в любой момент могут выставить из заведения? Разве это того не стоит? Не стоит права говорить потом, что ты из тех, кто прокатился на Величайшей в Мире Карусели? Прокатился на одном из этих великолепных чудищ?

Тень примерился к бульдогу, потом — к тритону и слону с золотым паланкином, взобрался в конце концов на спину существа с орлиной головой и телом тигра. И — постарался покрепче усесться в седле.

Ритм «Голубого Дуная» лился, звенел и пел у него в голове, свет тысяч и тысяч ламп сливался в единый радужный поток, и в долю секунды Тень вновь превратился в того ребенка, которым был когда-то и которому для счастья только и нужно было, что прокатиться на карусели: он сидел как влитой верхом на орлотигре, в самом центре бытия, и весь мир вертелся вокруг него.

Сквозь музыку Тень услышал смех и понял, что смеется он сам. Он был счастлив, такое чувство, словно последних двух дней вовсе никогда не было, как не было последних трех лет его жизни, да и сама эта жизнь в единый миг волшебным

образом претворилась в невнятную грезу маленького мальчика, что катается на карусели в парке возле Золотых ворот в Сан-Франциско, в свой первый приезд в Соединенные Штаты, и позади у него — бесконечное путешествие, сперва на корабле, потом на машине, а рядом с каруселью стоит мама и смотрит на него, и гордится им, а он облизывает тающее в руках мороженое на палочке, держится изо всех сил и мечтает только о том, чтобы музыка длилась и длилась, чтобы карусель никогда не останавливалась, чтобы скачка продолжалась вечно. Он ехал и ехал, и круг оставался за кругом, за кругом, за кругом…

А потом вдруг погас свет, и Тень увидел богов.

Глава шестая

Ни створок, ни стражи при наших вратах,
Течет через них многолюдный поток:
Здесь волжский бурлак и татарский пастух,
Безликий кули с берегов Хуанхэ,
Малаец ли, скиф, тевтон или кельт,
Бедствия Старого Света вкусив,
Несут к нам неведомых, странных бо-

гов
И темных страстей тигриный оскал;
И улицы наши покинул покой,
И чуждая речь пятнает наш слух:
И новый пред нами предстал Вавилон.

Томас Бейли Олдрич.*[31] *Врата без стражи

Буквально только что Тень ехал на Величайшей в Мире Карусели верхом на орлиноголовом тигре — и вдруг в единый миг свет красных и белых ламп вспыхнул ярче прежнего, запульсировал и погас, и Тень рухнул лицом вперед в исполненный звезд океан, а механический вальс сменился гулким ритмическим рокотом, будто невидимые барабанщики били в огромные барабаны или океанские валы в отдалении обрушивались на бетонные волноломы.

Иного света, кроме света звезд, не осталось, зато в этом, последнем, все вокруг виделось с хрустальной ледяной ясностью. Зверь под ним потянулся и переступил с ноги на ногу: и под левой рукой Тень почувствовал теплый мех, а под правой — перья.

---

[31] notes: 31

Томас Бейли Олдрич (1849–1903) — американский поэт, романист, путешественник и издатель.

— Славно прокатились, а? Как тебе кажется? — голос шел сзади, но слышал его Тень не ушами, а как-то иначе, словно внутри самого себя.

Тень обернулся, медленно, настороженно, рассыпав вокруг себя собственные отражения, замороженные осколки каждого движения, и каждое как в янтарь было оправлено в крохотную долю секунды, и каждое наималейшее движение длилось вечность. Образы, которые потоком хлынули в его мозг, не имели ровным счетом никакого смысла: словно взираешь на мир сквозь фасеточный, разбитый на отдельные переливчатые кристаллы глаз стрекозы, но только каждая фасетка показывала свое, и он был положительно не в состоянии свести воедино, в осмысленное целое то, что видел — или то, что ему представлялось.

Он смотрел на мистера Нанси, старого негра с тоненькими, будто карандашом прорисованными усиками, в клетчатом спортивном пиджаке и лимонно-желтых перчатках, и ехал этот мистер Нанси на игрушечном карусельном льве, а лев застыл в полупрыжке; и в то же самое время, на том же самом месте он видел сплошь усыпанного алмазами паука размером с лошадь, с глазами как дымчато-изумрудная россыпь звезд, и эта

россыпь смотрела прямо на него; а еще перед ним был невероятно высокого роста человек с кожей красно-коричневого цвета и с тремя парами рук, в развевающемся головном уборе из страусовых перьев, с лицом, разрисованным красными полосами, верхом на разъяренном льве, и четыре своих руки он запустил в львиную гриву, вцепившись в нее; и еще он видел черного оборванца-подростка с распухшей левой ногой, сплошь облепленной черными мухами; и наконец, за всем за этим Тень видел крошечного бурого паучка, который спрятался под сухим, охряного цвета листом.

Тень видел все это и знал, что перед ним — одно и то же существо.

— Закрой рот, — сказали все эти существа, которые все вместе были мистером Нанси, — муху проглотишь.

Тень закрыл рот и сглотнул — будто ком проглотил.

На холме, примерно в миле от них, стояли деревянные палаты. И все они ехали к этим палатам: копыта и лапы верховых животных беззвучно выбивали такт по сухому песку у края моря.

Чернобог трусил на своем кентавре и похлопывал его по руке.

— Не верь глазам своим! — крикнул он, обращаясь к Тени. Прозвучало не слишком убедительно. — Все это происходит исключительно у тебя в башке. Лучше вообще ни о чем таком не думать.

Тень действительно видел перед собой старого седого эмигранта из Восточной Европы, в допотопном плаще и со стальным зубом во рту. Но кроме этого он видел приземистое черное нечто, темнее, чем сама темнота, с двумя горящими как угли глазами; и еще он видел князя с длинными развевающимися по ветру черными волосами и длинными черными усами, у которого кровью были залиты и лицо и руки, который был обнажен до пояса, не считая переброшенной через плечо медвежьей шкуры, и который ехал верхом на полузвере-получеловеке, — а лицо и торс его были сплошь покрыты синими, вытатуированными по коже спиралями и завитками.

— Кто вы такие? — спросил Тень. — Что вы такое?

Звери шуршали ногами по песку. Волны яростно обрушивались на темный ночной берег и рассыпались в водяную пыль.

Среда подвел поближе к Тени своего волка — который превратился теперь в огромную угольно-черную зверюгу с зелеными глазами. Скакун

Тени шарахнулся от твари, но Тень погладил его по загривку и шепнул: *не бойся*. Тигр яростно хлестал себя хвостом по бокам. Тени показалось, что где-то рядом, за песчаными дюнами, крадется параллельным с ними курсом еще один волк, брат-близнец этого, и тут же исчезает из вида, стоит только повернуться в его сторону.

— Что, узнаешь меня, Тень? — спросил Среда. На волке он сидел, высоко вскинув голову. Правый его глаз сверкал и переливался в лунном свете, левый был слеп. На нем был плащ с объемистым, едва ли не монашеским капюшоном, и лицо его белело из черной прорези капюшона. — Я обещал тебе сказать, как меня зовут по-настоящему. Так слушай же теперь. Меня зовут Тот-Кто-Рад-Войне, Грим зовут меня, Налетчик и Третий. Я Одноглазый. Высоким кличут меня, и Догадой. Я Гримнир, и Капюшонник — тоже я. Я Отец Всех, и я — Гондлир Держатель Жезла. Имен у меня столько же, сколько на свете ветров, а прозваний не меньше, чем существует способов свести счеты с жизнью. Вороны мои — Хугин и Мунин, Мысль и Память; волки мои — Фреки и Гэри; а конь мой — виселица.

Два призрачно-серых ворона, похожих на полупрозрачные шкуры птиц, сели Среде на оба

плеча и тут же погрузили клювы ему *прямо в голову*, будто пробовали на вкус его мозг, а потом сорвались — оба — и улетели прочь.

Чему теперь мне верить? — подумал Тень, и откуда-то из самых дольних глубин мира, на густой басовой ноте пришел голос и дал ему ответ: *Верь всему*.

— Один? — произнес Тень, и ветер тут же сорвал это слово с его губ.

— Один, — прошептал в ответ Среда, и грохота океанских валов, набегающих на берег скелетов, не хватило, чтобы заглушить этот его шепот. — Один, — повторил Среда, катая слово во рту и пробуя на вкус. — Один! — торжествующим тоном взревел Среда, и вопль его раскатился от горизонта до горизонта. Имя набухло и заполнило собой мир — как грохот крови у Тени в ушах.

А потом, будто во сне, они уже не ехали к стоявшим на далеком холме палатам. Они оказались у самой стены, и скакуны их уже стояли у крытой коновязи.

Палаты оказались огромными, но особой изысканностью конструкции и пропорций не отличались. Бревенчатые стены, камышовая крыша. В центре обширной залы горел огонь, и дым ел Тени глаза.

— Нужно было собраться в моей голове, а не в его, — проворчал, встретившись с Тенью глазами, мистер Нанси. — Там было бы куда теплее.

— А мы у него в голове?

— Более или менее. Это Валаскьяльв. Древние его палаты.

Тень с облегчением отметил про себя, что Нанси снова превратился в прежнего старика в желтых перчатках, хотя в отблесках горевшего посреди зала пламени тень его билась, корчилась, металась и принимала формы далеко не всегда человеческие.

Вдоль бревенчатых стен тянулись деревянные скамьи, а на скамьях сидели — или стояли рядом с ними — люди, человек десять. Друг от друга они держались на почтительном расстоянии, и компания была довольно пестрая: темнокожая почтенного вида женщина в красном сари, несколько потрепанного вида бизнесменов, и еще кто-то, кого Тень из-за огня никак не мог как следует разглядеть.

— Где они все? — с яростным шепотом обернулся к Нанси Среда. — Ну? Где они? Нас тут должен быть не один десяток. Нас тут должны быть сотни!

— Приглашать публику — это было по твоей

части, — пожал плечами Нанси. — По мне, так удивительно, что здесь вообще хоть кто-то собрался. Как ты думаешь, не рассказать ли мне байку для затравки?

Среда затряс головой.

— И думать не моги.

— Вид у них не больно радостный, — продолжил Нанси. — А добрая байка — прекрасный способ завоевать симпатии публики. А барда подходящего, чтобы спел им что-нибудь, у тебя, насколько я понимаю, при себе нет.

— Давай без баек, — сказал Среда. — Не время сейчас. Время травить байки придет позже. А сейчас не стоит.

— Не стоит. Ну и ладно. Я просто выступлю у тебя на разогреве, — и с этими словами мистер Нанси вышел вперед, поближе к очагу, с широкой радостной улыбкой на лице.

— Я знаю, о чем вы все сейчас думаете, — сказал он. — Вы думаете: с чего это Компэ Ананси взбрело в голову заговаривать нам зубы, когда Отец Всех затащил нас сюда, точно так же, как и самого Компэ Ананси он тоже сюда затащил? И знаете, что я вам на это скажу: иной раз порядочным людям не грех кое о чем и напомнить. Когда я вошел в этот зал и оглянулся вокруг, я подумал: а

где все остальные? А следом мне пришла в голову еще одна мысль: нас мало, а их много, и поэтому мы слабее, чем они, — но именно это и позволяет нам надеяться на победу.

Знаете, как-то раз, давным-давно, я встретил у водопоя тигра: орешки у него были — самые большие, какие только могут быть у зверя, и когти самые острые, и два передних клыка были длинные как сабли и острые как бритва. И я сказал ему: братец Тигр, пока ты плаваешь, давай я пригляжу за твоими орешками. Он ими так гордился, своими орешками. И вот он прыгнул в воду, а я прицепил его тигриные орешки, а ему оставил свои, крошечные, паучьи. А потом — знаете, что я сделал потом? Я удрал оттуда, и бежал так быстро, как только мои длинные паучьи ножки могли меня носить. И я не останавливался, пока не добежал до соседнего города. И там увидел Старого Макака. Классно выглядишь, Ананси, сказал мне Старый Макак. А я ему на это: а знаешь, какую песенку сейчас поют все на свете, в том городе, откуда я? — Какую песенку они поют? — спрашивает он меня. Очень смешную, говорю я. И тут я начал приплясывать и петь:

Орешки тигра, да-да-да,

Я съел орешки тигра!
Мы будем власть в лесу менять,
П'тамушта нет сильней меня,
П'тамушта тигра круче я,
Я съел орешки тигра.

И тут Старый Макак покатывается со смеху, и держится за бока, и топочет ногами, а потом тоже начинает припевать: *Орешки тигра, да-да-да, Я съел орешки тигра,* — и щелкает пальцами, и крутится вокруг себя на двух своих ногах. Какая классная песня, говорит он мне, пойду ее спою всем своим друзьям. — Давай-давай, говорю я, а сам кидаюсь бежать обратно к водопою. А там, у водопоя, ходит тигр, взад-вперед по берегу, и хвост у него крутится змеей и хлещет по земле, а уши и шерсть на загривке торчат так, что просто ужас, и на каждую проползающую мимо букашку он клацает своими зубами-саблями, а глаза горят оранжевым пламенем. И на вид он весь такой огромный, злой и страшный, но между ног у него болтаются самые маленькие на свете орешки, в самом наималюсеньком, крошечном, сморщенном черном мешочке, какой только есть на свете.

Послушай, Ананси, говорит он, как только

замечает меня. Мы вроде договаривались, что пока я плаваю, ты будешь охранять мои орешки. Но когда я вылез из воды, на всем берегу не оказалось ровным счетом ничего, кроме этих вот дурацких, сморщенных, черных, никуда не годных и никому не нужных паучьих орешков, которые сейчас на мне. Я сделал все, что было в моих силах, говорю я ему, но что я мог поделать с этими макаками, которые пришли невесть откуда и слопали твои орешки, а когда я попытался их прогнать, они мне самому оторвали орешки, мои маленькие черные орешки. И так мне стало стыдно, что я убежал. Ты врешь, Ананси, говорит мне тигр. И за это я выпущу и съем твои кишки. Но тут он слышит, как макаки идут из города своего к водопою. Дюжина радостных таких макак, и они все как есть скачут по дорожке, щелкают пальцами и поют во всю глотку:

Орешки тигра, да-да-да,
Я съел орешки тигра!
Мы будем власть в лесу менять,
П'тамушта нет сильней меня,
П'тамушта тигра круче я,
Я съел орешки тигра.

И тут тигр принимается ворчать и рычать, а потом кидается за ними следом в лес, а макаки вопят и бегут врассыпную, кто куда, к ближайшим деревьям. А я почесываю мои новые большие орешки, которые очень даже неплохо смотрятся между моими тощими паучьими ножонками, и отправляюсь себе домой. А тигр и по сию пору продолжает гоняться за макаками. Так что запомните, дамы и господа: из того, что вы маленькие, вовсе не следует, что сила за вами не водится.

Мистер Нанси улыбнулся, поклонился, раскинул руки в стороны, принимая положенные аплодисменты и смех как истинный профессионал, а потом повернулся и пошел туда, где стояли Чернобог и Тень.

— Мне кажется, я сказал, что баек никаких не нужно, — подал голос Среда.

— А что ты называешь байкой? — вскинулся в ответ Нанси. — Да я разве что горло успел прочистить. И чуточку публику перед твоим выходом разогрел, самую малость. А теперь иди и вышиби из них дух.

Среда вышел в круг света, мощный старик со стеклянным глазом, в светлом костюме и коричневом пальто от Армани. Он стоял и смотрел на людей, которые сидели на скамейках вдоль стен,

стоял и молчал, и молчание это длилось много дольше, чем — с точки зрения Тени — позволительно было держать начальную паузу. А потом он заговорил.

— Вы меня знаете, — сказал он. — Вы все меня знаете. У некоторых из вас нет особых причин относиться ко мне с симпатией, но — любите вы меня или нет — вы меня знаете.

Сидевшие на лавках зашевелились: по залу будто прошла смутная рябь.

— На этой земле я много дольше, чем большинство из вас. Как и всем вам, раньше мне казалось, что жить здесь вполне можно и при тех раскладах, которые мы имеем на сегодняшний день. Поводов для особой радости нет, но концы с концами сходятся. Но судя по всему, эта наша жизнь вскоре может остаться позади. Надвигается буря, и не мы эту бурю накликали.

Он помолчал. Потом сделал шаг вперед и сложил на груди руки.

— Когда люди стали приезжать в Америку, они привезли с собой нас. Они привезли меня и Локи с Тором, Ананси и Бога-Льва, лепреконов,

кобольдов и банши, Куберу,[32] и Фрау Холле,[33] и Аштарота,[34] — и вас они привезли тоже. Мы приехали сюда у них в головах и пустили здесь корни. Вместе с первопоселенцами мы отправились в долгий путь через океан.

Эта земля огромна. Довольно скоро люди забыли о нас, мы сохранились в их памяти как символы старого мира, что остались позади и не переместились в этот мир, новый. Те, кто действительно верил в нас, умерли или утратили веру, и нам, потерянным, напуганным и разочарованным, остались в утешение разве что жалкие крохи прежней веры и прежнего почитания, да и те находить становится все труднее. И все труднее жить и рассчитывать на них в будущем.

— Вот так мы и жили до сегодняшнего дня, перебивались как могли, прячась по темным углам, где никто не видел и не искал нас.

---

[32] notes: 32

Куберу — в индуистской мифологии бог богатства.

[33] notes: 33

Госпожа Холле (Хюльда, Хольда и т. д.) — в германском фольклоре «лесная хозяйка», отчасти подобная скандинавским хюльдрам, связана с широким кругом сюжетов и семантическими полями ткачества, зимы, куротрофии, «волшебной невесты» и т. д.

[34] notes: 34

Аштарот — в иудео-христианской демонологии — Князь Ада. Изображается в виде обнаженного мужчины с драконьими крыльями и змеями в руках.

Давайте же взглянем правде в глаза: мы утратили власть — или почти утратили. Мы тащим все, что только можем, мы паразитируем на людях, и тем живы; мы пляшем голыми, мы отдаемся за деньги, мы слишком много пьем; мы сливаем по-тихому бензин, мы воруем и обманываем, мы ютимся в трещинках на дальних закраинах общества. Старые боги — в этой новой безбожной стране.

Среда сделал паузу и оглядел сидевших перед ним, переводя взгляд с одного на другого: вид у него был очень серьезный, и больше всего сейчас он походил на политика во время предвыборной кампании. Впрочем, встречные взгляды были бесстрастны, а лица похожи на маски. Среда прочистил горло и смачно сплюнул в очаг: будто бензину плеснул — пламя тут же вспыхнуло куда ярче прежнего и осветило весь зал.

— Ну, а теперь, как каждый из вас, вне всякого сомнения, имел возможность убедиться на личном опыте, в Америке начало подрастать, цепляясь за набухающие узлы людских суеверий, новое поколение богов: боги кредитных карт и скоростных шоссе, интернета и телефона, радио, телевидения и медицинского обслуживания, боги пластика, пейджеров и неоновых вывесок.

Нахальные, жирные и тупые выскочки, раздувшиеся от чувства собственной значимости и от того, какие они «передовые». Они знают про нас, они боятся нас, они нас ненавидят, — сказал Один. — Если вам кажется, что это не так — то вам это всего лишь кажется. Они бы давно уничтожили нас, будь это в их власти. И самое время нам собраться в единый кулак. Настало время действовать.

В круг света выступила пожилая женщина в красном сари. На лбу у нее поблескивал маленький темно-синий бриллиант. Она сказала:

— И ты собрал нас только для того, чтобы огласить всю эту чушь? — и фыркнула, насмешливо и раздраженно.

Среда насупил брови.

— Да, я собрал вас всех. Но только это не чушь, Мама-джи, никакая это не чушь. Это даже малому ребенку понятно.

— Это меня ты назвал ребенком, я правильно тебя поняла? — Она ткнула в его сторону указательным пальцем. — Да я успела состариться в Калигате[35] прежде чем тебя, придурка, выдумали в твоем медвежьем углу. Значит, я, по-твоему,

[35] notes: 35

Калигат — один из исторических районов Калькутты, где, в частности, расположен знаменитый храм богини Кали.

ребенок? Ну хорошо, пусть я ребенок — тем более не вижу ничего в твоей пустой болтовне, что касалось бы меня лично!

И снова поле зрения Тени рассыпалось на части: он видел перед собой старуху с лицом, по которому возраст и разочарования прошлись от души и оставили глубокую сеть морщин, но за ней угадывался другой, куда более мощный образ — обнаженная женщина с кожей черной, как новая кожаная куртка, и с губами и языком красными, как артериальная кровь. Вокруг шеи у нее висело ожерелье из человеческих черепов; рук у нее было великое множество, и в каждой — либо нож, либо меч, либо отрубленная голова.

— Я вовсе не называл тебя ребенком, Мамаджи, — примирительным тоном сказал Среда. — Но очевидно же, что…

— Единственное, что здесь очевидно, — сказала старуха, ткнув в сторону Среды пальцем (из-за спины у нее, сквозь нее и поверх нее, параллельным жестом завис огромный черный палец с бритвенно-острым ногтем), — так это твоя жажда славы. Мы долго жили в мире, в этой новой стране. Я согласна, что некоторым из нас приходится хуже, чем прочим. Я на жизнь не жалуюсь. Дома, в Индии, есть одно из моих воплощений, у

которого жизнь сейчас куда слаще моей, — ну и пусть. Я завидовать не привыкла. Я видела, как рождаются новые боги, и падение их я наблюдала тоже. — Ее рука упала и повисла вдоль туловища. Тень заметил, как на нее смотрели другие боги: во взглядах — смесь уважения, удивления и замешательства. — Буквально миг тому назад в этой стране молились на железные дороги. А теперь о чугунных богах забыли так же прочно, как об охотниках за изумрудами…

— Давай ближе к делу, Мама-джи, — сказал Среда.

— К делу? — Ноздри у нее затрепетали, а уголки рта опустились вниз. — Я хочу сказать — хотя я не более чем ребенок, это *очевидно*, — я хочу сказать, что нам нужно выждать время. Не нужно ничего делать. Откуда в нас эта уверенность, что они хотят нам зла?

— И тот же самый совет ты дашь нам тогда, когда они заявятся к тебе ночью, чтобы убить тебя или похитить?

Это предположение явно позабавило ее. Надменное выражение проступило сразу через все черты ее лица: губы, брови, крылья носа.

— Пусть только попробуют, — процедила она. — Изловить меня им будет нелегко, а убить

— и того труднее.

Сидевший рядом с ней приземистый и широкоплечий молодой человек прочистил горло, привлекая к себе внимание, а потом сказал густым раскатистым голосом:

— Послушай, Отец Всех, мой народ живет вполне себе ничего. При прочих равных можно сказать, что мы чуть ли не благоденствуем. Если эта твоя война обернется против нас, мы можем все потерять.

Среда сказал:

— Вы уже потеряли все на свете. И я предлагаю вам шанс кое-что отыграть обратно.

С этими его словами пламя взмыло высоко вверх, осветив лица всех сидевших в зале.

Я же не верю во все это, думал Тень. *Я ни во что это не верю. Наверное, мне по-прежнему пятнадцать лет. Мама еще жива, и я даже не успел познакомиться с Лорой. И все, что произошло за последнее время, — просто сон, очень подробный и достоверный сон.* Но и в это поверить у него тоже не получалось. Ибо верим мы посредством наших чувств, тех инструментов, которые используем при восприятии мира: зрения, осязания, памяти. И если чувства нас обманывают, верить нельзя ничему. Но даже если мы ни во что не верим,

идти по какой-либо другой дорожке, кроме той, что показывают нам наши чувства, мы не в состоянии: и эту дорожку мы должны пройти до самого конца.

А потом огонь догорел, и в Валаскьяльве, Зале Одина, воцарилась тьма.

— И что теперь? — прошептал Тень.

— А теперь вернемся назад, туда, где карусель, — вполголоса произнес в ответ мистер Нанси. — И старина Одноглазый угостит нас всех ужином, пожмет пару рук, поцелует пару младенцев, и больше никто на свете не произнесет слова на букву «б».

— Слова на букву «б»?

— *Боги.* Так все-таки что ты делал в тот день, когда людям раздавали мозги, а, парень?

— Да вот, помнится, кто-то рассказывал байку про то, как у тигра сперли орешки, и мне пришлось бросить остальные дела и дослушать, чем дело кончилось. — Мистер Нанси хихикнул. — Но ведь ничего еще не решено. Никто и ни под чем не подписался.

— Он теперь будет их потихоньку уламывать. По одному за раз. Сам увидишь. В конце концов все они будут с нами.

Откуда ни возьмись поднялся ветер: перебирал

Тени волосы, пальцами проходился по лицу, толкал в бок.

Они уже стояли в зале с Величайшей в Мире Каруселью и слушали «Императорский вальс».

На другом конце зала Среда бойко общался с какой-то группой, судя по виду — обычных туристов, вот только было их ровно столько, сколько призрачных фигур сидело недавно в палатах Одина.

— Сюда, пожалуйста, — громогласно объявил Среда и вывел публику через единственный в зале выход, оформленный в виде чудовищной пасти, с зубами столь многочисленными и острыми, что казалось, всю честную компанию они уже через секунду нашинкуют в капусту. Среда среди этих людей был — как рыба в воде, как политик на вечеринке: шутил, подбадривал кого-то, улыбался, мягко протестовал, примирительно пожимал руки.

— А это все и вправду было? — спросил Тень.

— Что и вправду было, дурья твоя башка? — переспросил мистер Нанси.

— Зал. Огонь. Орешки тигра. Катание на карусели.

— Ты что, сдурел? На карусели вообще никому кататься нельзя. Ты разве таблички не видел? А

теперь заткнись.

Чудовищная пасть вела в комнату с механическими оркестрами, что вызвало у Тени замешательство, — разве не этой именно дорогой они сюда шли? Впрочем, и во второй раз комната показалась ему ничуть не менее странной. Среда провел всех вверх по лестнице мимо свисавших с потолка четырех всадников Апокалипсиса и далее — по указателям, в сторону ближайшего выхода.

Тень и Нанси замыкали группу. Буквально через несколько минут Дом-на-Скале остался позади, они прошли по магазину сувениров и двинулись в сторону парковки.

— Жаль, ушли так рано, — сказал мистер Нанси. — Я, вроде того, надеялся взглянуть на самый большой в мире искусственный оркестр.

— Да видел я его, — откликнулся Чернобог. — Ничего особенного.

Ресторан оказался в десяти минутах езды от Дома-на-Скале. Среда проинформировал каждого из своих гостей, что за ужин заплатит сам, а для тех, у кого не оказалось автомобиля, организовал доставку.

Тень прикинул про себя: а как, интересно знать, они, во-первых, добрались до Дома-на-Скале,

не имея средств передвижения, а во-вторых, как собираются отсюда разъезжаться. Но вслух ничего говорить не стал. Это, судя по всему, на данный момент было с его стороны самое удачное решение.

Отвозил гостей к ресторану, естественно, Тень: женщина в красном сари устроилась на переднем сиденье, с ним рядом. На заднем были двое мужчин: приземистый, странного вида молодой человек, имени которого Тень не разобрал, но звучало похоже на «Элвис», и еще один, в темном костюме, которого Тень вообще не запомнил.

Когда этот человек садился в машину, Тень стоял рядом, открыл перед ним дверцу и закрыл ее, но когда тот сел, не мог вспомнить ни единой детали. Он нарочно обернулся и постарался рассмотреть его как следует: лицо, волосы, одежду, и только убедившись в том, что теперь наверняка сможет узнать его при следующей встрече, развернулся обратно, включил зажигание — и тут же обнаружил, что всякое воспоминание об этом человеке начисто стерлось из его памяти. Осталось только общее ощущение, что человек этот весьма зажиточный, и больше ничего.

Что-то подустал я, подумал Тень. Он бросил украдкой взгляд вправо и окинул глазами индус-

ку. На шее — цепочка из крохотных серебряных черепов; браслетик из соединенных как попало человеческих голов и рук, который мелодично позвякивал при каждом ее движении; темно-синий бриллиант на лбу. Пахло от нее пряностями — кардамоном и мускатным орехом — и цветами. Волосы у нее были цвета перца с солью: заметив, что он на нее смотрит, она улыбнулась в ответ.

— Можешь называть меня Мама-джи, — сказала она.

— А меня зовут Тень, Мама-джи, — ответил он.

— И что вы думаете насчет планов вашего работодателя, мистер Тень?

Он притормозил, пропуская рванувший на обгон огромный черный грузовик, который в благодарность тут же обдал их брызгами.

— Он особо не распространяется, а я не задаю лишних вопросов, — сказал Тень.

— Сдается мне, хочется ему последней битвы. Он хочет, чтобы мы ушли в блеске славы. Вот чего он добивается. А мы за это время настолько успели поглупеть и состариться, что наверняка найдутся среди нас такие, кто встанет под его знамена.

— Мне деньги платят не за то, чтобы я вопросы задавал, Мама-джи, — сказал Тень, и салон маши-

ны огласился ее мелодичным смехом.

Человек, сидевший на заднем сиденье, — не странного вида молодой человек, а тот, другой — что-то сказал, и Тень ему даже ответил, но убей его бог, если через секунду он смог бы вспомнить хоть единое слово из того, что сказал.

Странного вида молодой человек вообще ничего не говорил, но по ходу дела начал что-то напевать себе под нос: этакое густое, раскатистое мычание на басовой ноте, от которого салон автомобиля понемногу начал вибрировать и дрожать.

Этот молодой человек росту был среднего, но тело у него было довольно необычной формы: Тени и раньше доводилось слышать метафору насчет людей, у которых грудь как пивная бочка, но живого представителя видать не случалось. А у этого парня грудь именно что и была как бочка, и ноги — ну да, точь-в-точь как брусья, а руки — как свиные окорока, не больше и не меньше. Одет он был в черную парку с капюшоном, несколько свитеров, джинсовый комбинезон, а к этому — совершенно не по погоде и в полном противоречии с остальным его костюмом — прилагались белые туфли-тенниски, размером и формой как две обувные коробки. Пальцы его напоминали

сардельки, с плоскими квадратными ногтями.

— Ну и голосок у вас, — сказал Тень с водительского сиденья.

— Прошу прощенья, — сказал странного вида молодой человек извиняющимся тоном и все тем же густым басом. И гудеть перестал.

— Да нет, мне нравится, — сказал Тень. — Я не против.

Странного вида молодой человек немного поколебался, а потом снова начал гудеть, и бас его не стал ни тоном жиже. Только на сей раз сквозь общий тон можно было расслышать слова, а вернее — одно и то же слово:

— Ниже, ниже, ниже, — пел он так, что окна ходили ходуном. — Ниже ниже ниже, ниже ниже, ниже ниже.

На карнизах жилых домов и прочих зданий, мимо которых они ехали, перемигивались самые разнообразные рождественские гирлянды: от спорадически вспыхивавших обычных желтых лампочек до огромных электрических картин с медведями, снеговиками и разноцветными звездами.

Тень вырулил к ресторану, большому, похожему на амбар зданию, выпустил пассажиров через переднюю дверь и отогнал машину на стоянку.

Ему захотелось пройтись до ресторана пешком, по холодку, чтобы проветриться.

Машину он припарковал возле черной фуры. Интересно, подумал он, а это не та же ли самая, что обогнала нас на шоссе. Он запер машину и немного постоял возле нее, выдыхая в воздух облачка пара.

Он представил себе, как сейчас в ресторане Среда рассаживает гостей вокруг большого стола, стараясь каждого устроить поудобнее. Н-да, подумал Тень, что если я и правда вез сегодня на переднем сиденье богиню Кали, и потом подумал, — а кто же в это время ехал на заднем…

— Эй, земляк, огоньку не найдется? — раздался смутно знакомый голос, и Тень обернулся, чтобы сказать нет и извиниться, но дуло пистолета уже ударило его под левый глаз, и он потерял равновесие. Перед тем как упасть, он вытянул перед собой руку, чтобы приземлиться помягче. Кто-то уже успел сунуть ему в рот какую-то мягкую дрянь, чтобы он не вздумал шуметь, и затолкал поглубже в глотку: спокойными уверенными движениями, будто мясник потрошит курицу.

Тень попытался закричать, чтобы предупредить Среду, чтобы предупредить их всех, но изо рта у него донеслось разве что сдавленное мы-

чание.

— Птички в клетке, — сказал все тот же смутно знакомый голос. — Все на местах? — Ответ пришел по рации, искаженный помехами до полной неразличимости. — Вперед, ребята, и чтобы ни одна тварь у меня не ушла.

— А с этим громилой что делать? — спросил другой голос.

— Упаковать и на хрен его отсюда, — ответил первый.

На голову Тени накинули нечто вроде мешка, запястья и щиколотки замотали клейкой лентой, забросили его в кузов фуры и увезли прочь.

В крохотной каморке, где его заперли, окон не было. Был пластмассовый стул, легкий складной стол и ведро с крышкой, которое служило Тени вместо туалета. Еще на полу был кусок желтой пенки футов шесть в длину и сиротское одеяло с коричневым пятном в центре, засохшим так давно, что теперь уже невозможно было разобрать, кровь это, дерьмо или какая-то съедобная субстанция. Тени это было без разницы — он особо и не приглядывался. Потолок был довольно высокий, и на нем — голая электрическая лампочка, забранная железной решеткой, а вот выключателя в комнате Тень отыскать не смог.

Свет горел всегда. И ручки на внутренней стороне двери тоже не предполагалось.

Он хотел есть.

После того как агенты затолкали его в комнату, срезали со щиколоток и запястий скотч и оставили в покое, первое, что сделал Тень — внимательнейшим образом прошелся по всей комнате. Выстукал стены. Звук был металлический, глухой. Под самым потолком — зарешеченное вентиляционное отверстие. Дверь заперта намертво.

Из-под левого глаза у него медленно сочилась кровь. Голова болела.

Пол ничем не был застелен. Он простучал его. Тот же самый металл, что и на стенах.

Он снял с ведра крышку, отлил и вернул крышку на место. Судя по часам, с момента налета на ресторан прошло часа четыре, не больше.

Бумажника при нем не было, а вот монеты они трогать не стали.

Он сел на стул, к карточному столику, покрытому зеленым, сплошь в подпалинах от сигарет сукном. Сначала Тень поупражнялся в «проталкивании» монет через стол. Потом отобрал два четвертака и отработал «бессмысленную передачу».

Один четвертак он спрятал в ладони правой руки, а другой взял в левую, открыто зажав его между указательным и большим пальцами. Потом сделал вид, что забирает четвертак из левой, притом, что на самом деле монетка скатилась в кулак той же руки, а сам раскрыл правую ладонь и показал четвертак, который лежал там с самого начала.

Манипуляции с монетами были хороши уже тем, что позволяли больше ни о чем не думать: или, вернее, выполнять их должным образом было практически невозможно, если ты при этом расстроен или зол, так что иллюзионистская техника сама по себе, даже сейчас, когда демонстрировать ее было некому, кроме самого себя — ибо для того, чтобы изобразить простейшее движение, передачу монетки из одной руки в другую, нужно было, во-первых, овладеть достаточно сложными навыками, а во-вторых, полностью сосредоточиться на процессе, — успокаивала и очищала мозги от страха и смятения.

Потом он взялся исполнять фокус еще более бессмысленный: превращать одной рукой доллар в цент, притом, что были у него только два четвертака. По ходу фокуса каждую из двух монет следует поочередно прятать и показывать: он и

начал с того, что один четвертак был на виду, а второй — нет. Он поднес пальцы ко рту, дунул на ту монетку, которую держал открыто, а сам при этом — классическим движением — переправил ее в ладонь, а большой и указательный палец при этом достали и показали вторую, спрятанную монетку. В итоге сложилось впечатление, будто он показал четвертак, поднес его ко рту, дунул на него и снова опустил — и все это время был у него в руке один и тот же четвертак.

Трюк этот он проделывал много раз подряд.

Интересно, подумал он, убьют они меня или нет — и тут же рука его дрогнула, совсем чуть-чуть, но ровно настолько, чтобы один из двух четвертаков выскользнул из пальцев и упал на покрытое подпалинами сукно карточного стола.

А потом, поскольку на фокусах он уже просто-напросто не мог сосредоточиться, Тень отложил монетки в сторону, вынул подаренный Зорей Полуночной доллар с головой Свободы, крепко сжал его в кулаке и стал ждать.

В три часа ночи, по наручным часам Тени, агенты вернулись, чтобы допросить его. Двое мужчин в темных костюмах, черных лаковых туфлях, темноволосые. Ну точно, агенты. Один был широкоплечий, с квадратной челюстью и

густой шевелюрой, и по нему было видно, что в юности он играл в американский футбол за сборную школы. А еще ногти у него были обкусаны чуть не до самых корней. Второй заметно лысел: круглые очки в серебряной оправе, тщательно обработанные ногти. В общем-то никакого особого сходства, но Тень отчего-то поймал себя на мысли, что наверняка на каком-то глубинном — клеточном что ли — уровне эти два человека полностью идентичны. Они встали по обе стороны от карточного столика и уставились на него.

— Как долго вы работаете на объект, сэр? — спросил один из них.

— Я не понимаю, о чем речь, — ответил Тень.

— Обычно он представляется как Среда. Грим. Ал-Фатер. Старик. Вас видели в его обществе, сэр.

— Я работаю на него около двух суток.

— Только не нужно нам врать, сэр, — сказал тот, что в очках.

— Договорились, — кивнул Тень. — Не буду. Но двое суток остаются двумя сутками.

Тот, что с квадратной челюстью, вытянул руку и ухватил Тень за ухо. Ухо он выкрутил, сжав его при этом со всей дури. Боль была довольно ощутимая.

— Мы же просили не врать нам, сэр, — с мягким

упреком в голосе сказал он. И отпустил ухо.

У каждого из агентов под пиджаком было по кобуре. Даже и думать нечего. Тень и не думал. Он представил себе, что он снова в тюрьме. *Мотай свой срок, тяни время*, думал Тень. *Не говори им ничего, чего бы они уже не знали. Не задавай вопросов.*

— Вы связались с очень дурной компанией, сэр, — сказал тот, что в очках. — И вы окажете своей стране неоценимую услугу, если начнете давать свидетельские показания, — и улыбнулся, более чем ласково. *Я добрый полицейский*, гласила его улыбка.

— Я понял, — сказал Тень.

— А если вы откажетесь нам помогать, сэр, — сказал тот, что с квадратной челюстью, — у вас будет возможность полюбоваться на то, до чего мы доходим, когда бываем не в духе.

Он ударил Тень в солнечное сплетение, наотмашь. Это еще не пытка, подумал Тень, согнувшись пополам, это он просто дает мне понять, для контраста: *Я злой полицейский*. Его вырвало.

— Мне бы очень хотелось, чтобы у вас было хорошее настроение, — сказал Тень, как только восстановил дыхание.

— Нам и нужно-то всего ничего: ваше сотруд-

ничество, сэр.

— А могу я… — хватанул воздуха Тень, и тут же осекся: *не задавай вопросов*, подумал он, но было уже поздно, слова уже повисли в воздухе, — могу я поинтересоваться, с кем именно собираюсь сотрудничать?

— Ты что, хочешь, чтобы мы представились? — спросил агент с квадратной челюстью. — Да ты, парень, совсем рехнулся!

— Да нет, погоди, он дело говорит, — сказал агент в очках. — Ему же так проще будет с нами общаться. — Он перевел взгляд на Тень и улыбнулся так, словно рекламировал зубную пасту. — Ну, значит, меня зовут мистер Камен, сэр. А мой коллега — мистер Лесс.

— В общем-то, — поправился Тень, — я хотел понять, от какой конторы вы работаете. ЦРУ? ФБР?

Камен покачал головой.

— Ну и вопросы вы задаете! Прошли те времена, когда все было настолько просто. Теперь все куда сложнее.

— Частный сектор, — подхватил Лесс, — сектор государственный. Сами понимаете. В наши дни все перемешалось.

— Но уверяю вас, — сказал Камен, показав все тридцать два зуба, — мы играем за *хороших* пар-

ней. Кстати, сэр, вы есть не хотите? — Он полез в карман пиджака и вынул оттуда сникерс. — Вот, пожалуйста. Это подарок.

— Спасибо, — сказал Тень. Он развернул сникерс и тут же съел.

— Вам, наверное, нужно его чем-нибудь запить. Кофе? Пива?

— Воды, если можно, — сказал Тень.

Камен подошел к двери и постучал. Дверь открылась, появился охранник, Камен что-то сказал ему, тот кивнул и через минуту вернулся с пластиковой чашкой, полной холодной воды.

— ЦРУ, — скорбно покачал головой Лесс. — Те еще придурки. Да, кстати, Камен, слышал свежий анекдот про цэрэушников? В общем, так: что служит неопровержимым доказательством того, что к убийству Кеннеди ЦРУ не имело никакого отношения?

— Не знаю, — сказал Камен. — Ну и что служит доказательством?

— Что он действительно умер, — ответил Лесс, и они оба рассмеялись.

— Ну что, полегче стало? — поинтересовался Камен.

— Вроде того.

— Тогда почему бы вам, сэр, не рассказать нам

о том, что происходило сегодня вечером?

— Да так, на экскурсию ходили. В Дом-на-Скале. Потом решили поесть чего-нибудь. Ну, а дальше сами знаете.

Камен тяжело вздохнул. Лесс разочарованно покачал головой, а потом ударил Тень носком туфли в коленную чашечку. Боль жуткая. После чего Лесс медленно приставил кулак Тени к спине, прямо над правой почкой, а потом еще и резко надавил, и боль в колене показалась Тени легкой разминкой.

Я мощнее любого из них, подумал Тень. *Справиться с ними я справлюсь*. Но у них при себе пушки; если даже предположить, что ему удастся — каким-то образом — убить или обезвредить обоих, он по-прежнему останется заперт в этой железной конуре с двумя трупами на руках. С другой стороны, у него будет пистолет. Даже два пистолета. *Нет.*

Лесс старательно избегал контакта с лицом Тени. Никаких следов. И никаких особых методов: только руками и ногами, по коленям и по корпусу. Было больно; Тень сжал в кулаке доллар со Свободой и стал ждать, когда это кончится.

Времени на ожидание ушло немало.

— Мы проведаем вас через пару часов, сэр, —

сказал Камен. — Вы поймите. Лессу все это не доставило ровным счетом никакого удовольствия. Мы люди разумные. И как я уже сказал, воюем на правильной стороне. А вот вы как раз — на неправильной. Кстати, может, вам пока поспать немного?

— И в ваших интересах начать относиться к этому делу серьезно, — вставил Лесс.

— Лесс дело говорит, — сказал Камен. — Так что подумайте над этим.

Дверь с грохотом захлопнулась. Интересно, подумал Тень, а свет они выключат? Не выключили: лампочка холодным глазом осталась гореть на потолке. Тень, как смог, перебрался на другой конец комнаты, на желтую пенку, натянул на себя тонкое одеяло и закрыл глаза: держаться ему было не за что, вот разве что за сны.

Шло время.

Ему снова пятнадцать лет, и умирает мама, и все пытается ему сказать что-то очень важное, а он никак не может понять, что именно. Он дернулся во сне, и приступ боли вернул его из полусна в полуявь: он открыл глаза и прищурился.

Под тонким одеялом его била дрожь. Он прикрыл глаза правой рукой, экранируя их от электрического света лампы. Интересно, подумал

он, а Среда и все прочие — живы еще? И — на свободе? Будем надеяться, что именно так и есть.

Серебряный доллар холодил ему левую ладонь. Этот холодок он чувствовал постоянно, и сейчас, и когда его били. Он вяло принялся думать о том, почему монета до сих пор не согрелась до температуры его тела. В этом полусне-полуяви серебряная монета, сама идея Свободы, луна и Зоря Полуночная каким-то образом соединились в серебристый луч света, который шел откуда-то из самой глубины небесной, и его понесло вверх по этому лучу, подальше от боли в костях и сердце, и от страха, и — слава богу — обратно в сон…

Откуда-то издалека пришел неясный звук, но обращать на него внимание было уже поздно: он с головой ушел в царство сна.

Пришла невнятная мысль: хоть бы это были не те двое, которые его разбудят. Ведь его снова станут бить, станут кричать. А потом он с удовольствием отметил, что действительно уснул и что ему больше не холодно.

Кто-то где-то звал на помощь, во всю глотку, вот только было неясно, во сне это или наяву.

Тень, не просыпаясь, перекатился с боку на бок, с удивлением отметив для себя еще несколько мест на теле, в которых жила боль.

Кто-то тряс его за плечо.

Он хотел было попросить их, чтобы они оставили его в покое и дали поспать, но наружу вырвался только хриплый стон.

— Бобик! — раздался голос Лоры. — Тебе пора вставать. Просыпайся, милый мой, пожалуйста!

Это была минута тихого и счастливого облегчения. Ему приснился такой странный сон, про тюрьму и уголовников, про дряхлых, доживающих свой век богов, и вот теперь Лора будит его, чтобы сказать, что ему пора на работу, но может быть, до того, как выскочить из дома, он еще успеет урвать чашку кофе и поцелуй, или даже больше чем поцелуй; и он вытянул руку, чтобы дотронуться до нее.

Она была холодная, как лед, и липкая на ощупь.

Тень открыл глаза.

— Откуда на тебе вся эта кровь? — спросил он.

— Это не моя, — ответила она. — Это других людей. Меня-то залили формальдегидом, с добавлением глицерина и ланолина.

— Каких других людей? — спросил он.

— Охранников, — ответила она. — Не беспокойся, все в порядке. Я их убила. А ты лучше уходи отсюда. Хотя я не думаю, что у кого-то из них был

шанс поднять тревогу. Куртку возьми, вон там, а то задницу отморозишь.

— Ты их убила?

Она пожала плечами и неловко улыбнулась. Вид у нее был такой, будто она только что написала большое полотно, причем писала его прямо руками, и исключительно в алых тонах: пятна и потеки красного были и на лице, и на одежде (все тот же синий костюм, в котором ее похоронили), и на память Тени пришел Джексон Поллок, потому что думать о Джексоне Поллоке было куда удобнее, чем принять возможную альтернативу.

— Если ты сам уже мертвый, людей убивать гораздо проще, — объяснила она. — В смысле, ничего особенного. Никакие предрассудки на этот счет больше не мучают.

— Для меня это по-прежнему совсем не просто, — сказал Тень.

— Так ты хочешь остаться здесь и подождать, пока прибудет утренняя смена? — поинтересовалась она. — Если хочешь, оставайся. А я думала, ты хотел отсюда выбраться.

— Теперь они подумают, что это все моих рук дело, — сказал он и понял, что сморозил глупость.

— Может, и так, — сказала она. — Только надень куртку, милый. А то и вправду замерзнешь.

Он вышел в коридор. В самом конце коридора была караулка. А в караулке — четыре трупа: трое охранников и человек, который представился как Камен. Его напарника видно не было. Судя по кровавым следам на полу, двоих убили где-то еще, а потом приволокли сюда и бросили на пол.

Его куртка висела здесь же, на вешалке. Бумажник по-прежнему был во внутреннем кармане и как будто нетронутый. Лора успела распаковать пару картонных коробок с шоколадными батончиками.

Теперь у него была возможность рассмотреть охранников: на них была темная камуфляжная форма, но без каких бы то ни было отличительных знаков, которые позволили бы понять, на кого они работали. С тем же успехом это могла быть компания охотников, которые выбрались на выходные за город пострелять уток.

Лора сжала Тени руку — своей, холодной как лед. Золотая монета, что он ей подарил, висела теперь у нее на шее, на золотой цепочке.

— Изящно получилось, — сказал он.

— Спасибо, — ответила она и польщенно улыбнулась.

— А что с остальными? — спросил он. — Со Средой и всей прочей компанией? Они где?

Лора протянула ему пригоршню шоколадных батончиков, и он начал рассовывать их по карманам.

— Здесь больше никого не было. Кругом пустые камеры, и только в одной был ты. Ах, да, еще один пошел в камеру в конце коридора, чтобы подрочить на журнал. Эх, он и испугался!

— Ты убила его, пока он дергал себя за пипку?

Она пожала плечами.

— А что такого? — неуверенно спросила она. — Мне очень не понравилось, что они тебя мучают. Кто-то же должен за тобой тут приглядывать, правильно? А я обещала, что буду за тобой приглядывать. На вот, возьми еще!

В руках у нее были химические грелки для рук и ног: тонкие такие подушечки — ломаешь в указанном месте, они нагреваются и тепло могут держать часами. Тень их тоже рассовал по карманам.

— Присматривать? — переспросил он. — За мной? Да уж, ты постаралась, ничего не скажешь!

Она протянула руку и пальцем погладила его над левой бровью.

— У тебя кровь идет, — сказала она.

— Ничего страшного, — ответил он.

В стене была металлическая дверь, и открывать ее пришлось с усилием. До земли было больше метра, он спрыгнул и приземлился на что-то вроде гравия. Потом он протянул руку вверх, подхватил Лору за руку и помог ей тоже спрыгнуть, как раньше, как всегда, без единой лишней мысли…

Из-за плотного темного облака выглянула луна. Висела она возле самого горизонта, вот-вот закатится, но тем не менее света, который она отбрасывала на снег, было вполне достаточно для того, чтобы оглядеться вокруг.

Они только что выбрались из большого, выкрашенного в черный цвет товарного вагона, который был прицеплен к длинному составу, стоявшему на тупиковой ветке. По обе стороны от железнодорожного полотна был лес. Вереница вагонов тянулась вдаль, сколько хватало глаз, и исчезала за поворотом, за деревьями. Его держали в поезде. Давно следовало догадаться.

— Так как ты, блин, все-таки меня нашла? — спросил он у своей покойной жены.

Она покачала головой, медленно и удивленно.

— Ты светишься, как маяк в долгой и темной ночи, — объяснила она. — Это было совсем не трудно. Ну давай, иди уже. Чем быстрее будешь

идти и чем дальше отсюда уйдешь, тем для тебя же лучше. Карточками кредитными не пользуйся, и все будет в порядке.

— А куда мне идти?

Она запустила руку в спутанные волосы, откинув их с глаз.

— Вон в той стороне есть дорога, — сказала она. — Делай, как считаешь нужным. Если понадобится — угони машину. Иди к югу.

— Лора, — начал он, поколебался, а потом продолжил: — Ты вообще понимаешь, что тут происходит? Кто все эти люди? Которых ты убила.

— Ну да, — ответила она. — Кажется, понимаю.

— За мной теперь должок, — сказал Тень. — Если бы не ты, я бы по-прежнему торчал в этом вагоне. Не думаю, чтобы у них на мой счет были какие-то правильные планы.

— Ага, — кивнула она. — Я тоже так не думаю.

Они пошли прочь от товарняка. Тень вспомнил про другие поезда, которые ему доводилось видеть раньше, — черные, без окон, металлические вагоны, что тянулись за милей миля, выстукивая колесами в ночи одинокую железнодорожную ветку. В кулаке у него был зажат доллар со Свободой, и ему вдруг вспомнилась Зоря Полуночная и

то, как она смотрела на него в лунном свете. *Ты спросил ее, что ей нужно? Самый правильный вопрос, который нужно задавать мертвым. Иногда они отвечают.*

— Лора… Что тебе нужно?

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да. Очень.

Лора посмотрела на него мертвыми голубыми глазами.

— Я хочу снова стать живой, — сказала она. — Чтобы не эта полужизнь, а по-настоящему. Я хочу быть живой *по-настоящему*. Хочу слышать, как сердце бьется у меня в груди. Чувствовать, как кровь течет по жилам — горячая такая, соленая, настоящая. Ты, может, подумаешь, что это глупость, ведь ты не чувствуешь, как в тебе течет кровь, но, поверь, когда она течь перестает, это сразу понимаешь. — Лора потерла глаза, запачкав лицо полузапекшейся кровью. — Понимаешь, мне трудно, очень трудно. Знаешь, почему мертвые выходят только по ночам, а, бобик? Потому что так легче сойти за живого — в темноте. А я не хочу сходить за живую. Я хочу жить.

— Я не понимаю, от меня-то ты чего хочешь?

— Сделай так, чтобы я ожила, милый. Придумай что-нибудь. Я знаю, ты можешь.

— Ну хорошо, — сказал он. — Я попробую. А если у меня получится, как я потом тебя найду?

Но ее уже не было рядом, и в окружающем лесном пейзаже не было вообще ничего, кроме тусклого мерцающего света, подкрасившего один край неба, чтобы показать ему, где восток, и еще, сквозь пронизывающий декабрьский ветер — одинокий крик: не то последняя ночная птица отходит ко сну, не то проснулась первая дневная.

Тень повернулся лицом к югу и пошел вперед.

Глава седьмая

Поскольку индуистские боги бессмертны только в весьма специфическом смысле — ибо рождаются и умирают, — они переживают большинство великих жизненных дилемм, выпадающих на долю человека, и подчас кажется, что они вообще мало чем отличаются от простых смертных… а от демонов — еще того меньше. И все-таки индусы расценивают их как совершенно особый класс существ, по определению отличный ото всех прочих; это символы, до которых не может возвыситься ни один человек, сколь бы «архетипичной» ни была история его жизни. Это актеры, которые разыгрывают роли, реальные только для нас; это маски, за которыми мы видим наши собственные лица.

Венди Донигер О'Флаэрти. Индуистские мифы

Уже несколько часов Тень шел на юг: по крайней мере, ему хотелось надеяться, что он двигается именно в южном направлении по узкой, едва различимой дороге, которая вела его сквозь леса южного Висконсина. То есть, ему хотелось

надеяться, что это именно Южный Висконсин. Один раз на дороге показалась пара джипов с зажженными фарами, и он нырнул в кусты и подождал, пока те не проехали мимо. По земле стелилась утренняя дымка, ему по пояс. Машины были черные.

Минут тридцать спустя он услышал отдаленный гул летевших с запада вертолетов и тогда вообще свернул с дороги и пошел лесом. Вертолетов было тоже два; Тень залег в ложбинке под упавшим деревом и слушал, как они проносятся мимо. Когда вертолеты удалились, он высунулся, наскоро оглядел серое зимнее небо и с удовлетворением отметил, что вертолеты тоже выкрашены в черный матовый цвет. Из-под дерева он не вылезал, пока не стих шум пропеллеров.

Земля под деревьями была присыпана тонким слоем невесомой снежной пудры, которая хрустела под ногами. Он с благодарностью вспомнил Лору: химические грелки не давали замерзнуть рукам и ногам. А он и без того окоченел: душой, и сердцем, и рассудком. Он чувствовал: окоченение слишком далеко зашло, слишком глубоко забралось к нему в душу.

Так чего ты сам-то хочешь? — задавался он одним и тем же вопросом. И ответа не было. По-

этому он просто продолжал идти, шаг за шагом, все дальше и дальше, пробираясь сквозь лес. Деревья казались знакомыми, пейзаж временами вызывал ощущение совершенного дежавю. А что если он ходит кругами? А вдруг он так и будет идти, идти, идти, а потом остынут грелки, закончатся шоколадные батончики, он сядет и больше никогда уже не встанет.

Он вышел к широкому ручью, который местные называли «рукав», а произносили «рука», и решил просто пойти по течению. Все ручьи впадают в реки, все реки впадают в Миссисипи, и если он будет идти, не меняя курса, или украдет лодку, или построит плот, то рано или поздно окажется в Новом Орлеане, — а там тепло; эта мысль показалась ему утешительной и, вместе с тем, совершенно неправдоподобной.

Вертолеты больше не появлялись. Интуиция ему подсказывала, что люди из тех двух вертолетов не охотились за ним, а просто подчистили все лишнее на железнодорожной ветке с грузовыми составами и улетели восвояси. В противном случае они бы вернулись: тут бы сейчас и ищейки были, и сирены, и вообще вся эта поисковая парафернали́я. Но вокруг было тихо.

Чего же он все-таки *хочет*? Чтобы его не пойма-

ли. Чтобы на него не повесили убийство людей с поезда. «Это не я, — услышал он свой голос, — это моя покойная жена». И представил, какие лица при этом будут у служителей закона. Народ потом может хоть до хрипоты спорить, вменяемый он или нет, а он тем временем отправится на электрический стул…

Интересно, подумал он, а в Висконсине есть смертная казнь? Хотя какое, собственно, это имеет значение. Он только хотел понять, что происходит, — и узнать, чем же, собственно, все закончится. В конце концов, скривив губы в горестной усмешке, он понял, что больше всего на свете хочет, чтобы все вернулось на свои места. Чтобы не было отсидки, чтобы Лора была жива, чтобы никогда ничего подобного даже и близко не произошло.

«Боюсь, выбора у тебя нет, сынок», — услышал он сердитый голос Среды и кивнул. *Нет выбора. Ты сжег мосты. Так что — вперед. Мотай свой срок…*

Было слышно, как вдали дятел долбит гнилое дерево.

Тень почувствовал, что за ним следят: небольшая компания красных кардиналов наблюдала за ним с мосластого куста бузины, а затем приня-

лась клевать грозди черных ягод. Прямо как на картинке из календаря с певчими птицами Северной Америки. Пока Тень шел вдоль ручья, его преследовали механические, как в зале игровых автоматов, звуки — птичьи трели, гомон и гвалт. В конце концов все стихло.

На опушке в тени холма лежал мертвый олененок, и черная птица размером с небольшую собаку клевала ему бок огромным, страшным клювом, всаживая его в труп и вырывая куски красного мяса. Глаз у олешка уже не было, но голова была не тронута, а на крестце виднелись бело-желто-коричневые крапинки. Интересно, подумал Тень, отчего он умер.

Черная птица склонила голову на бок и сказала:

— Человек-тень, — и голос у нее был такой, будто камни трутся друг о друга.

— Да, я Тень, — сказал Тень.

Птица прыгнула на крестец олененка, вскинула голову, взъерошила гребешок и перья на шее. Она была огромная, и глаза у нее были точно черные бусины. Слишком большая птица и слишком близко: было в этом что-то пугающее.

— Говорит, встретит тебя в Кейро, — каркнул ворон.

Интересно, подумал Тень, это который из воронов Одина: Хугин или Мунин, Думающий или Помнящий.

— В Кейро? — переспросил он.

— В Египте.

— И как я туда попаду?

— Иди по Миссисипи. На юг иди. Найди Шакала.

— Ну, знаешь, — сказал Тень, — не хотелось бы показаться… да, господи ты боже мой, знаешь что… — он запнулся. Сменил позу. Было холодно — стоишь тут в лесу, разговариваешь с какой-то здоровенной черной птицей, которая знай себе уплетает малыша Бэмби. — Короче, что я хочу сказать: загадками не говори.

— Загадками, — с готовностью поддакнула птица.

— Лучше помоги разобраться, что к чему. Шакал в Кейро мне не поможет. Прямо цитата какая-то из плохого шпионского триллера.

— Шакал. Друг. *Карр.* Кейро.

— Это я уже слышал. Давай-ка поподробнее.

Птица встала вполоборота и оторвала от ребра еще одну полоску сырой оленины. А потом взмыла к деревьям с красной полоской, свисавшей из клюва словно длинный, кровавый червяк.

— Эй! Выведи меня хотя бы на нормальную дорогу! — крикнул Тень.

Ворон летел прочь. Тень посмотрел на труп олененка. И подумал, что, будь он настоящим лесным дикарем, он бы отрезал сейчас от туши кусок мяса и зажарил на костерке бифштекс. Но вместо этого Тень сел на поваленное дерево и стал жевать сникерс, отчетливо понимая, что дикарь из него ни к черту.

Ворон каркнул с края прогалины.

— Решил все-таки меня проводить? — спросил Тень. — Или Тимми опять свалился в колодец?[36]

Ворон снова каркнул — с раздражением. Тень решил подойти поближе. Ворон подождал, пока человек приблизится, и устало перемахнул на другое дерево, забрав слегка влево от того направления, которое первоначально взял Тень.

— Эй, — окликнул Тень, — Хугин, Мунин или как там тебя?

Птица повернулась, недоверчиво склонила голову набок и уставилась на него своими блестящими глазами.

---

[36] notes: 36

Фраза отсылает к популярному телесериалу о собаке Лесси. Своим лаем Лесси давала понять, что ее хозяин, мальчик Тимми, попал в беду и нуждается в помощи.

— Каркни «Никогда»,[37] — сказал Тень.

— Иди в жопу, — ответил ворон. И пока они вместе пробирались сквозь лесные чащи, больше не произнес ни слова.

Через полчаса они добрались до асфальтовой дороги на окраине какого-то городка, и ворон улетел обратно в лес. Тень увидел вывеску «Калверс. Крем-мороженое и баттербургеры»,[38] а рядом — бензоколонку. Он зашел в «Калверс», там не было ни души. Только за кассой стоял расторопный британоголовый юнец. Тень заказал два баттербургера и картофель фри. Потом пошел в туалет, чтобы привести себя в порядок. Вид у него был ужасающий. Тень обследовал содержимое карманов: несколько монет, в том числе серебряный доллар со Свободой, одноразовая зубная щетка и тюбик с пастой, три сникерса, пять химических грелок, бумажник (в нем только водительские права и кредитная карточка — интересно, долго ли она еще протянет), а во внутреннем кармане куртки — тысяча долларов полтинниками и два-

---

[37] notes: 37

Отсылка к стихотворению Эдгара По «Ворон».

[38] notes: 38

«Калверс» — сеть ресторанов фастфуд. Крем-мороженое (frozen custard) — сладкий десерт наподобие мороженого, готовится с добавлением яиц.

дцатками, его барыш со вчерашней банковской аферы. Он вымыл лицо и руки горячей водой, смочил и пригладил волосы, вернулся обратно в закусочную, съел баттербургеры и картошку-фри и выпил кофе.

Потом Тень подошел к прилавку.

— Хотите крем-мороженое? — спросил бойкий юнец.

— Нет. Спасибо. Тут можно где-нибудь взять машину напрокат? Моя заглохла по дороге.

Юнец поскреб в затылке.

— Это вряд ли, мистер. Если машина заглохла, позвоните в «Три А».[39] Или вон договоритесь на бензоколонке, чтобы вас взяли на буксир.

— Это мысль, — сказал Тень. — Спасибо.

Он зашагал по тающему снегу к бензоколонке. Там он прикупил шоколадных батончиков и вяленого мяса, и еще несколько химических грелок для рук и ног.

— У вас тут где-нибудь можно взять напрокат машину? — спросил он у кассирши. Она была поперек себя шире, носила очки и была не знамо как рада с кем-нибудь поболтать.

— Дайте-ка подумать, — сказал она. — Мы тут

---

[39] notes: 39

«Три А» — Американская автомобильная ассоциация (American Automobile Association), или, сокращенно, *Triple-A*.

вроде как на отшибе. В Мэдисоне есть прокат. А вы куда направляетесь?

— В Кейро, — ответил он. — Знать бы еще, где это.

— Я знаю, — сказала она. — Дайте-ка мне карту Иллинойса — вон она, на полке.

Тень подал ей ламинированную карту. Она ее развернула, потом с победоносным видом ткнула пальцем в самую нижнюю точку.

— Вот он.

— Каир?

— Это так город в Египте зовется. А тот, что в Малом Египте, называют Кейро. У них там даже Фивы есть и всякое такое. У меня золовка из Фив. Я ее как-то спросила про египетские Фивы, она на меня так посмотрела, будто у меня крыша поехала. — Женщина заклокотала от смеха, как труба под раковиной.

— Там и пирамиды, что ли, есть?

До города было пять сотен миль почти строго на юг.

— О пирамидах я ничего такого не слыхала. Это место называют Малым Египтом, потому что — ой, ну, может, лет сто-сто пятьдесят тому назад тут был голод. Неурожай, а им хоть бы хны. Вот все туда и мотались за продовольствием.

Прямо как в Библии. Иосиф и разноцветный чудо-плащ.[40] Все в Египет, тру-ля-ля!

— А на моем месте вы бы на чем туда поехали? — спросил Тень.

— На машине.

— Моя машина заглохла по дороге, за несколько миль отсюда. Кусок говна, а не тачка, прощу прощения за мой французский.

— Эт-точно, — сказала она. — Мой шурин так их и зовет — говнотачками. Он ими маленько приторговывает — покупает, продает. Звонит мне, мол, Мэтти, я тут еще одну говнотачку продал. Кстати, вдруг его и ваша колымага заинтересует. Ну, типа, на запчасти и все такое.

— Вообще-то она боссу моему принадлежит, — сказал Тень, удивляясь, как гладко и свободно врет. — Нужно ему позвонить, чтоб приехал ее забрать. — Тут его осенило. — А ваш шурин далеко отсюда живет?

---

[40] notes: 40

Имеется в виду библейский Иосиф Прекрасный, у которого была разноцветная одежда («Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, — и сделал ему разноцветную одежду», Книга Бытия 37:3). Сидя в темнице в Египте, Иосиф истолковывает сны фараона и предсказывает, что семь лет изобилия сменятся семью годами голода. Чтобы выжить в голодное время, Иосиф предлагает сделать запасы хлеба. Предсказание сбывается и, когда везде наступает голод, все едут в Египет за хлебом, а фараон делает Иосифа своим ближайшим советником.

— В Маскоде. Десять минут на юг, и вы на месте. Это сразу за рекой. А что?

— Ну, может, у него найдется для меня какая-нибудь говнотачка, — я бы и купил ее, скажем, сотен за пять-шесть?

Она ласково улыбнулась.

— Мистер, у него на весь двор не найдется тачки за пять сотен даже с полным баком бензина в придачу. Только я вам ничего такого не говорила, ладно?

— Позвоните ему? — спросил Тень.

— Так уже звоню, — сказала она и взяла трубку. — Ты, голубчик? Это Мэтти. Давай мигом ко мне. Тут один мужик хочет купить у тебя тачку.

Из всех говнотачек он выбрал «Шеви Нову» восемьдесят третьего года выпуска, с полным баком бензина, заплатив за нее четыреста пятьдесят долларов. Счетчик показывал почти двести пятьдесят тысяч миль пробега, в салоне едва заметно пахло бурбоном, табаком и чем-то еще — чуть более густой, плотный запах — возможно, бананами. На машину налипло столько грязи и навалило столько снега, что невозможно было определить, какого она цвета. При всем том, из всех транспортных средств, стоявших у шурина Мэтти во дворе, это была единственная тачка,

которая оставляла надежду на то, что она сможет протянуть еще пять сотен миль.

Тень расплатился наличными, шурин Мэтти даже не пытался спрашивать у него имя или номер социальной страховки — его интересовали только деньги.

Тень поехал на запад, потом на юг, стараясь держаться подальше от федеральной трассы. В кармане у него лежало еще пятьсот пятьдесят баксов. В говнотачке было радио, но когда он его включил, оно не издало ни звука. Указатель сообщил, что он выехал из Висконсина и теперь едет по Иллинойсу. Тень проехал мимо открытого карьера, над которым в тусклом дневном зимнем свете горели огромные голубые прожектора.

Он остановился перекусить в забегаловке «У мамы», успев заскочить туда перед самым перерывом.

Какой бы город он ни проезжал, неизменно встречал два указателя: на основном значилось, например, что он въезжает в «Наштаун» (нас. 720 чел.). На дополнительной табличке говорилось, что городская баскетбольная команда заняла третье место на соревнованиях между соседними штатами среди команд младше 14-ти лет, или что этот город — родина иллинойсских

полуфиналисток в соревновании по борьбе среди девушек младше 16-ти лет.

Он все ехал и ехал, поклевывая носом и чувствуя, как с каждой минутой силы его покидают. Он пролетел на красный, и ему в бок чуть не въехала женщина на «Додже». Добравшись до открытой местности, он съехал на обочину в проторенную трактором колею и остановил машину на припорошенном снегом и покрытом стерней поле, где, выстроившись в ряд, будто плакальщики, идущие за гробом, медленно вышагивали жирные черные дикие индюки; выключил мотор, перебрался на заднее сиденье, лег и заснул.

Темно; он как будто падал куда-то — как Алиса, в бесконечный колодец. В сплошную тьму, и длилось это сотню лет. Мимо, выныривая из мрака, проплывали какие-то лица, и прежде чем он успевал до них дотронуться, распадались на кусочки и таяли…

Внезапно, безо всякого перехода, падение прекратилось. Он оказался в пещере, и рядом с ним был кто-то еще. Тень вгляделся в знакомые глаза: огромные, влажные, черные. Глаза моргнули.

Он под землей. Так и есть. Он помнил это место. Воняло потной коровой. Свет костра мерцал на влажных стенах пещеры, освещая бизонью

голову и человеческое тело, кожу цвета красной глины.

— Народ, да когда же вы, наконец, от меня отстанете? — сказал Тень. — Дайте человеку поспать.

Человек-бизон медленно кивнул. Он не двигал губами, но Тень услышал, как в его голове прозвучал вопрос:

— Куда ты направляешься, Тень?

— В Каир.

— Зачем?

— А куда мне еще направляться? Среда сказал, в Каир, — значит в Каир. Я выпил его мед.

Во сне, где действовала логика сновидения, Тени казалось, что принятое им на себя обязательство неоспоримо: он трижды испил меда и тем скрепил договор, — так что теперь хочешь не хочешь, иного выбора у него нет.

Бизоноголовый потянулся к костру, помешал рукой угольки и ломаные ветки, и они полыхнули ярким пламенем.

— Надвигается буря, — сказал он. Руки у него были в золе, и он вытер их о свою безволосую грудь, запачкав ее разводами черной сажи.

— Только это я от вас и слышу. Вопрос задать можно?

Повисла пауза. На заросший шерстью лоб чело-

века-бизона уселась муха. Он смахнул ее.

— Задавай.

— Это правда боги? Все эти люди? Это как-то… — он запнулся, а потом добавил: — неправдоподобно. — Он подыскал не совсем точное слово, но более подходящего так и не смог придумать.

— Что значит боги? — спросил человек-бизон.

— Не знаю, — ответил Тень.

Откуда-то доносился стук, беспрерывный и монотонный. Тень ждал, что человек-бизон еще что-нибудь скажет, объяснит ему про богов, объяснит весь этот путаный полуночный бред, в который превратилась его жизнь. Ему было холодно.

Тук. Тук. Тук.

Тень открыл глаза, с трудом приподнялся и сел. Он замерз, небо снаружи было густого люминисцентно-багрового цвета — таким оно бывает, когда вечер уже отыграл, а ночь еще не началась.

Тук. Тук.

— Эй, мистер, — раздался голос.

Тень повернул голову.

Рядом с машиной кто-то стоял — темная тень на фоне темнеющего неба. Тень протянул руку и опустил стекло на несколько дюймов. Поворочал

во рту языком и произнес:

— Привет.

— С вами все в порядке? Вам плохо? Много выпили? — голос был высокий — женский или мальчишеский.

— Я в норме, — сказал Тень. — Сейчас, подождите. — Он открыл дверцу и, потягивая затекшие конечности и разминая шею, вылез из машины. Потом потер руки, чтобы согреть их и восстановить кровообращение.

— Ничего себе, ну и дылда!

— Это для меня не новость, — сказал Тень. — Ты кто?

— Я Сэм, — ответил голос.

— Сэм в смысле девочка или Сэм в смысле мальчик?

— Сэм в смысле девочка. Раньше была Сэмми, только я все время смайлик над «і» пририсовывала, а потом меня это достало капитально, потому что все кому не лень стали делать то же самое, и я бросила.

— Ладно, девочка Сэм. Пойди-ка вон туда и выгляни на дорогу.

— Зачем? Ты убийца-психопат, что ли?

— Нет, — сказал Тень. — Просто мне нужно отлить, а я привык это делать в несколько более

интимной обстановке.

— А. Ладно. Конечно. Усекла. Без проблем. Очень тебя понимаю. Я вообще пописать не могу, если в соседней кабинке кто-то есть. Синдром застенчивого мочевого пузыря в тяжелой форме.

— Я жду.

Она отошла за машину, а Тень сделал несколько шагов в сторону поля, расстегнул джинсы и долго поливал столб ограды. Потом вернулся к машине. Сумрак сгустился, настала ночь.

— Ты еще тут? — спросил он.

— Да, — ответила Сэм. — Я все слышала. У тебя мочевой пузырь, должно быть, размером с озеро Эри. Мне кажется, империи расцветали и гибли, пока ты там отливал.

— Благодарю. Тебе чего надо-то?

— Вообще-то я хотела удостовериться, что с тобой все в порядке. Ну, в смысле, вдруг ты помер или еще чего, я бы копов вызвала. Правда, стекла у тебя вроде запотели, и я подумала, ну, наверное, дышит еще.

— Ты живешь, что ли, поблизости?

— Не-а. Автостопом из Мэдисона еду.

— Рискованно.

— Да я по пять раз в год последние три года так катаюсь. И ничего, жива. А ты куда направ-

ляешься?

— До Каира.

— Замечательно! А я до Эль-Пасо. К тетке еду, в гости, на каникулы.

— Я тебя так далеко не повезу, — сказал Тень.

— Не до того Эль-Пасо, который в Техасе, а до того, который в Иллинойсе. Это в нескольких часах езды на юг. Ты хоть знаешь, где сейчас находишься?

— Понятия не имею, — сказал Тень. — Где-то на пятьдесят второй магистрали?

— Рядом с городом под названием Перу, — сказала Сэм. — Не который в Перу. А который в Иллинойсе. А ну дыхни! Нагнись. — Тень нагнулся, и девушка принюхалась. — Нормально. Спиртным не пахнет. За руль можно. Поехали.

— С чего ты взяла, что я тебя повезу?

— Потому что я девица, попавшая в беду, — сказала она. — А ты рыцарь на… да на чем угодно! На грязнючей тачке. Ты видел, тебе на заднем стекле написали «Помой меня!»? — Тень сел в машину и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья. Свет, который обычно зажигается, когда в машине открывают переднюю дверь, не зажегся.

— Нет, — сказал Тень. — Не видел.

Она забралась внутрь.

— Это я написала, — сказала она. — Собственноручно. Пока еще не стемнело.

Тень завел мотор, включил фары и выехал на трассу.

— Налево, — подсказала Сэм.

Тень свернул налево. Несколько минут спустя заработала печка, и блаженное тепло заполнило салон.

— Ты все время молчишь, — сказала Сэм. — Скажи чего-нибудь.

— Ты человек? — спросил Тень. — Настоящий-пренастоящий, рожденный от мужчины и женщины, живущий и дышащий человек?

— А то кто же? — сказала она.

— Ладно. Это так, проверка. Так что ты хочешь от меня услышать?

— В данный момент что-нибудь ободряющее. А то у меня вдруг возникло такое чувство, какого хрена я делаю в этой чертовой машине с каким-то психом?

— Это точно, — сказал он. — У меня тоже такое чувство возникло. И как тебя приободрить?

— Ну, просто скажи, что ты не беглый зэк и не серийный убийца или типа того.

Он на секунду задумался.

— Вообще-то нет.

— Все-таки ты подумал, прежде чем ответить.

— Я отмотал срок. Но никогда никого не убивал.

— Оба-на!

Они заехали в маленький городок, освещенный уличными фонарями и рождественскими мигающими фонариками, и Тень взглянул на Сэм. Черные коротко подстриженные волосы девушки лежали в беспорядке, на лицо она была симпатичная, но, решил про себя Тень, слегка мужеподобная: будто лицо высекли из камня. Она смотрела на него.

— И за что тебя посадили?

— Поуродовал пару типов. Сильно злой был.

— Хоть за дело?

Тень на секунду задумался.

— Раньше думал, что да.

— Ты и сейчас сделал бы то же самое?

— Черта с два! Я три года жизни в тюрьме угробил.

— Н-да. А в тебе есть индейская кровь?

— Да вроде нет.

— А по виду так есть.

— Прости, что разочаровал.

— Да ладно. Есть хочешь?

Тень кивнул.

— Было бы неплохо, — сказал он.

— Есть тут одно местечко, прямо после тех фонарей. Кормят прилично. И недорого.

Тень припарковался на стоянке. Они вышли из машины. Он не стал ее закрывать, но ключи сунул в карман и достал оттуда несколько монеток, чтобы купить газету.

— У тебя хватит денег, чтобы здесь перекусить? — спросил он.

— Хватит, — она вскинула подбородок. — Я в состоянии сама за себя платить!

Тень кивнул.

— Знаешь что. Давай бросим жребий, — сказал он. — Орел — ты платишь за меня, решка — я за тебя.

— Дай я сначала монету посмотрю, — недоверчиво сказала она. — А то был у моего дядюшки четвертак с двумя орлами.

Она рассмотрела монету и убедилась, что с ней все в порядке. Тень положил четвертак на большой палец орлом вверх, а потом ловко подбросил монету, так что она задрожала и словно завертелась в воздухе, он поймал ее и, перевернув, выложил перед Сэм на тыльной стороне левой ладони.

— Решка! — обрадовалась она. — Ты платишь.

— Да. Не все же мне выигрывать.

Тень заказал мясной рулет, Сэм — лазанью. Тень пролистал газету: может, там что-нибудь написали про убийство в товарном поезде. Ничего такого не было. Единственное, что привлекло его внимание, — статья на первой странице: рекордное число ворон наводнило город. Местные фермеры решили развесить мертвых ворон на общественных зданиях по всему городу, чтобы отпугнуть живых; орнитологи сказали, что это не сработает, что живые вороны попросту сожрут мертвых. Но местные стояли на своем. «Увидят трупы своих сородичей, — сказал представитель общественности, — и наверняка поймут, что здесь им не рады».

Принесли заказ: еда горой лежала на тарелках, и от нее валил пар. Одному человеку такую порцию было не осилить.

— Ну и зачем тебе в Каир? — с полным ртом спросила Сэм.

— Понятия не имею. Босс вызывает, говорит, я ему там нужен.

— А чем ты занимаешься?

— Мальчик на побегушках.

— Ну, — улыбнулась Сэм, — на мафиози ты не тянешь, да и ездишь на каком-то говне. Слушай,

а с чего это у тебя в машине бананами воняет?

Не отрываясь от еды, Тень пожал плечами.

— Может, ты банановый контрабандист, — прищурившись, сказала Сэм. — Ты, кстати, так и не поинтересовался, чем я занимаюсь.

— Думаю, учишься.

— В колледже Висконсина в Мэдисоне.

— И там ты, конечно, посещаешь курсы по истории искусства и женским исследованиям,[41] ну, может, еще из бронзы чего-нибудь отливаешь. А еще, наверное, в кафе подрабатываешь, чтобы за жилье платить.

Глаза у нее округлились, а ноздри раздулись, она даже вилку отложила.

— Как, твою мать, ты это делаешь?

— Что делаю? Сейчас ты скажешь: ой, нет, я вообще-то изучаю романские языки и орнитологию.

— То есть ты хочешь сказать, ты просто угадал?

— Что угадал?

Она смотрела на него во все глаза.

---

[41] notes: 41

Женские исследования (Women's studies) объединяют целый ряд дисциплин (психологию, историю, филологию, социологию, биологию и др.), в рамках которых внимание сосредоточено на изучении женщин, их роли, природы, достижений и т. д.

— Странный же ты, мистер… Как там как тебя зовут.

— Тенью меня зовут.

Она скривила рот, будто попробовала что-то невкусное. Замолчала, опустила голову и принялась доедать свою лазанью.

— Ты знаешь, почему это место называют Египтом? — спросил Тень, когда она доела.

— Окрестности Каира? Ну да. Он стоит в дельте Огайо, при впадении в Миссисипи. Как египетский Каир — в дельте Нила.

— Логично.

Она откинулась на спинку стула, заказала кофе и шоколадный торт с кремом и расчесала рукой черные волосы.

— Ты женат, мистер Тень? — спросила она и, так как он не торопился с ответом, добавила: — Ха, я, кажется, опять задала каверзный вопрос!

— Жену похоронили в четверг, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Она погибла в автокатастрофе.

— Господи, боже мой! Прости.

— Да ладно.

Повисла неловкая пауза.

— Моя единокровная сестра потеряла ребенка, племянника моего, в конце прошлого года.

Тяжело это.

— Да. Тяжело. Отчего он умер?

Она отпила кофе.

— Мы не знаем. Мы даже точно не знаем, мертв он или нет. Он просто пропал. Ему было всего тринадцать. Пропал в середине прошлой зимы. Сестра места себе не находила.

— А были… были какие-то зацепки? — Он вдруг почувствовал себя копом из телевизора. И решил переформулировать вопрос. — Полиция подозревала, что было совершено преступление? — Но прозвучало еще хуже.

— Полиция подозревала зятя моего долбанутого, отца без родительских прав. Он настолько долбанутый, что вполне мог сына выкрасть. Может, и правда выкрал. Сестра живет в городке в Норт Вудс. Маленький такой, милый, симпатичный городок, там даже двери никто никогда не запирает. — Она вздохнула, покачала головой. Чашку она держала обеими руками. — Ты уверен, что в тебе нет индейской крови?

— Мне, по крайней мере, об этом ничего не известно. Может, и есть. Я почти ничего не знаю об отце. Хотя, думаю, мама бы мне сказала, если бы он был индейцем. С чего бы ей скрывать?

Сэм опять скривила рот. Она осилила шоколад-

ный торт едва до половины: кусок был размером с пол ее головы. Она пододвинула тарелку Тени.

— Хочешь?

— Не откажусь, — улыбнулся он и доел торт.

Официантка принесла счет, и Тень расплатился.

— Спасибо, — сказала Сэм.

На улице холодало. Мотор прочихался как следует и только после этого завелся. Тень дал задний ход, вырулил на дорогу и поехал на юг.

— Ты когда-нибудь читала Геродота? — спросил он.

— Что? Кого?

— Геродота. Читала его «Историю»?

— Знаешь, — задумчиво произнесла она, — я что-то не врубаюсь. Ты откуда слова такие берешь? Ты о чем вообще? Сначала молчишь как пень, потом мысли мои дурацкие читаешь, а потом вдруг мы ведем беседу о Геродоте. Нет, я не читала Геродота. Что-то слышала. По национальному радио, наверное. Это его, кажется, называют отцом лжи?

— Я думал, так дьявола называют.

— Да, и его тоже. По радио, короче, рассказывали, что у него гигантские муравьи и грифоны охраняли золотые прииски и что Геродот, типа,

всю эту дурь сочинил.

— Не думаю. Он описывал то, что слышал от других. Вроде как просто фиксировал чужие истории. И по большей части весьма неплохие. Там есть множество странных подробностей. Например, может, слышала, в Египте, если умирала очень красивая девушка или жена правителя, или типа того, ждали три дня и только тогда отправляли ее к бальзамировщику. Чтобы она сначала подгнила на жаре.

— Зачем? Ой, подожди! Я, кажется, догадываюсь, зачем. Фу какая гадость!

— Еще он пишет про битвы и вообще про самые обычные вещи. А еще про богов. Один парень побежал домой, чтобы сообщить об исходе сражения, бежал, бежал и тут видит — Пан на полянке. Пан ему и говорит: «Передай своим, чтобы они построили здесь храм в мою честь». Ну, парень ему пообещал и дальше бежит. Добежал, рассказывает, чем битва кончилась, а потом говорит: «Да, чуть не забыл, Пан хочет, чтобы ему посвятили храм». И это, понимаешь ли, сухие факты.

— Истории про богов, значит. И что ты этим хочешь сказать? Что у этих чуваков были глюки?

— Нет, — сказал Тень. — Я не об этом.

— Я книгу одну читала про мозг, — сказала

она, скусывая заусенец. — Мне ее соседка по комнате дала, все уши про нее прожужжала. Там говорилось, что, типа, пять тысяч лет тому назад полушария головного мозга слились, а до этого люди думали, что если правое полушарие дает тебе какой-то сигнал, то это значит, с тобой разговаривает один из богов и внушает, что делать. Все дело в мозге.

— Моя теория мне больше нравится, — сказал Тень.

— Что за теория?

— Что раньше люди время от времени действительно сталкивались с богами.

— Н-да?

Повисла тишина: если не считать дребезга машины, гудения мотора и нездорового рычания глушителя. Потом Тень услышал:

— И ты думаешь, они до сих пор здесь?

— Где?

— В Греции. В Египте. На островах. Во всяких таких местах. Ты думаешь, если пройти по тем местам, где ходили эти люди, то увидишь богов?

— Может быть. Только мне кажется, люди не понимали, кто перед ними.

— Да это все равно что инопланетяне, спорим? — сказала она. — Теперь люди видят

инопланетян. А раньше видели богов. Может, инопланетяне тоже засели у нас в правом полушарии.

— Что-то я не припомню, чтобы боги у людей кишки на анализы брали, — сказал Тень. — Или скот увечили. Наоборот, это люди им в жертву скотину забивали.

Сэм хихикнула. Несколько минут они ехали в тишине, а потом она сказала:

— Слушай, я тут вспомнила свою любимую историю о богах из начального курса сравнительного религиоведения. Хочешь расскажу?

— Валяй, — сказал Тень.

— Значит так. История про Одина. Древнескандинавского бога. Слышал о таком? Плыл как-то один викингский король на своем викингском корабле — произошло это, ясное дело, во времена викингов, — а на море полный штиль, и король говорит, типа, если Один пошлет нам ветер и мы доберемся до берега, я принесу ему в жертву одного из своих людей. Ну и вот. Поднимается ветер, и они пристают к берегу. Пристали, значит, и кидают жребий — кого приносить в жертву. И жребий падает на короля. Он от этого, конечно, не в восторге, и тогда все решают, что не будут его убивать, а повесят понарошку. Взяли телячьи

кишки, намотали посвободнее ему на шею, а конец привязали к тоненькой веточке, взяли тростинку вместо копья, ткнули ему в бок и говорят: ну вот, мы тебя повесили… вздернули… или как там… принесли, короче, в жертву Одину.

Дорога заворачивала: Тожетаун (нас. 300 чел.), родина серебряного призера в конькобежном чемпионате среди детей младше 12 лет. По обе стороны от дороги стояли два огромных, просто исполинских для такого маленького городка похоронных бюро. А сколько вообще их нужно, подумал Тень, когда население всего-то триста человек?..

— Ну и вот. Как только они произнесли имя Одина, тростинка превратилась в копье и вонзилась королю в бок, телячьи кишки превратились в толстую веревку, веточка — в здоровенный сук на дереве, а само дерево вытянулось так, что земля ушла у короля из-под ног. Так он и умер, болтаясь на дереве, с раной в боку и почерневшим лицом. Бывают все-таки у белых людей ебнутые на голову боги, мистер Тень.

— Бывают, — согласился Тень. — А ты разве не белая?

— Я чероки, — сказала она.

— Чистокровная?

— Нет. Только на четыре пинты. Мама была белая. А отец настоящий индеец из резервации. Он приехал в наши места, через какое-то время женился на маме, тут я родилась, а потом они разошлись, и он уехал обратно в Оклахому.

— Вернулся в резервацию?

— Нет. Занял денег и открыл липовую «Тако Белл»,[42] назвав ее «Тако Билла». Живет себе, не горюет. Меня он не любит. Говорит, я полукровка.

— Грустно.

— Да он придурок! Я горжусь индейской кровью. Это помогает колледж оплачивать. Вдруг и работу поможет найти, если мои бронзовые побрякушки не будут покупать.

— Ну, как-нибудь сложится, — сказал Тень.

Он остановился в Эль-Пасо, Иллинойс (нас. 2500 чел.) и высадил Сэм у обветшалого домишки на окраине города. Во дворике стояла большая проволочная фигурка северного оленя, усеянная мерцающими фонариками.

— Зайдешь? — спросила Сэм. — Тетя угостит тебя кофе.

— Нет, — сказал он. — Мне надо ехать.

---

[42] notes: 42

«Тако Белл» — сеть закусочных быстрого обслуживания, специализирующихся на мексиканской кухне.

Она улыбнулась, и в этот момент — впервые — показалась ему беззащитной. Потом погладила его по руке.

— Ты классный, мистер, хотя тоже ебнутый.

— Полагаю, именно это и считается нормальным человеческим состоянием, — сказал Тень. — Спасибо за компанию.

— Да не за что, — сказала Сэм. — Если увидишь богов по дороге в Каир, ты уж будь добр, передай им от меня привет.

Она вышла из машины и направилась ко входной двери. Нажала на звонок и застыла у порога, даже не обернувшись. Тень подождал, пока ей откроют, и она, живая и здоровая, перешагнет порог дома, нажал на газ и вырулил обратно на шоссе. Он проехал Нормал, потом Блумингтон, потом Лондейл.

В одиннадцать вечера Тень начало знобить, он как раз подъезжал к Миддлтауну. Он решил, что ему нужно поспать, по крайней мере, за рулем больше оставаться было никак нельзя. Он припарковался у «Ночного пристанища», снял комнату на первом этаже, отдав деньги вперед — тридцать пять долларов наличными, — и первым делом пошел в ванную. Посреди ванной на кафельном полу лапками кверху лежал

одинокий дохлый таракан. Тень взял полотенце и протер ванну изнутри, потом пустил воду. Прошел в комнату, снял одежду и сложил ее на кровати. На теле горели яркие темные синяки. Он залез в ванну, наблюдая за тем, как вода меняет цвет. Потом, как был голышом, постирал в раковине носки, трусы и майку, выжал и развесил на сушилке, которая торчала из стены прямо над ванной. Таракана он не тронул — к покойникам он относился с почтением.

Потом он залез в постель: хотел было посмотреть фильм для взрослых, но для того чтобы сделать заказ по телефону, нужна кредитка, а пользоваться ею было рискованно. И потом, он не был уверен в том, что его так уж порадует возможность просто наблюдать, как другие занимаются сексом, не имея никакой возможности заняться сексом самому. Все же он включил телевизор, трижды нажав на пульте кнопку «сон», чтобы через сорок пять минут телевизор автоматически выключился. Было без четверти двенадцать.

Картинка, как во всех мотельных теликах, была нечеткая, цвета на экране плыли. Он бессмысленно скакал по каналам, переходя с одного ночного шоу на другое, и не мог ни на чем сосредоточиться. Кто-то рекламировал какую-то фигню,

фигня что-то делала по хозяйству и заменяла целую кучу другой всякой-разной фигни — у Тени дома не было ничего из всей этой кучи. *Щелк.* Мужчина в костюме объяснял, что грядет конец света и что Иисус — мужчина растягивал его имя так, что в нем появлялось еще два-три лишних слога — пошлет бизнесу Тени благоденствие и процветание, если Тень перечислит ему деньги. *Щелк*. Заканчивалась очередная серия «Чертовой службы в госпитале МЭШ» и начиналось «Шоу Дика Ван Дайка».

Последний раз Тень смотрел «Шоу Дика Ван Дайка» много лет назад, но в этом черно-белом мирке образца 1965 года было что-то умиротворяющее, поэтому он положил пульт на пол рядом с кроватью и выключил ночник. Он смотрел на экран слипающимися глазами и понимал, что с этим шоу что-то не так. Он, конечно, не мог вспомнить эту конкретную серию, и тут не было ничего удивительного: он вообще пропустил много серий. Странной ему казалась сама атмосфера на экране.

Главные действующие лица были озабочены запоями Роба. Он не появлялся на работе уже несколько дней. Они пришли к нему домой, а он заперся в спальне, и его еле уговорили оттуда

выйти. Он напился так, что едва стоял на ногах, но даже и в таком состоянии был уморительно смешон. Его друзья, которых играли Мори Амстердам и Роз Мари, откололи пару гэгов и ушли. Потом его пришла утихомиривать жена, а он со всей дури врезал ей по лицу. Она села на пол и заплакала, и это был не знаменитый плач Мэри Тайлер Мур, а короткие безудержные всхлипы: она обхватила себя руками за плечи и шептала: «Не бей меня, пожалуйста, я все что хочешь, сделаю, только не бей меня больше, прошу тебя».

— Что за херня? — вслух сказал Тень.

Изображение растворилось в точечном фосфорном свечении. Когда экран загорелся снова, «Шоу Дика Ван Дайка» необъяснимым образом превратилось в «Я люблю Люси». Люси пыталась уговорить Рики выкинуть старый холодильник и купить новый. А когда Рики ушел, она направилась к дивану, уселась, закинув ногу на ногу, сложила руки на коленях и стала сквозь годы смотреть на Тень пристальным черно-белым взглядом.

— Тень, — сказала она, — нам надо поговорить.

Тень не ответил. Она открыла сумочку, достала сигарету, прикурила от дорогой серебряной зажигалки и отложила зажигалку в сторону.

— Я к тебе, между прочим, обращаюсь, — сказала она.

— Бред какой-то, — пробормотал Тень.

— Да что вы говорите! А вся твоя остальная жизнь образец нормальности, что ли?

— Ну не знаю. Но разговаривать с Люсилль Болл из телевизора уж точно на несколько порядков бредовее, чем все, что случилось со мной до сих пор, — сказал Тень.

— Я не Люсилль Болл. Я Люси Риккардо. Хотя вообще-то я даже не Люси Риккардо. Просто в данных обстоятельствах мне удобнее прикинуться именно ею. Вот и все.

Она неловко заерзала на диване.

— И кто же ты?

— Я? — переспросила она. — Хороший вопрос. Я телевизор. Ящик для идиотов. Я всевидящее око и мир катодного излучения. Я дебилятор. Святыня, на которую молится вся семья.

— Телевидение, что ли? Или кто-то конкретный из телевизора?

— Телевизор теперь — вместо алтаря. И люди на нем приносят мне жертвы.

— Какие жертвы? — спросил Тень.

— По большей части свое время, — сказала Люси. — Иногда друг друга. — Она подняла два

пальца и сдула дым с воображаемого дула. А потом подмигнула — старый добрый жест из «Я люблю Люси».

— Ты тоже — божество? — спросил Тень.

Люси скорчила улыбку, по-женски манерно затянулась сигаретой.

— Можно и так сказать, — ответила она.

— Сэм передает тебе привет, — сказал Тень.

— Что? Сэм? Это кто? Ты о чем?

Тень посмотрел на часы. Было двадцать пять минут первого.

— Да неважно, — сказал он. — Ну, Люси-из-телика, о чем нам нужно поговорить? Слишком много народу в последнее время хочет со мной поговорить. И обычно это заканчивается тем, что я получаю в морду.

Камера наехала, взяв крупный план: вид у Люси был встревоженный, губы поджаты.

— Не нравится мне, что эти люди сделали тебе больно, Тень. Очень не нравится. Я бы никогда так с тобой не поступила, милый. Я хочу предложить тебе работу.

— И что я должен буду делать?

— Работать на меня. Я слышала, как обошлись с тобой эти гориллы; и то, как ты с ними расправился, произвело на меня впечатление. Эффектно,

эффективно и со знанием дела. Кто бы мог подумать, что ты на такое способен. Они реально в штаны наложили.

— Да ладно!

— Они тебя недооценили, мой дорогой. Но я такой ошибки не допущу. Предлагаю тебе переметнуться в мой лагерь. — Она встала и подошла к камере. — Сам подумай, Тень: за нами будущее. За нами торговые комплексы, а твои дружки — все равно что дешевые аттракционы у дороги. Да у нас, черт возьми, интернет-магазины, а твои дружки сидят на обочине автострады и торгуют всякой доморощенной дрянью прямо с тележки. Хоть бы фруктами торговали, так нет же! Лужу, паяю, примуса починяю. Каждая четвертая подкова даром. За нами будущее и настоящее. А их срок годности истек еще позавчера.

Это была до боли знакомая речь.

— Ты знаешь жирного парня, который ездит на лимузине? — спросил Тень.

Она раскинула руки и смешно закатила глаза — забавная Люси Риккардо умывает руки, и пусть весь мир катится в пропасть.

— Тенхномальчика? Ты видел техномальчика? Он славный парнишка. Он тоже из наших. Просто он бывает не слишком вежлив с незнакомыми

людьми. Будешь на нас работать, увидишь, какой он замечательный.

— А что если я не захочу на вас работать, Я-люблю-Люси?

В дверь к Люси постучали, за кадром раздался голос Рики, он интересовался, чем это его Л*ююси* так д*оооо*лго там заним*аааа*ется, ведь в следующей сцене они должны быть в клубе; тень раздражения пробежала по неестественному — будто из комикса — личику Люси.

— Черт, — сказала она. — Короче, сколько бы стариканы тебе ни платили, я плачу вдвое, втрое больше. Множь сразу на сто. Что бы они ни предлагали, я дам тебе гораздо больше. — Она улыбнулась: идеальная, озорная улыбка Люси Риккардо. — Все что пожелаешь, милый. Скажи, чего ты хочешь? — Она начала расстегивать блузку. — Ты разве никогда не хотел увидеть сиськи Люси?

Экран потух. Сработала функция «сон», и телевизор выключился. Тень посмотрел на часы: половина первого.

— Вот ведь, блин… — сказал Тень.

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Ему пришло в голову, что его симпатии склоняются на сторону Среды, мистера Нанси и всей этой

компании, а не на сторону их противников по одной простой и незатейливой причине: пусть они грязь и дешевка, и жрачка у них дерьмовая на вкус, но они по крайней мере не говорят штампами.

А торговому центру он в любом случае предпочтет аттракцион у обочины, даже самый дешевый, жалкий и мошеннический.

Утро застало Тень в дороге: он ехал по слегка всхолмленной, бурой местности, кругом только жухлая зимняя трава и облетевшие деревья. Снега как не бывало. В одном городишке, на родине серебряных призеров штата в забеге на триста метров среди девушек младше шестнадцати лет, он залил в говнотачку бензина и, надеясь, что не одна только засохшая грязь не дает его колымаге развалиться на части, там же, на заправке, прогнал машину через мойку. И с удивлением обнаружил, что мытая тачка — вопреки здравому смыслу — оказалась белого цвета и проржавела далеко не насквозь. Он поехал дальше.

В невероятно голубом небе застыли, словно на фотографии, клубы белого промышленного дыма, который поднимался из заводской трубы. С мертвого дерева взмыл ястреб и полетел ему навстречу, взмахи его крыльев распадались в

солнечном свете, словно в стробоскопе, на серию стоп-кадров.

В какой-то момент Тень обнаружил, что подъезжает к Восточному Сент-Луису. Он хотел было его объехать, но не успел оглянуться, как оказался в промышленном районе, посреди квартала красных фонарей. Возле зданий, напоминавших временные склады, но гордо именовавшихся КРУГЛАСУТОЧНЫМИ НАЧНЫМИ КЛУБАМИ, а в одном случае даже ЛУТШИМ ПИП-ШОУ В ГОРОДЕ «ПАДГЛЯДИ», стояли припаркованные восемнадцатиколесные фуры и огромные грузовики. Тень покачал головой и проехал мимо, не останавливаясь. Лора любила танцевать, одетой или голой (бывали и такие памятные вечера, когда она переходила из одного состояния в другое), а он любил на нее смотреть.

В городке Ред Бад он пообедал: сэндвичем, запив его банкой коки.

Он проехал мимо поля, заставленного тысячами поломанных желтых бульдозеров, тракторов и «Катерпилларов».[43] Может, это кладбище бульдозеров, подумал он, и сюда бульдозеры приезжают умирать.

---

[43] notes: 43

«Катерпиллар» (букв. «гусеница») — гусеничный трактор одноименной американской фирмы.

Он проехал мимо бара «Еще по одной». Потом проехал через Честер («Родину Попая»).[44] Тень заметил, что фасады домов, даже самых захудалых и никудышных, теперь часто были украшены белыми колоннами и наверняка в чьих-то глазах выглядели как настоящие дворцы. Он переехал через широкую реку с мутной грязной водой и громко хохотнул, когда разглядел на табличке название — «р. Большая Грязнуха». Он увидел три дерева, сбросивших к зиме листья и сплошь увитых бурым кудзу, который придавал им странные, почти человеческие очертания: издалека их вполне можно было принять за колдуний, скрюченных от старости ведьм, готовых открыть ему будущее.

Тень ехал вдоль Миссисипи. Он никогда в жизни не видел Нила, но слепящее полуденное солнце так сверкало на поверхности широкой бурой реки, что он сразу подумал о Ниле и его мутных водных просторах: не о нынешнем Ниле, а о том, который много веков тому назад пролегал, подобно артерии, через папирусные топи, питая и кобру, и шакала, и дикую корову…

Дорожный указатель предупредил его о том,

---

[44] notes: 44
Моряк Попай — герой комиксов и мультфильмов.

что он подъезжает к Фивам.

Дорога шла по насыпи, поднимаясь над землей примерно на двенадцать футов, — он ехал по болотам. На фоне голубого неба — судорожное броуновское движение сотен черных точек: птицы.

Ближе к вечеру солнце стало садиться, и все вокруг окрасилось в волшебные золотистые тона; теплый и густой, точно заварной крем, солнечный свет преобразил мир, сделав его каким-то неземным и сверхреальным. Как раз в это время Тень промчался мимо знака, который сообщил ему о «Въезде в исторический Каир». Он проехал под мостом и оказался в маленьком портовом городке. Внушительное здание каирского суда и еще более внушительное сооружение таможенного управления были похожи на гигантские свежевыпеченные булочки, политые сиропом золотистого вечернего света.

Он припарковался в переулке и прогулялся до набережной. Но куда он вышел — на берег Огайо или Миссисипи — оставалось только гадать. На задворках одного из зданий стояли мусорные баки, и маленькая бурая кошка, принюхиваясь, скакала от одного к другому. В закатном свете даже у мусора вид был совершенно неземной.

По воздуху вдоль берега скользила одинокая чайка, взмахом крыла корректируя курс.

И тут Тень почувствовал, что он не один. На тротуаре, в десяти футах от него, стояла маленькая девочка в старых кедах и мужском сером шерстяном свитере вместо платья, стояла и рассматривала его с угрюмой серьезностью шестилетнего ребенка. Волосы у нее были черные, прямые и длинные, а кожа — такого же бурого оттенка, что и река.

Он улыбнулся ей. Но в ответ получил все тот же пристальный и дерзкий взгляд.

С берега донесся визг и вой, маленькая бурая кошка рванула прочь от опрокинувшегося мусорного бака, за ней гналась длинномордая черная собака. Кошка метнулась под машину.

— Эй, — позвал девочку Тень. — Ты когда-нибудь видела порошок-невидимку?

Девочка не ответила. Потом покачала головой.

— Не видела? — сказал Тень. — Тогда смотри.

Он вынул левой рукой четвертак, показал его с обеих сторон, потом сделал вид, будто бросает его в правую руку и крепко зажимает в кулаке. Потом он вытянул руку вперед.

— А теперь, — сказал он, — я возьму из кармана щепотку порошка-невидимки… — Тень

засунул левую руку в нагрудный карман, выпустив четвертак, — и посыплю им руку, в которой держу монету… — он изобразил, что чем-то ее посыпает. — Смотри: монета тоже стала невидимой. — Он раскрыл правую ладонь — монеты в ней не оказалось, а потом, разыграв удивление, раскрыл левую — она тоже была пуста.

Маленькая девочка смотрела во все глаза.

Тень пожал плечами, сунул руки в карманы, в одну взял четвертак, в другую — сложенную пятидолларовую бумажку. Он хотел притвориться, будто достал их прямо из воздуха, а потом дать девочке пять баксов: они явно были бы для нее нелишними.

— Смотри-ка, — сказал он, — у нас зрителей прибавилось.

Черная собака с большущими ушами и маленькая бурая кошка, усевшись по обе стороны от девочки, пристально за ним наблюдали. Собака навострила уши, отчего вид у нее сделался комически настороженным. По дорожке в их сторону шел похожий на цаплю мужчина в очках с золотой оправой. Он оглядывался по сторонам, будто что-то искал. Наверняка хозяин собаки, подумал Тень.

— Ну, что скажешь? — обратился он к собаке,

пытаясь развеселить девочку. — Классно получилось?

Черная собака облизнулась. А потом сказала низким, сдержанным баритоном:

— Видел я как-то Гарри Гудини, и поверь мне, парень, тебе до него далеко.

Девочка посмотрела на кошку с собакой, потом подняла взгляд на Тень, а потом бросилась бежать, да с таким отчаянным топотом, будто за ней гнались все черти ада. Животные проводили ее взглядом. Человек-цапля подошел к собаке, нагнулся и почесал ее за ушами. Уши стояли торчком.

— Не занудствуй, — сказал человек в очках с золотой оправой, обращаясь к собаке, — это ведь просто фокус с монетой. Он же тебе не побег из-под воды показывал.

— Ну, за этим-то, положим, не заржавеет, — сказал пес. — Он еще и не на такое способен.

Золотистый свет померк, стали сгущаться серые сумерки.

Тень сунул монету и пятидолларовую бумажку обратно в карман.

— Так-так, — сказал он. — И кто же из вас будет Шакал?

— Протри глаза, — сказал длинномордый пес

и неторопливо зашагал по тротуару, бок о бок с человеком в золотых очках.

Чуть помешкав, Тень последовал за ними. Кошки как не бывало. Они дошли до большого старого здания, стоявшего между домами, окна которых были сплошь заколочены досками. Рядом с дверью висела табличка: ИБИС И ШАКЕЛЬ. СЕМЕЙНАЯ ФИРМА. ПОХОРОННОЕ БЮРО. С 1863 ГОДА.

— Меня зовут мистер Ибис, — сказал человек в золотых очках. — Полагаю, вы не откажетесь от легкого ужина. Моего друга, к сожалению, ждет работа.

Где-то в Америке

В Нью-Йорке Салиму страшно, поэтому он обеими руками стискивает свой чемодан с образцами и крепко прижимает его к груди. Он боится черных, ему не по себе от самого их взгляда, он боится евреев — тех, которые одеваются во все черное, носят шляпы, бороды и пейсы, он узнает с первого взгляда, а сколько их еще слилось с толпой! — он боится абсолютно всех, боится людей любых мастей и габаритов, целыми толпами высыпающих на улицу из своих высоких-превысоких грязных зданий; он боится гвалта автомобильных гудков,

он боится даже воздуха, вонючего и вместе с тем ароматного, совершенно не похожего на воздух Омана.

В Америке, в Нью-Йорке Салим уже неделю. Каждый день он обходит две-три конторы, открывает свой чемодан с образцами и демонстрирует медные брелки, колечки, фляжки и крошечные фонарики, модельки Эмпайр стейт билдинг, статуи Свободы, Эйфелевой башни, у которых из-под краски поблескивает латунь; каждый вечер он отправляет факсы своему зятю Фуаду домой в Маскат, сообщая, что сегодня не получил ни одного заказа или, как в один прекрасный день, что заказов было сразу несколько (правда, мучительно сознавал Салим, выручки не хватало даже на то, чтобы покрыть стоимость авиабилета и проживание в гостинице).

По каким-то совершенно не понятным для Салима причинам партнеры Фуада по бизнесу забронировали ему номер в отеле «Парамаунт» на 46-й стрит. Салиму в отеле неуютно, отель Салиму не по карману, здесь он чувствует себя чужаком и не находит себе места.

Фуад женат на сестре Салима. Он не богат, но является совладельцем небольшого предприятия, выпускающего всякие безделушки, притом

исключительно на экспорт — в другие арабские страны, в Европу, Америку. Салим работает на Фуада уже шесть месяцев. Салим немного побаивается Фуада. Факсы Фуада становятся резче по тону. Вечерами Салим сидит в своем номере и читает Коран, и Коран говорит ему, что все пройдет, что его пребывание в этом странном мире имеет свой срок и свой предел.

Зять дал ему тысячу долларов на дорожные расходы, но эта огромная, как ему сначала показалось, сумма таяла прямо на глазах. Когда только приехал, он раздавал чаевые всем подряд, так и норовил сунуть кому-нибудь лишний доллар — и все из-за страха показаться прижимистым арабом; а потом решил, что люди просто пользуются его щедростью, а может, и посмеиваются над ним, и вообще перестал давать на чай.

В первый и единственный раз, когда поехал на метро, он запутался, потерялся и не попал на назначенную встречу; теперь, если нет другого выхода, он берет такси, а в остальное время ходит пешком. Хлюпая ботинками, с онемевшими от холода щеками, взмокший от пота, он заходит нетвердой походкой в душные офисы; когда на авеню задувают ветра (тут все просто: они дуют с севера на юг, а улицы идут с запада на восток,

поэтому Салим всегда знает, в какую сторону повернуться, чтобы встать лицом к Мекке), лицо так сильно мерзнет, что ему кажется, будто его хлещут по щекам.

Он никогда не ест в отеле (партнеры Фуада оплачивают только номер, за еду он должен платить сам); он покупает еду в фалафельных[45] закусочных и продуктовых лавках и, пряча под пальто, тайком проносит в отель, пока однажды не понимает, что никому до этого нет никакого дела. И все равно ему всякий раз становится не по себе, когда он заходит в тускло освещенный лифт с пакетами еды (чтобы найти и нажать кнопку нужного этажа, ему всегда приходится наклоняться и прищуриваться), а потом идет с ними по коридору до своей крошечной комнатки с белыми стенами.

Салим расстроен. Проснувшись утром, он получил гневный факс от Фуада: упреки, выговоры, недовольство — все вперемешку: Салим всех подводит: сестру, Фуада, партнеров Фуада, султанат Оман и вообще весь арабский мир. Если Салим не способен приносить фирме заказы, то и Фуад не считает себя обязанным держать его

[45] notes: 45

Фалафель — арабское блюдо, фритированные шарики из пюре бобовых с пряностями.

на работе. Они на него полагаются, а он живет в таком дорогом отеле. И непонятно, куда девает деньги. Живет в Америке султаном за чужой счет. Салим читает факс, не выходя из номера (где всегда слишком жарко и душно, поэтому прошлой ночью он открыл окно, и теперь здесь слишком холодно), а потом сидит с выражением глубочайшего страдания на лице.

Теперь Салим идет в деловой центр города. Он так сжимает в руках свой чемодан, будто там лежат не образцы, а рубины с бриллиантами. Квартал за кварталом он продирается сквозь холод, пока наконец на углу Бродвея и 19-й стрит не упирается в приземистое здание, на нижнем этаже которого расположился гастроном. Он поднимается по лестнице на четвертый этаж, в офис «Панглобал импортс».

Офис убогий, но Салим знает, что «Панглобал» сбывает на американском рынке почти половину безделушек и сувениров, ввозимых с Дальнего Востока. Настоящий, большой заказ от «Панглобал» мог бы окупить поездку Салима и обернуть поражение успехом, поэтому Салим сидит в приемной на неудобном деревянном стуле, покачивая на коленях чемодан с образцами, и глазеет на женщину средних лет с крашенными в дико рыжий

цвет волосами, которая сидит за конторкой и без остановки сморкается в «Клинекс». Сморкается, утирается и бросает «Клинекс» в корзину.

Салим сидит с 10:30, он пришел за полчаса до назначенной встречи. Его кидает то в жар, то в дрожь, и ему даже кажется, что у него начинается лихорадка. Время еле ползет.

Салим смотрит на часы. Потом прокашливается.

Женщина за конторкой меряет его взглядом.

— Да? — говорит она. Но выходит у нее «*га*».

— Уже без двадцати пяти двенадцать, — говорит Салим.

Женщина переводит взгляд на часы.

— Га, — говорит она, — даг и ездь.

— У меня на одиннадцать была назначена встреча, — говорит Салим с заискивающей улыбкой.

— Мистер Блэндинг знает, что вы здесь, — недовольно говорит женщина. («Бизтер Блэддигг здает, ждо вы здезь».)

Салим берет со столика старый номер «Нью-Йорк пост». Читает он по-английски хуже, чем говорит, поэтому сквозь текст ему приходится продираться, будто он не читает, а разгадывает кроссворд. Он ждет: переводит взгляд с наруч-

ных часов на газету, потом с газеты на часы в приемной. Пухлый юноша с глазами обиженного щенка.

В двенадцать тридцать из кабинета выходят несколько мужчин. Они громко разговаривают, долдоня что-то на своем американском. Один из них, здоровый и пузатый, держит во рту нераскуренную сигару. Выходя из кабинета, он бросает на Салима быстрый взгляд. Женщине за конторкой он советует принимать лимонный сок и цинк — его сестра очень рекомендует цинк и витамин С. Женщина обещает следовать совету и протягивает ему несколько конвертов. Он кладет конверты в карман, а потом, вместе с остальными, выходит в коридор. На лестнице смех смолкает.

Ровно час. Женщина за конторкой открывает ящик, вынимает коричневый бумажный пакет и достает из него несколько сэндвичей, яблоко и «Милки Вэй», а следом — пластиковую бутылочку свежевыжатого апельсинового сока.

— Простите, — говорит Салим, — не могли бы вы позвонить мистеру Блэндингу и сказать, что я все еще жду?

Она поднимает глаза с таким выражением, словно не ожидала его здесь увидеть — будто бы они не сидели в пяти футах друг от друга в

течение последних двух с половиной часов.

— У него обеденный перерыв, — говорит она. — *У дего обедеддый берерыв*.

Салим знает, просто нутром чует, что мужик с незажженной сигарой и был Блэндинг.

— А когда он вернется?

Она пожимает плечами, откусывает сэндвич.

— У него весь день расписан, — говорит она. — *У дего безь день разбизан*.

— Он примет меня, когда вернется? — спрашивает Салим.

Она пожимает плечами и сморкается.

Салим хочет есть, чем дальше тем больше, он чувствует себя обманутым и обессиленным.

В три часа женщина бросает на него взгляд и говорит:

— Од де бердёцца.

— Что, простите?

— Бизтер Блэддигг. Од зегодня бодьше де бердёцца.

— Я могу назначить встречу на завтра?

Она утирает нос.

— Бам дуждо базбанидь. Бзтречи даздачаюца долько ба тедефоду.

— Понятно, — говорит Салим. И улыбается: в Америке, твердил ему Фуад там, в Маскате, прода-

вец без улыбки все равно что без одежды. — Тогда я завтра позвоню.

Он берет чемодан с образцами и спускается по длинной лестнице на улицу, где вместо холодного дождя начинает идти мокрый снег. Оценив перспективу долгого возвращения в гостиницу на 46-й стрит, по холоду, с тяжелым чемоданом, он подходит к краю тротуара и машет рукой приближающимся такси, не обращая внимания на то, горит на крыше лампочка или нет, но все они проезжают мимо.

Одно такси даже прибавляет скорость; колесо попадает в выбоину и грязная ледяная вода брызжет Салиму на пальто и брюки. На одно мгновение он задумывается, не броситься ли ему под колеса какого-нибудь большого автомобиля, но решает, что зять сильнее расстроится из-за чемодана с образцами, чем из-за него самого, и что горевать о нем будет только любимая сестра, жена Фуада (для отца с матерью он всегда был обузой, а его романтические увлечения были по необходимости недолгими и относительно анонимными): к тому же он не уверен, что машины едут с достаточной скоростью, чтобы сбить его насмерть.

Тут возле него останавливается порядком битое

желтое такси, и Салим, радуясь, что сможет наконец прервать цепочку размышлений, залезает в машину.

Заднее сиденье заклеено серым скотчем-герметиком; на полуопущенной плексигласовой перегородке висят объявления, одно предупреждает о запрете курить в салоне, другое сообщает о стоимости проезда до аэропортов. Какая-то знаменитость, о которой он даже не слышал, записанным на пленку голосом напоминает ему о необходимости пристегнуть ремень безопасности.

— Отель «Парамаунт», пожалуйста, — говорит Салим.

Таксист что-то бурчит себе под нос, резко берет в сторону от обочины и встраивается в движение. Он небрит, на нем толстый серый свитер и черные пластиковые солнцезащитные очки. На улице пасмурно, сгущаются сумерки: у шофера, должно быть, проблемы со зрением, думает Салим. Дворники размазывают по стеклу уличный пейзаж: вместо четкой картинки — световые пятна и серые разводы.

Прямо перед ними, откуда ни возьмись, проскакивает грузовик, и таксист, поминая бороду пророка, шлет водителю грузовика проклятия.

Салим пытается прочесть имя на приборной панели, но не может разобрать ни буквы.

— Скажи, друг, ты давно работаешь таксистом? — спрашивает Салим на родном языке.

— Десять лет, — на том же языке отвечает водитель. — Ты откуда?

— Из Маската, — говорит Салим. — Это в Омане.

— В Омане? Я там был. Давно. Ты когда-нибудь слышал о городе Убар? — спрашивает таксист.

— Конечно слышал, — говорит Салим. — Затерянный Город Башен. Его нашли в пустыне, лет пять-десять назад, точно не помню. А ты участвовал в раскопках?

— Вроде того. Славный был город, — говорит таксист. — По ночам там обычно по три, а то и по четыре тысячи человек вставали лагерем: любой путник останавливался, чтобы отдохнуть в Убаре, и музыка там звучала, и вино лилось рекой, и река там тоже текла — поэтому и город стоял.

— Я об этом слышал, — говорит Салим. — А когда он погиб, тысячу лет назад? Или две тысячи?

Таксист не отвечает. Они останавливаются на красный свет. Когда зажигается зеленый, таксист не трогает с места, игнорируя немедленно раздающийся позади нестройный рев гудков. Салим

нерешительно просовывает руку в щель над перегородкой и тормошит водителя за плечо. Тот резко, рывком вскидывает голову, дает по газам, и они, петляя, переезжают через перекресток.

— Сукаблянах, — ругается водитель по-английски.

— Ты, должно быть, очень устал, друг, — говорит Салим.

— Да я уже часов тридцать сижу за баранкой этого Аллахом забытого такси, — говорит водитель. — Это перебор. А спал всего пять часов, и перед этим еще четырнадцать крутил баранку. Перед Рождеством с такси напряженка.

— Надеюсь, ты хотя бы прилично заработал, — говорит Салим.

— Куда там! — вздыхает водитель. — Сегодня утром вез одного мужика от Пятьдесят первой стрит до Ньюаркского аэропорта. Только мы приехали, он как выскочит — и бегом в аэропорт, больше я его не видел. Плакали мои пятьдесят долларов, да еще самому пришлось платить за обратную дорогу.

Салим кивает.

— А я сегодня без толку полдня ждал встречи с одним человеком. Зять меня ненавидит. Я уже неделю в Америке, но так ничего и не продал,

только деньги проедаю.

— А что ты продаешь?

— Дерьмо всякое, — говорит Салим. — Бессмысленные побрякушки да безделушки, сувениры для туристов. Страшное, дешевое, жуткое, никчемное дерьмо.

Таксист резко выворачивает руль вправо, что-то объезжает и снова движется по прямой. Салим удивляется, как он видит, куда ехать: в сумерки, в дождь, да еще в темных очках с толстыми стеклами.

— Дерьмо, значит, продаешь?

— Да, — говорит Салим, и его охватывает страх и ужас оттого, что он сказал правду.

— И никто не покупает?

— Нет.

— Странно. А зайдешь в магазин — все полки дерьмом завалены.

Салим нервно улыбается.

Впереди улицу перегораживает грузовик: перед ним стоит красномордый коп, кричит и размахивает руками, показывая, что объезжать нужно по соседней улице.

— Поедем другим путем, в объезд, по Восьмой авеню, — говорит таксист. Они сворачивают и оказываются в чудовищной пробке. Гудки испол-

няют какофонический концерт, но машины и не думают двигаться с места.

Водитель начинает клевать носом. Его подбородок постепенно опускается на грудь — все ниже и ниже. Он даже потихоньку всхрапывает. Салим, надеясь, что ничего плохого все-таки не случится, вновь протягивает руку и трясет его за плечо. Водитель приподнимает голову, и Салим задевает рукой его лицо, сбив солнцезащитные очки.

Водитель открывает глаза, берет очки и снова их надевает — но уже слишком поздно. Салим видел его глаза.

Машина под дождем еле ползет. Цифры на счетчике щелкают непрестанно.

— Ты убьешь меня? — спрашивает Салим.

Водитель сидит, поджав губы. Салим смотрит на него в зеркало.

— Нет, — еле слышно говорит водитель.

Машина снова останавливается. Дождь барабанит по крыше.

— Моя бабка клялась, что однажды поздно вечером видела на краю пустыни ифрита, ну или, может, марида, — начинает Салим. — Мы ей сказали, это просто ветер поднялся, маленькая песчаная буря, а она нам: нет, она видела его лицо, и в глазах у него горело пламя, как у тебя.

Водитель улыбается, но его глаза скрывают черные очки, и Салиму остается только гадать, веселая это улыбка или нет.

— Бабушки и сюда добрались, — говорит водитель.

— В Нью-Йорке много джиннов? — спрашивает Салим.

— Нет. Нас немного.

— Есть ангелы, есть люди, сотворенные Аллахом из глины, а еще есть народ огня, джинны, — говорит Салим.

— О моем народе здесь никто ничего не знает, — говорит водитель. — Люди думают, мы исполняем желания. Если бы я мог исполнять желания, как, по-твоему, крутил бы я баранку?

— Я что-то не понимаю.

У таксиста мрачный вид. Пока он говорит, Салим рассматривает его лицо через водительское зеркальце, следя за движением темных губ.

— Люди верят в то, что мы исполняем желания. А с чего они это взяли? Я отсыпаюсь в сраной каморке в Бруклине. А потом развожу на этой вот тачке всяких паршивых засранцев, у которых есть деньги, чтобы заплатить за проезд, а бывают и такие, которые не платят. Я отвожу их куда им надо, и иногда мне дают на чай. Иногда мне

даже платят. — Нижняя губа ифрита начинает дрожать. — А один кретин как-то насрал прямо на сиденье. В таком виде машину не вернешь, пришлось убирать. Счищать с сиденья непросохшее говно. Нормально, да? Как вообще до такого можно додуматься?!

Салим протягивает руку и гладит ифрита по плечу. Через шерстяной свитер он чувствует его крепкое тело. Ифрит убирает руку с руля и на секунду накрывает своей ладонью руку Салима.

Салим думает о пустыне: красные пески пыльной бурей проносятся сквозь его мысли, алые шелка шатров вокруг затерянного города Убара хлопают и бьются на ветру перед его мысленным взором.

Они выезжают на Восьмую авеню.

— У людей есть старое поверье. Нельзя мочиться в ямки и норы, ибо Пророк сказал, что в них живут джинны. Они думают, что ангелы кидают в нас пылающие звезды, если мы пытаемся подслушать их разговор. Но даже для стариков, которые приезжают в эту страну, мы — давным-давно забытое прошлое. В те далекие времена мне не приходилось водить такси.

— Я вам сочувствую, — говорит Салим.

— Плохие настали времена, — говорит иф-

рит. — Надвигается буря. И от этого становится не по себе. Я бы сделал все, лишь бы убраться отсюда подальше.

Весь оставшийся путь до гостиницы они не произносят больше ни слова.

Салим выходит из такси, протягивает ифриту двадцатидолларовую банкноту и предлагает оставить сдачу себе. Потом, неожиданно набравшись храбрости, называет ему номер своей комнаты. Ифрит молчит. На заднее сиденье к нему садится молодая женщина, и такси трогается в путь по холодному, ненастному городу.

Было шесть часов вечера. Салим все еще не ответил зятю на факс. Он вышел на улицу, купил себе на ужин кебаб и картошку-фри. Прошла только неделя со времени его прибытия в страну по имени Нью-Йорк, а он уже чувствовал, как он тут обмяк, опух и отяжелел.

Вернувшись в гостиницу, он с удивлением обнаружил в вестибюле таксиста-ифрита: тот стоял, засунув руки в карманы, и рассматривал черно-белые открытки. Увидев Салима, он смущенно улыбнулся.

— Я позвонил тебе в комнату, — сказал он, — но никто не ответил. Решил подождать.

Салим тоже улыбнулся и коснулся его руки.

— Я пришел, — сказал он.

Они зашли в лифт с тусклым зеленым светом и, держась за руки, поднялись на пятый этаж. Ифрит спросил, можно ли ему принять у Салима душ.

— Я очень грязный, — сказал он.

Салим кивнул. Он сидел на кровати, занимавшей почти половину маленькой белой комнаты, и прислушивался к звуку льющейся воды. Ботинки, носки и всю остальную одежду он снял.

Таксист вышел из душа мокрый, с обмотанным вокруг бедер полотенцем. Он был без очков, и в полутемной комнате глаза его горели алым пламенем.

Салим еле сдержал слезы:

— Я так хочу, чтобы ты увидел то, что вижу я, — сказал он.

— Я не исполняю желаний, — прошептал ифрит, сбрасывая полотенце и мягким, но уверенным жестом толкая Салима на кровать.

Спустя час или даже больше, продолжая ритмично всаживать Салиму в рот, ифрит кончил. Салим за это время кончил уже дважды. Сперма джинна, острая и странная на вкус, обожгла Салиму горло.

Он пошел в ванную и прополоскал рот, а когда

вернулся, таксист, похрапывая, мирно спал на белых простынях. Салим лег позади ифрита и крепко к нему прижался, кожей ощущая дыхание пустыни.

В полусне он вспомнил, что все еще не ответил на факс Фуада, и почувствовал себя виноватым. В глубине души он ощущал пустоту и одиночество; он положил руку на припухший член и, успокоившись, заснул.

Перед рассветом они разбудили друг друга ласками и вновь занялись любовью. В какой-то момент Салим понял, что плачет, а ифрит жгучими губами целует его влажные от слез глаза и щеки.

— Как тебя зовут? — спросил Салим.

— На водительских правах написано имя, но оно не мое, — сказал ифрит.

Потом Салим даже не смог вспомнить, когда закончился секс и начался сон.

В комнату пробралось холодное солнце — и Салим проснулся. Он был один.

Он обнаружил, что его чемодан пропал, а вместе с ним пропали все образцы, фляжки, колечки, медные сувенирные фонарики; еще у него пропали бумажник, паспорт и обратные билеты в Оман.

На полу валялись джинсы, футболка, серый шерстяной свитер, а под ними — водительские права на имя Ибрагима бин Ирема, лицензия на вождение такси на то же имя и связка ключей с прицепленным к ней клочком бумаги, на котором по-английски был написан адрес. Салим был не особенно похож на человека с фото на документах, хотя ифрит тоже был не очень-то на него похож.

Зазвонил телефон: это портье сообщил, что Салим уже расплатился и сдал номер, а его гостю необходимо в ближайшее время освободить комнату, чтобы горничные подготовили ее для следующего постояльца.

— Я не исполняю желаний, — произнес Салим, катая на языке непривычные слова.

Одевался он с чувством небывалой легкости.

Нью-Йорк устроен очень просто: авеню идут с севера на юг, улицы — с запада на восток. Разве я не справлюсь? — спрашивал он себя.

Он подбросил вверх ключи от машины и поймал их. Потом надел черные пластиковые очки, которые обнаружились в кармане джинсов, вышел из номера и пошел искать свое такси.

Глава восьмая

Он говорит, у мертвецов есть души.
Как, говорю, они же сами — души?
А он меня из транса в тот же миг.
Вот и судите сами, есть иль нету
У них чего-то окромя души.

Роберт Фрост. Две ведьмы[46]

Последняя неделя перед Рождеством в похоронных конторах обычно проходит тихо. Тень узнал об этом за ужином. Они сидели в маленьком ресторанчике, в двух кварталах от «Похоронного бюро Ибиса и Шакеля». Тень заказал себе полноценный плотный завтрак — его подавали с хашпаппиз,[47] — а рядом с ним мистер Ибис поклевывал кусочек кофейного торта. Мистер Ибис объяснил, почему под Рождество заказов бывает мало:

— Тот, кто умирает медленной смертью, старается продержаться до последнего в своей жизни

---

[46] notes: 46

Перевод В. Топорова.

[47] notes: 47

Хашпаппиз — южно-американское блюдо, жаренные во фритюре шарики из кукурузной муки.

Рождества или даже до Нового года. А для тех, кого еще не загнал в могилу очередной показ «Этой замечательной жизни»,[48] кто еще не успел ухватиться за последнюю соломинку или, так сказать, последнюю *веточку остролиста*, способную переломить хребет не верблюду в данном случае, а *северному оленю*,[49] для тех в конечном итоге и станут непосильным испытанием этот всеобщий праздник и это веселье. — В конце он издал едва заметный полуфыркающий-полухмыкающий звук, который означал, что он только что произнес прекрасно отточенную фразу, коей остался чрезвычайно доволен.

Ибис и Шакель были владельцами небольшого семейного бюро похоронных услуг, одного из немногих действительно независимых похоронных бюро в округе, по крайней мере именно так утверждал мистер Ибис.

---

[48] notes: 48

Американский фильм «It's a Wonderful Life» режиссера Фрэнка Капры (1946), действие которого происходит на Рождество. При выходе на экран фильм потерпел коммерческий провал, однако в семидесятые годы, когда авторские права на фильм перешли в публичную собственность, телевизионные каналы стали транслировать его во время рождественских праздников. Фильм стал для американцев настоящей рождественской классикой.

[49] notes: 49

Персонаж перефразирует пословицу: «Последняя соломинка ломает спину верблюда».

— На рынке услуг по большей части ценятся общенациональные бренды, — продолжал он.

Мистер Ибис не рассказывал, а разъяснял: его спокойный, убежденный лекторский тон напомнил Тени одного профессора из колледжа, который в свое время ходил тренироваться на «Силовую станцию» — тот вообще не умел нормально разговаривать, только ораторствовал, объяснял и растолковывал. Уже через несколько минут после знакомства с мистером Ибисом Тень смекнул, что в беседах с директором похоронного бюро ему заранее отведена роль слушателя.

— Я полагаю, что именно так все происходит потому, что людям просто нравится предсказуемость, нравится заранее знать, что именно они получат за свои деньги. Отсюда все эти макдональдсы, уол-марты, вулворты (последним — светлая память): торговые марки, которые завоевали всю страну. Куда бы вы ни поехали, везде одно и то же — с небольшими региональными отличиями.

Впрочем, в сфере похоронных услуг дела, в силу понятных причин, обстояли иначе. Обращаясь в провинциальную фирму с индивидуальным подходом к клиентам, вы хотите, чтобы о вас позаботились люди, имеющие призвание к своей

профессии. Когда теряете близкого человека, вы хотите, чтобы к нему и к вам проявили личное участие. Вы не желаете скорбеть на общенациональном уровне, вы хотите, чтобы это осталось вашим частным делом. Но в любой отрасли индустрии (а смерть — это тоже индустрия, не заблуждайтесь на сей счет, мой юный друг) деньги делаются на крупных операциях, оптовых закупках, централизации сделок. Неприятно, но факт. Проблема в том, что никто не хочет, чтобы их близких везли в холодильной камере в какой-нибудь большой старый переоборудованный пакгауз, где на подходе еще двадцать, тридцать, а то и все сто трупов. Нет, сэр. Родственникам приятно думать, что они обращаются в семейную фирму, где люди отнесутся к ним с уважением и при встрече на улице снимут перед ними шляпу.

Мистер Ибис носил шляпу. Шляпа сдержанного коричневого цвета прекрасно гармонировала с блейзером такого же сдержанного коричневого оттенка и сдержанным выражением на смуглом лице. На переносице у него — как птичка на ветке — сидели маленькие очки в золотой оправе. Тени он запомнился невысоким человеком, но всякий раз, когда они стояли рядом, Тень обнаруживал, что росту в мистере Ибисе было за шесть футов,

даже при том, что тот горбился, точно цапля. Сейчас Тень сидел за красным, натертым до блеска столиком напротив мистера Ибиса и вглядывался в его лицо.

— Поэтому когда большие компании захватывают рынок услуг, они покупают имя частной фирмы, оставляют на местах старых управляющих и таким образом создают иллюзию многообразия. Но это лишь верхушка надгробия. Ведь на самом деле это такая же универсальная сеть, как «Бургер Кинг». А вот мы, по соображениям личного свойства, остаемся *действительно* независимыми. Мы сами занимаемся бальзамированием, лучше нас в этой стране никто не бальзамирует, хотя об этом никто, кроме нас самих, и не знает. Правда, мы не кремируем. Будь у нас собственный крематорий, мы бы могли зарабатывать больше, но это идет вразрез с тем, в чем мы действительно преуспели. Как говорит мой партнер, если Господь наградил вас даром или талантом, вы обязаны использовать его в полную силу. Вы со мной не согласны?

— Вполне согласен, — откликнулся Тень.

— Господь дал моему партнеру власть над умершими, а меня наградил даром слова. Слово — великая вещь. Я, кстати, пишу рассказы. Я не

писатель. Просто пишу для себя. Составляю отчеты о чужих жизнях. — Он замолчал. Пока Тень сообразил, что ему следует поинтересоваться, не даст ли ему мистер Ибис почитать что-нибудь из написанного, момент был упущен. — В любом случае мы здесь — живое воплощение традиции: Ибис и Шакель держат здесь свое дело почти две сотни лет. Правда, мы не всегда были владельцами похоронного бюро. Раньше мы были просто организаторами похорон, а еще раньше — гробовщиками.

— А еще раньше?

— Ну, — не без самодовольства улыбнулся мистер Ибис, — у нас очень длинная история. Понятно, что своя ниша у нас появилась здесь только после Войны между штатами.[50] Тогда мы специализировались на похоронах местного цветного населения. До той поры никто не воспринимал нас как цветных — скорее как иноземцев, с темной кожей, экзотической внешностью, но не цветных. Потом война закончилась, и очень скоро уже никто не мог вспомнить, что было время, когда нас не считали черными. У моего партнера кожа всегда была темнее, чем моя.

---

[50] notes: 50

Гражданская война 1861–1865 годов между северными и южными штатами.

Все поменялось в один миг. По большей части ты таков, каким тебя считают. И словечко еще это дурацкое придумали: афроамериканцы. Я сразу себе представляю людей из Пунта,[51] Офира,[52] Нубии.[53] Мы никогда не считали себя африканцами — мы народ Нила.

— То есть вы египтяне, — вставил Тень.

Мистер Ибис выпятил нижнюю губу и покачал головой из стороны в сторону так, словно всерьез пытался взвесить все плюсы и минусы и рассмотреть проблему со всех возможных точек зрения. Голова у него ходила как на пружине.

— И да, и нет. Когда говорят «египтяне», я представляю себе народ, который живет там сегодня, который строит свои города на наших могилах и фундаментах наших дворцов. Разве они похожи на меня?

Тень пожал плечами. Он видел черных, которые выглядели, как мистер Ибис. Он видел

---

[51] notes: 51

Пунт — территория в Восточной Африке, известная древним египтянам. По некоторым древнеегипетским источникам — прародина египтян и колыбель египетских богов.

[52] notes: 52

Офир — страна, упоминаемая в Библии, ее географическое положение не определено.

[53] notes: 53

Нубия — историческая область в долине Нила.

почерневших от загара белых, которые выглядели, как мистер Ибис.

— Как вам кофейный торт? — спросила официантка, подливая им кофе.

— Торт просто бесподобный, — ответил мистер Ибис. — Передавайте маме привет.

— Обязательно передам, — сказала официантка и поспешно ушла.

— Невежливо интересоваться чужим здоровьем, если работаешь в похоронном бюро. Люди могут подумать, что ты выискиваешь клиентов, — вполголоса произнес мистер Ибис. — Ну что ж, пойдемте посмотрим, готова ли ваша комната.

В ночном воздухе дыхание превращалось в пар. В витринах, встречавшихся на пути, перемигивались рождественские фонарики.

— Спасибо, что приютили, — сказал Тень. — Я очень вам признателен.

— Ваш работодатель оказал нам несколько услуг, мы перед ним в долгу. А места у нас, ей-богу, предостаточно. Мы живем в большом старом доме. Раньше нас, знаете ли, было больше. А теперь мы живем втроем. Так что вы никого не потесните.

— А вы не знаете, надолго мне придется у вас

задержаться?

Мистер Ибис покачал головой.

— Он не сказал. Но мы рады приютить вас и найдем вам подходящее занятие. Если вы не брезгливы. И относитесь к покойникам с должным уважением.

— Так как же вас, ребята, занесло сюда, в Каир? — спросил Тень. — Вы тут из-за названия, что ли, обосновались?

— Вовсе нет. Вообще все названия этой местности пошли от нас, хотя люди вряд ли об этом догадываются. В былые времена тут была фактория.

— Во времена фронтира?[54]

— Можно и так сказать. *Добрый вечер, мисс Симмонс! Счастливого вам Рождества!* Люди, которые привезли меня сюда, приплыли по Миссисипи много-много веков тому назад.

Тень остановился и уставился на мистера Ибиса.

— Вы что, хотите сказать, что древние египтяне приехали сюда торговать пять тысяч лет назад?

Мистер Ибис промолчал, только громко хмыкнул в ответ. А потом сказал:

---

[54] notes: 54

Фронтир — в истории США — зона освоения новых земель.

— Три тысячи пятьсот тридцать лет назад. Плюс-минус.

— Ну ладно, — сказал Тень. — Допустим, я купился. И чем они торговали?

— Немногим, — сказал мистер Ибис. — Шкурами. Продуктами. Медью из рудников мичиганского Верхнего полуострова, как его теперь называют. Но все было напрасно. Все усилия пошли впустую. Пока жили здесь, они верили в нас, приносили нам жертвы. А потом от лихорадки скончалась последняя горстка купцов. Их похоронили, а мы остались. — Он остановился как вкопанный посреди тротуара и, раскинув руки, медленно повернулся вокруг своей оси. — Более десяти тысяч лет эта земля была настоящим Гранд-сентралом.[55] А как же Колумб, спросите вы?

— Вот-вот, — поддакнул Тень. — А как же Колумб?

— Колумб сделал то, что люди делали на протяжении тысяч и тысяч лет. Приплыл в Америку — что тут особенного? Время от времени я пишу об этом рассказы.

Они снова тронулись в путь.

---

[55] notes: 55
Гранд-сентрал — центральный вокзал в Нью-Йорке.

— Правдивые?

— В определенном смысле да, правдивые. Если хотите, могу дать вам почитать — парочку. Кто хочет видеть да узрит. Лично мне — я это говорю как подписчик «Сайентифик американ» — очень жаль специалистов, когда они откапывают очередной загадочный череп, какие-нибудь непонятно кому принадлежащие останки или когда находят статуи и артефакты, которые ставят всех в тупик: они говорят «это странно», но они никогда не скажут, что это невозможно — вот потому-то мне их и жаль, ведь то, что люди объявляют невозможным, оказывается за гранью понимания, вне зависимости от того, верно это или неверно. Вот например, нашли череп, свидетельствующий о том, что айны, коренная народность Японии, жили в Америке девять тысяч лет тому назад. Нашли еще один, который доказывает, что в Калифорнии спустя примерно две тысячи лет после айнов присутствовали полинезийцы. И сразу все кидаются ломать голову над тем, кто от кого произошел, упуская из виду самое главное. А что будет, если ученые когда-нибудь и вправду обнаружат тоннели, из которых вышли хопи, одним небесам ведомо. Вот увидите, это все поставит с ног на голову.

Вы меня спросите, добирались ли до Америки ирландцы в Средние века. Конечно добирались, и валлийцы добирались, и викинги. В это же время африканцы с Западного побережья — которое потом стали называть Невольничьим Берегом, или Берегом Слоновой Кости — торговали с Южной Америкой, а китайцы пару раз наезжали в Орегон, который они называли Фусанг. Баски двенадцать веков тому назад тайком от всех ловили рыбу у священных берегов Ньюфаундленда. Полагаю, сейчас вы мне скажете: как же так, мистер Ибис, это были примитивные народы, у них не было ни радиоуправления, ни витаминов, ни реактивных самолетов.

Тень и не думал ничего говорить, но так как от него этого ждали, сказал:

— А что, разве не так?

Под ногами стоял зимний хруст — хрустели последние мертвые опавшие листья.

— Совершенно неверно считать, что до Колумба люди не путешествовали на кораблях на большие расстояния. А ведь и Новая Зеландия, и Таити, и бесчисленные тихоокеанские острова были населены мореплавателями, которые достигли в навигации таких успехов, что могли бы его посрамить; Африка разбогатела на торговле,

хотя в основном на торговле с Востоком, с Индией и Китаем. Мы, народ Нила, давно поняли, что даже на тростниковом суденышке можно проплыть вокруг света, если запастись терпением и пресной водой. Видите ли, в то давнее время главная проблема состояла в том, что Америке нечем особенно было торговать, да и плыть сюда слишком долго.

Они подошли к большому дому в стиле, как его принято называть, королевы Анны. Кто она такая, эта королева Анна, подумал Тень, и почему она так любила дома в духе семейки Аддамс? Окна этого единственного во всем квартале здания не были наглухо заколочены досками. Они зашли в калитку и, обогнув здание, подошли к нему с тыла.

Мистер Ибис достал брелок с ключами, отпер огромную двустворчатую дверь, и они очутились в просторной нетопленой комнате, в которой находились еще два человека. Очень высокий темнокожий мужчина с большим металлическим скальпелем в руке и мертвая девушка восемнадцати-девятнадцати лет, лежавшая на длинном мраморном столе, который одновременно походил и на барную стойку, и на кухонную рабочую поверхность.

К пробковой доске, висевшей на стене прямо над телом, было приколото несколько фотографий покойницы. На одной — это был школьный портрет — она улыбалась. На другой — стояла в ряд с тремя другими девушками; они, видимо, нарядились для выпускного бала, и ее черные волосы были подобраны и переплетены на макушке в замысловатый пучок.

Теперь, когда она лежала, мертвая, на столе, ее тусклые от спекшейся крови волосы свободно падали на плечи.

— Это мой компаньон, мистер Шакель, — произнес Ибис.

— Мы уже встречались, — сказал Шакель. — Простите, что не подаю вам руки.

Тень перевел взгляд на девушку, которая лежала на столе.

— Что с ней случилось? — спросил он.

— Парня неудачно себе выбрала, — ответил Шакель.

— Не всегда это, конечно, приводит к летальному исходу, — вздохнул мистер Ибис. — На этот раз не повезло. Он был пьян и с ножом. Она ему сказала, что беременна. А он не поверил, что от него.

— И ткнул… — сказал мистер Шакель и начал считать. Он наступил ногой на кнопку, раздался

щелчок, и на соседнем столе заработал маленький диктофон, — пять раз. Три ножевых ранения в переднем левом грудном отделе. Первое между четвертым и пятым межреберным пространством, на границе левой груди, ближе к центру грудной клетки, длина раны два и две десятых сантиметра; второе и третье пришлись на шестое межреберное пространство в районе нижнего отдела грудной клетки, в середине левой груди, раны идут внахлест, каждая — по три сантиметра. С левой стороны в переднем отделе грудной клетки во втором межреберном пространстве ранение длиной два сантиметра, другое ранение длиной пять сантиметров и максимум один и шесть десятых сантиметра в глубину в передне-медиальной поверхности левой дельтовидной мышцы, рана резаная. Все повреждения грудной клетки представляют собой глубокие ножевые ранения. Больше видимых повреждений на теле нет. — Он убрал ногу с кнопки. Тень заметил маленький микрофон, который висел на шнурке прямо над столом для бальзамирования.

— Так вы еще и коронер? — спросил Тень.

— Коронер — это у нас должность государственная, — сказал Ибис. — Его обязанность — пнуть труп. Если труп не ответит ему тем же, он под-

писывает свидетельство о смерти. А Шакель, так сказать, патологоанатом. Он работает на окружного судмедэксперта. Производит вскрытие и берет ткани на анализ. Раны он уже сфотографировал.

Шакель не обращал на них внимания. Он взял большой скальпель и сделал широкий и глубокий V-образный надрез, так что линии шли от ключиц, сходясь внизу грудины; затем он превратил V в Y, сделав еще один глубокий надрез, который шел от грудины и заканчивался в районе лобковой кости. Потом он взял маленькую тяжелую хромированную дрель с круглым режущим диском на конце размером с медальон, включил ее и распилил ребра по обе стороны грудины.

Девушка раскрылась будто сумочка.

Тень тут же почувствовал легкий, но неприятно въедливый, острый мясной запах.

— Я думал, хуже будет пахнуть, — сказал Тень.

— Она еще свеженькая, — сказал Шакель. — Да и кишки целы, поэтому дерьмом не пахнет.

Тень отвернулся, но не из-за отвращения, как ожидал, а из-за странного желания предоставить девушке хоть какое-то право на личное пространство. Наверное, ничего нет на свете более обнаженного, чем вскрытое человеческое тело.

Шакель отсек кишки, лежавшие, словно клубок блестящих змей, в животе, под желудком, в глубокой тазовой полости. Пропустил их, фут за футом, между пальцами, сказал в микрофон, что они в «нормальном состоянии», и отправил в ведро на полу. Затем он откачал вакуумным насосом кровь из грудины и измерил ее объем. Потом осмотрел грудину изнутри. И записал на диктофон:

— В околосердечной сумке имеется три разрыва, заполненных свернувшейся кровью.

Он крепко зажал сердце в руке, надрезал сверху, повертел, осмотрев со всех сторон. Потом наступил ногой на кнопку и сказал:

— В сердечной мышце имеется две раны; первая размером полтора сантиметра в правом желудочке, вторая размером один и восемь десятых сантиметра в левом желудочке.

Шакель удалил легкие. Левое легкое было проткнуто и наполовину опало. Он взвесил легкие, потом сердце, потом сфотографировал раны. От каждого легкого он отрезал по кусочку и положил в банку.

— Формальдегид, — шепотом подсказал мистер Ибис.

Шакель удалил у девушки печень, желудок,

селезенку, поджелудочную железу, обе почки, матку и яичники; при этом он продолжал говорить в микрофон, комментируя все свои действия и наблюдения.

Он взвесил все органы и описал их состояние как нормальное и без повреждений. От каждого органа он отрезал по кусочку и все образцы поместил в баночки с формальдегидом.

От сердца, печени и одной почки он отрезал еще по кусочку. И пока работал, медленно, не торопясь пережевывал их.

Тени это почему-то показалось правильным: Шакель не глумился над трупом, а проявлял к нему уважение.

— Ну что, останетесь у нас погостить? — спросил Шакель, прожевывая кусочек сердца.

— Останусь, если вы не против, — сказал Тень.

— Конечно не против, — сказал мистер Ибис. — Мы только за. Пока вы здесь, вы под нашей защитой.

— Я надеюсь, вы не боитесь спать под одной крышей с мертвецами? — сказал Шакель.

Тень вспомнил о горьком и холодном поцелуе Лоры.

— Нет, — сказал он. — По крайней мере пока они не оживают.

Шакель повернулся и посмотрел на него темно-карими глазами, насмешливыми и холодными, как у дикой собаки.

— У нас не оживают, — только и сказал он.

— А по-моему, — проговорил Тень, — по-моему, мертвецы без особого труда возвращаются обратно.

— Едва ли, — встрял Ибис. — Даже зомби, знаете ли, делают из живых людей. Посыпал порошком, заговорил, и все дела: зомби готов. Они думают, что мертвы, а на самом деле живы. А вот чтобы действительно вернуть мертвеца к жизни, в его тело… Тут нужна сила. — Он замолчал, а потом добавил: — В былые времена, на старой родине, все было проще.

— Тогда можно было привязать *ка*[56] человека к его телу на пять тысяч лет, — сказал Шакель. — Привязать или отпустить. Давно это было.

Он взял удаленные органы и заботливо сложил их обратно в тело. Вернул на место кишки, закрыл грудину и стянул края кожи. Потом взял толстую иголку с ниткой и быстрыми, ловкими движениями, будто сшивал бейсбольный мяч, зашил труп: и мясо снова превратилось в девушку.

---

[56] notes: 56

Ка в религии древних египтян — олицетворенная жизненная сила, считавшаяся божественной.

— Пивка бы, — сказал Шакель. Он стянул резиновые перчатки и бросил их в мусорное ведро, темно-коричневый халат кинул в корзину. Потом взял картонную коробку со склянками, в которых бултыхались маленькие красные, коричневые и багровые кусочки органов. — Вы идете?

Они поднялись по задней лестнице на кухню. Кухня была выдержана в коричнево-белых тонах, неброская и респектабельная обстановка образца 1920 года, решил Тень. У одной стены стоял огромный дребезжащий «Кельвинатор».[57] Шакель открыл дверцу «Кельвинатора», поставил в него склянки с кусочками селезенки, почек, печени и сердца и достал три коричневые бутылки. Ибис открыл стеклянную дверцу буфета и взял три высоких стакана. А потом жестом пригласил Тень сесть за стол.

Ибис налил пива и протянул один стакан Тени, другой — Шакелю. Пиво было замечательное, темное и горькое.

— Хорошее пиво, — сказал Тень.

— Мы сами варим, — сказал Ибис. — В былые времена пиво варили женщины. У них это полу-

---

[57] notes: 57

«Кельвинатор» — холодильник производства одноименной компании, основанной в США в 1914 году и названной в честь физика Уильяма Томсона, лорда Кельвина.

чалось лучше, чем у нас. А теперь нас только трое. Я, он и она. — Он показал на маленькую бурую кошку, которая крепко спала в своей кошачьей корзинке в углу комнаты. — Вначале нас было больше. А потом Сет нас бросил и ушел странствовать, лет двести, кажется, тому назад. Точно, не меньше. Мы получили от него открытку из Сан-Франциско в тысяча девятьсот пятом — девятьсот шестом. С тех пор — ничего, тишина. А бедняга Гор… — он замолк со вздохом и покачал головой.

— Я его вижу время от времени, — сказал Шакель. — По дороге к клиентам. — Он отхлебнул пива.

— Я отработаю за свое проживание, — сказал Тень, — пока я тут. Скажите, что делать, я сделаю.

— Мы подыщем вам занятие, — согласился Шакель.

Маленькая бурая кошка открыла глаза, встала и потянулась. Она неслышно прошла через кухню и потерлась головой о ботинок Тени. Тень опустил руку и погладил ее по голове, почесал за ушами и у загривка. Она выгнулась от удовольствия, а потом, запрыгнув к нему на колени, встала передними лапами ему на грудь и дотянулась своим холодным носиком до его носа. После

чего свернулась калачиком у него на коленях и заснула. Он погладил ее: такая мягкая шерсть, так тепло и приятно держать ее на коленях; кошка всем своим видом давала понять, что оказалась в самом безопасном месте на свете, и Тень это успокаивало.

От пива голова у него приятно гудела.

— Ваша комната на самом верху, рядом с ванной, — сказал Шакель. — Рабочий костюм висит в шкафу, там увидите. Наверное, вам сначала захочется помыться и побриться.

Как раз этого Тени и хотелось. Он принял душ, стоя в чугунной ванне, побрился — сильно нервничая с непривычки — опасной бритвой, которую одолжил ему Шакель. Бритва была с перламутровой ручкой, жутко острая. Тень подозревал, что обычно ею сбривали покойникам последнюю щетину. Он в жизни не пользовался опасной бритвой, но все-таки умудрился не порезаться. Смыв крем для бритья, он посмотрел на свое голое отражение в засиженном мухами зеркале. Весь в синяках: на груди и руках поверх заживающих синяков, которые поставил ему Бешеный Суини, расцветали свежие. Отражение смотрело на него с недоверием.

Вдруг — так, словно чья-то чужая воля перехва-

тила контроль и принялась направлять его руку, он приставил опасную бритву лезвием к горлу.

Можно ведь прямо сейчас со всем покончить, подумал он. В два счета. А те два парня, что сидят внизу на кухне и пьют пиво, даже глазом не моргнут, просто подотрут лужу и все уладят. И нет тебе больше никаких неприятностей. И нет тебе больше никакой Лоры. Никаких загадок и сговоров. Никаких кошмаров. Мир, покой и тишина до скончания веков. Один аккуратный порез, от уха до уха. И все дела.

Он стоял, приставив бритву к горлу. Там, где лезвие касалось кожи, выступила крошечная капелька крови. Он даже не заметил, как порезался. *Вот видишь*, — сказал он, и ему показалось, будто он сам себе нашептывает это на ухо. — *Совсем не больно. Лезвие такое острое, что ты ничего не почувствуешь. Умрешь и не заметишь.*

Тут дверь приоткрылась, всего на несколько дюймов, и в ванную заглянула маленькая бурая кошка.

— Мурр? — полюбопытствовала она.

— Вот так так! — сказал он кошке. — А я-то думал, что запер дверь.

Он сложил убийственно острую бритву, положил сбоку от раковины, промокнул кусочком

туалетной бумаги крошечный порез. Потом обернул вокруг пояса полотенце и пошел в спальню.

Спальня, как и кухня, тоже, по всей видимости, была обставлена в 20-е годы: возле умывального столика с кувшином стояли комод и зеркало. На кровати кто-то успел разложить для него одежду: черный костюм, белую рубашку, черный галстук, белую майку, трусы и черные носки. Рядом с кроватью на потертом персидском ковре стояли черные ботинки.

Он оделся. Одежда была не новая, но добротно сшитая. Интересно, кому она раньше принадлежала. Вдруг на нем носки какого-нибудь покойника? Может, он влезает в шкуру мертвеца? Он встал перед зеркалом, чтобы поправить галстук, и ему показалось, что отражение улыбается ему язвительно.

Теперь он уже не понимал, как ему вообще могла прийти в голову мысль перерезать себе горло. Он поправлял галстук, а отражение продолжало улыбаться.

— Ну! — сказал он ему. — И что ты мне хочешь сказать? — и тут же почувствовал себя до крайности глупо.

Дверь со скрипом открылась, в проем проскользнула кошка, бесшумно пробежала по

комнате и запрыгнула на подоконник.

— Вот тебе раз! — сказал он кошке. — Я же запер дверь! Я точно помню, я ее запер!

Она заинтересованно на него посмотрела. Глаза у нее были цвета янтаря — темно-желтые. Спрыгнув с подоконника на кровать, она свернулась калачиком и заснула — круглый комочек шерсти на старом стеганом покрывале.

Тень вышел из комнаты и спустился вниз. Дверь в спальню он закрывать не стал: кошка в любой момент сможет уйти, да и комната немного проветрится. Ступеньки скрипели и ныли под ногами, возмущаясь непомерной тяжестью его тела, так, словно им хотелось, чтобы их оставили в покое.

— *Чертовски* классно выглядите! — сказал Шакель. Он поджидал Тень внизу, у подножия лестницы. Сам он тоже переоделся, в такой же черный костюм. — Вы катафалк когда-нибудь водили?

— Нет.

— Ну, так все когда-нибудь бывает в первый раз, — сказал Шакель. — Он припаркован перед домом.

Умерла пожилая женщина. Ее звали Лайла Гудчайлд. Шакель велел Тени втащить складную

алюминиевую каталку по узкой лестнице наверх, в спальню, и разложить рядом с кроватью. Он достал голубой полупрозрачный пластиковый мешок для трупа, положил на кровати возле мертвой женщины и расстегнул на нем молнию. На ней были розовая ночная рубашка и стеганый халат. Тень приподнял женщину, завернул, хрупкую и почти невесомую, в одеяло и уложил в мешок. Застегнул мешок и переложил на каталку. Пока он этим занимался, Шакель разговаривал со стариком, который, когда Лайла Гудчайлд была жива, приходился ей мужем. Вернее будет сказать, Шакель слушал, а старик говорил. Когда Тень, убрав миссис Гудчайлд в мешок, стал застегивать молнию, старик рассказывал, какие у него неблагодарные дети, да и внуки тоже, пусть в этом и нет их вины, и виноваты во всем родители, ведь яблоко от яблони недалеко падает, а он-то думал, что воспитал их людьми.

Тень и Шакель спустили нагруженную каталку по узкому лестничному пролету. Старик шел следом, не переставая гундеть, в основном о деньгах, о человеческой жадности и неблагодарности. На ногах у него были тапочки. Когда они спускались и выносили на улицу каталку, Тень держал ее за более тяжелый передний край, а потом покатил

по обледенелому тротуару к катафалку. Шакель открыл заднюю дверцу. Тень остановился в нерешительности, и Шакель сказал: «Просто толкай ее. Она сама сложится по ходу». Тень толкнул каталку: ножки подогнулись, колеса завертелись, и каталка въехала в катафалк. Шакель показал Тени, как надежно ее закрепить, и пока Тень закрывал катафалк, Шакель выслушивал старика, который был женат на Лайле Гудчайлд, старика, который, не обращая внимания на холод, стоял в тапочках и халате зимой посреди тротуара и жаловался на то, какие его дети стервятники, самые натуральные стервятники, что они только и ждут, чтобы наброситься на добро, которое они с Лайлой, бедные-несчастные, копили долгие годы, и что им с Лайлой пришлось бежать, сначала в Сент-Луис, потом в Мемфис, потом в Майами, и только в Каире они наконец перевели дух, и какое это для него облегчение, что Лайла умерла не в доме престарелых, и как он боится, что это ждет его самого.

Они отвели старика обратно в дом, поднялись с ним по лестнице в спальню. В углу бубнил маленький телевизор. Проходя мимо, Тень заметил, что диктор ухмыляется и подмигивает ему. Убедившись, что никто на него не смотрит, Тень

показал диктору средний палец.

— У них нет денег, — сказал Шакель, когда они вернулись обратно в катафалк. — Завтра старик зайдет к мистеру Ибису. Похороны будут самые дешевые. Думаю, друзья убедят его сделать все честь по чести, устроить ей проводы в гостиной, как подобает. А он будет плакаться: нет денег. А у кого в наши дни есть деньги? Как бы то ни было, он сам умрет через шесть месяцев. Максимум через год.

В свете фар косо падали снежинки. Снегопад двигался на юг.

— Он болен? — спросил Тень.

— Не в этом дело. Жены переживают мужей. А мужья — такие, как он, — как правило, недолго умудряются протянуть после смерти жены. Вот увидите, он просто начнет ходить из угла в угол, все, к чему он привык, уйдет вместе с ней. Он измучается, ослабнет, а потом просто сдастся и умрет. Может, от пневмонии, а может, и от рака, а может, просто сердце остановится. Годы берут свое, и у тебя уже нет сил бороться. А потом ты просто умираешь.

Тень задумался.

— Шакель!

— Да?

— Вы верите, что у человека есть душа? — На самом деле он собирался задать совсем другой вопрос и сам себе удивился, когда услышал, что сорвалось с языка. Он хотел выразиться менее прямолинейно, но ничего менее прямолинейного придумать не смог.

— Как сказать. Было такое время, на моей памяти, когда все было отлажено. Ты умирал и, когда подходила твоя очередь, держал ответ за все свои добрые и злые дела, и если злые дела перевешивали перышко, мы скармливали те душу и сердце Аммету, Пожирателю Душ.

— Много людей он, должно быть, сожрал.

— Не так много, как можно подумать. Перышко было очень тяжелое. Мы специально такое сделали. Нужно было быть отъявленным негодяем, чтобы твоя душа перевесила ту пушинку. Притормозите здесь, у заправки. Зальем пару галлонов.

На улицах было тихо — так тихо бывает только когда падает первый снег.

— Будет белое Рождество,[58] — сказал Тень, заливая в бак бензин.

---

[58] notes: 58

«Белое Рождество» — популярная рождественская песня, которая была написана специально для фильма «Холидэй Инн» («Holiday Inn», 1942). Рождество называется «белым», если в этот день на улицах лежит снег.

— Да. Вот ведь, блин, везучий сын у девственницы родился.

— Иисус?

— Счастливчик, одно слово! Даже из помойной ямы он вышел бы благоухающим, как розочка. А ведь это, черт возьми, даже не его день рождения, вы в курсе? Это день рождения Митры, а он взял его и присвоил. Уже сталкивались с Митрой? Амбал такой, с военной выправкой. Славный малый.

— Нет, не сталкивался.

— Ну… Я в этих краях вообще Митру не встречал ни разу. Он человек военный. Может, вернулся обратно на Ближний Восток и забил на все, хотя, вполне вероятно, его больше с нами нет. Такое тоже случается. Сегодня каждый воин империи должен искупаться в крови быка, принесенного тебе в жертву. А завтра никто уже не помнит о дне твоего рождения.

По ветровому стеклу с шуршанием ходили дворники, раздвигая снег по сторонам, сбивая снежинки в прозрачную ледяную комковатую массу.

Тут внезапно светофор загорелся желтым, а потом красным. Тень нажал на тормоз. Катафалк пошел юзом, развернулся на пустой дороге и

только потом остановился.

Зажегся зеленый. Тень повел катафалк со скоростью десять миль в час — быстрее по скользкой дороге ехать было опасно. Идеальная скорость для путешествия на катафалке; катафалк, должно быть, частенько ездит на второй передаче, создавая на дорогах пробки, подумал Тень.

— Вот так в самый раз, — сказал Шакель. — Ну и вот, Иисус, конечно, много добра сделал. Мне, правда, один парень как-то сказал, что видел его в Афганистане, он стоял на обочине и голосовал, и никто не остановился, чтобы его подбросить. Представляете? Все зависит от того, где ты находишься.

— Кажется, надвигается настоящая буря, — сказал Тень. Он имел в виду погоду.

Но Шакель, решив в конце концов отреагировать на замечание Тени, заговорил не о погоде.

— Возьмите, к примеру, нас с Ибисом, — сказал он. — Через несколько лет дело наше накроется. У нас были сбережения на черный день, но черный день затянулся на годы и с каждым годом становится все чернее и чернее. У Гора на хрен сорвало крышу, совсем помешался парень, проводит все время в обличье ястреба, жрет зверье, которое сбивают машины — разве это жизнь?

Баст вы видели. *Мы* по сравнению с остальными еще в хорошей форме. По крайней мере, у нас еще осталась какая-то вера, чтобы держаться на плаву. А слабаки по большей части и ее растеряли. Это как в похоронном бизнесе: нравится тебе или нет, крутые ребята в один прекрасный день все равно тебя схавают, потому что они круче и расторопнее, и потому что они *вкалывают*. Бейся, не бейся — ни хрена не поменяется, потому что мы свою битву проиграли сто, тысячу, десять тысяч лет тому назад, когда перебрались в эту зеленую страну. Мы пришли, а Америке на это начхать. Купили нас, или мы дальше вкалываем, или удочки сматываем — без разницы. Так что, да, вы правы. Будет буря.

Тень свернул на вымершую улицу, где во всех домах, за одним исключением, были наглухо заколочены окна.

— Заезжайте с заднего двора, — сказал Шакель.

Тень подогнал катафалк задом к черному ходу, встав почти вплотную к дверям. Ибис открыл катафалк и дверь морга, а Тень отвязал каталку и вытолкнул ее наружу. Перескочив через бампер, колеса завертелись и опустились на землю. Тень покатил каталку к столу для бальзамирования.

Он поднял завернутую в непроницаемый мешок Лайлу Гудчайлд и, бережно обняв ее, как спящего ребенка, аккуратно, точно боясь разбудить, переложил на стол холодного морга.

— Знаете, у меня есть специальное переносное устройство, — сказал Шакель. — Вам не обязательно было переносить ее на руках.

— Да ладно, — в тон Шакелю ответил Тень. — Я крепкий парень. Мне не трудно.

Ребенком Тень был мелковат для своего возраста, кожа да кости. На единственной детской фотографии Тени, которая нравилась Лоре настолько, что она вставила ее в рамку, был запечатлен серьезный темноглазый мальчик с непослушными волосами, он стоял у стола, на котором горой лежали печенья и пирожные. Тень полагал, что снимок был сделан на рождественском празднике в посольстве, так как одет он был в свой лучший костюмчик с галстуком-бабочкой.

Они с матерью все время переезжали, сначала колесили по Европе, из одного посольства в другое: мать работала радисткой в отделе дипломатической службы, шифровала и рассылала секретные телеграммы по всему миру. А потом, когда ему исполнилось восемь, они вернулись обратно в Штаты, но матери, из-за участившихся

приступов болезни, было сложно удержаться на постоянной работе, поэтому они и здесь без конца переезжали из города в город, жили по году то здесь, то там, а мать, пока позволяло здоровье, перебивалась случайными заработками. Они никогда нигде не задерживались подолгу, так что Тень не успевал ни завести друзей, ни почувствовать себя дома, ни просто расслабиться. Неудивительно, что он был таким мелким…

Вымахал он быстро. Была весна, ему шел тринадцатый год. Местные мальчишки дразнили его, втягивали в драки, зная, что победа все равно за ними. Тень, задыхаясь от злости и нередко глотая слезы, бежал в туалет, чтобы смыть с лица грязь или кровь, пока никто не видит. А потом пришло лето, долгое, волшебное тринадцатое в его жизни лето, которое он провел в местном бассейне, плавал и читал библиотечные книжки, и старался избегать встреч с более крепкими мальчишками. В начале лета он едва мог держаться на воде. А в конце августа уже плавал саженками на приличные расстояния, прыгал с высокого трамплина, а его кожа, закаленная водой и солнцем, приобрела темно-коричневый оттенок. Когда в сентябре вернулся в школу, он обнаружил, что мальчишки, от которых столько

натерпелся, были мелкими и хлипкими и уже не могли причинить ему вреда. Двое из них взялись было за старое, но Тень, преподав им жестокий и безжалостный урок, быстро научил их хорошим манерам. Тут он понял, как сильно изменился: он больше не был тихим мальчиком, который изо всех сил старался затеряться в толпе. Для этого он стал слишком большим, слишком заметным. К концу года он оказался в команде по плаванию и в команде по тяжелой атлетике, а тренер еще и уговаривал его записаться в команду по триатлону. Ему нравилось быть большим и сильным. Это выделяло его среди других. Раньше он был тихим, робким книжным мальчиком — и за это ему доставалось; теперь он стал не слишком быстро соображающим верзилой, и все решили, что самое большее, на что он способен, — передвинуть из комнаты в комнату диван.

Все, кроме Лоры.

Мистер Ибис приготовил ужин для себя и мистера Шакеля: рис и вареные зеленые овощи.

— Я мяса не ем, — объяснил он. — А мистеру Шакелю хватает того, что он съедает во время работы.

Рядом с Тенью стояла коробка с кусочками

курицы из «Кей-Эф-Си»[59] и бутылка пива.

Всей порции Тень не осилил, поэтому остатками щедро поделился с кошкой, сняв с кусочков кожу и жесткую корочку и разделив мясо на волокна.

— Сидел со мной в тюрьме один парень, Джексон, — сказал Тень, разделываясь с курицей, — работал в тюремной библиотеке. Он мне сказал, что название «Кентукки Фрайд Чикен», «Жареная Кентуккская Курица» поменяли на «Кей-Эф-Си» потому, что настоящую курицу там больше не готовят. Это не курица, а генетически модифицированный мутант, типа гигантской многоножки, — одни сплошные окорочка, грудки да крылышки, башки нет. И кормят ее через трубочку. Он сказал, что правительство просто-напросто запретило им использовать слово «курица».

Мистер Ибис поднял брови:

— Вы думаете, это правда?

— Да нет. Ловкий, мой бывший сокамерник, вот он говорил, что название изменили потому, что

---

[59] notes: 59

«Кей-Эф-Си» («Kentucky Fried Chicken»), «Кентукки Фрайд Чикен» — сеть кафе фастфуд. В меню входит курица, жаренная в сухарях по запатентованному рецепту.

слово «жареный»[60] приобрело плохой смысл. Может, они хотели, чтобы люди думали, будто курица сама себя сготовила.

После ужина Шакель откланялся и спустился в морг. Ибис ушел в свой кабинет и засел за писательский труд. Тень еще какое-то время посидел на кухне, скармливая маленькой бурой кошке кусочки куриной грудки и потягивая пиво. Когда и пиво и курица закончились, он помыл тарелки и столовые приборы, положил их на подставку сушиться и поднялся наверх.

Зайдя в спальню, он обнаружил, что кошка уже спит в изножье кровати, свернувшись полумесяцем. В среднем ящике туалетного столика нашлось несколько комплектов полосатых пижам. Пижамы были семидесятилетней давности, но пахли чистотой и свежестью, и Тень надел одну из них — как и черный костюм, она сидела так, словно была сшита специально для него.

На столике рядом с кроватью лежала небольшая стопка «Ридерз дайджест»: ни одного номера позже марта 1960 года. Джексон, тот самый парень из библиотеки, уверявший его, будто история про Жареную Кентуккскую Курицу-му-

---

[60] notes: 60
На сленге «жарить» — отправлять на электрический стул.

танта — сущая правда, и рассказавший ему про черные товарняки, в которых правительство под покровом ночи возит через всю страну в Засекреченные Концлагеря Северной Калифорнии политзаключенных, — этот самый Джексон говорил ему, что ЦРУ использует «Ридерз дайджест» как прикрытие для своих подразделений, разбросанных по всему миру. Если в стране есть офис «Ридерз дайджест», утверждал он, это полюбому ЦРУ.

— Чушь. — Тень воспроизвел в памяти слова ныне покойного мистера Лесса. — Кто тогда даст гарантии, что ЦРУ не было замешано в убийстве Кеннеди?

Он на несколько дюймов приоткрыл окно — так, чтобы и комната проветрилась, и кошка смогла выйти на балкон.

Он включил ночник, забрался в постель и, чтобы отключить сознание, выкинуть из головы события последних дней, решил немного почитать. Проглядывая зануднейшие статьи в зануднейшем «Дайджесте», он почувствовал, что засыпает на середине «Я — поджелудочная железа Джо». Едва он успел выключить ночник и опустить голову на подушку, как тут же уснул.

Позже он так и не смог восстановить этот сон

во всех его подробностях и во всей последовательности событий: попытки вспомнить точно, как развивался сюжет, ни к чему не привели — в сознании остался лишь клубок смутных образов. Во сне была женщина. Они где-то повстречались и теперь шли по мосту через маленькое озеро в центре городка. Ветер ерошил поверхность озера, раздувая небольшие волны с белыми гребешками, и эти волны казались Тени маленькими детскими ручонками, которые тянутся к нему из воды.

— *Там, внизу*, — сказала женщина.

На ней была леопардовая юбка, которая хлопала и развевалась на ветру, обнажая сочную и гладкую плоть между чулками и юбкой, и Тень, там, во сне, на мосту, перед лицом Господа и перед всем миром, опустился на колени и погрузился лицом в ее промежность, упиваясь пьянящим, диким женским ароматом. Во сне он осознал, что в реальности у него — настоящая эрекция, его член напрягся, налился, чудовищно вырос, и эта каменная твердость была такой же болезненной, как юношеские эрекции в период стремительного полового созревания.

Он поднял голову и посмотрел наверх: он по-прежнему не мог разглядеть ее лица. Он отыскал

губами ее губы и стал упиваться их нежностью, положил ладони ей на грудь, а потом заскользил по гладкой атласной коже, раздвигая меха, окутавшие талию, пробираясь внутрь, запуская руку в чудесную расщелину, которая разгорячилась, увлажнилась и раскрылась ему навстречу, как цветок.

Женщина исступленно заурчала, протянула руку вниз и сжала его напрягшийся член. Он отшвырнул простыни, перекатился на нее и раздвинул ей бедра, а она направила его рукой к себе, а потом одним толчком, одним волшебным движением…

И вот он уже целует ее взасос в своей бывшей тюремной камере. Она крепко обвила его руками, обхватила ногами его ноги, чтобы он не смог выйти из нее, даже если бы захотел.

Он никогда не целовал губ нежнее, чем эти. Он даже не мог себе представить, что на свете могут быть такие нежные губы. Вот только язык, скользивший по его языку, был шершавым, как наждачная бумага.

— *Кто ты*? — спросил он.

Она не ответила, только толкнула его на спину, оседлала одним гибким движением и поехала на нем верхом. И даже не поехала, а стала на-

плывать на него нежно-шелковым прибоем, с каждым заходом бьющим все мощнее и мощнее; ритмичные толчки и удары, будто ветровые волны, разбивавшиеся о берег озера, сотрясали его разум и тело. Острыми как иглы ногтями она полосовала ему бока, но он испытывал не боль, а удовольствие, какая-то алхимическая реакция превращала всё в мгновения наивысшего наслаждения.

Он изо всех сил пытался прийти в себя, пытался заговорить, но в его голове над песчаными дюнами гуляли ветра пустыни.

— *Кто ты*? — снова спросил он, с трудом произнося слова.

Она посмотрела на него глазами цвета темного янтаря, потом приблизилась губами к его губам и страстно поцеловала его, поцеловала так всеобъемлюще и так глубоко, что там, на мосту над озером, в тюремной камере, в постели похоронной конторы Каира, он едва не кончил. Он оседлал наслаждение, точно воздушный змей, оседлавший ураган. Лишь бы не достичь предела, лишь бы не взорваться, лишь бы это никогда не кончалось. Он совладал с собой. Нужно ее предупредить.

— *Она тебя убьет. Лора, моя жена.*

— *Только не меня*, — отозвалась она.

Из глубины сознания, откуда ни возьмись, всплыла какая-то бредятина: в Средневековье считалось, что если во время совокупления женщина сверху, она должна зачать епископа. Так тогда и говорили: заделать епископа…

Он хотел узнать, как ее зовут, но заговорить с ней в третий раз так и не решился. Она прижалась грудью к его груди, так что он почувствовал ее затвердевшие соски. Она каким-то образом сжимала его, сжимала его *там, внизу*, глубоко внутри себя, и на этот раз он не смог оседлать волну наслаждения и взобраться на гребень, на этот раз волна сама подхватила его, закрутила и откинула прочь, и он, изгибаясь, проталкивался в нее, входя настолько глубоко, насколько вообще хватало воображения, будто они были половинками единого существа, которое наслаждалось, упивалось, обладало, *желало*…

— *Кончай*, — зарычала она гортанным кошачьим голосом. — *Спускай в меня. Кончай.*

И он кончил, содрогаясь и растворяясь всем телом в наслаждении, и сознание его плыло. Потом он медленно, понемногу начал приходить в себя.

Наконец в какой-то момент он вздохнул и почувствовал, как глоток свежего воздуха раз-

ливается по легким, и понял, что очень долго задерживал дыхание. Года три по меньшей мере. А может и больше.

— *А теперь отдыхай,* — сказала она и коснулась нежными губами его век. — *Не думай. Не думай ни о чем.*

После этого Тень нырнул и погрузился в глубокий, безмятежный сон, и ему ничего не приснилось.

Освещение было какое-то странное. Он посмотрел на часы: 6:45 утра. Комнату пронизывал бледно-голубой тусклый свет, хотя на улице было еще темно. Он выбрался из постели. Он точно помнил, что когда ложился спать, на нем была пижама, а теперь он был голый, и ему было холодно. Он подошел к окну и закрыл его.

Ночью была метель: снегу выпало дюймов шесть, если не больше. Грязный и полуразрушенный район города, который Тень мог наблюдать из окна, преобразился — стал чистым и непохожим на себя: покинутые и заброшенные дома были изысканно припорошены снегом. Стертые с лица земли улицы затерялись где-то под белым снежным полем.

Где-то на периферии сознания промелькнула смутная мысль — о *мимолетности* бытия. Вс-

пыхнула и тут же потухла.

Он видел все так же ясно, как при свете дня.

Посмотрев в зеркало, Тень заметил что-то странное. Он подошел ближе и стал озадаченно себя разглядывать. Все синяки исчезли. Он потрогал себя за ребра, надавил посильнее пальцами, пытаясь прощупать больные места, память о встрече с мистером Каменом и мистером Лессом, отыскать свежие расцветающие синяки, которыми его наградил Бешеный Суини, но ничего не обнаружил. Лицо было чистым, без единой царапины. Вот только бока и спина (он повернулся, чтобы проверить) были как будто расцарапаны когтями.

Значит, ему не приснилось. По крайней мере не все.

Тень порылся в ящиках комода и надел что нашел: старомодные голубые ливайсовские джинсы, рубашку, толстый синий свитер и черный плащ гробовщика, который висел в шкафу в дальнем углу комнаты.

Обулся он в свои старые ботинки.

В доме все спали. Он прокрался к выходу, стараясь не скрипеть половицами, вышел на улицу и зашагал по снегу, оставляя на тротуаре глубокие следы. На улице было светлее, чем казалось из

дома, снег отражал солнечный свет.

Через пятнадцать минут ходьбы Тень подошел к мосту. Большой указатель сбоку оповещал, что он покидает историческую часть Кейро. Под мостом стоял высокий, нескладный человек. Он затягивался сигаретой и все время дрожал. Тени показалось, что он его знает.

Тень зашел под мост и, подойдя к нему ближе, разглядел в сумрачном зимнем свете фиолетовые синяки вокруг его глаз.

— Доброе утро, Бешеный Суини, — поприветствовал его Тень.

Мир вокруг замер. Даже машины не нарушали снежную тишину.

— Здорово, приятель, — не поднимая взгляда, отозвался Бешеный Суини. Он курил самокрутку.

— Будешь околачиваться под мостом, Бешеный Суини, — сказал Тень, — люди решат, что ты тролль.

Тут Бешеный Суини поднял глаза. Зрачки расширились так, что заполнили всю радужную оболочку. Суини был напуган.

— Я тебя искал, — сказал он. — Ты должен мне помочь, приятель. Я просрал свой звездный час.

Он затянулся, вынул самокрутку изо рта.

Папиросная бумага прилипла к нижней губе, самокрутка развалилась, и содержимое посыпалось на его рыжую бороду и заляпанную майку. Бешеный Суини стал судорожно отряхиваться немытыми руками, точно пытаясь скинуть с себя опасное насекомое.

— Я сам сейчас не в лучшем положении, Бешеный Суини, — сказал Тень. — Скажи, чего ты хочешь. Может, кофе тебя напоить?

Бешеный Суини покачал головой. Он вынул из кармана джинсовой куртки кисет и папиросную бумагу и стал скручивать еще одну папиросу. Борода у него при этом топорщилась, а рот ходил ходуном, но вслух не было сказано ни слова. Он лизнул клейкий край папиросной бумаги и закрутил ее пальцами. То, что получилось, лишь отдаленно напоминало сигарету.

— Какой я на хер тролль, твою мать. Тролли — *убогая* сволочь.

— Я знаю, что ты не тролль, Суини, — мягко сказал Тень. — Чем тебе помочь?

Бешеный Суини щелкнул медной «Зиппо», целый дюйм сигареты загорелся и превратился в пепел.

— Помнишь, я показал тебе, как достать монету? Помнишь?

— Да, — сказал Тень. Золотая монета стояла у него перед глазами: вот она падает в могилу Лоры, вот сверкает у нее на шее. — Помню.

— Ты взял неправильную монету, приятель.

К мосту, ослепляя их фарами, приближалась машина. Подъезжая, она сбросила скорость, а потом вообще остановилась, и водитель опустил стекло.

— Все в порядке, джентльмены?

— Все просто в ажуре. Не беспокойтесь, офицер, — ответил Тень. — Просто вышли с утречка прошвырнуться.

— Ну, ладно, — сказал коп, но продолжал смотреть на них с подозрением. Он выжидал.

Тень положил руку на плечо Бешеному Суини и повел его по дороге, прочь из города, подальше от полицейской машины. Он услышал звук поднимающегося стекла, но машина не трогалась с места.

Тень продолжал идти. Бешеный Суини шел рядом, и временами его заносило в сторону.

Полицейская машина какое-то время плелась за ними следом, а потом развернулась и, ускоряя ход, поехала по заснеженной дороге обратно в город.

— Ну, давай выкладывай, что стряслось, — ска-

зал Тень.

— Я сделал как он сказал. Я все сделал как он сказал, но я дал тебе неправильную монету. Это должна была быть другая монета. Эта — королевская. Понимаешь? Я по идее даже и в руки-то ее брать не должен был. Это нужен настоящий король Америки, чтобы такими монетами владеть. Она не для таких мелких ублюдков, как ты или я. И теперь я по уши в дерьме. Верни мне монету, приятель. И больше ты меня никогда не увидишь, Браномблязаклинаю. Да чтоб я, сука, опять по деревьям, мать их, лазал.

— Кто тебе сказал это сделать, Суини?

— Гримнир. Чувак, которого ты зовешь Средой. Ты знаешь, кто это? Кто он вообще такой?

— Знаю. Вроде бы.

В безумных голубых глазах ирландца была паника.

— Ничего такого не было. Ничего такого, чтобы против тебя — ничего плохого. Он просто сказал, чтобы я пришел в бар и затеял с тобой драку. Он сказал, что хочет посмотреть, из какого ты теста.

— Он еще что-то просил тебя сделать?

Суини трясло и колотило; Тень было подумал, что от холода, а потом вспомнил, где он раньше видел такую колотящую дрожь. В тюрьме: так

дрожали джанки. У Суини была ломка, и Тень был готов побиться об заклад, что он отходит от героина. Лепрекон-наркоман? Бешеный Суини оторвал и выбросил обгоревший кончик сигареты, а недокуренный пожелтевший бычок сунул в карман. Он потер друг о друга черные от грязи ладони и подышал на пальцы, пытаясь их согреть.

— Слушай, приятель, верни мне эту сраную монету, а? — захныкал он. — Я дам тебе другую, ничуть не хуже. Да я тебе целую кучу такой херни наваляю.

Он снял засаленную бейсболку, потом ударил правой рукой по воздуху, и в руке у него появилась большая золотая монета. Он кинул ее в бейсболку. Из облачка идущего изо рта пара он достал вторую монету и одну за другой начал вылавливать и выхватывать их прямо из неподвижного утреннего воздуха, пока наконец бейсболка не заполнилась до краев, и Суини пришлось держать ее обеими руками.

Бейсболку с золотом он протянул Тени.

— Вот, — сказал он. — Бери, приятель. А мне верни монету, которую я тебе дал.

Тень смотрел на бейсболку, прикидывая, сколько может стоить ее содержимое.

— И куда я дену все эти монеты, Бешеный Суи-

ни? — спросил Тень. — Ты много мест знаешь, где золото меняют на наличные?

На долю секунды ему показалось, что ирландец сейчас ему врежет, но время шло, а Бешеный Суини так и стоял, держа в руках набитую золотом бейсболку, — прямо Оливер Твист. А потом на глаза у него навернулись слезы и потекли по щекам. Он нацепил бейсболку — кроме засаленной ленты от пота, в ней ничего не было — обратно на лысеющую башку.

— Твоя правда, приятель, — сказал он. — Я ведь показал тебе, как это делать. Я показал тебе, как доставать монеты из клада. Я показал тебе, где клад. Просто верни мне первую монету. Она не моя.

— У меня ее больше нет.

Бешеный Суини перестал плакать, на щеках у него проступили пятна.

— Ах ты, сраный… — начал он, но не нашелся что сказать и беззвучно закрыл рот.

— Я тебе не вру, — сказал Тень. — Мне очень жаль. Будь она у меня, я бы тебе вернул. Но я ее отдал.

Суини схватил Тень грязными руками за плечи и посмотрел ему прямо в глаза. Слезы прочертили дорожки на чумазом лице Бешеного Суини.

— Твою мать, — сказал он. От Суини несло табаком, несвежим пивом и потом вперемешку с виски. — Ты же ведь, сука, не врешь. Отдал он ее, вот так вот прямо взял и отдал, никого не спросясь! Да чтоб ты провалился, просрал все на хрен к едрене фене!

— Мне очень жаль.

Тень вспомнил, с каким глухим, еле слышным стуком монета упала на гроб Лоры.

— Сдалась мне твоя жалость, мне все равно теперь копец и крышка. — Бешеный Суини утер нос и вытер рукавом слезы, размазав причудливым узором грязь по лицу.

Тень по-мужски неловко обнял его за плечо.

— Лучше б моя мамочка меня не зачинала, — сказал в конце концов Бешеный Суини и поднял глаза. — А тот чувак, которому ты ее отдал, он ее может вернуть?

— Это женщина. И где она сейчас, я не знаю. Но думаю, вряд ли она ее вернет.

Суини горестно вздохнул.

— Когда я был еще молокососом, — сказал он, — повстречалась мне в поднебесной одна женщина, которая позволяла мне мять ее за сиськи. Она предсказала мне будущее. Сказала, что сгину я и погибну там, где заходит солнце, и что

судьбу мою решит прихоть мертвой бабы. Я тогда засмеялся, плеснул себе еще ячменного вина[61] и опять принялся мять ее за сиськи и крепко целовать ее прелестные губки. Хорошее было время — серые монахи еще к нам не пожаловали и не отправились по зеленому морю на запад. А теперь… — Он замолк на полуфразе. Повернул голову и посмотрел на Тень. — Не доверяй ему, — сказал он с укором.

— Кому?

— Среде. Ему нельзя доверять.

— Я и не должен ему доверять. Я на него работаю.

— Ты помнишь, как это делать?

— Что делать?

У Тени было ощущение, что он разговаривает с полудюжиной разных людей. Этот нелепый лепрекон путался, менял маску за маской, перескакивал с одной темы на другую, будто у него в голове возгорались, прогорали и навсегда угасали последние очаги мозговых клеток.

— Монеты доставать, приятель. Монеты. Я же тебе показывал, помнишь?

Он поднес к лицу два пальца, посмотрел на них,

---

[61] notes: 61
Очень крепкое пиво.

а потом вынул изо рта золотую монету. Он кинул монету Тени, тот вытянул руку, чтобы поймать ее, но монета до него не долетела.

— Я был пьян, — сказал Тень, — ничего не помню.

Суини заковылял через дорогу. На улице светало, и мир из черно-белого стал серо-белым. Тень пошел следом за Суини. Тот шагал широко и размашисто, и казалось, он вот-вот упадет, но ноги всякий раз вставали на землю и шаг за шагом вели его вперед. Когда они дошли до моста, он оперся рукой о кирпичную кладку, повернулся и сказал:

— У тебя найдется несколько баксов? Мне много не нужно. Куплю билет на автобус и уеду отсюда. Двадцатки хватит. Дашь? Всего-то паршивая двадцатка, а?

— И куда ты уедешь по билету за двадцать долларов? — спросил Тень.

— Все равно, лишь бы подальше отсюда, — сказал Суини. — Пока не грянула буря. Подальше от мира, в котором наркота стала религией масс. Куда глаза глядят.

Он остановился, утер нос тыльной стороной ладони, а потом обтер ладонь о рукав.

Тень залез в карман джинсов, вынул двадцатку

и протянул ее Суини.

— На.

Суини скомкал ее и затолкал поглубже в нагрудный карман замасленной джинсовой куртки, под нашивку, на которой были изображены два грифа, сидящие на сухой ветке, а между ними надпись: КОЙ, НА ХРЕН, ПОТЕРПИ! У МЕНЯ ДУША ГОРИТ! Суини кивнул.

— Как раз хватит добраться куда надо, — сказал он.

Он прислонился к кирпичной кладке, порылся в карманах в поисках притаренного бычка и аккуратно прикурил, стараясь не обжечь пальцы и не спалить бороду.

— Послушай меня, — обратился он к Тени, будто это были его первые слова за это утро. — Ты ходишь под виселицей, на шее у тебя веревка, а на каждом плече сидят по ворону и ждут не дождутся, чтоб выклевать тебе глаза. Дерево, на котором тебя вздернут, пустило глубокие корни, ветвями оно упирается в небо, а корнями спускается в ад, и весь твой мир — всего-навсего ветка, с которой свисает веревка. — Он замолк. — Передохну здесь чуток, — и сполз вниз по кирпичной кладке.

— Удачи, — сказал Тень.

— Твою мать, да мне хана, — сказал Бешеный

Суини. — Неважно, забей. Спасибо.

Тень направился к городу. Было восемь утра, и Кейро пробуждался ото сна. Он оглянулся: Суини — бледный, лицо в разводах от грязи и слез — провожал его взглядом.

Это был последний раз, когда Тень видел Бешеного Суини живым.

* * *

Короткие зимние дни перед Рождеством были — все равно что проблески света в зимней тьме, и время в доме смерти летело быстро.

Двадцать третьего декабря Шакель и Ибис устраивали у себя поминки по Лайле Гудчайлд. Суетливые женщины забили кухню всякими коробками, кастрюлями, сковородками, тапперуэрскими пищевыми контейнерами,[62] гроб с покойницей стоял в гостиной в окружении оранжерейных цветов. С противоположной стороны был накрыт стол, горой заваленный едой: капустным салатом, бобами, кукурузными хашпаппиз,

[62] notes: 62

«Тапперуэр» (Tupperware) — товарная марка пищевых пластиковых контейнеров и другой кухонной утвари.

курицей, ребрышками, китайской вигной;[63] к середине дня дом заполнился людьми, они плакали, смеялись, здоровались со священником за руку. Все было организовано тихо и незаметно и проходило под присмотром двух строго одетых господ, Шакеля и Ибиса. Похороны были назначены на утро следующего дня.

В холле зазвонил телефон (это был «Бакелит»,[64] еще дисковый), трубку взял мистер Ибис. Потом он отвел Тень в сторону.

— Звонили из полиции, — сказал он. — Заберете тело?

— Конечно.

— Не привлекайте лишнего внимания. Вот, держите. — Он записал адрес на листке бумаги и протянул его Тени. Тень прочитал — адрес был написан безупречным каллиграфическим почерком, — сложил листок и сунул в карман.

— Там будет полицейская машина, — добавил Ибис.

Тень вышел через заднюю дверь и завел катафалк. И мистер Шакель, и мистер Ибис, каждый

---

[63] notes: 63

Стручковое тропическое растение.

[64] notes: 64

«Бакелит» — название фирмы, производящей пластмассовые изделия из синтетической смолы — бакелита.

счел необходимым в индивидуальном порядке разъяснить Тени, что вообще-то катафалк следует использовать только для похорон, а для того, чтобы забирать тела, у них есть микроавтобус, но он уже три недели в ремонте, поэтому пусть Тень возьмет катафалк, но обращается с ним поосторожнее. Тень со всей осторожностью вел катафалк по улице. К этому времени снегоочистители уже убрали снег с дорог, но ему было спокойнее ехать не спеша. Ему казалось, что на катафалках вообще подобает ездить не спеша, хотя он и не мог припомнить, когда в последний раз видел на улице катафалк. Смерть исчезла с улиц Америки, подумал Тень; теперь она настигает людей в больничных палатах и машинах «скорой помощи». Мы не должны пугать живых. Мистер Ибис рассказал ему, что в некоторых больницах покойников возят на нижних полках закрытых покрывалами каталок: на каталках как будто никого нет, а мертвецы тем временем едут своей дорогой, под прикрытием.

В переулке стояла синяя полицейская патрульная машина, Тень припарковался за ней. В машине сидели двое копов и пили кофе из термосных стаканчиков. Чтобы не замерзнуть, копы включили двигатель. Тень постучал в боковое

окно.

— Да!

— Я из похоронной конторы, — сказал Тень.

— Мы ждем судмедэксперта, — сказал коп.

А не тот ли самый это коп, что разговаривал с ним под мостом, подумал Тень. Один из копов — чернокожий — вышел из машины и повел Тень к мусорному баку, его напарник остался сидеть в машине за рулем. Позади мусорного бака, в снегу, сидел Бешеный Суини. На коленях у него лежала пустая зеленая бутылка, лицо, бейсболка и плечи заиндевели. Он не моргал.

— Сдох алкаш, — сказал коп.

— Похоже на то, — отозвался Тень.

— Пока не трогайте тут ничего, — сказал коп. — С минуты на минуту приедет судмедэксперт. Если хотите знать мое мнение, нажрался парень до полного ступора и отморозил себе задницу.

— Да, — согласился Тень. — Похоже на то.

Он присел на корточки и присмотрелся к бутылке на коленях Бешеного Суини. Ирландский виски «Джемисон»: вот он, его двадцатидолларовый билет. Подъехал маленький зеленый «Ниссан», из него вышел рыжеволосый и рыжеусый мужчина средних лет с измученным видом и зашагал в их сторону. Он приложил руку к шее

трупа. *Его дело пнуть труп*, подумал Тень, *и если труп не пнет его в ответ…*

— Он мертв, — сказал судмедэксперт. — Личность установлена?

— По документам — Джон Доу, — сказал коп.

Судмедэксперт посмотрел на Тень.

— Вы работаете на Шакеля и Ибиса? — спросил он.

— Да, — ответил Тень.

— Скажите Шакелю, чтобы они взяли отпечатки пальцев и сделали оттиски зубов для установления личности, и сфотографировали труп. Полный анализ нам без надобности. Пусть просто возьмут кровь на токсикологию. Запомнили? Или хотите, чтобы я вам это написал?

— Нет, — сказал Тень. — Не надо. Я запомню.

Судмедэксперт на секунду нахмурился, потом достал из бумажника визитку, что-то на ней нацарапал и со словами: «Отдадите Шакелю» протянул ее Тени. Потом пожелал всем счастливого Рождества и ушел. Копы забрали пустую бутылку.

Тень расписался за Джона Доу и погрузил его на каталку. Тело было окоченевшим, и Тени пришлось оставить его в сидячем положении, разогнуть его так и не получилось. Он обследо-

вал каталку и обнаружил, что один край можно приподнять. Усадил Джона Доу, пристегнул его и задвинул в катафалк, лицом вперед. Пусть прокатится со всеми удобствами. Задернув занавески на заднем окне, Тень поехал обратно в похоронную контору.

Остановившись на светофоре, Тень услышал хриплый голос:

— Устройте мне шикарные поминки, и чтобы все по высшему разряду, и пусть красивые женщины, скорбя, роняют слезы и рвут на себе одежды, а доблестные мужи сокрушаются и рассказывают прекрасные истории о моем великом прошлом.

— Ты мертв, Бешеный Суини, — сказал Тень. — А коли ты мертв, изволь принимать то, что тебе воздают.

— Придется, — вздохнул покойник с заднего сиденья. Жалобные наркоманские интонации исчезли, вместо них в его голосе появилось тихое смирение, будто слова транслировались откуда-то издалека: мертвые слова, передаваемые на мертвой частоте.

Загорелся зеленый свет, и Тень плавно нажал на газ.

— Ну, все равно, справьте по мне поминки, —

сказал Бешеный Суини. — Накройте мне сегодня стол и напейтесь в память обо мне до потери пульса. Ты прикончил меня, Тень. Теперь ты передо мной в долгу.

— Это не я тебя прикончил, Бешеный Суини, — сказал Тень. *А двадцать долларов на билет куда подальше*, подумал он. — Тебя прикончили выпивка и мороз, а не я.

Ответа на последовало, и весь оставшийся путь Тень ехал в тишине. Припарковавшись у заднего входа, он выкатил каталку из машины и повез ее в морг. Он на руках перетащил Бешеного Суини на стол для бальзамирования, точно это был говяжий бок.

Накрыв Джона Доу простыней, он оставил рядом с ним всю документацию и ушел. Когда он поднимался по задней лестнице, ему послышался приглушенный голос, почти шепот, будто в дальней комнате играло радио:

— С чего бы это выпивка и мороз меня прикончили, меня, потомственного лепрекона? Нет, это ты, потерявший золотое солнышко, убил меня, ты, Тень, прикончил меня насмерть, это так же верно, как то, что вода мокрая, земля крутится, а друзья всегда предают.

Тень хотел было сказать Бешеному Суини, что

слишком уж страдальческая у него философия, но потом подумал, что, коли ты мертв, радоваться особенно нечему.

Он поднялся наверх, в жилую часть дома: несколько пожилых женщин закрывали прозрачной пленкой кастрюли, убирали остывающую жареную картошку и макароны с сыром в пластиковые контейнеры.

Мистер Гудчайлд, муж покойницы, припер мистера Ибиса к стенке и жаловался ему на детей: он так и знал, что никто не приедет попрощаться с матерью. Яблочко от яблони недалеко падает, говорил он всякому, кто его слушал. Яблочко от яблони недалеко падает.

* * *

В тот вечер Тень накрыл стол для еще одних поминок. Он поставил каждому по стакану, а на середину стола водрузил бутылку «Джемисон Голд». Это был самый дорогой виски, который продавали в винном магазине. Когда они расправились с огромным блюдом еды (остатками после поминок, которые отдали им женщины), Тень щедро разлил по стаканам виски: себе, Ибису, Шакелю и Бешеному Суини.

— Пусть он сидит сейчас в подвале на каталке,

одной ногой в братской могиле, — сказал Тень, разливая виски, — сегодня мы выпьем за него и помянем, как он хотел.

Тень отсалютовал стаканом пустому месту за столом.

— Живым я видел Бешеного Суини всего два раза, — продолжил он. — В первый раз я подумал, что мудило он полное, да еще и с крышей у него нелады. Во второй раз я решил, что большего долбоеба в мире не сыщешь, и дал ему денег на самоубийство. Он показал мне фокус с монетой, которого я уже не помню, наставил синяков, а еще утверждал, что он лепрекон. Покойся с миром, Бешеный Суини. — Тень отпил виски, смакуя постепенно тающий во рту дымный привкус.

Мистер Ибис вынул из внутреннего кармана блокнот, перелистал его, нашел нужную страницу и зачитал вслух краткую версию жизнеописания Бешеного Суини.

Как утверждал мистер Ибис, Бешеный Суини начал свой жизненный путь как страж священного камня на одной маленькой ирландской полянке три тысячи лет тому назад. Мистер Ибис поведал им о любовных похождениях Бешеного Суини, о его врагах, о бешенстве, в котором состояла его сила («об этом сложены стихи, и

некоторые ходят в народе по сей день, хотя никто уже давным-давно не вспоминает ни об их священном характере, ни об их древности»), о том, как его почитали и как ему поклонялись на родине и как потом это почитание превратилось сначала в сдержанное почтение, а затем просто в забаву; он рассказал им историю о девушке из Бэнтри, которая приплыла в Новый Свет и привезла с собой веру в лепрекона Бешеного Суини, ведь она встретила его как-то ночью у заводи, а он улыбнулся ей и назвал ее настоящим именем, которое больше никто не знал. Она бежала из своей страны в трюме корабля вместе с теми, кто видел, как картофель гниет в земле, как друзья и любимые умирают от голода, с теми, кто мечтал о стране, где можно наесться от пуза. Сама девушка из Бэнтри-Бей мечтала попасть в город, где ей было бы под силу заработать столько денег, чтобы можно было перевезти в Новый Свет всю свою семью. Многие ирландцы, плывшие в Америку, считали себя католиками, даже если совсем ничего не знали о катехизисе, даже если все их познания в религии ограничивались верой в банши, завывающих под окнами дома, куда скоро придет смерть, и в Святую Невесту, которая раньше была Бригиттой, одной из трех сестер

(каждую звали Бригид, и все они были одной и той же женщиной), и сказками о Финне, Ойсине, Конане Лысом, а еще о лепреконах, маленьком народце (ирландцы — те еще шутники, ведь лепреконы в свое время были самыми высокими обитателями холмов)…

Об этом и не только об этом поведал им мистер Ибис на кухне в ту ночь. На стене растянулась его длинная птичья тень, и Тень, потягивая виски, воображал, что это голова огромной водной птицы с длинным изогнутым клювом, а где-то на середине второго стакана сам Бешеный Суини начал вставлять в повествование Ибиса всякие не слишком уместные подробности («…а что это была за барышня, груди цветом точно сливки, все веснушками усыпаны, а соски ярко-розовые, чуть не алые, как небо на рассвете, когда сначала льет как из ведра до самого полудня, а к ужину опять сияет солнце…»), а потом Суини, размахивая руками, пытался растолковать историю богов в Ирландии, когда они волна за волной прибывали из Галлии и Испании, и откуда их только не заносило, и всякий раз новоприбывшие боги превращали старых богов в троллей и фейри, и во всякую нечисть, пока наконец сама Святая Церковь не пожаловала на остров и, никого не

спросив, всех богов не превратила в фейри, или святых, или в мертвых королей…

Мистер Ибис протер очки в золотой оправе и, взмахивая указательным пальцем, пояснил — свою мысль он изложил даже более четко и внятно, чем обычно, и Тень понял, что он пьян (его выдавала речь и капельки пота, проступившие на лбу, несмотря на то что в доме было прохладно) — что он прежде всего художник слова и его рассказы нужно понимать не буквально, а как художественное воссоздание, которое правдивее самой правды. Тут Бешеный Суини вставил: «Я тебе сейчас покажу художественное воссоздание, я тебе всю рожу вот этим вот кулаком перевоссоздам, то-то будет художество!», а мистер Шакель осклабился и зарычал на Суини: это было рычание огромной собаки, которая не хочет лезть в драку, но в любой момент может прикончить тебя, разорвав тебе глотку. Суини намек понял, сел на место и налил себе еще виски.

— Так ты запомнил, как я делаю фокус-покус с монетой? — с усмешкой обратился он к Тени.

— Нет, не запомнил.

— Тогда попробуй догадаться, как я это делаю, — сказал Бешеный Суини. Губы у него сделались багровые, а голубые глаза затуманились. — Будет

тепло, я скажу.

— В ладони ты ее не прячешь, так? — спросил Тень.

— Нет.

— Может, есть какая-нибудь штука, в рукаве или еще где-то? Она выстреливает монетой вверх, а ты ее ловишь?

— Опять не угадал. Кому еще виски?

— Я читал в книжке, как делают «мечту скряги»: приклеивают к ладони кармашек из латекса телесного цвета и прячут в нем монету.

— Печальные поминки по Великому Суини, который птицей облетел всю Ирландию и в безумии своем питался жерухой: затем лишь, чтобы сдохнуть и чтоб никто о нем даже не поплакал, кроме птицы, пса и идиота. Нет, с кармашком тоже прокол.

— Ну, тогда все, идей больше нет, — сказал Тень. — Наверное, ты берешь их из ниоткуда. — Тень хотел просто съязвить, но Бешеный Суини вдруг поменялся в лице. — Точно, из *ниоткуда*, — повторил он. — Вот именно оттуда ты их и берешь.

— Ну, не так чтобы прямо из ниоткуда, — сказал Бешеный Суини. — Но ты на верном пути. Их достают из клада.

— Из клада, — Тень стал что-то припоминать. — Точно.

— Ты просто мысленно берешь ее — и она уже твоя, осталось только вынуть. Сокровища солнца. Всякий раз, когда в небе рождается радуга, — они твои. Они в твоем распоряжении, когда в небе рождается радуга. И еще когда наступает затмение или поднимается буря.

И он показал Тени, как это делается.

На этот раз Тень понял.

Голова болела и гудела, а язык во рту на ощупь и на вкус напоминал липкую бумагу, на которую ловят мух. Тень зажмурился от ослепительно яркого дневного света. Он заснул прямо на кухне, за столом. Он был по-прежнему в костюме, только вот черный галстук в какой-то момент успел снять.

Тень спустился в морг и с облегчением, но без удивления обнаружил, что Джон Доу по-прежнему лежит на столе для бальзамирования. Тень вырвал пустую бутылку «Джемисон Голд» из намертво вцепившихся в нее пальцев и выбросил в мусорку. Сверху доносился шум: кто-то ходил по дому.

Когда Тень поднялся на кухню, за столом сидел Среда и доедал из пластикового контейнера

остатки картофельного салата, насаживая его на пластиковую вилку. На нем были темно-серый костюм, белая рубашка и темно-серый галстук: лучи утреннего солнца сверкали на серебряной булавке для галстука, изображающей дерево. Он поприветствовал Тень улыбкой.

— А, Тень, сынок, проснулся, наконец! Я думал, ты до скончания веков проспишь.

— Бешеный Суини умер, — сказал Тень.

— Я слышал, — сказал Среда. — Жалко до слез. Впрочем, все мы там будем в конечном итоге. — Он затянул воображаемую веревку где-то в районе уха, а потом, высунув язык и выпучив глаза, резко дернул головой в сторону. Пантомима была короткой, но от нее стало не по себе. Потом, выпустив воображаемую веревку из рук, Среда улыбнулся своим привычным оскалом: — Салат картофельный будешь?

— Нет, — Тень окинул быстрым взглядом кухню и выглянул в холл. — Ты не знаешь, где Ибис с Шакелем?

— Знаю конечно. Они зарывают миссис Лайлу Гудчайлд, они к этому делу захотели бы и тебя, по всей вероятности, привлечь, но я их попросил тебя не будить. Тебе предстоит долгая дорога за рулем.

— Мы уезжаем?

— Не позже чем через час.

— Мне нужно с ними попрощаться.

— Прощанию придают слишком много значения. Уж поверь мне, ты с ними еще увидишься, прежде чем все это закончится.

Тут Тень заметил, что маленькая бурая кошка лежит, свернувшись калачиком, в своей корзинке — впервые с самой первой ночи, что он провел здесь. Она открыла янтарные глаза и провожала его безразличным взглядом.

Так Тень покинул дом мертвецов. Черные кусты и деревья покрылись ледяной скорлупой, будто отгородившись от этого мира, замкнувшись в неком волшебном пространстве. Под ногами было скользко.

Среда направился к машине Тени, белой «Шеви Нова», припаркованной у дороги. Она была свежевымытой, а вместо номеров Висконсина на ней были номера Миннесоты. Свой багаж Среда уже заранее закинул на заднее сиденье. Он открыл машину — у него были дубликаты тех ключей, что лежали у Тени в кармане.

— Я сяду за руль, — сказал Среда. — Ты раньше чем через час в себя не придешь.

Они поехали на север. Слева под серым небом

широким серебристым потоком текла Миссисипи. На сером облетевшем дереве у дороги Тень заметил огромного ястреба с бело-коричневым оперением: он сидел на ветке и, пока они приближались, смотрел на них в упор бешеными глазами, а потом взлетел и стал кружить, медленно, но уверенно поднимаясь в небо. Тень понял, что время, проведенное в доме мертвых, было всего лишь передышкой; ему уже начало казаться, что все это произошло давным-давно, да и вообще не с ним, а с кем-то другим.

Часть 2
Я Айнсель[65]
Глава девятая

Не говоря уже о сказочных существах,
что живут под камнями…

Венди Коуп. Жребий полицейского

Когда поздно вечером они выехали из Иллинойса, Тень задал Среде первый вопрос. Увидев знак ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВИСКОНСИН, он сказал:

— Так что это за ребята взяли меня на автостоянке? Мистер Камен и мистер Лесс, кто они?

Фары освещали зимний пейзаж. Среда сообщил ему, что по автостраде они не поедут, потому что он толком не знает, кем она контролируется, и Тень без возражений свернул на проселочную дорогу. В конце концов, может, Среда вовсе и не спятил.

— Да так, вражеские агенты, — пробормотал

---

[65] notes: 65

Имеется в виду персонаж шотландской народной сказки, сюжет которой является вариацией на тему игры с именами, при помощи которой Одиссей обманул Полифема. Мальчик, встретившись с фейри, называет себя «Май Айнсель» (Я Сам). Позже, когда фейри обжигается угольком и зовет свою мать, чтобы она наказала человеческого ребенка за обиду, в ответ на вопрос матери о том, кто его поранил, отвечает «Май Айнсель» — на чем, собственно, конфликт и оказывается исчерпан.

Среда. — На оппозицию работают. Черные шляпы.[66]

— А мне кажется, — сказал Тень, — они считают себя белыми.

— Разумеется считают. Все настоящие войны происходят между сторонами, каждая из которых считает, что борется на правое дело. Действительно опасные люди, чтобы они ни творили, верят, что творят добро, и ни секунды в этом не сомневаются. Тем и опасны.

— А *ты*? — спросил Тень. — Почему *ты* делаешь то, что делаешь?

— А вот хочется мне так, — ответил Среда. И осклабился. — И уже поэтому я прав.

— Как вы все оттуда выбрались? — спросил Тень. — Вы вообще все оттуда выбрались?

— Выбрались, — сказал Среда. — С горем пополам. Хорошо, что с тобой им пришлось повозиться, а то бы сцапали всю честную компанию. Зато кое-кто из тех, кто занял выжидательную позицию, убедился, что я пока еще не окончательно спятил.

— Так как же вы все-таки выбрались?

---

[66] notes: 66

Black hat (злодей, негодяй) — выражение, пришедшее из вестернов, где отрицательные персонажи часто носили черные ковбойские шляпы, а положительные герои — белые (white hat).

Среда покачал головой.

— Я тебе не для того плачу, чтобы ты вопросы задавал, — сказал он. — Я тебе уже об этом говорил.

Тень пожал плечами.

Заночевали они в мотеле «Супер 8» к западу от Ла-Кросса.

Рождество провели в дороге. Они двигались на северо-восток. Обработанные поля сменились сосновым лесом. Города встречались все реже и реже.

Рождественский ланч они устроили во второй половине дня в семейном ресторанчике на севере центрального Висконсина, похожем на гостиную в большом загородном доме. Тень уныло ковырялся в еде: на тарелке лежала пересушенная индейка, поданная с красным, сладким, как варенье, клюквенным соусом, резиновая на вкус жареная картошка и консервированный ядовито-зеленый горошек. А вот Среда едой наслаждался — судя по тому, как он на нее набросился и с каким причмокиванием поглощал. По мере насыщения он становился раскован — болтал, шутил, а когда приближалась официантка, худенькая блондинка, по виду вчерашняя школьница, принимался с ней флиртовать.

— Простите, милочка, не могли бы вы принести мне еще чашечку вашего восхитительного горячего шоколада? Надеюсь, вы не сочтете меня наглецом, если я позволю себе заметить, какой на вас невероятно соблазнительный наряд, и как он вам к лицу. Такой классный, праздничный, просто шикарный.

Официантка в яркой красно-зеленой юбке, отороченной по краю сверкающей серебряной мишурой, захихикала, залилась краской и радостно заулыбалась, а потом убежала за кружкой горячего шоколада для Среды.

— Шик, — задумчиво проговорил Среда ей вслед. — Класс.

Тень решил, что он говорит вовсе не о наряде. Среда умял последний кусочек индейки, смахнул салфеткой крошки с бороды и отодвинул тарелку.

— Эх, красота!

Он огляделся вокруг. Где-то тихо бубнила музыка, сплошь рождественские песенки: «У крошки-барабанщика даров сегодня нет, *парапапампам, рапапам-пам, рапапам-пам*».

— Что-то в мире меняется, — вдруг сказал Среда. — Но вот люди… люди всегда одинаковы. Бывают аферы на все времена, а бывают такие,

что не выдерживают испытания жизнью и временем. Моя любимая афера уже давно вышла из употребления. Однако есть невероятное число извечных афер — Испанский узник, Скупщик-простофиля, Вкрадчивый жулик (это то же самое, что Скупщик-простофиля, только вместо бумажника работаешь с золотым кольцом), Игра на скрипке…

— Никогда не слышал про Игру на скрипке, — сказал Тень. — Про другие, кажется, слышал. Мой сокамерник говорил, что проворачивал Испанского узника. Он был тот еще аферист.

— Вот как, — сказал Среда и в глазах у него зажегся огонек. — Игра на скрипке — прекрасная, просто замечательная афера. В своей самой чистой форме она рассчитана на двух напарников. В ней все строится на жадности и скупости, как, собственно, и в других мошенничествах. Честного человека *всегда* можно обвести вокруг пальца, нужно только хорошенько подготовиться. Итак. Мы в отеле или каком-нибудь шикарном ресторане, сидим себе обедаем, и тут видим человека — пообносившегося, но все же элегантного, не замухрышку, хотя и без прежнего лоска. Назовем его Абрахам. Он уже готов расплатиться по счету — счет скромный, долларов пятьдесят — семьде-

сят пять, — и надо же, какая незадача! А где же бумажник? Боже мой, наверное, забыл у друга. Это в двух шагах. Он сейчас мигом к нему сбегает и вернется с бумажником! Дорогой хозяин, говорит Абрахам, вот, возьмите в залог мою скрипку. Она старенькая, как видите, но ею я зарабатываю на жизнь.

Увидев, что приближается официантка, Среда улыбнулся — широко и хищно.

— А, горячий шоколад! Его несет мне мой рождественский ангел! Скажите, милочка, не могли бы вы при случае принести мне еще вашего бесподобного хлеба?

Официантка — сколько же ей, подумал Тень, шестнадцать, семнадцать? — потупила взгляд и залилась пунцовым румянцем. Она трясущимися руками поставила на стол шоколад, прошла в конец зала к медленно вращающейся витрине с пирогами, остановилась и посмотрела на Среду. А потом прошмыгнула на кухню за хлебом.

— Ну так вот. Скрипку в футляре — естественно, старую и, может, слегка побитую — откладывают в сторону, а наш временно обедневший Абрахам отправляется на поиски бумажника. Все это время за договаривающимися сторонами следит шикарно одетый джентльмен, только

что закончивший обедать. В этот самый момент он подходит к хозяину: не разрешат ли ему посмотреть скрипку, которую оставил уважаемый Абрахам?

Конечно разрешат. Хозяин протягивает скрипку, и джентльмен в шикарном костюме — назовем его Баррингтон — открывает рот от удивления, потом берет себя в руки, закрывает рот и с благоговением принимается рассматривать скрипку — точно его пустили в святая святых, чтобы посмотреть на мощи пророка. «Вот это да! — говорит он. — Это же — ведь это, видимо… — нет, не может быть — хотя да, так и есть — господи! Это невероятно!» Он показывает на клеймо мастера, полоску желтеющей бумажки внутри скрипки — но даже и без него, говорит Баррингтон, он все равно бы ее узнал по цвету лака, по резьбе, по форме.

Тут Баррингтон лезет в карман и предъявляет гравированную визитку, на которой написано, что он выдающийся торговец редкими и старинными музыкальными инструментами. «Так значит, это редкая скрипка?», — спрашивает хозяин. «Несомненно, — отвечает Баррингтон, продолжая с восторгом и благоговением рассматривать ее, — и если я не ошибаюсь, стоит она более ста

тысяч долларов. Как торговец антиквариатом я бы сам отдал за этот шедевр пятьдесят — нет, семьдесят пять тысяч долларов, сразу, наличными. Я знаю человека с Западного побережья, который купит ее завтра не глядя, стоит только послать телеграмму, и заплатит столько, сколько я попрошу. — Тут Баррингтон смотрит на часы и лицо у него вытягивается. — Поезд… — говорит он. — Я сейчас опоздаю на поезд! Милостивый государь, когда владелец этого бесценного инструмента вернется, пожалуйста, передайте ему мою визитку, а мне, увы, нужно бежать!» На этом Баррингтон, прекрасно отдавая себе отчет в том, что времени у него вагон и ни на какой поезд он не опаздывает, откланивается и уходит.

Хозяин осматривает скрипку со смешанным чувством любопытства и жадности, и в мозгу его начинает зарождаться план. Время идет, а Абрахам все не возвращается. И вот под вечер он все-таки появляется в дверях, наш Абрахам, наш скрипач, потрепанный, но гордый, и в руках у него бумажник, бумажник, который знавал и лучшие дни, бумажник, в котором даже и в лучшие дни никогда не лежало больше сотни, и Абрахам достает из него деньги, чтобы заплатить за обед или проживание, и просит вернуть скрипку.

Хозяин кладет скрипку в лежащий на прилавке футляр, и Абрахам нежно прижимает ее к груди, словно мать — дитя. «Скажите, — говорит хозяин (гравированная визитка человека, готового заплатить за скрипку семьдесят пять тысяч долларов наличными, прожигает ему грудь через внутренний карман), — а сколько стоит скрипка вроде вашей? Моя племянница очень хочет играть на скрипке, а через неделю у нее как раз день рождения».

— Вы хотите, чтобы я продал скрипку? — говорит Абрахам. — Я ни за что ее не продам. Я уже двадцать лет на ней играю, я играл на ней во всех штатах Америки и играю до сих пор. Сказать по правде, она стоила мне целых пятьсот долларов.

Хозяин сдерживает улыбку: «Пятьсот долларов? А что если я прямо здесь и сейчас дам за нее тысячу?»

У скрипача сначала загораются глаза, но уже через секунду лицо его мрачнеет и он говорит: «Что вы, сэр, я же скрипач, и это единственное, что я умею в жизни. Эта скрипка любит и знает меня, а мои пальцы настолько хорошо ее изучили, что я могу сыграть на ней даже в полной темноте. И звучит она великолепно. Где я возьму такую скрипку? Тысяча долларов — хорошие

деньги, но скрипкой я зарабатываю на жизнь. И не продам ее ни за тысячу, ни за пять».

Хозяин понимает, что его потенциальная прибыль падает, но бизнес есть бизнес, и чтобы заработать деньги, нужно их сначала потратить. «Восемь тысяч долларов, — говорит он. — Оно того, конечно, не стоит, но уж больно мне понравилась ваша скрипка. И племянницу любимую так хочется побаловать…»

Абрахам чуть не плачет при мысли, что ему придется расстаться со своей любимой скрипкой, но как ему отказаться от восьми тысяч долларов? — тем более что хозяин уже направляется к сейфу и достает оттуда не восемь, а целых *девять* тысяч долларов, в аккуратно перевязанных пачках, которые так и просятся в карман его поношенного пиджака.

«Вы — добрый человек, — говорит он хозяину. — Вы просто святой! Но вы должны поклясться, что позаботитесь о моей девочке!» — и он с неохотой отдает хозяину скрипку.

— А если хозяин просто отдаст Абрахаму визитку Баррингтона и скажет ему, что у него есть шанс разбогатеть? — спросил Тень.

— Значит, мы впустую потратились на два обеда, — сказал Среда. Он собрал с тарелки остат-

ки еды и подливки кусочком хлеба и съел его, с аппетитом причмокивая.

— Правильно ли я тебя понимаю, — сказал Тень. — Абрахам уходит, став богаче на девять тысяч, и они с Баррингтоном встречаются на автостоянке у вокзала. Делят деньги, садятся в форд «Модель А»[67] Баррингтона и едут в следующий город. А в багажнике у них, должно быть, лежит целый ящик со стодолларовыми скрипками.

— Лично я считаю делом чести не платить за них больше, чем по пять долларов за штуку, — сказал Среда и обратился к застывшей в нерешительности официантке. — А теперь, милочка, опишите нам позавлекательнее роскошные десерты, которыми вы можете нас угостить в день Рождества Господа нашего. — Он уставился на нее — почти с вожделением — так, словно самое вкусное, что она могла ему предложить, был кусочек самой себя. Тени стало не по себе: это было все равно что наблюдать, как старый волк выслеживает молоденькую лань, которая не понимает, что нужно бежать, и бежать немедленно, иначе все для нее закончится на затерянной посреди глухого леса полянке, где вороны потом обклюют

---

[67] notes: 67

«Модель А» — первый автомобиль Генри Фонда.

ее косточки добела.

Девушка снова покраснела и сказала, что на десерт у них яблочный пирог а-ля-мод — «Он подается с шариком ванильного мороженого», — Рождественский торт а-ля-мод или красно-зеленый взбитый пудинг. Среда посмотрел ей в глаза и сказал, что он попробует Рождественский торт а-ля-мод. Тень от десерта отказался.

— Аферы приходят и уходят, — сказал Среда, — а Игре на скрипке уже лет триста, если не больше. Если правильно обрабатывать лохов, в нее хоть завтра можно сыграть в любом городе Америки.

— Ты ведь сказал, что твоя любимая афера больше не практикуется, — заметил Тень.

— Да, сказал. Только эта не любимая. Любимая называется Игра в епископа. В ней все есть: эмоциональная напряженность, хитрость, динамика, неожиданный поворот сюжета. Я время от времени думаю, может, с небольшими вариациями, можно было бы… — он осекся и покачал головой. — Нет. Всему свое время. Идет, предположим, 1920 год, мы, скажем, в Чикаго, или Нью-Йорке, или Филадельфии, в любом городе — от среднего до большого. Место действия — ювелирный магазин. В магазин заходит человек, одетый священником — причем это не просто

священник, а епископ в мантии, — выбирает ожерелье, восхитительную и великолепную вещицу из бриллиантов и жемчуга, и расплачивается дюжиной новеньких хрустящих стодолларовых купюр.

Верхняя купюра испачкана зелеными чернилами, и хозяин магазина рассыпается в извинениях, но — бизнес есть бизнес — и он отсылает стопку банкнот для проверки в банк на углу. Вскоре сотрудник магазина приносит купюры обратно. В банке сказали, что фальшивых нет. Хозяин магазина снова извиняется, а епископ — вообще сама вежливость, он все прекрасно понимает, ведь столько на свете развелось преступников и безбожников, да такая кругом безнравственность и распущенность, да столько падших женщин, а теперь еще и подонки общества выкарабкались со дна и воцарились на экранах синематографа — чего же дальше ждать от этого мира? Ожерелье уже упаковано в коробочку, и хозяин магазина изо всех сил старается не думать, зачем епископ покупает бриллиантовое ожерелье за тысячу двести долларов и почему расплачивается наличными.

Епископ сердечно с ним прощается и выходит из магазина — и тут ему на плечо опускается

чья-то тяжелая рука.

«А, Мыльный, попался, шельмец, опять за старое?» — и широкоплечий участковый с честным ирландским лицом заводит епископа обратно в ювелирный магазин.

«Прощу прощения, этот человек ничего сейчас у вас не покупал?» — спрашивает коп.

«Нет, конечно, — отнекивается епископ. — Скажите же ему!»

«Напротив, — говорит ювелир. — Он купил у меня ожерелье из жемчуга и бриллиантов — и заплатил наличными».

«Вы можете показать мне банкноты, сэр?» — спрашивает коп.

Ювелир берет из кассы двенадцать банкнот по сто долларов и протягивает копу. Тот просматривает их на свет и с удивлением качает головой: «Эх, Мыльный, Мыльный, — говорит коп, — ты превзошел сам себя! Ты настоящий мастер, а?»

Епископ расплывается в самодовольной улыбке.

«Вы не можете ничего доказать, — говорит он. — В банке сказали, что с ними все в порядке. Настоящие зеленые».

«Я в этом не сомневаюсь, — соглашается участковый, — вот только не уверен, что их предупре-

дили о том, что в город пожаловал Сильвестр Мыльный, или о том, какие качественные стодолларовые бумажки он пустил в оборот в Денвере и Сент-Луисе». — С этими словами он запускает руку в карман епископа и достает ожерелье.

«Ожерелье из жемчуга и бриллиантов стоимостью в двенадцать сотен долларов в обмен на бумажку и чернила за пятьдесят центов, — говорит полицейский, который, кажется, в глубине души настоящий философ. — И еще выдает себя за служителя церкви. Стыд и срам!» — говорит он, защелкивая наручники на запястьях епископа, по которому тут же становится видно, что никакой он не епископ, и выводит его из магазина, отдав ювелиру квитанцию на ожерелье и фальшивые стодолларовые купюры. Как-никак вещественные доказательства.

— Это на самом деле были фальшивки? — спрашивает Тень.

— Конечно нет! Новенькие банкноты, прямо из банка, на одной-двух отпечаток пальца да пятнышко зеленых чернил, чтобы выглядели поинтереснее.

Тень отпил кофе. Он был даже отвратительнее тюремного.

— Значит, коп на самом деле не коп. А что с

ожерельем?

— Улика, — сказал Среда. Он отвинтил крышечку солонки и высыпал небольшую горку соли на стол. — Ювелир получает квитанцию и уверяется в том, что ему вернут ожерелье, как только дело Мыльного дойдет до суда. Он радуется, что исполнил свой гражданский долг, и, размышляя над тем, какую историю расскажет завтра вечером на очередном собрании Чудаков,[68] с гордостью наблюдает, как полицейский с двенадцатью сотнями долларов в одном кармане и ожерельем стоимостью в двенадцать сотен долларов — в другом уводит мнимого епископа в полицейский участок, куда они, естественно, и носу не покажут.

Официантка вернулась, чтобы убрать со стола.

— Скажите, дорогуша, — спросил Среда, — вы замужем?

Она отрицательно покачала головой.

— Удивительно, что такую прелестную юную леди еще не увели под венец.

В высыпанной на стол соли Среда принялся вычерчивать ногтем приземистые, корявые, похожие на руны знаки. Официантка покорно

---

[68] notes: 68

Имеется в виду Независимый орден чудаков (Independent Order of Odd Fellows), масонская организация, основанная в 1819 году.

стояла рядом, теперь она напоминала Тени уже не столько лань, сколько молоденькую крольчиху, освещенную фарами восемнадцатиколесного грузовика и застывшую на месте от страха и растерянности.

Среда понизил голос, так что Тень, сидевший за столом напротив, едва его расслышал:

— Во сколько ты заканчиваешь работать?

— В девять, — сказала она и сглотнула. — Самое позднее в девять тридцать.

— А какой здесь поблизости самый приличный мотель?

— Мотель 6, — сказала она. — Но он не очень.

Среда бегло провел кончиками пальцев по ее руке, оставляя на коже крупицы соли. Она даже не попыталась их стряхнуть.

— Для нас, — еле слышно прогудел Среда, — он превратится в дворец наслаждений.

Официантка взглянула на него, закусила тоненькие губки, помедлила несколько секунд, потом кивнула и убежала на кухню.

— Ты в своем уме? — сказал Тень. — Ты играешь с законом — она только вчера из-за парты.

— На закон я никогда особо не обращал внимания, — ответил Среда. — Она меня как таковая не интересует, мне просто нужно немного взбод-

риться. Даже царю Давиду было известно одно простое правило: если хочешь разогнать кровь в старом теле, трахни девственницу и перезвони с утреца.

Тень задумался, была ли девственницей девушка на ночном дежурстве в отеле Игл-Пойнта.

— А заразу какую-нибудь ты подцепить не боишься? — спросил он. — А вдруг она залетит? А что если у нее есть старший братец?

— Нет, — сказал Среда. — Не боюсь. Зараза ко мне не липнет. К сожалению — по большей части, — такие, как я, стреляют вхолостую, поэтому о скрещивании можно говорить весьма условно. Когда-то давно такое случалось. Теперь это тоже возможно, но настолько маловероятно, что практически немыслимо. Так что и беспокоиться не о чем. А братья и даже отцы есть у многих. Только это не моя проблема. В девяноста девяти случаев из ста меня наутро уже и след простыл.

— Значит, мы остаемся здесь на ночь?

Среда потер подбородок.

— Я ночую в Мотеле 6, — сказал он, сунул руку в карман пальто и достал ключ от входной двери, бронзового цвета и с подвешенной к нему биркой, на которой был напечатан адрес: 505 Нортбридж-роуд, кв. 3. — А тебя ждет квартира. В

одном далеком городе.

Среда на секунду прикрыл, а потом снова открыл глаза — серые, светящиеся и слегка отличающиеся оттенком — и сказал:

— Через двадцать минут грейхаундовский автобус будет проезжать через город. Он останавливается у заправки. Вот твой билет.

Он вынул сложенный пополам билет и протянул его Тени через стол. Тот взял и развернул: на билете было написано имя.

— Кто такой Майк Айнсель? — спросил он.

— Ты. С Рождеством тебя.

— А где Лейксайд?

— Там, где будет твой дом на ближайшие несколько месяцев. Ну, и раз бог у нас любит троицу… — Он достал из кармана маленький, праздничнo упакованный сверток и толкнул его через стол. Сверток остановился рядом с бутылкой кетчупа: на горлышке застыли черные подтеки высохшего соуса. Тень сидел не шелохнувшись.

— Ну?

Пересилив себя, Тень разорвал красную оберточную бумагу и обнаружил желтовато-коричневый, затертый до блеска бумажник из телячьей кожи. Он определенно кому-то раньше принад-

лежал. Внутри лежали водительские права на имя Майка Айнселя с фотографией Тени и адресом в Милуоки, кредитка «MasterCard» на то же имя и двадцать хрустящих банкнот по пятьдесят долларов.

— Спасибо, — сказал он.

— Считай это рождественской премией. А теперь пойдем, я провожу тебя до «Грейхаунда». Помашу ручкой, когда серый пес помчит тебя на север.

Они вышли из ресторана. Тени не верилось, что за несколько часов может так сильно похолодать. Для снегопада теперь было слишком холодно. Невыносимо холодно. Не зима, а просто жуть.

— Слушай, Среда. Те две аферы, про которые ты мне рассказал — со скрипкой и епископом, ну, с епископом и копом… — Он замолчал, пытаясь ухватить свою мысль, сформулировать поточнее.

— Ну?

И тут до него дошло:

— В обеих участвуют два человека. И каждый разыгрывает свою партию. У тебя был напарник?

Изо рта у Тени клубами валил пар. Он пообещал себе, что, когда доберется до Лейксайда, потратит

часть своей рождественской премии на самую теплую, самую толстую куртку, которую только можно купить за деньги.

— Да, — сказал Среда. — Да. Напарник был. Младший помощник. Было время, было, но, увы, прошло. *Вон* заправка. А *вон* и автобус, если мне, конечно, не мерещится.

Автобус сигналил, заворачивая на стоянку.

— Адрес на ключе, — сказал Среда. — Если кто спросит, я — твой дядя, и отзываюсь я на несколько необычное имя Эмерсон Борсон. Счастливо устроиться в Лейксайде, племянник Айнсель! Я приеду через недельку. Будем путешествовать вместе. Навещать людей, с которыми мне надо повидаться. А до тех пор — заляг на дно и не высовывайся.

— А моя машина?.. — спросил Тень.

— О машине я позабочусь. Отдохни в Лейксайде, — сказал Среда и протянул руку. Тень пожал ее: она была холоднее, чем у трупа.

— Боже мой, да ты совсем окоченел!

— Поэтому чем быстрее я окажусь в Мотеле 6 и сотворю зверя о двух спинах с той классной девчонкой из ресторана, тем лучше. — Он протянул другую руку и похлопал Тень по плечу.

На мгновение Тень испытал головокружитель-

ное ощущение: будто два разных мира были перед ним одновременно. В одном стоял седоволосый мужчина, положив ему на плечо руку, а в другом была сплошная зима, которая длилась сотни лет подряд, и сквозь эту зиму, от поселения к поселению, шел седой человек в широкополой шляпе, заглядывал в окна и смотрел на свет очага, на кипящую жизнь, частью которой он никогда не сможет стать, на чужое счастье, вкусить которого ему не суждено…

— Иди, — настойчиво рыкнул Среда. — Все прекрасно и замечательно, а будет еще лучше.

Тень показал билет женщине-водителю.

— Адская погодка для путешествий, — сказала она. И добавила с какой-то зловещей радостью: — Веселого Рождества!

Автобус был почти пустой.

— Когда мы доберемся до Лейксайда? — спросил Тень.

— Часа через два. Может, чуть больше, — ответила женщина. — Говорят, ожидается резкое похолодание. — Она нажала кнопку, двери зашипели и с глухим звуком захлопнулись.

Тень прошел в середину салона, сел, откинул сиденье до упора назад и погрузился в размышления. Движение автобуса и тепло подействовали

на него убаюкивающе, и, не успев понять, что засыпает, он уже уснул.

На земле и под землей. На стене следы сырой красной глины: отпечатки рук, пальцев; всюду примитивные изображения животных, людей и птиц.

Огонь по-прежнему горел, а человек-бизон по-прежнему сидел по ту сторону костра и смотрел на Тень огромными — как два темных мутных омута — глазами. Губы бизона, окаймленные свалявшейся бурой шерстью, оставались неподвижны, но Тень отчетливо слышал голос:

— Ну, Тень? Теперь поверил?

— Не знаю, — сказал Тень, отметив про себя, что рта он тоже не открыл. Слова, которыми они обменивались, не произносились вслух, по крайней мере раньше у Тени было совсем другое представление о том, как являются на свет звуки человеческой речи. — Ты настоящий?

— Можешь не сомневаться, — сказал человек-бизон.

— Ты… — начал было Тень, но осекся. — Ты тоже бог? — наконец спросил он.

Человек-бизон запустил руку в огонь и вытащил из костра горящую головню. Он держал ее прямо посередине, и желто-голубые языки пла-

мени лизали его красную руку, но не обжигали.

— Эта земля не для богов, — сказал человек-бизон. Но во сне Тень понял, что говорит уже не он: теперь само пламя, сам огонь, потрескивающий и жгучий, разговаривает с Тенью в темной пещере глубоко под землей.

— Эту землю подняла наверх со дна океана гагара, — сказало пламя. Ее сплел из своей паутины паук. Она — кал ворона. Тело павшего отца, горы — его кости, озера — его глаза. Это земля снов и огня, — сказало пламя.

Человек-бизон положил головню обратно в огонь.

— Зачем ты мне рассказываешь эту чушь? — сказал Тень. — Я — мелкая сошка. Я никто. Я был вполне приличным тренером, хреновым второсортным жуликом и, может, не таким уж хорошим мужем, как мне хотелось думать…

Он замолк.

— Как мне помочь Лоре? — спросил он у человека-бизона. — Она хочет снова стать живой. Я обещал ей помочь. И я обязан это сделать.

Человек-бизон молча указал на свод пещеры. Тень поднял глаза. Наверху, сквозь крохотное отверстие, в пещеру пробивался тонкий луч зимнего света.

— Наверх? — спросил Тень, надеясь, что хотя бы на один вопрос он получит ответ. — Мне нужно подняться наверх?

В этот момент сон завладел им, идея материализовалась, и его стало выталкивать вверх, сквозь землю и камень. Он был как крот, который пытается пробиться, протиснуться, как барсук, который лезет наверх сквозь земную толщу, как сурок, прорывающий себе путь, уплотняя, расталкивая землю, как медведь — вот только земля была такой твердой, такой плотной, что он начал задыхаться, быстро устал и не мог продвигаться дальше, не мог копать и лезть наверх и понял, что умрет здесь, глубоко-глубоко под землей, погребенный под толщей мироздания.

Ему не хватало сил. Не хватало энергии. Он знал, что если здесь, под землей, он перестанет дышать, тело, которое едет сейчас в теплом автобусе сквозь холодные леса там, наверху, тоже перестанет дышать, знал, что дыхание у него уже перехватило.

Силы были на исходе, на каждое движение тратился драгоценный воздух, но он боролся и лез дальше. Он оказался в ловушке: не мог продвигаться вперед и не мог повернуть обратно.

— Торгуйся, — прозвучало у него в голове.

— Что я могу предложить? — спросил Тень. — У меня ничего нет.

В рот ему набилась глина, вязкая, с комками грязи.

— Ничего, кроме себя самого, — сказал Тень. — Но ведь я-то у себя есть.

Казалось, все вокруг затаило дыхание.

— Я предлагаю себя, — сказал он.

Ответная реакция последовала сразу. Окружавшие его камни и земля стали давить на него, стискивать с такой силой, что выжали из легких последний глоток воздуха. Давление перешло в боль, которая объяла его со всех сторон. Боль достигла наивысшей точки и зависла в ней — еще чуть-чуть, и он сошел бы с ума — но потом схватка ослабла, и Тень снова вдохнул. Отверстие наверху, сквозь которое лился свет, стало шире.

Его выталкивало на поверхность.

Когда земля опять спазматически сжалась, Тень попытался не сопротивляться толчкам. И на этот раз почувствовал, как его неудержимо влечет наверх.

Под конец этих ужасных схваток боль была просто невероятной: земля сжимала, давила и толкала его сквозь эту неподатливую каменную нору, переламывая ему кости, деформируя плоть.

Как только его разбитая в кровь голова показалась на поверхности, он начал кричать от боли и страха.

Он кричал и думал, кричит ли он в реальном мире — кричит ли он во сне, сидя в темном автобусе.

Схватки прекратились, и Тень, цепляясь за красную землю, вылез на поверхность.

Он с трудом заставил себя сесть, отер рукой землю с лица и посмотрел на сумеречное небо. Затяжные багровые сумерки. Одна за другой появлялись звезды — самые яркие, самые большие звезды, какие он когда-либо видел или мог себе представить.

— Скоро, — услышал он из-за спины потрескивающий голос пламени, — они упадут. Скоро они упадут, и звездные люди встретятся с землянами. Среди них будут герои, среди них будут люди, которые станут убивать чудищ и нести другим знание, но среди них не будет богов. Для богов это гиблое место.

В лицо ударил ветер — сильный и ошеломительно холодный. Словно тебя окунули в ледяную воду. Тень услышал голос женщины-водителя, она сообщала, что они приехали в Пайнвуд и «если кому-то хочется выкурить сигаретку или

размять ноги, можно выйти, стоянка десять минут, и едем дальше».

Тень на заплетающихся ногах вышел из автобуса. Они вновь остановились у ветхой придорожной заправки, почти такой же, от которой выехали час назад. Женщина-водитель помогала двум девочкам-подросткам погрузить чемоданы в багажное отделение.

— Эй! — увидев Тень, окликнула женщина-водитель. — Вы едете до Лейксайда, верно?

Тень сонно кивнул.

— *Хороший* все-таки город, — сказала она. — Я иногда думаю, а что если я брошу все это и переселюсь в Лейксайд. Приятнее города я не видела. Вы давно там живете?

— Я туда в первый раз еду.

— Съешьте за меня пирожок у Мейбл, ладно?

Подробностей Тень решил не уточнять.

— Скажите, — спросил он, — я разговаривал во сне?

— Даже если и разговаривали, я не слышала. — Она посмотрела на часы. — Садитесь в автобус. Я скажу, когда приедем в Лейксайд.

Девочки — Тень подозревал, что им было от силы лет по четырнадцать, — которые вошли на стоянке в Пайнвуде, уселись прямо перед ним. Не

сестры, решил Тень, невольно подслушавший их разговор, подружки. Одна почти ничего не знала про секс, зато много знала про животных, потому что помогала в приюте для четвероногих и проводила там много времени. Другая животными не интересовалась, зато забила себе голову всякими пикантными подробностями, выуженными из интернета и телевизионных программ, и решила, что много чего понимает в сексуальных отношениях. Тень завороженно и с душевным трепетом слушал, как эта соплюшка со знанием дела рассуждает о том, как следует использовать Алка-Зельтцер, чтобы ощущения от орального секса стали незабываемыми.

Тень попробовал отвлечься, отключиться вообще от всего на свете, кроме шума от движения, и теперь до него время от времени доносились только обрывки разговора.

Голди такой классный, типа, чистокровный ретривер, вот бы папа разрешил, он всегда, как только меня увидит, сразу хвостом виляет.

Рождество ведь, вот он мне и разрешил покататься на снегоходе.

Можно вывести языком свое имя на его члене.

Я скучаю по Сэнди.

Да, я тоже скучаю.

Шесть дюймов, сегодня сказали, хотя они вообще говорят что в голову взбредет, раз — и выдумали погоду, и никто им слова не скажет…

Зашипели тормоза, женщина-водитель крикнула: «Лейксайд!» — и двери с глухим шумом распахнулись. Тень вышел следом за подружками на освещенную автостоянку возле магазина видео и солярия, которая, по всей видимости, служила в Лейксайде станцией для грейхаундовских автобусов. На улице стоял жуткий, но все-таки освежающий холод. Он привел Тень в чувство. Тень посмотрел на огни раскинувшегося на юго-западе города и перевел взгляд на восток — на светлую гладь замерзшего озера.

Подружки стояли на стоянке, перетаптываясь на месте и отчаянно согревая ладошки дыханием. Та, что помладше, украдкой взглянула на Тень, и когда поняла, что Тень это заметил, неловко улыбнулась.

— С Рождеством, — сказал Тень.

— Ага, — откликнулась вторая, которая по виду была примерно на год старше подружки. — Вас тоже с Рождеством. — У нее были морковно-рыжие волосы и курносый нос, усыпанный миллионом веснушек.

— Симпатичный у вас городок, — сказал Тень.

— Нам тоже нравится, — сказала та, что помладше. Это которая любила животных. Она застенчиво улыбнулась Тени, обнажив синие пластиковые брекеты на передних зубах. — Вы на кого-то похожи, — сказала она серьезно. — Вы чей-то брат или чей-то сын или еще кто-то?

— Не будь дурой, Элисон, — сказала ее подружка. — Любой человек чей-то сын или брат или *еще кто-то*.

— Я не это имела в виду, — ответила Элисон.

На одно мгновение всех троих выхватил из темноты яркий свет фар: подъехал многоместный автомобиль, за рулем сидела чья-то мамаша. Не успел Тень глазом моргнуть, как машина умчала девочек прочь вместе с чемоданами, и Тень остался на стоянке один.

— Молодой человек! Я могу быть вам полезен? — Старик запирал магазин видео. — В Рождество магазин закрыт, — весело сказал он, убирая ключи в карман. — А я пришел встретить автобус. Убедиться, что все в порядке. Не могу спокойно жить, если какой-нибудь бедолага останется куковать на улице в Рождество.

Он стоял довольно близко, и Тень разглядел его лицо: старое, но довольное, лицо человека, который хлебнул уксуса в этой жизни и решил,

что, вообще говоря, это не уксус, а виски, причем вполне приличный.

— Не могли бы вы мне подсказать телефон местного такси? — попросил Тень.

— *Мог бы*, — с сомнением ответил старик, — только Том уже лег спать об эту пору, и даже если вы сможете вытащить его из постели, это вам все равно не поможет — я его видел сегодня вечером в «Приюте оленя», и он был уже навеселе. Веселый такой развеселый. А куда вы направляетесь?

Тень показал ему ключ с биркой, на которой был написан адрес.

— Ну, — сказал старик, — пешком можно дойти минут за десять, а то и за двадцать — через мост, потом завернуть. Правда, в такую холодрыгу никакой радости нет пешком переться, тем более — когда не знаешь, куда идти, дорога всегда кажется длиннее, не замечали? Первый раз идешь будто целую вечность, а потом хоп — и уже на месте.

— Да, — согласился Тень. — Никогда об этом не думал. Но должно быть, так оно и есть.

Старик кивнул, и его лицо расплылось в улыбке.

— А, какого черта, Рождество ведь! Подброшу вас на Тесси.

Тень пошел за стариком к дороге, где стоял большой старенький родстер. Наверное, на таких машинах, с боковыми подножками и всякими прибамбасами, понтовались гангстеры в бурные двадцатые. В свете люминесцентной лампы родстер был какого-то темного насыщенного цвета — может красного, а может и зеленого.

— Это Тесси, — сказал старик. — Красавица, да? — Он похлопал машину по-хозяйски там, где складная крыша выгибалась аркой слева от водительского места.

— Какой она марки? — спросил Тень.

— «Уэндт Феникс». «Уэндт» разорился в 31-м, а имя перекупил «Крайслер», но только «Уэндтов» они больше не выпускали. Харви Уэндт, который основал компанию, был из местных. Свалил в Калифорнию и покончил с собой, году в 1941–1942-м. Такое вот несчастье.

В машине пахло кожей и сигаретным дымом — запах был застарелый: словно люди годами выкуривали тут приличное количество сигарет и сигар, и запах тлеющего табака стал частью самой машины. Старик включил зажигание, и Тесси завелась с первого оборота.

— Завтра, — сказал он Тени, — я поставлю ее в гараж. Накрою чехлом от пыли, и так она просто-

ит до весны. Вообще говоря, не стоило, конечно, ездить на ней сейчас, по снежным дорогам.

— Она плохо идет по снегу?

— Идет-то хорошо. Только все дороги посыпаны солью. А от соли такие старые красотки ржавеют быстрее, чем можно себе представить. Хотите, чтобы я поскорее доставил вас до места — или устроить вам экскурсию по ночному городу?

— Ну что вы, не беспокойтесь…

— Да какое там беспокойство! Доживете до моих лет, будете радоваться, если ночью сможете хоть на минутку сомкнуть глаза. Я просто счастлив бываю, если удается поспать часов пять кряду, — а потом все, вскочил, мысля побежала. Ой, что же это я? Позвольте представиться — Хинцельманн. Сказал бы, зовите меня просто Ричи, но все мои здешние знакомцы зовут меня просто Хинцельманн. Руки не подаю — одной рукой с Тесси не справиться. Она не любит, когда я отвлекаюсь.

— Майк Айнсель, — представился Тень. — Рад с вами познакомиться, Хинцельманн.

— Ну что, поехали на экскурсию вокруг озера, — сказал Хинцельманн.

Главная улица, по которой они ехали, даже ночью выглядела красиво. Старомодная улица

в лучшем смысле этого слова — будто в течение ста лет люди холили ее и лелеяли, не торопясь расставаться с тем, что им нравилось.

По пути Хинцельманн показал Тени два городских ресторана (немецкий и еще один, «наполовину греческий — наполовину норвежский, и к каждой порции — воздушный оладушек»); показал булочную и книжный магазин («Нет книжного, почитай, нет и города. Может, он, конечно, городом и зовется, но пока нет книжного, это не город, а одно название»). Когда они проезжали мимо библиотеки, Хинцельманн даже притормозил, чтобы Тень смог получше ее рассмотреть. И с гордостью обратил его внимание на старинные газовые лампы, мерцавшие над входом.

— Ее построил в 1870-х Джон Хеннинг, местный лесопромышленный магнат. Он хотел, чтобы ее называли Библиотекой имени Хеннинга, но когда он помер, ее стали называть просто Библиотекой Лейксайда, я думаю, так ее и будут звать до скончания веков. Сказка, а не библиотека.

Хинцельманн так сиял от гордости, будто сам ее построил. Здание напомнило Тени замок, и он сказал об этом Хинцельманну.

— Верно подмечено, — согласился тот. — Ба-

шенки там и все такое. Хеннинг хотел, чтобы снаружи она именно так и выглядела. В библиотеке до сих пор сохранились старые сосновые стеллажи. Мириам Шультц хочет обновить все внутри, избавиться от старья, но только библиотека занесена в какой-то список исторических мест, поэтому черта с два у нее это выйдет!

Они объехали озеро с южной стороны. Озеро лежало на тридцать футов ниже уровня дороги, и вокруг него расстилался город. Тень заметил на поверхности тусклые лоскутки белого льда, и то там, то тут сияющие проблески воды, в которых отражались огни ночного города.

— Кажется, льдом затягивается, — сказал он.

— Да уже месяц назад как затянулось, — откликнулся Хинцельманн. Тусклые куски — это значит, снегом занесло, а блестящие — это лед. Оно замерзло сразу после Дня Благодарения, за одну ночь стало гладкое, будто стеклышко. Вы ходите на зимнюю рыбалку, мистер Айнсель?

— Не был ни разу.

— Лучше занятия для мужчины не придумаешь. И дело тут не в рыбе, а в душевном покое, с которым возвращаешься домой под конец дня.

— Я учту. — Тень рассматривал озеро сквозь стекло Тесси. — А по льду уже можно ходить?

— И ходить, и даже ездить. Правда, ездить я бы пока не рискнул. Мороз у нас стоит только шесть недель, — сказал Хинцельманн. — Хотя следует учесть, что у нас в Северном Висконсине все замерзает сильнее и быстрее, чем где бы то ни было. Вот как-то раз пошел я на охоту — охотился на оленя, было это лет тридцать-сорок тому назад, выстрелил в самца — промазал, а он как рванет через лес и на открытую местность — это было на северной стороне озера, неподалеку от того места, где вы будете жить, Майк. Олень был просто распрекрасный, лучше я в жизни не видал, на рогах по двадцать отростков, а здоровый — размером с небольшую лошадь, честное слово. Ну, я-то и моложе, и проворней был, чем сейчас, а в тот год снег повалил еще до Хэллоуина, а тогда был уже День Благодарения, но снежок на земле такой свежий, чистый лежит, и все следы точно черным по белому. По ним-то я и понял, что олень мой в панике рванул к озеру.

Только несусветный дурак погонится за оленем, ну а кто ж я, как не дурак-то, я за ним и погнался конечно, а он — оп-ля! — выбежал на озеро и стоит, а ноги на восемь-девять дюймов под водой, стоит и смотрит на меня. Тут вдруг солнце зашло за облако, и мороз стукнул — за

десять минут градусов на тридцать похолодало, серьезно говорю. Олень уже и к прыжку изготовился, а с места сдвинуться не может, бедолага. Вмерз.

Ну, я к нему подхожу не спеша. И прямо видно, он уже готов рвануть, да только вмерз, и ничего у него не получается. Я в беззащитную тварь, которая не может убежать, стрелять, конечно, не стал бы ни в коем случае — что ж я, не человек, что ли? Ну, я взял дробовик и выстрелил один раз в воздух.

Олень мой от шума так перепугался, что был готов из шкуры выпрыгнуть, а если учесть, что ноги-то у него вмерзли, только это ему и оставалось. Выскочил из шкуры, рога у него, значит, в лед воткнулись, а сам обратно в лес как дернет, розовенький такой, точно мышонок новорожденный, и дрожит как осиновый лист.

И так мне неудобно было перед этим оленем, что я уговорил женщин из кружка по вязанию связать ему на зиму одёжу потеплее. Ну, и чтобы он насмерть не замерз, они связали ему шерстяной комбинезончик. А тут мы еще и шутку откололи — костюмчик связали ярко-оранжевого цвета, чтобы охотники в него не стреляли: охотники-то в наших краях в сезон охоты ходят в

оранжевом, — пояснил он. — А если вы думаете, что я приврал, то я вам докажу. У меня в гостиной на стене до сих пор его рога висят.

Тень рассмеялся, а старик довольно улыбался улыбкой завзятого охотника. Они остановились у кирпичного дома с широкой деревянной верандой, на которой заманчиво перемигивались золотые праздничные фонарики.

— А вот и дом номер пятьсот пять, — сказал Хинцельманн. — Третья квартира будет на верхнем этаже, с той стороны, с видом на озеро. Вот вы и дома, Майк.

— Спасибо, мистер Хинцельманн. Что я вам должен за бензин?

— Просто Хинцельманн. Вы не должны мне ни пенни. Это рождественский подарок от меня и от Тесси.

— Вы уверены, что ничего не надо?

Старик потер подбородок.

— Знаете что, — сказал он. — Я к вам зайду как-нибудь на следующей неделе и продам вам несколько билетов. У нас тут лотерея. Благотворительная. А сейчас, молодой человек, идите-ка спать.

Тень улыбнулся.

— Веселого Рождества, Хинцельманн!

Старик пожал Тени руку. Рука с покрасневшими костяшками на ощупь была жесткой и загрубелой, как дубовая ветка.

— Идите осторожно, там скользко. Вон ваша дверь, сбоку, видите? Я посижу в машине, подожду, пока вы зайдете. Махнете рукой, как доберетесь, и я поеду, ладно?

Оставив «Уэндт» на холостом ходу, Хинцельманн подождал, пока Тень в целости и сохранности не поднялся по боковой деревянной лестнице и не вставил ключ в замочную скважину. Дверь отворилась, и Тень махнул рукой. Старик на «Уэндте» — на Тесси, подумал Тень, и мысль о том, что у машины есть имя, снова заставила его улыбнуться, — так вот, Хинцельманн и Тесси развернулись и поехали обратно через мост.

Тень захлопнул входную дверь. Комната промерзла. В ней пахло людьми, которые уехали отсюда за другой жизнью, пахло всем, что они ели и о чем мечтали. Он нашел обогреватель и поставил его на семьдесят градусов. Прошел в крохотную кухоньку, проверил ящики, заглянул в холодильник цвета авокадо — там было пусто. Никаких сюрпризов. Зато чисто и не пахло плесенью.

Сразу за кухней, рядом с совсем крошечной

ванной, где большую часть пространства занимала душевая кабинка, находилась маленькая спальня с голым матрасом. В унитазе плавал старый сигаретный бычок, подкрасивший воду коричневым цветом. Тень смыл его.

В шкафу он нашел простыни и одеяла и застелил постель. Потом снял ботинки, куртку и часы и забрался под одеяло прямо в одежде. Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы согреться.

Свет был выключен, стояла почти полная тишина, только холодильник гудел на кухне, а у кого-то в доме работало радио. Он лежал в темноте и пытался понять, то ли он выспался в «Грейхаунде», то ли у него начинается бессонница от холода, голода, новой постели и того бреда, что приключился с ним за последние несколько недель, — ото всего вместе взятого.

В тишине раздался какой-то треск, похожий на выстрел. Ветка или лед, подумал он. Мороз на улице крепчал.

Интересно, как долго ему придется ждать приезда Среды? День? Неделю? Как бы то ни было, до той поры следует придумать, чем заняться. Мышцы надо бы подкачать, решил он, и продолжать оттачивать ловкость рук в фокусах с монетами, до тех пор, пока не добьется совершенства (*пока-*

зывай любые фокусы, прошептал чей-то голос у него в голове, *любые, кроме того, которому тебя научил бедняга Бешеный Суини, всеми забытый, насмерть замерзший на улице, погибший из-за того, что не погибнуть было невозможно. Любые фокусы. Только не этот*).

А городок-то на самом деле *хороший*, подумал Тень. Сразу чувствуется.

Он вспомнил о сне, если, конечно, это был сон, который приснился ему в первую ночь в Кейро. Он вспомнил о Зоре… как там ее звали? Полуночная сестра.

А потом он подумал о Лоре…

И когда он о ней подумал, его сознание как будто распахнулось. Он ее увидел. Каким-то образом смог ее увидеть.

Она стояла на заднем дворике, у дома своей матери в Игл-Пойнте.

Она стояла на холоде, которого больше не чувствовала или, может быть, чувствовала теперь постоянно. Она стояла возле большого дома — мать купила его в 1989-м на деньги от страховки, доставшиеся после смерти Лориного отца, Харви МакКейба, который заработал сердечный приступ, слишком сильно тужась на унитазе, — и всматривалась внутрь, прижимая холодные ла-

дони к стеклу, и стекло ни капельки не запотело от ее дыхания. Она смотрела на мать, на сестру, на детей сестры и ее мужа, которые приехали из Техаса на Рождество. Стояла на улице, в темноте, и смотрела как завороженная.

У Тени на глаза навернулись слезы, и он перевернулся на другой бок.

Он почувствовал себя Любопытным Томом,[69] прогнал эти мысли и попробовал переключиться: и увидел, что перед ним простирается озеро, а из Арктики дует ветер, превращая пальцы в ледышки, которые в сто раз холоднее, чем пальцы трупа.

Тень затаил дыхание. Он слышал, как снаружи горестно завывает ветер, и на одно мгновение ему почудилось, что в этом вое он различает слова.

Уж если нужно где-то быть, то почему бы не здесь, подумал он и заснул.

А тем временем… разговор

Дзынь-дзынь.

— Мисс Ворона?

---

[69] notes: 69

Любопытный Том — портной, подглядывавший за леди Годивой, легендарной покровительницей Ковентри, когда та проехала обнаженной по улицам города ради того чтобы ее муж снизил непомерные налоги для своих подданных.

— Да.

— Мисс Саманта Черная Ворона?

— Да.

— Можно задать вам несколько вопросов, мэм?

— А вы кто? Вы из полиции?

— Я Градд. А это мой напарник — мистер Тракт. Мы расследуем исчезновение двух наших коллег.

— Как их зовут?

— Что, простите?

— Назовите имена. Хочу знать, как их звали, ваших коллег. Скажите мне их имена и тогда я, может, что и вспомню.

— …Ну ладно. Их звали мистер Камен и мистер Лесс. Теперь можно задать вам несколько вопросов?

— У вас, ребята, с фантазией на имена туговато. «Ты, типа, будешь мистер Троттуарр, а он — мистер Коуврик, а вот и мистер Самолетофф, прошу любить и жаловать».

— Очень остроумно, барышня. Первый вопрос: вы видели этого человека? Взгляните на фотографию.

— Ух ты! Профиль и анфас, и циферки внизу… Здоровяк. А симпатичный. Что он натворил?

— Он участвовал в качестве водителя в ограб-

лении одного захолустного банка несколько лет назад. Два его подельника решили забрать бабки себе и свалили. Он взбесился. Нашел их. И чуть не прикончил голыми руками. Штат договорился с пострадавшими, и они дали против него показания. Тень получил шесть лет. Отсидел три. Если хотите знать мое мнение, таких уродов надо запирать на замок, а ключ выкидывать.

— Никогда не слышала, чтобы так говорили в жизни. Вот так вот, вслух.

— Как говорили, мисс Ворона?

— «Бабки». Люди так не говорят. Может, в кино и говорят. А в жизни нет.

— Это не кино, мисс Ворона.

— Черная Ворона. Мисс Черная Ворона. Друзья зовут меня Сэм.

— Ясно, Сэм. Возвращаясь к разговору о нашем…

— Но вы-то мне не друзья. Поэтому зовите меня мисс Черная Ворона.

— Слушай, ты, соплячка…

— Подождите, мистер Тракт. Сэм, то есть — простите, мэм, — я хотел сказать, мисс Черная Ворона согласна нам помочь. Она законопослушная гражданка.

— Мэм, нам известно, что вы помогали Тени.

Вас видели с ним в белой «Шеви Нова». Он вас подвозил. Накормил вас обедом. Он говорил вам что-нибудь, что может помочь нашему расследованию? Пропали двое наших лучших людей.

— Я с ним не знакома.

— Вы с ним знакомы. Прошу вас, не поступайте опрометчиво, не думайте, что мы идиоты. Мы не идиоты.

— Мм, вообще я много людей встречала. Может, и его тоже, но только забыла.

— Мэм, сотрудничество с нами в ваших интересах.

— Вы хотите сказать, что представите меня мистеру Тиски и мистеру Пентоталу?

— Мэм, вы сами усугубляете свое положение.

— Да неужели?! Очень жаль. Еще вопросы будут? А то я уж собиралась сказать «Пока-пока!» и закрыть за вами дверь. А вы, я полагаю, собирались откланяться, сесть в мистера Авто и укатить отсюда восвояси.

— Мы запомним, что вы отказались с нами сотрудничать, мэм.

— Пока-пока!

Хлоп.

Глава десятая

Я все тебе открою,
И все тебе навру,
Давай-ка лучше я пойду просплюсь.

Том Уэйтс. Танцуй до мозолей

Жизнь, проведенная во тьме и грязи, — вот что приснилось Тени в первую ночь в Лейксайде. Это был сон о мальчике, который жил когда-то давным-давно, в далекой-предалекой стране за океаном, в стране, где восходит солнце. Но мальчик не видел в своей жизни ни одного восхода, а только тусклые дни и кромешные ночи.

С ним никто и никогда не разговаривал. Снаружи раздавались человеческие голоса, но он понимал человеческую речь не лучше, чем уханье совы или собачий лай.

Он вспомнил, а может быть, ему это просто привиделось, как однажды ночью, полжизни тому назад, к нему тайком пришла женщина, одна из больших людей, но не для того, чтобы поколотить или накормить. Она подняла его и крепко прижала к своей груди. От нее приятно пахло. Капли горячей воды с ее лица упали на его

лицо. Он испугался и громко завыл от страха.

Она торопливо положила его на солому и выбежала из лачуги, заперев за собой дверь.

Он хранил в своем сердце этот день и вспоминал о нем с такой же нежностью, с какой вспоминал сладкую капустную кочерыжку, терпкий вкус слив, хруст спелых яблок, жирную благодать жареной рыбы.

А однажды он увидел освещенные пламенем костра лица людей, и все они смотрели, как его выводят из лачуги — в первый и последний раз в жизни. Значит, вот как выглядят люди. Он вырос в темноте и никогда не видел человеческих лиц. Все было новым. И таким странным. Свет костра резал глаза. Ему накинули на шею веревку и повели туда, где его ждал какой-то человек.

И когда свет костра осветил вскинутый вверх клинок, толпа возликовала. И мальчик, выросший в темноте, засмеялся вместе с толпой, радостный и свободный.

А потом человек опустил клинок.

Тень открыл глаза и понял, что замерз и проголодался. Окна в квартире покрылись коркой льда. Это его замерзшее дыхание, подумал он. Он вылез из постели, радуясь, что не нужно одеваться, подошел к окну и поскреб ледяную корочку.

Лед собрался под ногтем и тут же растаял.

Он попытался вспомнить сон, но не вспомнил ничего, кроме боли и тьмы.

Он обулся и подумал, что, если бы он уже ориентировался в городе, можно было бы пройтись до центра, прогуляться по мосту, добраться до северного берега озера. Нацепив на себя тонкую демисезонную куртку, он вспомнил, что дал себе обещание купить теплый зимний пуховик, и с этой мыслью открыл дверь и вышел на деревянную веранду. От мороза у него сразу перехватило дыхание: он вдохнул и почувствовал, как каждый волосок в ноздрях превращается в ледышку. С веранды открывался прекрасный вид на озеро: белую пустыню с серыми островками неправильной формы.

Похолодало и впрямь довольно резко. Едва ли на улице было больше нуля по Фаренгейту,[70] так что прогулка не обещала быть приятной, и все же он решил, что до центра доберется без особых проблем. Что там Хинцельманн сказал вчера ночью — десять минут ходьбы? А Тень мужик крепкий. Пойдет бодрым шагом и даже замерзнуть не успеет.

---

[70] notes: 70

Ноль по Фаренгейту — это примерно минус 18 по Цельсию.

Он зашагал на юг, по направлению к мосту.

Вскоре у него начался слабый сухой кашель, оттого что легкие вдыхали невыносимо холодный воздух. Еще через некоторое время от холода начали гореть уши, лицо и губы, а потом — ноги. Перчаток у него не было, и он, сжав кулаки, сунул руки поглубже в карманы, чтобы хоть немного согреться. Он поймал себя на том, что вспоминает, какие сказки ему рассказывал Космо Дей по прозвищу Ловкий о зимах в Миннесоте: особенно вспомнилась история об охотнике, которого медведь загнал на дерево в сильный мороз. Охотник расстегнул ширинку и пустил желтой струйкой мочу, которая замерзла, не успев долететь до земли. В общем выссал себе ледяную жердь, съехал по ней на землю и был таков. Вспомнив эту историю, Тень криво улыбнулся и снова зашелся сухим мучительным кашлем.

Он шел шаг за шагом, шаг за шагом. Потом оглянулся: дом оказался гораздо ближе, чем он предполагал.

Не стоило высовываться на улицу, решил он. Но теперь Тень был уже в трех-четырех минутах ходьбы от дома, а впереди виднелся мост через озеро. Значит без разницы — возвращаться обратно или идти дальше. (И что дальше? Вызвать

такси по сломанному телефону? Ждать весны? Да еще и жратвы в доме нет, напомнил он себе.)

Он продолжал идти, прикидывая в уме, на сколько градусов упала температура. Сколько сейчас показывает термометр? Минус десять? Минус двадцать? А то и все минус сорок (странная отметка на термометре: что по Цельсию, что по Фаренгейту — одно и то же). А может, вовсе и не так холодно. Может, это все из-за ветра: сильного, ровного, неутихающего, который дул с озера, прилетев через Канаду из самой Арктики.

Он с досадой вспомнил о химических грелках для рук и ног. Вот когда они нужны на самом деле.

Тень шел, наверное, еще минут десять, а мост даже не приблизился. Глаза ломило. Было так холодно, что даже дрожать не получалось. Не просто холодно, а прямо что-то из области научной фантастики. Как будто он оказался на темной стороне Меркурия (когда еще считалось, что у Меркурия есть темная сторона). Или где-нибудь на скалистом Плутоне, откуда солнце кажется всего лишь звездой, одной из множества других, которая просто светится в темноте чуть ярче, чем остальные. Еще чуть-чуть, думал Тень, и он окажется в таком месте, куда воздух доставляют

в бочках и разливают как пиво.

Машины, которые время от времени с ревом проносились мимо, казались Тени чем-то нереальным: какие-то космические корабли, маленькие быстрозамороженные упаковки из стекла и метала, а в них люди, одетые теплее, чем он. В голове завертелась одна старая песенка, которую любила его мама, «Гуляя по зимней чудо-стране», и он стал напевать ее сквозь плотно сомкнутые губы, стараясь шагать в такт мелодии.

Ног он больше не чувствовал. Он посмотрел на свои черные кожаные ботинки, надетые на тонкие хлопчатобумажные носки, и всерьез испугался, что отморозит себе ноги.

Это уже не шутки. Это уже не смешно, это перешло все мыслимые и немыслимые границы и даже границы того элементарного чувства, которое можно выразить фразой: боже-мой-я-в-полной-жопе. Одежда не грела, с таким же успехом можно было бы замотаться в сеть или кружево: его насквозь продувало ветром, ветер вымораживал кости и костный мозг, замораживал даже ресницы, пробирался под самые яйца, которые уже, кажется, втянулись обратно в малый таз.

Шагай дальше, говорил он себе. *Шагай, не оста-*

навливайся. Вот доберешься до дома и глотнешь воздуха вволю. В голове зазвучала песня Битлов, и он подстроил под нее свой шаг. И только когда дошел до припева, сообразил, что напевает «Help».

Он почти добрался до моста. Вот он его перейдет — и останется еще минут десять до ближайшего магазина на западном берегу озера, а может, чуть больше…

Мимо проехала темная машина, потом притормозила, дала задний ход, выпустив в атмосферу мутное облако выхлопного газа, и остановилась рядом с ним. Водитель опустил стекло, и к выхлопным газам примешались выплывшие из окна туман и пар — не машина, а просто дракон какой-то.

— С вами все в порядке? — спросил сидевший в машине коп.

Первой реакцией Тени было сказать: «Да, все отлично, просто шикарно, не беспокойтесь, офицер». Но это катастрофически не соответствовало действительности, и он начал так:

— Кажется, я замерз. Я пошел в Лейксайд, купить еды и кое-какую одежду, но недооценил расстояние. — Вернее, эта фраза сложилась у него в голове, и он внезапно понял, что просто стоит и стучит зубами от холода, произнеся вслух только:

— З-з-замерз. Из-звините. Мороз-з. Из-звините.

Коп открыл заднюю дверцу и сказал:

— Садитесь скорее в машину, давайте, давайте! А то совсем закоченеете.

Тень радостно залез внутрь, устроился на заднем сиденье и стал тереть ладонью ладонь, прогоняя невеселые мысли об отмороженных пальцах на ногах. Коп уселся обратно на водительское сиденье. Тень смотрел на него через металлическую решетку, стараясь не думать о своей последней поездке на заднем сиденье полицейской машины и не придавать значения отсутствию ручек на задних дверцах. Вместо этого он сосредоточенно растирал руки, пытаясь вернуть в них жизнь. Лицо горело, пальцы ломило, а теперь, в тепле, снова почувствовали вкус к боли и пальцы на ногах. Тень решил, что это хороший знак.

Коп нажал на газ, и они тронулись с места.

— Знаете, — не оборачиваясь, но немного повысив голос, сказал коп, — вы меня, конечно, простите, но как-то вы опрометчиво поступили. Разве вы не слышали прогноз погоды? На улице минус тридцать. А когда такой ветер, господь его знает, на сколько градусов это тянет — на минус шестьдесят, минус семьдесят. Хотя, сдается мне,

если опустилось ниже тридцати, уже все равно, какой там ветер.

— Спасибо, — сказал Тень. — Спасибо, что остановились. Я вам очень, очень признателен.

— Сегодня в Райнлендере одна женщина вышла из дома, чтобы насыпать птичкам корма в кормушку, вышла в одном халате и тапочках и вмерзла, ну то есть буквально вмерзла в тротуар. Теперь в реанимации. Сегодня утром по телевизору показывали. А вы недавно в городе? — Это был вопрос, хотя ответ на него явно был уже известен.

— Приехал этой ночью на «Грейхаунде». Решил вот выйти, купить себе теплую одежду и машину и едой закупиться. Не думал, что будет такой мороз.

— Да уж, — откликнулся коп. — Сам не ожидал. Все беспокоился по поводу глобального потепления. Я Чэд Маллиган, начальник местной полиции.

— Майк Айнсель.

— Привет, Майк. Согрелись?

— Да, согрелся немножко.

— Так куда в первую очередь прикажете вас отвезти?

Тень подставил было руки под струю горячего

воздуха, но пальцы заломило, и он убрал их. Пусть согреваются сами.

— Просто высадите меня где-нибудь в центре.

— Даже слышать этого не хочу. Я с большим удовольствием отвезу вас, куда скажете, если только, конечно, вы не собираетесь на моей машине скрыться после ограбления банка. Считайте, что я везу вас в фургоне «Велкам Вэгон».[71]

— И куда же вы предлагаете поехать для начала?

— Вы ведь только вчера приехали?

— Да.

— Уже позавтракали?

— Пока нет.

— Тогда я, кажется, знаю одно очень неплохое местечко, с которого мы и начнем, — сказал Маллиган.

Они проехали мост и оказались в северо-западной части города.

— Это главная улица, — сказал Маллиган, — а это, — сказал он, заворачивая с главной улицы направо, — городской парк.

---

[71] notes: 71

Общенациональная организация, помогающая переселенцам устроиться на новом месте. «Welcome wagon» — также автофургон с рекламными проспектами, образцами местной продукции и т. д., которые раздаются приезжим и новым поселенцам.

Даже зимой городской парк выглядел впечатляюще, хотя Тень знал, что таким парком любоваться следует летом: вот тогда будет буйство красок — расцветут цветы всех мастей, и маки, и ирисы, а несколько растущих в уголке березок превратятся в серебристо-зеленую беседку. Теперь парк был бесцветным, голым, но все-таки по-своему прекрасным, хотя фонтан был на зиму отключен, а городскую ратушу, облицованную бурым песчаником, занесло снегом.

— …А это, — сказал Чэд Маллиган, остановив машину на западной стороне парка у старого высокого здания со стеклянной витриной, — кафе Мейбл.

Он вышел из машины, открыл заднюю дверцу и выпустил Тень. Опустив головы, чтобы в лицо не задувал холодный ветер, они пробежали по тротуару и зашли в теплое помещение, где приятно пахло свежеиспеченным хлебом и другой выпечкой, а также супом и беконом.

Посетителей почти не было. Маллиган сел за столик, Тень уселся напротив. У него возникло подозрение, что Маллиган просто-напросто прощупывает прибывшего в город чужака. Хотя, с другой стороны, может начальник полиции таков и есть на самом деле, каким кажется: дру-

желюбный, внимательный к людям, добрый.

К ним тут же подошла женщина лет за пятьдесят, не толстая, а скорее *крупная*, с волосами, отливающими бронзой.

— Привет, Чэд, — сказала она. — Принести вам горячего шоколада, пока будете выбирать? — Она протянула им два ламинированных меню.

— Только без взбитых сливок, — согласился он. — Мейбл знает меня как облупленного, — сказал он Тени. — А ты что скажешь, приятель?

— Горячий шоколад — это прекрасно, — сказал Тень. — Но я бы от взбитых сливок не отказался.

— Вот и правильно, голубчик, — сказала Мейбл. — Зачем же себе отказывать в столь рискованном удовольствии? Ты меня не представишь, Чэд? Молодой человек — наш новый полицейский?

— Пока нет, — ответил Чэд Маллиган, блеснув белоснежной улыбкой. — Это Майк Айнсель. Он приехал в Лейксайд сегодня ночью. Извините, я отойду на секунду. — Он встал, удалился в глубь зала и зашел в дверь с табличкой ПОЙНТЕРЫ. На соседней двери было написано СЕТТЕРЫ. Те, кто наставляет, и те, кто расставляет, подумал про себя Тень.

— Значит, это вы новый обитатель квартиры на Нортбридж-роуд. В бывшем доме Пилзена. Ну,

точно! — радостно сказала она. — Тогда, значит, я вас знаю. Утром заходил Хинцельманн — съесть свой утренний пирожок, он мне все про вас и рассказал. Так вы, мальчики, будете только горячий шоколад или все-таки взглянете на утреннее меню?

— Я бы позавтракал, — сказал Тень. — Что посоветуете?

— У нас все вкусно, — сказала Мейбл. — Я сама готовлю. Но вот наши пирожки особенно хороши. Ни южнее, ни восточнее юпи вы таких пирожков не встретите. С пылу с жару и начинка что надо. Мое фирменное блюдо.

Тень на свой страх и риск согласился отведать пирожков, и через пару секунд Мейбл вернулась с тарелкой: на ней лежало что-то вроде небольшого закрытого пирога, завернутого снизу в бумажную салфетку. Тень взял его вместе с салфеткой и откусил: и впрямь с пылу с жару, а внутри начинка — с мясом, картофелем, морковью и луком.

— Первый раз в жизни ем такой пирожок, — сказал он. — Очень вкусно.

— По рецепту юпи. Чтобы такой попробовать, нужно по крайней мере до Айронвуда доехать. Рецепт привезли с собой корнуоллцы, которые приехали сюда на железные рудники.

— А юпи что значит?

— Верхний полуостров. Upper Peninsula. U.P. Юпи. Небольшой кусочек штата Мичиган на северо-востоке.

Вернулся начальник полиции. Взял чашку и, причмокивая, стал потягивать горячий шоколад.

— Мейбл, — сказал он, — ты что, заставляешь молодого человека есть твои пирожки?

— Так вкусно ведь! — сказал Тень и не соврал. Больно аппетитной была начинка в горячем тесте.

— Вот только пузо от них растет, — сказал Чэд Маллиган, похлопав себя по животу. — Я тебя предупредил. Ну, ладно. Значит, говоришь, тебе машина нужна?

Маллиган снял куртку, и оказалось, что у этого тощего копа успело нарасти круглое, как арбуз, брюшко. На лице — застывшее выражение усталой, все и вся понимающей мудрости: и вообще он был похож скорее на инженера, чем на копа.

Тень кивнул, жуя пирожок.

— Так вот. Я позвонил в пару мест. Джастин Лейбовиц продает джип, просит за него четыре тысячи, но готов отдать и за три. Гунтеры уже восемь месяцев не могут продать свою «Той-оту-Форанер», жуткая уродина, поэтому они,

глядишь, сами тебе приплатят, лишь бы ты ее у них забрал. Так что если жуткий вид машины тебя не смущает, считай, тебе повезло. Я позвонил из мужского туалета, оставил сообщение для Мисси Гунтер в «Недвижимости Лейксайда», но она там пока не появлялась, наверное, волосы укладывает «У Шейлы».

Тень продолжал с удовольствием уминать пирожок. Начинка была фантастическая. «Объедение, просто пальчики оближешь, — сказала бы его мама. — И ладошки тоже».

— Значит так, — сказал начальник полиции Чэд Маллиган, вытирая с верхней губы усики из шоколадной пенки. — Думаю, теперь нужно заехать в «Товары для фермы и дома Хеннинга», купим тебе нормальную зимнюю одежду, потом заскочим в «Деликатесы Дейва», закупишься там едой, а потом закину тебя в «Недвижимость Лейксайда». Если сразу отдашь за машину тысячу, они будут счастливы, если нет, их устроит и по пять сотен в месяц в рассрочку на четыре месяца. Я уже говорил, машина страшная — жуть, и если б их пацан не перекрасил ее в пурпурный цвет, она бы все десять тысяч стоила. Но зато надежная, зимой ездить — в самый раз, это я тебе точно говорю.

— Большое спасибо за помощь, — сказал

Тень. — Ты вроде преступников ловить должен, а сам приезжим помогаешь. Только не подумай, я ничего не имею против.

— Да мы ему все в один голос об этом твердим! — засмеялась Мейбл.

Маллиган пожал плечами.

— Хороший у нас городок, — сказал он простодушно. — И в общем-то тихий. Всегда, конечно, кто-то куда-то несется, превышая скорость, — но так что ж в этом плохого, я из штрафов зарплату получаю. Вечером в пятницу-субботу обязательно какой-нибудь недомерок напьется, поколотит жену. А иногда, уж поверьте, бывает и наоборот: жены колотят мужей. А на улицах обычно спокойно. Меня вызывают, если по случайности кто-то захлопнул ключи в машине. Или когда собаки лай поднимут. Да еще каждый год на стадионе, за трибунами, ловлю старшеклассников с травкой. А самый серьезный случай за последние пять лет — это когда Дэн Шварц напился и стал палить по собственному трейлеру, а потом покатился на инвалидной коляске по главной улице. Все размахивал своим идиотским дробовиком и орал, что никто не помешает ему выехать на федеральную трассу и он пристрелит любого, кто встанет у него на пути. Я так думаю, он решил

докатиться до самого Вашингтона и пришить президента. До сих пор не могу без смеха вспоминать, как Дэн мчался на федеральную трассу в своей коляске. Он еще к ней сзади бамперную наклейку приляпал: «Мой трудный подросток ебал вашу честь». Ты помнишь, Мейбл?

Мейбл, скривившись, кивнула. Ей, судя по всему, это не показалось таким уж смешным.

— И что ты сделал? — спросил Тень.

— Я просто с ним поговорил. Он отдал мне дробовик. Отоспался ночь за решеткой и пришел в себя. Дэн, в общем-то, мужик неплохой, ну бывает — выпил, расстроился.

Тень заплатил за свой завтрак и, несмотря на робкие протесты Чэда Маллигана, за обе чашки горячего шоколада.

«Товары для фермы и дома Хеннинга» располагались в здании размером с товарный склад на юге Лейксайда. Там можно было купить все что угодно, начиная от трактора и заканчивая всякими безделушками (безделушки и рождественские украшения продавались уже со скидкой). В магазине толпились любители послепраздничных распродаж. Тень заметил в толпе одну из тех девочек, что сидели перед ним в автобусе, — ту, что помладше. Она плелась за родителями. Он

помахал ей, и она нерешительно улыбнулась, показав синие брекеты. Тень лениво подумал: интересно, какой она станет через десять лет.

Может, она станет такой же красивой, как девушка за кассой, которая сканировала его покупки пиликающим ручным пистолетом. Тень не сомневался, она бы и трактор пробила, если бы кто-нибудь подкатил его к кассе.

— Пять пар теплых кальсон? — удивилась девушка. — Про запас, что ли? — Она была похожа на старлетку.

Тень вдруг опять почувствовал себя четырнадцатилетним подростком — стоит дурак дураком, будто язык проглотил. И пока она пробивала теплые сапоги, перчатки, свитера и куртку на гусином пуху, он так и не сказал ни слова.

Он не хотел рисковать и проверять кредитку, которую ему дал Среда, — по крайней мере не в присутствии всегда готового придти на помощь начальника местной полиции Чэда Маллигана, стоявшего рядом, — и расплатился наличными. Потом зашел с пакетами в мужской туалет и через некоторое время вышел, нацепив на себя немалую часть купленных вещей.

— Неплохо смотришься, как будто еще подрос, — сказал Маллиган.

— Во всяком случае тепло, — ответил Тень.

Когда они вышли на стоянку, холодный ветер обжигал лицо, зато все остальное было в тепле. Приняв предложение Маллигана, он погрузил пакеты с покупками на заднее сиденье машины, а сам сел впереди, на пассажирское место.

— Так чем же занимается в жизни этакий здоровяк вроде тебя, а, мистер Айнсель? — спросил начальник полиции. — Будешь работать в Лейксайде по профессии?

Сердце у Тени заколотилось, но голос был ровный.

— Я работаю на дядю. Он покупает и продает разные вещи по всей стране. А я таскаю тяжести.

— И что, хорошо платит?

— Я ж ему все-таки родственник. Он знает, что я его не нагрею, а я потихоньку набираюсь опыта в торговле. Пока не пойму, чем на самом деле хочу заниматься. — Врал он очень уверенно, как по писаному. В этот момент он знал о Майке Айнселе все, и Майк Айнсель ему нравился. У Майка Айнселя не было всех тех проблем, которые были у Тени. Айнсель никогда не был женат. Майка Айнселя не допрашивали в товарном поезде мистер Лесс и мистер Камен. С Майком Айнселем не разговаривали телевизоры («Хочешь посмотреть

на сиськи Люси?» — раздался голос у него голове). Майку Айнселю не снились дурные сны, и он не верил в то, что надвигается буря.

В «Деликатесах Дейва» он покидал в корзину кое-какие продукты с ощущением, что пополняет запасы еды на очередной заправке. Молоко, яйца, хлеб, яблоки, сыр, печенье — чтобы было чем заморить червячка. По-настоящему он затарится позже. Пока он ходил по магазину, Чэд Маллиган здоровался с людьми и знакомил с ними Тень.

— Это Майк Айнсель, он въехал в пустую квартиру в старом доме Пилзена. В ту, что сбоку, — говорил он.

Тень даже не пытался запомнить имена. Просто протягивал руку и улыбался. Ему было некомфортно в натопленном магазине под непроницаемым слоем одежды, и он даже начал потеть.

Чэд Маллиган подбросил Тень в «Недвижимость Лейксайда» на другой стороне улицы. Лишних представлений не понадобилось: Мисси Гунтер, с недавно уложенной и залаченной прической, и без того точно знала, кто такой Майк Айнсель. А то как же, мистер Борсон, его дядя, очень милый и любезный человек, был тут недель шесть-восемь тому назад и снял квартиру в старом доме Пилзена, а какой там вид из окна,

просто умереть не встать! Да-да, голубчик, вот подождите, придет весна, мы просто счастливчики, в наших краях многие озера летом цветут — зеленые такие, прямо тошно, не то что наше озеро, из него даже на Четвертое июля воду пить можно *практически*, мистер Борсон, кстати, заплатил за год вперед, а что касается «Тойоты-Форанер», просто не верится — неужели Чэд Маллиган до сих пор про нее помнит, конечно, она будет просто счастлива от нее избавиться. Сказать по правде, она уже согласилась отдать ее Хинцельманну, чтобы он отправил ее на лед в этом году, и отделаться от нее поскорее, нет, машина в хорошем состоянии, до развалюхи ей еще далеко, на ней раньше сын ездил, пока не поступил в колледж в Грин-Бей, вот только однажды взял и покрасил ее в пурпурный цвет, ха-ха, она надеется, Майка Айнселя не тошнит от пурпурного, в общем-то это все, что она хотела сказать, и если он откажется, она, конечно, поймет…

Где-то на середине ее литании начальник полиции Маллиган откланялся и ушел.

— Меня ждут в конторе. Рад был с вами познакомится, Майк, — сказал он и перебросил пакеты с покупками в кузов машины Мисси Гунтер.

Мисси повезла Тень к себе. Рядом с домом на

подъездной дорожке стоял видавший виды внедорожник, наполовину занесенный слепяще белым снегом, сквозь который просматривался настолько тошнотворный пурпурный цвет, что нужно было бы, наверное, очень долго и очень крепко квасить, чтобы хотя бы попытаться поверить в то, что тебе, в общем-то, этот цвет кажется симпатичным.

Тем не менее машина завелась с первой попытки, печка работала исправно, правда, чтобы температура в салоне сменилась с невыносимо холодной до просто прохладной, нужно было включить ее на полную мощность и оставить на холостом ходу минут на десять. Пока машина прогревалась, Мисси Гунтер пригласила Тень пройти на кухню — пусть он не обращает внимания на бардак, это с Рождества, малыши повсюду раскидали игрушки, а она все никак не сподобится навести порядок, может, угостить его индейкой? С праздника осталось. Нет, ну тогда кофе, сейчас сварится, за секунду. Тень убрал со стоящего возле окна кресла большую красную игрушечную машину и сел. А Мисси Гунтер тем временем интересовалась, познакомился ли он со своими соседями, и Тень признался, что еще нет.

Пока кофеварка-автомат прогоняла сквозь кофе

пар, Тень узнал, что в доме, где он поселился, жили еще четыре человека — раньше, когда дом принадлежал Пилзенам, Пилзены жили в квартире на нижнем этаже, а две квартиры наверху сдавали, а теперь в их квартире живет пара молодых людей, мистер Хольц и мистер Найман, они и в самом деле пара, а когда она говорит *пара*, мистер Айнсель, ей-богу, у нас тут всякие люди живут, вот и в лесу ведь всякие деревья есть, хотя, конечно, такие люди бегут в Мэдисон или в Города-близнецы,[72] хотя, по правде говоря, все тут смотрят на это сквозь пальцы. Они уехали на всю зиму в Ки-Уэст, вернутся в апреле, тогда он с ними и познакомится. Главное, что Лейксайд — замечательный городок. А рядом с мистером Айнселем, в соседней квартире живет Маргарет Ольсен с сынишкой, славная женщина, очень-очень славная, хотя от жизни натерпелась, но все равно очень славная, просто душечка, а работает она в «Лейксайд ньюс». Это, конечно, не самая интересная в мире газета, но, чего уж тут скрывать, Мисси Гунтер считает, что народу, может быть, именно такая и нравится.

Эх, вздохнула она и налила ему кофе, вот ес-

[72] notes: 72

Города-близнецы — Сент-Пол и Миннеаполис, расположенные по обоим берегам Миссисипи напротив друг друга.

ли бы мистер Айнсель увидел город летом или поздней весной, когда цветет сирень, и яблоня, и вишня, вот ведь ни с чем не сравнимая красота, нигде в мире такого не увидишь.

Тень дал ей пятьсот долларов в качестве задатка, сел в машину и, дав задний ход, выехал с переднего дворика на подъездную дорожку. Мисси Гунтер постучала ему в окно:

— Чуть не забыла, — сказала она, — это вам, — и протянула темно-желтый конверт. — Это так, хохма одна. Мы напечатали их несколько лет назад. Можете потом посмотреть.

Он поблагодарил ее и осторожно повел машину в город, выбрав дорогу, идущую вдоль озера. Вот бы и впрямь взглянуть на него весной, или летом, или даже осенью: наверняка очень красиво, кто бы сомневался.

Через десять минут он был уже дома.

Он припарковал машину и поднялся по лестнице в холодную квартиру. Разобрал покупки, убрал еду в кухонный шкаф и холодильник и открыл конверт, который ему вручила Мисси Гунтер.

В нем лежал паспорт. Голубая пластиковая обложка, а внутри грамота, провозглашающая *Майка Айнселя* (его имя было выведено аккуратным почерком Мисси Гунтер) гражданином

Лейксайда. На следующей странице была карта города. А затем шли купоны на скидки в местных магазинах.

— А мне здесь, пожалуй, начинает нравиться, — вслух произнес Тень. Он посмотрел на замерзшее озеро через обледенелое окно. — Вот еще бы потеплело.

Часа в два раздался стук в дверь. Тень как раз проделывал «Обмани дурака»: старался незаметно перекидывать четвертак из одной руки в другую. Руки замерзли, пальцы не гнулись — и монета все время подала на стол, а когда в дверь постучали, он от неожиданности снова ее уронил.

Он встал и открыл дверь.

На секунду его отхватил ужас: на пороге стоял человек в черной маске, которая скрывала всю нижнюю часть лица. В таких преступники грабят банки по телику. А еще такие маски носят серийные убийцы в дешевых киношках, чтобы пугать своих жертв. На голове у человека была черная вязаная шапочка.

Тем не менее по виду незнакомец был легче и меньше Тени и, похоже, без оружия. А еще на нем было пальто из яркой шотландки — настоящий серийный убийца такую вещь вряд ли наденет.

— Эфа я финфельфан, — сказал незнакомец.

— Чего?

Человек стянул маску — и Тень увидел радостное лицо Хинцельманна.

— Это, говорю, я, Хинцельманн. Слушайте, я даже не знаю, что бы мы делали без этих масок. Хотя я помню, что мы делали. Носили такие толстые вязанные шапки, когда только лицо наружу, и шарфы, и вообще чего только не носили. В последнее время столько всего понапридумывали — чудеса, да и только. Я, может, и старый, но на прогресс не жалуюсь, не дождетесь!

Он закончил свою речь и, всучив Тени корзинку, битком набитую сырами местного производства, банками, бутылками и маленькими салями, которые именовались летними охотничьими колбасками, зашел.

— Веселого вам послерождественского дня! — сказал он. Нос, уши и щеки у него были как ошпаренные — несмотря на маску. — Я слышал, вы уже отведали пирожок у Мейбл. А я тут вам кое-что принес.

— Очень мило с вашей стороны, — поблагодарил Тень.

— Да ладно, чего уж там. Вот будет на следующей неделе лотерея, тогда я на вас и отыграюсь.

Лотереей заправляет Торговая палата, а Торговой палатой заправляю я. В прошлом году мы собрали почти семнадцать тысяч долларов для детского отделения городской больницы.

— Так продайте мне лотерейный билет прямо сейчас.

— Лотерея стартует, когда на лед вытащат старую развалюху, именуемую у нас в городе драндулетом, — сказал Хинцельманн, бросив взгляд на озеро из окна. — Мороз. Температура сегодня за ночь упала, небось, градусов на пятьдесят.

— Похолодало резко, это точно, — согласился Тень.

— А раньше, бывалоча, о таких морозах молились, — сказал Хинцельманн. — Мне отец рассказывал.

— Молились? О таком-то холоде?

— Ну да, только так поселенцы и могли здесь выжить. Еды на всех не хватало, не то что сейчас, пошел к Дейву, нагрузил тележку — и порядок, а раньше нет, не тут-то было, сударь. Вот мой дедуля и придумал один фокус, и когда становилось совсем холодно, вот как сегодня, он брал бабулю и детишек, моего дядюшку и мою тетушку, и папочку моего — он был самым младшим, — а

еще служанку и батрака в придачу, и вел их всех к ручью. Каждому давал выпить по глотку рома, настоянного на травах, по рецепту со старой родины, а потом поливал их водой из ручья. Ясное дело, они буквально за секунду покрывались льдом, синели и застывали, точно фруктовый лед. Он их отволакивал к яме, заранее вырытой и застеленной соломой, укладывал друг на дружку, как дрова, а вокруг еще соломки подкладывал, а потом накрывал яму досками, чтобы ни одна живая тварь до них не добралась, — а в то время здесь и волки, и медведи водились, да какой только живности не водилось, вот только что ходагов[73] не было, про них рассказывают всякие небылицы, но я не буду злоупотреблять вашим доверием и вешать вам лапшу на уши, и не дождетесь, сударь, — так вот, он накрывал яму досками, а после снегопада ее вообще было не отыскать, если бы не флаг, который он втыкал в сугроб, чтобы не забыть, где яма.

Вот так вот моя бабуля и зимовала всю зиму, не зная забот, и не нужно было ей ломать голову над тем, где взять еду и дрова. А когда дедуля понимал, что вот-вот начнется настоящая весна,

---

[73] notes: 73

Ходаг — химерическое животное в фольклоре штата Висконсин.

он шел к яме, раскапывал снег, убирал доски и тащил все семейство поближе к костру, чтобы они оттаяли. И никто никогда не жаловался, кроме одного батрака, которому пол-уха отгрызли мыши, потому что дедуля как-то раз не очень плотно уложил на яму доски. Зимы-то, конечно, в то время были *настоящими*. И такое вполне можно было проделать. Тогда морозило дай боже, не то что сейчас, не зима, а хрен знает что.

— Да ладно! — разыгрывая простака, Тень веселился от души.

— Ни одной нормальной зимы с сорок девятого года, да вы ее и не помните, малы еще были. Вот *это* была зима. А я вижу, вы себе транспорт приобрели.

— Ага. Как вам?

— По правде говоря, мальчишка Гунтеров мне никогда не нравился. У меня раньше была речушка с форелью в лесу, на краю моего участка, ну, то есть, земля-то городская, а я просто натаскал в речку камней, устроил небольшие запруды, форель любит такие места. Каких красавиц я там ловил — каждая фунтов на шесть-семь, — а этот гаденыш Гунтер разломал мои запруды да еще грозился донести на меня в Департамент природных ресурсов. Сейчас он в Грин-Бей, но вот-вот

вернется обратно. Нет в мире справедливости, а не то он давно уже стал бы зимним дезертиром, сбежал бы в большой мир, так нет же, прицепился к дому, как репей к вязаной жилетке. — Хинцельманн начал выкладывать на стойку продукты из подарочной корзинки. — Это желе из диких яблок. Кэтрин Паудермейкер приготовила. Каждый год на Рождество она дарит мне по баночке. У меня этих баночек в подвале скопилось уже штук сорок-пятьдесят — вы столько и на свете не прожили. Я так ни одну и не открыл, честно говоря. Ну, может, еще попробую, оценю ее старания. А вы угощайтесь. Может, и вам понравится.

— Что значит «зимний дезертир»?

— Ммм. — Старик сдвинул вязаную шапочку на затылок и потер висок указательным пальцем. — Ну, такое не только в Лейксайде случается — городок у нас хороший, лучше, чем многие другие, но и у нас не все идеально. Бывает, зимой детишек того, слегка переклинивает, что ли, когда на улице такой морозильник и приходится торчать в четырех стенах, а снег такой сухой, что даже снежок не слепишь, все рассыпается…

— И они сбегают?

Старик мрачно кивнул.

— Я во всем виню телевидение, показывают

детям то, чего у них все равно никогда не будет, — «Даллас» там, «Династию» и прочую дрянь. Я телевизор не смотрю с восемьдесят третьего года, у меня, правда, стоит в шкафу черно-белый приемник, на случай, если кто заедет в гости, а тут показывают какой-нибудь важный матч.

— Предложить вам что-нибудь, Хинцельманн?

— Только не кофе. У меня от него изжога. Просто налейте воды. — Хинцельманн покачал головой. — Самая большая проблема в наших краях — бедность. Не такая бедность, какая была во времена Великой депрессии, а такая, которая надвигается… Как говорят, когда что-то незаметно лезет из щелей, как тараканы?

— Исподтишка?

— Вот-вот, исподтишка. Лесопилка стоит. Шахты заброшены. Туристы дальше Деллса[74] не заезжают, за исключением горстки охотников да детишек, что ходят в походы на озера — но только эти-то в городах денег не тратят.

— А с виду ваш Лейксайд выглядит городом прямо-таки процветающим.

Старик прищурился.

---

[74] notes: 74

Деллс — живописное глубокое ущелье реки Висконсин на юге штата Висконсин. Одно из самых популярных мест отдыха на Среднем Западе.

— А сколько на это уходит труда, не задавались вопросом? Тяжелого труда. Но городок у нас хороший, люди вкладываются — поэтому и результат есть. Не то чтобы мы жили богато, когда я был ребенком. Вот спросите меня, богато ли мы тогда жили?

Тень, вжившись в роль простачка, спросил:

— Богато ли вы жили, мистер Хинцельманн?

— Просто Хинцельманн, Майк. Нет, мы были такими бедными, что даже дрова были нам не по карману. В канун Нового года мой отец сосал мятный леденец, а мы стояли вокруг, протянув ладошки, и грелись от его тепла.

Тень фыркнул. Хинцельманн надел свою лыжную маску, застегнул широкое пальто из шотландки, вынул из кармана ключи от машины и в довершение всего натянул толстенные перчатки.

— Как заскучаете, заходите в магазин. Спросите меня. Я покажу вам свою коллекцию приманок для рыбной ловли — насекомые ручного плетения. Надоем вам так, что домой побежите с радостью. — Голос Хинцельманна звучал приглушенно, но внятно.

— Так и сделаю, — улыбнулся Тень. — Как Тесси?

— Тесси отдыхает. Будет зимовать в гараже до весны. Ну, берегите себя, мистер Айнсель.

Хинцельманн вышел и закрыл за собой дверь.

В квартире стало еще холоднее.

Тень надел куртку и перчатки. Потом обулся. В окне теперь почти ничего нельзя было разглядеть из-за намерзшей наледи: вместо озера одни абстрактные очертания.

Изо рта шел пар.

Тень вышел из квартиры на деревянную веранду и постучал в соседнюю дверь. Он услышал, как женщина на кого-то кричит, чтобы тот, ради бога, заткнулся и убавил телевизор, — должно быть, на ребенка, взрослый человек не будет так кричать на взрослого. Дверь открылась, и он увидел женщину — уставшую, с очень черными, очень длинными волосами. Она смотрела на него настороженно.

— Да?

— Здравствуйте, мэм. Я Майк Айнсель. Ваш сосед.

Выражение на лице у женщины ничуть не изменилось.

— И что дальше?

— Мэм, у меня в квартире очень холодно. От радиатора идет кое-какое тепло, но комнаты все

равно не прогреваются.

Она смерила его взглядом, по краешкам ее губ пробежало подобие улыбки, и она сказала:

— Ну, заходите. А то и наша квартира простынет.

Он зашел. По полу были разбросаны разноцветные пластмассовые игрушки. У стены горками лежала сорванная с подарков оберточная бумага. У телевизора, носом в экран, сидел мальчик и смотрел в видеозаписи диснеевского «Геркулеса». По экрану с криками скакал мультяшный сатир. В телевизор Тень старался не смотреть.

— Значит, так, — сказала женщина. — Вот что нужно сделать. Сначала нужно заклеить окна, все необходимое для этого можно купить у Хеннинга. Купите пластиковую пленку, только не для продуктов, а для окон. Когда заклеите, если захотите, можно просушить феном, она продержится всю зиму. Еще купите электрообогреватель, можно даже два. Система отопления в доме старая, с таким холодом ей не справиться. В последние годы зимы были теплые — и на том спасибо. — Она протянула руку. — Маргарет Ольсен.

— Рад знакомству, — сказал Тень, стягивая перчатку и пожимая ей руку. — Знаете, мэм, мне почему-то всегда казалось, что Ольсены должны

быть более светловолосыми.

— Мой бывший муж был светловолосым, светлее некуда. Розовокожий такой блондин. Загар к нему вообще не приставал.

— Мисси Гунтер рассказала, что вы пишете для местной газеты.

— Мисси Гунтер рассказывает что угодно и кому угодно. Я вообще не понимаю, зачем нам нужна газета, раз есть Мисси Гунтер. — Она кивнула. — Да, пишу. Новости всякие, хотя по большей части о новостях пишет мой редактор. Я веду рубрику о природе, о садоводстве, воскресную рубрику, раздел «Новости сообщества», где дотошно, в подробностях описывается, кто с кем отобедал в радиусе пятнадцати миль и чего они съели. Или — что съели?

— Что, — вырвалось у Тени, прежде чем он спохватился. — Винительный падеж.

Она посмотрела на него, и у Тени возникло ощущение дежавю. *Я уже был здесь раньше*, подумал он.

Нет, просто она кого-то мне напоминает.

— Ну, в общем, так в квартире у вас станет теплее, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Тень. — А когда станет теплее, приходите с вашим мелким в гости.

— Его зовут Леон, — сказала она. — Было приятно познакомиться, мистер… Простите…

— Айнсель, — подсказал Тень. — Майк Айнсель.

— Что это за фамилия такая — Айнсель? — поинтересовалась она.

Тень понятия не имел.

— Такая фамилия, — сказал он. — Признаюсь, я никогда особенно не интересовался историей своей семьи.

— Норвежская, должно быть? — спросила она.

— У нас вообще между родственниками довольно прохладные отношения, — сказал он, но, вспомнив про своего дядюшку Эмерсона Борсона, добавил: — по крайней мере по отцовской линии.

…К приезду Среды Тень заклеил щели в окнах пластиковыми пленками, поставил один обогреватель в гостиной, другой — в спальне. И в комнатах стало довольно сносно.

— Черт возьми, что за пурпурное дерьмо ты себе купил? — спросил Среда вместо приветствия.

— Ну, у меня раньше было другое, белое дерьмо, — сказал Тень, — но на нем уехал ты. Кстати, где оно теперь?

— Я его поменял с доплатой в Дулуте, — ответил

Среда. — Осторожность не повредит. Не волнуйся, свою долю ты получишь, когда все закончится.

— Что я здесь делаю? — спросил Тень. — В смысле в Лейксайде. А не вообще.

Среда улыбнулся — такой улыбкой, после которой Тени всегда хотелось его ударить.

— Ты здесь, потому что это последнее место, где они тебя станут искать. Я тебя сюда отправил, чтобы ты исчез из поля их зрения.

— «Они» — то есть «черные шляпы»?

— Именно. Боюсь, Дом-на-Скале теперь для нас закрыт. Это несколько осложняет дело, но ничего, справимся. Пока не начнется настоящая битва, — а начнется она несколько позже, чем мы все ожидали, — можно топать ногами, размахивать флагами, ходить караколью и валять дурака. Я думаю, они будут тянуть до весны. До весны ничего серьезного не произойдет.

— Почему?

— Потому что они могут сколько угодно болтать о микромиллисекундах и виртуальных мирах, о смене парадигм и т. д и т. п., но они все равно живут на этой планете и вынуждены подстраиваться под годовой цикл. Сейчас мертвый сезон. И победа, одержанная в это время, — гиблая победа.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Тень. Это была не совсем правда. Он смутно понимал, о чем шла речь, но надеялся, что ошибается.

— Это будет очень скверная зима, и нам с тобой надо использовать это время с максимальной пользой. Мы сплотим наши ряды и выберем поле битвы.

— Ладно, — сказал Тень. Он знал, что Среда говорит правду. Или часть правды. Будет война. Хотя нет: война уже началась. Будет битва. — Бешеный Суини сказал, что выполнял свое задание в тот вечер, когда мы встретили его в баре. Он сказал это перед смертью.

— Ты думаешь, мне пришла бы в голову мысль нанимать человека, который не сможет одолеть в пьяной драке даже такого щелкуна, как Суини? Не волнуйся, ты с лихвой оправдал мое доверие. Ты бывал в Лас-Вегасе?

— В Лас-Вегасе, который в Неваде?

— В нем самом.

— Нет.

— Мы сегодня вылетаем туда из Мэдисона, ночным вип-авиарейсом, на чартерном самолете для мотов и транжир. Я убедил их, что нужно лететь именно этим самолетом.

— Тебе врать никогда не надоедает? — спросил

Тень. Спросил мягко, с любопытством.

— Ничуточки. К слову сказать, это чистая правда. Мы играем по-крупному. До Мэдисона мы должны добраться не больше чем за пару часов, на дорогах свободно. Так что выключай обогреватели и запирай все. А то спалишь ненароком дом в свое отсутствие — и это будет совсем нехорошо.

— С кем мы будем встречаться в Лас-Вегасе? — спросил Тень.

Среда ответил.

Тень выключил обогреватели, побросал в сумку кое-какую одежду, повернулся к Среде и сказал:

— Слушай, я что-то ступил. Я помню, ты мне только что сказал, с кем мы будем встречаться, но у меня вылетело из головы. Мозг заклинило или я не знаю что. Ничего не помню. Повтори.

Среда повторил.

На этот раз Тень почти запомнил. Имя вытеснялось куда-то на периферию сознания. Нужно было внимательнее слушать. Тень не смог удержать его в памяти.

— Кто поведет? — спросил он Среду.

— Ты, — ответил он.

Они вышли из дома, спустились по деревянной лестнице и прошли по обледенелой дорожке до того места, где был припаркован черный «Лин-

кольн Таун-кар».

Тень сел за руль.

Посетителя казино со всех сторон одолевают соблазны — соблазны, отмахнуться от которых может только каменный, бессердечный, бездумный и на удивление лишенный алчности человек. Только послушайте: звон серебряных монет, которые бьют автоматной очередью, со звяканьем сыплются на поднос и переливаются через край прямо на ковер с вышитой на нем монограммой, сменяется сладкозвонным урчанием игровых автоматов, бряцаньем, металлическим плеском, который растворяется в огромной зале и понемногу стихает, переходя в расслабляющее фоновое журчание, а когда доходишь до карточных столов, — в отдаленный шум, настроенный ровно на то, чтобы поддерживать нужный уровень адреналина в крови игроков.

У всех казино есть один секрет, они его хранят, никому не выдают и очень им дорожат. Это их величайшая тайна. На самом деле большинство людей играют вовсе не для того, чтобы выиграть какую-то сумму денег, хотя именно об этом горланит реклама, именно это навязывает вам кино, именно об этом вы грезите в потаенных мечтах. Это всего лишь маленькая заманчивая ложь,

которая заставляет вас войти в огромные, всегда распахнутые и гостеприимные двери.

Секрет прост: люди играют, чтобы проигрывать. Они приходят в казино ради того, чтобы на несколько мгновений почувствовать, что они на самом деле живы, чтобы закружиться на колесе фортуны, чтобы раскрыться — как раскрываются карты; чтобы пропасть — вместе с монетой, ныряющей в щель автомата. Люди могут хвастать удачной игрой, деньгами, выигранными в казино, но в глубине души они ценят те мгновения, когда проигрывают. В каком-то смысле это жертвоприношение.

Деньги текут через казино непрерывным серебристо-зеленым потоком, переливающимся из рук в руки, от игрока к крупье, от крупье к кассиру, от кассира к управляющим, от управляющих к службе безопасности и в конце концов вливаются в святая святых, сокровенное хранилище, счетную комнату. Именно здесь, в счетной комнате казино, в которое вы пришли отдохнуть, банкноты сортируют, складывают, приходуют. Однако постепенно здесь появляется все больше пустого пространства — по мере того, как все больше денежных потоков, текущих через казино, превращаются в потоки виртуальные:

в электронную последовательность ноликов и единичек, бегущую по телефонным линиям.

В счетной комнате вы видите троих мужчин: они пересчитывают деньги под неусыпно бдящим стеклянным взглядом видеокамер — и тех, которые они сами видят вокруг себя, и крошечных видеокамер-жучков, которых не замечают. За одну смену каждый пересчитывает столько денег, сколько ему не заплатят за всю его жизнь. Каждый из них спит и видит заоблачные суммы, пачки банкнот, запечатанные бумажными лентами, проигранные и разложенные по стопкам деньги. Каждый из них не реже, чем раз в неделю невольно задумывается о том, как обойти систему безопасности и сбежать с таким количеством денег, какое только можно с собой унести, и каждому эта мечта по здравом размышлении кажется несбыточной, и он решает довольствоваться стабильным жалованьем, отмахнувшись от двойного наваждения — тюрьмы или могилы с надписью: «Неизвестный».

Здесь, в святая святых, работают три человека, которые считают деньги, здесь же присутствует охрана, которая за ними наблюдает, приносит и уносит деньги; но здесь находится и еще один человек. На нем безукоризненный пепельно-серый

костюм, у него темные волосы, он чисто выбрит, ни его лицо, ни повадки совершенно не откладываются в памяти. Никто даже не замечает его присутствия, а если на него все-таки обратили внимание, то через секунду о нем забывают.

Когда смена заканчивается, открываются двери, человек в пепельном костюме выходит из комнаты и идет вместе с охраной по коридорам, где на полу — ковры с вышитыми на них монограммами. Они катят сейфы с деньгами ко внутренней погрузочной площадке и там перетаскивают их в бронированные автомобили. Когда открывается дверь пандуса, через которую бронированная машина выезжает на утренние улицы Лас-Вегаса, человек в сером костюме проходит незамеченным в дверной проем и спускается по пандусу на тротуар. Он даже не поднимает головы, чтобы взглянуть на городской пейзаж, который слева от него силится воспроизвести очертания Нью-Йорка.

Лас-Вегас превратился в город-мечту из детской книжки с картинками — вот сказочный замок, а вон черная пирамида со сфинксами по бокам, испускающая в темноту белый свет, точно посадочные огни для НЛО, и повсюду неоновые оракулы и вращающиеся экраны предсказывают

счастье и удачу, рекламируют местных и заезжих певцов, комиков и магов, повсюду сверкают манящие, зазывающие огни. Каждый час вулкан взрывается лавиной огня и света. Каждый час пиратское судно топит королевский линейный корабль.

Человек в пепельном костюме легко и свободно шагает по тротуару и чувствует, как через город течет поток денег. Летом солнце прокаливает город, и из каждого магазинчика, мимо которого он проходит по жарким и потным улицам, веет зимним кондиционированным воздухом, охлаждающим покрытое испариной лицо. В этом оазисе зимы посреди пустыни сухо и холодно — и это ему нравится. В его воображении деньги перемещаются по гигантской сети, трехмерной «колыбели для кошки», сплетенной из света и движения. Самое притягательное в этом пустынном городе — скорость перемещения денег, путь, который они проходят, передвигаясь с места на место, переходя из рук в руки: это настоящий драйв, это кайф, и кайф гонит его на улицу, как наркомана.

За ним, держась на некотором расстоянии, медленно едет такси. Он не замечает его; ему даже в голову не приходит обратить на него вни-

мание: его самого так редко замечают, что мысль о том, что за ним могут следить, кажется почти невероятной.

Сейчас четыре утра. Он подошел к отелю и казино, которое уже лет тридцать как вышло из моды, но пока еще держится на плаву, — а завтра или через шесть месяцев его взорвут и снесут, построят на его месте новый дворец развлечений и забудут о нем навсегда. Никто не знает его, никто его не помнит. Бар в фойе обшарпанный и тихий, в воздухе висит голубой застоявшийся сигарный дым, в приватной комнате наверху кто-то вот-вот проиграет в покер несколько миллионов долларов. Человек в пепельном костюме усаживается в баре, на несколько этажей ниже той комнаты, где играют в покер. Официантка его не замечает. Фоном, почти на каком-то подсознательном уровне играет «Почему он не станет тобой?» в мьюзаковской трансляции.[75] Пять двойников Элвиса Пресли, каждый в комбинезоне своего цвета, смотрят по телевизору ночной повтор футбольного матча.

Крупный мужчина в светло-сером костюме подсаживается за столик, где сидит человек в

[75] notes: 75

Мьюзак — фирменное название системы передачи музыки по трансляционной сети. Используется в ресторанах, магазинах, клубах.

пепельном костюме. Официантка, слишком худая, чтобы быть симпатичной, слишком анорексичная, чтобы работать в «Луксоре» или «Тропикане»,[76] считающая минуты до конца рабочей смены, в упор не желающая видеть человека в пепельном костюме, тут же замечает подсевшего к нему мужчину и подходит к нему с улыбкой на лице. Тот широко улыбается в ответ.

— Вы сегодня восхитительно выглядите, дорогая, просто отрада для бедных старческих глаз, — говорит он, и официантка, почуяв щедрые чаевые, расплывается в улыбке.

Человек в светло-сером костюме заказывает себе «Джек Дэниэлс» и «Лафройг»[77] с водой для сидящего рядом человека в пепельном костюме.

— Знаете, — говорит человек в светло-сером костюме, когда приносят выпивку, — самые замечательные стихи, когда-либо сочиненные в этой треклятой стране за всю историю ее су-

---

[76] notes: 76

«Луксор» и «Тропикана» — казино в Лас-Вегасе.

[77] notes: 77

«Лафройг» — шотландский односолодовый виски, один из самых популярных сортов.

ществования, прочитал Канада Билл Джонс[78] в 1853 году в Батон-Руж, когда его, как котенка, обобрали в нечестной игре в фараон. Джордж Девол, который, как и Канада Билл, был не из тех, кто побрезгует обирать случайно ввязавшихся в игру новичков, отвел Билла в сторонку и спросил, неужели он не видит, что игра ведется нечестно. На что Канада Билл вздохнул, пожал плечами и сказал: «Я знаю, что здесь играют нечисто. Но другой игры в этом городе нет». И вернулся обратно к столу.

Человек в светло-сером костюме ловит на себе пристальный и недоверчивый взгляд темных глаз. Человек в пепельном костюме что-то ему говорит. Человек в светло-сером костюме с рыжей седоватой бородой качает головой.

— Послушайте, — говорит он. — Мне жаль, что все так вышло в Висконсине. Но я вас всех вывел оттуда целыми и невредимыми, правда? И никто не пострадал.

Человек в пепельном костюме потягивает «Лафройг» с водой, смакуя густой, болотистый, вязкий

---

[78] notes: 78

Известный американский карточный шулер и мошенник английского происхождения (ум. 1880). Специализировался на «монте». Приведенная в эпиграфе к главе 16 фраза, согласно легенде, была сказана Биллом Джонсом по поводу единственного игорного заведения в городе Кейро, штат Иллинойс.

вкус первосортного виски. Он задает вопрос.

— Не знаю. Все происходит скорее, чем я ожидал. Все так и норовят поиметь моего мальчика на побегушках — он на улице, ждет меня в такси. Ты по-прежнему с нами?

Человек в пепельном костюме отвечает.

Бородач качает головой.

— О ней уже двести лет ни слуху ни духу. Даже если она не померла, то уж точно не хочет никому показываться на глаза.

В ответ звучат еще какие-то слова.

— Слушай, — говорит бородач и залпом допивает свой «Джек Дэниэлс». — Если ты с нами, будь на месте в случае чего, а уж я о тебе позабочусь. Чего ты хочешь? Сомы? Могу достать бутылочку. Улетная фигня.

Человек в пепельном костюме не сводит с него глаз. Потом неохотно кивает и что-то говорит.

— Ну, конечно, — говорит бородач, улыбаясь острой, как лезвие, улыбкой. — А ты как думал? Посмотри на это с другой стороны: другой игры в этом городе нет.

Он протягивает свою лапищу и пожимает ухоженную руку человека в пепельном костюме. А потом уходит.

К столику подходит худая официантка. Она

обескуражена: теперь за столиком в углу сидит только один человек, темноволосый мужчина в стильном костюме пепельно-серого цвета.

— Вам что-нибудь принести? — спрашивает она. — Ваш друг еще вернется?

Темноволосый мужчина вздыхает и говорит, что его друг не вернется, и потому чаевых за потраченное время и беготню она не получит. И когда замечает по глазам, что это ее задело, ему становится ее жаль, и он мысленно представляет траекторию золотых нитей, обозревает матрицу, прослеживает путь денег, пока наконец не добирается до узлового пункта, и тогда говорит ей, что если она к шести утра, через полчаса после окончания смены подойдет к «Острову сокровищ», она встретит там онколога из Денвера, который только что выиграл в кости сорок тысяч долларов, и ему очень нужен надежный и верный партнер, компаньон, кто-нибудь, кто поможет ему промотать все без остатка за сорок восемь часов, оставшихся до отлета домой.

Слова тут же вылетают у официантки из головы, но делают ее счастливой. Она вздыхает, замечая, что мужчины, сидевшие за столиком в углу, сбежали, не оставив чаевых; потом до нее доходит, что вместо того чтобы ехать после сме-

ны прямиком домой, она направляется в «Остров сокровищ»; и если бы кто-то спросил ее — почему, она бы не нашлась, что ответить.

— Так кто же этот парень, с которым ты встречался? — спросил Тень, когда они возвращались обратно в лас-вегасский аэропорт. В аэропорту были установлены игровые автоматы, и даже в этот утренний час перед ними стояли люди и скармливали им монеты. Интересно, подумал Тень, есть ли среди них такие, кто так и не выйдет из аэропорта, кто сошел с трапа, попал по раздвижному переходу в здание аэропорта, да так там и остался, завороженный крутящимися картинками и сверкающими огоньками, кто, скормив автоматам последний четвертак и оставшись ни с чем, развернется и полетит обратно домой.

Тут он понял, что отключился, пока Среда рассказывал про человека в темном костюме, за которым они ехали на такси, и ничего не запомнил.

— Он в деле, — сказал Среда. — Правда, это будет стоить мне бутылки сомы.

— Что такое сома?

— Напиток такой.

Они сели в самолет, почти пустой, если не счи-

тать их самих и тройки корпоративных шишек, которые спешили обратно в Чикаго к началу следующего рабочего дня.

Среда устроился поудобнее и попросил принести ему «Джек Дэниэлс».

— Такие как я сразу видят таких как вы… — он помедлил. — Это все равно что пчелы и мед. Одна пчела производит всего лишь крошечную-прекрошечную капельку меда. Для того чтобы у тебя к завтраку на столе появилась баночка меда, нужно, чтобы тысячи, если не миллионы пчел сообща над этим потрудились. А теперь представь, что ты питаешься исключительно медом. Вот так вот мы и существуем… мы питаемся верой, молитвами, любовью.

— А сома…

— Если продолжить аналогию, сома — это медовое вино. Как медовуха. — Он тихо засмеялся. — Концентрированный напиток. Молитвы и вера, дистиллированные в крепкий ликер.

Когда они пролетали где-то над Невадой, поглощая безвкусный завтрак, Тень сказал:

— Моя жена…

— Которая мертвая.

— Лора… Она не хочет быть мертвой. Она мне об этом сказала. Когда спасла меня от тех парней

с поезда.

— Поступок примерной жены. Освободить мужа из заточения и убить тех, кто хотел причинить ему зло. Такую жену нужно беречь как сокровище, племянник Айнсель.

— Она хочет быть по-настоящему живой. Мы можем ей помочь? Это вообще возможно?

Среда не отвечал так долго, что Тень уж было подумал, что он не расслышал вопроса, а если и расслышал, то тут же заснул с открытыми глазами. А потом он заговорил и все время, пока говорил, смотрел прямо перед собой:

— Заклинание мне ведомо, избавит оно от болезней и горестей, скорбь изымет из сердца скорбящего.[79] Заклинание второе мне ведомо, помогает оно врачеванию. Ведомо третье мне заклинание, отвратит оно в битве клинки противника. От четвертого отворятся запоры, распадутся узы, меня сковавшие. Ведаю пятое заклинание, чтобы поймать на лету стрелу смертельную.

Его речь была тихой, настойчивой. Пропал провоцирующий тон, пропала насмешка. Среда говорил так, будто исполнял какой-то религи-

---

[79] notes: 79

Здесь приблизительно воспроизводятся «Речи Высокого» из «Старшей Эдды».

озный ритуал или припоминал что-то мрачное и тяжелое.

— Шестое ведаю заклинание: кто нашлет на меня проклятье, тот сам от него сгинет. Седьмое заклинание ведаю: стоит взглянуть на огонь мне, огонь погаснет. Восьмое ведаю: с тем, кто меня ненавидит, дружбу сыграю. Девятое ведаю: убаюкаю ветер, бурю утешу, покуда ладья к берегу не причалит. Таковы первые девять, что познал я за девять ночей, на дереве голом висевший, в бок пронзенный копьем. Холодные ветры, горячие ветры обдували меня и качали, никто не кормил меня, никто не поил, так висел я, в жертву себе самому посвященный, и миры предо мной разверзались. Десятым заклинанием умею ведьм разгонять; так закружу их по небу, что не сыщут вовеки обратной дороги. Одиннадцатое пропою в ходе бушующей битвы, и бойцы невредимо пройдут меж врагами и в родные дома и жилища живыми вернутся. Двенадцатым выну из петли повешенного и заставлю поведать все, что он помнит. Тринадцатым младенца водой освящу, и не коснется смерть его в битве. Четырнадцатым припомню имена всех богов, от первого до последнего. Пятнадцатым пошлю людям видение о мудрости, силе и славе, и вдохновит их виде-

ние это.

Он говорил так тихо, что Тени приходилось напрягать слух, чтобы расслышать его голос сквозь шум мотора.

— Шестнадцатым заклинанием склоню к себе сердце и помыслы девы, что мне приглянется. Семнадцатым так окручу, что никогда эта дева не возлюбит другого. Восемнадцатое заклинание, из всех величайшее, никому не скажу, ибо нет тайны могучее той, что ведома только тебе одному.

Он вздохнул и замолчал.

У Тени мурашки забегали по коже. Словно он увидел дверь в другой, далекий-предалекий мир, где на каждом перекрестке под порывами ветра раскачивались повешенные, где по ночам над головой метались ведьминские вопли.

— Лора, — только и сказал он.

Повернувшись к Тени, Среда пристально посмотрел в его светло-серые глаза.

— Я не могу ее оживить, — сказал он. — Я даже не знаю, почему она не умерла, как все нормальные люди.

— Я думаю, из-за меня, — сказал Тень. — Это я виноват.

Среда удивленно поднял бровь.

— Бешеный Суини дал мне золотую монету,

когда учил показывать фокус. По его словам, он дал мне неправильную монету. Она оказалась куда серьезнее, чем он думал. А я отдал ее Лоре.

Среда что-то недовольно проворчал, опустил голову, нахмурился. А потом принял прежнее положение.

— Наверное, в этом все дело, — сказал он. — Нет, я не могу тебе помочь. То, что ты делаешь в свободное время, касается только тебя.

— В смысле? — не понял Тень. — Что это значит?

— Это значит, что я не могу помешать тебе охотиться за орлиными камнями и гром-птицами. Но я был бы просто счастлив, если бы ты тихо сидел в Лейксайде и не высовывался. И чтобы тише воды, ниже травы, и пусть о твоем существовании вообще забудут. Когда начнутся серьезные разборки, нам всем придется впрягаться по полной.

Когда говорил это, он казался очень старым — и хрупким, и кожа его была словно совсем прозрачная, а плоть под ней — серая.

Тень испытал сильное, очень сильное желание дотянуться до Среды и накрыть своей ладонью его серые пальцы. Он хотел сказать ему, что все будет хорошо, — хотя на самом деле он так не

чувствовал, просто знал, что именно это нужно сейчас сказать. Несмотря на людей в черных поездах. Несмотря на жирного парня в длинном лимузине, несмотря на людей из телевизора, которые определенно не желали им добра.

Он не протянул руки. И ничего не сказал.

Позже он задавался вопросом, изменилось бы что-то, если бы он не сдержал свой добрый порыв и смог бы тем самым предотвратить хотя бы часть того зла, которое случилось впоследствии. И отвечал на свой вопрос отрицательно. Он знал, что ничего не изменится. Но даже после всего, что произошло, он по-прежнему сожалел, что в тот краткий миг во время их долгого перелета домой он не протянул руки.

Когда Среда высадил Тень у дома, короткий зимний день уже подходил к концу. Тень открыл дверь, чтобы выйти из машины, и мороз показался ему еще более фантастическим, еще менее правдоподобным, особенно по сравнению с погодой с Лас-Вегасе.

— Не влезай в неприятности, — напутствовал Среда. — Не высовывайся. Не баламуть воду.

— Все одновременно не делать?

— Ты, сынок, не умничай со мной. В Лейксайде ты заляжешь на дно. Здесь ты будешь в безопас-

ности. Считай это серьезным одолжением с моей стороны. В большом городе они бы через пять минут тебя унюхали.

— Залягу на дно и не шевельнусь. — Тень верил в то, что говорил. Неприятностей ему и так на всю жизнь хватит, самое время с этим покончить. — Когда тебя ждать обратно? — спросил он.

— Скоро, — ответил Среда, опустил окно, дал по газам и скрылся в морозной темноте.

Глава одиннадцатая

Трое хранят тайну, если двое из них мертвы.

Бен Франклин. Календарь бедного Ричарда

Три дня уже стоял мороз. Даже в полдень температура не поднималась выше нуля. Тень удивлялся, как люди выживали в такие зимы, когда еще не было электричества, теплых масок и термального белья, когда не было современных средств передвижения.

Он сидел в заведении, которое совмещало функции рыболовного магазина, солярия и видеопроката, и Хинцельманн показывал ему свои самодельные насекомовидные наживки для фо-

рели. Тень и не ожидал, что они окажутся такими занятными: яркие имитации живых насекомых, сделанные из перьев и ниток, и в каждой спрятан крючок.

Хинцельманну он задал прямой вопрос.

— Начистоту? — сказал Хинцельманн.

— Начистоту, — кивнул Тень.

— Ну, — сказал старик, — не все переживали такие зимы, некоторые умирали. Дырявые дымоходы, неисправные кухонные плиты, печки с плохой вентиляцией сгубили не меньше народу, чем холод. Трудные были времена — все лето и всю осень напролет запасались едой и дровами на зиму. Но хуже всего было, когда люди сходили с ума. Я слышал, по радио передавали, что это как-то связано с солнечным светом, мол, зимой света не хватает. Отец рассказывал, у народа прямо крыша ехала — зимнее безумие называлось. В Лейксайде всегда поспокойнее было, а вот в других городах в округе — жуть что творилось. Когда я был маленьким, еще ходила в народе такая поговорка: если к февралю служанка тебя не пришила, значит, бесхарактерная у тебя служанка.

Книжки со сказками были на вес золота — тогда в городе еще не было библиотеки, и все, что можно было читать, ценилось как настоящее

сокровище. Когда моему дедуле братец прислал из Баварии книжку, наши местные немцы собирались в ратуше, чтобы послушать, как дедуля читает сказки, а потом финны, ирландцы и все остальные заставляли немцев их пересказывать.

В Джибвее, в двадцати милях к югу, обнаружили женщину, которая бродила зимой по лесу в чем мать родила, прижимая к груди мертвого ребеночка. И как ее ни уговаривали, она ни за что не хотела его отдать, — задумчиво покачав головой, Хинцельманн закрыл витрину с наживками. — Не идет дело. Дать вам карточку клиента нашего видеопроката? Скоро у нас откроют прокат блокбастеров, и тогда мы точно будем не у дел. Хотя на данный момент у нас очень неплохая подборка.

Тень напомнил Хинцельманну, что у него нет ни телевизора, ни видеомагнитофона. Ему нравилось общаться со стариком — нравилось слушать его сказки и воспоминания о прошлом, нравилась его усмешка, которая внезапно делала его похожим на кобольда. И если бы Тень стал сейчас объяснять, что телевизор действует ему на нервы с тех самых пор, как он взял в привычку еще и разговаривать с ящиком, ситуация, скорее всего, получилась бы неловкая.

Хинцельманн пошарил под прилавком и вытащил пеструю жестяную коробочку — по виду она смахивала на рождественскую коробку из-под шоколадных конфет или печений: с крышки радостно скалился Санта Клаус, который держал в руках поднос с кока-колой. Хинцельманн снял металлическую крышку: внутри оказались блокнот и книжечки лотерейных билетов.

— Сколько вам выписать?

— Чего выписать?

— Лотереек. Сегодня мы вывозим старый драндулет на лед — лотерейки уже начали продавать. Один билет — пять долларов, десять билетов — сорок долларов, двадцать билетов — семьдесят пять. Покупая один билет, вы покупаете пять минут. Мы, конечно, не обещаем, что она уйдет на дно именно в те пять минут, на которые вы поставили, но тот, кто ближе всего угадает время, выиграет пятьсот баксов, а если она потонет именно в пределах ваших пяти минут, вы получите тысячу. Чем раньше вы покупаете билет, тем меньше времени забито. Желаете взглянуть на информационный листок?

— Конечно.

Хинцельманн протянул Тени отксеренную страничку. Драндулетом, который должен был

простоять всю зиму на льду посреди озера, оказалась старая машина со снятыми мотором и бензобаком. В один прекрасный момент весной лед начнет таять, и когда истончится настолько, что уже не сможет выдержать веса машины, драндулет пойдет ко дну. Самое раннее затопление драндулета пришлось на двадцать седьмое февраля («В девяносто восьмом это было. Ту зиму и зимой-то назвать язык не повернется»), а самое позднее — на первое мая («Это было в пятидесятом. Тогда казалось, зима не кончится, пока кто-нибудь не вобьет ей в сердце кол»). А чаще всего машина тонет в начале апреля — обычно в середине дня.

В разлинованном блокноте Хинцельманна дневное время в апреле было вычеркнуто, его уже разобрали. Тень купил тридцать минут 23 марта, с девяти до девяти тридцати утра, протянув Хинцельманну тридцать долларов.

— Вот бы все наши местные раскупали билеты с таким энтузиазмом, — сказал Хинцельманн.

— Это в благодарность за то, что вы подвезли меня в тот первый вечер.

— Нет, Майк, — поправил Хинцельманн. — Это ради детей. — В это мгновение его морщинистое лицо сделалось серьезным, исчезла даже тень

привычного озорства. — Подходите сегодня днем, поможете вытолкнуть драндулет на лед.

Он отдал Тени шесть голубых билетов. На каждом старомодным почерком Хинцельманна были выведены дата и время. Потом он занес эту информацию себе в блокнот.

— Хинцельманн, — начал Тень, — вы когда-нибудь слышали об орлиных камнях?

— На севере от Райнлендера? Хотя там Орлиная река. Наверное, нет, не слышал.

— А о гром-птицах?

— Ну, на Пятой стрит раньше была багетная мастерская «Гром-птица», но она закрылась. Мало вам от меня пользы, да?

— Ну что вы!

— Я вам вот что скажу, идите в библиотеку. Там хорошие люди работают, хотя на этой неделе они там, наверное, носятся со своей книжной распродажей. Я ведь вам, кажется, показывал библиотеку?

Тень кивнул и распрощался со стариком. Как же он сам не догадался пойти в библиотеку! Он сел в свой пурпурный «Форанер» и поехал в южном направлении по главной улице вдоль озера, пока не достиг его самой южной точки, где стояло похожее на замок здание городской библиоте-

ки. Он зашел и увидел указатель с надписью «КНИЖНАЯ РАСПРОДАЖА». Стрелка указывала на полуподвальный этаж. Сама библиотека располагалась на первом. Тень потопал ногами, сбивая с ботинок снег.

Неприятная на вид женщина со сморщенными пунцовыми губами настойчиво поинтересовалась, чем может быть полезна.

— Мне, должно быть, нужен читательский билет, — сказал он. — Я хочу узнать все о гром-птицах.

Книги по религии и традициям коренного населения Америки уместились на единственной полке в одной из башенок библиотеки. Тень взял с полки несколько книг и устроился за столом у окна. Через некоторое время он узнал, что гром-птицы — это мифические гигантские птицы, которые живут на вершинах гор, посылают молнии и производят гром, хлопая крыльями. Он прочел о племенах, которые верили, что гром-птицы создали мир. И за следующие полчаса чтения не выяснил ничего нового. Никаких упоминаний об орлиных камнях в предметных указателях ему не попалось.

Когда Тень поставил обратно на полку последнюю книгу, он вдруг почувствовал, что кто-то

за ним наблюдает. Маленький серьезный человечек выглядывал из-за массивного стеллажа. Когда Тень повернул голову, личико исчезло. Он встал к мальчику спиной, а потом обернулся: за ним опять наблюдали.

В кармане у Тени лежал доллар со Свободой. Он вынул его, взял в правую руку и поднял так, чтобы мальчик разглядел монету. Потом зажал ее между пальцами левой руки и, показав, что в обеих руках пусто, поднес левую руку ко рту, кашлянул — и монета упала из левой руки в правую.

Мальчик вытаращил глаза, а потом сорвался с места и убежал. Но уже через несколько секунд вернулся, волоча за руку неулыбчивую Маргарет Ольсен. Она подозрительно посмотрела на Тень и сказала:

— Здравствуйте, мистер Айнсель. Леон сказал, что вы показали ему волшебство.

— Обычная престидижитация, мэм. Я ведь так и не поблагодарил вас за совет, как обогреть квартиру. Теперь у меня тепло — хоть тосты жарь.

— Хорошо. — Ледяное выражение ее лица нисколечко не смягчилось.

— Замечательная библиотека, — сказал Тень.

— Здание красивое. Но городу ни к чему вся эта красота, ему нужно что-то более практичное. Вы

идете на книжную распродажу?

— Вообще-то не собирался.

— Зря. Это ради благого дела.

— Тогда, конечно, пойду.

— Сначала выйдите в вестибюль, а потом по лестнице вниз. Всего доброго, мистер Айнсель.

— Зовите меня Майк, — сказал Тень.

Она ничего не ответила, взяла Леона за руку и пошла с ним в детский отдел.

— Мам, — услышал Тень голос Леона. — Это не престижная агитация. Я же *сам* видел! Я *видел*, как она исчезла, а потом выпала у него из *носа*. Я *сам видел*!

Со стены на него взирал писаный маслом Авраам Линкольн. Тень спустился по мраморной лестнице с дубовыми перилами в подвальный этаж библиотеки и попал в большую комнату, заставленную столами. Столы были завалены всевозможными книгами, которые лежали в случайной последовательности и диком беспорядке: книжки в мягком и твердом переплете, беллетристика и нон-фикшн, периодика и энциклопедии: все вперемешку, то корешками вверх, то корешками вниз.

Тень прошел в глубь комнаты и остановился у стола со старыми томами в кожаных переплетах,

на корешках белым цветом был выведен каталожный номер.

— Вы сегодня первый, кто остановился у этого стола, — сказал мужчина, сидевший возле груды пустых коробок и пакетов и маленького открытого металлического ящика с наличностью. — Народ обычно раскупает триллеры, детские книжки, слащавое дамское чтиво. Типа Дженни Кертон, Даниэлы Стил, ну и все в таком духе. — Сам он читал «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи. — У нас любая книга за пятьдесят центов, за доллар можете выбрать три.

Тень поблагодарил и побрел дальше. Он нашел Геродотову «Историю» в кожаном коричневом потертом переплете, напомнившую ему о томике Геродота в мягкой обложке, который он оставил в тюрьме. Еще там была книга под названием «Домашний иллюзионист: ключ к успеху», в ней вполне могли быть описания фокусов с монетами. Он взял обе книжки и отнес к кассе.

— Берите третью, все равно заплатите доллар, — сказал мужчина. — Сделайте одолжение, избавьте нас еще от одной книжки. У нас места на полках не хватает.

Тень вернулся к столу со старыми книжками

в кожаных переплетах. Решив унести с собой книжку, у которой меньше всего шансов быть купленной кем-то еще, он все никак не мог выбрать между «Общими заболеваниями мочевыводящих путей с иллюстрациями врача-специалиста» и «Протоколами заседаний городского совета Лейксайда за 1872–1884 гг.». Он взглянул на иллюстрации в медицинской книжке и подумал, что в Лейксайде она обязательно пригодится какому-нибудь мальчишке — чтобы стращать ею приятелей, — после чего отнес «Протоколы заседаний» продавцу и заплатил доллар, а тот сложил его книжки в коричневый бумажный пакет с надписью «Деликатесы Дейва».

Тень вышел из библиотеки. Перед ним открылся прекрасный вид на озеро — до самого горизонта. Он даже рассмотрел свой дом за мостом. Отсюда тот выглядел совсем кукольным. Рядом с мостом на льду четверо или пятеро мужчин толкали к центру озера темно-зеленую машину.

— Двадцать третье марта, — прошептал он озеру. — С девяти до девяти тридцати утра.

Вот интересно, слышат ли его сейчас озеро и старый драндулет, а если слышат, то примут ли к сведению его слова. Скорее всего вряд ли.

Ветер жестоко сек лицо.

Когда Тень добрался до дома, оказалось, что на улице его поджидает Чэд Маллиган. При виде полицейской машины у Тени яростно заколотилось сердце, но потом слегка утихло, когда он заметил, что полицейский, устроившись на переднем сиденье, разбирает бумажки.

Тень подошел к машине.

Маллиган опустил стекло.

— С библиотечной распродажи? — спросил он, заметив в руках у Тени бумажный пакет с книгами.

— Да.

— Я там года два-три тому назад целый ящик с книжками Роберта Ладлэма отхватил. Все собираюсь почитать. Моя кузина от него без ума. А я вот думаю, если однажды окажусь на необитаемом острове да с этим ящиком книжек, тогда и наверстаю.

— Я могу быть чем-то полезен, шеф?

— Да нет, приятель. Решил вот остановиться, проведать, как ты тут обживаешься. Помнишь китайскую пословицу: если спас человеку жизнь, значит, ты за него в ответе. Ну, я, конечно, не имею в виду, что я спас тебе жизнь. Но, думаю, все равно проверить надо. Как ведет себя пурпурный

Гунтер-мобиль?

— Да ничего, — ответил Тень. — Не жалуюсь. Бегает исправно.

— Вот и замечательно.

— Я в библиотеке встретил свою соседку, — начал Тень. — Миссис Ольсен. И подумал…

— Какая тварь ее в задницу ужалила?

— Ну, это уж вам виднее.

— Длинная история. Если хочешь немного прокатиться, садись — я тебе все расскажу.

Тень на секунду задумался, а потом сказал: «Хорошо», — и сел в машину на переднее сиденье, рядом с водителем. Маллиган поехал в северную часть города. Выключил мигалку и припарковался у обочины.

— Даррен Ольсен познакомился с Мардж в университете Висконсина в Стивенс-Пойнте, а потом приехал с ней обратно на север, в Лейксайд. Она в колледже специализировалась на журналистике. А он изучал эту херню, как ее, гостиничный менеджмент, что-то в этом роде. Приехали они сюда, значит, мы все в пень встали. Было это лет тринадцать-четырнадцать тому назад. Она просто раскрасавица была… волосы черные… — Он на секунду замолк. — Даррен управлял мотелем «Америка» в Камдене, на западе, в двадцати ми-

лях отсюда. Вот только в Камдене туристы не имели обыкновение задерживаться, и в конце концов мотель закрылся. У них было двое мальчишек. В то время Сэнди было одиннадцать. А младший — Леон, кажется, — был совсем малютка.

Даррен Ольсен мужественностью не отличался. Когда-то в школе он был приличным футболистом, но это самое большее, чего он добился в жизни. Вот так. Он даже не мог набраться храбрости и сказать Мардж, что потерял работу. Целый месяц, а то и все два, он каждое утро уезжал из дома, возвращался поздно вечером и жаловался, какой тяжелый день задался у него в мотеле.

— И чем он все это время занимался? — спросил Тень.

— Ммм. Точно не знаю. Думаю, ездил в Айронвуд, а может и в Грин-Бей. Поначалу, скорее всего, искал работу. А потом стал пить не просыхая, так что, видимо, и на мимолетные радости с проститутками не так много времени оставалось. Может, и на деньги играл. Наверняка я знаю только то, что недель за десять он выгреб все деньги с их совместного счета. И через какое-то время Марджи сунула туда нос, — а там шиш с маслом!

Тут Маллиган вывернул на дорогу, врубил си-

рены и мигалку и до смерти перепугал какого-то мужичонку, который только что съехал с горы на машине с айовскими номерами со скоростью семьдесят миль в час.

Оштрафовав лихача, Маллиган продолжил рассказ.

— На чем я остановился? А, ну так вот. Марджи выставила его вон, подала на развод. Вылилось это все в грязную драку в суде за право опекунства. Так в журнале «Пипл» называются подобные дела. Грязная драка в суде за право на опеку над детьми. Детей оставили Марджи. Даррен получил право видеться с ними и больше практически ничего. А Леон был тогда еще совсем малыш. Сэнди был постарше, славный парнишка, отца просто обожал. И не позволял Марджи о нем слова дурного сказать. Дом они потеряли. Хороший был у них домик на Дэниелс-роуд. Переехали в квартиру. А Даррен вообще убрался из города. Приезжал каждые шесть месяцев и портил всем жизнь.

Так продолжалось несколько лет. Он приезжал, тратил на детей деньги, а Марджи доводил до слез. Народ уже по большей части начал думать, что лучше бы ему и вовсе никогда не возвращаться. Мать с отцом у него ушли на пенсию и переехали во Флориду, типа, не было у них

больше сил терпеть висконсинские зимы. Вот он появился в очередной раз и объявил, что хочет свозить мальчиков во Флориду на Рождество. Марджи сказала, мол, даже и не думай, и слышать ничего об этом не желаю. Неприятно все это очень было — однажды мне пришлось к ним приехать. Семейная ссора. Когда я приехал, Даррен стоял во дворе перед домом и матерился: мальчики были ели живы от страха, а Марджи в слезах.

Я сказал Даррену, что у него есть все шансы провести эту ночь за решеткой. На секунду мне показалось, что он меня сейчас ударит, но он был еще достаточно трезв, чтобы сдержаться. Я отвез его в трейлерный парк на южной окраине города, посоветовал взять себя в руки. И если он только пальцем ее тронет… Короче, на следующий день он уехал из города.

А через две недели пропал Сэнди. Просто не сел в школьный автобус, а своему лучшему другу сказал, что скоро повидается с отцом, что тот готовит ему какой-то особый подарок, чтобы возместить неудавшуюся поездку во Флориду на Рождество. С тех пор никто его больше не видел. Хуже нет, чем похищение ребенка родителем, лишенным права опеки. Нелегко найти ребенка, который не хочет, чтобы его нашли, понимаешь?

Тень согласился. Он понял кое-что еще: что Чэд Маллиган влюблен в Маргарет Ольсен. Интересно, сам-то он отдает себе отчет в том, насколько это очевидно?

Маллиган еще раз вырулил на дорогу с зажженными мигалками и остановил каких-то тинейджеров, которые ехали на скорости шестьдесят миль в час. Им он штраф выписывать не стал, а «просто нагнал на них страха Божьего».

Вечером Тень сидел на кухне за столом и ломал голову над тем, как превратить серебряный доллар в пенни. Об этом фокусе он вычитал в «Домашнем иллюзионисте», но описание было настолько расплывчатым и бесполезным, что только разозлило его. Чуть ли не в каждой фразе встречались формулировки типа «а потом пенни исчезает обычным способом». И что в таком случае подразумевалось под «обычным способом», недоумевал Тень. Что, нужно уронить монету по-французски? Спрятать в рукаве? Или крикнуть «Боже мой! Берегитесь! Пума!» — и уронить монету в боковой карман, пока зрители оглядываются по сторонам?

Вспомнив про луну и про женщину, подарившую ему этот серебряный доллар, он подбросил его в воздух, поймал и снова попытался проде-

лать фокус. Кажется, ничего не получилось. Он пошел в ванную, снова повторил его перед зеркалом и убедился, что прав. Фокус — так, как он был описан, — не мог получиться. Он вздохнул, положил монету в карман и сел на диван. Потом укрыл ноги дешевым толстым пледом и раскрыл «Протоколы заседаний городского совета Лейксайда за 1872–1884 гг.» Текст, напечатанный в две колонки мелким шрифтом, был практически нечитаем. Он листал страницы, рассматривая фотографии того времени с изображением членов городского совета Лейксайда: длинные бакенбарды, глиняные трубки, потертые и лоснящиеся шляпы. Многие лица казались ему до странности знакомыми. Он не удивился, когда увидел, что в 1882 году секретарем городского совета был некий внушительного вида господин по имени Патрик Маллиган: ему бы побриться, сбросить фунтов двадцать — получилась бы точная копия, скорее всего, пра-пра-правнука Чэда Маллигана. Интересно, был ли на фотографиях дед-первопоселенец Хинцельманна? Кажется, он все-таки не был членом городского совета. Когда Тень листал страницы, рассматривая фотографии, ему показалось, что имя Хинцельманна там упоминалось, но когда стал пролистывать книгу обратно, не

смог его отыскать, а от мелкого шрифта у него заболели глаза.

Он пристроил книгу на груди и вдруг понял, что клюет носом. Глупо заснуть вот так на диване, здраво рассудил он, когда спальня буквально в двух шагах. С другой стороны, спальня с постелью и через пять минут никуда не денутся, да он и не собирается спать, просто чуточку прикорнет…

Тьма рокотала.

Он стоял на открытой равнине. Рядом с тем местом, откуда недавно выбрался, откуда вытолкнула его земля. С неба по-прежнему падали звезды, и каждая звезда, коснувшись земли, превращалась в мужчину или женщину. У мужчин были черные волосы и высокие скулы. А женщины все были похожи на Маргарет Ольсен. Это были звездные люди.

Они гордо смотрели на него своими черными глазами.

— Расскажите мне о гром-птицах, — попросил Тень. — Пожалуйста. Не ради меня. Ради моей жены.

Один за другим они поворачивались к нему спиной, и когда он переставал видеть их лица, исчезали и сами люди, попросту растворяясь в пейзаже. И только самая последняя из них, черно-

волосая, с седыми прядями женщина, прежде чем отвернуться, указала пальцем на бордовое небо.

— Спроси у них сам, — сказала она.

В небе вспыхнули зарницы, на мгновение высветив пейзаж до самого горизонта.

Рядом возвышались скалы: плотный песчаник, остроконечные вершины и гребни между вершинами. Тень стал карабкаться на самую ближнюю. Вершина была цвета старой слоновой кости. Он хватался за выступы и чувствовал, как они врезаются в руки. Это кость, подумал Тень. Это не камень. Старая высохшая кость.

Это был сон, а во сне не бывает выбора: здесь либо вообще нельзя принимать решений, либо кто-то уже принял их за тебя задолго до того, как начался сон. Тень продолжал карабкаться. Руки у него уже были изранены. Кость трещала, ломалась и крошилась под его босыми ногами. Его сдувало ветром, но он прижимался к скале и продолжал штурмовать вершину.

Он понял, что она сплошь состояла из костей одного и того же типа, плотно подогнанных одна к другой. Кости были высохшие, шаровидные. Он подумал, что, может быть, это все скорлупа от яиц какой-нибудь огромной птицы. Но очередная вспышка молнии дала ему понять, что он неправ:

у костей были глазницы и зубы — безразличный оскал, без намека на улыбку.

Где-то кричали птицы. По лицу катились капли дождя.

Он висел в нескольких сотнях футов от земли, крепко вцепившись в башню, сложенную из черепов, а вокруг вершины кружили призрачные птицы — гигантские, черные, похожие на кондоров, с воротником белых перьев вокруг шеи, — и на крыльях у них вспыхивали молнии. Это были огромные, благородные птицы, они внушали страх, они били крыльями, и ночной воздух сотрясался от грома.

Они кружили вокруг вершины.

А размах крыльев у них — футов пятнадцать-двадцать, подумал Тень.

А потом первая птица легла на крыло, вошла в пике и полетела прямо на него, и на крыльях у нее переливались синие электрические разряды. Тень вжался в расщелину между черепами, пустые глазницы уставились на него, со всех сторон ему улыбались зубы цвета слоновой кости, но он продолжал карабкаться, лезть вверх по горе черепов, царапая кожу об острые края, чувствуя разом и отвращение, и страх, и ужас.

К нему подлетела вторая птица, и коготь дли-

ной с человеческую ладонь вонзился ему в руку.

Он вытянул руку и попытался с ходу выдернуть перо из крыла птицы — ведь если он вернется в свое племя без пера, то будет опозорен и никогда не станет мужчиной, — но птица взмыла вверх, и он не успел ухватиться за перо. Гром-птица разжала когти и улетела, подхваченная ветром. Тень стал карабкаться дальше.

Да тут их тысячи, этих черепов, подумал Тень. Тысячи тысяч. И далеко не все человеческие. Наконец он забрался на вершину, а величественные гром-птицы медленно кружили над ним, едва заметным движением крыла ловя порывы ветра, почти не тратя сил.

Сквозь ветер он услышал голос — голос человека-бизона: он звал его, он рассказывал, чьи это были черепа…

Гора начала обваливаться, и самая большая птица, в глазах у которой сверкали слепящие сине-белые зигзагообразные молнии, обрушилась на него с высоты, оглушая раскатами грома. Тень упал и покатился вниз…

Пронзительно звенел телефон. Тень понятия не имел, что эта штука вообще подключена. Пошатываясь, нетвердым шагом он подошел и снял трубку.

— Ебицкая сила! — орал Среда. Таким злым Тень его не помнил. — Какого ляда лысого ты там вытворяешь?

— Я спал, — оцепенело пробормотал в трубку Тень.

— Ты думаешь, на хера я тебя прячу в Лейксайде? Чтобы ты всех на уши поставил? Да ты и мертвого из могилы поднимешь!

— Мне снились гром-птицы… — сказал Тень. — И скала. Черепа… — Ему казалось очень важным пересказать свой сон.

— Знаю я, что тебе снилось. Все теперь прекрасно знают, что тебе снилось. Боже всемогущий! На кой хер я тебя прячу, если ты выставляешь себя на всеобщее обозрение — вот он я, вашу мать!

Тень ничего не ответил.

На другом конце провода тоже повисла пауза.

— Я буду утром, — сказал Среда. Казалось, гнев его потух. — Поедем в Сан-Франциско. Цветы в волосы вплетать не обязательно.

Связь прервалась.

Тень поставил телефон на пол и тяжело опустился рядом. Было шесть утра, за окном по-прежнему стояла ночная темень. Он встал с дивана, дрожа от холода. Он слышал, как ветер завывает над замерзшим озером. А еще он слышал, как

рядом — через стенку — кто-то плачет. Он был уверен, что это плачет Маргарет Ольсен: тихо, непрерывно, безутешно.

Тень пошел в ванную и отлил, потом зашел в спальню и закрыл за собой дверь, чтобы отгородиться от женского плача. Снаружи ревел и завывал ветер, будто тоже искал потерянного ребенка.

Январь в Сан-Франциско выдался не по сезону теплым, настолько теплым, что шею тут же начало пощипывать от пота. Среда надел темно-синий костюм и очки в золотой оправе, из-за чего стал похож на адвоката из шоу-бизнеса.

Они шли по Хайт-стрит. Бомжи, проститутки, попрошайки провожали их взглядом, и никто не тряс перед ними бумажным стаканчиком с мелочью, никто к ним даже близко не подошел.

Среда играл желваками. Когда утром к дому подъехал черный «Линкольн Таун-кар», Тень сразу понял, что Среда все еще злится, и не стал ни о чем спрашивать. Всю дорогу до аэропорта они молчали. Тень даже обрадовался, что Среда летел первым классом, а у него было место в экономе.

День уже клонился к вечеру. Тень, который бывал в Сан-Франциско только в детстве, а с тех пор видел его разве что в кино, был поражен,

насколько знакомым показался ему этот город, какие здесь яркие и самобытные деревянные дома, какие крутые холмы, сколь особые он вызывает чувства.

— Просто не верится, что Сан-Франциско и Лейксайд — это одна и та же страна, — сказал он.

Среда раздраженно на него посмотрел. А потом сказал:

— Нет. Сан-Франциско и Лейксайд — это уже не одна и та же страна, и Новый Орлеан с Нью-Йорком — не одна и та же, и Майами с Миннеаполисом — тоже.

— Да ладно, — осторожно возразил Тень.

— Так и есть. У них остались некоторые общие культурные формы — деньги, федеральное правительство, сфера развлечений — *земля* одна и та же, без сомнения, но единственное, на чем держится иллюзия единой страны, — это баксы, «Сегодня вечером»[80] и макдональдсы. — Они подходили к парку в конце улицы. — Мы сейчас навестим одну даму, будь с ней любезен. Но не переусердствуй.

— Буду душкой, — пообещал Тень.

---

[80] notes: 80

«The Tonight Show» — популярная развлекательная телепередача, выходящая в эфир с 1954 года, включает в себя элементы ток-шоу, номера комедийного варьете, скетчи.

Они сошли с дорожки и двинулись прямо по траве.

Девочка лет четырнадцати с зелено-оранжево-розовым хайром на голове провожала их взглядом, когда они проходили мимо. Она сидела рядом с какой-то дворнягой, на шее у которой вместо поводка и ошейника была завязана веревка. Взгляд у девочки был еще более голодный, чем у собаки. Собака сначала на них залаяла, а потом завиляла хвостом.

Тень протянул девочке доллар. Та с непонимающим видом уставилась на бумажку.

— Купишь собаке еды, — предложил Тень.

Девочка кивнула и улыбнулась.

— Скажу прямо, — продолжил Среда. — С этой дамой нужно быть поосторожнее. Ты можешь ей приглянуться, и это будет совершенно лишнее.

— Она твоя подружка, что ли?

— Не приведи господи, даже за все пластмассовое барахло Китая! — развеселился Среда.

Гнев его, видимо, прошел, а может быть, он отложил его на будущее. У Тени было подозрение, что гнев — и есть тот мотор, с помощью которого тот передвигается.

Под деревом на траве сидела женщина, перед ней была расстелена скатерть, а на скатерти

стояли пластиковые контейнеры с едой.

Она была — не толстая, вовсе нет — она была, как говорится — хотя до нынешнего момента у Тени не было повода употреблять это слово — *пышнотелая*. Волосы у нее были очень светлые, практически белые — длинные платиновые локоны, как у давным-давно умершей киностарлетки, губы накрашены темно-красным, а на вид ей можно было дать от двадцати пяти — и до пятидесяти.

Когда они подошли, она как раз взяла с тарелки перченое яйцо. Подняв взгляд на Среду, она положила яйцо обратно и вытерла руку.

— Здравствуй, старый пройдоха, — сказала она с улыбкой.

Среда отвесил ей низкий поклон, подхватил ее руку и поднес к губам.

— Выглядишь божественно, — сказал он.

— А как еще, черт возьми, я должна выглядеть? — благодушно поинтересовалось она. — Впрочем, ты все равно лжец. Идея отправиться в Новый Орлеан оказалось *очень* неудачной. Сколько я там набрала — фунтов тридцать, наверное. Клянусь. Нужно было бежать оттуда сразу, как только я начала ходить вразвалочку. У меня теперь ляжки при ходьбе друг о друга трутся,

представляешь?

Последнюю фразу она произнесла, обращаясь к Тени. Он понятия не имел, что на это ответить. Он чувствовал, как заливается горячей краской. Женщина радостно захохотала.

— Он *краснеет*, ему неловко! Среда, радость моя, ты привел ко мне *скромника*! Просто подарок! Как его звать?

— Это Тень, — сказал Среда. Казалось, он наслаждается тем, что Тень чувствует себя неловко. — Тень, поздоровайся с Пасхой.

Тень пробормотал что-то невнятное, типа «здрасте», и женщина снова заулыбалась. У него было ощущение, что его ослепили светом фар — так делают браконьеры перед выстрелом: ослепляют оленя, и он цепенеет. Он чувствовал на расстоянии запах ее духов, дурманящую смесь жасмина, жимолости, свежего молока и кожи.

— Ну, как делишки? — спросил Среда.

Женщина-Пасха радостно засмеялась всем своим телом, смех у нее был глубокий, гортанный. Как можно не проникнуться симпатией к человеку, который так смеется?

— Все замечательно, — сказала она. — А ты, старый волк, ты-то как поживаешь?

— Я надеюсь заручиться твоей поддержкой.

— Зря теряешь время.

— По крайней мере выслушай меня, прежде чем прогонишь.

— А толку? Все равно у тебя ничего не выйдет.

Она посмотрела на Тень.

— Присаживайся рядом, угощайся. Вот, возьми тарелку, накладывай побольше. Тут все вкусно. Яйца, жареная курица, курица карри, салат из курицы, а это лапэн, крольчатина в смысле, холодный кролик — очень вкусно, а вон в той миске тушеная зайчатина — давай, я сама положу.

Так она и сделала: взяла пластиковую тарелку, положила целую гору еды, протянула ему и перевела взгляд на Среду:

— А ты будешь?

— Я весь в твоем распоряжении, дорогая, — сказал Среда.

— В тебе столько дерьма, — сказала она, — странно, что глаза у тебя до сих пор не коричневые. — Она протянула ему пустую тарелку. — Угощайся.

Послеполуденное солнце превратило ее волосы в светящийся платиновый ореол.

— Тень, — сказала она, с аппетитом жуя куриную ножку. — Какое приятное имя! Почему тебя зовут Тень?

Тень облизнул сухие губы.

— В детстве, — начала он, — я с мамой, мы, то есть она, ну, она работала секретаршей в американских посольствах, в разных странах, и я с ней, мы жили в Северной Европе, переезжали из города в город. Потом она заболела и раньше времени ушла на пенсию, и мы вернулись в Штаты. Я никогда не мог найти общий язык с другими детьми, поэтому молча ходил хвостом за взрослыми. Наверное, мне просто нужна была компания. Не знаю. Я был тогда мелкий совсем.

— С тех пор ты подрос, — сказала она.

— Да, — согласился Тень. — Подрос.

Она повернулась к Среде, который болтал ложкой в тарелке с какой-то похлебкой, по виду напоминающей холодное гомбо.[81]

— Так значит, этот мальчик всех расстроил?

— Ты слышала?

— Я всегда держу ухо востро, — сказала она. — Не стой у них на пути, — обратилась она к Тени. — Слишком много вокруг тайных обществ, и они не знают ни любви, ни верности. Реклама, независимые организации, правительство — все

---

[81] notes: 81

Гомбо — блюдо южных штатов, похлебка из стручков бамии с мясом, курицей, крабами, томатами, креветками и устрицами, с добавлением специй и трав.

в одной лодке. И попадаются самые разные, от практически безвредных до весьма опасных. Эй, старый волк, я тут на днях слышала один прикол, тебе должно понравиться. Как можно быть уверенным, что ЦРУ не причастно к убийству Кеннеди?

— Я слышал этот прикол, — откликнулся Среда.

— Жаль. — Она опять повернулась к Тени. — А эта шпионская заварушка, в которую ты попал, — это совсем из другой оперы. Эти парни существуют потому, что все уверены в их существовании. — Она осушила бумажный стаканчик с каким-то напитком, похожим на белое вино, и встала. — Тень — хорошее имя, — сказала она. — Я хочу моккачино. За мной! — И она зашагала прочь.

— А как же еда?! — крикнул Среда. — Ты не можешь все тут бросить!

Она улыбнулась и показала ему на девочку с собакой, а потом распростерла руки, чтобы обнять Хайт-стрит и весь мир.

— Пусть наедятся как следует, — сказала она, шагая вперед, а Среда и Тень пошли за ней.

— Не забывай, — сказала она Среде, — *я* богата. У меня все в шоколаде. С какой стати мне тебе

помогать?

— Ты одна из нас, — сказал он. — Тебя забыли, как и всех нас, никто тебя не поминает и не почитает. Тут и думать нечего, чью сторону занять.

Они дошли до уличной кофейни, прошли вглубь и сели за столик. Там была только официантка: бровь проколота колечком, и она носила его так, словно это был знак принадлежности к высшей касте, плюс еще одна женщина за стойкой, которая готовила кофе. Официантка подошла, натянув на лицо улыбку, и приняла заказ.

Пасха накрыла тонкой ладошкой серую квадратную лапу Среды.

— Я же тебе говорю. У меня все *замечательно*. В мой праздник люди по-прежнему лакомятся и яйцами, и крольчатиной, и сластями, и мясом, и ощущают чувство возрождения и воссоединения друг с другом и с вечностью. Дарят друг другу цветы и украшают ими шляпы. И с каждым годом таких людей становится все больше. Они делают это в мою честь. В *мою* честь, старый волк!

— Это от их любви и почитания тебя так распирает? — холодно спросил он.

— Не будь сволочью, — в ее голосе вдруг послышалась жуткая усталость. Она сделала глоток

моккачино.

— Вопрос не праздный, моя дорогая. Конечно, я признаю, что миллионы и миллионы людей угощают друг друга и дарят подарки в твою честь, что в твой праздник они по-прежнему совершают обряды, вплоть до того, что яйца спрятанные ищут. Вот только знают ли они, кто ты такая? А? Простите, мисс, — обратился он к официантке.

— Еще чашку эспрессо? — откликнулась та.

— Нет, милочка. Не могли бы вы разрешить наш спор? Мы тут с друзьями не сошлись во мнениях о том, что значит слово «Пасха». Вы случайно не знаете?

Девушка уставилась на него так, будто у него изо рта полезли зеленые жабы.

— Я про всю эту рождественскую ерунду не в курсе. Я вообще язычница, — сказала она. — Это на латинском, кажется, значит что-то типа «Христос Воскрес».

— Правда? — удивился Среда.

— Да, точно, — сказала женщина. — Пасха. Это как солнце, которое воскресает на востоке.

— Воскресение сына. Конечно, логичнее всего.

Женщина заулыбалась и снова принялась молоть кофе. Среда поднял взгляд на официантку:

— Думаю, я *выпью* еще одну чашку эспрессо,

если не возражаете. Вот только скажите мне как язычница — кого *вы* почитаете?

— Почитаю?

— Да-да. Я так понимаю, у вас широкий выбор. Кому вы возвели свой домашний алтарь? Кому поклоняетесь? Кому возносите молитвы на рассвете и закате?

Официантка только беззвучно пошевелила губами.

— Женскому началу, — наконец выдавила она из себя. — Я за раскрепощение. Вы меня понимаете?

— Конечно понимаю. А у этого вашего женского начала есть имя?

— Богиня есть в каждой из нас, — сказала официантка с проколотой бровью, заливаясь краской. — Ей не нужно никакое имя.

— Вот как, — по-обезьяньи осклабился Среда. — Так, может, вы устраиваете в ее честь безудержные вакханалии? Пьете в полнолуние вино пополам с кровью и зажигаете алые свечи в серебряных подсвечниках? Заходите голышом в морскую пену, исступленно воспевая свою безымянную богиню, пока волны плещутся у ног, облизывая ваши бедра, как тысяча леопардов?

— Вы шутите? — удивилась она. — Мы ничего

такого не делаем. — Она сделала глубокий вдох. Тени показалось, что она считает про себя до десяти. — Принести еще кому-нибудь кофе? Еще моккачино, мэм? — Она снова улыбалась почти такой же улыбкой, с какой подошла к ним в самом начале.

Они отрицательно покачали головами, и официантка поспешила к другому посетителю.

— Вот вам одна из тех, — заключил Среда, — «кто не верует, а посему и не возрадуется», как сказал Честертон. Самая настоящая язычница. Ладно. Ну что, Пасха, дорогая, выйдем на улицу, повторим эксперимент? Посмотрим, знают ли прохожие, что название их Пасхи произошло от имени «Эстер» — «Заря», «Белая». Спорим, я выиграю? Зададим вопрос сотне человек. За каждого, кто знает, отрежешь мне палец на руке, закончатся руки — режь на ногах; а ты за каждого двадцатого, кто не знает, проведешь со мной ночь. У тебя в любом случае больше шансов — в конце концов, это Сан-Франциско. На здешних суетливых улицах наверняка полно дикарей, язычников и ведистов.

Она посмотрела на Среду. Глаза у нее были зеленого цвета — цвета весеннего листа, сквозь который просвечивает солнце, решил Тень. Отве-

та не последовало.

— Ну ведь *попробовать*-то можно, — продолжал Среда. — Но в результате я останусь при своих пальцах, да еще проведу пять ночей кряду в твоей постельке. Так что не говори мне, что тебя почитают и празднуют твой праздник. Они произносят твое имя, вот только для них оно не имеет ровным счетом никакого значения. Ни малейшего.

В глазах у нее стояли слезы.

— Знаю, — тихо сказала она. — Я не дура.

— Конечно, не дура, — согласился Среда.

Он зашел слишком далеко, подумал Тень.

Среда пристыжено опустил взгляд.

— Прости, — сказал он. В его голосе была неподдельная искренность. — Ты нам *нужна*. Нам нужна твоя энергия. Нам нужна твоя сила. Ты будешь сражаться на нашей стороне, когда надвинется буря?

Она медлила. Вокруг левого запястья у нее была наколка — браслет из голубых незабудок.

— Да, — сказала она через какое-то время. — Думаю, да.

Видимо, правду говорят, подумал Тень, е*сли сумеешь разыграть искренность, значит дело в шляпе*. От этой мысли ему стало стыдно.

Среда поцеловал палец и дотронулся им до ее щеки. Потом он подозвал официантку и расплатился за кофе. Внимательно отсчитал деньги, перегнул купюры пополам и вместе с чеком вручил официантке.

Когда она отошла на несколько шагов, Тень ее окликнул:

— Простите, мэм. Вы, кажется, обронили. — Он поднял с пола десятидолларовую бумажку.

— Да нет, — сказала она, посмотрев на сложенные в руке банкноты.

— Я видел, как она упала, мэм, — вежливо настоял Тень. — Пересчитайте.

Она пересчитала деньги и растерянно призналась:

— Боже мой, вы правы. Спасибо. — Она взяла у Тени десятидолларовую банкноту и удалилась.

Пасха вышла из кофейни вместе с ними. Только-только начало смеркаться. Она кивнула Среде, а потом, тронув Тень за руку, спросила:

— Что тебе приснилось прошлой ночью?

— Гром-птицы, — ответил он. — Гора из черепов.

Она кивнула.

— Ты знаешь, чьи это были черепа?

— Я слышал чей-то голос. Во сне. Он мне ска-

зал.

Она кивнула, ожидая продолжения.

— Он сказал, что они мои. Мои старые черепа. Там их сотни, тысячи.

Она перевела взгляд на Среду и сказала:

— Я думаю, он — хранитель.

На ее лице засветилась улыбка. Она похлопала Тень по плечу и зашагала прочь. А он смотрел ей вслед, стараясь — впрочем, безуспешно — не думать о том, как ее ляжки трутся друг о друга при ходьбе.

В такси, на обратном пути в аэропорт, Среда повернулся к Тени.

— Что это за представление ты устроил с десятидолларовой бумажкой?

— Ты обсчитал ее. У нее бы из зарплаты вычли.

— А тебе какая разница? — похоже, Среда и в самом деле был взбешен.

Тень задумался на мгновение и сказал:

— Ну, я бы не хотел оказаться на ее месте. Она не сделала ничего плохого.

— Да неужели?! — Среда отвернулся и уставился куда-то вдаль. — Когда ей было семь лет, она закрыла в шкафу котенка. И несколько дней слушала, как он мяукает. Когда мяуканье прекратилось, она достала его из шкафа, положила

в коробку из-под обуви и похоронила на заднем дворе. Очень уж ей хотелось кого-нибудь похоронить. Она ворует везде, где бы ни работала. Обычно по мелочи. В прошлом году она навещала бабушку, которую заперли в доме престарелых. Стащила у нее из тумбочки старинные золотые, а потом обчистила еще несколько комнат, украла у людей, которые уже наполовину успели перебраться в сумеречное царство смерти, мелкие деньги и личные вещи. Пришла домой и не знает, что со всем этим награбленным добром делать, испугалась, что ее вычислят, и выкинула все, кроме наличности.

— Понятно, — сказал Тень.

— А еще у нее бессимптомная гонорея, — продолжал Среда. — У нее есть подозрения, что она что-то подцепила, но она ничего не предпринимает. А когда дружок обвинил ее, что она его заразила, она обиделась, надулась и отказалась с ним встречаться.

— Можешь не продолжать, — встрял Тень. — Я же сказал, что понял. Ты ведь про любого так можешь — наговорить гадостей, да?

— Конечно, — подтвердил Среда. — Все люди творят одно и то же. Им может казаться, что они грешат неповторимо, но по большей части в их

мелких пакостях нет ничего оригинального.

— И поэтому можно спокойно обсчитать ее на десять баксов?

Среда расплатился с таксистом, они зашли в аэропорт и двинулись к посадочному терминалу. Посадка еще не началась.

— А что, по-твоему, мне *еще* остается? Они не приносят мне в жертву ни баранов, ни быков. Не отправляют ко мне души убийц и рабов, вздернутых на виселице и обглоданных воронами. *Они* меня сотворили. *Они* предали меня забвению. Я просто беру у них то, что мне причитается. Разве это не справедливо?

— Моя мама обычно говорила: «Жизнь — штука несправедливая», — сказал Тень.

— Естественно, говорила, — сказал Среда. — Мамочки всегда такие вещи говорят, типа «Если все твои друзья прыгнут с крыши, ты тоже сиганешь?»

— Ты наколол ее на десять баксов, я ей подсунул их обратно, — упорствовал Тень. — И правильно сделал.

Объявили посадку на рейс. Среда встал.

— Пусть с выбором у тебя всегда все будет так же просто, — сказал он.

Посреди ночи Среда высадил Тень у дома. Моро-

зы в Лейксайде шли на убыль. Было по-прежнему зверски холодно, но уже терпимо. Когда они проезжали мимо Эм-энд-Эй банка, на светящемся табло попеременно загоралось то 3:30, то 5°F.

В 9:30 начальник полиции Чэд Маллиган постучал в дверь и спросил, знает ли Тень девочку по имени Элисон МакГоверн.

— Не думаю, — сонно пробормотал Тень.

— Вот ее фото, — сказал Маллиган.

Это была школьная фотография. Тень с первого взгляда узнал девочку с синими пластиковыми брекетами на зубах. Это ей подружка расписывала в автобусе подробности орального применения Алка-Зельтцер.

— А, да, знаю. Она приехала в город в том же автобусе, что и я.

— Где вы были вчера, мистер Айнсель?

Тень почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он знал, что вины на нем нет (*Ты досрочно освобожденный преступник, живущий под чужим именем*, невозмутимо прошептал ему внутренний голос. *Этого мало?*)

— В Сан-Франциско, — ответил он. — В Калифорнии. Помогал дяде перевозить кровать с балдахином на четырех столбиках.

— У вас есть корешок от билета? Или что-то в

этом роде?

— Конечно. — Он залез во внутренний карман и достал два посадочных талона. — А в чем дело?

Чэд Маллиган рассмотрел посадочные талоны.

— Элисон МакГоверн пропала. Она помогала городскому Обществу защиты животных. Разносила корм, выгуливала собак. Приходила на несколько часов после школы. И Долли Кнопф, управляющая, всегда завозила ее домой после закрытия. А вчера Элисон там даже не появилась.

— Пропала.

— Да. Родители позвонили нам вечером. Наивная девочка обычно добиралась туда на попутках. Общество защиты находится на отшибе, в округе W. Родители ей запрещали, но у нас тут никогда ничего такого не происходит… люди даже двери не запирают, понимаешь? А дети — они и есть дети, разве послушают? Взгляни еще раз на фото.

Элисон МакГоверн улыбалась. Скобки на зубах у нее были красные, а не синие.

— Значит, ты ответственно заявляешь, что не похищал ее, не насиловал, не убивал и ничего такого не делал?

— Во-первых, я был в Сан-Франциско. А во-вторых, я таким дерьмом не занимаюсь.

— Я так и думал, приятель. Хочешь помочь нам

в поисках?

— Я?

— Да, ты. К нам сегодня утром подключились кинологи с собаками — пока безрезультатно, — вздохнул Маллиган. — Черт подери, Майк, хотелось бы верить, что она просто сбежала в Города-близнецы с каким-нибудь шизанутым бойфрендом.

— Ты думаешь, такое возможно?

— Не исключено. Хочешь присоединиться к поисковой бригаде?

Тени вспомнилось, как он увидел девочку в «Товарах для фермы и дома Хеннинга», вспомнилась ее робкая улыбка, на мгновение обнажившая синие брекеты на зубах, он тогда еще подумал, какой красивой она станет, со временем.

— Я с вами, — сказал он.

В вестибюле пожарного депо собралось два десятка мужчин и женщин. Тень увидел Хинцельманна и еще несколько знакомых лиц. Там были полицейские и несколько мужчин и женщин в коричневой форме из полиции «лесопильного» округа.

Чэд Маллиган рассказал всем, во что была одета Элисон, когда последний раз вышла из дома (ярко-красный зимний комбинезон, зеленые

варежки, синяя шерстяная шапка, а поверх нее капюшон), и разделил добровольцев на группы по три человека. Тень оказался в одной группе с Хинцельманном и мужчиной по имени Броган. Им напомнили, что день короткий, и сказали, во сколько заходит солнце, предупредив, что если, боже упаси, они обнаружат тело Элисон, ни в коем случае нельзя ни к чему прикасаться, а нужно немедленно сообщить обо всем по рации, но если она окажется жива, ее нужно согреть и ждать, пока подоспеет помощь.

Их довезли до округа W и там высадили.

Хинцельманн, Броган и Тень пошли вдоль замерзшего ручья. Каждой группе из трех человек выдали перед началом поисков рацию.

Облака давили на землю, все вокруг было серым. За последние тридцать шесть часов не выпало ни грамма снега, и на сверкающем насте были отчетливо видны все следы.

Броган с тоненькими усиками и подернутыми сединой висками выглядел как отставной армейский полковник. Тени он сказал, что раньше был директором школы, а теперь вышел на пенсию.

— Силы-то уже не те. Продолжаю, конечно, немного преподавать, ставлю с учениками пьесу — самое главное событие в году как-никак, — а

теперь вот еще хожу иногда на охоту, у меня хибарка стоит у Щучьего озера, уеду туда — и с концами.

Когда они приступили к поискам, Броган сказал:

— С одной стороны, надеюсь, мы ее найдем. А с другой — если уж она найдется, то пусть лучше кто-нибудь другой ее найдет, не мы. Вы меня понимаете?

Более чем, подумал Тень.

Шли они в основном молча. Шли и высматривали красный комбинезон, зеленые варежки, синюю шапку или белое тело. Броган, у которого была рация, то и дело переговаривался по ней с Чэдом Маллиганом.

Пообедали они хот-догами и горячим супом вместе с остальными добровольцами в реквизированном школьном автобусе. Кто-то заметил на дереве краснохвостого ястреба, кто-то сказал, что это скорее сокол, не ястреб, но птица улетела, и спор на этом закончился.

Хинцельманн рассказал историю о том, как пошел однажды его дедушка в сарай поиграть на трубе, а на улице стоял такой дикий холод, что из трубы не вышло ни звука.

— Он вернулся в дом, поставил трубу у печ-

ки, чтобы она согрелась. Ну, значит, легли все спать, а музыка в трубе оттаяла, да как заиграет среди ночи! Бабушка от страха чуть с койки не свалилась.

День тянулся тягостно и бесконечно, поиски не принесли никакого результата. Начало темнеть: видимость ухудшилась, мир окрасился в цвет индиго, а ветер стал таким холодным, что обжигал лицо. Когда стало слишком темно, Маллиган вышел на связь и сказал, что на сегодня поиски окончены. Подъехал автобус и отвез их обратно к пожарному депо.

В квартале от депо был бар «Приют оленя», туда и подтянулась после поисков большая часть спасателей. Все были уставшие и подавленные, разговаривали о том, что сильно похолодало, что Элисон объявится не сегодня-завтра, даже не подозревая о том, какой из-за нее поднялся переполох.

— Вы не думайте из-за этого плохо о нашем городе, — сказал Броган. — Хороший у нас город.

— Лейксайд, — сказала миловидная женщина, чьего имени — если она вообще ему представлялась — Тень не запомнил, — самый лучший город в Норт Вудс. Знаете, сколько в Лейксайде безработных?

— Нет, — признался Тень.

— Меньше двух десятков, — сказала она. — У нас в городе, считая окрестности, проживает более пяти тысяч человек. Пусть мы и не богаты, зато у всех есть работа. Не то что в шахтерских городках на северо-востоке — большинство из них просто вымерло. Животноводческие городки пострадали из-за снижения цен на молоко и низкой стоимости свинины. Знаете, отчего фермеры на Среднем Западе чаще всего отправляются на тот свет, если только не умирают своей смертью?

— Кончают жизнь самоубийством? — рискнул предположить Тень.

Женщина огорчилась.

— Вот именно! Накладывают на себя руки. — Она покачала головой и продолжила: — В округе полным-полно городов, которые только и живут за счет охотников и отдыхающих: отдали денежки — теперь езжайте домой со своими охотничьими трофеями да мошкариными укусами. А еще есть поселки компаний, так там вообще все в ажуре, пока Уол-март не перенесет свою

оптовую базу в другое место, или пока 3М[82] не приостановит выпуск коробок для CD, или ни с того ни с сего куча народу не сможет платить по ипотеке. Простите, забыла, как вас зовут?

— Айнсель, — сказал Тень. — Майк Айнсель.

Он пил пиво местного производства, сваренное на родниковой воде. Отличное пиво.

— А я Колли Кнопф, — сказала женщина, — сестра Долли. — Лицо у нее до сих пор было красное от мороза. — То есть я хочу сказать, что Лейксайду повезло. У нас здесь всего понемножку: сельское хозяйство, легкая промышленность, туризм, ремесла. Школы замечательные.

Тень смотрел на нее с недоумением. В ее словах сквозила какая-то пустота. Будто он слушал коммивояжера, который знает свое дело и верит в доброкачественность своего товара, но при этом больше всего на свете хочет всучить тебе сразу все свои щетки или полный комплект энциклопедий. Судя по всему, мысль эта довольно явственно отразилась у него на лице.

— Простите, — сказала она. — Просто когда что-

---

[82] notes: 82

То есть «Миннесота майнинг энд мануфактуринг» (Minnesota Mining and Manufacturing Co.). Многопрофильная корпорация, занимающаяся разносторонней деятельностью в сфере нефтегазовой, горнодобывающей, автомобильной промышленности, здравоохранения, торговли, телекоммуникаций и т. д.

то любишь, хочется все время об этом говорить. Чем вы занимаетесь, мистер Айнсель?

— Мой дядя торгует антиквариатом по всей стране. А я таскаю большие и тяжелые вещи. Работа хорошая, но непостоянная.

Черная кошка, талисман бара, крутилась у Тени под ногами и терлась мордочкой о ботинок. Наконец она запрыгнула на скамейку, улеглась у него под боком и заснула.

— По крайней мере у вас есть возможность путешествовать, — сказал Броган. — А еще чем-нибудь занимаетесь?

— У вас найдется восемь четвертаков? — спросил Тень.

Броган порылся в карманах. Нашел пять четвертаков и толкнул через стол Тени. Колли Кнопф добавила оставшиеся три.

Тень выложил монеты на стол в два ряда по четыре штуки. Потом, едва шевельнув рукой, «провалил» монеты сквозь стол: будто бы половина монет упала сквозь деревянную столешницу из левой руки в правую.

Потом он зажал все восемь монет в правой руке, в левую взял пустой стакан, накрыл стакан салфеткой и сделал так, что монеты одна за другой исчезли из правой руки и с отчетливым звяка-

ньем упали на дно накрытого салфеткой стакана. Затем он показал, что в руке ничего нет, и снял салфетку со стакана: монеты лежали внутри.

Он вернул монеты — три Колли, пять Брогану — но потом взял у Брогана обратно один четвертак, подул на него, и четвертак превратился в пенни. Он отдал его Брогану, тот пересчитал свои четвертаки, и к его полному изумлению их снова оказалось пять.

— Да вы прямо Гудини! — восхищенно закудахтал Хинцельманн. — Ничего себе!

— Я дилетант, — поскромничал Тень. — Мне еще много чему нужно учиться. — И все-таки где-то в глубине души у него шевельнулось чувство гордости. Он впервые показывал фокусы взрослой аудитории.

По дороге домой он заехал в продуктовый магазин за упаковкой молока. За кассой сидела знакомая рыжеволосая девушка с заплаканными глазами. Лицо у нее было сплошь усеяно веснушками.

— Я тебя знаю, — сказал Тень. — Ты… — он чуть не выпалил «специалистка по Алка-Зельтцер», но вовремя прикусил язык. — Ты, — сказал он, — подруга Элисон. Из автобуса. Надеюсь, все образуется.

Она шмыгнула носом и кивнула.

— Я тоже.

Она усердно высморкалась в платок и затолкала его обратно в рукав. У нее был значок, на котором было написано: ПРИВЕТ! Я СОФИ! ХОЧЕШЬ СБРОСИТЬ 30 ФУНТОВ ЗА 30 ДНЕЙ, СПРОСИ МЕНЯ, КАК!

— Мы сегодня весь день ее искали. Пока безуспешно.

Она кивнула, и из глаз у нее опять потекли слезы. Она провела упаковкой молока перед сканирующим устройством, сканер пиликнул и выдал стоимость товара. Тень протянул два доллара.

— Уеду я из этого гребаного города, — вдруг раздраженным голосом произнесла она. — Поеду к маме в Ашленд. Элисон нет. Сэнди Ольсен исчез в прошлом году. Джо Минг в позапрошлом. А если в следующем году настанет моя очередь?

— Я думал, Сэнди Ольсена увез отец.

— Конечно, — отрезала девочка. — Увез. А Джо Минг укатил в Калифорнию, а Сара Линдквист пошла погулять и потерялась, и никто больше ее не видел. Мне без разницы. Я хочу в Ашленд.

Она глубоко вздохнула и на секунду задержала дыхание. А потом вдруг ни с того ни с сего улыб-

нулась. И в ее улыбке не было лицемерия. Просто, решил Тень, ее учили улыбаться, когда она отдает клиенту сдачу. Она пожелала ему удачного дня и переключилась на женщину с тележкой, набитой продуктами. Она доставала их по очереди и сканировала.

А Тень взял молоко, сел в машину и поехал. Мимо заправки и драндулета на льду, через мост и — домой.

Прибытие в Америку

1778 год

Жила-была девочка, и однажды дядя ее продал, — *писал мистер Ибис своим идеальным каллиграфическим почерком.*

Такова суть, остальное — детали.

Некоторые вещи нельзя принимать близко к сердцу, ибо они причиняют слишком много боли. Смотрите, вот живет хороший человек, хороший и в своих собственных глазах, и в глазах своих друзей: он честен и предан жене, он обожает своих детишек и окружает их вниманием, он заботится о своей стране, старательно выполняет свою работу, старается как только может. И он же, по доброте душевной и со знанием дела,

истребляет евреев: ему нравится музыкальное сопровождение, тихое и спокойное, под которое проходит очередная акция; он настоятельно советует им не забывать свои идентификационные номера, когда люди заходят в душ, многие, объясняет он им, забывают свои номера, а когда выходят из душа, надевают чужую одежду. Это успокаивает евреев. После душа, убеждают они себя, будет жизнь. Хороший человек присматривает за тем, как бригада относит тела в печи; если он и бывает чем-то недоволен, то только тем, что позволяет себе расчувствоваться, когда паразитов травят газом. Он уверен, что если бы он был по-настоящему хорошим человеком, он бы только радовался оттого, что земля очищается от скверны.

Кажется, все так просто.

Человек — не остров, провозгласил Донн, но он ошибся. Если бы мы не были островами, то погибли бы, потонули в чужих трагедиях. От чужих трагедий нас изолирует омываемый со всех сторон водой остров (само слово «остров» обозначает «то, что омывается водой»). Такова наша островная природа. Чужие истории именно так — самой своей формой, основанной на повторах и подхватах, — воздействуют на наши чувства. Канва

не меняется: родился человек, жил-жил, а потом взял и умер. Подробности можете почерпнуть из собственного опыта. Такого же банального, как любой другой сюжет, такого же уникального, как любая другая жизнь. Человеческие жизни — все равно что снежинки, образующие уже виденный когда-то узор, похожие одна на другую, как горошины в стручке (вы когда-нибудь рассматривали горошины в стручке? Я имею в виду, *всматривались* ли вы в них? Понаблюдайте за ними внимательно в течение одной-единственной минуты, и вы уже никогда не спутаете одну с другой), но при этом неповторимые.

Если мы не склонны обращать внимания на отдельного человека, нам остаются только цифры: тысяча погибших, сто тысяч погибших, «число пострадавших может достигнуть миллиона». Если у нас есть истории человеческих жизней, статистика превращается в живых людей — но даже и это ложь, ибо люди продолжают страдать в таком множестве, что цифры ничего не выражают и ничего не значат. *Смотрите*, вы видите ребенка со вздутым животом, его руки и ноги, похожие на сухие палочки, мух, которые ползают в уголках его глаз: станет вам легче оттого, что вы узнаете, как его зовут, сколько ему лет, о чем он

мечтает и чего боится? Если вы получите возможность заглянуть к нему в душу? А если станет, разве мы тем самым поможем его сестре, которая лежит с ним рядом в раскаленной пыли, словно нелепая, искореженная пародия на ребенка? И если мы испытаем чувство сострадания, неужели тогда эти двое детей сделаются для нас важнее, чем тысяча других, так же страдающих от голода, чем тысяча других юных жизней, которые вскоре станут пищей для бесчисленного множества мух, что вьются над ними и тоже хотят обеспечить свое потомство пищей?

Вокруг беды мы чертим оградительные линии, а сами сидим на своих островах, и ни одна беда не в силах нас задеть. Беды покрыты сплошным, гладким слоем перламутра и скатываются с нас, точно жемчужины, не причиняя настоящей боли.

Литература позволяет нам проникнуть в иные миры, в иное сознание и посмотреть на все иными глазами. В придуманной истории мы не умираем, вовремя успев остановиться, или умираем, но только за другого человека, а в действительности остаемся невредимыми и просто переворачиваем страницу или закрываем книгу: и жизнь продолжается.

Жизнь, такая же, как у других, и — непохожая ни на одну другую.

А правда в том, что *жила-была девочка, и однажды дядя ее продал.*

Вот как говорили в тех краях, откуда приехала девочка: никто наверное не знает, кто отец ребенка, а вот кто мать — тут можно знать наверняка. Счет родства и передача наследства велись по женской линии, а власть была сосредоточена в руках мужчин: мужчина безраздельно властвовал над детьми своей сестры.

В тех местах шла война, ничего особенного, обычные мелкие стычки между мужчинами соперничающих деревень. Будто соседи поссорились. И в этой ссоре одна деревня выиграла, а другая проиграла.

Жизнь — товар, люди — предмет торговли. Рабство в тех краях было частью культуры в течение тысячелетий. Последние великие королевства Восточной Африки уничтожили арабские работорговцы; народы Западной Африки взяли эту работу на себя и сами принялись уничтожать друг друга.

В том, что дядя продал племянников-близнецов, не было ничего предосудительного или необычного, впрочем, близнецы считались

сверхъестественными созданиями, и дядя их боялся, боялся настолько, что не сказал им о намерении их продать, чтобы они не смогли причинить вред его тени или убить его. Им было по двенадцать лет. Ее назвали Вututу, Вещей Птицей, а его — Агасу, в честь мертвого короля. Они росли здоровыми детьми, и так как они были близнецами, братом и сестрой, им много рассказывали про богов, и они слушали то, что им рассказывали, потому что были близнецами, и все запоминали.

Их дядя был толстым и ленивым. Если бы у него в хозяйстве было побольше скота, он бы, наверное, продал какую-нибудь скотинку, а не детей, но лишней скотины не было. Вот он и продал близнецов. Ну и будет о нем: в дальнейший наш рассказ он не попадет. Лучше поглядим, что станется с близнецами.

Вместе с другими рабами, проданными или захваченными в плен во время войны, их связали одной веревкой и отвели к пограничной заставе, за двенадцать миль. Там близнецов и еще тринадцать рабов выставили на продажу. Их купили шестеро мужчин, вооруженных дротиками и ножами, и погнали дальше на запад, к морю, а потом вели их много миль вдоль побережья. Так они и

шли, все пятнадцать человек, на руках болтались путы, а шеи были связаны одной веревкой.

Вутуту спросила своего брата Агасу, что с ними будет.

— Не знаю, — ответил он.

Агасу часто улыбался: зубы у него были белые и ровные, и улыбался он во все тридцать два зуба, и его счастливая улыбка делала счастливой Вутуту. Теперь улыбка исчезла. Ради сестры он старался держаться мужественно, он шел, вскинув голову и распрямив плечи, гордый, грозный и смешной — как ощетинившийся щенок.

Следом за Вутуту шел мужчина с рубцами на щеках:

— Они продадут нас белым демонам, а те повезут нас по воде на свою родину, — сказал он.

— А что они сделают с нами потом? — спросила Вутуту.

Мужчина не ответил.

— Что, а? — повторила Вутуту.

Агасу попытался бросить взгляд через плечо. Им было запрещено разговаривать и петь на ходу.

— Может, нас там съедят, — сказал мужчина. — Люди говорили. Поэтому им и нужно столько пленников. Потому что они все время хотят есть.

Вутуту заплакала.

— Не плачь, сестренка, — ободрил ее Агасу. — Тебя не съедят. Я защищу тебя. Наши боги защитят тебя.

Вутуту продолжала плакать, на сердце у нее было тяжко, она чувствовала боль, гнев и страх — со всей той первозданной и неодолимой силой, с какой их может ощутить лишь ребенок. Она не в силах была сказать Агасу, что не боится быть съеденной белыми демонами. Она выживет, в этом она была уверена. Она плакала потому, что боялась, что они съедят ее брата, а она не была уверена в том, что ей удастся защитить его.

Наконец они дошли до фактории и провели там десять дней. Утром на десятый день их выгнали из хибары, где все это время держали взаперти (работорговцы пригоняли издалека все новые и новые партии рабов, и в последние дни хибара была переполнена). Их повели к порту, и Вутуту увидела корабль, на котором их увезут отсюда прочь.

Первая мысль, что пришла ей в голову, — какой большой корабль, а вторая мысль была — какой же он маленький, слишком маленький, чтобы вместить всех. Корабль легко покачивался на волнах. Корабельная шлюпка сновала туда-сюда,

перевозя пленников. На корабле матросы надевали на них кандалы и вели на нижнюю палубу. Кожа у некоторых матросов загорела так, что приобрела кирпично-красный или коричневый оттенок, носы у них были какие-то заостренные, а бороды придавали им сходство с животными. Несколько матросов выглядели точно так же, как мужчины из ее собственного племени, как те, кто привел ее на побережье. Мужчин, женщин и детей насильно разделили и загнали в разные отсеки. Рабов было так много, что затолкать всех вниз было невозможно, поэтому десяток мужчин посадили на цепь на верхней палубе под открытым небом, неподалеку от того места, где судовая команда развесила свои гамаки.

Вутуту поместили не с женщинами, а с детьми; их не связывали, просто заперли. Ее брат оказался вместе с мужчинами, их заковали в цепи и затолкали в отсек, точно сельдь в бочку. Под палубой воняло, хотя матросы и отдраили ее, доставив предыдущий груз. Вонь въелась в доски: это был запах страха, желчи, поноса и смерти, лихорадки, безумия и ненависти. Вутуту сидела в жарком трюме вместе с другими детьми. Она чувствовала, как дети вокруг нее обливаются потом. Корабль качнулся, и маленького маль-

чика швырнуло прямо на нее, он извинился, но Вутуту не поняла, на каком языке. В полутьме она попыталась ему улыбнуться.

Корабль отправился в плавание. Он тяжело пошел по волнам.

Вутуту пыталась представить те края, откуда прибыли белые люди (хотя среди них не было ни одного по-настоящему белого человека: их кожа, выжженная солнцем и морским ветром, была темной). Неужели у них так мало еды, что они вынуждены посылать в ее страну корабли, чтобы добыть себе людей на пропитание? Или она станет лакомством, изысканным угощением для людей, которые столько всего перепробовали в своей жизни, что слюнки у них текут только от запаха дымящейся в горшочке плоти чернокожего человека?

На второй день пути корабль попал в шторм, не очень опасный, но палубу швыряло и раскачивало из стороны в сторону; запах рвоты смешался с запахом мочи, жидких испражнений и холодного пота. Через вентиляционные люки в потолке на них, как из ведра, лил дождь.

Через неделю плавания, когда до земли было еще далеко, с рабов сняли кандалы, предупредив, что любое неповиновение, любой намек на бунт

будет наказан так, как им и не снилось.

Утром пленников накормили бобами и галетами и дали каждому по глотку лаймового сока, на вкус — как настоящий уксус, такого противного, что лица сводило от отвращения, они кашляли и отплевывались, а некоторые даже стонали и выли, когда им в рот вливали ложку этого сока. Но выплюнуть его они не могли: если кто-то увидит, как они сплевывают или пускают слюну, их высекут или побьют.

Вечером им раздали солонину. Мясо, мерзкое на вкус, было серого цвета и с радужными отливом. Это было в начале плаванья. Шли дни, и мясо становилось только хуже.

Когда представлялся случай, Вututу и Агасу тесно жались друг к дружке и разговаривали о матери, доме и друзьях. Иногда Вututу рассказывала Агасу истории, которые слышала от матери, — об Элегбе,[83] самом хитром из богов, который был глазами и ушами великого Мау, передавал Мау людские просьбы и послания и приносил от него ответ.

Чтобы скоротать время и скрасить однообразные вечера, матросы заставляли рабов петь и

---

[83] notes: 83

Элегба (Легба) — в мифах йоруба (Нигерия) — фаллическое божество.

танцевать для них танцы их родной земли.

Вутуту повезло, что она оказалась с детьми. На детей, битком набитых в трюм, не обращали особого внимания; женщинам повезло меньше. На некоторых работорговых судах матросы насиловали рабынь, и это право числилось за ними как нечто само собой разумеющееся. Впрочем, нельзя сказать, чтобы и на этом корабле изнасилований не случалось.

Сотня мужчин, женщин и детей умерли во время плавания, и их выкинули за борт; некоторые оказавшиеся за бортом пленники были еще живы, но зеленые воды холодного океана остудили их предсмертный жар, и они шли ко дну, молотя руками воду и захлебываясь.

Вутуту и Агасу даже не догадывались, что находились на голландском судне. С тем же успехом они могли плыть на британском, португальском, испанском или французском корабле.

Черные матросы, такие черные, что их кожа была даже темнее кожи самой Вутуту, говорили пленникам, куда идти, что делать, когда танцевать. Однажды утром Вутуту поймала на себе взгляд одного из черных охранников. Она ела, а он подошел к ней и стал смотреть сверху вниз, не произнося ни слова.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она его. — Зачем ты служишь белым демонам?

Он осклабился, будто в жизни не слышал вопроса смешнее. А потом наклонился к ней, так что его губы почти коснулись ее уха, и от его горячего дыхания к горлу внезапно подступила тошнота.

— Будь ты постарше, — сказал он, — ты бы кричала подо мной от счастья. Может, сегодня я вставлю в тебя свой член. Я видел, как хорошо ты танцуешь.

Она посмотрела на него орехово-карими глазами и решительно, почти насмешливо сказала:

— Если ты сунешь его в меня, я откушу его, у меня там зубы. Я колдунья, и зубы у меня там очень острые.

С каким же удовольствием она смотрела, как его перекосило от ее слов! Он ничего не сказал и ушел прочь.

Слова вышли из нее сами, но это были не ее слова: не она их выдумала, не она их произнесла. Она вдруг поняла: это были слова плута Элегбы. Мау создал мир, а потом из-за плутовства Элегбы потерял к нему интерес. Это многоумный Элегба с несгибаемой эрекцией говорил ее устами, это он вселился в нее на мгновение, и в ту ночь перед сном она вознесла ему благодарственную

молитву.

Несколько пленников отказались есть. Их секли плетью до тех пор, пока они не запихнули еду себе в рот и не проглотили ее, и порка была столь жестокой, что двое после нее не выжили. Но с тех пор никто уже не пытался уморить себя голодом. Мужчина с женщиной хотели покончить с собой, спрыгнув за борт. Женщине это удалось, а мужчину спасли. Его привязали к мачте и чуть не полдня стегали хлыстом, пока спина не превратилась в кровавое месиво. Прошел день, настала ночь, а его не отвязали. Ему не давали есть, а пить разрешали только собственную мочу. На третий день он метался в бреду, голова у него распухла и размякла, как старая дыня. Когда же он перестал бредить, его выкинули за борт. Через пять дней после той попытки к бегству пленников вновь заковали в кандалы и цепи.

Это было долгое и страшное плавание для пленников и не особо приятное для матросов, хотя работой этой они занимались не первый год, сердца их успели зачерстветь, и они убедили себя в том, что они — те же фермеры, которые везут на рынок скотину.

Однажды теплым солнечным днем они встали на якорь в Бриджпорте на Барбадосе. Пленников

переправили с корабля на берег в подоспевших с причала шлюпках, повели на базарную площадь и, подгоняя криками и палочными ударами, выстроили в шеренги. По свистку базарную площадь, толкаясь и подгоняя друг друга, наводнили краснолицые мужчины: они кричали, приглядывались, гудели, оценивали, ворчали.

Здесь Вутуту и Агасу разлучили друг с другом. Все произошло очень быстро: какой-то крупный мужчина разжал Агасу челюсти, осмотрел его зубы, пощупал мускулы на руках, кивнул, и двое других мужчин поволокли Агасу прочь. Он не сопротивлялся. Он взглянул на Вутуту и крикнул ей: «Держись!» Она кивнула. На глаза навернулись слезы, все вокруг поплыло и растворилось, и она зарыдала. Вместе они — близнецы, обладающие сверхъестественной силой. По отдельности — всего лишь двое несчастных детей.

Больше за всю свою жизнь она ни разу его не видела. Вернее, видела однажды, но это было не на самом деле.

Вот что приключилось с Агасу. Сперва его привезли на ферму, на которой выращивали пряности. Там его каждый день секли плетью — и по делу, и просто так, преподали начатки английского и прозвали Чернильным Джеком за

темный цвет кожи. Когда он убежал, на него охотились с собаками, вернули обратно и отрубили зубилом палец на ноге, чтобы преподать урок на всю жизнь. Он был готов уморить себя голодом, но когда отказался от еды, ему выбили передние зубы и силком залили в глотку жидкую кашу, не оставив иного выбора, кроме как проглотить или задохнуться.

Даже в ту пору рабы, родившиеся в неволе, ценились больше рабов, привезенных из Африки. Свободнорожденные рабы пытались бежать или покончить собой: и в том, и в другом случае хозяин был в убытке.

Когда Чернильному Джеку было шестнадцать, его и еще нескольких рабов продали хозяину сахарной плантации на остров Святого Доминика. Там его, большого раба с выбитыми зубами, стали называть Гиацинтом. На плантации он встретил старуху из своей деревни — она работала прислугой в доме, до тех пор, покуда пальцы у нее на руках не перестали гнуться от артрита, — и та сказала ему, что белые нарочно разлучают пленных, привезенных из одного города, деревни или края, чтобы предотвратить мятежи и волнения. Белые не любят, когда рабы разговаривают друг с другом на родном языке.

Гиацинт выучился немного понимать и говорить по-французски, и ему преподали кое-какие догматы католической веры. Каждый день, поднявшись перед восходом солнца, он рубил сахарный тростник до тех пор, пока не наступала ночь.

Он стал отцом нескольких детей. По ночам, пренебрегая запретом, он уходил с другими рабами в лесные чащи танцевать калинду, петь для Дамбалла-Ведо, змеиного бога в облике черного полоза. Он пел Элегбе, Огу, Шанго, Заке и многим другим богам — всем богам, которых пленные привезли с собой на остров, привезли тайком, спрятанными в сердцах и душах.

Рабам с сахарных плантаций на острове Святого Доминика редко удавалось протянуть более десяти лет. В свободное время — два часа в жаркий полдень и пять часов ночью (с одиннадцати до четырех) — они выращивали свой урожай (хозяева их не кормили, просто выделяли им маленькие наделы, с которых они и кормились), и в то же самое время нужно было ухитриться еще и поспать и помечтать. Но несмотря на это они находили время, чтобы, собравшись вместе, танцевать, петь и поклоняться богам. Земля Святого

Доминика была плодородной, и боги Дагомеи,[84] Конго и Нигера пустили в ней глубокие корни и расцвели буйным, пышным, сочным цветом, обещая свободу тем, кто возносил им молитвы в ночных рощах.

Когда Гиацинту было двадцать пять, его укусил в ладонь паук. Ранка нагноилась, и по кисти пошел некроз: буквально через несколько дней вся рука распухла и побагровела. Ладонь испускала зловоние, пульсировала и горела.

Ему дали выпить неочищенного рома. Подержали в огне мачете, раскалив его докрасна-добела. Отпилили ему руку по самое плечо и прижгли раскаленным лезвием. Неделю он лежал в лихорадке. А потом вернулся на плантацию.

Однорукий раб по имени Гиацинт принял участие в восстании рабов 1791 года.

В лесной роще в Гиацинта вселился сам Элегба, он оседлал его, как белый мужчина своего коня, и заговорил его устами. Он плохо помнил, о чем говорил, но другие сказали ему, что он обещал им избавление от рабства. Он помнил только, как болезненно и несгибаемо, точно жезл, встал его член и как он воздевал руки — ту, которая оста-

---

[84] notes: 84
Дагомея — название государства Бенин до 1975 года.

лась, и ту, которой больше не было, — к луне.

Они убили свинью, и мужчины и женщины с плантации пили ее горячую кровь, вступая в скрепленное клятвой братство. Они поклялись стать армией освобождения и снова присягнули богам всех земель, из которых их насильно вывезли как добычу.

— Если мы погибнем в битве с белыми, — пообещали они друг другу, — то возродимся в Африке, у себя дома, в своем племени.

В восстании участвовал еще один Гиацинт, поэтому Агасу теперь называли Большой Однорукий. Он боролся, он поклонялся богам, он приносил жертвы, он строил планы. На его глазах умирали друзья и любимые, но он продолжал бороться.

В течение двенадцати лет они вели бешеную, кровавую войну с хозяевами плантаций, с войсками, прибывшими из Франции. Они сражались, сражались, не отступая ни перед чем, и — сложно в то поверить, — они победили.

Первого января 1804 года была провозглашена независимость острова Святого Доминика, который вскоре стал известен в мире как Республика Гаити. Дожить до этого момента Большому Однорукому не было суждено. Он погиб в августе

1802-го от штыка французского солдата.

В момент смерти Большого Однорукого (которого раньше звали Гиацинтом, а еще раньше Чернильным Джеком, но который в душе навсегда остался Агасу) его сестра, которую он помнил как Вутуту и которую на первой плантации в Каролине прозвали Мэри, а потом, когда она стала домашней рабыней, Дейзи, а потом, когда ее продали в дом семьи Лавер у реки под Новым Орлеаном, Сьюки, почувствовав, как между ребрами у нее прошел холодный штык, закричала и разразилась безудержными рыданиями. Ее дочки-близняшки проснулись и заревели. Кожа у малюток была цвета кофе со сливками, они были совсем не похожи на тех чернокожих детей, которых она рожала на плантации, сама еще будучи почти ребенком, — их она не видела с тех пор, как старшему исполнилось пятнадцать, а младшему десять. Средняя девочка умерла год назад, когда мать продали другим хозяевам.

С тех пор как Сьюки сошла с корабля на берег, ее много раз секли: однажды ей втерли в раны соль, а в другой раз ее секли так долго и с таким ожесточением, что она в течение нескольких дней не могла сидеть, а от любого прикосновения к спине ее передергивало. В юности ее несколько

раз насиловали: и черные, которых клали спать рядом на нарах, и белые. Ее сажали на цепь. Но даже тогда она не пролила ни единой слезинки. С тех пор как ее разлучили с братом, она заплакала только однажды. Это было в Северной Каролине, когда она увидела, что детей рабов кормят из той же лохани, что и собак, увидела, как ее детишки вырывают у собак объедки. Это происходило у нее на глазах — она видела такое и раньше, она видела это каждый день на плантации, она увидит это еще много-много раз, прежде чем ее увезут в другое место, — но в тот день это разбило ей сердце.

Когда-то она была красивой. Но годы страданий взяли свое, и красота ушла. Лицо исполосовали морщины, а в карих глазах затаилось слишком много боли.

Одиннадцать лет назад, когда ей было двадцать пять, у нее отнялась правая рука. Никто из белых не мог понять, в чем дело. Плоть иссохла, и рука безвольно болталась вдоль тела, все равно что кость, обтянутая кожей. С тех пор она стала домашней рабыней.

Семейство Кастертон, владевшее плантацией, оценило ее стряпню и умение управляться по дому, но иссохшая рука раздражала миссис

Кастертон, поэтому ее продали семье Лавер, которая год назад переехала из Луизианы: толстяк и весельчак мистер Лавер как раз искал кухарку и служанку, которая бы выполняла всю работу по дому. Иссохшая рука рабыни Дейзи не вызывала у него ни малейшего отторжения. Когда, год спустя, семейство Лавер вернулось в Луизиану, рабыня Сьюки поехала с ними.

В Новом Орлеане к ней стали ходить женщины, и мужчины тоже — за излечением, любовными приворотами, амулетами, — ходили-то, конечно, в основном черные, но и белые тоже. Семья Лавер смотрела на это сквозь пальцы. Может, им казалось, что иметь рабыню, которую все боятся и уважают, престижно. И все-таки свободу они ей не вернули.

По ночам Сьюки заходила в байю[85] и танцевала калинду и бамбулу. Так же как танцоры на ее родине и на острове Святого Доминика, те, кто танцевал байю, в качестве *вудона* почитали черного полоза; и все-таки в этих местах боги ее родины и боги других африканских народов не овладевали черными людьми так, как ее братом или другими рабами с острова Святого Доминика.

---

[85] notes: 85
Байя — заболоченные старицы реки Миссисипи.

Но она все равно продолжала призывать их и выкрикивать их имена, прося у них покровительства.

Она вслушивалась в разговоры белых о восстании на Санто-Доминго (как они его называли), о том, что оно обречено на неудачу — «Вы только подумайте! Страна людоедов!» — а потом вдруг заметила, что разговоры прекратились.

Вскоре ей показалось, что они делают вид, будто такого места, как Санто-Доминго, вовсе никогда не существовало, а что до Гаити, то это слово ни разу и не прозвучало. Как будто вся Америка вдруг решила, что стоит только уверовать, и немалый по размерам Карибский остров исчезнет с лица земли по одному лишь человеческому желанию.

Потомство мистера и миссис Лавер выросло под бдительным присмотром Сьюки. Самый младший в детстве не мог произнести «Сьюки» и стал называть ее Мама Зузу, и имя к ней прилипло. Шел 1821 год, и Сьюки уже разменяла пятый десяток. На вид она выглядела гораздо старше.

Она знала больше тайн, чем старуха Санитэ Дэдэ, торгующая сластями перед Кабильдо,[86] больше, чем Мари Салоппэ, которая называла

[86] notes: 86

Здание в Новом Орлеане, где находилась испанская колониальная администрация.

себя королевой Вуду: обе были цветными и свободными, а Мама Зузу была рабыней, рабыней и умрет, по крайней мере так пообещал ей хозяин.

Как-то к ней пришла молодая особа, которая представилась вдовой Парис. Она хотела узнать, что случилось с ее мужем. Молодая, гордая, с упругой грудью. В ней текла африканская кровь, а еще европейская, а еще индейская. Кожа у нее была красноватого оттенка, волосы жгуче-черные. Черные глаза смотрели высокомерно. Ее муж, Джек Парис, по всей вероятности, был мертв. Он был на три четверти белым — такие вещи высчитывались, — бастардом в некогда почтенном семействе, одним из множества иммигрантов, бежавших с Санто-Доминго, и свободнорожденным, как и его необычайно молодая жена.

— Мой Джек, он — мертв? — спросила вдова Парис.

Она была парикмахером, приходила на дом к новоорлеанским модницам и укладывала им волосы перед выходом в свет.

Мама Зузу кинула кости и покачала головой.

— Он с белой женщиной, где-то на севере, — сказала она. — С белой женщиной с золотыми волосами. Он жив.

Магия тут была ни при чем. Секрета никакого

не было: весь Новый Орлеан знал, с кем сбежал Джек Парис и какого цвета у нее волосы.

Мама Зузу удивилась, как это вдова Парис до сих пор не в курсе, что ее Джек каждую ночь вгоняет свою маленькую мулатскую *морковку* в бледнолицую девицу на севере, в городе под названием Колфакс. Ну, если не каждую, то по крайней мере когда не напивается вдрызг и может использовать свой инструмент не только для того, чтобы облегчиться. А может быть, она об этом знала. Может, у нее были другие причины прийти сюда.

Вдова Парис наведывалась к старой рабыне раз-два в неделю. Месяц спустя она принесла ей подарки: ленты для волос, печенье с тмином и черного петуха.

— Мама Зузу, — сказала она, — настало время научить меня тому, что ты знаешь.

— Да, — ответила Мама Зузу: она-то знала, в какую сторону ветер дует. К тому же вдова Парис призналась, что родилась с перепонками между пальцами на ногах, а это означало, что у нее был брат-близнец, и она убила его в утробе матери. Разве у Мамы Зузу был другой выбор?

Она поведала молодой женщине, что если носить два мускатных ореха на веревке вокруг шеи,

пока веревка не порвется, можно вылечить сердечный шум, а если распороть голубя, который никогда не летал, и надеть больному на голову, пройдет лихорадка. Она показала ей, как изготовить мешочек желаний, маленькую кожаную сумочку, в которую нужно положить тринадцать пенни, девять хлопковых семян и несколько щетинок черного кабана, и как нужно тереть этот мешочек, чтобы желания исполнились.

Вдова Парис запомнила все, что рассказала ей Мама Зузу. Правда, боги ее особо не интересовали. Нисколечко. Ее интересовала практическая сторона дела. Она с восторгом запоминала, что, если окунуть живую лягушку в мед, а потом положить на муравейник и подождать, пока от нее останутся одни только беленькие косточки, при тщательном рассмотрении можно будет обнаружить плоскую косточку в форме сердца и еще одну — с крючком: ту, что с крючком, следует прицепить на одежду тому, кого хочешь приворожить, а косточку в форме сердца — спрятать в укромное место (если потеряешь, твой возлюбленный набросится на тебя, как злая собака). Если все это проделать, возлюбленный всенепременно ответит тебе взаимностью.

Она узнала, что если дунуть порошком из су-

шеной змеи на лицо сопернице, та ослепнет, и что соперницу можно заставить утопиться, если взять ее нижнюю рубашку, вывернуть наизнанку и зарыть в полночь под кирпичной кладкой.

Мама Зузу показала вдове Парис чудо-корень, большой и маленький корни Джона Завоевателя,[87] она показала ей драконову кровь, валерьяну и лапчатку. Она научила ее заваривать зачахни-чай, настаивать воду-приманку и приворотную воду.

Все эти, и не только эти секреты Мама Зузу открыла вдове Парис. Но ожидания старой рабыни не оправдались. Она изо всех сил старалась передать молодой женщине тайные знания, сокровенные истины, поведать ей о Папе Легбе, о Мау, об Айдо-Хведо, змее *вудоне* и обо всем остальном, но вдова Парис (настало время открыть имя, которое она получила при рождении и которое ей предстояло прославить: это была Мари Лаво. Но не великая Мари Лаво, о которой вы наверняка слышали, это была ее мать, в конце концов ставшая вдовой Глапьон) нисколько не интересовалась богами далекой земли. Если аф-

[87] notes: 87

Джон Завоеватель — герой афроамериканского фольклора, трикстер. Корню, с которым он ассоциируется, приписываются волшебные свойства.

риканские боги, пустившие корни в черноземах Санто-Доминго, процветали, то эта земля с ее злаками и дынями, раками и хлопком оказалась для них скудной и бесплодной.

— Она ничего не хочет знать, — жаловалась Мама Зузу своей наперснице Клементине.

Клементина была прачкой, брала на дом занавески и покрывала и обстирывала чуть не полквартала. На щеке у нее краснела целая россыпь ожогов, а один ее ребенок сварился заживо, когда на него опрокинулся котел с кипятком.

— Значит, не учи ее, — сказала Клементина.

— Учу ее, учу, а она не понимает самого главного: ей интересно только одно: как все это применить. Я даю ей бриллианты, а она хватает цветные стекляшки. Я ей — деми-бутей лучшего кларета, а она лакает воду из речки. Я ей — перепелов, а ей лишь бы крыс жрать.

— И чего тогда ты упорствуешь? — спросила Клементина.

Мама Зузу пожала костлявыми плечами, и ее иссохшая рука закачалась.

Ответа у нее не было. Она могла сказать, что упорствует потому, что до сих пор жива и благодарит за это богов, благодарит от всего сердца: ведь сколько смертей она перевидала на своем

веку. Она могла сказать, что мечтает о том, как однажды рабы восстанут, как восстали (и потерпели поражение) в Лапласе, и что в глубине души она знает: без богов Африки, без покровительства Легбы и Мау они никогда не победят белых поработителей и никогда не вернутся на родину.

Жизнь Мамы Зузу закончилась почти двадцать лет назад, в ту ужасную ночь, когда она очнулась ото сна, почувствовав, как меж ребер вонзилась холодная сталь. С тех пор она не жила, она — ненавидела. Если спросить ее про эту ненависть, она ничего не скажет о двенадцатилетней девочке на зловонном корабле: в ее жизни было столько побоев и порок, столько ночей, проведенных в кандалах, столько разлук, столько боли, что все это попросту сошло с ее памяти, как корка с раны. Зато она могла бы рассказать о своем сыне, о том, как хозяин приказал отрубить ему большой палец на руке, когда узнал, что мальчик умеет читать и писать. Она могла бы рассказать о своей дочери, которая уже восьмой месяц носит под сердцем ребенка от надсмотрщика и которой всего двенадцать лет, и о том, как в красной земле выкопали ямку, чтобы в нее поместился живот беременной, а потом секли ее до тех пор, пока спина не стала сочиться кровью. И хотя яма была

вырыта по размеру, дочь лишилась и ребенка и жизни утром в воскресенье, когда все белые были в церкви…

Слишком много боли.

— Поклоняйся им, — говорила Мама Зузу вдове Парис, когда через час после полуночи они стояли в байе, голые по пояс, потные из-за влажного ночного воздуха, и белый лунный свет придавал их коже особый оттенок.

Муж вдовы Парис Джек (смерть которого, воспоследовавшая три года спустя, будет отмечена рядом странностей) немного рассказывал Мари о богах Санто-Доминго, но ей было неинтересно. Сила была не в богах, а в ритуалах.

Мама Зузу и вдова Парис пели, топали ногами, завывали, стоя в заболоченной реке. Свободная цветная женщина и рабыня с иссохшей рукой пели, стоя среди черных полозов.

— Ты процветаешь, твои враги повержены — но не все в мире на этом держится, — сказала Мама Зузу.

Из ее памяти стерлись многие слова, которые нужно было произносить во время обрядов, слова, которые она когда-то помнила и которые знал ее брат. Она сказала прелестной Мари Лаво, что слова неважны, важен напев и ритм. И там, на

болоте, среди черных полозов, пока они поют и отбивают такт, на нее снисходит странное видение. Она видит ритмы песен, ритм калинды, ритм бамбулы, видит, как все ритмы Экваториальной Африки медленно разливаются по земле в полуночном свете, и вот уже вся страна подрагивает и раскачивается под ритмы старых богов, чье королевство она когда-то покинула. Но даже и этого, сознает она, стоя посреди болота, даже и этого недостаточно.

Она поворачивается к прелестной Мари и видит себя в ее глазах, видит чернокожую старуху с морщинистым лицом, с костлявой рукой, недвижно висящей вдоль тела, и глаза — глаза женщины, видевшей, как ее дети дрались с собаками за кусок еды. Она увидела себя и впервые поняла, какие отвращение и страх испытывает к ней эта молодая женщина.

Она засмеялась, присела и подобрала здоровой рукой черного полоза, длинного, как молодое деревце, и толстого, как корабельный канат.

— Вот, — сказала она. — Это будет твой *вудон*.

Она кинула послушную змею в корзину, которую держала желтокожая Мари.

А потом к ней пришло второе и последнее в эту лунную ночь видение: она увидела своего брата

Агасу. Это был не двенадцатилетний мальчик, с которым ее разлучили на базаре в Бриджпорте, а огромный мужчина, лысый, с беззубой улыбкой, вся спина его была исполосована глубокими рубцами. В левой руке он держал мачете. А от правой осталась одна культя.

Она протянула к нему левую, здоровую, руку.

— Подожди, подожди чуть-чуть, — прошептала она. — Я скоро. Я скоро буду с тобой.

А Мари Парис подумала, что старуха обращается к ней.

Глава двенадцатая

Америка инвестировала свою религию и мораль в ценные бумаги, приносящие стабильный доход. Она заняла неприступную позицию благословенной нации — благословенной именно потому, что она этого заслуживает; а ее сыны, вне зависимости от того, какие богословские доктрины они исповедуют, а к каким остаются равнодушны, безоговорочно подписались под этим национальным кредо.

Агнесс Репплиер. Времена и тенденции

Тень и Среда ехали на запад, через Висконсин и Миннесоту в Северную Дакоту. Покрытые снегом вершины холмов напоминали огромных спящих буйволов. Миля за милей — холмы, холмы и больше ничего. Потом они свернули на юг и направились — уже через Дакоту Южную — на территорию индейских резерваций.

«Линкольн Таун-кар» Среда обменял на древний громыхающий «Виннебаго», пропитанный крепким, ни с чем не сравнимым запахом кота-самца. «Линкольн» Тень водил с удовольствием, а вот «Виннебаго» ему совсем не нравился.

Когда они проехали мимо первого указательного столба с надписью «гора Рашмор», до которой было еще несколько сотен миль, Среда пробурчал:

— Вот тебе еще одно священное место.

Тени казалось, что Среда заснул.

— Я слышал, индейцы и впрямь раньше считали его священным, — сказал он.

— Оно и сейчас священное, — сказал Среда. — Просто людям нужно дать хоть какой-то повод, в силу которого они могли бы спокойно приезжать сюда и возносить молитвы. Америка в ее лучшем виде. Люди в наше время не могут просто так приехать и посмотреть на гору. Поэтому и нужно

было, чтобы мистер Гутзон Борглум высек гигантские лики президентов. Теперь разрешение выдано, и люди толпами едут подивиться на то, как в действительности выглядит гора, которую они уже тысячу раз видели на открытках.

— Знавал я одного парня — он несколько лет тому назад ходил на «Силовую станцию» штанги тягать. Так вот он мне рассказывал, что индейцы из Дакоты, молодые, в смысле, забираются на гору, к президентам на головы, а потом, рискуя жизнью, вытягиваются цепочкой, и самый крайний ссыт президенту на нос.

Среда заржал.

— Какая прелесть! Просто прелесть! Так они свой гнев изливают на какого-то конкретного президента?

— Он не уточнял, — пожал плечами Тень.

Колеса «Виннебаго» отматывали милю за милей. Тени начало казаться, что они стоят на месте, а мимо на скорости шестьдесят семь миль в час проезжает американский ландшафт. Зимняя дымка скрадывала очертания холмов.

К полудню второго дня пути они были почти на месте.

— На прошлой неделе, — сказал Тень, прервав свои размышления, — в Лейксайде пропала де-

вочка. Когда мы были в Сан-Франциско.

— Ну и? — Среда не проявил к новости особого интереса.

— Элисон МакГоверн. Это не первое исчезновение. Дети исчезали и раньше. И всегда зимой.

Среда поднял бровь:

— Это, конечно, трагично. Все эти детские лица на пакетах с молоком — хотя что-то я не припомню, когда мне в последний раз доводилось видеть подобные пакеты, — или плакаты в зонах отдыха на автострадах. «Вы меня видели?» — спрашивают они. При обычных обстоятельствах вопрос глубоко экзистенциальный. «Вы меня видели?» Сверни на следующем повороте.

Тени показалось, что над ними пролетел вертолет, но облака висели низко и закрывали обзор.

— Почему ты выбрал именно Лейксайд? — спросил Тень.

— Я же говорил. Приятное тихое местечко, где тебя можно было спрятать. Там ты за сценой, вне зоны доступа.

— *И зачем это было нужно?*

— Нужно было, и все дела. Теперь поворачивай налево, — сказал Среда.

Тень свернул.

— Что за черт? — сказал Среда. — Твою мать.

Иисус, блядь, Христос, к велосипежьей матери. Сбавь скорость, но не тормози!

— А в чем, собственно, дело-то?

— Херня начинается. Ты знаешь объездной путь?

— Вообще-то нет. Я первый раз в Южной Дакоте, — сказал Тень. — К тому же я вообще не в курсе, куда мы едем.

За холмом вспыхнул размытый туманом красный огонек.

— Засада, — сказал Среда.

Он пошарил рукой в одном кармане, потом в другом, пытаясь что-то нащупать.

— Может, развернемся и — обратно?

— Не можем мы разворачиваться. Они и сзади нас приперли, — сказал Среда. — Сбрось-ка скорость, миль до десяти-пятнадцати.

Тень посмотрел в зеркальце заднего вида. Примерно в миле за спиной горели фары.

— Ты уверен? — спросил он.

— Как и в том, что яйцо — оно и в Африке яйцо! — фыркнул Среда. — Так сказал один фермер, который взялся разводить индюков, после того, как у него вылупилась первая черепаха. А, вот он! — и он выудил из кармана кусочек белого мела.

Среда стал царапать мелом на приборной доске кемпера, делая какие-то пометки, будто решал сложную математическую задачку — или, к примеру, подумал Тень, будто некий бомж решил нацарапать для других бомжей длинное послание, зашифрованное тайным бомжиным кодом, типа: *осторожно злая собака, опасный город, но есть одна милая женщина и теплая тюряжка, где можно перетоптаться ночку-другую…*

— Так-так, — сказал Среда. — А теперь разгонись до тридцати. И не сбавляй.

Одна из машин, ехавших следом, врубила мигалку и сирену и начала набирать скорость.

— Не сбавляй, — повторил Среда. — Они хотят, чтобы мы сбросили скорость на подъезде к кордону.

Чирк. Чирк. Чирк.

Они въехали на гору. До кордона осталось меньше четверти мили. Поперек дороги и на обочинах стояли в ряд двенадцать машин — полицейских легковушек и несколько больших черных внедорожников.

— Приехали, — сказал Среда и сунул мел обратно в карман. Приборная доска «Виннебаго» была сплошь испещрена похожими на руны письменами.

Машина с сиреной, сбросив скорость, ехала прямо за ними.

— Остановите машину! — заорал голос из рупора.

Тень посмотрел на Среду.

— Сверни направо, — сказал тот. — Съезжай с дороги.

— На этой развалюхе по полю далеко не уедешь. Перевернемся.

— Не бойся. Поворачивай направо. Давай!

Тень крутанул руль, «Виннебаго» накренился и подпрыгнул. На секунду Тени показалось, что он был прав и кемпер сейчас перевернется, но мир за ветровым стеклом растворился и замерцал, как подернутое ветром отражение в прозрачной луже.

Облака, туман, снег, дневной свет — все исчезло.

Вместо этого — звезды над головой, пронзающие ночное небо застывшими копьями света.

— Теперь тормози, — сказал Среда. — Оставшийся путь пройдем пешком.

Тень заглушил мотор. Прошел вглубь «Виннебаго», надел куртку, сапоги и перчатки, а потом вышел наружу и сказал:

— Ну ладно. Пошли.

Среда посмотрел на него с видимым удивлением и еще с каким-то не слишком внятным чувством — не то с раздражением, не то с гордостью.

— Ну и почему ты не удивляешься? — спросил он. — Почему ты не вопишь во всю глотку: «А! Так не бывает!»? Почему ты, мать твою, делаешь то, что я говорю, и принимаешь все это как само собой, блядь, разумеющееся?

— Ты платишь мне за то, чтобы я не задавал вопросов, — сказал Тень. — Ну и вообще, после Лоры меня уже ничто не удивляет, — добавил он и, пока договаривал последнюю фразу, понял, что — и в самом деле, именно так и есть.

— После того как она восстала из мертвых?

— После того как я узнал, что она трахалась с Робби. Вот это было больно. Все остальное — одуванчики. Так куда мы идем?

Среда махнул рукой, и они пошли в ту сторону, куда он махнул. Под ногами у них бугрились какие-то гладкие камни, происхождения откровенно вулканического: некоторые были прозрачными как стекло. Воздух был холодный, но морозом не пахло. Они неуклюже, бочком, спустились по неровной тропинке со склона горы. Тень посмотрел вперед.

— А это еще что за хрень? — сказал он, углядев внизу, у подножия холма что-то необычное.

Среда приставил палец к губам и резко мотнул головой: тихо!

То, что увидел Тень, больше всего напоминало медного механического паука размером с трактор, сплошь переблескивающего светодиодными огнями. Паук притаился у самого подножья холма. Позади него ровными рядами лежали человеческие скелеты, и рядом с каждым мерцал огонек, крошечный, как пламя свечи.

Среда подал Тени знак не подходить близко. Но Тень сделал еще один, последний и неосмотрительный шаг: подвернул лодыжку и, подпрыгивая на ухабах, покатился вниз по скользкому откосу. Он успел ухватиться за каменный выступ, и острый обсидиановый край прорезал кожаную перчатку, словно бумагу.

Докатившись до подножия холма, он затормозил как раз между механическим пауком и скелетами.

Он хотел опереться ладонью о землю, чтобы оттолкнуться и встать, но под руку ему попалась бедренная кость, и…

…он стоит, курит и смотрит на часы. Светло. Вокруг — машины, пустые и с людьми. Ему при-

ходит в голову, что он, должно быть, зря выпил ту, последнюю чашку кофе — так жутко хочется отлить, что уже почти невмоготу.

К нему подходит один из местных полицейских — здоровенный коп с длинными, свисающими, как у моржа, заиндевевшими усами. Имя его он не помнит.

— Не понимаю, как мы могли потерять их из виду, — озадаченно, извиняющимся тоном говорит патрульный.

— Это была оптическая иллюзия, — отвечает он. — Природа выкинула с нами фокус. Туман. Нечто вроде миража. На самом деле они ехали по какой-то другой дороге. А нам казалось, что по этой.

Патрульный разочарован.

— Да? А я думал, это типа как в «Секретных материалах», — говорит он.

— Боюсь, все гораздо прозаичнее.

Он периодически страдает от геморроя, и задница у него как раз начинает зудеть, подавая сигнал о грядущем обострении. Работал бы он как раньше, патрульным на кольцевой вашингтонской автостраде, и никаких проблем. Единственное, что ему сейчас нужно, — зайти за дерево: иначе с минуты на минуту может случиться конфуз.

Он бросает на дорогу сигарету и растирает ее подошвой о дорожное покрытие.

Патрульный подходит к полицейской машине и что-то говорит водителю. Оба качают головами.

Он достает телефон, входит в меню и пролистывает список, пока не находит адрес с пометкой «Прачечная», которая так его позабавила, когда он вбивал ее в телефон. Поначалу для него это была аллюзия на «Человека из U.N.C.L.E.»[88] но, взглянув на нее теперь, он вдруг понимает, что никакой прачечной не было, а была швейная мастерская, и думает, может, это из «Напряги извилины»:[89] хоть с тех пор прошло столько лет, ему по-прежнему странно и неловко сознавать, что в детстве до него не доходило, что это комедия, и еще ему ужасно хотелось иметь портативную рацию…

— Да? — раздается в телефоне женский голос.

---

[88] notes: 88

«The Man from U.N.C.L.E.» — шпионский сериал, выходивший с 1964 по 1968 год. Аббревиатура расшифровывается как «The United Network Command for Law and Enforcement», переводится как «Объединенное Системное Управление Правовой и Силовой Поддержки» и буквально звучит как ДЯДЯ. Последнее важно в контексте отношений Тени со Средой.

[89] notes: 89

«Get Smart» — шпионский пародийный сериал, выходил с 1965 по 1970 год.

— Это мистер Градд, позовите мистера Мирра.

— Подождите секунду, я проверю, на месте ли он.

Тишина в трубке. Градд кладет ногу на ногу, подтягивает ремень повыше — *нужно бы* скинуть еще фунтов десять — чтобы он не давил на мочевой пузырь.

— Здравствуйте, мистер Градд, — говорит вежливый голос.

— Они от нас ушли, — сообщает Градд.

Он расстроен, внутри у него буквально все сжимается: они упустили ублюдков, двух поганых сучьих выродков, которые убили старину Лесса и Камена, черт их дери! Какие достойные были люди! Какие достойные! Ему дико хочется трахнуть миссис Лесс, но пока еще рано, после смерти старины Лесса прошло слишком мало времени. Раз в две недели он будет водить ее в ресторан, и в конце концов это окупится, она будет ему благодарна за его заботу…

— Как?

— Я не знаю. Мы блокировали дорогу, им просто некуда было деваться, и все-таки они куда-то делись.

— Еще одна необъяснимая загадка. Не расстраивайтесь. Успокоили местных копов?

— Сказал им, что это оптическая иллюзия.

— И они купились?

— Видимо, да.

В голосе мистера Мирра слышится что-то до боли знакомое — странное ощущение, ведь он работает на него уже два года, говорит с ним каждый день, *естественно*, его голос ему знаком.

— Сейчас они уже далеко.

— Выслать людей, чтобы они их перехватили в резервации?

— Не стоит слишком усердствовать. Тут многовато юридических моментов, я за одно утро всего утрясти не успею. У нас достаточно времени. Возвращайтесь обратно. Я тут не покладая рук занимаюсь организацией стратегического совещания.

— Есть проблемы?

— Каждый тянет гребаное одеяло на себя. Я предложил провести его здесь. Технари хотят в Остине или в Сан-Хосе, актеры — в Голливуде, финансисты — на Уолл-стрит. Каждый хочет, чтобы все происходило на его собственной территории. И никто не желает уступать.

— Хотите, чтобы я подключился?

— Пока нет. На одних полаю, других — поглажу по головке. Сами знаете, как такие дела дела-

ются.

— Конечно, сэр.

— Возвращайтесь к работе, Градд.

Связь прерывается.

Градд думает, что следует вызвать спецназ и взорвать к чертям собачьим этот долбаный «Виннебаго», или заложить на дороге фугас, или расхерачить его ядерными боеголовками, чтобы эти ублюдки знали: с живых с них не слезут. Как однажды сказал ему мистер Мирр, типа «мы пишем будущее Огненными Буквами», и мистер Градд думает, если, господи боже, он сейчас не поссыт, можно попрощаться с мочевым пузырем, он просто лопнет, — или, как говорил его папаша в долгих поездках, когда Градд был еще маленьким мальчиком и они ехали по федеральной автостраде, — так вот, папаша всегда говорил так: «У меня уже в горле плещется», — мистер Градд и сейчас вспоминает его резкий североамериканский акцент: «Нужно поссать. У меня уже в горле плещется»…

…а потом Тень почувствовал, как кто-то разжимает ему руку, палец за пальцем, ту руку, которой он вцепился в бедренную кость. Отлить больше не хотелось; теперь он был другим человеком. Он стоял под звездным небом на стеклянно-камен-

ной равнине.

Среда снова велел ему молчать, знаком, и зашагал прочь. Тень двинулся следом.

Механический паук заскрипел, и Среда замер на месте. Тень остановился и тоже замер. По бокам паука побежали вверх мигающие зеленые огоньки. Тень старался дышать как можно тише.

Он все пытался осмыслить то, что только что произошло. Он будто бы заглянул внутрь чужого сознания. А потом до него дошло: *Это* мне *голос мистера Мирра показался знакомым. Мне, а не Градду. Вот и вся странность.* Он попытался мысленно идентифицировать этот голос, проассоциировать его с конкретным человеком, но ничего не вышло.

Потом получится, подумал Тень. *Получится — рано или поздно*.

Зеленые огоньки стали синими, потом красными, потом стали затухать, потом паук сложил металлические лапы и опустился на землю. Среда продолжил путь — одинокая фигура под звездным небом, в широкополой шляпе и темном потертом плаще, который беспорядочно бился в порывах нездешнего ветра, и с посохом, стучавшим при ходьбе о стеклянно-каменную землю.

Когда металлический паук превратился в мер-

цавшую в звездном свете точку где-то далеко позади, Среда сказал:

— Теперь можно говорить.

— Где мы?

— За кулисами, — ответил Среда.

— В смысле?

— Думай, что мы за кулисами. Типа как в театре. Я просто увел нас обоих подальше от зрителей, и теперь мы за сценой. Срезаем путь.

— Когда я дотронулся до кости, я оказался в сознании одного мужика по фамилии Градд. Он участвовал в той шпионской заварушке. Он нас ненавидит.

— Да, я знаю.

— Его шефа зовут мистер Мирр. Он мне кого-то напомнил, но я не знаю, кого. Я оказался в голове у Градда, — а может, он в моей. Я точно не понял.

— Они знают, куда мы направляемся?

— Я думаю, на данный момент они сворачивают поиски. Они не хотят ехать за нами в резервацию. Мы идем в резервацию?

— Очень может быть.

Среда остановился, постоял несколько секунд, опершись о посох, и пошел дальше.

— Что это был за паук?

— Манифестация образа. Поисковая машина.

— Они опасны?

— Всегда рассчитывай на самое худшее — доживешь до моих лет.

Тень улыбнулся.

— Это до скольких, к примеру?

— Лет мне ровно столько же, сколько языку у меня во рту, — ответил Среда. — И я на несколько месяцев старше собственных зубов.

— Ты так упорно держишь язык за зубами, — сказал Тень, — что я вообще сомневаюсь, есть ли у тебя язык.

Среда только фыркнул.

Всякий раз взбираться на очередной холм становилось все труднее и труднее.

У Тени заболела голова. Звездный свет отчаянно бил ему в глаза, то и дело попадая в резонанс с биением сердца в висках и в груди. У подножия очередного холма он споткнулся, открыл рот, чтобы что-то произнести, и тут, совершенно неожиданно, его вырвало.

Среда достал из кармана фляжку.

— Сделай глоток, — сказал он. — Но только один.

Напиток оказался жгучим и растворился, едва попав на слизистую, как хороший бренди, хотя по вкусу даже не напоминал спиртное. Среда забрал

фляжку и сунул обратно в карман.

— Зрителям вредно шастать за кулисами. Поэтому тебя и тошнит. Нужно поскорее выбираться отсюда.

Они ускорили шаг. Среда упорно шел и шел вперед, ни на секунду не останавливаясь, Тень то и дело спотыкался, но напиток — после которого во рту остался привкус апельсиновой цедры, розмаринового масла, перечной мяты и гвоздики, — его взбодрил.

Среда взял его за локоть:

— Вон там, — сказал он, показывая пальцем налево, на две горки застывшего стеклокамня, — нужно будет пройти между двумя холмами. Держись поближе ко мне.

Они двинулись вперед. Холодный ветер и яркий белый свет с одинаковой силой били Тени в лицо.

Они стояли на вершине пологого холма. Туман рассеялся, было солнечно и холодно, над головой сияло абсолютно голубое небо. У подножия холма пролегала засыпанная гравием дорога, по которой — все равно что детская игрушечная машинка — мчалась красная легковушка с кузовом. Из трубы стоявшего поблизости дома валил дым. Казалось, кто-то лет тридцать тому назад бросил

тут, на склоне холма, свой передвижной дом, и с тех пор его не раз чинили, латали, а периодически и расширяли за счет разного рода пристроек.

Как только они подошли к дому, дверь распахнулась: с высоты своего роста на них взирал мужчина средних лет. Взгляд острый, рот — словно след от удара ножом.

— Так-так, слыхал я, двое белых едут меня проведать. Двое белых на «Виннебаго». А еще слыхал, что они заблудились, как это обычно с белыми и происходит, если они не понатыкают везде своих указателей. Нет, вы только поглядите на двух этих доходяг, что стоят у меня под дверью. Вы вообще в курсе, что вы на земле лакота?

Волосы у него были длинные и седые.

— С каких это пор ты стал лакота, старый шельмец? — сказал Среда.

Теперь на нем были куртка и вислоухая шапка, и Тени уже казалось маловероятным, что всего несколько минут назад в звездной ночи он был одет в широкополую шляпу и изодранный плащ.

— Слушай, Виски Джек. Я умираю от голода, а мой друг только что выблевал весь свой завтрак. Не пригласишь нас войти?

Виски Джек поскреб подмышку. На нем были голубые джинсы и майка под цвет волос, на ногах

мокасины — на холод он как будто не обращал внимания.

— Вот наглец, а! — наконец сказал он. — Проходите, белые люди, потерявшие свой «Виннебаго».

В трейлере дым стоял коромыслом. За столом сидел еще один мужчина — босой, в заляпанных штанах из оленьей кожи. Кожа у него была цвета древесной коры.

— Ну, — с довольным видом сказал Среда, — кажется, мы кое-кого застукали врасплох. Виски Джек и Джонни Яблочко. Зашибли одним-единственным камушком двух таких птичек.

Мужчина, который сидел за столом, Джонни Яблочко, зыркнул на Среду, потом опустил руку под стол и потрогал себя за промежность:

— Опять не угадал. Я проверил, у меня оба камушка на месте.

Потом он перевел взгляд на Тень и поднял в приветственном жесте руку.

— Я Джон Чэпмен. Не обращай внимания на то, что твой шеф обо мне рассказывает. Он задница. Задницей был, задницей и останется. Некоторые люди по жизни задницы, больше и добавить нечего.

— Майк Айнсель, — представился Тень.

— Айнсель, значит, — сказал он, потерев щети-

нистый подбородок. — Это не имя. Но сойдет на крайняк. А как тебя другие люди называют?

— Тень.

— Значит, я буду звать тебя Тенью. Эй, Виски Джек! — В действительности он сказал не *Виски Джек*, подумал Тень. Для этого он произнес слишком много слогов. — Как там жратва?

Виски Джек взял деревянную ложку, снял крышку с черной железной кастрюли, которая булькала на дровяной печи.

— Можно есть, — сказал он.

Он взял четыре пластиковые миски, наложил в каждую еды из кастрюли и поставил их на стол. Потом открыл дверь, вышел на улицу и достал из сугроба пластиковую бутылку объемом в галлон. Занес ее в дом, наполнил четыре вместительных стакана мутной желтовато-коричневой жидкостью и поставил их рядом с мисками. В завершение он выложил на стол четыре вилки и наконец сел вместе с остальными.

Среда с подозрением поднял свой стакан.

— Похоже на мочу, — сказал он.

— Ты все еще пьешь свою дрянь? — спросил Виски Джек. — Вы, белые, просто психи. Это куда лучше. Рагу, — сказал он, обращаясь к Тени, — в основном из дикой индейки. А Джон нам принес

яблочный бренди.

— Безалкогольный яблочный сидр, — уточнил Джон Чэпмен. — Я всегда с подозрением относился к крепким напиткам. От них дуреют.

Рагу было вкусным, и яблочный сидр тоже оказался превосходным. Тень старался есть медленнее, пережевывая пищу, а не заглатывая целыми кусками. Но он сам не ожидал, что так сильно проголодался. После первой порции он попросил добавки, съел еще тарелку рагу и выпил второй стакан сидра.

— Госпожа молва нам шепнула, что ты тут ходишь, со всеми разговоры разговариваешь, понаобещал всякого. Созываешь, мол, стариков на тропу войны, — сказал Джон Чэпмен.

Тень и Виски Джек помыли посуду и переложили остатки рагу в пластиковые контейнеры. Виски Джек вынес их на улицу и положил в сугроб, а сверху воткнул пустую бутылку из-под молока, чтобы в следующий раз не задумываясь отыскать нужный сугроб.

— Думаю, это верное и справедливое изложение событий, — сказал Среда.

— Они победят, — прямо заявил Виски Джек. — Они уже победили. А ты проиграл. Такая же ситуация, как с белыми людьми и моим наро-

дом. По большому счету, они победили. А если вдруг начинают проигрывать, они заключают соглашения. А потом их же нарушают. И опять побеждают. Я не намерен сражаться за еще одно безнадежное дело.

— И на меня не рассчитывай, — сказал Джон Чэпмен, — даже если бы я сражался на твоей стороне — чего я делать не стану, — я для тебя все равно бесполезен. Паршивые ублюдки просто общипали меня, а потом послали на хер. — Он замолчал. — Пол Баньян,[90] — сказал он после паузы, потом медленно покачал головой. — Пол Баньян, — повторил он снова.

Тень никогда не слышал, чтобы два безобидных слова звучали как последние, невыносимые оскорбления.

— Пол Баньян? — сказал он. — А что он такого сделал?

— Вперся на самую горку, место занял, — сказал Виски Джек.

Он стрельнул сигарету у Среды, и они оба закурили.

---

[90] notes: 90

Пол Баньян — герой фольклора, легенда американского Севера, лесоруб, славящийся фантастической силой, аппетитом, изобретательностью и неунывающим характером. Символ американской силы и оптимизма.

— Есть такие идиоты, которые считают, что колибри ночей не спят и всё думают, как бы им не набрать лишнего веса, не обзавестись кариесом или еще какой-нибудь хренью; а может, они и впрямь считают, что сахар — яд, и хотят оградить колибри от его вредоносных последствий, — объяснил Среда. — Поэтому и заливают им в кормушки гребаный «Нутрасвит».[91] Птицы слетаются и пьют. А потом дохнут, потому что их животики забиты едой, в которой нет калорий. Вот вам и Пол Баньян. Никто не рассказывал и не рассказывает о нем историй. Никто не верит в его существование. Его выдумали в одном рекламном агентстве, в 1910 году, и он с ошеломляющим успехом зашагал по всей стране, целой нации засрав мозги пустыми калориями.

— А мне нравится Пол Баньян, — сказал Виски Джек. — Я несколько лет назад катался на его аттракционе на «Американской ярмарке». Взлетаешь вверх, — а там здоровенный такой Пол Баньян, а потом катишься вниз. Бух! У меня к нему претензий нет. Ну и пусть он никогда на самом деле не существовал, значит, и деревьев не валил сотнями. Конечно, такого, чтобы он их са-

[91] notes: 91

«Нутрасвит» — заменитель сахара для диабетиков производства одноименной компании.

жал, тоже не скажешь. Но все равно так лучше.

— Верно сказано, — согласился Джонни Чэпмен.

Среда выпустил кольцо дыма. Оно повисло в воздухе и медленно таяло, распадаясь на отдельные сгустки и облачка.

— Черт возьми, Виски Джек, я вообще не о том, и ты это прекрасно понимаешь.

— Я не буду тебе помогать, — сказал Виски Джек. — Когда тебе надерут задницу, возвращайся, и если я буду на месте, накормлю тебя обедом. Хоть налопаешься под конец от пуза.

— Других вариантов нет, — сказал Среда.

— Да что ты знаешь о других вариантах, — сказал Виски Джек. — Ты на охоте, — сказал он, взглянув на Тень. Его голос загрубел от печного и сигаретного дыма.

— Я на работе, — сказал Тень.

Виски Джек покачал головой.

— И при этом тебя что-то гложет, — сказал он. — Ты должен кому-то и хочешь отдать свой долг.

Тень вспомнил синие губы Лоры, ее окровавленные руки и кивнул.

— Тогда послушай. Жил-был был Лис, и был у него брат Волк. Лис и говорит: «Пусть люди живут вечно. А если умирают, то ненадолго». А Волк ему

в ответ: «Нет, — говорит, — люди будут умирать, люди должны умирать, все живые существа должны умирать, иначе они расплодятся и заполонят всю землю, съедят всех лососей и карибу, и бизонов тоже съедят, съедят всю тыкву и весь маис». И вот однажды Волк умер и говорит Лису: «Спаси меня, верни мне жизнь». А Лис ему и отвечает: «Нет, мертвое должно быть мертвым, ты меня убедил». И произнося эти слова, он горько плакал. Но слово — закон. С тех пор Волк царствует в мире мертвых, а Лис живет под солнцем и луной и продолжает оплакивать брата.

— Ну, раз вы не в деле, значит, не в деле, — сказал Среда. — Нам пора двигаться.

На лице у Виски Джека застыло невозмутимое выражение.

— Я вообще-то с молодым человеком разговариваю, — сказал он. — Тебе помочь уже нельзя. Ему можно. — Он опять повернулся к Тени. — Расскажи о своем сне, — попросил он.

— Я карабкался вверх по горе черепов. А вокруг горы летали гигантские птицы. И с крыльев у них срывались молнии. Они на меня нападали. А потом гора разрушилась.

— Всем снятся сны, — встрял Среда. — Мы поедем уже, ладно?

— Но не всем снятся *Вакиньяу*, гром-птицы, — возразил Виски Джек. — Эхо и досюда долетело.

— Ну, что я тебе *говорил*! — воскликнул Среда. — Сновидец чертов!

— В Западной Вирджинии живет выводок гром-птиц, — протянул Чэпмен. — По крайней мере, пара самок и старый самец. Есть еще семейная пара в одном районе между Кентукки и Теннесси, его называли Штатом Франклин, хотя старина Бен так никогда и не обзавелся этим штатом. Гром-птиц, конечно, и в лучшие времена было немного.

Виски Джек протянул руку цвета красной глины и осторожно провел пальцами по лицу Тени.

— Да, — сказал он. — Это верно. Если поймаешь гром-птицу, вернешь обратно свою женщину. Но она принадлежит Волку, она в мире мертвых, ей не положено ходить по земле.

— Откуда вы *знаете*? — спросил Тень.

— Что велел тебе бизон? — Губы у Виски Джека не шевельнулись.

— Верить.

— Хороший совет. Примешь его к сведению?

— Типа того. Наверно.

Они разговаривали, не произнося ни единого слова, не двигая губами, не издавая звуков. Мо-

жет, даже для двух других мужчин в этой комнате они попросту застыли на одно или на несколько мгновений.

— Когда найдешь свое племя, приезжай повидать меня, — сказал Виски Джек. — Я помогу.

— Хорошо.

Виски Джек опустил руку и обратился к Среде:

— Ты заберешь свой Хо-Чанк?[92]

— Мой что?

— *Хо-Чанк*. Так называют себя виннебаго.

Среда покачал головой.

— Слишком рискованно. С ним проблем не оберешься. Его будут искать.

— Он краденый?

— Еще чего! — обиделся Среда. — Документы на него лежат в бардачке.

— А ключи?

— Ключи у меня, — сказал Тень.

— У моего племянника, Гарри Голубой Сойки, «Бьюик» восемьдесят первого года. Отдайте мне ключи от кемпера, а взамен берите «Бьюик».

— Это не обмен, а настоящий грабеж! — разо-

---

[92] notes: 92

Хо-Чанк — племя из языковой семьи сиу (в отличие от всех своих соседей, говоривших на алгонкинских языках), обитавшее на территории современных штатов Висконсин и Иллинойс. Другое, алгонкинское название того же племени — виннебаго.

злился Среда.

Виски Джек пожал плечами:

— Ты понимаешь, как трудно будет достать твой кемпер оттуда, где вы его бросили? Я тебе одолжение делаю. Хочешь бери, хочешь нет. Мне плевать. — И он закрыл рот, тонкий, как шрам от удара ножом.

Среда разозлился, но сменил гнев на милость и сказал:

— Тень, отдай ему ключи от «Виннебаго».

Тень передал ключи Виски Джеку.

— Джонни, — сказал Виски Джек, — проводишь их к Гарри Сойке? Скажи ему, что я отдал им его машину.

— Конечно, провожу, — согласился Джон Чэпмен.

Он встал, подошел к двери и, подобрав с пола мешок из рогожи, вышел. Тень и Среда двинулись за ним. Виски Джек тоже вышел на порог.

— Слышишь, ты! — окликнул он Среду. — Ты сюда не возвращайся. Тебя здесь не ждут.

Среда показал ему средний палец.

— Повертись-ка на этом, — беззлобно ухмыльнулся он.

Они спускались с заснеженного холма, прокладывая путь через сугробы. Чэпмен шел впереди,

ступая красными босыми пятками прямо по снежному насту.

— Тебе не холодно? — спросил Тень.

— Моя жена была чокто, — сказал Чэпмен.

— И она научила тебя волшебным образом не чувствовать холода?

— Нет. Она думала, что я сумасшедший, — сказал Чэпмен. — Она мне, бывало, говорила: «Джонни, надел бы ты ботинки!»

Склон сделался круче, и они вынуждены были прервать разговор. Они спускались по склону холма, оступаясь и оскальзываясь, цепляясь руками за стволы берез, чтобы удержать равновесие и не покатиться кубарем. Когда склон стал чуть более отлогим, Чэпмен продолжил:

— Теперь-то она уже мертва. Когда она умирала, я, наверное, чуточку умом повредился. Это с каждым может случиться. И с тобой тоже. — Он похлопал Тень по плечу. — Клянусь Иисусом и Иосафатом, здоровенный ты парень!

— Мне все так говорят, — сказал Тень.

Они спускались с горы чуть ли не полчаса, пока наконец не очутились на огибающей холм гравиевой дороге. По ней они и пошли в сторону сбившихся в кучку домов, которые разглядели еще с вершины.

Проезжавшая мимо машина замедлила ход и остановилась. За рулем сидела женщина, она дотянулась до ручки и опустила окно.

— Подвезти вас, мужики? — сказала она.

— Вы очень любезны, мадам, — сказал Среда. — Мы ищем мистера Гарри Сойку.

— Он должен быть в клубе, — сказала женщина. Ей за сорок, решил про себя Тень. — Залезайте.

Они сели в машину. Среда занял переднее сиденье, Чэпмен и Тень уселись сзади. Разместиться с комфортом на заднем сиденье Тени не позволяли слишком длинные ноги, но он устроился как мог. Машина, подпрыгивая, понеслась по дороге.

— Откуда вы к нам пожаловали? — спросила женщина.

— Приехали друга навестить, — сказал Среда.

— Он на горе живет, — сказал Тень.

— На какой горе? — удивилась женщина.

Тень обернулся и посмотрел назад, сквозь запыленное стекло, пытаясь разглядеть гору. Но позади не было никакой горы: только облака плыли над равниной.

— Виски Джек, — произнес Тень.

— А, — сказала женщина. — Мы зовем его Инктоми. Это, видимо, один и тот же мужик. Мой дед рассказывал про него классные истории. Лучшие

из них были, естественно, неприличными. — Они подскочили на колдобине, и женщина чертыхнулась. — Как вы, целы?

— Целы, мэм, — ответил Джон Чэпмен. Он вцепился обеими руками в сиденье.

— Вот такие в резервации дороги, — сказала она. — К ним нужно приспособиться.

— Все такие? — спросил Тень.

— В основном, — сказала женщина. — В наших местах — да. Даже и не спрашивайте, куда идут деньги от казино: ну кто в здравом уме припрется сюда играть в казино? Этих денег мы тут не видали.

— Жаль.

— Да нечего жалеть. — Она с треском и скрипом сменила передачу. — Вы знаете, что белое население тут уменьшается? Повсюду в округе вымершие города. Как заставишь людей сидеть на ферме, когда им по телевизору мир показывают? Да и вообще, какому белому захочется пахать на бесплодных просторах Бэдлендс?[93] Пришли, заграбастали себе наши земли, обжи-

[93] notes: 93

Букв. «бесплодные земли» — районы на западе США (юго-запад штата Южная Дакота и северо-запад штата Небраска). Изрезаны глубокими оврагами и долинами, животный и растительный мир не отличается большим разнообразием.

лись, а теперь валят. На юг. На запад. Может, если подождать, пока они все свалят в Нью-Йорк, Майами или Лос-Анджелес, мы получим назад все наши земли без боя.

— Удачи вам в этом, — сказал Тень.

Гарри Голубую Сойку они и в самом деле нашли в клубе, за бильярдным столом, где он ловко загонял шары в лузы, пытаясь произвести впечатление на компанию барышень. Сверху на кисти правой руки у него была вытатуирована голубая сойка, а правое ухо было сплошь утыкано пирсингом.

— Хо хока, Гарри Голубая Сойка, — поприветствовал его Джон Чэпмен.

— Да отвали ты, босой психанутый призрак! — послал его в ответ Гарри Голубая Сойка. — У меня от тебя мурашки по всему телу.

В дальнем конце зала сидели мужчины постарше, некоторые играли в карты, другие просто болтали. Те что помоложе, примерно одного с Гарри возраста, ждали, когда освободится бильярдный стол. Стол был стандартного размера; зеленое сукно, с одного края драное, было заклеено серебристой герметизирующей лентой.

— У меня для тебя новость от твоего дяди, — невозмутимо продолжил Чэпмен. — Он говорит,

чтобы ты отдал этим двоим свою машину.

В зале было человек тридцать, а то и сорок, и все как один сосредоточенно уставились на свои карты, или на ботинки, или на ногти, и изо всех сил постарались сделать вид, что этот разговор им до лампочки.

— Он мне не дядя.

В воздухе стоял густой сигаретный дым. Чэпмен разинул рот в широкой улыбке, продемонстрировав такие гнилые зубы, каких Тень еще ни у одного человека не видел.

— Скажи это ему сам. Он говорит, что и остается-то среди лакота только ради тебя.

— Виски Джек вообще много чего говорит! — рявкнул в ответ Гарри Голубая Сойка.

На самом деле и он тоже сказал не «Виски Джек». Тени послышалось что-то типа «*Уизакеджек*». Вот как они произносили его имя, а вовсе не «Виски Джек».

— Точно, — встрял Тень. — И еще он сказал такую вещь: мы тебе отдаем свой «Виннебаго», а ты нам свой «Бьюик».

— Ну и где ваш «Виннебаго»?

— Он тебе его пригонит, — сказал Чэпмен. — Можешь не сомневаться.

Гарри Голубая Сойка ударил по шару и прома-

зал. Рука у него подрагивала.

— Этот старый лис мне не дядя, — сказал Гарри Голубая Сойка. — И пусть не пудрит людям мозги.

— Лучше живой лис, чем мертвый волк, — встрял Среда. Его низкий голос вдруг сделался похож на звериное рычание. — Так ты отдашь нам свою тачку?

Гарри Голубая Сойка так отчаянно вздрогнул, что не заметить этого было невозможно.

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Я просто дурку гнал. Люблю подурачиться. — Он положил кий на бильярдный стол и отыскал свою толстую куртку среди груды похожих курток, висевших на вешалке рядом с дверью. — Только дайте я сначала свои манатки из тачки выгребу, — сказал он.

Он то и дело бросал взгляд на Среду, словно опасаясь, что тот с минуты на минуту взорвется.

Машина Гарри Голубой Сойки стояла в сотне ярдов от клуба. По пути им встретилась побеленная католическая церквушка; на пороге стоял мужчина в воротничке священника, провожал их взглядом и затягивался сигаретой с таким видом, будто курить ему было противно.

— Доброго дня, отец! — поприветствовал его Джон Чэпмен, но мужчина в воротничке ничего

не ответил; он раздавил пяткой сигарету, поднял окурок, бросил его в урну рядом с дверью и зашел обратно в церковь.

Машина у Гарри Голубой Сойки была без боковых зеркал, шины совершенно лысые, лысее Тень в жизни не видел: идеально гладкая черная резина. Гарри сообщил, что машина жрет много масла, но зато пока масло подливаешь, бегает безотказно, если только, конечно, ее не останавливать.

Гарри Голубая Сойка покидал свои манатки в черный мусорный мешок (манатки состояли из нескольких недопитых бутылок дешевого пива с завинчивающейся крышкой, маленького пакетика с гашишем, завернутого в серебряную фольгу и кое-как припрятанного в пепельнице на двери, хвоста скунса, пары десятков кассет с музыкой кантри и потрепанного, пожелтевшего экземпляра «Чужака в чужой стране»).[94]

— Простите, что там, в клубе, выдрючивался, — сказал Гарри Голубая Сойка, передавая Среде ключи от машины. — Вы знаете, когда я получу «Виннебаго»?

— Спроси у дяди. Это он у вас спекулирует по-

[94] notes: 94

«Чужак в чужой стране» — культовая книга популярнейшего американского писателя-фантаста Роберта Хайнлайна.

держанными тачками, — прорычал Среда.

— Уизакеджек *никакой* мне не дядя, — сказал Гарри Голубая Сойка, схватил свой черный мусорный мешок, зашел в ближайший дом и захлопнул за собой дверь.

Джона Чэпмена они высадили в Су-Фоллс,[95] у магазина натуральных продуктов.

Среда молчал всю дорогу. С тех пор как они ушли от Виски Джека, он пребывал в дурном расположении духа.

В семейном ресторанчике на окраине Сент-Пола[96] Тень подобрал оставленную кем-то газету. Ткнулся взглядом в пару мест и показал Среде.

— Ты только посмотри, — сказал он.

Среда вздохнул и опустил взгляд на газету:

— Я просто счастлив, что конфликт с авиадиспетчерами был улажен без забастовки.

— Да не это, — сказал Тень. — Вот. Тут написано, что сегодня четырнадцатое февраля.

— С днем святого Валентина!

— Мы выехали где-то двадцатого — двадцать

---

[95] notes: 95

Су-Фоллс — город на юго-востоке штата Южная Дакота. Крупнейший город штата.

[96] notes: 96

Сент-Пол — город на юго-востоке штата Миннесота на реке Миссисипи. Административный центр (столица) штата Миннесота.

первого января. Я за датами не следил, но помню, что это была третья неделя января. В общей сложности мы были в пути три дня. Как тогда может быть четырнадцатое февраля?

— Мы почти месяц шли пешком, — сказал Среда. — По Бэдлендс. За кулисами.

— Ни хера себе срезали путь! — сказал Тень.

Среда отодвинул газету.

— Засранец этот Джонни Яблочко, задолбал уже со своим Полом Баньяном. В обычной жизни Чэпмену принадлежало четырнадцать яблоневых садов. Он возделывал тысячи акров. Он, конечно, шел в ногу с западом, но в том, что о нем рассказывают, нет ни слова правды, кроме того, что когда-то у него поехала крыша. Но это все неважно. Как твердили газетчики, если правда скучна, мы печатаем сказку. Эта страна жить не может без сказок. Вот только и в них больше никто не верит.

— Но ведь ты сидишь сейчас передо мной и своими глазами все это видишь, разве не так?

— Я в отставке. На меня всем насрать.

— Ты же бог, — тихо произнес Тень.

Среда пристально на него посмотрел. Он, казалось, хотел было что-то добавить к сказанному, но потом откинулся на спинку стула, уставился в

меню и произнес:

— И что с того?

— Хорошо быть богом, — сказал Тень.

— Ты действительно так считаешь? — спросил Среда, и на этот раз уже Тени пришлось отводить взгляд.

На стене у туалета при заправке в двадцати пяти милях от Лейксайда Тень увидел самодельное объявление: ксерокопированный листок с черно-белой фотографией Элисон МакГоверн, над которой от руки было написано «*Вы меня видели?*». Это была все та же фотография из школьного альбома: уверенная улыбка, на верхних зубах пластиковые брекеты — фотография девочки, которая мечтала, когда вырастет, работать с животными.

Вы меня видели?

Тень купил сникерс, бутылку воды и номер «Лейксайд ньюс». На первой странице был помещен заголовок статьи лейксайдского репортера Маргарет Ольсен и фотография мальчика и мужчины: они стояли на замерзшем озере рядом с домиком для зимней рыбалки, напоминающей сарай, и держали здоровенную рыбу. На лицах сияли улыбки. «*Самая большая щука: отец и сын установили местный рекорд. Продолжение на*

третьей странице».

Машину вел Среда.

— Прочти-ка мне что-нибудь интересное, — попросил он.

Тень внимательно проглядел газету, медленно перелистывая страницы, но ничего интересного так и не нашел.

Среда высадил его у дома, рядом с подъездной дорожкой. На дорожке сидела дымчатая кошка и смотрела на него. Когда он нагнулся, чтобы ее погладить, она удрала.

Поднявшись по лестнице на веранду, он остановился у двери и посмотрел на озеро. Оно было сплошь усеяно зелеными и коричневыми палатками для зимней рыбалки. Рядом со многими стояли машины. У самого моста красовался зеленый драндулет, так же, как на фотографии в газете.

— Двадцать третье марта, — с надеждой произнес Тень. — Примерно в девять пятнадцать утра. Так и будет.

— Это сильно вряд ли, — услышал он женский голос. — Третьего апреля. В шесть вечера. Лед оттаивает только к вечеру.

Тень улыбнулся. На Маргарет Ольсен был лыжный костюм. Она стояла у дальнего края веранды

и подсыпала корм в птичью кормушку.

— Я прочел вашу статью в «Лейксайд ньюс» про самую большую щуку.

— Увлекательная история, да?

— Скорее, пожалуй, познавательная.

— Я думала, вы уже не вернетесь, — сказала она. — Уезжали ненадолго, да?

— Дядя вызвал по работе, — сказал Тень. — Время пронеслось — мы и глазом моргнуть не успели.

Она положила в поддон последний кубик сала и стала заполнять кормушку семенами чертополоха, которые были у нее насыпаны в пластиковую бутылку из-под молока. Несколько щеглов, в зимнем оливковом оперении, нетерпеливо верещали с соседней ели.

— А про Элисон МакГоверн в газете ничего не было.

— Да не о чем и писать. До сих пор ищут. Прошел слух, кто-то видел ее в Детройте, но оказалось, ложная тревога.

— Бедняжка.

Маргарет Ольсен закрутила крышечку на молочной бутылке.

— Надеюсь, она мертва, — сухо сказала она.

— Почему? — Тень был шокирован.

— Потому что в противном случае все еще хуже.

Щеглы как безумные скакали с ветки на ветку: ждут не дождутся, когда же наконец уйдут люди.

«Ты ведь думаешь не об Элисон. О сыне ты думаешь, — пронеслась у Тени мысль. — Ты думаешь о Сэнди».

В голове всплыла чья-то чужая фраза: «Я скучаю по Сэнди». Кто это сказал?

— Приятно было поболтать, — сказал Тень.

— Ага, — сказала она. — Мне тоже.

Прошел февраль — чередой коротких унылых дней. Иногда шел снег, но по большей части обходилось без снегопада. На улице потеплело, и в погожие дни температура поднималась выше нуля. Тень торчал дома, пока ему не начинало казаться, что он сидит в тюремной камере, и тогда, если только Среда не вызывал его по делу, выходил прогуляться.

Он устраивал себе длительные прогулки за город почти на весь день. Шел себе один и шел, прямо до лесного заповедника на северо-западе или до кукурузных полей и пастбищ на юге. Гулял по засыпанным снегом тропинкам «лесопильного» округа, по заброшенным железнодорожным путям и проселочным дорогам. Пару раз он даже

обошел замерзшее озеро с севера на юг. Время от времени встречал местных, туристов или джоггеров — он махал им рукой и здоровался. Но обычно вообще никого не встречал, кроме ворон и зябликов, да еще два-три раза заметил ястреба, который лакомился попавшим на дороге под колеса опоссумом или енотом. Еще ему запомнилось, как однажды орел поймал серебристую рыбу посреди Уайт Пайн Ривер: у берегов вода замерзла, а в центре продолжал бежать стремительный поток. Рыба билась и извивалась в когтях орла, и ее чешуйки сверкали в лучах полуденного солнца. Тень представил: а ну как сейчас она вырвется и уплывет далеко-далеко, прямо в небо, — и мрачно улыбнулся.

Он обнаружил, что во время прогулок не обязательно думать, и это ему очень понравилось; когда он начинал думать, мысль заводила его в такие дебри, где от него уже ничего не зависело и где ему становилось некомфортно. Прогулки до изнеможения оказались для него в своем роде спасением. Обессилев от ходьбы, он уже не думал о Лоре, о своих странных снах, о вещах, которых не было и быть не могло по определению. Вернувшись домой после такой прогулки, он спал крепко, и сны ему не снились.

В «Парикмахерском салоне Джорджа» в городском парке Тень столкнулся с начальником местной полиции Чэдом Маллиганом. Тень всегда с интересом и надеждой ожидал окончания стрижки, но результат никогда не оправдывал его ожиданий. Всякий раз после стрижки он выглядел более или менее по-прежнему, вот только волосы были чуток покороче. Чэд, который сидел в кресле рядом, тоже был на удивление озабочен своим внешним видом. Когда парикмахер закончил, Чэд Маллиган с суровым видом уставился на свое отражение, будто собирался выписать ему штраф за превышение скорости.

— Тебе идет, — ободрил его Тень.

— А женщине бы такая стрижка понравилась?

— Думаю, да.

Они дошли через парк к Мейбл и заказали по кружке горячего шоколада.

— Слушай, Майк, — сказал Чэд. — Ты никогда не задумывался о том, чтобы поступить на службу в правоохранительные органы?

Тень пожал плечами.

— Вообще-то нет. Там ведь, типа, надо кучу разных вещей знать.

Чэд покачал головой.

— Знаешь, что самое главное в работе поли-

цейского в таком городке, как этот? Сохранять спокойствие. Если что-то происходит, если кто-то наорет на тебя и выматерит на чем свет стоит, нужно просто сказать, мол, ты уверен, что произошла какая-то ошибка и что ты все уладишь, пусть только все без паники покинут помещение. Только нужно быть очень уверенным в своих словах.

— А потом все уладить?

— Обычно все улаживается, когда ты надеваешь на них наручники. Но вообще-то да, ты делаешь все возможное, чтобы уладить ситуацию. Если тебе нужна работа, только скажи. У нас есть вакансии. И такие, как ты, нам нужны.

— Я это учту, если с дядей дела пойдут неважно.

Они потягивали горячий шоколад.

— Послушай, Майк, — сказал Маллиган. — А что бы ты сделал, если бы твоя кузина, ну, типа того, овдовевшая, стала вдруг тебе названивать?

— Как названивать?

— По телефону. По межгороду. Она живет в другом штате. — Он залился краской. — Я видел ее в прошлом году на свадьбе у родственника. Но вообще тогда она была еще замужем, ну, то есть ее муж был еще жив, и вообще она моя родствен-

ница. Но не двоюродная сестра. Совсем дальняя родственница.

— Ты на нее что, запал?

— Ну, я не знаю. — Маллиган покраснел.

— Ладно, зайдем с другой стороны. Она на тебя запала?

— Ну, она кое-что сказала, когда звонила. Она очень красивая женщина.

— И… что ты собираешься делать?

— Я бы мог, например, позвать ее сюда. Почему бы и нет? Она что-то такое говорила, что не прочь приехать.

— Вы же оба взрослые люди. Не упускайте шанс — вот что я скажу.

Чэд кивнул, покраснел и снова кивнул.

Телефон в квартире у Тени не работал. Наверное, следовало бы подключиться, вот только Тень так и не придумал, кому бы он хотел позвонить. Как-то ночью он поднял трубку и приставил ее к уху: он был уверен, что слышит завывание ветра и отдаленный разговор нескольких людей, но разговаривали они так тихо, что слов почти нельзя было разобрать. «Алло! — произнес он в трубку. — Кто это говорит?». Ему не ответили, но в трубке воцарилась тишина, а потом раздался едва различимый смех, такой тихий, что он был

готов поверить, что ему показалось.

В следующие недели Тень много ездил со Средой.

Он сидел на кухне в загородном доме в Род-Айленде и слушал, как Среда спорит в темной спальне с какой-то женщиной, которая никак не желала вставать с постели и не позволяла ни Среде, ни Тени взглянуть на ее лицо. В холодильнике лежал полиэтиленовый пакет со сверчками, и рядом другой — с трупиками мышат.

В рок-клубе в Сиэтле Тень наблюдал, как Среда, перекрикивая музыку, поздоровался с молодой женщиной с коротко стриженными рыжими волосами и синими спиралевидными татуировками. Разговор, должно быть, прошел успешно, потому что Среда вернулся с радостной ухмылкой.

Пять дней спустя Тень ждал Среду во взятой напрокат машине в Далласе. Среда с хмурым видом вышел из вестибюля какой-то конторы, залез в машину, громко хлопнув дверцей, и какое-то время сидел молча, весь красный от ярости.

— Поехали, — сказал он.

А потом добавил:

— Чертовы албанцы. Кому вообще до них какое дело?

Через три дня они прилетели в Боулдер и там славно пообедали в компании пятерых молодых японских женщин. Трапезу сопровождал обмен любезностями и шутливыми замечаниями, и когда Тень встал из-за стола, он так и не понял, была ли достигнута договоренность или было принято иное решение. Впрочем, Среда остался доволен.

Тень начал предвкушать возвращение в Лейксайд. Там его ждали покой и радушный прием, который он очень ценил.

Каждое утро, если он был не в отъезде, он ездил через мост в городской парк. Покупал два пирожка у Мейбл; первый съедал на месте, запивая кофе. Если на столе лежала оставленная кем-то газета, он читал ее, правда, новости никогда не интересовали его настолько, чтобы покупать газету самому.

Второй пирожок, завернутый в бумажный пакетик, он клал в карман и съедал на ланч.

Однажды утром, когда он читал «Ю-Эс-Эй тудей», Мейбл сказала:

— Послушайте, Майк. Куда вы сегодня пойдете?

Небо в тот день было бледно-голубое. Утренний туман рассеялся, покрыв деревья инеем.

— Не знаю, — ответил Тень. — Может, опять

пойду гулять по лесным тропинкам.

Она подлила ему кофе.

— Вы когда-нибудь ходили на восток, в округ Q? Путь не ближний. Дорога туда идет от коврового магазина на Двенадцатой авеню.

— Нет, не ходил.

— Пойдите, — сказала она. — Там довольно красиво.

Красота была неописуемая. Тень оставил машину за городом и пошел пешком по обочине извилистой окружной дороги, которая петляла среди холмов на востоке от города. На холмах росли облетевшие клены, березы, белые, как кость, темные ели и сосны.

Одно время вместе с ним по дороге шла маленькая темно-бурая кошка, с белыми передними лапками. Когда Тень подошел, она не убежала.

— Привет, кошка, — почти автоматически сказал он ей.

Кошка склонила голову на бок и посмотрела на него изумрудными глазами. А потом вдруг зашипела — но не на него, а на что-то, что было на другой стороне дороги, на что-то, чего он не видел.

— Не бойся, — сказал Тень, но кошка крадучись перешла через дорогу и скрылась в поле неубран-

ной с прошлого года кукурузы.

За следующим поворотом Тень неожиданно наткнулся на крошечное кладбище. Надгробные плиты изъело время, хотя на некоторых лежали свежие цветы. Вокруг кладбища не было ни стены, ни ограды, только по краю росли низкие тутовые деревца, склонившиеся под тяжестью инея и возраста. Тень перешагнул за обочину через сугроб грязного снега вперемешку со льдом и прошел между двух каменных столбов, которыми был отмечен вход. Ворот между столбами не было и в помине.

Он бродил по кладбищу, рассматривая надгробия. Самая поздняя надпись была сделана в 1969 году. Он смахнул снег с прочного на вид гранитного ангела и прислонился к нему. Достал из кармана бумажный пакет, вынул из него пирожок и надломил его с краю: в морозный воздух выплыло тонкое облачко пара. И запах шел просто восхитительный. Он откусил кусок.

За спиной раздался хруст. Он сначала подумал, что это кошка, но потом уловил в воздухе аромат духов, сквозь который пробивался тонкий запах тления.

— Пожалуйста, не смотри на меня, — услышал он за спиной голос Лоры.

— Привет, Лора, — сказал Тень.

Ему показалось, что в голосе у нее сквозит неуверенность, и даже более того: едва ли не страх.

— Привет, бобик, — сказала она.

Он отломил кусок пирожка:

— Хочешь?

Теперь она стояла прямо у него за спиной.

— Нет, — ответила она. — Ешь сам. Я больше не ем еду.

Он откусил еще. Пирожок был вкусный.

— Я хочу на тебя посмотреть, — сказал он.

— Тебе не понравится.

— Пожалуйста, очень тебя прошу.

Она вышла из-за каменного ангела. И Тень увидел ее при свете дня. Кое-что изменилось, кое-что осталось по-прежнему. Прежними были глаза и оптимистический изгиб у самых краешков губ. Вот только теперь с первого взгляда было понятно: она мертвая, мертвее некуда. Тень дожевал пирожок. Потом встал, вытряхнул крошки из бумажного пакета, свернул его и сунул обратно в карман.

Все-таки время, проведенное в похоронном бюро в Кейро, прошло недаром: теперь в ее присутствии он чувствовал себя куда спокойнее. Вот

только совсем не знал, что сказать.

Она взяла его за руку, и он нежно сжал ее пальцы. Тень почувствовал, как сердце заколотилось в груди. Ему стало страшно — страшно от сознания привычной обыденности происходящего. Ему было хорошо оттого, что она рядом, настолько хорошо, что он был готов простоять с ней вот так хоть целую вечность.

— Я скучаю, — признался он.

— Да вот она я, рядом, — сказала она.

— В такие моменты я как раз и скучаю больше всего. Когда ты рядом. Когда тебя нет, когда ты просто призрак из прошлого или сон из другой жизни, тогда легче.

Она сжала его пальцы.

— Ну, как смерть? — спросил он.

— Тяжко. Все тянется и тянется.

Она положила голову ему на плечо, и это едва не отправило его в нокаут.

— Хочешь, прогуляемся немного? — спросил он.

— Давай, — согласилась она, и ее мертвое лицо искривила нервная, неуверенная улыбка.

Они вышли за пределы кладбища и, держась за руки, пошли по дороге в сторону города.

— Где ты был? — спросила она.

— Здесь же и был. По большей части.

— Начиная с Рождества ты куда-то стал пропадать. Иногда я знала, где ты, это длилось несколько часов или несколько дней. Ты был повсюду. А потом ты куда-то исчезал.

— Я был в этом городе, — сказал он. — В Лейксайде. Хороший маленький городок.

— Ну да, понятно, — сказала она.

Лора больше не носила синего костюма, в котором ее похоронили. Теперь на ней было несколько свитеров, длинная темная юбка и высокие бордовые сапоги. Тени они понравились, и он сказал ей об этом.

Лора наклонила голову и посмотрела на сапоги.

— Классные, правда? — улыбнулась она. — Я нашла их в одном обувном магазине в Чикаго.

— А почему ты решила приехать сюда из Чикаго?

— Я в Чикаго была проездом, бобик. Я вообще на юг еду. Не выношу холода. Тебе, наверное, кажется, что холод — это самое подходящее для меня состояние. Потому что я мертвая. Вот только когда ты мертвый, холод — уже не холод. Это что-то вроде пустоты. И единственное, чего по-настоящему боишься, когда ты мертвый, — так

это как раз пустоты. Я хочу в Техас. Хочу провести зиму в Галвестоне. Я, наверное, еще с детства привыкла зиму проводить Галвестоне.

— Это вряд ли, — сказал Тень. — Ты никогда об этом раньше не упоминала.

— Да? Может, это был кто-то другой. Не знаю. Я помню чаек — как им кидали хлеб, их было несколько сотен, все небо в чайках, бьют крыльями и хватают хлеб прямо на лету. — Она замолчала. — Если я этого не видела, должно быть, это видел кто-то другой.

Из-за поворота выехала машина. Водитель помахал им рукой. Тень помахал в ответ. Была в этом какая-то восхитительная обыденность — гулять вот так со своей женой.

— Как хорошо, — сказала Лора, будто прочитав его мысли.

— Да, — согласился он.

— Ну, и когда на этот раз я услышала зов, пришлось со всех ног мчаться назад. А я уже почти добралась до Техаса.

— Зов?

Она взглянула на него. На шее у нее блестела золотая монета.

— Это было похоже на зов, — сказала она. — Я сразу стала думать о тебе. О том, что мне очень

нужно тебя увидеть. Это как чувство голода.

— Значит, ты знала, что я *здесь*?

— Да.

Она остановилась, нахмурилась и слегка прикусила синюю нижнюю губу. А потом склонила голову набок и сказала:

— Я поняла. Как-то вдруг, раз — и до меня дошло. Я думала, это ты меня звал, а получается, что не ты.

— Не я.

— Ты не хотел меня видеть?

— Не в этом дело. — Он не решался сказать. — Нет, я не хотел тебя видеть. Это слишком больно.

Снег хрустел под ногами и сверкал в солнечных лучах, как россыпь бриллиантов.

— Да, не так-то это просто — не быть живым, — сказала Лора.

— Ты хочешь сказать, тебе трудно быть мертвой? Знаешь, я, вообще говоря, все еще пытаюсь придумать, как вернуть тебя обратно. И мне кажется, теперь я на верном пути…

— Нет, — сказала она. — Ну, то есть спасибо тебе. Надеюсь, у тебя получится. Я столько всего нехорошего натворила… — Она покачала головой. — Я вообще-то говорила о тебе.

— Я-то живой, — сказал Тень. — Я пока не умер.

Помнишь об этом?

— Не умер, — согласилась она. — Хотя я не уверена, что ты живой. Совсем не уверена.

Так разговоры не разговариваются, подумал Тень. *Так вообще дела не делаются.*

— Я люблю тебя, — бесстрастно сказала она. — Ты мой бобик. Просто когда ты мертвый, все видится яснее. Будто больше никого нет. Понимаешь? Будто ты одна большая сплошная человекообразная прореха в мироздании. — Она нахмурилась. — Даже когда мы были вместе. Мне нравилось быть с тобой. Ты меня обожал, ты бы сделал для меня все что угодно. Но иногда я входила в комнату, и мне казалось, что там никого нет. Я включала свет или, наоборот, выключала, и понимала, что ты тут, сидишь себе в кресле, не читаешь, не смотришь телевизор, вообще ничего не делаешь.

Тут она его обняла, словно желая смягчить резкость сказанных слов, и продолжила:

— Самое лучшее в Робби было то, что он хоть *кем-то* был. Иногда он был кретином, мог выставить себя на посмешище, а еще ему нравилось, чтобы вокруг были зеркала, когда мы занимались любовью, и он смотрел, как он меня трахает, но при этом он был *живой*, бобик. Он чего-то *хотел*.

Он заполнял собой пространство. — Она замолчала, посмотрела на него, слегка склонив голову набок. — Прости. Я тебя обидела?

Он боялся, что голос его подведет, и поэтому просто покачал головой.

— Вот и хорошо, — сказала она.

Они подходили к зоне отдыха, где он оставил машину. Тень чувствовал, что надо что-то сказать: «Я люблю тебя», или «Пожалуйста, не уходи», или «Прости меня». Какие-нибудь слова, которыми можно будет спасти разговор, который ни с того ни с сего вдруг зашел слишком далеко. Но вместо этого он сказал:

— Я не мертвый.

— Может и нет, — сказала она. — Но ты точно уверен, что ты живой?

— А ты посмотри на меня повнимательнее, — сказал он.

— Это не ответ, — ответила ему мертвая жена. — Оживешь — сам поймешь.

— Что пойму?

— Ну, вот я с тобой и повидалась. Теперь мне пора обратно на юг.

— В Техас?

— Да без разницы. Туда, где теплее.

— А я вот никуда отсюда деться не имею пра-

ва, — сказал Тень. — Жду распоряжений от босса.

— Это не жизнь, — вздохнула Лора. А потом улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда выворачивала ему душу наизнанку. И неважно, сколько раз он ее видел, всякий раз, когда она ему улыбалась, был — как самый первый раз.

Он сделал шаг вперед, чтобы обнять ее, но она покачала головой и отстранилась. Его машина тронулась с места и покатилась прочь, а она, присев на краешек занесенного снегом столика для пикника, провожала ее взглядом.

Интермедия

Война началась, но никто этого даже не заметил. Сгущались тучи, но никто об этом и не подозревал.

В Манхэттене упала строительная балка и перегородила улицу на целых два дня. Она задавила насмерть двоих человек, таксиста-араба и пассажира, который был с ним в такси.

В Денвере было найдено тело водителя грузовика. Он был убит в собственном доме. Орудие убийства, молоток-гвоздодер с резиновой ручкой, лежал на полу рядом с телом. Затылок был проломлен насквозь, но лицо осталось нетронутым.

А на зеркале в ванной коричневой помадой было написано несколько слов, непонятными буквами, на неизвестном языке.

В Фениксе, штат Аризона, на почтовой сортировочной станции некий человек сошел с ума и пристрелил — *отправил с почты на тот свет*, как сказали в вечерних новостях — патологически толстого и неповоротливого Терри «Тролля» Ивенсена, который жил один в трейлере. Стрелял этот псих и еще по нескольким людям, но застрелил только Ивенсена. Убийцу — которого сначала сочли впавшим в амок почтовым служащим — задержать не удалось, и его личность так и не была установлена.

— Честно говоря, — сказал начальник Терри «Тролля» Ивенсена в пятичасовых новостях, — если бы у нас кто и додумался отправлять людей на тот свет, мы бы все пальцем показали на Тролля. Хороший был работник, но уж больно странный. Я хочу сказать, никогда ведь не знаешь наверняка, как оно обернется на самом деле, правда?

Когда сюжет повторяли в вечерних новостях, это интервью из него вырезали.

В Монтане были обнаружены трупы девяти отшельников, которые жили одной общиной. Журналисты предполагали, что было совершено

групповое самоубийство, но вскоре в качестве причины смерти стали называть отравление угарным газом из-за неисправной старой печки.

На кладбище в Ки-Уэст была осквернена подземная усыпальница.

Пассажирский поезд корпорации «Амтрак»[97] столкнулся с грузовиком Ю-Пи-Эс[98] в Айдахо. Водитель грузовика погиб. Среди пассажиров серьезно пострадавших не было.

На данном этапе это была по-прежнему холодная война, странная война,[99] где по-настоящему не может быть ни победителей, ни побежденных.

Ветер гнул деревья. От костра разлетались искры. Надвигалась буря.

Царица Савская, которая, по слухам, была по отцовской линии наполовину демоном, колдуньей,

---

[97] notes: 97

«Амтрак» — национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.

[98] notes: 98

«Юнайтед парсел сервис» (UPS) — частная служба доставки посылок, транснациональная корпорация, предоставляющая услуги экспресс-почты.

[99] notes: 99

Phony war — период Второй мировой войны между сентябрем 1939-го и маем 1940 года, когда Великобритания де-юре находилась в состоянии войны с Германией, но де-факто не принимала участия в боевых действиях.

знахаркой и властительницей Савы-Шебы, в те времена, когда та слыла самой богатой страной на свете, а ее пряности, самоцветы и сандаловое дерево везли на кораблях и верблюжьих спинах во все уголки земли, царица, которой поклонялись уже при жизни, которую мудрейшие цари почитали как богиню, стоит на тротуаре на бульваре Сансет[100] в два часа ночи и равнодушно взирает на проезжающие автомобили, словно пластмассовая, обычного блядского вида невеста со свадебного торта с шоколадной глазурью. Она стоит так, словно и тротуар, и сама эта ночь принадлежат именно ей.

Когда кто-то смотрит на нее, ее губы начинают шевелиться, словно она разговаривает сама с собой. Когда мимо нее проезжают мужчины, она встречается с ними взглядом и одаривает улыбкой.

Ночь выдалась долгая.

И неделя шла долго, и долго тянулись последние четыре тысячи лет.

Она гордится тем, что никому ничем не обязана. У других девочек с этой улицы есть сутенеры, есть привычки, есть дети, есть люди, которые

---

[100] notes: 100

Бульвар Сансет — главная и самая богатая улица Голливуда.

забирают у них то, что они зарабатывают. У нее все иначе.

В ее профессии не осталось ничего священного. Ровным счетом ничего.

Уже неделю в Лос-Анджелесе льют дожди, провоцируя аварии на скользких дорогах, стекая грязевыми потоками со склонов холмов, подмывая и опрокидывая в овраги целые дома, смывая весь мир в водосточные желоба и канавы, заливая бродяг и бомжей, что живут в бетонных стоках у реки. Когда в Лос-Анджелес приходят дожди, они всегда застают людей врасплох.

Всю неделю Билкис не выходила из дома. Она была не в состоянии стоять на тротуаре, она сидела, поджав ноги, на кровати в комнате цвета сырой печени, слушала, как дождь барабанит по металлическому корпусу оконного кондиционера и оставляла частные объявления в интернете. Она оставила приглашения на adultfriendfinder.com, LA-escorts.com, Classyhollywoodbabes.com, везде указав анонимный электронный адрес. Она гордилась тем, что осваивает новые территории, но все равно немного нервничала: она уже давно привыкла не оставлять после себя письменных улик. Она даже ни разу не давала объявлений на последних полосах «Эл-эй уикли», предпочитая

сама выбирать себе клиентов, высматривать, вынюхивать, вылавливать за руку тех, кто будет поклоняться ей так, как нужно, тех, кто позволит ей завладеть собой целиком и полностью…

И вот теперь, когда она стоит на углу и трясется от холода (позднефевральские дожди закончились, но теплее не стало), ей приходит в голову, что у нее такая же зависимость, как у шлюх, сидящих на гере или на крэке, и эта мысль ее огорчает, и она опять начинает шевелить губами. Если бы вам случилось подставить ухо вплотную к ее рубиново-красным губам, вы бы услышали, как она шепчет.

— Сейчас я встану и пойду бродить по улицам, и буду искать на пути своем того, кого люблю, — шепчет она. *— Ночью на ложе моем я нашла, кого любит душа. Пусть целует меня поцелуями губ своих. Мой возлюбленный принадлежит мне, я — ему.*

Билкис надеется, что раз дожди прекратились, должны вернуться клиенты. Большую часть года она ходит туда-сюда по бульвару Сансет в пределах двух-трех кварталов и наслаждается прохладой лос-анджелесских ночей. Раз в месяц она отстегивает деньги офицеру полиции Лос-Анджелеса, он пришел на смену другому офицеру,

которому она тоже отстегивала, пока тот не пропал. Его звали Джерри Лёбек, и его исчезновение осталось для полиции Лос-Анджелеса загадкой. Незадолго до исчезновения он сделался положительно одержим Билкис и буквально ходил за ней хвостом. Однажды днем она проснулась от какого-то шума, открыла входную дверь и обнаружила Джерри Лёбека в штатском: он стоял, коленопреклоненный, на потертом коврике, и, опустив голову, раскачивался взад-вперед. Он ждал, когда она выйдет. Шум, который ее разбудил, производили удары головой о дверь, когда Джерри бил поклоны.

Она погладила его по волосам и пригласила войти. Позже она сунула его одежду в черный пластиковый пакет и выкинула пакет в мусорный контейнер на заднем дворе отеля, что стоял в нескольких кварталах от ее дома. Пистолет и бумажник она положила в пакет из-под продуктов, сверху на них вылила кофейную гущу и бросила объедки, завязала пакет узлом и выбросила в урну на автобусной остановке.

На память она никогда ничего не оставляла.

Далеко на западе, где-то над морем, в ночном оранжевом небе сверкает молния, и Билкис понимает, что скоро пойдет дождь. Она вздыхает.

Как не хочется мокнуть под дождем. Она принимает решение вернуться домой, принять ванну, побрить ноги — ей кажется, она только и делает, что бреет ноги — и лечь спать.

Она трогается с места, сворачивает в переулок и поднимается в гору, к тому месту, где припаркована ее машина.

В спину светят фары, сзади приближается, сбрасывая скорость, автомобиль. Она оборачивается и улыбается. Но улыбка застывает на ее лице, когда она видит, что к ней подъехал длинный белый лимузин. Мужчины, которые разъезжают на лимузинах, и трахаться предпочитают в них же, а не в уединенном святилище Билкис. Хотя первый раз можно считать депозитным вкладом. Проценты с него она получит потом.

Затемненное стекло с жужжанием опускается, и Билкис с улыбкой подходит к лимузину:

— Здравствуй, милый, — говорит она. — Ищешь что-нибудь?

— Любви и нежности, — доносится голос из глубины лимузина.

Она заглядывает внутрь, насколько позволяет опущенное стекло: она знакома с девушкой, которая однажды села в лимузин с пятью пьяными футболистами, и ее здорово покалечили, но в этой

машине только один клиент, к тому же на вид почти мальчишка. На восторженного почитателя не похож, но и сами по себе деньги, приличные деньги, которые он вложит ей в руку, это уже энергия — когда-то ее называли *барака*, — которую она может использовать, а в такие времена, сказать по правде, ценишь каждую кроху.

— Сколько? — спрашивает он.

— Зависит о того, чего ты хочешь и как долго ты хочешь этого, — говорит она. — И можешь ли ты себе это позволить.

Она чувствует, что из окна лимузина тянет гарью. Пахнет сгоревшими проводами и перегревшимися микросхемами. Дверца распахивается изнутри.

— Я могу заплатить за все, — говорит клиент.

Она наклоняется, заглядывает в машину и осматривается. Больше никого нет, только один клиент, толстомордый мальчишка, которому, судя по виду, даже и пить рановато. Больше никого, и она садится.

— Богатенький, значит, мальчик, — говорит она.

— Богаче не бывает, — отвечает он, медленно подползая к ней по кожаному сиденью. Двигается он неуклюже. Она улыбается, глядя на него.

— Ммм, ты меня заводишь, милый, — говорит она. — Ты, должно быть, один из этих доткомовских ребят? Я о них читала.

Его распирает от гордости, он пыхтит, как жаба.

— Да. Помимо всего прочего. Я техномальчик.

Машина трогается.

— Ну, Билкис, сколько ты возьмешь за то, чтобы у меня отсосать?

— Как ты меня назвал?

— Билкис, — повторяет он и начинает петь, хотя голос его для сценического вокала явно не предназначен. — *Нематериальная девушка в материальном мире*. — Слова звучат заученно, будто он много раз репетировал свой ответ, стоя перед зеркалом.

Ее улыбка исчезает, лицо меняется, теперь оно мудрее, жестче, суровее.

— Чего ты хочешь?

— Я же сказал. Любви и нежности.

— Я дам тебе то, чего ты хочешь, — говорит она.

Нужно выбраться из лимузина. Он слишком быстро едет, чтобы спрыгнуть, прикидывает она, но если не получится заговорить ему зубы, она спрыгнет. Как ей все это не нравится!

— Чего я хочу. Да. — Он берет паузу и проводит языком по губам. — Я хочу, чтобы в мире стало чисто. Я хочу, чтобы будущее принадлежало мне. Я хочу эволюции, революции, пересмотра конституции. Я хочу, чтобы наши люди не плелись в кильватере, а выбились в мейнстрим и заняли в нем достойное место. Что-то вы взяли вдруг и вылезли из подполья. Это неправильно. Мы должны стать центром внимания, мы должны сиять в лучах славы. Быть в центре и во главе всего и вся. А вы так долго сидели в своем подполье, что перестали отличать свет от тьмы.

— Меня зовут Айша, — сказала она. — Я не понимаю, о чем ты говоришь. Там, на углу, еще одна девушка, ее как раз зовут Билкис. Поехали обратно на Сансет, можешь взять нас обеих…

— Билкис, Билкис, — говорит он и театрально вздыхает. — Веры вокруг ровно столько, сколько есть, не больше и не меньше. Они себя исчерпали, им больше нечего нам дать. Кризис доверия. — И он опять начинает немелодично и гнусаво петь. — *Аналоговая девушка в цифровом мире.*

Лимузин заворачивает за угол на слишком большой скорости, и его кидает прямо на нее. Водителя не видно за темным стеклом. Ее вдруг охватывает смутное, ничем не объяснимое чув-

ство, что за рулем вообще никого нет, что белый лимузин едет по Беверли-Хиллз сам по себе, как автомобиль-мультяшка из «Тачек», по собственной воле.

Тут клиент протягивает руку и стучит по затемненному стеклу перегородки.

Машина замедляет ход, и до того, как она успевает остановиться, Билкис открывает дверцу и то ли выпрыгивает, то ли вываливается на асфальт. И оказывается на дороге на склоне холма. Слева от нее крутой подъем, почти отвесный склон. Она бежит назад по дороге. Лимузин стоит на месте.

Начинает идти дождь. Высокие каблуки скользят и подворачиваются, и она сбрасывает туфли. Она бежит, промокшая насквозь, высматривая, куда бы можно было свернуть с дороги. Ей страшно. Конечно, она колдунья, но вся ее сила во влагалище, она властвует над людскими желаниями. Это помогало ей выжить в этой стране уже долгое-долгое время, но обычно она рассчитывает только на свои ум и проницательность, на свои стать и неизменное присутствие духа.

Справа от нее на уровне колен тянется сплошное металлическое заграждение, не дающее машинам съезжать на обочину, но из-за дождя дорога превратилась в несущийся вниз речной

поток. Ступни Билкис начинают кровоточить.

Перед ней расстилается ночной Лос-Анджелес, мерцающая электрическая карта воображаемого царства: небеса в буквальном смысле слова опустились и легли на землю. Она знает: чтобы оказаться в безопасности, нужно просто свернуть с дороги.

— *Я черна, но красива,* — вышептывает она в дождливую ночь. — *Я роза Шарона, я лилия долин. Утолите вином мою жажду, подкрепите меня яблоками: любовью я уже пресытилась.*

Ночное небо озаряет зеленоватая вспышка молнии. Она оступается, падает и съезжает вниз по асфальту, сдирая кожу на ноге и локте, но, заметив свет приближающихся фар, поднимается снова. Они надвигаются на нее катастрофически быстро, и она не знает, что делать: отскочить вправо, чтобы ее раздавили о заграждение, или влево, прямо в водосточную канаву. Она перебегает через дорогу, решив вцепиться изо всех сил в размытую глину и карабкаться вверх, и тут длинный белый лимузин на жуткой скорости, километров восемьдесят в час, начинает идти юзом по скользкой покатой дороге, он уже не едет по асфальту, а скользит по воде, а она цепляется руками за траву, хватается за землю, она забе-

рется наверх, она уйдет, она точно знает, но тут размокшая земля обваливается, и она кубарем катится обратно на дорогу.

Машина врезается в нее с такой силой, что сминает решетку, а ее саму подбрасывает в воздух, как тряпичную куклу. Она падает на дорогу позади лимузина, от удара у нее раздроблен таз и проломлен череп. По ее лицу ручьями бежит дождевая вода.

Она начинает проклинать своего убийцу: она проклинает его молча, потому что не может шевелить губами. Она проклинает его бодрствующим и спящим, в жизни и в смерти. Только та, чей отец был демоном, может так проклинать.

Хлопает дверца, и к ней кто-то подходит.

— *Ты была аналоговой девушкой,* — немелодично напевает он, — *в цифровом мире.*

А потом он добавляет:

— Мадонны ебаные. Ебать вас всех, — и уходит.

Хлопает дверца.

Лимузин дает задний ход и проезжает по ней, сначала медленно. Кости хрустят под колесами. Затем он съезжает на нее с горки.

Когда лимузин наконец уезжает, на дороге остается лишь кровавое месиво, в котором с тру-

дом можно узнать человеческое тело, но даже эти следы дорожного происшествия вскоре смоет дождем.

Вторая интермедия

— Привет, Саманта.

— Мэгс? Это ты?

— А кто же еще? Леон сказал, звонила тетя Сэмми, пока я была в душе.

— Мы мило поболтали. Он просто прелесть.

— Да. Надеюсь, хоть этот от меня никуда не денется.

На секунду разговор прерывается: в трубке стоит треск, на линии перешептываются чьи-то чужие голоса.

— Как учеба, Сэмми?

— Нас отпустили на неделю. Там проблемы с отоплением. А что нового в ваших северных лесах?

— У меня новый сосед за стенкой. Показывает фокусы с монетами. В «Лейксайд ньюс» в разделе «письма читателей» разгорелись жаркие споры по поводу возможной застройки пригородных земель в районе старого кладбища на юго-восточном берегу озера, и искренне ваша Маргарет

Ольсен должна сказать свое веское слово от лица всей редакции, никого при этом не оскорбив и вообще выразив свою позицию так, чтобы никто не понял, в чем она, собственно, состоит.

— Весело у вас там, короче.

— Как бы не так! На прошлой неделе пропала Элисон МакГоверн, старшая дочка Джилли и Стэна МакГовернов. Хорошая девочка. Она несколько раз приходила посидеть с Леоном.

Рот открывается, чтобы что-то сказать, и закрывается снова, проглатывая несказанные слова, а вместо них губы выговаривают:

— Какой ужас.

— Да.

— Ну…

Но что после этого скажешь, чтобы не сделать больно? Поэтому она спрашивает:

— А он симпатичный?

— Кто?

— Твой сосед.

— Его зовут Айнсель. Майк Айнсель. Он ничего. Слишком молод для меня. Здоровый такой и… как это? Слово на «с».

— Стремный? Скучный? Слащавый? Семейный?

Смешок:

— Да, пожалуй, по виду семейный. То есть если семейного мужика вообще можно вычислить по внешнему виду, этот вроде похож. Но я хотела сказать «страдальческий». У него страдальческий вид.

— И странноватый?

— Да в общем нет. Когда въехал, он был какой-то беспомощный — даже не знал, как заклеивают на зиму окна. Да и теперь у него такой вид, будто толком не знает, что он тут делает. То сидит дома, то куда-то пропадает. Я несколько раз видела, как он гуляет.

— Может, он грабит банки?

— Угу. Вот и я так подумала.

— Да ладно. Это я так, глупость ляпнула. Слушай, Мэгс, ты *сама-то* как? У *тебя* все в порядке?

— Да.

— Точно?

— Нет.

Долгая пауза.

— Я хочу тебя навестить.

— Не надо, Сэмми.

— Я приеду после выходных, пока отопление не починили и не начались занятия. Будет весело. Постелешь мне на диване. И как-нибудь вечером позовешь на ужин своего странноватого соседа.

— Сэм, ты сводня.

— Я сводня? После невыносимой стервы Клодин я уже почти готова переключиться обратно на мальчиков. Я тут встретила одного странного, но милого парня, когда ехала автостопом в Эль-Пасо на Рождество.

— Вот как. Слушай, Сэм, прекращай ездить автостопом.

— А как я тогда, по-твоему, доберусь до Лейк-сайда?

— Элисон МакГоверн ездила автостопом. Даже в таком городке, как у нас, это небезопасно. Я вышлю тебе денег. Поедешь на автобусе.

— Да все со мной будет в порядке!

— *Сэмми*.

— Ладно, Мэгс. Вышли денег, если ты будешь от этого крепче спать.

— Буду, ты же знаешь.

— Ладно, сестрица-наставница, обними за меня Леона и скажи ему, что скоро приедет тетя Сэмми, пусть больше не прячет у нее в кроватке свои игрушки.

— Передам. Вот только не обещаю, что он послушается. Так когда тебя ждать?

— Завтра вечером. Можешь меня не встречать — попрошу Хинцельманна подбросить меня на

Тесси от остановки.

— Не выйдет. Хинцельманн поставил Тесси на зиму в гараж. Но он, конечно, все тебя равно довезет. Он тебя любит. Ты слушаешь его истории.

— Может, тебе стоит попросить Хинцельманна написать редакционную статью за тебя? Что-нибудь в таком духе: «О застройке возле старого кладбища. Случилось так, что зимой третьего года мой дедуля подстрелил у старого кладбища у озера оленя. Пули у него закончились, поэтому он прицелился в оленя вишневой косточкой, которую выудил из обеда, что собрала ему в дорогу бабушка. Вмазал косточкой оленю прямо в череп, а тот как деранет со всей дури, и убежал. Оказался дедуля в том же самом месте два года спустя, и заприметил опять своего могучего оленя, а у того промеж рогов выросла вишня. Взял он его да и пристрелил, а бабушка напекла столько пирогов с вишней, что объедались они ими аж до самого четвертого июля…»

Третья интермедия
Джексонвилл, Флорида, 2 часа ночи

— Я по объявлению о найме на работу.

— У нас всегда есть вакансии.

— Но я могу работать только в ночную смену. Вам это подходит?

— В принципе да. Вам нужно будет подать заявление, я дам вам форму. У вас есть опыт работы на заправке?

— Нет. Но я думаю, это не очень сложно.

— Ну, вообще-то, конечно, дело нехитрое. Знаете, мэм, простите, что я говорю об этом, но вы неважно выглядите.

— Я знаю. Я просто не очень здорова. Но вид куда ужаснее, чем самочувствие. Опасности для жизни нет.

— Ладно. Заявление оставите мне. У нас сейчас напряженка с ночными кадрами. Работу в ночь мы тут зовем зомби-сменой. Длится она просто бесконечно, прямо в зомби превращаешься. Так, ага… Значит, *Ларна*?

— Лора.

— Лора. Замечательно. Ну, надеюсь, вы не испугаетесь извращенцев. По ночам их тут пруд пруди.

— Да уж, не сомневаюсь. Ничего, справлюсь как-нибудь.

Глава тринадцатая

Эй, старый друг.
Что-что, старый друг?
Да брось, старый друг,
Дай отдохнуть.
Что приуныл?
Мы не умрем.
Ты, я и он —
Слишком много людей, чья
жизнь на кону.

***Стивен Сондхайм. Старые друзья*[101]**

Субботнее утро. Звонок в дверь.

Маргарет Ольсен. Проходить в дом она не стала,

---

[101] notes: 101

Стивен Сондхайм (р. 1930) — американский поэт и композитор, работающий по преимуществу для театра и кино. Автор текстов и музыки к «Вестсайдской истории», «Суини Тодду» и др. «Старые друзья» — песенка из телевизионного спектакля «Мы едем, едем, едем» («Merrily we roll along», 1993). Приведенный Гейманом в качестве эпиграфа текст не совпадает с текстом песни Сондхайма и, по сути, является пародией на нее. В оригинале первые два куплета «Старых друзей» звучат следующим образом: «Hey, old friend / What d'ya say, old friend? / Are you okay, old friend? / Are we, are we unique? / Time goes by / Everything else keeps changing / You and I, we can / Continue next week, yeah».

осталась стоять за порогом, залитая солнечным светом, и вид у нее был очень серьезный.

— Мистер Айнсель…

— Зовите меня просто Майк, — сказал Тень.

— Хорошо, Майк. Не хотите прийти ко мне сегодня вечером, на ужин? Часиков в шесть? Ничего особенного, спагетти с тефтелями.

— Обожаю спагетти с тефтелями.

— Если у вас есть какие-то другие планы на вечер…

— У меня нет других планов.

— Ну, значит, в шесть.

— А ничего, если я принесу цветы?

— Ну, если без этого никак… Но только жест этот мы будем воспринимать как сугубо социальный. Не романтический.

Он принял душ. Потом вышел прогуляться — совсем ненадолго, до моста и обратно. Солнце было там, где положено, этакий тусклый четвертак в середине неба, и к тому моменту, как он вернулся домой, его спина была мокрой насквозь. Он сгонял на «Тойоте» в «Деликатесы от Дейва» и купил бутылку вина за двадцать долларов, усмотрев в цене гарантию качества. В винах он не понимал ровным счетом ничего, и калифорнийское каберне выбрал только потому, что когда-то, дав-

ным-давно, когда люди еще имели обыкновение лепить на задние стекла автомобилей всякие чудные фразы, прочел на одной машине ЖИЗНЬ ЭТО КАБЕРНЕ[102] и очень смеялся.

В качестве подарка он купил растение в горшке. Листья зеленые, цветов нет. Никакого намека на романтику — даже самого отдаленного.

Еще он купил упаковку молока, которого не пил, и кое-каких фруктов, которых тоже сам есть не стал бы.

Потом поехал к Мейбл и взял пирожок, один. Увидев его, Мейбл так и расплылась от радости.

— А что, Хинцельманн не перехватил вас по дороге?

— Я и не в курсе, что он меня ищет.

— Ищет, ищет. Хочет пригласить на подледную рыбалку. И еще Чэд Маллиган справлялся, не видела ли я вас, и все такое. К нему кузина приехала, из другого штата. Она ему троюродная, короче говоря, из тех, с кем уже можно целоваться. Такая милая. Она вам тоже понравится, — и Мейбл уронила пирожок в пакет из коричневой бумаги и завернула пакет сверху, чтобы пирожок не остыл.

---

[102] notes: 102

Пародия на известную песню из мюзикла Боба Фосса «Кабаре», припев которой заканчивается словами: «Жизнь это кабаре».

Домой Тень ехал не торопясь, в одной руке он держал пирожок, а крошки сыпались на джинсы и на пол машины. Тень проехал мимо библиотеки на южном берегу озера. Снег и лед сделали город черно-белым. Весна казалась невообразимо далекой: драндулет будет вечно стоять на этом льду, среди палаток, поставленных рыбаками, пикапов и следов от снегоходов.

Он доехал до дома, припарковался, прошел по дорожке и поднялся по деревянным ступенькам крыльца к своей двери. Щеглы и поползни, скакавшие по кормушке, не сочли его появление заслуживающим внимания. Он вошел в дом. Полил цветок, поразмышлял над тем, ставить ли вино в холодильник.

Времени до шести нужно было убить еще чертову уйму.

Хоть бы телевизор можно было посмотреть спокойно, как раньше, подумал Тень. Ему хотелось отвлечься, а думать не хотелось совсем — просто сидеть и сидеть, и чтобы свет и звуки прокатывались над головой, не оставляя следа. *Хочешь увидеть сиськи Люси*? — шепнул откуда-то из глубин памяти голос, похожий на голос Люси, и он покачал головой, хотя кому он, собственно, адресовал этот жест, было непонятно.

И тут до него дошло, что он просто нервничает. Можно сказать, первая человеческая встреча с первым нормальным человеком — не с зэком, не с охранником, не с богом, не с персонажем и не с мертвецом — с самого первого дня, когда его арестовали три года тому назад. И нужно будет поддерживать разговор, и не выходить из образа Майка Айнселя.

Он глянул на часы. Половина третьего. Маргарет Ольсен сказала, чтобы он приходил в шесть. То есть — в шесть *ровно*? Может быть, имеет смысл прийти немного раньше? Или чуть позже? По здравом размышлении он решил, что стоять у соседской двери он будет ровно в пять минут седьмого.

Зазвонил телефон.

— Да? — сказал он.

— Что за манера брать трубку, — проворчал голос Среды.

— Когда мне телефон подключат, тогда и отвечать буду вежливо, — сказал Тень. — Чем обязан?

— Ну, не знаю, — сказал Среда и помолчал немного и продолжил: — Знаешь, собирать богов в одну кучку — все равно что кошек пытаться выстроить в шеренгу. Они к этому от природы

не приспособлены. — Голос у Среды звучал так глухо, и такая в нем была смертельная усталость, какой Тени еще ни разу не доводилось слышать.

— Что случилось?

— Трудно мне. Охеренной трудности оказалась затея. Вообще не знаю, получится или нет. С тем же успехом мы могли вскрыть себе глотки. Просто взять и перерезать глотки, сами себе.

— Что ты несешь?

— Да, ты прав. Чушь несу.

— Хотя, если ты и впрямь решишься распороть себе глотку, — сказал Тень, пытаясь перевести все в шутку и хоть ненадолго вытащить Среду из сумеречного состояния души, — ты, должно быть, и боли-то не почувствуешь!

— Почувствую. Даже и нашему брату бывает больно. Если живешь и действуешь в реальном мире, реальный мир тоже на тебя действует. Боль дает о себе знать — так же, как жадность застит глаза или как кипит страсть. Может, нас не так легко убить, и смерть наша — это тебе, мать твою, не простая хорошая смерть, но умирать-то мы умираем. Если нас по-прежнему любят и помнят, на нашем месте тут же оказывается кто-нибудь, очень на нас похожий, и вся эта канитель начинается сызнова. А если про нас забывают, то все,

крышка!

Тень не знал, что положено говорить в таких случаях. И поэтому спросил:

— Ты откуда звонишь?

— Не твое собачье дело!

— Ты что, пьян?

— Нет еще. Никак у меня Тор из головы не идет. Ты его даже не видел ни разу. Матерый такой мужик, вроде тебя. И редкой доброты был бог. С головой так себе, но если его попросить, последнюю, блядь, рубашку, и ту отдаст. И вот — покончил жизнь самоубийством. В 1932 году, в Филадельфии, сунул ствол себе в рот и нажал на курок. И это, спрашивается, подходящая смерть для бога?

— Мне очень жаль.

— Хрена лысого тебе жаль, сынок. Он точно такой же был, как ты. Здоровенный и тупой. — Среда осекся. И начал кашлять.

— Так что случилось-то? — во второй раз спросил Тень.

— Они на меня вышли.

— Кто на тебя вышел?

— Оппозиция.

— И?

— Хотят обсудить условия перемирия. Мирные

переговоры. Живи, блядь, и давай жить другим.

— И что дальше?

— А дальше я поеду пить дерьмовый кофе с этими новыми ублюдками в Масонском зале в Канзас-сити.

— Понял. Ты за мной заедешь или мне куда-нибудь подскочить?

— Сиди где сидишь и не отсвечивай. Не лезь поперед батьки в пекло. Понял меня?

— Но ты же…

Щелчок, и на линии воцарилась глухая тишина. Даже ни единого гудка — хотя, с другой стороны, откуда там взяться гудкам.

И ничего, кроме необходимости как-то убить время. После разговора со Средой у Тени осталось смутное беспокойство. Он встал и решил было еще раз выйти на улицу прогуляться, но там уже начало темнеть, и он сел снова.

Тень взял в руки «Протоколы заседаний городского совета Лейксайда за 1872–1884 годы» и начал переворачивать страницы, пробегая глазами мелкий шрифт: он не то чтобы читал, скорее сканировал страницу за страницей, пока не зацепится глаз — и уже тогда принимался читать.

Он выяснил, к примеру, что в июле 1874 года городской совет был обеспокоен резким

увеличением числа приезжающих в город лесорубов-эмигрантов. На углу Бродвея и 3-й стрит собрались строить оперный театр. Предполагалось, что неудобства, связанные с постройкой дамбы через Мельничный ручей, прекратятся, как только мельничная запруда превратится в настоящее озеро. Совет утвердил выплату семидесяти долларов мистеру Сэмюелу Сэмюелсу, а также восьмидесяти пяти долларов мистеру Хекки Салминену в качестве компенсации за принадлежащую им землю, а также за расходы, понесенные ими в результате переноса домохозяйств из зоны затопления.

Тени раньше даже и в голову не приходило, что озеро может быть искусственным. Зачем, спрашивается, называть город Лейксайдом, если само озеро изначально представляло собой всего лишь сраную мельничную запруду? Он стал читать дальше и выяснил, что ответственным за этот ирригационный проект был назначен мистер Хинцельманн, родившийся в Хайдмюле, Бавария, и что городской совет выделил ему для этого сумму в 370 долларов при условии, что все дополнительные расходы должны были покрываться за счет специально организованной среди граждан города подписки. Тень оторвал от

бумажного полотенца полоску бумаги и заложил соответствующую страницу. То-то порадуется Хинцельманн, узнав о славных деяниях своего деда. Интересно, подумал Тень, а он вообще в курсе, что озеро — дело рук его предков? И Тень стал листать книгу дальше, уже нарочно выискивая все, что могло относиться к озерному проекту.

Озеро официально открыли весной 1876 года: была даже особая церемония, связанная с грядущим столетием со дня основания города. Совет проголосовал за то, чтобы вынести мистеру Хинцельманну отдельную благодарность.

Тень сверился с часами. Половина шестого. Он пошел в ванную, побрился и причесался. Переоделся. Последние пятнадцать минут как-никак, а прошли. Он сгреб в охапку бутылку вина и цветок, и подошел к соседней двери.

Дверь отворилась сразу, как только он постучал. Судя по ее виду, Маргарет Ольсен нервничала ничуть не меньше, чем он сам. Она приняла у него цветок и бутылку и поблагодарила. В гостиной работал телевизор, шел «Волшебник Страны Оз» в видеозаписи. Пленка еще черно-белая, Дороти еще в Канзасе, сидит с закрытыми глазами в повозке у профессора Марвела, и старый мошенник делает вид, будто читает ее мысли, — а

тем временем к месту действия приближается смерч, который унесет ее из привычной жизни далеко-далеко. Перед экраном сидел Леон и катал игрушечную пожарную машину. Увидев Тень, он просиял от радости, вскочил и побежал в спальню, запнувшись второпях нога за ногу, и тут же выскочил обратно, с победным видом держа в руках двадцатипятицентовую монету.

— Смотри, Майк Айнсель! — закричал он. А потом сложил руки вместе и сделал вид, будто взял монетку правой рукой, которую тут же и продемонстрировал Тени: пустую. — Раз, и она исчезла, Майк Айнсель!

— Молодец, — кивнул Тень. — После ужина, если, конечно, мама будет не против, я покажу тебе, как тот же фокус можно сделать еще более лихо.

— Если хотите, показывайте прямо сейчас, — сказала Маргарет. — Все равно нам еще Саманту ждать. Я ее послала за сметаной. Не знаю, где ее носит.

И тут, словно по мановению волшебной палочки, раздался стук шагов о деревянные ступени, и кто-то наподдал плечом входную дверь. Поначалу Тень ее не узнал, но она сказала:

— Я не поняла, какую ты заказывала, ту, что с калориями, или ту, что на вкус как клей для

обоев, так что на всякий случай купила ту, что с калориями, — и тут до него дошло: та самая девчонка, с дороги на Кейро.

— В самый раз, — сказала Маргарет. — Сэм, познакомься, это мой сосед, Майк Айнсель. Майк, это Саманта Черная Ворона, моя сестра.

Мы с тобой незнакомы, Тень отчаянным усилием воли вытолкнул из себя молчаливый вопль. *Мы с тобой никогда раньше не встречались. Ты видишь меня впервые в жизни.* Он попытался вспомнить, как в прошлый раз думал про слово *снег*, и как легко и просто у него все получилось: ситуация была отчаянная. Он протянул руку и сказал:

— Рад познакомиться.

Она прищурилась и посмотрела ему прямо в глаза. Секунду спустя на ее лице появилось озадаченное выражение, а еще через секунду в ее глазах загорелся огонек понимания, и уголки рта поползли вниз.

— Привет, — сказала она.

— Пойду за едой пригляжу, — сказала Маргарет взвинченным тоном человека, который привык к тому, что стоит ему буквально на секунду оставить кипящую кастрюлю на кухне без присмотра, как та непременно пригорит.

Сэм сняла шапку и «дутую» куртку.

— Значит, вы и есть тот самый сосед, трогательный и одновременно таинственный, — сказала она. — Кто бы мог подумать?

Говорила она полушепотом.

— А ты, — подхватил он, — Сэм-девочка. Может, позже об этом поговорим?

— Если дашь слово, что объяснишь мне, что здесь происходит.

— По рукам.

Леон уже дергал Тень за штанину.

— Покажешь сейчас? — спросил он, протягивая ему монету.

— Ладно, — сказал Тень. — Но только при одном условии. Ты должен помнить, что настоящий мастер своего дела никогда никому не рассказывает, как он делает то, что делает.

— Обещаю, — серьезным тоном сказал Леон.

Тень взял монету в левую руку и стал двигать правой рукой Леона, на практике показывая, как можно сделать вид, будто ты взял монету, которая на самом деле осталась лежать в другой ладони. А потом велел Леону потренироваться самому.

После нескольких попыток мальчик навык усвоил.

— Вот теперь полдела сделано, — сказал Тень. —

А вторая половина такая: все внимание должно быть сосредоточено на том месте, где монета *должна* находиться. Смотри только туда, где она вроде как должна быть. Если ты сам будешь уверен в том, что она у тебя в правой руке, никто и не подумает следить за левой, как бы неловко ты этот фокус ни делал.

Сэм наблюдала за всем этим, слегка склонив голову набок, и молчала.

— Ужин! — возгласила Маргарет, выйдя из кухни с блюдом, полным спагетти, от которого вовсю валил пар. — Леон, иди помой руки.

К спагетти прилагались хрустящие хлебцы с чесноком, густой красный соус и чудесные пряные тефтельки. Тень от души нахваливал Маргарет.

— Старый семейный рецепт, — сказала она в ответ, — достался от корсиканских предков.

— А мне казалось, вы тут все индейцы.

— Папаша у нас чероки, — встряла Сэм. — А у Мэг дед по материнской линии приехал с Корсики. — Из всей компании Сэм была единственным человеком, который всерьез налегал на вино. — Папаша бросил их, когда Мэг стукнуло десять лет, и переехал в другую часть города. А через шесть месяцев родилась я. Моя матушка и папа-

ша поженились, когда он получил развод. А когда мне стукнуло десять, он и мою матушку бросил. Видимо, у него просто цикл такой, десятилетний, на большее его не хватает.

— Ну вот, с тех пор, как он удрал в Оклахому, как раз прошло почти десять лет, — сказала Маргарет.

— Ну, а *моя* матушка — она из европейских евреев, — продолжила Сэм, — из какой-то такой страны, где раньше были коммунисты, а теперь просто бардак. По-моему, ей просто понравилась идея выйти замуж за индейца-чероки. Диковатая в итоге получилась парочка.

Она глотнула еще вина.

— Мама у Сэм — та еще штучка, — сказала Маргарет тоном, в котором осуждения не было ни на грош.

— А знаете, где она сейчас? — спросила Сэм. Тень покачал головой. — Она в Австралии. Познакомилась по интернету с одним типом, который живет в Хобарте. Но когда встретились вживую, ей показалось, что какой-то он противный. А сама по себе Тасмания понравилась. Вот она теперь там и обитает, в какой-то женской коммуне, обучает их делать батик, и все такое. Правда круто? В ее-то возрасте!

Тень согласился, что круто воистину, и подложил себе еще тефтелек. А Сэм между тем рассказывала, как тасманийских аборигенов уничтожили британские колонизаторы, и как под конец они устроили настоящую облаву, выстроившись цепью вдоль всего острова, чтобы выловить всех до последнего человека, но поймали одного-единственного старика и вдобавок к нему — больного мальчика. А еще она рассказала ему про тилацинов — тасманийских тигров — про то, как их истребляли фермеры, потому что боялись за своих овец, а потом, в тридцатые годы, политики обратили наконец внимание на то, что тигров надо защищать, — ровно после того, как был убит последний. Она допила второй стакан вина и налила себе третий.

— Да, кстати, Майк, — вдруг сказала она. Щеки у нее уже вовсю горели. — А почему бы вам не рассказать про свое семейство? Айнсели — они вообще какие?

Она улыбалась, но улыбка была недобрая.

— Да так, довольно скучный народец, — сказал Тень. — Никто из нас даже до Тасмании не добрался. А ты, значит, в Мэдисоне учишься. И как оно там?

— *Сами* знаете, — ответила она. — Я специ-

ализируюсь на истории искусств, гендерных исследованиях, и еще на скульптуре, в бронзе.

— А я когда вырасту, — встрял Леон, — стану волшебником. Уфф. Ты меня научишь, Майк Айнсель?

— Ну, конечно, — сказал Тень. — Если мама будет не против.

Сэм сказала:

— А после ужина, пока ты будешь укладывать Леона спать, Мэгс, Майк сводит меня на часок в «Приют оленя», хорошо?

Маргарет даже плечами не пожала, лишь слегка приподняла бровь.

— Мне кажется, мужик он что надо, — сказала Сэм. — И нам много о чем нужно с ним поговорить.

Маргарет перевела взгляд на Тень, который как раз усердно вытирал с подбородка бумажной салфеткой воображаемую каплю кетчупа.

— Ну, вы народ взрослый, — сказала она тоном, который предполагал, что никакие они на самом деле не взрослые, а даже если и взрослые, то лучше бы таковыми не были.

После ужина Тень помог Сэм помыть посуду — она мыла, он вытирал, — потом показал Леону очередной фокус: отсчитывал ему в ладошку

цент за центом, и всякий раз, когда Леон ладошку открывал и пересчитывал монетки, одной не хватало. А потом, когда последний цент отправился вслед за остальными — «Держишь его? Крепко?» — и когда Леон разжал ладошку, цент превратился в десятицентовик. И из гостиной Тень вышел под жалостные детские вопли («Как ты это *сделал*? Мам, а мам, как он это *сделал*?»).

Сэм подала ему куртку.

— Пойдем, — сказала она. Щеки у нее горели от выпитого.

Снаружи было холодно.

Тень заскочил домой, сунул в пластиковый пакет «Протоколы заседаний городского совета Лейксайда» и захватил их с собой. Хинцельманн тоже может оказаться у «Оленя», и вот Тень и покажет ему упоминание о славном предке.

По подъездной дорожке они шли плечо к плечу.

Он открыл дверь гаража, и она тут же прыснула со смеху.

— Мамочки мои! — задохнулась она, увидев джип. — Тачка Пола Гунтера! Ты купил тачку Пола Гунтера. Ой, мамочки!

Тень открыл для нее дверцу. Потом обошел вокруг капота и сел на водительское место.

— Что, машина знакомая?

— Когда я приехала сюда, к Мэгс, не то три, не то два года тому назад — это я его и надоумила перекрасить ее в пурпурный цвет.

— Ага, — сказал Тень. — Теперь хоть понятно, кто во всем этом виноват.

Он вывел машину на улицу, выбрался из нее и запер гараж. Потом забрался обратно. Когда он вернулся, Сэм сидела тихо и смотрела на него странным взглядом, будто былая уверенность в себе начала из нее утекать, причем довольно быстрыми темпами. Он накинул ремень безопасности, и она сказала:

— Н-да. Умнее не придумаешь на моем месте, правда? Садиться в машину с психом-убийцей.

— В прошлый раз я доставил тебя до дома в целости и сохранности, — сказал Тень.

— Ты убил двух человек, — сказала она. — И тебя ищут федералы. И тут я приезжаю и обнаруживаю, что ты, под вымышленным именем, живешь дверь в дверь с моей сестрой. Или Майк Айнсель — это все-таки настоящее имя?

— Нет, — вздохнул Тень, — не настоящее.

И признание это было ему — как ножом по сердцу. Ему вдруг показалось, будто сдав Майка Айнселя, отказавшись от него, он выпустил из рук

что-то очень важное: словно навсегда расстался с хорошим другом.

— Ты их и вправду убил, этих людей?

— Нет.

— Они приехали ко мне домой и сказали, что нас с тобой видели вместе. И еще этот парень показал мне твою фотографию. Как его звали-то? Мистер Шляпп? Нет, мистер Градд. Как в кино, в общем. «Беглеца» видел? Но я сказала, что никогда тебя не встречала.

— Спасибо.

— В общем, так, — сказала она. — Давай, рассказывай, что тут происходит. А я обещаю не выдавать твоих тайн, если ты не будешь выдавать моих.

— Да я никаких твоих тайн и не знаю, — ответил Тень.

— Ну, ты же знаешь, что идея перекрасить эту колымагу в пурпурный цвет была моя, в результате чего Пол Гунтер так ославился на несколько окрестных округов, и так над ним все стали ржать и прикалываться, что в конечном счете ему вообще пришлось отсюда уехать. Мы с ним, если честно, обдолбанные были оба в никуда, — призналась она.

— Вряд ли в этом есть хоть какая-то тайна — для

местных по крайней мере, — сказал Тень. — Наверняка об этом знает весь город. В *такой* цвет машину можно покрасить, только если ты в полном ауте.

А потом она сказала, очень тихо и очень быстро:

— Если ты собираешься меня убить, пожалуйста, не делай мне больно, ладно? Зачем я только тебя сюда вытащила? Господи, господи, какая же я дура! Я же единственный свидетель, который может на тебя заявить! Дура набитая.

Тень вздохнул.

— Я в своей жизни ни разу никого не убивал. А теперь поедем, я отвезу тебя к «Оленю». И там мы с тобой выпьем. Или — по одному твоему слову — я разверну машину и отвезу тебя обратно домой. И в любом случае мне остается только надеяться, что ты не вызовешь копов.

Через мост они проехали в полном молчании.

— А кто убил тех людей? — спросила она.

— Если я скажу, ты не поверишь.

— *Поверю*, — голос у нее теперь был агрессивный до крайности. Н-да, дурацкая это была идея, принести на ужин вина, подумал он. Вот теперь жизнь уж точно никакое не каберне.

— В такое поверить будет очень трудно.

— Я вообще, — железным тоном заявила она, — поверить могу во что угодно. Ты *понятия* не имеешь, во что я способна поверить!

— Ты это серьезно?

— Я могу поверить в правду и неправду, и в такие вещи, про которые вообще никто не знает, правда это или неправда. Я могу поверить в Санта Клауса и в Пасхального Зайца, и в Мерлин Монро, и в «Битлз», и в Элвиса, и в Мистера Эда.[103] Послушай: я верю в то, что люди могут стать лучше, что познание бесконечно и беспредельно, что миром управляют подпольные банковские картели и что нас регулярно навещают добрые пришельцы, которые похожи на сморщенных лемуров, и злые пришельцы, которые калечат скотину и которым нужны наши женщины и наши запасы воды. Я верю, что наше будущее — это рок-н-ролл, что будущего нет вообще, и что в один прекрасный день вернется Великая Белая Бизониха и наподдаст всем по жопе. Я верю в то, что все мужики — это мальчишки, которые вырасти выросли, а повзрослеть не повзрослели, и у которых офигенные проблемы с общением, и что как только в каком-нибудь штате сокращается

[103] notes: 103

Мистер Эд — герой американского телесериала 1960-х годов, говорящая лошадь.

число кинотеатров, где кино можно смотреть не выходя из машины, то и с сексом там начинаются большие проблемы. Я верю в то, что все политики — беспринципное жулье, и верю при этом, что если их заменить на непримиримую оппозицию, будет еще того хуже. Я верю, что придет большая волна и Калифорния вся как есть уйдет под воду, и что Флориду заполонят безумие, аллигаторы и токсические отходы. Я верю в то, что антибактериальное мыло нарушает природную сопротивляемость организма, и что по этой причине мы все когда-нибудь вымрем от обычного насморка, совсем как марсиане в «Войне миров». Я верю, что величайшими поэтами прошлого века были Эдит Ситуэлл и Дон Маркис, что малахит — это закаменевшая драконья сперма, и что тысячу лет назад, в прошлой жизни, я была одноруким сибирским шаманом. Я верю, что будущее человечества — в звездных мирах. Я верю в то, что когда я была маленькая, леденцы и впрямь были куда вкуснее, и что с точки зрения законов аэродинамики шмель не может летать, что свет — это разом и волна, и частица, что где-нибудь в мире есть такая коробка, в которой сидит кошка, а эта кошка разом и живая, и дохлая (хотя если они не будут открывать эту коробку, чтобы кошку

кормить, в результате получится два вида дохлой кошки), и что во вселенной есть звезды, которые на миллиарды лет старше самой вселенной. Я верю в моего личного бога, который заботится обо мне, беспокоится за меня и наблюдает за всем, что я делаю. Я верю в бога безличного, вернее в богиню, которая запустила в мир движение, а потом пошла оттягиваться с подружками и даже понятия не имеет, что я вообще живу на этом свете. Я верю в пустую и лишенную всякого божественного начала вселенную, в первородный хаос, белый шум и слепую удачу. Я верю, что всякий человек, который утверждает, что значимость секса сильно преувеличена, просто ничего в этом не понимает. Я верю, что всякий человек, который берется утверждать, будто он понимает, что происходит в мире, по мелочам тоже будет врать. Я верю в абсолютную честность и преднамеренную ложь, если она оправдана ситуацией. Я верю в право женщины на выбор, в право ребенка на жизнь и в то, что человеческая жизнь — это святое, но и в смертном приговоре нет ничего противоестественного, если только ты можешь доверять системе правосудия, а еще в то, что системе правосудия может доверять только законченный идиот. Я верю в то, что жизнь

— игра, что жизнь — это злая шутка, что жизнь есть то, что происходит, пока ты жив, и что ты имеешь полное право просто расслабиться и получать от нее удовольствие.

Тут у нее окончательно перехватило дыхание, и она замолчала.

Тень поймал себя на желании бросить руль и аплодировать. Но вместо этого сказал:

— Хорошо. Значит, если я тебе расскажу, как все обстоит на самом деле, ты обещаешь, что не сочтешь меня сумасшедшим.

— Ничего не могу обещать, — сказала она. — Но давай попробуем.

— Ты можешь поверить в то, что все боги, которых когда бы то ни было напридумывало человечество, до сих пор здесь, с нами?

— Ну допустим.

— И что есть еще новые боги, боги компьютеров, телефонов и всякой прочей фигни, и что обеим сторонам кажется, что на всех места в этом мире не хватит. И у них назревает что-то вроде войны.

— И тех двоих убили эти твои боги?

— Нет, тех двоих убила моя жена.

— А по-моему, ты говорил, что твоя жена умерла.

— Она умерла.

— Значит, она их убила до того, как умерла?

— После. И об этом ты меня лучше не спрашивай.

Она подняла руку и откинула со лба прядку волос.

Они вырулили на главную улицу, как раз к «Приюту оленя». На вывеске красовался ошарашенного вида олень, на задних ногах и со стаканом пива. Тень подхватил пакет с книжкой и вышел из машины.

— А с чего им вообще между собой воевать? — спросила Сэм. — У меня как-то в голове не укладывается. Что они надеются выиграть?

— Этого я не знаю, — сказал Тень.

— В пришельцев проще поверить, чем в этих твоих богов, — сказала Сэм. — Может, мистер Градд и мистер Как-его-там-звали — это были Люди в черном, но только они же еще и пришельцы?

На тротуаре у «Приюта оленя» Сэм остановилась. Она посмотрела вверх, на Тень, и ее дыхание прозрачным облачком повисло в ночном воздухе. Она сказала:

— Просто скажи мне, что ты за хороших.

— Не могу, — сказал Тень. — Я бы и рад. По край-

ней мере, стараюсь делать все, что в моих силах.

Она еще раз посмотрела на него и прикусила нижнюю губу. Потом кивнула.

— Вот это правильно, — сказала она. — Я тебя не сдам. Можешь угостить меня пивом.

Тень распахнул перед ней дверь, и на них обрушилась густая волна тепла и звука. Они вошли.

Сэм помахала рукой каким-то своим знакомым. Тень обменялся кивками с дюжиной людей, которых помнил пусть не по именам, но хотя бы в лицо — кого-то с того дня, который он провел в поисках Элисон МакГоверн, кого-то потому, что встретил его сегодня утром у Мейбл. У стойки, обняв за плечи миниатюрную рыжеволосую женщину, стоял Чэд Маллиган, — это, видимо, та самая кузина, с которой уже можно целоваться, вычислил Тень. Интересно, что она из себя представляет, подумал он, — но женщина стояла к нему спиной. Чэд тоже заметил Тень и преувеличенно четким жестом поднял руку вверх. Тень улыбнулся и махнул рукой. Потом огляделся вокруг в поисках Хинцельманна, но судя по всему, старика в этот вечер здесь не было. Зато в дальней части зала Тени удалось высмотреть свободный столик — к нему-то он и направился.

И тут раздался крик.

Очень неприятный, во всю глотку, истерический, будто человек увидел привидение, и все голоса в зале тут же смолкли. Тень резко обернулся, в полной уверенности, что кого-то буквально только что лишили жизни, и понял, что все, кто находится в баре, смотрят на него. Даже черный кот, который день напролет дрых на подоконнике, стоял теперь на музыкальном автомате, выгнув спину и задрав хвост, и пялился на Тень.

Время остановилось.

— Держите его! — надрывался женский голос, на грани полномасштабной истерики. — Ради бога, кто-нибудь, остановите его! Не дайте ему уйти! Ради бога!

И голос этот был ему знаком.

Никто не двигался с места. Все стояли и смотрели на Тень. А он смотрел на них.

Чэд Маллиган сделал шаг вперед и начал протискиваться сквозь толпу. За ним осторожно шла миниатюрная женщина с вытаращенными глазами — словно вот-вот опять сорвется в крик. Тень знал эту женщину. Еще бы он ее не знал.

В руках у Чэда по-прежнему был стакан с пивом. Спохватившись, он поставил стакан на ближайший столик. И сказал:

— Майк.

Тень сказал:

— Чэд.

Одри Бертон изо всех сил вцепилась Чэду в рукав. Она была бледна, как полотно, и на глазах у нее стояли слезы.

— Тень, — сказала она, — ты выродок. Выродок и убийца.

— Ты уверена, что знаешь этого человека, милая? — спросил Чэд. Ему было явно не по себе.

Одри Бертон посмотрела на него непонимающе.

— Ты что, *спятил*? Он *сто лет* на Робби работал. И его шлюха-жена была моей лучшей *подругой*. Его разыскивают за *убийство*. Меня из-за него *допрашивали*. Он же беглый *рецидивист*. — Она была на грани нервного срыва, голос у нее дрожал от едва сдерживаемого крика, и слова она выталкивала из себя на всхлипе, как третьесортная актриска, которую выдвинули на «Дневную Эмми».[104] *Кузина, с которой можно целоваться*, подумал Тень. Шоу получилось пафосное.

Кругом все молчали. Чэд Маллиган посмотрел на Тень.

---

[104] notes: 104

«Daytime Emmy» — американская премия за лучшее телевизионное шоу, которое идет в дневные часы и, следовательно, рассчитано прежде всего на пенсионеров, подростков и домохозяек.

— Должно быть, какая-то ошибка. Ты не беспокойся, скоро все выясним, — сказал он и обернулся к собравшимся вокруг. — Все в порядке. Ничего страшного не произошло. Мы все выясним. Все в полном порядке! — И снова к Тени: — Послушай, Майк, давай выйдем отсюда.

Спокойно и уверенно. Вот у этого шоу получилось что надо.

— Да, конечно, — сказал Тень.

Чья-то рука легла ему на ладонь. Он обернулся и увидел, что на него смотрит Сэм. Он улыбнулся ей, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы улыбка вышла ободряющей.

Сэм посмотрела на Тень, потом обвела взглядом лица людей, стоявших вокруг и смотревших на него. А потом сказала, обращаясь к Одри Бертон:

— Я не знаю, кто ты такая. Но. Сука. Ты. Первостатейная.

А потом встала на цыпочки, притянула Тень к себе и поцеловала его, крепко, прижав свои губы к его губам на бесконечно долгий срок, который длился, как показалось Тени, минут пять, хотя в реальном, тикающем на часиках времени, прошло, должно быть, не больше пяти секунд.

Странный поцелуй, подумал Тень, когда ее губы прижались к его губам: не мне он адресован. А

адресован всем этим людям в баре: он нужен для того, чтобы дать им всем понять, что она знает, на чьей она стороне. Можно флагом размахивать, а можно поцеловать человека вот так, на глазах у всех. И пока поцелуй этот длился, он уже успел понять, что по сути он ей даже совсем и не нравится — по крайней мере в этом, самом прямом смысле слова.

Давным-давно, еще в раннем детстве, он прочел одну историю: про путешественника, который упал со скалы; вверху его ждали тигры-людоеды, а внизу — острые камни; он умудрился уцепиться за что-то посередке и висел над пропастью. Перед самым его лицом оказался кустик спелой земляники, а сверху и снизу — верная смерть. После чего следовал вопрос: *и что теперь он должен делать?*

И ответ был: *есть землянику*.

Тогда, в детстве, история эта показалась ему полной чушью. Никакого смысла. А вот теперь смысл в ней появился. Он закрыл глаза и самозабвенно окунулся в этот поцелуй, забыв обо всем вокруг, кроме губ Сэм, и ее кожи, нежной и сладкой, как та земляника.

— Будет, Майк, — раздался настойчивый голос Чэда Маллигана. — Прошу тебя. Пойдем, вый-

дем!

Сэм подалась назад. Она облизнула губы и улыбнулась — чуть не до ушей.

— А неплохо, — сказала она. — Совсем неплохо ты целуешься для парня! Ладно, нужно выйти — выходи.

После чего обернулась к Одри Бертон.

— А ты все равно — сука!

Тень бросил Сэм ключи от машины. Она поймала их одной рукой. Он прошел через весь бар и открыл наружную дверь, с Чэдом Маллиганом в кильватере. Пошел легкий снег: невесомые хлопья танцевали в разноцветных огнях вывески.

— Ну что, давай обсудим все это! — предложил Чэд.

Одри тоже вышла с ними. Вид у нее по-прежнему был такой, словно она вот-вот сорвется на крик. Она сказала:

— Он убил двух человек, Чэд. Ко мне домой приходили люди из ФБР. Он псих. Если нужно, чтобы я поехала с тобой в участок и дала показания, я поеду.

— Вы уже и так много всего хорошего сделали, мэм, — сказал Тень. — Шли бы вы отсюда, если не сложно.

— Чэд! Ты это слышал?! Он мне угрожает! —

вскинулась Одри.

— Иди обратно в бар, Одри! — сказал Чэд Маллиган. Она собиралась было что-то сказать в ответ, но сжала губы с такой силой, что они побелели, и захлопнула за собой дверь.

— Ну и что ты на все это скажешь? — спросил Чэд Маллиган.

— Я никогда в жизни никого не убивал, — ответил Тень.

Чэд кивнул.

— Я тебе верю, — сказал он. — Уверен, с этим ее заявлением мы разберемся. Ты же не станешь доставлять мне проблемы, правда, Майк?

— Никаких проблем, — ответил Тень. — Это на самом деле какая-то ошибка.

— Вот именно, — сказал Чэд. — Так что теперь нам, наверное, следует проехать ко мне и там все уладить.

— Я арестован? — спросил Тень.

— Не-а, — ответил Чэд. — Если, конечно, тебе самому не хочется, чтобы я тебя арестовал. Но мне кажется, что ты проследуешь со мной в участок из чувства гражданского долга, а там мы во всем и разберемся.

Чэд похлопал Тень по бокам и оружия не обнаружил. Они оба сели в машину Маллигана.

Тень снова оказался на заднем сиденье, с металлической сеткой на окнах. *SOS! Караул! На помощь!* — думал Тень. Он пытался мысленно подтолкнуть Чэда к правильному решению, как тогда, в Чикаго, сделал это с полицейским. — *Это же Майк Айнсель, твой старый друг. Ты спас ему жизнь. Разве ты сам не понимаешь, как все это глупо? Почему бы тебе просто не оставить все как есть?*

— Я думаю, мы с тобой правильно сделали, что ушли из бара, — сказал Чэд. — Не хватало еще, чтобы какому-нибудь крикуну показалось, будто это именно ты убил Элисон МакГоверн, и нам бы пришлось иметь дело с толпой линчевателей.

— Да уж, это точно.

Остальную часть дороги они проделали в полном молчании — до здания Лейксайдского полицейского управления, которое, как сказал Чэд, когда они подъехали, на самом деле принадлежало шерифу округа. И местной полиции приходилось ютиться буквально в нескольких комнатках, и то божьей милостью. Ну ничего, скоро округ построит что-нибудь новенькое, современное. А пока — чем богаты.

Они вошли.

— Мне что, адвокату звонить? — спросил Тень.

— Тебя пока ни в чем не обвиняют, — ответил Маллиган. — Впрочем, как хочешь. — Они прошли через несколько вращающихся дверей. — Присаживайся здесь пока.

Тень сел на деревянный стул, боковину которого кто-то нещадно и регулярно подпаливал сигаретой. Он был в состоянии жуткого отупения. На доске объявлений, прямо под огромной надписью НЕ КУРИТЬ, висело маленькое объявление — НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА и фото Элисон МакГоверн.

Рядом стоял деревянный же столик с разложенными на нем старыми номерами «Спортс иллюстрейтед» и «Ньюсуик». Свет был совсем слепой. Стены выкрашены в желтый цвет — хотя, очень может быть, что изначально краска была белая.

Через пару минут Чэд принес ему стаканчик водянистого горячего шоколада из кофе-машины.

— А в пакете что? — спросил он. И только тут до Тени дошло, что он до сих пор держит в руках пластиковый пакет с «Протоколами заседаний городского совета Лейксайда».

— Книжка старая, — ответил он. — А в ней — фотография твоего деда. Или, может быть, прадеда.

— Да иди ты!

Тень порылся в книге, пока не нашел групповое

фото членов городского совета, и ткнул пальцем в человека по фамилии Маллиган. Чэд хохотнул:

— Вот ни фига себе!

Время шло: минуты, потом часы. Тень сидел все в той же комнате. Он прочел два номера «Спортс иллюстрейтед» и взялся за «Ньюсуик». Время от времени в комнату заглядывал Чэд: один раз чтобы поинтересоваться, не нужно ли Тени в туалет, другой — чтобы предложить ему сэндвич с ветчиной и маленький пакетик чипсов.

— Спасибо, — сказал Тень, приняв и то, и другое. — Я все еще не под арестом?

Чэд втянул воздух между зубами.

— Ну, — сказал он, — в общем, пока еще нет. Такое впечатление, что Майк Айнсель — это ненастоящее твое имя. С другой стороны, по законам штата, ты можешь называться хоть чертом лысым, если только не преследуешь при этом мошеннических целей. Так что пока особо беспокоиться не о чем.

— Могу я позвонить по телефону?

— В пределах города?

— Нет, по междугороднему.

— Если будешь звонить с моей телефонной карты, получится куда дешевле. А иначе придется скармливать вон той штуковине, что в коридоре,

десятидолларовые купюры с такой скоростью, будто это двадцатипятицентовики.

Ну еще бы, подумал Тень. *А ты к тому же сможешь узнать номер, по которому я звоню, или даже подслушивать мой разговор с параллельного аппарата.*

— Вот спасибо! — сказал он вслух. Они прошли в свободный кабинет. Номер, который Тень продиктовал Чэду, был телефоном одной похоронной конторы в городе Кейро, штат Иллинойс. Чэд набрал его и протянул Тени трубку:

— Оставляю тебя здесь, — сказал он и вышел.

Несколько гудков, потом на том конце сняли трубку.

— Шакель и Ибис! Что вам угодно?

— Привет. Мистер Ибис, это Майк Айнсель. Я работал у вас несколько дней, перед Рождеством.

Секундная заминка, а потом:

— Да-да, конечно, Майк. *Как* ваши дела?

— Не слишком, мистер Ибис. В общем-то, из рук вон, если честно. Меня вот-вот арестуют. У вас там нет где-нибудь поблизости моего дядюшки? Или, может, просто передадите ему от меня весточку.

— Ну естественно, посмотрим, что можно будет сделать. Держитесь там, э-э, Майк. Да, тут еще кое-кто хочет перемолвиться с вами словечком.

И темный, с хрипотцой женский голос сказал:

— Привет, милый! Я по тебе скучаю.

Он был совершенно уверен, что голоса этого не слышал никогда в жизни. Но женщину знал. Он был совершенно уверен, что эту женщину…

Не останавливайся, прошептал где-то у него внутри этот же самый, темный, с хрипотцой женский голос. *Не думай ни о чем, не останавливайся.*

— А кто эта девочка, с которой ты целовался, милый? Ты что, хочешь, чтобы я тебя ревновала?

— Мы с ней просто друзья, — сказал Тень. — И по-моему, она просто хотела дать всем понять, что думает про всю эту шумиху. А откуда ты знаешь, что она меня поцеловала?

— У меня глаза повсюду, где ходит мой народ, — сказала она. — Береги себя, милый…

Пауза, потом трубку снова взял мистер Ибис:

— Майк!

— Да.

— Вашего дядю не так-то просто достать. Он сейчас вроде как занят. Но я постараюсь передать от вас весточку вашей тете Нэнси. Удачи вам.

И — тишина.

Тень сел и стал ждать, когда вернется Чэд. Он сидел в пустом кабинете и мечтал хоть за что-

нибудь зацепиться мыслью, чтобы ни о чем не думать. Потом через силу снова вынул «Протоколы», раскрыл наугад, примерно на середине, и начал читать.

Постановление, запрещающее сплевывать на тротуар и на пол в общественных местах, а также бросать в означенных местах табак в каком бы то ни было виде, было принято восемью голосами против четырех в декабре 1876 года.

Лемми Хаутала, двенадцати лет от роду, ушел из дому и, «судя по всему, скрылся в неизвестном направлении в припадке безумия» 13 декабря 1876 года. «Немедленно были организованы поиски пропавшего, но результата не принесли вследствие поднявшейся сильной метели». Совет единогласно постановил направить семейству Хаутала свои соболезнования.

Вспыхнувший на следующей неделе в платной конюшне Ольсенов пожар удалось потушить до того, как был нанесен какой бы то ни было ущерб, и без угрозы для жизни — будь то человеческая или конская.

Тень внимательно проглядывал напечатанные убористым шрифтом колонки текста. О Лемми Хаутала не было больше ни единого упоминания.

Повинуясь чуть ли не сиюминутному импуль-

су, Тень отлистал книгу вперед, к началу зимы 1877 года. Искомая информация нашлась в приложении к протоколам январских заседаний совета: Джесси Ловат, возраст не указан, «негритянская девочка», исчезла в ночь на 28 декабря. Судя по всему, ее «похитили так называемые странствующие торговцы». Семье Ловат никто соболезнований не посылал.

Тень отчаянно рылся в протоколах за 1878 год, когда в дверь, предварительно постучавшись, вошел Чэд Маллиган: вид у него был виноватый, как у школьника, который принес домой дневник с двойками.

— Мистер Айнсель, — сказал он, — Майк. Мне правда очень неудобно и неприятно тебе это говорить. Лично мне ты нравишься. Но это все равно ничего не меняет, ты меня понимаешь?

Тень сказал, что понимает.

— У меня просто нет иного выхода, — сказал Чэд, — кроме как посадить тебя под арест за нарушение условий досрочного освобождения.

После чего Маллиган зачитал Тени его права. Потом заполнил какие-то бумаги. Снял с Тени отпечатки пальцев. И препроводил его по коридору на другой конец здания, где располагалась окружная тюрьма.

Вдоль одной стены были длинная стойка и несколько запертых дверей, по другой — две застекленные камеры и еще одна дверь. Одна из камер была занята: на нарах под тонким казенным одеялом спал мужчина. Другая была свободна.

За стойкой сидела сонного вида женщина в коричневой униформе и смотрела по маленькому белому переносному телевизору Джея Лено.[105] Она приняла у Чэда бумаги и расписалась в получении Тени. Чэд на какое-то время завис здесь, заполнил еще какие-то бланки. Женщина вышла из-за стойки, похлопала Тень по бокам и ногам, проверяя на колющие и режущие, забрала все его пожитки — бумажник, монеты, ключ от дома, книгу, часы — и выложила их на стойку, а потом выдала ему пластиковый пакет с оранжевой тюремной робой и сказала, чтобы он шел в свободную камеру и переоделся. Носки и нижнее белье можно оставить. Он пошел в камеру и переоделся в оранжевую робу и резиновые тапочки. В камере стояла невыносимая вонь. На оранжевой куртке, которую он натянул через голову, на

[105] notes: 105

Джей Лено — американский эстрадный комик и телеведущий, сменивший в 1992 году Джонни Карсона на посту ведущего шоу «Сегодня вечером» («The Tonight Show»).

спине большими черными буквами было написано: ЛАМБЕРСКАЯ ОКРУЖНАЯ ТЮРЬМА.

Крышка на металлическом унитазе была откинута, а сам унитаз до краев полон коричневой жижей из жидкого дерьма и подкисшей пивной мочи.

Тень вышел из камеры, вручил женщине свою одежду, которую она тут же сунула в освободившийся пластиковый пакет — вместе со всем остальным его имуществом. Прежде чем отдать ей бумажник, он пересчитал деньги:

— С этим поаккуратнее, — сказал он ей. — Тут вся моя жизнь.

Женщина отобрала у него бумажник и заверила, что у нее он будет в полной сохранности. Правда, Чэд, спросила она через плечо, и Чэд, подняв голову от последней бумажки, сказал, что Лиз говорит чистую правду и что в этой тюрьме ни у одного арестанта еще никогда ничего не пропадало.

Между делом Тень успел вынуть из бумажника четыре стодолларовых купюры и рассовать их по носкам, пока переодевался, — и еще доллар со Свободой, который убрал в ладонь, когда вынимал все из карманов.

— Скажите, — спросил Тень, когда выходил

из камеры, — а ничего, если я пока книжку дочитаю?

— Извини, Майк. Правила есть правила, — ответил Чэд.

Лиз отнесла вещи Тени в заднюю комнату. Чэд сказал, что оставляет Тень в надежных руках офицера Бьют. Лиз на эту его реплику никак не отреагировала, и вообще вид у нее был очень усталый. Чэд скрылся. Зазвонил телефон и Лиз — офицер Бьют — сняла трубку.

— Хорошо, — сказала она. — Да, хорошо. Никаких проблем. Хорошо.

Потом положила трубку и скорчила рожу.

— Все-таки проблемы есть? — спросил Тень.

— Ага. Не так чтобы всерьез. Но типа того. Кого-то там послали сюда из Милуоки, чтобы вас забрать.

— А в чем, собственно, проблема?

— А мне тут с вами возись три часа кряду, — сказала она. — А камера нормальная вон, — она ткнула пальцем в сторону той камеры, где спал человек, — так она занята. Самоубийца-неудачник. К нему вас сажать нельзя. И какой, спрашивается, был смысл вписывать вас в окружную тюрьму, если тут же нужно выписывать? — Она покачала головой. — А туда вам и самому идти

на захочется. — Она ткнула пальцем в ту камеру, где он только что переодевался, — там толчок засорился. Как там, вонь сильная, да?

— Ага. Довольно внятная.

— Просто из чистого человеколюбия, вот что я вам скажу. Поскорее бы нас перевели в новое здание, я вообще этого жду не дождусь. Наверняка одна из тех баб, что мы вчера задержали, смыла туда тампон. Им хоть кол на голове теши. Говорила же — есть для этого урна! Трубы забивают насмерть. Каждый сраный тампон в этом нужнике вылетает округу в сто баксов — на сантехника. Так что можете тут остаться, снаружи, но только в наручниках. Или в камеру идите. — Она посмотрела на него. — Ну, выбирайте.

— Не то чтобы я здорово к ним прикипел, — сказал Тень. — Но я выбираю наручники.

Она сняла с ремня пару наручников, похлопала себя по кобуре, давая понять, что ствол при ней.

— Руки за спину, — сказала она.

Наручники оказались тесными: запястья у него все-таки были слишком широкие. Потом она надела ему на щиколотки ножные путы и усадила на скамью у дальнего конца стойки, спиной к стене.

— Ну вот, — сказала она. — А теперь вы меня не

доставайте, и я не буду вас доставать.

И повернула телевизор так, чтобы ему тоже было видно.

— Спасибо, — сказал он.

— Вот получим новое помещение, — сказала она, — и не будет больше всего этого бардака.

«Сегодня вечером» кончилось. Началась очередная серия «Будем здоровы».[106] Из всего сериала он видел одну-единственную серию — там в бар приходит дочка Коуча — правда, видел он ее несколько раз. Тень давно подметил: если не смотришь сериал, натыкаться все время будешь на одну и ту же серию, даже через несколько лет: наверняка на этот счет есть какое-нибудь общекосмическое правило.

Офицер Лиз Бьют откинулась на спинку кресла. Не то чтобы она совсем уснула, но и бодрствующей ее назвать было никак нельзя, она даже не отреагировала на то обстоятельство, что актеры на экране вдруг перестали перебрасываться репликами и отпускать шуточки и все как один уставились прямиком на Тень.

Дайана, блондинка-барменша, что корчит из

---

[106] notes: 106

«Будем здоровы» («Cheers») — американский ситком, который шел с 1982 по 1993 год. Действие происходит в одноименном баре в Бостоне, где все друг друга знают.

себя интеллектуалку, заговорила первой.

— Тень, — сказала она. — Мы так за тебя *переживали*! Ты куда-то запропастился. Так здорово снова тебя увидеть — хоть ты и в наручниках и в этом оранжевом *от кутюр*.

— Я так считаю, что у тебя есть просто сногсшибательный выход из сложившейся ситуации, — с видом знатока подал реплику главный в телевизионном баре зануда по имени Клифф. — Надо делать ноги в сезон охоты, когда все придурки в этой стране наряжаются в оранжевые костюмы.

Тень молчал.

— Ну, судя по всему, язычок тебе кошечка откусила, так, что ли? — поинтересовалась Дайана. — Надо сказать, на славу нам пришлось за тобой побегать!

Тень отвернулся. Офицер Лиз начала потихоньку всхрапывать. Клара, миниатюрная официантка, вдруг взвилась:

— Ну ты, говно собачье! Мы прерываем нашу передачу, чтобы показать тебе такое, что ты, твою мать, в штаны наделаешь! Приготовился?

Экран замигал и погас. В нижнем левом углу замигала строчка: ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ. Приглушенный женский голос за кадром сказал:

— Еще не поздно перейти на *правильную* сторо-

ну, которая обязательно *победит*. Хотя, конечно, у вас есть *полное* право оставаться там, где вы *сейчас* находитесь. Именно это и означает — *быть* американцем. Это и есть американское чудо. Свобода вероисповедания в конечном счете означает также и свободу верить в ложных богов. Так же, как свобода *слова* дает вам право хранить молчание.

На экране появилась какая-то улица. Камера дернулась, как это обычно бывает при съемке с руки в репортажном документальном фильме.

В кадре возник лысеющий загорелый мужчина, в котором смутно угадывался бывший уголовник. Он стоял у стены и прихлебывал кофе из пластикового стаканчика. Потом посмотрел прямо в камеру и сказал:

— Террористы любят произносить броские пустые фразы вроде «борец за свободу». Но и вы, и я прекрасно отдаем себе отчет в том, что за всем этим скрывается обычная мразь, преступники и убийцы. И мы рискуем своими жизнями, чтобы разница между этими двумя понятиями стала очевидной.

Тень узнал этот голос. Он звучал у этого человека в голове. Изнутри мистер Градд смотрелся несколько иначе — голос был глубже и более

звучный, — но ошибиться было никак нельзя.

Камера отъехала назад, чтобы продемонстрировать, что мистер Градд стоит возле кирпичного здания, а улица, на которой расположено само здание, — чисто американская. Над дверью — угольник и циркуль, обрамляющие букву G.

— По местам, — сказал кто-то за кадром.

— *Давайте* убедимся в том, что наши камеры *внутри* здания тоже работают, — сказал голос женщины-комментатора.

В нижней части экрана продолжали мигать слова ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ. Теперь на экране был интерьер — небольшой, тускло освещенный зал. В дальнем конце за столом сидели двое, один — спиной к камере. Камера, подрагивая, укрупнила план. На долю секунды изображение расплылось, но тут же снова встроилось в фокус. Тот человек, что сидел к камере лицом, встал и начал ходить из угла в угол, как медведь на цепи. Это был Среда. Вид у него был такой, словно в глубине души он получал от этого шоу удовольствие. Как только оба персонажа оказались в фокусе, резко включился звук.

Человек, сидевший спиной к камере, говорил:

— …Мы предлагаем вам покончить со всем этим, здесь и сейчас, покончить с кровопролити-

ем, насилием, болью, с цепью нелепых смертей. Разве ради этого не имеет смысл пойти на небольшие уступки? — Человек, что сидел спиной к камере, дернул головой: — Вы сами загоняете себя в угол, — продолжил он. — Настоящих лидеров у вас нет, это понятно. Но вас-то они по крайней мере слушают. Считаются с вашим мнением. Что же до наших намерений держать данное слово, то вот сейчас, к примеру, наши переговоры записываются и транслируются в прямом эфире. — Он указал в сторону камеры. — Кое-кто из ваших наверняка сейчас смотрит нас по телевизору. Остальные посмотрят видеозапись. Камера — она не врет.

— Врут все, — сказал Среда.

Тень узнал голос человека, сидевшего спиной. Мистер Мирр, который говорил с Граддом по мобильному, пока Тень был у Градда в голове.

— Вы не верите, — сказал мистер Мирр, — что мы сдержим слово?

— Сдается мне, что обещания вы даете только для того, чтобы тут же нарушить, а клятвы приносите ради возможности совершить очередное клятвопреступление. Но *свое* слово я держу всегда.

— Безопасность на время переговоров мы вам

обеспечили, с этим вы ведь не будете спорить, — сказал мистер Мирр. — В полном соответствии с достигнутыми договоренностями. Да, кстати, забыл поставить вас в известность: ваш протеже снова под нашей надежной опекой.

Среда хрюкнул.

— Не дождетесь, — сказал он. — Фиг вам.

— Давайте вернемся к обсуждению вопроса о неизбежном изменении существующего порядка вещей. Нам же *не обязательно* быть врагами. Как по-вашему?

Среда словно бы начал колебаться. Он сказал:

— Я, конечно, сделаю все, что в моих силах…

В той картинке, которую давала камера, Тень заметил некую странную особенность. В левом, стеклянном глазу Среды поселилась какая-то красная искра. И при каждом движении она давала затухающий красный след. Сам Среда, кажется, этого не замечал.

— Страна-то, конечно, большая, — сказал Среда, продолжая развивать свою мысль. Он двинул головой в сторону, и след от лазерного прицела соскользнул ему на щеку. И тут же выправился, опять настроившись на стеклянный глаз. — Места действительно может хватить на всех…

Раздался звук выстрела, приглушенный те-

летрансляцией, и голова Среды разлетелась на части, а тело тяжело рухнуло навзничь.

Мистер Мирр встал, по-прежнему не поворачиваясь лицом к камере, и вышел из кадра.

— Давайте посмотрим эту сцену еще раз, в замедленной съемке, — бодрым тоном произнесла комментаторша.

Слова ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ сменились на ПОВТОР. Красная точка лазерного прицела медленно вползла в стеклянный глаз Среды, а потом левая сторона его лица растворилась в красном кровавом облаке. Стоп-кадр.

— Да, богоизбранная страна остается богоизбранной, — отчеканил женский голос тоном комментатора новостной программы, который зачитывает финальную, ударную реплику. — Вопрос только один: о каких богах идет речь?

И тут же другой голос — Тени показалось, что это голос мистера Мирра, по крайней мере ощущение смутного знакомства с этим тембром было точно таким же, — сказал:

— А теперь мы возвращаемся к прерванной сетке вещания.

В «Будем здоровы» Коуч как раз заверил дочку в том, что та — настоящая красавица, совсем как мать.

Раздался телефонный звонок, и офицер Лиз испуганно дернулась в кресле. Потом сняла трубку и сказала:

— Хорошо. Хорошо. Да-да. Хорошо.

Потом положила трубку, вышла из-за стойки и сказала Тени:

— Придется все-таки посадить вас в камеру. Унитазом не пользуйтесь. Сейчас приедут ребята из шерифского отдела, из Лафайет.

Она сняла с него наручники и ножные путы и заперла в камере. Как только дверь закрылась, вонь стала гуще прежнего.

Тень сел на бетонную шконку, вынул из носка серебряный доллар и начал перебрасывать его из пальцев в ладонь, из положения в положение, из руки в руку, с единственным условием — монеты не должно было быть видно стороннему наблюдателю. Он тупо убивал время.

На него вдруг нахлынула тоска, внезапная и отчаянно глубокая — ему будет не хватать Среды. Будет не хватать его уверенности в себе, его жизненной силы. Его драйва в конце концов.

Он раскрыл ладонь и посмотрел на серебряный профиль госпожи Свободы. И снова сомкнул пальцы, крепко-накрепко сжав ее в кулаке. Интересно, подумал он, ждет ли меня судьба одного из тех

парней, которые отдали жизнь за что-то такое, к чему на самом деле непричастны. По крайней мере, он на верном пути именно к такому развитию событий. Насколько он успел оценить мистера Мирра и мистера Градда, помножить его на ноль не составит для них никаких трудностей. Очень может статься, что по пути к другому месту содержания он попадет в автомобильную аварию. Или его застрелят при попытке к бегству. А что, вполне вероятно.

В холле по ту сторону стекла началось какое-то движение. Офицер Лиз пошла к дверям. Она нажала кнопку, невидимая для Тени дверь открылась, и в помещение вошел помощник шерифа, черный, в коричневой форме, и быстрым шагом двинулся к стойке.

Тень сунул серебряный доллар обратно в носок.

Вновь прибывший помощник шерифа вручил Лиз какие-то бумаги, та проглядела их и расписалась. Вошел Чэд Маллиган, перемолвился с помощником шерифа парой слов, потом открыл дверь камеры и вошел в нее.

— Ну, в общем, за тобой приехали. Такое впечатление, будто ты преступник чуть ли не федерального значения. Интересно, правда?

— Хороший будет заголовок для первой полосы в «Лейксайд ньюс», — сказал Тень.

Лицо Чэда осталось бесстрастным.

— Типа, бывшего зека задержали за нарушение условий досрочного освобождения? Не тянет на первую полосу.

— Так вот, значит, из-за чего весь этот сыр-бор?

— По крайней мере ничего сверх этого мне не сообщили, — сказал Чэд Маллиган.

Тень вытянул перед собой руки, и Чэд застегнул на нем наручники. Чэд же надел ему на щиколотки путы и закрепил между наручниками и ножными путами стяжку.

Тень думал: *Сейчас меня выведут наружу. Может, удастся сбежать — н-да, в наручниках и кандалах и легкой оранжевой робе, по снегу-то*; и пока эта мысль разворачивалась у него в голове, он уже знал, что все это откровенная глупость и бессмыслица.

Чэд вывел его в центральное помещение. Лиз телевизор уже успела выключить. Черный помощник шерифа окинул его взглядом с головы до ног.

— Ну и детина, — сказал он Чэду. Лиз вручила помощнику шерифа бумажный пакет с вещами Тени, и тот за вещи расписался.

Чэд посмотрел сперва на Тень, потом на помощника шерифа. И сказал помощнику шерифа — тихо, но так, чтобы Тень тоже слышал:

— Слушайте. Вот что я хочу сказать. Мне не нравится то, как все это происходит.

Помощник шерифа кивнул:

— Я вам советую поднять этот вопрос на соответствующем уровне, сэр. А наше дело — доставить его по месту назначения, и больше ничего.

Чэд скривил кислую мину и повернулся к Тени.

— Короче говоря, — сказал он. — Вот через эту дверь и на заднее крыльцо.

— Что?

— Сюда иди. Там стоит машина.

Лиз открыла дверь.

— Только форму оранжевую вернуть не забудьте, — сказала она помощнику шерифа. — А то в последний раз, как мы отправляли уголовника в Лафайет, прости-прощай вещички. А округ за них деньги платит.

Они вышли на заднее крыльцо, возле которого действительно стояла машина — но только не шерифская, а обычная черная легковушка. Второй помощник шерифа, седой усатый мужик, стоял возле нее и курил сигарету. Едва они подошли к

машине, он бросил сигарету на землю, раздавил ее подошвой башмака и открыл заднюю дверь.

Тень неловко втиснулся на заднее сиденье: наручники и кандалы очень мешали. Между задним и передним сиденьями решетки не было. Оба помощника шерифа сели на переднее сиденье. Черный завел мотор. Они подождали, пока откроются задние ворота.

— Ну давай, давай, — сказал черный помощник шерифа, барабаня по рулю пальцами.

Чэд Маллиган постучал по боковому стеклу. Белый помощник шерифа посмотрел на водителя, потом опустил стекло.

— Это все неправильно, — сказал Чэд. — Я просто хотел сказать, что это все неправильно.

— Ваше мнение мы услышали и непременно передадим его вышестоящему начальству, — сказал черный.

Ворота во внешний мир наконец открылись. На улице по-прежнему сыпал снег, ослепительно-белый в свете автомобильных фар. Водитель нажал на газ, и они выехали сперва в проулок, а затем на главную улицу.

— Про Среду слыхал уже? — спросил водитель. Голос у него теперь звучал совсем иначе: старческий, хорошо знакомый. — Нет больше Среды.

— Да. Я знаю, — ответил Тень. — Видел по телевизору.

— Вот пидорасы, — сказал белый. Это были первые слова, которые он вообще произнес за это время, и голос у него был грубый, с сильным акцентом и — так же, как в случае с голосом водителя, — хорошо Тени знакомый. — Вот что я тебе скажу, пидорасы они и есть, пидоры эти.

— Спасибо, что забрали меня отсюда, — сказал Тень.

— Да ладно, делов-то, — отозвался водитель. В свете фар встречного автомобиля Тени показалось, что лицо у черного помощника шерифа стало значительно старше. И сам он как-то съежился. Когда Тень в последний раз видел этого старика, на нем был клетчатый костюм и желтые перчатки. — Мы были в Милуоки. И гнать пришлось как чертям собачьим, когда Ибис позвонил.

— А ты думал, мы им позволим запереть тебя в кутузку и отправить на электрический стул? Нет, сынок, я еще должен размозжить тебе молотом голову, — мрачно рявкнул белый помощник шерифа, роясь в кармане в поисках пачки сигарет. Акцент у него был восточно-европейский.

— Настоящий цирк там у них начнется через

час с небольшим, — сказал мистер Нанси, который с каждой секундой все больше делался похож на самого себя. — Когда за тобой *на самом деле* приедут. Перед тем как выедем на пятьдесят третью, придется притормозить, чтобы снять с тебя всю эту ботву и чтобы ты принял человеческий вид.

Чернобог протянул ему ключик от браслетов и улыбнулся.

— А ничего усы смотрятся, — сказал Тень. — Вам идет.

Чернобог огладил их желтыми от табака пальцами.

— Вот спасибо.

— А Среда, — спросил Тень, — он на самом деле умер? Может, это фокус какой-нибудь, а?

И тут же понял, что просто цепляется хоть за какую-то надежду, какую ни на есть. Но выражение, застывшее на лице Нанси, сказало ему все, что требовалось, и надежды не стало.

Прибытие в Америку

14 тыс. лет до н. э.

Холодно было и темно, когда ее посетило видение, ибо на Дальнем Севере свет есть всего

лишь краткие сумерки в середине дня, которые приходят, и уходят, и приходят снова: крохотный тусклый просвет меж двумя глыбами тьмы.

Племя у них было небольшое по тогдашним меркам: по меркам кочевников северных равнин. У них был свой бог, череп мамонта и шкура мамонта, из которой было сшито нечто вроде мантии. *Нуньюннини* — так звали этого бога. Когда они останавливались надолго, он отдыхал на деревянном помосте, высотой в человеческий рост.

А она была ведунья и хранительница тайн, и имя ей было Ацула, лиса. Когда они шли, двое мужчин несли за Ацулой бога на длинных шестах, закрытого медвежьими шкурами, дабы его не видели в такое время, когда он не свят, глаза непосвященных.

Они скитались по тундре и несли с собой свои шатры. Самые лучшие шатры были сделаны из шкур карибу, и священный шатер тоже был из шкур карибу, и в нем собрались четверо: Ацула, ведунья, Гугвей, старейшина племени, Яану, военный вождь и Калану, разведчик. Она собрала их в священном шатре через день после того, как ей было видение.

Ацула настругала в огонь лишайника, следом

бросила сушеные листья — своей короткой, высохшей рукой: листья начали дымить, дым ел глаза, и запах у него был очень резкий и странный. Потом она сняла с деревянного помоста деревянную миску и передала ее Гугвею. Чашка была до половины наполнена темно-желтой жидкостью.

Ацула нашла грибы *пунг* — на каждом по семь точек, только настоящая ведунья может отыскать грибы, на которых по семь точек, — сорвала их в новолуние и высушила на нитке из оленьих хрящей.

Накануне перед сном она съела три сушеных грибных шляпки. Сны ей снились невнятные и страшные, о ярких быстрых огнях, о высоченных скалах, которые сплошь были полны огней и торчали высоко вверх, как сосульки. Среди ночи она проснулась вся в поту, и ей хотелось помочиться. Она присела над деревянной чашкой и наполнила ее мочой. Потом выставила чашку наружу, на снег, и снова уснула.

Проснувшись, она выбрала из деревянной чашки кусочки льда: жидкость стала темнее и гуще.

Именно эту жидкость она теперь и передала по кругу, сначала Гугвею, потом Яану и Калану. Каждый из них сделал по большому глотку, а

сама Ацула приложилась к чашке последней. Она сделала глоток, а остатки вылила на землю, прямо перед богом, и это было возлияние для Нуньюннини.

Они сидели в задымленном шатре и ждали, когда заговорит бог. Снаружи, в полной темноте, выл и свистел ветер.

Калану, разведчик, была женщина, которая ходила и одевалась как мужчина: она даже взяла Далани, четырнадцатилетнюю девушку, себе в жены. Калану крепко-накрепко зажмурила глаза, а потом встала и подошла к помосту, на котором лежал череп мамонта. Она набросила на себя мамонтову шкуру и встала так, чтобы ее собственная голова оказалась внутри черепа.

— Зло на этой земле, — сказал Нуньюннини голосом Калану. — Зло, причем такое, что если вы останетесь здесь, на земле ваших матерей и матерей ваших матерей, то умрете все до единого.

Остальные трое заворчали.

— Это охотники за рабами? Или большие волки? — спросил Гугвей, волосы у которого были длинные и седые, а лицо такое же морщинистое, как серая кора на терновнике.

— Нет, не охотники за рабами, — сказал старый Нуньюннини, каменная шкура. — И не большие

волки.

— Это голод? Здесь будет голод?

Нуньюннини молчал. Калану выбралась из черепа и села ждать вместе со всеми.

Гугвей накинул на себя мамонтову шкуру и сунул голову внутрь черепа.

— Никакой это не голод, сами знаете, — сказал Нуньюннини устами Гугвея, — хотя и голод тоже придет следом.

— Тогда что это такое? — спросил Яану. — Я не боюсь. Я буду драться. У нас есть копья и метательные камни. Пусть даже сотня могучих воинов выйдет против нас, мы все равно одолеем. Мы заведем их в болота и расколем им кремнями черепа.

— Это не люди, — сказал Нуньюннини старческим голосом Гугвея. — Это придет с неба, и никакие копья, никакие камни вас не защитят.

— А как же мы сможем спастись? — спросила Ацула. — Я видела огонь в небе. Я слышала гром, громче, чем от десяти молний. Я видела, как леса лягут на землю и закипят реки.

— Ай… — сказал Нуньюннини, но ничего больше не добавил. Гугвей выбрался из черепа, неловко согнувшись, потому что человек он был уже старый и костяшки у него на руках

распухли.

Воцарилось молчание. Ацула бросила в костер еще немного листьев, и у них опять заслезились от дыма глаза.

Потом Яану встал, пошел к мамонтовой голове, накинул на себя шкуру и сунул голову внутрь черепа. Голос у него был гулкий и громкий.

— Вы должны отправиться в далекий путь, — сказал Нуньюннини. — Вы должны идти туда, где солнце. Там, где встает солнце, вы найдете новую землю, и в этой земле зло не тронет вас. Путь будет долгим: луна набухнет и высохнет, умрет и оживет два раза, и по дороге вам встретятся и охотники за рабами, и дикие звери, но я поведу вас и сохраню в дороге, если вы будете идти туда, где встает солнце.

Ацула плюнула на земляной пол и сказала:

— Нет.

Она чувствовала, как бог на нее смотрит.

— Нет, — сказала она, — дурной ты бог, если советуешь нам такие вещи. Мы все умрем. А если мы все умрем, кто будет носить тебя с одного холма на другой, и ставить тебе шатер, и умащивать твои бивни жиром?

Бог ничего не сказал. Ацула и Яану поменялись местами. Лицо Ацулы выглянуло наружу сквозь

отверстия в желтой мамонтовой кости.

— В Ацуле нет веры, — сказал Нуньюннини голосом Ацулы. — Ацула умрет прежде, чем вы все войдете в новую землю, но вы, остальные, будете жить. Верьте мне: там, на востоке, лежит земля, в которой нет людей. Эта земля станет вашей, и землей детей ваших, и детей ваших детей, на семь поколений и еще семь раз по семь. Если бы не Ацула и неверие Ацулы, она была бы отдана вам на веки вечные. Утром снимите шатры и соберите имущество, и ступайте на восход солнца.

И тогда Гугвей, и Яану, и Калану склонили головы и возопили в честь силы и мудрости Нуньюннини.

Луна набухла и высохла, набухла и высохла еще раз. Племя шло на восток, туда, где встает солнце, против ледяных ветров, которые жгли им кожу. Нуньюннини не обманул: по дороге они не потеряли ни единого человека из всего племени, если не считать одной женщины, которая умерла родами, а роженица принадлежит луне, а не Нуньюннини.

Они прошли по земляному мосту.

При первых же проблесках света Калану ушла от них, чтобы разведать дорогу. И вот небо опять потемнело, а Калану так и не вернулась, но вме-

сто этого зажглось вдруг ночное небо, и ожило огнями, белыми и зелеными, фиолетовыми и красными, и огни эти перемигивались, переливались и перебегали из конца в конец неба. Ацуле и ее народу и раньше доводилось видеть северное сияние, но они по-прежнему его боялись, а такого мощного не видели никогда в жизни.

Когда огни на небе слились в огненные реки и потекли сами собой, вернулась Калану.

— Иногда, — сказала она Ацуле, — мне кажется, если я раскину руки, то упаду в небо, головой вперед.

— Это потому что ты разведчик, — ответила ей Ацула. — Когда умрешь, ты упадешь в небо и станешь звездой, чтобы вести нас по жизни.

— Там, на востоке, ледяные скалы, очень высокие, — сказала Калану, волосы которой, цвета воронова крыла, были длинные, как носят мужчины. — Мы сможем на них взобраться, но на это уйдет не один день.

— Ты проведешь нас безопасной дорогой, — сказала Ацула. — А я умру у подножия этих скал, и это будет жертва, которая даст вам право войти в новые земли.

Позади, на западе, в землях, из которых они ушли и где несколько часов назад скрылось солн-

це, вспыхнуло вдруг страшное желтое зарево, ярче молнии, ярче дневного света. Вспышка была такой силы и яркости, что людям на земляном мосту пришлось прикрыть глаза руками, сплюнуть и в ужасе возопить. Дети начали плакать.

— Пришла та гибель, про которую предупреждал нас Нуньюннини, — сказал старый Гугвей. — Воистину великий он бог и могучий.

— Он самый лучший из всех богов, — сказала Калану. — В новой земле мы поднимем его высоко-высоко и натрем ему клыки и череп рыбьим жиром и жиром животным, и заповедуем детям нашим, и детям детей, на семь поколений вперед, и еще на семью семь поколений, что Нуньюннини самый могущественный из богов, и наш народ никогда его не забудет.

— Боги велики, — сказала Ацула медленно, будто решилась открыть самую великую из всех своих тайн. — Но самая великая вещь на свете — это сердце человеческое. Ибо из наших сердец боги рождаются на свет, и в наши сердца суждено им вернуться…

Трудно сказать, сколько бы длилась ее богохульственная речь, если б не была она прервана самым недвусмысленным образом.

Грохот, накативший с запада, был так силен,

что у многих из ушей пошла кровь, и некоторое время люди вообще ничего не могли слышать, и на время ослепли и оглохли, но зато остались живы и знали наверное, что им повезло куда больше, чем тем племенам, что остались на западе.

— Ну вот и ладно, — сказала Ацула и сама себя не услышала.

Ацула умерла у подножия скал, когда весеннее солнце было в зените. Она так и не увидела Нового Мира, и племя вошло в эти земли, не имея при себе ни единой ведуньи.

Они вскарабкались по ледяным скалам, а потом еще долго двигались на юг и на запад, пока не нашли долину с хорошей чистой водой и реками, которые кишели рыбой, и оленями, которые никогда не видели человека, и потому каждый раз приходилось сплюнуть и просить прощения у духов, прежде чем такого убить.

Далани родила троих мальчиков, и некоторые поговаривали, что Калану овладела самыми последними заклинаниями и может теперь делать со своей невестой даже и эту мужскую работу; а другие говорили, что старый Гугвей конечно стар, но не настолько, чтобы не составить молодой невесте компанию, пока мужа нет рядом; и свой резон в этом был, потому как едва старый Гугвей

умер, у Далани перестали рождаться дети.

А ледяные времена сперва пришли, а потом прошли, и люди расселились по всей этой земле, и образовались новые племена, которые выбрали себе другие тотемы: воронов и лис, и гигантских ленивцев, и хищных кошек, и бизонов, и каждый зверь делался у такого племени своим и самым главным, и становился богом.

Мамонты в этой новой земле были больше и медлительнее, и куда глупее, чем мамонты Сибирских равнин, а грибы *пунг* с семью точками здесь вовсе не росли, и Нуньюннини совсем перестал говорить со своим племенем.

И вот во времена, когда на земле жили внуки внуков Далани и Калану, отряд воинов из большого и сильного племени, после набега за рабами возвращавшийся домой на юг, наткнулся на долину, где жили потомки самых первых людей: большую часть мужчин они убили, а женщин и детей увели в рабство. Один из подростков, надеясь вымолить у новых хозяев доброе отношение, отвел их в горную пещеру, где они обнаружили череп мамонта, рассыпавшиеся в труху остатки мамонтовой шкуры, деревянную чашку и набальзамированную голову ведуньи Ацулы.

Некоторые из воинов нового племени были за

то, чтобы взять священные предметы с собой, украсть у самых первых людей их богов и тем самым присвоить их силу, но были и другие, которые были против и говорили, что не выйдет из этого ничего хорошего, а выйдут одни несчастья и обиды со стороны их собственных богов (потому что были эти люди из племени воронов, а вороны — боги ревнивые).

И в конце концов они сбросили все эти предметы со склона горы в глубокую расщелину, а тех, кто остался в живых из племени самых первых людей, угнали далеко-далеко на юг. И племена воронов и лисиц становились все могущественнее и могущественнее в этой новой земле, и вскорости про Нуньюннини забыли навсегда.

Часть 3
Буря
Глава четырнадцатая

Люди бродят во мгле, люди
смотрят во мглу,
И мой огонек темный ветер
задул.
Я руку тяну, может, встречу
твою.
Может быть в этой мгле
встречу руку твою.

Грег Браун.*[107] *С тобою во мгле

Машину они сменили в пять часов утра в Миннеаполисе, на долговременной стоянке местного аэропорта. Заехали на самый верх парковочного комплекса, где автомобили стояли уже под открытым небом.

Тень снял оранжевую робу, наручники и ножные путы, положил их в тот самый пакет из коричневой бумаги, где так недолго хранились его пожитки, сложил пакет несколько раз и опу-

---

[107] notes: 107
Грег Браун (р. 1949) — американский фолк-сингер.

стил в урну. Им пришлось подождать еще минут десять, пока из двери аэропорта не вышел молодой человек с грудью как бочка и не направился в их сторону. На ходу он ел картошку-фри из пакетика от «Бургер Кинг». Тень сразу его узнал: тот самый, что сел к нему на заднее сиденье, когда они вышли из Дома-на-Скале, и мычал всю дорогу — так что машина дрожала. Теперь на лице у него красовалась тронутая сединой, будто инеем, бородка — и делала его много старше.

Он вытер руки о джинсы и протянул Тени могучую лапищу.

— Я слышал про смерть Отца Всех, — сказал он. — Они заплатят, и цену они заплатят немалую.

— Среда был вашим отцом? — спросил Тень.

— Он был Отцом Всех, — густым басом сказал бородач, и у него перехватило дыхание. — Ты им передай, всем передай, что когда будет нужно, мой народ не заставит себя долго ждать.

Чернобог сковырнул застрявшую между зубами крупинку табака и сплюнул ее на покрытый ледяной коркой асфальт.

— И сколько вас таких наберется? С десяток? А может, даже пара десятков?

Борода у человека-бочки встала дыбом.

— А что, десять наших не стоят сотни этих выродков? Кто устоит в битве против человека из моего народа, даже если он выйдет один? Но нас больше, нас куда больше — по городским окраинам. И в горах кое-кто обретается. В Катскиллах, и еще несколько — в веселых городах Флориды. И топоры у них не затупились. И они придут, если я позову.

— Позови их, Элвис, — сказал мистер Нанси. По крайней мере Тени показалось, что он назвал его именно Элвисом. Нанси уже успел сменить форму помощника шерифа на толстый коричневый кардиган, вельветовые брюки и мягкие коричневые кожаные туфли. — Обязательно позови. Именно этого от тебя и хотел наш старый мошенник.

— Они его предали. Они убили его. Я смеялся над Средой, но он был прав, а я нет. Никто из нас больше не может чувствовать себя в безопасности, — сказал человек, имя которого звучало как Элвис. — Но теперь ты можешь рассчитывать на нас. — Он легонько похлопал Тень по спине, и тот едва не отправился в нокдаун. Было такое впечатление, будто его похлопала по спине стенобитная машина.

Чернобог оглядывал автостоянку. Потом спросил:

— Я, конечно, прошу прощения за любопытство, но наша новая машина — она которая?

Человек-бочка ткнул коротким пальцем:

— Вот она, — сказал он.

Чернобог хрюкнул.

— Эта?

Оба они смотрели на автобус, «Фольксваген» семидесятого года выпуска. Заднее стекло было сплошь заклеено постером с радугой.

— Прекрасная машина. Никому и в голову не придет, что вы на такой поедете.

Чернобог обошел автобус. А потом начал кашлять, хриплым, надсадным старческим кашлем, какой пробивает закоренелых курильщиков в пять утра. Он харкал, сплевывал и тер рукой грудь, пытаясь унять боль.

— Да уж, это точно. Никто не заподозрит. А что если полиция остановит нас как явных хипстеров и начнет искать наркоту?[108] А? Нам только этой разлюли-малины не хватало для полного

[108] notes: 108

На таком автобусе разъезжала в свое время по Америке «хиппующая» компания во главе с Кеном Кизи, устраивая вечеринки с приемом ЛСД. Эта поездка описана в нашумевшем в свое время документальном романе Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест». Еще более прямая — хотя и куда более скользкая — ассоциация возникает с так называемой «Семьей Мэнсона», тоталитарной хипстерской коммуной, которая какое-то время разъезжала по западным штатам на разукрашенном во все цвета радуги автобусе марки «Фольксваген».

счастья. Надо слиться с пейзажем, а не торчать у всех на виду.

Бородач отпер дверь автобуса.

— Они только глянут на вас, поймут, что вы не хиппи, и пожелают вам доброго пути. Лучшего способа замаскироваться вам не найти. К тому же ничего другого я все равно не смог найти за такое короткое время.

Чернобог, кажется, собирался еще поскандалить, но тут инициативу мягко взял в свои руки мистер Нанси.

— Элвис, ты оказал нам неоценимую услугу. Мы очень тебе признательны. Да, и вот еще — ту, прежнюю машину нужно отогнать назад, в Чикаго.

— Мы оставим ее в Блумингтоне, — сказал бородач. — Волки сделают свою работу. Ни о чем не беспокойся.

Он снова повернулся лицом к Тени.

— Еще раз — разделяю твою боль, и прими уверения в дружбе. Удачи. И если бдение выпадет на твою долю, сочувствую — и восхищаюсь тобой. — Он пожал Тени руку своей лапищей, больше похожей на перчатку бейсбольного кэтчера. Рука у Тени хрустнула. — Передай его телу, когда увидишься с ним. Передай ему, что Альвис,

сын Виндалфа,[109] веры своей не предаст.

В салоне «Фольксвагена» пахло пачулями, ладаном и сигарным табаком. Стены и пол были оклеены выцветшим розовым ковролином.

— И кто это был? — спросил Тень, выведя машину с автостоянки и с грохотом переключив передачу.

— Он сам тебе сказал — Альвис, сын Виндалфа. Король гномов. Самый большой, самый могучий и самый славный из всего гномьего народа.

— Да какой же он гном?! — удивился Тень. — Сколько в нем росту, сто семьдесят четыре? Сто семьдесят семь?

— Вот именно. Для гнома — рост гигантский, — подал голос откуда-то сзади Чернобог. — Самый высокий гном во всей Америке.

— А что такое он говорил насчет бдения? — поинтересовался Тень.

Оба старика промолчали. Тень посмотрел на мистера Нанси, который усердно глядел в окошко.

---

[109] notes: 109

Альвис — один из персонажей северо-германской мифологии. Имя можно буквально перевести как «Всезнайка». Посватался к дочери бога Тора, но Тор, который не хотел подобного мезальянса, заставил его разгадывать загадки — на что тот с радостью согласился — до самой зари, когда от первых лучей солнца «бледный карлик» превратился в камень. Строго говоря, северо-германские альвы, белые или черные, непохожи на средне-германских гномов.

— Ну? Он сказал про какое-то бдение. И вы оба его слышали.

Откликнулся Чернобог, с заднего сиденья.

— Тебе не обязательно это делать, — сказал он.

— Что делать?

— Брать бдение на себя. Он вообще чересчур разговорчив. Все гномы такие: говорят, говорят… Чушь все это. Выкинь из головы.

Путешествие на юг было — как путешествие во времени. Снега мало-помалу становилось все меньше, и на следующее утро, когда автобус въехал в Кентукки, он исчез вовсе. В Кентукки зима уже кончилась, и приближалась весна. Тень начал прикидывать, нельзя ли вывести на сей счет какое-нибудь подходящее уравнение — скажем, проедешь лишние пятьдесят миль к югу, и уйдешь на день в будущее. Он бы с радостью поделился с кем-нибудь этим открытием, но мистер Нанси спал на пассажирском сиденье рядом с ним, а сзади, из салона, раздавался неумолчный храп Чернобога.

Здесь и сейчас время казалось Тени фикцией, которую можно лепить как угодно, по своему усмотрению, — иллюзией, которая стоит перед глазами, пока он ведет машину. Он поймал себя на том, что пристально вглядывается в попа-

дающих время от времени в поле его зрения животных: он присматривался к воронам, которые на обочине, а то и прямо посреди дороги расклевывали всяких раздавленных машинами тварей; стаи птиц выстраивались в небе в строчки, которые еще чуть-чуть — и можно было бы прочесть; кошки внимательно смотрели на него с заборов или с лужаек перед придорожными домами.

Чернобог всхрапнул громче обычного, проснулся и медленно перевел себя в вертикальное положение.

— Странный сон мне снился, — сказал он. — Снилось, будто на самом деле я и есть Белобог. Что испокон веков весь мир считал, что нас двое, бог светлый и бог темный, а теперь, когда мы оба состарились, я и выяснил, что все это время был один, за двоих, одаривал их, и сам же у них дары свои отнимал.

Он оторвал от сигареты фильтр, сунул ее в рот и прикурил.

Тень опустил у себя ветровое стекло.

— Рак легких заработать не боитесь? — спросил он.

— Я *и есть* рак, — отозвался Чернобог. — И самого себя бояться не привык.

Проснулся и Нанси:

— Существа нашей природы раком не болеют. А также атеросклерозом, болезнью Паркинсона или сифилисом. Нас убить не так-то просто.

— Ну, Среду они тем не менее убили, — отрезал Тень.

Он заехал на заправочную станцию, а потом остановился у соседнего ресторанчика: ранний завтрак. Как только они вошли, таксофон у входа принялся трезвонить.

Пожилая женщина, читавшая дешевое издание «Что нужно было сердцу моему» Дженни Кертон, с кислой улыбкой приняла у них заказ. Потом вздохнула, подошла к телефону, сняла трубку и сказала:

— Да.

И тут же, оглянувшись через плечо, добавила:

— Ага. Вроде как здесь они. Не вешайте трубку, — и вернулась к стойке, к мистеру Нанси.

— Это вас, — сказала она.

— Понятно, — сказал мистер Нанси. — Да, вот еще что, мэм, постарайтесь, чтобы картошечка у вас подрумянилась на славу. И хрустела. Пусть даже подгорит немного.

Он подошел к телефону:

— На проводе, — сказал Нанси.

— А с чего это вы решили, что я настолько глуп, чтобы доверять вам? — сказал он.

— Найду, конечно, — сказал он. — Я знаю это место.

— Да, — сказал он. — Естественно, он нам нужен. И вы знаете, что он нам нужен. А я знаю, что вам нужно от него избавиться. Так что не парьте мне мозги!

Он повесил трубку и вернулся за столик.

— Кто это? — поднял голову Тень.

— Он не представился.

— И что им нужно?

— Они предлагают перемирие, чтобы передать нам тело.

— Лгут как всегда, — сказал Чернобог. — Заманить хотят, а потом прихлопнут. Так же, как Среду. Я сам когда-то выкидывал такие фокусы, — добавил он и погрузился в мрачное молчание.

— Речь шла о нейтральной территории, — сказал Нанси. — По-настоящему нейтральной.

Чернобог хохотнул. Звук был такой, будто металлический шарик катается по высохшему черепу.

— И я так говорил когда-то, *точно так же*. Приходите на нейтральную территорию, говорил я, а потом ночью мы подбирались незаметно и

убивали всех! Славные были времена.

Мистер Нанси пожал плечами. Потом сунул в рот несколько коричневых, прожаренных насквозь ломтиков картофеля и с довольным видом улыбнулся:

— Мм-мм. Прекрасная получилась у вас картошечка! — сказал он.

— Этим людям нельзя доверять, — сказал Тень.

— Слушай сюда. Я старше тебя, и умнее тебя, и выгляжу лучше, чем ты, — проговорил мистер Нанси, отчаянно выстукивая донышко бутылочки с кетчупом и сплошь заливая соусом свою подгорелую картошку. — Я за вечер могу трахнуть больше телок, чем ты за целый год. Я танцую как ангел, дерусь как медведь, которого загнали в угол, на хитрости горазд пуще старого лиса, пою как соловей…

— А сказать-то вы, собственно, хотели…

Карие глаза Нанси внимательно посмотрели в глаза Тени.

— Что им от тела избавиться нужно ничуть не меньше, чем нам — его заполучить.

Чернобог сказал:

— Нет таких нейтральных мест.

— Есть такое место, — сказал мистер Нанси. — Это — центр.

Определить точное местонахождение центра чего бы то ни было — задача по меньшей мере не из легких. А если речь идет о живых — о людях, скажем, или о континентах, — она и вовсе переходит в разряд сугубо гипотетических. Где, к примеру, центр у человека? А где центральная точка сна? А в случае с континентальной частью Соединенных Штатов — следует учитывать при поиске центра Аляску или не стоит? А Гавайи?

В самом начале двадцатого века был изготовлен из картона огромный макет США, основных сорока восьми штатов, и для того, чтобы найти центральную точку, его пытались уравновесить на острие булавки, пока не нашли одно-единственное место, в котором подобное равновесие было возможно.

Как приблизительно и предполагалось заранее, точный географический центр континентальной части Соединенных Штатов располагался в нескольких милях от города Ливан, штат Канзас, и приходился на свиноферму Джонни Гриба. К началу тридцатых жители города Ливан дозрели до того, чтобы соорудить в самом центре свинофермы подобающий монумент, но Джонни Гриб заявил им на это, что на фиг ему не надо, чтобы сюда приезжали миллионы туристов, топтались

по всей округе и пугали чушек, так что монумент в ознаменование географического центра Соединенных Штатов в итоге был сооружен в двух милях к северу от города. Отсюда к нему проложили асфальтовую дорогу, после чего, в ожидании небывалого наплыва туристов, даже построили возле монумента мотель. И стали ждать.

Но туристы так и не приехали.

Теперь это место представляет собой запущенный маленький парк с шаткой часовенкой, в которой не поместилась бы даже самая скромная погребальная процессия, — и с мотелем, окна которого похожи на глаза мертвеца.

— Вот по этой самой причине, — констатировал мистер Нанси, как раз когда они въезжали в Гуманвиль, штат Миссури (нас. 1084 чел.), — точный центр Америки и представляет собой убогий парк, пустую церквушку, кучку камней и развалины мотеля.

— Свиноферму, — буркнул Чернобог. — Ты только что сказал, что настоящий центр Америки — это свиноферма.

— Не то важно, где он на самом деле, — сказал мистер Нанси. — А то важно, где он находится с *людской* точки зрения. В любом случае, точка эта — воображаемая. Именно поэтому она так и

важна. Народ — он только за воображаемые вещи и готов идти в бой.

— Такой народ, как я? — поинтересовался Тень. — Или вроде вас народ?

Нанси смолчал. Чернобог издал звук, который можно было принять за смешок, а можно — и за фырканье.

Тень попытался поудобнее устроиться в задней части автобуса. Но поспать получилось всего ничего. Было странное ощущение неудобства в районе желудка. Хуже, чем бывало в тюрьме, и даже хуже, чем тогда, когда Лора рассказывала про ограбление. Скверный знак. Шею покалывало, плюс общее муторное состояние, а еще — несколько раз на него волнами накатывал страх.

Мистер Нанси остановился в Гуманвиле и припарковался возле супермаркета. Вдвоем с Тенью они зашли в магазин. Чернобог остался на стоянке, с неизменной сигаретой в зубах.

Светловолосый молодой человек, совсем еще мальчик, перекладывал на полках коробки с сухими завтраками.

— Привет, — сказал мистер Нанси.

— Привет, — откликнулся молодой человек. — Это правда, я так понимаю? Они его убили?

— Да, — сказал мистер Нанси. — Они его убили.

Молодой человек рубанул рукой по коробкам, и несколько штук отлетело к дальней стенке стеллажа.

— Им кажется, что нас можно давить как тараканов, — сказал он. — Но мы ведь не тараканы, правда? Мы кусаемся.

— Нет, — сказал мистер Нанси. — Мы не тараканы.

— Я там буду, сэр, — сказал молодой человек, и его светло-голубые глаза полыхнули огнем.

— Да-да, я знаю, Гвидион,[110] я знаю, — сказал мистер Нанси.

Мистер Нанси купил несколько больших бутылок «Ройал Краун колы», упаковку туалетной бумаги в шесть рулонов, коробку каких-то подозрительного вида серных сигарок, связку бананов и пачку жвачки, «Даблминт».

— Он славный мальчик. Появился в седьмом веке. Валлиец.

Автобус зигзагами шел сперва на запад, потом на север. Весна опять понемногу превратилась в вялое охвостье зимы. Канзас тянулся бесконеч-

---

[110] notes: 110
Гвидион — в валлийском эпосе ведун и волшебник.

ной серой лентой: одинокие облака, пустые окна, потерянные человеческие души. Тень навострился ловить радиостанции, мастерски лавируя между запросами мистера Нанси, которому нравились всякие обсуждаловки и танцевальная музыка, и Чернобогом, который предпочитал музыку классическую, и чем мрачнее, тем лучше, с гарниром из евангелистских радиостанций самого что ни на есть крайнего толка.

Ближе к вечеру они остановились, по просьбе Чернобога, на окраине Черривейла,[111] штат Канзас (нас. 2464 чел.). Чернобог привел их на луг, начинавшийся сразу за крайними домами. В тени деревьев все еще лежал снег, и трава была цвета высохшей глины.

— Подождите меня здесь, — сказал Чернобог и вышел, один, на самую середину луга.

Какое-то время он просто стоял, на холодном февральском ветру. Потом вдруг опустил голову — и начал размахивать руками.

— Такое впечатление, что он с кем-то разговаривает, — заметил Тень.

— С призраками, — сказал мистер Нанси. — Его раньше почитали в этом месте, больше ста лет

---

[111] notes: 111

Букв. «Вишневая долина». Возможна ассоциация с «Вишневым садом».

тому назад. Приносили кровавые жертвы, возлияния, так сказать, — посредством молота. А потом, по прошествии времени, местные жители смекнули, что слишком много странников, которые проезжали через город, куда-то пропадают по дороге. А на этом лугу зарыто несколько тел.

Чернобог вернулся с луга. Усы у него потемнели, и среди спутанных седых косм появились черные пряди. Он улыбнулся, показав железный зуб.

— Вот теперь совсем другое самочувствие. Ах-х-х! Все-таки есть такие вещи, которые держатся долго, а дольше всего держится кровь.

Они пошли обратно, по окраине луга, туда, где оставили автобус. Чернобог прикурил сигарету, но больше уже не кашлял.

— Они это молотом делали, — сказал он. — Вотан, ему подавай виселицы да копья, а по мне, так есть одна надежная вещь…

Он выставил желтый от никотина палец и постучал им, довольно чувствительно, Тени по лбу, по самой середине.

— Очень вас прошу, давайте без этого, — вежливо сказал Тень.

— *Очень вас прошу, давайте без этого*, — передразнил его Чернобог. — В один прекрасный день я достану свой молот и сделаю с тобой кое-что

похуже этого, да, дружок, не забыл?

— Не забыл, — ответил Тень. — Но если вы сделаете это еще раз, я сломаю вам руку.

Чернобог фыркнул. А потом сказал:

— Они должны быть благодарны, эти местные. Такая сила здесь витает! Даже через тридцать лет после того, как они вынудили моих людей уйти в подполье, здешняя земля, вот эта самая земля, породила величайшую актрису всех времен и народов. Величайшую.

— Джуди Гарленд?[112] — спросил Тень.

Чернобог резко мотнул головой.

— Он имеет в виду Луиз Брукс,[113] — сказал мистер Нанси.

Тень почел за лучшее не спрашивать, кто такая Луиз Брукс. А вместо этого сказал:

— Но послушайте, когда Среда пошел с ними

---

[112] notes: 112

Джуди Гарленд (наст. имя Фрэнсис Этель Гамм, 1922–1969) — американская актриса и певица, самая известная роль которой — Дороти в фильме «Волшебник страны Оз» (1939). Мать актрисы и певицы Лайзы Минелли. Джуди Гарленд родилась в Гранд-Рапидс, Миннесота.

[113] notes: 113

Луиз Брукс (Мэри Луиз Брукс, 1906–1985) — выдающаяся актриса американского и немецкого немого кино, снималась в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Создала яркий и стильный женский образ, главная черта которого — короткое каре, «черный шлем» — навсегда осталась ее визитной карточкой. После того как фильмы с ее участием заново открыли в 1950-х годах (прежде всего во Франции), ее начали ставить чуть ли не выше Греты Гарбо и Марлен Дитрих.

на переговоры, они тоже обещали соблюдать перемирие.

— Ну да.

— А теперь мы собираемся получить у них тело Среды, и они опять обещают соблюдать перемирие.

— Ну да.

— И при этом нам прекрасно известно, что они с удовольствием убили бы меня или как-то иначе убрали с дороги.

— Они бы с удовольствием убили нас всех, — сказал мистер Нанси.

— Я никак не могу взять в толк — так с чего мы решили, что на этот раз они действительно будут перемирие соблюдать, если в случае со Средой вышло наоборот?

— Вот именно поэтому, — сказал Чернобог, — мы и встречаемся с ними в центре. Это… — Он нахмурился. — Какое там есть слово подходящее? Ну как «священное», только наоборот.

— Мирское, — не задумываясь предложил свой вариант Тень.

— Да нет, — поморщился Чернобог. — Я имею в виду, когда место свято в гораздо меньшей степени, чем все остальные места, даже самые обыкновенные. Такая негативная, что ли, свя-

тость. Место, в котором никто и никогда не станет строить храм. Место, в которое люди ни за что на свете не поедут, а если и приедут ненароком, то поспешат убраться отсюда как можно скорее. Место, в которое бога можно затащить разве что на аркане.

— Тогда не знаю, — сказал Тень. — Наверное, просто нет в языке такого слова.

— Это вообще всей Америке свойственно, в какой-то степени, — сказал Чернобог. — Поэтому нам здесь и не слишком уютно. Но центр… — Чернобог повел плечами. — Центр хуже всего. Как минное поле. Мы все туда и заходим-то на цыпочках, не то что договоры нарушать.

Они как раз дошли до автобуса. Чернобог похлопал Тень по плечу.

— Ты не переживай, — сказал он. — Никто тебя не убьет. Никто, кроме меня.

Центр Америки Тень отыскал в тот же вечер, в сумерках, на невысоком холме к северу от Ливана. Он проехал вокруг небольшого, раскинувшегося по склону холма парка, мимо крохотной передвижной часовенки и каменного монумента, а потом, когда увидел одноэтажный, пятидесятых годов двадцатого века постройки мотель, на душе у него стало совсем тускло. Перед мотелем был

припаркован черный армейский «Хаммер». Если обычный джип отразить в кривом зеркале, получилось бы то ж на то ж: такая же приземистая, уродливая тупоносая гробина, только пулемета на крыше не хватает. Света в окнах здания не было.

Они остановились у мотеля, и тут же из его дверей в свете автобусных фар вышел человек в шоферской униформе и кепке. Он вежливо приложил руку к козырьку, сел в «Хаммер» и уехал.

— Тачка большая, да хрен маленький, — откомментировал мистер Нанси.

— Может, у них тут еще и кровати есть? — спросил Тень. — Я уже лет сто не спал в нормальной кровати. А у этого заведения такой вид, будто оно хоть сейчас под снос.

— Владеет им ассоциация охотников Техаса, — сказал мистер Нанси. — Приезжают сюда раз в год. На кого они здесь охотятся, представить себе не могу. Но по крайней мере благодаря им дом до сих пор хоть как-то держится.

Они выбрались из автобуса. На ступеньках мотеля их ждала женщина, которую Тень видел впервые в жизни. Тщательно накрашенная, тщательно уложенная. И похожая разом на всех телеведущих, которых он за свою жизнь нави-

дался, включая по утрам телевизор, всех тех, что сидели в студиях, никоим образом не похожих на нормальное человеческое жилье.

— Какая приятная встреча, — сказала женщина. — *Вы*, должно быть, Чернобог. Весьма наслышана. А *вы* — Ананси, вечный выдумщик, не так ли? Ах вы, старый *проказник*. А ты, ты, надо понимать, Тень. Ну, должна сказать, пришлось же нам за тобой побегать! — Она взяла его за руку, крепко пожала и посмотрела прямо в глаза. — А я Медиа. Рада познакомиться. Надеюсь, сегодняшнее мероприятие пройдет под знаком взаимного *уважения* и согласия.

Парадная дверь открылась.

— Складывается такое впечатление, Тото, — сказал жирный молодой человек, которого Тень в последний раз видел в лимузине, — будто мы уже и не в Канзасе.

— Мы в Канзасе, — сказал мистер Нанси. — Такое впечатление, что за сегодня мы его весь проехали, насквозь. Ну, я вам скажу, и плоские здесь у них места.

— В этом заведении нет ни света, ни электричества, ни горячей воды, — сказал жирный молодой человек. — А вам, ребята, — безо всяких обид, горячая вода никак бы не помешала. Воняет от вас,

будто вы неделю из своего автобуса не вылезали.

— Мне кажется, нет *никакой* необходимости вдаваться в такие подробности, — изящно перехватила инициативу женщина. — Мы ведь все здесь друзья. Входите, не стесняйтесь. Мы вам покажем ваши комнаты. *Мы* заняли первые четыре номера. В пятом — ваш покойный друг. А те, что за пятым номером, — свободны. Выбирайте. Боюсь, это не отель «Четыре сезона», но, с другой стороны — разве на самом деле *бывают* такие отели?

Она открыла и подержала для них дверь. В холле пахло плесенью, сыростью, пылью и тлением.

Там, почти в полной темноте, сидел еще один человек.

— Что ребята, проголодались? — спросил он.

— Я всегда не прочь перекусить, — тут же отозвался мистер Нанси.

— Шофер как раз поехал за гамбургерами, — сказал человек. — Скоро должен вернуться. — Он поднял голову. Было слишком темно, чтобы разглядеть лица вошедших, но тем не менее он сказал: — А, громила! Ты и есть Тень, я правильно понимаю? Тот самый мудак, который убил Лесса и Камена?

— Ошибаешься, — сказал Тень. — Их убил не я.

А я тебя тоже знаю. — Он и в самом деле знал этого человека. Он был у него в голове. — Ты Градд. Ну как, уже успел переспать со вдовой покойного мистера Лесса?

Мистер Градд упал со стула. В кино эта сцена, пожалуй, выглядела бы забавно; в реальной жизни получилось просто неловко. Он тут же вскочил и двинулся на Тень. Тень посмотрел на него сверху вниз и сказал:

— Не начинай ничего такого, чего не готов довести до конца.

Мистер Нанси положил Тени руку на плечо.

— Не забывай про перемирие, — сказал он. — Мы в центре.

Мистер Градд сделал шаг назад, перегнулся через стойку и достал три ключа.

— Ваши номера в конце коридора, — сказал он. — Держите.

Он вручил ключи мистеру Нанси и ушел в темноту. Было слышно, как сперва отворилась, а потом с грохотом захлопнулась дверь номера.

Мистер Нанси отдал один ключ Тени, другой Чернобогу.

— А в автобусе у нас есть фонарик? — спросил Тень.

— Нет, — ответил мистер Нанси. — Но это же

всего-навсего темнота, и ничего больше. Не нужно бояться темноты.

— Я и не боюсь, — сказал Тень. — Я боюсь тех людей, которые ходят в темноте.

— Темнота — это здорово, — сказал Чернобог. Похоже, во тьме он видел как днем. Он уверенно провел их по темному коридору, и ключи в замки вставлял точным уверенным движением.

— Мой будет десятый, — объявил он. А потом добавил: — Медиа. Кажется, что-то я о ней слышал. Это не та особа, что убила собственных детей?

— Это другая женщина, — сказал мистер Нанси. — Но разница невелика.[114]

Сам мистер Нанси занял восьмой номер, Тени досталась комната напротив — девятая. В ней тоже пахло сыростью, было пыльно и пусто. У стенки стояла кровать с матрасом, но без постельного белья. За окном еще светили поздние сумерки, и кое-что все-таки можно было различить. Тень сел на матрас, скинул туфли и вытянулся во весь рост. За последние несколько дней он слишком много времени провел за рулем.

Кажется, он все-таки заснул.

Он шел пешком.

---

[114] notes: 114
Мистер Нанси, естественно, имеет в виду Медею.

Холодный ветер рвал на нем одежду и бросал в лицо снежинки, крохотные и легкие, больше похожие на хрустальную пыль.

Еще были деревья, голые и безлистые, потому что зима. И высокие холмы, по обе стороны. Стоял ранний зимний вечер: небо и снег были одинаково глубокого пурпурного цвета. Где-то впереди — при таком освещении расстояние угадать было трудно — плясали языки костра, оранжевые и желтые.

Впереди, хрустко ступая по снегу, шел серый волк.

Тень остановился. Волк тоже остановился, обернулся и стал ждать. Один его глаз блеснул желто-зеленой искрой. Тень пожал плечами и снова пошел в сторону костра, и волк тут же тронулся с места.

Костер горел посреди рощи. Деревьев было, должно быть, около сотни, и они росли двумя ровными рядами. С них свисали какие-то темные фигуры. Там, куда вела эта аллея, было здание, похожее на перевернутый вверх дном корабль. Оно было деревянное, сплошь покрыто резьбой и буквально кишело деревянными тварями и деревянными лицами — драконы, грифоны, тролли и вепри — и все они плясали в неровных отсветах

пламени.

Костер был настолько жаркий, что Тень даже близко к нему подойти был не в состоянии. Волк обошел это пожарище стороной и скрылся.

С другой стороны костра вместо волка вышел человек, опираясь при ходьбе о высокий посох.

— Ты в Уппсале, в Швеции, — сказал человек знакомым скрипучим голосом. — Лет этак с тысячу тому назад.

— Среда? — спросил Тень.

Человек продолжал говорить так, словно Тени вообще здесь не было.

— Поначалу каждый год, потом, позже, когда пошла гниль и люди стали вялыми, каждые девять лет, они приносили здесь жертвы. Жертву девяти. Каждый день, девять дней кряду, они вешали на этих деревьях по девять животных. И одним из этих животных всегда был человек.

Он пошел от костра прочь, к деревьям, и Тень двинулся следом. По мере того, как деревья становились ближе, у висевших на них фигур начали проступать отдельные детали: ноги и глаза, языки и головы. Тень покачал головой: повешенный на дереве за шею бык представлял собой зрелище кошмарное, но при этом настолько нелепое, что невольно хотелось улыбнуться. Тень прошел

мимо повешенного оленя, мимо собаки-волкодава, бурого медведя, гнедого коня с белой гривой размером разве чуть больше пони. Пес был все еще жив: каждые несколько секунд он подергивался на своей веревке и издавал придушенные скулящие звуки.

Человек, что шел впереди, перехватил свой посох, на поверку оказавшийся, как только теперь понял Тень, копьем, и одним-единственным режущим ударом, сверху вниз, распорол псу брюхо. На снег вывалились дымящиеся кишки.

— Я посвящаю эту смерть Одину, — торжественно возгласил человек. — Это всего лишь жест, — продолжил он, обернувшись к Тени. — Но жесты и есть самое главное на свете. Смерть одной собаки символизирует смерть всех собак. Девять человек они мне дали, но эти девять представляют все человечество, всю кровь, всю власть. Но и этого было мало. Однажды кровь перестала течь. А вера без крови — что в ней толку. Кровь должна литься потоком.

— Я видел твою смерть, — сказал Тень.

— В делах богов, — сказала темная фигура с копьем, и теперь Тень окончательно уверился, что перед ним Среда, поскольку больше ни за кем он не замечал этого циничного и радостного

драйва в каждом сказанном слове, — не смерть важна. Важна возможность воскреснуть. А когда кровь льется ручьем…

Он обвел рукой людей и животных, что висели на деревьях.

Тень никак не мог решить для себя, что ужаснее — повешенные люди или повешенные животные. Люди по крайней мере знали, на что шли. Густой запах алкоголя, исходивший от их тел, свидетельствовал о том, что по дороге к виселице им дали одурманить себя до бесчувствия, тогда как животных просто вздернули, живых и напуганных. Лица у повешенных людей были сплошь молодые: ни единого мальчика старше двадцати.

— А я кто такой? — спросил Тень.

— Ты? — переспросил человек. — Ты — это возможность. Ты был частью великой традиции. Хотя мы оба с тобой преданы этому делу настолько, что готовы за него умереть. Так?

— А ты кто такой? — спросил Тень.

— Просто умереть и все — вот что самое трудное, — сказал человек. Костер, — а Тень вдруг со смутным чувством ужаса заметил, что горели в нем человеческие остовы: грудные клетки и черепа с пышущим из глазниц пламенем там и сям

высовывались из огненной груды, потрескивали и смотрели на него, выстреливая то и дело во тьму разноцветными, похожими на трассирующие пули искрами, зелеными, желтыми и синими — и все это полыхало, сияло и ревело. — Три дня на дереве, три в подземном царстве, три — на то, чтобы найти обратную дорогу.

Пламя вспыхнуло настолько отчаянным и жарким вихрем, что Тени пришлось отвести глаза и посмотреть во тьму, сгустившуюся вокруг деревьев.

Стук в дверь — теперь в окошко светила луна. Тень дернулся во сне и сел на кровати.

— Ужин на столе, — пропел под дверью голос Медиа.

Тень надел туфли, подошел к двери, открыл ее и выглянул в коридор. Кто-то уже успел найти и зажечь свечи: в холле тускло мерцал неровный желтоватый свет. Водитель «Хаммера» открыл входную дверь, неся перед собой картонный поднос и большой бумажный пакет. Не нем были длинное черное пальто и шоферская фуражка.

— Извините, задержался, — хриплым голосом сказал он. — Я всем купил одно и то же: пару бургеров, большой пакет картошки, большую колу и яблочный пирог. Сам я поем в машине.

Он оставил еду на столе и двинулся к выходу. Комнату наполнил запах фастфуда. Тень взял бумажный пакет и принялся раздавать еду, салфетки и пакетики с кетчупом.

Ели в полном молчании — только свечи потрескивали, и капал на пол воск.

Тень обратил внимание, что Градд все время на него поглядывал. Он слегка развернул стул, чтобы сидеть спиной к стене. Медиа ела свой гамбургер с салфеткой у самого рта и ежесекундно смахивала крошки.

— Ну вот. Великолепно. Бургеры почти совсем холодные, — сказал жирный молодой человек.

На нем по-прежнему были темные очки, что с точки зрения Тени было бессмысленно и нелепо — и без того в комнате полумрак.

— Прошу прощения за неудобство, — подал голос Градд. — Но ближайший «Макдональдс» аж в Небраске.

Они доели почти остывшие гамбургеры и картошку. Жирный молодой человек надкусил свой яблочный пирог, и начинка брызнула ему на подбородок. И оказалась, неожиданно для всех, горячей.

— Она же раскаленная! — воскликнул жирный. — Они, блядь, дождутся коллективного иска

в защиту потребителя!

Тени очень хотелось его ударить. Ему хотелось ударить этого парня с тех самых пор, когда тот натравливал на него своих горилл, тогда, в лимузине, после похорон Лоры. Он усилием воли отогнал от себя эту мысль.

— Может быть, вы просто выдадите нам тело Среды, и мы уедем отсюда? — спросил он.

— В полночь, — в один голос ответили мистер Нанси и жирный молодой человек.

— Такого рода вещи нужно делать по правилам, — сказал Чернобог.

— Ну да, конечно, — сказал Тень. — Вот только никто не потрудился объяснить мне эти правила. Вы все только и знаете, что твердить об этих сраных правилах, а я даже не знаю, в какую игру вы тут играете.

— Это все равно, что разместить объявление на витрине, а потом не соблюдать указанные сроки, — сказала Медиа. — Ну, сам понимаешь. Объявили распродажу, люди пришли, а никакой распродажи нет.

Градд сказал:

— По мне, так вообще все это херня полная. Но если они так тащатся от этих своих правил, то и мое агентство тоже от них тащится, и всем

остальным советует. — Он отхлебнул колы. — Ровно в полночь. Вы забираете тело и сваливаете. Мы изображаем скорбно-блядь-умильные чувства и машем на прощание ручкой. А потом опять открываем охоту на крыс, которыми вы, собственно, и являетесь.

— Да, кстати, — сказал Тени жирный молодой человек. — Это мне кое о чем напомнило. Я велел тебе передать твоему бывшему боссу, что его дело прошлое. Ты передал?

— Передал, — ответил Тень. — И знаешь, что он сказал в ответ? Он велел передать этому вшивому сопляку, если я еще когда-нибудь его увижу, чтобы тот не забывал: сегодня — будущее, а назавтра уже прошлое.

Среда никогда ничего подобного не говорил. Но эта публика, судя по всему, обожает штампованные фразы. Черные очки сверкнули на него отраженными огоньками свечей — совсем как настоящие глаза.

Жирный молодой человек сказал:

— Такая, блядь, сырость здесь! И электричества нет. И вне доступа. А если ты ни к чему не можешь подключиться, это полная труба — хуже чем в каменном веке.

Он высосал через соломинку остатки колы,

небрежно уронил стакан на стол и пошел прочь, к себе в комнату.

Тень протянул руку, собрал оставленный жирным мусор и сложил его в большой бумажный пакет.

— Пойду погляжу на центр Америки, — сказал он так, чтобы его слышали все, после чего встал и вышел. Мистер Нанси двинулся за ним следом. Они прошли через маленький парк и не сказали ни слова, пока не дошли до каменного памятника. Ветер явно играл с ними, налетая то с одной, то с другой стороны.

— Ну, — сказал Тень, — и что дальше?

Высоко в небе висела мертвенно-бледная половинка луны.

— А дальше, — ответил ему Нанси, — ты пойдешь к себе в комнату. Запрешь дверь. И постараешься немного поспать. В полночь они выдадут нам тело. А потом мы свалим отсюда к едрене фене. В центре у кого хочешь могут нервы сдать.

— Как скажете.

Мистер Нанси затянулся сигаркой.

— Ничего этого вообще не должно было произойти, — сказал он. — Ничего подобного. Существа, подобные нам, мы же… — он обвел сигаркой вокруг себя, словно выслеживая в темноте

нужное слово, а потом резко ткнул тлеющим кончиком вперед, — *...уникальны*, каждый сам по себе. Мы не любим общаться. Даже я этого не выношу. Даже Вакх. По крайней мере долгого общения. Мы гуляем сами по себе или живем маленькими замкнутыми группами. У нас все эти игры с другими не очень-то получаются. Нам нравится, когда нас чтят, и уважают, и приносят подношения — лично мне нравится, когда про меня рассказывают истории, байки, в которых речь идет о том, какой я умный. Я понимаю, что это мой недостаток, слабость, но такой уж я появился на свет. Нам нравится быть великими. А теперь настали иные времена, и мы народ маленький. Новые боги восстают, и умирают, и восстают снова. Но это не та страна, которая терпит богов подолгу. Брахма созидает, Вишну сохраняет, Шива разрушает и освобождает землю, дабы Брахма снова мог созидать.

— Что вы, собственно, хотите этим сказать? — спросил Тень. — Что война окончена? Битва уже состоялась?

Мистер Нанси хрюкнул.

— Ты что, умом двинулся? Они убили Среду. Они убили его и похваляются этим. Они раструбили об этом на всю страну. Они показали это по

всем каналам, чтобы каждый, у кого есть глаза, узрел и понял. Нет, Тень. Все только начинается.

Он нагнулся к подножию каменного монумента, загасил сигарку и оставил ее там, словно приношение.

— Раньше все у вас было с шуточками и прибауточками, — сказал Тень. — А теперь стало совсем всерьез.

— Трудно раскрутить себя на хорошую шутку в такие времена. Среда мертв. Ты в дом идешь?

— Немного погодя.

Нанси ушел в сторону мотеля. Тень вытянул руку и дотронулся до каменной поверхности памятника. Потом провел массивной ладонью по холодной бронзовой табличке. А потом развернулся и вошел в крохотную белую часовенку, прямо в незапертую дверь, в полную темноту. Он сел на ближайшую скамью, закрыл глаза, опустил голову и стал думать про Лору, и про Среду, и про то, что это вообще значит — быть живым.

Сзади раздался тихий щелчок и шорох подошвы о землю. Тень выпрямился и обернулся. В дверном проеме кто-то стоял, темный силуэт на фоне звездного неба. Луна сверкнула на каком-то металлическом предмете.

— Что, стрелять в меня будешь? — спросил

Тень.

— О, господи — да я бы с радостью, — сказал мистер Градд. — Хотя бы в порядке самообороны. Ты что тут, молишься? Они и тебя на божественный лад настроили? Никакие они не боги.

— Я и не молился вовсе, — ответил Тень. — Так, решил подумать в одиночестве.

— Насколько я себе все это представляю, — продолжил Градд, — они нечто вроде мутантов. Кое-какие способности к гипнозу, еще там всякая фигня, и на тебе, люди уже готовы поверить во что угодно. В общем, не о чем письмо домой написать. Вот и все дела. По крайней мере, умирают они точно так же, как люди.

— Они всегда были смертны, — сказал Тень.

Он встал, и Градд тут же сделал шаг назад. Тень вышел из часовенки. Градд держался на почтительном расстоянии.

— Слушай, — спросил Тень, — а ты не в курсе, кто такая была Луиз Брукс?

— Это что, подружка твоя?

— Да нет. Киноактриса. Родилась в этом городишке, к югу отсюда.

Градд помолчал немного.

— Может, она имя сменила, и стала, там, Лиз Тейлор или Шэрон Стоун, или еще кем-нибудь, —

беспомощно сказал он.

— Может, оно и так. — Тень двинулся обратно к мотелю. Градд шел параллельным курсом.

— Тебе в тюряге самое место, — сказал мистер Градд. — Самое место и есть — причем в камере смертников.

— Я твоих сотрудников не убивал, — сказал Тень. — Но вот что я тебе скажу, а вернее, передам одну вещь, которую сказал мне один человек, там, в тюрьме. И которую я запомнил на всю жизнь.

— И что он тебе такого сказал?

— Во всей Библии Иисус только одному парню пообещал место рядом с собой в раю. Не Петру, не Павлу, и никому из всех этих ребят. А вору, приговоренному к смертной казни, которого распяли вместе с ним. Так что не трогай ребят из камеры смертников. Может, они знают что-то такое, чего не знаешь ты.

Возле «Хаммера» стоял шофер.

— Доброй ночи, джентльмены, — сказал он, когда они проходили мимо.

— Доброй ночи, — ответил мистер Градд. А потом сказал, обращаясь к Тени. — Да мне, по большому счету, на все это насрать. Мне что мистер Мирр говорит, то я и делаю. Так оно спокойнее.

Тень свернул в коридор и остановился у двери в комнату номер девять.

Он отпер дверь, вошел, и тут же запнулся в дверях:

— Извините. Мне показалось, это моя комната.

— Это и есть твоя комната, — сказала Медиа. — Я тебя ждала.

В лунном свете он видел ее волосы, ее бледное лицо. Она сидела на кровати в изящно-продуманной позе.

— Я найду другую комнату.

— Я надолго не задержусь, — сказала она. — Мне просто показалось, что сейчас самый подходящий момент, чтобы сделать тебе *предложение*.

— Хорошо. Делайте ваше предложение.

— Расслабься, — сказала она. — А то у тебя такой вид, будто ты кол проглотил. Послушай, Среда *мертв*. Ты уже никому ничего не должен. Переходи к нам. *Самое время перейти на сторону той команды, которая одержит победу.*

Тень молчал.

— Мы можем сделать тебя *знаменитым*, Тень. Мы можем дать тебе власть над тем, во что люди верят, что они говорят, что носят, над тем, что им снится во сне. Хочешь стать следующим Кэри

Грантом?[115] Мы можем сделать из тебя хоть еще один «Битлз».

— Мне больше нравилось, когда вы предлагали мне посмотреть на сиськи Люси, — сказал Тень. — Если это, конечно, были вы.

— Ах вот как! — сказала она.

— Знаете, мне нужна моя комната. Спокойной ночи.

— Ну а еще, конечно, — сказала она, даже не пошевелившись, будто вообще его не слышала, — мы можем повернуть все совсем иначе. Мы можем устроить тебе настоящий *ад*. Ты навсегда останешься скверным анекдотом, Тень. Или тебя будут помнить как самое настоящее чудовище. Тебя будут помнить вечно — но только как Мэнсона[116] или Гитлера… как тебе *это* понравится?

— Простите, мэм, но что-то я подустал, — сказал Тень. — И был бы очень вам признателен, если

---

[115] notes: 115

Кэри Грант (наст. имя Арчибальд Александр Лич, 1904–1986) — известный американский актер британского происхождения. Снимался в фильмах «Филадельфийская история», «На север через северо-запад», «Поймай вора» и др. Признан Американским институтом кинематографии вторым (после Хамфри Богарта) «величайшим мужчиной-кинозвездой всех времен».

[116] notes: 116

Чарльз Миллз Мэнсон (р. 1934) — лидер тоталитарной хипстерской коммуны, так называемой «Семьи Мэнсона», которая в 1969 году совершила целый ряд жестоких убийств. Отбывает пожизненное заключение в Калифорнии.

бы вы освободили помещение прямо сейчас.

— Я могла целый мир бросить к твоим ногам, — сказала она. — Когда будешь подыхать в канаве, *вспомни* об этом.

— Запишу, чтобы не забыть, — сказал он.

После нее в комнате остался запах духов. Он лег на голый матрас и начал думать о Лоре, но о чем бы конкретном он ни пытался вспомнить — как Лора играет в летающую тарелку, как Лора ест суфле, прямо пальцами, как Лора смеется, демонстрируя экзотическое нижнее белье, которое она купила, когда помогала проводить съезд коммивояжеров в Анахайме — перед ним неизменно вставала одна и та же картинка: Лора берет в рот у Робби, и в это время в них врезается грузовик и сминает машину в лепешку. А потом приходили ее слова, и всякий раз от этих слов ему было больно.

Ты не мертвый, раздавался у него в голове тихий голос Лоры. *Но и в том, что ты жив, я тоже совсем не уверена.*

В дверь постучали. Тень встал и открыл. В коридоре стоял жирный молодой человек.

— Гамбургеры эти, — сказал он, — такая мерзость. Нет, ты прикинь! Пятьдесят миль до ближайшего «Макдональдса». Мне казалось, во

всем мире уже не осталось такого места, которое было бы в пятидесяти милях от «Макдональдса».

— Не номер у меня, а просто Центральный вокзал, — сказал Тень. — Ну ладно, давай попробую угадать. Ты готов предложить мне пожизненный бесплатный доступ к интернету, если я переберусь на твою сторону забора. Угадал?

Толстого молодого человека била дрожь.

— Нет. Ты уже труп, ты не в счет, — сказал он. — Ты животное — ты, блядь, просто книжка с картинками, на пергаменте, готическим шрифтом, черными чернилами и от руки. Ты даже при всем желании на гипертекст не тянешь. А я… Я синапс, при том, что ты — синопсис…

От него как-то странно пахнет, почувствовал вдруг Тень. В тюрьме напротив Тени сидел один чудак, фамилии которого Тень так никогда и не узнал. Однажды, ровно в полдень, он разделся до нитки и начал кричать, что ниспослан дабы вывести их всех отсюда, тех, кто этого достоин, подобно ему самому, и переправить на сияющем космическом корабле в чудесные места. Больше Тень его не видел. И от жирного молодого человека пахло сейчас точь-в-точь как от того чудика.

— Ты пришел по какому-то делу?

— Просто захотелось поговорить, — сказал

жирный молодой человек. Голос у него был — как собачонка скулит. — В комнате сидеть одному жуть берет. Вот и все. Просто *жуть* берет. Пятьдесят миль до ближайшего Макдональдса, ты можешь себе такое представить? Давай, я с тобой тут побуду, а?

— А как насчет твоих приятелей из лимузина? Тех, которые меня тогда били? Может, лучше их попросить, и они составят тебе компанию?

— Мальчики здесь не дееспособны. Мы в мертвой зоне.

Тень сказал:

— До полуночи далеко, а до рассвета еще дальше. У меня такое впечатление, что тебе не мешало бы отдохнуть. Мне уж точно не мешало бы.

Жирный молодой человек немного помолчал, кивнул и ушел в темноту.

Тень закрыл дверь и запер ее на ключ. А потом лег обратно на матрас.

Через несколько секунд поднялся шум. Какое-то время Тень соображал, в чем тут может быть дело, наконец встал, отпер дверь и вышел в коридор. Шумел жирный молодой человек, у себя в номере. Было такое впечатление, будто он швыряет об стенку что-то тяжелое, раз за разом. Самим собой и швыряет, подумал Тень. «Вот он

я!» — навзрыд кричал жирный. Или, может быть — «Животное!» — Тень сквозь всхлипы разобрать так и не смог.

— Тихо там! — проревел из свой комнаты Чернобог.

Тень вышел по коридору в холл, а потом и еще дальше — на улицу. Он устал от всего этого.

Шофер по-прежнему стоял у бронированного армейского «Хаммера», темный силуэт в высокой фуражке.

— Что, сэр, не спится? — поинтересовался он.

— Не спится, — согласился Тень.

— Сигарету, сэр?

— Да нет, спасибо.

— Вы не будете возражать, если я закурю?

— Валяйте.

Шофер прикурил от «биковской»[117] одноразовой зажигалки, и в желтоватом свете крохотного язычка пламени Тень увидел его лицо, впервые по-настоящему увидел и узнал — и до него начало доходить.

Это худое лицо было ему знакомо. Он уже знал, что под шоферской фуражкой будут коротко стриженные рыжие волосы, — так коротко, как

---

[117] notes: 117

Французская компания «Bic» специализируется на производстве одноразовых бытовых предметов.

только возможно. И знал, что когда этот человек улыбается, губы его пропадают в целой россыпи глубоких шрамов.

— Классно выглядишь, дылда, — сказал водитель.

— Ловкий?! — Тень, не веря собственным глазам, смотрел на бывшего сокамерника.

Тюремная дружба — славная штука: она не портится ни в дурных местах, ни в скверные времена. Но тюремная дружба остается по ту сторону от захлопнувшихся за твоей спиной тюремных ворот, и бывший тюремный кореш, который снова возник в твоей — уже вольной — жизни, это в лучшем случае весьма сомнительное удовольствие.

— Бог ты мой! Ловкий Космо Дей, — сказал Тень, а потом услышал сам себя и вдруг понял второй смысл только что произнесенных звуков.

— Локи, — сказал он. — Локи Кознодей.

— Медленно ты соображаешь, — сказал Локи. — Но в конечном счете верно.

И губы его сложились в густую сеточку шрамов, а в темных провалах глазниц заплясали раскаленные угли.

Они устроились в номере Тени, усевшись на разных концах матраса. Шум, который все это

время доносился из комнаты жирного молодого человека, постепенно затих.

— Тебе здорово повезло, что ты попал в одну камеру со мной, — сказал Локи. — Без меня ты бы и первого года отсидки не протянул.

— И ты все это время мог просто взять и уйти оттуда — в любой момент?

— Иногда бывает разумнее просто сесть на какое-то время и переждать, — он немного помолчал. — Постарайся понять одну вещь. Это никакая не магия, не волшебство. Все дело в том, чтобы оставаться самим собой, но только *таким*, в какого верят люди. Словно бы самую суть свою собрать воедино, сконцентрировать и увеличить во много раз. Так ты можешь стать громом, или мощью бегущего скакуна, или мудростью. Ты вбираешь в себя людскую веру и становишься больше, круче и — более человечным, чем сам человек. Ты кристаллизуешься. — Он снова немного помолчал. — А потом в один прекрасный день люди про тебя забывают, они перестают верить в тебя, перестают приносить жертвы, им нет до тебя дела, и — глядь — ты уже сшибаешь

на жизнь, играя в «монте»[118] на углу Бродвея и Сорок третьей.

— А почему ты оказался со мной в одной камере?

— Совпадение. Простое и незатейливое.

— А теперь ты у оппозиции за рулем.

— Можешь и так назвать, если тебе угодно. Все зависит от собственной позиции, не так ли? По моим прикидкам, так я за рулем у той команды, которая одержит верх.

— Но ведь ты и Среда, ведь вы с ним из одной, вы же оба…

— Северо-германский пантеон. Мы с ним оба из северо-германского пантеона. Ты это хотел сказать?

— Да.

— И что из того?

Тень поколебался.

— Вы, вероятно, были друзьями. Когда-то.

— Нет. Друзьями мы никогда не были. И мне ничуть не жаль, что он умер. Он тянул нас всех вспять, как гиря. Теперь его нет, и всей прочей

---

[118] notes: 118

Монте (three card monte) — мошенническая игра «на доверие», аналогичная «наперсткам». Нужно угадать одну из трех карт, которую неизменно угадывают напарники мошенника, но которую лох (mark) естественно, никогда не угадает.

братии придется принять факты такими, каковы они есть: изменись или умри, эволюция или вымирание. Его больше нет. Война окончена.

Тень озадаченно посмотрел на Локи.

— Ведь ты совсем не дурак, — сказал он. — Ты всегда подметки на ходу резал. Со смертью Среды ничего не изменилось. Наоборот, все те, кто раньше был ни рыба ни мясо, теперь точно знают, под какую музыку им плясать.

— Смешиваешь две метафоры в одну, Тень. Дурной вкус. Гляди, не то войдет в привычку.

— Да плевать, — сказал Тень. — Дела это не меняет. Господи боже мой! Да его смерть в единый миг сделала то, на что он безо всякого толку убил несколько месяцев. Она их объединила. Дала им что-то такое, во что они все могут верить.

— Может, оно и так, — Локи пожал плечами. — Насколько я понимаю, на этой стороне забора возобладало следующее мнение: убери смутьяна, и смута уляжется сама собой. Хотя — это не моего ума дело. Я просто — за рулем.

— Ты мне вот что еще скажи, — не унимался Тень. — Почему всем есть дело до моей скромной персоны? Они ведут себя так, будто на мне чуть не свет клином сошелся. Почему всем так важно, что я делаю и чего не делаю?

— А хрен его знает. Пока Среда был жив, ты ему зачем-то был нужен, и поэтому мы тоже были вынуждены с тобой считаться. А вот почему именно… скорее всего, перед нами в данном случае еще одна из маленьких тайн нашей жизни.

— Что-то устал я ото всех этих тайн.

— Да? А мне так кажется, что они делают мир не таким пресным. Вроде как соли добавить в варево.

— Так ты, значит, у них за шофера? Всех возишь, всю эту компанию?

— Тех, кому я в данный момент необходим, — сказал Локи. — На жизнь зарабатываю.

Он поднес к глазам циферблат наручных часов и нажал на кнопку: циферблат загорелся ровным голубоватым светом, подсветив ему лицо и придав этому лицу странное выражение — будто затравщик и затравленный зверь сошлись воедино.

— Без пяти двенадцать. Самое время, — сказал Локи. — Ты идешь?

Тень глубоко вздохнул.

— Иду, — сказал он.

Они пошли вдвоем по темному гостиничному коридору, пока не отыскали комнату номер пять.

Локи достал из кармана коробок и чиркнул спичкой. Огонек загорелся так ярко, что на долю секунды Тень даже почувствовал боль в глазах. Затрещал и занялся фитиль свечки. Потом еще один. Локи чиркнул следующей спичкой и пошел вокруг комнаты, зажигая свечные огарки, что стояли на подоконниках, спинке кровати и даже на раковине, в самом углу.

Кровать была отодвинута от стены и стояла в самой середине гостиничного номера, так что между ней и стенами с каждой стороны оставалось по нескольку футов свободного пространства. Кровать была застелена простынями, старыми гостиничными простынями, поеденными молью и покрытыми пятнами. На простынях совершенно неподвижно лежал Среда.

На нем был все тот же светлый костюм, как и в день, когда его убили. Правая сторона его лица была нетронута, в полном порядке, и даже без единого пятнышка крови. А вот левая представляла собой кровавое месиво, а левое плечо и левый борт пиджака — в россыпи темных пятен. Руки у него лежали по швам. На оставшейся половине лица выражение застыло далеко не самое умиротворенное: он явно был обижен — по-настоящему, до глубины души, исполнен

гнева, ненависти и ярости на грани бешенства. Но на каком-то другом уровне восприятия вид у него, тем не менее, был самодовольный.

Тень представил себе, как умелые руки мистера Шакеля разглаживают эту ненависть, изгоняют боль, заново воссоздают лицо Среды при помощи воска и специального макияжа — и сообщают ему те последние покой и достоинство, в которых даже и смерть ему отказала.

Впрочем, тело его после смерти ничуть не казалось меньше прежнего. И от него по-прежнему исходил едва уловимый запах «Джек Дэниэлс».

С равнины налетел ветер: Тень слышал, как он завывает вокруг заброшенного мотеля, расположенного в воображаемом центре Америки. Свечки на подоконнике перемигивались и дрожали.

В коридоре послышались шаги. Кто-то постучал, сказал: «Прошу поскорее, время»,[119] и в комнату, опустив головы, начали заходить участники церемонии.

---

[119] notes: 119

Фразой «Hurry up, please, it's time!» в британских пабах было принято выгонять клиентов из заведения, когда хозяину хотелось спать (притом, что наливать переставали с 11 вечера). Т. С. Элиот в поэме «Бесплодная земля», в части под названием «Игра в шахматы», использует эту фразу как рефрен, который подчеркивает бренность человеческой жизни перед лицом неизбежной смерти. Употребление ее в данном контексте представляет собой довольно циничную шутку.

Первым вошел Градд, за ним — Медиа, мистер Нанси и Чернобог. Последним плелся жирный молодой человек: на лице у него были свежие кровоподтеки, а губы беспрестанно шевелились, будто он все время нашептывал про себя какой-то текст. Впрочем, делал он это совершенно беззвучно. Тень поймал себя на том, что ему жаль паршивца.

Не говоря ни слова, вошедшие окружили тело со всех сторон — так что между каждым из стоявших расстояние было примерно одинаковое, как раз руку протянуть. Атмосфера в комнате была благоговейная — глубоко и искренне благоговейная, прежде Тень и не подозревал, что такое вообще возможно. Не было слышно ни звука, кроме завывания ветра за окном и потрескивания свечей.

— Мы собрались все вместе в этом безбожном месте, — начал Локи, — чтобы передать тело этого индивида тем, кто погребет его подобающим образом, в полном соответствии с обычаями. Если кто хочет что-то сказать, пусть скажет сейчас.

— Я пас, — сказал Градд. — Я с этим парнем так по-настоящему и не успел познакомиться. Да и вообще у меня от всей этой церемонии мурашки по коже.

Жирный молодой человек вдруг начал хихикать, по-женски взвизгивая. Потом сказал:

— Ну хорошо, хорошо. Я вспомнил.

А потом, на одной и той же заунывной ноте, начал декламировать:

Спираль все шире, кольцами кружа,
Сокол соколятника не слышит;
Все рушится, и центр не удержал…[120]

Тут он осекся и сморщил лоб. И сказал:

— Твою мать. Я же всегда его помнил до последней строчки, — после чего принялся тереть виски, скорчил рожицу и затих.

И тут все посмотрели на Тень. Ветер окончательно сошел с ума. Тень сказал:

— Все это очень печально. Половина из здесь

---

[120] notes: 120

Жирный молодой человек демонстрирует начитанность: он цитирует начальные строки написанного в 1919-м и опубликованного год спустя стихотворения У. Б. Йейтса «Второе пришествие», в котором Йейтс предсказывает апокалиптическую будущность только что пережившего Великую войну европейского человечества. С точки зрения Йейтса, история представляет собой вращающуюся фигуру из двух вставленных друг в друга конических спиралей (вершина одной лежит на самом широком сечении второй, и наоборот), и как раз в 1921 году, по его расчетам, должен был произойти переход со спирали на спираль, сопряженный с радикальным переформатированием всей человеческой культуры («Видение», 1925). Соколятник, потерявший контроль над соколом, — видоизмененный, но довольно стандартный в европейском оккультизме образ человеческих изобретений, которые обретают свободу от создателя, потенциально опасную для

последнего.

присутствующих либо непосредственно участвовала в его убийстве, либо так или иначе имела к нему отношение. Теперь вы выдаете нам его тело. Ладно. Он, конечно, был тот еще кадр, но я пил его мед и я по-прежнему на него работаю. Вот и все, что я хотел сказать.

Медиа сказала:

— В этом мире, в котором каждый день умирают люди, я думаю, самое *главное* — это помнить, что на каждый горестный момент, когда человек *покидает* сей мир, приходится момент *радостный*, когда на свет появляется еще одно человеческое дитя. Его первый крик, это — ну, разве это не чистой воды *волшебство*? Может быть, я покажусь слишком *резкой* в суждениях, но мне кажется, что печаль и радость — это как молоко и печенюшки. Вот *так же* и они — непредставимы друг без друга. Мне кажется, нам всем имеет смысл остановиться и немного над этим подумать.

После чего прокашлялся мистер Нанси:

— Итак. Я должен это сказать, потому что кроме меня никто здесь этого не скажет. Мы в самом центре здешних мест: этой страны, у которой нет на богов времени, а уж здесь, в центре, ей нет до нас дела в еще большей мере, чем где бы то ни было. Это ничейная земля, место перемирия, и

здесь мы перемирие соблюдать вынуждены. У нас нет другого выбора. Итак. Тело нашего друга вы нам выдали. Мы его приняли. И вы заплатите за это, смерть за смерть, кровь за кровь.

Градд сказал:

— Как вам будет угодно. Вы сэкономите кучу времени и сил, если каждый из вас отправится домой и пустит себе пулю в лоб. Избавитесь от лишних посредников.

— Да в рот я тебя ебал, — сказал Чернобог. — И тебя самого, и твою мамашу, и ту ебаную кобылу, на чьей пизде ты сюда вперся. Ты даже и в битве-то не умрешь. Ни один воин не захочет попробовать на вкус твою кровь. Никто из живущих жизни твоей не захочет. Ты сдохнешь смертишкой хилой и хлипкой. Ты сдохнешь с поцелуем на губах и ложью в сердце.

— Потише ты, старик! — сказал Градд.

— *И накатил прибой кроваво-пенный*,[121] — сказал вдруг жирный молодой человек. — Кажется, эта строчка следующая.

Ветер бесновался за окном.

---

[121] notes: 121

Память все-таки подводит жирного молодого человека. Он цитирует не четвертую строку «Второго пришествия», а пятую, да и ту перевирает. Четвертая в оригинале выглядит следующим образом: «Mere anarchy is loosed upon the world».

— Ну ладно, — сказал Локи. — Он ваш. Мы свое дело сделали. Забирайте этого старого козла.

Он пошевелил пальцами, и Градд, Медиа и жирный парень тут же двинулись к выходу. Проходя мимо Тени, он улыбнулся:

— Никого не называй счастливым, а, малыш? — сказал он. И вышел вслед за прочими.

— И что теперь? — спросил Тень.

— Теперь мы его завернем, — сказал Ананси. — И унесем отсюда.

Они завернули тело в гостиничные простыни, постаравшись сделать это как можно тщательнее, чтобы не было видно, что это тело, и чтобы было удобно его нести. Оба старика двинулись было, чтобы взяться за ношу в ногах и головах, но Тень сказал:

— Погодите-ка, — после чего присел, просунул руки под запеленутую фигуру, поднял ее и взвалил себе на плечо. А потом стал распрямлять колени, пока не встал во весь рост, с усилием, но не так чтобы совсем через силу.

— Ну вот, — сказал Тень, — он на месте. А теперь давайте отнесем его в машину.

Чернобог вроде бы собрался сказать что-то против, но передумал и закрыл рот. Потом поплевал на пальцы и начал тушить свечи. Выходя из

быстро темнеющей комнаты, Тень слышал, как под его пальцами шипят фитили.

Среда весил изрядно, но Тени был вполне по силам, и потому шел Тень ровно. А что ему еще оставалось делать? С каждым шагом, который он делал по гостиничному коридору, слова Среды все более отчетливо отдавались у него в голове, а во рту само собой возникло кисло-сладкое послевкусие меда. *Ты обязан меня защищать. Перевозить меня с места на место. Исполнять разовые поручения. В случае необходимости — но только в случае крайней необходимости — набьешь морду тем, кому давно следовало набить морду. В случае моей смерти ты обязан отбыть бдение по мне — хотя сильно сомневаюсь, что до этого дойдет…*

Мистер Нанси отворил перед ним наружную дверь, а потом побежал вперед и открыл заднюю дверцу автобуса. Враги, все четверо, стояли возле «Хаммера» и смотрели на них так, словно ждут не дождутся, когда все это кончится. Локи снова надел шоферскую фуражку. Холодный ветер ударил Тени в лицо, рванул обмотанные вокруг тела простыни.

Тень положил Среду в задней части автобуса, аккуратно как только мог.

Кто-то похлопал его по плечу. Он обернулся. Перед ним с протянутой рукой стоял Градд. И рука была не пустая.

— Вот, — сказал мистер Градд. — Мистер Мирр велел тебе это передать.

Это был стеклянный глаз. Посередине шла тонкая, как волос, трещина, и от передней части был отколот небольшой кусочек.

— Нашли в Масонском зале, когда прибирались. Держи, на удачу. Видит бог, она тебе понадобится.

Тень забрал у него глаз. Ему очень хотелось ответить чем-нибудь резким и хлестким, но Градд уже развернулся, пошел к «Хаммеру» и, не останавливаясь, забрался внутрь: а Тень все стоял и никак не мог придумать достойного ответа.

Они ехали на восток. Восход солнца застал их в Принстоне, штат Миссури. Тень за все это время не сомкнул глаз.

Нанси сказал:

— В общем, говори, где тебя лучше выбросить? Я бы на твоем месте надыбал себе какое-никакое новое удостоверение личности и дернул бы в Канаду. Или Мексику.

— Да нет, ребята, я с вами, — сказал Тень. — Был бы тут Среда, он именно этого бы от меня

и хотел.

— Ты больше на него не работаешь. Он умер. Как только мы довезем тело до конечной точки, ты свободен идти на все четыре стороны.

— И чем же я, по-вашему, дальше стану заниматься?

— Сидеть и не отсвечивать, пока идет война, — сказал Нанси. Он включил поворотник и свернул налево.

— Спрячься где-нибудь на некоторое время, — в тон ему добавил Чернобог. — А потом, когда все кончится, вернешься ко мне, и на этом для тебя тоже все кончится.

Тень спросил:

— А куда мы везем тело?

— В Вирджинию. Там дерево, — ответил Нанси.

— Мировое древо, — с мрачной улыбкой подхватил Чернобог. — В моей стране тоже такое есть. Но только наше растет под этим миром, а не над ним.

— Мы положим его у подножия дерева, — сказал Нанси. — Там и оставим. Отпустим тебя восвояси. Поедем на юг. Там будет битва. Многие умрут. И мир переменится, самую малость.

— Вы не хотите, чтобы я принял участие в битве? Я, между прочим, парень крепкий. И драться

тоже умею.

Нанси повернул к Тени голову и улыбнулся — первая настоящая улыбка, которую Тень видел на его лице с того самого времени, как они выкрали его из Ламберской окружной тюрьмы.

— Основная часть этой битвы происходить будет в таком месте, в которое ни дороги нет, ни дотронуться до него невозможно.

— В сердцах и умах людей, — сказал Чернобог. — Как на большом веретене.

— На чем?

— На карусели, — пояснил Нанси.

— А, понятно, — кивнул Тень. — За сценой, значит. Как в той пустыне, где кости.

Нанси поднял голову.

— Всякий раз, как мне начинает казаться, что мозгов у тебя не хватит даже на то, чтобы пугалом в огороде работать, ты меня удивляешь. Ну да, именно там настоящая битва и произойдет. А все остальное — только шумовые и световые эффекты. Гром и молния.

— Расскажите мне про бдение, — сказал Тень.

— Кто-то должен остаться с телом. Такова традиция. Мы кого-нибудь найдем.

— Он хотел, чтобы это сделал я.

— Нет, — сказал Чернобог. — Ты просто умрешь

там, и все. Скверная, скверная, скверная идея.

— Да? Умру? Просто от того, что буду сидеть рядом с телом?

— Вот у меня похороны будут совсем другие, — сказал мистер Нанси. — В смысле, когда я умру. Им только и нужно будет, что посадить меня в каком-нибудь теплом и влажном месте. А когда по моей могиле будут проходить хорошенькие женщины, я буду хватать их за щиколотки, как в том кино.

— Не видел я такого кино, — проворчал Чернобог.

— Да видел наверняка. В самом конце. Кино про школу. Где все детишки идут на выпускной вечер.

Тень сказал:

— Фильм называется «Кэрри», мистер Чернобог. Ладно, а теперь пусть кто-нибудь из вас по-настоящему расскажет мне про бдение.

Нанси сказал:

— Давай ты рассказывай. Я за рулем.

— Не слышал даже о такой картине. «Кэрри». Сам рассказывай.

Нанси сказал:

— Тот человек, который исполняет бдение, — его привязывают к дереву. Так же, как когда-то

самого Среду. И он висит там девять дней и ночей. Без еды и питья. В полном одиночестве. Потом его с дерева срезают, и если он жив… ну, в общем, такое тоже бывает. После этого можно считать, что Среда получил свое бдение.

Чернобог сказал:

— Может, Альвис пришлет кого-нибудь из своего народа. Гном такое способен выдержать.

— Я сам это сделаю, — сказал Тень.

— Нет, — сказал мистер Нанси.

— Да, — сказал Тень.

Оба старика замолчали. Потом Нанси сказал:

— Зачем?

— Потому что именно такие вещи и должен делать человек, если он жив, — ответил Тень.

— С ума спятил! — всплеснул руками Чернобог.

— Может, оно и так. Но бдение по Среде держать буду я.

Когда они в очередной раз остановились, чтобы заправиться, Чернобог сказал, что его мутит и он поедет впереди. Тень без лишних возражений перебрался в салон автобуса. Тут можно было вытянуться и немного поспать.

Дальше ехали в полном молчании. Тень лежал и думал: ну вот, я принял решение. Сделал что-то

большое и странное.

— Послушай, Чернобог, — прервал молчание мистер Нанси. — Ты обратил внимание на этого техногенного парнишку, там, в мотеле? Вид у него был не слишком счастливый. Он с чем-то таким взялся трахаться, что в конечном счете трахнуло его самого. Вот в том-то и беда со всей этой молодежью — пока сами себе шею не сломают, им кажется, будто они все на свете знают, и ничему ты их не научишь.

— Туда им и дорога, — буркнул Чернобог.

Тень лежал на задних сиденьях, растянувшись во весь рост. Было такое чувство, будто в нем одновременно сосуществуют два разных человека, или даже больше, чем два. Одна его часть тихо радовалась: ну вот, наконец-то он *сделал* хоть что-то стоящее. Он сделал шаг. Если бы он не хотел жить, тогда и говорить было бы не о чем, но жить он хотел, и в этом была вся разница. Он надеялся, что переживет испытание, но при этом и умереть тоже хотел, так, словно сама эта смерть и была условием конечного выживания. И в какой-то момент ему вдруг показалось, что вся эта затея — вообще очень смешная штука, самая смешная, какую он вообще встречал в своей жизни: интересно, подумал он, а Лора бы

оценила ее по достоинству? Или нет?

Но была в нем еще и некая другая составляющая — и может быть, это был человек по имени Майк Айнсель, подумал он, выпавший из бытия путем нажатия одной-единственной кнопки в Лейксайдском полицейском участке — который по-прежнему пытался все просчитать, увидеть всю картину целиком.

— Спрятавшиеся индейцы, — сказал он вслух.

— Че-го?! — раздраженно рявкнул с переднего сиденья Чернобог.

— Да детскую раскраску вспомнил. «Художник спрятал на картинке индейцев. Всего их десять — сможешь отыскать их всех?» Смотришь поначалу на эту картинку и видишь только скалы, деревья и водопад, но стоит лишь повернуть ее под определенным углом — глядь, а вот эта тень на самом деле — индеец… — Он зевнул.

— Спи давай, — сказал Чернобог.

— А картина-то большая, — сказал Тень. А потом уснул, и ему снились спрятавшиеся индейцы.

Дерево было в Вирджинии. Стояло оно в какой-то невообразимой глуши, на задах старой фермы. Чтобы добраться до этой фермы, им пришлось почти целый час ехать на юг от Блэксбурга, по

местным дорогам с названиями вроде «Барвинковая ветка» или «Петушиная шпора». Потом они начали нарезать круги, и на втором по счету мистер Нанси и Чернобог уже окончательно потеряли терпение и начали орать на Тень и друг на друга.

Они остановились, чтобы спросить дорогу, возле крохотного сельского магазинчика, стоявшего у подножия холма, на развилке двух дорог. Откуда-то из глубин магазина показался дряхлый старик и принялся их разглядывать: на нем был джинсовый комбинезон от «Ошкош Би Гош», и больше не было ничего. Даже ботинок. Чернобог выудил из стоящего на прилавке бачка соленую свиную ножку и вышел на веранду, чтобы воздать ей должное, а старик в комбинезоне принялся рисовать мистеру Нанси топографические карты на салфетках, отмечая нужные повороты и приметные ориентиры.

Они снова тронулись в путь, за руль снова сел мистер Нанси, и до места они добрались буквально минут за десять. На ограде висела табличка, а на табличке было написано: ЯСЕНЬ.

Тень вышел из автобуса и открыл ворота. Автобус въехал на луг и запрыгал по кочкам. Тень закрыл ворота и пошел за автобусом, пешком,

чтобы немного размять затекшие ноги, иногда срываясь на неспешный бег, если автобус вырывался слишком далеко вперед, наслаждаясь ощущением живого мускульного движения.

За то время, пока они ехали из Канзаса, он утратил всякое чувство времени. Сколько они находились в пути? Два дня? Три? Он уже не помнил.

Тело, лежавшее в задней части автобуса, судя по всему, вовсе не было подвержено тлению. Он и сейчас чувствовал этот запах — легкий аромат «Джек Дэниэлс» приправленный чем-то еще, наподобие забродившего меда. Но неприятным этот запах не был. Время от времени Тень вынимал из кармана стеклянный глаз и смотрел на него: он треснул почти насквозь, должно быть, от пули, но поверхность, если не считать небольшого скола в передней части, была практически целой. Тень вертел его в руках, прятал в ладони, перекатывал, ронял с пальца на палец. Жутковатый сувенир, но ему он отчего-то внушал чувство покоя: и еще отчего-то ему казалось, что Среда немало бы повеселился, узнай он, что его глаз в конечном счете очутится у Тени в кармане.

Ферма стояла заколоченная наглухо, с темными окнами. Луг был давно не кошен и сплошь зарос

высокой травой. Крыша фермы в задней части прохудилась, и ее заделали черным пластиковым щитом. Они перевалили через пригорок, и Тень увидел дерево.

Он был серебристо-серым, этот ясень, и много выше самой фермы. Это было самое красивое дерево, какое Тень когда-либо видел за всю свою жизнь: разом призрачное и совершенно настоящее, и симметричное практически идеально. А еще оно выглядело смутно знакомым: поначалу он даже пытался вспомнить, не видел ли этого дерева во сне, а потом до него дошло, что он сто раз его видел, то есть не само дерево, а его маленькую модель. На серебряной заколке для галстука, у Среды.

«Фольксваген», покачиваясь и подпрыгивая на кочках, проехал через весь луг и остановился футах в двадцати от подножия дерева.

Под деревом стояли три женщины. Поначалу Тень было решил, что это Зори, но нет, женщины были незнакомые. Вид у них был усталый и раздосадованный, как если бы они стояли здесь уже давным-давно. Каждая держала по деревянной лестнице. У самой высокой был вдобавок еще и бурый мешок. Больше всего они напоминали набор русских кукол: одна высокая — ростом

примерно с Тень, если не выше — другая среднего роста, а третья такая маленькая и сгорбленная, что с первого взгляда Тень было принял ее за ребенка. На лицо все три были схожи меж собой, и Тень сразу решил, что они сестры.

Когда автобус подъехал, самая маленькая из женщин присела в книксене. Другие две просто стояли, смотрели и курили сигарету, одну на двоих, передавая ее из рук в руки; и докурили до самого фильтра, после чего та, которая сделала последнюю затяжку, загасила ее о корень дерева.

Чернобог открыл заднюю дверь автобуса; самая высокая из трех женщин тут же протиснулась мимо него, легко, словно мешок муки, взвалила тело Среды себе на спину и понесла к дереву. Положила она его прямо на траву, футах в десяти от ствола. Потом она вместе с сестрами развернула простыни. При дневном освещении Среда выглядел много хуже, чем тогда, при свете свечей, и Тень, бросив на него один только взгляд, отвернулся. Женщины оправили на Среде одежду, разгладили костюм, после чего переложили на край простыни и снова завернули.

Потом они подошли к Тени.

— *Ты тот самый?* — спросила самая высокая.

— *Тот, кто будет оплакивать Отца Всех?* —

спросила средняя.

— *Ты был избран, чтобы держать бдение?* — спросила самая маленькая.

Тень кивнул. Впоследствии он никак не мог вспомнить, на самом ли деле он слышал их голоса или просто понял, что они имеют в виду, безо всяких слов — просто по глазам и лицам.

Мистер Нанси, который успел между тем зайти в дом, чтобы воспользоваться туалетом, тоже подошел к дереву. Он курил сигарку. И вид у него был задумчивый.

— Эй, Тень, — окликнул он Тень, подойдя поближе. — Не стоит тебе в это ввязываться. Я серьезно. Мы вполне можем найти более подходящую кандидатуру.

— Я сам, — коротко и просто ответил Тень.

— А если ты умрешь?! — взвился мистер Нанси. — Если не выдержишь?

— Значит, я умру, — сказал Тень.

Мистер Нанси в сердцах швырнул сигарку в траву.

— Я давно говорил, что у тебя в голове вместо мозгов — говно. Говно и есть! Ты что, не видишь, перед тобой дверь камеры смертников открывают?

— Мне очень жаль, — сказал Тень. И больше не

сказал ничего.

Нанси направился к автобусу.

К Тени подошел Чернобог. Вид у него тоже был не слишком довольный.

— Ты уж постарайся живым после всего этого остаться, — сказал он. — А то кого же мне и ждать, как не тебя.

И тихонько ударил костяшкой согнутого пальца Тень в середину лба, сказав: «Бам!». Сжал Тени локоть, похлопал его по плечу и присоединился к мистеру Нанси.

Самая высокая, имя которой звучало как-то вроде «Урта» или «Урдер»[122] — она представилась, но к ее вящей радости правильно повторить ее имени он так и не смог, — жестами велела ему избавиться от одежды.

— Что, все снимать? — спросил Тень.

Высокая пожала плечами. Тень разделся до трусов и футболки. Женщины приставили к дереву лестницы. На одну из них — расписанную от руки вьющимися побегами с цветами и листьями — они указали ему.

Он взобрался на девять ступеней вверх. А потом, по их настоянию, сошел на низко растущий сук.

---

[122] notes: 122

Урдр. Перед нами, естественно, норны — те три главные, которые обихаживают ясень Иггдрасиль.

Средняя вывалила на траву содержимое мешка. Он был полон мотков спутанных тонких веревок, потемневших от времени и грязи, и женщины принялись распутывать их и аккуратно раскладывать на земле рядом с телом Среды.

Потом они снова поднялись на дерево, каждая по своей лестнице, и принялись вязать на веревках узлы, изящные и хитрые, а веревками опутывать сначала дерево, а потом и Тень. Спокойными движениями, как акушерки или больничные сестры, или как те женщины, что обмывают трупы, они сняли с Тени трусы и майку, а потом привязали к стволу: нигде не затянув лишнего, но уверенно и твердо. Он поразился тому, насколько легко и удобно узлы и веревки держат его вес. Они пропустили веревки ему под руки и между ногами, обвязали вокруг пояса, обхватили щиколотки, грудную клетку и притянули к дереву.

Последней веревкой ему аккуратно захлестнули шею. Поначалу это было не слишком удобно, но вес был идеально распределен, и ни одна из веревок не впивалась ему в плоть.

Ноги его были в пяти футах от земли. Дерево было огромное и безлистое, и ветки казались черными на фоне серого неба, а кора была гладкой и

серебристо-серой.

Они убрали лестницы. Когда опора ушла, он на долю секунды ощутил прилив паники, но веревки приняли на себя вес его тела, и он просел всего на пару дюймов. И по-прежнему не издал ни единого звука.

Женщины уложили тело, завернутое в саван из гостиничных простыней, у подножия дерева и ушли.

Оставили его одного.

Глава пятнадцатая

Вздерни, вздерни меня, и пускай я умру,
Вздерни, вздерни меня, и пускай я умру,
Все, что было, ушло, погибло давно,
В холодной могиле давно.

Старая песня

В первый день, который Тень провисел на дереве, он испытывал только чувство неудобства, которое понемногу перерастало в боль, и страх, а еще иногда странное чувство, что-то среднее

между апатией и скукой: серенькое такое приятие, ожидание.

Он висел на дереве.

А ветер совсем стих.

Несколько часов спустя перед глазами у него начали спорадически вспыхивать яркие алые и золотистые пятна, похожие на цветы, которые переливались и пульсировали, и жили собственной жизнью.

Боль в руках и ногах, постепенно разрастаясь, сделалась непереносимой. Если он расслаблялся и давал телу возможность осесть вперед и безвольно повиснуть на веревках, веревка на горле натягивалась, и мир начинал подрагивать и расплываться у него перед глазами. И тогда ему приходилось опять прижиматься к стволу. Он чувствовал, как напрягается у него в груди сердце, выбивая отчаянную аритмичную дробь, которая продолжает гнать по телу кровь…

Перед глазами у него начали кристаллизоваться и взрываться изумруды, сапфиры и рубины. Дыхание превратилось в череду неглубоких полувздохов-полувсхлипов. Кора дерева царапала спину. Вечерняя прохлада дрожью пробегала по голой коже, разбрасывая по ней густые россыпи мурашек.

Все просто, сказал у него в голове чей-то голос. *Но есть один секрет. Ты либо сдохнешь, либо нет.*

Мысль эта отчего-то очень ему понравилась, и он начал повторять ее про себя снова и снова, не то как мантру, не то как детскую считалку, стараясь приспособить ее ритм к биению собственного сердца.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Все просто, есть один секрет, ты либо сдохнешь, либо нет.

Шло время. Одна и та же строка повторялась снова и снова. Он слышал ее. Кто-то все время повторял эти слова вслух, и останавливался только тогда, когда рот у Тени пересыхал окончательно, когда язык превращался в шершавый кусок кожи и начинал царапать небо. Он оттолкнулся ногами от дерева, вперед и вверх, пытаясь перераспределить вес тела так, чтобы легкие хоть как-то можно было наполнять воздухом.

Он дышал и дышал, пока сил держаться не осталось совсем, и тогда он упал обратно, отдавшись на волю пут, и снова повис на дереве.

Когда где-то рядом началась возбужденная болтовня — насмешливая, шумная и злая, — он старательно закрыл рот, подозревая, что все эти звуки производит он сам; но болтовня не унималась. *Значит, это мир смеется надо мной*, подумал Тень. Голова его скатилась и упала на бок. Рядом по стволу дерева пробежало какое-то живое существо и остановилось прямо возле головы. А потом крикнуло ему в самое ухо, громко, одно-единственное слово, которое звучало как «рататоск». Тень попытался повторить это слово, но язык прилип к небу. Он медленно повернул голову и увидел перед собой серовато-бурую мордочку и заостренные ушки белки.

При близком рассмотрении, подумал он, белки — зверушки совсем иного свойства, чем на расстоянии. Существо было опасным и похожим на крысу, и ничего очаровательного и умильного в нем не наблюдалось. И зубы на вид были слишком острыми. Он искренне понадеялся, что она не воспримет его ни как угрозу, ни как источник пищи. Белки вроде не должны иметь хищных наклонностей… но с другой стороны, за послед-

нее время такое количество вещей на поверку оказалось не такими, как он думал раньше…

Он заснул.

Следующие несколько часов боль несколько раз его будила, вытягивала из муторного сна, в котором мертвые дети с глазами, похожими на сухие распухшие жемчужины, приходили и пеняли на то, что он их предал. По лицу у него пробежал паук, и он проснулся: потряс головой, паука не то спугнул, не то сбросил и вернулся обратно в сон — теперь, верхом на гигантской мыши, к нему подъехал пузатый человек с головой слона и одним сломанным бивнем. Человек-слон обвил тело Тени хоботом и сказал: «Если бы ты разбудил меня раньше, чем начал это свое путешествие, многих твоих бед можно было бы избежать». Затем слон взял в руки мышь, которая каким-то образом, Тень не успел заметить, каким именно, сделалась маленькой, не перестав при этом быть огромной, и принялся перебрасывать ее из руки в руку, загибая пальцы, когда она сама скакала из ладони в ладонь, и Тень ничуть не удивился, когда в конце концов этот бог с головой слона внезапно показал ему все четыре свои руки с раскрытыми ладонями, и мыши там не было. Он по очереди пропускал волну по каждой из рук,

неуловимым гладким движением, и смотрел на Тень; что было при этом написано у него на лице, понять было невозможно.

— В хоботе она, — сказал Тень слоноголовому. Он успел углядеть, как в последний момент именно там мелькнул ее хвостик.

Человек-слон кивнул тяжелой головой и сказал: «Да. В хоботе. Ты многие вещи забудешь. От многих откажешься. Многие потеряешь. Но этого не теряй», — и тут начался дождь, и Тень вывалился, мокрый и дрожащий, из глубочайшего сна в состояние полной осмысленности. Дрожь усилилась настолько, что Тень испугался: он и не думал, что человек способен так дрожать, серией конвульсивных волн, набегающих одна на другую. Он пытался заставить себя остановиться, но ничего не получалось, зубы стучали, руки и ноги ходили ходуном и бились в истерике — сами, вне всякого контроля с его стороны. И еще была боль, настоящая, глубокая, будто ножом режут, которая покрыла все его тело крохотными невидимыми ранами, интимными и непереносимыми.

Он открыл рот, чтобы поймать падающую с неба дождевую воду: она уже успела смочить его запекшиеся и растрескавшиеся губы и сухой язык и пропитать веревки, которыми он был при-

вязан. Вспыхнула молния, настолько яркая, что он ощутил эту вспышку как удар по глазам — и претворила мир в четкую черно-белую панораму, которая еще долго висела у него перед глазами после того, как молния погасла. А после молнии — гром, резкий щелчок, потом удар и раскат, и пока гром рокотал по закраинам неба, дождь пошел в два раза пуще. Ночь и дождь каким-то образом свели дрожь на нет; лезвия маленьких ножей тоже ушли из тела. Ему больше не было холодно, вернее, теперь он вообще не чувствовал ничего, кроме холода, но только холод сделался неотъемлемой частью его самого.

Тень висел на дереве, а молнии полосовали и расчерчивали небо, и гром постепенно превратился в сплошной слитный гул, в котором выделялись только отдельные мощные удары и раскаты, будто где-то вдалеке рвались авиабомбы. Ветер что есть сил трепал тело Тени, пытаясь сорвать его с дерева, молотил его об ствол и полосовал нещадно; и Тень понял, что настоящая буря началась только теперь.

И тогда откуда-то из самой глубины в нем поднялось странное чувство радости, и он начал хохотать, пока дождь поливал его нагое тело, а молнии сверкали, и гром гремел так оглушитель-

но, что он почти не слышал собственного хохота. Он ликовал.

Он живой! Он никогда не чувствовал себя настолько живым. Ни разу в жизни.

И если он умрет, подумал он, если он умрет прямо сейчас, прямо здесь, на дереве, то жить и умереть стоило только ради того, чтобы испытать вот этот, великолепный, безумный момент счастья.

— Эй! — крикнул он буре. — Эй, там! Я живой! Здесь я!

Он прижал голое плечо к стволу, и когда в образовавшейся впадине скопилась дождевая вода, выпил ее, сёрбая и чавкая, а потом выпил еще, и снова стал смеяться, от восторга и радости, а вовсе не оттого, что сошел с ума, и смеялся до тех пор, пока окончательно не выбился из сил и не повис безвольно на веревках.

У подножия дерева, на земле, дождь намочил простыню, и она стала полупрозрачной, а ветер откинул ее край, и теперь Тень видел руку Среды, восковую и безжизненную, а еще очертания головы — и он вспомнил про Туринскую плащаницу, а еще про ту девушку на столе Шакеля, в Кейро, а потом, несмотря на холод, почувствовал, что ему стало тепло и уютно, и что кора дерева сделалась

мягкой, и он опять уснул, и если на сей раз ему и снились какие-то сны, то он их не запомнил.

На следующее утро боль перестала существовать — то есть она уже никак не была связана с теми местами, в которых веревки впивались в его тело или где кора царапала кожу. Боль теперь была повсюду.

А еще он был очень голоден, и желудок превратился в зудящий, пульсирующий провал в животе. Иногда ему начинало казаться, что он перестал дышать и сердце у него больше не бьется. Тогда он задерживал дыхание и ждал, пока сердце у него не начнет грохотать, как океанский прибой, и только после этого отчаянно хватал ртом воздух, как ныряльщик, вынырнувший из морских глубин.

Ему начинало казаться, что дерево простирается от неба до самой преисподней, и что висит он на нем с сотворения мира. Буровато-коричневый ястреб облетел вокруг дерева, приземлился на сломанный сук, совсем рядом с ним, потом снова встал на крыло и улетел на запад.

Буря, которая было улеглась к утру, после полудня снова начала набирать силу. От горизонта до горизонта протянулись вереницы косматых черно-серых туч; с неба полетела мелкая водя-

ная пыль. Лежащее у подножия тело стало как будто меньше: было такое впечатление, будто под слоем несвежих гостиничных простыней оно проседает и растворяется, как оставленный под дождем кусок сахара.

Тень то горел как печка, то ему вдруг становилось холодно.

Когда снова загремел гром, ему показалось, что он слышит барабанный бой, литавры и гулкий ритм собственного сердца, снаружи или внутри, какая разница.

Боль он теперь воспринимал в категориях цвета: красная, как неоновая вывеска над баром, зеленая, как светофор влажной летней ночью, ярко-синяя, как пустой экран видео.

Со ствола на плечо Тени спрыгнула белка, вонзив ему в кожу остренькие коготки. «Рататоск!» — протрещала она. Ее влажный нос коснулся его губ. «Рататоск!» И — скакнула обратно на дерево.

Кожа у него зудела и горела, будто он отморозил сразу все тело, а теперь вошел в теплое помещение, и оно начало отходить — но только гораздо сильнее. Ощущение было совершенно невыносимое.

Вся его жизнь лежала внизу, под деревом, завернутая в саван из гостиничных простыней:

метафора приобрела буквальный смысл, словно на какой-нибудь дадаистской или сюрреалистической инсталляции: он видел и озадаченный взгляд матери в американском посольстве в Норвегии, и глаза Лоры в день свадьбы…

Он коротко рассмеялся сквозь растрескавшиеся губы.

— Что тут такого смешного, а, бобик? — спросила Лора.

— Да свадьбу нашу вспомнил, — сказал он. — Ты дала органисту на лапу, чтобы он вместо свадебного марша сыграл песенку из «Скуби-Ду», когда ты будешь идти ко мне по центральному проходу. Помнишь?

— Ну конечно помню, дорогой! «И я бы тоже так хотел, когда б не спиногрызы».

— Я так тебя любил! — сказал Тень.

Он почувствовал на губах ее губы, и они были теплыми, влажными и живыми, а не холодными и мертвыми — и отсюда он сделал вывод, что это очередная галлюцинация.

— Тебя ведь здесь нет, правда? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Но ты зовешь меня, в последний раз. И я к тебе приду.

Дышать становилось все труднее. Веревки, которые врезались в тело, превратились в аб-

страктное понятие вроде свободы воли или вечности.

— Поспи пока, бобик, — сказала она, хотя с тем же успехом это мог быть и его собственный голос. И он уснул.

Солнце было — как потускневшая монета на свинцовом небе. Тень медленно начал осознавать, что не спит и что ему холодно. Но та его часть, которая начала это осознавать, была от него где-то очень далеко. Откуда-то оттуда, издалека, он понял, что рот и горло у него горят невыносимо, что они пересохли и потрескались. Иногда, среди бела дня, он видел, как падают звезды; а еще — огромных птиц размером с большегрузные фуры, которые на полной скорости неслись к нему. Но ни одна так и не долетела; и ни одна его не тронула.

— Рататоск. Рататоск, — в беличьей трескотне слышались откровенно бранчливые нотки.

Белка бухнулась, как утюг, но только оборудованный острыми когтями, ему на плечо и уставилась прямо в лицо. Интересно, подумал он, брежу я или нет: в передних лапках зверушка держала скорлупку от грецкого ореха, словно миску из кукольного домика. Потом она прижала скорлупку к его губам. Тень почувствовал воду и,

сам того не сознавая, всосал ее, мигом опорожнив крохотную чашечку. Он покатал воду по растрескавшимся губам, по сухому языку, смочив, как мог, рот, а то, что осталось, проглотил. Впрочем, осталось совсем немного.

Белка прыгнула обратно на дерево и побежала вниз, к корням, а потом, по прошествии нескольких секунд, или минут, или часов, этого Тень сказать не мог (наверное, часы у меня в голове сломались, подумал он, и теперь все эти колесики, винтики и пружинки валяются где-нибудь под деревом, в пожухлой траве), белка вернулась со своей скорлупкой, аккуратно держа ее перед собой, и Тень выпил воду, которую она принесла.

Глинистый, с металлическим оттенком вкус воды наполнил рот, охладил саднящее горло. И от этого и усталость, и накатывающее безумие стали восприниматься легче.

После третьей по счету скорлупки пить ему уже не хотелось.

И тогда он начал бороться, растягивая веревки, молотя о ствол всем телом, пытаясь освободиться, спуститься вниз, уйти. И — застонал.

Узлы были завязаны на совесть. Веревки были крепкие, и держали они как надо, и вскоре он

снова выбился из сил.

В своем бреду Тень стал деревом. Корни его ушли глубоко в здешний суглинок, в самые далекие глубины времени, в скрытые от людского глаза источники. Он нащупал источник женщины по имени Урд, что означает *Прошлое*. Она была огромна, как подземная гора, эта женщина, она была великаншей, и воды, которые она охраняла, были водами времени. Другие корни протянулись в иные места. Некоторые из этих мест были тайными. Теперь, если ему хотелось пить, он просто-напросто тянул воду корнями, тянул вверх и питал ею сущность свою.

У него была сотня рук, которые заканчивались сотней тысяч пальцев, и все эти пальцы достигали неба. Вес неба тяжело давил на плечи.

Удобнее не стало, но боль теперь была уделом тела, которое висело на дереве, а не самого дерева. Тень в своем безумии сделался намного просторнее, чем человек на дереве. Он был и деревом, и ветром, который свистит в ветвях мирового древа; он был небом и низко нависшими облаками; он был Рататоск, белкой, что снует от самых глубоких корней к самым высоким ветвям; он был ястребом, который, с безумным взором, сидел на самой высокой ветке и озирал мир; он

был червем в самой сердцевине дерева.

Звезды кружились по небу, и он запустил свою сотню рук в эту звездную круговерть, и начал их перекатывать, перебрасывать из ладони в ладонь, прятать…

Момент ясности, вспышка безумия и боли: Тень почувствовал, что поднимается на поверхность. Он знал, что это ненадолго. Утреннее солнце слепило глаза. Он закрыл их и пожалел, что не может поднести к ним руку.

Совсем чуть-чуть ему осталось. И в этом он тоже отдавал себе отчет.

Когда Тень открыл глаза, рядом с ним на дереве был еще какой-то человек, совсем молодой.

Кожа у него была темно-коричневого цвета. Высокий лоб, густые завитки черных волос. Он сидел на ветке, высоко у Тени над головой. Если Тень вытягивал шею, то видел его яснее некуда. И человек этот был безумен. Такой у него был взгляд.

— Ты голый, — сказал безумец надтреснутым голосом. — Я тоже голый.

— Я вижу, — прохрипел в ответ Тень.

Безумец посмотрел на него, потом кивнул и принялся вертеть головой во все стороны, будто у него затекла шея и он пытался ее размять. Потом

спросил:

— Ты меня знаешь?

— Нет, — сказал Тень.

— А я тебя знаю. Я наблюдал за тобой в Кейро. И потом за тобой наблюдал. Ты нравишься моей сестре.

— Значит, ты… — имя вылетело у него из головы. *Ест мертвечину при дороге.* Ну да, конечно. — Ты Гор.

Безумец кивнул.

— Гор, — сказал он. — Я сокол утренний и ястреб полуденный. Я солнце, совсем как ты. И еще я знаю истинное имя Ра. Мама мне сказала.

— Круто, — вежливо сказал Тень.

Безумец молча и безотрывно смотрел на землю под деревом. А потом упал с ветки.

Ястреб камнем рухнул на землю, потом вышел из пике по широкой плавной дуге, тяжело работая крыльями, и вернулся обратно, неся в когтях крольчонка. Приземлился он на ветку, что росла гораздо ближе к Тени, чем в первый раз.

— Есть хочешь? — спросил безумец.

— Нет, — ответил Тень. — Надо бы, наверное. Но совсем не хочется.

— А я хочу, — сказал безумец. И стал быстро есть кролика, разрывая его на части, высасывая

юшку, хрустя костями. Закончив есть, он сбросил перемолотые кости и клочья меха вниз, на землю. Потом пошел по ветке в сторону Тени и остановился на расстоянии вытянутой руки. Гор стал беззастенчиво его разглядывать, пристально и внимательно, с головы до пят. На подбородке и на груди у него осталась кроличья кровь, и он вытер ее тыльной стороной руки.

Тень почувствовал, что нужно хоть что-то сказать.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — тут же откликнулся безумец. Он выпрямился, отвернулся от Тени и пустил вниз, на луговую траву, длинную струю темной мочи. Мочевой пузырь у него был объемистый. Закончив, он сел на корточки.

— А тебя как называют? — спросил Гор.

— Тень, — ответил Тень.

Безумец кивнул.

— Да, ты тень. А я свет, — сказал он. — Все, что есть на земле, отбрасывает тень. — А потом добавил: — Скоро начнут драться. Я смотрел, как они начали прибывать.

Но Тень больше говорить не мог. Ястреб встал на крыло и медленными кругами пошел вверх, скользя на восходящих потоках в ясное весеннее

утро.

Лунный свет.

Тень пробил приступ кашля, жестокого, выворачивающего наизнанку, который будто лезвием полосовал по груди и по горлу. Он хватанул ртом воздух.

— Эй, бобик! — раздался знакомый голос.

Он посмотрел вниз.

Лунный свет жарил сквозь голые ветви отвесно и ярко, как свет дневной, и в этом свете под деревом он увидел женщину: вместо лица — белый овал. По веткам дерева прошелся ветер.

— Привет, бобик, — сказала женщина.

Он попытался заговорить, но снова сорвался на кашель, и кашлял надсадно и долго.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать, — заботливо сказала она, — кашель у тебя нехороший.

Он прохрипел:

— Привет, Лора.

Она подняла на него мертвые белые глаза и улыбнулась.

— Как ты меня нашла? — спросил он.

Она помолчала какое-то время, в призрачном свете луны. А потом сказала:

— Ты — единственное, что связывает меня с жизнью. Ты единственное, что у меня осталось,

единственное — не серое, не плоское, не тусклое. Если бы мне даже завязали глаза и бросили в океанскую пучину, я и тогда знала бы, где тебя искать. Если бы меня зарыли на сто миль под землю, и тогда я знала бы, где ты.

Он посмотрел вниз, на эту женщину в лунном свете, и на глаза у него навернулись слезы.

— Я срежу веревки, — сказала она чуть погодя. — Я, кажется, только и делаю, что спасаю тебя, разве нет?

Он снова закашлялся, а потом сказал:

— Не надо, пусть все будет как есть. Я должен это сделать.

Она посмотрела на него снизу вверх и покачала головой.

— Ты псих ненормальный, — сказала она. — Ты там умрешь. Или калекой сделаешься, если уже не сделался.

— Может, оно и так, — сказал он. — Но я живой.

— Да, — сказала она, после секундной паузы. — Наверное, так и есть.

— Помнишь, что ты мне тогда сказала? — спросил он. — На кладбище.

— Столько времени прошло с тех пор, бобик, — сказала она. А потом добавила: — Мне здесь легче.

Не так больно. Понимаешь, о чем я говорю? Только я вся сухая.

Ветер стих, и теперь он почувствовал, что от нее пахнет: гнилым мясом, нездоровьем и тлением. Запах был навязчивый и неприятный.

— Меня с работы выгнали, — сказала она. — Ночная была работа, но они сказали, что все равно народ жалуется. Я им говорила, что болею, а они говорят — нам плевать. А мне так пить хочется.

— К женщинам, — сказал он. — У них вода. В доме.

— Бобик… — голос у нее был испуганный.

— Скажи… скажи им, я просил дать тебе воды…

Бледный овал лица.

— Мне пора, — сказала она. А потом харкнула, скривила рожицу и сплюнула на траву ком какой-то белой массы. Ударившись о землю, ком распался — и начал, извиваясь, расползаться по сторонам.

Дышать стало почти невозможно. Грудь у него сдавило, перед глазами плыло.

— Останься, — сказал он на выдохе, еле слышным шепотом, не будучи уверен в том, слышит она его или нет. — Пожалуйста, не уходи, — его

снова начал бить кашель. — Подожди до утра.

— Останусь ненадолго, — кивнула она. А потом, как мама маленькому ребенку, добавила: — Не бойся, пока я с тобой, никто тебя не тронет. Знаешь об этом?

Тень снова раскашлялся. Он закрыл глаза — всего на секунду, как ему показалось, но когда их снова открыл, луна уже села, и он был один.

Гул и грохот в голове, перекрывавший головную боль, и вообще всякую боль. Все вокруг рассыпалось на сонмище крохотных бабочек, которые окружили его плотным многоцветным облаком и растаяли в сумерках.

Задравшийся угол простыни на мертвом теле внизу полоскался на утреннем ветру.

Гул постепенно затих. Время замедлилось. Не осталось ничего такого, из-за чего ему следовало бы дышать. Сердце перестало биться в груди.

Тьма, которая нахлынула на этот раз, была глубокой, и в этой тьме светила одна-единственная звезда, и тьма эта была последней.

Глава шестнадцатая

Я знаю, что здесь играют нечисто.

Но другой игры в этом городе нет.

Билл Джонс по прозвищу «Канада»

Дерево исчезло, и мир исчез, и утреннего серого неба у него над головой тоже не стало. Небо теперь было цвета полуночи. И высоко-высоко у него над головой сияла и перемигивалась с небом одинокая звезда, и больше ничего. Он сделал шаг и едва не упал.

Тень посмотрел вниз. В камне были вырезаны ступени, ступени вели вниз, и были они такие огромные, будто когда-то, в незапамятные времена, их вырезали титаны и по ним ходили.

Он начал спускаться: садился, спускал вниз ноги, а потом прыгал. Все тело у него ломило, но это была хорошая боль, боль в застоявшихся от долгого бездействия мышцах, а не та, что живет в человеческом теле, которое висит на дереве, пока не умрет.

Без тени удивления он обнаружил, что одет в джинсы и белую футболку. Правда, ноги остались босыми. Нахлынуло сильное ощущение дежавю: именно эти вещи были на нем в ту ночь, когда он стоял в квартире Чернобога, и Зоря Полуночная пришла, чтобы рассказать ему про созвездие Повозка Одина. А потом сняла для него с неба луну.

И вдруг он понял, кого сейчас увидит. Зорю

Полуночную.

Она ждала его у подножия лестницы. Луны в небе не было, но Зоря была сплошь залита лунным светом: на светлых волосах серебристые отблески, и одета она была в ту же самую хлопчатобумажную, с кружевами сорочку, что была на ней в ту ночь, в Чикаго.

Увидев его, она улыбнулась и опустила глаза, словно на мгновение смутившись.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответил Тень.

— Как твои дела?

— Не знаю, — ответил он. — Сдается мне, что я все еще вишу на дереве и что это всего лишь очередная галлюцинация. Мне вообще начали сниться странные сны с тех пор, как я вышел из тюрьмы.

Лицо ее было залито лунным сиянием (хотя никакой луны в сливово-черном небе не наблюдалось, а теперь, когда он спустился сюда, к подножию лестницы, даже и одинокая звезда пропала из виду), и вид у нее был одновременно строгий — и беззащитный. Она сказала:

— На все свои вопросы ты можешь получить ответ, если хочешь именно этого. Но если узнаешь ответы, выбросить их из памяти ты уже не

сможешь.

За ее спиной дорога раздваивалась. Ему придется решать, которую из двух выбрать — это он знал заранее. Но до того он должен сделать кое-что еще. Он сунул руку в карман джинсов и с чувством облегчения нащупал там знакомую тяжелую монету. Он вынул ее, зажав между большим и указательным пальцами: доллар со Свободой, 1922 года.

— Это ваше, — сказал он.

Тут он вспомнил, что все это время его вещи лежали у подножия дерева. Женщины сложили его одежду в тот же самый мешок, из которого достали веревки, при этом завязав горловину, а самая высокая из сестер еще и придавила мешок большим камнем, чтобы не унес ветер. И Тень вполне отдавал себе отчет в том, что на самом деле доллар со Свободой по-прежнему лежит там, в кармане, в мешке, придавленном камнем. И при этом здесь, у входа в царство мертвых, вес монеты у него в руке был ощутим и приятен.

Она взяла у него монету длинными тонкими пальцами.

— Спасибо. На нее ты дважды купил себе свободу, — сказала она. — А теперь она осветит тебе путь в те места, где тьма.

Она сомкнула пальцы, зажав доллар в кулаке, а потом встала на цыпочки и приложила его к небу, так высоко, как только смогла достать. И отпустила. И вместо того чтобы упасть, монета поплыла вверх, пока не оказалась примерно в футе или около того над головой Тени. И это не была уже серебряная монета: госпожа Свобода в зубчатой диадеме исчезла с ее поверхности. И теперь с яркого кружочка глядел на Тень безразличный лик луны, сиявшей на темном летнем небе.

Тень никак не мог взять в толк, на что он смотрит, на луну размером с доллар в футе над головой, или на луну размером с Тихий океан, до которой многие тысячи миль. А может быть, вообще все дело только в том, с какой точки ты на нее смотришь.

Он посмотрел вперед, на развилку двух дорог.

— Какую мне выбрать? — спросил он. — Которая из них безопаснее?

— Выбери одну, и другая будет тебе заказана, — ответила Зоря Полуночная. — Но безопасных путей не существует. Которой дорогой ты пойдешь — дорогой тяжких истин или дорогой приятной лжи?

— Истин, — сказал он. — Я слишком далеко зашел, чтобы слушать ложь.

Вид у нее сделался печальный.

— Тогда тебе придется заплатить цену, — сказала она.

— Я заплачу. Что это за цена?

— Имя, — сказала она. — Твое настоящее имя. Тебе придется отдать его мне.

— Как?

— Вот так, — сказала она и положила ему на лоб свою тонкую изящную руку. Он почувствовал, как ее пальчики гладят его кожу, а потом они проникли под кожу, сквозь череп, и он ощутил, как они ушли в самый центр его головы. Потом — щелчок, который раздался у него в голове и отзвуком пробежал по хребту. Она вынула руку. На самом кончике указательного пальца у нее горел язычок пламени, как от свечки, но только свет от пламени шел куда более яркий, фосфорно-белый.

— Это и есть мое имя? — спросил он.

Она сомкнула пальцы, огонек исчез.

— Было, — сказала она, вытянула руку и указала на ту дорогу, что справа.

— Вот сюда, — сказала она. — Теперь только сюда.

Безымянный, залитый лунным светом, Тень пошел по правой дороге. Когда он обернулся, чтобы поблагодарить ее, позади никого не было,

только тьма. Ему показалось, что он сейчас где-то глубоко-глубоко под землей, но, подняв голову вверх, он увидел в кромешной темноте крохотный лунный лик.

Потом был поворот.

Если это и есть загробная жизнь, подумал он, то больше всего она напоминает Дом-на-Скале: гибрид диорамы и ночного кошмара.

Он увидел самого себя в синей тюремной робе в кабинете начальника тюрьмы, и начальник сказал ему, что Лора погибла в автомобильной катастрофе. Он увидел выражение собственного лица — он был похож на человека, который вдруг почувствовал, что мир про него забыл. Он преисполнился чувством сострадания к этому человеку, которому внезапно стало одиноко и страшно. Он поспешил прочь из затхлого кабинета начальника тюрьмы и вышел к мастерской по починке видеомагнитофонов на окраине Игл-Пойнта, за три года до предыдущей сцены. Кажется, за три. Да, точно, за три.

Он знал, что там, в мастерской, он расписывает под клоунов Ларри Пауэрса и Би Джей Уэста, ссаживая при этом об их лица костяшки собственных кулаков: буквально через несколько минут он отсюда выйдет, перекинув через плечо

коричневый пакет из супермаркета, доверху набитый двадцатидолларовыми купюрами. Те самые деньги, про которые так никогда никому ничего не удалось доказать: его доля в их тогдашнем деле и еще немного сверху, потому что зря они надумали вот так просто взять и кинуть их с Лорой. Он был всего лишь водителем, но свою долю работы сделал честно, сделал все, о чем его попросила Лора…

На суде никто вообще не вспомнил про ограбление банка, хотя всем очень этого хотелось. Пока никто ничего не сказал, доказать что бы то ни было не получилось бы. А никто ничего и не сказал. И вместо ограбления банка прокурор вынужден был сосредоточиться на телесных повреждениях, которые Тень нанес Пауэрсу и Уэсту. Предъявил суду фотографии, сделанные в тот день, когда пострадавшие прибыли в местную больницу. Тень на суде защищаться и не пытался: так оно было проще. Ни Пауэрс, ни Уэст так и не смогли вспомнить причину, по которой началась ссора, но оба настаивали на том, что нападавшей стороной был Тень.

Про деньги никто не сказал ни единого слова.

И про Лору тоже никто ничего не сказал, а только этого Тени и надо было.

Тень начал подозревать, что ему, пожалуй, имело смысл выбрать дорогу приятной лжи. Он повернулся к мастерской по починке видеомагнитофонов спиной и по выбитой в камне тропинке вышел в комнату, которая была похожа на больничную палату; точно, это и была больничная палата в чикагской муниципальной клинике, и он почувствовал, как к горлу у него подкатил ком. Он остановился. Смотреть на эту сцену ему не хотелось. Но и дальше идти не хотелось тоже.

На больничной койке опять умирала его мама, как она уже умерла один раз, когда ему было шестнадцать, ну да, вот и он сам, угловатый подросток с прыщавым лицом цвета кофе с молоком, сидит возле больничной койки и читает толстую книгу в бумажной обложке, не в силах поднять на маму глаза. Тень решил посмотреть, что это за книга, обошел вокруг койки и наклонился ближе. Он стоял между стулом и койкой, переводя взгляд с мамы на неловко сидящего на стуле мальчика, уткнувшегося носом в «Радугу тяготения»,[123] который пытался убежать от материнской смер-

[123] notes: 123

Роман Томаса Пинчона (опубл. 1973). В ранней юности Тень, судя по всему, был завзятым поклонником интеллектуально-постмодернистской «черной комедии».

ти в Лондон времен Второй мировой войны, притом что сугубо литературная фантасмагория книги на самом деле не давала ему ни выхода, ни успокоения.

Мамины глаза были закрыты, она пребывала в морфиновом царстве покоя: то, что казалось ей очередным приступом серповидно-клеточной анемии, еще одним вошедшим в привычку приступом боли, который следует переждать, оказалось на поверку лимфомой. И когда врачи это выяснили, было уже слишком поздно. Кожа у нее приобрела лимонно-серый оттенок. Ей было чуть за тридцать, но выглядела она значительно старше.

Тени захотелось встряхнуть себя, того нелепого подростка, которым он был когда-то, заставить оторваться от книжки, взять ее за руку, поговорить с ней, сделать хоть *что-нибудь*, пока она окончательно не ускользнула из этого мира, а осталось ей совсем недолго, и он об этом знал. Но дотронуться до самого себя он не мог, а потому продолжал читать; вот так мама и умерла, пока он сидел рядом и читал эту толстую книгу.

После смерти матери он практически перестал читать. Литературе верить нельзя. Какой от книжек толк, если они не в состоянии уберечь тебя

от чего-нибудь вроде этого?

Тень вышел из больничной палаты и двинулся дальше по извилистому коридору, который уходил куда-то вниз, в самую земную глубь.

Потом он снова увидел маму и глазам своим не поверил — такая она была молодая: ей, наверное, и двадцати пяти-то еще нет, и никаких болезней у нее еще не обнаружили. Она в квартире, в очередной съемной посольской квартире где-то в Северной Европе. Он оглядывается вокруг в поисках хоть какого-то ключа к ситуации и видит самого себя: мелкого засранца с большими серыми глазами и темными волосами. Они с мамой ругаются. Еще не услышав ни единого слова, Тень уже знает, о чем спор: в конце концов только на этой почве они и ссорились, а больше ни на какой.

— *Расскажи мне об отце.*

— *Он умер. Не доставай меня.*

— *А кто он был?*

— *Забудь про него вообще! Он умер, нет его, и ты ничего в этой жизни не потерял!*

— *Покажи мне его фотографию.*

— *Нет у меня никакой фотографии*, — говорит она, и голос у нее становится тихим и яростным, и он знает, что если и дальше будет задавать

вопросы, она на него накричит или ударит, а еще он знает, что не перестанет задавать вопросы, — поэтому Тень развернулся и пошел по туннелю прочь.

Туннель змеился, и петлял, и закладывал кольца, наводя его на мысли о змеиной коже, о кишках и о самых глубинных, уходящих бог весть в какие подземные тверди корнях дерева. По левую руку у него обнаружился водоем; он услышал, как капает в него вода, еще издалека, но вблизи оказалось, что падающие откуда-то сверху струйки практически не нарушают зеркальной чистоты поверхности. Он опустился на колени и напился, зачерпывая воду рукой. Потом пошел дальше и неожиданно для себя очутился на танцплощадке с плавающими по полу яркими пятнами флуоресцентного света: будто попал невзначай в самый центр вселенной, и все на свете звезды и планеты вращаются теперь вокруг тебя. Но он не слышал никого и ничего, ни музыки, ни людей, которые пытались перекричать музыку, он смотрел во все глаза на женщину, в которой, пожалуй, даже и не признал бы при других обстоятельствах собственную мать, потому что в те годы, когда он ее знал, она такой уже не была — да что там, здесь она почти ребенок…

И она — танцевала.

Тень поймал себя на том, что ничуть не удивился, когда узнал ее партнера. За прошедшие с этих пор тридцать три года он практически не изменился.

Она была пьяна: Тень понял это с первого взгляда. Не то чтобы совсем пьяна, просто она не привыкла к спиртному, а через неделю или вроде того ей садиться на пароход, направляющийся в Норвегию. Пили они «маргариту», и соль так и осталась у нее на губах и на тыльной стороне ладони.

На Среде нет ни костюма, ни галстука, но заколка в форме серебряного дерева, пришпиленная к нагрудному карману рубашки, сияет и переливается, когда на нее попадают лучи прожекторов. Прекрасная пара, если, конечно, закрыть глаза на разницу в возрасте. В движениях Среды сквозит мягкая волчья грация.

Медленный танец. Он притягивает ее к себе, и его огромная лапища по-хозяйски обхватывает ее пониже талии, он прижимается к ней. Другой рукой берет девушку за подбородок, поднимает ее лицо вверх, и вот они уже целуются прямо здесь, на танцполе, а разноцветная переливчатая вселенная крутится и вертится вокруг.

Очень скоро они уходят. У нее кружится голова, она на него опирается, чтобы не упасть, и он ее уводит.

Тень закрыл лицо руками и не пошел следом: у него не было ни малейшего желания наблюдать за сценой собственного зачатия.

Зеркальная иллюминация исчезла, и теперь единственным источником света осталась крошечная луна высоко над головой.

Он двинулся дальше. На очередном повороте на секунду остановился, чтобы перевести дыхание.

И тут же почувствовал, как по его спине нежно прошлась чья-то рука, а потом тонкие пальчики взъерошили ему на затылке волосы.

— Привет, — шепнул темный, с хрипотцой, кошачий голос, прямо у него над плечом.

— Привет, — сказал он и повернулся, чтобы оказаться с ней лицом к лицу.

Она была шатенка с коричневой кожей, а глаза у нее были золотисто-янтарные, как хороший мед. А зрачки — две тонкие вертикальные щели.

— Мы разве знакомы? — озадаченно спросил он.

— Интимнейшим образом, — сказала она и улыбнулась. — Я имела обыкновение спать у тебя на кровати. А мой народ с тех пор не спускает с

тебя глаз, по моей просьбе. — Она обернулась к дороге, которая разбегалась чуть впереди на три разные стороны. — Ну ладно, — сказала она. — Одна сделает тебя мудрым. Другая — цельным. А третья убьет.

— А мне казалось, я уже умер, — сказал Тень. — Там, на дереве.

Она тихо мяукнула.

— Есть мертвые, — сказала она, — и мертвые, а бывают еще и совсем другие мертвые. Это вещь сугубо относительная. — Она снова улыбнулась. — Есть у меня на этот счет хорошая шутка. Про мертвых родственников. Хочешь, скажу?

— Нет, — сказал Тень. — Мне и так весело.

— Ну ладно, — еще раз сказала она. — Так какой дорогой ты хочешь пойти?

— Не знаю, — честно признался он.

Она, чисто кошачьим движением, склонила голову набок. Тени вдруг вспомнились следы когтей на плече, и он поймал себя на том, что сейчас покраснеет.

— Если ты мне доверяешь, — сказала Баст. — Я могу сделать выбор за тебя.

— Я тебе доверяю, — сказал он, не колеблясь ни секунды.

— А знаешь, чего это тебе будет стоить?

— Я уже потерял свое имя, — сказал он.

— Имена приходят и уходят. А оно того стоило?

— Да. Ну наверное. Это было не слишком просто. Это как с откровением — вещь очень личная.

— Все откровения — вещи очень личные, — сказала она. — Именно поэтому им нельзя доверять.

— Не понял, — честно признался он.

— Вот именно что не понял, — кивнула она. — Я заберу твое сердце. Оно нам позже понадобится.

С этими словами она сунула руку ему в грудную клетку, довольно глубоко, и вынула оттуда, зажав между острыми когтями, что-то рубиново-красное и пульсирующее. Оно было цвета голубиной крови и сделано из чистого света. Даже у нее на ладони оно ритмически сокращалось.

Она сжала кулак, и сердца не стало.

— Иди по среднему пути, — сказала она.

Тень кивнул и двинулся с места.

Под ногами стало скользко — камень был покрыт коркой льда. Луна над головой тоже светила теперь через рассеянную в воздухе мелкую ледяную пыль: вокруг образовалось кольцо, лунная радуга, результат преломления света. Было красиво, но идти — гораздо труднее. Ненадежное сцепление с поверхностью.

Он дошел до места, где расходились дороги.

На первую дорогу Тень посмотрел со смутным чувством узнавания. Она вела в огромный зал или даже в целую анфиладу залов, похожую на темный музей. Там он уже успел побывать. До него донеслись долгие отзвуки тихих тамошних шумов. Он слышал даже, как оседает пыль.

То самое место, в котором он побывал во сне в первую ночь, когда в мотеле к нему пришла Лора, сто лет тому назад: бесконечный мемориальный комплекс, посвященный памяти забытых богов — и тех, о которых даже памяти никакой не осталось.

Тень сделал шаг назад.

Он двинулся в сторону самой дальней из трех дорог и постарался заглянуть подальше. В этом коридоре было что-то неуловимо диснейлендовское: стены из черного плексигласа со встроенными электрическими лампочками. Лампочки были цветные и перемигивались безо всякой видимой на то причины, создавая некую иллюзию упорядоченности — как те огоньки, которыми обычно украшены выступы в переборках телевизионных космических кораблей.

Оттуда тоже доносился какой-то звук: слитный басовитый гул, который тут же начал отдаваться у Тени где-то в районе желудка.

Он остановился и огляделся вокруг. И та, и другая дорога, судя по всему, были ни к черту. Хватит уже выбирать. Хватит метаться. Средняя дорога, та, на которую указала женщина-кошка, — это и есть его выбор. И он пошел по ней.

Луна постепенно сходила на нет: ее краешек порозовел и начал исчезать — словно наступало затмение. Вход на среднюю дорогу был обрамлен огромным дверным проемом.

Сквозь эту арку Тень прошел уже в полной темноте. Воздух был теплым и пах мокрой пылью, как на городской улице после первого летнего дождя.

Страшно ему не было.

Уже не было. Все его страхи умерли на дереве, там же, где умер сам Тень. А теперь не осталось ни страха, ни ненависти, ни боли. Не осталось ничего, кроме самой сути.

Вдалеке всплеснуло что-то тяжелое, и этот всплеск эхом отдался в обширном пустом пространстве. Он прищурился, но так и не смог ничего разглядеть. Было слишком темно. А потом, с той же стороны, откуда доносились всплески, занялось призрачно-серое зарево, и мир обрел форму: Тень был в пещере, и прямо перед ним, зеркально-гладкая, простиралась вода.

Всплески становились все ближе, а свет все ярче: Тень ждал на берегу. Довольно скоро в виду показалась лодка с низкой посадкой и дрожащим огоньком от укрепленной на круто задранном вверх носу лампы, другая такая же лампа подрагивала в нескольких футах ниже первой. Лодкой управляла высокая темная фигура, и всплески, которые давно уже слушал Тень, производила именно она, отталкиваясь от дна длинным шестом, с помощью которого лодка плавно продвигалась через воды подземного озера.

— Эй там, слышишь меня?! — крикнул Тень, и внезапно со всех сторон на него хлынули его же собственные слова: было такое впечатление, что целый людской хор приветствует его и обращается к нему, и у каждого из этих людей был его же собственный голос.

Фигура с шестом не обратила на этот концерт никакого внимания.

Лодочник был высок и невероятно худ. На нем — если это был мужчина — была простая длинная белая рубаха, а торчащая над вырезом бледного цвета голова так разительно отличалась от человеческой, что Тень сперва подумал, будто перед ним маска: крохотная птичья головка на длинной и тонкой шее, с высоко поставленным

тонким клювом. Тени показалось, что эту призрачную, похожую на птицу фигуру он прежде уже где-то видел. Он порылся в памяти и чуть ли не с разочарованием вспомнил о допотопной механической игрушке в Доме-на-Скале и о том бледном призраке, что выплывал на секунду из-за склепа, дабы впечатлить заблудшую душу пьяницы.

С шеста и носа лодки капала вода, разбрасывая точечные пунктиры эха, за кормой по ровной поверхности озера расходилась рябь. Сделана была лодка из стянутых вместе тростниковых вязанок.

Лодка подошла к берегу. Лодочник всем весом налег на шест. Голова его начала медленно поворачиваться, пока не уставилась прямо на Тень.

— Здравствуй, — сказал он, даже не двинув длинным тонким клювом. Голос был мужской и смутно знакомый — как собственно и все прочее, что до сей поры Тень встретил в загробном мире. — Забирайся в лодку. Боюсь, ноги тебе все равно придется намочить, но тут уж ничего не поделаешь. Лодки у нас тут старые, если подойду ближе к берегу, оцарапаю днище.

Тень снял туфли и вошел в воду. Она доходила ему до середины голени и была — после того, как

прошел первый шок от соприкосновения кожи с влагой — на удивление теплой. Он добрел до лодки, лодочник протянул ему руку и помог взобраться на борт. Тростниковая лодка качнулась, вода плеснула через низкие плетеные борта, но потом — выровнялась.

Лодочник оттолкнулся шестом от берега. Тень стоял и смотрел, как тот работает, а с намокших джинсов у него капала вода.

— Я вас знаю, — сказал он существу с шестом.

— И то правда, — отозвался лодочник. Масляная лампа, что висела на носу лодки, давала вполне достаточно света, но от нее шла копоть, и Тень закашлялся. — Ты же на меня работал. Хотя, боюсь, Лайлу Гудчайлд нам пришлось предать земле уже без твоей помощи.

Голос у него был немного взвинченный, но каждое слово он выговаривал очень четко.

Дым снова попал Тени в глаза. Он вытер набежавшие слезы рукой, и сквозь эти слезы ему показалось, что он видит перед собой высокого мужчину в костюме и очках в золотой оправе. Дым рассеялся, и лодочник снова превратился в получеловека с головой речной птицы.

— Мистер Ибис?

— Рад тебя видеть, — отозвалось химерическое

существо голосом мистера Ибиса. — Ты знаешь, кто такой психопомп?

Тень вроде бы слышал это слово, но когда-то очень давно. Он покачал головой.

— Понапридумывают всякого, чтобы покрасивее назвать простого проводника, — сказал мистер Ибис. — У каждого из нас столько функций, столько способов существования. С моей собственной точки зрения — я всего лишь тихий кабинетный ученый, который живет себе, никого не трогает, записывает свои истории и грезит о прошлом, то ли на самом деле бывшем, то ли вовсе не бывшем. И по большому счету так оно и есть. Но кроме того, в одном из обличий, а их у меня, как и у многих из тех, с кем ты за последнее время познакомился, немало — так вот, в одном из своих обличий я еще и психопомп. Сопровождаю души умерших в загробное царство.

— А я думал, это и есть царство мертвых, — сказал Тень.

— Нет. Не *per se*.[124] Это всего лишь преддверие.

Лодка скользила по зеркальной поверхности подземного озера. И мистер Ибис сказал, не дви-

---

[124] notes: 124
Само по себе (*лат.*).

гая клювом:

— Вы, люди, рассуждаете о живых и мертвых так, словно это две взаимоисключающие категории. Будто река не может одновременно быть еще и дорогой, а песня — цветом.

— Но ведь и вправду не может, — сказал Тень. — Что, разве не так?

Эхо тихим шепотком повторило на далеком берегу его слова.

— Запомни раз и навсегда, — ворчливо сказал мистер Ибис, — что жизнь и смерть — всего лишь две стороны одной монеты. Как на четвертаке, орел и решка.

— А если у тебя четвертак с двумя орлами?

— У тебя такого нет.

Они все плыли и плыли, и Тень вдруг пробила дрожь. Ему показалось, что он видит глядящие на него с укором из-под зеркальной поверхности лица детей: разбухшая, отклекшая в воде кожа, мутные мертвые глаза. Ветра, который мог бы подернуть рябью зеркало воды, в подземной пещере не было.

— Значит, я все-таки умер, — сказал Тень. Он постепенно начал привыкать к этой мысли. — Или умру буквально вот-вот.

— Мы едем в чертоги смерти. Я сам попросил,

чтобы за тобой послали именно меня.

— Зачем?

— Ты был хорошим работником. К тому же — почему бы мне за тобой и не съездить?

— Потому что… — Тень постарался привести свои мысли в порядок. — Ну хотя бы потому, что я никогда в вас не верил. Потому что я совсем не разбираюсь в египетской мифологии. Потому что я никак этого не ожидал. А что случилось со святым Петром и Жемчужными воротами?

Белая голова с длинным клювом мрачно качнулась в одну сторону, потом в другую.

— Неважно, что ты в нас не веришь, — сказал мистер Ибис. — Важно, что мы в тебя верим.

Лодка чиркнула днищем о камни. Мистер Ибис сошел через борт в воду и велел Тени сделать то же самое. Мистер Ибис взял лежащий на носу моток веревки и отдал Тени лампу: посвети. Они вышли на берег, и мистер Ибис зачалил лодку за металлическое кольцо, вделанное прямо в каменный пол. А потом забрал у Тени лампу и деревянной птичьей походкой пошел вперед, подняв лампу высоко над головой, так что она отбрасывала на каменный пол и высокие каменные стены чудовищной величины тени.

— Боишься? — спросил мистер Ибис.

— Да нет, не очень.

— Ну так постарайся, пока мы идем, проникнуться чувством страха, истинного, духовного. Для той ситуации, которая ждет впереди, чувство более чем подобающее.

Но Тени все равно было не страшно. Интерес был, готовность к восприятию нового — тоже. Его не пугала ни скачущая по углам тьма, ни тот факт, что он умер, ни даже колоссальная, размером с хлебный элеватор фигура с собачьей головой, которая постепенно обозначилась в той стороне, куда они шли, и которая неотрывно на него смотрела. Потом фигура начала рычать: глубокий горловой звук, на басовой ноте — и Тень наконец почувствовал, как по шее пробежали мурашки.

— Тень, — сказала фигура. — Настало время судить тебя.

Руки Анубиса опустились, огромные черные руки, подхватили Тень и поднесли его поближе к глазам.

Шакалья голова принялась внимательно его рассматривать яркими переливчатыми глазами; рассматривать так же бесстрастно, как когда-то мистер Шакель разглядывал лежавшую перед ним на столе девушку. Тень понял, что все его грехи, все ошибки и слабости сейчас из него до-

станут, измерят и взвесят; что в каком-то смысле его самого сейчас препарировали, рассекли — и даже попробовали на вкус.

Мы далеко не всегда помним о тех вещах, которые не делают нам чести. Мы склонны их оправдывать, укутывать в яркие обертки *лжи* или покрывать густой пылью забвения. Все те вещи, которые Тень сделал в этой жизни и которыми он никак не мог гордиться, все то, чего он хотел бы не делать вовсе или сделать как-то иначе, нахлынули на него единым потоком вины, стыда и отчаяния, и спрятаться от этого потока было негде. Он был гол, как обнаженный труп на столе патологоанатома, и темный Анубис, шакалий бог, был и прозектором, и судией, и прокурором.

— Пожалуйста, — взмолился Тень. — Пожалуйста, не надо больше!

Но Анубис продолжал его рассматривать. Каждая неправда, которую он сказал за всю свою жизнь, каждая украденная вещь, каждая боль, которую причинил другому человеку, каждое из ничтожных преступлений и почти незаметных убийств, из которых состоит повседневная человеческая жизнь, извлекалось на свет божий этим безжалостным судией мертвых с головой шакала.

Тень заплакал навзрыд, уткнувшись в черную руку бога. Он снова стал ребенком, беспомощным и беззащитным, каким был когда-то.

И вдруг, безо всякого предупреждения, все кончилось. Тень всхлипывал и хватал ртом воздух, из носа у него текли сопли; он чувствовал себя все таким же беспомощным, но руки уже опустили его, осторожно, чуть ли не с нежностью, назад, на каменный пол.

— У кого его сердце? — прорычал Анубис.

— У меня, — мяукнул в ответ женский голос. Тень поднял голову. Рядом с той фигурой, которая не была уже мистером Ибисом, стояла Баст и держала в правой руке сердце Тени, рубиновым отблеском подсвечивавшее ее лицо.

— Дай его мне, — сказал Тот, бог с головой Ибиса, и взял у нее сердце, и руки его были — не человеческие руки; а потом он скользнул вперед.

Анубис поставил перед собой золотые весы.

— Так вот, значит, где будет принято решение, что меня ожидает! — шепнул Тень, обращаясь к Баст. — Рай? Ад? Чистилище?

— Если чаши придут в равновесие, — сказала она, — тебе придется самому выбирать свою судьбу.

— А если нет?

Она пожала плечами, будто разговор на эту тему был ей решительно неприятен. А потом все-таки сказала:

— Тогда мы скормим твои сердце и душу Амме-ту, Пожирателю Душ…

— Ну что же, — сказал он, — значит, можно хоть в самом конце надеяться на счастливый исход. Хоть в какой-нибудь его разновидности.

— Не существует не только счастливых исходов, — она повернулась к нему, — никаких вообще исходов не существует.

На чашу весов, аккуратно, почтительно, Анубис положил птичье перышко.

На другую он поместил сердце Тени. В густой тени под весами что-то задвигалось, что-то такое, к чему Тени вовсе не захотелось приглядываться.

Это было очень тяжелое перо, но и сердце Тени весило немало: чаши весов задрожали и самым неприятным образом начали ходить попеременно то вверх, то вниз.

Но в конце концов они и впрямь уравновесились, и существо в тени под весами недовольно куда-то уползло.

— Вот значит как, — задумчиво сказала Баст. — Еще один череп в общую кучу, не более того.

Жаль. А я-то надеялась, что в наступающей неразберихе ты сделаешь что-нибудь стоящее. Знаешь, на что это похоже: смотришь в замедленной съемке на автомобильную катастрофу и ничего не можешь сделать, чтобы ее предотвратить.

— А тебя там не будет?

Она покачала головой.

— Я не люблю, когда другие решают за меня, где и с кем мне драться, — сказала она.

И в огромных чертогах смерти воцарилась тишина, которая эхом отражалась от воды и темного пустого пространства.

Тень сказал:

— Значит, теперь я сам должен выбрать, куда мне идти?

— Выбирай, — сказал Тот. — Или мы можем сделать этот выбор за тебя.

— Нет, — сказал Тень. — Я сам. Это мое решение.

— Ну? — прорычал Анубис.

— Сейчас я хочу отдохнуть, — сказал Тень. — Вот чего я хочу по-настоящему. И больше ничего. Ни рая, ни ада, ничего. Просто пускай все это кончится.

— Ты уверен? — спросил Тот.

— Да, — ответил Тень.

Мистер Шакель отворил для Тени последнюю дверь, и за этой дверью ничего не было. Ни темноты. Ни даже забвения. Там было только — ничто.

Тень принял его, целиком и беззаветно, и шагнул в это ничто через дверной проем со странным, диким чувством радости.

Глава семнадцатая

Все на этом континенте — масштабов необычайных. Реки огромны, климат суров, как в жару, так и в холод, пейзажи великолепны, гром и молния потрясающи. Волнения, происходящие в этой стране, потрясли бы основы любого государственного строя. Наши собственные промахи, наши потери, наши позор и разорение — все нужно считать здесь по особому счету.

Лорд Карлейль. Из письма Джорджу

Селвину, 1778 г.[125]

Реклама самого важного места в юго-восточной части Соединенных Штатов размещена на крышах сотен старых амбаров по всей Джорджии и по всему Теннесси — и далее вплоть до Кентукки. Вписавшись в очередной поворот петляющей по лесу дороги, водитель проезжает мимо ветхого красного здания и читает на его крыше огромные буквы:

ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

А на крыше стоящего буквально в нескольких сотнях метров полуразвалившегося коровника белыми буквами будет выведено:

ВЗГЛЯНИТЕ НА СЕМЬ ШТАТОВ ИЗ РОК-СИТИ

---

[125] notes: 125

*Фредерик Говард, 5-й граф Карлейл*ь (1748–1825) — британский политический деятель конца XVIII — начала XIX века. Первым его большим постом был пост главы специальной комиссии, которая пыталась договориться с тринадцатью восставшими североамериканскими колониями. Посольство закончилось неудачей, впрочем, не из-за дипломатической несостоятельности тридцатилетнего лорда Карлейла, а из-за того, что ситуация зашла в тупик еще до начала переговоров. *Джордж Селвин* (1719–1791) — один из самых влиятельных закулисных игроков в британском парламенте второй половины XVIII века (за 44 года, которые он провел в качестве депутата Палаты общин, не произнес *ни единой* речи). Известный острослов, мастер эпистолярного жанра.

Все это заставит нашего водителя уверовать в то, что этот самый Рок-сити ждет его буквально за следующим поворотом, в то время как на самом деле до него еще целый день езды, ибо находится он на Сторожевой горе, в Джорджии, буквально на волосок от границы штата, к юго-западу от Чаттануги, штат Теннесси.

Сторожевая гора — на самом деле не совсем гора. Скорее это холм, только невероятно высокий и крайне удачно расположенный. Когда в эти места пришли белые люди, здесь жили чикамога, одно из ответвлений племени чероки; они называли гору Чаттотонуги, что можно перевести как *островерхая гора*.

В 1830 году в соответствии с «Актом о переселении индейцев»[126] Эндрю Джексона они лишились своих земель — все чокто, и чикамога, и чероки и чикасо — и войска Соединенных Штатов заставили каждого, кого смогли поймать, отправиться пешком по тропе слез на Индейские территории, которые со временем превратятся

[126] notes: 126

Автор несколько путает, в 1830 году был принят акт о перемещении (removal), а не переселении (relocation) индейцев. Но сути это не меняет. Речь шла о переселении на Индейские территории так называемых «Пяти цивилизованных племен».

в Оклахому, и это был акт сознательно организованного геноцида. Тысячи мужчин, женщин и детей умерли по дороге. Но если тебя победили, значит, тебя победили, и никто против этого не поспорит.

Ибо тот, кто владел Сторожевой горой, владел и всей страной: так гласила легенда. В конце концов разве не было это место священным, и разве не представляло оно собой господствующую высоту? Во время Гражданской войны, или Войны между штатами, как ее еще называют, здесь была битва: Битва за облаками, как потом назвали первый ее день, после чего войска Союза сделали невозможное, атаковав безо всякого приказа Миссионерский хребет и овладев им. Север занял Сторожевую гору и выиграл войну.[127]

---

[127] notes: 127

Так называемая «Битва за облаками» — один из самых романтизированных эпизодов Гражданской войны. В действительности имели место бессистемные стычки в условиях плохой видимости, которые, по словам генерала Улисса Гранта, «и битвой-то назвать язык не поворачивается» и которые не привели к каким бы то ни было ощутимым результатам. На следующий день войска северян, попавшие под кинжальный огонь южан, окопавшихся на гребне Миссионерского хребта и не получавшие от своего командования никаких внятных приказов ни относительно атаки, ни относительно отступления, по собственной инициативе, диктовавшейся в первую очередь чувством самосохранения, бросились вперед. Южане, которые из-за ошибки своего командующего окопались не на так называемом «военном гребне» (что позволило бы им простреливать весь склон, не оставляя «мертвых зон»), а на географическом гребне Миссионерского хребта, вынуждены были подпустить противника на расстояние прямой шты-

ковой атаки, не имея возможности остановить его огнем на подступах. При численном превосходстве северян южане были смяты.

Под Сторожевой горой много пещер и туннелей, и некоторые из них очень древние. По большей части в настоящее время они завалены, хотя какое-то время назад местные предприниматели раскопали подземный водопад, окрестили его Рубиновым и протянули к нему подъемник. Теперь это туристический аттракцион, хотя самый большой здешний туристический аттракцион расположен на вершине Сторожевой горы. Это и есть Рок-сити.

Начинается Рок-сити с декоративного сада на склоне горы: посетители идут по тропинке, которая ведет их между скалами, через скалы и сквозь скалы. Они бросают горсточку зерна в олений загон, проходят по висячему мостику и смотрят — за двадцатипятицентовик — в подзорную трубу, через которую действительно можно увидеть часть территории семи близлежащих штатов, при условии, что день выдался солнечный и воздух совершенно чист, а это случается нечасто. И оттуда та же самая тропа, подобно спуску в странную преисподнюю, ведет посетителей, — а таковых каждый год сюда съезжается не один миллион — в подземные пещеры, где они созерцают подсвеченные диорамы на сюжеты из детских стишков и волшебных сказок. Уходя,

они испытывают смешанные чувства, не вполне понимая ни зачем они сюда приехали, ни что они, собственно, здесь увидели, ни хорошо ли в конечном счете они провели время.

Они собирались в окрестностях Сторожевой горы со всех Соединенных Штатов. И это были не туристы. Они приезжали на машинах, летели самолетами, прибывали на автобусах и поездах, шли пешком. Некоторые летели сами — но только очень низко и исключительно по ночам. А иные пришли под землей, своими, им одним известными путями. Многие добрались на попутках, упрашивая нервических автолюбителей или водителей грузовиков подкинуть их докуда возможно. Те, у кого были свои машины или грузовики, замечали тех, у кого машин не было, у обочины дороги, на заброшенных автобусных остановках или в придорожных забегаловках и, признав по каким-то невнятным приметам, что перед ними свои, предлагали их подвезти.

Запыленные и усталые, они собирались у подножия Сторожевой горы. Они смотрели вверх, по лесистым склонам, и видели тропинки и сады, и водопад Рок-сити — или им казалось, что они все это видят.

Прибывать они начали с самого утра. Вторая

волна накатила в сумерках. А потом еще несколько дней их становилось все больше и больше.

Побитый грузовик из прокатной конторы «Сам себе перевозчик» остановился у обочины, и из кузова выбрались несколько смертельно усталых русалок и вил, с размазанным макияжем, набрякшими от долгой бессонной дороги веками и стрелками на колготках.

В рощице у самого подножия холма престарелый вампир протянул открытую пачку «Мальборо» голому обезьяноподобному существу, покрытому свалявшейся рыжей шерстью. Тот с благодарностью принял сигарету: они сидели бок о бок и молча курили.

На обочину съехала «Тойота-Превия», из которой вышли семеро китайцев, мужчин и женщин, чистеньких и опрятных, в одинаковых темных костюмах; такие в некоторых странах носят мелкие госчиновники. У одного из них в руках была папка с зажимом, и когда из багажника начали выгружать огромные сумки для гольфа, каждый предмет он сверял со списком; в сумках оказались покрытые травленым узором мечи с полированной рукоятью, резные палочки и зеркала. Оружие раздали на руки, проверили, и каждый за свое расписался.

Знаменитый когда-то комический актер, которого все на свете считали умершим еще в двадцатые годы, вылез из ржавой машины и стал снимать с себя одежду: ноги у него оказались козлиными, хвостик тоже был козлиный, коротенький.

Приехали четверо улыбчивых мексиканцев с иссиня-черными прилизанными волосами: они передавали по кругу бутылку, которую старались при посторонних особо не светить и которая была спрятана в пакете из крафт-бумаги: в бутылке плескалась горькая спиртовая настойка на молотых какао-бобах и крови.

Маленький чернобородый мужчина в запыленном котелке, с завивающимися штопором пейсами на висках и в накинутой на плечи обтрепанной и протертой чуть не до дыр молитвенной накидке, пришел пешком, прямо через поля. В нескольких шагах за ним следом шел его спутник, ростом выше почти вдвое, со светло-серой кожей цвета хорошей польской глины: слово, написанное у него на лбу, переводилось как *истина*.

Они продолжали прибывать. Подъехало такси, из которого выбрались и принялись бестолково топтаться на обочине несколько ракшасов, демонов с Индийского субконтинента: они молча

разглядывали собравшуюся у подножия горы публику, пока не заметили Маму-джи — та сидела с закрытыми глазами и губы у нее шевелились в молитве. Она была единственным здесь знакомым существом, но подойти к ней ближе они все-таки не решались, памятуя о прежних сражениях. Руки ее поглаживали висящую на шее цепочку из черепов. Ее коричневая кожа постепенно стала черной, блестящего обсидианово-черного цвета: губы у нее раздвинулись, и обнажились длинные и острые зубы. Она открыла глаза, подозвала к себе ракшасов и обняла их так, как обнимала бы, должно быть, собственных детей.

Грохотавшие несколько дней подряд на севере и востоке грозы ничуть не разрядили повисшей в воздухе тяжести, гнетущей и влажной. Местные метеорологи даже предупредили о возможности возникновения торнадо в небольших, неподвижно застывших островках высокого давления. Днем погода стояла теплая, а ночи были холодны.

Они сбивались вместе в разношерстные компании, где по национальности, где — по расе или темпераменту, а то и по видовым признакам. Настроение было тревожное. И вид у всех был

усталый.

Кое-где шли разговоры. Случалось, вспыхивал и смех, но приглушенный и нечасто. Из рук в руки передавали упаковки с пивом.

Через луга в лагерь пришли несколько местных мужчин и женщин, тела которых двигались как-то странно, а когда они открывали рот, то говорили не собственными голосами, но голосами вселившихся в них *Лоа*: высокий чернокожий мужчина говорил голосом Папы Легбы, что отворяет ворота; Барон Суббота, вудуистский повелитель мертвых, вселился в тело девочки-готки из Чаттануги, совсем еще сопливой — может быть, просто потому, что она была счастливой обладательницей собственного черного шелкового цилиндра, который сидел на ее макушке под каким-то залихватским углом. Говорила она гнусавым басом Барона, курила невероятных раз-

меров сигару и распоряжалась тремя *Жеде*,[128] то есть *Лоа*-мертвецами. *Жеде* обитали в телах троих братьев средних лет. В руках у братьев были дробовики, и шуточки они отпускали настолько грязные, что смеяться им отваживались только они сами — впрочем, делали это за всех, и с большим удовольствием.

Две неопределенного возраста женщины-чикамога в засаленных джинсах и потертых кожаных куртках бродили по лагерю, разглядывая народ и приготовления к битве. Время от времени они указывали друг другу на что-нибудь пальцами, а потом принимались качать головами. В грядущем конфликте они не собирались принимать участия.

На востоке набухла и выкатилась из-за горизонта луна, которой оставались ровно сутки до

---

[128] notes: 128

Папа Легба, Барон Суббота и другие Лоа — персонажи гаитянской мифологии, представляющей собой микс из христианских и различных африканских верований. Все Лоа — посредники между Бондье (Bon Dieu), богом-создателем и людьми, активно вмешивающиеся в жизнь последних. Папа Легба — хозяин перекрестков и ворот, ответственный за коммуникацию между людьми и Лоа. Именно его во время церемонии всегда вызывают самым первым и самым последним, поскольку без него никакой контакт между мирами невозможен. Изображается в виде старика в широкополой соломенной шляпе, на костылях или с тростью. Барон Суббота — повелитель Жеде, духов мертвых. Изображается обычно в цилиндре и смокинге, с ноздрями, заткнутыми ватой. Кроме того, отличается необычайной сексуальной активностью.

того момента, когда она войдет в полную силу. Казалось, когда встанет, она займет собой половину неба, огромный оранжево-красный шар над черными лесистыми холмами. Но по мере того как линия горизонта делалась от нее все дальше и дальше, она усыхала и бледнела, пока не повисла наконец посреди неба, как фонарь.

Много их здесь собралось, у подножия Сторожевой горы, в лунном свете. И все они ждали.

Лоре хотелось пить.

Иногда живые люди горели у нее в голове ровным тихим светом, как свечи, а иногда пламенели как факелы. Поэтому избегать их было легко, и, в случае надобности, отыскивать. Тень на дереве горел очень странно, каким-то своим особенным светом.

Однажды она попеняла ему, когда они шли и держались за руки, на то, что он неживой. Ей тогда хотелось выбить из него хоть искру какого-нибудь живого чувства. Хоть какого-нибудь.

Она вспомнила, как шла с ним рядом и надеялась: пускай он поймет, что я хочу сказать.

Но умирая на этом своем дереве, Тень был живой, еще какой. Она наблюдала за ним, пока в нем угасала жизнь, и свет в нем постепенно сходился в яркую живую точку. И еще он попросил

ее остаться с ним, остаться на всю ночь. Он ее простил… ну, наверное простил. Не важно. Он изменился: это она знала наверняка.

Тень сказал ей, чтобы она шла на ферму, и там ей дадут воды. В доме огонь не горел, и она вообще никого не видела. Но он ей сказал, что там о ней позаботятся. Она толкнула входную дверь, и дверь отворилась, жалобно заскрипев ржавыми петлями.

В левом легком у нее что-то зашевелилось, что-то такое, что зудело и жило своей собственной жизнью и от чего ей хотелось кашлять.

Она оказалась в узком коридоре, едва ли не напрочь перегороженном высоким пыльным пианино. В доме пахло застоялой сыростью. Она протиснулась мимо пианино, открыла дверь и оказалась в замусоренной гостиной, сплошь заставленной вместо мебели какой-то рухлядью. На каминной полке горела масляная лампа. Под ней, в камине, горел каменный уголь, хотя ни огня, ни дыма она снаружи дома не почувствовала. Огонь был яркий, но в комнате от него теплее не стало, хотя, и Лора первая готова была это признать, виною в том вполне могла оказаться и не комната.

Смерть причиняла Лоре боль, хотя сама эта боль состояла по большей части из ощущений

скорее нематериальных: из отчаянной жажды, которая давно уже иссушила каждую клеточку ее мертвого тела, из отсутствия в ее костях живого тепла — полного и абсолютного. Иногда она ловила себя на мысли: интересно, согрели бы ее жаркие и шумные языки погребального пламени, или мягкое, толстое коричневое одеяло земли; или холодное море — смогло бы оно унять ее жажду?..

До нее вдруг дошло, что в комнате кто-то есть.

На ветхой кушетке сидели три женщины, похожие на какую-то странную художественную экспозицию. Кушетка была накрыта протертым до дыр бархатным покрывалом тускло-коричневого цвета, который когда-то, может быть, сотню лет назад, был ярко-желтым, канареечным. С того самого момента, как она вошла в комнату, они молча следили за ней глазами.

Лора даже не отдавала себе отчета в том, что они здесь есть.

В черепе у нее что-то зашевелилось и выпало в носовую полость. Лора нащупала в рукаве бумажную салфетку и выбила в нее нос. Салфетку она смяла, бросила вместе с содержимым на горящие в камине угли и стала наблюдать, как сперва прогорела бумага — потемнела, обуглилась, а

потом превратилась в ярко-оранжевое кружево — и как корчатся и чернеют от жара черви.

Когда сгорело все, она повернулась к сидевшим на кушетке женщинам. Они так и не двинулись, с тех самых пор, как она вошла: ни единым мускулом, ни на волосок. Просто сидели и смотрели.

— Здравствуйте. Это ваша ферма? — спросила она.

Самая большая из трех женщин кивнула. Руки у нее были очень красные, а выражение лица — отсутствующее.

— Тень — ну, тот человек, который висит на дереве, это мой муж — так вот, он сказал, чтобы я вам передала, что он вас просит дать мне воды.

В животе у нее шевельнулось что-то большое. Выгнулось — и затихло.

Самая маленькая из трех женщин слезла с кушетки. У нее даже ноги не доставали до пола. И мигом выскочила из комнаты.

Лора слышала, как где-то захлопали двери. Потом, уже снаружи, начал раздаваться ритмический скрип дерева. И каждый следующий звук сопровождался плеском воды.

Довольно скоро маленькая женщина вернулась. В руках у нее был коричневый глиняный кувшин с водой. Она осторожно поставила его

на стол и вернулась на прежнее место. Подошла к кушетке, подтянулась на руках и, перебросив себя через край, уселась рядом с сестрами.

— Спасибо, — Лора подошла к столу, огляделась в поисках стакана или чашки, но ничего подобного в пределах видимости не наблюдалось. Она взяла со стола кувшин. Он был тяжелее, чем казался на вид. И вода в нем была идеально чистая.

Она поднесла кувшин ко рту и начала пить.

Вода оказалась холоднее, чем она могла себе представить. Чем вообще может быть вода в жидком состоянии. Она обожгла ей язык и горло — и заломило зубы. Но Лора все пила и пила, и никак не могла остановиться, чувствуя, как ледяная струя проникает все глубже в ее тело: в желудок, в живот, в сердце, в жилы.

Вода ручьем текла ей в глотку. Она была как жидкий лед.

Потом Лора вдруг заметила, что кувшин пуст, и удивленно поставила его обратно на стол.

Женщины с бесстрастным выражением на лицах продолжали на нее смотреть. С самого момента своей смерти Лора не мыслила метафорами: вещи либо есть, либо их нет. Но теперь, глядя на неподвижно сидевших женщин, она поймала себя на том, что думает о судьях, или

об ученых, которые наблюдают за подопытным животным.

И вдруг ее пробила конвульсия. Она протянула руку к столу, чтобы не потерять равновесия, но стол ушел в сторону и накренился, и у нее едва получилось уцепиться за самый край. Она ухватилась рукой за столешницу, и ее начало рвать. Из нее вышла желчь, и формалин, и черви, и многоножки. А потом она почувствовала, что теряет сознание и что из нее льется моча: тело выталкивало из себя все, что было в нем лишнего, отчаянно, всеми доступными ему средствами. Она закричала бы, если бы могла: но тут пыльные половицы с размаху ударили ее в лицо, так быстро и сильно, что наверняка бы вышибли из нее дух, если бы она еще могла дышать.

Время окатывало ее, ввинчивалось в ее тело, закручиваясь, как пыльный смерч. Тысяча воспоминаний начали всплывать все сразу: она потерялась в универмаге, в предрождественскую неделю, и папы нигде не видно; а вот она уже сидит в баре «Чи-Чи», заказывает клубничный дайкири и окидывает взглядом парня, с которым ей устроили свидание вслепую, большого, серьезного полумужчину-полуребенка — интересно, а как он целуется; а вот она в машине, и машина

дергается, крутится, и подкатывает тошнота, и Робби кричит на нее, пока металлический столб в конечном счете не останавливает машину, а все, что в ней было, продолжает по инерции лететь…

Вода времени, что рождается в источнике судьбы, Колодце Урд, это не живая вода. То есть не совсем живая. Но она питает корни мирового древа. И другой такой воды на свете нет.

Когда Лора очнулась в пустой гостиной, ее била дрожь, а дыхание облачками пара просачивалось в холодный утренний воздух. На тыльной стороне ладони у нее была глубокая царапина, и из этой царапины текла жидкость цвета живой свежей крови.

И она точно знала, куда идти. Она испила воды времени, что рождается в источнике судьбы. Гора уже нарисовалась перед ее внутренним взором.

Она слизнула с руки кровь, пришла в восторг от ее вкуса, от тягучей слюны во рту и двинулась в путь.

Стоял мокрый мартовский день, было не по сезону холодно, и бушевавшие несколько предшествующих дней грозы продолжали полосовать южные штаты: по сумме этих факторов настоящих туристов на Сторожевой горе было совсем немного. Рождественскую иллюминацию успели

снять, а до летнего туристического сезона было еще далеко.

Но народ на Сторожевой горе все-таки был. Утром даже пришел целый туристический автобус и выпустил на свет божий дюжину прекрасно загоревших и сияющих великолепными, уверенными улыбками мужчин и женщин. Вид у всех был как у телезвезд первой величины, и даже чисто зрительно складывалось такое впечатление, будто ты видишь их по телевизору: время от времени, непосредственно в движении, они как будто немного расплывались по краям. Перед Рок-сити был припаркован черный армейский «Хаммер».

Телевизионщики уверенной походкой двинулись через Рок-сити, остановившись попозировать перед Качающейся Скалой, где они побеседовали меж собой приятными, спокойными голосами.

Впрочем, в этой волне посетителей они были отнюдь не единственными. Если бы вы могли в тот день побродить по дорожкам Рок-сити, то заметили бы людей, похожих на кинозвезд, и людей, которые выглядели как пришельцы из космоса, а еще того больше — людей, которые выглядели как сама идея человека, ничего об-

щего не имеющая с реальностью. Увидеть вы бы их наверняка увидели, но вот обращать на них внимания ни за что бы не стали.

Они приезжали в Рок-сити на длинных лимузинах, маленьких спортивных автомобилях и гипертрофированно больших внедорожниках. Многие были в темных очках, и вид у них был точь-в-точь как у людей, что носят темные очки и в помещении, и на улице, и очень не любят их снимать. Тропический загар, роскошные костюмы, дорогие очки, улыбки и шутливо скорченные гримасы. Они были самого разного роста и телосложения, всех возрастов и одевались в самых различных стилях.

Единственное, что у них было общего, — это взгляд, весьма специфический. Он как будто говорил: *ведь вы же меня знаете*; или по крайней мере: *вы должны меня знать*. Моментальная волна дружеского расположения, которая при этом подчеркивала существующую дистанцию, этот самый взгляд, и — общее отношение ко всему на свете, уверенность в том, что мир существует именно для них, что они в нем — желанные гости и что их обожают.

Жирный молодой человек бродил среди них шаркающей походкой счастливчика, который, не

имея никаких социальных навыков, умудрился сделать головокружительную карьеру, о какой не смел и мечтать. Его черное пальто развевалось по ветру.

Стоявшее у стойки с прохладительными напитками во «Дворике Матушки Гусыни» существо кашлянуло, чтобы привлечь его внимание. Существо было громоздким, и из кожи лица и пальцев у него торчали лезвия скальпелей. А лицо было — как у ракового больного.

— Славная будет битва, — сказало существо, и в интонации послышалась — жадность.

— Не будет никакой битвы, — ответил жирный молодой человек. — С кем тут драться? С пизданутым парадигматическим сдвигом? Обычная перетасовка кадров. Такие понятия, как *битва*, — это же просто какой-то блядский Лао-цзы!

Ракового вида существо прищурилось.

— А я вот жду, — сказало оно.

— Да сколько угодно! — небрежно уронил жирный молодой человек. — А я вот ищу мистера Мирра. Ты его не видел?

Существо поскребло себя по голове лезвием скальпеля и раздумчиво выпятило пухлую нижнюю губу. А потом кивнуло.

— Вон там его ищи, — сказало оно.

Жирный молодой человек, даже не кивнув в знак благодарности, зашаркал прочь в указанном направлении. Раковое существо молча дождалось, пока он скроется из виду.

— Нет, все-таки *будет* битва, — сказало оно подошедшей к стойке женщине, лицо которой как раз в этот момент разбрелось на отдельные пиксели.

Та кивнула и подсела ближе.

— Вы хотите об этом *поговорить*? — спросила она очень милым и вызывающим мгновенное доверие голосом.

Существо прищурилось и заговорило.

В «Форде-Эксплорере» Градда была система глобальной навигации, маленький экран, который слушал голоса спутников и указывал машине ее точное местонахождение. Однако, забравшись в паутину проселочных дорог к югу от Блэксбурга, он все-таки заплутал: дороги, по которым он ехал, кажется, имели мало отношения к путанице линий на экране прибора. Так что в конце концов ему пришлось остановить автомобиль на проселке, опустить окно и спросить у толстой белой женщины, которую волок за собой на поводке на раннюю утреннюю прогулку какой-то волкодав, как ему проехать на Ясеневую ферму.

Она кивнула, показала рукой направление и что-то ему сказала. Из сказанного он не понял ни слова, но поблагодарил, поднял стекло и поехал в том направлении, которое она указала.

Ехал он еще минут сорок, с одной проселочной дороги на другую, и ни одна не была той самой, которую он, собственно, искал. Градд начал покусывать нижнюю губу.

— Староват я становлюсь для всей этой хрени, — сказал он вслух, искренне войдя в образ усталой от жизни кинозвезды.

Ему было под пятьдесят. Большую часть своей трудовой биографии он провел под крышей одного правительственного учреждения, которое везде и всюду фигурировало исключительно под названием, сокращенным до первых букв, и на самом ли деле лет двенадцать тому назад он покинул это учреждение и ушел в частный бизнес, или это всего лишь очередная крыша, с уверенностью не мог сказать никто, даже он сам: сегодня ему казалось, что это так, а завтра — иначе. По большому счету что так, что эдак, какая, в сущности, разница. Только тем лохам, которые ходят по улицам, кажется, будто эта разница существует на самом деле.

Он уж совсем было собрался отказаться от этой

затеи, когда, взобравшись на очередной пригорок, увидел внизу, на ограде, от руки написанную табличку. Как и было сказано, надпись была простая и без затей: ЯСЕНЬ. Он подрулил к воротцам, вышел из машины и принялся разматывать проволоку, которой были стянуты створки.

Это вроде как лягушку сварить, подумал он. Кладешь лягушку в воду и включаешь огонь. И к тому времени как лягушка замечает, что что-то не так, она уже и сварилась. Мир, в котором ему приходилось работать, был хуже некуда. Все ползет, на что поставишь ногу; вода в кастрюльке кипит аж клокочет.

Когда его перевели в Агентство, все казалось элементарнее некуда. А на поверку вышло — не то чтобы сложно, подумал он, нет: просто по-идиотски как-то. Вот только что, в два часа ночи, он сидел в кабинете у мистера Мирра, и ему объясняли, что нужно делать.

— Вы меня поняли? — спросил мистер Мирр, вручая ему нож в темных кожаных ножнах. — Срежьте мне палку. Не длиннее пары футов.

— Задание понял, — сказал он. А потом задал вопрос: — А зачем я должен это сделать, сэр?

— Потому что я вам отдал такой приказ, — ровным тоном сказал мистер Мирр. — Отыскать

дерево. Сделать свою работу. Встретиться со мной в Чаттануге. И не тратить лишнего времени.

— А как быть с этим мудаком?

— С Тенью? Если увидите его, даже близко не подходите. И не трогайте. Даже не пытайтесь. Не хочу, чтобы вы превратили его в мученика. В наших нынешних планах мученики не значатся. — И он улыбнулся своей улыбкой, которая была — одни шрамы. Мистера Мирра вообще легко было развеселить. Мистер Градд уже неоднократно обращал на это внимание. Даже играть роль шофера там, в Канзасе, ему и то было весело.

— Но послушайте…

— Я сказал, никаких мучеников, Градд.

И Градд кивнул, и взял нож в темно-коричневых ножнах, и засунул поднимавшуюся в нем ярость куда подальше и поглубже.

Ненависть к Тени давно уже сделалась составной частью души мистера Градда. Засыпая, он видел перед собой его мрачное лицо, видел эту улыбку, которая и улыбкой-то не была, а сама манера безулыбчиво улыбаться выводила его из себя, ему хотелось врезать этому парню как следует под дых, и даже когда он засыпал, челюсти у него оставались плотно сжатыми, на висках

бугрились жилы, а в горле горело.

Он проехал на «Форде-Эксплорере» по лугу, мимо заброшенной фермы, перевалил через пригорок и увидел дерево. Машину он остановил, проехав чуть дальше дерева, и заглушил мотор. Часы на приборной панели показывали 6:38 утра. Ключи он оставил в машине.

Дерево было огромным; складывалось впечатление, будто у него собственная шкала насчет того, до каких размеров могут вырастать деревья. Градд даже затруднился бы сказать, какой оно высоты — пятьдесят футов или двести. Цвет коры был серый, как у тонкой шелковой шали.

К нижней части ствола густой паутиной веревок был привязан голый человек, мужчина, а у подножия лежало что-то продолговатое, завернутое в простыню. Подойдя к свертку, Градд понял, что это такое. Он толкнул его ногой, и из-под простыни на него глянула изуродованная половинка лица Среды.

Градд обошел дерево так, чтобы на него не пялились слепые окна фермы, расстегнул ширинку и отлил на ствол. Потом застегнулся, пошел к дому, отыскал там складную деревянную лестницу, принес ее обратно к дереву, прислонил к стволу и забрался наверх.

Тень мешком висел на своих веревках. Градд подумал: интересно, жив он или уже нет — грудь у Тени не поднималась и не опускалась. Хотя — совсем он сдох или не совсем, какая, в сущности, разница.

— Здорово, придурок! — громко сказал Градд. Тень не шелохнулся.

Градд добрался до самой верхней ступеньки и вынул нож. Он отыскал небольшую ветку, которая, кажется, соответствовала описанию мистера Мирра, и рубанул ее ножом у самого основания, перерезав наполовину, а потом просто отломил. Длиной она была дюймов в тридцать.

Градд сунул нож обратно в ножны и начал спускаться вниз. Поравнявшись с Тенью, он остановился.

— Господи, если бы ты знал, как я тебя ненавижу! — сказал он. Ему очень хотелось вытащить пушку и прострелить эту падлу насквозь, но он знал, что делать этого нельзя. И вдруг ткнул в сторону висевшего на дереве врага своей палкой — это был быстрый колющий выпад. Жест чисто инстинктивный, но в него мистер Градд вложил всю свою обиду на Тень и всю свою ненависть. На секунду ему показалось, что в руке у него копье и что наконечник этого копья ушел глубоко во

внутренности этого человека.

— Ладно, хватит, — сказал он вслух. — Время двигать назад.

А потом подумал: *Первый признак безумия. Начинаешь разговаривать сам с собой.* Он спустился еще на несколько ступенек, а потом просто спрыгнул на землю. Он посмотрел на палку, которую держал в руке, и почувствовал себя маленьким мальчиком, для которого любая палка — копье или меч. *Мог бы срезать эту хреновину с любого другого дерева*, подумал он. *Какая разница, что одно дерево, что другое. Кто бы еще эту разницу заметил*?

И тут же пришла следующая мысль: *Мистер Мирр заметил бы, наверняка.*

Он отнес лестницу обратно к дому. Краем глаза он как будто уловил какое-то движение и тут же поднял голову и заглянул в окно, в темную комнату, заставленную ветхой мебелью, с осыпавшейся со стен штукатуркой — и на секунду, словно во сне, ему показалось, что он видит трех женщин, которые сидят рядком на кушетке в дальнем, темном конце комнаты.

Одна из них вязала. Другая смотрела прямо на него. Третья вроде спала. Та женщина, что смотрела на него, расплылась в улыбке, в улыбке

совершенно невероятной, которая, казалось, располосовала лицо поперек, от уха до уха. А потом поднесла большой палец себе к горлу и аккуратно провела им — от уха до уха.

По крайней мере так ему показалось, на долю секунды, потому что когда буквально через мгновение он посмотрел внимательнее, в комнате не оказалось никого и ничего, кроме полусгнившей мебели, засиженных мухами картин и клубков пыли. Совсем никого.

Он протер глаза.

Градд пошел обратно к своему «Форду-Эксплореру» и забрался внутрь. Палку он бросил на обитое белой кожей пассажирское сиденье. Повернул ключ зажигания. Часы на приборной панели показывали 6:37 утра. Он нахмурился и сверился с наручными часами, которые мигнули и показали 13:58.

Прекрасно, подумал он. *Значит, я провел здесь либо восемь часов, либо минус одну минуту*. Подумать-то он об этом подумал, но на самом деле решил про себя, что объяснение здесь может быть одно-единственное: оба прибора по какому-то дурацкому совпадению начали вести себя неподобающим образом.

А между тем тело Тени на дереве начало крово-

точить. Рана была в боку. Кровь шла медленно и была густая и черная, как патока.

Вершину Сторожевой горы закрыли облака.

Белая сидела в стороне от основной толпы, собравшейся у подножия, и смотрела, как над холмами на востоке занимается заря. Вокруг запястья левой руки у нее была вытатуирована цепочка из синих незабудок, и незаметно для себя она потирала их большим пальцем правой.

Вот и еще одна ночь пришла и ушла, и ничего не случилось. Народ по-прежнему прибывал, поодиночке, по двое. Прошедшей ночью подошло еще несколько существ, с юго-запада, включая двоих младенцев ростом с яблони, и еще что-то такое, что она увидела только краем глаза: больше всего оно было похоже на отрубленную человеческую голову размером с «Фольксваген-жук». И все они растворились в лесу у подножья горы.

Никто их здесь не беспокоил. Во всем окружающем мире никто, судя по всему, даже не обратил внимания на то, что все они здесь собрались: она представила себе, как туристы смотрят из Рок-сити в свои платные бинокли и не видят у подножия ничего, кроме деревьев, кустов и камней, притом, что прямо перед ними разместился довольно обширный и многолюдный лагерь.

Холодный утренний ветер донес до нее дымок от костра и запах подгоревшего бекона. Кто-то в дальнем конце лагеря заиграл на гармонике, и она невольно вздрогнула от этого звука — и улыбнулась. В рюкзаке у нее была книга в мягкой обложке, и она ждала, пока небо посветлеет настолько, что можно будет читать.

В небе, прямо под облаками, были видны две точки: одна побольше, другая поменьше. Рассветный ветер брызнул ей в лицо мелкой дождевой пылью.

Из лагеря в ее сторону вышла босоногая девушка. Она остановилась у дерева, задрала юбки и присела на корточки. Когда она закончила, Белая поприветствовала ее. Девушка подошла ближе.

— Доброго вам утра, леди, — сказала она. — Теперь уже скоро, скоро начнется битва.

Кончиком розового языка она провела по ярко-алым губам. К плечу у нее кожаным ремешком было привязано воронье крыло, а на шее, на цепочке болталась воронья же лапка. Руки у нее были сплошь в татуировках: в кривых линиях, узорах и сложносочиненных узлах.

— Откуда ты знаешь?

Девушка усмехнулась.

— Я Маха, я Морриган.[129] Когда приближается война, я это чувствую — в воздухе. Я богиня войны, и я вам говорю: сегодня прольется кровь.

— А, понятно, — сказала Белая. — Хорошо. Значит, вот ты где.

Она смотрела на маленькую точку в небе, которая ринулась прямо на них, падая с неба как камень.

— И мы сразимся с ними, и мы их убьем, всех до единого, — сказала девушка. — И головы их станут нашей добычей, а глаза и трупы пойдут на корм воронам.

Точка превратилась в птицу, которая, раскинув крылья, неслась прямо к ним, оседлав струю утреннего ветра.

Белая склонила голову набок.

— А что, у богинь войны есть какой-то тайный способ заранее знать, чем все кончится? — спросила она. — Кто кого победит? Кому чья голова

---

[129] notes: 129

Морриган — богиня войны в ирландской мифологии. Сама богиня участия в битвах не принимала, но непременно присутствовала на поле боя и использовала все свое могущество, чтобы помочь той или иной стороне. Морриган известна своей способностью менять облик, часто принимала облик вороны. В мифах есть упоминания нескольких Морриган, с которыми исследователи отождествляют четырех богинь войны: саму Морриган («великая королева»), Бадб («неистовая»), Нимэйн («ядовитая») и Фи («злобная»). К этому ряду можно добавить образ *Махи* (персонификация битвы).

достанется?

— Нет, — сказала девушка. — Я только битву чувствую, и больше ничего. Но мы победим. Разве не так? Мы просто *должны* победить. Я видела, что они сделали с Отцом Всех. Теперь — либо они, либо мы.

— Ну да, — сказала Белая. — Наверное, так и есть.

Девушка еще раз улыбнулась в светлеющих предрассветных сумерках и ушла обратно в лагерь. Белая опустила руку вниз и дотронулась до зеленого побега, который пробил землю и выглянул вверх, острый, как лезвие ножа. Как только она до него дотронулась, он начал расти, раскрываться, изгибаться и меняться на глазах — пока под рукой у нее не оказался зеленый бутон тюльпана. Когда солнце взойдет повыше, цветок распустится.

Белая подняла голову и посмотрела на ястреба.

— Эй, помощь не нужна? — спросила она.

Ястреб сделал круг футах в пятнадцати над ее головой, скользнул вниз, приземлился неподалеку и уставился на нее круглыми безумными глазами.

— Привет, красавчик! — сказала она. — А теперь покажись-ка мне в своем истинном обличье,

а?

Ястреб неуверенно скакнул в ее сторону, и — перед ней был уже не ястреб, а молодой человек. Он посмотрел на нее, потом перевел взгляд вниз, на траву.

— Ты? — спросил он. Взгляд его бродил где угодно: по траве, по небу, по кустам. Но только не по ней.

— Я, — кивнула она. — А что со мной такое?

— Ты… — Он запнулся. Было такое впечатление, что он пытается собраться с мыслями; по лицу у него время от времени пробегало довольно странное выражение. *Он слишком много времени провел в птичьем облике*, подумала она. *Он забыл, как быть человеком*. Она терпеливо ждала. И вдруг он сказал: — Пойдешь со мной?

— Может быть. А куда ты хочешь, чтобы я с тобой пошла?

— Человек на дереве. Ты ему нужна. Призрачная рана, в боку. Кровь шла, потом перестала. Наверное, он умер.

— У нас тут война. Я не могу просто взять и сбежать отсюда.

Голый молодой человек ничего не сказал, он только стоял и переминался с ноги на ногу, будто пытаясь привыкнуть к весу собственного тела,

будто ему привычнее было скользить по воздуху или сидеть на ветке, а не стоять вот так на земле. Потом он сказал:

— Если он совсем умрет, все будет кончено.

— Но тут будет битва…

— Если он совсем умрет, уже не важно будет, кто одержит победу.

Вид у него был такой, будто ему были необходимы одеяло, чашка сладкого кофе и какой-нибудь человек, который мог бы отвести его в тихое место, где он дрожал бы себе и бормотал, пока к нему не вернется рассудок. Руки он держал строго по швам.

— А где это? Не слишком далеко?

Он посмотрел на зеленый росток тюльпана и покачал головой.

— Совсем далеко.

— Ну, знаешь! — сказала она. — Я нужна здесь. И я не могу просто уйти отсюда. К тому же как я, по-твоему, туда доберусь? Я, видишь ли, летать не умею вроде тебя.

— Нет, — сказал Гор. — Не умеешь.

А потом с серьезным видом посмотрел вверх и указал на вторую, большую по размерам точку, которая как раз закончила нарезать над ними круги и тоже ринулась вниз, быстро увеличива-

ясь в размерах.

— *Он* умеет.

Еще несколько часов бессмысленной езды по дорогам, и Градд возненавидел глобальную систему навигации чуть ли не с той же силой, с какой ненавидел Тень. Правда, ненависти этой недоставало страсти. Ему казалось, что он с колоссальным трудом отыскал дорогу на эту ферму, к этому огромному ясеню с серебристой корой; дудки, найти *обратную* дорогу оказалось значительно сложнее. Казалось, не играет ровным счетом никакой роли, которой именно дороге он в очередной раз решал довериться, в каком направлении двигался по узким проселкам — по извилистым вирджинским дорогам местного значения, которые наверняка начинались как оленьи или коровьи тропы, — в конечном счете он выезжал все к той же ферме и к той же изгороди с написанным от руки словом: ЯСЕНЬ.

Тут кто угодно умом двинется. Ему и нужно-то было вернуться по своим же собственным следам, поворачивать налево всякий раз, как по дороге сюда он сворачивал направо, а там, где сворачивал налево, — поворачивать направо.

Именно так он и сделал в прошлый раз, но результат был все тот же: он опять уперся в эту

чертову ферму. По небу ползли черные грозовые тучи, на улице быстро темнело, ощущение было такое, что сейчас не утро, а вечер, а ему еще бог знает сколько времени вертеть баранку: такими темпами к обеду в Чаттануге он уж точно не окажется.

Мобильный телефон выдавал ему один и тот же ответ: *Вне зоны доступа.* На карте, что лежала в бардачке, обозначены были только основные дороги, федеральные трассы и скоростные шоссе: кроме этих, понятное дело, других дорог в округе не существовало.

И людей, у которых можно было бы спросить, куда ехать, ему не попадалось. Дома сплошь стояли у черта на куличках, и света в них не жгли. А тут еще датчик топлива принялся настойчиво намекать на то, что бак почти пуст. Он услышал отдаленный раскат грома, и первая крупная капля тяжело расплющилась о лобовое стекло.

Так что когда Градд увидел идущую по краю дороги одинокую женщину, он тут же поймал себя на том, что невольно заулыбался.

— Ну, слава богу! — сказал он вслух, поравнявшись с ней, и нажал на кнопку стеклоподъемника. — Мэм! Простите, пожалуйста. Я вроде как заблудился. Не подскажете, как отсюда выехать

на восемьдесят первую магистраль?

Она посмотрела на него сквозь открытое со стороны пассажирского сиденья окно и сказала:

— Знаете, объяснить я вам вряд ли смогу. Но если хотите, могу показать.

Лицо у нее было бледное, а волосы — длинные, темные и почему-то мокрые.

— Залезайте, — не раздумывая сказал Градд. — Но первым делом нам нужно заправиться.

— Спасибо, — сказала она. Глаза у нее были пронзительно голубые. — Попутная машина — это как раз то, что мне сейчас нужно. — Она забралась в салон. И тут же озадаченно подняла голову: — Тут на сиденье какая-то палка.

— Перебросьте на заднее сиденье. А вы куда направляетесь? — спросил он. — Леди, если вы меня и вправду выведете к заправке, а потом на шоссе, я отвезу вас куда угодно, до самых дверей.

Она сказала:

— Да нет, спасибо. Мне нужно довольно далеко, наверняка дальше, чем вам. Вот подбросите до шоссе, и замечательно. Может, какой-нибудь дальнобойщик подхватит.

И улыбнулась. И улыбка у нее была — чуть на сторону, и очень отважная. Именно эта улыбка решила все дело.

— Мэм, — сказал он, — я довезу вас с гораздо большим комфортом, чем любой дальнобойщик.

Он почувствовал исходящий от нее аромат, густой и тяжелый, и очень насыщенный, вроде сирени или магнолии, но ему даже и это понравилось.

— Мне нужно в Джорджию, — сказала она. — Это далеко отсюда.

— А я как раз еду в Чаттанугу. Сколько нам с вами будет по пути, столько и подброшу, идет?

— Мм, — сказала она. — А как вас зовут?

— Мак, — сказал мистер Градд. Когда заговаривал с женщинами в барах, после этой фразы он зачастую говорил: «А те, кто знает меня хорошо и близко, зовут меня Биг Мак». Но с этим можно подождать. Дорога впереди длинная, не на час и не на два, и времени познакомиться поближе у них будет достаточно. — А вас?

— Лора, — ответила она.

— Ну что же, Лора, — сказал он. — Уверен, что это начало прекрасной дружбы.

Жирный молодой человек отыскал мистера Мирра в Радужной комнате — выгороженном участке коридора, где окна были заклеены кусками прозрачной зеленой, красной и желтой пленки. Мирр нетерпеливо ходил от окна к окну,

выглядывая то в золотой мир, то в красный, то в зеленый. Волосы у него были ярко-рыжие и сострижены до короткой щетины. На нем был плащ от «Барберри».

Жирный молодой человек кашлянул. Мистер Мирр поднял голову.

— Прошу прощения! Мистер Мирр!

— Да! Все идет по плану?

Во рту у жирного молодого человека пересохло. Он провел языком по губам и сказал:

— Я отдал все необходимые распоряжения. Только от вертушек подтверждения пока не поступало.

— Вертолеты будут здесь ровно тогда, когда в них возникнет необходимость.

— Прекрасно, — сказал жирный молодой человек. — Прекрасно.

И остался стоять там, где стоял, ничего не говоря и не делая попытки уйти. На лбу у него вздулась шишка.

Через некоторое время мистер Мирр спросил:

— Что-то еще?

Пауза. Молодой человек сглотнул слюну и кивнул.

— Что-то еще, — сказал он. — Да, есть что-то еще.

— Вам хотелось бы обсудить это с глазу на глаз?

Жирный молодой человек снова кивнул.

Мистер Мирр провел его за собой в центр управления: влажную пещерную полость с диорамой, на которой вусмерть перепившиеся пикси возились вокруг самогонного аппарата. Снаружи висела табличка для туристов: «Вход закрыт, идут реставрационные работы». Они оба сели на пластиковые стулья.

— Так в чем, собственно, дело? — спросил мистер Мирр.

— Так. Ладно. Короче, две вещи. В общем, первое. Чего мы ждем? И второе. Со вторым сложнее. Ну, смотрите. У нас огнестрельное оружие. Так? У нас огневая мощь. А что у них? У них ебучие всякие мечи, и ножи, и молоты эти блядские, и каменные топоры впридачу. И, типа, монтировки. У нас, блядь, даже *управляемые* бомбы есть.

— …Которые использовать мы не станем, — напомнил мистер Мирр.

— Знаю. Вы это уже говорили. Я знаю, знаю. И без них справимся. Но все-таки. Послушайте, с тех самых пор, как я грохнул ту сучку в Лос-Анджелесе, я, как бы это выразиться…

Он запнулся, скорчил физиономию и, судя по

всему, продолжать ему не очень хотелось.

— Вас что-то начало беспокоить?

— Да. Самое подходящее слово. *Беспокоить*. Именно. Вроде как «Мы беспокоимся о ваших детях» на воротах колонии для трудновоспитуемых. Смешно. Именно.

— Так что же именно вас беспокоит?

— Ну, мы вступаем в драку, мы одерживаем победу.

— И это — причина для беспокойства? Лично я увидел бы в этом повод для радости и ликования.

— Есть одно но. Они так и так вымирают. Как перелетные голуби и тилацины. Ну и плевать на них. Кому какая разница? А так будет самая настоящая кровавая баня.

— Так? — кивнул мистер Мирр.

Он слушал, и слушал внимательно. Уже хорошо. Жирный молодой человек сказал:

— Послушайте, я не только от себя говорю. Я перекинулся парой слов с ребятами с «Радио модерн», и они тоже за то, чтобы решить дело миром; и ребята с биржи к тому склоняются, законы рыночной экономики все решат и без нашего вмешательства. Я здесь. Ну, вы понимаете. Представляю голос разума.

— Кто бы сомневался. К несчастью, есть кое-какая информация, которой вы не обладаете.

Улыбка у него была кривая и как-то неуловимо змеилась от шрама к шраму.

Молодой человек прищурился. И сказал:

— Мистер Мирр! А что такое у вас с губами?

Мирр вздохнул.

— По правде говоря, — сказал он, — давным-давно один чудак решил зашить мне рот. Много лет тому назад.

— Вау! — сказал жирный молодой человек. — Это что-то вроде омерты,[130] да?

— Да, вроде того. Вы хотите знать, чего мы все ждем? Почему мы не нанесли удар прошлой ночью?

Жирный молодой человек кивнул. Он обильно потел, но пот был холодный.

— Мы еще не нанесли удара потому, что я жду палку.

— Палку?

Кивок.

— Так, ладно, считайте, что заинтриговали. Что

---

[130] notes: 130

Омерта — корпоративный кодекс чести у итальянских мафиозных кланов. Предполагает крайне высокую степень ответственности рядовых членов за любые действии, которые могут нанести вред клану в целом.

за палка?

— Я могу вам сказать, — с серьезным видом произнес мистер Мирр. — Но в таком случае мне придется убить вас.

Он подмигнул, и повисшее было в комнате напряжение мигом рассеялось.

Жирный молодой человек начал смеяться, низким, захлебывающимся смехом, который рождался где-то в горле и в задней части носовой полости.

— О'кей, — сказал он. — *Хи-хи.* Ладно. *Хи.* Я понял. Планета Техникал сигнал приняла. Ясный и отчетливый. Данетнезнаю.

Мистер Мирр покачал головой. Он положил руку жирному молодому человеку на плечо.

— Послушайте, — сказал он. — Вы что, действительно хотите это знать?

— Ну конечно!

— Ладно, — сказал мистер Мирр. — Мы с вами друзья, почему бы и нет, в самом деле. Я намерен взять эту палку, и когда две армии сойдутся, бросить ее между ними. Когда я ее брошу, она превратится в копье. А когда копье опишет дугу над полем боя, я собираюсь прокричать во все горло: «Я посвящаю эту битву Одину!»

— Как?! — переспросил жирный молодой чело-

век. — Но почему?

— Власть, — ответил мистер Мирр и почесал подбородок. — И пища. Комбинация из этих двух сущностей. Видите ли, исход этой битвы не имеет ровным счетом никакого значения. Единственное, что имеет значение, — это хаос и кровопролитие.

— Что-то я не понимаю.

— Давайте я вам покажу. Все будет выглядеть примерно следующим образом, — сказал мистер Мирр. — Смотрите!

Он вынул из кармана плаща охотничий нож с деревянной рукоятью и одним неуловимым движением вонзил лезвие в мягкую плоть под подбородком жирного молодого человека, а потом со всей силы надавил, вгоняя сталь в мозг.

— Я посвящаю эту смерть Одину, — сказал он, когда нож вошел по самую рукоять.

На руку ему брызнула жидкость, которая кровью в полном смысле этого слова не была, а где-то в черепе у молодого человека раздался звук, похожий на звук короткого замыкания. В воздухе повис запах горелой проводки.

Тело жирного молодого человека спазматически дернулось и осело на пол. На лице у него застыло выражение разом удивленное и несчаст-

ное.

— Только гляньте! — всплеснул руками мистер Мирр, обращаясь к темному пустому коридору, выбитому в скале. — Такое впечатление, будто он узрел, как последовательность единиц и нулей сначала превратилась в стаю тропических птиц, а потом и вовсе улетела.

Коридор ничего ему на это не ответил.

Мистер Мирр взвалил тело на плечо так, словно оно вообще ничего не весило, открыл дверцу диорамы с пикси и сбросил труп за перегонный куб, накрыв его сверху своим длинным черным плащом. Вечером от него избавлюсь, подумал он и улыбнулся своей змеящейся между шрамов улыбкой: спрятать мертвое тело на поле боя будет несложно. Никто и не заметит. Никому до этого не будет дела.

Какое-то время в комнате царила тишина. А потом хрипловатый голос, который никак не принадлежал мистеру Мирру, откашлялся где-то во тьме и сказал:

— Славное начало.

Глава восемнадцатая

Они пытались удержать солдат на расстоянии, но те тоже начали стрелять и убили обоих. Так что про тюрьму в песне неправда, это все просто поэзия. Если бы в жизни всегда бывало так, как в песнях поется. Поэзия — это совсем не то, что люди называют правдой. В стихах для правды места не хватает.

Комментарий фолк-сингера к «Балладе о Сэме Бассе», опубликованный в «Сокровищнице американского фольклора» [131]

Ничего подобного в действительности не бывает. Если вам так удобнее, считайте все это обычной метафорой. В конце концов любая вера — метафора по определению: Бог есть мечта, надежда, женщина, юморист, город, дом со многими комнатами, кто-то, кто любит тебя — и

---

[131] notes: 131

Сэм Басс (1851–1878) — один из самых известных американских налетчиков, грабил поезда и банки. В июле 1878 года попал в засаду, устроенную агентами Пинкертона и техасскими рейнджерами в городе Раунд Рок, штат Техас, по наводке одного из членов банды. Басс был тяжело ранен в перестрелке и умер на следующий день.

даже, может статься, против всякой очевидности, некая небесная сущность, которой нечем больше заняться в этой жизни, кроме как надзирать за тем, чтобы ваша любимая футбольная команда, ваша армия, ваш бизнес, ваш брак процветали и преодолевали все и всяческие сложности на своем пути.

Вера есть отправная точка, на которой мы стоим и от которой отталкиваются наши взгляды и действия, наблюдательный пост, с которого мы оглядываем мир.

Так что ничего подобного в действительности не происходит. Подобных вещей попросту нет и не может быть. Здесь нет ни единого истинного — в буквальном смысле — слова. Однако то, что случилось дальше, случилось следующим образом.

У подножья Сторожевой горы все, и мужчины, и женщины, собрались под дождем у небольшого костра. Они стояли под деревьями, которые от дождя не защищали, — и спорили меж собой.

Госпожа Кали, блестя обсидианово-черной кожей и белыми острыми зубами, сказала:

— Час пришел.

Седоволосый Ананси в лимонно-желтых перчатках покачал головой:

— Мы можем подождать еще немного, — сказал он. — А пока *можем* ждать, мы *должны* ждать.

По толпе пронесся возмущенный ропот.

— Да нет же, послушайте! Он прав, — сказал старик с черными с проседью волосами. На плече у него уютно пристроилась небольшая кувалда. — Они заняли господствующую высоту. Погода нам не на руку. Начинать атаку прямо сейчас — просто безумие.

Нечто, немного похожее на волка и еще чуть более того — на человека, харкнуло и сплюнуло себе под ноги, в траву.

— А когда, по-твоему, нам следует на них напасть, а, *дедушка*? Подождать, пока небо расчистится, и мы будем у них как на ладони? Я за то, чтобы сняться с места. Я за то, чтобы начать прямо сейчас.

— Там тучи, между нами и ними, — сказал Истен,[132] венгр. У него были тонкие черные усики, широкополая и очень пыльная черная шляпа и улыбка человека, который зарабатывает себе на жизнь, продавая алюминиевый сайдинг,

---

[132] notes: 132

Истен — в широком смысле слова — бог вообще. В националистических венгерских реконструкциях образца XIX века — единый и верховный бог древних венгров. Впрочем, так же именуются и духи мертвых, и т. д.

кровельные листы и водосточные желоба лучшим гражданам города, но из города всякий раз уезжает на следующий день после того, как обналичит чек — вне зависимости от того, доведена ли работа до конца.

Мужчина в элегантном костюме, который до этого не произнес ни единого слова, выступил вперед, к костру, и изложил свою точку зрения коротко и ясно. Кругом кивали и выкрикивали одобрительные реплики.

Потом раздался голос трех женщин, которые все вместе составляли Морриган и стояли так тесно, что в сумерках и бликах от костра казались единым конгломератом покрытых татуировкой рук и ног и болтающихся тут и там вороньих крыльев. Морриган сказала:

— Какая разница, подходящее сейчас время для атаки или не слишком подходящее. Это — *время* для атаки. Они начали нас убивать. Лучше умереть всем вместе и в бою, как боги, чем поодиночке и в бегах, как крысы в запертом погребе.

Снова ропот, на сей раз общий и согласный. Она сказала то, что было на уме у всех. Час настал.

— Первая голова — моя, — сказал очень высокий китаец, с цепочкой из крохотных черепов на шее. И двинулся в гору неспешной уверенной

походкой, вскинув на плечо длинное древко с резным металлическим наконечником, похожим на лунный серп.

Даже Ничто не может длиться вечно.

Здесь, посреди Ничто, он был минут десять, а может быть — десять тысяч лет. Какая разница: время превратилось в некую отвлеченную идею, нужды в которой он больше не испытывал.

Он уже не мог вспомнить, как его зовут. Он чувствовал себя пустым и чистым, в этом месте, которое не было местом.

У него больше не было формы, а вот пустота и свобода — были.

Он сам был — ничто.

И вдруг посредине этого ничто раздался голос, и сказал:

— Хо хока, братец. Надо бы поговорить.

И что-то, что некогда было Тенью, откликнулось на этот голос:

— Виски Джек?

— Ага, — отозвался из темноты Виски Джек. — Тебя непросто, оказывается, найти, когда ты мертвый. Ни в одном из тех мест, куда ты должен был по идее отправиться, я тебя не нашел. Я все тут кругом обыскал, пока не додумался заглянуть сюда. Ты мне вот что скажи: ты племя свое в кон-

це концов отыскал или нет?

Тень вспомнил пару — мужчина и совсем еще молоденькая девочка танцуют в диско-клубе под вращающимся зеркальным шаром.

— С родословной своей я, кажется, разобрался. А вот племени — нет, не нашел.

— Извини, что побеспокоил.

— Оставь меня. Я получил то, чего хотел. Меня больше нет.

— Они тебя не оставят, — сказал Виски Джек. — Они собираются тебя оживить.

— Но меня больше нет, — сказал Тень. — Все прошло, все кончено.

— Не бывает такого, — сказал Виски Джек. — Никогда и ни при каких условиях. Давай-ка заглянем сейчас ко мне. Пива хочешь?

При этих словах ему показалось, что он и в самом деле *не прочь* был бы сейчас выпить пива.

— Давай.

— Мне тоже захвати. Там, за дверью, сумка-холодильник, — сказал Виски Джек и указал рукой, где именно. Они сидели у входа в его хижину.

Тень отворил дверь в хижину руками, которых у него еще секунду назад не было. За дверью стояла пластиковая коробка, набитая речным льдом, а во льду — дюжина банок «Будвайзера».

Он вынул пару банок, сел в дверном проеме, на порог, и стал смотреть в долину.

Они были на вершине холма, у водопада: река набухла от талой воды. Падала она со ступеньки на ступеньку, может быть, футов на семьдесят вниз, а может — и на все сто. Солнце посверкивало на обледеневших ветвях деревьев, которые стояли внизу, у озерца, под водопадом.

— Мы сейчас где? — спросил Тень.

— Где и были в прошлый раз, — ответил Виски Джек. — У меня дома. А ты собираешься держать мою банку, пока она совсем не согреется?

Тень встал и передал ему банку с пивом.

— Когда я в прошлый раз к тебе заглядывал, никакого водопада здесь не было, — сказал он.

Виски Джек ничего не ответил. Он щелкнул ключом банки и одним длинным глотком отпил сразу половину. А потом сказал:

— Помнишь моего племянника, Гарри Сойку, который поэт, который сменял свой «Бьюик» на твой «Виннебаго»? Помнишь?

— Конечно. Только я не знал, что он поэт.

Виски Джек задрал подбородок и принял горделивую позу.

— Лучший, твою мать, поэт во всей Америке! — сказал он.

Он допил остатки пива, рыгнул и сходил за следующей банкой, пока Тень откупоривал свою, а потом они сели вдвоем на край скалы, среди бледно-зеленых папоротников, под утренним солнышком, и стали смотреть на падающую воду и пить свое пиво. В тенистых местах на земле все еще лежал снег.

Земля была сырая и волглая.

— Гарри, он был диабетик, — продолжил Виски Джек. — Бывает. Слишком часто, правда, такое бывает. Вы приехали к нам в Америку, забрали наш сахарный тростник, нашу картошку и кукурузу, а теперь нам же продаете картофельные чипсы и попкорн с карамелью, а болеть от этого приходится нам. — Он отхлебнул еще пива и задумался. — Он даже пару премий выиграл за свои стихи. И были такие люди, в Миннесоте, которые хотели издать его стихи отдельной книжкой. Он как раз и поехал в Миннесоту на своей спортивной тачке, чтобы с ними это обсудить. Твою «Виннебаго» он успел уже поменять на желтую «Миата». Врачи говорят, скорее всего, он впал в кому прямо за рулем, съехал с трассы и врезался в один из этих ваших дорожных знаков. На то, чтобы вокруг себя оглядеться, вас не хватает, это вам лень, и вот вместо того чтобы читать по горам

и облакам, вы, ребята, понавтыкали всюду этих дорожных знаков. Вот так Гарри Сойка и ушел от нас навсегда, отправился жить к брату Волку. Вот я тебе и говорю, ничто меня там больше не держало. И я двинулся на север. Тут рыбалка хорошая.

— Мне жаль твоего племянника.

— Мне тоже. Теперь вот живу здесь, на севере. Подальше от всяческих болячек белого человека. И от дорог белого человека. От дорожных знаков белого человека. От желтых «Миат» белого человека. От попкорна с карамелью белого человека.

— А как насчет пива белого человека?

Виски Джек перевел взгляд на банку у себя в руке.

— Когда вам, ребята, окончательно все это надоест, и вы отсюда наконец свалите, «будвайзеровские» пивоварни можете оставить нам, — сказал он.

— Так все-таки где мы? — спросил Тень. — Я что, все еще на дереве? Я мертвый? Или я здесь, с тобой? Мне казалось, все уже кончилось. Что в действительности происходит?

— Да, — кивнул Виски Джек.

— Что — «да»? Что это за ответ такой — «да»?

— Хороший ответ. И главное, правдивый.

Тень спросил:

— А ты что, тоже бог?

Виски Джек покачал головой.

— Я культурный герой, — сказал он. — В общем-то, мы занимаемся той же самой херней, что и боги, только геморроя побольше, и никто нам за это не молится. Про нас вместо этого рассказывают истории, но только наравне с историями, в которых мы более или менее в шоколаде, рассказывают и такие, в которых мы просто в полном дерьме.

— Понятно, — сказал Тень. Он на самом деле понял, более или менее.

— Ты пойми, — сказал Виски Джек. — Эта страна для богов не слишком подходит. Мой народ давно уже это вычислил. Есть, конечно, всякие там духи-созидатели, которые эту землю нашли, или сделали, или, там, высрали, но ты вот что прикинь: ну кто станет молиться койоту? Который трахнул дикобразиху, и после этого иголок у него в залупе осталось торчать больше, чем в подушечке для булавок. Который берется спорить с камнями, и камни спор выигрывают. Так что мой народ, он и прикинул: оно, конечно, может быть, что за всем этим скрывается какой-нибудь там создатель или великий дух, и мы ему, конечно, говорим за это большое спасибо, просто потому,

что говорить спасибо полезно и приятно. Но никаких церквей мы никогда не строили. Они нам без надобности. Вся земля — наша церковь. Земля — наша вера. Земля, она мудрее и старше, чем люди, которые по ней ходят. Она дала нам лосося и кукурузу, бизонов и перелетных голубей. Дала дикий рис и окуня. Дала дыню, тыкву и индейку. И мы всегда были детьми этой земли, так же, как дикобраз, или скунс, или сойка.

Он допил следующую банку пива и показал рукой на реку, которая внизу брала начало от водопада.

— Если пойдешь по этой реке, выйдешь в озера, на которых растет дикий рис. В пору, когда он созревает, выезжаешь на каноэ вдвоем с другом и обсыпаешь рис прямо к себе в каноэ, а потом варишь его и складываешь про запас, и жить на этих запасах можно очень долго. Разные места дают нам разную еду. Если будешь долго-долго идти на юг, там будут апельсиновые деревья, и лимонные деревья, и еще эти мясистые зеленые друзья, которые похожи на груши…

— Авокадо.

— Авокадо, — согласно кивнул Виски Джек. — Они самые. А тут вот они не растут. Тут земля дикого риса. И лосиная земля. Я что хочу сказать:

вся Америка такая. Богам тут расти не на чем, почвы нет. Вот они и не укореняются. Вроде как авокадо, которые пытаются пустить корни в земле дикого риса.

— Может, они и плохо тут растут, — сказал Тень, вспомнив о главном событии последних дней, — но вот как раз сейчас у них намечается большая война.

И тут он в первый и единственный раз в своей жизни увидел, как смеется Виски Джек. Больше всего это было похоже на лай, и веселого в его смехе было мало.

— Ну, Тень, ты даешь! — сказал Виски Джек. — А если все твои приятели попрыгают вниз с обрыва, ты сиганешь за ними?

— Может, и сигану, — Тень чувствовал себя прекрасно. Вряд ли все дело было только в пиве. Он даже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя настолько живым и настолько цельным.

— Да не будет там никакой войны.

— А что тогда будет?

Виски Джек смял в кулаке пивную банку и давил до тех пор, пока она не стала совсем плоской.

— Смотри, — сказал он и показал на водопад.

Солнце успело взойти уже достаточно высоко: в воздухе полукругом повисла радуга. Тень подумал: это же самая красивая вещь, какую я видел в жизни. — Там будет кровавая бойня, — сухим ровным тоном сказал Виски Джек.

И тут Тень действительно увидел. Увидел все, до последней детали, отчетливо и ясно. Он покачал головой, а потом начал смеяться, потом еще поводил головой из стороны в сторону, и смех его перерос в полноценный, во всю глотку хохот.

— Ты не заболел?

— Да со мной все хорошо, — отозвался Тень. — Я просто увидел спрятанных индейцев. Только что. Не всех, конечно. Но я их увидел.

— Значит, это хо-чанк. Эти ребята никогда как следует маскироваться не умели. — Виски Джек взглянул на солнце. — Пора возвращаться, — сказал он и поднялся.

— Это же разводка на двоих, — сказал Тень. — Никакой войны ведь на самом деле-то и нет, правда?

Виски Джек потрепал Тень по плечу.

— Не такой уж ты и тупой, — сказал он.

Они пошли обратно к хижине Виски Джека. Тот отворил дверь. Тень замешкался.

— Мне бы хотелось остаться здесь, с тобой, —

сказал он. — Похоже, места здесь и вправду хорошие.

— Хороших мест много, — сказал Виски Джек, — в том-то все и дело. Понимаешь, боги умирают, если про них забыть. Люди тоже. А земля — она остается. И хорошие места, и плохие. Земля никуда не девается. И я — с ней вместе.

Тень закрыл дверь. Его куда-то тянуло. Он снова оказался один в полной тьме, но тьма становилась все светлее, пока не начала сиять как солнце.

И тут пришла боль.

Белая шла через луг, и там, где ступала ее нога, распускались весенние цветы.

Она прошла то место, где когда-то, давным-давно, стояла ферма. Даже и теперь кое-где видны были остатки стен: они торчали из луговой травы и густого бурьяна как гнилые зубы. Шел мелкий дождь. Тучи висели на небе, тяжелые и низкие, и было холодно.

Чуть дальше того места, где стояла ферма, было дерево, огромное серебристо-серое дерево, безлистое, пребывающее в зимней спячке, а перед деревом, на траве, лежали истлевшие обрывки обесцвеченной дождем и ветром ткани. Женщина остановилась над этими обрывками,

нагнулась и подняла с земли что-то буровато-белое: сильно изъеденный кусочек кости, который когда-то вполне мог быть фрагментом человеческого черепа. И — уронила обратно в траву.

Потом она перевела взгляд на висящего на дереве человека и криво усмехнулась.

— И совсем они не такие интересные, когда голые, — заметила она. — Половина удовольствия — пока снимаешь оболочку. Вроде как с подарками. Или с яйцами.

Мужчина с ястребиной головой, который шел рядом, опустил голову, посмотрел на свой пенис и, судя по всему, впервые обратил внимание на то, что на нем нет одежды. Он сказал:

— Зато я могу смотреть на солнце даже не моргая.

— Какой ты молодец, — одобрительно кивнула Белая. — А теперь давай-ка его оттуда снимем.

Мокрые веревки, которыми тело Тени было притянуто к дереву, давным-давно насквозь прогнили, и стоило за них потянуть, с легкостью расползлись. Тело, висевшее на дереве, осело и соскользнуло вниз, к древесным корням. Они подхватили его в падении, подняли и понесли, особо не напрягаясь, хотя человек был очень большой, а потом положили на жухлую бурую траву.

Лежавшее на земле тело было холодным, и дыхания слышно не было. На боку было пятно запекшейся крови, будто сюда его ударили копьем.

— И что теперь?

— А теперь, — сказала она, — нам нужно его согреть. Ты знаешь, что должен сделать.

— Знаю. Но не могу.

— Если не хочешь мне помогать, незачем было звать меня сюда.

Она протянула к Гору белую руку и дотронулась до волос у него на голове. Он сощурился, напряженно и отчаянно. А потом задрожал, будто в лихорадке.

Глаза, которые смотрели на нее, были глазами ястреба, и вот теперь в этих глазах зажглись оранжевые искры, словно пламя, давно дремавшее под слоем золы, вдруг вспыхнуло и рванулось вверх.

Ястреб подскочил в воздух, взмыл ввысь и пошел в небо по широкой плавной дуге, постепенно набирая высоту, очерчивая то место в низких серых облаках, где предположительно должно было быть солнце, и по мере того как он поднимался, превратился сначала в точку, потом в крохотное темное зернышко, а потом — для невооруженного глаза — и вовсе в пустое

место, во что-то, что можно было вызвать только силой воображения. Облака начали расходиться и рассеиваться, освобождая участок синего неба, посреди которого сияло солнце. Первый солнечный луч, пробившийся сквозь тучи и плеснувший на луг, был великолепен, но облака расходились все больше, и этот дивный образ исчез. Вскоре утреннее солнце залило светом луг не хуже, чем летом, в самой середине дня, выпаривая влагу от утреннего дождичка в блекло-серую дымку, а потом выжигая напрочь и дымку.

Золотое солнце омыло лежавшее на траве тело своим сиянием и теплом. На мертвую кожу легли мазки розового и тепло-коричневого цвета.

Женщина осторожно провела пальцами правой руки по груди мертвого человека. Ей показалось, что где-то глубоко она почувствовала легкую дрожь — не сердцебиение, конечно, но все-таки… Руку она оставила лежать там же, на груди, прямо на сердце.

Она наклонилась к губам Тени и дохнула ему в легкие, тихо-тихо, выдох и вдох, а потом ее дыхание переросло в поцелуй. Поцелуй был ненавязчив и пах весенним дождем и луговыми цветами.

Рана на боку мертвого снова начала сочиться

кровью — алой живой кровью, которая посверкивала на утреннем солнце, как россыпь рубинов, а потом кровь остановилась.

Она поцеловала его в щеку, а после в лоб.

— Ну давай, — сказала она. — Пора вставать. А то все уже началось. Ты же не хочешь пропустить самое интересное.

Веки его дрогнули, и открылись глаза, серые, как вечерние сумерки, и посмотрели на нее.

Она улыбнулась и убрала руку с его груди.

Он сказал:

— Ты призвала меня обратно, — сказал медленно, будто забыл, как это, говорить. В его голосе явственно слышались недоумение и обида.

— Да.

— Я ушел. Меня судили. Все было кончено. Ты призвала меня обратно. Как ты посмела.

— Прости меня.

— Ладно.

Он сел, очень медленно. Потом сморщился и приложил руку к боку. И снова вид у него сделался недоуменный: там были потеки свежей крови, но раны под ними не было.

Он протянул руку; она обняла его и помогла подняться на ноги. Он оглядел луг, так, словно пытался вспомнить имена вещей, на которые

сейчас смотрел: на цветы в высокой траве, на развалины дома, на дымку светло-зеленых почек, которой подернулись ветви огромного дерева.

— Ты все помнишь? — спросила она. — Помнишь то, что узнал за это время?

— Я потерял имя и сердце. А ты вернула меня назад.

— Ну прости меня, — сказала она. — Скоро начнется сражение. Между старыми и новыми богами.

— Ты хочешь, чтобы я сражался на твоей стороне? Тогда ты зря потратила время.

— Я вернула тебя, потому что должна была это сделать, — сказала она. — А ты теперь будешь делать то, что должен делать ты. Сам выбирай. Я свое дело сделала.

Внезапно она обратила внимание на то, что он совсем голый, и тогда она вспыхнула горячим алым румянцем и отвела глаза — вниз и в сторону.

Сквозь туман и дождь вверх по склону горы, по проходам между камнями двигались тени.

Белые лисы трусили бок о бок с рыжеволосыми людьми в зеленых куртках. Рядом с быкоголовым

минотавром шел дактиль[133] с железными пальцами. Свинья, обезьяна и острозубый гуль[134] карабкались по камням вместе с человеком, кожа у которого была голубая, а в руках он держал огненный лук, с медведем, у которого в мех были вплетены цветы, и еще с одним человеком, одетым в золотую кольчугу, в руках у которого был меч, сплошь состоявший из глаз.

Прекрасный Антиной, бывший любовник Адриана, шел по склону горы во главе целого отряда одетых в кожу амазонок со скульптурными, откровенно стероидного происхождения торсами.

Серокожий человек, во лбу которого, на циклопий манер, сиял вместо глаза огромный необработанный изумруд, шел вверх, неловко переставляя ноги, а вслед за ним карабкались несколько смуглых приземистых человечков с бесстрастными и точеными — как на ацтекских барельефах — лицами: им были ведомы тайны, которые джунгли давно успели поглотить и о которых успели забыть.

---

[133] notes: 133

Дактили — мифологические существа, которые жили на горе Ида, где охраняли младенца Зевса, воспитанного нимфой Идой. По другой версии, дактили были детьми Иды, рожденными от Зевса.

[134] notes: 134

Гуль — существо из арабских мифов, оборотень, обитающий в пустыне и питающийся свежей мертвечиной.

Лежавший на вершине горы снайпер неторопливо прицелился в белую лису и нажал на спуск. Раздался выстрел, в воздухе запахло бездымным порохом. Оставшийся лежать на склоне труп был трупом молодой японки с развороченным животом и лицом, залитым кровью. А потом и этот труп начал медленно растворяться в воздухе.

А народ все шел и шел вверх, кто на двух ногах, кто на четырех, а кто и вовсе безо всяких ног.

Поездка по гористой части Теннесси была завораживающе красива, едва на небе в тучах возникал хоть какой-то просвет, и действовала на нервы, когда дождь вновь опускался на землю непроницаемой для глаз пеленой. Градд и Лора все говорили, говорили, говорили, и никак не могли наговориться. Он был положительно счастлив, что встретил ее. Как будто встретил старого друга, доброго старого друга, с которым давно уже никак не получалось встретиться. Они говорили об истории, о фильмах и о музыке, и она оказалась единственным — *единственным* за всю его жизнь человеком, который видел этот старый, шестидесятых еще годов заграничный фильм (мистер Градд был уверен, что фильм был испанский, а Лора так же уверенно утверждала, что он польский) под названием «Рукопись, най-

денная в Сарагосе»: а то ему уже всерьез начинало казаться, что этого фильма он в действительности не видел, а просто придумал, и все.

Когда Лора указала ему на первый амбар с надписью ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ, он рассмеялся и сказал, что именно туда и направляется. Она сказала, что это круто. Она всегда мечтала помотаться по такого рода местам, но только никак не могла выбрать для этого времени, а потом жалела. Потому-то и отправилась сейчас в дорогу. Устроила себе приключение.

А работает она в агентстве путешествий, объяснила Лора. С мужем развелась. И вряд ли когда-нибудь они с ним снова смогут быть вместе, призналась она, а потом добавила, что это, конечно, она во всем виновата.

— Да бросьте вы. Ни за что не поверю.

Она вздохнула:

— Но это правда, Мак. Просто я уже совсем не та женщина, на которой он когда-то женился.

Ну, сказал он, людям свойственно меняться, — и прежде чем он успел сообразить, что и зачем делает, он уже начал рассказывать ей все, что только *мог* рассказать о собственной жизни, он рассказал ей даже про Лесса и Камена, как все втроем они были — как три мушкетера, а теперь

двоих из них убили, и если тебе иногда начинает казаться, что, работая на государство, ты должен начать привыкать к такого рода вещам, так это тебе только кажется.

И тогда она протянула руку — в машине было довольно зябко, и он включил обогрев — и крепко сжала его ладонь.

Когда подоспело время обедать, они поели какой-то японской дряни в придорожном ресторанчике, пока гроза полоскала город под названием Ноксвилл, и Градду было плевать, что заказ подали поздно, что суп мисо был совсем холодный, а суши — наоборот, теплые.

Он просто балдел от того, что она решила отправиться в это свое приключение именно сейчас и попалась на дороге — ему.

— Ну, в общем, — открыла ему душу Лора, — от одной только мысли, что я навсегда останусь в этой могиле, меня просто наизнанку выворачивало. Я бы там сгнила на фиг. Вот я и отправилась в дорогу — без машины, без кредитных карточек. В расчете, что всегда найдется добрый странник, который протянет мне руку помощи.

— А тебе не было страшно? — спросил он. — Ну, в смысле, ты могла остаться одна на дороге, тебя могли обидеть, а могла и просто с голоду

помереть.

Она покачала головой. А потом сказала с неуверенной улыбкой:

— Но я же встретила тебя, разве не так? — и на это он не нашелся, что ответить.

Доев обед, они побежали сквозь гром и ливень к машине, прикрыв головы японскими газетами, и на ходу смеялись, радостно и беззаботно, как дети, попавшие под дождик.

— Так куда тебя все-таки отвезти? — спросил он, когда они наконец уселись в машину.

— Туда же, куда едешь ты, Мак, — тихо сказала она.

Он был рад сверх всякой меры и даже не заикнулся про «Биг Мак» и так далее. Эта женщина — не из тех, кого снимают в баре на одну-единственную ночь, теперь мистер Градд знал это уже наверняка. Может быть, у него и ушло пятьдесят лет на то, чтобы отыскать ее, но ведь в конечном-то счете он ее нашел, ее самую, эту странную, волшебную женщину с длинными темными волосами.

Это была любовь.

— Послушай, — сказал он, когда они подъехали к Чаттануге. Дворники отчаянно размазывали дождевую воду по лобовому стеклу, размывая

город в сплошное серое пятно. — Останешься со мной сегодня в мотеле? За номер я заплачу. И как только я доставлю свою посылку по адресу, мы с тобой можем… Ну, можем забраться для начала вдвоем в горячую ванну. И я смогу согреть тебя наконец.

— Звучит заманчиво, — сказала Лора. — А что ты должен доставить?

— Да палку эту, — он ткнул пальцем через плечо и усмехнулся, — которая на заднем сиденье.

— О'кей, — сказала она, передразнив его интонацию. — Не хочешь ничего говорить, Мистер Сплошная Загадка, не говори.

Он сказал, что пока будет ходить по этим своим делам, ей лучше подождать его в машине, на автостоянке возле Рок-сити. Когда он поднимался вверх по склону Сторожевой горы, ливень хлестал им в лобовое стекло, а он ни разу не превысил скорости в тридцать миль в час и ехал с зажженными фарами.

Они остановились на самом краю парковочной площадки. Он выключил мотор.

— Эй, Мак! А я не заслужила прощального объятия, прежде чем ты выберешься из машины? — с улыбкой спросила Лора.

— Конечно, заслужила, — сказал мистер Градд

и обхватил ее руками, а она прижалась к нему всем телом, покуда ливень выбивал по крыше «Форда-Эксплорера» барабанную дробь. Он почувствовал запах ее волос. Сквозь запах духов в нем пробивалась какая-то неприятная отдушка. В дороге всегда так, никуда не денешься. Горячая ванна, подумал он, вот что им обоим никак не помешает. Интересно, можно отыскать в Чаттануге место, где продают лавандовые шарики для ванн, по которым когда-то сходила с ума его первая жена? Лора подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза, а рукой как бы между делом тихонько провела ему по горлу.

— Мак… я вот все думаю. Ты ведь, должно быть, многое отдал бы за то, чтобы узнать, что на самом деле случилось с твоими друзьями? — спросила она. — С Лессом и Каменом. Ведь правда?

— Ну да, — сказал он, пытаясь нащупать губами ее губы для самого первого поцелуя. — Конечно бы отдал.

И она ему показала.

Тень бродил по лугу, описывая свои собственные медленные круги вокруг ствола дерева, постепенно уходя все дальше и дальше. Иногда он останавливался и что-то подбирал с земли: цветок, лист, камушек, веточку, травинку. И

принимался внимательно разглядывать, так, словно с головой уходил в *веточность* ветки или в *лиственность* листа.

Белая поймала себя на том, что думает про взгляд младенца, когда тот учится собирать глаза в фокус.

Заговорить с ним она не осмеливалась. Сейчас это было бы — самое настоящее святотатство. Она смотрела на него и удивлялась, и забывала про собственную усталость.

Футах в двадцати от основания дерева, в самой гуще бурьяна и засохших побегов лугового вьюнка он отыскал холщовый мешок. Тень поднял мешок с земли, развязал затянутую на узел горловину и ослабил петлю.

Вещи, которые вывалились из мешка, были — его собственные вещи. Старые, но вполне пригодные для того, чтобы их на себя надеть. Он повертел в руках туфли. Погладил ткань рубашки, шерсть свитера, поглядел на них внимательно и отстраненно, словно с расстояния в миллионы лет.

Потом, одну за другой, надел на себя.

Сунул руки в карманы и с озадаченным видом вытащил из одного из них какой-то предмет, который издали показался Белой серо-белым

мраморным шариком.

Он сказал:

— Нет монет.

И это были первые слова, которые он произнес за несколько часов.

— Нет монет? — эхом откликнулась Белая.

Он покачал головой.

— Всегда было чем руки занять, — и нагнулся, чтобы завязать шнурки.

Одевшись, выглядеть он стал несколько более вменяемым. Хотя серьезности не убавилось. Интересно, подумала она, как далеко он успел уйти и чего ему это стоило — вернуться назад. Он был не первым человеком, которого она возвращала к жизни, и она отдавала себе отчет в том, что через какое-то время, и довольно скоро, этот взгляд глубиной в миллионы лет сойдет на нет, а воспоминания и грезы, что он принес с собой с дерева, будут вытеснены вещами, которые можно потрогать. Иначе и не бывает.

Она отвела его на край луга. Существо, на котором она сюда прилетела, дожидалось ее в ближней роще.

— Обоих нас он унести не сможет, — сказала она. — Я сама доберусь до дома.

Тень кивнул. Казалось, он силится что-то вспом-

нить. А потом вдруг открыл рот, и окрестности огласились его радостным воплем: узнал.

Гром-птица открыла огромный острый клюв и тоже закричала в ответ.

На первый взгляд она была похожа на кондора. Черные перья с пурпурным отливом, на шее — белое кольцо. Клюв у нее был черный и крайне неприятный: клюв могучей хищной птицы, созданный для того, чтобы рвать живое мясо. На земле, со сложенными крыльями, она была размером с черного медведя, а голова была точь-в-точь на уровне головы Тени.

Гор гордо сказал:

— Это я его привел. Они живут в горах.

Тень кивнул:

— Мне однажды снились гром-птицы, — сказал он. — Самый невероятный сон, какой я видел за всю свою жизнь.

Гром-птица открыла клюв и проворковала, удивительно тихо и нежно: *кроуруу*?

— Ты тоже знаешь про этот мой сон? — спросил Тень.

Он протянул руку и осторожно погладил птицу по голове. Гром-птица толкнула его руку головой, как пони: гладь еще. Тень почесал ей шею, а потом все выше и выше, до самой макушки. Потом

повернулся к Белой:

— Ты на нем прилетела?

— Да, — ответила она. — Обратно на нем можешь лететь ты, если он позволит.

— А как?

— Легко, — сказала она. — Если, конечно, не свалишься. Это вроде как верхом на молнии.

— А ты тоже там будешь?

Она покачала головой.

— Я свое дело сделала, милый, — проговорила она. — Теперь твоя очередь. Делай то, что считаешь нужным. А я устала. Удачи тебе.

Тень кивнул.

— Виски Джек. Я его видел. После того как умер. Он пришел туда за мной и отыскал меня. Мы с ним сидели и пили пиво.

— Ну да, — сказала она. — Наверняка так оно и было.

— Мы с тобой еще когда-нибудь увидимся? — спросил Тень.

Она посмотрела на него глазами — зелеными, как молодая спеющая кукуруза. И ничего не сказала. А потом вдруг резко мотнула головой:

— Вряд ли.

Тень неловко взобрался на спину гром-птицы. Он чувствовал себя мышью, оседлавшей ястреба.

Во рту у него появился озоновый привкус, металлический и будоражащий. Раздался тихий сухой треск. Гром-птица раскинула крылья в стороны и начала мощно бить ими о землю.

И тут земля провалилась куда-то вниз. Тень изо всех сил вцепился в перья на загривке, а сердце стучало у него в груди как бешеное.

Это и в самом деле было очень похоже на езду верхом на молнии. Очень.

Лора взяла палку с заднего сиденья машины. Она оставила мистера Градда сидеть на переднем сиденье «Форда-Эксплорера», выбралась из автомобиля и пошла сквозь дождь по направлению к Рок-сити. Билетная касса была закрыта. Но на двери магазина сувениров замка не было, и она прошла мимо стендов с фирменными сладостями, мимо скворечников с надписью «ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ», туда, где начиналось Восьмое Чудо Света.

Никто ее не остановил, хотя, выйдя снова на улицу, под дождь, она встретила по дороге нескольких мужчин и женщин. Некоторые казались несколько искусственными; попадались и откровенно полупрозрачные экземпляры. Лора прошла по зыбкому канатному мостику, проследовала мимо загонов с белыми оленями

и протиснулась в «Шкуродер для толстых», где тропинка бежала по узкому проходу меж двух каменных стен.

В конце концов она перешагнула через цепочку, на которой висела табличка с извещением о том, что данная часть аттракциона временно закрыта для посетителей, вошла в пещеру и увидела человека, сидящего на пластиковом стуле перед диорамой с какими-то пьяными гномами. Он читал «Вашингтон пост» при свете маленького электрического фонарика. Увидев ее, он сложил газету и бросил под стул. Потом он встал — высокий мужчина с ярко-рыжей щетиной на черепе, в дорогом стильном плаще — и отвесил ей короткий поклон.

— Я так полагаю, что мистер Градд уже мертв, — сказал он. — Добро пожаловать, копьеносица.

— Спасибо. За Мака — извините, мне очень жаль, — сказала она. — Вы с ним были друзьями?

— Да что вы, нет, конечно! Ему следовало по крайней мере остаться в живых, если он хотел сохранить за собой свою работу. Но я вижу, палку вы все-таки принесли. — Он оглядел ее с ног до головы глазами, которые горели, как два оранжевых уголька в затухающем костре. — Боюсь,

на данный момент преимущество на вашей стороне. Кстати, здесь, на вершине этого холма, все называют меня мистер Мирр.

— А я жена Тени.

— Ну да, конечно. Прекрасная Лаура, — сказал он. — Мне сразу следовало вас узнать. У него над койкой висело несколько ваших фотографий — в той камере, где мы с ним вместе сидели. И позвольте вам заметить, выглядите вы гораздо симпатичнее, чем подобает в вашем нынешнем положении. Разве вам не следовало бы сейчас тихо и спокойно идти себе по немного скользкой дорожке полного и безвозвратного разложения? Во всех смыслах этого слова.

— Следовало бы, конечно, — без затей ответила она. — Но те женщины, на ферме, дали мне воды из своего колодца.

Он вздернул бровь.

— Из колодца Урд? Не может такого быть.

Она развела руками и указала на себя. Кожа бледная, темные запавшие глазницы, но никакого разложения нет и в помине: она и впрямь была — ходячий труп, но только свежий, труп только что умершего человека.

— Это ненадолго, — сказал мистер Мирр. — Норны угостили вас малой толикой прошлого.

Оно довольно быстро растворится в настоящем, и тогда эти милые голубые глаза выкатятся из глазниц, и — потекут, потекут по хорошеньким щечкам. Которые, правда, к тому времени уже не будут такими хорошенькими. Да, кстати, у вас моя палка. Если не сложно, отдайте ее мне, пожалуйста.

Он вынул пачку «Лаки страйк», достал из нее сигарету и прикурил от черной «биковской» зажигалки.

Она спросила:

— А меня не угостите?

— Ну конечно. Я вам — сигарету, вы мне — палку.

— Если она вам так необходима, значит, стоит много больше одной сигареты.

Он ничего на это не сказал.

Тогда сказала она:

— Ответьте мне на несколько вопросов. Я хочу кое-что выяснить.

Он прикурил еще одну сигарету и передал ей. Она взяла и затянулась. Потом прищурилась:

— Ну вот, теперь даже почти вкус почувствовала, — сказала она. — Может, еще и получится почувствовать его по-настоящему.

Она улыбнулась:

— Ммм. Никотин.

— Он самый, — сказал он. — А с чего это вас вдруг понесло к тем женщинам в доме?

— Тень меня к ним отправил, — сказала она. — Сказал, чтобы я попросила у них воды.

— Интересно, знал ли он о том эффекте, который это на вас окажет. Вероятнее всего, не знал. Все-таки здорово, что он умер там, на дереве. Теперь я точно знаю, где он находится. Можно списать его со счетов.

— Вы подставили моего мужа, — сказала она. — Вся ваша шайка. И делали это сознательно, с самого начала всей этой истории. А у него, между прочим, сердце просто золотое, знаете вы об этом?

— Ну конечно, — сказал мистер Мирр. — Конечно же, я об этом догадывался. Когда со всем этим будет покончено, знаете что я сделаю? Наточу веточку омелы, отправлюсь к этому дереву и проткну ему веточкой глаз. А теперь — будьте добры, мою палку.

— Зачем она вам нужна?

— Так, сувенир. На память обо всей этой жалкой кутерьме, — сказал мистер Мирр. — Не беспокойтесь, это не омела. — Он сверкнул улыбкой. — Она символизирует собой копье, а в этом убогом мире

символ и *есть* — настоящая вещь.

Шум, уже некоторое время доносившийся снаружи, стал громче.

— А вы-то, собственно, на чьей стороне? — спросила она.

— Дались вам эти стороны! — Он пожал плечами. — Но раз уж вы спросили — я на той, которая одержит победу. Всегда.

Она кивнула, но палки из рук не выпустила.

Лора повернулась к нему спиной и стала смотреть в дверной проем. Внизу, среди камней, ползла какая-то перемигивающаяся и пульсирующая масса. Она обвилась вокруг худого, розоволикого бородача, а тот отмахивался от нее короткой пластиковой шваберкой, которой он и ему подобные проходятся по стеклам машин, остановившихся у светофора, выклянчивая деньги. Раздался крик, и оба скрылись из виду.

— Ладно. Отдам я вам вашу палку, — сказала она.

Голос мистера Мирра раздался прямо у нее за спиной.

— Славная девочка, — сказал он бодрым тоном, который резанул ее слух, потому что был, с одной стороны, слишком покровительственным, а с другой — очень мужским. Прямо-таки до мурашек.

Она стояла и ждала в дверном проеме, пока не услышала его дыхание у самого уха. Нужно было подождать, пока он подойдет поближе. Совсем близко. Уж такие-то вещи она была способна просчитать.

…Полет не просто захватывал дух: он был — как удар током.

Сквозь грозу они неслись как молния, зигзагом, перескакивая от облака к облаку; они мчались как рык грома, как сокрушительный натиск урагана. Это был невероятный, искрометный полет. Страха не было: только мощь бури, неостановимая и всепоглощающая, и — радость.

Тень поглубже зарыл пальцы в перья гром-птицы, чувствуя покалывание пробегавших по коже разрядов статического электричества. Голубые искры пламени вились вокруг его рук как маленькие змеи. В лицо хлестал дождь.

— Вот это да! — заорал он, перекрывая рев бури.

И гром-птица, словно поняв его слова, начал подниматься еще выше, и каждый взмах крыльев был — удар грома, а потом он развернулся и нырнул, камнем упал вниз, сквозь темные тучи.

— Во сне я видел, как охочусь на тебя! — крикнул Тень, и слова его тут же унесло ветром. — Во

сне я должен был достать и принести назад твое перо.

Да. Это слово электрическим разрядом хрустнуло на какой-то внутренней радиоволне. *Они охотились на нас из-за наших перьев, чтобы доказать, что они мужчины; и еще они охотились на нас, чтобы из наших голов выламывать камни, чтобы принести наши жизни в подарок своим мертвым.*

И перед внутренним взором Тени открылась картина: гром-птица — наверное, самка, подумал Тень, потому что перья у нее были коричневые, а не черные, — лежит на склоне горы, ее убили буквально только что. Рядом с ней женщина. И эта женщина большим куском кремня разбивает птице голову. Потом начинает рыться в кровавом месиве из мозга и осколков кости, пока не находит камушек, прозрачный и гладкий, похожий на гранат, но только рыжевато-коричневый, со сверкающими в глубине переливчатыми огоньками. *Орлиный камень*, думает про себя Тень. Женщина собирается отнести камень своему маленькому сыну, который умер три ночи тому назад, и положить этот камень ему на холодную грудь. К следующему восходу солнца мальчик будет снова жив и будет смеяться, а камень станет

серым и тусклым. Мертвым — как эта птица, у которой она его украла.

— Я понял! — крикнул он птице.

Гром-птица запрокинула голову назад и закричал, и этот крик был — гром.

Мир под ними скользнул и унесся прочь, как странный сон.

Лора покрепче перехватила палку и стала ждать, чтобы человек, который представился ей как мистер Мирр, подошел еще ближе. Она стояла к нему спиной и смотрела на грозу, на темно-зеленые холмы внизу, в долине.

В этом убогом мире, пронеслось у нее в голове, *символ и есть настоящая вещь. Да будет так.*

Она почувствовала, как его ладонь мягко легла ей на правое плечо.

Вот и славно, подумала она. *Он не хочет меня пугать. Он боится, что если я зашвырну палку, она скатится вниз по склону горы, и он уже никогда ее не найдет.*

Она подалась назад, совсем чуть-чуть, так, чтобы спина ее коснулась его груди. Его левая рука скользнула ей под локоть. Жест был мягкий, почти интимный. Ладонь была раскрыта, и теперь эта ладонь оказалась у нее прямо перед глазами. Она стиснула обеими руками палку, выдохнула и

сконцентрировалась.

— Пожалуйста. Отдай мою палку, — шепнул он ей на ухо.

— Да, конечно, — ответила Лора. — Она твоя, — и, не имея ни малейшего представления, значат хоть что-нибудь ее слова или нет, добавила: — Я посвящаю эту смерть Тени, — и ударила комлем палки себе в грудь, прямо под самую грудину, и почувствовала, как палка извивается у нее в руках, превращаясь в копье.

Граница между обычной кожной чувствительностью и болью стерлась с той поры, как она умерла. Она почувствовала, как наконечник копья пробил ей грудь, почувствовала, как он прошел сквозь спину. Потом какое-то препятствие, на долю секунды, — она надавила еще — и копье вонзилось в мистера Мирра. Она почувствовала холодной кожей шеи его резкий выдох, а потом раздался крик, крик удивления и боли, крик человека, насаженного на копье.

Слов, которые он говорил, она не поняла, потому что не знала языка, на котором они были сказаны. Она снова налегла обеими руками на древко копья, стараясь как можно глубже погрузить его — сквозь собственное тело — в его тело.

Его горячая кровь обдала ей спину, и это она

тоже почувствовала.

— Сука! — выкрикнул он, уже по-английски. — Сука ебаная!

В голосе у него звучала влажная, хлюпающая нота. Должно быть, наконечник разрезал ему легкое, подумала она. Мистер Мирр начал двигаться, вернее — пытался двигаться, и каждое его движение заставляло двигаться и ее: они были соединены общей осью, насажены на нее, как две рыбы на один гарпун. В руке у него откуда ни возьмись появился нож, и он время от времени ударял ее этим ножом, отчаянно и сильно, попадая то в бок, то в груди, не видя, куда именно приходятся его удары.

Ей было наплевать. Что трупу пара ножевых ранений?

Она со всей силы навесила ему по запястью кулаком, и нож отлетел и звякнул о пол пещеры. И она оттолкнула его в сторону, ногой.

Тогда он начал плакать и выть. Она чувствовала, как он шарит у нее по спине, пытаясь найти точку опоры, как катятся по ее шее его горячие слезы. Его кровь давно уже пропитала ее одежду на спине и потоками стекала вниз.

— Ужасно неприличное, должно быть, зрелище, — сказала она тусклым, мертвым шепотом,

не без толики черного юмора.

Потом она почувствовала, как его повело в сторону, и ее тоже повело в сторону, вслед за ним, а затем она поскользнулась в крови — там была только его кровь, — которой на полу пещеры натекла уже целая лужа, и оба упали.

Гром-птица приземлилась на парковочной площадке Рок-сити. Ливень стоял стеной. Поле обзора у Тени сократилось буквально до дюжины футов. Он выпустил из рук перья гром-птицы и наполовину сполз, наполовину соскользнул на мокрый асфальт.

Сверкнула молния, и птицы рядом не стало.

Тень поднялся на ноги.

Парковка была заполнена всего на четверть. Он пошел к выходу. По дороге ему попался коричневый «Форд-Эксплорер», притулившийся к каменной стене. В самой машине было что-то до боли знакомое, он с любопытством ее оглядел и заметил на переднем сиденье человека, который, похоже, спал, упав грудью на руль.

Тень открыл водительскую дверцу.

В последний раз он видел мистера Градда возле мотеля, в самом центре Америки. Выражение лица у него было удивленное. И шею ему сломали мастерски. Тень дотронулся до лица. Еще

теплый.

В салоне машины стоял едва уловимый запах: на грани неразличимого, будто человек, от которого так пахло, уехал несколько лет тому назад, а комнату с тех пор не проветривали. Но Тень этот запах узнал. Он захлопнул дверцу «Форда» и пошел через парковку.

На ходу он почувствовал в боку боль, резкий, острый приступ боли, который длился секунду, не более, а потом прошел.

Билетов никто ему продавать не хотел. Он прошел сквозь здание магазина и углубился в парк Рок-сити.

Гремел гром, сотрясая ветви деревьев и гулко отдаваясь в скалах, и ливень лил с отчаянной холодной свирепостью. День едва начал клониться к вечеру, но было темно как ночью.

От тучи к туче змеей пробежала молния, и Тень подумал: интересно, это гром-птица возвращается на свои поднебесные утесы, или это разряд атмосферного электричества. А может быть, в каком-то смысле, на каком-то уровне два эти представления вовсе не противоречат друг другу.

Ну, конечно же, они и есть — одно и то же. В этом-то, собственно, все дело.

Неподалеку раздался крик: мужской голос. Знакомый. Единственное слово, которое удалось разобрать — или ему только показалось, что он сумел разобрать именно это слово — было: «*…Одину!*»

Тень бегом пробежал через Двор Знамен Семи Штатов, где пол был выложен цветными камнями с изображениями флагов, по которым теперь ручьем текла вода, и на одном из которых Тень поскользнулся. Гора была сплошь окутана густой пеленой облаков, и сквозь полную тьму и бушующую над двором бурю Тень при всем желании не смог бы разглядеть ни единого из семи.

А внутри было тихо. Такое впечатление, что там вообще не осталось ни единой живой души.

Он подал голос, и ему показалось, что кто-то откликнулся. И он пошел в ту сторону, откуда до него как будто донесся отклик.

Никого. И ничего. Одна только цепочка с табличкой, а на табличке надпись о том, что часть экспозиции для посетителей закрыта.

Тень перешагнул через цепочку.

Огляделся, пристально всматриваясь в темноту.

По коже у него пробежали мурашки.

Голос у него за спиной, из самой тьмы, сказал

отчетливо и тихо:

— Ты еще ни разу меня не разочаровал.

Тень не стал оборачиваться.

— Бред, — сказал он. — Зато я только и делал, что разочаровывал сам себя. Каждый раз.

— Ничего подобного, — сказал голос. — Ты сделал все, для чего был предназначен, и даже более того. Ты привлек к себе всеобщее внимание, и никто даже и не думал смотреть на ту руку, в которой в действительности была монета. Это как раз и называется — отвлекать внимание. И еще, когда приносишь в жертву собственного сына, высвобождается такая мощь — ее вполне достаточно, и даже более чем достаточно, для того, чтобы наше шоу не сошло со сцены. Честно говоря, я горжусь тобой.

— Нечестная была игра, — сказал Тень. — С самого начала. Ничего взаправдашнего. Только-то и нужно было, что придумать подходящее обоснование для массового убийства.

— Золотые слова, — сказал из темноты голос Среды. — Именно что нечестная. Но другой игры в этом городе не было.

— Мне нужна Лора, — сказал Тень. — И мне нужен Локи. Где они?

Повисло молчание. На него пахнуло порывом

ветра пополам с водяной пылью. Где-то рядом прогремел гром.

Он пошел дальше.

Локи Кознодей сидел на полу, прислонясь спиной к металлической решетке. За решеткой пьяненькие пикси возились со своим самогонным аппаратом. Он был весь укрыт одеялом, снаружи остались только лицо и руки, длинные и белые. Рядом на стуле лежал электрический фонарик. Батарейка у фонарика, похоже, была на последнем издыхании, и свет шел тусклый и желтый.

Локи был бледен, и вообще вид у него был не слишком здоровый.

Вот только глаза. В глазах по-прежнему горело пламя, и эти глаза следили за Тенью, пока тот шел через пещеру.

Не доходя до Локи нескольких шагов, Тень остановился.

— Ты опоздал, — сказал ему Локи. Голос был клокочущий и хриплый. — Я уже бросил копье. Я посвятил эту битву. И она уже началась.

— Да иди ты, — сказал Тень.

— Вот тебе и иди ты, — ответил Локи. — И что ты теперь ни делай, все без разницы.

Тень остановился и задумался. А потом сказал:

— Копье бросают, чтобы положить начало битве. Вроде как там, в Упсале. И с этой битвы, собственно, ты и кормишься. Правильно я понимаю?

Молчание. Он слышал, как дышит Локи, хрипя и захлебываясь при каждом вдохе.

— В общем, я все просчитал, — сказал Тень. — Ну или почти все. Не вполне уверен, когда именно. Может быть, пока висел на дереве. А может, раньше. А началось все с той подсказки, которую Среда дал мне на Рождество.

Локи просто лежал и смотрел на него, не говоря ни слова.

— Это же просто разводка на двоих, — сказал Тень. — Вроде как в той истории про епископа с бриллиантовым колье и полицейского, который приходит, чтобы его арестовать. Или про того парня со скрипкой и другого, что хочет эту скрипку купить. Два человека, и всем вокруг кажется, что они противники, а на самом деле они разыгрывают одну и ту же партию.

Локи прошептал:

— Ты не просчитал. Ты просчитался.

— Да брось ты! Мне, кстати, понравился номер, который ты разыграл в мотеле. Неплохо придумано. Тебе же нужно было при всем присутствовать,

чтобы убедиться, что все идет по плану. Я видел тебя. И даже понял, кто ты такой. Но только мне и в голову не могло прийти, что ты и есть этот их всемогущий мистер Мирр.

Тень повысил голос:

— Эй, ты там, выходи! — сказал он, обращаясь к темноте. — Где бы ты ни был. Покажись!

В проем залетел очередной порыв ветра, обдав их водяной взвесью. Тень передернуло дрожью.

— Мне надоело, что меня в этой компании продолжают держать за пацана сопливого, — сказал Тень. — Просто покажись, и все дела. Дай хоть взглянуть на тебя.

Темнота в дальнем конце пещеры видоизменилась. Где-то она просто шевельнулась, где-то сгустилась и обрела форму.

— Ты слишком много знаешь, мальчик мой, — сказал хрипловатый голос Среды.

— Так значит, они тебя все-таки не убили!

— Они убили меня, — сказал Среда из темноты. — Иначе бы и номер не прошел, если бы не убили. — Голос у него был довольно слабый. Не то чтобы совсем уж тихий, но была в нем какая-то такая нота, которая живо напомнила Тени о старом радиоприемнике, недостаточно хорошо настроенном на нужную волну.

— Если бы я не умер взаправду, мы бы их всех сюда ни в жисть не затащили, — сказал Среда. — Кали, и Морриган, и ебнутых этих албанцев — ну что я говорю, ты и сам всех видел. Только моя смерть и могла собрать их вместе. Я был агнцем, жертвенным ягненком.

— Нет, — сказал Тень, — ты был Иудиным козлом.[135]

Черный призрак в темноте заклубился и передернулся рябью.

— Ничего подобного. В этом случае я предал бы старых богов ради новых. А мы разыграли совсем иную партию.

— Ничего подобного, — эхом прошептал Локи.

— Да понял я, понял, — сказал Тень. — Каждый из вас ничуть не предавал ту сторону, на которой играл. Вы оба заранее предали обе стороны.

— Ну, где-то, наверное, так, — сказал Среда. Судя по голосу, он был собой вполне доволен.

— А нужна вам была только резня. Кровавое жертвоприношение. И чтобы под нож пошел не кто-нибудь, а боги.

Ветер делался все сильнее; его вой за входом в пещеру превратился в душераздирающий визг,

---

[135] notes: 135

Иудин козел — специально обученный козел на бойне, который ведет своих собратьев на убой, сам при этом оставаясь в живых.

будто некое огромное существо корчилось там от боли.

— А какого ж хрена нет-то? Я попал в эту проклятую землю как кур в ощип и застрял здесь на двенадцать веков. Кровь у меня стала жидкой. Я голоден.

— А питаешься ты смертью, — сказал Тень.

Ему показалось, что вот теперь он уже начинает различать Среду во мгле. Всего-навсего темная фигура, из темноты же и вылепленная, и различить ее как следует Тень мог только периферическим зрением, когда отводил глаза и принимался смотреть на что-то другое.

— Я питаюсь смертью, которая посвящена мне, — сказал Среда.

— Вроде моей смерти, там, на дереве, — сказал Тень.

— Ну, — ответил Среда, — это было особое лакомство.

— А ты, — Тень перевел взгляд на Локи, — ты что, тоже кормишься смертью?

Локи устало покачал головой.

— Ну нет, конечно же, — сказал Тень. — *Твоя* пища — хаос.

Локи улыбнулся при этих его словах, короткой болезненной улыбкой, и в глазах у него, под блед-

ными веками, заплясали оранжевые огоньки, похожие на быстро прогорающие кружевные нити.

— Без тебя у нас бы ничего не вышло, — сказал Среда, которого Тень видел краем глаза. — Я стольких женщин отымел…

— Тебе нужен был сын, — подытожил Тень.

И призрачный голос Среды ответил ему:

— Мне нужен был *ты*, мой мальчик. Да-да. Единственный мой и ненаглядный. Я знал, что зачал тебя, но мать твоя уехала из этой страны. У нас столько времени ушло на то, чтобы тебя отыскать. А когда мы тебя все-таки отыскали, выяснилось, что ты в тюрьме. И нам пришлось подбирать к тебе ключики, прикидывать, от чего ты на самом деле начнешь двигать руками и ногами. И какие для этого нужно нажимать кнопки. И кто ты вообще такой. — Вид у лежащего на полу Локи на долю секунды стал самодовольным до крайности. — А дома тебя, как выяснилось, ждала любимая жена. Это было очень некстати, но, впрочем, вполне поправимо.

— Она все равно для тебя не годилась, — прошептал Локи. — Без нее тебе гораздо лучше.

— Если бы все могло быть как-то иначе, — сказал Среда, и на этот раз Тень понял, что он имел

в виду.

— И вот если бы еще она — сделала такую божескую милость — и осталась мертвой, — прохрипел Локи. — Лесс и Камен — были хорошие ребята. А тебе — все равно дали бы — возможность сбежать — когда поезд проходил бы через Дакоту…

— Где она? — спросил Тень.

Локи вытянул бледную руку и указал в дальний конец пещеры.

— Вон туда она пошла, — сказал он, и тут же, безо всякой на то видимой причины, клюнул головой вперед, и тело его безжизненно распростерлось на полу пещеры.

Тень увидел то, что скрывало от него одеяло: лужу крови, дыру в спине Локи и почерневший от крови бежевый плащ.

— Что случилось? — спросил он.

Локи ничего ему на это не ответил.

И Тени показалось, что он уже вообще никогда никому не ответит ни на один вопрос.

— Женушка твоя с ним случилась, — сказал приглушенный голос Среды. Видно его теперь было хуже, будто он снова начал растворяться в своей эфирной сущности. — Но эта битва вернет его к жизни. Как и меня она тоже вернет — на-

всегда. Сейчас я призрак, а он — труп, но очень скоро настанет миг нашей победы. Игра с самого начала была с подвохом.

— На игре с подвохом, — напомнил ему Тень, — и попасться легче легкого.

Ответа не последовало. И ничто больше не двигалось в пещерной темноте.

Тень сказал:

— До свидания, — а потом добавил, — отец.

Но к этому моменту в пещере никого уже не было. Совсем никого.

Тень вышел обратно во Двор Знамен Семи Штатов, но и там было пусто, и слышно не было ничего, кроме хлопанья флагов по ветру. Мимо Тысячетонной Качающейся Скалы не валили валом люди с мечами наизготовку, и защитников Подвесного Моста тоже не было видно. Он был один-одинешенек.

Смотреть здесь было не на что. Все покинули Сторожевую гору. Это было самое пустое поле боя на свете.

Нет. Не пустое. Не совсем.

Это же Рок-сити. Место, которому поклонялись и которое почитали на протяжении тысяч лет: даже и сегодня от миллионов туристов, что бродят по здешним паркам и, раскачиваясь из стороны в

сторону, проходят по Подвесному Мосту, эффект, по сути такой же, как от миллиона молитвенных барабанов, вечно вращаемых водой. Реальность здесь была тонка и просвечивала. И Тени было известно место, в котором будет проходить битва.

С этими мыслями он двинулся вперед. Он вспомнил чувство, которое охватило его тогда, на карусели, и попытался испытать его снова…

Он вспомнил, как вертелся на «Виннебаго», как оказался в конечном счете перпендикулярно ко *всему на свете*. Он попытался ухватить и это ощущение…

И тут, легко и просто, у него получилось.

Он будто бы прошел через мембрану, словно вынырнул из глубокой плотной воды — и взлетел. Сделав один только шаг, он переместился с туристической тропки на склоне горы в…

Во что-то реальное. Он оказался за сценой.

Он по-прежнему был на вершине горы: по крайней мере, пейзаж остался на месте. Но только она теперь стала чем-то большим, чем просто вершина горы. Она стала квинтэссенцией пейзажа, его сердцем, сущностью. По сравнению с ней та Сторожевая гора, на которой он только что был, казалась рисунком на театральном заднике, жалкой поделкой из папье-маше, какими украшают

телевизионные студии, — не самой горой, а всего лишь репрезентацией настоящей горы.

А эта была — настоящая.

Скалистые утесы образовывали нечто вроде естественного амфитеатра. Каменистые тропинки, которые змеились по этому амфитеатру во всех направлениях, складывались в невероятные фигуры, вроде фигур Эшера, и шли вдоль стен, по стенам и сквозь стены.

И — небо…

Небо здесь было темное. Освещалось оно, подсвечивая и весь ниже лежащий мир, яркой мерцающей зеленовато-белой вспышкой, более яркой, чем солнце, которая, бешено ветвясь, вилась, как молния, из одного конца неба в другой — как белый шрам на темной поверхности неба.

Собственно, это и была молния, дошло вдруг до Тени. Молния, которая застыла в одном-единственном моменте времени, растянувшемся на веки вечные. Свет, который она давала, был резким и безжалостным: он вымывал из лиц любые другие цвета, кроме белого, а глазницы превращал в темные впадины.

Это и был момент бури.

Момент, когда сдвигается парадигма, — и это он тоже почувствовал. Старый мир, мир безбрежных

просторов, нескончаемых ресурсов и столь же бескрайнего будущего, столкнулся с чем-то иным — с разветвленной энергетической сетью, сетью уникальных точек зрения, водоворотов силы.

А люди верят, подумал Тень. Вот для чего здесь нужны люди. Они верят. А потом они перестают принимать на себя ответственность за то, во что верят; они не утрачивают способности воображать, представлять себе самые разные вещи, но только перестают доверять плодам собственного воображения. Люди населяют эту тьму призраками, богами, электронами, сказками. Люди воображают, и люди верят: и только из-за этой веры, мощной и твердой как камень, все на свете обретает плоть и кровь.

Вершина горы представляла собой арену: это он понял сразу. И по обе стороны арены собрались и изготовились к битве враждующие армии.

Они были слишком велики. Здесь, за сценой, вообще все на свете выглядело гипертрофированно большим.

В этом месте собрались старые боги: боги с кожей коричневой, как у старых грибов, розовой, как мясо цыпленка, и желтой, как осенние листья. Были среди них совершенно безумные, были и вполне вменяемые. Тень узнал старых

богов. Он уже был знаком либо с ними самими, либо с другими, похожими на них. Здесь были ифриты и пикси, великаны и карлики. Он увидел женщину, с которой виделся в темной спальне на Род-Айленде, увидел шевелящиеся на змеиный манер зеленые завитки ее волос. Он увидел Маму-джи, которая была на карусели: на руках у нее была кровь, а на губах — улыбка. Он знал их всех до единого.

Новых он тоже узнал, сразу.

Вот персонаж, который когда-то был железнодорожным бароном, в допотопном костюме, с цепочкой от часов через весь живот, от одного жилетного кармашка к другому. У него был вид человека, который знавал в своей жизни гораздо лучшие времена. Морщины у него на лбу ходили ходуном.

Вот огромные серые боги аэропланов, держатели акций давней мечты человечества о летательных аппаратах тяжелее воздуха, во всех ее вариациях.

Вот боги автомобилей: могучие ребята с серьезными лицами, с потеками крови на черных перчатках и хромированных зубах: получатели ежедневных человеческих жертвоприношений, масштабы которых не снились даже ацтекам. Но

и у них вид был не слишком уверенный в себе. Мир меняется каждую минуту.

Вот те, чьи лица — размытые фосфорические пятна: они тихо светились, будто жить могли только при своем же освещении.

Тени стало жалко их всех.

В этих, новых богах, не было излишней самонадеянности, не было в них и особой агрессии. И Тень это видел. А страх в них тоже был.

Они боялись, что если вдруг утратят возможность идти в ногу с изменяющимся в движении миром, который они ежечасно переделывают, перекраивают, перестраивают и переоформляют в соответствии с логикой собственного воображения, их тут же отправят на свалку.

Каждая из сторон встретила другую со всей подобающей доблестью. Для каждой из сторон на противоположной были бесы, монстры, демоны, проклятые изначально.

Тень понял, что первая схватка уже состоялась. На камнях была кровь.

Теперь они перестраивались и готовились к настоящей битве: к войне взаправду. Что ж, значит, либо сейчас, любо никогда, решил он. Если он прямо сейчас не перехватит инициативу, потом будет поздно.

В Америке все, что происходит, продолжается во веки вечные, услышал он голос, и голос этот пришел откуда-то из глубин его же собственного сознания. *1950-е длились тысячу лет. Времени у тебя навалом, столько, сколько тебе потребуется.*

Походкой, которая была отчасти небрежной, а отчасти — продуманно — нетвердой, Тень вышел на самую середину арены.

Он чувствовал, что все глаза сейчас смотрят только на него: глаза и те штуки, которые на самом деле не были глазами. Его передернуло дрожью.

Бизоний голос в глубине сознания сказал: *Хороший выход, так держать.*

Тень подумал: *Ну еще бы, мать твою. Я между прочим только сегодня утром воскрес из мертвых. После этого все остальное мне — как два пальца об асфальт.*

— Вот что я хочу вам сказать, — заговорил Тень, глядя прямо перед собой, обычным, безо всякой помпы голосом. — Никакая это не война. И в качестве войны никогда и не планировалась. И если вам кажется, что это война, значит, вы себя обманываете.

Он услышал поднявшийся с обеих сторон ро-

пот. Значит, сразу впечатления ему ни на кого произвести не удалось.

— Мы сражаемся за то, чтобы остаться в живых, — промычал минотавр с одной стороны арены.

— Мы деремся за право на существование, — выкрикнул рот, прорезавшийся вдруг в колонне фосфорического дыма, с другой ее стороны.

— Это не самая правильная страна для богов, — сказал Тень. В качестве вводной фразы, этой, конечно, было не равняться с *Друзья, римляне, соотечественники*,[136] ну да ладно, сойдет. — Наверное, каждый из вас это уже понял, всяк на свой лад. До старых богов здесь никому нет дела. Новых придумывают так же быстро, как потом забывают про них ради какой-нибудь новой большой идеи. Так что тебя либо игнорируют с самого начала, либо ты живешь и боишься, что завтра можешь выйти в тираж, — или же рано или поздно устаешь жить в полной зависимости от переменчивых и прихотливых человеческих

[136] notes: 136

Начальная строка монолога Марка Антония в шекспировской пьесе «Юлий Цезарь». Ироническая подоплека ситуации состоит в том, что Тень припоминает именно эту речь, произнесенную на похоронах Цезаря перед толпой, которую Антоний при помощи изысканных риторических и ораторских приемов пытается настроить против Брута и других заговорщиков, утверждая при этом, что он, в отличие от Брута, не оратор и не мастер говорить речи.

настроений.

Ропот стал тише. Ему удалось сказать хоть что-то, с чем они были согласны. Теперь, когда они были готовы его слушать, можно было начинать рассказывать им всю эту историю.

— Жил-был бог, который прибыл сюда из дальних стран, и чья власть, чье влияние постепенно сходили на нет по мере того, как увядала людская вера в него. Это был бог, который черпал свою силу из жертвоприношений, из чьей-то смерти, а в особенности — из войны. Смерть тех, что пали на войне, посвящалась ему — и целые поля сражений давали ему когда-то, в прежних местах обитания, силу и средства для поддержания жизни.

Теперь он состарился. И на жизнь себе зарабатывал чистой воды мошенничеством, в паре с другим богом из своего же, старого пантеона, богом хаоса и обмана. С ним вместе они обманывали тех, кто велся на их обман. С ним вдвоем они отнимали у людей то, что люди порой зарабатывали за всю свою жизнь.

И вот где-то по ходу дела — может быть, лет пятьдесят тому назад, а может, и все сто — они задумали большую аферу, которая позволила бы им создать почти неисчерпаемый запас силы,

за счет которого оба смогли бы продержаться еще очень и очень долго. Нечто такое, отчего они смогли бы стать куда сильнее, чем когда бы то ни было за всю свою жизнь. В конце концов, что может дать большее количество энергии, чем поле боя, усеянное трупами богов? И игра, которую они затеяли, называлась «А теперь давайте-ка, ребята, подеремся промеж собой».

Понимаете?

Битва, ради которой вы все здесь собрались, не предназначена для того, чтобы кто-то из вас в ней проиграл или выиграл. Ни победители, ни проигравшие никого не интересуют. Их не интересуют. Важно только то, что некоторые из вас умрут, и чем больше, тем лучше. Каждый, кто падет в этой битве, придаст ему силы. Каждый, кто падет на этом поле боя, пойдет ему на корм. Это вы понимаете?

Могучий гулкий рев, похожий на рев внезапно вспыхнувшего пламени, пронесся над ареной. Тень перевел взгляд на то место, откуда исходил звук. Огромных размеров человек с кожей цвета выдержанного красного дерева, полуобнаженный, в цилиндре и со щегольски торчавшей изо рта сигарой, заговорил голосом глубоким, как могила. Барон Суббота сказал:

— Ну, положим. А как насчет Одина? Он *умер*. Во время мирных переговоров. Эти сраные ублюдки его убили. Он умер. Я *знаю*, что такое смерть. Никто и никогда не сможет обмануть меня там, где дело касается смерти.

Кто-то выкрикнул:

— А ты вообще — кто такой?

— Я — его сын. Я был его сыном.

Один из новых богов — Тень подумал, что тот почти наверняка связан с наркотиками, судя по тому, как он улыбался и переливался всеми цветами радуги, тоже подал голос:

— Но мистер Мирр сказал…

— *Не было* никакого мистер Мирра. И никогда не существовало. Это был всего-навсего очередной ублюдок, из вашей же братии, который пытался поживиться за счет созданного его же руками хаоса.

Они ему поверили: он видел это по обиде, которая зажглась у них в глазах.

Тень покачал головой.

— Знаете, что я вам скажу, — сказал он. — По мне так лучше быть человеком, чем богом. Нам не требуется, чтобы хоть кто-то в нас верил. Мы и так живем себе — и умираем. По крайней мере, на это мы способны.

И воцарилась тишина, на всей этой огромной площадке.

А затем, с оглушительным треском, та молния, что застыла посреди этого темного неба, ударила в вершину горы, и арена погрузилась во тьму.

Они светились в темноте, многие из тех, кто собрался здесь драться.

Может быть, сейчас они начнут спорить со мной, подумал Тень. Или нападут и попытаются меня убить. Он ждал от них хоть какого-то ответа.

И вдруг до него дошло, что огоньки разбредаются. Боги начали покидать это место, и сначала то были единицы, потом десятки, а потом уже и сотни.

Паук размером с ротвейлера тяжелой трусцой подбежал к нему на семи ногах: собранные в созвездие на голове глаза горели тихим ровным светом.

Тень поудобнее распределил вес с ноги на ногу и изготовился к драке, хотя к горлу тут же подкатила непонятная и неприятная истома.

Но когда паук подошел поближе и заговорил, голос у него оказался голосом мистера Нанси:

— Неплохой ты выдал номер. Я горжусь тобой. Хорошее представление ты нам устроил, молодой

человек.

— Спасибо, — поблагодарил его Тень.

— Надо бы переправить тебя обратно. Если пробудешь в этом месте слишком долго, мозги можешь вывихнуть, — и он положил густо поросшую коричневыми волосками паучью лапу Тени на плечо…

…и откашлялся мистер Нанси уже во Дворе Знамен Семи Штатов. Его правая рука лежала на плече у Тени. Дождь перестал. Левая рука мистера Нанси плетью висела вдоль туловища, с ней явно было что-то не так. Тень спросил, не опасно ли это.

— Да я крепок, как старые гвозди, — ответил мистер Нанси. — И даже еще того крепче.

Впрочем, голос у него был не слишком бодрый. Голос был как у старого человека, который изо всех своих сил старается вытерпеть боль.

Их были здесь десятки: они стояли и сидели, кто на скамейках, а кто и прямо на земле. Некоторые, судя по всему, были ранены, причем весьма серьезно.

Тень услышал в небе тарахтящий звук, быстро приближавшийся с юга. Он посмотрел на мистера Нанси:

— Вертолеты?

Мистер Нанси кивнул.

— Ты на этот счет не беспокойся. Уже смысла никакого нет беспокоиться. Они просто уберут тут все, что не относится к экспозиции, и свалят отсюда.

— А, понял.

Тень подумал: кое-что из того, что никак не относится к экспозиции, мне бы хорошо повидать еще до того, как начнется зачистка. Он позаимствовал фонарик у какого-то седовласого господина, который был похож на вышедшего в отставку телеведущего, и отправился на поиски.

Лору он нашел лежащей на полу в боковом гроте, рядом с диорамой, где гномы, только что расставшиеся с Белоснежкой, бойко шагали на свою горняцкую работу. Пол под ней был мокрым от крови. Она лежала на боку, в той же позе, в которой, судя по всему, Локи оставил ее, когда ему, наконец, удалось извлечь копье из них обоих.

Одну руку Лора прижала к груди. Вид у нее был уязвимый и хрупкий. И еще она была совсем мертвая, но, с другой стороны, как раз к этому Тень уже начал привыкать.

Тень присел на корточки, положил руку ей на лицо и позвал по имени. Она открыла глаза, подняла голову и повернула ее, медленно-медленно,

пока не встретилась с ним глазами.

— Привет, бобик, — сказала она. Голос был еле слышный.

— Здравствуй, Лора. Что здесь было?

— Ничего особенного, — сказала она. — Так, фигня всякая. Они победили?

— Они еще не успели сцепиться всерьез. Я остановил битву.

— Умница ты у меня, бобик, — сказала она. — Этот человек, мистер Мирр, он сказал, что собирается проткнуть тебе палкой глаз. Он мне совсем не понравился.

— Он мертв. Ты убила его, хорошая моя.

Она кивнула. А потом сказала:

— А вот это хорошо.

Она закрыла глаза. Тень отыскал на ощупь ее ледяную руку и сжал в своей. Через некоторое время глаза у нее снова открылись.

— А ты придумал, как вернуть меня из мертвецов к нормальной жизни? — спросила она.

— Вроде да, — сказал он. — По крайней мере, один такой способ я знаю.

— И это тоже хорошо, — проговорила она и сжала его пальцы своими, холодными как лед. А потом продолжила: — А если наоборот? Такое ты тоже знаешь как сделать?

— Наоборот?

— Да, — прошептала она. — Мне кажется, теперь я и это уже заслужила.

— Я не хочу этого делать.

Она ничего не сказала. Она просто лежала и ждала.

Тень сказал:

— Ладно.

А потом вынул свою руку из ее руки, и дотронулся до ее шеи.

Она сказала:

— Вот и ты, мой муж, — и произнесла она эти слова с гордостью.

— Я люблю тебя, хорошая моя, — сказал Тень.

— Я люблю тебя, бобик, — прошептала она.

Он подцепил пальцами золотую цепочку, что висела у нее на шее, ухватился покрепче и дернул, и цепочка порвалась. И тогда он зажал между большим и указательным пальцами золотую монету, подул на нее и раскрыл ладонь.

Монета исчезла.

Глаза у нее по-прежнему были открыты, но уже не двигались.

Он наклонился и поцеловал ее, осторожно и нежно, в холодную щеку, и она не ответила ему. Он и не ждал, что она ответит. И тогда он встал

и вышел из пещеры, чтобы посмотреть, как наступает ночь.

Небо расчистилось. Воздух был свежим и терпким, и пах весной. Завтра наверняка будет просто сказочный день, подумал он.

Часть 4
Эпилог
О чем молчат мертвые
Глава девятнадцатая

Самый лучший способ описать историю — это рассказать ее еще раз. Понимаете? Описать историю так, чтобы ты сам ее понял или чтобы поняли другие, можно только пересказав ее заново. Пусть это греза, но только так можно восстановить равновесие. Чем подробнее карта, тем больше она похожа на реальную местность. А самая подробная из всех возможных карт — это и есть сама местность, и в этом отношении она предельно точна и абсолютно бессмысленна.

История — это карта, которая и есть сама местность.

И забывать об этом не следует ни в коем случае.

Из записных книжек мистера Ибиса

В автобусе-«Фольксвагене» их было двое, и

ехали они на юг, во Флориду, по шоссе I-75. За рулем они были с самого утра; вернее, за рулем был Тень, а мистер Нанси сидел рядом и время от времени, со страдальческим выражением лица, предлагал поменяться местами. На что Тень неизменно отвечал отказом.

— Послушай, а ты — счастлив? — неожиданно поинтересовался мистер Нанси. Он внимательно разглядывал Тень уже несколько часов кряду. Когда бы Тень ни повернул голову направо, он всякий раз натыкался на взгляд его коричневых, как самородная глина, глаз.

— Не так чтобы очень, — ответил Тень. — Ну так ведь я же еще и не помер.

— В смысле?

— «Никого не называй счастливым, пока он не умер». Геродот.

Мистер Нанси вздернул седые брови и сказал:

— А *я* вот еще не помер, и *именно потому*, что я еще не помер, я счастлив, как устрица.

— Это Геродот так сказал. Он вовсе не имел в виду, что мертвые счастливее живых, — пояснил Тень. — Он имел в виду, что оценивать, как у того или иного человека сложилась жизнь, можно только после того, как она дошла до точки, и можно подводить итоги.

— Я бы и тогда не стал подводить итоги, — сказал мистер Нанси. — Что же касается счастья, то разные бывают виды счастливых людей, точно так же, как и мертвые люди — очень даже разных бывают видов. Ну, а у меня принцип — проще некуда: ни от чего не отказывайся, что предлагает тебе жизнь.

Тень решил сменить тему.

— А как насчет вертолетов, там, на горе? — спросил он. — Ну, тех, которые должны были забрать мертвых и раненых.

— А что с ними не так?

— Кто их туда направил? И откуда они прилетели?

— Выкинь ты это из головы, и все дела. Они вроде как валькирии — или грифы. Появляются просто потому, что должны появиться.

— Ну, вам виднее.

— О мертвых и раненых позаботятся, не беспокойся. Если тебя интересует мое мнение, то сдается мне, что в ближайший месяц или около того старику Шакелю без работы сидеть не придется. А скажи-ка ты мне вот что еще, Теньчик.

— Ну?

— Тебя это все хоть чему-нибудь научило?

Тень пожал плечами.

— Не знаю. Большую часть из того, что понял, вися на дереве, я успел забыть, — сказал он. — Главное, с людьми интересными познакомился. Хотя, с другой стороны, я теперь уже ни в чем не могу быть до конца уверен. Это вроде как те сны, после которых просыпаешься другим человеком. Помнишь их потом всю жизнь и знаешь, что они про что-то такое, про самое главное и глубокое, что в тебе есть, и ты вроде бы что-то понял, но стоит попытаться вспомнить детали, как они от тебя ускользают, и ничего ты с этим не поделаешь.

— Н-да, — кивнул мистер Нанси. А потом ворчливо добавил: — А ты и впрямь не такой уж дебил, каким кажешься.

— Может, оно и так, — сказал Тень. — Но честно говоря, мне бы хотелось, чтобы все то, что случилось со мной после выхода из тюрьмы, не просачивалось просто так сквозь пальцы. Мне многое было дано с тех пор, и многое из этого я уже успел потерять.

— А может, сберег-то ты на самом деле куда больше, чем тебе кажется? — спросил мистер Нанси.

— Нет, — ответил Тень.

Они пересекли границу Флориды, и Тень в первый раз в жизни увидел настоящую пальму.

Интересно, подумал он, ее тут нарочно посадили, чтобы каждый, кто едет мимо, понимал, что он уже во Флориде?

Мистер Нанси начал похрапывать, и Тень посмотрел на него. Голова у старика по-прежнему была совершенно седая, да и дышал он как-то нехорошо, хрипло. Наверное, уже не в первый раз отметил про себя Тень, во время боя ему что-нибудь там повредили, в легких. Впрочем, от какой бы то ни было медицинской помощи Нанси отказался наотрез.

Флорида тянулась за окном машины много дольше, чем ожидал от нее Тень, и к тому времени, как он приткнулся возле маленького, стоявшего на самой окраине Форт-Пирса одноэтажного домика с наглухо закрытыми ставнями окна, было уже совсем поздно. Нанси, который последние пять миль пути исполнял роль штурмана, предложил ему остаться переночевать.

— Да я и в мотеле могу комнату снять, — пожал плечами Тень. — Какие проблемы?

— *Можешь*, конечно, и я на тебя останусь в обиде. Ну, то есть виду я, конечно, не подам. Но злобу затаю, — сказал мистер Нанси. — Так что давайка лучше оставайся, я тебе на кушетке постелю.

Мистер Нанси отвалил штормовые ставни и

раскрыл окна. В доме пахло плесенью и сыростью, и был еще вдобавок к этим двум какой-то смутный сладковатый запах, будто здесь водились призраки давным-давно почивших печений.

Тень сперва согласился, весьма неохотно, переночевать у мистера Нанси, а потом — с еще большей неохотой — составить ему компанию и отправиться в бар в конце улицы, дабы пропустить там на сон грядущий по стаканчику, пока дом проветривается.

— Ты с Чернобогом-то виделся? — спросил мистер Нанси, когда они вышли в душную флоридскую ночь. Мимо то и дело с гудением проносились здоровенные летающие тараканы, а под ногами кишмя кишели еще какие-то членистоногие, пощелкивавшие на ходу твари. Мистер Нанси раскурил сигарку и тут же зашелся в отчаянном приступе кашля. Сигарки он, впрочем, так и не бросил.

— Когда я вышел из пещеры, его там уже не было.

— Домой, наверное, умчался. Там теперь будет тебя ждать, вероятнее всего.

— Ну да.

До конца улицы они дошли молча. Бар по виду был так себе, но по крайней мере он был открыт.

— По первому пиву проставляюсь я, — сказал мистер Нанси.

— Мы только по одному и собирались выпить, не больше, вы не забыли? — поинтересовался Тень.

— Ну что ты за человек такой? — вскинулся мистер Нанси. — Вечно придирки какие-то мелочные…

Мистер Нанси заплатил за первые два стакана пива, потом Тень заплатил еще за два. Потом он с ужасом наблюдал за тем, как мистер Нанси уламывает бармена запустить караоке, после чего — уже с чувством неловкого изумления — за тем, как старик, добравшись через пень-колоду до последней строчки «Что нового, киска?», перешел к весьма мелодичному и довольно уверенному исполнению «Как ты сегодня хороша».[137] Голос у него оказался очень даже ничего, с последними нотами песни та немногочисленная публика,

---

[137] notes: 137

Вкусы у мистера Нанси вполне соответствуют его общей манере. «What's new pussycat?» — хит в исполнении Тома Джонса (одноименный фильм по сценарию Вуди Аллена, 1965), действительно весьма непростой для непрофессионального певца. «The way you look tonight» — песня из фильма «Свинг-тайм» (1936), популярной музыкальной комедии с участием Фреда Астера и Джинджер Робертс. Для фильма песню записал «Счастливчик» Джон Гарнетт. С тех пор ее исполняли Фрэнк Синатра, Рэй Квин, Тони Беннетт, Элла Фицджеральд, Род Стюарт — ну и мистер Нанси, конечно.

которая была в баре, начала мистеру Нанси аплодировать и выкрикивать что-то не слишком членораздельное, но явно одобрительное.

К тому времени как он вернулся к стойке, возле которой стоял Тень, вид у него стал куда свежее прежнего. Ни тебе красных глаз, ни серовато-бледной кожи.

— Ну, теперь твоя очередь, — сказал он Тени.

— Исключено, — отрезал Тень.

Но мистер Нанси уже заказал им еще по стакану пива и протягивал Тени залапанную распечатку с репертуаром загруженных в аппарат песен.

— Просто выбери ту песню, в которой знаешь слова, и все дела.

— Не смешно, — сказал Тень.

Мир уже потихоньку тронулся у него перед глазами в кругосветное плавание, и сил на то, чтобы спорить с мистером Нанси, не было решительно никаких, и вот уже мистер Нанси поставил на аппарате «Не дай понять меня не так»,[138] и вытолкнул его — в буквальном смысле слова — на крохотную самопальную эстраду в дальнем углу барной залы.

---

[138] notes: 138

Песню «Don't let me be misunderstood» впервые в 1964 году исполнила Нина Симон. Наибольшую популярность получила роковая версия, исполненная в следующем году группой «Энималс».

Тень взял в руки микрофон так, будто боялся, что эта штука того и гляди оживет, а потом пошла музыка, и он через силу просипел первое слово: «Бейби…» Никто из сидевших в баре людей ничем в него не запустил. Да и слово раскатилось по языку как-то само собой. «Теперь ты понимаешь меня?» Голос у него был хрипловатый, но мелодичный, да и сама по себе эта хрипотца к песне подходила. «Порой мне кажется, что я сошел с ума. Но ты ведь знаешь сама, такое с каждым бывает…»

И он все пел и пел, даже и тогда, когда они шли домой, сквозь звенящий, плотный воздух флоридской летней ночи, двое мужчин, молодой и старый, и оба нетвердо держались на ногах, и оба были совершенно счастливы.

— «Пусть я не ангел, но я и не дурак, — пел он, обращаясь к паукам и крабам, к тараканам, ящерицам и прочей ночной твари. — Мой бог, не дай понять меня не так!»

Мистер Нанси довел его до кушетки. Кушетка оказалась Тени явно не по росту, и он решил, что будет спать на полу, но к тому времени, как решение спать на полу окончательно оформилось у него в голове, он уже спал мертвым сном, полулежа-полусидя на том крохотном диванчике.

Поначалу ему ничего не снилось. Он просто провалился в теплую и уютную темноту. А потом в темноте возник огонь костра, и он пошел на свет.

— Неплохо у тебя получилось, — шепотом, не открывая рта, сказал человек-бизон.

— Я даже не знаю, что я такого сделал, — сказал Тень.

— Ты установил мир, — ответил человек-бизон. — Ты взял наши слова и сделал их своими словами. Им все это время было невдомек: то, что они вообще *были* здесь, на этой земле — и люди, которые их почитали, были здесь — это все только потому, что нас это устраивало. Но мы ведь можем и передумать. И очень может быть, что в конце концов мы передумаем.

— А ты тоже бог? — спросил Тень.

Человек-бизон покачал головой. На секунду Тени даже показалось, что его вопрос рассмешил это существо.

— Я — земля, — сказал человек-бизон.

А потом в этом сне было что-то еще, чего Тень не запомнил.

Проснулся он от какого-то шкворчащего звука. Голова разламывалась, в глазах пульсировала

боль.

Мистер Нанси уже приготовил завтрак: на столе возвышалась стопка блинчиков, рядом потрескивал только что снятый со сковороды бекон, залитый великолепными яйцами, и пахло кофе. Старик был бодр и свеж как огурчик.

— Голова у меня болит, — сказал Тень.

— Хороший завтрак — и ты встанешь из-за стола другим человеком.

— Я бы предпочел остаться тем же самым человеком, вот только голову бы другую приставить, — пожаловался Тень.

— Ешь, — сказал мистер Нанси.

Тень стал есть.

— Ну, а теперь как ты себя чувствуешь?

— Чувствую, что голова болит по-прежнему. Вот только теперь у меня еще желудок полный, и такое впечатление, что ему это очень не нравится.

— Пойдем со мной.

Рядом с диваном, на котором, укрытый африканским одеялом, Тень провел ночь, стоял сундук темного дерева, очень похожий на пиратский, только несколько меньших размеров. Мистер Нанси открыл висячий замок и отвалил крышку. В сундуке было полным-полно каких-то коробочек.

— Тут есть одно древнее африканское лекарство, чисто растительное, — сказал он. — Из коры полярной ивы, ну и прочие всякие дела.

— Типа аспирина, что ли?

— Ну да, — кивнул мистер Нанси. — Точь-в-точь, ничуть не хуже.

Порывшись в коробочках, он извлек из-под них огромную темную склянку непатентованного аспирина, вытряхнул на ладонь пару белых таблеток и протянул их Тени:

— На, держи.

— Славный сундучок, — сказал Тень. Он сунул в рот горькие таблетки и запил их стаканом воды.

— Мне их сын присылает, — сказал мистер Нанси. — Вообще, он славный парнишка. Жаль, мы с ним редко видимся.

— А я по Среде скучаю, — признался Тень. — Несмотря на все, что он натворил. Все жду, что он вот-вот откуда-нибудь явится. А голову поднимешь — и нет никого.

Он все смотрел и смотрел на пиратский сундук, пытаясь вспомнить, о чем эта вещь ему напоминает.

Ты многие вещи забудешь. Многие потеряешь. Но этого не теряй. Кто ему это говорил?

— Скучаешь по нему? После всего того, что он с

тобой сделал? И с нами всеми тоже?

— Да, — ответил Тень. — Скучаю. Как вы думаете, он вернется?

— У меня такое чувство, — сказал мистер Нанси, — что всякий раз, когда два человека сговорятся между собой продать третьему двадцатидолларовую скрипку за десять тысяч долларов, он в каком-то смысле будет рядом.

— Да, но…

— А теперь пойдем-ка обратно на кухню, — сказал мистер Нанси, и лицо у него будто закаменело. — А то мои сковородки самостоятельно мыться не обучены.

Мистер Нанси мыл тарелки и сковороды, Тень вытирал посуду и расставлял ее по местам. Головная боль понемногу начала отпускать. Потом они вернулись в гостиную.

Тень снова уставился на сундук, отчаянно пытаясь вспомнить, о чем тот ему напоминает.

— А если я вообще больше не встречусь с Чернобогом, — спросил он, — что тогда?

— Встретишься, — ровным тоном ответил мистер Нанси. — Может быть, он тебя отыщет. А может, сделает так, что ты сам к нему придешь. Но так или иначе вы все равно с ним встретитесь.

Тень кивнул. Кусочки головоломки начали

вдруг складываться во что-то более или менее цельное. Он видел сон, пока висел на дереве.

— Послушайте, — сказал он. — А есть такой бог, у которого голова слоновья?

— Ганеша? Он — индуистский бог. Устраняет препятствия, делает дорогу легче. Кстати, и готовит неплохо.

Тень поднял голову.

— *Она в хоботе*,[139] — сказал он. — Я знал, что это важно, только не знал, почему. Я думал, может, он ствол дерева имеет в виду. Но он же совершенно не об этом говорил, правда?

Мистер Нанси насупился:

— Ты меня совсем не слушаешь.

— Она в сундуке, она в багажнике, — сказал он и понял, что докопался наконец до истины. Он еще не совсем понимал, почему все сложилось именно так, как сложилось. Но в том, что сложилось правильно, был уверен.

Тень встал с дивана.

— Мне пора, — сказал он. — Извините, если что не так.

Мистер Нанси поднял бровь.

— А почему такая спешка?

---

[139] notes: 139

Непереводимая игра слов. По-английски trunk — и хобот, и сундук, и ствол дерева, и автомобильный багажник, и человеческое тело.

— Потому, — коротко ответил Тень, — что лед тает.

Глава двадцатая

пришла
весна
и
козло —
ногий
шароЧеловек насвистывает
просто
и
пе
чаль

э. э. каммингс

На взятой напрокат машине Тень выехал из леса примерно в половине девятого утра, скатился под горку, стараясь не превышать скорость в сорок пять миль в час, и въехал в городок под названием Лейксайд через три недели после того, как оставил его, как ему тогда казалось, на веки вечные.

Он проехал через город, удивляясь, сколь

немногое здесь изменилось за прошедшие недели, за которые сам он успел прожить целую жизнь, — и припарковался примерно на середине подъездной дорожки, ведущей к озеру. А потом выбрался из машины.

На льду больше не было видно ни рыбацких времянок, ни внедорожников, ни рыбаков, привычно склонившихся над лункой с удочкой в одной руке и банкой пива — в другой. Озеро было темным: ослепительно-белый слой снега исчез, и вода подо льдом была черной, а сам лед — столь прозрачным, что подледная тьма проступала наружу. Под низким серым небом озеро казалось пустым и неприветливым.

Почти пустым.

Одна машина на льду все-таки осталась, неподалеку от моста, так, чтобы каждый, кто едет по городу или через город, не мог ее не заметить. Цвет у нее был грязновато-зеленый: типичная старая ржавая тачка, из тех, какие просто забывают на автостоянках. Движка в ней не было. Представительным символом неизбывного человеческого желания биться об заклад эта доходяга стояла и ждала, когда лед станет слишком тонким, слишком рыхлым и слишком хрупким для того, чтобы она могла благополучно кануть в

вечность.

Поперек короткого съезда к озеру была натянута цепь с табличкой, а на табличке — предупреждение об опасности. ЛЕД ТОНКИЙ, гласила основная надпись. Ниже шли нарисованные от руки пиктограммы с зачеркнутыми: человечком, машиной и снегоходом. НА МАШИНАХ И СНЕГОХОДАХ НЕ ВЫЕЗЖАТЬ, ПЕШКОМ НЕ ВЫХОДИТЬ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ.

Не обращая на предупреждение никакого внимания, Тень стал спускаться с берега. Склон был скользкий: снег уже успел растаять, превратив землю в грязь, и бурая прошлогодняя трава достаточного сцепления с почвой не давала. Он наполовину сбежал, наполовину съехал с горки к самой кромке воды, осторожно вышел на коротенький деревянный причал, а уже с него спустился на лед.

Слой воды, образовавшийся на поверхности озера из талого снега и талого льда, был глубже, чем то казалось сверху, а лед под ним был куда более гладким и скользким, чем каток, так что Тени пришлось изо всех сил держать равновесие, расплескивая воду, которая тут же залилась ему в ботинки. Ледяная вода. Кожа немеет сразу, едва вступит с ней в контакт. Идя по тонкому льду, он

чувствовал себя так, будто это происходило не с ним, а сам он смотрел на все со стороны, из кинозала — но в кинотеатре шла картина, главную роль в которой играл он сам, и фильм, судя по всему, был детективный.

Он шел к драндулету, с тоской отдавая себе полный отчет в том, что лед для подобного рода прогулок и впрямь слишком тонкий, а вода под ним такая холодная, какой только может быть жидкая пресная вода. Но он все шел и шел, оскальзываясь и с трудом восстанавливая равновесие. Несколько раз даже упал.

Он шел мимо разбросанных по льду бутылок и банок из-под пива, шел мимо лунок, вырубленных во льду, видимо, уже перед самой оттепелью, потому что они так и не замерзли, и в каждой чернела вода.

Драндулет стоял от берега гораздо дальше, чем то казалось сверху. Тень услышал громкий треск откуда-то с южной стороны озера, словно переломили палку, и тут же — густой басовый вибрирующий звук — словно на блесну взяла рыба размером с озеро, и катушка тоже размером с озеро, и леска натянулась. По всей своей огромной поверхности лед застонал и затрещал, как старая несмазанная дверь. Тень продолжал идти,

изо всех сил пытаясь держать равновесие.

Это же просто самоубийство, прошептал у него внутри голос, и голос был здравый. *Может — ну его на фиг, а?*

— Нет, — сказал он, вслух. — Я должен *все выяснить*.

И двинулся дальше.

Он почти добрался до драндулета, но уже не доходя до этой старой ржавой машины понял, что не ошибся. Вокруг нее в воздухе висело зловоние: разом и запах, тонкий, отталкивающий — и неприятный вкус где-то в задней части нёба. Он обошел машину по кругу, глядя сквозь стекла внутрь. Нечистые подранные сиденья. И — пусто. Попробовал открыть дверцы. Заперто. Потом багажник. Тоже заперт.

И что бы ему не захватить с собой монтировку.

Он сжал кулак, так, что натянулась перчатка, досчитал до трех, а потом со всей силы ударил в боковое стекло у водительского сиденья.

Руку он расшиб, а со стеклом не произошло ничего, ровным счетом ничего.

Можно, конечно, разбежаться и ударить в стекло ногой, уж этого оно точно не выдержит: да, если, конечно, он не поскользнется и не растянется на мокром льду. К тому же резких движений

лучше вообще не делать: машина держится на льду на честном слове, и силу нужно прикладывать с головой, чтобы не отправиться под лед вместе с ней.

Он еще раз внимательно осмотрел машину. А потом потянулся к антенне — которая когда-то была выдвижной, но, видимо, лет десять тому назад застряла в выдвинутом положении — и, покрутив ее немного, отломил у основания. Он взял антенну за кончик — когда-то здесь был навинчен утяжелитель, но это было слишком давно. Пальцы у него были сильные, и он без особого труда загнул вполне подходящий для дела крючок.

Потом отжал резиновую окантовку окна и вогнал антенну глубоко в дверцу, нащупывая механизм замка. Он долго прощупывал внутренности дверцы, шуровал антенной то дальше, то ближе, пока крючок наконец не зацепился: и тогда он потянул на себя.

И почувствовал, как крючок соскальзывает с опоры.

Он вздохнул. Начал нащупывать замок медленнее и аккуратнее, чем в первый раз. Каждый раз, перенося вес с ноги на ногу, он чувствовал, как лед под подошвами предательски потрескивает.

Тихо-тихо… так…

Есть, зацепил. Он потянул антенну вверх, и запорный механизм передней дверцы отщелкнулся. Тень, не снимая перчатки, взялся за ручку, нажал на кнопку и дернул на себя. Дверь не открывалась.

Она просто застыла, сказал он сам себе. *Примерзла. Только и всего.*

Он потянул сильнее, скользя ногами, и дверь драндулета вдруг распахнулась сама собой, веером разбросав вокруг кусочки намерзшего льда.

Вонь внутри машины была еще сильнее, чем снаружи: запах гнилой и нездоровый. К горлу подкатила тошнота.

Он покопался под приборной панелью, нащупал черную рукоять, при помощи которой открывался багажник, и дернул что есть силы.

Сзади, со стороны багажника, донесся глухой металлический щелчок.

Тень вышел обратно на лед, то и дело поскальзываясь и разбрызгивая вокруг себя воду, и, придерживаясь рукой за машину, обошел ее кругом.

Она в багажнике, повторил он про себя.

Багажник открылся всего на дюйм. Он ухватился поудобнее и рванул крышку вверх, на

полную.

Запах был, конечно, жуткий, но могло быть еще хуже: дно багажника было примерно на дюйм заполнено успевшим подтаять льдом. В багажнике лежала девочка. В алом тренировочном костюме, сильно перепачканном, волосы длинные, пепельно-серые, рот закрыт, так что скобок на зубах не видно, но Тень уже знал, что они на месте. Холод сохранил ее тело, как смог: с тем же успехом она могла лежать в морозильной камере.

Глаза у нее были широко раскрыты и, судя по всему, умирая, она плакала: замерзшие на щеках слезы до сих пор не растаяли.

— И ты была здесь все это время, — сказал Тень трупу Элисон МакГоверн. — И каждый, кто проезжал по этому мосту, не мог тебя не заметить. И каждый, кто ехал на машине по городу. И любители подледного лова ходили мимо тебя каждый день. И никто ничего не знал.

А потом он понял, какую глупость только что сморозил.

Потому что кто-то об этом знал. Тот, кто положил ее в этот багажник.

Он перегнулся через край багажника, чтобы проверить, сможет ли вынуть ее оттуда. А перегнувшись, налег на заднюю часть машины всем

своим весом. Скорее всего, именно это обстоятельство оказалось решающим.

В тот же самый момент лед под передними колесами машины просел — может быть, в ответ на его движение, а может быть, и сам по себе. Передняя часть машины ушла на несколько футов под лед, в черную озерную воду. Вода начала заливаться внутрь через открытую дверцу. Вода залила ему ноги выше щиколоток, хотя тот кусок льдины, на котором он стоял, по-прежнему казался более или менее надежным. Он лихорадочно огляделся, прикидывая, как теперь отсюда выбираться, — а потом думать было уже поздно, льдина треснула и резко накренилась, бросив его вперед, на машину и на мертвую девочку в багажнике; и машина ушла под лед багажником вперед, в ледяную воду озера, и утащила с собой его. Было ровно десять минут десятого, утром, двадцать третьего марта.

Перед тем как уйти под воду, он успел набрать полную грудь воздуха и закрыть глаза, но холод ударил его в грудь, будто с разбегу об стену, и вышиб из него воздух.

И он пошел вниз, в сумеречные ледяные глубины, увлекаемый автомобилем.

Он успел уйти довольно глубоко в холод и тьму,

и вниз его тянула мигом намокшая одежда, туфли и перчатки, и куртка тут же облепила и сковала его, мигом став тяжелее и объемнее, чем можно было себе представить.

Тень все падал вниз. Он попытался оторваться от машины, но она по-прежнему увлекала его за собой, а потом он услышал звук удара — не ушами, а сразу всем телом, и левая его лодыжка выгнулась, ступня развернулась боком и оказалась зажата под тяжестью колеса. И тут его охватила паника.

Он открыл глаза.

Он знал, что тьма здесь стоит кромешная: умом он понимал, что здесь слишком темно, чтобы он мог видеть вообще хоть что-нибудь, но тем не менее видел — и видел все. Он видел бледное лицо Элисон МакГоверн, глядящее на него из открытого багажника. Он видел другие, стоявшие вокруг машины — драндулеты прошлых лет, обросшие ржавчиной силуэты, наполовину ушедшие в придонный ил. *Интересно, а что они раньше вытаскивали на лед,* подумал Тень. *До того, как появились автомобили?*

И в каждом, теперь он это знал наверняка, было по мертвому ребенку. Их тут были десятки… и каждый простоял на льду, на глазах у всего света,

зиму напролет. И каждый нырнул в ледяные воды озера, как только зима закончилась.

Здесь они все и прятались: Лемми Хаутала и Джесси Ловат, Сэнди Ольсен и Джо Минг, Сара Линдквист, и прочие, прочие, прочие. Здесь, внизу, где всегда темно и холодно…

Он попытался вытянуть ногу, но она застряла намертво. Давление в легких между тем становилось невыносимым. И еще — резкая, жуткая боль в ушах. Он медленно выдохнул, и воздух пузырьками пошел от его лица вверх.

Времени мало, подумал он. *Скоро мне нужно будет глотнуть воздуха. А то задохнусь.*

Он нагнулся, ухватился обеими руками за бампер драндулета и рванул что было силы. И ничего.

Всего-навсего пустой остов от машины, сказал он себе. *Мотор из него вынули. А это в машине — самое тяжелое. Ты сможешь. Просто надо подналечь как следует.*

Он подналег.

Катастрофически медленно, по крохотной доле дюйма за раз, машина начала скользить по илу вперед, и вот Тень уже выдернул ногу, и оттолкнулся от дна, и попытался зашвырнуть себя как можно выше, прочь из ледяной воды озера. И

— даже не сдвинулся с места. *Куртка*, подумал он. *Это куртка. То ли где-то застряла, то ли зацепилась за что-то.* Он засучил рукава и начал онемевшими пальцами возиться с замерзшим замком молнии. А потом просто рванул ткань, и почувствовал, как она подалась по обе стороны от застежки. В лихорадочной спешке он высвободился из объятий чугунно-тяжелой намокшей ткани, оттолкнулся и пошел вверх, подальше от этой машины.

Ощущение страшной этой спешки было, но он уже не чувствовал ни где здесь верх, ни где низ, он задыхался, и боль разрывала ему грудь, и он понимал, что это край, все, с него хватит, больше он не вынесет, нужно просто глотнуть, вдохнуть как можно больше этой холодной воды и умереть. И тут он ударился головой обо что-то твердое.

Лед. Он ударился об лед, которым, как крышкой, было накрыто озеро. Он начал молотить по льду кулаками, но в руках у него не осталось силы, и не за что было зацепиться, негде найти точку опоры. И мир растворился в ледяной черноте озерной воды. И не осталось ничего, кроме холода.

Бред какой, подумал он. А потом подумал еще, вспомнив старый фильм с участием Тони Кертиса, который видел еще ребенком, *нужно*

перевернуться на спину, толкнуть лед вверх и прижаться к нему лицом, и тогда образуется пузырь воздуха, который я смогу вдохнуть, где-то здесь подо льдом наверняка должен быть воздух, но он просто бесцельно барахтался подо льдом, и замерзал все больше и больше, и вот уже практически не в силах был пошевелить ни единым мускулом, даже если бы от этого зависела его жизнь, — а она, кстати, именно от этого и зависела.

А потом холод как-то разом отступил и стал вполне сносным. И даже — теплым. И он подумал — *я умираю*. И на сей раз на него нахлынул приступ ярости, глухой и темный, и он собрал в кулак всю боль, всю ярость, все отчаяние, и рванулся, сам не понимая, куда, замолотил по льду руками, и заставил двигаться мышцы, которые уже решили, что не станут больше двигаться никогда.

Он вытянул руку вперед и почувствовал, как она засеклась за край льда и выскочила наружу, на воздух. Он попытался уцепиться хоть за что-нибудь, и тут почувствовал, как чья-то рука ухватила его за запястье и потянула вверх.

Он ударился головой об лед, он проехал лицом по шершавой нижней поверхности льда, а потом голова его оказалась вдруг на воздухе, и он почув-

ствовал, как его тело поднимается вверх через полынью, и какое-то время он не был способен ни на что другое, кроме как дышать, и черная озерная вода текла у него из носа и рта, и он щурил глаза, которые не видели ничего, кроме ослепительно яркого света и каких-то темных пятен, а кто-то все продолжал и продолжал его тянуть, и только теперь, уже вытащив его из воды, принялся говорить что-то насчет того, что ты же, мол, замерз до смерти, и — давай, мужик, *давай, толкайся*, и Тень принялся ворочаться и дергаться всем телом, как выползающий на берег морж, дрожа, откашливаясь и отфыркиваясь.

Он хватал ртом воздух, он вытянулся на потрескивающем тонком льду, и, даже понимая, что оставаться здесь нельзя, что и этот лед долго его не выдержит, ничего не мог с собой поделать. Мысли всплывали тяжело и вязко, будто сквозь густой сироп.

— Все в порядке, не надо мне больше помогать, — попытался выговорить он. — Со мной все в порядке.

Слова сбились в один неразличимый ком, и все в этом мире начало останавливаться и застывать.

Ему и нужно-то было совсем немного: чуть-

чуть передохнуть, совсем чуть-чуть, а потом он встанет и пойдет сам, своими ногами. Понятно же, что он не собирается залеживаться здесь на веки вечные.

Рывок: в лицо ему плеснули водой. Кто-то поднял ему голову. Тень почувствовал, как его волоком тащат по льду, на спине, и хотел было возмутиться, объяснить, что ему нужно просто отдохнуть — ну, может, вздремнуть немного, неужели это трудно понять? — и он скоро придет в себя. Если его просто оставят в покое.

Он искренне верил в то, что не спит, но вот уже он видит себя стоящим посреди бескрайней равнины, а перед ним — мужчина с головой и плечами бизона, женщина с головой чудовищно большого кондора, а между ними Виски Джек, который смотрит на него печально и качает головой.

А потом Виски Джек развернулся и пошел от Тени прочь. И человек-бизон пошел за ним следом, и женщина-гром-птица, но только она, сделав всего несколько шагов, вдруг подпрыгнула в воздух и пошла вверх по широкой плавной дуге.

Тень почувствовал, что только что лишился чего-то очень важного. Ему захотелось окликнуть их, попросить, чтобы они не бросали его вот

так, не оставляли одного, но все вокруг начало сыпаться и утрачивать всякую форму и всякий смысл: они ушли, равнина погрузилась во мрак, и ничего не осталось.

Боль была ужасная: такое впечатление, будто каждая клеточка тела, каждое нервное окончание понемногу оттаивали и, просыпаясь, заявляли о своем присутствии жжением и болезненным спазмом.

На затылке у него лежала чья-то рука и держала его за волосы, другая рука была у него под грудью. Он открыл глаза, ожидая увидеть белые стены какой-нибудь больничной палаты.

Он был босой. На ногах — джинсы. Выше пояса — голый. В воздухе стоял пар. На стене, которая оказалась у него перед глазами, висело небольшое зеркало, а под ним — раковина и синяя зубная щетка в стакане со следами засохшей зубной пасты.

Информация перерабатывалась еле-еле, по биту в секунду.

Пальцы у него горели. На руках. Впрочем, и на ногах тоже.

Он начал тихонько поскуливать от боли.

— Тихо, тихо, Майк. Все в порядке, — сказал знакомый голос.

— Что? — спросил он. Или, скорее, попытался спросить. — Где я?

Голос у него был какой-то придушенный и звучал странно.

Он лежал в ванне. Вода была горячая. То есть ему показалось, что она горячая, хотя в действительности она могла быть какая угодно. И доходила она ему до самого горла.

— Самая большая глупость, которую можно сделать, если человек замерз и умирает, — положить его к огню. Вторая по очередности — это завернуть его в одеяла: в особенности если на нем холодная и мокрая одежда. Одеяла заизолируют его полностью и не позволят согреться. Третья — но это уже мое личное мнение — это выкачать из него всю кровь, согреть и закачать обратно. Хотя медики сейчас именно такую процедуру и предпочитают. Сложно и дорого. И просто глупо.

Голос шел откуда-то сверху и сзади.

— Ну, а самая быстрая и эффективная вещь, которую можно в подобной ситуации предпринять, известна морякам уже не одну сотню лет — и они пользуются ею, когда поднимают на борт тонущего в холодном море человека. Нужно положить его в горячую воду. Не *слишком* горячую. Просто горячую. А ты, кстати — просто к сведе-

нию, чтобы ты знал — был уже практически на том свете, когда я тебя вытащил. А теперь как ты себя чувствуешь, Гудини?

— Болит, — сказал Тень. — Все тело болит. Вы мне жизнь спасли.

— Ну, если на то пошло, трудно спорить против очевидного. Ты, кстати, голову сможешь сам держать?

— Попробую.

— Тогда я сейчас тебя отпущу. Ну, а если начнешь уходить под воду, выдерну снова.

Рука, которая держала его за волосы, ослабила хватку.

Почувствовав, что начал сползать вниз, он раздвинул руки в стороны, прижал их к стенкам ванны и положил затылок на бортик. Ванная комната была маленькая, сама ванна — металлическая, с проржавевшей и поцарапанной эмалью.

Потом в поле его зрения попал сам старик. Вид у него был озабоченный.

— Ну что, получше стало? — спросил Хинцельманн. — Расслабься и просто полежи так немного. У меня здесь тепло и уютно. А как будешь готов — скажешь. Есть у меня один халат, который даже на тебя налезет, а джинсы твои я тем време-

нем положу в сушилку, ко всякой прочей твоей одежке. Как тебе такие перспективы, Майк?

— Меня по-другому зовут, на самом деле.

— Ну, это тебе, конечно, виднее. — Сморщенное, как у гоблина, старческое лицо сложилось в недовольную гримаску.

Чувство времени у Тени исчезло: в ванне он лежал до тех пор, пока не прошло жжение по всему телу, и пока он не смог сгибать и разгибать пальцы на руках и ногах, не испытывая при этом слишком сильной боли. Хинцельманн помог ему выбраться из ванны и слил теплую воду. Тень сел на белый эмалированный край, и они — вдвоем — принялись стягивать с него джинсы.

Потом он — в самом деле без особого труда — втиснулся в тесный махровый халат, после чего с помощью старика перебрался в жилую часть квартиры и рухнул на древний диван. Чувствовал он себя изможденным и вялым: он устал смертельно, но по крайней мере остался в живых. В камине горели настоящие дрова, полуполешки. Со стен с немым удивлением взирали на него с полдюжины пыльных оленьих голов, которые делили все свободное пространство с несколькими крупными, покрытыми лаком рыбинами.

Хинцельманн удалился с джинсами Тени, и

Тень услышал, как в соседней комнате на секунду перестала тарахтеть сушилка, а потом заработала снова. Старик вернулся с кружкой, от кружки шел пар.

— Это кофе, — сказал он, — неплохое стимулирующее средство. И еще я туда плеснул немного шнапса. Совсем чуть-чуть. Раньше мы всегда так делали. А нынешние доктора против.

Тень обхватил кружку обеими руками. На ней сбоку была картинка — комар — и к нему надпись: СДАВАЙТЕ КРОВЬ — ПРИЕЗЖАЙТЕ В ВИСКОНСИН!

— Спасибо, — сказал он.

— Ну, а для чего же еще нужны друзья, — отозвался Хинцельманн. — Может, когда-нибудь и ты меня спасешь. И вообще, хватит на эту тему.

Тень глотнул кофе.

— Я думал, что все, умер уже.

— В рубашке ты родился, вот что я тебе скажу. Я на мосту стоял — потому что прикинул, что с большой долей вероятности главный день в году настанет именно сегодня. Когда доживаешь до моих лет, такого рода вещи начинаешь чувствовать. Ну вот, значит, я там и стоял, со старыми своими часиками в руке, а тут смотрю — ты на лед спускаешься. Я заорал, как мог громко, но голову

даю на отсечение, что ты меня не услышал. Потом я увидел, как машина ушла под лед, и ты с ней вместе, ну, думаю, крышка парню, но на лед тем не менее спустился. Страшно было, жуть — аж мурашки по коже. Ты под водой проторчал минуты две, не меньше. А потом гляжу — в том самом месте, где машина нырнула, рука твоя торчит из воды, — я как будто привидение увидел, честное слово… — Он немного помолчал. — Нам обоим с тобой крупно повезло, что пока я тебя тащил из воды, а потом до берега, лед не проломился.

Тень кивнул.

— Спасибо вам огромное, — сказал он Хинцельманну, и гоблинское сморщенное лицо старика просияло.

Тень услышал, как где-то в дальней части дома вроде как закрылась дверь. Он глотнул еще кофе.

Теперь, когда способность здраво рассуждать начала понемногу к нему возвращаться, он начал задавать себе вопросы.

Например: каким образом этот крохотный старичок, росту в котором было вполовину меньше, чем в Тени, а весу — так наверное, раза в три, умудрился доволочь его бесчувственное тело по льду через все озеро сначала до берега, а потом еще и поднять по склону и загрузить в машину.

И как Хинцельманну удалось втащить его в дом, поднять и уложить в ванну.

Хинцельманн встал, подошел к камину, взял щипцами из поленницы тоненькое полешко и аккуратно положил его в самый огонь.

— А вы не хотите узнать, зачем я вообще вышел на лед?

Хинцельманн пожал плечами.

— Это не мое дело.

— Вот чего я все никак не могу взять в толк… — сказал Тень, а потом немного помедлил, собираясь с мыслями. — Я никак не могу понять, зачем вы вообще кинулись меня спасать.

— Ну, — ответил Хинцельманн, — просто меня в свое время так воспитали: если видишь, что человек попал в беду…

— Да нет, — перебил его Тень. — Я не об этом. Я о том, что всех этих детей убили вы. Убивали их каждую зиму. И я — единственный человек, который вас вычислил. Вы же не могли не заметить, как я открываю багажник. Почему вы просто не дали мне утонуть — и все дела?

Хинцельманн склонил голову на бок. Потом задумчиво почесал нос, покачиваясь взад-вперед на носках туфель.

— Ну, — сказал он наконец, — вопрос-то, конеч-

но, интересный. Скорее всего, просто потому, что у меня кое перед кем есть должок. А я свои долги привык выплачивать до последнего пенни.

— Перед Средой?

— Ну да, так его вроде кличут.

— Поэтому он меня и спрятал в Лейксайде, ведь так? Были основания надеяться, что именно здесь меня никто никогда не найдет.

Хинцельманн ничего ему на это не ответил. Он снял со стены тяжелую чугунную кочергу и начал разгребать ею угли: дым пополам с ярко-оранжевыми искрами клубом взвился вверх.

— Живу я здесь, — сказал он. — И это *очень хороший* город.

Тень допил кофе и поставил кружку на пол. И даже это усилие далось ему с колоссальным трудом.

— А с каких пор вы тут живете?

— Достаточно давно.

— И озеро — тоже ваших рук дело?

Хинцельманн удивленно поднял на него глаза.

— Ну да, — сказал он. — Озеро тоже моих рук дело. Когда я сюда приехал, они уже были уверены, что у них есть озеро, хотя я не видел ничего, кроме родника, мельничной запруды и вытекающего из-под нее ручейка.

Он немного помолчал.

— Вот я и прикинул, что в стране этой нашему брату приходится ой как туго. Она нас просто заживо заедает. А мне не нравится, когда меня едят заживо. Вот я и заключил с этим городом сделку. Я подарил им озеро, подарил процветание…

— И должны они вам за это были всего ничего: по ребенку каждую зиму.

— Хорошие были детишки, — медленно покачал своей старческой головой Хинцельманн. — Все детишки были просто замечательные. Я только тех выбирал, которые мне самому нравились. Кроме разве что Чарли Неллигана. Дурное в нем было семя, бурьян, сорняк. Когда он у меня был, в двадцать четвертом? Или двадцать пятом? Ну, да. Такая вот у нас получилась сделка.

— А жители этого города, — спросил Тень. — Мейбл. Маргарет. Чэд Маллиган. Они об этой сделке *знают*?

Хинцельманн промолчал. Он вынул кочергу из огня: дюймов на шесть от кончика она раскалилась докрасна. Тень понимал, что даже за рукоятку эту кочергу нормальному человеку держать невозможно, она слишком горячая — однако Хинцельманна, судя по всему, это ничуть не беспокоило, и он опять начал шевелить ею угли.

Потом сунул ее поглубже, в самый жар, и оставил лежать. И сказал:

— Они понимают, что живут в прекрасном месте. Притом, что все прочие города и городишки в нашем округе, да что там, во всей этой части штата, давно уже превратились бог весть во что. И об этом они тоже знают.

— И это тоже ваших рук дело?

— Об этом городе, — сказал Хинцельманн, — я забочусь. Здесь ничего не происходит такого, чего бы я не хотел. Это ты понимаешь? Никто сюда не приедет, если я не захочу, чтобы он приехал. Именно поэтому твой отец тебя сюда и прислал. Ему совсем не хотелось, чтобы ты околачивался по разным городам и весям и привлекал к себе лишнее внимание. Вот и все.

— И вы его предали.

— Никого я не предавал. Он был жулик, чего не отнять, того не отнять. Но я свои долги всегда плачу до последнего пенни.

— Я вам не верю, — сказал Тень.

Вид у Хинцельманна сделался обиженный. Он ухватился одной рукой за пучок седых волос над ухом.

— Я держу свое слово.

— Нет. Не держите. Лора сюда приходила. И

сказала, что ее тянуло сюда, а что именно — она не знает. А как насчет забавного совпадения: Сэм Черная Ворона и Одри Бертон приезжают в город в один и тот же вечер? Сдается мне, что в простые совпадения не стоит больше верить. Сэм Черная Ворона и Одри Бертон. Два человека, которые знали, кто я такой на самом деле, и еще — что меня разыскивают. У меня складывается впечатление, что вы просто подстраховались: если не сработает одна, в запасе есть другая. А если бы не сработали обе, кто еще собирался в Лейксайд, а, Хинцельманн? Мой бывший тюремный охранник воспылал вдруг страстью к подледному лову? Или — Лорина матушка? — Тень поймал себя на том, что разозлился уже всерьез. — Я был не нужен вам в этом вашем городе. Вот только Среде вам об этом говорить не хотелось.

В отблесках пламени от очага Хинцельманн походил скорее на горгулью, чем на живого человека.

— Это хороший город, — сказал он. Обычная улыбка пропала с его лица, и без нее вид у него сделался совсем как у восковой фигуры. Или у мертвого. — А ты привлекал к себе слишком много внимания. И для города это было нехорошо.

— Надо было вам оставить меня лежать там, на

льду, — сказал Тень. — А еще лучше — подо льдом, в озере. Я открыл багажник вашего весеннего драндулета. Сейчас Элисон по-прежнему там, и она примерзла ко дну. Но лед растает, и рано или поздно она всплывет на поверхность. После чего народу непременно захочется спуститься на дно и посмотреть, что там. И там они обнаружат много интересного. Всю вашу коллекцию мертвых детей. И сдается мне, что некоторые из этих тел должны были довольно хорошо сохраниться.

Хинцельманн нагнулся и вынул из огня кочергу. Он уже перестал притворяться, будто ворошит ею угли: теперь он держал ее так, как держат меч или дубинку, слегка покачивая в воздухе раскаленным добела кончиком. От кочерги пахло паленым металлом. И Тень вдруг остро почувствовал, что он почти голый, что сил у него практически не осталось, руки и ноги еле двигаются, и защищаться в таком состоянии он не способен.

— Ну что, теперь вы хотите меня убить? — спросил Тень. — Валяйте. Вперед. Я в любом случае уже покойник. Я знаю, что этот город принадлежит вам — это ваш собственный маленький мирок. Но если у вас сложилось впечатление, что никто меня разыскивать не станет, значит,

вы совсем оторвались от реальности. Все кончено, Хинцельманн. Так или иначе, ваша песенка спета.

Хинцельманн выпрямился во весь рост, оттолкнувшись от пола кочергой, словно тростью. Пока он поднимался, ковер в том месте, где в него уткнулся кончик кочерги, обуглился и начал дымить. Хинцельманн посмотрел на Тень, и в светло-голубых его глазах стояли слезы.

— Я люблю этот город, — сказал он. — Мне так нравилось все это время быть чудаковатым местным старичком, который рассказывает байки, ездит на Тесси и ловит на озере свою рыбку. Помнишь, что я тебе говорил? После дня, проведенного на рыбалке, домой ты возвращаешься не с рыбой. Ты возвращаешься с покоем на душе.

Он вытянул руку с кочергой в направлении Тени — и тот даже на расстоянии почувствовал, какой от нее идет жар.

— Я мог бы убить тебя, — сказал Хинцельманн. — И все было бы шито-крыто. Мне уже приходилось делать такое раньше. Ты не первый, кто меня вычислил. Папаша Чэда Маллигана первым до всего додумался. С ним у меня все вышло тихо и гладко, и с тобой может выйти точно так же.

— Очень может быть, — сказал Тень. — Но вот насколько этой тиши и глади хватит, а, Хинцельманн? На год еще? На десять лет? Есть теперь такая штука как компьютеры, Хинцельманн. Их не обманешь. Они вычисляют структуры. Каждый год в городе пропадает по ребенку. И очень скоро тут появятся чужие люди и начнут совать свой нос во все и вся. Точно так же, как за мной приехали. А скажите-ка мне лучше вот что — сколько вам *лет*?

Он зацепил пальцами диванную подушку и приготовился: ею можно прикрыть голову, от первого удара его это наверняка спасет.

Лицо у Хинцельманна было совершенно бесстрастным.

— Мне жертвовали детей задолго до того, как в Черный лес[140] пришли римляне, — сказал он. — И богом я был задолго до того, как стал кобольдом.

— Так, может, настало время перебираться в другие края? — сказал Тень и подумал про себя: интересно, а кто такие кобольды.

Хинцельманн пристально посмотрел на него.

---

[140] notes: 140

Имеется в виду, естественно, Шварцвальд — древний лесной район, протянувшийся по высокому правому берегу Рейна на юго-западе нынешней земли Баден-Вюртемберг.

А потом перехватил кочергу и сунул ее кончик обратно в горящие угли.

— Все не так просто, Тень. С чего ты взял, что я могу покинуть этот город, когда мне вздумается? Я — неотъемлемая часть этого города. И ты хочешь заставить меня уйти отсюда? Ты готов меня убить? Чтобы я смог спокойно уйти?

Тень посмотрел на пол. На ковре, в том месте, где его коснулась кочерга, по-прежнему мерцали искры и крохотные угольки. Хинцельманн проследил за направлением его взгляда и наскоро затоптал тихо рдеющие искры, растерев их ногой. В память Тени непрошенными гостями заглянули дети, много, больше сотни, и стали смотреть на него, все сразу, белесыми, как кость, глазами, и волосы, похожие на водоросли, медленно шевелились у них на головах. И в глазах у них он прочитал — упрек.

Он знал, что предает их. Но другого выхода придумать был не в состоянии.

Тень сказал:

— Я не могу вас убить. Вы спасли мне жизнь.

И покачал головой. Он чувствовал себя сейчас полным дерьмом во всех смыслах этого слова, которые только можно придумать. Он больше не был героем, и никаким детективом здесь больше

тоже не пахло — нет, он всего-навсего очередная продажная тварь, жалкая и ничтожная, которая грозит пальчиком куда-то в темноту, прежде чем повернуться к этой темноте спиной.

— Хочешь, открою тебе одну тайну? — спросил Хинцельманн.

— Конечно, — автоматически ответил Тень. На душе у него лежал большой холодный камень. Со всеми этими тайнами давно пора заканчивать.

— Тогда смотри.

Там, где только что стоял Хинцельманн, Тень увидел маленького мальчика, лет пяти, не больше. Длинные темно-каштановые волосы. И — совершенно голый, если не считать потертого кожаного ремешка на шее. Он был пробит насквозь двумя клинками — один пронзил ему грудь, другой вошел в плечо, над ключицей, а кончиком вышел из-под последнего ребра. Из ран безостановочно текла кровь и сбегала по телу мальчика на пол, мигом образовав у него под ногами темно-красную лужу. Клинки выглядели древними неимоверно.

Мальчик смотрел на Тень глазами, в которых, кроме боли, не было вообще ничего.

И Тень подумал про себя: *ну конечно же*. Этот способ наделить племя собственным богом ни-

чуть не лучше и не хуже других. Ему уже ничего не нужно было рассказывать. Он и так все знал.

Берем ребенка и воспитываем его в полной темноте, так, чтобы за всю свою жизнь он никого не видел, ни до кого не дотрагивался, и год за годом кормим его только самой лучшей пищей, которую другие дети в деревне видят разве что по праздникам, а потом, пять зим спустя, когда наступает самая длинная ночь, выводим перепуганного мальчика из хижины на площадь, вокруг которой горят костры, и протыкаем его лезвием стальным и лезвием бронзовым. Потом коптим его маленькое тело на тихом жару, на древесном угле, пока оно не высохнет надлежащим образом, заворачиваем в меха и носим с собой со стоянки на стоянку, в самой гуще великого Черного леса, принося ему в жертву животных и детей и превратив его в символ счастья для всего племени. А когда со временем мумия рассыплется на части, мы соберем хрупкие кости в ларец, и ларцу этому станем поклоняться; пока однажды эти кости не окажутся рассыпаны по земле и забыты, а племена, которые почитали бога-ребенка, не канут в вечность; а сам этот бог-ребенок, символ счастья своей деревни, останется в памяти людской разве что в качестве периферийной какой-нибудь

фигуры, вроде призрака или домового: в качестве кобольда.

Интересно, подумал Тень, кто же из тех, кто приехал в северную часть Висконсина лет сто пятьдесят тому назад — какой-нибудь лесоруб или картограф, — пересек Атлантический океан с Хинцельманном в голове.

Но тут окровавленный мальчик исчез, а вместе с ним и лужа крови, и остался только тщедушный старичок с седым пухом вместо волос и гоблинской улыбочкой, и рукава свитера у него были все еще мокрыми — ведь он вытаскивал Тень из воды, а потом устраивал его в ванне.

— Хинцельманн! — голос раздался со стороны входной двери.

Хинцельманн обернулся. Вместе с ним обернулся и Тень.

— Я зашел тебе сказать, — сказал Чэд Маллиган, и голос у него был какой-то странный, надтреснутый, — что драндулет ушел под воду. Я ехал мимо и увидел, что на льду его больше нет, а поскольку ехал я все равно в эту сторону, то и подумал — дай зайду и скажу тебе, на случай, если ты не в курсе.

В руке у него был пистолет. Стволом в пол.

— Привет, Чэд, — сказал Тень.

— Здорово, приятель, — ответил Чэд Маллиган. — А мне прислали извещение о том, что ты скончался в камере предварительного заключения. От сердечного приступа.

— Кто бы мог подумать? — сказал Тень. — Такое впечатление, что те места, где я скончался, скоро можно будет считать десятками.

— Он ворвался ко мне в дом, Чэд, — сказал Хинцельманн. — Он угрожал мне.

— Да нет, — сказал Чэд Маллиган. — Никто тебе не угрожал. Я стоял под дверью последние минут десять, Хинцельманн. И слышал все, что ты тут говорил. Насчет моего старика. И насчет озера. — Он сделал шаг вперед, но руки с пистолетом не поднял. — Господи ты боже мой, Хинцельманн! По городу ведь проехать невозможно, чтобы не увидеть этого поганого озера. Оно же тут центр всего на свете. И что ты теперь прикажешь мне делать?!

— Арестуй его! Он сказал, что собирается меня убить! — запричитал Хинцельманн — несчастный напуганный старик в пыльной перетопленной квартире. — Чэд, как я рад, что ты появился! Как ты вовремя!

— Да нет, — сказал Чэд Маллиган. — Радоваться тебе тут совершенно нечему.

Хинцельманн вздохнул. Потом нагнулся, словно через силу, и вытянул из огня кочергу. Кончик ее горел ярким оранжевым светом.

— Положи эту штуку, Хинцельманн. Просто положи ее обратно, очень медленно, потом подними руки вверх, так, чтобы я их видел, повернись и встань лицом к стенке.

На лице у старика застыло выражение неподдельного ужаса, и Тень, пожалуй, даже проникся бы к нему состраданием, вот только слезы, примерзшие к щекам мертвой Элисон МакГоверн, никак не шли у него из головы. Хинцельманн не двинулся с места. И кочергу обратно в камин он класть не стал. И к стенке не повернулся. Тень уже совсем было собрался дотянуться до него и попытаться отобрать кочергу, как тот вдруг метнул свой раскаленный дротик в Маллигана.

Метнул он его неловко и несильно, будто просто потому, что должен был метнуть, — и еще не успев закончить бросок, уже рванулся к задней двери.

Кочерга едва задела левую руку Маллигана.

Звук выстрела в замкнутом и довольно тесном пространстве стариковской квартиры был просто оглушительным.

Один выстрел, прямо в голову, насмерть.

Маллиган сказал:

— Ты бы лучше в свое переоделся. — Голос у него был тусклый и как будто неживой.

Тень кивнул. Он вышел в соседнюю комнату, открыл дверцу сушилки и вытащил свои вещи. Джинсы были еще влажные, но он все равно их надел. К тому времени, как он вернулся в комнату, полностью одетым — если не считать куртки, которая осталась где-то на дне озера, в стылом тамошнем иле, и туфель, которых он не нашел, — Маллиган уже успел вынуть из камина несколько тлеющих поленьев.

Маллиган сказал:

— Дурные настают времена, если полицейскому приходится устраивать поджог, чтобы замести следы им же совершенного убийства.

Потом поднял голову и посмотрел на Тень.

— Ты бы обулся, что ли, — сказал он.

— Я не знаю, куда он засунул мои башмаки, — сказал Тень.

— Твою мать, — сказал Чэд. А потом добавил: — Ты уж извини меня, Хинцельманн. — После чего поднял старика за шиворот и ремень, качнул и опустил головой прямо в горящий камин. Седые волосы затрещали и вспыхнули, и комната быстро начала заполняться запахом горелой

человеческой плоти.

— Не было тут никакого убийства, — сказал Тень. — Это была чистой воды самозащита.

— Я знаю, что это было такое, — не допускающим возражений тоном сказал Маллиган. Он уже переключился на разбросанные по комнате тлеющие поленья. Пододвинув одно из них ногой вплотную к дивану, он взял со стола старую газету, местную «Лейксайд ньюс», разодрал на отдельные страницы, смял и бросил на полено. Газета мигом обуглилась и занялась ярким пламенем.

— Валим отсюда! — сказал Чэд Маллиган.

Пока они шли через дом, он на ходу открывал окна, а потом выпустил собачку замка на наружной двери и захлопнул ее за собой.

Тень, как был, босиком, прошлепал за ним к патрульной машине. Маллиган открыл для него пассажирскую дверцу, Тень залез внутрь и вытер ноги о резиновый коврик. Потом надел носки, которые почти успели высохнуть.

— Сейчас купим тебе какую-нибудь обувку у «Хеннинга», — сказал Чэд Маллиган.

— И много ты слышал, пока стоял под дверью? — спросил Тень.

— Вполне достаточно, — ответил Маллиган. А

потом добавил: — И половины бы хватило.

До «Хеннинга» они доехали в полном молчании. Припарковав машину, начальник местной полиции спросил:

— Нога какого размера?

Тень ответил.

Маллиган ушел в магазин. Вернулся он с парой толстых шерстяных носков и парой кожаных сапог.

— Не осталось у них больше ничего на твой размер, — сказал он. — Если, конечно, тебе не нравится ходить в резиновых сапогах. Я подумал — вряд ли.

Тень натянул носки и сапоги. Как раз по ноге.

— Спасибо, — сказал он.

— Ты на машине? — спросил Маллиган.

— Оставил ее на подъездной дорожке к озеру. Возле моста.

Маллиган завел машину и вырулил с парковки при «Хеннинге».

— А что там у тебя с Одри? — спросил Тень.

— Через день после того, как тебя увезли, она сказала, что я ей нравлюсь, но только как друг, а больше между нами ничего и быть не может, потому что мы все-таки родственники, и все такое. И уехала обратно в Игл-Пойнт. Разбила мое и без

того, блин, штопаное сердце.

— Оно и понятно, — кивнул Тень. — Ты пойми, тут на самом деле ничего личного. Просто Хинцельманну она здесь была уже без надобности.

Обратно они ехали мимо дома Хинцельманна. Из трубы столбом валил густой белый дым.

— Она и в город-то приехала только потому, что он этого хотел. А ему она была нужна, чтобы избавиться от меня. Я привлекал слишком много внимания, и ему это не нравилось.

— Я думал, что я ей нравлюсь.

Он остановился рядом с машиной, которую Тень взял напрокат.

— И что теперь будешь делать? — спросил его Тень.

— Не знаю, — ответил Маллиган. Загнанное выражение, которое не покидало его лица с того момента, как Тень увидел его в доме у Хинцельманна, слегка смягчилось и стало более человеческим. Но и озабоченности прибавилось. — По моим соображениям, путей у меня несколько. Либо я, — он соорудил из двух пальцев подобие пистолетного ствола, сунул их себе в рот и тут же вынул, — пущу себе в башку пулю. Либо подожду еще пару дней, пока лед не сойдет, привяжу к ногам бетонную чушку и сигану с моста.

Есть еще, конечно, таблетки. Говно, одним словом. Надо будет, наверное, отъехать куда-нибудь подальше, в лес. И там уже наглотаться. Не хочу вешать весь этот гемор на кого-то из своих ребят. Пусть окружные парятся, правильно?

Тень вздохнул и покачал головой.

— Ты не убивал Хинцельманна, Чэд. Он умер уже очень давно, и очень далеко отсюда.

— Спасибо за то, что ты мне все это говоришь, Майк. Но я его убил. Я застрелил человека как нечего делать, а потом замел за собой следы. И если ты спросишь меня, зачем, за каким хреном я это сделал, боюсь, на этот вопрос я тебе ответить не смогу.

Тень положил руку на локоть Маллигану.

— Хинцельманн был хозяином этого города, — сказал он. — Не думаю, что в сложившейся ситуации у тебя был выбор — что делать и чего не делать. Наверняка он сам привел тебя к своей двери. Он хотел, чтобы ты все это услышал. Он тебя запрограммировал. Должно быть, другого способа уйти отсюда у него не было.

Выражение лица у Маллигана ничуть не изменилось. Тень понял, что из всего, что он тут сейчас наговорил, полицейский не слышал практически ни единого слова. Он убил Хинцельманна, устро-

ил ему погребальный костер, а теперь, выполняя последнюю волю покойного, пойдет и покончит с собой.

Тень закрыл глаза, пытаясь припомнить, где у него в голове расположено то самое место, в которое он попал, когда Среда попросил его вызвать снег: то самое место, откуда можно было переместиться в чужое сознание, — а тем временем изобразил на лице улыбку и сказал:

— Ладно, Чэд. Брось ты все это.

В голове у этого человека клубилась туча, темная и недобрая, и Тень почти воочию эту тьму увидел, а увидев, сконцентрировался на ней и представил, что она пропадает, рассеивается, как утренняя дымка под солнцем.

— Чэд! — Он уже чуть ли не орал на полицейского, пытаясь пробиться сквозь это облако. — Этот город скоро станет совсем другим, ты это понимаешь? Он перестанет быть единственным хорошим городом в депрессивном регионе. И будет куда больше похож на все остальные города в этой части страны, чем сейчас. И проблем прибавится, Чэд. Люди начнут терять работу. И голову тоже начнут терять. И причинять друг другу боль. И прочее дерьмо в том же роде. Им очень пригодится хороший и опытный началь-

ник полиции. Ты нужен этому городу, Чэд!

А потом он сказал:

— А еще ты нужен Маргарет.

Что-то изменилось внутри грозового облака, которое клубилось в голове у Маллигана, и Тень эту перемену почувствовал. И он начал *давить*, вызвав в памяти образ Маргарет Ольсен, ее умелые смуглые руки, ее темные глаза, ее длинные-предлинные черные волосы. Он представил себе, как она улыбается, слегка склонив голову набок, когда что-то ее забавляет.

— Она ждет тебя, Чэд, — сказал Тень и, еще не успев договорить фразу до конца, понял, что это правда.

— Марджи? — переспросил Чэд Маллиган.

И в этот момент Тень — хотя он ни за что на свете не смог бы объяснить, как именно он это сделал, а уж тем более не смог бы этого повторить, — забрался в голову к Чэду Маллигану, легко и просто, и вычистил оттуда все события прошедшего дня так же аккуратно и ловко, как ворон выклевывает глаза сбитой автомобилем зверушке.

Морщины на лбу у Чэда разгладились, и он пару раз сморгнул, сонно и непонимающе.

— Езжай-ка ты прямиком к Маргарет, — сказал

Тень. — Рад был повидаться с тобой, Чэд. Береги себя.

— Постараюсь, — зевнул в ответ Чэд Маллиган.

В полицейской рации захрустело какое-то сообщение, и Чэд потянулся за ней. Тень открыл дверцу, выбрался из машины и пошел к своей, взятой напрокат.

Он поднял голову, увидел серую и плоскую поверхность озера, лежащего в самой середине города, и подумал о детях, которые лежат на дне, под слоем ледяной воды, и ждут.

Скоро Элисон выплывет на поверхность, совсем скоро…

Проезжая в очередной раз мимо дома Хинцельманна, он увидел, что из дома теперь вовсю пышет пламя. Где-то завыла пожарная сирена.

Он поехал на юг, по направлению к 51-й магистрали. У него назначена еще одна встреча, на сей раз последняя. Впрочем, перед этим, подумал он, нужно заехать в Мэдисон, сказать последнее прости.

Больше всего на свете Саманта Черная Ворона любила закрывать по вечерам «Кофе-хауз». Успокаивало ее это на все сто процентов: такое впечатление, будто возвращаешь в мир порядок. Обычно она заправляла в проигрыватель диск

«Индиго герлз»,[141] и финальную часть своей рутинной ежевечерней работы делала так, как ей хотелось, и в том темпе, в каком ей это было удобно. Первым делом нужно было вычистить и вытереть кофейную машину-эспрессо. Потом пройтись еще раз по всему помещению и сделать так, чтобы все чашки и блюдца добрались в конце концов до кухни, а газеты, которые под конец рабочего дня непременно оказывались разбросаны по всему «Кофе-хаузу», сложены аккуратной стопочкой у входной двери, откуда их завтра заберут и отправят на переработку.

«Кофе-хауз» она обожала: эту длинную зигзагообразную вереницу маленьких уютных комнатушек, уставленных креслами, диванами и невысокими столиками — на улице, где главную скрипку играли букинистические магазинчики.

Она затянула пленкой оставшиеся нераспроданными куски чизкейка и отправила их на ночь в холодильник, потом взяла тряпку и смахнула крошки. Ей нравилось быть одной.

Тихий стук в окно отвлек ее от этой несложной и необременительной работы — и вернул к реальности. Сэм подошла к двери, открыла

---

[141] notes: 141

Американский женский фолк-роковый дуэт (Эми Рей и Эмили Салиерс) с выраженными феминистскими и лесбийскими взглядами.

задвижку и впустила женщину приблизительно одних с ней лет, с выкрашенными в ярко-красный цвет и заплетенными в косички волосами. Звали женщину Натали.

— Привет, — сказала Натали, приподнялась на цыпочках и поцеловала Сэм, так что поцелуй пришелся между щекой и уголком рта. Одним таким поцелуем многое можно сказать другому человеку. — Ты тут закончила?

— Ну почти.

— Хочешь, в кино сходим?

— Конечно хочу. С удовольствием. Мне тут дел осталось буквально на пять минут. А ты сядь пока, «Онион»[142] почитай, ладно?

— Да я номер за эту неделю уже читала. — Она села в кресло возле самой двери и стала рыться в кипе приготовленных к отправке в макулатуру газет — покуда не нашла что-то и впрямь ее заинтересовавшее, и села читать, а Сэм тем временем собрала оставшиеся в кассе деньги, пересчитала, упаковала и положила в сейф.

Они спали вместе уже целую неделю, и Сэм все-

---

[142] notes: 142

«Онион» — американский юмористический таблоид, публикующий новостные и аналитические материалы, касающиеся как реальных, так и выдуманных событий, лиц и проблем — не делая между таковыми никакой разницы.

рьез начала прикидывать, не та ли это настоящая любовь, которой она ждала всю свою жизнь. Она, как могла, внушала себе, что ощущение счастья, которое возникает у нее всякий раз, как она видит Натали, обусловлено феромонами и всякой другой гормональной фигней, которая действует ей на мозг, и, очень может статься, именно в этом все дело и было; однако единственное, что она знала сейчас наверняка, это то, что стоит ей только увидеть Натали, как улыбка сама появляется у нее на лице, и что когда они вместе, на душе у нее легко и спокойно.

— Тут в газете, — сказала Натали, — очередная статья все на ту же тему. «Америку ждут перемены?»

— Ну и как — ждут?

— Ничего определенного на сей счет они не говорят. Говорят, что очень может быть, но вот какие именно, когда именно и по каким причинам — этого они не знают. А может быть, и вовсе ничего не изменится.

Сэм изобразила голливудскую улыбку.

— Ну, — сказала она, — в любом случае никто из читателей не останется разочарован, верно?

— Ну наверное. — Натали наморщила лоб и вернулась к чтению.

Сэм сполоснула губку для мытья посуды, отжала ее и сунула на место.

— У меня такое впечатление, что какие-то вещи вдруг взяли и сами собой встали на место — несмотря на правительство и прочую пакость. Может, просто весна пришла немного раньше, чем ожидалось. Зима что-то была слишком долгая, и я рада, что она наконец кончилась.

— Я тоже, — Натали помолчала немного. — Тут пишут, что сразу очень большому числу людей начали сниться странные сны. А у меня вообще никогда никаких странных снов не было. Все исключительно в пределах нормы.

Сэм огляделась, чтобы проверить, не упустила ли чего-нибудь. Ничего она не упустила. У нее хорошая работа, и делает она ее хорошо. Она сняла фартук и повесила его на место, на кухню. Потом вернулась и начала тушить в комнатах свет.

— А мне вот за последнее время несколько раз снились очень странные сны, — сказала она. — Настолько странные, что я даже специальный дневник завела. Просыпаюсь и тут же записываю. Вот только потом, когда я перечитываю, смысла не остается никакого.

Она надела куртку и безразмерные вязаные перчатки.

— Я когда-то немного занималась толкованием снов, — сказала Натали. Она когда-то понемногу занималась всем на свете, от культуризма и каких-то мутных боевых искусств до фэн-шуй и джаз-балета. — Расскажи! А я тебе растолкую, что это значит.

— Ну ладно. — Сэм открыла входную дверь и выключила последнюю лампочку. Пропустив Натали вперед, она вышла на улицу и тщательно заперла за собой дверь «Кофе-хауза». — Время от времени мне снятся люди, которые упали с неба. А иногда я как будто под землей, и разговариваю с женщиной, у которой бизонья голова. А еще иногда мне снится тот парень, которого я месяц тому назад поцеловала в баре.

Натали хмыкнула.

— Такое впечатление, что у тебя есть о чем мне рассказать, — или я ошибаюсь?

— Наверное. Но это совсем не то, о чем ты подумала. Это был поцелуй из разряда «отвалите-все-на-свете».

— Так ты хотела, чтобы он от тебя отвалил?

— Нет, я хотела, чтобы как раз от него все на свете отвалили. Жалко, тебя тогда там не было.

Каблуки Натали выстукивали рядом по тротуару. У Сэм подошвы были мягкие, и ступала она

почти неслышно.

— Кстати, это на его машине я до сих пор езжу, — сказала Сэм.

— Ты про эту пурпурную штуковину, на которой вернулась от сестры?

— Ну да.

— А что с ним такое случилось? Что, машина ему теперь не нужна?

— Не знаю. Может, он в тюрьме. А может быть, и вовсе нет его уже.

— Умер, что ли?

— Похоже на то, — Сэм замешкалась. — Еще несколько недель тому назад я была уверена, что в живых его нет. Шестое чувство. Ну или что-то вроде этого. В общем, уверенность была полная. А потом мне вдруг стало казаться, что, может быть, он живой. Не знаю. Такое впечатление, что с шестым чувством у меня не как со всеми остальными пятью.

— И сколько еще ты сможешь кататься на этой тачке?

— Пока кто-нибудь не объявится и не потребует вернуть ее прежнему владельцу. У меня такое чувство, будто он ее мне завещал.

Натали подняла голову, посмотрела на Сэм, а потом посмотрела еще раз, пристально. И ска-

зала:

— А *это* у тебя еще откуда?

— Что?

— Цветы. Которые у тебя *в руках*, Сэм. Откуда они взялись? Когда мы выходили из «Кофе-хауза» — разве ты была с цветами? Я бы наверняка обратила внимание.

Сэм опустила глаза. И улыбнулась:

— Так мило с твоей стороны! Наверное, мне следовало что-то сказать, когда ты мне их дарила, да? — сказала она. — Замечательные цветы. Огромное тебе спасибо. Но — может, красные к случаю подошли бы немного больше?

В руках у нее был букет из шести белых роз со стеблями, обернутыми в бумагу.

— Я тебе их не дарила, — поджав губы, отрезала Натали.

И до самого входа в кинотеатр ни одна из них больше не проронила ни слова.

Вернувшись в тот вечер домой, Сэм поставила розы в самодельную вазу. Позже она отлила их в бронзе, а историю о том, как они сами собой оказались у нее в руках, не рассказывала больше никому, хотя нет, один раз все-таки рассказала — Кэролайн, той женщине, которая была у нее после Натали, как-то раз, ночью, когда обе напи-

лись до чертиков, и Кэролайн согласилась с Сэм, что это очень, очень странная и непонятная история: но в глубине души не поверила ни единому слову, так что даже и с этой точки зрения тайна осталась тайной.

Тень припарковался у таксофона. Он позвонил в справочную, и ему дали номер телефона.

По телефону ответили, что дома ее пока нет. Скорее всего, она все еще в «Кофе-хаузе».

По дороге к «Кофе-хаузу» он остановился, чтобы купить цветов.

Потом отыскал «Кофе-хауз», перешел на другую сторону улицы и встал в глубокой дверной нише, у входа в букинистический магазинчик, и стал наблюдать и ждать.

Заведение закрылось в восемь, а в десять минут девятого Тень увидел, как Сэм Черная Ворона выходит из «Кофе-хауза» с еще одной девушкой, поменьше нее ростом, с заплетенными в косички волосами странного ярко-красного оттенка. Они держались за руки, так крепко, словно одного лишь ощущения руки в руке было достаточно для того, чтобы все в мире встало на свои места, и говорили друг с другом — вернее, говорила по большей части Сэм, а подруга слушала. Тени стало интересно, о чем речь. Она все говорила и

говорила, и на лице у нее была улыбка.

Девушки перешли через дорогу — и оказались как раз там, где стоял Тень. Та, что с косичками, прошествовала буквально в полуметре от него: протяни он руку, и вполне мог бы до нее дотронуться. Но его они так и не заметили.

Глядя, как они уходят, он почувствовал где-то внутри не то дрожь, не то тихий звук, будто тронули мимоходом тонкую струну.

Поцелуй был отличный, подумал Тень, что надо был поцелуй, но Сэм никогда не смотрела на него так, как смотрит сейчас на эту девочку с косичками, — и никогда не будет смотреть.

— Да и какого, собственно, черта. У нас всегда будет Перу,[143] — сказал он шепотом, себе под нос, пока Сэм уходила от него все дальше и дальше. — И Эль-Пасо. Уж это от нас наверняка никуда не денется.

А потом он сорвался с места, догнал их и сунул в руки Сэм цветы. И тут же развернулся и пошел быстрым шагом обратно, чтобы Сэм не смогла ему их вернуть.

Он поднялся на холм, где стояла машина, и, следуя дорожным указателям, нашел дорогу на

---

[143] notes: 143

Перефразированная реплика Рика из фильма «Касабланка». В оригинале: «У нас всегда будет Париж».

Чикаго. Ехал он на самом минимуме дозволенного скоростного режима. Ну, или даже чуть медленнее.

Ему оставалось сделать одно-единственное дело.

И торопиться было совершено некуда.

На ночь он остановился в Мотеле-6. Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что его одежда пахнет озерной тиной. Как бы то ни было, другой у него не было, и он все равно ее надел. Да в общем-то, недолго она ему еще прослужит.

Тень расплатился по счету. Потом доехал до знакомого здания из коричневого кирпича. Нашел он его безо всякого труда. На вид оно показалось ему несколько меньше, чем в прошлый раз.

По ступенькам он поднимался размеренно и неторопливо — без лишней спешки, чтобы не показалось, будто он спешит навстречу смерти, но и не слишком медленно, чтобы не сложилось впечатления, будто он ее боится. На лестнице кто-то явно успел прибраться: черных мусорных пакетов нигде не было видно. И пахло здесь теперь не овощной гнилью, а побелкой и хлоркой.

Выкрашенная красной краской дверь на самом верху лестницы была распахнута настежь: в воздухе висел запах вчерашней пищи. Тень

помешкал немного и нажал кнопку звонка.

— Иду! — раздался женский голос, и буквально тут же из кухни выскочила, вытирая руки о фартук, Зоря Утренняя, крохотного росточка женщина с кипельно-белыми волосами. И вид у нее стал какой-то совсем другой, подумал Тень. Счастливый у нее вид. Щеки у нее были нарумянены, а в старушечьих глазах плясали веселые чертики. Как только она его увидела, рот у нее превратился в подобие буквы «О», а потом она выкрикнула в голос:

— Тень! Ты к нам вернулся?! — и бросилась к нему, раскинув руки в стороны.

Он наклонился, обнял ее и поцеловал в щеку.

— Я так тебе рада! — сказала она. — Но теперь давай-ка ты лучше уходи отсюда.

Тень сделал шаг вперед и вошел в квартиру. Все двери (кроме, понятное дело, той, что вела в комнату Зори Полуночной) тоже стояли раскрытыми, как и окна — все, которые он смог увидеть с порога. По коридору тянуло легким сквознячком.

— У вас тут, похоже, большая весенняя уборка, — сказал он Зоре Утренней.

— Гостя ждем, — ответила она. — А теперь давай, уходи, не задерживайся. Хотя кофе глотнуть успеешь. Хочешь кофе?

— Я приехал повидаться с Чернобогом, — сказал Тень. — Время пришло.

Зоря Утренняя отчаянно затрясла головой.

— Нет-нет-нет! — затараторила она. — Незачем тебе с ним встречаться! Выкинь ты из головы всю эту дурь!

— Дурь, конечно, — кивнул Тень. — Но знаете, единственная вещь, которую я твердо усвоил, общаясь с богами, так это, что если ты дал слово, то и держи его до конца. Они привыкли нарушать все правила, которые только можно нарушить. А мы так не можем. Даже если бы я просто взял и ушел сейчас отсюда, ноги сами бы принесли меня обратно, рано или поздно.

Она надула губы, помолчала немного, а потом сказала:

— И то верно. Но только сегодня все равно тебе тут делать нечего. Приходи завтра. Его уже не будет.

— Кто там? — раздался из глубины коридора женский голос. — Зоря Утренняя, с кем ты там разговариваешь? Ты же знаешь, я не справлюсь одна с этой периной, одной мне ее не перевернуть.

Тень прошел чуть дальше по коридору и сказал:

— Доброе утро, Зоря Вечерняя. Может, я смогу

вам помочь?

Женщина в ближней комнате вскрикнула от удивления и выпустила из рук угол перины.

Пыль там лежала сплошным слоем, на всех поверхностях, на которых только может лежать пыль, на деревянных и стеклянных, — а еще клубилась в воздухе, танцуя в лучах солнечного света, которые заливали спальню через раскрытое окно, то и дело меняя направление по воле налетающих сквознячков или просто оттого, что лениво шелохнулся край пожелтевшей кружевной занавески.

Комнату эту он помнил прекрасно. В ту самую, давным-давно минувшую ночь, хозяева уложили здесь спать Среду. Комната Белобога.

Зоря Вечерняя смерила его не слишком уверенным взглядом.

— Да вот перина эта, — сказала она, — надо бы ее перевернуть.

— Да раз плюнуть! — сказал Тень. Он нагнулся, подхватил перину, поднял ее легко, как перышко, и перевернул. Кровать была старинная, цельнодеревянная, и весу в набитой птичьим пером перине было едва ли не как во взрослом человеке. Когда она, с глухим звуком, легла на место, в воздух поднялась и закружилась вихрем очередная

туча пыли.

— Ты зачем к нам приехал? — спросила Зоря Вечерняя. Интонация у нее была не так чтобы очень гостеприимная.

— Я приехал, — ответил Тень, — потому что как-то раз, в декабре, один молодой человек сел играть в шашки со старым богом, и проиграл партию.

Седые свои старушечьи волосы Зоря Вечерняя собрала вверх и завязала на макушке в тугую шишечку. Она подобрала губы.

— Приходи завтра, — сказала Зоря Вечерняя.

— Не могу, — ответил он просто и без затей.

— Ну что ж, это твои похороны, тебе и день выбирать. Тогда проходи, садись. Зоря Утренняя принесет тебе кофе. Чернобог скоро вернется.

Тень прошел по коридору в гостиную. В гостиной, насколько он помнил, не изменилось ровным счетом ничего — вот разве что и здесь окно раскрыли настежь. На подлокотнике дивана спал серый кот. Услышав шаги, он приоткрыл один глаз, посмотрел на Тень, не впечатлился, и снова погрузился в сон.

Именно здесь он играл с Чернобогом в шашки; именно здесь он поставил на кон собственную жизнь, чтобы затащить старика против его воли

в последнюю, роковую аферу Среды. Через открытое окно в комнату ворвался свежий ветер, мигом вытеснив затхлый воздух прочь.

Вошла Зоря Утренняя с красным деревянным подносом. На подносе стояла маленькая эмалированная чашечка с кофе и рядом с ней — блюдце, полное крохотных песочных печений с шоколадной крошкой. Она поставила поднос на столик перед Тенью.

— А я еще раз виделся с Зорей Полуночной, — сказал он. — Она приходила ко мне в загробном мире, и дала мне луну, чтобы я видел, куда идти. И что-то такое забрала у меня взамен. Только я не помню, что именно.

— Ты ей нравишься, — ответила Зоря Утренняя. — А сны видеть — это по ее части. И еще она всех нас защищает. Она такая смелая.

— А где Чернобог?

— Он уверяет, что ото всех этих весенних уборок у него на душе неспокойно. Ну, и выходит на улицу — купить газету, почитать в парке. Сигареты тоже покупает. Может быть, сегодня он и не вернется. Тебе вовсе не обязательно его здесь дожидаться. Шел бы ты восвояси, а? Приходи лучше завтра.

— Я подожду, — сказал Тень.

Никакого волшебства, которое заставляло бы его сидеть здесь и ждать, не было, и он прекрасно отдавал себе в этом отчет. Он *сам* этого хотел. Произойти осталось всего одному-единственному событию, и если событие это и впрямь должно было стать *последним*, ну что ж, значит, и встретит он его по собственной воле. И тогда уже не останется больше никаких обязательств, никаких тайн, никаких призраков.

Он сидел и потягивал горячий кофе, такой же крепкий и сладкий, как в прошлый раз.

Из коридора донесся басовитый мужской голос: он выпрямил спину и с удовольствием отметил про себя, что рука у него не дрожит. Дверь открылась.

— Тень?

— Привет, — ответил Тень. Подниматься с дивана он не стал.

Чернобог вошел в комнату. В руке у него была свернутая в трубку газета, «Чикаго Сантаймс»,[144] которую он тут же бросил на кофейный столик. Он окинул Тень взглядом, а потом неуверенно протянул ему руку. Они обменялись рукопожатием.

---

[144] notes: 144

Читает Чернобог, естественно, старейшую в Чикаго газету, которая начала выходить (правда, под другим названием) еще в 1844 году.

— Ну вот, я и приехал, — сказал Тень. — У нас с вами был уговор. Вы свою часть выполнили. Теперь дело за мной.

Чернобог кивнул. Потом наморщил лоб. Подсвеченные ярким солнечным лучом, его седые волосы и усы казались чуть ли не золотыми.

— Ну… — нахмурился он. — Ну, видишь ли… — и тут его прорвало. — Наверное, лучше будет, если сегодня ты просто уйдешь отсюда, и все. Время ты выбрал не самое подходящее.

— Если вам нужно подготовиться, — ответил Тень, — мне спешить некуда. Я в полном вашем распоряжении.

Чернобог вздохнул.

— Дурак ты, парень, и больше никто! Ты хоть в этом-то отдаешь себе отчет?

— Да вроде как.

— Дурак ты и есть! Но там, на горе, ты все сделал правильно. Очень хорошо сделал.

— Я сделал то, что должен был сделать.

— Наверное, так оно и есть.

Чернобог подошел к старому деревянному шкафу, нагнулся и вытащил из-под него чемоданчик-«дипломат». Отжал замки. Обе собачки щелкнули и отскочили, с густым, солидным щелчком. Он открыл крышку. Вынул молот и,

примериваясь, подбросил его в руках. Молот был похож на уменьшенную в размерах кузнечную кувалду; на деревянной рукояти — довольно подозрительные на вид коричневые пятна.

Потом он поднялся на ноги и сказал:

— Я многим тебе обязан. Гораздо большим, чем ты можешь себе представить. Из-за тебя все вокруг начало меняться. Настала весна. Настоящая весна.

— Я в курсе того, что именно сделал, — сказал Тень. — Да и не так чтобы у меня был какой-то особый выбор.

Чернобог кивнул. В глазах у него появилось какое-то новое выражение, которого Тени прежде видеть не доводилось.

— Я тебе когда-нибудь рассказывал о моем брате?

— О Белобоге? — Тень отошел в дальний угол усыпанного табачным пеплом ковра и встал на колени. — Вы говорили, что не виделись с ним уже очень давно.

— Вот именно, — сказал старик и поднял молот. — Зима выдалась очень долгой, мальчик мой. Долгая-предолгая зима. Но теперь она подошла наконец к концу.

Он медленно покачал головой, будто вспомнил

о чем-то. А потом сказал:

— Закрой глаза.

Тень закрыл глаза, поднял голову и стал ждать.

Молот был холодным, холодным как лед, и на самую середину его лба он опустился нежно, как поцелуй.

— *Чпок!* Готово, — сказал Чернобог. — Дело сделано.

Когда Тень снова открыл глаза, на лице у старика играла улыбка: спокойная, умиротворенная улыбка, как солнышко просияло ясным летним утром. Подобной улыбки за Чернобогом Тень тоже прежде не замечал. Старик вернулся к чемоданчику, уложил в него молот, закрыл крышку и засунул чемоданчик обратно под шкаф.

— Чернобог? — вопросительно произнес Тень. И следом: — А вы действительно — Чернобог?

— Так точно. На сегодняшний день, — ответил старик. — А вот завтра на этом самом месте будет Белобог. Но сегодня — да, сегодня я Чернобог.

— Тогда почему… Почему вы не убили меня? Вы же вполне могли это сделать.

Старик вынул из кармана пачку сигарет без фильтра и выбил одну. Потом взял с каминной полки большой спичечный коробок и прикурил.

Вид у него сделался очень задумчивый.

— Потому что, — медленно проговорил он после долгой паузы, — есть такая вещь, как кровь. Но есть и другая, и называется она благодарность. А зима на сей раз выдалась долгой, очень долгой.

Тень поднялся на ноги. На коленях его джинсов остались серые пятна от пыли и пепла, и он смахнул пыль рукой.

— Спасибо, — сказал он.

— Да, в общем, не за что, — ответил старик. — Когда тебе в следующий раз придет охота поиграть в шашки, ты знаешь, где меня найти. Только *на этот раз* я буду играть белыми.

— Спасибо. Может быть, именно так я и сделаю, — сказал Тень. — Хотя навряд ли это случится в близком будущем.

Он заглянул старику в глаза и попытался вспомнить, какого цвета они были раньше — точно такого же, васильково-голубого? Они еще раз обменялись рукопожатием, и ни один из них не стал с другим прощаться.

На выходе из квартиры Тень поцеловал в щеку Зорю Утреннюю, а Зоре Вечерней поцеловал руку — и, перепрыгивая через ступеньку, помчался вниз по лестнице.

Постскриптум

Рейкьявик, столица Исландии — город довольно странный, даже для тех, кому на своем веку довелось повидать не один странный город. Это город вулканический — тепло, которое он потребляет, поднимается вверх из самых земных глубин.

Здесь тоже бывают туристы, но гораздо меньше, чем можно было бы себе представить — даже в начале июля. Солнце сияло в небе — как сияло уже не первую неделю подряд, прячась за горизонт разве что на пару часов после полуночи. Примерно с двух до трех часов ночи на время воцарялись серовато-сизые сумерки, после чего день начинался снова.

Могучего телосложения турист прошел в то утро пешком большую часть Рейкьявика, слушая, как люди вокруг говорят на языке, который за последнюю тысячу лет почти совсем не изменился. Местные жители читали древние саги практически так же свободно, как утренние газеты. Это чувство вписанности в историю, царящее на острове, несколько пугало его, но в то же время внушало надежду — самым невероятным

и обезоруживающим образом. Он очень устал: непрерывно царящий на улицах города дневной свет делал желание выспаться как следует практически невыполнимым, всю ночь напролет (ничуть не похожую на ночь) он просидел в гостиничном номере, попеременно читая путеводитель и «Холодный дом», роман, который пару недель тому назад купил в одном из аэропортов: где именно, он уже не помнил. Иногда он просто откладывал книги в сторону и смотрел в окно.

В конце концов часы на стене — в полном согласии с солнцем — показали, что настало утро.

Он купил в одном из многочисленных кондитерских магазинчиков плитку шоколада и пошел по улице, и город время от времени напоминал ему о вулканическом происхождении Исландии: сворачивая в очередной раз за угол, он на долю секунды ловил в воздухе привкус серы, который неизменно напоминал ему отнюдь не о сумеречном царстве Аида, но о тухлых яйцах.

Многие из тех женщин, что попадались ему по дороге, были очень красивы: стройные, с очень светлой кожей. Тот самый тип женщин, который нравился Среде. Интересно, подумал Тень, что он нашел в моей матери. Она, конечно, была красавица, но ни одному из перечисленных критериев

не соответствовала.

Хорошеньким женщинам Тень улыбался, потому что они лишний раз давали ему почувствовать себя мужчиной, и чувство было приятным; всем прочим женщинам он улыбался тоже, просто потому, что времени у него было навалом, а настроение — славное.

В какой-то момент — он не мог с точностью вспомнить, в какой именно — у него возникло ощущение, что за ним наблюдают. Он просто ходил себе по Рейкьявику, а потом появилось такое чувство, что кто-то за ним следит. Он начал время от времени оборачиваться, пытаясь вычислить этого человека, или останавливался у какой-нибудь витрины и рассматривал в ней отражение улицы у себя за спиной, и всякий раз результат был нулевым: ничем не примечательные люди, и никто из них, судя по внешним признакам, на хвосте у него не висел.

Он зашел в маленький ресторанчик, съел порцию копченого буревестника под морошкой, а потом — арктическую форель с разварным картофелем, и запил все это кока-колой, которая на вкус показалась ему куда более сладкой, чем та, что продается в Штатах.

Официант, который принес ему счет, спросил:

— Простите, а вы, случайно, не американец?

— Американец.

— Тогда поздравляю вас с четвертым июля, — сказал официант, и явно остался весьма доволен собой.

До Тени только после этого дошло, что — да, действительно, сегодня четвертое. День независимости. Сама по себе мысль о независимости вызвала у него приятное ощущение. Он оставил на столике деньги за обед и чаевые, и вышел. С Атлантики дул довольно свежий ветерок, и Тень застегнул куртку.

Он сел на поросшем травой склоне холма и стал смотреть на город — и ему пришла мысль, что рано или поздно ему придется вернуться домой. А потому, рано или поздно, домом этим нужно обзавестись. Потом он начал думать: интересно, место, в котором ты живешь относительно продолжительное время, со временем начинает само собой восприниматься как дом, или дом — это что-то такое, что в конечном счете обретаешь, если достаточно долго движешься вперед, и ждешь, и хочешь его найти.

На склоне холма появился старик в темно-сером, явно видавшем виды, обтрепанном понизу плаще, в широкополой синей шляпе с чаячьим

пером, которое торчало из-за ленточки на тулье под залихватским углом, — и направился в его сторону. Похож на старого хиппи, подумал Тень. Или на давным-давно вышедшего в отставку наемного стрелка из вестерна. Росту старик был просто огромного.

Он подошел поближе к Тени, сел на корточки и кивнул, коротко. По краю нижней челюсти у него кустилась щетинистая борода, на вид совершенно пиратская — и черная повязка на глазу. Сейчас начнет сигареты стрелять, подумал Тень.

— *Hvernig gengur? Manst þú eftir mér?* — спросил старик.

— Извините, — ответил Тень, — но я не говорю по-исландски.

А потом выговорил кое-как фразу, которую запомнил, продираясь среди белой здешней ночи через разговорник:

— *Ég tala bara ensku. Я говорю только по-английски.* — И добавил: — Американец.

Старик медленно кивнул и сказал:

— Мой народ плавал отсюда в Америку, много веков назад. Они туда сплавали, а потом вернулись обратно в Исландию. И сказали, что людям там хорошо, а вот богам — плохо. И что без богов своих им там было… одиноко.

По-английски он говорил довольно бегло, вот только паузы между словами расставлял не в тех местах, да и вообще интонация была непривычная. Тень поднял глаза: при ближайшем рассмотрении человек этот выглядел настолько древним, что, казалось, люди вообще не имеют права доживать до такого возраста. Кожа его была сплошь подернута сетью крохотных морщинок — как микроскопические трещинки на поверхности гранита.

Старик сказал:

— А ведь мы с тобой знакомы, мальчик мой.

— Разве?

— Мы с тобой одними тропами хаживали. Я тоже когда-то висел на дереве девять дней и ночей, потому что принес себя в жертву себе же. Я — повелитель асов. Я — бог виселиц.

— Ты — Один, — сказал Тень.

Старик раздумчиво кивнул, будто взвешивая про себя это имя.

— Меня по-разному называют, но, впрочем, да, я Один, сын Бора, — сказал он.

— Я видел, как ты умер, — сказал Тень. — И бдение по телу твоему тоже держал я. Ты многих, очень многих пытался убить — ради силы и власти. Ты хотел их всех принести себе в жертву.

Таковы они — твои дела.

— Я этого не делал.

— Среда это делал. А он — это ты.

— Он мною был, это правда. Но я — не он. — Старик почесал пальцем крыло носа. Чаячье перышко на шляпе запрыгало, как поплавок. — А возвращаться собираешься? — спросил бог виселиц. — В Америку?

— Да вроде как особо и незачем мне туда возвращаться, — сказал Тень и, еще не успев договорить этой фразы до конца, понял, что лукавит.

— Кое-что там тебя дожидается, — сказал старик. — Но, впрочем, как вернешься — так и вернешься, никуда оно от тебя не денется.

Мимо, по неровной ломаной траектории, пролетела белая бабочка. Тень ничего ему не ответил. Он был сыт богами и всем, что с ними связано, по гроб жизни. Да что там, на несколько жизней, наверное, хватило бы. Надо садиться на ближайший автобус до аэропорта, решил он, и менять билет. Сесть на самолет и мотануть куда-нибудь, где еще не был. Нельзя подолгу оставаться на одном месте.

— Слушай, — сказал Тень. — А у меня ведь для тебя кое-что есть.

Рука его скользнула в карман, и нужный пред-

мет сам собой угнездился между пальцами.

— Протяни руку, — продолжил он.

Один посмотрел на него, внимательно и настороженно. Потом пожал плечами и вытянул перед собой правую руку, ладонью вниз. Тень взял его за руку и — перевернул ее, ладонью вверх.

Потом поочередно продемонстрировал старику собственные руки, дабы тот убедился, что в них ничего нет. А затем, легким и быстрым движением, оставил в сморщенной ладони старика стеклянный глаз, и убрал руку.

— Как ты это сделал?

— Обычное волшебство, — без тени улыбки на лице сказал Тень.

Старик осклабился, потом захохотал и хлопнул в ладоши. Он внимательно осмотрел глаз, держа его между указательным и большим пальцами, кивнул, так, словно знал во всех подробностях, что именно попало к нему в руки, а потом переправил в кожаный кисет, что висел у него на поясе.

— *Takk kærlega*. У меня он будет в безопасности.

— Вот и ладно, — кивнул в ответ Тень.

Он встал и отряхнул с джинсов прилипшие к ним травинки.

— Еще, — сказал властелин Асгарда, нетерпеливо мотнув головой, и голос у него вдруг стал басовитым и требовательным. — Давай еще.

— Вот народ! — сказал Тень. — Дашь палец, руку откусят! Ну, ладно, гляди. Этому меня научил один парень, который в живых уже не числится.

Он вытянул руку в сторону и вверх и вынул из воздуха золотую монету. Обычную золотую монету. С ее помощью нельзя было воскрешать мертвых и исцелять больных, но она была — настоящая золотая монета.

— Ну, вот и все, — сказал он, зажав ее между большим и указательным пальцами и показав старику. — Тут и сказке конец. И — щелкнул по монете ногтем большого пальца, закрутив ее и подбросив в воздух. Она завертелась золотым шариком в самой верхней точке дуги, переливаясь и поблескивая в ярком солнечном свете, и зависла в ясном летнем небе, так, словно и вовсе не собиралась опускаться вниз. А может, и впрямь она никуда никогда не опустится. Тень ждать не стал. Он развернулся и пошел прочь, не останавливаясь и не оборачиваясь.

Благодарности

Книга эта получилась длинной, а путешествие — долгим; многим людям я обязан, и много за что.

Миссис Хоули предоставила мне свой дом во Флориде, в котором я мог жить и писать, и единственное, что я должен был делать взамен — отпугивать от него стервятников. Она же пустила меня, уже на финальной стадии работы над романом, в свой ирландский дом, и предупредила на всякий случай, чтобы я не пугал призраков. Ей и мистеру Хоули я выражаю признательность за проявленные по отношению ко мне доброту и щедрость. Джонатан и Джейн тоже ссудили мне и дом, и гамак в придачу, а от меня взамен требовалось разве что извлекать время от времени из бассейна очередную угодившую туда флоридскую зверушку. Им всем я благодарен самым искренним образом.

Дэн Джонсон, доктор медицинских наук, по мере надобности снабжал меня соответствующей информацией и вылавливал в тексте случайно забредшие туда безо всяких сознательных намерений с моей стороны англицизмы (этим,

впрочем, с готовностью занимались и все остальные), отвечал на самые нелепые вопросы, а как-то раз в июле даже прокатил меня над Северным Висконсином на крохотном самолетике. Моя помощница, Лоррейн Гарланд, личность почти легендарная, вдобавок к тому, что взвалила на себя — по доверенности — всю мою внешнюю жизнь, принялась с удивительным пылом знакомить меня с жизнью и нравами обитателей маленьких американских городков; я до сих пор не вполне понимаю, как ей удавалось все это совмещать. (Она выступает в составе группы под названием «Флэш Герлз»; купите при случае их новый альбом под названием «Играй, что ни утро, отчаянная королева» — она будет счастлива.) Терри Пратчетт в поезде, по дороге в Готенберг, помог мне распутать казавшийся безнадежным сюжетный узел. Эрик Эдельман отвечал на мои вопросы из дипломатической жизни. Анна Саншайн Айсон нарыла для меня целую кипу материала по лагерям для интернированных на Западном побережье, в которых во время войны держали японцев, и всей этой кипе придется дожидаться следующей книги, поскольку в эту она никак не помещалась. Лучшую разговорную партию в эпилоге мне подарил

Джин Вулф, за что ему огромное спасибо. Сержант Кэти Эртц любезно отвечала даже на самые каверзные вопросы относительно полицейской процедуры задержания правонарушителей, а помощник шерифа Маршал Малтауф прокатил меня на служебной машине. Пит Кларк тактично и с чувством юмора подчинился необходимости ответить на ряд неудобнейших личных вопросов. Дейл Робинсон по отношению к этой книге выступал в роли штатного гидролога. Во всем, что касалось человеческой психики, языковых тонкостей и рыбалки, я полностью полагался на комментарии доктора Джима Миллара — как и на комментарии Маргарет Родас — в вопросах лингвистических. Джейми Ян Свисс был в ответе за то, чтобы волшебство с монетами выглядело и впрямь волшебно. А все ошибки, которые вы найдете в этой книге, отнести нужно, естественно, не на их счет, а на мой.

Многие люди читали рукопись и делились со мной ценными замечаниями, что-то поправляли, хвалили и снабжали информацией. Особую благодарность я хочу выразить Колину Гринленду и Сюзане Кларк, Джону Клуту и Сэмюелу Р. Делани. Я бы хотел также поблагодарить Сова Возвращается (у этого человека и впрямь самое крутое имя

на всей земле), Иселин Рёсьё Эвенсен, Питера Страуба, Джонатана Кэрролла, Келли Бикмен, Дайану Граф, Лени Хенри, Пита Аткинса, Эмми Хорстинг, Криса Ивена, Теллер, Келли Линк, Барб Джилли, Уилла Шеттерли, Конни Заступил, Ранца Хозли, Дайану Шутц, Стива Бруста, Келли Сью де Конник, Роз Кэвени, Йэна МакДауэлла, Карен Бергер, Уэнди Джафет, Терье Нордберга, Гвенду Бонд, Терезу Литтлтон, Лу Аронику, Хая Бейндера, Марка Асквита, Алана Мура (которой, среди прочего, одолжил мне «книгу Литвиноффа») и чудака Джона Сандерса. Спасибо также Ребекке Уилсон; особая благодарность — Стейси Уэйсс, за ее тонкую интуицию. Прочитав самый первый, сырой набросок книги, Дайана Уинн Джонс предупредила меня о том, что это в итоге выйдет за книга, а также о том, чем я рискую, ежели все-таки решусь ее опубликовать, — и на данный момент все ее предсказания с точностью сбываются.

Мне бы очень хотелось, чтобы профессор Фрэнк МакКоннелл по-прежнему был с нами. Мне кажется, ему бы эта книга понравилась.

Закончив работу над общим планом книги, я понял, что другие авторы уже писали книги на те же самые темы задолго до того, как за них взялся

я сам: в особенности это касается моего любимого незаслуженно забытого писателя, Джеймса Бренч Кэбелла; покойного Роджера Желязны; и, естественно, неподражаемого Харлана Эллисона, чей сборник «Истории птицы смерти» запал мне в душу в том возрасте, когда одна-единственная книга еще способна перевернуть всю твою жизнь.

Я никогда не видел особого смысла оставлять грядущим поколениям сведения о том, какую музыку ты слушал, пока писал книгу, а я, пока работал над этой книгой, всякой музыки наслушался от души. Однако без «Кафе Греза» Грега Брауна и без «69 песен о любви» «Магнитных полей» книга получилась бы совсем другой, так что спасибо Грегу и Стивену. И еще я считаю прямым своим долгом сообщить вам, что ту музыку, которая звучит в Доме-на-Скале, можно приобрести в магнитофонной записи и на CD, включая звуковые дорожки музыкальной машины «Микадо» и Величайшей в Мире Карусели. Это не похоже ни на что из того, что вам приходилось слышать прежде, хотя наверняка далеко не самое лучшее из того, что вы слышали. Обращайтесь по адресу: The House on the Rock, Spring Green, WI 53588, USA, или звоните по номеру (608) 935–3639.

Мои агенты — Меррили Хейфиц из «Райтерз Хауз», Джон Левин и Эрин Кали Ла-Шапель из Си-эй-эй — были незаменимы в качестве звукоусилителей и столпов мудрости.

Многие из тех, кому я обещал те или иные вещи сразу после того, как закончу работу над книгой, проявили чудеса терпения. Я бы хотел поблагодарить всю эту славную братию из «Уорнер бразерс пикчерз» (в особенности Кевина МакКормика и Лоренцо ди Бонавентура), из «Вилледж Роудшоу», из «Санбоу» и «Мирамакс»; а также Шелли Бонд, которой много с чем пришлось за это время мириться.

Есть два человека, без которых обойтись было бы никак невозможно: Дженнифер Херши из «Харпер-Коллинз» в США и Дуг Янг из «Ходдер Хедлайн» в Соединенном Королевстве. Мне вообще всегда везло с редакторами, а эти двое — самые лучшие из всех редакторов, которых я знаю. Не говоря уже о том, что оба они — люди удивительно терпеливые и безропотные, каковая особенность поднималась порой до высот откровенно стоических, особенно в те времена, когда самые, самые-самые, и самые-самые-самые крайние сроки окончания работы вились вокруг нас, как осенние листья, взметенные порывом ветра.

Под самый конец, в «Хедлайн», явился Боб Масси и окинул текст книги орлиным редакторским взором. Келли Нотарас изящно и с должной настойчивостью провела сей корабль сквозь все типографские рифы.

И наконец, я хочу поблагодарить мою семью, Мэри, Майка, Холли и Мэдди, которые были терпеливее всех прочих вместе взятых, которые любили меня и мирились с тем, что во время работы над книгой мне приходилось надолго уезжать: и просто для того, чтобы писать, и для того, чтобы найти и понять настоящую Америку — которая, как выяснилось, когда в конце концов я ее все-таки нашел и понял, в Америке была от века веков.

Нил Гейман
Подле Кинселлы, графство Корк
15 января 2001 года

Нил Гейман
Дети Ананси

Посвящение

Сами знаете, как это бывает. Выбираете книгу, открываете на странице с посвящением и обнаруживаете, что снова автор посвятил свое детище кому-то еще, а не вам.

Но не на сей раз.

Потому что мы еще не знакомы, или знакомы лишь шапочно, или просто без ума друг от друга, или слишком давно не виделись, или состоим в отдаленном родстве, или никогда не встретимся, но тем не менее надеюсь, всегда будем думать друг о друге с нежностью…

Эта книга для вас.

Сами знаете, с чем, и скорее всего знаете, за что.

ПРИМЕЧАНИЕ. Автору хотелось бы воспользоваться возможностью снять шляпу перед тенями Зоры Нил Херстон, Торна Смита, П.Г. Вудхауза и Фредерика «Текса» Эйвери.

Глава первая, в которой рассказывается об именах и делах семейных

Как и почти все на свете, эта история началась с песни.

В конце концов, в начале ведь были слова, а что они без мелодии? Вот как был создан мир, как разделили пустоту, как появились на свет страны и звезды, сны и малые боги и звери.

Их спели.

Великие чудища были выпеты после того, как Великий Певец покончил с планетами и холмами, деревьями и океанами, и зверьми поменьше. Отвесные скалы на краю мироздания были выпеты, а за ними — охотничьи угодья, а после — тьма.

Песни никуда не исчезают. Они прочнее времени. Подходящая песня способна выставить на посмешище императора и свергнуть династию. Песня может протянуть еще долго после того, как превратились в прах и сны события и люди, про которых в ней говорилось. Такова сила песен.

Песнями можно сделать многое. Они не только

творят миры или изменяют бытие. Отец Толстого Чарли Нанси, например, просто использовал их, чтобы провести — как он ожидал и надеялся — чудесный вечерок с друзьями.

Пока не явился отец Толстого Чарли, бармен считал, что затея с караоке обернется полнейшим провалом, но потом в зал скользящей походкой вошел старичок, протанцевал мимо стола нескольких свежеобгорелых блондинок с улыбками туристок, которые сидели возле маленькой импровизированной сцены в углу. Здороваясь с ними, он приподнял шляпу (да, да, на нем и впрямь была шляпа, новенькая зеленая шляпа с широкими полями, а еще лимонно-желтые перчатки), а после присел за их столик.

— Хороший вечер, дамы? — спросил он.

Они же только захихикали и ответили, мол, да, они развлекаются, спасибо, и вообще они тут в отпуске. А он им:

— Сейчас станет еще веселее, помяните мое слово.

Он казался старше их, много, много старше, но был само обаяние: человек ушедшей эпохи, когда обходительные манеры еще чего-то стоили. Бармен расслабился. Когда в баре такой человек, вечер удастся.

Потом пели под караоке. Танцевали. Старик тоже поднимался петь на импровизированную сцену. И не один раз, а дважды. У него был хороший голос, прекрасная улыбка и ноги, которые так и мелькали, когда он танцевал. Выйдя в первый раз, он спел «Что нового, киска?». А когда вышел во второй, то испоганил жизнь Толстому Чарли.

Толстый Чарли был толстым всего лет пять: с почти десяти — когда его мать объявила на весь свет, что с одним и только одним она покончила раз и навсегда (и если у означенного негодяя есть возражения, то он сами знаете куда может их засунуть), а именно с семейной жизнью с престарелым козлом, за которого ей не посчастливилось выйти замуж, и что утром она уезжает далеко-далеко и лучше бы ему не пытаться ее разыскивать — до четырнадцати, когда Толстый Чарли чуть подрос и стал понемногу заниматься спортом. Он не был толстым. Правду сказать, он даже пухлым не был, просто чуть рыхлым и бесформенным. Но прозвище «Толстый» прилипло, как жвачка к подошве кроссовки. Он представлялся как Чарльз или (когда ему было двадцать с небольшим) Чаз, или письменно Ч.Нанси, но без толку: кличка выползала словно из ниоткуда, проникала в

новую часть его жизни, как тараканы из-за холодильника в новенькую кухню, и хочешь не хочешь (а Чарли не хотел) он опять становился Толстым Чарли.

А виной тому (вопреки всей логике, Чарли был в этом уверен) отец, ведь когда он давал кому-то или чему-то прозвище, оно приставало намертво.

Жил один пес, через дорогу от дома во Флориде, где прошло детство Толстого Чарли. Это был каштановый боксер, с длинными ногами, остроконечными ушами и с мордой такой, будто щенком налетел с разбегу на стену. Голову он держал высоко, обрезок хвоста — пистолетом. С первого взгляда видна, перед вами аристократ среди собак. Его возили на выставки. У него были розетки «Лучший в породе» и «Лучший в классе» и даже одна «Лучший на выставке». Этот пес носил гордое имя Кэмпбеллс Макинрори Арбутнот Седьмой, а владельцы, когда решались на фамильярность, звали его Кэмп. Так продолжалось до того дня, когда отец Толстого Чарли, попивая пиво в облупившемся кресле-качалке на крыльце, заметил, как пес лениво бегает по соседскому двору на цепи, которая смещалась по веревке от пальмы до заборного столба.

— Вот так Гуфи! — воскликнул отец Толстого Чарли. — Надо же, какой дурашливый пес! Вылитый дружок Дональда Дакка из мультика. Эй, Гуфи!

И реальность «Лучшего на выставке» пса внезапно сдвинулась и вывихнулась. Толстый Чарли словно бы взглянул на него отцовскими глазами, и черт бы его побрал, если перед ним не самый дурашливый на свете, разгуфийный пес. Почти плюшевый.

Прошла неделя, и прозвище распространилось по всей улице. Владельцы Кэмпбеллса Макинрори Арбутнота Седьмого с ним боролись, но с тем же успехом могли бы встать на пути урагана. Совершенно незнакомые люди гладили некогда гордого боксера по голове и говорили: «Привет, Гуфи. Как дела, дружок?» Вскоре владельцы перестали записывать пса на выставки. Просто духу не хватало. «Как он похож на собачку из мультика», — говорили судьи.

Да уж, отец Толстого Чарли давал такие прозвища, что они прилипали намертво.

И это в нем было еще далеко не самое худшее.

За годы детства у Толстого Чарли набрался целый ряд кандидатов на роль «самого худшего»: оценивающий взгляд и не менее предприимчи-

вые пальцы (здесь речь обычно шла о молодых дамах со всей округи, которые жаловались маме Толстого Чарли, и тогда бывали ссоры), тонкие черные сигариллы, которые он называл черуттами и запах которых льнул ко всему, чего бы он ни касался, его пристрастие к странно шаркающей чечетке, модной (как подозревал Чарли) с полчаса в Гарлеме середины двадцатых; его полнейшее и неукротимое невежество относительно всего, что творится в современном мире, в сочетании с твердой убежденностью, что сериалы — это получасовые «окна» в перипетии жизней реальных людей. На взгляд Чарли, каждую мелочь в отдельности еще нельзя было квалифицировать как «худшее», но все вносили свой вклад в общую картину.

Наихудшим же в нем было самое простое: Чарли постоянно его стеснялся. Разумеется, все стесняются своих родителей. А как же иначе? В природе родителей стеснять детей самим фактом своего существования, так же как в природе детей сжиматься от конфуза и стыда, если родители хотя бы заговаривают с ними на улице.

И, конечно же, отец Чарли возвел это в искусство и упивался им, как наслаждался розыгрышами всех мастей, от простых (Толстый Чарли

никогда не забудет, как увидел однажды утром в зеркале американский флаг, нарисованный зубной пастой у себя на физиономии) до невообразимо сложных.

— Например? — спросила однажды вечером невеста Толстого Чарли Рози.

Толстый Чарли, обычно избегавший разговоров о своем отце, как раз пытался (довольно сбивчиво) объяснить, почему приглашать его отца на их будущую свадьбу чудовищно плохая идея. Они сидели в небольшом кафе в Южном Лондоне. Толстый Чарли давно уже пришел к выводу, что четыре тысячи миль плюс Атлантический океан — самое подходящее расстояние между ним и его родителем.

— Ну… — протянул Толстый Чарли.

И в памяти у него возникла череда унижений, от каждого из которых даже сейчас невольно поджимались пальцы на ногах. Он выбрал только одну историю.

— Понимаешь, когда я в десять лет перешел в другую школу, отец без устали твердил, как в детстве всегда ждал Дня Президента, потому что есть такой закон, по которому дети, приходящие на занятия в костюме любимого президента, получают большой мешок конфет.

— Какой забавный закон! — улыбнулась Рози. — Жаль, у нас в Англии ничего такого нет.

Рози никогда не уезжала из Соединенного Королевства — если не считать каникул, когда она ездила в дешевый молодежный тур на какой-то остров, расположенный (она почти не сомневалась) в Средиземном море. Пусть она не слишком хорошо разбиралась в географии, у нее были теплые карие глаза и доброе сердце.

— Это не забавный закон, — буркнул Толстый Чарли. — Такого закона вообще не существует. Он его придумал. В большинстве штатов занятия в День Президента вообще отменены, а где нет, нет и традиции ходить в школу в костюме любимого президента. И никакой принятый конгрессом закон не предписывает дарить детям мешок конфет, и твою популярность в последующие годы, до самого конца школы не определяет исключительно то, в какого президента ты вырядишься. Середнячки будто бы одеваются в кого попроще, в линкольнов и вашингтонов или джефферсонов, но те, кому суждено стать популярным, вот эти приходят как Джон Квинси Адамс, или Уоррен Гамалиель Хардинг, или еще кто-нибудь в том же духе. И нельзя загодя обсуждать свой костюм, поскольку это приносит неудачу. Или, точнее, не

приносит, но он так сказал.

— И мальчики, и девочки одеваются в президентов?

— А? Да, и мальчики, и девочки. Поэтому я целую неделю перед Днем Президента провел, читая все, что есть о президентах во «Всемирном альманахе», стараясь выбрать самого подходящего.

— И ты не заподозрил, что он тебя дурачит? Толстый Чарли покачал головой.

— Стоит папочке за тебя взяться, такое даже в голову не придет. Он лучший лжец на свете. Такая сила убеждения!

Рози отпила глоток шардоне.

— Ив кого ты нарядился?

— В Тафта. В двадцать седьмого президента. На мне был коричневый костюм, который отец где-то выкопал, штанины пришлось закатать, а спереди затолкать подушку. Еще у меня были нарисованные усы. Отец сам в тот день повел меня в школу. Я пришел такой гордый. Остальные ребята только улюлюкали и показывали на меня пальцами, и в какой-то момент я просто заперся в уборной для мальчиков и заплакал. Пойти домой переодеться мне не позволили. Пришлось весь день так проходить. Это был сущий ад.

— Надо было что-нибудь придумать, — откликнулась Рози. — Мол, после уроков ты идешь на маскарад или еще что-нибудь. Или просто сказать правду.

— Ну да, — многозначительно и мрачно протянул Толстый Чарли, вспоминая.

— И что сказал твой папа, когда ты вернулся домой?

— Ах он? Он пополам согнулся от смеха. Давился и хихикал. А потом сказал, что, наверное, от маскарада на День Президента уже отказались. А еще, мол, хватит дуться, пора идти на пляж искать русалок.

— Искать… русалок?

— Мы спускались на пляж и ходили вдоль кромки воды, и он вел себя так, что любого бы вогнал в краску: то начинал вдруг, петь или выделывал шаркая какие-нибудь коленца, то просто заговаривал с людьми. С совершенно незнакомыми людьми, с первыми встречными! Мне было так неловко… Вот только он говорил, что в Атлантическом океане живут русалки, и если я буду смотреть внимательно, то углом глаза обязательно какую-нибудь увижу. «Вот там! — восклицал он. — Видел? Рыжая красавица с зеленым хвостом». А я все смотрел и смотрел,

но ничего не видел.

Он покачал головой. Потом взял из мисочки на столе горстку орехов ассорти и стал забрасывать по одному в рот, с силой раздавливая зубами, будто каждый был унижением двадцатилетней давности, которое ни за что не стереть.

— Брось, — весело сказала Рози. — Судя по всему, он занятный тип. Обязательно надо будет позвать его на свадьбу. Он станет душой праздника.

А вот это, объяснил Толстый Чарли, едва не подавившись бразильским орехом, последнее, чего бы ему хотелось, — чтобы объявился его отец и стал душой праздника. Он не сомневается, больше, чем отца, ему не придется стесняться никого на всем белом свете. И добавил, что был бы совершенно счастлив еще сто лет не видеть старого козла и что самое лучшее, что сделала его мать, это ушла от него и переехала жить к тете Альме в Англию. Свое утверждение он подкрепил, категорически заявив, что будь он проклят, дважды проклят и, вполне возможно, даже трижды проклят, если пригласит отца. На деле, завершил Толстый Чарли, самое лучшее в браке то, что можно не приглашать отца на свадьбу.

Тут Толстый Чарли увидел выражение лица

Рози и стальной блеск в обычно ласковых глазах и поспешил исправиться, объяснив, что имел в виду второе самое лучшее, но было уже слишком поздно.

— Привыкай к мысли, — посоветовала Рози. — В конце концов свадьба — самое лучшее время залечивать старые раны. Это твой шанс показать ему, что не держишь на него зла.

— Но я же держу! — возразил Толстый Чарли. — Еще как держу!

— У тебя есть его адрес? — спросила Рози. — Или номер телефона? Тебе, наверное, следует ему позвонить. Когда женится единственный сын, письмо выглядит как-то безлично… Ведь ты его единственный сын, верно? Электронная почта у него есть?

— Да. Я его единственный сын. И я понятия не имею, есть ли у него электронная почта. Скорее всего нет.

«Письмо — это хорошо, — подумал Толстый Чарли. — Как минимум его могут потерять на почте».

— Так у тебя есть адрес или номер телефона?

— У меня нет, — честно ответил Толстый Чарли. Может, отец переехал? Мог же он перебраться из Флориды куда-нибудь, где нет ни телефонов,

ни адресов?

— А у кого есть? — проницательно спросила Рози.

— У миссис Хигглер, — сказал Толстый Чарли и совсем пал духом.

— И кто такая миссис Хигглер? — ласково улыбнулась Рози.

— Друг семьи. Когда я был маленьким, она жила по соседству.

Он разговаривал с миссис Хигглер несколько лет назад, когда умирала мама. По просьбе матери он позвонил миссис Хигглер, чтобы она передала отцу Толстого Чарли, что дело плохо, и попросила, чтобы он с ней связался. Несколько дней спустя на автоответчике Толстого Чарли появилось сообщение, оставленное, пока он был на работе. Голос был, безусловно, отцовский, хотя и довольно старческий и чуточку пьяный. Отец сказал, что время неподходящее и что дела удерживают его в Америке. А после добавил, что, несмотря ни на что, мать Толстого Чарли чертовски хорошая женщина. Несколько дней спустя в палату доставил и вазу с полевыми цветами. Прочитав приложенную карточку, мать Толстого Чарли фыркнула.

— Он думает, что я так сразу размякну? — во-

просила она в пространство. — Придется ему крепко подумать. Уж ты мне поверь.

Но вазу велела поставить на почетное место у кровати и с тех пор несколько раз спрашивала Толстого Чарли, не слышал ли он что-нибудь? Не собирается ли отец навестить ее перед концом?

Толстый Чарли отвечал, что ничего не знает. Понемногу он начал ненавидеть и ее вопросы, и свои ответы, и выражение на ее лице, когда он снова и снова повторял, мол, нет, отец не приедет.

Самым худшим днем, по мнению Чарли, был тот, когда низенький мрачный врач отвел его в сторону и сказал, что осталось недолго, что его мать быстро уходит и их задача облегчить ей последние дни.

Кивнув, Толстый Чарли отправился к матери. Держа его за руку, она как раз спрашивала, не забыл ли он оплатить ее счета за газ, когда в коридоре начался какой-то переполох: грохот и шум, топот и бряцанье, барабанный бой и литавры, короче, все те звуки, какие обычно не услышишь в больнице, где таблички на лестницах требуют соблюдать тишину, а ледяные взгляды медсестер и санитарок вынуждают к повиновению.

Шум становился все громче.

В какой-то момент Толстый Чарли решил, что это террористы. А вот его мать слабо улыбнулась какофонии.

— Желтая птица, — прошептала она.

— Что? — переспросил Толстый Чарли, испугавшись, что она теряет рассудок.

— «Желтая птица», — повторила она громче и тверже. — Они играют «Желтую птицу».

Подойдя к двери, Толстый Чарли выглянул наружу.

По больничному коридору, не обращая внимания на протесты сестер, ошеломленные взгляды пациентов в пижамах и их родных, шел очень маленький новоорлеанский джаз-банд. Тут были саксофонист и трубач. Тут был огромный детина, тащивший контрабас, туг был человечек с большим барабаном, в который он бил. И во главе этой оравы, в щегольском клетчатом костюме, фетровой шляпе и лимонно-желтых перчатках вышагивал отец Толстого Чарли. Ни на каком инструменте он не играл, но отплясывал степ по затертому больничному линолеуму, приподнимал шляпу перед каждой нянечкой и сестрой, пожимал руки всем, кто оказывался достаточно близко, чтобы заговорить и пожаловаться.

Прикусив губу, Толстый Чарли взмолился всем

силам небесным, кто мог бы его услышать, чтобы земля разверзлась и поглотила его, а если нет, то пусть с ним случится быстрый, милосердный и бесконечно фатальный сердечный приступ. Не повезло. Он остался в живых, начищенная медь неуклонно приближалась, отец танцевал, пожимал руки и улыбался.

«Если есть на свете справедливость, — подумал Толстый Чарли, — отец пройдет дальше по коридору. Мимо нас. Прямо в урологическое отделение». Но на свете нет справедливости, и у двери в онкологическую палату отец остановился.

— Толстый Чарли, — сказал он так громко, что все в отделении, на этаже, в целой больнице поняли, что Толстый Чарли знает этого человека. — Посторонись, Толстый Чарли. Твой отец пришел.

Толстый Чарли посторонился. Возглавляемый отцом джаз-банд змеей потянулся к кровати матери. Когда он приблизился, она подняла глаза и улыбнулась.

— «Желтая птица», — слабо сказала она. — Моя любимая песня.

— Что бы я был за человек, если бы забыл? — спросил отец Толстого Чарли.

Мать медленно качнула головой и, протянув

руку, сжала его пальцы в лимонно-желтой перчатке.

— Прошу прощения, эти люди с вами? — вмешалась невысокая блондинка с планшеткой.

— Нет, — ответил Толстый Чарли, щеки у него пылали. — Честное слово. Нет.

— Но это же ваша мать, верно? — Женщина смерила его взглядом василиска. — Будьте добры, сделайте так, чтобы они немедленно освободили палату, и, пожалуйста, без дальнейшего нарушения покоя.

Толстый Чарли сбивчиво забормотал.

— Что вы сказали?

— Я сказал, я почти уверен, что ничего не могу поделать, — внятно произнес Толстый Чарли.

Он утешал себя, что хуже уже не будет, но тут отец забрал у барабанщика пластиковый пакет и начал доставать из него банки с элем и раздавать их… музыкантам, нянечкам и пациентам. А после он закурил черутту.

— Прошу прощения, — сказала женщина с планшеткой, а увидев дым, стартовала через комнату, нацелясь на отца Толстого Чарли как боеголовка «земля-земля» с часиками на цепочке.

Толстый Чарли воспользовался шансом улизнуть. Это казалось самым мудрым.

Вечером он сидел и ждал, когда раздастся телефонный звонок или стук в дверь. Точно так же осужденный стоит на коленях под гильотиной и ждет, когда почувствует холодок от лезвия на шее. Но ничего не происходило. Всю ночь он почти не смыкал глаз и наутро проскользнул в больницу, готовясь к худшему.

Такой счастливой и здоровой мать выглядела впервые за многие месяцы.

— Он уехал, — объяснила она Толстому Чарли. — Не смог остаться. Должна сказать, Чарли, мне очень жаль, что ты ушел. Мы устроили вечеринку. Мы на славу повеселились.

Толстый Чарли не мог вообразить себе ничего хуже, чем вечеринка в палате для больных раком, вечеринка, которую устроил его отец со своим джаз-бандом, но промолчал.

— Он не плохой человек, — сказала мама Толстого Чарли, озорно блеснув глазами. Потом нахмурилась. — Нет, это не совсем верно. Он совершенно точно не хороший человек. Но вчера вечером он принес мне уйму пользы.

Тут она улыбнулась настоящей радостной улыбкой и на мгновение снова стала молодой.

В дверях стояла вчерашняя блондинка с планшеткой, которая теперь поманила Толстого

Чарли пальцем. Ползя со скоростью улитки через палату, он начал шепотом извиняться, еще будучи вне пределов слышимости. Но, подойдя поближе, сообразил, что вид у блондинки вовсе не как у василиска с желудочной коликой. Теперь она выглядела шаловливым котенком.

— Ваш отец, — начала она.

— Извините, пожалуйста, — выпалил Толстый Чарли, как делал это в детстве всякий раз при упоминании отца.

— Нет, нет, — откликнулась бывшая василиск. — Не за что извиняться. Мне просто интересно… Ваш отец… На случай, если нам понадобится с ним связаться… В карте нет ни телефона, ни адреса. Мне следовало бы спросить вчера, но совершенно вылетело из головы.

— Сомневаюсь, что у него есть телефон, — сказал Толстый Чарли. — Чтобы его найти, лучше всего слетать во Флориду и проехать по шоссе A1. Это прибрежное шоссе, которое идет вдоль всего полуострова. После полудня вы, возможно, застанете его за рыбалкой с моста. Вечером он будет в баре.

— Такой обаятельный мужчина, — мечтательно протянула она. — Чем он занимается?

— Я же вам сказал. Он называет это чудом хлеба

насущного.

Блондинка посмотрела на него недоуменно, и Толстый Чарли почувствовал себя глупо. Когда эти слова произносил отец его, собеседники смеялись.

— Э-э-э… Как в Библии. Чудо хлебов и рыб. Папа обычно говорил, что просто рыбачит, и истинное чудо, что ему удается добывать себе на хлеб. Шутка, понимаете?

Ответом ему стал затуманенный взгляд.

— Да, — протянула блондинка. — У него такие смешные шутки. — Потом она щелкнула языком и снова стала сама деловитость. — Итак, вы нужны мне здесь в половине шестого.

— Зачем?

— Забрать вашу мать. И ее вещи. Разве доктор Джонсон не сказал вам, что ее выписывают?

— Вы отправляете ее домой?

— Да, мистер Нанси.

— А как же… а как же рак?

— Кажется, была ложная тревога.

Толстый Чарли не мог понять, как это могла быть ложная тревога. На прошлой неделе врачи собирались послать его мать в хоспис. Врач произносил такие фразы, как «недели, не месяцы» и «их задача облегчить ей неизбежный конец».

Тем не менее он вернулся в половине шестого и забрал мать, которая как будто ничуть не удивилась, узнав, что больше не умирает. По дороге домой она сказала, что спустит сбережения на путешествия по миру.

— Врачи говорили, мне осталось три месяца. И точно помню, как, слушая их, я думала, что если когда-нибудь встану с больничной койки, то поеду в Париж и в Рим, и еще куда-нибудь. Вернусь на Барбадос и на Сан Андреас. Возможно, съезжу в Африку. И в Китай. Я люблю китайскую кухню.

Толстый Чарли не понимал, что происходит, но во всем винил своего отца.

Отвезя мать с увесистым чемоданом в аэропорт Хитроу, он помахал ей на прощание в зале международных перелетов. Проходя через контроль, она лучилась улыбками, сжимая в руке паспорт и билеты, и выглядела такой молодой, какой Чарли не помнил ее уже многие годы. Она посылала ему открытки из Парижа и Рима, из Афин и Лаоса или из Кейптауна. В открытке из Нанкина писала, что ей совсем не понравилось то, что тут, в Китае, выдают за китайскую кухню, и она ждет не дождется, когда вернется в Лондон поесть настоящих китайских блюд.

Умерла она во сне, и случилось это в отеле

города Уильямстаун на карибском острове Сан Андреас.

На похоронах в «Крематории Южного Лондона» Толстый Чарли ожидал встретить отца: может, старик устроит грандиозное выступление во главе джаз-банда или по проходу за ним потянется труппа клоунов вперемежку с шимпанзе на трехколесных велосипедах и с сигарами в зубах. Но отца Толстого Чарли тут не было, только подруги и дальние родственницы матери — по большей части крупные женщины в черных шляпах, которые сморкались, прижимали носовые платки к глазам и качали головами.

А когда зазвучат последний псалом, когда была нажата кнопка и мама покатилась по линии конвейера к своему воздаянию после смерти, Толстый Чарли заметил мужчину одних с ним лет, который стоял у задней стены часовни. Совершенно точно не отец. Но кто-то, кого он не знал, даже не заметил бы среди теней, если бы не выискивал глазами отца… И вот пожалуйста, незнакомец в элегантном черном костюме, взгляд опущен, руки сложены.

Толстый Чарли на один лишний момент задержался на нем взглядом, и, подняв голову, незнакомец сверкнул ему безрадостной улыбкой

— на лицах чужих людей такого обычного не увидишь, и все равно Чарли не мог сообразить, кто это. Он отвернулся к алтарю. Там пели «Спускайся вниз, сладкая колесница» (Толстый Чарли был почти уверен, что мать никогда не любила этот псалом), и преподобный Райт пригласил всех к двоюродной бабушке Толстого Чарли Альме немного перекусить. В доме двоюродной бабушки Альмы собрались сплошь знакомые лица.

За годы, прошедшие со смерти матери, он иногда вспоминал про незнакомца. Интересно, кто это был? Зачем приходил в часовню? Временами Толстому Чарли казалось, будто он ему только привиделся…

— Значит, так, — сказала, допив шардоне, Рози, — ты позвонишь своей миссис Хигглер и дашь ей номер моего сотового. Расскажешь ей про свадьбу и когда она будет… Да, кстати. Как по-твоему, следует ее пригласить?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Толстый Чарли. — Только сомневаюсь, что она приедет. Она старый друг семьи, отца знает с незапамятных времен.

— Прозондируй почву. Узнай, не надо ли ей послать приглашение.

Рози была хорошим человеком. В ней было по-

немногу от Франциска Ассизского, Робина Гуда, Будды и волшебницы Глинды Доброй из «Страны Оз», она решила, что примирение любимого с отцом придаст их свадьбе дополнительный смысл. Это уже была не простая свадьба, а практически священная миссия мира, и Толстый Чарли достаточно давно знал Рози, чтобы никогда не вставать между своей невестой и ее потребностью Творить Добро.

— Завтра позвоню миссис Хигглер, — смирился он.

— О! Придумала! — Рози трогательно сморщила носик. — Позвони-ка ты ей сегодня. В Америке ведь еще не так поздно.

Толстый Чарли кивнул. Они вышли из кафе: Рози легкой походкой, Чарли — как приговоренный к виселице. Он уговаривал себя не глупить: может же миссис Хигглер в конце концов переехать или отключить телефон. Все возможно. Все что угодно возможно.

Они пошли к Толстому Чарли, поднялись на второй этаж скромного домика в Максвелл-гарденс рядом с Брикстон-роуд.

— Сколько сейчас во Флориде? — спросила Рози.

— Почти вечер.

— Отлично. Звони же.

— Давай подождем? Что, если она вышла?

— А может, лучше сейчас, пока она не села обедать?

Толстый Чарли отыскал старую бумажную записную книжку и на букву «Х» — обрывок конверта, где почерком матери был записан номер телефона, а под ним — «Каллианна Хигглер».

Телефон звонил и звонил.

— Ее нет дома, — объяснил он Рози, но в этот момент на том конце подняли трубку и женский голос произнес:

— Да? Кто это?

— М-м-м. Это миссис Хигглер?

— Кто это? — повторила миссис Хигглер. — Если вы из треклятого сетевого маркетинга, то немедленно вычеркните меня из списка, не то я подам на вас в суд. Я свои права знаю.

— Нет. Это я. Чарльз Нанси. Я раньше жил по соседству.

— Толстый Чарли? Вот так сюрприз. Я целое утро искала твой телефон. Весь дом вверх дном перевернула и, как по-твоему, нашла? Если хочешь знать, наверное, записала его в какую-нибудь старую книгу расходов. Честное слово, дом вверх дном перевернула. Поэтому сказала себе: Калли-

анна, сейчас самое время просто помолиться и уповать, что Господь тебя услышит и наставит, и потому стала на колени, а они у меня сейчас уже не те, и руки сложила, но все равно твоего номера не нашла, что в какой-то мере даже неплохо, особенно потому, что я не из денег сделана и не могу себе позволить звонить за границу даже по такому случаю, хотя я собиралась тебе позвонить, не волнуйся, учитывая, что случилось…

Тут она остановилась, то ли чтобы перевести дух, то ли чтобы отпить из гигантской кружки обжигающе горячего кофе, которую всегда держала в левой руке, и в мгновение тишины Толстый Чарли поспешил вставить:

— Я хотел пригласить папу на свадьбу. Я женюсь.

На том конце провода воцарилось молчание.

— Но свадьба будет не раньше конца года…

Все равно тишина.

— Ее зовут Рози, — стараясь разрядить напряжение, добавил он.

Толстый Чарли уже начал задумываться, а не оборвалась ли связь: разговоры с миссис Хигглер обычно бывали одно-сторонними, часто она даже произносила реплики за собеседника, а тут дала целых три фразы сказать, не прерывая. Он решил

попробовать четвертую:

— И вы тоже приезжайте, если хотите.

— Господи, господи, господи! — забормотала миссис Хигглер. — Никто тебе не сказал?

— Что?

Тогда она ему объяснила пространно и в подробностях, а он только стоял и ни слова не мог выдавить, а когда она закончила, сказал только:

— Спасибо, миссис Хигглер, — и записал что-то на клочке бумаги. А потом снова: — Спасибо. Нет, честное слово, спасибо, — и положил трубку.

— Ну? — спросила Рози. — Получил его номер?

— Папа на свадьбу не приедет. — А потом: — Мне нужно поехать во Флориду.

Голос у него был пустой и бесчувственный. С тем же успехом он мог бы сказать: «Нужно заказать новую чековую книжку».

— Когда?

— Завтра.

— Зачем?

— На похороны. Моего папы. Он умер.

— Ох! Мне очень жаль. Мне так жаль!

Она обняла его покрепче, а он только стоял как манекен из витрины.

— Как это… как он… он был болен?

Толстый Чарли покачал головой.

— Не хочу об этом говорить.

И Рози обняла его еще крепче, потом сочувственно кивнула и отпустила. Она решила, что он слишком горюет, чтобы говорить о своих чувствах.

Но нет. Совсем нет. Он слишком стеснялся случившегося.

Есть, наверное, сотни респектабельных способов умереть. Например, прыгнуть в реку с моста, чтобы спасти маленького ребенка. Или пасть под градом пуль, единолично штурмуя бандитское гнездо. Совершенно респектабельные способы умереть.

Правду сказать, существуют и не слишком респектабельные способы умереть. Даже эти не так плохи. Спонтанное самовозгорание, например: щекотливо, с точки зрения медицины, и маловероятно, с точки зрения науки, но люди тем не менее упорно самовозгораются, оставляя по себе лишь обугленную руку с зажатой в пальцах недокуренной сигаретой. Толстый Чарли читал про такое в одном журнале и ничего не имел бы против, если бы отца постиг такой конец. Или даже если бы у него случился инфаркт, пока он догонял воров, укравших у него деньги на пиво.

Но нет, отец Толстого Чарли умер не так.

Он рано пришел в бар, начал вечер, спев под караоке «Что нового, киска?». И (по словам миссис Хигглер, которая сама там не присутствовала) исполнил эту песню так, что Тома Джонса эксальтированные дамочки забросали бы нижним бельем, а он только получил дармовое пиво от нескольких блондинок-туристок, которые считали его самым большим очаровашкой, какого только встречали.

— Это они во всем виноваты, — горько сказала по телефону миссис Хигглер. — Это они его подстрекали!

Эти женщины, затянувшие себя в узкие топы на резинке, эти женщины с красноватым загаром от слишком раннего солнца годились ему в дочери.

И потому очень скоро он оказался у них за столиком, курил свои черутты и прозрачно намекал, что во время войны служил в разведке (хотя осторожничал и не говорил, во время какой именно войны) и еще что знает десяток способов голыми руками запросто убить человека. А потом решил покружить по танцполу самую грудастую и блондинистую туристку, пока одна из ее товарок распевала со сцены «Чужие в ночи» Фрэнка Синатры. Он как будто развлекался вовсю, хотя туристка была на голову его выше, так что он

поблескивал ухмылкой на уровне ее бюста.

Покончив с танцем, он объявил, что сейчас опять его очередь. А поскольку он как никто другой был уверен в своей гетеросексуальности, то спел «Я есть, что я есть» всему залу, но особенно самой блондинистой туристке за столиком под сценой. Он выложился вовсю. И как раз собирался объяснить всем вокруг, что, на его взгляд, жизнь ломаного гроша бы не стоила, если бы он не мог сообщить всем и каждому, что собой представляет, когда вдруг скорчил странную гримасу, прижал одну руку к груди, а другую вытянул и повалился (настолько медленно и элегантно, насколько может повалиться мужчина) с импровизированной сцены и на ту самую блондинистую туристку, а с нее на пол.

— Ему всегда хотелось так уйти, — вздохнула миссис Хигглер.

А потом она сказала Толстому Чарли, как последним жестом его отец схватил и дернул вниз что-то, оказавшееся топом без бретелек блондинистой туристки, поэтому сначала все решили, что это он сладострастно нырнул со сцены с единственной целью обнаружить красную от загара грудь. Ведь что же получилось? Вот вам, пожалуйста, она вопит, ее грудь выставлена на

всеобщее обозрение, а на сцене играет «Я есть то, что я есть», только никто под музыку не поет.

Когда зеваки сообразили, что на самом деле произошло, повисло двухминутное молчание, а после отца Толстого Чарли вынесли из бара и положили в машину «скорой помощи» — блондинистая туристка тем временем устраивала истерику в дамской комнате.

Именно голая грудь не шла у Толстого Чарли из головы. В мыслях соски обвиняюще следовали за ним по комнате, как взгляд Джоконды с картины. Ему все время хотелось извиниться перед посетителями бара, которых он в глаза не видел. А от сознания того, что отец счел бы это уморительным, становилось только хуже. Когда тебе стыдно за то, при чем ты даже не присутствовал, тебе становится еще хуже: воображение постоянно приукрашивает события, раз за разом возвращается к ним, снова и снова ворошит их и изучает со всех сторон. Ну с вами, возможно, дело обстоит иначе, а у Толстого Чарли было как раз такое воображение.

От стеснения у Толстого Чарли, как правило, начинали ныть зубы и желудок куда-то проваливался. Если на телеэкране случалось что-то, хотя бы предвещавшее неловкую ситуацию, Толстый

Чарли вскакивал и выключал телевизор. Если это было невозможно (скажем, в комнате он был не один), то он под каким-нибудь предлогом выходил и пережидал, пока неловкая ситуация не разрешится.

Толстый Чарли жил в Южном Лондоне. В возрасте десяти лет он приехал сюда с американским акцентом, за который его безжалостно дразнили, от которого он по мере сил старался избавиться и наконец искоренил все до единой мягкие согласные и раскатистые «р», научившись правильно и к месту употреблять чисто английские междометия. Когда к шестнадцати ему удалось окончательно расстаться с акцентом, его школьные друзья только-только обнаружили, что им необходимо говорить так, будто они из Бруклина. Вскоре все, кроме Чарли, говорили как люди, которые хотят говорить так, как говорил Толстый Чарли, когда только-только приехал в Англию, — вот только он ни за что не произнес бы на публике таких слов, не то мама тут же дала бы ему подзатыльник.

Все дело в тоне.

Когда стеснение от того, как отец окончил свои дни, начало понемногу спадать, Толстый Чарли поймал себя на мысли, что ощущает лишь сосу-

щую пустоту.

— У меня нет семьи, — почти раздраженно сказал он Рози.

— У тебя есть я.

Это вызывало у Толстого Чарли улыбку.

— И моя мама, — добавила Рози, отчего его улыбка разом увяла. Рози поцеловала его в щеку.

— Может, останешься на ночь? — предложил он. — Утешишь меня и так далее.

— Могла бы, — согласилась она. — Но не останусь.

Рози не собиралась спать с Толстым Чарли, пока они не поженятся. Она сказала, что такое решение приняла, когда ей было пятнадцать; нет, конечно, Толстого Чарли она тогда не знала, но решения надо выполнять. Поэтому она его обняла — крепко и надолго. И сказала:

— Хотя бы теперь тебе нужно помириться с отцом, ты же сам знаешь.

И поехала домой.

А он провел беспокойную ночь — то дремал, то просыпался и мучил себя разными вопросами, потом снова проваливался в сон.

Проснулся он на рассвете. Когда люди придут на работу, он свяжется со своим турагентом и спросит про скидки для скорбящих во Флориду,

потом позвонит в «Агентство Грэхема Хорикса» и скажет, что в связи с кончиной родственника берет несколько отгулов и, да, он знает, что это из его отпуска по болезни или из настоящего отпуска. Но пока он был счастлив, что в мире так тихо.

Пройдя по коридору в крошечную пустую комнатенку на задах дома, он посмотрел в сад. Утренний хор уже начался, с ветки на ветку перелетали черные дрозды и воробьи, а на ближайшем дереве сидел одинокий скворец с крапчатой грудкой. Толстый Чарли подумал, что мир, в котором по утрам поют птицы, это нормальный мир, разумный мир, мир, жить в котором приятно.

Позже, когда птицы станут смертельной угрозой, Толстый Чарли еще будет вспоминать то утро как нечто доброе и милое, но и как момент, когда все началось. Мгновение до безумия, до страха.

Глава вторая, в которой рассказывается о том, что иногда случается после похорон

Отдуваясь и щурясь на флоридское солнце, Толстый Чарли пробирался по Мемориальным Садам Успокоения. По пиджаку расползались от подмышек темные пятна, со лба катил пот.

Мемориальные Сады Успокоения действительно напоминали сад, но очень странный: все цветы здесь были искусственными и росли из металлических ваз, в свою очередь, поднимавшихся из вкопанных в землю стальных плит. Толстый Чарли прочел на бегу надпись на одной из них: «БЕСПЛАТНЫЙ похоронный участок для ветеранов, уволенных в запас с почестями!» Он миновал Младенцекрай, где среди искусственных цветов на флоридском газоне торчали разноцветные игрушки-вертушки и сидели отсыревшие голубые и розовые плюшевые мишки. В синее небо бессмысленно смотрел плесневеющий Винни-Пух.

Впереди уже показалась группка людей в трауре, и Толстый Чарли чуть изменил направление, отыскав нужную тропинку, чтобы поскорее до

нее добраться. Вокруг могилы стояли человек тридцать, может, чуть больше. Женщины были в темных платьях и больших черных шляпах с отделкой из черных же кружев — точь-в-точь инопланетные цветы. На от мужчинах — костюмы без пятен пота. Серьезно глядели дети. Толстый Чарли перешел с бега на уважительный шаг, все еще стараясь спешить, но при этом чтобы никто не заметил, что он торопится, и, подойдя к скорбящим, попытался осторожно, не привлекая к себе излишнего внимания пробраться в первые ряды. Учитывая, что к тому времени он пыхтел как кит, который только что вскарабкался на два пролета лестницы, что пот с него лил ручьями и что, протискиваясь, он многим отдавил ноги, его попытка провалилась.

Не только провалилась, но и вызывала свирепые взгляды, которые он постарался проигнорировать. Все пели песню, которую Толстый Чарли не знал. Он кивал головой в такт музыке и пытался шевелить губами, делая вид, что поет по-настоящему, но вполголоса, а может, произносит молитву, а может, у него просто тик. Пением он воспользовался, чтобы заглянуть в могилу, и с удовлетворением увидел, что гроб закрыт.

Гроб был великолепный: из материала, похоже-

го с виду на закаленную сталь и цвета вороненого пистолета. Буде при славном воскрешении, архангел Гавриил затрубит в трубу и мертвые восстанут из могил, подумал Чарли, папочка застрянет у себя в гробу, начнет тщетно биться о крышку, жалея, что его не похоронили с ломом, а еще лучше с ацетиленовой горелкой.

Наконец смолкла последняя мелодичная и протяжная «аллилуйя». В последовавшей за ней тишине Чарли услышал, как кто-то кричит в другом конце кладбища, рядом с воротами, через которые он вошел.

— А теперь кто-нибудь скажет несколько слов в память о дорогом усопшем? — предложил священник.

По лицам тех, кто стоял у самой могилы, очевидно, читалось, что многим есть что сказать. Но Чарли знал: сейчас или никогда. «Тебе нужно помириться с отцом, ты же сам знаешь». Да, верно.

Сделав глубокий вдох, он шагнул вперед и оказался у самого края могилы, где начал:

— М-м… Прошу прощения. Ладно. Думаю, мне нужно кое-что сказать.

Отдаленные крики становились все громче. Кое-кто из пришедших на похороны стал оглядываться, чтобы понять, откуда они раздаются.

Остальные в упор смотрели на Толстого Чарли.

— Мы с отцом никогда не были близки, — начал Толстый Чарли. — Наверное, мы просто не умели. Я на двадцать лет ушел из его жизни, а он — из моей. Нам многое трудно было простить друг другу, но однажды настает день, когда ты оглядываешься вокруг и видишь, что семьи у тебя не осталось. — Он отер ладонью лоб. — Кажется, за всю жизнь я ни разу не говорил «Я люблю тебя, папа». Вы… Вы все, вероятно, знали его лучше меня. Кое-кто из вас, возможно, его любил. Вы были частью его жизни, а я нет. Поэтому мне не стыдно, что кто-либо из вас это услышит. Услышит, как я говорю впервые по меньшей мере за двадцать лет… — Он поглядел вниз, на непроницаемую крышку гроба. — Я люблю тебя, — сказал он. — И я никогда тебя не забуду.

Крики стали еще громче, и в последовавшей за речью Толстого Чарли тишине все разобрали слова, которые кто-то орал с другого конца кладбища:

— Толстый Чарли! Прекрати докучать этим людям и тащи сюда свою задницу! Сейчас же!

Толстый Чарли уставился в море незнакомых лиц, на которых увидел смесь возмущения, недоумения и гнева. Уши у него пылали. Он понял…

— Э-э-э… извините… Ошибся похоронами, — выдавил он.

— Это моя бабушка, — гордо сказал маленький мальчик с огромными ушами и еще большей улыбкой.

Бормоча бессвязные извинения, Толстый Чарли попятился через небольшую толпу. Где же конец света, когда он так нужен? Он понимал, что отец тут не виноват, но знал, что он живот надорвал бы от смеха.

На тропинке, уперев руки в боки, стояла крупная седая женщина с грозовым лицом. Толстый Чарли пошел к ней словно по минному полю, словно ему снова девять лет и он напроказил.

— Ты что, не слышал, как я ору? — вопросила она. — Прошел мимо меня. Оскандалился! Вон туда! — указала она. — Ты пропустил службу и все остальное. Но побросать землю лопатой тебе еще оставили.

За последние два десятилетия миссис Хигглер почти не изменилась, лишь стала чуть толще и чуть больше седины появилось в волосах. Плотно сжав губы, она повела Толстого Чарли по многочисленным дорожкам Садов, а он тем временем думал о том, что произвел не самое лучшее впечатление. И теперь оставалось только позорно

плестись следом. На колышек стального забора в конце Садов Успокоения взбежала ящерка и застыла на самом острие, пробуя язычком душный воздух Флориды. Солнце скрылось за облаком, но стало как будто еще жарче. Ящерица раздула шею ярко-оранжевым шаром.

Журавли на длинных ногах, которых Чарли поначалу принял за садовые украшения, подняли головы, когда они проходили мимо. Один резко дернул шеей, а после поднял клюв, в котором болталась большая лягушка. Чередой глотательных движений он пытался затолкать ее себе в горло, а она упиралась задними лапами и била воздух передними.

— Пойдем, — сказала миссис Хигглер. — Не трать времени попусту. И так скверно, что ты пропустил похороны собственного отца.

Толстый Чарли подавил желание сказать, что за один день он уже преодолел четыре тысячи километров по воздуху, взял напрокат машину и проделал весь путь из Орландо, что съехал с автобана не в том месте, и вообще кто это придумал загнать кладбище за супермаркет на самой окраине города? Они все шли и шли вдоль большого бетонного здания, от которого пахло формальдегидом, пока не достигли открытой

могилы в самом дальнем закутке кладбища. За ней не было ничего, кроме высокого забора, дальше — лишь буйство деревьев, пальм и зелени. В могиле лежал скромный деревянный гроб. На нем уже скопилось несколько горок земли. Рядом с могилой — гора глины и лопата.

Подняв лопату, миссис Хигглер протянула ее Толстому Чарли.

— Неплохая получилась служба, — сказала она. — Явились кое-какие собутыльники твоего отца и все дамы с нашей улицы. Даже когда он переехал в другой квартал, мы не теряли связи. Ему бы служба понравилась. Конечно, еще больше ему бы понравилось, если бы ты тоже присутствовал. — Она покачала головой. — Копай давай. И если у тебя есть что сказать на прощание, можешь говорить, пока закапываешь.

— Я думал, мне полагается бросить всего одну-две лопаты, — сказал он. — Показать, что я готов.

— Я дала тридцать долларов могильщику, чтобы ушел, — объяснила миссис Хигглер. — Сказала, сын усопшего прилетит с другого конца света и захочет сделать папе все как надо. Сделать как надо, а не просто «показать, что готов».

— Ладно, — сказал Толстый Чарли. — Ясно. Усек.

Сняв пиджак, он повесил его на забор. Распустил галстук, стащил его через голову и затолкал в карман пиджака. А потом начал кидать лопатой в открытую могилу глину и черную землю, а кругом дрожал от жара густой, как похлебка, воздух Флориды.

Некоторое время спустя заморосило, только дождь все не мог решить, пойти ему или нет. Когда едешь под таким в машине, никак не можешь понять, включать ли дворники. А когда под таким работаешь лопатой, то просто еще больше потеешь, сыреешь и тебе становится еще больше не по себе. Чарли все копал, миссис Хигглер стояла, скрестив руки на колоссальной груди, а почти дождь туманом обволакивал ее черное платье и соломенную шляпу с одинокой шелковой розой.

Земля и глина раскисли и превратились в грязь. Стали еще более тяжелыми.

Прошла, казалось бы, целая жизнь (и притом не слишком приятная), но, наконец, Толстый Чарли прихлопал лопатой последнюю горсть земли.

Миссис Хигглер подала ему пиджак, который сняла с забора.

— Ты промок до нитки, вспотел и перепачкался, но, кажется, повзрослел. Добро пожаловать домой, Толстый Чарли, — сказала она, улыбнулась

и прижала к необъятной груди.

— Я не плачу, — ответил Толстый Чарли.

— Ну же, ну, — сказала миссис Хигглер.

— Это дождь у меня на лице, — объяснил Толстый Чарли.

Миссис Хигглер молчала. Просто обнимала его и раскачивалась из стороны в сторону, и некоторое время спустя Толстый Чарли сказал:

— Все в порядке. Мне уже лучше.

— Еда у меня в доме, — сказала миссис Хигглер. — Давай тебя накормим.

На стоянке он вытер грязь с ботинок, потом сел в свою серую арендованную машину и последовал за седаном (ужасного брюквенного цвета) миссис Хигглер по улицам, которых двадцать лет назад вообще не существовало. Миссис Хигглер водила как человек, который только что обнаружил, что где-то впереди его ждет вожделенная огромная кружка свежесваренного кофе, поэтому Чарли изо всех сил старался не отставать, несся от светофора к светофору и при этом пытался сообразить, где, собственно, находится.

А потом они свернули на какую-то улицу, и со все растущим дурным предчувствием Чарли понял, что узнает ее. На этой улице он жил ребенком. Даже дома выглядели более-менее

знакомыми, хотя у многих перед палисадниками выросли внушительные заборы из стальной сетки.

Перед домом миссис Хигглер уже стояло несколько машин. Толстый Чарли пристроился за престарелым «фордом». Подойдя к входной двери, миссис Хигглер открыла ее ключом.

Чарли оглядел свой грязный, пропотевший костюм.

— Не могу же я войти в таком виде.

— Я видела и похуже, — сказала миссис Хигглер. Потом потянула носом воздух. — Вот что я тебе скажу: отправляйся прямиком в ванную, там можешь помыть лицо и руки, привести себя в порядок, а когда будешь готов, приходи к нам на кухню.

Толстый Чарли послушно направился в ванную. Там от всего пахло жасмином. Сняв грязную рубашку, он намылил лицо и руки жасминовым мылом над крохотной раковиной. Намочив махровую варежку, вытер себе грудь и как мог отскоблил комья грязи с брюк. Потом посмотрел на рубашку, которую утром надел белой и которая теперь стала редкого оттенка бурой глины, и решил от нее отказаться. В дорожной сумке у него есть свежие, но сумка на заднем сиденье ма-

шины. Лучше просто выскользнуть через черный ход, надеть чистую рубашку и тогда можно будет предстать перед собравшимися на поминки.

Отперев дверь ванной, он ее толкнул.

В коридоре стояли, уставившись на него во все глаза, четыре старушки.

— Что это ты задумал? — спросила миссис Хигглер.

— Сменить рубашку, — отчеканил Толстый Чарли. — В машине рубашка. Да. Скоро вернусь.

Задрав подбородок, он решительно зашагал по коридору к входной двери.

— На каком это языке он говорит? — громко спросила у него за спиной миниатюрная миссис Дунвидди.

— Не каждый день такое увидишь, — сказала миссис Бустамонте, — хотя на Берегу Сокровищ во Флориде что ни день видишь десятки полуголых мужчин и не обязательно в грязных брюках от делового костюма.

Сменив возле машины рубашку, Толстый Чарли вернулся в дом. Старушки на кухне деловито складывали в пластиковые контейнеры остатки, судя по всему, обильного угощения.

Миссис Хигглер была старше миссис Бустамонте, и обе — старше миссис Ноулс, но моложе

миссис Дунвидди. Миссис Дунвидди была старой и выглядела на свои годы. Наверное, существовали геологические эпохи и помладше миссис Дунвидди.

Мальчиком Толстый Чарли воображал себе, как в Экваториальной Африке миссис Дунвидди неодобрительно щурится сквозь толстые линзы очков на едва научившихся ходить гоминидов. «Держись подальше от моего сада, — говорит она едва эволюционировавшему и сильно нервничающему австралопитеку, — не то получишь основательный нагоняй, уж ты мне поверь». От миссис Дунвидди пахло фиалковой водой, за которой чудился запах очень и очень старой женщины. Эта крошечная старушка умела укротить взглядом грозу, и Толстый Чарли, который два десятилетия назад забрался к ней в сад за потерявшимся теннисным мячиком и разбивший украшение ее газона, все еще до смерти ее боялся.

В настоящий момент миссис Дунвидди руками ела куски козлятины в карри из миски.

— Жалко выбрасывать, — объяснила она и положила обсосанные косточки на фарфоровое блюдце.

— Пора тебе поесть, да, Толстый Чарли? — спро-

сила миссис Ноулс.

— Я не голоден. Честное слово.

Четыре пары глаз укоризненно уставились на него поверх четырех пар очков.

— Нет смысла морить себя голодом от горя, — сказала, облизывая пальцы, миссис Дунвидди и выловила еще кусок жирной коричневой козлятины.

— Я не голоден. Просто не голоден. Вот и все.

— Тоска съест тебя изнутри, останутся только кожа да кости, — с мрачным наслаждением сказала миссис Ноулс.

— Сомневаюсь.

— Я тебе много вкусненького припасла. Вон на том столе тарелка стоит, — сказала миссис Хигглер. — Пойди поешь. И больше ни слова. Всего осталось вдоволь, так что не беспокойся.

Толстый Чарли сел, куда сказано, и через минуту перед ним оказалась тарелка, доверху заполненная тушеным горошком и рисом, сладким картофельным пудингом, вяленой свининой, козлятиной и курицей в карри, жареными бананами и маринованной говядиной. Толстый Чарли уже почувствовал приближение изжоги, а ведь еще и куска не проглотил.

— Где все остальные? — спросил он.

— Собутыльники твоего папы пошли пить. Они собираются устроить большую рыбалку с моста в его память. — Миссис Хигглер вылила остатки кофе из своей ведерной походной кружки в раковину, чтобы заменить его дымящейся жидкостью из недавно выкапавшей свое кофеварки.

Дочиста облизав пальцы розовым язычком, миссис Дунвидди прошаркала к столу, где над нетронутой тарелкой сидел Толстый Чарли. Маленьким мальчиком Толстый Чарли искренне верил, что миссис Дунвидди ведьма. И не симпатичная, а такая, которую приходится посадить в печку, чтобы сбежать. Сегодня он увидел ее впервые за двадцать лет и тем не менее с трудом подавил отчаянное желание с визгом забиться под стол.

— Я видела уйму смертей, — сказала миссис Дунвидди. — За мои-то годы. Поживи с мое, своими глазами увидишь. Все однажды умрут, только дайте время. — Она помолчала. — Однако… Никогда бы не подумала, что такое случится с твоим папой. — Она покачала головой.

— Каким он был? — спросил Толстый Чарли. — Когда был молодым?

Миссис Дунвидди поглядела на него через толстые, очень толстые линзы и, поджав губы,

покачала головой.

— Меня тогда еще не было, — сказала она. — Ешь свою говядину.

Вздохнув, Толстый Чарли взялся за еду.

Сгущались сумерки, все разошлись.

— Где ты собираешься ночевать? — спросила миссис Хигглер.

— Сниму комнату в мотеле, наверное.

— Когда у тебя есть отличная спальня здесь? И отличный дом в квартале отсюда? Ты его еще даже не видел. Думаю, твой отец хотел бы, чтобы ты там остановился.

— Я бы предпочел мотель. Мне не по себе при мысли о том, чтобы спать в отцовском доме.

— Ну, не я деньги на ветер выбрасываю, — пожала плечами миссис Хигглер. — Тебе ведь еще надо решить, что с ним делать. И с его вещами.

— Мне все равно, — ответил Толстый Чарли. — Устроим распродажу. Выставим их на аукцион в Интернет. Свезем на свалку.

— Это что еще за глупости? — вскинулась старуха.

Порывшись в ящиках буфета, она достала ключ от входной двери с большой бумажной биркой.

— Перед переездом он оставил мне запасной ключ, — сказала она. — На случай, если свой поте-

ряет, или запрется изнутри, или еще что-нибудь. Он говаривал, что голову потерял бы, не будь она прикреплена к шее. Продавая свой прошлый дом, он сказал: «Не волнуйся, Каллианна, далеко я не уеду». И ведь в том доме он жил, сколько я себя помню, а потом вдруг решил, что он для него слишком велик и что нужно переезжать.

Не переставая говорить, она вывела Толстого Чарли к брюквенному седану, на котором они проехали несколько улиц, пока не добрались до одноэтажного деревянного домика.

Миссис Хигглер отперла дверь, и они вошли.

Пахло знакомым: смутно сладким, будто, когда кухней пользовались в последний раз, здесь пекли шоколадное печенье, но было это давным-давно. Еще тут было слишком жарко. Миссис Хигглер толкнула дверь в маленькую гостиную и включила встроенный в окно кондиционер. Кондиционер загремел и затрясся, и стал гонять теплый воздух, запахло мокрой псиной.

Вокруг дивана, который Толстый Чарли помнил с детства, горами лежали книги, на столике стояли фотографии в рамках. На одной, черно-белой, — мама Толстого Чарли, когда была молодой: черные блестящие волосы уложены в высокую прическу, Платье с блестками. Рядом фотография

самого Толстого Чарли в возрасте пяти-шести лет возле зеркальной двери: на первый взгляд казалось, с фотографии смотрят два маленьких серьезных мальчика.

Толстый Чарли взял наугад книгу из стопки — это оказалась монография По итальянской архитектуре.

— Он увлекался итальянской архитектурой?

— Да. Страстно.

— Я не знал.

Пожав плечами, миссис Хигглер отпила кофе. Открыв обложку, Толстый Чарли увидел имя отца, аккуратно выведенное на первой странице. И закрыл книгу.

— Я его по-настоящему и не знал.

— Его не так легко было понять, — сказала миссис Хигглер. — Я была знакома с ним… сколько? Почти шестьдесят лет? И я его не знала.

— Вы, наверное, познакомились, когда он был мальчиком.

Миссис Хигглер помедлила, как будто что-то вспоминала, потом очень тихо произнесла:

— Я познакомилась с ним, когда была девочкой. Толстый Чарли счел, что пора сменить тему, поэтому указал на фотографию матери:

— У него тут мамина фотография.

Старуха с шумом отхлебнула кофе.

— Снимал на лодке, — сказала она. — Еще до твоего рождения. Были такие яхты, на которых можно пообедать, а потом тебя увозили мили на три, за пределы территориальных вод, и там по-крупному играли на деньги. Потом возвращались. Не знаю, ходят ли еще такие. Твоя мать говорила, что тогда она впервые попробовала стейк.

Толстый Чарли постарался представить себе, какими были родители до его рождения.

— Он всегда был представительным мужчиной, — задумчиво продолжала миссис Хигглер, точно прочла его мысли. — До самого конца. У него была такая улыбка, от которой девушке хотелось расправить плечи. И он всегда отлично одевался. Все дамы его любили.

Ответ Толстый Чарли знал еще до того, как задал вопрос:

— И вы?..

— Разве респектабельной вдове задают такие вопросы? — Она отпила кофе. Толстый Чарли ждал ответа. — Однажды я его поцеловала. Давно, давным-давно, до того, как он встретил твою мать. Он хорошо, так хорошо умел целоваться. Я надеялась, что он позвонит, снова поведет меня

на танцы, а он пропал. Отсутствовал… сколько? Год? Два? А к тому времени, когда вернулся, я уже была замужем за мистером Хигглером, а он привез твою мать. Встретил ее на островах.

— Вы расстроились?

— Я была замужней женщиной. — Еще глоток кофе. — И к тому же его невозможно было ненавидеть. Даже по-настоящему на него сердиться. И то, как он на нее смотрел… Проклятие, если бы он хоть когда-нибудь посмотрел так на меня, я умерла бы счастливой. Знаешь, это ведь я была замужней подругой невесты на свадьбе твоей матери.

— Я не знал…

Теперь кондиционер начал с ревом выплевывать холодный воздух. Но от него все равно пахло мокрой псиной.

— Как по-вашему, они были счастливы? — спросил Толстый Чарли.

— Вначале. — Она подняла огромную кружку-термос, как будто собралась отпить еще, но передумала. — Вначале. Но даже она не смогла надолго удержать его при себе. У него было столько дел. Твой отец был очень занятым человеком.

Толстый Чарли попытался определить, шутит миссис Хигглер или нет, но так и не смог. Однако

она не улыбнулась.

— Столько дел? Каких, например? Рыбачить с моста? Играть в домино на веранде? Ждать неизбежного изобретения караоке? Он не был занятым человеком. Сомневаюсь, что за все то время, что я его знал, он хотя бы день работал.

— Тебе не следует говорить так про отца.

— Но это же правда! Он был никчемным. Скверным мужем и скверным отцом.

— И что с того! — с нажимом сказала миссис Хигглер. — Его нельзя судить по тем же меркам, что и обычного человека. Надо помнить, Толстый Чарли, твой отец был богом.

— Богом среди людей?

— Нет. Просто богом. — Она произнесла это совершенно буднично и так нормально, как если сказала бы: «у него был диабет» или просто «он был негром».

Толстому Чарли хотелось обратить все в шутку, но в глазах у миссис Хигглер он увидел нечто такое, что все остроты вылетели у него из головы. Поэтому он только негромко сказал:

— Он не был богом. Боги особенные. Мифические. Они творят чудеса и так далее.

— Верно, — согласилась миссис Хигглер. — Пока он был жив, мы бы тебе не сказали, но теперь,

когда его нет, вреда от этого не будет.

— Он не был богом. Он был моим папой.

— Можно быть и тем, и другим, — пожала плечами старуха. — Такое случается.

Словно споришь с сумасшедшей, подумал про себя Чарли, а потом сообразил, что надо бы просто заткнуться, но его язык продолжал молоть сам по себе. Как раз сейчас он выдал:

— Да ладно вам! Ведь будь мой отец богом, у него были бы божественные силы.

— И были. Правда, он редко ими пользовался. Но он был старым. А как еще, по-твоему, ему удавалось не работать? Всякий раз, когда требовались деньги, он играл в лотерею или ехал в Холлендейл и там ставил на лошадиных или на собачьих бегах. Никогда не выигрывал помногу, чтобы не привлекать внимания. Ровно столько, чтобы перебиться.

Толстый Чарли никогда в жизни ничего не выигрывал. Вообще ничего. В различных офисных тотализаторах можно было смело рассчитывать, что его лошадь вообще не выйдет на старт или что его команду отправят в какой-нибудь доселе неслыханный дивизион на задворках цивилизованного спорта. Неудачи оставляли о себе неприятный осадок.

— Если мой отец был богом, а должен сказать, что я ни в коей мере с этим не согласен, то почему я не бог? Вы ведь пытаетесь сказать, что я сын бога, да?

— По всей очевидности.

— Тогда почему у меня не получается выигрывать на скачках или творить чудеса?

Она шмыгнула носом.

— Все хорошее досталось твоему брату.

Тут Толстый Чарли поймал себя на том, что улыбается. И вздохнул с облегчением. Значит, она все-таки шутит.

— Ага. Только ведь у меня нет брата, миссис Хигглер.

— Конечно, есть. Вон там вы с ним вместе сфотографированы.

Хотя он прекрасно знал, что увидит, Толстый Чарли все же перевел взгляд на фотографию. Старуха определенно помешалась. Стопроцентно.

— Миссис Хигглер, — как можно мягче сказал он, — это я… Просто я ребенком. На фотографии я стою возле зеркальной двери. Это я и мое отражение.

— Да, но еще это твой брат.

— У меня никогда не было брата.

— Конечно, был. И я по нему не скучаю. Из вас

двоих ты всегда был хорошим. А от него, пока он жил здесь, были одни только беды. — И прежде чем Толстый Чарли успел хоть что-нибудь вставить, старуха добавила: — Он уехал, когда ты был совсем маленьким.

Толстый Чарли подался вперед и своей лапищей накрыл костлявую ручку миссис Хигглер, ту, в которой не было кружки с кофе.

— Это не так, — сказал он.

— Луэлла Дунвидди заставила его уехать, — не унималась старуха. — Он ее боялся. Но все равно возвращался время от времени. Умел очаровывать, когда хотел. — Она допила кофе.

— Мне всегда хотелось иметь брата, — потерянно протянул Толстый Чарли.

Миссис Хигглер встала.

— Этот дом сам себя не уберет, — сказала она. — У меня в багажнике есть мусорные мешки. Нам, пожалуй, понадобится уйма мусорных мешков.

— Да, — согласился Толстый Чарли.

Ночь он провел в мотеле. Утром они встретились в доме его отца и стали собирать хлам в большие черные мусорные мешки. Вскоре в коридоре выстроились пакеты с вещами, которые предстояло отдать на благотворительность. А еще появилась коробка с мелочами, которые Толстый

Чарли хотел оставить на память, в основном фотографии детских лет и до его рождения.

Тут был старый ларь, похожий на пиратский сундук для сокровищ, набитый документами и старыми бумагами. Устроившись рядом с ним на полу, Толстый Чарли взялся их разбирать. Из спальни с очередным набитым поеденной молью одеждой мешком вышла миссис Хигглер.

— Этот сундук твой брат ему подарил, — ни с того ни сего сказала она.

Так она впервые коснулась своих вчерашних фантазий.

— Жаль, что у меня не было брата, — отозвался Толстый Чарли и сам не понял, что сказал, пока не услышал:

— Я же говорила. У тебя есть брат.

— Ну и где мне искать этого мифического брата?

Позднее он не раз будет спрашивать себя, что толкнуло его на этот вопрос. Потакал ли он помешавшейся женщине? Подтрунивал ли над ней? Или просто надо было как-то заполнить повисшую паузу?

Пожевав нижнюю губу, старуха кивнула.

— Да. Тебе нужно знать. Это твое наследие. Твоя кровь. Подойди поближе.

Она поманила его узловатым пальцем.

Толстый Чарли нагнулся. Губы старухи коснулись его уха, когда она прошептала:

— …нужда в нем… попроси…

— Что?

— Я сказала, — обычным голосом произнесла она, — что если у тебя возникнет нужда в нем, просто попроси паука. И он мигом прибежит.

— Попросить паука?

— А я что сказала? Ты что, думаешь, я для моциона разговариваю? Упражняю легкие? Никогда не слышал про то, как говорят с пчелами? Когда я была девочкой на Сан Андреасе, до того, как мои родные переехали сюда, пчелам рассказывали все хорошие новости. Так это и происходит. Скажи пауку. Я так посылала сообщения твоему отцу, когда он исчезал.

— Ну ладно…

— И не говори таким тоном «ну ладно».

— Каким?

— Точно я выжила из ума. Ты думаешь, я не знаю, что к чему?

— М-м-м. Уверен, что знаете. Честное слово.

Но миссис Хигглер не смягчилась. Даже отходить не начала. Взяв со стола кружку, она с обиженным видом прижала ее к груди. Вот те-

перь Толстый Чарли своего добился, и миссис Хигглер твердо вознамерилась ему это показать.

— Я ничего такого делать не обязана, сам знаешь, — сказала она. — И помогать тебе тоже. Я делаю это только ради твоего отца, потому что он был особенный, и ради матери, потому что она была хорошей женщиной. Я тебе серьезные вещи говорю, важные вещи. Тебе бы следовало меня послушать. Тебе бы следовало мне поверить.

— Я вам верю, — насколько мог убедительно сказал Толстый Чарли.

— А теперь ты только потакаешь старухе.

— Нет, — солгал он. — Честно-пречестно.

В его словах звенела искренность. Его занесло за тысячу миль от дома, в дом покойного отца, к сумасшедшей старухе на грани апоплексического удара. Он признал бы, что луна — это необычный тропический плод, лишь бы ее успокоить.

Миссис Хигглер шмыгнула носом.

— Беда с вами, молодежью, — сказала она. — Вы думаете, будто все знаете, а сами только вчера на свет родились. Да я за свою жизнь забыла больше, чем ты когда-либо знал. Ты ничегошеньки не знаешь о своем отце, ты ничегошеньки не знаешь о своей семье. Я сказала, что твой отец бог, а ты даже не спросил, какой именно.

Толстый Чарли порылся в памяти, стараясь вспомнить имена каких-нибудь богов.

— Зевс? — рискнул он.

Миссис Хигглер издала странный придушенный звук, точно чайник, подавляющий в себе желание закипеть. И Толстому Чарли осталось только признать свое поражение.

— Купидон?

Она издала новый звук, который начался как возмущенный треск, а закончился хихиканьем.

— Так и представляю себе, как твой папочка разгуливает в пушистых памперсах с огромным луком и стрелой.

Она опять захихикала и едва не поперхнулась кофе.

— В стародавние времена, когда он был богом, его звали Ананси.

Вы скорее всего знаете кое-какие сказки про Ананси. Наверное, нет на свете людей, которые не знали бы каких-нибудь историй про Ананси.

Когда мир был молод и все истории рассказывались впервые, Ананси был пауком. Он попадал в разные переплеты и всегда из них выпутывался. Знаете сказку о Смоляном Чучелке, которую обычно рассказывают про Братца Кролика? Изначально это была история про Ананси. Кое-кто

считает его кроликом. Но они ошибаются. Он не был кроликом. Он был пауком.

Истории про Ананси живут с тех пор, как люди рассказывают друг другу сказки. В далекой Африке, где все начиналось, когда люди еще не рисовали на скалах пещерных львов и медведей, уже тогда они рассказывали истории — про обезьян и львов и про бизонов. Людей всегда тянуло к великим историям, уводящим в мечту. Так они наделяли свой мир смыслом. Все, кто бегает, ползает, летает и качается на ветках, оказались в этих сказках, и различные племена почитали различных существ.

Уже тогда Лев был царем зверей, а Газель — самой быстроногой, Обезьяна — самой глупой, Тигр — самым ужасным, но людям хотелось слушать истории не про них. Им хотелось веселья и смеха.

Ананси дал имя историям. Всякая сказка, всякая песня — про него. В незапамятные времена все они принадлежали Тигру (так люди островов называли любых крупных хищных кошек), и эти сказки были мрачными и злыми, полными боли и неизменно плохо кончались. Но так было давным-давно. Сегодня все истории принадлежат Ананси.

А поскольку мы только что были на похоронах, давайте я расскажу вам историю про Ананси и про то, как умерла его бабушка. (Ну да, она была очень, очень старой женщиной и почила во сне. Такое случается.) Она умерла вдали от дома, поэтому Ананси прошел через весь остров с тележкой, поднял тело бабушки, посадил его в тележку и покатил домой. Он собирался похоронить ее под большим баньяновым деревом за своей хижиной.

Так вот, проходит он через город, а ведь тележку пришлось толкать все утро, и думает: «Мне нужно выпить виски». Идет он в лавку, так как в этом городке есть лавка и там продается все, что только душа пожелает, но у лавочника очень скверный характер. Так вот, Ананси заходит и заказывает стакан виски. Потом еще стакан, и еще и думает: «Сыграю-ка я шутку с этим малым». «Эй, — говорит он лавочнику, — пойди отнеси виски моей бабушке, она спит в тележке на дворе. Возможно, тебе придется ее разбудить, ведь она спит крепко». Лавочник идет на двор, подходит с бутылкой к тележке и говорит старушке: «Эй, вот твой виски», — но старушка ничего ему не отвечает. А лавочник сердится все больше и больше, ведь у него такой скверный характер. Он говорит:

«Вставай, старуха, просыпайся и пей свой виски!» Но старушка все не отвечает. И вдруг делает то, что делают иногда мертвецы на жаре: громко пускает ветер. А лавочник, осерчав на старушку, которая пустила на него ветер, ее ударил, потом другой раз и третий, да так, что она выпала из тележки на землю.

Тут Ананси выбегает из лавки и начинает вопить, и плакать, и голосить: «Ах моя бабушка! Она мертва! Посмотри, что ты наделал! Убийца! Злодей!» Тогда лавочник просит Ананси: «Только не говори никому», — и дает Ананси пять бутылок виски, и кошель золота, и мешок бананов, ананасов и манго, лишь бы он поскорее убрался со своей бабушкой и тележкой. (Понимаете, он-то думает, что убил бабушку Ананси.)

Так вот, Ананси катит тележку домой и закапывает бабушку под большим баньяновым деревом.

На следующий день идет мимо дома Ананси Тигр и чует запах готовящейся еды. Поэтому он входит туда незваный и видит, как Ананси пирует, а у Ананси нет выбора, только пригласить Тигра разделить с ним трапезу.

«Братец Ананси, — говорит Тигр, — говори, где ты взял эту прекрасную еду, и не лги мне. И где ты

взял эти бутылки с виски и кошель с золотыми монетами? Если солжешь, я вырву тебе горло!»

А Ананси отвечает: «Я не могу лгать тебе, Братец Тигр. Все это добро я получил за то, что повез мою мертвую бабушку в город. И лавочник дал мне все это добро за то, что я привез ему мою мертвую бабушку».

Но у Тигра нет ни живой, ни мертвой бабушки, зато у его жены есть мать, поэтому он идет домой и вызывает к себе на двор мать жены, говоря: «Выходи, бабушка, так как нам надо поговорить». И она выходит, оглядывается подозрительно по сторонам и спрашивает: «В чем дело?» Ну, Тигр ее убивает, хотя его жена ее любит, и кладет ее тело в тележку.

Потом привозит тележку в городок, а на тележке его мертвая теща. «Кому тут мертвое тело? — кричит он. — Кому нужна мертвая бабушка?» Но все только потешаются над ним, смеются и издеваются, а поняв, что он говорит серьезно и никуда не уйдет, начинают забрасывать его гнилыми плодами, так что ему приходится убегать, поджав хвост.

Так Ананси не в первый раз выставил Тигра дураком, и не в последний. Жена Тигра не дает ему забыть, что он убил ее мать. Бывают дни,

когда Тигр думает, что лучше бы ему вообще не родиться на свет.

Вот вам типичная история про Ананси.

Конечно, ведь любые истории принадлежат Ананси.

В стародавние времена все звери хотели, чтобы сказки называли в их честь. Это было в те дни, когда песни, которыми творился мир, еще пелись, в те дни, когда еще выпевали небо, и радугу, и океан, в те дни, когда звери были людьми, а не только животными. И паучок Ананси одурачивал всех, особенно Тигра, потому что хотел, чтобы все истории назвали его именем.

Сказки — как пауки: у них длинные ноги. Сказки — как паутина, в которой запутывается человек, но которая так красива, когда рассматриваешь, как изящно сплетаются ниточки над листком, как драгоценными каплями блестит на них утренняя роса.

В чем дело? Хотите знать, выглядел ли Ананси как паук? Конечно, выглядел — кроме тех случаев, когда выглядел как человек.

Нет, он никогда не менял облик. Все дело в том, как рассказывать историю. Ни в чем больше.

Глава третья, в которой происходит воссоединение семьи

Толстый Чарли улетел домой в Англию, во всяком случае, к тому дому, какой у него вообще имелся. Когда с чемоданчиком и большой, оклеенной скотчем картонной коробкой он прошел через таможню, то увидел в зале ожидания Рози. Она крепко его обняла.

— Как прошло?

Он пожал плечами:

— Могло быть и хуже.

— Теперь тебе незачем волноваться, что он приедет на свадьбу и поставит тебя в неловкое положение.

— Это точно.

— Мама говорит, в знак уважения нам следует отложить свадьбу на несколько месяцев.

— Твоя мама просто хочет, чтобы мы отложили свадьбу, и точка.

— Ерунда. Она считает тебя завидной партией.

— Твоя мать не назвала бы «завидной партией» Брэда Питта, Билла Гейтса и принца Уильяма в

одном лице. На свете нет человека, достойного стать ее зятем.

— Ты ей нравишься, — как послушная дочь и без тени убежденности сказала Рози.

Ни для кого не секрет, что Толстый Чарли не нравился ее маме. Мама Рози казалась клубком нервов, натянутых из-за невесть откуда взявшихся предрассудков, фобий и враждебности. Она жила в великолепной квартире на Уимпол-стрит, где в гигантском холодильнике прозябали лишь бутылки с витаминизированной водой и ржаные хлебцы. В вазах на антикварных сервантах возлежали восковые фрукты, с которых дважды в неделю сметали пыль.

При первом своем посещении этой квартиры Толстый Чарли один такой надкусил. Он крайне нервничал и, не зная, чем занять руки, взял яблоко (крайне реалистичное, надо сказать) и его надкусил. Рози, гримасничая, подавала ему отчаянные знаки. Выплюнув в руку кусок воска, Толстый Чарли подумал, не сделать ли вид, что он любит восковые фрукты, или, может, лучше изобразить, что с самого начала знал, что оно искусственное, и лишь хотел рассмешить. Однако мать Рози подняла бровь, забрала у него остатки яблока и отрывисто объяснила, сколько

стоят сейчас настоящие восковые фрукты, если вообще удается их найти, а после бросила объедки в корзинку для мусора. Остаток визита он просидел на краешке дивана, вкус во рту у него был такой, словно он съел свечку, а мать Рози не спускала с него глаз, дабы он не посмел отведать еще какой-нибудь из ее драгоценных плодов или попытаться обглодать ножку чиппендейловского стула.

На сервантах в квартире матери Рози стояли большие цветные фотографии в серебряных рамках: Рози ребенком, родители Рози. Толстый Чарли внимательно их изучил, стараясь отыскать разгадку великой тайны, которой являлась сама Рози. Ее отец, который умер, когда Рози не исполнилось и пятнадцати, был огромным толстяком. Начинал он как повар, потом выбился в шеф-повара и, наконец, открыл собственный ресторан. Фотографии запечатлели его элегантным, одетым с иголочки, точно перед каждым снимком над ним потрудился целый отдел дорогого мужского магазина, он был круглым и улыбчивым и локоть держал согнутым, чтобы мать Рози могла положить на сгиб руку.

— Он изумительно готовил, — сказала Рози.

На фотографиях мать Рози была соблазнитель-

ной и улыбчивой. Теперь, двенадцать лет спустя, она походила на исхудавшую до скелета актрису Эрту Китт, и Толстый Чарли ни разу не видел на ее лице улыбки.

— Твоя мама что, вообще никогда не готовит? — спросил после того первого визита Толстый Чарли.

— Не знаю. Никогда такого не видела.

— Чем же она питается? Не может же она жить на хлебцах и воде.

— Наверное, заказывает что-нибудь на дом.

Толстый Чарли решил, что уж скорее мама Рози вылетает по ночам летучей мышью, чтобы сосать кровь у спящих младенцев. Однажды он изложил эту теорию Рози, но она не увидела в ней ничего смешного.

Мать Рози сказала дочери: мол, уверена, Чарли женится на ней ради денег.

— Каких денег? — спросила Рози.

Мать обвела рукой квартиру, охватив этим жестом восковые фрукты, антикварную мебель и картины на стенах, и поджала губы.

— Но это же все твое! — пылко возразила Рози.

Она ведь жила на зарплату, работая в одном лондонском благотворительном обществе. А зарплата у нее была маленькая, поэтому Рози то и

дело залезала в деньги, которые отец оставил ей по завещанию. Так удавалось оплачивать скромную квартирку, которую Рози делила с чередой австралиек и новозеландок, и на подержанный «фольксваген-гольф».

По дороге к дому Толстого Чарли Рози решила, что надо сменить тему.

— У меня отключили воду. Во всем здании.

— Это почему?

— Из-за миссис Клингер этажом ниже. Она заявила, мол, что-то подтекает.

— Скорее всего сама миссис Клингер.

— Чарли!!! А потому, ну… Можно мне сегодня принять ванну у тебя?

— Тебе потереть спинку?

— Чарли!!!

— Ладно, ладно. Нет проблем.

Не отводя глаз от багажника идущей впереди машины, Рози вдруг сняла руку с рычага передач и сжала лапищу Толстого Чарли.

— Мы и так скоро поженимся, — улыбнулась она.

— Знаю, — отозвался Толстый Чарли.

— И тогда у нас на все будет уйма времени, верно?

— Уйма, — согласился Толстый Чарли.

— Знаешь, что сказала однажды мама? — спросила Рози.

— М-м-м. Снявши волосы, по голове не плачут?

— Вовсе нет. Она сказала, что если бы в первый год своего брака семейная пара клала по монетке в банку всякий раз, когда занимается любовью, и вынимала по монетке всякий раз, когда занимается любовью в последующие годы, то банка никогда не опустела бы.

— Иными словами…

— Интересно, правда? Приеду в восемь с моим резиновым утенком. Как у тебя с полотенцами?

— Э-э-э…

— Понятно, привезу свои.

Толстый Чарли сомневался, что наступит конец света, если случайная монетка упадет в банку до того, как они свяжут себя узами и разрежут пирог, но у Рози было собственное мнение на этот счет, и делу конец. Банка оставалась совершенно пустой.

Есть один минус в раннем возвращении домой после краткой отлучки: если прибываешь утром, не знаешь, чем занять остаток дня.

Толстый Чарли был из тех, кто предпочитает работать. Лежание на диване под «Обратный отсчет» по телевизору неизменно напоминало

ему о тех периодах, когда он вливался в братство безработных. Вот и сейчас он решил, что самым разумным будет вернуться на работу на день раньше. В олдвичском офисе «Агентства Грэхема Хорикса» на пятом и самом верхнем этаже он снова почувствует себя в центре событий. Будут интересные разговоры с коллегами в комнате отдыха. Все прелести жизни развернутся перед ним, величественные в своем многообразии, неумолимые и упорные в своей деловитости. Ему будут рады.

— Тебя же ждали только завтра, — неласково сказала секретарша Энни, увидев на пороге Толстого Чарли. — Я всем объясняла, что до завтра тебя не будет. Тебе столько звонили. — Похоже, ее это совсем не радовало.

— Не смог удержаться.

— То-то и видно, — фыркнула она. — Свяжись с Мэв Ливингстон. Она каждый день звонит.

— Я думал, ею занимается сам Грэхем Хорикс.

— Ну, кажется, он передал ее тебе. Подожди минутку. — И она снова отвлеклась на телефонный звонок.

Грэхема Хорикса всегда называли по имени и фамилии. Никаких мистеров Хориксов. Никакого дружеского Грэхем. Это было его агентство, оно

представляло знаменитостей и брало свой процент за честь, какую оказывало, их представляя.

Толстый Чарли прошел в свой кабинет, крошечную комнатенку, которую делил с несколькими каталожными шкафами. На экране его компьютера красовалась желтая самоклеющаяся бумажка с «Зайдите ко мне. Г.Х.», поэтому он отправился по коридору к громадному кабинету Грэхема Хорикса. Дверь была закрыта. Толстый Чарли постучал, а потом, неуверенный, раздалось из-за нее что-нибудь или нет, толкнул дверь и просунул в щель голову.

В комнате было пусто. Там вообще никого не было.

— Э-э-э… привет, — позвал вполголоса Толстый Чарли.

Ответа не последовало. Однако в кабинете царил беспорядок: книжный шкаф был отодвинут от стены под странным углом, и из-за него доносились какие-то удары — словно бы молотком.

Как можно тише прикрыв дверь, Толстый Чарли вернулся за свой стол.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Грэхем Хорикс на проводе. Зайдите ко мне.

На сей раз Грэхем Хорикс сидел за письменным столом, а шкаф был прижат к стене. Сесть

Толстому Чарли не предложили. Грэхем Хорикс был средних лет человеком с очень светлыми редеющими волосами. Если бы при виде Грэхема Хорикса вам на ум пришел хорек-альбинос в дорогом костюме, вы были бы недалеки от истины.

— Вернулись, как вижу, — сказал Грэхем Хорикс. — М-да.

— Да, — согласился Толстый Чарли, а потом, поскольку Грэхем Хорикс как будто не спешил обрадоваться его раннему возвращению, добавил: — Извините.

Грэхем Хорикс поджал губы, вперился в какую-то бумагу у себя на столе, снова поднял глаза.

— Мне дали понять, что до завтрашнего дня вы не вернетесь. Рановато явились, а?

— Мы… я хотел сказать, я… уже утром прилетел. Из Флориды. И решил прийти. Уйма дел. Покажу, что готов работать. Если вы не против.

— Абсо-ненно, — отозвался Грэхем Хорикс. От этого слова (лобового столкновения «абсолютно» и «несомненно») на руках у Толстого Чарли всегда выступали мурашки. — Это же ваши похороны.

— На самом деле моего отца.

Дернулась хоречья шея.

— И все равно вы использовали один из дней на больничные.

— Верно.

— Мэв Ливингстон. Обеспокоенная вдова Морриса. Нуждается в утешении. Красивые слова и златые горы. Рим не за один день строился. Процесс улаживания дел Морриса Ливингстона и передачи ей средств идет своим чередом. Звонит мне чуть ли не каждый день и плачется в жилетку. С сего дня передаю это задание вам.

— Ладно, — откликнулся Толстый Чарли. — Итак, э-э-э… Кто рано встает, тому Бог подает.

— Что ни день, то шиллинг, — погрозил пальцем Грэхем Хорикс.

— Ни отдыху ни сроку? — предложил Толстый Чарли.

— Приналечь, — согласился Грэхем Хорикс. — Приятно было поболтать. Но у нас обоих полно работы.

Было что-то в обществе Грэхема Хорикса, заставлявшее Толстого Чарли: а) говорить штампами и б) мечтать о черных вертолетах «сикорски», которые сперва открыли бы огонь, а потом сбросили бы ведра пылающего напалма на офисы «Агентства Грэхема Хорикса». В этих снах наяву Толстый Чарли в офисе отсутствовал. Он сидел на террасе маленького кафе в другом конце Олдрича, попивал кофе с пенкой и временами кричал «ура»

особо меткому попаданию ведра с напалмом.

А потому предположив, что нынешняя работа Толстому Чарли не нравилась, вы не ошиблись бы. Толстый Чарли умел обращаться с цифрами, что давало ему работу, но слишком стеснялся указывать, чем именно он занимается и как много на самом деле делает. Повсюду вокруг Толстого Чарли другие неостановимо поднимались на положенные им уровни некомпетентности, а он оставался на ступени испытательного срока, помогая вертеться колесикам до того дня, когда снова вступал в ряды безработных и опять начинал смотреть дневные программы по телевизору. Периоды безделья не затягивались надолго, но за последние десять лет случались слишком часто, и потому Толстый Чарли ни на одной работе не чувствовал себя комфортно. Однако он не воспринимал это как личное оскорбление.

Он позвонил Мэв Ливингстон, вдове Морриса Ливингстона, в прошлом самого известного йоркширского комика в Англии и давнего клиента «Агентства Грэхема Хорикса».

— Алло, — сказал он. — Это Чарльз Нанси из бухгалтерии «Агентства Грэхема Хорикса».

— О! — разочарованно выдохнул женский голос на том конце провода. — Я думала, Грэхем сам

мне позвонит.

— Он немного занят. Поэтому он э-э-э… перепоручил это мне, — объяснил Толстый Чарли. — Итак. Могу я чем-то помочь?

— Даже не знаю. Я… хотела бы знать… ну, управляющий банком хотел бы знать… когда поступят оставшиеся средства из имущества Морриса… в прошлый раз Грэхем Хорикс мне объяснил… ну, мне кажется, это было в прошлый раз… когда мы разговаривали… что они вложены… я хочу сказать, я понимаю, на это требуется время… он сказал, что иначе я могу потерять крупную сумму…

— Скажу вам одно, он над этим работает. Но такие операции действительно требуют времени.

— Да, наверное, да. Я позвонила на Би-би-си, и там сказали, что со смерти Морриса уже было сделано несколько выплат. Вы знаете, что программу «Моррис Ливингстон, полагаю?» целиком выпустили на DVD? И к Рождеству будут готовы обе серии «Короткая спина и бока».

— Впервые слышу, — признался Толстый Чарли. — Но, уверен, Грэхем Хорикс знает. В своем деле он дока.

— Мне пришлось купить себе DVD-проигрыватель, — тоскливо сказала Мэв. — Но благодаря

ему все вернулось. Запах грима, рев Би-би-си-клуба. Честное слово, я даже затосковала по софитам. Знаете, как я познакомилась с Моррисом? Я была танцовщицей. У меня была собственная карьера.

Пообещав передать Грэхему Хориксу, что управляющий в ее банке немного обеспокоен, Толстый Чарли положил трубку, недоумевая, как можно тосковать по свету софитов. В самых страшных ночных кошмарах Толстого Чарли софит светил на него с темного неба, а сам он стоял на широкой сцене, куда его выпихнули невидимые руки, чтобы заставить петь. И как бы далеко и быстро он ни убегал, как бы старательно ни прятался, неведомые злоумышленники все равно его находили и притаскивали на сцену, а снизу на него смотрели десятки выжидательных лиц. Он всегда просыпался до того, как открывал рот, — весь в поту, дрожа, и сердце выстукивало в груди канонаду.

Потянулся рабочий день. Толстый Чарли работал в агентстве уже два года. Дольше кого-либо, кроме самого Грэхема Хорикса, потому что текучка кадров в агентстве была довольно высокой. И все равно ему никто не обрадовался.

Иногда Толстый Чарли сидел за своим столом, смотрел в окно, в которое стучал безутешный

серый дождь, и воображал себе, что прохлаждается на каком-нибудь тропическом пляже, где с невероятно синего моря волны набегают на невероятно желтый песок. Толстый Чарли спрашивал себя, а не мечтают ли эти воображаемые люди, глядя на белые бурунчики, слушая пение тропических птиц в пальмах, оказаться в Англии под серењким дождем, в кабинетике размером со шкаф на пятом этаже конторского здания, на безопасном расстоянии от тупизны золотого песка и адской скуки дня настолько совершенного, что даже пенисто-кремовый напиток с лишней дозой рома и красным бумажным зонтиком никак ее не разгоняет. Это немного утешало.

По дороге домой он остановился у кафе и купил бутылку немецкого белого вина, а в крохотном супермаркете по соседству — свечу с запахом пачули и пиццу в пиццерии за углом.

В половине восьмого позвонила с занятия йогой Рози и сказала, что немного опоздает, потом в восемь из машины — сказать, что застряла в пробке, и в четверть десятого, что она всего в квартале. К тому времени, когда она приехала, Толстый Чарли выпил большую часть вина и съел почти всю пиццу, кроме одинокого треугольничка.

Позднее он спрашивал себя, не вино ли развя-

зало ему язык.

Рози прибыла в двадцать минут десятого с полотенцами и полной сумкой шампуней, разного мыла и большой банкой похожего на майонез средства для волос. От стакана вина она деловито, но весело отказалась и от пиццы тоже, объяснив, что поела в пробке, мол, заказала еду в машину. Поэтому Толстому Чарли оставалось только сидеть на кухне, допивая белое вино и таская сыр и пеперони с холодной пиццы, пока Рози пошла наполнять ванну, откуда вдруг пронзительно и громко заорала.

Толстый Чарли оказался в ванной еще до того, как замер первый крик, когда Рози набирала воздух для второго. Он был уверен, что она истекает кровью. К немалому его удивлению и облегчению, крови не было и в помине. Стоя в голубых трусиках и лифчике, Рози указывала в ванну, где в самом центре сидел большой бурый садовый паук.

— Извини! — заголосила она. — Он застал меня врасплох.

— Они такое умеют, — сказал Толстый Чарли. — Сейчас я его смою.

— Не смей! — решительно возразила Рози. — Это живое существо! Вынеси его на улицу.

— Ладно.

— Я подожду на кухне. Позовешь меня, когда все будет кончено.

Если ты выпил целую бутылку белого вина, уговорить довольно капризного садового паука перебраться в прозрачный пластиковый стаканчик при помощи всего лишь старой поздравительной открытки превращается в подвиг твердой руки и острого глаза. Совершению такого подвига никак не способствует присутствие полураздетой невесты на грани истерики, которая, невзирая на свое обещание подождать на кухне, заглядывает тебе через плечо и помогает советами.

Но вопреки ее помощи он довольно скоро загнал паука в стаканчик, который плотно прикрыл сверху открыткой от однокашника, говорившей: «ТЕБЕ СТОЛЬКО ЛЕТ, НА СКОЛЬКО ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ» (а внутри шло юмористическое дополнение: «ПОЭТОМУ ПЕРЕСТАНЬ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СЕКС-МАШИНОЙ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ»).

Спустившись, со стаканчиком вниз, он вынес паука за порог — в крохотный палисадник, в котором имелись изгородь, чтобы за нее блевать, и несколько больших каменных плит с прорастающей в щелях травой. Толстый Чарли убрал

открытку, в желтом свете фонаря паук казался черным. Толстому Чарли показалось, что насекомое его изучает.

— Извини, дружище, — сказал он пауку и, поскольку в желудке у него плескалось белое вино, произнес эти слова вслух.

Положив открытку и стаканчик на плиты, он опрокинул стаканчик на бок и стал ждать, чтобы паук убежал. Но тот остался сидеть неподвижно на морде мультяшного медведя с поздравительной открытки. Человек и паук задумчиво рассматривали друг на друга.

Тут Толстому Чарли вспомнилось кое-что, сказанное миссис Хигглер, и слова сорвались у него с языка прежде, чем он успел его прикусить. То ли черт его дернул, то ли алкоголь подтолкнул.

— Если увидишь моего брата, — сказал Толстый Чарли пауку, — передай, пусть зайдет поздороваться.

Паук посидел еще немного, потом задумчиво поднял одну лапу, побежал наконец к изгороди и исчез в траве.

Приняв ванну, Рози звонко чмокнула Толстого Чарли в щеку и поехала домой.

А Толстый Чарли включил телевизор, но поймал себя на том, что клюет носом, поэтому,

выключив аппарат, отправился в кровать, где ему приснился сон такой странный и яркий, что он будет помнить его до конца своих дней.

Если знаешь, что очутился в совершенно незнакомом месте, можно не сомневаться — это сон. В реальной жизни Толстый Чарли никогда не бывал в Калифорнии. Никогда не бывал в Беверли-Хиллз. Однако достаточно часто видел это место в кино и по телевизору, чтобы испытать сладкую дрожь узнавания.

Шла вечеринка. Внизу поблескивали и перемигивались огни Лос-Анджелеса.

Люди на вечеринке как будто делились на тех, кто расхаживал с серебряными подносами, заставленными великолепными закусками на тостах, и тех, кто брал с подносов снедь или от нее отказывался. Те, кого кормили, расхаживали по выложенному плитами дворику и комнатам огромного дома, сплетничали и улыбались, уверенные в собственной значимости в мире Голливуда, будто были придворными в Древней Японии. И в точности как при дворе Древней Японии каждый был уверен, что, поднимись он на ступеньку выше, несомненно, сможет чувствовать себя в безопасности. Тут были актеры, которые хотели быть звездами; звезды, которые

хотели быть независимыми продюсерами; независимые продюсеры, тоскующие по надежности, какую дает постоянный контракт со студией; режиссеры, которые хотели быть звездами; боссы студий, которые хотели быть боссами других, более преуспевающих студий; юристы студий, которым хотелось нравиться самим по себе, а если уж не выйдет, то просто нравиться.

В том сне Толстый Чарли видел себя одновременно изнутри и снаружи, однако был каким-то другим человеком. Обычно ему снилось, что он сдавал экзамен по двойной бухгалтерии, к которому забыл подготовиться, и к тому же, когда выходил к доске, обнаруживал, что, одеваясь утром, забыл про все, что полагается иметь на себе ниже пояса. Иными словами, ему снился Толстый Чарли, только еще более нелепый и неловкий. Но не сейчас.

В этом сне Толстый Чарли был крутым и не только. Он был мастак, он был дока, он был единственным на этой вечеринке человеком, не попадавшим ни в одну из категорий, ведь у него не было серебряного подноса и явился он без приглашения. И веселился он на славу, что вызывало несказанное изумление у спящего Толстого Чарли, который даже представить себе

не мог ситуацию более неловкую, чем явиться без приглашения.

Всем, кто с ним заговаривал, он рассказывал разное о том, кто он и почему сюда пришел. Уже через полчаса большинство гостей были уверены, что он представитель иностранной инвестиционной компании, которая собирается перекупить какую-то студию, а еще через полчаса собравшиеся утвердились во мнении, что он положил глаз на «Парамаунт пикчерз».

Смеялся он хрипловато и заразительно, и уж точно развлекался больше всех остальных. Он научил бармена готовить коктейль под названием «Двойной намек» — с научной точки зрения, совершенно безалкогольный, хотя и на основе шампанского. Туда пошла толика того, толика сего, пока жидкость не приобрела ярко-пурпурный цвет, а затем он стал раздавать напиток гостям, навязывая его с радостью и жаром, пока даже те, кто попивал газированную воду так опасливо, словно она вот-вот взорвется, не начали с удовольствием заливать в себя один бокал за другим.

А потом — по логике сна — он повел всех к бассейну и предложил научить фокусу с хождением по воде. Все дело в уверенности, объяснил

он, в том, чтобы знать, как это делается. И гости решили, что это поистине отличный трюк, что в глубине души они всегда знали, как это делается, просто забыли, а вот сейчас новый друг напомнит, в чем соль.

«Снимите обувь», — сказал он, и они сняли: «серджио розессы», «кристиан лубутены» и «рене каовилльясы» выстроились бок о бок с «найками» и «док-мартенсами» и безымянными черными туфлями охранников. И новый друг повел гостей и хозяев в танце «конга» вокруг плавательного бассейна, а после за его край. Вода была прохладной на ощупь и подрагивала под ногами, как упругое желе. Некоторые женщины и несколько мужчин зашатались, а пара охранников помоложе запрыгали вверх-вниз, как дети в надувном замке. Далеко внизу огни Лос-Анджелеса сияли сквозь смог, точно далекие галактики.

Вскоре гости заняли каждый дюйм бассейна: стояли, танцевали, дурачились или подпрыгивали на воде. Столпотворение было такое, что мастак и дока, которым был во сне Толстый Чарли, поднялся на бетонный парапет и взял с серебряного подноса фалафель-сашими.

На плечо ему приземлился упавший с листа жасмина паучок. Пробежав по руке, он устроился

на ладони, где его приветствовало радостное «Ух ты!».

Повисла тишина, будто не-Чарли слушал, что говорил паучок, что мог слышать лишь он один, а потом сказал:

— Ищите и обрящете. Ну не в точку ли?

И осторожно ссадил паучка на листок жасмина.

В это самое мгновение все стоявшие босиком на поверхности плавательного бассейна вдруг вспомнили, что вода не твердая, а жидкая, и что именно поэтому по ней нельзя ходить, не говоря уже о том, чтобы танцевать или прыгать, иными словами, что это невозможно.

И хотя эти люди были воротилами и винтиками «машины грез», они вдруг забарахтались в глубокой воде — мокрые и перепуганные.

Тем временем отличный малый, мастак и дока, иными словами, не-Чарли, небрежно пересек бассейн, шагая по головам и рукам, но ни разу не потеряв равновесия. А после, когда добрался до дальнего края, где терраса обрывалась отвесным склоном, он подпрыгнул и нырнул в огни лос-анджелесской ночи, которая мерцала и которая поглотила его, как океан.

Гости же выбирались из бассейна, рассержен-

ные, расстроенные, ошарашенные, мокрые, а в ряде случаев и нахлебавшиеся воды…

В Южном Лондоне было раннее утро. В окно сочился голубовато-серый рассвет.

Даже проснувшись, Толстый Чарли не мог стряхнуть остатки странного наваждения, а потому встал и подошел к окну. Шторы были раздвинуты. Занималась заря, огромный апельсин утреннего солнца поднимался в обрамлении подкрашенных алым облаков. При виде такого неба даже самый прозаичный зануда вдруг открывает погребенную в недрах души потребность рисовать маслом.

Толстый Чарли смотрел на восход. «Утром солнце красное, — подумал он. — Ночь будет ненастная… или несчастная?»

Какой странный сон! Вечеринка в Голливуде… Секрет хождения по воде… И человек, который был и не был им одновременно…

Внезапно Толстый Чарли сообразил, что знает этого человека, что уже где-то с ним встречался, а теперь попытки вспомнить будут донимать его весь день, как волоконце между зубов или точная разница между словами «сладострастный» и «сластолюбивый», — до ночи покоя не видать. Он смотрел в окно.

Чуть меньше шести утра. Мир тих. В конце переулка ранний собаковладелец уговаривал погадить шпица. Лениво тащился к домам и назад к своему красному фургончику почтальон. Затем на тротуаре под домом Толстого Чарли вдруг что-то шевельнулось. Толстый Чарли опустил взгляд. У живой изгороди стоял мужчина. И увидев, что Толстый Чарли в пижаме смотрит на него, он улыбнулся и помахал. Мгновенное узнавание потрясло Толстого Чарли до глубины души: ему были знакомы и улыбка, и манера махать, хотя он не мог бы сказать, откуда или почему. Обрывки сна еще вертелись у него в голове, от этого Толстому Чарли стало не по себе, а весь мир показался нереальным. Он потер глаза, и человек у изгороди исчез. Толстый Чарли понадеялся, что он ушел, растворился в клочьях утреннего тумана, забрав с собой беспокойство и безумие, которые принес.

Тут снизу позвонили.

Просунув руки в рукава халата, Толстый Чарли спустился.

Раньше он никогда не набрасывал цепочку прежде, чем открыть дверь, но сейчас сделал это, а дверь оттянул на себя лишь на шесть дюймов.

— Доброе утро, — настороженно сказал он.

Просочившаяся в щелку улыбка осветила бы небольшую деревушку.

— Ты позвал, и я явился, — сказал незнакомец. — Ну, Толстый Чарли, разве ты не собираешься открыть мне дверь?

— Кто вы?

Уже произнося эти слова, он понял, где видел этого мужчину: в маленькой часовенке при крематории на похоронах матери. Тогда он в последний раз видел эту улыбку. И ответ угадал еще до того, как его услышал.

— Я твой брат.

Толстый Чарли закрыл дверь. Снял цепочку и дверь распахнул. Незнакомец все еще стоял на пороге. Интересно, как здороваться с предположительно воображаемым братом, в существование которого ты раньше вообще не верил?

Так они и стояли, один по одну сторону порога, другой — по другую, пока брат не сказал:

— Можешь звать меня Паук. Кстати, ты пригласишь меня войти?

— Да. Приглашу. Конечно, приглашу. Пожалуйста. Входи.

Толстый Чарли первым стал подниматься по лестнице.

Невозможное случается. Когда такое проис-

ходит, большинство людей справляются как могут. Сегодня, как и в любой другой день, приблизительно пять тысяч человек на планете столкнутся с событием, вероятность которого одна на миллион, и никто не откажется верить своим глазам и ушам. Большинство (каждый на своем языке) скажут что-нибудь вроде «Странная штука жизнь, верно?» — и займутся своими делами. Толстый Чарли пытался отыскать логичное, разумное, здравое объяснение происходящему, а еще силился свыкнуться с мыслью, что брат, о котором он не подозревал, поднимается за ним двумя ступеньками ниже. Войдя в кухню, они остановились.

— Хочешь чашку чая?

— Кофе есть?

— Боюсь, только растворимый.

— Сойдет.

Толстый Чарли повернулся к чайнику.

— Значит, приехал издалека? — спросил он.

— Из Лос-Анджелеса.

— Как долетел?

Брат присел за кухонный стол. Пожал плечами. Такое движение может означать все что угодно.

— М-м-м… Ты надолго в Лондон?

— Пока не задумывался.

Незнакомец — Паук — оглядел кухню Толстого Чарли так, словно никогда не бывал на самой обычной кухне.

— Какой любишь кофе?

— Черный как ночь, сладкий как грех.

Толстый Чарли поставил перед ним кружку и передал сахарницу.

— Накладывай.

Паук ложку за ложкой клал в чашку сахар, а Толстый Чарли только смотрел во все глаза.

Между ними действительно было семейное сходство. С этим не поспоришь, хотя одно это не объясняло острого ощущения знакомости, которое накатило на Толстого Чарли при виде Паука. Паук выглядел таким, каким Толстый Чарли видел себя в мечтах, а не стеснительным, слегка разочаровывающим малым, какого он с монотонной регулярностью встречал по утрам в зеркале. Паук был жилистее, выше, элегантнее. Черная с красным кожаная куртка и черные кожаные штаны в обтяжку сидели на нем как вторая кожа. Толстый Чарли постарался вспомнить, такая ли одежда была на крутом малом из его сна. Паук словно бы подавлял все вокруг: всего лишь сидя по другую сторону стола от него, Толстый Чарли чувствовал себя неловким, дурно сложенным и

глуповатым. Дело было не в одежде, а в сознании, что сам он в таких вещах выглядел бы жалким клоуном. Дело было не в том, как Паук улыбался (небрежно, радостно), а в холодной, непреложной уверенности самого Толстого Чарли, что даже практикуйся он перед зеркалом до конца времен, ему все равно не выдавить улыбку и вполовину столь обаятельную — чуть нахальную, чуть галантную.

— Ты приезжал на мамину кремацию, — сказал Толстый Чарли.

— Я собирался подойти к тебе после службы, — отозвался Паук, — но решил, что это не самая удачная мысль.

— Жаль. — Тут Толстому Чарли кое-что пришло в голову. — Я думал, ты и на папины похороны придешь.

— Что? — переспросил Паук.

— На папины похороны. Во Флориде. Пару дней назад.

Паук тряхнул головой.

— Он не мертв! Уверен, я бы знал, если бы он умер.

— Он мертв. Я его похоронил. Ну, во всяком случае, засыпал могилу. Спроси миссис Хигглер, если хочешь.

— Как он умер?

— Сердечный приступ.

— Это ничего не значит. Это только говорит, что он умер.

— Ну да. Умер.

Паук перестал улыбаться. Теперь он смотрел в свой кофе, будто надеялся там найти ответ.

— Надо бы самому посмотреть, — пробормотал он. — Нет, я тебе, конечно, верю. Но когда речь идет о твоем старике… Даже если твой старик одновременно мой старик.

Он скривился. Толстый Чарли прекрасно знал, что значит эта гримаса. Она достаточно часто возникала на его собственном лице, когда заговаривали о его отце.

— Она живет все там же? В доме по соседству с тем, где мы выросли?

— Миссис Хигглер? Да, там же.

— Ты, случаем, ничего оттуда не привез? Открытку? Может, фотографию?

— Целую коробку.

Большую картонную коробку Толстый Чарли еще не открывал. Она так и осталась забытая в коридоре. Принеся ее в кухню, он поставил ее на стол. Потом кухонным ножом разрезал скотч, которым она была оклеена. Запустив тонкие

пальцы в коробку, Паук перелистнул фотографии точно игральные карты, пока не нашел одну двадцатилетней давности, на которой их мать и миссис Хигглер сидели на крыльце у последней.

— И крыльцо еще на месте?

Толстый Чарли напряг память.

— Кажется, да.

Позднее он так и не мог сообразить, увеличилась ли фотография или Паук уменьшился. Он мог бы поклясться, что ничего такого на самом деле не произошло, тем не менее бесспорным было одно: Паук ушел в фотографию, которая замерцала, пошла рябью и его поглотила.

Толстый Чарли потер глаза. Шесть утра, он в кухне один. На столе картонная коробка с бумагами и фотографиями, рядом — пустая кружка. Кружку Толстый Чарли поставил в раковину. Потом прошел по коридору в спальню, рухнул в кровать и проспал, пока будильник не зазвонил в четверть восьмого.

Глава четвертая, которая завершается вечером с вином, женщинами и песнями

Толстый Чарли проснулся.

Мысли у него путались: вспоминался то сон, в котором он встретился с братцем-шоуменом, то тот, в котором к нему явился президент Тафт заодно со всеми персонажами из «Тома и Джерри». Приняв душ, Толстый Чарли пошел на работу.

И весь рабочий день что-то свербило у него в голове, но он никак не мог понять что. А потому у него все валилось из рук: он клал вещи не туда и то и дело что-нибудь забывал. В какой-то момент даже запел, сидя за столом, но не от счастья, а потому что забыл, что так не положено. Поймал он себя на этом только, когда сам Грэхем Хорикс просунул голову в его шкаф-кабинет, чтобы его одернуть.

— Никаких радио, плейеров или прочей аудиоаппаратуры в офисе, — с видом злобного хорька сказал Грэхем Хорикс. — Такое разгильдяйство в рабочем помещении недопустимо.

— Это не радио, — признался Толстый Чарли,

уши у него пылали.

— Нет? Тогда что, скажите на милость?

— Я.

— Вы?

— Да. Я пел. Извините, пожалуйста…

— Готов был поклясться, что это радио. Надо же так ошибиться! Господи всемогущий! Ну, с такими поразительными способностями, с такими талантами вам следовало бы оставить нас ради сцены… Так сказать, услаждать слух больших аудиторий, возможно, даже в летнем театре на пирсе, а не занимать стол в офисе, где простые смертные пытаются работать. А? Мы здесь способствуем творческим карьерам.

— Нет, — пробормотал Толстый Чарли. — Я не хочу от вас уходить. Просто не подумал.

— Тогда вам нужно научиться воздерживаться от пения… За исключением ванны, душа или, быть может, трибун, когда болеете за любимую футбольную команду. Кстати, я болею за «Хрустальный дворец». Не то скоро поймете, что вам пора искать другое место.

Толстый Чарли улыбнулся, но тут же понял, что ему не до улыбок, и сделал серьезное лицо, но Грэхем Хорикс уже ушел, поэтому Толстый Чарли только выругался себе под нос, сложил на столе

руки и ткнулся в них головой.

— Это вы пели? — спросила новенькая из отдела по связям с клиентами-артистами. Толстому Чарли никогда не удавалось запомнить имен сотрудниц: только выучишь, они уже уходят.

— Боюсь, что так.

— Что вы пели? Хорошо звучало.

Толстый Чарли сообразил, что не знает, и только пожал плечами:

— Не знаю. Я не слушал.

Девушка рассмеялась, но тихонько, чтобы не привлечь внимания начальства.

— Он прав. Вам бы записываться, а не здесь прозябать.

На это Толстый Чарли не нашелся, что ответить. Зардевшись, он начат вычеркивать цифры, делать пометки, собирать самоклеющиеся бумажки с записками и клеить их на экран, пока не удостоверился, что девушка ушла.

Позвонила Мэв Ливингстон: не будет ли Толстый Чарли так добр попросить Грэхема Хорикса связаться с управляющим в ее банке. Он пообещал сделать все, что сможет. В ответ миссис Ливингстон с нажимом посоветовала ему постараться.

В четыре позвонила на мобильный Рози, чтобы

сказать, мол, воду в ее квартире снова включили и что (отличная новость!) мама решила проявить интерес к будущей свадьбе и просила заехать к ней обсудить приготовления.

— Если она возьмет на себя праздничный обед, то мы сэкономим на еде целое состояние.

— Нехорошо так говорить. Позвоню вечером сказать, как все прошло.

Сказав, что любит ее, Толстый Чарли отключился. И, почувствовав спиной чей-то взгляд, повернулся.

— Кто звонит по личным делам в рабочее время, пожнет бурю. Знаете, кто это сказал?

— Вы?

— Воистину, — согласился Грэхем Хорикс. — Воистину я. И никогда не произносилось более праведных слов. Считайте это официальным предупреждением.

Тут он улыбнулся самодовольной ухмылочкой, от которой в голову Толстого Чарли невольно полезли праздные мысли: а что будет, если погрузить кулак в пухленький живот Грэхема Хорикса. К сожалению, такая попытка скорее всего похожа на игру в орлянку между увольнением и судебным иском о нападении. И все-таки как приятно было бы…

По природе своей Толстый Чарли чурался насилия, но можно же помечтать. Мечтал он обычно о чем-нибудь небольшом и комфортном. Достаточно денег, чтобы есть в хороших ресторанах, когда пожелает. Работу, на которой никто бы не шпынял его и не понукал. Петь без стеснения — где-нибудь, где его никто не услышит.

Но сегодня мысли бежали вскачь… Хорошо бы уметь летать… И чтобы пули отскакивали от его могучей груди, когда, спикировав с неба, он спасет Рози от банды похитивших ее мерзавцев и негодяев. Она крепко его обнимет, а потом они полетят на закат… в Замок Отважного Героя, где благодарность захлестнет ее настолько, что она с энтузиазмом забудет про решение дожидаться свадьбы и тут же начнет проверять, как быстро они сумеют заполнить банку…

Сны наяву помогали снять стресс от пребывания в «Агентстве Грэхема Хорикса», от повторений звонящим, что их чеки ушли по почте, от выколачивания денег, которые причитаются агентству и его клиентам.

В шесть Толстый Чарли выключил компьютер и, подозрительно глянув на лифт, спустился по лестнице. Дождя не было. Над головой кружили и чирикали скворцы — предвечерний хор горо-

да. Все прохожие на тротуаре куда-то спешили — большинство, как и Толстый Чарли, к станции метро линии Кингсвей-Холборн. Люди шли, втянув головы в плечи, и вид у них был такой, словно им не терпится попасть домой.

Только один никуда не торопился. Он стоял лицом к Толстому Чарли и спешащим по домам людям, и полы его кожаной куртки хлопали на ветру. Он не улыбался.

Толстый Чарли увидел его еще от угла. По мере того как расстояние между ними сокращалось, окружающее утрачивало реальность. День растворялся, и Толстый Чарли понял, что провел его, стараясь вспомнить…

— Привет, Паук, — сказал он, когда подошел поближе.

Вид у Паука был такой, будто в душе у него бушевала буря. Или будто он вот-вот расплачется. Откуда было знать Толстому Чарли? В лице, в осанке Паука отражалось столько эмоций, что люди пристыженно отводили глаза.

— Я туда съездил. — Слова прозвучали тускло. — Повидался с миссис Хигглер. Она отвела меня на могилу. Мой отец умер, а я не знал…

— Он был и моим отцом, Паук.

Как же он мог забыть про Паука, как мог отмах-

нуться от него, словно от сна?!

— Верно.

Предвечернее небо расчертили скворцы, одни кружили, другие летали зигзагами между крыш.

Паук вдруг рывком расправил плечи, словно бы принял какое-то решение.

— Ты прав, так прав, — сказал он. — Мы совершим это вместе.

— Вот именно, — согласился Толстый Чарли, а потом спросил: — Что совершим?

Но Паук уже подозвал такси.

— Мы — мужчины в большой беде, — возвестил Паук всему миру. — Нашего отца больше нет с нами. Сердца тяжелы у нас в груди. Горе опустилось на нас страшным бременем. — Тьма — наша участь, а неудача — единственный спутник.

— Ладно, ладно, джентльмены, — весело отозвался таксист. — Куда вас везти?

— Туда, где можно найти три лекарства от горя, — велел Паук.

— Может, купим курицу в карри? — предложил Толстый Чарли.

— Есть три и только три вещи, способные усмирить боль, какую испытываешь при мысли о смерти, — сказал Паук. — Это вино, женщины и песни.

— Курица в карри тоже неплохо, — заметил Толстый Чарли, но никто его не слушал.

— В каком-то особом порядке? — поинтересовался таксист.

— Сначала вино, — объявил Паук. — Озера, и реки, и безбрежные океаны вина.

— Поехали.

Такси тронулось с места.

— У меня на душе кошки скребут, — любезно внес свою лепту Толстый Чарли.

Паук кивнул.

— Скверно на душе. Да. Нам обоим скверно. Сегодня мы поделимся друг с другом бедой и прогоним ее. Мы будем горевать. Мы до осадка изопьем смертности. Разделенная боль, брат мой, не увеличивается вдвое, но уменьшается вполовину. Не разломить колчан стрел, но одну…

— И не спрашивай, по ком звонит колокол, — произнес нараспев таксист. — Он звонит по тебе.

— Ух ты! — вырвалось у Паука. — Крутой у тебя коан!

— Спасибо, — скромно ответил водитель.

— Верно, все мы смертны. А вы, похоже, философ. Меня зовут Паук. А это мой брат, Толстый Чарли.

— Чарльз, — сказал Толстый Чарли.

— Стив. Стив Берридж.

— Мистер Берридж, — сказал Паук, — не хотелось бы вам стать нашим личным водителем на сегодняшний вечер?

На это Стив Берридж объяснил, что у него как раз заканчивается смена и что он погонит такси на стоянку, а после его ждет обед с миссис Берридж и множеством маленьких Берриджей.

— Слышал? — обратился Паук к Толстому Чарли. — Семейный человек. А вот у нас с братом никого больше нет. И ведь мы только сегодня познакомились.

— Похоже, та еще история, — отозвался таксист. — Давняя семейная ссора?

— Отнюдь. Он просто не знал, что у него есть брат, — сказал Паук.

— А ты знал? — поинтересовался Толстый Чарли. — Про меня?

— Возможно. Но все так легко забывается.

Таксист притормозил.

— Куда мы приехали? — спросил Толстый Чарли.

Далеко они не уехали. Кажется, всего до Флит-стрит.

— Там, куда вы просили отвезти, — объяснил таксист. — За вином.

Выбравшись из машины, Паук уставился на грязные дубовые доски и запыленное окно древнего кафе.

— Великолепно, — сказал он наконец. — Заплати, брат.

Толстый Чарли заплатил за проезд и они вошли внутрь: спустились по темной деревянной лестнице в подвал, где румяные барристеры пили бок о бок с мертвенно-бледными биржевыми брокерами и управляющими трастовыми фондами. Пол был посыпан опилками, список вин неразборчиво нацарапан мелом на грифельной доске за стойкой.

— Что пьешь? — спросил Паук.

— Просто бокал красного, пожалуйста, — сказал Толстый Чарли.

Паук поглядел на него торжественно.

— Мы последние в роду Ананси. Такие, как мы, не оплакивают кончину отца за столовым красным.

— Э-э-э… верно. Тогда я выпью то же, что и ты.

Паук направился к стойке, прорезая толпу, словно ее тут и не было вовсе. Через несколько минут он вернулся с двумя бокалами, штопором и исключительно пыльной бутылкой. Легкость, с которой он ее открыл, произвела большое впе-

чатление на Толстого Чарли, который вечно вылавливал из Своего бокала куски пробки. Вино из бутылки полилось такое темное, что казалось почти черным. Налив до краев два бокала, Паук поставил один перед Толстым Чарли.

— Тост, — объявил он. — В память о нашем отце.

— О папе, — сказал Толстый Чарли, стукнул бокалом о бокал брата, чудом не пролив ни капли, и попробовал вино. На вкус оно было странно горьким, травянистым и солоноватым. — Что это?

— Похоронное вино. Такое пьют по умершим богам. Его уже давно не делают. Его настаивали на горьком алоэ и розмарине и на слезах девственниц, у которых сердце разбито.

— И продают в забегаловке на Флит-стрит? — Толстый Чарли взял со стола бутылку, но этикетка поблекла и запылилась настолько, что стала совсем неразборчивой. — Никогда о таком не слышал.

— В таких старинных местечках встречается приличное вино, если знаешь, о чем попросить, — объяснил Паук. — А может, я просто решил, что оно здесь есть.

Толстый Чарли отпил еще. Вино было крепким и терпким.

— Такое вино не пьют по глотку, — продолжал Паук. — Это траурное вино. Его проглатывают залпом. Вот так. — Он сделал огромный глоток, потом скорчил гримасу. — И на вкус так лучше.

Помедлив, Толстый Чарли отпил побольше. Ему показалось, он чувствует на языке вкус алоэ и розмарина. Интересно, может, соль здесь и правда от слез?

— Розмарин кладут на долгую память, — сказал, доливая вино, Паук.

Толстый Чарли начал было объяснять, что сегодня ему пить не следует, что завтра ему на работу, но Паук его оборвал:

— Твоя очередь произносить тост.

— Э-э-э… верно, — сказал Толстый Чарли. — За маму.

Они выпили за маму. Толстый Чарли обнаружил, что горькое вино начинает ему нравиться. Глаза у него защипало, все существо пронзило ощущение глубокой, болезненной утраты. Он скучал по матери. Он скучал по своему детству. Он даже скучал по отцу. Паук по другую сторону стола тряхнул головой, по щеке у него скатилась слеза и с плеском упала в бокал. Потянувшись за бутылкой, он налил им обоим еще.

Толстый Чарли выпил.

Печаль бежала по его венам, наполняя душу, само его существо болью утраты, которая поднималась, как приливная волна.

Теперь и по его лицу бежали слезы и плескались в стакан. Он порылся по карманам в поисках бумажного носового платка. Паук разлил остатки вина.

— Тут правда продают такое вино?

— У владельца была бутылка, о которой он даже не подозревал. Надо было только напомнить.

Толстый Чарли высморкался.

— Я даже не знал, что у меня есть брат.

— А я знал, — отозвался Паук. — Все собирался тебя найти, но то и дело что-нибудь отвлекало. Сам знаешь, как это бывает.

— Да нет. Вообще-то не знаю.

— Всякие дела.

— Какие дела?

— Всякие. Возникали. Ведь дела затем и существуют. Чтобы возникать. Не могу же я уследить за всем и вся?!

— Какие, например?

Паук выпил еще.

— Ну как хочешь, сам напросился. В прошлый раз, когда я решил, что надо бы тебя повидать, я — как бы это сказать? — стал планировать все за-

ранее. Хотел, чтобы все прошло лучше не бывает. Надо было выбрать одежду, потом придумать, что скажу при встрече. Сам понимаешь, встреча двух братьев — эпический сюжет, верно? И решил, что лучше всего к такому торжественному случаю подходят стихи. Но какие именно? Отбарабанить рэп? Продекламировать гекзаметр? Не мог же я приветствовать тебя лимериком, верно? Нет, тут требуется что-то глубокое, мощное, эпическое. А потом меня осенило. Возникла первая строчка. Просто потрясающая. Слушай: «Кровь родную кровь зовет, как сирена в ночи». Чувствуешь, сколько она передает? Я сразу понял, что смогу вложить в мои стихи все: про то, как люди умирают в переулках, Про пот и кошмары, про мощь несломленного духа. Туда целый мир бы поместился. А потом мне пришла в голову вторая строка, и все полетело в тартарары: ничего, кроме «Там-тампти-тампти-там, замолчи» не получалось.

Толстый Чарли моргнул.

— Кто такой Там-тампти-тампти-там?

— Никто. Просто звуки, чтобы показать, где положено быть словам. Дальше этого у меня не пошло, а ведь не мог же я явиться к тебе только с первой строчкой из эпической поэмы и какими-

то там тампти, правда? Это было бы неуважением к тебе.

— Ну…

— Вот именно. Поэтому я поехал на неделю на Гавайи. Как я и сказал, дело возникло.

Толстый Чарли отпил еще вина. Оно нравилось ему все больше и больше. Иногда крепость и пряный вкус подходят для сильных чувств, и сейчас был как раз такой случай.

— Но не обязательно же второй строчке поэмы быть такой… — сказал он.

Паук положил узкую руку на лапищу Толстого Чарли.

— Хватит обо мне, — сказал он. — Как ты жил?

— Да и рассказывать-то нечего.

И Толстый Чарли рассказал брату про, свою жизнь. Про Рози и ее маму, про Грэхема Хорикса и его агентство, а брат все кивал. «Если облечь жизнь в слова, то и не жизнь это вовсе», — подумал Толстый Чарли.

— С другой стороны, — философски заключил он, — мы ведь каждый день читаем про людей в светской хронике и в газетных сплетнях, твердящих о том, какая тусклая, пустая и бессмысленная у них жизнь.

Он опрокинул бутылку над стаканом, надеясь

выцедить хотя бы глоток вина, но выкатилась только одна капля. Бутылка была пуста. Она протянула дольше, чем имела на то право, но теперь ничего не осталось.

Паук встал.

— Видел я этих людей, о которых пишут в глянцевых журналах, — сказал он. — Пил с ними виски и чай. Собственными глазами видел их никчемные жизни. Я наблюдал за ними из теней, когда они считали, что, кроме них, в комнате никого нет. И скажу тебе одно: боюсь, ни один из них даже под дулом пистолета с тобой, брат мой, не поменяется. Пошли.

— Да? Куда мы идем?

— Идем. Мы завершили первую часть нашей тройной миссии. Вино выпито. Осталось еще две.

— Э-э-э…

Толстый Чарли поплелся за Пауком на улицу, надеясь, что ночная прохлада прочистит ему мозги. Не прочистила. Толстому Чарли казалось, что голова у него вот-вот уплыла бы, не будь она так крепко приделана к шее.

— Теперь женщины, — сказал Паук. — А напоследок песни.

Наверное, следует упомянуть, что в мире Тол-

стого Чарли женщины не появлялись просто так. Нужно было, чтобы тебя представили. Потом нужно набраться храбрости заговорить. А когда наберешься, найти тему, о чем говорить, а после (когда достигнешь таких высот) ждут новые вершины. Нужно рискнуть спросить, есть ли у нее планы на субботний вечер, а когда спросишь — всегда оказывалось, что ей нужно мыть голову, записать упущенное в дневнике, вычесать спаниеля или просто ждать у телефона звонка кого-то другого.

Но Паук жил в ином мире.

Они направились к Вест-энду и остановились у переполненного паба. Народу там было столько, что часть перебралась с выпивкой на тротуар. И Паук вдруг бросил «привет» девушке по имени Сильвия, чей день рождения (как выяснилось) праздновали. Именинница была польщена, услышав, что Паук пообещал в честь такого случая угостить выпивкой ее с друзьями. Потом стал рассказывать анекдоты («…«нескафе»? Да это же лучшая банка для окурков!») и сам над ними хохотал — радостным раскатистым смехом. Он с ходу запомнил, как кого зовут. Он заговаривал с людьми и слушал, что ему рассказывают в ответ. Когда Паук объявил, что пора поискать другой

паб, вся вечеринка решила (все до одной женщины), что пойдет с ним…

К третьему пабу Паук походил на рок-певца после концерта: девушки на нем просто висли. Ластились. Несколько наполовину в шутку, наполовину всерьез поцеловали. Толстый Чарли глядел на происходящее с неподдельным ужасом.

— Ты его телохранитель? — спросила одна.

— Что?

— Его телохранитель? Да?

— Нет, — ответил Толстый Чарли. — Я его брат.

— Ух ты! Даже не знала, что у него есть брат. Он потрясающий, правда?

— Правда, правда, — согласилась другая, которая некоторое время прижималась к Пауку, пока ее не оттеснили другие тела с теми же намерениями. Толстого Чарли она только сейчас заметила. — Ты его менеджер?

— Нет. Он его брат, — сказала первая и многозначительно добавила: — Он как раз мне это объяснял.

Вторая пропустила ее слова мимо ушей.

— Ты тоже из Штатов? У тебя такой странный акцент.

— Когда я был маленьким, мы жили во Флориде.

Мой папа — американец, а мама… ну, родилась она на Сан Андреасе, но выросла в…

Никто его не слушал.

Когда они двинулись дальше, запоздалые гуляки с дня рождения потянулись следом. Женщины обступили Паука, спрашивая, куда идут теперь, предлагали рестораны и ночные клубы, но Паук только улыбался и шел себе вперед.

Толстый Чарли тащился сзади, чувствуя себя как никогда чужим.

Спотыкаясь, вся компания брела через мир желтых фонарей и разноцветных неоновых вывесок. Паук обнимал нескольких женщин разом. На ходу он целовал их без разбора — как человек, надкусывающий сперва один, потом другой летний плод. Никто как будто не обижался.

«Это не нормально, — думал Толстый Чарли. — Ни в коем случае не нормально». Он даже не пытался нагнать, просто старался не отставать.

И все еще чувствовал на языке горькое вино.

Тут он сообразил, что одна из девушек идет с ним рядом. Она была невысокой, худенькой, с хорошим лукавым личиком — точь-в-точь проказливый эльф — и сейчас тянула его за рукав.

— Что мы собираемся делать? — спросила она. — Куда идем?

— Мы оплакиваем моего отца, — ответил Толстый Чарли. — Кажется.

— Это что, реалити-шоу?

— Надеюсь, что нет.

Паук тем временем остановился и повернулся. Глаза у него блеснули так, что Толстому Чарли стало не по себе.

— Пришли, — объявил Паук. — Мы у цели. Он бы этого хотел.

На листке ярко-оранжевой бумаги на дверях паба было написано от руки: «Сегодня. Наверху. КАРАОКЕ».

— Песни, — сказал Паук и добавил: — Шоу начинается.

— Нет! — вырвалось у Толстого Чарли, и он застыл как вкопанный.

— Ему бы понравилось, — улыбнулся Паук.

— Я не хочу петь. Только не на людях. К тому же я пьян. И вообще это не самая удачная мысль.

— Это отличная мысль, — с чарующей улыбкой возразил Паук. «Включенная» в нужный момент, такая улыбка способна развязать священную войну. Однако Толстого Чарли она не убедила.

— Послушай, — начал он, стараясь подавить панику, — у каждого из нас есть что-то, чего он просто не делает. Верно? Кое-кто не летает. Кое-

кто не занимается сексом на публике. Кое-кто не растворяется в дым. Я ничего такого не делаю. И, главное, не пою.

— Даже ради папы?

— Особенно ради папы. Он уже в могиле и больше меня опозорить не сможет. Во всяком случае, больше, чем уже опозорил.

— Прошу прощения, — сказала одна из молодых женщин. — Прошу прощения, но мы идем? Потому что мне холодно, а Сильвии нужно по маленькому.

— Идем, — решил Паук и улыбнулся ей.

Толстый Чарли хотел запротестовать, настоять на своем, но его уже затянули внутрь — он сам себя ненавидел. На лестнице он нагнал Паука.

— Я войду, — сказан он. — Но петь не буду.

— Ты уже вошел.

— Знаю. Но петь не буду.

— Нет смысла говорить, что не войдешь, когда уже вошел.

— Я не умею петь.

— Хочешь сказать, что я унаследовал и музыкальные таланты тоже?

— Я хочу сказать, что, если открою рот, чтобы петь на людях, меня стошнит.

Паук ободряюще сжал ему локоть.

— Бери пример с меня.

Именинница и две ее подруги неуверенно поднялись на небольшую сцену и прохихикали через «Танцующую королеву». Толстый Чарли пил джин с тоником (кто-то сунул ему в руку стакан) и морщился на каждой ноте, где они фальшивили, на каждой перемене тональности, которой не случалось. Остальные гости с дня рождения зааплодировали.

Их место заняла другая девушка — та самая, которая спрашивала Толстого Чарли, куда они идут. Зазвучали вступительные аккорды «Поддержи меня», и она запела — если только понимать это выражение в самом приблизительном и широком смысле: она не попадала ни в одну ноту, вступала слишком рано или слишком поздно, да и вообще неправильно читала слова. Толстому Чарли стало ее жаль.

Спустившись со сцены, она направилась к стойке. Толстый Чарли уже собрался сказать что-нибудь сочувственное, но она просто светилась от радости.

— Так здорово! — выдохнула она. — Просто изумительно.

Толстый Чарли принес ей выпивку, большой стакан «отвертки».

— Я так повеселилась! — продолжала она. — А ты попробуешь? Давай же! Ты просто должен это сделать! Готова поспорить, хуже меня тебе не спеть.

Толстый Чарли пожал плечами, надеясь так показать, что в нем скрываются еще не разведанные глубины «хужести».

А вот Паук на маленькую сцену поднялся с таким видом, словно за ним следовал луч прожектора.

— Спорим, что он замечательно споет? — сказала девушка с «отверткой». — Кто-то, кажется, говорил, что ты его брат?

— Нет, — нелюбезно буркнул Толстый Чарли. — Это я сказал, что он мой брат.

Паук запел «Под променадом на пляже».

Ничего бы не случилось, если бы Толстому Чарли меньше нравилась эта песня. Когда ему было тринадцать, он считал ее лучшей на свете. (К тому времени, когда он стал пресытившимся и уставшим от мира четырнадцатилеткой, его любимой стала «Нет женщины, нет слез» Боба Марли.) А теперь Паук пел его песню и делал это хорошо. Он попадал в тон и пел так, словно слова шли у него из сердца. Люди вокруг забыли про выпивку, замолчали — только смотрели на него

и слушали.

Когда Паук допел, раздались крики «браво». Будь на присутствующих шляпы, они, несомненно, подбросили бы их в воздух.

— М-да, понятно, почему тебе не хочется петь после него, — сказала Толстому Чарли девушка с «отверткой». — С таким не потягаешься, верно?

— Ну… — протянул Толстый Чарли.

— Я хочу сказать, сразу видно, кому в вашей семье достались все таланты, — улыбнулась она.

Говоря это, она склонила голову набок и вздернула подбородок. Именно вздернутый подбородок его доконал. Направляясь к сцене, Толстый Чарли ставил одну ногу впереди другой — впечатляющий подвиг физической ловкости. Пот с него катился градом.

Следующие несколько минут прошли как в тумане. Он поговорил с ди-джеем, выбрал себе из списка песню «Незабываемая», выждал, казалось, целую вечность и получил микрофон.

Во рту у него пересохло. Сердце в груди трепыхалось.

На экране возникло первое слово: «Незабываемая…»

Видите ли, в чем дело: в действительности Толстый Чарли умел петь. У его голоса был и

диапазон, и глубина, и экспрессия. Когда он пел, все его тело превращалось в инструмент.

Зазвучала музыка.

Мысленно Толстый Чарли уже открыл рот, чтобы пропеть «Незабываемая…». Потом он споет «Вот какая ты…» и будет петь в честь покойного отца, в честь брата и ночи.

Вот только он не мог. На него же смотрели. В помещении над пабом было меньше двух десятков человек. Большинство женщины. Перед аудиторией Толстый Чарли даже рта не мог открыть.

Он слышал музыку, но просто стоял. Ему было очень холодно. Ноги словно бы терялись в дальнем далеке.

Толстый Чарли заставил себя разжать челюсти.

— Думаю, — перекрывая музыку, очень внятно сказал он в микрофон и услышал, как слова эхом отдались от стен, — думаю, меня сейчас стошнит.

Уход со сцены вышел не слишком элегантным.

А после все несколько затуманилось.

Есть на свете мифические места. Каждое из них существует на свой собственный лад. Одни наложены поверх мира, другие прячутся под ним, словно нижний слой краски на картине.

А еще есть горы. Это каменистые пространства, которые нужно пройти, прежде чем выйти к горам на краю света, а в этих горах есть глубокие пещеры, которые были обитаемы задолго до того, как разжег костер первый человек.

Они и по сей день обитаемы.

Глава пятая, в которой речь идет об утренней расплате

Толстому Чарли хотелось пить…

Толстому Чарли хотелось пить, и голова у него болела, во рту было гадостно, глаза — слишком маленькие для головы. Все зубы зудели, желудок жгло огнем, а спина болела такой болью, которая начинается от коленей и доходит до лба, мозги у него как будто изъяли и заменили ватными тампонами, иголками и булавками, вот почему тяжело было даже попытаться думать, а глаза стали слишком круглыми и за ночь выкатились, а потом их прибили назад кровельными гвоздями…

К тому же любые звуки громче трения друг о друга молекул в броуновском движении — выше его болевого порога. А еще ему хотелось умереть.

Толстый Чарли открыл глаза. Большая ошибка: ведь так он впустил внутрь дневной свет, а от него стало больно. С другой стороны, теперь стало ясно, где он (в собственной кровати, в своей спальне) и (поскольку прямо перед ним стоял бу-

дильник) что времени половина двенадцатого.

А самое ужасное (думал он по одному слову зараз) — у него такое похмелье, каким ветхозаветный бог поражал мадианитян, и при следующей же встрече с Грэхемом Хориксом, без сомнения, он услышит, что уволен. Интересно, не удастся ли разыграть по телефону нечеловеческие муки? Тут Толстый Чарли сообразил, что большим подвигом была бы попытка изобразить хоть что-то другое.

Он не помнил, как вчера ночью попал домой.

Наверное, надо позвонить в офис. Как только сумеет вспомнить номер телефона. Тогда он извинится… какая-нибудь чудовищная двадцатичетырехчасовая простуда… дескать, лежит пластом и ничего поделать не может…

— Знаешь, — сказал кто-то рядом с ним в кровати, — кажется, бутылка воды с твоей стороны. Не можешь передать?

Толстому Чарли хотелось объяснить, что никакой бутылки с его стороны кровати нет и что вообще ближайшая вода в раковине ванной, и если он промыл стакан для полоскания зубов… а потом сообразил, что смотрит на одну из нескольких бутылок, стоящих у него на тумбочке. Протянув руку, он почувствовал, как показавшиеся чужи-

ми пальцы сомкнулись на горлышке, а после с усилием, которое обычно приберегают для того, чтобы втянуться на последние несколько футов по отвесной скале, перекатился в кровати.

Это была девушка с «отверткой». К тому же голая. Во всяком случае, те части, которые ему были видны.

Забрав у него бутылку, она натянула себе на грудь простыню.

— Спасибо. Он просил тебе передать, когда проснешься, чтобы ты из-за работы не беспокоился. Не нужно звонить и говорить, что заболел. Он просил передать, что уже обо всем позаботился.

Толстого Чарли это не успокоило. Его заботы и тревоги отнюдь не улеглись. Впрочем, учитывая его нынешнее состояние, в голове у пе го хватало места лишь для одной мысли, и сейчас он беспокоился, успеет ли вовремя добраться до туалета.

— Тебе нужно побольше пить, — сказала «Отвертка». — Восстановить водный баланс.

Толстый Чарли успел в ванную. Затем (раз он уже был на месте) постоял под душем, пока стены не перестали покачиваться, а после почистил зубы, не сблевав.

Когда он вернулся в спальню, «Отвертки» там уже не было, что принесло большое облегчение

Толстому Чарли, который начал надеяться, а вдруг она алкогольная галлюцинация, как розовые слоны или кошмарная мысль, что вчера вечером он поднимался на сцену, чтобы петь.

Халата он не нашел, поэтому надел тренировочный костюм — лишь бы почувствовать себя достаточно одетым для визита на кухню в дальнем конце коридора.

Зазвонил мобильный телефон, и он стал ощупывать куртку, которая лежала на полу у кровати, пока не нашел аппарат и щелчком не отбросил крышку. Потом он, насколько возможно маскируя голос, в него хмыкнул — на случай, если это кто-нибудь из «Агентства Грэхема Хорикса» пытается определить его местонахождение.

— Это я, — произнес голос Паука. — Все в норме.

— Ты сказал, что я умер?

— Еще лучше. Я сказал, что я это ты.

— Но… — Толстый Чарли постарался собраться с мыслями. — Но ты же не я!

— Ха, я-то это знаю! Я им так сказал.

— Ты даже не похож на меня.

— Не создавай лишних проблем. Все под контролем. Ох! Пора бежать. Большой босс хочет меня видеть.

— Грэхем Хорикс? Послушай, Паук…

Но Паук уже отключился, экранчик мобильного погас.

В дверь вошел халат Толстого Чарли. В халате была девушка, и на ней он смотрелся гораздо лучше, чем на самом Толстом Чарли. В руках она несла поднос со стаканом воды, в которой шипел «алка-зельтцер», и кружкой с еще чем-то.

— Выпей и то и другое, — велела она. — Сначала из кружки. Залпом.

— Что в ней?

— Яичный желток, острый вустерский соус, табаско, соль, чуточка водки и так далее. Исцелит или прикончит. Давай! — сказала она не допускавшим возражений тоном. — Пей!

Толстый Чарли влил в себя жидкость.

— О Господи! — выдохнул он.

— Ага, — согласилась девушка. — Но ты все еще жив.

В этом он был не уверен, но все равно выпил «алка-зельтцер». Тут ему кое-что пришло в голову.

— М-м-м… — сказал Толстый Чарли. — Э-э-э… Послушай. Вчера ночью. Мы. Э-э-э…

«Отвертка» недоуменно расширила глаза.

— Мы — что?

— Ну, мы… Сама знаешь. Делали?

— Ты хочешь сказать, что не помнишь? — Ее лицо упало. — Ты сказал, такого у тебя никогда не было, словно ты раньше никогда не занимался любовью с женщиной. Ты был на одну треть — бог, на одну треть — животное и еще на одну — неостановимая секс-машина.

Толстый Чарли не знал, куда девать глаза. «Отвертка» захихикала.

— Шучу. Я помогла твоему брату доставить тебя домой, мы тебя почистили, а после сам знаешь…

— Нет, — отозвался он. — Не знаю.

— Ты был в отключке, а кровать у тебя большая. Не знаю, где спал твой брат. У него, наверное, здоровье, как у быка. Встал с рассветом ясный, как солнышко.

— Он пошел на работу, — пробормотал Толстый Чарли, — Выдал себя за меня.

— А они не заметят разницы? Я хочу сказать, на близнецов вы не похожи.

— По всей видимости, пока не заметили.

Он покачал головой, потом посмотрел на девушку, которая показала ему маленький, исключительно розовый язычок.

— Как тебя зовут?

— Ты что, забыл? Я-то твое имя помню. Ты Тол-

стый Чарли.

— Чарльз, — сказал он. — Просто Чарльз сойдет.

— Я Дейзи. — Она протянула руку. — Приятно познакомиться.

Они серьезно пожали друг другу руки.

— Мне чуть лучше, — неожиданно заключил Толстый Чарли.

— Как я и сказала, прикончит или исцелит.

А в «Агентстве Грэхема Хорикса» Паук великолепно проводил время. Он никогда не работал в офисах. Он вообще никогда не работал. Все было новым, все было чудесным и странным — начиная с крохотного лифта, который рывками поднял его на пятый этаж в «муравейник» «Агентства Грэхема Хорикса». Он с изумлением постоял у стеклянной витрины с пыльными грамотами в прихожей. Он побродил по офисам, а когда его спрашивали, кто он такой, отвечал «Толстый Чарли Нанси» и произносил эти слова «божественным» голосом — тогда все, что он говорил, становилось правдой.

Он нашел комнату отдыха и приготовил себе несколько чашек чая. Потом отнес их на стол Толстого Чарли и расставил в художественном беспорядке. Потом решил поиграть с компью-

терной сетью. Сеть спросила у него пароль. «Я Толстый Чарли Нанси», — сказал он компьютеру, но все равно оставались места, куда его не пускали, поэтому он сказал: «Я Грэхем Хорикс», — и директории раскрылись перед ним как лепестки цветка.

Он покопался в компьютере, открывал то один, то другой файл, пока ему не наскучило. Разобрался с входящими документами и папками. Разобрался с незаконченными делами. Тут ему пришло в голову, что Толстый Чарли, наверное, уже проснулся, поэтому он позвонил ему домой успокоить. Он как раз счел, что неплохо потрудился за одно утро, когда в дверь просунул голову Грэхем Хорикс, который, проведя пальцем по губам, как у хорька, поманил его к себе.

— Пора бежать, — сказал Паук брату. — Большой босс хочет со мной поговорить.

Он разорвал связь.

— Опять личные разговоры в рабочее время, Нанси? — сказал Грэхем Хорикс.

— Абсо-хрен-лютно, — согласился Паук.

— Это меня вы назвали «большим боссом»? — поинтересовался Грэхем Хорикс, когда, пройдя по коридору, они переступили порог его офиса.

— Так вы и есть самый большой, — ответил

Паук. — И самый боссовый.

Грэхем Хорикс поглядел на него озадаченно: он подозревал, что над ним смеются, но не знал наверняка, и это сбивало его с толку.

— Присаживайтесь, хе-хе, присаживайтесь.

Паук присел.

В обычае Грэхема Хорикса было поддерживать постоянную текучку кадров в своем агентстве. Одни сотрудники приходили и уходили. Другие приходили и задерживались ровно до того момента, когда их работа вот-вот начнет давать хоть какие-нибудь права на защиту рабочего места. Толстый Чарли протянул дольше всех: год и одиннадцать месяцев. Еще месяц, и он получит право на выплаты по сокращению штатов или же арбитражные суды станут частью его жизни.

Была одна речь, которую Грэхем Хорикс всегда произносил перед тем, как кого-то уволить. Он очень ею гордился.

— В жизни каждого из нас, — начал он, — иногда случаются дожди. Но среди туч всегда светит лучик надежды.

— Нет худа без добра, — любезно вставил Паук.

— Э-э-э… Да. Воистину. Э-э-э… И когда мы идем сей юдолью слез, нам нужно думать, что…

— Первая рана всегда больнее.

— Что? А… — Грэхем Хорикс порылся в памяти, что же там дальше. — Счастье, — провозгласил он, — подобно бабочке.

— Или синей птице, — согласился Паук.

— Воистину. Позволите закончить?

— Конечно. Не стесняйтесь, — весело предложил Паук.

— Душевное счастье каждого сотрудника «Агентства Грэхема Хорикса» для меня не менее важно, чем мое собственное.

— Вы даже себе представить не можете, — вставил Паук, — как этим меня порадовали.

— Да, — сказал Грэхем Хорикс.

— Что ж, наверное, мне лучше вернуться к работе, — отозвался Паук. — Но речь мне понравилась. Когда в следующий раз захотите поделиться своими мыслями, только позовите. Вы знаете, где меня искать.

— Счастье… — повторил Грэхем Хорикс, чей голос прозвучал несколько сдавленно. — И вот о чем я подумал, Нанси… Чарльз… Вы у нас счастливы? Разве вы не согласитесь, что, возможно, были бы счастливее где-то еще?

— А я об этом не думал, — улыбнулся Паук. — Знаете, о чем я думал?

Грэхем Хорикс промолчал. Так увольнение еще

никогда не проходило. Обычно на этой стадии сотрудники бледнели, наступал шок. Иногда они плакали. Грэхем Хорикс ничего не имел против слез.

— А думал я, — продолжал Паук, — интересно, зачем вам счета на Каймановых островах? Знаете, такое впечатление, как будто деньги, которые должны попасть на счета наших клиентов, иногда уходят на Каймановы острова. Странная организация финансов, правда? Ведь деньги-то на этих счетах оседают. Я впервые такое вижу и надеюсь, что вы сможете мне все растолковать.

Грэхем Хорикс побелел как полотно, точнее, стал того цвета, какой в каталогах красок фигурирует под названием «Пергамент» или «Магнолия».

— Как вы получили доступ к этим счетам? — выдавил он.

— Компьютеры. Вы тоже от них на стенку лезете, да? Как вы тогда лечитесь?

Глава агентства на несколько долгих минут задумался. Ему нравилось считать, что состояние его финансов до крайности запутано, и если когда-нибудь отдел по борьбе с мошенничеством учует какие-нибудь махинации, полиции будет крайне трудно объяснить судье, в чем, собствен-

но, они заключались.

— В оффшорных счетах нет ничего противозаконного, — насколько мог небрежно, бросил он.

— Противозаконного? — переспросил Паук. — Надеюсь, что нет. Ведь если бы я увидел что-то противозаконное, мне пришлось бы сообщить в соответствующие инстанции.

Грэхем Хорикс взял со стола ручку, снова положил.

— Э-э-э… — протянул он, — так приятно было поболтать, побеседовать, провести время и вообще пообщаться с вами, Чарльз, но, полагаю, у нас обоих есть работа. Время не ждет. Оттягивать да откладывать — только время воровать.

— Жизнь — это рок-н-ролл, — предложил Паук, — но я балдею от радио.

— Как скажете.

Толстый Чарли начинал понемногу чувствовать себя человеком. Ничего уже не болело, тошнота не подкатывала медленными волнами к горлу. И хотя он еще не был уверен, что мир — приятное и радостное место, но все-таки вышел из девятого круга похмельного ада, а это само по себе было не-неплохо

Дейзи захватила ванную, теперь оттуда доносился звук бегущей воды, за которым последовал

довольный плеск. Он постучал в дверь.

— Я тут, — сказала Дейзи. — Лежу в ванне.

— Знаю. То есть не знал, но подумал, что ты скорее всего там.

— И?

— Просто интересно, — сказал он через дверь. — Интересно, почему ты с нами поехала? Вчера вечером?

— Ну, у тебя был потрепанный вид, а твоему брату как будто нужна была помощь. Сегодня утром у меня выходной, поэтому вуаля.

— Вуаля, — повторил Толстый Чарли.

Все просто: с одной стороны, она его пожалела, с другой, ей действительно понравился Паук. Да. Брат у него всего один день, и уже ясно: от отношений с новым родственником сюрпризов ждать нечего. Паук здесь крутой, а он лишний.

— У тебя красивый голос, — сказала Дейзи.

— Что?

— Пока мы ехали домой на такси, ты пел «Незабываемую». Красиво вышло.

Каким-то образом ему удалось вытеснить воспоминания о караоке, загнать их в дальний уголок, где он прятал все неприятное. А теперь они вернулись, и Толстый Чарли ужасно об этом пожалел.

— Просто замечательно вышло, — продолжала она. — Споешь мне еще потом?

Толстый Чарли стал отчаянно подыскивать отговорки, но его спас звонок во входную дверь.

— Кто-то пришел, — с облегчением сказал он.

Спустившись, он отпер дверь, и мир разом снова почернел: мама Рози наградила его таким взглядом, от которого свернулось бы молоко. Но промолчала. В руках у нее был огромный белый конверт.

— Здравствуйте… — пробормотал Толстый Чарли. — Миссис Ной. Рад вас видеть. Э-э-э…

Потянув воздух носом, она подняла конверт повыше — точно щитом прикрылась.

— Ах вот как, — сказала она. — Вы дома. Так-так. Пригласите меня войти?

«Вот именно, — подумал Толстый Чарли. — Таких всегда нужно приглашать. Только скажи «нет», и она уйдет».

— Разумеется, миссис Ной. Входите, пожалуйста, — а сам подумал: «Вот как вампиры добиваются своего». — Хотите чашечку чая?

— Не думайте, что сможете меня одурачить, — сказала она. — Потому что вам это не удастся.

— Э-э-э… Верно.

Потом было тяжкое восхождение вверх по

узенькой лестнице на кухню. Оглядевшись по сторонам, мать Рози сморщила нос, давая понять, что кухня не отвечает ее стандартам гигиены, ведь здесь присутствует съестное.

— Кофе? Воды? — «Только не произноси этих слов!» — Восковое яблоко? — «Вот черт!»

— Насколько я поняла со слов Рози, ваш отец недавно умер.

— Да.

— Когда скончался отец Рози, в журнале «Повара и искусство гастрономии» напечатали четырехстраничный некролог. Написали, что он один своими трудами принес в эту страну карибскую кухню-фьюжн.

— О, — выдавил Толстый Чарли.

— И он позаботился обо мне. Он застраховал свою жизнь, и у него был пай в двух процветающих ресторанах. Я очень состоятельная женщина. Когда я умру, все отойдет Рози.

— Когда мы поженимся, — сказал Толстый Чарли, — я буду о ней заботиться. Не беспокойтесь.

— Не стану утверждать, что вы женитесь на Рози из-за моих денег, — сказала мать Рози, но ее тон ясно давал понять, что именно это она имеет в виду.

Головная боль начала возвращаться.

— Я чем-то могу быть вам полезен, миссис Ной?

— Я поговорила с Рози, и мы решили, что мне пора помочь вам с приготовлениями к свадьбе, — чопорно сказала она. — Мне нужен список ваших друзей и родственников. Тех, кого вы рассчитывали пригласить. Имена, адреса проживания и электронной почты, а также номера телефонов. Я составила для вас формуляр, который следует заполнить. Я решила, что сэкономлю на почтовых марках, если сама опущу конверт в ваш почтовый ящик, поскольку все равно собиралась проезжать через Максвелл-гарденс. Я не ожидала застать вас дома. — Она протянула ему большой белый конверт. — В общей сложности на свадьбе будет девяносто человек, вам полагается восемь родственников и шесть близких друзей. Ваши личные друзья и четверо родственников составят стол «Ж». Остальные ваши родственники сядут за стол «В». Место вашего отца было бы с нами за главным столом, но, учитывая, что он скончался, мы отдали его тетушке Винифред. Вы уже решили относительно шафера?

Толстый Чарли покачал головой.

— Когда решите, позаботьтесь, чтобы в его речи не было непристойностей. Я не хочу услышать

от вашего шафера ничего, чего не услышала бы в церкви. Вам понятно?

Толстый Чарли задумался, а что, собственно, обычно слышит в церкви мама Рози. Вероятно, только крики в свой адрес «Изыди, адское отродье!», за которыми следуют охи «Оно живое?» и нервные вопросы, не забыли ли принести осиновые келья и молотки.

— Думаю, — сказал Толстый Чарли, — у меня больше десяти родственников. Я хочу сказать, кузены и кузины, двоюродные тети и так далее.

— Вы, по всей видимости, не сознаете, — сказала мама Рози, — что свадьба стоит денег. Я отвела по сто семьдесят пять фунтов на столы с «А» по «Г». «А», разумеется, главный. За эти столы сядут ближайшие родственники Рози и мой женский клуб. По сто двадцать пять фунтов отведено на столы с «Д» по «Е», за которые, сами понимаете, сядут не столь близкие знакомые, дети и так далее.

— Вы сказали, мои друзья будут за столом «Ж», — сказал Толстый Чарли.

— Это еще одним уровнем ниже. Туда не будут подавать закуску из авокадо с креветками или бисквиты с шерри.

— Когда мы с Рози обсуждали обед, то собира-

лись взять общей темой кухню Вест-Индии.

Мама Рози раздула ноздри.

— Временами девочка сама не знает, чего хочет. Но теперь мы с ней обо всем договорились.

— Послушайте, — сказал Толстый Чарли, — думаю, мне нужно поговорить с Рози, а потом я вам позвоню.

— Просто заполните формуляры, — велела мама Рози и подозрительно поинтересовалась: — Почему вы не на работе?

— Я… Я там не… То есть у меня сегодня выходной. Я не пойду. Туда не пойду.

— Надеюсь, вы сообщили об этом Рози. Она мне сказала, что собирается пойти на ленч с вами. И из-за вас я теперь останусь одна.

Толстый Чарли переварил полученную информацию.

— Ага. Спасибо, что заглянули, миссис Ной. Я поговорю с Рози, и…

В кухню вошла Дейзи. Одета она была в льнущий к сырому телу халат Толстого Чарли, на голову наверчено полотенце.

— У тебя ведь есть апельсиновый сок, правда? — спросила она. — Знаю, я его видела, когда заглядывала в холодильник. Как твоя голова? Лучше?

Открыв холодильник, она налила себе сок в высокий стакан.

Мама Рози кашлянула. По звуку не походило на откашливание, скорее уж на гремящую под волной гальку.

— Привет, — сказала Дейзи. — Меня зовут Дейзи.

Температура в кухне начала стремительно падать.

— Вот как? — спросила мать Рози. С последнего «к» свисали сосульки.

— Интересно, как бы называли апельсины, — сказал в повисшей тишине Толстый Чарли, — не будь они апельсинового цвета. Если бы они были никому не известным голубым фруктом, стали бы их называть голубинами? И мы пили бы тогда голубиновый сок?

— Что? — переспросила мама Рози.

— Ну и ахинея, ей-богу! — улыбнулась Дейзи. — Ладно. Пойду поищу свою одежду. Приятно было познакомиться.

Она вышла. Толстый Чарли не смел даже дышать.

— Кто. Это. Был? — с каменным спокойствием чеканя слова, спросила мать Рози.

— Моя сес… кузина. Кузина, — пробормотал

Толстый Чарли. — Я привык называть ее сестрой. Мы вместе выросли. Она просто решила переночевать у меня. Она у нас сорвиголова. Ну… Да… Увидите ее на свадьбе.

— Помещу ее за стол «Ж», — сказала мама Рози. — Там ей будет удобнее. — Сказано это было таким тоном, каким нормальные люди говорят: «Хотите умереть быстро или дать Монго сперва с вами поиграть?»

— Ага, ладно. Приятно было повидаться. М-да… у вас, наверное, уйма дел, а мне надо собираться на работу.

— Я думала, у вас выходной.

— Утро. У меня свободное утро. А оно почти кончилось. И мне нужно ехать на работу, поэтому до свидания.

Прижав к себе сумочку, мама Рози встала. Толстый Чарли поплелся за ней в коридор.

— Спасибо, что заглянули.

Она моргнула — точь-в-точь змея перед броском.

— До свидания, Дейзи, — окликнула она. — Увидимся на свадьбе.

Натягивая через голову футболку, в коридор высунулась Дейзи в трусиках и лифчике.

— Берегите себя, — сказала она и исчезла в

спальне Толстого Чарли.

За все то время, пока Толстый Чарли провожал ее до двери, мама Рози больше не произнесла ни слова. Когда, переступив порог, она обернулась, он увидел в ее лице нечто ужасное, и его желудок стянуло узлом еще большим, чем раньше. И было это то, что мама Рози делала губами. Углы ее рта вздернула вверх жуткая гримаса — эдакий череп с сухими губами.

Закрыв за ней дверь, он стоял, дрожа, в прихожей. А после, как человек, отправляющийся на электрический стул, поплелся наверх.

— Кто это был? — спросила почти одетая Дейзи.

— Мать моей невесты.

— Сущая мегера, верно?

На Дейзи была та же одежда, что и вчера.

— Неужели ты так пойдешь на работу?

— Господи упаси! Нет, сначала поеду домой переоденусь. И вообще на работе я выгляжу иначе. Вызови мне такси, ладно?

— Тебе куда?

— В Хендон.

Он позвонил в местную службу заказа такси. Потом рухнул на стул в коридоре, проигрывая различные сценарии будущего — все малопри-

влекательные.

И вдруг заметил, что кто-то стоит рядом.

— У меня есть витамин В, — сказала Дейзи. — Или попытайся пососать ложку меда. Мне никогда не помогало, но моя соседка клянется и божится, что это снимает ей похмелье.

— Не в том дело, — ответил Толстый Чарли. — Я сказал ей, что ты моя кузина. Чтобы она не подумала, что ты моя… что мы… ну, понимаешь… чужая девушка в моей квартире…

— Кузина, да? Ладно, не волнуйся. Она скорее всего про меня забудет, а если нет, то скажешь, что мне по какой-то причине пришлось срочно уехать за границу. Ты никогда больше меня не увидишь.

— Правда? Обещаешь?

— Поменьше радости в голосе, пожалуйста.

С улицы просигналил автомобиль.

— Мое такси. Встань и попрощайся.

Толстый Чарли встал.

— Не волнуйся, — сказала Дейзи и обняла его на прощание.

— Кажется, моя жизнь кончена.

— Нет, не кончена.

— Я обречен.

— Спасибо, — сказала она, а потом вдруг встала

на цыпочки и поцеловала его — поцелуем более долгим и крепким, чем полагается по условиям столь недавнего знакомства. Затем, бросив ему улыбку, она сбежала по ступенькам и была такова.

— Ничего такого не было, — сказал закрывшейся двери Толстый Чарли. — На самом деле такое просто невозможно.

Он еще чувствовал вкус ее апельсиновый сок и малина. Это был настоящий поцелуй. Серьезный поцелуй. В нем было «ух ты», какого он никогда в жизни не испытывал. Даже с…

— Рози, — выдохнул он и поспешно набрал ее номер.

— Вы позвонили Рози, — произнес голос его невесты. — Я занята или снова потеряла мобильник. А с вами говорит автоответчик. Перезвоните мне домой или оставьте свое сообщение…

Толстый Чарли прервал связь. Потом надел поверх тренировочного костюма пальто и, чуть поморщившись на безжалостный дневной свет, вышел на улицу.

Рози беспокоилась, что само по себе ее тревожило. А виной (хотела она себе в этом признаться или нет) этому и многому другому в мире Рози была ее мама.

Мир, в котором маме ненавистна сама мысль о том, что дочь выйдет замуж за Толстого Чарли Нанси, казался понятным и привычным. Сопротивление мамы свадьбе она приняла за знамение: мол, это правильный поступок, даже если сама она не до конца в себе уверена.

Конечно, она любила Толстого Чарли. Он был солидным, надежным, благоразумным…

Мамин поворот на сто восемьдесят градусов встревожил Рози, а внезапный энтузиазм в подготовке к свадьбе глубоко обеспокоил.

Вчера вечером она позвонила Толстому Чарли поговорить о маминых планах, но он не брал трубку ни по домашнему, ни по мобильному телефону. Рози предположила, что он, наверное, рано лег спать.

Вот почему ради разговора с ним она отказалась от ленча.

«Агентство Грэхема Хорикса» занимало верхний этаж серого викторианского здания в Олдвиче и подниматься туда надо было на десять пролетов лестницы. Конечно, здесь имелся лифт, встроенный сто лет назад театральным агентом Рупертом «Бинки» Баттервортом. Это был исключительно маленький, медленный и тряский лифт, а странности в его конструкции

и функционировании становились понятны лишь тому, кто был посвящен в тайны агентства. Бинки Баттерворт обладал размерами, телосложением упитанного бегемота и способностью втискиваться в самые тесные места, а лифт был сконструирован так, чтобы в него могли поместиться только сам Бинки Баттерворт и еще какой-нибудь, гораздо более стройный человек, — хористка, например, или хорист, Бинки не привередничал. Для счастья Бинки нужно было лишь, чтобы кто-нибудь, жаждущий ангажемента, втиснулся вместе с ним в лифт и поднялся — медленно, трясясь и подергиваясь — на пять этажей. Очень часто случалось, что по прибытии на место Бинки так одолевали тяготы путешествия, что ему требовалось прилечь, оставив хористку (или хориста) обивать каблуки в приемной, тревожась, не были ли покраснение лица и неконтролируемая одышка, напавшие на Бинки на последнем «перегоне», симптомами раннеэдвардианской эмболии.

Кто хотя бы раз поднимался на лифте с Бинки Баттервортом, после всегда пользовался лестницей.

Грэхем Хорикс, более двадцати лет назад купивший остатки агентства Баттерворта у внучки

Бинки, оставил лифт как историческую достопримечательность.

Сложив гремящую внутреннюю решетку, Рози открыла внешнюю дверь и сказала секретарю в приемной, что ей нужен Чарльз Нанси, потом села под фотографиями Грэхема Хорикса с людьми, которых он представлял. Из них знакомыми ей показались только комик Моррис Ливингстон, несколько когда-то знаменитых мальчишеских групп и кучка звезд спорта, которые под старость стали «личностями» — из тех, кто по мере сил получает удовольствие от жизни, пока не представится шанс получить новую печень.

В приемную вошел мужчина. Он не слишком походил на Толстого Чарли: был смуглее и улыбался так, словно все кругом его забавляло — бесконечно, опасно забавляло.

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал он.

Подойдя к Толстому Чарли Нанси, Рози чмокнула его в щеку.

— Мы знакомы? — спросил он, к удивлению Рози, но тут же поправился: — Конечно, конечно, ты моя невеста. И с каждым днем становишься все красивее.

Тут он наклонился ее поцеловать. Их губы едва соприкоснулись, но сердце у Рози забилось, как

у Бинки Баттерворта после особенно тряского подъема с прижатой к нему хористкой.

— Ленч, — пискнула Рози. — Я проходила мимо… Подумала… Мы можем поговорить.

— Ах да, — согласился мужчина, которого Рози считала теперь Толстым Чарли. — Ленч.

Он преспокойно обнял ее за талию.

— Куда хочешь пойти?

— Ох! — выдохнула она. — Ну… Куда скажешь.

«Все дело в его запахе, — подумала Рози. — И почему я раньше не замечала, как приятно от него пахнет?»

— Найдем что-нибудь, — снизошел он. — Спустимся по лестнице?

— Если ты не против, — сказала она, — я бы предпочла лифт.

Она с грохотом закрыла складную дверь, и они медленно и рывками стали спускаться вниз, прижатые друг к другу.

Рози даже вспомнить не могла, когда была так счастлива.

Когда они вышли на улицу, телефон Рози звякнул, давая понять, что она пропустила звонок. Ну и бог с ним…

Они вошли в первый же встретившийся ресторан. Еще месяц назад тут был модный суши-бар:

сплошь хром и абстрактные картинки, через весь зал шла лента конвейера с кусочками сырой рыбы, цена на которую зависела от цвета тарелки. Японское заведение прогорело, и тут же (как это бывает с лондонскими заведениями) его заменил венгерский ресторанчик, оставивший ленту конвейера как высокотехнологичное дополнение к миру национальной кухни, а потому через зал торжественно плыли миски с быстро остывающим гуляшом, клецками со сладким перцем и блюдечки со сметаной.

Рози решила, что и эти блюда не приживутся.

— Где ты был вчера вечером? — спросила она.

— Гулял, — уклончиво ответил он. — С братом.

— Ты же был единственным ребенком в семье.

— Оказывается, нет. Оказывается, я лишь половинка сервиза.

— Правда? Опять папино наследство?

— Милая, — сказал тот, кого она считала Толстым Чарли, — ты и десятой части не знаешь.

— Надеюсь, он придет на свадьбу?

— Ни за что на свете не пропустит! — Он сжал ее руку, и она едва не уронила ложку с гуляшом. — У тебя есть планы на сегодня?

— Как будто нет. В конторе сейчас затишье. Нужно сделать несколько звонков, ну, помнишь,

наша кампания по сбору средств? Но они могут подождать. А что… Ты… Э-э-э… А в чем дело?

— День такой красивый. Пойдем погуляем?

— Замечательно, — откликнулась Рози.

Они медленно двинулись по набережной Принца Альберта, оттуда вышли на северный берег Темзы. Они держались за руки и болтали ни о чем.

— А как же твоя работа? — спросила вдруг Рози, когда они остановились купить мороженое.

— Ах это, — отозвался он. — Там, наверное, никто даже не заметит, что меня нет.

Толстый Чарли взбежал по лестнице в «Агентство Грэхема Хорикса». Он всегда поднимался по лестнице. Во-первых, полезно для здоровья, а во-вторых, не надо волноваться, что тебя притиснет к кому-нибудь, и этот человек будет так близко, что уже не сможешь делать вид, будто его там нет.

В приемную он влетел, слегка запыхавшись.

— Рози заходила, Энни?

— Ты ее по дороге потерял? — спросила секретарь.

Он прошел к себе в кабинет. На столе было непривычно чисто. Гора неотвеченных писем исчезла. На экране компьютера висела самокле-

ющаяся бумажка: «Зайдите ко мне. Г.Х.».

Он постучался в кабинет Грэхема Хорикса. На сей раз голос произнес:

— Да?

— Это я, — сказал он.

— Входите, — отозвался Грэхем Хорикс. — Входите, мастер Нанси. Тащите себе кресло. Я много думал над нашим утренним разговором. И сдается мне, я сильно вас недооценивал. Вы работаете здесь… сколько уже?

— Почти два года.

— Вы работали долго и упорно. А теперь еще прискорбная кончина вашего отца…

— На самом деле я его едва знал.

— Ага. Так держать, Нанси. Учитывая нынешнее затишье, как насчет пары недель отпуска? Нужно ли говорить, что он будет полностью оплачен.

— Полностью оплачен? — переспросил Толстый Чарли.

— Полностью оплачен? Ага, понял, о чем вы. Деньги на расходы. Уверен, немного на карманные расходы вам не помешало бы, а?

Толстый Чарли силился сообразить, в какой вселенной очутился.

— Вы меня увольняете?

Тут Грэхем Хорикс рассмеялся — как хорек, у которого в горле застряла острая косточка.

— Абсо-ненно нет. Даже напротив. Теперь, я полагаю, мы прекрасно понимаем друг друга. Ваше будущее упрочено. Как каменный дом. Разумеется, пока вы остаетесь образцом осмотрительности и такта, каким были до сих пор.

— Как каменный дом? — недоуменно переспросил Толстый Чарли.

— Как за каменной стеной.

— Просто я где-то читал, что большинство несчастных случаев происходит дома.

— Тогда, считаю, вам крайне важно как можно скорее вернуться домой. — Он протянул Толстому Чарли прямоугольный листок. — Вот, скоромная благодарность за два года безупречных трудов на благо «Агентства Грэхема Хорикса». — И, не удержавшись, добавил: — Не тратьте все сразу. — Ведь он всегда так говорил, давая кому-то деньги.

Толстый Чарли опустил взгляд на бумажку. Это был чек.

— Две тысячи. Ух ты! То есть нет, конечно, не буду.

Грэхем Хорикс улыбнулся. Если его улыбка и светилась победой, то Толстый Чарли был слишком озадачен и потрясен, чтобы ее заметить.

— Идите с миром, — сказал Грэхем Хорикс.

Толстый Чарли отправился к себе в кабинет. Минуту спустя Грэхем Хорикс небрежно, как паук из паутины, выглянул за дверь.

— Да, кстати. Из чистого любопытства. Если, пока вы отдыхаете и наслаждаетесь радостями жизни — что я вам настоятельно рекомендую… о чем я? Ах да, если мне понадобится войти в ваши файлы, не скажете ли свой пароль?

— Я думал, с вашим паролем вы можете войти куда угодно в системе, — сказал Толстый Чарли.

— Конечно, конечно, — беспечно согласился Грэхем Хорикс. — Просто на всякий случай. Сами знаете, как бывает с компьютерами.

— «Русалка», — сказал Толстый Чарли. — «Р-У-С-А-Л-К-А».

— Замечательно. — Грэхем Хорикс не потер руки, но вполне мог это сделать. — Замечательно.

Толстый Чарли вышел на улицу с чеком на две тысячи фунтов в кармане, удивляясь, как за два года не сумел разобраться в Грэхеме Хориксе, не понял, какой он чудесный человек.

Зайдя в ближайший банк, он отправил сумму с чека на свой счет. А потом пошел по набережной Принца Альберта, чтобы подышать воздухом и подумать.

Он стал на две тысячи фунтов богаче. Утренняя головная боль развеялась. Он чувствовал себя солидным и процветающим. Интересно, может, удастся уговорить Рози поехать в короткий отпуск? Конечно, с бухты-барахты, но все-таки…

И тут он увидел Паука и Рози, которые шли рука об руку по другую сторону улицы. Рози доедала мороженое. Потом она остановилась, бросила остатки в мусорную урну, притянула к себе Паука и перепачканными в мороженом губами поцеловала с энтузиазмом и пылом.

Толстый Чарли почувствовал, как головная боль возвращается. И что теперь? Толстый Чарли не знал. Его словно бы разбил паралич.

Он смотрел, как они целуются: ведь придется же им рано или поздно оторваться, чтобы глотнуть воздуха! Но они все не отрывались, поэтому, чувствуя себя бесконечно несчастным, он развернулся и побрел куда глаза глядят, пока не вышел к метро.

И поехал домой.

К тому времени когда он доехал, мир уже катился в тартарары, поэтому, решив, что ничего уже не исправить, Толстый Чарли забрался в кровать, от которой смутно пахло Дейзи, и закрыл глаза.

— *Ну?* — спросил отец. — *Вы с Пауком пола-*

дили?

— *Во-первых, это сон,* — резонно объяснил ему Толстый Чарли. — *А во-вторых, я не хочу об этом разговаривать.*

— *Дети, дети,* — покачал головой отец. — *Послушай. Я скажу тебе кое-что важное.*

— *Что?*

Но отец не ответил. Что-то в волнах привлекло его взгляд, и, нагнувшись, он его поднял. Вяло заизвивались пять остроконечных лучей.

— *Морская звезда,* — задумчиво протянул отец. — *Если разрезать ее пополам, она вырастет в две новые.*

— *Я думал, ты хочешь сказать мне что-то важное.*

Отец схватился за грудь, упал на песок и застыл. Из песка вылезли червяки и в мгновение ока сожрали отца, не оставив ничего, кроме костей.

— *Папа?*

Толстый Чарли проснулся у себя в спальне, щеки у него были мокрыми от слез. Потом он перестал плакать. Не из-за чего расстраиваться. Его отец не умер, это был просто дурной сон.

Завтра он пригласит Рози к себе. Они съедят стейк. Он сам его пожарит. И все будет хорошо.

Толстый Чарли встал и оделся.

Двадцать минут спустя, когда, сидя за кухонным столом, он ел из пластикового стакана китайскую лапшу, ему пришло в голову, что случившееся на пляже, конечно, было сном, но отец все-таки мертв.

Под вечер Рози заехала к маме на Уимпоул-стрит.

— Я сегодня видела твоего жениха, — сказала миссис Ной.

На самом деле ее звали Ютерия. Но за тридцать лет никто не называл ее так в лицо, кроме покойного мужа. Вот только после его смерти имя атрофировалось и маловероятно, что до конца ее дней оно когда-нибудь прозвучит.

— И я, — ответила Рози. — Господи, как же я его люблю!

— Да, конечно. Ты же выходишь за него замуж, верно?

— Ну да! То есть я всегда знала, что его люблю, но сегодня поняла, насколько сильно. Все в нем люблю.

— Ты его спрашивала, где он был вчера?

— Он все объяснил. Он ходил в кафе с братом.

— Не знала, что у него есть брат.

— Он раньше о нем не говорил. Они не слишком близки.

Мать Рози щелкнула языком.

— Воссоединение большой семьи. Он и про кузину рассказывал?

— Про кузину?

— Или, может, сестру. Он не был точно уверен. Хорошенькая, на помоечный манер. Смахивает на китаянку. У нее на лице написано: от такой хорошего не жди. Если, конечно, хочешь знать мое мнение. Но у них вся семья такая.

— Мама! Ты же не встречалась с его семьей.

— Я видела ее. Она была у него на кухне сегодня утром, ходила по квартире почти голая. Никакого стыда нет. Бесстыжая. Если, конечно, она его кузина.

— Толстый Чарли не стал бы лгать.

— Он ведь мужчина, правда?

— Мама!

— И вообще, почему он сегодня не был на работе?

— Был. Я к нему заходила. Мы вместе съели ленч.

Открыв пудреницу, мама Рози порассматривала помаду у себя на губах, потом стерла кончиком пальца красное пятнышко с зуба.

— Чего еще ты ему наговорила, мама?

— Мы просто поболтали о приготовлениях к

празднику, о том, как мне бы не хотелось, чтобы его шафер отпускал сомнительные шуточки на свадьбе. Вид у него был такой, точно он с похмелья. Помнишь, как я тебя предупреждала? Не выходи за пьяницу.

— Когда я его видела, он выглядел отлично, — чопорно возразила Рози, но уже минуту спустя не выдержала: — Ах мама, у меня был такой прекрасный день! Мы гуляли и разговаривали… И у него такие мягкие руки! Ах, я говорила, как чудесно от него пахнет?!

— Уж скорее он у тебя с душком. Знаешь что, в следующий раз, когда его увидишь, спроси про эту его кузину. Я не говорю, что она его кузина, и обратного тоже не утверждаю. Просто хочу сказать, что если она его кузина, то в семье у него сплошь гулящие и стриптизерки, а с таким человеком встречаться не следует.

Теперь, когда мама снова стала нападать на Толстого Чарли, у Рози отлегло от сердца.

— Ничего больше не хочу слышать, мама.

— Ладно. Молчу. В конце концов, не я же выхожу за него замуж. Не я выбрасываю псу под хвост свою жизнь. И не я стану плакать в подушку, когда он будет вечерами выпивать со всякими девицами. И не я буду ждать день за днем, ночь

за пустой ночью, когда он выйдет из тюрьмы.

— Мама! — Рози постаралась, чтобы восклицание вышло возмущенное, но сама мысль о том, что Толстый Чарли может попасть в тюрьму, была такой смешной, такой нелепой, что она с трудом подавила смешок.

В кармане у Рози защебетал сотовый. Нажав кнопку, она сказала «Да» и «С радостью. Это будет чудесно». Потом убрала телефон.

— Это был он! — воскликнула она. — Приглашает меня сегодня к себе. Будет для меня готовить. Правда, мило? — И добавила: — Да уж, тюрьма!

— Я мать, — сказала ее мама в лишенной пищи квартире, где даже не смела садиться пыль, — и знаю то, что знаю.

У себя в кабинете Грэхем Хорикс смотрел в экран компьютера, а за окном день сменялся сумерками. Он открывал документ за документом, сводку за сводкой. Кое-какие исправлял. Но большинство удалял.

Сегодня вечером ему полагалось поехать в Бирмингем, где один его клиент, бывший футболист, должен был открывать ночной клуб. Грэхем Хорикс позвонил с извинениями: жаль, очень жаль, но неотложные дела, в поте лица и все такое…

Вскоре за окном совсем стемнело. В холодном

голубоватом свечении от компьютерного экрана Грэхем Хорикс изменял, переписывал и удалял.

Вот вам еще одна история, какую рассказывают про Ананси.

Когда-то давным-давно жена Ананси посадила поле гороха. Горох вырос такой хороший, такой круглый, такой зеленый — лучше не бывает. При одном виде стручков слюнки текли.

Как только Ананси увидел созревшее поле, то сразу захотел гороха. И не часть, нет, все поле, ведь у Ананси был неуемный аппетит. Он ни с кем не хотел делиться горохом. Он хотел заполучить все себе.

Поэтому Ананси лег в кровать и стал стонать — громко-громко и долго-долго, — и жена с сыновьями прибежали со всех ног.

— Умираю, — заскулил Ананси слабо-слабо и жалобно-прежалобно, — моя жизнь кончена.

И его жена с сыновьями заплакали горючими слезами. А Ананси слабо-слабо и жалобно-прежалобно говорит:

— Я при смерти, поэтому обещайте мне две вещи.

— Все что угодно, — говорят жена с сыновьями.

— Во-первых, обещайте похоронить меня под

большим хлебным деревом.

— Под тем хлебным деревом, которое растет возле горохового поля? — спрашивает жена.

— Конечно, под этим, — говорит Ананси и слезно добавляет: — И обещайте мне еще кое-что. Обещайте, что в память обо мне разожжете небольшой костер в ногах моей могилы. И, дабы показать, что вы обо мне не забываете, никогда не давайте ему погаснуть.

— Обещаем! Обещаем! — восклицают, рыдая, жена Ананси с сыновьями.

— И на этом костре — в знак вашей любви и уважения — пусть будет котелок с соленой водой, чтобы напоминал вам о жарких соленых слезах, которые вы пролили, когда я лежал при смерти.

— Обещаем! Обещаем! — плачут они, и Ананси закрывает глаза и больше не дышит.

Отнесли Ананси к большому хлебному дереву, что росло возле горохового поля, и закопали на шесть футов, в ногах могилы развели маленький костер, а рядом поставили котелок с соленой водой.

Ананси ждет целый день, а когда наступает ночь, вылезает из могилы, идет на гороховое поле и срывает там самые толстые, самые сладкие, самые спелые стручки. Он их собирает и варит в

котелке, и наедается так, что живот у него становится круглым и натянутым, как барабан.

Потом, перед рассветом он забирается назад под землю и засыпает. Он спит, когда приходит жена с сыновьями и видит, что горох исчез, он спит, когда они видят, что котелок пуст, и наполняют его снова, он спит, пока они горюют.

Каждую ночь Ананси выходит из могилы, танцует и радуется своей хитрости, и каждую ночь наполняет котелок и живот горохом и ест до отвала.

Проходят дни, семья Ананси все худеет и худеет, ведь все, что поспело, собирает по ночам Ананси, и есть им нечего.

Жена Ананси смотрит в пустые тарелки и говорит сыновьям:

— Что бы сделал ваш отец?

А сыновья все думают и думают и вспоминают каждую историю, какую рассказывал им Ананси. Потом они идут к большим ямам, где варят смолу, покупают на шесть пенни смолы, много смолы, целых четыре больших ведра. И несут их на гороховое поле. А там делают человека из смолы: смоляное лицо, смоляные глаза, смоляные руки, смоляные пальцы и смоляное туловище. Отличный вышел человек, черный и гордый, как

сам Ананси.

В ту ночь старый Ананси, толстый, каким за всю жизнь не бывал, выбирается из-под земли, упитанный и счастливый, с животом, натянутым, как барабан, и идет на гороховое поле.

— Кто ты? — спрашивает он смоляного человека.

Но смоляной человек молчок.

— Это мое место, — говорит ему Ананси. — Это мое гороховое поле. Тебе лучше уйти подобру-поздорову.

Смоляной человек не отвечает ни слова и не шевелится.

— Я самый сильный, самый могучий, самый великий, лучше меня нет, не было и не будет, — говорит ему Ананси. — Я отважнее Льва, быстрее Гепарда, сильнее Слона, ужаснее Тигра.

Он раздувается от гордости и мощи и забывает, что он всего лишь маленький паучок.

— Трепещи, — говорит он. — Трепещи и беги.

Смоляной человек не трепещет и не бежит. Правду сказать, он просто стоит на месте.

Поэтому Ананси ударяет его кулаком. И кулак Ананси прилипает намертво.

— Отпусти мою руку, — говорит Ананси смоляному человеку. — Отпусти мою руку, не то я дам

тебе затрещину.

Но тот не говорит ни слова, не шевелит и пальцем, и Ананси дает ему пощечину.

— Ладно, — говорит Ананси, — шутки в сторону. Если хочешь, можешь держать обе мои руки, но у меня есть еще четыре и две ноги, и всех тебе не удержать. Поэтому лучше отпусти меня, и я тебя пощажу.

А смоляной человек не отпускает руки Ананси и не говорит ни слова, поэтому Ананси ударяет его всеми своими руками, а после пинает ногами.

— Ладно, — говорит Ананси, — отпусти меня, не то я тебя укушу.

Смоляной человек залепляет его рот, затыкает нос, замазывает все лицо.

Так жена Ананси с сыновьями и нашли его на следующее утро, когда пришли на гороховое поле к старому хлебному дереву: он намертво прилип к смоляному человеку, мертвее не бывает.

Увидев его таким, они нисколечки не удивились.

В те дни обычным делом было застать Ананси таким.

Глава шестая,
в которой Толстому Чарли не удается попасть домой даже на такси

Дейзи проснулась от звонка будильника и, как котенок, потянулась в кровати. Из-за стены доносился шум душа — значит, соседка уже встала. Надев розовый махровый халатик, она вышла в коридор.

— Хочешь овсянку? — крикнула она через дверь ванны.

— Не особенно. Но если приготовишь, съем.

— Умеешь ты дать ближним почувствовать себя нужными, — сказала Дейзи и поставила в крохотной кухоньке кастрюльку на плиту.

Потом вернулась в свою комнату, надела рабочую одежду и посмотрела на себя в зеркало. Скорчила рожицу. Затянула волосы в тугой узел на затылке.

Ее соседка, худышка из Престона по имени Кэрол, высунула голову из ванной.

— Ванная твоя. Какие новости от овсянки?

— Вероятно, надо помешать.

— Ну, где была прошлой ночью? Сказала,

пойдешь отмечать день рождения Сильвии и, насколько я знаю, не вернулась.

— Любопытство сгубило кошку.

Дейзи пошла на кухню и помешала овсянку, потом, добавив щепотку соли, помешала еще. Положив по паре половников в миски, она поставила их на столик.

— Кэрол? Овсянка стынет!

Явилась полуодетая Кэрол: села и уставилась на овсянку.

— Разве это настоящий завтрак, а? Если хочешь знать, настоящий завтрак — это яичница, сардельки, кровяная колбаса и помидоры с гриля.

— Вот и приготовь, — отозвалась Дейзи. — А я поем.

Кэрол высыпала в кашу чайную ложку сахара. Посмотрела задумчиво и бухнула еще одну.

— Не выйдет. Ты только говоришь, что съешь. А сама заведешь старую песню про холестерин и про то, как жареное вредно для почек.

Она попробовала овсянку с таким видом, будто каша вот-вот ее укусит. Дейзи поставила перед ней чашку чая.

— Вечно ты со своими почками. А это идея! Ты почки ешь, Дейзи?

— Как-то пробовала. С тем же успехом можно

пожарить полфунта печенки, а потом на нее помочиться.

Кэрол шмыгнула носом:

— Ну, не к столу же!

— Ешь свою овсянку.

Очистив тарелки, они запили кашу чаем, сложили все в посудомоечную машину, но, поскольку в ней еще было место, включать не стали. Потом поехали на работу. Кэрол — теперь уже в форме — села за руль.

На работе Дейзи отправилась к своему столу — в большой комнате, заставленной пустыми столами.

Стоило ей сесть, зазвонил телефон.

— Дейзи? Вы опоздали.

Она поглядела на часы.

— Нет, не опоздала, сэр. Итак, могу я быть вам полезна сегодня утром?

— Более чем, более чем. Можете позвонить человеку по фамилии Хорикс. Он приятель суперинтенданта. Тоже болеет за «Хрустальный дворец». Уже дважды присылал мне сегодня письма по электронной почте. Хотелось бы знать, кто научил суперинтенданта пользоваться электронной почтой?

Записав номер, Дейзи набрала его, а после са-

мым деловым тоном сказала:

— Детектив Дей. Чем могу помочь?

— Ага, — отозвался мужской голос, — как я говорил вчера вечером суперинтенданту, кстати сказать, славный малый, старый друг… Хороший человек. Он посоветовал обратиться в ваш отдел. Мне хотелось бы заявить… Ну, я не уверен, что действительно было совершено преступление. Наверное, найдется вполне разумное объяснение. Есть кое-какие неувязки и, ну, если быть совершенно откровенным, я отправил бухгалтера на пару недель в отпуск, пока пытаюсь свыкнуться с мыслью, что он, возможно, замешан в кое-каких… м-м-м… в общем, у нас тут финансовые неувязки.

— Может быть, перейдем к конкретным фактам? — предложила Дейзи. — Ваше полное имя? И имя бухгалтера?

— Меня зовут Грэхем Хорикс, — сказали на другом конце трубки. — Из «Агентства Грэхема Хорикса». Мой бухгалтер некто по фамилии Нанси. Чарльз Нанси.

Дейзи записала оба имени. Никакой звоночек не зазвенел.

Толстый Чарли планировал выяснить отношения с Пауком, как только брат явится домой. Мысленно он раз за разом прокручивал разго-

вор по душам, перерастающий в перепалку или даже ссору, и всякий раз побеждал — честно и безоговорочно.

Однако тем вечером Паук домой не вернулся, и Толстый Чарли наконец заснул перед телевизором, вполглаза глядя игровое шоу со смехом за кадром для сексуально озабоченных и страдающих бессонницей — кажется, оно называлось «Покажи-ка попку!».

Проснулся он на диване от того, что Паук раздвинул занавески.

— Отличный денек, — сказал брат.

— Ты! — выдохнул Толстый Чарли. — Ты целовался с Рози! Не пытайся этого отрицать!

— Пришлось, — пожал плечами Паук.

— Что значит пришлось? Какая в том была необходимость?

— Она приняла меня за тебя.

— Ты-то знал, что ты это не я. Тебе не следовало ее целовать.

— Но если бы я отказался, она бы решила, что это ты не хочешь ее целовать.

— Но это был не я.

— А ей-то откуда знать? Я просто пытался оказать услугу.

— Хороша услуга! — сказал с дивана Толстый

Чарли. — Услугу ты окажешь, если не будешь целовать мою невесту. Мог бы сказать, у тебя зуб болит.

— Пришлось бы солгать, — благородно возразил Паук.

— Но ты и так уже лгал! Выдавал себя за меня!

— Выходит, я приумножил бы ложь, — объяснил Паук. — Да и вообще я поступил так только потому, что ты был не в состоянии пойти на работу. Нет, — продолжал он, — дальше я лгать не мог. Я бы ужасно себя чувствовал.

— Нет, это я ужасно себя чувствовал. Я же смотрел, как ты с ней целуешься!

— Но она-то думала, что целует тебя.

— Перестань это повторять!

— На твоем месте, я был бы польщен. Хочешь ленч?

— Конечно, я не хочу ленч! Который час?

— Время ленча, — сказал Паук. — И ты опять опоздал на работу. Хорошо, что не пришлось снова тебя подменять, если я такое слышу вместо «спасибо».

— Все в порядке, — сказал Толстый Чарли. — Мне дали две недели отпуска. И премию.

Паук поднял брови.

— Послушай, — сказал Толстый Чарли, решив,

что пора перейти ко второму раунду ссоры, — я вовсе не пытаюсь от тебя избавиться и все такое, но все-таки спрошу. Когда ты собираешься уезжать?

— Ну, — протянул Паук, — когда я только приехал, то планировал задержаться на день. Может, на два. Достаточно, чтобы познакомиться с младшим братишкой, а после двинуть дальше. Я занятой человек.

— Значит, ты сегодня уезжаешь.

— Это вчерашний план, — возразил Паук. — Но ведь теперь я с тобой познакомился. Просто поверить не могу, что мы почти всю жизнь провели друг без друга, братишка.

— А я могу.

— Кровь — не водица, — назидательно продолжал Паук. — Она покрепче будет.

— Вода не крепкая, — возразил Толстый Чарли.

— Значит, крепче водки. Или кислоты. Или… или… аммиака. Послушай, я о том, что знакомство с тобой… ну, большая честь. Мы никогда не были частью жизни друг друга, но то — вчера. Давай начнем сегодня с чистого листа. Повернемся к прошлому спиной и выкуем новые узы… узы братства!

— Ты просто за Рози ухлестнуть хочешь, —

буркнул Толстый Чарли.

— В точку, — согласился Паук. — И что ты намереваешься делать?

— С чем? Она же моя невеста!

— Не бери в голову. Она принимает меня за тебя.

— Сколько можно твердить одно и то же?!

Жестом святого Паук развел руками, а потом испортил все впечатление, облизнувшись.

— И что ты собираешься делать теперь? — поинтересовался Толстый Чарли. — Жениться на ней, выдав себя за меня?

— Жениться? — Паук на секунду задумался. — Какая. Кошмарная. Мысль.

— А вот я жду этого дня.

— Пауки не женятся. Я не из тех, кто женится.

— То есть моя Рози недостаточно для тебя хороша, ты это хочешь сказать?

Паук не ответил — просто вышел из комнаты.

Толстый Чарли решил, что набрал хотя бы несколько очков во втором раунде. Встав с дивана, он собрал пластиковые контейнеры, в которых вчера вечером ароматно пахли китайская лапша с курицей и свиные тефтели с хрустящей корочкой, и бросил в мусорное ведро. В спальне он собирался снять одежду, в которой

спал, и надеть чистую, но обнаружил, что забыл про стирку и чистых вещей у него нет, поэтому, основательно отряхнувшись (и сбросив несколько заблудших лапшин), остался во вчерашнем.

Потом отправился на кухню.

Сидя за кухонным столом, Паук уплетал прожаренный стейк таких размеров, что его с легкостью хватило бы на двоих.

— Где ты его взял? — спросил Толстый Чарли, хотя в общем и целом знал ответ.

— Я же спрашивал, хочешь ли ты ленч, — мягко отозвался Паук.

— Где ты взял стейк?

— В холодильнике.

— Этот стейк! — объявил Толстый Чарли, грозя пальцем, как прокурор во время заключительного слова обвинения. — Этот стейк я купил для сегодняшнего обеда. Для нашего с Рози обеда! Для обеда, который я собирался ей приготовить! А ты сидишь тут, как… как человек со стейком… и его ешь… и…

— Нет проблем, — ответил Паук.

— Что значит нет проблем?

— Я уже позвонил утром Рози и сегодня поведу ее обедать в ресторан. Поэтому стейк тебе не понадобится.

Толстый Чарли открыл рот. Потом снова его закрыл.

— Я хочу, чтобы ты убрался, — сказал он.

— Как там сказал Браунинг? Человек должен тянуться за чем-то… ах да, за тем, чего не может достать, иначе зачем небеса? — весело сказал Паук, пережевывая хорошо прожаренный стейк Толстого Чарли.

— Что это значит, черт побери?

— Это значит, что я никуда не денусь. Мне тут нравится. — Отпилив еще кусок, он сунул его в рот.

— Вон! — приказал Толстый Чарли.

Но тут зазвонил телефон. Со вздохом Толстый Чарли вышел в коридор взять трубку.

— Что?!

— А, Чарльз. Рад вас слышать. Знаю, вы наслаждаетесь заслуженным отдыхом, но, как по-вашему, смогли бы вы заглянуть завтра утром на полчасика? Скажем, около десяти?

— Да. Конечно, — сказал Толстый Чарли. — Без проблем.

— Рад, нет, просто счастлив это слышать. Мне нужна ваша подпись на кое-каких документах. До встречи.

— Кто это был? — спросил Паук. Он опустошил

тарелку и теперь промокал губы бумажным полотенцем.

— Грэхем Хорикс. Хочет, чтобы я завтра заскочил.

— Сволочь твой Грэхем Хорикс, — сказал Паук.

— Ну и? Ты тоже сволочь.

— Но по-другому. Он паскудная сволочь. Поискал бы ты другую работу.

— Я люблю мою работу!

И произнося эти слова, Толстый Чарли верил им всем сердцем. Ему удалось напрочь забыть, насколько ему не нравится и работа, и «Агентство», и постоянное подслушивание под дверьми, благодаря которому Грэхем Хорикс вечно выскакивал как чертик из табакерки.

Паук встал.

— Вкусный был стейк, — сказал он. — Вещи я отнес в твою свободную комнату.

— Ты что сделал?

Толстый Чарли поспешил в конец коридора, где располагалось помещение, благодаря которому его квартира формально считалась трехкомнатной. В ней обитали несколько ящиков книг, коробка с древней железной дорогой «Скейлектрис», ведро с игрушечными машинками (у большинства потерялись шины) и прочие

обноски Чарлинового детства. Она вполне сошла бы как спальня для глиняного садового гнома или для очень маленького карлика, но для всех прочих представлялась скорее шкафом с окном.

Или раньше представлялась, но не сейчас. То время прошло.

Потянув на себя дверь, Толстый Чарли, моргая, застыл на пороге.

Комната действительно тут была, спору нет, но — громадная. Величественная. И в дальней ее стене было окно — гигантское, во всю стену окно, выходящее на водопад. За водопадом низко над горизонтом висело, заливая все золотым светом, тропическое солнце. Еще тут был камин, такой большой, что в нем поместилась бы пара бычьих туш, но сейчас здесь потрескивали и плевались искрами три горящих полена. В одном углу висел гамак, а рядом стояли белоснежный диван и двуспальная кровать. Возле камина красовался предмет, который Чарли видел только в журналах, а потому предположил, что это, наверное, и есть джакузи. На полу лежал ковер из шкур зебры, а на стене висела медвежья шкура, а еще тут было какое-то крутое аудиооборудование, состоявшее из черного куба полированного пластика, которому полагается махнуть, чтобы он

включился. На стене за ним красовался плоский телеэкран размером с комнату, которой полагалось тут быть. А еще…

— Что ты сделал? — спросил Толстый Чарли. Внутрь он не вошел.

— Так, изменил кое-что по мелочам, — ответил у него из-за спины Паук. — Учитывая, что я останусь тут на пару дней, я решал перетащить пожитки.

— Перетащить пожитки? «Перетащить пожитки» — это пара сумок с постельным бельем, пара игр для приставки и горшок с фикусом. А это… а это… — Он не смог подобрать слов.

Протиснувшись мимо, Паук похлопал Чарли по плечу.

— Если я тебе понадоблюсь, — сказал он, — я у себя в комнате. — И закрыл за собой дверь.

Толстый Чарли подергал ручку. Дверь оказалась заперта. По пути в гостиную он прихватил с собой телефон из коридора и набрал номер миссис Хигглер.

— Кто, черт побери, звонит в такую рань? — спросила старуха.

— Это я. Толстый Чарли. Извините.

— Ну? Чего звонишь?

— Попросить совета. Понимаете, приехал мой

брат.

— Твой брат?

— Паук. Вы мне про него рассказывали. Вы объяснили, что если я захочу его увидеть, поговорить с паучком. И я поговорил, теперь он здесь.

— Что ж, — уклончиво сказала старуха, — это хорошо.

— Наоборот.

— Почему наоборот? Он ведь член семьи, так?

— Послушайте, я не могу сейчас в это вдаваться. Я просто хочу, чтобы он уехал.

— Ты пытался попросить по-хорошему?

— Это мы только что прошли. Он сказал, что никуда не уедет. Устроил что-то вроде центра развлечений и отдыха из «Кубла Хана»[145] в моем чулане, а ведь у нас, в Англии, нужно разрешение муниципального совета, если захочешь хотя бы вставить двойные рамы. Но у него там какой-то водопад. То есть не в комнате, а за окном. И он нацелился на мою невесту.

— Откуда ты знаешь?

— Он так сказал.

— Без кофе у меня голова не работает, — пробормотала миссис Хигглер.

---

[145] notes: 145

«Кубла Хан, или Видение во сне» — поэма Самюэля Кольриджа

— Мне только нужно знать, как заставить его уехать.

— Не знаю, — ответила миссис Хигглер. — Надо поговорить с миссис Дунвидди. — И повесила трубку.

Толстый Чарли вернулся в дальний конец коридора и постучал в дверь.

— Что еще?

— Хочу поговорить.

Послышался щелчок, и дверь распахнулась. Толстый Чарли вошел. Голый Паук нежился в горячей ванне и прихлебывал что-то цвета электричества из высокого запотевшего бокала. Окно во все стену было открыто, и рев водопада оттенял медленный, тягучий джаз, который лился из спрятанных где-то в комнате динамиков.

— Послушай, — сказал Толстый Чарли, — ты должен понять, это мой дом.

Паук моргнул.

— Это?! Это твой дом?

— Ну, не совсем. Но суть та же. Я хочу сказать, это моя свободная комната, и ты тут гость. Э-э-э…

Отпив глоток «электричества», Паук соскользнул поглубже в горячую ванну с пузырьками.

— Говорят, что гости — как рыба. И то и другое через три дня воняет.

— Верно сказано.

— Но так тяжело, — продолжал Паук, — так тяжело, когда целую жизнь не видел собственного брата. Так тяжело, если он даже не знал о твоем существовании. Но куда тяжелее, когда наконец встречаешься с ним и узнаешь, что для него ты не лучше дохлой рыбы.

— Но…

Паук довольно потянулся в ванне.

— Знаешь что? Я не могу тут долго оставаться. Остынь. Ты оглянуться не успеешь, как я уеду. И уж я-то никогда не стану думать о тебе, как о дохлой рыбе. Я как никто понимаю: ситуация для нас обоих нелегкая. Поэтому давай не будем больше об этом. Почему бы тебе не пойти, не съесть ленч? Потом в кино? Ключ от входной двери оставишь на столике…

Надев пальто, Толстый Чарли вышел из дома. Ключ он оставил возле раковины. Свежий воздух бодрил, хотя день был серенький и с неба сыпалась морось. Толстый Чарли купил себе газету, потом в киоске большой пакет чипсов и немолодую уже колбасу-сервелат — на ленч. Дождик унялся, поэтому он сел на скамейку возле кладбища и, читая газету, стал есть колбасу с чипсами.

Ему очень хотелось в кино.

Он забрел в «Одеон» и купил билет на ближайший сеанс. Показывали какой-то боевик, который уже начался, когда он вошел. На экране громыхнул взрыв. Замечательно.

На середине фильма Толстому Чарли пришло в голову, что он что-то забыл. Что-то скреблось у него в голове — словно чесотка за глазами — и мешало сосредоточиться на сюжете.

Фильм закончился, и Толстый Чарли сообразил, что хотя получил удовольствие, совершенно забыл, в чем там было дело. Поэтому он купил большой пакет попкорна и сел смотреть его снова. Во второй раз фильм понравился ему еще больше.

И в третий.

После он подумал, что, наверное, пора возвращаться домой, но на ночном сеансе предлагали два фильма разом: «Синий бархат» Дэвида Линча и «Правдивые истории» Дэвида Бирна, а ведь он ни того ни другого не видел, поэтому остался на оба, хотя теперь ему уже по-настоящему хотелось есть. В результате он так и не понял, про что, собственно, был «Синий бархат» и зачем кому-то отрезали ухо, и задался вопросом, а не позволят ли ему остаться и посмотреть еще. Но ему очень терпеливо и многократно объяснили,

что кинотеатр закрывается на ночь, и поинтересовались, неужели у него нет дома и не пора ли ему в постель?

Разумеется, у него был дом и, конечно, ему пора в постель, хотя на какое-то время этот факт вылетел у него из головы. Поэтому он пошел назад на Максвелл-гарденс, а придя, немного удивился, увидев, что у него в спальне горит свет.

Когда он подошел к дому, занавески был задернуты, но за ними двигались два силуэта. Ему показалось, он узнал оба.

Они придвинулись, слились в единую тень.

Из горла Толстого Чарли вырвался низкий ужасный вой.

В доме миссис Дунвидди повсюду стояли пластмассовые зверушки. Частички пыли тут двигались медленно, точно привыкли к солнечным лучам более неспешной эпохи и не могли толочься в современном мельтешащем свете. Диван скрывался под прозрачным чехлом, а стулья, когда на них садились, скрипели.

В доме миссис Дунвидди была плотная туалетная бумага с запахом сосновых иголок. Миссис Дунвидди свято верила в экономию, но плотная туалетная бумага с запахом сосновых иголок была последним, на чем она экономить не согла-

шалась. Такую туалетную бумагу все еще можно было найти, если искать достаточно долго и заплатить побольше.

В доме миссис Дунвидди пахло фиалковой туалетной водой, ведь это был старый дом. Люди обычно забывают, что дети тех, кто заселил Флориду, уже были стариками, когда угрюмые пуритане в 1620 году высадились в Плимуте. Нет, этот дом, конечно, не помнил первых поселенцев: его построили в двадцатых годах как экспонат или образец, призванный показать воображаемые коттеджи, какие прочие покупатели не смогут построить на наводненных аллигаторами болотах, которые им как раз продают. Дом миссис Дунвидди устоял в ураганах, не потеряв ни одной черепицы.

Когда в дверь позвонили, миссис Дунвидди начиняла небольшую индейку. С досадой пробормотав «Фу ты!», она помыла руки и пошла по коридору к входной двери — подслеповато щурясь на мир через очки с толстыми стеклами и ведя левой рукой по обоям.

На дюйм приоткрыв дверь, она выглянула наружу.

— Это я, Луэлла. — Голос принадлежал Каллианне Хигглер.

— Входи.

Миссис Хигглер последовала за миссис Дунвидди на кухню. Сполоснув руки, миссис Дунвидди снова стала брать горстями начинку из размоченных кукурузных лепешек и запихивать клейкие комья в индейку.

— Ждешь гостей?

Миссис Дунвидди уклончиво шмыгнула носом.

— Всегда полезно быть во всеоружии, — сказала она. — А теперь, пожалуй, расскажи, в чем дело.

— Звонил мальчишка Нанси. Толстый Чарли.

— Что с ним?

— Ну, когда он был тут на прошлой неделе, я рассказала ему про брата.

Миссис Дунвидди вытащила руку из индейки.

— Это еще не конец света.

— Я рассказала, как он может связаться с братом.

— А. — Миссис Дунвидди умела выразить неодобрение всего одним звуком. — И?

— Паук объявился в Англии. Мальчик совершенно растерян.

Взяв большую горсть размоченных лепешек, миссис Дунвидди с такой силой загнала ее в индейку, что у той выступили бы слезы на глазах — если бы, конечно, у нее были глаза.

— Не может его выгнать?

— Никак.

За толстыми линзами блеснули проницательные глазки. Потом миссис Дунвидди сказала:

— Однажды я это сделала. Но больше не смогу. Придется искать другой способ.

— Знаю. Но должны же мы что-то сделать.

Миссис Дунвидди вздохнула.

— Верно говорят, проживи достаточно долго, увидишь, как все возвращается на круги своя.

— А другого способа нет?

Миссис Дунвидди закончила начинять индейку и шпажкой заколола кусочек кожи в гузке. Потом обернула птицу фольгой.

— Поставлю-ка я ее в духовку завтра утром. После полудня будет готова, затем — в разогретую духовку на пару часов. К обеду будет в самый раз.

— Ты кого-то ждешь к обеду? — поинтересовалась миссис Хигглер.

— Тебя, — ответила миссис Дунвидди, — Зору Бустамонте, Беллу Ноулс. И Толстого Чарли Нанси. К тому времени, когда мальчик будет здесь, он большой аппетит нагуляет.

— Он приезжает? — удивилась миссис Хигглер.

— Ты что, меня не слушала, девочка? — Только

миссис Дунвидди могла называть миссис Хигглер девочкой и не выглядеть при этом глупо. — А теперь помоги поставить индейку в холодильник.

Не покривив душой, можно сказать, что тот вечер был самым лучшим в жизни Рози: восхитительным, волшебным, просто великолепным. Она не смогла бы перестать улыбаться, даже если бы захотела. Обед в ресторане был чудесным, а после Толстый Чарли повел ее танцевать. Это был настоящий танцзал с небольшим оркестром, и по паркету здесь скользили пары в одежде пастельных цветов. Ей казалось, они с женихом перенеслись во времени, очутились в иной, неспешной и прекрасной эпохе. С пяти лет Рози наслаждалась каждым уроком танцев, вот только танцевать ей было не с кем.

— Я и не знала, что ты умеешь танцевать, — сказала она Толстому Чарли.

— Ты многого обо мне не знаешь, — ответил он.

И от этого она почувствовала себя счастливой. Скоро они поженятся. Она чего-то про него не знает? Прекрасно. У нее целая жизнь впереди, чтобы выяснить все. И будет это только хорошее.

Она замечала, как встречные женщины (и другие мужчины) смотрят на Толстого Чарли, и была

счастлива, что это она идет с ним под руку.

Они шли через Лейчестер-сквер, и над головой у них загорались звезды, весело перемигивались, невзирая на жесткое свечение фонарей.

На краткое мгновение она задумалась, а почему раньше с Толстым Чарли было иначе. Иногда в глубине души Рози подозревала, что встречается с Толстым Чарли только потому, что он не нравится маме: что, когда он предложил ей руку и сердце, она сказала «да» только потому, что мама хотела, чтобы она сказала «нет»…

Однажды Толстый Чарли водил ее в Вест-энд. Они ходили в театр. Толстый Чарли хотел устроить ей сюрприз надень рождения, но с билетами вышла путаница, и они оказались на вчерашнем спектакле. Администрация театра проявила понимание и крайнюю любезность и сумела найти для Толстого Чарли место за колонной в партере, а для Рози — на балконе, позади отчаянно хихикавших кумушек из Норвича. Особого сюрприза не получилось, во всяком случае, не в том смысле, в каком хотелось бы.

Но этот вечер… этот был просто волшебным. Рози не так много выпадало чудесных мгновений в жизни, а теперь в копилку прибавилось еще одно.

Ей нравилось, как она себя чувствует, когда он рядом.

А когда, закончив танцевать, они, опьяненные ритмичными движениями и шампанским, выбежали в ночь, Толстый Чарли (и почему она называет его Толстым Чарли? — он же нисколечки не толстый) обнял ее за плечи и сказал:

— А теперь ты поедешь ко мне.

И голос у него был такой настоятельный и низкий, что у нее завибрировало в животе. И она промолчала — и про то, что завтра нужно на работу, и про то, что на это хватит времени, когда они будут женаты. Вообще ничего не говорила, а только думала, как ей хочется, чтобы этот вечер никогда не кончался, и как ей очень, очень, очень хочется — да нет, просто необходимо — поцеловать этого мужчину и обнять его.

И вспомнив, что надо что-то сказать, она сказала «да».

В такси по дороге к его квартире она держала его за руку, а другую положила ему на плечо, всматриваясь в лицо, то освещаемое фарами встречных машин и фонарями, то погружающееся во тьму.

— У тебя ухо проколото, — сказала она вдруг. — Почему я никогда раньше не замечала, что у тебя

ухо проколото?

— Эй, — отозвался голос, низкий, как рокот барабана, — как по-твоему, что я должен чувствовать, если ты даже такого никогда не замечала? А ведь мы вместе уже… сколько?

— Полтора года, — сказала Рози.

— Полтора года, — согласился ее жених.

Она придвинулась ближе, вдохнула его запах.

— От тебя приятно пахнет, — сказала она. — У тебя новый одеколон?

— Нет, это просто я.

— Стоило бы разливать по бутылкам.

Пока он открывал входную дверь, она расплатилась с таксистом. По лестнице они поднимались обнявшись, а наверху он почему-то вдруг направился в дальний конец коридора к пустой задней комнате.

— Спальня вон там, дурачок. Куда ты собрался?

— Никуда. Я знаю, где спальня.

Они пошли в спальню Толстого Чарли. Рози задернула занавески, а потом повернулась к нему и почувствовала себя счастливой.

— Ну, — сказала она, помолчав, — ты не попытаешься меня поцеловать?

— Наверное, попытаюсь, — ответил он и попытался.

Время расплавилось, растянулось и выгнулось. Их поцелуй длился минуту, а может, и час, а может, и целую жизнь. А потом…

— Что это было?

— Я ничего не слышал.

— Так кричит кто-то, кому больно.

— Может, потерявшаяся собака?

— А может, кошки дерутся? Говорят, иногда они кричат совсем как люди.

Склонив голову набок, Рози настороженно вслушивалась.

— Прекратилось, — сказала она наконец. — И знаешь, что самое странное?

— Угу, — протянул он. Его губы скользили по ее шее. — Конечно, скажи мне, что самое странное. Но я его прогнал. Оно нам больше не помешает.

— Самое странное, — сказала Рози, — что голос был похож на твой.

Толстый Чарли бродил по улицам, пытаясь проветрить мозги. Самым разумным казалось барабанить в собственную дверь, пока Паук не спустится и его не впустит, а потом сказать, что он думает о нем с Рози. Это было очевидным. Совершенно, бесконечно очевидным.

Нужно только вернуться домой, объяснить все Рози и пристыдить Паука и заставить его убрать-

ся. Только и всего. Неужели это так сложно?

Но, по всей видимости, это было сложнее, чем казалось на первый взгляд. Он не совсем понимал, почему ноги несут его прочь от собственного дома. А теперь окончательно запутался и никак не мог взять в толк, как найти дорогу назад. Улицы, которые он знал или думал, что знает, теперь сами собой менялись: то перед ним оказывался тупик, то глухие закоулки. Он-то думал, что вдоль и поперек изучил собственные окрестности, а сейчас как будто потерялся в лабиринте ночных лондонских улочек.

В просветы между домами он иногда видел магистральные улицы. Там светились фары, вспыхивали вывески закусочных и магазинов. Толстый Чарли знал, что, как только выберется туда, сумеет добраться домой, но всякий раз, приближаясь к огням, почему-то оказывался в незнакомом месте.

У Толстого Чарли начали ныть ноги. В животе отчаянно бурчало. Он злился и, пока шел, сердился все больше и больше.

От гнева в голове у него прояснилось. Паутина, затянувшая мысли, начала распутываться, а паутина улиц, по которым он брел, — упрощаться. Повернув за угол, он оказался на магистральной

улице, рядом с круглосуточными «Жареными крылышками Нью-Джерси». Заказав семейную порцию курицы-гриль, он сел и расправился с ней сам, без помощи какой-либо семьи. Покончив с едой, он подошел к краю тротуара и дождался, когда вдалеке покажется приветливый оранжевый огонек «СВОБОДНО» над крышей большого черного такси. Толстый Чарли отчаянно замахал, и, поравнявшись с ним, машина остановилась. Опустилось стекло.

— Куда ехать?

— Максвелл-гарденс.

— Издеваетесь? — спросил таксист. — Это же за углом.

— Отвезете меня туда? Дам пятерку на чай. Честное слово.

Таксист громко выпустил воздух через стиснутые зубы: такой шум издает автомеханик, перед тем как спросить, не питаете ли вы каких-то нежных чувств к сдохшему мотору.

— Дело ваше, — сказал он. — Запрыгивайте.

Толстый Чарли запрыгнул. Таксист тронулся с места, переждал, пока сменится свет на светофоре, и свернул за угол.

— Так куда, вы сказали? — спросил он.

— Максвелл-гарденс, — повторил Толстый Чар-

ли. — Номер тридцать четыре. Сразу за баром.

На нем была вчерашняя одежда, о чем он очень жалел. Мама всегда говорила ему надевать чистое белье на случай, если его собьет машина, и чистить зубы на случай, если его труп придется опознавать по зубам.

— Да знаю я, где это, — буркнул таксист. — Сразу перед Парк-кресчент.

— Верно, — кивнул Толстый Чарли, который как раз начал клевать носом на заднем сиденье.

— Наверное, я не туда свернул, — сказал таксист. Прозвучало это раздраженно. — Я выключу счетчик, ладно? Пусть будет пятерка.

— Конечно, — согласился Толстый Чарли, устроился поудобнее на заднем сиденье и заснул.

А такси все бороздило ночь, пытаясь попасть «всего лишь за угол».

Детектив-констебль Дей, уже год как отправленная на работу в отдел финансовых мошенничеств, прибыла в офис «Агентства Грэхема Хорикса» ровно в половине десятого. В приемной ее ждал Грэхем Хорикс собственной персоной и лично проводил в свой кабинет.

— Кофе? Чай?

— Нет, спасибо.

Достав блокнот, она села и выжидательно по-

смотрела на Грэхема Хорикса.

— Не могу не подчеркнуть, да-да, подчеркнуть, такт в нашем расследовании превыше всего. Непременно превыше всего, непременно. В конце концов, у «Агентства Грэхема Хорикса» — репутация, да… репутация безукоризненной честности. В «Агентстве Грэхема Хорикса» деньги клиента — как за семью печатями, да что там — святы. И должен сказать, когда у меня зародилось подозрение насчет Чарльза Нанси, я отмел его как недостойное порядочного человека и отличного работника. Если бы вы спросили меня неделю назад, что я думаю о Чарльзе Нанси, я бы сказал, он истинная соль земли.

— Нисколько не сомневаюсь. Так когда вы заподозрили, что с ваших счетов уходят деньги клиентов?

— Трудно сказать. Не хотелось бы клеветать… бросать первый камень, так сказать… Не судите, да не судимы будете, сами понимаете.

«По телевизору, — думала Дейзи, — в таких случаях обычно говорят: просто изложите факты». Ей так хотелось повторить то же, но она воздержалась.

И Грэхем Хорикс ей совсем не нравился.

— Я распечатал все данные относительно

необычных финансовых проводок, — сказал он. — И как видите, все они — с компьютера Нанси. Я снова должен подчеркнуть, что такт здесь превыше всего. Среди клиентов «Агентства Грэхема Хорикса» много видных лиц, общественных деятелей, если понимаете, о чем я… И, как я сказал вашему начальству, я счел бы за личную услугу, если бы это дело уладили как можно тише. Наш девиз здесь — «такт». Если, быть может, удастся уговорить нашего мастера Нанси вернуть добытые нечестным путем прибыли, я буду вполне удовлетворен и оставлю все как есть. У меня нет никакого желания судиться.

— Я сделаю, что смогу, но собранную информацию мы передаем заместителю прокурора.

Интересно, а какие на самом деле у этого Хорикса связи? Протекция у суперинтенданта?

— Так что вызвало ваши подозрения?

— Ах да. Честно и откровенно? Кое-какие странности в поведении. Собака, которая среди ночи не залаяла. Да, да, в тихом омуте черти водятся, но мы, сыщики, всегда придаем значение мелочам, правда, детектив Дей?

— Итак, предоставьте мне распечатки вкупе с прочей документацией, выписками с банковских счетов и так далее. Вероятно, нам придется

забрать его компьютер, чтобы просмотреть жесткий диск.

— Абсо-ненно. — На столе у него зазвонил телефон, и… — Прошу меня извинить! — Грэхем Хорикс взял трубку. — Здесь? Господи боже! Тогда скажите, пусть подождет меня в приемной. Сейчас я к нему выйду. — Он положил трубку. — Вот это, — сказал он Дейзи, — у вас, в полиции, кажется, называется непредвиденный оборот.

Она подняла бровь.

— Вышеупомянутый Чарльз Нанси собственной персоной. Интересно, зачем он явился? Пригласить его сюда? Если понадобится, можете использовать мой кабинет как помещение для допроса. Уверен, у меня даже есть диктофон, который я мог бы вам одолжить.

— Нет необходимости. Первым делом мне нужно проработать документы.

— Есть, мэм. Как глупо с моей стороны! Хотите… м-м-м… хотите на него взглянуть?

— Сомневаюсь, что от этого будет толк, — сказала Дейзи.

— О, я не стану говорить, что вы расследуете его операции, — заверил ее Грэхем Хорикс. — Иначе не успеем мы собрать первые улики, как он уже сбежит на Коста-дель-Соль, или «Коста-дель-Пре-

ступик», как его называют на Би-би-си — ха-ха! Откровенно говоря, я горжусь, что весьма, да, весьма сочувствую сотрудникам правопорядка, они сталкиваются с такими проблемами!

Дейзи поймала себя на мысли, что тот, кто украл деньги у такого хорька, не может быть совсем уж пропащим человеком, — а ведь офицеру полиции так думать не полагается.

— Я вас провожу, — предложил Глава агентства.

В приемной сидел мужчина. Вид у него был такой, будто он спал в одежде. А еще он был небрит и глядел немного растерянно. Тронув Дейзи за локоть, Грэхем Хорикс кивнул на него, а вслух сказал:

— Господи милосердный, Чарльз, только посмотрите на себя. У вас ужасный вид.

Толстый Чарли уставился на него мутным взглядом.

— Не смог попасть вчера домой. Какая-то путаница с такси.

— Познакомьтесь, Чарльз, — продолжал Грэхем Хорикс, — это детектив Дей из лондонской полиции. Она здесь по мелкому, рутинному делу.

Тут Толстый Чарли сообразил, что они в приемной не одни. Постаравшись сосредоточиться, он

увидел униформу. Потом лицо.

— Э-э-э… — вырывалось у него.

— Доброе утро. — Слова произнесли губы, а в голове у Дейзи вертелось: «Вот черт, вот черт, вот черт, вот черт».

— Приятно познакомиться, — сказал Толстый Чарли и недоуменно сделал то, чего никогда не делал раньше: вообразил себе офицера полиции при исполнении без формы, полуголой и обнаружил, что воображение подбросило ему довольно точный образ молодой дамы, с которой он проснулся в одной постели на утро после «панихиды» по отцу. В консервативной одежде она казалась старше, суровее и много более грозной — впрочем, ей же положено по званию.

Как у всех разумных существ, у Толстого Чарли был порог способности удивляться. Уже несколько дней стрелка отклонялась в «красное», иногда зашкаливала, а теперь прибор окончательно вышел из строя. Начиная с этого мгновения, ничто — решил он — не может его удивить. Больше идиотских несуразностей уже случиться не может. Приехали.

Но, разумеется, он ошибался.

Поглядев в спину уходящей Дейзи, Толстый Чарли поплелся вслед за Грэхемом Хориксом в

кабинет босса.

А Грэхем Хорикс плотно прикрыл за ними дверь. Потом примостился на краешке своего стола и улыбнулся как хорек, только что сообразивший, что его заперли на ночь в курятнике.

— Будем откровенны, — сказал он, — карты на стол. Хватит ходить вокруг да около, — и пояснил: — Давайте называть вещи своими именами.

— Ладно, — согласился Толстый Чарли. — Давайте. Вы сказали, мне нужно что-то подписать?

— Нет, это уже отменяется. Лучше обсудим кое-что, на что вы мне указали несколько дней назад. Вы обратили мое внимание на ряд крайне странных операций, которые имели место в последнее время.

— Вот как?

— В эту игру, Чарльз, в эту игру могут играть двое. Разумеется, первым моим побуждением было расследовать ваши заявления. Отсюда визит детектива Дей сегодня утром. И подозреваю, то, что мы обнаружили, вас совсем не удивит.

— Не удивит?

— Нисколько. Как вы указали, у нас налицо явные финансовые отклонения, Чарльз. Но, увы, прихотливый перст подозрения безошибочно указывает только в одну сторону.

— В одну сторону?

— В одну.

Толстый Чарли окончательно стал в тупик.

— Куда?

Грэхем Хорикс постарался сделать озабоченное лицо или хотя бы вид, что пытается выглядеть озабоченным, но получилось у него выражение, которое у младенцев всегда указывает, что им надо хорошенько срыгнуть.

— На вас, Чарльз. Полиция подозревает вас.

— Да, — согласился Толстый Чарли. — Конечно, подозревает. Такой уж тогда выдался день.

И пошел домой.

Паук открыл входную дверь. Некоторое время назад начался дождь, на пороге, помятый и мокрый, стоял Толстый Чарли.

— Ага, — сказал он. — Теперь мне можно домой, да?

— Не мне тебя останавливать, — отозвался Паук. — В конце концов, это ведь твой дом. Где ты был всю ночь?

— Ты прекрасно знаешь, где я был. Я никак не мог попасть сюда. Уж не знаю, какой магией ты на меня воздействовал.

— Это была не магия, а чудо, — оскорбленно возразил Паук.

Пройдя мимо него, Толстый Чарли затопал вверх по лестнице. В ванной комнате он заткнул ванну и пустил воду. Потом высунулся в коридор.

— Мне плевать, как это называется. Ты проделал это в моем доме и вчера вечером помешал мне вернуться.

Он снял вчерашнюю одежду, потом снова высунулся за дверь.

— А на работе мои дела расследует полиция. Ты говорил Грэхему Хориксу про какие-то финансовые несоответствия?

— Конечно, говорил, — ответил Паук.

— Ха! Ну так теперь он подозревает меня. Считает, что это я.

— Ах это? Сомневаюсь.

— Много ты знаешь, — сказал Толстый Чарли. — Я с ним разговаривал. В агентство уже приходила полиция. А потом еще есть Рози. Нам с тобой нужно очень серьезно поговорить по поводу Рози, когда выйду из ванной. Всю вчерашнюю ночь я бродил по улицам. Поспать удалось только на заднем сиденье такси, а к тому времени, когда я проснулся, было пять утра, и мой таксист поворачивал на Трейвис-Бикл. И разговаривал сам с собой. Я сказал ему, мол, может, перестать

искать Максвелл-гарденс, по всей видимости, в такие ночи Максвелл-гарденс вообще не существует. Со временем он согласился, и мы поехали завтракать в забегаловку таксистов. Яичница, бобы, сардельки, тосты и чай, в котором ложка стоит. Когда он рассказал своим ребятам, что провел ночь в поисках Максвелл-гарденс, такое началось, что я подумал, вот-вот прольется кровь. Но нет. А в какой-то момент показалось…

Толстый Чарли остановился набрать в грудь воздуха. Вид у Паука был виноватый.

— После, — с нажимом сказал Толстый Чарли, — после того, как я приму ванну. — И захлопнул дверь.

Он залез в ванну.

Всхлипнул.

Вылез из нее.

Выключил воду.

Обвязавшись полотенцем, открыл дверь ванной.

— Нет горячей воды, — чересчур спокойно сказал он. — Есть какие-нибудь соображения, почему у нас нет горячей воды?

Паук все еще стоял посреди коридора — он так и не двинулся с места.

— Моя джакузи. Извини.

— Ну, по крайней мере Рози не… Я хочу сказать, ей не пришлось…

Тут он заметил выражение на лице Паука.

— Убирайся, — сказал Толстый Чарли. — Убирайся из моей жизни. Убирайся из жизни Рози. Вон.

— Мне тут нравится, — возразил Паук.

— Ты разрушил мне жизнь, черт побери.

— Извини, бывает.

Пройдя в конец коридора, Паук толкнул дверь в заднюю комнату. На мгновение коридор залил тропический солнечный свет, потом дверь закрылась.

Толстый Чарли помыл голову холодной водой. Почистил зубы. Порылся в корзине для грязного белья, пока не выудил джинсы и футболку, которые (благодаря тому, что оказались на дне) снова стали практически чистыми. Надел поверх футболки пурпурный свитер с медвежонком, который когда-то ему подарила мама, но который он никогда не носил, хотя так и не смог пересилить себя и отдать его в Красный Крест.

Затем пошел в конец коридора.

Через дверь доносились «бум-чагга-бум» бас-гитары и барабанов.

Толстый Чарли подергал ручку. Дверь не под-

далась.

— Если ты не откроешь дверь, — сказал он, — я ее выломаю.

Дверь открылась без предупреждения, и Толстый Чарли едва не упал через порог в пустой чулан, окно которого выходило на зады другого дома, и виден из него был только бьющий по стеклу дождь.

Тем не менее где-то за стеной слишком громко играл магнитофон: сам чулан вибрировал от далекого «бум-чагга-бума».

— Ладно, — светским тоном сказал Толстый Чарли, — ты же понимаешь, что это означает. Война!

Это был традиционный боевой клич кролика, которого загнали в угол. Есть страны, где считают, что Ананси был кроликом-трикстером. Конечно, тамошние жители ошибаются — он был пауком. Можно подумать, этих двух тварей трудно перепутать, однако такое случается чаще, чем вы думаете.

Толстый Чарли вернулся в свою спальню, где достал из прикроватной тумбочки паспорт. Бумажник он нашел там же, где его оставил, — в ванной.

Выйдя под дождь на улицу, он подозвал такси.

— Куда?

— В Хитроу, — сказал Толстый Чарли.

— Без проблем, — отозвался таксист. — Какой терминал?

— Понятия не имею, — сказал Толстый Чарли, понимая, что на самом деле должен знать. Ведь прошло-то всего несколько дней. — Откуда улетают во Флориду.

Грэхем Хорикс начал планировать свой уход со сцены заранее, еще когда премьер-министром был Джон Мейджор. В конце концов, ничто хорошее не длится вечно. Даже если ваша курица обыкновенно несет золотые яйца, она рано или поздно (как вас с радостью заверил бы сам Грэхем Хорикс) все равно попадет на сковородку. И хотя планы у него были продуманы загодя (никогда не знаешь, когда пора сию минуту бросить все и уехать), и он вполне сознавал, что неприятности копятся, как темные тучи на горизонте, ему хотелось оттянуть отъезд до того момента, когда уже нельзя будет дольше откладывать.

И самое важное — не просто покинуть «Агентство Грэхема Хорикса», а исчезнуть, испариться, пропасть бесследно. В потайном сейфе его офиса (в глухом чулане, которым он исключительно гордился), на полке, которую повесил он сам и

которую пришлось прилаживать заново, когда она упала, лежало кожаное портмоне, а в нем два паспорта: один на имя Бейзила Финнегана, другой — на имя Роджера Бронстейна. Оба родились лет пятьдесят назад, приблизительно в одно время с Грэхемом Хориксом. Еще в портмоне были два бумажника, каждый с собственным набором кредитных карточек и удостоверениями личности с фотографиями на каждого из владельцев паспортов. Каждый из них имел право совершать финансовые операции с переводными счетами на Каймановых островах, деньги с которых переводились на другие счета — в Швейцарии и в Лихтенштейне, а еще на островах Британской Виргинии.

Грэхем Хорикс намеревался исчезнуть раз и навсегда в свой пятидесятый день рождения, чуть больше чем через год, и теперь мрачно размышлял над проблемой Толстого Чарли.

Он вовсе не ожидал, что Толстого Чарли арестуют или посадят в тюрьму, хотя ничего не имел против любого из сценариев, какой бы ни воплотился. Он хотел только, чтобы его запугали, перестали верить его словам, заставили сбежать.

Грэхем Хорикс получал неподдельное удовольствие, выдаивая клиентов своего агентства, и

хорошо умел это делать.

Клиентуру он всегда подбирал с дальним расчетом, но приятным сюрпризом оказалось, что знаменитости и артисты, которых он представлял, очень плохо разбирались в денежных вопросах и испытывали лишь облегчение, найдя кого-то, кто представлял бы их и управлял их финансами, беря на себя все заботы. А если иногда банковские балансы, выписки или чеки запаздывали, или не соответствовали ожиданиям клиентов, или если с их счетов напрямую изымались суммы на неизвестные нужды… Что поделаешь: в «Агентстве Грэхема Хорикса» большая текучка кадров, особенно в отделе бухгалтерии, и нет ничего, что нельзя было бы списать на некомпетентность уволенного сотрудника или — в редких случаях — исправить ящиком шампанского и чеком на крупную сумму в извинение.

Не в том дело, что люди любили Грэхема Хорикса или доверяли ему. Даже самые лояльные клиенты считали его пронырой. Но они считали его своим пронырой и в этом горько ошибались.

Грэхем Хорикс был свой собственный проныра.

На столе у него зазвонил телефон, и Грэхем Хорикс снял трубку.

— Да?

— Мистер Хорикс, у меня на проводе Мэв Ливингстон. Знаю, вы велели соединять ее с Толстым Чарли, но он в отпуске, и я не знаю, что говорить. Сказать, что вас нет на месте?

Грэхем Хорикс задумался. До того, как его унес из жизни сердечный приступ, Моррис Ливингстон был когда-то самым популярным йоркширским комиком в стране, звездой таких телесериалов, как «Покороче сзади и по бокам» и собственной воскресной программы-варьете «Моррис Ливингстон, полагаю?». В восьмидесятых он даже попал «в десятку лучших» с скабрезно-комическими куплетами «Глядится неплохо, но скорей убирай!». Дружелюбный и легкий в общении, он не только оставил свои финансовые дела в руках «Агентства Грэхема Хорикса», но, по предложению Грэхема Хорикса, назначил главу агентства опекуном всего своего имущества.

Преступно было бы не поддаться такому искушению.

И была еще Мэв Ливингстон. Честно будет сказать, что, сама о том не подозревая, Мэв Ливингстон много лет фигурировала на главных и звездных ролях в самых сокровенных и личных фантазиях Грэхема Хорикса.

— Соедините, пожалуйста, — сказал он секретарше и минуту спустя заботливо заворковал: — Какая радость тебя слышать, Мэв. Как поживаешь?

— Не знаю.

До знакомства с будущим мужем Мэв Ливингстон была танцовщицей, а после всегда возвышалась над комиком-коротышкой. Они обожали друг друга.

— Почему бы тебе не поплакаться в жилетку дядюшки Грэхему?

— Несколько дней назад я говорила с Чарльзом. Мне интересно… Ну, управляющий в моем банке хотел бы знать… Средства от имущества Морриса… Нам сказали, мы уже должны были что-то получить.

— Мэв, — сказал Грэхем Хорикс, как ему казалось, томно-бархатным голосом, от которого (по его мнению) женщины должны были просто таять, — проблема не в том, Мэв, что денег нет. Все дело лишь в ликвидности. Как я тебе говорил, Мэв, Моррис под конец жизни сделал несколько опрометчивых инвестиций. И хотя по моему совету были сделаны и кое-какие перспективные вложения, этим последним нужно дать время созреть. Если мы извлечем деньги сейчас, то

почти все потеряем. Но бояться не надо, не надо. Для хорошего клиента все что угодно. Я выпишу тебе чек с собственного банковского счета, лишь бы ты была платежеспособна и ни в чем себе не отказывала. Сколько просит твой управляющий?

— Он грозится, что начнет возвращать чеки ввиду отсутствия средств на счету. А на Би-би-си мне сказали, что уже переслали плату за переиздание старых программ на DVD. Эти-то деньги не вложены, верно?

— Так сказали на Би-би-си? На самом деле это мы с них деньги требуем. Но не стану возлагать всю вину на такую большую корпорацию. Наша бухгалтер беременна, поэтому у нас тут все кувырком. И Чарльз Нанси, с которым ты разговаривала, сам не свой, понимаешь, у него отец умер, и он много времени провел за границей…

— Когда мы разговаривали в последний раз, — напомнила она, — у тебя монтировали новый сервер.

— Ах, конечно, конечно. Но только, умоляю, не давай мне говорить о бухгалтерских программах, а то я до завтра не закончу. Как там говорится? Ошибаться в природе человеческой, но чтобы поистине навести тень на плетень, э-э-э… нужен компьютер. Что-то в таком духе. Я со всем разбе-

русь вручную, если потребуется, по старинке, и твои деньги к тебе в конечном итоге придут. Ведь этого бы Моррис хотел.

— Управляющий в банке говорит, мне понадобится десять тысяч немедленно, только чтобы остановить возвращение чеков.

— И десять тысяч будут твои. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, я выписываю чек. — Он нарисовал кружок в блокноте перед собой, вверху линия загнулась, так что получилось что-то вроде яблока.

— Большое спасибо, — сказала Мэв Ливингстон, и Грэхем Хорикс самодовольно улыбнулся. — Надеюсь, я не слишком тебе надоедаю?

— Нисколько, — заверил ее Грэхем Хорикс. — Ни в коей мере.

И положил трубку. Забавно, подумал он, что на сцене Моррис Ливингстон всегда изображал практичного йоркширца, гордящегося тем, что знает, где его денежки — все до последнего пенни.

Недурная пожива, решил затем Грэхем Хорикс и добавил к яблоку два глаза и пару ушей. Теперь оно почти походило на кошку. Очень скоро настанет время сменить жизнь, занятую выдаиванием привередливых знаменитостей, на

жизнь, полную солнца, бассейнов, плотных обедов, хорошего вина и, если возможно, орального секса в огромных количествах. Грэхем Хорикс был убежден, что самое лучшее в жизни то, что все можно купить.

Пририсовав кошке пасть, он заполнил ее острыми зубами, так что зверь стал немного похож на пуму, и рисуя, напевал дребезжащим тенорком:

Когда я был молод, мой отец говорил:

«На улице солнце, так пойди поиграй».

Теперь я стал старше, и дамы твердят:

«Глядится неплохо, но скорей убирай...»

Моррис Ливингстон оплатил пентхаус Грэхема Хорикса на Капокабана и пристройку плавательного бассейна к вилле на острове Сан Андреас, и не надо думать, что Грэхем Хорикс не питал благодарности.

«Глядится неплохо, но скорей убирай...»

Пауку было не по себе.

Что-то происходило. Какое-то странное ощущение, как туман, расползалось на все и вся и отравляло ему жизнь. Он не мог определить, в чем дело, и это ему не нравилось.

Но вот чего-чего, а вины он за собой определенно не чувствовал. Такие вещи были ему просто неведомы. Он чувствовал себя великолепно. Он чувствовал себя круто. А вины не испытывал. Он не чувствовал бы себя виноватым, даже если бы его поймали на ограблении банка.

Однако повсюду вокруг витали миазмы дискомфорта, какого-то стеснения.

До сего момента Паук считал, что боги другие: у них нет совести, да и зачем она им? Отношение бога к миру, даже тому, по которому он ходит, было — в эмоциональном плане — сродни тому, что чувствует человек, играющий в компьютерную игру, но при этом представляющий себе общий ее замысел и вооруженный полным набором кодов, чтобы обходить препятствия.

Паук не давал себе скучать. Вот главное занятие его жизни. Главное — развлекаться, а все остальное не важно. Он не распознал бы чувство вины, даже если бы ему выдали иллюстрированное пособие, где все составные части снабжены ясными подписями. Не в том дело, что он был безответственным, — просто, когда этим чувством наделяли, он прохлаждался где-то в другом месте. Но что-то изменилось, то ли в нем самом, то ли в окружающем мире, и это не давало ему покоя.

Он налил себе выпить. Он повел рукой и музыка стала громче. Он сменил запись Майлса Дейвиса на запись Джеймса Брауна. Не помогло.

Он лежал в гамаке под тропическим солнышком, слушал музыку, упивался тем, как невероятно круто быть Пауком… И впервые в жизни этого показалось мало.

Выбравшись из гамака, он подошел к двери.

— Толстый Чарли?

Никакого ответа. Квартира казалась пустой. За окном был серый день, шел дождь. Пауку дождь нравился. Представлялся таким уместным.

Пронзительно и сладко зазвонил телефон.

Паук снял трубку.

— Это ты? — спросила Рози.

— Привет, Рози.

— Прошлой ночью, — начала она и замолчала, а потом: — Тебе было так же чудесно, как и мне?

— Не знаю, — ответил Паук. — Для меня было очень чудесно. Поэтому я хотел сказать… Наверное, да.

— М-м-м… — протянула она.

Они помолчали.

— Чарли?

— Угу?

— Мне даже нравится ничего не говорить, про-

сто знать, что ты на том конце линии.

— И мне, — сказал Паук.

Они еще немного понаслаждались молчанием, порастягивали ощущение.

— Хочешь ко мне сегодня приехать? — спросила Рози. — Мои соседки в Кейрнгормсе.

— Эти слова, — сказал Паук, — тянут на самую прекрасную фразу в английском языке. «Мои соседки в Кейрнгормсе». Истинная поэзия.

Она захихикала.

— Олух. И… Захвати зубную щетку.

— А… О! Идет.

После нескольких минут «положи трубку» и «нет, ты первый положи», которыми гордилась бы парочка одурманенных гормонами пятнадцатилеток, трубки наконец были положены.

Паук улыбнулся, как святой. Мир, в котором есть Рози, самый лучший, какой может только существовать. Туман поднялся, все вокруг залило солнце.

Пауку даже не пришло в голову задуматься, куда подевался Толстый Чарли. Да и зачем ему беспокоиться из-за таких мелочей? Соседки Рози в Кейрнгормсе, и сегодня вечером… Ба, сегодня вечером он захватит зубную щетку.

Тело Толстого Чарли сидело в самолете рейсом

во Флориду, было сдавлено посередине ряда из пяти кресел и крепко спало. Это было хорошо: туалеты в хвосте сломались, как только самолет поднялся в воздух, и хотя стюардессы повесили на двери таблички «Не работает», это нисколько не умерило запаха, который начал понемногу распространяться по заднему салону, точно химический туман. Плакали младенцы, ворчали взрослые и хныкали дети. Часть пассажиров, направлявшихся в Диснейленд, сочли, что их отпуск начался, как только они сели в кресла, поэтому завели песни. Они спели все известные песни из диснеевских мультиков — и из «Белоснежки», и из «Русалочки», и из «Маугли», и даже, решив, что такая тоже сойдет, из «Принцессы Минамоки».

Стоило самолету взлететь, как выяснилось, что из-за путаницы с питанием на борт не взяли упаковок с ленчем. Имелись только упаковки завтраков, то есть индивидуальные контейнеры с овсянкой и бананы для всех пассажиров, которым придется есть пластмассовыми ножами и вилками, потому что ложек, к сожалению, нет. Последнее было, пожалуй, даже неплохо, потому что и молоко к овсянке тоже отсутствовало.

Это был адский перелет, а Толстый Чарли про-

спал все «веселье».

Во сне Толстый Чарли оказался в огромном зале, и одет он был в парадный костюм. Он стоял на высоком помосте, по одну его сторону была Рози в белом подвенечном платье, по другую — ее мама, тоже (что пугало) в подвенечном платье, хотя ее было покрыто пылью и паутиной. Вдалеке на горизонте (а точнее, в дальнем конце зала) люди стреляли и махали белыми флагами.

— Это просто гости со стола «Ж», — сказала мама Рози. — Не обращай на них внимания.

Толстый Чарли повернулся к Рози, она же с нежной улыбкой облизнулась.

— Торт, — сказала Рози в его сне.

Это послужило сигналом оркестру. Новоорлеанский джаз-банд заиграл похоронный марш.

Помощником шеф-повара оказалась вчерашняя полицейская. С пояса у нее свисали наручники.

— А теперь, — сказала Толстому Чарли Рози, — разрежь торт.

Гости за столом «Б», которые были вовсе не люди, а мультяшные мыши, крысы и животные со скотного двора (но в человеческий рост и навеселе), запели песни из диснеевских мультиков. Толстый Чарли знал, что они хотят, чтобы он пел вместе с ними. Даже во сне он почувствовал,

как его охватывает паника от одной только мысли, что ему придется петь на публике, почувствовал, как руки и ноги у него немеют, как покалывает губы.

— Не могу я с вами петь, — сказал он, отчаянно подыскивая отговорку. — Мне нужно разрезать торт.

При этих словах весь зал умолк. Ив тишине шеф-повар вкатил небольшую тележку. Лицо у повара было как у Грэхема Хорикса, а на тележке красовался экстравагантный свадебный торт: вычурный, многоэтажный шедевр кондитерского искусства. На самом верхнем уровне опасно балансировали крохотные жених с невестой — точь-в-точь два человечка, пытающихся устоять на верхушке покрытого глазурью «Крайслер билдинг».

Сунув руку под стол, мама Рози достала длинный нож с деревянной ручкой — почти мачете, клинок у него был ржавым. Она подала его Рози, которая взяла правую руку Толстого Чарли и положила ее поверх своей левой, и вместе они вдавили ржавый нож в толстую белую глазурь на самом верхнем этаже торта — между женихом и невестой. Поначалу торт сопротивлялся клинку, и Толстый Чарли нажал сильнее, надавил изо

всех сил. Он почувствовал, как торт начинает поддаваться. Еще чуть-чуть.

Нож прошел через верхний уровень свадебного торта. Соскользнул вниз и разрезал торт, прошел через все слои и уровни — и торт раскрылся…

Во сне Толстый Чарли подумал было, что торт начинен бусинами из черного стекла или полированного гагата, а потом, когда они посыпались из-под бисквита, сообразил, что у бусин есть ножки… что у каждой бусины есть восемь проворных ножек… и из торта эти бусины хлынули черной волной. Пауки заполонили собой белую скатерть, пауки закрыли маму Рози и саму Рози, превратив их белые платья в траурные, а потом, будто повинуясь могучему и злобному разуму, сотнями потекли к Толстому Чарли. Он повернулся, чтобы бежать, но его ноги застряли в какой-то резиновой липучке, и он рухнул на пол.

Тогда пауки набросились на него, их ножки зашелестели по его голой коже, он попытался встать, но кишащая волна накрыла его с головой.

Толстый Чарли открыл рот, чтобы закричать, и он тут же заполнился пауками. Они забежали ему в глазницы, и все погрузилось во тьму…

Открыв глаза, Толстый Чарли не увидел ничего, кроме черноты, и закричал… и кричал, и

кричал. Потом сообразил, что просто погасили свет и шторки на окнах опущены, потому что остальные пассажиры смотрят кино.

Это был поистине адский перелет. Толстый Чарли только внес свою лепту, чуть больше его испортив.

Встав, он попытался выйти в проход, спотыкаясь при этом о чужие ноги, а потом, когда почти туда добрался, выпрямился и ударился головой о полку для вещей, отчего ее дверцы открылись и на голову ему рухнула чья-то ручная кладь.

Те, кто сидел поближе и видел, засмеялись. Это была отличная клоунада и она всех бесконечно порадовала.

Глава седьмая, в которой Толстый Чарли заходит очень далеко

Сотрудница паспортного контроля прищурилась на американский паспорт Толстого Чарли так, словно была разочарована, что он не какой-то там иностранный подданный, которого она могла бы просто не пустить в страну, но потом со вздохом махнула проходить.

Он спрашивал себя, что будет делать, когда минует таможню. Наверное, возьмет напрокат машину. И поест… Сойдя с эскалатора, он прошел через заграждение безопасности» главный торговый вестибюль аэропорта Орландо и нисколько не удивился (как сделал бы это еще неделю назад), заметив миссис Хигглер, которая, сжимая в руке огромную кружку кофе, ощупывала взглядом лица новоприбывших. Они увидели друг друга практически одновременно, и она направилась в его сторону.

— Голоден? — спросила она.

Толстый Чарли кивнул.

— Надеюсь, ты любишь индейку.

Толстый Чарли спрашивал себя, не на этом ли брюквенного цвета седане ездила миссис Хигглер, когда он был ребенком. Наверное, да. Логично предположить, что когда-то автомобиль был новым. В конце концов, все когда-то было новым. Но сейчас он превратился в дряхлую развалину: обивка из кожзаменителя потрескалась и осыпалась, пластик под дерево на приборной доске и бардачке казался пыльным.

Между передними сиденьями лежал коричневый бумажный пакет для покупок.

В древней машине миссис Хигглер не было подставки под чашку, и свою гигантскую кружку миссис Хигглер держала, зажав между коленями. Судя по всему, машину изготовили до наступления эры кондиционеров, поэтому ехали они опустив окна. Толстый Чарли ничего не имел против. После холодной сырости в Англии флоридская жара казалась отдохновением. Миссис Хигглер направлялась на юг, к платному шоссе. По дороге она болтала: о последнем урагане и о том, как она возила своего племянника Бенджамина в аквапарк в Орландо и в Диснейленд, и о том, что туристические курорты уже не те, о строительных кодексах, цене на бензин, и что именно она сказала врачу, когда тот посоветовал ей сде-

лать операцию на бедре, и почему туристы вечно кормят аллигаторов, и почему новоприбывшие строят дома на пляжах, а потом удивляются, что у них нет или пляжа, или дома, или как смеют аллигаторы жрать их собак. Толстый Чарли слушал вполуха, с него все скатывалось как с гуся вода. В конце концов это только слова.

Притормозив, миссис Хигглер взяла билет для платной трассы. И замолчала. Казалось, задумалась.

— Так, значит, ты познакомился с братом, — не спросила, а скорее констатировала она.

— Могли бы меня предупредить, — проворчал Толстый Чарли.

— Я предупреждала, что он бог.

— Но ничего не говорили о том, какая он заноза в заднице.

Миссис Хигглер только сморщила нос и отпила большой глоток кофе из кружки.

— Нельзя где-нибудь остановиться и перекусить? — спросил Толстый Чарли. — В самолете давали только овсянку и бананы. Никаких ложек. И молоко кончилось еще до того, как дошли до моего ряда. Перед нами извинились и в возмещение раздали всем талоны на еду.

Старуха покачала головой.

— За талон я мог бы получить в аэропорту гамбургер.

— Я же сказала. Луэлла Дунвидди приготовила тебе индейку. Как по-твоему, каково ей будет, если мы приедем, а ты уже наелся в «Макдоналдсе» и у тебя нет аппетита? А?

— Но я умираю с голоду! А нам еще два часа ехать.

— Нет, — твердо ответила она. — Когда я за рулем, то нет.

И вдавила педаль газа. Время от времени, пока брюквенный седан громыхал по платному шоссе, Толстый Чарли крепко зажмуривался и одновременно с силой нажимал левой ногой на воображаемые тормоза. К концу пути он взмок от усилий.

Гораздо скорее, чем через два часа, они съехали с платного шоссе на местное, которое привело их в город. Они проехали книжный магазинчик «Варне энд Ноубл» и канцелярский магазин «Офис Депот». Они проехали мимо коттеджей, обошедшихся своим новым владельцам в семизначные суммы, домов за собственными охраняемыми воротами. Они проехали по старым жилым улочкам, за которыми, насколько хватало детских воспоминаний Толстого Чарли,

раньше ухаживали много лучше, чем сейчас. Они проехали мимо индонезийской закусочной с ямайским флагом в витрине и доской, где от руки прославлялись бычьи хвосты, фирменное блюдо из риса, домашний лимонад и курица в карри. У Толстого Чарли текли слюни, в животе урчало.

Рывки и тряска. Дома становились все старше, а окрестности — очень и очень знакомыми.

Пластмассовые розовые фламинго еще стояли в театральных позах посреди садика миссис Дунвидди, хотя за годы почти добела выгорели на солнце. Был здесь и зеркальный шар, и когда Толстый Чарли его заметил, то на мгновение испугался так, как никогда ничего не боялся.

— Очень худо тебе с Пауком? — спросила миссис Хигглер, когда они подходили к двери дома миссис Дунвидди.

— Скажем так, — отозвался Толстый Чарли, — я думаю, он спит с моей невестой. А это больше, чем доставалось мне.

— А-а, — протянула миссис Хигглер и, щелкнув языком, позвонила в дверь.

На «Макбета» немного похоже, подумал час спустя Толстый Чарли. И в самом деле, если бы ведьмы в «Макбете» были четырьмя милыми старушками и если бы вместо того, чтобы поме-

шивать содержимое котла и распевать жуткие заклинания, они обрадовались бы Макбету, усадили бы его за стол, накормили индейкой, горохом и рисом (не говоря уже про пудинг из бататов и пряную капусту) в фарфоровых мисочках на клеенчатой скатерти в красно-белую клетку и не подстегивали его брать добавки и еще добавки, а потом, когда Макбет заявил бы, что нет, он сейчас лопнет, и поклялся, что больше ни крошки не съест, не поставили бы перед ним свой фирменный рисовый пудинг и большой кусок знаменитого ананасового пирога миссис Бустамонте, — все было бы в точности как в «Макбете».

— Итак, — сказала миссис Дунвидди, смахивая с уголка губ крошку ананасового пирога, — насколько я понимаю, тебя навестил твой брат.

— Да. Я поговорил с паучком. Наверное, я сам виноват. Я ведь не ожидал ничего дурного!

Ответом ему был хор «ахов», «охов» и «фу ты», с которыми миссис Хигглер, миссис Дунвидди, миссис Бустамонте и миссис Ноулс цокали языками и качали головами.

— Он вечно повторял, что ты у него глупый, — сказала миссис Ноулс. — Я про твоего отца говорю. Но я никогда ему не верила.

— Откуда же мне было знать? — запротестовал Толстый Чарли. — Родители ведь мне никогда не говорили: «Кстати, сынок, у тебя есть брат, про которого ты ничего не знаешь. Пусти его в свою жизнь, и он натравит на тебя полицию, будет спать с твоей невестой и не только поселится у тебя, но и целый дом притащит в твою запасную комнату. Он промоет тебе мозги и заставит ходить в кино и целую ночь провести, пытаясь попасть домой, и...»

Он остановился — как-то странно они на него смотрели.

Собравшиеся вокруг стола старушки по очереди вздохнули. Вздох начался с миссис Хигглер, от нее перешел к миссис Ноулс и миссис Бустамонте и, наконец, к миссис Дунвидди. Это внушало беспокойство, Толстому Чарли даже стало жутковато, но тут миссис Бустамонте рыгнула и тем испортила все впечатление.

— И чего ты хочешь? — спросила миссис Дунвидди. — Скажи, чего ты хочешь?

Сидя в маленькой гостиной миссис Дунвидди, Толстый Чарли задумался, чего же, собственно, хочет. День за окном бледнел, переходя в ласковые сумерки.

— Он испоганил мне жизнь, — сказал Толстый

Чарли. — Я хочу, чтобы вы его забрали. Чтобы он просто исчез. Вы это умеете.

Три женщины помладше промолчали. Просто посмотрели на миссис Дунвидди.

— Мы не можем заставить его исчезнуть, — сказала миссис Дунвидди. — Мы уже… — Тут она осеклась и сказана: — Ну, понимаешь, сами мы уже сделали все что могли.

К чести Толстого Чарли надо сказать, что, как бы в глубине души ему этого ни хотелось, он не разразился слезами, и не возопил, и не опал, как неудавшееся суфле. Он только кивнул.

— Что ж, — сказал он. — Извините, что потревожил. И спасибо за обед.

— Мы не в силах заставить его уйти, — сказала миссис Дунвидди, и ее карие глаза за толстыми, почти как галька, стеклами очков стали вдруг почти черными. — Но можем послать тебя к тому, кто сумеет.

Во Флориде был ранний вечер, а значит, в Лондоне — глубокая ночь. В просторной кровати Рози, где Чарли никогда не бывал, Паук поежился.

Рози прижалась к нему всем телом, крепко-крепко.

— Ты в порядке, Чарльз? — спросила она.

Она кожей чувствовала, как по рукам и плечам

у него бегут мурашки.

— Все нормально, — сказал Паук. — Просто жутковато вдруг стало.

— Кто-то прошелся по твоей могиле, — пошутила Рози.

Тогда он притянул ее к себе еще ближе и поцеловал.

А Дейзи в ярко-зеленой ночной рубашке и в пушистых розовых-прерозовых тапочках сидела в маленькой гостиной свой квартирки в Хендоне. Всматриваясь в экран компьютера, она то и дело качала головой и равномерно щелкала мышью.

— Тебе еще долго? — спросила Кэрол. — У нас ведь есть целый компьютерный отдел, которому полагается этим заниматься, знаешь ли. А не тебе.

Дейзи издала неопределенный звук, не означающий ни «да», ни «нет». Такой звук издают, говоря, мол, я знаю, что кто-то что-то сказал, и если я его издам, может, они уйдут.

Кэрол уже слышала его раньше.

— Ой, — сказала она. — Большая попка. Тебе еще долго? Я хочу сделать еще запись в «ЖЖ»[146].

Дейзи фразы отметила. Но дошли только два

---

[146] notes: 146
«Живой журнал» — общедоступный интернет-дневник

слова:

— Ты хочешь сказать, что у меня большой зад?

— Нет, я говорю, что уже поздно и что я хочу сделать новую запись в «ЖЖ». Опишу, как он лапает супермодель в туалете одного лондонского бара.

— Ладно, — вздохнула Дейзи. — Просто что-то тут дурно пахнет, вот и все.

— Что дурно пахнет?

— Присвоение денег. Ладно, выхожу. Иди в свою помойку. Знаешь, а ведь у тебя могут быть неприятности, ты же выдаешь себя за члена королевской семьи.

— Отвяжись.

Кэрол писала «Живой журнал» от имени одного молодого члена британской королевской семьи, выдавая себя за отбившегося от рук сорвиголову. В прессе уже спорили, реальный это дневник или подделка, причем многие указывали, что такие подробности, которые приводит Кэрол, могут знать только настоящие члены британской королевской семьи или те, кто читает сплетни в желтых журналах.

Отойдя от компьютера, Дейзи все еще размышляла о положении дел в «Агентстве Грэхема Хорикса».

А его владелец крепко спал в спальне своего

большого, но без показной роскоши дома в Перли. Будь на свете справедливость, он стонал бы и обливался потом во сне, терзаемый кошмарами, и фурии совести жалили бы его скорпионьими хвостами. И потому мне больно признавать, что Грэхем Хорикс спал как хорошо покормленный и пахнущий молоком младенец, и ничегошеньки ему не снилось.

Где-то в доме Грэхема Хорикса напольные часы вежливо пробили двенадцать раз. В Лондоне была полночь. Во Флориде — семь вечера.

И тот и другой — час ведьм.

Миссис Дунвидди сложила и убрала красно-белую клеенчатую скатерть.

— Черные свечи у кого?

— У меня, — ответила миссис Ноулс.

У ее ног стояла пластиковая сумка из магазина и, покопавшись в ней, она извлекла четыре свечи — по большей части черные. Одна была высокой и ничем не украшенной, остальные три — в форме мультяшных черно-желтых пингвинов, вместо хохолка в голове у каждого торчало по фитилю.

— Других не было, — извиняясь, сказала она. — И вообще пришлось обойти три магазина, чтобы найти хотя бы эти.

Миссис Дунвидди промолчала, только качнула головой. Свечи она поставила по углам стола, причем единственную непингвиновую — против своего места. Каждая свечка оказалась на пластмассовой тарелке для пикника. Достав большую коробку кошерной соли, миссис Дунвидди горкой высыпала кристаллы на стол. Потом, придирчиво оглядев, поводила и в ней иссохшим пальцем, пока не получились кучки и завитки.

Миссис Ноулс принесла с кухни большую стеклянную миску, которую поставила в центре стола. Отвернув крышку с бутылки шерри, она плеснула в миску солидную порцию.

— А теперь, — сказала миссис Дунвидди, — давай дурман вонючий, пырей ползучий, амарант хвостатый. Да, и еще цареградский стручок.

Миссис Бустамонте снова порылась в сумке и достала стеклянный пузырек.

— Это смесь кулинарных трав, — сказала она. — Я решила, что подойдет.

— Смесь трав! — фыркнула миссис Дунвидди. — Смесь трав!

— А какая разница? — спросила миссис Бустамонте. — Я всегда ею пользуюсь, когда в рецепте говорится базилик то, орегано сё. Столько хлопот и мороки! И вообще, на мой взгляд, в магазинах

продают сплошные смеси.

— Высыпай, — вздохнула миссис Дунвидди.

Половину смеси трав из склянки высыпали в шерри. На поверхности закружились сухие листья и палочки.

— Теперь четыре земли, — велела миссис Дунвидди. — Надеюсь, — продолжала она, тщательно отмеряя слова, — никто не собирается сказать, что не смог найти четыре земли, и теперь придется обойтись камешком, сушеной медузой, магнитом на холодильник и куском мыла.

— Земля у меня, — сказала миссис Хигглер и, предъявив коричневый бумажный пакет, достала из него четыре застегивающихся полиэтиленовых мешочка, в которых лежал какой-то песок или высушенная глина, но все разных цветов. Их содержимое она высыпана по углам стола.

— Хорошо, что хоть кто-то слушает, что ему говорят, — проворчала миссис Дунвидди.

Миссис Ноулс зажгла свечи, заметив походя, как легко зажигаются пингвины, какие они миленькие и смешные.

Миссис Бустамонте разлила остатки шерри в четыре рюмки.

— А мне не достанется? — спросил Толстый Чарли, хотя на самом деле шерри ему не хотелось.

Он вообще его не любил.

— Нет, — твердо ответила миссис Дунвидди, — не достанется. Тебе надо быть начеку.

Она достала из сумочки позолоченную коробочку для таблеток.

Миссис Хигглер погасила свет, и все пятеро сели за стол, над которым плясало пламя свечей.

— И что теперь? — спросил Толстый Чарли. — Возьмемся за руки и будем взывать к живым и вызывать духи умерших?

— Нет, — прошептала миссис Дунвидди. — И придержи язык.

— Извините, — сказал Толстый Чарли и тут же об этом пожалел.

— Слушай, — сказала миссис Дунвидди, — ты отправишься туда, где тебе, вероятно, помогут. И все равно не отдавай ничего своего и ничего не обещай. Ты меня понял? Если ты кому-то что-то дашь, то позаботься получить взамен нечто равноценное. Понятно?

Толстый Чарли едва не сказал «да», но вовремя осекся и только кивнул.

— Хорошо.

И миссис Дунвидди начала напевать что-то без мелодии и слов, ее старческий голос дрожал и спотыкался.

К ней присоединилась — несколько мелодичнее — миссис Ноулс, голос у нее был выше и сильнее.

Подключилась миссис Хигглер, но она не гудела и не шипела. Она жужжала, как муха на стекле, издавая языком вибрирующий звук, такой невероятный и странный, точно во рту у нее был рой рассерженных пчел, которые бьются о зубы, стараясь вырваться на свободу.

Толстый Чарли подумал, не присоединиться ли ему тоже, но понятия не имел, что ему делать, поэтому сосредоточился на том, чтобы сидеть тихо и не потерять голову от странного шума.

Миссис Хигглер бросила в миску с шерри и смесью трав щепотку красной земли. Миссис Бустамонте — щепотку желтой. Миссис Ноулс — щепотку бурой, а миссис Дунвидди мучительно медленно подалась вперед и уронила комок черной грязи.

Миссис Дунвидди отпила шерри, потом нашарила что-то артритными пальцами в коробочке для таблеток и бросила на пламя свечи. На мгновение в комнате запахло лимонами, а потом — просто чем-то жженым.

Миссис Ноулс начала выстукивать ритм на столе, но гудеть не перестала. Свечи замигали, и

по стенам затанцевали гигантские тени. Миссис Хигглер тоже забарабанила пальцами по столу, но выстукивала другой ритм — быстрее, решительнее, и два стука слились в третий.

В мозгу Толстого Чарли все шумы — гудение и шипение, перестук и жужжание — стали сливаться в единый звук. Голова у него закружилась. Все как будто утратило реальность, расплылось. В издаваемом женщинами шуме он слышал звуки дикого леса, потрескивание гигантских костров. Пальцы у него словно бы вытянулись как резиновые, а ноги оказались где-то далеко-далеко.

Ему казалось, он парит над комнатой, над всем миром, а под ним вокруг стола сидели пятеро. Одна из женщин бросила что-то в миску посреди стола, и в ней полыхнуло так ярко, что Толстый Чарли на мгновение ослеп. Он зажмурился и тут же понял, что от этого толку ни на грош: даже с закрытыми глазами все казалось слишком ярким.

Защищаясь от яркого дневного света, он потер глаза.

Огляделся по сторонам.

Прямо перед ним — точь-в-точь небоскреб — вздымалась скала. Нет, отвесный склон горы. И в двух шагах сбоку уходил вниз такой же отвесный обрыв. Подойдя к краю, он осторожно глянул

вниз. И, увидев что-то белое, решил, что это овцы, но, присмотревшись внимательнее, сообразил, что перед ним облака — большие пушистые облака очень далеко внизу. А дальше, под облаками — пустота: он видел голубое небо, и казалось, если смотреть еще дальше, то увидишь черноту космоса, а за ней — лишь холодное мерцание звезд.

Толстый Чарли попятился от обрыва.

Потом повернулся и пошел назад к горам, которые поднимались все вверх и вверх, так высоко, что он не видел вершин, так высоко, что он решил, что если они когда-нибудь упадут, то непременно ему на голову и погребут навеки. Он заставил себя опустить взгляд, смотреть на склон, а потому заметил в нем отверстия: они тянулись вдоль уступа между обрывом и склоном и выглядели как зевы естественных пещер.

Уступ, на котором стоял сейчас Толстый Чарли, был шириной не больше десятка метров. Да и не уступ вовсе, а петляющая между валунами песчаная дорога, где временами виднелись кусты и лишь изредка деревья. Дорога как будто огибала горы, а после терялась в туманной дымке на горизонте.

«Кто-то за мной наблюдает», — сообразил вдруг Толстый Чарли и окликнул:

— Эй? Здравствуйте. — Он запрокинул голову. — Эй, есть тут кто-нибудь?

Кожа у мужчины, который вышел из ближайшей пещеры, была много темнее, чем у Толстого Чарли, даже темнее, чем у Паука, но длинные волосы были рыжеватыми и ложились на плечи как грива. Вокруг бедер у него была повязана потрепанная желтая львиная шкура, сзади свисал львиный хвост, и вот этот хвост вдруг смахнул с плеча муху.

Желтые глаза мужчины моргнули.

— Кто ты? — прорычал он. — И по чьему разрешению ходишь по этой земле?

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал Толстый Чарли. — Моим отцом был Паук Ананси.

Массивная голова медленно склонилась.

— И зачем ты пришел сюда, сын компэ Ананси?

Оглядевшись по сторонам, Толстый Чарли решил, что они под скалой одни, но у него возникло такое ощущение, будто на них смотрят десятки глаз, будто навострились десятки ушей, но десятки голосов молчат. Толстый Чарли ответил громко, чтобы услышали все, кто желает услышать:

— Из-за моего брата. Он отравляет мне жизнь.

Я не властен заставить его уйти.

— Так ты ищешь нашей помощи? — спросил Лев.

— Да.

— А твой брат? Он, как и ты, крови Ананси?

— Он не как я. Совсем не такой, — сказал Толстый Чарли. — Он скорее твоего народа.

Мазок жидкого золота: одним прыжком человек-лев лениво и легко, как перышко, прыгнул от входа в пещеру, в мгновение ока перемахнув серые валуны и пару ярдов песка. Теперь он вдруг очутился рядом с Толстым Чарли. Львиный хвост раздраженно хлестал по земле.

Сложив на груди руки, мужчина глянул на Толстого Чарли сверху вниз и сказал:

— Почему ты сам не уладишь свое дело?

У Толстого Чарли пересохло во рту. Горло как будто закупорило пылью. Стоявший рядом с ним был ростом выше любого человека, и пахло от него совсем не по-человечьи. Кончики кошачьих клыков придавили нижнюю губу.

— Не могу, — пискнул Толстый Чарли.

Из следующей пещеры высунулся гигант. Кожа у него была коричневато-серой и морщинистой, а ноги — как складчатые колонны.

— Если вы с братом поссорились, — сказал

он, — попросите отца вас рассудить. Покоритесь воле главы семьи. Таков закон.

Он снова скрылся в пещере и издал горловой звук, такой громкий и трубный, что даже Толстый Чарли сообразил, что слышал Слона.

Толстый Чарли сглотнул.

— Мой отец мертв.

И голос у него был теперь снова чистым, много чище и громче, чем он ожидал. Его слова эхом отдались от отвесной скалы, раскатились по сотням пещер, по сотням каменных уступов. «Мертв, мертв, мертв, мертв», — повторяло эхо.

— Поэтому я пришел сюда.

— Я не питал любви к Пауку Ананси, — сказал Лев. — Однажды, давным-давно, он привязал меня к бревну и велел ослу тащить меня в пыли к трону Мау, создателю всех вещей. — От этого воспоминания Лев зарычал, и Толстому Чарли очень захотелось оказаться на другом краю света.

— Иди дальше, — сказал Лев. — Если повезет, то найдешь кого-то, кто тебе поможет. Но я этого делать не стану.

Слон сказал из темноты пещеры:

— И я тоже. Твой отец обманул меня и наелся моего живота. Он сказал, что сделает для меня сандалии, и смеялся, набивая себе желудок. У

меня долгая память.

Толстый Чарли пошел дальше.

У входа в следующую пещеру стоял человек в щегольском зеленом с переливом костюме и элегантной шляпе с лентой из змеиной кожи. И ботинки, и ремень у него тоже были из кожи змеи.

— Иди дальше, сын Ананси, — сказал Змей, и во рту у него что-то сухо затрещало, точно гремучка забила хвостом. — От вашей проклятой семейки одни неприятности. Я в ваши проблемы вмешиваться не стану.

Женщина у входа в следующую пещеру была очень красивой, но глаза у нее были как две капли нефти, и вибриссы на фоне кожи казались снежно-белыми. А еще у нее было два ряда грудей.

— Я знала твоего отца, — сказала она. — Давно это было. Мр-р-р.

Она встряхнулась от одного только воспоминания, и Толстому Чарли вдруг показалось, что он прочел очень личное письмо. Она послала Толстому Чарли воздушный поцелуй, но, когда он попытался подойти ближе, качнула головой. Он пошел дальше.

Впереди из земли торчало искривленное мертвое дерево — точь-в-точь абстрактная скульптура

из старых костей. Тени стали уже удлинятся, ведь солнце медленно опускалось в бесконечное небо, туда, где скалы вдавались в конец света. Солнечный диск казался чудовищным оранжево-золотым шаром, и мелкие облачка под ним были окрашены золотом и пурпуром.

«Ассирийцы напали, как волк на отару, — подумалось Толстому Чарли. — Их когорты сверкали подобно пожару». Строчки Байрона всплыли из какого-то позабытого урока литературы. Он попытался вспомнить, что такое «когорты», и не сумел. Вероятно, какие-то повозки.

Совсем рядом с ним что-то шевельнулось, и тут он сообразил: то, что он принял за валун под деревом, на самом деле человек — с песочными волосами и темными полосами на спине. Волосы у него были очень длинными и очень черными, а когда он улыбался, то показывал клыки, как у очень большой кошки. В скользнувшей по губам улыбке не было ни тепла, ни веселья, ни дружбы.

— Я Тигр, — сказал он. — Твой отец сотни раз меня обижал и оскорблял тысячью разных способов. У Тигра долгая память.

— Мне очень жаль, — отозвался Толстый Чарли.

— Я прогуляюсь с тобой, — продолжал Тигр. — Немного. Ты сказал, Ананси мертв?

— Да.

— Так, так, так. Он столько раз меня дурачил. Когда-то все принадлежало мне: сказки, песни, звезды — все. А он меня обокрал. Может, теперь, когда он мертв, люди наконец перестанут рассказывать его проклятые истории. Перестанут смеяться надо мной.

— Конечно, перестанут, — заверил Толстый Чарли. — Я вообще никогда над тобой не смеялся.

Сверкнули глаза цвета отполированного изумруда.

— Кровь есть кровь, — сказал он. — Потомки Ананси — это и есть сам Ананси.

— Я не мой отец, — возразил Толстый Чарли.

Тигр оскалился. Зубы у него были очень острые.

— Нельзя расхаживать, заставляя людей смеяться над тем и сем, — объяснил Тигр. — Мы ведь в серьезном мире живем, тут зубоскалить не над чем. Никогда не надо смеяться. Детей нужно учить бояться, учить их дрожать. Учить их быть жестокими. Учить их быть опасностью в темноте. Прятаться в тени, а после напрыгивать, бросаться

или вылетать — и обязательно убивать. Знаешь, в чем истинный смысл жизни?

— М-м-м… — протянул Толстый Чарли. — Любить друг друга?

— Смысл жизни — в жаркой крови твоей жертвы у тебя на языке, в его плоти, распадающейся под твоими зубами, в трупе врага, брошенном на солнце стервятникам. Вот что такое жизнь. Я Тигр. Я сильнее, чем когда-либо был Ананси, больше, опаснее, могущественнее, страшнее, мудрее…

Толстому Чарли совсем не хотелось разговаривать с Тигром. И не потому, что Тигр был не в своем уме, нет, дело было в том, что он так серьезно отстаивал свои взгляды, а эти последние оказались далеко не самыми приятными. А еще Тигр напоминал Толстому Чарли кого-то, и хотя Толстый Чарли не мог определить, кого именно, но точно знал; что этот кто-то ему не нравится.

— Ты поможешь мне избавиться от брата?

Тигр закашлялся, будто в горле у него застряло даже не перо, а целая птица.

— Хочешь, принесу тебе воды? — спросил Толстый Чарли.

Тигр поглядел на него с подозрением.

— В прошлый раз, когда Ананси предложил

мне воду, я в конечном итоге попытался съесть луну из озера и чуть не утонул.

— Я просто хотел помочь.

— Вот и он так сказал. — Придвинувшись к Толстому Чарли, Тигр посмотрел ему в глаза. С такого близкого расстояния он и вовсе не походил на человека: нос слишком плоский, глаза расположены иначе, и пахнет от него, как из клетки в зоопарке. И слова его обернулись раскатистым рыком: — Вот чем ты мне поможешь, сын Ананси. И ты, и твой брат. Держитесь от меня подальше. Понятно? Если хочешь сохранить мясо на своих костях.

Тут он облизнулся, и язык у него был красным, как свежая кровь, и длиннее, чем полагается иметь человеку.

Толстый Чарли попятился, уверенный, что если повернется, если побежит, то почувствует, как кожу у него на загривке разрывают тигриные клыки. Шедшее рядом с ним существо лишилось теперь последней толики человеческого, и размерами оно было с настоящего тигра. В нем воплотилась каждая хищная кошка, которая вдруг вознамерилась полакомиться человечиной, каждый тигр, который ломал позвонки человеку, как домашняя кошка — мыши. И потому, пятясь,

Толстый Чарли не сводил глаз с Тигра, и вскоре хищник мягко вернулся под свое мертвое дерево, растянулся на камнях и растворился в пятнистых тенях, где его присутствие выдавали лишь фонтанчики пыли, взбиваемой раздраженными ударами хвоста.

— Не бойся его, — сказала от входа в ближайшую пещеру женщина. — Иди сюда.

Толстый Чарли не смог решить, красавица она или ужасная уродина, но осторожно приблизился.

— Тигр разыгрывает могучего храбреца, но боится собственной тени. А еще больше — тени твоего папы. В его челюстях нет силы.

В ее лице было что-то собачье. Нет, не собачье, а…

— А вот я, — продолжала она, когда он подошел совсем близко, — могу зубами раздавить кость. Там самое вкусное прячется. Там — самое сладкое, что есть в теле, но никто, кроме меня, этого не знает.

— Я ищу кого-нибудь, кто помог бы мне избавиться от брата.

Запрокинув голову, женщина расхохоталась — диким лающим смехом, громким, долгим и безумным, и Толстый Чарли ее узнал.

— Никто здесь тебе не поможет, — сказала она. — Каждый тут пострадал, когда пытался тягаться с твоим отцом. Тигр ненавидит тебя и твою семью больше всего на свете, но и он даже пальцем не шевельнет, пока твой отец где-то ходит по миру. Послушай: иди по этой тропе. Я тебе добрый совет даю, ведь за глазом у меня пророческий камень. Поэтому поверь мне на слово, помощь ты найдешь, лишь когда отыщешь пустую пещеру. Войди в нее. Поговори с тем, кто ждет там. Понял меня?

— Кажется, да.

Она рассмеялась — нехороший вышел у нее смех.

— Не хочешь сперва задержаться у меня? Я многому тебя научу. Знаешь ведь, что говорят? На свете нет никого злее и гаже Гиены.

Толстый Чарли покачал головой и даже не остановился, а пошел дальше мимо пещер, тянувшихся вдоль скалы на краю света. Проходя мимо каждого черного отверстия, он в него заглядывал. Там были люди всех форм и размеров — крошечные и высоченные, мужчины и женщины. И когда он проходил, когда они выступали на свет из тени, он видел мохнатые бока или чешую, рога или когти.

Одних он пугал, и они отступали в темноту своего убежища. Другие, напротив, подбирались ближе, рассматривали его хищно или с любопытством.

Что-то обрушилось с каменного уступа над одной пещерой и приземлилось рядом с Толстым Чарли.

— Привет, — с одышкой проговорило оно.

— Привет, — отозвался Толстый Чарли.

Новенький оказался волосатым и легковозбудимым. И с руками и ногами у него было что-то не так. Толстый Чарли постарался понять, в чем дело. Конечно, остальные люди-звери были зверьми и людьми одновременно, но здесь две половинки «без швов» или отличительных черт сливались в единое целое. Если у предыдущих существ животная и человеческая составляющие чередовались, как полосы на зебре, создавая нечто иное, то этот казался одновременно и человеком, и почти человеком, и от такой несуразности у Толстого Чарли зудели зубы. А потом он вдруг понял.

— Обезьяна, — сказал он. — Ты Обезьяна.

— Персик есть? — спросил Обезьяна. — Манго есть? А инжир?

— Извини, ничего нет.

— Дай мне что-нибудь поесть, и я стану твоим другом, — предложил Обезьяна.

Миссис Дунвидди о таком предупреждала. «Ничего не отдавай, — подумал Чарли. — Ничего не обещай».

— Боюсь, я тебе ничего не дам.

— Ты кто? — спросил Обезьяна. — Ты что? Ты какой-то половинчатый. Ты оттуда или отсюда?

— Моим отцом был Ананси, — сказал Толстый Чарли. — Я ищу кого-нибудь, кто помог бы мне разобраться с братом, заставить его уйти.

— Ананси может разозлиться, — сказал Обезьяна. — А это очень скверно. Если разозлишь Ананси, ни в одну сказку больше не попадешь.

— Ананси мертв.

— Мертв там, — сказал Обезьяна. — Возможно. Но здесь? Это совсем другая история.

— Ты хочешь сказать, он где-то здесь?

Толстый Чарли беспокойно оглядел склон горы: от самой мысли, что в одной из этих пещер сидит где-нибудь, покачиваясь в скрипящем кресле-качалке, отец — сидит, сдвинув на затылок фетровую шляпу, потягивает бурый эль из банки и прикрывает зевок рукой в лимонно-желтой перчатке, — становилось не по себе.

— Кто? Что?

— По-твоему, он здесь?

— Кто?

— Мой отец.

— Твой отец?

— Да, Ананси.

Обезьяна в ужасе запрыгнул на валун и распластался по камню, его взгляд заметался из стороны в сторону, точно он высматривал готовый вот-вот налететь смерч.

— Ананси? Он здесь?

— Я об этом и спрашивал, — возразил Толстый Чарли.

Схватившись ногой за какой-то выступ, Обезьяна внезапно перевернулся и свесился вниз головой, так что его физиономия уставилась вверх ногами в лицо Толстого Чарли.

— Я иногда возвращаюсь в большой мир, — сказал он. — Там говорят: «Обезьяна, Обезьяна, приди, мудрый Обезьяна. Приходи, мы припасли для тебя персики. И орехи. И личинки. И инжир».

— Мой отец здесь? — терпеливо спросил Толстый Чарли.

— У него нет пещеры, — отозвался Обезьяна. — Будь у него пещера, я бы знал. Наверное, знал бы. Может, у него была пещера, а я забыл. Если дашь

персик, мне будет легче вспомнить.

— У меня с собой ничего нет, — сказал Толстый Чарли.

— Никаких персиков?

— Совсем ничего.

Качнувшись, Обезьяна вновь оказался на валуне и одним прыжком исчез, а Толстый Чарли пошел дальше по каменистой тропе. Солнце спустилось, висело теперь почти вровень с тропой и горело темно-оранжевым. Утомленные лучи забирались в пещеры, показывая, что каждая из них обитаема. В этой — с серой шкурой и смотрит близоруко, наверное, Носорог. А в этой — цвета гнилого бревна на мелководье, с черными, как стекло, глазами Крокодил.

За спиной у него что-то загремело, задребезжали посыпавшиеся камешки, и Толстый Чарли обернулся. Касаясь костяшками пальцев тропы, за ним стоял Обезьяна.

— У меня, честное слово, нет фруктов, — сказал Толстый Чарли. — Иначе я тебе дал бы.

— Мне тебя жалко, — откликнулся Обезьяна. — Шел бы ты домой. Это очень, очень, очень, очень дурная мысль. Да?

— Нет, — сказал Толстый Чарли.

— Ага, — забормотал Обезьяна. — Ну и ладно,

ладно, ладно, ладно, ладно.

Он на мгновение застыл, а потом вдруг внезапным рывком пронесся мимо Толстого Чарли и остановился возле пещеры в некотором отдалении.

— Сюда не ходи, — крикнул он, указывая на вход. — Плохое место.

— Чем? — спросил Толстый Чарли. — Кто там?

— Никого! — победно ответил Обезьяна. — А значит, не он тебе нужен, верно?

— Да, — согласился Толстый Чарли. — Верно.

Обезьяна подпрыгивал и верещал, но Толстый Чарли решительно прошел мимо него и стал карабкаться по камням, пока не добрался до входа в пустую пещеру. Отсюда казалось, что солнце окрасило скалы на краю света алым, почти как свежая кровь.

Толстый Чарли устал, очень устал. Бредя по тропе вдоль гор в начале света (это всего лишь горы на краю света, если подходишь с другой стороны), он чувствовал нереальность происходящего, да и самому себе казался бестелесным. Эти горы и их пещеры — из того же материала, из какого были сотворены самые старые сказки. А ведь они возникли задолго до появления людей — с чего вы взяли, что люди первыми начали

рассказывать сказки? И когда он ступил с тропы в пещеру, Толстому Чарли почудилось, будто он попал в чью-то чужую реальность. Пещера была глубокой, а ее пол — в белых пятнах от птичьих погадок. Еще на полу были перья, и тут и там, как растрепанная метелка для пыли, темнел высохший трупик птицы.

А в глубине пещеры ничего, кроме черноты.

— Эй? — окликнул Толстый Чарли.

— Эй, эй, эй, эй, эй… — откликнулось изнутри эхо.

Он пошел вперед. Темнота была такой плотной, что ее, казалось, можно потрогать руками, будто глаза ему завязали тонкой черной тканью. Вытянув руки по сторонам, он двигался медленно, останавливаясь после каждого шага.

Что-то шевельнулось впереди.

— Привет!

Его глаза понемногу привыкли к темноте, и теперь он смог кое-что различить. «Нет, ничего особенного, просто перья и тряпье». Еще шаг, и ветер всколыхнул перья, захлопал тряпьем на полу пещеры.

Что-то затрепыхалось вокруг него, пронеслось сквозь него, разгоняя воздух хлопаньем голубиных крыльев.

Заклубившаяся пыль запорошила Толстому Чарли глаза и ноздри. Он прищурился на холодный ветер и попятился, когда впереди поднялся смерч пыли, тряпок и перьев. Потом ветер стих, а на месте кружившихся перьев оказалась человеческая фигура, которая подняла руку и поманила Толстого Чарли к себе.

Он отступил бы, но она вдруг сделала шаг и взяла его за рукав. Ее прикосновение было сухим и легким, и она потянула его к себе…

Толстый Чарли невольно двинулся вперед, еще глубже в чрево пещеры…

…и оказался на голой равнине цвета меди, под небом оттенка скисшего молока.

У разных существ разное зрение. Глаза человека (в отличие, скажем, от глаз кошки или осьминога) пригодны для того, чтобы видеть лишь одну реальность зараз. Глазами Толстый Чарли видел одно, а разумом — другое, а в пропасти между первым и вторым притаилось безумие. Он почувствовал, как в нем волной поднимается дикая паника, и, сделав глубокий вдох, задержал дыхание, слушая, как отчаянно бьется о грудную клетку сердце. И заставил себя верить глазам, а не разуму.

И потому он знал, что перед ним птица. Птица

с безумными глазами и встрепанным оперением. Птица больше любого орла, выше любого страуса. С кривым острым клювом-крюком, как у хищника. С перьями цвета сланца и нефтяным отливом, в котором темной радугой переливаются зелень и пурпур. В глубине души он это знал. А глазами видел женщину с волосами цвета воронова крыла, женщину, которая стоит там, где полагается быть метафоре — Птице всех птиц. Не молодая и не старая, и лицо у нее было словно высечено из обсидиана в те времена, когда сам мир был сон.

Она наблюдала за ним и не шевелилась. В небе цвета скисшего молока клубились тучи.

— Меня зовут Чарли, — начал Толстый Чарли. — Чарльз Нанси. Большинство знакомых… ну, почти все зовут меня Толстым Чарли. И ты можешь. Если хочешь.

Никакого ответа.

— Моим отцом был Ананси.

Ничего. Ни взмаха ресниц, ни вздоха.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне заставить моего брата уйти.

При этих словах она склонила голову набок — сделала достаточно, чтобы показать, что слушает, достаточно, чтобы показать, что жива.

— Сам я не могу. Ему досталась вся магия и так

далее. Я просто поговорил с паучком, и ни с того ни с сего объявился мой брат. А теперь я не могу от него избавиться.

Когда женщина наконец заговорила, голос у нее оказался хриплый и низкий, как крик вороны:

— И чего ты хочешь от меня?

— Как насчет помощи? — предложил он.

Она как будто задумалась.

Позже Толстый Чарли старался и не мог вспомнить, что же на ней было надето. Иногда ему казалось, что это была накидка из перьев, а иногда — какие-то лохмотья или, может, поношенный плащ — такой, в котором она была, когда он позднее встретил ее в парке и когда все стало оборачиваться скверно. Но в одном он не сомневался, во что-то она была одета. Будь она голой, он бы запомнил, правда?

— Помощи? — эхом откликнулась она.

— Избавиться от него.

Женщина кивнула.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе избавиться от крови линии Ананси.

— Я просто хочу, чтобы он убрался и оставил меня в покое. Я не хочу причинять ему боль или еще что.

— Отдай мне кровь и род Ананси, пусть он будет

в моей власти.

Толстый Чарли стоял на бескрайней медной равнине, которая (и откуда он это знал?) находилась в пещере в горах на краю света, а те, в свою очередь, в пропахшей фиалковой водой гостиной миссис Дунвидди, и пытался понять, чего же она хочет.

— Я не могу ничего отдать. И обещать тоже не могу.

— Ты хочешь, чтобы он исчез. Мое время дорого стоит. — Сложив руки на груди, она уставилась на него безумным взглядом. — Я не боюсь Ананси.

Ему вспомнился голос миссис Дунвидди.

— М-м-м… — неуверенно протянул Толстый Чарли. — Мне нельзя давать обещаний. И взамен я должен попросить что-то равноценное. То есть мы должны поменяться.

Вид у Женщины-Птицы стал недовольный, но она кивнула.

— Тогда взамен я дам тебе кое-что равноценное. Мое слово. — Своей рукой она накрыла его ладонь, словно вкладывала в нее что-то, потом сжала, замыкая его пальцы в кулак. — А теперь произнеси вслух.

— Я даю тебе кровь Ананси, — сказал Толстый Чарли.

— Хорошо, — произнес бестелесный голос, ведь женщина исчезла, в буквальном смысле распалась на части.

Там, где она стояла, вдруг взмыла ввысь, точно потревоженная выстрелом, птичья стая и разлетелась во все стороны. Небо заполнилось птицами — их тут было больше, чем Толстый Чарли мог себе вообразить. Бурые и черные птицы кружили, клубились облаком черного дыма, большим, чем способно вместить человеческое сознание.

— Теперь ты заставишь его уйти? — выкрикнул Толстый Чарли в небо цвета скисшего молока.

Птицы скользили на фоне туч, и каждая вдруг изменила свой полет, так что с неба на Чарли внезапно уставилось гигантское лицо.

Губы размером с небоскреб складывали в небе в слова: гомоном и писком, когтями и клювами неведомое существо произнесло его имя.

Потом лицо распалось в безумный хаос, а составлявшие его птицы устремились прямо к нему. Стараясь защититься от них, Толстый Чарли закрыл голову руками.

Внезапно щеку ему обожгло острой болью. На мгновение он решил, что какая-то птица оцарапала его клювом или вырвала кусок кожи когтями.

А потом открыл глаза и понял, где очутился.

— Хватит меня бить! — сказал он. — Все в порядке. Не надо меня бить!

Пингвины на столе почти догорели: головы и плечи у них исчезли, и огоньки теперь плясали в бесформенных черно-белых шариках животов, а лапы, точно в лед, вмерзли в черноватый воск. Три старухи смотрели на него во все глаза.

Внезапно миссис Ноулс плеснула ему в лицо стакан воды.

— И в этом тоже нет необходимости, — сказал Толстый Чарли. — Я ведь здесь, так?

В комнату вошла миссис Дунвидди. В руке она победно сжимала стеклянный пузырек.

— Нашатырь! — возвестила она. — Я же знала, что он у меня где-то есть. Купила еще в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом. Посмотрим, есть ли от него еще толк. — Вглядевшись в Толстого Чарли, она нахмурилась. — Ах, он очнулся? Кто его разбудил?

— Он перестал дышать, — сказала миссис Бустамонте. — Поэтому я хлопнула его по щеке.

— А я плеснула ему в лицо воды, — сказала миссис Ноулс, — это помогло ему окончательно прийти в себя.

— Не нужен мне нашатырь, — вмешался

Толстый Чарли. — Я и так мокрый, мне и так больно.

Но старческие пальцы миссис Дунвидди уже открутили крышку с пузырька, который она быстро сунула ему под нос. Отдергивая голову, Толстый Чарли все равно вдохнул нашатырный спирт. На глаза ему навернулись слезы, ощущение было такое, будто кто-то съездил ему по носу. С подбородка у него капала вода.

— Ну вот, — сказала миссис Дунвидди, — теперь тебе лучше?

— Который час? — спросил Толстый Чарли.

— Почти пять утра, — ответила, отпив из своей гигантской кружки кофе, миссис Хигглер. — Мы уже забеспокоились. Расскажи лучше, что с тобой было.

Толстый Чарли порылся в памяти. Нет, происшедшее не растворилось, как случается со снами, но ему казалось, что события последних нескольких часов переживал какой-то другой человек, и теперь надо связаться с этим другим с помощью доселе неопробованных методов телепатии. В голове у него все смешалось, многоцветное волшебство иного мира растворялось в буровато-серой реальности.

— Там были пещеры. Я просил о помощи. В

пещерах жило много зверей. Никто не хотел помочь. Все боялись моего папы. Потом одна согласилась.

— Одна? — переспросила миссис Бустамонте.

— Одни там были мужчинами, а другие женщинами, — объяснил Толстый Чарли. — Эта была женщиной.

— Ты знаешь, что она такое? Крокодил? Гиена? Мышь?

Он пожал плечами.

— Я, наверное, вспомнил бы, если бы меня не начали бить и поливать водой. И совать мне под нос всякую гадость. От такого все мысли из головы улетучиваются.

— Ты не забыл, что я тебе говорила? — спросила миссис Дунвидди. — Ничего не отдавать? Только меняться?

— Да, — со смутной гордостью ответил он. — Да. Там был Обезьяна, он хотел фруктов, но я сказал «нет». Послушайте дайте мне выпить чего-нибудь покрепче.

Миссис Бустамонте взяла со стола стакан с чем-то.

— Мы так и подумали, что тебе понадобится выпить. Поэтому процедили шерри. Там может оказаться немного кулинарной смеси, но для

здоровья не опасно.

Только тут Толстый Чарли заметил, что руки у него сжаты в кулаки. Он раскрыл правый, чтобы взять у старушки стакан. Потом вдруг остановился и уставился на свою ладонь.

— В чем дело? — спросила миссис Дунвидди. — Что там?

На ладони Толстого Чарли лежало черное, смятое и влажное от пота перо. И тогда он вспомнил. Все вспомнил.

— Это была Женщина-Птица, — сказал он.

Рассвет окрашивал небо серым, когда Толстый Чарли садился на переднее сиденье седана миссис Хигглер.

— Хочешь спать? — спросила она.

— Не очень. Как-то странно себя чувствую.

— Куда тебя отвезти? Ко мне? В дом отца? В мотель?

— Не знаю.

Она завела мотор и рывком тронулась от обочины.

— Куда мы едем?

Миссис Хигглер не ответила, только с шумом отхлебнула из своей мегакружки. Но, помолчав несколько минут, все-таки снизошла:

— Может, то, что мы сегодня сделали, к луч-

шему, а может, и нет. Иногда семейные дела лучше улаживать внутри семьи. Взять хотя бы вас с братом… Вы слишком уж похожи. Поэтому, наверное, ссоритесь.

— Надо думать, в ваших краях употребляют слово «похожи» в каком-то особом смысле, подразумевая на самом деле «как небо и земля».

— Не строй тут из себя англичанина. Я знаю, что говорю. Вы с ним одного поля ягоды. Помню, твой отец говорил: «Каллианна, мои мальчишки глупее…» — впрочем, неважно, что именно он сказал. Смысл в том, что сказано было про вас обоих. — Туг ей в голову пришла какая-то мысль. — Ха! Когда ты отправился туда, где живут старые боги, ты отца там видел?

— Кажется, нет. Я бы запомнил.

Она кивнула, и остаток пути они ехали молча. Наконец она припарковала машину, и они вышли.

Флоридский рассвет разливался прохладой. Сады Успокоения словно бы сошли с киноэкрана: по земле стелился туман, смягчавший все очертания. Миссис Хигглер толкнула маленькую калитку, и они вошли на кладбище.

Закрывая свежую землю на могиле отца Толстого Чарли, кто-то уложил газон, и в изголовье

красовалась металлическая табличка, к которой была приварена кованая ваза. Сейчас в ней покачивалась одинокая желтая роза.

— Господи, сжалься над грешником в этой могиле, — с чувством сказала миссис Хигглер. — Аминь, аминь, аминь. Аминь!

Оглянувшись по сторонам, Толстый Чарли заметил, что у них есть зрители: два красноголовых журавля, которых он видел, когда приезжал сюда в прошлый раз, покачивая головами, важно зашагали в их сторону, точно два аристократа, явившихся посетить заключенных.

— Кыш! — шикнула на них миссис Хигглер.

Птицы воззрились на нее без удивления, но не улетели. Одна резко опустила голову, а когда подняла, в клюве у нее билась ящерица. Глоток, встряска, и ящерица превратилась в горбик на шее у журавля.

Занялся рассветный хор: иволги и пересмешники радовались началу дня в дебрях за Садами Успокоения.

— Хорошо будет вернуться домой, — сказал Толстый Чарли. — Если повезет, Птица заставит его убраться до моего возвращения. Тогда все наладится. Я помирюсь с Рози.

В нем нарастал теплый оптимизм. День обещал

стать хорошим.

В старых сказках Ананси живет в точности, как мы с вами, — в доме. Разумеется, он — жадный, сластолюбивый, хитрый и ужасный лжец. А еще он — добросердечный, удачливый и временами даже честный. Иногда он хороший, иногда дурной. Но одного в нем нет — злобы. Обычно слушатели на стороне Ананси. Это потому, что ему принадлежат все сказки. Их дал ему Мау на заре времен, отобрав у Тигра, и теперь Паук сплетает из них прекрасную паутину.

В сказках Ананси, конечно же, паук, но еще и человек. Не так трудно удержать в голове и то и другое разом. На это способен даже ребенок.

Сказки про Ананси рассказывают бабушки и тетушки на Западном побережье Африки и по всем островам Карибского бассейна, да что там, по всему свету. Его сказки нашли себе дорогу в детские книжки, и там большой улыбчивый Ананси играет веселые шутки со всеми-, кто попадается ему на пути. Беда в том, что бабушки, тетушки и авторы детских книжек кое-что опускают. Ведь есть сказки, которые совсем не подходят детям. Вот сказка, какую не найдешь в книжке для маленьких. Я называю ее.

Ананси и птица

Ананси не любил Птицу, потому что, когда Птице хотелось есть, она ела всякую всячину, в том числе пауков, к тому же Птица всегда была голодна.

Когда-то они были друзьями, но дружбе пришел конец.

Однажды, гуляя, Ананси увидел дыру в земле, и это натолкнуло его на каверзную мысль. Раскопав яму пошире, он положил на дно ветки, поджег их, потом опустил туда большой котел с водой и набросал в него кореньев и трав. А после стал бегать вокруг котла. Бегать и пританцовывать, бегать и Петь, и кричать:

— Как мне хорошо! Мне так хорошо!!! О-ля-ля, все мои боли прошли, никогда в распроклятой жизни мне не было так хорошо!!!

Птица услышала шум и спустилась с небес посмотреть, из-за чего такой гам.

— Чего ты распелся? Почему ты ведешь себя как помешанный, Ананси?

А Ананси поет:

— У меня болела шея, а теперь прошла. У меня были рези в желудке, а теперь их нет. У меня скрипели суставы, а теперь я гибок, как молодая

пальма. Я гладкий, как Змей наутро после того, как сбросил старую кожу. Я счастливее всех и теперь стану совершенным, потому что знаю секрет, а никто больше его не знает.

— Какой секрет? — спрашивает Птица.

— Мой секрет, — говорит Ананси. — Любой отдаст мне то, что любит больше всего, отдаст мне самое, что у него есть, дорогое, лишь бы узнать мой секрет. Ура! Ура! Мне так хорошо!

Птица подлетает поближе, склоняет голову набок. Потом спрашивает:

— Можно мне узнать твой секрет?

Ананси смотрит на нее подозрительно и встает так, чтобы закрыть собой котел, который весело булькает в яме.

— Нет, пожалуй, — говорит он. — В конце концов, возможно, ничего не получится. Не забивай себе голову.

— Ну же, Ананси, — говорит Птица. — Знаю, мы не всегда были друзьями. Но послушай, поделись со мной своим секретом, и обещаю, больше ни одна птица не съест ни одного паука. Мы будем друзьями до конца времен.

Ананси скребет подбородок и качает головой.

— Это очень большой секрет, — говорит он, — ведь он делает людей снова молодыми, подвиж-

ными, а еще сластолюбивыми и избавляет от всяческой боли.

Тогда Птица охорашивается и говорит:

— Ах Ананси, ты же знаешь, что я всегда считала тебя очень представительным мужчиной. Почему бы нам не прилечь у дороги, и уверена, я заставлю тебя забыть про то, как ты не хотел рассказывать мне свой секрет.

Тогда они ложатся у обочины дороги и начинают ласкаться, смеяться и дурачиться, и когда Ананси получает свое, Птица говорит:

— И в чем же твой секрет, Ананси?

— Ну, я никому не собирался его рассказывать, но тебе — ладно, так и быть. Вон в той яме — травяная ванна. Смотри, я бросаю в нее вот эти коренья и вот эти травы. Любой, кто там полежит, будет жить вечно и никогда больше не испытает боли. Я немного в ней помок и теперь резв, как козлик. Но сомневаюсь, что позволю кому-то еще залезть в мою ванну.

А Птица бросает один только взгляд на бурлящую воду и одним прыжком соскальзывает в котел.

— Тут ужасно жарко, Ананси, — говорит она.

— И должно быть жарко, чтобы травы сделали свое доброе дело, — отвечает Ананси.

Потом берет крышку и накрывает ею котел. Крышка тяжелая, к тому же поверх нее Ананси кладет большой камень, чтобы еще больше ее придавить.

«Вам! Бим! Бом!» — бьется из котла Птица.

— Если я выпущу тебя сейчас, — кричит Ананси, — пропадет целебное действие ванны. Просто расслабься и почувствуй, как становишься все здоровее.

Но Птица то ли его не расслышала, то ли ему не поверила, потому что еще некоторое время стучала и толкала крышку. А потом все стихло.

Тем вечером Ананси и его семья вдоволь наелись вкуснейшего супа, в котором плавала вареная Птица. И еще много дней они не голодали.

С тех пор птицы едят пауков, когда видят, и птицы и пауки никогда не станут друзьями.

В другой версии сказки Ананси тоже уговорили залезть в котел. Все сказки — про Ананси, но он не всегда выходит победителем.

Глава восьмая, в которой полный кофейник оказывается как нельзя кстати

Если неведомые силы замышляли что-то против Паука, сам Паук про это ничего не знал. Напротив, он радовался жизни в шкуре Толстого Чарли. Он так развлекался в обличье Толстого Чарли, что даже спрашивал себя, и как раньше до такого не додумался. А ведь это гораздо веселее, чем бочка мартышек[147].

Больше всего в «бытности Толстым Чарли» Пауку нравилась Рози.

До сих пор Паук считал женщин более-менее взаимозаменяемыми. Им не называют настоящего имени и не дают адреса, во всяком случае, того места, где собираются задержаться больше недели, ну разве что телефон одноразового мобильного. Женщины были забавой, украшением

---

[147] notes: 147

Несколько лет назад Паука очень разочаровала бочка мартышек. Ничего интересного с бочкой не происходило, оттуда только доносились всякие любопытные звуки, а когда они прекратились и мартышки уже совсем ничего не делали — разве что на каком-то молекулярном органическом уровне, — пришлось избавляться от них глухой ночью. — *Прим. авт.*

и потрясающим аксессуаром, но там, откуда они берутся, всегда есть еще. Они — как миски с гуляшом на лейте конвейера: покончив с одной, просто выбираешь следующую и ложкой накладываешь сметану.

Но Рози…

Рози отличалась от всех.

Он не мог бы сказать, чем и как. Раз за разом пытался определить, почему она такая особенная, но тщетно. Когда она была рядом, он чувствовал себя иначе, словно видя себя ее глазами, становился гораздо лучшим человеком.

Пауку нравилось знать, что Рози известно, где его найти: от этого становилось спокойно на душе. Он упивался ее податливыми округлостями, тем, что миру она желала только добра, и тем, как она улыбалась. Все в Рози было замечательным, но, как начал он понемногу узнавать, оставалась одна загвоздка: ее мама. В тот самый вечер, когда за четыре тысячи миль от Лондона Толстый Чарли мучился из-за путаницы с билетами, Паук сидел в квартире мамы Рози и узнавал ее хозяйку с плохой стороны.

Он привык, что может чуточку подтолкнуть реальность: нужно просто показать ей, кто тут главный. Обычно хватало самой малости. Но он

никогда не сталкивался с человеком, который так прочно укоренился бы в собственной реальности, как мама Рози.

— Кто это? — подозрительно спросила она, как только Рози с женихом переступили порог.

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал Паук.

— Почему он так говорит? — удивилась мама Рози. — Кто это?

— Я Толстый Чарли Нанси, ваш будущий зять, и я вам очень нравлюсь, — с полнейшей убежденностью повторил Паук.

Чуть заколебавшись, мама Рози моргнула и уставилась на него во все глаза.

— Вы, возможно, Толстый Чарли, — неуверенно сказала она. — Но вы мне не нравитесь.

— А должен бы, — улыбнулся Паук. — Я просто создан, чтобы нравиться. Мало на свете найдется людей, которые нравились бы так, как я. Правду сказать, я бесконечно всем нравлюсь. Люди сходятся на собрания, лишь бы пообсуждать, как я им нравлюсь. У меня есть несколько наград и медаль одной маленькой страны в Южной Америке, что воздает должное тому, насколько я всем нравлюсь, и моей головокружительной чудесности. Конечно, у меня их с собой нет. Все медали я держу в ящике для носков.

Мама Рози потянула носом воздух. Она не понимала, что происходит, но что бы оно ни было, ей это не нравилось. До сих пор она считала, что раскусила Толстого Чарли. Наедине с собой она признавалась, что вначале она не совсем верно себя повела: вполне возможно, Рози не привязалась бы так к нему, если бы после первой же встречи она не выразила бы свое мнение столь громогласно. «Он неудачник, — сказала тогда мама Рози. — Уж я-то страх чую, как акула кровь через весь залив». Но ей не удалось уговорить Рози его бросить, и теперь она изменила стратегию, перехватив контроль за подготовкой к свадьбе, чтобы как можно больше испортить Толстому Чарли жизнь, и с мрачным удовлетворением размышляла о статистике разводов по всей стране.

Теперь же творилось что-то странное, и маме Рози это не нравилось. Толстый Чарли перестал быть ранимым увальнем. Увидев вместо него новое, во всех смыслах зубастое существо, мама Рози растерялась.

А вот Пауку пришлось потрудиться.

Большинство других людей ничего вокруг себя не замечают. Но мама Рози — не большинство. Она все замечала. Сейчас она мелкими глотками пила горячую воду из фарфоровой чашечки и

знала, что минуту назад проиграла стычку — хотя и не могла бы сказать, как так получилось или из-за чего произошло столкновение. Поэтому следующую свою атаку она перенесла на уровень выше.

— Чарльз, дорогой, расскажите про свою кузину Дейзи. Меня беспокоит, что ваша родня так мало представлена в списке гостей. Хотите отвести ей большую роль на свадебном обеде?

— О ком это вы?

— О Дейзи, — ласково сказала мама Рози. — О молодой женщине, которую я видела у вас позавчера и которая полуголой расхаживала по квартире. Если, конечно, это ваша кузина…

— Мама! Если Чарли говорит, что это его кузина…

— Пусть сам расскажет, Рози. — Мама отпила еще глоток горячей воды.

— Да. Ладно. Дейзи.

Паук порылся в памяти, выискивая ту ночь с вином, женщинами и песнями: самую хорошенькую и забавную девушку он привез с собой домой (убедив сперва, что это ее идея), а потом она помогла втащить полубессознательную тушу Толстого Чарли вверх по лестнице. Уже побалованный в ходе вечера вниманием нескольких

других красоток, он привез домой забавную крошку на десерт, но, уложив Толстого Чарли в кровать, решил, что уже наелся. Ах эта…

— Милая, маленькая кузина Дейзи, — без малейшей заминки сказал он. — Уверен, она была бы счастлива принять участие в торжествах, если, конечно, у нее будет такая возможность. Увы, она работает курьером. Вечно путешествует. Сегодня здесь, а завтра доставляет конфиденциальные документы в Мурманск.

— У вас нет ее адреса? Или номера телефона?

— Мы вместе можем ее поискать, — согласился Паук. — Прочешем весь земной шар. Она же носится по свету.

— Тогда, — сказала мама Рози (с таким видом Александр Македонский, наверное, приказывал разграбить деревушку в Персии), — в следующий раз, когда она будет дома, обязательно пригласите ее к нам. Мне она показалась просто очаровательной, и уверена, Рози будет счастлива с ней познакомиться.

— Конечно, — улыбнулся Паук. — Обязательно. Всенепременно.

У любого человека, какой ходил по земле в прошлом или будет ходить в грядущем, есть песня. Нет, поймите правильно, никто ее не написал. У

нее собственная мелодия и собственные слова. Очень мало кому удается ее спеть. Большинство из нас боятся, что не воздадут ей должного голосом или что слова у нее слишком глупые, слишком честные или слишком странные. Поэтому люди свои песни живут.

Возьмем, к примеру, Дейзи. Свою песню она подспудно слышала большую часть своей жизни, и у этой песни был бодрящий маршевый ритм, и слова о защите слабых, и припев, который начинался «Бойтесь, злодеи!». Дурацкая песня, правда? Глупо петь ее вслух. Но иногда она напевала ее себе под нос — в ванной или сквозь мыльные пузыри.

Вот и все, что вам нужно знать о Дейзи. Остальное — детали.

Отец Дейзи родился в Гонконге. Мама приехала из Эфиопии, где ее семья (богатые экспортеры ковров) владела домом в Аддис-Абебе, а еще виллой и земельной собственностью под Незретом. Родители Дейзи познакомились в Кембридже, куда папа приехал изучать компьютерные технологии еще до того, как это стали считать разумной карьерой, и где мама буквально впитывала молекулярную химию и международное право. Они были очень похожи: равно любили науку, были робкими от

природы и легко конфузились. Оба тосковали по дому, но по очень разным вещам. А еще оба играли в шахматы и встретились однажды в среду вечером в шахматном клубе. Как новичков, их посадили играть друг с другом, и в первой же партии мама Дейзи без труда обыграла папу.

Папа Дейзи был так этим уязвлен, что робко попросил о матче-реванше в следующую среду и делал это в каждую следующую среду (за исключением каникул и государственных праздников) на протяжении еще двух лет.

По мере того как улучшалось их умение общаться с людьми и ее разговорный английский, улучшались и их отношения. Они бок о бок стояли, держась за руки, в живой человеческой цепи и протестовали против появления больших транспортеров, груженных боеголовками. Вместе (хотя и с много большей компанией единомышленников) они поехали в Барселону, чтобы протестовать против «потопа международного капитализма» и решительно «поднять свои голоса против гегемонии корпораций». Именно там они испытали на себе действие распыляемого властями слезоточивого газа, и мистер Дей растянул запястье, когда его излишне бесцеремонно оттолкнула с дороги барселонская полиция.

А потом в начале их третьего курса наступила среда, когда папа Дейзи побил маму Дейзи в шахматы. Он был так счастлив, так преисполнен воодушевления и сознания победы, что, расхрабрившись от своего подвига, предложил ей руку и сердце. А мама Дейзи, которая в глубине души боялась, что как только он выиграет, то потеряет к ней интерес, сказала: «Да, конечно».

Они обосновались в Англии и остались более-менее верны науке. У них родилась дочка, которую они назвали Дейзи, потому что купили себе тандем, двухколесный велосипед для двоих; став взрослой, Дейзи хохотала до упаду, узнав, что они действительно на нем катались. Они переезжали из университета в университет по Великобритании: папа преподавал кибернетику, а мама писала книги про гегемонию международных корпораций (которые никто не хотел читать) и книги про шахматы, их стратегию и историю (которые хотели читать все) и потому в удачный год зарабатывала больше мужа, который никогда не получал много. С возрастом их политическая активность пошла на убыль, и к середине жизни они превратились в счастливую пару, которую не интересует ничего помимо их самих, шахмат и Дейзи, а еще реконструкции и отладки забытых

операционных систем.

Ни один из них не понимал Дейзи. Нисколечки.

Они винили себя в том, что не подавили в корне ее увлечение полицией, когда оно только-только начало проявляться — приблизительно тогда же, когда она научилась говорить. Дейзи тыкала пальцем в патрульные машины с тем же воодушевлением, с каким другие девочки показывали на пони. Ее седьмой день рождения пришлось отпраздновать маскарадом, чтобы она могла надеть костюм младшего офицера полиции, и в коробке с фотографиями на чердаке у родителей еще хранились фотографии, на которых ее лицо светилось бесконечной радостью семилетнего ребенка при виде торта — семь свечек вокруг синей мигалки.

Дейзи выросла в прилежную, веселую и смышленую девушку, которая осчастливила родителей, поступив в Лондонский университет, чтобы изучать там право и вычислительную технику. Отец мечтал, чтобы она читала лекции по праву, мать питала надежду, что ее дочь станет королевским адвокатом, а после, может, даже судьей и употребит закон на то, чтобы давить гегемонию корпораций, где бы и как бы она ни проявилась. А

потом Дейзи все испортила, сдав вступительные экзамены и пойдя на работу в полицию. Полиция встретила ее с распростертыми объятиями: с одной стороны, имелось распоряжение принимать как можно больше узких специалистов (лучше женщин), с другой стороны, число компьютерных преступлений и мошенничеств росло день ото дня. Дейзи там очень была нужна. Откровенно говоря, там нужен был целый отряд Дейзи.

Теперь, четыре года спустя, можно честно признаться, что карьера в полиции не оправдала надежд Дейзи. Да, разумеется, родители не уставали предостерегать, что полиция — это расистское и сексистское учреждение, которое раздавит ее индивидуальность, превратив в нечто бездушное и ординарное, так же верно превратит ее в часть «столовской культуры», как растворимый кофе, но дело было не в этом. Нет, больше всего ее раздражала необходимость заставлять остальных полицейских понять, что она тоже полицейский. Она пришла к выводу, что для большинства копов работа полицейского — это то, что делаешь, дабы защитить среднего англичанина от страшных хулиганов из неблагополучных семей, которые хотят взломать бензоколонку или стырить сотовый телефон. С точки зрения Дейзи, речь шла

совсем о другом. Дейзи знала, что пятнадцатилетний парнишка, сидя у себя в комнате где-нибудь в Германии, способен запустить вирус, который отключит электричество в больнице и вреда принесет больше любой бомбы. Дейзи держалась мнения, что по-настоящему плохие парни знают, как работают FTP-серверы, разбираются в шифровании данных и пользуются одноразовыми сотовыми. И сомневалась, что хорошие парни все это умеют.

Отпив глоток кофе из пластмассовой чашки, Дейзи поморщилась: пока она листала страницы электронных документов, кофе остыл.

Она просеяла всю информацию, которую дал ей Грэхем Хорикс. Спору нет, это — тот самый случай, когда с первого взгляда видно, что дело нечисто: взять хотя бы чек на две тысячи фунтов, который Чарльз Нанси, по всей видимости, выписал самому себе на прошлой неделе.

Вот только… Вот только что-то не складывалось.

Пройдя в конец коридора, она постучала в дверь кабинета суперинтенданта.

— Войдите!

На протяжении тридцати лет суперинтендант Камбервелл курил за рабочим столом трубку, а

потом в здании ввели запрет на курение. Теперь он обходился куском пластилина, который скатывал в шарик и раздавливал, мял и ковырял пальцем. С трубкой в зубах он был мирным и добродушным и, по мнению подчиненных, истинная соль земли. С куском пластилина в руках он был неизменно раздражительным и вспыльчивым. В удачный день дотягивал даже до обидчивости.

— Да?

— Я по делу «Агентства Грэхема Хорикса».

— М-м-м?

— У меня неспокойно на душе.

— Неспокойно на душе? При чем, скажите на милость, тут душа?

— Думаю, мне следует самоустраниться от расследования.

На суперинтенданта это впечатления не произвело, он только посмотрел на нее свирепо. Предоставленные сами себе пальцы лепили из голубого пластилина пеньковую трубку.

— Причина?

— Я встречалась раньше с подозреваемым.

— И? Провели с ним отпуск? Крестили его детей? Что?

— Нет. Я встречалась с ним лишь однажды. Ночевала у него.

— Хотите сказать, вы с ним побаловались? — Глубокий вздох, в котором в равных долях смешались усталость от мира, раздражение и тоска по унции «Старого Холборна».

— Нет, сэр. Ничего подобного. Я просто у него переночевала.

— И это все, что вас связывает?

— Да, сэр.

Он смял пластилиновую трубку в бесформенный ком.

— Вы сознаете, что попусту тратите мое время?

— Да, сэр. Извините, сэр.

— Делайте свою работу. А меня оставьте в покое.

На пятый этаж Мэв Ливингстон поднималась одна, и медленная тряска в лифте дала ей достаточно времени отрепетировать, что она скажет Грэхему Хориксу, когда наконец до него доберется.

Локтем она прижимала к боку тонкий кожаный портфель, некогда принадлежавший Моррису: на удивление мужской предмет. Одета она была в белую блузку, джинсовую юбку и в серое пальто поверх них. Встречавшие Мэв Ливингстон видели длинноногую красавицу с исключительно белой кожей, и волосы у нее остались (лишь

с минимальной помощью химии) такими же золотистыми, какими были, когда Моррис Ливингстон женился на ней двадцать лет назад.

Мэв очень любила Морриса. Когда он умер, она не стерла его номер из памяти сотового телефона, даже когда аппарат сняли с обслуживания. Еще у нее в сотовом была фотография Морриса, которую как-то сделал ее племянник, и она не могла заставить себя с ней расстаться. Сейчас ей очень хотелось позвонить Моррису и попросить у него совета.

Внизу она назвала свое имя в домофон, и, пожужжав, устройство впустило ее в холл, а, когда она поднялась наверх, в приемной ее ждал сам Грэхем Хорикс.

— Как наши дела, дорогая? Как поживаем?

— Нам нужно поговорить с глазу на глаз, Грэхем, — сказала Мэв. — Сейчас же.

Грэхем Хорикс кривенько улыбнулся. Странно, но большинство его потаенных фантазий начинались с того, что Мэв произносила как раз такую фразу, а после переходила к «Ты мне нужен, Грэхем, сейчас же», или «Ах, Грэхем, я была такой нехорошей девочкой, меня нужно немедленно наказать», или в редких случаях: «Ах, Грэхем, одной женщине тебя не вынести,

поэтому позволь познакомить тебя с моей голой близняшкой Мэв II».

Они прошли в его кабинет.

К некоторому разочарованию Грэхема Хорикса, Мэв ничего не сказала о том, что он нужен ей здесь и сейчас. Даже не сняла пальто. Только открыла портфель и достала оттуда стопку документов, которые положила на стол.

— По предложению управляющего в моем банке я передала банковские балансы и выписки со счетов за последние десять лет независимому аудитору. Еще за то время, когда был жив Моррис. Можешь просмотреть его отчет, если хочешь. Цифры не совпадают. Ни одна. Я подумала, наверное, стоит сначала поговорить с тобой и лишь затем обратиться в полицию. Я сочла, что в память о Моррисе должна это для тебя сделать.

— Верно, — согласился Грэхем Хорикс, вкрадчивый, как змей, подбирающийся к гнезду. — Ах как верно.

— И?

Мэв Ливингстон подняла великолепной формы брови. В лице ее не читалось ничего хорошего. Мэв Ливингстон из его фантазий нравилась Грэхему Хориксу гораздо больше.

— Боюсь, к нам в «Агентство Грэхема Хорикса»

ненадолго затесался негодяй, Мэв. На прошлой неделе я сам вызвал полицию, когда сообразил, что что-то неладно. Длинная рука закона уже ведет следствие. Учитывая, что среди наших клиентов много знаменитостей и видных лиц — ты, разумеется, в их числе, Мэв, — полиция держит рот на замке, и кто станет их в этом винить?

Лицо Мэв Ливингстон ничуть не смягчилось, и, несколько обескураженный, Грэхем Хорикс попробовал зайти с другой стороны:

— Полиция очень надеется вернуть если не все деньги, то большую их часть.

Мэв кивнула, и Грэхем Хорикс расслабился, но только чуть-чуть.

— Можно спросить, как звали негодяя?

— Чарльз Нанси. Должен сказать, я доверял ему безоговорочно. Для меня это был истинный шок.

— А-а… Он казался таким милым.

— Внешность бывает обманчива, — напомнил Грэхем Хорикс.

Тут она улыбнулась — и очень ласковой, нежной улыбкой.

— Не выйдет, Грэхем. Подлог тянется уже целую вечность и начался задолго до появления здесь Чарльза Нанси. Возможно, задолго до появления меня самой. Моррис абсолютно тебе доверял, а

ты его обкрадывал. И с твоих слов получается, что ты пытаешься подставить одного из своих сотрудников… или переложить вину на кого-то из сообщников… Так вот, не выйдет.

— Да, не выйдет, — покаянно согласился Грэхем Хорикс. — Извини.

Она взяла со стола документы.

— Так, из чистого интереса, сколько, по-твоему, ты выдоил из нас с Моррисом за эти годы? Я бы сказала, около трех миллионов.

— Э-э-э… — Теперь он совсем не улыбался. Сумма была гораздо большей, но все-таки. — Вроде того.

Они смотрели друг на друга, и Грэхем Хорикс отчаянно прокручивал в уме ситуацию. Ему нужно выиграть время. Вот что ему нужно.

— Что, если… — начал он. — Что, если я все верну? Полностью, наличными, прямо сейчас. С процентами. Скажем, пятьдесят процентов от названной суммы.

— Ты предлагаешь мне четыре с половиной миллиона фунтов? Наличными?

Грэхем Хорикс улыбнулся — в точности так, как улыбнулась бы кобра перед броском.

— Абсо-ненно. Если пойдешь в полицию, я буду все отрицать и найму лучших адвокатов. В худ-

шем случае после крайне длительного процесса, на котором мне придется всеми доступными способами чернить доброе имя Морриса, меня приговорят к десяти — двенадцати годам тюрьмы. Максимум. Если буду хорошо себя вести, возможно, даже выйду через пять лет, а ты уж поверь, я стану образцовым заключенным. Учитывая, как у нас переполнены тюрьмы, большую часть срока я отсижу в тюрьме нестрогого режима или меня будут даже отпускать на день. Тут особых проблем не возникнет. А вот для тебя оборотная изнанка в том, что денег ты не получишь ни фартинга. Альтернатива: помалкивать, получить все деньги, какие тебе нужны, и даже больше и дать мне немного времени, чтобы… поступить порядочно. Если понимаешь, о чем я.

Мэв задумалась.

— Очень бы хотелось, чтобы ты сгнил в тюрьме, — сказала она, но потом со вздохом кивнула. — Ладно. Я возьму деньги. И никогда больше не буду иметь с тобой дела. Все последующие чеки с ройялти пойдут прямо ко мне.

— Абсо-ненно. Сейф вон там, — указал он.

У дальней стены стоял книжный-шкаф, на полках которого выстроились одинаковые, как близнецы, переплетенные в кожу собрания со-

чинения Диккенса, Теккерея, Тролопа и Остен — непрочитанные, еще даже не разрезанные. Грэхем Хорикс тронул один томик, и книжный шкаф отъехал в сторону, открывая дверь, выкрашенную под цвет стены.

Мэв задумалась, есть ли на двери цифровой код, но нет, имелась лишь замочная скважина, в которую Грэхем Хорикс вставил большой латунный ключ. Дверь распахнулась. Сунув руку внутрь, Грэхем Хорикс щелкнул выключателем. За дверью оказалась узкая комната, по стенам которой тянулись неумело прибитые полки. В дальнем конце стоял небольшой несгораемый шкаф.

— Можешь взять наличными, или драгоценностями, или и тем и другим, — напрямик сказал он. — Я бы посоветовал последнее. У меня тут есть кое-какое недурное антикварное золото. Очень удобно в перевозке.

Открыв несколько стальных шкатулок, он поднес содержимое к свету. Заблестели, замерцали, запереливались кольца, цепочки и медальоны.

Мэв невольно открыла рот от удивления.

— Сама посмотри, — предложил Грэхем Хорикс, и она протиснулась мимо него: это была истинная сокровищница.

Потянув за золотую цепочку, Мэв подняла

повыше медальон, чтобы восхищенно его рассмотреть.

— Какая красота, — сказала она. — Он, наверное, стоит…

И осеклась. В выпуклом медальоне отразилось какое-то движение у нее за спиной, и она повернулась, а потому удар молотком пришелся ей не по затылку, как рассчитывал Грэхем Хорикс, а лишь вскользь по скуле.

— Ах ты сволочь! — крикнула Мэв и пнула нападавшего.

У Мэв Ливингстон были отличные ноги и удар, достойный полузащитника, вот только места в чулане для замаха не хватило.

Носок туфли Мэв ударил врага в голень, а сама она потянулась за молотком. Грэхем Хорикс врезал снова, на сей раз удар попал в цель, и Мэв пошатнулась. Взгляд у нее затуманился. Грэхем Хорикс ударил еще, прямо по макушке, и бил снова и снова, пока она не рухнула на пол.

Грэхем Хорикс очень жалел, что у него нет пистолета. Черного такого, практичного пистолета. С глушителем, как в кино. Честно говоря, ему никогда не приходило в голову, что придется убивать кого-то в собственном кабинете, иначе он получше бы подготовился. Возможно даже,

запасся бы ядом. Какое недомыслие! Обошлось бы без такой ерунды.

На головку молотка налипли кровь и золотистые волосы. С отвращением положив инструмент на полку, он переступил через лежащую на полу женщину и собрал стальные шкатулки с драгоценностями. Содержимое он вывернул на письменный стол, а пустые шкатулки унес назад в сейф, откуда забрал «дипломат» со стопками стодолларовых купюр и банкнот по пятьсот евро и черный бархатный мешочек, до половины наполненный неграненными алмазами. Из несгораемого шкафа он достал несколько папок. И последним по очереди — но не последним (как он не преминул был указать) по значимости — принес из потайной комнаты кожаное портмоне с двумя бумажниками и паспортами.

Закрыв ногой тяжелую дверь, он запер ее и вернул на место книжный шкаф.

Постоял, отдуваясь и переводя дух.

В общем и целом, решил он, есть чем гордиться. Отличная работа, Грэхем. Молодец. Проблема улажена, и как! Он импровизировал с тем, что имелось под рукой, и выиграл: блефовал, рисковал и проявлял творческую смекалку, был готов, как сказал один поэт, все поставить на

кон. Он игрок. Однажды, сидя в каком-нибудь тропическом раю, он напишет мемуары, и люди узнают, как он одолел опасную психопатку. Хотя, подумал он, гораздо лучше было бы, если бы она действительно угрожала ему револьвером.

А ведь у нее, пожалуй, был револьвер. Нет, точно! Он же видел, как она за ним потянулась! Ему еще крайне повезло, что под руку подвернулся молоток, что в страшный момент на полке в потайной комнате оказался набор инструментов, иначе он не смог бы защищаться так быстро и так умело.

Только тут ему пришло в голову запереть дверь в кабинет.

И только сейчас он заметил, что на рубашке, и на руках, и на подметке левого ботинка у него кровь. Сняв рубашку, он вытер обувь, а рубашку бросил в мусорную корзину позади стола. А потом сам себя удивил, когда поднес руку к губам и слизал — как кошка — каплю крови красным языком.

И зевнул.

Собрав со стола документы Мэв, он скормил их бумагорезательной машине. В портфеле у нее оказались копии, поэтому он отправил их туда же. И повторно затолкал в машину обрезки.

В углу кабинета у него стоял платяной шкаф, где висели запасной костюм и чистые рубашки, а на полках лежали носки, белье и так далее. В конце концов, никогда не знаешь, куда придется отправиться по окончании рабочего дня. Будь готов ко всему.

Он тщательно оделся.

Еще в шкафу стоял чемодан на колесиках, из тех, какие можно положить на верхнюю полку в поезде, и, перемещаясь по комнате, он сложил туда нужные вещи.

Затем позвонил в приемную.

— Энни, — сказал он, — сбегайте мне за сандвичем, ладно? Нет, не из «Прэ». Может, лучше сходить в новую закусочную на Брюэр-стрит? Я как раз заканчиваю с миссис Ливингстон. Скорее всего я поведу ее на ленч в ресторан, но может, и нет, поэтому лучше подготовиться заранее.

Еще несколько минутой провел за компьютером, прогоняя программу очистки диска, которая записывает поверх всех твоих данных нули и единички, а после растирает в крошку, прежде чем отправить на дно Темзы в бетонных ботинках. Затем, катя за собой чемодан, он вышел из кабинета.

Пройдя по коридору, заглянул в один из офи-

сов.

— Я ненадолго отлучусь, — сказал он. — Если меня станут спрашивать, буду в три.

Энни (так кстати!) в приемной отсутствовала. Прекрасно, теперь все решат, что он сам проводил Мэв Ливингстон, а что до него самого, то пусть сотрудники считают, что он с минуты на минуту вернется. К тому времени, когда его хватятся, он будет уже далеко.

Грэхем Хорикс спустился на лифте, думая по дороге: «Рано все случилось, слишком рано». Пятьдесят ему исполнится лишь через год. Но механизм ухода со сцены уже запущен. Значит, случившееся сегодня придется рассматривать как выходное пособие служащему, от которого хотят избавиться, или лучше как спасательный парашют.

А после, катя за собой чемодан, он вышел за дверь на утреннее олдвичское солнышко и навсегда покинул «Агентство Грэхема Хорикса».

Паук мирно выспался в собственной гигантской кровати, на своем месте в крохотной задней комнате Толстого Чарли. Впрочем, он уже начал смутно задумываться, не навсегда ли пропал Толстый Чарли, и решил разобраться с этим в следующий же раз, когда будет нечем заняться,

если, конечно, не подвернется ничего поинтереснее или память не подведет.

Он поздно встал и теперь направлялся на встречу с Рози, чтобы повести ее на ленч. Он зайдет за ней домой, и они найдут какое-нибудь симпатичное местечко. Стоял прекрасный день ранней осени, и своим счастьем Паук заражал все вокруг. Ведь Паук был практически богом. А когда ты бог, твои эмоции распространяются на всех — остальные их просто перенимают. Мир людей, кто оказывался рядом с Пауком в тот день, когда он был так счастлив, становился чуть ярче. Если он что-нибудь напевал, окружающие тоже начинали напевать в унисон — как в мюзикле. И, конечно, если он зевал, то зевала и сотня людей вокруг, а когда он чувствовал себя несчастным, его обида расползалась как речной туман и действительность становилась унылой для всех, кто попадал в эту пелену. Нет, Паук ничего не делал, он просто *был.*

В настоящий момент только одно умеряло его счастье: он решил рассказать Рози правду.

Паук не слишком хорошо это умел. Правду он считал по сути податливой и ранимой, скорее делом мнения, чем фактом. А когда приходилось, Паук свое мнение выражал весьма убедительно.

То, что он выдает себя за другого, его не смущало. Ему нравилось выдавать себя за другого, поскольку укладывалось в его планы, которые были довольно просты и которые до сего момента сводились к следующему: а) развлекаться и б) сбежать прежде, чем наскучит. В глубине души он знал, что сейчас самое время уйти со сцены. Мир — все равно что торт: слюнявчик надет, и под рукой полно лимонада, а еще всевозможные столовые приборы, чтобы полакомиться сладким.

Вот только…

Вот только ему не хотелось уходить.

Что-то внутри подталкивало его передумать — и от этого Пауку становилось не по себе. Обычно он вообще ни о чем не думал. Если живешь бездумно, все кажется чудесным, и до сих пор инстинкт вкупе с прихотями и чудовищным везением отлично ему служили. Но даже на чуде далеко не уедешь. Паук шел по улице, и встречные ему улыбались.

Он договорился с Рози, что зайдет за ней, и потому приятно удивился, увидев, что она ждет его на углу. Испытав укол чего-то (ему и в голову бы не пришло называть это совестью), он помахал.

— Рози? Эй!

Повернувшись, она пошла к нему навстречу, и

Паук невольно расплылся в улыбке. Все как-нибудь образуется. Все уладится. Все будет хорошо.

— Ты выглядишь на миллион долларов, — сказал он. — А может, на два. Чего бы тебе хотелось?

Рози улыбнулась и пожала плечами.

Они как раз проходили мимо греческого ресторанчика.

— Как тебе греческая кухня?

Невеста Толстого Чарли кивнула.

Спустившись на несколько ступенек, они вошли в зал ресторанчика. Внутри было темно и пусто, заведение только что открылось, и владелец отвел их в укромный уголок подальше от входа.

Они сели друг против друга за столик, которого едва-едва хватало для двоих.

— Я кое-что хотел тебе сказать, — начал Паук.

Рози молчала.

— Ничего дурного, — продолжал он. — Но и хорошего тоже ничего. Ну… Тебе нужно кое-что знать.

Владелец спросил, готовы ли они сделать заказ.

— Кофе, — сказал Паук, и Рози в знак согласия кивнула. — Два кофе. И не могли бы вы оставить нас на пять минут? Нам нужно серьезно пого-

ворить.

Владелец удалился.

Рози поглядела на Паука вопросительно.

— Ладно. — Он сделал глубокий вдох. — О'кей. Просто дай мне сказать, потому что это трудно, и не знаю, смогу ли я… ладно. О'кей. Послушай, я не Толстый Чарли. Знаю, ты думаешь, что я это он, но нет. Я — его брат, Паук. Тебе кажется, что я это он, так как мы… вроде как… похожи.

Она молчала.

— Ну, не слишком похожи. Но… Знаешь, мне тоже непросто. Л-ладно. Я не могу перестать думать о тебе. То есть я знаю, что ты помолвлена с моим братом, но… вроде как… хочу спросить, не хочешь ли ты бросить его и… встречаться со мной?

Прибыл полный кофейник на серебряном подносе. И две чашечки.

— Греческий кофе, — возвестил принесший его владелец ресторанчика.

— Да. Спасибо. Но я же просил на пару минут…

— Очень горячий, — сказал владелец. — Очень горячий кофе. Крепкий. Греческий. Не турецкий.

— Отлично. Послушайте, если вы не против… пять минут. Пожалуйста.

Пожав плечами, владелец ушел.

— Ты, наверное, меня ненавидишь. На твоем

месте я, наверное, испытывал бы то же самое. Но я не о том. Больше всего на свете мне хотелось бы…

Но она только смотрела на него без всякого выражения, и он сказал:

— Пожалуйста. Скажи что-нибудь. Что угодно.

Ее губы шевельнулись, точно она подбирала нужные слова.

Паук ждал.

Рот Рози открылся.

Сперва Паук решил, что она съела инжир или шоколадку, ведь между зубов у нее темнело что-то коричневое и никак не похожее на язык. Это «нечто» дернуло головой, блеснуло газами: маленькие, темные глазки-бусины уставились прямо на Паука. Рози невероятно широко разинула рот, и из него вырвались птицы.

— Рози? — неуверенно сказал Паук.

Внезапно зальчик ресторана заполнился клювами и перьями, хвостами и когтями. Одна за другой птицы вылетали из горла Рози, и каждую сопровождало покашливание, словно бы девушка задыхалась, извергая на Паука пернатый поток.

Защищая глаза, он вскинул руку, и вдруг стало больно запястью. Он отмахнулся, но еще что-то

метнулось к его лицу, метя в глаза. Паук отдернул голову, и клюв только оцарапал ему щеку.

Мгновение кошмарной ясности: через стол от него по-прежнему сидела женщина, но как же он мог принять ее за Рози? Для начала она была старше, и иссиня-черные волосы тут и там подернулись серебром. Кожа у нее была не белой, как у Рози, а угольно-черной. Одета она была в потрепанное пальто охрового цвета. И вдруг она улыбнулась и еще раз широко открыла рот, а в нем показались острые клювы и безумные глаза морских чаек…

Паук не стал думать. Он действовал. Схватив одной рукой кофейник, другой он сорвал с него крышку, а потом дернул им в сторону сидящей через стол женщины. Выплеснулось его содержимое — обжигающе горячий черный кофе.

Женщина зашипела от боли.

Птицы били крыльями в зальчике подвального ресторана, но теперь стул по ту сторону стола опустел, и пернатые беспорядочно заметались, натыкаясь на стены.

— Сэр? — спросил владелец. — Вы не ранены? Прошу прощения. Наверное, они залетели с улицы.

— Все в порядке, — отозвался Паук.

— У вас на лице кровь, — сказал владелец.

И протянул Пауку льняную салфетку, которую тот прижал к щеке. Царапина саднила.

Паук предложил помочь выгнать птиц. Он открыл дверь на улицу, но в ресторанчике птиц не было, как не было их тут, когда он сюда вошел.

— Вот, — сказал он, доставая пятифунтовую банкноту. — За кофе. Мне нужно идти.

Владелец благодарно кивнул.

— Оставьте салфетку себе.

Уже собираясь переступить порог, Паук вдруг остановился.

— Когда я пришел, — спросил он, — со мной была женщина?

Владелец посмотрел на него озадаченно, вероятно, даже испуганно — Паук не мог бы сказать наверняка.

— Не помню, — словно бы в забытьи ответил владелец. — Женщину я бы запомнил. Но если бы вы были один, я не посадил бы вас в нише. Не знаю, просто не знаю.

Паук вышел на улицу. День был по-прежнему ясен, но ласковое солнышко уже не утешало. Он огляделся по сторонам. Увидел голубя, который, лениво переминаясь с лапы на лапу, клевал брошенное кем-то мороженое, воробья, вопроси-

тельно поглядевшего на него с карниза. И высоко над головой — мазок белого в солнечном свете: расправив крылья, в вышине кружила чайка.

Глава девятая, в которой Толстый Чарли идет открывать дверь, а Паук знакомится со стаей фламинго

Привычное невезение стало вдруг изменять Толстому Чарли. Он прямо нутром это чувствовал. Взять, например, обратный перелет в Лондон. Билеты на рейс, которым он возвращался домой, продали дважды, и поэтому его посадили в первый класс. На полпути через Атлантику стюардесса пришла сообщить, что он выиграл призовую коробку шоколадных конфет, и подарила ему ее. Положив коробку на полку для ручной клади, он заказал «драмбуйе» на льду.

Он приедет домой. Он уладит все с Грэхемом Хориксом, ведь было только одно, в чем Толстый Чарли не сомневался: в честности собственных бухгалтерских расчетов. Он помирится с Рози. Все будет замечательно.

Интересно, когда он вернется домой, Паука там уже не будет? Или ему все-таки выпадет удовольствие лично спустить его с лестницы? На последнее он даже надеялся. Толстому Чарли

хотелось увидеть, как его брат извиняется, возможно, даже пресмыкается.

Прикрыв глаза, он стал придумывать, что скажет…

— Убирайся! — гремел Толстый Чарли. — И забери с собой свои солнце, джакузи и спальню!

— Прошу прощения?

Над ним склонилась обеспокоенная стюардесса.

— Так… э-э-э… — пробормотал Толстый Чарли. — Разговариваю сам с собой.

Но ни смущение, ни краска на щеках не смогли теперь испортить ему настроение: он даже не захотел, чтобы самолет упал в океан и тем положил конец его позору. Жизнь определенно налаживалась.

Вскрыв набор предметов первой необходимости, он надел повязку на глаза и как можно дальше откинулся на сиденье. Он стал думать о Рози, которая почему-то постоянно превращалась в кого-то постройнее и пониже ростом и гораздо менее одетую. Толстый Чарли виновато призвал воображение к порядку и велел нарисовать девушку в одежде, а тогда, к ужасу и стыду своим, обнаружил, что на ней полицейская форма. Чувствовал он себя ужасно виноватым, но

почему-то без особой искренности. Постыдился бы. Следовало бы…

Поерзав на сиденье, Толстый Чарли издал одинокий удовлетворенный всхрап…

Он все еще пребывал в отличном настроении, когда самолет приземлился в Хитроу. Сев на экспресс-поезд до Паддингтона, он с удовольствием отметил, что за его короткую отлучку из Англии решило выйти солнце. «Все до последней мелочи, — сказал он самому себе, — будет хорошо».

Единственная странная нотка, бросившая тень неприятностей на утро, вкралась на полпути до вокзала. Толстый Чарли как раз смотрел в окно, жалея, что не купил в аэропорту газету. За окном тянулся зеленый лужок («Может, это футбольное поле при какой-нибудь школе?» — спросил себя Толстый Чарли), когда небо вдруг на мгновение потемнело и с шипением тормозов поезд остановился по сигналу семафора.

Это Толстого Чарли не встревожило. Осенью в Англии солнце, по определению, появляется лишь изредка, зато сейчас не было ни обложных туч, ни дождя. Только вот у рощицы берез на краю поля стояла одинокая фигура.

Сначала Толстый Чарли принял ее за пугало.

Глупо, конечно. Откуда тут взяться пугалу? Да,

разумеется, посреди поля пугалу самое место, но не футбольного же! И, уж конечно, не под березами. И вообще, если это было пугало, то свою работу оно делало из рук вон плохо.

Ведь кругом же летала стая ворон. Больших черных ворон.

А потом пугало шевельнулось.

Оно было слишком далеко, чтобы разглядеть хорошенько, — просто фигура в потрепанном буром дождевике. Тем не менее Толстый Чарли узнал ее и сразу понял, что будь она ближе, то увидел бы высеченное из обсидиана лицо, иссиня-черные волосы и глаза, в которых притаилось безумие.

Тут поезд дернулся и покатился вперед, и через несколько секунд женщина в буром дождевике скрылась из виду.

Толстому Чарли стало не по себе. Он ведь почти убедил себя, что случившееся (нет, на самом деле ничего там не случилось, кажемость сплошная!) в гостиной миссис Дунвидди было какой-то галлюцинацией, сюрреалистическим сном, возможно, отчасти верным, но не более того. И никого он на самом деле не встречал, а видел лишь набор образов, символов высшей реальности. Ну сами посудите, не мог же он отправиться в реальное

место и заключить там реальную сделку, правда?

Просто подсознание через сон подбросило ему горстку метафор, только и всего.

Он не стал спрашивать себя, откуда у него взялась уверенность, что скоро жизнь начнет налаживаться. Есть реальность и *РЕАЛЬНОСТЬ,* и одни вещи реальнее других.

Все быстрее и быстрее поезд, стуча колесами, нес его в Лондон.

Возвращаясь из греческого ресторанчика, Паук почти подошел к дому, когда кто-то тронул его за плечо.

— Чарльз? — спросила Рози.

Паук подпрыгнул или, во всяком случае, дернулся и испуганно охнул.

— Чарльз? С тобой все в порядке? Что у тебя со щекой?

Он уставился во все глаза на невесту Толстого Чарли и, помолчав, спросил:

— Ты это ты?

— Что?

— Ты Рози?

— Что за вопрос? Конечно, я Рози. Ты поранил щеку?

Паук плотнее прижал к щеке салфетку.

— Порезался.

— Дай посмотрю.

Она отвела его руку от щеки. Салфетка была испачкана алым, словно в нее впиталась кровь, а вот на щеке — ни царапины и кожа чистая.

— Тут ничего нет.

— А-а…

— Чарльз? С тобой все в порядке?

— Да, — сказал он. — Все. Нет, пожалуй, не в порядке. Кажется, нам лучше вернуться ко мне домой. Думаю, там мне будет безопаснее.

— Мы собирались куда-нибудь на ленч, — сказала Рози тоном человека, который беспокоится, что поймет, что на самом деле тут происходит, только если откуда-нибудь выпрыгнет телеведущий и покажет, где спрятаны скрытые камеры.

— Да. Знаю. Но, кажется, меня только что пытались убить, И она выдавала себя за тебя.

— Никто не пытается тебя убить, — сказала Рози, попытавшись (безуспешно) произнести эту фразу так, будто не старается подладиться под душевнобольного.

— Даже если никто не пытается меня убить, можно нам обойтись без ленча и пойти ко мне? У меня дома есть еда.

— Конечно.

Паук развернулся и зашагал к дому, а Рози пошла за ним следом, недоумевая: и когда Толстый Чарли успел так похудеть? Ему идет, решила она. Очень идет. На Максвелл-гарденс они свернули молча.

— Посмотри-ка, — сказал вдруг Паук.

— Что?

Он показал ей льняную салфетку. Свежее кровавое пятно исчезло, ткань теперь была совершенно белой.

— Это фокус?

— Если да, то не мой, — пробормотал Толстый Чарли. — Ради разнообразия.

Салфетку он бросил в урну. В этот момент перед домом Толстого Чарли остановилось такси и оттуда помятый и щурящийся на солнце вылез Толстый Чарли с белым пластиковым пакетом в руке.

Рози посмотрела на Толстого Чарли. Рози посмотрела на Паука. Потом снова на Толстого Чарли, который, открыв пакет, достал огроменную коробку шоколадных конфет.

— Это тебе, — сказал он.

— Спасибо.

Рози автоматически взяла конфеты. Перед ней было двое мужчин, которые и выглядели, и гово-

рили совершенно по-разному, а она тем не менее не могла определить, который из них ее жених.

— Я схожу с ума, верно? — сдавленно спросила она.

Так было много проще. Теперь она поняла, в чем дело.

Более худой из двух Толстых Чарли, тот, у которого была серьга в ухе, обнял ее за плечи.

— Тебе нужно домой, — сказал он. — Тебе нужно поспать. А когда проснешься, забудешь про все случившееся.

«Да, — подумала она. — Насколько все становится проще, когда у тебя есть план». Домой она возвращалась бодрым шагом, прижимая к груди коробку шоколадных конфет.

— Что ты сделал? — спросил Толстый Чарли. — Она словно бы отключилась.

Паук пожал плечами.

— Не хотел ее расстраивать.

— Почему ты не сказал ей правду?

— Подумал, что сейчас это было бы не совсем уместно.

— Как будто ты знаешь, что уместно, а что нет!

Паук положил ладонь на дверь, и она распахнулась.

— У меня ключи, знаешь ли, есть. Это же мой

дом. Они вошли в коридор, поднялись по лестнице.

— Где ты был? — спросил Паук.

— Нигде. Гулял, — сказал Толстый Чарли, запираясь, словно подросток.

— Сегодня в ресторане на меня напали птицы. Знаешь что-нибудь про это? Ведь знаешь, да?

— Пожалуй, нет. Может быть. Тебе все равно пора уезжать.

— Не начинай, — огрызнулся Паук.

— Я? Я не начинай? Думаю, я был образцом сдержанности. Ты заявился в мою жизнь. Ты разозлил моего начальника и натравил на меня полицию. Ты целовал мою девушку. Ты испоганил мне жизнь.

— Погоди, — прервал его Паук. — На мой взгляд, с последним ты и сам прекрасно справлялся.

Сжав кулак, Толстый Чарли замахнулся и ударил Паука в челюсть — как это делают в кино. Скорее от удивления, чем от боли или силы удара, Паук отпрянул, поднес руку к губам, потом посмотрел на испачкавшую пальцы кровь.

— Ты меня ударил.

— И еще раз ударю, — сказал Толстый Чарли, совсем не уверенный, что сумеет. Очень болели костяшки пальцев.

— Да? — переспросил Паук и бросился на Толстого Чарли.

Прижав к стене, он принялся молотить его кулаками, а Толстый Чарли, обхватив Паука поперек талии, рухнул на пол, потянув и его за собой.

Они катались по коридору, дубася и пиная друг друга. Толстый Чарли почти ожидал какой-нибудь магической атаки или что Паук окажется сверхъестественно сильным, но они как будто были на равных. Оба дрались бессистемно, как мальчишки — как братья, и пока они дрались, Толстому Чарли показалось, что он вспомнил, как они делали это когда-то — давным-давно. Паук был умнее и хитрее, но если Толстый Чарли сумеет оказаться наверху и обезвредит руки Паука…

Схватив Паука за правую руку, Толстый Чарли вывернул ее ему за спину, потом сел брату на грудь и навалился всем весом.

— Сдаешься? — спросил он.

— Нет.

Паук елозил и извивался, но Толстый Чарли сидел крепко.

— Обещай мне кое-что, — сказал Толстый Чарли. — Обещай, что уберешься из моей жизни и навсегда оставишь нас с Рози в покое.

На это Паук сердито выгнулся и сбросил Толсто-

го Чарли, который приземлился на пятую точку, а затем распластался на кухонном линолеуме.

— Ну вот, — сказал Паук. — Я же тебе говорил.

Кто-то барабанил в дверь. Это был повелительный стук, какой обычно говорит, что кому-то настоятельно нужно войти и что отказа он не потерпит. Толстый Чарли свирепо глянул на Паука, тот недоуменно нахмурился, и оба медленно поднялись на ноги.

— Мне открыть? — спросил Паук.

— Нет, — отрезал Толстый Чарли. — Это мой дом, черт побери. И большое спасибо, я сам пойду открою свою треклятую дверь.

— Как хочешь.

Толстый Чарли осторожно спустился, но на последней ступеньке обернулся.

— Когда я с этим покончу, — сказал он, — придет твой черед. Собирай вещи. Тебе одна дорога — за порог.

Заправив в штаны рубашку, смахнув с них соринки и вообще пытаясь выглядеть так, будто не дрался на полу, он подошел к двери. Открыл.

На пороге стояли два дюжих полицейских в форме и одна маленькая полицейская — экзотической внешности и в строгом штатском костюме.

— Чарльз Нанси? — спросила Дейзи и посмотрела на него без всякого выражения, словно они незнакомы.

— Хр-м… — выдавил Толстый Чарли.

— Вы арестованы. У вас есть право…

Толстый Чарли повернулся к лестнице.

— Сволочь! — крикнул он. — Сволочь, сволочь, сволочь, сволочная сволочь, СВОЛОЧЬ!!!

Дейзи похлопала его по руке.

— По-хорошему пойдете? — негромко спросила она. — Потому что в противном случае мы можем повести вас насильно. Но я бы не рекомендовала. Мои спутники делают это с излишним энтузиазмом.

— По-хорошему пойду, — сказал Толстый Чарли.

— Хорошо, — ответила Дейзи, вывела Толстого Чарли на улицу, усадила в черный полицейский фургон и заперла дверцу снаружи.

Полицейские обыскали квартиру. В комнатах наверху их встретило единственное живое существо — маленький черный паучок. В конце коридора имелся чуланчик с окном, а в нем несколько коробок с книгами и ведро с игрушечными машинками. Заглянув в чулан, копы не нашли ровным счетом ничего интересного.

Паук лежал на диване у себя в спальне и дулся. К себе он ушел, когда Толстый Чарли спустился открывать дверь. Ему нужно было посидеть одному. Он терпеть не мог разговоров начистоту. Обычно он сматывал удочки еще до них или в самый момент, и теперь Паук знал, что пора исчезнуть, но ему все равно не хотелось.

Он сомневался, а правильно ли поступил, отправив Рози домой.

Нет, ему хотелось (а Паук всегда руководствовался тем, что ему «хочется», а не «должен» или «следует») поговорить с Рози, объяснить, что она нужна ему, *ему*, Пауку. Что он не Толстый Чарли. Что он совсем другой. Тут бы проблем не возникло и труда тоже бы не составило. Хватило бы слов с достаточной убежденностью в голосе: «На самом деле я Паук, брат Толстого Чарли, и тебя это совершенно устраивает. Нисколько не волнует», и вселенная чуть-чуть подтолкнула бы Рози, и она бы со всем согласилась — в точности как час назад безропотно пошла домой. Она была бы не против, совсем не против.

Вот только он знал, что в глубине души она была бы очень против.

Люди не любят, когда боги ими играют. На первый взгляд им все нравится, но в глубине души

они чувствуют, что их дергают за ниточки, и обижаются. *ОНИ ЗНАЮТ.* Паук мог бы велеть ей стать счастливой, и она стала бы счастливой, но с тем же успехом он мог бы нарисовать улыбку у нее на лице — вот только в глубине души она бы не поверила, что улыбка ее собственная. На короткий срок (а до сих пор Паук мыслил лишь с точки зрения кратких сроков) — подумаешь, какая важность, но в перспективе ведет к проблемам. А ему не нужна была терзаемая бессильной яростью фурия, которая в душе его ненавидит, а с виду — совершенно нормальная, всем довольная, улыбчивая кукла. Ему нужна Рози.

А если ее «подтолкнуть», это уже будет не Рози, верно?

Уставившись невидящим взглядом на роскошный водопад и тропическое небо за окном, Паук спрашивал себя, когда к нему постучится Толстый Чарли. Что-то случилось сегодня утром в греческом ресторанчике, и чутье подсказывало, что брат знает об этом больше, чем говорит.

Некоторое время спустя ему наскучило ждать, и он лениво вернулся в квартиру Толстого Чарли. Там царил полный хаос, словно бы ее перевернула вверх дном группа профессионалов. Паук решил, что Толстый Чарли, по всей вероятности,

сам разгромил свою квартиру, лишь бы показать, как он расстроен, что Паук одолел его в драке.

Он выглянул в окно. Возле дома стояла патрульная машина, а рядом черный полицейский фургон. Не успел он отойти от окна, как они уехали.

Паук приготовил себе тост, намазал его маслом и съел. Потом прошелся по комнатам, проверяя, задернуты ли повсюду занавески.

Внизу позвонили. Задернув последнюю гардину, Паук спустился вниз.

На пороге стояла Рози. Она все еще казалась ошеломленной. Паук лишь молча уставился на нее.

— Ну? Ты пригласишь меня войти?

— Конечно. Входи, пожалуйста.

Рози направилась вверх по лестнице.

— Что тут стряслось? Землетрясение?

— Да. Кажется.

— Почему ты сидишь в потемках? — Она направилась к окну.

— Не надо!!! Пусть будут задернуты!

— Чего ты боишься? — спросила Рози.

Паук глянул на окно.

— Птиц, — ответил он, помолчав.

— Но птицы наши друзья, — возразила Рози то-

ном, каким обращаются к маленькому ребенку.

— Птицы, — возразил Паук, — это последние из динозавров. Крошечные скоростные хищники на крыльях. Пожирают беззащитных букашек, а еще орехи и рыбу… и… и… других птиц. Ранние пташки ловят червячков, которые только-только вылезли. Ты когда-нибудь видела, как питаются куры? Да, конечно, выглядят они безобидными, но знаешь, какие они злобные?

— Вчера в новостях рассказывали, как птица спасла человеку жизнь.

— Это ничего не меняет…

— Рассказывали про ворона. Или про ворону. В общем, про какую-то большую черную птицу. Один человек лежал на газоне за своим домом в Калифорнии и читал журнал и вдруг услышал, как кто-то каркает и каркает, а это его внимание пытался привлечь ворон. Человек встал и пошел к дереву, где сидел ворон, а за деревом прятался кугуар и хотел на него броситься. Поэтому человек убежал в дом. Если бы ворон его не предупредил, он стал бы кормежкой для кугуара.

— Почему-то я сомневаюсь, что вороны всегда так себя ведут. Но спас ли какой-то там ворон кому-то жизнь или нет, это ничего не меняет. Птицы за мной охотятся.

— Ага, ага, — сказала Рози, пытаясь делать вид, что не подлаживается под помешанного. — Птицы за тобой охотятся.

— Да.

— И охотятся они за тобой, потому что…

— Э-э-э…

— Должна же быть какая-то причина. Не можешь же ты утверждать, что великое множество птиц ни с того ни с сего, без всякой причины решило считать тебя огромным червяком?

— По моему, ты мне не веришь, — с чувством сказал Паук.

— Ты всегда был очень честным, Чарли. То есть я всегда тебе доверяла. Когда ты мне что-то говоришь, я изо всех сил стараюсь тебе поверить. Очень стараюсь. К тому же я тебя люблю. Поэтому предоставь мне решать, верю я тебе или нет.

Паук задумался, потом взял ее за руку и нежно сжал пальцы.

— Наверное, мне нужно кое-что тебе показать.

Он повел ее в коридор и уже через десяток шагов они остановились перед дверью в чулан Толстого Чарли.

— Там есть кое-что. Боюсь, оно объяснит лучше, чем смог бы я сам.

— Ты супермен и хранишь там свой костюм? —

улыбнулась Рози.

— Нет.

— Что-то извращенное? Ты надеваешь комбинацию, красишься и зовешь себя именем Дора?

— Нет.

— Это, случаем, не… Не модель железной дороги?

Паук толкнул дверь в чулан Толстого Чарли и одновременно открыл магическую дверь в собственную спальню. В огромном окне возник водопад: с неимоверной высоты сверкающая вода с грохотом обрушивалась в озерцо среди джунглей. Небо за стеклом было синее сапфира.

У Рози вырвалось сдавленное «ох!».

Повернувшись на каблуках, она вышла в коридор, оттуда на кухню, где, отдернув занавеску, выглянула в окно на серое лондонское небо, непривлекательное и так похожее на вчерашнее тесто. Потом вернулась.

— Не понимаю, — неуверенно сказала она. — Что происходит, Чарли?

— Я не Чарли, — сказал Паук. — Посмотри на меня. По-настоящему посмотри на меня. Я даже не похож на него.

Она больше не делала вид, будто подстраивается. Глаза у нее расширились, вид стал

испуганный.

— Я его брат, — продолжал Паук. — Я все испортил. Все. Наверное, мне лучше оставить вас в покое и убраться.

— Но где Толстый… Где Чарли?

— Не знаю. Мы подрались. Он пошел открывать дверь — в нее кто-то постучал. Я пошел к себе, а он так и не вернулся.

— Не вернулся? И ты даже не попытался выяснить, что с ним случилось?

— Э-э-э… Кажется, его увезла полиция, — сказал Паук. — Э-э-э… просто предположение. Доказательств у меня никаких нет.

— Как тебя зовут? — решительно спросила Рози.

— Паук.

— Паук, — повторила Рози.

За окном, над водяной пылью от водопада кружила стая розовых фламинго, в слепящих солнечных лучах их крылья расплывались в бело-розовые пятна. Они парили величественно им не было числа, и Рози они показались самыми прекрасными созданиями на свете. Она перевела взгляд на Паука и, смотря на него, спросила себя, как вообще могла поверить, что это Толстый Чарли. Если Толстый Чарли был покладисто-доб-

родушным, неловким и открытым, этот человек больше напоминал согнутый железный прут, который вот-вот сломается.

— На самом деле ты не он, да?

— Я же тебе сказал.

— Да… Сказал. И с кем я… И с кем я спала?

— Со мной.

— Так я и думала.

И дала ему пощечину — изо всех сил. Паук почувствовал, что губа у него снова закровоточила.

— Наверное, я это заслужил, — сказал он.

— Еще как. — Рози помолчала. — Толстый Чарли про это знал? Про тебя? Что ты со мной встречаешься?

— Ну… да… Но он…

— Вы оба ненормальные! — вырвалось у Рози. — Ненормальные, больные, злые люди. Надеюсь, вы будете гореть в аду.

Бросив последний недоуменный взгляд на огромную спальню, на прекрасные джунгли, огромный водопад и стаю фламинго за окном, она вышла в коридор.

Паук соскользнул по стене на пол, с губы у него стекала тоненькая струйка крови. Чувствовал он себя последним идиотом. Внизу с грохотом захлопнулась входная дверь. Подойдя к джакузи,

он обмакнул в горячую воду край махрового полотенца, потом выжал и приложил к губе.

— Только этого мне не хватало. Зачем мне такая морока? — вопросил в пустоту Паук. Он произнес эти слова вслух: гораздо легче лгать себе, когда произносишь ложь вслух. — Неделю назад никто из вас, люди, был мне не нужен, и сейчас вы не нужны. Мне плевать. С меня хватит.

Фламинго ударились в оконное стекло как розовые оперенные пушечные ядра, оно разбилось, и по всей комнате полетели осколки, которые засели в стенах, в полу, в матрасе на кровати. Спальня заполнилась мельтешением розовых тел, хаосом огромных розовых крыльев и изогнутых черных клювов. От грохота водопада закладывало уши.

Паук прижался к стене. Путь к двери ему закрывали фламинго, которых, наверное, было сотни, если не тысячи: птицы высотой пять футов, сплошь ноги и крылья. Поднявшись, он сделал несколько шагов через стаю рассерженных розовых птиц, каждая из которых злобно глядела на него безумными глазками. А ведь издали они казались такими красивыми. Одна щелкнула клювом, пытаясь цапнуть Паука за руку. До крови не оцарапала, но все равно больно.

Спальня у Паука была просторная, но быстро

превращалась в аэродром, на который совершают аварийную посадку сотни рушащихся с неба птиц. А над водопадом образовалось темное облако: судя по всему, приближалась еще одна стая.

Они клевали и драли Паука клювами, били огромными крыльями, но он знал, что истинная беда не в этом. Истинная беда в том, что, когда птицы набросятся разом, он просто задохнется под пушистой периной из перьев. Не слишком достойная смерть — быть раздавленным птицами, к тому Же не очень умными.

«Думай, — велел он себе. — Фламинго все равно что куры. И мозги у них куриные. Ты же Паук».

«И что с того? — раздраженно ответил ему внутренний голос. — Скажи что-нибудь новенькое».

Фламинго, приземлившиеся на пол, надвигались. Фламинго под потолком готовились спикировать. Не успел он натянуть на голову куртку, как они обрушились на него — словно кто-то стрелял по нему из пушки курами. Пошатнувшись, он рухнул на половицы. «Ну обмани же их, тупица».

С трудом поднявшись на ноги, он продрался сквозь море крыльев и клювов, пока не оказался возле окна, теперь оскалившегося кинжалами разбитого стекла.

— Глупые птицы, — весело сказал он и вылез на подоконник.

Фламинго не отличаются ни острым умом, ни умением решать проблемы. Если перед вороной положить кусок проволоки и бутылку с чем-нибудь съедобным, она скорее всего попытается сделать из проволоки инструмент, чтобы извлечь лакомство. А вот фламинго попытается сожрать проволоку, если она похожа на рыбешку или, возможно, даже если не похожа — на случай, если это какая-то новая разновидность рыбешки. И потому, даже если глупых птиц возмутило, с чего это застывший на карнизе человек стал вдруг дымным и бестелесным, фламинго не сумели понять, в чем тут дело. А лишь уставились на него безумными розовыми глазами кроликов-убийц и бросились в атаку.

Человек ласточкой упал с окна, прямо в туманную завесу водопада, и стая взлетела следом, а учитывая, что фламинго, чтобы подняться в воздух, нужен разбег, многие камнем рухнули вниз.

Вскоре в спальне остались лишь раненые или мертвые птицы: те, что разбили своими телами окно, те, что налетели на стены, те, что были раздавлены весом собратьев. Один еще живой фламинго смотрел, как дверь словно сама собой

открылась и снова захлопнулась, но поскольку был птицей, не придал этому особого значения.

Стоя в коридоре квартиры Толстого Чарли, Паук старался перевести дух. Он сосредоточился на том, чтобы его спальня перестала существовать — а ведь обидно, так обидно: особенно ему было жалко проигрывателя и колонок, которыми он ужасно гордился. Да и вообще, где теперь держать вещи?

Впрочем, вещи можно раздобыть новые.

Если ты Паук, достаточно только попросить.

Мама Рози была не из тех, кто склонен злорадствовать, поэтому, когда Рози разразилась слезами на чиппендейловском диване, она воздержалась от улюлюканья, пения или небольшого победного танца. Впрочем, внимательный наблюдатель заметил бы в ее глазах радостный блеск.

Дав Рози большой стакан витаминизированной воды с кубиком льда, она выслушала слезливый рассказ дочери об обманах и разбитом сердце. К концу победный блеск в глазах сменился растерянностью, голова у нее шла кругом.

— Значит, Толстый Чарли на самом деле был не Толстым Чарли? — спросила мама Рози.

— Нет. Ну да. Толстый Чарли это Толстый Чар-

ли, но всю прошлую неделю я встречалась с его братом.

— Они близнецы?

— Нет. Кажется, они даже не похожи. Не знаю. Я совсем запуталась.

— Так с которым ты порвала?

Рози высморкалась.

— Я порвала с Пауком. Это брат Толстого Чарли.

— Но ты же не была с ним помолвлена.

— Нет, но думала, что была. Я думала, это Толстый Чарли.

— Значит, ты порвала и с Толстым Чарли тоже?

— Вроде того. Только я ему об этом еще не сказала.

— А он знал… про историю с братом? Может, это какой-то извращенный заговор? Может, над моей бедной девочкой просто посмеялись?

— Нет. Сомневаюсь. Но это не важно. Я не могу за него выйти.

— Не можешь, — согласилась мама. — Совершенно точно не можешь. Никак не можешь. — А про себя сплясала победную джигу и запустила большой, но со вкусом задуманный фейерверк. — Мы найдем тебе хорошего молодого человека.

Не волнуйся. А Толстый Чарли тот еще фрукт. Никогда не знаешь, что вот-вот выкинет. Я это сразу поняла, как его увидела. Съел мое восковое яблоко. Так и знала, что от него ничего хорошего не жди. Где он сейчас?

— Точно не знаю. Паук сказал, его, возможно, забрали в полицию.

— Ха! — Фейерверк в голове ее мамы достиг размаха новогоднего в Диснейленде, и для верности она мысленно принесла в жертву дюжину безупречно белых быков, а вслух сказала лишь: — Скорее всего сидит в тюрьме, если хочешь знать мое мнение. Самое для него место. Я всегда говорила, этот молодой человек плохо кончит.

Тут Рози снова заплакала, даже еще сильнее. Достав новую горсть бумажных носовых платков, она протяжно и трубно высморкалась.

Храбро сглотнула. И еще поплакала.

Мама похлопала ее по руке — настолько утешительно, насколько умела.

— Конечно, ты не можешь выйти за него замуж. Нельзя выйти замуж за преступника. Но если он в тюрьме, то помолвку легко разорвать. — При этом в уголках ее губ появилась призрачная улыбка. — Я могла бы уладить это за тебя. Или сходить в день посещений и сказать, что он паршивый

мошенник и ты никогда больше не хочешь его видеть. — И с готовностью добавила: — Можно получить также ордер, чтобы он не смел к тебе приближаться больше чем на двадцать ярдов.

— Я не… не… п-потому не могу выйти замуж за Толстого Чарли, — пробормотала Рози.

— Не потому? — спросила мама, поднимая одну отлично нарисованную бровь.

— Нет. Я не могу выйти за Толстого Чарли, потому что не люблю его.

— Конечно, не любишь. Я всегда знала. Это было пустое увлечение, но теперь ты увидела истинную…

— Я влюблена в Паука, — продолжала Рози, словно мама вообще ничего не говорила. — В его брата.

Возникшее на мамином лице выражение напоминало рой ос, слетевшихся к пикнику.

— Нет, нет, — успокоила ее Рози. — За него я тоже не могу выйти. Я сказала ему, что не хочу его видеть.

Мама Рози поджала губы.

— Не стану делать вид, будто понимаю, что у тебя на уме, но не буду говорить, что это дурные вести.

Шестерни у нее в голове повернулись, колеси-

ки и зубчики сцепились на новый и интересный лад, механизм замкнулся заново, пружины опять сжались.

— Знаешь, что было бы сейчас для тебя лучше всего? Ты не думала о небольшом отпуске? Я с радостью его оплачу. В конце концов, я столько сэкономлю на твоей свадьбе…

Возможно, последняя фраза была не совсем к месту, потому что Рози снова зарыдала в бумажный носовой платок, но мама продолжила:

— Как бы то ни было, все за мой счет. Знаю, у тебя еще остались неиспользованные дни отпуска. И ты говорила, что на работе сейчас затишье. В такое время девушке нужно уехать подальше и просто расслабиться.

Рози спросила себя, может, все эти годы она недооценивала маму? Шмыгнув носом и сглотнув, она сказала:

— Было бы неплохо.

— Тогда решено, — сказала мама. — Я поеду с тобой, буду заботиться о моей девочке.

А мысленно — под грандиозный финал фейерверка — добавила: «И присмотрю, чтобы моя девочка знакомилась только с подходящими мужчинами».

— Куда мы поедем? — спросила Рози.

— Мы поедем, — ответила ее мама, — в круиз.

Наручников на Толстого Чарли не надели. Это было хорошо. Все остальное — хуже некуда, но хотя бы без наручников обошлось. Жизнь сбивала с толку, расплывалась в какое-то странное пятно, но детали проступали чересчур уж четко: сержант на посту, почесав нос, сказал: «Шестая камера свободна». Грохот захлопнувшейся зеленой двери, запах камер, слабая вонь, которой он никогда не ощущал раньше, но которая сразу показалась омерзительно знакомой, — всепроникающая спертая смесь вчерашней блевоты, дезинфектанта и дыма, затхлых одеял и неспущенных унитазов, а еще отчаяния. Это был запах самого дна, и именно тут, кажется, очутился Толстый Чарли.

— Когда понадобится спустить воду, — сказал провожавший его по коридору охранник, — нажмете на кнопку в своей камере. Кто-нибудь из нас рано или поздно зайдет, чтобы дернуть за цепочку. Так мы не позволяем спускать в канализацию улики.

— Улики чего?

— Сам знаешь, солнышко.

Толстый Чарли вздохнул. Он сам спускал отходы своего тела с тех пор, как начал гордиться

таким поступком, и утрата этого, более чем утрата свободы, показала ему, как все переменилось.

— Ты ведь в первый раз здесь? — спросил охранник.

— Прошу прощения?

— Наркотики?

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Толстый Чарли.

— Ты у нас за наркотики?

— Сам не знаю, за что. Я невиновен.

— Белый воротничок, а? — Охранник покачал головой. — Скажу тебе кое-что, что синие воротники и так знают. Чем больше ты облегчишь жизнь нам, тем больше мы облегчим ее тебе. Все вы, белые воротнички, одинаковы. Вечно талдычите про свои права. Сами себе все усложняете.

Он открыл дверь камеры номер шесть.

— Дом, милый дом, — сказал он.

Вонь оказалась намного сильнее внутри комнатушки, выкрашенной какой-то неровной, сопротивляющейся граффити краской, и стояли тут только кровать, похожая на полку почти у самого пола, и унитаз без крышки в уголке.

На кровать Толстый Чарли положил одеяло, которое ему выдали.

— Вот и ладушки, — сказал охранник. — Обжи-

вайся. Если станет скучно, не затыкай одеялом унитаз.

— Зачем мне это делать?

— Сам часто удивляюсь, — отозвался охранник. — И впрямь, зачем? Разгоняет монотонность, наверное. Откуда мне знать? Как законопослушный гражданин, который ждет заслуженной пенсии от полиции, я сам никогда не проводил времени в камере.

— Знаете, и я тоже, — сказал Толстый Чарли.

— Это хорошо.

— Извините, — сказал Толстый Чарли. — Не дадите мне что-нибудь почитать?

— Это что, по-вашему? Похоже на библиотеку?

— Нет.

— Когда я еще был зеленым копом, один тип попросил у меня книгу. Я пошел и принес ту, которую читал сам. Дж. Т.Эдсона, кажется, или, может, Луиса Л'Амура. А он взял и заткнул ею унитаз, вот как! Больше меня на мякине не проведешь.

На этом он ушел, заперев за собой дверь, и Толстый Чарли остался один.

Самое странное, думал обычно не склонный к самокопанию Грэхем Хорикс, — то, насколько нормально, бодро и в общем и целом хорошо он себя чувствует.

Капитан попросил пристегнуть ремни безопасности, а еще сказал, что скоро они приземлятся на Сан Андреасе. Сан Андреас — это такой крохотный островок в Карибском заливе, который, объявив в 1962 году о своей независимости, решил отпраздновать освобождение от колониального режима, учредив среди прочего собственные судебные органы и провозгласив поразивший пять континентов разрыв всех договоров об экстрадиции с остальным миром.

Самолет приземлился. Катя за собой чемодан на колесах, Грэхем Хорикс двинулся по залитому солнцем асфальту посадочной полосы, потом, за стеклянной дверью достал соответствующий паспорт (на имя Бейзила Финнегана), получил на него штамп, забрал с вертушки остальной багаж и, миновав совершенно пустой зал таможенного досмотра, оказался в крошечном аэропорту, откуда ступил под знойное солнце Кариб. Одет он был в футболку, сандалии и шорты — истинный англичанин в отпуске за границей.

У дверей аэропорта его ждал садовник, и, сев на заднее сиденье черного «мерседеса», Грэхем Хорикс приказал:

— Домой, пожалуйста.

По дороге из Уильямстауна в свои владения на

скалах он с удовлетворенной, собственнической улыбкой осматривал из окна остров.

Ему пришло в голову, что перед отъездом из Англии он оставил умирать женщину в стенном шкафу. Интересно, жива ли она еще? Пожалуй, нет. Его нисколько не беспокоило, что он совершил убийство. Напротив, он испытывал безграничное удовлетворение, словно наконец воплотил свое самое заветное желание. Интересно, удастся ли это повторить?

Интересно, скоро ли это случится?

Глава десятая, в которой Толстый Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон крайне недовольна

Толстый Чарли сидел на одеяле поверх железной кровати и ждал, когда что-нибудь произойдет. Ничего не происходило. Крайне медленно протянулись, казалось, несколько месяцев. Он старался заснуть, но не мог вспомнить, как это делается.

Он забарабанил в дверь.

Кто-то рявкнул: «Тихо!» — но Толстый Чарли не сумел определить, был ли этот кто-то одним из надзирателей или заключенных.

Он вышагивал по периметру камеры в общем и целом два или три года — по самым скромным подсчетам. Потом сел и поддался бесконечности. Дневной свет за куском толстого стекла вверху стены, которое играло роль окна, был по всей очевидности тем самым, какой был виден, когда сегодня утром за Толстым Чарли заперли дверь.

Толстый Чарли попытался вспомнить, как полагается коротать время в тюрьме, но на ум шли

только записи в тайных дневниках и как прятать разные мелочи между ягодицами. Писать ему было не на чем, к тому же он считал, что неплохо прожил свою жизнь, раз ему нечего прятать между ягодицами.

Ничего не происходило. И продолжало не происходить. Эдакий сериал… «Снова Ничего». «Возвращение Ничего». «Сын Ничего». «Ничего выходит на охоту». «Ничего, Эбботи Костелло[148] встречают волка-оборотня»…

Когда в двери заскрежетал ключ, Толстый Чарли едва не закричал «ура».

— Так. Прогулка по двору. Можешь выкурить сигарету, если очень хочется.

— Я не курю.

— Молодец. Дурная привычка.

Двором для прогулок оказался четырехугольник, вокруг которого и был построен сам полицейский участок, иными словами, со всех сторон он был окружен глухими стенами, а сверху затянут проволочной сеткой, и, наматывая по нему круги, Толстый Чарли определенно решил, что сидеть под арестом ему решительно не нравится. Толстый Чарли вообще не любил полицию, но до

[148] notes: 148

Эббот и Костелло — дуэт знаменитых американских комиков 1940–1950-х гг.

сих пор умудрялся цепляться за исконную веру в естественный порядок вещей, убежденность в том, что какая-то высшая сила (викторианцы назвали бы ее Провидением) заботится о том, чтобы виновные были наказаны, а невиновные получили свободу. После недавних событий эта вера рухнула, сменившись подозрением, что остаток жизни он проведет, клянясь и божась в своей невиновности различным неумолимым судьям и мучителям, многие из которых будут похожи на Дейзи, и что, по всей вероятности, проснется в шестой камере завтра утром и обнаружит, что превратился в огромного таракана. Его явно перенесли в какой-то зловредный мир, где людей превращают в тараканов…

Что-то упало с вышины на проволочную сетку. Толстый Чарли поднял голову. Сверху вниз на него с надменным безразличием смотрел черный дрозд. Зашумели крылья, и к дрозду присоединилось несколько воробьев и еще птица, которую Толстый Чарли счел скворцом.

Птицы пялились на Толстого Чарли, Толстый Чарли пялился на птиц.

Прилетели новые.

Толстый Чарли не мог бы определить, когда увеличение числа птиц на сетке перешло из

категории любопытных диковин в разряд прямой угрозы. Наверное, когда оно перевалило за первую сотню. И все потому, что они не чирикали, не каркали, не издавали трелей и не пели. Просто приземлялись на сетку и смотрели на него.

— Улетайте, — сказал Толстый Чарли и чуть громче добавил: — Кыш! Кыш!

Птицы как одна остались сидеть на месте. Только заговорили. И все произносили его имя.

Подбежав к двери в углу, Толстый Чарли в нее забарабанил.

— Прошу прощения, — несколько раз вежливо повторил он, а потом стал кричать: — Караул!

Щелчок. Дверь открылась, и представитель сил правопорядка ее величества с набрякшими веками сказал:

— Есть причина шуметь? Лучше бы ей быть веской.

Толстый Чарли ткнул пальцем вверх. Он ничего не сказал. Нужды не было. Губы у надзирателя странно обмякли, челюсть обвисла, словно рот уже никогда не закроется. Мама Толстого Чарли непременно посоветовала бы его закрыть, иначе залетит что-нибудь.

Сетка провисла под весом тысяч птиц. Глаза пернатых смотрели вниз не мигая.

— Иисус на велике, — пробормотал полицейский и без единого слова повел Толстого Чарли назад в блок камер.

Мэв Ливингстон мучилась. Она лежала, растянувшись на полу. Когда она очнулась, лицо и волосы у нее были теплыми и влажными, потом она заснула, а когда пришла в себя снова, они были липкими и холодными. Она засыпала и просыпалась и снова засыпала, просыпалась настолько, чтобы почувствовать боль в затылке, а потом — так как спать было легче и потому что во сне ничего не болело — снова позволяла забытью накрыть себя уютным одеялом.

Во сне она бродила по телестудии и искала Морриса. Временами ей удавалось мельком увидеть его на каком-нибудь мониторе. И вид у него всегда был озабоченный. Она пыталась найти выход, но всякий раз оказывалась на съемочной площадке.

— Мне холодно, — подумала она и поняла, что в очередной раз очнулась.

Однако боль стихла. В общем и целом, решила Мэв, она чувствует себя сравнительно неплохо.

Ее что-то расстраивало. Только вот что? Наверное, во сне привиделось что-то дурное.

Где бы она ни находилась, тут было темно.

Кажется, какой-то чулан. Мэв вытянула по сторонам руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте. Сделав, зажмурясь, несколько нервных шагов, она открыла глаза. Ага, вот это помещение ей уже знакомо. Офисное здание. Кабинет. Кабинет Грэхема Хорикса.

Тут она вспомнила. Да, конечно, она еще не пришла в себя: как человек, которого разбудили слишком быстро… Мысли путаются, в голове вата, вот выпьет сейчас утреннюю чашку кофе, и все наладится… Но тут ей вспомнилось все: вероломство Грэхема Хорикса, его предательство, его преступления, его…

«Почему, — подумала она, — он на меня напал? Он меня ударил? — А потом: — Полиция! Надо позвонить в полицию!» Она протянула руку к столу и попыталась взять трубку, но та была или очень тяжелой, или скользкой, или и то и другое разом, и ей никак не удавалось ее схватить. И пальцы плохо слушались.

«Я слабее, чем думала, — решила Мэв. — Пожалуй, попрошу, чтобы сразу прислали и „скорую“».

В кармане юбки у нее был серебряный телефончик, при звонке игравший мелодию «Зеленые рукава». С огромным облегчением Мэв обнаружи-

ла, что телефончик на месте и взять его она может без всяких проблем. Она набрала номер службы спасения. И, ожидая ответа, задумалась, а почему до сих пор говорят набирать, когда циферблаты на телефонах канули в Лету, ведь давно уже появились телефоны с кнопками и раздражающе гадкими звонками. В юности у нее был приятель, который умел изображать (и постоянно это делал) звонок первых радиотелефонов. Оглядываясь назад, Мэв решила, что это было единственным его стоящим достижением. Интересно, что с ним сталось? Интересно, как живет человек, только и умеющий, что имитировать звонок радиотелефона, в мире, где телефонные звонки сами умеют имитировать все что угодно…

— Просим прощения за задержку при соединении, — произнес механический голос. — Пожалуйста, не кладите трубку.

Мэв чувствовала странное спокойствие, словно больше с ней уже ничего не может случиться.

— Алло? — раздался в трубке мужской голос — очень, очень деловитый.

— Мне нужна полиция, — сказала Мэв.

— Полиция вам не нужна, — отозвался голос. — Все преступления разберет соответствующая и неизбежная инстанция.

— Знаете, я, наверное, ошиблась номером.

— Сходным образом, — продолжал мужской голос, — все номера в конечном итоге верные. Они — просто наборы цифр и потому не могут быть верными или неверными.

— Хорошо вам говорить, — не выдержала Мэв. — Но мне очень нужно дозвониться в полицию. А еще мне, наверное, нужна «скорая помощь». И, по всей видимости, я не туда попала.

Она оборвала звонок. Может, «999» с сотового не набирается? Вызвав на экран телефонную книгу, она набрала номер сестры. Телефон разок звякнул, и знакомый голос произнес:

— Позвольте прояснить. Я не говорю, что вы намеренно ошиблись номером. Полагаю, числа, из которых состоят все номера, по природе своей верны. За исключением числа «пи», разумеется. За число «пи» я не поручусь. От одних мыслей о нем голова раскалывается, оно все крутится и крутится в мозгу, и крутится, и крутится…

Нажав красную кнопку, Мэв отключилась и набрала номер управляющего в своем банке. Ответивший голос произнес:

— И вот, пожалуйста, я болтаю об истинности чисел, а вы, без сомнения, думаете, всему свое

время и место…

Щелк. Номер лучшей подруги.

— …тогда как в настоящий момент нам бы следовало обсудить, как с вами в конечном итоге поступить. Боюсь, сегодня у нас движение особенно напряженное, поэтому если вы не против немного подождать там, где находитесь, вас заберут…

Голос был успокаивающий и ободряющий, как у пастора на радио, который рассказывает, о чем думал сегодня утром перед службой.

Если бы не снизошедшая на Мэв безмятежность, бывшая танцовщица впала в панику. А так просто задумалась. Очевидно, надо предположить, что ее телефон — как это называется — «взломали»? Поэтому придется просто выйти на улицу, найти постового констебля и официально подать заявление. Когда Мэв нажала кнопку вызова лифта, ничего не произошло, поэтому она спустилась по лестнице, думая, что полицейского, наверное, на месте не окажется, их никогда нет под рукой, когда они нужны, вечно раскатывают в своих машинах, которые так и проносятся мимо. На взгляд Мэв, полиции следовало бы ходить парами, сообщать гражданам, который час, или ждать у водосточных люков,

когда в них попытаются спуститься бандиты с мешками награбленного через плечо…

В вестибюле полицейских оказалось даже двое — мужчина и женщина. Несмотря на штатское платье, с первого взгляда видно, кто они, таких ни с кем не перепутаешь. Мужчина был крепким и краснолицым, женщина — худенькой, смуглой и, в иных обстоятельствах, показалась бы исключительно хорошенькой.

— Нам известно, что она входила сюда, — говорила женщина. — Секретарша в приемной помнит, как она пришла незадолго до перерыва на ленч. Но когда она вернулась, обоих уже не было.

— По-твоему, они сбежали, чтобы остаток жизни провести вместе? — спросил здоровяк.

— Прошу прощения, — вежливо сказала Мэв Ливингстон.

— Вероятно. Должно же быть какое-то простое объяснение. Исчезновение Грэхема Хорикса. Исчезновение Мэв Ливингстон. Хотя бы Нанси у нас под арестом.

— Никуда мы не убегали, — решительно сказала Мэв, но ее слова оставили без внимания.

Полицейские вошли в лифт и захлопнули за собой дверь. Мэв осталось только смотреть, как

они рывками поднимаются к потолку.

Сотовый все еще был у нее в руке и сейчас вдруг завибрировал, а потом начал играть «Зеленые рукава». На экране возникла фотография Моррис. Мэв нервно нажала кнопку «прием».

— Да?

— Привет, солнышко. Как делишки?

— Спасибо, прекрасно. — А потом: — Моррис? — А потом: — Нет, не прекрасно. На самом деле ужасно.

— Эх, — вздохнул Моррис. — Так я и думал. Впрочем, теперь уже ничего не поделаешь. Время двигаться дальше.

— Моррис? Откуда ты звонишь?

— Трудно объяснить, — ответил он. — Если уж на то пошло, я вообще не звоню. Просто очень хотел тебе помочь.

— Наш Грэхем Хорикс оказался негодяем.

— Да, солнышко, — сказал Моррис. — Но пришло время забыть и отпустить. Повернуться спиной.

— Он ударил меня по затылку, — пожаловалась мужу Мэв. — И он крал наши деньги.

— Это лишь материальное, золотко, — утешил ее Моррис. — Теперь ты по ту сторону…

— Моррис, — твердо сказала Мэв, — этот гадкий

червяк пытался убить твою жену. Тебе бы следовало проявить побольше беспокойства.

— Не надо так, золотко. Я просто пытаюсь объяснить…

— Должна тебе сказать, Моррис, что если ты займешь такую позицию, мне придется самой со всем разобраться. Уж я-то не собираюсь такое забывать. Тебе хорошо говорить, ты мертв. Тебе о таком волноваться не приходится.

— Ты тоже мертва, золотко.

— А это тут при чем? — взвилась было она, но осеклась: — Я что? — А после, прежде чем он успел вставить хотя бы слово: — Я же сказала, что он пытался меня убить. Я не говорила, что он преуспел.

— Э-э-э… — Покойный Моррис Ливингстон терялся в словах. — Мэв, дорогая, я знаю, это может оказаться для тебя потрясением, но правда в том…

Телефон издал «пи-ип», и на экране появился значок пустой батарейки.

— Боюсь, я тебя не понимаю, Моррис, — сказала Мэв. — Кажется, у меня телефон разрядился.

— У тебя нет батарейки, — сказал он. — У тебя нет телефона. Это иллюзия. Я все пытаюсь тебе сказать, что ты теперь за гранью — опять из го-

ловы вылетело… Ах нет, нам не полагается это называть… в общем, становишься… о черт… как бабочки и червячки… Ну, сама понимаешь…

— Гусеницы, — сказала Мэв. — Думаю, ты имел в виду гусениц и бабочек.

— Э-э-э… вроде того, — сказал в телефоне голос Морриса. — Гусеницы. Их я и имел в виду. Так во что превращаются червячки?

— Ни во что они не превращаются, Моррис, — несколько раздраженно ответила Мэв. — Они просто червяки.

Серебряный телефончик слабо икнул, высветил значок пустой батарейки и выключился.

Закрыв его, Мэв убрала аппарат в карман, потом подошла к ближайшей стене и ради эксперимента надавила на нее пальцем. На ощупь стена была липкой и похожей на желе. Она надавила чуть сильнее, и вся рука целиком ушла в стену. А потом прошла насквозь.

— Ну вот, — сказана она вслух.

И — не впервые в жизни — пожалела, что не послушалась Морриса, которому (надо признать) сейчас известно о смерти и ее правилах гораздо больше нее. «Ладно, — подумала она. — Быть мертвой немногим отличается от всего остального на свете: учишься и импровизируешь на

ходу».

Выйдя через главную дверь, она очутилась по ту сторону стены — в вестибюле. Попробовала еще раз — с тем же результатом. Тогда она вошла в бюро путешествий на первом этаже и попыталась выбраться наружу через западную стену. Через стену-то она прошла, но все равно оказалась в главном вестибюле, только попала в него с восточной стороны. «Словно ты в телевизоре и пытаешься выбраться через экран», — решила Мэв. С точки зрения топографии, теперь ее вселенная, похоже, ограничена дурацким офисным зданием.

Она поднялась наверх посмотреть, что делают полицейские. Они как раз рассматривали стол и беспорядок, который оставил, собирая вещи, Грэхем Хорикс.

— Знаете, — любезно сказала Мэв. — А ведь я в чулане за книжным шкафом. Честное слово, я там.

Полицейские ее проигнорировали… Присев на корточки, женщина порылась в мусорной корзине.

— Есть! — победно сказала она и вытащила белую мужскую рубашку, забрызганную высохшей кровью. Рубашку она положила в полиэтилено-

вый пакет. Здоровяк достал сотовый.

— Присылайте судмедэкспертов.

Теперь камеру номер шесть Толстый Чарли считал не узилищем, а убежищем. Во-первых, камеры находились глубоко в недрах здания, далеко от мест обитания даже самых предприимчивых из мира пернатых. Во-вторых, брата нигде поблизости нет. Его уже радовало, что в камере номер шесть вообще ничего не происходит. «Ничего» было бесконечно предпочтительнее ужасов и неприятностей, какие то и дело на него сыпались. Даже мир, населенный исключительно замками, тараканами и людьми по имени К., казался гораздо привлекательнее того, где злобные птицы хором каркали его имя.

Дверь открылась.

— Разве вас не учили, что надо стучать? — спросил Толстый Чарли.

— Нет, — сказал надзиратель. — На самом деле у нас не стучат. Ваш адвокат наконец пришел.

— Мистер Мерримен? — спросил Толстый Чарли, но осекся.

Леонард Мерримен был округлым джентльменом в узеньких золотых очках, и мужчина позади надзирателя никак на него не походил.

— Все в порядке, — сказал мужчина, который

не был его адвокатом. — Можете нас оставить.

— Нажмите кнопку звонка, когда закончите, — сказал надзиратель и запер за собой дверь.

Паук взял Толстого Чарли за руку.

— Я тебя отсюда вытаскиваю.

— Но я не хочу, чтобы меня вытаскивали! Я ничего не сделал.

— Отличная причина выбираться.

— Но если я выберусь, то выйдет, что я сбежал, а значит, виноват. Я же стану беглым заключенным!

— Ты не заключенный, — весело возразил Паук. — Тебе еще не предъявили никаких обвинений. Ты просто помогаешь им в расследовании. Да, кстати, есть хочешь?

— Немного.

— Чего бы тебе хотелось? Чай? Кофе? Горячий шоколад? При упоминании о горячем шоколаде у Толстого Чарли потекли слюнки.

— Ужасно хочется, — признался он.

— Значит, горячий шоколад.

Схватив Толстого Чарли за руку, Паук велел:

— Закрой глаза.

Толстый Чарли послушался, хотя и сомневался, что от этого станет лучше. Мир растянулся и сжался, и Толстый Чарли подумал, что его сейчас

стошнит. Потом в голове у него все улеглось, по щеке его погладил теплый ветер.

Он открыл глаза.

Они стояли под открытым небом, на большой ярмарочной площади, в стране, которая никак не походила на Англию.

— Где мы?

— Кажется, это называется Скопье. Городок у границы Италии или еще где-то. Я уже давно сюда приезжаю. Тут готовят потрясающий горячий шоколад. Лучшего я не пробовал.

Они сели за маленький деревянный столик, выкрашенный в огненно-красный цвет. Подошел официант и сказал что-то на языке, который Толстому Чарли показался совсем не итальянским.

— Дос шоколадос, приятель, — сказал Паук.

Официант кивнул и удалился.

— Ну вот, — сказал Толстый Чарли, — сейчас ты втянул меня в еще большие неприятности. Теперь меня объявят в международный розыск или еще что. Про меня станут писать в газетах.

— И что они тебе сделают? — улыбнулся Паук. — Посадят в тюрьму?

— Хватит.

Появился горячий шоколад, и официант разлил его в крошечные чашечки. Температурой он

напоминал раскаленную лаву, а консистенцией — что-то среднее между шоколадным супом и шоколадным кремом, но пах восхитительно.

— Послушай, — начал Паук, — ну и напортачили мы с воссоединением семьи, правда?

— Мы напортачили? — переспросил с нажимом на первом слове Толстый Чарли. — Это не я украл мою невесту. Это не я устроил так, чтобы меня уволили. Это не я устроил так, чтобы меня арестовали…

— Нет, — согласился Паук. — Но это ты вовлек в наше дело птиц, да?

Толстый Чарли рискнул сделать крошечный глоток из своей чашки.

— Ух! Кажется, я только что обжегся. — Он посмотрел на брата и увидел у него на лице собственное выражение: тревогу, усталость, испуг. — Да, это я вовлек в наше дело птиц. И что теперь?

— Кстати, здесь готовят довольно вкусную лапшу с мясной подливой.

— Ты уверен, что мы в Италии?

— Не совсем.

— Можно задать тебе вопрос?

Паук кивнул.

Толстый Чарли постарался подобрать слова:

— Та история с птицами. Когда они объявляются стаями и делают вид, будто сбежали из фильма Альфреда Хичкока. Как по-твоему, такое возможно только в Англии?

— А что?

— Потому что, кажется, голуби нас заметили.

Голуби были заняты совсем не тем, что полагается делать голубям. Они не клевали корки от сандвичей и не дергали вверх-вниз головами, выискивая оброненную туристами еду. Они стояли совершенно неподвижно и смотрели. Вдруг захлопали крылья, и к ним присоединилась еще сотня птиц, большая их часть приземлилась на статую толстяка в огромной шляпе, которая стояла в центре площади. Толстый Чарли поглядел на голубей, голуби глядели на него.

— И что нас ждет в худшем случае? — вполголоса спросил он. — Они нас обкакают?

— Не знаю. Но боюсь, они способны на много большее. Допивай свой шоколад.

— Но он же горячий!

— Тогда нам понадобится пара бутылок воды, верно? Гарсон?

Негромкий шорох крыльев, перебранка подлетевших пернатых, и за всем этим — негромкое гульканье, точно кто-то шушукается.

Официант принес им воду, и Паук, на котором, как заметил Толстый Чарли, вдруг снова появилась черная с красным кожаная куртка, распихал бутылки по карманам.

— Это же всего лишь голуби, — сказал Толстый Чарли, но, уже произнося эти слова, понял, что они не соответствуют действительности. Это были не просто голуби. Это была армия. Статуя толстяка почти скрылась из виду под серыми и бурыми перьями.

— Кажется, до того, как птицы решили стакнуться против нас, они мне больше нравились.

— И они здесь повсюду, — добавил Паук, потом схватил Толстого Чарли за руку. — Закрой глаза.

Птицы как одна поднялись в воздух. Толстый Чарли зажмурился.

Голуби набросились, как волк на отару…

Тишина, давление… И Толстый Чарли подумал: «Я в печке». Открыв глаза, он сообразил, что нисколечко не ошибся: истинная печь с красными барханами, которые, уменьшаясь, уходили вдаль, чтобы слиться с жемчужным небом на горизонте.

— Пустыня, — объяснил Паук. — Я подумал, это недурная мысль. Зона, свободная от птиц. Место, где можно спокойно поговорить. — Он протянул

Толстому Чарли бутылку с водой.

— Спасибо.

— Итак. Не хочешь рассказать, откуда берутся птицы?

— Есть одно место. Я туда ходил. Там была уйма человеко-зверей. Они все… м-м-м… Они знали папу. Там была птица, ну одновременно и женщина, и птица.

Паук наградил его нехорошим взглядом.

— «Есть такое место»? А подоходчивее нельзя?

— Склон горы, а в нем пещеры. А еще там был обрыв, где скалы уходят в пустоту. Словно бы конец света.

— Начало света, — поправил Паук. — Я слышал про пещеры. Одна знакомая девчонка про них рассказывала. Но сам там никогда не бывал. Так, значит, ты познакомился с Женщиной-Птицей и…

— Она пообещала, что заставит тебя уйти. И… э-э-э… Ну… я принял ее предложение.

— А вот это, — сказал Паук с улыбкой кинозвезды, — было чертовски глупо.

— Я не просил ее причинять тебе вред.

— А как по-твоему, что она собиралась сделать, чтобы от меня избавиться? Написать мне увещевательное письмо?

— Не знаю. Я не подумал. Был слишком расстроен.

— Замечательно. Ну, если выйдет по ее, ты будешь расстроен, а я мертв. Мог бы просто попросить меня уйти, знаешь ли.

— Я и просил!

— Э-э-э… И что я сказал?

— Что тебе нравится у меня дома и что ты никуда не уйдешь.

Паук отпил воды.

— А ей? Что в точности ты ей сказал?

Толстый Чарли постарался вспомнить. А ведь если подумать, сказал он довольно странную вещь.

— Только, что дам ей кровь Ананси, — неохотно признался он.

— Что?

— Она об этом меня попросила.

Не веря своим ушам, Паук уставился на него во все глаза.

— Но это же не только я. Это же мы оба!

Внезапно у Толстого Чарли пересохло во рту. Он понадеялся, что причиной тому был воздух пустыни, и отпил воды из бутылки.

— Подожди-ка. Почему мы в пустыне?

— Никаких птиц. Помнишь?

— Тогда что это? — спросил Толстый Чарли и указал на небо.

Сперва они казались крошечными, потом стало ясно, что они просто очень высоко: они кружили и ложились на крыло.

— Стервятники, — объяснил Паук. — Они на живое не нападают.

— Ага, — согласился Толстый Чарли. — А голуби боятся людей.

Точки закружили ниже; спускаясь, птицы словно бы увеличивались в размерах.

— Намек понял, — сказал Паук, а потом: — Вот черт! Они были не одни. Кто-то наблюдал за ними с дальнего бархана.

— Кыш! — крикнул Толстый Чарли. Его голос поглотил песок. — Я беру свои слова назад! Сделка отменяется! Оставь нас в покое!

На жарком ветру затрепыхались полы плаща, и бархан опустел.

— Она ушла, — с облегчением сказал Толстый Чарли. — Кто бы мог подумать, что все будет так просто.

Паук тронул его за плечо и указал вправо. Теперь женщина в буром плаще стояла на соседней песчаной гряде, так близко, что видны были черные стеклянистые глаза.

Стервятники превратились в растрепанные черные тени над головой и вскоре приземлились на песок: их голые розовато-лиловые шеи (лишенные перьев потому, что так много проще совать голову в гниющий труп) вытянулись, подслеповатые глазки уставились на братьев, словно птицы раздумывали, подождать ли, пока они умрут, или сделать что-нибудь, дабы ускорить этот процесс.

— О чем еще шла речь при сделке? — спросил Паук.

— А?..

— Еще что-нибудь было? Она дала тебе что-нибудь, чтобы ее скрепить? Иногда в подобных случаях бывает обмен.

Стервятники понемногу подбирались ближе, смыкали ряды, сужали круг. В небе появились новые черные мазки, которые росли, зигзагом приближаясь к братьям. Пальцы Паука сжались на запястье Толстого Чарли.

— Закрой глаза.

Холод ударил Толстого Чарли как прямой хук в живот. Он сделал глубокий вдох и почувствовал, что ему заморозило легкие. Он кашлял и кашлял, а кругом диким зверем завывал ветер.

Он открыл глаза.

— Можно спросить, где мы теперь?

— В Антарктиде, — ответил Паук и доверху застегнул кожаную куртку, хотя холод ему как будто не слишком мешал. — Боюсь, тут прохладно.

— А середины у тебя не бывает? Из пустыни прямо к торосам?

— Зато здесь нет птиц, — объяснил Паук.

— Не проще было бы перенестись в какое-нибудь здание и посидеть в четырех стенах, где уютно и птиц нет? Могли бы пообедать.

— Ну да. Теперь ты жалуешься, что щеки покусывает?

— Тут не только щеки покусывает. Тут холодина страшная. Да и вообще, смотри!!!

Толстый Чарли указал на небо. В холодной вышине неподвижно висела бледная закорючка, похожая на миниатюрную букву «ш».

— Альбатрос, — сказал он.

— Фрегат, — возразил Паук.

— Что?

— Это не альбатрос, а фрегат. Он, наверное, вообще нас не заметил.

— Он-то, возможно, нет, — признал Толстый Чарли. — А вон те?

Повернувшись, Паук увидел еще кое-что, что кричало явно не как «фрегат». Возможно, пинг-

винов, которые, переваливаясь, падая на брюхо и скользя по льду, надвигались на братьев, было меньше миллиона, но впечатление создавалось именно такое. Как правило, смертельный страх при виде пингвинов испытывают лишь мелкие рыбешки, но если этих симпатяг достаточно много…

Толстый Чарли без спроса взял Паука за руку и закрыл глаза.

А когда открыл их, кругом было теплее, хотя он так и не понял, где очутился. Все было цвета ночи.

— Я ослеп?

— Мы в заброшенной угольной шахте, — сказал Паук. — Пару лет назад я видел ее фотографию в каком-то журнале. Если только не существует безглазых зябликов, которые эволюционировали, чтобы пользоваться темнотой и питаться углем, нам, пожалуй, ничего не грозит.

— Шутишь, да? Насчет безглазых зябликов?

— Более-менее.

Толстый Чарли вздохнул, и этот вздох эхом прокатился по подземной пещере.

— Знаешь, — сказал он, — если бы ты просто исчез из моей жизни, если бы ты уехал из моего дома, когда я тебя попросил, мы не попали бы в

такой переплет.

— Помощи от тебя ни на грош.

— А я и не собирался тебе помогать. Один бог знает, как я буду объясняться с Рози.

Паук кашлянул.

— Думаю, об этом тебе волноваться нечего.

— Потому что?..

— Она с нами порвала.

Повисло долгое молчание. Потом Толстый Чарли сказал:

— Конечно, порвала.

— Я тут немного напортил. — Пауку явно было не по себе.

— А что, если я ей все объясню? То есть скажу, что я это не ты, что ты выдавал себя за меня…

— Уже сказал. Вот тут она и решила, что никого из нас больше не хочет видеть.

— И меня тоже?

— Боюсь, и тебя тоже. Тишина.

— Послушай, — произнес из темноты голос Паука. — На самом деле я вовсе не собирался… Ну, когда я появился у тебя на пороге, я хотел лишь поздороваться. А не… э-э-э… Я действительно все испоганил, да?

— Ты пытаешься извиниться?

Тишина, потом:

— Да. Наверное.

Снова тишина.

— Хорошо, извини, что я попросил Женщину-Птицу от тебя избавиться.

Не видя Паука, произнести это почему-то было легче.

— Ага. Спасибо. Хотелось бы только знать, как от нее самой теперь избавиться.

— Перо! — воскликнул вдруг Толстый Чарли.

— О чем это ты?

— Ты спрашивал, дала ли она мне что-нибудь, чтобы скрепить сделку. Дала. Она дала мне перо.

— Где оно?

Толстый Чарли постарался вспомнить.

— Точно не знаю. Оно было у меня, когда я очнулся в гостиной миссис Дунвидди. А в самолете уже нет. Наверное, оно все еще у миссис Дунвидди.

Молчание, ставшее ответом на эти слова, было долгим и мрачным. Толстый Чарли даже забеспокоился, что Паук сбежал и бросил его в темноте под миром. Наконец он не выдержал:

— Ты еще здесь?

— Здесь.

— Рад слышать. Если бы ты меня тут бросил, не знаю, как бы я выбрался.

— Не искушай меня.

Снова молчание.

— В какой мы стране? — спросил Толстый Чарли.

— В Польше, кажется. Я же говорил, что видел лишь фотографию. Только на ней были лампы.

— Тебе нужно увидеть фотографию места, чтобы в него попасть?

— Мне нужно знать, где оно.

Просто поразительно, думал Толстый Чарли, как тихо в этой шахте. У нее совершенно особенная тишина. Он задумался о тех отрезках вечности, когда отсутствуют звуки. Интересно, отличается ли тишина могилы от, скажем, молчания космоса?

— Я помню миссис Дунвидди, — сказал вдруг Паук. — Щуплая старушонка. Толстые линзы. Полагаю, нам придется поехать во Флориду и забрать у нее перо. А потом отдадим его Птице. Она отзовет своих кошмарных тварей.

Толстый Чарли допил воду из бутылки, которую они прихватили с собой из кафе на маленькой площади, расположенной где-то в не-Италии. Закрутив на место крышку, он поставил пустую бутылку куда-то в темноту, спросив себя, можно ли считать, что он мусорит, если этого никто не

видит?

— Тогда возьми меня за руку и пойдем к миссис Дунвидди.

Паук издал какой-то странный звук. В нем не было ни бравады, ни храбрости, напротив, он казался обеспокоенным и тревожным. Толстый Чарли вообразил себе, как Паук в темноте сдувается, словно лягушка-бык или старый воздушный шарик. За все время их недолгого знакомства Толстому Чарли очень хотелось посмотреть, как с Паука собьют спесь, как он хнычет, точно перепуганный шестилетний мальчишка.

— Подожди-ка. Ты боишься миссис Дунвидди?

— Я… я и близко не могу к ней подойти.

— Если тебя это хоть сколько-нибудь утешит, ребенком я тоже ее боялся, а потом столкнулся с ней после похорон и увидел, что она совсем не страшная. Нисколечки не страшная. Она просто старушка. — Тут в памяти у него снова всплыли черные свечи и брошенные в миску травы. — Ну, может, чуток жутковатая. Но ты же взрослый. Сам увидишь, все будет в порядке.

— Она заставила меня уйти, — сказал Паук. — А я не хотел. Но я разбил шар у нее в саду. Большой стеклянный шар, как гигантская елочная игрушка.

— И я тоже. Как же она сердилась!

— Знаю. — Голос из темноты звучал растерянно и встревоженно. — Это случилось одновременно. Так все началось.

— Ладно. Послушай, это еще не конец света. Ты перенесешь меня во Флориду, а я поеду и заберу у миссис Дунвидди перо. Я ее не боюсь. А ты можешь держаться подальше.

— Не могу. Я не могу появиться там же, где она.

— И что ты хочешь этим сказать? Что на тебя наложен ордер, который запрещает тебе к ней приближаться?

— Более-менее. Да… Я скучаю по Рози. И мне очень жаль. Ну… сам знаешь.

Толстый Чарли подумал о Рози. Удивительно, и почему ему так трудно вспомнить ее лицо? Он подумал, каково это, не иметь тещей маму Рози, о двух силуэтах за шторой его спальни.

— Не убивайся так. Нет, конечно, если хочешь, можешь убиваться, потому что вел ты себя как последний негодяй. Но, может, все к лучшему.

Приблизительно в том месте, где у Толстого Чарли находилось сердце, что-то екнуло, но он знал, что говорит правду. В темноте правду говорить легче.

— Ты хоть понимаешь, что все это бессмысли-

ца? — спросил Паук.

— Все?

— Нет. Только одно. Я не понимаю, почему Птица решила вмешаться? Где тут логика?

— Папа ее рассердил…

— Папа всех рассердил. Но с ней что-то не так. Если бы она хотела нас убить, то давно бы попыталась.

— Я отдал ей нашу кровь.

— Ты уже говорил. Нет, происходит что-то еще, и я не знаю что.

Молчание. Подумав, Паук сказал:

— Возьми меня за руку.

— Глаза нужно закрывать?

— Почему бы и нет?

— Куда мы направляемся? На Луну?

— Я перенесу тебя в безопасное место, — пообещал Паук.

— Отлично, — согласился Толстый Чарли. — Безопасное место — это по мне. Где оно?

А потом, даже не открывая глаз, Толстый Чарли понял. Ему подсказала вонь: запах немытых тел, неспущенных унитазов, дезинфектанта, старых одеял и апатии.

— Готов поспорить, в пятизвездочном отеле мне было бы так же безопасно, — сказал он вслух,

но в камере не было никого, кто бы его услышал. Он сел на кровать-полку в камере номер шесть и завернулся в тонкое одеяло. Он как будто просидел здесь целую вечность.

Полчаса спустя за ним пришли и отвели в комнату для допросов.

— Привет, — с улыбкой сказала Дейзи, — хочешь чашку чая?

— Зачем трудиться? — отозвался Толстый Чарли. — Я такое видел по телику. Я знаю, что будет дальше. Игра в «хорошего полицейского — плохого полицейского». Ты предложишь мне чашку чая и печенье с апельсиновым джемом, потом явится злобный гад, которому неймется нажать на курок, начнет на меня орать, выльет чай и станет есть мои печенья. Затем ты его остановишь, помешаешь наброситься на меня с кулаками и заставишь вернуть чай и печенья, а я из благодарности расскажу все, что ты хочешь знать.

— Эту стадию можем пропустить, — предложила Дейзи, — и сразу перейти к рассказу обо всем, что мы хотим знать. И вообще у нас нет печений с апельсиновым джемом.

— Я рассказал тебе все, что знаю, — сказал Толстый Чарли. — Все. Мистер Хорикс дал мне чек на две тысячи фунтов и предложил взять пару

недель отпуска. Похвалил меня, что я обратил его внимание на нестыковки в бухгалтерских операциях. Потом спросил, какой у меня пароль, и помахал на прощание. Конец истории.

— И ты по-прежнему утверждаешь, что тебе ничего не известно об исчезновении Мэв Ливингстон?

— Думаю, я с ней вообще не встречался. Может, однажды она заходила в офис. Несколько раз мы разговаривали по телефону. Она хотела поговорить с Грэхемом Хориксом. А мне всякий раз приходилось объяснять, что чек отправлен по почте.

— Он был отправлен?

— Не знаю. Я думал, что был. Послушай, не можешь же ты считать, что я как-то связан с ее исчезновением?

— А я так и не считаю, — весело сказала она.

— Ведь, честное слово, я не знаю, что могло… Что ты сказала?

— Я не считаю, что ты имеешь какое-то отношение к исчезновению Мэв Ливингстон. А еще я сомневаюсь, что ты имеешь какое-то отношение к финансовым махинациям, имевшим место в «Агентстве Грэхема Хорикса», хотя кто-то приложил немало трудов, чтобы бросить на тебя

подозрение. Но вполне очевидно, что странные операции и постоянный увод денег начались еще до твоего поступления в агентство. Ты работал там только два года.

— Около того.

Тут Толстый Чарли сообразил, что сидит открыв рог, и поспешно его закрыл.

— Послушай, — сказала Дейзи, — я знаю, что в книгах и в кино копы, как правило, идиоты, особенно если это детективные романы, в которых с преступностью борется пенсионер или разудалый частный сыщик. И мне правда очень жаль, что у нас нет печений с джемом. Но не все мы круглые дураки.

— А я такого не говорил.

— Нет, — согласилась она, — но думал. Ты свободен. С извинениями, если хочешь.

— Где она… э-э-э… исчезла? — спросил Толстый Чарли.

— Миссис Ливингстон? Ну, в последний раз ее видели входящей вместе с Грэхемом Хориксом в его кабинет. Я про чашку чая серьезно говорила. Хочешь?

— Да. Очень. Э-э-э… Думаю, ваши ребята уже проверили потайную комнатку в его кабинете? Ту, которая за книжным шкафом.

К чести Дейзи надо сказать, она отреагировала совершенно спокойно.

— Кажется, нет.

— Сомневаюсь, что сотрудникам полагается о ней знать, — сказал Толстый Чарли. — Но однажды я вошел к мистеру Хориксу, и книжный шкаф был отодвинут, а мой начальник возился с чем-то внутри. Я снова поскорее ушел, — добавил он. — Ты не подумай, я за ним не шпионил.

— Печенья с джемом купим по дороге, — решила Дейзи.

Толстый Чарли сомневался, что ему нравится свобода. Слишком уж много открытого пространства.

— С тобой все в порядке? — спросила Дейзи.

— Нормально.

— Ты как будто нервничаешь.

— Наверное. Думаю, тебе это покажется глупым, но я… кажется, у меня проблема с птицами.

— Что? Фобия?

— Вроде того.

— Для иррационального страха перед птицами есть устоявшийся термин.

— Да? И как же называют иррациональный страх перед птицами? — спросил Чарли, надкусывая печенье.

Молчание.

— Ну, во всяком случае, в моей машине птиц нет, — сказала наконец Дейзи.

Она оставила машину на запрещенном для парковки месте перед зданием «Агентства Грэхема Хорикса», и они вместе вошли внутрь.

Рози лежала в солнечных лучах возле бассейна на кормовой палубе корейского лайнера[149], закрыв лицо и голову журналом «Космополитэн», и пыталась вспомнить, почему решила, что провести отпуск с мамой — удачная идея.

На лайнере не было ни одной английской газеты, и Рози по ним не скучала. Зато ей не хватало всего остального. Для нее круиз превращался в плавучее чистилище, выносимое лишь оттого, что раз в пару дней корабль приставал к какому-нибудь острову. Пассажиры сходили на берег и шли за покупками, или кататься на водных лыжах, или отправлялись с пьяной экскурсией на якобы пиратских флотах. А вот Рози гуляла и разговаривала с людьми.

---

[149] notes: 149

До того, как эпидемия гастритного гриппа прогремела во всех газетах, лайнер назывался «Пальма Палермо». Дешевую попытку переименовать лайнер, сохранив те же инициалы, предпринял Глава совета директоров компании, который знал английский не так хорошо, как ему казалось, и в результате корабль плавал под гордым именем «Приступ Писка» — *Прим. авт.*

Она видела людей, которых мучает боль, людей, которые голодны или несчастны, и хотела им помочь. На взгляд Рози, все можно исправить. Нужно лишь, чтобы кто-то за это взялся.

Мэв Ливингстон всякого ожидала от смерти, но уж никак не раздражения. Тем не менее она была раздражена. Ей надоело, что сквозь нее проходят, надоело, что на нее не обращают внимания, и больше всего надоело то, что она не в силах покинуть офисное здание в Олдвиче.

— Послушайте, если я призрак и мне обязательно где-то обретаться, то почему не Сомерсет-хаус через дорогу? Красивый дом, отличный вид на Темзу, кое-какие внушительные архитектурные детали. К тому же очень и очень недурной ресторан. Даже если мне больше не надо есть, приятно было бы посмотреть, как обедают другие.

Секретарша Энни, в чьи обязанности с момента исчезновения Грэхема Хорикса входило скучливым голосом отвечать на телефонные звонки и говорить «Не знаю» на любой вопрос, какой ей задавали, и которая, когда не выполняла эту тяжелую работу, звонила подругам и возбужденным шепотом обсуждала с ними переполох в агентстве, промолчала, как, впрочем, не отвечала на все остальные реплики Мэв.

Рутину нарушило появление Толстого Чарли в обществе полицейской.

Мэв всегда нравился Толстый Чарли, даже если его задачей было заверять ее, что чек скоро доставят по почте, но теперь она видела то, чего не могла видеть раньше, а именно что вокруг него кружили (хотя сейчас и держались поодаль) тени: грядет беда. Он выглядел как человек, который отчего-то убегает, и это Мэв обеспокоило.

Последовав за ними в кабинет Грэхема Хорикса, она, к огромному своему облегчению и радости, увидела, что Толстый Чарли направился прямиком к книжному шкафу у дальней стены.

— Ну и где потайная панель? — спросила Дейзи.

— Там была не панель. Там была дверь. За вот этим шкафом. Ну, не знаю… может, он отодвигается каким-то устройством.

Дейзи задумчиво оглядела полки.

— Грэхем Хорикс написал автобиографию? — спросила она.

— Впервые слышу.

Дейзи нажала на переплетенную в кожу книгу «Моя жизнь», автор — Грэхем Хорикс. Раздался щелчок, и книжный шкаф отодвинулся, открывая спрятанную запертую дверь.

— Без слесаря не обойтись, — решила Дейзи и официальным тоном добавила: — И думаю, в вашем присутствии больше нет необходимости, мистер Нанси.

— Ладно, — согласился Толстый Чарли. — М-м-м, — протянул он. — Было… м-м-м… интересно. — А потом вдруг сказан: — Полагаю, тебе не захочется… пообедать… со мной… когда-нибудь?

— «Дим-Сум», — отозвалась Дейзи. — Ленч в воскресенье. Каждый платит за себя. Нужно быть в половине двенадцатого, к открытию, иначе до конца света будем стоять в очереди. — Нацарапав адрес ресторана, она протянула листок Толстому Чарли. — Берегись птиц по дороге домой.

— Обязательно, — пообещал он. — До воскресенья.

Развернув черный набор инструментов, полицейский слесарь извлек несколько длинных и тонких кусочков металла.

— Ну что же это такое, честное слово? — обиженно вопросил он. — Неужели они никогда не научатся? А ведь хорошие замки не так дороги. Только посмотрите на эту дверь. Отличная работа. Надежная. Потребовалось бы полдня, чтобы вскрыть газовой горелкой. Такую поставить дорого стоит. А потом они берут и все портят, вставляя

замок, который открыл бы и пятилетка чайной ложкой… Пожалуйста… Проще пареной репы.

Он потянул дверь на себя. Она отворилась, и перед ними предстало…

— Господи боже, — ахнула Мэв Ливингстон. — Это не я!

Она думала, что будет испытывать больше теплых чувств к собственному телу, но нет: труп скорее напомнил ей сбитое животное на обочине.

Вскоре комнатка заполнилась людьми. Мэв, которая никогда не любила полицейские сериалы по телевизору, быстро заскучала и заинтересовалась происходящим, лишь когда почувствовала, что ее саму непреодолимо потянуло вниз и во входную дверь — ее бренные останки как раз выносили в неприметном и непрозрачном синем пластиковом мешке.

— Вот так-то лучше, — сказала она. Воля!

Во всяком случае, свобода от офисов в Олдвиче.

По всей видимости, подумала Мэв, есть какие-то правила. Не может не быть. Просто она не знает, в чем они заключаются.

Мэв поймала себя на мысли, что жалеет, что не была религиозной при жизни — как-то не удавалось. Девочкой она не могла вообразить

себе Господа, который настолько ненавидит всех и каждого, что приговорил людей к вечным мукам в аду, в основном за то, что они недостаточно в него верили. А когда она выросла, ее детские сомнения превратились в непоколебимую уверенность, что существует только Жизнь от рождения до могилы, а все остальное — фантазии и домыслы. Это была хорошая философия, которая помогала ей справляться с повседневными делами и напастями, но сейчас подверглась суровому испытанию.

Честно говоря, она сомневалась, что, даже посещай она всю жизнь нужную церковь, это хоть сколько-то подготовило ее к происходящему. Мэв быстро пришла к выводу, что в хорошо организованном мире смерть должна быть чем-то сродни люкс-отпуску, где «все включено», когда в начале тебе дают папку с билетами, дисконтными ваучерами, расписаниями и несколькими номерами телефонов, по которым можно позвонить, если попадешь в неприятности.

Она не шла. Она не летела. Она двигалась как ветер, как холодный осенний ветер, от которого люди ежились и который шевелил опавшую листву на тротуарах, когда она проносилась мимо.

Первой ее целью было то самое место, куда она всегда возвращалась сразу по прибытии в Лондон: универмаг «Селфриджес» на Оксфорд-стрит. Когда-то в перерывах между танцевальным ангажементами Мэв работала в отделе косметики «Селфриджес» и взяла себе за правило ходить туда всякий раз, когда выпадет случай. И все лишь бы купить дорогую косметику — это она твердо пообещала себе в стародавние времена.

В отделе косметики она обреталась, пока ей не надоело осматривать витрины и вызывать озноб у дамочек, а потом отправилась осматривать мебель. Да, конечно, новый обеденный стол ей уже не купить… Но ведь она только посмотрит, какой в том вред?

После она поплыла через отдел электроники для дома, мимо колонок и телеэкранов всех размеров. По некоторым показывали новости. Звук во всех телевизорах был отключен, но каждый экран заполняла фотография Грэхема Хорикса. Неприязнь поднялась в ней жгучей волной, как раскаленная лава. Картинка изменилась, и теперь она увидела саму себя: снимок, на котором она стоит рядом с Моррисом. Она узнала скетч «Дайте мне пятерку, и я расцелую вас до смерти» из программы «Моррис Ливингстон, полагаю?».

Жаль, что нельзя перезарядить батарейку в телефоне. Ладно, пусть у единственного, кого она способна найти, докучный пасторский голос, она даже с ним бы поговорила. Но больше всего ей хотелось просто посмотреть на Морриса. Он бы знал, что делать. «На сей раз, — решила она, — я бы дала ему закончить. На сей раз я бы послушалась».

— Мэв?

Лицо Морриса смотрело на нее с экранов сотен телевизоров. На мгновение она было решила, что ей почудилось или что его показывают в новостях, но муж поглядел на нее озабоченно и снова повторил ее имя. Тогда она поняла, что это действительно он.

— Моррис?..

Он улыбнулся своей знаменитой улыбкой, и все лица на экране сосредоточились на Мэв.

— Здравствуй, золотко. Я уже начал беспокоиться, куда ты запропастилась. Тебе пора перейти черту.

— Перейти черту?

— На ту сторону. Покинуть юдоль слез. Или, может, приподнять завесу. Вот… — Он протянул сотню рук с сотни экранов.

Мэв поняла, что ей нужно только взять его руку,

но сама удивилась, услышав собственный голос:

— Нет, Моррис. Не думаю.

Сотня одинаковых лиц недоуменно нахмурилась.

— Мэв, дорогая. Тебе нужно забыть про материальный мир.

— Но это же очевидно, милый. Я забуду. Обещаю. Как только буду готова.

— Ты мертва, Мэв. Разве можно быть еще больше готовой?

Она вздохнула.

— Мне еще нужно кое-что здесь уладить.

— Что, например?

Мэв выпрямилась во весь рост.

— Я собиралась найти эту гадину, Грэхема Хорикса, и… Ну что там делают призраки? Буду, скажем, его преследовать или еще что.

— Ты хочешь преследовать Грэхема Хорикса? — с некоторым недоверием переспросил Моррис. — За что же?

— И вообще я здесь еще не закончила! — Поджав губы, Мэв решительно вздернула подбородок.

Муж Мэв Ливингстон глядел на нее с сотни экранов разом и молчал. И со смесью восхищения и раздражения качал головой. Он женился на ней за независимость и твердый характер, любил ее

за это, но жалел, что не в силах — хотя бы один этот раз — в чем-то ее убедить.

— Что ж, я никуда не денусь, малышка, — сказал он наконец. — Дай нам знать, когда будешь готова.

И на том он начал тускнеть.

— У тебя есть какие-нибудь соображения, как мне его найти? Моррис?

Но картинка сменилась, лицо мужа исчезло, и теперь по телевизорам показывали погоду.

Толстый Чарли встретился с Дейзи в «Дим-Сум», тускло освещенном ресторанчике крошечного лондонского чайна-тауна.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

— Спасибо. Но чувствую себя скверно. Меня сняли с дела Грэхема Хорикса. Теперь это развернутое расследование убийства. Надо думать, мне еще повезло, что я так долго им занималась.

— Но если бы ты им не занималась, — попытался он ее ободрить, — упустила бы возможность меня арестовать.

— И это тоже. — У нее хватило такта сделать удрученное лицо.

— Есть зацепки?

— Даже если были бы, я все равно не могла бы тебе рассказать. — К их столу подвезли малень-

кую тележку, и Дейзи выбрала с нее несколько блюд. — Есть теория, что он бросился с Ла-Манш с парома. Последнее, что он купил по своей кредитной карточке, был билет в Дьепп.

— По-твоему, это вероятно?

Подхватив палочками с тарелки клецку, она забросила ее в рот.

— Нет. Я бы сказала, он сбежал куда-то, с кем у нас нет договора об экстрадиции. Скорее всего в Бразилию. Убийство Мэв Ливингстон, возможно, было экспромтом, но все остальное слишком уж тщательно продумано. У него была разработанная система. Деньги отправлялись на счета клиентов. Грэхем снимал свои пятнадцать процентов плюс посылал от имени клиентов распоряжения, чтобы еще больше забирали с оставшейся суммы. Уйма чеков из-за границы вообще не попала на счета клиентов. Просто удивительно, как ему так долго все сходило с рук.

Толстый Чарли жевал рисовую тефтелю с какой-то начинкой.

— Кажется, ты знаешь, где он.

Дейзи застыла с клецкой во рту.

— Ты как-то странно сказала про Бразилию. Будто уверена, что его там нет.

— Это полицейское расследование. И, боюсь,

мне придется воздержаться от комментариев. Как поживает твой брат?

— Не знаю. Кажется, уехал. Когда я вернулся домой, его комнаты не было на месте.

— Его комнаты?

— Его вещей. Он забрал свои вещи. И с тех пор от него ни слуху ни духу. — Толстый Чарли отпил жасминового чая. — Надеюсь, с ним все в порядке.

— А что такого с ним может случиться?

— Ну, у него та же фобия, что и у меня.

— Ах да, из-за птиц. Ну да, ну да. — Дейзи сочувственно кивнула. — А как невеста и будущая теща?

— М-м-м… Не сказал бы, что эти определения в настоящий момент подходят.

— А-а…

— Они уехали.

— Из-за твоего ареста?

— Насколько мне известно, нет.

Она поглядела на него как сочувствующий, но проказливый эльф.

— Мне очень жаль.

— В настоящее время у меня нет работы, нет девушки и — благодаря твоим в основном усилиям — соседи уверены, что я наемный убийца мафии.

Кое-кто стал переходить через улицу, лишь бы со мной не встречаться. С другой стороны, малый, в чьем киоске я покупаю газеты, хочет, чтобы я проучил парня, который обрюхатил его дочку.

— И что ты ему сказал?

— Правду. Но, кажется, он мне не поверил. Подарил мне пакет чипсов с луком и сыром и пачку мятных лепешек и сказал, что, когда я сделаю работу, получу еще.

— Пройдет.

Толстый Чарли вздохнул.

— Чертовски неловко.

— Но все-таки не конец света.

Счет они поделили пополам, и со сдачей официант дал им два счастливых печеньица.

— Что в твоем? — поинтересовался Толстый Чарли.

— «Упорство себя оправдает», — прочла Дейзи. — А у тебя?

— То же самое, — сказал он. — Старое доброе упорство. — Смяв свое «счастье» в горошину, он уронил ее в карман и проводил Дейзи до метро на Лейчестер-сквер.

— Похоже, у тебя сегодня счастливый день, — заметила Дейзи.

— То есть?

— Кругом ни одной птицы.

Стоило ей это произнести, и Толстый Чарли сообразил, что она права. Не было ни голубей, ни скворцов. Даже воробьев не было.

— Но ведь на Лейчестер-сквер всегда полно птиц!

— Не сегодня, — улыбнулась Дейзи. — Может, они заняты в другом месте?

Они остановились у входа в метро, и на краткое, глупое мгновение Толстый Чарли решил, что она вот-вот поцелует его на прощание. Но нет. Дейзи просто улыбнулась и сказала «Удачи», а он несмело помахал, сделал эдакое робкое движение рукой, которое можно принять за махание, а можно — за непроизвольный жест. Но она уже сбежала по ступенькам и скрылась из виду.

Толстый Чарли двинулся через Лейчестер-сквер, направляясь к Пиккадилли-серкус.

Достав из кармана полоску бумаги из счастливого печенья, он ее развернул. «Встречаемся под Эросом», — говорилось там, а ниже рисунок наспех: закорючка в виде звездочки, которую при некотором усилии можно было принять за паучка.

На ходу Толстый Чарли обшаривал взглядом небо и окрестные здания, но не видел никаких

пернатых, что само по себе было странно, ведь в Лондоне птицы повсюду.

Сидя под статуей, Паук читал «Ньюс-уорлд». Услышав шаги Чарли, он поднял глаза.

— На самом деле это не Эрос, знаешь ли, — сказал Толстый Чарли. — Это статуя Христианского Милосердия.

— Тогда почему она голая и держит в руках лук и стрелы? Такое христианским милосердием не назовешь.

— Я только пересказываю, что читал, — пожал плечами Толстый Чарли. — Где ты был? Я за тебя волновался.

— Со мной все в порядке. Просто держался подальше от птиц, пытаясь разобраться что к чему.

— Ты заметил, что сегодня никаких птиц не видно? — спросил Толстый Чарли.

— Заметил. Не знаю, что и думать. А я крепко думал. Знаешь, что-то в этой истории дурно пахнет.

— Для начала все, — сказал Толстый Чарли.

— Нет. Я не то хотел сказать. Есть что-то неправильное в том, что Птица пытается нам навредить.

— Ага. Неправильно. И очень, очень нехорошо. Сам ей скажешь или лучше я?

— Неправильно, да не так. Неправильно, как… Ну сам посуди. Ведь если забыть о Хичкоке, птицы не самое удачное оружие. Они, конечно, крылатая смерть для насекомых, но плохо экипированы, чтобы атаковать людей. Птицы же за миллионы лет привыкли, что люди скорее всего первыми их съедят. Они ведь инстинктивно держатся от нас подальше.

— Не все, — сказал Толстый Чарли. — Со стервятниками не так. И с воронами. Но эти появляются только на поле битвы, когда сражение уже закончено. И ждут, когда раненые умрут.

— Что ты сказал?

— Я сказал, за исключением стервятников и воронов. Я не говорил про…

— Нет. — Паук сосредоточенно размышлял. — Упустил. Ты навел меня на какую-то мысль, и я почти догадался. Слушай, ты уже разыскал миссис Дунвидди?

— Я позвонил миссис Хигглер, но никто не взял трубку.

— Так поезжай и поговори с ними.

— Легко тебе говорить, а вот я без гроша. На мели. Я не могу летать взад-вперед через Атлантику. У меня больше нет работы. Я…

Запустив руку в карман черной с красным

куртки, Паук вытащил бумажник, а оттуда растрепанную пачку многоцветных банкнот разных стран. Пачку он сунул в руки Толстому Чарли.

— Вот. Этого должно хватить на билет туда и обратно. Только добудь перо.

— Послушай, — сказал вдруг Толстый Чарли. — А тебе не приходило в голову, что папа, возможно, все-таки жив?

— Что?

— Ну, я просто подумал… Может, он опять сыграл с нами злую шутку. Ведь это вполне в его духе, а?

— Не знаю, — протянул Паук. — Возможно.

— А вот я почти уверен. Знаю, что я сделаю прежде всего. Съезжу к нему на могилу и…

Но больше он ничего не успел сказать, потому что тут появились пернатые. Это были городские птицы: воробьи и скворцы, голуби и вороны. Их было тысячи и тысячи, и летели они, меняясь местами, точно сплетали огромный ковер. Было такое впечатление, словно с Риджент-стрит на Толстого Чарли и Паука надвигается огромная стена. Оперенная стена, похожая на фасад небоскреба, совершенно плоская, совершенно невозможная и беспрестанно мельтешащая. Толстый Чарли ее видел, но она не укладывалась у

него в голове, ускользала, извивалась, истончалась… Он смотрел во все глаза и пытался найти хоть какой-то смысл в происходящем.

Паук дернул его за рукав.

— Беги! — крикнул он.

— И ты тоже!

— Ей не ты нужен! — крикнул Паук и, усмехнувшись, добавил: — Пока.

Такая улыбка способна уговорить танки оставить поле боя или бронетранспортеры прыгнуть с обрыва, не говоря уже о сотнях людей, которые делали то, что им совсем не хочется. А Толстому Чарли очень хотелось убежать.

— Добудь перо! Разыщи отца, если думаешь, что он еще жив. А сейчас беги!

Толстый Чарли побежал.

Стена забурлила и превратилась в водоворот из птиц, направлявшихся к статуе Эроса и человеку под ней. Толстый Чарли забежал в дверной проем и оттуда смотрел, как основание темного смерча врезалось в Паука. Ему показалось, что за оглушительным биением крыльев он слышит крик брата. А может, и правда слышал.

Птицы вдруг рассеялись, улица опустела. Ветер легонько гнал по серому тротуару несколько перьев.

Толстому Чарли стало нехорошо. Если кто-то из прохожих и заметил, что сейчас случилось, то никто не среагировал. Но почему-то он был уверен, что никто, кроме него, ничего не видел.

Под статуей, совсем рядом с тем местом, где читал на скамейке газету его брат, стояла женщина. Ее растрепанный бурый плащ хлопал на ветру. Превозмогая себя, Толстый Чарли направился к ней.

— Послушай. Когда я просил заставить его исчезнуть, я хотел лишь, чтобы он ушел из моей жизни. Я не просил делать того, что ты с ним сделала — уж не знаю, что это было.

Она смотрела на него в упор и молчала. В ее глазах горело безумие хищной птицы, свирепость, которая была поистине ужасающей. Толстый Чарли постарался не выдать страха.

Женщина-Птица молчала и смотрела перед собой очень долго, но наконец сказала:

— Не волнуйся, придет и твой черед, сын компэ Ананси. Время настанет.

— Зачем он тебе?

— Мне он не нужен, — сказала Птица. — С чего бы он мне понадобился? У меня был долг перед кое-кем. А теперь я доставлю его, и мой долг будет уплачен.

Затрепыхались на ветру газеты. Оглянувшись, Толстый Чарли понял, что, кроме него, под статуей никого нет.

Глава одиннадцатая, в которой Рози учится говорить «нет» незнакомым, а Толстый Чарли обзаводится зеленым лимоном

Толстый Чарли смотрел на могилу отца.

— Ты тут? — спросил он вслух. — Если да, выходи. Мне нужно с тобой поговорить.

Подойдя к кованой вазе (на сей раз без цветка) в изголовье, он пригляделся внимательнее. Толстый Чарли сам точно не знал, чего ждал (наверное, что рука высунется из земли и схватит его за штанину), — но напрасно.

А ведь он был так уверен!

Толстый Чарли пошел к выходу из Садов Успокоения, чувствуя себя так же глупо, как игрок на телевикторине, который только что поставил миллион долларов на то, что река Миссисипи длиннее Амазонки. Следовало бы знать. Отец мертв, мертвее не бывает. Выходит, он потратил деньги Паука на погоню за химерой. Дойдя до вертушек Младенцекрая, он сел и заплакал, а плесневеющие игрушки казались еще более печальными и заброшенными, чем он помнил.

Она ждала его на парковке, прислонясь к своей машине, и курила. Ей было явно не по себе.

— Здравствуйте, миссис Бустамонте, — сказал Толстый Чарли.

В последний раз затянувшись докуренной почти до фильтра сигаретой, миссис Бустамонте бросила окурок на асфальт, где растерла его туфлей без каблука. Одета она была во все черное.

— Здравствуй, Чарльз.

— Если я кого-то и ожидал тут встретить, то миссис Хигглер. Или миссис Дунвидди.

— Каллианны нет. Миссис Дунвидди послала меня. Она хочет с тобой повидаться.

«Это как мафия, — подумал Толстый Чарли. — Старушечья мафия».

— Она собирается сделать предложение, от которого я не смогу отказаться?

— Сомневаюсь. Ей не слишком хорошо.

— О!

Сев во взятую напрокат машину, он последовал за «кэмри» миссис Бустамонте по Флоридскому шоссе. Он был так уверен насчет отца! Уверен, что найдет его живым. Уверен, что отец поможет…

Они припарковались у дома миссис Дунвидди. Толстый Чарли поглядел на газон, на поблекших пластмассовых фламинго и красный зеркальный

шар, покоящийся на небольшой подставке-колонне — точь-в-точь огромная елочная игрушка. Подойдя к шару, тому самому, который разбил ребенком, он заглянул в него. В ответ на него уставилось собственное перекошенное изображение.

— Для чего ей шар?

— Ни для чего. Просто нравится.

Запах фиалок в доме был тяжелым и давящим. Тетя Альма хранила у себя в сумочке упаковку карамелек с отдушкой из пармских фиалок, и даже будучи упитанным сладкоежкой, Толстый Чарли соглашался есть их лишь тогда, когда все остальное кончалось. В доме пахло так, как были на вкус те карамельки. Толстый Чарли уже двадцать лет не вспоминал про пармские фиалки. Неужели такие карамельки еще производят? Да и вообще кому взбрело в голову их готовить?

— Ее комната в конце коридора, — сказала миссис Бустамонте, остановилась и ткнула пальцем в полумрак.

Толстый Чарли покорно поплелся куда сказано и переступил порог спальни миссис Дунвидди.

Кровать была небольшая, но миссис Дунвидди все равно казалась в ней кукольной. На носу у нее были очки, а на голове (тут Толстый Чарли сообразил, что впервые в жизни видит подобный

головной убор) — ночной чепец: желтоватое сооружение, похожее на грелку для заварочного чайничка и отделанное кружевом. Она полусидела, опираясь на огромную гору подушек, рот у нее был приоткрыт, и, войдя. Толстый Чарли услышал мирный храп.

Он кашлянул.

Миссис Дунвидди вздернула голову, открыла глаза и уставилась на гостя. Потом ткнула пальцем в тумбочку у кровати, и, увидев на ней стакан с водой, Толстый Чарли поспешно его подал. Старуха взяла его обеими руками, точь-в-точь белка орех, и отпила большой глоток прежде, чем отдать обратно.

— Все время сохнет во рту, — сказала она. — Знаешь, сколько мне лет?

— Э-э-э… Нет. — Толстый Чарли решил, что правильного ответа тут быть не может.

— Сто четыре.

— Поразительно! Вы так хорошо сохранились. Я хочу сказать, это просто чудесно…

— Заткнись, Толстый Чарли.

— Извините.

— И не говори «извините» таким тоном, точно пес, которого отчитывают за то, что он наследил на полу в кухне. Держи голову выше. Смотри

миру в глаза. Понимаешь?

— Да. Извините. Я хотел сказать просто «да». Она вздохнула.

— Меня хотят забрать в больницу. Я сказала санитарам: когда доживешь до ста четырех, то заработал право умереть в собственной постели. Я тут детей зачинала, я тут детей рожала, и будь я проклята, если умру в другом месте. И вот еще что…

Она замолкла, закрыла глаза и сделала медленный глубокий вдох. Только Толстый Чарли решил, что она заснула, как ее глаза вдруг снова открылись.

— Если тебя, Толстый Чарли, спросят, хочешь ли ты дожить до ста четырех лет, скажи «нет». Все болит. Все. У меня болит в тех местах, которые наука даже еще не открыла.

— Буду иметь в виду.

— Не умничай.

Толстый Чарли поглядел на крошечную старушку в просторной белой кровати.

— Мне извиниться?

Миссис Дунвидди виновато отвела глаза.

— Я дурно с тобой обошлась, — сказала она. — Давным-давно я дурно с тобой обошлась.

— Знаю, — сказал Толстый Чарли.

Возможно, миссис Дунвидди была при смерти, но это не помешало ей бросить на Чарли такой взгляд, от которого дети младше пяти лет плача бегут к мамочке.

— Что ты хочешь сказать этим «знаю»?

— Я догадался, — ответил Толстый Чарли. — Вероятно, не обо всем, но кое о чем. Я не глупый.

Холодно оглядев его с головы до ног через толстые стекла, старуха сказала:

— Нет. Не глупый. Это точно. — И протянула костлявую руку. — Верни-ка мне стакан. — Она отпила еще, как кошка макая в воду пурпурный язычок. — Так-то лучше. Хорошо, что ты сегодня здесь. Завтра дом будет полон горюющих внуков и правнуков, и все будут пытаться отправить меня умирать в больницу, подлащиваться ко мне, чтобы я им всякое завещала. Они еще узнают! Я собственных детей переживу. Всех до единого.

— Вы собираетесь поговорить о том, как дурно со мной поступили?

— Не следовало тебе разбивать мой зеркальный шар.

— Конечно, не следовало.

Тут он вспомнил. Так вспоминаешь что-то из детства, и возвращается отчасти воспоминание, отчасти воспоминание воспоминания.

Как побежал за теннисным мячиком на двор миссис Дунвидди, а там — для пробы — взял ее зеркальный шар, чтобы полюбоваться своим отражением (огромным и перекошенным), а потом почувствовал, как украшение падает на каменную дорожку, и смотрел, как оно разбивается тысячью брызг. Вспомнил, как его схватили за ухо узловатые сильные пальцы и потащили со двора в дом…

— Вы отослали Паука, — сказал он. — Ведь так?

Ее челюсти щелкнули, как у механического бульдога. Она кивнула.

— Я наложила изгоняющее заклятие, — сказала она. — Но что-то пошло наперекосяк. В те времена все немного владели магией. У нас не было всяких там DVD, сотовых и микроволновок, но, однако, мы много чего знали. Я просто хотела тебя проучить. И чтобы преподать урок, вытащила из тебя Паука.

Слова-то Толстый Чарли расслышал, но они не имели решительно никакого смысла.

— Вытащили его?

— Оторвала от тебя. Все выходки и трюки. Всю шаловливость. Всю проказливость. Все дурное. — Она вздохнула. — Это было ошибкой. Никто мне не сказал, что если творишь волшебство рядом с

такими, как отпрыски твоего папы, любое заклятие усиливается. Все становится больше. — Еще глоток воды. — Твоя мать никогда в это не верила. В глубине души не верила. Но вот Паук… Он много хуже тебя. Твой отец держал рот на замке, пока я не заставила Паука уйти. Но и тогда сказал лишь, что если ты не сможешь все исправить, значит, ты не его сын.

Толстому Чарли хотелось запротестовать, возразить, что это все чушь, что Паук не часть его, так же как он, Толстый Чарли, — не часть моря или темноты. Но он только спросил:

— Где перо?

— О каком пере ты говоришь?

— Когда я вернулся оттуда, куда вы меня послали… Из места со скалами и пещерами… У меня в руке было перо. Что вы с ним сделали?

— Не помню, — сказала она. — Я старая женщина. Мне сто четыре года.

— Где оно? — повторил Толстый Чарли.

— Я забыла.

— Пожалуйста, скажите.

— У меня его нет.

— А у кого оно?

— У Каллианны.

— У миссис Хигглер?

Старуха доверительно наклонилась ближе.

— Остальные две — просто девчонки. Слишком взбалмошны.

— Перед вылетом я позвонил миссис Хигглер. Я заезжал к ней перед тем, как поехать на кладбище. Миссис Бустамонте сказала, ее нет.

Миссис Дунвидди мягко покачивалась из стороны в сторону, словно убаюкивала сама себя.

— Мне уже недолго осталось. После того как ты уехал в прошлый раз, я перестала есть твердую пищу. Да, да, перестала. Только пью. Кое-какие женщины твердят, что любили твоего отца, но я знала его задолго до них. Тогда я еще была красивой, и он водил меня на танцы. Он подхватывал меня и кружил, кружил… Он уже тогда был старым, но умел сделать так, чтобы девушка почувствовала себя особенной. Ты не чувствуешь… — Остановившись, она сделала еще глоток. Рука старухи затряслась, и Толстый Чарли едва успел подхватить стакан. — Сто четыре, — продолжила миссис Дунвидди. — И ни дня не лежала праздно в постели, разве что после родов. А теперь мне конец.

— Уверен, вы доживете до ста пяти, — неловко сказал Толстый Чарли.

— Не говори так! — вскинулась старуха. Вид

у нее стал встревоженный. — Не говори!!! Ваша семья и так уже наделала бед. Хватит подталкивать события!

— Я не такой, как папа, — напомнил Толстый Чарли. — Я не волшебный. Вы же сами отдали магию Пауку.

Но она как будто не слушала.

— Когда мы ходили на танцы, это было перед Второй мировой, твой папа шептался с главой джаз-банда, а потом его много раз звали петь на сцену с солистом. И все в зале смеялись и хлопали. Так он подталкивал события. Он пел.

— Где миссис Хигглер?

— Ушла на покой.

— Ее дом пуст. Ее машины нет на месте.

— Ушла на покой.

— Она что… на кладбище?!

Старуха на белых простынях, задыхаясь, хватала ртом воздух. Казалось, она потеряла дар речи и способна только пошевелить рукой.

— Позвать кого-нибудь на помощь? — спросил Толстый Чарли.

Миссис Дунвидди кивнула, но продолжала хватать воздух и задыхаться, поэтому он пошел искать миссис Бустамонте. Та сидела на кухне и смотрела «Опру» по крохотному телевизору на

кухонной стойке.

— Она просит вас, — неуверенно сказал Толстый Чарли.

Миссис Бустамонте вышла, потом, вернулась с пустым кувшином.

— Чем ты ее до такого довел?

— У нее что, приступ или еще что-то? Миссис Бустамонте поглядела странно.

— Нет, Чарльз. Она над тобой смеялась. Сказала, от тебя ей сразу полегчало.

— О! Она сказала, что миссис Хигглер ушла на покой. Я подумал, может, у нее в голове мутится, может, миссис Хигглер на кладбище. Об этом и спросил.

Тут миссис Бустамонте улыбнулась.

— На Сан Андреасе. Каллианна уехала на Сан Андреас.

Она налила в кувшин воды из-под крана.

— Когда все началось, — сказал Толстый Чарли, — я думал, это я против Паука, а вы четыре — на моей стороне. А теперь Паука похитили, а вы четыре сговорились против меня.

Закрутив кран, старуха угрюмо уставилась на Толстого Чарли.

— Я уже никому теперь не верю, — продолжал он. — Миссис Дунвидди скорее всего разыгрывает

умирающую. Наверное, стоит мне уехать, она выпрыгнет из кровати и будет танцевать чарльстон по всей спальне.

— Она не ест. Говорит, от еды у нее нутро болит. Только пьет.

— Где именно она на Сан Андреасе? — спросил Толстый Чарли.

— Просто уезжай, — ответила миссис Бустамонте. — Здесь твоя семья уже достаточно причинила вреда.

Толстый Чарли хотел было что-то сказать, но передумал и ушел без единого слова.

А миссис Бустамонте отнесла кувшин с водой миссис Дунвидди, которая мирно лежала в кровати.

— Сын Ананси нас ненавидит, — сказала миссис Бустамонте. — Что такого ты ему наговорила?

Но миссис Дунвидди не ответила. Миссис Бустамонте прислушалась и, удостоверившись, что старшая подруга дышит ровно, сняла с нее очки с толстыми стеклами, положила их возле кровати и натянула простыню, чтобы укрыть ей плечи.

А после села и стала ждать конца.

Отъезжая от дома миссис Дунвидди, Толстый Чарли сам не знал, куда именно направляется.

Он в третий раз за две недели перелетел Атлантический океан, и данные Пауком деньги были уже на исходе. Он как раз миновал несколько тесно жавшихся друг к другу ямайских ресторанчиков, когда заметил в витрине плакатик: «СКИДКИ НА ОСТРОВА». Припарковав машину, он вошел внутрь.

— «Турагентство А» выполнит все ваши пожелания, — сказал ему туроператор извиняющимся тоном, которым врачи обычно объясняют пациенту, что означенную конечность придется ампутировать.

— Э-э-э… да… Спасибо. Э-э-э… Как дешевле всего добраться до Сан Андреаса?

— Вы собираетесь в отпуск?

— Не совсем. Просто хочу съездить на день. Может, на два.

— Когда хотите уехать?

— Сегодня после полудня.

— Шутите?

— Нисколько.

Траурное рассматривание компьютерного экрана. Щелчки клавиатуры.

— Кажется, я не могу предложить вам ничего дешевле тысячи двухсот долларов.

— Ох! — Толстый Чарли обмяк на стуле.

Снова щелчки, на сей раз мышью. Мужчина шмыгнул носом.

— Нет. Тут что-то не так. Тут явно что-то не так. — А потом: — Подождите минутку. — Телефонный звонок. — Этот тариф еще действителен? — Нацарапав в блокноте какие-то цифры, туроператор поднял взгляд на Толстого Чарли. — Если поедете на неделю и остановитесь в отеле «Дельфин», я мог бы устроить вам неделю отпуска за пятьсот долларов, питание в отеле включено. Перелет вам будет стоить только пошлину в аэропорту.

Толстый Чарли моргнул.

— Есть какой-то подвох?

— Это акция по развитию туризма на острове. Как-то связано с фестивалем музыки. Сомневаюсь, что он еще идет. Но сами знаете, как говорят… Что оплатил, то и получай. Захотите питаться в другом месте, придется раскошелиться.

Толстый Чарли положил на стол пять мятых стодолларовых купюр.

Дейзи начинала понимать копов, которых обычно видишь только по телевизору: крутые, закаленные и стопроцентно готовые пойти против системы. Такие копы интересуются, считаешь ли ты себя везунчиком или хочешь ли ты устроить

им праздник, и в особенности такие, которые говорят: «Я слишком стар для этого дерьма». Дейзи было двадцать шесть, и ей хотелось сказать окружающим, что она слишком стара для этого дерьма. Она вполне сознавала, как нелепо это звучит, — спасибо, что подсказали.

В данный момент она стояла в кабинете суперинтенданта Камбервелла и говорила:

— Да, сэр. На Сан Андреасе.

— Ездил туда в отпуск пару лет назад. С бывшей миссис Камбервелл. Очень приятное место. Ромовый торт.

— Очень похоже, сэр. На пленке из Гатвика заснят определенно он. Путешествовал под фамилией Бронстейн. Роджер Бронстейн вылетел в Майами, где пересел на самолет до Сан Андреаса.

— Вы уверены, что это он?

— Совершенно.

— М-да, выходит, что мы в полной заднице, верно? — отозвался Камбервелл. — Ведь у нас с ними нет договора об экстрадиции.

— Но должно же быть *что-то,* что мы могли бы сделать.

— Ну… Можем заморозить его оставшиеся счета и наложить арест на его имущество. Разумеется, так мы и поступим, хотя пользы от этого как от

козла молока, потому что у него уйма наличности в таких местах, до которых мы не можем дотянуться, даже отследить не сумеем.

— Но он же совершил у-бий-ство, — последнее слово Дейзи размеренно произнесла по слогам.

Суперинтендант поднял на нее взгляд, словно не был уверен, что именно перед собой видит.

— У нас тут не игра в салочки на детской площадке. Если они будут держаться правил, он окажется у нас. Ели он вернется, мы его арестуем. — Он сплющил пластилинового человечка в пластилиновый ком и начал разминать в плоскую лепешку большим и указательным пальцами. — В старые времена, — продолжал он, — преступники могли потребовать убежища в церкви. Пока ты оставался там, закон не смел тебя тронуть. Даже если ты убил человека. Разумеется, это ограничивало свободу передвижений. М-да.

Камбервелл поглядел на Дейзи так, будто ожидал, что после такой тирады она уйдет. А она сказала:

— Он убил Мэв Ливингстон. Он годами обворовывал своих клиентов.

— И?..

— Нам следует отдать его под суд.

— Пусть это не мешает вам спать.

«Я слишком стара для этого дерьма», — подумала Дейзи. Рот она держала на замке, но в голове все крутились и крутились эти слова.

— Пусть это не мешает вам спать, — повторил он, потом сложил пластилиновую лепешку в кубик и безжалостно раздавил пальцами. — Сам я сплю как младенец. Представьте себе, что вы просто патрульная, а Грэхем Хорикс — просто машина, припарковавшаяся на двойной желтой полосе, но отъехавшая до того, как вы сумели выписать штраф. Да?

— Конечно, — сказала Дейзи. — Разумеется. Прошу прощения.

— Будет вам, — улыбнулся суперинтендант.

Она вернулась за свой стол, вошла во внутренний сайт управления полиции и несколько часов изучала варианты дальнейших действий. А потом поехала домой. Кэрол сидела перед телевизором и, поедая разогретое в микроволновке куриное жаркое, смотрела сериал «Улица Коронации».

— Мне нужно отдохнуть, — сказала Дейзи. — Я еду в отпуск.

— Свой отпуск ты уже отгуляла, — логично возразила Кэрол.

— Какая жалость, — отозвалась Дейзи. — Я

слишком стара для этого дерьма.

— Ух ты! И куда ты поедешь?

— Ловить одного негодяя, — ответила Дейзи.

Самолет «Кариб-эйр» Толстому Чарли понравился. Да, конечно, международная авиакомпания, но по ощущению — как местный автобус. Стюардесса назвала его «милый» и предложила садиться, куда понравится.

Он растянулся поперек трех кресел и заснул.

Во сне Толстый Чарли шел под небом цвета меди, и мир был молчалив и тих. Он направлялся к птице размерами больше города, чьи глаза пылали огнем, а клюв был разинут, и Толстый Чарли вошел в этот клюв и двинулся в самую глотку.

Потом — как это случается во снах — он очутился вдруг в комнате, стены которой были покрыты мягкими перьями, из-за которых смотрели круглые, как у совы, но немигающие глаза.

Посреди комнаты, раскинув руки и ноги, лежал Паук. Приглядевшись, Толстый Чарли понял, что брат не праздно развалился, а распят, связан цепями из мелких косточек (такие можно увидеть в куриной шее). Цепи тянулись из углов комнаты и опутывали его, точно нити паутины муху.

— *А, это ты,* — сказал Паук.

— *Я,* — ответил во сне Толстый Чарли.

Костяные цепи врезались глубоко в кожу Паука, и Толстый Чарли увидел, как брат поморщился от боли.

— *М-да,* — сказал Толстый Чарли. — *Но могло быть и хуже.*

— *Кажется, это еще не все,* — отозвался брат. — *Думаю, у нее на меня другие планы. На нас обоих. Просто я не знаю, какие.*

— *Они всего лишь птицы,* — сказал Толстый Чарли. — *Так ли уж много от них вреда?*

— *Про Прометея когда-нибудь слышал?*

— *Э-э-э…*

— *Был такой малый, отдал людям огонь. В наказание боги приковали его к скале. Каждый день прилетал орел и клевал ему печень.*

— *И печень никогда не кончалась?*

— *Каждый день отрастала новая: с богами такое бывает.*

Они помолчали.

— *Я как-нибудь все улажу,* — пообещал Толстый Чарли. — *Исправлю.*

— *Так же, как ты наладил собственную жизнь, что ли?* — невесело усмехнулся Паук.

— *Извини.*

— *Нет, это ты меня извини,* — вздохнул Па-

ук. — *У тебя есть какой-нибудь план?*

— *План?*

— *Надо понимать, нет. Просто сделай, что нужно. Вытащи меня отсюда.*

— *Ты в аду?*

— *Не знаю, где я. Если это ад, то птичий. Ты должен меня отсюда вытащить.*

— *Как?*

— *Ты же папин сын, верно? Ты мой брат. Придумай что-нибудь. Просто вытащи меня отсюда.*

Толстый Чарли проснулся в ознобе. Стюардесса принесла ему кофе, и он с благодарностью его выпил. Теперь он окончательно пришел в себя, и ему совсем не хотелось даже закрывать глаза, поэтому он стал читать брошюру «Кариб-эйр», из которой узнал про Сан Андреас много полезного.

Он узнал, что Сан Андреас не самый маленький из островов Карибского моря, но, составляя списки, о нем, как правило, забывают. На рубеже XVI века испанцы открыли этот необитаемый островок вулканического происхождения, где вволю плодились животные, не говоря уже о всевозможных растениях. Согласно поговорке, что ни ткни в землю Сан Андреаса, все вырастет.

Островок переходил из рук в руки: то им владели испанцы, то англичане, потом голландцы

и снова англичане. После обретения в 1962 году независимости он недолгое время принадлежал майору Ф.Э.Гаррету, который сместил правительство, разорвал дипломатические отношения со всеми странами, кроме Албании и Конго, и правил железной рукой до своей смерти в результате неудачного падения с кровати несколько лет спустя. Он упал так серьезно, что сломал десяток костей, — и это несмотря на присутствие в комнате целого взвода солдат, которые засвидетельствовали, что пытались, но не смогли остановить падение майора Гаррета. Невзирая на все их старания, он умер еще до того, как его доставили в единственную на острове больницу. С тех пор островом правило дружелюбное и выборное местное правительство, которое все любили.

На островке есть целые мили песчаных пляжей и совсем крошечный тропический лесок в центре. Тут растут банановые пальмы и сахарный тростник, есть банковская система, поощряющая капиталовложения извне, и нет договоров об экстрадиции ни с одной страной, кроме, быть может, Албании и Конго.

Известен Сан Андреас главным образом своей кухней: местные жители утверждают, что начали мариновать курицу еще до ямайцев, готовить

козлятину в карри до тринидадцев и жарить летучих рыб задолго до уроженцев Байи.

Здесь есть два города: Уильямстаун на восточном побережье и Ньюкастл — на северном. На уличных рынках можно купить все, что растет на острове, и то же самое, но за двойную цену, — в нескольких универмагах. Когда-нибудь на Сан Андреасе построят настоящий международный аэропорт.

На пользу ли порт с глубоководной акваторией Уильямстауну или нет, дело мнения. Бесспорно то, что благодаря ему на остров заходят международные лайнеры, однако переполненные туристами плавучие мирки существенно влияют на экономику и природу Сан Андреаса, как, впрочем, и многих других островов Карибского моря. В разгар сезона в бухте Уильямстауна стоит до полудюжины лайнеров, и тысячи отдыхающих ждут не дождутся возможности сойти на берег, размять ноги и купить что-нибудь. Жители Сан Андреаса ворчат, но встречают гостей с распростертыми объятиями, продают то и се, кормят до отвала и провожают назад на корабли…

Самолетик «Кариб-эйр» приземлился с толчком, от которого Толстый Чарли уронил брошюру. Наклонившись, он ее поднял и убрал в карман

на кресле впереди, а после сошел по трапу на посадочную полосу. День клонился к вечеру.

Толстый Чарли взял такси до своего отеля и по дороге узнал целый ряд фактов, не упомянутых в брошюре «Кариб-эйр». Например, что музыка (настоящая, правильная музыка) бывает только в стиле кантри и вестернов. На Сан Андреасе даже растаманы это знают. Джонни Кэш? Да он просто бог. Вилли Нельсон? Полубог.

Он узнал, что нет ни одной причины уезжать с Сан Андреаса. Водитель сам не видел на то решительно никаких оснований, а ведь серьезно над этим размышлял. На острове есть гора, пещера и тропический лес. Отели? Здесь их двадцать. Рестораны? Несколько десятков. Здесь есть большой город, три городка и горстка поселков. Еда? Тут растет что угодно. Апельсины. Бананы. Мускатный орех. Даже, по словам таксиста, лимоны.

— Неужели? — воскликнул на это Толстый Чарли — в основном для поддержания разговора.

Но водитель воспринял это как попытку усомниться в его честности, а потому резко ударил по тормозам, от чего машину занесло в сторону, выскочил на обочину, перегнулся через забор и вернулся, сорвав что-то с дерева.

— Вот смотрите! — сказал он. — Никто не ска-

жет вам, что я лжец. Что это, по-вашему?

— Лимон? — спросил Толстый Чарли.

— Вот именно.

Такси снова выехало на дорогу. Водитель стал рассказывать Толстому Чарли про то, какой замечательный отель «Дельфин». У Толстого Чарли есть семья на острове? Он тут кого-нибудь знает?

— На самом деле я ищу одного человека, — ответил Толстый Чарли. — Женщину.

Таксист решил, что это великолепная мысль, потому что для поиска женщины нет лучшего места, чем Сан Андреас. Это потому, пояснил он, что здешние женщины пофигуристее ямайских и не разобьют тебе сердце, как тринидадки. К тому же они красивее доминиканок, а стряпухи — такие, что на целом свете не сыщешь. Если Толстый Чарли ищет женщину, он приехал как раз куда надо.

— Я ищу не просто женщину, а конкретную женщину, — сказал Толстый Чарли.

На что водитель ответил, что ему повезло, так как он, водитель, гордится тем, что знает на острове всех и вся. Так бывает, если с рождения жил на одном месте. Он готов поспорить, что Толстый Чарли не знает в лицо всех жителей Англии, и Толстый Чарли признал, что это действительно

так.

— Она друг семьи, — сказал Толстый Чарли. — Ее фамилия Хигглер. Каллианна Хигглер. Вы о ней слышали?

Таксист ненадолго затих и словно бы задумался. Потом сказал, что нет, никогда про такую не слышал. Такси подъехало к отелю «Дельфин», и Толстый Чарли расплатился.

Молодая женщина за стойкой портье попросила у него паспорт и номер заказа. Доставая бумажник, Толстый Чарли положил лимон на стойку.

— У вас есть багаж?

— Нет, — ответил, извиняясь, Толстый Чарли.

— Никакого?

— Никакого. Только вот этот лимон.

Он заполнил несколько бланков, и, отдавая ключ, девушка объяснила, как пройти в номер.

Толстый Чарли как раз нежился в ванне, когда в дверь постучали. Обвязавшись полотенцем, он подошел к двери. На пороге стоял коридорный.

— Вы забыли свой лимон, — сказал он и протянул фрукт Толстому Чарли.

— Спасибо, — поблагодарил Толстый Чарли и вернулся в ванну с пузырьками. После он лег в кровать, и ему стали сниться беспокойные,

неприятные сны.

В своем большом доме на скалах Грэхем Хорикс тоже видел престранные сны, мрачные и нежеланные, хотя и не слишком неприятные. Просыпаясь, он плохо их помнил, но наутро открывал глаза со смутным впечатлением, что ночь провел, охотясь на мелких зверушек в высокой траве, ломал им шеи ударом лапы, разрывал зубами тушки.

Во сне его зубы превращались в орудие убийства.

Просыпался он встревоженный, и день становился уже не тот.

Каждое утро начинался новый день, и всего через неделю после окончания своей прежней жизни Грэхем Хорикс уже испытывал раздражение и тоску изгнанника. Верно, у него есть бассейн, кокосовые пальмы и грейпфрутовые деревья, забитый бутылками винный подвал и пустой ледник для мяса. У него есть спутниковое телевидение, большая коллекция DVD-дисков, не говоря уже о коллекции развешанных повсюду картин. У него есть кухарка, которая приходит каждый день и готовит ему еду, экономка и садовник — семейная пара, — которые приходят на пару часов в день. Еда была выше всяких похвал,

климат (если любишь теплые солнечные дни) великолепный, и ничто не радовало Грэхема Хорикса так, как, на его взгляд, полагалось бы.

Он не брился с отъезда из Англии, что пока подарило ему не бороду, а лишь редкую щетину — кумушки про такую говорят, что она придает мужчине сомнительный вид. Вокруг глаз у него залегли такие круги, что он походил на панду, а мешки под ними были такими темными, что казались синяками.

Грэхем Хорикс по часу в день плавал в бассейне, но в остальном избегал солнца: он не для того скопил себе неправедным трудом нажитое состояние, чтобы лишиться его из-за рака кожи. Или вообще из-за чего-либо.

Он слишком много думал о Лондоне. Там в каждом его любимом ресторане имелся метрдотель, называвший его по имени и заботившийся о том, чтобы его все устраивало. В Лондоне были люди, ему обязанные, и потому у него никогда не возникало трудностей с билетами на премьеру, да и вообще в Лондоне были театры, куда можно пойти на премьеру. Он всегда считал, что из него получится превосходный изгнанник, а теперь заподозрил, что ошибался.

Ища, на кого бы переложить вину, он пришел

к неизбежному выводу, что во всех его бедах повинна Мэв Ливингстон. Она пыталась его ограбить. Это же кокетка, ведьма, развратница! Она получила по заслугам. И еще слишком легко отделалась. Если бы пришлось давать интервью по телевидению… Грэхем Хорикс прямо-таки слышал оскорбленное достоинство в собственном голосе, объяснявшем, что лишь защищал свои собственность и честь от опасной сумасшедшей. Честно говоря, он только чудом выбрался из кабинета живым…

И ему нравилось, ох как нравилось быть Грэхемом Хориксом. Сейчас, как и всегда на Сан Андреасе, он был Бейзилом Финнеганом, и это его раздражало. Бейзилство далось ему нелегко: настоящий Бейзил умер во младенчестве, причем дата его рождения была близка к хориксовой. Одно поддельное свидетельство о рождении и письмо от вымышленного священника — и у Грэхема Хорикса оказались паспорт и новая личность. Существование последней он всячески поддерживал: у Бейзила была солидная кредитная история, Бейзил много путешествовал, Бейзил владел роскошной виллой на Сан Андреасе, ни разу в глаза этого дома не видев. Но, на взгляд Грэхема Хорикса, раньше Бейзил работал

на него, а теперь слуга стал хозяином: Бейзил Финнеган съел его заживо.

— Если я тут останусь, — сказал самому себе Грэхем Хорикс, — то сойду с ума.

— Кажется, ты имел в виду, что если останешься в четырех стенах, ты сойдешь с ума, — разумно возразил внутренний голос. — Тебе бы следовало пойти пройтись. Гулять полезно.

Грэхем Хорикс не ходил гулять, за него это делали другие. Но, подумал он, возможно, гулять любит Бейзил Финнеган. Надев широкополую шляпу, он сменил сандалии на летние туфли. Потом положил в карман сотовый и, велев садовнику приехать за ним, когда он позвонит, вышел из дома на скатах, направляясь в ближайший городок.

Наш мир очень маленький. Не надо долго жить на свете, чтобы это понять. Есть одна теория, согласно которой на Земле лишь пятьсот настоящих людей (так сказать, актерский состав; остальные, по той же теории, просто статисты), и более того, все они знакомы между собой. Последнее верно — во всяком случае, настолько, насколько это имеет значение. В реальности мир состоит из тысяч и тысяч групп по пятьсот человек, в каждой из которых актеры натыкают-

ся друг на друга, стараются друг друга избегать и обнаруживают друг друга в какой-нибудь богом забытой ванкуверской чайной. Есть в этом процессе какая-то неизбежность. Это даже не случайность, просто так функционирует Вселенная, которой совершенно безразличны предпочтения отдельных лиц или понятия о приличиях.

Вот как случилось, что по дороге в Уильямстаун Грэхем Хорикс зашел в маленькое кафе, чтобы заказать безалкогольный коктейль и посидеть где-нибудь, пока будет звонить садовнику с распоряжением приехать за ним.

Заказав фанту с лимонным соком, он сел за столик. В кафе было практически пусто, только две женщины — одна молодая, другая постарше — сидели в дальнем углу, пили кофе и подписывали открытки.

Грэхем Хорикс лениво глядел в окно на пляж. «Рай, чистый рай», — думал он. Наверное, по статусу как изгнанника, так и человека состоятельного ему следовало бы заняться местной политикой, например, стать меценатом. Он уже сделал несколько солидных пожертвований местной полиции, и, вероятно, будет даже необходимо позаботиться, чтобы…

Радостно возбужденный, но нерешительный

голос у него за спиной произнес:

— Мистер Хорикс?

Сердце у него екнуло.

За его столик села одна из женщин, та, что помоложе, и наградила самой теплой улыбкой.

— Забавно тут с вами встретиться, — сказала она. — Вы тоже в отпуске?

— Вроде того. — Он понятия не имел, кто к нему привязался.

— Вы ведь помните меня, верно? Рози Ной. Я встречалась с Толстым… с Чарли Нанси. Помните?

— Здравствуйте, Рози. Конечно, я вас помню.

— Я здесь в круизе, с мамой. Она все еще пишет открытки домой.

Грэхем Хорикс оглянулся через плечо на дальний угол маленького кафе, откуда на него уставилась сестра южноамериканской мумии в цветастом платье.

— Честно говоря, — продолжала Рози, — я не из тех, кто ездит в круизы. Десять дней переезжать от острова к острову! Так приятно встретить знакомое лицо, правда?

— Абсо-ненно, — согласился Грэхем Хорикс. — Следует ли понимать, что вы и наш Чарльз уже больше не… э-э-э… вместе?

— Да, наверное. Я хочу сказать, уже нет.

Грэхем Хорикс для вида сочувственно улыбнулся. Прихватив свою фанту, он вместе с Рози отправился к столику в углу. Мама Рози источала недоброжелательность так же, как старый железный радиатор на всю комнату холод, зато Грэхем Хорикс был само очарование, сама любезность и во всем с ней соглашался. Действительно ужасно, что только себе позволяют нынешние турагентства! Просто омерзительно, какую небрежность допускает администрация лайнера! Поразительно, как на этих островах нечем заняться! И возмутительно, с чем — во всех отношениях — приходится мириться пассажирам! Десять дней без фаянсовой ванны, лишь с крохотным душем! Позор!

Мама Рози рассказала о нескольких весьма впечатляющих распрях, которые она успела затеять (и непрестанно подпитывать) с некими американцами, чье главное преступление, насколько понял Грэхем Хорикс, заключалось в том, что они слишком много накладывали на тарелки у шведского стола и загорали в том месте у кормового бассейна, которое мама Рози с первого же дня считала бесспорно своим.

Грэхем Хорикс кивал и издавал сочувственные

ахи и охи, цокал языком и поддакивал, а на него все капала серная кислота, пока мама Рози не согласилась забыть о своей неприязни к незнакомым людям и к тем, кто так или иначе связан с Толстым Чарли, и все говорила, и говорила, и говорила… Грэхем Хорикс слушал вполуха. Грэхем Хорикс размышлял. «Весьма прискорбно было бы, — думал он, — если бы кто-нибудь вернулся в Лондон и сообщил властям, что встретил Грэхема Хорикса на Сан Андреасе». Что его рано или поздно заметят — неизбежно, однако эту неизбежность нужно постараться отдалить.

— Позвольте, — сказал он вслух, — предложить решение хотя бы одной вашей проблемы. В нескольких шагах отсюда находится мой летний домик. Хочется думать, довольно приятный. И если у меня чего-то в избытке, так это ванных комнат. Не хотите ли побаловать себя ванной?

— Нет, спасибо, — сказала Рози.

Разумеется, если бы она согласилась, то мама неминуемо указала бы на то, что им нужно вернуться в Уильямстаун, откуда катер заберет их на корабль, и одернула бы ее за то, что она принимает подобные приглашения от посторонних. Но Рози отказалась.

— Как мило с вашей стороны! — показала мама

Рози в улыбке зубы. — С огромным удовольствием.

Вскоре подъехал на черном «мерседесе» садовник, и Грэхем Хорикс открыл дверцу перед Рози и ее мамой. Он заверил обеих, что абсо-ненно доставит их в гавань задолго до отхода последнего катера на лайнер.

— Куда едем, мистер Финнеган? — спросил садовник.

— Домой.

— Мистер Финнеган? — подняла брови Рози.

— Одно из имен в семье, — ответил Грэхем Хорикс, уверенный, что так оно и есть. Во всяком случае, в чьей-нибудь семье.

Захлопнув заднюю дверцу, он сел впереди.

Мэв Ливингстон потерялась. Все началось так хорошо… Она захотела попасть домой, в Понтерфракт, и пожалуйста — мерцание, ужасный порыв ветра, и потоком эктоплазмы она перенеслась к себе. В последний раз пройдясь по комнатам, она вышла под осеннее небо. Ей захотелось повидать сестру в Райе, и только она успела об этом подумать, как очутилась в садике, где ее сестра как раз выгуливала спаниеля.

Все казалось таким простым.

В какой-то момент она решила, что пора по-

смотреть на Грэхема Хорикса, и тут-то все и запуталось. На мгновение она оказалась в кабинете в Олдвиче, потом в пустом доме в Пурли, где была однажды на обеде, который Грэхем Хорикс устроил для небольшой компании лет десять назад, а потом…

Потом она потерялась. И куда бы ни попыталась попасть, становилось только хуже.

Она понятия не имела, куда ее занесло, хотя, по всей видимости, это был какой-то сад.

Краткий ливень промочил насквозь листву и траву, но ее не тронул. Теперь от земли валил пар, и потому она поняла, что это не Англия. Сгущались сумерки.

Сев на мокрую траву, она от расстройства шмыгнула носом.

«Хватит, — строго велела она сама себе. — Мэв Ливингстон, возьми себя в руки!»

Но шмыганье переросло в плачь.

— Хотите носовой платок? — спросил чей-то голос.

Мэв подняла глаза. Перед ней стоял пожилой джентльмен с тоненькими, словно нарисованными карандашом усиками, в зеленой шляпе и предлагал ей носовой платок.

Она кивнула.

— Хотя, наверное, он мне без надобности. Я все равно не смогу к нему прикоснуться.

Сочувственно улыбнувшись, он подал платок. Как это ни удивительно, платок не провалился у нее между пальцев, поэтому она высморкалась и промокнула глаза.

— Бывает, — сказал джентльмен и смерил ее с ног до головы оценивающим взглядом. — Вы что? «Каспер»?

— Нет, — ответила она. — Кажется, нет… А что такое «каспер»?

— Ну, помните призрака из мультфильма? Так вот, вы призрак?..

Тоненькими усиками он напомнил ей Кэба Коллоу или, может. Дана Амеша, короче говоря, тех звезд, которые, даже постарев, не теряют обаяния. Кто бы ни был этот человек, он все еще звезда.

— А… Да, наверное. Я одна из них. Э-э-э… А вы?

— Более-менее. В общем и целом я мертв.

— О! А вы не рассердитесь, если я спрошу, где мы?

— Во Флориде. На кладбище. Хорошо, что вы меня застали. Я как раз собирался на прогулку. Хотите присоединиться?

— Разве вам не положено лежать в могиле? — нерешительно спросила Мэв.

— Наскучило, и я решил, что не помешает размяться, Может, чуток порыбачить.

Помешкав, Мэв кивнула. Неплохо, когда есть с кем поговорить.

— Хотите послушать сказку? — спросил старик.

— Не особенно, — призналась она.

Протянув руку, он помог ей подняться, и они вышли из Садов Успокоения.

— Приятная откровенность. Тогда буду краток. Не стану слишком заводиться. Знаете, я ведь умею рассказывать истории, которых хватает на месяцы. Все дело в деталях: что-то вставляешь в историю, что-то опускаешь. То есть если выбросить погоду и во что люди одеты, с тем же успехом можно перемахнуть через половину. Однажды я рассказывал сказку…

— Послушайте, — прервала его Мэв, — если собираетесь рассказать сказку, просто расскажите и все, ладно?

Идти по обочине в сгущающихся сумерках — мало радости. Мэв то и дело напоминала себе, что никакая машина ее не собьет, но ей все равно было не по себе.

Мягко и нараспев старик начал:

— Так вот о Тигре. Вам нужно понять, что это

не просто полосатая кошка из Индии. Это имя, которым люди наделили вообще всех больших кошек: пум, и рысей, и ягуаров, дав общем всех. Вам ясно?

— Разумеется.

— Хорошо. Итак… Давным-давно все сказки были про Тигра. Все истории принадлежали Тигру и все песни тоже. Я бы сказал, все анекдоты были про него, но во времена Тигра анекдотов не рассказывали. Главное в Тигровых историях — насколько крепкие у тебя зубы, как ты охотишься и как ты убиваешь. В Тигровых историях нет ни доброты, ни проказ, ни мира.

Мэв попыталась представить себе, какие сказки могла бы рассказывать большая хищная кошка.

— Значит, там было сплошное насилие?

— Иногда. Но большей частью они были просто неприятными. Когда все сказки и все песни принадлежали Тигру, дурное для всех было время. Люди перенимают дух сказок и песен, которые их окружают, особенно если своих собственных у них нет. И во времена Тигра все сказки были мрачными. Они начинались слезами и заканчивались кровью, но других люди не знали. Потом появился Ананси. Надо думать, вам все известно про Ананси…

— Кажется, нет, — призналась Мэв.

— Ну, начни я говорить о том, каким умным и красивым, каким обаятельным и коварным был Ананси, я мог бы начать сегодня и не закончить до четверга на будущей неделе, — завелся старик.

— Тогда не начинайте, — посоветовала Мэв. — Я поверю вам на слово. И что сделал этот Ананси?

— Ну, Ананси выиграл все сказки… Выиграл? Нет, он их заслужил! Он отобрал их у Тигра и сделал так, чтобы Тигр не мог больше попасть в реальный мир. Во всяком случае, во плоти. И сказки, которые люди стали рассказывать, превратились в истории Ананси. И было это?.. Кажется, лет десять — пятнадцать тысяч назад. Так вот, в принадлежащих Ананси сказках есть и хитринка, и шалости, и мудрость. И люди по всему миру перестали думать лишь о том, как бы стать охотником и не превратиться в добычу. Выход из положения они начали искать при помощи ума, а не силы — впрочем, иногда попадали в еще худший переплет. Им по-прежнему нужно было наполнять чем-то животы, но теперь они старались сообразить, как бы сделать это, не работая: вот тогда-то люди и начали работать головой! Кое-кто считает, что первым орудием человека было оружие, но только переворачивают все с

ног на голову. Всякий раз впереди дубины шел костыль. Ведь теперь люди стали рассказывать Анансины сказки, а потому думали о том, как добиться поцелуя или получить что-то задаром, будучи умнее или забавнее. Вот когда они начали творить мир.

— Но это же просто фольклор, — сказала она. — А его придумывали те, кто изучает, как появляются сказки.

— И что это меняет? — спросил пожилой джентльмен. — Предположим, Ананси просто герой сказки, придуманный в Африке на заре времен каким-то мальчишкой, вокруг ноги которого вьются мухи, который тычет концом костыля в землю и придумывает дурацкие истории про человека из смолы. Разве это что-то меняет? Люди реагируют на сказки, пересказывают их. И так сказки распространяются и, пока их рассказывают, меняют рассказчика. Ведь теперь те, кто думал лишь о том, как бы убежать от льва и держаться подальше от реки, чтобы крокодилы не получили дармовой обед, начинают мечтать о другом, новом месте. Мир, возможно, остался прежним, но обои-то изменились, верно? У людей по-прежнему все та же история, та, с которой они родились, живут всю жизнь, а потом умирают,

но теперь она значит кое-что иное, не то что раньше.

— Вы хотите сказать, что до появления историй Ананси мир был диким и варварским?

— В общем и целом.

Мэв понадобилось некоторое время, чтобы это переварить.

— Что ж, — весело сказала она наконец, — хорошо, что сказки теперь принадлежат Ананси.

Старик кивнул.

— Но разве Тигр не хочет их вернуть? — спросила вдруг Мэв.

— Вот уже десять тысяч лет как хочет.

— Но ведь он их не получит, правда?

— Ананси мертв, — сказал старик. — А «каспер» мало что может сделать.

— Учитывая, что я сама «каспер», слышать такие слова обидно.

— «Касперы» ведь не способны касаться предметов, или забыли?

Мэв задумалась.

— Так что же я могу потрогать? — спросила она.

На красивом старом лице мелькнуло выражение одновременно лукавое и распутное.

— Меня, например.

— Должна вам сказать, — с притворным возмущением объявила она, — что я замужняя женщина.

Его улыбка стала только шире. Это была ласковая и мягкая улыбка, столь же опасная, сколь и согревающая сердце.

— С точки зрения морали, в брачном обете есть оговорка: «пока смерть не разлучит нас».

На Мэв это не произвело впечатления.

— Дело в том, что вы нематериальная девушка. Вы способны касаться нематериального. Меня, например. Если хотите, пойдем танцевать. Тут есть одно местечко, сразу за углом. В том танцзале едва ли обратят внимание на пару «касперов».

Мэв поразмыслила. Она так давно не танцевала.

— А вы хороший танцор? — спросила она.

— Никто не жаловался, — улыбнулся пожилой джентльмен.

— Я хочу найти мужчину, живого мужчину по имени Грэхем Хорикс. Вы мне поможете?

— Бесспорно, я поведу вас в верном направлении. Так вы танцуете?

Уголки губ Мэв тронула улыбка.

— А вы приглашаете?

Костяные цепи, удерживавшие Паука на полу,

спали. Обжигающая и постоянная, как при воспалившейся надкостнице, боль, которая заполняла все его существо, начала отступать.

Поднявшись, Паук нерешительно сделал шаг вперед.

В небе перед ним появилась прореха, и он направился к ней.

Впереди он видел островок, а в центре его — гору. Он видел чистейшее голубое небо, качающиеся на ветру пальмы и белую чайку в вышине. Но прямо у него на глазах этот чудесный мир стал вдруг удаляться. Словно бы он смотрел на него в обратный конец телескопа. Мир съеживался и ускользал, и чем быстрее Паук бежал к нему, тем дальше он становился.

Вот он уже превратился в сверкающий камешек в луже воды, а после исчез совсем.

Паук же очутился в пещере. Все контуры казались четкими, много резче и четче, чем в любом другом месте, куда его раньше забрасывала судьба или прихоть. Это место было не от мира сего.

Она стояла на пороге пещеры, загораживая ему выход и путь к свободе. Он ее знал. Это была та самая женщина, которая сидела напротив него в подвальном греческом ресторанчике Южного Лондона, и изо рта у нее вылетали птицы.

— Знаешь, — начал Паук, — должен сказать, у тебя престранные представления о гостеприимстве. Если бы ты попала в мой мир, я бы приготовил тебе обед, открыл бутылочку вина, поставил бы музыку для расслабления и устроил бы тебе такой вечер, которого ты до конца жизни не забыла бы.

Ее лицо осталось бесстрастным — тем более что было высечено из черного камня. Ветер трепал полы старого бурого плаща. Тут она заговорила, и ее голос оказался высоким и одиноким, точно крик далекой чайки:

— Я забрала тебя. Теперь ты позовешь его.

— Позову его? Кого?

— Ты станешь блеять, — пообещала она. — Ты станешь скулить. Твой страх привлечет его.

— Пауки не блеют, — ответил он, сам не будучи уверен, что это правда.

Блестящие и черные, как осколки обсидиана, глаза смотрели на него не отрываясь. Они походили на черные дыры, не выдающие ничего, даже тени информации.

— Если ты убьешь меня, — сказал Паук, — я тебя прокляну. То есть на тебя перейдет мое проклятие.

А сам задумался, может, его и в самом деле кто-

то проклял? Интересно, передается ли проклятие как зараза? Скорее всего да, а если нет, то, уж конечно, его можно разыграть.

— Я тебя убивать не стану. Нет, я оставлю это другому.

Она подняла руку, и вдруг оказалось, что на месте пальцев у нее когти хищной птицы, и этими когтями она провела ему по лицу, по груди. Разрывая кожу, острия проникли в плоть.

Боли Паук не почувствовал, хотя и знал, что она вскоре придет.

Алые капли выступили у него на груди, закапали со скулы и подбородка. Глаза щипало. Собственная кровь попала ему на губы. Он чувствовал ее вкус, ее металлический запах.

— Теперь, — произнесла она криком далеких птиц, — начнется твоя смерть.

— Мы разумные существа, — возразил Паук. — Позволь предложить тебе более разумный сценарий, от которого мы оба получим немалую выгоду. — Эти слова он произнес с обаятельной улыбкой. Произнес с убеждением.

— Ты слишком много говоришь. — Она покачала головой. — Хватит болтовни.

А потом запустила коготь ему в рот и резким движением вырвала язык.

— Ну вот, — сказала она, а потом как будто сжалилась, потому что коснулась почти нежно лица Паука, и добавила: — Спи.

Он уснул.

Приняв ванну, мама Рози появилась посвежевшая, оживленная и определенно сияющая.

— Перед тем как отвезти вас в Уильямстаун, можно наскоро показать вам дом? — спросил Грэхем Хорикс.

— Нам нужно возвращаться на корабль, но все равно спасибо, — ответила Рози, которая так и не смогла убедить себя, что ей так уж сильно хотелось принять ванну в доме Грэхема Хорикса.

А мама глянула на часы.

— У нас есть ровно полтора часа, — сказала она. — До гавани не больше пятнадцати минут. Будь любезнее с хозяином, Рози. Мы с радостью посмотрим ваш дом, мистер Хорикс.

Поэтому Грэхем Хорикс показал им гостиную, кабинет, библиотеку, комнату с широкоэкранным телевизором, столовую, кухню и бассейн. Затем открыл дверку в кухне, за которой мог бы скрываться чулан, но за которой оказалась лестница вниз, и проводил своих гостий по деревянным ступенькам в выложенный камнем винный погреб. Он показал им стойки с бутыл-

ками, большую часть которых приобрел вместе с домом. Он провел их в дальний конец винного погреба, в голую комнатку, где в стародавние времена, когда еще не придумали холодильники, держали мясо. В леднике всегда было прохладно, с потолка свисали тяжелые цепи, а пустые крюки в стенах показывали, где некогда хранились туши. Грэхем Хорикс вежливо придерживал дверь, пока обе женщины не зашли внутрь.

— Ох, — сказал он вдруг, — только сейчас сообразил. Выключатель-то в винном погребе. Минутку.

На этом он захлопнул дверь и заложил засовы. Потом не спеша выбрал со стойки запыленную бутылку «шабли премьер крю» 1995 года.

Бодрым шагом Грэхем Хорикс поднялся наверх и дал знать троим слугам, что отправляет их в недельный отпуск.

Когда он поднимался в свой кабинет, у него возникло странное ощущение, будто что-то беззвучно ступает за ним следом на мягких лапах, но когда он обернулся, то ничего не увидел. Странно, но от этого ощущения ему стало уютнее. Он нашел штопор, открыл бутылку и налил себе бокал бледно-золотистого вина. Отпил глоток и, хотя раньше никогда не любил красные вина,

поймал себя на том, что ему хочется чего-нибудь потемнее и побогаче букетом. «Оно должно быть… — подумал Грэхем Хорикс. — Оно должно быть цвета крови».

Допивая второй бокал «шабли», он сообразил, что в своих злоключениях винит не того человека. Теперь он понял: Мэв Ливингстон — всего лишь жертва обмана. Нет, винить — бесспорно и несомненно — следовало Толстого Чарли. Если бы не его любопытство, не его преступное вторжение в компьютерную систему агентства, он, Грэхем Хорикс, сейчас не торчал бы на Сан Андреасе, не мучился бы в изгнании, как Наполеон на восхитительном, солнечном острове Эльба. Он не оказался бы в прискорбно затруднительном положении, когда в леднике для мяса у него заперты две женщины. «Будь здесь Толстый Чарли, — подумал он, — я бы горло ему зубами вырвал». Эта мысль потрясла его, но и возбудила. Да, с Грэхемом Хориксом шутки плохи.

Наступил вечер. Грэхем Хорикс стоял у окна, глядя, как «Приступ Писка» скользит к выходу из гавани, минует его дом на скале и уходит в закат. Интересно, когда на борту заметят, что двух пассажирок не хватает? Он даже помахал вслед лайнеру.

Глава двенадцатая, в которой Толстый Чарли кое-что делает впервые

Как и во всяком отеле, в «Дельфине» имелся консьерж. Это был молодой человек в очках, который сейчас читал роман в бумажном перелете с розой и пистолетом на обложке.

— Я ищу одного человека, — обратился к нему Толстый Чарли. — Здесь, на острове.

— Кого?

— Женщину по имени Каллианна Хигглер. Приехала из Флориды. Она давний друг моей семьи.

Молодой человек задумчиво закрыл книгу, потом, прищурившись, посмотрел на Толстого Чарли. Когда такое проделывают в романах, герой неизменно становится опасным и настороженным, но в реальности вид у молодого человека стал такой, словно он борется со сном.

— Это вы мужчина с лимоном? — спросил он.

— Что?

— Вы человек с лимоном?

— Да, наверное, я.

— Покажите-ка его, а?

— Мой лимон?

Молодой человек серьезно кивнул.

— Не могу. Он остался в номере.

— Но ведь вы и есть человек с лимоном?

— Вы в состоянии помочь мне найти миссис Хигглер? На острове вообще Хигглеры есть? У вас есть телефонная книга, которую я мог бы посмотреть? Я надеялся найти телефонную книгу в номере.

— Имя довольно распространенное, знаете ли, — сказал молодой человек. — Телефонная книга вам не поможет.

— И насколько же оно распространенное?

— Ну, — протянул молодой человек. — Например, я Бенджамин Хигглер. Вон ту девушку за стойкой портье зовут Эмерила Хигглер.

— А… Да. Уйма Хигглеров на острове. Понимаю.

— Она приехала на Музыкальный фестиваль?

— Что?

— Он уже неделю идет.

Консьерж протянул Толстому Чарли буклет, сообщавший, что на Музыкальном фестивале в Сан Андреасе даст сольный концерт Вилли Нельсон (отменено).

— Почему он отменил концерт?

— По той же причине, что и Гарт Брукс. Никто не поставил их в известность.

— Сомневаюсь, что она приехала на фестиваль. Но мне очень нужно ее разыскать. У нее есть кое-что, что мне жизненно необходимо. Послушайте, что бы вы сделали на моем месте?

Открыв ящик стола, Бенджамин Хигглер достал карту острова.

— Вы вот здесь, чуть к югу от Уильямстауна… — начал он, ткнув шариковой ручкой в карту.

От этой точки он начал рисовать план кампании Толстого Чарли: разделил остров на сегменты, которые под силу объехать за день на велосипеде, и крестиком пометил каждое питейное заведение и кафе. Каждую достопримечательность для туристов он обвел кружком.

Потом выдал Толстому Чарли напрокат велосипед.

И Толстый Чарли покатил на юг.

На острове имелись средства передачи информации, которых не ожидал увидеть Толстый Чарли, почему-то считавший кокосовые пальмы и сотовые телефоны взаимоисключающими. С кем бы он ни разговаривал: со стариками, игравшими в тени в дартс, с женщинами, у которых груди были как дыни, ягодицы как кресла и смех

как у пересмешников, с серьезной молодой дамой в туристическом бюро, с бородатым растаманом в вязаной шапочке цветов ямайского флага и некоем предмете одежды, напоминавшем шерстяную мини-юбку, — все одинаково реагировали.

— Это вы человек с лимоном?

— Пожалуй, что так.

— Покажите нам его.

— Он остался в отеле. Послушайте, я пытаюсь найти Каллианну Хигглер. Ей около шестидесяти. Американка. Вечно ходит с большой кружкой кофе.

— Никогда о такой не слышал.

Передвигаясь по острову, Толстый Чарли вскоре обнаружил, что пешеходов и велосипедистов здесь подстерегают неожиданные опасности. Основным транспортным средством тут служили микроавтобусы: нелицензированные, небезопасные и вечно переполненные, эти машинки носились по острову, гудя клаксонами и визжа тормозами, поворачивая за угол на двух колесах и полагаясь на вес пассажиров, дескать, он не даст им перевернуться. В первое же утро Толстый Чарли десяток раз рисковал попасть под один из них, и спасал его лишь бой барабанов и рокот бас-гитар из магнитол в каждом из микроавтобусов.

Вибрации барабанов и гитарных переборов он чувствовал желудком, и у него было достаточно времени, чтобы свернуть на обочину.

Да, конечно, толку от людей, с кем бы он ни заговаривал, было никакого, зато все относились к нему безусловно дружелюбно. В своей экспедиции на юг Толстый Чарли несколько раз останавливался налить питьевой воды в бутылку — и в кафе, и в частных домах. Все встречные были очень ему рады, даже если и не могли ничего сказать про миссис Хигглер. В отель «Дельфин» он вернулся к обеду.

На следующий день он поехал на север и через несколько часов, по пути в Уильямстаун остановился на вершине скалы, спешился и подвел велосипед к воротам роскошной виллы, стоявшей в стороне от прочих домов и выходившей окнами на залив. Он нажал кнопку интеркома и поздоровался, но никто не ответил. Толстый Чарли уже подумал, может, хозяев нет дома, но тут в верхнем окне шевельнулась гардина. К тому же на подъездной дорожке стояла большая черная машина.

Он снова нажал кнопку.

— Добрый день, — повторил он. — Просто хотел спросить, нельзя ли набрать у вас воды?

Ответа не последовало. Может, ему только показалось, что у окна кто-то стоит, ведь на острове ему то и дело что-то мнится? Например, сейчас ему казалось, что за ним кто-то следит, не из дома, а из кустов у обочины.

— Извините, что потревожил, — сказал он в динамик.

А после снова сел на велосипед и поехал дальше, ведь по пути в Уильямстаун наверняка встретится одно-два кафе или, может, другой дом, подружелюбнее.

От виллы на скалах шоссе шло под уклон, и Толстый Чарли как раз мирно катил, высматривая нужную вывеску, когда за спиной у него возникла черная машина и, прибавив скорость, понеслась прямо на него. Толстый Чарли слишком поздно сообразил, что водитель, наверное, его не заметил. Раздался скрежет, руль чиркнул по крылу машины, и Толстый Чарли с велосипедом кубарем покатился с крутого склона за обочиной. Черная машина не остановилась.

Падение Толстого Чарли задержал валун, и, ударившись коленкой, он сумел наконец подняться.

— Легко отделался, — пробормотал он вслух.

А так только руль у велосипеда искривился. Толстый Чарли втащил своего «железного ко-

ня» на шоссе, где низкие гитарные переборы предупредили о приближении микроавтобуса. Толстый Чарли отчаянно замахал, и микроавтобус остановился.

— Можно забросить велосипед в багажник?

— Нет места, — сказал водитель, но достал из-под сиденья несколько крепежных ремней, которыми привязал велосипед на крышу. Потом усмехнулся: — Вы, наверное, тот англичанин с лимоном?

— У меня нет его с собой. Я оставил его в отеле.

Толстый Чарли втиснулся в микроавтобус, где ухающие басы сложились — как это ни невероятно — в «Дым на воде» «Дип перпл». Толстый Чарли пристроился на сиденье рядом с женщиной, державшей на коленях курицу. Две белые девушки у него за спиной болтали о вечеринках, на которых были вчера вечером, и о недостатках того или иного временного бойфренда, коллекцию которых они собрали за время каникул.

Глянув случайно в окно, Толстый Чарли заметил черный «мерседес», возвращавшийся той же дорогой. На крыле у него была длинная царапина. Почувствовав себя виноватым, Толстый Чарли понадеялся, что руль не слишком повредил краску. Окна в машине были настолько затемнены,

что машина, казалось, ехала без водителя…

Одна из белых девушек тронула Толстого Чарли за плечо и спросила, не знает ли он, есть ли сегодня вечером на острове хорошие вечеринки, и, услышав в ответ «нет», начала рассказывать, как позапрошлой ночью была в пещере, которую хозяин оснастил плавательным бассейном, музыкальным центром и прочими причиндалами веселой жизни. В результате Толстый Чарли совершенно упустил из виду, что черный «мерседес» пристроился в хвост микроавтобусу, проследовал за ним по всему маршруту через Уильямстаун и назад и исчез только тогда, когда Толстый Чарли снял свой велосипед с крыши («В следующий раз прихватите с собой лимон, — напутствовал его водитель) и отнес его в вестибюль гостиницы.

Лишь тогда машина вернулась к дому на скале.

Осмотрев велосипед, консьерж Бенджамин сказал, мол, незачем волноваться, его починят, и завтра он будет как новенький.

Толстый Чарли поднялся в свой номер цвета подводного царства, где на комоде красовался — точно статуя маленького зеленого Будды — лимон.

— Помощи от тебя никакой, — сказал он лимону.

А вот это было нечестно. Это же был всего лишь лимон, и ничего особенного в нем не было. Он делал, что мог.

Истории — как паутины. Они связаны друг с другом нитями сюжетов, и каждую ты прослеживаешь до центра, потому что именно там — конец. Каждый человек — ниточка в истории.

Взять, скажем, Дейзи.

Дейзи не продержалась бы так долго в полиции, не будь у нее здравой практической жилки — как правило, остальные ее только и видели. Дейзи Дей уважала Закон. Она уважала правила. Она сознавала, что большинство этих правил совершенно произвольны: постановления, где можно парковаться, а где нет, например, или часы, в которые позволено работать магазинам, — но даже эти правила были в целом полезны, так как сохраняли общество, поддерживали его на плаву.

А вот сейчас ее соседка Кэрол считала, что она сошла с ума.

— Ты не можешь просто уехать, заявив, что собираешься в отпуск. Так не делается. Это не телешоу про копов, знаешь ли. Нельзя просто носиться по свету, охотясь на преступников.

— А я и не собираюсь, — возразила Дейзи. — Просто еду в отпуск.

Она сказала это так убедительно, что Разумная Полицейская на задворках ее сознания потрясенно замолкла, а потом принялась объяснять, как и чем именно она нарушает правила. Первой в перечне шла отлучка без разрешения, а это, бормотала Разумная Полицейская, равнозначно дезертирству…

И продолжала свой перечень проступков и укоров всю дорогу до аэропорта и весь перелет через Атлантический океан. А еще твердила, что даже если Дейзи удастся избежать нестираемой черной пометки в личном деле (не говоря уже о том, что ее вообще могут вышвырнуть из полиции), даже если она сумеет найти Грэхема Хорикса, то все равно ничего не сможет сделать. Полиция ее величества весьма неодобрительно смотрит на попытки похищения преступников на территории других государств, а ведь сомнительно, что удастся уговорить Грэхема Хорикса добром вернуться в Соединенное королевство.

Только когда Дейзи сошла с маленького самолетика, который привез ее на Сан Андреас с Ямайки, только когда в лицо ей ударил ветер острова — пахнущий землей и пряностями, влаж-

ный, почти сладкий ветер Сан Андреаса, только тогда Разумная Полицейская умолкла, перестав талдычить про чистейшее безумие, в которое она пустилась. И все равно так вышло только потому, что Разумную Полицейскую заглушил другой голос, который распевал: «Бойтесь, злодеи! Бойтесь! Спасайтесь! Бойтесь, злодеи!», и Дейзи зашагала в такт его песне. Грэхем Хорикс убил женщину в темном чулане за своим кабинетом, и ему это сошло с рук. Ба, да он сделал это практически под носом у самой Дейзи!

Сердито тряхнув головой, она забрала дорожную сумку, сообщила сотруднику паспортного контроля, что приехала в отпуск, и направилась к стоянке такси.

— В отель, пожалуйста, — сказала она водителю. — Не слишком дорогой, но и не в клоповник.

— Я знаю как раз то, что тебе нужно, золотко, — отозвался таксист. — Запрыгивай.

Открыв глаза, Паук обнаружил, что растянулся лицом вниз на песке, точнее — его так растянули. Руки были привязаны к большому вкопанному в землю шесту. Ногами он пошевелить не мог, как не мог и вывернуть шею, чтобы посмотреть, что там у него за спиной, но готов был поспорить, что ноги у него тоже стянуты веревками. Когда он за-

елозил, чтобы приподняться с земли и заглянуть назад, заныли раны.

Он открыл рот, и в пыль, размочив ее, стекла лужица темной крови.

Услышав какой-то звук, он насколько возможно вывернул голову. Сверху вниз на него с любопытством смотрела белокожая женщина.

— С вами все в порядке? Глупый вопрос. Посмотрите только, в каком вы виде! Вы, наверное, тоже «каспер». Я правильно поняла?

Паук задумался. Почему-то он сомневался, что он «каспер», а потому мотнул головой.

— Если вы «каспер», вам совершенно нечего стыдиться. Совершенно очевидно, что сама я «каспер». Раньше я такого выражения не слышала, но по дороге сюда познакомилась с очаровательным пожилым джентльменом, который мне все объяснил. Дайте-ка посмотрю, не могу ли я вам помочь.

Присев рядом с ним на корточки, она попыталась развязать веревки.

Ее рука прошла прямо сквозь него. Паук почувствовал, как ее пальцы завитками тумана погладили его кожу.

— Боюсь, я не могу вас коснуться, — сказала она. — Впрочем, это не так плохо: значит, вы еще

живы. Поэтому смотрите веселей.

Паук понадеялся, что странный призрак поскорее уберется. Ему и без этой болтовни трудно было собраться с мыслями.

— Как бы то ни было, стоило мне во всем разобраться, как я приняла твердое решение остаться на Земле, пока не отомщу моему убийце. Я объяснила это Моррису, это мой муж, он был на телеэкране в универмаге «Селфриджес», и он сказал, что, на его взгляд, я совершенно не понимаю, что значит оставить позади мирское. Но говорю вам, если кто-то думает, что я подставлю вторую щеку, его ждет ох какое разочарование. Да и вообще был уже ряд прецедентов. И уверена, представься мне случай, я еще как сыграю Банко. Что? Не понимаете? Я про ту сцену у Шекспира, где Макбет видит на пиру призрака. Вы говорить-то умеете?

Паук покачал головой, и собравшаяся в бровях кровь закапала ему в глаза. Глаза сразу защипало. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы отрос новый язык? Прометею удавалось отращивать новую печень ежедневно, а Паук был уверен, что с печенкой мороки гораздо больше, чем с языком. Печень отвечает за химические реакции, там есть билирубин, мочевина, энзимы

и все такое. Там расщепляется алкоголь, а это само по себе — серьезная работа. А язык только говорит. Ну, конечно, еще и лижет…

— Я не могу тут вечно с вами болтать, — сказала вдруг светловолосая галлюцинация. — Думаю, мне предстоит еще долгий путь.

Она пошла прочь и на ходу тускнела. Паук поглядел, как она ускользает из одной реальности в другую — в точности как выцветает на солнце фотография. Он попытался позвать ее назад, но из горла вырвался лишь невнятный шум. Безъязыкий.

Где-то вдалеке раздался птичий крик.

Ему снова вспомнилась рассказанная Рози история о том, как ворон спас человека от кугуара. История царапалась и шебуршала у него в голове — ощущение похуже, чем от ран на лице и груди. «Надо сосредоточиться». Человек лежит на земле, читает или загорает. На дереве каркает ворон. В кустах прячется большая хищная кошка…

И вдруг составляющие истории сместились, и он все понял. Ничего, по сути, не изменилось. Все дело в том, как посмотреть.

Что, думал Паук, если птица кричала не для того, чтобы предупредить человека о хищнике? Что, если она кричала, дабы сказать кугуару, что

на земле лежит человек — дремлет, умирает или уже мертв. Тогда хищнику останется лишь прикончить человека. А ворон сможет полакомиться остатками…

Паук открыл рот, чтобы застонать, но оттуда потекла кровь и собралась густой лужицей на песке.

Реальность истончилась. Время в неведомом месте шло.

Безъязыкий, разъяренный, Паук поднял голову и извернулся посмотреть на призрачных птиц, с криками носящихся в вышине.

Интересно, куда его занесло? Это не вселенная Птицы с небом цвета меди или скисшего молока и не ее пещера, но это и не мир, который он раньше считал реальным. Однако это место гораздо ближе к реальному миру, настолько близко, что он почти чувствует его вкус или почувствовал бы, если бы ему не мешала железистая резь крови, настолько близко, что, не будь он привязан к шесту, мог бы его коснуться.

Не будь он твердо уверен в своей вменяемости, уверен до такой степени, которая обычно встречается только у тех, кто беспрекословно считает себя Юлием Цезарем, посланным спасти мир от адских полчищ, то решил, что сходит с ума.

Сперва он видел светловолосую женщину, утверждавшую, что она «каспер», теперь слышит голоса. По крайней мере один. Голос Рози.

— Не знаю, — говорил этот голос. — Я думала, это будет отпуск, я думала, что отдохну и развеюсь, но понимаешь, эти дети, у которых нет ничего… При виде их просто сердце разрывается. Им нужно так много…

А потом, пока Паук пытался определить, что же это все значит, она сказала:

— Интересно, сколько еще она собирается мокнуть в ванной? Хорошо еще, что тут много горячей воды.

Паук спросил себя, имеют ли слова Рози какое-то значение и не они ли ключ, который поможет выбраться ему из беды? Но тут же отмел эту мысль. Однако стал вслушиваться… Может, ветер принесет из того мира и другие слова. Если не считать волн, бившихся о камни где-то далеко внизу позади него, царила полная тишина. Но особая тишина. Как заметил однажды Толстый Чарли, есть множество разновидностей тишины. У могил одна тишина, у космоса — другая, у горных вершин — третья. Есть тишина охоты. Это тишина выслеживания. В такой тишине нечто мягко ступает на когтистых лапах, а под пуши-

стой шкурой перекатываются стальные мускулы. Нечто цвета теней в высокой траве. Нечто, готовое позаботиться, чтобы ты не услышал ничего, что оно не пожелало бы выдать. Как раз такая тишина колыхалась сейчас вокруг, надвигалась медленно и неизбежно и с каждым шагом становилась все ближе.

Когда Паук услышал эту тишину, волосы у него на загривке стали дыбом. Сплюнув кровь в пыль возле лица, он стал ждать.

А в доме на скалах Грэхем Хорикс мерил шагами комнаты. Он ходил из спальни в кабинет, оттуда вниз по лестнице на кухню, потом снова наверх в библиотеку, а оттуда — назад в спальню. Он злился на себя самого: как же он попал впросак, если счел встречу с Рози случайной? Эта мысль пришла ему в голову, когда загудел домофон, и, глянув на экран системы охраны, он увидел глупую физиономию Толстого Чарли. Ошибки быть не могло: это заговор.

Он прибег к методу тигра: сел в машину, уверенный, что без труда раздавит докучного негодяя. Если когда-нибудь обнаружат побитое о камни тело, то спишут на микроавтобус. К несчастью, он не учел, что Толстый Чарли едет так близко к обрыву. Грэхем Хорикс испугался поближе

подвести машину к краю и теперь горько об этом сожалел. Нет, Толстый Чарли специально послал к нему женщин, которые сейчас сидят в леднике, они — его шпионки. Они обманом проникли в его дом. Счастье еще, что он сумел разгадать их планы. Он с самого начала знал, что что-то с ними неладно.

Вспомнив про женщин, он сообразил, что забыл их покормить. Надо дать им что-нибудь поесть. И ведро. Через два часа сидения взаперти им, уж конечно, нужно ведро. Пусть никто не говорит, что он бесчувственная скотина.

На прошлой неделе он купил в Уильямстауне пистолет. Достать такое на Сан Андреасе довольно просто — такой уж это был остров. Но большинство местных просто не давали себе труда обзаводиться оружием — такой уж это был остров. Достав из прикроватной тумбочки в спальне пистолет, он спустился на кухню. Вынул из-под раковины пластмассовое ведро, бросил в него несколько помидоров, сырой батат, недоеденный кусок чеддера и пакет апельсинового сока. Затем (поздравив себя за заботу и предусмотрительность) прихватил рулон туалетной бумаги.

Потом спустился в винный погреб. И там, и в

леднике царила мертвая тишина.

— У меня пистолет, — громко сказал он. — И я не побоюсь им воспользоваться. Сейчас я открою дверь. Пожалуйста, отойдите к дальней стене, повернитесь и положите на нее руки. Я принес еду. Повинуйтесь, и обе выйдете отсюда целыми и невредимыми. Повинуйтесь, и никто не пострадает. А это значит, — продолжил он, радуясь, что может пустить в ход весь арсенал клише, которые до сих пор были непозволительны, — никаких выходок.

Он включил в леднике свет, потом отодвинул засовы. Стены ледника были отчасти из камня, отчасти из кирпича. С крюков в потолке свисали ржавые цепи.

Обе женщины стояли у дальней стены. Рози буравила взглядом камень. Ее мама, вывернув шею, смотрела через плечо прямо на него — словно попавшая в ловушку крыса, разъяренная и исполненная ненависти.

Грэхем Хорикс опустил ведро, но не пистолет.

— Отличная жратва, — сказал он. — И ведро — лучше поздно, чем никогда. Вижу, вы ходили в угол. Кстати, я принес туалетную бумагу. Не говорите, что я для вас ничего не делал.

— Вы ведь собираетесь нас убить, верно? —

спросила Рози.

— Не зли его, дурочка, — выплюнула, ее мама и, выдавив подобие улыбки, добавила: — Мы благодарны за еду.

— Конечно, я не собираюсь вас убивать, — сказал Грэхем Хорикс и, только услышав эти слова из собственных уст, признался самому себе: ну разумеется, их придется убить. Какие у него еще есть варианты? — Вы не говорили, что сюда вас послал Толстый Чарли.

— Мы приплыли на лайнере, у нас круиз, — сказала Рози. — Сегодня вечером нам полагается есть жареную рыбу на Барбадосе. А Толстый Чарли в Англии. Сомневаюсь, что он даже знает, куда мы поехали. Я ничего ему не говорила.

— Врите, сколько хотите, — ответил Грэхем Хорикс. — Пистолет-то у меня.

Захлопнув за собой дверь, он снова заложил засовы и услышал, как мама Рози говорит:

— А зверь? Почему ты не спросила его про зверя?

— Потому что ты его придумала, мама. Сколько раз можно тебе повторять? Нет тут никакого зверя. Да и вообще он не в своем уме. Он бы скорее всего с тобой согласился. Он сам, наверное, разговаривает с невидимыми тиграми.

Уязвленный такими словами, Грэхем Хорикс погасил им свет и, прихватив с собой бутылку красного вина, отправился наверх, с грохотом хлопнув за собой дверью в винный погреб.

В темноте под домом Рози разломила кусок сыра на четыре части и съела одну как можно медленнее.

— Что такое он говорил про Толстого Чарли? — спросила она маму, когда сыр растворился у нее во рту.

— Опять твой проклятый Толстый Чарли! Знать ничего про него не хочу! — отозвалась ее мама. — Это из-за него мы тут оказались.

— Нет, мы оказались тут, потому что Хорикс совершенно сумасшедший. Псих с пистолетом. И Толстый Чарли здесь ни при чем.

Она постаралась не думать про Толстого Чарли, потому что мысли о нем неизбежно влекли за собой мысли о Пауке…

— Он вернулся, — сказала тем временем ее мама. — Зверь вернулся. Я его слышала. Я чувствую его запах.

— Да, мама, — устало согласилась Рози.

Она сидела на бетонном полу и думала про Паука. Ей его не хватало. И вдруг решила: когда Грэхем Хорикс образумится и их отпустит, она

постарается его разыскать. Выяснит, возможно ли еще начать сначала. Она понимала, что это пустые мечты, зато они хоть немного поддерживали и утешали.

Интересно, убьет ли их завтра Грэхем Хорикс?

А на расстоянии огонька свечи от них на Паука охотился хищный зверь.

День перевалил за середину, и солнце висело низко.

Паук толкал взад-вперед что-то губами и носом. Пока это «нечто» не смочили его кровь и слюна, тут была только сухая земля. Теперь она превратилась в грязный шарик, в плотный ком красноватой глины. Он толкал и перекатывал его, чтобы сделать более-менее округлым. Потом подбросил, подсунув под него нос и дернув головой. Ничего не произошло, как не происходило сколько уже раз? Двадцать? Сто? Он не считал. Просто продолжал в том же духе. Он еще больше вжался лицом в землю, засунул нос под шарик из глины, дернул головой вперед и вверх…

Ничего не произошло. И не произойдет.

Нужно найти другой способ.

Подавшись вперед, он обхватил шарик губами. Насколько мог глубоко, вдохнул через нос. Потом выпустил воздух ртом. Шарик вылетел у него изо

рта, как пробка из бутылки шампанского, и приземлился на расстоянии восемнадцати дюймов.

Теперь Паук вывернул правую кисть. Руки у него были связаны в запястьях, веревка крепко притягивала их в сторону шеста. Он отвел кисть, вывернул. Пальцы потянулись к кому окровавленной земли, но коснулись его лишь кончики пальцев.

Так близко…

Паук снова сделал глубокий вдох, но глотнул пыли и закашлялся. Переведя дух, он попробовал, снова. Начал дуть в сторону шарика, изо всех сил выталкивая из легких воздух.

Глиняный шарик откатился — не более чем на дюйм, но и этого хватило. Осталось вытянуть пальцы…

И вот шарик у него. Он начал сжимать глину между средним и большим пальцами, потом повернул и повторил снова. И так восемь раз.

Затем опять повторил весь процесс, на сей раз сдавливая чуть сильнее и немного скручивая. Один из получившихся отростков отломился и упал в пыль, но остальные удержались. Теперь в руках у него оказался маленький шарик с семью лучами — так ребенок слепил бы из пластилина солнышко.

Паук осмотрел его с гордостью: в таких обстоятельствах любой гордился бы своим творением, как счастливый мальчишка, принесший домой из школы вылепленную фигурку.

А вот со словом придется помучиться. Изготовить паука или что-то, похожее на него, из крови, слюны и песка нетрудно. Боги, даже мелкие боги проказ вроде Паука, такое умеют. Но последний этап Творения окажется самым тяжелым. Чтобы дать чему-то жизнь, нужно слово. Нужно назвать свое творение.

Он открыл рот.

— Фрфрурррруррр, — произнес он безъязыко.

Ничего не случилось.

Он постарался снова.

— Ффрруррруррр!

Ком у него на ладони так и остался мертвой глиной.

Паук упал лицом в пыль. Он так измучен. От малейшего движения вскрывались раны на лице и груди. Из них сочилась кровь, они саднили и — что еще хуже — чесались. «Думай! — велел он самому себе. — Должен же быть какой-то способ…»

Как говорить без языка?..

На губах у него еще сохранился слой глины. Он

втянул его в себя, попытался, как смог, смочить, не облизывая.

Потом сделал глубокий вдох и выпустил воздух через сложенные в трубочку губы, произнося с такой уверенностью, что даже вселенная не осмелилась бы ему противоречить. Он давал имя существу у себя в руке и одновременно произносил свое собственное, которое, насколько он знал, было лучшей магией из всех:

— Фшпаффууфкфф.

И вдруг у него на ладони, там, где лежал кровавый комок, оказался жирный паук цвета красной глины с семью длинными хилыми ногами.

«Помоги мне, — подумал Паук. — Приведи помощь».

Паучок только смотрел на него поблескивающими на солнце глазками. Потом скатился с его ладони на землю и на неверных ногах, ковыляя и подпрыгивая, двинулся в траву. Паук следил за ним, пока он не скрылся из виду, потом опустил лицо в пыль и закрыл глаза.

Тут ветер переменился и принес аммиачный запах самца большой кошки. Хищник пометил свою территорию…

Паук услышал победное карканье птиц в вышине…

У Толстого Чарли урчало в животе. Будь у него лишние деньги, он пошел бы обедать в другое место, лишь бы убраться подальше из отеля, но учитывая, что теперь он практически на мели, а обеды включены в стоимость номера, то, как только большая стрелка часов подползла к семи, он спустился в ресторан.

У метрдотеля была роскошная улыбка. И эта метрдотель сообщила, что ресторан откроется через несколько минут: нужно дать оркестру время настроить инструменты. Потом она внимательно всмотрелась ему в лицо — Толстый Чарли уже научился узнавать этот взгляд.

— Вы?.. — начала она.

— Да, — ответил Толстый Чарли. — Он даже у меня с собой. — Он вынул из кармана и показал ей зеленый лимон.

— Очень симпатично, — отозвалась она. — У вас несомненно лимон. Но я собиралась спросить, хотите ли вы меню a la carte или предпочли бы фуршет?

— Фуршет, — сказал Толстый Чарли. Фуршет ведь бесплатный.

Он стоял в фойе перед рестораном, держа в руке зеленый лимон.

— Подождите минутку, — сказала метрдотель.

Из коридора позади Толстого Чарли вышла невысокая худенькая девушка и, улыбнувшись метрдотелю, спросила:

— Ресторан уже открыт? Умираю с голоду.

Тут раздались финальные «ур-ух-рур» бас-гитары и «блим» электрического пианино. Опустив инструменты, музыканты помахали из-за стеклянной двери метрдотелю.

— Открыт, — сказала она. — Входите.

Худенькая женщина воззрилась на Толстого Чарли с настороженным удивлением.

— Здравствуй, Толстый Чарли, — сказала она. — Зачем тебе лимон?

— Долгая история.

— У нас весь обед впереди, — откликнулась Дейзи. — Может, расскажешь?

Рози спрашивала себя, бывает ли безумие заразным. В кромешной тьме под домом на скалах она почувствовала, как мимо нее прошло что-то мохнатое. Что-то гибкое. Что-то огромное. И это что-то негромко зарычало, кружа вокруг нее и мамы.

— Ты слышала? — спросила она.

— Конечно, слышала, дурочка, — ответила мама. — Апельсинового сока не осталось?

Нащупав пакет с соком, Рози протянула его

маме. Раздались хлюпающие и глотающие звуки, потом мама произнесла:

— Зверь скорее всего нас не тронет. А вот его он точно убьет.

— Ты про Грэхема Хорикса? Да, скорее всего убьет.

— Он дурной человек. Что-то оседлало его как лошадь, но из него выйдет дурная лошадь, и человек он дурной.

Потянувшись, Рози взяла костлявую мамину руку в свою, но промолчала. Говорить-то было нечего.

— Знаешь, — сказала мама, помолчав, — я очень тобой горжусь. Ты была хорошей дочерью.

— О! — Мысль о том, что она маму не разочаровывала на каждом шагу, была совершенно новой, и Рози не знала как к ней относиться.

— Может, тебе стоило выйти замуж за Толстого Чарли, — продолжала мама. — Тогда мы бы тут не отказались.

— Нет, — возразила Рози. — Мне ни за что не стоило выходить за Толстого Чарли. Я его не люблю. Тут ты была совершенно права.

Где-то наверху хлопнула дверь.

— Он ушел, — сказала Рози. — Скорей. Пока его нет, давай рыть туннель.

Сначала она зашлась смехом, потом расплакалась.

Толстый Чарли силился понять, откуда на Сан Андреасе взялась Дейзи. А Дейзи прилагала такие же усилия, чтобы понять, как здесь очутился Толстый Чарли. И обоим не слишком удавалось. На небольшой сцене в конце зала певица в красном облегающем платье пела «Мне от тебя никуда не деться» (и делала это слишком хорошо для пятничной программы в заштатном ресторанчике).

— Значит, ты ищешь старушку, которая жила по соседству, когда ты был маленьким мальчиком, потому что она, вероятно, поможет отыскать твоего брата?

— Мне дали перо. Если оно еще у нее, вдруг мне удастся обменять его на брата? Попытка не пытка.

Дейзи задумчиво моргнула и поковыряла салат — слова Толстого Чарли ее явно не убедили.

— Ну а ты приехала на Сан Андреас в уверенности, что именно сюда сбежал Грэхем Хорикс после того, как убил Мэв Ливингстон. Но ты же здесь не как полицейская. Ты просто прилетела на свой страх и риск, в расчете на то, что он здесь. Но даже если ты его найдешь, ты ведь все равно ничего не сможешь сделать.

Дейзи смахнула с угла губ помидорное семечко, вид у нее стал явно смущенный.

— Да, я здесь не как полицейская, а как туристка.

— Но ты ведь только что бросила работу и прилетела сюда за ним! За это тебя могут выгнать с работы, или в тюрьму посадить, или еще что.

— Значит, мне на руку, что у Сан Андреаса ни с кем нет договоров об экстрадиции, верно? — сухо откликнулась она.

— О Господи, — пробормотал себе под нос Толстый Чарли.

Причиной этого «О Господи» стало то, что певица спустилась со сцены и с радиомикрофоном в руке стала обходить зал. В данный момент она спрашивала двух немецких туристов, откуда они родом.

— Но зачем ему приезжать сюда? — спросил Толстый Чарли.

— Конфиденциальность банковских счетов. Дешевая земля. Никаких договоров об экстрадиции. А может, он просто любит цитрусовые.

— Я два года до смерти его боялся, — признался Толстый Чарли. — Схожу-ка я еще за салатом из рыбы с зеленью. Тебе что-нибудь принести?

— Уже наелась, — ответила Дейзи. — Надо для

десерта место оставить.

Толстый Чарли двинулся к фуршетному столу, избрав окольный путь, лишь бы не попасться на глаза певице. Певица была очень красивой, а блестки на ее красном платье отражали свет и перемигивались. Она была много лучше оркестра. Толстому Чарли очень бы хотелось, чтобы она вернулась на сцену (ему понравилось, как она исполнила «День и ночь» и особенно задушевную «Ложку сахара») и перестала разговаривать с обедающими. Или по крайней мере с теми, кто сидит в его части зала.

Он положил в тарелку еще всякой снеди, которая понравилась ему в первый раз. Из катания по острову на велосипеде, решил он, следует как минимум одно: развивается зверский аппетит.

Когда он вернулся к столу, возле Дейзи сидел Грэхем Хорикс с рыжеватой порослью на подбородке и улыбался от уха до уха.

— А, Толстый Чарли, — неприятно хохотнул Грэхем Хорикс. — Поразительно, верно? Приезжаю поговорить с вами с глазу на глаз, и кого нахожу в качестве бонуса? Восхитительную полицейскую. Прошу, садитесь и не пытайтесь устроить сцену.

Толстый Чарли застыл как восковая кукла.

— Садитесь, — повторил Грэхем Хорикс. — У

меня в руке пистолет, а дуло прижато к животу мисс Дейзи.

Дейзи, в чьи глазах читалась мольба, кивнула, подтверждая его слова. Ее ладони были плотно прижаты к скатерти. Толстый Чарли сел.

— Пожалуйста, так, чтобы я мог видеть ваши руки. Прижмите их к столу, как она.

Толстый Чарли повиновался.

— Я всегда знал, что вы полицейский под прикрытием, Нанси, — объявил Грэхем Хорикс. — Провокатор, а? Устраиваетесь ко мне на работу, подставляете меня, обворовываете вчистую.

— Я никогда… — начал было Толстый Чарли, но, поймав взгляд Грэхема Хорикса, осекся.

— Вы считали, что умнее всех, — продолжал Грэхем Хорикс. — Думали, что я попадусь на удочку? Поэтому подослали мне тех двух, да? Ту парочку в доме? Вы думали, я поверю, что они действительно приехали в круиз? Еще не родился тот, кто меня облапошит. Кому еще вы рассказали? Кто еще знает?

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, мистер Хорикс, — сказала Дейзи.

Певица заканчивала «Однажды»: голос у нее был богатый и блюзовый и вился вокруг слушателей как бархатный шарф.

Однажды
Ты по мне затоскуешь, мой милый,
Однажды
Тебе будет так одиноко.
Однажды
Ты затоскуешь по моим рукам,
По моим поцелуям…
Однажды…

— Вы сейчас заплатите по счету, — сказал Грэхем Хорикс, — а потом я провожу вас и вашу даму к машине. Затем мы поедем ко мне. Надо поговорить по душам. Малейшая глупость, и я пристрелю вас обоих. Capiche?[150]

Толстый Чарли усек. А еще сообразил, кто сидел за рулем того черного «мерседеса» и что сегодня сам он был на волосок от смерти. Он начал понимать, насколько же сбрендил Грэхем Хорикс и как мало у них с Дейзи шансов выбраться из этой передряги живыми.

Певица закончила. По всему ресторану раздались аплодисменты. Толстый Чарли держал руки на столе. Он смотрел мимо Грэхема Хорикса на певицу и правым глазом, которого Грэхем Хорикс

---

[150] notes: 150
Поняли? *(ит.)*

видеть не мог, ей подмигивал. Ей уже давно надоело, что с ней избегают встречаться взглядом, а потому подмигивание Толстого Чарли пришлось как нельзя кстати.

— Вполне очевидно, мистер Хорикс, — говорила тем временем Дейзи, — что я приехала сюда из-за вас, но Чарли просто…

Тут она умолкла, и на лице у нее возникла гримаска в точности такая, какую корчишь, когда дуло пистолета еще глубже утыкается тебе в живот.

— Слушайте меня, — сказал Грэхем Хорикс. — Ради собравшихся здесь ни в чем не повинных людей давайте вести себя как добрые друзья. Я сейчас уберу пистолет в карман, но целиться он все равно будет в вас. Мы встанем. Выйдем к моей машине. И я…

Он осекся. Завлекательно улыбаясь, к их столу приближалась женщина в красном с блестками платье с микрофоном в руке. И направлялась она прямо к Толстому Чарли, а в микрофон говорила:

— Как вас зовут, милый?

Микрофон она поднесла к лицу Толстого Чарли.

— Чарли Нанси, — ответил Толстый Чарли. Горло у него перехватило, голос дрогнул.

— Откуда вы, Чарли?

— Из Англии. И мои друзья тоже. Мы все из Англии.

Время остановилось. Так бывает, когда прыгаешь со скалы в океан. И выход только один. Сделав глубокий вдох, он произнес, что нужно:

— В настоящий момент я без работы, — начал он. — Но на самом деле я певец. Пою, понимаете ли. В точности как вы.

— Как я? И что же вы поете?

Толстый Чарли сглотнул.

— А что у вас есть?

— Как по-вашему, — обратилась она к паре за столом Толстого Чарли, — удастся уговорить его спеть для нас? — Она указала микрофоном на сцену.

— Э-э-э… Сомневаюсь. Нет. Абсо-ненно, исключается, — подал голос Грэхем Хорикс.

Дейзи, не отнимая рук от стола, пожала плечами.

Певица в красном платье повернулась к залу.

— Что скажем?

По остальным столам пробежал шорох вежливых хлопков и более пылкие аплодисменты официантов и барменов.

— Спой нам что-нибудь! — крикнул бармен.

Наклонившись к Толстому Чарли, певица прикрыла рукой микрофон:

— Пусть будет что-то, что ребята знают.

— «Под променадом на пляже» они знают? — спросил Толстый Чарли.

На это певица кивнула, объявила песню и протянула ему микрофон.

Оркестр заиграл, а певица повела Толстого Чарли на небольшую сцену, сердце у него в груди бешено билось.

Толстый Чарли запел, а зал стал слушать.

Он хотел лишь выиграть немного времени, но, поднявшись на сцену, почувствовал себя как дома. Никто ничем в него не бросал. И в голове — совсем не вата, а полно места для мыслей. Он отчетливо сознавал присутствие всех до единого людей в зале: и постояльцев отеля, и обслуги, и выпивох у барной стойки. Он видел все: как бармен отмеривает алкоголь в коктейль, как старушка в дальнем конце комнаты наливает в большую пластмассовую кружку кофе. Он попрежнему был сердит и напуган, но весь свой страх и весь свой гнев вылил в песню, а потом превратил ее в рассказ о любви и лени. И пока пел, думал.

«Что сделал бы сейчас Паук? — думал Толстый

Чарли. — Как поступил бы папа?»

— Под променадом… — пел он, — мы займемся любовью.

Певица в красном платье улыбалась и щелкала пальцами, а потом даже стала покачиваться в такт музыке. Наклонившись к микрофону у электрического пианино, она начала подпевать.

«Я и впрямь пою перед аудиторией! — удивился Толстый Чарли. — Ну надо же!»

Он не спускал глаз с Грэхема Хорикса.

Вступая с последним припевом, он поднял руки над головой и стал хлопать, и вскоре вместе с ним захлопал весь зал: обедающие и официанты, гости и повара, все, за исключением Грэхема Хорикса, чьи руки все так же прятались под скатертью, и Дейзи, чьи руки все так же вжимались в стол. Дейзи смотрела на него так, словно он не просто свихнулся, но еще и выбрал крайне неподходящее время для своей мании.

Аудитория хлопала, Толстый Чарли улыбался и пел и, пока пел, вдруг без тени сомнения понял, что все будет хорошо. Все для всех уладится: и для него с Пауком, и для Дейзи, и для Рози, где бы она ни была. Он знал, что сейчас сделает: совершит глупый и невероятный, идиотский поступок, но это сработает. И когда замерли последние ноты

песни, произнес:

— За столом, где я обедал, сидит одна прекрасная девушка. Ее зовут Дейзи Дей. Она тоже из Англии. Помашешь присутствующим, Дейзи?

Дейзи поглядела на него с отвращением, но все-таки подняла руку от стола и помахала.

— Я кое-что хотел сказать Дейзи. Она не знает, что именно это будет. — «Если это не сработает, — прошептал внутренний голосок на задворках его сознания, — она умрет. Это-то ты понимаешь?» — Но будем надеяться, она скажет «да». Дейзи? Ты выйдешь за меня замуж?

Воцарилась мертвая тишина. Толстый Чарли во все глаза смотрел на Дейзи, усилием воли заставляя ее понять, заставляя подыграть ему.

Дейзи кивнула.

Обедающие зааплодировали. Вот это шоу! К столу слетелись певица, метрдотель и несколько официанток, подняли Дейзи на ноги и потащили на середину танцпола. Они подвели ее к Толстому Чарли, и, когда оркестр заиграл «Просто позвонил сказать, что я тебя люблю», он ее обнял.

— У вас есть кольцо?

Толстый Чарли опустил руку в карман.

— Вот, — сказал он Дейзи. — Это тебе.

Потом обнял и поцеловал. Если кто-то и будет

убит, подумал он, то сейчас самое время. Быстро, слишком быстро поцелуй закончился, и все вокруг стали жать ему руку, хлопать по плечу и обнимать (один человек, заявивший, что приехал на Музыкальный фестиваль, даже всучил ему визитную карточку). И Дейзи оглушенно стояла с очень странным выражением на лице, сжимая подаренный им зеленый лимон. А когда он оглянулся на стол, за которым они сидели, Грэхема Хорикса там уже не было.

Глава тринадцатая, которая кое для кого плохо кончается

Теперь птицы разошлись не на шутку: кричали, каркали и верещали в кронах деревьев. «Идет», — подумал Паук и про себя выругался. Он вымотался, сил больше нет. У него ничего не осталось. Ничего, кроме усталости, ничего, кроме изнеможения.

Он думал о том, каково это — лежать на земле и чувствовать, как тебя пожирают. С какой стороны ни посмотреть, паршивая смерть. Сомнительно, что он вообще сумеет отрастить себе не то что печень, а хотя бы язык, да и вообще тот, кто охотится за ним, ни первой, ни вторым не ограничится.

Паук принялся раскачивать столб. Сосчитав до трех, он что есть мочи дернул разом на себя обе руки, чтобы они натянули веревки и потащили бы за собой столб, потом еще раз сосчитал и попробовал снова.

С тем же успехом он мог бы пытаться перетащить через шоссе гору. Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок!

Интересно, скоро ли появится зверь?

Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок!

Где-то кто-то пел — Паук ясно слышал песню про любовь и лень. И слушая ее, вдруг улыбнулся и поймал себя на мысли, что жалеет, что у него больше нет языка: он показал бы его Тигру, когда тот наконец соизволит явиться. Эта мысль придала ему сил.

Раз, два, три… рывок!

И шест поддался и шевельнулся у него под руками.

Еще рывок, и он вышел из земли — так же легко, как выходил меч из камня.

Подтянув к себе веревки, он схватил его за конец. Шест был футов трех высотой. Один его конец был заострен — чтобы легче вбить в землю. Онемевшими пальцами Паук стащил с рук петли, которые теперь бесполезно повисли у него на запястьях. Он взвесил шест в правой руке. Подойдет. И вдруг понял, что за ним наблюдают. Наблюдают уже давно, как кошка за мышкиной норкой.

Зверь явился в тишине или почти полной тишине, подобрался, как тень облака. Паук успел разглядеть лишь нетерпеливо бьющий по бокам хвост. В противном случае его можно было

принять за статую или за гору песка, которую причудливая игра теней превратила вдруг в чудовищную кошку, ведь шкура у него была цвета песка, а немигающие глаза — зелени моря посреди зимы. И у него была широкая, жестокая морда пантеры. На островах всех крупных кошек называют Тигр. А сейчас перед Пауком стояло воплощение всех крупных кошек, только крупнее, злее и опаснее.

Колени Паука все еще были спутаны, и он едва мог передвигаться. Кисти рук и ступни словно бы покалывало тысячью иголок. Он стал прыгать с ноги на ногу и попытался изобразить, будто делает это намеренно, будто это какой-то устрашающий танец, а не потому, что больно стоять.

Ему хотелось присесть и развязать веревку на коленях, но он не решался отвести глаз от зверя.

Шест был тяжелым и толстым, но слишком коротким, чтобы послужить копьем, слишком большим и неудобным, чтобы бросать как дротик. Паук держал его за заостренный конец и сейчас намеренно отвел взгляд, посмотрел на море, старательно не глядя на то место, где застыл хищник, и полагаясь на периферийное зрение.

Что она сказала? «Ты станешь блеять. Ты станешь скулить. Твой страх привлечет его».

Паук заскулил. Потом заблеял, как подраненный козлик, откормленный, потерявшийся и одинокий козлик.

Мазок песчаного, доля секунды, за которую и не распознать даже несущихся на него зубов и когтей. Паук замахнулся шестом, как бейсбольной битой, замахнулся изо всех сил и почувствовал, как с удовлетворительным, влажным стуком его оружие соприкоснулось с носом хищника.

Тигр застыл, уставился на него так, словно не верил собственным глазам, а после издал горловой звук, вопросительный рык, и ушел на негнущихся ногах туда, откуда явился, ушел в кусты с таким видом, точно его ждут на заранее условленной встрече, от которой — жаль, но никак не отвертеться.

Паук посмотрел ему вслед.

Потом сел и распутал веревки на ногах.

И нетвердым шагом отправился по краю скалы. Тропинка вилась, уходя вниз под слабым уклоном, вскоре ее пересек ручей, падавший с обрыва мерцающим на солнце водопадиком. Опустившись на колени, Паук сложил руки лодочкой и стал пить прозрачную холодную воду.

Потом начал собирать камни. Хорошие, надежные камни размером с кулак. Их он складывал в

кучку, как снежки.

— Ты почти ничего не ела, — сказала Рози.

— Лучше ты поешь. Тебе нужно сохранять силы, — ответила мама. — Я съела немного сыру. Этого хватит.

В леднике для мяса было холодно и темно. И не той темнотой, к которой могут привыкнуть глаза. Света не было вообще никакого. Рози обошла ледник по периметру, ведя пальцами по побелке, по влажной скале, по осыпающемуся кирпичу: искала хоть что-нибудь полезное и не нашла ничего.

— Раньше ты ела, — сказала Рози. — Когда папа был жив.

— Твой отец тоже ел, — возразила мама. — И посмотри, к чему это привело? К инфаркту в пятьдесят один год. Что это за мир?

— Но он же любил еду.

— Он все любил, — горько отозвалась мама. — Любил еду, любил людей, любил свою дочь. Любил готовить. Любил меня. И что ему это дало? Только раннюю смерть. Нельзя постоянно любить все подряд. Я же тебе говорила.

— Да, — согласилась Рози. — Наверное, говорила.

Она пошла на звук маминого голоса, держа руку

перед собой, чтобы не наткнуться лбом на какую-нибудь висящую посреди ледника ржавую цепь. Найдя костлявое плечо матери, она обняла ее.

— Я не боюсь, — сказала в темноте Рози.

— Тогда ты сошла с ума.

Отпустив мать, Рози снова вышла на середину помещения. Раздался внезапный треск. С потолка посыпались пыль и рассохшаяся штукатурка.

— Рози? Что ты делаешь?

— Раскачиваю цепь.

— Будь осторожна. Если крепеж не выдержит, ты и ахнуть не успеешь, как окажешься на полу с проломленной головой.

Не услышав ответа дочери, миссис Ной сказала:

— Я же говорила, ты сошла с ума.

— Нет, — возразила Рози. — Не сошла. Просто перестала бояться.

Где-то в доме наверху хлопнула дверь.

— Синяя Борода вернулся, — сказала мама Рози.

— Знаю. Я слышала, — ответила Рози. — И все равно не боюсь.

Люди все хлопали Толстого Чарли по спине и покупали ему коктейли с зонтиками. В дополнение к тому пришлось взять пять визиток у людей

из мира музыки, продюсеров и агентов, приехавших на остров ради фестиваля.

Все в зале ему улыбались. Он обнимал Дейзи за плечи и чувствовал, как ее бьет дрожь. Привстав на цыпочки и поднеся губы к самому уху Чарли, она прошептала:

— Ты совершенно сумасшедший. Тебе это говорили?

— Но ведь сработало.

Она только поглядела на него.

— Ты полон сюрпризов.

— Пошли, — ответил он. — Мы еще не закончили. — И направился к метрдотелю. — Прощу прощения… Тут была одна женщина. Когда я пел, она вошла, налила себе кофе из кофейника вон там, у бара. Куда она делась?

Метрдотель недоуменно пожала плечами.

— Не знаю…

— Нет, знаете, — не отступал Толстый Чарли.

Он чувствовал себя на коне. Он знал, что очень скоро вновь станет самим собой, но сейчас ему все по плечу: он ведь спел перед аудиторией, и ему это понравилось. Он рискнул, чтобы спасти жизнь Дейзи и свою собственную, и у него получились и песня, и спасение. Все дело в песне: пока он пел, ему все стало совершенно ясно. И до

сих пор было ясно. Он направился по коридору, и Дейзи с метрдотелем потянулись следом.

— Как вас зовут? — спросил он метрдотеля.

— Кларисса.

— Очень приятно, Кларисса. Как ваша фамилия?

— Наверное, нам нужно вызвать полицию, Чарли, — вмешалась Дейзи.

— Через минуту. Кларисса. А как дальше?

— Хигглер.

— И кем вы приходитесь Бенджамину? Консьержу?

— Он мой брат.

— И кем именно вы приходитесь миссис Хигглер? Каллианне Хигглер?

— Они мои племянники, Толстый Чарли, — сказала из вестибюля миссис Хигглер. — И вообще, думаю, сейчас лучше послушаться твоей невесты и поговорить с полицией. Как по-твоему?

Паук сидел, прислонясь спиной к скале у ручья, перед ним высилась горка камней для метания, а из высокой травы впереди широким шагом вышел человек. Он был голым, если не считать широкого куска песочного цвета меха вокруг пояса, сзади на этом «ремне» покачивался хвост. На шее у человека болталось ожерелье из зубов,

острых и белых, а за плечом висел мешок. Он небрежно приблизился к Пауку, словно просто вышел на утреннюю прогулку для моциона и встреча с Пауком оказалась для него приятным сюрпризом. Взяв из горки камень размером с грейпфрут, Паук взвесил его в руке.

— Привет, сын Ананси, — сказал незнакомец. — Я проходил мимо и увидел тебя и подумал, а вдруг могу чем-то помочь. — Нос у него был словно бы чуть свернут на сторону, вокруг расплывался синяк.

Паук только качнул головой. Ему так не хватало языка.

— Увидев, как ты тут сидишь, я подумал: бедный дитя Ананси, он, наверное, голоден. — Незнакомец широко, слишком широко улыбнулся. — Вот. У меня достаточно еды, чтобы с тобой поделиться.

Сбросив на землю мешок, он запустил правую руку внутрь и достал свежеубитого ягненка с черным хвостом. Поднял повыше за шею. Голова ягненка свесилась на сторону.

— Мы с твоим отцом много раз пировали вместе. Неужели есть причина, почему мы с тобой должны поступать иначе? Ты можешь развести огонь, а я освежую ягненка и приготовлю вертел,

чтобы его пожарить. Я прямо-таки чувствую вкус жареной ягнятины!

Пауку так хотелось есть, что кружилась голова. Будь у него язык, он, возможно, согласился бы, уверенный, что болтовней найдет выход из самого неприятного положения. Но языка у него не было. Левой рукой он подобрал второй камень.

— Так давай попируем и станем друзьями. Пусть не будет больше размолвок, — сказал незнакомец.

«А Стервятник и Ворон очистят мои кости», — подумал Паук.

Незнакомец сделал еще шаг к Пауку, который решил, что сейчас самое время бросить первый камень. Паук всегда гордился отменным глазомером и прекрасным броском, и камень ударил в точности туда, куда он рассчитывал, — в правую руку незнакомца. Незнакомец выронил мешок. Следующий попал в висок — Паук метил ровно между широко поставленных глаз, но незнакомец пытался увернуться.

Тогда незнакомец побежал со всех ног, и хвост у него за спиной был прям как палка. На бегу незваный гость выглядел то человеком, то зверем.

Когда он скрылся из виду, Паук встал и прошел несколько шагов забрать ягненка с черным

хвостом. Когда он достиг тушки, ягненок шевельнулся, и на мгновение Пауку показалось, что он еще жив, а потом он увидел, что по шкуре ползают черви. От туши несло, и трупная вонь помогла Пауку хотя бы ненадолго забыть про голод.

Держа на вытянутой руке, он отнес трупик к обрыву и выбросил в море. Потом вымыл руки в ручье.

Он не знал, сколько часов провел в этом месте. Время здесь растянулось и искривилось. На горизонте садилось солнце.

«Когда оно уйдет под воду, но до восхода луны… — подумал Паук. — Вот когда зверь вернется».

Неумолимо веселый офицер полиции Сан Андреаса сидел в дирекции отеля и слушал, как Дейзи и Толстый Чарли наперебой рассказывают о случившемся в Англии, а потом в ресторане, и делал это с безмятежной, равнодушной улыбкой на широком лице. Иногда он поднимал палец и чесал себе ус.

Они рассказали полицейскому, что скрывающийся от правосудия преступник по имени Грэхем Хорикс подсел к ним, когда они обедали в ресторане, и грозил Дейзи пистолетом. Которого, как им пришлось признать, никто, кроме Дейзи,

не видел. Толстый Чарли рассказал про инцидент с черным «мерседесом» и велосипедом, и нет, он на самом деле не видел, кто был за рулем. Но знает, откуда взялась машина. И сообщил полицейскому про дом на скалах.

Полицейский задумчиво погладил черные с проседью усы.

— Действительно, там есть такой дом, как вы описали. Однако он принадлежит не вашему Хориксу. Вы описываете дом Бейзила Финнегана, весьма респектабельного джентльмена. Уже много лет мистер Финнеган питает здоровый интерес к поддержанию закона и порядка на нашем острове. Он давал деньги на школы, но еще, что гораздо важнее, пожертвовал солидную сумму на строительство нового полицейского участка.

— Он пистолет мне к животу приставил! — вспыхнула Дейзи. — Он говорил, что, если мы не пойдем с ним, откроет стрельбу.

— Если это был мистер Финнеган, дамочка, — возразил полицейский, — уверен, всему найдется очень простое объяснение. — Открыв портфель, он достал стопку бумаг. — Вот что я вам скажу. Поразмыслите о случившемся. Поспите. Если наутро вы будете убеждены, что дело не в винных парах, то просто заполните эти бланки и завезите

все три экземпляра в участок. Поезжайте в новый полицейский участок, позади главной площади. Все знают, где он.

Пожав обоим руки, он удалился восвояси.

— Надо было тебе сказать, что ты тоже полицейская, — задумчиво произнес Толстый Чарли. — Тогда, возможно, он отнесся бы к нам серьезнее.

— Сомневаюсь, что от этого был бы толк, — отозвалась Дейзи. — Тот, кто называет женщину «дамочка», автоматически исключает ее из числа тех, кого стоит слушать.

Они вышли в вестибюль отеля.

— Куда она подевалась? — вскинулся Толстый Чарли.

— Тетушка Каллианна? — переспросил Бенджамин. — Ждет вас в конференц-зале.

— Ну вот, — сказала Рози. — Я же знала, что сумею, надо только раскачать.

— Он тебя убьет.

— Он в любом случае нас убьет.

— Не сработает.

— Мам! У тебя есть идея получше?

— Он тебя заметит.

— Перестань видеть все в черном свете, мама. Если у тебя есть какие-то дельные соображения,

пожалуйста, выскажи. А если нет, то побереги силы. Ладно?

Молчание. Потом:

— Могу показать ему попку.

— Что?

— Что слышала.

— Э-э-э… Вместо чего?

— В дополнение.

Молчание. Потом Рози сказала:

— Ну, во всяком случае, не помешает.

— Привет, миссис Хигглер, — сказал Толстый Чарли. — Я хочу получить назад перо.

— С чего ты взял, что твое перо у меня? — вопросила она, сложив руки на огромной груди.

— Мне сказала миссис Дунвидди.

Это как будто миссис Хигглер удивило — впервые.

— Луэлла сказала тебе, что перо у меня?

— Вот именно.

— Я взяла его на хранение. — Миссис Хигглер махнула на Дейзи кружкой кофе. — Не думаешь же ты, что я стану говорить при ней. Я ее не знаю.

— Это Дейзи. Ей вы можете сказать все, что сказали бы мне.

— Она твоя невеста, — проворчала миссис Хиг-

глер. — Я слышала.

Толстый Чарли почувствовал, как заливается краской.

— Она не моя… На самом деле мы не… Мне нужно было как-то освободить ее от человека, который угрожал ей пистолетом. Это показалось самым простым выходом.

Миссис Хигглер посмотрела на него внимательно, глаза за толстыми стеклами очков как будто блеснули.

— Я это поняла. Во время песни. Перед аудиторией. — Она покачала головой, как это делают старики, размышляя о неразумии молодых. Потом открыла сумочку, достала из нее конверт и протянула Толстому Чарли. — Я обещала Луэлле сохранить его.

Толстый Чарли вынул из конверта перо, основательно измятое в ту ночь, когда он, сам о том не зная, изо всех сил сжимал его во время сеанса.

— Ладно, — сказал он. — Перо. Замечательно. А что теперь? — Он повернулся к миссис Хигглер. — Что мне теперь с ним делать?

— Ты не знаешь?

Когда Толстый Чарли был маленьким, мама советовала ему считать до десяти и лишь потом выходить из себя. Вот и сейчас он неспешно со-

считал про себя до десяти и лишь потом вышел из себя.

— Разумеется, я не знаю, что с ним делать, глупая вы старуха! За последние две недели меня арестовали, я потерял невесту и работу, видел, как моего воображаемого брата поглотила на Пикадилли-серкус стена птиц. Я носился взад-вперед через Атлантический океан, как какой-нибудь сбрендивший шарик в пинг-понге, а сегодня вышел перед большим количеством людей и спел, потому что мой бывший босс-психопат прижал дуло пистолета к животу девушки, с которой я обедал. Я всего лишь пытаюсь разобраться в том хаосе, в который превратилась моя жизнь с тех пор, как вы — вы, а не кто-нибудь другой! — посоветовали мне поговорить с братом. Поэтому нет. Я не знаю, что мне делать с этим чертовым пером. Сжечь его? Порубить и съесть? Построить вокруг него гнездо? Выпрыгнуть в окно, держа перед собой?

Миссис Хигглер посмотрела на него как угрюмый ребенок.

— Следовало спросить у Луэллы Дунвидди.

— Сомневаюсь, что это возможно. Когда я к ней заезжал, вид у нее был неважнецкий. К тому же у нас мало времени.

— Отлично, — вмешалась Дейзи. — Перо у тебя. А теперь можно нам поговорить о Грэхеме Хориксе?

— Это не просто перо. Это перо, которое я получил в обмен на брата.

— Так обменяй назад и давай займемся делом. Не можем же мы так все оставить.

— Это не так просто, — возразил Толстый Чарли, но вдруг умолк: подумал о словах, которые сам только что произнес, и о ее ответе. И с восхищением посмотрел на Дейзи. — Господи, какая же ты умная! — вырвалось у него.

— Стараюсь. А что я такого сказала?

Четырех старушек под рукой не было, но имелись миссис Хигглер, Бенджамин и Дейзи. Обед почти закончился, поэтому метрдотель Кларисса с удовольствием к ним присоединилась. У них не было земли четырех разных цветов, но был белый песок с пляжа при отеле и черная земля с клумбы перед входом, красная глина из проулка за зданием и цветной песок в пробирках из сувенирной лавки. Свечи, которые они позаимствовали со столиков возле бассейна, были маленькими и белыми, а не высокими и черными. Миссис Хигглер заверила, что все нужные травы растут на острове, но Толстый Чарли попросил Клариссу

принести с кухни букет ароматических трав для бульона.

— Думаю, самое главное тут — вера в себя, — объяснил он. — Детали — вещь второстепенная. Важна атмосфера магии.

В данном случае атмосферу магии вовсе не помогал сгустить ни Бенджамин Хигглер, который то и дело оглядывал стол и разражался хихиканьем, ни Дейзи, которая постоянно напоминала, что весь ритуал несусветная чушь.

Миссис Хигглер бросила ароматический букет в миску с оставшимся после обеда белым вином. Потом начала гудеть и жужжать. Подстегивая остальных, она подняла руки, и вскоре они стали ей вторить — в целом звучание напоминало рой пьяных пчел. Толстый Чарли ждал, когда что-нибудь произойдет.

Ничего не происходило.

— Толстый Чарли, — подала вдруг голос миссис Хигглер. — Ты тоже гуди.

Толстый Чарли сглотнул. Бояться тут нечего, сказал он самому себе. Он же пел перед полным залом, он же прилюдно предложил руку и сердце женщине, которую едва знает. После такого гудеть — проще простого.

Он уловил ноту, которую издавала миссис Хиг-

глер, и дал ей вибрировать у себя в горле…

Сжал покрепче перо. Сосредоточился и загудел.

Бенджамин перестал хихикать. Его глаза расширились, на лице отразился испуг, и Толстый Чарли уже собрался перестать гудеть, чтобы выяснить, что его так встревожило, но жужжание было теперь внутри него, и свечи замигали…

— Посмотрите на него! — воскликнул Бенджамин, — Он… … Толстый Чарли спросил бы, что же с ним не так, но было уже слишком поздно.

Туманная завеса разомкнулась.

Толстый Чарли шел по мосту, по длинному белому пешеходному мосту над бескрайней серой водой. Чуть впереди, посреди моста на деревянном складном стульчике сидел мужчина. И удил рыбу. Глаза и лоб ему прикрывала зеленая фетровая шляпа. Он словно бы дремал и, когда Толстый Чарли приблизился, даже не шевельнулся.

Тем не менее Толстый Чарли его узнал и положил руку ему на плечо.

— Я так и знал, что ты все подделал. Никогда не верил, что ты по-настоящему мертв.

Человек на стульчике не двинулся с места, но улыбнулся.

— Много ты знаешь о смерти, — сказал Анан-

си. — Я мертв, мертвее не бывает. — Он с удовольствием потянулся, вытащил из-за уха тонкую черутту и прикурил от спички. — Ух. Я мертв. И на какой-то срок, пожалуй, таким и останусь. Если время от времени не умирать, люди начинают принимать тебя как должное.

— Но… — возразил Толстый Чарли.

Призывая к молчанию, Ананси приложил палец к губам, потом подобрал удочку и, крутя ручку, начал втягивать леску. Толстому Чарли он указал на сачок. Толстый Чарли за ним нагнулся и подставил отцу, который опустил в него бьющуюся серебристую рыбину. Ананси извлек из пасти рыбы крючок, потом бросил рыбину в белое пластмассовое ведро.

— Ну вот, — сказал он. — Обед на сегодня есть.

Тут до Толстого Чарли дошло, что, когда он сел за стол с Хигглерами, был поздний вечер, а здесь — где бы он ни очутился — солнце стояло низко, но еще не зашло.

Сложив стульчик, отец отдал его Толстому Чарли вместе с ведром. Они пошли по мосту.

— Знаешь, — сказал мистер Нанси. — Я всегда думал, что если ты когда-нибудь придешь со мной поговорить, я столько всякого тебе расскажу. Но ты и сам по себе неплохо справляешься. Так что

тебя сюда привело?

— Не знаю. Я пытаюсь разыскать Женщину-Птицу. Хочу отдать ей назад перо.

— Не следовало тебе связываться с такими людьми, — беспечно ответил отец. — От таких добра не жди. А она та еще птица. Сплошные обиды. Но она трусиха.

— Это из-за Паука… — начал Толстый Чарли.

— Сам виноват, — прервал ее отец. — Позволил старой перечнице отослать куда-то половину себя.

— Я был всего лишь ребенком. Ты-то почему ничего не сделал?

Ананси удочкой сдвинул шляпу на затылок.

— Старуха Дунвидди не смогла бы сделать с тобой ничего, чего бы ты сам ей не позволил, — сказал он. — Ты ведь мой сын.

Толстый Чарли это обдумал, потом спросил:

— Но почему ты мне ничего не сказал?

— Ты и так неплохо справлялся. До всего доходил своим умом. С песнями же ты разобрался, верно?

Толстый Чарли почувствовал себя еще более неуклюжим, еще более толстым и еще большим разочарованием для отца, чем когда-либо, но не ответил просто «нет», а только сказал:

— А ты как думаешь?

— Думаю, ты на верном пути. Самое главное в песнях — то, что они совсем как истории: ни черта не стоят, если их никто не слушает.

Впереди показался конец моста. Хотя никто ему этого не объяснял, Толстый Чарли почему-то понял, что это их последний шанс поговорить. Ему так многое нужно узнать, ему так многое хочется узнать.

— Пап… — начал он. — Когда я был ребенком… Почему ты меня унижал?

Лоб старика сошелся морщинами.

— Унижал? Да я тебя любил!

— Ты отправил меня в школу в костюме президента Тафта. Это ты называешь любовью?

Раздался пронзительный взрыв чего-то, что можно было принять за старческий смех, потом Ананси затянулся черуттой. Дым вылетел у него изо рта как призрачная рамка для реплики в комиксе.

— А что мне твоя мать за это устроила! — хохотнул он и, помолчав, добавил: — У нас не так много времени, Чарли. Неужели ты хочешь провести его, ссорясь?

Толстый Чарли покачал головой.

— Наверное, нет.

Мост уже почти кончился.

— Послушай, — сказал отец, — когда увидишь брата… Хочу, чтобы ты кое-что ему от меня передал.

— Что?

Подняв руку, отец наклонил к себе голову Толстого Чарли и мягко поцеловал в лоб.

— Вот это.

Толстый Чарли выпрямился. Отец смотрел на него со странным выражением, которое на лице любого другого Толстый Чарли счел бы гордостью.

— Покажи мне перо, — велел Ананси.

Толстый Чарли опустил руку в карман. Перо выглядело еще более мятым и растрепанным, чем раньше. Неодобрительно цокнув языком, отец посмотрел его на свет.

— Красивое, — сказал он. — Нельзя его было так обмусоливать. Она испорченное не возьмет.

Мистер Нанси провел рукой по перу, и оно снова расправилось. Но пожилой джентльмен снова нахмурился.

— Зачем стараться? Ты же только снова его испортишь.

Дыхнув на ногти, он потер их, полируя о куртку. Потом словно бы принял какое-то решение. Снял

шляпу и заткнул перо за ленту на тулье.

— Вот, щегольская шляпа тебе не повредит. — Он надел шляпу на голову Толстого Чарли. — Тебе идет.

— Я не ношу шляп, папа, — вздохнул Толстый Чарли. — Она выглядит глупо, и я в ней выгляжу полным идиотом. Почему ты всегда стараешься вогнать меня в краску?

В сгущающихся сумерках старик посмотрел на сына.

— Думаешь, я стал бы тебе лгать? Чтобы носить шляпу, сынок, нужно настроение, нужен подход, ни больше ни меньше. А в тебе это есть. Думаешь, я бы сказал, что тебе идет, если она была бы тебе не к лицу? Ты сама элегантность. Не веришь?

— Не особенно.

— Взгляни, — сказал отец и указал за перила моста.

Вода под ними блестела неподвижная и гладкая как зеркало, и человек в новой зеленой шляпе, посмотревший оттуда на Толстого Чарли, действительно был сама элегантность.

Он поднял глаза, чтобы признаться отцу, что ошибался, но старик уже исчез.

Толстый Чарли шагнул с моста в сумерки.

— Так. Я хочу знать, куда он подевался? Куда

пропал? Что вы с ним сделали?

— Я-то ничего не делала, — вздохнула миссис Хигглер. — Господи, дитя! В прошлый раз все было иначе.

— Его словно бы лазерным лучом вернули на корабль-матку, — сказал Бенджамин. — Круто. Спецэффекты реальности.

— Сейчас же верните его назад! — яростно выпалила Дейзи. — Немедленно!

— Я даже не знаю, где он, — ответила миссис Хигглер. — И не я его туда послала. А он сам отправился.

— И вообще, — вмешалась Кларисса, — что, если он отправился делать что нужно, а мы заставим его вернуться? Можем все испортить.

— Вот именно, — поддакнул Бенджамин. — Все равно что вытащить разведывательную экспедицию в момент высадки на чужую планету.

Подумав, Дейзи раздраженно признала, что это звучит разумно — как минимум настолько разумно, насколько вообще что-то за последние несколько дней казалось логичным или здравым.

— Если мы закончили, — сказала Кларисса, — мне, наверное, надо возвращаться в ресторан. Присмотреть, чтобы все как следует прибрали.

— У нас тут вроде все, — согласилась, отхлебнув кофе, миссис Хигглер.

— Прошу прошения. — Дейзи с силой хлопнула ладонью по столу. — У нас тут убийца ходит на свободе! А теперь еще и Толстого Чарли унесло на «корабль-манку».

— На корабль-матку, — поправил ее Бенджамин.

Миссис Хигглер моргнула.

— Действительно, нам следует что-то предпринять. Что ты предлагаешь?

— Не знаю, — призналась Дейзи. — Убивать время, наверное.

Взяв «Уильямстаунский курьер», который читала миссис Хигглер, она начала перелистывать страницы.

Заметка о пропавших туристках, женщинах, которые не вернулись на свой лайнер, нашлась на третьей странице. «Поэтому подослали мне тех двух, да? Ту парочку в доме? — произнес у нее в голове голос Грэхема Хорикса. — Вы думали, я поверю, что они действительно поехали в круиз?»

В конце концов Дейзи была полицейской, а это ничем не вытравить.

— Найдите мне телефон, — велела она.

— Кому ты собираешься звонить?

— Думаю, начнем с министра по туризму и шефа полиции, а там посмотрим.

Алое солнце, сжимаясь, уходило за горизонт. На острове, в том месте, где существует четкая линия между днем и ночью, Паук смотрел, как море поглощает красный апельсин солнца. Не будь он Пауком, то отчаялся бы. У него ведь были только камни и шест.

Он жалел, что нет костра, и спрашивал себя, поможет ли ему луна. Когда она взойдет, у него, вероятно, будет шанс.

Солнце село, пропал последний мазок красного на темной воде. Наступила ночь.

— Сын Ананси, — сказал голос из темноты. — Скоро, очень скоро я буду кормиться. Ты не узнаешь, что я здесь, пока не почувствуешь мое дыхание у себя на загривке. Я стоял над тобой, когда тебя привязали для меня к шесту, и прямо тогда мог перекусить тебе шею, но передумал. Убить тебя спящего не доставило бы мне удовольствия. Я хочу, чтобы ты чувствовал свою смерть. Я хочу, чтобы ты знал, почему я лишил тебя жизни.

Паук бросил камень туда, откуда, как ему казалось, исходил голос, — судя по звуку, он безобидно упал в кусты.

— У тебя есть пальцы, — продолжал голос, — но у меня есть когти, много острее ножей. У тебя — две ноги, а у меня — четыре, которые никогда не устают, и бежать я могу в десять раз быстрее, чем ты станешь улепетывать. Ты способен жевать мясо, если его размягчить и лишить вкуса на огне, ведь у тебя мелкие обезьяньи зубки, которые годятся только на то, чтобы жевать мягкие фрукты и ползучих зверьков. А мои клыки кромсают и рвут живую плоть, отдирают ее с костей, и я могу глотать ее, пока соки жизни еще бьют фонтаном в небо.

Тут Паук издал звук, какой можно издать и не имея языка, одними губами. Это было «хм» пренебрежения. «Возможно, ты и впрямь таков, как утверждаешь, Тигр, — говорило это «хм», — но что с того? Все сущие истории принадлежат Ананси. А о тебе в них ничего не рассказывается».

Из темноты раздался рев. Рев ярости и обманутых ожиданий.

Паук начал напевать без слов мелодию «Рэгги про тигра»: это была очень старая песня, которой хорошо дразнить диких зверей. «Держите того тигра. Где этот тигр?» — пелось в ней.

Когда из темноты снова раздался голос, он прозвучал ближе:

— Твоя женщина у меня, сын Ананси. Когда я покончу с тобой, я разорву ее на куски. Мясо у нее будет послаще твоего.

Паук издал переходящий в смешок «хм», так люди хмыкают, когда знают, что им лгут.

— Ее зовут Рози.

Из горла Паука вырвался невольный стон. В темноте кто-то рассмеялся.

— А что до глаз, — сказал голос. — Твои глаза видят только очевидное, при ярком свете, если тебе повезет. А у моего народа — глаза такие, что видят, как встают дыбом волоски у тебя на руках, когда я с тобой разговариваю, видят ужас у тебя на лице — и все это под покровом ночи. Бойся меня, сын Ананси, и если у тебя есть прощальная молитва, произнеси ее сейчас.

Молитв у Паука не было, зато имелись камни, и он умел их бросать. Может, ему повезет и камень нанесет хоть какой-то урон в темноте. Паук знал, что такое было бы чудом, но ведь он всю жизнь полагался на чудеса.

Он потянулся за вторым камнем.

Что-то скользнуло по тыльной стороне его ладони.

«Привет,» — произнес у него в голове голос глиняного паучка.

«Привет, — подумал Паук. — *Слушай, я немного занят. Стараюсь, чтобы меня не съели, поэтому не обижайся, но не путайся какое-то время под ногами…»*

«Но я же их привел! — подумал в ответ паучок. — *Как ты и просил.»*

«Как я и просил?»

«Ты сказал, чтобы я шел за помощью. Я привел их с собой. Они побежали по моей паутинке. В этой вселенной нет пауков, поэтому я пошел в другую и там сплел паутину, а после протащил ниточку сюда, и так несколько раз. Я привел воинов. Я привел храбрых.»

— Ну, что задумался? — спросил из темноты голос хищника, и прозвучало в нем извращенное веселье. — В чем дело? Язык проглотил?

Одинокий паук молчал. Пауки хранят тишину и предпочитают молчание. Даже те, кто умеет издавать звуки, обычно держатся как можно тише и выжидают. Пауки вообще по большей части выжидают.

Ночь понемногу наполнялась тихими шорохами.

Паук мысленно послал благодарность и отцовскую гордость семиногому паучку, которого сотворил из песка и собственных слюны и крови,

а паучок взбежал с ладони ему на плечо.

Даже не видя их, Паук знал, что они здесь: огромные пауки и маленькие пауки, ядовитые пауки и кусачие пауки, гигантские мохнатые пауки и изящные хитиновые. Их глаза вбирали любой свет, какой могли найти, но «видели» они ногами, ощупью создавая себе виртуальный образ мира вокруг.

И это была армия.

— Когда ты умрешь, сын Ананси, — снова заговорил из темноты Тигр, — когда род твой вымрет, все истории будут моими. И люди опять станут рассказывать Тигриные сказки. Станут собираться у костров и прославлять мои коварство и силу, мои жестокость и буйство. Каждая история будет моей. Каждая песня будет моей. И мир снова станет прежним. Безжалостным местом. Темным местом.

А Паук слушал шорохи своей армии.

Он не зря сидел на краю обрыва. Да, отступать ему некуда, но и Тигр не может наброситься, может только подкрасться.

И Паук рассмеялся.

— Чего ты хохочешь, сын Ананси? Лишился рассудка?

Но Паук только рассмеялся веселее и громче.

Тут из темноты раздался вой: Тигр познакомился с армией Паука.

Яд пауков встречается многих разновидностей. Часто проходит много времени, прежде чем проявятся все последствия укуса. Биологов давно ставит в тупик вопрос, откуда берутся такие пауки, от чьего яда кожа на укушенном месте вдруг начинает гнить и отмирать иногда год спустя после укуса. А ответ на вопрос, зачем пауки кусаются, прост. Потому что пауков это забавляет, потому что им хочется, чтобы укушенный никогда про них не забывал.

Черная вдова укусила Тигра за разбитый нос, тарантул ужалил в ухо. Уже несколько мгновений спустя все чувствительные места Тигра начало жечь, они распухли и стали чесаться. Тигр не мог понять, что происходит, только ощущал жжение и боль. И внезапный страх.

А Паук смеялся все веселее и громче, вслушиваясь в шум, который издавал огромный хищник, продираясь через кусты и ревя от боли и ужаса.

Потом он сел и стал ждать. Бесспорно, Тигр вернется. Ничто еще не завершилось.

Чуть ниже по склону холма возникло холодное зеленоватое свечение. Оно то вспыхивало, то гасло, мерцало, как огни крохотного города.

Потом мигание переросло в свет сотен тысяч светлячков. И в центре этого светового облака проступила силуэтом темная фигура. Как будто человек. Он неспешно, но неуклонно поднимался по склону.

Подняв камень, Паук призвал свои паучьи отряды к новой атаке. Но помедлил. Было что-то знакомое в окруженном светлячками силуэте. На голове у новоприбывшего красовалась зеленая фетровая шляпа с широкими полями.

Грэхем Хорикс прикончил полбутылки рома, который нашел на кухне. Ром он открыл, так как не испытывал ни малейшего желания спускаться в винный погреб и так как решил, что им напьется гораздо скорее, чем вином. К несчастью, этого не произошло. Ром не принес вообще никакой отрады, не говоря уже о том, что не притупил чувства, как на то надеялся Грэхем Хорикс. Он бродил по дому с бутылкой в одной руке и стаканом с жидкостью в другой, иногда отхлебывал из первой, иногда из второго. Проходя мимо зеркала, он увидел свое отражение: жалкий, встрепанный и потный.

— Приободрись, — сказал он вслух. — Наверное, обойдется. И в дурном можно найти хорошее. Дурное семя всегда даст всходы.

Ром почти закончился.

Он вернулся на кухню. Открыл несколько дверец, пошарил в шкафах, пока на одной полке за банками не нашел бутылку хереса. Грэхем Хорикс благодарно прижал ее к груди, словно это был очень маленький старый друг, недавно вернувшийся после многих лет, проведенных на море.

Отвернув пробку, он понюхал содержимое. Это было сладкое вино для готовки, но он выпил его как лимонад.

Разыскивая на кухне алкоголь, Грэхем Хорикс подмечал и другие вещи. Например, тут имелись ножи. Некоторые очень острые. В нижнем ящике была даже маленькая пила из нержавеющей стали. Грэхем Хорикс одобрил такую предусмотрительность: очень простое решение проблемы в подвале.

— Habeas corpus[151], — сказал он вслух. — Или habeas delicti[152]. В общем, то ли одно, то ли другое. Нет тела, нет и преступления. Ergo. Quod erat demonstrandum[153].

---

[151] notes: 151
Распоряжение о предоставлении арестованного в суд *(лат., юр.)*

[152] notes: 152
под грузом доказательств *(иск. лат.)*

[153] notes: 153
Следовательно. Что и требовалось доказать *(лат.)*

Достав из кармана куртки пистолет, он положил его на кухонный стол. Вокруг расположил — как спицы колеса вокруг ступицы — кожи.

— Ну, не будем откладывать в долгий ящик, — сказал он тоном, который приберегал для ничего не смыслящих в финансах мальчиковых групп, когда уговаривал их подписать с ним контракт и обрести славу, но не заработанные деньги.

Три кухонных ножа он заткнул себе за пояс, пилу положил в карман куртки и с пистолетом в руке стал спускаться по лестнице в подвал. Там зажег свет, моргая, посмотрел на винные бутылки (каждая лежит на боку в отведенной ей ячейке, каждая покрыта тонким слоем пыли) и через несколько шагов оказался перед железной дверью в ледник.

— Так, — крикнул он. — Думаю, вы будете рады услышать, что я не собираюсь причинять вам вред. Сейчас я вас обеих выпущу. Ошибочка вышла, но сейчас все уладилось. Я на вас зла не держу. Нет смысла рыдать над пролитым молоком. Встаньте у дальней стены. Примите ту же позу, что и в прошлый раз. И без глупостей.

Отодвигая засовы, он подумал, как хорошо, что для людей с пистолетами придумали сколько клише. От этого Грэхем Хорикс чувствовал свою

сопричастность великому братству: бок о бок с ним стояли Богарт и Кэгни, и все те, кто орет друг на друга в сериале «Копы».

Включив свет, он потянул на себя дверь. У дальней стены спиной к нему стояла мама Рози. Когда он переступил порог, она задрала юбку и повиляла перед ним на удивление костлявым загорелым задом.

У Грэхема Хорикса отвисла челюсть. В этот момент Рози с силой ударила ему по запястью куском ржавой цепи, выбив из руки пистолет, который отлетел к стене.

С пылом и меткостью женщины много моложе ее лет мама Рози ударила Грэхема Хорикса носком туфли в пах, а когда он, согнувшись пополам, схватился за ушибленное место и стал издавать звуки такой высоты, какую слышат только собаки и летучие мыши, Рози с мамой выбежали из ледника. Навалившись на дверь, они закрыли ее, и Рози задвинула один засов. Они обнялись.

Они все еще были в винном погребе, когда вдруг все лампы погасли.

— Просто пробки выбило, — сказала, успокаивая маму, Рози. Сама она в этом сомневалась, но иного объяснения не видела.

— Надо запереть дверь на оба засова, — сказала

ее мама и вдруг охнула, ударившись о что-то мизинцем на ноге, и выругалась.

— Это надо было делать при свете. Но, с другой стороны, — продолжала Рози, — он тоже в темноте ничего не видит. Держи меня за руку. Кажется, лестница вон там.

Когда погас свет, Грэхем Хорикс стоял на четвереньках на бетонном полу ледника. Что-то горячее стекало у него по ноге. На неприятное краткое мгновение он решил, что обмочился, а потом сообразил, что один из ножей, которые он заткнул себе за пояс, глубоко вонзился ему в бедро.

Решив не шевелиться, он опустился на пол. Как же разумно он поступил, так напившись: практически анестезия. А потом подумал, что надо бы поспать.

Но в леднике он был не один. Там бродило что-то еще. Точнее, не что-то, а кто-то, и двигался он на четырех лапах.

— Вставай, — зарычал кто-то.

— Не могу. Я ранен. Хочу в кровать.

— Ах ты, жалкая мелкая тварь. Ты разрушаешь все, к чему бы ни прикоснулся. Вставай сейчас же!

— Рад бы, но не могу, — разумным тоном пья-

ного возразил Грэхем Хорикс. — Просто полежу немного на полу. Да и вообще она наложила на дверь засов. Я слышал.

Тут он услышал слабое царапанье по ту сторону двери, словно засов медленно отодвигался.

— Дверь открыта. Слушай меня. Если ты останешься здесь, то умрешь. — Нетерпеливый шорох, взмах хвостом, приглушенный горловой рев. — Дай мне твою руку, поклянись в верности. Пригласи меня в себя.

— Не поним…

— Дай мне руку, иначе истечешь кровью.

В темном леднике для мяса Грэхем Хорикс протянул руку. Кто-то — что-то — взял ее, утешительно сжал.

— Ну, ты готов пригласить меня?

Тут на Грэхема Хорикса на мгновение снизошла холодная и трезвая ясность. Он уже зашел слишком далеко. Что бы он ни сделал, хуже теперь не будет.

— Абсо-ненно, — прошептал Грэхем Хорикс.

И стоило ему произнести эти слова, как он начал меняться. Мгновенная вспышка, в свете которой ему показалось, будто рядом с ним стоит что-то — крупнее человека и с острыми, очень острыми зубами. А потом оно исчезло, и Грэхем

Хорикс почувствовал себя великолепно. Кровь из раны в ноге унялась, сама рана закрылась.

Он прекрасно видел в темноте. Вытащив из-за пояса ножи, он бросил их на пол. Снял ботинки. У стены лежал пистолет, но он к нему не притронулся. Орудия — для обезьян, ворон и слабаков. А он не обезьяна.

Грэхем Хорикс — охотник!

Поднявшись на четвереньки, он, мягко переступая руками и ногами, вышел в винный погреб.

Вот они, женщины. Нашли лестницу наверх и ощупью поднимаются по ступенькам, держась за руки в темноте.

Одна — старая и жилистая. Другая — молодая и мягонькая.

Слюна собралась в пасти того, кто лишь отчасти был Грэхемом Хориксом.

Сдвинув на затылок зеленую фетровую шляпу отца, Толстый Чарли ступил с моста и пошел в темноту. Он шел по каменистому пляжу, оскальзываясь на камнях, шлепая по лужам. А потом наступил на плоский валун, который внезапно зашевелился. Едва не потеряв равновесие, Толстый Чарли отпрыгнул.

А плоский валун поднялся в воздух и стал вдруг расти. Сперва Толстый Чарли решил, что неве-

домое нечто будет размерами со слона, но оно никак не останавливалось.

«Свет!» — подумал Толстый Чарли и пропел это слово. И все светлячки в тех краях слетелись к нему, заливая окрестности холодно-зеленым мерцающим сиянием, и в их свете он разобрал два глаза больше обеденных блюд, которые смотрели на него с надменной физиономии рептилии.

Толстый Чарли уставился в ответ.

— Добрый вечер, — весело сказал он.

Голос у существа оказался вкрадчивым и гладким, как взбитое масло.

— Привет, — протянуло существо. — Динь-дон. Ты удивительно похож на обед.

— Я Чарли Нанси, — сказал Чарли Нанси. — А ты кто?

— Дракон, — ответил дракон. — И сожру тебя, человечек в шляпе, без остатка, но медленно.

Чарли моргнул. «Что бы сделал отец? — спросил себя он. — Что бы сделал Паук?» Откуда ему знать? «Давай же. В конце концов, Паук часть тебя. Все, что может он, сумеешь и ты».

— Э-э-э… Тебе наскучило со мной разговаривать, и ты дашь мне беспрепятственно пройти, — сказал он дракону со всей убежденностью, на какую только был способен.

— Ухты! Хорошая попытка. Но, боюсь, не дам, — с энтузиазмом отозвался Дракон. — На самом деле я тебя съем.

— Ты, случаем, лимонов не боишься? — спросил Толстый Чарли и только потом вспомнил, что подарил лимон Дейзи.

Магическое существо презрительно рассмеялось.

— Я, — сказало оно, — ничего не боюсь.

— Ничегошеньки?

— Ничегошеньки.

— Ты боишься исключительно ничегошеньки? — спросил Толстый Чарли.

— В полнейшем ужасе, — признался Дракон.

— Знаешь, у меня карманы полны ничегошеньки. Хочешь покажу?

— Нет, — встревоженно отозвался Дракон. — Пожалуй, не хочу.

Захлопали огромные, как паруса, крылья, и Толстый Чарли остался на пляже один.

— Слишком уж просто, — сказал он вслух и пошел дальше. На ходу он придумывал себе песню, под которую хорошо было бы шагать. Чарли всегда хотелось сочинять песни, но он никогда этого не делал, в основном из убеждения, что, если когда-нибудь напишет песню, его попросят

ее спеть, а для него уж лучше смерть на виселице. Теперь ему было все равно, и он пел свою песню светлячкам, которые следовали за ним вверх по склону. Это была песня о том, как он повстречает Птицу и найдет брата. Хотелось бы надеяться, что светлячкам песня понравилась, ведь их свет мерцал и пульсировал в такт мелодии.

Женщина-Птица ждала его на вершине холма.

Сняв шляпу, Чарли вынул из-за ленты перо.

— Вот. Думаю, это твое.

Она не шевельнулась, не попыталась его взять назад.

— Наша сделка отменяется, — сказал Толстый Чарли. — Я принес тебе перо. Мне нужен мой брат. Ты его забрала. Кровь Ананси не принадлежала мне, я не вправе был ее отдавать.

— А если у меня больше нет твоего брата?

В неверном мерцании светлячков трудно было сказать наверняка, но Чарли показалось, что ее губы даже не шевельнулись. Зато слова закружились вокруг него криками козодоев и уханьем сов.

— Мне нужен мой брат, — повторил он. — Я хочу, чтобы он вернулся целым и невредимым. Сейчас же. Или то, что было между тобой и моим отцом в прошлые годы, окажется лишь прелюди-

ей. Сама знаешь, увертюрой.

Чарли никогда никому раньше не грозил. Он понятия не имел, как будет исполнять свои угрозы, но не сомневался, что не тратит слов даром.

— Он был у меня, — произнесла она раскатами крика далекой выпи. — Но я оставила его, безъязыкого, в мире Тигра. Я не смогла причинить вред роду твоего отца. А вот Тигр сможет, если наберется смелости.

Все притихло. Лягушки и ночные птицы умолкли. Женщина-Птица смотрела на него бесстрастно, ее лицо почти терялось в тени, рука опустилась в карман плаща.

— Дай мне перо, — сказала она.

Чарли положил перо на ее раскрытую ладонь.

И сразу почувствовал себя много легче, словно расстался с чем-то большим, нежели просто старое перышко…

А потом она вложила что-то ему в руку. Что-то холодное и влажное. На ощупь оно было как ком плоти, и Чарли лишь большим усилием воли подавил в себе желание отшвырнуть его прочь.

— Верни его брату, — сказала она голосом ночи. — Теперь между нами нет ссоры.

— Как мне попасть в мир Тигра?

— А как ты попал сюда? — спросила она, почти

насмехаясь.

Тьма стала совершенной, и Чарли остался на холме один.

Разжав пальцы, он посмотрел на ком мяса у себя на ладони — вялый, остроконечный. Он походил на язык, и Чарли знал, кому он принадлежит.

Сдвинув широкополую шляпу на затылок, он подумал. «Пораскинь мозгами, а еще лучше надень „думательный колпак“». А на смену этой мысли тут же пришла вторая: ничего смешного тут нет. Зеленая фетровая шляпа — вовсе не «думательный колпак», но ведь такую шляпу носит тот, кто умеет не только мыслить, но и принимать решения.

Все миры он представил себе паутиной: нити вспыхнули у него в голове, соединяя со всеми, кого он знал. Нить, связывавшая его с Пауком, горела ярко, светилась холодным огнем, как гнилушка или звезда.

Когда-то Паук был частью его. Уцепившись за эту мысль, он дал паутине заполнить себя. В руке у него язык брата, который до недавнего времени был частью Паука и сейчас преданно желал снова с ним воссоединиться. Живое не забывает.

Мерцая, светилась вокруг него паутина. Нужно лишь пойти по одной из нитей… Он решительно

шагнул, и, сгрудившись ближе, светлячки последовали за ним.

— Эй, — позвал он. — Это я.

Паук издал слабый, жуткий звук.

В мерцании светлячков вид у него был ужасный: загнанный, больной, на лице и на груди — незажившие шрамы.

— Кажется, это твое, — сказал Чарли.

С утрированным жестом благодарности взяв у брата язык, Паук положил его себе в рот, подтолкнул и придавил. Чарли смотрел и ждал. Вскоре Паук как будто удовлетворился: для пробы подвигал челюстью, надавил языком на одну щеку, потом на другую, словно собирался бриться, открыл рот и поводил языком из стороны в сторону.

Наконец закрыл рот и голосом, еще чуть срывающимся, сказал:

— Отличая шляпа.

Рози первой добралась до верхушки лестницы и изо всех сил навалилась на дверь винного погреба. Дверь распахнулась, и Рози едва не упала в кухню. Подождав, когда мама переступит порог, она закрыла дверь и наложила на нее засов.

«Раз, два, три, четыре, пять, — подумала она, — вышел зайчик погулять…»

— Звони в полицию, — велела мама.

— Где телефон?

— Оттуда мне знать, где телефон? Хорикс все еще там, внизу!

— Ладно, — сказала Рози, недоумевая, что лучше: вызвать полицию или просто поскорее выбраться из дома, но еще до того, как она приняла решение, стало слишком поздно.

От внезапного грохота у нее заложило уши, и дверь в подвал разлетелась в щепы.

Он реальный. Она знала, что он настоящий. Он стоит прямо перед ней! Но это же невозможно… Тень огромной кошки, мохнатой, гигантской. Однако странно: там, где тени касался лунный свет, она казалась еще гуще. Глаз Рози не видела, но знала, что зверь смотрит на нее и что он голоден. И он собирается ее убить. Вот тут все и кончится.

— Ему нужна ты, Рози, — сказала мама.

— Знаю.

Рози схватила первый же большой предмет, который попался ей под руку (кубическую деревянную подставку для ножей), и изо всех сил бросила его в тень. А потом, не дожидаясь, чтобы узнать, попала ли она в цель, со всех ног бросилась вон из кухни в вестибюль. Она же знает, где входная дверь…

Что-то темное, что-то четвероногое двигалось много быстрее: перемахнув через нее, оно почти беззвучно приземлилось перед дверью.

Рози попятилась к стене. Во рту у нее пересохло.

Зверь загораживал от них выход и сейчас, мягко ступая, надвигался на Рози — будто владел всем временем в мире.

Тут из кухни выбежала мама Рози, пронеслась мимо нее — размахивая руками, засеменила в залитом лунном свете коридоре к огромной тени. Исхудалыми кулачками она ударила тварь под дых. Повисла пауза, будто сам мир затаил дыхание, а потом зверь повернулся к ней. Мгновенное, расплывающееся движение, и мама Рози оказалась на полу, а тень затрясла ее, как собака — тряпичную куклу.

Во входную дверь позвонили.

Рози хотела позвать на помощь, но вдруг поймала себя на том, что кричит — громко и настойчиво. Неожиданно наткнувшись на паука в ванной, Рози была в состоянии орать как актриса из фильма ужасов средней руки, которая в парке столкнулась с человеком в резиновой маске. Сейчас она заперта в темном доме вместе с тенью-тигром и потенциальным убийцей-маньяком, и

один из них (или возможно оба) как раз напал на ее маму. В голове у нее промелькнуло несколько возможных вариантов (пистолет: пистолет остался в подвале, нужно за ним спуститься; дверь: можно попытаться пробраться между мамой и тенью и ее отпереть), но легкие и рот только издавали крик — словно по собственной воле.

Что-то забилось о входную дверь. «Ее пытаются выломать, — сообразила Рози. — Но через дверь им сюда не попасть. Слишком массивная».

Мама лежала на полу в пятне лунного света, а над ней сидела тень. Вот тень запрокинула голову и взревела — глубоким, дребезжащим ревом страха, вызова и одержимости.

«У меня галлюцинации, — с безумной ясностью подумала Рози. — Я два дня провела запертая в подвале, и теперь у меня галлюцинации. Никакого тигра тут нет».

И она была совершенно уверена, что никакая бледная женщина не стоит в лунном свете. А ведь Рози своими глазами видела, как она пришла из коридора. Не было тут никакой женщины с золотистыми волосами, длинными-предлинными ногами и узкими бедрами танцовщицы. Подойдя к тени тигра, женщина остановилась и произнесла:

— Здравствуй, Грэхем.

Зверь-тень поднял массивную голову и зарычал.

— Думал спрятаться от меня за глупым маскарадом? Прикинуться животным? — возмутилась женщина. Вид у нее был недовольный.

Рози сообразила, что сквозь плечи и грудь женщины ей видно окно, и попятилась, пока не вдавилась спиной в стену.

Зверь снова заворчал, на сей раз чуть неувереннее, а женщина сказала:

— Я в призраков не верю, Грэхем. Всю жизнь, всю мою жизнь я провела, не веря в призраков. А потом познакомилась с тобой. Ты загубил карьеру Морриса. Ты нас обкрадывал. Ты меня убил. И как будто этого мало, ты заставил меня поверить в призраков.

Теперь тень большой кошки заскулила и стала отступать в коридор.

— Не думай, будто сможешь просто так от меня отделаться, ничтожный ты человечишка. Можешь сколько угодно делать вид, что ты тиф. Ты не тигр. Ты крыса. Нет, это оскорбление благородному и многочисленному семейству вредителей. Ты даже не крыса. Ты *ХОРЕК*.

Тут Рози бросилась бежать со всех ног. Она про-

бежала мимо зверя-тени, мимо мамы на полу. Она пробежала сквозь бледную женщину (ощущение было такое, словно она прошла сквозь туман). Достигнув входной двери, она стала нашаривать замки и запоры.

А в голове у Рози — или в неком ином мире — спорили двое. Один говорил:

— Не обращай на нее внимания, идиот. Она не может к тебе прикоснуться. Это же просто «каспер». Она даже не совсем реальна. Хватай девушку. Останови девушку.

А кто-то другой отвечал:

— Ты, конечно, здраво говоришь. Но я не уверен, что ты учел все обстоятельства, vis-d-vis, ну, такт, э-э-э… лучшая часть доблести, если понимаешь, о чем я…

— Я тут главный. А ты должен повиноваться.

— Но…

— Хотелось бы знать одно, — сказала вдруг бледная женщина. — Насколько ты в данный момент призрачный? Честно говоря, живых я коснуться не могу. И вещей в реальном мире тоже. Но вот призраков еще как!

Тут призрачная женщина замахнулась и изо всех сил попыталась ударить зверя в морду. Зашипев, хищник-тень отступил, и носок туфли не

задел его на каких-то полдюйма.

Следующий удар ногой пришелся в цель, и зверь взвыл. Еще один — в то место, где полагалось быть большому носу тени-кошки, — и хищник издал такой же звук, как домашняя кошка, когда ее намыливают шампунем: одинокий вопль ужаса и возмущения, поражения и позора.

Коридор заполнился смехом, победным и радостным смехом мертвой женщины.

— Хорек, — повторила она. — Грэхем Хорек.

Холодный ветер пронесся по дому.

Рози отодвинула последний засов и повернула ключ в замке. Входная дверь распахнулась. В лицо ей ударили слепящие лучи фонарей. Люди. Машины. Женский голос произнес:

— Это одна из пропавших туристок. — А еще: — О боже!

Рози повернулась.

В свете фонаря ей была видна мама, скорчившаяся на плитках пола, а рядом, без ботинок, без сознания, но, без сомнения, в человеческом облике — Грэхем Хорикс. Повсюду вокруг них — брызги красной жидкости, точно алой краски, и в первое мгновение Рози даже не смогла понять, что это.

К ней обращалась какая-то женщина, которая

говорила:

— Вы Рози Ной, да? Меня зовут Дейзи Дей. Давайте поищем, где бы вам сесть. Вам ведь хотелось бы сесть?

Кто-то, наверное, нашел щиток, потому что мгновение спустя по всему дому зажегся свет.

Над телами склонился крупный мужчина в форме полицейского.

— Это, без сомнения, мистер Финнеган, — сказал он, поднимая глаза. — Он не дышит.

— Да, — сказала Рози. — Мне бы очень хотелось сесть, пожалуйста.

Свесив ноги вниз, Чарли сидел рядом с Пауком на обрыве скалы под луной.

— Знаешь, — сказал он, — когда-то ты был частью меня, Когда мы были детьми.

Паук склонил голову набок.

— Правда?

— Думаю, да.

— Что ж, это кое-что объясняет. — Он протянул руку: семиногий паучок сидел у него на кончиках пальцев и лапой пробовал воздух. — И что теперь? Перенесешь меня назад или как?

Лоб Чарли сошелся морщинами.

— Кажется, ты вырос лучшим, чем был бы, оставаясь частью меня. И гораздо больше пове-

селился.

— Рози… — сказал вдруг Паук. — Тигр знает про Рози. Нужно что-то делать.

— Конечно, нужно, — согласился Чарли.

«Это как бухгалтерия, — подумал он. — Заносишь цифры в одну графу, вычитаешь их из другой, и если все сделал правильно, в конечном итоге сумма внизу страницы сойдется». Он взял брата за руку.

Встав, они сделали шаг с обрыва…

…все стало исключительно ярким…

Меж мирами завывает холодный ветер.

— Ты не магическая часть меня, знаешь ли, — сказал Чарли.

— Нет?

Паук сделал еще шаг. Звезды падали теперь десятками, расчерчивая светом ночное небо. Кто-то где-то сладко играл на флейте.

Еще шаг, и вдалеке завыли сирены.

— Нет, — кивнул Чарли. — Не магическая. Наверное, это миссис Дунвидди так считала. Она нас разделила, но так и не поняла, что делает. Мы — как две половинки морской звезды. Ты вырос в отдельную личность. И я, — уже произнося эти слова, он понял, насколько они истинны, — тоже.

Рассвет. Они стоят на скале у обрыва. Вверх по склону поднимается, мигая огнями, машина «скорой помощи», за ней спешит другая. Они остановились на обочине у кучки патрульных машин полиции.

Дейзи как будто отдает распоряжения, что кому делать.

— Здесь нам, кажется, делать нечего, — сказал Чарли. — Во всяком случае, сейчас. Пойдем.

Последний светлячок от него улетел и, моргнув, лег спать. На задних сиденьях первого утреннего микроавтобуса они поехали в Уильямстаун.

Мэв Ливингстон сидела в библиотеке на втором этаже дома Грэхема Хорикса, в окружении картин, книг и DVD-дисков хозяина, и смотрела в окно. Внизу санитары из единственной больницы острова грузили Рози и ее маму в одну машину «скорой помощи», Грэхема Хорикса — в другую.

По зрелом размышлении, решила Мэв, она получила удовольствие оттого, что врезала пару раз ногой по носу твари, в которую превратился Грэхем Хорикс. С тех пор как ее убили, этот поступок принес ей наибольшее удовлетворение. Хотя, если быть честной, танец с мистером Нанси почти наступал ему на пятки. Он оказался на редкость проворным и легким на ногу.

А еще она так устала…

— Мэв?

— Моррис?

Она оглядела комнату, но в библиотеке было пусто.

— Не хотелось бы тебе мешать, если ты еще занята, душенька.

— Очень мило с твоей стороны, но, думаю, я уже закончила.

Стены библиотеки начали расплываться, терять плотность и цвет. Вот уже проступил мир за этими стенами, и в его свете она увидела ждущую ее невысокую фигуру в элегантном костюме.

Ее пальцы легли в его руку.

— Куда мы пойдем, Моррис? — спросила она.

И он объяснил.

— О! Что ж, неплохо, ради разнообразия, — сказала она. — Мне всегда туда хотелось.

И рука об руку они пошли.

Глава четырнадцатая, в которой все нити находят логичное завершение

Чарли проснулся от стука в дверь и, не понимая со сна, где находится, огляделся по сторонам. Номер отеля. И в голове у него, как мотыльки вокруг голой лампочки, теснились невероятные события прошедших дней. Пока он пытался в них разобраться, ноги сами спустились с кровати и понесли его к двери. Он поморгал на схему, сообщающую, куда идти в случае пожара, пытаясь вспомнить, что же произошло прошлой ночью. Потом отпер дверь и потянул ее на себя.

На пороге стояла Дейзи.

— Ты спал прямо в шляпе? — спросила она.

Подняв руку, Чарли пощупал голову. Там определенно была шляпа.

— Да, — признался он. — Наверное, в ней.

— Господи! — вырвалось у Дейзи. — Хотя бы ботинки сумел снять. А ты знаешь, что пропустил все веселье вчера ночью?

— Пропустил?

— Почисти зубы, — желая помочь, предложила

она. — И смени рубашку. Да, пропустил. Пока ты был…

Тут она замялась. По правде говоря, казалось совершенно невероятным, что он исчез посреди сеанса. Такого просто не бывает. Во всяком случае, в реальном мире.

— Пока тебя не было, я заставила шефа полиции поехать в дом Грэхема Хорикса. Пропавшие туристки были у него.

— Туристки…

— Ну, помнишь, что он говорил за обедом? Про то, что мы подослали к нему двух, которые сейчас в его доме. Это были твоя невеста и ее мать. Он держал их в подвале.

— С ними все в порядке?

— Они обе в больнице.

— А…

— С твоей невестой, думаю, все будет хорошо, но ее мама в тяжелом состоянии.

— Да перестань ее так называть! Она не моя невеста. Она же разорвала помолвку!

— Верно. Но ведь ты этого не делал, так?

— Она меня не любит, — сказал Чарли. — Она влюблена в моего брата. А он в нее. А сейчас я почищу зубы, сменю рубашку и предпочел бы сделать это один.

— И душ принять тоже не мешало бы, — сказала она. — А то от тебя пахнет сигарой.

— Семейное наследство, — объяснил он, а после пошел в ванную и запер за собой дверь.

До больницы была всего минута пешком. В приемной они застали Паука, который сидел, держа растрепанный «Энтертейнмент уикли» с таким видом, будто действительно его читал.

Чарли тронул его за плечо, и Паук даже подпрыгнул, потом настороженно поднял глаза и, увидев брата, расслабился, но ненамного.

— Мне велели ждать здесь, — сказал он. — Потому что я не родственник и вообще никто.

— Тогда почему ты просто не сказал им, что ты и есть родственник? — в полном недоумении спросил он. — Или хотя бы врач?

Паук поглядел на него ошарашенно, ему явно было не по себе.

— Ну, такое нетрудно провернуть, если тебе все равно. Если не важно, что я сделаю или не сделаю, войти внутрь легко. Но сейчас мне не все равно и ужасно страшно… кому-то помешать или сделать что-то не так… Я хочу сказать… Что, если я попытаюсь, а мне откажут, а тогда… Что ты улыбаешься?

— Да так, — сказал Чарли. — Знакомо звучит.

Давай же. Пойдем поищем Рози. — Знаешь, — обратился он к Дейзи, когда они пошли по выбранному наугад коридору, — есть два способа ходить по больнице. Или ты выглядишь так, будто тебе тут самое место… Вот видишь, Паук, белый халат на крючке; как раз твоего размера, надевай!.. Или нужно выглядеть настолько не на месте, чтобы никому в голову не пришло жаловаться на твое присутствие. И сестры, и санитары тогда предоставят разбираться кому-то другому. — Он начал напевать себе под нос.

— Что это за песня? — спросила Дейзи.

— Она называется «Желтая птица», — ответил Паук.

Чарли сдвинул на затылок фетровую шляпу, и они вошли в палату Рози.

Сидя в кровати, Рози читала журнал, и вид у нее был обеспокоенный. Увидев новоприбывшую троицу, она встревожилась еще больше. Посмотрела сперва на Паука, потом на Чарли, потом снова перевела взгляд на Паука.

— Вы оба очень далеко от дома забрались, — сказала она.

— Нас всех далеко занесло, — ответил Чарли. — Ну, с Пауком ты уже знакома. Это Дейзи. Она из полиции.

— В этом я уже не уверена, — ответила Дейзи. — Скорее всего я попала не в один, а в несколько переплетов.

— Это тебя я видела вчера ночью? Ты заставила полицию острова приехать в тот дом? — Рози осеклась. — О Грэхеме Хориксе что-нибудь слышно?

— Он в реанимации, как и твоя мама.

— Ну, если она придет в себя раньше него, — сказала Рози, — то боюсь, прикончит его своими руками. — И добавила жалобно: — Мне ничего не говорят о состоянии мамы. Только твердят, что оно очень серьезное и что скажут, как только будут знать что-то определенное. — Она посмотрела на Чарли ясным взглядом. — Она не такая плохая, как ты думаешь, честное слово. Надо только узнать ее получше. У нас была уйма времени поговорить, пока мы сидели запертые в темноте. Правда, она не такая плохая. Тут она высморкалась и продолжала:

— Кажется, они сомневаются, что она выкарабкается. Напрямую мне не сказали, но вроде как дали понять без слов. Странно. Я-то думала, она переживет что угодно.

— И я, — согласился Чарли. — Я считал, что даже если случится ядерная война, на Земле

останутся только радиоактивные тараканы и твоя мама.

Дейзи наступила ему на ногу.

— Врачи уже установили, что причинило ей такой вред?

— Я им говорила. Там, в доме, был какой-то зверь. Может, всего лишь Грэхем Хорикс. То есть отчасти он был самим собой, отчасти кем-то другим. Она отвлекла его от меня, и он схватил ее…

Рози, как могла, объяснила все утром полиции острова, но о светловолосой женщине-призраке предпочла умолчать. Иногда разум под давлением сдает, и Рози решила, что лучше людям не знать, что и с ней вышло то же самое.

Рози умолкла. Она смотрела на Паука так, словно только что вспомнила, кто он.

— Я все еще тебя ненавижу, понимаешь?

Паук промолчал, но на лице у него возникло жалкое выражение, и он перестал походить на врача: теперь он был похож на человека, который позаимствовал чей-то висящий за дверью белый халат и беспокоится, как бы его не раскусили. А в тон Рози вкрались мечтательные нотки.

— Вот только… — начала она и, помолчав, продолжила: — Вот только когда я была в темноте, мне казалось, что ты мне помогаешь. Не

подпускаешь ко мне зверя. Что у тебя с лицом? Сплошные царапины.

— Зверь, — объяснил Паук.

— Знаешь, — сказала Рози, — теперь, когда вы стоите бок о бок, видно, что вы совсем не похожи.

— Я из нас красивый, — сказал Чарли, и Дейзи во второй раз наступила ему на ногу.

— Ей-богу! — пробормотала она и чуть громче добавила: — Чарли? Нам нужно кое о чем поговорить. Давай выйдем. Сейчас же.

Они вышли в коридор, оставив Паука в палате.

— В чем дело? — спросил Чарли.

— В чем дело что? — откликнулась Дейзи.

— О чем нам нужно поговорить?

— Ни о чем.

— Тогда что мы тут делаем? Ты же ее слышала. Она его ненавидит. Нельзя было оставлять их наедине. Она, наверное, сейчас убивает его голыми руками.

Дейзи поглядела на него с таким выражением, с каким Иисус посмотрел на человека, который объяснил ему, что у него скорее всего аллергия на хлебы и рыб, поэтому не мог бы Он сварганить салат с курицей: в ее взгляде мешались жалость и почти бесконечное сострадание.

Приложив палец к губам, она потянула его к двери. Он заглянул в палату: не похоже, чтобы Рози убивала Паука. Скорее уж напротив.

— О! — сказал Чарли.

Они целовались. Если назвать это так, вам простится, если вы решите, что это был обычный поцелуй: сплошь губы и кожа, ну, может, немного соприкосновения языками. Но вы не заметили, как он улыбается, как светятся у него глаза. А после, когда поцелуй закончился, он выпрямился, как человек, который только что открыл для себя искусство стояния на ногах и овладел им лучше, чем кто-либо сумеет за грядущие столетия.

Чарли снова оглянулся на коридор и обнаружил, что Дейзи беседует с несколькими врачами и полицейским, с которым познакомилась вчера вечером.

— Что ж, мы всегда считали его дурным человеком, — говорил Дейзи офицер полиции. — Откровенно говоря, такое поведение встречается лишь у иностранцев. Местные до такого просто не опускаются.

— Ну разумеется, — согласилась Дейзи.

— Очень. Очень благодарен, — продолжал он, хлопая Дейзи по плечу с таким видом, что она даже заскрипела зубами. — Эта дамочка спасла

женщине жизнь, — сказал он Чарли, хлопнув вдобавок по плечу и его тоже, а после удалился с врачами по коридору.

— Что тут стряслось?

— Грэхем Хорикс умер, — объяснила она. — Более или менее. И для мамы Рози как будто надежд уже нет. Так, во всяком случае, врачи говорят.

— Понимаю, — сказал Чарли и задумался. А когда кончил думать, принял решение: — Ты не против, если я чуток поболтаю с братом? Кажется, нам с ним надо поговорить.

— Я все равно собиралась возвращаться в отель. Проверю свою почту. Потом скорее всего придется много извиняться по телефону. Надо же выяснить, есть ли у меня еще карьера.

— Но ведь ты же героиня, так?

— Сомневаюсь, что мне платят именно за это, — не без тщеславия отозвалась она. — Приходи ко мне в отель, когда закончишь.

Паук и Чарли шли по залитой утренним солнцем главной улице Уильямстауна.

— Знаешь, а у тебя по-настоящему крутая шляпа, — сказал Паук.

— Ты правда так думаешь?

— Ага. Дашь померить?

Чарли снял и протянул Пауку зеленую фет-

ровую шляпу. Надев ее, Паук поглядел на свое отражение в витрине, но поморщился и отдал шляпу Чарли.

— М-да, — разочарованно протянул он. — Но на тебе смотрится.

Чарли сдвинул шляпу на макушку. Некоторые шляпы можно носить, только если готов щегольнуть, залихватски сдвигать их и идти пружинистой походкой, словно тебе всего один шаг до танца. Такие шляпы требуют многого, и Чарли был готов рискнуть.

— Мама Рози умирает, — сказал он вдруг. — А ведь она мне очень и очень не нравилась.

— Я не знаю ее так хорошо, как ты. Ну, уверен, что со временем тоже научусь ее очень, очень не любить.

— Надо попытаться спасти ей жизнь, верно? — сказал Чарли, но сделал это без особого энтузиазма, как человек указывающий, что пора посетить дантиста.

— Сомневаюсь, что мы на такое способны.

— Папа сделал что-то подобное для мамы. Сделал так, чтобы она ненадолго поправилась.

— Но то он. А я не знаю как.

— Есть одно место на краю света, — сказал Чарли. — Со многими пещерами.

— Это начало света, а не его край. И что с того?

— Может, просто отправимся туда? Без всяких там глупостей со свечками и травами?

Некоторое время Паук молчал, потом кивнул:

— Попробуем.

Они разом повернулись и направились в ту сторону, которой обычно не существует, и ушли с главной улицы Уильямстауна.

Солнце вставало, а Чарли с Пауком шли по заваленному черепами пляжу. Это были не настоящие человеческие черепа, но пляж они устилали как желтая галька. Чарли по возможности избегал на них наступать, а Паук, давя ногами, шел напролом. В конце пляжа они повернули налево («налево» относительно абсолютно всего на свете), и перед ними встали горы в начале мира, а вниз обрывались скалы.

Чарли вспомнил, как был тут в прошлый раз. Казалось, с тех пор промелькнула тысяча лет.

— Где все? — вслух спросил он, и скалы отразили его голос и отбросили назад эхом. — Эй? Привет! — громко позвал он.

И они возникли. Все возникли и все наблюдали. Все до единого. Сейчас они казались более величественными и дикими, больше животными, меньше людьми. Чарли сообразил, что в про-

шлый раз воспринял их как людей потому, что ожидал встретить людей. Но это были не люди. На скалах над ними с Пауком расположились Лев и Слон, Крокодил и Питон, Кролик и Скорпион, и все остальные. Их были сотни и сотни, и смотрели они неулыбчивыми глазами: знакомые Чарли животные и те, которых ни один живой человек не сможет распознать. Все животные, когда-либо встречавшиеся в историях, легендах и сказках. Все животные, которых люди видели во сне, о которых мечтали, которым поклонялись.

Чарли увидел их всех.

«Одно дело, — подумал он, — *петь, спасая свою шкуру в зале, полном обедающих. Броситься в омут головой, когда дуло пистолета приставлено к животу девушки, которую ты…*

Которую ты…

О!

Об этом, — решил Чарли, — *будем волноваться потом».*

В настоящий момент ему хотелось лишь одного: или подышать в коричневый бумажный пакет, как в самолете при посадке, или попросту раствориться в воздухе.

— Их тут, наверное, сотни, — с благоговением выдохнул Паук.

В вышине захлопали крылья, и из их биения на ближайшем валуне сложилась Женщина-Птица. Сунув руки в карманы плаща, она молча уставилась на них.

— Что бы ты ни задумал, — сказал Паук, — лучше поторапливайся. Они не станут ждать вечно.

— Ладно. — Во рту у Чарли пересохло. — Итак… э-э-э…

— Что, собственно, будем делать? — спросил Паук.

— Петь, — просто ответил Чарли. — Ведь так мы подталкиваем события, верно? Я догадался. Просто выпеваем события, вдвоем.

— Не понял… Что же нам петь?

— *ПЕСНЮ,* — сказал Чарли. — Поешь песню и этим исправляешь мир. — В его голос вкралось отчаяние. — *ПРИ ПОМОЩИ ПЕСНИ.*

Глаза у Паука стали как лужи после дождя, и в них Чарли увидел то, чего никогда не видел раньше: привязанность, быть может, и растерянность, но более всего просьбу о прощении.

— Я все равно не понимаю, о чем ты.

Из-за валуна за ними наблюдал Лев. С ветки высокого дерева — Обезьяна. А Тигр…

Чарли увидел Тигра. Он шел неуверенно, осторожно переставляя лапы. Морда у него распухла

и покрылась синяками, но глаза злобно поблескивали, и вообще вид был такой, словно он готов в любую минуту сравнять счет.

Чарли открыл рот, но оттуда вышло только сиплое кваканье, словно он недавно проглотил особо нервную лягушку.

— Не выйдет, — шепнул он Пауку. — И вообще глупая была мысль, да?

— Ага.

— Как по-твоему, а нельзя просто сбежать?

Нервный взгляд Чарли пробежал по склону горы и пещерам, по лицам сотен магических существ, появившихся на заре времени. Среди них был один, которого Чарли в прошлый раз не видел: невысокий человечек в лимонно-желтых перчатках и с тонкими, словно нарисованными карандашом усиками, вот только никакая фетровая шляпа не прикрывала редеющих волос.

Поймав взгляд Чарли, старик ему подмигнул. Набрав в грудь воздуху, Чарли начал петь.

— Я Чарли, — пел он. — Я сын Ананси. Слушайте мою песню. Историю моей жизни слушайте.

Он пел им про мальчика, который родился полубогом и которого разделила на две половины сварливая старуха. Он пел о своем отце. Он пел о своей матери. Он пел об именах и словах, об этих

«кубиках», из которых строится реальный мир, о песнях, способных творить миры, об извечных истинах, скрытых за привычным порядком вещей. Он пел о должном завершении своей истории и справедливом возмездии для тех, кто причинил вред ему и его близким.

Чарли выпевал целый мир.

Это была хорошая песня, и принадлежала она ему. Иногда в ней были слова, иногда — только шумы и звуки.

И пока он пел, все слушавшие его существа начали понемногу хлопать в ладоши, притоптывать ногами и подпевать, Чарли чувствовал, что через него льется Великая Песня, которая обвила и охватила собравшихся. Он пел о птицах, о магии, какую ощущаешь, когда, задрав голову, наблюдаешь их радостный полет, об отблеске света на оперении поутру.

Магические существа теперь танцевали — и у каждого был свой танец. Женщина-Птица танцевала круженьем стаи, расправляла хвостовые перья, вздергивала вверх клювы.

Лишь одно существо на склоне горы не желало танцевать.

Тигр бил хвостом. Он не хлопал в ладоши, и не танцевал, и не пел. По его лицу расползлись

бафовые синяки и следы от укусов. Неспешно крадучись, он спустился со скалы, пока не оказался совсем близко к Чарли.

— Песни не твои, — прорычал он.

А Чарли поглядел на него и стал петь про Тигра и Грэхема Хорикса, и про всех тех, кто мучает невинных. Не переставая петь, он повернулся и увидел, что Паук смотрит на него с восхищением. Тигр рассерженно взревел, но Чарли подхватил этот рев и вплел его в Песню. Потом взревел сам, в точности как это сделал Тигр. Вот только начался этот рев как тигриный, а после Чарли его изменил, превратив в дурашливый (как у диснеевского пса Гуфи), и все существа, которые смотрели на них со скалы, рассмеялись. Просто ничего не могли с собой поделать. Чарли снова издал дурашливый уморительный рев. Как любая пародия, как любая карикатура, он превращал предмет насмешки в нечто бесконечно нелепое. Отныне всякий, кто услышит рев Тигра, тут же вспомнит рев Чарли. «Какой дурашливый рев!» — станут говорить люди и боги.

Тигр повернулся к Чарли спиной и большими прыжками бросился прочь, и на бегу рычал и ревел, от чего толпа лишь смеялась еще сильнее. Бесконечно разъяренный, Тиф скрылся в своей

пещере.

Паук поднял руки и резко их опустил.

Послышался раскатистый грохот, и вход в пещеру Тифа завалило камнями. Паук с довольным видом осмотрел проделанную работу, а Чарли продолжал петь.

Он пел песню Рози Ной и песню ее мамы. Он пел долгую жизнь миссис Ной и все счастье, какого она заслуживает.

Чарли пел о своей жизни, о жизни своих родных и друзей, и эти песни сплетались в паутину, в которую попала муха.

Мелодией и припевами он завернул муху в кокон, сделал так, что ей уже ни за что не улететь, и залатал паутину новыми нитями.

И вот песня приблизилась к естественному концу.

К немалому своему удивлению, Чарли сообразил, что получил огромное удовольствие, и в то же мгновение понял, чем будет заниматься до конца своих дней. Он будет петь людям. Нет, не великие магические песни, которые творят миры и переиначивают мироздание. Это будут лишь маленькие песни, которые, пусть хотя бы на миг, сделают людей счастливыми, заставят их двигаться в такт и ненадолго забыть свои

заботы. А еще он знал, что страх останется с ним всегда, что страх сцены никуда не денется. Но Чарли понимал, что это — как прыгнуть в плавательный бассейн: неприятный холодок в первые несколько секунд, а после боязнь пройдет и все будет хорошо.

Разумеется, не *так* хорошо, как *СЕЙЧАС.* Так хорошо, как сейчас, никогда не будет. Но на его долю все равно хватит.

И вот он закончил. Чарли опустил голову, дав замереть последним нотам. Существа на горе перестали притоптывать, перестали хлопать в ладоши, перестали танцевать. Сняв зеленую фетровую шляпу отца, Чарли обмахнул лицо.

— Поразительно, — вполголоса пробормотал Паук.

— Ты бы тоже так смог.

— Сомневаюсь. Ну и каков конец сказки? Я почувствовал, как ты что-то сделал, но не мог бы сказать, что именно это было.

— Я все исправил, — ответил Чарли. — Для нас. Кажется. Я не совсем уверен…

И действительно не был уверен. Теперь, когда песня закончилась, ее магия быстро тускнела, как сон поутру. Он указал на заваленную пещеру.

— Это ты сделал?

— Ага, — отозвался Паук. — Решил, это самое малое, что я могу. Но рано или поздно Тигр прокопает себе дорогу наружу. Если честно, то даже жаль, что я не сделал чего похуже, чем просто захлопнуть за ним дверь.

— Не беспокойся, — ответил Чарли. — Я сделал. Кое-что гораздо хуже.

Он смотрел, как звери расходятся. Отца нигде не было видно, но это его не удивило.

— Пошли, — сказал он. — Надо возвращаться.

Паук отправился к Рози в часы посещений. Под мышкой он нес самую большую коробку шоколадных конфет, какая только нашлась в магазинчике при больнице.

— Это тебе, — сказал он, переступив порог.

— Спасибо. Да, знаешь, врачи сказали, что мама все-таки выкарабкается. Кажется, она открыла глаза и попросила овсянки. Врач сказал, это чудо.

— Разумеется! Твоя мать попросила еды. По-моему, это настоящее чудо.

Рози сердито шлепнула его по руке, но ее пальцы остались лежать у него на локте.

— Знаешь, — сказала она, помолчав, — ты, наверное, сочтешь меня дурочкой. Но там, в темноте, мне казалось, ты мне помогаешь. Я чув-

ствовала, как ты не даешь подобраться ко мне зверю. Если бы ты не сделал того, что сделал, он бы убил нас.

— Э-э-э… Может, я и помог…

— Правда?

— Не знаю. Я тоже попал в беду и думал о тебе.

— В большую беду?

— В ужасную.

— Налей мне воды, ладно?

Он послушался.

— Чем ты на самом деле занимаешься, Паук?

— Занимаюсь?

— Какая у тебя работа?

— Любая, какая придет в голову.

— А я, наверное, останусь тут ненадолго. Медсестры говорят, на острове не хватает учителей. Мне бы хотелось видеть, что от моих усилий что-то меняется.

— Возможно, даже повеселишься.

— Если бы я осталась, что бы ты сделал?

— О! Ну, если бы ты осталась, уверен, я бы нашел, чем заняться.

Их пальцы переплелись. Крепко. Как морской узел.

— Как по-твоему, у нас получится? — спросила она.

— Думаю, да, — серьезно ответил Паук. — А если ты мне наскучишь, я просто уеду и займусь чем-нибудь еще. Поэтому не волнуйся.

— Ах это! — отмахнулась Рози. — И не подумаю волноваться.

Она действительно не волновалась. Под мягкостью в ее голосе притаилась сталь. Не нужно гадать, от кого она ее унаследовала.

Дейзи нежилась в шезлонге на пляже. Сперва Чарли подумал, что она дремлет на солнышке, но когда на нее легла тень, она сказала:

— Привет, Чарли. — Но глаза не открыла.

— Как ты узнала, что это я?

— От твоей шляпы пахнет сигарами. Ты скоро от нее избавишься?

— Нет, — отозвался он. — Я же тебе говорил. Это семейное наследство. Я планирую носить ее до самой смерти, а после завещать детям. Ну… Тебя оставили в полиции?

— Более-менее, — ответила Дейзи. — Мой начальник сказал, что в Лондоне приняли решение, дескать, у меня нервное истощение из-за переработок, поэтому меня отправляют в отпуск по болезни до тех пор, пока я не сочту, что оправилась и готова вернуться.

— Э-э-э… И когда это случится?

— Не знаю. Передай мне масло для загара.

— Через минуту. — В кармане у него была коробочка. Достав, он положил ее на подлокотник шезлонга. — Э-э-э… знаешь, — сказал он, — все жуткие слова, от которых так конфузишься, я уже сказал, когда ты была под дулом пистолета. — Он открыл коробочку. — Но это тебе. От меня. Понимаешь, Рози мне его вернула. Но если оно тебе не понравится, можем обменять. Выбрать какое-нибудь другое. Скорее всего это даже не подойдет. Но оно твое. Если ты его примешь… и… м-м-м… меня.

Взяв коробочку, она вынула обручальное кольцо.

— Гм. Ладно, — сказала она. — Если, конечно, это не какая-нибудь хитрость, чтобы выманить у меня лимон.

Тигр беспокойно метался из стороны в сторону и раздраженно хлестал себя хвостом по бокам, расхаживая взад-вперед перед выходом из пещеры. Глаза его горели как изумрудные факелы в темноте.

— Целый мир и все в нем когда-то принадлежало мне, — бормотал Тигр. — Звезды и луна, сказки и солнце. Все было моим.

— Сдается, мой священный долг, — произнес

голосок из глубины пещеры, — указать, что ты повторяешься.

Застыв на месте, Тигр беззвучно повернулся и стал красться в глубь пещеры, двигаясь плавно, точно меховой ковер на гидравлических амортизаторах. У обглоданной туши быка он остановился и тихонько, вкрадчиво сказал:

— Прошу прощения?

Внутри туши что-то завозилось. Из грудной клетки высунулся кончик носа.

— Собственно говоря, — ответил голосок, — я, так сказать, с тобой соглашался. Ничего другого я и не делал.

Белые лапки оттянули тонкую полоску засохшего мяса между двух ребер, открывая маленького зверька цвета грязного снега. Это мог быть мангуст-альбинос или изворотливый хорек в зимней шкурке. Глаза у существа были, как у крысы или стервятника.

— Я уже наизусть знаю. Целый мир и все в нем когда-то принадлежало мне, — заверещал он. — Звезды и луна, сказки и солнце. Все было моим. — Он ненадолго замолчал, а потом добавил: — И снова бы стало моим.

Тигр злобно на него уставился. Потом, без всякого предупреждения опустилась могучая лапа,

разметав тушу на вонючие куски и придавив зверька к полу. Зверек завозился и заизвивался, но не сумел вывернуться.

— Ты жив… — прорычал Тигр, опустив морду, так что его гигантский нос почти касался крохотного носика зверька. — Ты жив лишь по моей милости. Понятно? Потому что в следующий раз, когда ты выведешь меня из себя, я откушу тебе голову.

— М-м-мф, — издал хорькоподобный зверек.

— Тебе ведь не понравится, если я откушу тебе голову, да?

— Ой! — выдавил зверек.

Глаза у него были бледно-голубые, как две льдинки, и блестели, пока зверек беспокойно елозил под гигантской лапой.

— Обещаешь быть паинькой? Обещаешь сидеть тихо?

— Крайне, — исключительно вежливо сказало грязно-белое существо, а после извернулось и запустило острые зубки в лапу Тигра.

Взревев от боли, Тигр махнул лапой, от чего зверек отлетел в сторону. Ударившись о потолок, он отпрыгнул на уступ, откуда грязно-белым мазком метнулся в самый конец пещеры, где потолок был таким низким, что почти смыкался с полом:

такие места — отличное укрытие для маленьких зверьков, здесь большой зверь его не достанет.

Тигр подобрался так близко, насколько позволял ему рост.

— Думаешь, я не умею ждать? — спросил он. — Рано или поздно тебе придется выйти. Я-то никуда не денусь.

Тигр лег, закрыл глаза, и вскоре пещеру огласил вполне убедительный храп.

Приблизительно через полчаса этого храпа белый зверек выполз из-под камней и, перебегая из тени в тень, направился к большой кости, на которой еще осталась уйма вкусного мяса — если, конечно, вам не мешает запашок тухлятины, а зверьку он не мешал. Однако, чтобы добраться до кости, нужно было пройти мимо Тигра. Выждав еще несколько минут, зверек рискнул сделать пару шажков.

И когда он проходил мимо спящего Тигра, взметнулась передняя лапа, и на хвост зверька упал, пригвоздив его к полу, острый коготь. Вторая лапа легла твари на загривок. Огромная кошка открыла глаза.

— Откровенно говоря, нам, по всей видимости, никуда друг от друга не деться, — тяжело роняя слова, произнес Тигр. — Я прошу лишь

приложить усилия. Мы оба должны постараться. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь станем друзьями, но, возможно, научимся терпеть друг друга.

— Намек понял, — пискнул хорек. — Как говорится, против рожна не попрешь.

— Вот тебе и пример того, о чем я говорил. Тебе нужно научиться держать рот на замке.

— Нет худа без добра, — сказал зверек.

— Теперь ты снова выводишь меня из себя, — рявкнул Тигр. — Я же пытаюсь объяснить. Не зли меня, и я не откушу тебе голову.

— Ты все талдычишь: откушу тебе голову, откушу тебе голову. Когда ты употребляешь это выражение, его, наверное, следует понимать как «оторву голову»? То есть это метафора, подразумевающая, что ты станешь кричать на меня, возможно, даже сердито?

— Я откушу тебе голову. Раздавлю зубами. Прожую. Проглочу, — сказал Тигр. — Ни один из нас не может выйти отсюда, пока сын Ананси про нас не забудет. А поскольку тебя посадило сюда это отродье, то если я убью тебя утром, к вечеру ты скорее всего снова оживешь под каким-нибудь камнем в дальнем углу этой треклятой пещеры. Поэтому не зли меня.

— Да, конечно, — пискнул белый зверек. — Лад-

но. Что ни день…

— Если ты сейчас скажешь «то доллар», — взревел Тиф, — я выйду из себя, и последствия будут серьезные. Поэтому. Не говори. Ничего. Понятно?

В пещере на краю света ненадолго воцарилась тишина, которую наконец прервал вкрадчивый голосок:

— Абсо-ненно.

Он начал было говорить «о-у-у-у-ой!», но шум внезапно оборвался.

Не стало слышно ничего, кроме треска перемалываемых зубами костей.

Одного не пишут в книжках про гробы (ведь тем, кто их покупает, так гробы не продашь): на самом деле они довольно удобные.

Мистер Нанси своим был чрезвычайно доволен. Теперь, когда все веселье закончилось, он вернулся в свой гроб и уютно там задремал. Время от времени он просыпался, вспоминал, где находится, а после переворачивался на другой бок и засыпал снова.

Могила, как уже не раз говорилось, отличное место, а еще уединенное, и в ней великолепно отдыхается. Шесть футов под землей — лучше не бывает. Еще лет двадцать, решил мистер Нанси, а тогда подумаем о том, не пора ли вставать. Когда

начались похороны, он приоткрыл один глаз. Из могилы ему прекрасно было слышно… И Каллианну Хигглер, и ту дамочку Бустамонте, и третью, худышку, не говоря уже о большой орде внуков, правнуков и праправнуков — все они пели, и завывали, и выплакивали глаза по покойной миссис Дунвидди.

Мистер Нанси подумал было, не высунуть ли через дерн руку, чтобы схватить за коленку Каллианну Хигглер. Ему хотелось проделать нечто подобное с тех самых пор, как лет тридцать назад он посмотрел фильм «Кэрри». А теперь, когда представился случай, он поймал себя на том, что вполне способен устоять перед искушением. Честно говоря, ему просто было лениво. Она только завопит, у нее случится инфаркт, она помрет, а тогда проклятые Сады Успокоения станут еще более людными, чем сейчас.

Да и вообще, к чему трудиться? У него есть дела поважнее: надо лежать и видеть сны. «Через двадцать лет, — подумал он. — Может, через двадцать пять». К тому времени у него, наверное, уже появятся взрослые внуки. Всегда интересно посмотреть, какими вырастают твои внуки.

Он слушал, как у него над головой все завывает и завывает Каллианна Хигглер. А потом она вдруг

перестала рыдать и объявила:

— Тем не менее она прожила хорошую жизнь, к тому же долгую. Когда она ушла от нас, ей ведь было сто три года.

— Сто четыре! — произнес раздраженный голос из-под земли рядом с мистером Нанси.

Протянув нематериальную руку, мистер Нанси резко постучал по боку новенького гроба рядом со своим.

— Тихо, женщина! — рявкнул он. — Кое-кто тут пытается поспать!

Рози ясно дала понять Пауку, что ему полагается подыскать себе постоянную работу, такую, на которую нужно вставать утром и куда-то идти.

Поэтому однажды утром, за день до того, как Рози выписали из больницы, Паук встал рано и отправился в городскую библиотеку. Там он вошел в библиотечный компьютер, заскочил в Интернет и — очень тщательно — опустошил оставшиеся счета Грэхема Хорикса, которые полиция нескольких континентов еще не сумела найти. Он устроил так, чтобы в Аргентине продали племенной конный завод. Потом купил маленькую, уже существующую компанию, подарил ей все деньги и подал заявление о присвоении ей статуса благотворительного фонда.

Затем послал по электронной почте письмо от имени Роджера Бронштейна, в котором нанял адвоката управлять делами фонда и предложил, что адвокату, возможно, следует найти мисс Рози Ной, еще недавно проживающую в Лондоне, а в настоящее время отдыхающую на Сан Андреасе, и нанять ее Творить Добро с большой буквы.

Рози наняли. Первым делом она бросилась искать помещение для офиса.

Вслед за этим Паук четыре дня напролет провел, обходя пешком пляж (по ночам он спал прямо на песке), который тянулся вокруг почти всего острова, и в каждом встречном кафе и ресторане пробовал еду, пока не добрался до «Рыбной хижины Доусона». Там он попробовал жареную летучую рыбу, вареные зеленые смоквы, цыпленка с гриля и кокосовый пирог, а после прорвался на кухню, отыскал шеф-повара, бывшего также владельцем заведения, и предложил ему солидный куш за партнерство и уроки кулинарного мастерства.

Теперь «Рыбная хижина Доусона» — ресторан, а сам мистер Доусон ушел на покой. Иногда Паука можно встретить в зале, иногда на кухне за плитой: сходите, поищите и обязательно найдете. Кормят там — как нигде на острове. Он стал тол-

ще, чем был, хотя и не настолько, каким будет, если не перестанет пробовать все, что готовит.

Впрочем, Рози не против. Она немного преподает, чуть-чуть помогает людям и Творит много Добра, а если ей иногда не хватает Лондона, то она этого не показывает. А бот ее мама скучает по Лондону постоянно и громогласно, но любое предложение вернуться туда воспринимает как попытку разлучить ее с пока не родившимися (и если уж на то пошло, даже не зачатыми) внуками.

Ничто не принесло бы автору большего удовольствия, чем возможность сказать, что, побывав у порога смерти и вернувшись в мир живых, мама Рози стала новым человеком, благодушной женщиной, у которой для каждого найдется доброе слово, и что ее аппетит к еде способен сравниться лишь с ее аппетитом к жизни и ко всем радостям, которые она способна предложить. Увы, приверженность к истине требует предельной честности, а истина заключается в том, что из больницы мама Рози вышла в точности такой, какой была: такой же подозрительной и придирчивой, как и раньше, хотя она и стала гораздо слабее и старалась спать при свете.

Она объявила, что продаст квартиру в Лондоне

и переберется туда, куда бы ни отправились Паук и Рози, — лишь бы быть поближе к внукам. Но по мере того как шло время, она все чаще отпускала ехидные замечания о количестве и подвижности сперматозоидов Паука, регулярности и позициях в сексуальной жизни своей дочери и зятя и сравнительной дешевизне и простоте искусственного оплодотворения. И вскоре Паук стал всерьез подумывать о том, чтобы вообще не ложиться с Рози в кровать, лишь бы позлить ее маму. Такие мысли он питал ровно двенадцать секунд однажды после полудня, пока мама Рози показывала им ксерокопию статьи из журнала, в которой говорилось, что после секса женщине следует полчаса стоять на голове. А когда тем же вечером он упомянул про статью Рози, та рассмеялась и сказала, что ни ради кого не собирается вставать на голову, а маме в их спальню хода нет и не будет.

Теперь у миссис Ной квартира в Уильямстауне, неподалеку от дома Рози и Паука, и дважды в неделю одна из многочисленных племянниц Каллианны Хигглер заглядывает к ней, пылесосит, обмахивает метелкой стеклянные фрукты (восковые расплавились на островной жаре), готовит кое-какую еду и ставит ее в холодильник,

и иногда мама Рози ее ест, а иногда нет.

Чарли стал певцом. Мягкости в нем сильно поубавилось. Теперь это худощавый мужчина, и фетровую шляпу он носит беспрестанно — как отличительный знак. Фетровых шляп у него много и притом разных цветов, но любимая — зеленая.

У Чарли есть сын. Его зовут Маркус. Ему четыре с половиной года, и он отличается глубочайшей серьезностью, доступной лишь очень маленьким детям и горным гориллам.

Никто больше не зовет Чарли Толстым Чарли, и, честно говоря, иногда ему этого не хватает.

Было раннее летнее утро, уже рассвело. Из соседней комнаты доносился какой-то шум. Оставив Дейзи спать, Чарли потихоньку выбрался из кровати, схватил футболку и шорты, натянул их и, выйдя в гостиную, увидел, как его голый сын катает по полу деревянный поезд. Чарли помог ему одеться, нахлобучил на голову шляпу, и они спустились на пляж.

— Пап? — сказал маленький мальчик.

Губы у него были сурово сжаты, он, казалось, о чем-то размышлял.

— Что, Маркус?

— Кто был самым коротеньким президентом?

— Ты про рост?

— Нет. По… по дням. Кто был самым коротеньким?

— Гаррисон. Он подцепил пневмонию на церемонии вступления в должность и умер. Пробыл президентом сорок с чем-то дней и большую их часть умирал в собственном кабинете.

— О! А кто тогда был самым длинным?

— Франклин Делано Рузвельт. Отбыл три полных срока. И умер на посту во время четвертого. Тут мы снимем сандалии.

Положив сандалии на большой камень, они босиком пошли к набегающим волнам, и их пальцы глубоко вдавливались во влажный песок.

— Откуда ты столько знаешь про президентов?

— Потому что, когда я был ребенком, мой папа считал, мне будет полезно побольше про них узнать.

— А…

Они вошли в воду и добрались до валуна, который был виден, только когда вода стояла низко. Когда вода поднялась им по колено, Чарли подхватил мальчика и посадил его себе на закорки.

— Пап?

— Что, Маркус?

— П'туня говорит, ты знаменитый.

— И кто же эта Петуния?

— Девочка в детском саду. Она сказала, у ее мамы есть все твои диски. Она сказала, что любит, когда ты поешь.

— А…

— Так ты знаменитый?

— Не совсем. Ну, может, чуть-чуть. — Он ссадил Маркуса на валун и сам вскарабкался рядом. — Ладно. Готов спеть?

— Да.

— Что ты хочешь спеть?

— Мою любимую.

— Не знаю, понравится ли она ей.

— Понравится. — Маркус обладал непоколебимостью стен или даже гор.

— Ладно. Раз, два, три…

И они вместе спели «Желтую птицу», которая на этой неделе была у Маркуса любимой, а потом «Праздник зомби», которая была второй любимой, и «Она придет из-за горы», которая была третьей любимой. Глаза у Маркуса были получше, чем у Чарли, поэтому он заметил ее, когда они заканчивали «Она придет из-за горы», и замахал.

— Вон она, папа!

— Ты уверен?

В утренней дымке море и небо сливались в жемчужную белизну, и Чарли прищурился на

горизонт.

— Ничего не вижу.

— Она нырнула. Скоро появится.

В воде плеснуло, и она всплыла прямо под ними. Потянулась рука, хлопнул хвостовой плавник, блеснула чешуя. И вот она уже сидит на валуне рядом с ними, а серебристый хвост полощется в Атлантическом океане, подбрасывая капельки на чешую. У нее были длинные огненно-рыжие волосы.

Тогда они запели все вместе: мужчина, мальчик и Русалка. Они пели «Леди и бродяга» и «Желтую подводную лодку», а потом Маркус научил Русалку словам из заглавной песенки к «Флинтстоунам».

— Он напоминает мне тебя, — сказала Чарли Русалка. — Когда ты был маленьким.

— Ты меня тогда знала?

Она улыбнулась.

— Вы с отцом тоже приходили на пляж. Твой отец… красивый был мужчина. — Она вздохнула. Русалки умеют вздыхать лучше всех на свете. — Вам пора возвращаться. Скоро прилив.

Перебросив за спину длинные волосы, она ласточкой нырнула в воду. Перекувырнулась, всплыла и, приложив пальцы к губам, послала

Маркусу воздушный поцелуй и лишь потом скрылась в глубине.

Снова посадив сына на закорки, Чарли прошел по глубокой воде к пляжу, где мальчик соскользнул на песок. Сняв зеленую фетровую шляпу, Чарли надел ее на сына. Она была ему слишком велика, но он все равно разулыбался.

— Эй, — улыбнулся Чарли. — Хочешь кое-что покажу?

— Давай, но только поскорей. Я хочу завтракать. Оладьи хочу. Нет, овсяные хлопья. Нет, оладьи.

— Смотри.

Шаркая босыми ногами по песку, Толстый Чарли начал танцевать песчаный танец.

— Я тоже так могу.

— Правда?

— Вот увидишь, папа. И действительно мог.

Отец и сын вместе протанцевали всю дорогу до дома и пели песню без слов, которую придумывали на ходу, но которая еще покачивалась в воздухе даже после того, как они пошли в дом завтракать.

Нил Гейман
Звездная пыль

Посвящается Джин и Розмари Волф

Песня

Поймай рукой метеорит,
Сорви мне папоротник-цвет,
Найди след чертовых копыт
И место всех ушедших лет.
Учи внимать русалок пенью
И от завистников терпенью.
И есть ли слух
От злых старух
Чтоб укреплял высокий дух?

Когда провидцем ты рожден,
Что видит скрытый смысл вещей,
Скачи за дальний небосклон
И проплыви все сто морей,
Вернись, и расскажи мне честно
Все тайны, что тебе известны,

Но там и тут
Напрасен труд
Искать красавиц, что не лгут.

Скажи мне, если из людей
Такую кто-нибудь найдет,
Но нет, не поспешу я к ней,
Пусть в двух шагах она живет.
Уж такова красавиц суть —
Она сумеет обмануть
Пока в пути,
Как ни крути,
Двух-трех успеет провести[154].

Джон Донн

---

[154] notes: 154
Пер. Ф. Толстого.

Глава первая, *в которой мы узнаем о селении под названием Застенье и о загадочном событии, которое происходит там каждые девять лет*

Жил на свете молодой человек, который хотел обрести Мечту своего сердца.

Это не совсем обычный роман, как можно решить из первых строк (ведь на самом деле все истории о молодых людях, какие только жили или живут на свете, обречены начинаться совершенно одинаково). В нашем молодом человеке и в том, что с ним произошло, было много необыкновенного — так много, что всего целиком не знал даже он сам.

Эта история — как и многие ей подобные — началась в Застенье.

Селение под названием Застенье и сейчас, как шестьсот лет назад, стоит на гранитном выступе посреди лесной чащи. Дома в Застенье старые, похожие на кубики серого камня, крытые темными шиферными крышами. Стараясь использовать каждый дюйм гранита, строения лепятся одно к

другому; то тут, то там к стене жмется деревце или кустик.

Из Застенья ведет всего одна дорога — извилистая тропа через лес, с двух сторон окаймленная отдельными валунами и камнями помельче. Она идет далеко на юг и за лесом становится настоящей дорогой, покрытой асфальтом. Чем дальше, тем она делается шире; по ней круглые сутки из города в город снуют автомобили. В конце концов дорога приводит в Лондон — но от Застенья до Лондона целая ночь езды.

Жители Застенья по большей части народ немногословный. Они делятся на коренных застенцев — таких же твердых и бледных, как гранит, на котором построено их селение, — и остальных, сравнительно недавно нашедших в Застенье пристанище для себя и своих потомков.

С запада Застенье окружено густым лесом, на юге есть озеро, обманчиво тихое на вид, которое подпитывается горными ручьями, стекающими с холмов к северу от деревни. На пастбищах в холмах пасутся овцы. А к востоку — вновь сплошной лес.

С этого самого востока Застенье отгорожено серой каменной стеной, от которой и происходит название селения. Стена очень старая, сложена

из крупных, грубо обработанных глыб гранита; она начинается в лесу и, пройдя по краю деревни, снова уходит в лес.

В стене есть одно-единственное отверстие. Брешь футов шести в ширину находится на северо-востоке Застенья.

Сквозь брешь можно разглядеть широкий зеленый луг. За лугом — ручей, а на дальнем его берегу встают высокие деревья. Время от времени меж стволами мелькают какие-то тени, смутные фигуры. Большие странные существа и совсем маленькие мерцающие создания, которые исчезают, едва блеснув мгновенной вспышкой. Хотя луг выглядит просто великолепно, никому из селян и в голову не придет пасти скот на траве по ту сторону стены. Как, впрочем, и пустить луг под посевы.

Вместо этого они регулярно — в течение нескольких сотен, а то и тысяч лет — выставляют стражу по краям бреши, после чего изо всех сил стараются выбросить из головы самую мысль о землях за стеной.

И по сей день местные жители круглые сутки по двое охраняют брешь, сменяя караулы каждые восемь часов. Караульные вооружены тяжелыми деревянными дубинками; стоят они, конечно же,

со стороны деревни.

Основная их задача — не пропускать на ту сторону деревенских детишек. Иногда им приходится отгонять от бреши случайных бродяг или какого-нибудь любопытного приезжего.

Чтобы отпугнуть детей, достаточно погрозить дубинкой. Отвадить взрослых посетителей сложнее, и стражникам приходится проявлять больше изобретательности, пуская в ход физическую силу как последнее средство, если не срабатывают истории о свежепосаженной траве, которую нельзя топтать, или о страшном быке, сорвавшемся с привязи.

Очень редко в Застенье появляется кто-нибудь знающий, что именно он хочет найти. Таких гостей стража незамедлительно пропускает на ту сторону. Их отличают по особенному взгляду — кто единожды видел его, тот не перепутает.

На протяжении всего двадцатого века никому, по мнению местных жителей, не удавалось пробраться за стену — и они этим очень гордятся.

Застенцы снимают стражу только раз в девять лет, на Майский праздник, когда на лугу за стеной открывается ярмарка.

События, о которых я расскажу, произошли много лет назад. Тогда Англией правила коро-

лева Виктория, еще не успевшая стать черной виндзорской вдовой: в то время она отличалась прекрасным цветом лица и необычайной легкостью походки, и лорду Мельбурну частенько приходилось упрекать юную королеву за легкомыслие. Она была не замужем, хотя уже очень влюблена.

Мистер Чарльз Диккенс выпускал по частям свой новый роман «Оливер Твист»; мистер Дрейпер только что сделал первый снимок Луны, запечатлев ее бледный лик на фотобумаге; мистер Морзе недавно заявил, что изобрел способ передавать послания по металлическим проводам.

Если бы вы упомянули при ком-нибудь из этих джентльменов о Волшебной Стране, они бы только презрительно усмехнулись. Кроме разве что мистера Диккенса, который в то время был молод и еще не носил бороды. Тот, пожалуй, взглянул бы на вас грустно и задумчиво.

Той весной на Британские острова прибыло немало странных людей. Они приплывали поодиночке и парами, высаживались на берег в Дувре, Лондоне или Ливерпуле: мужчины и женщины, говорившие на разных языках, одни — с кожей цвета белой бумаги, другие — с кожей цвета ко-

рицы, третьи вовсе темные, как камень вулкана. Они прибывали беспрерывно на протяжении апреля и неизменно отправлялись в одну и ту же сторону — на паровозах или на лошадях, в повозках и двуколках, а некоторые путешествовали пешком.

Дунстану Тёрну в то время исполнилось восемнадцать лет. У него были коричневые, как ореховая скорлупа, волосы, такие же глаза и такие же коричневые веснушки. Роста он был немногим выше среднего, разговорчивостью не отличался. Улыбался он приятно — улыбка как будто освещала его лицо изнутри. Иногда — чаще всего на отцовском лугу — он предавался мечтам, и мечты его сводились к тому, чтобы уехать подальше из Застенья, от всего тутошнего непредсказуемого волшебства, и осесть где-нибудь в Лондоне, или Эдинбурге, или в Дублине — в общем, в любом большом городе, где ничего не зависит от направления ветра. Дунстан работал на ферме отца, и не было у него никакого богатства, кроме маленького домика на дальнем поле, который подарили ему родители.

Понаехавшие в Застенье в апреле на ярмарку посетители Дунстана раздражали. Трактир мистера Бромиоса, «Седьмая сорока», обычно

пустовал целыми днями — а тут весь оказался забит чужеземцами. Все до одной тамошние комнаты были заняты за неделю до ярмарки, и новые гости начали снимать жилье на фермах и в частных домах, расплачиваясь за проживание странными монетами, травами, пряностями и даже драгоценными камнями.

По мере приближения ярмарочного дня гости делались все шумней и нетерпеливее. Они просыпались на рассвете, считали дни, часы и минуты. Стражи у бреши тоже нервничали — на дальнем краю луга среди деревьев мелькали тени и странные фигуры.

В «Седьмой сороке» девица Бриджет Комфри, которую в округе считали самой красивой служанкой на памяти застенцев, сделалась причиной разногласий между Томми Форестером, с которым Бриджет гуляла уже целый год, и высоким темноглазым человеком с лопочущей обезьянкой на плече. Этот верзила почти не говорил по-английски, однако всякий раз при виде Бриджет многозначительно улыбался.

В питейном зале трактира постоянные клиенты не без опаски подсаживались к гостям и вели примерно такие беседы:

— Да-да, каждые девять лет…

— Говорят, что в прежние времена это случалось раз в год, на летнее солнцестояние…

— Вы мистера Бромиоса спросите. Уж он-то знает.

Мистер Бромиос был высоким зеленоглазым брюнетом с вьющимися волосами и оливковой кожей. Все местные девочки, делаясь девушками, неизменно обращали внимание на мистера Бромиоса — но он не отвечал им взаимностью. Говорили, что некогда он сам явился в деревню в числе ярмарочных гостей. А потом решил остаться в Застенье навсегда, и его вино так понравилось тутошним жителям, что они не имели ничего против.

Неожиданно в питейном зале вспыхнула громкая ссора. Ругались Томми Форестер и темноглазый человек, которого, как выяснилось, звали Алум-Бей.

— Ах, остановите их! Ах, Бога ради! — вскричала Бриджет. — Они собрались драться из-за меня!

И она в отчаянии встряхивала кудрями, так что отсветы масляных ламп вспыхивали на ее прелестных золотых локонах.

Никто и рукой не шевельнул, чтобы остановить соперников; зато целая толпа народа — как местных, так и приезжих — высыпала наружу

посмотреть на поединок.

Томми Форестер сбросил рубашку и выставил перед собой кулаки. Чужеземец засмеялся, сплюнул на траву, а потом перехватил правую руку Томми и швырнул его на землю, так что бедняга ударился подбородком. Он вскочил и яростно бросился на противника, даже успел вскользь смазать его по щеке, прежде чем снова полететь лицом в грязь. Через мгновение Алум-Бей уже сидел на нем верхом и смеялся, приговаривая что-то по-арабски.

Так быстро и бесславно окончился бой.

Алум-Бей слез наконец с Томми, важно подошел к Бриджет и отвесил ей глубокий поклон, сверкнув белыми зубами. Но Бриджет, не обращая на него никакого внимания, подбежала к Томми.

— Ах, миленький мой, что он с тобой сделал? — приговаривала она, стирая краем фартука грязь с лица кавалера и называя его разными ласковыми именами.

Алум-Бей в сопровождении большинства зрителей вернулся в трактир и купил у мистера Бромиоса бутылку шабли, которую благородно презентовал Томми по его возвращении. Так что еще вопрос, кто из поединщиков на самом деле остался в выигрыше.

Дунстан Тёрн не принимал участия в посиделках в «Седьмой сороке»: он был парень практичный и вот уже полгода ухаживал за Дейзи Хемпсток, столь же практичной молодой девицей. Поэтому каждый ясный вечер они проводили вместе, чинно прогуливаясь по деревне рука об руку. Гуляя, они обычно обсуждали погоду, перспективы на урожай в этом году и прочие не менее важные материи. Во время этих прогулок, неизменно сопровождаемые матерью Дейзи и ее младшей сестрой, которые следовали за ними на почтительном расстоянии шести шагов, молодые люди время от времени бросали друг на друга любящие взгляды.

У дверей дома Хемпстоков Дунстан приостанавливался, раскланивался с девицей и прощался с ней до следующего раза.

После чего Дейзи Хемпсток входила в прихожую, снимала шляпку и говорила что-нибудь вроде: «Я в самом деле буду не против, если мистер Тёрн сделает мне предложение. Думаю, папа одобрит такое решение».

— Я уверена, что уж он-то одобрит, — ответила Дейзи ее матушка тем самым вечером — как, впрочем, она отвечала каждый вечер после прогулки. С этими словами миссис Хемпсток тоже

сняла шляпку и перчатки и вместе с дочерьми поспешила в гостиную, где очень высокий джентльмен с длиннющей бородой распаковывал свой багаж. Дейзи, ее матушка и сестренка вежливо поздоровались с джентльменом, который плохо говорил по-английски; он прибыл в деревню несколько дней назад. Постоялец, в свою очередь, привстал и ответил им учтивым поклоном, после чего продолжил разбирать чемодан, протирая и раскладывая по кучкам какие-то деревянные штуковины.

Апрель в том году выдался прохладный, с обычной переменчивостью английской весны.

Гости деревни прибывали с юга, по узкой дороге через лес; они заняли все свободные комнаты, останавливались на ночлег даже в коровниках и пустых сараях. Некоторые ставили для себя разноцветные палатки, кое-кто прибывал в собственных фургонах, в которые были впряжены крупные серые лошади или маленькие лохматые пони.

В лесу под деревьями раскинулся ковер синих колокольчиков.

Утром 29 апреля Дунстан Тёрн в паре с Томми Форестером нес стражу у стены.

Дунстану множество раз приходилось испол-

нять обязанности стража, но до сих пор они сводились к тому, чтобы просто стоять и ничего не делать. Ну, может быть, пару раз случалось шугать детей.

Сегодня же он чувствовал себя важной персоной: они с Томми не выпускали из рук толстых дубинок, и, если к стене подходил кто-то из чужестранцев, караульные сурово сообщали: «Завтра, завтра, добрые сэры. Сегодня никого пропускать не положено».

Тогда пришлецы отходили, но продолжали заглядывать в брешь в камне, рассматривая ничем не примечательный луг за стеной, окаймлявшие луг совершенно обычные деревья, довольно скучный лес вдалеке. Кое-кто пытался завязать беседу с Томми и Дунстаном, однако молодые люди, гордые своими обязанностями постовых, в разговоры не вступали: демонстративно вскидывали головы, поджимали губы — в общем, всячески старались выглядеть поважнее.

Когда подошло время обеда, Дейзи Хемпсток принесла в маленьком горшочке картофельную запеканку с мясом, а Бриджет Комфри — по кружке эля с пряностями.

В сумерки на пост заступили двое других молодых людей с фонариками, а Дунстан с Томми

отправились в трактир, где мистер Бромиос выдал им в награду за успешную стражу еще по кружке эля — своего лучшего эля, который в самом деле оказался весьма хорош. Трактир гудел возбужденными голосами, набитый посетителями так, что яблоку негде было упасть. Здесь собрались гости со всех концов света — по крайней мере так казалось Дунстану, который не имел ни малейшего представления о мире за лесами, окружающими Застенье. Так что он созерцал высокого джентльмена в черном цилиндре, приехавшего из Лондона, с не меньшим благоговением, нежели его соседа по столику — еще более высокого темнокожего джентльмена, носившего цельнокроеную белую мантию.

Дунстан знал, что разглядывать людей в упор невежливо, а также — что он как коренной житель Застенья имеет право чувствовать свое превосходство над любым пришлым. Однако в воздухе носились удивительные ароматы далеких земель, мужчины и женщины разговаривали друг с другом на сотне самых разных наречий — и Дунстан беззастенчиво глазел вокруг, да что там — откровенно таращился на гостей.

Господин в черном шелковом цилиндре наконец заметил, что Дунстан на него пялится, и

поманил молодого человека рукой.

— Вы любите пудинг с патокой? — спросил он совершенно неожиданно, вместо того чтобы представиться. — Мутанабби срочно ушел по делам, а пудинга осталось больше, чем мне под силу одолеть в одиночку.

Дунстан кивнул. От пудинга с патокой поднимался ароматный пар.

— Вот и славно, — сказал новый друг нашего героя. — Тогда угощайтесь. — И он пододвинул Дунстану чистую фарфоровую чашку и ложку. Дунстана не нужно было долго уговаривать — он тут же принялся за пудинг, и борьба с ним давалась ему весьма успешно.

— Что же, юноша, — обратился к Дунстану джентльмен в черном цилиндре, когда блюдо из-под пудинга окончательно опустело. — Похоже, в этом трактире не осталось комнат на сдачу. И во всей деревне тоже.

— Да что вы? — вежливо отозвался Дунстан, ничуть не удивившись.

— Да вот так уж, — кивнул джентльмен в цилиндре. — О чем, собственно, я и хотел вас спросить: не знаете ли вы в округе семейства, где можно снять комнату?

Дунстан пожал плечами.

— По-моему, все уже занято. Помнится, когда мне было девять, родители целую предъярмарочную неделю меня посылали спать на сеновал. А мою комнату снимала какая-то леди с востока со своими домочадцами и слугами. Уезжая, она в благодарность подарила мне воздушный змей, и я запускал его на лугу, пока однажды бечева не порвалась, и змей не улетел в небо…

— А где вы сейчас живете? — быстро спросил джентльмен.

— У меня собственный домик на краю отцовского поля, — ответил Дунстан. — Раньше там жил наш пастух, но он скончался летом позапрошлого года, и родители отдали домик мне.

— Покажите его, — тут же отозвался джентльмен в шляпе, и Дунстан не счел возможным ему отказать.

Весенняя луна ярко светила в высоте, ночь пока была ясной. Дунстан и его спутник миновали деревню и прошли по краю леса, мимо фермы семьи Тёрнов, где приезжий джентльмен умудрился испугаться спавшей на лугу коровы, всхрапнувшей во сне. Наконец они добрались до искомого домика на краю поля, состоявшего всего-то из единственной комнатки с камином. Гость довольно кивнул.

— Отлично. Это мне подходит. Вот что, Дунстан Тёрн, я хочу снять у вас коттедж на трое суток.

— А какова будет ваша плата?

— Золотой соверен, еще полшиллинга и медный пенни плюс новенький блестящий фартинг, — отозвался приезжий господин.

В те времена, когда работник на ферме получал в лучшем случае пятнадцать фунтов в год, золотой соверен за крышу над головой в течение двух ночей мог считаться более чем честной платой. Однако Дунстан все медлил соглашаться.

— Если вы приехали на ярмарку, — сказал он своему гостю, — тогда вы, должно быть, торгуете чудесами и колдовством.

Высокий джентльмен кивнул.

— Значит, вот что вам нужно, молодой человек, — чудеса и колдовство? — Он оглядел крохотную комнату Дунстанова домика. Снаружи начал накрапывать дождь, и по соломенной крыше забарабанили капли. — Ну хорошо, — сказал гость, то ли шутя, то ли серьезно. — Ох уж эти мне чудеса и колдовство… Завтра вы обретете Мечту своего сердца. А пока вот вам деньги.

И он легким движением руки вытащил монеты из уха Дунстана.

Молодой человек по очереди прикоснулся ими

к железному гвоздю на двери, проверяя, не эльфийское ли это золото, после чего раскланялся с джентльменом и вышел под дождь. Деньги он завязал в уголок носового платка.

К коровнику Дунстан явился уже под проливным дождем. Вскарабкался на сеновал и быстро заснул.

Всю ночь гремел гром и сверкали молнии. Дунстан слышал грохот, но не просыпался. Перед рассветом его разбудил кто-то, неуклюже споткнувшийся об его ноги.

— Ой, — произнес голосок. — Так сказать, ижжви-няйте.

— Кто это? Кто здесь? — спросил Дунстан.

— Да просто я, — отозвался голос. — Я на ярмарку приехал. Ну, лег спать в дупле, а тут в дерево молния ударила, расколола его, как яичную скорлупку, сломала пополам, как прутик сухой, и на меня полился дождь, он мог даже промочить мою поклажу, а там есть очень ценные вещи, которые нужно держать сухими как порох, и я умудрился дотащить вещи сухими до этого сараюшки, хотя снаружи мокро, как…

— В воде? — подсказал Дунстан.

— Вроде того, — подтвердил голосок в темноте. — Так что я подумал — если вы не возражаете,

я бы заночевал здесь, под вашим кровом. Я ведь не особенно велик и ничем вам не помешаю.

— Только постарайтесь больше на меня не наступать, — попросил Дунстан.

Вспышка молнии осветила сеновал, и в синеватом свете юноша заметил в углу что-то маленькое и лохматое, увенчанное широкополой кривой шляпой.

— Надеюсь, я не очень вас обеспокоил, — сказал голос, который, по здравом размышлении Дунстана, звучал весьма лохмато.

— Нет-нет, что вы, — ответил сонный и усталый Дунстан.

— Вот и прекрасно, — обрадовался лохматый голосок, — замечательно, потому что я вовсе не хочу вас обеспокоить!

— Пожалуйста, — взмолился юноша, — дайте поспать. *Пожалуйста.*

Незнакомец повозился, посопел — и наконец из угла послышалось негромкое похрапывание.

Дунстан заворочался на сене. Лохматое существо, кем бы оно ни было, на миг утихло, почесалось, пукнуло — и снова начало храпеть.

Дунстан слушал, как дождь барабанит по крыше, и думал о Дейзи Хемпсток. Будто бы они рука об руку гуляли по дорожке, а в шести шагах за

ними следовал высокий джентльмен в шелковом цилиндре на пару с лохматым маленьким существом, чье лицо Дунстан никак не мог разглядеть. Они вышли на прогулку, чтобы посмотреть на Мечту его сердца…

На лицо Дунстана падал солнечный свет. В коровнике было пусто. Юноша умылся и поспешил домой, на ферму.

Там он переоделся в свою лучшую куртку, лучшую рубашку и лучшие штаны. Грязь, присохшую к ботинкам, Дунстан соскреб карманным ножом. Потом прошел на кухню, поцеловал в щеку матушку и перекусил пышной булкой и солидным кружком свежесбитого масла.

После чего, завязав новые монетки в уголок воскресного батистового платка, Дунстан прошел через всю деревню к стене, где пожелал доброго утра стражам у бреши.

Сквозь отверстие можно было разглядеть, как на лугу натягивают цветные навесы, ставят палатки, устраивают прилавки и поднимают яркие флажки. В этой разноцветной кутерьме суетилось множество народу.

— Пропускать никого до полудня не велено, — сообщил караульный.

Дунстан пожал плечами и отправился в трак-

тир, где уселся размышлять, что бы такое купить на свои сбережения. У него имелись полкроны, давно ожидавшие подобного случая, и «счастливый» шестипенсовик с проверченной в нем дыркой, висевший у Дунстана на шее на кожаном шнурке. Это если не считать нежданного богатства, увязанного в уголок платка. К тому времени Дунстан успел совершенно забыть, что прошлой ночью ему было обещано кое-что еще в качестве платы.

Едва пробило полдень, юноша явился к стене и взволнованно, как будто он делал что-то ужасно запретное, прошел через отверстие на ту сторону. Джентльмен в черном цилиндре сразу попался ему на глаза и приветливо кивнул.

— А, вот и мой квартирный хозяин. Как ваше нынешнее самочувствие, сэр?

— Превосходно, — отозвался Дунстан.

— Идемте со мной, — предложил высокий господин. — Давайте немного прогуляемся вместе.

Они пошли по широкому лугу по направлению к палаткам.

— Вы бывали здесь прежде? — спросил джентльмен.

— Да, я ходил на прошлую ярмарку, девять лет назад. Я тогда был совсем мальчишкой, — при-

знался Дунстан.

— Что же, — сказал его арендатор, — тогда вы помните, что нужно держаться вежливо и не брать никаких подарков. Помните, что вы здесь только гость. Сегодня я собираюсь заплатить вам то, что задолжал за жилье. Понимаете ли, я поклялся это сделать. Все мои дары долговременны: этот будет принадлежать вам, и вашему первенцу, и первенцу вашего первенца, независимо от пола… Этот дар будет действовать на протяжении всей моей жизни.

— И что ж это такое, сэр?

— Как, вы забыли? Мечта вашего сердца, конечно, — ответил джентльмен в цилиндре. — Мечта сердца, именно так.

Дунстан слегка поклонился ему, не зная, что сказать. Они медленно шли меж рядами палаток и навесов.

— Глаза, кому глаза? Меняем ваши старые на наши новейшие! — выкрикивала крохотная женщина. Прилавок перед ней был уставлен бутылями и колбами, полными глаз всех форм и цветов.

— Музыкальные инструменты из ста далеких земель!

— Свистки по пенни! Гудки по два пенни! Цер-

ковные хоралы по три!

— Все к нам! Испытайте удачу! Отгадайте простую загадку — и получите свеженький анемон!

— Неувядающая лаванда! Колокольчиковое полотно!

— Сны в розлив, по шиллингу флакон!

— Ночные плащи! Сумеречные плащи! Плащи из полумрака!

— Мечи судьбы! Жезлы власти! Кольца вечности! Карты фортуны! Заворачивайте к нам, не пожалеете!

— Бальзамы и мази, зелья и панацеи!

Дунстан замер у прилавка, уставленного крохотными хрустальными вещицами. Он рассматривал прозрачных зверьков, размышляя, не приобрести ли одного для Дейзи Хемпсток. Юноша осторожно взял в руки хрустального котенка, в длину не больше пальца. Вдруг фигурка моргнула обоими глазами, и Дунстан от неожиданности уронил ее; но зверек перевернулся в воздухе и, как настоящий котенок, приземлился на четыре лапы. После чего отбежал на край прилавка и принялся вылизываться.

Дунстан зашагал дальше по переполненному рынку.

Народу на лугу было невпроворот. Здесь собра-

лись все чужеземцы, понаехавшие в Застенье за последние недели, а также многие из жителей деревни. Мистер Бромиос под отдельным навесом торговал вином и пирожками, а покупали их в основном местные, наученные дедушками и бабушками (некогда получившими это знание от своих старших родственников), что есть еду из Волшебной Страны, пить тамошние напитки и лакомиться тамошними фруктами очень и очень опасно. Несмотря на огромную привлекательность некоторых угощений, которыми торговал народ с Той Стороны Стены, деревенские жители стойко противостояли искушениям.

Ведь народ с Той Стороны раскидывал свои палатки на этом лугу каждые девять лет с незапамятных времен, и на день и ночь луг превращался в Волшебную Ярмарку. На целые сутки каждые девять лет между двумя мирами устанавливались торговые отношения.

Здесь торговали чудесами, волшебством и чародейством; на ярмарку привозили вещи, какие и во сне не приснятся, товары, которые и представить-то трудно (зачем бы, например, могут кому-нибудь понадобиться шторма, разлитые в яичные скорлупки?). Юноша перебирал в кармане монетки, завязанные в угол платка, и

высматривал что-нибудь маленькое и не слишком дорогое, красивую безделушку, пригодную для подарка Дейзи.

Дунстан услышал в воздухе нежный перезвон колокольцев, едва различимый в ярмарочном шуме, — и пошел на этот звук.

Он миновал прилавок, где пятеро здоровенных мужиков отплясывали под заунывную музыку шарманки, ручку которой крутил грустный черный медведь; прошел мимо лотка, за которым лысоватый субъект в ярком кимоно, зазывая покупателей, бил фарфоровые тарелки и бросал осколки в кипящий котел, откуда валил разноцветный дым.

Мелодичный перезвон стал громче.

Наконец Дунстан добрался до палатки, откуда исходил привлекший его звук. Торговца видно не было. На широком прилавке красовалось множество цветов: колокольчики простые и круглолистные, наперстянки, желтые нарциссы, и лилии, и фиалки, и крохотные алые цветки шиповника, бледные подснежники, голубые незабудки — и множество прочих, которым Дунстан не знал названий. Каждый цветок был отлит или вырезан из стекла или, может, из хрусталя — юноша опять же не мог сказать; однако со-

цветия в точности напоминали настоящие. Это они издавали мелодичный звон, как маленькие стеклянные колокола.

— Кто-нибудь есть? — позвал Дунстан.

— Доброго вам утра в этот ярмарочный день, — отозвалась хозяйка прилавка, выпрыгивая из разукрашенного фургона, что стоял невдалеке. Она широко улыбнулась юноше, сверкнув белоснежными зубами. Она, несомненно, принадлежала к народу С Той Стороны, это Дунстан сразу понял по ее глазам — и по ушкам, видневшимся из-под густо вьющихся черных волос. Глаза девушки были темно-лилового цвета, а уши — как у кошечки, только более закругленные, поросшие нежной темной шерсткой. При этом девица оставалась весьма красивой.

Дунстан взял с прилавка стеклянный цветок.

— Что за прелесть! — Лиловый цветок звенел и пел у него в руке: похожий звук можно извлечь, если водить влажным пальцем по кромке хрустального бокала. — Сколько он стоит?

Торговка очаровательно пожала плечиками.

— Цена не устанавливается изначально, — сказала девушка. — Иначе она может оказаться более, чем ты готов заплатить, и тогда ты уйдешь ни с чем, и это сделает беднее нас обоих. Давай

лучше обсудим вопрос цены обычным образом.

Дунстан так и замер с открытым ртом, потому что сзади неожиданно подошел джентльмен в черном цилиндре.

— Ну вот, — шепнул он юноше, — теперь мы полностью в расчете.

Дунстан встряхнул головой, будто прогоняя навязчивый сон, и снова обернулся к юной леди.

— А откуда берутся такие цветы?

Та улыбнулась всеведущей улыбкой.

— Роща, где растут стеклянные цветы, находится на склоне горы Каламон. Опаснее пути туда только путь обратно.

— И какой же толк от этих цветов? — спросил Дунстан.

— По большей части их используют в декоративных и развлекательных целях. Они приносят радость, их можно подарить любимой в знак восхищения и обожания, а звук, который они издают, приятен для слуха. Кроме того, эти цветы особенным образом отражают свет. — Она подняла колокольчик так, что он заиграл в луче, и Дунстан не мог не отметить, что лиловое стекло всеми переливами повторяет цвет ее глаз.

— Понятно, — протянул он.

— Еще эти цветы используют для различных

чар и заклинаний. Благородный сэр не занимается волшебством?

Дунстан помотал головой. В юной леди было что-то особенное, но он никак не мог понять — что именно.

— И все равно, — улыбаясь, продолжила девушка, — цветок является прекрасным подарком.

Наконец Дунстан понял, что особенного в его новой знакомой: ее кисть охватывала тонкая серебряная цепочка, которая сбегала вниз, к лодыжке, и змеилась в траве до самой крытой повозки. Дунстан вопросительно указал на нее глазами.

— Вы о цепи? Да, она приковывает меня к прилавку. Я — личная рабыня колдуньи, которой принадлежит фургон. Она захватила меня в рабство много лет назад, когда я играла у водопада в землях моего отца, высоко в горах. Колдунья заманила меня далеко от дома, приняв вид очень красивой лягушки и ускользая у меня из-под рук. А когда я, увлекшись погоней, вышла за границу отцовских владений, приняла свой истинный облик и набросила на меня мешок.

— И что же, вы теперь… навсегда у нее в рабстве?

— Ну, зачем же навсегда, — улыбнулась вол-

шебная девушка. — Я снова обрету свободу в день, когда Луна потеряет свою дочь, если это случится на неделе, когда соединятся два понедельника. Такового дня я терпеливо жду. Пока я исправно исполняю свои обязанности, а в свободное время предаюсь мечтам. Так что же, молодой господин, не купите цветочек?

— Меня зовут Дунстан.

— Нечего сказать, скромное имя, — улыбаясь, поддразнила она. — И где же ваши клещи, мастер Дунстан? Сможете прищемить нос дьяволу?[155]

— А вас-то как зовут? — спросил Дунстан, густо покраснев.

— Сейчас никак. Я ведь рабыня и не имею права носить свое прежнее имя. Поэтому я откликаюсь на «эй, ты», или на «дрянная девчонка», или на «эта неряха и неумеха». И на многие подобные ругательства.

---

[155] notes: 155

Св. Дунстан Кентерберийский, архиепископ, монах-бенедиктинец, род. ок. 909, ум. 19.05.988. Был одним из ближайших советников английского короля Эдреда. В свободное от пастырской деятельности время занимался живописью, музыкой и кузнечным ремеслом, в связи с чем почитается как покровитель кузнецов и ювелиров. («Католическая энциклопедия»). В житии св. Дунстана встречается история о том, как к нему явился дьявол, когда святой работал в кузнице, и стал искушать его, после чего святой схватил его за нос раскаленными клещами. Эта история, в частности, рассказывается в книге Диккенса «A Child's History of England», в которой аббат Дунстан выступает как могущественный интриган, имевший огромное влияние на королей. — *Примеч. пер.*

От внимания Дунстана не ускользнуло, как красиво шелк туники подчеркивает линии ее фигуры. А фигура у нее была превосходная, со всеми необходимыми выпуклостями. Встретив глаза в глаза ее лиловый взгляд, Дунстан сглотнул.

Он вытащил из кармана платок со сбережениями, только чтобы перестать глазеть на девушку. Развязал уголок, где хранились монеты, и высыпал их на прилавок.

— Возьмите сколько нужно за цветок, — сказал он, беря в руки белый подснежник.

Девушка подвинула монеты обратно к их владельцу.

— За этим прилавком не расплачиваются деньгами.

— Как? А чем же тогда? — Дунстан увлекся и не собирался уходить отсюда без цветка для… для Дейзи Хемпсток, конечно. Он желал непременно заполучить цветок — и уйти, потому что, по правде говоря, присутствие молодой леди действовало на него все более обескураживающе.

— Я могла бы попросить в уплату цвет ваших волос, — задумчиво протянула девушка. — Или все воспоминания в возрасте до трех лет. Или слух вашего левого уха — ну, не весь слух, а ту его часть, которая радуется красивой музыке, или

плеску воды, или шелесту листвы под ветром.

Дунстан поспешно замотал головой.

— Или один поцелуй. Единственный поцелуй, вот сюда, в щеку.

— Вот такая плата меня устраивает! — воскликнул Дунстан, перегнулся через прилавок и под тихий перезвон хрустальных цветов запечатлел на мягкой щеке цветочницы целомудренный поцелуй. Он вдохнул ее дразнящий, волшебный запах, который мгновенно ударил ему в голову и проник в грудь до самого сердца.

— Ну вот и все, — сказала она и отдала ему подснежник. Дунстан принял цветок в руки, которые сразу показались ему грубыми и неуклюжими по сравнению с крохотными, во всех отношениях совершенными ручками волшебной девушки. — Встретимся здесь же, Дунстан Тёрн, сегодня вечером, на закате луны. Когда явитесь, дважды крикните сычом. Сумеете?

Он кивнул, слегка попятившись. Дунстану не нужно было спрашивать, как она узнала его фамилию, — наверное, девушка попросту завладела этим знанием во время поцелуя, так же, как некоторыми другими вещами. Например, его сердцем.

Подснежник тихо звенел у него в руке.

— Что такое, Дунстан Тёрн? — воскликнула Дейзи Хемпсток, когда он столкнулся с ней под навесом у мистера Бромиоса. Там же сидели и ее родители, и родители Дунстана, угощаясь портером и колбасками. — Что с тобой стряслось?

— Я принес тебе подарок, — пробормотал юноша и протянул ей звенящий колокольчик, который так и горел в послеполуденных лучах.

Дейзи, слегка смешавшись, взяла цветок пальцами, еще блестевшими от колбасного жира. Повинуясь внезапному побуждению, Дунстан наклонился и поцеловал ее в щечку прямо на глазах ее родителей и сестры, а также Бриджет Комфри, мистера Бромиоса и прочих.

Легко себе представить возмущение всего собрания; однако мистер Хемпсток, который недаром провел все пятьдесят семь лет своей жизни на границе с Волшебной Страной и Запредельными Землями, воскликнул:

— Тихо, перестаньте! Гляньте-ка на его глаза. Разве непонятно — бедный мальчик сам не знает, что делает! Бьюсь об заклад, что он заколдован. Эй, Томми Форестер, поди-ка сюда! Проводи юного Дунстана Тёрна назад в деревню, да приглядывай за ним хорошенько; поговори с ним, если он захочет побеседовать, или уложи в кровать, если

он решит соснуть.

Томми забрал Дунстана с ярмарки и отвел обратно в Застенье.

— Ну, полно, полно, Дейзи, — утешала дочку миссис Хемпсток, поглаживая девушку по голове. — Его самым краешком коснулась эльфийская магия, вот и все. Не стоит так переживать.

И платочком, хранившимся на объемистой груди, матушка промокнула щеки Дейзи, внезапно повлажневшие от слез. Дочка подняла на нее взгляд, выхватила платочек и шумно высморкалась в него, все еще всхлипывая. С некоторым недоумением миссис Хемпсток поняла, что Дейзи улыбается сквозь слезы.

— Но, матушка, ведь Дунстан меня *поцеловал!* — прошептала девушка и прицепила хрустальный подснежник себе на шляпку, где он продолжал звенеть и сверкать.

Потратив некоторое время на поиски, мистер Хемпсток и отец Дунстана добрались до лотка, где торговали хрустальными цветами. Там заправляла пожилая женщина, а возле нее сидела очень красивая экзотическая птица, прикованная к насесту тонкой серебряной цепочкой. Со старухой оказалось совершенно невозможно разговаривать — вместо того, чтобы рассказать,

что случилось с Дунстаном, она все сетовала о каком-то великолепном экземпляре из своей коллекции, проданном за бесценок, а также жаловалась на тяжелые времена, исполненные черной неблагодарности, и на негодных нынешних слуг.

В пустой деревне (кому придет в голову оставаться дома во время Волшебной Ярмарки?) Томми привел Дунстана в «Седьмую сороку» и усадил на деревянный табурет. Юноша тут же подпер лоб руками и так сидел молча, глядя в никуда, время от времени испуская тяжкие вздохи, похожие на шум ветра.

Томми Форестер попробовал его отвлечь. Он обращался к нему всеми возможными способами, приговаривая:

— Ну, давай, встряхнись, старина! Немного бодрости — вот что нам нужно, а ну-ка улыбнись, э? Может, хочешь чего-нибудь пожевать? Или выпить? Не желаешь? Что-то мне в тебе не нравится, Дунстан, дружище, что-то тут не так…

Однако вскоре, так и не добившись ответа, Томми заскучал по ярмарке, где, несомненно, именно сейчас (Томми сердито выпятил свою узкую нижнюю челюсть) за прелестной Бриджет Комфри увивался некий очаровательный высо-

кий господин в иноземной одежде, с лопочущей обезьянкой на плече. И уверив себя, что в пустом трактире друг будет в полной безопасности, Томми поспешно отправился назад, к отверстию в стене.

Когда Томми вернулся на луг, ярмарка гудела пуще прежнего: там и тут зрителей собирали кукольные представления, фокусники, танцующие звери, аукцион лошадей, всевозможные товары на продажу или обмен.

С наступлением сумерек на лугу появился новый, еще невиданный народец. Среди новичков затесался герольд, который выкрикивал новости, как современный газетчик — заголовки: «Повелитель Штормфорта страдает от загадочной болезни!», «Огненная Гора сдвинулась с места и приближается к Крепости Дюн!», «Оруженосец наследного принца Гарамонда превращен в хрюкающего пигвиггина[156]!». А за монетку разносчик новостей готов был рассказать каждую из этих историй в подробностях.

Солнце село, и высоко в небесах засияла огромная весенняя луна. Повеял холодный ветерок. Торговцы начали один за другим исчезать в сво-

---

[156] notes: 156
Пигвиггин — лесной эльф из английского фольклора. — *Примеч. пер.*

их палатках и фургонах, зазывая за собой гостей ярмарки обещаниями разнообразных чудес — за доступную цену, разумеется.

Наконец луна коснулась вершин деревьев на западе, и Дунстан Тёрн тихонько прокрался по мощеным улочкам Застенья. По дороге ему попалось немало весельчаков, как местных, так и приезжих, возвращавшихся по домам, но мало кто из них заметил юношу.

Дунстан проскользнул в отверстие в стене — до чего же она была толстая, эта стена! — и поймал себя на мысли, каково было бы пройтись по ее верху. Некогда подобные раздумья одолевали и его отца.

На ночном лугу за стеной Дунстану впервые в жизни пришла в голову забавная мысль — а что, если не останавливаться, пересечь луг и отправиться дальше, к темным деревьям на том берегу ручья? Эта идея развлекала его, хотя и доставляла неудобство, подобно забредшему в дом неожиданному гостю. Дойдя до назначенного места, Дунстан поспешно отделался от опасной мысли, как хозяин, который извиняется перед гостем и уходит к себе, бормоча оправдания о неотложных делах.

Луна садилась.

Дунстан прижал сложенные лодочкой руки ко рту и прокричал совой. Ответа не было; небо над головой приобрело странный оттенок — что-то среднее между синим и фиолетовым, но не черное, усыпанное невероятным множеством звезд.

Дунстан снова гукнул по-совиному.

— По-вашему, — строго сказала девица ему в самое ухо, — это похоже на сыча? Ни домовый, ни мохноногий сыч таких звуков не издает. Белая сова — еще куда ни шло, ну, в крайнем случае совка-сипуха. Будь у меня уши заткнуты веточками, я бы еще могла принять это за голос филина. Но сыч тут ни при чем.

Дунстан вздрогнул от неожиданности, однако тут же улыбнулся, хотя и глуповатой улыбкой. Волшебная девушка уселась рядом. Ее присутствие опьяняло. Дунстан дышал ее запахом, чувствовал ее присутствие каждой порой своей кожи. Она придвинулась ближе.

— Ты думаешь, что заколдован, а, красавчик Дунстан?

— Я не знаю.

Она расхохоталась, и смех ее был как плеск чистого родничка меж камней.

— Нет, красавчик, мой красавчик, никто и не думал насылать на тебя чары. — Девушка от-

кинулась на спину и теперь смотрела в ночное небо. — Ваши звезды, на что они похожи? — спросила она.

Дунстан улегся рядом с ней на холодную траву и тоже стал глядеть на небо. В звездах здесь и в самом деле было что-то странное: может, разные цвета, потому что они блестели, как драгоценные камешки… А может, высыпало больше маленьких звезд или созвездия изменили форму. В общем, что-то в звездах казалось необычным и потрясающим.

Они лежали бок о бок, глядя вверх.

— Чего ты хочешь в этой жизни? — спросила юная леди.

— Не знаю, — признался молодой человек. — Наверное, тебя.

— А я хочу вернуть свободу.

Дунстан потянулся к серебряной цепи, сбегавшей от ее запястья к лодыжке и терявшейся где-то в траве. Он потянул за цепочку, но она была крепче, чем казалась на вид.

— Ее сковали из кошачьего дыхания, рыбьей чешуи и лунного света с добавлением серебра, — объяснила девушка. — Совершенно неразрушимый сплав, пока не исполнятся условия заклятия.

— Ох, — пробормотал Дунстан, снова ложась в траву.

— Цепь мне почти не мешает, она ведь достаточно длинная. Но меня раздражает само ее наличие, к тому же я скучаю по земле моего отца. Да и старая колдунья — не самая лучшая хозяйка на свете…

Неожиданно девушка умолкла. Дунстан приподнялся на локте и потянулся рукой к ее щеке. Пальцы коснулись чего-то горячего и мокрого.

— Почему ты плачешь?

Девушка не ответила. Дунстан притянул ее к себе, тщетно пытаясь вытереть слезы своей широкой ладонью. А потом ее всхлипывающее лицо оказалось совсем близко, и юноша попробовал в порядке эксперимента поцеловать ее прямо в пылающие губы, до конца не уверенный, правильно ли поступает.

Помедлив не более мига, она раскрыла губы ему навстречу, и ее язычок скользнул ему в рот. И тогда, под странными звездами, Дунстан окончательно и бесповоротно потерял голову.

Ему уже случалось целоваться с деревенскими девушками, но дальше этого он ни разу не заходил.

Его руки нащупали маленькие груди под шел-

ком туники, коснулись твердых жемчужин сосков. Девушка вцепилась в него крепко, как утопающая, возясь с его рубашкой и штанами.

Она казалась такой маленькой — Дунстан боялся поранить ее или сломать. Но этого не случилось. Она извивалась и выгибалась под ним, часто дыша и направляя его собственной рукой.

Она запечатлела на его лице и груди не менее сотни бешеных поцелуев, а потом вдруг оказалась сверху, оседлала его, смеясь и задыхаясь, мокрая и скользкая, как рыбка, и Дунстан изгибался дугой, ликуя и сходя с ума, наполненный только ей, ей одной, и знай он ее имя — кричал бы его вслух.

В конце концов он хотел было выйти из нее, но она не отпустила его, обхватив ногами, и прижалась к нему так крепко, что юноша чувствовал, будто они двое занимают одно место во вселенной. Как если бы на один великолепный, всепоглощающий миг они стали единым существом, дающим и принимающим, как звезды, что сливаются с предрассветным небом.

Они лежали рядом, бок о бок.

Волшебная леди поправила свою шелковую тунику и снова обрела благопристойный вид. Дунстан не без сожаления натянул штаны и сжал

ее маленькую ручку в своей.

Пот постепенно высыхал на его коже, и делалось одиноко и холодно.

Небо медленно светлело, в сероватых отсветах рассвета Дунстан мог ясно разглядеть свою возлюбленную. Вокруг пробуждались звери: лошади переступали ногами, птицы заводили первые утренние песни. Спавшие в палатках тоже зашевелились и начали выходить наружу.

— Что ж, всего тебе хорошего, — тихо сказала девушка, глядя на него с легким сожалением глазами лиловыми, как перистые облака в высоком небе. И, нежно поцеловав юношу губами, напоминавшими на вкус спелую ежевику, она удалилась к цыганскому фургону.

Оставшись один, Дунстан потерянно шел через ярмарочный луг, чувствуя себя куда старше своих восемнадцати лет.

Он вернулся на сеновал, скинул башмаки и уснул, а проснулся, когда солнце уже стояло высоко в небесах.

На следующий день ярмарка окончилась, хотя Дунстан туда больше не возвращался. Чужаки разъехались, жизнь в Застенье вошла в привычную колею — хотя она и оставалась, пожалуй, менее обычной, чем в большинстве деревень

(особенно когда ветер дул не с той стороны), но все же, если поразмыслить, сделалась обычной в достаточной степени.

Спустя две недели Томми Форестер сделал предложение Бриджет Комфри, и та ответила согласием. Прошла еще неделя, и миссис Хемпсток явилась поутру навестить миссис Тёрн. Они уселись в гостиной пить чай.

— Да, повезло мальчику Форестеров, — сказала миссис Хемпсток.

— Полностью с вами согласна, — кивнула миссис Тёрн. — Возьмите еще печенье, дорогая. Думаю, ваша Дейзи будет подружкой невесты?

— Хочется надеяться, — вздохнула миссис Хемпсток. — Если, конечно, она до этого доживет.

Миссис Тёрн встревоженно вскинула глаза.

— Только не говорите мне, что она больна, миссис Хемпсток! Это было бы просто ужасно.

— Она ничего не ест, миссис Тёрн. Угасает на глазах. Только иногда удается уговорить бедняжку выпить глоток воды.

— Ах, Боже мой!

— Вчера ночью, — продолжала миссис Хемпсток, — я узнала причину ее болезни. Это ваш Дунстан.

— Дунстан? Не говорите мне, что… — И миссис

Тёрн в ужасе прикрыла рот ладонью.

— О, конечно же, нет, — поспешно замотала головой миссис Хемпсток и поджала губы. — Ничего подобного. Он обидел мою дочь невниманием. Она не видела его уже бог знает сколько дней. Бедная девочка решила, что ему больше нет до нее дела, так что она лежит в постели и плачет, не выпуская из рук подснежник, который он ей подарил.

Миссис Тёрн насыпала в чайник еще заварки и добавила кипятку.

— Сказать по правде, — призналась она, — мы со стариком Терни сами волнуемся насчет Дунстана. Он… несколько *не в себе,* вот самое подходящее выражение. Совершенно запустил работу. Терни, помнится, говорил, что мальчику нужно время, чтобы прийти в себя. Если он наконец вздумает прийти в себя, Терни собирается отдать ему в собственность все западные луга.

Миссис Хемпсток медленно кивнула.

— Хемпсток отнюдь не прочь видеть нашу Дейзи счастливой и радостной. Он собирается дать в приданое девочке целое стадо овец.

Овцы Хемпстоков считались лучшими на много миль вокруг: тонкорунные, умные (по овечьей мерке, конечно), с витыми рогами и острыми

копытцами. Миссис Хемпсток и миссис Тёрн допили свой чай — и таким образом дело было решено.

Дунстан Тёрн женился на Дейзи Хемпсток в июне. И если жених и выглядел несколько отстраненным, зато невеста лучилась радостью и была так мила, как только можно ожидать от невесты.

За спинами молодоженов их отцы обсуждали план постройки на восточном лугу новой фермы для молодой семьи. Матери единодушно соглашались, что Дейзи сегодня просто прелесть, и дружно жалели, что Дунстан не позволил ей приколоть на грудь хрустальный подснежник, его собственный подарок с ярмарки в конце апреля.

Тут-то мы и распрощаемся с Дунстаном и Дейзи, пока они стоят в опадающем облаке розовых лепестков — алых и белых, желтых и малиновых.

Или — почти распрощаемся.

Пока строилась новая ферма, они жили в домике Дунстана и в самом деле были весьма счастливы. А необходимость ухаживать за овцами, пасти их, стричь, кормить и лечить — все эти повседневные заботы мало-помалу изгнали из глаз Дунстана отсутствующий взгляд.

Наступила осень, потом зима. В конце февраля, когда овцам время ягниться, когда стояли холода

и злой ветер завывал на вересковых пустошах, проносясь меж нагих деревьев леса, а ледяные дожди беспрестанно лились со свинцово-серых небес, в шесть часов вечера, после захода солнца, в почти полной темноте кто-то вытолкнул из отверстия в стене плетеную корзину. Стражи, стоявшие по обе стороны бреши, сперва ее не заметили. В конце концов, они смотрели не в ту сторону, да и вокруг было темно и сыро.

И вдруг откуда-то послышался тоненький писклявый плач.

Только тогда стражи посмотрели под ноги — и увидели на земле корзинку. В ней лежал небольшой сверток. Сверток из шерстяных пеленок и промасленного шелка, откуда выглядывало красное зареванное личико с вытаращенными глазками и разинутым ртом, громко вопящим и голодным.

К пеленке младенца серебряной булавкой был приколот обрывок пергамента, на котором красовалась надпись изящным, хотя и немного старомодным почерком:

Тристран Тёрн

Глава вторая,
в которой Тристран Тёрн вырастает и дает опрометчивое обещание

Прошли годы.

Следующая Волшебная Ярмарка состоялась точно по расписанию по ту сторону стены. Маленького Тристрана Тёрна, восьми лет от роду, на ярмарку не взяли. На это время мальчика приютили у себя дальние родственники из деревни в дне пути от Застенья.

Его сестренка, Луиза, была младше на полгода, однако ей позволили присутствовать на веселом торжище вместе со взрослыми — и из-за этого Тристран пресильно страдал. К тому же Луиза принесла с ярмарки стеклянный шар, изнутри наполненный искорками, которые вспыхивали и сверкали в темноте, освещая теплым нежным светом детскую спальню на ферме, в то время как бедняга Тристран не привез от родственников ничего, кроме кори.

Вскоре после этого кошка Тёрнов родила трех котят: двух черно-белых, как она сама, и третьего — совсем маленького, с голубовато-серой

шерсткой и глазами, которые меняли цвет в зависимости от настроения зверька: от зелено-золотистого до оранжевого, красноватого и даже алого.

Голубого котенка подарили Тристрану, чтобы немного утешить его после ярмарки. Это была кошечка, росла она медленно и казалась хозяину самой лучшей на свете. Но однажды вечером она начала нетерпеливо метаться по дому с громким мяуканьем, подвывая и сверкая глазами, алыми от волнения, как цветки наперстянки. Когда отец Тристрана вернулся домой после работы в поле, кошка взвыла и, проскользнув у него между ног, выскочила за дверь и скрылась в сумерках.

В обязанности стражей у стены входило не пропускать на ту сторону людей, но не кошек; и Тристран, которому тогда сровнялось двенадцать, больше никогда не видел своей любимицы. Некоторое время он оставался безутешен. Однажды ночью к нему в спальню пришел отец и, присев на край сыновней кровати, грубовато сказал:

— Ей там будет лучше, по ту сторону. С ее настоящим народом. Так что не раскисай понапрасну, парень.

Мать Тристрану ничего не сказала — она вообще редко с ним разговаривала. Куда чаще

мальчик замечал, что она внимательно на него смотрит, будто пытаясь извлечь из его внешности ответ на какую-то загадку.

По этому поводу сестренка Луиза частенько поддразнивала мальчика по утрам по дороге в школу. Она все время дразнила брата за что ни попадя, например, за форму ушей (левое ухо у Тристрана было обычное, а вот правое, слегка заостренное, плотно прилегало к голове) и за глупости, которые ему случалось говорить. Например, однажды он сказал ей, что маленькие пышные облачка на горизонте, которые дети как-то раз заметили по дороге из школы, — вовсе не облака, а овцы. Тристану не помогли попытки объяснить впоследствии, что он имел в виду всего только сходство облаков с овечками, что они напомнили ему овец своей пушистостью и белизной… Луиза хохотала, дразнила его и издевалась, как маленький гоблин. Что еще хуже, она рассказала шутку другим детям и подучила их бормотать «бе-бе», едва завидев неподалеку Тристрана. Прирожденной подстрекательнице Луизе такие забавы доставляли немало радости.

Деревенская школа была вовсе не плоха, и под руководством наставницы миссис Черри Тристран Тёрн узнал многое о дробях, о широтах и

долготах, мог по-французски попросить тетушку садовника и даже свою собственную тетушку передать ему ручку, выучил всех королей и королев Англии, от Вильгельма Завоевателя до Виктории. Он любил читать, а в письме достиг успехов настоящего каллиграфа. В деревне редко бывали люди со стороны, но иногда в Застенье заезжал бродячий торговец, который продавал «сенсационные романы ужасов» по пенни штука — жуткие истории о небывалых убийствах, роковых встречах, таинственных злодеяниях и великих побегах. Большинство подобных коробейников также торговали песенниками, по две штуки на пенни, и семейные люди брали их нарасхват, чтобы потом собираться вокруг пианино и хором исполнять песни вроде «Спелой вишни» или «В отцовском саду».

Так проходил день за днем, неделя за неделей, а также год за годом. В возрасте четырнадцати лет, в стремительном процессе осмоса, характерном для этого возраста, из грязных шуток, чужих секретов и непристойных баллад Тристран узнал о сексе. Когда ему сровнялось пятнадцать, он вывихнул руку при падении с высокой яблони, росшей напротив дома мистера Томаса Форестера, а если быть точнее — напротив окна спальни

мисс Виктории Форестер. К глубокому сожалению Тристрана, он успел разглядеть только что-то розовое и дразнящее — предположительно саму Викторию, которая только что вошла. Она была ровесницей сестры Тристрана — и, несомненно, самой красивой девушкой на сотни миль вокруг.

К тому времени, как Виктории и Тристрану исполнилось по семнадцать, она, несомненно, достигла, по его мнению, статуса самой красивой девушки на Британских островах. Тристран мог даже настаивать на ее первенстве во всей Британской Империи, если не в целом мире, и врезал бы (или изготовился врезать) каждому, кто посмеет с этим спорить. Однако в Застенье мало кто желал оспаривать подобное утверждение; когда Виктория шла по улице, вслед ей оборачивалось множество голов, и о ее красоту разбилось не одно сердце.

Вот вам ее краткое описание. От матери девушка унаследовала серые глаза и личико сердечком, а от отца — вьющиеся каштановые волосы. Ее алые губки были совершенной формы; на щеках, когда она говорила, разгорался нежный румянец. Бледность кожи ее совершенно не портила, напротив — придавала особое очарование. В шестнадцать лет Виктория выдержала яростную

битву с матерью, так как девушке взбрело в голову поработать в «Седьмой сороке». «Я все обсудила с мистером Бромиосом, — заявила она, — и лично у *него* нет возражений».

«Что там себе считает мистер Бромиос, — отвечала ей мать, бывшая Бриджет Комфри, — не имеет никакого значения. Прислуживать в трактире — совершенно неприличное занятие для юной леди».

Все Застенье с интересом следило за ходом сражения и делало ставки, потому что до сих пор никому не удавалось переспорить Бриджет Комфри: ее язычком, по словам односельчан, можно было соскоблить краску с амбарной двери и содрать кору с живого дуба. Во всей деревне не было смельчака, который согласился бы сойтись на узенькой дорожке с Бриджет Форестер. Говорили, что скорее уж стена сдвинется с места, нежели миссис Форестер уступит в споре.

Однако Виктория Форестер привыкла добиваться своего, и если все остальные средства были исчерпаны, у нее всегда оставалось последнее: воззвать к отцу — и он немедленно давал любимой дочери что она хотела. Но тут даже Виктории пришлось удивиться, потому что отец в кои-то веки согласился с женой, сообщив девушке, что

работа в баре «Седьмая сорока» не подходит для благовоспитанной леди. После какового заявления Томас Форестер выдвинул вперед нижнюю челюсть, и вопрос был исчерпан.

Не было в деревне ни одного мальчишки, который избежал бы влюбленности в Викторию Форестер. Взрослые солидные джентльмены, счастливо женатые, с сединой в бородах, и те оглядывались, когда она проходила по улице, и на несколько секунд превращались в легконогих сатиров.

— Говорят, среди твоих поклонников числится сам мистер Мандей, — сообщила Луиза Тёрн Виктории Форестер однажды майским днем в яблоневом саду.

Пятеро девочек устроились рядком на удобном сиденье, которое само собой образовалось в развилке ствола старой яблони. Когда налетал майский ветерок, розовые яблоневые лепестки сыпались, как снег, девицам на волосы и в подолы юбок. Послеполуденное солнце сияло сквозь листву зеленым серебром и золотом.

— Мистеру Мандею сорок пять, — презрительно фыркнула Виктория. По выражению ее лица ясно читалось, что, когда тебе семнадцать, сорок пять лет — это глубокая старость.

— Кроме того, — заметила кузина Луизы, Сесилия Хемпсток, — он уже однажды был женат. Я бы не хотела выйти замуж за мужчину, который женится во второй раз. Все равно что доверить постороннему человеку объезжать твоего собственного пони.

— А мне лично кажется, — добавила Амелия Робинсон, — у брака с вдовцом все-таки есть *одно* преимущество. Кто-то другой уже сгладил острые углы до тебя; объездил его, если хочешь. И еще к такому возрасту у мужчин плотское вожделение давно угасает, а значит, молодой жене не грозят особенные неприятности и унижения.

В вихре яблоневого цвета послышалось сдержанное хихиканье.

— И все-таки, — поразмыслив, изрекла Люси Пиппин, — это неплохая штука — жить в большом доме, раскатывать в экипаже, запряженном четверкой лошадей, а летом выезжать в Лондон, или в Бат на воды, или в Брайтон купаться в море… хотя мистеру Мандею и сорок пять лет.

Остальные девчонки заверещали и принялись осыпать ее лепестками, и никто не визжал громче и не бросал больше лепестков, чем Виктория Форестер.

Тристран Тёрн, будучи в возрасте семнадцати

лет и на полгода старше Виктории, наполовину проделал путь от мальчика к мужчине и в обоих ролях чувствовал себя одинаково неуютно. Наиболее выдающимися частями его внешности казались острые локти и кадык. Волосы ему от природы достались русые, цвета мокрой соломы, и всегда топорщились в разные стороны, как он ни старался их пригладить гребнем или водой.

Был Тристран болезненно застенчив, что по примеру многих болезненно застенчивых людей компенсировал излишней шумностью в самые неподходящие моменты. Частенько он делался самодоволен, как и любой семнадцатилетний юнец, перед которым, по его мнению, лежит весь мир. Иногда Тристран мечтал: работая в поле или стоя за высоким прилавком деревенского магазина «Мандей и Браун», он воображал себя мчащимся на поезде в Лондон или Ливерпуль или пересекающим бескрайние воды Атлантики на пути в Америку. И там, в далеких землях, среди дикарей, в мечтах он сколачивал огромное состояние.

Временами ветер дул с той стороны стены, принося запах мяты, тимьяна и красной смородины, и тогда огонь в деревенских каминах начинал испускать язычки странного цветного пламени.

Когда дул этот ветер, отказывались работать даже простейшие приспособления, к примеру, фонари и серные спички. В такие дни обычные мечты Тристрана сменялись путаными фантазиями о странствиях по опасным лесам, о принцессах, заключенных в башни, о рыцарях, троллях и русалках. Когда на Тристрана находило подобное настроение, он в одиночку уходил из дома и подолгу лежал на траве, глядя в звездное небо.

Мало кто из нас видел звезды такими, как народ тех дней: в наших городах по ночам слишком много света. Но для жителей Застенья звезды сияли, будто иные миры или мечты, бессчетные, как деревья в лесу или листья на дереве. Тристран смотрел в мерцающую темноту небес, пока разум его совершенно не опустошался, и тогда он шел домой, падал на кровать и засыпал как убитый.

Нескладное, долговязое создание с огромным внутренним потенциалом, он был бочкой динамита, ожидающей, что некто или нечто однажды подожжет фитиль; но этого все не происходило, и по вечерам Тристран помогал отцу на ферме, а днем работал на мистера Брауна приказчиком в «Мандей и Браун».

«Мандей и Браун» — так назывался деревенский магазин. На складе там хранилось много

товаров повседневного спроса, но большую часть доходов магазин получал с помощью списков. Деревенские жители вручали мистеру Брауну списки того, что им нужно, от мясных консервов до лекарств для овец, от рыбных ножей до каминной плитки; приказчик составлял большой общий перечень заказов, который мистер Мандей брал с собой, запрягал подводу двумя рослыми лошадьми и ехал в ближайший город графства. Возвращался он через несколько дней, до отказа набив экипаж надобными товарами.

Был холодный и ветреный вечер в конце октября, в один из дней, когда дождь все время собирается, но толком так и не идет. Виктория Форестер вошла в магазин «Мандей и Браун», неся листок, исписанный аккуратным почерком ее матери. Девушка позвонила в колокольчик у прилавка, желая, чтобы ее обслужили.

Когда из боковой двери вышел Тристран Тёрн, она, кажется, немного огорчилась.

— Добрый вечер, мисс Форестер.

Девушка сдержанно улыбнулась в ответ и протянула Тристрану свой список. Он гласил:

½ фунта саго
10 коробок сардин

1 бутылка грибного кетчупа
5 фунтов риса
1 банка светлой патоки
2 фунта смородины
1 бутылка кошенили
1 фунт леденцов
1 шиллинговая коробка какао от Раунтри
3 коробки полировки для ножей от Оуки
6 коробок ваксы «Брунсвик»
1 упаковка желатина от Суинборна
1 бутылка мебельной мастики
1 половник
1 дуршлаг (за девять пенсов)
1 стремянка

Тристран прочитал список, выискивая в нем тему для разговора: ему очень хотелось обменяться с девушкой хоть парой фраз.

Словно со стороны он услышал собственный голос:

— Похоже, у вас собираются готовить рисовый пудинг, мисс Форестер.

Едва выговорив эти слова, он тут же осознал их глупость и неуместность. Виктория поджала

свои красивые губки, взмахнула длинными ресницами и отвечала:

— Да, Тристран. У нас собираются готовить рисовый пудинг.

И добавила, улыбнувшись:

— Матушка считает, что рисовый пудинг — лучшее средство для предупреждения простуды и прочих осенних болезней.

— А моя матушка, — признался Тристран, — всегда делает ставку на пудинг из тапиоки.

Он насадил список на специальный штырь на прилавке.

— Большинство заказов мы можем доставить вам завтра утром, а остальное — в начале следующей недели, когда мистер Мандей поедет в город.

Порыв ветра промчался по деревне — такой сильный, что стекла в окнах задребезжали, а флюгера на крышах закрутились как сумасшедшие, уже не в силах отличить север от запада и восток от юга.

Огонь, горевший в камине в «Мандей и Браун», подпрыгнул и заиграл зелеными и красными языками, сверкая серебряными искрами, — так бывает, если бросить в пламя пригоршню железных опилок.

Ветер дул с востока, из Волшебной Страны, и Тристран Тёрн внезапно почуял прилив небывалой отваги, какой он в себе и не предполагал.

— Знаете что, мисс Форестер, — сказал он, — я освобожусь через несколько минут. Может быть, вы позволите проводить вас до дома? Мне ведь с вами почти по пути.

Он ожидал ответа, чувствуя, что сердце бьется у него где-то в горле. Немало позабавленная Виктория смотрела на него большими серыми глазами. Лет через сто, не меньше, она наконец ответила:

— Хорошо.

Тристран помчался в кабинет мистера Брауна и сообщил ему, что уходит домой сейчас же. Тот не особенно возражал, хотя добавил недовольно, что когда *он,* мистер Браун, был моложе, он не только задерживался в магазине до позднего вечера и уходил последним, но частенько оставался ночевать под прилавком, используя вместо подушки свое пальто.

Юноша согласился, что в таком случае ему, Тристрану, крупно повезло, и пожелал мистеру Брауну доброй ночи. После чего схватил собственное пальтецо с вешалки, а новую шляпу-котелок — со шляпной стойки, и выскочил на улицу, где на мостовой его поджидала Виктория Форестер.

Осенние сумерки сгущались быстро, и пока молодые люди шли рядом, вечер успел превратиться в раннюю ночь. Тристран чувствовал в воздухе отдаленный запах зимы — смесь ароматов ночного тумана, первых заморозков и палой листвы.

Они шагали извилистой дорожкой по направлению к ферме Форестеров; в небе висел узкий серп луны, во тьме пылали огромные звезды.

— Виктория… — через некоторое время начал Тристран.

— Да, Тристран, — отозвалась девушка, которая, согласившись на прогулку, успела подготовиться ко многому.

— Ты не сочтешь за наглость с моей стороны, если я тебя поцелую?

— Сочту, — холодно отрезала Виктория. — И за очень большую наглость.

— А-а, — ответил Тристран.

Они поднялись на холм в полном молчании. С вершины холма были хорошо видны огоньки Застенья; теплые окошки, за которыми горели свечи и лампы, казались уютными и манящими. А над головами молодых людей сверкали мириады звездных огней, они вспыхивали и пылали ледяным пламенем, страшно далекие, неохват-

ные для человеческого ума.

Тристран взял маленькую ладошку Виктории в свою. И девушка не отняла руки.

— Ты видел? — спросила она, указывая куда-то вперед.

— Ничего я не видел, — признался Тристран. — Потому что смотрел только на тебя.

Виктория улыбнулась в лунном свете.

— Ты — самая прекрасная женщина в мире, — сказал Тристран со всем пылом юного сердца.

— Не забывайся, — ответила Виктория — но тон ее казался вполне благосклонным.

— Что ты видела? — спросил Тристран.

— Как упала звезда. В это время года звезды довольно часто падают.

— Викки, — попросил юноша, — ты не поцелуешь меня?

— Нет, — ответила девушка.

— Но ведь ты целовала меня, когда мы были младше. Ты поцеловала меня под Дубом Пожеланий на свое пятнадцатилетие. И в последний Майский праздник ты меня поцеловала — помнишь, за сараем твоего отца…

— Тогда я была совсем другой, — пожала плечами Виктория. — И больше не собираюсь тебя целовать, Тристран Тёрн.

— Если не хочешь целоваться просто так, выходи за меня замуж, — выпалил Тристран.

На холме воцарилось молчание, только шумел октябрьский ветер. Потом тишину нарушил звенящий звук: это смеялась от удовольствия весьма польщенная девушка, первая красавица Британских островов.

— Замуж? За тебя? — спросила она, перестав смеяться. — С чего бы мне выходить за тебя замуж, Тристран Тёрн? Что ты можешь мне дать?

— Что я могу? — воскликнул юноша. — Если хочешь, ради тебя, Виктория Форестер, я отправлюсь в Индию и привезу тебе слоновые бивни, и жемчужины с ноготь большого пальца, и рубины размером с голубиное яйцо! Или уплыву в Африку и привезу оттуда алмазы величиной с крикетный шар, а еще отыщу исток Нила и назову его в твою честь! Я поеду в Америку, в Сан-Франциско, на золотые прииски, и не вернусь, пока не добуду столько золота, сколько ты весишь! Тогда я доставлю это золото сюда и сложу к твоим ногам. По твоему слову я доберусь до крайнего севера и буду убивать там огромных белых медведей, а их шкуры пришлю тебе.

— У тебя неплохо получалось, — сказала Виктория, — пока дело не дошло до белых медведей.

Даже перебей ты их целую сотню, я все равно не стала бы тебя целовать, деревенский дурачок, мальчишка на побегушках! И замуж за тебя я тоже не выйду.

Глаза Тристрана сверкали в лунном свете.

— Тогда я отправлюсь ради тебя в далекий Китай и привезу оттуда огромный сундук, отбитый у пиратов, полный самоцветов, шелка и опиума! Я поеду в Австралию, на самый край света, и привезу оттуда… гм… — Тристран поспешно перебрал в уме прочитанные «сенсационные романы», стараясь вспомнить, заносило ли кого-либо из их героев в Австралию. — И привезу тебе кенгуру, — сказал он наконец. И добавил: — А еще гору опалов.

Насчет опалов он был почти уверен. Виктория Форестер сжала его руку.

— И что же я буду делать с кенгуру? — спросила она. — Знаешь, нам надо бы поспешить, а то мои родители начнут волноваться, строить догадки — и наверняка придут к неправильным выводам. Потому что я не целовалась с тобой, Тристран Тёрн.

— Так поцелуй меня сейчас, — взмолился он. — Я что угодно отдам за твой поцелуй, влезу на любую гору, переплыву самую глубокую реку,

перейду целую пустыню!

Юноша взмахнул рукой, широким жестом указывая на деревню Застенье под холмом и в ночное небо над головой. В созвездии Ориона, низко над восточным горизонтом, ярко вспыхнула и упала звезда.

— Ради твоего поцелуя и дабы добиться твоей руки, — велеречиво изрек Тристран, — я готов принести тебе эту упавшую звезду.

Он вздрогнул от холода. Тонкое пальтецо продувалось насквозь, и было уже совершенно ясно, что поцелуя Тристрану не получить. Такая незадача ставила его в тупик. У мужественных героев «сенсационных романов» никогда не возникало проблем с поцелуями.

— Ну хорошо, давай, — сказала Виктория. — Если сумеешь, я согласна.

— Что? — не понял Тристран.

— Если ты принесешь мне звезду, — продолжала Виктория, — да, именно ту самую, что сейчас упала, а не другую, — тогда я поцелую тебя. Смотри, как удачно для тебя все складывается: не нужно ехать ни в Австралию, ни в далекий Китай.

— Что? — снова переспросил Тристран.

Тогда Виктория рассмеялась ему в лицо, отняла

свою руку и зашагала вниз с холма к ферме отца. Тристран бросился ей вдогонку.

— Ты серьезно говоришь?

— Конечно. Настолько же серьезно, как ты — свои длинные речи о рубинах, золоте и опиуме, — отозвалась девушка. — Что вообще такое этот опиум?

— Его добавляют в микстуру от кашля, — объяснил Тристран. — Вроде эвкалипта.

— Да уж, звучит не особенно романтично, — усмехнулась Виктория Форестер. — Так что же, ты собираешься идти за обещанной звездой? Она упала где-то на востоке, вон там. — Девушка вновь рассмеялась. — Глупый мальчишка на побегушках! Все, на что ты годен, — это доставлять нам продукты для рисового пудинга.

— А если я принесу тебе упавшую звезду? — нарочито небрежно спросил Тристран. — Что я получу от тебя в награду? Поцелуй? Или руку и сердце?

— Все, что захочешь, — весело сказала Виктория.

— Клянешься?

Они уже были в ста ярдах от фермы Форестеров. Окна горели светом многих ламп, желтым и оранжевым.

— Конечно, — ответила Виктория и улыбнулась.

Тропинка к дому Форестеров по осени превращалась в сплошную грязь, намешанную копытами лошадей, коров и овец. Тристран Тёрн встал на колени в эту грязь, не жалея ни пальто, ни шерстяных штанов.

— Я принимаю твою клятву, — сказал он. Снова подул ветер с востока.

— Позвольте с вами распрощаться, моя леди, — изрек Тристран Тёрн. — Меня призывают неотложные дела на востоке.

Он встал, не замечая, что колени и полы пальто покрыты грязью, и низко поклонился девушке, сняв перед ней шляпу.

Виктория Форестер засмеялась над тощим мальчишкой, приказчиком из магазина, и хохотала она долго и весело. Тристран слышал за спиной серебряный звон ее смеха, пока спускался с холма.

Всю дорогу до дома юноша проделал бегом. Кусты ежевики вцеплялись в полы пальто колючими ветками, а какой-то зловредный сучок сбил ему шляпу с головы.

Наконец, запыхавшийся и грязный, он ввалился в кухню родительского дома на западном

лугу.

— Ты только посмотри на себя! — воскликнула мать. — Что у тебя за вид? Как ты мог!

Сын лишь улыбнулся ей в ответ.

— Тристран, — сказал отец, который в свои тридцать пять лет оставался все таким же высоким и веснушчатым, хотя в коричневых волосах у него появились седые ниточки. — Ты что, не расслышал? С тобой разговаривает твоя мать.

— Папа, мама, извините, — сообщил Тристран, — но я сегодня вечером ухожу. Некоторое время меня не будет в деревне.

— Что за чушь! — отозвалась Дейзи Тёрн. — Никогда не слышала подобной белиберды.

Но Дунстан Тёрн внимательно посмотрел сыну в глаза и обратился к жене.

— Позволь мне с ним поговорить, — сказал он. Супруга бросила на него яростный взгляд, однако все-таки кивнула.

— Прекрасно! Меня одно интересует: кому придется зашивать пальто, порванное этим мальчишкой?

И она стремительно удалилась из кухни. Огонь в камине поблескивал зеленым и лиловым, с серебряными всполохами.

— И куда же ты идешь? — спросил Дунстан.

— На восток, — ответил его сын.

На восток. Отец медленно покивал. В Застенье было два востока — просто восток, то есть соседнее графство, и *восток* — по ту сторону стены. Дунстан Тёрн без лишних расспросов понимал, который восток имеет в виду сын.

— Ты собираешься вернуться?

Тристран широко улыбнулся.

— Да, конечно.

— Хорошо, — сказал его отец. — Тогда все нормально. — Он почесал нос. — Ты уже решил, как именно проникнешь за стену?

Тристран помотал головой.

— Думаю, как-нибудь само образуется. Если придется, я проложу себе дорогу силой.

Дунстан хмыкнул.

— Ничего подобного ты делать не будешь. Ты только представь, например, меня — или себя — на месте стражей! Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. — Он снова задумчиво почесал нос. — Иди собирай вещи и поцелуй маму на прощание, а я провожу тебя через деревню.

Тристран собрал дорожный чемоданчик, куда отправились и принесенные матерью запасы: шесть зрелых красных яблок и каравай хлеба домашней выпечки, а также круг свежего сыра.

Миссис Тёрн почему-то не смотрела Тристрану в глаза. Он поцеловал ее в щеку и попрощался, после чего вышел за дверь в сопровождении отца.

Впервые Тристран стоял на страже у стены, когда ему исполнилось шестнадцать. Тогда ему дали всего одну инструкцию: задача караульного состоит в том, чтобы всеми возможными средствами не пропускать через отверстие никого со стороны Застенья.

Шагая рядом с отцом, Тристран дивился, что бы тот мог придумать. Может быть, вдвоем удастся одолеть стражей? А может, отец решил отвлечь их каким-нибудь хитрым способом, в то время как Тристран быстренько проскочит в брешь… А может…

К тому времени, как они дошли до стены, Тристран уже проиграл в воображении все возможные варианты — кроме того единственного, который случился на самом деле.

Тем вечером на страже у стены стояли Гарольд Кратчбек и мистер Бромиос. Гарольд, сын мельника, крепкий молодой парень, был на несколько лет старше Тристрана. Волосы мистера Бромиоса оставались все такими же черными и вьющимися, а глаза — зелеными, от него исходил аромат винограда и виноградного сока, ячменя и хмеля.

Дунстан Тёрн направился прямо к мистеру Бромиосу и встал перед ним. Тот переступал с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть.

— Добрый вечер, мистер Бромиос. Добрый вечер, Гарольд, — сказал Дунстан.

— Здрасьте, мистер Тёрн, — отозвался Гарольд Кратчбек.

— Добрый вечер, Дунстан, — сказал мистер Бромиос. — Надеюсь, у тебя все в порядке.

Дунстан подтвердил, что так оно и есть. Они немного поговорили о погоде и сошлись во мнении, что для фермеров она не слишком-то удачна и что судя по количеству ягод на тисах и падубах зима предстоит холодная и долгая.

Тристран, слушая их разговор, едва не лопался от нетерпения, но старательно держал язык за зубами.

Наконец отец перешел к делу.

— Мистер Бромиос, Гарольд, если не ошибаюсь, вы оба знакомы с моим сыном Тристраном?

Тристран нервно приподнял свою шляпу.

И тут отец сказал нечто совершенно непонятное:

— Думаю, вы оба знаете, откуда он пришел.

Мистер Бромиос молча кивнул.

Гарольд Кратчбек ответил, что люди разное

говорят и вряд ли хотя бы половина пересудов заслуживает внимания.

— Так вот это правда, — объяснил Дунстан. — И теперь пришло ему время вернуться обратно.

— Все дело в звезде… — начал было Тристран, но отец знаком велел ему замолчать.

Мистер Бромиос потер подбородок и взъерошил пятерней свои черные кудри.

— Хорошо, — сказал он наконец. После чего развернулся к Гарольду и тихо поговорил с ним. Тристран не расслышал ни слова.

Отец вложил ему в руку что-то маленькое и холодное.

— Что же, ступай, парень. Ступай и возвращайся со своей звездой, и да хранит тебя Господь и все Его ангелы!

Мистер Бромиос и Гарольд Кратчбек, стражи ворот, расступились, пропуская молодого человека.

Тристран шагнул через отверстие меж каменных глыб стены — и оказался на лугу по ту сторону.

Оглянувшись, он увидел троих мужчин, обрамленных аркой прохода, и снова подивился, почему ему так просто позволили пройти.

Держа в одной руке чемоданчик с поклажей, а в другой — вещицу, которую дал ему отец, Три-

стран Тёрн зашагал вверх по пологому склону, по направлению к лесу.

Он шел, и ночной холод с каждым шагом будто бы слабел. Уже оказавшись в лесу на вершине холма, Тристран вдруг с изумлением заметил, что в просвет меж ветвей прямо на него светит яркая луна. Юноша был немало удивлен, потому что луна вообще-то села уже час назад; и удивился вдвойне, осознав, что зашедшая луна была узеньким серпом, а сквозь ветви на него светит полный золотой диск.

Вдруг холодная вещица в его кулаке тонко зазвенела хрустальным мелодичным звоном, будто колокола крохотной стеклянной церквушки. Тристран раскрыл ладонь и поднял отцовский подарок к свету.

Это был подснежник, целиком сделанный из стекла.

Лица коснулся порыв теплого ветра, принесшего запах мяты, смородиновых листьев и спелых, сочных слив. Тристран впервые понял, как удивительно все, что с ним происходит. Он шел по Волшебной Стране в поисках упавшей звезды, не имея ни малейшего представления, где и как ее искать — и вообще что делать, когда силы иссякнут. Юноша оглянулся, не зная, увидит ли

он когда-нибудь еще горящие за спиной огоньки Застенья, уже едва заметные в тумане, но все такие же манящие.

И понял, что, если он развернется и пойдет обратно, никто никогда его за это не упрекнет — ни отец, ни мать; и даже Виктория Форестер при следующей встрече не станет смеяться над ним и обзывать мальчишкой на побегушках и отпускать шуточки о том, как трудно искать упавшие звезды.

Мгновение он колебался.

Но потом подумал о губах Виктории, о ее серых глазах, о том, какой серебристый у нее смех, распрямил плечи и вставил хрустальный подснежник в петельку для верхней пуговицы, теперь уже расстегнутой. Слишком невежественный, чтобы бояться, и слишком юный, чтобы благоговеть, Тристран Тёрн зашагал по уже известным нам полям…

…в глубь Волшебной Страны.

Глава третья,
в которой мы встречаем некоторых других персонажей, в том числе и ныне здравствующих, и узнаем кое-что об упавшей звезде

Крепость Штормфорт была воздвигнута на высочайшем пике горы Гуон первым лордом Штормфорта, который правил с конца Первой Эпохи до начала Второй. Следующие повелители Штормфорта все время увеличивали крепость, отчасти перестраивали и расширяли, пока она не достигла своего нынешнего состояния — вгрызшийся в небо скальный пик серого гранита, похожий на покрытый причудливой резьбой клык огромного зверя. Штормфорт возносился в небеса, туда, где собирались грозовые облака, прежде чем спуститься в нижние слои воздуха и пролиться дождем, неся на землю опустошающие бури и молнии.

Восемьдесят первый лорд Штормфорта лежал при смерти в личных покоях, выбитых в камне самой высокой скалы, как дупло в больном зубе. В землях по ту сторону стены тоже есть смерть,

как и везде.

Умирающий призвал к себе сыновей — и они явились все, и живые, и мертвые, вздрагивая от холода в ледяных гранитных чертогах. Они собрались вокруг отцовского ложа и почтительно ждали: живые по правую руку, мертвые — по левую.

Четверо из сыновей лорда были мертвы: Секундус, Квинтус, Квартус и Секстус; они стояли неподвижными серыми фигурами, бесплотными и молчаливыми.

Живых сыновей насчитывалось трое: Праймус, Терциус и Септимус. Они с некоторой неловкостью топтались справа, переминаясь с ноги на ногу и почесываясь, словно стесненные молчаливым присутствием мертвых братьев. Они ни разу не взглянули в сторону покойных, притворяясь изо всех сил, будто, кроме них и отца, нет никого в этих холодных покоях, где в окна — огромные отверстия в граните — задували ледяные ветра. Отец не знал, почему живые сыновья решили игнорировать мертвых родичей: потому ли, что не видели их, или из нелюбви к призракам, или из-за боязни разоблачения, или из чувства вины — ведь некогда они сами убили своих братьев, каждый — по одному, кроме Септимуса, который

прикончил двоих: Квинтуса и Секстуса. Первого он отравил блюдом из угря в остром соусе, а второго попросту столкнул в пропасть, когда они вдвоем любовались сверкавшей далеко внизу грозой.

Раньше восемьдесят первый лорд надеялся, что ко времени его кончины из молодых принцев в живых останется только один, а остальные умрут. Тогда единственный выживший и станет восемьдесят вторым лордом Штормфорта и повелителем Высоких Скал; в конце концов, несколько веков назад сам он точно таким же образом взошел на престол.

Но нынешняя молодежь обленилась, прежнего пыла и настойчивости почти не осталось, ничего общего с энергичным и напористым юношеством прежних времен…

Ах да, кто-то что-то говорил. Восемьдесят первый лорд заставил себя сосредоточиться.

— Отец, — повторил густой бас Праймуса. — Мы все здесь и ожидаем твоего решения.

Старик некоторое время смотрел на него мутным взглядом. Потом с хрипом втянул ледяной разреженный воздух в легкие и произнес — голосом холодным и твердым как гранит:

— Я умираю. Мое время скоро истечет. Вы от-

несете мои останки в глубину горы, в Чертог Предков, и положите их — то есть меня — в восемьдесят первую нишу, первую из пустующих, где я и упокоюсь навеки. Если вы не сделаете по моему слову, на вас падет проклятие, и башня Штормфорта обрушится вам на головы.

Трое живых сыновей ничего не ответили. Однако меж мертвыми пробежал чуть слышный ропот: возможно, они с сожалением вспоминали о своих собственных останках, расклеванных орлами или унесенных быстрыми горными потоками, через пороги и водопады увлеченных к морю, — о телах, которым не судьба когда-либо упокоиться в Чертоге Предков.

— Следующее. Вопрос наследования. — Голос исходил из груди старого лорда со свистом, как воздух из прогнивших кузнечных мехов.

Живые сыновья подняли головы. Старший, Праймус, с седыми волосками в густой черной бороде, с орлиным носом и серыми глазами, смотрел выжидающе.

Терциус, кареглазый и рыжебородый, выглядел настороженно. А Септимус, с молодой черной бородкой, высокий и отчасти похожий на ворона, казался совершенно безразличным — как, впрочем, и всегда.

— Праймус. Подойди к окну.

Праймус шагнул к отверстию, вырубленному в скальной стене, и выглянул наружу.

— Что ты видишь?

— Ничего, сир. Сверху вечернее небо, снизу — облака.

Старика бил озноб, не помогало даже одеяло из шкуры горного медведя.

— Терциус. Подойди к окну. Что ты видишь?

— Ничего, отец. Все как сказал Праймус. Над нами нависло вечернее небо цвета кровоподтеков; снизу мир устлан облаками, серыми и волнистыми.

Глаза старика дико вращались в глазницах, как у сумасшедшего стервятника.

— Септимус. Теперь ты. К окну.

Септимус подошел к окну и встал рядом со старшими братьями, однако на разумном расстоянии от них.

— А ты? Что видишь ты?

Младший лорд выглянул наружу. Ветер ударил ему в лицо, заставляя глаза болеть и слезиться. В темно-синих небесах слабо поблескивала единственная звездочка.

— Я вижу звезду, отец.

— О-ох, — выдохнул восемьдесят первый

лорд. — Подведите меня к окну.

Четверо мертвых сыновей грустно смотрели, как трое живых помогают отцу подняться с постели. Старик распрямился — или почти распрямился, тяжело опираясь на широкие плечи отпрысков и глядя в свинцово-серое небо.

Узловатые пальцы лорда, похожие на старые ветки, сомкнулись вокруг прекрасного топаза, висевшего у него на груди на серебряной цепи. Под пальцами старика звенья разошлись, как паутинные нити. Лорд сжал камень в кулаке; концы разорванной цепи свисали из его горсти.

Усопшие лорды Штормфорта зашептались меж собой мертвыми голосами, похожими на звук падающего снега: они узнали Топаз Власти Штормфорта. Тот, кто носил его, делался здешним повелителем, если только в его жилах текла кровь Штормфорта. Которому из выживших сыновей восемьдесят первый лорд отдаст камень?

Живые сыновья молча смотрели — один выжидающе, другой настороженно, третий безразлично; но это было обманчивое безразличие, немота отвесной скалы, о которой делается понятно, что она неприступна, только когда вы уже проделали полпути вверх и нет дороги назад.

Старик отстранил поддерживающие руки сво-

их детей и встал властно и прямо. Он все еще оставался лордом Штормфорта, тем, кто нанес северным гоблинам поражение в битве при Скалистом Кряже; он породил восемь детей — из них семерых сыновей — от трех жен; он убил каждого из своих четверых братьев в честном поединке, не достигнув еще и двадцати лет, хотя старший из братьев превосходил его возрастом почти в пять раз и прославился как великий воин. И этот лорд сейчас поднял над головой священный топаз и произнес на древнем, давно мертвом языке четыре слова, которые повисли в воздухе, как удары могучего бронзового гонга.

После чего он бросил камень в небо. У живых братьев перехватило дыхание, когда топаз прочертил длинную дугу над облаками. Камень достиг того, что они заранее сочли высшей точкой его полета, — и вопреки всем законам природы продолжал подниматься в воздух.

К тому времени в вечернем небе блестело уже много звезд.

— Тому из вас, кто вернет Топаз Власти Штормфорта, я оставляю мое благословение, — проговорил восемьдесят первый лорд. Голос его постепенно терял силу и к концу речи снова сделался хрипом глубокого старика, подобным

ветру, шелестящему в разоренном жилище.

Братья — живые и мертвые — не отрывали глаз от камня. Топаз все поднимался в темное небо, пока вовсе не исчез из виду.

— Что же, по-твоему, мы должны ловить орлов, седлать их и лететь в небеса? — озадаченно и сердито вопросил Терциус.

Отец ничего не ответил. Последние отблески дня угасли, и над замком горели бесчисленные яркие звезды. Одна звезда упала.

Терциус подумал, хотя и без особой уверенности, что это та самая первая вечерняя звезда, которую разглядел его брат Септимус.

Звезда прочертила по ночному небосклону огненный след, протянувшийся куда-то к юго-западу.

— Там, — прошептал восемьдесят первый лорд — и бездыханным упал на каменный пол своей опочивальни.

Праймус поскреб бороду, глядя на тело, грудой темневшее у его ног.

— Хотелось бы мне, — пробормотал он, — вышвырнуть труп старого ублюдка в окно! Зачем он отколол такую глупость?

— Лучше не надо, — возразил Терциус. — Не хотим же мы, чтобы Штормфорт обрушился нам

на головы. Давайте лучше отнесем его в Чертог Предков.

Праймус поднял с пола тело отца и положил его обратно на кровать, покрытую шкурами.

— Нужно объявить народу, что повелитель скончался.

Мертвые братья теснились у окна возле Септимуса.

— Как по-твоему, о чем он думает? — спросил Квинтус у Секстуса.

— Размышляет, куда упал топаз и как найти его прежде других, — отозвался Секстус, вспоминая свое долгое падение на острые камни — и в вечность.

— Я, черт побери, на него рассчитываю, — сказал бывший восемьдесят первый лорд Шторм-форта своим мертвым сыновьям.

Но трое еще живых совершенно ничего не слышали.

Вопросы вроде «как велика Волшебная Страна» не допускают простых и однозначных ответов.

Все-таки Волшебная Страна — не один какой-нибудь домен. И даже не конкретное государство с определенными границами. Карты Волшебной Страны не особенно достоверны, на них не стоит полагаться.

Мы говорим о королях и королевах Волшебной Страны, как, к примеру, о властителях Англии. Но Волшебная Страна куда больше Англии, больше, впрочем, и всего нашего мира — ибо с начала времен каждый уголок земли, который вытесняют с карт исследователи, убедительно доказывая, что такого места не существует, находит себе приют в Волшебной Стране. Сами понимаете, Волшебная Страна разрослась до огромных размеров, вобрав в себя земли всех ландшафтов и тварей всех видов. Например, здесь — вернее, *там* — есть драконы. А также грифоны, виверны, гиппогрифы, василиски и гидры. Конечно, там водятся и более привычные нам звери; например, кошки — как ласковые, так и самостоятельные, собаки — и благородные, и трусливые, а также волки и лисы, орлы и медведи.

Посреди леса, такого густого и непроходимого, что можно смело назвать его чащей, стоял маленький бревенчатый домик с тростниковой крышей. Выглядел он довольно зловеще. Снаружи в клетке на жердочке сидела маленькая желтая птичка. Она грустно нахохлилась и не пела, взъерошив выцветшие перья. В дом вела дверка, выкрашенная некогда белой краской, а теперь облупленная и грязная.

Изнутри жилище состояло из единственной комнаты, не разделенной никакими перегородками. С потолочных балок свисали копченые окорока и колбасы наряду с чучелом крокодила. В большом очаге у одной из стен, чадя, горел торф, и из трубы на крыше сочился грязный дым. Покрывала застилали три кровати: одну — большую и старинную, и две совсем плохонькие, похожие на лежанки для слуг.

В углу стояла огромная деревянная клетка, пока что пустая. Кругом валялась кухонная утварь. Окошки в домике были такими грязными, что едва пропускали свет, и все вокруг покрывал толстый слой пыли и жира.

Единственной чистой вещью в избушке оставалось зеркало из черного стекла высотой в человеческий рост, шириной с церковную дверь. Оно стояло, прислоненное к стене.

В домике жили три очень старые женщины. Они все делали по очереди — спали на большой кровати, готовили ужин, расставляли силки в лесу, чтобы ловить мелких зверьков, и носили воду из глубокого колодца за домом.

Говорили меж собой они редко и мало.

В избушке присутствовали еще три женщины, стройные, темнокожие и довольно веселые. Они

обитали в чертоге с ониксовым полом и обсидиановыми колоннами, который был во много раз больше жалкой комнатки старух. Во внутренний дворик, открытый ночным небесам, заглядывали яркие звезды. Во дворике плескал фонтан: он изображал изогнувшуюся в экстазе русалку с широко открытым ртом, из которого била струя воды. Чистая черная струя, взлетая вверх, с шумом падала в озерцо внизу, разбивая на части отражения ярких звезд.

Эти три женщины и их чертог находились в черном зеркале.

Три старухи, единственные обитатели леса, звались Лилим — королевы ведьм.

Три молодые женщины в зеркале тоже носили имя Лилим, но являлись ли они наследницами старух, или отражениями их истинных «я», и существовала ли в реальности жалкая лачужка в лесу, или же непонятным образом Лилим на самом деле жили в черном чертоге с фонтаном в виде русалки и звездным внутренним двориком — никто не мог сказать с уверенностью.

В тот день одна из старух вернулась из леса, таща с собой мертвого горностая. Ведьма положила зверька на пыльную разделочную доску и взяла острый нож. Она надрезала горностаю шкуру

вокруг лапок и шеи и стащила с него шкуру, как стягивают пижаму с ребенка. Ободранный трупик старуха бросила на колоду для рубки мяса.

— Кишки? — спросила она дрожащим голосом.

Самая старая и низенькая ведьма с самыми спутанными и грязными космами согласилась, раскачиваясь туда-сюда в кресле-качалке.

— Попробовать можно.

Первая карга подняла горностая за голову и разрезала тушку от шеи до самого низа. Внутренности вывалились на колоду спутанным комком — красные, пурпурные и фиолетовые, кишки и прочие органы, блестящие на пыльном дереве, как мокрые самоцветы.

— Сюда! — хрипло завизжала старуха. — Скорее, скорее!

Она осторожно поворошила внутренности ножом — и снова взвизгнула.

Ведьма, качавшаяся в кресле, вскочила на ноги. (В зеркале одна из черных женщин потянулась и поднялась с тахты.) В дверях показалась третья карга и заковыляла к товаркам так быстро, как только могла.

— Что такое? — скрипела она. — Что там?

(В черном зеркале к подругам присоединилась третья красавица, темноглазая, с маленькой

упругой грудью.)

— Смотрите. — Первая старуха указала кончиком ножа.

Глаза ведьм от глубокой старости стали бесцветно-серыми. Они щурились и мигали, созерцая горностаевы кишки.

— Наконец-то, — сказала одна.

— Как раз вовремя, — согласилась другая.

— И кто же из нас отправится на поиски? — спросила третья.

Все три ведьмы зажмурились и погрузили старые руки в груду теплых внутренностей на колоде. Старушечья ладонь раскрылась.

— У меня почка.

— А у меня — печень.

Третья рука принадлежала самой старой из Лилим.

— У меня — сердце, — торжествующе заявила она.

— И как ты собираешься ехать?

— В нашей старой колеснице. А запрягу ее тем, что встречу на перекрестке.

— Годы. Тебе понадобится несколько лет.

Карга кивнула.

Самая молодая ведьма — та, что явилась из лесу последней, — болезненно заковыляла к высоко-

му облезлому шкафу с выдвижными ящиками. Из самого верхнего она вытащила ржавый железный ларчик и отнесла его сестрам. Он был перевязан тремя жилами, всякая жила затянута своим особым узелком. Три ведьмы развязали каждая свою веревку, и та, что принесла ларчик, откинула крышку.

На дне ларца мерцало что-то золотое.

— Не так уж много осталось, — вздохнула младшая Лилим, состарившаяся еще во времена, когда их древний лес покрывали морские воды.

— Тем лучше, что мы нашли новенькое, разве не так? — резко оборвала ее старшая и сунула в ларец скрюченную руку.

Золотое сияние попробовало увернуться от ее цепких пальцев, но ведьма поймала его, блестящее и трепещущее, и затолкала себе в разинутый рот.

(Три женщины в зеркале с интересом смотрели на них.)

Воздух меж ведьмами как-то странно заколебался. (Миг — и из черного зеркала выглядывали всего две женщины.)

А в избушке две старухи, во взглядах которых смешались зависть и надежда, уставились на высокую молодую красавицу, черноволосую, с

темными глазами и ярко-алым ртом.

— Ну и ну, — протянула красавица, — как же здесь грязно.

Она подошла к кровати, возле которой стоял большой деревянный сундук, накрытый линялым гобеленом. Женщина сорвала гобелен, откинула крышку сундука и порылась в его содержимом.

— Вот оно. — Красавица швырнула на кровать алое платье и сбросила лохмотья, которые носила в бытность старухой.

Сестры жадно смотрели на обнаженное молодое тело.

— Когда я вернусь с ее сердцем, лет хватит на всех нас, — сказала та, неодобрительно созерцая волосатые подбородки и запавшие глаза сестер. И застегнула на запястье алый браслет в форме змеи, зажавшей в пасти собственный хвост.

— Звезда, — пробормотала одна из старух.

— Звезда, — эхом отозвалась другая.

— Именно, — подтвердила королева ведьм, надевая на голову серебряный обруч. — Первая за двести лет. И я добуду от нее то, что нам нужно.

Она облизнула алые губы темно-красным язычком и выговорила:

— Упавшая звезда.

На поляне у тихого озера была ночь. Небо усыпали бессчетные звезды.

Светлячки горели в листве высоких вязов, в зарослях папоротника и в кустах орешника, мерцая, как огни далекого города. В ручье, питавшем озеро, плескалась выдра. Целое семейство горностаев прокладывало себе дорожку к берегу на водопой. Мышь-полевка нашла упавший орех и начала грызть твердую скорлупу длинными и острыми передними зубками — не потому, что проголодалась, а потому, что на самом деле была заколдованным принцем, который мог вернуть свой прежний облик только после того, как разгрызет Орех Мудрости. Но радость находки сделала принца невнимательным, и о приближении совы-неясыти он догадался, только когда на него упала тень, закрывшая луну. Сова подхватила мышь острыми когтями и вновь исчезла в ночи.

Мышь уронила орех, который свалился в ручей и уплыл по течению в озеро, где его проглотил лосось. Сова слопала мышь в пару глотков, и лишь хвост несчастного принца свисал у нее из клюва, длинный, как ботиночный шнурок. Какое-то существо с пыхтением и треском пробиралось сквозь заросли — *барсук, наверное,* подумала сова

(которая сама была заколдована и могла принять свой истинный облик, только проглотив мышь, которая съела Орех Мудрости), *или, может, медвежонок.*

Листья шуршали, ручей тихо журчал, и тут поляна озарилась светом, который лился откуда-то сверху. Чистый белый свет делался все ярче и ярче. Сова увидела его отражение в воде — пылающий сгусток белизны и сияния, такой слепящий, что она поменяла направление и полетела в другую часть леса. Мелкие зверьки в ужасе озирались.

Сначала небесный светоч был размером не больше луны, потом начал расти, расти все быстрее, и рощица задрожала каждым листком. Все живое затаило дыхание, а светлячки вспыхнули ярче, чем когда-либо в жизни: каждый из них понял — совершенно ошибочно, конечно, — что вот наконец-то летит *его истинная любовь*…

И тогда…

Послышался хруст ветвей и треск, громкий, как выстрел. Свет, осиявший поляну, внезапно погас.

Или почти погас. В зарослях орешника билось слабое сияние, как если бы над кустами поднималось, мерцая, облачко крохотных звезд.

Оттуда послышался голос — высокий, чистый

женский голос, который произнес:

— Ой! — а потом совсем тихонько добавил: — Вашу мать. — И еще раз: — Ой…

Больше голос ничего не говорил, и на поляне воцарилась тишина.

Глава четвертая
«При свече туда дойдешь»

С каждым шагом октябрь отступал все дальше. Юноша чувствовал, что идет прямиком из осени в лето. Тристран шел через лес по тропе, с одной стороны которой поднимался густой кустарник. Высоко над головой горели ясные звезды, и полная луна цвета спелого зерна сияла золотом. В лунном свете на кустах шиповника темнели крупные цветы.

Юношу начинало клонить в сон. Сперва он боролся с сонливостью, потом скинул пальто и поставил на землю свой чемоданчик — вместительную кожаную штуковину из тех, что в двадцатые годы стали называться саквояжами. Чемоданчик Тристран подложил под голову вместо подушки, а сверху накрылся пальтецом.

Сначала он лежал и смотрел на звезды. Казалось, они в своем великом множестве танцуют в небесах величественный и бесконечный танец. Юноша размышлял, какими могли бы оказаться лица небесных танцовщиков. Наверное, они бледные и все с мягкими полуулыбками — что

вполне естественно для тех, кто проводит столько времени наверху, взирая с небес на дольний мир, на суету, радости и горести жителей земли. Наверное, им очень забавно каждый раз, когда очередное человеческое существо решает, что оно — центр вселенной, как склонны делать все мы!

И тогда Тристран понял, что спит, и пошел к себе в спальню, которая одновременно почему-то оказалась классной комнатой деревенской школы. Миссис Черри постучала указкой по школьной доске, приказывая всем замолчать, и Тристран взглянул на свою грифельную доску, чтобы понять, какой же сейчас урок, — но не смог разобрать ни одной надписи. Миссис Черри ужасно напоминала Тристрану его матушку, и юноша подивился, как он раньше не догадался, что они обе — это одна и та же женщина. Учительница вызвала Тристрана к доске и велела ему перечислить всех королей и королев Англии с датами их правления…

— Иж-жвините, — произнес ему в самое ухо негромкий и какой-то лохматый голосок. — Не могли бы вы спать немножечко потише? Ваши сны такие громкие, что перебивают мои собственные, а я, понимаете ли, никогда особенно

не увлекался историческими датами. Вильгельм Зеватель, тысяча шестьдесят шестой, — вот все мои познания, и те я бы отдал за единственную танцующую мышь.

— М-м? — отозвался Тристран.

— Просто немного приглушите их, — посоветовал голосок. — Если вам не трудно.

— Простите, — сказал Тристран, и дальнейший его сон стал сплошной темнотой.

— Завтрак, — сообщил ему кто-то на ухо. — Грибусы, жаренные в масле с диким чесноком.

Тристран открыл глаза. Дневные лучи пробивались через густые ветки кустов шиповника, окрашивая траву зеленым золотом. Ноздри щекотал восхитительный запах.

Под самым носом Тристрана стояла оловянная плошка.

— Конечно, угощение жалкое, — продолжал голосок. — Деревенское, я бы сказал. Совсем не то, к чему привыкли благородные господа — но простецы вроде меня высоко ценят хороший грибус.

Тристран сморгнул, потянулся к плошке и двумя пальцами извлек оттуда большой горячий гриб. Юноша осторожно откусил маленький кусочек, в рот ему потек ароматный сок. Ничего прекраснее он не ел никогда в жизни, и, проже-

вав гриб, Тристран не замедлил об этом сказать.

— Очень мило с вашей стороны, — обрадовалась маленькая фигурка, сидевшая по ту сторону костерка, который дымил и потрескивал в утреннем воздухе. — Да, очень, очень мило. Я же знаю, как и вы сами знаете, что вы скушали всего-навсего жареный грибус и ни кусочка хоть чего-нибудь стоящего…

— А еще можно? — спросил Тристран, наконец понимая, как сильно он проголодался: иногда это делается ясно, как только начнешь есть.

— Ах какие прекрасные манеры! — восхитилось маленькое существо, одетое в широкополое смешное пальто и широкополую же смешную шляпу. — Вы спрашиваете, *можно ли еще,* как будто отведали перепелиных яиц-пашот или копченой газельей вырезки с трюфелями, а не обычных грибусов, на вкус не лучше последней тухлятины, которой и кошка побрезгует! Вот они, манеры-то!

— Нет, я в самом деле хотел бы съесть еще один гриб, — сказал Тристран. — Пожалуйста.

Маленький человечек — если он, конечно, был человеком, в чем Тристран сильно сомневался, — горестно вздохнул и потянулся к сковородке, которая шкворчала на огне. Насадив на конец но-

жа два больших гриба, он сбросил их в оловянную гостевую плошку. Тристран подул на угощение и быстро съел его, опять-таки держа пальцами.

— Посмотреть, как вы едите, — сообщило лохматое существо со смешанным выражением гордости и отчаяния, — так прямо кажется, что мои горькие и червивые грибусы вам нравятся и вы не жалеете, что взяли такую гадость в рот.

Тристран облизал пальцы и заверил своего благодетеля, что давно ему не приходилось есть таких сочных, ароматных и замечательных грибов.

— Это вы сейчас так говорите, — с мрачным удовлетворением отвечал тот, — но посмотрим, что вы скажете через час-другой. Наверняка вашему кишечнику грибусы не придутся по вкусу, как одной рыбачке не пришлась по вкусу русалка, с которой спутался ее парень. Ух та рыбачка и кричала — слышно было от Гарамонда до Штормфорта! И в каких выражениях, вы просто не поверите! Ей-богу, у меня уши в трубочку сворачивались. — Лохматый господин тяжело вздохнул. — Кстати говоря, о кишечнике, — продолжил он. — Я собираюсь пойти облегчить мой собственный вон за тем деревом. Не окажете ли вы мне честь и не последите ли пока за моими

вещами? Буду вам очень обязан.

— Пожалуйста, — вежливо согласился Тристран.

Лохматый человечек исчез за толстым дубовым стволом. Он с кряхтеньем повозился там и вскоре вернулся, приговаривая:

— Ну вот и все. Знавал я одного господина из Пафлагонии, который имел обыкновение каждое утро заглатывать живую змею. Он любил говорить, что эта привычка рождает уверенность в наступающем дне: мол, за весь день с тобой не может случиться по крайней мере ничего более неприятного. Когда его приговорили к повешению, перед казнью беднягу заставили слопать полную миску лохматых многоножек, так что его убеждение в конце концов себя не оправдало.

Тристран извинился и сам отправился за дерево помочиться. Там он обнаружил маленькую кучку помета, нимало не напоминавшего человеческие испражнения. Скорее это выглядело как оленьи или кроличьи катышки.

— Меня зовут Тристран Тёрн, — представился юноша по возвращении. Его сотрапезник тем временем убирал все, что осталось после завтрака — дрова, сковородки и прочее, — в огромный чемодан.

Он снял свою широкую шляпу и прижал ее к груди, глядя на Тристрана снизу вверх.

— Очарован, — сообщил он. И потыкал пальцем в чемодан, на котором красовалась надпись: «ОЧАРОВАН, ЗАВОРОЖЕН, ЗАКОЛДОВАН И ПЕРЕЗАВОЛХВОВАН». — Чаще всего я именно перезаволхвован, — доверительно сказал лохматый знакомец, — но вы же знаете, как непостоянны такие вещи.

С этими словами он вдруг подхватил свою поклажу и очень быстро засеменил по дороге.

— Эй! Погодите! — воскликнул Тристран. — Вы помедленнее не можете?

Потому как косматый человечек — Очарован? Может, это его имя? — удалялся от него с огромной скоростью, быстрее, чем белка, которая взбегает вверх по стволу. Ему не мешал даже гигантский чемодан, вызывавший в памяти Тристрана тяжкий груз Христианина из «Пути паломника» (который миссис Черри зачитывала ученикам каждый понедельник, неизменно прибавляя, что это прекрасная книга, хотя ее автор и являет дурной пример для подражания).

Маленькое существо развернулось и побежало по дороге обратно к Тристрану.

— Что-то не так? — вопросило оно.

— Я за вами не успеваю! Вы так быстро ходите…

Лохматый человечек тут же замедлил шаги, чтобы спутник не отставал.

— Прошу печения, так сказать, — важно произнес он. — Я так давно путешествую в одиночестве, что не привык подстраиваться под других.

Они шагали рядом, и сквозь молодую листву на дорогу падал зелено-золотой солнечный свет. Тристран твердо знал, что такой свет бывает только весной. Он подумал, что лето, должно быть, осталось так же далеко позади, как и октябрь. То и дело юноша замечал яркую цветную вспышку, мелькнувшую в зелени дерева или куста, и лохматый человечек всякий раз давал пояснения:

— Это коростель. Его зовут мистер Деркач[157], кстати сказать. Приятная птица, хотя голосок и подкачал.

Или:

— Пурпурная колибри. Пьет цветочный нектар. Любит парить в воздухе.

Или:

---

[157] notes: 157

Деркач — одно из названий коростеля. — *Примеч. пер.*

— А вон красношапочник[158]. Они обычно держатся на расстоянии, но не вздумайте любопытствовать и к ним приближаться — нарветесь на неприятности, с них, ублюдков, станется.

У ручья путники остановились пообедать. Тристран поделился караваем и спелыми красными яблоками, а также твердым, кислым и ноздреватым сыром, который дала ему в дорогу мама. И хотя лохматый человечек осмотрел продукты не без подозрения, это не помешало ему их мгновенно слопать и даже облизать пальцы, а потом с хрустом вгрызться в яблоко. Затем он наполнил в ручье закопченный чайник и вскипятил чай.

— Полагаю, вы расскажете о себе? — предположил лохматый человечек, пока они сидели на земле и чаевничали.

Тристран немного поразмыслил и ответил:

— Я пришел из Застенья, это такая деревня. Там живет юная леди по имени Виктория Форестер, которой нет равных среди женщин, и она — вла-

---

[158] notes: 158

Красношапочник (redcap) — зловредный дух из английского фольклора, обычно заводится в разрушенных строениях, где совершилось злодейство. Выглядит как маленький старичок с длинными когтистыми руками, на голове у него красная шапочка, выкрашенная кровью. Спать в разрушенных замках и домах опасно, потому что тамошний красношапочник может захотеть подкрасить свою шапочку свежей кровью. Изгнать его можно словами Писания или знаком креста. — *Примеч. пер.*

дычица моего сердца. Ее лицо…

— Набор компонентов обычный? — перебил лохматый. — Нос, два глаза, зубы и все прочее?

— Разумеется.

— Отлично. Тогда описание можно опустить, — разрешил человечек. — Я заранее всему верю. Перейдем к делу: какую именно глупость вас отправила совершать ваша юная леди?

Тристран отставил свою деревянную чашку с чаем и оскорбленно встал на ноги.

— Как вы посмели, — вопросил он тоном, который считал высокомерным и презрительным, — предположить, что моя возлюбленная могла послать меня с глупым поручением?

Человечек смотрел на него снизу вверх глазками, похожими на черные бусины.

— Потому что я не вижу другой причины парню вроде тебя настолько сдуреть, чтобы переступить границы Волшебной Страны. Из твоих земель к нам приходит только три вида дураков: менестрели, влюбленные и безумцы. На менестреля ты не похож, и мозги у тебя — прости за грубость, парень, но это правда, — самые заурядные, обычные, как сырная корка. Так что если кто меня спросит, я бы поставил на любовь.

— Потому что, — возгласил Тристран, — каж-

дый влюбленный в сердце своем безумец, а в душе — менестрель.

— Думаешь? — усомнился человечек. — Никогда такого не замечал. Так вот о юной леди. Она что, послала тебя искать богатства? Раньше такой подход был очень популярен. То и дело, бывало, натыкаешься на молодых ребят вроде тебя. И вся эта публика шатается туда-сюда в надежде наткнуться на кучу золота, которую какой-нибудь бедный дракон или великан собирал не одно столетие!

— Нет. Не в богатстве дело. Скорее в обещании, которое я дал вышеупомянутой юной леди. Я… мы разговаривали, и я обещал ей разные вещи, а тут она увидела, как падает звезда, и я поклялся принести ей эту звезду. А упала она… — юноша махнул рукой куда-то в сторону горной гряды на востоке, — примерно вон туда.

Лохматый человечек почесал лицо… или морду; Тристран до конца не мог разобраться, лицо или морда у его нового знакомого.

— Знаешь, что бы я сделал на твоем месте?

— Нет, — с надеждой отозвался Тристран. — А что?

Коротышка вытер нос пятерней.

— Я бы предложил этой леди пойти и сунуть

нос в свинячье корыто, а потом нашел бы какую-нибудь другую девицу, которая согласится с тобой целоваться, не требуя невесть чего. Ты просто обязан найти другую. Я знаю земли, из которых ты пришел: там, куда ни брось полкирпича, непременно угодишь в подходящую особу.

— Других девушек для меня не существует, — уверенно заявил Тристран.

Человечек в ответ только хмыкнул. Они собрали вещи и продолжили путь, некоторое время шагая в молчании.

— Ты это серьезно сказал? — спросил наконец лохматый. — Ну, насчет упавшей звезды.

— Да, — ответил Тристран.

— На твоем месте я бы впредь держал язык за зубами, — посоветовал коротышка. — Могут найтись те, кого… заинтересуют подобные сведения. Не по-хорошему заинтересуют, я хочу сказать. Так что лучше помалкивай. Только не лги.

— Что же я должен отвечать?

— Ну, например, если спросят, откуда ты идешь, говори «оттуда». — И коротышка указал себе за спину. — А если спросят куда, отвечай — «туда». — И он махнул рукой вперед.

— Понятно, — отозвался Тристран.

Тропа, по которой они шли, делалась все ме-

нее различимой. Холодный ветер взъерошил волосы юноши, заставив его вздрогнуть. Дорога незаметно завела путников в чахлый и бледный березовый лес.

— Как вы думаете, далеко дотуда? — спросил Тристран. — До звезды, я имею в виду?

— Далеко ли Вавилон? — риторически отозвался человечек. — Последний раз, когда я ходил этой дорогой, здесь не было леса.

«Далеко ли Вавилон», вспомнил Тристран старый стишок, шагая серым безрадостным лесом.

Далеко ли Вавилон?
Миля, пять иль пятьдесят.
При свече туда дойдешь,
А потом – назад.
Будешь быстр и не свернешь —
При свече туда дойдешь.

— Вот это здорово, — оценил лохматый коротышка и встревоженно повертел головой, будто опасаясь чего-то.

— Да ладно, обычный детский стишок, — вздохнул Тристран.

— Обычный *детский?..* Боже ж мой, да я знаю полно народу по эту сторону стены, кто трудился

бы лет семь над составлением подобного заклинания! А там, откуда ты пришел, вы без задней мысли бормочете вещи такого рода своим детишкам, наряду с «утю-тюшень-ки-тю-тю», «ладушки, ладушки» и прочей ерундой… Ты что, замерз, парень?

— Не то чтобы сильно, но… да, немножко есть.

— Погляди-ка вокруг. Ты видишь дорогу?

Юноша заморгал. Серый лес будто поглощал свет, в нем исчезало всякое чувство направления и расстояния. Тристран-то думал, что они идут по тропе, однако теперь, когда он пытался ее разглядеть, тропа последний раз мелькнула под ногами и исчезла, как оптический обман. Тристран еще помнил, как вехи на пути, вон *то* дерево, и *это,* и *тот* камень… но никакого пути уже не было, только сумрак и тени и бледные стволы вокруг.

— Ну вот, мы и попались, — слабым голосом выговорил лохматый человечек.

— Может, побежать? — Тристран на всякий случай снял свою шляпу, держа ее перед собой.

Коротышка покачал головой.

— Бесполезно. Мы явились прямиком в ловушку и останемся в ней даже бегущие.

Он в сердцах пнул ближайший высокий березовый ствол. С дерева упало несколько сухих

листков — и что-то непонятное и светлое, ударившееся о землю с шелестящим звуком.

Тристран наклонился и увидел, что это белый, высушенный ветром птичий скелет.

Человечек содрогнулся.

— Я многое умею, — сообщил он Тристрану, — но оказаться отсюда подальше нам не поможет ни одно из моих умений… По воздуху отсюда не сбежать, если судить по *этому.* — Он поддел сухой скелетик своей лапообразной ногой. — А закапываться в землю такие, как ты, обычно не умеют — хотя в подобных случаях даже и оно не помогает…

— Тогда, пожалуй, нам стоит вооружиться, — предложил Тристран.

— Вооружиться?

— Ну да, пока *они* не явились.

— Пока *они* не *явились?* Да что ты, *они* давно уже здесь, дубовая твоя башка. *Они* — это деревья. Мы в мертволесье.

— В мертволесье?

— Конечно. Я сам, дурак, виноват. Надо было внимательней смотреть, куда шел. А теперь не видать тебе никакой звезды, а мне не видать моей любимой торговли. Какой-нибудь бедный заблудившийся балбес найдет через много лет

наши белые косточки, высушенные ветром… Вот и все.

Тристран не переставая оглядывался вокруг. В сумраке ему казалось, что деревья будто бы подступают ближе, окружая их призрачной толпой, хотя ни одного конкретного движения он не улавливал. Юноша никак не мог понять, не дурачит ли его лохматый человечек — или, может, коротышке мерещится всякая ерунда.

Вдруг что-то ужалило его в левую руку. Тристран подумал, что это кусачее насекомое, и шлепнул по нему ладонью — но увидел только бледно-желтый лист. Лист с шуршанием упал на землю. На укушенной руке выступила красная теплая кровь и вздулись вены. Лес шептал и шелестел вокруг.

— Что же нам делать? — воскликнул Тристран.

— Я ничего не могу придумать. Если б знать, где истинная дорога… Истинную дорогу даже мертволесье не в силах разрушить! Разве что спрятать от нас, замаскировать… — Коротышка беспомощно пожал плечами и завздыхал.

Тристран поднял руку и задумчиво потер лоб.

— Я… Я *знаю*, где наш путь! — вдруг воскликнул он, указывая пальцем. — Нам туда.

Черные глазки-бусинки его спутника забле-

стели.

— Ты уверен?

— Да, сэр. Через ту рощицу, а дальше направо. Там наша дорога.

— Откуда ты знаешь? — спросил коротышка.

– *Знаю,* и все, — отозвался Тристран.

— Ладно. Вперед! — Человечек подхватил свой чемодан и побежал — но не особенно быстро, так, чтобы не обгонять Тристрана, который мчался, задыхаясь, с колотящимся сердцем, да еще и саквояж на бегу бил его по ногам.

— Нет! Не туда! Левее! — крикнул юноша. Ветви и шипастые кусты вцеплялись ему в одежду и рвали ее, словно когтями. Дальше двое бедняг бежали молча.

Казалось, деревья перед ними сомкнулись в сплошную стену. Вокруг шквалом носились листья, больно жалясь и кусаясь, когда им удавалось задеть кожу Тристрана. Беглец карабкался вверх по склону, отбиваясь от листьев свободной рукой; чемоданчик задевал за корни и ветки, мешая бежать.

Молчание было нарушено каким-то завывающим звуком. Звук исходил от лохматого коротышки, который вдруг остановился как вкопанный и, запрокинув голову, ужасно завыл

в небеса.

— Скорей, — закричал Тристран, — мы уже почти на месте!

Он сгреб человечка за локоть и потащил вперед.

Наконец они выбежали на истинную дорогу: это оказалась полоса зеленой травы, пролегавшая сквозь серый лес.

— Здесь мы в безопасности? — спросил Тристран, отдуваясь и перепуганно оглядываясь по сторонам.

— Пока мы не сходим с дороги — да, — ответил коротышка, выпустил из рук свою поклажу и уселся на траву, рассматривая окружавшие тропу деревья. Ветви бледных берез дрожали, хотя не дуло ни малейшего ветерка, и Тристрану чудилось, что они трясутся от злости.

Его спутник тоже начал дрожать, поглаживая и тиская лохматыми пальцами зеленую траву. Потом взглянул на Тристрана.

— Вряд ли у тебя найдется бутылка чего-нибудь горячительного, а? Или хотя бы кружка-другая горячего сладкого чая?

— Боюсь, что нет, — вздохнул тот.

Человечек посопел и потянулся к замку своего чемодана.

— Отвернись, — велел он Тристрану. — И не вздумай подглядывать.

Юноша послушно отвернулся. Послышался щелчок, потом какая-то возня. Наконец владелец чемодана разрешил:

— Можешь поворачиваться.

В руках лохматого человечка красовалась эмалированная бутыль. Он изо всех сил, но без особого успеха пытался вытащить пробку.

— Гм… Помочь? — нерешительно предложил Тристран, боясь обидеть спутника. Но он волновался напрасно — коротышка тут же отдал ему бутыль.

— Давай, — сказал он. — У тебя более подходящие пальцы.

Тристран поднатужился и вытянул затычку. В ноздри ударил пьянящий запах — что-то вроде меда, смешанного с хвойным дымком и пряностями. Юноша протянул бутылку хозяину.

— Пить такое редчайшее сокровище из горлышка — настоящее преступление, — сообщил лохматый человечек. Он отвязал от пояса деревянную чашку и дрожащими руками плеснул в нее чуть-чуть янтарной жидкости. С наслаждением понюхав напиток, отхлебнул немного и улыбнулся, обнажая мелкие острые зубки.

— Аааахххххх… Так-то лучше. И передал чашку Тристрану.

— Пей маленькими глотками, — посоветовал он. — Стоимости этой бутылки хватило бы, чтобы выкупить из плена короля. Я отдал за нее два здоровенных бело-голубых алмаза, механическую птичку, которая прекрасно пела, и драконью чешуйку.

Тристран отпил из чашки. По всему телу до кончиков пальцев разлилось тепло, а в голове словно защекотали маленькие пузырьки.

— Ну как, хорошо?

Юноша кивнул.

— Боюсь, даже слишком хорошо для таких, как мы с тобой. Но все-таки… Думаю, в трудную минуту мы имеем право на глоток-другой, а минута нам выдалась трудная, верно? Что ж, давай выбираться из этого леса, — сказал лохматый человечек. — В какую нам сторону?

— Туда. — Тристран указал налево. Коротышка заткнул бутыль пробкой, упаковал ее, закинул чемодан на плечо, и двое путников снова затопали вперед по зеленой дороге сквозь серый лес.

Через несколько часов белые стволы начали редеть. Наконец мертволесье кончилось, и дорога теперь шла вдоль обрывистого берега меж двух

невысоких каменных стен. Обернувшись, Тристран не увидел за спиной ни следа какого-либо леса; позади темнела только череда лиловых от вереска холмов.

— Здесь можно остановиться, — предложил его спутник. — Нам есть о чем поговорить. Присаживайся.

Он поставил на землю свой громадный чемодан и уселся на него сверху, так что даже оказался выше Тристрана, который примостился на камне у дороги.

— Я кое-чего не могу понять. Объясни-ка мне. Откуда ты взялся?

— Из Застенья, — ответил Тристран. — Я же говорил.

— И кто твои родители?

— Моего отца зовут Дунстан Тёрн. А маму — Дейзи Тёрн.

— Гм… Дунстан Тёрн… Гм… Знаешь, я однажды встречался с твоим отцом. Он приютил меня на ночь. Неплохой парень, хотя, по моему мнению, слишком любит спать. — Коротышка поскреб свою заросшую морду. — Но это все же не объясняет… Послушай-ка, в твоей семье есть что-нибудь *особенное?*

— Моя сестра Луиза умеет шевелить ушами.

Лохматый человечек свободно пошевелил своими собственными ушами, большими и волосатыми.

— Не совсем то, что надо. Я скорее спрашивал, нет ли у тебя бабушки — знаменитой волшебницы, или дяди — практикующего колдуна, или родственников-эльфов где-нибудь в генеалогическом древе.

— Ничего такого я не знаю, — покачал головой Тристран.

Коротышка сменил тактику.

— Где находится Застенье? — спросил он. Тристран тут же повернулся и указал рукой.

— А где Спорные Холмы?

Тристран снова показал, ни на миг не задумываясь.

— А Катаварские Острова?

Юноша указал на юго-запад. Он представления не имел, что Спорные Холмы и Катаварские Острова вообще существуют, пока лохматый человечек не упомянул их названий; однако он был совершенно уверен касательно их расположения, как, к примеру, насчет местопребывания собственной левой ноги или носа.

— Гм-м… Ну, попробуем дальше. Ты знаешь, где находится Его Обширность Вселасточный

Мускиш?

Тристран недоуменно покачал головой.

— А где находится Прозрачная Цитадель Его Обширности Вселасточного Мускиша?

Тристран уверенно показал.

— А где Париж? Тот самый, что во Франции.

Юноша немного подумал.

— Ну, если Застенье там, то Париж, я думаю, примерно в том же направлении — ведь верно?

— Таким образом, — изрек лохматый человечек, рассуждая скорее с самим собой, нежели с Тристраном, — мы видим, что ты способен находить места в Волшебной Стране — но не в твоем собственном мире. Исключение — Застенье, где пролегает граница. Местонахождение живых существ ты определять не можешь… хотя, хотя… скажи-ка, парень, ты знаешь, где находится твоя упавшая звезда?

Тристран немедленно указал.

— Там.

— Гм… Неплохо. Хотя по-прежнему ни шиша не понятно. Проголодался?

— Есть малость. И еще у меня вся одежда порвана, — ответил Тристран, ощупывая лохмотья, оставшиеся от его штанов и пальтеца. Сучья и ветви порвали ткань в клочки, пытаясь задер-

жать его на бегу, да и листья прогрызли немало дыр. — И ботинки не в лучшем виде…

— Что у тебя в сумке?

Тристран открыл свой саквояж.

— Яблоки. Сыр. Полкаравая хлеба. Тюбик рыбного клея. Перочинный ножик. Смена белья, две пары шерстяных носок… Наверное, мне стоило захватить побольше одежды…

— Клей оставь на потом, — предложил его спутник, быстро разделив оставшуюся еду на две равные части. — Ты оказал мне большую услугу, — сообщил он, хрустя яблоком. — Я таких вещей не забываю. Сперва мы позаботимся о твоей одежде, а потом отправим тебя за звездой. Угу?

— Буду очень вам признателен, — нервно отозвался Тристран, делая бутерброд с сыром.

— Вот и ладно, — сказал лохматый человечек. — Давай-ка поищем для тебя одеяло.

На рассвете три лорда Штормфорта спустились по скалистой горной дороге в карете, запряженной шестью воронымиими лошадьми. У коней на головах колыхались черные плюмажи, карету снаружи покрасили черной краской, и каждый из лордов по отдельности тоже надел траур.

В случае Праймуса это была черная длинная

ряса вроде монашеской. Терциус выбрал неброский костюм — так мог бы одеться в траур богатый купец. А Септимус нарядился в черный камзол, облегающие черные штаны и черную шапочку с черным пером, так что стал выглядеть как щеголеватый злодей из второсортной исторической пьесы.

Лорды Штормфорта поглядывали друг на друга — один подозрительно, второй настороженно, третий — безразлично. Они не разговаривали между собой: имейся у них возможность заключить какой-либо союз, Терциус мог бы объединиться с Праймусом против Септимуса. Но никаких союзов быть не могло.

Карета поскрипывала и тряслась.

Один раз она останавливалась — чтобы дать лордам возможность облегчиться, потом задребезжала дальше по ухабистой дороге. Три принца Штормфорта недавно упокоили останки своего отца в Чертоге Предков. Их мертвые братья наблюдали за процессом упокоения от дверей чертога, но ничего не сказали.

Ближе к вечеру кучер закричал: «Тпррр! Деревня Дырквилль!» и остановил карету у обветшалого трактира, выстроенного на каких-то руинах.

Три лорда Штормфорта вылезли из кареты

и размяли затекшие ноги. Сквозь бутылочные стекла трактирных окон на них пялились посетители.

Из дверей выглянул трактирщик, раздражительный гном со скверным характером. Развернулся и крикнул в глубь дома:

— Проветри комнаты и поставь на огонь горшок с тушеной бараниной!

— Сколько комнат проветривать? — спросила с лестницы горничная Летиция.

— Три, — отозвался гном. — Бьюсь об заклад, что кучера они отправят спать к лошадям.

— Почему же три, — шепнула служанка Тилли конюху Лейси, — когда каждому видно, что в карете прибыло семеро важных господ?

Но когда лорды Штормфорта вошли в трактир, их в самом деле оказалось трое. Кучеру они приказали ночевать на конюшне.

На ужин подали тушеную баранину и свежий хлеб, такой горячий, что он дымился, когда его разрезали на куски. Каждый из лордов заказал по отдельной бутылке лучшего барагундского вина (потому что ни один из них не согласился бы пить из одной бутылки с братом — так же как и перелить вино в кубок). Такое поведение до глубины души возмутило гнома, который полагал — хотя,

разумеется, не высказывал своего мнения при гостях, — что вину надобно позволить дышать.

Кучер съел свою долю баранины, выпил две кружки эля и отправился спать на конюшню. А трое братьев поднялись в отдельные комнаты, и каждый крепко запер за собою дверь.

Терциус успел сунуть в ладошку горничной Летиции серебряную монету, когда девушка принесла ему грелку для постели. Так что он отнюдь не был удивлен, что вскоре после полуночи к нему в комнату кто-то тихонько постучал.

Летиция явилась в цельнокроеной белой сорочке. Когда Терциус открыл ей дверь, девица сделала реверанс и смущенно улыбнулась. В руке она держала бутылку вина.

Лорд задвинул за Летицией засов и повел ее к постели. Там он сперва заставил горничную снять сорочку и внимательно рассмотрел лицо и тело девицы при свечном свете. Потом начал целовать ее лоб, губы, кончики грудей, живот и пальцы ног и наконец задул свечу и занялся с ней любовью — молча, в бледном свете луны.

Через некоторое время он довольно замычал и утих.

— Как хорошо, верно, миленький? — спросила Летиция.

— Ну да, — осторожно ответил Терциус, словно подозревая в ее словах какую-то ловушку. — Хорошо.

— Вы хотели бы еще раз — до того, как я уйду?

Вместо ответа Терциус показал себе между ног. Летиция хихикнула.

— Ну, уж *его-то* мы заставим стоять в один момент, — посулила она. И, нагнувшись к бутылке, принесенной ею с собой и пока что стоявшей у кровати, девица вытащила пробку и подала вино Терциусу.

Тот усмехнулся и отпил немного из горлышка, после чего привлек Летицию к себе.

— Ах, как замечательно, — отозвалась она. — А теперь, миленький, на этот раз *я* покажу вам, как *мне* нравится… Ой, что с вами?

И впрямь, лорд Терциус из Штормфорта как-то странно выгибался, катаясь по кровати, выкатив глаза и часто дыша.

— Вино, — выдохнул он. — Где ты его взяла?

— Ваш брат дал, — ответила Летти. — Встретился мне на лестнице и сказал, что это отличное укрепляющее и возбуждающее средство, которое обеспечит нам незабываемую ночь…

— Так и есть, — простонал Терциус и снова изогнулся — один раз, второй, третий, — а потом

замер. И больше не шевелился.

Терциус слышал, как визжит Летиция, но звук доносился до него как бы издалека. Зато он наконец заметил четыре знакомые фигуры, стоявшие в тени у дальней стены.

— Она была очень красива, — прошептал Секундус. (Летиция приняла его голос за шорох занавески.)

— Септимус самый хитрый, — вздохнул Квинтус. — Это все тот же настой воронца, который он добавил в мое блюдо угрей.

(Летиции показалось, что за окном завывает ветер, прилетевший со скальных утесов.)

В дверь уже стучали, потому что весь трактир пробудился от женского визга. Летиция впустила хозяина и слуг, вскоре они бросились искать виновника — но Септимуса в заведении никто не обнаружил. Также из конюшни пропал вороной жеребец (а кучер спал, громко храпя, и даже не пошевелился во сне).

Наутро лорд Праймус проснулся в прескверном расположении духа.

Старший лорд не стал приговаривать Летицию к смерти, утверждая, что она, как и Терциус, пала жертвой коварства Септимуса. Однако он повелел ей сопровождать тело Терциуса обратно

в замок Штормфорт.

Праймус выдал девице одного из черных скакунов, чтобы отвезти мертвого, и кошелек серебряных монет. Более чем достаточно для найма охранника — дырквилльского крестьянина, который должен был проследить, чтобы волки не сожрали останки принцева брата. Хватило и на то, чтобы расплатиться с кучером, когда тот наконец проснулся, и отослать его прочь.

Только тогда, оставшись в одиночестве в своей карете, запряженной четверкой угольно-черных коней, лорд Праймус выехал из деревни Дырквилль. Со времени прибытия настроение у него успело значительно испортиться.

Бревис вышел на перекресток, таща за собой на веревке бородатого и рогатого козла со злющими глазами. Мальчик вел его на рынок, чтобы продать.

С утра мама положила перед Бревисом на тарелку тощую редиску и сказала:

— Послушай, сынок. Эта редиска — единственное, что мне удалось сегодня откопать на нашем огороде. Все посевы побил град, и никакой еды больше не осталось. Нам даже нечего продать, кроме разве козла. Так что ступай привяжи его на веревку, отведи на рынок и продай какому-ни-

будь фермеру. А на вырученные деньги — только смотри не бери за козла меньше флорина — купи курицу и немного зерна и репы. Тогда, может, нам и не придется голодать.

Бревис сжевал свою редиску, которая показалась ему жесткой и терпковатой, и провел остаток утра, гоняясь за козлом по всему загону. Козел умудрился боднуть его в ребра и укусить за ногу, но в конце концов, воспользовавшись помощью мимохожего лудильщика, мальчик загнал негодную скотину в угол и накинул уздечку. Оставив матушку перевязывать раны лудильщика, полученные в процессе битвы с рогатой тварью, он потащил козла на рынок.

Время от времени зверюге приходило в голову рвануться вперед, и тогда получалось, что это Бревис тащится за ним на веревке, прочерчивая пятками полосы в засохшей дорожной грязи. Потом, внезапно и без предупреждения, безо всякой видимой причины козел останавливался, и мальчик получал минуту передышки, чтобы набраться сил и снова волочить рогача за собой.

Наконец он достиг перекрестка на краю леса — потный, голодный и покрытый синяками, то и дело сражаясь с несговорчивым козлом. У скрещения дорог стояла высокая женщина.

Красный покров на ее черных волосах охватывал серебряный обруч, а платье на даме было алое, как ее губы.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросила она голосом сладким, словно коричневый мускусный мед.

— Меня зовут Бревис, мадам, — отвечал тот, разглядывая нечто странное неподалеку от дамы. А именно — небольшую колесницу, не запряженную никаким животным, так что оглобли ее свободно валялись на земле. Мальчик не понимал, как колесница могла сюда попасть.

— Бревис, — промурлыкала женщина. — Красивое имя. Не хочешь ли, маленький Бревис, продать мне своего козла?

Мальчик поразмыслил.

— Мама велела мне отвести его на рынок, а на вырученные деньги купить курицу, зерно и репу. И все это принести обратно домой.

— И за сколько же твоя мама советовала продавать козла? — спросила женщина в алом платье.

— Она велела брать не меньше флорина, — ответил Бревис.

Дама улыбнулась и подняла руку. В ладони блеснуло что-то желтое.

— А я дам тебе за него вот эту золотую гинею.

На гинею ты сможешь купить целый курятник и еще останется сдача на сотню бушелей репы.

Мальчик невольно разинул рот.

— Ну так что, мы поладили?

Мальчик кивнул и отдал даме конец веревки.

— Ага. — Вот и все, что он смог сказать, потому как в голове его проносились картины неслыханного богатства, бессчетных пучков репы и тому подобное.

Женщина взяла веревку. Потом прикоснулась пальцем ко лбу козла, прямо между желтых глаз, и спокойно сняла с него уздечку.

Бревис ожидал, что сейчас козел ускачет в лес или помчится вдаль по дороге, но тот стоял на месте как вкопанный. Мальчик протянул руку за золотой гинеей.

Женщина внимательно осмотрела его — с грязной стриженой головы до сбитых ног — и снова улыбнулась.

— Знаешь, — сказала она, — сдается мне, что пара будет куда быстрее, чем один. Как ты думаешь?

Бревис не понял, о чем говорит дама, и приоткрыл было рот, чтобы сообщить ей об этом. Но тут она своим длинным пальцем коснулась его переносицы, как раз между глаз, и мальчик

обнаружил, что не может выговорить ни слова.

Дама щелкнула пальцами, и Бревис на пару с козлом занял место между оглоблями ее колесницы. Мальчик с немалым удивлением осознал, что идет на четвереньках, и ростом он теперь не выше, чем животное рядом с ним.

Ведьма щелкнула кнутом, и колесница покатилась по грязной дороге, влекомая вперед парой одинаковых белых козлов.

Лохматый человечек забрал рваное пальто Тристрана вместе со штанами и понес их в деревню, приютившуюся в долине меж тремя вересковыми холмами. Юноша остался ждать его, завернувшись в одеяло.

Вечер был теплый. В ветвях боярышника, возле которого сидел Тристран, вспыхивали огоньки. Сперва юноша принял их за светлячков, но при ближайшем рассмотрении это оказались крохотные человечки. Мерцая, они перелетали с ветки на ветку.

Тристран вежливо покашлял. На него тут же уставилось множество маленьких глазок. Некоторые крохи сразу попрятались, остальные вспорхнули на ветви повыше, и только несколько отчаянных храбрецов полетели прямо к Тристрану.

Они указывали на него пальцами и смеялись тоненькими звенящими голосами над беднягой в нижнем белье и разбитых ботинках, завернутом в одеяло, зато со шляпой-котелком на голове. Тристран покраснел и крепче запахнул края своей импровизированной накидки.

Один из крошечных насмешников запел:

Тилли-тилли-талли,
Мальчишка в одеяле
По глупости безмерной
Звезду все ищет здесь,

Но надобно сначала
Пройти дорог немало,
Чтоб, сбросив одеяло,
Увидеть, кто ты есть.

Другой подхватил:

Тристран Тёрн,
Тристран Тёрн,
Сам не знает, где рожден!
Клятвой глупой изгнан вон
И сидит здесь, угнетен,
Весь искусан, изможден,

Досадит любимой он,
Вистран-Бистран-Тристран Тёрн!

— Пойдите прочь, вы, глупые малявки! — весь раскрасневшись, крикнул Тристран. И раз уж под рукой не нашлось ничего более подходящего, он запустил в певунов своей шляпой.

Вот так получилось, что когда лохматый человечек вернулся из деревни под названием Весёлки (хотя никто не мог бы объяснить, отчего это унылое, сумрачное местечко так называется), он обнаружил Тристрана мрачно сидящим в одеяле под кустом боярышника и скорбящим о потере любимой шляпы.

— Они говорили гадости о моей любимой, — объяснил Тристран. — О мисс Виктории Форестер. Да как они посмели?!

— Маленький народец смеет все, что хочет, — объяснил его друг. — В их болтовне много бессмыслицы… Но и смысла тоже немало. Порой их стоит слушать, а иногда — ни за что.

— Они сказали, что я досажу своей любимой.

— В самом деле? — безразлично переспросил коротышка, раскладывая на траве разные предметы одежды. Даже при луне Тристран разглядел, что они не имеют ничего общего с прежними

его вещами.

В Застенье мужчины обычно одевались в коричневое, черное и серое; даже самый красный платок на шее у самого румяного фермера вскоре выгорал под солнцем и застирывался до более благопристойного цвета. Тристран с сомнением смотрел на ворох алой, рыжей и канареечной ткани, скорее напоминающий костюм бродячего комедианта или содержимое карнавального сундука кузины Джоанны. Наконец он спросил:

— Это что, моя одежда?

— Да, да, твои новые вещи, — гордо подтвердил лохматый человечек. — Я их с трудом выторговал. Все самого высшего качества — материя совершенно новенькая, без заплат и штопок, так просто не порвешь. Ты не будешь особенно выделяться в толпе. Костюмчик вполне в стиле здешних мест.

Тристран поразмыслил над идеей проделать остаток пути в одеяле, завернувшись в него на манер жестоких дикарей с картинки из школьного учебника. Затем со вздохом снял ботинки, сбросил одеяло на траву и облачился в роскошную новую одежду с помощью лохматого человечка («Не, не, парень, эта штука надевается *сверху*. Боже ж мой, чему только учат нынешнюю мо-

лодежь?»).

Новые башмаки подошли ему не в пример лучше прежних.

А костюм в самом деле оказался хорош. Хотя, как известно, не мантия делает герцога и птицу узнают не по перу, а по полету, все-таки порой облачение добавляет блюду особой остроты. И Тристран Тёрн в канареечно-желтом и красном почувствовал себя уже другим человеком, нежели прежний Тристран Тёрн в пальто и воскресном костюмчике. В походке у него появилась некоторая уверенность, в движениях — довольство и радость, которых он раньше за собой не замечал. Подбородок его, обычно опущенный, сам собой поднялся кверху, а в глазах загорелся огонек, которого никогда не бывало у Тристрана времен шляпы-котелка.

Потом они перекусили продуктами, принесенными из Весёлок, — это была превосходная копченая форель, миска нечищеных бобов, немного изюма и бутыль легкого пива. После еды Тристран окончательно сроднился с новой одеждой.

— Ну что ж, — сказал коротышка. — Ты, парень, как-никак спас мою жизнь — там, в мертволесье. А твой папаша оказал мне добрый прием еще до

твоего рождения. Пускай никто потом не говорит, что такой малый, как я, оказался неблагодарной свиньей и не платит добром за добро…

Тристран начал было бормотать, что новый друг уже очень много для него сделал, но лохматый человечек, не слушая его, продолжал:

— …Вот я и подумал: ты ведь знаешь, где твоя звезда, верно?

Тристран незамедлительно показал на темный горизонт.

— А тебе известно, как далеко она отсюда, твоя звезда?

До сих пор Тристран как-то не задумывался об этом. Но теперь он услышал собственный голос, отвечающий:

— Если останавливаться только на ночлег, луна успеет смениться полдюжины раз, пока доберешься до упавшей звезды через предательские горы и знойные пустыни.

Тристран изумленно замолк. Ничего подобного он говорить не собирался и сам от себя не ожидал такой речи.

— Так я и думал, — покивал лохматый человечек, нагибаясь над чемоданом, чтобы Тристран не заметил, как он открывается. — И похоже, ты не единственный охотник за этой звездой.

Помнишь, что я тебе говорил?

— О том, что нужно выкопать ямку, если решишь сходить в туалет?

— Да нет, другое.

— Что нельзя никому называть свое имя и говорить, куда идешь?

— Не совсем.

— А что тогда?

– *«Далеко ли Вавилон?»*

— А… Вот вы о чем.

– *«При свече туда дойдешь, а потом — назад».* Конечно, если свеча из настоящего воска. Чтобы раздобыть подходящую, мне пришлось немало потрудиться. — Коротышка извлек наружу свечной огарок длиной не больше пальца и подал его Тристрану.

Юноша послушно взял огарок, не замечая в нем ничего особенного. Обычная свечка — восковая, а не сальная; многократно использованная и оплывшая. Фитилек у нее был черный, обугленный.

— И что я должен с ней делать? — спросил Тристран.

— Всему свое время, — заметил лохматый человечек, вытаскивая из чемодана что-то еще. — И вот это возьми. Пригодится.

Непонятный предмет заблестел в лунном свете. Тристран взял в руки новый подарок — тонкую серебряную цепочку с петлями на обоих концах. Она приятно холодила ладонь.

— А это что?

— Обычный состав: кошачье дыхание, рыбья чешуя и лунный свет с мельничной запруды. Цепь тебе потребуется, чтобы забрать звезду с собой.

— Точно-точно?

— Непременно.

Тристран приподнял цепочку и уронил ее себе на ладонь: она струилась, как ртуть.

— Куда же мне ее положить? На этой отличной одежде нет ни одного кармана!

— Обвяжи цепь вокруг пояса; когда понадобится — снимешь. Вот так. А теперь ступай. Кстати, карман на камзоле у тебя все-таки есть — с изнанки, видишь?

Тристран обнаружил потайной карман. Над ним была маленькая петелька; туда юноша и вставил свой подснежник, стеклянный цветок, который отец вручил ему в качестве талисмана, когда Тристран уходил из Застенья. Он невольно спросил себя, повлиял ли уже отцовский талисман на его судьбу — и если да, то в хорошую или

дурную сторону?

Тристран встал и крепко сжал ручку своего саквояжа.

— Теперь объясняю, — сказал лохматый человечек. — Вот что ты должен сделать: возьми свечку в правую руку, я сейчас зажгу фитилек. После чего иди за своей звездой. Обратно доставишь ее с помощью цепи. Свечи осталось совсем мало, так что лучше тебе поторопиться и шагать поживей, а то пожалеешь о малейшем промедлении. «Будешь быстр и не свернешь»!

— Я… я попробую, — обещал Тристран.

Все еще ничего не понимая, он стоял с огарком в руках. Лохматый человечек простер над свечкой руку, и фитилек вдруг загорелся синеватым пламенем, желтым на конце. Дунул ветерок — но язычок огня даже не поколебался.

Тристран выставил перед собой огарок и шагнул вперед. Свечка странно освещала мир вокруг: каждое дерево и даже травинка ясно выступали из сумрака.

Следующий шаг — и Тристран оказался на берегу озера, а огонек свечи отражался в темной воде. Шаг — перед Тристраном взметнулись горы, ощерясь одинокими утесами, и язык пламени бликовал в горящих глазах обитателей снежных

высот. Шаг — и юноша оказался на облаках, причем они вовсе не были плотными, но все-таки выдерживали его вес; потом, крепко сжимая свечку, Тристран прошел под землей, где при свете огня поблескивали мокрые пещерные стены; шаг — и снова горы, а после гор — дорога через дикий лес, и Тристран успел разглядеть женщину в красном платье, что мчалась в колеснице, запряженной парой белых козлов. Дама на вид очень напоминала Боадицею, как ее рисуют в исторических книжках. Шаг — и Тристран стоял на зеленой поляне. Где-то рядом пела вода, плеща и струясь по камешкам тонким ручейком.

Тристран шагнул еще раз — но полянка никуда не делась. Здесь росли высокие папоротники и вязы, из травы выглядывали цветки наперстянки. Луна уже села. Юноша водил вокруг себя свечкой, пытаясь высмотреть что-либо похожее на упавшую звезду — может быть, особенный камень или алмаз, — но не находил ничего.

Однако сквозь бормотание ручья ему удалось расслышать некий звук. Будто кто-то всхлипнул и сглотнул. Такой звук издают, когда стараются не заплакать.

— Кто здесь? — воскликнул Тристран.

Всхлипывание прекратилось. Но Тристран был

уверен, что под кустом орешника что-то светится, и пошел туда.

— Извините, — издалека начал он, надеясь успокоить того, кто засел под деревом. Юноша молился, чтобы там не оказался кто-нибудь из мелкого народца, укравшего его шляпу. — Простите, я ищу упавшую звезду.

Вместо ответа из-под куста вылетел комок мокрой земли и шлепнул Тристрана по щеке. Довольно-таки больно шлепнул, к тому же грязь попала за шиворот.

— Я не собираюсь обижать вас, — громко заверил Тристран.

На этот раз он успел увернуться от очередного комка земли, и снаряд ударился о ствол ближайшего вяза.

— Уходи! — крикнул сердитый и прерывистый голос, будто его обладатель — вернее, обладательница, — только что плакала. — Сейчас же уйди и оставь меня в покое!

Девушка в неловкой позе скорчилась под кустом и весьма недружелюбно смотрела на ночного гостя. Рука ее уже нащупала новый ком земли, однако бросать повременила.

Глаза у девушки были заплаканные, а волосы — такие светлые, что казались почти белыми.

Голубой шелк платья слегка мерцал в свечном свете. Да и вся она как будто мерцала.

— Пожалуйста, не надо бросать в меня грязью, — взмолился Тристран. — Я вовсе не хотел вас беспокоить. Где-то здесь поблизости упала звезда, и я должен найти ее прежде, чем прогорит эта свечка.

— Я сломала ногу, — сообщила юная леди.

— Очень вам сочувствую, — отозвался Тристран. — Но звезда…

— Я сломала ногу, — горестно повторила она, — при падении с высоты. — С этими словами девица приподняла земляной ком. С ее руки при движении посыпалась сверкающая пыльца.

Ком земли ударил Тристрана в грудь.

— Убирайся, — всхлипнула девушка, закрывая лицо руками. — Уходи наконец и не трогай меня!

Тристрана внезапно осенило.

— Ты и есть звезда, — пробормотал он.

— А ты — дурак, — горестно сообщила девушка. — А кроме того, балбес, тупица, балда и кретин!

— Ага, — согласился Тристран. — Думаю, так оно и есть.

Одновременно он разматывал серебряную це-

почку, обернутую вокруг пояса. Петлю на одном ее конце он надел себе на руку, а другую накинул на тонкое запястье девицы. Цепь тут же затянулась, как живая.

Девушка горько смотрела на него.

— Ты хоть сам знаешь, — спросила она голосом, из которого внезапно исчезли нотки гнева и ненависти, — ты хоть понимаешь, что делаешь?

— Забираю тебя с собой, — ответил Тристран. — Я дал обет.

В этот момент огонек свечи затрещал, остаток фитиля почти утонул в лужице воска. На миг пламя вспыхнуло с небывалой яркостью, осветив лужайку, и девушку, и несокрушимую цепь, бегущую от ее запястья к Тристранову.

И свеча наконец погасла.

Тристран смотрел на девушку — на звезду — и, как ни старался, не мог придумать, что бы сказать.

«При свече туда дойдешь, — подумал он. — *А потом — назад».* Но свечка догорела, а значит, от деревни Застенье его отделяло шесть месяцев тяжкого пути.

— Довожу до твоего сведения, — сказала звезда ледяным тоном, — кто бы ты ни был и каковы бы ни оказались твои намерения насчет меня, я не

окажу тебе ни малейшей помощи. Напротив, сделаю все, что в моих силах, чтобы расстроить твои планы. — И, помолчав, она добавила: — Идиот.

— Э-э… — сказал Тристран. — А идти ты можешь?

— Нет, — почти радостно ответила она. — У меня сломана нога. Ты что, еще и глухой, мало туго что тупой?

— Ваш народ когда-нибудь спит? — спросил юноша.

— Конечно. Только не по ночам. Ночью мы сияем.

— Ладно, — сообщил Тристран мрачно, — а я собираюсь немного поспать. Пока не отдохну, ни о чем другом думать не буду. Тяжелый выдался день, знаешь ли. Ты, если хочешь, можешь тоже попробовать уснуть. Нам предстоит долгий путь.

Небеса начинали светлеть. Тристран подложил под голову свой чемоданчик и улегся на лужайке, стараясь игнорировать оскорбления и ругательства, которыми осыпала его девушка в голубом платье.

Он думал, что будет делать лохматый человечек, когда обнаружит, что Тристран не вернулся.

Потом поразмышлял, что сейчас может поделывать Виктория Форестер, — и решил, что она,

наверное, спит в уютной постели в своей спальне на отцовской ферме.

Еще он пытался представить, насколько это долгий путь — в полгода длиной — и чем они будут питаться по дороге.

И задумался, что едят звезды…

И наконец уснул.

— Болван. Дубина. Недоумок, — сказала звезда.

Она вздохнула и попробовала устроиться поудобнее, насколько позволяли обстоятельства. Нога ныла постоянной тупой болью. Девушка подергала цепь на запястье — та прилегала плотно и была очень крепка, так что не получалось ни порвать ее, ни высвободить руку из петли.

— Тупоумный, отвратительный олух, — пробормотала звезда себе под нос.

И вскоре тоже уснула.

Глава пятая,
в которой состоится бой за корону

В ярком утреннем свете юная леди казалась куда более человечной и куда менее небесной. С минуты пробуждения Тристрана она не сказала ни слова.

Юноша вытащил нож и срезал с упавшего дерева толстую ветку с рогулькой на конце. Звезда в это время сидела под высоким платаном и неприязненно смотрела, как Тристран работает. Он содрал длинную полосу коры с зеленой ветки и корой обмотал разветвление, так что получился неплохой костыль.

Позавтракать им не пришлось, и Тристран здорово проголодался. Пока он срезал ветки, желудок его так и бурчал. Звезда ничем не показала, что голодна. Она вообще ничего не делала, только смотрела на Тристрана — сперва укоризненно, а потом с неприкрытой ненавистью.

Тристран крепко намотал кору, сделал петлю и затянул обмотку узлом.

— Честное слово, тут нет ничего личного, — сказал он, обращаясь не то к девице, не то ко всей

роще. Под прямым солнечным светом звезда почти совсем не мерцала, разве что если на нее вдруг падала тень.

Звезда водила белым пальчиком по цепи, охватившей ее запястье, и не отвечала.

— Я пошел на это ради любви, — продолжал Тристран. — И на тебя теперь вся моя надежда. Ее — в смысле, мою любовь — зовут Виктория. Виктория Форестер. Она самая красивая, умная и чудесная девушка на свете.

Звезда презрительно фыркнула.

— И такое чудесное, милое создание велело тебе меня помучить?

— Ну, не совсем так. Понимаешь, она обещала мне все, что я пожелаю — то есть свой поцелуй, а потом руку и сердце, — если я принесу ей упавшую звезду, которую мы вместе видели ночью. Я ведь считал, — признался Тристран, — что звезда — это какой-нибудь камень или там алмаз. И представить не мог, что звезда окажется дамой.

— Однако, обнаружив даму, ты даже не подумал помочь ей или оставить в покое. Зачем было ее впутывать в свои дурацкие дела?

— Из-за любви, — объяснил юноша.

Девица смотрела на него небесно-голубыми глазами.

— Да подавись ты своей любовью, — пожелала она.

— Это никак невозможно, — отозвался Тристран, стараясь придать голосу больше спокойствия и доброты, чем имелось у него в сердце. — Ну вот, готово. Испытай.

Он подал девушке костыль и, наклонившись, хотел помочь ей встать на ноги. Когда его руки коснулись ее кожи, пальцы кольнуло приятным холодком. Но звезда и не думала вставать, напротив, сидела неподвижно, как пень.

— Я же сказала, — напомнила она, — что буду изо всех сил тебе мешать. — Звезда придирчиво оглядела полянку. — Надо же, какой ваш мир приветливый при свете дня. И какой скучный.

— Сперва перенеси свой вес на меня, а потом обопрись о костыль, — настаивал Тристран. — Все равно тебе придется идти.

Он потянул за цепочку, и звезда нехотя поднялась на ноги, сперва держась за Тристрана, но быстро променяла его на костыль, будто ей было противно прикасаться к юноше.

Однако ей не удалось устоять на ногах: зашипев от боли, девушка опустилась на траву. Лицо ее сморщилось. Тристран взволнованно присел рядом.

— Что с тобой?

Голубые глаза девушки сверкали.

— Нога… Я не могу на нее наступать. Наверное, она в самом деле сломана.

Звезда побледнела, как облако, и сильно дрожала.

— Мне очень жаль, — беспомощно сказал Тристран. — Знаешь что? Я могу наложить тебе шину. Я делал так с овцами, у меня получится. — И юноша подбодрил ее пожатием руки.

Он даже сбегал к ручью, намочил свой платок и отдал его звезде — вытереть лоб. Потом нарубил ножом еще ветвей.

Ему пришлось снять нижнюю рубашку и порвать ее на полосы; этими самодельными бинтами Тристран примотал крепкие ветки к раненой ноге девушки — так крепко, как только мог, стараясь не причинять ей боли. Звезда не издавала ни звука, но когда Тристран затянул последний узел слишком туго, она не удержала слабого стона.

— По-хорошему, — сказал он, — надо бы показать тебя настоящему доктору. Я ведь не хирург, в конце концов.

— Разве? — саркастически отозвалась девушка. Тристран дал ей немного отдохнуть на солнышке

и предложил:

— Ну что, попробуем снова?

На этот раз ему удалось поставить звезду на ноги. Они поковыляли прочь с поляны: девушка тяжело опиралась на костыль с одной стороны и на руку Тристрана — с другой. Каждый шаг заставлял ее морщиться от боли. Всякий раз, когда она мучительно сводила брови, Тристрана одолевало чувство вины и неловкости, но он утешался воспоминанием о прекрасных серых глазах Виктории Форестер. Так они пробирались оленьими тропами по лесу, и юноша, который решил, что нужно развлекать звезду беседой, расспрашивал ее о чем попало. Он осведомлялся, давно ли она работает звездой, интересное ли это занятие и неужели все звезды — сплошь молодые девушки. Заодно Тристран сообщил ей, что всю жизнь со слов миссис Черри считал звезды раскаленными шарами пылающего газа размером сотни миль в диаметре — то есть таким же светилами, как Солнце, только более далекими.

На его вопросы и утверждения девица не реагировала ни единым словом.

— А почему же ты упала? — спросил Тристран, ища новых тем. — Споткнулась обо что-нибудь?

Неожиданно она остановилась и посмотрела

на него особым взглядом — будто рассматривала некую гадость, да еще и с большого расстояния.

— Я не спотыкалась, — наконец сообщила звезда. — Меня сбили. Вот *этой штукой.*

Она пошарила за вырезом платья и показала Тристрану большой желтоватый камень, висевший на разорванной серебряной цепи.

— Мало того что он меня сбил с небес — у меня еще и огромный синяк на боку от удара. А я теперь, видишь ли, обязана всюду носить противный камень с собой.

— Почему?

Тристрану показалось, что она сейчас ответит, однако звезда только покачала головой, плотно сомкнув губы.

По правую руку с плеском бежал ручей, спеша с ними в одну и ту же сторону. Полуденное солнце стояло прямо над головой, и Тристран обнаружил, что зверски голоден. Он достал из сумки сухую корку — все, что осталось от каравая, — и, смочив ее в ручье, разделил пополам.

Звезда презрительно посмотрела на мокрый хлеб и даже не прикоснулась к нему.

— Ты так умрешь от голода, — предостерег ее Тристран.

Девушка ничего не ответила, только вскинула

подбородок.

Они продолжили путь по лесу, но шли крайне медленно. Поднимаясь оленьей тропой по склону холма, путники то и дело перебирались через стволы поваленных деревьев, а под конец подъем стал настолько крутым, что Тристран и его пленница рисковали кувырком скатиться к подножию.

— Неужели нет дороги попроще? — наконец не выдержала звезда. — Например, понизу. Или в обход.

Как только она задала вопрос, Тристран понял, что знает ответ.

— В полумиле отсюда есть хорошая тропа. — Он указал направление. — Через росчисть, сразу за теми зарослями.

— Так ты знал?

— Ну да… То есть нет. Я имею в виду, не знал, пока ты не спросила.

— Ну, пойдем же к твоей хваленой росчисти, — отозвалась она.

Путники потратили не меньше часа на то, чтобы добраться до росчисти, зато потом земля под ногами наконец-то стала плоской, как футбольное поле. Похоже, это место расчистили с какой-то определенной целью, хотя с какой

именно — Тристран и представить не мог.

Посредине большой поляны на траве лежала роскошная золотая корона, блестевшая под вечерним солнцем. *Рубины и сапфиры,* подумал Тристран, глядя на усеявшие ее алые и голубые камни. Он хотел было подойти, чтобы рассмотреть корону поближе, но звезда тронула его за рукав.

— Стой. Ты что, не слышишь барабаны?

Тристран в самом деле узнал барабанный бой. Низкие, глухие удары отбивали ритм, казалось, сразу со всех сторон, одновременно близко и далеко. Эхо барабанного боя громыхало в холмах.

Вдруг из леса на другом краю поляны послышался страшный хруст, сопровождаемый бессловесным воплем боли. Из-за деревьев выскочил огромный белый конь с израненными, окровавленными боками. Он выбежал на середину поляны и развернулся навстречу врагу, опустив голову.

Враг не замедлил появиться — выпрыгнул из чащи с оглушительным ревом, от которого Тристран покрылся мурашками. Это был лев, но до чего же мало он походил на беззубого, полуслепого и облезлого льва, однажды виденного Тристраном на ярмарке в соседнем селе! Ны-

нешний зверь, втрое больше размером, сверкал гладкой шкурой цвета полуденного песка. По-кошачьи колотя себя хвостом по бокам, он зарычал на белого коня, обнажая зубы.

Конь выглядел перепуганным. Грива его намокла от пота и крови, глаза вылезали из орбит. Только сейчас Тристран заметил, что на лбу у него красуется длинный рог цвета слоновой кости. Единорог взвился на дыбы с яростным ржанием и острым неподкованным передним копытом ударил льва в грудь. Тот завыл, как ошпаренный кипятком гигантский кот, и отскочил в сторону. Держась на расстоянии, лев закружил вокруг настороженного единорога, не сводя золотых глаз с острого рога, неизменно развернутого в его сторону.

— Останови их! — прошептала звезда. — Они же убьют друг друга!

Лев снова зарычал. Начался его рык негромко, как отдаленный раскат грома, и постепенно вырос до страшного рева, сотрясавшего кроны деревьев, скалы и сами небеса. Потом лев прыгнул, единорог прянул ему навстречу, и по поляне покатился золото-серебряно-алый клубок. Лев вцепился-таки единорогу в спину, глубоко вонзая когти ему в бока и вгрызаясь зубами противнику

в шею; единорог стонал и лягался из последних сил, перекатывался на спину в попытке сбросить огромную кошку. Его копыта и рог беспомощно разили воздух, не в силах дотянуться до мучителя.

— Пожалуйста! Ну сделай что-нибудь! — умоляла девушка, чуть не плача. — Ведь лев его убьет!

Тристран мог бы объяснить ей, что единственное, на что он мог рассчитывать, вмешавшись в схватку могучих зверей, — это быть проколотым рогом, и затоптанным, и разорванным на части, а то и проглоченным. Он мог бы пойти и дальше в своих объяснениях и изложить, что даже умудрись он чудом выжить — разнять дерущихся все равно бы не удалось. Ведь Тристран не располагал сейчас и ведром с водой — традиционным застенским средством против драки животных.

Все эти полезные мысли разом пронеслись у юноши в голове, в то время как ноги сами собой вынесли его на середину поляны, где он застыл в паре шагов от свившихся клубком противников. От льва исходил сильный и страшный звериный запах, и Тристран стоял достаточно близко, чтобы разглядеть умоляющие черные глаза единорога…

Вел за корону смертный бой со львом единорог,

неожиданно вспомнился Тристрану старый детский стишок.

Гонял единорога лев вдоль городских дорог,
И раз побил,
И два побил,
Его помучив всласть,
И третий раз отколотил,
Свою упрочив власть…

Повторяя про себя слова стишка, юноша поднял с травы золотую корону, тяжелую и одновременно мягкую, как свинец. Сделал шаг к сцепившимся животным и обратился ко льву тоном, которым он обычно увещевал драчливых баранов и пугливых овец на отцовских полях:

— Ну, ну… Успокойся, тише… Вот твоя корона…

Лев тряхнул единорога за загривок, как кошка, треплющая шерстяной шарф, и скосил на Тристрана изумленные глаза.

— Молодец, — приговаривал Тристран, обеими руками протягивая корону могучему зверю. В гриве льва запутались мелкие камешки и листья. — Ты молодец. Ты победил. А теперь отпусти единорога.

Он приблизился еще на шаг и дрожащими руками водрузил корону льву на макушку.

Лев выпустил наконец измученного противника и принялся горделиво расхаживать по поляне, высоко подняв увенчанную голову. Наконец он дошел до края леса, помедлил пару минут, чтобы зализать раны длинным красным языком, — и, урча, как землетрясение, скрылся меж деревьев.

Звезда, прихрамывая, добралась до раненого единорога, неловко опустилась рядом со зверем на траву, вытянув в сторону больную ногу, и принялась гладить его по голове.

— Ах ты, бедняжка, — приговаривала она.

Единорог открыл свои черные глаза и внимательно посмотрел на нее, после чего положил ей голову на колени и снова опустил веки.

Тем вечером Тристран поужинал остатками сухого хлеба. Звезда не ела ничего. Она настояла, что нельзя оставлять больного единорога, и Тристрану не хватило духа ей отказать.

Когда стемнело, небосвод над сумеречной поляной наполнился мерцанием тысяч звезд. Девушка-звезда тоже мерцала, будто искупавшись в Млечном Пути. Волшебное животное смутно белело в темноте, как луна сквозь облака. Тристран лежал, привалившись к огромному боку

единорога и греясь его теплом. Звезда устроилась по другую сторону зверя. Похоже, она напевала единорогу песенку; Тристран жалел, что не может получше расслышать. Обрывки странной мелодии, долетавшие до него, завораживали — но девушка пела так тихо, что он почти ничего не понял.

Юноша потрогал цепь, соединявшую их со звездой, — холодную, как снег, и тонкую, как лунный свет в мельничной запруде или блеск серебряной чешуи форели, когда та всплывает к поверхности из водных глубин.

Вскоре он уснул.

Королева ведьм направляла свою колесницу по лесной дороге, то и дело охаживая белых козлов кнутом по бокам, стоило им притомиться. Она заметила маленький костерок в стороне от тракта, примерно в миле впереди, и по цвету пламени поняла, что огонь разожжен кем-то из ее народа. Колдовские костры обычно горят языками необычных оттенков. Так что ведьма нахлестывала козлов, пока не поравнялась с ярко раскрашенным цыганским фургоном и с костерком, возле которого сгорбилась седоволосая старуха. Она поворачивала над огнем вертел с насаженным на него зайцем. Из распоротого

заячьего живота капал жир, шипя на угольях, так что ноздри щекотали сразу два запаха — древесного дыма и жареного мяса.

Пестрая птица сидела в фургоне на деревянной жердочке возле места возничего. При виде королевы ведьм она взъерошила перья и подала сигнал тревоги, хотя в случае чего сама птица не смогла бы улететь, прикованная к своему насесту цепью.

— Прежде чем вы что-либо скажете, — подала голос седая карга, — хочу предупредить вас, что я всего лишь бедная старая цветочница, безобидная бабушка, которая никогда никому не причиняла вреда. Вид такой важной и суровой дамы, как вы, внушает мне трепет и почтение.

— Я ничего тебе не сделаю, — отозвалась королева ведьм.

Старая карга, щурясь, с головы до ног разглядывала красивую леди в алом платье.

— Это все только слова, — проныла она. — Как мне поверить в вашу искренность — мне, доброй и милой старушке, которая так и трясется от страха перед вами? Вдруг вы решите ограбить меня ночью или еще чего похуже?

И ведьма поворошила палкой в костре, отчего пламя подпрыгнуло.

— Я клянусь, — сказала леди в алом, — клянусь правами и обязанностями древнего Сестричества, к которому мы с тобой принадлежим, а также могуществом великих Лилим, своими губами и грудями и своей девственностью, что я не причиню тебе вреда и буду обращаться с тобой как с собственной гостьей.

— Вот и славно, моя дорогая, — обрадовалась старуха, скаля в улыбке желтые зубы. — Садитесь к костерку. Ужин вот-вот поспеет — в одно мановение ягнячьего хвоста.

— С удовольствием угощусь, — ответила леди в алом платье.

Козлы, посапывая, жевали траву рядом с колесницей, с неприязнью поглядывая на привязанных к колышку старухиных мулов.

— Отличные козлики, — сказала карга.

Королева ведьм кивнула, скромно улыбаясь. Пламя костра отсвечивало на чешуе алой змейки, браслетом обернувшей ее запястье.

— Конечно, мои старые глаза уже не те, что прежде, — продолжала старуха. — Не ошибаюсь ли я в предположении, что один из ваших рогатых красавчиков не так давно ходил на двух ногах?

— Говорят, такое подчас случается, — согласи-

лась королева ведьм. — Взять для примера хоть вашу прекрасную птичку.

— Эта птичка лет двадцать назад отдала за бесценок прекрасный экземпляр моей коллекции. А потом поставила меня в такое неловкое положение, что и сказать неудобно. Так что с тех пор я предпочитаю держать ее в птичьем облике, кроме некоторых моментов, когда ей нужно торговать за прилавком. Если бы я могла подыскать себе другого слугу, сильного и расторопного, не боящегося работы, пожалуй, я бы оставила ее птичкой навсегда.

Птица грустно щебетала на своей жердочке.

— Меня называют госпожой Семелой, — представилась карга.

А раньше, когда ты была еще девчонкой, тебя называли Занудой Сэл, подумала королева, но вслух не сказала.

— Можешь звать меня Морваннег, — сообщила она в ответ. Это своего рода каламбур, подумалось ей — ведь Морваннег значит «морская волна», а настоящее ее имя давно погребено под ледяной толщей океанских вод.

Госпожа Семела поднялась на ноги, доковыляла до фургона и вернулась к огню с парой деревянных чаш, двумя ножами с деревянными

рукоятками и маленьким горшочком трав, высушенных и растертых в зеленый порошок.

— Я собиралась есть руками, вместо тарелки используя лопух, — усмехнулась она, протягивая одну чашу даме в красном. На чаше из-под слоя грязи проглядывала роспись — цветок подсолнуха. — Но потом я подумала — разве часто выпадает случай поужинать в такой славной компании? Так что — ничего, кроме лучшего. Вам вершки или корешки?

— Выбирай сама, — отвечала гостья.

— Тогда вам — вершки, то есть голова, со вкусными глазками и мозгами и хрусткими ушками. А мне — огузок, где нечего пожевать, кроме обычного скучного мяса.

Приговаривая, ведьма сняла вертел с огня и, орудуя обоими ножами так, что только лезвия мелькали, разделала тушку и срезала мясо с костей. Поделив зайца поровну, старуха предложила своей гостье горшочек с приправами.

— У меня нет соли, дорогая. Можете посыпать мясо травками — они отлично заменят соль. Немного базилика и горный чабрец — по моему собственному рецепту.

Королева ведьм взяла жаркое и добавила чуть-чуть приправы. Она подцепила на пробу кусочек

на кончике ножа и съела с удовольствием, в то время как хозяйка все не принималась за свою порцию, вертела чашу в руках и дула на горячее коричневое мясо, так что поднимался ароматный пар.

— Ну как вам? — спросила старуха.

— Весьма аппетитно, — честно ответила ее гостья.

— Самая изюминка — в приправе, — объяснила седая карга.

— Я чувствую базилик и чабрец, — сказала женщина в красном, — но здесь присутствует еще один вкус, который я не могу распознать.

— Ах вот как, — отозвалась мадам Семела, отщипывая мясо маленькими кусочками.

— И этот вкус кажется мне непривычным.

— Он и впрямь довольно редок. Такая травка растет только в Гарамонде, на острове посреди большого озера. Как приправа она украшает любое блюдо из мяса и рыбы, ароматом отчасти напоминая фенхель, но с привкусом мускатного ореха. У цветков этой травки изумительный оранжевый оттенок. Очень хорошо помогает от испускания газов и от лихорадки, вдобавок ко всему действует как наркотик. Кто его отведает, тот в течение нескольких часов не может гово-

рить ничего, кроме правды.

Леди в красном уронила на землю свою деревянную чашу.

— Трава лимбус? — воскликнула она. — Ты посмела накормить меня лимбусом?

— Вроде того, дорогая, — захихикала старуха. — А теперь скажите мне, госпожа Морваннег, если, конечно, вас так и в самом деле зовут, — куда же вы направляетесь в своей красивой колеснице? И почему вы мне так напоминаете одну старую знакомую?.. Ведь у мадам Семелы хорошая память, она никого никогда не забывает.

— Я еду на поиски звезды, — ответила королева, — что упала где-то в лесах по ту сторону Живот-Горы. А когда я найду звезду, я достану свой большой нож и вырежу ей сердце, пока она еще жива и пока ее сердце принадлежит только ей. Потому что на свете нет лучшего лекарства от времени и от старости, чем сердце живой звезды. Две сестры с нетерпением ожидают моего возвращения.

Мадам Семела присвистнула, обхватив себя руками и раскачиваясь взад-вперед.

— Сердце звезды, неужели и впрямь? Хе-хе! Как бы оно мне пригодилось! Я отведаю достаточно, чтобы вернуть свою молодость, и мои волосы

из седых станут золотыми, груди подтянутся и нальются, снова сделавшись твердыми и высокими. Тогда я завладею всеми сердцами, какие еще остались свободными, на Большой Ярмарке в Застенье! Хе!

— Ничего подобного, — тихо отвечала женщина в красном.

— Почему же? Ведь вы у меня в гостях, дорогая моя. Вы дали клятву. Вы отведали моей еды. Согласно законам нашего Сестричества, вы не можете мне ничем повредить.

— Знаешь, я очень многим способна повредить тебе, Зануда Сэл. Но я всего лишь напомню, что отведавший травы лимбус в течение нескольких часов не говорит ничего, кроме правды; а теперь слушай… — В ее словах послышались отдаленные раскаты грома, и даже лес притих, будто бы каждый лист на деревьях внимательно прислушивался к словам ведьмы. — Вот что я скажу: ты обманом получила знание, которого не заслужила, однако тебе не будет от него выгоды. Ибо ты не сможешь ни увидеть, ни распознать звезду, не сумеешь прикоснуться к ней, отведать ее, найти или убить ее. Даже если кто-то другой вырежет ее сердце и поднесет тебе, ты не поймешь, что именно находится у тебя в руках. Я сказала. Та-

ковы мои слова, и отныне они — истина. Также знай: я поклялась клятвой Сестричества, что не причиню тебе вреда. Не будь я связана клятвой, я превратила бы тебя в таракана и поотрывала бы тебе лапки одну за другой и бросила бы тебя дожидаться какой-нибудь птички — в наказание за унижение, которому ты меня подвергла.

Глаза госпожи Семелы в ужасе распахнулись. Сквозь огонь костра она вытаращилась на гостью и пробормотала:

— Кто ты?

— Во время нашей последней встречи, — ответила женщина в красном, — я правила своими сестрами в Карнадайне до того, как Карнадайн погиб.

– *Ты?* Но ты давно должна была умереть!

— О Лилим всегда болтают, что они давно мертвы, но, как ты сама видишь, слухи лгут. Белка еще не нашла тот желудь, из которого вырастет дуб, предназначенный, чтобы сделать колыбель для ребенка, коему судьба вырасти и убить нас.

Пока она говорила, в костре вспыхивали и угасали серебряные язычки.

— Значит, это все-таки ты. И твоя юность возвратилась к тебе, — вздохнула мадам Семела. — Что ж, ведь и я собираюсь помолодеть.

Леди в красном поднялась в полный рост и бросила чашу из-под жаркого в огонь.

— Никогда ты не помолодеешь, — возгласила она. — Ты что, не слышала моих слов? Как только я уйду, ты забудешь, что когда-либо видела меня. Ты забудешь все произошедшее, даже мое проклятие, хотя оно и забытое будет беспокоить и мучить тебя, как боль в давно отрезанной ноге. И может быть, это научит тебя в будущем учтивей обращаться с гостями.

Деревянная чаша загорелась, испустив длинный язык пламени, задевший листья дуба высоко над костром. Госпожа Семела палкой вытолкнула обугленную чашу из огня и затоптала ее пламя в высокой траве.

— Что такое на меня нашло, что я бросила собственную чашу в костер? — вслух подивилась она. — И посмотрите только — у моего любимого ножа обгорела ручка! О чем я, глупая, думала?

Ответа не было. Издалека, со стороны дороги, донесся топот копыт — возможно, козлиных. Госпожа Семела потрясла головой, будто желая прочистить запылившийся разум.

— Старею, старею, — пробормотала она. — И ничего уж тут не поделаешь.

Старухина птица нервно переступала ногами

на жердочке.

Рыжая белка, то и дело приостанавливаясь, забежала в круг света. Она подобрала с земли желудь, пару секунд подержала его перед собой в передних лапках, сложенных, как для молитвы. Потом поскакала прочь, чтобы спрятать желудь понадежнее и вскоре позабыть о нем.

Скейтс-Эбб — так называется маленький портовый городок, построенный из гранита и на гранитной почве. Это город мелких лавочников, плотников и парусных дел мастеров; старые моряки, у которых часто недостает пальцев, а то и рук и ног, открывают здесь пивные — или просиживают в чьих-нибудь еще пивных целыми днями, по-прежнему заплетая остатки волос в просмоленные косицы, хотя щетина у них на подбородках давно уже припорошена сединой. Шлюх в Скейтс-Эбб не водится, по крайней мере никто из тамошних женщин не причисляет себя к представителям этой профессии — хотя многие из них, будучи хорошенько расспрошены, могут признаться в многомужестве. Один муж с *такого-то* корабля навещает жену раз в полгода, а второй муж с *сякой-то* шхуны заявляется в порт каждые девять месяцев и проводит с супругой не меньше четырех недель подряд.

В итоге все остаются довольны. И хотя случаются, конечно, разочарования мужей, которые возвращаются не вовремя, когда срок действия предыдущего мужа еще не истек, — такие дела разрешаются дракой, а для утешения проигравшего существуют винные лавки. Почти все моряки не чуждаются подобных соглашений — ведь все-таки приятно, когда находится хоть одна живая душа, которая заметит, если ты не вернешься с моря, и оплачет твою смерть. А жены, в свою очередь, утешаются мыслью, что мужья, несомненно, тоже им неверны — они куда больше, чем к ним, привязаны к морю, и море остается им матерью и возлюбленной. А когда приходит время, именно морю принадлежит право омыть тело любимого, выбелив его до жемчужной, коралловой и костяной чистоты.

В этот самый городок Скейтс-Эбб и прибыл однажды ночью лорд Праймус, весь одетый в черное, с бородой густой и жесткой, как аистово гнездо на городской трубе. Он приехал в карете, запряженной четверкой вороных коней, и снял комнату на Кривой улице, в «Отдыхе моряка».

Хозяевам он показался весьма странным постояльцем, потому что приехал с собственной едой и питьем, отнес бутылки и свертки в свою ком-

нату и запер в сундук. Сундук он отпирал, только чтобы достать себе яблоко или кусок сыра или налить перцовой настойки. Чтобы никто даже случайно его не потревожил, лорд занял самую верхнюю комнату в гостинице, устроенной в высокой башенке на скале.

Он потратил пригоршню медяков на уличных мальчишек, чтобы те сразу же докладывали ему о любом встреченном незнакомце, пожаловавшем в город по воде или посуху. В особенности им надлежало высматривать высокого и костлявого черноволосого парня с худым лицом и безразличным видом.

— Праймус определенно учится осторожности, — сказал Секундус пятерым своим мертвым братьям.

— Как говорится, — поддержал его Квинтус тоскливым мертвым голосом, который тем днем прозвучал плеском далеких волн, набегавших на песок, — кому надоело следить, нет ли за плечом Септимуса, тому надоело жить.

Утро в портовом городке Праймус обычно посвящал разговорам с капитанами, чьи корабли стояли в гавани. Он щедро угощал их грогом, но сам не пил и не ел вместе с ними. После полудня лорд отправлялся осматривать корабли в доках.

Вскоре слухи, расползавшиеся по Скейтс-Эббу с огромной скоростью, обрели большую определенность: бородатый господин собирается сесть на корабль, плывущий на восток. За этим открытием последовало еще одно: он отправляется на «Сердце мечты», корабле капитана Йанна, судне черного дерева с палубой, крашенной алым. Судно сие обладало более-менее сомнительной репутацией (каковое выражение подразумевает пиратские рейды в дальних просторах) и собиралось отплыть, как только бородатый господин прикажет.

— Добрый сэр! — обратился к лорду Праймусу уличный мальчишка. — В город берегом прибыл чужестранец! Он остановился у госпожи Петтьер. Из себя такой тощий, на ворона похож; я видел, как он в «Реве океана» угощал грогом весь кабак. Говорит, что он — моряк, оставшийся без места, и ищет себе работы на каком-нибудь корабле.

Праймус погладил мальчика по грязной головенке и дал ему медяк. После чего вернулся к своим приготовлениям, и после полудня было объявлено, что «Сердце мечты» снимается с якоря через три дня.

В последний день перед отплытием «Сердца мечты» Праймус продал черную карету и

лошадей одному конюху с Торговой улицы и отправился в гавань, по пути раздавая мальчишками мелкие монетки. Он вошел в каюту на «Сердце мечты» и строго-настрого приказал никому его не тревожить ни по какому поводу, пока их с городом не будет разделять по меньшей мере неделя пути.

Тем же вечером с матросом, отвечавшим на судне за такелаж, приключился несчастный случай. Будучи пьян, он поскользнулся на мостовой Таможенной улицы и сломал бедро. Хорошо еще, что нашлось кем его заменить — пришлым моряком, с которым на пару бедняга напился тем вечером. По странному совпадению, пьяный весельчак упал, когда пытался по просьбе собутыльника изобразить особенно сложную фигуру хорнпайпа[159]. Новый моряк — высокий, темный и похожий на ворона — той же ночью был занесен в судовые документы, а наутро перед отплытием поднялся на палубу.

Отчалив от берега в утреннем тумане, «Сердце мечты» направилось к востоку.

Лорд Праймус из Штормфорта, с гладко выбритым подбородком, наблюдал за удалявшимся

[159] notes: 159

Хорнпайп — английский матросский танец, танцуется под волынку (отсюда и название). — *Примеч. пер.*

парусом с самого высокого утеса. А потом вернулся на Торговую улицу, где вернул конюху деньги (даже приплатив немного сверх прежнего), и выехал к западу по береговой дороге в своей черной карете, запряженной четверкой вороных лошадей.

Признаки выздоровления были очевидны. По крайней мере огромный единорог без особого труда следовал за путниками иноходью уже целое утро, иногда тычась звезде в плечо своим широким лбом. Раны на его изодранных боках, истекавшие алой кровью под львиными когтями всего-то день назад, теперь подсохли и покрылись коричневой корочкой.

Звезда хромала, спотыкалась, то и дело останавливалась отдохнуть. Тристран шел рядом с ней, их запястья соединяла холодная цепочка.

С одной стороны, Тристран понимал, что в идее оседлать единорога есть нечто кощунственное: в конце концов, это же не лошадь, он не отвечает ни за какие древние пакты меж Человеком и Конем. В черных глубоких глазах странного зверя жила неукротимая свобода, шаги были слишком легки и опасны. С другой стороны, Тристран чувствовал — хотя никак не смог бы обосновать такое ощущение, — что единорог заботится о

звезде и хочет ей помочь. Так что в конце концов юноша обратился к ней:

— Слушай, я помню, что ты собираешься мне мешать и расстраивать мои планы… Но все-таки, если единорог согласится, может, тебе проехать немножко у него на спине?

Звезда промолчала.

— Так как?

Она пожала плечами.

Тристран повернулся к единорогу и заглянул зверю в глаза, темные, как ночные озера.

— Ты меня понимаешь? — спросил он. Тот не ответил.

Юноша надеялся, что единорог кивнет головой или ударит оземь копытом, как дрессированная лошадь, которую он в детстве видел в деревне на лугу. Но зверь просто стоял и смотрел.

— Ты не понесешь леди на своей спине? Пожалуйста…

Единорог снова ничего не произнес, не кивнул и не стукнул копытом. Однако подошел к звезде и встал на колени у ее ног.

Тристран помог девушке взобраться единорогу на спину. Она обеими руками ухватилась за густую гриву и села боком. Ее сломанная нога торчала в сторону, прямая, как палка. Таким

образом они провели в пути несколько часов.

Тристран шел рядом с единорогом, неся на плече костыль своей спутницы, который он продел в ручку чемоданчика. Странствие не сделалось для него легче, хотя звезда и ехала верхом. Тогда юноше приходилось шагать медленно, чтобы не обгонять хромавшую девицу; теперь он старался, напротив, не отставать от единорога, боясь, что, если всадница вырвется вперед, цепь меж ними натянется, и звезда упадет на землю. Желудок Тристрана негодующе бурчал. Юноша только теперь начинал понимать, насколько же проголодался; вскоре он уже не мог думать ни о чем, кроме своего голода. Тристран будто превратился в сплошной голод, окруженный тонкой оболочкой плоти, зачем-то идущий и идущий вперед на предельной скорости…

Юноша споткнулся и понял, что вот-вот свалится с ног.

— Пожалуйста, погодите, — выдохнул он.

Единорог замедлил шаги и остановился. Звезда посмотрела на Тристрана сверху вниз. Потом состроила рожицу.

— Пожалуй, тебе лучше подняться сюда, — предположила она. — Если единорог позволит, конечно. А то ты свалишься в обморок или что-

нибудь в этом роде и меня заодно стащишь на землю. Нам надо раздобыть для тебя какую-нибудь еду.

Тристран благодарно кивнул.

Единорог не выразил недовольства и безразлично ожидал, пока второй всадник вскарабкается ему на спину. Но все попытки Тристрана оказались бесполезными, как штурм отвесной стены. Наконец ему пришла идея подвести единорога к дереву, опрокинутому грозой — или яростным ветром, или раздражительным великаном. Одновременно удерживая в руках саквояж и костыль, юноша перелез по корням на толстый ствол, а оттуда — на спину единорогу.

— По ту сторону холма есть деревня, — сказал Тристран. — Наверняка там найдется что-нибудь поесть. — Он погладил свободной рукой единорога по боку. Огромный зверь зашагал вперед, и Тристран ухватил звезду за талию, чтобы не свалиться. Ладонь ощутила нежный шелк ее платья, а под ним — толстую цепь вокруг пояса, на которой висел топаз.

Езда на единороге ничем не напоминала скачку на лошади. Он двигался не по-конски, аллюр у него был странный, куда более дикий и неравномерный. Единорог подождал, пока Тристран со

звездой понадежнее усядутся у него на спине, и медленно, но верно начал набирать скорость.

Деревья проносились мимо огромными скачками. Звезда пригнулась к шее зверя, вцепившись ему в гриву; Тристран, который от страха забыл даже о голоде, стиснул бока единорога коленями и молился только об одном — чтобы его не сбила на землю какая-нибудь случайная ветка. Вскоре он обнаружил, что начинает получать от скачки своеобразное удовольствие. Есть что-то в езде на единороге… Конечно, такой опыт доступен немногим, но все, кто пробовал, хором говорят, что ощущения восхитительные.

Они достигли предместий деревни, когда солнце уже клонилось к закату. На холмистом лугу, под большим дубом, единорог резко встал и отказался двигаться дальше. Тристран кубарем скатился со спины скакуна на зеленую траву. Отбитый зад болел невыносимо, но под взглядом звезды бедняга не решился его потереть.

— А ты-то проголодалась? — спросил юноша. Звезда не ответила.

— Слушай, — сказал он, — я вот, например, умираю от голода. Уже почти умер. Я не знаю, что вы — то есть звезды — едите и едите ли вообще. Но я совершенно не хочу заморить тебя голодом.

Звезда посмотрела на него сверху вниз, со спины единорога, и вдруг ее голубые глаза стремительно наполнились слезами. Она смахнула слезы ладонью, оставив на щеках грязные полосы.

— Мы едим темноту, — сообщила девушка, — а пьем свет. Так что я вовсе н-не голодная. Я одинокая, несчастная и замерзшая, и мне с-страшно, и я в п-пле-ну, но я н-не голодная, нет.

— Только не плачь, — быстро сказал Тристран. — Знаешь, я сейчас схожу в деревню и раздобуду что-нибудь поесть. А ты просто подожди меня тут. Если кто-нибудь явится, тебя защитит единорог.

Он протянул руки и осторожно помог ей спешиться. Единорог встряхнул гривой и удовлетворенно начал щипать луговую траву.

Звезда фыркнула.

— Подождать тебя тут, говоришь? — переспросила она, приподнимая цепь на запястье.

— Ох, да, — сказал Тристран. — Дай мне руку.

Она послушалась. Тристран некоторое время повозился, пытаясь расширить петлю на ее кисти, но цепь не поддавалась. Он потянул петлю на собственной руке — но и здесь она прилегала плотно.

— Похоже, — вздохнул юноша, — я теперь привязан к тебе так же крепко, как и ты ко мне.

Звезда откинула со лба волосы, зажмурилась и тяжко вздохнула. Быстро овладев собой, она открыла глаза и предположила:

— Может быть, есть какое-нибудь средство… Например, волшебное слово.

— Я не знаю никаких волшебных слов, — признался Тристран. Он снова подергал цепь. В свете заходящего солнца серебро блестело алым и пурпурным. — *Пожалуйста,* — попросил он.

По серебряным звеньям пробежала легкая рябь, и петля соскользнула с его запястья.

— Ну, вот и отлично, — сказал Тристран, подавая звезде свободный конец цепи. — Постараюсь долго не задерживаться. А если к тебе пристанет маленький народец — ну, который поет глупые песенки, — Бога ради, не бросайся в них костылем. Они его украдут.

— Не буду, — обещала звезда.

— Мне придется положиться на твое звездное слово, что ты не сбежишь. — Тристран внимательно посмотрел на нее.

Девушка коснулась своей больной ноги.

— Сейчас я не очень стремлюсь бегать, — многозначительно сообщила она.

И Тристрану пришлось этим удовлетвориться.

Последние полмили до деревни он проделал пешком. Здесь не нашлось трактира — село стояло слишком далеко от проезжих дорог. Однако кругленькая старушка, которая сообщила юноше столь неутешительную весть, пригласила его к себе в дом, где скормила гостю деревянную миску ячменной каши с морковью, а запить налила кружку слабого пива. Тристран обменял свой батистовый носовой платок на бутыль бузинной настойки, круг молодого сыра и пригоршню неизвестных фруктов: мягкие и ворсистые, как абрикосы, виноградного цвета, они пахли спелыми грушами. Еще старушка подарила ему небольшую охапку сена для единорога.

Тристран поспешил обратно на луг, где оставил своих спутников. По дороге он сжевал один из странных фруктов; тот оказался сочным, крепким и достаточно сладким. Интересно, подумал Тристран, не захочет ли звезда угоститься этой штукой — и если захочет, то понравится ли ей. Юноша надеялся, что она порадуется угощению.

Сначала Тристран подумал, что ошибся и где-то неправильно свернул в темноте. Но нет — большой дуб был тот же самый, под которым недавно сидела звезда.

— Эгей! — позвал Тристран. В кустах и в ветвях деревьев сияли светлячки. Ответа не последовало. Тристран почувствовал странную сосущую пустоту где-то внизу живота. — Эгей! — окликнул он еще раз. И перестал кричать, потому что отвечать все равно было некому.

Он уронил сено на землю и поддал его ногой.

Тристран чувствовал, что звезда сейчас находится к юго-востоку от него и не стоит на месте, а движется — со скоростью большей, чем он может развить. Однако юноша все равно пошел ей вслед в ярком лунном свете. Чувствовал он себя весьма глупо, мучаясь от холода, а также от чувства вины, от досады и тоски. Ох не стоило отдавать ей цепь! Надо было привязать ее к дереву… Или повести звезду с собой в деревню… Подобные разумные мысли разом одолевали Тристрана, но еще один внутренний голос убеждал, что не отпусти он звезду сейчас — рано или поздно пришлось бы это сделать, и девица все равно сбежала бы.

Юноша грустно размышлял, увидит ли он звезду когда-нибудь еще, и, спотыкаясь о корни, брел по дороге, углубляясь в дремучий лес. Лунный свет медленно исчезал за плотной завесой листьев. Некоторое время Тристран шел вслепую, в полной темноте, и наконец прикорнул под дере-

вом, подсунув под голову чемоданчик. Некоторое время он лежал и жалел себя — а потом уснул.

В скалистом горном ущелье, на самых южных склонах Живот-Горы, королева ведьм натянула поводья колесницы и, остановившись, понюхала холодный воздух.

В ледяном небе сверкали мириады звезд.

Кроваво-красные губы женщины выгнулись в восхитительной, сияющей улыбке такого чистого, совершенного восторга, что увидь вы ее — у вас бы кровь застыла в жилах.

— О да, — выговорила ведьма. — Она сама идет ко мне в руки.

И холодный ветер ущелья торжествующе завыл вокруг, как будто отвечая ее словам.

Поутру Праймус сидел возле давно угасшего костра, вздрагивая от холода под широкой черной рясой. Один из вороных жеребцов всхрапнул и заржал — непонятно, бодрствуя или во сне, — и снова успокоился. У Праймуса мерзло лицо, он скучал по своей густой бороде. Толстой палкой лорд выкатил из углей серый глиняный комок, поплевал на ладони и разбил горячую корку глины. Изнутри запахло горячим мясом ежа, который медленно пекся в углях, пока Праймус

спал.

Лорд аккуратно скушал свой завтрак, обсасывая тонкие ежовые косточки и бросая их в кострище. Потом заел ежа куском твердого сыра и запил чуть кисловатым белым вином.

Закончив трапезу, он вытер руки о рясу и бросил руны, чтобы узнать, где находится топаз, заключавший в себе власть над горными городами и обширными поместьями Штормфорта. Бросив руны, Праймус изумленно изучил маленькие квадратики красного гранита. Потом собрал их, потряс в горсти длиннопалых рук и снова высыпал на землю. Внимательно исследовав результат гадания, лорд наконец ссыпал руны в мешочек на поясе. Сплюнул в костер, и слюна лениво зашипела на угольях.

— Он удаляется от меня, и весьма быстро…

Праймус помочился на дымящиеся угли, потому что здесь, в глуши, могли водиться хобгоблины и разбойники, а то и кто похуже, и лорд не желал обнаруживать перед ними свое присутствие. Запряг лошадей и забрался в экипаж на место возницы. Карета покатила на восток, к горной гряде за лесом.

Единорог тяжело скакал через темный лес.

Деревья не пропускали лунных лучей, но едино-

рог сам светился бледным светом, да и всадница ярко сияла, оставляя за собой шлейф огоньков. Издалека могло показаться, что девушка, скакавшая меж деревьев, то разгорается сильнее, то чуть угасает, мерцая, как настоящая звездочка.

Глава шестая
Что сказало дерево

Тристрану Тёрну снился сон.

Будто бы он залез на старую яблоню и заглядывает в спальню Виктории Форестер, которая раздевается на ночь. Но как только она сняла платье, под которым обнаружилась весьма длинная и широкая сорочка, Тристран почувствовал, что сук под его ногами начинает прогибаться и трещать, и вот он уже летел вниз, кувыркаясь в лунном свете…

Он падал прямо в луну.

И Луна говорила с ним.

Пожалуйста, шептала Луна голосом, слегка напомнившим ему материнский, *прошу тебя, защити ее. Защити мое дитя. Ей желают зла.*

Луна явственно хотела сказать ему больше и сказала бы — но тут ее лицо сделалось отражением в далекой воде где-то внизу, и Тристран почувствовал, что по щеке его ползет паучок, а мышцы шеи давно затекли. Он поднял руку, чтобы стряхнуть паучка, и в глаза брызнуло утреннее солнце, а весь мир вокруг стал зеленым

и золотым.

— Ты видел сон, — сказал молодой женский голос откуда-то сверху. Голос был приятный, хотя и со странным акцентом. Тристран слышал, как в кроне красноватого бука шелестят листья.

— Да, — ответил он тому, кто прятался на дереве. — Я видел сон.

— Мне тоже снился сон сегодня ночью, — продолжил голос. — Во сне я смотрела вверх и видела весь лес, и через лес приближалось нечто огромное. Оно подходило все ближе и ближе, и я поняла, что это такое. — Она неожиданно замолчала.

— И что же это было? — вежливо спросил Тристран.

— Всё, — ответила женщина. — То есть Пан. Когда я была очень молода, кто-то — может, белка, они ведь такие болтушки, а может, сорока или даже рыбка, — кто-то сказал мне, что нашим лесом владеет Пан. По-своему *владеет,* конечно, не как мы. Если кто-то из нас владеет лесом, это значит, что он может продать лес кому-нибудь, или окружить его стеной, или…

— Или рубить в нем деревья, — подсказал вежливый Тристран.

Воцарилось молчание. Юноша подумал, что собеседница почему-то ушла.

— Эгей, — окликнул он. — Эгей, вы еще здесь?

Сверху опять послышался шорох листвы.

— Не надо говорить таких вещей, — сказал женский голос.

— Извините, — отозвался Тристран, толком не зная, за что он, собственно, извиняется. — Вы остановились на том, что здешним лесом владеет Пан…

— Конечно, владеет, — ответил голос. — Ведь владеть чем-то очень просто. Хотя бы и целым миром. Надо просто осознать, что нечто принадлежит тебе, а потом отпустить его. Именно таким образом Пан владеет нашим лесом. И во сне он подошел ко мне. Во сне был и ты. Ты вел на цепочке печальную девушку. О, девушка в самом деле выглядела очень, очень грустной. Пан велел мне помочь тебе.

— Мне?

— И от этого мне стало так тепло, влажно и чудесно изнутри, что я затрепетала от кончиков листьев до самых корней. Я проснулась — и увидела, что ты спишь, привалившись головой к моему стволу, и храпишь, как пигвиггин.

Тристран почесал нос. Он перестал высматривать женщину в ветвях и теперь уже обращался к самому буку.

— Так, значит, вы — дерево? — спросил он, размышляя вслух.

— Ну, я не всегда была деревом, — отозвался голос из шуршащей листвы. — В бук меня превратил один волшебник.

— А чем вы были до того?

— Как думаешь, я ему нравлюсь?

— Кому?

— Пану, конечно. Если бы ты был Повелителем Леса, разве ты стал бы давать кому-нибудь поручение, просить потрудиться до последней капли сока и все такое, если бы этот кто-нибудь тебе не нравился?

— Э-э… — протянул Тристран задумчиво, но, прежде чем он успел выдумать корректный ответ, дерево сообщило:

— Нимфой я была. Лесной нимфой. Однажды за мной погнался принц — не прекрасный, нет, совсем другого типа. И как ты думаешь, ведь должен принц, хотя бы даже и неправильного типа, соображать что-нибудь насчет границ?

— А вы как думаете?

— Тогда я думала, что должен. Но я ошибалась. Так что на бегу мне пришлось срочно звать кое-каких духов на помощь, и — ба-бах! — я стала деревом. Что скажешь?

— Ну, — сказал Тристран, — я не знаю, как вы выглядели в бытность нимфой, мадам, но дерево из вас просто изумительное.

Дерево ничего не ответило, однако листва его кокетливо зашуршала.

— Нимфа из меня была тоже весьма хорошенькая…

— А о какой помощи до последней капли сока вы говорите? — осведомился Тристран. — Не то чтобы я привередничал, но… Дело в том, что мне как раз сейчас очень нужна помощь. Просто дерево — не совсем та персона, которая в состоянии помочь в моих делах. Ведь вы не способны отправиться со мной, или накормить меня, или вернуть звезду, или переправить нас обратно в Застенье, где живет моя любимая… Я уверен, что у вас бы отлично получилось укрыть меня от дождя, если бы шел дождь, — но сейчас, как видите, погода ясная…

Дерево зашелестело.

— Почему бы тебе не рассказать свою историю поподробнее, — предложило оно. — А я уж как-нибудь сама решу, чем я могу тут помочь.

Тристран попробовал было протестовать. Он чувствовал, что звезда все отдаляется от него со скоростью бегущего единорога, и думал, что

рассказывать историю собственной жизни ему сейчас уж точно некогда.

Но потом юноша вспомнил, что до сих пор ему удавалось продвинуться в поисках только по причине посторонней помощи. Так что он уселся на траву и поведал буковой женщине обо всем с самого начала. О чистой и искренней любви к Виктории Форестер. О своем обещании принести ей упавшую звезду — не какую попало упавшую звезду, а ту самую, которую они вместе видели с вершины холма. О долгой дороге по Волшебной Стране. Обо всех своих дорожных приключениях Тристран тоже не умолчал, рассказав о лохматом человечке, о маленьком народце, укравшем шляпу, о магической свече и о том, как они со звездой бок о бок прошли много лиг и встретили льва с единорогом и как он в конце концов потерял звезду.

Тристран закончил рассказ, и воцарилось молчание. Красноватая листва дерева мягко шелестела, будто под ветерком, а потом шорох стал громче, словно приближалась буря. И в листве послышался низкий яростный голос, сказавший:

— Если бы она сама смогла освободиться от твоих оков, никакие силы неба и земли не заставили бы меня помогать тебе, даже мольбы Великого

Пана или самой леди Сильвии. Но ты снял с нее оковы, и за это я тебе помогу.

— Спасибо, — отозвался Тристран.

— Я сообщу тебе три истины. Две из них я скажу сейчас, а третью — в миг, когда ты будешь более всего нуждаться в помощи. Тебе самому решать, когда придет время третьего совета. Первое: звезде угрожает великая опасность. Что случается в сердце леса — скоро делается известно и на его окраинах, потому что деревья рассказывают новости ветрам, а ветры передают их дальше, из чащи в чащу. Существуют силы, которые желают звезде зла — и даже хуже, чем просто зла. Ты должен отыскать ее и защитить. Второе: через лес ведет дорога, на нее можно выйти близ вон той старой ели (кстати, я могла бы порассказать об этой ели такого, от чего и камень покраснеет!). Через несколько минут по дороге в нужную тебе сторону проедет экипаж. Спеши, ты не должен его пропустить. И наконец третье: подними руки ладонями вверх.

Тристран сделал, как его просили. С самой верхушки дерева медленно слетел, вращаясь и паря, медно-красный лист. Он приземлился точнехонько на правую ладонь юноше.

— Возьми, — сказало дерево. — И смотри не

потеряй его. А когда настанет самый трудный час, послушай, что он скажет. Вот что, — поторопила его бывшая нимфа, — экипаж уже на подходе. Беги! Беги же!

Тристран подхватил свой чемоданчик и помчался, на бегу заталкивая лист в карман камзола. Он уже слышал впереди все приближающийся топот копыт. Юноша знал наверняка, что не успеет, и отчаялся выбежать вовремя, однако не останавливался и несся все быстрее. В конце концов Тристран уже не слышал ничего, кроме биения крови в ушах, оглушительного грохота сердца да свиста, с которым он втягивал воздух в легкие. С треском проломившись сквозь заросли папоротника, он вывалился на дорогу в тот самый миг, когда на ней показался экипаж.

Черная карета неслась, запряженная четверкой вороных лошадей. Правил ею какой-то бледнолицый тип в длинной черной одежде. Экипаж был шагах в двадцати от Тристрана. Тот замер на обочине как вкопанный, часто дыша, и попробовал окликнуть возничего — но дыхание его еще не восстановилось, и из сухого горла вырвался только скрипучий шепот. Он хотел закричать — а получилось захрипеть.

Карета проехала мимо, даже не замедлив хода.

Тристран сел на землю и попытался отдышаться. Тревога за звезду заставила его в конце концов встать на ноги и двинуться вперед — так быстро, как он только мог. Не прошло и десяти минут, как он наткнулся на черную карету. Огромный сук — размером с целое дерево — отвалился от дуба на обочине и перегородил лесную дорогу прямо перед носом у коней, и возница, который оказался единственным седоком в экипаже, надрывался, стараясь отодвинуть помеху с пути.

— Вот проклятущая штука, — выругался владелец кареты, одетый в длинную рясу вроде монашеской. Выглядел он лет на сорок с лишним. — И ведь ни ветра не было, ни бури какой. Оно просто упало. Напугало лошадей.

Его низкий голос гудел, как из бочки.

Тристран вдвоем с возницей распрягли коней и привязали их к вредному дубовому суку. Потом четверо лошадей потянули, а двое людей подтолкнули — и общими усилиями им удалось оттащить кусок дерева на обочину. Тристран молчаливо поблагодарил дуб, который пожертвовал ради него своим суком, а заодно и красный бук, и лесного Пана. После чего спросил возницу, не подвезет ли тот его через лес в своем экипаже.

— Я не беру пассажиров, — отказался тот, поти-

рая заросший щетиной подбородок.

— Вы в своем праве, — согласился Тристран. — Но без меня вы бы застряли тут надолго. Наверняка Провидение послало меня помочь вам — так же, как вас оно послало помочь мне. Я же не прошу вас свернуть с дороги, и кто знает — вдруг опять настанут времена, когда две пары рук лучше, чем одна.

Владелец кареты пристально осмотрел Тристрана с головы до ног. Рука его нырнула в бархатный мешочек на поясе и вытащила оттуда пригоршню квадратных гранитных плиток.

— Выбери одну, — приказал он Тристрану. Юноша взял каменную табличку с вырезанным в камне значком и показал хозяину.

— Гм, гм, — протянул тот. — Ну-ка вытащи еще раз.

Тристран подчинился.

— И еще.

На третий раз черный человек потер подбородок и кивнул.

— Ты можешь ехать со мной, — сказал он. — Руны в этом уверены. Хотя опасность все равно остается. Но я надеюсь, поваленные деревья нам больше не встретятся. Если хочешь, можешь составить мне компанию и сесть впереди, рядом

со мной.

Карета была роскошная, хотя и не без странностей. Тристран вскарабкался на сиденье возничего, но когда он впервые заглянул в глубь кареты, ему показалось, что там сидят пятеро бледных джентльменов, одетых в серое, и печально смотрят на него. Чтобы удостовериться, юноша глянул еще раз — и увидел, что внутри никого нет.

Грохоча и подскакивая, экипаж покатился по заросшей дороге под зелено-золотым лиственным сводом. Тристран все больше беспокоился о звезде. Конечно, характер у нее скверный, думал он, — но если честно, она так дурно вела себя не без причин! Юноша очень надеялся, что в его отсутствие звезда не попадет в какую-нибудь беду.

Иногда говорили, что серо-черный горный кряж, протянувшийся, как хребет огромного зверя, с севера на юг через Волшебную Страну, некогда был великаном. Гигант стал чересчур уж большим и тяжелым и в один прекрасный день устал наконец жить и двигаться. Тогда он улегся на равнине, вытянувшись во весь рост, и уснул так глубоко, что между ударами его сердца проходят века. Это случилось очень давно, если вообще случилось, — в Первую Эпоху, когда весь

мир состоял из огня, воды и ветра, и из живших тогда мало кто жив и по сей день, чтобы опровергнуть историю про великана, если она все-таки неистинна. Но все равно, с основанием или без, четыре высочайшие вершины темного кряжа и сейчас зовутся Лоб-Гора, Плечо-Гора, Живот-Гора и Колен-Гора. А южные предгорья носят общее название Стопы. Через горы пролегают ущелья — одно между головой и плечами, там, где предположительно должна находиться шея, а второе — к югу от Живот-Горы.

Местность в горах дикая, населенная сплошь нелюдимыми тварями: серыми каменными троллями, волосатыми дикарями, бродячими вудво[160], горными козлами, гномами-рудознатцами. Также бегут туда отшельники и изгои, можно наткнуться в горах и на ведьму-одиночку. Хребет не относится к самым высоким в Волшебной Стране — не сравнить с той же горой Гуон, на которой построен Штормфорт. Но все-таки и этот кряж не так уж просто пересечь одинокому страннику.

Королева ведьм проехала ущелье к югу от Живот-Горы за пару дней и теперь ожидала у

[160] notes: 160

Вудво (wodwo) — в англ. фольклоре — дух вроде лешего. — *Примеч. пер.*

начала горного прохода. Козлов она привязала к шипастому кусту, и те без особого энтузиазма жевали колючки. Сама ведьма сидела на краю распряженной колесницы и подтачивала ножи о точильный камень.

Это были очень старые ножи с костяными рукоятками и лезвиями из осколков вулканического стекла, черного, как гагат, с навеки вмерзшими в обсидиан белыми вкраплениями, похожими на снежные хлопья. Первый нож, тот, что поменьше, формой вроде мясницкого, с тяжелым и твердым топорообразным лезвием, предназначался для того, чтобы разрубать грудную клетку, расчленять и делить на куски; второй же, длинный и тонкий, как кинжал, — чтобы вырезать сердце. Наконец ведьма отложила ножи, наточив их до такой степени, что приставь она лезвие любого из них к вашему горлу — вы успели бы почувствовать только прикосновение легче волоска, прежде чем тепло вашей жизни хлынуло бы наружу широким потоком.

Королева подошла к своим козлам и шепнула каждому на ухо Слово Силы.

Где миг назад стояли козлы — появилось два человека: мужчина с короткой белой бородкой и мальчиковатая хмурая девочка. Оба молчали.

Ведьма склонилась над колесницей и прошептала ей несколько слов. Но ничего не изменилось, и женщина раздраженно топнула ногой.

— Я старею, — сообщила она двум своим слугам. Те, разумеется, промолчали, ничем не показав, что услышали ее и поняли. — Неживую материю всегда тяжелее менять, чем живую. Души предметов куда более старые и тупые, их труднее уговорить. Будь я на самом деле молодой… проклятие, ведь на заре мира я умела превращать горы в моря и облака — в дворцы! Я могла населить целые города людьми из морской гальки! Если бы я была моложе…

Ведьма вздохнула и воздела руку: по пальцам ее пробежало голубое пламя и погасло, когда она коснулась колесницы.

Женщина выпрямилась. Ее иссиня-черные волосы теперь казались тронутыми сединой, под глазами залегли темные круги. Но колесница исчезла, и ведьма стояла перед фасадом маленького трактира у самого входа в ущелье.

Вдалеке тихо пророкотал гром, сверкнула синеватая молния.

Вывеска трактира раскачивалась, поскрипывая на ветру. На ней красовалось изображение колесницы.

— Вы двое, — обратилась ведьма к слугам, — ступайте внутрь. Она едет прямо сюда и не минует ущелья. Я должна убедиться, что она непременно в него въедет. — Ты, — женщина указала на бородатого мужчину, — мой муж Билли, владелец таверны. Я — твоя супруга. А это, — она ткнула пальцем в сторону унылой девочки, некогда бывшей Бревисом, — наша дочка, служанка и горничная.

Новый раскат грома, громче прежнего, эхом отдался от горных пиков.

— Скоро будет дождь, — сказала колдунья. — Давайте же разожжем очаг.

Тристран чувствовал, что звезда где-то впереди и движется дальше, не меняя направления. По ощущениям юноши, расстояние меж ними сокращалось.

К его великому облегчению, карета следовала нужной ему дорогой. Один раз на развилке Тристран был почти уверен, что сейчас они свернут не в ту сторону. Он уже приготовился соскочить на землю и продолжить путь пешком, но этого, к счастью, делать не пришлось.

Его спутник натянул поводья, слез с сиденья возницы и вытащил из мешочка свои руны. Посоветовавшись с ними о чем-то, он влез обратно

на козлы и направил карету по левой дороге.

— Если, конечно, вы не сочтете мой вопрос преждевременным, — вежливо начал Тристран, — могу ли я узнать, чего вы, собственно, ищете?

— Я ищу свою судьбу, — помолчав пару секунд, ответил тот. — Свое право на власть. А ты?

— Я обидел своим поведением одну юную леди, — сказал Тристран. — И теперь хочу принести извинения.

И как только он произнес эти слова, тут же понял, что они совершенно правдивы.

Возница хмыкнул.

Лиственный купол над головой постепенно становился все тоньше, деревья редели, и вскоре взгляду Тристрана открылся горный хребет впереди. Юноша так и ахнул.

— Ай да горы! — выдохнул он.

— Когда ты будешь постарше, — сказал его спутник, — ты должен обязательно погостить в моей цитадели на горе Гуон. Вот *это,* я понимаю, — гора так гора! Оттуда мы смотрим сверху вниз на холмики вроде *тех,* — и он презрительно махнул рукой в сторону Живот-Горы.

— Сказать по правде, — признался Тристран, — я надеюсь провести остаток жизни на полях

моего отца, в Застенье, и пасти там овец. Кажется, я уже получил свою долю чудес и приключений на всю жизнь вперед — всяких волшебных свечей, единорогов, говорящих деревьев и юных леди. Но все равно я с благодарностью принимаю ваше приглашение. Если когда-нибудь окажетесь в Застенье, обязательно заходите в гости, я подарю вам шерстяную одежду и угощу вас овечьим сыром и тушеной бараниной в огромном количестве.

— Ты весьма любезен, — отозвался возница. Дорога, усыпанная гравием, теперь стала куда ровнее, и хозяин без устали нахлестывал вороных коней по бокам, чтобы они прибавили скорости. — Ты сказал, что видел единорога?

Тристран хотел было подробно рассказать своему спутнику о встрече с единорогом, но вовремя одумался и просто сказал:

— Да. Он — весьма благородное животное.

— Единороги — создания Луны, — сообщил возничий. — Я ни одного в своей жизни не встречал. Но говорят, что они служат Луне и исполняют ее приказания. Мы доберемся до гор к завтрашнему вечеру. На закате я собираюсь устроить привал. Если хочешь, можешь спать в карете; я сам лягу у костра.

Голос его не изменился, но Тристран с неожиданной пугающей ясностью понял, что его спутник чего-то боится. Боится до самой глубины души.

Той ночью среди горных вершин впереди вспыхивали молнии. Тристран спал на кожаном сиденье кареты, положив голову на мешок овса; во сне он видел что-то про призраков, а также про луну и звезды.

Дождь начался на рассвете, внезапный и сильный, как будто небеса вмиг превратились в воду. Низкие серые облака скрывали горы из виду. Тристран и хозяин кареты под дождем запрягли лошадей и тронулись в путь. Дорога шла вверх по склону, и кони не могли двигаться быстрее, нежели шагом.

— Ты бы лучше спрятался, — посоветовал Тристрану возничий. — Незачем нам обоим промокать.

Оба они сидели в цельнокроенных дождевиках из промасленной кожи, обнаруженных под сиденьем.

— Чтобы промокнуть сильнее, чем сейчас, — ответил Тристран, — мне осталось разве что прыгнуть в реку. Лучше уж я посижу с вами. Может быть, лишняя пара глаз и рук нас спасет.

Его спутник хмыкнул и вытер дождевую воду с глаз и рта мокрой замерзшей рукой.

— Ты дурак, парень. Но я ценю твою глупость.

Он намотал поводья на левую руку, а правую протянул Тристрану.

— Меня называют Праймус. Лорд Праймус.

— Я Тристран. Тристран Тёрн, — ответил юноша, чувствуя, что этот человек заслужил-таки право знать его настоящее имя.

Они обменялись рукопожатием. Дождь все усиливался, кони едва плелись вперед, потому что дорога превратилась в полноводный ручей. Пелена ливня застилала все вокруг не хуже самого густого тумана.

— Есть один человек, — проорал лорд Праймус, стараясь перекричать ливень, и ветер срывал слова с его губ. — Он высокий, немного похож на меня, но тоньше. Смахивает на ворона. Глаза у него безразличные и пустые, но из них смотрит смерть. Его зовут Септимус, потому что он седьмой сын, порожденный нашим отцом. Если ты когда-нибудь встретишь его, беги и прячься. Ему есть дело только до меня, но ему ничего не стоит убить и тебя, если ты встанешь у него на пути. Или сделать из тебя свое орудие, чтобы вернее покончить со мной.

Дикий порыв ветра швырнул Тристрану за шиворот целый ушат воды.

— Похоже, он опасный человек, — ответил Тристран.

— Он — самый опасный человек, который может встретиться в твоей жизни.

Тристран молча вглядывался в дождевую темноту. Сгущались сумерки, становилось все труднее рассмотреть дорогу. Праймус снова заговорил:

— Если хочешь знать мое мнение, в этой буре есть что-то неестественное.

— Неестественное?

— Или более нежели естественное… *Сверх*-естественное, если хочешь. Надеюсь, где-нибудь по дороге нам попадется трактир. Лошадям нужен отдых, да и я бы не отказался от сухой постели и горячего вина. И от хорошего ужина.

Тристран прокричал, что он полностью согласен. Они сидели на облучке, все сильнее промокая. Тристран думал про звезду и про единорога. Наверное, она сейчас тоже замерзла и промокла… Юношу беспокоило, как там ее сломанная нога и не отбила ли девица себе все о спину единорога. И виноват в этом не кто иной, как Тристран! Бедняга чувствовал себя просто

ужасно.

— Я — самый несчастный человек на свете, — признался он лорду Праймусу, когда они остановились покормить лошадей подмокшим овсом.

— Ты молод и влюблен, — отозвался Праймус. — Каждый парень при таком положении дел считает себя самым несчастным на свете.

Тристран подивился, откуда лорд Праймус догадался о его чувстве к Виктории Форестер. Он сразу представил, как будет у камина рассказывать ей о своих приключениях, когда вернется в Застенье; но почему-то при ближайшем рассмотрении все его подвиги несколько теряли величие.

Похоже, в тот день сумерки начали сгущаться с самого рассвета, а к вечеру небо и вовсе потемнело. Дорога все поднималась вверх по склону. Дождь ненадолго утих, а потом полил с удвоенной силой, став еще непригляднее, чем прежде.

— Что это там светится? — спросил Тристран.

— Ничего не вижу… Может, блуждающий огонек или молния вспыхнула, — пробормотал Праймус. Дорога сделала резкий поворот, и он признался: — Нет, к счастью, я ошибался. В самом деле что-то светится. Хорошее у тебя зрение, юноша. Но здесь в горах многого стоит опасаться.

Будем надеяться, что огонек дружелюбный.

Кони, на которых благотворно подействовала близость цели, рванулись вперед с новыми силами. Вспышка молнии ярко озарила ущелье и отвесные стены гор, вздымавшиеся по сторонам дороги.

— Нам везет! — воскликнул Праймус, и бас его раскатился громовым эхом. — Похоже, это трактир!

Глава седьмая
Под знаком колесницы

Звезда въехала в ущелье промокшая до костей, грустная и дрожащая. Она волновалась за единорога; ведь за последний день пути им не удалось найти никакой еды, потому что лесные папоротники и травы сменились на серые скалы и кривые колючие кустики. Неподкованные копыта единорога не предназначались для каменистых дорог, как, впрочем, и его спина — для перевозки всадников, и шаги благородного животного становились все медленней.

В дороге звезда не раз прокляла день своего падения с неба в сей мокрый и неприветливый мир. Сверху он казался таким спокойным и уютным… Но те времена давно прошли. Теперь она всей душой ненавидела землю и все ее создания, кроме разве что единорога. Хотя даже общество единорога ее не радовало, потому что бедняжка все так отбила за время дороги, что больно было сидеть.

После суток езды под сплошным дождем огни трактира показались девушке самым прекрас-

ным зрелищем за время пребывания на земле.

Смот-ри, ку-да и-дешь, — ритмично отбивали капли по придорожным валунам. Единорог остановился в полусотне ярдов от харчевни и отказывался подходить ближе. Из гостеприимно распахнутой трактирной двери в серый сумрак падала полоса теплого золотого света.

— Добро пожаловать, милочка, — позвал изнутри приветливый голос.

Звезда шлепнула единорога ладошкой по мокрой шее и шепнула что-то ему на ухо, но зверь не двинулся с места. Он как вкопанный застыл в полосе света, похожий на белый призрак.

— Так что же, милочка, будешь заходить? Или останешься мокнуть под дождем? — повторил ласковый женский голос. Он словно бы согревал звезду, успокаивал ее идеальным сочетанием сочувствия и деятельной заботы. — Мы угостим тебя горячим ужином, если ты хочешь кушать; в очаге горит огонь, и мы можем нагреть целую лохань воды, чтобы выгнать холод из твоих костей.

— Я… Мне понадобится помощь, чтобы спешиться, — призналась звезда. — Дело в том, что моя нога…

— Ах, бедненькая моя, — сказала женщи-

на. — Сейчас я пришлю своего мужа, Билли, и он отнесет тебя на руках. А в конюшне найдется свежая вода и сено для твоего скакуна.

Единорог дико косился на приближавшуюся женщину.

— Ну, ну, мой хороший, — понимающе протянула та. — Я не буду подходить слишком близко, не бойся. И в самом деле, куда мне касаться единорога, если мои девичьи годы давным-давно позади… Давненько не видели таких благородных зверей в наших диких краях…

Единорог нервно последовал за женщиной в конюшню, стараясь держаться от нее на расстоянии. Оказавшись внутри, он зашел в самый дальний денник и улегся на сухую солому. Только тогда замерзшей и несчастной звезде удалось сползти с его спины.

Появился Билли, белобородый грубоватый дядька. Говорил он мало, однако послушно отнес звезду в трактир и усадил на трехногую табуретку перед трескучим жарким огнем.

— Бедная моя милочка, — засуетилась его жена, хозяйка заведения. — На тебя смотреть жалко — мокрая, как русалка, с волос целая лужа натекла, и твое красивое платьице совсем испортилось, ты, должно быть, промокла до костей…

Отослав мужа, она помогла звезде раздеться и повесила истекающее водой голубое платье на крючок у камина. Капли падали с подола на горячие каминные кирпичи, шипели и становились паром.

Возле огня стояла большая жестяная лохань, и жена трактирщика поставила возле нее бумажную ширму.

— В какой воде будешь купаться? — заботливо спросила она. — В теплой, горячей или в настоящем кипятке?

— Не знаю, — отозвалась звезда, совершенно обнаженная — только топаз на цепи остался у нее на поясе. Голова девушки кружилась от столь неожиданных и сильных перемен. — Я никогда раньше не принимала ванну.

— Так-таки никогда? — шумно удивилась трактирщица. — Ну надо же, бедняжка моя! Тогда, я думаю, не стоит делать *воду слишком* горячей. Позови меня, если нужно будет подлить кипяточку, я пока сбегаю на кухню; когда выкупаешься, принесу тебе подогретого вина и сладкую жареную репку.

И прежде чем гостья успела возразить, что не нуждается ни в еде, ни в питье, женщина убежала, оставив звезду сидеть в жестяной лохани.

Сломанная нога девушки, по-прежнему привязанная к шинке, торчала из воды, опираясь на трехногий табурет. Сначала ванна показалась звезде очень уж горячей, но потом она привыкла и расслабилась. Впервые со дня падения с неба звезда почувствовала себя вполне счастливой.

— Ну что, миленькая, — спросила жена трактирщика, вернувшись с кухни. — Надеюсь, тебе стало получше?

— Да, спасибо, намного лучше, — поблагодарила девушка.

— А как сердце? Как себя чувствует наше сердечко?

— Сердце? — удивилась звезда странному вопросу, но женщина казалась такой заботливой, что промолчать было бы неловко. — Ну… На сердце стало куда легче. Можно сказать, светлее.

— Хорошо. Очень хорошо. Давай же сделаем так, чтобы сердечко загорелось от счастья! Загорелось теплым, радостным огоньком!

— Уверена, что вашими стараниями мое сердце скоро так и запылает от радости, — ответила звезда.

Трактирщица ласково приподняла пальцами ее подбородок.

— Вот ведь лапушка. Что за душечка, говорит

такие добрые слова мне, простой женщине! — И она, словно извиняясь, пригладила свои седеющие волосы. С ширмы свешивался толстый и мягкий купальный халат. — А вот и одежка для тебя, когда решишь закончить купание, — нет, нет, милочка, не подумай, что я тебя тороплю! Халатик такой теплый и приятный, а твое платьице еще не совсем высохло. Как только захочешь выбраться из ванны, позови меня, и я подам тебе руку.

Женщина нагнулась и тронула звезду между грудей своим холодным пальцем. И улыбнулась.

— Хорошее, сильное сердечко, — сказала она. Даже в этом темном мире встречаются добрые люди, подумала довольная и согретая звезда. Снаружи хлестал дождь, и ветер с воем носился по горному ущелью, а здесь, в трактире под знаком колесницы, царили тепло и уют.

Через некоторое время трактирщица с помощью своей унылой и глуповатой дочки помогла звезде вылезти из лохани. Огонь камина отражался в гранях оправленного в серебро топаза, блестевшего у девушки на талии, пока камень вместе с телом хозяйки не скрылся под теплой тканью халата.

— А теперь, моя сладкая, — сказала женщи-

на, — иди-ка сюда и усаживайся поудобнее.

Она отвела звезду к длинному дощатому столу, во главе которого лежали два ножа — широкий и узкий, оба с костяными рукоятями и лезвиями будто из черного стекла. Прихрамывая, звезда добралась до скамьи и села.

В стекла ударил порыв ветра, и пламя в камине вспыхнуло зеленым, голубым и белым. После чего снаружи, покрывая грохот бушующих стихий, донесся басовитый голос:

— Еда! Вино! Огонь! И ночлег! Где здешний конюх?

Трактирщик Билли и его дочка даже не шелохнулись, обратив взгляды к женщине в красном платье, словно в ожидании указаний. Та поджала губы, подумала — и сказала наконец:

— Ладно, отложим дело. Ненадолго. Ведь ты не собираешься уезжать, милочка? — Последнее относилось к звезде. — Только не вздумай ехать в такую грозу, да к тому же с больной ножкой…

— Даже описать не могу, как я рада вашему гостеприимству, — искренне ответила звезда.

— Еще бы тебе не радоваться, — ласково согласилась женщина в красном, поглаживая нервными пальцами черные ножи словно в нетерпении. — Когда эти надоеды наконец уедут,

у нас с тобой будет еще много времени — ведь верно?

За все время пути по Волшебной Стране Тристран не видел ничего прекраснее теплых окошек трактира. Пока Праймус кричал, призывая слуг, Тристран распряг изможденных лошадей и одну за другой увел их в конюшню позади харчевни. В самом дальнем деннике спал большой белый конь, но юноша слишком торопился, чтобы рассмотреть его повнимательней.

Он знал — тем самым странным местечком в груди, которое заранее знало обо всех местах и дорогах, где Тристран никогда не бывал, — что звезда совсем близко, рукой подать. Это знание успокаивало и одновременно заставляло тревожиться. Но юноша понимал, что лошади больше устали и проголодались, нежели он сам. А значит, его собственный ужин — а также весьма вероятная встреча со звездой — могли и подождать.

— Я займусь лошадьми, — сказал он Праймусу. — Почищу их и все прочее, иначе они могут простудиться.

Высокий господин хлопнул Тристрана по плечу своей огромной рукой.

— Ты славный парень. Я пришлю тебе со слугой подогретого эля.

Тристран расседлывал и чистил лошадей, а сам думал о звезде. Что он ей скажет? И что скажет *она?* Он возился с последним конем, когда в конюшню явилась скучного вида девочка с высокой кружкой горячего вина.

— Поставь сюда, — попросил юноша. — Я с удовольствием выпью, как только руки освободятся.

Девочка поставила кружку на какой-то ящик и вышла, так и не сказав ни слова.

Как раз тогда белый конь в дальнем деннике воспрянул на ноги и начал бить копытом в перегородку.

— Эй, тише, тише там, — крикнул Тристран. — Успокойся, парень, я сейчас посмотрю, не найдется ли у нас овса и отрубей и на твою долю.

Он обнаружил, что в переднее копыто черного жеребца забился большой камень, и осторожно вытащил его, одновременно придумывая, что сказать звезде. Например, можно так: *Мадам, сердечно прошу вас принять мои нижайшие и искренние извинения.* А она ответит: *Сэр, я прощаю вас от всего сердца! Теперь отправимся же в ваше селение, где я сочту за честь быть переданной вашей возлюбленной в знак вашего обожания…*

Его размышления прервал страшный грохот. Это огромный белый конь — который, как

запоздало осознал Тристран, был вовсе и не конь, — вышиб дверь своего денника, яростно вырвался наружу и бросился на юношу, нацелившись острым рогом.

Тристран рухнул на усыпанный соломой пол, прикрывая голову руками.

Прошло несколько секунд. Юноша осторожно приоткрыл один глаз. Единорог замер около кружки, глубоко погрузив рог в горячее вино.

Тристран неловко поднялся на ноги. Вино в кружке кипело и бурлило, и внезапно паренек вспомнил — знание всплыло со дна разума, почерпнутое из какой-то давно забытой сказки или детской притчи, — что рог единорога — испытанное средство против…

— Яд? — прошептал он, и белый зверь вскинул голову. Тристран встретился с ним взглядом — и понял, что это правда. Сердце гулко забухало у него в груди. Ветер за стеной завывал, как сумасшедшая ведьма.

Тристран бросился было к двери, но на пороге замер и подумал хорошенько. Он порылся в кармане камзола и извлек оттуда оплывший комок воска — все, что осталось от свечи, — и прилипший к нему сухой красноватый лист. Юноша осторожно отлепил листок от воска, прижал

его к уху и внимательно выслушал все, что тот сообщил.

— Вина, милорд? — спросила женщина средних лет, одетая в красное платье.

Праймус, только что вошедший в трактир, покачал головой.

— Боюсь, что нет. Я не лишен некоторых предрассудков. До дня, пока я не увижу у ног холодный труп своего брата, я поклялся пить только собственное вино и есть только то, что сам добыл и приготовил. Так я собираюсь поступить и сейчас, если не возражаете. Конечно, я заплачу вам полную цену, как если бы купил это вино у вас. Вас не затруднит поставить мою бутылку поближе к камину, чтобы она согрелась? И еще: со мной приехал спутник, молодой человек, который сейчас чистит лошадей. Он в отличие от меня не связан никакими обетами, так что если вы отправите к нему слугу с кружкой горячего эля, она его малость согреет…

Служанка присела в неловком реверансе и убежала на кухню.

— Эй, любезный, — обратился Праймус к белобородому трактирщику, — есть ли у вас подходящие кровати? Соломенные матрасы? И камины в спальнях? И еще я с огромной приязнью заме-

тил у огня жестяную ванну: если у вас найдется ушат-другой горячей воды, я бы искупался перед сном. Но за ванну я, кстати, не дам вам больше маленькой серебряной монеты.

Трактирщик посмотрел на жену, и та ответила за него:

— Кровати у нас прекрасные, и я сейчас же прикажу девчонке развести камин в спальне у вас и у вашего спутника.

Праймус снял промокшую черную рясу и повесил ее к огню рядом с голубым платьем звезды. Потом он обернулся и заметил за столом юную леди.

— Еще один гость? — спросил он. — Весьма рад знакомству, миледи, — приятная встреча в такую скверную погоду! — На этих словах раздался громкий треск со стороны конюшни. — Должно быть, что-то встревожило лошадей, — заметил Праймус.

— Наверное, грома испугались, — предположила трактирщица.

— Наверное, — согласился Праймус. Но что-то другое полностью завладело его вниманием. Он быстро подошел к звезде и несколько долгих секунд смотрел ей в глаза.

— У вас… — начал он, но запнулся. Потом за-

кончил совершенно уверенно: — У вас при себе — топаз моего отца. Камень Власти Штормфорта.

Девушка ответила ему небесно-голубым взглядом.

— Ну да, — согласилась она. — Попросите же его у меня — и покончим со всей этой глупостью.

Трактирщица замерла во главе стола.

— Я не могу позволить тебе беспокоить других гостей, миленький, — сказала она с неожиданной суровостью.

Взгляд Праймуса упал на черные ножи, лежавшие на столе. Лорд сразу узнал их: он видел их изображения и имена в ветхих свитках из книгохранилища Штормфорта. Ужасно древние ножи происходили из Первой Эпохи мира.

Дверь трактира с грохотом распахнулась.

— Праймус! — на бегу крикнул Тристран. — Меня хотели отравить!

Лорд Праймус схватился за рукоять короткого меча — но не успел извлечь его из ножен. Королева ведьм выбросила вперед руку с длинным ножом, одним уверенным мягким движением перерезав гостю горло.

Для Тристрана все происходило слишком быстро, он не успевал реагировать. Только что он вошел, увидел звезду, лорда Праймуса, трактир-

щика и его странное семейство — и в тот же миг при свете камина вверх ударил алый фонтан крови.

— Взять его! — крикнула женщина в красном. — Взять сопляка!

Билли и девочка-служанка бросились на Тристрана — и тут в трактир ворвался единорог.

Тристран едва успел уклониться с его пути. Огромный скакун взвился на дыбы и ударом острых передних копыт отшвырнул девчонку.

Билли нагнул голову и побежал на единорога лбом вперед, как будто собирался бодаться. Единорог тоже склонил голову ему навстречу, и трактирщик Билли принял злосчастную смерть на конце его рога.

— Тупица! — злобно завизжала его жена и сама напала на единорога с ножами в обеих руках. Правую руку женщины до локтя запятнала кровь, такая же яркая, как ее платье.

Тристран упал на четвереньки и ползком бросился к камину. В левой руке он сжимал ком воска — все, что осталось от волшебной свечи, приведшей его сюда. Юноша изо всех сил разминал воск пальцами, пока тот не сделался мягким и податливым.

— Обязательно должно сработать, — прошеп-

тал он сам себе, очень надеясь, что дерево знало, о чем говорит.

Где-то позади закричал от боли единорог. Тристран оторвал от рукава камзола кружевную оторочку и закатал ее в восковой комок.

— Что происходит? — вскричала звезда, ныряя под стол к Тристрану и тоже опускаясь на четвереньки.

— Сам толком не знаю, — отозвался тот. Послышался вопль ведьмы: единорог дотянулся до нее своим рогом и пронзил ей плечо. Движением головы он оторвал ведьму от земли, намереваясь швырнуть ее на пол и добить острыми копытами. Но та, насаженная на рог, вдруг извернулась и всадила черный нож по самую рукоятку в глаз единорогу, так что лезвие вошло глубоко в голову.

Зверь тяжело рухнул на дощатый пол трактира, кровь хлынула у него из глаза, изо рта и из раны на боку. Сперва единорог упал на колени, потом свалился на бок, и жизнь оставила его тело. Пегий длинный язык беспомощно свесился меж зубов.

Королева ведьм освободилась от рога и с трудом поднялась на ноги, одной рукой зажимая раненое плечо, а в другой держа широкий нож.

Глаза ее лихорадочно обшарили комнату и

обнаружили Тристрана и звезду, съежившихся у камина. Медленно, ужасающе медленно ведьма двинулась к ним с мясницким ножом в руке и с улыбкой на губах.

— Пылающее золотое сердце спокойной и счастливой звезды намного лучше дрожащего сердечка перепуганной звездочки, — произнесла она голосом, странно спокойным для ее разбитого и окровавленного лица. — Но сердце даже самой забитой и дрожащей звезды все же лучше, чем ничего.

Тристран сгреб звезду за руку.

— Вставай, — велел он.

— Не могу, — просто ответила она.

— Вставай, или мы оба сейчас умрем, — прошипел Тристран, вскакивая на ноги. Звезда кивнула и с трудом, цепляясь за него, начала подниматься с пола.

— Вставай, или оба умрем? — расхохоталась королева ведьм. — Нет уж, детки, вы точно сейчас оба умрете — не важно, стоя или сидя. Мне-то все равно.

Она приблизилась еще на шаг.

— А теперь, — сказал Тристран, правой рукой сжимая ладошку звезды, а левой стиснув самодельную свечу, — а теперь — вперед!

И он сунул левую руку прямо в огонь.

Боль от ожога была так ужасна, что Тристран не сдержал крика, и королева ведьм уставилась на него как на воплощение безумия.

Но импровизированный фитиль свечки тоже вспыхнул и загорелся ровным голубым огоньком, и мир вокруг Тристрана начал дрожать.

— Пожалуйста, идем, — взмолился он к звезде. — Не отпускай моей руки.

И она с трудом шагнула вперед.

Трактир растаял вокруг них, в ушах еще с минуту звенели вопли королевы ведьм.

Шаг — и Тристран со звездой оказались под землей, и свечной огонек отражался от мокрых пещерных стен; шаг — они были в пустыне белого песка, под яркой луной; а на третьем шаге они зависли где-то высоко над землей, глядя на холмы, реки и деревья далеко внизу.

Именно тогда остаток воска растаял у Тристрана в руке, и жар огня сделался невыносимым. Язычок свечи вспыхнул последний раз — и погас навеки.

Глава восьмая,
в которой повествуется о воздушных замках и не только о них

В горах наступил рассвет. Бури последних дней наконец кончились, и воздух стал чистым и холодным.

Лорд Септимус из Штормфорта, высокий и вороно-подобный, вошел в горное ущелье, оглядываясь по пути, как будто искал нечто потерянное. Он вел в поводу бурого пони горной породы, маленького и лохматого. Когда проход сделался шире, Септимус остановился, словно обнаружив искомое на обочине тропы. Это оказалась маленькая разбитая колесница из тех, в которые обычно впрягают козлов. Она лежала на боку. Возле колесницы валялось два трупа: белый козел с окровавленной головой и небольшой паренек. Лицо его после смерти осталось таким же глупым и унылым, каким, похоже, было при жизни. Септимус в исследовательских целях перевернул ногой козлиный труп и обнаружил у того на лбу, между рогами, глубокую смертельную рану. На теле мальчика не обнаружилось

никаких ран, послуживших причиной смерти, если не считать синего кровоподтека на лице.

В нескольких ярдах, за камнем, обнаружился еще один мертвец — мужчина средних лет, в темной одежде; он лежал лицом вниз. Кожа его казалась очень светлой, на камни внизу натекла большая лужа крови. Септимус присел возле покойника на корточки и осторожно приподнял его голову за волосы. У него было перерезано горло — вернее, разрезано от уха до уха. Септимус удивленно рассматривал мертвеца. Он, несомненно, видел где-то это лицо, но…

Вдруг Септимус отрывисто расхохотался — смехом, больше напоминающим сухой кашель.

— Твоя борода, — вслух обратился он к трупу. — Да ты сбрил бороду! Будто я не узнал бы тебя без бороды, Праймус!

Серый и призрачный Праймус, стоявший среди прочих братьев, ответил:

— Нет, Септимус, ты узнал бы меня. Но я мог выгадать несколько секунд, когда я уже заметил бы тебя, оставаясь еще не узнанным.

Но его мертвый голос был всего лишь утренним ветром, шуршавшим в ветвях колючего куста.

Септимус встал. Из-за самого восточного пика Живот-Горы показалось солнце, обрамляя прин-

ца золотым ореолом.

— Так, значит, теперь я — восемьдесят второй лорд Штормфорта, — сообщил он мертвецу у своих ног и самому себе. — А кроме того, Повелитель Высоких Скал, Сенешаль Башен и Шпилей, Хранитель Цитадели, Верховный Страж горы Гуон и прочая, и прочая.

— Без Топаза Власти Штормфорта на шее ты никто, братец, — резко заметил Квинтус.

— И не забудь о долге мести, — добавил Секундус голосом ветра, свистевшего в ущелье. — Прежде всего ты должен отомстить убийце своего брата. Таков закон крови.

Будто бы расслышав слова мертвых, Септимус покачал головой.

— Неужели ты не мог подождать всего несколько дней, братец Праймус? — спросил он холодный труп. — Тогда я убил бы тебя сам. Я отлично спланировал твое убийство. Когда я обнаружил, что ты сбежал с «Сердца мечты», пришлось потратить немного времени на то, чтобы украсть шлюпку, а потом снова выследить тебя. А теперь мне же и придется мстить за твои прегорестные останки, и все ради чести нашего рода и Штормфорта.

— Значит, восемьдесят вторым лордом Штормфорта все же станет Септимус, — вздохнул

Терциус.

— Я слышал мудрую пословицу, предостерегающую против преждевременного подсчета цыплят, — заметил Квинтус.

Септимус отошел от трупов, чтобы помочиться на серый валун. Потом вернулся к телу Праймуса.

— Если бы я сам тебя убил — догнивать бы твоему трупу прямо здесь, — сообщил он. — Но увы — это удовольствие досталось кому-то другому, и теперь мне придется отвезти тебя немного вперед и положить на высокую скалу, чтобы твои останки расклевали орлы.

Пыхтя от напряжения, Септимус поднял окоченевшее тело брата и взвалил его на спину пони. Заметив на поясе мертвеца мешочек с каменными рунами, он сорвал его и забрал себе.

— Вот за руны спасибо, братец, — поблагодарил он, похлопав труп по спине.

— Чтоб тебе ими подавиться, если не отомстишь подлой суке, которая перерезала мне глотку, — ответил Праймус голосом горных птиц, пробуждавшихся приветствовать новый день.

Они бок о бок сидели на плотном белом кучевом облаке размером с небольшой город. Облако было мягким и немного холодным. Чем сильнее

в него погружаться, тем оно казалось холоднее, и Тристран как можно глубже засунул в его пружинистую толщу свою обожженную руку. Облако приняло руку в себя, хотя и не без легкого сопротивления. Изнутри оно казалось ноздреватым и совершенно ледяным, одновременно плотным и бесплотным. Облако слегка остудило боль ожога, и Тристран смог привести мысли в порядок.

— В общем, — сказал он через некоторое время, — боюсь, я все изрядно запутал.

Звезда сидела рядом с ним, одетая все в тот же халат, полученный от трактирщицы. Ее сломанная нога, вытянутая вперед, лежала на облачной толще.

— Ты спас мне жизнь, — наконец отозвалась она. — Так ведь?

— Вроде того. Само как-то получилось.

— Ненавижу тебя, — сказала звезда. — Я и так уже тебя ненавидела, а теперь вообще терпеть не могу.

Тристран пошевелил в блаженной прохладе облака обожженными пальцами. Он ужасно устал, его поташнивало.

— И за что же? — осведомился он.

— А за то, — злобно сообщила звезда, — что после того, как ты спас мне жизнь, по законам моего

народа ты за меня отвечаешь. А я — за тебя. Куда бы ты ни пошел, я должна следовать за тобой.

— А-а, — ответил Тристран. — Так это же хорошо. Разве нет?

— Я предпочла бы провести остаток жизни, таскаясь на цепи за отвратительным волком, или вонючей свиньей, или болотным гоблином, — ровным голосом пояснила она.

— Честное слово, я не так уж плох, — сказал Тристран. — Может, мы познакомимся поближе — и ты изменишь свое мнение. Вообще-то я хотел извиниться за то, что таскал тебя на цепи. Наверное, нам стоит начать все сначала, будто этого и не было. Коли так, здравствуйте, меня зовут Тристран Тёрн, очень рад познакомиться.

И он протянул девушке здоровую руку.

— Защити меня матерь Луна! — воскликнула звезда. — Да я скорей возьму за руку какого-нибудь…

— Охотно верю, — сказал Тристран, не желая дослушивать, с какой неприятной тварью его сравнят на сей раз. — Я же за все *извинился,* — напомнил он. — Давай-ка сначала. Меня зовут Тристран Тёрн, рад познакомиться.

Девушка вздохнула.

Высоко над землей воздух делался разрежен-

ным и холодным, но солнце сильно припекало, а облака вокруг напоминали юноше замки странного небесного города. Далеко внизу виднелся реальный мир: солнце ясно высвечивало каждое маленькое деревце, превращая изгибы рек в тонкие серебряные дорожки улиточьих следов, блестящие и выгибающиеся по землям Волшебной Страны.

— Ну и? — сказал Тристран.

— Ладно, — отозвалась звезда. — Отличная шутка, не правда ли? Куда бы ты ни пошел, я должна следовать за тобой. Даже если это меня убьет. — Она впилась пальцами в плоть облака, оставляя на тумане глубокие отметины. Потом на миг коснулась рукой протянутой ладони Тристрана. — Сестры звали меня Ивэйна. Я была вечерней звездой.

— Ты посмотри, какая из нас чудесная парочка, — усмехнулся юноша. — Ты со сломанной ногой, я — со своей рукой…

— Покажи-ка мне больную руку.

Тристран вытянул ее из облачной прохлады. Всю кисть, ярко-алую и вспухшую, с обеих сторон покрывали крупные волдыри. Они вскочили в тех местах, где кожу лизало пламя.

— Больно? — спросила девушка.

— Ага. Если честно, то даже очень.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно отозвалась Ивэйна.

— Если бы я не сжег руку, тебя бы наверняка убили, — напомнил Тристран. У его спутницы хватило совести отвести взгляд. — Знаешь что, — юноша сменил тему, не желая ее стыдить, — я ведь забыл сумку в трактире этой психопатки. У нас теперь ничего не осталось, разве что одежда.

— А у кого и прежней одежды больше нет, — вздохнула звезда.

— У нас нет ни еды, ни воды, мы летим в полумиле от земли и не знаем, как спуститься, к тому же не можем управлять ходом облака. Еще мы оба ранены. Я все перечислил или что-то забыл?

— Ты забыл, что облака имеют свойство таять и обращаться в ничто, — добавила Ивэйна. — Я сама видела, как они это делают. Еще одного падения я не перенесу.

Тристран пожал плечами.

— Ну, значит, мы наверняка обречены. Зато мы можем оглядеться, раз уж оказались здесь.

Он подал Ивэйне руку, помогая встать. Вдвоем они сделали несколько неловких шагов по прогибающейся под ногами толще облака, после чего звезда вновь села.

— Бесполезно, — сказала она. — Иди, сам оглядывайся. Я лучше посижу и подожду тебя.

— Обещаешь? — спросил Тристран. — Больше не станешь убегать?

— Клянусь. Клянусь своей матерью Луной, — грустно отозвалась Ивэйна. — Ведь ты спас мне жизнь.

И Тристрану пришлось довольствоваться этим обещанием.

Ее волосы уже почти целиком поседели, кожа лица несколько обвисла, шея сделалась дряблой, от углов глаз и рта лучами разбегались морщинки. Она была бледна, хотя платье ее пылало ослепительно красным. На плече ткань порвалась, и из дыры выглядывал грязный, сморщенный шрам от глубокой раны. Ветер хлестал ей по лицу спутанными волосами, когда женщина в черной карете мчалась через Пустоши. Четыре скакуна часто спотыкались, по бокам их струились ручьи пота, изо ртов бежала кровавая пена. Но копыта их по-прежнему без устали стучали по грязной дороге Пустошей, где не растет ничего.

Королева ведьм, старейшая из Лилим, натянула поводья и остановила коней возле скального пика цвета ярь-медянки, торчавшего из болотистой почвы пустошей подобно игле. Потом она

медленно, как и положено даме уже не первой (и даже не второй) молодости, сползла с облучка на мокрую землю.

Она подошла к карете сбоку и распахнула дверцу. Наружу тут же свесилась голова мертвого единорога с кинжалом, так и оставшимся торчать из холодной глазницы. Ведьма вскарабкалась в карету и раскрыла единорогу рот. Труп уже начал окоченевать, и челюсти разжались не без труда. Колдунья сильно прикусила собственный язык и сжимала зубы, пока боль во рту не стала невыносимой. Наконец она почувствовала вкус крови. Смешав во рту кровь со слюной (при этом ведьма чувствовала, что несколько передних зубов начинают шататься), она сплюнула на пегий язык единорога. Часть плевка повисла у нее на губах и испачкала подбородок. Женщина выговорила несколько слов, которые мы отказываемся здесь приводить, и закрыла единорогу мертвый рот.

— Вылезай из кареты, — приказала она трупу.

Тот неловко, с трудом поднял голову. Потом двинул ногами — неуверенно, как новорожденный осленок или олененок, который учится ходить. Наконец мертвый зверь поднялся на четыре ноги и то ли доковылял до двери кареты, то ли просто выпал в нее в грязь, где снова медленно

и неуклюже встал. Левый бок, на котором труп лежал в карете, раздулся, выпачканный кровью и сукровицей. Полуслепой единорог потащился к зеленой игле скалы и у ее подножия упал на колени в отвратительной пародии на молитву.

Королева ведьм нагнулась, вытащила из глазницы мертвого зверя свой кинжал и перерезала ему горло. Из пореза медленно, потрясающе медленно потекла кровь. Сходив к карете, ведьма вернулась с широким ножом. Им она принялась кромсать шею единорога, пока отрезанная голова не упала наконец в выемку меж камней, наполняя ее темно-красной солоноватой кровью, похожей на грязь.

Женщина взяла голову зверя за рог и положила позади обезглавленного туловища на камень. Потом вернулась к луже крови и заглянула в нее, как в зеркало. С темной поверхности на ведьму смотрели два лица: старухи, обе куда старше ее самой.

— Где она? — сварливо вопросила одна. — Что ты с ней сделала?

— Ты на себя посмотри! — поддержала ее вторая Лилим. — Ты забрала последнюю юность, какая у нас оставалась, — все, что я лично вырвала из груди звезды много лет назад, хотя та

визжала и отбивалась изо всех сил. А поглядеть на тебя — так ты уже растратила большую часть сокровища!

— Я подобралась очень близко, — сообщила королева ведьм своим сестрам в луже крови. — Но ее защищал единорог. Теперь я отрезала ему голову и собираюсь взять ее с собой. Давненько нам не доставалось свежего единорожьего рога для зелий!

— К черту единорожий рог, — грубо оборвала ее младшая сестра. — Как насчет звезды?

— Я не могу ее найти. Как если бы она вышла за границы Волшебной Страны.

Последовала долгая пауза.

— Нет, — ответила одна из старух. — Она все еще здесь. Но она направляется на ярмарку в Застенье, а это слишком близко — самая граница с миром По Ту Сторону. Едва звезда ступит в тот мир, для нас она будет потеряна.

Ведьмы отлично знали, что стоит звезде оказаться по ту сторону стены и ступить в мир, где вещи могут быть только сами собой, она тут же превратится в щербатый ком метеоритного железа, упавшего с небес: холодный, мертвый и ни на что не пригодный предмет.

— Тогда я буду поджидать ее в Теснине Диггори,

потому что там проходит единственный путь в Застенье.

Отражения двух старух неодобрительно взирали из темной глубины. Королева ведьм изнутри обвела языком зубы *(вот этот резец вконец расшатается и выпадет уже сегодня к ночи,* подумала она) и сплюнула в кровавую лужу. По зеркалу побежали круги, стирая лица Лилим, и теперь в крови отражались только небеса над Пустошами и призраки белых облаков в самой вышине.

Ведьма пнула обезглавленный труп единорога, повалив его набок. Забрав с собой отрезанную голову, она вернулась к карете и взобралась на облучок. А потом взяла поводья и снова послала норовистых коней в усталую рысь.

Тристран забрался на самый верх купы облака и уселся там, размышляя, почему никому из героев известных ему «сенсационных романов ужасов» не приходилось так ужасно голодать. Желудок недовольно урчал, да еще и рука болела.

Приключения весьма хороши, когда они в меру, думал юноша. *Но в перерывах не мешало бы, например, покушать. И постоянную боль я тоже не могу одобрить.*

Но все-таки Тристран был жив, и ветер тре-

пал его волосы, и облако скользило по небу, как галеон по тихому морю. Глядя сверху на проплывающий внизу мир, он чувствовал себя живым как никогда. Небо казалось таким *небесным,* а земля — такой *земной,* и Тристран дивился, почему этого не случалось раньше — или он просто не замечал?

Юноша осознал, что он в некотором смысле *поднялся над своими проблемами,* как и над дольним миром. Боль в руке как будто отдалилась. Тристран размышлял над своими приключениями и напастями, думал о предстоящем пути — и если честно, все казалось ему мелким и совершенно простым. Он встал на облаке в рост и во весь голос закричал: «Эге-гей!» — а потом еще раз и еще… Он даже сорвал с себя камзол и помахал им над головой, чувствуя себя при этом малость по-дурацки. Накричавшись, Тристран начал спускаться вниз, но на полпути потерял равновесие и свалился на мягкую, пружинящую поверхность облака.

— Зачем ты кричал? — спросила Ивэйна.

— Чтобы люди поняли, где мы, — объяснил Тристран.

– *Какие* люди?

— Да хоть какие-нибудь. Лучше уж я буду кри-

чать и внизу никого не окажется, чем я промолчу в то время, как там кто-нибудь был и мог нас услышать.

Звезда не нашлась с ответом.

— Я тут думал, — сказал Тристран. — И вот до чего додумался. После того, как мы покончим с моими делами — ну, то есть когда я доведу тебя до Застенья и представлю Виктории Форестер, нужно будет позаботиться и о тебе.

— Обо мне?

— Ведь ты наверняка хочешь вернуться домой, разве нет? Назад, на небо. Чтобы светить по ночам. Мы подумаем, как бы это устроить.

Девушка взглянула на него сверху вниз и грустно покачала головой.

— Так не бывает, — объяснила она. — Звезды только падают. Они не поднимаются обратно.

— Значит, ты будешь первой, — возразил Тристран. — Ты не должна терять *надежды.* Иначе ничего не получится.

— И *так* ничего не получится, — ответила звезда. — Толку в таких надеждах не больше, чем в твоих криках сверху вниз, когда внизу никого нет. И не важно, надеюсь я или нет, — суть вещей все равно не изменится. Как твоя рука?

Юноша пожал плечами.

— Да болит. А твоя нога?

— Тоже болит, — сказала Ивэйна. — Но уже не так сильно, как раньше.

— Эй, на облаке! — вдруг окликнул их голос откуда-то сверху. — Там, внизу! Вам нужна помощь?

Над ними, сверкая золотом в лучах солнца, завис небольшой корабль со вздутыми парусами. Из-за борта на Тристрана и девушку смотрело румяное усатое лицо.

— Это не ты, парень-паренек, прыгал и скакал там наверху?

— Я, — отозвался Тристран. — Думаю, нам в самом деле нужна помощь.

— Эге, — отозвался усатый. — Готовьтесь, мы сейчас спустим лестницу.

— Боюсь, у моей подруги сломана нога, — крикнул Тристран. — А у меня рука болит, так что мы не сможем сами подняться!

— Нет проблем. Мы вас втащим на корабль.

И усач перекинул через борт длинную веревочную лестницу.

Тристран поймал ее здоровой рукой и подержал ровно, чтобы Ивэйне было легче вскарабкаться на пару ступенек. Сам он уцепился чуть ниже. Усатое лицо исчезло из поля зрения, и Тристран

с Ивэйной остались беспомощно болтаться на конце лестницы.

Ветер влек летучий корабль вперед, так что лестница уже висела не над облаком, а в открытом небе. Она слегка вращалась и раскачивалась, а вместе с ней — и Тристран со звездой.

— Вверх! — дружно рявкнул хор голосов, и лестница рывком поднялась на несколько футов. — Вверх! Вверх! Вверх!

С каждым выкриком они поднимались все выше. Облако, на котором Тристран сидел совсем недавно, отнесло ветром в сторону на милю или даже больше. Юноша крепко держался за лестницу, уцепившись за веревочную «ступеньку» локтем больной руки.

Последний рывок — и Ивэйна поравнялась с высоким бортом корабля. Чьи-то руки заботливо подхватили ее и поставили на палубу. Тристран перелез через ограждение борта самостоятельно и кулем повалился на дубовую палубу.

Румяный человек подал ему руку.

— Добро пожаловать на корабль, — сказал он. — Вы находитесь на вольной шхуне «Пердита», пребывающей в охотничьем рейде за молниями. Капитан Йоханнес Альберик, к вашим услугам. — И капитан закашлялся.

Прежде чем Тристран успел сказать хоть слово в ответ, тот разглядел его левую руку и возопил:

— Мэггот! Мэггот! Разрази тебя гром, куда ты девалась? Давай сюда! Нужно помочь пассажирам! Значит, так, парень, Мэггот позаботится о твоей руке. Ужин у нас подают, когда колокол пробьет шесть. Тебя я посажу за свой стол.

Вскоре Мэггот — ярко-рыжая лохматая женщина с озабоченным лицом — отвела Тристрана в трюм и там намазала ему руку густой зеленой мазью, которая значительно остудила боль. А потом его проводили в кают-компанию — так называлась маленькая столовая рядом с кухней (и Тристрану очень понравилось, что кухню здесь зовут камбузом, точь-в-точь как в морских историях, которые он некогда читал).

Тристран действительно ужинал за столом капитана — хотя, по правде сказать, в кают-компании попросту не нашлось других столов. Кроме капитана и Мэггот, за ним сидели пятеро моряков — неразлучная команда, которая всю инициативу в речах целиком предоставляла капитану Альберику. Тот с удовольствием этим пользовался, в одной руке держа кружку эля, а в другой попеременно — то ложку с едой, то короткую сучковатую трубку.

На ужин подали густой овощной суп, бобы и ячменную кашу, и Тристран наелся и полностью удоволился. Запивали еду чистейшей и прозрачнейшей водой, какую юноше приходилось пить в жизни.

Капитан не расспрашивал пассажиров о том, как их угораздило оказаться на облаке, и Тристран тому несказанно порадовался. Койку ему предоставили вместе с Однессом, первым помощником капитана. Это был тихий джентльмен с широкими крыльями, который ужасно заикался. Ивэйну поселили в каюте Мэггот, и Мэггот уступила ей свою постель, а сама перебралась в гамак.

Позже в своих странствиях по Волшебной Стране Тристран частенько вспоминал дни, проведенные на «Пердите», как один из лучших периодов своей жизни. Матросы позволяли ему помогать с парусами — а иногда даже подпускали к штурвалу. Порой корабль проплывал над черными грозовыми облаками, огромными, как горы, и тогда команда принималась за ловлю молний. Ловили их небольшим медным сундуком. Порой дождь и ветер перехлестывали через борт, ливень бил Тристрана в лицо, а он хохотал от радостного возбуждения, держась за веревоч-

ные перила, чтоб его не смыло за борт.

Мэггот, которая была несколько выше и тоньше Ивэйны, отдала девушке несколько своих платьев. Девушка приняла их с благодарностью — ей доставляло удовольствие менять одежду раз в несколько дней. Она часто забиралась на носовую фигуру корабля, невзирая на свою сломанную ногу, и подолгу оставалась там, глядя на землю внизу.

* * *

— Как твоя рука? — спросил капитан.

— Спасибо, намного лучше, — ответил Тристран. Кожа на его кисти сделалась блестящей и натянутой, покрытой шрамами; к пальцам отчасти вернулась чувствительность. Бальзам Мэггот почти совсем устранил боль и несказанно ускорил процесс выздоровления. Тристран как раз сидел на палубе, свесив ноги через борт, и смотрел вниз.

— Через неделю мы собираемся встать на якорь — нужно закупить провиант и взять немного груза, — сообщил капитан. — Может быть, стоит там и ссадить тебя на берег?

— Ох… Спасибо, — отозвался Тристран.

— Ты окажешься не так далеко от Застенья.

Примерно в десяти неделях пути. Ну, может, малость побольше. Но Мэггот говорит, что нога твоей подруги почти совсем вылечилась. Она сможет на нее наступать, кость выдержит вес.

Они с капитаном сидели рядышком. Альберик курил свою неизменную трубку, и поэтому его одежду покрывал густой слой пепла. В те редкие минуты, когда он не курил, он жевал черенок трубки, или чистил ее длинным металлическим инструментом, или набивал ее новым табаком.

— Знаешь, — сказал капитан, глядя на горизонт, — мы подобрали тебя не потому, что ты такой уж везучий. То есть ты в самом деле везучий, раз уж мы тебя подобрали, — но на самом деле мы отчасти приглядывали за тобой. Я и еще кое-кто в наших землях.

— Но почему? — изумился юноша. — И как вы вообще обо мне узнали?

В ответ капитан сложил из пальцев загадочную фигуру.

— На вид похоже на замок, — сказал Тристран. Альберик подмигнул.

— Не стоит говорить так громко, — предупредил он. — Даже здесь, на небесах. Считай, что речь идет о некоем братстве.

Тристран смотрел на него во все глаза.

— Вы знакомы с маленьким лохматым человечком, у которого большая шляпа и огромный чемодан товаров?

Капитан выколотил свою трубку о борт корабля. Движение его руки повторило очертания замка.

— Ну да. И он — не единственный член братства, заинтересованного в том, чтобы ты вернулся в Застенье. Кстати сказать, я вспомнил важную вещь. Передай своей леди: если она желает скрыть, к какому народу принадлежит, ей нужно иногда притворяться, что она ест что-нибудь — да что угодно.

— Я никогда не упоминал при вас о Застенье, — удивился Тристран. — Когда вы спросили, откуда мы, я указал назад, а на вопрос, куда мы идем, показал вперед!

— Именно так, мальчик мой, — кивнул Альберик. — Совершенно верно.

Прошла еще неделя, и на пятый ее день Мэггот заявила, что Ивэйне можно снять шину с ноги. Она разрезала самодельные бинты и убрала палки, и Ивэйна попробовала ходить без посторонней помощи, от носа корабля к корме, держась за перила. Вскоре она уже легко передвигалась по палубе, хотя немного прихрамывала.

На шестой день случился шторм, и моряки поймали своим медным ящиком целых шесть молний. На седьмой день корабль вошел в гавань. Тристран и Ивэйна распрощались с капитаном и с командой вольной шхуны «Пердита». Мэггот подарила Тристрану горшочек с зеленой мазью для больной руки — а заодно и для ноги Ивэйны. Капитан дал ему с собой кожаную торбу с сушеным мясом, фруктами и табаком; еще там нашелся нож и трутовица для добывания огня («Да ладно, ладно, парень. Все равно мы здесь закупимся провиантом!»). А Мэггот вручила девушке синее шелковое платье, расшитое серебряными звездами и месяцами («На тебе оно куда лучше смотрится, милая, чем на мне даже в лучшие мои годы!»)

Корабль пришвартовался вместе с дюжиной таких же небесных судов к верхушке высокого дерева, достаточно крепкого, чтобы держать на стволе добрый десяток домов. Здесь жили как люди, так и гномы, а также карлы, сильваны и прочий, еще более странный народец. Вокруг ствола вилась винтовая лестница, и Тристран со звездой осторожно спустились по ней. Тристран испытал невольное облегчение, снова оказавшись на твердой земле, но все-таки непо-

стижимым образом он чувствовал сожаление, как если бы в миг, когда ноги юноши коснулись суши, он навек потерял нечто драгоценное.

Через три дня пути дерево-гавань скрылось за горизонтом.

Они шли на восток, лицом к рассвету, по широкой пыльной дороге, а спали меж камней. Тристран ел фрукты и орехи, росшие на деревьях, и пил из чистых ручьев. Изредка по пути они встречались с другими прохожими. Когда было возможно, странники останавливались на фермах, и Тристран работал по хозяйству в уплату за ужин и ночлег на сеновале. Иногда они ночевали в городах и деревнях, и там порой, когда юноша и звезда позволяли себе отдых в гостинице, удавалось помыться и хорошо покушать — или, в случае Ивэйны, притвориться кушающей.

В городке Симкок-Под-Холмом Тристран и Ивэйна наткнулись на шайку гоблинов-наемников, и встреча могла окончиться весьма плачевно для Тристрана, который провел бы остаток жизни, сражаясь в бесконечных гоблинских войнах под землей, если бы не быстрый ум Ивэйны и ее острый язычок. В Беринхедском лесу юноша имел стычку с огромным рыжеватым орлом, который желал унести обоих бедолаг к себе в гнездо, на

корм орлятам, и не боялся ничего на свете, кроме огня.

В таверне в Фулькестоне Тристран добился небывалого успеха, потому что помнил наизусть «Кубла-Хана» поэта Кольриджа, а также двадцать третий псалом и монолог из «Венецианского купца» насчет того, что не *действует по принужденью милость,* вкупе со стихотворением «На пылающей палубе мальчик стоял». Всем этим багажом знаний юноша был обязан своим школьным дням. Он не раз успел благословить в душе миссис Черри, заставлявшую учеников зубрить стихи наизусть, — пока не стало ясно, что жители Фулькестона решили оставить его у себя на веки вечные и сделать главным городским бардом. Тристрану и Ивэйне пришлось удирать оттуда под покровом ночи, и побег удался только потому, что звезда воспользовалась неизвестными ее спутнику методами и уговорила собак не лаять на беглецов.

Под солнцем лицо Тристрана загорело до коричневатого цвета, а одежда его приобрела оттенок ржавчины и пыли. Ивэйна оставалась все такой же лунно-бледной, и сколько бы они ни прошли дорог, не переставала хромать.

Однажды вечером, когда они расположились

лагерем на окраине густого леса, Тристран услышал нечто удивительное: прекрасную мелодию, протяжную и странную. От нее в голове юноши тут же зароились видения, а сердце исполнилось радости и благоговения. Музыка пробуждала в нем образы бесконечных пространств, огромных прозрачных сфер, медленно вращающихся в высочайших воздушных чертогах. Как будто мелодия уносила его далеко-далеко, выводя за пределы самого себя.

По прошествии времени, показавшегося Тристрану долгими часами (хотя, возможно, прошли всего лишь минуты), музыка оборвалась, и Тристран невольно вздохнул.

— Как прекрасно, — прошептал он.

Губы звезды невольно растянулись в улыбке, а глаза засияли.

— Спасибо, — ответила она. — До сих пор у меня как-то не случалось настроения петь.

— Я никогда ничего подобного не слышал.

— Порою по ночам, — сказала Ивэйна, — мы с сестрами пели хором. Мы исполняли песни вроде этой — все о нашей матери Луне, и о сущности времени, и о радости светить во тьме, и об одиночестве.

— Извини, — пробормотал Тристран.

— Да ладно, — отозвалась звезда. — По крайней мере я до сих пор жива. Мне еще повезло, что я упала на землю Волшебной Страны. И повезло, что я повстречала тебя.

— Спасибо, — сказал Тристран.

— Всегда пожалуйста, — ответила она. И, в свою очередь глубоко вздохнув, воззрилась на темное небо сквозь древесные ветви.

Тристран искал чего-нибудь на завтрак. Он нашел несколько молодых грибов-дождевиков и дикую сливу, всю покрытую лиловыми плодами, уже перезрелыми и высохшими почти до состояния чернослива. И вдруг юноша заметил на земле яркую птицу.

Он не сделал ни малейшей попытки поймать ее (помнится, пару недель назад Тристран испытал сильнейший шок, когда пытался охотиться и совсем было загнал большого серо-коричневого зайца, которого прочил себе на ужин. Заяц ускользнул от охотника в последний момент и, обернувшись с края поляны, презрительно сказал: «Отличный поступок, парень, тебе есть чем гордиться», — после чего исчез в густой траве). Птица попросту привлекла внимание юноши своей красотой: размером с фазана, она отличалась удивительной яркой расцветкой перьев,

огненно-красных, желтых и ослепительно синих. Непонятно, из каких тропиков ее сюда занесло, но в папоротниковом лесу птица смотрелась весьма неуместно. Она тревожно наблюдала за приближением Тристрана, неловко подпрыгивая в траве и издавая испуганные крики.

Тристран опустился рядом с птицей на колено, бормоча что-то успокаивающее. Он протянул к ней руку — и понял, в чем тут проблема: серебряная цепь, охватившая птичью ногу, зацепилась за кривой обломок корня, торчащий из земли. Птица оказалась прикована к месту и не могла улететь.

Тристран осторожно распутал серебряную цепь и отцепил ее от корня, в то же время свободной рукой поглаживая птицу по увенчанной пышным плюмажем голове.

— Ну вот, — сказал он наконец. — Готово. Лети домой.

Но птица не торопилась улетать. Склонив головку набок, она пристально смотрела юноше в лицо.

— Что же ты, — настаивал Тристран, почему-то чувствуя себя ужасно неловко и странно. — Ведь о тебе наверняка кто-то волнуется.

Он поднял птицу на руки и сделал шаг к лесу

— но тут что-то словно ударило его, парализуя движения. Ощущение было такое, будто Тристран с разбегу наскочил на невидимую стену. Он споткнулся и чуть не упал.

— Ах ты, вор! — крикнул надтреснутый старушечий голос. — Да я превращу твои кости в лед и поджарю тебя на медленном огне! Я вырву тебе глаза и один привяжу к селедке, а второй — к чайке, чтобы двойное видение неба и моря свело тебя с ума! Я обращу твой язык в извивающегося червя, а пальцы — в острые бритвы, и напущу на тебя жалящих огненных муравьев, чтобы всякий раз, когда ты вздумаешь почесаться…

— Не стоит так волноваться, — перебил старуху Тристран. — Я не собирался красть вашу птицу. Ее цепь запуталась в корнях, и я просто помог ей освободиться.

Та подозрительно сверкнула глазками из-под копны нечесаных седых волос. Потом подбежала к Тристрану и выхватила у него свою птицу. Прижав ее к груди, она что-то прошептала — и птица ответила ей мелодичной трелью. Старуха прищурилась.

— Ну, может, ты и не во всем мне наврал, — призналась она неохотно.

— Я вам вообще не врал, — возразил Тристран,

но старуха уже заковыляла прочь по поляне, прижимая к себе птицу. Так что юноше осталось собрать свои рассыпанные сливы и грибы и пойти обратно, туда, где он оставил Ивэйну.

Звезда сидела на обочине и растирала ноги. У нее болела поврежденная лодыжка, и стопы с каждым днем становились все чувствительнее. Иногда по ночам Тристран слышал ее тихие всхлипы. Он надеялся, что Луна, может быть, пошлет им еще одного единорога — но знал, что особенно рассчитывать на чудо не стоит.

— Знаешь, — сказал Тристран Ивэйне, — тут со мной случилось кое-что странное. — И он рассказал ей о сегодняшних приключениях, наивно полагая, что история с птицей на этом кончилась.

Но, конечно же, Тристран ошибался. Спустя несколько часов Тристран со звездой шли по лесной дороге, и их обогнала ярко раскрашенная крытая повозка. Фургон тянула вперед пара серых мулов, а правила им та самая старуха, которая грозилась превратить кости Тристрана в лед. Она остановила мулов и указала кривым пальцем прямо на юношу.

— Пойди сюда, парень, — велела она. Тот с опаской подошел ближе.

— Да, мадам?

— Пожалуй, я должна перед тобой извиниться, — сообщила старуха. — Похоже, ты говорил правду. Я поспешила с выводами.

— Да, — согласился Тристран.

— Дай-ка я погляжу на тебя. — И старуха спрыгнула на дорогу. Ее холодный палец коснулся подбородка Тристрана, поднимая голову юноши вверх. Его карие глаза теперь смотрели в старухины, старые и зеленые.

— Ты выглядишь честным парнем, — кивнула та. — Можешь называть меня госпожой Семелой. Я направляюсь в Застенье, на ярмарку. Я как раз размышляла, что мне пригодился бы смышленый мальчуган для помощи за прилавком. Я продаю стеклянные цветы, знаешь ли, — самый красивый товар, какой ты только можешь представить. Из тебя получился бы неплохой торговец, а на твою раненую руку мы наденем перчатку, чтобы не смущать покупателей. Что скажешь?

Тристран поразмыслил, сказал:

— Извините, я сейчас, — и отошел посоветоваться с Ивэйной. Обратно к старухе они вернулись уже вдвоем.

— Добрый день, — вежливо начала звезда. — Мы обсудили ваше предложение и решили,

что…

— Ну и?! — рявкнула госпожа Семела, глядя только на Тристрана. — И чего ты встал, как немой? Давай говори! Отвечай!

— Я не хочу работать на ярмарке, — сообщил Тристран, — потому что у меня много своих дел в Застенье. Но если бы вы согласились нас подвезти, мы с подругой заплатили бы вам за проезд…

Госпожа Семела помотала головой.

— Не интересуюсь. Я способна сама собирать хворост для костра, а лишний груз только повредит Безнадеге и Доходяге. — Она кивнула на серых мулов. — Я пассажиров не беру.

И старуха вскарабкалась на облучок.

— Но послушайте, — сказал Тристран, — я вам заплачу.

Карга только презрительно хмыкнула.

— У такого, как ты, не может найтись ни одной вещи, которую я сочла бы достаточной платой. Значит, так: если не хочешь поработать на ярмарке в Застенье, то поди прочь с дороги.

Тристран залез во внутренний карман камзола и нащупал свой талисман, продетый сквозь петельку, — такой же холодный и прекрасный, как в самом начале путешествия. Юноша вытащил его наружу и, зажав меж пальцев, поднес к само-

му носу старухи.

— Вы сказали, что торгуете стеклянными цветами; так может быть, вас заинтересует этот предмет?

Подснежник из белого и зеленого стекла, сделанный с великим мастерством, казался живым, будто его только что сорвали на лугу и даже утренняя роса не успела высохнуть на лепестках. Старуха заморгала, уставившись на зеленые листики и сомкнутую белую чашечку цветка, и вдруг взвизгнула: ее вопль напоминал крик боли, испущенный хищной птицей.

— Где ты его взял? Дай его сюда! Сейчас же отдай мне!

Тристран мгновенно спрятал подснежник в кулаке и отступил на пару шагов.

— Гм, гм, — произнес он вслух. — Внезапно я осознал, как глубоко привязан к этому цветку. В конце концов, это отцовский подарок, он сопровождал меня во всех странствиях. Думаю, подснежник представляет для меня личную и семейную ценность. Он неоднократно приносил мне удачу и помогал в разных ситуациях.

Пожалуй, я оставлю цветок себе, а до Застенья мы с подругой как-нибудь пешком доберемся.

Госпожа Семела, похоже, разрывалась меж

двумя желаниями — угрожать и подольщаться. Эмоции так ясно отражались на ее лице, что старуха едва ли не тряслась от старания держать их под контролем. Наконец она взяла себя в руки и сказала надтреснутым от напряжения голосом:

— Ну полно, полно. Не стоит так торопиться. Я уверена, что мы сможем договориться к взаимной выгоде.

— О, сомневаюсь, — возразил Тристран. — Чтобы прийти к соглашению с вами, мне нужны гарантии, что мы со спутницей пребудем в полной безопасности и по отношению к нам вы будете выказывать только дружелюбие и обращаться соответственно.

— Дай-ка мне еще разок взглянуть на подснежник, — попросила старуха.

Яркая птица, прикованная за ногу на серебряную цепь, вылетела из фургона и внимательно наблюдала за происходящим.

— Вот бедняжка, — пожалела ее Ивэйна. — Тяжело сидеть на цепи! Почему вы ее не отпустите?

Но старая карга не ответила, игнорируя присутствие звезды — или же так казалось Тристрану. Госпожа Семела обращалась только к нему:

— Я согласна отвезти тебя в Застенье и клянусь

своей честью и своим истинным именем, что за время путешествия не причиню тебе никакого вреда своими действиями.

— А также бездействием или же действуя через другого, — добавил Тристран. — И всеми силами будете стараться отвести возможный вред от меня и моей спутницы. Клянетесь?

— Как скажешь. Клянусь.

Тристран немного поразмыслил. Он определенно не доверял этой ведьме.

— И еще поклянитесь, что мы прибудем в Застенье в том же виде и состоянии, в каком мы пребываем сейчас. И что вы предоставите нам в пути кров и питание.

Старуха недовольно покудахтала и согласилась. Она снова спрыгнула на дорогу, откашлялась и плюнула на землю. Потом указала на плевок, смешанный с пылью:

— Теперь ты.

Тристран послушно плюнул рядом. Концом башмака ведьма смешала их слюну в единый пыльный комок.

— Вот так, — сказала старуха. — Сделка есть сделка. Теперь давай мне цветок.

На лице ее так неприкрыто написались жадность и голод, что Тристран невольно пожалел

о договоре. Однако он честно отдал карге отцовский подарок. Выхватив подснежник у него из рук, ведьма так и расплылась в щербатой улыбке.

— Похоже, этот цветочек даже получше прежнего, который проклятая девчонка отдала за бесценок почти двадцать лет назад! А теперь, паренек, — вопросила она, сверля Тристрана своими пронзительными старыми глазками, — скажи мне, ты хоть представляешь, что за вещь таскал с собой в кармане?

— Цветок. Стеклянный цветок.

Старуха расхохоталась так резко и неожиданно, что Тристран даже подумал, что она подавилась.

— Это замороженное заклинание, — объяснила она. — Вещь Силы. В правильных руках такая штучка может совершать чудеса. Смотри.

Ведьма подняла подснежник над головой и стала медленно опускать его вниз, пока он не коснулся лба юноши.

На миг он почувствовал себя очень странно — как будто по венам вместо крови заструилась густая черная патока; потом очертания мира изменились. Все вокруг разом выросло; сама старуха ведьма превратилась в громадную великаншу. В глазах Тристрана все расплывалось.

Две огромные руки потянулись сверху вниз и осторожно подхватили его с земли.

— Мой фургончик — не самый большой в мире, — густым, медленным голосом сообщила госпожа Семела. — Клятву свою я сдержу и не причиню тебе никакого вреда, а также предоставлю тебе и стол, и кров по дороге в Застенье!

Она посадила садовую соню в карман передника и вскарабкалась в повозку.

— А со мной что ты собираешься сделать? — спросила Ивэйна — и вовсе не удивилась, когда не получила никакого ответа. Вслед за старухой она влезла в темное нутро фургона. Там было всего одно помещение безо всяких перегородок; целую стену занимало нечто вроде высокой витрины из кожи и дерева со множеством отделений; в один из таких кармашков, устланный пушком от семян чертополоха, ведьма положила подснежник. У противоположной стены с прорезанным в ней окошком стояла кровать и большой комод.

Госпожа Семела нагнулась и выдвинула из-под кровати деревянную клетку. Туда-то она и посадила маленькую соню, вытащив зверька из кармана. Взяв из деревянного горшка горсть семян, перемешанных с ягодами и орехами, ведьма высыпала их в клетку и подвесила ее на цепь

посреди фургона.

— Ну вот, все по-честному, — усмехнулась она. — И стол, и кров.

Ивэйна с любопытством наблюдала за происходящим, усевшись на старухиной кровати.

— Не ошибаюсь ли я, — вежливо спросила она, — в своем предположении, которое вытекает из ряда наблюдений? Например, вы ни разу не взглянули на меня или же скользили по мне взглядом, не сказали мне ни слова, а кроме того, превратили моего спутника в зверюшку, а меня не тронули. Из этого я делаю вывод, что вы не видите меня и не слышите.

Ведьма не отреагировала на ее слова. Она уселась на облучок и свесила ноги. Тропическая птица вспорхнула с места и села рядом с ней, вопросительно щебеча.

— Конечно, я собираюсь в точности сдержать свое слово, — сказала старуха будто бы в ответ птице. — Как только мы прибудем на ярмарочный луг, я превращу его обратно в человека. Так что в Застенье он попадет в прежнем своем виде. А после того, как я его расколдую, я и тебе верну настоящий облик, потому что, как видишь, другого слуги я не нашла, и придется снова пользоваться твоими услугами, неряха ты и бестолочь.

Если бы этот парень целыми днями ошивался рядом, болтал, любопытствовал и совал нос в мои дела, я бы просто не выдержала. А в таком виде и прокормить его легче — брошу горсточку орехов, и все довольны. — Карга обхватила себя руками, раскачиваясь из стороны в сторону. — Тебе придется встать довольно-таки рано, чтобы поставить прилавок и навес. И еще я считаю, что приобрела новенький цветок получше того, что ты некогда у меня украла.

Она пощелкала языком и взялась за поводья, и вскоре мулы послушно затрусили по лесной дороге.

Пока госпожа Семела правила повозкой, Ивэйна отдохнула на ее грязноватой постели. Фургон покачивался и грохотал колесами, катясь через чащу. Когда повозка останавливалась, девушка просыпалась и вставала с кровати. Ночами ведьма спала, а Ивэйна забиралась на крышу фургона и смотрела на звезды. Иногда с ней рядом устраивалась старухина птица, и девушка с удовольствием гладила ее и разговаривала с ней, потому что всегда приятно иметь поблизости кого-то, поддерживающего твою веру в собственное существование. Но когда ведьма находилась рядом, птица нарочито игнорировала присут-

ствие звезды.

Ивэйна старалась заботиться о садовой соне, которая большую часть времени спала, свернувшись клубочком и спрятав голову между лапок. Когда старуха уходила за хворостом или за водой, Ивэйна открывала клетку зверька, гладила его по шерстке мягче пуха, развлекала беседой и несколько раз даже пела ему песни, хотя трудно было сказать, что в соне оставалось что-то от Тристрана. Зверек смотрел на Ивэйну сонными безразличными глазками, похожими на две капельки чернил.

Теперь, когда ей не приходилось каждый день идти пешком, нога у звезды почти не болела, и стертые стопы зажили. Она знала, что останется хромой на всю жизнь, ведь Тристран, лечивший ее сломанную кость, не был настоящим хирургом, хотя и сделал все, что мог. О хромоте ее в свое время предупредила еще Мэггот.

Изредка, когда по дороге они встречались с кем-нибудь, звезда старалась по возможности не показываться людям на глаза. Однако вскоре она заметила, что даже если люди обращались к ней в присутствии ведьмы или указывали на нее пальцами, как сделала маленькая дочка дровосека, расспрашивая о ней госпожу Семелу, — старуха

все равно не осознавала присутствия Ивэйны и не слышала ничьих слов касательно ее существования.

Так — в тряской и дребезжащей ведьминой повозке — они коротали неделю за неделей: сама колдунья, ее птица, садовая соня и упавшая звезда.

Глава девятая, *повествующая по большей части о событиях в Теснине Диггори*

Тесниной Диггори зовется глубокий и узкий проход меж двумя меловыми холмами — высокими и зелеными, где мел прикрыт тонким слоем красноватого дерна и травы, а на деревья почвы едва-едва хватает. Со стороны Теснина похожа на белый меловой порез в ярко-зеленом бархате. Местная легенда гласит, что сей проход меж холмами выкопал некий Диггори, трудясь денно и нощно и используя для работы лопату, перекованную кузнецом Вейландом из лезвия меча по пути из Застенья в глубь Волшебной Страны. Некоторые говорят, что меч этот — не что иное, как великий Фламберг, а другие называют его Балмунгом. Но никто даже примерно не представляет, кто таков сам Диггори, так что возможно, все подобные байки — сплошная ерунда. Как бы то ни было, единственная дорога в Застенье ведет через Теснину Диггори. Каждый путник, пешком он идет или едет на колесах, непременно минует узкий проход меж двух толстых меловых стен,

над которыми вздымаются холмы, похожие на зеленые подушки великанской кровати.

В самой середине Теснины, на обочине дороги, виднелось нечто, на первый взгляд напоминающее груду палок и сучьев. При ближайшем рассмотрении делалось ясно, что это сооружение — нечто среднее между большим вигвамом и маленьким сарайчиком с проделанной в крыше дырой, откуда порой вдруг начинал валить серый дым.

Некто в черном уже изучил жалкую деревянную хижинку так подробно, как только возможно за два дня. Он наблюдал за домишком с вершины холма, а когда выпадал случай, подходил и ближе. Наблюдатель установил, что в хижине обитает женщина преклонных лет. Она жила одна и ничем конкретным не занималась; единственным ее занятием было останавливать и исследовать каждую повозку и каждого одинокого путника, проходившего через Теснину.

Женщина казалась довольно безобидной, но Септимус остался последним выжившим мужчиной в своем роду не потому, что имел обыкновение доверять внешнему впечатлению. Он твердо знал, что именно эта старуха перерезала горло его брату Праймусу.

Жизнь за жизнь, гласил закон мести; но, к счастью, в нем не обговаривались способы убийства. По характеру Септимус был прирожденным отравителем. Клинки, избиения и ловушки тоже годились, на худой конец, но пузырек с прозрачной жидкостью, запах и вкус которой полностью исчезал при добавлении в пищу, Септимус считал своим истинным призванием.

К несчастью, старуха не принимала никакой пищи, кроме той, что сама добывала охотой и собирательством. Обдумав идею подложить ей к дверям горячий пирог с начинкой из спелых яблок и смертельных ягод воронца, мститель вскоре отмел ее как непрактичную. Он поразмыслил также, не скатить ли на хлипкий ведьмин домик меловой валун с вершины холма; но тут не хватало уверенности, что камень убьет ее насмерть. Септимус пожалел, что мало занимался волшебством. В его роду передавались по наследству некоторые способности по обнаружению пропавших предметов и людей; еще в арсенале младшего сына имелось несколько мелких магических трюков — немногое, что ему удалось выучить или подслушать за прошедшие годы. Но среди обрывочных знаний не находилось подходящего к нынешнему случаю, когда требовалось

вызвать потоп или ураган или ударить в хижину молнией. Поэтому Септимус пока что караулил свою будущую жертву, как кот возле мышиной норки, — час за часом и ночью, и днем.

Вскоре после полуночи, в безлунной тьме, Септимус наконец подобрался к двери домика. В одной руке он держал тигель, а в другой — томик романтической поэзии и гнездо дрозда, набитое еловыми шишками. С пояса лорда свешивалась дубовая палица, утыканная медными гвоздями. Он долго прислушивался, стоя у двери, но изнутри доносилось только ровное дыхание, порой прерываемое коротким храпом. Глаза Септимуса были привычны к темноте, кроме того, хижина четко выделялась на фоне белого мелового склона Теснины. Мститель стоял, прижавшись к стене дома и держа в поле зрения дверь.

Сперва он порвал на отдельные листы свою книжку и скатал всю романтическую поэзию в большой бумажный комок. Комок он тщательно затолкал в щель в стене лачуги невысоко над землей. Поверх бумаги разместились шишки. Потом Септимус открыл тигель, и, подцепив кончиком ножа клубок провощенных льняных полосок, погрузил их в мерцающие уголья на дне. Когда тряпицы хорошенько разгорелись, он

бросил их поверх шишек и бумажек и долго осторожно дул на маленький желтый огонек, пока кипа не занялась. Септимус подкормил пламя сухими веточками от птичьего гнезда; костерок потрескивал в ночи, разгораясь и расцветая алым цветком. Сухое дерево стены начало дымиться, и поджигатель боролся с подступившим кашлем; наконец стена загорелась, и он улыбнулся.

Септимус вернулся к двери лачуги и изготовился, подняв свою дубину. Мститель рассудил, что карга или сгорит вместе с домом, в случае чего долг можно считать исполненным, или она почует дым, проснется, перепугается и бросится за дверь; тут-то старуха и получит дубиной по голове прежде, чем успеет сказать хоть слово. Так и так она умрет, и месть свершится.

— Неплохой план, — сказал Терциус в потрескивании горящего дерева. — А когда он ее убьет, можно будет отправляться за Камнем Власти Штормфорта.

— Посмотрим, — отозвался Праймус стонущим голосом далекой ночной птицы.

Пламя быстро охватило деревянную хижину, расцветая желто-рыжими языками со всех сторон. Из дверей никто не появлялся. Вскоре домишко превратился в пламенеющий ад, и

Септимусу пришлось отойти назад на несколько шагов от пылающего жара. Он широко, торжествующе улыбнулся и опустил палицу.

Вдруг он вздрогнул от острой боли в пятке. Обернувшись, лорд увидел маленькую яркоглазую змейку, алую в свете огня; она глубоко погрузила острые зубы в задник его кожаного башмака. Септимус взмахнул дубиной, но крохотное создание оторвалось от его ноги и с огромной скоростью исчезло за белым меловым валуном.

Боль в пятке слегка утихла. *Если змея ядовитая,* подумал Септимус, *большинство яда ушло в кожу башмака. Нужно перетянуть лодыжку жгутом, потом разуть ногу, сделать в месте укуса крестообразный надрез и высосать яд.* Так рассуждая, он уселся на белый камень и при свете пожара начал снимать башмак. Однако тот не снимался. Стопа совершенно онемела, но Септимус догадался, что она стремительно раздувается. *Придется разрезать ботинок,* подумал он и поднял больную ногу на уровень колена; на миг ему показалось, в глазах потемнело, но потом лорд увидел, что костер пожара, только что освещавший всю Теснину, совершенно угас. Он невольно похолодел.

— Похоже, — произнес у Септимуса за спиной

некий голос, мягкий, как шелковая удавка, и сладкий, как отравленное печенье, — ты решил поджечь мой маленький домик, чтобы немного погреться. А с дубиной у дверей ты стоял, чтобы забить пламя в случае, если оно не придется мне по нраву?

Септимус хотел ответить — но челюсти его не разжимались, рот свело судорогой. Сердце билось в груди, как маленький барабан, не в обычном своем размеренном ритме, но с бешеной скоростью. Лорд чувствовал, как по каждой вене, каждой артерии его тела разбегается смертельное пламя — а может быть, жидкий лед: он не мог сказать с определенностью.

В поле зрения Септимуса вступила старуха. Она походила на обитательницу деревянной хижины, но казалась старше, намного старше. Септимус попробовал сморгнуть, чтобы прояснить зрение, — но глаза его забыли, как моргают, и отказывались закрываться.

— Тебе должно быть стыдно, — продолжала старуха. — Ты замыслил нападение на бедную старую леди, одинокую и беззащитную, жизнь которой полностью зависела бы от милости всякого мимохожего проходимца, если бы не доброта ее маленьких друзей.

Она подняла с меловой земли нечто длинное и застегнула его на запястье. После чего развернулась и ушла обратно в хижину, которая чудесным образом оказалась целой — или восстала из пепла: Септимус точно не знал, как это случилось, да ему было и не до того.

Сердце его билось в груди неровно, с перерывами, то и дело пропуская по такту, и если б он мог закричать — вопил бы во весь голос. Уже успело рассвести, когда боль наконец прекратилась, и старшие братья в шесть голосов поприветствовали Септимуса в своих рядах.

Септимус в последний раз посмотрел вниз, на скрюченное, еще не остывшее тело, в котором он прежде обитал; заглянул трупу в глаза, запоминая их выражение. И отвернулся.

— Больше не осталось братьев, чтобы отомстить ей, — сказал он голосом просыпающихся кроншнепов. — И ни один из нас так и не стал лордом Штормфорта. Что же, идемте.

И вскоре после этих слов в Теснине не осталось даже призраков.

Солнце стояло высоко в небесах, когда фургон госпожи Семелы неуклюже загромыхал по дороге через Теснину Диггори.

Госпожа Семела заметила обугленную дере-

вянную лачугу у дороги, а при приближении — и согбенную старуху в выцветшем красном платье, махавшую повозке рукой с обочины. Волосы женщины были белее снега, морщинистая кожа свисала складками, а вместо одного глаза блестело бельмо.

— Добрый день, сестра. Что случилось с твоим домом? — спросила госпожа Семела.

— Это все шутки нынешней молодежи. Один юнец решил, что весело будет поджечь домик бедной старушки, которая за всю жизнь и мухи не обидела. Ну что же, он вскорости получил хороший урок.

— Понятно, — кивнула ведьма. — Они всегда получают свое в конце концов. И никогда не благодарят за преподанные уроки.

— Чистая правда, — согласилась старуха в линялом красном платье. — А теперь скажи мне, милая, кого ты везешь с собой в фургоне?

— А это уже, — надменно ответила госпожа Семела, — не твоя забота, и я буду благодарна, если ты перестанешь лезть в мои дела.

— Кто едет с тобой? Отвечай честно, или я пошлю гарпий, чтобы порвать тебя на куски и развесить твои останки по крюкам в преисподней под днищем мира.

— Да кто ты такая, чтобы угрожать мне?

Старуха уставилась на госпожу Семелу обеими глазами — здоровым и слепым.

— Довольно того, что я знаю тебя, Зануда Сэл. Хватит трепать языком. Кто едет с тобой?

Госпожа Семела почувствовала, что слова вырываются у нее изо рта вопреки ее воле.

— Здесь два мула, которые тянут мою повозку, я сама, моя служанка, которую я держу в облике птицы, и юноша в обличье садовой сони.

— Еще кто-нибудь? Или что-нибудь?

— Больше никого и ничего. Клянусь нашим Сестричеством.

Старуха на обочине поджала губы.

— Тогда проваливай и больше не мозоль мне глаза, — буркнула она.

Госпожа Семела, квохча себе под нос, встряхнула поводьями — и мулы потрусили дальше.

В темной глубине фургона, устроившись на ведьминой кровати, спала звезда, не ведая, как близко от нее только что находилась смерть и каким чудесным образом ей удалось ускользнуть от злой судьбы.

Когда деревянная хижина и мертвенная белизна Теснины Диггори скрылись из виду, разноцветная птица вспорхнула на жердочку,

запрокинула голову и принялась радостно петь, чирикать и щебетать, пока госпожа Семела не посулила *свернуть ей дурацкую шею, если она не заткнется.* И даже тогда, убравшись в тихую темноту фургона, прекрасная птица продолжала тихонько ворковать и выводить трели, а один раз даже прокричала сычом.

Солнце уже клонилось к западу, когда они добрались до деревни Застенье. Солнце светило прямо в глаза, слепя путников и обращая мир вокруг в жидкое золото. Небо, деревья и кусты и даже сама дорога сделались золотыми в закатном свете.

Госпожа Семела остановила повозку на лугу, где собиралась поставить свой прилавок. Потом ведьма распрягла мулов и отвела к ручью, где и привязала их к дереву. Животные долго и жадно пили воду.

Прочие торговцы и гости, прибывшие на ярмарку, там и тут устраивали свои прилавки по всему лугу, ставили палатки и натягивали полотнища. В воздухе витал дух ожидания, касавшийся всех и каждого, как золотой закатный свет.

Госпожа Семела забралась в глубь фургона и сняла клетку с цепи. Она вынесла ее наружу и поставила на зеленый холмик. Раскрыв дверцу

клетки, ведьма костлявой рукой вытащила оттуда спящего зверька.

— Давай вылезай, — приговаривала она. Соня терла водянистые черные глазки передними лапами и щурилась от вечернего солнца.

Ведьма достала из кармана передника стеклянный подснежник, которым прикоснулась ко лбу Тристрана.

Тристран сонно заморгал и зевнул. Он провел пятерней по всклокоченным русым волосам и наконец взглянул на ведьму. Глаза его вспыхнули от ярости.

— А ну отвечай, проклятая карга, — начал было он, но госпожа Семела резко оборвала его.

— Заткни свой глупый рот, мальчишка. Я доставила тебя сюда, целого и здорового, в том же самом виде, в каком подобрала. Ты получал у меня хлеб и кров — и если они не вполне соответствовали твоим ожиданиям, то это не мои трудности. А теперь убирайся, а то я превращу тебя в червяка и оторву тебе голову, если не перепутаю ее с хвостом. Пошел! Прочь! Прочь!

Тристран сосчитал в уме до десяти, грубо развернулся и ушел. Сделав дюжину шагов, он остановился возле рощицы и подождал звезду, которая выпрыгнула из повозки и, прихрамывая,

догнала его.

— Ты в порядке? — с искренней заботой осведомился Тристран.

— Да, спасибо, — ответила звезда. — Она не причинила мне никакого зла. Думаю, она так и не узнала, что я с ней проехала всю дорогу. Правда удивительно?

Тем временем госпожа Семела поставила перед собой яркую птицу и коснулась ее увенчанной султанчиком головы стеклянным цветком. Птица вмиг изменила очертания и превратилась в молодую женщину, на вид ненамного старше Тристрана, с черными вьющимися волосами и кошачьими лохматыми ушками. Женщина бросила на Тристрана быстрый взгляд, и что-то в ее лиловых глазах показалось ему удивительно знакомым, хотя юноша не мог вспомнить, где он видел такие глаза.

— Значит, вот как на самом деле выглядит наша птица, — обрадовалась Ивэйна. — Она была мне очень славной спутницей.

Тут звезда осознала, что серебряная цепь, сковывавшая птицу, никуда не девалась: у узницы в ее новом облике цепочка поблескивала на запястье, спускаясь к лодыжке. Ивэйна указала на это Тристрану.

— Да, вижу, — ответил тот. — Просто *ужас.* Но я думаю, мы тут ничем не можем помочь.

Они рядышком побрели по лугу к отверстию в каменной стене.

— Сначала мы навестим моих родителей, — планировал Тристран. — Уверен, что они по мне ужасно соскучились, как и я по ним. — Хотя, по правде говоря, Тристран за все путешествие почитай ни разу не вспомнил о своих родителях! — А потом мы нанесем визит Виктории Форестер, и…

На этом самом «и» Тристран запнулся и закрыл рот. Дело в том, что ему давно разонравилась идея отдать звезду в собственность Виктории Форестер. Отказался от этой мысли он, когда обнаружил, что звезда — не какая-нибудь вещь, которую можно передавать с рук на руки, но во всех отношениях полноправная личность и ни в коем случае не предмет. Но все-таки Виктория Форестер — *по-прежнему* его единственная возлюбленная!

Ладно, решил Тристран наконец, последний мост я сожгу, когда до него дойду. А пока он собирался отвести Ивэйну в деревню и разбираться с проблемами по мере их поступления. Настроение юноши несколько улучшилось, а воспоминания о жизни в облике садовой сони почти совсем

испарились, превратившись в давний сон. Как будто он улегся вздремнуть в кухне перед очагом, а теперь снова пробудился. Зато очень ясно вспомнился вкус эля мистера Бромиоса — так, что Тристран почти чувствовал его во рту; но к стыду своему он обнаружил, что не может вспомнить, какого цвета глаза у Виктории Форестер.

Огромное алое солнце почти касалось крыш Застенья, когда Тристран и Ивэйна перешли луг и остановились около бреши. Звезда не спешила делать шаг вперед.

— Ты в самом деле этого хочешь? — спросила она. — А то у меня дурные предчувствия.

— Да ладно, не волнуйся, — сказал Тристран. — Хотя неудивительно, что ты беспокоишься: у меня самого такое ощущение в желудке, будто я проглотил штук сто бабочек. Тебе станет намного лучше, когда мы окажемся у матушки в гостиной и выпьем по чашечке чая — ты, конечно, не пьешь чай, но можешь отхлебывать его и держать во рту… Я уверен, что ради такой гостьи — и по случаю возвращения своего сыночка, то есть меня, — матушка достанет наш лучший фарфоровый сервиз!

Рука его потянулась и ободряюще сжала тоненькие пальцы звезды.

Ивэйна взглянула на него с грустной и нежной улыбкой.

— Куда бы ты ни шел… — шепнула она.

И юноша, держа за руку упавшую звезду, шагнул к отверстию в стене.

Глава десятая
Звездная пыль

Неоднократно люди замечали, что нечто большое и очевидное так же легко упустить из виду, как нечто маленькое и незначимое. И что большие вещи, упущенные из виду, могут причинить большие неприятности.

Тристран Тёрн приблизился к проходу меж мирами со стороны Волшебной Страны — во второй раз с момента его зачатия восемнадцать лет назад. Рядом с ним хромала звезда. Голова юноши кружилась от запахов и звуков родной деревни, и сердце часто колотилось в груди. Он вежливо кивнул стражам по сторонам бреши, узнавая их обоих. Молодого человека, лениво переминавшегося с ноги на ногу и прихлебывавшего из пинтовой кружки некий напиток — должно быть, лучший эль мистера Бромиоса, — звали Вайстен Пиппин. Некогда они учились с Тристраном в одном классе, но никогда не дружили. Страж постарше, раздраженно покусывавший черенок докуренной трубки, был не кто иной, как бывший начальник Тристрана из «Мандей и Бра-

ун», Джером Эмброуз Браун, эсквайр, собственной персоной. Караульные стояли, повернувшись спинами к Тристрану и Ивэйне, и непоколебимо смотрели в сторону деревни, как будто считали грешным само желание подглядеть за приготовлениями на ярмарочном лугу.

— Добрый вечер, Вайстен, — вежливо поздоровался Тристран. — Добрый вечер, мистер Браун.

Оба стража резко обернулись. Вайстен пролил пиво себе на живот. Мистер Браун выставил вперед свою дубинку, нервно нацелившись ею Тристрану в грудь. Вайстен Пиппин поставил кружку с элем на землю, подхватил свое оружие и перегородил им брешь.

— Стой где стоишь! — велел мистер Браун, угрожающе помахивая палкой, будто Тристран, как дикий зверь, мог наброситься на него в любую секунду.

Тристран рассмеялся.

— Да вы что, не узнаете меня? Это же я, Тристран Тёрн.

Но мистер Браун, старший и главный из двух стражей, и не подумал опустить дубинку. Он оглядел Тристрана с головы до ног, от поношенных коричневых башмаков до копны нечесаных волос. Наконец его неодобрительный взгляд

остановился на загорелом лице юноши, и мистер Браун фыркнул.

— Даже если ты и впрямь тот самый никчемный мальчишка Тёрн, — сообщил он, — я не вижу причины пропускать вас обоих на ту сторону. В конце концов, мы охраняем эту стену.

Тристран заморгал.

— Я тоже не раз охранял стену, — сказал он, — и помню, что нет такого правила — не пропускать людей на сторону деревни. Нельзя проходить только оттуда — сюда.

Мистер Браун покивал. Затем произнес медленно и членораздельно, будто обращаясь к идиоту:

— И если ты в самом деле Тристран Тёрн — я допускаю такую возможность только во избежание неуместных споров, потому что ты совершенно не похож на Тристрана Тёрна ни внешностью, ни манерой речи, — так вот много ли ты помнишь случаев за все время твоей жизни, чтобы люди приходили с той стороны?

— Ну, в общем-то ни одного, — согласился Тристран.

Мистер Браун улыбнулся — той же самой улыбкой, какая возникала у него на губах, когда он вычитал из утренней зарплаты приказчика за пятиминутное опоздание.

— Вот именно, — подтвердил он. — Никакое правило не запрещает пропускать путников с той стороны, потому что не было таких случаев. Никто никогда не приходил оттуда — и не придет, по крайней мере пока *я* стою на карауле. Так что отойди от стены, пока я не проломил тебе голову своей дубиной.

Тристран был ошеломлен подобным приемом.

— Если вы считаете, что я прошел через все испытания — а испытаний, уж поверьте мне, я встретил немало — только для того, чтобы меня в последний миг завернул обратно какой-нибудь надутый скряга-бакалейщик в компании с сопляком, который списывал у меня на истории… — начал было он, но Ивэйна положила ему руку на плечо и сказала:

— Тристран, не надо. Ты не должен драться с собственным народом.

Юноша ничего не ответил. Он молча развернулся, и они вместе со звездой отправились прочь, вверх по склону холма. Вокруг происходила пестрая толчея: там и тут ставили прилавки, развешивали флаги, перекатывали бочки с вином и пивом. И внезапно на Тристрана нахлынуло странное чувство — что-то вроде ностальгии, равно состоящей из тяги и отчаяния. Юноша ясно

осознал, что этот разношерстный народ он тоже может считать своим — потому что с ними у него куда больше общего, чем с бледными жителями Застенья в их шерстяных жилетах и ботинках, подбитых гвоздями.

Они с Ивэйной постояли, глядя, как маленькая женщина, чья ширина почти что равнялась ее росту, изо всех сил старается поставить свою палаточку. Тристран подошел и начал помогать ей, хотя его о том и не просили, — но вскоре лоток уже стоял, а Тристран носил из повозки тяжеленные ящики, развешивал на буковом суку яркие вымпелы, распаковывал и расставлял по прилавку тяжелые стеклянные графины и кувшины, каждый из которых был заткнут черненой пробкой и запечатан серебряным воском, а внутри за стеклом клубился разноцветный дым. Пока они с торговкой работали, Ивэйна присела на пень и спела им своим высоким, чистым голосом несколько небесных звездных песен — а потом и человеческих, из тех, что она слышала и выучила от людей по дороге.

Тристран и маленькая женщина закончили приготовления к завтрашней ярмарке уже при свете фонариков. Торговка настоятельно приглашала нежданных помощников отужинать.

Ивэйне с трудом удалось убедить хозяйку, что она не голодна, но Тристран слопал все, что ему предложили, с большим энтузиазмом. К тому же он сделал кое-что необычное для себя — а именно, выпил почти полный графин сладкого вина, убедительно доказывая сотрапезникам, что оно не крепче виноградного сока и совершенно на него не действует. Но все равно к тому времени, когда квадратная дама предложила им переночевать на полянке позади ее повозки, Тристран то и дело засыпал пьяным сном.

Ночь выдалась ясная и холодная. Звезда сидела над спящим человеком, который некогда взял ее в плен, а потом стал ей спутником и товарищем, и дивилась, куда же так быстро подевалась ее ненависть. Спать девушке не хотелось.

Позади в траве что-то зашуршало. Это подошла черноволосая женщина, и теперь они вдвоем смотрели на спящего Тристрана.

— Все-таки в нем осталось что-то от садовой сони, — улыбнулась черноволосая. Уши у нее были заостренные, похожие на кошачьи, и выглядела она на вид ненамного старше самого юноши. — Иногда я думаю: интересно, ведьма превращает нас в животных или просто извлекает наружу нашу звериную сущность? Возможно, в моей на-

туре есть что-то от яркой певчей птицы. Я много размышляла об этом, но так и не пришла ни к какому заключению.

Тристран во сне заворочался, пробормотал что-то нечленораздельное. И тихонько захрапел.

Женщина обошла вокруг него и села у изголовья.

— Похоже, у него доброе сердце, — сказала она.

— Так и есть, — кивнула звезда. — Думаю, так оно и есть.

— Я должна тебя предостеречь, — сказала черноволосая женщина. — Если ты оставишь Волшебную Страну и окажешься… там, — она махнула стройной, охваченной цепью рукой в сторону деревни Застенье, — ты, насколько я понимаю, тут же превратишься в то, чем являешься в том мире: а именно — в холодный камень, упавший с небес.

Звезда вздрогнула, но ничего не сказала. Вместо того она протянула руку над спящим Тристраном и коснулась серебряной цепи, которая от запястья собеседницы уходила к ее лодыжке, а потом змеилась по земле и терялась в кустах.

— Со временем к ней привыкаешь, — объяснила черноволосая.

— В самом деле? И вы привыкли?

Лиловые глаза взглянули прямо в голубые, после чего женщина отвела взгляд.

— Нет.

Звезда отпустила цепь.

— Знаете, сначала этот парень посадил меня на цепь вроде вашей. Потом освободил меня, и я от него убежала. Но он отыскал меня и связал обязательством, которое для моего народа крепче любых цепей.

По лугу пробежал апрельский ветер, единым долгим вздохом шевельнув листву на кустах и деревьях. Женщина с кошачьими ушками откинула с лица волнистую черную прядку и сказала:

— Но тебя связывает еще одно обязательство, более давнее, — разве не так? Ты носишь с собой нечто, тебе не принадлежащее, и должна отдать его настоящему хозяину.

Звезда закусила губу.

— Кто вы? — спросила она.

— Ты же знаешь. Я была птицей в ведьмином фургоне, — ответила женщина. — А я знаю, кто ты, и знаю, почему ведьма так и не заметила твоего присутствия. Я также знаю, кто ищет тебя и зачем ты ей нужна. И еще мне известно происхождение топаза, который ты носишь на поясе на серебряной цепи. Зная все это, а также понимая,

кто ты такая, я, конечно же, осведомлена о твоем обязательстве.

Женщина нагнулась и ласковыми пальцами убрала волосы с лица Тристрана. Спящий даже не шевельнулся.

— Сдается мне, что я вам не верю… и не доверяю, — произнесла звезда. На дереве над ними крикнула ночная птица. В темноте ее голос звучал очень одиноко.

— Я видела топаз у тебя на поясе, еще когда носила облик птицы, — объяснила женщина, вставая на ноги. — Я заметила его, когда ты купалась в реке, и сразу узнала.

— Но как? Как вы могли его узнать? — воскликнула Ивэйна.

Однако черноволосая ночная гостья вместо ответа покачала головой и ушла, бросив на спящего в траве юношу последний взгляд. И ночь сомкнулась за ее спиной.

Волосы снова упали Тристрану на лицо. Звезда наклонилась и нежно отвела их в сторону, не торопясь убирать ладонь с его щеки. А Тристран все спал.

Вскоре после рассвета Тристрана разбудил огромный барсук, ходивший на задних лапах и одетый в поношенный шелковый халат. Он долго

сопел юноше в ухо, пока тот не открыл глаза. Тогда барсук церемонно спросил:

— Из семейства Тёрнов? Тристран из этого набора?

— У-гм? — отозвался Тристран. Во рту у него было противно, хотелось пить, язык обложило. Он с удовольствием поспал бы еще пару часов.

— О вас справлялись, — оповестил его барсук. — Джентльмены с той стороны стены. Похоже, с вами хочет переговорить некая юная леди.

Тристран тут же вскочил, широко улыбаясь, и тронул спящую звезду за плечо. Та распахнула сонные голубые глаза и пробормотала:

— А? Что?

— Добрые вести, — сообщил Тристран. — Помнишь про такую Викторию Форестер? Я, возможно, упоминал это имя раз-другой за время странствий.

— Да, — отозвалась звезда. — Возможно.

— Так вот, — продолжал Тристран, — я сейчас иду с ней повидаться. Она ждет по ту сторону. — Он помолчал. — Э-э… Знаешь… Наверное, будет лучше, если ты пока побудешь здесь. Я не хотел бы ее смутить и все такое.

Звезда повернулась на другой бок, прикрыла голову рукой и ничего не ответила. Тристран

подумал, что она решила еще поспать. Он сунул ноги в башмаки, умылся в ручье на лугу и прополоскал рот, а потом сломя голову побежал в сторону деревни.

На этот раз брешь в стене караулили преподобный Майлз, приходской священник Застенья, и мистер Бромиос, трактирщик. Между ними, повернувшись спиной к лугу, стояла какая-то девушка.

– *Виктория!* — восторженно окликнул Тристран; но тут девушка обернулась, и он увидел, что это вовсе не Виктория Форестер (у которой, вспомнил юноша с облегчением, серые глаза. Вот они какие, ее глаза: конечно же, серые! Как только он мог забыть?). Но кто такая была девушка в новой шляпке и красивой шали на плечах, Тристран сказать не мог — хотя при виде него глаза юной леди наполнились слезами.

— Тристран! — выдохнула она. — И в самом деле ты! Я сперва даже не поверила! Ох, Тристран, как ты только *мог?*

Тут юноша наконец понял, кто она и почему упрекает его.

— Луиза? — неуверенно обратился он к сестре. И добавил: — Ты так выросла за время моего отсутствия! Из маленькой девчонки стала насто-

ящей красавицей!

Луиза всхлипнула, вытянула из рукава льняной платочек с кружевами и шумно высморкалась в него.

— А ты, — сообщила она брату, промокая платком влажные щеки, — допутешествовался до того, что превратился в настоящего цыгана, лохматого и черного! Но все-таки ты выглядишь хорошо, и я ужасно рада. Пошли-ка, пошли. — И девушка нетерпеливо протянула ему руку с той стороны бреши.

— Но стена… — неуверенно возразил Тристран, несколько настороженно поглядывая на священника и трактирщика.

— А, ты об этом! Когда Вайстен и мистер Браун вчера сменились с караула, они заявились в бар, в «Сороку», и Вайстен принялся хвастаться, что они отвадили какого-то оборванца, который назвался тобой, и не пустили его в деревню. Как только до папы дошли такие новости, он… Он тут же побежал в «Сороку» и задал им обоим такую отповедь, что я просто ушам своим не верила.

— Некоторые высказались за то, чтобы пустить тебя в деревню сегодня утром, — вставил слово преподобный, — а другие предлагали подождать до полудня.

— Но сегодня утром у стены дежурят только те, кто не хотел заставлять тебя ждать, — сказал мистер Бромиос. — Не обошлось без некоторых интриг, но о них лучше поговорим позже, днем, когда я поставлю на лугу свою торговую палаточку. А пока скажу только, что рад снова видеть тебя в Застенье. Проходи.

И он протянул Тристрану руку, которую тот пожал с большим удовольствием. А потом обменялся рукопожатием и со священником.

— Тристран, — сказал преподобный, — думаю, ты за свое путешествие насмотрелся чудес.

— Пожалуй, что так, — согласился Тристран после минутного размышления.

— Ты должен непременно зайти ко мне в гости, — сообщил священник. — Мы выпьем по чашке чая, и ты подробно расскажешь мне обо всем. Конечно, когда тебе выдастся свободный часок. Хорошо?

И Тристран, который всегда относился к преподобному Майлзу с величайшим почтением, конечно же, согласился.

Луиза несколько театрально вздохнула и заторопилась в сторону «Седьмой сороки». Тристран нагнал ее в несколько шагов, и они пошли рядом.

— Я в самом деле очень рад тебя видеть, сестренка, — сказал он.

— Можно подумать, что мы не боялись за тебя до смерти, — сердито отозвалась девушка. — Ты со своим глупым бродяжничеством… Ты ведь даже не разбудил меня тогда, чтобы попрощаться! Отец стал сам не свой от беспокойства… А как ужасно было без тебя на Рождество! Когда мы доели гуся и пудинг, отец налил всем портвейна и поднял тост за отсутствующих друзей, а мама тут же принялась всхлипывать, как маленькая, и я, конечно, тоже разревелась, и даже папа начал сморкаться в свой лучший платок, а бабушка и дедушка Хемпстоки стали настаивать, чтобы все пускали шутихи и читали рождественские стишки, но от этого почему-то сделалось только хуже. Если честно, Тристран, ты нам все Рождество испортил.

— Извини, — ответил юноша. — Я не хотел. А куда мы сейчас идем?

— В «Седьмую сороку», — сказала Луиза. — Куда ж еще? Мистер Бромиос сказал, ты можешь воспользоваться его гостиной. Там ждет одна персона, которой надо с тобой поговорить.

И больше по дороге до трактира она не произнесла ни слова.

Тристран увидел в «Сороке» множество знакомых лиц; люди кивали, улыбались или не улыбались ему, пока он шел сквозь толпу, а потом поднимался в компании Луизы по лестнице в задней части бара в личные апартаменты мистера Бромиоса. Деревянные ступеньки скрипели у них под ногами.

Луиза внимательно смотрела на брата. Вдруг ее губы задрожали, и Тристран опомниться не успел, как девушка заключила его в объятия и сжала так крепко, что он едва мог дышать. После чего, не говоря ни слова, она развернулась и сбежала вниз по лестнице.

Тристран постучал в дверь гостиной и ступил на порог. Комнату украшало множество странных предметов, от старинных статуй до глиняных горшков. На стене висел посох, оплетенный листьями плюща — не настоящими, а искусно выкованными из какого-то темного металла. Кроме украшений, гостиная ничем не отличалась от любой комнаты подобного назначения в доме вечно занятого холостяка, которому некогда принимать гостей. Из мебели в ней присутствовал низкий диванчик, невысокий стол, на котором лежал зачитанный томик проповедей Лоренса Стерна в кожаном переплете; фортепьяно в углу;

и несколько кожаных кресел, в одном из коих сидела Виктория Форестер.

Тристран расправил плечи, медленно подошел к девушке и опустился перед ней на одно колено, как некогда — на оба, в грязи деревенской дороги.

— Ох, не надо, — смущенно сказала Виктория. — Пожалуйста, встань. Почему бы тебе не присесть… Например, в то кресло? Да, вот так куда лучше.

Сквозь кружевные занавески пробивался утренний свет и озарял сзади ее каштановые волосы, обрамляя лицо Виктории золотым ореолом.

— Посмотреть на тебя, — сообщила она, — сразу видно, как ты возмужал. И твоя рука… Что у тебя с рукой?

— Я ее обжег, — объяснил Тристран. — В огне.

Сперва Виктория ничего на это не ответила, только молча смотрела на него. Потом откинулась в кресле и воззрилась куда-то в пространство. То ли на посох на стене, то ли на одну из огромных старинных статуй мистера Бромиоса. Наконец девушка заговорила:

— Я очень многое должна сказать тебе, Тристран. Но мне нелегко это сделать. Я буду очень

благодарна, если ты не станешь меня перебивать, пока я не закончу. Значит, так. Первое, и пожалуй, самое важное. Я должна извиниться перед тобой. Ведь из-за моей глупости и упрямства ты отправился в опасное странствие. Я думала, что ты шутишь… ну, не совсем шутишь. Я думала, что ты обычный трусливый мальчишка и никогда не вздумаешь исполнять ни одно из своих красивых дурацких обещаний. Ты ушел, минуло несколько дней, а ты все не возвращался — и только тогда я осознала, что ты говорил серьезно. Но было уже слишком поздно. И каждый новый день… Мне приходилось просыпаться с мыслью, что я, возможно, послала тебя на смерть.

Говоря так, Виктория смотрела перед собой, и у Тристрана возникло странное чувство — постепенно переросшее в уверенность, — что эту речь девушка отрепетировала в своей голове не менее сотни раз в его отсутствие. Может, потому она и просила его не перебивать: для Виктории Форестер стало бы непосильным испытанием, вынуди ее Тристран неожиданной репликой отказаться от готового сценария.

— Так что я поступила с тобой нечестно, бедный мой мальчишка на побегушках… Хотя ты ведь больше не мальчишка на побегушках, вер-

но?.. Я-то думала, что твои клятвы — всего лишь ребячество, и не принимала их всерьез... — Она ненадолго замолчала, стиснув руками деревянные подлокотники кресла. Пальцы ее сжались так сильно, что костяшки на них слегка покраснели, а потом даже побелели. — Теперь спроси меня, Тристран Тёрн, почему я отказалась поцеловать тебя тем вечером.

— Ты была в своем праве мне отказать, — ответил Тристран. — Я вернулся не для того, чтобы огорчать тебя, Викки. Не затем я нашел звезду, чтобы ты грустила.

Виктория склонила голову набок.

— Так ты все-таки *нашел* звезду, которая тогда упала?

— Ну да, — сказал юноша. — Хотя пока что я оставил ее на лугу. Но я сделал, что ты просила.

— Тогда сделай и то, о чем я прошу тебя сейчас. Спроси, почему я не поцеловала тебя тем вечером. Ведь я же, в конце концов, целовала тебя раньше, когда мы были детьми.

— Хорошо, Викки. И почему же ты меня не поцеловала?

— Потому что, — выдохнула она с огромным облегчением, — за день до того, как мы с тобой увидели упавшую звезду, Роберт попросил меня

выйти за него замуж. Тем вечером, когда мы встретились, я зашла в магазин в надежде с ним повидаться и сказать, что я принимаю его предложение и теперь ему остается попросить моей руки у отца.

— Роберт? — переспросил Тристран, у которого перед глазами все поплыло.

— Роберт Мандей. Ты же работал у него в магазине.

— Мистер Мандей? — эхом отозвался Тристран. — Ты — и мистер Мандей?

— Именно так. — Наконец-то Виктория посмотрела ему в глаза. — А ты всерьез воспринял мои слова и ушел неизвестно куда на поиски звезды для меня, и не проходило дня, когда я не обзывала бы себя дурой и злодейкой. Ведь я пообещала тебе в награду свою руку, если ты вернешься со звездой. Порой я даже не знала, чего больше боюсь: что ты погибнешь где-нибудь По Ту Сторону из-за любви ко мне или что ты добьешься успеха в своем безумном предприятии и добудешь звезду, намереваясь взять меня в жены. Конечно, находились люди, которые убеждали меня не волноваться так сильно. Они считали, что ты ни за что не вернешься из тех земель — ведь ты оттуда родом, и сама твоя природа позвала тебя

туда. Но все равно сердце мое не переставало тревожиться: я чувствовала, что однажды ты непременно возвратишься и предъявишь на меня права.

— А ты любишь мистера Мандея? — спросил Тристран, выхватывая из долгой и путаной речи единственную понятную ему нить.

Виктория кивнула и подняла голову, направив на Тристрана свой хорошенький подбородок.

— Но я дала тебе слово, Тристран. И собираюсь его сдержать, как я сразу же объявила Роберту. Я в ответе за все испытания, через которые ты прошел, — хотя бы за ожоги на твоей бедной руке. И если ты по-прежнему этого хочешь, я твоя.

— Если честно, — отозвался юноша, — я думаю, что не ты, а я сам в ответе за все свои поступки. И я ни о чем не жалею — ни о едином дне своих скитаний, хотя порой я скучал по мягкой постели и вряд ли теперь смогу по-прежнему относиться к садовым соням. Но ты, Викки, вовсе не обещала мне своей руки, если я вернусь к тебе со звездой.

— Разве нет?

— Нет. Ты обещала дать мне все, что я пожелаю.

Виктория Форестер резко выпрямилась и уставилась в пол. На ее бледных щеках вспыхнули

пятна румянца, будто от пары пощечин.

— Если я правильно тебя поняла… — начала было она, однако Тристран ее перебил:

— Нет. Не думаю, чтобы ты поняла меня правильно. Так вот ты обещала сделать все, что я пожелаю.

— Да.

— Тогда… — Юноша немного поразмыслил. — Тогда я желаю, чтобы ты вышла замуж за мистера Мандея. Желаю, чтобы вы поженились как можно скорее — например, на этой же неделе, если успеете все подготовить. И еще я желаю, чтобы вы были счастливы вместе, как только могут быть счастливы муж и жена.

Виктория испустила шумный и долгий вздох облегчения и подняла взгляд.

— Ты это серьезно?

— Выходи за него замуж с моего благословения, и мы с тобой в расчете, — подтвердил Тристран. — Думаю, звезда со мной согласится.

В дверь гостиной постучали.

— У вас там все в порядке? — спросил мужской голос.

— Да, в полном порядке, — отозвалась Виктория. — Пожалуйста, заходи, Роберт. Ты ведь помнишь Тристрана Тёрна, верно?

— Доброе утро, мистер Мандей, — поздоровался Тристран и пожал его потную, влажную руку. — Насколько я понимаю, у вас скоро свадьба. Примите мои искренние поздравления.

Мистер Мандей улыбнулся, хотя его улыбка больше походила на гримасу зубной боли. Потом подал руку Виктории, помогая ей встать с кресла.

— Если хотите взглянуть на звезду, мисс Форестер… — начал Тристран, но девушка покачала головой.

— Я очень рада, что вы вернулись домой живым, мистер Тёрн. Надеюсь, вы придете к нам на свадьбу?

— Мало какому приглашению я обрадовался бы сильнее, — учтиво ответил Тристран, будучи полностью уверен в обратном.

В обычный день столько посетителей в «Седьмой сороке» с раннего утра — неслыханное дело; но этот день был ярмарочный, и почитай что все население Застенья вперемежку с чужестранцами спозаранку собралось в трактире. Публика целыми горами поглощала бараньи отбивные, бекон, грибы, яичницу и кровяные колбаски.

Дунстан Тёрн ожидал сына в баре. Он встал, едва завидев Тристрана, бросился к нему навстречу

и первым делом крепко хлопнул своего отпрыска по плечу.

— Ты все-таки умудрился вернуться целым и невредимым, — воскликнул он с законной гордостью в голосе.

Тристран подумал, что, похоже, успел вырасти за время странствия: прежде отец казался ему выше и крепче.

— Здравствуй, папа, — сказал он. — Я вот руку немножко повредил.

— Дома на ферме мама приготовила тебе завтрак, — сообщил Дунстан.

— Завтрак — это здорово, — согласился Тристран. — И снова увидеть маму тоже здорово, конечно. А еще нам нужно поговорить.

Дело в том, что юноша до сих пор размышлял кое над какими словами Виктории Форестер.

— Ты стал повыше, — сказал ему отец. — И еще тебе необходимо поскорее посетить цирюльника. — Он допил свою кружку пива, и вместе с сыном они вышли из «Седьмой сороки» под утреннее небо.

Двое Тёрнов миновали ограду одного из полей Дунстана. Там, на лугу, где Тристран часто играл ребенком, он поднял наконец волновавшую его тему — а именно вопрос о собственном проис-

хождении. По дороге на ферму отец постарался ответить парню так честно, как только мог. Свою собственную историю он рассказал в духе романов, повествующих о давних временах и удивительных событиях. В духе любовных романов.

И вот они ступили на порог прежнего дома Тристрана, где его встретила сестра, а в печи и на столе ждал горячий вкусный завтрак, с любовью приготовленный женщиной, которую юноша до сих пор считал своей матерью.

Госпожа Семела разложила на прилавке последние хрустальные цветочки и окинула ярмарку неприязненным взглядом. Было уже за полдень, а посетители только начали собираться. И ни один еще не задержался у ее лотка.

— Каждые девять лет их становится все меньше и меньше, — пробормотала она. — Помяни мое слово, скоро здешние торжища совсем прекратятся. Думаю, на свете есть другие рынки, в более удачных местах. А время тутошней ярмарки на исходе. Еще каких-нибудь сорок, пятьдесят, ну, может, шестьдесят лет — и ей придет конец.

— Возможно, — отозвалась ее служанка с лиловыми глазами. — Но меня это не волнует. Сегодняшняя ярмарка — последняя, в которой я

принимаю участие.

Старуха сердито воззрилась на нее.

— Я-то думала, что уже давным-давно выбила из тебя подобную наглость.

— Наглость тут ни при чем, — улыбнулась рабыня. — Посмотри-ка сюда.

Она приподняла серебряную цепочку, обхватившую ее запястье. Цепь поблескивала в солнечном свете — но выглядела словно бы *истончившейся,* полупрозрачной, не то что прежде. Местами она казалась сделанной не из серебра, а из дыма.

— Что ты сделала? — зашипела госпожа Семела, брызжа слюной от ярости.

— Ничего. Ничего нового за восемнадцать лет плена. Я прикована к тебе рабской цепью до дня, когда Луна потеряет свою дочь, если это случится на неделе, когда соединятся два понедельника. И срок моей службы почти истек.

Около трех часов пополудни звезда сидела на луговой траве неподалеку от навеса, где мистер Бромиос торговал вином, элем и закусками. Она не отрывала взгляда от бреши в стене и деревни по ту сторону. То и дело хозяева прилавка предлагали ей отведать вина, или эля, или свежайших жирных колбасок — и всякий раз Ивэйна отка-

зывалась.

— Похоже, дорогая, вы кого-то ждете? — обратилась к ней очаровательная молодая женщина.

— Сама не знаю, — пожала плечами звезда. — Наверное, да.

— Если я не ошибаюсь, вы ждете молодого человека. Такого же красивого, как вы сами.

— Вроде того, — кивнула звезда.

— Я Виктория, — представилась новая знакомая. — Виктория Форестер.

— Меня называют Ивэйной. — Звезда окинула Викторию внимательным взглядом — с головы до ног и с ног до головы. — Так, значит, вы и есть Виктория Форестер. Ваша слава бежит впереди вас.

— Вы имеете в виду предстоящую свадьбу? — отозвалась Виктория, сияя от удовольствия и гордости.

— Вот *как*, вы выходите замуж? — откликнулась Ивэйна. Рука ее непроизвольно нашарила топаз на талии и сжала его.

— Ах вы, бедняжка! Какой же он негодяй, что заставляет вас волноваться! — посочувствовала Виктория Форестер. — Почему бы вам не сходить в деревню, поискать его?

— Потому что… — начала было звезда — и вдруг

запнулась. — Пожалуй, вы правы, — сказала она. — Наверное, так я и сделаю.

По небу над головой неслись серые и белые хлопья облаков, порой меж ними проглядывали лоскуты голубизны.

— Жаль, что моей матери здесь нет, — вздохнула Ивэйна.

И она нерешительно поднялась на ноги.

Но Виктория не собиралась так просто отпускать от себя новую подругу. Она продолжала щебетать об оглашении в церкви их с женихом имен, о разрешениях на брак — обычных и особенных, которые может выдавать только архиепископ, и как ей повезло, что Роберт близко знаком с архиепископом. Похоже, что свадьба должна была состояться через шесть дней, в полдень.

Потом Виктория окликнула респектабельного джентльмена с сединой на висках; он курил черную сигару и имел манеру улыбаться так, будто у него болели зубы.

— А вот и Роберт, — сообщила она. — Роберт, познакомься с Ивэйной. Она ждет своего молодого человека. Ивэйна, это Роберт Мандей. А в следующую пятницу, ровно в полдень, я стану Викторией Мандей. Думаю, дорогой, ты должен

использовать каламбур в своей свадебной речи — мол, сегодня в пятницу удивительным образом сочетаются два понедельника[161]!

И мистер Мандей, выпустив из своей сигары несколько клубов дыма, ласково сказал невесте, что непременно обдумает ее предложение.

— Так, значит, — спросила Ивэйна, осторожно подбирая слова, — вы *не* выходите замуж за Тристрана Тёрна?

— Вовсе нет, — ответила Виктория.

— О, — сказала звезда. — Хорошо. И снова села на траву.

Она все еще сидела на том же месте несколько часов спустя, когда через брешь в стене на луг явился Тристран. Он выглядел несколько смущенным, но просветлел взглядом, увидев Ивэйну.

— Эй, привет, — сказал он, помогая ей подняться. — Надеюсь, ты хорошо провела время, пока меня не было?

— Да не особенно, — ответила звезда.

— Извини, пожалуйста. Наверное, мне стоило пригласить тебя с собой в деревню.

— Нет, — отозвалась звезда. — Не стоило. Я жи-

---

[161] notes: 161

«Мандей» (Monday) по-английски значит «понедельник». — *Примеч. пер.*

ва, только пока нахожусь в Волшебной Стране. Переступи я границу твоего мира — от меня ничего не останется, кроме ноздреватого кривого комка холодного железа, упавшего с небес.

— Но я ведь едва не забрал тебя с собой! — в ужасе ахнул Тристран. — Я собирался так поступить вчера вечером…

— Ну да, — кивнула звезда. — Вот еще одно доказательство моей правоты, когда я назвала тебя тупицей, балдой и… и придурком.

— Болваном, — поправил Тристран. — Чаще всего ты называла меня болваном. И еще олухом.

— Хорошо, — согласилась звезда. — Ты — все это вместе взятое и даже похуже. Почему ты заставил меня так долго ждать? Я уж думала, с тобой случилось что-нибудь плохое.

— Ну извини, — повторил он. — Больше я тебя никогда не оставлю.

— Конечно, — серьезно и уверенно согласилась девушка. — Не оставишь.

Рука Тристрана нашла ее ладошку и крепко сжала. Рука в руке они двинулись по лугу. Налетел ветер, надувая бока палаток и развевая флажки, а потом хлынул холодный дождь. Тристран со звездой укрылись под навесом книжного

лотка, куда набилось немало людей и прочих созданий. Тутошнему торговцу пришлось передвинуть прилавок поглубже под навес, чтобы книги точно не намокли.

— Если апрельское небо барашками, мы не успеем просохнуть рубашками, — изрек, обращаясь к Тристрану и Ивэйне какой-то джентльмен в черном шелковом цилиндре. Он как раз покупал у книготорговца маленький томик в красном кожаном переплете.

Тристран улыбнулся и кивнул. А как только дождь начал редеть, они со звездой тут же выбрались наружу.

— Бьюсь об заклад, вот единственная благодарность, какую мне светит от них получить, — вздохнул джентльмен в цилиндре, обращаясь к книготорговцу, который представления не имел, о чем тот говорит, — да и не особенно интересовался.

— Я должен попрощаться с родственниками, — на ходу сообщил Тристран звезде. — С отцом, с мамой — то есть на самом деле с женой моего отца — и с сестренкой Луизой. Нам теперь предстоит измыслить способ вернуть тебя на небо. Может, мне отправиться с тобой?

— Тебе на небе не понравится, — заверила его

Ивэйна. — Так что… Оказывается, ты не женишься на Виктории Форестер.

— Верно, — кивнул Тристран.

— Я с ней познакомилась, — сообщила звезда. — Тебе известно, что у нее внутри ребенок?

— Что? — воскликнул Тристран, пораженный до глубины души.

— Думаю, она и сама пока не догадывается. Ребенок совсем маленький, не старше двух лун.

— Боже мой. А как ты узнала?

Теперь пришел черед звезды пожимать плечами.

— Знаешь, — сказала она, — я очень обрадовалась, что ты не женишься на Виктории Форестер.

— Я тоже, — признался юноша.

Снова брызнул дождь, но на этот раз они не сделали попытки от него укрыться. Тристран крепко сжал руку Ивэйны.

— Вообще-то, — начала она, — звезда и смертный человек…

— Я только наполовину смертный, — услужливо подсказал Тристран. — Все, что я о себе раньше думал, оказалось ложью. Или вроде того. Ты даже не представляешь, насколько свободно я себя теперь чувствую.

— Кто бы ты ни был, — сказала Ивэйна, — я лишь хотела предупредить, что, возможно, у нас никогда не будет детей. Вот и все.

Тристран долго смотрел на звезду — а потом губы его сами собой разошлись в улыбке. Он ничего не сказал, только положил ей руки на плечи. Они стояли лицом к лицу, глядя друг на друга.

— Я просто хотела, чтобы ты знал, — сказала звезда — и подалась ему навстречу.

Они впервые поцеловались, стоя под ледяным весенним ливнем, хотя ни один из них не заметил, что идет дождь. Сердце гулко колотилось у Тристрана в груди, будто не в силах удержать внутри огромную радость.

Не прерывая поцелуя, он открыл глаза и встретил небесно-голубой взгляд звезды, в котором прочел, что поцелуя и далее не стоит прерывать.

Серебряная цепь уже полностью обратилась в дым и туман. Еще мгновение она висела в воздухе — а потом порыв ветра с дождем обратил ее в ничто.

— Ну вот, — сказала женщина с черными вьющимися волосами, улыбаясь и по-кошачьи потягиваясь. — Срок моей службы вышел, и между нами с тобой все кончено.

Госпожа Семела беспомощно смотрела на нее.

— И что же мне теперь делать? Я старая и одинокая. Не могу же я сама торговать за прилавком. Ах ты злая, бестолковая неряха, как ты смеешь так просто бросить меня?

— Твои проблемы меня не касаются, — ответила ее бывшая рабыня. — Но я больше не намерена терпеть, чтобы меня называли неряхой, или служанкой, или как угодно еще — за исключением моего собственного имени. Я — леди Уна, старшая и единственная дочь восемьдесят первого лорда Штормфорта, а заклятиям и обязательствам, связывавшим меня с тобой, навсегда пришел конец. А сейчас ты извинишься передо мной и назовешь меня истинным именем; в противном случае я — с огромным наслаждением — проведу остаток жизни, преследуя тебя и уничтожая все, что тебе дорого, и все, что ты считаешь собой.

Несколько секунд женщины смотрели друг другу в глаза — и первой отвела взгляд старуха.

— Приношу извинения, что посмела назвать вас неряхой, леди Уна, — выдавила она, выплевывая наружу каждое слово, как пригоршню горьких опилок.

Леди Уна кивнула.

— Хорошо. Теперь, когда время моей службы истекло, я надеюсь, ты хорошо заплатишь мне за

работу, — сказала она, потому что знала — подобные вещи подчиняются своим законам. Все на свете подчиняется своим законам.

Дождь все лил и лил, потом сделал перерыв на достаточное время, чтобы выманить людей наружу из-под импровизированных навесов и крыш, после чего брызнул на них с новой силой. Тристран и Ивэйна, мокрые и счастливые, сидели у костерка под тентом в пестрой компании различных существ.

Тристран расспросил соседей, не знают ли они маленького лохматого человечка — того самого, что помог ему в странствиях, — и постарался описать его как можно точнее. Некоторые из присутствующих встречали коротышку в прошлом, но на нынешней ярмарке его никто не видел.

Руки юноши, почти что вопреки его воле, перебирали мокрые волосы звезды. Он сидел и дивился, почему же ему потребовалось так много времени, чтобы осознать свою любовь к ней; Тристран спросил мнения самой звезды — и она обозвала его идиотом, а он заявил, что это самое прекрасное слово, какого когда-либо удостаивался мужчина из уст дамы.

— Итак, куда же мы отправимся, когда кончится ярмарка? — спросил Тристран.

— Пока не знаю, — пожала плечами звезда. — Но у меня еще осталось одно невыполненное обязательство.

— В самом деле?

— Да, — ответила Ивэйна. — Помнишь топаз, который я тебе показывала? Я должна отдать его истинному владельцу. В прошлый раз, когда владелец только объявился, та ужасная трактирщица перерезала ему горло, и камень остался при мне. Хотела бы я от него избавиться.

Из-за плеча юноши послышался женский голос:

— Попроси у нее топаз, Тристран Тёрн.

Он обернулся — и встретился взглядом с глазами цвета полевых фиалок.

— Вы были птицей у старухи в фургоне, — узнал он женщину.

— В то время, как ты маялся в облике садовой сони, сын мой, — кивнула та. — Да, я была птицей. Но теперь ко мне вернулось истинное обличье, и время рабства навсегда окончено. Попроси у Ивэйны отдать тебе ее ношу. Ты имеешь на это право.

Он повернулся к звезде.

— Ивэйна?

Та кивнула в ответ, ожидая, что будет дальше.

— Ивэйна, ты не отдашь мне свою ношу?

Та выглядела ошарашенной. Однако послушно нырнула рукой под одежду, пошарила там и вытащила наружу большой топаз на разорванной серебряной цепи.

— Он принадлежал твоему деду, — пояснила Тристрану черноволосая женщина. — А ты — последний потомок мужского пола в роду Штормфорта. Надень топаз на шею.

Тристран покорился. Стоило ему соединить концы цепи, как она тут же срослась на нем, будто никогда и не рвалась.

— Красивый камень, — с подозрением сказал Тристран.

— Это Камень Власти Штормфорта, — сообщила его мать. — С его правом никто не поспорит. Ты нашей крови, а все твои дядья уже мертвы. Из тебя получится прекрасный лорд Штормфорта.

Тристран смотрел на нее в откровенном замешательстве.

— Но я совершенно не хочу быть лордом чего бы то ни было! И вообще не хочу владеть ничем, кроме… кроме сердца моей леди.

Он взял руку звезды, приложил ее ладонью к собственному сердцу — и улыбнулся.

Глаза женщины нетерпеливо блеснули.

— За почти полные восемнадцать лет, Тристран Тёрн, я еще ни разу от тебя ничего не потребовала. И вот пожалуйста — на первое же простенькое мое пожелание, на просьбу о малейшей услуге он отвечает отказом!.. Я тебя спрашиваю, Тристран Тёрн: по-твоему, так нужно обращаться с матерью?

— Нет, мама, — обреченно отозвался Тристран.

— Хорошо, — немного смягчилась она. — В таком случае, молодые люди, я думаю, вам будет полезно обзавестись собственным домом, а тебе, Тристран, надо приставить себя к какому-нибудь занятию. А если работа лорда тебе не подойдет, всегда можешь ее бросить. Не найдется серебряных цепей, способных приковать тебя к трону Штормфорта.

Тристрана ее слова вполне обнадежили, Ивэйну же впечатлили намного меньше, ибо она знала, что серебряные цепи порой могут принимать любое обличье. Однако она понимала, что самый мудрый способ начать совместную жизнь с молодым человеком — это не ссориться с его матерью.

— Не окажете ли вы мне честь, назвав свое истинное имя? — спросила Ивэйна, толком не зная, не слишком ли она высокопарно выразилась.

Но Тристранова мать горделиво выпрямилась, и звезда поняла, что — нет, не слишком.

— Я — леди Уна из Штормфорта, — ответила женщина. И, открыв маленькую поясную сумочку, извлекла на свет стеклянную розу, такую темно-красную, что в свете огня ее бутон казался почти черным. — Вот моя плата за честную работу, — сообщила она. — За шестьдесят с лишним лет службы. Отдавая ее мне, ведьма чуть не лопнула от жадности, но закон есть закон, и откажись она исполнять его — лишилась бы остатков своей магической силы, а то и чего побольше. Так вот, я думаю, стоит обменять эту розу на паланкин, чтобы въехать в Штормфорт с подобающей помпой. Ох как же я соскучилась по Штормфорту! Нам потребуются носильщики, конный эскорт и, пожалуй, парочка слонов — они ведь такие внушительные, слон во главе колонны действует куда лучше, чем любые крики «прочь с дороги»…

— Нет, — отрезал Тристран.

— Нет? — изумленно переспросила его мать.

— Нет, — повторил юноша. — Ты, мама, можешь отправляться домой в паланкине, на слонах и верблюдах и вообще на чем захочешь. Но мы с Ивэйной поедем как-нибудь попроще и будем передвигаться так быстро, как сами решим.

Леди Уна перевела дыхание, и Ивэйне захотелось оказаться отсюда где-нибудь подальше на время их спора. Так что она встала, сообщив остальным, что немного прогуляется поблизости и скоро вернется. Тристран взглянул на нее умоляющими глазами, но звезда покачала головой: это была его собственная битва, и девушка полагала, что в ее отсутствие он будет биться лучше.

Прихрамывая, она брела через полутемную ярмарку и остановилась у шатра, из которого слышалась музыка и аплодисменты и струился теплый медовый свет. Думая о своем, звезда слушала музыку. Тут-то к ней и подошла, ковыляя с трудом, сгорбленная старуха с бельмом на одном глазу — и окликнула звезду, желая поговорить.

— О чем? — удивилась девушка.

Старуха, которую годы иссушили и сделали немногим больше ребенка, опиралась на крючковатую палку почти что с нее ростом. Пальцы со вздувшимися костяшками скрючились от артрита. Она снизу вверх посмотрела на звезду здоровым глазом и синеватым бельмом и проговорила:

— Я пришла, чтобы забрать с собой твое сердце.

— Вот как? — спросила Ивэйна.

— Да, — кивнула старуха. — Я ведь почти добыла его в горном ущелье. — Она издала сухой горловой смешок. Из мешка, горбом лежавшего у ведьмы за спиной, торчал витой длинный рог цвета слоновой кости, и Ивэйна поняла, где она прежде видела такой рог.

— Значит, это были вы? — спросила она крохотную старушонку. — С двумя ножами?

— У-гм. Именно я. Но сейчас я растратила всю молодость, которую взяла в дорогу. Каждое магическое действие забирало у меня частичку молодости, и теперь я старше, чем когда-либо была.

— Только прикоснись ко мне, — выговорила звезда, — попробуй тронуть меня хоть пальцем — и будешь жалеть всю жизнь!

— Когда доживешь до моих лет, — вздохнула старуха, — ты узнаешь о сожалениях все, что о них возможно знать. Например, что одним сожалением больше, одним меньше — это не так уж важно в долгой дороге. — Она втянула носом воздух. Ее платье, некогда ярко-красное, а ныне ветхое и заплатанное, выцвело от старости. Дыра на одном плече открывала сморщенный шрам, которому, похоже, сравнялась не одна сотня лет. — Знаешь, что меня интересует? При-

чина, по которой я больше не вижу в уме, где ты находишься. Даже сейчас ты стоишь передо мной — а я вижу только призрак, смутную тень. Совсем недавно ты горела — вернее, горело твое сердце и отражалось в моей голове как вспышка серебряного огня. Но после той ночи в трактире все подернулось дымкой и начало истончаться, а теперь и вовсе исчезло.

Ивэйна осознала, что не испытывает ничего, кроме жалости, к несчастному созданию, которое хотело ее убить. Она сказала:

— А может быть так, что мое сердце, которое ты ищешь, больше не принадлежит мне?

Старуха закашлялась. Все ее иссохшее тело содрогалось и корчилось от спазмов сухого кашля. Звезда терпеливо подождала, когда ведьма оправится, и объяснила:

— Дело в том, что я отдала сердце другому.

— Мальчишке? Тому, из трактира? С единорогом?

— Да.

— Так отними у него сердце и отдай мне, нам с сестрами оно куда нужнее! Мы возвратим себе молодость и проживем новую эпоху мира. А твой мальчишка только разобьет его, или растратит впустую, или просто потеряет. Они все такие.

— Однако же, — возразила звезда, — мое сердце принадлежит ему. Надеюсь, сестры обойдутся с тобой не слишком сурово, когда ты вернешься к ним с пустыми руками.

Как раз тут подошел Тристран и взял Ивэйну за руку, вежливо кивнув старухе.

— Мы договорились, — радостно заявил он. — Волноваться больше не о чем.

— И как насчет паланкина?

— В паланкине поедет мама. Я обещал, что рано или поздно мы явимся в Штормфорт, но добираться будем сами по себе и столько времени, сколько захотим. Думаю, нам стоит купить пару лошадей и всласть пространствовать.

— Твоя мать согласилась?

— В конце концов — да, — весело сказал Тристран. — Кстати, извините, что вмешался в разговор.

— Мы уже почти договорили, — ответила Ивэйна и вновь повернулась к маленькой старушонке.

— Мои сестры грубы и, конечно же, будут ко мне жестоки, — сказала та. — Однако спасибо за сочувствие. У тебя доброе сердце, дитя. Жаль, что оно досталось не мне.

Звезда наклонилась и поцеловала старуху в

морщинистую щеку; колючие волоски на старой коже царапнули ее мягкие губы.

После чего звезда и ее возлюбленный медленно пошли прочь, в сторону стены.

— Кто такая эта старая карга? — спросил Тристран. — По-моему, я ее где-то видел. Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего, — ответила Ивэйна. — Мы с ней познакомились по дороге, и она подошла поговорить, вот и все.

Позади сияли огни ярмарки — свечи, фонарики, волшебные светильнички и эльфийские огоньки, как будто на землю спустилось сияние ночного неба. Прямо перед ними, через луг, по ту сторону бреши, где сейчас не стояло стражей, мерцала деревня Застенье. Газовые и керосиновые лампы светились в окошках домов. Однако Тристрану они показались такими же далекими и чужими, как мир Тысяча и Одной Ночи.

Он взглянул на огни Застенья — и неожиданно ясно осознал, что видит их в последний раз. Некоторое время Тристран молча смотрел на них, стоя рядом с упавшей звездой. А потом отвернулся, и они вместе зашагали на восток.

Эпилог,
в котором заканчиваются кое-какие истории

Многие считали одним из величайших в истории Штормфорта день возвращения в горный край леди Уны, давно пропавшей и считавшейся мертвой (говорили, что ее ребенком похитила ведьма). Там, где проезжал паланкин с тремя слонами во главе процессии, тут же начинались торжества и многонедельные празднества с фейерверками.

Ликование в Штормфорте и всех его ленах достигло и вовсе небывалого размаха, когда леди Уна объявила народу, что за время своего отсутствия она дала жизнь сыну, который вследствие исчезновения и предполагаемой смерти ее последних двоих братьев является прямым наследником трона. Кроме того, она сообщила, что этот юноша уже носит на шее Камень Власти.

Сам наследник и его невеста должны были приехать вскорости, хотя леди Уна не знала точной даты их прибытия — что, похоже, несколько раздражало ее. В отсутствие наследника леди

Уна заявила, что принимает на себя регентство Штормфорта. Так она и сделала и правила весьма хорошо, так что под ее рукой все лены от и до горы Гуон процветали и преуспевали.

Прошло три года, и в городок Облачный Кряж на нижних границах владений Штормфорта явились два странника, мужчина и женщина, запыленные и со сбитыми ногами. Они сняли комнату в харчевне и тут же велели подать им жестяную ванну и горячей воды. В трактире странники прожили несколько дней, болтая с прочими посетителями и жильцами. В последнюю ночь их пребывания в городе женщина, которая слегка прихрамывала при ходьбе и чьи волосы были светлыми почти до белизны, сказала своему спутнику:

— Ну?

— Н-ну, — отозвался он неуверенно. — По-моему, мама неплохо справляется с управлением.

— Ты сам, — резко заметила она, — справлялся бы не хуже, если бы принял трон.

— Может, и так, — пожал плечами мужчина. — Трон — неплохое местечко, в конце концов я намереваюсь там оказаться. Но на свете столько всего, чего мы еще не видели… Столько народу, с которым мы не встречались… Не говоря уж о

неисправленном зле, не побежденных злодеях, не посещенных достопримечательностях и все такое прочее. Ты понимаешь.

Его жена усмехнулась.

— Ладно, — сказала она, — по крайней мере соскучиться нам не грозит. Но мы должны хотя бы послать твоей маме записку.

Так и получилось, что леди Уна получила из рук трактирного мальчишки послание на клочке бумаги. Письмо было запечатано воском, и леди Уна подробно расспросила посыльного о путешественниках — муже и жене — перед тем, как сломать печать и прочесть записку. Она адресовалась ей и была весьма коротка: кроме приветствий, письмецо состояло всего из двух строчек.

Совершенно против нашей воли нас задерживает белый свет.
Ожидай нас в день нашего прибытия.

Внизу красовалась подпись Тристрана, а рядом с ней — отпечаток пальца, который поблескивал и сиял в тени, будто присыпанный звездной пылью.

Этим леди Уне и пришлось удовлетвориться за неимением лучшего.

Прошло еще пять лет, прежде чем двое странников окончательно вернулись в горную крепость. С ними — грязными, усталыми, одетыми в лохмотья — к великому стыду целой страны сперва обошлись как с бродягами и побирушками; но потом мужчина продемонстрировал висевший у него на шее топаз на серебряной цепи — и все поняли, что он и есть единственный сын леди Уны.

Вступление наследника во владение и последующие торжества длились не меньше месяца. По прошествии празднеств молодой восемьдесят второй лорд Штормфорта начал постигать азы правления. Он старался принимать как можно меньше решений, но те, которые он все же принимал, были мудрыми — даже если мудрость оказывалась не всегда ко времени. В битве лорд сражался отважно, хотя так никогда и не мог использовать в бою левую, обожженную руку. Он прославился как хитрый стратег и привел свой народ к победе в войне с Северными Гоблинами, когда те перекрыли дороги для путешественников; он заключил долгий мир с Орлами Высоких Скал — мир, который длится и поныне.

Жена лорда, прекрасная леди Ивэйна, происходила с дальних рубежей (хотя никто точно не знал, где именно эти рубежи находятся). Когда

они с мужем только что прибыли в Штормфорт, она выбрала себе покои на самом высоком пике цитадели — чертог, который был давно заброшен и не использовался ни обитателями дворца, ни даже слугами. Дело в том, что крыша его обвалилась при камнепаде уже с тысячу лет назад. Никто не хотел жить в покоях под открытым небом, где в разреженном горном воздухе так ярко светили звезды и луна, что казалось — их можно коснуться рукой, если потянуться.

Тристран и Ивэйна счастливо жили вместе. Конечно, счастье их длилось не вечно — ведь Время, умелый вор, мало-помалу перетаскивает все на свете на свой огромный пыльный склад. Но все-таки по нашим меркам они были счастливы довольно долго. А потом в ночи явилась Смерть и шепнула свою тайну на ухо восемьдесят второму лорду Штормфорта, и он кивнул ей седой головой и больше ничего не сказал. Народ отнес его останки в Чертог Предков, где они и покоятся по сей день.

После смерти Тристрана нашлись те, кто утверждал, что он состоял в Братстве Замка и работал над уменьшением власти Незримого Двора. Однако правда умерла вместе с лордом, и ее так никогда и не установили.

Ивэйна стала госпожой Штормфорта и *выказала* себя лучшей правительницей — как в мире, так и в войне, — чем народ смел надеяться. Она не старела, чем отличалась от своего мужа, и глаза ее оставались голубыми, волосы — бело-золотыми, а характер — в чем народ Штормфорта имел возможность убедиться на личном опыте — таким же вспыльчивым, как в первый день их встречи с Тристраном на полянке у лесного озера.

Леди Ивэйна до сих пор ходит прихрамывая, хотя весь Штормфорт притворяется, будто этого никто не замечает. И тем более никто не смеет замечать, что их владычица порой светится и мерцает в темноте.

Говорят, всякой ночью, когда ей позволяют государственные дела, Ивэйна пешком поднимается, прихрамывая, на высочайший пик дворца — и стоит там часами, словно и не чувствуя холодных горных ветров. Она ничего не говорит, просто смотрит вверх, в темное небо, грустными глазами наблюдая за медленным танцем бесчисленных звезд.

Выражения благодарности

Первая и основная благодарность — Чарльзу Вессу. На сегодняшний день он — самое близкое подобие великих викторианских художников Волшебной Страны, и без его картин и вдохновляющих идей я не написал бы ни строчки. Всякий раз, закончив очередную главу, я звонил ему и читал написанное вслух, а он терпеливо слушал и смеялся в нужных местах.

Также я благодарю Дженни Ли, Карен Бергер, Пола Левитса, Меррили Хайфетц, Лу Аронику, Дженнифер Херши и Тиа Маджини: все они помогли мне воплотить эту книгу в реальность.

Кроме того, я в неоплатном долгу у Хоуп Мирр-лиз, Лорда Дансени, Джеймса Бренча Кэбелла и К. С. Льюиса, где бы они сейчас ни находились: именно они показали мне, что сказки можно писать и для взрослых.

Тори предоставила мне свой дом, и первую главу я написал именно там, а все, что она попросила взамен, — это помочь ей составить генеалогию.

Были и другие люди, которые читали мою книгу по мере написания и давали мне разумные советы. Не их вина, что я советам не последовал.

Особая благодарность вам, Эми Хорстинг, Лайза Хенсон, Дайана Уинн Джонс, Крис Белл и Сюзанна Кларк.

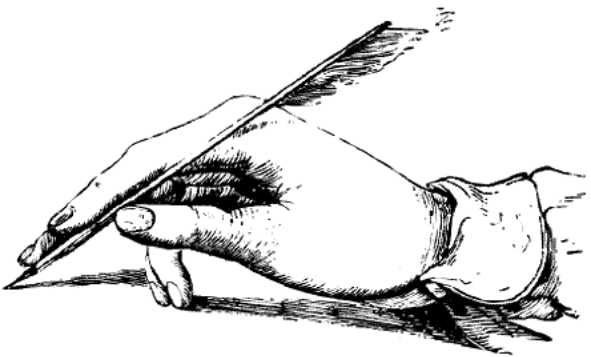
Моя жена Мэри и секретарша Лоррэйн тоже делали для этой книги куда больше, чем были должны, потому что они перепечатали несколько первых глав с моего рукописного черновика, и я даже не знаю, как их отблагодарить.

А вот от детей, если честно, не поступало совершенно никакой помощи, да я и не рассчитываю, что когда-нибудь будет иначе.

Нил Гейман, июнь, 1998

Нил Гейман
ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ

Предисловие автора к российскому изданию



Мне всегда нравились кладбища.

Там так спокойно!

Редьярд Киплинг в сборнике рассказов «Книга джунглей» поселил ребенка в тропическом лесу и рассказал о том, как он вырос и вернулся к людям.

Я в своем сборнике глав-историй привел ребенка на кладбище, похожее на те, где я сам бродил в детстве, и стал наблюдать, как он растет.

Есть мнение, что эта книга о смерти и ее не

следует давать детям. Я его не разделяю.

Эта книга — о ценности жизни и о том, как найти свою семью.

Я всегда хотел побывать в России. Я знаю, что здесь до того, как расселиться по миру, жили поколения многих моих предков.

Надеюсь, что однажды, в не слишком отдаленном будущем, я к вам приеду. Однажды.

До того, как умру.

Нил Гейман

Глава 1
КАК
НИКТО НЕ ИСПУГАЛСЯ ПОКОЙНИКОВ

Мертвый босяк
В телеге обмяк.
Был он никто,
Вы же за то
Жалкие кости
Здесь и бросьте.

Из детского народного стихотворения

В темноте появилась рука, а в руке — нож. Рукоять ножа была из отполированной черной кости,

а лезвие — из твердой стали и такое острое, что рану и не заметишь. Сперва.

Нож уже почти завершил то, зачем попал в дом. Поэтому и лезвие, и рукоять были мокрыми.

В приоткрытую дверь, куда недавно пробрались нож и его хозяин, вползали космы ночного тумана.

Человек по имени Джек замер у лестницы. У него были черные волосы, черные глаза и тонкие-претонкие черные перчатки. Левой перчаткой он вытащил из кармана черного плаща огромный белый платок, протер нож и правую перчатку, потом засунул платок обратно. Охота близилась к концу. Женщина лежала на кровати, мужчина — на полу спальни, их дочь — в детской с веселыми обоями, среди игрушек и незаконченных поделок. Остался сын, который едва научился ходить, — и все.

Человек по имени Джек размял пальцы. Прежде всего он был профессионалом — во всяком случае, считал себя таковым, — и не улыбался, пока не выполнит работу целиком.

Вторая детская была под самой крышей. Человек по имени Джек тихо поднялся по устеленным ковром ступенькам, открыл дверь мансарды и вошел. В начищенных черных туфлях, как в зер-

калах, отразился крошечный месяц.

Большая луна светила в окно. Светила неярко, тонула в тумане, но человеку по имени Джек этого хватало. Более чем.

Он различил в кроватке детский силуэт: голову, руки, ноги, туловище. Перегнулся через высокий деревянный бортик — такие делают, чтобы ребенок не вылез, — поднял правую руку с ножом, нацелился в грудь…

…и опустил руку. В кровати лежал плюшевый мишка. Ребенка не было.

Человек по имени Джек привык к слабому лунному свету и не стал включать электрический. Впрочем, в свете и так не было большой нужды: владелец ножа умел кое-что еще.

Он потянул носом воздух. Постарался отсеять запахи, которые принес в комнату сам, отмел все лишнее и сосредоточился на запахе того, за кем охотился. Он учуял ребенка: аромат молока и печенья с кусочками шоколада. Кислая, резкая вонь мокрого подгузника. Детский шампунь и еще что-то маленькое и резиновое. Игрушка? Нет, скорее, соска.

Ребенок был здесь. И пропал. Принюхиваясь, человек по имени Джек обошел весь высокий и узкий дом сверху донизу. Осмотрел ванную с

туалетом, кухню, сушилку и наконец прихожую, где нашлись только велосипеды, груда пустых хозяйственных сумок, ночной подгузник да заползшие с улицы пряди тумана.

Человек по имени Джек издал негромкий звук: то ли раздраженно крякнул, то ли довольно хмыкнул. Сунул нож в ножны, вшитые во внутренний карман плаща, и вышел на улицу. Туман окутывал луну и фонари, глушил звуки, рождал обманные тени. Ниже по улице горели витрины закрытых магазинов. На холме пряталось темное старое кладбище.

Человек по имени Джек, принюхиваясь, неторопливо пошел в гору.

Едва начав ходить, малыш стал для папы с мамой и отрадой, и досадой: еще не родился на свет другой такой ребенок, который так же любил бы ползать по дому и забираться во все укромные уголки. Этой ночью он проснулся от грохота внизу — будто что-то упало. Поскольку спать уже не хотелось, мальчик решил выбраться из кроватки. Борта у нее были высокие, как у манежа в гостиной, но перелезать через них он умел. Вот бы еще приступочку…

Мальчик оттащил в угол кроватки своего большого золотисто-рыжего мишку. Потом, вце-

пившись в перила ручонками, поставил одну ногу медведю на живот, вторую — на голову, подтянулся и вылез, точнее, вывалился из кроватки на пол.

С глухим стуком он шлепнулся прямо на груду мягких игрушек — подаренных на первый день рождения, меньше чем полгода назад, или перешедших по наследству от сестры. Упав, мальчик удивился, но не заплакал: если шуметь, взрослые придут и снова положат в кроватку.

Он выполз за дверь.

Подниматься по лестнице — целая наука, и мальчик ее еще не совсем освоил. А вот спускаться, как он уже давно выяснил, гораздо проще. Он сел на пухлую попку и начал плюхаться со ступеньки на ступеньку.

Он сосал резиновую соску. Мама стала почему-то говорить, что он уже большой для соски.

Мальчик бухнулся на последнюю ступеньку, встал и вышел на середину маленькой прихожей. Подгузник, который еще по пути расстегнулся, тут у него и упал. Мальчик остался в коротенькой рубашонке. Ступеньки в детскую и спальню были очень высокие, а вот дверь на улицу так и манила…

Мальчик с легкой опаской ступил за порог.

Туман обнял его, как давнего друга, и мальчик потопал вверх по улице — сначала неуверенно, потом все тверже и быстрее.

На макушке холма туман редел. При свете луны было, конечно, не так светло, как днем, но рассмотреть кладбище было можно.

Взгляните сами.

Вы увидите заброшенную часовню с запертой железной дверью, увитым зеленью шпилем и маленьким деревцем, выросшим прямо в сточном желобе на крыше. Вы увидите надгробные камни, могилы, склепы и мемориальные плиты. А вот перебежал через дорожку и шмыгнул в кусты какой-то зверек: кролик, землеройка или хорек.

Всё это вы различили бы при свете луны, окажись вы в ту ночь на старом кладбище.

Зато едва ли заметили бы бледную полную женщину, которая прогуливалась у ворот. А если б и заметили, то, присмотревшись повнимательнее, решили бы, что это лишь игра света, тумана и тени.

И все-таки женщина там была. Сейчас она как раз миновала несколько покосившихся надгробий по пути к воротам.

Ворота кладбища были закрыты. Их всегда запирали в четыре дня зимой и восемь вечера

летом. Часть ограды представляла собой частокол острых металлических прутьев, остальное — высокую кирпичную стену. Между прутьями оставался небольшой зазор — слишком узкий не только для взрослого, но и для десятилетнего ребенка…

— Оуэнс! — вскрикнула бледная женщина. Ее голос напоминал шуршание ветра в осоке. — Оуэнс! А ну-ка, глянь сюда!

Она к чему-то наклонилась. В лунном свете дрогнула тень и оказалась седеющим мужчиной лет сорока с небольшим. Мужчина посмотрел на жену, потом на то, что привлекло ее внимание, и поскреб в затылке.

— Сударыня… — начал он. (Так было положено обращаться к жене в их время.) — Может, это зрительный обман?

Объект внимания миссис Оуэнс явно ее заметил, потому что открыл рот, выронив на землю пустышку, и — невероятно! — потянулся пухлой ручонкой к бледному пальцу женщины.

— Я съем свой котелок, — заявил мистер Оуэнс, — если это не ребенок.

— Ах, конечно же, ребенок! — воскликнула его супруга. — Вопрос в том, что с ним делать?

— Боюсь, вы правы, сударыня, — отвечал ее

муж. — Однако вопрос этот не нам решать. Дитя, бесспорно, живое, и, стало быть, не имеет отношения к нам и нашему миру.

— Подумать только, улыбается! Какой славненький! — Миссис Оуэнс погладила бестелесной рукой редкие светлые волосы мальчика, и тот радостно засмеялся.

Вдруг по кладбищу пронесся ледяной ветер и сдул туман с нижних склонов (дорожки кладбища вились по всему холму — вверх, вниз, а иногда и по кругу). Раздался грохот: кто-то дергал ворота и теребил тяжелый навесной замок с цепью.

— Ага, — сказал Оуэнс. — Вот и родичи дитяти, которые жаждут вновь прижать его к любящей груди. Оставьте младенца в покое! — добавил он, видя, что миссис Оуэнс обвила ребенка бесплотными руками и гладит по голове.

— Ох, не похож он ни на чьего родича! — проговорила она.

Человек в черном плаще устал трясти ворота и подошел к боковой калитке. Та оказалась тоже тщательно заперта. В прошлом году на кладбище был случай вандализма, и городской совет принял меры.

— Пойдемте, сударыня. Оставьте его, сделайте любезность!

Вдруг мистер Оуэнс раскрыл рот и замолчал. Он увидел привидение.

Казалось бы — и если вам тоже так кажется, вы совершенно правы, — призрак не должен был так уж изумить мистера Оуэнса. Ведь и он сам и миссис Оуэнс покоились с миром уже несколько сотен лет и всё это время имели дело лишь с себе подобными — то бишь с мертвыми. Однако это привидение совсем не походило на обитателей кладбища — странно дрожащее, серое, как экран телевизора, когда тот «рябит». Его паника волнами захлестывала все вокруг, включая самих Оуэнсов. На самом деле призраков было три: два контура покрупнее, один поменьше, но четко виднелась лишь одна фигура.

— Мой сын! Он хочет убить моего сына!

Что-то загремело. Мужчина поволок тяжелую металлическую урну через дорогу, к ограде кладбища.

— Защитите моего ребенка! — взмолился призрак, и миссис Оуэнс решила, что это женщина. Мать, конечно же.

— Что он с вами сделал? — спросила миссис Оуэнс, хотя не была уверена, слышит ли та ее. Только что скончалась, бедняжка! Куда легче отходить тихо, чтобы потом проснуться там, где

тебя похоронили, смириться со смертью, увидеть своих соседей. А это существо состояло из одного только страха за ребенка. Страх, словно крик, звенел в ушах Оуэнсов и привлекал внимание остальных здешних обитателей. Бледные фигуры потянулись к ним со всего кладбища.

— Кто ты? — обратился к призраку Гай Помпей. Ветер и дождь давно превратили его надгробный камень в простой валун. Две тысячи лет назад Гай Помпей попросил, чтобы его тело не отсылали в Рим, а похоронили на холме у мраморного храма. Теперь, как один из старейших покойников на кладбище, он очень ревностно относился к своим обязанностям. — Твое тело покоится здесь, женщина?

— Да нет же! Вы посмотрите, она только что умерла! — Миссис Оуэнс одной рукой обняла женскую фигуру и принялась ее тихо увещевать.

От высокой стены между кладбищем и улицей донесся стук, а потом грохот. Урна покатилась. На краю ограды, на фоне размытых туманом фонарей возник темный мужской силуэт. Мужчина ненадолго замер, а потом спустился по стене, цепляясь руками и болтая ногами. За несколько футов до земли он разжал руки и спрыгнул.

— Но, милочка, — обратилась миссис Оуэнс к

фигуре. Из трех осталась уже одна. — Он живой. Мы — нет. Как вы себе это представляете…

Ребенок озадаченно смотрел на обеих. Потянулся сначала к одной, потом к другой, но схватил только воздух. Призрак его матери быстро таял.

— Да, — произнесла миссис Оуэнс в ответ на слова, которые слышала только она одна. — Да, если это возможно. — Она повернулась к стоявшему рядом мужчине.

— А ты, Оуэнс? Станешь ли ты отцом этому малышу?

— Я… отцом? — наморщил лоб Оуэнс.

— У нас ведь не было детей. А его мать просит, чтобы мы его защитили. Ты согласен?

Человек в черном плаще выбрался из зарослей среди старых оббитых надгробий и осторожно пошел вперед, но спугнул сову, и она бесшумно улетела прочь.

Человек увидел ребенка, и глаза его загорелись торжеством.

Оуэнс знал, что думает его жена, когда говорит таким тоном. Не зря же они были вместе (до гробовой доски и после) добрых двести пятьдесят лет.

— Вы твердо уверены, что хотите этого, миссис Оуэнс? Без всяких сомнений?

— Уверена, как ни в чем и никогда!

— Тогда я согласен. Если вы решили стать ему матерью, я буду отцом.

— Слышали? — Миссис Оуэнс повернулась к мерцавшей фигуре, от которой остались лишь смутные очертания, похожие на отблеск зарницы. Фигура сказала еще что-то, слышное только миссис Оуэнс, и исчезла.

— Больше мы ее не увидим, — сказал мистер Оуэнс. — В следующий раз она проснется на своем кладбище или там, куда направляется.

Миссис Оуэнс нагнулась и протянула к малышу руки.

— Иди сюда! — ласково позвала она. — Иди к мамочке!

Человек по имени Джек уже шел к ним, держа в руке нож. Вдруг ему показалось, будто ребенка окутал завиток тумана, и мальчик исчез. Остались только сырой туман да качающаяся трава.

Джек моргнул и потянул носом воздух. Что-то случилось, но он не мог понять, что. Из глубины его глотки вырвалось злобное ворчание хищника, упустившего добычу.

— Эй! — крикнул человек по имени Джек. Может, ребенок спрятался за кустом? Голос был мрачным, грубым и каким-то странным, словно

мужчина не привык говорить.

Кладбище не раскрывало своих секретов.

— Эй! — снова позвал он, надеясь, что ребенок хныкнет, залепечет или хотя бы шевельнется. К его удивлению, в ответ прозвучал бархатистый голос:

— Вам помочь?

Человек по имени Джек был высокого роста. Этот — еще выше. Джек был весь в черном. Одежда этого — еще чернее. Всем, кто замечал Джека за делом — а он не любил, когда его замечали, — становилось страшно, тревожно или как-то не по себе. Но когда Джек посмотрел на незнакомца, ему самому стало не по себе.

— Я кое-кого ищу, — сказал человек по имени Джек, спрятав руку в карман плаща так, чтобы нож оставался наготове.

— На запертом кладбище среди ночи? — уточнил незнакомец.

— Ребенка, — ответил человек по имени Джек. — Я просто шел мимо и услышал детский плач. Заглянул за ограду — а там ребенок. Что бы сделал другой на моем месте?

— Рукоплещу вашей гражданской сознательности. Однако, найди вы ребенка, как бы вы отсюда выбрались? С ним на руках через стену

не перелезть.

— Я бы кричал, пока меня кто-нибудь не услышал бы и не выпустил, — сказал человек по имени Джек.

Тяжелый звон ключей.

— Этот «кто-нибудь» — я, — заметил незнакомец. — Я бы вас и выпустил. — Он выбрал из связки большой ключ и сказал: — Прошу за мной.

Человек по имени Джек двинулся следом за незнакомцем, одновременно вытаскивая из кармана нож.

— Так вы смотритель?

— Я? О да, в некотором роде…

Чем ближе они подходили к воротам, тем дальше оставался ребенок. У Джека не было в этом никаких сомнений. Зато, подумал он, у смотрителя есть ключи. Удар ножа в темноте, и все, а потом можно искать ребенка хоть до утра.

Он поднял нож.

— Если ребенок и был, — не оглядываясь, произнес смотритель, — на кладбище он бы не пробрался. Вы наверняка ошибаетесь. Да и как сюда могло попасть дитя? Скорее всего, вы слышали ночную птицу или кошку. А то и лису. Между прочим, тридцать лет назад здесь прекра-

тили хоронить и объявили кладбище природным заповедником. Теперь подумайте хорошенько и скажите, точно ли вы видели ребенка.

Человек по имени Джек задумался.

Незнакомец отпер боковую калитку.

— Лисы… Они издают очень странные звуки, удивительно похожие на плач. Нет, сэр, ваш визит на кладбище был ошибкой. Ребенок, которого вы ищете, вас где-то ждет — но не здесь. — Он секунду помолчал, чтобы эта мысль прочнее закрепилась в голове Джека, и торжественно открыл калитку. — Очень рад знакомству. Надеюсь, снаружи вы найдете всё, что ищете.

Человек по имени Джек оказался за калиткой. Незнакомец остался внутри, запер замок и убрал ключ.

— А вы куда? — удивился человек по имени Джек.

— Это не единственный выход, — объяснил незнакомец. — Мой автомобиль стоит по ту сторону холма. Не беспокойтесь обо мне. А еще лучше — забудьте наш разговор.

— Ладно, — легко согласился Джек. — Забуду. — В его памяти сохранилось лишь то, что он забрел на холм, мнимый ребенок оказался лисицей, а вежливый смотритель вывел его на улицу. Джек

сунул нож в потайные ножны. — Тогда… доброй ночи!

— И вам того же! — отозвался незнакомец, которого Джек счел смотрителем кладбища.

Человек по имени Джек пошел вниз по холму, продолжать поиски.

Отступив в тень, незнакомец провожал Джека взглядом, пока тот не скрылся из виду. Потом поднялся на вершину холма, где стоял обелиск с надгробной плитой Иосии Уордингтона, местного пивовара, политика и баронета, который почти три века назад выкупил старое кладбище с прилегающими землями и подарил городу в вечное пользование. Себе Иосия Уордингтон зарезервировал лучшее местечко — естественный амфитеатр с видом на город и окрестности — и позаботился о том, чтобы кладбище не снесли потомки. Здешние обитатели были ему за это признательны, хотя, по мнению самого баронета, недостаточно.

На кладбище насчитывалось тысяч десять душ, но большинство спало глубоким сном или не интересовалось еженощными делами общины. В амфитеатре под лунным светом собралось меньше трех сотен.

Незнакомец тихо, как туман, подплыл ближе и

стал из тени наблюдать за тем, как развиваются события.

Речь держал Иосия Уордингтон.

— Дражайшая! — обратился он к миссис Оуэнс. — Ваше упрямство весьма… Бог мой, неужели вы сами не видите, какая это нелепица?

— Нет, — ответила миссис Оуэнс, — не вижу.

Она сидела на земле, скрестив ноги, а живой ребенок спал у нее на коленях. Женщина придерживала его голову призрачными руками.

— Прошу прощения, ваша честь, — вмешался стоявший рядом мистер Оуэнс, — миссис Оуэнс хотела сказать, что она не видит никакой нелепости. Она видит в этом свой долг.

Когда-то мистер Оуэнс имел дело с Иосией Уордингтоном во плоти: тот заказал ему несколько изысканных предметов мебели в свою усадьбу под Инглшемом. С тех пор Оуэнс относился к баронету с большим почтением.

— Долг? — Иосия Уордингтон замотал головой, словно стряхивая прилипшую паутину. — Ваш долг, мэм, перед кладбищем и сим сообществом бестелесных духов, призраков и тому подобных существ — как можно скорее отправить это создание в его естественную среду обитания, которая находится совсем в другом месте.

— Мальчика мне отдала его мама, — отрезала миссис Оуэнс.

— Дражайшая моя…

— Никакая я вам не дражайшая! — Миссис Оуэнс вскочила. — По правде говоря, сама не понимаю, зачем я тут болтаю со всякими старыми скудоумными пустобрехами, когда мальчик вот-вот проснется… И где мне, по-вашему, найти для него еду на кладбище?

— Вот именно, — сухо вставил Гай Помпей. — Как его кормить? Как о нем заботиться?

Миссис Оуэнс сверкнула глазами.

— Я позабочусь о нем не хуже его собственной матери! Она отдала его мне. Смотрите: я его касаюсь, видите? Я его держу.

— Ох, Бетси, будь благоразумна! — сказала матушка Хоррор, хрупкая старушонка в огромном капоре и салопе. В них она ходила при жизни, в них и легла в могилу. — Где мальчик будет жить?

— Здесь, — отвечала миссис Оуэнс. — Дадим ему почетное гражданство кладбища.

Губы матушки Хоррор сложились в крошечную О.

— Но… Боже милостивый…

— Почему бы и нет? Это не первый случай.

— Верно, — сказал Гай Помпей. — Но тот почетный гражданин — неживой.

Незнакомец понял, что, хочется ему того или нет, в разговор вступать придется. Он отделился от тени темным пятном.

— Неживой, — согласился он. — Тем не менее я понимаю, о чем ведет речь миссис Оуэнс.

— Понимаете, Сайлес? — переспросил Иосия Уордингтон.

— Да. К добру или нет — а я твердо убежден, что к добру, — миссис Оуэнс с супругом взяли этого ребенка под свою опеку. Однако, чтобы вырастить его, двух душ недостаточно. Нужна помощь всего кладбища.

— А как же еда и прочее?

— Я могу покидать кладбище, — ответил Сайлес. — И приносить еду.

— Вам-то хорошо говорить! — вставила матушка Хоррор. — Да только вы шмыг — туда, шнырь — сюда, и кто за вами уследит? Пропадете на неделю, и мальчишка погибнет.

— Вы мудрая женщина, — ответил Сайлес. — Теперь я вижу, почему ваше мнение так высоко ценят. — Он мог гипнотизировать лишь живых, но прекрасно знал, что лесть действует и на мертвых. — Что ж… Если мистер и миссис

Оуэнс готовы стать его родителями, я буду его опекуном. Обещаю, что останусь здесь, а если мне понадобится покинуть кладбище, найду себе замену, чтобы ребенку приносили пищу и присматривали за ним. Для этих целей нетрудно использовать крипту часовни.

— Но… — возмутился Иосия Уордингтон. — Но… человечий ребенок! Живой ребенок. Как же… Как же, как же… Проклятье! У нас кладбище, а не ясли!

— Вы совершенно правы, — закивал Сайлес. — Очень верное замечание, сэр Иосия. Я бы и сам не смог выразиться лучше. И хотя бы по этой причине чрезвычайно важно, чтобы воспитание ребенка как можно меньше сказывалось на, извините за выражение, жизни покойных. — Он не спеша приблизился к миссис Оуэнс и посмотрел на ребенка, спавшего у нее на руках. — У него есть имя, миссис Оуэнс? — Сайлес вопросительно приподнял бровь.

— Если и есть, мать его мне не назвала.

— Что ж, старое имя в любом случае сослужило бы ему плохую службу. Там, за оградой, остались люди, которые хотят причинить ему вред. Так может, выберем новое?

Гай Помпей подошел ближе и рассмотрел ре-

бенка.

— Что-то в нем есть от моего проконсула Марка. Можем назвать его Марком.

Иосия Уордингтон сказал:

— А мне он напоминает моего главного садовника Стеббинса. Впрочем, имя это я не стал бы рекомендовать. Стеббинс был склонен к неумеренности в выпивке.

— Нет, он вылитый мой племянник Гарри! — воскликнула матушка Хоррор.

Пока все обитатели кладбища не начали сравнивать младенца с давно забытыми друзьями и родными, миссис Оуэнс твердо вмешалась:

— Никто на него не похож. Никто!

— Так давайте так его и назовем, — сказал Сайлес. — Никто Оуэнс.

Тут, словно услышав свое новое имя, ребенок проснулся и распахнул глаза. Огляделся, увидел лица мертвых, туман и луну. Повернулся к Сайлесу и стал его спокойно и серьезно рассматривать.

— Что ж это за имя такое? «Никто»! — возмутилась матушка Хоррор.

— Его имя. Хорошее имя, — возразил Сайлес. — Которое поможет его защитить.

— Еще не хватало мне тут неприятностей! —

заявил Иосия Уордингтон.

Ребенок посмотрел на него и вдруг — то ли потому, что проголодался, то ли устал, то ли просто заскучал по семье, родным и своему миру — скривил мордашку и расплакался.

— Унеси ребенка, — сказал Гай Помпей миссис Оуэнс. — Мы обсудим все без вас.

Миссис Оуэнс ждала у часовни. Больше сорока лет назад это здание, похожее на небольшую церквушку со шпилем, объявили историческим памятником. Но городской совет решил, что реставрация маленькой часовни на запущенном кладбище обойдется слишком дорого. На часовню повесили замок и стали ждать, пока она развалится сама собой. Стены и крышу заплело плющом, но в этом веке они падать явно не собирались.

Ребенок снова заснул. Миссис Оуэнс тихо качала его и напевала старую песенку, которую слышала от матери, когда сама была маленькой девочкой — в те времена, когда только вошли в моду напудренные парики. Песенка звучала так:

Глазки, дитятко, закрой,
Спи, покуда спится.
Мир лежит перед тобой,

Трудно ошибиться…
Ласки, танцы до упаду,
Имя, кровь, земные клады…[162]

Вдруг миссис Оуэнс обнаружила, что забыла, как песенка заканчивается. Что-то там было вроде «окорок с щетиной» — или это из другой песни?… Миссис Оуэнс махнула рукой и запела еще одну, про человечка с Луны, который упал с вышины. А потом спела песенку поновее, про мальчика, который сунул в пирог свой пальчик. Не успела она перейти к длинной балладе о юном рыцаре, которого невеста ни с того ни с сего отравила вареным угрем, как из-за угла часовни появился Сайлес с картонной коробкой.

— Это все вам, миссис Оуэнс. Много разной еды для вашего мальчика. Будем держать ее в крипте, так?

Висячий замок распался у него в руках, и железная дверь отворилась. Миссис Оуэнс зашла внутрь, с сомнением оглядывая старые деревянные полки и скамьи, отодвинутые к стенам. В углу стояли покрытые плесенью коробки приходского архива, а за открытой дверью в другом

---

[162] notes: 162
Пер. А. Круглова.

конце виднелись викторианский унитаз и умывальник (без горячего крана).

Ребенок раскрыл глаза.

— Тут прохладно, — сказал Сайлес, — и еда лучше сохранится.

Он достал из коробки банан.

— А это что еще за диковина? — Миссис Оуэнс с подозрением воззрилась на непонятный предмет.

— Это банан. Тропический фрукт. Насколько я понимаю, кожура снимается… вот таким образом.

Ребенок — Никто — заерзал на руках у миссис Оуэнс, и та опустила его на каменные плиты. Мальчик тут же затопал к Сайлесу и крепко вцепился в его брючину.

Сайлес отдал мальчику банан.

Миссис Оуэнс пристально смотрела, как Никто ест.

— Ба-нан… — с сомнением проговорила она. — В первый раз слышу. В первый раз… Какие они на вкус?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Сайлес: то, что он употреблял в пищу, были не бананы. — Тут мальчик может спать.

— Ни в коем случае! У нас с Оуэнсом чудесная

гробница возле нарциссовой клумбы! Там места предостаточно. К тому же, — добавила она, чтобы не показаться невежливой, — я бы не хотела, чтобы он вам мешал.

— Он не помешает.

Мальчик разделался с бананом, весь перемазавшись, — и с улыбкой посмотрел на взрослых.

— Ан-ан! — весело сказал он.

— Какой умничка! — восхитилась миссис Оуэнс. — А вымазался-то как! Ну-ка, постой, не крутись, червячок… — Она выбрала кусочки банана из его волос. — Как думаете, что они решат?

— Не знаю.

— Я не могу от него отказаться. Я дала слово его матери.

— Кем я только ни был в свое время, — заметил Сайлес, — а вот родителем не довелось. И наверстывать упущенное не собираюсь. С другой стороны, я могу покинуть это кладбище…

— А я — нет. Мои кости здесь. И Оуэнса тоже. Мне отсюда не уйти.

— Приятно, наверное, иметь свое место. Свой дом. — В голосе Сайлеса не слышалось ни малейшего сожаления: он был сух и непреклонен. Миссис Оуэнс не стала спорить.

— Как думаете, нам долго придется ждать?

— Не очень, — сказал Сайлес.

И оказался неправ.

Прения в амфитеатре продолжались. Немало значило, что в эту историю впутались респектабельные Оуэнсы, а не какие-нибудь легкомысленные новички. Имело вес и то, что Сайлес вызвался на роль опекуна: обитатели кладбища относились к Сайлесу с опасливым уважением: ведь он существовал на рубеже между их теперешним миром и тем, который они покинули. И все же, все же…

Это кладбище нельзя было назвать оплотом демократии, тем не менее перед смертью все равны. У каждого из покойников было право голоса и собственное мнение о том, принимать ли в свои руки живого ребенка. И все непременно хотели высказаться.

Стояла поздняя осень, и рассвет не спешил. Небо было еще темным, когда у подножия холма загудели машины: живые ехали на работу. А кладбищенские жители всё обсуждали неожиданное появление ребенка и что теперь с ним сделать. Триста голосов. Три сотни мнений… Неемия Трот, поэт из заброшенной северо-западной части кладбища, начал выражаться стихами. Какова была его позиция, никто из слушателей

так и не уяснил. И вдруг в истории кладбища случилось то, что заставило смолкнуть самые красноречивые речи.

На холм взошел огромный белый конь (опытные лошадники называют эту масть серой). Топот копыт послышался еще до того, как коня увидели, — равно как и треск, с которым животное продиралось сквозь кусты, колючки, плющ и утесник на склоне холма. Размером конь был с тяжеловоза шайрской породы, в холке добрых девятнадцать ладоней, и мог бы нести на себе рыцаря в полном вооружении. На его спине, без седла, сидела женщина, с ног до головы закутанная в серое. Ее длинная юбка и шаль казались сотканными из пыльной паутины. Лицо женщины было спокойным и безмятежным.

Обитатели кладбища узнали ее: ведь каждый из нас в конце своих дней встречает Всадницу на белом коне, и забыть ее невозможно.

Конь остановился у обелиска. На востоке небо слегка посветлело, залилось перламутровым предрассветным сиянием, отчего кладбищенскому люду стало не по себе и захотелось вернуться в свои уютные дома. Однако ни один не шелохнулся. Они смотрели на Всадницу со смесью волнения и страха. Покойники, как правило,

лишены предрассудков, но сейчас они искали у нее мудрости или подсказки, как древнеримский авгур — в полете священных воронов.

Она заговорила голосом, что прозвенел, как сотня крошечных серебряных колокольчиков:

— Мертвым следует быть милосердными.

И улыбнулась.

Конь, который в это время спокойно жевал большой клок травы, замер. Дама коснулась его шеи. Он повернулся, прошел несколько громадных шагов, стуча копытами, и вдруг оторвался от земли и галопом поскакал по небу. Топот копыт превратился в далекое ворчание грома. Еще мгновение, и Всадница на своем скакуне пропала из виду.

По крайней мере, так утверждали все жители кладбища, собравшиеся в ту ночь на холме.

Дебаты тут же закончились без всякого голосования. Ребенку по имени Никто Оуэнс решили дать гражданство кладбища.

Матушка Хоррор и Иосия Уордингтон, баронет, проводили мистера Оуэнса до старой часовни и рассказали о чуде миссис Оуэнс.

Та ничуть не удивилась.

— Вот и правильно! Ведь у некоторых в головах никакого соображения! А вот у нее — есть. Еще

какое.

Не успело серое утро осветиться солнцем, как ребенок крепко заснул в уютной маленькой гробнице Оуэнсов (при жизни господин Оуэнс был главой местной гильдии краснодеревщиков, и коллеги воздали ему должные почести).

До рассвета Сайлес еще раз покинул кладбище. Он нашел на склоне холма высокий дом, осмотрел три мертвых тела, изучил ножевые раны. Удовлетворившись увиденным, он вышел в утренний полумрак. Обдумывая возможные неприятные варианты развития событий, Сайлес вернулся на кладбище, в часовню, где обычно спал под самым шпилем, пережидая дневное время.

А в городе, у подножия холма, человек по имени Джек кипел от злости. Он так долго ждал этой ночи, готовился к ней целые месяцы — даже годы! И начало было удачным: трое умерли, не успев даже вскрикнуть. Но потом…

Потом все пошло совершенно, абсолютно наперекосяк. С какой стати он потащился на вершину холма, когда ребенок явно спустился вниз? К тому времени, как Джек вернулся, след остыл. Кто-то нашел ребенка, забрал его, спрятал. Другого объяснения быть не могло.

Грянул гром, громко и неожиданно, как пистолетный выстрел, и полил дождь. Человек по имени Джек начал методично обдумывать свои дальнейшие действия: к кому из жителей городка наведаться, кто станет здесь его глазами и ушами…

О неудаче собранию рассказывать необязательно.

Да и не такая уж это неудача, сказал он себе, прячась под козырьком магазина от утреннего дождя, хлынувшего с неба потоком. Впереди еще много лет, много времени. Он успеет завершить неоконченное дело. Перерезать последнюю нить.

Завыли сирены. Мимо Джека проехала сначала полицейская машина, потом неотложка, потом машина без опознавательных знаков, но с сиреной. Человек по имени Джек нехотя поднял воротник плаща, пригнул голову и вышел под дождь. Нож лежал в карманных ножнах, в сухости и тепле, и никакой ливень был ему не страшен.

Глава 2
НОВАЯ ПОДРУЖКА

Никт рос тихим и довольно послушным мальчиком. У него были серьезные серые глаза и копна волос мышиного цвета. Едва научившись говорить, он стал засыпать жителей кладбища вопросами: «Почему меня не выпускают с погоста?» Или: «А что он делает? Я тоже хочу!» Или: «А кто здесь живет?» Взрослые старались удовлетворить его любопытство, но их противоречивые ответы часто сбивали мальчика с толку. Тогда Никт дожидался заката и шел к старой часовне, чтобы поговорить с Сайлесом.

Опекун умел объяснять так, чтобы Никту было понятно.

— Тебя не выпускают с погоста… кстати, «погост» — устаревшее слово, теперь так не говорят… потому что только тут, на кладбище, ты в безопасности. Здесь твой дом, здесь те, кто тебя любит. Снаружи слишком опасно. Пока что.

— А сам уходишь! Каждую ночь.

— Я во много раз старше тебя, малыш. И меня никто не тронет.

— Меня тоже.

— К сожалению, это не так.

— …Хочешь научиться делать так, как я? Одни навыки осваиваются в процессе учебы, другие — простым повторением, третьи приходят со временем сами. Довольно скоро ты научишься *блекнуть*, *скользить* и *ходить по снам*. Некоторые навыки, однако, живым недоступны. Придется немного подождать. Впрочем, не сомневаюсь, что со временем ты их тоже освоишь.

…Ты стал почетным гражданином кладбища, — объяснял Сайлес. — Так что оно о тебе заботится. Здесь ты видишь в темноте. Можешь ходить дорогами, недоступными живым. Другие люди — живые — тебя не замечают. Мне тоже дали почетное гражданство, хотя в моем случае оно выражается лишь в праве проживания.

— Я хочу быть таким, как ты! — Никт выпятил

нижнюю губу.

— Нет, — твердо отвечал Сайлес. — Не советую.

— …Кто здесь похоронен? Во многих случаях это написано на могильном камне. Ты умеешь читать? Азбуку знаешь?

— Какую еще… буку?

Сайлес молча покачал головой. При жизни чета Оуэнсов не отличалась большой любовью к чтению, и у Никта не было букваря.

На следующую ночь Сайлес появился перед уютной гробницей Оуэнсов с тремя большими книжками: двумя красочными букварями («А — аист, Б — барабан») и «Котом в сапогах». Впридачу он захватил стопку бумаги и коробку восковых мелков. Опекун провел Никта по кладбищу, прикладывая маленькие пальцы мальчика к самым новым, нестертым надписям на камнях и плитах, и научил различать буквы.

Потом Сайлес придумал Никту большое и серьезное задание — найти на кладбище весь алфавит, начиная с острого шпиля большой буквы «А». Никт триумфально завершил поиск мемориальной плитой Эндрю Янгсли, вмурованной в стену часовни. Опекун был доволен.

Каждый день Никт ходил по кладбищу с бумагой и мелками и, как умел, переписывал имена,

эпитафии и даты. Каждый вечер Сайлес объяснял ему, что там написано, и переводил с латыни то, что не могли прочитать Оуэнсы.

Стоял солнечный день. На краю кладбища басовитые шмели залезали в полевые цветы и выглядывали из лепестков утесника и колокольчиков. Никт лежал на солнце и наблюдал, как бронзовка идет по могильному камню Дж. Ридера, его супруги Доркас и сына Себастиана («Fidelis ad Mortem[163]»). Никт уже все переписал и думал только о жуке. Вдруг раздался чей-то голос:

— Мальчик! Ты что делаешь?

Никт поднял глаза. Из-за кустов на него кто-то смотрел.

— Ни-чи-во. — Никт показал язык.

Лицо в кустах сморщилось в морду горгульи: язык высунут, глаза выпучены — а потом снова превратилось в девочку.

— Здорово! — восхитился Никт.

— Я еще много рож умею корчить, — сказала девочка. — Смотри! — Она задрала нос пальцем, растянула губы в широкой ухмылке, скосила глаза и надула щеки. — Понял, кто это?

— Нет.

---

[163] notes: 163
Верен до гроба (*лат.*).

— Свинья, дурачок!

— А-а… — Никт задумался. — Свинья, которая на букву «эс»?

— Ага! Стой там.

Она обошла кусты. Никт поднялся. Девочка была немножко старше и выше него и одета во все яркое — желтое, розовое и оранжевое. Никт, который ходил в сером саване, показался себе совсем скучным.

— Сколько тебе лет? Что ты тут делаешь? Ты здесь живешь? Как тебя зовут?

— Не знаю, — ответил Никт.

— Не знаешь, как тебя зовут? Не верю! Все знают, как их зовут. Вруша!

— Я знаю, как меня зовут. И знаю, что я тут делаю. А остальное, что ты спросила, не знаю.

— Ты про сколько тебе лет?

Никт кивнул.

— А сколько тебе было в последний день рождения?

— Нисколько. У меня нет дней рождения.

— Дни рождения есть у всех. У тебя что, никогда не было торта, свечек и всякого такого?

Никт помотал головой. Девочка сочувственно вздохнула.

— Бедняжка! Мне пять лет. Спорим, тебе тоже

пять!

Никт радостно закивал. Он не хотел спорить с новой приятельницей. Ему было с ней весело.

Девочку звали Скарлетт Эмбер Перкинс, и у ее родителей не было своего сада. Поэтому мама привела ее сюда, села на скамейку у часовни читать журнал, а Скарлетт отпустила погулять на полчасика. Велела ей никуда не лезть и с чужими не разговаривать.

— Я чужой, — заметил Никт.

— Ничего подобного! — уверенно ответила Скарлетт. — Ты маленький мальчик. И ты мой друг. Какой же ты чужой?

Никт улыбался редко, но сейчас улыбнулся, широко-широко.

— Да, я твой друг!

— Как тебя зовут?

— Никт. Полностью — Никто.

Она рассмеялась:

— Какое смешное имя! А что ты сейчас делаешь?

— Учу буквы с камней. Я их записываю.

— А мне с тобой можно?

На миг Никту захотелось отказать — ведь это его могилы, разве нет? — но он быстро спохватился: играть в компании, под ярким солнцем,

гораздо интереснее.

— Конечно!

Они взялись за дело вместе. Скарлетт помогала Никту произносить незнакомые имена и слова. Никт переводил — если мог — латинские выражения. Оба огорчились, когда до них донесся голос девочкиной мамы:

— Скарлетт!

Девочка сунула мелки с бумагой в руки Никту.

— Мне пора!

— Пока! Я тебя еще увижу? — спросил мальчик.

— А где ты живешь?

— Тут.

Никт стоял и смотрел, как она сбегает вниз по холму.

По дороге домой Скарлетт рассказала матери про мальчика по имени Никто, который живет на кладбище. Вечером мать передала все отцу. Тот сказал, что в таком возрасте дети часто придумывают себе товарищей по играм, не стоит беспокоиться. А кроме того, им повезло, что так близко находится уголок живой природы.

После той встречи Скарлетт ни разу не замечала Никта первой. Если не шел дождь, мама или папа приводили ее на кладбище, сами садились

читать, а Скарлетт — ярко-зеленое, оранжевое или розовое пятно — сходила с дорожки и исследовала всё, что видела. Очень быстро перед ней возникала серьезная сероглазая физиономия с копной волос мышиного цвета.

Скарлетт и Никт играли в прятки, залезали на деревья и надгробья, а иногда, притаившись, наблюдали за кроликами, которые жили позади старой часовни.

Никт познакомил Скарлетт со своими друзьями, хоть она их и не видела. Но родители твердо сказали ей, что Никт — воображаемый и в этом нет ничего плохого, и мама даже несколько дней ставила для него тарелку, так что Скарлетт не удивлялась, что у Никта есть воображаемые приятели.

— Бартлби сказал, что у тебя «лице аки давлена слива», — говорил ей Никт.

— Сам он такой! А почему он так странно говорит? И вообще, может, он хотел сказать «помидор»?

— По-моему, в его время не было помидоров. И говорили тогда именно так.

Скарлетт — девочка умная, но одинокая — была очень рада, что нашла друга. Ее мама преподавала в заочном университете студентам, которых

никогда не видела живьем: проверяла работы по английскому языку, присланные по компьютеру, и отвечала советом или похвалой. Папа преподавал физику частиц, но, как сказала Скарлетт Никту, «желающих преподавать физику частиц больше, чем желающих ее изучать». Поэтому семья постоянно переезжала из города в город. Каждый раз отец надеялся получить постоянную работу, но пока безуспешно.

— А что такое физика частиц? — спросил Никт.

Скарлетт пожала плечами:

— Ну, есть атомы — это такие маленькие штучки, которые нельзя увидеть. Мы из них состоим. И есть другие штучки, еще меньше атомов. Это физика частиц.

Никт кивнул, он решил, что отец Скарлетт занимается чем-то воображаемым.

Каждый будний день после обеда друзья вместе гуляли по кладбищу, водили пальцами по надписям, иногда переписывали эпитафии. Никт сообщал Скарлетт все, что знал про обитателей этой могилы, мавзолея или гробницы, а она рассказывала о том, что прочитала или услышала, или просто о большом мире: об автомобилях, автобусах, телевидении и самолетах (Никт видел их высоко в небе, но думал, что это такие шумные

серебристые птицы, и не очень ими интересовался). Зато Никт мог рассказать о том времени, когда люди в могилах были живыми: например, как Себастиан Ридер ездил в Лондонтаун и видел королеву — толстую тетку, которая сердито глазела на всех из-под меховой шапки и не понимала ни слова по-английски. Себастиан Ридер не помнил, как звали королеву, но сказал, что вроде бы долго она не правила.

— Когда это было? — спросила Скарлетт.

— На его могиле написано, что он умер в тысяча пятьсот восемьдесят третьем. Значит, еще раньше.

— А кто на кладбище самый старый?

Никт нахмурился.

— Наверное, Гай Помпей. Он приехал сюда через сто лет после первой высадки римлян. Он мне рассказывал. Ему еще дороги понравились.

— Значит, он самый старый?

— Наверное.

— А давай сделаем себе домик в этом большом каменном доме?

— Ты не сможешь туда зайти. Он закрыт. Они все заперты.

— А ты можешь?

— Конечно.

— А почему я не могу?

— Ну, я гражданин этого кладбища. И много где могу проходить.

— Я хочу поиграть в большом каменном доме.

— Тебе нельзя.

— Ты просто жадный и меня не пускаешь.

— Неправда.

— Жадина!

— Не-а.

Скарлетт засунула руки в карманы куртки и ушла не попрощавшись. В глубине души она знала, что несправедлива к Никту, и от этого злилась еще больше.

За ужином она спросила родителей, жили ли здесь люди раньше римлян.

— Откуда ты узнала про римлян? — удивился отец.

— Все знают, — презрительно отмахнулась Скарлетт. — Так жил тут кто-нибудь?

— Кельты, — ответила мать. — Они поселились здесь раньше, а римляне их завоевали.

На скамейке у старой часовни Никт вел почти такой же разговор.

— Самый старый? — переспросил Сайлес. — Откровенно говоря, не знаю. Из тех, с кем я знаком, самый старый на кладбище — Гай Помпей. Но

тут жили и до римлян. Много разных и древних племен. Как твоя азбука?

— Хорошо. Кажется. А когда я научусь писать буквы вместе?

Сайлес помолчал.

— Не сомневаюсь, — произнес он наконец, — что среди многочисленных погребенных здесь талантов найдутся учителя. Я наведу справки.

У Никта перехватило дух: скоро он сможет прочитать все что угодно: любую книгу, любую историю!

Когда Сайлес покинул кладбище, отправившись по своим делам, Никт направился к иве у старой часовни и позвал Гая Помпея.

Старый римлянин восстал из могилы и зевнул.

— А-а! Живой мальчик! Как поживаешь, мальчик?

— Очень хорошо, сэр.

— Вот и славно. Рад слышать.

В лунном свете волосы старого римлянина казались белыми. Под тогой, в которой его похоронили, были толстые шерстяные гетры и телогрейка: он жил в холодной стране на краю мира; холоднее ее разве что Каледония, где люди больше походят на зверей и кутаются в рыжие шкуры. Даже Риму их земли без надобности.

Вскоре этих дикарей отгородят большой стеной, и пусть сидят себе в своей вечной мерзлоте.

— Вы самый старший? — спросил Никт.

— На кладбище? Да, я.

— То есть вас здесь первым похоронили?

Гай Помпей замялся.

— Почти… До кельтов на острове жили другие люди. Один из них погребен здесь.

— Ага… — Никт подумал. — Где?

Гай указал на макушку холма.

— Наверху! — решил мальчик.

Гай покачал головой.

— А где тогда? — не понял Никт.

Старый римлянин взъерошил мальчику волосы.

— В холме. Внутри. Сначала товарищи принесли сюда меня. За мной последовали местные чиновники, а затем мимы в восковых масках, которые изображали мою супругу, умершую от лихорадки в Камулодунуме, и отца, убитого на границе с Галлией. Три сотни лет спустя один крестьянин искал новое пастбище для овец и наткнулся на валун, закрывавший вход. Он откатил его и спустился в подземелье холма, надеясь найти клад. Через некоторое время крестьянин вышел, а его черные волосы оказались белыми,

как мои…

— Что он там увидел?

Гай, помолчав, сказал:

— Он не рассказывал. Но больше сюда не вернулся. Валун поставили на место и со временем о происшествии забыли. Потом, двести лет назад, когда строили склеп Фробишеров, ход отыскался снова. Юноша, который его обнаружил, решил, что найдет там сокровища, и никому ничего не рассказал. Он задвинул ход гробом Эфраима Петтифера и однажды ночью спустился под землю, думая, что никто его не увидит.

— А когда он вылез, у него тоже волосы были белые?

— Он остался там.

— Как это?.. А-а… Кто же в холме похоронен?

Гай покачал головой.

— Не знаю, юный Оуэнс. Но я ощущал его присутствие, когда кладбище было пустым. В глубине холма что-то затаилось и ждало.

— Ждало чего?

— Я ощущал лишь само ожидание, — отвечал Гай Помпей.

Скарлетт пришла на кладбище, обнимая толстую книжку с картинками, и села рядом с мамой на зеленую скамейку у ворот. Мать листала

какое-то наглядное пособие, а девочка читала книжку, грелась в лучах весеннего солнца и изо всех сил старалась не видеть мальчика, который сначала махал ей из-за увитого плющом памятника, а потом, когда она решительно отвела глаза, выскочил — совсем как чертик из коробочки — из-за могильного камня некоего Дзёдзи Г. Сёдзи (?— 1921, «…был странником, и вы приняли Меня»). Мальчик лихорадочно махал Скарлетт рукой. Она делала вид, будто ничего не замечает.

Наконец Скарлетт положила книжку на скамейку.

— Мама, я пойду погуляю.

— Не сходи с дорожки, милая!

Скарлетт не сходила с дорожки до тех пор, пока не повернула за угол и не увидела Никта.

Она скорчила рожицу:

— А я кое-что узнала!

— Я тоже.

— До римлян тут были люди. Давным-давно! Они жили, то есть лежали под землей прямо в холме, вместе с сокровищами. Эти холмы так и называют — могильники.

— Ага, вот оно что! Теперь понятно. Хочешь посмотреть такую могилу?

— Прямо сейчас? — Скарлетт засомневалась. —

Ты знаешь, где она? И вообще, я не могу проходить везде, как ты. — Она видела, как он тенью проскальзывает сквозь стены.

В ответ Никт показал массивный ржавый ключ.

— Я нашел его в часовне! Он должен отпереть почти все двери. Старые замки часто делали одинаковыми, чтобы было меньше мороки.

Она вскарабкалась по склону и встала рядом.

— Правда?

Он кивнул. В уголках его рта пряталась довольная улыбка.

— Пошли!

Стоял чудный весенний день. Воздух трепетал от птичьих трелей и пчелиного гудения. На ветерке приплясывали нарциссы и ранние тюльпаны. В зеленой траве ярко горели горсточки незабудок и желтые кисти первоцветов.

Дети поднялись по склону к мавзолею Фробишеров.

Это был обычный старый склеп — заброшенный каменный дом с металлической решеткой вместо двери. Никт открыл замок своим ключом.

— Там должна быть дырка. Или дверь. За одним из гробов.

Ход, и вправду похожий на дыру, обнаружился

за гробом, в самом низу.

— Нам сюда, — сказал Никт. — Полезли.

Приключение нравилось Скарлетт все меньше и меньше.

— Там ничего не видно. Темно!

— Мне не нужен свет, — возразил Никт, — пока я на кладбище.

— А мне нужен!

Никт подумал, что бы такое ободряющее сказать. Может, «там нет ничего страшного»? Но если люди выходят оттуда седыми или не выходят вообще, значит, говорить такое с чистой совестью нельзя.

— Я сам спущусь. А ты подожди меня здесь.

Скарлетт нахмурилась:

— Не оставляй меня!

— Я схожу туда, посмотрю, а потом вернусь и все тебе расскажу.

Он нагнулся и на четвереньках пролез в дыру. Внутри оказалось столько места, что он смог выпрямиться. В камне были вырублены ступеньки.

— Сейчас пойду вниз по лестнице, — сообщил Никт.

— А она длинная?

— Наверно.

— Если ты будешь держать меня за руку и рас-

сказывать, куда мы идем, могу пойти с тобой. Если ты обещаешь меня защищать.

— Конечно! — обрадовался Никт.

Не успел он договорить, как девочка на четвереньках пролезла в дыру.

— Можешь встать. — Никт взял ее за руку. — Ступеньки начинаются прямо здесь. Поставь ногу вперед, сама найдешь. Вот. Дай я пойду первым.

— А ты правда тут видишь?

— Тут темно, но я правда все вижу.

Он повел Скарлетт в глубину холма, описывая, что встречается по дороге.

— Лестница ведет вниз. Она каменная. Над нами тоже камень. Кто-то разрисовал стены.

— Что там?

— Большая волосатая буква «С». С рогами. Потом что-то похожее на узор или узел. Он вырезан в камне, не просто нарисован, чувствуешь? — Никт приложил ее пальцы к резному узлу.

— Чувствую!

— Теперь лестница стала шире. Мы выходим в какой-то большой зал, но ступеньки не кончаются. Стой. Ну вот, я встал между тобой и этим залом. Держись левой рукой за стену.

Они пошли дальше.

— Еще шаг, и будет каменный пол. Он немнож-

ко неровный.

Нижний зал оказался небольшим и похожим на пещеру. Посредине лежала каменная плита, а в углу виднелся низкий выступ с какими-то мелкими вещицами. Под ногами валялись кости, на вид совсем древние; там, где лестница соединялась с залом, Никт увидел иссохший труп в обрывках длинного коричневого плаща. Наверное, решил мальчик, это тот самый юноша, который мечтал о богатствах, — поскользнулся в темноте и упал.

Вокруг них раздалось шуршание — словно по сухим листьям поползла змея. Скарлетт стиснула руку Никта.

— Что это? Ты видишь что-нибудь?

— Нет.

Скарлетт то ли охнула, то ли ойкнула: значит, сама что-то увидела, понял Никт.

В конце пещеры загорелся свет, и прямо из каменной стены вышел человек. Скарлетт подавила крик.

Это был хорошо сохранившийся, но очень старый труп, весь разрисованный сине-фиолетовыми узорами (татуировка цвета индиго, подумала Скарлетт). На шее у него висело ожерелье из длинных и острых клыков.

— Я хозяин этой пещеры! — гортанно и едва понятно произнес труп. — Я храню ее сокровища!

Его глаза, обведенные синими кругами, казались огромными, как у филина.

— Кто вы такой? — спросил Никт и крепче сжал руку Скарлетт.

Человек-индиго, словно не услышав вопроса, продолжал злобно на них смотреть.

— Прочь отсюда! — прорычал он. Эти слова раздались как будто в голове Никта.

— Он опасный? — спросила Скарлетт.

— Вряд ли, — ответил Никт и обратился к Человеку-индиго, как его учили: — Я гражданин кладбища, и мне позволено ходить везде, где я хочу.

Человек-индиго никак не отреагировал, что удивило Никта: обычно эти слова утихомиривали даже самых раздражительных обитателей кладбища.

— Скарлетт, ты его видишь?

— Конечно вижу! Большой и страшный дядька в татуировках. Он хочет нас убить. Никт, прогони его!

Никт посмотрел на останки в коричневом плаще. Рядом валялась разбитая лампа.

— Он убежал, — вслух сказал мальчик. — Убе-

жал от страха. Поскользнулся или оступился на лестнице и упал.

— Кто?

— Человек на полу.

В голосе Скарлетт слышались раздражение, недоумение и страх.

— Какой еще человек на полу?! Тут темно! Я вижу только татушного дядьку!

Словно в подтверждение, Человек-индиго откинул голову и разразился настоящим тирольским йодлем. Скарлетт сжала руку Никта так сильно, что впилась ногтями в кожу.

— Извини, что я называла их воображаемыми! Теперь я тебе верю. Они настоящие!

Человек-индиго поднял над головой нечто вроде каменного ножа и прокричал:

— Все, кто вторгся сюда, погибнут!

Никт вспомнил про человека, который выбрался отсюда седым и с тех пор не ходил на кладбище и никому не рассказывал, что тут с ним случилось.

— Да нет, ты права. Насчет этого.

— Что насчет этого?

— Этот — воображаемый.

— Не говори глупостей! Я его вижу.

— Вот именно, — ответил Никт. — А мертвых не

видишь. — Он огляделся. — Перестаньте кричать. Мы знаем, что вы ненастоящий.

— Я сожру вашу печень! — завизжал Человек-индиго.

— Фигушки. — Скарлетт шумно вздохнула. — Никт прав. — И добавила: — Знаешь, мне кажется, это пугало.

— Что такое пугало?

— Такая штука, которую фермеры ставят на поля, чтобы отпугивать ворон.

— А зачем их отпугивать?

Вороны Никту очень даже нравились: они забавные и помогают содержать кладбище в чистоте.

— Точно не знаю, спрошу у мамы. Когда мы ехали на поезде, я такое пугало видела. Вороны думают, что это настоящий человек. А это подделка под человека. Просто чтобы пугать ворон.

— Кто бы вы ни были, — обратился Никт ко всей пещере, — у вас ничего не вышло. Нам не страшно! Мы знаем, что всё понарошку. Хватит.

Человек-индиго замолчал, подошел к каменной плите, лег на нее и исчез.

Для Скарлетт все опять стало темно. Но в темноте снова раздался шорох. Он становился все громче и громче, окружал их со всех сторон.

— МЫ — СЛИР.

У Никта заколoло в затылке. Голос — или хор голосов? — который раздался у него в голове, был старым-престарым и какимто сухим, словно скрежет мертвой ветки по окну часовни.

— Ты слышишь? — спросил он Скарлетт.

— Ничего я не слышу, просто как будто кто-то ползает. У меня в животе мурашки. Будто сейчас случится что-то ужасное.

— Не будет ничего ужасного. — Никт повернулся к пещере. — Кто вы?

— МЫ — СЛИР. МЫ ХРАНИМ. МЫ СТЕРЕЖЕМ.

— Что вы стережете?

— МЕСТО УПОКОЕНИЯ НАШЕГО ГОСПОДИНА. ЭТО ВЕЛИЧАЙШАЯ СВЯТЫНЯ, И МЫ ЕЕ СТЕРЕЖЕМ.

— Вы не можете нас тронуть. Только пугаете.

Сплетающиеся голоса капризно возразили:

— СТРАХ — СТИХИЯ СЛИРА!

Никт посмотрел на каменный выступ.

— А это сокровища вашего господина? Старая финтифлюшка, чашка и каменный ножик? На вид как-то не очень.

— МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА: БРОШЬ, КУБОК И НОЖ. МЫ ХРАНИМ ИХ ДЛЯ ГОСПОДИНА. СОКРОВИЩА ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ВСЕГДА.

— Вас много или один?

Ответа не было. Ум Никта будто заполнился паутиной. Мальчик помотал головой и сжал руку Скарлетт.

— Пошли!

Проводя девочку мимо мертвеца в коричневом плаще, Никт подумал: если бы тот не испугался и не упал, его ждало бы большое разочарование. Десять тысяч лет назад сокровищами называли совсем не то, что сейчас. Никт помог Скарлетт взобраться по лестнице, и вскоре они оказались в черных стенах мавзолея Фробишеров.

Весеннее, почти летнее солнце светило сквозь щели между камнями и закрытую дверь, да так ярко, что Скарлетт заморгала и зажмурилась. В кустах пели птицы; мимо с жужжанием пронесся шмель. Все как обычно, удивилась Скарлетт.

Никт толчком открыл дверь склепа, а потом запер на ключ.

Яркая одежда Скарлетт была вся в грязи и паутине, а смуглые руки и лицо от пыли посерели.

Ниже по холму кто-то кричал. Причем не один «кто-то», а много. Кричали громко и встревоженно.

— Скарлетт! Скарлетт Перкинс!!!

Скарлетт крикнула в ответ:

— Да! Кто это?

Не успели они с Никтом обменяться впечатлениями, хотя бы поговорить про Человека-индиго, прибежала женщина в флюоресцентно-желтом жилете с надписью «ПОЛИЦИЯ» на спине и стала спрашивать Скарлетт, все ли с ней в порядке, где она была и не пытались ли ее похитить. Потом женщина закричала по рации, что ребенка нашли.

Никт незаметно спустился вместе с ними по холму. Дверь часовни была открыта. Внутри ждали родители Скарлетт — мать утирала слезы, отец обеспокоенно говорил по телефону. С ними была еще одна женщина в полицейской форме. Никта они не видели. Мальчик устроился в дальнем углу.

Скарлетт отвечала на все вопросы так честно, как только могла: мальчик по имени Никто отвел ее внутрь холма, и там из темноты вышел человек с синими татуировками, который на самом деле был пугалом. Полицейские дали ей шоколадный батончик, вытерли лицо и спросили, был ли у татуированного мужчины мотоцикл. Родители Скарлетт перестали за дочку бояться и теперь разозлились на нее и друг на друга: нельзя пускать маленькую девочку на кладбище, даже

если это уголок живой природы, в наше время везде очень опасно, и без неусыпного надзора с ребенком могут случиться всякие ужасы. Особенно с таким ребенком, как Скарлетт.

Мать Скарлетт зашмыгала носом. Скарлетт, глядя на нее, расплакалась. Одна из женщин-полицейских поспорила с ее отцом. Тот сказал, что как налогоплательщик оплачивает ее работу, а она ответила, что тоже платит налоги и, значит, кормит его самого. Все это время Никт просидел в темном углу часовни, невидимый для всех, даже для Скарлетт. Он смотрел и слушал, пока мог.

На кладбище смеркалось. Сайлес нашел Никта на вершине холма. Мальчик смотрел на город. Сайлес по своему обыкновению молча встал рядом.

— Она не виновата, — начал Никт. — Это я виноват! Теперь у нее неприятности.

— Куда ты ее водил? — спросил Сайлес.

— Внутрь холма, посмотреть на самую старую могилу. Там никого нет. Только какой-то Слир, похожий на змею, который любит всех пугать.

— Как интересно…

Они вместе спустились по холму и увидели, как запирают старую часовню. Родители со Скарлетт ушли в темноту.

— Мисс Борроуз научит тебя писать слитно, — сказал Сайлес. — Ты уже прочитал «Кота в сапогах»?

— Да, — ответил Никт. — Тыщу лет назад. У тебя получится найти еще книг?

— Думаю, да.

— Я ее еще увижу?

— Девочку? Едва ли.

Сайлес ошибался. Три недели спустя, в один сумрачный день, Скарлетт появилась на кладбище в сопровождении родителей.

Те настояли, чтобы она оставалась на виду, а сами держались немного в стороне. Мать Скарлетт то и дело восклицала, до чего здесь мрачно, и как чудесно и замечательно, что вскоре они навсегда отсюда уедут.

Когда родители Скарлетт начали говорить между собой, Никт сказал:

— Привет.

— Привет, — тихо-тихо отозвалась Скарлетт.

— Я думал, мы больше не увидимся.

— Я им сказала, что не поеду, если они не сводят меня сюда в последний раз.

— Куда не поедешь?

— В Шотландию. Там есть университет, где папа будет преподавать физику частиц.

Они шли по дорожке вместе — маленькая девочка в ярко-оранжевой куртке и маленький мальчик в сером саване.

— Шотландия — это далеко?

— Да.

— А-а…

— Я надеялась, что застану тебя. Хотела попрощаться.

— Я всегда здесь.

— Но ты ведь не мертвый, правда, Никто Оуэнс?

— Конечно нет.

— Значит, ты не будешь жить здесь всю жизнь. Так? Когда-нибудь ты вырастешь, и тебе придется выйти отсюда в большой мир.

Он покачал головой.

— Там для меня опасно.

— Кто сказал?

— Все. Сайлес. Мои родители. Все говорят.

Скарлетт замолчала.

Ее отец крикнул:

— Скарлетт! Дочка, пора! Мы сводили тебя на кладбище, как обещали. Теперь — домой.

Скарлетт повернулась к Никту.

— Ты храбрый. Ты самый храбрый из всех, кого я знаю. И ты мой друг. Мне все равно, даже если

ты воображаемый. И она убежала по дорожке обратно — к маме с папой и к большому миру.

Глава 3
ПСЫ ГОСПОДНИ

На каждом кладбище найдется могила, облюбованная упырями. Побродите по старым дорожкам, и вы непременно ее увидите: всю в потеках, сколах и трещинах, заросшую чахлой травой и сорняками. От надгробия веет холодом, имя покойника стерлось. Статуя — если она была — или без головы, или покрыта мхом и плесенью, отчего похожа на гриб. Если вам кажется, что могила пострадала от рук вандалов, это упырья дверь. Если при виде могилы вам хочется убежать подальше, это упырья дверь.

На кладбище Никта тоже была такая могила.

Она есть на каждом кладбище.

Сайлес уезжал.

Сначала, узнав об этом, Никт расстроился. Теперь он просто злился.

— Ну почему?!

— Я уже сказал. Мне нужно кое-что выяснить. Для этого нужно кое-куда поехать. Чтобы куда-то поехать, нужно уехать отсюда. Мы с тобой уже все обсудили.

— Неужели это такие важные дела? — Никт пытался понять своим шестилетним умом, что заставляет Сайлеса его бросить. Не получалось. — Это несправедливо!

Опекун невозмутимо ответил:

— Никто Оуэнс, справедливость здесь совершенно ни при чем. Как есть, так есть.

Слова его Никта не убедили.

— Ты должен за мной присматривать. Ты сам говорил!

— Как твой опекун, я за тебя отвечаю. К счастью, эту ответственность готов нести не я один.

— А куда ты вообще едешь?

— Туда, куда нужно. Где я смогу узнать то, чего не узн*а*ю здесь.

Никт фыркнул и ушел, пиная воображаемые камни, в северо-западную часть кладбища. Там разрослись настоящие джунгли, с которыми не

могли справиться ни смотритель, ни местное Общество друзей кладбища. Никт разбудил целую семью покойных викторианских детей — все не дожили до десяти лет — и поиграл с ними в прятки. Все это время Никт убеждал себя, что Сайлес никуда не уедет, что все будет как раньше. Однако, когда он закончил играть и снова прибежал к старой часовне, его надежду развеяли сразу две новости.

Первая — саквояж. Никт сразу догадался, что он принадлежит Сайлесу — старый и очень красивый, черной кожи, с черной ручкой и латунными застежками. С таким саквояжем мог ходить викторианский врач или гробовщик, у которого с собой должны быть все инструменты, необходимые для его ремесла. Никт попытался заглянуть внутрь, но саквояж был заперт на замок. Попробовал поднять — нет, слишком тяжелый.

Это была первая новость.

Вторая сидела на скамейке у часовни.

— Никт, — сказал Сайлес, — это мисс Лупеску.

Наружность мисс Лупеску нельзя было назвать приятной: кислая мина, седые волосы (хотя сухощавое лицо казалось не таким уж старым), кривоватые зубы. Мисс Лупеску была в просторном макинтоше и мужском галстуке.

— Здравствуйте, мисс Лупеску, — сказал Никт.

Мисс Лупеску ничего не ответила, только втянула носом воздух. Потом сказала Сайлесу:

— Так. Значит, это он.

Она встала и обошла вокруг Никта, раздувая ноздри, словно обнюхивая его. Остановилась и сказала:

— Будешь являться ко мне утром и вечером. Я сняла комнату вон в том доме. — Она указала на еле видневшуюся над деревьями крышу. — Все время буду проводить на кладбище. Я приехала как историк, изучаю историю старых захоронений. Ты все понял, мальчик? *Гата*?[164]

— Никт. Я Никт, а не мальчик.

— Сокращенно от «Никто». Глупое имя. Уменьшительно-ласкательное. Мне оно не нравится. Я буду называть тебя мальчиком. А ты меня — мисс Лупеску.

Никт умоляюще посмотрел на Сайлеса, но не нашел в его лице сочувствия. Опекун поднял саквояж и сказал:

— Я отдаю тебя в хорошие руки. Не сомневаюсь, что вы с мисс Лупеску поладите.

— Не поладим! Она гадкая!

---

[164] notes: 164
Gata (*рум.*) — все; готово; наконец.

— Так говорить очень невежливо, — сказал Сайлес. — Полагаю, тебе следует извиниться. Ты согласен?

Никт был совсем не согласен, но Сайлес стоял перед ним с черным саквояжем и собирался уехать непонятно на сколько…

— Извините, мисс Лупеску.

Сначала она ничего не ответила, только опять повела носом. Потом сказала:

— Мальчик, я приехала к тебе издалека. Надеюсь, ты того стоишь.

Поскольку обнять Сайлеса было бы немыслимо, Никт на прощанье протянул ему руку. Сайлес наклонился и осторожно пожал ее. Чумазая детская ручонка полностью скрылась в огромной бледной ладони.

Без труда подняв тяжелый саквояж, Сайлес ушел по дорожке к воротам кладбища.

— Сайлес уехал! — пожаловался Никт родителям.

— Приедет, малыш, — подбодрил его мистер Оуэнс, — куда ж он денется. Не переживай!

— Когда ты только родился, он пообещал, что если ему случится уехать, он найдет себе замену. Чтобы кто-то носил тебе еду, смотрел за тобой. Так и вышло, он нас не подвел, — добавила мис-

сис Оуэнс.

Да, каждую ночь Сайлес приносил Никту продукты и оставлял в часовне. Однако Никт ходил к нему не только за едой, а, например, за советами — хладнокровными, мудрыми и всегда полезными. Сайлес знал больше, чем кладбищенские жители: благодаря еженощным вылазкам в большой мир он мог рассказать о том, что происходит сейчас, а не сотни лет назад. Невозмутимый и надежный, он был рядом каждую ночь, сколько Никт себя помнил. Поэтому у мальчика никак не укладывалось в голове, что часовня опустела.

Мисс Лупеску тоже считала своим долгом обеспечивать Никту не только питание, но и воспитание. Впрочем, и питанием она не пренебрегала.

— Что это? — с ужасом спросил Никт.

— Хорошая еда, — ответила мисс Лупеску.

Они сидели в крипте часовни. Мисс Лупеску водрузила на стол два пластмассовых контейнера и сняла крышки. Указала на первый:

— Густой ячменно-свекольный суп. — Потом на второй. — Салат. Ты должен это съесть. Я сама для тебя приготовила.

Никт недоверчиво уставился на нее. Еда от Сайлеса обычно была в фабричной упаковке. Он

покупал ее в ночных магазинах, где не задавали лишних вопросов. Еще никогда мальчику не приносили еду в пластмассовом контейнере.

— Пахнет гадко.

— Если не возьмешь в руку ложку, будет еще гаже. Остынет. А теперь ешь.

Голодный Никт взял пластмассовую ложку, окунул ее в бордовое варево и принялся есть. Суп был склизким и непривычным, но Никта все-таки не вывернуло.

— Теперь салат! — Мисс Лупеску сняла крышку со второго контейнера. Там оказались крупные кубики сырого лука, свеклы и помидора в густой уксусной заправке. Никт положил кусок свеклы в рот и начал жевать. Рот тут же наполнился слюной. Мальчик понял: если он это проглотит, его стошнит.

— Я не могу.

— Он полезный.

— Меня вырвет.

Они воззрились друг на друга — маленький мальчик со спутанной пепельной шевелюрой и строгая бледная дама с гладко зачесанными седыми волосами.

— Съешь еще кусок.

— Не могу.

— Будешь сидеть тут, пока не доешь.

Никт выбрал уксусно-вонючий ломтик помидора, разжевал и проглотил. Мисс Лупеску закрыла контейнеры и поставила их в хозяйственную сумку.

— Теперь уроки.

Стоял разгар лета, по-настоящему темнело не раньше полуночи. В теплых сумерках Никт — уроков в такое время у него не было — часами играл, исследовал уголки кладбища или забирался на деревья и ограды.

— Уроки? — переспросил он.

— Твой опекун хотел, чтобы я тебя учила.

— У меня есть учителя. Мисс Летиция Борроуз учит меня письму и чтению, мистер Пенниуорт преподает по собственной «Исчерпывающей образовательной методе для юных джентльменов, с приложением в пользу усопших». Я хожу на географию и много еще куда. Мне не нужны новые уроки.

— Так ты все знаешь, мальчик?! Шесть лет, и уже всезнайка!

— Я так не говорил.

Мисс Лупеску скрестила руки на груди.

— Расскажи мне про упырей.

Никт попытался вспомнить все, что за эти годы

услышал о них от Сайлеса.

— Лучше держаться от них подальше.

— И это все? Почему подальше? Откуда они берутся? Куда уходят? Почему нельзя стоять возле упырьей двери? А, мальчик? Никт пожимал плечами и мотал головой.

— Перечисли все виды разумных существ. Начинай.

Никт задумался.

— Живые. Э-э… Мертвые. — Он помолчал. — И кошки!

— Мальчик, ты невежда, — заключила мисс Лупеску. — Это плохо. И ты доволен своим невежеством, что куда хуже. Повторяй за мной: есть живые и мертвые, дневной народ и ночной, упыри и туманные твари, горние охотники и псы господни. И те, кто ходит сам по себе.

— А вы кто? — спросил Никт.

— Я, — строго ответила она, — мисс Лупеску.

— А Сайлес?

— Сайлес… Он сам по себе.

Никт еле дотерпел до конца урока. Когда его учил Сайлес, было интересно, и Никт часто даже не замечал, что его чему-то учат. Мисс Лупеску вдалбливала ему знания в виде бесконечных перечней.

Никт изнывал в часовне, а снаружи его ждали летние сумерки под призрачной луной.

Когда урок закончился, мальчик убежал прочь в самом дурном расположении духа. Играть было не с кем. Лишь большая серая собака рыскала среди могил, но к нему не подходила, пряталась то за камни, то в тень.

Неделя шла, и лучше не становилось.

Мисс Лупеску все так же носила Никту свою стряпню: утопающие в жиру клецки, густой фиолетовый суп с комком сметаны, остывший вареный картофель, холодные сардельки с кучей чеснока, крутые яйца в сером неаппетитном соусе. Никт старался есть как можно меньше, только чтобы не рассердить мисс Лупеску. Уроки продолжались: два дня она учила его только тому, как позвать на помощь на языках всего мира. И била по пальцам ручкой, если он запинался или забывал. На третий день мисс Лупеску бросала:

— По-французски!

— *Au secours*.

— Азбука Морзе!

— SOS. Три точки, три тире, еще три точки.

— На языке ночных мверзей!

— Что за ерунда… Я даже не помню, кто такие эти мверзи!

— Безволосые крылатые твари, летают низко и быстро. В этот мир они не заглядывают, зато парят в алом небе над дорогой в Гульгейм, город упырей.

— Мне это никогда не пригодится!

Мисс Лупеску поджала губы сильнее, но сказала только:

— Ночные мверзи.

Никт издал в глубине горла звук, которому она его обучила — гортанный, похожий на орлиный клекот.

Мисс Лупеску фыркнула:

— Сойдет.

«Когда же вернется Сайлес?!» — подумал Никт.

— Иногда по кладбищу ходит серая собака. С тех пор как вы приехали. Она ваша?

Мисс Лупеску поправила галстук.

— Нет.

— Урок закончен?

— На сегодня — да. Вот список, который ты прочтешь и выучишь до завтра.

Списки мисс Лупеску были написаны бледно-фиолетовыми чернилами на белой бумаге и странно пахли. Никт ушел с новым заданием на склон холма, сел и начал вчитываться, но никак не мог сосредоточиться. В конце концов он свер-

нул лист и придавил камнем.

Этой ночью никто не хотел с ним играть! Не с кем было поболтать, побегать, полазить по деревьям под огромной летней луной.

Никт пошел в гробницу Оуэнсов, чтобы найти сочувствие у родителей. Однако миссис Оуэнс и слышать не хотела о том, какая плохая мисс Лупеску: ведь ее выбрал Сайлес. Мистер Оуэнс — что еще хуже — просто пожал плечами и завел рассказ о том, что в детстве работал подмастерьем у краснодеревщика и был бы рад обучаться всем тем премудростям, какие преподают Никту.

— А тебе не пора за уроки? — спросила миссис Оуэнс.

Никт молча сжал кулаки и, громко топая, вышел.

Он брел по кладбищу, пиная булыжники, и размышлял о том, как все его не любят, не ценят и как это несправедливо. Вдруг он заметил серую собаку. Никт позвал ее — может, прибежит и поиграет с ним? — но та держалась поодаль. Мальчик с досады запустил в нее комом земли. Тот разбился о ближайшее надгробие и засыпал могилу грязью. Большая собака с упреком посмотрела на Никта, попятилась в тень и пропала.

Мальчик спустился по юго-западному скло-

ну, чтобы вид старой часовни не напоминал о Сайлесе, и задержался у могилы, которая выглядела как раз под стать его настроению. Над ней черным когтем торчал дуб, в который когда-то попала молния. Надгробие было все в потеках и трещинах, а сверху красовался безголовый ангел, похожий на огромный уродливый трутовик.

Никт присел на траву. Ему было очень жалко себя и обидно. Он закрыл глаза, свернулся калачиком и забылся тяжелым сном.

Вверх по улице бежали герцог Вестминстерский, достопочтенный Арчибальд Фицхью и епископ Бата и Уэллса — неслись все дальше и дальше, тощие и жилистые, кожа да кости в лохмотьях. Юрко скакали из тени в тень, то рысью, то галопом, по-лягушачьи врастопырку прыгали через мусорные баки, проворно прятались от света фонарей за заборами.

На вид они были почти как люди, только ростом поменьше, будто хорошенько провялились на солнце, и вполголоса приговаривали:

— …Ежели ваша светлость имеет хоть малейшее понятие, к каким чертям нас занесло, пусть соблаговолит ответить. Если же нет, пусть заткнет свое поганое хлебало!

— Ваше преосвященство, я всего лишь сказал,

что чую где-то рядом кладбище, носом чую…

— В таком случае, ваша светлость, я бы тоже его учуял, ведь нюх у меня лучше вашего!..

Перекидываясь такими словечками, они рыскали по пригородным садам. В один сад спускаться не стали («Тс-с-с! — прошипел достопочтенный Арчибальд Фицхью. — С-собаки!»), а пробежали поверху, по стене, словно крысы размером с ребенка.

Шмыг — главная улица, шнырь — дорога на холм. Кладбищенская ограда. Они вскарабкались на нее, как белки, и принюхались.

— Ос-сторожно, с-собака! — просвистел герцог Вестминстерский.

— Где-где? Ну уж… Пахнет не псиной, — возразил епископ Бата и Уэллса.

— Кое-кто даже кладбище не унюхал, — заметил достопочтенный Арчибальд Фицхью. — А? Собака, собака!

Троица спрыгнула на землю и побежала по кладбищу, отталкиваясь и ногами, и руками, к упырьей двери под обугленным дубом.

И застыла.

— Это что еще за явление? — сказал епископ Бата и Уэллса.

— Мать честная! — воскликнул герцог Вест-

минстерский.

Никт проснулся.

В лунном свете над ним склонились три улыбающиеся физиономии — высохшие, как у мумий, но подвижные и очень любопытные. Никт увидел острые грязные зубки, черные глазки-бусинки и нетерпеливо постукивающие когтистые пальцы.

— Вы кто? — спросил мальчик.

— Мы, — заговорило одно из существ (Никт обратил внимание, что они с ним почти одного роста), — великий народ, вот кто мы такие. Это герцог Вестминстерский…

Самое крупное из существ поклонилось:

— Весьма польщен.

— …это епископ Бата и Уэллса…

Ухмыляющееся существо с острыми зубами и невероятно длинным и тонким языком совсем не походило на епископа, какими их представлял себе Никт. Существо было все в пятнах, как пегая лошадь; крупное пятно вокруг глазницы скорее напоминало повязку пирата.

— …а я в некотором роде имею честь быть достопочтенным Арчибальдом Фицхью. К вашим услугам!

Троица дружно поклонилась.

Епископ Бата и Уэллса сказал:

— А ты как здесь очутился, отрок? Только смотри, не бреши! Помни, пред тобой священнослужитель!

— Так ему, ваше преосвященство! — хором воскликнули его приятели.

Мальчик рассказал все: никто его не любит и не хочет с ним играть, никто его не ценит и даже опекун его бросил.

— Чтоб мне лопнуть! — сказал герцог Вестминстерский, почесав нос (крошечный выступ, состоявший в основном из ноздрей). — Чего тебе не хватает, так это места, где бы все тебя понимали.

— Нет такого места, — вздохнул Никт. — И с кладбища мне выходить нельзя.

— Есть целый мир друзей и приятелей по играм! — сказал епископ Бата и Уэллса, высунув длинный язык. — Город, где царит веселье и волшебство, где тебя оценят по достоинству и не будут тобой пренебрегать.

— А еще меня ужасно кормят… — пожаловался Никт. — Женщина, которая за мной смотрит. Приносит суп из крутых яиц и другие гадости.

— Еда! — ахнул достопочтенный Арчибальд Фицхью. — Там, куда мы идем, еда лучшая в мире! От одной мысли о ней у меня в животе урчит и

слюнки текут!

— А мне можно с вами? — спросил Никт.

— С нами?! — возмущенно переспросил герцог Вестминстерский.

— Ну что вы, что вы, ваша светлость! — сказал епископ Бата и Уэллса. — Не будьте так строги. Вы только гляньте на бедолагу! Он уже невесть сколько кушает что попало!

— Я за то, чтоб его взять, — заявил достопочтенный Арчибальд Фицхью. — У нас там жратва славная… — Для большей убедительности он похлопал себя по животу.

— Ну как, молодой человек, готов к приключениям? — спросил герцог Вестминстерский, который тут же загорелся новой идеей. — Или будешь всю жизнь прозябать тут? — Он обвел костлявой рукой темное кладбище.

Никт вспомнил мисс Лупеску, ее противные обеды, списки и поджатые губы.

— Готов!

Три новых приятеля Никта, хоть и с него ростом, оказались куда сильнее любого ребенка. Епископ Бата и Уэллса поднял Никта высоко над головой, а герцог Вестминстерский схватился за пучок травы, прокричал что-то вроде «Скагх! Тегх! Хавагах!» и дернул. Каменная плита, при-

крывавшая могилу, съехала, будто крышка люка, и под ней оказалось совсем темно.

— А теперь живо! — крикнул герцог. Епископ Бата и Уэллса забросил Никта в дыру и прыгнул следом. За ними — достопочтенный Арчибальд Фицхью и герцог Вестминстерский. Последний в прыжке крикнул: «Вегх Харадос!». Камень с грохотом упал — упырья дверь закрылась.

Никт летел сквозь темноту, тяжело ворочаясь, как кусок мрамора, и от удивления даже не боялся. Интересно, где у этой могилы дно, думал он.

Вдруг две сильных руки подхватили его под мышки и понесли.

Никт давным-давно не видел настоящей темноты. На кладбище он обладал зрением мертвых, и ни одна гробница, могила или склеп не были для него тайной. Теперь он оказался в сплошной черноте. Его несли вперед неровными рывками; в ушах свистел ветер. Никту было страшно и одновременно весело.

А потом стало светло, и все изменилось. Небо было красного цвета, но не теплого закатного оттенка, а злобно-багрового, как воспаленная рана. Далеко-далеко светило крошечное старое солнце, которое не согревало воздух.

Они спускались по отвесной стене. Из нее, слов-

но из гигантского кладбища, торчали могильные плиты и статуи. Похожие на тощих шимпанзе в рваных черных смокингах, герцог Вестминстерский, епископ Бата и Уэллса и достопочтенный Арчибальд Фицхью перескакивали с камня на камень, размахивали мальчиком и, не глядя, ловко бросали его друг другу.

Никт пытался задрать голову, чтобы увидеть могилу, через которую попал в этот странный мир, но ее загородило другими надгробиями.

А что, подумал он, если все эти могилы — двери…

— Мы куда? — спросил он, но его голос сдуло ветром.

Они бежали все быстрее и быстрее.

Впереди поднялась еще одна статуя, и под багровое небо катапультировались еще двое существ, таких, же как новые приятели Никта. На одном было рваное шелковое платье, когда-то, должно быть, белое, на втором — грязный серый костюм, явно ему великоватый, с порванными в лоскуты рукавами. Заметив Никта с друзьями, они бросились к ним, пролетев к земле футов двадцать.

Герцог Вестминстерский издал гортанный писк и притворился испуганным. Трое с Никтом по-

спешили вниз, двое — за ними по пятам, бодрые и полные сил под пылающим небом с мертвым глазом бледного солнца.

У большой статуи, лицо которой превратилось в грибообразный нарост, все встали. Никту представили тридцать третьего президента США и императора Китая.

— Это юный Никт, — сказал епископ Бата и Уэллса. — Он хочет стать таким, как мы.

— Чтобы хорошо кушать! — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью.

— Что ж, отрок, когда ты станешь одним из нас, хорошее питание тебе будет обеспечено, — сказал император Китая.

— Ага, — сказал тридцать третий президент США.

Никт спросил:

— Стану одним из вас? То есть превращусь в вас?

— Ишь какой смекалистый! Все хватает на лету! Ему палец в рот не клади!.. — сказал епископ Бата и Уэллса. — Точно подметил, одним из нас. Таким же сильным, как мы. Таким же быстрым. Таким же неуязвимым.

— Твои зубы станут такими крепкими, что раскусят любые суставы. Язык — таким острым

и длинным, что высосет мозг из любой косточки и слижет мясцо со щеки толстяка, — сказал император Китая.

— Ты научишься красться из тени в тень, чтоб никто тебя не увидел, никто не заподозрил. Свободный как ветер, быстрый как мысль, холодный как лед, твердый как гвоздь, опасный как… как мы, — сказал герцог Вестминстерский.

Никт посмотрел на существ.

— А если я не хочу?

— Не хочешь? Да что ты говоришь! Что может быть лучше? Во всем мире не найдется никого, кто не мечтал бы стать, как мы.

— У нас лучший на свете город…

— Гульгейм, — сказал тридцать третий президент США.

— Лучшая жизнь, лучшая еда…

— Ты хоть представляешь, — вмешался епископ Бата и Уэллса, — как дивен вкус черного ихора, что скапливается в свинцовом гробу? Мы главнее королей с королевами, президентов с премьерами, главнее самых геройских героев, как люди главнее брюссельской капусты!

— Да кто вы такие? — спросил Никт.

— Упыри, — ответил епископ Бата и Уэллса. — Кто-то хлопает ушами, право слово! Мы у-пы-ри.

— Ой, смотрите!

Внизу показалась целая толпа прыгающей, скачущей мелочи. Не успел Никт и слова сказать, как его подхватили костлявые руки и понесли, то зависая в воздухе, то резко дергаясь вперед, — пятеро приятелей бросились навстречу себе подобным.

Стена могил закончилась. Теперь впереди простиралась дорога — утоптанная тропа через каменистую пустошь, усеянную костями. Дорога вела к далекому городу на оранжево-красном утесе.

Никт всмотрелся в город и оцепенел от ужаса, ненависти и отвращения.

Упыри не умеют строить. Они паразиты и падальщики, пожиратели трупов. Город, который зовется Гульгеймом, Городом упырей, они заселили давным-давно, хотя построили его не они. Сегодня все (по крайней мере, люди) забыли, что за народ возвел эти здания, прорыл ходы в утесе и воздвиг башни. Но приближаться к этому городу, а уж тем более жить в нем, захотели лишь упыри.

Издалека было заметно, что все в городе искажено: стены перекошены, а здания похожи на кошмарную пасть с торчащими зубами. Неведо-

мые зодчие построили этот город не для жизни. Они воплотили в нем весь свой страх, безумие и омерзение — и ушли. Упыри же отыскали его, обрадовались и назвали домом.

Упыри — проворные твари. Они бежали по пустынной тропе быстрее, чем летит стервятник, и сильными руками перебрасывали друг другу Никта. Мальчик боролся с тошнотой и отчаянием, ужасом и стыдом от собственной глупости…

А в кислотно-красном небе кружили существа на огромных черных крыльях.

— Эй, там! — сказал герцог Вестминстерский. — Спрячьте его под мышку! Еще не хватало, чтобы он достался ночным мверзям! Воры!

— Быстрее! Не давайтесь ворюгам! — закричал император Китая.

Ночные мверзи в алом небе над Гульгеймом… Никт глубоко вдохнул и закричал, как учила его мисс Лупеску — издал гортанный звук, похожий на орлиный клекот.

Один из крылатых спустился, и Никт повторил крик. Вдруг ему заткнула рот жесткая ладошка.

— Умно ты их позвал! — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью. — Но, поверь, они съедобные, только когда погниют пару неделек. А так от них одни неприятности. Нам не по пути,

ясно?

Ночной мверзь взмыл в потоке жаркого воздуха вверх, к товарищам, и Никт утратил последнюю надежду.

Упыри торопились к городу на утесе, унося с собой Никта. Теперь мальчика бесцеремонно закинул на вонючие плечи герцог Вестминстерский.

Мертвое солнце село, поднялись две луны: одна огромная, белая и вся в выщербинах, заняла полгоризонта, хотя потом чуть уменьшилась. Вторая, небольшая, была сине-зеленой, как прожилки плесени в сыре; ее восход упыри восприняли как праздник и остановились у дороги на привал.

Один из вновь присоединившихся — его представили Никту как знаменитого писателя Виктора Гюго — развязал свой мешок, в котором оказались дрова для растопки. На некоторых досках еще поблескивали петли или латунные ручки. Еще у упыря нашлась металлическая зажигалка. Вскоре все расселись у костра. Поглядывая на зеленоватую луну, они отпихивали друг друга от огня, переругивались, иногда даже царапались и кусались.

— Скоро ляжем спать, а когда луна уйдет, отправимся в Гульгейм, — сказал герцог Вест-

минстерский. — Всего-то девять-десять часов бега. К следующему восходу луны доберемся. Вот устроим тогда праздник, а? В честь того, что ты станешь одним из нас!

— Это не больно, — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью, — ты даже не заметишь. И потом, представь, каким ты станешь счастливым!

И они принялись рассказывать, как чудесно и замечательно быть упырем, сколько всего они схрупали своими мощными челюстями. Один упырь добавил, что им не страшны болезни. Неважно, от чего умер ужин: они преспокойно могут его слопать. Другие описали самые интересные места, где побывали — в основном катакомбы и чумные ямы («Чумные ямы — сытная штука», — сказал император Китая, и все закивали.) Они рассказали Никту, откуда у них имена, и пообещали, что, как только он станет упырем, получит такое же.

— Но я не хочу быть упырем!

— А придется, — весело ответил епископ Бата и Уэллса. — Или так, или эдак. Со вторым способом больше мороки. Если тебя начнут есть, быстро потеряешь сознание, и уже никакого тебе удовольствия.

— Вот и не надо об этом, — сказал император Китая. — Лучше сразу стать упырем. Мы ничего, ничегошеньки не боимся!

Услышав это, все упыри у костра из гробовых досок завыли, заворчали, запели, закричали о том, какие они мудрые и могучие и как славно ничего не бояться.

Из пустыни донесся звук, похожий на вой. Упыри залопотали и сгрудились поближе к огню.

— Что это было? — спросил Никт.

Упыри покачали головами.

— Что-то там, в пустыне, — прошептал один. — Тихо! А то оно нас услышит!

И все упыри ненадолго замолчали. Правда, очень быстро они забыли про «что-то» и завели любимую упырью песню с отвратительными словами и еще более отвратительным смыслом: там перечислялось, какие части гниющего трупа нужно есть и в каком порядке.

— Я хочу домой! — сказал Никт, когда в песне доели последние кусочки. — Мне здесь не нравится!

— Глупыш, что ты так волнуешься! — сказал герцог Вестминстерский. — Клянусь тебе: как только ты станешь одним из нас, ты даже забудешь, что у тебя был дом!

— Я вот совсем не помню, как жил до того, как стал упырем, — сказал знаменитый писатель Виктор Гюго.

— Я тоже, — сказал император Китая.

— Угу, — сказал тридцать третий президент США.

— Ты войдешь в число избранных! Мудрейших, сильнейших, храбрейших существ на свете! — сказал епископ Бата и Уэллса.

Никт не был высокого мнения ни о смелости упырей, ни об их мудрости. Правда, они оказались очень сильными и ловкими, а он убежать не мог: догонят мгновенно.

Далеко в ночи опять раздался вой, и упыри придвинулись еще ближе к огню, шмыгая носом и переругиваясь.

Никт прикрыл глаза. Ему было очень плохо, он скучал по дому и не хотел превращаться в упыря. Он думал, что от волнения не заснет, но сам не заметил, как погрузился в забытье.

Его разбудил громкий и злобный крик почти в самое ухо.

— Ну, так где они? А?!

Никт открыл глаза и увидел, что это епископ Бата и Уэллса кричит на императора Китая. Судя по всему, ночью несколько упырей исчезли —

просто пропали. Почему и куда — никто не знал. Остальные занервничали и быстро свернули лагерь. Тридцать третий президент США поднял Никта и закинул себе на плечо.

Под небом цвета дурной крови упыри сошли с каменистого склона на дорогу и направились в Гульгейм. Сегодня утром они вели себя куда тише. Как будто — во всяком случае, так показалось Никту — за ними кто-то гнался.

Около полудня, когда мертвоглазое солнце зависло над головами, упыри остановились и сбились в кучу. Высоко в небе в потоках воздуха парили ночные мверзи — целые дюжины.

Мнения упырей разделились: одни считали, что ночная пропажа случайна, другие были уверены, что кто-то — возможно, мверзи, — на них охотится. Согласились они только на том, что стоит вооружиться камнями, чтобы кидать в ночных мверзей, если те спустятся. Упыри принялись набивать карманы костюмов и мантий щебнем.

Слева раздался вой, и упыри переглянулись. Он был громче, чем прошлой ночью, и ближе — низкий, похожий на волчий.

— Слышали? — спросил лорд-мэр Лондона.

— Не-а, — сказал тридцать третий президент США.

— Я тоже не слышал, — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью.

Вой прозвучал снова.

— Надо прорываться домой, — сказал герцог Вестминстерский, поднимая большой булыжник.

Перед ними на скалистом отроге высился город-кошмар, Гульгейм. Упыри бросились в ту сторону.

— Мверзи спускаются! — прокричал епископ Бата и Уэллса. — Бей воров камнями!

Никт наблюдал за происходящим снизу вверх, подпрыгивая на спине тридцать третьего президента США. Колючим песком с дороги ему сыпало в лицо, но он услышал крики, похожие на орлиные, и опять попросил помощи на языке ночных мверзей. На сей раз ему не помешали, хоть Никт и сомневался, что ктото услышит его среди криков мверзей и ругательств упырей, которые яростно швырялись камнями.

Никт снова услышал вой — теперь справа.

— Там дюжины этих паскудных тварей, — мрачно сказал герцог Вестминстерский.

Тридцать третий президент США передал Никта знаменитому писателю Виктору Гюго. Тот сунул мальчика в мешок и закинул на плечо.

Никту оставалось радоваться, что мешок пахнет лишь опилками.

— Отступают! — закричал какой-то упырь. — Смотрите, улетают!

— А ты, отрок, не тревожься, — прозвучал за мешковиной голос, кажется, епископа Бата и Уэллса. — В Гульгейме ничего такого не будет. Наш Гульгейм, он неприступный.

Никт не знал, нанесли ли ночные мверзи хоть какой-то урон упырям. Судя по проклятиям епископа Бата и Уэллса, нескольких упырей вроде бы недосчитались.

— Быстро! — закричал кто-то, кажется, герцог Вестминстерский, и упыри рванули вперед. Никту в мешке было неудобно: он все время больно стукался о спину знаменитого писателя. К тому же на дне мешка завалялось несколько досок дерева с шурупами и острыми гвоздями. Один из гвоздей больно впился Никту в руку.

Никта нещадно мотало, кидало, трясло и качало на спине похитителя, но ему удалось-таки схватить гвоздь правой рукой и нащупать кончик. В мальчике снова затеплилась надежда. Он воткнул шуруп острым концом в мешковину, вытащил и сделал еще одну дырку, чуть ниже первой.

Сзади снова кто-то завыл. Никт подумал: тот, кто способен нагнать такой ужас на упырей, наверное, сам еще страшнее. На миг он даже замер — что если он вывалится из мешка прямо в пасть какому-то злобному чудищу? Ну и пусть! Пусть он и умрет, но останется самим собой и не забудет родителей, Сайлеса и даже мисс Лупеску.

И это хорошо.

Никт снова решительно принялся на мешковину и продырявил ее еще в одном месте.

— Поднажмите, ребятки! — крикнул епископ Бата и Уэллса. — Осталось подняться по лестнице, и мы дома, в Гульгейме!

— Ура его преосвященству! — крикнул кто-то другой — кажется, достопочтенный Арчибальд Фицхью.

Теперь движения похитителей изменились. Они не просто бежали, а двигались рывками: вверх и вперед, вверх и вперед.

Никт просунул в дырку руку и выглянул. Сверху угрюмое багровое небо, снизу…

…пропасть, а глубоко внизу — пустыня. Позади тянулась великанская лестница с огромными ступенями. Гульгейма видно не было — скорее всего, он остался сверху. Справа — охристо-желтая скала, слева — крутой обрыв. Придется падать прямо

вниз, решил Никт, на ступеньки, и надеяться, что упыри на бегу не заметят. Ночные мверзи кружили высоко в багровом небе, но больше не нападали.

К счастью, позади упырей не было: знаменитый писатель Виктор Гюго замыкал цепочку, и никто не расскажет остальным, что мальчик продырявил мешок и выпал на лестницу.

Упырей не было, но…

Мешок с Никтом подпрыгнул и перевернулся. В дыре мелькнуло что-то огромное и серое. Оно бежало следом за ними по лестнице и злобно рычало.

Оказавшись перед лицом двух одинаково неприятных перспектив мистер Оуэнс частенько говаривал: «Я между дьяволом и морской бездной!» Никт так и не уяснил, что это значит, потому что всю жизнь провел на кладбище и не видел ни дьявола, ни моря.

Я между упырями и чудищем, подумал он.

И в тот самый миг, когда он это подумал, чьи-то зубы вцепились в мешок и рванули. Ткань вокруг дыр затрещала, и мальчик кубарем выкатился на каменную лестницу. Над ним встала огромная серая зверюга, похожая на собаку, только куда больше, с горящими глазами, белыми клыками

и огромными лапищами. Зверь рычал, капал слюной и, пыхтя, смотрел на Никта.

Упыри остановились.

— Лопни моя селезенка! — сказал герцог Вестминстерский. — Эта чертова псина зацапала мальчика!

— На здоровье! — сказал император Китая. — Бежим!

— Ой-ой! — сказал тридцать третий президент США.

Упыри побежали дальше. Теперь Никт не сомневался, что лестница вырублена великанами: каждая ступенька была выше его роста. На бегу упыри оборачивались и изображали неприличные жесты в адрес зверя и, возможно, Никта.

Зверь стоял как вкопанный.

Слопает, горько подумал мальчик. Доигрался ты, Никто Оуэнс. Он вспомнил про дом, а почему ушел оттуда, вспомнить не смог. Нет, чудища чудищами, а он должен вернуться домой! Там его ждут.

Никт протиснулся мимо зверя, спрыгнул на следующую ступеньку с высоты четырех футов и приземлился прямо на лодыжку. Нога больно подвернулась, и он упал на камни.

Никт слышал, как зверь тоже спрыгнул и бежит

к нему. Мальчик попытался уползти, подняться, но поврежденная нога не слушалась. Никт даже не успел понять, как свалился со ступеньки в пропасть — с кошмарной, невообразимой высоты…

На лету он услышал голос, донесшийся откуда-то со стороны серого зверя. Это был голос мисс Лупеску:

— Ох, Никт!..

Он падал, как всегда бывает в кошмарах — со страшной, безумной скоростью стремился к земле, которая была далеко внизу. В голове Никта сейчас могла уместиться только одна мысль, и поэтому там боролись за место сразу две: «Эта собака и есть мисс Лупеску!» и «Сейчас я ка-а-ак…»

Что-то догнало его, схватило, а потом громко захлопали кожистые крылья, и земля стала приближаться медленнее.

Крылья захлопали еще сильнее. В голове Никта осталась одна мысль: «Я лечу!»

Так оно и было. Он поднял глаза и увидел над собой темно-коричневую голову — совершенно лысую, с глубоко посаженными глазами, похожими на отполированные куски обсидиана.

— Помогите! — проклекотал Никт на языке ночных мверзей.

Мверзь улыбнулся и басовито ухнул в ответ.

Похоже, он был доволен.

Описав медленный круг, они с глухим стуком опустились на землю. Никт хотел было встать, но лодыжка снова его подвела, и он покатился по песку. Сильный порыв ветра обжег кожу песчинками.

Ночной мверзь присел рядом, ссутулившись и сложив на горбу кожистые крылья. Никт, дитя кладбища, привык к изображениям крылатых существ, но его спаситель совсем не походил на надгробных ангелов.

Огромными прыжками к ним приближался серый зверь, похожий на собаку.

Собака заговорила голосом мисс Лупеску:

— Три раза ночные мверзи спасли тебе жизнь, Никт! В первый раз — когда ты попросил помощи, и они услышали. Они передали мне, где ты. Во второй — вчера ночью, у костра, когда ты спал. Они кружили над вами в темноте и подслушали, как двое упырей говорят, что ты принес им несчастье, что тебе надо вышибить камнем мозги и закопать где-нибудь про запас, а потом, когда ты как следует сгниешь, выкопать и съесть. Ночные мверзи незаметно их убрали. Сейчас они спасли тебя в третий раз.

— Мисс Лупеску!

Огромная, похожая на собачью голова наклонилась к нему, и на одно страшное мгновенье Никту показалось, что она его укусит. Собака ласково лизнула его в щеку.

— Ты повредил щиколотку?

— Да. Не могу стоять на этой ноге.

— А ну-ка, залезай ко мне на спину, — сказал огромный серый зверь — мисс Лупеску.

Учительница что-то проскрежетала ночному мверзю. Тот приблизился и подсадил Никта. Мальчик обхватил руками шею мисс Лупеску.

— Вцепись в мою шкуру покрепче, — сказала она. — И скажи… — Она издала пронзительный крик.

— Что это значит?

— «Спасибо». Или «до свидания». И то, и то.

Никт крикнул, как сумел. Мверзь смешливо фыркнул, потом произнес нечто похожее, расправил огромные кожистые крылья и, хлопая ими, побежал по пустыне. Потоки воздуха подхватили его, будто воздушного змея, и мверзь взмыл вверх.

— Теперь, — сказал зверь — мисс Лупеску, — держись крепче.

И побежал.

— Мы к стене могил?

— К упырьей двери? Вот еще! Я пес Господень и хожу что в ад, что из ада своим путем.

Зверь ускорил бег.

Встала большая луна. Потом меньшая, цвета сырной плесени. Потом к ним присоединилась третья, алая, как рубин. Серая волчица мерным шагом бежала под их светом по пустыне. У полуразрушенной глиняной постройки, похожей на огромный улей, она остановилась. Рядом из скалы вытекал ручеек, с журчанием падал в крошечную лужицу и уходил в песок. Волчица опустила голову и стала лакать воду. Никт сложил ладони ковшиком и напился дюжиной мелких глотков.

— Здесь граница, — сказала мисс Лупеску, и Никт поднял глаза.

Три луны исчезли. Теперь мальчик видел Млечный путь, да так ярко, как никогда в жизни: сияющий саван поперек полного звезд небосвода.

— Как красиво!

— Когда вернемся домой, — сказала мисс Лупеску, — я научу тебя названиям звезд и созвездий.

— Было бы здорово, — признался Никт.

Мальчик опять вскарабкался на огромную серую спину, уткнулся носом в мех и крепко

вцепился в него руками. Ему показалось, что не прошло и двух мгновений, как он оказался на кладбище. Неловко, как обычная женщина — шестилетнего мальчика, мисс Лупеску понесла его к гробнице Оуэнсов.

— Он повредил щиколотку, — сказала мисс Лупеску.

— Бедняжка! — Миссис Оуэнс забрала у нее приемного сына и стала укачивать в своих заботливых, хоть и бестелесных руках. — Не могу сказать, что я не тревожилась. Я очень тревожилась! Но главное, он снова с нами.

А потом Никту стало совсем хорошо — под землей, в уютном домике, на своей подушке, — и он уступил усталости и темноте.

Лодыжка у Никта покраснела и распухла. После осмотра доктор Трефузис (1870–1936, «Да восстанет он к вящей славе!») объявил, что это всего лишь растяжение. Мисс Лупеску принесла из аптеки эластичный бинт, а Иосия Уордингтон, баронет, которого похоронили вместе с его любимой эбеновой тростью, решительно вручил ее Никту на временное пользование. Мальчик наигрался с тростью на славу, притворяясь дряхлым столетним дедом.

Прихрамывая, Никт поднялся на холм и достал

из-под камня сложенный лист бумаги с фиолетовыми чернилами.

ПСЫ ГОСПОДНИ

Эти слова, написанные печатными буквами, были первым пунктом в списке.

> «Те, кого люди прозвали оборотнями или ликантропами, называют себя псами Господними, поскольку считают свою трансформацию даром Создателя и платят Ему упорством, с которым преследуют преступников до самых Адовых врат».

Никт кивнул: не только преступников.

Он внимательно прочел остальное, стараясь получше все запомнить, а потом спустился в часовню. Там его ждала мисс Лупеску с маленьким мясным пирогом, большим пакетом жареного картофеля и новой порцией фиолетовых списков.

Они ели картошку вместе, и пару раз мисс Лупеску даже улыбнулась.

Сайлес вернулся в конце месяца. Черный саквояж он держал в левой руке, а правую прижимал

к боку. Но это был все тот же Сайлес, и Никт ему страшно обрадовался — и еще больше обрадовался, получив подарок: крошечную копию моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско.

Была почти полночь, хотя не совсем стемнело. Они втроем сидели на вершине холма; внизу мерцали городские огни.

— Полагаю, в мое отсутствие все было спокойно, — произнес Сайлес.

— Я много чему научился! — похвастал Никт и, не выпуская из рук моста, указал в ночное небо. — Вон там Орион-Охотник с поясом из трех звезд. А это созвездие Тельца.

— Молодец, — похвалил его Сайлес.

— А ты? — спросил Никт. — Ты узнал то, зачем ездил?

— Вполне, — ответил Сайлес, но продолжать не стал.

— Я тоже, — строгим голосом сказала мисс Лупеску. — Я тоже кое-чему научилась.

— Это хорошо, — сказал Сайлес. В кроне дуба ухнула сова. — До меня дошли слухи, что две недели назад вы побывали там, куда мне путь заказан. В таких случаях я бы посоветовал вести себя осторожнее. Впрочем, у упырей, как известно, короткая память.

Никт сказал:

— Ничего страшного не было! Мисс Лупеску за мной присматривала. Мне ничего не грозило.

Мисс Лупеску посмотрела на Никта, и ее глаза блеснули. Она повернулась к Сайлесу.

— Мне еще есть чему поучиться, — заявила она. — Быть может, в следующем году я вернусь, тоже в середине лета, и дам мальчику пару уроков.

Сайлес покосился на мисс Лупеску, едва заметно приподняв бровь. Потом перевел взгляд на Никта. — Было бы здорово, — сказал Никт.

Глава 4
НАДГРОБИЕ ДЛЯ ВЕДЬМЫ

Все знали, что на краю кладбища похоронена ведьма. Сколько Никт себя помнил, миссис Оуэнс запрещала ему ходить туда.

— Почему? — спрашивал он.

— Не дело живым мальчикам там слоняться, — отвечала миссис Оуэнс. — Там страшенная сырость. Считай, болото. А ну как простудишься!

Мистер Оуэнс, как человек более уклончивый и менее изобретательный, говорил просто:

— Это дурное место.

С запада кладбище кончалось под старой яблоней. За ржавой железной оградой из прутьев с навершиями, как у копий, виднелся пустырь,

заросший крапивой, сорняками и колючками. Никт, мальчик вообще-то послушный, туда не ходил, но частенько просовывал голову меж прутьев ограды и смотрел на зелень и груды палых листьев. Он чувствовал, что ему не все рассказали, и злился.

Никт поднялся к часовне у кладбищенских ворот и стал ждать темноты. Когда серые сумерки пофиолетовели, в шпиле часовни раздался шорох, будто расправили плотный бархат. Из колокольни явился Сайлес — там он обычно спал, — и спустился по стене вниз головой.

— Что в дальнем конце кладбища? — спросил Никт. — За «Гаррисоном Вествудом, пекарем сего прихода, и его супругами Мэрион и Джоан»?

— А что? — Опекун бледными, как слоновая кость, пальцами стряхнул пылинку с черного костюма.

Никт пожал плечами.

— Да так, интересно.

— Там неосвященная земля. Понимаешь, что это значит?

— Не совсем.

Сайлес прошел по дорожке, не встревожив ни одного упавшего листа, и присел на скамью рядом с Никтом.

— Некоторые, — произнес он бархатистым голосом, — верят, что вся земля священна. Была священной до того, как явились мы, и останется такой после нас. Однако здесь, в твоей стране, принято освящать — то есть благословлять — церкви и участки, отведенные для захоронения. Рядом с освященной землей оставляли кусочек неосвященной, так называемую «землю горшечника». Там хоронили преступников, самоубийц и тех, кто не принадлежит к истинной вере.

— Значит, по ту сторону забора похоронены плохие люди?

Сайлес приподнял идеально очерченную бровь.

— Хм-м? Отнюдь! Дай подумаю… Давно я там не бывал. Не припомню таких уж плохих экземпляров. Не забывай, что раньше вешали за кражу шиллинга. К тому же всегда были люди, которым жизнь кажется настолько невыносимой, что они видят лишь одно решение: ускорить свой переход на новый уровень существования.

— То есть они себя убивают? — спросил Никт. Любознательный и большеглазый, для своих восьми лет он был весьма неглуп.

— Именно так.

— И это им помогает? Они делаются счастливее

после смерти?

— Иногда. Чаще — нет. Они как те люди, которые думают, что будут счастливы, если переедут в другое место, а потом оказывается: куда бы ты ни поехал, ты берешь с собой себя. Если ты понимаешь, о чем я.

— Ну, вроде, — сказал Никт.

Сайлес взъерошил мальчику волосы.

Никт спросил:

— А как же ведьма?

— Да-да, ведьма… Там зарыты самоубийцы, преступники и ведьмы. Умершие без исповеди. — Он встал над скамьей полуночной тенью. — Заболтался я с тобой и про завтрак совсем забыл. А тебе пора на уроки. — В сумерках кладбища раздался тихий хлопок, мелькнула бархатная чернота, и Сайлес исчез.

Когда Никт добрался до мавзолея мистера Пенниуорта, уже встала луна. Мистер Томас Пенниуорт («Здесь почивает он до славнаго утра воскресения») ждал его и был не в лучшем расположении духа.

— Опаздываете!

— Простите, мистер Пенниуорт!

Пенниуорт осуждающе цокнул языком. На прошлой неделе учитель рассказывал Никту

про стихии и гуморы, и мальчик никак не мог запомнить, где что. Никт думал, что будет писать проверочную работу, но вместо того мистер Пенниуорт заявил:

— Полагаю, настала пора посвятить несколько дней практическим занятиям. Наше время ограничено.

— Разве? — спросил Никт.

— Боюсь, что так, юный Оуэнс. Итак, успешно ли вы *блекнете*?

Никт надеялся, что ему не зададут этот вопрос.

— Успешно. То есть… Ну, вы понимаете.

— Нет, юный Оуэнс. Не понимаю. Быть может, продемонстрируете?

У Никта упало сердце. Он глубоко вдохнул, зажмурился и изо всех сил постарался *поблекнуть*.

На мистера Пенниуорта это не произвело большого впечатления.

— Фи! Не то! Совершенно не то! Мертвые *блекнут* и *скользят*, мой мальчик. Скользят из тени в тень. Блекнут в сознании. Попробуйте еще раз.

Никт попробовал еще старательнее.

— Вы заметны, как нос на лице! — возмутился мистер Пенниуорт. — А нос ваш заметен весьма и весьма. Как и все ваше лицо, молодой человек! И вы весь. Ради всего святого, опустошите свой

разум! Пробуйте еще раз. Вы безлюдный проулок. Вы дверной проем. Вы ничто. Вы невидимы для глаза, вы не привлекаете мысль. Там, где вы, нет ничего и никого.

Никт попытался снова: закрыл глаза и представил, что растворяется в потемневших камнях стены, превращается в ночную тень… Он чихнул.

— Отвратительно! — вздохнул мистер Пенниуорт. — Воистину отвратительно! Думаю, придется побеседовать с вашим опекуном. — Он покачал головой. — Что ж, перейдем к гуморам. Будьте добры перечислить темпераменты, которые ими определяются.

— М-м… Сангвиник. Холерик. Флегматик. И еще один. М-м… Кажется, меланхолик.

И так до самого урока правописания и сочинения с мисс Летицией Борроуз, девой сего прихода («Все дни свои дева не тронула мухи. Супруги, не будьте к науке сей глухи»). Никту нравилась и сама мисс Борроуз, и ее уютный маленький склеп, и то, что она легко отвлекалась от темы урока.

— Говорят, что на несве… неосвященной земле есть ведьма, — сказал Никт.

— Да, золотце. Только тебе туда ходить не следует.

— Почему?

Покойная мисс Борроуз бесхитростно улыбнулась.

— Там обитают люди не нашего круга.

— Но ведь это еще кладбище, правда? То есть мне туда можно, если я захочу?

— Я бы не советовала.

Никт был мальчиком любознательным, но все же послушным. Когда уроки закончились, он прошел мимо могилы Гаррисона Вествуда, пекаря, и мемориала его семейства — ангела с отбитыми руками, — однако не спустился на землю горшечника, а поднялся по склону туда, где после пикника тридцатилетней давности выросла большая яблоня.

Кое-какие жизненные уроки Никт уже усвоил. Пару лет назад он объелся незрелыми яблоками — еще кислыми, с белыми зернышками, — и жалел об этом несколько дней: кишки его сжимались от боли, а миссис Оуэнс долго читала ему мораль о том, чего не надо есть. Теперь он всегда дожидался, пока яблоки поспеют, и срывал не больше двух-трех за ночь. Правда, Никт прикончил все яблоки еще на прошлой неделе, но все равно любил забираться на дерево, чтобы подумать.

Он вскарабкался на свое любимое местечко в развилке ветвей и посмотрел на землю горшечника: залитый лунным светом луг колючих сорняков и некошеной травы. Интересно, подумал он, ведьма — это старуха с железными зубами, которая живет в избушке на курьих ножках, или худая, остроносая тетка с метлой?

У Никта заурчало в животе, и он понял, что проголодался. Вот теперь он пожалел, что уже съел все яблоки. Если бы хоть одно оставил…

Тут ему показалось, что вверху что-то есть. Он глянул раз, потом присмотрелся еще раз: яблоко! Красное и спелое.

Никт гордился своим умением лазать по деревьям. Вот и сейчас он ловко подтягивался с одной ветки на другую, воображая себя Сайлесом, который без труда поднимается по отвесной кирпичной стене. Красное яблоко казалось в темноте почти черным. Еще немного… Никт медленно подполз под самое яблоко. Протянул руку и коснулся красивого плода кончиками пальцев.

Попробовать это яблоко ему так и не удалось.

Раздался треск, громкий, как выстрел из охотничьего ружья: ветка под Никтом сломалась.

Никт очнулся от вспышки боли, острой, как ледяные осколки, и яркой, как долгая молния.

Он лежал в сорняках среди летней ночи. Земля под ним казалась мягкой и странно теплой, как мех. Падение смягчила куча резаной травы, которые смотритель кладбища регулярно вытряхивал из газонокосилки. Правда, в груди у Никта ныло, а нога болела так, словно он упал прямо на нее.

Никт застонал.

— Тише, детка, тише, тише! — сказал голос откуда-то сзади. — Ты откуда такой взялся? Свалился мне на голову, как гром среди ясного неба. Разве ж так можно?

— Я упал с яблони.

— А-а, вот оно что… Покажи-ка ногу. Хрустнула небось, как та ветка, помяни мое слово. — Левую ногу Никта ощупали холодные пальцы. — Вот те раз, не сломалась! Подвернул или растянул. Везучий ты, как сам дьявол, малыш! Упал на кучу отбросов. До свадьбы заживет.

— Спасибо. Правда, еще болит.

Никт обернулся. Говорившая была старше него, хоть и не совсем взрослая, и не казалась ни доброй, ни злой. Только настороженной. Лицо у нее было умное, но ни капельки не красивое.

— Я Никт.

— Живой мальчик?

Никт кивнул.

— Я так и знала! Мы на земле горшечника тоже о тебе слыхали. Так как тебя кличут?

— Оуэнсом. Я Никто Оуэнс. Если короче, Никт.

— Ну, здрасте вам, господин Никт.

Никт осмотрел ее сверху донизу. Девушка была в простой белой рубахе, с длинными пепельными волосами, а в лице ее было что-то гоблинское — еле заметная, но постоянная кривая усмешка.

— Ты покончила с собой? — спросил Никт. — Или украла шиллинг?

— А ничего я не крала! Даже платка за всю жизнь не своровала. И промежду прочим, — подбоченилась она, — все самогубцы вон там лежат, за боярышником, а висельники оба-два в ежевичнике. Один деньги подделывал, другой — разбойник с большой дороги. А как по мне, всего-навсего вор да бродяжка.

— А-а… — В уме Никта зародилось подозрение. Он осторожно произнес: — Говорят, тут похоронена ведьма.

Она кивнула.

— Утопла, сгорела и тут закопана, и даже каменюки не поставили в изголовье.

— Тебя утопили и сожгли?

Она присела рядом на компост, не снимая ледяных пальцев с пульсирующей от боли Никтовой

ноги.

— Приходют в мой домишко ни свет ни заря, я даже глаз не продрала, и тащут меня на общинную землю, что посередь деревни. «Ведьма ты!» — кричат, все такие толстые, чистые, розовые, как порося, вымытые к базарному дню. Один за другим встают и под этим самым небом говорят, как-де у них молоко скисло да кобылы охромели. А последняя встает миссис Джемайма, самая толстая, розовая и мытая из всех. Мол, Соломон Поррит стал ее чураться и знай вьется у прачечной, как оса у горшка с медом. Все, мол, мои чары, околдовала я молодчика. Привязали меня к табуретке и давай топить в утином пруду — коли ведьма, то воды не наглотаюсь, даже не замечу, а не ведьма, тонуть начну. А отец миссис Джемаймы дает каждому по серебряному четырехпенсовику, чтоб табуретку подольше подержали в мерзкой зеленой луже, чтоб я захлебнулась.

— И ты захлебнулась?

— А то ж! Воды набрала с горла по пуп! Так меня и порешили.

— А-а… Значит, ты все-таки не была ведьмой.

Девушка пристально посмотрела на него блестящими глазами и криво усмехнулась. Все равно

она напоминала гоблина, но теперь — хорошенького. Никт решил, что с такой улыбкой ей вряд ли нужны были чары, чтобы привлечь Соломона Поррита.

— Что за чушь! Была я ведьмой, еще какой! Они сами узнали, как отвязали меня от табуретки и положили на траву, почитай что уж мертвую, всю в ряске и вонючей тине. Я закатила глазищи и прокляла их, всех до единого, кто стоял тем утречком на общинной земле. Чтобы никто из них не упокоился на погосте! Даже удивилась, как легко оно мне далось, проклятие-то… Будто танец, когда ловишь шаг под песенку, которую не слыхала и не знаешь, а как поймаешь — пляшешь до рассвета. — Она вскочила и закружилась, выбрасывая ноги в стороны, сверкая босыми пятками в лунном свете. — Вот как я их прокляла последним хриплым вздохом! И дух испустила. Жгли мое тело на общинной земле, жгли, пока не остались одни черные уголья, а потом сбросили в яму на земле горшечника, и даже камня с именем не поставили!

Выпалив все это, девушка замолчала и на мгновение показалась печальной.

— Так их похоронили на кладбище? — спросил Никт.

— Ни одной-единой душеньки! — подмигнула она. — В субботу, аккурат как меня утопили и сожгли, мистеру Порринджеру доставили ковер из самого Лондона, и знатный такой ковер! Хорош он был не только прочной шерстью и работой, засела в его узорах страшная чума. К понедельнику пятеро уже харкали кровью, и кожа их стала черной, как моя, когда меня из костра выволокли. Через неделю чума забрала почти всю деревню, а мертвяков свалили кучей в чумную яму на краю деревни и засыпали.

— Вся деревня умерла?

Она пожала плечами.

— Все, кто глазел, как меня топили и жгли. Как нога-то?

— Спасибо, лучше.

Никт медленно встал и кое-как слез с компостной кучи. Потом оперся о железные прутья ограды.

— А ты всегда была ведьмой? В смысле, до того, как их прокляла?

— Будто надобно колдовство, — фыркнула она, — чтобы Соломон Поррит зачастил к моему домишку!

Это не ответ, подумал Никт, но вслух не сказал.

— Как тебя зовут?

— У меня нет могильного камня! — скорчила гримаску она. — Могу как угодно зваться. А что?

— Ну, должно быть у тебя какое-то имя!

— Лиза Хемпсток, если уж так хочешь, — буркнула она. Потом добавила: — Неужто я так много прошу-то? Хоть пометили бы могилку… Я вон там, видишь? Только по крапиве и поймешь, где я усопла. — На миг она показалась такой грустной, что Никту захотелось ее обнять.

Когда мальчик протискивался между прутьями ограды, его осенило: он сделает Лизе Хемпсток надгробье! Может, тогда она улыбнется. Никт обернулся, чтобы помахать ей на прощанье, но она уже исчезла.

По кладбищу валялись обломки чужих статуй и надгробий, но Никт понимал: все это не сгодится сероглазой ведьме с земли горшечника. Нужно что-то особенное. Мальчик решил никому не говорить о том, что задумал, справедливо рассудив, что ему это наверняка запретят.

Следующие несколько дней в его голове вертелось множество планов, один сложнее и замысловатее другого. Мистер Пенниуорт вконец отчаялся.

— У меня создалось мнение, — объявил он, поглаживая свои пыльные усы, — что ваши успехи

становятся все более плачевными. Вы не *блекнете*, мальчик. Вы заметны всем и каждому. Более того, проглядеть вас весьма проблематично. Да если б вы явились сюда в компании фиолетового льва, зеленого слона и малинового единорога, на котором восседал бы король Англии в церемониальном одеянии, я нисколько не сомневаюсь, что люди замечали бы вас и только вас, а от всего остального отмахнулись бы как от мелочей, не заслуживающих внимания!

Никт молча смотрел на учителя, а сам думал, есть ли в городе живых магазины, где продаются надгробия, и если да, то где именно. *Блекнуть* ему хотелось меньше всего.

Он воспользовался тем, что мисс Борроуз легко отвлекалась от правописания и сочинения, и расспросил ее о деньгах и как ими пользоваться. За эти годы у Никта накопилось немного монет (он знал, что легче всего найти мелочь в траве, где недавно обнимались и целовались парочки), и решил их наконец на что-то употребить.

— Сколько может стоить надгробие? — спросил он у мисс Борроуз.

— В мое время, — ответила она, — оно стоило пятнадцать гиней. Сколько сегодня, ума не приложу. Думаю, больше. Значительно больше.

У Никта было два фунта пятьдесят три пенса. Он даже не сомневался, что этого не хватит.

Никт был в могильнике Человека-индиго целых три года — почти полжизни — назад, но дорогу не забыл. Он поднялся на самую вершину холма: над старой яблоней, над шпилем часовни, над всем городом. Именно там, наверху, гнилым зубом торчал мавзолей Фробишеров. Никт проскользнул в мавзолей, залез за тот самый гроб, дошел до маленьких каменных ступенек, вырубленных в толще холма, и добрался до каменной пещеры. Было темно, как в оловянной шахте, но Никт видел все глазами мертвых.

Слир свернулся кольцом вокруг стен, Никт его чувствовал. Все было так, как мальчик помнил: невидимое нечто, состоящее из туманных щупалец, ненависти и жадности. На этот раз Никт совсем не боялся.

— СТРАШИСЬ НАС! — прошептал Слир. — ИБО МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ УНЕСТИ.

— Я вас не боюсь, — сказал Никт. — Помните меня? И я как раз хотел бы кое-что унести.

— ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, — ответило существо, свернувшееся в темноте. — НОЖ, БРОШЬ, КУБОК. СЛИР ХРАНИТ ИХ ВО ТЬМЕ. МЫ ЖДЕМ.

— Простите, а вы здесь похоронены?

— ГОСПОДИН ПРИНЕС НАС НА ЭТУ РАВНИНУ. ЗАКОПАЛ НАШИ ЧЕРЕПА ПОД КАМНЕМ И ПРИКАЗАЛ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ. МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА ДЛЯ ГОСПОДИНА.

— Скорее всего, он давно про вас забыл, — заметил Никт. — Наверняка уже тыщу лет как умер.

— МЫ — СЛИР. МЫ СТЕРЕЖЕМ.

Интересно, подумал Никт, сколько же веков прошло с тех пор, как могильник в середине холма был на равнине. Наверное, ужасно много… Слир защекотал его волнами страха, похожими на усики плотоядного растения. Никту было все холоднее, движения замедлялись, словно его укусила в самое сердце полярная гадюка и ледяной яд хлынул по венам.

Он шагнул к каменной плите, протянул руку и сомкнул пальцы на холодной броши.

— ПРОЧЬ! — прошипел Слир. — МЫ ХРАНИМ ЕЕ ДЛЯ ГОСПОДИНА!

— Он не будет против. — Никт отступил к каменной лестнице, стараясь не споткнуться о высохшие останки людей и животных.

Слир воронкой дыма злобно завертелся вокруг пещеры, но потом остановился.

— СОКРОВИЩЕ ВЕРНЕТСЯ, — произнес тройной

голос Слира. — ОНО ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Никт со всех ног побежал вверх по лестнице. На миг ему показалось, что за ним кто-то гонится, но когда он вырвался наружу, в мавзолей Фробишеров, и вдохнул прохладный рассветный воздух, следом никто не появился.

Никт присел на макушке холма и стал рассматривать брошь. Сначала он думал, что она вся черная, но когда взошло солнце, стало видно, что посреди черного металла сияет алый камень с завихрениями. Камень был размером с яйцо дрозда, и в его сердцевине словно что-то шевелилось. Мальчик смотрел в чудесный алый мир и никак не мог оторваться. (Несколько лет назад он просто сунул бы красивую штучку в рот.)

Камень держали черные металлические зажимы, похожие на когти какой-то ползающей твари — вроде змеи, только многоголовой. Может, это и есть Слир при свете дня, подумал Никт.

Он спустился по холму, срезав путь через заросли плюща над склепом семейства Бартлби (там кто-то на кого-то ворчал: Бартлби готовились ко сну), и протиснулся сквозь ограду на землю горшечника.

Никт крикнул:

— Лиза! Лиза! — И завертел головой.

— И тебе здрасте, юный увалень! — послышался голос Лизы. Никт ее не увидел, но заметил под кустом боярышника лишнюю тень. Когда мальчик приблизился, тень в свете раннего утра стала перламутрово-прозрачной. Похожей на девушку. Сероглазую. — Ты что куролесишь, людям спать не даешь?

— Я про твой могильный камень! Хотел узнать, что на нем должно быть написано.

— Мое имя. Мое имя с большой буквы Э, Элизабет, как у королевы-старухи, что преставилась, как я на свет родилась, и большое Хэ, Хемпсток. А больше мне ничего и не надо, потому как грамоте я толком не обучена.

— А цифрам? — спросил Никт.

— Вилль-Гелль-Завыватель, тыща шестьдесят шесть! — пропел рассветный ветер в боярышнике. — Большое Э, всего делов-то. И большое Хэ.

— Чем ты занималась? — спросил Никт. — Ну, когда не была ведьмой?

— Стирала, — ответила покойница.

Тут пустырь залило утреннее солнце, и Никт остался один.

Было девять утра, когда весь мир спит. Никт, однако, твердо вознамерился не спать: его ждало важное дело. Ему было восемь лет, и мир за пре-

делами кладбища нисколько его не пугал.

Одежда. Нужна какая-то одежда… Обычный серый саван, конечно, не подойдет. Он годился для кладбища, потому что был того же цвета, что камни и тени, но за пределами кладбищенских стен Никт в нем слишком бы выделялся.

В крипте часовни была кое-какая одежда, только вот Никт не хотел туда спускаться даже днем. Перед мистером и миссис Оуэнс он еще мог как-то оправдаться, но уж никак не перед Сайлесом. Одна мысль о гневе или, еще хуже, разочаровании в темных глазах опекуна страшила мальчика.

В дальнем конце кладбища стоял сарай садовника — небольшое зеленое строение, пропахшее машинным маслом. Там ржавела газонокосилка в компании целой груды старых лопат и грабель. Сарай забросили, когда вышел на пенсию последний садовник (еще до рождения Никта), и поддержанием кладбища в порядке занимались городской совет (раз в месяц с апреля по сентябрь они присылали человека, который стриг траву и расчищал дорожки) и местное Общество друзей кладбища.

Дверь сарая была заперта на огромный замок, но Никт давно обнаружил сзади расшатавшуюся доску. Иногда, когда ему хотелось побыть одному,

он залезал туда, сидел и размышлял.

С внутренней стороны двери висела старая коричневая куртка — то ли ее забыли, то ли оставили специально, — и джинсы с зелеными пятнами от травы. Джинсы были Никту очень велики, но он упорно подворачивал штанины, пока не показались ноги, а потом подпоясался коричневой бечевкой. В углу нашлись сапоги, облепленные грязью и цементом и такие огромные, что мальчик едва передвигал в них ноги, а когда попытался шагнуть, сапог остался на полу сарая. Никт вытолкнул куртку наружу сквозь дырку в стене, протиснулся в щель сам, потом накинул куртку. Если закатать рукава, решил он, сойдет. В куртке были большие карманы, и Никт гордо засунул в них руки.

Никт подошел к кладбищенским воротам и выглянул через прутья. По улице с грохотом проехал автобус. Впереди были автомобили, шум и магазины. Позади — прохладная тень в зелени деревьев и плюща: дом.

С сильно колотящимся сердцем Никт шагнул в большой мир.

Эбинизер Болджер повидал на своем веку немало странных типов. Вы бы повидали не меньше, будь вы владельцем такого же магазина, как у

Эбинизера. Находился его магазинчик в одном из проулков Старого города и напоминал то ли антикварную лавку, то ли логово старьевщика, то ли ломбард (даже сам Эбинизер не сказал бы вам точнее). К этому магазину стягивались самые странные типы и темные личности: одни хотели что-нибудь купить, другие — продать. Эбинизер Болджер торговал и в открытую, но куда бо́льшую прибыль получал от сделок из-под прилавка и в задней комнате, где брал на продажу и незаметно сбывал вещи, не всегда приобретенные честным путем. Пыльный магазин был всего лишь верхушкой айсберга, и Эбинизера это вполне устраивало.

Эбинизер Болджер носил очки с толстыми стеклами, а на его лице была обычно написана легкая брезгливость: будто он ненароком влил в чай скисшее молоко и во рту у него до сих пор гадко. Такая мина была как нельзя кстати, когда ему пытались что-нибудь сбыть.

— Ну, знаете ли, — кисло говорил он, — эта штуковина вообще ничего не стоит. Дам что смогу, и то из сентиментальных соображений.

Если за свою вещь вы выручили у Эбинизера хоть приблизительно столько, на сколько рассчитывали, считайте, что вам очень повезло.

У кого только Эбинизер не скупал дорогие вещицы по дешевке, но мальчик, пришедший в то утро, оказался, пожалуй, самым странным из всех: на вид лет семь, одет в дедушкины обноски и пахнет сараем. Мальчик мрачно смотрел из-под длинных нечесаных патл, а руки засунул глубоко в карманы пыльной коричневой куртки (Эбинизер догадался, что в правой руке тот что-то очень крепко стиснул.)

— Простите, — сказал мальчик.

— Да-да, паренек… — осторожно отозвался Эбинизер. Опять дети! Или что-то стащили, или пытаются продать свои игрушки. И тем и другим он обычно отказывал. Купишь краденое у малолетки — и тут же заявится рассерженный взрослый: ах, его Джонни или Матильдочке дали всего десять баксов за мамино обручальное колечко! От детей больше проблем, чем проку.

— Мне нужно кое-что купить для друга, — сказал мальчик. — И я подумал, может, вы купите то, что есть у меня.

— У детей не покупаю, — отрезал Эбинизер Болджер.

Никт вынул руку из кармана и положил брошь на грязную стойку. Болджер бросил на нее небрежный взгляд. Потом всмотрелся присталь-

нее. Снял очки. Вставил в глазницу монокль и включил настольную лампу.

— Змеиный камень?.. — Он обращался не к мальчику, а к самому себе. Убрал монокль, надел очки и кисло сощурился. — Откуда у тебя эта вещь?

— Хотите купить?

— Ты ее украл. Стащил из какого-то музея, так?

— Не так, — отрезал Никт. — Вам она нужна, или мне поискать другого покупателя?

Кислая мина Эбинизера Болджера вдруг сменилась широкой и дружелюбной улыбкой:

— Ах, прости, пожалуйста! Уж очень редкостная вещица! Для моего магазина редкая. Такие разве что в музее увидишь. Но я, конечно, не прочь ее купить. Послушай… Давай выпьем чайку с печеньем — у меня в задней комнате целая пачка печенья с шоколадной крошкой — и решим, сколько такая штука стоит, а?

Никт обрадовался, что с ним заговорили вежливо.

— Мне нужно, чтобы хватило на камень. Могильный камень для одного моего друга. То есть подруги. То есть не совсем подруги, а знакомой. Понимаете, она вылечила мне ногу!

Эбинизер Болджер, не обращая внимания на

болтовню мальчика, провел его за стойку и открыл дверь в кладовку — крошечное помещение без окон, до отказа заполненное всяким хламом в картонных коробках. В углу стоял большой старый сейф. Еще Никт увидел целый ящик скрипок, коллекцию чучел диких зверей, стулья без сидений, стопки книг и газет.

Эбинизер Болджер подвинул к маленькому столу у двери единственный целый стул и сел. Никт остался стоять. Владелец магазина порылся в ящике стола — Никт заметил початую бутылку виски — и достал почти доеденную пачку печенья с шоколадной крошкой. Одно печенье он протянул мальчику, а сам включил настольную лампу и снова осмотрел брошь, красно-оранжевые завитки камня, черный металл оправы… При виде змеиных голов его слегка передернуло.

— Старинная штуковина. Она… — «бесценна», подумал Эбинизер, а вслух сказал: —…вряд ли много стоит, но кто знает…

У Никта вытянулось лицо от разочарования. Эбинизер заставил себя ободряюще улыбнуться.

— Учти, прежде чем я дам тебе хоть пенни, я должен знать, что она не краденая. Ты взял ее из маминой спальни? Утащил из музея? Мне можешь спокойно признаться. Я на тебя не на-

ябедничаю. Мне просто надо знать правду.

Никт, жуя печенье, покачал головой.

— Так откуда ты ее взял?

Никт молчал.

Эбинизер Болджер с явной неохотой двинул брошь по столу к мальчику.

— Не можешь рассказать — забирай. Доверие должно быть взаимным. Приятно было иметь с вами дело, молодой человек. Жаль, что сделка не состоялась.

Никт забеспокоился:

— Я нашел ее в старой могиле! А где — не скажу.

Он осекся, потому что дружелюбие на лице Эбинизера Болджера сменилось неприкрытой алчностью.

— А еще там есть?

— Если не будете покупать, найду другого. Спасибо за печенье.

— Спешишь, да? Небось мамка с папкой заждались?

Мальчик отрицательно покачал головой и тут же об этом пожалел.

— Никто не ждет. Отлично. — Эбинизер Болджер накрыл брошь руками. — А теперь расскажи мне, где именно ты ее нашел. Ну?

— Не помню.

— Поздно отпираться! Давай-ка ты посидишь и немножко подумаешь о том, откуда у тебя брошь. А потом мы снова с тобой поговорим по душам, и ты мне все расскажешь.

Он встал, вышел, закрыл за собой дверь. И запер большим железным ключом.

Потом раскрыл ладонь, посмотрел на брошь и алчно улыбнулся.

Над дверью магазина звякнул колокольчик — кто-то вошел. Эбинизер виновато встрепенулся, но никого не увидел. Правда, в двери осталась щель. Болджер закрыл дверь и впридачу поменял знак в окне на «ЗАКРЫТО». Потом задвинул засов: сегодня только любопытных посетителей не хватало!

Осенний день из солнечного стал серым, и по грязной витрине побежали капельки дождя.

Эбинизер Болджер взял со стойки телефон и дрожащими пальцами набрал номер.

— Том, у меня находка века! Гони сюда, быстро!

Никт услышал, как проворачивается ключ, и понял, что попался. Подергал дверь — не открывается. Какой же он дурак, что дал себя сюда заманить! Ведь хотелось же убраться от это-

го кислолицего дядьки! Он нарушил правила кладбища, и все пошло наперекосяк. Что скажет Сайлес? А Оуэнсы? Его начала охватывать паника, но Никт подавил ее, загнал поглубже. Все будет хорошо, обязательно. Только сначала нужно отсюда выбраться…

Он осмотрел комнату, в которой его заперли: обычная кладовка со столом, единственный вход — дверь. Открыл ящик стола и не нашел ничего, кроме баночек с краской (чтобы подкрашивать антиквариат) и кисточки. Может, получится плеснуть краской хозяину в глаза и убежать? Он снял крышку с баночки и окунул туда палец.

— Что делаешь? — поинтересовался чей-то голос над самым ухом.

— Ничего. — Никт закрутил банку и бросил в огромный карман куртки.

На него осуждающе воззрилась Лиза Хемпсток.

— Зачем ты здесь? И что там за старый пузан за дверью?

— Владелец магазина. Я хотел кое-что продать.

— Зачем?

— Не суй свой нос в чужой вопрос!

Она фыркнула.

— Тебе домой пора!

— Не могу. Он меня запер.

— Можешь. Через стену.

Он покачал головой.

— Не могу. Я прохожу сквозь стены только дома, потому что в детстве меня сделали гражданином кладбища. — В электрическом свете Лизу было трудно увидеть, но Никт привык говорить с мертвыми и различать их. — А ты что тут делаешь? Почему ты не на кладбище? Сейчас день. Ты же не Сайлес, тебе положено быть на кладбище.

— Для тех, кто закопан в неосвященной земле, правил нету! Никто мне не указ, куда ходить и чего делать! — Она сердито покосилась на дверь. — Не нравится мне этот молодчик. Пойду гляну, чего он там поделывает.

Что-то мелькнуло, и Никт снова остался один. Вдалеке послышался раскат грома.

В темной захламленной «Лавке древностей Болджера» Эбинизер встревоженно огляделся. Он решил было, что кто-то на него смотрит, но отмахнулся от глупой мысли: мальчишка под замком, входная дверь на засове. Эбинизер полировал металл вокруг змеиного камня — любовно и бережно, как археолог на раскопках. Черный слой сходил, и под ним открывалось блестящее серебро.

Эбинизер уже сожалел, что позвал Тома Га-

стингса, хотя этот громила как нельзя лучше годился для устрашения несговорчивых. Ему очень не хотелось расставаться с удивительной брошью. Чем дольше сияла она под лампой у него на прилавке, тем больше ему хотелось оставить ее себе, владеть ею единолично.

Таких брошек там наверняка много. Мальчишка все расскажет. Мальчишка его туда приведет.

Мальчишка…

Эбинизера осенило. Он нехотя выпустил из рук брошь и открыл ящик под прилавком. Там была жестянка из-под печенья, наполненная конвертами, визитками и всякими бумажками.

Эбинизер достал карточку размером чуть больше визитной, с черными краями. На ней не было ни имени, ни адреса, лишь посредине одно слово, написанное побуревшими от времени чернилами: Джек.

На обратной стороне виднелись карандашные пометки: Эбинизер когда-то сам записал мелким четким почерком, что нужно делать. Впрочем, вряд ли он забыл бы, как использовать карточку, как с ее помощью вызвать человека по имени Джек. Нет, не вызвать. Пригласить. Таких не вызывают.

В дверь магазина постучали.

Болджер бросил карточку на прилавок, подошел к двери и всмотрелся в сырой день за окном.

— Быстрее! — крикнул Том Гастингс. — Погода отвратная! Сейчас промокну насквозь!

Болджер открыл дверь, и в нее ввалился Том Гастингс. С его волос и плаща капало.

— В чем дело? О чем ты не мог сказать по телефону?

— О том, как мы разбогатеем, — кисло ответил Эбинизер Болджер. — Вот о чем.

Гастингс снял плащ и повесил на дверь.

— С какой радости? Из грузовика на дорогу богатство выпало?

— Я нашел клад. В двух смыслах.

Эбинизер Болджер отвел приятеля к прилавку и показал ему брошь.

— Старая штуковина, да?

— Времен язычества, — сказал Эбинизер. — Даже раньше, друидов. До того, как здесь высадились римляне. Называется змеиный камень. Я видел что-то похожее в музеях. Но подобную ковку и камень такой красоты встречаю впервые. Малый, что нашел ее, говорит, там была могила. Вообрази себе могильник, битком набитый такими вещицами.

— Может, стоит сделать все по закону… — за-

думчиво проговорил Гастингс. — Сообщить о найденном кладе. Нам дадут рыночную цену, и можно добиться, чтобы клад назвали в нашу честь. Находка Гастингса и Болджера.

— Болджера и Гастингса, — машинально поправил Эбинизер. — Я знаю кое-кого с хорошими деньгами, кто заплатит больше рыночной цены, если подержит ее в руках. Как ты. — Том Гастингс поглаживал брошь нежно, как котенка. — И не будут задавать лишних вопросов.

Эбинизер протянул руку, и Том Гастингс неохотно вернул ему брошь.

— Ты сказал, клад в двух смыслах, — вспомнил Гастингс. — Какой второй?

Эбинизер Болджер взял в руки карточку с черными краями.

— Знаешь, что это?

Тот покачал головой. Эбинизер положил карточку на прилавок.

— Один человек кое-кого ищет.

— Ну и?

— Насколько я понял, мальчика.

— Мальчиков везде полно, — отмахнулся Том Гастингс. — Бегают туда-сюда. Лезут куда попало. Мерзкие детишки. Стало быть, один человек ищет какого-то конкретного мальчика?

— Этот на вид как раз подходящего возраста. Одет — ну, сам увидишь, как. И нашел эту брошь. Вполне вероятно, тот самый и есть.

— И что тогда?

Эбинизер Болджер поднял карточку за краешек, поводил ею из стороны в сторону, словно поднес к воображаемому пламени.

— Вот зажгу я пару свеч — ты в постельку можешь лечь…

— …Вот возьму я острый меч — и головка твоя с плеч, — рассеянно продолжил Том Гастингс. — Слушай сюда: если мы позовем человека по имени Джек, он заберет у нас мальчика. А если у нас не будет мальчика, то не будет и сокровища.

И они начали спорить, сдать ли мальчика Джеку или забрать себе клад, который в их мечтах вырос до огромной пещеры, битком набитой драгоценностями. Пока они спорили, Эбинизер достал из-за прилавка бутылку тернового джина и налил себе и Тому, «для работы мозгов».

Лизе вскоре надоело слушать разговор, который вертелся на одном месте, как юла, и она вернулась в кладовку. Никт стоял посреди комнаты, зажмурившись, сжав кулаки и наморщив лицо так, будто у него болят зубы. От задержки дыхания он почти посинел.

— Что это с тобой? — с осуждением спросила она.

Никт открыл глаза и расслабился.

— Пытаюсь *поблекнуть*.

Лиза фыркнула:

— Валяй-валяй!

Никт снова задержал дыхание.

— Хватит, — сказала Лиза. — А то лопнешь.

Никт перевел дух.

— Не получается… Может, просто стукнуть его камнем и убежать?

Не найдя в кладовке камней, он взял пресс-папье из цветного стекла и взвесил в руке, примеряясь, сможет ли оглушить Эбинизера Болджера.

— Теперь их уже двое. Не один сцапает, так другой. Хотят, чтобы ты показал им, где взял брошь, а потом раскопать могилу и забрать сокровище себе. — Про карточку с черными краями она говорить не стала. — Как же это тебя угораздило? — покачала она головой. — Ты ж знаешь: нельзя покидать кладбище. Сам виноват, неслух!

Никт почувствовал себя совсем маленьким и глупым.

— Я хотел купить тебе надгробный камень, — тихо признался он. — И подумал, что денег у меня не хватит. Поэтому решил продать брошку.

Лиза промолчала.

— Ты злишься?

Она покачала головой.

— Это первое добро, какое я увидела от людей за пятьсот лет, — усмехнулась она своей гоблинской усмешкой. — С чего же мне злиться?.. А что ты делаешь, когда хочешь *поблекнуть*?

— Как меня учил мистер Пенниуорт. Говорю себе: «Я дверной проем, я безлюдный проулок, я ничто. Невидим для глаза, не привлекаю внимание». Но у меня еще ни разу не получилось.

— Ты живой, вот в чем загвоздка! — фыркнула Лиза. — Кое-что под силу только нам, мертвым. Нам-то частенько надо попыхтеть, чтобы нас приметили. С живыми все наоборот.

Она крепко охватила себя руками и закачалась, словно сама с собой спорила.

— Эх, ты влип в эту историю из-за меня… Поди сюда, Никто Оуэнс.

Он шагнул к Лизе, и она тронула его лоб холодной рукой — словно к коже приложили влажный шелковый платок.

— Что ж, может, и я тебе пригожусь.

Она что-то забормотала, но Никт не мог разобрать ни слова. А потом сказала четко и ясно:

Как тень, как пыль, как сон, как свист,

Как ночь, как тьма, как дух, как мысль,
Скользни, исчезни, прочь от глаз,
По верху вниз, меж них, меж нас.[165]

Нечто огромное коснулось его, объяло с головы до ног. Мальчик вздрогнул. Волосы его стали дыбом, на коже выступили пупырышки. Что-то изменилось.

— Что ты сделала?

— Подсобила тебе чуток. Я, может, и мертвая, но все одно ведьма, вот так-то! Мы всё помним.

— Но…

— Тихо! Идут!..

В замке громыхнул ключ.

— Ну что, дружок… — Никт впервые четко расслышал голос второго. — Мы же с тобой по-дружимся?

Том Гастингс распахнул дверь — и озадаченно застыл на пороге. Он был очень-очень высок и широкоплеч, с рыжими, как у лисицы, волосами и красным, как у пьяницы, носом.

— Так, Эбинизер! Ты вроде сказал, он тут!

— Сказал, — просипел Болджер сзади.

— А я его не вижу!

---

[165] notes: 165
Пер. А. Круглова.

Из-за спины верзилы показалась физиономия Болджера. Он пристально оглядел комнату.

— Прячется, — сказал Болджер, вперив взгляд прямо туда, где стоял Никт. — Хватит прятаться! Я тебя вижу, — громко заявил он. — Вылезай!

Мужчины зашли в кладовку. Никт замер между ними, думая только об уроках мистера Пенниуорта. Он не двигался и изо всех сил старался, чтобы его не заметили.

— Ты пожалеешь, что не вылез, когда я звал! — сказал Болджер и прикрыл дверь. — Ладно, — обратился он к Тому Гастингсу, — стой в дверях, чтоб он не выскочил.

Антиквар начал обходить комнату и заглядывать за все предметы. Неуклюже нагнулся под стол. Прошел мимо Никта и открыл шкаф.

— Ага, попался! — крикнул Болджер. — Вылезай!

Лиза хихикнула.

— Кто это? — завертел головой Том Гастингс.

— Я ничего не слышал, — ответил Эбинизер Болджер.

Лиза снова хихикнула. Потом собрала губы в трубочку и издала звук: свист, который перешел в далекий вой ветра. Лампочки в комнате замигали, загудели и погасли.

— Чертовы пробки! — сказал Эбинизер Болджер. — Пошли! Только время тратим.

В замке щелкнул ключ, и Лиза с Никтом снова остались одни.

— Сбежал он. — Никт слышал через дверь голос Эбинизера Болджера. — В этой комнате негде спрятаться. Мы бы его увидели.

— Человеку по имени Джек это не понравится.

— А кто ему скажет?

Пауза.

— Так. Том Гастингс. Куда делась брошь?

— М-м… Эта, что ли? На. Я ее придержал, чтоб не потерялась.

— Чтоб не потерялась? Придержал в своем кармане? Неплохо придумал! А по-моему, ты просто хотел с нею смыться. По-моему, ты хотел забрать мою брошку себе!

— Твою брошку, Эбинизер?! Твою?! Ты хотел сказать нашу!

— Нашу?! Вот еще! Что-то я не припомню, чтобы ты был рядом, когда я забирал ее у мальчишки.

— Того самого, которого ты упустил и не отдал Джеку? Представляешь, что он с тобой сделает, когда узнает, что мальчик был у тебя в руках и ты его упустил?

— Вряд ли это тот, кто ему нужен. На свете пол-

но мальчиков. Какова вероятность, что это был тот самый? Прошмыгнул через черный ход, как только я отвернулся, точно говорю! — И Эбинизер добавил тонким вкрадчивым голоском: — А о человеке по имени Джек ты не волнуйся, Том Гастингс. Я уверен, что это был не тот мальчик. Стар я стал, воображаю всякую чушь. Кстати, терновый джин мы почти прикончили. Не хочешь хорошего скотча? У меня в кладовке есть, погоди маленько.

Дверь кладовки открылась, и вошел Эбинизер с тростью и фонариком. Его лицо казалось еще кислее обычного.

— Если ты еще тут, — пробормотал он, — даже не пытайся смыться. Я вызвал полицию, вот что. — Он порылся в ящике стола, извлек оттуда недопитую бутылку виски и крошечный черный пузырек. Вылил из пузырька несколько капель в бутылку и сунул в карман. — Моя брошь, моя, — прошептал он, а вслух гаркнул: — Том, я иду!

Эбинизер напоследок окинул темную комнату сердитым взглядом, не замечая Никта, и вышел, держа виски перед собой. Дверь он запер.

— Вот, — послышался его голос из-за двери. — Давай сюда стакан! Ну, капельку доброго виски, чтоб цвело и пахло. Скажешь, когда хватит.

Молчание.

— Дешевое пойло! А ты чего не пьешь?

— Да мне терновка все нутро прожгла. А ну… Том! Что ты сделал с моей брошкой?

— Опять твоей? Э-э… ты что… ты меня опоил, червяк поганый!

— Ну и что? Я по твоей роже сразу понял, что ты задумал, Том Гастингс. Ворюга!

Крики, грохот, тарарам, словно кто-то переворачивает шкафы и столы…

А потом — тишина.

Лиза прошептала:

— Теперь живо! Надо выбираться отсюда.

— Дверь заперта! — Никт оглянулся на нее. — Ты не поможешь?

— Я? У меня нет таких чар, малый, чтобы вытащить тебя из-под замка.

Никт наклонился и посмотрел в скважину. Ничего не было видно: в замке торчал ключ. Никт задумался, а потом улыбнулся. Эта мимолетная улыбка осветила его лицо, как вспышка лампочки. Он достал из коробки с бумагой для упаковки мятый лист газеты, кое-как расправил его и просунул под дверь, так что по эту сторону остался только уголок.

— Что за забава? — нетерпеливо спросила

Лиза.

— Мне нужно что-нибудь вроде карандаша. Только тоньше… А, вот!

Он взял со стола тонкую кисточку, засунул ее концом в скважину, повертел и немного надавил.

С приглушенным звяканьем ключ выпал из замка на бумагу. Никт втащил газету обратно — с ключом.

Лиза восхищенно рассмеялась.

— Ну ты пройдоха! Умно´!

Никт вставил ключ в замок, повернул и открыл дверь. На полу тесной лавки валялись двое. Грохот был неспроста: они лежали на разбитых настенных часах и обломках стульев, щуплый Эбинизер Болджер под громадной тушей Гастингса. Оба не шевелились.

— Они мертвые? — спросил Никт.

— Как же, надейся!

Рядом валялась блестящая серебряная брошь. Чудище сжимало в когтях алый камень с красно-оранжевыми разводами, а змееподобные морды смотрели с алчным торжеством.

Никт сунул брошь в карман, к тяжелому пресс-папье, кисточке и банке с краской.

— Это тоже возьми, — сказала Лиза.

Никт посмотрел на карточку с черными краями, где было написано от руки: «Джек». Ему стало не по себе, будто нахлынули какие-то старые воспоминания о пережитой опасности.

— Мне она не нужна.

— Нельзя ее тут оставлять. Они замыслили худое против тебя.

— Мне она не нужна. Она плохая. Сожгу.

— Нет! — ахнула Лиза. — Ни за что. Не смей!

— Тогда отдам Сайлесу, — решил Никт, положил карточку в конверт, чтобы больше к ней не прикасаться, а конверт опустил в нагрудный карман старой куртки.

За двести миль от этого места человек по имени Джек проснулся и принюхался. Потом сошел по лестнице вниз.

— Что стряслось? — спросила бабушка, помешивая на плите варево в большом чугунном котле. — Чего всполошился?

— Не знаю… Что-то случилось. Что-то… любопытное. — Он облизнулся. — Вкусно пахнет! Очень вкусно.

Блеснула молния, высветив камни мостовой.

Никт бежал под дождем через Старый город по направлению к кладбищу. Пока он сидел в кладовке, серый день потемнел. Когда под фонарями

мелькнула знакомая тень, Никт ничуть не удивился. Черное бархатное шуршание сложилось в фигуру.

Сайлес встал перед ним, скрестив руки. Потом нетерпеливо шагнул вперед.

— Ну?

— Прости меня, Сайлес.

— Я глубоко разочарован. — Сайлес покачал головой. — Я ищу тебя с тех пор, как проснулся. Ты весь пропах неприятностями. Знаешь ведь, что тебе запрещено выходить в мир живых.

— Знаю. Прости…

По лицу мальчика, словно слезы, текли капли дождя.

— Сначала отнесу тебя туда, где безопасно. — Сайлес набросил на него свой плащ, и у Никта земля ушла из-под ног.

— Сайлес… — начал Никт.

Тот молчал.

— Я немножко испугался. Но я знал, что ты придешь и выручишь меня, если будет совсем плохо. И еще со мной была Лиза. Она мне очень помогла.

— Лиза? — Голос Сайлеса прозвучал резко.

— Ведьма. С земли горшечника.

— Помогла тебе, говоришь?

— Да. Особенно *блекнуть*. Кажется, я научился.

Сайлес хмыкнул.

— Что ж, расскажешь всё дома.

Никт молчал, пока они не опустились на землю перед часовней. Они вошли в пустое здание. Ливень тем временем усилился, и лужи вздулись пузырями.

Никт достал конверт с карточкой.

— Э-э… Я подумал, что нужно отдать это тебе. Ну, вообще-то, так Лиза велела.

Сайлес посмотрел на конверт. Потом открыл его, достал карточку с черными краями. Перевернул, прочитал памятку Эбинизера Болджера о том, как использовать карточку.

— Расскажи мне всё по порядку.

Никт рассказал, что запомнил. Выслушав его, Сайлес медленно и задумчиво покачал головой.

— Я влип, да? — спросил Никт.

— Никто Оуэнс, ты действительно… влип. Однако, полагаю, твои родители сами выберут, какое дисциплинарное воздействие в данном случае необходимо. А пока нужно избавиться от этого предмета.

Карточка с черными краями исчезла в складках бархатного плаща, а потом исчез и сам Сайлес.

Никт натянул куртку на голову и пробрался по

скользким дорожкам на вершину холма, к мавзолею Фробишеров. Он отодвинул гроб Эфраима Петтифера и спустился на самое дно лаза.

Мальчик положил брошь рядом с кубком и ножом.

— Вот, — сказал он. — Ее даже почистили. Совсем как новенькая.

— ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, — удовлетворенно прошипел Слир голосом, похожим на завитки дыма. — ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Долгая это была ночь… Никт сонно миновал крошечную гробницу некоей мисс с удивительным именем Картбланш Паразитт («Что потратила — пропало, что дала другим — осталось. Прохожий, будь милосерден!»), место упокоения Гаррисона Вествуда, пекаря сего прихода, и его жен Мэрион и Джоан. Мистер и миссис Оуэнс умерли за несколько веков до того, как телесные наказания детей объявили вредными, и, к сожалению, в ту ночь мистер Оуэнс сделал то, что считал своим долгом. Теперь ягодицы Никта ужасно болели. Правда, видеть встревоженное лицо миссис Оуэнс ему было куда больнее.

Он добрался до ограды и протиснулся между железными прутьями на землю горшечника.

— Эй! — крикнул он. Ответа не было, даже тени

не мелькнуло в боярышнике. — Надеюсь, тебя из-за меня никто не ругал.

Молчание.

Никт уже вернул джинсы в сарай садовника — в саване было удобнее, — но куртку оставил ради карманов. Из сарая он принес маленькую косу, вооружившись которой, атаковал заросли крапивы. Он резал их и кромсал, листья летели во все стороны, пока на земле не осталась лишь колючая щетина.

Мальчик вынул из кармана массивное пресс-папье, переливающееся яркими цветами, баночку краски и кисточку. Окунул кисть в коричневую краску и аккуратно вывел:

Э. Х.

И ниже:

Мы все помним

Пора было спать, да и домой опаздывать не стоило.

Он поставил пресс-папье на бывшие заросли, туда, где, по его прикидкам, должна быть голова Лизы. Окинул свою работу взглядом, отвернулся, пролез через ограду и уже решительнее зашагал

вверх по склону.

— Неплохо, — донесся с неосвященной земли звонкий голосок. — Очень даже неплохо!

Никт обернулся, но никого не увидел.

Глава 5
ДАНС-МАКАБР

Никт был уверен: что-то происходит. Это ощущалось в хрустком зимнем воздухе, в звездах, в ветре, в темноте. В том, как краткие дни сменялись долгими ночами.

Миссис Оуэнс вытолкала мальчика из тесной гробницы.

— Поди погуляй! У меня и без тебя хлопот уйма!

Никт воззрился на мать:

— Но там же холодно!

— Понятное дело, зима на дворе!.. Теперь, — сказала она скорее себе, чем Никту, — ботинки. А гляньте только на это платье: юбку давно пора

подрубить! И паутина… вокруг сплошная паутина, боже ты мой… Поди на улицу! — Это снова Никту. — Не путайся под ногами.

И она пропела себе под нос две строчки из песни, которую Никт слышал впервые:

— К нам, бедняк и богатей, пляшем, пляшем макабрей!

— Это откуда? — полюбопытствовал Никт, но тут же раскаялся: миссис Оуэнс потемнела, как грозовая туча. Мальчик поспешил уйти, пока ее неудовольствие не выразилось еще ярче.

На кладбище действительно было холодно. Холодно и темно, только в небе мерцали звезды. Никт вышел на заплетенную плющом Египетскую аллею. Там стояла матушка Хоррор и, сощурившись, смотрела на листья.

— Ну-ка, парень, присмотрись. У тебя глаза получше будут. Цветы видишь?

— Цветы? Зимой?

— Нечего мне рожи корчить! Всем цветам свое время. Почки набухают, распускаются и вянут. Всему свое время… — Она поплотнее закуталась в салоп. — Час труда и час затей, час для пляски макабрей. Верно, юноша?

— Не знаю, — ответил Никт. — А что такое макабрей?

Но матушка Хоррор уже скрылась в зарослях плюща.

— Странные дела… — вслух произнес Никт и решил зайти в мавзолей семейства Бартлби, чтобы согреться и поболтать. К сожалению, у представителей всех семи поколений (от самого старшего, который умер в 1831 году, до самого юного, похороненного в 1690-м), этой ночью не нашлось для Никта времени. Они занимались генеральной уборкой.

Фортинбрас Бартлби, скончавшийся в десять лет (от костоеды — несколько лет Никт думал, что Фортинбраса вместе с костями слопало какое-то чудище, и был очень разочарован, когда узнал, что это такая болезнь), извинился:

— Нам нынче не до игр, мистер Никт! Скоро будет завтра. Такое разве часто бывает?

— Каждую ночь, — ответил Никт. — Завтра приходит каждую ночь.

— Но такое завтра бывает редко, — возразил Фортинбрас. — Реже, чем раз в год, чаще, чем раз в вечность.

— Завтра не ночь Гая Фокса. И не Хэллоуин. Не Рождество и не Новый год.

Пухлое веснушчатое лицо Фортинбраса светилось радостью.

— Ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое! Эта ночь не похожа на остальные.

— Как она называется? Что будет завтра?

— Завтра будет лучшая ночь на свете!

Никт уже думал, что Фортинбрас все ему расскажет, но того подозвала бабушка, Луиза Бартлби (на вид лет двадцати), и чтото шепнула ему на ухо.

— Да ладно! — сказал Фортинбрас, а потом повернулся к Никту. — Извини, мне пора за уборку! — Он взял тряпку и принялся выбивать пыль из собственного гроба. — Ла-ла-ла-бум! — запел он. — Ла-ла-ла-бум! — И с каждым «бум» сильно замахивался тряпкой. — Будешь петь с нами?

— Что петь?

— Потом, потом, — ответил Фортинбрас. — Завтра!

— Все потом, — сказала бабушка Луиза (она умерла родами, произведя на свет близнецов). — Займись своими делами. — И пропела приятным и чистым голосом: — Мимо окон и дверей мы пропляшем макабрей…

Никт спустился к полуразрушенной небольшой часовне и *проскользнул* сквозь каменный пол в крипту. Там он сел и стал ждать Сайлеса. Было зябко, но это Никта не очень заботило: на клад-

бище он был своим, а мертвым холод нипочем.

Опекун вернулся под утро с большим полиэтиленовым пакетом.

— Что там?

— Одежда для тебя. Примерь. — Сайлес достал серый свитер — цвета Никтова савана, — джинсы, трусы с майкой и светло-зеленые кеды.

— Зачем?

— Ты хочешь спросить, зачем нужна одежда помимо того, чтобы прикрывать тело? Что ж, во-первых, я считаю, что ты достаточно вырос — сколько тебе, десять? — и должен теперь одеваться, как живые. Рано или поздно тебе придется носить нормальную одежду, так почему бы не привыкнуть заранее? Кроме того, эта одежда может сыграть роль камуфляжа.

— Что такое камуфляж?

— Это когда одна вещь так похожа на другую, что люди смотрят и не понимают, на что смотрят.

— А-а, понял!.. Вроде.

Никт оделся. Со шнурками возникло некоторое затруднение, и Сайлес научил мальчика их завязывать. У Никта получилось не сразу, и ему пришлось перешнуровывать кеды несколько раз, пока Сайлес не остался доволен.

Наконец Никт набрался смелости и спросил:

— Сайлес, а что такое макабрей?

Сайлес приподнял брови и склонил голову набок.

— Откуда ты знаешь это слово?

— Все кладбище о нем говорит. Кажется, это то, что будет завтра ночью. Так что такое макабрей?

— Это танец. Данс-макабр.

— Пляшем, пляшем макабрей, — вспомнил Никт. — А ты его танцевал? Какой он?

Опекун обратил к нему глаза, темные, как омуты.

— Не знаю. Мне многое известно, Никт, потому что я провел немало ночей в этом мире. Однако я не знаю, что значит танцевать макабрей. Для этого нужно быть или живым, или мертвым — а я ни то, ни другое.

Никт вздрогнул. Ему захотелось обнять опекуна, прошептать, что он его никогда не бросит, но обнять Сайлеса казалось не проще, чем поймать лунный луч, — не потому, что опекун бестелесный, а потому, что это было бы неправильно. Есть те, кого можно обнимать, — Сайлеса нельзя.

Опекун задумчиво осмотрел Никта в новой одежде.

— Сойдет. Теперь по тебе не скажешь, что ты

всю жизнь прожил на кладбище.

Никт гордо улыбнулся. Потом улыбка исчезла, и он посерьезнел.

— А ты ведь будешь здесь всегда, Сайлес, правда? И я не уйду отсюда, если сам не захочу?

— Всему свое время, — сказал Сайлес и промолчал весь остаток ночи.

Назавтра Никт проснулся рано. Высоко в свинцовом небе еще блестело серебряной монетой солнце. Зимой легко было проспать весь дневной свет, прожить три месяца как одну долгую ночь. Поэтому каждый раз перед сном Никт обещал себе, что встанет пораньше и выйдет на улицу.

В воздухе стоял странный аромат, резкий, цветочный. Никт пошел на запах — к Египетской аллее, где в вечнозеленых джунглях плюща скрывались псевдоегипетские стены, иероглифы и статуи.

Здесь пахло сильнее всего. Никту даже показалось, что выпал снег: на зеленых листьях виднелись белые пятна. Он присмотрелся: каждое пятно состояло из мелких пятилепестковых цветков. Едва мальчик наклонил голову, чтобы их понюхать, как раздались чьи-то шаги.

Никт скрылся в плюще и стал наблюдать. В Египетскую аллею вошли трое мужчин и одна

женщина — все живые. У женщины на шее висела богатая узорная цепь.

— Эти кусты? — спросила она.

— Да, миссис Карауэй, — сказал один из ее спутников, пухлый блондин. Он совсем запыхался. У всех мужчин в руках были большие корзины.

— Что ж, как скажете… — отозвалась женщина. — Но, честно говоря, я ничего не понимаю. — Она посмотрела на цветы. — Что мне теперь делать?

Самый низкорослый мужчина достал из своей корзины старые серебряные ножницы:

— Ножницы, госпожа мэр.

Та взяла ножницы и принялась состригать цветы и складывать в корзины. Мужчины ей помогали.

Через некоторое время женщина не выдержала:

— Это глупость!

— Это традиция, — возразил пухлый.

— Сущая глупость, — повторила миссис Карауэй, но продолжала стричь ножницами, пока не наполнилась первая корзина: — Ну, хватит?

— Нужно заполнить все четыре, — сказал низкий, — и раздать всем жителям Старого города.

— Откуда взялась эта традиция? — спросила

миссис Карауэй. — Я спрашивала прежнего лорд-мэра. Он сказал, что впервые о ней слышит… Вам не кажется, что за нами кто-то наблюдает?

— Что? — переспросил третий, который до сих пор не сказал ни слова, — бородатый, в чалме, с двумя корзинами. — Думаете, привидения? Я в них не верю.

— Не привидения. Просто такое чувство, будто на нас смотрят.

Никт еле сдержался, чтобы не зарыться поглубже в плющ.

— Ничего удивительного, что ваш предшественник не знает об этой традиции, — сказал пухлый, чья корзина уже почти наполнилась. — Зимние цветы расцвели впервые за восемьдесят лет.

Не верящий в привидения бородач в чалме нервно озирался.

— Всему Старому городу полагается по цветку, — вставил низкорослый. — Каждому мужчине, женщине и ребенку. — И медленно добавил, словно вспоминая выученное давным-давно. — «Кто моложе, кто дряхлей, все танцуют макабрей».

Миссис Карауэй фыркнула:

— Ну и бессмыслица! — но продолжила свое

занятие.

Сумерки спустились на кладбище рано, а к половине пятого совсем стемнело. Никт бродил по дорожкам и искал, с кем поговорить. Он заглянул на землю горшечника к Лизе Хемпсток, но ведьмочка не показалась. Даже гробница Оуэнсов опустела: его родители куда-то пропали.

Мальчика охватила почти животная паника. Впервые за десять лет ему показалось, что его бросили. Он сбежал по холму к старой часовне и стал ждать Сайлеса.

Сайлес все не появлялся.

«Наверное, я его не заметил», — утешал себя Никт. Он поднялся на самую верхушку холма и огляделся. В морозном небе сияли звезды, ниже стелился узор городских огней — уличные фонари, пляшущие фары. Никт медленно спустился к главным воротам кладбища.

И вдруг зазвучала музыка.

За свою жизнь Никт слышал самую разную музыку: веселые мелодии с фургонов мороженщиков, песни из радиоприемников строителей, мотивчики Джейка Кларетти, которые тот наигрывал покойникам на старой пыльной скрипчонке. Но такое мальчик слышал впервые: музыка то стихала, то нарастала грандиозными

волнами, как вступление к чему-то значительному, прелюдия или увертюра.

Никт прошел сквозь запертые ворота и спустился в старый город.

На углу стояла госпожа мэр. Никт увидел, как она прикалывает маленький белый цветок к лацкану прохожего бизнесмена.

— Я не занимаюсь частной благотворительностью! — сказал тот. — Мы делаем пожертвования централизованно.

— Это не сбор благотворительных средств, — ответила миссис Карауэй, — а местная традиция.

— А-а! — воскликнул бизнесмен и гордо выпятил грудь с цветком.

Следующей оказалась молодая женщина с ребенком в коляске.

— Это еще зачем? — подозрительно спросила она, когда мэр двинулась к ней.

— Один вам, другой малышу. — Госпожа мэр прикрепила цветы: к пальто женщины — булавкой, к курточке ребенка — скотчем.

— А зачем? — снова спросила женщина.

— Так принято в Старом городе, — туманно ответила мэр. — Вроде традиции.

Никт пошел дальше. Все прохожие щеголяли белыми украшениями. Мужчины, которые ходи-

ли на кладбище вместе с мэром, раздавали белые цветы из корзин. Почти никто не отказывался.

А музыка все играла, еле слышная, торжественная, непривычная. Никт склонил голову набок, пытаясь определить, откуда она идет. Музыка была везде: в воздухе, в хлопающих на ветру флагах и навесах, в далеком рокоте автомобилей, в стуке каблуков по мостовой…

Никт еще раз посмотрел на людей, которые направлялись с работы домой, и вдруг заметил, что все идут в такт.

У бородача в чалме в корзине почти закончились цветы. Никт подошел к нему.

— Простите…

Мужчина вздрогнул.

— Нельзя так подкрадываться!

— Извините, — произнес Никт. — Можно и мне цветок?

Тот с подозрением оглядел Никта.

— Ты местный?

— Еще бы! — заверил его Никт.

Мужчина дал Никту белый цветок.

— Ой! — Никта что-то кольнуло в основание большого пальца.

— Прикрепи к куртке, — сказал мужчина. — Осторожно, булавка!

На пальце выступила алая капля, и мальчик сунул его в рот.

Мужчина сам приколол цветок к его одежде.

— Что-то я тебя раньше не видел.

— Да живу я здесь, живу, — отмахнулся Никт. — А цветы зачем?

— В Старом городе, пока он не разросся, была такая традиция. Когда на кладбище, что на холме, среди зимы расцветают цветы, их срезают и раздают всем: мужчинам и женщинам, молодым и старым, богатым и бедным.

Музыка стала громче: наверное, подумал Никт, потому что теперь у него был цветок. Мальчик различал глухой бой барабанов, отбивавших ритм, и замысловатую мелодию на высоких нотах, от которой так и хотелось плясать.

Никт еще никогда не гулял по городу, не осматривал достопримечательностей. Он забыл, что ему нельзя покидать кладбище и что все могилы опустели. Сейчас он думал только о Старом городе. Он трусцой пробежал к городскому саду перед старой ратушей (из нее уже давно сделали музей и информационный центр для туристов, а мэрию перевезли в более внушительное, но самое обыкновенное здание в новом районе).

По городскому саду, который среди зимы на-

поминал скорее поросший травой пустырь с редкими кустами и статуями, бродили люди.

Никт зачарованно вслушивался. На площадь ручейком стекались люди — в одиночку, попарно, с семьями. Еще никогда Никт не видел столько живых одновременно. Их были тут сотни, и все дышат, все живые, как он, все — с белыми цветками на груди.

Вот какие, оказывается, у живых обычаи, подумал Никт, но тут же понял, что ошибается. То, что сейчас происходило, было в новинку не только ему.

Уже знакомая молодая женщина с коляской стояла с ребенком на руках и покачивала головой в такт музыке.

— Долго еще будет музыка? — спросил ее Никт, но она ничего не ответила, только улыбнулась и продолжала качать головой. Никту почему-то показалось, что улыбка ей не так уж привычна. Он уже решил было, что незаметно для себя *поблек* или с ним не хотят разговаривать, как вдруг она сказала:

— Ах, чтоб тебя! Прям как Рождество! — Ее голос прозвучал сонно и отстраненно. — Я даже вспомнила сестру моей бабки, тетю Клару. Когда бабушка умерла, мы ходили в сочельник к ее сест-

ре. Она играла на старом пианино, иногда пела, а мы лопали шоколадки с орехами. Не помню, что за песни она пела, но эта музыка — как те песни.

Ребенок прикорнул у матери на плече, но не спал, а чуть поводил ручками в такт музыке.

А потом музыка замолчала, и на площади перед городским садом воцарилась тишина, приглушенная, словно под снегопадом. Ночь поглотила все шумы и шорохи; люди на площади не топали ногами, не шаркали и почти не дышали.

Совсем близко часы пробили полночь. И явились они.

Они сошли с холма медленно и торжественно, по пятеро в ряд. Никт знал их всех — или почти всех. Впереди он заметил матушку Хоррор, Иосию Уордингтона, старого графа, раненного в крестовом походе, доктора Трефузиса… Горожане заахали, кто-то крикнул плачущим голосом:

— О боже, это же Страшный суд!

Однако большинство смотрело на происходящее совершенно невозмутимо, словно все это было во сне.

Шеренги мертвецов достигли площади.

Иосия Уордингтон поднялся по ступеням и встал рядом с госпожой мэром. Потом протянул руку и сказал громко, на всю площадь:

— Вашу руку, мэм, смелей! Потанцуем макабрей.

Миссис Карауэй заколебалась, глянула на мужчину, стоящего рядом (в халате, пижаме и шлепанцах, с белым цветком на отвороте халата). Мужчина улыбнулся и кивнул миссис Карауэй.

— Конечно! — ответила миссис Карауэй.

Едва ее пальцы коснулись Иосии Уордингтона, музыка заиграла снова. Если раньше Никт слышал прелюдию, то теперь началось самое главное. Именно ради этой музыки все они здесь собрались.

Повинуясь мелодии, которая будто пощипывала их и подталкивала, живые и мертвые взялись за руки и заплясали.

Матушка Хоррор встала в пару с человеком в чалме, а давешний бизнесмен — с Луизой Бартлби. Миссис Оуэнс улыбнулась Никту и увлекла за собой старого продавца газет. Мистер Оуэнс нагнулся к маленькой девочке, и та взяла его руку с такой радостью, словно всю жизнь мечтала об этом танце. А потом Никт перестал смотреть на других, потому что его тоже повели танцевать.

Лиза Хемпсток широко улыбалась, выводя фигуры танца.

— Как чудесно! — воскликнула она, а потом

пропела: — Друг за другом, всё быстрей, пляшем, пляшем макабрей.

От этой музыки тело и душа Никта переполнились бешеным ликованием, а ноги задвигались сами, словно всегда знали каждое па.

Когда танец с Лизой Хемпсток закончился, к Никту подошел Фортинбрас Бартлби, и они проплясали мимо верениц танцоров, которые расходились и уступали им дорогу.

Живые танцевали с мертвыми; Никт даже заметил Эбинизера Болджера с мисс Борроуз, его бывшей учительницей. А потом пары соединились в длинную цепь и заскакали в унисон, выбрасывая ногу в сторону («Ла-ла-ла-бум! Ла-ла-лабум!») — общий танец, который был древним уже тысячу лет назад.

Никт снова оказался рядом с Лизой Хемпсток.

— Откуда идет музыка?

Она пожала плечами.

— Кто это все устроил?

— Так всегда само получается, — ответила она. — Живые, может, и не помнят, но мы всегда… — Она осеклась и радостно вскрикнула: — Смотри!

Никт никогда не видел живых лошадей, только в книжках с картинками, но белый конь, который

приближался к ним, цокая копытами, совсем не походил на то, какими он их себе представлял. Этот оказался гораздо крупнее, и морда у него была вытянутая и серьезная. На коне без седла восседала всадница в длинном сером платье, мерцавшем под декабрьской луной, как покрытая росой паутина.

Всадница остановила коня посреди площади и легко соскользнула на землю. Какое-то время она молча стояла и смотрела на собравшихся. А потом присела в реверансе.

Все как один поклонились или сделали ответный реверанс, и танец начался снова.

— Госпожа, что всех добрей, возглавляет макабрей, — пропела Лиза Хемпсток и закружилась в танце, уходя все дальше от Никта. Они прыгали в такт музыке, кружились и выбрасывали ноги в стороны. Всадница кружилась и плясала вместе со всеми. Даже белый конь мотал головой и переступал с ноги на ногу.

Музыка ускорилась, и танцоры тоже. Никт с трудом переводил дух, но не хотел, чтобы кончался танец: макабрей, танец живых с мертвыми, танец со Смертью. Никт улыбался, и улыбались все вокруг.

Иногда, кружась по саду, он замечал среди тан-

цующих даму в сером платье.

Все, все танцуют! Едва подумав так, Никт понял, что ошибается. Из тени старой ратуши на них смотрела неподвижная черная фигура.

Была ли на лице Сайлеса тоска, печаль или что-то другое?.. Лицо опекуна казалось совершенно непроницаемым.

Никт крикнул:

— Сайлес!

Он надеялся, что опекун подойдет к ним, присоединится к танцу, порадуется вместе со всеми. Однако, услышав свое имя, Сайлес отступил глубже в тень и скрылся из виду.

— Последний танец! — крикнул кто-то, и музыка стала медленной и торжественной.

Живые и мертвые встали в пары. Никт протянул руку и обнаружил, что касается дамы в паутинном платье и смотрит в ее серые глаза.

Она улыбнулась.

— Здравствуй, Никт!

— Здравствуйте, — сказал он и начал танцевать. — Я не знаю, как вас зовут.

— Имена не так уж важны.

— Мне ужасно нравится ваш конь. Такой огромный! Я и не знал, что кони бывают такие большие.

— В нем хватит кротости, чтобы унести на своей широкой спине самых могучих из людей, и хватит силы для самых крошечных.

— А можно мне на нем прокатиться? — спросил Никт.

— Когда-нибудь прокатишься, — сказала она, и ее паутинный подол блеснул. — Однажды. Рано или поздно на него садятся все.

— Обещаете?

— Обещаю.

На этом танец закончился. Никт поклонился партнерше и вдруг почувствовал страшную усталость, будто плясал много часов подряд. Все мышцы болели, дышалось с трудом.

Где-то пробили часы. Никт посчитал удары: двенадцать. Они протанцевали двенадцать часов, сутки… или нисколько?

Никт огляделся. Мертвые куда-то делись, да и Всадницы на белом коне тоже не было видно. Остались лишь живые, и те уже расходились по домам — сонно, неуклюже, словно не вполне очнувшись от глубокого сна.

Городскую площадь, как после свадьбы, усеяли крошечные белые цветочки.

Никт проснулся в гробнице Оуэнсов с радостным чувством. Ему не терпелось поделиться

всем, что он увидел и узнал!

Когда встала миссис Оуэнс, Никт заявил:

— Прошлой ночью было здорово!

— Да неужели?!

— Мы танцевали. Все. В Старом городе!

— Вот-те раз! — возмутилась миссис Оуэнс. — Танцевали, надо же! А ты ведь знаешь, что тебе запрещено выходить в город!

Никт знал, что когда мать в таком настроении, с ней лучше не спорить, и молча *проскользнул* сквозь стену гробницы навстречу сумеркам.

Он поднялся к черному обелиску и надгробному камню Иосии Уордингтона. С этого возвышения было удобно смотреть на Старый город и огни домов.

Рядом возник Иосия Уордингтон.

— Вы открыли танец. С мэром. Вы с ней танцевали! — сказал Никт.

Иосия Уордингтон посмотрел на него, но промолчал.

— Я видел!

— Мальчик, мертвые и живые не встречаются. Мы не связаны с их миром, они — с нашим. Если мы и танцевали вместе данс-макабр, танец смерти, не стоит об этом рассказывать, тем более живым.

— Но я такой же, как вы.

— Пока нет, мальчик. Тебе еще жить и жить.

Наконец Никту стало ясно, почему он оказался на площади среди живых, а не спустился с друзьями с холма.

— Кажется, я понял…

Он сбежал по холму со всех ног, как обычный десятилетний мальчик, который очень спешит, споткнулся о могилу Дигби Пула (1785–1860, «Я дома — ты в гостях») и чудом не упал. Только бы Сайлес его дождался! Мальчик добрался до часовни и сел на скамью.

Рядом что-то шелохнулось, хотя он не услышал ни звука.

Опекун сказал:

— Добрый вечер, Никт.

— Ты был там вчера! Только не говори, что не был и ничего не знаешь, я тебя видел.

— Да, был, — ответил Сайлес.

— Я танцевал с ней. С Всадницей на белом коне.

— Неужели?!

— Ты видел! Ты на нас смотрел! На живых и мертвых! Мы танцевали! Почему никто не хочет об этом говорить?

— Потому что у людей бывают тайны. Потому

что не обо всем можно говорить. Потому что люди многое забывают.

— А тебе, значит, можно? Мы же говорим!

— Я не танцевал.

— Но смотрел.

— И не понимал, что вижу.

— Я танцевал с Всадницей, Сайлес! — воскликнул Никт.

И вдруг ему показалось, что опекун очень-очень огорчился. Мальчик испугался, словно ненароком разбудил спящую пантеру.

— Разговор окончен, — только и сказал Сайлес.

Никт мог поспорить — в голове у него возникла сотня возражений и вопросов, хоть он и знал, что произносить их неразумно, — но его внимание привлекло нечто: тихий шелест, нежный и легкий, как перышко, холодное прикосновение к лицу. Он начисто забыл про танец; страх сменился восторгом.

— Сайлес, смотри! Снег идет! — Никт видел снег третий раз в жизни. Радость переполнила его, не оставив места другим мыслям и чувствам. — Самый настоящий снег!

Интерлюдия
БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ

Скромная вывеска в гостиничном вестибюле объявляла, что на этот вечер зал «Вашингтон» заказан частной организацией. Какой именно, не объяснялось. Впрочем, даже если бы вы заглянули внутрь, яснее бы вам не стало. Вы бы, однако, сразу заметили, что среди участников собрания нет ни одной женщины: только мужчины, которые за круглыми обеденными столами доедали десерт.

Участников было около сотни. Все в неброских черных костюмах, но на этом их сходство заканчивалось. Тут были седые старики, брюнеты, блондины, рыжие и лысые; с лицами дружелюб-

ными и враждебными, добрыми и хмурыми, честными и скрытными, грубыми и утонченными. Большинство принадлежало к европеоидной расе, хотя встречались и чернокожие, и очень смуглые: африканцы, индийцы, китайцы, южноамериканцы, филиппинцы… Все обращались друг к другу и к официантам по-английски, но с самыми разнообразными акцентами. Они съехались сюда со всего мира.

Мужчины в черном сидели за столами и слушали стоящего на сцене веселого толстяка. Толстяк — в серо-полосатом костюме-визитке, в каких ходят на свадьбу — рассказывал о совершенных Добрых Делах. Отправили на отдых детей из бедных семей! Приобрели автобус, чтобы возить на экскурсии неимущих!

Человек по имени Джек сидел за средним столом впереди. Рядом расположился элегантный мужчина с серебристой шевелюрой. Оба ждали кофе.

— Время поджимает, — произнес седой, — а мы моложе не становимся.

Человек по имени Джек ответил:

— Я тут подумал… То, что случилось в Сан-Франциско четыре года назад…

— …прискорбно, но, как цветы, что раскрылись

весной, траля, абсолютно не имеет отношения к делу. Ты напортачил, Джек. Ты должен был прикончить всех до единого. Включая ребенка. Особенно ребенка. «Почти» не считается.

Официант в белом смокинге налил кофе всем сидящим за средним столом: невысокому мужчине с тонкими, как карандашом нарисованными, черными усиками, крупному блондину с внешностью киноактера или манекенщика, круглоголовому негру, злобно набычившемуся на весь мир. Все старательно делали вид, что не слушают Джека, смотрели на сцену и даже иногда хлопали.

Седой всыпал в чашку несколько ложек сахара и быстро размешал.

— Десять лет… Время не ждет. Ребенок скоро вырастет. И что тогда?

— Есть еще время, мистер Денди… — начал человек по имени Джек, но седой ткнул в него пухлым розовым пальцем.

— Время у тебя было! Теперь остался последний срок. Берись за ум! Хватит с тебя поблажек. Мы устали ждать. Все устали.

Человек по имени Джек отрывисто кивнул.

— У меня есть зацепки.

Седой шумно отхлебнул кофе.

— В самом деле?

— Да. Думаю, здесь все-таки есть связь с Сан-Франциско.

— С секретарем говорил? — Мистер Денди кивнул на толстяка, который в этот самый момент рассказывал со сцены, какое оборудование закупила больница на их пожертвования. («Не один аппарат для диализа, не два, а целых три!») Слушатели вежливо аплодировали собственной щедрости.

Человек по имени Джек кивнул.

— Да, говорил.

— И?

— Ему все равно. Его интересует только результат. Хочет, чтобы я завершил то, что начал.

— Мы все этого хотим, радость моя, — сказал седой. — Мальчик еще жив. И время не на нашей стороне.

Соседи, которые делали вид, что не слушают, согласно захмыкали и закивали.

— То-то и оно, — бесстрастно заключил мистер Денди. — Время поджимает.

Глава 6
ШКОЛЬНЫЕ ДНИ НИКТА ОУЭНСА

Лил дождь, и мир растекся на отражения в лужах. Никт спрятался от всех — живых и мертвых — под аркой, которая отделяла Египетскую аллею и заросший пустырь от остального кладбища, и читал.

— Да пропади ты пропадом! — донесся вопль с дорожки. — Пропади пропадом, лопни твои гляделки! Ну погоди, вот поймаю — а я тебя мигом поймаю! — и ты пожалеешь, что на свет родился!

Никт вздохнул, опустил книгу и высунулся из своего укрытия ровно настолько, чтобы увидеть топающего по скользкой дорожке Теккерея Пор-

ринджера (1720–1734, «сын вышеупомянутых»). Теккерей, для своих четырнадцати лет крупный и здоровый мальчик, умер, едва поступив в подмастерья к маляру. В качестве обряда посвящения ему вручили восемь медных пенни и велели не приходить без полугаллона полосатой краски для бело-красной вывески цирюльника. Пять часов Теккерей месил башмаками слякоть и подвергался насмешкам в каждой лавке, пока не сообразил, что над ним подшутили. От злости с ним случился апоплексический удар. Через неделю бедняга скончался, яростно тараща глаза на других учеников и на самого мастера Горробина (тот в бытность свою подмастерьем терпел куда большие издевательства и даже не понял, отчего малец так разволновался).

Умирая, Теккерей Порринджер сжимал в руках книгу про Робинзона Крузо — все свое имущество, не считая одежды да серебряного шестипенсовика с обрубленными краями. По просьбе матери его похоронили с этой книгой.

После смерти нрав Теккерея Порринджера отнюдь не улучшился.

— Я знаю, ты где-то тут! Вылезай и получи, что тебе причитается, наглый воришка!

Никт закрыл книгу.

— Я не воришка, Теккерей. Я просто взял ее почитать. Обещаю, что верну.

Теккерей заметил Никта за статуей Осириса.

— Я тебе не разрешал!

Никт вздохнул.

— Тут так мало книг! И вообще, я как раз добрался до интересного места. Он нашел отпечаток ноги. Чужой. Значит, на острове есть кто-то еще!

— Это моя книга, — упрямился Теккерей Порринджер. — Отдай!

Никт хотел было поспорить или хотя бы поторговаться, но заметил обиду на лице Теккерея и сжалился. Он спрыгнул с арки и протянул книгу владельцу.

— На!

Теккерей выхватил книгу и злобно на него уставился.

— Хочешь, почитаю тебе вслух? — предложил Никт. — Мне не трудно.

— Раз ты такой добрый, сунь свою тупую башку в кипящий котел! — заявил Теккерей и двинул ему кулаком в ухо. Никту было больно, но по лицу Порринджера он понял, что тот ушиб руку не меньше.

Старший мальчик ушел вниз по дорожке, Никт проводил его взглядом. Ухо болело так, что в

глазах щипало. Никт побрел домой по заросшей плющом дорожке. Один раз его угораздило поскользнуться, и он порвал джинсы и ссадил колено.

В ивовой рощице под кладбищенской стеной Никт едва не врезался в мисс Евфимию Хорсфолл и Тома Сэндса, которые уже много лет восставали из могилы вместе. Том жил во времена Столетней войны, и его надгробный камень давно превратился в обычный валун. Мисс Евфимию (1861–1883, «Усопла, да, но почивает с ангелами ныне») похоронили в викторианские времена, когда кладбище расширили и погребения поставили на поток. У мисс Евфимии была на Ивовой аллее целая гробница с черной дверью. Несмотря на разницу в датах жизни, парочка прекрасно ладила.

— Эгей, юный Никт, не лети! — сказал Том. — А то свалишься.

— Уже! — воскликнула мисс Евфимия. — Господи, Никт! Вот маменька тебя отчитает! Не так просто заштопать эти панталоны.

— Э-э… Извините…

— А еще тебя искал опекун, — добавил Том.

Никт взглянул на серое небо.

— Но еще день.

— Он встал спозаранку. — Никт давно знал, что «спозаранку» — это «рано утром». — И попросил передать тебе, что он тебя ищет. На случай, если мы тебя встретим.

Никт кивнул.

— Аккурат за Литтлджонсами поспела лещина, — улыбнулся Том, пытаясь поднять ему настроение.

— Спасибо, — ответил Никт и сломя голову помчался дальше, по мокрой извилистой дорожке, до самой старой часовни.

Дверь часовни была приоткрыта. Сайлес, не любивший ни дождя, ни солнечного света, даже скудного, стоял в тени.

— Мне сказали, ты меня искал.

— Да, — ответил Сайлес. — А ты, похоже, порвал брюки.

— Я бежал, — объяснил Никт. — Э-э… Я тут немножко подрался с Теккереем Порринджером. Хотел почитать «Робинзона Крузо». Про человека на корабле — это такая штука, которая плавает по морю, а море — это вода, похожая на большую лужу… Там еще корабль терпит крушение у острова — это такое место в море, где можно стоять — и…

— Одиннадцать лет, Никт. Ты с нами уже одиннадцать лет.

— Наверное. Тебе виднее.

Сайлес посмотрел на своего подопечного. Мальчик рос худощавым; волосы мышиного цвета со временем чуть потемнели.

Старую часовню затопили тени.

— Думаю, пора рассказать тебе, откуда ты взялся.

Никт глубоко вдохнул.

— Можно и не сейчас. Как хочешь.

Он сказал это беззаботным тоном, но сердце у него в груди громко застучало.

Наступила тишина. Только капал дождь да журчала вода в водосточных трубах. Молчание стало почти невыносимым.

Наконец Сайлес сказал:

— Ты знаешь, что ты другой. Ты живой. И мы — они — тебя приняли, а я согласился тебя опекать.

Никт молчал.

Бархатный голос Сайлеса продолжал:

— У тебя были родители. И старшая сестра. Их убили. Полагаю, тебя убили бы тоже, если бы не случайность и не вмешательство Оуэнсов.

— И твое, — вставил Никт, которому описывали эту ночь многие очевидцы.

— Там, в большом мире, бродит человек, убивший твоих родных. Судя по всему, он до сих пор

ищет тебя и тоже хочет убить.

Никт пожал плечами.

— И что с того? Подумаешь, убьет! Все мои друзья мертвые.

— Да… — Сайлес заколебался. — Они мертвы. И в этом мире им больше делать нечего. Но не тебе. Ты живой, Никт. Это значит, твой потенциал бесконечен. Ты сможешь достичь чего угодно, сделать любое открытие, найти что-то новое. Если ты захочешь изменить мир, он изменится. Потенциал. Как только ты умрешь, всё кончится. Всё. Ты сделал что сделал, придумал что придумал, вписал или не вписал свое имя в историю. Возможно, тебя похоронят здесь. Возможно, ты даже восстанешь. Но твой потенциал будет исчерпан.

Никт задумался. Вроде бы Сайлес был прав, хотя на ум приходили кое-какие исключения — например, как его усыновили Оуэнсы. Впрочем, он понимал, что мертвые и живые отличаются друг от друга, пусть даже мертвые ему симпатичнее.

— А ты? — спросил он Сайлеса.

— Что я?

— Ну, ты не живой. Но ты путешествуешь и все такое.

— Я — только то, что я есть, и ничего больше.

Как ты сам сказал, не живой. Если меня, скажем так, убить, я просто исчезну. Такие, как я, или есть, или нас нет. Если ты понимаешь, о чем я.

— Не совсем.

Сайлес вздохнул. Дождь кончился; дневной туман превратился в сумерки.

— Никт… У нас много поводов держать тебя на кладбище, в безопасности.

— Человек, который убил мою семью… и ищет меня… Ты уверен, что он до сих пор там? — Никт уже думал об этом и точно знал, чего хочет.

— Да. Еще там.

— Тогда… — Никт наконец произнес непроизносимое. — …Я хочу пойти в школу.

Сайлес отличался крайней невозмутимостью. Настань конец света, он бы и бровью не повел. Однако сейчас он открыл рот, наморщил лоб и произнес:

— Что?!

— Я многому научился на кладбище, — сказал Никт. — Я умею *блекнуть* и *ходить по снам*. Знаю, как открывается упырья дверь и как называются созвездия. Но там, снаружи, целый мир: море, острова, кораблекрушения и поросята. То есть всё, чего я не знаю. Здешние учителя многому меня научили, но этого мало, если я хочу выжить

в большом мире.

Его речь не произвела на Сайлеса особого впечатления.

— Ни в коем случае! Здесь мы можем тебя защитить. А как защитить тебя там? С тобой может случиться что угодно.

— Да, — согласился Никт. — Ты уже говорил. — Он помолчал. — Кто-то убил моих родителей и сестру.

— Да.

— Этот «кто-то» — мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Значит, ты задаешь неправильный вопрос.

Сайлес приподнял бровь.

— То есть?

— То есть, если я выйду наружу, надо спрашивать не «Кто тебя от него защитит?»

— Да?

— Да. Надо спрашивать, кто защитит *его* от *меня*.

В высокие окна царапнули ветки, словно просились внутрь. Острым, как лезвие, ногтем Сайлес стряхнул с рукава воображаемую пылинку.

— Давай найдем тебе школу.

Сперва мальчика не замечали. И никто не замечал, что не замечает его. Никт сидел в классе,

отвечал, только если ему задавали вопрос напрямую, и даже тогда ответы его были краткими, бесцветными и легко забывались. Он словно ускользал от взглядов и из памяти.

— Как думаете, его родители — не сектанты? — спросил мистер Керби в учительской, проверяя сочинения.

— Чьи? — не поняла миссис Маккиннон.

— Оуэнса из восьмого «Б», — ответил мистер Керби.

— Это такой прыщавый и высокий?

— Да нет. Скорее среднего роста.

Миссис Маккиннон пожала плечами.

— Ну и что этот Оуэнс?

— Пишет все от руки, — сказал мистер Керби. — Очень красивый почерк. Каллиграфический.

— И потому вы решили, что он сектант?..

— Говорит, у него дома нет компьютера.

— И?

— И телефона.

— Не вижу связи с религией, — сказала миссис Маккиннон. С тех пор как в учительской запретили курить, она начала вязать крючком. Вот и сейчас она упорно вязала крошечное одеяльце — сама не зная, для кого.

Мистер Керби пожал плечами.

— Смышленый мальчик. Правда, в знаниях у него пробелы. И на уроках истории он придумывает всякие подробности, которых нет в учебнике…

— Какие подробности?

Мистер Керби закончил проверять сочинение Никта и положил его в общую стопку. Теперь о мальчике ничто не напоминало, и весь разговор показался учителю туманным и скучным.

— Всякие… — сказал он и тут же все забыл.

Точно так же он забыл внести в список учащихся имя Никта, и тот не попал в школьную базу данных.

Никт был учеником прилежным, но неприметельным — и его не замечали. В свободное время он часто сидел в кабинете английского языка, у полок со старыми книгами в мягких обложках, и в школьной библиотеке, большом помещении с мягкими креслами, где глотал книжку за книжкой с большей жадностью, чем некоторые дети — обед.

Даже одноклассники про него забывали. Конечно, когда он сидел прямо перед ними, его помнили. Но едва Оуэнс скрывался из виду, о нем просто не думали — не было необходимости. Если бы весь восьмой «Б» попросили закрыть глаза

и перечислить учеников класса, имя Оуэнса не прозвучало бы ни разу. Он был словно призрак — пока не уткнешься в него носом.

Бобу Фартингу было двенадцать, но он вполне мог сойти (и иногда сходил) за шестнадцатилетнего: крупный подросток с кривой ухмылкой и полным отсутствием воображения. Он был практичным в самом примитивном смысле слова — умелый магазинный воришка, мелкий хулиган, который плевать хотел, что его недолюбливают, главное, чтобы слушались. У Боба Фартинга была подружка по имени Морин Квиллинг — все ее звали просто Мо — худая и бледная с соломенно-светлыми волосами, водянисто-голубыми глазами и острым любопытным носом. Боб любил воровать в магазинах, но именно Мо советовала, что стащить. Боб умел бить, мучить и запугивать, Мо указывала ему на очередную жертву. Как частенько говорила сама Мо, они прекрасно дополняли друг друга.

Эти двое сидели в уголке библиотеки и делили деньги, отнятые у семиклассников. Восемь или девять одиннадцатилеток были вынуждены каждую неделю отдавать им свои карманные деньги.

— Сингх до сих пор жмется, — сказала Мо. —

Найдешь его.

— Ага, — сказал Боб. — Куда он денется.

— Что он стащил? Компакт-диск?

Боб кивнул.

— Объясни ему, что он совершает серьезную ошибку. — Мо любила притворяться этаким крепким орешком из телесериалов про полицию.

— Легко, — ответил Боб. — Классная мы команда.

— Как Бэтмен и Робин, — подхватила Мо.

— Скорее как доктор Джекилл и мистер Хайд, — сказал тот, кто все это время незаметно сидел с книгой у окна, а потом встал и вышел.

Пол Сингх сидел на подоконнике у раздевалки, запихнув руки глубоко в карманы, и думал мрачную думу. Он достал руку из кармана, разжал и посмотрел на горсть фунтовых монет. Покачал головой и снова зажал монеты в руке.

— Для Боба с Мо? — услышал он, подскочил от неожиданности, и деньги рассыпались.

Второй мальчик помог собрать монеты и отдал Полу. Мальчик был старше и кого-то Полу напоминал.

Пол спросил:

— Ты от них?

Второй мальчик покачал головой.

— Не-а. По-моему, они гады. — Он заколебался, но потом добавил: — Вообще-то я пришел дать тебе совет.

— Какой?

— Не отдавай им деньги.

— Тебе легко говорить!

— Потому что меня они не шантажируют? — Старший мальчик посмотрел на Пола, и тот пристыженно отвел глаза. — Тебя били и запугивали, пока ты не стащил для них компактдиск. Потом тебе пригрозили, что расскажут всё взрослым, если ты не будешь отдавать им свои карманные деньги. Что они сделали, сфотографировали тебя в магазине?

Пол кивнул.

— Откажись, и все. Не слушайся.

— Они меня убьют. Они сказали…

— А ты им скажи, что полиция и директор школы больше заинтересуются теми, кто заставляет младших таскать для них вещи и отдавать карманные деньги, чем мальчиком, которого они вынудили украсть диск. Скажи, что если тебя тронут хоть пальцем, ты сам позвонишь в полицию. Что ты все записал, и если тебя обидят, например, побьют, твои друзья сразу отошлют письмо директору и в полицию.

— Но… я не смогу!

— Тогда ты будешь отдавать им карманные деньги до конца учебы. И всегда будешь бояться.

Пол подумал.

— А может, лучше сразу рассказать полиции?

— Как хочешь.

— Сначала попробую сделать, как ты сказал! — улыбнулся мальчик — впервые за три недели.

Вот так Пол Сингх и объяснил Бобу Фартингу, почему тот не дождется от него денег. Пол ушел, а Боб Фартинг еще долго стоял молча, сжимая и разжимая кулаки. На следующий день к Бобу подошли еще пятеро одиннадцатилеток и потребовали, чтобы тот вернул деньги, отнятые у них в прошлом месяце, а не то они пойдут в полицию. Огорчению Боба Фартинга не было предела.

— Это все он! — прошипела Мо. — Он это начал. Они бы сами ни за что не додумались! Вот кого надо проучить. Тогда остальные будут ходить по струнке.

— Кто он? — спросил Боб.

— Который вечно сидит с книжкой. В библиотеке. Ник Оуэнс. Вот кто.

Боб неуверенно кивнул.

— Это какой?

— Я тебе его покажу.

Никт привык не привлекать внимания, привык жить в тени. Когда все взгляды по тебе только скользят, особенно ясно чувствуешь, если тебя заметили. А уж если в тебя тычут пальцем и ходят за тобой следом…

Они шли за ним от самой школы. Никт не спеша миновал газетный киоск на углу и железнодорожный мост. Двое — плотный мальчик и востроносая светловолосая девочка — не отставали. Никт зашел на крошечный двор городской церкви, где тоже было небольшое кладбище, и остановился у гробницы Родерика Перссона, его супруги Амабеллы, а также второй жены, Портунии («Они почили, чтоб проснуться вновь»).

— Ты — тот самый! — сказал за спиной голос девочки. — Ник Оуэнс. Слушай сюда, Ник Оуэнс! Сейчас ты у нас получишь.

— Вообще-то я Никт. — Он обернулся. — С буквой «т» на конце. А вы — Джекилл и Хайд.

— Это ты виноват. Ты подговорил семиклашек!

— Сейчас мы тебя проучим, — осклабился Боб Фартинг.

— А я люблю учиться, — сказал Никт. — Если бы вы учились лучше, вам бы не надо было выманивать карманные деньги у маленьких.

Боб наморщил лоб.

— Ты покойник, Оуэнс!

Никт покачал головой и повел вокруг рукой.

— Да нет вообще-то. Вот они — покойники.

— Кто они? — спросила Мо.

— Те, кто здесь живет. Послушайте: я привел вас сюда, чтобы поговорить…

— Ты нас сюда не приводил, — сказал Боб.

— Но вы тут, — возразил Никт. — Я хотел, чтобы вы оказались тут. Пошел сюда. Вы пошли за мной. Какая разница?

Мо нервно огляделась.

— Ты тут не один?

— Боюсь, ты не понимаешь. Пора с этим кончать. Нельзя вести себя так, будто все остальные для тебя ничего не значат. Перестаньте всех обижать.

— Ой-ой-ой! — Мо хищно оскалилась. — Боб, стукни его!

— Я дал вам шанс, — произнес Никт. Боб яростно двинул кулаком, но мальчик исчез, а кулак Боба врезался в надгробие.

— Куда он девался? — спросила Мо.

Боб ругался и тряс ушибленной рукой.

Мо недоумевающе оглядела сумрачное кладбище.

— Он был тут. Ты видел.

Боб не отличался богатым воображением и развивать его сейчас был не намерен.

— Может, смылся?

— Никуда он не смывался. Он просто исчез.

У Мо воображения хватало: ведь это она была генератором идей. Волосы у нее зашевелились от страха.

— Что-то мне тут не по себе… Надо сматываться! — пискнула Мо.

— Я этого типа сейчас найду! — возразил Боб Фартинг. — И так отколошмачу!

У Мо засосало под ложечкой. Тени вокруг как будто задвигались.

— Боб… Я боюсь!

Страх — заразная штука. Он передается другим. Иногда достаточно сказать «боюсь», чтобы страх стал ощутимым. Боб тоже очень испугался. И молча бросился прочь. Мо наступала ему на пятки. Когда они выскочили на улицу, уже включали фонари, под которыми тени становились жутковатыми черными пятнами.

Они прибежали к дому Боба и включили во всех комнатах свет. Мо позвонила матери и со слезами потребовала, чтобы за ней приехали на машине, хотя идти было совсем недалеко.

Никт удовлетворенно проследил за ними гла-

зами.

— Славная работа, милый, — сказал кто-то. Он обернулся и увидел высокую женщину в белом. — И *поблек* хорошо, и *страху нагнал*.

— Спасибо, — сказал Никт. — Я впервые опробовал *страх* на живых. В смысле, теорию-то я знал…

— Все вышло как нельзя лучше! — радостно заключила она. — Я Амабелла Перссон.

— Никт. Никто Оуэнс.

— Живой мальчик? С большого кладбища на холме? Правда?!

— Э-э… — Никт и не подозревал, что его знают за пределами собственного кладбища.

Амабелла заколотила в стенку гробницы.

— Родди! Портуния! Выходите! Гляньте, кто к нам пришел!

Их стало трое. Амабелла представила всем гостя, и Никт пожал еще две руки со словами: «польщен» и «рад знакомству» — Он знал, как здороваться с жителями всех эпох за последние девятьсот лет.

— Вот этот юный Оуэнс напугал детей, которые, без сомнения, того заслужили, — объяснила Амабелла.

— Отличное ты им устроил представление, —

заявил Родерик Перссон. — Кто они — низкие личности, достойные порицания?

— Пристают к младшим, — сказал Никт. — Забирают деньги и все такое.

— *Нагнать страху* — для начала весьма неплохо, — сказала Портуния Перссон, полная женщина, на вид гораздо старше Амабеллы. — А что ты заготовил на случай, если этого будет не достаточно?

— Если честно, я… — начал Никт, но Амабелла его прервала:

— По моему мнению, ему стоит заняться их снами. Ты ведь умеешь *ходить по снам*, правда?

— Точно не знаю, — сказал Никт. — Мистер Пенниуорт показывал, как, но я не… в общем, кое-что я знаю только в теории, и…

Портуния Перссон вмешалась:

— *Снохождение* — замечательно, но я предлагаю *потусторонний визит*. С этими хулиганами так и надо действовать.

— О-о… — растерялась Амабелла. — *Потусторонний визит?* Портуния, милочка, я не думаю, что…

— Вот именно что не думаешь. В отличие от других.

— Мне уже пора домой, — поспешно вставил

Никт. — Обо мне будут беспокоиться.

— Конечно!

— Приятно было познакомиться!

— Приятного вам вечера, молодой человек!

Пока Амабелла и Портуния Перссон спорили, Родерик Перссон добавил:

— Позвольте напоследок осведомиться о здоровье вашего опекуна. Как он поживает?

— Сайлес? Хорошо.

— Передайте ему от нас привет. Боюсь, настоящий член Почетной гвардии вряд ли заглянет на крошечное кладбище вроде нашего. И все же… Приятно знать, что они есть.

— До свидания!

Никт не понял, о чем говорит Родерик, и решил обдумать услышанное позже. Он взял ранец с учебниками и с облегчением нырнул в тень.

Посещение школы не отменяло занятий Никта у мертвых. Ночи были длинными; иногда Никт не выдерживал, отпрашивался с занятия и ложился спать еще до полуночи. Впрочем, чаще он учился до утра.

В последнее время мистеру Пенниуорту не на что было жаловаться: Никт усердно выполнял задания и засыпал его вопросами. Сегодня ночью он хотел освоить *потусторонние визиты* и выяс-

нял всякие тонкости — к расстройству мистера Пенниуорта, который сам ничем подобным не занимался.

— А как именно создать в воздухе струю холода? С *устрашением* я вроде бы разобрался, но как довести *страх* до *ужаса*?

Мистер Пенниуорт пыхтел, вздыхал и объяснял как мог — часов до четырех утра.

В школу Никт пришел совсем вареный. Первым уроком была история — этот предмет мальчику нравился, хотя ему часто хотелось поправить учителя: все было не так, по крайней мере, если верить очевидцам. Но в это утро Никту было не до того: он изо всех сил старался не заснуть.

Он сосредоточился на уроке и не обращал внимания ни на что остальное. Думал о Карле Первом, о своих родителях — мистере и миссис Оуэнс, — и первой семье, которую не помнил. Вдруг в дверь постучали. Весь класс и мистер Керби повернулись к двери и уставились на семиклассника, который был послан за учебником. А в руку Никта внезапно что-то вонзилось. Он молча поднял глаза.

На него сверху вниз смотрел ухмыляющийся Боб Фартинг, зажав в кулаке остро заточенный карандаш.

— Я тебя не боюсь! — прошептал Фартинг.

Никт посмотрел на руку: в месте укола набухла капелька крови.

После обеда Мо Квиллинг подошла к Никту в коридоре.

— Ты ненормальный! У тебя нет друзей.

— Я пришел в школу не ради дружбы, — честно ответил Никт. — Я пришел учиться.

Мо дернула носом.

— Ну, тогда ты точно больной. Никто не идет в школу учиться. Нас сюда посылают!

Никт пожал плечами.

— Я тебя не боюсь! — продолжала Мо. — Твои вчерашние штучки тебе не помогут!

— Ну и ладно, — сказал Никт и пошел дальше по коридору.

Может, зря он вмешивается? Где-то он ошибся, это точно. Мо и Боб уже о нем говорят, и, наверное, семиклассники тоже. Все на него косятся, показывают друг другу. Никта начали замечать, и это ему совсем не нравилось. Сайлес предупреждал, что надо держаться в тени и почаще *блекнуть*. Теперь всё изменилось.

Вечером Никт рассказал все опекуну. Сайлес отреагировал неожиданно резко.

— Ну как ты мог совершить такую… глупость!

Я же говорил тебе, как ты должен себя вести. А теперь о тебе гудит вся школа!

— Что я должен был делать?

— Что угодно, только не это! Сейчас всё не так, как в старые времена. Тебя могут выследить, Никт. Найти. — Лицо Сайлеса оставалось неподвижным, как твердая порода над кипящей лавой. Но Никт чувствовал, что тот очень сердит. Он отлично знал своего опекуна и понимал, что Сайлес едва сдерживает гнев.

Никт нервно сглотнул.

— Что мне теперь делать?

— Больше не ходи туда. Мы отправили тебя в школу в качестве эксперимента. Будем считать, что эксперимент не удался.

Никт помолчал.

— Но мне нужны не только уроки… Представляешь, как здорово сидеть в одном классе с людьми, которые дышат?

— Никогда не видел в этом особой прелести! — отрезал Сайлес. — Итак, завтра в школу ты не идешь.

— Я не хочу убегать. Ни от Мо с Бобом, ни из школы. Лучше отсюда.

— Будешь делать, как тебе скажут, мальчик. — Голос Сайлеса прозвучал во тьме сгустком

бархатного гнева.

— А то что? — Щеки Никта запылали. — Как ты меня здесь удержишь? Убьешь?

Он круто развернулся и пошел по дорожке к воротам кладбища.

Сайлес хотел было позвать его, но остался молча стоять на месте.

По лицу опекуна никогда нельзя было ничего прочесть. Сейчас же оно превратилось в книгу, написанную на давно забытом языке немыслимым алфавитом. Закутавшись в тени, как в одеяло, Сайлес смотрел мальчику вслед и не двигался с места.

Боб Фартинг спал и видел сон про пиратов посреди солнечного синего моря. Он был капитаном собственного пиратского корабля — отличного корабля, где матросами были или послушная мелюзга, или девчонки на год-два постарше, очень симпатичные в пиратских нарядах. И вдруг все пошло наперекосяк: палуба опустела, и к его судну по штормовым волнам поплыло другое — черное, размером с нефтяной танкер, с рваными черными парусами и флагом с изображением черепа на носу.

И, как это бывает во снах, он почему-то очутился на черной палубе второго корабля.

— Ты не боишься меня, — сказал человек, который стоял над ним и пристально смотрел на него.

Боб поднял глаза. О, ему было страшно! Он боялся этого мертволицего человека в пиратском костюме, который держал руку на эфесе абордажной сабли.

— Вообразил себя пиратом, Боб? — спросил захватчик, и Боб заметил в нем что-то знакомое.

— Ты — этот… Никт Оуэнс!

— Я — Никто. А ты — ты должен измениться. Начать жизнь с чистого листа. Перевернуть страницу. Исправиться. В общем, ты понял. Или тебе будет плохо.

— То есть как плохо?

— В голове плохо, — объяснил предводитель пиратов, который оказался всего-навсего одноклассником. Теперь они стояли в школьном зале, а не на палубе, хотя качка не прекращалась.

— Это сон! — сказал Боб.

— Конечно, сон! Я же не чудовище, чтоб мучить тебя по-настоящему.

— Подумаешь, напугал! — ухмыльнулся Боб. — На руку посмотри! — Он кивнул на черную отметину от собственного карандаша.

— Хотел обойтись без этого… — произнес Никт,

склонив голову набок, словно к чему-то прислушивался. — Между прочим, они голодные.

— Кто?

— Те, кто в подвале. Или в трюме. Зависит от того, в школе мы или на корабле, правда?

Боб встревожился.

— Это не… не пауки?

— Может, и пауки. Сам посмотришь.

Боб замотал головой.

— Нет! Пожалуйста, только не пауки!

— А разве, — сказал Никт, — не все от тебя зависит? Исправляйся, или попадешь к ним.

Под полом кто-то закопошился — Боб Фартинг понятия не имел, кто, но ничуть не сомневался, что в жизни не видел ничего более жуткого.

Он проснулся от собственного крика.

Никт услышал крик — вопль ужаса — и понял, что затея удалась.

Он стоял на дорожке перед домом Боба Фартинга; на лицо оседали капли ночного тумана. Никт очень устал: *снохождение* далось ему нелегко. Хорошо хоть Боб испугался простого шума.

Что ж, теперь лишний раз подумает, прежде чем обижать маленьких.

А теперь что?

Никт сунул руки в карманы и пошел, сам не

зная куда. Бросил кладбище, думал он, брошу и школу. Уйду в другой город и буду целыми днями сидеть в библиотеке, читать и слушать, как дышат живые. Остались ли в мире необитаемые острова, как тот, на котором жил Робинзон Крузо? Вот бы найти такой…

Никт шел потупившись, а иначе заметил бы, как из окна чьей-то спальни за ним внимательно следят водянисто-голубые глаза.

Он зашел в темный переулок: там ему было лучше, чем на свету.

— В бега, стало быть? — спросил девичий голосок.

Никт промолчал.

— Так вот в чем разница между живыми и мертвыми, да? — Никт сразу узнал, что это Лиза Хемпсток, хоть и не видел ее. — В мертвяках не разочаруешься! Они уж свое отжили. Мы не меняемся. А от вас, живых, сплошное расстройство. Думала, ты мальчик храбрый, мальчик благородный, а он вырос и надумал сбежать из дома.

— Ты ко мне несправедлива! — возмутился Никт.

— Тот Никто Оуэнс, которого я знала, не сбежал бы с кладбища, не попрощавшись с теми, кто его вырастил. Ты разобьешь сердце миссис Оуэнс.

Об этом Никт не подумал.

— Я поссорился с Сайлесом.

— И что с того?

— Он хочет, чтобы я вернулся на кладбище. Бросил школу. Мол, это слишком опасно.

— Это почему? При твоих талантах да моих чарах тебя почти не видать.

— Я сам полез им на глаза. В общем, двое ребят обижали маленьких. Я хотел, чтобы они перестали. Привлек к себе внимание…

Теперь Лиза показалась — туманная фигура поплыла рядом с Никтом.

— Он где-то рыщет, тот, кто хочет тебя убить. Кто всю твою семью порешил. А ты нужен нам живой. Чтобы ты удивлял нас, разочаровывал и очаровывал. Вернись домой, Никт.

— Знаешь… Я столько всего наговорил Сайлесу. Он будет злиться.

— Если б он тебя не любил, ему было бы все равно, — сказала Лиза и замолчала.

Опавшие листья скользили под ногами, края мира расплывались в тумане. Жизнь перестала казаться Никту такой четкой и ясной, какой была пару минут назад.

— А я *ходил по снам*, — сказал он.

— И как?

— Хорошо получилось. Ну, неплохо.

— Так скажи мистеру Пенниуорту. Он обрадуется.

— Ты права…

Никт дошел до конца переулка и вместо того, чтобы свернуть направо, в большой мир, повернул налево, на главную улицу, чтобы попасть на Дунстан-роуд и старое кладбище.

— Эй, куда собрался?

— Домой. Как ты сказала.

В витринах горел свет. Из забегаловки на углу слышался запах жареной рыбы с картофелем. Влажная мостовая блестела.

— Вот и умница. — От Лизы снова остался лишь голос. И вдруг этот голос вскрикнул: — Беги! Или *блекни*! Что-то неладно!

Никт открыл было рот, чтобы ее успокоить, как вдруг дорогу пересек большой автомобиль с полицейской мигалкой и затормозил прямо перед ним.

Оттуда вышли двое.

— Простите, молодой человек, — начал один. — Мы из полиции. Разрешите узнать, что вы делаете на улице так поздно?

— Я не знал, что нарушаю закон, — ответил Никт.

Один из полицейских, высокий и крупный, открыл заднюю дверцу машины.

— Мисс, это тот, кого вы видели?

Из машины высунулась Мо Квиллинг, посмотрела на Никта и ухмыльнулась.

— Точно, он! Торчал у нас на заднем дворе. А потом убежал. — Она посмотрела Никту в глаза. — Я все видела из спальни! Я думаю, это он бил наши окна.

— Кто такой, как фамилия? — спросил приземистый полицейский с рыжими усами.

— Никто, — ответил Никт. — Ай! — Рыжий захватил его ухо большим и указательным пальцами и крепко сжал.

— Без глупостей! Говори, что спросили, ясно?

Никт молчал.

— Где живешь?

Никт молчал. Он попытался *поблекнуть*, но для этого — при всех ведьмовских чарах — нужно, чтобы на тебя перестали смотреть. А на Никта смотрели все трое, причем один из представителей закона облапил его своими ручищами.

— Нельзя арестовать человека за то, что он отказывается назвать свое имя или адрес.

— Нельзя, — согласился полицейский. — Но можно держать тебя в участке, пока ты не ска-

жешь нам, как найти твоих родителей, опекуна или другого взрослого, который за тебя отвечает и кому мы можем тебя передать.

Он посадил Никта на заднее сиденье, рядом с Мо Квиллинг. Та улыбалась, как кошка, которая слопала всех канареек.

— Я видела тебя из окна, — прошептала она. — И вызвала полицию.

— Я ничего не делал, — сказал Никт. — Я даже не был у тебя в саду. И вообще, почему они посадили тебя в машину?

— Тихо там! — прикрикнул верзила. Все замолчали. Наконец машина остановилась у дома — скорее всего, родителей Мо. Полицейский открыл дверь, и девочка вышла.

— Завтра мы позвоним и расскажем твоим родителям, что выяснили, — сказал он.

— Спасибо, дядя Тэм! — улыбнулась Мо. — Рада исполнить свой гражданский долг!

Его везли по городу молча. Никт изо всех сил пытался *поблекнуть*, но ничего не получалось. Ему было совсем тошно: за одну-единственную ночь он ухитрился впервые по-настоящему поссориться с Сайлесом, убежать из дома, потом передумать, а теперь еще и опоздать домой. Говорить полиции, где он живет и как его зовут,

нельзя. Значит, остаток жизни он проведет в участке или детской тюрьме. Если такие бывают.

— Простите, а есть тюрьмы для детей? — обратился он к полицейским.

— Что, сдрейфил? — спросил дядя Тэм. — То-то. Ох уж эти малолетки! Расплодились, как сорняки. Кое-кому за решеткой самое место.

Никт так и не понял, утвердительный это ответ или отрицательный.

Мальчик выглянул из окна. Над машиной, чуть в стороне, летело что-то большое, больше и чернее любой птицы. Размером с человека. Оно мигало и пульсировало, словно летучая мышь в полете.

Рыжий сказал:

— Как приедем в участок, сразу скажешь, как тебя зовут и кому позвонить, чтобы тебя забрали. Мы сообщим, что тебя уже наказали, и пусть везут тебя домой. Понял? Если будешь слушаться, быстро со всем этим покончим, и бумажек оформлять не надо. Мы тебе не враги.

— Нечего с ним миндальничать! Посидит до утра за решеткой, не рассыплется, — сказал второй, оглянулся на Никта и добавил: — Правда, если сегодня там будет тесновато, придется пере-

вести тебя в вытрезвитель. Алкаши — не самая приятная компания.

Врет он всё, подумал Никт. Это они специально: добрый полицейский и злой полицейский…

Машина свернула за угол, и вдруг раздался глухой стук. Что-то большое скатилось на капот и упало в темноту. Взвизгнули тормоза. Рыжий тихо выругался.

— Он выбежал на дорогу! Ты видел?!

— Я толком ничего не видел, — сказал верзила, — но кого-то ты сбил.

Они вылезли из машины и включили фонарики. Рыжий запричитал:

— Он весь в черном! Ничего не видно!

— Вот он! — крикнул верзила. Оба подбежали к телу, лежавшему на земле, и направили на него свет.

Никт нажал на ручки дверей — не работают! Передние сиденья отгораживала металлическая сетка. Даже *поблекнув*, из машины не выбраться.

Он подался вперед и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что лежит на дороге.

Рыжий полицейский сидел на корточках рядом с телом. Второй стоял над ним с фонариком.

Никт увидел лицо лежавшего — и бешено, отчаянно заколотил в окно.

Верзила подошел к автомобилю.

— Чего надо? — раздраженно спросил он.

— Вы сбили моего… моего папу!

— Ты шутишь!

— Этот человек похож на него! Можно я посмотрю?

Полицейский сник.

— Эй, Саймон! Тут малый говорит, что это его папаша.

— Да ты, блин, шутишь!

— Он вроде серьезно. — Верзила открыл дверь и выпустил Никта.

Сайлес лежал на спине, там, где его сбила машина. Неподвижный, словно мертвый.

У Никта защипало в глазах.

— Папа!.. Мой папа умер!..

Я ведь не совсем вру, сказал он себе.

— Я вызвал «скорую», — сказал рыжий Саймон.

— Несчастный случай, — сказал второй.

Никт согнулся над Сайлесом и стиснул его холодную руку в своих. Если уже вызвали «скорую», времени мало.

— С работой в полиции можете попрощаться, — сказал им Никт.

— Это был несчастный случай, ты сам видел!

— Он выскочил под колеса…

— Я видел только то, что вы решили удружить племяннице и припугнуть мальчика, с которым она поссорилась в школе. Вы арестовали меня без ордера просто-напросто за то, что я ходил по улице ночью, а когда мой отец выбежал на дорогу, чтобы остановить вас или выяснить, что происходит, вы нарочно его сбили.

— Это был несчастный случай! — повторил Саймон.

— Ты поссорился с Мо в школе? — спросил дядя Мо, Тэм. В его голосе звучало сомнение.

— Мы оба учимся в восьмом «Б», в школе Старого города. Вы убили моего отца.

Издали донесся вой сирен.

— Саймон! — позвал верзила. — Иди сюда, поговорим.

Они зашли за автомобиль. Никт остался рядом с Сайлесом. Полицейские оживленно что-то обсуждали (до Никта донеслось: «Племяшка, мать ее!» и «А ты куда смотрел?!»). Саймон ткнул пальцем в грудь Тэма…

Никт прошептал:

— Они не смотрят. Давай!

И *поблек*.

Темнота свернулась черным сгустком, и тело,

распростертое на земле, встало.

— Я отнесу тебя домой. Обними меня за шею.

Никт крепко вцепился в опекуна, и они нырнули в ночь.

— Прости меня, — сказал Никт по дороге на кладбище.

— Ты меня тоже.

— Больно было? Когда ты под машину подставился?

— Да. Скажи спасибо своей подружке-ведьме. Она меня нашла и рассказала, в какую ты попал беду.

Они приземлились на кладбище. Никт посмотрел на свой дом так, словно видел его впервые.

— Я здорово сглупил, да? Поставил под удар и тебя, и себя.

— Дело не только в этом, юный Никто Оуэнс. Но и в этом тоже.

— Ты был прав. Я туда не вернусь. А если вернусь, то по-другому.

Всю неделю Морин Квиллинг страдала, как никогда в жизни. Боб Фартинг перестал с ней разговаривать. Дядя Тэм на нее накричал и приказал держать рот на замке, потому что иначе его уволят и ей мало не покажется. Родители злились. Все пошло наперекосяк: даже семиклашки пере-

стали бояться! Сплошной облом. Она винила во всем Оуэнса и мечтала увидеть, как он корчится в жутких муках. Ах, полиция ему не понравилась… Она снова и снова строила жестокие и изощренные планы мести. От этого становилось чуть легче, но в жизни все равно ничего не менялось.

Больше всего на свете Мо не любила наводить порядок в школьной лаборатории. Дежурные собирали спиртовки, проверяли, на месте ли пробирки, чашки Петри и неиспользованные фильтры. Все в классе дежурили строго по очереди, и Мо попадала в лабораторию раз в два месяца. Естественно, ее очередное дежурство пришлось именно на эту, худшую неделю в ее жизни.

Хорошо хоть с ней была миссис Хокинс, учительница естественных наук — та собирала в стопку работы.

— Ты молодчина, Морин, — похвалила девочку миссис Хокинс.

Из банки с консервантом на них слепо уставилась змея.

— Спасибо, — сказала Мо.

— А ты разве должна дежурить одна?

— Со мной записан Оуэнс, но он уже несколько дней не ходит в школу.

Учительница нахмурилась:

— Это который? У меня его нет в списке.

— Ник Оуэнс. Волосы пепельные, давно не стригся. Молчун такой. Это он перечислил в работе все кости скелета, помните?

— Не совсем, — призналась миссис Хокинс.

— Ну, хоть вы вспомните! Все его забыли! Даже мистер Керби!

Миссис Хокинс сложила последние работы в сумку.

— Спасибо, что убираешь за двоих, милочка. Не забудь перед уходом протереть столы.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

В старой лаборатории были деревянные столы со встроенными горелками и кранами и полки с большими бутылями, где плавали разные твари — мертвые, причем довольно давно. У Мо при виде них всегда по спине бегали мурашки. В углу комнаты стоял пожелтевший человеческий скелет. Мо не знала, настоящий ли он, но сейчас он казался ей очень страшным.

Каждое движение отдавалось в пустом классе эхом. Мо включила верхний свет и даже лампу над доской, чтобы было не так страшно. Потянуло холодом. Мо решила, что надо усилить отопление, но батареи и так жарили на полную мощность. Девочку пробил озноб.

Ей становилось все больше не по себе. Как будто она не одна и кто-то на нее смотрит.

Конечно, кто-то смотрит, сказала себе Мо. На меня таращится сотня трупов из банок и скелет впридачу! Она покосилась на полки.

Тогда-то твари в банках и зашевелились. Змея с невидящими белыми глазами развернулась. Костлявое морское существо заерзало. Котенок, мертвый уже лет тридцать, оскалился и начал царапать стекло изнутри.

Мо закрыла глаза. Это всё понарошку, сказала она себе. Ничего страшного не происходит.

— Я не боюсь! — вслух сказала она.

— Вот и хорошо, — донесся голос из темноты за дверью. — Плохо, когда страшно.

— Тебя забыли все учителя!

— Зато ты меня помнишь, — сказал мальчик. Причина всех ее несчастий.

Она швырнула в него колбой, но промахнулась и попала в стену.

— Как Боб? — спросил Никт как ни в чем не бывало.

— Сам знаешь. Перестал со мной разговаривать. На уроках молчит, потом идет домой и делает домашку. Или гоняет игрушечные вагончики.

— Хорошо.

— А ты… тебя уже неделю нет в школе. Ох, и влетит тебе, Ник Оуэнс! Недавно приезжала полиция. Тебя искали.

— Да, кстати… Как поживает твой дядя Тэм?

Мо промолчала.

— В каком-то смысле ты победила: я бросил школу. А в каком-то — нет. Морин Квиллинг, тебя никогда не преследовали призраки? Ты никогда не боялась, что из зеркала на тебя посмотрят чужие глаза? Тебе не казалось, что, хоть ты и в пустой комнате, но не одна? Это неприятно.

— Ты будешь меня преследовать? — Ее голос дрогнул.

Никт совсем-совсем ничего не сказал, только молча глянул на нее. В дальнем углу что-то упало: сумка со стула. Когда Мо оглянулась, в комнате никого не было. Во всяком случае, она никого не увидела.

Дорога домой в темноте показалась ей бесконечной.

Мальчик и его опекун стояли на вершине холма и смотрели на городские огни.

— Все еще болит? — спросил мальчик.

— Немного. Но у меня все быстро заживает. Скоро буду таким, как обычно.

— Тебя могло убить, когда ты встал перед ма-

шиной? Сбить насмерть?

Опекун покачал головой.

— Конечно, есть способы убить таких, как я. Но с машинами они никак не связаны. Я очень старый и очень стойкий.

— Я плохо поступил, да? Главное было, чтобы никто меня не заметил. А я пристал к этой парочке, и меня тут же поймала полиция и все такое. Я повел себя как эгоист.

Сайлес приподнял бровь.

— Это не эгоизм. Тебе нужно общаться с себе подобными, что вполне объяснимо. Просто в мире живых всё по-иному, и нам сложнее тебя защищать. Я хотел держать тебя в полной безопасности. Но для таких, как ты, полная безопасность возможна лишь там, куда ты попадешь в самом конце. Когда все твои приключения утратят смысл.

Никт потер ладонью надгробный камень Томаса Р. Стаута (1817–1851, «Все ближние глубоко скорбят»), чувствуя, как крошится мох.

— Он ведь еще там, — произнес мальчик. — Тот, кто убил мою первую семью. Мне все равно нужно узнать о людях. Ты запретишь мне покидать кладбище?

— Нет. Я ошибался и тоже получил урок.

— Что же теперь?

— Будем стараться удовлетворять твой интерес к книгам и миру в целом. Есть библиотеки. И другие способы. Ситуации, когда ты можешь быть среди живых, например, театр или кино.

— Это что, как футбол? В школе мне нравилось смотреть, как ребята играют.

— Футбол… Хм-м… Матчи проходят рановато для меня, — сказал Сайлес. — Но мисс Лупеску в свой следующий приезд вполне может сводить тебя на игру.

— Хорошо бы, — сказал Никт.

Они пошли вниз по склону.

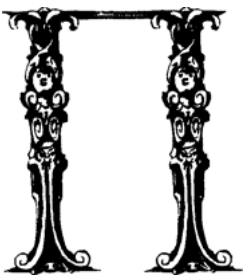
— За эти недели мы с тобой изрядно наследили. А они тебя, между прочим, до сих пор ищут.

— Ты уже говорил. Откуда ты знаешь? И кто такие «они»? Что им нужно?

Сайлес уклончиво покачал головой.

Никту оставалось только смириться.

Глава 7
МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ



Последние месяцы Сайлес был очень занят: часто пропадал на несколько дней, а то и недель. На рождественские каникулы его заменяла мисс Лупеску. Она угощала Никта обедами и ужинами в маленькой квартирке, которую сняла в Старом городе, и даже сводила на футбольный матч, как обещал Сайлес. Потом мисс Лупеску уехала в «свою старую страну» — правда, сначала нежно ущипнула Никта за щечку и назвала «Нимени».[166]

Теперь не осталось ни Сайлеса, ни мисс Лупес-

---

[166] notes: 166
Nimeni (*рум.*) — никто.

ку. Мистер и миссис Оуэнс сидели в гробнице Иосии Уордингтона и встревоженно совещались.

— То есть он не сообщил никому из вас, куда уезжает и как заботиться о ребенке?

Оуэнсы покачали головами.

— Ну и куда же он запропастился?

Оуэнсы не знали, что ответить. Наконец господин Оуэнс сказал:

— Он никогда не уезжал так надолго. Когда у нас появился Никт, он обещал, что будет поблизости или найдет того, кто нам поможет. Он дал слово.

Миссис Оуэнс перебила, чуть не плача:

— Хоть бы с ним ничего не стряслось! — Ее слезы быстро высохли, и она добавила с досадой: — Нельзя так поступать! Как же нам его найти, вызвать обратно?

— Мне такие способы неизвестны, — сказал Иосия Уордингтон. — Но, полагаю, он оставил в крипте деньги на еду для мальчика.

— Деньги! — воскликнула миссис Оуэнс. — Какой прок от денег?

— Никту надо будет покупать продукты… — начал мистер Оуэнс.

— Да что с вами разговаривать!

Миссис Оуэнс в расстройстве отправилась на поиски сына. Тот, как она и думала, стоял на

вершине холма и смотрел на город.

— Скажешь, о чем думаешь, — дам пенни.

— Нет у тебя пенни, — отозвался Никт. Ему было уже четырнадцать, и он перерос свою мать.

— Есть, в гробу целых две монетки, — возразила миссис Оуэнс. — Позеленели чуток, но есть.

— Я думал о большом мире. С чего мы взяли, что убийца моей семьи еще жив? Что он где-то там?

— Сайлес так говорит.

— Но без всяких подробностей.

— Он желает тебе только добра, ты же знаешь.

— Ага, конечно. И где он?

Миссис Оуэнс не ответила.

— Ты ведь видела человека, который убил моих родных? Когда меня усыновляла.

Миссис Оуэнс кивнула.

— Какой он?

— Я больше глядела на тебя. Дай подумать… Волосы темные, почти черные. Мне было страшно на него смотреть. Лицо какоето резкое. Голодное и злобное, вот что. Сайлес его выпроводил наружу.

— А почему он его не убил?! — рассердился Никт. — Ведь мог, еще тогда!

Миссис Оуэнс тронула сына за руку холодными пальцами.

— Никт, он же не чудовище.

— Если бы Сайлес убил его еще тогда, мне бы ничто не угрожало. Я мог бы ходить, где хочу.

— Сайлес знает об этом деле больше тебя, больше всех нас. О жизни и смерти тоже. Все не так просто.

— Как его звали? Убийцу.

— Сайлес не сказал. Тогда не сказал.

Никт склонил голову набок и направил на мать глаза — серые, как грозовые тучи.

— А потом?

— Никт, ты ничего не сможешь сделать.

— Смогу. Я учусь. Я могу научиться всему, что нужно, всему, чему сумею. Я знаю про упырью дверь. Умею *ходить по снам*. Мисс Лупеску рассказала мне про звезды. Сайлес научил молчать. Я умею *блекнуть* и *наводить ужас*. Я знаю каждый дюйм этого кладбища!

Миссис Оуэнс коснулась плеча сына.

— Когда-нибудь… — сказала она и запнулась. Придет день, и она не сможет до него дотронуться. Он их оставит. Когда-нибудь. — Сайлес сказал мне, что человека, убившего твою семью, звали Джек.

Никт промолчал. Потом кивнул.

— Мама…

— Что, сынок?

— Когда Сайлес вернется?

Полуночный ветер принес с собой холод. Вся досада миссис Оуэнс давно улетучилась. Остался лишь страх за сына.

— Хотела бы я знать, милый мой мальчик. Хотела бы я знать…

Скарлетт Эмбер Перкинс было пятнадцать. Сейчас она сидела на втором этаже старого-престарого автобуса и буквально кипела от злости. Она ненавидела родителей за то, что они разошлись. Ненавидела мать за то, что та уехала из Шотландии, ненавидела отца, который так легко их отпустил. Ненавидела этот город за то, что он совсем другой — не такой, как Глазго, где она выросла, — и что в нем за каждым углом ее ждет что-то до боли знакомое.

Сегодня утром она сорвалась.

— В Глазго у меня хоть друзья были! — чуть не плача крикнула Скарлетт. — А теперь я их уже никогда не увижу!

— Зато ты этот город знаешь. Мы тут жили, когда ты была маленькая, — спокойно ответила мать.

— Я его не помню. И никого здесь не помню. Ты что, хочешь, чтобы я разыскала тех, с кем дружила в пять лет?! Этого ты хочешь?!

— А почему бы нет?

До конца уроков Скарлетт злилась, злилась и теперь. Мерзкая школа, мерзкий мир, мерзкий общественный транспорт.

Обычно автобус девяносто седьмого маршрута увозил Скарлетт от ворот школы в центр, до самого конца улицы, где мать сняла небольшую квартирку. В этот ветреный апрельский день Скарлетт простояла на остановке почти полчаса и не увидела ни одного «девяносто седьмого». Наконец появился «сто двадцать первый», тоже с надписью «Центр», и Скарлетт решила сесть на него. Только вот там, где ее автобус поворачивал направо, этот свернул налево, в Старый город, проехал городской сад и площадь, миновал памятник Иосии Уордингтону, баронету, и по извилистой дороге вскарабкался на холм с узкими высокими домами.

У Скарлетт упало сердце.

Она подошла к кабине водителя, прочла объявление «Не отвлекайте водителя во время езды», но все-таки сказала:

— Простите… Я хотела попасть на Акация-авеню.

Водитель — крупная женщина с кожей даже темнее, чем у Скарлетт, — ответила:

— Надо было садиться на «девяносто седьмой».

— Но этот тоже идет в центр.

— Да, но не сразу. И потом тебе надо будет возвращаться. — Женщина вздохнула. — Лучше выйди здесь и спустись с холма на остановку у ратуши. Там ходят «четвертый» и «пятьдесят восьмой». Оба довезут тебя почти до Акация-авеню. Выйдешь у спортивного центра, а там и пешком недалеко. Поняла?

— «Четвертый» или «пятьдесят восьмой».

— Вот и остановка.

Остановка, где тормозили только по требованию, была чуть дальше распахнутых железных ворот. Выглядело все печально и неуютно. Скарлетт замерла в открытых дверях автобуса.

— Ну, давай! — поторопила женщина-водитель.

Скарлетт спрыгнула на тротуар. Автобус изрыгнул черный дым и с ревом укатил.

За оградой под ветром зашумели деревья.

Скарлетт пошла вниз по холму. Вот зачем нужен мобильный телефон, думала она. Опоздаешь минут на пять, и мать уже сходит с ума. А мобилку все равно не покупает. Ну ладно. Опять накричит… Не в первый раз и не в последний.

Скарлетт как раз поравнялась с открытыми

воротами. Заглянула внутрь и…

— Ничего себе! — вырвалось у нее.

Есть такое выражение — «дежавю». Его употребляют, когда приходишь куда-то, и кажется, что ты уже тут был, или видишь то, что уже видел во сне или воображении. У Скарлетт иногда бывало дежавю — например, она заранее знала, что учительница расскажет про свою поездку в Инвернесс, или кто-то ронял ложку точно так, как она себе представляла. Сейчас всё было иначе. Скарлетт не просто казалось, что она бывала здесь раньше. Она действительно раньше видела это место.

Скарлетт прошла в открытые ворота. Из-под ног вспышкой белого и черного с зеленым отливом вылетела сорока, уселась в ветвях тиса и стала за ней наблюдать. За углом, подумала Скарлетт, есть церковь, а перед ней — скамейка. Она завернула за угол и тут же увидела церковь, только гораздо меньшую, чем она себе представляла. Мрачная готическая постройка из серого камня с острым шпилем. У входа старая деревянная скамья. Скарлетт подошла, присела на скамью и стала болтать ногами, как маленькая.

— Послушайте… М-м… Мисс! — сказал кто-то сзади. — Боюсь показаться навязчивым, но вас не

затруднит… кое-что придержать? Мне не хватает еще одной пары рук.

Скарлетт оглянулась и увидела человека в бежевом плаще, сидевшего на корточках перед надгробием. Ветер раздувал большой лист бумаги в его руках. Скарлетт поспешила на помощь.

— Держите тут, — сказал мужчина. — Одной рукой тут, другой тут, и всё. Ужасная наглость с моей стороны! Безумно вам благодарен.

Рядом с ним стояла жестяная банка из-под печенья. Оттуда он достал что-то вроде мелка или небольшой свечи и легкими отработанными движениями принялся тереть камень.

— Вот и все! — радостно сказал он. — Вот… о! Эта загогулинка внизу, полагаю, обозначает плющ — викторианцы обожали плющ, для них он был символичен… готово. Отпускайте.

Он встал и расчесал пятерней седые волосы.

— Ох! Надо размяться. Совсем ноги отсидел! Итак… что скажете?

Без прориси прочесть выбитое на камне, покрытом зеленым и желтым лишайником, было бы невозможно.

— «Маджелла Годспи, дева сего прихода, 1791–1870, «Всё в прошлом. Мы живем с тобой лишь в памяти моей», — вслух прочла Скарлетт.

— Если кто-то ее еще помнит. — Лысоватый мужчина стеснительно улыбнулся и поморгал сквозь маленькие круглые стекла очков, делавшие его похожим на дружелюбную сову.

На бумагу плюхнулась большая дождевая капля. Мужчина поспешно свернул лист в рулон и схватил банку с мелками. Еще горсть капель. Скарлетт взяла портфель мужчины, стоявший у соседнего надгробия, и поднялась на крошечное крыльцо часовни, где было сухо.

— Спасибо вам огромное, мисс! Думаю, дождь скоро пройдет. Прогноз обещал солнце.

Словно в ответ подул холодный ветер и начался настоящий ливень.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал любитель надгробий.

— Правда? — удивилась Скарлетт. Думала она вот что: мама меня убьет.

— Вы думаете: это церковь или часовня? А ответ таков: как мне удалось выяснить, на этом месте действительно когда-то стояла церквушка, и первое кладбище находилось на церковном дворе. В восьмисотых — девятисотых годах нашей эры. С тех пор ее не раз перестраивали и расширяли. В двадцатые годы девятнадцатого века случился пожар, да и сама церковь стала ма-

ловата для прихода. Люди начали посещать храм святого Дунстана на площади, а эту перестроили в часовню, сохранив многое из первоначального замысла. Так, витражные окна в дальней стене здания — оригинальные образчики…

— Вообще-то я думала про то, что мама меня убьет. Я села не на тот автобус и ужасно опоздала домой…

— О боже мой, бедная девочка! Послушай, я живу как раз через дорогу. Подожди-ка…

Он сунул ей в руки портфель, мелки и скатанную бумагу, а сам рысью побежал к воротам, сгорбившись под натиском дождя.

Через пару минут Скарлетт увидела свет фар и услышала автомобильный сигнал. Она подбежала к воротам. Там стояла старенькая зеленая «мини» с ее недавним собеседником за рулем. Мужчина опустил окно:

— Залезай. Куда везти?

Скарлетт осталась стоять. За шиворот ей тек дождь.

— Я не сажусь в машину к незнакомым.

— И правильно. Но, как говорят, помоги другим, и помогут тебе, и все такое… Клади это все назад, пока не промокло! — Он открыл заднюю дверцу. Скарлетт наклонилась и как можно аккуратнее

положила то, что держала в руках, на заднее сиденье.

— Можешь позвонить матери — вот мой телефон — и назвать номер моей машины. Только поскорей залезай, а то совсем промокнешь.

Скарлетт медлила. Мокрые волосы прилипли к голове, стало холодно.

Мужчина протянул ей свой мобильный. Скарлетт посмотрела на телефон и поняла, что боится звонить матери больше, чем садиться в чужую машину.

— И в полицию я тоже могу позвонить?

— Конечно. Или пойти домой пешком. Или попросить мать заехать за тобой.

Скарлетт села в машину и закрыла дверь, не выпуская из рук телефона.

— Где ты живешь?

— Да зачем… В смысле, просто высадите меня на остановке…

— Я отвезу тебя домой. Адрес какой?

— Акация-авеню, сто два «А». Надо съехать с главной улицы за большим спортивным центром…

— Да, далеко же ты забралась… Что ж, поехали домой. — Он снял машину с ручного тормоза, развернулся и повел вниз по склону. — Давно

тут живешь?

— Не очень. Мы переехали после Рождества. Правда, раньше уже жили здесь, мне тогда было пять лет.

— У тебя, похоже, шотландский акцент?

— Мы десять лет прожили в Шотландии. Там я говорила как все, а сюда приехала — и стала белой вороной. — Скарлетт хотела пошутить, но сама поняла, что вышла горькая правда.

Мужчина доехал до Акация-авеню, поставил машину перед домом и настоял на том, что проводит Скарлетт до дверей. Когда мать открыла, он сказал:

— Примите мои извинения! Я взял на себя смелость привезти к вам вашу дочь. Вы совершенно правильно внушили ей, что нельзя садиться в машину к незнакомым людям. Но, видите ли, шел дождь, она села не на тот автобус и оказалась в другом конце города. Все как-то неудачно сложилось. Обещайте, что не будете слишком суровы к ней. И… ко мне.

Скарлетт ожидала, что мать накричит на них обоих, но, к ее удивлению и облегчению, та сказала, что в наше время лишняя осторожность не повредит, и не учитель ли мистер… Э-э, и не выпьет ли он чашечку чая?

«Мистер Э-э» сказал, что его фамилия Фрост, но она может звать его Джей, на что миссис Перкинс улыбнулась и сказала, чтобы он звал ее Нуной, а потом побежала ставить чайник.

За чаем Скарлетт подробно рассказала матери о своих приключениях: как она села на неправильный автобус, как оказалась на кладбище и как познакомилась с мистером Фростом у маленькой часовни…

Миссис Перкинс уронила чашку.

Они сидели за кухонным столом, и чашка упала невысоко, даже не разбилась. Просто пролился чай. Миссис Перкинс неуклюже извинилась, встала и взяла тряпку с раковины.

Подтирая чай, она спросила:

— Речь идет про кладбище на холме, в Старом городе?

— Я живу в тех краях, — сказал мистер Фрост. — Уже срисовал немало надгробий. К тому же это кладбище объявлено природным заповедником.

— Знаю, — поджала губы миссис Перкинс. — Большое спасибо, что подвезли Скарлетт домой, мистер Фрост, — добавила она ледяным тоном. — Думаю, сейчас вам следует уйти.

— Ну, это уж слишком! — дружелюбно воскликнул мистер Фрост. — Я не хотел вас обидеть! Я

что-то не то сказал? Да, я делаю прориси могильных плит для краеведческого проекта… Но я ведь не раскапываю могилы, что вы!

На мгновение Скарлетт показалось, что мать сейчас ударит мистера Фроста прямо по встревоженному лицу. Но та лишь покачала головой.

— Простите, вы потревожили не самые приятные воспоминания. Вы тут ни при чем.

И через силу улыбнулась:

— А знаете, Скарлетт играла на этом самом кладбище, когда была совсем маленькая. Лет… десять назад! И у нее был воображаемый приятель. Маленький мальчик по имени Никто.

В уголке рта мистера Фроста заиграла улыбка:

— Мальчик-привидение?

— Не похоже. Скарлетт даже показала нам гробницу, где он живет. Хотя, должно быть, все-таки привидение. Помнишь, дочка?

Скарлетт покачала головой.

— Странная я была в детстве.

— Ничего подобного… м-м… — сказал мистер Фрост. — Нуна, вы воспитали прекрасную дочь! Что же, чай был очень вкусный. Всегда рад новым друзьям. Пожалуй, теперь я пойду. Нужно приготовить хоть какой-то еды, а то у меня скоро встреча местного исторического общества.

— Вы сами готовите себе ужин? — поинтересовалась миссис Перкинс.

— Да. Точнее, размораживаю. И мастерски варю рис в пакетиках. Порцию на одного. Живу один. Этакий закоренелый холостяк. В газетах пишут, что холостяки всегда гомосексуалисты, верно? Я не из них, просто так и не встретил *ее*. — В его лице мелькнула печаль.

Миссис Перкинс, которая терпеть не могла стоять у плиты, объявила, что в выходные всегда готовит, и у нее получается слишком много для двоих. Она проводила мистера Фроста до двери, и тот с удовольствием согласился зайти на ужин в субботу вечером.

Вернувшись из прихожей, миссис Перкинс сказала только:

— Надеюсь, ты сделала уроки.

Лежа в постели, Скарлетт слушала, как машины проносятся мимо их дома по дороге, и вспоминала события этого дня. Она бывала на том кладбище в детстве. Вот почему всё казалось ей там таким знакомым! Она так и заснула, представляя себе кладбище, и даже во сне продолжала ходить по его дорожкам. Была ночь, но Скарлетт видела ясно, как днем. Она очутилась на склоне холма. Рядом, спиной к ней, стоял мальчик примерно ее

лет и смотрел на городские огни.

— Мальчик! Ты что делаешь?

Он оглянулся и будто не сразу понял, куда смотреть.

— Кто это? Ой, я вижу тебя! Почти. Ты *ходишь по снам*?

— Думаю, это сон, — согласилась она.

— Я не совсем то имел в виду… Привет. Я Никт.

— А я Скарлетт.

Он снова посмотрел на нее, словно видел в первый раз.

— Конечно! Я сразу подумал, что ты на нее похожа. Ты была сегодня на кладбище, помогала какому-то человеку с бумажками.

— Это мистер Фрост. Он очень хороший. Подвез меня домой… Так ты нас видел?

— Ага. Я слежу за всем, что происходит на кладбище.

— Никт — что это за имя такое?

— Сокращенное от Никто.

— Вот оно что! — обрадовалась Скарлетт. — Вот о чем мой сон! Ты мой воображаемый друг из детства, только ты вырос.

Мальчик кивнул. Он был выше нее и весь в сером, хотя описать его одежду она бы не смогла. И еще у него были слишком длинные волосы:

должно быть, редко ходит к парикмахеру.

— Ты была такая смелая! Мы с тобой спускались внутрь холма и видели Человека-индиго. И Слира.

Вдруг у нее в голове что-то щелкнуло. Что-то понеслось и закувыркалось, закружилась темнота, столкнулись картинки…

— Я помню! — воскликнула Скарлетт. Но услышала ее только темная пустая комната, а в ответ прорычал далекий грузовик, ехавший куда-то сквозь ночь.

В крипте часовни, в самых прохладных гробницах, склепах и мавзолеях хранились запасы непортящихся продуктов. Сайлес позаботился о том, чтобы мальчику хватило еды на несколько месяцев, и покидать кладбище особой нужды не было.

Никт скучал по миру за кладбищенской оградой, но понимал, что там опасно. Пока. А вот кладбище — его владения, которыми он гордился, его мир, который он любил так сильно, как может любить четырнадцатилетний подросток.

И все же…

Жители кладбища не менялись. Бывшие товарищи по играм оставались детьми. Фортинбрас Бартлби, когда-то его лучший приятель, стал лет

на пять моложе Никта, и с каждой встречей у них было всё меньше тем для разговора. Зато Теккерей Порринджер, которого Никт догнал по росту и возрасту, теперь относился к нему куда благосклоннее. По вечерам он гулял с Никтом по дорожкам и рассказывал о всяких несчастьях, которые приключались с его знакомыми. Обычно все кончалось тем, что их по ошибке, без всякой провинности, вешали или навсегда отправляли в американские колонии.

Лиза Хемпсток за шесть лет тоже изменилась, но по-своему. Когда Никт спускался к ее крапивным зарослям, она почти не выходила, а если и показывалась, то говорила резко, спорила, а иногда прямо-таки грубила.

Никт спросил об этом мистера Оуэнса. Немного поразмыслив, отец сказал:

— Полагаю, всё это женские причуды. Мальчиком ты ей нравился, а теперь, когда ты стал молодым мужчиной, она не знает, как с тобой себя вести. Я каждый день играл возле утиного пруда с одной девочкой, а потом она выросла и вдруг запустила мне в голову яблоком. И не сказала больше ни слова, пока мне не исполнилось семнадцать.

Миссис Оуэнс фыркнула:

— Не яблоком, а грушей! И начала я с тобой разговаривать куда раньше! Мы станцевали целый танец у твоего кузена Неда всего через два дня после того, как тебе стукнуло шестнадцать!

— Конечно, дорогая, ты совершенно права. — Мистер Оуэнс шутливо подмигнул Никту, а сам прошептал одними губами: — Сем-над-цать.

Никт теперь не хотел заводить друзей среди живых. Еще в школьные дни он понял, что от них одни неприятности. И все-таки он часто вспоминал Скарлетт, скучал по ней, пусть даже и смирился с мыслью, что никогда ее больше не увидит…

И вот она снова появилась на кладбище, а он ее не узнал.

Он забрел глубоко в заросли на северо-западе. Везде были объявления «Не ходить», но сюда и так никто не ходил: в конце Египетской аллеи, за псевдоегипетскими гробницами с черными дверьми, было неуютно и страшно. Здесь природа на протяжении ста лет отвоевывала кладбище у людей. Камни были опрокинуты, забытые могилы давно утонули в зеленом плюще и скопившихся за десятки лет палых листьях, дорожки потерялись или стали непроходимыми.

Никт шел осторожно. Он хорошо знал, как тут

опасно. Лет в девять он исследовал эти места, и вдруг земля под ним просела, и он свалился в двадцатифутовую яму. Могилу готовили на много гробов, а оказался там всего один, на самом дне. Оттуда выскочил взволнованный господин лекарской профессии, который назвался Карстерсом. Он чрезвычайно обрадовался появлению Никта и, прежде чем отправиться за помощью, тщательно осмотрел запястье мальчика (тот вывихнул его, когда падал и ухватился за корень).

Сейчас Никт пробирался сквозь груду листьев и плюща среди лисьих нор и подслеповатых ангелов, потому что хотел поговорить с Поэтом.

Поэта звали Неемия Трот, и на его надгробии было написано:

Здесь покоятся бренные останки
Неемии Трота
Поэта
1741–1774

Не всякий лебедь должен петь,
Почуяв близость смерти.

— Господин Трот! Могу я попросить у вас совета?

Слабый силуэт Неемии просиял от радости.

— Конечно, храбрый юноша! Совет поэтов — воистину любезность королей! Каким елеем… о нет, каким бальзамом утолить твою боль?

— Вообще-то у меня ничего не болит. Я просто… в общем, когда-то я был знаком с одной девочкой, а теперь не знаю, стоит ли к ней подходить или выкинуть эту затею из головы.

Неемия Трот выпрямился в полный рост — он был ниже Никта — и восторженно приложил руки к груди.

— О-о! Иди к ней и моли ее! Назови ее своей Терпсихорой, Эхо, Клитемнестрой! Пиши ей стихи, величавые оды — я помогу тебе. Так, и только так ты завоюешь свою истинную любовь.

— Я не то чтобы хочу ее завоевать. Она не моя истинная любовь. Я просто хочу с ней поговорить.

— Изо всех человеческих органов язык — величайшее чудо. Ибо им мы пробуем сладкое вино и горькую отраву, источаем мед и горечь. Иди к ней! Говори с ней!

— Не могу.

— Можешь, юный сэр! Более того, ты должен! Я напишу об этом, как только завершится бой победой стороны одной.

— Но если я перестану *блекнуть* для одного

человека, другим будет легче меня видеть.

— Склони ко мне свой слух, о юный Леандр, Геро, Александр! Фортуна помогает смелым!

— Хм, тоже верно…

Никт был рад, что додумался прийти к Поэту. Кто тебя образумит, если не поэт? Да, кстати…

— Мистер Трот… Расскажите мне о мести.

— О, это блюдо подается холодным. Не мсти в пылу негодования! Мудрее дождаться подходящего часа. Один бумагомаратель по фамилии О'Лири — к слову, ирландец, — возымел наглость написать о моем первом скромном сборнике стихов «Прелестный букетик в петлицу истинного джентльмена», что это никчемные вирши, лишенные всякой художественной ценности, и что бумагу, на которой они написаны, лучше было употребить на… нет, не могу произнести такого вслух! Скажу лишь, что заявление его было чрезвычайно вульгарным.

— И вы ему отомстили? — с любопытством спросил Никт.

— Ему и всему его ядовитому племени. О да, юный Оуэнс, я отомстил, и месть моя была ужасна. Я напечатал письмо и наклеил на двери лондонских публичных домов, в которые нередко наведывались щелкоперы вроде этого О'Лири. В

письме я заявил, что поэтический талант хрупок и я больше не стану писать для них, — только для себя и для потомков, а при жизни не опубликую ни строчки! В завещании я указал, чтобы мои стихи похоронили вместе со мной, неопубликованными. Лишь когда потомки осознают мою гениальность и поймут, что сотни моих стихов утрачены — утрачены! — мой гроб дозволяется откопать, чтобы вынуть из моей мертвой холодной длани творения, которые восхитят весь мир. Как это страшно — опередить свое время!

— И как, вас откопали, стихи напечатали?

— Пока нет. У меня еще все впереди.

— Это и была ваша месть?

— Вот именно. Коварная и ужасная!

— Хм…

— Подается холодной, — гордо заявил Поэт.

Никт вернулся по Египетской аллее на расчищенные дорожки. Опускались сумерки, и он побрел к старой часовне: не потому, что надеялся увидеть Сайлеса, а просто потому, что всю жизнь подходил к часовне в этот час, и приятно было соблюдать ритуал. К тому же он проголодался.

Никт прошел сквозь дверь и спустился в крипту. Там он сдвинул коробку отсыревших приходских записей и достал пакет апельсино-

вого сока, яблоко, упаковку хлебных палочек и кусок сыра. Он жевал и думал, не поискать ли Скарлетт — например, *походить по снам*, раз она сама его так нашла…

Он вышел наружу и уже собрался сесть на серую деревянную скамью, как вдруг замер: кто-то уже занял его место. И он — вернее, она — читала журнал.

Никт *поблек* еще больше, стал частью кладбища, не более заметной, чем тень или ветка. Но Скарлетт подняла глаза, посмотрела на него в упор и сказала:

— Никт, это ты?

Никт помолчал, а потом спросил:

— Почему ты меня видишь?

— Сначала почти не видела. Подумала, ты какая-то тень. Но ты совсем как в моем сне. И как-то сфокусировался.

Он подошел к скамейке.

— Ты сейчас видишь буквы? Тебе не слишком темно?

Скарлетт закрыла журнал.

— Да, странно. Кажется, что темно, но я всё вижу.

— А ты… — Он затих, сам не зная, что хотел спросить. — Ты здесь одна?

Она кивнула.

— После школы я помогала мистеру Фросту делать прориси надгробий, а потом сказала, что хочу посидеть тут и подумать. Потом я выпью с ним чаю, и он отвезет меня домой. Он даже не спросил, почему я сюда пришла. Только сказал, что тоже любит бывать на кладбищах и что здесь спокойнее всего на свете… А можно тебя обнять?

— Ты этого хочешь?

— Да.

— Ну, тогда… — Он подумал. — Я не против.

— Мои руки не пройдут сквозь тебя? Ты правда есть?

— Нет, не пройдут, — сказал он. Скарлетт обхватила его руками и сжала так крепко, что у него перехватило дыхание. — Больно!

Она разжала руки.

— Извини.

— Нет, мне понравилось. В смысле… Ты обняла меня крепче, чем я ожидал.

— Я просто хотела проверить, настоящий ли ты. Все эти годы я думала, что ты просто моя выдумка. А потом забыла о тебе. Но оказалось, что ты не выдумка, что ты и у меня в голове, и в жизни.

Никт улыбнулся.

— Раньше ты ходила в такой оранжевой курточ-

ке. Каждый раз, видя этот оттенок оранжевого, я вспоминал о тебе. Она у тебя не сохранилась?

— Нет, конечно, — ответила Скарлетт. — Вряд ли я бы сейчас в нее влезла.

— Ну да, — сказал Никт, — конечно!

— Мне пора, — сказала Скарлетт. — Я, наверное, смогу прийти в выходные. — Увидев огорченное лицо Никта, она добавила: — Сегодня уже среда.

— Было бы здорово.

Она встала.

— А как я найду тебя в следующий раз?

— Я сам тебя найду. Не беспокойся. Просто будь одна, и я тебя найду.

Она кивнула и ушла.

Никт поднялся вверх по холму, до самого мавзолея Фробишеров. В мавзолей он не пошел, а вскарабкался по стене, цепляясь за толстый корень плюща. Он сел на каменную крышу и стал смотреть на движущийся мир за пределами кладбища и думать. Он вспоминал, как Скарлетт его обняла и как ему стало в это мгновение спокойно. Хорошо ходить по большому миру и знать, что на тебя никто не охотится. И хорошо быть хозяином своего собственного маленького мира.

Скарлетт отказалась от чая и даже от шоколадного печенья. Мистер Фрост встревожился.

— Честно говоря, ты выглядишь так, словно видела привидение. Конечно, кладбище для этого подходящее место… м-м… одна моя тетушка утверждала, что ее попугаиха одержима злым духом. Она была красный ара — попугаиха, конечно, а не тетушка. Тетушка была архитектором. Это всё, что я знаю.

— Я в порядке, — заверила его Скарлетт. — Просто день был тяжелый.

— Тогда я подвезу тебя домой. Не знаешь, что тут написано? Бьюсь уже больше получаса. — Он показал на прорись могильной надписи, лежавшую на столе и придавленную по углам банками варенья. — Как думаешь, это не Гладстон? Мог быть родственником премьера… Ничего не могу разобрать.

— Вряд ли Гладстон, — сказала Скарлетт. — В субботу посмотрю еще раз.

— Может, и мама твоя придет?

— Она сказала, что забросит меня к вам, а сама поедет за продуктами на ужин. Она решила запечь курицу.

— А ты не знаешь, — с надеждой в голосе спросил мистер Фрост, — на жареную картошечку есть надежда?

— Думаю, да.

Мистер Фрост явно обрадовался, хотя добавил:

— Правда, я не хотел бы доставлять лишние хлопоты…

— Маме все это очень нравится, — честно ответила Скарлетт. — Спасибо, что предложили подвезти.

— Всегда пожалуйста! — сказал мистер Фрост, и они вместе спустились по лестнице высокого узкого дома в крошечную прихожую.

В Кракове на горе Вавель есть пещера под названием Смоча яма, Логово дракона, где когда-то якобы жил дракон. Туристам она известна, но вот о том, что под ней кроется целое подземелье, они даже не подозревают. Подземелье это очень глубокое и… обитаемое.

Сайлес шел первым. За ним тихо перебирала лапами огромная серая мисс Лупеску. Замыкал шествие Кандар — перебинтованная ассирийская мумия с мощными орлиными крыльями и рубиновыми глазами. В руках Кандар сжимал маленького поросенка.

Вначале их было четверо, но Гаруна они лишились еще в верхней пещере, когда ифрит, самоуверенный, как и всё его племя, неосторожно вступил в пространство, огороженное тремя бронзовыми зеркалами, и исчез во вспышке све-

та. Через пару мгновений ифрит остался лишь в зеркалах, но не в реальности. Он широко раскрыл огненные глаза и рот, словно предостерегал от новых опасностей, а потом пропал навсегда.

Сайлес, которому зеркала были не страшны, прикрыл одно плащом и обезвредил ловушку.

— Итак, — сказал он, — нас осталось трое.

— И поросенок, — вставил Кандар.

— Зачем? — прорычала волчьей глоткой мисс Лупеску. — Зачем тебе поросенок?

— На удачу, — ответил Кандар.

Мисс Лупеску только хмыкнула.

— У Гаруна был поросенок? — парировал Кандар.

— Тихо, — оборвал их Сайлес. — Они идут! И их, судя по шуму, много.

— Мы их встретим! — прошептал Кандар.

Мисс Лупеску ощетинилась и промолчала. Она была готова. Только усилием воли она удержалась, чтобы не вскинуть голову и не завыть по-волчьи.

— Красиво тут, наверху, — сказала Скарлетт.

— Да, — ответил Никт.

— Так значит, всех твоих родных убили? А известно, кто?

— По-моему, нет. Мой опекун говорит, что

человек, который это сделал, до сих пор жив. Когда-нибудь Сайлес мне расскажет всё остальное.

— Когда-нибудь?

— Когда я буду готов.

— Чего он боится? Что ты наденешь кобуру и отправишься мстить убийце своих родных?

Никт серьезно посмотрел на нее.

— Ну да, а как же. Правда, не с кобурой. Но — да. С чем-то в таком роде.

— Ты шутишь!

Никт плотно сжал губы и молча покачал головой.

— Не шучу.

Стояло ясное субботнее утро. Они вышли на Египетскую аллею и спрятались от солнца под соснами и разлапистой араукарией.

— Твой опекун — он тоже мертвый?

— Я ни с кем о нем не говорю.

Скарлетт обиделась.

— Даже со мной?

— Даже с тобой.

— Ну, как хочешь.

— Послушай… Извини меня! Я не хотел…

— Я пообещала мистеру Фросту, что не буду долго задерживаться. Мне пора.

— Ясно. — Никт боялся, что обидел Скарлетт, но

не знал, какими словами всё исправить.

Когда он смотрел, как она спускается по извилистой тропке к часовне, знакомый голосок презрительно фыркнул:

— Ишь, какая фифа!

Чувствуя себя полным дураком, Никт вернулся на аллею. Мисс Лиллибет и мисс Виолет как-то разрешили ему поставить в своем склепе коробку со старыми книгами, и он решил взять что-нибудь почитать.

До полудня Скарлетт помогала мистеру Фросту с прорисями. Потом они сделали перерыв на обед. Мистер Фрост в благодарность за помощь решил угостить ее жареной рыбой с картошкой. Они спустились в ближайшую рыбную забегаловку, а потом пошли обратно, поедая прямо из бумажного пакета дымящуюся рыбу и пропитанные уксусом, блестящие от соли ломтики картофеля.

Скарлетт спросила:

— А куда идти, если хочешь узнать об убийстве? В Интернете я уже смотрела.

— Хм… Смотря о каком убийстве речь.

— Оно произошло здесь. Тринадцать или четырнадцать лет назад здесь убили одну семью.

— Боже! Ты не шутишь?!

— Ну что вы! Ой, вам плохо?

— Нет, ничего… Честно говоря, я… немного напугался. Такие дела, ну, настоящие преступления, прямо под носом… Как-то не хочется об этом думать. О таких происшествиях. Неужели это интересно девочкам в твоем возрасте?

— Это не совсем для меня, — призналась Скарлетт. — Для одного друга.

Мистер Фрост доел кусочек жареной трески.

— Ну, тогда надо смотреть в библиотеке. Если нет в Интернете, найдется в газетных архивах. А что тебя навело на мысль о таком расследовании?

— Ну… — Скарлетт решила поменьше врать. — Спрашивал один знакомый мальчик.

— Да, тебе точно надо в библиотеку. Убийство… Бр-р-р-р… Мурашки по коже.

— У меня тоже. Чуточку… А вы не могли бы подбросить меня в библиотеку?

Мистер Фрост откусил половинку большого ломтика картофеля, прожевал и разочарованно посмотрел на остаток.

— Быстро остывает картошка. Только что прямо рот обжигала и уже успела остыть.

— Простите, зря я к вам пристаю: подвезите, подвезите…

— Ну что ты, — рассеянно отозвался мистер

Фрост. — Я просто думаю, как сегодня всё успеть и любит ли твоя мама шоколад. Прийти с вином или коробкой конфет? Даже не знаю. Может, и с тем, и с тем?

— Из библиотеки я доеду сама. А мама очень любит конфеты. Я тоже.

— Значит, конфеты, — с облегчением сказал мистер Фрост.

Они дошли до зеленой «мини», которая стояла перед одним из высоких узких домов у подножия кладбища.

— Садись. Подброшу тебя в библиотеку.

Городская библиотека оказалась квадратным зданием из кирпича и камня, построенным еще в начале прошлого века. Скарлетт подошла к столу библиотекаря.

— Да? — спросила библиотекарь, дородная дама с серебряными серьгами-кольцами.

— Я хочу посмотреть на старые газетные вырезки.

— В школе задали?

— Краеведческий проект, — объяснила Скарлетт, радуясь, что почти не покривила душой.

— Есть городская газета на микрофишах, — сказала библиотекарь. У Скарлетт громко застучало сердце. Она боялась, что ее просьба вызовет подо-

зрения, но библиотекарша без лишних вопросов отвела ее в комнату с сооружениями, похожими на компьютеры, и показала, как ими пользоваться.

— Когда-нибудь мы все это оцифруем, — вздохнула женщина. — Так какие даты тебя интересуют?

— Тринадцать или четырнадцать лет назад. Точнее я сказать не могу, но пойму, когда увижу.

Женщина дала Скарлетт маленькую коробку с микрофишами газет за пять лет.

— Работай сколько хочешь.

Скарлетт думала, что убийство целой семьи станет новостью первой полосы, но в конце концов едва нашла эту информацию на пятой странице. Убийство произошло в октябре, тринадцать лет назад. В статье, без всяких подробностей, скупо перечислялись события: архитектор Рональд Дориан, 36 лет, его жена Шарлотта, 34 года, сотрудник издательства, и их дочь Мисти, 7 лет, были обнаружены мертвыми в доме номер 33 по Дунстан-роуд. Полиция подозревает, что совершено преднамеренное убийство. По словам представителя полиции, на этом этапе расследования комментарии преждевременны, но улики есть, и серьезные.

В заметке не говорилось, как именно погибла семья. Ничего не было сказано и о пропавшем маленьком ребенке. В следующих номерах газеты продолжения не было, полиция молчала. Во всяком случае, Скарлетт ничего не нашла.

И все-таки убийство было то самое. Дунстанроуд, 33… Скарлетт знала этот дом. Она там бывала!

Девочка отнесла коробку библиотекарю, поблагодарила ее и пошла домой под апрельским солнцем. Мать стояла на кухне и готовила ужин — судя по чаду, заполнившему квартиру, не слишком успешно. Скарлетт ретировалась к себе, широко распахнула окна, чтобы выветрить гарь, села на кровать и взяла телефон.

— Алло… мистер Фрост?

— Привет, Скарлетт! Ничего не изменилось? Как твоя мама?

— Все под контролем. — Скарлетт повторила слова матери. — М-м, мистер Фрост… Вы давно живете в этом доме?

— Давно? Ну, месяца четыре.

— А как вы его нашли?

— Увидел рекламу в окне одного агентства. Дом пустовал и обошелся мне недорого. Ну, не очень дорого. Я хотел найти жилье поближе к

кладбищу, так что он оказался в самый раз.

— Мистер Фрост… — Скарлетт начала было подбирать слова, но в конце концов просто выпалила: — Тринадцать лет назад в вашем доме убили трех человек. Семью по фамилии Дориан.

На том конце замолчали.

— Мистер Фрост! Вы там?

— М-м… Да, Скарлетт, я тут. Прости, пожалуйста. Неожиданная новость. Дом старый, конечно, и тут много чего могло случиться. Но не… А что за убийство?

Скарлетт решила всего не рассказывать.

— Заметка в газете была совсем маленькая. Только адрес, и больше ничего. Непонятно, как они умерли, что случилось…

— Вот как… Ох, боже мой! — Мистер Фрост заинтересовался больше, чем Скарлетт ожидала. — Вот здесь вступаем в дело мы, местные краеведы. Можешь на меня положиться: я всё выясню и тебе расскажу.

— Спасибо, — с облегчением вздохнула Скарлетт.

— М-м… Полагаю, ты говоришь все это по телефону потому, что если Нуна свяжет мой дом с убийствами, пусть даже тринадцатилетней давности, тебе запретят видеться со мной и хо-

дить на кладбище. Так что, м-м, пожалуй, я не стану рассказывать об этом, если ты обещаешь молчать.

— Спасибо, мистер Фрост!

— До семи. Я приеду с конфетами.

Ужин вышел на славу: чад из кухни выветрился, курица оказалась очень вкусной, салат — еще лучше. Картошка, правда, получилась слишком хрустящей, но мистер Фрост радостно объявил, что любит именно такую, и попросил добавки.

Его цветы были приняты благосклонно, конфеты, поданные на десерт, имели успех. Мистер Фрост беседовал со Скарлетт и Нуной, а потом все вместе смотрели телевизор. В десять вечера гость заторопился домой.

— Как говорят, время не ждет, и наука тоже! — Он с жаром пожал руку Нуне, заговорщически подмигнул Скарлетт и ушел.

Ночью Скарлетт пыталась встретить во сне Никта. Засыпая, она думала о нем, представляла, что ходит по кладбищу и ищет его, но ей приснилось, будто она гуляет по центру Глазго с друзьями из старой школы. Они искали какую-то улицу, но все время упирались то в один тупик, то в другой.

Под Вавельским холмом и Логовом дракона, на

самом дне подземелья мисс Лупеску споткнулась и упала.

Сайлес присел рядом и взял ее голову в ладони. Мисс Лупеску застыла на полпути между волчицей и женщиной, но лицо ее было полностью человечьим. Оно было в крови, и не вся кровь принадлежала врагам.

— Оставь меня… Спасай мальчика.

— Нет, — сказал Сайлес. — Я тебя не оставлю.

Позади Кандар укачивал поросенка, как ребенок — куклу. Левое крыло мумии было безнадежно раздроблено, но бородатое лицо оставалось непреклонным.

— Они вернутся, Сайлес, — прошептала мисс Лупеску. — Солнце встанет слишком скоро.

— Тогда мы разберемся с ними раньше, чем они соберутся напасть. Стоять можешь?

— Да. Я пес Господень.

Мисс Лупеску опустила голову, шевельнула скрюченными пальцами. Когда голова снова поднялась, на Сайлеса смотрела волчья морда. Волчица уперлась передними лапами в камень и с усилием встала: крупнее медведя, вся шерсть в кровавых брызгах.

Она задрала голову и издала яростный вой — вызов на поединок. Потом опустила голову,

оскалилась и прорычала:

— Теперь им конец!

В воскресенье, ближе к вечеру, зазвонил телефон. Скарлетт сидела на первом этаже и старательно срисовывала героев манги на папиросную бумагу. Трубку взяла ее мать.

— Ой, а мы как раз о вас говорили! — воскликнула она, хотя это было не так. — Все было просто замечательно! Мне очень понравилось. Нет, что вы, какие хлопоты… Конфеты? Очень вкусные. Просто замечательные. Я попросила Скарлетт передать вам: как только вам захочется домашней еды, дайте мне знать… Скарлетт? Да, она тут. Я ее позову. Скарлетт!

— Я здесь, мама. Не кричи. — Скарлетт взяла трубку. — Мистер Фрост?

— Скарлетт! — Его голос звучал взволнованно. — М-м… Я про то, о чем мы недавно говорили. О происшествии, которое случилось в моем доме. Можешь сказать своему приятелю, что я узнал… М-м… Послушай, когда ты сказала «одному другу»… Ты его придумала, или такой человек действительно есть?.. Или я сую нос не в свое дело…

— У меня действительно есть друг, который этим интересуется, — улыбнулась Скарлетт.

Мать непонимающе на нее посмотрела.

— Так вот, передай своему приятелю, я тут кое-что раскопал — не в буквальном смысле, скорее, выяснил… как мне кажется, очень достоверную информацию. Нашел секретные сведения. О которых лучше не говорить открыто.

— Например? — спросила Скарлетт.

— Послушай… Не подумай, что я сумасшедший. Но, насколько я понял, убили троих. А еще один — как я понимаю, маленький ребенок, — остался жив. Семья состояла не из трех человек, а из четырех. Погибли только трое. Скажи своему приятелю, пусть придет ко мне. Я ему все расскажу.

— Я ему передам, — ответила Скарлетт.

Она повесила трубку; сердце у нее билось как барабан.

Впервые за шесть лет Никт снова спускался по узкой каменной лестнице внутрь холма. Его шаги отдавались эхом. Он дошел до основания лестницы и стал ждать Слира. Он ждал и ждал, но ничто не шевелилось, не шептало, не ползало.

Никт оглядел пещеру: кромешная тьма ему не мешала, потому что он обладал зрением мертвых. Он подошел к алтарному камню посреди пола, где лежали кубок, брошь и каменный нож. Протянул руку и коснулся лезвия. Нож оказался острее, чем

он думал, и слегка порезал ему палец.

— ЭТО СОКРОВИЩЕ СЛИРА! — прошептал тройной голос, но сейчас он показался Никту тише и неувереннее.

— Вы здесь самый старый. Я пришел поговорить. Спросить совета.

Молчание.

— К СЛИРУ НЕ ХОДЯТ ЗА СОВЕТОМ. СЛИР СТЕРЕЖЕТ. СЛИР ЖДЕТ.

— Знаю. Но Сайлес куда-то делся. Мне больше не с кем поговорить.

В ответ было лишь молчание, полное древней пыли и одиночества.

— Не понимаю, что делать, — честно признался Никт. — Кажется, я могу выяснить, кто убил мою семью. Кто хотел убить меня. Но это значит, что придется оставить кладбище. — Слир молчал. По залу медленно вились дымовые щупальца. — Я не боюсь смерти. Просто меня так долго защищали и воспитывали люди, которых я люблю… — Молчание. — Придется решать самому.

— ДА.

— Тогда мне больше нечего сказать. Извините за беспокойство.

И тут в голове Никта раздался мягкий, вкрадчивый голос:

— СЛИРА ОСТАВИЛИ СТЕРЕЧЬ СОКРОВИЩЕ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОСПОДИНА. ТЫ НАШ ГОСПОДИН?

— Нет.

— ТЫ СТАНЕШЬ НАШИМ ГОСПОДИНОМ? — радостно взвыл Слир.

— Вряд ли.

— ЕСЛИ БЫ ТЫ СТАЛ НАШИМ ГОСПОДИНОМ, МЫ НАВЕЧНО ЗАКЛЮЧИЛИ БЫ ТЕБЯ В ОБЪЯТЬЯ. МЫ БЕРЕГЛИ БЫ ТЕБЯ И ХРАНИЛИ ДО КОНЦА ВРЕМЕН. МЫ НИКОГДА НЕ ОТПУСТИЛИ БЫ ТЕБЯ В ЭТОТ ОПАСНЫЙ МИР.

— Я не ваш господин.

— ЧТО Ж…

Никт чувствовал, как Слир извивается у него в голове.

— ТОГДА ОТЫЩИ СВОЕ ИМЯ.

Вдруг все стало пусто — и в голове Никта, и в самой пещере. Никт остался один.

Мальчик поднялся наверх осторожно, но быстро. Он сделал выбор и спешил действовать, пока решимость еще не остыла.

Скарлетт ждала его на скамейке у часовни.

— Ну что? — спросила она.

— Я согласен.

И они вместе пошли по дорожке к воротам

кладбища.

Дом номер тридцать три оказался высоким и узким, как веретено. Он стоял посреди таких же домов из красного кирпича и ничем не выделялся. Никт неуверенно смотрел на него, удивляясь, почему дом не кажется ему знакомым или каким-то особенным. Дом как дом. Перед домом вместо сада была небольшая бетонированная площадка, рядом стояла зеленая «мини». Дверь, когда-то ярко-голубая, выцвела от времени.

— Ну? — сказала Скарлетт.

Никт постучал. Сначала было тихо. Потом раздался звук шагов по ступенькам, и дверь распахнулась, открыв прихожую и лестницу. В проеме стоял человек в очках, с седыми редкими волосами. Он, моргая, посмотрел на друзей, а потом протянул руку Никту и взволнованно улыбнулся:

— Вы, должно быть, таинственный приятель мисс Перкинс! Рад знакомству.

— Это Никт, — сказала Скарлетт.

— Ник?

— Никт. На конце «Т». Никт, это мистер Фрост.

Никт и Фрост пожали друг другу руки.

— Я уже поставил чайник, — сказал мистер Фрост. — Вы не против, если мы всё обсудим за

чашечкой чая?

Они поднялись на кухню, где хозяин налил три кружки чая, и тут же спустились в небольшую комнату.

— Этот дом весь на разных этажах. Туалет еще выше, мой кабинет тоже, спальни — над ними. Хочешь не хочешь, будешь в форме.

Они сидели на большом ярко-фиолетовом диване («Он был тут, когда я въехал») и мелкими глотками пили чай.

Скарлетт боялась, что мистер Фрост начнет забрасывать Никта вопросами, но историк сдерживался. Просто казался взволнованным, будто обнаружил могилу какой-то знаменитости и изнемогает от желания рассказать об этом всему миру. Он ерзал на стуле, будто хотел рассказать им что-то необычайно важное, но терпел.

— Так что вы узнали? — наконец спросила Скарлетт.

— Ты была права! В том смысле, что убийство случилось именно в этом доме. И… Я думаю, что полиция… ну, не то чтобы замяла дело, но забыла о нем.

— Не понимаю! — удивилась Скарлетт. — Убийства не заметают под ковер.

— А это замели. — Фрост допил свой чай. —

Видно, вмешался кто-то, кто обладает большим влиянием. Это единственное объяснение. Что до того, что случилось с младшим ребенком…

— А что случилось? — спросил Никт.

— Он выжил, — объяснил Фрост. — Я в этом уверен. Но в розыск его не объявляли. Обычно о пропавшем ребенке трубят на всю страну. А они, м-м, как-то все замяли.

— Кто «они»? — спросил Никт.

— Те, кто приказал убить Дорианов.

— Это всё, что вы узнали?

— Нет. Есть еще кое-что… — Фрост замолчал. — Простите. Я… Послушайте, с учетом того, что я выяснил… Нет, это слишком невероятно.

У Скарлетт кончилось терпение.

— Ну, что такое? Что вы нашли?

Фрост виновато посмотрел на нее:

— Ты права. Извини! Не следует мне темнить. Историки не прячут информацию, а разыскивают ее. Чтобы показать людям. Да. — Он еще немного поколебался: — Я нашел письмо. Наверху. Оно было спрятано под половицей. — Он повернулся к Никту. — Молодой человек, верно ли мое предположение, что ваш, э-э, интерес к этому делу, к этому ужасному происшествию, имеет личный характер?

Никт кивнул.

— Вопросов больше нет, — мистер Фрост встал. — Пойдемте, — сказал он Никту. — А ты пока останься, — обратился он к Скарлетт. — Я ему все покажу. И, если он разрешит, то и тебе тоже. Договорились?

— Договорились.

— Мы недолго. Пойдемте, юноша.

Никт встал и обеспокоенно покосился на Скарлетт.

— Все нормально, — сказала она и улыбнулась ему ободряюще. — Я подожду здесь.

Они пошли на лестницу, и Скарлетт проводила взглядом их тени. Она немножко нервничала. Ей не терпелось узнать, что же такое расскажут Никту, и в то же время она радовалась, что он узнает об этом первый. В конце концов, это его история.

Мистер Фрост поднимался первым.

Никт озирался, но всё по-прежнему казалось незнакомым. Чужим.

— Нам на самый-самый верх, — сказал мистер Фрост. Они прошли еще один пролет. — Я не… Если не хочешь, не отвечай, но… м-м, ты ведь и есть тот самый мальчик, верно?

Никт промолчал.

— Вот мы и пришли.

Мистер Фрост повернул ключ в двери.

Комната под крышей была маленькой, со скошенным потолком. Тринадцать лет назад тут стояла детская кроватка. Теперь здесь едва умещались взрослый мужчина и подросток.

— Если честно, мне просто повезло, — продолжал мистер Фрост. — Всё было буквально под носом. — Он присел на корточки и отвернул ветхий ковер.

— Так вы знаете, почему убили мою семью?

— Всё здесь. — Мистер Фрост потянул за короткую доску. — Это была детская. Я покажу тебе… между прочим, мы не знаем одного: кто именно это сделал. Нет ни малейших улик.

— Мы знаем, что у него были темные волосы, — сказал Никт, стоя посреди своей бывшей детской. — И что его зовут Джек.

Мистер Фрост засунул руку в дырку под доской.

— Прошло почти тринадцать лет. А за тринадцать лет люди седеют и лысеют. Впрочем, имя ты назвал правильно.

Он выпрямился, и в его руке оказался большой острый нож.

— А теперь, — сказал человек по имени Джек, — теперь, мальчик, пора с этим кончать.

Никт вытаращил на него глаза: тот просто снял образ мистера Фроста, как плащ или шляпу. Дружелюбие исчезло без следа.

Блеснули стекла очков — и лезвие ножа.

С лестницы раздался голос: Скарлетт.

— Мистер Фрост! Кто-то стучит в дверь. Открыть?

Человек по имени Джек отвел глаза лишь на миг, но Никт понимал: этот миг — единственное, что у него есть. Он изо всех сил *поблек*. Человек по имени Джек повернулся к месту, где стоял Никт, оглянулся — на его лице смешались недоумение и гнев. Он шагнул в комнату, мотая головой из стороны в сторону, как старый тигр, вынюхивающий добычу.

— Ты где-то здесь… — прорычал он. — Я тебя чую!

Позади хлопнула дверь. Человек по имени Джек резко развернулся и услышал, как в замке проворачивается ключ.

— Мальчик, ты выиграл пару секунд! Меня все равно не остановишь! — И добавил: — Мы не закончили.

Никт бросился вниз, врезаясь в стены и чуть не падая.

— Скарлетт! — выпалил он, едва увидев ее. —

Это он! Бежим!

— Кто «он»? О чем ты?

— Это он! Фрост! Это Джек! Он пытался меня убить!

Бах! Сверху донесся грохот — Джек ударил ногой в дверь.

— Но… — Скарлетт пыталась понять, откуда шум. — Он же хороший…

— Нет! — Никт схватил ее за руку и потащил по лестнице в прихожую. — Нет, он не хороший.

Скарлетт распахнула дверь.

— А-а! Добрый вечер, юная леди! — На нее смотрел сверху вниз мужчина. — Мы ищем мистера Фроста. Здесь его пристанище, верно?

У него были серебристо-седые волосы, и он пах одеколоном.

— Вы его друзья? — спросила Скарлетт.

— О да, — подтвердил второй мужчина, пониже, который стоял за первым. У него были маленькие черные усики и шляпа на голове.

— Конечно! — вставил третий, молодой блондин огромного роста.

— Все как один, — добавил последний — массивный, как бык, смуглый и круглоголовый.

— Мистер Фрост… Он… Он ушел.

— А машина тут, — возразил седой.

Блондин добавил:

— Вы вообще кто будете?

— Он друг моей мамы.

Скарлетт заметила Никта за спинами гостей. Тот лихорадочно подавал ей знаки: ну их, иди за мной.

Девочка постаралась сказать как можно небрежней:

— Да он просто вышел! За газетой. Там, на углу, газетный киоск.

Она закрыла за собой дверь, обошла мужчин и отправилась прочь.

— А вы куда? — спросил усатый.

— Мне пора на автобус.

Скарлетт не оглядываясь направилась к остановке и кладбищу.

Никт шел рядом. В сумерках он казался Скарлетт тенью, словно его почти не было — так, дрогнул столб нагретого воздуха, шевельнулся опавший лист.

— Иди быстрее! Они все на тебя смотрят. Только не беги.

— Кто они такие? — тихо спросила Скарлетт.

— Не знаю. Но они какие-то странные. Как будто не совсем люди. Я хочу вернуться и подслушать, о чем они говорят.

— Да люди они, люди, — сказала Скарлетт, а сама пошла так быстро, как только могла, едва не переходя на бег. Был ли Никт рядом, она уже не знала.

Четверо стояли у двери в дом номер тридцать три.

— Не нравится мне все это, — сказал громила с бычьей шеей.

— Вот как, мистер Тар? — спросил седой. — Нам всем это не нравится. Всё неправильно. Всё идет не так.

— Краков молчит. Никто не отвечает. После Мельбурна и Ванкувера… — сказал человек с усиками. — Кто знает: может, только мы четверо и остались…

— Помолчи немного, мистер Кеч, — сказал седой. — Я думаю.

— Простите, сэр, — сказал мистер Кеч, пригладил усы пальцем в перчатке, обвел взглядом холм и засвистел сквозь стиснутые зубы.

— Я думаю… нужно пойти за ней, — сказал мистер Тар, человек с бычьей шеей.

— А я думаю, что вы должны слушать меня, — оборвал его седой. — Сказал же молчать.

— Простите, мистер Денди, — сказал блондин.

Все замолчали.

В тишине откуда-то с чердака донесся стук.

— Я захожу, — сказал мистер Денди. — Мистер Тар со мной. Нимбл и Кеч, поймайте девчонку. И приведите обратно.

— Мертвой или живой? — осклабился мистер Кеч.

— Живой, придурок! Нужно узнать, что ей известно.

— Может, она одна из них, — сказал мистер Тар. — Из тех, кто расправился с нашими в Ванкувере, Мельбурне и…

— За ней, — приказал мистер Денди. — Живо!

Блондин и усатый в шляпе поспешили на холм.

Мистер Денди и мистер Тар остались перед дверью дома номер тридцать три.

— Ломай, — сказал мистер Денди.

Мистер Тар приставил плечо к двери и нажал.

— Укреплено, — сказал он.

— Что сделал один джек, другой поправит. — Мистер Денди снял перчатку, приложил руку к двери и пробормотал что-то на языке, который был древнее английского. — Попробуй теперь.

Тар налег на дверь и закряхтел. На сей раз замок поддался, и дверь распахнулась.

— Прекрасно! — сказал мистер Денди.

Из-под крыши донесся громкий треск.

На середине лестницы их встретил человек по имени Джек. Мистер Денди обнажил идеальные зубы в совершенно не дружеской улыбке.

— Привет тебе, Джек Фрост! Я думал, ты поймал мальчишку.

— Так и было, — сказал человек по имени Джек. — Но он удрал.

— Опять? — Улыбка Денди стала еще более широкой, холодной и идеальной. — Один раз — это ошибка, Джек. Два раза — катастрофа.

— Мы его найдем, — сказал человек по имени Джек. — Сегодня все кончится.

— Надеюсь.

— Он будет на кладбище! — сказал человек по имени Джек.

Все трое сбежали вниз по лестнице.

Человек по имени Джек потянул ноздрями воздух. Запах мальчика кольнул его в затылок. Ему показалось, что все это уже было однажды много лет назад. Он остановился и надел длинный черный плащ, который висел в прихожей, такой неуместный рядом с твидовым пиджаком и бежевым плащом мистера Фроста.

Дверь была распахнута, на улице почти стемнело. На этот раз человек по имени Джек точно

знал, куда идти. Он не задумываясь вышел из дома и поспешил вверх по холму, к кладбищу.

Ворота кладбища оказались закрыты. Скарлетт отчаянно подергала решетку — все, заперта на ночь. И тут рядом возник Никт.

— Ты знаешь, где ключ? — спросила она.

— Некогда. — Никт прислонился к металлическим прутьям. — Обними меня.

— Что?

— Просто обними меня и закрой глаза.

Скарлетт с вызовом посмотрела на Никта. Потом все-таки крепко обняла его и зажмурилась.

— Есть.

Никт сильнее прижался к прутьям ворот. Ограда тоже относилась к кладбищу, и он надеялся, что его кладбищенское гражданство хоть один раз, один-единственный, распространится на другого человека. Вдруг, словно дым, он просочился на другую сторону.

— Можешь открыть глаза.

— Как ты это сделал?!

— Здесь мой дом. Тут я кое на что способен.

Застучали подошвы по тротуару. С той стороны подошли двое и принялись трясти ворота.

— Здра-а-асте, — протянул Джек Кеч, по-кроличьи шевельнув усами, и хитро ухмыльнулся.

Правой рукой он теребил черный шелковый шнур, висевший у него на плече; потом снял шнур и стал перебирать обеими руками, словно хотел сделать «колыбель для кошки».[167] — Девушка, выходите к нам! Не волнуйтесь, мы вас не тронем.

— Мы просто хотим задать вам пару вопросов, — подхватил высокий блондин, мистер Нимбл. — Мы по официальному делу. (Он врал: все дела у джеков-мастеров-на-все-руки неофициальные, хотя члены их ордена встречаются и в правительстве, и в полиции, и много где еще.)

— Беги! — Никт потянул Скарлетт за руку.

И она побежала.

— Ты видел? — спросил Джек по фамилии Кеч.

— Что?

— С ней кто-то был. Мальчик.

— Тот самый? — переспросил Джек по фамилии Нимбл.

— Откуда я знаю? Ну-ка, подсади меня! — Высокий сложил из рук ступеньку, и на его ладонь встала нога Кеча в черном ботинке. Нимбл поднял руки выше. Кеч вскарабкался на ограду и спрыгнул внутрь, приземлившись по-лягушачьи

---

[167] notes: 167

Детская игра, когда нитка, надетая на пальцы, складывается в различные узоры.

на все четыре конечности. Потом встал и бросил:

— Ищи другой вход. Я за ними! — И побежал по извилистой дорожке к могилам.

— Никт, объясни, что происходит!

Никт быстро шел по сумеречному кладбищу, хоть и не бежал — пока.

— Ты про что?

— По-моему, тот человек хотел меня убить. Ты видел, как он играл шнурком?

— Конечно, хотел. А человек по имени Джек — твой мистер Фрост — собирался убить меня. У него был нож.

— Он не мой мистер Фрост. Хотя да, наверное, мой. Извини… Куда мы?

— Сначала где-нибудь тебя спрячем. Потом я разберусь с ними.

Вокруг Никта начали собираться встревоженные обитатели могил.

— Никт! — окликнул его Гай Помпей. — В чем дело?

— Плохие люди, — ответил Никт. — Последите за ними, ладно? Я должен постоянно знать, где они. А еще нужно спрятать Скарлетт. Кто что предложит?

— Может, в крипте часовни? — подал голос Теккерей Порринджер.

— С часовни они как раз начнут.

— Ты с кем разговариваешь? — Скарлетт воззрилась на Никта, как на сумасшедшего.

— В холме? — предложил Гай Помпей.

Никт задумался.

— Да. Хорошая мысль! Скарлетт, помнишь, где мы видели Человека-индиго?

— Немножко. Там еще темно было. Я помню, что оказалось не страшно.

— Пошли туда.

Они поспешили по дорожке. Никт на бегу с кем-то разговаривал, но Скарлетт слышала только его слова — будто он говорил по телефону. Да, кстати…

— Моя мама уже с ума сходит. Она точно меня убьет. Считай, я уже покойница.

— Нет, — ответил Никт. — Ты живая. И долго будешь живой. — Он обратился к кому-то другому. — Двое… Вместе? Понял.

Они достигли мавзолея Фробишеров.

— Вход за нижним гробом слева, — сказал Никт. — Если услышишь, что кто-то идет и это не я, сразу спускайся на самое дно. У тебя есть чем посветить?

— Ага. Брелок со светодиодом.

— Хорошо.

Он открыл дверь склепа.

— Осторожно! Не оступись.

— А ты куда?

— Это мой дом. И я его буду защищать.

Скарлетт нажала на кнопку брелка и встала на четвереньки. Лаз за гробом был тесный, но она протиснулась и задвинула за собой гроб как можно плотнее. В слабом свете виднелись каменные ступени. Скарлетт выпрямилась и, держась рукой за стену, спустилась на три ступеньки, села и стала ждать. Надеюсь, подумала она, Никт знает, что делает.

— Где они сейчас? — спросил Никт.

Отец ответил:

— Один рыщет у Египетской аллеи. Его приятель ждет рядом. Еще трое идут сюда. Карабкаются на мусорные баки, чтобы перелезть к нам.

— Жаль, нет Сайлеса. Он бы с ними быстро разобрался. Или мисс Лупеску.

— Ты и сам справишься, — подбодрил его мистер Оуэнс.

— Где мама?

— У аллеи.

— Скажи ей, что я спрятал Скарлетт у Фробишеров. Пусть о ней позаботится, если со мной что-нибудь случится.

Никт пробежал по потемневшему кладбищу. Единственный проход в северо-западную часть — по Египетской аллее. Чтобы попасть туда, придется пройти мимо невысокого человечка с черным шелковым шнурком. Того, кто хочет его убить.

Я Никто Оуэнс, сказал он себе. Я гражданин кладбища. Я справлюсь.

Он так быстро вбежал на Египетскую аллею, что едва не пропустил убийцу — Джека по фамилии Кеч, слившегося с тенью.

Никт вдохнул и *поблек*, как только смог. Он миновал Кеча, как пылинка в вечернем ветерке, прошел по зеленой аллее, а потом заставил себя проявиться и пнуть камешек на дороге.

От арки отделилась тень и пошла за ним, почти так же бесшумно, как призрак.

Никт пробрался через заросли плюща в северо-западном конце кладбища. Он понимал, что нужно точно подгадать время. Если идти слишком быстро — тот его упустит. Промедлить — и на шее затянется черный шелковый шнурок, и не будет больше ни вдохов, ни завтрашних дней.

Никт зашумел листьями и спугнул одну из многочисленных лис. Та убежала в кусты. Тут были настоящие джунгли из деревьев, кустов

остролиста, поваленных надгробий с безголовыми статуями и куч прелых листьев — но эти джунгли Никт исследовал с тех самых пор, как научился ходить.

Он пошел осторожнее, переступая с корней на камни или на траву и стараясь не шуршать. Это его кладбище. Никт чувствовал, что оно пытается его спрятать, защитить, и сопротивлялся. Нужно было, чтобы враги его заметили.

Он увидел Неемию Трота и приостановился.

— Бонжур, юный Никт! — воскликнул поэт. — Я слышал, что в наших пенатах переполох, что ты носишься по сей обители подобно горящей комете по небосклону. Что случилось, друг мой?

— Стойте там! — сказал Никт. — Прямо там, где вы есть. Смотрите туда, откуда я пришел. И скажите мне, когда он подойдет ближе.

Никт обошел покрытую плющом могилу Карстерса и остановился, шумно дыша, будто запыхался.

Он стоял спиной к своему преследователю. Ждать пришлось всего несколько секунд, но они показались вечностью.

— Он тут, юноша, — сказал Неемия Трот. — Шагах в двадцати за тобой.

Джек по фамилии Кеч увидел мальчика и туго

натянул черный шелковый шнурок. За многие годы шнурок побывал на многих шеях — с неизменным результатом. Он был очень прочный и практически невидимый.

Охотник видел дичь и не хотел ее спугнуть. Шевельнув усами, он начал приближаться, бесшумно, как тень.

Мальчик выпрямился.

Джек Кеч метнулся вперед. Начищенные черные туфли беззвучно ступали по листьям.

— Бежит сюда! — крикнул Неемия Трот.

Мальчик обернулся. Джек Кеч прыгнул…

…и вдруг земля ушла у него из-под ног. Кеч ухватился за воздух рукой, но упал в старую могилу, пролетел все двадцать футов и рухнул на гроб мистера Карстерса, разбив крышку и одновременно раздробив себе щиколотку.

— Один готов, — спокойно сказал Никт, хотя внутри у него все дрожало.

— Ловко сработано! — восхитился Неемия Трот. — Я сложу об этом оду. Останешься послушать?

— Некогда. Где остальные?

Евфимия Хорсфолл сказала:

— Трое на юго-западной тропе, идут на холм.

Том Сэндс добавил:

— И еще один обходит часовню. Тот, кто весь месяц шлялся по кладбищу. Но он теперь какой-то другой.

— Проследите за тем, кто остался в могиле, — и извинитесь за меня перед мистером Карстерсом… — попросил Никт.

Он нырнул под сосновую ветку и прыжками обогнул холм, перескакивая с дорожек на землю, с памятников на камни, чтобы было быстрее.

Старая яблоня.

— Еще четверо! — раздался звонкий голосок. — Четверо, и все опытные убийцы. Все в разрытые могилы не свалятся.

— Привет, Лиза! Я думал, ты на меня еще злишься.

— Может, злюсь, а может, и нет. — (Никт слышал голос, но не видел ее.) — Только я им тебя в обиду не дам.

— Тогда ставь им подножки, сбивай с пути, мешай. Сможешь?

— А ты побежишь дальше? Никто Оуэнс, *поблекни* и спрячься в уютной маменькиной гробничке. Там тебя никогда не найдут. Скоро вернется Сайлес и всех прогонит.

— Может, вернется, а может, и нет, — ответил Никт. — Встретимся у дерева, сожженного мол-

нией.

— Я с тобой не разговариваю! — заявила Лиза Хемпсток, гордая, как павлин, и задиристая, как воробей.

— А сейчас ты что делаешь?

— Просто случай такой, важный. А потом слова от меня не дождешься.

Никт побежал к дубу, в который двадцать лет назад ударила молния. Обугленное дерево напоминало черную руку, вцепившуюся в небо.

У Никта был план — правда, не слишком надежный. Все зависело от того, запомнил ли он уроки мисс Лупеску и всё, что видел и слышал в детстве.

Ту самую могилу он искал дольше, чем рассчитывал, но все-таки нашел: уродливая, скособоченная, на надгробии безголовый ангел в потеках воды, больше похожий на гигантский гриб. Никт коснулся надгробия, почувствовал холод и понял, что не ошибся.

Он присел на могилу и заставил себя полностью проявиться.

— Ты не *поблек*, — сказал Лизин голос. — Тебя любой найдет.

— Вот и хорошо. Я хочу, чтобы меня нашли.

— Дурень Джек не может всех видеть, а дурня

Джека видят все! — хмыкнула Лиза.

Над самым горизонтом повисла огромная луна. Никт подумал, не посвистеть ли и не покажется ли это слишком явным.

— Вижу его!

К нему, спотыкаясь и поскальзываясь, кто-то бежал. Еще двое следовали по пятам.

Никт видел, что вокруг столпились мертвые и наблюдают за происходящим, но заставил себя не обращать на это внимания. Он устроился поудобнее на уродливом надгробии, чувствуя себя червяком на крючке — ощущение не из приятных.

Громила с бычьей шеей добежал до могилы первым. За ним подоспели седой, который больше всех говорил, и высокий блондин.

Никт не двинулся с места.

Седой произнес:

— А-а! Полагаю, это неуловимый мальчик Дориан. Поразительно! Наш Джек Фрост рыщет за тобой по всему миру, а ты, оказывается, тут, где он оставил тебя тринадцать лет назад.

— Этот человек убил моих родных.

— Совершенно верно!

— Зачем?

— Разве это важно? Ты все равно никому не

расскажешь.

— Значит, у вас ничего не отвалится, если вы мне расскажете.

Седой лающе рассмеялся.

— Ха! Забавный мальчик. Мне вот что любопытно: как ты умудрился прожить тринадцать лет на кладбище так, что никто об этом не узнал?

— Я отвечу на ваши вопросы, если вы ответите на мои.

Быкоподобный возмутился:

— Сопляк, с мистером Денди так не говорят! Да я тебя разорву, я…

Седой на шаг подступил к могиле.

— Тихо, Джек Тар! Что ж, ответ за ответ. Мы — мои друзья и я — члены некоей организации, братства, известного как «Джеки-мастера-на-все-руки», «Валеты-всех-мастей» и под многими другими именами. Мы очень древняя организация. Мы знаем… помним то, о чем все забыли. Владеем Древним Знанием.

— Волшебством. Вы владеете волшебством.

Тот любезно кивнул.

— Можно сказать и так. Но наше волшебство особое. Есть магия, которая возникает в момент смерти. Что-то покидает мир, что-то приходит в него.

— И вы убили моих родных для… для чего? Чтобы получить волшебную силу? Не верю.

— Нет. Мы должны были убить тебя, чтобы защитить себя. Давным-давно один из наших людей — это было в Египте, еще во времена пирамид, — предсказал, что однажды родится ребенок, который будет ходить по грани между живыми и мертвыми. Если этот ребенок вырастет, наш орден и всё, за что мы ратуем, погибнет. Нам строили гороскопы еще до того, как появилась деревушка под названием Лондон. Мы следили за твоими предками еще до того, как Новый Амстердам назвали Нью-Йорком. За тобой был послан, как мы считали, лучший, умнейший и опаснейший изо всех джеков. Он должен был сделать всё правильно, забрать, скажем так, плохую карму и заставить ее работать на нас, чтобы мы в ус не дули еще пять тысяч лет. Но он этого не сделал.

Никт посмотрел на них.

— И где же он? Почему его тут нет?

Блондин сказал:

— Мы и сами с тобой разберемся. У нашего Джека Фроста отличный нюх. Он идет по следу твоей подружки. Нельзя оставлять свидетелей, больно уж дело щекотливое.

Никт вцепился руками в сорняки, которые

росли на неухоженной могиле, и сказал только одно:

— Хотите меня — берите!

Блондин расплылся в улыбке. Человек с бычьей шеей потянулся к нему рукой. Даже мистер Денди — да, да! — шагнул вперед.

Никт изо всех сил впился пальцами в траву, оскалился и произнес три слова на языке, который был древним еще до рождения Человека-индиго.

— Скагх! Тегх! Хавагах!

Он открыл упырью дверь.

Надгробие поднялось, как крышка люка. В глубокой дыре под дверью Никт увидел мерцающие огоньки звезд.

Человек-бык, мистер Тар, который стоял на самом краю, от неожиданности свалился в темноту.

Мистер Нимбл вытянул руки и прыгнул к Никту. В зените прыжка он замер и на мгновение завис, а потом его как будто всосало в пропасть.

Мистер Денди остановился на каменном уступе и посмотрел вниз. Потом поднял глаза на Никта и скупо усмехнулся.

— Не знаю, что это за трюк, но тебе он не удался. — Мистер Денди вынул из кармана руку в

перчатке. В ней оказался пистолет. Он навел его прямо на Никта. — Зря я сам не приехал тринадцать лет назад. Никому нельзя доверять. Все важное надо делать самому.

Из открытой упырьей двери дунул горячий и сухой ветер с песком.

Никт сказал:

— Там, внизу, пустыня. Если поискать, можно найти воду. И даже пищу, только не ссорьтесь с ночными мверзями. Держитесь подальше от Гульгейма. Упыри или сотрут вашу память и сделают вас такими же, как они, или дождутся, пока вы сгниете, а потом съедят. И то и другое плохо.

Ствол пистолета не дрогнул.

— Почему ты мне все это говоришь?

Никт кивнул в сторону:

— Из-за них.

Мистер Денди отвел глаза всего на миг, и Никт *поблек*. Когда мистер Денди вернулся к нему взглядом, того уже не было. Из глубины ямы донесся крик, похожий на одинокий вопль ночной птицы.

Убийца наморщил лоб и стал озираться. Он не мог прийти в себя от ярости и удивления.

— Где ты? — прорычал он. — Дьявол тебя побери! Где ты?

Ему показалось, что он услышал голос:

— Упырьи двери предназначены для того, чтобы открываться и закрываться. Их нельзя оставлять открытыми. Они сами стремятся закрыться.

Край ямы задрожал. Когда-то, давным-давно, мистер Денди пережил землетрясение в Бангладеш. Сейчас земля затряслась так же, и он упал. Он свалился бы во тьму, но уцепился в упавший надгробный камень. Он не знал, что там, в темноте, и не горел желанием это выяснять.

Земля все дрожала. Под тяжестью тела камень начал сдвигаться.

Мистер Денди поднял глаза. Мальчик стоял над ним.

— Сейчас я дам вратам закрыться. Думаю, если вы будете держаться, они все равно закроются и раздавят вас или же поглотят и сделают своей частью. Точно не знаю. Но я даю вам шанс выжить. Это больше, чем вы дали моей семье.

Серия толчков. Мистер Денди заглянул в серые глаза мальчика и выругался.

— Ты от нас не уйдешь! Мы — джеки-мастера-на-все-руки! Мы везде. Это еще не конец!

— Для вас — конец, — ответил Никт. — Конец вашим людям и всему, за что вы боролись. Как и

предсказывал ваш египтянин. Вы меня не убили. Вас было много. А теперь все закончилось. — Никт улыбнулся. — Вот чем занимается Сайлес, так? Вот где он пропадает…

По лицу мистера Денди Никт понял, что прав. А что мистер Денди собирался ответить, Никт так и не узнал, потому что тот разжал пальцы и медленно упал в открытую упырью дверь.

— Вегх Харадос!

Упырья дверь снова стала обычной могилой.

Кто-то дернул Никта за рукав. Снизу на него смотрел Фортинбрас Бартлби.

— Никт! Человек у часовни. Он идет наверх!

Человек по имени Джек шел на запах. Он отстал от других для того, чтобы вонь одеколона Джека Денди не мешала различать тонкие оттенки запахов.

Здесь мальчишку было не учуять: он пах кладбищем. А вот девочка пахла домом своей матери, капелькой духов, которую брызнула на шею перед школой. И еще она пахла жертвой, добычей, по´том страха. Где бы она ни была, мальчишка рано или поздно туда явится.

Человек по имени Джек крепче сжал нож и пошел в гору. Он почти добрался до вершины холма, когда почувствовал — и понял, что инстинк-

тивное ощущение верно, — что Джека Денди и остальных больше нет. Что ж, прекрасно. Больше будет места наверху. Когда Джек не смог убить всю семью Дорианов, его продвижение в ордене застопорилось, словно ему перестали доверять.

Теперь — очень скоро — все изменится.

На вершине человек по имени Джек потерял запах девочки. Однако он знал, что она где-то рядом, и пошел обратно по собственным следам, принюхиваясь. Шагов через двадцать он снова уловил слабый аромат ее духов. Маленький мавзолей с запертой металлической оградой. Джек потянул за ручку калитки, и та распахнулась.

Запах стал сильнее. Джек чуял, что жертва боится. Один за другим он сдвинул гробы с полок, швырнул на пол. Старая древесина трескалась, содержимое вываливалось. Нет, в гробу ее нет…

Где же?

Он осмотрел стену — никаких потайных дверей. Опустился на четвереньки, вытащил последний гроб и засунул руку за него. Дыра…

— Скарлетт! — крикнул он, пытаясь вспомнить, как позвал бы ее, будучи мистером Фростом. Этой части себя он лишился, когда снова стал человеком по имени Джек. Он заполз в дыру.

Когда наверху загрохотало, Скарлетт осторожно

спустилась по ступенькам, держась левой рукой за стену и освещая себе дорогу брелком. Она добралась до конца лестницы и отошла подальше в пещеру. Сердце глухо колотилось.

Ей было страшно. Она боялась хорошего мистера Фроста и его ужасных приятелей, боялась этого подземелья и связанных с ним воспоминаний. Если честно, она немного боялась и Никта. Он был уже не загадочным тихим мальчиком из ее детства, а кем-то — или чем-то? — другим.

Интересно, что сейчас делает мама, подумала она. Наверное, звонит мистеру Фросту, чтобы узнать, когда я приеду. Если выберусь отсюда живой, заставлю ее купить мне телефон. Абсурд какой-то: только у меня в классе нет сотового. Я скучаю по маме…

Скарлетт даже не думала, что можно так тихо двигаться в темноте. Ее рот закрыла рука в перчатке. Голос, в котором лишь слегка угадывался голос мистера Фроста, сказал без всяких эмоций:

— Будешь умничать или трепыхаться, перережу тебе горло. Кивни, если поняла.

Скарлетт кивнула.

Никт увидел хаос на полу мавзолея Фробишеров, упавшие гробы и разбросанное содержимое. Вокруг столпились Фробишеры, а также несколь-

ко Петтиферов — все в разной степени расстройства и возмущения.

— Он уже там, — сообщил Эфраим.

— Спасибо.

Никт пролез в дыру и пошел вниз.

Зрением мертвых Никт различал и ступени, и пещеру внизу. Добравшись до середины лестницы, он увидел, что человек по имени Джек держит Скарлетт: выкрутил ей руку за спину, а к горлу прижал большой острый нож.

— Привет, мальчик! — бросил Джек в темноту.

Никт ничего не сказал. Он старательно *поблек* и сделал еще шаг вперед.

— Думаешь, я тебя не вижу. И ты прав. Я тебя не вижу. Но я чую твой страх. И я слышу, как ты движешься, как дышишь. Теперь, когда я знаю твои трюки, я тебя чувствую. Скажи что-нибудь. Подай голос, не то я начну кромсать эту юную особу на кусочки. Ты меня понял?

— Да, — отдался эхом голос Никта. — Понял.

— Хорошо. Иди сюда. Мы с тобой побеседуем.

Никт начал спускаться в пещеру. Он думал о страхе, о том, как вызвать в убийце панику, сделать ощутимым ужас…

— Прекрати, — сказал человек по имени Джек. — Что бы ты ни делал. Прекрати.

Никт послушался.

— Думаешь, со мной твои фокусы пройдут? Да ты знаешь, кто я такой, мальчик?

— Ты Джек. Один из многих джеков. Ты убил мою семью. И должен был убить меня.

Джек приподнял бровь.

— Должен был?

— О, да. Старик сказал, если ты допустишь, чтобы я стал взрослым, твой орден погибнет. Я вырос. Ты меня не убил — и проиграл.

— Орден древнее Вавилона! Ему ничто не страшно.

— А ты не знаешь, да? — Никт уже стоял в пяти шагах от человека по имени Джек. — Эти четверо — они были последними джеками. Как их… Краков, Ванкувер и Мельбурн. Там все мертвы.

Скарлетт взмолилась:

— Никт, пожалуйста! Скажи, чтоб он меня отпустил!

— Не волнуйся, — сказал Никт, хотя сам спокойствия не чувствовал. Он обратился к Джеку. — Нет смысла причинять ей вред. Нет смысла убивать меня. Разве ты не понял? Ордена джеков-мастеров-на-все-руки больше нет. Нет.

Джек задумчиво кивнул.

— Если это правда и я теперь Джек-одиночка, у

меня есть прекрасный повод убить вас обоих.

Никт промолчал.

— Гордость. Я горжусь своей работой. Горжусь, что смогу закончить то, что начал… Ты что делаешь?

Волосы Никта встали дыбом. По пещере щупальцами расползлось тонкое, как дым, присутствие.

— Это не я. Это Слир. Он охраняет спрятанное здесь сокровище.

— Не ври.

Скарлетт вмешалась:

— Он не врет! Это правда.

— Правда? Сокровище? Только не надо…

— СЛИР СТЕРЕЖЕТ СОКРОВИЩЕ ДЛЯ ГОСПОДИНА.

— Кто это сказал? — огляделся человек по имени Джек.

— Ты слышал? — недоуменно спросил Никт.

— Слышал.

— Я ничего не слышала, — сказала Скарлетт.

— Что это за место, мальчик? Где мы? — спросил Джек.

Прежде, чем Никт успел заговорить, по пещере эхом разнесся голос Слира:

— ЗДЕСЬ СОКРЫТО СОКРОВИЩЕ. ЗДЕСЬ

СПРЯТАНА СИЛА. ЗДЕСЬ СЛИР СТОИТ НА СТРАЖЕ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОСПОДИНА.

— Джек… — начал Никт.

Человек по имени Джек склонил голову набок.

— Приятно слышать из твоих губ мое имя, мальчик. Говори ты его почаще, я бы нашел тебя скорее.

— Джек, как меня звали на самом деле? Как называли меня родные?

— А зачем это тебе?

— Слир мне сказал: отыщи свое имя. Как меня звали?

— Дай подумать… Может, Питер? Или Пол? Или Родерик… Да, похож на Родерика. Или все-таки Стивен…

Джек явно развлекался.

— Мог бы и сказать. Все равно ты меня убьешь.

Джек пожал плечами и кивнул, словно говоря: естественно, убью.

— Я хочу, чтобы ты отпустил ее. Отпусти Скарлетт.

Джек всмотрелся в темноту:

— Это алтарный камень, верно?

— Думаю, да.

— Тут есть нож? Кубок? И брошь?

Он улыбнулся: восторженно, удивленно — буд-

то сделал для себя какое-то открытие. Скарлетт не видела в темноте (только внутри глаз иногда взрывались вспышки света), но услышала восторг в голосе Джека:

— Итак, с Братством покончено и собраний не будет! Но если кроме меня не осталось джеков-мастеров-на-все-руки, какая разница? Я создам новое братство и наделю его еще большей властью.

— ВЛАСТЬ, — эхом отозвался Слир.

— Прекрасно! — воскликнул человек по имени Джек. — Невероятно! Мы оказались в месте, которое мои люди искали тысячи лет, и все готово к церемонии. Хочешь не хочешь, а поверишь в провидение! Или в силу молитв многих поколений джеков. В самый черный миг нам дарят… это.

Никт чувствовал, что Слир вслушивается в слова Джека, и в пещере нарастает ропот волнения.

Человек по имени Джек сказал:

— Мальчик, сейчас я протяну руку. Скарлетт, нож у твоего горла — не пытайся убежать, когда я тебя отпущу. Мальчик, ты положишь мне в руку кубок, нож и брошь.

— СОКРОВИЩА СЛИРА, — прошептал тройной голос. — ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ. МЫ СТЕРЕЖЕМ ИХ ДЛЯ ГОСПОДИНА.

Никт наклонился, снял предметы с алтаря и положил их в раскрытую перчатку Джека. Тот ухмыльнулся.

— Скарлетт! Сейчас я тебя отпущу. Когда я отниму нож, ляг лицом вниз, сцепив руки за головой. Двинешься или будешь шуметь, я убью тебя больно. Поняла?

Она сглотнула. В горле пересохло, но она, дрожа, шагнула вперед. Правая рука, заломленная к пояснице, онемела, в плече кололо. Скарлетт прижалась щекой к утоптанной земле.

Мы погибли, равнодушно подумала она. Ей казалось, будто она наблюдает за всем со стороны, видит сюрреалистическую постановку или игру «убийство в темноте». По звуку она поняла, что Джек прочно вцепился в Никта…

— Отпусти ее, — сказал голос Никта.

Джек:

— Если будешь меня слушаться, я ее не убью. Даже пальцем не трону.

— Я тебе не верю. Она сможет тебя узнать.

— Нет, — уверенно ответил тот. — Не сможет… Десять тысяч лет, а нож еще острый! — Восхищение в его голосе было почти осязаемым. — Мальчик, встань на алтарь на колени. Руки за спину. Ну же.

— МЫ СТОЛЬКО ЖДАЛИ, — сказал Слир, но Скарлетт услышала только шорох, словно вокруг пещеры начали обвиваться огромные скользкие кольца.

А Джек слышал слова.

— Мальчик, хочешь узнать свое имя, прежде чем я пролью на камень твою кровь?

Никт почувствовал холодок лезвия у шеи. И тут он все понял. Все замедлилось, стало четким и ясным.

— Я знаю свое имя! Я Никто Оуэнс. Вот мое имя.

Стоя на коленях на холодном алтарном камне, он наконец увидел перед собой путь.

— Слир, — бросил Никт в пещеру. — Тебе еще нужен господин?

—

СЛИР СТЕРЕЖЕТ СОКРОВИЩА ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОСПОДИНА.

— Так разве ты не нашел господина, которого искал?

Он почувствовал, как Слир медленно разматывается. Раздался шорох, похожий на скрежет тысячи сухих ветвей. Что-то огромное и сильное обвилось вокруг пещеры. И тут Никт впервые увидел Слира. Потом он так и не смог описать

увиденное: да, огромный, тело как у гигантской змеи. А голова?.. Голов и шей было три, и они были мертвыми, словно кто-то сшил кукол из останков людей и животных. Морды, покрытые фиолетовыми и синими узорами-татуировками, казались дикими, выразительными и в то же время чудовищными. Морды Слира опасливо обнюхали воздух вокруг Джека, будто хотели его погладить или приласкать.

— Что происходит? — спросил Джек. — Что это? Зачем это?

— Его зовут Слир. Он охраняет это место. Ему нужен господин, которому он будет подчиняться.

Джек поднял каменный нож.

— Великолепно! Конечно, он ждал меня, — сказал он себе. — И конечно, я и есть его новый господин.

Слир окружил всю пещеру.

— ГОСПОДИН? — переспросил он, радуясь, как собака, которая очень долго и терпеливо ждала хозяина. — ГОСПОДИН? — повторил он, пробуя это слово на вкус. Вкус оказался приятным, и Слир повторил в третий раз, счастливо вздыхая: — ГОСПОДИН…

Джек посмотрел на Никта.

— Тринадцать лет назад я тебя упустил. Те-

перь… теперь мы снова вместе. Орден погиб, родился новый. Прощай, мальчик! — Одной рукой он прижал нож к горлу мальчика, в другую взял кубок.

— Никт, — поправил его тот. — Не мальчик. Никт. — И поднял голос. — Слир! Что ты сделаешь со своим новым господином?

Слир вздохнул:

— МЫ БУДЕМ ХРАНИТЬ ЕГО ДО КОНЦА ВРЕМЕН. МЫ НАВЕЧНО ЗАКЛЮЧИМ ЕГО В ОБЪЯТИЯ И НЕ ОТПУСТИМ В ЭТОТ ОПАСНЫЙ МИР.

— Так защищай его, — сказал Никт. — Начни прямо сейчас.

— Я твой господин. Ты подчиняешься мне! — сказал человек по имени Джек.

— СЛИР СТОЛЬКО ЖДАЛ! — торжествующе произнес тройной голос Слира. — СТОЛЬКО ЖДАЛ!

Слир уже опоясывал человека по имени Джек огромными ленивыми кольцами.

Джек выронил кубок. Теперь у него в каждой руке было по ножу: в одной — кремневый, в другой — стальной, с черной костяной рукояткой.

— Отойди! Не трогай меня! Прочь!

Он взмахнул ножом. Слир обвился вокруг и резким движением сомкнул кольца.

Никт подбежал к Скарлетт и помог ей встать.

— Я хочу видеть! — сказала она. — Я хочу видеть, что происходит.

Она достала свой брелок, включила…

И увидела не то, что Никт. Слира она не видела, и это было хорошо. Но она различила в темноте человека по имени Джек, его испуганное лицо, которое снова стало напоминать мистера Фроста. Ужас сделал его тем самым дружелюбным чудаком, который подвозил ее домой. Джек висел в воздухе сначала в пяти, потом в десяти футах над землей, и яростно полосовал двумя ножами что-то невидимое.

Мистера Фроста, или человека по имени Джек, или кого-то еще подтянули к самой стене пещеры. Он замер, потом задергал растопыренными руками и ногами.

Скарлетт показалось, что мистера Фроста вжимают в стену, втягивают в камень, заглатывают. Осталось только лицо. Он дико и отчаянно кричал, требовал, чтобы Никт приказал существу остановиться, умолял спасти его… Потом лицо тоже утонуло в стене, и голос замолк.

Никт подошел к алтарю. Поднял каменный нож, кубок и брошь и положил на прежнее место. Черный металлический нож не тронул.

Скарлетт сказала:

— Ты, кажется, говорил, что Слир безобидный. Я думала, он нас пугает.

— Да, — ответил Никт. — Но он хотел найти себе господина, чтобы его защищать. Он сам мне сказал.

— То есть ты знал! Ты знал, что так будет…

— Да. Надеялся.

Он помог ей выбраться по лестнице в разоренный мавзолей Фробишеров.

— Я потом обязательно здесь все приберу, — бросил через плечо Никт. Скарлетт старалась не смотреть на то, что валялось на полу.

Они вышли на кладбище. Скарлетт тусклым голосом повторила:

— Ты знал, что так будет.

На этот раз Никт промолчал.

Она смотрела на него, словно не верила своим глазам.

— Ты знал. Что Слир его заберет. И поэтому спрятал меня там? Да? Я была наживкой?

— Не совсем. Мы ведь живы, правда? И нас он больше не тронет.

В Скарлетт начали расти гнев и ярость. Страх улетучился, осталось только желание обидеть Никта, накричать на него. Она изо всех сил сдерживалась.

— А эти, остальные? Их ты тоже убил?

— Я никого не убивал.

— Так где же они?

— Один — на дне глубокой могилы со сломанной лодыжкой. Еще трое — ну, они далеко отсюда.

— Ты их не убил?

— Конечно нет. Это мой дом. Мне не нужно, чтобы они потом тут болтались. Послушай, всё хорошо. Я с ними разобрался.

Скарлетт попятилась.

— Ты не человек! Люди так себя не ведут. Ты ничем не лучше него. Ты чудовище!

Кровь отхлынула от лица Никта. После всего, что он пережил этой ночью, после всего, что случилось, этот удар оказался самым тяжелым.

— Нет. Ты не поняла.

Скарлетт сделала еще пару шагов назад.

Она уже готова была броситься прочь, отчаянно побежать по залитому лунным светом кладбищу, как вдруг ее взял под локоть высокий мужчина в черном бархатном костюме.

— Боюсь, вы к Никту несправедливы. Впрочем, вам, несомненно, будет легче всё это забыть. Давайте пройдемся и обсудим, что с вами произошло последние несколько дней, что разумнее

будет запомнить, а что — стереть из памяти.

— Сайлес! — сказал Никт. — Так нельзя! Не заставляй ее забыть меня!

— Так будет спокойнее, — просто ответил Сайлес. — И ей, и всем нам.

— А я… от меня ничего не зависит? — спросила Скарлетт.

Сайлес промолчал. Никт шагнул к Скарлетт:

— Послушай, все кончилось. Я знаю, это было тяжело. Но… мы же справились. Ты и я. Мы их победили!

Она замотала головой, словно отрицая всё, что видела, всё, что с ней было.

Потом посмотрела на Сайлеса:

— Отведите меня домой. Пожалуйста.

Сайлес кивнул и повел ее по дороге через ворота кладбища. Никт смотрел на уходившую Скарлетт, надеясь, что она оглянется, улыбнется или хотя бы посмотрит на него без страха в глазах. Но Скарлетт не оглянулась. Она просто ушла.

Никт вернулся в мавзолей. Чтобы чем-то занять себя, он стал поднимать гробы, собирать обломки дерева и скелеты. Но даже сами столпившиеся вокруг Фробишеры и Петтиферы не знали, где теперь чьи кости.

Скарлетт привел домой незнакомец. Ее мать

никак не могла вспомнить, что именно он сказал, помнила только, что обаятельный Джей Фрост вынужден был срочно покинуть город.

Незнакомец поговорил с ними на кухне про их жизнь и планах, и к концу беседы мать Скарлетт решила вернуться в Глазго: Скарлетт будет рада жить поближе к отцу и старым друзьям.

Сайлес оставил девочку и мать на кухне обсуждать проблемы переезда в Шотландию. Нуна еще пообещала купить Скарлетт телефон, и они почти забыли о Сайлесе — что тому и было нужно.

Сайлес вернулся на кладбище и нашел Никта в амфитеатре у обелиска. Тот сидел с застывшим лицом.

— Как она?

— Я забрал ее воспоминания, — ответил Сайлес. — Девочка с матерью вернутся в Глазго. Там у нее друзья.

— Как ты мог заставить ее забыть меня?

Сайлес ответил:

— Люди стремятся забыть невозможное. Так мир кажется им безопаснее.

— Она мне нравилась.

— Мне очень жаль.

Никт хотел улыбнуться, но не смог.

— Те люди… Они говорили о Кракове, Мель-

бурне и Ванкувере. Там был ты, верно?

— Не один, — ответил Сайлес.

— Мисс Лупеску? — спросил Никт и, не получив ответа, добавил: — У нее все хорошо?

Сайлес покачал головой, и, к ужасу Никта, его лицо исказилось.

— Она храбро сражалась. За тебя, Никт.

Никт сказал:

— Человека по имени Джек забрал Слир. Еще трое упали в упырью дверь. Один лежит со сломанной ногой, еще живой, в могиле Карстерса.

Сайлес сказал:

— Последний из джеков. До рассвета надо будет с ним побеседовать.

На кладбище дул холодный ветер, но ни мужчина, ни мальчик этого не чувствовали.

Никт сказал:

— Она стала меня бояться.

— Да.

— Но почему? Я спас ей жизнь. Я не плохой. Я совсем такой же, как она. Я тоже живой… А как погибла мисс Лупеску?

— Храбро. В бою. Защищая других.

Глаза Никта потемнели.

— Мог бы принести ее сюда. Похоронить здесь. Тогда я бы мог с ней говорить.

— Такой возможности не было, — ответил Сайлес.

У Никта защипало глаза.

— Она звала меня Нимени. Больше никто и никогда не будет так меня звать.

Сайлес сказал:

— Сходим куда-нибудь поесть?

— Вместе? Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? За пределы кладбища?

— Больше никто на тебя не охотится. Им не до того. Так что — да, вместе. Что ты хочешь съесть?

Никт хотел было сказать, что не голоден, но понял, что солгал бы. Его чуть подташнивало, кружилась голова, и все-таки он ужасно проголодался.

— Может, пиццу?

Они пошли к воротам. По пути Никт встречал обитателей кладбища, но они молча пропускали мальчика с опекуном и только смотрели им вслед.

Никт пытался поблагодарить их за помощь, сказать спасибо, но они не отвечали.

В пиццерии было очень светло, светлее, чем Никт привык. Они сели у задней стены, и Сайлес показал ему, как пользоваться меню и заказывать

еду. (Себе Сайлес попросил стакан воды и маленькую порцию салата, в котором долго ковырялся вилкой, так и не поднеся ко рту ни кусочка.)

Никт ел пиццу руками, кусок за куском, и не задавал вопросов. Сайлес расскажет всё в свое время — или не расскажет никогда.

— Мы знали о них — о джеках — давно, очень давно, — начал Сайлес. — Знали по результатам их действий. Мы подозревали, что за этим стоит некая организация, но они слишком хорошо скрывались. Потом они начали охотиться на тебя, убили твою семью. И со временем я напал на их след.

— Мы — это ты и мисс Лупеску?

— Мы и такие, как мы.

— Почетная гвардия.

— Откуда ты… Впрочем, неважно. Как говорится, у маленьких кувшинов большие уши… Да. Почетная гвардия.

Сайлес взял в руки воду, поднес к губам, смочил их и поставил стакан на полированный черный стол.

Столешница была почти зеркальной, и если бы кто-то присмотрелся, то увидел бы, что высокий мужчина в ней не отражается.

— Значит… Теперь, когда ты… ты с ними разо-

брался, ты останешься со мной?

— Я дал слово, что буду здесь, пока ты не вырастешь.

— Я вырос.

— Нет. Почти вырос. Но не совсем.

Сайлес положил на стол десятифунтовую бумажку.

— Девочка… Скарлетт… Почему она так меня боялась, Сайлес?

Тот ничего не ответил, и вопрос повис в воздухе. Мужчина и подросток вышли из ярко освещенной пиццерии в гостеприимную темноту. Очень скоро их поглотила ночь.

Глава 8
РАССТАВАНИЯ И ПРОЩАНИЯ

Временами он переставал замечать мертвых. Началось это месяц-два назад, то ли в апреле, то ли в мае. Сперва бывало изредка, теперь — все чаще и чаще.

Мир менялся.

Никт побрел в северо-западную часть кладбища, в заросли плюща на Египетской аллее. Посреди дорожки беседовали рыжая лиса и большой черный кот с белым воротником и носочками. Увидев Никта, они встрепенулись и убежали в кусты, словно заговорщики, застигнутые на месте преступления.

Странно, подумал он. Лису эту он знал с ще-

нячьего возраста, да и кот рыскал по кладбищу, сколько Никт себя помнил. Они всегда узнавали Никта, а в особо дружелюбном расположении духа даже позволяли себя погладить.

Никт хотел пройти сквозь плющ, но тот не поддавался. Тогда он наклонился, раздвинул листья и кое-как протиснулся дальше. Никт шел по дорожке осторожно, огибая ямы и выбоины, пока не добрался до пышного надгробия Алонсо Тома Гарсии Джонса (1837–1905, «Путник, брось свой посох»).

Уже несколько месяцев Никт навещал его чуть ли не через день: Алонсо Джонс объездил весь мир и с большим удовольствием рассказывал о своих путешествиях. Сначала он вздыхал: «Жизнь моя была ужасно скучна». Потом мрачно добавлял: «И я тебе уже все рассказал». Но вдруг его глаза вспыхивали: «Впрочем, ты ведь не слышал про… мой побег из Москвы?» Или: «…Про то, как я лишился золотого прииска на Аляске?» Или: «…Про панику скота в пампе»? Никт обрадованно кивал, и вскоре его голова начинала кружиться от историй о храбрости, граничащей с безрассудством, об отчаянных авантюрах на лоне природы, поцелуях прекрасных дам, схватках на саблях и пистолетах, мешках золота, бриллиантах вели-

чиной с подушечку большого пальца, паровозах, клиперах, пампасах, океанах, пустынях и тундре.

Никт подошел к коническому надгробию — высокому, с изображением перевернутых факелов, — и подождал, но никого не увидел. Он позвал Алонсо Джонса по имени и даже постучал — ответа не было. Тогда Никт наклонился, чтобы заглянуть в могилу и позвать друга, но вместо того, чтобы *скользнуть* сквозь камень, как светлая тень проходит сквозь темную, расшиб себе лоб. Никт позвал Алонсо снова, и опять безрезультатно. Он осторожно выпутался из зеленых джунглей и вернулся на дорожку. На кусте боярышника сидели три сороки, которые снялись и улетели при его приближении.

Он не видел ни единой души, пока не добрался до юго-западного склона. Там обнаружилась знакомая фигура матушки Хоррор, совсем крошечной в своем огромном капоре и салопе. Она ходила меж надгробий, опустив голову, и рассматривала выросшие самосевом цветы.

— Сюда, мальчик! Тут растут дикие, как их, натюрции. Соберешь мне букетик на могилку?

Никт набрал красных и желтых настурций и принес их к надгробию матушки Хоррор. Ее могильный камень так истерся и потрескался

от непогоды, что на нем, к недоумению местных краеведов, осталось только две буквы:

XO

Никт уважительно положил цветы перед камнем.

Матушка Хоррор улыбнулась ему:

— Славный ты паренек! Уж и не знаю, что мы без тебя будем делать!

— Спасибо, — ответил Никт. — А где все? Вы первая, кого я сегодня увидел.

Матушка Хоррор испытующе посмотрела на него.

— А что с твоим лбом?

— Ушибся о могилу мистера Джонса. Она была твердая…

Матушка Хоррор поджала губы и насупилась. Яркие глаза из-под капора внимательно осмотрели Никта.

— Я назвала тебя мальчиком, да? Но время летит быстро, ты теперь молодой человек, разве не так? Сколько тебе годков-то?

— Пятнадцать или вроде того. Только я такой же, как раньше.

Матушка Хоррор перебила его:

— А я все такая же девчонка, тонкая, как бы-

линка, которая плела на старом пастбище венки из ромашек! Ты всегда ты, но ты меняешься, и с этим ничего не поделаешь.

Она присела на свое разбитое надгробие.

— Помню ночь, когда ты к нам пришел… Я им говорю: «Нельзя малыша отпускать», и твоя мама тоже. А они все спорят да голосят, пока не приехала Всадница на белом коне. «Народ Кладбища, — говорит, — послушайте матушку Хоррор. Неужто в вас не осталось ни капли милосердия?» И тогда все со мной согласились.

Ее голос стих. Старушка покачала маленькой головой.

— Тут у нас мало что происходит, все дни как один. Только времена года меняются, плющ растет да камни падают. А ты… славно, что ты к нам заявился.

Она встала, вытащила из рукава замусоленный лоскуток, поплевала на него, встала на цыпочки и стерла кровь со лба Никта.

— Вот так-то лучше, — строго сказала она. — А то и не знаю, когда в следующий раз тебя увижу. Всего тебе доброго!

С каким-то странным чувством неловкости Никт отправился к гробнице Оуэнсов.

Отец и мать, к его радости, ждали Никта перед

домом. Однако когда он приблизился, радость сменилась тревогой: почему мистер и миссис Оуэнс стоят по краям гробницы, словно фигуры с витража? Он не мог различить выражений их лиц.

Отец шагнул вперед:

— Добрый вечер, Никт! Надеюсь, ты в добром здравии.

— Не жалуюсь, — ответил Никт. Так мистер Оуэнс всегда отвечал приятелям.

Мистер Оуэнс продолжал:

— Мы с миссис Оуэнс всю жизнь мечтали о своем чаде. И лучшего воспитанника, чем ты, и быть не могло. — Он с гордостью посмотрел на сына (для этого ему пришлось слегка задрать голову).

— Спасибо, конечно, но… — Никт повернулся к матери, думая, что уж она-то объяснит ему, что происходит. Но миссис Оуэнс куда-то пропала. — А где мама?

— А-а… Да… — Мистер Оуэнс замялся. — Ну, ты же знаешь Бетси. Всякое бывает. Когда не знаешь, что сказать. Ты понимаешь?

— Нет.

— Думаю, тебя ждет Сайлес, — сказал отец и тоже пропал.

Было уже за полночь. Никт отправился к ста-

рой часовне. Деревце, которое раньше торчало из сточного желоба, во время недавней грозы повалилось, обрушив несколько черных как деготь черепиц.

Никт сел на серую деревянную скамью. Сайлеса нигде не было видно.

Подул ветер. Было лето, когда сумерки длятся почти до утра и воздух не успевает остыть, но руки Никта покрылись гусиной кожей.

Голос у самого уха сказал:

— Скажи, что будешь по мне скучать, ты, недотепа!

— Лиза? — переспросил Никт. Он не слышал и не видел ведьмочку больше года — с той самой ночи джеков-мастеров-на-все-руки. — Ты где пропадала?

— Так, наблюдала со стороны. Ты кто такой, чтобы дама тебе всё докладывала?

— За мной смотрела?

Лиза заявила ему в самое ухо:

— Вот уж точно, живые недостойны своего дара, Никто Оуэнс! Кто-то из нас двоих слишком глуп, чтобы жить, и это не я. Скажи, что будешь по мне скучать.

— Ты куда-то собралась? — спросил Никт. — Конечно, я буду по тебе скучать, куда бы ты ни…

— Глупыш… — прошептала Лиза Хемпсток, и он почувствовал ее руку на своей. — Слишком глупый, чтобы жить. — Она коснулась губами его щеки, уголка рта… и нежно его поцеловала. Никт был так озадачен и растерян, что даже не знал, как на это реагировать.

— Я тоже буду по тебе скучать. Всегда, — сказал голос Лизы.

Никту взъерошило волосы — то ли ее рукой, то ли ветром. Он понял, что остался на скамейке один, и встал.

Никт подошел к часовне и достал из-под камня запасной ключ, оставленный давным-давно умершим сторожем. Отпер большую деревянную дверь, даже не проверяя, сможет ли пройти сквозь закрытую. Дверь с возмущенным скрипом открылась.

Внутри было темно, и Никт сощурился, пытаясь хоть что-то разобрать.

— Входи, Никт. — Это был голос Сайлеса.

— Я ничего не вижу, — сказал тот. — Слишком темно.

— Уже? — Сайлес вздохнул.

Бархатный шорох, чирканье спички. Зажглись две огромные свечи в резных деревянных канделябрах у дальней стены. Теперь Никт увидел

опекуна и большой кожаный сундук — их называют кофрами. Кофр был такой большой, что в нем мог бы улечься калачиком высокий мужчина. Рядом стоял хорошо знакомый Никту черный кожаный саквояж Сайлеса.

Изнутри кофр был обит белой шелковой тканью. Никт сунул руку внутрь и коснулся сухой земли.

— Ты здесь спишь?

— Когда я далеко от дома, — ответил Сайлес.

Никт поразился: Сайлес был здесь, сколько он себя помнил, и даже больше!

— Разве твой дом не здесь?

Сайлес покачал головой.

— Мой дом очень, очень далеко отсюда. Если его еще можно назвать домом. На моей родине не все гладко, и я не знаю, что увижу по возвращении.

— Ты едешь домой? — спросил Никт. То, что казалось ему неизменным, менялось у него на глазах. — Ты правда уезжаешь? Но… Ты же мой опекун!

— Был опекуном. Теперь ты вырос и можешь сам о себе позаботиться. А у меня есть и другие обязанности.

Сайлес опустил крышку кофра и начал его застегивать.

— А тут мне остаться нельзя? На кладбище?

— Ни в коем случае, — ответил Сайлес непривычно мягко. — Никт, все здешние обитатели уже прожили свои жизни, пусть даже короткие. Теперь твоя очередь.

— А мне можно поехать с тобой?

Сайлес покачал головой.

— Мы еще увидимся?

— Пожалуй. — Никт уловил в его тоне нежность и что-то еще. — Правда, не знаю, увидишь ли ты меня, а вот я тебя — непременно. — Он отодвинул кожаный сундук к стене и подошел к двери в дальнем углу. — Пошли со мной.

Следом за Сайлесом Никт спустился по маленькой спиральной лестнице в крипту.

— Я взял на себя смелость собрать тебя в дорогу, — пояснил Сайлес.

На коробке заплесневелых псалтирей стоял миниатюрный близнец большого саквояжа.

— Все твое имущество уже там.

— Сайлес, расскажи мне про Почетную гвардию. Я знаю, мисс Лупеску была в ней, ты тоже. Кто еще? Вас много? Чем вы занимаетесь?

— Нас немного. Мало. Мы охраняем пограничные земли. Рубежи.

— Какие рубежи?

Сайлес промолчал.

— И боретесь с такими, как Джек и его люди?

— Мы делаем то, что должно, — устало ответил Сайлес.

— И правильно! Вы ведь остановили джеков. Они были очень плохие. Просто чудовища!

Сайлес шагнул к Никту, и тому пришлось поднять голову выше, чтобы видеть бледное лицо опекуна.

— Я не всегда жил правильно. В молодости… я вел себя хуже, чем Джек. Хуже их всех. Тогда я сам был чудовищем, Никт.

Никту даже не пришло в голову усомниться. Он был уверен, что опекун не обманывает его и не шутит, что это чистая правда.

— Но ты уже не чудовище, правда?

Сайлес ответил:

— Всегда можно измениться, — и замолчал. Никту показалось, что он погрузился в воспоминания.

Наконец Сайлес произнес:

— Я горжусь, что был вашим опекуном, молодой человек. — Его рука исчезла в одежде и вернулась с потрепанным старым бумажником. — Это тебе. Возьми. — Никт взял бумажник, но не открыл. — Там деньги. Достаточно для начала новой жизни,

но не более.

— Сегодня я ходил к Алонсо Джонсу, но его не было дома. А если и был, я не смог его увидеть. Я хотел послушать о далеких землях, в которых он побывал. Об островах, дельфинах, ледниках и горах. О странах, где люди по-другому одеваются и едят. — Никт заколебался. — Эти страны… Они ведь до сих пор существуют. То есть там, снаружи, целый мир. Я смогу его увидеть? Поехать туда?

Сайлес кивнул.

— Да, снаружи целый мир. Во внутреннем кармане твоего саквояжа ты найдешь паспорт. На имя «Никто Оуэнс». Оформить его было непросто.

— А если передумаю, я смогу сюда вернуться? — спросил Никт и сам ответил на свой вопрос: — Я понял: кладбище никуда не денется, но перестанет быть мне домом.

— Проводить тебя до ворот?

Никт покачал головой.

— Лучше я сам. М-м… Сайлес, если когда-нибудь попадешь в беду, позови меня. Я приду и помогу.

— Я, — ответил Сайлес, — не попадаю в беды.

— Да, верно. И все-таки.

В крипте было темно, пахло плесенью и сырым камнем. Впервые она показалась Никту тесной.

— Я хочу увидеть жизнь. Ухватиться за нее обеими руками. Оставить след на песке пустынного острова. Поиграть с живыми людьми в футбол. Хочу… — Он задумался. — Хочу всего.

— Это хорошо, — сказал Сайлес. Он провел рукой по глазам, словно убрал волосы — очень не характерный для него жест. — Если я все же попаду в беду, я с тобой свяжусь.

— Но это ведь невозможно?

— Ты сам так сказал.

В уголке рта Сайлеса таилась то ли улыбка, то ли печаль, то ли просто тень.

— Тогда прощай, Сайлес! — Никт протянул руку, как делал в детстве. Сайлес взял ее в свою, холодную, цвета старой слоновой кости, и торжественно потряс.

— Прощай, Никто Оуэнс!

Никт взял маленький саквояж, открыл крипту и не оглядываясь вышел на дорожку.

Ворота давно заперли. По дороге он думал, удастся ли ему пройти сквозь ограду или надо будет возвращаться в часовню за ключом. Однако боковая калитка была широко распахнута, словно ждала его, словно само кладбище с ним прощалось.

У калитки его ждала бледная полная женщина.

Когда Никт подошел ближе, она улыбнулась, и в лунном свете в ее глазах блеснули слезы.

— Привет, мама, — сказал Никт.

Миссис Оуэнс потерла глаза кулаком, промокнула передником и покачала головой.

— Ты уже решил, чем займешься?

— Посмотрю мир, — ответил Никт. — Попаду в неприятности. Выберусь из неприятностей. Побываю в джунглях, увижу вулканы, пустыни и острова. И людей. Я хочу встретить много-много людей.

Миссис Оуэнс молча выслушала его. А потом запела песню, которую Никт помнил с детства. Когда был совсем крохой, он часто слышал эту колыбельную.

— Глазки, дитятко, закрой,
Спи, покуда спится.
Мир лежит перед тобой,
Трудно ошибиться…

— Ты не ошибаешься, — прошептал Никт. — И мир правда передо мной.

Ласки, танцы до упаду,
Имя, кровь, земные клады…

И тут миссис Оуэнс наконец вспомнила послед-

ние строчки:

Всё отыщешь, боль и радость,
Всё пускай случится.

— Все пускай случится, — повторил Никт. — Что ж, это не так легко устроить, но я постараюсь.

Он попытался обнять мать, как в детстве, но с таким же успехом мог бы поймать туман. На дорожке уже никого не было.

Он шагнул вперед, за пределы кладбища, и услышал:

— Я так горжусь тобой, сынок!

Или это ему только почудилось.

Летнее небо на востоке уже светлело. Никт начал спускаться по холму, навстречу живым людям, городу и рассвету.

В саквояже был паспорт, в кармане — деньги. На губах Никта блуждала улыбка, правда, сдержанная: мир куда больше кладбища на холме. В нем будут опасности и тайны, новые друзья и воспоминания о старых, многие ошибки и долгие дороги. А потом настанет время вернуться на кладбище и прокатиться со Всадницей на широком крупе ее скакуна. Зато между «сейчас» и «потом» — целая Жизнь, в которую Никт вошел с широко распахнутыми глазами и открытым

сердцем.

Благодарности

Я в огромном, неоплатном и до сих пор отчасти неосознанном долгу перед Редьярдом Киплингом за два тома замечательной «Книги джунглей». В детстве я читал ее запоем и с тех пор неоднократно перечитывал. Если вы знакомы с историей Маугли лишь по диснеевскому мультфильму, обязательно ее прочтите.

На написание «Истории с кладбищем» меня вдохновил мой сын Майкл. Идея пришла ко мне однажды летом, когда он двухлетним карапузом катался на трехколесном велосипеде среди могил. Правда, эта идея оставалась идеей больше двадцати лет.

Когда я все-таки взялся за книгу (с четвертой главы), то продвинулся дальше первых страниц только благодаря моей дочери Мэдди, которая хотела узнать, что было дальше.

Гарднер Дозуа и Джек Дэнн первыми опубликовали «Надгробие для ведьмы». Профессор Джорджия Грилли рассказала мне о моей книге, не читая ее, и это помогло мне вывести некоторые темы на передний план.

Кендра Стаут была рядом, когда я увидел

первую упырью дверь, и любезно провела меня по нескольким кладбищам. Именно она первой услышала начальные главы и прониклась невероятной симпатией к Сайлесу.

Художница и писатель Одри Ниффенеггер оказалась еще и кладбищенским экскурсоводом. Она познакомила меня с великолепным, увитым плющом Хайгейтским кладбищем. Многие из ее историй пробрались в шестую и седьмую главы.

По мере написания книгу читали мои друзья: Дэн Джонсон, Гэри К. Вулф, Джон Краули, Моби, Фара Мендельсон, Джо Сандерс и многие другие. Они делали мудрые замечания и подсказывали, что исправить. И все же мне не хватало моего лучшего критика, Джона М. Форда (1957–2006).

Изабель Форд, Элиз Ховард, Сара Одедина и Кларисса Хаттон занимались изданием книги по обе стороны Атлантики и совсем меня расхвалили. Майкл Конрой прекрасно подал ее аудиоверсию. Мистер Маккин и мистер Ридделл нарисовали чудесные и очень разные иллюстрации. Меррили Хейфец — лучший агент в мире, а Дори Симмондс успешно взяла на себя Великобританию.

Где я только не писал эту книгу: во флоридском доме Джонатана и Джейн, в корнуолльском коттедже, в гостиничном номере в Новом Орлеане…

Не писал только в гостях у Тори в Ирландии, потому что усиленно болел гриппом. Тем не менее Тори помогала и вдохновляла меня.

В завершение хочу сказать, что уверен лишь в одном: я забыл упомянуть не то что одно — дюжину важных для меня людей. И все-таки спасибо вам всем!

Нил Гейман

Я говорю
она умерла
а я живу, живу
я приду на кладбище
и на ночь тебе спою.

Тори Амос. Кладбище

Сайт
Нила Геймана для детей www.mousecircus.com

Послесловие переводчика

«Книга джунглей» Р. Киплинга называется по-английски «The Jungle Book», эта — «The Graveyard Book». Параллели с киплинговскими историями очевидны, да и сам Гейман их не скрывает: Оуэнсы — волчья семья, приютившая Маугли; упыри — бандерлоги; Слир напоминает Змеиный народ; ну, а Сайлес — Багира (как известно, в оригинале у Киплинга пантера мужского пола). Можно услышать отголоски и «Пака с холмов», и «Кима», и рассказов Р. Киплинга. Само имя главного героя наводит на мысли о еще более древних классических произведениях:

> *«…Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,*
>
> *С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?*
>
> *Я называюсь Никто; мне такое название дали*
>
> *Мать и отец, и товарищи так все меня величают».*
>
> *С злобной насмешкою мне отвечал лю-*

доед зверонравный:

«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый последний

Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок…»

Гомер. Одиссея. Пер. В. Жуковского

Надо сказать, Гейман не раз переосмысливал известные литературные образы и сюжеты. Детские народные песенки уже звучали, скажем, в рассказе «Дело сорока семи сорок», лавкрафтовские мотивы — в «Особом шогготском», «Этюде в изумрудных тонах» и других произведениях. Классический сюжет о взрослении героя обыгрывался в романах «Никогде», «Звездная пыль», «Дети Ананси». Дружба с потусторонними существами — это трогательный «Октябрь в председательском кресле».

Вот и в «Истории с кладбищем» эффектно сплетаются реальные исторические факты, персонажи собственных и чужих произведений и фантазии автора. (Здесь не могу не поблагодарить писательницу Н. Осояну за помощь с румынскими выражениями, критика и писателя М. Назаренко за рассказ о кельтском боге Кернунносе (рогатая буква «С» в могильнике), редактора

этой книги за неизменную поддержку в ликвидации переводческих — не авторских, эти остались в целости и сохранности! — анахронизмов, ну и, конечно, самого автора, который терпеливо и быстро отвечал на все вопросы, даже если переводчик захотел уточнить ареал обитания таинственной полярной гадюки.)

Пожалуй, лишь у самых талантливых писателей подобная смесь становится настолько цельным произведением. Возможно, дело в особом качестве геймановской прозы: ритмичной, музыкальной и образной. Благодаря умелой недосказанности и оригинальным метафорам даже штампованные фигуры вампира или оборотня в исполнении Геймана оказываются куда ярче и симпатичнее всех своих литературных прототипов. Восхищает и писательская логика: практически все развешанные ружья успевают выстрелить, все обитатели старого кладбища играют важную для развития сюжета роль, а калейдоскоп имен, манер и цветистых выражений из девяти веков истории Англии кажется вполне реалистичным.

Подобную литературу (можно вспомнить не только «Гарри Поттера» Дж. Роулинг, но и «Темные начала» Ф. Пулмана, трилогию о Бартимеусе Дж. Страуда, «Артемиса Фаула» Й. Колфера и многое другое) западные критики нередко называют crossover (от англ. «переход» — детские произведения выходят за пределы возрастных рамок) или kidult (от англ. kid — «ребенок» и adult — «взрослый», адресованную современному поколению «не совсем повзрослевших взрослых»). Такие произведения многослойны: если «наивный читатель» будет в основном следить за приключениями героя, «вдумчивый» получит большее удовольствие от постмодернистской игры. «История с кладбищем» точно так же читается на разных уровнях, под разными углами, с разных точек зрения. И все же тем, кто возьмет в руки эту книгу, стоит хотя бы раз увидеть ее детскими глазами: усесться в мягкое кресло и под шум дождя перелистывать страницы светлой и грустной истории про мальчика, который вырос…

Е. Мартинкевич

Комментарии

Глава первая

«…про человечка с Луны, который упал с вышины» — измененная цитата из детской английской песенки:

Человечек с луны
Упал с вышины
И спросил, как пройти ему в Норич.
Купил он пирог
И горло обжег, —
Такую почувствовал горечь!

Пер. С. Маршака.

«…про мальчика, который сунул в пирог свой пальчик» — цитата из детской английской песенки:

Джеки-дружок
Сел в уголок,
Сунул в пирог свой пальчик.
Изюминку съел

И громко пропел:
«Какой я хороший мальчик!»

Пер. В. Кружкова.

«…длинной балладе о юном рыцаре, которого невеста ни с того ни с сего отравила вареным угрем» — имеется в виду «Баллада о лорде Рендале» (в переводе С. Маршака — «Лорд Рональд»).

Всадница на белом коне — переосмысленный (возможно, просто совпавший по форме) образ из одноименной новеллы Джона Кольера.

Глава третья

Псы Господни — переосмысленное автором самоназвание ордена монахов-доминиканцев.

Ночные мверзи — вымышленные существа из романа Г. Лавкрафта «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата» (в переводе С. Степанова; в других переводах — «ночные призраки», «крылатые твари», «ночные бестии»).

Глава четвертая

Вот зажгу я пару свеч — ты в постельку можешь лечь…

…Вот возьму я острый меч — и головка твоя с плеч.

Цитата из детского стихотворения «Апельсинчики как мед» («Oranges and Lemons») в переводе Е. Кассировой (опубликовано в романе Дж. Оруэлла «1984» в переводе В. Голышева).

Интерлюдия

«…как цветы, что раскрылись весной, тра-ля» — строчка из либретто комической оперы «Микадо» Гилберта и Салливана (1885).

Глава седьмая

«Всё в прошлом. Мы живем с тобой лишь в памяти моей» — из стихотворения «Пой, арфа» Томаса Мура в переводе В. Васильева.

«Не всякий лебедь должен петь,
Почуяв близость смерти»

Английская эпиграмма-эпитафия «О певце» в переводе С. Маршака.

«…как только завершится бой победой стороны одной» — В. Шекспир, «Макбет». Акт I, сцена I. Цитата приводится в переводе Ю. Корнеева.

Джек Фрост — персонаж английского фольклора, персонификация мороза, который разрисовывает окна ледяными узорами.

Джек Кеч — известный лондонский палач, живший в XVII веке. Его имя стало нарицательным.

Джек Тар — нарицательное имя моряка, матроса.

Джек Денди — от английского выражения Jack-a-dandy: щеголь, франт.

Джек Нимбл получил свою фамилию из детского стихотворения «Jack be Nimble» («Джек, будь проворным»).

Мастер на все руки по-английски тоже Джек: Jack-of-all-trades.

Это распространенное имя носили Джек Потрошитель, Джек-из-Теней из одноименного романа Желязны и многие другие вымышленные и реальные персонажи.

Нил ГЕЙМАН

Нил Гейман — знаменитый английский писатель, автор книг для детей и взрослых, серий комиксов и сценариев фильмов «Зеркальная маска», «Звездная пыль», «Беовульф», мультфильма «Коралина».
Его романы и сборники рассказов стали бестселлерами и получили множество международных премий.
По словам Геймана, на создание «Истории с кладбищем» его вдохновила «Книга джунглей» Редьярда Киплинга.

В ночь, когда погибла вся его семья, крошечный мальчик каким-то чудом оказывается на улице и даже добирается до старого кладбища, где находит приют на долгие годы. Обитатели кладбища, призраки, вампир и оборотень, дают мальчику имя, воспитывают и опекают его. На кладбище — и в большом человеческом мире — его ждет множество приключений, которые помогут ему повзрослеть и полюбить мир живых, опасный, волнующий и манящий.

«История с кладбищем» стала лауреатом премии имени Джона Ньюбери за лучшую детскую книгу. Ее экранизирует режиссер Нил Джордан.

www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-061649-7
9 785170 616497

Нил Гейман
Никогде

Посвящается Ленни Генри, моему другу и коллеге,
без которого эта книга просто не появилась бы,
а также Меррили Хейфец, другу и агенту,
с которой все идет так, как надо

...Меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь. Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и хлопания орлиных кры-

львев[170].

Г. К. Честертон. Наполеон Ноттинг-хилльский

Коли нищему ты башмаки отдавал
В эту ночь и за годом год —
Надевай башмаки – твой путь между скал,
И Христос твою душу возьмет.

В эту ночь, да-да, в эту ночь,
И сейчас и на год вперед.
Свечи горят, поленья трещат,
И Христос твою душу возьмет.

---

[170] notes: 170

Полностью цитата выглядит так: «Вот чего не могу понять, — сказал он сам себе, — это почему считается, будто деревенские названия поэтичней лондонских. Доморощенные романтики едут поездами и вылезают на станциях, именуемых “Дыра на дыре” или “Плюх в лужу”. А между тем они могли бы прийти своими ногами и даже поселиться в районе с загадочным, богоизбранным названием “Лес святого Иоанна” Оно, конечно, меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь. Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и хлопанья орлиных крыльев. Да, я пуглив. Но ведь это все можно пережить и не выходя из вагона, а благоговейно оставаясь в пригородном поезде.» (*Перевод В. Муравьева*). Автор дает понять, что имена практически всех персонажей романа связаны с географическими реалиями Лондона.

Коли с нищим делил ты свой хлеб и кров,

В эту ночь и за годом год,

Адский огонь не сожжет башмаков,

И Христос твою душу возьмет.

Погребальная песнь (отрывок)[171]

[171] notes: 171

Lyke Wake Dirge — древняя песнь, которая исполнялась во время бдения над телом усопшего. Несмотря на то, что она дошла до нас в христианской версии, в песни слышны языческие отголоски. Песнь повествует о путешествии души через пустошь Whinny-muir, через мост страха (Brig O'Dread) к вратам рая.

Предисловие к этому изданию

Первым делом хочу вас порадовать: даже если вы читали «Никогде», *это* не то же самое «Никогде».

Роман родился, как водится, из телесериала, сценарий к которому я написал по заказу Би-би-си. Не могу назвать сериал неудачным, но пока шли съемки, меня не покидала мысль: снимается совсем не то, что я задумал. И тогда я решил, что лучший способ поделиться своим видением — написать книгу. В конце концов, для этого книги и пишут!

Я сел писать тогда же, когда начал сниматься сериал. Это помогло мне не сойти с ума. Когда при съемках очередного эпизода вычеркивались целые диалоги, а кое-что просто ставилось с ног на голову, я говорил: «Ничего, я включу эту сцену в книгу», — и успокаивался. Так продолжалось день за днем, пока однажды режиссер не сказал: «Мы вырезаем эпизод со страницы 24, и если ты сейчас скажешь: “Ничего, я включу эту сцену в книгу”, — я тебя зарежу».

С тех пор я помалкивал, но все равно думал: «Ничего, я включу…»

Я хотел создать книгу, которая была бы похожа на мои любимые книги детства: на «Алису в Стране Чудес», на «Хроники Нарнии» и «Волшебника страны Оз», — книгу, которая стала бы «Алисой» для взрослых. А еще мне хотелось написать об обездоленных, о тех, кто выпал из жизни, — написать, вооружившись волшебным зеркалом фантазии, в котором мы словно впервые видим то, что видели слишком часто, а потому не замечали.

Я начал роман в первый день съемок, в январе, на кухне квартиры на юге Лондона, в которой шли съемки, а закончил в мае, в отеле одного городишки в южной Калифорнии.

В августе того же года роман вышел в издательстве Би-би-си. Когда же «Никогде» захотели издать в «Avon Books», я страшно обрадовался. Для меня это была возможность переработать книгу. Я заперся в отеле Всемирного торгового центра и целую неделю работал. Кое-что добавил для американских читателей, которые могут не знать, где находится Оксфорд-стрит и чем она примечательна. Я с удовольствием трудился над текстом, совершенствуя его и, по возможности, углубляя. Дженнифер Херши — редактор из «Avon Books» — была очень проницательна и оказалась

отличным профессионалом, хотя мы с ней и разошлись во мнениях относительно шуток. Они ей не нравились, и она считала, что американцы не поймут юмор в заведомо не юмористическом произведении. Кроме того, она предложила избавиться от второго пролога — того, где мы впервые встречаем Крупа и Вандемара. И, хотя мне было жаль с ним расстаться, я переместил их описание в текст романа[168].

В результате я добавил двенадцать тысяч слов и немало этих самых тысяч убрал. С некоторыми словами я расставался с удовольствием, а кое-каких мне до сих пор жаль.

Это издание вобрало в себя «английскую» и «американскую» версию; здесь мне удалось объединить разные варианты книги (спасибо Питу Аткинсу из издательства «Hill House»). От чего-то я отказался, и вот родилась новая и — надеюсь — окончательная версия (да простят меня библиографы!).

Я принципиально не пишу продолжений. И все же в мир Нижнего Лондона мне хочется вернуться. В книге «Затерянные реки Лондона» я вычитал, что в канализации однажды нашли

---

[168] notes: 168

В настоящем издании пролог приводится в первоначальном виде. Прим. ред.

медную кровать, и до сих пор непонятно, как она туда попала.

Могу поспорить, что маркиз Карабас в курсе.

Нил Гейман

28 июля 2005 года

Совершенно иной пролог. Четыреста лет назад

Это было в середине шестнадцатого столетия, в Тоскане. Шел дождь — холодный, противный дождь, от которого все вокруг кажется серым.

Над небольшим монастырем на холме поднимался дым — черный на фоне бледного утреннего неба.

На склоне расположились двое. Они с интересом наблюдали, как занимается пламя.

— Знаете, мистер Вандемар, — сказал тот, что пониже, — это будет великолепнейший пожар! — Он ткнул грязным пальцем в сторону монастыря. — Впрочем, полагаю, его обитатели, по понятной причине, не смогут в полной мере оценить великолепие зрелища.

— Потому что погибнут раньше, мистер Круп? — уточнил второй, пережевывая крупные куски мяса, которые он отрезал от тушки щенка.

— О да, intelligenti pauca[169]! Ты правильно понял, мой мудрый друг: они все умрут раньше.

---

[169] notes: 169
Понимающему достаточно немногого (лат.)

Сразу скажу, собеседников трудно спутать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Крупа.

Во-вторых, у мистера Крупа глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара — карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Мистер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

Налетел порыв ветра, и пожар разгорелся сильнее.

— Не люблю пауков, — сообщил мистер Вандемар. — Невкусные.

Послышался пронзительный вопль, и крыша здания с грохотом обвалилась, а пламя охватило стены.

— Похоже, не все умерли до пожара, — заметил мистер Круп.

— Ну, теперь-то уж все, — сказал мистер Вандемар, отрезая себе еще сырой собачатины. Обед он нашел в канаве по дороге к монастырю. Вот что значит шестнадцатый век! — Что теперь?

Мистер Круп ухмыльнулся. Зубы у него были страшнее, чем у покойника.

— Теперь — на четыреста лет вперед, — объявил он. — В Нижний Лондон.

Мистер Вандемар проглотил информацию вместе с мясом щенка.

— А там чего? Убивать?

— О да! — кивнул мистер Круп. — Убивать — это непременно!

Пролог

Накануне отъезда в Лондон Ричард чувствовал себя скверно. Вечер начался неплохо. Он получил кучу открыток с трогательными напутствиями, знакомые дамы — вполне симпатичные — горячо обнимали его на прощанье, друзья советовали держать ухо востро в «этом жутком городе» и подарили белый зонт с картой лондонского метро, который купили вскладчину. Первые две кружки пива тоже были ничего, но дальше… с каждым следующим глотком ему делалось все тоскливее…

В итоге Ричард оказался на улице. Он сидел на тротуаре перед пабом в шотландском городишке и прикидывал: стошнит его или нет.

Да, Ричарду было совсем не весело.

Внутри, в пабе, друзья шумно праздновали его отъезд, и в их веселье мерещилось что-то зловещее. Ричард крепче сжал сложенный зонтик и невольно подумал, что переезд на юг, в Лондон, может оказаться большой ошибкой.

— Гляди, милый, — послышался надтреснутый старушечий голос, — глазом не успеешь моргнуть, как прогонят ко всем чертям… А то и за

решетку упекут. Это запросто. Ну, ты как?

Ричард встретился взглядом с бабкиными проницательными глазками, утопавшими по бокам длинного птичьего носа.

— Да… ничего.

Он выглядел совсем мальчишкой — с чистой белой кожей, темными волнистыми волосами и огромными ореховыми глазами, которые смотрели растерянно, будто его застали врасплох. Эта растерянность и делала Ричарда привлекательным (хотя сам он удивлялся, что девушки в нем находят).

На грязной физиономии старухи мелькнула улыбка.

— На, возьми. — Она сунула ему пятьдесят пенсов. — Давно на улице?

— Нет-нет, я не бездомный, — смущенно забормотал он, пытаясь вернуть монетку. — Возьмите. Мне не надо. Я только вышел на минутку. Между прочим, завтра уезжаю в Лондон, — зачем-то сообщил он.

Она смерила его подозрительным взглядом и забрала монетку. Пятьдесят пенсов исчезли в складках кофт и платков, в которые она была обмотана.

— Бывала я в Лондоне. Я там замуж вышла.

Но он оказался подлецом. Говорила мне мать: выходить надо за своих, но я была молодая, красивая — теперь-то по мне не скажешь, — и я его любила…

— Не сомневаюсь, — пробормотал Ричард, окончательно смутившись.

Тошнота постепенно отступала.

— Ну, ничего хорошего из этого не вышло. Я сама нищенствовала — знаю, каково это. Вот и подумала, что ты тоже. Тебе зачем в Лондон-то?

— Я нашел там работу, — с гордостью сообщил он.

— Что за работа?

— Э-э… инвестирование.

— А я была танцовщицей, — заявила старуха и неуклюже затопала по тротуару, фальшиво напевая себе под нос.

Наконец, качнувшись из стороны в сторону, как игрушечный волчок перед тем, как остановиться, она замерла перед Ричардом.

— Покажи ладонь. И я скажу, что тебя ждет.

Он дал ей руку. Она крепко в нее вцепилась, посмотрела и вдруг заморгала, как сова, подавившаяся мышью.

— Тебя ждет дальняя дорога… — проговорила она.

— В Лондон, — подсказал Ричард.

— Нет, не в Лондон… — старуха задумалась. — По крайней мере, не в тот Лондон, где я бывала. — Начал накрапывать дождь. — Ничего не понимаю… Но начнется все с дверей.

— С дверей?

Она кивнула. Дождь усилился, тяжелые капли глухо застучали по крышам и по асфальту.

— Ну да. На твоем месте я бы поостереглась дверей.

Ричард поднялся на ноги и пошатнулся.

— Ладно, — сказал он, плохо представляя, что в таких случаях говорят. — Буду остерегаться дверей. Спасибо.

Дверь паба распахнулась, и на улицу вырвались свет и смех.

— Ричард, ты там живой?

— Живой. Иду.

Старуха уже ковыляла по узкой улице под проливным дождем — потоки воды стекали с одежды. Ричарду захотелось что-то для нее сделать. Только что? Денег ей не дашь. Он бросился вдогонку. Ледяные струи хлестали по лицу.

— Возьмите, — сказал он, лихорадочно нашаривая кнопку. С легким хлопком зонт раскрылся, и над ними расцвела карта лондонского метро:

каждая линия своего цвета, все станции подписаны.

Старушка взяла зонт и благодарно улыбнулась.

— У тебя доброе сердце, — проговорила она. — Этого бывает достаточно, чтобы не пропасть… — она покачала головой, — но чаще всего одной доброты мало.

Она крепко вцепилась в зонт. Ветер рвал его из рук, норовя вывернуть наизнанку. Придерживая край зонта и согнувшись чуть не до земли под жестоким ветром и ледяным дождем, старуха побрела дальше. И вскоре белое пятнышко, испещренное названиями лондонских станций: «Эрлс-корт», «Марбл-арч», «Блэкфрайрз», «Уайт Сити», «Виктория», «Энджел», «Оксфорд-сиркус», — растворилось в ночи.

А в хмельную голову Ричарда вдруг пришла странная мысль: интересно, существует ли на самом деле цирк[172] на Оксфорд-сиркус, настоящий цирк, с клоунами и прекрасными акробатками, с дикими зверями… Дверь паба снова открылась, шум голосов стал отчетливее, словно кто-то прибавил громкость.

---

[172] notes: 172

Игра слов, основанная на названии площади — Оксфорд-сиркус (от *circus* — круг) и этимологически связанного с этим значения *circus* — цирк.

— Черт, Ричард, ведь эта долбаная вечеринка — в твою честь! Пропустишь самый кайф.

Он вернулся в паб. После странного происшествия на улице тошнота окончательно прошла.

— Ты похож на мокрую дохлую крысу, — сообщил кто-то.

— Ты никогда не видел дохлой крысы, — бросил Ричард.

Ему вручили большой стакан виски.

— На, выпей. Хоть согреешься. В Лондоне-то настоящего скотча нет.

— Сомневаюсь, — вздохнул Ричард. Вода капала с его волос прямо в виски. — Мне кажется, в Лондоне есть все.

Он осушил стакан, и тут же кто-то протянул ему следующий. А потом вечер расплылся, разлетелся на осколки. Впоследствии осталось только смутное чувство, будто он променял что-то маленькое и разумное на нечто огромное, древнее, иррациональное. Он смутно помнил, как на рассвете его рвало в канаву, в которой бурлили потоки дождевой воды. Помнил белое пятнышко с разноцветными линиями, похожее на круглого жучка, уползающего все дальше и дальше под проливным дождем.

На следующее утро Ричард сел в поезд до Лон-

дона. Впереди были шесть часов дороги, которая приведет его к удивительным готическим шпилям и аркам вокзала Сент-Панкрас. Мать дала ему пирог с грецкими орехами и чай в термосе. Ричард Мэхью отправился в Лондон, чувствуя себя хуже некуда.

Глава I

Лихорадочная гонка по туннелям продолжалась уже четыре дня. Она бежала, спотыкаясь, падая и снова вставая. Она давно не ела, совсем обессилела, была измучена, и каждая следующая дверь давалась ей все труднее. К концу четвертого дня ей удалось найти укрытие — крошечный закуток глубоко под землей. Здесь можно наконец выспаться, здесь безопасно — решила она, искренне надеясь, что так оно и есть.

* * *

Мистер Круп нанял Росса на Плавучем рынке, который на этот раз проходил в Вестминстерском аббатстве.

— Считай, что это наш кенар, — сообщил он мистеру Вандемару.

— Будет нам петь? — удивился тот.

— Это более чем маловероятно, — ответил мистер Круп, приглаживая свои гладкие рыжие волосы. — Называя его кенаром, я думал не о вокальных данных этой птицы, а о том, как ее используют шахтеры.

Мистер Вандемар кивнул. «Ага, точно, канарейка в шахте»[173], — наконец дошло до него.

В самом деле, мистер Росс был ничуть не похож на кенара: огромный (почти как мистер Вандемар), грязный, бритый наголо и немногословный. Впрочем, он сообщил Крупу и Вандемару, что обожает убивать и считает себя в этом деле профессионалом, чем ужасно их насмешил — как насмешил бы Чингисхана юный монгол, похваляющийся тем, что впервые сжег юрту или разграбил селение. Он был кенаром и даже не подозревал об этом. Итак, мистер Росс, в грязной футболке и заношенных джинсах, шел впереди, а Круп и Вандемар — в элегантных костюмах — за ним.

Чтобы вы не спутали мистера Крупа и мистера Вандемара, сразу скажу, как их различать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Крупа.

Во-вторых, у мистера Крупа глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара — карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Ми-

---

[173] notes: 173

Шахтеры прошлого брали с собой в угольные шахты канареек, поскольку эти птицы чувствовали метан в атмосфере шахты задолго до того, как его концентрация становилась опасной.

стер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

И вообще, они ничуть не похожи.

Что-то прошуршало в темноте. Секунда — и нож, который мистер Вандемар держал в руке, вонзился в стену в тридцати футах от них и замер подрагивая. Мистер Вандемар подошел и выдернул нож из стены. На лезвие была насажена серая крыса. В предсмертной агонии она хватала ртом воздух. Мистер Вандемар зажал ее голову между большим и указательным пальцем и с хрустом раздавил череп.

— Ну вот, эта крыса уже никого не сможет предать, — заметил мистер Круп и засмеялся собственной шутке. Мистер Вандемар молчал. — До тебя дошло?

Мистер Вандемар снял с лезвия ножа крысиный труп, откусил голову и принялся задумчиво жевать. Мистер Круп вышиб крысу у него из рук.

— Хватит! — Мистер Вандемар обиженно убрал нож. — Выше нос, — ободрил его мистер Круп. — Найдешь себе другую крысу. А сейчас — вперед. Людей убивать, себя показать.

* * *

Три года жизни в Лондоне не изменили Ричарда, хотя сам город он стал воспринимать иначе. По книгам и фотографиям Лондон представлялся ему серым, даже черным, а оказалось, что он яркий, разноцветный. Красный кирпич, белый камень, алые автобусы, толстопузые черные такси (которые оказывались вовсе не черными, а золотыми, зелеными и коричневыми — чем сперва ужасно его удивляли), ярко-красные почтовые ящики, зеленые парки и кладбища.

В этом городе исконно древнее и возмутительно новое теснят друг друга — не нагло, но без всякого почтения. Это город магазинов и офисов, ресторанов и домов престарелых, парков и церквей, памятников, которые никто не замечает, и дворцов, совсем не похожих на дворцы; город неповторимых районов с удивительными названиями — Кроуч-энд, Чолк-фарм, Эрлс-корт, Марбл-арч. Шумный, грязный, радостный, беспокойный город, который живет туризмом и презирает туристов; город, в котором средняя скорость движения ничуть не выросла за последние три столетия, несмотря на пятьсот лет лихорадочных попыток расширить улицы и

помирить пешеходов и транспортные средства (будь то телеги, экипажи или автомобили). Город, населенный (и перенаселенный) представителями всех рас, всех социальных слоев и самых разнообразных вкусов и пристрастий.

Когда Ричард только приехал, Лондон показался ему огромным, странным и запутанным. Единственным, что было логичным в этом хаосе, это карта метро — сеть изящных разноцветных линий. Однако со временем он понял, что метро дает лишь иллюзию порядка, а на самом деле вовсе не отражает истинной географии города. «Точно так же, как принадлежность к политической партии…» — однажды подумал он и сам порадовался такой остроумной мысли. Однако после того как на вечеринке он безуспешно пытался толковать о сходстве между метро и политическими партиями с малознакомыми людьми, он зарекся впредь говорить о политике.

Постепенно Ричард все лучше узнавал город. Этот процесс, сходный с осмосом[174] или белым знанием (которое по сути то же, что «белый

[174] notes: 174

Осмос — просачивание жидких веществ сквозь полупроницаемые животные или растительные перепонки, ткани.

шум»[175], только более информативно), пошел быстрее, когда Ричард обнаружил, что площадь лондонского Сити не больше квадратной мили — от станции «Элдгейт» на востоке до «Флит-стрит» и «Олд Бейли» на западе: крошечный клочок земли, на котором скопились все финансовые учреждения Лондона, тот самый клочок, с которого все и началось.

Две тысячи лет назад Лондон был кельтской деревушкой на северном берегу Темзы, которую облюбовали для себя римляне. Он рос и рос, медленно и неспешно, пока тысячу лет назад его западная часть не достигла Вестминстера — королевской резиденции, а потом появился Лондонский мост, город соединился с Саутуорком и с тех пор стал расти все быстрее: шумные улицы возникли на месте полей, лесов и болот, а город стремительно разрастался, вбирая в себя деревушки, как лужица ртути притягивает ртутные шарики. Уайтчепел и Дептфорд на востоке, Хэммерсмит и Шепердс-буш на западе, Кэмден и Ислингтон на севере, Баттерси и Лэмбет за Темзой на юге — все они растворялись в Лондоне,

[175] notes: 175

Белый шум — шум, в котором звуковые колебания разной частоты представлены в равной степени, т. е. в среднем интенсивности звуковых волн разных частот примерно одинаковы, например, шум водопада.

оставляя после себя одни названия.

Лондон вырос и стал огромным и разнородным. Это был хороший город, и те, кто здесь оказался, вынуждены были дорого платить — потому что за все хорошее приходится платить. Впрочем, и сам город заплатил немало.

Некоторое время спустя Ричард стал воспринимать Лондон как данность, он начал гордиться, что не видел ни одной из его достопримечательностей (если не считать Тауэра, куда ему пришлось повести тетю Мод, приехавшую ненадолго погостить).

Но Джессика все изменила. По выходным Ричард шел с ней то в Национальную галерею, то в галерею Тейт, то еще куда-нибудь; и он узнал, что, если долго ходить по музеям, ноги начинают страшно болеть, а все шедевры мировой живописи сливаются в одно полотно, и просто уму непостижимо, сколько приходится выкладывать в музейных кафетериях за чашку чая и кусок пирога.

— Вот чай и эклер, — говорил он. — Дешевле было бы купить картину Тинторетто.

— Не преувеличивай, — беззаботно отвечала Джессика. — К тому же в Тейт нет Тинторетто.

— Ну, если бы я взял кусок вишневого торта, —

ворчал Ричард, — они смогли бы приобрести еще одно полотно Ван Гога.

— Нет, не смогли бы, — возражала Джессика, которая во всем любила точность.

Ричард познакомился с ней два года назад в Париже, куда приехал на несколько дней. Он бродил по Лувру, пытаясь найти своих коллег, организовавших поездку во Францию. Глядя на какую-то внушительных размеров скульптуру, сделал шаг назад и наткнулся на Джессику, которая рассматривала огромный алмаз, сыгравший необыкновенную роль в истории. Ричард попытался извиниться по-французски, хотя французского не знал, потом бросил эту бессмысленную затею и принялся извиняться по-английски, потом стал извиняться по-французски за то, что вынужден извиняться по-английски, и наконец обнаружил, что в Джессике нет абсолютно ничего французского и она самая настоящая, стопроцентная англичанка. Однако к тому времени, в качестве компенсации за причиненный ущерб, он уже успел купить ей чрезвычайно дорогой сэндвич и невероятно дорогой яблочный сок. Собственно, с этого все и началось. С тех пор ему так и не удалось добиться от Джессики понимания в том, что он терпеть не может музеи.

Если они не собирались в музей, Джессика тащила его по магазинам в Найтсбридж, до которого от ее квартиры в Кенсингтоне можно было очень быстро дойти пешком и смехотворно быстро доехать на такси. Ричард плелся за ней по гигантским, внушавшим ужас торговым комплексам, таким, как «Хэрродс» и «Харвей Николс», где Джессика покупала абсолютно все — от украшений и книг до продуктов на неделю.

Красивая, неглупая и амбициозная Джессика восхищала Ричарда. Она же видела в нем огромный потенциал и была уверена, что умелая женская рука сможет вылепить из него идеального жениха. Досадуя, что ему не хватает целеустремленности, она дарила ему книги вроде «Успех для всех», «Сто двадцать пять полезных привычек делового человека» и им подобные, в которых рассказывалось, что к карьере надо подходить как к военной кампании. Принимая эти книги, Ричард неизменно благодарил ее и в самом деле собирался их прочесть. В отделе мужского платья «Харвей Николс» она подбирала ему то, что, по ее мнению, он должен был носить, — и он это носил, во всяком случае, по будням. А через год после знакомства она сказала, что пора выбирать обручальное кольцо.

— Что ты в ней нашел? — спросил Гарри из отдела корпоративных финансов полтора года спустя. — Это же просто чудовище.

Ричард покачал головой.

— Неправда. Она очень милая. Ты плохо ее знаешь.

Гарри поставил на место пластмассового тролля, которого взял у Ричарда со стола.

— Удивительно, как она еще не запретила тебе играть в игрушки.

— Не знаю, мы об этом не говорили, — ответил Ричард и сам взял одного из троллей — с ярко-апельсиновыми волосами и выражением потерянности на морде.

На самом деле они с Джессикой о троллях говорили. И в конце концов она убедила себя, что тролли для Ричарда — это как ангелы для мистера Стоктона: экстравагантное, но безобидное увлечение. Джессика как раз занималась организацией выставки: коллекция ангелов мистера Стоктона должна была проехать по всей стране, — и пришла к выводу, что все великие люди что-нибудь коллекционировали. На самом деле Ричард вовсе не коллекционировал троллей. Просто однажды подобрал на улице забавную игрушку, а затем, в неосознанной и, разумеется, тщетной попытке

привнести что-то свое в обезличенный мир офиса, поставил тролля себе на монитор. Остальные появились в следующие несколько месяцев — их подарили коллеги, заметившие любовь Ричарда к маленьким уродцам. Он расставил их на столе между телефонами и рамкой с фотографией Джессики, к которой накануне приклеил желтую бумажку.

Был вечер пятницы. Ричард давно заметил, что неприятности трусливы — они никогда не ходят поодиночке, а собираются в стаи и атакуют все разом. Вот например в эту пятницу. Целый месяц Джессика твердила ему, что это самый важный день в его жизни. Не в *ее* жизни, понятное дело. Величайший день в *ее* жизни еще впереди, когда она станет премьер-министром, королевой или богиней, — как считал Ричард. Но это был безусловно самый важный день в *его* жизни. И ужас в том, что несмотря на желтую бумажку на дверце холодильника, несмотря на такую же бумажку на фотографии Джессики, он напрочь об этом забыл.

А еще давно надо было сдать отчет по Вендсворту. Он-то и занимал сейчас Ричарда больше всего. Проверив очередной столбец цифр, он вдруг заметил, что не хватает семнадцатой страницы.

Распечатал ее заново, просмотрел еще страницу, мечтая только о том, чтобы случилось чудо и телефон не зазвонил… Но он зазвонил. Ричард включил громкую связь.

— Алло! Ричард! Финансовый директор интересуется, когда он получит отчет.

Ричард посмотрел на часы.

— Да, Сильвия, через пять минут. Уже почти все. Только вложу отчет о прибылях и убытках.

— Спасибо, Дик. Я зайду через пять минут.

Сильвия была секретарем финансового директора, очень этим гордилась и неустанно демонстрировала деловитость.

Едва Ричард выключил связь, телефон зазвонил снова.

— Ричард, — послышался голос Джессики. — Это Джессика. Ты ведь не забыл?

— О чем? — пробормотал Ричард, пытаясь вспомнить, что же он мог забыть.

В надежде найти ответ он бросил взгляд на фотографию Джессики — и ответ нашелся на желтой бумажке, приклеенной ей на лоб.

— Ричард! Возьми трубку.

Он взял, перечитывая написанное на бумажке.

— Прости, Джесс. Нет, я не забыл. В семь часов в «Итальянском дворике». Встречаемся на месте?

— Джессика, а не Джесс. — Она на секунду умолкла. — После того, что было в прошлый раз? Нет уж. Ты заблудишься даже на лужайке перед домом!

Ричард хотел сказать, что *любой* может перепутать Национальную галерею с Национальной портретной галереей и что не *она* же простояла весь день под проливным дождем (впрочем, он считал, что это ничуть не хуже, чем бродить по любой из означенных галерей, пока ноги не отвалятся), — но смолчал.

— Я зайду за тобой, — объявила Джессика. — Пойдем туда вместе.

— Хорошо, Джесс. То есть, прости, Джессика.

— Ричард, ты ведь *подтвердил* заказ?

— Конечно, — бодро соврал Ричард. У него на столе истошно заверещал другой телефон. — Джессика, я тут…

— Отлично, — ответила Джессика и повесила трубку.

Одной из самых дорогостоящих покупок в жизни Ричарда стало обручальное кольцо для Джессики, которое он приобрел полтора года назад в «Хэрродс» — со скидкой, разумеется.

Он снял трубку со второго телефона.

— Салют, Дик, — сказал Гарри. — Это я, Гар-

ри. — Гарри сидел через несколько столов от Ричарда и махал ему из-за своего сверкающего чистотой стола, на котором, разумеется, не было никаких троллей. — Ну как, все в силе? Помнишь, мы собирались выпить и обсудить ситуацию с «Мерстэм»?

— Гарри, хватит названивать. Конечно, все в силе, — буркнул Ричард и повесил трубку.

На желтой бумажке, внизу, был номер телефона — он сам его записал несколько недель назад, когда оставил это напоминание самому себе. И он действительно заказал столик — кажется. Но не подтвердил заказ. Все собирался, но забегался… да и времени еще оставалось вполне достаточно. Однако неприятности ходят стаями…

У его стола возникла Сильвия.

— Дик, где отчет?

— Сейчас, Сильвия. Подожди секундочку. — Он застучал по кнопкам телефона и облегченно вздохнул, когда на том конце ответили:

— «Итальянский дворик». Слушаю вас.

— Мне нужен столик на троих, — выдохнул Ричард, — сегодня. Я, кажется, заказывал. Если да, то я подтверждаю бронь. А если нет, то хотел бы заказать его сейчас. Если можно.

Оказалось, никто не бронировал столик на

сегодня на имя Мэхью. И на имя Стоктона тоже. И на Бартрам (фамилия Джессики). А заказать *сейчас* …

Самым неприятным был даже не отказ, а то, каким тоном ему отказали. Этот тон подтверждал, что столик *на сегодня* следовало заказать давным-давно. Возможно, это должны были сделать родители еще до его рождения. А *теперь* заказать столик *на сегодня* абсолютно невозможно. Даже если папа римский, премьер-министр Великобритании и президент Франции явятся в «Итальянский дворик», заранее не заказав столик и не подтвердив заказ, они будут изгнаны оттуда с позором.

— Понимаете, это для босса моей невесты. Конечно, я должен был позвонить заранее. Но ведь нас только трое, неужели нельзя как-нибудь…

На том конце повесили трубку.

— Ричард! Финансовый директор ждет! — напомнила Сильвия.

— Как думаешь, если я перезвоню и предложу им денег, у них найдется столик?

* * *

Ей снилось, что они снова дома — все вместе: родители, брат и малышка-сестренка. Бледные

и серьезные, все стоят в зале и смотрят на нее. Порция, мама, погладила ее по щеке и сказала, что ей грозит опасность. Во сне Дверь улыбнулась: «Знаю». Мама покачала головой. «Нет. Нет. Опасность грозит тебе *сейчас*. Прямо *сейчас*».

Девушка открыла глаза. Тихо и очень медленно дверь отворялась. Она затаила дыхание. Послышались осторожные шаги по каменному полу. *Может, он меня не заметит*, подумала она. *Может, уйдет*. И вдруг, в отчаянии: *Как же хочется есть!*

Шаги нерешительно замерли. Она знала, что хорошо спряталась — ее не видно под газетами и тряпьем. И очень может быть, что тот, кто пришел, не желает ей зла. *Слышит ли он, как у меня бьется сердце?* Шаги вновь стали приближаться. Она знала, что должна сделать. Ей было страшно. Чья-то рука откинула тряпье, и она увидела безбровое лицо, исказившееся нехорошей ухмылкой. Она откатилась в сторону и изогнулась — лезвие, которое должно было вонзиться ей в грудь, угодило в предплечье.

До сих пор она не думала, что сможет. Ей казалось, у нее не хватит смелости, она никогда не будет настолько напугана, в таком отчаянии, чтобы сделать это. Но она протянула руку к его

груди и *открыла* …

Он охнул и повалился на нее. Стало мокро, жарко и скользко. Она выползла из-под него и бросилась прочь из своего убежища.

В туннеле — узком, с низким потолком — тяжело дыша, она привалилась к стене и захлебнулась рыданиями. На этого человека ушли последние силы. Она совсем выдохлась. Левое предплечье пульсировало. *Нож*, вспомнила она и вздохнула: зато теперь ей ничто не угрожает.

— Ай-ай-ай, — послышалось откуда-то справа, из темноты. — Ей удалось уйти от мистера Росса. Вот уж никогда бы не подумал, мистер Вандемар, — протянул голос, тягучий, как серая слизь.

— Я тоже, мистер Круп, — отозвался кто-то слева.

Вспыхнул дрожащий свет.

— Однако, — проговорил мистер Круп. Его глаза блестели во мраке туннеля, — от нас ей не уйти.

Дверь со всей силы ударила его коленом в живот, зажала правой рукой рану и помчалась куда глаза глядят.

Она спаслась.

* * *

— Дик!

Ричард отмахнулся. Теперь у него почти все под контролем. Еще чуть-чуть…

— Дик! — повторил Гарри. — Уже полседьмого.

– *Сколько*?!

Документы, карандаши, таблицы, тролли полетели в портфель. Он защелкнул застежки и побежал, на ходу накидывая плащ.

Гарри трусил за ним.

— Эй, так как насчет выпить?

— Выпить?

— Мы же хотели сегодня обсудить ситуацию с «Мерстэм». Забыл?

Так это сегодня? Ричард на секунду замер, подумав о том, что если бы неорганизованность стала олимпийским видом спорта, он мог бы с честью выступить за свою страну.

— Гарри, прости. Не получится. Я сегодня должен встретиться с Джессикой. Мы ведем в ресторан ее босса.

— Мистера Стоктона? *Того самого* Стоктона?

Ричард кивнул. Они сбежали по ступенькам.

— Что ж, желаю хорошо провести время, — проговорил Гарри совершенно неискренне. — Как

там твое чудовище из Черной Лагуны?

— Джессика из Илфорда. Ее любовь по-прежнему согревает меня. Спасибо, что спросил, Гарри.

Они вышли в холл. Ричард бросился к автоматическим дверям, которые, разумеется, не открылись.

— Уже полседьмого, мистер Мэхью, — сообщил охранник, мистер Фиджис. — Вам придется расписаться.

— Вот уж не вовремя, — проворчал Ричард себе под нос. — Совсем не вовремя.

От охранника пахло какой-то мазью. Поговаривали, что у него энциклопедическая коллекция мягкого порно. Он охранял вход с каким-то болезненным энтузиазмом — после того случая, когда пропало все компьютерное оборудование с целого этажа, а также две пальмы в кадках и аксминстерский[176] ковер финдиректора.

— Значит, посидеть не получится?

— Прости, Гарри. Давай в понедельник, а?

— Ну хорошо, до понедельника.

Мистер Фиджис внимательно изучил их подписи и, убедившись, что они не выносят ни компьютеров, ни пальм, ни ковров, нажал на

---

[176] notes: 176

Аксминстерский ковер — род бархатного ковра с тиснением в виде крупных цветов.

кнопку, и дверь открылась.

— Ну да, двери, — сказал Ричард, словно что-то припоминая.

* * *

Туннель раздвоился. Она выбрала наугад. Бежала и бежала, отталкиваясь то от одной стены, то от другой, и постоянно спотыкаясь. Мистер Круп и мистер Вандемар шли за ней — спокойно и беззаботно, как викторианские государственные мужи, прогуливающиеся по Великой выставке в Хрустальном дворце[177]. Когда они оказывались на перепутье, мистер Круп наклонялся и выискивал на полу капельку крови. Они были словно гиены, терпеливо ожидающие, пока жертва выдохнется. Они никуда не торопились. Время принадлежало им.

* * *

Ричарду наконец улыбнулась удача: он поймал такси. На редкость жизнерадостный водитель

---

[177] notes: 177

Великая выставка в Хрустальном дворце — знаменитая международная выставка в Лондоне в мае 1851 г., одной из основных идей которой было совместить искусство и науку в попытке стимулировать развитие промышленного дизайна. Выставка продолжалась 120 дней, ее посетила примерно пятая часть всего населения Великобритании.

провез Ричарда по таким улочкам, о существовании которых тот даже не подозревал, бодро рассуждая о политике, росте преступности и пробках на дорогах — как рассуждают все лондонские таксисты, если пассажир жив и говорит по-английски. Ричард выскочил из такси, оставив водителю хорошие чаевые и свой портфель, потом умудрился тормознуть такси, прежде чем оно вырулило из переулка, и забрать портфель, взлетел по лестнице и вбежал в квартиру, раздеваясь на ходу. Он ловко швырнул портфель через всю комнату прямиком на диван. Ключи Ричард достал из кармана и предусмотрительно положил на тумбочку в коридоре — чтобы не забыть.

Когда он ворвался в спальню, зазвонил домофон. На ходу натягивая свой лучший костюм, Ричард бросился в коридор.

— Ричард? Это Джессика. Надеюсь, ты готов.

— Да, конечно. Уже спускаюсь.

Он накинул плащ и, выскочив на площадку, захлопнул за собой дверь.

Джессика как всегда ждала его внизу у лестницы. Она не любила его квартиру — там все было противно ее женской натуре. В самом неожиданном месте можно было обнаружить его трусы, на раковине в ванной засохли капли зубной пасты

— нет, это было совсем не подходящее место для Джессики.

При виде нее Ричард в очередной раз подивился, до чего же она красива. Он нередко ловил себя на том, что откровенно любуется ею, недоумевая: *Как такая женщина могла выбрать меня?* Но когда они занимались любовью в квартире Джессики в фешенебельном Кенсингтоне, на ее медной кровати, под накрахмаленными льняными простынями (ее родители говорили, что пуховые одеяла — признак дурного вкуса) — он обнимал ее в темноте, ее каштановые локоны рассыпались по его груди, она шептала ему, как сильно его любит, он шептал «люблю» в ответ, и — оба верили, что так оно и есть.

* * *

— Глядите-ка, мистер Вандемар. Она бежит уже не так быстро.

— Это верно, мистер Круп.

— Должно быть, потеряла много крови.

— Славной крови. Славной, липкой крови.

— Ждать уже недолго.

Раздался щелчок — это открылся пружинный нож. Звонкий, одинокий звук в темноте.

* * *

— Ричард, что ты делаешь?

— Ничего.

— Ты опять забыл ключи?

— Нет.

Ричард прекратил поиски и сунул руки в карманы плаща.

— Значит, так. Когда будешь говорить с мистером Стоктоном, помни: это не просто важная персона, это еще и целая компания в одном лице.

— Прямо не терпится с ним познакомиться, — вздохнул Ричард.

— Ричард, что это значит?

— Честно, жду не дождусь! — сказал он уже бодрее.

— Ты можешь идти скорее? — спросила Джессика. Если бы она не была самим совершенством, можно было бы предположить, что она начала терять терпение. — Мы не имеем права опаздывать.

— Конечно, Джесс.

— Ричард! Не называй меня так. Терпеть не могу уменьшительные имена. Они принижают!

— Подайте монетку! — протянул человек, си-

девший на тротуаре. У него была желтоватая седая борода и ввалившиеся темные глаза. На шее на растрепанной бечевке висела картонка, извещавшая, что он бездомный и голодный. Впрочем, это и так было понятно. Ричард сунул руку в карман и принялся искать мелочь.

— Ричард! У нас нет времени, — сказала Джессика, которая периодически делала пожертвования благотворительным организациям и вкладывала свои средства исключительно в полезные для общества мероприятия. — Так вот, я хочу, чтобы ты произвел на мистера Стоктона хорошее впечатление. Ведь ты мой жених! Мне очень важно, чтобы ты понравился мистеру Стоктону. — Тут ее лицо исказилось в умильной гримасе, она на секунду прижалась к Ричарду и прощебетала: — Я же *так* тебя люблю! Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?

Ричард кивнул: да, он знал, что она его любит.

Джессика посмотрела на часы и зашагала быстрее. Ричард незаметно бросил монетку в один фунт — и человек на тротуаре ловко поймал ее грязной ладонью.

— Столик заказал? Все в порядке? — спросила Джессика, и Ричард, который не умел врать, когда его спрашивали напрямую, выдавил только:

— Э-хм…

* * *

Она свернула не туда — и уперлась в тупик. Раньше бы ее это не остановило, но сейчас она была голодна, ранена и измучена… Она прижалась щекой к грубой кирпичной кладке и тяжело дышала, захлебываясь рыданиями. Рука у нее была холодная, а ладонь онемела. Она чувствовала, что это конец. Свет начал меркнуть. Ей хотелось лечь и заснуть на сто лет.

— Клянусь всеми уголками моей черной души! Мистер Вандемар, вы это видите? — послышался голос. Оказывается, преследователи были ближе, чем она думала. — Моим глазам предстало нечто такое…

— Что мы сейчас убьем, мистер Круп, — подхватил другой голос.

— Наш босс будет в восторге.

Девушка собрала последние силы, почерпнутые из глубин боли, страха и отчаяния. Она выдохлась, она разбита, она больше ничего не может. Бежать некуда, сил нет, времени нет.

— Пусть это будет последняя дверь, которую мне удастся открыть, — взмолилась она, обра-

щаясь к Темплу и Арке[178]. — Пусть она ведет куда угодно, куда-нибудь, где *безопасно* ... — и в отчаянии добавила: — *К кому-нибудь*.

Уже теряя сознание, она попыталась открыть дверь.

Когда темнота объяла ее, она услышала голос мистера Крупа, прозвучавший откуда-то издалека. Он сказал:

— Черт ее подери!

* * *

Джессика и Ричард шли к ресторану. Она держала его под руку и бодро стучала каблучками по тротуару. Ричард с трудом выдерживал этот темп. Уличные фонари и витрины уже закрывшихся магазинов освещали им путь. Они миновали череду призрачных зданий, темных и заброшенных, за высоким кирпичным забором.

— Ты правда пообещал им пятьдесят фунтов за столик?! Ричард, ты идиот! — глаза Джессики

---

[178] notes: 178

Темпл (Внутренний Темпл и Средний Темпл) — два из четырех древнейших судебных иннов, расположенных в районе с тем же названием, который долгое время принадлежал ордену тамплиеров. В современном Лондоне существует также станция метро «Темпл». *Арка* происходит от названия Церкви на Арках (церкви Сент-Мэри-ле-Боу), где заседал апелляционный суд — Court of Arches («Суд Арок»). Темпл и Арка в романе превращаются в своеобразных божеств.

сердито сверкнули. Его рассказ не показался ей забавным.

— У них почему-то не оказалось записи о моем заказе. И они сказали, что все столики забронированы.

Их шаги гулким эхом отдавались от стен.

— Теперь нас наверняка посадят рядом с кухней, — вздохнула Джессика. — Или у входа. Ты сказал им, что это для мистера Стоктона?

— Да.

Она снова вздохнула и потащила Ричарда дальше. Вдруг впереди открылась дверь и кто-то шагнул на улицу. Секунду, показавшуюся очень долгой, человек покачивался из стороны в сторону, а потом рухнул на тротуар. Ричард вздрогнул и замер. Джессика резко дернула его вперед.

— Самое главное, запомни: ни в коем случае не перебивай мистера Стоктона и не вздумай с ним спорить — он этого терпеть не может. И обязательно смейся его шуткам. А если не поймешь, шутка это или нет, — посмотри на меня, я… м-м… буду барабанить пальцами по столу.

Они дошли до распростертой на асфальте фигуры. Джессика невозмутимо через нее перешагнула, а Ричард остановился.

— Джессика.

— Да, ты прав. Он может подумать, что мне скучно. — Джессика задумалась. — О! Точно! — Она просияла. — Если он пошутит, я коснусь уха.

— Джессика! — Он не мог поверить, что она не замечает человека на тротуаре.

— Что? — раздраженно спросила она, недовольная тем, что прервали ход ее мыслей.

— Гляди.

Он указал на тротуар. Человек в бесформенной, мешковатой одежде лежал лицом вниз. Джессика схватила Ричарда за руку.

— А, ну да. Знаешь, Ричард, если станешь обращать внимание на всяких бродяг, придется заниматься только ими. Поверь, у них у всех есть квартиры. Она проспится и придет в себя. — *Она?* Ричард пригляделся. В самом деле, это была *девушка*. Джессика между тем продолжала: — Я сказала мистеру Стоктону, что мы… — Ричард опустился на колени. — Ричард! Что ты делаешь?!

— Она не пьяная, — проговорил он и, посмотрев на свои пальцы, добавил. — Она ранена. Вся в крови.

Джессика поглядела на него раздраженно.

— Мы опаздываем, — напомнила она.

— Но девушка *ранена*.

Джессика снова посмотрела на фигурку на тротуаре. Ричард никогда не умел расставлять приоритеты.

— Ричард, мы опоздаем. О ней позаботится кто-нибудь другой.

Лицо девушки было в грязи, а одежда — мокрая от крови.

— Она ранена, — просто повторил он. Джессика никогда прежде не видела его с таким лицом.

— Ричард, — строго проговорила она и вдруг смягчилась, найдя выход: — Позвони 999 и вызови «скорую». Только быстрее.

Девушка вдруг открыла глаза — огромные на маленьком грязном личике.

— Пожалуйста, не надо «скорую», — еле слышно проговорила она. — В больнице меня найдут. Отвезите меня куда-нибудь, где безопасно. Пожалуйста.

— Но вы ранены, — сказал Ричард и посмотрел туда, откуда она появилась. Никакой двери там не было — только глухая кирпичная стена. Он снова поглядел на хрупкую фигурку и спросил: — Почему вы не хотите в больницу?

— Помогите мне! — прошептала она и закрыла глаза.

— Почему вы так боитесь оказаться в больни-

це? — повторил он, но она не ответила.

— Когда будешь звонить в «скорую», — продолжала Джессика, — не называй своего имени. Иначе придется заполнять бумаги, и тогда мы точно опоздаем. А я никому не позволю испортить этот вечер… Ричард! Что ты делаешь?

Он осторожно взял девушку на руки и подивился, какая она легкая.

— Я отнесу ее к себе, Джесс. Нельзя же ее здесь оставить. Передай мистеру Стоктону мои извинения. Скажи, что случилось нечто непредвиденное. Уверен, он поймет.

— Ричард Оливер Мэхью, если ты сейчас же не опустишь эту девицу на землю, я разрываю нашу помолвку! — ледяным тоном объявила Джессика. — Серьезно тебя предупреждаю!

Чувствуя, как его рубашка становится мокрой и теплой от крови, Ричард вдруг понял, что иногда просто нет выбора.

И ушел.

Джессика осталась стоять на тротуаре, глядя вслед человеку, который взял и испортил такой важный вечер. На ее глаза навернулись слезы. Вскоре он скрылся из виду и тогда — и только тогда — Джессика позволила себе громко и неприлично выругаться: «Блядь!». Она швырнула

сумочку на землю, и из нее вывалились мобильный телефон, помада, ежедневник, тампоны. Но поскольку ничего другого не оставалось, она собрала все обратно в сумочку и отправилась в ресторан, где ее ждал мистер Стоктон.

Позже, потягивая белое вино, она попыталась придумать достойное оправдание для своего жениха и решила объявить, что Ричард неожиданно скончался.

— Это случилось так внезапно… — промолвила она трагическим шепотом.

* * *

По дороге домой Ричард ни разу не задумался о том, что же он делает. От него ничего не зависело. Где-то в дальнем уголке сознания кто-то — точнее, нормальный, разумный Ричард Мэхью — говорил, что он повел себя как болван, что достаточно было вызвать полицию или «скорую», что поднимать раненого опасно, что он по-настоящему, серьезно обидел Джессику, что ему придется спать на диване, что он испортил свой единственный дорогой костюм, что от девушки ужасно воняет… но Ричард просто шел вперед, шаг за шагом, не обращая внимания, что руки болят и спину ломит и что прохожие странно на

него косятся, — он просто шел. И вскоре добрался до своего дома, медленно поднялся по лестнице, оказался перед дверью квартиры — и только тогда сообразил, что забыл ключи на тумбочке в коридоре…

Но девушка вытянула свою грязную окровавленную руку — и дверь открылась.

Никогда бы не подумал, что буду рад, если замок можно будет открыть без ключа, подумал Ричард, внося девушку в квартиру и закрывая дверь ногой. Он положил ее на кровать. Его рубашка пропиталась кровью.

Девушка была в сознании: глаза закрыты, но веки подрагивали. Он снял с нее кожаную куртку и охнул, увидев длинный порез на левом предплечье.

— Послушай, я сейчас вызову врача, — негромко сказал он. — Ты меня слышишь?

Она открыла глаза — огромные и испуганные.

— Не надо, пожалуйста! Со мной все будет в порядке. Порез неглубокий. Мне бы только поспать… А врача не надо.

— Но рука…

— Завтра все будет в порядке… — еле слышно повторила она.

— Э-э… ну ладно, — согласился он. Тут в нем

проснулся здравомыслящий Ричард: — Послушай, можно хотя бы узнать?..

Но она уже спала. Он достал из шкафа старый шарф с университетской символикой и туго перевязал рану. Не хотелось, чтобы она истекла кровью у него на кровати и умерла, прежде чем он успеет вызвать врача. Потом он вышел из спальни и бесшумно прикрыл дверь.

Сел на диван перед телевизором и задумался, что же он натворил.

Глава II

Ричард где-то глубоко под землей: в туннеле, а может, в канализационной трубе. Свет то и дело мигает, не рассеивая темноту, а словно подчеркивая ее. Он не один. Рядом идут какие-то люди, но во мраке лиц не разобрать. Они бегут по канализационной трубе, разбрызгивая во все стороны грязь и нечистоты. Капли воды срываются с потолка и медленно падают во тьму, поблескивая в тусклом свете.

Он сворачивает за угол и видит зверя.

Зверь огромный, едва помещается в трубе. Он пригнул к земле голову, напружинил щетинистое тело. Из пасти у него вырывается пар — в трубе холодно. «Похож на кабана», — думает Ричард, но потом понимает, что это не так: кабаны гораздо мельче, а этот просто гигантский, как бык, как тигр, как автомобиль.

Зверь глядит на Ричарда, ему некуда спешить, он вполне может подождать, пока человек поднимет копье. Ричард чувствует, что сжимает копье, смотрит на руку, но это не его рука. Рука покрыта густыми черными волосами, а ногти грязные и длинные, как когти.

И тут зверь нападает.

Ричард бросает в него копье — слишком поздно. Он чувствует, как зверь пронзает его своими острыми, как бритвы, клыками, как течет кровь, смешиваясь с грязью у него под ногами, как жизнь постепенно покидает его. Он понимает, что упал лицом в воду, которая становится почти бордовой от крови. Ричард хочет закричать, проснуться, но не может даже вздохнуть. Он чувствует невыносимую боль…

— Мучают кошмары? — спросила девушка.

Ричард резко сел на диване, хватая ртом воздух. Шторы были по-прежнему задернуты, свет горел, работал телевизор, но сквозь щель между шторами пробивался тусклый серый свет, и Ричард понял, что уже утро. Он отыскал пульт, на котором, как выяснилось, проспал всю ночь, и выключил телевизор.

— Точно, — ответил он. — Кошмары.

Ричард протер глаза и с радостью убедился, что вчера снял хотя бы туфли и пиджак. Правда, остался в заскорузлой от крови рубашке. Девушка молчала. Она выглядела ужасно: грязная, окровавленная, бледная как полотно, очень худая. И одета странно. Множество слоев потертого бархата и рваных кружев какого-то удивительного

кроя. Словно она ограбила зал истории моды в музее Виктории и Альберта, нацепила все, что удалось украсть, и теперь разгуливает так по Лондону. Волосы у нее были недлинные и, судя по всему, оказались бы рыжевато-каштановыми, если их отмыть.

Ричард терпеть не мог тех, кто говорит очевидное, то, что просто невозможно не заметить, например, «Дождь пошел» или: «Глядите, у вас разорвался пакет, и все продукты упали в лужу», или: «Ой, вам, наверное, больно!».

— А ты уже встала, — заметил Ричард, всей душой в эту минуту ненавидя себя.

— Чьи это владения? — спросила девушка.

— Хм… Чего?

Она подозрительно огляделась.

— Где я?

— Ньютон Мэншинз, Литл-комден-стрит, 4.

Девушка раздвинула шторы, щурясь и мигая от серого утреннего света, и выглянула наружу. Из окна Ричарда открывался самый обычный вид на одну из лондонских улиц. Удивленно распахнув глаза, девушка смотрела на машины, автобусы, газетный киоск, булочную, аптеку, винный магазин.

— Я в Верхнем Лондоне, — тихо проговорила

она.

— Ну да, в Лондоне, — отозвался Ричард, подумав: «Что еще за *верхний*?» — Ты вчера была в ужасном состоянии. И на плече у тебя рана. — Он замолчал, ожидая, что она объяснит, что с ней произошло.

Девушка взглянула на него, а потом снова принялась рассматривать автобусы и магазины. Ричард продолжил:

— Я, эээ… наткнулся на тебя на улице. Ты была вся в крови.

— Не волнуйся, — серьезно сказала она. — Кровь в основном не моя.

Девушка задернула шторы. И принялась разматывать шарф с запекшейся кровью, которым он ее перевязал. Осмотрев рану, она поморщилась.

— Надо сделать нормальную перевязку, — заявила девушка. — Поможешь?

Ричард растерянно посмотрел на нее.

— Честно говоря, я не умею перевязывать раны, — пробормотал он.

— Что ж, — отозвалась она, — если ты такой трус, скажи хотя бы, где взять бинт, и я сама все сделаю. Помоги только завязать концы, а то я сама не дотянусь. У тебя ведь есть бинт?

Ричард кивнул.

— Конечно, — сказал он, — в аптечке. В ванной. Под раковиной.

Потом Ричард пошел в спальню и переоделся, мечтая о том, чтобы рубашка (его лучшая рубашка, подарок Джессики, — о боже, она его просто *убьет*) отстиралась.

* * *

Розовая от крови вода напомнила Ричарду странный сон, который ему однажды приснился, но он никак не мог вспомнить, что это был за сон. Выдернув пробку, он спустил грязную воду, наполнил раковину чистой и влил туда дезинфицирующий раствор. Резкий медицинский запах наполнил ванную и показался ему таким правильным, таким нужным, — словно запах мог излечить его от всего непонятного, что с ним произошло с тех пор, как он подобрал свою странную гостью. Девушка склонилась над раковиной, и он стал лить ей на руку и плечо теплую воду.

На самом деле Ричард был вовсе не таким трусом, каким себя считал. Да, он не выносил вида крови: во время фильма ужасов или даже обычного сериала про больницу забивался в угол, закрывал лицо руками и бормотал: «Уже все? Скажите, когда можно смотреть». Но сейчас, когда

кровь и боль были не на экране, все его страхи отступили, и он был готов помогать девушке. Они вместе промыли рану, которая выглядела теперь не так ужасно, как накануне вечером, и перевязали ее бинтом, — девушка держалась изо всех сил и почти не морщилась от боли. Ричарду вдруг стало интересно, сколько ей лет и как она выглядит, если ее отмыть, и почему она бездомная, и…

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Ричард. Ричард Мэхью. Дик.

Она медленно кивнула, словно стараясь запомнить его имя. Тут в дверь позвонили. Ричард глянул на кровавые потеки в раковине, потом — на девушку в лохмотьях и представил, как все это может выглядеть со стороны.

— Вот черт! — вдруг воскликнул Ричард, сообразив, кто к нему мог прийти. — Это наверняка Джесс. Она меня убьет.

Тревога! Тревога!

— Побудь здесь, я сейчас, — сказал он девушке, закрыл за собой дверь в ванную и бросился в коридор. Открыв дверь, он облегченно вздохнул. Это не Джессика. Это… Кто это такие? Мормоны? Свидетели Иеговы? Полиция? Кто их знает. В любом случае, их двое.

Одеты в черные костюмы, не особенно чистые,

слегка помятые, и даже Ричард, который не слишком разбирался, как шьют одежду и как она должна сидеть, заметил, что костюмы скроены как-то странно. Словно лет двести назад их сшил портной, который ни разу не видел современного костюма и кроил с чьих-то слов. И силуэт, и отделка были какие-то странные.

Лис и волк, невольно подумал Ричард. Тот, что стоял впереди, действительно чем-то походил на лиса. Он был немного ниже Ричарда, с гладкими, лоснящимися волосами странного оранжевого цвета и бледной кожей. Когда дверь открылась, он широко улыбнулся, обнажив свои гнилые черные зубы, и сказал:

— Доброго вам утра, сэр. Мы рады приветствовать вас в этот непередаваемо приятный и удивительный день.

— Э-э. Здравствуйте, — отозвался Ричард.

— Мы проводим опрос на редкость деликатного свойства. Ходим от дома к дому, от двери к двери, чтобы добыть хотя бы крупицу драгоценной информации ради нашего благого дела. Позвольте войти?

— Простите, но я сейчас не могу вас принять, — ответил Ричард и спросил: — Вы из полиции?

Второй незнакомец, похожий, как решил Ри-

чард, на волка, стоял немного позади, прижимая к груди пачку отксерокопированных листков. Это был крупный высокий мужчина с коротко стриженными черными с проседью волосами. Все это время он молчал — просто стоял и ждал. А теперь рассмеялся — басовито и гаденько, словно Ричард смолол чушь.

— Из полиции? Увы, нет, — сказал тот, что пониже. — К сожалению, мы не имеем счастья состоять в этой достойной организации. Конечно, профессия полицейского весьма привлекательна, и мы бы сочли за честь всячески служить уважаемому и почитаемому нами закону, однако госпожа Фортуна сдала нам несколько иные карты. Нет-нет, мы обычные люди. Позвольте представиться. Я — мистер Круп, а этот джентльмен — мой брат, мистер Вандемар.

Они не были похожи на братьев. Ричард вообще таких странных людей еще не встречал.

— Ваш брат? — удивленно переспросил он. — Но тогда, наверное, у вас должны быть одинаковые фамилии?

— Я потрясен до глубины души. Какой интеллект, мистер Вандемар! Какой острый ум! — Мистер Круп подался вперед, встал на цыпочки и заглянул Ричарду в лицо. — Такой острый, что

можно порезаться.

Ричард невольно отступил назад.

— Можно войти? — спросил мистер Круп.

— Что вам угодно?

Мистер Круп изобразил скорбный вздох.

— Мы ищем нашу сестру, — объяснил он. — Сбившееся с пути дитя, упрямое и капризное, которое вот-вот разобьет сердце нашей несчастной матушки, безутешной вдовы.

— Сбежала из дома, — тихо сказал мистер Вандемар и сунул Ричарду под нос отксерокопированный листок. — Она немного… того, — добавил он, покрутив пальцем у виска.

Ричард посмотрел на листок.

На нем было написано: «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?» Под надписью красовалась черно-белая фотография той самой девушки, что сидела у Ричарда в ванной. Ниже он прочел: «ПРОПАЛА ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ ВЕРА. КУСАЕТСЯ И БРЫКАЕТСЯ. СБЕЖАЛА ИЗ ДОМА. СООБЩИТЕ, ЕСЛИ УВИДИТЕ. ОЧЕНЬ ХОТИМ ЕЕ НАЙТИ. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРУЕМ». И номер телефона. Ричард еще раз посмотрел на фотографию. Да, это та самая девушка.

— Нет, — сказал он. — К сожалению, я ее не видел. Простите.

Но мистер Вандемар его не слушал. Задрав голову, он тщательно принюхивался, словно почувствовал какой-то странный, неприятный запах. Ричард хотел вернуть ему листок, но мистер Вандемар оттолкнул его и ринулся в квартиру, как волк, почуявший добычу. Ричард бросился за ним:

— Как вы смеете?! А ну-ка остановитесь! Вон отсюда! Нет, только не туда…

Мистер Вандемар направился прямиком в ванную. Ричард надеялся, что девушка — Вера? — догадалась запереть дверь. Оказалось, что нет, — мистер Вандемар толкнул дверь, и она тут же распахнулась. Он вошел в ванную, и Ричард, как маленькая глупая собачонка, визгливо тявкающая на почтальона, последовал за ним.

Ванная у Ричарда была небольшая. В ней помещались раковина, ванна, унитаз, на полочке стояло несколько бутылок шампуня, лежало мыло, на крючке висело полотенце. Пару минут назад, до прихода этих странных людей, над заляпанной кровью раковиной склонялась грязная, окровавленная девушка с аптечкой в руках. Однако теперь раковина и пол сияли чистотой. А самой девушки не было.

Выйдя из ванной, мистер Вандемар толкнул

дверь в спальню. Зашел и огляделся.

— Не знаю, почему вы решили, что можете вот так запросто врываться в чужую квартиру, — сказал Ричард. — Но если сейчас же не уберетесь отсюда, я вызову полицию.

Тут мистер Вандемар, осматривавший гостиную, повернулся к Ричарду, и тот снова ощутил себя той самой собачонкой, которая вдруг поняла, что тот, кого она неистово облаивает, никакой не почтальон, а огромное, пожирающее собак инопланетное чудовище из фильмов, которые никогда не смотрела Джессика. Ричард понял, что мистер Вандемар из тех, кому говорят: «Пожалуйста, не бейте меня!», и задумался, подействует ли на него такая просьба.

Тут его приятель-лис сказал:

— Мистер Вандемар! Что это на вас нашло? — И уже обращаясь к Ричарду: — Видите ли, он очень тоскует по нашей несчастной сестре. Немедленно извинитесь перед джентльменом, мистер Вандемар.

Мистер Вандемар кивнул и задумался.

— Мне показалось, что мне нужно в туалет, — наконец сказал он. — Но я передумал. Простите.

Мистер Круп двинулся к выходу, подталкивая мистера Вандемара.

— Так вот, мы сейчас уйдем. Нижайше прошу простить моего брата за дурные манеры. Мы так переживаем за нашу бедную овдовевшую матушку и за сестру, которая сейчас, в то время как мы с вами ведем любезную беседу, скитается по Лондону, обездоленная, всеми покинутая, и некому о ней позаботиться, некому наставить ее на путь истинный и вернуть в лоно семьи. Неудивительно, что мой братец, охваченный горем, совсем забыл, как следует себя вести в благородном обществе. Он неплохой малый, всегда готов прийти на выручку в трудную минуту. Не правда ли, мой крупный брат?

Они уже вышли из квартиры и теперь стояли у порога. Мистер Вандемар молчал. Он был не похож на человека, охваченного горем. Круп повернулся к Ричарду и снова улыбнулся лисьей улыбкой.

— Сообщите нам, если увидите ее, — сказал он.

— До свидания, — отозвался Ричард, закрыл дверь и повернул в замке ключ. А потом, впервые с тех пор, как здесь поселился, запер дверь на цепочку.

* * *

— Я не толстый, — проворчал мистер Вандемар.

Мистер Круп, перерезавший телефонный провод, как только Ричард заявил, что вызовет полицию, вдруг задумался, тот ли это был провод, — он не очень хорошо разбирался в современных телекоммуникациях.

— А я и не говорил, что ты толстый, — сказал он и взял у Вандемара ксерокопию. — Наплюй!

Мистер Вандемар плюнул на оборот ксерокопии, и мистер Круп прижал листок к стене у двери Ричарда. Листок приклеился намертво. «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?»

— Ты сказал «крупный». «Крупный» — значит «толстый».

— А еще «крупный» значит «сильный», «крепкий», «мощный», «значительный», «выдающийся» и даже «важный», — заметил мистер Круп. — Ты ему веришь?

Они спустились по лестнице.

— Что я, идиот, что ли? — отозвался мистер Вандемар. — Я ее почуял.

* * *

Ричард немного постоял у входной двери. И только услышав, как хлопнула дверь внизу, отправился в ванную, но тут зазвонил телефон. Ричард чуть не подпрыгнул от неожиданности, бросился к аппарату и снял трубку.

— Алло! — сказал он. — Алло!

Однако в трубке была тишина. Потом раздался тихий щелчок, и из динамика автоответчика, стоявшего рядом с телефоном, послышался голос Джессики: «Ричард! Это Джессика. Жаль, что тебя нет дома, потому что больше я звонить не буду, к тому же мне бы очень хотелось сказать тебе все, что я думаю, лично, а не через автоответчик».

Ричард заметил, что провод, который вел к трубке, аккуратно перерезан почти у самого аппарата. Но все равно закричал:

— Джессика, я здесь! Подожди, не вешай трубку!

«Ричард, вчера вечером ты меня очень обидел, — продолжала Джессика. — С меня хватит. Я разрываю помолвку. Не желаю тебя больше видеть и кольцо не верну. Надеюсь, ты и твоя несчастная овца сгорите в аду! Пока!»

— Джессика! — воскликнул Ричард, словно

надеясь, что если крикнет погромче, она его услышит. Автоответчик записал послание Джессики, послышался еще один щелчок, и на аппарате замигала красная лампочка.

— Плохие новости? — спросила девушка. Она стояла у него за спиной в крошечной кухне. Рука у нее была перевязана. Девушка вынула из коробки два пакетика чая и опустила их в кружки. Чайник уже кипел.

— Да, — ответил Ричард. — Очень плохие. — Он подошел к ней и вручил листок «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?». — Это ведь ты?

Девушка подняла бровь.

— Да, это моя фотография.

— Значит, тебя зовут… Вера?

Она покачала головой:

— Нет, Ричард-ричард-мэхью-дик, меня зовут Дверь. Молока добавить? Сколько сахара?

Ричард окончательно растерялся.

— Ричард, — пробормотал он. — Просто Ричард. Не надо сахара, — потом помолчал и сказал: — Слушай, я понимаю, что лезу не в свое дело, но все же — что с тобой случилось?

Дверь налила кипяток в кружки.

— Это тебя не касается, — спокойно сказала она.

— Прости, я не хотел…

— Нет, Ричард, ты не понимаешь. Честное слово, тебе *ни к чему* это знать. Это не принесет тебе ничего хорошего. Ты и так сделал для меня слишком много.

Выбросив чайные пакетики, она протянула Ричарду кружку. Он взял чай и вдруг заметил, что все еще держит в руке телефонную трубку.

— Да ладно. Не мог же я тебя там бросить.

— Мог, — отозвалась Дверь. — Но не бросил.

Прижавшись спиной к стене, она осторожно выглянула в окно. Ричард подошел и тоже посмотрел на улицу. Мистер Круп и мистер Вандемар отошли от газетного киоска. На стекле красовался листок с надписью «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?».

— Это действительно твои братья? — спросил Ричард.

— Ричард, прошу, — устало ответила Дверь, — не мучай меня.

Он отхлебнул чая, пытаясь сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

— А где ты была? — спросил он. — Только что.

— Здесь, — ответила она. — Что ж, раз уж эти двое меня преследуют, придется позвать… — она запнулась. — Кого-нибудь, кто может помочь.

Одной мне лучше отсюда не выходить.

— А есть такой человек? Кому ты могла бы позвонить?

Она взяла телефон с обрезанным шнуром и покачала головой.

— У моих друзей нет телефона, — сказала она и поставила такой одинокий и бесполезный теперь аппарат на стол. А потом хитро улыбнулась:

— Крошки.

— Что? — не понял Ричард.

* * *

Небольшое окошко в спальне выходило на крыши и водосточные трубы. Забравшись на кровать, Дверь дотянулась до него, открыла и насыпала на подоконник хлебных крошек.

— Зачем ты это делаешь? — удивился Ричард. — Я ничего не понимаю.

— Ну разумеется, — кивнула Дверь. — Тихо!

Послышалось хлопанье крыльев, и на подоконник сел сизый голубь с перьями, отливающими красным и зеленым. Он стал клевать крошки, и Дверь осторожно взяла его в руки. Голубь с любопытством смотрел на нее, но не вырывался.

Они сели на кровать. Дверь попросила Ричарда подержать голубя, а сама прижала к его лапке

записку и принялась приматывать ее ярко-синей резинкой, которой Ричард перевязывал счета за электричество. Он не особенно любил голубей и совсем не умел их держать.

— Зачем тебе это? — спросил он. — Голубь ведь не почтовый, а самый обыкновенный, из тех, что гадят на голову Нельсона.

— Точно, — согласилась Дверь. На щеке у нее красовалась ссадина, грязные рыжеватые волосы были спутаны, хотя и не до такой степени, чтобы их уже невозможно было расчесать. А глаза… Ричард вдруг понял, что не может сказать, какого они цвета. Не голубые и не зеленые, не карие и не серые, они напоминали огненный опал, мерцая голубыми, зелеными, красными и желтыми искорками, которые вспыхивали, гасли и тут же вспыхивали снова. Дверь забрала у Ричарда голубя, поднесла его к лицу и заглянула птице в глаза. Склонив голову на бок, голубь уставился на нее своими черными глазками-бусинками.

— Значит так, — сказала Дверь и издала очень странный звук, похожий на голубиное воркование. — Значит так, *Крррпллрр*, ты должна отыскать маркиза Карабаса. Понятно?

Птица заворковала в ответ.

— Умница! Это очень важно, так что…

Голубка прервала ее громким, недовольным воркованием.

— Прости, — сказала Дверь. — Ты и сама отлично знаешь, что делать. — Она поднесла голубку к окну и выпустила на волю.

Ричард удивленно наблюдал за ней.

— Надо же! Такое впечатление, будто она тебя поняла, — проговорил он, когда птица взметнулась в небо и скрылась за крышами.

— Ну да, — отозвалась девушка. — Теперь придется подождать.

Подойдя к книжному шкафу, она взяла с полки «Мэнсфилд-парк»[179], — Ричард и не знал, что у него есть эта книга, — и отправилась в гостиную. Ричард побрел за ней. Дверь уселась на диван и стала читать.

— Это прозвище? — спросил он.

— Что?

— Дверь.

— Нет. Меня так и зовут — Дверь.

— Дверь?

— Да, как то, что ты открываешь, чтобы куда-нибудь войти.

---

[179] notes: 179

«*Мэнсфилд-Парк*» (Mansfield Park, 1814) — наиболее крупное произведение знаменитой английской писательницы Джейн Остен (Jane Austen, 1775–1817).

— А… — Чтобы сказать хоть что-нибудь, Ричард брякнул: — Что за имя такое — Дверь?

Она подняла на него свои странного цвета глаза и ответила:

— Мое имя, — и вернулась к Джейн Остен.

Ричард взял пульт и включил телевизор. Переключил канал — раз, другой, третий. Вздохнул.

— А чего мы ждем?

Дверь перевернула страницу и сказала, не отрываясь от книги:

— Ответа.

— Какого ответа?

Дверь пожала плечами.

— Ну ладно, — пробормотал Ричард. Тут он вдруг заметил, что у нее очень бледная кожа, — раньше это было сложно разглядеть под слоем грязи и засохшей крови. Интересно, она такая бледная, потому что чем-то больна? Или от потери крови? Или просто редко выходит на улицу? А может, у нее малокровие? Может, она сидела в тюрьме? Хотя вряд ли, слишком уж она молоденькая. А вдруг тот тип не соврал, и она действительно сумасшедшая?

— Скажи, когда те люди вошли…

— Люди? — ее опаловые глаза блеснули.

— Круп и… ммм… Вандербильт.

— Вандемар, — Дверь на секунду задумалась, потом кивнула: — Ну да, они похожи на людей. Две ноги, две руки, голова.

— Так вот, — продолжил Ричард. — *Куда* ты делась, когда они зашли в квартиру?

Лизнув палец, она перевернула страницу:

— Я была здесь.

— Но… — В его квартире просто невозможно спрятаться. А наружу она точно не выходила. — Но…

Послышался шорох, и из груды видеокассет под телевизором выскочил какой-то темный зверек, покрупнее мыши.

— Господи! — воскликнул Ричард и запустил в зверька пультом. Пульт ударился о видеокассеты и с громким стуком упал на пол. Зверек исчез.

— Ричард! — крикнула Дверь.

— Не бойся, — сказал он. — Это всего лишь крыса.

Она возмущенно посмотрела на него.

— Разумеется, это всего лишь крыса. И ты ее, беднягу, сильно напугал.

Дверь огляделась, потом тихо свистнула.

— Эй! — позвала она и, отложив «Мэнсфилд-парк», опустилась на колени. — Эй, где вы?

Она снова сердито глянула на Ричарда.

— Если ты ее покалечил… — с угрозой в голосе начала она, а потом тихо и очень вежливо обратилась к крысе: — Простите, он полный кретин. Вы где?

— Я не кретин! — возмутился Ричард.

— Тссс, — шикнула Дверь. — Куда вы делись?

Тут из-под дивана показался розовый носик. Через пару секунд зверек осторожно высунул голову и подозрительно оглядел черными глазками комнату. «Да, это точно не мышь, — подумал Ричард. — Мыши гораздо мельче».

— Здравствуйте! — радостно сказала Дверь. — С вами все в порядке?

Она протянула руку. Зверек вскарабкался ей на ладонь, а потом пробежал по руке до локтя и там остановился. Дверь погладила его пальцем по пушистой шерстке. Это была темно-коричневая крыса с длинным розовым хвостом. К ее брюшку был привязан сложенный листок бумаги.

— Это крыса, — сказал Ричард, решив, что иногда говорить очевидное простительно.

— Конечно, крыса. Ты не хочешь извиниться?

— Что?

— Извинись.

Может, он не расслышал? Или сошел с ума?

— Перед крысой?

Дверь промолчала, давая понять, что он понял правильно.

— Простите, — с достоинством сказал Ричард крысе. — Я не хотел вас напугать.

Крыса посмотрела на Дверь.

— Нет, нет, он правда не хотел, — сказала девушка. — Это не просто слова. Что вы мне принесли?

Она отвязала сложенный в несколько раз клочок оберточной бумаги — Ричард заметил, что он был примотан к крысе обрывком ярко-синей резинки.

Дверь развернула листок, испещренный мелкими буквами. Быстро пробежав письмо глазами, девушка кивнула.

— Спасибо, — сказала она крысе. — Я очень благодарна вам за все, что вы для меня сделали.

Крыса спрыгнула на пол, бросила гневный взгляд на Ричарда и скрылась.

Девушка по имени Дверь протянула Ричарду обрывок бумаги.

— На, прочитай, — велела она.

* * *

День клонился к вечеру. Начало темнеть, — осень уже давно вступила в свои права. Ричард доехал на метро до Тоттенхэм-корт-роуд и теперь

шел на запад по Оксфорд-стрит. В руках он держал клочок коричневой оберточной бумаги. На Оксфорд-стрит было множество магазинов, поэтому даже сейчас, в сумерки, тут толпились туристы.

«Это записка, — сказала она, вручая ему мятый обрывок бумаги, — от маркиза Карабаса».

Ричарду показалось, что он уже где-то встречал это имя.

«Замечательно, — сказал он. — Должно быть, у него закончились открытки».

«Просто так быстрее».

Он прошел мимо шумного, залитого ярким светом огромного магазина «Вирджин», мимо магазинчика для туристов, в котором продавались шлемы лондонских полицейских и крошечные модели красных двухэтажных лондонских автобусов, мимо кафе, где продавали пиццу кусками, а потом повернул направо.

«Ты должен сделать все так, как написано в записке. Смотри, чтобы за тобой никто не следил. — Дверь вздохнула и добавила: — Не надо было тебя во все это впутывать».

«Если я все сделаю… ты сможешь уйти из моей квартиры?»

«Да».

Он свернул на Хэнвей-стрит. И хотя шумная, ярко освещенная Оксфорд-стрит была всего в двух шагах, словно попал в другой город. Хэнвей-стрит казалась пустынной, заброшенной: узкая, темная улица, больше похожая на переулок, с мрачными магазинами звукозаписи и закрытыми ресторанами. Ее освещал лишь свет из окон нелегальных пабов на верхних этажах домов. Ричард почувствовал страх.

«…сверни направо на Хэнвей-стрит, потом налево на Хэнвей-плейс, потом еще раз направо — на Орм-песседж. Остановись возле первого фонаря…»

«Ты уверена, что так надо?»

«Да».

Ричард не помнил Орм-песседж, хотя и бывал на Хэнвей-плейс не раз: здесь в одном из подвалов находился индийский ресторан, который обожал его коллега Гарри. Насколько Ричард помнил, Хэнвей-плейс заканчивалась тупиком. Ресторан назывался «Мандир». Ричард прошел мимо ярко освещенного входа, глянув на лестницу, ведущую вниз, в ресторан, и повернул налево…

Он ошибался. Отсюда действительно можно было свернуть на Орм-песседж. На стене даже

висела табличка: «ОРМ-ПЕССЕДЖ, № 1».

Неудивительно, что он раньше не замечал этой улицы. Ее и улицей-то нельзя было назвать: просто узкий переулок, освещенный газовыми фонарями. «Таких сейчас почти не осталось», — подумал Ричард и поднес клочок бумаги к свету.

«Трижды повернись вокруг себя против движения солнца. Против движения солнца — это то же самое, что против часовой стрелки, Ричард».

Он три раза повернулся, чувствуя себя полным идиотом.

«Зачем вообще все это выделывать, чтобы встретиться с твоим другом? Это же какая-то чепуха...»

«Это не чепуха. Поверь мне. Просто сделай это ради меня, ладно?» — и она улыбнулась.

Ричард остановился, подождал немного и прошел до конца улицы. Пусто. Никого. Рядом с железным мусорным баком груда тряпья.

— Эй! — крикнул Ричард. — Есть тут кто? Я друг Двери. Эй!

Нет, тут никого не было. Ричард облегченно вздохнул. Теперь можно спокойно вернуться домой и сказать девушке, что ничего не получи-

лось. Потом он вызовет кого надо, и они во всем разберутся. Скомкав бумагу, он бросил ее в бак.

В ту же секунду то, что Ричард принял за груду тряпья, зашевелилось, поднялась, мелькнула рука — и на лету поймала скомканный листок.

— Это, кажется, мое, — сказал маркиз Карабас. На нем был огромный черный плащ, немного смахивавший на сюртук, и высокие черные сапоги, а под плащом — что-то рваное и грязное. В свете фонарей на темном лице ярко поблескивали белки глаз. Он тут же улыбнулся, обнажив белые зубы, словно в ответ на шутку, понятную ему одному, поклонился Ричарду и сказал:

— Маркиз Карабас к вашим услугам, а вы?..

— Хм… — замялся Ричард. — Ммм. Эээ…

— Вы — Ричард Мэхью, тот самый молодой человек, который спас нашу раненую Дверь. Как она?

— Ммм… Нормально. Ее рука все еще…

— Не переживай, с ней все будет в порядке. У всех членов ее семьи раны заживают в мгновение ока. Странно вообще-то, что их удалось убить.

Говоря все это, маркиз Карабас ходил взад-вперед, как тигр в клетке. Ричард понял, что он из тех людей, которые не могут усидеть на месте.

— А что, ее семью убили? — спросил он.

— Боюсь, мы так ничего не успеем, если ты еще будешь спрашивать о том, что тебя не касается, — ответил маркиз, останавливаясь напротив Ричарда. — Садись, — велел он.

Ричард огляделся, — куда бы здесь сесть? Взяв его за плечо, маркиз с силой толкнул Ричарда, так что тот упал навзничь на мостовую.

— Она отлично знает, что мои услуги стоят недешево. Что она предлагает?

— В каком смысле?

— Каковы условия сделки? Она ведь прислала тебя заключить со мной сделку. За просто так я никому не помогаю.

Ричард пожал плечами, насколько это возможно сделать, лежа на спине.

— Она велела передать, что хочет, чтобы вы отвели ее домой, — а я понятия не имею, где ее дом, — и наняли для нее телохранителя.

Даже когда маркиз стоял спокойно, его глаза все время бегали — вверх-вниз, туда-сюда, словно он что-то искал или о чем-то думал. Складывал, вычитал, взвешивал. Может, он ненормальный?

— А взамен? Что она предлагает взамен?

— Да вроде ничего.

Плюнув себе на ногти, маркиз потер их о лацкан плаща и отвернулся.

— Она*мне* ничего не предлагает, — похоже, он смертельно обиделся.

Ричард поднялся на ноги.

— По крайней мере ни о каких деньгах она не говорила. Сказала только, что будет у вас в долгу.

Глаза маркиза блеснули.

— В каком долгу?

— В огромном долгу, — сказал Ричард. — Она сказала, что будет у вас в огромном долгу.

Карабас ухмыльнулся, как голодная пантера, завидевшая в лесу ребенка. Потом снова повернулся к Ричарду.

— И ты оставил ее совсем одну?! — воскликнул он. — В то время как Круп и Вандемар рыщут по городу? Так чего же мы ждем? — Он встал на колени перед люком у обочины, выхватил из кармана какой-то металлический предмет, воткнул его в щель и нажал. Люк открылся. Маркиз сунул предмет на место и вытащил из другого кармана нечто, похожее, как показалось Ричарду, на длинную римскую свечу[180] или факел. Маркиз провел по нему рукой, и он загорелся, освещая улицу ярко-красным светом.

— Можно спросить? — вмешался Ричард.

---

[180] notes: 180

Римская свеча — род фейерверка.

— Нет, конечно, — отозвался маркиз. — Значит так. Никаких вопросов, ответов ты все равно не получишь. Не отставай от меня ни на шаг. И даже не пытайся понять, что происходит. Ясно?

— Но…

— И самое главное: никаких «но». А теперь в путь. Прекрасная дама в опасности, — заявил Карабас. — Нельзя терять ни минуты. Вперед! — С этими словами он указал в темноту канализационного люка.

Ричард спускался по лестнице, прикрепленной к стенке канализационной шахты, чувствуя себя таким потерянным, что даже первоклассный детектив не смог бы его теперь найти.

* * *

«Интересно, где мы?» — подумал Ричард. Кажется, это не канализация. Скорее, туннель для телефонного кабеля или даже для небольшого поезда. Или… для чего-то еще. Он вдруг понял, что почти ничего не знает о том, как устроены лондонские подземные коммуникации. Ричард шел медленно, опасаясь споткнуться и сломать ногу. А маркиз Карабас уверенно шагал впереди, словно не заботясь о том, идет ли за ним Ричард. Пылающий факел заливал туннель красным

светом, на стенах плясали огромные тени.

Ричард бросился догонять маркиза.

— Так… — проговорил Карабас. — Нужно отвести ее на рынок. Ближайший будет, ммм, через два дня, если мне не изменяет память, а она уж конечно мне не изменяет. До тех пор надо бы ее спрятать.

— Рынок? — переспросил Ричард.

— Да, Плавучий рынок. Но тебя это не касается. Хватит задавать вопросы.

Ричард огляделся.

— Вообще-то я хотел спросить, где мы. Но вы, наверное, мне все равно не ответите.

Маркиз снова улыбнулся.

— Молодец, — обрадовался он, — кое-что усвоил. У тебя и без того большие проблемы.

— Не то слово! — вздохнул Ричард. — Меня бросила невеста, а еще мне, видимо, придется покупать новый телефон…

— Темпл и Арка! Поверь мне, телефон — это сущая ерунда! — Маркиз Карабас поставил факел на землю, прислонив к стене, — факел продолжал шипеть, заливая тоннель красным светом, — и стал взбираться наверх по вделанным в стену железным скобам. Немного помедлив, Ричард последовал за ним. Скобы были холодными и

ржавыми. Ржавчина, превращавшаяся под руками в пыль, сыпалась вниз, забиваясь ему в глаза и рот. Красный свет внизу замигал и потух. Теперь они карабкались в полной темноте.

— Мы возвращаемся к Двери? — спросил Ричард.

— Ну да. Только сначала мне нужно кое-что уладить, позаботиться о своей безопасности. Когда выйдем наружу, не смотри вниз.

— Почему? — спросил Ричард. Тут ему в глаза хлынул свет, и он невольно посмотрел вниз.

* * *

Яркий дневной свет чуть не ослепил Ричарда. *Дневной свет?*— удивленно подумал он. — *Не может быть. Ведь когда я зашел в переулок, на Лондон уже спустилась ночь, а это было всего-то час назад*. Он карабкался по железной лестнице, вделанной в стену какого-то высокого здания, а под ним…

Под ним был Лондон.

Крошечные машинки, крошечные автобусы и такси, крошечные домики, деревья, малюсенькие грузовички и крошечные, просто микроскопические люди. Он с трудом мог различить все это далеко внизу.

Сказать, что Ричард Мэхью страдал от акрофобии[181], было бы не совсем верно, — это все равно что утверждать, что Юпитер крупнее утки. Нет, Ричарду не просто делалось страшно, когда он оказывался на горе или на последнем этаже высокого здания, — это рождало в нем тупой, невыносимый ужас, от которого потеют руки и хочется кричать во все горло. Ему казалось, что если он подойдет слишком близко к краю, какая-то неведомая сила подтолкнет его, и, не владея собой, он непременно шагнет в пустоту. В такие минуты Ричард переставал доверять самому себе, и это пугало его даже больше, чем сама бездна. И хотя он понимал, что акрофобия — своего рода болезнь, он ненавидел себя за это и старался держаться подальше от высоких зданий и гор.

Ричард застыл, вцепившись в железную скобу. У него заболели глаза, а дыхание стало прерывистым.

— Я вижу, — послышался знакомый веселый голос сверху, — кто-то меня не послушал?

— Я… — У Ричарда пересохло в горле, он судорожно сглотнул. — Я не могу лезть дальше.

Руки у него вспотели. А вдруг потные ладони

---

[181] notes: 181

Акрофобия — навязчивый страх, боязнь высоты или высоких мест (балконов, крыш, башен и др.), сопровождающаяся головокружением.

соскользнут со скобы, и он полетит вниз?..

— Еще чего! Конечно можешь. А впрочем, если хочешь, оставайся здесь, на лестнице. Повисишь пару часов, пока не замерзнут руки, а потом полетишь вниз, разобьешь башку о мостовую и наконец перестанешь бояться.

Ричард посмотрел на маркиза. Тот улыбался, а заметив, что Ричард на него смотрит, отпустил обе руки и помахал ими в воздухе. Ричарда тут же захлестнула волна панического страха.

— Вот сволочь, — пробормотал он, протянул правую руку вверх и нащупал следующую скобу. Потом переставил правую ногу. Протянул левую руку. Так, очень медленно и осторожно, он лез все выше и выше. Вскоре Ричард увидел прямо перед собой край крыши. Перебравшись через него, он растянулся во весь рост.

Он слышал удаляющиеся шаги маркиза, ощущал ладонями шершавое покрытие крыши и всем телом — твердую поверхность. Сердце бешено колотилось в груди.

Неподалеку послышался хриплый голос:

— Что тебе здесь надо, Карабас? Ступай прочь. Прочь!

— Старина Бейли[182], — сказал маркиз, — а ты держишься молодцом!

Кто-то, шаркая, подошел к Ричарду и легонько ткнул его пальцем под ребра.

— Ты жив, приятель? Я как раз приготовил отличное рагу из скворца. Хочешь попробовать?

Ричард открыл глаза:

— Нет, спасибо.

Первое, что он увидел, была куча перьев. Что это было — пальто или плащ, — непонятно, но невообразимое одеяние, казалось, состояло из одних только перьев, а помимо перьев Ричард еще увидел добродушное морщинистое лицо, а на щеках — густые седые бакенбарды. Тело — там, где не было перьев, — было обмотано веревками. Ричард вспомнил спектакль «Робинзон Крузо», на который его водили в раннем детстве, и подумал, что так, скорее всего, выглядел бы Робинзон, если бы его занесло не на необитаемый остров, а на крышу небоскреба.

— Меня зовут старина Бейли, — сказал городской Робинзон Крузо, потом водрузил на нос старые очки, болтавшиеся на шее на веревочке, и пристально посмотрел на Ричарда. — А тебя

---

[182] notes: 182

Старина Бейли — Old Bailey — центральный уголовный суд в Лондоне.

я что-то не припомню. Ты чей подданный? Как тебя зовут?

Ричард сел. Они были на крыше старинного здания из коричневого камня, с высокой башней, украшенной облезлыми каменными гаргульями, частично утратившими крылья и лапы, а местами и головы. Откуда-то снизу доносился глухой вой полицейской сирены и приглушенный рев моторов. Неподалеку, в тени башни, был натянут навес — старый коричневый навес, весь в заплатах и следах птичьего помета. Ричард хотел было представиться, но маркиз рявкнул:

— Молчать! Ни слова! — И повернулся к старине Бейли. — Люди, которые суют свой нос куда не следует, — маркиз щелкнул пальцами прямо под носом у старика, и тот аж подпрыгнул от неожиданности, — рискуют его лишиться. А теперь к делу. Ты у меня в долгу уже двадцать лет, старина Бейли. В большом долгу. И вот теперь я пришел его получить.

Старик моргнул.

— Я был дурак, — тихо сказал он.

— Дурак — это еще мягко сказано, — согласился маркиз. Сунув руку во внутренний карман плаща, он достал небольшую богато украшенную серебряную шкатулку, покрупнее табакерки, но

поменьше портсигара. — Ты знаешь, что это?

— Лучше бы не знал.

— Пусть она хранится у тебя.

— Я не хочу.

— У тебя нет выбора, — сказал маркиз.

Старик осторожно взял шкатулку двумя руками — словно она могла в любую секунду взорваться. Маркиз легонько пнул Ричарда в бок массивным сапогом.

— А теперь, — заявил он, — нам пора идти.

С этими словами он зашагал прочь. Ричард встал и пошел за ним, стараясь держаться как можно дальше от края крыши. За каминными трубами оказалась дверь, ведущая в башню. Маркиз открыл ее, и они стали спускаться по винтовой лестнице.

— Что это за старик? — спросил Ричард, пытаясь разглядеть в полумраке очередную ступеньку. Звук шагов эхом разносился по всей башне, лестница слегка подрагивала.

Маркиз Карабас фыркнул.

— Ты ничего не слышал, — сказал он. — У тебя и так одни проблемы. Чем больше ты делаешь, чем больше говоришь и слышишь, тем больше проблем себе создаешь. Молись, чтобы еще не было слишком поздно, потому что ты и так уже

далеко зашел.

Ричард склонил голову на бок.

— Простите, — проговорил он, — я понимаю, такое спрашивать неприлично, но все же. Вы в своем уме?

— Может и нет, но вряд ли. А что?

— Потому что кто-то из нас двоих точно сумасшедший.

Было уже совсем темно, и Ричард, попытавшись нащупать ногой следующую ступеньку, ее не обнаружил.

— Береги голову, — предупредил маркиз и открыл дверь. Больно ударившись головой о низкую притолоку, Ричард охнул и вышел наружу, заслонив рукой глаза от яркого света.

Он потер лоб, потом протер глаза. Дверь, через которую они прошли, вела в небольшой чулан в подъезде его собственного дома. Тут хранились метлы, веники, тряпки, старая швабра и всякие чистящие средства. Ричард оглянулся и с удивлением обнаружил, что никаких ступенек в чулане нет и в помине. На задней стене висел лишь старый календарь, совершенно бесполезный, если, конечно, когда-нибудь снова не наступит 1979 год.

Маркиз внимательно разглядывал листок «ВЫ

НЕ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?», висевший у двери Ричарда.

— Не самый удачный ракурс, — заметил он.

Ричард закрыл за собой дверь чулана, вынул из кармана ключи, отпер замок и зашел в квартиру. Наконец-то он дома. Бросив взгляд на кухонное окно, он с облегчением отметил, что снаружи снова темно.

— Ричард! — воскликнула Дверь. — Ты привел его!

За время его отсутствия она помылась и, кажется, даже попыталась отчистить одежду от грязи и крови. Руки и лицо ее сияли чистотой. Тщательно вымытые волосы оказались золотисто-каштановыми, даже скорее темно-рыжими, с медным отливом. «Интересно, сколько ей лет? — подумал Ричард. — Пятнадцать? Шестнадцать? Или больше? Непонятно».

Она надела свою коричневую кожаную куртку, ту самую, в которой была, когда Ричард ее нашел, — огромную, мешковатую куртку, похожую на летную, и выглядела в ней еще более хрупкой.

— Привел, — отозвался Ричард.

Маркиз Карабас опустился перед девушкой на одно колено и склонил голову.

— Мое почтение, леди, — сказал он.

Казалось, девушке стало неловко.

— Прошу вас, маркиз Карабас, встаньте. Я так рада, что вы пришли!

Он быстро поднялся и сказал:

— Насколько я понимаю, вы произнесли слова *долг* и *огромный*. Это так? Или вы имели в виду что-то другое?

— Мы поговорим об этом позже, — сказала Дверь, подошла к Ричарду и взяла его за руки. — Спасибо, Ричард. Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Я сменила простыни на кровати. Жаль, я ничего больше не могу для тебя сделать.

— Ты уходишь?

Она кивнула:

— Теперь я в безопасности. Более или менее. По крайней мере, на какое-то время.

— И куда вы пойдете?

Мягко улыбнувшись, она покачала головой:

— Не спрашивай. Я ухожу, и больше ты меня не увидишь. Ты просто молодец. — Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку, как, прощаясь, целуют друг друга хорошие друзья.

— А если мне когда-нибудь понадобится с тобой связаться…

— Не понадобится. Никогда. И еще… — Она немного помолчала, а потом проговорила: — Прости меня за все, ладно?

Ричард смущенно опустил голову и уставился на свои туфли.

— Мне не за что тебя прощать, — пробормотал он и неуверенно добавил: — По-моему, все было отлично.

Когда он поднял голову, в комнате уже никого не было.

Глава III

В воскресенье утром Ричард раскопал в глубине шкафа телефон в виде Бэтмобиля, который подарила ему на Рождество пару лет назад тетя Мод, и воткнул его в розетку. Он попытался дозвониться до Джессики, но безрезультатно. Автоответчик у нее был выключен, мобильный телефон — тоже. Скорее всего, она отправилась к своим родителям в пригород Лондона, а туда Ричард звонить не хотел. Он побаивался родителей Джессики, и не без причины. Они не одобряли выбор своей ненаглядной дочурки, и однажды мать Джессики как бы между прочим сказала Ричарду, что их помолвка ее очень расстроила, и добавила, что Джессика, уж конечно, могла бы найти себе кого-нибудь получше.

Его собственных родителей не было в живых. Отец умер давно, от инфаркта, — Ричард тогда был еще совсем маленьким. Не выдержав такого удара, мать стала медленно угасать. Когда Ричард уехал, она совсем затосковала, и буквально через полгода после отъезда в Лондон ему пришлось срочно вернуться в Шотландию, чтобы два дня просидеть у кровати матери в маленькой

местной больнице. Время от времени она его узнавала, но чаще всего ей казалось, что это не Ричард, а его отец.

Так и не дозвонившись до невесты, Ричард сел на диван и задумался. События последних двух дней казались все менее и менее реальными, как будто это произошло не с ним, да и вообще не могло произойти. Гораздо более реальной была запись на автоответчике — та самая, где Джессика говорила, что не хочет больше его видеть. Он отмотал запись назад и прослушал еще раз, потом еще и еще. Он слушал эту запись все воскресенье, каждый раз пытаясь уловить в голосе Джессики хоть каплю теплоты. Он надеялся найти какой-то признак того, что она еще может его простить. Но так и не нашел.

Ричард хотел было выйти и купить воскресную газету, но передумал. Все воскресные газеты, которые не смог приобрести Руперт Мердок[183], принадлежали боссу Джессики Арнольду Стоктону — хваткому бизнесмену с тройным подбородком и невероятно высоким самомнени-

[183] notes: 183

Руперт Мердок (Murdock, Rupert, p. 1931) — основатель и владелец «Ньюс корпорейшн», глобальной империи средств массовой информации, объединяющей американскую сеть телепрограмм «Фокс» и около 150 газет и журналов.

ем. Стоктон являл собой пародию на человека, который сам всего добился. В его газетах писали практически только о нем, как впрочем, и в других тоже. Так что воскресная газета наверняка напомнит Ричарду о том, что он пропустил ужин в пятницу. Ричард принял ванну, съел несколько бутербродов и выпил пару кружек чая. Потом немного посмотрел телевизор. Все это время он мысленно разговаривал с Джессикой, прося у нее прощения. И каждый такой разговор в его воображении заканчивался бурным, неистовым, полным слез и страсти сексом; а потом у них все налаживалось.

* * *

В понедельник утром не зазвонил будильник. Размахивая портфелем, Ричард выскочил из дома без десяти девять и стал лихорадочно выискивать глазами такси. Увидев неподалеку большой черный автомобиль с ярко-желтым знаком на крыше, он с облегчением вздохнул, махнул водителю рукой и крикнул: «Эй, сюда!».

Но такси медленно проехало мимо, свернуло за угол и скрылось из виду.

А вот и еще одно, с таким же светящимся знаком на крыше. На этот раз Ричард выскочил на

середину улицы. Ловко обогнув его, таксист поехал дальше. Ричард тихо выругался и помчался к ближайшей станции метро.

Вытащив из кармана горсть мелочи, он нажал на кнопку автомата, — билет до станции «Черинг-кросс», — и отправил в щель несколько монет. Автомат плотоядно проглотил их одну за другой, прожевал и выплюнул обратно. Ричард удивленно смотрел, как монеты со звоном сыпятся в поддон. Билета не было. Ричард попробовал купить билет в другом автомате. Бесполезно. И еще в одном. Кассир увлеченно беседовал с кем-то по телефону, когда Ричард подбежал к нему пожаловаться на автоматы и купить билет в кассе. Он громко кричал: «Эй, вы!» и «Мне нужен билет!» и даже стучал монетой по стеклу, но несмотря на его крики — а может быть, даже *назло,* — кассир продолжал болтать по телефону, не обращая на Ричарда ни малейшего внимания.

— Да пошли вы все! — выругался Ричард и перемахнул через турникет. Никто его не остановил — всем было наплевать. Задыхаясь и истекая потом, он сбежал вниз по эскалатору и оказался на платформе, где уже собралась целая толпа. В ту же минуту подошел поезд.

В детстве Ричарду часто снились кошмары о

том, что его словно бы не существует, — как бы громко он ни кричал, что бы ни делал, никто его не замечал. Сейчас он испытал именно такое чувство. Люди, выходившие из вагона, и те, кто собирался зайти, толкали его, оттесняли назад, похоже, просто не видя.

Ричард изо всех сил пытался проложить себе путь в толпе, работая локтями и протискиваясь вперед, и ему уже почти удалось прорваться в вагон, — он решил во что бы то ни стало сесть на этот поезд, — как вдруг двери начали закрываться. Ричард отпрянул назад, но двери защемили рукав его плаща. Он заколотил по стеклу и закричал, в надежде, что машинист хоть на миллиметр приоткроет двери, и ему удастся высвободиться. Но поезд тронулся, и Ричарду пришлось бежать за ним, все быстрее и быстрее. Бросив портфель, он отчаянно дергал свободной рукой за рукав. В конце концов ткань не выдержала и треснула; Ричард от неожиданности упал на каменные плиты, поранив руку и разорвав брюки на коленях. С трудом поднявшись на ноги, он поплелся назад и подобрал портфель. Растерянно посмотрел на оторванный рукав, на ссадину на руке и порванные брюки. Потом поднялся по лестнице и вышел из метро. Билет у него так никто и не спросил.

* * *

— Простите, что опоздал, — ни к кому не обращаясь, сказал Ричард, добравшись наконец до офиса.

На часах было 10:30. Ричард бросил портфель на стул и вытер лицо платком.

— Вы не поверите, я едва добрался, — продолжал он. — Просто кошмар какой-то.

С этими словами он глянул на свой стол. Чего-то не хватало. Точнее, не хватало всего.

— А где мои вещи? — немного громче спросил он. — Где телефоны? Где тролли?

Ричард заглянул в ящики стола — пусто. Нет даже обертки от «марса», даже какой-нибудь скрепки, — ничего, словно Ричард вообще никогда не работал за этим столом. Тут он заметил, что к нему направляется Сильвия, а с ней два здоровых типа. Ричард подошел к ним.

— Сильвия! В чем дело?

— Что, простите? — вежливо переспросила Сильвия. Не дожидаясь ответа, она указала здоровякам на стол. Те послушно подняли его и понесли к выходу.

— Осторожнее, — предупредила Сильвия.

— Это же мой стол! Куда они его несут?

Сильвия удивленно посмотрела на Ричарда.

— Простите, а вы кто?

Что за бред? — подумал Ричард.

— Ричард, — саркастически сказал он. — Ричард Мэхью.

— А-а-а, — протянула она. И в ту же секунду ее внимание соскользнуло с Ричарда, как соскальзывает вода с покрытых жиром утиных перьев. — Нет, не туда! Только не туда! — закричала она грузчикам и поспешила за ними. Между тем грузчики уносили рабочий стол Ричарда в неизвестном направлении.

Ричард посмотрел им вслед и подошел к столу Гарри. Тот писал письмо. Ричард глянул на экран: письмо, явно интимного свойства, было адресовано почему-то не девушке Гарри. Ричарду стало неловко, и он обошел стол так, чтобы не видеть экрана.

— Гарри, что тут происходит? Это, что, шутка?

Гарри оглянулся, будто что-то услышал. Поспешно нажал на клавишу, выводя на экран «обои» с танцующим бегемотом, потом тряхнул головой, будто ему что-то померещилось, взял телефонную трубку и начал набирать номер. Ричард хлопнул по телефону, прерывая вызов.

— Слушай, Гарри, это уже не смешно. Все вокруг

притворяются, что не видят меня. Можешь мне объяснить, в чем дело?

Наконец, к огромному облегчению Ричарда, Гарри поднял голову и посмотрел на него.

— Если меня уволили, — продолжил Ричард, — так и скажи. Зачем делать вид, что меня здесь нет?..

Тут Гарри улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте! Меня зовут Гарри Перуну. Чем могу вам помочь?

— Думаю, ничем, — мрачно ответил Ричард и вышел из кабинета, оставив на стуле портфель.

* * *

Офис Ричарда располагался на четвертом этаже старого, немного обшарпанного дома неподалеку от Стрэнда. Джессика работала поблизости, в Сити, в огромном современном здании с большими зеркальными окнами, до которого от офиса Ричарда было всего минут пятнадцать ходу.

Ричард домчался за десять. Прошел мимо охранников на первом этаже, зашел в лифт и нажал на кнопку. В лифте на стенах были зеркала, так что, пока ехал, он успел вдоволь на себя налюбоваться. Галстук развязался и перекособочился, рукав плаща оторван, брюки продраны на коленках,

волосы слиплись от пота… Боже, какой кошмар!

Наконец прозвенел звонок, и двери лифта раздвинулись. Ричард оказался на этаже, где работала Джессика. Несмотря на общий дух минимализма, все здесь дышало роскошью. У лифта сидела секретарша — элегантная, уверенная в себе девушка, которая наверняка получала в несколько раз больше, чем Ричард. Она читала «Космополитен» и, когда Ричард подошел, даже не подняла головы.

— Мне нужно к Джессике Бартрам, — сказал он. — По очень важному делу. Мне необходимо срочно с ней поговорить.

Секретарша принялась с большим интересом разглядывать свои ногти, по-прежнему не обращая на Ричарда внимания. Не чуя ног, он промчался по коридору до кабинета Джессики, открыл дверь и вошел. Джессика стояла перед тремя огромными плакатами. На всех трех было написано: «Ангелы над Англией — передвижная выставка», и изображены ангелы, на каждом плакате свой. Когда Ричард вошел, Джессика повернулась к нему и мило улыбнулась.

— Джессика! Слава богу! Знаешь, я, кажется, схожу с ума. Утром я не смог поймать такси, а потом оказалось, что в офисе меня никто не узна-

ет, а еще в метро меня зажало… — Он показал ей оторванный рукав. — Все ведут себя так, будто я вообще не существую.

Джессика улыбнулась еще шире, словно пытаясь его утешить.

— Слушай, — продолжил Ричард. — Прости меня за тот вечер. Мне очень стыдно. Не потому, что я решил помочь той девушке, а потому, что обидел тебя и… Слушай, прости меня! Весь мир сошел с ума, и я вообще не понимаю, что мне теперь делать.

Джессика кивнула, продолжая сочувственно улыбаться, а потом сказала:

— Вы, наверное, решите, что я тоже сумасшедшая, но, понимаете, у меня ужасная память на лица. Погодите минуту, сейчас я вспомню, кто вы.

И тут Ричард понял, что его действительно никто не узнает, и содрогнулся. Значит, все, что сегодня творится, — не страшный сон, не шутка и не розыгрыш. Нет, все это происходит на самом деле.

— Да ладно, — пробормотал он, — не стоит.

С этими словами Ричард вышел из кабинета и поплелся назад по коридору. Когда он был уже у лифта, Джессика крикнула ему вслед:

— Ричард!

Он обернулся. Значит, это все-таки *шутка*! Злая шутка в отместку за то, что он сделал. Что ж, по крайней мере теперь все встало на свои места.

— Ричард… Мэбери? — судя по всему, она была очень рада, что вспомнила, как его зовут.

— Мэхью, — поправил Ричард и зашел в лифт. Снова послышался печальный звонок, и двери закрылись.

* * *

Расстроенный, злой и окончательно сбитый с толку, Ричард побрел домой. Время от времени он махал рукой, даже не надеясь, что водитель такси его заметит, и машины действительно проезжали мимо. У Ричарда страшно устали ноги и болели глаза, но он еще пытался убедить себя, что все будет в порядке, начнется новый, нормальный понедельник, самый обычный, *настоящий*.

Добравшись до дома, Ричард набрал ванну, разделся, бросил одежду на кровать и, пройдя голым через всю квартиру, опустился в приятную горячую воду. Он уже почти заснул, когда услышал, как в замке повернулся ключ, входная дверь открылась, потом закрылась, и мужской голос сказал:

— Разумеется, вы первые, кому я показываю эту квартиру, однако поверьте, у меня длиннный список желающих здесь поселиться.

— А она совсем не такая большая, как выглядит в проспектах, которые вы нам прислали, — послышался женский голос.

— Да, она такая… компактная. И лично я считаю, что это большой плюс.

Ричард не запер дверь в ванную. С какой стати? Ведь он жил один.

Хриплый и сердитый мужской голос сказал:

— Насколько я помню, вы говорили, что квартира не обставлена. Это вы называете не обставлена? Да она буквально забита мебелью!

— Вероятно, предыдущий жилец еще не все увез. Странно, что мне об этом не сообщили.

Ричард встал, но тут же вспомнив, что он не одет, и сообразив, что эти люди могут в любую минуту войти в ванную, снова сел и принялся лихорадочно оглядываться в поисках полотенца.

— Ой, Джордж, гляди! — вдруг сказала женщина в гостиной. — Кто-то забыл на стуле полотенце.

Ричард стал искать что-нибудь, что могло бы заменить полотенце: губка? Полбутылки шампуня? Желтая резиновая уточка?

— Не могли бы вы показать нам ванную? — по-

просила женщина.

Ричард прикрылся какой-то мокрой тряпкой, вжался в стену и приготовился к самому худшему. Дверь распахнулась. В ванную вошли трое: молодой парень в пальто из верблюжьей шерсти и супружеская пара средних лет. Должно быть, они смутятся не меньше, чем я, подумал Ричард.

— Маленькая, — проворчала женщина.

— Компактная, — поправил тип в верблюжьем пальто. — Зато ее легче убирать.

Дама провела пальцем по краю раковины и поморщилась.

— Я думаю, мы все посмотрели, — заявил мужчина.

Они вышли.

— Квартира, конечно, небольшая, но это даже *хорошо*, — сказала женщина. Потом они стали тихо переговариваться. Ричард выбрался из ванны и подкрался к двери. Заметив полотенце, по-прежнему висевшее на спинке стула, он подался вперед и схватил его.

— Мы согласны, — объявила женщина.

— Правда? — уточнил тип в пальто.

— Да. Это именно то, что нам нужно, — ответила дама. — Сейчас, правда, в квартире много чужих вещей, но мы тут обустроимся, и станет

вполне уютно. Мы можем въехать в среду?

— Разумеется! Завтра же вывезем отсюда весь этот хлам.

Замерзший, мокрый, в одном полотенце на бедрах, Ричард гневно посмотрел на них с порога ванной.

— Это не хлам, — сказал он. — Это мои вещи!

— Хорошо, тогда мы возьмем ключи в агентстве.

— Простите, — жалобно промямлил Ричард, — но я здесь живу!

Все трое прошли мимо него к входной двери.

— С вами очень приятно иметь дело, — сказал парень в пальто.

— Неужели вы… неужели никто меня не слышит?! Это моя квартира. Я здесь живу!

— Условия контракта можете прислать по факсу… — сказал сердитый мужчина, дверь за ними захлопнулась, и наступила тишина.

Дрожа от холода, Ричард так и остался стоять посреди квартиры, которую он еще недавно считал своей.

— Этого просто не может быть! — сказал он в пустоту, упрямо отказываясь верить в очевидное.

Тут затрещал Бэтмобиль, весело мигая фарами. Ричард робко взял трубку:

— Алло!

В трубке что-то зашипело, потом послышался громкий треск, словно звонили откуда-то издалека. Наконец раздался незнакомый голос:

— Мистер Мэхью? Это Ричард Мэхью?

— Да, — отозвался Ричард, а потом с облегчением добавил: — Вы меня слышите! Ну слава богу! Кто это?

— Мы с моим партнером имели честь разговаривать с вами в воскресенье, мистер Мэхью. Я пытался выяснить, не знакомы ли вы с некоей молодой леди. Помните? — голос был приторно-сладкий, мерзкий, хитрый.

— Ах, да. Помню. Это вы.

— Мистер Мэхью, вы сказали, что Двери у вас нет. Однако у нас есть основания полагать, что вы существенно исказили истину.

— Ну и что? А *вы* сказали, что вы ее брат.

— Все люди братья, мистер Мэхью.

— Ее здесь больше нет. И я понятия не имею, где она.

— Знаем, мистер Мэхью. Нам отлично известно и то и другое. Честно говоря, мистер Мэхью, — насколько я понимаю, вы теперь не против того, чтобы говорить честно, верно? — я бы посоветовал вам забыть об этой девушке. Жить ей осталось

считанные дни, и, уж поверьте, чтобы сосчитать их, можно обойтись без двузначных чисел.

— Зачем вы мне звоните?

— Мистер Мэхью, — вежливо сказал мистер Круп, — вы когда-нибудь пробовали печень? Свою печень? — Ричард промолчал. — У вас будет такая возможность. Мистер Вандемар пообещал собственноручно извлечь ее и засунуть вам в глотку, прежде чем он перережет вашу тощую шею. Так что вы ее наверняка попробуете.

— Не смейте мне угрожать, я позвоню в полицию!

— Мистер Мэхью, вы вольны звонить куда хотите. Но напрасно вы думаете, что мы вам угрожаем. Ни я, ни мистер Вандемар никогда никому не угрожали, — не правда ли, мистер Вандемар?

— Да ну! А что же вы тогда сейчас *делаете*?

— Даем вам обещание, которое исполним, когда придем, — донеслось до Ричарда сквозь невыносимый треск, эхо и шипение. — Кстати, мы прекрасно помним, где вы живете! — На этом мистер Круп повесил трубку.

Ричард сжал в руке Бэтмобиль, пристально посмотрел на него, потом быстро набрал «999» — пожарные, полиция, «скорая помощь».

— Вы позвонили в службу спасения, — сказал

оператор. — С кем вас соединить?

— Соедините меня, пожалуйста, с полицией. Меня только что угрожали убить, и я думаю, что они не шутят.

Оператор долго молчал. Ричард надеялся, что сейчас его переключат на полицию. Через некоторое время оператор повторил:

— Алло! Это служба спасения. Алло! Вы меня слышите? Алло!

Ричард повесил трубку, прошел в спальню и оделся, потому что был совсем голый и страшно замерз, и очень испугался, и совсем не знал, что ему теперь делать.

* * *

В конце концов он вытащил из-под кровати черную спортивную сумку и бросил в нее носки, трусы, пару футболок, паспорт, бумажник. Натянул на себя джинсы, толстый свитер и кроссовки. Ему вспомнилось, как девушка по имени Дверь прощалась с ним. Как она помолчала, как сказала «прости»…

— Ты знала, — сказал он пустой квартире. — Ты знала, что со мной произойдет.

Он пошел на кухню, взял из вазы несколько бананов, положил в сумку, застегнул ее и вышел

на темную улицу.

* * *

С тихим жужжанием карточка скрылась в слоте банкомата. На экране высветилось: «ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПИН-КОД». Ричард быстро ввел свой пин-код (Д-И-К). Экран погас. Потом появилась надпись: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ», и экран снова погас. В автомате что-то заворчало и зарокотало.

«ДОСТУП ЗАКРЫТ. ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИТЕСЬ В КОМПАНИЮ, ВЫДАВШУЮ КРЕДИТНУЮ КАРТУ». Послышался громкий лязг, и карточка вылезла из слота.

— Не найдется пары монет? — устало протянул кто-то за спиной у Ричарда.

Он обернулся: позади стоял невысокий, лысый старик со спутанной желтовато-седой бородой и глубокими морщинами, избороздившими грязное лицо. Грязное пальто поверх рваного темно-серого свитера. Серые, слезящиеся глаза.

Ричард протянул незнакомцу свою кредитку.

— Вот, возьмите, — сказал он. — На ней полторы тысячи фунтов. Может, вам повезет больше, и вы сумеете до них добраться.

Мужчина взял карточку своими черными от

грязи пальцами, посмотрел на нее, перевернул и сказал:

— Ну спасибо. Если дашь еще шесть пенсов, я смогу купить себе чашку кофе, — он вернул Ричарду карточку и пошел прочь.

Схватив сумку, Ричард быстро догнал старика и сказал:

— Постойте! Так вы меня видите?

— Конечно, вижу! *Я* же не слепой, — отозвался нищий.

— А вы случайно не знаете, где находится некий Плавучий рынок? — спросил Ричард. — Мне очень нужно туда попасть. Девушка по имени Дверь…

Но старик не дал ему договорить — он испуганно попятился.

— Прошу вас, помогите, — сказал Ричард. — Ну пожалуйста!

Нищий смотрел на него без всякого сочувствия. Ричард вздохнул:

— Что ж, ладно. Простите, что побеспокоил.

Отвернувшись, он крепко сжал ручку спортивной сумки, чтобы старик не увидел, как дрожат руки, и пошел по Хай-стрит.

— Постой! — прохрипел вдруг нищий. Ричард оглянулся. Старик помахал ему рукой. — Иди

сюда, да поживей.

Нищий повел его к одному из обветшалых домов, — лестница, которая вела к заброшенным квартирам в подвалах, была сплошь засыпана мусором. Открыв дверь внизу, старик подождал, пока Ричард зайдет, а потом запер ее у него за спиной. Они оказались в кромешной тьме. Послышался шорох, и Ричард увидел в руке у нищего горящую спичку, которую тот поднес к фитилю старого железнодорожного фонаря. Фонарь давал света не намного больше спички. Старик повел Ричарда куда-то в темноту.

Воздух здесь был затхлый, пахло сыростью и старыми кирпичами.

— Где мы? — прошептал Ричард, но старик шикнул на него, приказывая молчать.

Вскоре они добрались до еще одной двери. Старик постучал условным стуком, и через некоторое время дверь распахнулась.

В первую секунду Ричарда ослепил свет. Он оказался в огромном сводчатом помещении — подземном зале, — наполненном ярким красноватым светом и дымом. Там горели небольшие костры. Возле них стояли люди, лица которых невозможно было различить в полумраке зала, — и жарили мясо на вертелах. Другие сновали

между кострами. Ричарду показалось, что он попал в ад, — по крайней мере, именно таким ад представлялся ему в детстве. У него запершило в горле от дыма, и он закашлялся. Тотчас же на него уставились сотни глаз, которые смотрели холодно и недружелюбно.

К Ричарду и старику подскочил какой-то человек. Длинноволосый, с клочковатой каштановой бородой, в рваной одежде, отороченной мехом, — оранжево-бело-черным, как у леопарда. Он был явно выше Ричарда, но сильно сутулился, а руки держал у груди, скрючив пальцы на манер какого-нибудь грызуна.

— Это еще кто такой? Кто такой? Кто? — спросил он у нищего. — Кого это ты привел к нам, Илиастер? Скажи-скажи-скажи.

— Он из Верхнего мира, — ответил старик (*Илиастер*? — подумал Ричард). — Все выспрашивал про леди Дверь. И про Плавучий рынок. Вот я привел его к вам, предводитель крыситов. Вы наверняка знаете, что с ним делать.

Их окружили уже человек десять — все в отороченной мехом одежде, мужчины и женщины, даже дети. Они передвигались довольно странно, мелкими перебежками, — замирали на секунду, а потом бросались вперед, к Ричарду.

Порывшись в своем меховом тряпье, предводитель крыситов достал большой, дюймов восемь длиной, осколок стекла, один конец которого был обмотан обрывками меха, так что осколок напоминал острый кинжал с рукояткой. В стеклянном клинке отражался огонь костров.

Предводитель приставил осколок к горлу Ричарда.

— О, да. Да-да-да, — весело пропищал он. — Я *отлично* знаю, что с ним делать.

Глава IV

Мистер Круп и мистер Вандемар обосновались в больнице, построенной в викторианскую эпоху и закрытой десять лет назад в связи с сокращением финансирования. Застройщик, обещавший превратить это здание в великолепный многоквартирный дом класса «люкс», исчез, как только больница закрылась, и с тех пор вот уже сколько лет мрачное, заброшенное сооружение с заколоченными окнами и навесными замками на дверях стояло бесхозным. Крыша прохудилась, дождевая вода стекала на пол, и здесь воцарились вечная сырость и запустение. Из внутреннего дворика просачивался тусклый, серый свет.

В верхних этажах были заброшенные палаты, а в подвале — сотни комнатушек, одни из которых стояли совсем пустые, а в других громоздилось ржавеющее оборудование. Одну из них почти целиком занимала квадратная металлическая печь, а по соседству располагались неработающие туалеты и душевые. Повсюду стояли грязные лужи, и в них отражалась эта безрадостная картина.

Если спуститься по лестнице и пройти мимо заброшенных душевых и туалетов для персонала

через комнату, усыпанную осколками стекла, где провалился потолок и видно ступеньки этажом выше, можно добраться до ржавой лестницы с отслаивающейся белой краской. А если сойти по ржавым ступеням и пересечь лужу грязной стоялой воды внизу, то за растрескавшейся деревянной дверью вы найдете помещение, в котором на протяжении ста двадцати лет в больнице скапливался всякий хлам. Тут, среди хлама, и обустроились мистер Круп и мистер Вандемар. Вода капала с потолка и сочилась по стенам. В углах что-то догнивало — «что-то», что, возможно, когда-то было живым.

Мистер Круп и мистер Вандемар убивали время. Мистер Вандемар нашел где-то ярко-оранжевую сороконожку восьми дюймов длиной с ядовитыми изогнутыми жвалами и теперь возился с нею. Она крутилась меж его пальцев, залезала в один рукав и выбиралась из другого. Мистер Круп баловался с бритвами. Он обнаружил в углу целую коробку бритв пятидесятилетней давности, обернутых в тонкую пергаментную бумагу, и теперь пытался придумать, что бы такое с ними сотворить.

— Не могли бы вы обратить на меня взор ваших глаз, мистер Вандемар? — промолвил он.

Мистер Вандемар осторожно зажал сороконожку между большим и указательным пальцами и поглядел на мистера Крупа.

Тот, растопырив пальцы, приложил руку к стене. Затем достал четыре лезвия, тщательно прицелился и метнул их в стену одно за другим. Лезвия вонзились в штукатурку между пальцами. Мистер Круп убрал руку, довольный своим представлением — лезвия остались в стене веером, — и повернулся к напарнику.

Мистер Вандемар, однако, не оценил его мастерства.

— И что? Ты же *ни в один* палец не попал!

Мистер Круп вздохнул.

— Да ну? Черт меня подери, ты прав! Как это я мог так опростоволоситься? — Он вытащил лезвия из стены и швырнул их на деревянный стол. — Может, покажешь, как надо?

Мистер Вандемар кивнул. Посадил сороконожку в банку из-под джема, приложил левую руку к стене, а в правую взял нож — острый, длинный, идеально сбалансированный. Прищурился и метнул. Нож просвистел в воздухе — как свистит нож, пущенный с большой силой, — и вонзился в мокрую штукатурку, пригвоздив руку.

Зазвонил телефон.

Мистер Вандемар оглянулся и с самодовольной ухмылкой объявил:

– *Вот* как надо.

В углу стоял старинный телефон с корпусом, выполненным из дерева и эбонита, которым не пользовались с двадцатых годов. Мистер Круп поднес к уху динамик на длинном матерчатом шнуре и, склонившись к аппарату, заговорил в микрофон:

— Круп и Вандемар, «Древнейшая фирма». Устранение препятствий, уничтожение помех, усекновение ненужных конечностей, а также стоматология наоборот к вашим услугам.

Ему что-то сказали. Мистер Круп поморщился. Мистер Вандемар тем временем безуспешно пытался оторвать от стены пригвожденную руку.

— Да, сэр. Разумеется, сэр. Осмелюсь доложить, что телефонные коммуникации с вами воистину скрашивают наши однообразные и безрадостные будни. — Он немного помолчал. — Хорошо, хорошо, никакого подхалимства. Безмерно рад. Такая честь… Что нам известно? — Он умолк, сосредоточенно, с наслаждением поковырял в носу и только потом продолжил: — Нам не известно, где она в данный момент. Но это и не нужно. Сегодня вечером она обязательно появится на

рынке… — Он стиснул зубы. — Нет, мы не собираемся нарушать перемирие. Подождем, пока она покинет рынок, тогда и прикончим…

Он умолк, слушая, что ему говорят, и время от времени кивая.

Мистеру Вандемару между тем все не удавалось выдернуть из стены нож — лезвие вонзилось слишком глубоко.

— Да, это можно устроить, — проговорил мистер Круп. — То есть, мы, *разумеется*, все устроим. Конечно. Да-да. Понимаю. И еще, сэр, может быть, мы могли бы обсудить…

Но его собеседник уже положил трубку. Мистер Круп недоуменно посмотрел на динамик и повесил его на место. — Думаешь, ты один такой умный? — прошипел он. И, заметив, как мистер Вандемар дергается у стены, бросил: — Прекрати!

Он с легкостью извлек из стены лезвие, освободив руку мистера Вандемара, и швырнул нож на стол.

Вандемар потряс рукой, размял пальцы и вытер с лезвия крошки штукатурки.

— Кто это был?

— Босс. Оказалось, с той, другой, ничего не получится. Слишком мала. Так что ему нужна Дверь.

— Значит, ее теперь нельзя убивать?

— О да, друг мой, ты верно резюмировал сказанное нашим достопочтенным работодателем. Кстати, мисс Дверь объявила, что ищет телохранителя. И выберет его на рынке. Сегодня.

— И? — Мистер Вандемар плюнул на рану сначала с одной стороны ладони, потом с другой, и растер слюну большим пальцем. Рана мгновенно затянулась, не осталось даже шрама.

Мистер Круп поднял с пола свой плащ — тяжелый, черный, сильно заношенный — и надел его.

— Ну-с, мистер Вандемар, может, и нам пора нанять себе телохранителя?

Мистер Вандемар спрятал нож в рукав, тоже надел плащ, сунул руки в карманы и с радостью обнаружил в одном из них почти целую мышь. Отлично. Он как раз проголодался. Потом он принялся размышлять над тем, что сказал мистер Круп, тщательно, словно патологоанатом, который препарирует любовь всей своей жизни, и обнаружил в логике напарника серьезный изъян.

— Нам не нужен телохранитель, мистер Круп, — сообщил он. — Нам некого бояться. Это другие боятся нас.

Мистер Круп выключил свет.

— Да что вы, мистер Вандемар?! — медленно проговорил мистер Круп, как всегда, наслаждаясь каждым словом. — Неужели вы хотите сказать, что нам нельзя причинить боль?

Мистер Вандемар несколько секунд раздумывал, а потом ответил четко и ясно:

— Нет.

* * *

— Шпион из Верхнего мира, да? — прошипел предводитель крыситов. — Я выпущу тебе кишки, чтобы предсказать по ним будущее.

— Послушайте, — пробормотал Ричард, прижатый спиной к стене и с кинжалом из стекла у горла. — Вы, вероятно, ошиблись. Меня зовут Ричард Мэхью. Я могу это доказать. У меня есть читательский билет. Есть кредитки. Вещи, — в отчаянии добавил он.

И вдруг обостренным зрением человека, которому какой-то псих собирается перерезать горло, Ричард увидел, что в дальнем конце зала люди падают на колени и склоняют головы в почтительном поклоне, а по полу движется черная тень.

— Если рассуждать здраво, это чистое недоразумение, — проговорил он, сам не очень-то

понимая, что хочет этим сказать. Сейчас он знал только одно: если он что-то говорит, значит, еще жив. — Почему бы вам не убрать свой кинжал… Постойте! Это моя сумка! — закричал он, увидев, как худенькая нечесаная девушка лет восемнадцати схватила его сумку и принялась вытряхивать на пол вещи.

Один за другим люди падали на колени — черная тень приближалась и вскоре добралась до тех, кто окружал Ричарда. Впрочем, они этого не заметили, потому что смотрели только на него.

Черная тень при ближайшем рассмотрении оказалась крысой. Она с любопытством разглядывала Ричарда. И ему на секунду показалось — хотя, разумеется, это был полный бред, — что крыса ему *подмигнула*. А потом она вдруг громко запищала.

Человек с кинжалом рухнул на колени. Так же, как и остальные. Секунду подумав, их примеру последовал и бродяга, которого тут называли Илиастер. Ричард остался стоять, но худенькая девушка потянула его за рукав, и он тоже опустился на колени.

Предводитель крыситов поклонился так низко, что его длинные волосы коснулись пола, и запищал, зацокал, защелкал, морща нос и обнажая

зубы, словно и сам тоже был огромной крысой.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь… — начал Ричард, но девушка шикнула:

— Тихо!

Крыса забралась в грязную ладонь предводителя крыситов — с некоторой брезгливостью, как показалось Ричарду, — и тот поднес ее к самому его лицу. Крыса медленно поводила хвостом, всматриваясь ему в глаза.

— Это господин Долгохвост из клана серых, — сообщил предводитель крыситов. — Он говорит, что уже видел тебя. И спрашивает, встречались ли вы раньше?

Ричард и крыса с минуту изучали друг друга.

— Может быть.

— Он говорит, что передавал тебе сообщение от маркиза Карабаса.

Ричард присмотрелся.

— А, так это *тот самый* крыс? Да, мы встречались. Я швырнул в него пультом от телевизора.

Окружающие в ужасе переглянулись. Девушка взвизгнула.

Но Ричарду было не до них. Слава богу, хоть кто-то знакомый в этом хаосе.

— Привет, крысунчик. Рад тебя видеть. Ты не знаешь, где Дверь?

— Крысунчик! — то ли всхлипнула, то ли пискнула девушка. К ее лохмотьям был прицеплен потертый красный значок, какие бывают прикреплены к открыткам. На нем желтыми буквами было написано: «Мне 11».

Предводитель крыситов угрожающе помахал перед носом Ричарда кинжалом.

— Обращаться к господину Долгохвосту только через меня, понял? — Крыс что-то пропищал, и предводитель поморщился. — Его? — переспросил он, брезгливо косясь на Ричарда. — У меня нет лишних людей. Лучше я перережу ему горло и отправлю к жителям канализации…

Крыс снова что-то пропищал, на этот раз сердито, а потом спрыгнул с руки предводителя на пол и исчез в дыре в плинтусе.

Предводитель встал. Сотни глаз обратились на него. Он повернулся к своим немытым подданным, сгрудившимся у костров.

— Чего уставились? — рявкнул он. — Кто будет следить за мясом? Хотите, чтобы все подгорело? Нет тут ничего интересного. Займитесь своими делами. И ты вставай, чего ждешь? — Ричард обеспокоенно поднялся с колен. Левая нога у него затекла, и он принялся ее растирать. Предводитель повернулся к Илиастеру: — Надо отвести его

на рынок. Приказ господина Долгохвоста.

Илиастер покачал головой и сплюнул.

— Я не поведу, — сказал он. — Это уже слишком. Вы, крыситы, всегда мне помогали, но я не могу его отвести. Вы же знаете.

Предводитель кивнул, убрал кинжал под шубу, а потом повернулся к Ричарду и оскалился, обнажив желтые зубы.

— Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

— Нет, я знаю, — пробормотал Ричард.

— Не знаешь, — отрезал предводитель. — Ничего ты не знаешь. — Он тряхнул головой и удивленно повторил: — Надо же, «крысунчик»!

Затем взял под руку Илиастера и отвел в сторонку. Они о чем-то шептались, то и дело косясь на Ричарда.

Девушка тем временем ела банан, который нашла в сумке. Ричард подумал, что трудно себе представить менее эротичное поедание банана.

— Это был мой завтрак, — сообщил он. Она виновато глянула на него. — Меня зовут Ричард. А тебя?

Он вдруг понял, что она успела съесть все бананы, которые он взял с собой. Проглотив последний кусок, она пробормотала что-то похожее

на «Анестезия» и добавила:

— Мне есть хотелось.

— Но я-то тоже хочу есть!

Она поглядела на костры и улыбнулась Ричарду.

— Кошек любишь?

— Ну, в общем, да. Я люблю кошек.

Анестезия облегченно вздохнула.

— Бедрышко или грудку?

* * *

Дверь шла через двор. За ней шагал маркиз Карабас. В Лондоне сотни таких дворов, закутков и проулков — островков старины, которые ничуть не изменились за последние триста лет. Даже запах мочи здесь стоит точно такой же, как во времена Сэмюэла Пипса[184]. До рассвета был еще час, но небо уже начало светлеть и сделалось тускло-свинцовым. В воздухе висели клочья тумана, похожие на привидения.

Грубо заколоченная дверь была обклеена плакатами, рекламировавшими всеми забытые музыкальные группы и давно закрывшиеся ноч-

---

[184] notes: 184

Сэмюэл Пипс (1633–1793) — английский чиновник, автор дневника, посвященного жизни лондонцев.

ные клубы. Маркиз скептически уставился на потертые доски, ободранные плакаты и кривые гвозди — впрочем, он всегда и на все смотрел скептически.

— Это и есть вход? — спросил он.

Дверь кивнула:

— Один из входов.

Маркиз сложил руки на груди.

— Ну. Скажи ей: *Сезам, откройся!* — или что ты там говоришь.

— Я не хочу идти туда. Мне кажется, мы совершаем ошибку.

— Хорошо. Тогда до встречи. — Он резко развернулся и пошел прочь.

Дверь схватила его за рукав.

— Вы меня бросаете? Вот так просто?

Он улыбнулся холодной официальной улыбкой.

— Конечно. Я занятой человек. Меня ждут дела, меня ждут люди.

— Нет, подождите. — Она отпустила его и прикусила губу. — Последний раз я была там, когда… — она не закончила.

— Когда была там последний раз, ты обнаружила, что всех твоих родных убили. Да, я это уже понял. Ты говорила. Но если мы туда не идем, я

считаю, что наше сотрудничество закончено.

Она подняла на него глаза. Ее лицо казалось совсем бледным в этот серый предрассветный час.

— И это все?

— Ну, я мог бы пожелать тебе удачи в будущем. Однако, полагаю, ты до этого будущего не доживешь.

— Вы человек дела, да?

Он промолчал. Она вернулась в двери.

— Ладно. Я проведу вас.

Девушка положила левую руку на заколоченную дверь, а правой взяла за руку маркиза. Ее тонкие пальчики потерялись в его огромной коричневой ладони. Она закрыла глаза.

…Что-то зашептало, задрожало, изменилось…

…Дверь исчезла во тьме…

* * *

Воспоминания были совсем свежими. Всего несколько дней прошло с тех пор, как она шла по Дому без Дверей и кричала: «Эй? Где вы?». Переходила из холла в столовую, библиотеку, гостиную — никого.

Она отправилась дальше. Бассейн был викторианский, отделанный мрамором, с чугунными украшениями. Отец нашел его очень давно. Бас-

сейном никто не пользовался и его собирались снести, а отец включил его в Дом без Дверей. Может быть там, в Верхнем Лондоне, эта комната давно исчезла и даже память о ней стерлась. Дверь понятия не имела, где физически находятся комнаты ее дома. Собирать его начал дедушка — медленно, по одной комнате. Он выискивал их по всему Лондону и незаметно присоединял к дому, в котором не было ни одной двери. Его труд продолжил отец.

Она шла вдоль бассейна, радуясь, что снова оказалась дома, и удивляясь, куда все подевались. А потом посмотрела на воду.

В бассейне плавало тело. Два красных облака расплылись от его горла и живота. Это был ее брат Арк. Глаза у него были открыты, но он уже ничего не видел. Она вдруг поняла, что громко кричит.

* * *

— Больно, — пожаловался Маркиз, с силой потирая лоб. Затем дважды крутанул головой, разминая шею.

— Это воспоминания, — объяснила Дверь. — Стены все впитывают.

Он удивленно вскинул бровь:

— Могла бы предупредить.

— А, ну да.

Они стояли в белоснежном зале. Все стены были увешаны картинами, изображавшими разные комнаты. В зале не было ни одной двери, никакого выхода.

— Любопытный декор, — заметил Маркиз.

— Это центральный зал. Отсюда мы можем попасть в любую комнату. Они все сообщаются между собой.

— А где остальные комнаты?

Она покачала головой.

— Не знаю. Может быть, за несколько миль отсюда. Они разбросаны по всему Нижнему миру.

Маркиз принялся нетерпеливо расхаживать по залу.

— Занятно. Этакий сложносочиненный дом, комнаты со всех уголков Лондона. Оригинально. Знаешь, Дверь, твой дедушка был с фантазией.

— Я его не знала. — Она сглотнула и добавила, скорее сама себе, чем маркизу: — Казалось, здесь мы в безопасности, нам ничто не угрожает. Ведь сюда никто не может попасть, кроме членов нашей семьи.

— Остается надеяться, что дневник твоего отца хоть немного прольет свет на то, что случилось, —

проговорил Маркиз. — Где будем искать? — Дверь пожала плечами. — Ты точно знаешь, что он вел дневник?

Девушка кивнула.

— Он уходил в кабинет и блокировал все связи до тех пор, пока не закончит надиктовывать.

— Тогда начнем с кабинета.

— Но там я уже искала. Честное слово. Я все *обшарила* еще тогда, когда… убирала тело… — Она заплакала, тяжело и надрывно, словно рыдания прорывались из самой глубины души.

— Ну, ну, — маркиз Карабас неловко похлопал ее по плечу. — Ну-ну, — добавил он на всякий случай. Он не очень-то умел утешать.

Глаза Двери были полны слез.

— Вы… можете подождать… минутку? Я скоро приду в себя.

Он кивнул и отошел в другой конец зала, а через некоторое время обернулся. Она все так же стояла, обхватив себя руками, и плакала отчаянно, навзрыд, как маленькая девочка, — крошечная фигурка на фоне белой стены, увешанной картинами.

* * *

Ричард все еще горевал по утраченной сумке.

Но предводитель крыситов был неумолим. Он заявил, что господин Длиннохвост не говорил, что надо вернуть вещи, — только велел отвести Ричарда на рынок, и сообщил Анестезии, что именно она поведет чужака: «Да, это приказ. И хватит хныкать. Собирайся». Еще он предупредил Ричарда, чтобы тот держался от него подальше, и добавил, что тому страшно повезло. А потом, не обращая внимания на просьбы вернуть сумку или хотя бы бумажник, выпроводил Ричарда и Анестезию за дверь и запер ее.

Они тронулись в путь в темноте.

Анестезия несла самодельную лампу: жестяная банка, свеча, проволока и стеклянная бутылка из-под лимонада с широким горлом. Ричард удивился, как быстро его глаза привыкли к полумраку. Они шли через какие-то подвалы и погреба. Иногда ему казалось, что в углах кто-то шевелится — то ли крыса, то ли человек, то ли еще кто. Но каждый раз, когда они добирались до угла, там уже было пусто. Он спросил у Анестезии, что это, но она велела ему помалкивать.

Вдруг он ощутил поток воздуха. Ни слова не

говоря, Анестезия опустилась на корточки, поставила на пол лампу и с силой дернула вделанную в стену решетку. Решетка неожиданно подалась, и девушка растянулась на земле. Она махнула Ричарду, и он пролез в дыру в стене. Однако, не продвинувшись и на фут, Ричард почувствовал, что пол обрывается.

— Послушай, — прошептал он, — тут внизу тоже дыра.

— Ничего, падать невысоко.

Она пролезла в дыру, закрыла за собой решетку и оказалась вплотную к Ричарду. Он смутился.

— Держи! — Она протянула ему лампу и соскользнула в темноту. — Ну вот, видишь, совсем не страшно! — Ее голова была на несколько футов ниже его болтающихся ног. — Давай лампу.

Он наклонился и протянул ей самодельную лампу. Девушке пришлось подпрыгнуть, чтобы ее забрать.

— Ну, — прошептала она, — теперь ты.

Ричард осторожно свесился через край, соскользнул вниз и повис на руках. Повисев несколько секунд, он разжал ладони и шлепнулся в мягкую жидкую грязь. Пока он вытирал руки о свитер, Анестезия прошла вперед и открыла еще одну дверь. Ричард поспешил к ней, они выбра-

лись в какой-то туннель, и девушка закрыла за ними дверь.

— Все, теперь можно говорить, — сказала она. — Только не слишком громко. Если хочешь.

— Это хорошо, — обрадовался Ричард и тут же обнаружил, что не знает, о чем ее спросить. — Так, значит, ты крыса?

Девушка тонко захихикала и, как маленькая японка, прикрыла рот ладошкой.

— Не-а. Я была бы счастлива, будь я крысой, но увы… — она покачала головой. — Нет, мы крыситы, мы говорим с крысами.

— Говорите? В смысле, просто болтаете?

— Что ты?! Мы выполняем их поручения. Дело в том, — она понизила голос и заговорила так, будто сообщала нечто совершенно невероятное: — что крысы *не все могут*. Понимаешь? Потому что у них нет пальцев, нет рук и все такое. Погоди… — Она прижала Ричарда к стене, зажала ему рот грязной ладошкой и задула свечу.

Сначала ничего необычного не происходило.

Потом издалека донеслись голоса. Ричард и Анестезия ждали в темноте. Он дрожал от холода и сырости.

Мимо, негромко переговариваясь, прошли какие-то люди. Когда все стихло, Анестезия убра-

ла ладошку, зажгла свечу, и они отправились дальше.

— Кто это был? — спросил Ричард.

Она пожала плечами.

— Не знаю. Это не важно.

— Тогда с чего ты взяла, что лучше не показываться им на глаза?

Она посмотрела на него с грустью, как смотрит мать, пытающаяся объяснить ребенку, что *любой* огонь жжется. «Да, и *этот* тоже. Уж поверь мне».

— Идем, — сказала девушка. — Мы можем срезать путь через Верхний Лондон.

Они поднялись по каменным ступеням, и Анестезия открыла дверь. Они вышли на улицу, и дверь мягко за ними закрылась.

Ричард потрясенно огляделся. Они стояли на северном берегу Темзы, на набережной Виктории длиной в несколько миль, которую построили в викторианскую эпоху, скрыв под ней безобразные канализационные стоки и недавно открывшуюся линию метро — «Дистрикт-лайн», — и навсегда устранив грязную приливную полосу, отравлявшую своей вонью Лондон на протяжении предыдущих пятисот лет. Была ночь — все та же или уже следующая, Ричард не знал. В этих

темных туннелях он потерял счет времени.

Ночь была безлунной, но в небе сухо поблескивали осенние звезды. Сияли фонари, окна в домах и огни на мостах, отражаясь, как и ночное небо, как и весь город, в темной воде Темзы, и казалось, что эти огоньки тоже звезды, только обреченные сиять на земле. *Волшебная страна*, подумал Ричард.

Анестезия задула свечу, и Ричард спросил:

— Ты уверена, что нам сюда?

— Конечно.

Перед ними была деревянная скамейка, при виде которой Ричард понял, что больше всего на свете хочет на нее присесть.

— Давай отдохнем немножко, совсем чуть-чуть.

Девушка пожала плечами, и они сели на разных концах скамейки.

— В пятницу, — проговорил Ричард, — я работал в престижной компании, занимался инвестиционным анализом.

— Что такое инивистиционный…

— Инвестиционный анализ? Это моя работа.

Она кивнула, сочтя такое объяснение достаточным.

— Ясно. И что?

— Ничего. Просто вспоминаю, как это было. А вчера… я как будто перестал существовать. Здесь, наверху, никто меня не замечал.

— А ты и правда перестал для них существовать, — сказала Анестезия.

К ним подошла парочка, медленно прогуливавшаяся по набережной. Мужчина и женщина уселись на скамейку прямо между Анестезией и Ричардом и принялись страстно целоваться.

— Простите, — сказал им Ричард. Мужчина запустил руку под свитер своей подруги и принялся там шарить, как одинокий путешественник, открывший неизведанную землю. — Я хочу, чтобы все было как раньше, — сообщил ему Ричард.

— Я люблю тебя, — сказал мужчина.

— А как же твоя жена?.. — проворковала женщина, облизывая ему щеку.

— Хер с ней.

— А я надеялась, что *он* с тобой, — пьяно захихикала она и стала мять его ширинку.

— Идем, — сказал Ричард. Ему вдруг расхотелось сидеть на скамейке.

Они пошли дальше. Анестезия несколько раз с любопытством оглянулась на парочку, которая постепенно переходила в горизонтальное положение.

Ричард молчал.

— Что-то не так? — спросила девушка.

— Все, — буркнул он. — Ты всегда жила под землей?

— Не-а, я родилась здесь. — Анестезия на секунду умолкла. — Ты что, хочешь узнать, как я оказалась в Нижнем Лондоне? — спросила она, и Ричард с удивлением обнаружил, что ему и в самом деле хотелось бы услышать ее историю.

— Да.

Она повертела кварцевые бусы на шее и сглотнула.

— У меня была мама и еще сестренки-близняшки… — Она вдруг замолчала.

— Продолжай, — подбодрил Ричард. — Мне действительно интересно. Честное слово.

Девушка кивнула. Потом глубоко вдохнула и заговорила, не глядя на него, не поднимая глаз.

— У мамы были я и близняшки, а потом она свихнулась. Однажды я вернулась из школы, а она плакала и кричала, совсем голая. Она все била, тарелки и всякое другое. Но нас она никогда и пальцем не трогала. Никогда. А потом пришла женщина из органов опеки и забрала близняшек, а меня отправили к тетке. Она жила с одним типом. Мне он не нравился. И когда тетки

не было дома… — Она снова смолкла и на этот раз молчала так долго, что Ричард уже подумал, ее рассказ на этом окончится. Однако она продолжила: — Ну, в общем, он меня бил. И… всякое делал. В конце концов я сказала тетке, что он меня бьет, а она сказала, что я лгунья и пригрозила вызвать полицию. Но я говорила правду! И тогда я сбежала. В свой день рождения.

Они дошли до Альберт-бридж — излюбленного туристами моста через Темзу, который соединял Баттерси на юге и Челси со стороны набережной Виктории, — волшебного моста, усыпанного тысячами белоснежных огоньков.

— Мне было некуда идти. Стояли холода. — Она ненадолго задумалась. — Я стала жить на улице. Спала днем, когда было потеплее, а ночью бродила, чтобы согреться. Мне было всего одиннадцать. Я воровала хлеб и молоко, которые оставляют покупателям у дверей. Но мне не нравилось воровать, поэтому я стала болтаться у рынков, жевала гнилые яблоки и разные объедки. А потом я сильно заболела. Я жила тогда под мостом в Ноттинг-хилле. Когда пришла в себя, я уже была в Нижнем Лондоне. Это крысы меня нашли.

— Ты никогда не пыталась вернуться сюда? — спросил он, обводя рукой тихие, уютные дома,

редкие автомобили и припозднившихся прохожих — реальный мир…

Она покачала головой. *Нет, малыш, и этот огонь тоже жжется. Ты сам это поймешь.*

— Это невозможно. Либо один мир, либо другой. Нельзя быть разом и здесь, и там.

* * *

— Простите, я не хотела, — нерешительно проговорила Дверь. Глаза у нее покраснели, и вообще казалось, что она только что отчаянно сморкалась и с остервенением вытирала слезы с глаз и щек.

Маркиз, развлекавшийся тем временем игрой в бабки с помощью монеток и костей, которые таскал в одном из многочисленных карманов своего плаща, поднял голову и холодно на нее посмотрел:

— Да ну?

Она закусила губу.

— Нет. На самом деле мне действительно было это нужно. Потому что я все время убегала и пряталась, так что… у меня даже не было времени, чтобы… — Она не договорила.

Маркиз собрал кости и монетки, убрал их в карман.

— Прошу, — проговорил он и подошел вслед за ней к увешенной картинами стене. Она положила руку на ту, где был изображен кабинет отца, а другую вложила в темную ладонь маркиза.

...Все вокруг расплылось...

* * *

Они поливали цветы в оранжерее. Сначала Порция поливала растение, направляя струю воды под корень и стараясь не забрызгать листья и цветы.

— Поливаем туфельки, а не одежку, — объясняла она младшей дочке.

У Ингресс была своя крошечная леечка, и она этим очень гордилась. Ярко-зеленая железная леечка — точно такая же, как у мамы, только маленькая. Из этой леечки девочка поливала цветок следом за Порцией.

— Поливаем туфельки, — повторила она и рассмеялась — звонким смехом маленькой девочки.

И мама тоже рассмеялась. Она смеялась, пока подлый мистер Круп, резко запрокинув голову и дернув за волосы, не перерезал ей горло от уха до уха.

* * *

— Здравствуй, папа, — тихо сказала Дверь.

Она коснулась бюста отца, провела пальцами по его щеке. У него было худое аскетичное лицо и большая лысина. «Цезарь в роли Просперо», — подумал маркиз Карабас. Его немного подташнивало. Последнее видение оказалось на редкость *неприятным*. Однако… он в кабинете лорда Портико, и *это* сейчас важнее всего.

Маркиз огляделся, внимательно рассматривая все, что было в кабинете: чучело крокодила, подвешенное под потолком, книги в кожаных переплетах, астролябия, вогнутые и выпуклые зеркала, старинные измерительные приборы, на стенах — карты стран и городов, о которых маркиз никогда не слышал, стол, заваленный письмами, написанными от руки. На белой стене у стола — ржаво-красные пятна. На столе рамка с портретом всей семьи. Маркиз поглядел на портрет и задумчиво проговорил:

— Мать и отец, сестра и брат — все мертвы. Как *тебе* удалось выжить?

Дверь убрала руку с бюста отца.

— Просто повезло. Меня не было здесь несколько дней… А вы знали, что на реке Килберн до сих

пор стоят римские легионеры?

Маркиз не знал, и ему это было неприятно.

— Гм… и много их там?

Она пожала плечами.

— Несколько десятков. Это дезертиры из девятнадцатого легиона, кажется. Я не очень хорошо знаю латынь. В общем, когда я вернулась… — Она не договорила. Ее опаловые глаза снова наполнились слезами.

— Возьми себя в руки, — бросил маркиз. — Нам нужен дневник. Мы должны узнать, кто это сделал.

— Но ведь мы и так знаем, — проговорила она, нахмурившись. — Круп и Вандемар…

— Они руки, пальцы. — Он помахал руками у нее перед носом. — А где-то есть голова, которая отдает приказы. Именно голова задумала убить твоих родных и тебя тоже. Кстати, эту парочку не так-то просто нанять. — Маркиз снова огляделся. — Так где дневник?

— Его здесь нет. Я же говорила, что уже искала.

— Странно. А у меня сложилось впечатление, что члены вашего семейства способны открывать двери — как обычные, так и невидимые с первого взгляда.

Она недовольно на него посмотрела, а потом

закрыла глаза, надавила пальцами на переносицу и глубоко задумалась. Маркиз между тем продолжал разглядывать стол лорда Портико: чернильница, шахматная фигурка, игральная кость, золотые карманные часы, перья и…

А вот это любопытно…

Небольшая статуэтка — лежащий вепрь, а может, бык, трудно сказать. Размером с крупную шахматную фигуру. Грубо вырезанная из черного обсидиана. Эта статуэтка что-то ему напоминала, но он никак не мог понять, что именно. Он небрежно взял ее со стола, покрутил, сжал в ладони.

Дверь опустила руку. Вид у нее был смущенный и озадаченный.

— В чем дело? — спросил Маркиз.

— Он здесь.

Она медленно прошла по комнате, склоняя голову то вправо, то влево. Маркиз незаметно опустил статуэтку в карман.

Дверь остановилась у высокого шкафа.

— Тут.

Она протянула руку, внутри шкафа что-то щелкнуло, и сбоку открылась дверца. Девушка наклонилась, вытащила из темноты шар размером с небольшое пушечное ядро и протянула его

маркизу. Шар был сделан из латуни и полированного дерева, и в него были вставлены медные диски и стеклянные линзы. Маркиз взял шар.

— Это он? — Дверь кивнула. — Отлично.

— Не знаю, как я не нашла его раньше, — мрачно проговорила девушка.

— Ну, ты была в таком состоянии… Я так и знал, что дневник здесь. Я почти никогда не ошибаюсь. А теперь… — Он взвесил на руке шар. Полировка блестела, свет играл на медных и стеклянных деталях. Маркиз не любил признавать, что он чего-то не знает, но все же спросил: — И как он работает?

* * *

Анестезия привела Ричарда в парк на южной стороне моста. Они спустились по каменным ступеням, прилепившимся к стене. Девушка зажгла свечу и открыла дверь служебного входа. Ричард прошел за ней. Темнота вновь окружила их. Они опять спускались.

— Есть одна девушка по имени Дверь, чуть помладше тебя. Ты ее знаешь?

— Да, я знаю, кто такая леди Дверь.

— А… из какого она рода?

— Она не из рода. Она из Дома Арков. Ее семья

пользовалась большим уважением.

— Почему «пользовалась»? А теперь?

— Теперь их всех убили.

Да, вспомнил Ричард: маркиз говорил об этом. Дорогу им перебежала крыса. Анестезия остановилась и сделала глубокий реверанс. Крыса замерла.

— Сир, — поклонилась девушка крысе.

— Привет, — сказал Ричард.

Крыса секунду разглядывала их, а потом бросилась вниз по лестнице.

— А какой он, этот Плавучий рынок?

— Он огромный, но мы, крыситы, редко там бываем. Честно говоря… — Анестезия замолчала. — Нет, ты будешь надо мной смеяться.

— Не буду, — пообещал Ричард.

— Я боюсь.

— Боишься? Чего? Рынка?

Ступени кончились. Немного поразмыслив, Анестезия повернула налево.

— Что ты! На рынке действует перемирие. Никто не посмеет причинить кому-то вред, иначе на него ополчится весь Нижний Лондон.

— Тогда чего же ты боишься?

— Пути на рынок. Он каждый раз в новом месте. Он перемещается. А чтобы попасть туда

сегодня, — она нервно теребила кварцевые бусы, — придется пройти очень неприятное место.

Судя по голосу, ей *действительно* было страшно. Ричарду захотелось обнять ее за плечи, но он этого не сделал.

— И где же рынок будет на этот раз? — спросил он.

Она повернулась к нему, отбросила волосы с лица и ответила:

— В Найтсбридже[185].

— В Найтсбридже? — повторил Ричард и невольно расхохотался.

Девушка отвернулась.

— Вот видишь. Я же говорила, что ты будешь смеяться.

* * *

Эти туннели глубоко под землей вырыли в самом начале Второй мировой войны. Здесь были расквартированы тысячи солдат. Мощные насосы поднимали отходы их жизнедеятельности наверх, до уровня канализации. Вдоль

[185] notes: 185

Найтсбридж — фешенебельный район Лондона, получивший название от моста через реку Вестбурн, которая в настоящее время течет под землей.

стен стояли железные койки. Когда-то туннели планировалось включить в систему скоростного метро, но эти планы так и не реализовали. По окончании войны кровати оставили в туннелях и сложили на них картонные коробки, забитые документами и письмами, — скучнейшие секреты, похороненные глубоко под землей и давно позабытые. В связи с кризисом начала 1990-х туннели были окончательно закрыты. Коробки вынесли, чтобы рассортировать документы: что-то отсканировать, а что-то измельчить или сжечь.

В самом глубоком туннеле, под станцией метро «Кэмден-таун», и обосновался Варни. Единственный вход в туннель он завалил железными кроватями, а потом занялся украшением стен. Варни обожал оружие. Он сам его делал из всего, что удавалось найти или украсть. Из автомобильных деталей и обломков всякого оборудования он создавал крючья, ножи, самострелы и арбалеты, баллисты и требушеты, пробивающие стены, копья, мощные дубины и палицы. Они были развешены по стенам и расставлены по углам, создавая более чем негостеприимную атмосферу.

Варни был похож на быка, которому отпилили рога, а потом обрили и густо покрыли татуировками. У него были выбиты все зубы. И еще он

храпел. Керосиновая лампа в изголовье была пригашена. Варни спал на груде тряпья, свистя и пыхтя, а прямо под рукой у него лежал обоюдоострый меч собственного изготовления.

Чья-то рука прибавила в лампе огонь.

Варни схватил меч и вскочил даже быстрее, чем открыл глаза. А потом заморгал, удивленно оглядываясь. В туннеле никого не было. Железные кровати по-прежнему перегораживали вход. Варни уже собрался опустить меч, как вдруг кто-то сказал:

— Эй!

— А?

— Сюрприз! — сказал мистер Круп, появляясь в кругу света.

Варни сделал шаг назад — и очень зря. В висок ему тут же уперлось острие ножа.

— Дальнейшие телодвижения нежелательны, — сообщил мистер Круп. — А то может приключиться досадный инцидент при участии любимого ножичка мистера Вандемара. Смертность от бытовых травм по статистике самая высокая. Правда ведь, мистер Вандемар?

— Мне плевать на статистику, — вяло ответил мистер Вандемар, протянул руку, затянутую в перчатку, отобрал у Варни меч, погнул его и бро-

сил на пол.

— Ну, Варни, как жизнь? — поинтересовался мистер Круп. — Надеюсь, неплохо. А? Ты в отличной форме, бодр, свеж и готов отправиться на рынок? Знаешь, кто мы такие?

Варни кивнул, если можно, конечно, кивнуть не шелохнувшись. Да, он знал, кто такие Круп и Вандемар.

Он незаметно оглядел стены. Вот он, моргенштерн — деревянный шар на цепи, утыканный гвоздями. В самом дальнем конце туннеля.

— Мы тут узнали, что одна известная юная особа собирается сегодня выбрать себе телохранителя. Как ты насчет того, чтобы получить такую работу? — Мистер Круп поковырял в своих гнилых зубах. — Говори прямо.

Усилием мысли Варни снял с крюка моргенштерн. Это был его коронный номер. Теперь осторожно… не торопясь… Он поднял его под самый потолок… А мистеру Крупу сказал:

— Варни — лучший наемник и телохранитель во всем Нижнем мире. Говорят, лучше меня была только Охотница.

Варни придвинул моргенштерн ближе к мистеру Крупу и остановил чуть позади его головы. *Он проломит череп Крупу, а потом займется*

Вандемаром.

Шипастый шар просвистел в воздухе, Варни бросился на землю, избавившись наконец от ножа у виска. Мистер Круп даже не поглядел в сторону орудия. Он просто нереально быстро повернул голову. Моргенштерн пронесся мимо и рухнул на пол, взметнув осколки кирпича и бетона. Мистер Вандемар одной рукой поднял с пола Варни.

— Убить его? — спросил он у напарника.

Мистер Круп покачал головой: *не сейчас* — и сказал Варни:

— Недурно, недурно. Итак, «лучший наемник и телохранитель», мы хотим, чтобы ты сегодня отправился на рынок. И сделал все, что потребуется, чтобы стать личным телохранителем небезызвестной юной особы. А когда ты им станешь — помни: охраняешь ее от всех, кого хочешь, но когда она понадобится нам, ты ее отдашь. Понял?

Варни провел языком по обломкам зубов.

— Хотите меня подкупить?

Мистер Вандемар поднял моргенштерн и принялся не спеша разбирать цепь. Разогнутые звенья одно за другим падали на пол.

Бряк.

— Нет, — сказал мистер Вандемар. *Бряк*. — Мы хотим тебя запугать. — *Бряк*. — И если ты не сделаешь так, как сказал мистер Круп… — *Бряк*. — Мы будем тебя жестоко мучить… — *Бряк* … — очень долго… — *Бряк*. — А потом еще более жестоко убьем.

— Ясно. Значит, мне придется согласиться, так?

— Конечно, — сказал мистер Круп. — Только, увы, никакой компенсации за труд не предполагается.

— Ничего, переживу.

— Отлично. Поздравляем с новой работой.

* * *

Это был великолепный механизм внушительных размеров из полированного дерева — ореха и дуба, — меди, латуни, стекла и резной слоновой кости. Тут были зеркала и кварцевые призмы, медные шестеренки и пружины. Весь прибор был больше, чем широкоэкранный телевизор, хотя сам экран — всего шесть дюймов. Перед экраном располагалось увеличительное стекло. Сбоку приделан латунный рожок, вроде слухового, или раструба старинного граммофона. Все вместе напоминало телевизор и видеомагнитофон, какими

они могли бы быть, если бы их изобрел триста лет назад Исаак Ньютон. Впрочем, так оно и было.

— Смотрите, — сказала Дверь и положила деревянный шар на подставку. На самом аппарате и на шаре зажглись огоньки, шар начал вращаться.

На крошечном экране вспыхнуло яркое цветное изображение — и появилось аристократическое лицо лорда Портико. Словно из глубины времен послышался голос, который изредка прерывало потрескивание.

— …что эти два мира так близки и в то же время так далеки друг от друга, — говорил он. — Там наверху — хозяева жизни, а здесь, внизу, — мы, те, кто из нее выпал.

Дверь с каменным лицом смотрела на экран.

— …Однако, — продолжал ее отец, — я совершенно уверен, что именно наша разобщенность разъедает Нижний мир. Система ленов глупа и бессмысленна.

Лорд Портико был в потертом сером смокинге и шапочке вроде кардинальской. Трудно было поверить, что запись сделана несколько недель назад. Казалось, его голос летит через столетия.

Лорд кашлянул.

— И не я один так считаю. Есть те, кто хочет

сохранить статус-кво. Есть такие, кто хочет углубить разобщенность, но есть и другие, которые…

— Нельзя ли все это пропустить? — спросил маркиз. — Можешь найти последнюю запись?

Дверь кивнула. Нажала на рычажок из слоновой кости, и картинка расплылась, смазалась, а когда снова стала четкой, лорд Портико был уже без шапочки и не в смокинге, а в длинном плаще. На голове у него кровоточила рана. Теперь он не сидел, вальяжно развалившись в кресле, а склонился к прибору и говорил торопливо, почти шепотом:

— Не знаю, кто найдет мой дневник, не знаю, кто увидит эту запись. Но, кто бы ты ни был, пожалуйста, передай ее моей дочери Двери, если она выживет… — Послышался треск, изображение на секунду пропало. — Дверь, девочка моя, все очень плохо. Не знаю, сколько у меня времени. Они скоро и до этой комнаты доберутся. Кажется, мою Порцию и твоих брата и сестру — всех убили, — звук стал нечетким, картинка дрожала.

Маркиз бросил взгляд на Дверь. По ее лицу текли слезы, но она словно не замечала, что плачет, не пыталась смахнуть их, а только неотрывно смотрела на своего отца и внимательно вслушивалась в его слова.

Трррр. Щелк. Хррр.

— Послушай меня, дочка, — говорил отец. — Иди к Ислингтону… Ислингтону можно верить… Ты должна ему верить… — Изображение стало мутным. Кровь текла со лба лорда Портико, заливая глаза. Он отер кровь и продолжил: — Дверь! Отомсти за нас. Отомсти за свою семью.

Послышался громкий удар. Портико покосился куда-то вбок, испуганно, затравленно.

— Что такое? — пробормотал он и вышел за пределы экрана.

Некоторое время экран показывал только стол на фоне белой стены. Вдруг в стену ударила яркая струя крови. Дверь быстро нажала на рычажок, экран погас, и она отвернулась.

Маркиз протянул ей носовой платок.

— На.

— Спасибо. — Она вытерла слезы и громко высморкалась. А потом проговорила, глядя в пустоту: — Ислингтон.

— Никогда не имел с ним дела, — сообщил Маркиз.

— Я думала, его не существует. Что это только легенда…

— Отнюдь, — маркиз взял со стола золотые часы и открыл крышку. — Славная работа, — за-

метил он.

Дверь кивнула.

— Это часы моего отца.

Маркиз захлопнул крышку.

— Пора отправляться на рынок, а то опоздаем. Время работает против нас.

Она снова высморкалась, сунула руки в карманы куртки и повернулась к маркизу. Ее многоцветные глаза ярко горели, брови были сурово сдвинуты.

— Вы в самом деле думаете, что мы сможем найти телохранителя, способного справиться с Крупом и Вандемаром?

Маркиз улыбнулся, блеснули белоснежные зубы.

— Справиться с этими господами? Нет! Со времен Охотницы никто даже и не пытается. Я надеюсь, что мы найдем такого телохранителя, который отвлечет на себя их внимание и даст тебе время сбежать.

Он пристегнул цепочку к жилету и опустил часы карман.

— Что вы делаете? Это же часы моего отца!

— Ну, они же ему больше не нужны, разве не так? — Маркиз поправил цепочку. — Смотри. По-моему, очень элегантно.

Маркиз с интересом наблюдал, как отчаяние на лице девушки сменяет ярость. Дверь успокоилась и безучастно произнесла:

— Нам пора.

* * *

— До моста уже недалеко, — сказала Анестезия.

Ричард облегченно вздохнул. Они истратили две свечи, и теперь горела третья. В голове не укладывалось, что они все еще под Лондоном. Казалось, они должны быть где-то на полпути в Уэльс.

— Мне так страшно! — продолжала девушка. — Я никогда раньше не была на мосту.

— Ты говоришь, что бывала на рынке, — удивился Ричард.

— Это же *Плавучий* рынок! Я ведь говорила. Он «плавает», перемещается. Он всегда в разных местах. Последний раз, когда я ходила на рынок, это было в такой большой башне с часами. Большой… кто-то там. А в другой раз…

— Биг Бен[186]?

— Да, кажется. Прямо внутри часов, там, где огромные шестеренки. Бусы, кстати, оттуда, — девушка приподняла бусы, и кварцевые шарики заискрились в свете свечи. Она улыбнулась, как ребенок, и спросила: — Нравится?

— Да, очень красиво. Дорогие?

— Я их кое на что сменяла. Здесь, внизу, нет денег. Мы просто меняемся.

Тут они вышли из-за угла и увидели мост. Ричард подумал, что так мог бы выглядеть один из мостов через Темзу пятьсот лет назад — огромный каменный мост, перекинутый над черной бездной, — под ним не было воды, над ним не было неба. Все тонуло во мраке. *Интересно, кто его построил... и когда?* — подумал Ричард, подивившись, что такой огромный мост стоит себе под городом, и никто об этом не знает. У него вдруг засосало под ложечкой, и он понял, что тоже отчаянно напуган.

— А нам обязательно идти через мост? — спросил он. — Неужели нет другого пути?

Они остановились.

---

[186] notes: 186

Название самой знаменитой английской башни с часами — Биг Бен (Большой Бен) — по одной из версий, происходит от имени члена Парламента, толстяка сэра Бенджамина Холла.

— Есть. Но тогда рынка там не будет.

— Как это? Что за бред? Если в каком-то месте что-то есть, то оно там есть, разве не так?

Анестезия только молча покачала головой.

Сзади послышались голоса. Кто-то толкнул Ричарда, и он шлепнулся на землю. Обернувшись, он увидел огромного человека, покрытого примитивными татуировками, в одежде, которая, казалось, была сшита из автомобильных чехлов и ковриков. Он равнодушно смотрел на Ричарда. Позади толпились люди, человек десять — мужчины и женщины, одетые так, будто собрались на деревенский маскарад.

— Ты стоял у меня на пути, — проговорил Варни. Настроение у него было паршивое. — А я этого не люблю.

Как-то раз, в детстве, Ричард шел из школы и увидел в канаве крысу. Заметив его, крыса поднялась на задние лапы и угрожающе зашипела. Тогда он отошел подальше, удивляясь, как такое маленькое создание не боится постоять за себя — ведь он по сравнению с ней просто огромный. А сейчас Анестезия встала между ним и Варни. Она едва доставала ему до груди, однако уставилась прямо в глаза и сердито зашипела, обнажив зубы, словно маленькая разъяренная крыса.

Варни отступил и плюнул Ричарду под ноги. А потом повернулся и пошел к мосту, уводя своих спутников.

— Ты как? — спросила девушка, помогая Ричарду подняться.

— Нормально. Ты очень смелая.

Она потупилась.

— Нет, я не смелая. Я боюсь моста. Но даже эти его боятся. Поэтому и сбились в кучу. Они думают, что вместе не так страшно, и нападать стаей легче.

— Если вы собираетесь идти через мост, я с вами, — послышался сзади женский голос, густой и сладкий, как мед.

Ричард так и не понял, что это за акцент. Сначала он подумал, что канадский или американский. Позже ему стало казаться, что скорее африканский или австралийский, а может, даже индийский. Женщина была высокой, с длинными темно-каштановыми волосами и кожей цвета жженого сахара. Одета во что-то серо-коричневое, из пятнистой кожи. Через плечо перекинут потрепанный вещмешок — тоже кожаный. В руке она держала боевой шест, на поясе висел нож, а на запястье болтался электрический фонарик. И это, безусловно, была самая красивая женщина

из всех, каких Ричард когда-либо встречал.

Секунду подумав, он сказал:

— Вместе не так страшно. Присоединяйтесь. Меня зовут Ричард Мэхью. Это Анестезия. Из нас двоих только она знает, что делает.

Анестезия приосанилась.

Женщина в пятнистой коже оглядела его с ног до головы.

— Ты из Верхнего Лондона, — заключила она.

— Да.

— Человек из Верхнего мира рука об руку с крыситкой! Ну и дела!

— Я его проводник, — сердито вмешалась Анестезия. — А ты кто такая? Кому ты служишь?

Женщина улыбнулась.

— Я никому не служу, детка. Кто-нибудь из вас раньше ходил по мосту? — Анестезия покачала головой. — Что ж… Думаю, будет весело.

Они подошли к мосту. Анестезия отдала Ричарду самодельную лампу.

— Возьми, — сказала она.

— Спасибо, — ответил Ричард и спросил у женщины в коже: — Чего именно надо бояться? Рыцарей?

— Нет, ночи[187].

Анестезия взяла Ричарда за руку. Он стиснул ее крошечную ладошку. Она улыбнулась и пожала ему руку. А потом они взошли на мост, и Ричард начал понимать, что мрак — не просто отсутствие света, а нечто реальное, ощутимое. Он чувствовал, как мрак касается его кожи, оглаживает, проверяет, проникает в мозг, забирается в легкие, в глаза, рот…

С каждым шагом свет свечи все тускнел. Как и фонарика — в руке у женщины в коже. Складывалось ощущение, что это не свет тускнел, а гуще становилась темнота. Ричард закрыл глаза, а когда открыл — вокруг был полный, непроглядный мрак. Послышался шорох, шепот. Ослепленный мраком, Ричард отчаянно моргал. Снизу доносились безобразные, какие-то голодные *звуки*. Ричарду показалось, что он различает голоса, словно под мостом притаилась целая армия огромных, уродливых троллей…

Что-то проскользнуло мимо них.

— Что это? — пискнула Анестезия. Ее ладошка дрожала в его руке.

— Тс-с… Не привлекай их внимание, — прошеп-

---

[187] notes: 187

Knightsbridge — букв. «Рыцарский мост». *Knight* (рыцарь) сходно по звучанию с *night* (ночь).

тала женщина.

— Что происходит? — спросил Ричард еле слышно.

— Ничего. Это темнота, мрак, а во мраке — все кошмары, которые рождались в ночи с древнейших времен, когда мы, завернутые в шкуры, жались друг к другу в поисках тепла и защиты. А теперь… — проговорила она, — пора бояться темноты.

Ричард почувствовал, как что-то ползет по его лицу. Он закрыл глаза, но ощущения остались прежними. Мрак был абсолютным. И тогда начались видения.

* * *

Фигура с горящими волосами и распростертыми крыльями, объятыми огнем, летит прямо на него.

Он вскинул руки — ничего.

Джессика глядит на него с презрением. Он хочет крикнуть ей, что ему очень стыдно…

И идет дальше.

Он снова маленький, возвращается из школы поздним вечером по улице без единого фонаря. Он здесь ходил тысячу раз, но от этого ему не легче, и он умирает от страха.

Он в лабиринте, глубоко под землей. Зверь ждет его. Он слышит, как капает вода. Он знает, что Зверь выжидает. Крепче сжимает копье… И тут за его спиной раздается утробный рык. Он оборачивается. Медленно, как во сне, Зверь мчится к нему.

Зверь атакует.

Ричард умирает.

И по-прежнему идет по мосту.

И снова и снова на него во мраке ночи мчится Зверь.

* * *

Послышался треск, вспыхнул свет — такой яркий, что Ричард зажмурился и отшатнулся. Это была свечка в бутылке из-под лимонада. Трудно было поверить, что одна свеча может давать столько света. Он поднял ее вверх, облегченно отдуваясь. Сердце гулко стучало в груди.

— Кажется, мы успешно прошли мост, — сообщила женщина в коже.

Сердце билось так сильно, что Ричард сперва не мог вымолвить ни слова. Он заставил себя дышать ровнее, успокоиться. Они были в огромном зале, точно таком же, как на той стороне моста. Ричард даже подумал, что это тот самый зал.

Однако темнота была гуще, и перед глазами у него вспыхивали разноцветные круги, как после яркой вспышки.

— На самом деле, — медленно проговорил Ричард, — бояться было нечего, так?.. Это как дом с привидениями… что-то шуршит в темноте, а ты уже воображаешь невесть что. Нам ведь ничего не грозило, верно?

Женщина посмотрела на него с состраданием, и Ричард вдруг обнаружил, что Анестезия больше не держит его за руку.

— Анестезия?..

Из мрака на мосту послышался шорох — или вздох, — и к его ногам покатились кварцевые бусины. Бусы Анестезии. Ричард поднял один шершавый шарик.

— Надо… надо вернуться. Она там…

Женщина посветила фонариком через мост. Там никого не было. Пустота.

— Где она?

— Ее нет, — просто ответила женщина. — Ее поглотил мрак.

— Мы должны что-то сделать, — не сдавался Ричард.

— Да? И что же?

Он открыл рот, но не нашелся, что ответить.

Глядя на россыпь бусин на земле, он вертел в пальцах одну из них.

— Ее больше нет, — сказала женщина. — Мост взял свою дань. Радуйся, что он выбрал не тебя. А теперь, если ты хотел попасть на рынок, нам туда. — Она махнула фонариком в сторону узкого темного коридора, уходящего вверх.

Ричард не шелохнулся. Его охватило оцепенение. Он не мог поверить, что девушки больше нет, что она потерялась, исчезла, пропала… а женщина в коже при этом делает вид, что ничего не произошло, как будто терять людей — обычное дело. Нет, не может быть, чтобы Анестезия погибла, иначе…

Ричард вздохнул и закончил свою мысль: …иначе получается, что это его вина. Она не просилась идти с ним. Он до боли сжимал в руке кварцевый шарик, вспоминая, как она хвасталась своими бусами. И думал о том, как сильно привязался к ней за те несколько часов, что они провели вместе.

— Ты идешь?

Несколько секунд Ричард стоял в темноте, а потом осторожно опустил бусину в карман джинсов и пошел вслед за женщиной, которая шагала к выходу из зала. И тут он сообразил, что до сих пор не знает, как ее зовут.

Глава V

Люди с фонарями, лампами, факелами, свечами проплывали в темноте. Ричарду вспомнилось кино о подводном мире, которое показывали в школе: точно так же в океане сновали блестящие рыбы — глубоководные обитатели, ориентировавшиеся во тьме без зрения.

Вслед за женщиной в коже Ричард поднялся по ступеням с металлической окантовкой и понял, что оказался в метро. Они встали в очередь, тянувшуюся от решетки, приоткрытой не больше чем на фут, за которой были двери на улицу.

Перед ними стояли двое юношей с веревками на запястьях. Концы веревок держал бледный лысый тип, от которого попахивало формальдегидом. Сразу за ними встал бородатый старик с черно-белым котенком на плече. Котенок тщательно умылся, лизнул хозяина в ухо, свернулся калачиком и заснул. Очередь медленно продвигалась по мере того, как люди, один за другим, проскальзывали за решетку и исчезали в ночи.

— Зачем тебе на рынок, Ричард Мэхью? — тихо спросила женщина в коже.

— Я надеюсь встретить там своих друзей. Точ-

нее, одного друга. Честно говоря, я мало кого знаю в Нижнем мире. Только познакомился с Анестезией, и… — Он умолк, а потом задал вопрос, который не решался задать раньше: — Она умерла?

Женщина пожала плечами.

— Кто знает? В любом случае, к прошлой жизни она не вернется. Надеюсь, ты найдешь на рынке то, что ищешь, и ее смерть окупится…

Ричарда передернуло.

— Сомневаюсь.

Они приближались к решетке.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Оказываю персональные физические услуги.

— А-а… И что это за услуги?

— Я продаю свое тело, — ответила она.

— А-а…

Ричард прекратил расспросы — он слишком устал и к тому же, как ему казалось, догадался, что она имеет в виду.

Наконец они вышли на улицу. Ричард оглянулся. Над входом в метро была надпись: «Найтсбридж». Он горько усмехнулся. Судя по всему, ночь приближалась к концу. Ричард поглядел на часы и ничуть не удивился, увидев пустой

дисплей. Может быть, села батарейка, а может, подумал он, время в Нижнем Лондоне не имеет ничего общего с тем, к которому он привык. Ему было наплевать. Он снял часы и выбросил их в ближайшую урну.

Причудливо одетые люди из Нижнего мира пересекали дорогу и скрывались за двойными дверьми на той стороне улицы.

— Нам туда? — взволнованно спросил он.

— Туда, — кивнула женщина.

Перед ними было огромное здание, сверкающее огнями. У входа висели стилизованные гербы с горделивыми надписями о том, что здесь отоваривались многие члены королевской фамилии. Ричард, который часами таскался за Джессикой по лучшим лондонским магазинам, тут же узнал этот, даже не поглядев на вывеску…

— «Хэрродс»? — удивился он.

— На этот раз да, — ответила женщина. — Где будет следующий рынок, никто не знает.

— Но неужели в «Хэрродс»?.. — пробормотал Ричард. Прокрасться сюда ночью казалось ему кощунственным.

Они прошли в боковую дверь и оказались в темноте. Пробрались мимо обмена валюты, мимо отдела подарочной упаковки, прошли через зал с

солнечными очками и статуэтками и оказались в египетском зале. Свет и цвет хлынули на Ричарда, как приливная волна. Его спутница зевнула, как кошка, прикрыв розовый рот коричневой ладошкой, улыбнулась ему и сказала:

— Ну все, вот ты и на рынке. Целый и невредимый. У меня тут кое-какие дела. Так что счастливо, — На прощанье она кивнула и растворилась в толпе.

Оставшись один, Ричард растерянно огляделся. Здесь царил хаос. Безумный, сумасшедший хаос, шумный, чудовищный и в некотором смысле замечательный. Все кричали, спорили, толкались и пели. Расхваливали свой товар, зазывали покупателей. Гремела музыка. Разные мелодии звучали одновременно, исполняемые в самой разной манере на всевозможных немыслимых самодельных инструментах. Пахло едой: в основном карри, но улавливались и запахи мяса и грибов. На стеклянных прилавках, где днем лежали часы и парфюмерия, янтарь и шелковые шарфы, а также рядом с ними были разложены товары. Все что-то покупали. Все что-то продавали. Ричард медленно побрел через толпу, прислушиваясь к выкрикам торговцев.

— Свежайшие сны. Первосортные кошмары на

любой вкус!

— Оружие! Вооружись! Защити свое жилье, нору или берлогу! Тебе это необходимо! У нас это есть! Подходи, не стесняйся — вооружайся!

— Му-у-сор! — гаркнула толстая старушонка в самое ухо Ричарду, когда он проходил мимо ее вонючего прилавка. — Хлам! Рухлядь! Обломки, осколки, обрезки! Подходи! Все битое, рваное, сломанное. Самое нужное!

Человек в латах стучал в барабан и орал:

— Потерянное, утраченное! Потерянное, утраченное! Никаких подделок, все честно, легально, все официально!

Ричард как сомнамбула шел по залам универмага. Трудно было даже представить, сколько тут собралось народу. Тысяча? Две? Пять?

Один из прилавков был весь заставлен бутылками — пустыми и чем-то наполненными, всевозможных форм и размеров: от обычных винных до гигантской блестящей бутыли, в которой, судя по ее виду, наверняка скрывался джинн. Рядом продавались свечи — восковые и сальные, а также всевозможные лампы. Кто-то сунул Ричарду под нос нечто похожее на отрубленную детскую ручку, сжимающую свечу, и прокричал: «Священная длань, сэр! Ваши враги

сбегут аж в Бедфордшир. Стопроцентная гарантия!». Ричард поспешил отойти подальше. У него не было ни малейшего желания выяснять, что это за «священная длань» и чем она полезна. Он прошел мимо ювелира, торговавшего золотыми и серебряными украшениями, а потом мимо другого прилавка с украшениями — на этот раз сделанными, как ему показалось, из проводов и резисторов от древних радиоприемников. Он увидел лотки со всевозможными книгами и журналами и вешалки с одеждой — старой, залатанной, перешитой и перекроенной самым невообразимым образом. Увидел несколько тату-ировщиков. И, похоже, невольничий рынок, от которого решил держаться подальше. Увидел стоматологическое кресло со сверлом на педальном приводе и целую очередь несчастных, которые пришли сюда, чтобы запломбировать или вырвать зубы, увидел и самого дантиста, который, пожалуй, чересчур наслаждался своей работой. Он увидел сгорбленного старичка, торговавшего чем-то непонятным — то ли шляпами, то ли произведениями современного искусства. Он увидел нечто, смахивающее на переносную душевую кабину, прошел мимо небольшой кузницы…

Чуть не каждый четвертый торговец продавал

еду. Некоторые готовили прямо здесь же, на кострах — запекали картошку, каштаны, огромные грибы, обжаривали всякие булки. Глядя на эти костры, Ричард удивился, как это до сих пор не сработала пожарная сигнализация. А потом, с не меньшим удивлением, подумал, что всем этим людям было бы гораздо проще ограбить универмаг. Зачем тащить сюда свой товар, если можно все взять прямо здесь? Впрочем, он уже хорошенько ознакомился со здешними нравами и понял, что не стоит ни к кому приставать с дурацкими вопросами… На нем, казалось, было написано, что он из Верхнего мира, и все поглядывали на чужака с презрением.

Есть в них что-то первобытное, подумал Ричард и попытался вычленить конкретные типы. Были здесь люди, словно сбежавшие из общества исторической реконструкции, были какие-то хиппи и альбиносы в серых одеждах и темных очках, были авантюристы в дорогих костюмах и черных перчатках, были огромные женщины на одно лицо, которые ходили по двое — по трое и раскланивались, встречая себе подобных, были чрезвычайно вонючие субъекты с нечесаными волосами, будто вылезшие из канализации, и сотни других, ни на кого не похожих людей…

Он представил, каким хаотичным показался бы чужаку обычный Лондон — *его* Лондон, и это придало ему смелости. Он начал спрашивать прохожих: «Простите! Я ищу человека по имени Карабас и девушку, которую зовут Дверь. Вы их случайно не видели?». Люди качали головами, отводили глаза и уходили.

Ричард сделал шаг назад и наступил кому-то на ногу. Этот кто-то оказался семи футов ростом, весь покрытый густой рыжей шерстью и с остро заточенными зубами. Огромной лапищей размером с баранью голову он схватил Ричарда за шкирку и поднес к своему лицу, отчего беднягу чуть не стошнило.

— Простите, — пискнул Ричард, — я… я ищу девушку по имени Дверь. Вы не знаете…

Великан швырнул его наземь и ушел.

Ричард снова почувствовал запах еды и вдруг вспомнил, что ничего не ел с тех пор как отказался от сочного куска кошатины много часов назад. У него потекли слюнки, и он понял, что ни о чем не может думать, кроме еды.

За ближайшим прилавком с едой стояла женщина с жесткими рыжими волосами. Она едва доставала Ричарду до пояса. Когда он к ней обратился, она покачала головой и поднесла палец

к губам, показывая, что то ли не может, то ли не хочет с ним говорить. Пришлось жестами объяснять ей, что ему нужны два бутерброда с сыром и листом салата, а также стакан домашнего лимонада (если он правильно понял, что это лимонад), а взамен он готов отдать шариковую ручку и коробок спичек, которые обнаружил у себя в кармане. Видимо решив, что он явно переплатил, торговка сунула ему вдобавок два крошечных кекса с орехами.

Ричард стал в сторонке и принялся жевать, глядя на хаос вокруг и слушая, как кто-то исполняет «Зеленые рукава» на мелодию «Якети-як»[188]. Кому пришло в голову такое странное сочетание, трудно было представить.

Покончив с бутербродами, он вдруг понял, что проглотил их, не почувствовав вкуса, и решил съесть кексы и допить остатки лимонада более осмысленно. Он с наслаждением потягивал лимонад, когда у него за спиной вдруг раздался бодрый возглас:

---

[188] notes: 188

«*Зеленые рукава*», или «Гринсливз» (Greensleeves) — одна из знаменитых песен английского фолка, известна с XVI в. Дважды упоминается у Шекспира, в том числе в «Виндзорских насмешницах». «*Якети-як*» (Yakkety-Yak) — песня, написанная Jerry Leiber и Mike Stoller для «The Coasters» и записанная Atlantic Records в 1958 г. Семь недель продержалась в первой строке хит-парада музыки ритм-энд-блюз и неделю — в первой сотне поп-листа.

— Хотите птичку, сэр? Грачи, вороны, скворцы, вороны. Отличные умные птицы. Мудрые и вкусные. Просто замечательные.

— Спасибо, не надо, — ответил Ричард и обернулся.

Над прилавком была вывеска: «Птицы и информация от старины Бейли». И еще картонки с надписями: «Только спросите — получите ответ!», «Самые жирные скворцы только у нас!!!», «Нужен грач — обращайтесь к старине Бейли!». Ричард вдруг вспомнил, как однажды, когда он только приехал в Лондон, увидел на станции «Лестер-сквер» человека с плакатом: «Как победить похоть? Вот ответ: меньше белков, никаких яиц, мяса, фасоли, сыра — и наши собрания».

Птицы подпрыгивали в тесных клетках, сделанных из телевизионных антенн.

— Значит, вам нужна информация? — продолжал старина Бейли, не желая терять потенциального покупателя. — Карты крыш? История? Тайное мистическое знание? Я всегда говорю так: если я этого не знаю, значит, и знать там нечего.

Старик был в том же пальто из перьев, весь опутанный веревками. Он несколько раз моргнул, нацепил на нос очки, которые висели у него на шее на обрывке бечевки, и принялся пристально

разглядывать Ричарда.

— Постой-ка, я тебя знаю! Ты был с маркизом Карабасом. На крыше. Помнишь? Я старина Бейли. Не забыл? — и он кинулся горячо пожимать Ричарду руку.

— Вообще-то, я как раз ищу маркиза. И девушку по имени Дверь. Думаю, они могут быть вместе.

Старик заплясал на месте, отчего во все стороны полетели перья из его пальто, а птицы в клетках захлопали крыльями и сердито закричали.

— Информация! Информация! — заорал он в толпу. — Видали? Я же говорил! В торговле нужно разнообразие! Нельзя вечно торговать только грачами на бульон, — все равно бульон из них получается неважный, а мясо жесткое, как подошва. И бестолковые они ужасно. Совершенно безмозглые птицы. Пробовал когда-нибудь грача? — Ричард покачал головой. По крайней мере, в этом он был совершенно точно уверен: грачей он не ел. — Так что ты мне дашь? — спросил старина Бейли.

— Простите?

Ричард не поспевал за ходом его мысли. Это было не легче, чем перескакивать с льдины на льдину.

— Что ты мне дашь за информацию?

— Денег у меня нет. У меня была ручка, но я ее только что отдал, — Он стал выворачивать карманы.

— Во! — воскликнул старина Бейли.

— Носовой платок? — удивился Ричард. Платок — теперь уже не очень чистый — подарила ему тетя Мод на последний день рождения.

Старина Бейли быстро схватил платок и принялся размахивать им над головой.

— Радуйся, юноша! — пропел он. — Ты нашел то, что искал. Иди прямо туда, вон в те двери. Сразу их увидишь — у них там конкурс. — Он указал на продуктовую секцию. Грач сердито каркнул. — Не твоего ума дело, — бросил старина Бейли грачу, а Ричарду сказал: — Спасибо за флажок, — и пустился в пляс вокруг своего лотка, весело размахивая носовым платком.

Конкурс? — удивился Ричард. Но тут же улыбнулся и махнул рукой: все это уже неважно. Главное, он нашел то, что искал, как сказал чокнутый старик. Облегченно вздохнув, Ричард отправился туда, куда указал старина Бейли.

* * *

Судя по всему, телохранители уделяли огромное внимание моде. Однако у каждого было свое

представление о том, как должен выглядеть телохранитель. В настоящий момент Райслип[189] выступал против Франта Без Имени.

Франт Без Имени был похож на пижона восемнадцатого века, которому не удалось найти подлинной одежды того времени, так что пришлось выискивать себе одеяние на благотворительной распродаже «Армии спасения». Лицо его было густо напудрено, губы накрашены алой помадой. Его противник — Райслип — мог бы вам присниться, если бы вы уснули под песни Боба Марли после трансляции чемпионата по реслингу. Это был здоровенный растафарианец, похожий на гигантского перекормленного младенца.

Они стояли не шевелясь, лицом к лицу. Вокруг выстроились любопытные, а также другие претенденты на роль телохранителя Двери. Франт был на голову выше Райслипа, зато Райслип весил примерно как четыре франта, если каждому из них еще вручить по кожаному чемодану, забитому салом. Противники пристально смотрели друг другу в глаза.

Маркиз Карабас похлопал Дверь по плечу — поединок начался, сейчас будет интересно.

---

[189] notes: 189
Райслип — район в западной части Лондона.

Только что Франт и Райслип стояли, сверля друг друга взглядом, и вдруг Франт резко дернул головой, словно его ударили по лицу. На щеке появился небольшой фиолетовый синяк. Франт стиснул зубы и прищурился.

— Ну-у… — выдохнул он и растянул свои красные губы в безобразной улыбке.

Франт взмахнул рукой, и Райслип скрючился, схватившись за живот.

С омерзительной ухмылкой Франт принялся раскланиваться, посылая зрителям воздушные поцелуи. Райслип с ненавистью уставился на своего противника и, очевидно, усилил натиск. Изо рта Франта брызнула кровь, левый глаз раздулся. Публика одобрительно зашумела.

— Не так страшно, как кажется, — прошептал маркиз Двери.

Вдруг Франт Без Имени рухнул на колени, будто прижатый к земле невидимой силой, а потом растянулся на полу. Затем он дернулся, словно его пнули в живот, и Райслип расплылся в самодовольной улыбке. Публика вежливо похлопала. Франт извивался на полу и харкал кровью. Друзья оттащили его в сторонку, где его тут же вырвало.

— Следующий! — объявил маркиз.

Очередной потенциальный телохранитель

тоже не был так огромен, как Райслип (размером в два с половиной франта плюс чемодан с салом). Тело его сплошь покрывали татуировки, а одежда казалась сделанной из автомобильных чехлов и резиновых ковриков. Бритый налысо, он улыбался зрителям, обнажая гнилые обломки зубов.

— Я Варни, — сказал он, сплюнул зеленую слюну на посыпанный опилками пол и вышел к противнику.

— Прошу, господа! — скомандовал маркиз.

Райслип несколько раз переступил с ноги на ногу, как борец сумо, и принялся сверлить взглядом соперника. На лбу у того появился порез, кровь залила глаз, но Варни не обращал на это внимания. Он сосредоточился на своей правой руке. Словно преодолев огромное сопротивление, он поднял ее и двинул кулаком Райслипу в нос. Брызнула кровь, Райслип охнул, шумно вдохнул и рухнул на пол с таким звуком, с каким, должно быть, падает в ванну с водой тонна свиной печени. Варни заржал.

Райслип медленно поднялся. Из его разбитого носа шла кровь, заливала рот, сбегала по груди и капала на пол. Только теперь Варни стер кровь со лба и обнажил зубы в гадкой улыбке.

— Давай, жирдяй. Попробуй еще раз.

— Этот ничего, — пробормотал маркиз.

Дверь озадаченно вскинула бровь.

— Какой-то он неприятный.

— Приятный — неприятный — это не самое важное качество для телохранителя. И толку от него не больше, чем от умения заглатывать омаров живьем, — поучительно проговорил маркиз. — Главное, что он выглядит *устрашающе*.

Варни вдруг резко двинул Райслипа коленом по яйцам, и тот скорчился от боли. Публика захлопала — жиденько и без энтузиазма, как аплодируют на воскресной игре в крикет где-нибудь в сонной деревеньке.

Маркиз тоже вежливо ударил ладонью о ладонь.

— Отлично, сэр, — сказал он.

Варни поглядел на Дверь и по-свойски ей подмигнул, прежде чем окончательно разделаться с Райслипом. Дверь передернуло.

* * *

Ричард услышал аплодисменты и направился туда, откуда они доносились.

Мимо прошли пять бледных девушек в одинаковых платьях. Платья были бархатные, совсем темные: темно-зеленое, темно-коричневое, тем-

но-синее, темно-красное — цвета спекшейся крови — и, наконец, черное. У девушек были серебряные украшения, черные волосы, уложенные в аккуратные прически, и безупречный макияж. Они двигались почти бесшумно, так что Ричард услышал только шорох бархата, похожий на тихий вздох. Последняя девушка — одетая в черное, самая бледная и самая юная — улыбнулась Ричарду. Он робко улыбнулся в ответ и пошел туда, где аплодировала и гомонила толпа.

Он оказался в мясном отделе, в центре зала со статуей в виде рыбы. Глядя собравшихся в круг людей, он подумал, что не так-то просто будет найти Дверь и маркиза, но тут толпа расступилась, и он их увидел. Они сидели на стеклянном прилавке с копченой рыбой. Он уже хотел окликнуть Дверь, как вдруг понял, почему расступилась толпа. На него летел огромный детина с дредами, совершенно голый, если не считать красно-желто-зеленой набедренной повязки, завязанной, как подгузник. Ричард и охнуть не успел, как гигант рухнул на него.

* * *

— Ричард!

Он открыл глаза. Все плыло и двоилось. Нако-

нец он сфокусировал взгляд на бледном личике со сверкающими многоцветными опаловыми глазами.

— Дверь! — выдохнул он.

Она была в ярости, больше, чем в ярости.

— Темпл и Арка! Ричард! Я не верю своим глазам. Что ты здесь делаешь?

— Я тоже рад тебя видеть, — слабо проговорил Ричард. Он встал, гадая, заработал ли сотрясение мозга и как бы это выяснить. *С чего я решил, что Дверь будет рада меня видеть?* — спросил он себя. Она разглядывала свои ногти. Ноздри ее раздувались, видно было, что она всеми силами старалась сдержать свой гнев.

Огромный детина с гнилыми зубами, который толкнул Ричарда у моста, дрался с карликом. Они сражались на железных прутьях, и бой не был таким уж неравным, как могло показаться. Карлик отличался сверхъестественной ловкостью — он крутился, вертелся, подныривал и подпрыгивал. По сравнению с ним Варни выглядел неловкой, неповоротливой тушей.

— Что тут происходит? — спросил Ричард у маркиза, который внимательно следил за поединком.

Тот бросил на него презрительный взгляд и

отвернулся.

– *Ты* влез в очень неприятную историю, — проговорил он, — и, как я понимаю, очень скоро тебя ждет преждевременная и некрасивая смерть. А *мы* выбираем телохранителя.

Варни наконец огрел прутом карлика, который тут же перестал прыгать и вертеться и без сознания грохнулся на пол.

— Довольно! — громко объявил маркиз. — Всем спасибо. Мистер Варни, подождите минутку.

— Зачем ты пришел? — холодно спросила Ричарда Дверь.

— А что мне оставалось делать?

Она вздохнула. Маркиз тем временем прощался со всеми остальными претендентами. Кого-то хвалил, кого-то одаривал советом. Варни терпеливо ждал в сторонке.

Ричард робко улыбнулся Двери, но та не ответила на его улыбку.

— Как ты попал на рынок? — спросила она.

— Ну, я попал к таким людям-крысам… — начал Ричард.

— К крыситам.

— А крыс, который доставил записку маркиза…

— Господин Долгохвост.

— …приказал отвести меня на рынок.

Она удивленно вскинула бровь и спросила, склонив голову набок:

— Тебя привел крысит?

Он кивнул.

— Крыситка. Ее звали Анестезия. Она… в общем, с ней что-то произошло… на мосту. И дальше меня повела одна женщина. Мне кажется, она… эта… — он запнулся, — проститутка.

Маркиз подошел к Варни, и тот самодовольно осклабился.

— Каким оружием владеете? — спросил маркиз.

— У-у! Скажем так: если чем-то можно искромсать человека на куски, снести ему башку, переломать кости или продырявить, — Варни в совершенстве этим предметом владеет.

— Предшествующие работодатели?

— Олимпия, Пастушья Королева, крауч-эндцы. Кроме того, я некоторое время следил за порядком на Майской ярмарке[190].

---

[190] notes: 190

Олимпия — выставочный центр в Лондоне, построенный в 1885 г. Существует также станция метро «Кенсингтон (Олимпия)». *Крауч-энд* — район Лондона, а также станция лондонского метро, просуществовавшая с 1867 по 1970 гг. *Майская Ярмарка* (Мэйфэр) — ежегодная ярмарка, длившаяся две недели. Проводилась изначально на Шепердс-маркет (с 1686 по 1764). Сейчас Мэйфэр — район в центре Лондона, а Шепердс-маркет (*shepherd* — пастух) — площадь в этом районе.

— Что ж. Ваши наработки произвели на нас впечатление.

— Я слышала, вы ищете телохранителя, — раздался женский голос. — Профессионального телохранителя, а не желторотых новичков.

Женщина с кожей цвета жженого сахара проговорила это с улыбкой, которая, казалось, могла бы остановить сражение. Одета она была в пятнистую серо-коричневую кожу, и Ричард тотчас ее узнал.

— Это она, — прошептал он Двери. — Проститутка.

— Варни — лучший наемник и телохранитель в Нижнем мире, — с негодованием заявил Варни. — Это всем известно.

Женщина посмотрела на маркиза.

— Вы уже выбрали телохранителя? — спросила она.

— Да, — ответил Варни.

— Может быть, и нет, — ответил маркиз.

— В таком случае я бы хотела показать, что умею.

На несколько секунд воцарилась тишина, и маркиз сказал:

— Отлично! — Он снова уселся на прилавок и приготовился наблюдать за поединком.

Варни был здоровым, крепким, безжалостным садистом, опасным для окружающих, но вот сообразительностью не отличался. Он уставился на маркиза, не понимая, что происходит. Постепенно — очень нескоро — до него дошло.

— Я должен драться *с ней*?

— Конечно, — ответила женщина в коже. — Если только ты не хочешь сначала прилечь отдохнуть.

Варни нервно заржал. Но тут же смолк — женщина двинула его коленом в солнечное сплетение, и он повалился на пол.

Он упал как раз рядом с железным прутом, которым дрался с карликом, и, поспешно схватив его, ударил женщину по лицу. Точнее, хотел ударить, но та ловко увернулась и резко хлопнула его по ушам. Железный прут отлетел на другой конец зала. Несмотря на звон в ушах, Варни вытащил из-за голенища нож. …Он так и не понял, что произошло, но в следующую секунду уже лежал на животе, из ушей у него шла кровь, соперница сидела на нем верхом, приставив ему к горлу его собственный нож.

Тут маркиз сказал:

— Хватит!

Не убирая ножа, женщина подняла глаза на

маркиза.

— Ну как?

— Очень впечатляюще, — ответил маркиз, а Дверь кивнула.

Ричард онемел от удивления. Эта женщина была, как Эмма Пил[191], Брюс Ли и мощнейший торнадо вместе взятые. Ему вспомнился документальный фильм о животных, в котором есть кадры, как мангуст убивает королевскую кобру. Именно так эта женщина двигалась, и так же потрясающе сражалась.

Вообще-то Ричард не выносил насилия. Но сейчас, завороженно глядя на женщину, он чувствовал, как в нем просыпается что-то новое. Ему вдруг показалось, что в этом мире — искаженном отражении Лондона — без нее чего-то бы не хватало. Она должна была здесь быть. И должна была драться именно так.

Она — часть Нижнего Лондона. Теперь он понял, что это значит. И тут же подумал о Верхнем Лондоне, в котором никто так не дрался, потому что там это *не нужно*, — о разумном, безопасном мире. Его охватила тоска по дому — внезапная, как лихорадка.

---

[191] notes: 191

Эмма Пил — одна из главных героинь английского телесериала «Мстители», агент английской разведки, зачисленный в МИ-6 в 1964 году.

Женщина тем временем вежливо сказала:

— Спасибо, мистер Варни. Боюсь, ваши услуги не понадобятся. — Она слезла с него и повесила его нож себе на пояс.

— И как же вас зовут? — спросил маркиз.

— Я Охотница.

Воцарилась тишина. И только Дверь робко переспросила:

– *Та самая*?

— Да, — ответила женщина, смахивая с колен пыль и опилки. — Я вернулась.

Раздался удар колокола — один, а потом второй — низкий звук, дрожью отзывавшийся во всем теле.

— Осталось пять минут, — пробормотал маркиз. — Полагаю, мы выбрали телохранителя, — объявил он оставшимся зрителям. — Всем спасибо. Представление окончено.

Охотница подошла к Двери и оглядела ее с головы до ног.

— Вы сможете меня защитить? — спросила Дверь.

Охотница кивнула в сторону Ричарда.

— Я сегодня трижды спасла *ему* жизнь: на мосту и по дороге на рынок.

Варни медленно встал на ноги, мысленно ухва-

тился за железный прут, поднял его. Маркиз видел, что происходит, но промолчал.

Легкая улыбка появилась на губах Двери.

— Забавно, — сказала она, — а Ричард подумал, что вы…

Охотница так и не узнала, за кого ее принял Ричард. Железный прут просвистел в воздухе — Варни метил ей в голову. Она подняла руку и поймала прут на лету — с тихим «шлеп» он лег в ее ладонь.

Охотница подошла к Варни.

— Это твое? — Он оскалился, показав коричневые обломки зубов. — На рынке действует перемирие. Но если ты еще раз выкинешь что-нибудь подобное, я наплюю на перемирие, оторву тебе руки, и ты унесешь их в зубах. А теперь, — она выкрутила ему руку, — проси прощения.

— О-о! — взвыл Варни.

— Ну?

— Прошу прощения, — выдавил он с ненавистью.

Она отпустила его.

Варни попятился, не сводя глаз с Охотницы. Он был напуган, он был в ярости. И, добравшись до выхода, остановился и крикнул:

— Ты труп! Ты труп, поняла?! — но в голосе его

слышались слезы.

А потом он повернулся и бросился наутек.

— Не профессионал, — вздохнула Охотница.

* * *

Они пошли обратно — тем же путем, каким пришел Ричард. Колокол теперь гудел не переставая. Вскоре они увидели его у витрины с мармеладом — огромный медный колокол на деревянной раме. К языку была привязана веревка, которую дергал верзила-негр в черной рясе доминиканского монаха.

Насколько Ричарда потряс сам рынок, настолько же — если не больше — его потрясло, как он закрылся. Все исчезло в считанные минуты. Торговцы сложили свои лотки, взвалили на спины и ушли. Ричард заметил старину Бейли, тащившего свои вывески и клетки с птицами. Старик помахал ему и выскочил на улицу.

Все разошлись, и «Хэрродс» снова выглядел точно так же, как по субботам, когда Джессика таскала Ричарда за собой, — даже на полу ни соринки не осталось. Словно никакого рынка и не было.

— Охотница, — пробормотал маркиз. — Я, разумеется, немало слышал о тебе. Где ты была все

это время?

— Охотилась, — ответила Охотница и обратилась к Двери: — Ты умеешь исполнять приказы?

Девушка кивнула.

— Да, если нужно.

— Хорошо. Значит, я *смогу* тебя защитить, если соглашусь на эту работу.

Маркиз замер и недоверчиво воззрился на Охотницу.

— Что значит *если*?

Охотница открыла дверь, и они вышли на улицу. Недавно прошел дождь, и мокрый асфальт блестел в свете фонарей.

— Я согласна, — сказала Охотница.

Ричард поглядел на ночную улицу — такую обычную, тихую, безопасную. На секунду ему показалось, что стоит поймать такси, поехать домой, выспаться хорошенько в своей собственной постели, и все будет как раньше. Но он знал, что такси не остановится, да и дома у него больше нет.

— Как же я устал! — пожаловался он.

Все молчали. Дверь старалась не встречаться с ним взглядом, маркиз его просто игнорировал, а Охотница видела в нем только обузу. Ричард чувствовал себя малышом, который увязался за

взрослыми ребятами, и его это раздражало.

— Послушайте! — рассердился он. — Я не хочу никому быть в тягость. Я знаю, что вы все очень занятые люди. Но как же я?

Маркиз обернулся и посмотрел на него, сверкнув белками.

— Ты? А что ты?

— Как мне вернуться к нормальной жизни? Это какой-то затянувшийся кошмар. Еще на прошлой неделе все было понятно, а теперь — какая-то бессмыслица, безумие… — Он сглотнул. — Я хочу знать, как мне вернуться в свой мир.

— Мы тебе тут не поможем, — сказала Дверь. — Я понимаю, тебе нелегко, Ричард. Прости…

Охотница присела на корточки, сняла с пояса какой-то металлический предмет и открыла канализационный люк. Спустилась туда сама и, убедившись, что все в порядке, позвала Дверь. Девушка полезла вниз, даже не взглянув на Ричарда. Маркиз потер переносицу.

— Молодой человек, — проговорил он, — тебе пора уяснить, что есть два мира: Верхний Лондон, в котором ты жил раньше, и Нижний Лондон, где существуют те, кто выпал из жизни. И ты тоже выпал. Так что удачи тебе, — бросил маркиз и исчез в люке.

— Постойте! — крикнул Ричард и схватился за крышку, прежде чем она успела захлопнуться.

Он стал спускаться вслед за маркизом. Пахло сыростью, тухлой капустой, сточными водами и разложением. Однако, как ни странно, когда он наконец спустился, запах исчез. Ричард оказался в кирпичном туннеле, по которому бежала грязная вода. В отдалении светился фонарик Охотницы, рядом с ней шагали маркиз и Дверь. Шлепая по воде, Ричард кинулся вдогонку.

— Уходи, — сказал маркиз.

— Нет.

Дверь поглядела на него.

— Прости, Ричард. Мне очень жаль, что так вышло.

Маркиз встал между ними.

— Ты не можешь вернуться к своей прошлой жизни, — сказал он почти с состраданием. — Ни твоего дома, ни твоей работы больше нет. Там, наверху, *тебясамого* тоже нет.

Перед ними оказались три туннеля. Дверь и Охотница, не оглядываясь, отправились по тому, где не было воды. Маркиз помедлил.

— Тебе придется жить здесь, — сказал он Ричарду. — Придется привыкнуть к канализации, магии и темноте. — Он улыбнулся ослепитель-

ной, неискренней улыбкой и добавил: — Рад был познакомиться. Всего тебе наилучшего. Если не помрешь в ближайшие два дня, может, месяцок еще протянешь.

И он поспешил вслед за Дверью и Охотницей.

Слушая эхо их шагов и журчание воды, сбегавшей к очистной станции в восточной части города, Ричард прислонился к стене.

— Черт! — выругался он.

И к своему собственному удивлению, здесь, в темноте туннеля, впервые после смерти отца Ричард Мэхью разрыдался.

* * *

На станции метро было темно и пусто. Варни крался вдоль стены, стараясь ступать как можно тише и то и дело нервно оглядываясь. Он выбрал эту станцию наугад и добирался до нее, прыгая с крыши на крышу, держась в тени, постоянно озираясь, опасаясь слежки. Он решил не возвращаться в свое логово во всеми забытых туннелях в Кэмден-тауне. Это было слишком рискованно. К тому же в Лондоне немало тайников, где у него запас оружия и еды. Надо затаиться на время, переждать…

Остановившись у автомата с билетами, он при-

слушался: тишина. Удостоверившись, что за ним никто не гонится, Варни позволил себе немного расслабиться. Он замер на верхней площадке винтовой лестницы и глубоко вздохнул.

Внезапно он услышал за спиной угрожающе-вкрадчивый голос:

— Варни — лучший наемник и телохранитель в Нижнем Лондоне. Это все знают. Варни сам так сказал.

Справа от него кто-то медленно проговорил:

— А врать нехорошо. Правда ведь, мистер Круп?

Невидимый мистер Круп согласился:

— Да, мистер Вандемар, врать очень нехорошо. Признаюсь, я воспринимаю это как личное оскорбление, меня ранили в самое сердце. Я разочарован. А разочарование очень опасно. Тому, кто не блещет ни умом, ни силой, лучше поостеречься и не разочаровывать других, не так ли, мистер Вандемар?

— Да уж, ему лучше поостеречься, мистер Круп.

Варни бросился к винтовой лестнице и понесся по ней во весь дух. С верхней площадки снова донесся голос мистера Крупа:

— Лично я считаю, что это убийство следует

считать актом милосердия.

Топот Варни эхом разнесся по лестнице, отдаваясь в железных поручнях. Варни мчался во весь опор, фыркая и отдуваясь, спотыкаясь, задевая плечами стены. Наконец он добрался до нижней площадки. Там на стене висела табличка, на которой было написано, что лестница невероятно длинная — 259 ступеней, — и что по ней лучше подниматься только очень крепким и здоровым людям. Всем остальным предлагалось воспользоваться лифтом.

Лифтом?

Послышалось громкое клацанье, и двери лифта медленно открылись. Площадку залил яркий свет. Варни хотел выхватить нож, но тут же вспомнил, что нож так и остался у этой мрази — Охотницы. Выругавшись, он потянулся за мачете, который носил с собой в ножнах за спиной. Мачете не было.

Позади кто-то вежливо кашлянул, и Варни обернулся.

На нижней ступеньке винтовой лестницы сидел мистер Вандемар. С помощью мачете Варни он выковыривал грязь из-под ногтей.

Мистер Круп набросился на Варни со своим любимым стилетом — Варни не успел даже

вскрикнуть.

— Пока, — безразлично сказал мистер Вандемар, продолжая чистить ногти.

Хлынула кровь. Ярко-красная, она била фонтаном, потому что Варни был очень крупный мужчина и в нем было немало этой удивительной жидкости. Однако когда мистер Круп и Вандемар закончили, у подножия лестницы осталось лишь одно небольшое пятнышко, почти незаметное.

Впрочем, после того как пол помыли, исчезло и оно.

* * *

Охотница шла впереди. За ней — Дверь. Маркиз Карабас замыкал шествие. Они бросили Ричарда полчаса назад, и с тех пор никто не проронил ни слова.

Внезапно Дверь остановилась.

— Так нельзя, — решительно сказала она. — Мы не можем оставить его здесь.

— Можем, — возразил маркиз. — Мы его уже оставили.

Она покачала головой. С той минуты, как увидела Ричарда на рынке, — он тогда лежал распростертый на земле под тяжеленной тушей Райслипа, — Дверь чувствовала перед ним свою

вину. И теперь поняла, что больше не может этого выносить.

— Не глупи, — сказал маркиз.

— Он спас мне жизнь, — отозвалась Дверь. — Он ведь мог запросто бросить меня на улице. Но не бросил.

Дверь чувствовала, что это она всему причиной. Она открыла дверь к тому, кто смог бы ей помочь, и он помог. Он отнес ее к себе, в теплую уютную квартиру, заботился о ней, привел туда маркиза. И именно потому, что тогда помог ей, оказался в ее мире.

Брать его с собой — безумие. Они не могут принять в команду еще одного. Им и себя-то вряд ли удастся защитить, ведь их ждет долгий и опасный путь.

И все же, неужели он попал в Нижний мир только потому, что она открыла к нему дверь? А что если была и другая причина?

Маркиз поднял бровь — он смотрел отчужденно, безучастно, с мрачной иронией во взгляде.

— Многоуважаемая леди, — проговорил он, — мы не станем брать постороннего в эту опасную экспедицию.

— Не надо мне указывать! — отрезала Дверь. Она страшно устала. — Мне представляется, что

я сама вправе решать, кого взять с собой. Вы ведь работаете на *меня*, верно? Или это *я* работаю на вас? — Она была так подавлена и измотана, что не смогла сдержаться. Она нуждалась в маркизе Карабасе — нельзя было его обижать, — однако у нее не хватило терпения.

Маркиз посмотрел на нее, злобно и холодно.

— Он с нами *не пойдет*, — упрямо заявил он. — И вообще, он наверняка уже мертв.

* * *

Но Ричард был жив. Он сидел в темном тоннеле на небольшом выступе и размышлял, что же теперь делать. Он и не думал, что способен попасть в такую переделку. За свою недолгую жизнь он успел научиться многому: ходить на работу, делать покупки в супермаркете, смотреть по телевизору футбол и включать обогреватель, когда становится холодно. Однако, как теперь оказалось, он совсем не был готов к жизни на крышах и в туннелях Лондона, жизни в вечном холоде, грязи и тьме.

Вдалеке показался огонек. Ричард услышал чьи-то шаги. Кто бы это ни был — убийцы, каннибалы, чудовища, — он даже не станет сопротивляться. У него уже не осталось никаких сил, пусть при-

кончат его, и поскорее. Он уставился вниз, в пол, которого даже не видел. Шаги приближались.

— Ричард, — тихо позвала Дверь. Он вздрогнул от неожиданности, но решил сделать вид, что не замечает ее. *Если бы не ты…* — с горечью подумал он.

— Ричард!

— Что? — спросил он, не поднимая головы.

— Слушай, — сказала она, — это я во всем виновата. — *А ну-ка повтори*, подумал Ричард. — Я уверена, с нами тебе будет еще хуже. Однако… Что же делать, — Она замолчала и глубоко вздохнула. — Прости меня. Пожалуйста, прости. Хочешь пойти с нами?

Тут Ричард посмотрел на нее: маленькую, худенькую девушку с огромными опаловыми глазами, которые серьезно глядели на него с бледного лица. Ладно, — сказал он сам себе, — кажется, умирать еще рано.

— Раз уж так вышло, что мне сейчас все равно нечем заняться, — беззаботно сказал он, хотя на самом деле был на грани истерики, — почему бы мне не пойти с вами?

Выражение ее лица резко изменилось. Она обняла его и крепко прижала к себе.

— Мы попытаемся помочь тебе вернуться до-

мой, — пообещала она. — Честное слово. Как только найдем то, что я ищу.

Неужели она и вправду собирается ему помочь? Или просто его утешает, отлично зная, что на самом деле это невозможно? Ричард решил не думать об этом. Они двинулись дальше, и вскоре он увидел впереди маркиза и Охотницу, — они ожидали Ричарда и Дверь у выхода из туннеля. У маркиза было такое выражение лица, словно его только что заставили проглотить лимон.

— Кстати, а *что* ты ищешь? — спросил Ричард, заметно повеселев.

Глубоко вздохнув, Дверь немного помолчала, а потом серьезно ответила:

— Долго рассказывать. Пока что нам нужен ангел по имени Ислингтон[192].

Тут Ричард не выдержал и захохотал. Конечно, в этом смехе слышались нотки настоящей истерики, но так смеялся бы любой, кому на протяжении двадцати четырех часов приходилось верить в самые невероятные вещи, ни разу за все это время даже не позавтракав. Смех Ричарда

[192] notes: 192

Станция метро «Энджел» (букв. ангел) получила название от таверны, стоявшей на дороге из Лондона в Шотландию. Сейчас это имя носит не только станция метро, но и часть района Ислингтон, которую так и называют «Энджел, Ислингтон» (отсюда и возникает Ангел Ислингтон).

эхом разнесся по туннелям.

— Ангел? — смеясь, переспросил он. — По имени Ислингтон?

— Да, и найти его будет непросто, — отозвалась Дверь.

Ричард покачал головой. Он чувствовал себя вымотанным, опустошенным и очень усталым.

— Ангел, — истерически прошептал он в темноте туннеля. — Ангел.

* * *

В Большом зале повсюду стояли свечи: вокруг стальных колонн, поддерживавших потолок, у водопада — потоки воды стекали по одной из стен в небольшой каменный бассейн, — на каменных полках, устроенных в другой стене, на полу, в подсвечниках у огромной двери, которая находилась между двумя высокими темными колоннами. Сама дверь была сделана из кремня, а оклад — из серебра, которое за долгие века потемнело так, что оклад казался почти черным. Свечи были потушены. Но, когда он проходил мимо, тут же загорались сами собой. Никто не касался их, никто не подносил огонь к фитилю.

Он был высок и облачен в белые одежды. Нет, не совсем белые, ибо белый сам по себе является

цветом, а здесь было скорее отсутствие всяких цветов, яркое и невероятно чистое. Его босые ноги легко ступали по каменным плитам Большого зала. Его бледное лицо было мудрым и печальным, а в глазах застыло одиночество.

Он был невероятно красив.

Вот зажглись уже все свечи. Он остановился у каменного бассейна, опустился на колени, зачерпнул руками воды и стал пить. Вода была холодной и кристально чистой. Напившись, он на секунду закрыл глаза, словно вознося молитву. Потом встал и пошел по Большому залу туда, откуда пришел. И свечи гасли, когда он проходил мимо, — как они гасли десятки тысяч лет. У него не было крыльев, но все же это, несомненно, был ангел.

Ислингтон вышел из Большого зала. Потухла последняя свеча. И воцарилась тьма.

Глава VI

В своем воображаемом дневнике Ричард написал: «*Еще в пятницу у меня были работа, дом и невеста. У меня была простая, логичная жизнь (насколько жизнь вообще может быть логичной). А потом я наткнулся на раненую девушку и, как добрый самаритянин, решил ей помочь. И теперь у меня нет невесты, нет дома и нет работы. Я шагаю по какому-то туннелю в сотне футов под Лондоном, и мое будущее столь же многообещающе, как будущее мухи-однодневки…*»

— Нам сюда, — сказал маркиз, взмахнув грязным кружевным манжетом.

— По-моему, все эти туннели совершенно одинаковые, — заметил Ричард. — Откуда вы знаете, куда нам?

— А я и не знаю, — мрачно ответил маркиз. — Мы заблудились и никогда не найдем дорогу домой. Через два дня примемся пожирать друг друга.

— Правда?! — ахнул Ричард и тут же смутился, сообразив, что маркиз над ним просто издевается.

— Нет.

На лице маркиза отразилась невыразимая скука: мучить такого простофилю неинтересно. Однако самому Ричарду было уже наплевать, что о нем подумают. Все, кроме Двери, пожалуй.

Он снова вернулся к своему дневнику:

«*В этом Лондоне сотни, а может, тысячи людей. Одни здесь родились, другие оказались в Нижнем мире потому, что выпали из жизни. Со мной девушка по имени Дверь, ее телохранительница и сумасшедший тип, который исполняет роль главного советника. Ночевали мы в крошечном туннеле. Дверь сказала, что это часть канализации начала 19 века. Когда я ложился, телохранительница не спала, когда проснулся — тоже. Кажется, она вообще не спит. Позавтракали мы ягодным пирогом — его достал из кармана маркиз. Зачем таскать пирог в кармане? Пока я спал, мои ботинки почти высохли. Я хочу домой…*»

Последнее предложение он мысленно трижды подчеркнул, потом переписал его крупными красными буквами, обвел в кружочек и поставил рядом батарею восклицательных знаков.

Сейчас по крайней мере под ногами не хлюпало. Туннель был новый, с серебристыми трубами и белыми стенами. Маркиз и Дверь шли впереди,

Ричард ковылял за ними, а Охотница постоянно перемещалась: то она оказывалась впереди всех, то позади, то сбоку. И все время старалась держаться в тени. Причем ступала она бесшумно, и Ричарду от этого было не по себе.

Вдруг впереди показался свет.

— Вот она, — объявил Маркиз, — станция «Бэнк». Оттуда и начнем наши поиски. Лучше места не найдешь!

— Совсем спятил, — тихо пробормотал Ричард, но эхо тут же разнесло его слова по всему тоннелю.

— В самом деле? — ухмыльнулся маркиз.

Пол у них под ногами задрожал — неподалеку прошел поезд.

— Ричард, не начинай, — попросила Дверь.

Он понимал, что спорить с ними бесполезно, но все равно не сдержался:

— Да-да! Вы оба спятили. Это же бред! Нет никаких ангелов!

Маркиз задумчиво кивнул.

— Ну да, конечно. Теперь все ясно. Ангелов нет. Нет Нижнего Лондона, нет крыситов, нет пастухов в Шепердс-буш.

— Но там *нет* никаких пастухов! Только дома, магазины, дороги. Я там был!

— Есть там пастухи. И я от души желаю тебе их не встретить, — прошептала ему в самое ухо Охотница.

— Хорошо, пусть в Шепердс-буш есть пастухи. Но я все равно не верю, что под Лондоном толпами гуляют ангелы.

— Они и не гуляют толпами, — охотно согласился маркиз. — Ангел всего один. — Они дошли до конца туннеля и остановились перед дверью. — Прошу, миледи, — с поклоном промолвил маркиз, пропуская девушку вперед. Она коснулась двери, и та послушно открылась.

— Может, мы говорим про разных ангелов? — не сдавался Ричард. — Я про тех, которые с крыльями, нимбами, сидят на облаках и играют на арфах.

— Все верно, — сказала Дверь. — И мы про них же — про ангелов.

Они прошли в дверь, и Ричард невольно зажмурился от яркого света, полоснувшего по глазам как нож. Когда осторожно приоткрыл глаза, он с удивлением обнаружил, что они оказались в длинном переходе между станциями «Монюмент» и «Бэнк». Туда-сюда сновали люди, не обращавшие на них ни малейшего внимания. Где-то выл саксофон, довольно успешно выводя

«I'll Never Fall In Love Again» Берта Бакара и Хэла Дэвида[193]. Ричарду захотелось подпеть, но он, разумеется, этого не сделал. Они шли к станции «Бэнк».

— Так кого же мы ищем? — невинным тоном спросил он. — Архангела Гавриила? Рафаила? Михаила?

Маркиз постучал по станции «Энджел» на карте метро, мимо которой они как раз проходили:

— Ислингтона.

Ричард тысячу раз проезжал станцию «Энджел», расположенную в фешенебельном Ислингтоне с его антикварными магазинами и дорогими ресторанами. Он мало что знал об ангелах, но был уверен, что станцию назвали в честь какого-нибудь паба или таверны. И решил сменить тему:

— Когда я пару дней назад пытался сесть в вагон, у меня ничего не получилось.

— Надо было показать вагону, что ты сильнее, вот и все, — раздался негромкий голос Охотницы

---

[193] notes: 193

Берт Бакара (Burt Bacharach, p. 1928) — американский пианист и композитор, который написал сотни шлягеров для англоязычной эстрады. Одним из первых композиторов самостоятельно продюсировал многие свои записи. Приобрел всемирную известность в 1950-е гг., аккомпанируя и гастролируя вместе с Марлен Дитрих. В 1957 г. встретил поэта-песенника *Хэла Дэвида*, с которым в основном и сотрудничал на протяжении последующих двух десятилетий.

откуда-то сзади.

— Не волнуйся, мы сможем сесть на тот поезд, который нам нужен, — проговорила Дверь, кусая губы. — Если, конечно, сумеем его найти.

Ее слова потонули в музыке, звучавшей совсем близко. Они спустились по ступенькам, свернули за угол и увидели саксофониста. Он играл, а на полу перед ним было расстелено пальто. На нем лежали россыпью монетки, наверняка брошенные самим саксофонистом в надежде подбодрить прохожих. Но судя по всему, этот фокус ни на кого не действовал.

Саксофонист был необыкновенно высокий, с темными волосами до плеч и длинной раздвоенной бородой, с глубоко посаженными глазами и крупным носом. Он был в линялой футболке и заляпанных жиром голубых джинсах. Когда они подошли к нему, он перестал играть, вытряхнул слюну из мундштука, снова прижал его к губам и заиграл «Cry Me A River» Джули Лондон[194]*:*

Now, you say you're sorry…[195]

---

[194] notes: 194

Джули Лондон (наст. имя — Gayle Peck, 1926–2000) — известная американская певица и актриса, прославившаяся своим хрипловатым, чувственным голосом.

[195] notes: 195

«А теперь ты говоришь: прости…» (англ.)

Ричард с удивлением понял, что саксофонист их видит, хотя и старается этого не показать. Маркиз остановился прямо перед ним. Мелодия с жалким писком оборвалась. Маркиз холодно улыбнулся.

— Ты ведь Лир, не так ли?

Саксофонист неохотно кивнул, нервно перебирая пальцами клавиши саксофона.

— Нам нужен Эрлс-корт, — сказал Маркиз. — У тебя случайно не найдется расписания?

Ричард начал догадываться, что «Эрлс-корт»[196] вряд ли означает ту станцию метро, на которой он сто раз сидел на лавочке в ожидании поезда, читая газету или просто о чем-нибудь думая. Саксофонист Лир облизнул губы.

— Может, и найдется. А что я получу взамен?

Маркиз сунул руки в карманы плаща и улыбнулся, как кот, которому доверили клетку с бестолковыми, жирными канарейками.

— Говорят, — промолвил он таким тоном, будто вел светскую беседу, — что наставник Мерлина Блэз однажды сочинил мелодию, настолько завораживающую, что монеты сами выпрыгивали из

---

[196] notes: 196

Эрлс-корт — станция метро и район в Лондоне. Район получил свое название оттого, что с начала XII в. эта местность принадлежала графам Оксфорд — потомкам Обри де Вера I.

карманов у всех, кто ее слышал.

— Такая мелодия стоит больше, чем какое-то расписание, — прищурившись, заметил Лир. — Если, конечно, вы ее знаете.

Маркиз правдоподобно изобразил недоумение. Его лицо говорило: «Еще бы! Эта мелодия почти бесценна!».

— Ну, очевидно, ты будешь мне должен, — важно объявил он.

Лир кивнул, вытащил из заднего кармана джинсов сложенное вчетверо расписание и показал маркизу, но когда тот хотел его взять, Лир отдернул руку.

— Нет уж, сначала мелодия. И я хочу убедиться, что она работает.

Маркиз вскинул бровь, сунул руку в один из многочисленных карманов плаща и вытащил оттуда оловянный свисток и стеклянный шарик. С удивлением поглядел на шарик, хмыкнул, словно говоря: «А, так вот куда он запропастился!» — и убрал шарик в карман. Потом размял пальцы, поднес свисток к губам и заиграл странную развеселую мелодию. Она то взлетала, то опадала, и Ричард вдруг почувствовал себя снова тринадцатилетним, когда музыка так много для него значила. Ему вспомнилось, как он слушал на

большой перемене «Лучшую двадцатку» хитов, и это казалось безумно важным. Мелодия, которую играл маркиз, представилась ему той самой, какую он всегда мечтал услышать.

Горсть монет со звоном полетела на пальто. Прохожие улыбались, шагая в такт. Маркиз опустил свисток.

— Ах ты жулик! — воскликнул Лир. — Ладно, я тебе должен.

— Конечно, — согласился маркиз, разворачивая расписание и удовлетворенно кивая. — Смотри не переборщи. От души советую: не увлекайся.

И они пошли дальше по переходу, мимо рекламы нижнего белья и новых фильмов, а также надписей, запрещавших уличным музыкантам играть в переходе. Издали доносился плач саксофона и звон монет, падающих на пальто.

Маркиз привел их на платформу Центральной линии. Ричард заглянул за край, как всегда гадая, по какому из рельсов идет ток. На этот раз он решил, что по дальнему, под который подложены белые керамические изоляторы, и улыбнулся, увидев темно-серую мышь, смело снующую по шпалам в поисках чипсов и недоеденных булок.

Из динамиков послышалось: «Отойдите от края платформы!» — официальный, бестелесный

мужской голос, всегда предварявший появление поезда. Как большинство лондонцев, Ричард давно уже не замечал такие объявления, воспринимая их как звуковой фон. И вдруг Охотница схватила его за руку выше локтя:

— Отойди от края, — приказала она. — Встань там, у стены.

— Чего? — удивился Ричард.

— Я сказала, отойди… — начала она, но тут у края платформы появилось оно.

Призрачная, бесформенная тень — какой-то густой черный дым — вздувалась, как шелковая ткань под водой, скользила стремительно и в то же время медленно — как в дурном сне. Тень вытянулась, словно протянула щупальце, обвила лодыжку Ричарда, обжигая даже сквозь ткань джинсов… и дернула его к краю платформы, так что Ричард пошатнулся.

Краем глаза он заметил, что Охотница бьет тень шестом, снова и снова нанося мощные удары.

Послышался далекий вскрик — тонкий и неосмысленный, словно у ребенка-дауна отобрали любимую игрушку. Тень отпустила Ричарда и скрылась за краем платформы. Охотница взяла Ричарда за шкирку и оттащила к стене, к которой он тут же тяжело привалился. Его била дрожь. Все

вокруг казалось нереальным. Там, где призрак коснулся его джинсов, на ткани осталась светлая полоса, словно джинсы неудачно покрасили в домашних условиях. Он подвернул штанину — на коже были ранки.

— Что… — хотел сказать Ричард, но голос пропал. Тогда он сглотнул и попробовал снова: — Что это было?

Охотница глянула на него совершенно бесстрастно. Казалось, ее лицо вырезано из темного дерева.

— Насколько я знаю, у них нет названия. Они живут за краем платформы. Я же говорила тебе отойти.

— Я раньше никогда такого не видел.

— Раньше ты не был частью Нижнего мира, — объяснила Охотница. — В другой раз стой у стены. Так безопаснее.

Маркиз достал массивные золотые часы, поглядел на них и снова пристроил в жилетный карман. Потом сверился с расписанием и удовлетворенно кивнул.

— С Эрлс-корт нам повезло, — объявил он. — Наш поезд через полчаса.

— Но ведь «Эрлс-корт» не на Центральной линии, — заявил Ричард.

Маркиз насмешливо на него поглядел..

— Какое у вас незамутненное сознание, молодой человек. Нет ничего лучше абсолютного неведения, не правда ли?

Ричард почувствовал теплый поток воздуха. К станции подошел следующий поезд. Ричард с завистью смотрел, как люди входят и выходят, занятые своими обычными делами. «Отойдите от края платформы, — призывал голос. — Не задерживайтесь в дверях — проходите в глубь вагона».

Дверь глянула на Ричарда и встревожилась. Он побледнел как полотно и тяжело дышал. Она подошла к нему и взяла за руку. «Отойдите от края платформы», — снова повторил голос.

— Я в порядке, — мужественно соврал Ричард, ни к кому конкретно не обращаясь.

* * *

Во дворе заброшенной больницы, в которой обосновались Круп и Вандемар, было сыро и безрадостно. Пучки травы пробивались у ножек оставленных здесь столов, резиновых покрышек и обломков мебели. Казалось, лет десять назад (то ли от скуки, то ли от отчаяния, а может, в знак протеста) врачи выкинули все из своих кабине-

тов и оставили здесь гнить.

Двор усеивало множество осколков. Здесь было несколько матрасов, почему-то прожженных. Почему, никто не знал, да и никому не было дела. Трава пробивалась между пружин. Целая экосистема сложилась вокруг фонтана в центре двора, который уже много лет не мог порадовать никого ни красотой, ни живительными струями. Дождевая вода собиралась в чаше фонтана вместе с водой из лопнувшей неподалеку трубы, и здесь расплодилось множество лягушек, которые беззаботно скакали вокруг, радуясь, что им ничто не грозит, если не считать их единственных врагов — птиц.

В свою очередь, вороны, дрозды, а также залетающие сюда изредка чайки считали это место уникальной закусочной, где в изобилии имеются лягушки, зато нет ни одного кота.

Слизняки лениво ползали между пружин прожженных матрасов, улитки оставляли липкие следы на осколках стекла. Большие черные жуки деловито сновали по обломкам серых пластмассовых телефонов и причудливо изувеченным куклам Барби.

Круп и Вандемар вышли подышать свежим воздухом. Похожие в своих темных потертых

костюмах на две черные тени, они бродили по двору, и стекло хрустело у них под башмаками. Мистер Круп кипел яростью. Он шел в два раза быстрее мистера Вандемара, то забегая вперед, то обходя его сзади, подпрыгивая от негодования. Время от времени он бросался на стену и принимался молотить по ней кулаками и пинать ногами, вымещая свою злость. Вандемар же шел спокойно. Мерно, уверенно и неотвратимо — как сама Смерть. Он равнодушно смотрел, как Круп пнул стекло, прислоненное к стене, и оно с мелодичным звоном разлетелось вдребезги.

— Дело в том, мистер Вандемар, — заявил Круп, глядя на осколки, — что я сыт по горло. Мне надоела эта игра в прятки, это ничегонеделание, дуракаваляние… Жалкая жаба! Да я мог бы выдавить ему глаза вот этими самыми руками…

Мистер Вандемар покачал головой.

— Рано. Он наш босс. И дал нам задание. Вот заплатит, тогда и можно будет повеселиться.

Мистер Круп сердито сплюнул.

— Ничтожество! Лживый болван… Мерзкая тварь! Прихлопнуть его, укокошить, пустить в расход, аннулировать…

Громко зазвонил телефон. Круп и Вандемар стали озадаченно оглядываться. Наконец мистер

Вандемар заметил аппарат, стоявший на груде размокших медицинских карт. Провода были оборваны. Вандемар снял трубку и передал ее Крупу:

— Это тебя.

Он не любил разговаривать по телефону.

— Мистер Круп у аппарата! — рявкнул Круп и тут же сменил тон на раболепный: — А, это вы, сэр… — Он помолчал. — В настоящий момент, как вы и просили, она беспрепятственно делает что хочет, беззаботная как бабочка. Боюсь, ваша идея насчет телохранителя с треском провалилась… Варни? Да, уже мертв. — Он снова помолчал. — Сэр, я начинаю испытывать некоторый дискомфорт от той роли, которую мы с моим коллегой играем во всем этом деле. — Он снова умолк и вдруг смертельно побледнел. — Непрофессионально? — прошипел он. — *Мы*? — Мистер Круп стукнул кулаком об стену, однако тон его ничуть не изменился. — Сэр, осмелюсь вам напомнить, что мы с мистером Вандемаром сожгли Трою, мы принесли черную чуму во Фландрию. Мы убили дюжину королей, пяток римских пап, полсотни героев и двух так называемых богов. По поручению нашего предыдущего работодателя мы замучили до смерти всех монахов монастыря

в Тоскане в шестнадцатом веке. Так что, извините, *мы* — профессионалы!

— Мне, кстати, понравилось, — проговорил мистер Вандемар, запихивая в рот лягушек. Развлечение заключалось в том, чтобы натолкать как можно больше и только потом начать пережевывать.

— Что я хочу этим сказать? — переспросил мистер Круп, стряхивая с потертого пиджака воображаемую пылинку и не замечая грязных пятен. — Я хочу сказать, что мы убийцы, киллеры. Мы убиваем. — Его собеседник что-то сказал. — А как же этот, из Верхнего мира? Почему его нельзя убить? — мистер Круп поморщился, сплюнул, пнул стену и снова замер с ржавым разваливающимся телефоном в руке. — *Запугатьее*? Мы убийцы, а не пугала. — Он помолчал, глубоко вздохнул: — Хорошо, я понял. Но мне это не нравится.

На том конце повесили трубку. Мистер Круп поглядел на телефон, а потом принялся колотить им об стену до тех пор, пока аппарат не рассыпался в хлам.

Подошел мистер Вандемар. Он нашел где-то огромного черного слизня, ярко-оранжевого снизу, и теперь посасывал его, как лакричный

леденец. Слизняк, не отличавшийся сообразительностью, пытался уползти Вандемару на подбородок.

— Кто это был? — спросил Вандемар.

— А ты как думаешь?

Мистер Вандемар пожевал хвост слизня, а потом всосал его, как толстую липкую макаронину.

— Пугало? — предположил он.

— Наш босс.

— Со второй попытки я бы угадал.

— Пугала! — Мистер Круп с отвращением сплюнул. Он медленно переходил от красной кипучей ярости к клейкой серой обиде.

Мистер Вандемар проглотил слизняка и вытер рот рукавом.

— Я знаю отличный способ пугать ворон, — сообщил он. — Подкрадываешься к вороне, хватаешь ее за шею и сжимаешь до тех пор, пока не перестанет трепыхаться. Вот это их до смерти пугает.

Он умолк, и в тишине послышался недовольный крик ворон, пролетавших над головой.

— Вороны, семейство врановые, по-латыни *corvidae*, собирательное существительное, — произнес мистер Круп, наслаждаясь словами. — В народе олицетворяют убийство.

* * *

Ричард и Дверь стояли у стены. Она молчала. То грызла ногти, то проводила руками по рыжеватым волосам, отчего они только топорщились, и Дверь тут же снова принималась их приглаживать. Она не походила ни на одну из девушек, каких Ричард когда-либо видел. Ловя на себе его взгляд, она пряталась еще глубже в свою огромную куртку и выглядывала оттуда с выражением, напомнившим Ричарду бездомного ребенка, которого он видел прошлой зимой в Ковент-Гарден. Он так и не понял, мальчик это был или девочка. Его мать просила милостыню, умоляя прохожих подать монетку, чтобы она могла накормить малыша, которого держала на руках. А ребенок, продрогший и голодный, молча смотрел на мир широко распахнутыми глазами.

Охотница, стоя рядом с Дверью, внимательно оглядывала платформу. Маркиз велел им подождать и куда-то пропал. Ричард услышал, как где-то заплакал ребенок, и из двери с надписью «вход» появился маркиз, жующий шоколадку.

— Развлекаетесь? — поинтересовался Ричард.

В потоке теплого воздуха снова подлетел поезд.

— Нет, занимаюсь делом, — ответил маркиз, снова сверился с расписанием и посмотрел на часы. — Это наш поезд, — объявил он. — Встаньте за мной. — Ричард разочарованно отметил, что поезд, с грохотом подошедший к станции, ничем не отличался от других. Маркиз перегнулся через Ричарда к Двери. — Леди, наверное, я должен был вас заранее предупредить…

Она поглядела на него. В ее необыкновенных глазах было удивление.

— О чем?

— Дело в том, что, *возможно*, граф будет не слишком рад меня видеть.

Поезд с шипением остановился. Перед ними оказался пустой вагон. Лампы в нем не горели. Он был темен и неприютен. Ричард иногда видел такие вагоны-призраки и не раз ломал голову, зачем они нужны. В остальных вагонах двери разъехались, одни люди вышли, другие вошли. Двери в пустой вагон оставались закрыты. Маркиз постучал — условным ритмичным стуком. Ничего не произошло. Ричард уже подумал, что поезд сейчас уедет, когда кто-то приоткрыл изнутри двери — дюймов на шесть. В щель показалось лицо.

— Кто стучит? — спросил старик в очках.

В щель Ричарду привиделись костры и люди, окутанные дымом. Однако если глянуть в вагон сквозь стекло, там по-прежнему было темно и пусто.

— Леди Дверь и ее спутники, — вежливо ответил маркиз.

Двери открылись, и они шагнули в Эрлс-корт.

Глава VII

На полу была разбросана солома — поверх тростника. В камине ярко горел огонь, потрескивали дрова, рассыпая снопы искр. Важно бродили куры, поклевывая солому. На сиденьях лежали подушки с вышивкой ручной работы, а на окнах и дверях висели старинные гобелены.

Поезд отошел от станции. Ричард покачнулся и, чтобы не упасть, ухватился за плечо стоявшего рядом человека. Это оказался невысокий, седой солдат, которого, если бы не железный шлем, плащ, плохо собранная кольчуга и копье, можно было принять за вышедшего на пенсию члена правительства. Впрочем, даже во всем этом обмундировании он был похож на члена правительства, — которого заставили сыграть солдата в местном театральном кружке.

Когда Ричард схватил его за плечо, старик мигнул, близоруко прищурился и сказал:

— Простите.

— Это я виноват, — отозвался Ричард.

— Да, точно.

Огромный ирландский волкодав прошел по вагону и остановился рядом с музыкантом, сжи-

мавшим в руках лютню. Музыкант сидел на полу и наигрывал веселую мелодию. Волкодав пристально посмотрел на Ричарда, пренебрежительно фыркнул, лег у ног музыканта и заснул. В дальнем конце вагона престарелый сокольничий, у которого на рукаве сидел сокол в клобуке, обменивался любезностями с несколькими пожилыми дамами. Некоторые пассажиры мрачно уставились на вошедших, другие демонстративно отвернулись. Словно кто-то умудрился втиснуть в вагон метро небольшой средневековый замок, подумал Ричард.

Герольд поднял горн и затрубил. В ту же минуту из двери соседнего вагона вышел огромный старик в халате, отороченном мехом, и тапочках. Пошатываясь, он побрел по вагону. Рядом семенил шут в потрепанной пестрой одежде. Старик был чудовищных размеров — не человек, а гора. Один глаз у него закрывала черная повязка, как у пирата, и от этого старик казался беспомощным, как одноглазый сокол. В его рыжей с проседью бороде застряли остатки пищи, а из-под халата, отороченного мехом, выглядывала пижама.

Это, должно быть, и есть граф, догадался Ричард.

У престарелого шута, с лицом, раскрашенным,

как у Арлекина, были тонкие сухие губы. Он напоминал старого неудачливого комика, лет сто назад сбежавшего из затрапезного викторианского театра. Шут подвел графа к резному деревянному креслу, похожему на трон, на которое тот с превеликим трудом взгромоздился. Волкодав встал, подошел к трону и лег у ног графа.

Эрлс-Корт, сообразил Ричард. *Как это я раньше не догадался!* И он задумался, есть ли барон на «Бэронс-корт» и ворон на «Рейвенскорт»[197]…

Престарелый солдат закашлялся.

— Эй вы, четверо! По какому делу пожаловали? — спросил он, поборов приступ кашля.

Дверь шагнула вперед, подняла голову, так что стала как будто выше, чем обычно, и проговорила:

— Мы просим аудиенции у его светлости.

— Холворд, что говорит эта девочка? — спросил граф.

---

[197] notes: 197

Бэронс-Корт (букв. «Двор барона») — станция метро и район в Лондоне. Название дал сэр Уильям Пэллисер — член парламента, которому принадлежали эти земли. Сэр Уильям был ирландского происхождения и назвал район в честь Baronscourt estate в Ирландии. *Рейвенскорт*-парк (букв. «Двор ворона») — станция лондонского метро. Название «Рейвенскорт» придумал для своего особняка в этой местности Уильям Корбетт (1680–1748), на гербе которого был изображен ворон.

Ричард решил, что он глуховат.

Пройдя по вагону, престарелый солдат Холворд сложил ладони рупором и прокричал:

— Она просит аудиенции, ваша светлость!

Сдвинув набок меховую шапку, граф задумчиво почесал лысую голову.

— Правда? Аудиенции? Замечательно! А кто это, Холворд?

Холворд снова повернулся к ним.

— Граф спрашивает, кто вы такие. Говорите, только покороче. Без особых подробностей.

— Я — леди Дверь, — представилась девушка. — Лорд Портико был моим отцом.

Услышав это, граф радостно улыбнулся и подался вперед, пытаясь в клубах дыма своим единственным глазом разглядеть нежданную гостью.

— Девочка говорит, что она — старшая дочь Портико? — переспросил он шута.

— Да, ваша светлость.

Граф махнул Двери:

— Иди сюда. Иди-иди, не бойся. Дай-ка я на тебя погляжу.

Дверь пошла к нему по раскачивающемуся из стороны в сторону вагону, хватаясь за веревочные петли, свисавшие с потолка. Остановившись

перед креслом, в котором сидел граф, она сделала реверанс. Граф задумчиво почесал бороду и посмотрел на девушку.

— Безвременная смерть твоего отца поразила нас всех до глубины души и… — Граф неожиданно умолк и, помолчав, продолжил: — То, что произошло с твоей семьей, привело нас… — Он снова смолк. — Ты знаешь, что я питал к твоему отцу самые теплые и дружеские чувства. У нас с ним были общие дела… Бедный Портико… У него всегда было столько идей… — Он похлопал шута по плечу и прошептал, так громко, что его шепот можно было услышать из любого конца вагона, несмотря на стук колес: — Пора пошутить, Тули. Зря, что ли, я тебя кормлю?

Шут заковылял по вагону, прихрамывая и морщась от боли, — видимо, его мучил артрит и ревматизм. В конце концов он остановился рядом с Ричардом и спросил:

— Кто бы это мог быть?

— Я? — переспросил его Ричард. — Эээ. Я? Вы хотите узнать мое имя. Меня зовут Ричард. Ричард Мэхью.

– *Я?* — визгливо передразнил его шут, неудачно попытавшись изобразить шотландский акцент. — *Я?* Эээ. *Я?* Гляди-ка, дядюшка! Да это же

просто дурачок!

Подданные графа вежливо захихикали.

— А меня зовут маркиз Карабас, — сказал Карабас, ослепительно улыбнувшись шуту. Тот замигал.

— Маркиз Карабас? — переспросил шут. — Воришка? Похититель тел? Предатель? — Он повернулся к придворным. — Нет-нет, это не маркиз Карабас. Почему? Да потому, что того Карабаса навсегда отлучили от двора нашего милостивого графа. Наверное, это новый вид *горностая*, который гораздо крупнее своих сородичей.

Придворные неуверенно хихикнули и обеспокоенно зашептались. Граф не проронил ни слова. Он сидел, плотно сжав губы и дрожа от злости.

— А меня зовут Охотница, — сообщила Охотница шуту.

Придворные молчали. Шут открыл было рот, собираясь что-то сказать, но глянул на Охотницу и снова его закрыл. На губах у Охотницы заиграла легкая улыбка.

— Давай же, — попросила она. — Скажи что-нибудь забавное.

Уставившись в пол, шут выдавил из себя:

— А моей собаке отгрызли нюх.

Граф неотрывно смотрел на маркиза Карабаса. Он был похож на динамит с длинным фитилем, по которому медленно бежит искра. Глаза выпучил, губы у него побелели, — словно он не мог поверить в то, что видит. Внезапно граф вскочил на ноги — седобородый вулкан, престарелый берсеркер[198] — и уперся головой в потолок. Указав на маркиза, он вскричал, разбрызгивая слюну:

— Я этого не потерплю! Не потерплю! Путь он подойдет!

Холворд мрачно ткнул маркиза своим копьем. Тот подошел к Двери и встал перед графом. Волкодав глухо зарычал.

— Это ты! — завопил граф, ткнув в него длинным узловатым пальцем. — Я тебя узнал, Карабас! Думал, я тебя забуду?! Ни за что! Да, я старый, но я все прекрасно помню!

Маркиз поклонился.

— Осмелюсь вам напомнить, ваша светлость, — вежливо сказал он, — что у нас был уговор. Я помог вам заключить мир с Рэйвенскорт. А взамен вы обещали оказать мне любую услугу, о какой бы я ни попросил.

Значит, «Рэйвенскорт» тоже не просто стан-

---

[198] notes: 198

Берсеркер — у древних скандинавов воин-герой, обладавший сверхчеловеческой силой и яростной жаждой битв.

ция, подумал Ричард. Ему стало интересно, кто там живет.

— Услугу? — пророкотал граф. От злости он покраснел как помидор. — Вот как ты это называешь! Во время отступления из Уайт-Сити[199] я потерял дюжину подданных исключительно по твоей дурости. И лишился одного глаза.

— Позвольте заверить вас, ваша светлость, — проговорил маркиз, — что эта повязка вам к лицу. Она великолепно подчеркивает вашу красоту.

— Я поклялся… — прогремел граф, тряся бородой. — Я поклялся… что если ты еще раз окажешься в моих владениях… — Он запнулся. Растерянно покачал головой, словно силясь что-то вспомнить. Потом продолжил: — Ничего-ничего, я сейчас вспомню. Я никогда ничего не забываю.

— Значит, он, *возможно*, будет не слишком рад тебя видеть? — прошептала Дверь маркизу.

— Ну да. Разве он рад? — пробормотал в ответ Карабас.

Дверь снова шагнула вперед.

— Ваша светлость, — громко и четко сказала

---

[199] notes: 199

Уайт-сити — станция метро и район к северу от Шепердс-буш. Получила свое название от белых выставочных павильонов (здесь проходила франко-британская выставка в 1908 г., британско-японская в 1910 г. и др.).

она, — маркиз Карабас мой друг и помощник. Прошу вас, во имя взаимного уважения, какое всегда питали друг к другу мой и ваш род, во имя вашей дружбы с моим отцом…

— Он злоупотребил моим гостеприимством! — рявкнул граф. — Я поклялся, что… если он еще раз окажется в моих владениях, я прикажу его хорошенько выпотрошить, а потом повесить сушиться… как нечто, что… хмм… сначала выпотрошили, а потом… хмм… повесили сушиться…

— Может, как воблу? — подсказал шут.

Граф пожал плечами.

— Какая разница! Стража, взять его!

Стража тут же повиновалась. И хотя стражники тоже были не первой молодости, они крепко держали свои арбалеты, нацелив их на маркиза. Ричард глянул на Охотницу. Казалось, ее это не особо заботило: она смотрела на происходящее с легкой улыбкой, как зрители смотрят забавную пьесу.

Дверь сложила руки на груди и еще выше вскинула голову. Сейчас она была похожа не на маленького оборвыша, а на очень упрямую девочку, которая привыкла добиваться своего. Ее опаловые глаза засверкали.

— Ваша светлость, маркиз пришел со мной, он

помогает мне в очень трудном деле. Наши с вами семьи всегда были дружны,…

— Да, дружны, — перебил ее граф. — Сотни лет. Несколько сотен лет. Я знал еще твоего прадедушку. Забавный был старикан, — потом тихо добавил: — Правда, со странностями.

— Я вынуждена заявить, что расцениваю акт насилия по отношению к моему другу как полное неуважение ко мне и моему роду. — Дверь сурово посмотрела на престарелого графа. А он уставился на нее. Так они простояли несколько минут, не проронив ни слова. В конце концов, ожесточенно подергав свою рыжую с проседью бороду и по-детски обиженно выпятив нижнюю губу, граф сказал:

— Пусть уходит.

Маркиз вынул из кармана золотые часы, которые подобрал в доме Портико, спокойно взглянул на них, повернулся к Двери и сказал так, будто ничего особенного не произошло:

— Полагаю, леди, мне лучше сойти с поезда. Там от меня будет больше пользы. Мне нужно много чего обдумать.

— Нет, — отозвалась девушка. — Если вы уйдете, мы тоже уйдем.

— Не переживай, — успокоил ее маркиз. —

Здесь, в Нижнем Лондоне, тебя всегда защитит Охотница. Я постараюсь встретиться с вами на следующем рынке. А пока что — будь умницей и не наделай глупостей.

Состав как раз подходил к станции.

Дверь пристально посмотрела на графа, и, несмотря на ее юный возраст, во взгляде ее больших опаловых глаз было что-то невероятно древнее и могущественное. Ричард заметил, что придворные тут же замолкали, когда она начинала говорить.

— Вы позволите ему уйти, ваша светлость? — спросила она.

Граф провел ладонями по лицу, потер свой единственный глаз, потеребил повязку на другом, потом посмотрел на девушку.

— Пусть идет, — сказал он и, посмотрев на маркиза, добавил: — В следующий раз… — он провел пальцем по горлу. — …Вобла!

Маркиз отвесил поклон.

— Не надо меня провожать! — бросил он стражникам и подошел к открытым дверям.

Холворд вскинул арбалет и нацелил его в спину маркиза. Охотница протянула руку и направила арбалет в пол. Маркиз вышел на платформу, повернулся и игриво помахал им рукой. Двери с

шипением закрылись.

Граф опустился в свое резное кресло и какое-то время сидел молча. Громыхая и раскачиваясь, состав мчался по темному тоннелю.

— Я совсем забыл о гостеприимстве! — вдруг пробормотал граф себе под нос. Он посмотрел на своих гостей единственным глазом и проревел так, что стены задрожали, как от барабанного боя: — *Я совсем забыл о гостеприимстве!* — Он жестом подозвал одного из престарелых стражников. — Дагворд, они наверняка хотят есть. И пить тоже.

— Так точно, ваша светлость.

— Остановите поезд! — крикнул граф.

Двери открылись, и Дагворд выскочил на платформу. Ричард с интересом смотрел на людей на станции. Ни один не вошел в их вагон. Казалось, никто вообще не заметил ничего странного.

Дагворд подошел к автомату с шоколадными батончиками и безалкогольными напитками. Сняв шлем, он постучал рукой в латной рукавице по стальному боку автомата.

— Приказ графа, — сказал он. — Нужны батончики.

Автомат протяжно заскрежетал и принялся выплевывать в поддон батончики «Фрут энд

Нат». Подставив шлем, Дагворд ловил их — батончиков было так много, что они посыпались на пол. Двери вагонов начали закрываться. Холворд быстро сунул между дверьми копье, и они снова разъехались, и стали то закрываться, то разъезжаться. «Граждане пассажиры, отпустите двери, — послышалось из динамика. — Поезд не пойдет, пока двери не закроются».

Граф посмотрел на Дверь своим единственным глазом и спросил:

— Итак, что привело тебя ко мне?

Она облизнула губы.

— В общем и целом, смерть моего отца.

Он медленно кивнул:

— Понятно. Хочешь отомстить. Это правильно, — откашлявшись, он продекламировал низким басом: — «Голодный клинок твой жаждет расправы! Пусть пламя взовьется до самых стен, пусть кровь здесь прольется не ради забавы, — пусть смоет потоками…» Смоет потоками… эээ… в общем, что-то там смоет. Да.

— Отомстить? — Дверь на секунду задумалась. — Ну да. Отец именно об этом и просил. Но пока я хочу всего лишь выяснить, как такое могло произойти, и спастись сама. У моей семьи не было врагов.

В эту минуту в вагон зашел Дагворд со шлемом, полным батончиков и банок колы. Холворд убрал копье, двери тут же закрылись, и состав тронулся.

* * *

Пальто Лира по-прежнему лежало на полу, усыпанное горками монет и смятых банкнот, истоптанное башмаками. Люди топтали монеты, рвали банкноты и ткань пальто. Казалось, никому нет дела до того, что у них под ногами деньги. Лир плакал.

— Оставьте меня в покое! Ну пожалуйста! — молил он.

Он прижался спиной к стене. По лицу текла кровь, она уже залила всю бороду. Помятый, исцарапанный саксофон висел у него на груди.

На него напирала толпа — больше двадцати, но меньше пятидесяти человек. Они толкались и отпихивали друг друга, как безумные. Уставившись в пустоту, мужчины и женщины боролись не на жизнь, а на смерть за право бросить Лиру деньги на пальто. На покрытой кафелем стене расплылось алое пятно крови — там, где Лир ударился головой. Он отчаянно пытался отбиться от какой-то дамы с раскрытым кошельком в руках,

которая пихала ему в лицо целую пачку пятифунтовых банкнот. Она готова была выцарапать ему глаза, лишь бы он взял у нее деньги. Уклоняясь от ее острых ногтей, Лир не устоял на ногах и рухнул на пол лицом вниз.

Кто-то наступил ему на руку. Монеты больно впивались в лицо. Лир рыдал и ругался.

— Я же говорил: не увлекайся, — спокойно сказал кто-то. — Вот к чему приводит жадность.

— Помоги! — выдохнул Лир.

— Что ж, *в принципе* есть другая мелодия, которая могла бы тебе пригодиться, — неохотно сказал некто.

Толпа наседала на Лира. Кто-то бросил монетку в пятьдесят пенсов прямо ему в лицо, и ее острый край порезал ему щеку. Лир обхватил колени и, зажмурившись, уткнулся в них лицом.

— Играй, черт бы тебя побрал! — всхлипывая, крикнул он. — Я сделаю все что угодно… Играй!

В ту же секунду, эхом отражаясь от каменных стен, по туннелю разнеслась тихая трель. Одна простая фраза повторялась снова и снова с легкими вариациями. Люди стали расходиться, сначала медленно и неохотно, потом все быстрее и увереннее. Лир открыл глаза. Маркиз Карабас дудел в свою свистульку, прислонившись к стене.

Заметив, что Лир смотрит на него, он перестал дудеть, убрал свистульку во внутренний карман плаща и бросил музыканту носовой платок, отделанный кружевами. Лир вытер кровь со лба и щеки.

— Они меня чуть не растерзали! — сердито проговорил он.

— Я же тебя *предупреждал,* — отозвался маркиз. — Тебе крупно повезло, что я решил вернуться. — Он помог Лиру сесть. — Насколько я понимаю, теперь за тобой еще один должок.

Лир поднял пальто — рваное, грязное, со следами ботинок. Ему вдруг стало холодно, и он набросил пальто на плечи. Монеты и банкноты посыпались на пол. Лир даже не взглянул на них.

— Неужели? Просто повезло? Или ты все это подстроил?

Маркиз будто бы всерьез обиделся.

— Да как ты мог такое подумать?

— Я слишком хорошо тебя знаю. Ну ладно, чего тебе надо? Украсть что-нибудь? Устроить поджог? — Лир помолчал, а потом с грустью добавил: — Небось, хочешь, чтобы я кого-то убил?

Карабас забрал у него свой платок.

— Зря гадал. Первое предположение было вер-

ным. Мне действительно надо, чтобы ты для меня кое-что украл, — улыбнувшись, сказал он. — Понимаешь, мне позарез нужна статуэтка периода династии Тан.

Лира передернуло, и он неохотно кивнул.

* * *

Ричарду вручили батончик «Фрут энд Нат» из автомата и огромный серебряный кубок, инкрустированный по краю драгоценными камнями, похожими на сапфиры. В кубке плескалась кока-кола. Шут, которого звали Тули, кашлянул и громко провозгласил:

— Давайте выпьем за наших гостей. Перед нами ребенок, герой и дурак. Пусть каждый получит то, чего заслуживает.

— А я — кто? — шепотом спросил Ричард.

— Дурак, разумеется, — ответила Дверь.

— Раньше, — угрюмо протянул Холворд, отпив немного колы, — у нас было вино. Мне оно больше нравилось. Не такое липкое.

— А что, все автоматы выдают вам шоколад и колу? — спросил Ричард.

— Конечно, — отозвался стражник. — Они все подчиняются графу. Он правит метро. Он — граф Центральной, Кольцевой, Юбилейной линий, а

также линий Виктория и Бейкерлу, — в сущности, всех, кроме линии Андерсайд[200].

— А что это за линия Андерсайд? — удивился Ричард.

Холворд покачал головой и крепко сжал губы. Охотница тронула Ричарда за плечо.

— Помнишь, я тебе говорила о пастухах в Шепердс-буш?

— Вы сказали, что лучше мне с ними никогда не встречаться и что есть много такого, о чем мне лучше не знать.

— Правильно. Так вот, ты смело можешь добавить линию Андерсайд в список того, о чем тебе лучше не знать.

Тут к ним подошла Дверь.

— Граф согласился нам помочь, — с улыбкой сообщила она. — Идемте. Он ждет нас в библиотеке.

Ричард гордился собой: он не спросил: «В какой еще библиотеке?», и не сказал, что в поездах не бывает библиотек. Дверь прошла мимо опустевшего трона в следующий вагон, который и служил библиотекой. Ричард направился за ней. Это была огромная комната с каменными

---

[200] notes: 200

Автор придумывает несуществующую линию метро Андерсайд (прибл. «нижняя, подземная»).

стенами и высоким деревянным потолком. Вдоль стен шли полки, заваленные самыми разными предметами. Конечно, тут было немало книг, но имелось и многое другое: теннисные ракетки, хоккейные клюшки, зонты, лопата, ноутбук, деревянная нога, несколько кружек,

груда туфель, бинокли, вахтенный журнал, шесть кукол, которые надевались на палец, лавовая лампа, множество CD, виниловые пластинки, грампластинки с частотой 45 и 78 оборотов, аудиокассеты, бобины, игральные кости, игрушечные автомобильчики, вставные челюсти, наручные часы, фонари, четыре садовых гнома разных размеров (два с удочками, один с сигарой и еще один с голой попой), стопки газет и журналов, книги по магии и волшебству, трехногие табуретки, коробка сигар, пластмассовая овчарка с кивающей головой, носки… Царство забытых вещей.

— Вот его истинные владения, — пробормотала Охотница. — Потерянные вещи. Забытые вещи.

В окна были видны стены туннеля, по которому мчался поезд, провода, тусклый свет лампочек. Граф сидел на полу, расставив ноги. Он рассеянно гладил волкодава и чесал его за ухом. Шут стоял рядом, — казалось, ему неловко. Увидев гостей,

граф поднялся.

— А… Это вы, — протянул он, наморщив лоб. — А зачем я вас звал? Ну-ка, ну-ка, сейчас вспомню… — Он потеребил свою рыжую с проседью бороду.

— Мы ищем ангела Ислингтона, ваша светлость, — подсказала Дверь.

— Ах да, вспомнил. Твой отец кое-что задумал. Рассказал об этом мне. Но я не люблю перемен, поэтому послал его к Ислингтону. — Граф помолчал, потом мигнул единственным глазом и сказал: — Я тебе об этом не говорил?

— Говорили, ваша светлость. Как же *нам* найти Ислингтона?

Граф кивнул так, будто Дверь сказала что-то очень важное.

— К ангелу ведут два пути. Один — короткий, но им можно воспользоваться всего один раз. Если Ислингтон вам снова понадобится, придется идти вторым путем — долгим и очень опасным.

Дверь терпеливо спросила:

— Какой короткий путь?

— Нет-нет, он не каждому подойдет. Только тем, кто умеет открывать любые двери, — а это умел делать только Портико и члены его семьи. — Он положил свою огромную руку ей на плечо. Потом

погладил ее по щеке. — Оставайся-ка лучше со мной. Согреешь мои старые косточки темной ночью. — Он игриво коснулся своими узловатыми пальцами ее волос. Охотница подалась вперед, но Дверь жестом остановила ее: *Не надо. Не сейчас*.

Она посмотрела на графа:

— Ваша светлость, я — *старшаядочь* Портико. Как мне добраться до ангела Ислингтона?

Ричард поразился ее невероятному терпению. Как ей удается выносить старого графа, у которого то и дело наступает помутнение рассудка!

Граф склонил голову на бок и деловито подмигнул Двери, — в эту минуту он был очень похож на старого сокола. Он убрал руку с ее волос.

— Верно. Верно. Дочь Портико. Как поживает твой отец? Надеюсь, он в добром здравии. Замечательный человек. Чудесный человек.

— Как нам добраться до ангела Ислингтона? — повторила Дверь с дрожью в голосе.

— Как? Очень просто. С помощью *Angelus'a.*

Ричард попытался представить себе, каким был граф шестьдесят, восемьдесят, пятьсот лет назад. Бесстрашный воин, умелый стратег, настоящий ловелас, верный друг и опасный враг. Следы былой мощи и сейчас проглядывали в этом старом человеке. И от этого становилось страшно

и грустно. Граф принялся рыться на полках, расшвыривая ручки, курительные трубки, духовые ружья, гаргулий и сухие листья. Наконец, с ловкостью старого кота, поймавшего мышь, он схватил небольшой свиток и протянул его Двери.

— Вот, дочка, держи, — сказал он. — Там все написано. Мы тебя подбросим до нужной станции.

— Подбросите? — переспросил Ричард. — На поезде?

Граф удивленно обернулся, пытаясь определить, кто это сказал, пристально посмотрел на Ричарда и расплылся в улыбке.

— А как же, — сказал он. — Ради дочери Портико мы сделаем все что угодно.

Дверь радостно схватила свиток.

Поезд затормозил. В сопровождении стражника Ричард, Дверь и Охотница вышли из библиотеки. Ричард выглянул в окно. Поезд как раз подходил к станции.

— Простите, вы не скажете, что это за станция? — спросил он.

Состав остановился. На стене напротив вагона Ричард увидел название: «Британский музей». Ну нет, это уже слишком. Ладно, нельзя стоять у края платформы; ладно, на «Эрлс-корт» живет настоящий граф; ладно, в вагоне метро есть старинная

библиотека. Но «Британский музей» — это уже чересчур. Как все лондонцы, Ричард знал схему метро наизусть.

— Такой станции нет! — уверенно заявил он.

— Правда?! — воскликнул граф. — Что ж, тогда будь очень осторожен, выходя из вагона. — Он весело захохотал и хлопнул шута по плечу. — Слышал, Тули? Я тоже умею шутить!

Шут мрачно улыбнулся.

— Я вот-вот лопну от смеха, одежда уже трещит по швам, веселье переполняет меня и сию минуту выплеснется через край, ваша светлость, — промолвил он.

Двери разъехались. Дверь улыбнулась графу:

— Благодарю вас.

— Пока-пока, — сказал граф, выпроваживая Ричарда, Дверь и Охотницу из теплого, задымленного вагона на пустую платформу. Вскоре двери закрылись, и поезд умчался прочь. Ричард обнаружил, что таращится на название станции. Как бы часто он ни моргал, как бы ни отводил взгляд — в надежде, что когда снова посмотрит на название, оно изменится, — на табличке, вделанной в стену, по-прежнему было написано: «Британский музей».

Глава VIII

Вечерело. Безоблачное небо постепенно становилось из ярко-синего густо-фиолетовым, с огненными и лимонными всполохами там, где недавно село солнце, — а село оно, с точки зрения старины Бейли, в четырех милях к западу от Паддингтона.

«Небо, — с наслаждением подумал старина Бейли, — никогда не повторяется: каждый день, каждую ночь оно разное». Старина Бейли считал себя знатоком по части неба и как знаток мог бы подтвердить, что в тот вечер небо было исключительное. Он разбил палатку на крыше высокого здания напротив собора Святого Павла, в самом сердце Сити.

Старина Бейли любил этот собор хотя бы за то, что он почти не изменился за последние триста лет. Белый портлендский камень, из которого он построен, почернел от лондонского смога раньше, чем закончилось строительство. Правда, в 1970-е собор почистили, вернув ему изначальную белизну. Но, белый или черный, — это был все тот же собор Святого Павла. Он не менялся. «Чего не скажешь об остальном Лондоне», — подумал ста-

рина Бейли, оторвавшись от своего ненаглядного неба и переводя взгляд на освещенные фонарями улицы внизу. Он заметил несколько камер, прикрепленных к стенам, пару машин. Какой-то человек, задержавшийся на работе, запер дверь своего офиса и поспешил к метро. При одной мысли о метро старину Бейли передернуло. Его мир — мир крыш, и он этим гордится. Он очень давно перестал иметь дело с тем, что находилось на земле…

Старина Бейли помнил время, когда в Сити *жили*, а не только работали. Жили, смеялись и любили в ветхих домишках, лепившихся один к другому и наполненных шумом людских голосов. Вон тот переулок (некогда известный, по крайней мере в народе, как Сраная аллейка) славился своим шумом, кутерьмой, вонью, песнями… Но теперь в Сити никто не живет. Бездушные офисы, куда люди приезжают днем только для того, чтобы вечером спешить домой, сделали его холодным и неприютным. Никто больше не назовет Сити своим домом. А старина Бейли скучал даже по стоявшей здесь когда-то вони.

Последние огненные всполохи пропали, уступив место послезакатной синеве. Старик накрыл тряпками клетки. Птицы сначала повозмуща-

лись, а потом заснули. Старина Бейли почесал нос, зашел в палатку, взял почерневший котелок, воду, морковку, картошку, соль и пару ощипанных скворцов. Развел крошечный костерок в закопченной жестяной банке из-под кофе, пристроил котелок над огнем и тут заметил, что кто-то наблюдает за ним, прячась в тени дымохода.

Он схватил вилку на длинной ручке, угрожающе взмахнул ею и крикнул:

— Кто там?

Маркиз Карабас небрежно кивнул и ослепительно улыбнулся.

— А, это ты, — буркнул старина Бейли, опуская вилку. — Чего явился? За птицей? Или за информацией?

Маркиз подошел к старику, выловил из котелка кусочек сырой морковки, сунул в рот и ответил:

— Честно говоря, хочу кое-что узнать.

Старина Бейли ухмыльнулся.

— То-то! Пора мне писать учебник по торговле, как считаешь? — и прошептал, склонившись к маркизу: — Что я с этого буду иметь?

— А что ты хочешь?

— Может, мне стоит последовать твоему примеру? — с широкой улыбкой спросил старик. —

Сделать тебя моим должником. Кто знает, вдруг когда-нибудь пригодится?

— Иногда обходится себе дороже, — серьезно ответил маркиз.

Старина Бейли кивнул. Солнце окончательно село, и с каждой минутой становилось все холоднее.

— Тогда мне нужны ботинки. И вязаная шапка, такая, чтобы шею и плечи закрывала. — Он поглядел на свои руки в рваных перчатках без пальцев. — И новые перчатки. Зима-то будет холодной.

— Договорились, — сказал маркиз и достал из внутреннего кармана статуэтку, которую украл в кабинете Портико, с таким видом, с каким фокусник вытаскивает из пустой шляпы розу. — Что скажешь об этой штуковине?

Старина Бейли нацепил очки и, взяв статуэтку — она оказалась прохладной на ощупь, — уселся на вентиляционную трубу. Некоторое время он вертел ее в руках, а потом проговорил:

— Лондонский Зверь…

Маркиз молчал, нетерпеливо поглядывая то на старика, то на статуэтку. Заметив, что тот чуть не подпрыгивает на месте, старина Бейли не спеша продолжил:

— Говорят, еще до Великой чумы и Великого пожара, во времена короля Карла I — того болвана, которому отрубили голову, — жил у вонючей реки Флит мясник. Он откармливал к Рождеству какую-то животину… Кто-то говорит, поросенка, другие уверяют, что нет. Лично я отношусь к тем, кто считает, что трудно сказать наверняка, что это было за животное. Но как бы то ни было, однажды декабрьской ночью этот зверь сбежал в канализацию. Он питался отбросами и рос. Становился все больше, все агрессивнее, все страшнее. Время от времени на Зверя организовывали охоту…

Маркиз поморщился.

— Он должен был сдохнуть лет триста назад.

Старина Бейли покачал головой.

— Такие существа сами собой не умирают. Слишком они древние, слишком огромные и ужасные.

— Я думал, это легенда, — со вздохом проговорил маркиз. — Как про крокодилов в нью-йоркской канализации.

— А! Такие здоровенные альбиносы? Они там действительно есть, — сообщил старик, важно кивая. — Одному моему приятелю они откусили башку. — Старик умолк, отдал маркизу статуэтку

и защелкал пальцами у него перед носом, изображая крокодилью пасть. — Хорошо, что она у него была не единственная! — объявил старина Бейли, широко улыбаясь.

Маркиз не понял, шутит старик или нет, неопределенно фыркнул и бережно спрятал статуэтку в карман.

— Погоди, — бросил старина Бейли, нырнул в палатку и вернулся с серебряной шкатулкой, которую ему вручил маркиз в прошлый раз. — Не заберешь? — спросил он. — Мурашки бегут при одной мысли, что она тут, у меня.

Маркиз подошел к краю крыши и перепрыгнул на соседнее здание.

— Заберу, когда все закончится! — крикнул он. — Будем надеяться, что тебе не придется ее открывать.

Старик перегнулся через край крыши.

— А как я узнаю, что ее нужно открыть?

— Не бойся, узнаешь. А крысы расскажут, что нужно сделать.

С этими словами маркиз стал спускаться вниз по стене, сползая по водосточным трубам и цепляясь за подоконники.

— Надеюсь, я этого никогда не узнаю, — проворчал старик себе под нос. И вдруг закричал

вниз, в темноту ночных улиц: — Эй! Не забудь про перчатки и башмаки!

* * *

На стенах висела реклама: освежающие и полезные для здоровья солодовые напитки, туры к морю по два шиллинга в день, копченая сельдь, бриолин, вакса. Ричард с удивлением разглядывал эти пожелтевшие от времени плакаты, оставшиеся на заброшенной и забытой станции, должно быть, с 1920-х—1930-х годов.

— В самом деле, станция «Британский музей», — прошептал он. — Но ведь… такой станции никогда не было. Что за бред?

— Ее закрыли в 1933 году, — сообщила Дверь.

— Невероятно! — проговорил Ричард. Неужели он перенесся в прошлое? Он слышал грохот поездов в соседних туннелях, чувствовал потоки горячего воздуха. — И много таких станций?

— Около пятидесяти, — ответила Охотница. — Но даже мы не на все можем попасть.

Что-то мелькнуло у края платформы.

— Здравствуйте, — сказала Дверь и присела на корточки. К ней подбежала бурая крыса и деловито обнюхала ее руку. — Спасибо-спасибо, — весело продолжала девушка. — Я тоже рада,

что вы живы.

Ричард подошел ближе.

— Э-э, ты не могла бы ей кое-что передать? — попросил он Дверь.

Крыса повернулась к нему.

— Мисс Шерстинка говорит, что ты можешь сам сказать ей все, что хочешь, — объяснила Дверь.

— Мисс Шерстинка?

Дверь пожала плечами.

— Это буквальный перевод. По-крысиному звучит гораздо лучше.

Ричард охотно ей поверил.

— Э-э… Здравствуйте… мисс Шерстинка… Была одна крыситка… девушка по имени Анестезия. Она вела меня на рынок и… пропала на мосту.

Крыса громко запищала. Дверь торопливо принялась переводить:

— Она говорит, что… крысы не винят тебя в том, что с ней случилось… Мост взял свою дань.

— Но…

Крыса снова запищала.

— Иногда пропавшие там возвращаются… — перевела Дверь. — Мисс Шерстинка признательна тебе за то, что ты беспокоишься о судьбе девушки. — Крыса кивнула Ричарду, моргнула, а потом спрыгнула на пол и исчезла в темноте. — Милая

крыса, — сказала Дверь. Ричард отметил, что она заметно повеселела, с тех пор как получила свиток. — Нам туда, — скомандовала она, указав на железную дверь.

Ричард навалился на дверь, но она не поддалась.

— Заперто, — сказал он. — Без инструментов не обойтись.

Дверь лучезарно улыбнулась, и ее лицо на секунду стало поистине прекрасным.

— Ричард, в нашей семье все умеют открывать двери. Это наш дар. Гляди… — Она коснулась грязной ладошкой двери. Некоторое время ничего не происходило, а потом что-то лязгнуло на той стороне, словно открылся засов. Девушка толкнула дверь, и та с громким скрипом отворилась. Потом Дверь подняла воротник и сунула руки в карманы. Охотница посветила фонариком — за дверью были каменные ступени, уходившие наверх, в темноту.

— Я пойду первой, — сказала Дверь. — Ты, Охотница, позади, а Ричард между нами. — И она пошла вверх по лестнице.

Охотница не двинулась с места.

— Ты идешь в Верхний Лондон?

— Да. Нам нужно попасть в Британский музей.

Охотница закусила губу и покачала головой.

— Я должна оставаться в Нижнем Лондоне, — промолвила она. Ее голос дрожал. И Ричард вдруг понял, что в первый раз за все время Охотница занервничала. Она всегда была такой сдержанной, спокойной, слегка насмешливой.

— Ты же мой телохранитель! — воскликнула Дверь.

— Я охраняю тебя только в Нижнем Лондоне, — смущенно ответила Охотница. — И не могу пойти за тобой наверх.

— Но ведь ты обязана меня охранять!

— Я не могу. Надеюсь, ты меня поймешь. Маркиз знает.

Здесь, в Нижнем Лондоне, тебя всегда защитит Охотница, вспомнил Ричард. *Все верно*.

— Нет, я не понимаю, — сказала Дверь, прищурившись и вскинув голову. — В чем дело? — высокомерно спросила она. — На тебе лежит проклятье? — Охотница облизнула губы и кивнула. Казалось, ей было стыдно в этом признаться, словно речь шла о какой-то неприличной болезни.

— Слушай, что за глупости? — неожиданно для самого себя сказал Ричард.

На секунду ему показалось, что Охотница его

ударит или — что еще хуже — заплачет. Но та только глубоко вздохнула, повернулась к Двери и спокойно сказала:

— Я последую за тобой по всему Нижнему Лондону. Буду охранять тебя от всех и вся. Но не проси меня подниматься в Верхний Лондон. Туда я пойти не могу. — Она скрестила руки на груди и сделалась похожа на бронзовую статую. Было ясно, что она не двинется с места.

— Ладно, — сказала Дверь. — Ричард, идем! — и пошла вверх по лестнице.

— Слушай, а может, не стоит? — попытался остановить ее Ричард. — Найдем маркиза, а потом все вместе…

Но Дверь уже скрылась в темноте. Охотница застыла у первой ступеньки.

— Я буду ждать ее здесь, — объявила она. — А ты решай сам, идти или остаться.

Ричард бросился вверх по лестнице, и вскоре впереди мелькнул свет фонарика Двери.

— Постой! — пропыхтел он. — Подожди меня!

Она остановилась. Он нагнал ее, шагнул на крошечную площадку и тоже остановился, тяжело дыша.

— Нельзя вот так убегать, — проговорил он. Дверь ничего не ответила, только поджала губы

и вскинула голову. — Она ведь твой телохранитель.

Дверь пошла вверх, и Ричард поплелся за ней.

— Мы скоро вернемся, и тогда она снова сможет меня охранять.

Здесь было душно и влажно. *Интересно, как без канарейки определить, есть ли в воздухе ядовитый газ?* — невольно подумал Ричард и предпочел убедить себя, что все в порядке и никакого газа тут нет.

— Выходит, маркиз знал про ее проклятье или что там у нее, — сказал он.

— Выходит, что да.

— Маркиз… — начал Ричард. — Знаешь, честно говоря, он мне кажется довольно скользким типом.

Лестница закончилась кирпичной стеной, и Дверь остановилась.

— Мм… Он и есть скользкий, как угорь.

— Тогда почему ты обратилась к нему? Почему не попросила помочь кого-нибудь другого?

— Давай поговорим об этом в другой раз. — Девушка развернула свиток, исписанный причудливым почерком с завитушками, с минуту изучала его, а затем свернула и объявила: — Все будет в порядке. Он здесь. Надо только пробрать-

ся в Британский музей. Найдем *Angelus'a* — и выйдем к Ислингтону. Проще простого. Бояться нечего. Закрой глаза.

Ричард послушно закрыл глаза и заметил:

— «Нечего бояться»? Когда так говорят в фильмах, это значит, что вот-вот случится что-то ужасное.

Ветер коснулся его лица. Глаза у него были закрыты, но он почувствовал, что в окружающей их темноте что-то почти неуловимо изменилось.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросила Дверь. Голос ее теперь тоже звучал иначе. Судя по всему, они оказались в каком-то большом помещении. — Можешь открыть глаза.

Ричард так и сделал. Они были по другую сторону стены, в зале, забитом какой-то рухлядью. Только это была не простая рухлядь, а редкая, ценная, безусловно дорогая и наверняка исторически значимая. Такая рухлядь может быть только…

— Мы в Британском музее? — догадался Ричард.

Дверь нахмурилась. Она как будто к чему-то прислушивалась.

— Не совсем. Но музей уже близко. А это, должно быть, запасник или хранилище, что-то вроде

того.

Она погладила старинный костюм, надетый на восковую фигуру.

— Лучше бы мы остались с Охотницей, — пробормотал Ричард. — С ней безопаснее.

Дверь склонила голову на бок и серьезно на него поглядела.

— А чего тебе бояться, Ричард Мэхью?

— Да в общем-то нечего… — признал он, и тут они свернули за угол. — Хотя… может быть, их? — сказал он, и Дверь в ту же секунду воскликнула: «Черт!».

Дверь воскликнула: «Черт!», а Ричард спросил: «Может быть их?», потому что, устроившись на каменных выступах по краям коридора, их поджидали Круп и Вандемар.

Ричарду вспомнилась выставка современного искусства, на которую его притащила Джессика… Юный художник представил миру то, что, по его мнению, нарушало все каноны. Он раскопал несколько десятков могил и выставил свои лучшие находки (тридцать штук) в стеклянных витринах. Выставку закрыли, когда он продал какому-то рекламному агентству «Украденный труп № 25» — за шестизначную сумму, а родственники покойника увидели фотографию в «Сан»

и подали на художника в суд. В результате суд обязал его разделить с родственниками усопшего вырученные деньги, а также переименовать экспонат. Отныне он должен был называться: «Эдгар Фосприн, 1919–1987, любящий муж, заботливый отец и дядя. Папа, покойся с миром». Ричард тогда в ужасе смотрел на трупы в изъеденных плесенью костюмах и полуистлевших платьях. Он презирал себя за это любопытство, но отвернуться не мог.

Мистер Круп широко улыбнулся, как змея, у которой в пасти застрял полумесяц, и стал еще больше похож на украденные трупы №№ 1—30.

— Так, так, так, — сладко пропел он. — Что-то я не вижу тут мудрого всезнайку маркиза. И, кстати, где же Охотница? «Ой, простите, мне наверх нельзя!» — Он выдержал многозначительную паузу, а потом продолжил мерзким тоном — таким же мерзким, как протухшая ветчина: — Можете считать меня волком, если передо мной не два совершенно беззащитных ягненочка, заблудившихся в темноте.

— Меня тоже можете считать волком, — подхватил мистер Вандемар.

Мистер Круп спрыгнул на землю.

— Позвольте прошептать вам кое-что в ваши

нежные шерстистые ушки…

Ричард огляделся по сторонам. Не может быть, чтобы некуда было бежать. Он схватил Дверь за руку, не переставая лихорадочно оглядываться.

— Не надо дергаться, — проговорил мистер Круп. — Стойте смирно. Мы не хотим делать вам больно.

— Хотим, — возразил мистер Вандемар.

— Гм… Знаете, мистер Вандемар, вы, пожалуй, правы. Конечно, мы с удовольствием сделаем вам больно. Очень больно. Но позже. А пока мы хотели бы немного усложнить игру. Видите ли, когда нам становится скучно, мы с мистером Вандемаром начинаем беспокоиться и, как ни трудно в это поверить, даже утрачиваем наш жизнерадостный, цветущий вид.

Мистер Вандемар обнажил зубы, демонстрируя «цветущий вид». Ничего страшнее Ричард в жизни не видел.

— Оставьте нас в покое! — громко и уверенно сказала Дверь. Ричард сжал ее руку. Раз она может быть смелой, он тоже может.

— Я не позволю вам и пальцем ее тронуть! — заявил он. — Только через мой труп!

Мистер Вандемар расплылся в счастливой улыбке.

— Отлично. Договорились.

— Впрочем, мы сделаем все возможное, чтобы твоя смерть тоже не была легкой, — добавил мистер Круп.

— Но это потом, — сказал мистер Вандемар.

— Дело в том, что мы встретились с вами только чтобы попугать, — объяснил мистер Круп. Голос его был противнее, чем протухшее масло.

— Заставить вас страдать, — прошептал мистер Вандемар. Его голос был похож на ветер, проносящийся над усыпанной костями пустыней. — Испортить вам настроение.

Мистер Круп присел у ног мистера Вандемара.

— Вы сегодня были у графа, — небрежно заметил он светским тоном. По крайней мере ему казалось, что это светский тон, догадался Ричард.

— Ну и что? — проговорила Дверь, медленно отступая.

Мистер Круп ухмыльнулся.

— Тебе, наверное, любопытно, откуда мы это знаем? И как мы вообще вас нашли?

— И всегда сможем найти, — прошипел Вандемар.

— Тебя предали, крошка, — сказал мистер Круп Двери, только ей одной, вдруг сообразил

Ричард. — Тебе в гнездо подбросили кукушонка.

— Бежим, — сказала она и побежала.

Ричард помчался за ней через забитый хламом зал. Они добрались до двери, девушка коснулась ее, и дверь открылась.

— Давайте попрощаемся с ними, мистер Вандемар, — послышался сзади голос мистера Крупа.

— Пока-пока, — сказал Вандемар.

— Нет, не так, — поправил его мистер Круп. — *Au revoir*.

И он принялся куковать: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку» — как огромная кукушка пяти с половиной футов ростом, решившая принять человеческий облик. Тем временем мистер Вандемар, верный своей волчьей натуре, запрокинул голову и завыл диким, протяжным воем.

* * *

Наверху была ночь. Они неслись по Расселстрит в Блумсбери, и Ричарду казалось, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Мимо проехала огромная черная машина. По ту сторону черной ограды высился Британский музей — белоснежное здание викторианской эпохи. Невидимые прожекторы освещали колонны и парадную лестницу этого хранилища сокровищ со всего

мира — найденных, украденных, подаренных, чудом уцелевших за сотни лет.

Они добежали до калитки в ограде. Дверь схватилась двумя руками за прутья, дернула, но калитка не подалась.

— Не можешь открыть? — спросил Ричард.

— Пытаюсь! — неожиданно резко ответила она.

В сотне футов от них, у центральных ворот, останавливались роскошные автомобили. Из них выбирались женщины в вечерних платьях и мужчины в смокингах, которые вели своих спутниц ко входу в музей.

— Туда! — воскликнул Ричард. — К центральным воротам!

Дверь кивнула.

— Кажется, эти двое от нас отстали, — заметила она, оглянувшись.

Дверь и Ричард поспешили к центральным воротам.

— Ты как? — спросил Ричард. — Что с тобой?

Она плотнее запахнула кожаную куртку. Ее лицо стало еще бледнее, чем обычно, — если такое вообще возможно, а под глазами залегли черные круги.

— Я устала, — просто ответила она. — Я откры-

ла сегодня слишком много дверей. На это уходит много сил. Мне надо отдохнуть, что-нибудь поесть, и я быстро приду в себя.

Тщательно выбритые мужчины и сильно надушенные женщины протягивали охраннику тисненые пригласительные билеты, тот внимательно их изучал, отыскивал фамилию каждого прибывшего в своем списке, ставил галочку и только потом пропускал за ворота. Рядом с ним стоял суровый полицейский и подозрительно оглядывал всех, кто приближался к зданию. Однако когда Ричард и Дверь прошли в ворота, никто на них даже не посмотрел. На каменных ступенях у входа в музей собралась очередь. Ричард и Дверь остановились. Сразу за ними, почти вплотную, встали седовласый мужчина и женщина, рискнувшая надеть норковую шубу.

— Они что, нас не видят? — догадался Ричард.

Дверь повернулась к седовласому типу, уставилась прямо на него и крикнула:

— Здрасте!

Тот принялся с озадаченным видом оглядываться, словно ему что-то послышалось. Наконец он заметил Дверь прямо у себя перед носом.

— Здравствуйте… — неуверенно пробормотал он.

— Я Дверь, а это Ричард.

— А-а… — протянул седовласый, достал из внутреннего кармана портсигар и мгновенно про них забыл.

— Видишь? — спросила Дверь.

— Ага.

Некоторое время они молчали. Очередь двигалась медленно. Один за другим люди исчезали за единственной открытой стеклянной дверью. Девушка снова развернула свиток, словно надеясь, что он придаст ей сил. Ричард сказал:

— Те двое что-то говорили про предателя…

— Не обращай внимания. Они просто хотели нас напугать.

— И у них это отлично получилось! — заметил он.

Они прошли через стеклянную дверь и оказались в Британском музее.

* * *

Мистер Вандемар проголодался, и они с мистером Крупом решили пойти через Трафальгарскую площадь.

— Запугать! — возмущенно бормотал себе под нос мистер Круп. — Запугать ее! Подумать только, до чего мы дошли!

Мистер Вандемар между тем вытащил из урны недоеденный сэндвич с салатом и креветками и начал крошить его на мостовую, привлекая прожорливых голубей, которые, как ни странно, еще не спали в этот поздний час.

— Надо было сделать как я говорил, — заметил мистер Вандемар. — Она бы испугалась гораздо больше, если бы я открутил ему башку, пока она не видит, просунул руку внутрь и пошевелил пальцами. — Он показал, как. — Они всегда орут, когда глаза вываливаются наружу, — доверительно сообщил он.

— К чему все эти глупости, когда уже столько сделано? — возразил мистер Круп.

— Вовсе это не глупости, — обиделся Вандемар. — Мне нравится, когда глаза вываливаются. Глаза-гляделки…

Вокруг него собралась уже целая стая голубей, которые с удовольствием клевали хлебные крошки и кусочки креветок, не трогая листья салата.

— Я не про тебя, — буркнул Круп. — Я про нашего босса. Вы должны ее убить, нет, похитить, ах нет, только напугать. Сам не знает, чего хочет!

Мистер Вандемар закончил крошить сэндвич и кинулся на голубей, которые с обиженным клекотом бросились врассыпную.

— Ловко вы его, мистер Вандемар, — похвалил мистер Круп. Вандемар зажал в лапах удивленного и расстроенного голубя, который недовольно ворчал, дергался и беспомощно клевал мистеру Вандемару пальцы.

Круп демонстративно вздохнул.

— Как бы то ни было, мы запустили кошку в голубятню, — с наслаждением проговорил он.

Мистер Вандемар поднес ко рту голубя, с хрустом откусил ему голову и стал ее тщательно пережевывать.

* * *

Охрана собирала посетителей в вестибюле и, кажется, дальше не пускала. Однако Дверь уверенно направилась в залы музея, и Ричард поспешил за ней. Они прошли египетский зал, поднялись по лестнице и оказались в зале раннеанглийского искусства.

— Тут написано, что *Angelus* должен быть в этом зале, — проговорила Дверь, в очередной раз заглянув в свиток. Она внимательно осмотрела зал, поморщилась, бросила: — Фью… — и побежала вниз по лестнице. Ричард ощутил острый приступ дежавю. Точно так же он бегал по музеям вслед за Джессикой. Правда, теперь те времена

казались такими далекими, словно все это происходило не с ним.

— Там не было *Angelus'a*? — спросил он.

— Нет, — сердито ответила Дверь. Ричард подумал, что, пожалуй, слишком сердито — вопрос-то был безобидный.

— А-а… ну я просто спросил…

Они прошли в следующий зал, и тут Ричард решил, что у него начались слуховые галлюцинации — то ли от шоколадных батончиков графа, то ли от эмоционального перенапряжения.

— Вроде как музыка… — пробормотал он, явственно слыша звуки струнного квартета.

— Там какой-то прием.

Точно. Они же стояли на лестнице с нарядными дамами и мужчинами в смокингах. В этом зале *Angelus'a* тоже не оказалось. Дверь поспешила дальше, и Ричард поплелся за ней, досадуя, что ничем не может ей помочь.

— А какой он, этот *Angelus*? — спросил он осторожно, боясь, что она снова рассердится.

Но Дверь остановилась, потерла лоб и сказала:

— В свитке написано только, что там изображен ангел. И что найти его совсем не сложно. В конце концов, — с надеждой заключила она, — вряд ли здесь так уж много предметов с ангелами,

правда?

Глава IX

Джессика совсем сбилась с ног. Она ужасно волновалась по поводу предстоящей выставки. Она составила каталог, договорилась с Британским музеем, в котором должна была разместиться экспозиция, наняла реставраторов для главного экспоната, лично проследила, чтобы остальные были правильно расставлены и развешены, и составила список приглашенных на банкет в честь открытия выставки. «Слава Богу, что у меня нет парня — на него все равно не хватило бы времени», — говорила она друзьям. «А все-таки *жаль*, что у меня никого нет, — временами думала она. — Можно было бы ходить с ним в выходные по музеям. С ним…»

Нет. Тут Джессика всегда останавливалась. Ей не удавалось серьезно задуматься об этом — как будто что-то мешало, и ее мысли снова возвращались к выставке. Вот сейчас вроде бы все готово, однако всегда что-то может пойти не так, как запланировано. В самый последний момент что-то может сорваться. Сколько лошадей так и не сумели взять последний барьер! Сколько прославленных генералов терпели поражение

в последние минуты боя! Надо обязательно удостовериться, что все в порядке. Одетая в зеленое шелковое платье, Джессика бродила по залу, как генерал на смотре войск перед битвой, изо всех сил стараясь не думать о том, что мистер Стоктон опаздывает на полчаса.

Ее войско состояло из метрдотеля, десятка официантов, трех женщин от фирмы, которая обеспечила банкет закусками и выпивкой, и личного помощника Джессики — парня по имени Кларенс. Джессика всегда считала, что Кларенса приняли в компанию мистера Стоктона по двум причинам: а) потому что он голубой; б) потому что он негр. И ее страшно раздражало, что Кларенс оказался одним из самых ответственных, самых исполнительных, самых лучших помощников, с которыми ей когда-либо приходилось иметь дело.

Она посмотрела на сервировочный столик.

— Что у нас с шампанским? Хватает? Точно?

Метрдотель указал на большую коробку под столом.

— А минеральная вода, газированная?

Метрдотель кивнул и указал на другую коробку. Джессика поджала губы:

— А без газа есть? Не все, знаете ли, любят пу-

зырьки!

Да, есть и без газа. Слава богу.

Струнный квартет репетировал перед выступлением. Однако эти звуки не могли заглушить шум толпы, собравшейся в холле. Гостей было не так уж много, но все люди известные и влиятельные. Они недовольно переговаривались, с каждой секундой раздражаясь все сильнее: женщины в норковых шубах и мужчины, которые бы наверняка закурили сигары, если бы не таблички на стенах и запреты врачей. Все они — и журналисты и знаменитости — уже предвкушали бесплатные канапе, пирожные, бутерброды и шампанское.

Кларенс говорил с кем-то по сотовому, — это была тонкая изящная «раскладушка», по сравнению с которой геджеты из «Звездного пути» показались бы уродливыми и слишком массивными. Договорив, он нажал на кнопку отбоя, убрал антенну, аккуратно положил телефон в карман пиджака от Армани и ободряюще улыбнулся Джессике:

— Джессика, только что звонил шофер мистера Стоктона. Просит подождать пару минут — они еще в пути. Не волнуйтесь.

— Не волнуйтесь, — повторила Джессика.

Провал. *Полный провал*. Выставка обречена на полный провал. *Ее* провал. Схватив со стола бокал шампанского, Джессика залпом осушила его и сунула официанту.

Кларенс прислушался к шуму в холле. Потом деловито глянул на часы и вопросительно — на Джессику. Так капитан смотрит на своего генерала, спрашивая: «В долину Смерти, сэр?»

— Все в порядке, мистер Стоктон вот-вот приедет, — спокойно проговорила Джессика. — Он пожелал лично проверить все до открытия.

— Может, я выйду посмотреть, как там наши гости?

— Нет, — решительно сказала Джессика. А потом, не менее решительно: — Да.

Удостоверившись, что еды, воды и шампанского хватает, Джессика подошла к музыкантам и в третий раз за вечер спросила, что именно они собираются играть.

Кларенс приоткрыл двери. Все оказалось гораздо хуже, чем он предполагал. В холле собралось по меньшей мере сто человек. И это были не просто люди, а очень известные люди. Некоторые из них были люди *невероятно* известные.

— Простите, — сказал председатель совета по искусству. — В приглашениях написано, что

выставка откроется ровно в восемь. А сейчас уже двадцать минут девятого.

— Прошу вас, подождите еще пару минут, — сказал Кларенс. — Охрана должна кое-что проверить.

К нему подскочила какая-то женщина в шляпе.

— Молодой человек, вы знаете, кто я? — громко и властно спросила она.

— Честно говоря, нет, — солгал Кларенс: он прекрасно знал всех присутствующих. — Подождите минутку, я спрошу, можно ли вас впустить. — С этими словами он вернулся в зал и захлопнул за собой дверь. — Джессика! Они сейчас выломают дверь!

— Не преувеличивай, Кларенс!

Она носилась по комнате, похожая на зеленый вихрь. Давала последние наставления официантам с подносами, на которых громоздились пирамиды канапе и бокалы с шампанским. Проверяла, как работает микрофон, украшена ли сцена, не забыли ли подвесить шнур, с помощью которого поднимут штору, скрывающую главный экспонат.

— Представляю, какие будут заголовки в газетах, — сказал Кларенс, изображая, что раз-

ворачивает газету. — «Катастрофа в музее: как прославленный миллиардер встречает дорогих гостей».

Кто-то уже колотил в дверь. С каждой секундой толпа в холле волновалась все больше. Кто-то кричал: «Пропустите! Пропустите!» Кто-то уверял собравшихся и весь мир, что это просто неуважение, самое настоящее неуважение.

— Я знаю, что делать, — вдруг заявил Кларенс. — Сейчас я их впущу.

— Ни за что! — завопила Джессика. — Нет! Если…

Но было уже поздно. Кларенс открыл двери, и толпа ворвалась в зал. Выражение ужаса на лице Джессики тут же сменилось выражением искренней радости. Она скользнула к дверям.

— Баронесса, не могу передать, как я рада, что вы смогли прийти сегодня на выставку! — сказала она, широко улыбаясь. — Мистера Стоктона еще нет, но он обещал приехать с минуты на минуту. Прошу вас, угощайтесь! Вот канапе…

Кларенс весело подмигнул своей начальнице из-за плеча баронессы, одетой в норковую шубу. Джессика успела перебрать в голове все ругательства, какие только знала. Когда баронесса отправилась за канапе, Джессика быстро

подошла к Кларенсу и шепотом, не переставая улыбаться, отчитала его.

* * *

Ричард замер. К ним шел охранник, высвечивая фонариком экспонаты. Ричард огляделся, раздумывая, куда бы спрятаться.

Поздно. С другой стороны показался еще один охранник. Он шел мимо гигантских статуй древнегреческих богов, поводя фонариком из стороны в сторону.

— Никого? — спросил первый охранник.

Второй подошел прямо к Ричарду и Двери и вдруг остановился. Ричард увидел, что это женщина.

— Вроде да, — отозвалась она. — Я только что прогнала пару придурков в костюмах, — они пытались вырезать свои инициалы на Розеттском камне[201]. Ненавижу эти официальные приемы.

Первый охранник посветил Ричарду прямо в глаза и опустил фонарик. Луч света запрыгал

[201] notes: 201

Розеттский камень — найденная в 1799 г. в Египте близ небольшого города Розетта (ныне Рашид), недалеко от Александрии, гранитная плита с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя на древнеегипетском языке — начертанными древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом, и одной на древнегреческом языке.

по полу.

— Я же говорю, — сказал он, — все это страшно напоминает «Маску Красной Смерти»[202]. Пока элита развлекается на закрытом приеме, мир вокруг летит ко всем чертям. — Он поковырял в носу и вытер палец о кожаную подошву своих черных, начищенных до блеска ботинок.

Его напарница глубоко вздохнула.

— Спасибо, Джеральд. Давай продолжим обход.

Охранники вышли из зала.

— А помнишь, как на прошлом приеме мы застукали одного гостя, когда он блевал в саркофаг… — говорил охранник, закрывая дверь.

— Ты теперь — обитатель Нижнего Лондона, — сказала Дверь Ричарду, когда они вошли в следующий зал. — Обычные люди тебя не заметят, если только ты с ними не заговоришь. Но и тогда сразу же о тебе забудут.

— Но *я-то* тебя заметил, — отозвался Ричард. Он уже давно об этом размышлял.

— Да. Это очень странно.

— И не только это! — воскликнул Ричард.

Музыка стала громче: видимо, музыканты

---

[202] notes: 202

«*Маска Красной Смерти*» — произведение Эдгара Аллана По (Poe, Edgar Allan, 1809–1849), американского поэта, прозаика, критика, создателя жанра «новеллы ужаса».

были совсем рядом. Здесь, в Верхнем Лондоне, он чувствовал себя совсем потерянным, словно находился одновременно в двух разных мирах. В Нижнем Лондоне было легче. Там он по крайней мере мог жить как во сне — сомнамбулой плестись вперед, едва переставляя ноги, и ни о чем не думать.

– *Angelus* где-то там, — вдруг сказала Дверь, прервав размышления Ричарда и указав туда, где звучала музыка.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все, — уверенно заявила она. — Идем.

Они вышли из темного зала в залитый светом коридор. На огромной растяжке под потолком было написано:

АНГЕЛЫ НАД АНГЛИЕЙ
ВЫСТАВКА В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ
Спонсор выставки — ОАО «Стоктон»

Они прошли по коридору и вскоре оказались в огромном зале, где проходил прием.

* * *

Здесь играл струнный квартет. В толпе богато одетых людей сновали официанты с канапе

и шампанским. В углу была небольшая сцена, позади которой висела штора, а перед шторой стояла кафедра.

А еще здесь повсюду были ангелы.

Ангелочки на полочках. Изображения ангелов на стенах. Фрески с ангелами. Ангелы большие и совсем крошечные, суровые и веселые, с крыльями и нимбами и без них, воинственные и вполне миролюбивые. Современные и классические. Сотни ангелов всевозможных размеров. Такие, какими их видят на Западе, на Востоке, на Среднем Востоке. Такие, какими их изображал Микеланджело. Ангелы Джоэля-Питера Уиткина[203], ангелы Пикассо, ангелы Уорхолла. По свидетельству журнала «Тайм аут», коллекция ангелов мистера Стоктона была «на редкость разносортной, однако не лишенной своего неповторимого очарования».

— Ты, наверное, сочтешь меня занудой, — медленно проговорил Ричард, — но не кажется ли тебе, что искать здесь ангела — все равно что иголку в стоге… О боже! Это же Джессика! — Ри-

---

[203] notes: 203

Джоэль-Питер Уиткин (Joel Peter Witkin, p. 1939) — одиозный американский фотограф. Он весьма иронично относится к европейской цивилизации, и его работы иногда выглядят как шаржи на сверхценности западного мира.

чард побелел как полотно. Раньше он думал, что это всего лишь метафора, ему и в голову не приходило, что можно действительно так побледнеть..

— Твоя знакомая? — спросила Дверь.

Он кивнул.

— Она была моей… Ну, в общем… мы собирались пожениться. Познакомились пару лет назад. Она была со мной, когда я тебя нашел. Это она тогда… Это она оставила сообщение. На автоответчике.

Джессика весело разговаривала с сэром Эндрю Ллойдом Вебером, Бобом Гелдофом[204] и каким-то джентльменом в очках (она полагала, что это Саатчи[205]). Она то и дело посматривала на часы и оглядывалась на распахнутые двери.

— Так это она!.. — выдохнула Дверь, узнав Джес-

---

[204] notes: 204

Боб Гелдоф (Robert Frederick Xenon Geldof, p. 1951) — ирландский музыкант, актер, общественный деятель. Лидер группы «Boomtown Rats» (после распада группы в 1984 г. начал сольную карьеру), исполнитель главной роли в фильме «Стена» группы «Pink Floyd». Организатор международных благотворительных музыкальных фестивалей «Live Aid» (1985) и «*Live 8*» (2005).

[205] notes: 205

Чарльз Саатчи (Charles Saatchi, p. 1943) — основатель (вместе со своим братом Морисом Саатчи) рекламного агентства «Saatchi & Saatchi», бывшего до 1995 г. самым крупным в мире. Позже братьями Саатчи было основано новое агентство «M&C Saatchi». Чарльз Саатчи также всемирно известен как коллекционер современного искусства и владелец галереи «Saatchi Gallery».

сику. Потом, почувствовав, что следует сказать что-то хорошее о той, кого так любил Ричард, добавила: — Она очень… — Дверь немного подумала, — …чистоплотная.

Ричард смотрел на Джессику.

— А она… не разозлится, что мы сюда пришли?

— Сомневаюсь, — отозвалась Дверь. — Скорее всего, она вообще тебя не заметит. Если, конечно, ты с ней не заговоришь. Но у тебя же хватит ума этого не делать. — Она помолчала, а потом вдруг воскликнула: — Еда! — и набросилась на канапе.

Похоже, эта маленькая, курносая, похожая на фею девочка в огромной коричневой кожаной куртке не ела несколько дней. Дверь запихивала себе в рот сразу по несколько канапе, быстро жевала, проглатывала и тянулась за следующей порцией, одновременно заворачивая в салфетки сэндвичи и рассовывая их по карманам. Наевшись канапе, она положила на картонную тарелку жареные куриные ножки, дольки дыни, грибы, немного икры, маленькие венские колбаски и стала бродить по залу, останавливаясь перед каждым ангелом.

Ричард шел за ней. Он ограничился сэндвичем с сыром бри и фенхелем и стаканом свежевыжатого апельсинового сока.

* * *

Джессика растерялась. Она заметила Ричарда, а вместе с ним и Дверь. Ей казалось, что она их где-то уже видела. Но где, никак не могла вспомнить, и это ее страшно раздражало.

Мама рассказывала ей, как однажды встретила женщину, которую знала всю жизнь, — они вместе учились в школе, работали в приходском совете, устраивали развлечения на местной ярмарке. Так вот, встретив эту женщину на какой-то вечеринке, мама с удивлением поняла, что никак не может вспомнить ее имя, хотя прекрасно помнит, что ее муж работает в издательстве и его зовут Эрик, а еще у них есть собака, золотой ретривер по кличке Мейджор. Мама страшно разозлилась и надолго запомнила этот случай.

Джессика тоже разозлилась.

— Кто эти двое? — в конце концов спросила она Кларенса.

— Вот эти? Мужчина — новый редактор «Vogue», женщина ведет колонку «Искусство» в «Нью-Йорк таймс». А между ними, кажется, Кейт Мосс…

— Да не эти, — оборвала его Джессика, — а вон те. Вон же они!

Кларенс посмотрел туда, куда она указала. О

ком это она? Ах, *вот эти*. Странно, как это он их раньше не заметил. «Должно быть, старею, — подумал Кларенс. — Мне ведь скоро двадцать три».

— Может, журналисты? — неуверенно предположил он. — Как забавно одеты! Новое течение в моде? Пожалуйста, не надо меня ругать. Да, я пригласил «The Face»…

— Я его знаю, — расстроенно сказала Джессика.

Но тут позвонил шофер мистера Стоктона и сообщил, что они уже в Холборне и скоро подъедут к Британскому музею. Ричард выскользнул у Джессики из головы, как ртуть сбегает по пальцам.

— Нашла? — поинтересовался Ричард.

Дверь покачала головой, проглотив огромный кусок курятины.

— Мы как будто играем в игру «Найди голубя» на Трафальгарской площади, — сказала она. — Я не чувствую здесь ничего, похожего на *Angelus'a*. В свитке написано, что я его сразу узнаю.

С этими словами она зашагала дальше, оттолкнув какого-то промышленного магната, заместителя главы оппозиции и самую дорогостоящую проститутку юга Англии.

Ричард повернулся и чуть не натолкнулся на Джессику. Она заколола волосы на затылке, и

копна каштановых вьющихся локонов красиво обрамляла ее лицо. Она была очень хороша. Джессика улыбнулась ему, и Ричард не выдержал.

— Привет, Джессика, — сказал он. — Как дела?

— Привет, — отозвалась она. — Вы не поверите, но мой помощник забыл записать, из какой вы газеты, мистер… мистер…

— Газеты? — переспросил Ричард.

— Я сказала «газеты»? — Джессика звонко рассмеялась, сообразив, что, видимо, ошиблась. — Я имела в виду — журнала… или телеканала. Вы ведь из СМИ?

— Ты отлично выглядишь, Джессика, — сказал Ричард.

— Видимо, вы меня знаете. А я вот забыла, кто вы, — и она виновато улыбнулась.

— Конечно, знаю. Тебя зовут Джессика Бартрам. Ты работаешь директором по маркетингу в компании Стоктона. Тебе двадцать шесть лет. Ты родилась двадцать третьего апреля. В момент экстаза ты напеваешь песню «Манкиз» «Я поверил»…

Джессика перестала улыбаться.

— Это, что, шутка? — холодно спросила она.

— И кстати, полтора года мы были обручены.

Джессика нервно улыбнулась. Наверное, это

и вправду шутка: одна из тех дурацких шуток, которые все понимают, а она нет.

— Если бы я была с кем-то обручена полтора года, — заметила Джессика, — то вряд ли бы об этом забыла, мистер…

— Мэхью, — подсказал Ричард. — Ричард Мэхью. Ты меня бросила, и меня больше нет.

Джессика махнула кому-то на другом конце зала.

— Сейчас подойду! — отчаянно крикнула она, отступая.

— «Я поверил, — весело пропел Ричард, — Я не смогу расстаться с ней теперь…»

Схватив бокал с подноса у проходившего мимо официанта, Джессика залпом его осушила. И вдруг заметила в дверях шофера мистера Стоктона, а рядом с ним…

Джессика направилась к дверям.

— Так кто это? — спросил Кларенс, догнав ее.

— Ты о ком?

— О том странном типе.

— Не знаю, — призналась она и, помолчав, добавила: — Мне кажется, надо на всякий случай позвать охрану.

— Хорошо. Но зачем?

— Просто так… Позови охрану.

Тут в зал вошел мистер Арнольд Стоктон, и Джессика совсем позабыла о Ричарде.

* * *

Он был тучен и очень богат. Таких можно увидеть на карикатурах Хогарта — толстенная шея, несколько подбородков, огромный живот. Ему было за шестьдесят, седые волосы сзади опускались на шею, потому что людей обычно раздражает, когда у кого-то волосы прикрывают шею, а мистер Стоктон любил раздражать людей. По сравнению с Арнольдом Стоктоном Руперт Мердок казался всего лишь жалкой медузой, а почивший Роберт Максвелл[206] — китом, выброшенным на берег. Арнольд Стоктон был похож на питбуля, и именно так его чаще всего изображали карикатуристы. Стоктон владел огромной империей. Что только туда ни входило: спутники, газеты, компании звукозаписи, парки развлечений, книги, журналы, комиксы, телеканалы, кинокомпании…

— Сейчас я произнесу речь, — сказал мистер

[206] notes: 206

Роберт Максвелл (Maxwell, Ian Robert, 1923–1991), настоящее имя Ян Лудвик Хох — британский предприниматель, основатель международной империи средств массовой информации.

Стоктон Джессике вместо приветствия. — А потом уеду. Может, заскочу попозже, когда здесь не будет этих напыщенных кретинов.

— Хорошо, — отозвалась Джессика. — Ясно. Произнесете речь, а потом уедете.

Она поднялась с ним на сцену и подвела его к кафедре. Постучала ногтем по бокалу, требуя тишины. Ее никто не услышал, поэтому она произнесла в микрофон:

— Прошу внимания.

Все притихли.

— Леди и джентльмены! Уважаемые гости! Добро пожаловать в Британский музей на выставку «Ангелы над Англией», спонсором которой является компания «Стоктон». Давайте поприветствуем человека, организовавшего эту выставку, — генерального директора и главу совета директоров компании «Стоктон» мистера Арнольда Стоктона!

Гости дружно зааплодировали — все отлично знали, кто собрал эту коллекцию ангелов и оплатил шампанское.

Мистер Стоктон кашлянул и начал:

— Не беспокойтесь, я вас не задержу. Когда я был совсем маленьким, я приходил в Британский музей каждую субботу. Почему в субботу?

Да потому что в субботу вход бесплатный, а мои родители были не очень-то богаты. Я поднимался по широким ступеням, пробегал по коридору, заходил в этот зал и смотрел на ангела. Мне всегда казалось, что он может прочесть все мои мысли.

Тут в зал вошел Кларенс с двумя охранниками. Он указал на Ричарда, который перестал бродить по залу, решив послушать речь Стоктона. Дверь по-прежнему рассматривала ангелов.

— Да не этот, а *вон тот*, — полушепотом говорил Кларенс. — Нет, вон он. Вон, видите? *Он*!

— Шли годы. И как всё, о чем мы перестаем заботиться, — продолжал мистер Стоктон, — ангел стал разрушаться под действием неумолимого времени, — потрескался, рассохся. Я потратил уйму денег, — он помолчал, чтобы публика поняла: если Арнольд Стоктон говорит, что потратил уйму денег, значит, речь идет о значительной сумме, — нанял с десяток реставраторов, и вот, после их долгого и упорного труда, ангел снова готов предстать миру. Скоро эта выставка отправится в Америку, а потом объедет весь свет. И может быть, какой-нибудь маленький бедный мальчишка, как я когда-то, посмотрит на моих ангелов и тоже решит создать свою империю.

Он обернулся. Наклонился к Джессике, про-

шептал:

— Что теперь?

Она указала ему на шнур рядом со шторой. Мистер Стоктон потянул за шнур. Штора поднялась, и все увидели огромную старинную дверь.

В углу, где стояли Кларенс и охранники, снова раздался шепот:

— Нет, *вот же он*. Господи! Вы что, ослепли?

Вероятно, когда-то это была дверь собора — высотой в два человеческих роста и довольно широкая — такая, что в нее мог спокойно пройти пони. На двери был вырезан ангел, раскрашенный в красное с белым и золотым. Он смотрел на гостей пустым, безразличным взглядом. Ахнув от восхищения, все бурно зааплодировали.

– *Angelus!* — воскликнула Дверь и потянула Ричарда за рукав. — Это он! Пойдем скорее к нему! — и она бросилась к сцене.

— Простите, сэр, — сказал Ричарду один из охранников.

— Прошу вас, покажите свой пригласительный, — произнес другой, незаметно, но крепко схватив Ричарда под руку. — У вас паспорт с собой?

— Нет, — ответил Ричард.

Дверь уже взобралась на сцену. Ричард попы-

тался выдернуть руку и догнать девушку, надеясь, что охранники быстро про него забудут. Но не тут-то было. Теперь, наконец увидев его, они вели себя так, как и положено себя вести с грязным, немытым, небритым бродягой в потертой одежде. Охранник, державший Ричарда, сильнее сжал его локоть и пробормотал:

— Не надо дергаться.

Дверь остановилась, размышляя о том, как освободить Ричарда. И наконец сделала единственное, что ей пришло в голову. Подскочив к микрофону, она встала на цыпочки и изо всех сил закричала. Она потрясающе умела кричать. Ее крик буквально сверлил мозг, электропилой вонзаясь в череп… И крик становился все громче. Это было невыносимо.

Одна из официанток уронила поднос с бокалами. Зажав ладонями уши, все с ужасом смотрели на сцену. Ричард решил, что другого случая ему не представится.

— Простите, — сказал он удивленному охраннику, вырвался и бросился к Двери. — Это не тот Лондон.

Вскочив на сцену, он схватил Дверь за левую руку, которую она ему протянула. Правой же она коснулась ангела, вырезанного на огромной

двери собора. Коснулась и *открыла* дверь.

На этот раз никто ничего не уронил. Все замерли, не в силах пошевелиться. Дверь открылась, и в зал хлынул невероятно яркий свет. Люди инстинктивно заслонили глаза ладонями, потом медленно опустили руки и уставились в дверной проем. Казалось, кто-то решил устроить салют прямо здесь, в зале. Причем не из бенгальских огней — этих рассыпающих искры вонючих палочек, — и не из шутих, которые пускают в саду или на заднем дворе, — нет, это был настоящий салют, когда палят из пушек, и высоко в небе распускаются огромные цветы, тот салют, что каждый вечер устраивают в Диснейленде, тот, от какого еще долго болит голова после концерта «Пинк Флойд». Удивительный, грандиозный салют. Настоящее волшебство.

Люди стояли и зачарованно смотрели на дверь. В зале воцарилась тишина, лишь иногда слышались восхищенные вздохи — так часто вздыхают, когда смотрят настоящий салют. Через несколько секунд потрепанный молодой человек и немытая девушка в огромной кожаной куртке вошли в дверной проем и исчезли. Дверь тут же закрылась; свет погас.

И все снова встало на свои места. Гости, охран-

ники, официанты похлопали глазами, покачали головами и, как это часто бывает, когда люди сталкиваются с чем-то необъяснимым, единогласно решили, что всего этого не было. Вскоре снова заиграл струнный квартет.

Мистер Стоктон удалился, коротко кивнув своим знакомым. Джессика подошла к Кларенсу.

— А что здесь делает охрана? — тихо спросила она.

Охранники в толпе удивленно озирались, словно и сами плохо понимали, как тут оказались. Кларенс попытался объяснить, зачем вызвал охрану, но тут же запутался и с удивлением понял, что и сам не знает, как это произошло.

— Я сейчас разберусь, — сказал он.

Джессика кивнула, оглядела толпу и радостно улыбнулась. Кажется, все прошло хорошо.

* * *

Ричард и Дверь шагнули в сноп света. И тут же стало темно и холодно. Ричард заморгал. Свет практически ослепил его. Перед глазами все еще плыли красно-зеленые пятна. Впрочем, его глаза постепенно привыкали к темноте, и пятна меркли.

Они оказались в огромном каменном зале.

Потолок подпирали стальные колонны, почерневшие от времени и покрытые ржавчиной. Эти колонны были невероятно высокими. Откуда-то доносился тихий плеск воды: фонтан или, может быть, какой-то источник. Дверь все еще крепко держала Ричарда за руку. Где-то вдали загорелся огонек и заколыхался во тьме. Потом еще один, и еще. Ричард догадался, что кто-то зажигает свечи. И тут он увидел его: высокий, в белых одеждах, он шел к Ричарду и Двери, и вокруг тут же загорались свечи.

Казалось, он шел очень медленно, но, видимо, это было не так, потому что буквально через несколько секунд он остановился перед своими гостями. У него были золотистые волосы и бледное лицо. Он был не намного выше Ричарда, но рядом с ним Ричард почувствовал себя маленьким мальчиком. Он не походил ни на мужчину, ни на женщину и был невероятно красив. У него был очень тихий голос.

— Леди Дверь? — спросил он.

— Да, — отозвалась Дверь.

Он мягко улыбнулся и смиренно кивнул.

— Я рад видеть вас, тебя и твоего спутника, в моих владениях. Я — ангел Ислингтон.

У него были большие светлые глаза. А одежды

были не белыми, как сначала подумал Ричард, — нет, они казались сотканными из *света*.

Ричард не верил в ангелов. Никогда не верил. И не собирался верить. Но все же гораздо проще во что-то не верить, когда оно не смотрит на тебя и не называет по имени.

— Ричард Мэхью, — сказал ангел, — приветствую тебя. — Он повернулся. — Прошу вас, идемте за мной.

Ричард и Дверь пошли за ангелом по залу. И свечи гасли у них за спиной.

* * *

Маркиз Карабас брел по коридору заброшенной больницы. Осколки стекла и старые шприцы хрустели под его тяжелыми черными сапогами. В конце коридора была двойная дверь, что вела на запасную лестницу. Маркиз спустился по лестнице в подвал.

Оказавшись в подвале, Карабас прошел по пустым комнатам, брезгливо переступая через кучи мусора. Пройдя мимо туалетов и душевых, по старой железной лестнице он спустился еще ниже, открыл полусгнившую деревянную дверь и зашел в комнату. Здесь было сыро и темно. Он огляделся. Презрительно посмотрел на недоеден-

ного котенка и горку лезвий на столе. Смахнул мусор со стула, уселся поудобнее и закрыл глаза.

Через некоторое время дверь распахнулась, и кто-то вошел.

Маркиз Карабас открыл глаза, зевнул и радостно улыбнулся мистеру Крупу и мистеру Вандемару.

— Привет, ребята, — сказал он. — Я подумал, нам с вами пора поболтать с глазу на глаз.

Глава X

— Вы пьете вино? — спросил ангел.

Ричард кивнул, а Дверь ответила нерешительно:

— Я как-то пила. Отец нам налил за обедом. Разрешил попробовать.

Ангел Ислингтон поднял похожую на старинный графин бутылку, которая так сверкала и искрилась, что Ричард подумал: должно быть, она сделана не из стекла, а из чистейшего хрусталя или даже вырезана из огромного цельного алмаза. Хрусталь — или что бы там ни было — так причудливо отражал свет, что казалось даже, будто светится само вино.

Ангел снял крышку и налил вина в бокал — немного, всего на дюйм. Это было белое вино, но Ричард такого никогда не видел. Оно бросало на каменные стены блики, похожие на солнечных зайчиков на воде.

Дверь и Ричард сидели за почерневшим от времени деревянным столом на тяжелых деревянных стульях и молчали.

— Такого вина больше нет, — проговорил Ислингтон. — Это последняя бутылка из дюжины,

которую дал мне твой далекий предок.

Ангел протянул бокал девушке и принялся бережно, с любовью наполнять следующий. Он был похож на священника, исполняющего ритуал.

— Он подарил мне вино в честь моего прибытия. Это было тридцать… нет, сорок тысяч лет назад. Давно… — Ангел передал бокал Ричарду. — Вы, очевидно, считаете, что такое вино надо беречь, но у меня так редко бывают гости. Путь сюда труден.

– *Angelus* … — прошептала Дверь.

— Да-да, вам помог *Angelus*. Но к его помощи можно прибегнуть только один раз. — Ангел поднял бокал и поглядел на вино на свет. — Пейте осторожно, оно очень крепкое, — посоветовал он и опустился на стул между Ричардом и Дверью. — Мне нравится думать, — печально продолжал он, — что когда пьешь это вино, ты пьешь солнечный свет тех дней, которые уже не вернутся. — Он поднял бокал. — За былую славу.

— За былую славу, — эхом откликнулись Дверь и Ричард и осторожно пригубили вино.

— Невероятно! — пробормотала девушка.

— Невероятно! — повторил Ричард. — А я думал, вино с годами превращается в уксус.

Ангел покачал головой.

— Не такое, как это. Все дело в винограде. Важно, где выросла лоза. А такой лозы больше нет — те виноградники поглотили волны.

— Оно волшебное! — воскликнула Дверь, потягивая солнечную жидкость. — Я в жизни не пробовала ничего подобного.

— И не попробуешь. Вина Атлантиды больше не осталось.

Где-то в глубине сознания тоненький голосок разума говорил Ричарду, что Атлантиды никогда не было и, если уж на то пошло, ангелов тоже не бывает, да и большая часть всего, что с ним происходило в последние дни, — это бред. Но Ричард не стал его слушать. Медленно и с трудом он учился доверять своим чувствам. Он понял, что самое простое и самое правильное объяснение всему, что он увидел за это время, — то, которое давали Дверь, маркиз и другие. Да, это объяснение казалось невероятным, но оно было единственно верным. Он сделал еще глоток вина и вдруг почувствовал себя абсолютно *счастливым*. Он подумал о небесах — таких огромных и синих, каких он никогда не видел, о солнце — большом и желтом, которое светило над миром, где все было проще, потому что и сам мир был гораздо *моложе*.

Слева от них шумел водопад — прозрачная вода сбегала по стене в каменную чашу. Справа, меж двух бронзовых колонн, была дверь из полированного кремня в тяжелой черной металлической раме.

— Вы и в самом деле считаете себя ангелом? — спросил Ричард. — В смысле, вы видели Бога и все такое?

— Я ничего не считаю, Ричард, — с терпеливой улыбкой объяснил Ислингтон. — Я ангел.

— Это такая честь для нас, — сказала Дверь.

— Напротив. Это вы оказали мне честь, посетив меня. Твой отец, Дверь, был хороший человек. Он был мне другом. Его смерть меня очень опечалила.

— Он сказал… в своем дневнике… что я должна найти вас. Что я могу вам доверять.

— Надеюсь, я оправдаю ваше доверие. — Ангел сделал глоток вина и задумчиво продолжил: — Нижний Лондон — единственный город, который я люблю. Прежде был другой, но его поглотили волны, и я ничего не смог с этим поделать. Я знаю, что такое боль утраты. И сочувствую тебе. Что ты хотела узнать?

Дверь ответила не сразу.

— Моих родных… убили. Это сделали Круп и

Вандемар. Но кто их нанял? Я… я хочу знать, *почему*?

Ангел кивнул.

— Я знаю немало тайн. Многие слухи доходят до меня, правдивые или нет: слухи, намеки, отголоски слухов… — Он повернулся к Ричарду. — А ты? Чего хочешь ты, Ричард Мэхью?

Ричард пожал плечами.

— Я хочу снова жить как раньше. Хочу вернуться в свою квартиру, на свою работу…

— Это вполне возможно, — заметил ангел.

— Ну да, конечно! — буркнул Ричард.

— Ты мне не веришь, Ричард Мэхью?

Ричард посмотрел в светлые глаза ангела. Они будто светились изнутри. Глаза, которые видели, как миллионы миллионов лет назад из космической пыли рождались галактики.

Он покачал головой.

Ангел улыбнулся доброй, всепрощающей улыбкой.

— Это будет нелегко. И вас самих, и ваших спутников ждут тяжелые испытания. Будет трудно выполнить то, что нужно, и еще труднее вернуться назад. Но только так мы сможем найти ответы на ваши вопросы. Только так мы получим ключ ко всем тайнам.

Он встал, подошел к каменной плите, на которой были расставлены статуэтки, и взял одну из них. Это была фигурка какого-то зверя, сделанная из лавы.

— Она будет оберегать вас на пути ко мне, — проговорил ангел и отдал статуэтку Двери. — Больше я ничем не могу помочь.

— А что мы должны сделать? — спросил Ричард.

— Ключ охраняют черные монахи. Принесите его мне.

— И тогда вы узнаете, кто убил моих родных? — спросила Дверь.

— Надеюсь, что да.

Ричард допил вино. Он чувствовал, как по всему телу разливается тепло. Ему казалось, что, посмотрев на свою руку, он увидит, как лучезарная жидкость бежит по его жилам, словно он весь стал прозрачным.

— Удачи, — прошептал ангел Ислингтон.

Послышался шорох, словно ветер прошелестел листвой забытого леса или забились огромные крылья.

* * *

Ричард и Дверь сидели на полу в зале Британского музея и удивленно пялились на резного ангела. Кругом стояла темнота и не было ни души. Прием давно закончился. Небо за окнами начало светлеть. Ричард встал и помог подняться Двери.

— К черным монахам?

Дверь кивнула.

Ричард бывал на мосту Блэкфрайрз[207] и, конечно, не раз проезжал станцию с тем же названием, но он уже научился не делать поспешных выводов.

— Это люди?

— Да.

Ричард подошел к *Angelus'y* и провел пальцем по его раскрашенному одеянию.

— Как думаешь, он правда может вернуть меня к прежней жизни?

— Я никогда не слышала, чтобы такое случалось. Но он не стал бы нам лгать. Он же ангел.

Дверь разжала ладонь и посмотрела на фигурку

---

[207] notes: 207

Район *Блэкфрайрз* (а позже мост и станция метро в этом районе) получил свое название от доминиканского монастыря, построенного здесь в 1276 г. *Blackfriars* — букв. «черные братья» (по цвету плаща доминиканских монахов).

Зверя.

— У моего отца тоже была такая, — печально проговорила она и засунула статуэтку поглубже в карман куртки.

— Что ж, — сказал Ричард, — мы не сможем раздобыть ключ, если будем сидеть тут, правда?

Они пошли по пустым коридорам.

— Ты что-нибудь знаешь про этот ключ? — спросил Ричард, когда они подошли к выходу из музея.

— Нет. Я слышала про черных монахов, но никогда их не видела.

Она приложила руку к тщательно запертой стеклянной двери, и та открылась.

— Монахи… — задумчиво проговорил Ричард. — Могу поспорить: если мы скажем, что ключ нужен ангелу, самому настоящему ангелу, они тут же отдадут его нам, да еще прибавят волшебный консервный нож и чудодейственный штопор со свистком. — Он засмеялся. От вина еще шумело в голове.

— У тебя, похоже, отличное настроение, — заметила Дверь.

Он воодушевленно закивал.

— Еще бы! Я вернусь домой. Все будет как раньше. Скучная, прекрасная жизнь!

Он глянул на ступеньки Британского музея и подумал, что они буквально созданы для того, чтобы на них танцевали Фред Астер и Джинджер Роджерс. И поскольку ни того, ни другой рядом не оказалось, принялся сам приплясывать — как ему казалось, на манер Фреда Астера, — напевая себе под нос нечто среднее между «Puttin' on the Ritz» и «Top Hat, White Tie and Tails».

— Та-пам-пам-пум-пум-пам-пам-та-а, — пел он, перескакивая со ступеньки на ступеньку.

Дверь стояла наверху и с ужасом на него смотрела. А потом вдруг захихикала. Он поглядел на нее, снял воображаемый белый цилиндр, подбросил, ловко поймал и снова нацепил на голову.

— Вот чудак, — пробормотала Дверь и улыбнулась.

Не переставая приплясывать, Ричард схватил ее за руку и привлек к себе. Она секунду раздумывала, а потом тоже принялась танцевать. Получалось у нее гораздо лучше, чем у Ричарда. Добравшись до конца лестницы, они, не размыкая объятий, повалились на землю, тяжело дыша и глупо хихикая.

Ричарду показалось, что все вокруг закружилось.

Он чувствовал, как бьется сердце Двери. Чув-

ствовал, как проходят секунды, и думал, что, наверное, надо что-то сделать. Может быть, поцеловать ее? Он попытался понять, хочет ли ее поцеловать, и не понял. Посмотрел в ее удивительные глаза… Дверь отвернулась и высвободилась. Потом подняла воротник кожаной куртки и запахнула ее, как будто куртка могла защитить ее от всего на свете.

— Идем, поищем мою телохранительницу, — сказала она.

Временами спотыкаясь, они пошли по проулку к станции «Британский музей».

* * *

— Чего ты хочешь? — спросил мистер Круп.

— Чего хочет каждый из нас? — философски заметил маркиз Карабас.

— Мертвечины, — ответил мистер Вандемар. — И зубов побольше.

— Я подумал, что мы могли бы заключить сделку, — проговорил маркиз.

Мистер Круп расхохотался. Его смех звучал так, будто школьную доску протащили по миллиону торчащих отрубленных пальцев, которые скребли ее ногтями.

— Ах, мсье маркиз. С уверенностью могу утвер-

ждать, и, полагаю, никто из присутствующих не станет с этим спорить, что вы, должно быть, утратили весь свой хваленый здравый смысл. Иначе говоря — уж простите такой просторечный оборот, — вы рехнулись.

— Только скажи — я откручу ему башку, он и пикнуть не успеет, — предложил мистер Вандемар, стоявший за спинкой стула, на котором сидел маркиз.

Маркиз подышал на свои ногти и принялся полировать их о край плаща.

— Я всегда полагал, — промолвил он, — что путь насилия — это путь тех, кто ни на что не годен, а пустые угрозы — жалкое орудие слабоумных.

— Зачем ты пришел? — прошипел мистер Круп, злобно глядя на него.

Маркиз Карабас потянулся, как рысь или огромная черная пантера, и встал, сунув руки в карманы своего широкого плаща.

— Как я понимаю, — небрежно начал он, — вы, мистер Круп, большой любитель статуэток периода династии Тан.

— С чего ты взял?

— Видите ли, люди многое мне рассказывают. Я вызываю доверие. — Маркиз улыбнулся невинной, простодушной улыбкой человека, который

пытается всучить вам потрепанную Библию.

— Даже если это правда… — начал мистер Круп.

— Если это правда, — перебил его маркиз, — вас наверняка заинтересует вот такая штучка.

И он достал из кармана статуэтку. Еще недавно она стояла в стеклянном шкафу в одном из крупнейших лондонских банков и в каталогах значилась под названием «Дух осени (погребальная статуэтка)». Эта небольшая фигурка — всего восемь дюймов в высоту — была вылеплена из глины, раскрашена, обожжена и покрыта глазурью еще в те далекие времена, когда Европа переживала ранний период Средневековья, а в Америке мирно жили индейцы, и до первого плаванья Колумба оставалось еще шестьсот лет.

Мистер Круп невольно зашипел и потянулся за фигуркой, но маркиз резко отдернул руку и прижал ее к груди.

— Нет-нет, не все так просто, — проговорил он.

— Нет? А что нам помешает отобрать ее, а твои жалкие останки раскидать по всему Нижнему миру? Мы еще никогда не расчленяли маркиза.

— Расчленяли, — возразил мистер Вандемар. — В Йорке. В четырнадцатом веке. Тогда еще дождь шел.

— Это был не маркиз, а граф Эксетерский.

— И маркиз Вестморлендский, — поправил мистер Вандемар, чрезвычайно довольный собой.

Мистер Круп фыркнул.

— Так что нам помешает разрубить тебя на столько же кусков, на сколько мы разрубили маркиза Вестморлендского?

Маркиз достал из кармана вторую руку — в руке был молоточек. Он подбросил его в воздух, ловко поймал, как бармен в каком-нибудь фильме подбрасывает и ловит бутылку, — и занес над статуэткой.

— Я же просил, не надо пустых угроз. И знаете, мне было бы приятнее, если бы вы оба отошли вон туда.

Мистер Вандемар бросил вопросительный взгляд на мистера Крупа, и тот еле заметно кивнул. Воздух дрогнул, и мистер Вандемар оказался рядом со своим напарником, улыбавшимся застывшей улыбкой скелета.

— Я действительно время от времени покупал статуэтки периода династии Тан, — проговорил он. — Эта продается?

— Вы же знаете, мистер Круп, у нас в Нижнем Лондоне не слишком процветает торговля. Мы не торгуем, мы меняемся. Бартер — вот что нам

интересно. Что же касается этой статуэтки, то, при определенных условиях, она может сменить владельца.

Мистер Круп поджал губы, скрестил руки на груди, снова опустил их, провел ладонью по сальным волосам.

— Что ты хочешь за нее?

Маркиз едва слышно с облегчением вздохнул. Кажется, ему все-таки удастся провернуть эту беспрецедентную аферу.

— Во-первых, три ответа на три вопроса, — заявил он.

Круп кивнул.

— Хорошо, но мы тоже зададим три вопроса. И ты на них ответишь.

— Договорились. Во-вторых, вы отпустите меня целым и невредимым и дадите как минимум час форы.

Круп нетерпеливо кивал, не сводя глаз со статуэтки.

— Ладно-ладно. Договорились. Какой там первый вопрос?

— На кого вы работаете?

— Ну, это совсем простой вопрос, — ответил мистер Круп. — Мы работаем на нашего работодателя, который не желает раскрывать своего

имени.

— Гм… Почему вы убили родных Двери?

— Потому что наш босс приказал это сделать, — с лисьей улыбкой ответил мистер Круп.

— Почему вы не убили Дверь? — спросил маркиз.

Прежде чем мистер Круп открыл рот, мистер Вандемар брякнул:

— Нам запретили ее убивать. Только она может открыть дверь.

Мистер Круп бросил сердитый взгляд на напарника.

— Ну да, давай, выложи ему все начистоту!

— Я тоже хотел поучаствовать, — пробормотал мистер Вандемар.

— Понятно. Ладно, ты получил свои три ответа. Не знаю, правда, что они тебе дали. А теперь моя очередь. Первый вопрос: почему ты ее защищаешь?

— Ее отец спас мне жизнь, — честно ответил маркиз. — Я у него в долгу. А я этого не люблю. Я предпочитаю, чтобы в долгу были у меня.

— У меня есть вопрос, — снова вмешался мистер Вандемар.

— У меня тоже, мистер Вандемар, — возразил мистер Круп. — Этот, из Верхнего мира, Ричард

Мэхью, почему он с ней ходит? Почему она его не прогонит?

— Должно быть, влюбилась, — ответил маркиз и вдруг подумал, действительно ли дело только в этом. Он начал подозревать, что, может быть, Ричард не так прост, как кажется.

— А теперь моя очередь, — заявил мистер Вандемар. — Какое число я задумал?

— Что?

— Какое число я задумал? — повторил свой вопрос мистер Вандемар. — От одного до бесконечности, — подсказал он.

— Семь, — ответил маркиз, и мистер Вандемар потрясенно кивнул.

— А где… — начал было мистер Круп, но маркиз покачал головой:

— Не-ет, так не пойдет. Не надо жадничать.

В сыром подвале наступила тишина. Слышно было, как капает вода и медленно ползают слизняки.

— Час форы. Не забыли? — напомнил маркиз.

— Разумеется, — отмахнулся мистер Круп.

Маркиз Карабас бросил статуэтку мистеру Крупу, и тот схватил ее жадно, как наркоман — пакетик с контрабандным белым порошком. Маркиз повернулся и вышел из подвала, ни разу

не оглянувшись.

Мистер Круп вертел статуэтку в руках, рассматривал с выражением, с каким диккенсовский куратор музея проклятых разглядывал бы самый ценный экспонат. Время от времени он от усердия даже высовывал кончик языка. На его бледных щеках появился румянец.

— Прелестно, прелестно, — шептал он. — В самом деле, династия Тан. Создана тысячу двести лет назад. Одно из самых прекрасных произведений человеческого искусства. Ее сделал Кай Лун, знаменитый гончар. Она уникальна. Только посмотри на глазурь — какой цвет! В ней гармония самой жизни… — Он улыбался как ребенок. Просто невероятно, как такая невинная улыбка могла появиться на жестоком лице мистера Крупа. — Она добавляет красоты и гармонии этому миру.

Улыбнувшись во весь рот, он склонился к статуэтке и с хрустом откусил ей голову. Он жадно жевал глину, заглатывая ее кусками. Белая крошка усеяла весь подбородок.

Уничтожая статуэтку, он испытывал подлинное наслаждение и экстаз, словно удовлетворял неудержимую жажду крови, какая охватывает лиса, забравшегося в курятник. Когда от статуэт-

ки ничего не осталось, он повернулся к мистеру Вандемару и медленно, расслабленно проговорил:

— Сколько мы обещали ему дать?

— Час.

— Ммм… а сколько прошло?

— Шесть минут.

Мистер Круп склонил голову. Стер крошки с подбородка и с удовольствием облизал пальцы.

— Иди за ним, — сказал он. — А я немного задержусь. Хочу насладиться моментом.

* * *

Охотница слышала, как они спускаются. Она так и стояла, скрестив руки на груди, словно даже не шелохнулась с тех пор, как они ушли. Ричард напевал себе под нос, Дверь хихикала. Потом они остановились. Дверь сказала:

— Тихо! — и снова рассмеялась.

Они даже не заметили Охотницу.

Когда Дверь с Ричардом уже прошли мимо, она шагнула к свету и сказала:

— Вас не было восемь часов.

В ее голосе не было ни укора, ни любопытства. Она просто констатировала факт.

Дверь удивленно моргнула.

— Так *долго*?

Охотница промолчала. Ричард улыбнулся пьяной улыбкой.

— Не хочешь узнать, как все прошло? Между прочим, мы встретились с Крупом и Вандемаром. Бах! А телохранителя-то нет! Ну ничего, я сам с ними разобрался.

Охотница вскинула бровь.

— Я всегда подозревала, что ты великий воин, — холодно заметила она.

Дверь захихикала.

— Он шутит. На самом деле они нас убили.

— Я немного разбираюсь в убийствах, — заметила Охотница, — и могу вас заверить, что вы оба живы. Хотя и изрядно пьяны.

— Глупости! — воскликнула Дверь и показала ей язык. — Я почти и не пила. Только вот столечко, — и она показала, сколько.

— Мы попали на прием, — добавил Ричард. — Встретили Джессику, видели настоящего ангела, взяли у него какую-то черную хрюшку и вернулись. Вот.

— Совсем чуть-чуть, — продолжала Дверь. — Чуточку старого-престарого вина. Просто ка-а-апельку! Совсем-совсем немного. Почти ничего. — Она громко икнула, хихикнула, снова

икнула. И вдруг опустилась на пол. — Кажется, мы все-таки перебрали, — неожиданно трезво заявила она, закрыла глаза и тут же уснула.

* * *

Маркиз Карабас мчался по туннелям так, будто за ним гнались черти. Он пронесся по забранной в шестидюймовую трубу реке Тайберн — реке висельников[208]. Передохнул в темном углу кирпичной сточной трубы под Парк-лейн и побежал дальше на юг, к Букингемскому дворцу. С тех пор как он покинул больницу, прошло семнадцать минут.

В тридцати футах под Триумфальной аркой он на секунду остановился. Туннель раздваивался. Маркиз побежал налево.

Несколько минут спустя по тому же туннелю прошел мистер Вандемар. У развилки он тоже остановился, принюхался и тоже свернул налево.

---

[208] notes: 208

На реке Тайберн находились виселицы, где казнили преступников, начиная с 1196 г. и до XVIII в.

* * *

Охотница подняла бесчувственное тело Ричарда Мэхью и швырнула его на солому. Он перевернулся на спину, пробормотал что-то вроде: «Нефя посрожнее?» — и снова отключился. Дверь Охотница опустила на солому более бережно. Затем встала возле нее — едва различимая во мраке подземелья — и приготовилась охранять ее сон.

* * *

Маркиз Карабас выдохся. Привалившись к стене, он поглядел на ступеньки, уходившие далеко вверх, достал из кармана золотые часы и проверил время. С тех пор как он покинул больницу, прошло тридцать пять минут.

— Ну что, час уже прошел? — спросил мистер Вандемар. Он сидел на ступеньках и кончиком ножа выковыривал грязь из-под ногтей.

— Нет. Только половина, — тяжело дыша, ответил маркиз.

— А мне показалось, прошел, — возразил мистер Вандемар.

Воздух дрогнул, и за спиной маркиза возник

мистер Круп. На подбородке у него все еще оставались белые крошки. Маркиз посмотрел на мистера Крупа, потом перевел взгляд на мистера Вандемара и вдруг расхохотался.

Мистер Круп улыбнулся.

— Что вас так развеселило, мессир маркиз? Мы кажемся вам смешными? Мы? В наших великолепных костюмах, с нашей изысканной велеречивостью…

— Нет у меня никакой речивости, — пробормотал мистер Вандемар.

— …С нашими старомодными манерами и, может быть, глупыми привычками? Что ж, пожалуй, мы действительно смешны. — Тут мистер Круп погрозил маркизу пальцем. — Но не следует забывать, дорогой маркиз, что нечто смехотворное может быть и очень опасным.

Мистер Вандемар с силой метнул нож. И не промахнулся: рукоятка ударила маркиза в висок. Глаза у него закатились, и он осел на пол.

— Велеречивость, — объяснил мистер Круп мистеру Вандемару, — это изящная речь. Пышная, высокопарная. Красноречие, короче говоря.

Мистер Вандемар подхватил Карабаса за пояс и потащил вверх по лестнице, не обращая внимания на то, что голова маркиза билась о

ступеньки.

— Ага, — сказал мистер Вандемар и кивнул. — А то я не понял.

* * *

Пока они спят, посмотрим, что им снится.

Охотница спит стоя.

Ей снится Нижний Бангкок — причудливый лабиринт каменных стен и джунглей, ушедших под землю много лет назад. А сверху аэропорт, отели, улицы верхнего города. Внизу стоит запах специй и сушеных манго, приятный аромат секса. Воздух влажный, Охотница вспотела. Фосфоресцирующая плесень на каменной кладке светится обманчивым бледно-зеленым светом. Он не рассеивает мрак, но помогает ориентироваться в лабиринте.

Охотница словно призрак движется по сочащимся влагой туннелям, пробирается вперед, раздвигая лианы. В правой руке она держит тяжелый, налитый свинцом посох, в левой — обтянутый кожей щит.

Во сне она чует резкий запах зверя. Прислоняется к полуразрушенной стене и ждет, затаившись во мраке, слившись с темнотой. Она знает, что на охоте, как и в жизни, главное — уметь ждать.

Но в этот раз ждать ей не приходится. Он появляется из зарослей, при каждом шаге плавно изгибаясь, как змея, покрытая коричнево-белым мехом. Глаза у него красные и ярко горят в темноте, а зубы острые, как бритвы. Это хищник, безжалостный убийца. Такие, как он, в верхнем мире давно вымерли. Его можно было бы назвать родственником ласки или норки, если волка можно назвать родственником йоркширского терьера. Он больше пятнадцати футов в длину — от кончика носа до кончика хвоста — и весит не меньше трехсот фунтов.

Когда зверь проходит мимо, Охотница шипит. Зверь на секунду удивленно замирает. Потом срабатывает инстинкт, и он яростно бросается на нее, раскрыв пасть с острыми зубами. Во сне она вспоминает, что такое уже было, и в прошлый раз он сунула щит в пасть и метнула тяжелый посох в череп Великой Ласки, стараясь не повредить шкуру, которую потом отдала приглянувшейся девушке, надлежащим образом отблагодарившей Охотницу.

Но во сне все иначе. Ласка тянется к ней, Охотница отбрасывает посох и вкладывает свою ладонь в огромную лапу. Они начинают танцевать. Они танцуют бесконечный причудливый

танец глубоко под землей, под Бангкоком. Охотница видит со стороны, как они кружатся. Руки, ноги, хвост, пальцы, волосы, взгляды — все движется в такт удивительной неслышной музыке. И так они скользят в танце через подземный лабиринт, через вечность.

Из реального мира доносится какой-то звук — Дверь тихонько постанывает во сне. Охотница мгновенно сбрасывает с себя сонное оцепенение, возвращается в настоящее — как всегда готовая к бою, как всегда настороже. И совершенно забывает свой сон.

* * *

Двери снится отец.

Он учит ее открывать. Он берет апельсин, взмахивает рукой, и апельсин выворачивается наизнанку, так что дольки оказываются снаружи, а шкурка — внутри. *Во всем нужно соблюдать равновесие*, говорит отец, отламывая ей дольку. *Равновесие и симметрию. Нельзя нарушать топологию. Но этому ты научишься потом. А сейчас, Дверь, ты должна понять самое главное: все вещи хотят, чтобы их открыли. Ты должна почувствовать в них это желание и научиться его использовать.*

Волосы у отца густые и каштановые, какими они были за десять лет до смерти. Он улыбается — свободно и беззаботно. Дверь помнит эту улыбку, хотя с годами отец стал улыбаться все реже.

Он протягивает ей замок. Она берет его. Ее руки такие же, как сейчас, хотя даже во сне она знает, что все это происходило, когда она была совсем крохой. Более того, она понимает, что сплетает в один урок сотни уроков, которые он ей преподал за двенадцать лет, сотни разговоров и наставлений.

Открывай, велит отец.

Она держит замок, чувствует, какой он холодный и тяжелый. Ее что-то беспокоит. Она что-то хотела узнать. Открывать Дверь научилась почти тогда же, когда начала ходить. Она помнит, как мать держит ее на руках и открывает дверь из ее спальни в детскую. Помнит, как ее брат Арк расцепляет звенья серебряной цепи и снова их соединяет.

Она пытается открыть замок. Трогает его пальцами, мысленно просит открыться. Ничего не выходит. Она швыряет замок на пол и заливается слезами. Отец поднимает замок и снова вкладывает ей в руки. Вытирает слезы с ее щек.

Запомни, говорит он, *замок хочет открыться.*

Просто позволь ему это сделать.

Она чувствует, какой замок холодный, тяжелый и неподвижный. И вдруг она понимает, действительно понимает, чего хочет замок. Раздается щелчок — замок открыт. Отец улыбается.

Получилось, говорит она.

Умница, говорит он. *Вот видишь, ты поняла самое главное. Все остальное — дело техники.*

И тут она вспоминает, что именно хотела узнать.

Отец, кто убрал твой дневник? — спрашивает она. — *Кто его спрятал?*

Но он уже отдаляется, сон рассеивается. Она зовет отца, но отец не слышит. Он что-то говорит, и она не может разобрать слов.

Дверь тихонько стонет во сне. Потом поворачивается на другой бок, подкладывает руку под щеку, тихонько всхрапывает — раз, другой, третий… Она спит. Но больше ей ничего не снится.

* * *

Ричард чувствует, что Зверь ждет их. С каждым шагом, с каждым поворотом это чувство растет и усиливается. Он знает, что Зверь там, что он затаился в темноте. И с каждой минутой ощущение грядущей катастрофы нарастает. Ко-

гда за очередным поворотом он видит в туннеле поджидающего Зверя, чувствует, что должен бы испытать облегчение, но не испытывает ничего, кроме ужаса. Во сне Зверь разрастается до невероятных размеров. Он заслоняет собой все. От его шкуры валит пар, обломки копий торчат из его боков, на рогах и клыках запеклась кровь. Он страшный, необъятный, разъяренный.

Зверь бросается вперед.

Ричард вскидывает руку (но это не его рука) и швыряет копье в Зверя.

Он видит его глаза — красные, пылающие злобой. Они приближаются. Это всего секунда, но она кажется вечностью. А потом Зверь кидается на него…

Кто-то плеснул ледяной водой ему в лицо, и Ричард проснулся, как от пощечины. Резко отрыл глаза и замер, хватая ртом воздух. Сверху на него смотрела Охотница. У нее в руках было большое деревянное ведро — пустое. Ричард с трудом поднял руку. Лицо и волосы у него были мокрые. Дрожа от холода, он смахнул капли воды с лица.

— Зачем ты так? — пробормотал он. Во рту у него было противно, словно какие-то крошечные зверюшки использовали его рот как отхожее место, а потом растворились, превратившись во

что-то зеленоватое. Ричард попытался встать и тут же снова сел. — О-о-о… — простонал он.

— Как голова? — понимающе спросила Охотница.

— Так себе.

Она взяла другое ведро, наполненное водой, и подтащила его поближе.

— Не знаю, что вы пили, — сказала она, — но это было что-то действительно крепкое. — Она осторожно побрызгала водой в лицо Двери. Веки у девушки дрогнули.

— Неудивительно, что Атлантида затонула, — проворчал Ричард. — Если им всем было так тошно по утрам, они наверняка только обрадовались, когда их поглотили волны. Где мы?

Охотница еще побрызгала в лицо Двери водой.

— В конюшне у моего друга, — ответила она.

Ричард огляделся. В самом деле, похоже на конюшню. Но неужели лошади живут под землей? Или эта конюшня не для лошадей? На стене был какой-то знак, похожий на латинскую букву «S» (или на змею) в окружении семи звезд.

Дверь осторожно ощупала свою голову, словно сомневаясь, что с ней все в порядке.

— О-о-о… — выдохнула она. — Темпл и Арка! Я умерла?

— Нет, — сказала Охотница.

— А жаль…

Охотница помогла ей подняться.

— Что ж, он нас предупреждал, что вино крепкое… — сонно пробормотала Дверь, и вдруг — в одну секунду — сон как рукой сняло. Она схватила Ричарда за плечо и в ужасе указала на символ на стене — змейку в окружении звезд. Дверь охнула и затравленно огляделась, словно мышка, ненароком попавшая в комнату, полную кошек. — Серпентина[209]! — воскликнула она. — Это герб Серпентины. Ричард, бежим! Надо убраться отсюда, пока она нас не заметила…

— И ты думаешь, дитя мое, что можно оказаться во владениях Серпентины без ее ведома? — послышался вдруг сухой шелестящий голос.

Дверь отступила назад и прижалась к стене. Ее била дрожь. В раскалывающуюся от боли голову Ричарда пришла мысль: он впервые видит Дверь в таком ужасе.

Серпентина стояла в дверях. На ней были белые кожаные сапоги и белый кожаный корсет, вокруг которого пенилось белое кружево и шелк. Казалось, это когда-то был свадебный наряд, только с

---

[209] notes: 209

Serpentine — озеро в Гайд-парке, созданное в 1730 г. и получившее название из-за своей узкой, извилистой формы (serpent — змея).

тех пор кружево изорвалось и посерело. Она была выше их всех. Седые волосы, зачесанные наверх, касались притолоки. У нее было властное лицо, тонкие губы и пронзительный взгляд. Она смотрела на Дверь, и было видно, что она принимает этот страх как должное. Она давно привыкла, что ее боятся. Ей это даже нравится.

— Успокойся, — бросила Охотница Двери.

— Но это же Серпентина, одна из семи сестер[210], — прошептала Дверь.

Серпентина вежливо склонила голову и подошла к ним. Из-за ее спины показалась худая женщина с длинными черными волосами и резкими чертами лица. На ней было черное платье, утянутое в талии. Женщина молчала. Серпентина приблизилась к Охотнице.

— Когда-то очень давно Охотница мне служила, — сказала Серпентина и провела белым пальцем по карамельной щеке Охотницы — любовным, собственническим жестом. — Тебе удалось сохраниться лучше, чем мне, — проговорила она.

---

[210] notes: 210

Seven Sisters (букв. «семь сестер») — станция метро и место в Лондоне, получившее название от семи древних вязов, посаженных по кругу. Предполагается, что это могло быть местом языческих жертвоприношений. Позже заменены пирамидальными тополями.

Охотница опустила глаза.

— Ее друзья — мои друзья, — объяснила Серпентина. — Ты Дверь?

— Да, — еле слышно ответила девушка. Во рту у нее пересохло.

Серпентина посмотрела на Ричарда. Он явно не произвел на нее впечатления.

— А ты кто такой? — холодно спросила она.

— Ричард.

— Я Серпентина, — милостиво сообщила она.

— Я так и понял, — ответил Ричард.

— Вас ждет завтрак, — сказала Серпентина, — если конечно, вы хотите прервать свой пост.

— О нет! — простонал Ричард, а Дверь промолчала.

Она по-прежнему прижималась к стене и дрожала, как осенний лист на ветру. Дверь понимала: раз Охотница притащила их сюда, значит, она уверена, что здесь им ничто не угрожает, однако страх по-прежнему ее не отпускал.

— Что на завтрак? — спросила Охотница.

Серпентина посмотрела на женщину с осиной талией.

— Что на завтрак? — повторила она вопрос Охотницы.

Женщина улыбнулась (Ричард подумал, что в

жизни не видел такой ледяной улыбки) и принялась перечислять:

— Яичница-глазунья, яйца-пашот, яйца маринованные, оленина с карри, лук маринованный, сельдь маринованная, сельдь копченая, сельдь соленая, бульон грибной, свинина соленая, капуста фаршированная, рагу из баранины, холодец из телячьих ножек…

Ричард хотел было попросить ее замолчать, но не успел — его стало рвать, неудержимо и мучительно.

Ему хотелось, чтобы кто-то его утешил, сказал, что все в порядке и скоро ему станет лучше. Он хотел, чтобы кто-нибудь дал ему аспирин и стакан воды, а потом уложил в постель. Но никто не стал его утешать, а постель его осталась бесконечно далеко — в другой жизни. Ричард зачерпнул воды из ведра, умылся, прополоскал рот и, пошатываясь, пошел вслед за четырьмя женщинами завтракать.

* * *

— Передай мне холодец, — с набитым ртом попросила Охотница.

Столовая Серпентины находилась на самой крошечной платформе метро, какую Ричард ко-

гда-либо видел, — не больше двенадцати футов в длину. Почти всю ее занимал огромный обеденный стол. Он был накрыт белой камчатной скатертью, сервирован серебряной посудой и уставлен блюдами, источавшими тошнотворный запах. Хуже всего пахли маринованные перепелиные яйца.

Он весь покрылся липким потом, а глаза его словно сначала вынули, а потом неправильно вставили в глазницы. Голова болела, как будто во сне его череп подменили на другой — раза в три меньше. В нескольких футах от них прошел поезд. Ветер взметнул скатерть. От грохота боль сделалась невыносимой, словно по мозгу полоснули раскаленным лезвием. Он застонал.

— Вижу, твой герой не умеет пить, — равнодушно заметила Серпентина.

— Он не мой герой, — возразила Дверь.

— Нет, дитя мое, меня не обманешь. У меня глаз наметанный. Героя сразу видно — у него особенный взгляд. — Серпентина повернулась к женщине в черном, выполнявшей, очевидно, функцию экономки. — Восстановительный напиток для джентльмена.

Женщина холодно улыбнулась и вышла.

Дверь переложила несколько грибов на свою

тарелку.

— Мы благодарны вам за помощь, леди Серпентина, — промолвила она.

Серпентина фыркнула.

— Просто Серпентина. У меня нет времени на глупые титулы и вымышленные регалии. Так ты старшая дочь Портико?

— Да.

Серпентина обмакнула пальцы в соленый соус, в котором плавали крошечные угри, облизнула их и важно кивнула.

— У меня никогда не было времени на твоего отца. Вся это чушь про объединение Нижнего Лондона. Чепуха, бред. Глупец! Ищет неприятности на свою голову. Последний раз, когда мы с ним виделись, я пообещала превратить его в ужа, если он еще раз ко мне явится. — Она посмотрела на Дверь. — Как он, кстати?

— Умер.

Серпентина удовлетворенно кивнула.

— Вот видишь. Как и следовало ожидать.

Дверь промолчала.

Серпентина покопалась в своих волосах, что-то поймала там, поглядела, что это, раздавила пальцами и бросила на платформу. Затем повернулась к Охотнице, которая управлялась с горкой

маринованных селедок.

— Охотишься на Зверя? — спросила Серпентина. Охотница кивнула, не переставая жевать. — Тогда тебе понадобится копье.

Женщина с осиной талией появилась перед Ричардом с подносом в руках. На подносе стояла рюмка с изумрудно-зеленым напитком. Ричард покосился на рюмку и вопросительно посмотрел на Дверь.

— Что вы ему налили? — спросила девушка.

— Это не яд, — ответила Серпентина с ледяной улыбкой. — Вы же гости.

Ричард залпом осушил рюмку. Напиток пах мятой, чабрецом и морозным зимним утром. Он почувствовал, как жидкость сбегает в желудок, и приготовился сдержать рвоту. Сделал глубокий вдох и вдруг с удивлением обнаружил, что голова прошла и ему страшно хочется есть.

* * *

Старина Бейли был не мастак рассказывать анекдоты, но рассказывать их любил. В его устах они превращались в бесконечные нудные истории, оканчивающиеся каким-нибудь жалким каламбуром, если только старина Бейли не забывал его, пока добирался до финала. Слушали его

анекдоты только птицы в клетках. Пернатые — особенно грачи — воспринимали эти анекдоты, как глубокие философские притчи о сути человеческой натуры, а потому время от времени сами просили старину Бейли рассказать анекдот.

— Ладно-ладно, — говаривал старина Бейли. — Скажете, если уже слышали. Один человек заходит в бар. Нет, не человек. Точно, в этом вся и штука. Пардон. Заходит в бар лошадь… Нет, обрывок каната. Три обрывка. Вот именно. Три обрывка заходят в бар…

Большой грач вопросительно каркнул. Старина Бейли потер подбородок и пожал плечами.

— Говорю как слышал. Не знаю, это же анекдот. В анекдоте они умеют ходить. Один обрывок просит бармена налить ему стаканчик — ну, и его приятелям тоже. А бармен и говорит, мол, мы тут обрывкам каната не наливаем. Вообще никогда не наливаем обрывкам каната. Так вот. Ну, тот идет к остальным, так, мол, и так, обрывкам тут не наливают. Это же шутка. Тогда идет другой обрывок. Бармен ему отвечает, мол, мы таких не обслуживаем. Тогда третий берет и привязывается к двум остальным. Ну, и заказывает выпивку.

Большой грач что-то уточнил:

— Верно, выпивку, три порции, — согласился

старина Бейли, — …А бармен говорит: «Слушай, ты что, один из этих обрывков?», а тот ему: «Ну уж нет. Я просто узел». А бармен: «Понял-понял, ты два узла в час!» Такой вот анекдот. Очень, очень смешной.

Скворцы вежливо закаркали. Грачи покивали и склонили головы набок. Самый старый грач каркнул.

— Что? Еще один? Ну, знаете, что я вам, кладезь анекдотов? — проворчал старина Бейли. — Дайте-ка подумать…

Из палатки раздался низкий, пульсирующий звук, похожий на стук сердца. Старина Бейли вошел в палатку. Звук шел из древнего деревянного сундука, в котором он хранил все самое ценное. Старина Бейли открыл сундук. Звук стал громче. Он доносился из серебряной шкатулки. Старик протянул руку и поднял шкатулку. Из ее замочной скважины и из всех щелей вырывался красный свет, мигавший, словно в такт биению сердца.

— Он в беде, — пробормотал старина Бейли.

Грач вопросительно каркнул.

— Нет. Это не шутка. Маркиз в беде.

* * *

Ричард доедал уже добавку, когда Серпентина отодвинула стул и встала.

— Полагаю, я выполнила свой долг гостеприимной хозяйки, — объявила она. — До свидания, дитя мое. До свидания, молодой человек. Охотница… — Она умолкла и снова провела острым ногтем по щеке телохранительницы. — Буду рада видеть тебя снова.

Затем величественно кивнула и вышла в сопровождении своей служанки с осиной талией.

— Нам пора, — сказала Охотница, вставая из-за стола. Дверь и Ричард (последний — с большой неохотой) последовали за ней.

Они прошли по коридору — такому узкому, что пришлось идти гуськом, — поднялись по каменным ступеням, перешли железный мост, под которым с грохотом проносились поезда, и наконец оказались в лабиринте подземных гротов, где пахло сырыми кирпичными стенами, древностью и увяданием.

— Так ты на нее работала? — спросил Ричард Охотницу. — А она ничего.

Охотница промолчала, а Дверь задумчиво произнесла:

— У нас в Нижнем Лондоне Серпентиной пугают детей. «Веди себя хорошо, а не то Серпентина придет».

— А-а… — удивился Ричард и снова спросил у Охотницы: — И ты у нее работала, да?

— Я работала у всех семи сестер.

— Я думала, они уже лет тридцать как не разговаривают друг с другом, — заметила Дверь.

— Очень может быть. Но тогда они еще общались.

— Сколько же *тебе* лет? — спросила девушка, и Ричард порадовался, что она задала этот вопрос: сам бы он никогда не осмелился.

— Столько же, сколько моему языку, и чуть меньше, чем моим зубам, — ответила Охотница.

— Ну что ж, — беззаботным тоном сказал Ричард. Он радовался, что избавился от похмелья, радовался, что где-то там, наверху, у кого-то хороший день. — По-моему, все прошло неплохо. Мы поели, и никто не пытался нас убить.

— Это пока, — заметила Охотница. — Как пойдем к черным монахам, госпожа?

— По реке, — немного подумав, ответила Дверь. — Нам сюда.

* * *

— Ну как он, пришел в себя? — спросил мистер Круп.

Мистер Вандемар ткнул пальцем в распростертое тело маркиза. Тот едва дышал.

— Нет, мистер Круп. Кажется, ему конец.

— Я же предупреждал: осторожнее. Вечно ты ломаешь свои игрушки, — заметил мистер Круп.

Глава XI

— Так чего ты хочешь? — спросил Ричард Охотницу. Они осторожно пробирались вдоль подземной реки по скользкой узкой тропинке между водой и каменной стеной. Ричард с опаской поглядывал на мутный поток, бурливший у самых ног. Чувствовалось, если туда упадешь — уже не выберешься. Такая это была река.

— В смысле? — не поняла Охотница.

— Ну… Я хочу вернуться в настоящий Лондон и снова жить так, как раньше. Дверь хочет узнать, кто убил ее родных. А ты чего хочешь?

Они двигались медленно, внимательно глядя себе под ноги. Охотница молча шла впереди. Течение стало плавным, река вывела их к подземному озеру. Свет фонариков плясал на черной воде, но отражения казались мутными в тумане, повисшем над озером.

— Что тебе нужно? — не отступал Ричард, хотя уже понял, что ответа не получит.

Однако Охотница заговорила — тихо и размеренно, — не сбавляя шаг:

— В Нью-Йорке я сражалась в канализации с королем крокодилов, огромным слепым альби-

носом тридцати футов в длину, разжиревшим на отбросах, яростным в битве. И я победила. Его глаза сияли во тьме, как гигантские жемчужины. — Ее странный акцент причудливо звучал во мраке, голос эхом рикошетил от стен, смешивался с туманом. — В Берлине я сражалась с медведем, который жил под землей сотни лет. Он погубил множество людей. Его когти почернели от запекшейся крови. Но я убила и его. Умирая, он говорил человеческим языком. — Туман клубился у самой воды. И в этом тумане Ричарду мерещились чудовища, о которых рассказывала Охотница. — В Калькутте я сражалась с черным тигром размером со слоненка, кровожадным, ловким и храбрым. Это был достойный противник. Но я убила его голыми руками. — Ричард искоса поглядел на Дверь. Девушка слушала внимательно: видимо, она тоже этого не знала. — И я убью Зверя, что живет под Лондоном. Говорят, из его шкуры торчат обломки ножей, мечей и копий тех, кто не смог его победить. Говорят, клыки у него острые, как бритвы, а стук копыт подобен грому. Но я убью его или умру в схватке с ним.

Глаза Охотницы пылали. Туман над озером стал плотным и желтым.

Вдалеке трижды прозвонил колокол — этот

звон эхом пронесся над черной водой. Стало светлее. Ричард различил впереди какие-то строения. Желто-зеленый туман становился все гуще и гуще. Он обволакивал фонари, приглушая их свет, и пах пеплом, копотью, сажей — всем, что тысячу лет город выбрасывал в воздух.

— Что это? — спросил Ричард.

— Лондонский смог, — ответила Охотница.

— Но ведь никакого смога давным-давно нет. Закон «О чистом воздухе» и все такое. — Ричарду вспомнились книжки про Шерлока Холмса, которые он читал в детстве. — Как он, кстати, назывался, этот туман?

— «Гороховый суп», — ответила Дверь. — Лондон ими славился — густыми желтыми туманами, которые поднимались с реки, смешиваясь с сажей и копотью, со всем, что накопилось в воздухе за пятьсот лет. В Верхнем мире таких туманов нет уже лет сорок. А здесь, внизу, иногда появляются их призраки. Мм… пожалуй, не совсем призраки, скорее воспоминания. — Ричард вдохнул желто-зеленый туман и закашлялся. — С тобой все в порядке? — спросила Дверь.

— Да, просто вдохнул туман, — ответил Ричард. Почва под ногами стала еще более скользкой и вязкой. При каждом шаге размокшая глина заса-

сывала ботинки. — Но это ерунда, — продолжал он, чтобы подбодрить себя, — туман еще никого не убил.

Дверь удивленно поглядела на него своими необыкновенными глазами.

— В 1952 году туман убил четыре тысячи человек.

— Здесь? В Нижнем Лондоне?

— Нет, в Верхнем, — ответила Охотница.

Ричард охотно поверил. Он попытался не вдыхать туман, но ничего не вышло: тот становился все гуще. А под ногами было уже настоящее болото.

— Не понимаю, — проговорил Ричард, — почему у вас тут есть смог, когда у нас, наверху, его давно нет?

Дверь потерла переносицу.

— В Лондоне есть такие места, где время застыло, где ничего не меняется. Это как пузырьки воздуха в янтаре. Город существует слишком давно. И время, которое прошло, должно куда-то деваться. Оно не исчезает сразу.

— Возможно, я еще не оправился от похмелья, — пробормотал Ричард, — но в твоих словах есть логика.

* * *

Аббат знал, что сегодня явятся паломники. Это знание приходило к нему во сне, обволакивая его, как вечная темнота. Поэтому весь день он ждал их. Аббат знал, что ожидание — грех. Следует ценить каждое мгновение. А ожидание — это неуважение по отношению к будущему и настоящему одновременно. И все равно он их ждал. Ждал, когда молился, ждал во время скудной монастырской трапезы. Постоянно прислушивался — не зазвонит ли колокол, возвещающий о прибытии паломников и об их числе.

Он надеялся, что на этот раз все кончится смертью. Последний паломник прожил еще год, и весь год не переставая бредил и кричал в бреду. Аббат относился к своей слепоте спокойно, не считал ее *ни злом, ни благом.* Однако он был рад, что не видел лица того несчастного. Брат Джет[211], ухаживавший за ним, до сих пор просыпается по ночам от собственного крика: ему снится искаженное болью лицо паломника.

Колокол прозвонил ближе к вечеру — три-

[211] notes: 211

У черных монахов говорящие имена: брат Джет (гагат), брат Фулиджинос (пропитавшийся сажей), брат Сейбл (черный, как соболь).

жды. Аббат был в склепе. Он стоял на коленях и размышлял о миссии монахов. Услышав колокольный звон, аббат поднялся, вышел в коридор и стал ждать.

— Отец, — обратился к нему брат Фулиджинос.

— Кто охраняет мост? — спросил аббат. Голос у него был неожиданно глубокий и звучный.

— Сейбл, — услышал он в ответ. Аббат протянул руку, на ощупь нашел локоть монаха, и вместе они медленно пошли по коридорам аббатства.

* * *

Озеро осталось позади. В желтом тумане они шли через болото. Под ногами хлюпало и чавкало.

— Это омерзительно, — проворчал Ричард. Болотная жижа просачивалась в ботинки, пропитывала носки, скользила между пальцев. Это действительно было омерзительно.

Впереди показался мост, у которого стоял высокий человек в черном плаще доминиканского монаха. Кожа у него была цвета красного дерева. В руке он сжимал боевой шест.

— Стоять! — крикнул он. — Назовите ваше имя и положение.

— Я леди Дверь, — сказала Дверь, — дочь Пор-

тико из Дома Арков.

— Я Охотница, — сказала Охотница, — ее телохранитель.

— Я Ричард Мэхью, — сказал Ричард, — весь мокрый.

— И вы хотите пройти?

Ричард шагнул вперед.

— Вообще-то да. Мы пришли за ключом.

Монах молча вскинул боевой шест и неожиданно ткнул Ричарда в грудь. Тот поскользнулся и шлепнулся в жидкую грязь — точнее, в грязную жижу. Монах ожидал, что Ричард вскочит и станет драться, но Ричард не стал.

Это сделала Охотница.

Ричард поднялся и, открыв рот, стал следить за боем. Он никогда прежде не видел, как сражаются шестами. Монах дрался отлично. Он был крупнее Охотницы и, вероятно, сильнее. Но Охотница была более ловкой. В тумане раздавался деревянный стук шестов.

Монах нанес Охотнице неожиданный удар в живот. Она скорчилась и рухнула в грязь. Он подошел к ней — слишком близко, не сразу сообразив, что она притворяется. Одним ловким движением Охотница ударила его шестом под коленями. У монаха подкосились ноги, и он упал лицом вниз.

Охотница приставила шест к его шее.

— Довольно! — послышалось с моста.

Охотница отступила и снова встала рядом с Ричардом и Дверью. Она даже не вспотела. Огромный монах медленно поднялся. У него была рассечена губа. Он низко поклонился Охотнице и вернулся к мосту.

— Кто там, брат Сейбл? — спросил голос.

— Леди Дверь, дочь Портико из Дома Арков, Охотница, ее телохранитель, и Ричард Мэхью Весьмокрый, их спутник, — морщась, проговорил брат Сейбл: рассеченная губа болела. — Она победила меня в честном бою, брат Фулиджинос.

— Пусть пройдут.

Охотница повела Ричарда и Дверь на мост. Там их ждал другой монах, брат Фулиджинос, тоже в плаще доминиканца. Он был моложе и не такой огромный, как тот, первый. Кожа у него была темно-коричневая. Вдалеке, сквозь желтый туман, виднелись еще фигуры в черном. «Так это и есть черные монахи!» — догадался Ричард.

Второй монах с минуту смотрел на них, а потом вдруг продекламировал:

Поверну я головку – иди куда хочешь,
А еще поверну – никуда не пойдешь.

У меня нет лица, но я жив до тех пор,
Пока есть бородка. Знаешь ли, кто я?

Дверь шагнула вперед, облизнула засохшие губы и закрыла глаза.

— Поверну я головку… — задумчиво повторила она. — Бородка… иди куда хочешь… — Вдруг она просияла, радостно посмотрела на монаха и воскликнула: — Ключ! Это ключ!

— Ты мудра, — признал брат Фулиджинос. — Два испытания пройдены. Осталось последнее.

Из желтого тумана выступил древний старик и медленно побрел к ним, держась за перила моста. Остановился рядом с братом Фулиджиносом. У старика были мутные бледно-голубые глаза с желтоватыми от катаракты зрачками. Ричарду он понравился.

— Сколько их? — спросил старик молодого монаха. Его глубокий голос звучал почти ласково.

— Трое, отец аббат.

— И один из них победил первого стража?

— Да, отец.

— А другой отгадал загадку второго стража?

— Да, отец.

— Тогда, — с сожалением проговорил старик, — одному из них придется пройти испытание. Пусть

он выйдет вперед.

— О нет! — охнула Дверь.

— Позвольте мне пройти испытание, — вызвалась Охотница.

Брат Фулиджинос покачал головой.

— Это невозможно.

Однажды в детстве Ричард поехал со школьной экскурсией посмотреть местный замок. Вместе с другими детьми он долго взбирался по лестнице на самую высокую полуразрушенную башню. На верхней площадке учительница сказала: «Посмотрите, какой отсюда открывается вид». Ричард уже тогда боялся высоты. Он вцепился в заграждение и прикрыл глаза, стараясь не смотреть вниз. Учительница объяснила, что отсюда до подножия холма, на котором стоит замок, триста футов, и если бросить с верхней площадки монетку в один пенс, она может пробить человеческий череп как настоящая пуля. В ту ночь Ричард долго не мог уснуть. Он все представлял, как монетка падает, набирая скорость, и становится страшнее пули. Обычная безобидная монетка вдруг превращается в смертельное оружие…

Испытание…

Ричард почувствовал себя так, будто ему в голову попала та самая монетка, пущенная с высокой

башни.

— Постойте-ка, — забормотал он. — Погодите. Это… э-э… испытание. Я понял, кого-то ждет испытание. Не того, кто дрался с монахом и победил, и не того, кто отгадал загадку… — Он сознавал, как жалко звучит его лепет, но ничего не мог с собой поделать. — Это испытание — какое оно? — спросил он аббата. — Вроде визита к раздражительной престарелой тетушке? Или такое, когда суешь руку в чан с кипятком, и все смотрят, как быстро слезет кожа?

— Идем, — просто сказал аббат.

— Подождите! — закричала Дверь. — Выберите одну из нас!

— Вас трое. И испытаний три. На каждого по одному — это справедливо, — объяснил аббат. — Если он пройдет главное испытание, он к вам вернется.

Поднялся легкий ветерок и чуть-чуть рассеял туман. На мосту стояли монахи с арбалетами в руках. Арбалеты были нацелены на Ричарда, Охотницу и Дверь. Монахи расступились, пропуская Ричарда, и снова сомкнули ряды.

— Мы пришли за ключом, — тихо сообщил Ричард аббату.

— Знаю, — спокойно ответил аббат.

— Ключ нужен ангелу.

— Знаю.

Аббат взял под руку брата Фулиджиноса.

— Послушайте, — зашептал Ричард, — вы же не можете отказать ангелу! Вы ведь монахи… Нельзя ли обойтись без испытания, а? Я не скажу ангелу, что вы просто так отдали ключ.

Они спустились с моста и подошли к воротам. Аббат и брат Фулиджинос вошли внутрь. Ричард последовал за ними. Бывают такие ситуации, когда выбора нет.

— В те дни, когда был основан наш орден, нам доверили ключ, самую священную, самую важную реликвию. Мы должны отдать его тому, кто пройдет испытание и докажет, что достоин ключа.

Они шли по узким петляющим коридорам. Ботинки Ричарда оставляли грязные следы на каменном полу.

— Если я не пройду испытание, вы не отдадите ключ, верно?

— Верно, сын мой.

Ричард с минуту раздумывал.

— А вторая попытка у меня будет?

Брат Фулиджинос поперхнулся.

— Нет, сын мой, — проговорил аббат. — Если ты

не пройдешь испытание, ты, скорее всего.... — он запнулся, — тебе уже будет не до ключа. Но бояться не надо. Кто знает, может, ты именно тот, кому мы должны отдать ключ.

От этих ободряющих слов Ричарду стало даже страшнее, чем если бы аббат пытался его запугать.

— Вы меня убьете?

Молочно-голубые глаза аббата смотрели вперед. В голосе его послышался укор:

— Мы же благочестивые люди, — сказал он. — Тебя убьет испытание, а не мы.

Они спустились по лестнице в зал, похожий на склеп. По одной из его стен были развешены картины и фотографии.

— Улыбочка! — скомандовал аббат.

Послышался звук вспышки, Ричард на секунду ослеп. Когда зрение к нему вернулось, он увидел, что брат Фулиджинос вытаскивает из старенького «Полароида» снимок. Монах подождал, пока изображение проявится, и пришпилил снимок к стене.

— Здесь ты видишь тех, кто не сумел пройти испытание, — со вздохом проговорил аббат. — Никто не забыт. Эта память — еще одно наше бремя.

Ричард поглядел на стену. Полароидные снимки, около тридцати обычных фотографий, несколько старых, будто окрашенных сепией даггеротипов, а еще карандашные наброски, акварели, миниатюры заполняли всю стену. Да, с давних пор несут черные монахи свое бремя.

* * *

Дверь трясло от волнения.

— Какая же я дура! — пробормотала она. — Я должна была догадаться. Нас трое. Нужно было заранее все продумать.

Охотница внимательно оглядывала ряды монахов, запоминая, где стоит каждый из них. Она раздумывала, есть ли у них шансы сбежать. Сначала она прикинула, можно ли это сделать так, чтобы Дверь прошла через мост невредимой, потом — если та будет слегка ранена, и наконец, если сама она пострадает серьезно, а Дверь — лишь немного. Ничего не получалось. Она стала просчитывать снова.

— И *что* бы ты сделала, если бы подумала заранее? — спросила она.

— Для начала, не стала бы брать с собой Ричарда, а отыскала бы маркиза.

Охотница склонила голову набок.

— Ты ему доверяешь? — прямо спросила она. Дверь сразу поняла, что речь идет о маркизе, а не о Ричарде.

— Да. Более или менее.

Два дня назад ей исполнилось пять. Рынок проходил в Кью-Гарденс[212]. Отец взял ее с собой — это был его подарок на день рождения. Она никогда прежде не бывала на рынке. Они стояли в павильоне с бабочками, такими легкими, невесомыми. Бабочки порхали, и их крылышки переливались всеми цветами радуги, завораживали.

Отец присел перед ней на корточки.

— Дочка, — сказал он, — обернись, только очень медленно, и посмотри, кто стоит в дверях.

Она обернулась и увидела темнокожего человека в огромном плаще. Его длинные черные волосы были собраны в хвост. Он беседовал с близнецами с золотистой кожей: девушкой и юношей. Девушка плакала — так, как плачут взрослые. Они стараются сдержаться и сердятся, когда слезы все равно прорываются, и от этого вид у них уродливый и смешной. Дверь отвернулась и снова посмотрела на бабочек.

---

[212] notes: 212
Кью-Гарденс — королевские ботанические сады, созданные в 1759 г.

— Ты хорошо его рассмотрела? — спросил отец. — Он называет себя маркизом Карабасом. Он обманщик, мошенник, а может, даже чудовище. Но если ты когда-нибудь попадешь в беду, обратись к нему. Он тебя защитит. Он мой должник.

Дверь снова посмотрела на маркиза. Обнимая близнецов за плечи, он выходил с ними из зала. На пороге обернулся, поглядел ей прямо в глаза, ослепил широкой улыбкой и подмигнул.

Окружившие их монахи казались в тумане черными призраками.

— Скажите, брат, — обратилась Дверь к брату Сейблу, — если наш друг не сможет достать ключ, что будет с нами?

Он шагнул к ним и, немного помолчав, ответил:

— Мы проводим вас прочь из наших владений и отпустим.

— А как же Ричард?

Монах покачал головой в капюшоне, решительно и печально.

— Надо было взять маркиза, — сказала Дверь сама себе и задумалась, где он сейчас и чем занят.

* * *

Маркиз Карабас был распят на огромном Х-образном кресте. Крест мистер Вандемар сколотил сам из деревянных поддонов, обломков стульев, створок ворот и колеса от телеги. На это ушла целая коробка ржавых гвоздей. Мистер Круп следил за приготовлениями и давал ценные указания, а в промежутках бродил по больнице в поисках полезных инструментов.

И теперь, взобравшись на приставную лестницу, мистер Вандемар поднимал к потолку всю конструкцию вместе с распятым на ней маркизом.

— Чуть выше, — командовал мистер Круп снизу. — Левее. Вот так. Великолепно. Просто прекрасно.

Они очень давно никого не распинали.

Все это происходило в помещении, когда-то служившем столовой для персонала: руки и ноги маркиза были прибиты к кресту гвоздями, вокруг пояса он был обвязан веревкой. Сам он, судя по всему, был без сознания. Несколько веревок тянулись от креста к потолку, а на полу мистер Круп разложил целую коллекцию разнообразных острых орудий: от бритв и кухонных ножей

до скальпелей и ланцетов. Тут были кое-какие инструменты, которые мистер Вандемар нашел в бывшем отделении стоматологии. И даже кочерга из котельной.

— Как он там, мистер Вандемар? — спросил мистер Круп.

Мистер Вандемар на пробу ткнул маркиза молотком.

Маркиза Карабаса трудно было назвать хорошим человеком. Как и смельчаком — он и сам это знал. Ему давно стало ясно, что в этом мире — хоть Нижнем, хоть Верхнем — все только и мечтают быть обманутыми. Именно потому он позаимствовал имя у сказочного плута, выбрал такую одежду, манеру держаться, речь, чтобы все соответствовало образу. Он превратил свою жизнь в одну великолепную шутку.

Тупая боль в запястьях и ступнях изводила. Дышать становилось все труднее. Маркиз решил, что притворяться дальше бесполезно — он ничего не выиграет, а потому поднял голову и с отвращением плюнул кровавой слюной в лицо мистеру Вандемару.

Это было смело. И глупо. Возможно, если бы не этот плевок, ему бы позволили тихо умереть. Но теперь они возьмутся за него с двойным усер-

дием.

А значит, смерть придет скорее.

* * *

Чайник без крышки кипел. Ричард глядел, как булькает вода, как поднимается густой пар, и раздумывал, к чему все это. Воображение подсказало ему уже несколько ответов — все одинаково неприятные — и ни одного верного.

Кипяток перелили в заварочный чайник. Брат Фулиджинос всыпал туда три ложки заварки. Чай разлили через ситечко по трем фарфоровым чашкам. Аббат поднял к потолку свои невидящие глаза, принюхался и довольно улыбнулся.

— Испытание, — проговорил он, — начинается с чашки хорошего чая. Тебе с сахаром?

— Нет, спасибо, — настороженно ответил Ричард.

Брат Фулиджинос долил молока и передал Ричарду чашку на блюдце.

— Там яд? — спросил тот.

— Боже милостивый! Нет, конечно, — обиженно воскликнул аббат.

Ричард отхлебнул из своей чашки. По вкусу это был самый обычный чай.

— Но это уже испытание, так?

Брат Фулиджинос вложил чашку в руки аббата.

— В некотором роде, — ответил старик. — Мы всегда поим чаем тех, кто приходит за ключом. Это испытание для нас. Не для тебя. — Он сделал глоток, и по его морщинистому лицу расплылась блаженная улыбка. — Отличный чай, между прочим.

Ричард отставил чашку. Она осталась почти полной.

— Тогда не могли бы мы перейти к самому испытанию? — попросил он.

— Конечно, — сказал аббат. — Конечно.

Он поднялся, и они втроем подошли к двери в дальнем конце зала.

— А что… — Ричард запнулся. Он и сам не очень-то представлял, что хочет спросить. — Что вы можете сказать про это испытание?

Аббат покачал головой. Что тут говорить? Он приводил тех, кто пришел за ключом, к этой двери. Ждал в коридоре час или два, а потом возвращался и приказывал одному из братьев перенести останки из святилища в склеп. А иногда — и это было намного хуже — человек не был мертв, хотя *живым* его тоже нельзя было назвать. О таких несчастных черные монахи заботились

как могли, до самого конца.

— Понятно, — пробормотал Ричард. Потом неестественно улыбнулся и сказал: — Вперед, Макдуф.

Брат Фулиджинос отодвинул засовы. Они прогрохотали, как ружейные выстрелы. Дверь открылась, и Ричард шагнул внутрь. Брат Фулиджинос закрыл за ним дверь и запер засовы. Затем отвел аббата к стулу, усадил и передал старику его чашку чая.

Некоторое время аббат молча прихлебывал чай, а потом проговорил с искренней горечью в голосе:

— Вообще-то следовало сказать: «Начнем, Макдуф»[213].

Но у меня не хватило духа его поправить. Это был такой милый молодой человек.

---

[213] notes: 213
«Макбет», акт 5, сцена 8.

Глава XII

Ричард Мэхью шел по платформе одной из станций на линии Дистрикт-лайн. Табличка гласила: «Блэкфрайрз». Тут не было ни души. Где-то неподалеку пронесся поезд, и по платформе пролетел ветер, разметав забытый кем-то номер газеты «Сан» — цветной вкладыш и черно-белые страницы посыпались со скамейки на пол и, подхваченные ветром, слетели на рельсы.

Ричард прошел станцию до самого конца, потом сел на скамейку и приготовился ждать. Сейчас наверняка что-нибудь произойдет.

Но ничего не происходило.

Ричард потер лоб. Его подташнивало. Внезапно он услышал чьи-то шаги. Подняв голову, Ричард увидел, как мимо прошла серьезная маленькая девочка, держась за руку матери. Женщина казалась изрядно подросшей копией девочки. Обе посмотрели на Ричарда и демонстративно отвернулись.

— Не подходи к нему, Мелани, — громким шепотом произнесла мать.

Мелани снова пристально посмотрела на Ричарда, как смотрят дети — без тени смущения и

совершенно равнодушно. Повернувшись к матери, с любопытством спросила:

— Мам, зачем такие люди живут на свете?

— Потому что им не хватает смелости покончить с этим раз и навсегда, — объяснила мать.

Мелани вновь повернулась к Ричарду.

— Трус, — сказала она.

Вскоре звук их шагов затих в конце платформы — мать и дочь исчезли. Ричард решил, что они ему привиделись. Он попытался припомнить, зачем вообще спустился в метро. Чтобы куда-то поехать? Но куда? Ричард понимал, что на самом деле знает ответ, что если хорошенько подумать, он наверняка все вспомнит, но это ему никак не удавалось. Ответ как будто затерялся в глубинах мозга, и его невозможно было отыскать. Ричард одиноко сидел на скамейке и думал. Может, это ему снится? Он потрогал красное пластиковое сиденье, потопал по платформе измазанными в грязи ботинками (откуда эта грязь?), провел рукой по лицу… Нет. Это не сон. Где бы он ни был, зачем бы сюда ни пришел, это не было сном. Он чувствовал себя очень странно: отстраненно, подавленно. Его охватила небывалая, ни на что не похожая тоска. Внезапно кто-то сел рядом. Ричард не посмотрел на него — даже не повернул

головы.

— Привет, — послышался чей-то знакомый голос. — Как дела, Дик? С тобой все в порядке?

Ричард вскинул голову. Губы сами собой растянулись в улыбку. В мозгу, словно молния, сверкнула надежда.

— Это ты, Гарри? — испуганно спросил он. И помолчав, добавил: — Ты меня видишь?

Гарри широко улыбнулся.

— Ты всегда был малость тронутый, — сказал он. — Странный ты парень, Дик, очень странный.

Гарри был в костюме, при галстуке. Гладко выбрит, причесан. И Ричард вдруг представил, как выглядит он сам: весь в грязи, небритый, в рваной одежде…

— Гарри, я… я, должно быть, выгляжу неважно. Сейчас я все объясню. — Он немного подумал. — Нет… Не могу. Правда, не могу.

— Ничего, — ободряюще сказал Гарри. Его голос, такой чистый, такой ровный, успокаивал Ричарда. — Мне нужно тебе кое-что сообщить. Только я не знаю, как. Мне немного неловко. — Он помолчал. — Понимаешь, на самом деле меня здесь нет.

— Как это? Вот он ты, — нахмурился Ричард.

Гарри сочувственно покачал головой.

— Нет. Меня здесь нет. Я — это ты. Ты разговариваешь сам с собой.

Ричард решил, что Гарри, как обычно, решил над ним подшутить.

— Сейчас сам увидишь, — сказал Гарри.

Он поднес руки к лицу, прижал ладони к щекам, надавил сильнее и стал как будто что-то лепить из своего лица. Оно вдруг сделалось похоже на ком глины.

— Ну что? Теперь понял? — до боли знакомым голосом спросил незнакомец, который только что был Гарри.

Ричард узнал его. Он видел это лицо каждый день всю свою жизнь. Он брил его каждое утро с тех пор, как окончил школу; он чистил эти зубы, выдавливал прыщи на щеках и иногда мечтал о том, чтобы это лицо было больше похоже на лицо Тома Круза или Джона Леннона или чье-нибудь еще. Это было его лицо.

— Ты сидишь в час пик на станции «Блэкфрайрз», — спокойно сказал двойник Ричарда. — Сидишь и разговариваешь сам с собой. Ты же знаешь, что это значит, когда люди разговаривают сами с собой. Просто сейчас ты начинаешь понимать, в каком ты состоянии.

Грязный, небритый Ричард пристально посмотрел в глаза своему чистенькому, хорошо одетому двойнику и проговорил:

— Не знаю, кто ты и что ты задумал. Но тебе меня не убедить. И, кстати, ты не очень-то на меня похож. — Он врал и прекрасно понимал, что врет.

Двойник ободряюще улыбнулся и покачал головой.

— Я — это ты, Ричард, — сказал он. — Я — то, что осталось от твоего разума…

Это был не тот голос, который Ричард сто раз слышал на автоответчике, на своих аудиозаписях, на видео; нет, то была всего лишь пародия на его голос. А у этого двойника был настоящий голос Ричарда, голос, который звучал у него в голове, его подлинный голос.

— Приди в себя! — воскликнул двойник. — Оглянись! Здесь полно людей. Попробуй наконец понять, что с тобой происходит… Ты целую неделю провел будто в тумане, настала пора взглянуть правде в глаза…

— Что за чушь! — отчаянно крикнул Ричард и помотал головой, отвергая то, что говорил двойник. Потом осмотрелся, пытаясь различить на пустой станции людей. Вдалеке что-то мельк-

нуло. Ричард пригляделся, но там уже ничего не было.

— Смотри, — прошептал двойник. — Сейчас ты все увидишь.

— Что увижу? — Ричард стоял на пустой, слабо освещенной станции метро, в каменном мавзолее. И вдруг…

Внезапный шум оглушил его, свет ударил в глаза. Он стоял на станции «Блэкфрайрз» в час пик. Вокруг сновали люди, толпа незнакомых людей, они отпихивали друг друга, кричали, спешили куда-то. У края платформы застыл поезд, и Ричард увидел свое отражение в одном из окон. Он выглядел ужасно: недельная щетина, в ней и в уголках рта застряли остатки еды, синяк под глазом, красный, воспаленный прыщ на носу; вся одежда грязная, в корке засохшего ила, почерневшие от грязи ногти; красные, мутные глаза, спутанные волосы. Сумасшедший бомж посреди станции метро в час пик.

Ричард закрыл лицо руками.

Когда он снова посмотрел на платформу, люди исчезли. Он был один посреди пустой темной станции. Ричард сел на скамейку и закрыл глаза. Кто-то взял его за руку, сжал пальцы. Это была женщина — до него донесся запах духов.

Двойник Ричарда сидел слева, а Джессика — справа. Она держала Ричарда за руку и смотрела на него с состраданием. Никогда прежде она так на него не смотрела.

— Джесс? — прошептал он.

Джессика покачала головой и отпустила его руку.

— Нет, я не Джесс, — ответила она. — Я тоже ты. Выслушай меня, любимый. Ты почти пришел в себя. Твой разум долго витал неизвестно где, но сейчас…

— Вы все время говорите, что я почти пришел в себя, что пора взглянуть правде в глаза. Но я не знаю, что вам… — Внезапно он нащупал какие-то обрывки воспоминаний и замолчал. Посмотрел на двойника, на девушку, которую когда-то любил.

— Это, что, как-то связано с испытанием? — спросил он.

— Испытанием? — удивилась Джессика и, нахмурившись, обменялась взглядом с тем-Ричардом-который-не-был-Ричардом.

— С испытанием, которое я должен пройти. Если пройду — черные монахи отдадут мне ключ. Они живут под Лондоном, эти монахи, — объяснил Ричард и с облегчением подумал, что

наконец-то все проясняется. — А потом я должен отнести ключ ангелу по имени Ислингтон. Тогда он поможет мне вернуться домой… — У него пересохло во рту, и он снова замолчал.

— Ты хоть послушай, что говоришь, — тихо сказал двойник. — Это же настоящее безумие!

Казалось, Джессика с трудом сдерживает слезы. Глаза у нее блестели.

— Ричард, нет никакого испытания. У тебя просто… у тебя был нервный срыв. Пару недель назад. Видимо, ты не смог справиться со стрессом. И я разорвала нашу помолвку. Ты так странно вел себя в последнее время, как будто это был не ты. Я просто не вынесла этого… А потом ты пропал… — По ее щекам потекли слезы, она замолчала, вынула из кармана платок и высморкалась.

Двойник сказал:

— Я бродил по улицам Лондона, одинокий, обезумевший, всеми покинутый. Спал под мостом, питался объедками из мусорных баков. Дрожал от холода один-одинешенек. Что-то бормотал себе под нос, разговаривал с людьми, которых на самом деле не существует…

— Прости меня, Ричард, — сказала Джессика.

Она плакала. Лицо у нее исказилось. Она выглядела совсем не такой красивой, как раньше. Тушь

потекла, нос покраснел. Ричард никогда не видел, чтобы ей было так плохо, и ему вдруг захотелось утешить ее, сделать так, чтобы ей стало легче. Он потянулся к ней, собираясь ее обнять, успокоить, поддержать, но тут все закружилось, распалось на фрагменты и исчезло…

Кто-то споткнулся об него и, выругавшись, поспешил дальше. Ричард лежал на животе на платформе в час пик. Одна его щека была мокрой и липкой. Он приподнял голову и понял, что лежит в луже собственной блевотины (по крайней мере, он надеялся, что она была его собственной). Люди смотрели на него с отвращением и тут же отводили взгляд.

Ричард вытер лицо руками и попытался подняться, но не смог. Застонал и крепко зажмурился. Когда он открыл глаза — через тридцать секунд, через час, а может, через день, — на станции снова было темно. Он встал. Люди исчезли.

— Эй! — позвал он. — Помогите! Пожалуйста!

На скамейке сидел Гарри и смотрел на Ричарда.

— Неужели ты сам не можешь понять, что нужно сделать? — Гарри встал и подошел к нему. — Ричард, — сурово сказал он, — я — это ты. И то, что я тебе могу посоветовать, ты и сам

отлично знаешь. Или ты боишься послушаться самого себя?

— Ты не я, — сказал Ричард, но уже не так уверенно.

— Дотронься до меня, — предложил Гарри.

Ричард протянул руку. Она прошла сквозь лицо Гарри, как сквозь теплую жвачку. Ричард не ощутил никакого сопротивления. Он вытащил руку из его лица.

— Видишь? — спросил Гарри. — Меня нет. Ты здесь один. Ходишь взад-вперед по платформе, болтаешь сам с собой, пытаясь набраться смелости, чтобы…

Ричард хотел промолчать, но внезапно почувствовал, как его рот открылся, и услышал свой голос:

— Набраться смелости для чего?

Тут из динамиков послышался голос и эхом разнесся по платформе: «Уважаемые пассажиры, приносим вам извинения за вынужденную задержку в связи с несчастным случаем на станции “Блэкфрайрз”».

— Вот для этого, — ответил Гарри, склонив голову на бок. — Чтобы стать причиной этой вынужденной задержки. Покончить со всем раз и навсегда. Ричард, подумай о своей скучной,

однообразной жизни. Это не жизнь, а грубая подделка, — ни любви, ни радости, ни счастья. У тебя даже друзей нет.

— У меня есть ты, — прошептал Ричард.

Гарри удивленно посмотрел на него.

— Я всегда считал тебя полным придурком, — признался он. — Настоящим кретином.

— У меня есть Дверь, Охотница, Анестезия.

Гарри улыбнулся. В его улыбке застыла жалость, и от этого Ричарду стало еще больнее. Уж лучше бы в ней были ненависть и презрение.

— Никак не можешь забыть своих воображаемых друзей? Знаешь, мы всем офисом хохотали над тобой из-за тех троллей. Помнишь? Ты расставлял их у себя на столе. — Гарри засмеялся, и Ричард тоже.

Все это было ужасно. Так ужасно, что оставалось только смеяться. Отсмеявшись, Ричард замолчал. Гарри сунул руку в карман и достал маленького пластмассового тролля с кудрявыми фиолетовыми волосами. Когда-то он стоял у Ричарда на мониторе.

— Держи, — сказал Гарри и бросил его Ричарду. Тот хотел поймать, протянул руки, но тролль пролетел мимо и упал на платформу. Ричард встал на колени и принялся ползать по полу,

пытаясь отыскать тролля. Ему вдруг показалось, что этот тролль — единственное, что осталось от настоящей жизни, и если удастся его найти, можно все вернуть…

Вспышка.

Снова час пик. Поезд изрыгнул на платформу сотни пассажиров и теперь ждал, когда другие сотни войдут в вагоны. Ричард по-прежнему стоял на коленях, его толкали сновавшие туда-сюда люди. Кто-то наступил ему на пальцы. Ричард вскрикнул и инстинктивно сунул руку в рот, как ребенок, который обжегся. От руки страшно воняло. Но ему было наплевать: он наконец-то разглядел тролля на самом краю платформы, всего в десяти футах от себя, и теперь медленно полз туда на четвереньках, продираясь сквозь толпу. Люди ругались, спотыкаясь об Ричарда. Он и представить не мог, что какие-то десять футов могут показаться такими бесконечными.

Внезапно он услышал омерзительное хихиканье и задумался, не переставая ползти, кто бы это мог быть. Наверное, сумасшедший, — нормальный человек не может так хихикать. Ричард сглотнул, и хихиканье стихло. И тут он понял, кто этот безумец.

Он уже почти дополз до края платформы. Но

какая-то старушка подошла к дверям вагона и, входя, случайно задела пластмассового тролля. Тот сорвался вниз, в темноту, в узкую щель между платформой и вагоном.

— Только не это, — прошептал Ричард.

Он все еще хихикал, как безумный, у него выступили слезы, потекли по щекам. Он потер глаза, и их защипало еще сильнее.

Вспышка.

На станции снова было пусто и темно. Он встал и, пошатываясь, дошел наконец до края платформы. Там, внизу, возле третьего рельса, лежал тролль. Ричард различил смутные очертания крошечной фигурки с фиолетовыми волосами. Он поднял голову — на стене напротив висели огромные плакаты. Привычная реклама. Кредитные карточки, кроссовки, отдых на Кипре. Ричард попытался прочесть, что там написано, но внезапно слова стали меняться прямо у него на глазах.

Вместо рекламных слоганов он увидел слова:

ПОКОНЧИ С ЭТИМ!
ОСТАВЬ ВСЕ МУЧЕНИЯ ПОЗАДИ!
БУДЬ МУЖЧИНОЙ — СДЕЛАЙ ЭТО!
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ — ТО, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО!

Ричард кивнул. Он разговаривает сам с собой. На плакатах все та же реклама. Да, он просто разговаривает сам с собой. И на этот раз пора с собой согласиться. Он услышал гул поезда, который мчался к станции. Ричард стоял на краю платформы, сжав зубы и качаясь взад-вперед, как будто его все еще толкали пассажиры, хотя на станции было пусто.

Поезд приближался, фары светились в темноте туннеля как огромные глаза дракона из детских кошмаров. И Ричард вдруг понял, как мало надо для того, чтобы наконец избавиться от страданий, — от всех страданий, которые у него когда-либо были и которые еще будут, — как просто избавиться от них раз и навсегда. Он сунул руки в карманы и глубоко вздохнул. Это так просто. Один прыжок — и все, конец.

Внезапно он нащупал что-то в одном из карманов. Что-то гладкое, твердое, круглое. Он вытащил руку из кармана, разжал ладонь — на ней лежала кварцевая бусина. Ричард вспомнил, откуда она взялась: он поднял ее у того страшного моста. Это все, что осталось от бус Анестезии.

И тут он явственно услышал голос маленькой крыситки:

— Держись, Ричард!

То ли померещилось, то ли девушка и в самом деле решила ему помочь. Скорее всего, он опять разговаривал сам с собой. Он сам пытался себе помочь и наконец-то к себе прислушался.

Кивнув, Ричард сунул бусину обратно в карман, выпрямился и стал ждать, когда поезд подойдет к платформе. Вот состав въехал на станцию, затормозил, остановился.

Двери открылись. В вагоне было полным-полно народу, и Ричард увидел, что все эти люди мертвы. Были здесь и недавно умершие — со свежими ранами на шее или черными дырами от пуль в висках. Были и старые, полуразложившиеся трупы. Некоторые стояли, держась костлявыми руками, покрытыми паутиной, за ремни на поручне, другие, похожие на больных раком, сидели на сиденьях — мужчины и женщины. Он понял, что все эти люди покончили с собой. Он уже видел некоторые из этих лиц, — кажется, на снимках, пришпиленных к стене, но что то была за стена и когда он их видел, никак не мог вспомнить. В вагоне воняло, как в морге, в котором из-за сильной жары сломались холодильные установки.

Ричард окончательно запутался, он больше не понимал, кто он, что правда, а что нет, струсил

ли он или поступил очень смело, нормален он или вконец обезумел, — зато он точно знал, что должен сделать. Он вошел в вагон, и свет потух.

* * *

Снова загрохотали засовы. Крохотная дверь открылась, и святилище наполнил тусклый свет лампы.

Это была маленькая комнатка с высоким сводчатым потолком, с которого на нитке свисал серебряный ключ. В открытую дверь ворвался ветер, и ключ закачался, а потом начал крутиться то в одну сторону, то в другую. Взяв аббата под руку, брат Фулиджинос завел его в святилище. Аббат отпустил Фулиджиноса и проговорил:

— Забери тело, брат Фулиджинос.

— Но… Но, святой отец…

— Что?

Брат Фулиджинос встал на одно колено. Аббат услышал, как он водит руками по одежде и коже Ричарда.

— Он еще жив.

Аббат вздохнул. Он знал, что думать так непозволительно, но… Лучше бы он умер. Теперь этого несчастного ждут бесконечные муки.

— Значит, не умер, — сказал аббат. — Что ж,

мы будем заботиться о бедняге, пока Господь не призовет его. Отнеси его в лечебницу.

И тут раздался тихий, но твердый голос:

— Я не бедняга.

Аббат услышал, как кто-то встал, брат Фулиджинос ахнул.

— Я… кажется, я прошел испытание, — неуверенно проговорил Ричард Мэхью. — Если, конечно, оно уже закончилось.

— Закончилось, сын мой, — отозвался аббат. И в голосе его чувствовалась то ли радость, то ли печаль.

Все немного помолчали. Потом Ричард сказал:

— Я бы… если вы не против… я бы допил свой чай.

— Конечно, — сказал аббат, — идем.

Ричард посмотрел на старика. Слепые глаза смотрели в пустоту. Кажется, он был рад, что Ричард прошел испытание, но все же…

— Простите, сэр, — с почтением обратился к Ричарду брат Фулиджинос, прервав его раздумья, — вы забыли про ключ.

— Ой! Да, спасибо! — Он действительно забыл про него.

Ричард схватил серебряный ключ, медленно вращавшийся на нитке, дернул, и нитка тут же

порвалась.

Раскрыв ладонь, Ричард посмотрел на ключ.

— «У меня нет лица… — проговорил он, вспомнив загадку, — знаешь ли, кто я?»

Он положил ключ в карман, тот же, где лежала кварцевая бусинка, и вместе с аббатом и братом Фулиджиносом вышел из святилища.

* * *

Туман рассеивался. Охотница была несказанно этому рада. Теперь она точно знала, что в случае чего они смогут сбежать от черных монахов, причем она сама будет ранена легко, а Дверь останется целой и невредимой.

На другом конце моста произошло какое-то движение, будто монахи кого-то пропускали.

— Что-то происходит, — шепнула Охотница Двери. — Приготовься. Если что, попробуем убежать.

Монахи расступились. На мост вышел Ричард Мэхью из Верхнего Лондона в сопровождении слепого аббата. Ричард выглядел как-то странно… Охотница пристально посмотрела на него, пытаясь понять, что изменилось. Как будто центр тяжести сместился ниже. Нет, не в том дело… Он стал похож на настоящего мужчину. Кажется, он

наконец-то повзрослел.

— Ну что, жив? — спросила Охотница.

Кивнув, он сунул руку в карман, вытащил серебряный ключ и бросил его Двери. Она поймала ключ и, кинувшись к Ричарду, обняла его и крепко прижала к себе.

Потом, отпустив Ричарда, она подскочила к аббату.

— Вы себе не представляете, как это важно, — сказала она ему.

Он улыбнулся усталой доброй улыбкой.

— Да пребудут с вами Темпл и Арка в вашем нелегком пути по Нижнему миру, — проговорил он.

Дверь присела в реверансе, потом, крепко сжимая ключ в руке, вернулась к Ричарду и Охотнице, и все трое пошли прочь. Монахи стояли на мосту и смотрели им вслед, пока они не скрылись в желтом тумане подземного мира.

— Мы отдали ключ, — проговорил аббат то ли самому себе, то ли остальным черным монахам. — Спаси нас, Господи!

Глава XIII

Ангелу Ислингтону снился мрачный, тревожный сон. Огромные волны одна за другой обрушивались на город. Темное небо прочерчивали молнии. Лил дождь. Город содрогался под натиском волн. Возле древнего амфитеатра разгорелся пожар и постепенно распространился на окрестные здания, — ветер переносил пламя с крыши на крышу, и вскоре уже весь город пылал, как факел. Ислингтон парил над городом — так, как люди иногда летают во сне, так, как он сам мог свободно летать много-много лет назад. Он смотрел сверху на высокие здания, некоторые были высотой несколько сотен футов, но они казались крошечными по сравнению с гигантскими волнами Атлантики. До Ислингтона доносились людские крики. В Атлантиде было больше четырех миллионов человек, и во сне Ислингтон отчетливо слышал голос каждого. Они кричали, задыхаясь от дыма, захлебываясь соленой водой, сгорая заживо. А потом гигантские волны поглотили город, и океан успокоился.

К рассвету от города не осталось и следа. Голубые волны плескались там, где когда-то был

остров в два раза больше современной Греции. Атлантида исчезла. Лишь тела ее жителей — мужчин, женщин, детей — какое-то время колыхались на волнах. Но белые с серыми крыльями чайки уже начали их клевать.

Ислингтон проснулся. Он стоял в восьмиугольнике, вершины которого образовывали стальные колонны, перед огромной черной дверью из камня и потемневшего от времени серебра. Он потрогал твердый, холодный камень. Коснулся стола. Провел рукой по стене. Потом прошел по залу, касаясь разных предметов, словно пытаясь убедить себя в том, что он существует, что он еще здесь. Ислингтон уже не раз ходил так по залу, и за многие сотни лет его босые ноги протоптали в каменном полу дорожку. Добравшись до бассейна, он остановился, встал на колени и опустил ладони в холодную воду.

По поверхности пробежала рябь, круги разошлись от кончиков его пальцев к краям бассейна. Отражение ангела и свечей дрогнуло и исчезло. В воде отражался какой-то подвал. Ангел нахмурился. Где-то вдалеке зазвонил телефон.

Мистер Круп подошел к телефону и снял трубку. Он был страшно доволен собой.

— Круп и Вандемар к вашим услугам, — объ-

явил он. — У вас появился враг? Мы с радостью вырвем ему глаза, сломаем нос, отрежем язык, раздробим череп, перережем глотку.

— Мистер Круп, — сказал ангел, — они достали ключ. Проследите, чтобы девушка по имени Дверь добралась до меня целой и невредимой.

— Целой и невредимой? — разочарованно протянул мистер Круп. — Понятно. Хорошо, проследим. Отличная идея. Удивительно оригинальная. Прямо дух захватывает от такой оригинальности. Обычно люди нанимают убийц, чтобы расправиться с теми, кто им не угоден, — чтобы кого-нибудь зарезать, задушить, застрелить в конце концов! Только вы, сэр, нанимаете двух профессиональных, непревзойденных в своем мастерстве душегубов для того, чтобы они доставили вам какую-то девчонку целой и невредимой!

— Проследите, чтобы она благополучно добралась до меня, мистер Круп. Устраните любую опасность, которая может ей угрожать. Если вы ее тронете, я буду очень огорчен. Вы меня поняли? Страшно огорчен!

— Да.

Мистер Круп переступил с ноги на ногу.

— Ничего не хотите мне сообщить? — спросил

Ислингтон.

— Хотим, сэр, — мистер Круп кашлянул в кулак. — Вы помните маркиза Карабаса?

— Разумеется, помню.

— Правильно ли я понимаю, что ваш приказ не касается маркиза? Он вам не нужен «целым и невредимым», или я заблуждаюсь?

— Нет, не заблуждаетесь, — отозвался ангел. — Охранять нужно только девчонку.

С этими словами он вытащил руки из воды. Теперь в бассейне снова отражались свечи и лицо ангела — невероятной, совершенной красоты. Ангел Ислингтон поднялся и пошел в глубь зала. Гости вот-вот прибудут, надо лишь немного подождать.

* * *

— Что он сказал? — спросил мистер Вандемар.

— Он сказал, мистер Вандемар, что мы можем делать с маркизом все, что пожелаем.

Вандемар кивнул, но решил на всякий случай уточнить:

— Значит, мы можем его спокойно убить?

— Да, мистер Вандемар, вы правильно поняли. Именно так.

— Вот и хорошо, мистер Круп. Не люблю, когда

нас ругают. — Он посмотрел на окровавленный труп, висевший у него над головой. — Надо избавиться от тела.

* * *

Одно колесо у тележки из супермаркета скрипело. Тележку все время уводило влево. Мистер Вандемар нашел ее на газоне между двумя дорожками неподалеку от больницы. Увидев тележку, он решил, что она как нельзя лучше подходит для перевозки трупов. Конечно, можно было просто взвалить тело на плечо, но тогда он запачкает костюм. А костюм у него всего один. Поэтому он положил тело маркиза Карабаса в тележку и покатил ее по каменному туннелю канализации. Тележка противно скрипела, и ее то и дело вело влево. Мистер Вандемар с удовольствием вручил бы ее мистеру Крупу, но мистер Круп был занят. Он разговаривал.

— Разумеется, невозможно выразить словами ту радость, то бескрайнее счастье, тот, не побоюсь этого слова, экстаз, что переполняет все мое существо. Неудивительно, что в такие минуты, мистер Вандемар, я не могу ни ворчать, ни злиться, ни жаловаться на судьбу. Подумать только, нам наконец-то разрешили сделать то, в чем мы так

преуспели за нашу невероятно долгую жизнь…

Мистер Вандемар свернул за угол, что было не так-то просто, учитывая непослушную тележку с тяжелым трупом.

— В смысле кого-то убить? — спросил он.

Мистер Круп радостно улыбнулся.

— Да-да, вы правы, мистер Вандемар, мой благородный и смелый друг, — убить. Однако вы наверняка почувствовали в моем коротком монологе неумолимое «но». Как бы я ни радовался, как бы ни сиял от счастья, это «но» неизбежно скрывается за моим ликованием, отравляя столь чудесные минуты. Маленькое, гадкое «но» — оно прилипло ко мне, как к ботинку прилипает кусочек сырой печенки. И вы наверняка говорите себе: «Что-то тревожит мистера Крупа. Надо заставить его облегчить душу».

Мистер Вандемар глубоко задумался, навалился на круглую железную дверь, которая вела в другую часть канализации, толкнул ее и — когда дверь подалась — переступил через порог, втащив за собой тележку с трупом маркиза. Он еще немного подумал и пришел к выводу, что ничего такого за собой не замечал.

— Нет, я ничего такого не говорю, — честно сказал он.

Но мистер Круп не обратил никакого внимания на его слова.

— …И, если бы я все же решился рассказать, — продолжал он, — что тревожит меня в столь радостную минуту, мистер Вандемар, вы бы поняли, насколько меня раздражает тот факт, что никто не узнает о нашем благородном деянии. Нам надо было бы повесить тело маркиза на самой высокой виселице в Нижнем Лондоне. А не выбрасывать его в сточные воды, словно… — Он замолчал, подыскивая достойное сравнение.

— Крысу? — предположил Вандемар. — Попугая? Селезенку?

Тележка продолжала свою скрипучую песню.

Мистеру Крупу не понравилось ни одно из сравнений.

— Что ж, мы пришли, — сказал он.

Они оказались на берегу небольшой реки. Грязные коричневые воды уносили прочь использованные презервативы и обрывки туалетной бумаги. По поверхности плавали хлопья желтой пены. Вандемар остановил тележку. Круп нагнулся, схватил маркиза за волосы, приподнял его голову и прошептал в самое ухо:

— Чем скорее мы покончим со всем этим, тем лучше. В другое время, в другом месте наверняка

найдется человек, способный по-настоящему оценить наше непревзойденное мастерство.

Потом он отпустил маркиза и выпрямился:

— До свиданья, славный маркиз. Не забывайте о нас, куда бы вас ни занесло.

Мистер Вандемар вывалил в коричневую воду тело маркиза Карабаса, а следом швырнул и тележку, которая ему страшно надоела. Он долго провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

Мистер Круп поднял фонарь высоко над головой, осветив кирпичный свод.

— Как жаль, мистер Вандемар, что люди, которые ходят по улицам там, наверху, никогда не увидят эту древнюю кладку, никогда не смогут оценить всю красоту этих кирпичных сводов у них под ногами.

— Здесь поработал настоящий мастер, — согласился мистер Вандемар.

Они повернулись и пошли по туннелю назад.

— Города, мистер Вандемар, очень похожи на людей, — торжественно объявил мистер Круп. — Мало кто знает, что таится глубоко внутри.

* * *

Дверь отыскала в одном из карманов своей огромной кожаной куртки шнурок и повесила ключ себе на шею.

— Потеряешь, — предупредил Ричард.

Девушка поморщилась.

— Честно, — сказал Ричард. — Шнурок порвется, и ключ упадет.

Дверь пожала плечами.

— Ладно. Когда придем на рынок, я найду себе цепочку.

Они шли по лабиринту пещер и туннелей из известняка, который казался Ричарду невероятно старым, почти доисторическим.

Ричард усмехнулся.

— Что тебя насмешило? — спросила Дверь.

Он улыбнулся в ответ.

— Я представил себе лицо маркиза, когда мы расскажем ему, что сумели добыть ключ без его помощи.

— Уверена, он наверняка отпустит какое-нибудь саркастическое замечание, — отозвалась Дверь. — После рынка пойдем к ангелу. «Длинным и опасным путем». Что бы это ни значило.

Ричард хотел сказать: «Уверен, он будет дей-

ствительно длинным и страшно опасным», но сдержался. Он стал рассматривать удивительные рисунки на стенах. Кто-то нарисовал красно-коричневой и грязно-желтой краской диких кабанов, удирающих от них газелей, мамонтов с густой шерстью и гигантских ленивцев. Ричард решил, что этим рисункам несколько тысяч лет, но когда свернул за угол, увидел нарисованные точно такими же красками грузовики, домашних кошек, машины и — очень грубо, будто художник видел их только издали, — самолеты.

Все эти рисунки располагались на стенах довольно низко, почти у самой земли. «Может, их создали подземные пигмеи-неандертальцы? — подумал Ричард. — А что, очень может быть. В Нижнем Лондоне все возможно».

— А где в этот раз будет рынок? — спросил он.

— Понятия не имею, — ответила Дверь. — Ты не знаешь, Охотница?

Охотница выступила из тени.

— Нет, не знаю.

Внезапно мимо промчался ребенок. Через пару минут за ним пробежали еще несколько детей. Охотница быстро ухватила одного из них за ухо. Это оказался маленький мальчик.

— Ай-ай-ай! — завопил он. — Пусти! Она украла

мою кисточку!

— Да! — сказал один из его приятелей. — Взяла и украла!

— Ничего я не крала! — послышался высокий детский голосок.

Указав на рисунки на стене, Охотница спросила:

— Это ты нарисовал?

Мальчик прищурился и высокомерно посмотрел на нее — так смотрят некоторые великие художники и все без исключения девятилетние мальчики.

— Да, некоторые нарисовал я, — нахально заявил он.

— Неплохо получилось, — заметила Охотница.

Мальчик сердито на нее посмотрел.

— Где будет Плавучий рынок? — спросила Дверь.

— В «Белфасте», — ответил мальчишка. — Сегодня ночью.

— Спасибо, — сказала Дверь. — Надеюсь, тебе удастся получить свою кисточку обратно. Охотница, отпусти его.

Охотница послушно отпустила мальчугана. Но вместо того чтобы убежать, он пристально посмотрел на нее, скорчил рожицу, пытаясь

показать, что ему вообще-то наплевать, кто она, и спросил:

— Значит, ты — *Охотница*?

Она смущенно улыбнулась малышу. Он фыркнул.

— Ты — *лучший* телохранитель в Нижнем Лондоне?

— Говорят, что да.

Мальчик сунул руку в карман, а потом резко выбросил ее вперед, разжал кулак, недоуменно посмотрел на ладонь и поднял глаза на Охотницу. Отведя руку так, чтобы мальчишка не мог достать, Охотница показала ему перочинный ножик. Малыш насупился.

— Как это у тебя получилось?

— Проваливай, — сказала Охотница и, сложив ножик, бросила мальчику.

Он поймал его и тут же помчался прочь, надеясь догнать девочку, которая стащила его кисточку.

* * *

Тело маркиза Карабаса плыло по канализационной трубе на восток.

Когда-то ручьи и реки, забранные потом в трубы, свободно текли по Лондону — с севера на юг (а к югу от Темзы — с юга на север), — регулярно

снабжая Темзу мусором, трупами домашних животных, а также содержимым ночных горшков. Большую часть нечистот Темза исправно выплескивала в море, но кое-что оставляла себе. Эта замечательная система существовала довольно долго, пока наконец в 1858 году, из-за невероятно жаркого лета и огромного количества отходов, сбрасываемых в реку людьми и заводами, не породила удивительный феномен, вошедший в историю Великобритании под названием «Великий смрад». Темза вся превратилась в канализацию. Многие уехали из Лондона, а те, кто остался, обматывали лица шарфами, смоченными карболкой, и старались дышать только через рот. В тот год парламент закрыл сессию раньше обычного, а на следующий год принял указ о строительстве канализации. Под землей были проложены тысячи миль труб, под небольшим уклоном с запада на восток. Где-то за Гринвичем коллектор выходил в устье Темзы — и все отходы попадали прямиком в Северное море. Именно этот путь и предстояло преодолеть телу маркиза Карабаса — с запада на восток, навстречу восходу солнца и холодным морским водам.

На высоком кирпичном уступе сидели крысы. Они занимались тем, чем обычно занимаются

крысы, когда их никто не видит. Внезапно они увидели, как что-то плывет под ними в мутном потоке. Крыса покрупнее — черный самец — запищала. Пропищав что-то в ответ, небольшая коричневая самка спрыгнула маркизу на спину — он плыл вниз лицом, — быстро перебралась на шею, понюхала волосы и плащ, лизнула кровь, а потом осторожно свесилась к воде, пытаясь рассмотреть лицо.

Ловко спрыгнув в мутную воду, крыса доплыла до берега, взобралась по старой, выщербленной кладке и побежала по балке назад, к своим сородичам.

* * *

— В Белфасте? — спросил Ричард.

Загадочно улыбнувшись, Дверь ответила лишь:

— Увидишь.

Несмотря на все уговоры, она отказалась что-либо объяснить.

Тогда он решил сменить тактику.

— Откуда ты знаешь, что мальчишка нам не соврал насчет рынка? — спросил он.

— О таком не врут. Мне кажется… мы вообще *не можем* врать об этом, — Дверь немного помолча-

ла. — Рынок — это нечто особенное.

— А откуда малыш узнал, где он будет?

— Кто-то ему сказал, — ответила Охотница.

Ричард помолчал немного и спросил:

— А этот кто-то откуда узнал?

— Кто-то сказал ему, — ответила Дверь.

— Но… — Ричард задумался о том, кто же изначально выбирает место будущего рынка и как сообщает об этом жителям Нижнего Лондона. «Как бы так спросить, чтобы они не решили, что я полный придурок?» — подумал он.

Внезапно послышался бархатистый женский голос.

— Проссссстите… Вы не подскажете, когда будет рынок?

Из темноты выступила девушка — необычайно бледная, с черными волосами, в черном бархатном платье. На тонких пальцах поблескивали серебряные кольца. Взглянув на нее, Ричард понял, что где-то ее уже видел. Он задумался, пытаясь вспомнить. Ну да, конечно, — на первом рынке! На том, который проходил в «Хэрродс». Она улыбнулась ему из толпы.

— Он будет сегодня вечером, — ответила Охотница. — В «Белфасте».

— Спасибо, — поблагодарила девушка в чер-

ном.

Ричард заметил, какие удивительные у нее глаза. Цвета фиалки.

— Встретимся на рынке, — сказала женщина и пристально посмотрела на Ричарда, но тут же смущенно отвернулась, шагнула назад и словно растворилась в темноте.

— Кто это? — спросил Ричард.

— Они называют себя детьми ночи, — ответила Дверь. — Днем спят в туннелях, а ночью бродят по Верхнему Лондону.

— Они опасны?

— Здесь все опасны, — сказала Охотница.

— Ну ладно, — Ричард вздохнул. — Вернемся к рынку. Кто решает, где и когда будет рынок? И как изначально люди узнают об этом?

Охотница пожала плечами.

Ричард повернулся к Двери:

— Ты тоже не знаешь?

— Я никогда об этом не думала.

Они свернули за угол, и Дверь направила на стену фонарь.

— Какой молодец! — заметила она.

— Вот уж кто не теряет времени даром, — отозвалась Охотница.

Она коснулась рисунка на стене. Краска еще не

успела высохнуть. На рисунке были изображены Охотница, Дверь и Ричард. Причем в довольно неприглядном виде.

* * *

Черная крыса с почтением приблизилась к логову золотых крыс, опустив голову и прижав уши, и поползла вперед, громко пища.

Золотые крысы устроили себе логово в старых костях. Это были кости огромного мамонта — одного из тех гигантских, покрытых густой шерстью животных, которые много лет назад, в ледниковый период, бродили по заснеженным просторам южной Англии. «Ишь какие, считают себя тут хозяевами!», — презрительно думали про мамонтов золотые крысы. Впрочем, конкретно этот мамонт уже давно не считал себя хозяином: золотые крысы достаточно убедительно это ему доказали.

Возле горы костей черная крыса почтительно поклонилась, потом легла на спину, подставив горло, закрыла глаза и стала ждать. Через пару минут сверху донесся громкий писк, и крыса поняла, что можно встать.

Из черепа, лежавшего на самом верху, выбралась одна из золотых и медленно поползла по

массивному бивню. Это была крупная — размером с кошку — крыса с золотистым мехом и красновато-желтыми глазками.

Черная крыса что-то пропищала. Немного подумав, золотая запищала в ответ. Черная снова легла кверху пузом, потом вскочила и пулей помчалась прочь.

* * *

Конечно, люди жили в канализации и до «Великого смрада» — в том коллекторе, который построили при Елизавете, в эпоху Реставрации, в период Регентства. По мере того как рос Лондон, нечистот становилось все больше, и лондонские реки стали постепенно забирать в трубы. Однако лишь после «Великого смрада» — после того как построили целую сеть новых коллекторов и очистили Темзу, — многие нищие перебрались в канализацию и образовали здесь общину. Их можно было встретить повсюду, в любом тунеле, однако жили они в старых кирпичных коллекторах с высокими сводами, похожими на своды собора. Эти коллекторы находились на востоке. Жители канализации часами сидели на берегу грязного потока, с удочками и сетями в руках, неотрывно вглядываясь в коричневую

воду с хлопьями желтой пены.

Они носили лохмотья коричневато-зеленого цвета, покрытые толстым слоем непонятно чего — возможно, плесенью или масляной пленкой бензина, хотя это вполне могло оказаться и чем-нибудь похуже. У них были длинные нечесаные волосы. От жителей канализации ужасно воняло. В тоннеле были развешены корабельные фонари. Никто не знал, чем их здесь принято заправлять. Но это был точно не керосин. Фонари светились призрачным зеленовато-синим светом.

Неизвестно, как эти люди общались между собой, но с другими они разговаривали при помощи жестов, как глухонемые. Они жили в вечной вони и сырости — мужчины, женщины и их серьезные, тихие дети.

Данникин заметил что-то на поверхности воды. Он был главой жителей канализации, самым мудрым и самым старым. Поэтому знал коллекторы даже лучше, чем те, кто их построил. Данникин схватил сеть для ловли креветок, быстро забросил ее в воду и вытащил покрытый плесенью сотовый телефон. Подойдя к груде мусора в углу, Данникин швырнул в нее телефон. Пока что за целый день удалось выловить только две непарные перчатки, ботинок, кошачий череп, роман

«Фиеста», размокшую пачку сигарет и сломанную детскую коляску.

Да, день выдался не из удачных. А ведь сегодня ночью рынок, причем под открытым небом. Данникин не отрывал взгляда от воды. Никогда не знаешь, что может приплыть тебе в руки.

* * *

Старина Бейли развешивал выстиранное белье. Одеяла и простыни хлопали на ветру на крыше «Сентр Поинт» — безобразного небоскреба, построенного в конце Оксфорд-стрит в шестидесятые годы. Небоскреб угрюмо возвышался над станцией Тотенхэм-корт-роуд. Старине Бейли не нравился «Сентр Поинт», однако, как говорил он своим птицам, с крыши этого здания открывается шикарный вид, и к тому же это единственное место в Вест-Энде, откуда не видно самого «Сентр Поинта».

Ветер выдирал перья из пальто старины Бейли и уносил прочь. Старик не обращал на это внимания. Он любил повторять, что перьев всегда можно надергать сколько угодно.

Из-под рваного брезента, закрывавшего вентиляционную трубу, выбралась огромная черная крыса, огляделась и осторожно подползла к па-

латке, загаженной птичьим пометом. Обежав палатку, она подскочила к веревке с бельем, которое только что вывесил старина Бейли, и громко запищала.

— Тише, тише! — шикнул на нее старик.

Крыса снова запищала, на этот раз немного потише.

— О Господи! — охнул старина Бейли.

Он забежал в палатку и вскоре выскочил наружу с кочергой и лопатой в руках. Постоял пару секунду, снова метнулся в палатку и вынес оттуда то, что можно было обменять на тело маркиза. Потом снова бросился в палатку, открыл деревянный сундук и сунул в карман серебряную шкатулку.

— Как это все не вовремя! — сказал он крысе, выбравшись из палатки в третий раз. — Я человек занятой. Птицы, знаете ли, сами собой в клетки не попадают!

Крыса что-то пропищала. Старина Бейли снял с пояса веревку.

— Неужели, кроме меня, некому выкупить тело? — спросил он у крысы. — Я пожилой человек. К тому же терпеть не могу подземелье. Я родился и вырос на крышах. Крыши — мой дом.

Крыса презрительно фыркнула.

— Зачем торопиться? Тише едешь дальше будешь, — сказал старина Бейли. — Ну ладно, идем, усатик. Я знал твоего прапрадедушку, крысеныш, так что не строй из себя умника… Где будет рынок?

Крыса что-то пропищала в ответ. Посадив ее в карман, старина Бейли начал спускаться с крыши.

* * *

Сидя на старом пластиковом стуле на берегу вонючей реки, Данникин внезапно почувствовал, что богатство и процветание наконец-то сами плывут к нему в руки. Причем в прямом смысле плывут — с запада на восток, так что надо приготовить сети.

Он громко хлопнул в ладоши, и к нему тут же подскочили несколько мужчин, женщин и детей с баграми, сетями и удочками в руках. Они собрались на скользком берегу подземного потока. Хмурые лица заливал зеленоватый свет. Данникин указал куда-то вниз. Все замерли и приготовились молча ждать улова — так, как всегда ждут улова немногословные жители канализации.

Наконец вдалеке показалось тело маркиза

Карабаса. Течение несло его медленно и торжественно, как погребальную ладью. Когда труп приблизился, жители канализации ловко опутали его сетями и баграми вытащили из воды. Потом они осмотрели тело, сняли с него плащ, сапоги, вытащили золотые часы и другие интересные вещицы, лежавшие в карманах плаща. Однако остальную одежду снимать не стали.

Данникин радостно улыбнулся, оглядев добычу. Он снова хлопнул в ладоши, и жители канализации стали собираться на рынок. Теперь им было чем торговать.

* * *

— Ты уверена, что маркиз придет на рынок? — спросил Ричард у Двери. Теперь они шли куда-то вверх.

— Он нас не подведет, — твердо сказала она. — Мы наверняка встретим его там.

Глава XIV

Крейсер «Белфаст», водоизмещением 11 тысяч тонн, спущенный на воду в 1939 году, принимал активное участие во Второй мировой войне. Теперь он стоит на приколе у южного берега Темзы в живописном месте — напротив Тауэра, между Тауэрским и Лондонским мостами. С его палубы открывается великолепный вид на собор Св. Павла и золоченый шпиль памятника Великому пожару, спроектированного, как и многое другое в Лондоне, Кристофером Реном. Корабль служит музеем, мемориалом и тренировочной базой.

По мосткам, ведущим с берега на палубу, проходили по двое, по трое и даже десятками прибывающие на рынок — самый разный люд из Нижнего Лондона. И все они, забыв о вражде, спешили разложить свои товары как можно дальше от прилавков жителей канализации.

Больше ста лет назад было решено, что жители канализации могут приходить на рынок только тогда, когда он проводится под открытым небом. Данникин и его люди свалили свой улов на клеенку под большой орудийной башней. Никто не спешил подойти к жителям канализации. Только

ближе к закрытию сюда явятся любопытные, искатели выгодных сделок и те немногие счастливчики, которые начисто лишены обоняния.

Ричард, Дверь и Охотница пробирались сквозь толпу. Ричард вдруг понял, что рынок перестал его удивлять. Да, здесь попадались такие же странные типы, как и на прошлом рынке, но он и сам теперь стал странным типом. Они шли через рынок, и он вертел головой, высматривая саркастическую ухмылку маркиза.

— Его здесь нет, — объявил он наконец.

Они приближались к кузнецу, которого легко можно было принять за небольшую гору, если бы не клочковатая каштановая борода. Кузнец подхватил с горна кусок раскаленного докрасна железа и бросил его на наковальню. Ричард никогда прежде не видел наковальни. Но жар от железа и пламени горна чувствовался с десяти футов.

— Ничего, Карабас вернется, — сказала Дверь, оглядываясь по сторонам. — Как бумеранг. — И немного подумав, добавила: — Кстати, бумеранг всегда возвращается? — и прежде чем Ричард успел что-нибудь ответить, радостно взвизгну-

ла: — Хэммерсмит[214]!

Человек-гора перестал стучать молотом по наковальне, поднял голову и проревел:

— Темпл и Арка! Леди Дверь! — он поднял ее на руки так легко, словно она весила не больше мышки.

— Привет, Хэммерсмит. Я надеялась тебя здесь найти.

— Леди, я ни одного рынка не пропускаю, — радостно пророкотал он. И добавил громким шепотом, будто сообщая страшную тайну: — На рынке работать всегда выгодно, вот так-то. Погодите, — сказал он, вспомнив про остывающий кусок железа на наковальне, — погодите секундочку, — и кузнец усадил Дверь на свой навес, в семи футах над полом, как раз по его росту.

Он застучал молотом по железу, выкручивая его инструментом, который, как подумал Ричард, можно было бы назвать клещами. Бесформенный ком раскаленного железа под ударами молота превратился в великолепную черную розу тончайшей работы. Каждый лепесток был как живой. Хэммерсмит сунул розу в ведро с ледяной водой, раздалось шипение, повалил пар. Кузнец

---

[214] notes: 214

Хэммерсмит — район в западной части Лондона.

вытащил свое творение, обтер его и протянул толстяку в кольчуге, который терпеливо ждал в сторонке. Толстяк остался доволен и отдал кузнецу зеленый пакет «Маркс-энд-Спенсер», доверху набитый сыром разных сортов.

— Хэммерсмит, — сказала Дверь сверху, — познакомься, это мои друзья.

Кузнец обхватил руку Ричарда своей гигантской ручищей и пожал ее горячо, но осторожно, будто в прошлом у него случались неприятные инциденты, но он долго тренировался и научился наконец не ломать людям руки.

— Мое почтение, — прогремел он.

— Ричард, — представился Ричард.

Хэммерсмит просиял.

— Ричард? Какое чудесное имя! У меня был жеребец по кличке Ричард!

Он отпустил руку Ричарда и повернулся к Охотнице.

— Ты ведь… Охотница? Охотница! Клянусь своими молотами и наковальнями, это действительно Охотница!

Он покраснел, как мальчишка. Плюнул на ладонь, неловко попытался пригладить волосы. Протянул Охотнице руку, но сообразив, что только что на нее плюнул, кинулся вытирать ладонь

о кожаный фартук. И застыл, переминаясь с ноги на ногу.

— Рада тебя видеть, Хэммерсмит, — с очаровательной улыбкой проговорила Охотница.

— Эй, ты не мог бы меня спустить? — попросила Дверь.

Великан еще больше смутился.

— Простите, леди, — пробормотал он и легко снял ее с навеса.

Ричард догадался, что Хэммерсмит знает Дверь с детства, и тут же почувствовал неожиданный приступ ревности.

— Итак, могу я для вас что-нибудь сделать? — спросил кузнец Дверь.

— Да, я хотела тебя кое о чем попросить. Но сначала… — Она обратилась к Ричарду: — Ричард, у меня есть для тебя задание.

Охотница удивленно вскинула бровь.

— Для него?

Дверь кивнула.

— Для вас обоих. Вы не могли бы сходить за едой? Ну, пожалуйста!

Ричард почувствовал, что гордится собой. Он прошел испытание, и теперь они воспринимают его как равного. Он пойдет и принесет еду. Ричард выпрямился и выпятил грудь.

— Я твой телохранитель. Я останусь с тобой, — сказала Охотница.

Дверь ухмыльнулась. Ее опаловые глаза сверкнули.

— Мы же на рынке! Что здесь может случиться? Никто не нарушит перемирие. Со мной все будет в порядке. Лучше присмотри за Ричардом.

Ричард понурился, но никто этого не заметил.

— Что если кто-то нарушит перемирие? — спросила Охотница.

Несмотря на пышущий жаром горн, Хэммерсмит поежился.

— Нарушит перемирие? Бр-р-р…

— Никто ничего не нарушит. Сходите за едой, вместе. Принесите мне карри. И еще пападам[215]. С перцем.

Охотница почесала в затылке, повернулась и пошла сквозь толпу. Ричард поплелся за ней.

— А что будет, если кто-то нарушит перемирие? — спросил он у Охотницы, когда они протискивались сквозь толпу.

Она ненадолго задумалась.

— Последний раз перемирие было нарушено триста лет назад. Два приятеля поссорились на

---

[215] notes: 215

Пападам — хрустящая лепешка из нутовой муки с добавлением семян кумина, кусочков чили и др. специй и пряностей.

рынке из-за женщины. Один зарезал другого ножом и сбежал.

— И что с ним стало? Его убили?

Охотница покачала головой.

— Напротив. Он до сих пор жалеет, что тогда не умер.

— Он до сих пор жив?

Охотница поджала губы.

— В некотором роде, — сказала она, помолчав.

— Фу-у! Что это за вонь? — спросил Ричард через некоторое время. Он чувствовал, что его вот-вот стошнит.

— Жители канализации.

Ричард отвернулся и постарался не дышать через нос, пока они не прошли мимо жителей канализации.

— Маркиза нигде не видно? — спросил он.

Охотница покачала головой, хотя при желании могла бы прикоснуться к маркизу.

И они поднялись по трапу к лоткам с едой, источавшим куда более приятный аромат.

* * *

Старина Бейли быстро нашел жителей канализации. Для этого достаточно было просто идти на запах.

Он знал, что ему делать, но решил устроить небольшое представление. Тщательно изучил трупик коккер-спаниеля, потом протез ноги, потом размокший, покрытый плесенью сотовый телефон — и каждый раз разочарованно качал головой. Потом «вдруг» заметил тело маркиза. Почесал нос, надел очки и принялся его разглядывать. Мрачно кивнул пару раз, как человек, которому позарез нужен труп: выбор невелик, но ничего не поделаешь. И наконец махнул Данникину, указывая на тело маркиза.

Данникин раскинул руки, поднял глаза к небу и блаженно улыбнулся, показывая, что такая находка была ниспослана ему как божественная благодать. Затем он коснулся лба и изобразил на лице гримасу огорчения: лишиться такого великолепного трупа — горькая доля.

Старина Бейли достал из кармана шариковый дезодорант, наполовину использованный, и протянул его Данникину. Тот прищурился, лизнул дезодорант и вернул — не пойдет. Старина Бейли убрал дезодорант в карман и снова поглядел на маркиза: босого, без плаща, распухшего в канализационной воде. На серой коже, сморщенной, как чернослив, было множество ран — глубоких и не очень.

Старина Бейли вытащил из кармана флакон, на три четверти заполненный желтой жидкостью, и протянул Данникину, который принялся подозрительно его разглядывать. Жители канализации отлично знали, что такое «Chanel № 5», и с любопытством обступили Данникина. Медленно, с чувством собственного достоинства, он вытащил пробку, уронил одну каплю себе на запястье и принюхался с таким серьезным и важным видом, будто он — знаменитый парижский парфюмер. Покивал, подошел к старине Бейли и обнял его, подтверждая сделку. Старик отвернулся и задержал дыхание.

Потом старина Бейли поднял палец и постарался объяснить жестами, что он уже не молод, а маркиз Карабас — живой или мертвый, неважно, — весит немало. Данникин озадаченно поковырял в носу, а потом махнул рукой, давая понять, что его великодушие, его неразумная и неуместная расточительность когда-нибудь непременно приведут его самого и его людей в богадельню. И велел мальчишке привязать труп к раме детской коляски.

Старина Бейли прикрыл тело маркиза тряпкой и повез его по забитой народом палубе прочь от жителей канализации.

* * *

— Вегетарианский карри, пожалуйста, — сказал Ричард торговке. — Скажите, а вот у вас тут карри с мясом… Что там за мясо? — Женщина ответила. — О-о! — протянул Ричард. — Понятно. Тогда два вегетарианских.

Вдруг у него за спиной послышался глубокий чувственный голос:

— Давно не виделись.

Он обернулся. Это была бледная девушка с фиалковыми глазами в черном бархатном платье — та самая, которая встретилась им в известняковых туннелях.

Ричард улыбнулся.

— Привет… Ой, и пападам, пожалуйста, — сказал он торговке. — За карри пришла?

Она подняла на него свои фиалковые глаза и проговорила, подражая Беле Лугоши[216]:

— Я не ем… карри, — и залилась звонким, радостным смехом.

Ричард вдруг подумал, что уже очень давно ни

---

[216] notes: 216

Бела Ференц Дешо Бласко (венг. Béla Ferenc Dezsö Blaskó), более известный как Бела Лугоши (англ. Bela Lugosi; 1882–1956) — американский актер венгерского происхождения, классический исполнитель роли Дракулы.

одна девушка не пыталась его развесилить.

— Э-э… Ричард. Ричард Мэхью, — представился он и протянул руку. Она легонько ее пожала. Ричард отметил, что пальцы у нее ледяные. Впрочем, кто не замерзнет осенней ночью на палубе крейсера, продуваемой сырым ветром Темзы?

— Ламия, — сказала девушка. — Я из детей ночи.

— А-а… И много вас?

— Не очень.

Ричард забрал коробочки с карри.

— И чем ты занимаешься? — поинтересовался он.

— Когда не ищу себе пропитание, — с улыбкой проговорила она, — предлагаю услуги проводника. Я знаю все уголки Нижнего Лондона.

Вдруг за спиной Ламии выросла Охотница, хотя Ричард готов был поклясться, что она только что стояла у дальнего конца прилавка.

— Он тебе не достанется, — прошипела Охотница.

— Это мне решать, — с милой улыбкой ответила Ламия.

— Охотница, познакомься, — сказал Ричард, — это Ламия. Она из ночных детей.

— Детей ночи, — поправила девушка.

— Она проводник.

— Я отведу тебя, куда хочешь.

Охотница забрала у Ричарда пакет с карри в картонных коробочках.

— Нам пора, — сказала она.

— Погоди, — остановил ее Ричард. — Если мы хотим попасть к сама-знаешь-кому, нам понадобится помощь.

Охотница промолчала и выразительно посмотрела на Ричарда. Еще вчера такого взгляда было бы достаточно — он бы не осмелился возражать. Но то вчера.

— Давай спросим Дверь, — сказал он. — Маркиза не видать?

— Нет.

* * *

Старина Бейли стащил по трапу труп, привязанный к раме коляски и похожий на безобразное чучело Гая Фокса из тех, какие до недавнего времени дети таскали в начале ноября по всему Лондону, показывая прохожим, прежде чем сжечь пятого числа в День Гая Фокса. Бейли, чертыхаясь, проволок труп через Тауэрский мост, а потом вверх по склону, мимо Тауэра. Затем он направился на запад в сторону метро «Тауэр-

хилл». И наконец остановился, немного не дойдя до входа на станцию, у широкой стены из серого камня. «Сойдет, — решил старина Бейли. — Хотя на крыше было бы лучше».

Это был один из немногих фрагментов лондонской стены, сохранившийся до наших дней. По легенде, стену вокруг Лондона приказал построить римский император Константин Великий в третьем веке нашей эры. Сделал он это по просьбе своей матери Елены, которая была родом из Лондона и всю жизнь чувствовала себя униженной, когда наместники провинций хвастали стенами своих родных городов и, как бы между прочим, интересовались, высоки ли стены ее родного города. В конце концов стена тридцати футов высотой и восьми футов шириной опоясала весь Лондон (в ту пору совсем небольшой городок), не оставляя повода для насмешек.

Сегодня стена уже не так высока, как во времена Константина и его матери, — уровень грунта сильно поднялся (большая часть стены на пятнадцать футов ушла под землю), — и, уж конечно, она не опоясывает весь город. Но тот фрагмент, у которого остановился старина Бейли, все же внушает уважение. Старик кивнул сам себе, привязал веревку к раме коляски, взобрался на стену

сам и, ворча и отдуваясь, втащил труп. Отвязав маркиза, Бейли бережно уложил его на спину и вытянул руки вдоль тела. Некоторые раны на теле маркиза кровоточили, но маркиз безусловно был мертв.

— Ах ты, болван, — печально прошептал старина Бейли. — Вот скажи, чего ради ты умер?

В темно-синем небе ярко сияла далекая круглая луна, а осенние звезды рассыпались по нему бриллиантовой крошкой. К стене слетел соловей, поглядел на труп маркиза и что-то нежно прощебетал.

— Не суй свой клюв, куда не просят, — проворчал старик. — Вы, птицы, тоже не розами пахнете.

Соловей мелодично выругался и исчез в ночи.

Старина Бейли вытащил из кармана черную крысу, которая успела заснуть. Она сонно огляделась, зевнула, показав тонкий длинный язычок, заморгала.

— Лично я, — сообщил ей старик, — был бы счастлив, если бы у меня вообще нюх отшибло.

Он выпустил крысу на стену, и она возмущенно запищала, размахивая перед мордочкой передними лапами. Старик вздохнул, бережно вытащил из кармана серебряную шкатулку и

достал из-под пальто вилку на длинной ручке. Положил шкатулку маркизу на грудь и опасливо откинул крышку вилкой. Внутри, на красном бархате, лежало крупное утиное яйцо, в лунном свете казавшееся голубовато-зеленым. Старина Бейли зажмурился, размахнулся и ударил вилкой по яйцу.

Оно разбилось с тихим треском.

На несколько секунд все замерло, а потом поднялся ветер. Он дул будто бы со всех сторон — закручиваясь в вихрь, рождая бурю. Ветер поднял в воздух и помчал куда-то сухие листья, обрывки газеты, городской мусор. Скользнул по поверхности Темзы и поднял к небесам фонтан мелких брызг. Это был безумный ветер, неестественный, страшный. На палубе «Белфаста» торговцы завопили и принялись цепляться за свои товары, боясь, что их унесет в воду.

А потом, как раз тогда, когда уже казалось, что начнется ураган, который уничтожит весь мир, унесет с небосвода звезды, подхватит и закружит людей, как опавшие листья, — тогда и только тогда ветер вдруг стих. Листья, газеты, полиэтиленовые пакеты плавно опустились на тротуары, траву, воду.

Тишина, воцарившаяся над стеной, на которой

лежал распростертый маркиз, в некотором роде была страшнее бури. Но вот тишину нарушил кашель — надсадный, мокрый кашель. Послышался легкий шорох: кто-то перевернулся, а потом звук неудержимой, мучительной рвоты.

Маркиза Карабаса рвало канализационной водой. Коричневая рвота стекала по серому камню стены. Рвало его долго — в желудок попало слишком много жидкости. Наконец он проговорил хриплым, скрипучим шепотом:

— Кажется, мне перерезали горло. Надо перевязать.

Старина Бейли порылся в карманах и извлек длинную, не особенно чистую тряпку. Маркиз несколько раз обмотал ее вокруг шеи и завязал концы. Старина Бейли невольно вспомнились воротники лондонских денди эпохи Регентства, которые ввел в обиход Красавчик Браммел[217].

— Пить, — прохрипел маркиз.

Бейли достал плоскую фляжку, отвинтил крышку и передал фляжку маркизу. Тот, морщась от боли, сделал глоток и снова закашлялся. Черная крыса, с любопытством наблюдавшая за воскрешением маркиза, спустилась со стены и

[217] notes: 217

Джордж Браммел (George Bryan Brummell, 1778–1840) — английский щеголь, законодатель моды в эпоху Регентства.

растворилась во тьме. Теперь она может сказать золотой крысе, что все долги уплачены.

Маркиз вернул старине Бейли фляжку, и старик убрал ее в карман.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

— Бывало и лучше.

Маркиз сел. Его била дрожь, из носа текло. Он огляделся так, будто видел этот мир впервые.

— Скажи, ради чего такого важного ты решил умереть?

— Ради информации, — прошептал маркиз. — Люди говорят тебе гораздо больше, если знают, что ты вот-вот умрешь. И еще больше, когда ты уже умер.

— Значит, ты узнал то, что хотел?

Маркиз ощупал раны на руках и ногах.

— О да. Более чем. Теперь мне очень многое известно об этом деле.

Он снова закрыл глаза, обхватил себя руками и принялся раскачиваться вперед-назад.

— И какая она, — спросил старина Бейли, — смерть?

Маркиз вздохнул. А потом его губы вдруг изогнулись в кривой ухмылке, и на секунду он снова стал похож на того маркиза, которого помнил старина Бейли.

— Когда доживешь до своей, сам узнаешь.

Старина Бейли разочарованно поморщился.

— Мерзавец. После всего, что я сделал, чтобы вернуть тебя оттуда, откуда не возвращаются… Гм… Как правило не возвращаются.

Маркиз Карабас посмотрел на старика, и его белки ярко сверкнули в лунном свете.

— Хочешь знать, каково это, быть мертвым? — прошептал он. — Холодно, друг мой. Темно и холодно.

* * *

Дверь покачала в руке цепочку. Висевший на ней ключ поблескивал в свете горна красным и оранжевым. Она улыбнулась.

— Отличная работа, Хэммерсмит.

— Спасибо, леди.

Девушка надела цепочку на шею и спрятала ключ под одежду.

— Чем я могу тебе отплатить?

Кузнец смутился.

— Я бы не хотел злоупотреблять вашей добротой… — пробормотал он.

Дверь скорчила рожицу — мол, да ладно тебе. Кузнец нагнулся и вытащил из-под груды инструментов черный ящичек размером с толстый

словарь. Он был сделан из темного дерева, инкрустированного жемчугом и слоновой костью.

Кузнец повертел ящик в руках.

— Эта шкатулка с секретом, — объяснил он. — Ею со мной расплатились за одну работу много лет назад. Но я никак не могу ее открыть.

Дверь взяла шкатулку и провела пальцами по гладкой поверхности.

— Неудивительно. Механизм заржавел. Его заклинило намертво.

Хэммерсмит сник.

— Значит, я никогда не узнаю, что внутри.

В глазах Двери сверкнули лукавые искорки. Она еще раз ощупала шкатулку. С одной стороны торчал небольшой штырек. Дверь нажала на него и повернула. Раздался щелчок, и сбоку открылась дверца.

— На, держи, — сказала Дверь.

— Спасибо, леди, — прошептал Хэммерсмит, взял у нее шкатулку и открыл дверцу. За ней был ящичек. Кузнец осторожно выдвинул его… В ящичке сидела небольшая жаба и тихо покваквала, равнодушно глядя вокруг медно-желтыми глазками. На лице Хэммерсмита отразилось разочарование.

— А я-то думал, там будут алмазы и жемчуга, —

протянул он.

Дверь погладила жабу по головке.

— У нее хорошие глазки, — сказала девушка. — Не отдавай ее никому, Хэммерсмит. Она принесет тебе удачу. Еще раз спасибо. Не сомневаюсь, что ты умеешь хранить тайны.

— Я умею хранить тайны, леди, — важно ответил кузнец.

* * *

Они сидели на стене и молчали. Старина Бейли осторожно спустил на землю коляску.

— Где рынок? — спросил маркиз.

— Там, — старик махнул в сторону крейсера.

— Меня ждет Дверь.

— Ты не в том состоянии, чтобы куда-нибудь идти.

Маркиз мучительно закашлялся. Старина Бейли подумал, что в легких маркиза, должно быть, еще немало воды.

— Я сегодня проделал длинный путь, — прошептал маркиз. — Осилю и еще немного.

Он поглядел на свои руки, осторожно пошевелил пальцами, словно проверяя, будут они его слушаться или нет. А потом развернулся и стал неловко сползать со стены. На полпути он прого-

ворил хрипло и как будто с досадой:

— Знаешь, старина Бейли, кажется, я теперь твой должник.

* * *

Когда Ричард вернулся с карри, Дверь подлетела к нему, обхватила руками за шею, крепко прижала к себе и даже хлопнула по заднице. Потом она забрала у него пакет и, открыв картонную коробку, с жадностью принялась за карри.

— Спасибо, — сказала она с набитым ртом. — Маркиза не нашли?

— Нет, — ответила Охотница.

— Крупа и Вандемара не видно?

— Нет.

— Какая вкуснятина! Отличное карри.

— Ну что, кузнец сделал тебе цепочку? — поинтересовался Ричард.

Дверь приподняла цепочку, показывая, что вот она, на месте, и тут же отпустила. Под весом ключа цепочка снова натянулась.

— Дверь, познакомься, это Ламия, — сказал Ричард. — Она проводник. Говорит, что знает все уголки Нижнего мира.

— Все-все? — переспросила Дверь, откусывая кусочек пападама.

— Все-все, — подтвердила Ламия.

— Ты покажешь нам дорогу к ангелу Ислингтону? — спросила Дверь, склонив голову набок.

Ламия медленно прикрыла свои фиалковые глаза.

— К Ислингтону? Туда лучше не…

— Как к нему попасть?

— По Даун-стрит, — ответила Ламия. — Надо дойти до самого конца Даун-стрит. Но это не безопасно.

Охотница стояла, скрестив руки на груди, и со скептическим видом слушала разговор.

— Нам не нужен проводник, — объявила она.

— А мне кажется, нужен, — возразил Ричард. — Маркиза нет. И мы знаем, что нас ждет опасный путь. Но мы должны отнести Ислингтону… то, что я раздобыл. И тогда он расскажет Двери про ее родных и поможет мне вернуться домой.

Ламия с улыбкой поглядела на Охотницу:

— И он может дать тебе мозги, а мне — сердце.

Дверь выгребла рукой остатки карри из коробочки и облизала пальцы.

— Ричард, мы сами справимся, — проговорила она. — Все равно нам нечем расплатиться с проводником.

Ламия оскорбилась.

— С вас я ничего не возьму! — объявила она. — Со мной расплатится он.

— И чем же он с тобой расплатится? — спросила Охотница.

— Вас это не касается, — с обворожительной улыбкой проговорила Ламия. — Это знаю я, а ему остается только гадать.

Дверь покачала головой.

— Нет, мне кажется, это неправильно.

Ричард фыркнул.

— Просто тебе больше нравилось, когда я таскался за вами, как глупый щенок! Тебя бесит, что я сам что-то решаю, вот и все!

— Ричард, это совсем не так.

Он повернулся к Охотнице.

— Вот скажи, *ты* знаешь, как найти Ислингтона?

Охотница мотнула головой.

Дверь вздохнула.

— Ладно, идемте. На Даун-стрит, так?

Сливового цвета губы Ламии растянулись в улыбке.

— Да, леди.

* * *

Когда маркиз добрался до рынка, их там уже не было.

Глава XV

Они спустились с корабля по длинному деревянному трапу, потом перешли дорогу по подземному переходу и зашагали по улице. Ламия уверенно шла впереди. Через некоторое время они свернули в узкий, мощеный брусчаткой переулок. На стенах домов горели газовые рожки.

— Третий дом отсюда, — сказала Ламия.

Они подошли к нужному дому. На двери висела медная табличка:

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПО ЗАЩИТЕ ДОМОВ
ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

Снизу мелкими буквами было выгравировано:

ДАУН-СТРИТ. СТУЧИТЕ

— Чтобы выйти на улицу, нужно пройти через дом? — удивленно спросил Ричард.

— Нет, — ответила Ламия. — Улица внутри дома.

Ричард постучал. Никто не ответил. Они решили немного подождать, хотя утро выдалось сырое

и холодное. Ричард снова постучал, потом позвонил. Дверь тут же открылась. На пороге показался заспанный лакей в старом напудренном парике и алой ливрее. Он уныло оглядел пеструю компанию и явно пришел к выводу, что это не те люди, ради которых стоило вставать в такую рань.

— Чем могу служить? — спросил лакей, и Ричард подумал, что некоторые говорят: «Сдохни, ублюдок!» с гораздо большей теплотой и дружелюбием.

— Нам нужна Даун-стрит, — надменно ответила Ламия.

— Следуйте за мной, — со вздохом сказал лакей. — Только не забудьте вытереть ноги.

Они прошли в холл и подождали, пока лакей зажжет все свечи в своем подсвечнике, — такие подсвечники часто рисуют на обложках дешевых книг, только там подсвечник обычно держит запуганная до смерти девушка в развевающемся пеньюаре, а за ее спиной на фоне темного неба вырисовываются очертания огромного особняка, в котором свет горит лишь в мансарде.

Они спустились по массивной лестнице, устеленной дорогим ковром, потом — по другой лестнице, не такой массивной, устеленной гораздо более дешевым ковром, потом — по еще

одной лестнице, довольно узкой, устеленной мешковиной, потом — по деревянной, ничем не устеленной лесенке.

В самом низу был старинный лифт, на котором висела табличка:

ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ

Не обратив никакого внимания на табличку, лакей открыл сетчатую наружную дверь лифта и пригласил гостей внутрь. Ламия вежливо поблагодарила его и вошла, остальные последовали за ней. Сквозь густую сетку двери Ричард увидел, как лакей развернулся, поднял подсвечник и стал подниматься по деревянной лестнице.

На одной стене были черные кнопки. Ламия нажала на самую нижнюю. Дверь с лязгом захлопнулась, заработал мотор, и лифт медленно, с протяжным скрипом, поехал вниз. Было очень тесно, и все четверо стояли, прижавшись друг к другу вплотную. Ричард вдруг почувствовал, что от каждой из трех женщин пахнет совершенно по-разному: от Двери пахло карри, от Охотницы — потом (Ричард с удивлением отметил, что это довольно приятный запах, а еще — что так обычно пахнет от пантер, тигров и пум в зоопарках), от Ламии пахло дурманяще — жимолостью, лан-

дышем и мускусом.

Лифт все опускался и опускался. У Ричарда на лбу выступил холодный пот. Крепко сжав кулаки, так что ногти впились в ладони, он спросил притворно-веселым тоном:

— Наверно, сейчас уж точно не стоит говорить, что у меня клаустрофобия, верно?

— Верно, не стоит, — отозвалась Дверь.

— Тогда я не буду, — сказал Ричард.

Лифт продолжал опускаться.

Наконец кабина дернулась и с громким скрежетом остановилась. Открыв дверь, Охотница осторожно огляделась, потом шагнула вперед — на узкую деревянную площадку.

Ричард выглянул наружу. Кабина зависла в воздухе над странным сооружением, которое напомнило ему Вавилонскую башню, — по крайней мере такой он ее видел на одном рисунке. Только там она была изображена снаружи, а сейчас Ричард видел ее словно вывернутой наизнанку — высоченная каменная башня с винтовой лестницей, вырубленной прямо в камне. На стенах кое-где висели фонари. В их тусклом свете невозможно было разобрать, что находится в самом низу. Сверху видна была лишь лестница, уходившая в темноту, да крохотные огоньки фонарей.

Кабина лифта висела на самом верху башенного колодца, в нескольких тысячах футов от земли. И слегка раскачивалась из стороны в сторону.

Глубоко вздохнув, Ричард шагнул вслед за остальными на деревянную площадку и посмотрел вниз, хотя знал, что лучше этого не делать. Дно каменного колодца было очень-очень далеко. Площадка тут же показалась Ричарду невероятно узкой и непрочной. В двадцати футах от нее начиналась лестница. Между верхней площадкой лестницы и деревянной площадкой была перекинута длинная, неширокая доска.

— И о том, что я страшно боюсь высоты, тоже, скорее всего, говорить не стоит, — сказал он совсем не так беззаботно, как ему хотелось.

— Не бойся, доска прочная, — успокоила Ламия. — По крайней мере в прошлый раз я не упала. Гляди.

Она пошла по доске. Бархатный подол платья заколыхался на ветру. Ламия шла спокойно и уверенно. Даже если бы у нее на голове была стопка книг — она ни одной бы не уронила. Добравшись до лестницы, она повернулась к остальным и улыбнулась. Охотница быстро прошла по доске и встала рядом с Ламией.

— Видишь? — сказала Дверь и сжала Ричарду

руку. — Совсем не страшно.

Ричард кивнул и сглотнул слюну.

Конечно, подумал он.

Дверь медленно прошла по доске. Видно было, что она немного волнуется, но это не помешало ей благополучно добраться до лестницы.

Девушки стояли и ждали Ричарда. Он изо всех сил уговаривал себя ступить на доску и страшно огорчился, обнаружив через пару минут, что так и стоит на площадке.

Внезапно наверху кто-то вызвал лифт. Ричард услышал громкий стук, потом шум старого мотора. Дверь лифта у него за спиной закрылась, а он остался стоять на деревянной площадке, почти такой же узкой, как и доска.

— Ричард! — крикнула Дверь. — Ну давай же!

Лифт поехал вверх. Ричард ступил с шаткой площадки на доску. В ту же минуту ноги у него затряслись, и он плюхнулся на четвереньки, изо всех сил вцепившись в доску. Где-то в глубине сознания возник разумный вопрос: «Кто вызвал лифт? И зачем?» Однако у него не было сил задаваться ненужными вопросами, он думал только о том, что рано или поздно руки устанут, и он полетит вниз. В горле застыл истошный крик: «Я не хочу умирать!» Ричард крепко зажмурился

— он был уверен, что если еще раз посмотрит вниз, то наверняка разожмет руки и…

«Падать не страшно, — уверял он себя. — Страшно долететь до дна и разбиться».

Но он отлично знал, что врет. Он боялся *падения*. С ужасом представлял себе, как летит в сумраке башни, беспомощно размахивая руками и ногами, пытаясь за что-нибудь ухватиться и понимая, что ухватиться не за что, что ему никто не в силах помочь и спастись не удастся….

Внезапно Ричард услышал, как кто-то говорит ему:

— Ричард, ползи вперед.

— Я… не могу, — прошептал он в ответ.

— Ты и не через такое прошел, Ричард, — сказал кто-то, и он понял, что это говорит Дверь.

— Я же предупреждал, что боюсь высоты, — упрямо сказал Ричард, прижимаясь щекой к доске. Зубы у него стучали. — Я хочу домой.

Он чувствовал под щекой шершавую поверхность доски. А потом доска вдруг зашаталась.

— Не знаю, выдержит ли она двоих, — послышался голос Охотницы. — Встаньте вот здесь, тогда, может, и получится.

Доска зашаталась еще сильнее, будто кто-то полз по ней. По-прежнему не открывая глаз, Ри-

чард еще сильнее сжал пальцы. Через несколько секунд Охотница тихо и уверенно сказала ему прямо в ухо:

— Ричард!

— Ммм…

— Ползи вперед, Ричард. По чуть-чуть. Давай же… — Она дотронулась своей золотисто-коричневой рукой до побелевших от натуги костяшек его пальцев. — Ну же.

Глубоко вздохнув, Ричард продвинулся вперед и снова застыл на месте.

— Молодец! — сказала Охотница. — Все хорошо. Давай еще.

Так она раз за разом уговаривала его проползти еще немного. Наконец он уже почти добрался до лестницы, и тут она подхватила его подмышки и поставила на каменную площадку.

— Спасибо, — выдохнул Ричард.

Он понимал, что этого недостаточно, чтобы отблагодарить Охотницу за то, что она для него сделала, но не знал, что еще сказать. Немного подумав, он повторил:

— Спасибо, — а потом повернулся к остальным: — Простите.

— Ничего страшного, — сказала Дверь. — Главное, что теперь ты в безопасности.

Ричард глянул на винтовую лестницу, уходящую во тьму — все вниз и вниз, до самого дна, — потом на Охотницу, Дверь и Ламию, и неожиданно для себя рассмеялся. Он хохотал так, что слезы выступили у него на глазах, и никак не мог остановиться.

Когда Ричард наконец успокоился, Дверь строго спросила:

— Что тут смешного?

— Что я в безопасности, — ответил он.

Дверь пристально посмотрела на него и улыбнулась.

— Куда теперь? — спросил он.

— Вниз, — ответила Ламия.

И они стали спускаться вниз по Даун-стрит[218]. Охотница впереди, за ней Дверь, потом, на некотором расстоянии, Ричард и Ламия. Ричард глубоко вдохнул аромат ландыша и жимолости и вдруг подумал: «Как хорошо, что Ламия согласилась пойти с нами».

— Как хорошо, что ты с нами, — повторил он вслух, — что показала нам дорогу. Надеюсь, ты об этом не пожалеешь.

Она пристально посмотрела на него своими

---

[218] notes: 218

Игра слов: Даун-стрит (Down Street) буквально «улица, ведущая вниз».

фиалковыми глазами.

— А почему я должна об этом пожалеть?

— Ты слышала о крыситах?

— Разумеется.

— Я знал одну крыситку. Девушку по имени Анестезия. Она… В общем, мы с ней подружились. Она должна была отвести меня в одно место. И по пути ее… Она исчезла. В Найтсбридже, на мосту. Я так и не знаю, что с ней случилось.

Ламия сочувственно улыбнулась.

— У нас, детей ночи, есть легенды о тех, кто пропал на мосту. Кто знает, может, это не просто легенды.

— Расскажи! — попросил Ричард. В башне было очень холодно. Дыхание вырывалось у него изо рта облачками пара.

— Расскажу, но не сейчас, — сказала Ламия. Ее дыхание почему-то не превращалось в пар. — Я рада, что ты согласился принять меня в вашу компанию.

— Что нам оставалось делать?

Дверь с Охотницей скрылись из виду.

— Кажется, мы сильно отстали, — заметил Ричард. — Надо бы прибавить шагу.

— Зачем? Пусть идут, — отозвалась Ламия. — Мы их потом догоним.

Ричарду вдруг показалось, что он снова стал подростком и идет с девушкой в кино. Вернее, возвращается домой после сеанса. И они то и дело прячутся на автобусных остановках и в тени стен, страстно торопливо целуются, а потом нагоняют своих друзей, которые уже успели свернуть за угол…

Ламия провела холодным как лед пальцем по его щеке.

— Ты такой теплый! — восхищенно заметила она. — Как, должно быть, чудесно быть теплым!

Ричард скромно потупился.

— Честно говоря, я об этом не думал, — признался он и вдруг услышал знакомый скрежет: где-то вдалеке у него над головой открылась дверь лифта.

Ламия посмотрела на него так, будто очень хотела о чем-то попросить.

— Пожалуйста, Ричард, поделись со мной своим теплом, — сказала она. — Согрей меня. Я так замерзла!

Наверное, надо было ее поцеловать.

— Что? Я… — неуверенно начал Ричард.

— Неужели я тебе не нравлюсь? — разочарованно протянула она.

«Хоть бы она не обиделась!» — в отчаянии по-

думал Ричард.

— Нет-нет, конечно нравишься! — почему-то сказал он. — Ты такая милая.

— Зачем тебе столько тепла, Ричард? Тебе ведь столько не нужно, — проговорила Ламия.

— Наверное, ты права…

— Помнишь, ты обещал расплатиться со мной за то, что я покажу вам дорогу? Вот что мне нужно. Тепло. Поделись им со мной, пожалуйста.

Ричард готов был отдать ей все что угодно. Все, что она пожелает. Он смотрел на ее бледную кожу, сизые, как сливы, губы, иссиня-черные волосы. У него кружилась голова от аромата ландыша и жимолости. Ричард кивнул. Внутренний голос что-то кричал ему, но Ричарду казалось, что это может подождать. Ламия притянула его к себе и поцеловала, долго и страстно. Он удивился, какие холодные у нее губы и какой ледяной язык, но тут же расслабился и ответил на поцелуй.

Через несколько секунд Ламия отпустила его.

Ричард почувствовал у себя на губах лед. Он шагнул назад и уперся спиной в стену. Попытался моргнуть, но глаза как будто тоже замерзли. Ламия посмотрела на него и довольно улыбнулась. Кожа у нее стала светло-розовой, губы — алыми, язык — ярко красным. Ее дыхание теперь превра-

щалось в пар. Перед глазами у Ричарда поплыли черные круги. На секунду ему показалось, что позади Ламии кто-то стоит.

— Еще, — сказала Ламия и снова потянулась к Ричарду.

* * *

Он видел, как она притянула Ричарда к себе и поцеловала, видел, как кожа Ричарда начала покрываться коркой льда, а волосы — инеем. Видел, как Ламия радостно отпустила его. А когда она наклонилась к Ричарду, чтобы довести до конца то, что начала, он тихо подошел к ней со спины, схватил за шею и приподнял над землей.

— Верни ему то, что взяла! — рявкнул он ей в ухо. — Верни ему жизнь!

Она стала похожа на котенка, которого пытаются сунуть в ванну с водой: извивалась всем телом, пытаясь вырваться, шипела, плевалась и царапалась. Бесполезно, он крепко сжимал ей шею.

— Попробуй меня заставить! — визгливо крикнула она.

Он сильнее сжал пальцы.

— Верни ему жизнь! — прохрипел он. — Или я сломаю тебе шею!

Ламия поморщилась от боли. Он толкнул ее

к Ричарду, который стоял у стены, покрытый коркой льда.

Она взяла Ричарда за руку и дунула ему в рот. Из ее губ вырвалось облачко пара, Ричард вдохнул его — лед на коже и иней на волосах тут же растаяли.

Маркиз снова схватил Ламию за шею:

— Это не все!

Злобно зашипев, она выдула остатки пара в рот Ричарда. Ричард заморгал. Лед на его глазах растаял, и по щекам потекли крупные капли воды.

— Что ты со мной сделала? — спросил он.

— Она пила твою жизнь, — хриплым шепотом объяснил маркиз Карабас. — Пыталась забрать твое тепло. Превратить тебя в такое же холодное создание, как она сама.

Ламия сердито нахмурилась, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Ее фиалковые глаза злобно сверкнули.

— Мне оно нужно больше, чем ему! — взвыла она.

— А я думал, я тебе нравлюсь, — глупо сказал Ричард.

Маркиз снова схватил Ламию за шиворот и прохрипел ей в лицо:

— Если кто-нибудь из вас, детей ночи, еще хоть

раз к нему приблизится, клянусь, я приду в вашу пещеру днем, когда вы спите, и спалю все дотла. Ясно?

Она кивнула. Маркиз отпустил ее, и Ламия шлепнулась на каменный пол. Тут же вскочив на ноги и выпрямившись во весь рост — а она была не особо высокого роста, — Ламия плюнула маркизу в лицо и, подхватив подол бархатного платья, помчалась вверх по лестнице. Ее шаги эхом разнеслись по каменному колодцу. Ледяная слюна потекла у маркиза по щеке. Он быстро вытер ее тыльной стороной ладони.

— Она хотела меня убить, — заикаясь, проговорил Ричард.

— Не сразу, — отозвался маркиз, пожав плечами. — Но в конце концов ты бы точно умер. Она бы высосала из тебя жизнь.

Ричард посмотрел на маркиза. Тот был весь в грязи. Темная кожа приобрела какой-то пепельный оттенок. Плащ пропал. Вместо него на плечи было накинуто старое одеяло — на манер пончо. За спиной болталось что-то вроде сумки или рюкзака — Ричард не мог разглядеть, что именно. Сапоги тоже пропали, маркиз стоял босиком. Шея была плотно обмотана какой-то грязной тряпкой, и Ричард вдруг подумал, что все-таки у маркиза

на редкость странная манера одеваться.

— Мы тебя искали, — сказал Ричард.

— И наконец нашли, — просипел маркиз.

— Мы надеялись, что встретим тебя на рынке.

— Знаю. Некоторые думали, что я умер. Поэтому пришлось, что называется, залечь на дно.

— А почему… почему некоторые думали, что ты умер?

Маркиз посмотрел на Ричарда глазами, которые слишком многое повидали.

— Потому что эти некоторые меня убили, — просто сказал он. — Идем. Надо догнать остальных.

Ричард глянул вниз, в колодец. Дверь и Охотница успели спуститься уже далеко. Они шли, озираясь по сторонам, словно кого-то искали. «Наверное, меня», — подумал Ричард. Он крикнул и помахал им, но они его не услышали. Маркиз положил руку ему на плечо.

— Гляди, — прошептал он и указал туда, куда Дверь и Охотница еще не добрались.

Кто-то притаился в тени. Приглядевшись, Ричард различил в сумраке колодца две фигуры.

— Круп и Вандемар, — сказал маркиз. — Это ловушка.

— Что же делать?

— Беги! — прохрипел маркиз. — Предупреди

Дверь и Охотницу! Я пока не могу бегать… Да беги же, черт тебя подери!

И Ричард побежал. Он мчался так быстро, как только мог, — вниз, вниз, по каменной винтовой лестнице, которая вела, наверное, к самому центру земли. У него кололо в легких, но он все бежал и бежал.

Вот наконец последний поворот, и Ричард увидел Дверь и Охотницу.

— Охотница! Дверь! — задыхаясь, закричал он. — Стойте! Там засада!

Дверь резко обернулась. Круп и Вандемар выступили из тени. Мистер Вандемар тут же заломил Двери за спину руки и связал запястья нейлоновым шнуром. Мистер Круп держал в руках что-то длинное, в коричневом матерчатом чехле — в таком отец Ричарда хранил свою удочку. Охотница остановилась, раскрыв рот. Ричард крикнул:

— Ну же, Охотница! Чего ты ждешь?

Она кивнула, развернулась, взмахнула ногой, как балерина, — и ударила Ричарда в живот. Он упал и откатился в сторону, задыхаясь и хватаясь за живот руками.

— Как ты могла?! — тяжело дыша, воскликнул он.

— А вот так, — отозвалась Охотница и отвернулась.

Ричарду было очень больно. Но боль от ее предательства была еще сильнее.

Мистер Круп и мистер Вандемар не обращали на Ричарда и Охотницу ни малейшего внимания. Мистер Вандемар связывал Двери руки, а мистер Круп спокойно за этим наблюдал.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы вы считали нас кровожадными негодяями, — весело сказал мистер Круп. — Мы не собираемся перерезать вам глотку. Мы, в некотором роде, ваш VIP-эскорт.

— Только сисек у нас нет, — смущенно сказал мистер Вандемар.

Мистер Круп повернулся к своему напарнику:

— «Эскорт» означает «сопровождение», мистер Вандемар. Я просто хотел сказать, что мы будем сопровождать юную леди в ее нелегком пути, чтобы с ней ничего не случилось. Не беспокойтесь, я и не думал сравнивать вас ни с дорогостоящей проституткой, ни с уличной шлюхой.

Однако мистер Вандемар не успокоился.

— Ты же сказал: эскорт, — пробормотал он. — А я знаю, что это такое.

— Забудьте об этом, мистер Вандемар. Считайте, что я оговорился. Мы просто будем сопровождать

юную леди, охранять ее. Показывать дорогу.

Мистер Вандемар почесал нос кольцом с черепом ворона.

— Ну ладно, — сказал он.

Охотница стояла у стены, отвернувшись от всех. Ричард все еще лежал на полу и, тяжело дыша, корчился от боли. Мистер Круп снова повернулся к Двери и улыбнулся, обнажив зубы.

— Вы поняли, леди Дверь? Мы будем вас охранять. Следить, чтобы с вами ничего не случилось.

Дверь даже не взглянула на него.

— Охотница, — сказала она, — что происходит?

Но та ничего не ответила. Даже не обернулась.

Мистер Круп улыбнулся еще шире.

— Видите ли, прежде чем Охотница согласилась работать на вас, ее нанял наш босс. Нанял для того, чтобы она вас охраняла.

— Мы же тебе говорили, — усмехнулся мистер Вандемар. — Мы же говорили, что среди вас есть предатель. — Он закинул голову назад и протяжно, по-волчьи, завыл.

— Я думала, вы имели в виду маркиза, — сказала Дверь.

В притворной задумчивости мистер Круп поче-

сал свою голову с редкими рыжими волосами.

— Кстати о маркизе. Интересно, куда он подевался? Может, решил отдохнуть, предаться *покою*? Как вы думаете, мистер Вандемар?

— Да, *покою*, мистер Круп. *Покойнее* и быть не может.

Мистер Круп откашлялся, словно собирался читать лекцию, и объявил:

— Да, отныне мы вполне можем называть маркиза *покойным*. Так что он скорее…

— Мертв, — закончил за него мистер Вандемар. — Мертвее не бывает.

Ричарду наконец-то удалось отдышаться.

— Продажная сволочь! — прохрипел он.

Охотница опустила глаза:

— Ничего личного.

— У кого ключ, который вы забрали у черных монахов? — спросил мистер Круп.

— У меня, — ответил Ричард. — Можете меня обыскать. Впрочем, я сам его отдам.

Он порылся в карманах (в заднем кармане лежало что-то незнакомое и твердое, но сейчас не было времени посмотреть, что это) и достал ключ от своей квартиры. С трудом поднявшись на ноги, он подошел к Крупу и Вандемару.

— Вот он.

Мистер Круп взял у него ключ.

— Вы только подумайте! — воскликнул он, даже не взглянув на ключ. — Право же, я почти готов поддаться на эту уловку, мистер Вандемар. — Он передал ключ своему напарнику.

Мистер Вандемар зажал ключ между большим и указательным пальцами и смял его, словно он был из фольги.

— Тебя снова обманули, — сказал он мистеру Крупу.

— Накажите его, мистер Вандемар, — приказал тот.

— С удовольствием, мистер Круп, — отозвался мистер Вандемар и с силой ударил Ричарда в коленку.

Ричард снова повалился по каменный пол. Откуда-то издалека донесся наставительный голос мистера Вандемара:

— Люди думают, что главное — ударить посильнее. Но это неверно. Чтобы было больно, необязательно бить сильно. Главное — знать, куда бить. Можно ударить совсем чуть-чуть, — например, вот так… — он ударил Ричарда в левое плечо.

Левая рука тут же отнялась. Острая боль разлилась по всему телу. Руку будто охватило пламя

или сковало льдом. Или кто-то ткнул в нее электрошокером, включив его на полную мощность. Ричард застонал. А мистер Вандемар продолжил свою лекцию:

— …Но больно будет точно так же, как и от вот такого удара, хотя он и гораздо сильнее… — Он пнул Ричарда в бок.

Ричард вскрикнул и зарыдал. Ему очень хотелось сдержать слезы, но он не смог.

— Ключ у меня, — вмешалась Дверь.

— Если бы у тебя нашелся складной швейцарский нож, — с сожалением сказал мистер Вандемар Ричарду, — я бы тебе показал, что можно с ним вытворять. Впрочем, сгодилась бы и открывалка. И даже та штуковина, с помощью которой выковыривают камни из подков.

— Хватит, мистер Вандемар. Потом расскажете ему про швейцарский нож. Надо проверить, у нее ли статуэтка. — Мистер Круп порылся у Двери в карманах и вскоре вытащил обсидиановую статуэтку Зверя, которую дал ей ангел.

Тут послышался тихий, гортанный голос Охотницы:

— Про меня не забыли? Где то, о чем мы договаривались?

Презрительно фыркнув, мистер Круп бросил

ей футляр для удочек. Она поймала его одной рукой.

— Удачной охоты, — сказал мистер Круп.

С этими словами он повернулся, и они с мистером Вандемаром зашагали вниз по лестнице, уводя с собой Дверь. Ричард лежал на полу и смотрел им вслед. Его охватило отчаяние.

Встав на колени, Охотница раскрыла футляр. Глаза у нее сияли.

— Что это? — простонал Ричард. — Тридцать сребреников?

Она медленно вынула копье из футляра и с восхищением провела по нему рукой — так, будто гладила животное.

— Копье, — просто ответила она.

Оно было отлито из красновато-желтого металла, похожего на бронзу. Одна сторона длинного лезвия была очень острой, другая — с зазубринами. На позеленевшем от времени древке выгравированы причудливые узоры, орнаменты, диковинные звери. Копье было футов пять длиной — от острия до конца древка. Охотница гладила его с таким благоговением, словно ничего красивее в жизни не встречала.

— Ты продала Дверь за какое-то копье! — воскликнул Ричард.

Охотница молча облизнула указательный палец своим розовым язычком, потом провела пальцем по лезвию, чтобы проверить, насколько оно острое, и радостно улыбнулась — отлично заточено.

— Ты меня убьешь? — спросил Ричард и даже удивился тому, что смерть вдруг показалась ему совсем не страшной, по крайней мере *такая* смерть.

Охотница посмотрела на Ричарда. Сейчас она казалась на редкость радостной и довольной, невероятно красивой и очень опасной.

— Большая честь — убить Ричарда Мэхью! — усмехнулась она. — Нет, ты меня не интересуешь. Меня ждет настоящая охота.

— Ты собираешься убить этим копьем Великого Лондонского Зверя, да? — спросил он.

Охотница посмотрела на копье так, как ни одна женщина еще не смотрела на Ричарда.

— Говорят, этим копьем можно убить кого угодно.

— Дверь доверяла тебе! И *я* тоже!

Она посерьезнела.

— Ну хватит уже.

Невыносимая боль начала утихать, хотя плечо, бок и колено по-прежнему сильно ныли.

— На кого ты работаешь? Куда они повели Дверь? Кто стоит за всем этим?

— Давай же, Охотница! Скажи ему всю правду, — прохрипел маркиз Карабас.

Он стоял в нескольких футах от Охотницы, нацелив на нее арбалет.

— А я все гадала, правда ты умер, или Круп и Вандемар соврали, — сказала Охотница, не повернув головы. — Мне казалось, тебя непросто убить.

Он с иронией поклонился, но не отвел взгляда и не опустил арбалет.

— Мне тоже всегда казалось, что тебя непросто убить. Но если моя стрела вонзится тебе в горло и ты упадешь с лестницы — то скорее всего, помрешь. Положи копье и сделай шаг назад.

Охотница осторожно положила копье на каменный пол, встала и отошла в сторону.

— Расскажи ему, Охотница, — велел маркиз. — Я-то сам все знаю. Непросто, конечно, было выяснить, кто все это затеял, но что ж делать. Скажи ему, кто стоит за всем этим.

— Ислингтон, — сказала Охотница.

Ричард замотал головой, словно пытался отогнать назойливую муху.

— Не может быть, — сказал он. — Я видел

Ислингтона. Он ангел! — Помолчав, он спросил: — Но что ему нужно?

Маркиз не сводил глаз с Охотницы. Арбалет по-прежнему был направлен ей в грудь.

— Если б я знал! Я знаю только, что Ислингтон сидит сейчас там, внизу, ждет Дверь. И что это он все затеял. А между нами и Ислингтоном огромный лабиринт, а в нем — Зверь. Ричард, возьми копье. Охотница, ты пойдешь передо мной.

Ричард дотянулся до копья и, опершись о него, с трудом поднялся на ноги.

— Хочешь, чтобы она пошла с нами? — удивился он.

— А ты хочешь, чтобы она пошла *за* нами? — сухо спросил маркиз.

— Ты ее чуть не убил, — заметил Ричард.

— Я бы убил, если бы не было выбора, — отозвался маркиз. — Но выбор был, а в таких случаях я предпочитаю не торопиться. Ведь человека невозможно вернуть к жизни.

— Да? — спросил Ричард.

— Ну, бывают исключения, — сказал маркиз Карабас.

И все трое стали спускаться дальше.

Глава XVI

Несколько часов они молча спускались по извивающейся спиралью улице. Ричард прихрамывал, все тело у него болело. Он был раздавлен, морально и физически. Повержен, разбит, предан. Ламия чуть не высосала его жизнь, мистер Вандемар избил, он чуть не лишился рассудка, когда полз по доске, переброшенной над бездной. Но Ричард понимал: все, что он пережил, — пустяки по сравнению с тем, что выдержал маркиз. А потому помалкивал.

Маркиз тоже не проронил ни слова — говорить было слишком больно. Впрочем, он и не хотел говорить: пусть рана затягивается, а он сосредоточится на Охотнице. Он сознавал: стоит ему на секунду отвлечься, как она это почувствует, воспользуется мгновением и убьет их. А потому помалкивал.

Охотница шла впереди и тоже помалкивал.

Наконец они добрались до конца Даун-стрит. Улица упиралась в гигантские ворота, сложенные из огромных серых камней. *Их построили великаны*, подумал Ричард. Ему вспомнились легендарные короли минувших времен, вспом-

нился Бран[219], вспомнились братья Гог и Магог[220], у которых руки были как столетние дубы, а головы размером с утес. Створки ворот давно проржавели и рассыпались. Обломки хрустели под ногами, свисали с петель, каждая из которых была выше человеческого роста.

Маркиз сдавленно крикнул Охотнице, приказывая остановиться. Потом облизнул засохшие губы и сказал:

— Здесь кончается Даун-стрит и начинается лабиринт. За лабиринтом — ангел Ислингтон. В лабиринте — Зверь.

— В голове не укладывается, — пробормотал Ричард. — Ислингтон… Я же его видел. Он ангел. Самый настоящий ангел.

Маркиз горько усмехнулся.

— Когда ангелы встают на путь зла, хуже не бывает. Если ты забыл: Люцифер тоже был ангелом.

Охотница подняла на Ричарда свои зелено-карие глаза.

— Цитадель Ислингтона — его тюрьма, — проговорила она. Это были ее первые слова за

---

[219] notes: 219

Бран Благословенный — великан и король Британии в валлийской мифологии.

[220] notes: 220

Гог и Магог — великаны, покровители Лондона.

несколько часов. — Он в ней пленник.

— Я так понимаю, лабиринт и Зверь нужны для того, чтобы отпугивать любопытных, — прохрипел маркиз, обращаясь к Охотнице.

Она кивнула:

— Я тоже так думаю.

Ричард повернулся к маркизу. Накопившиеся ярость, отчаяние, злость вдруг прорвались наружу.

— Чего ты с ней вообще разговариваешь?! Почему она идет с нами?! Она предала нас. А сама намекала, что предатель — ты!

— Я спасла тебе жизнь, Ричард Мэхью, — тихо заметила Охотница. — И не однажды. На мосту, в метро. И совсем недавно, когда ты полз по доске.

Она посмотрела ему в глаза, и Ричард отвел взгляд.

По туннелям эхом разнесся страшный рев. От этого рева, или, точнее, рыка у Ричарда по коже побежали мурашки. Звук шел издалека, но это было единственное, что утешало. Он сразу вспомнил, что именно этот звук слышал во сне. Но сейчас рев не показался ему похожим на рев буйвола или кабана, скорее — на рык льва, рычание дракона.

— Лабиринт — самая старая часть Нижнего

Лондона, — сообщил маркиз. — Когда король Лудд основал поселение на болотистых берегах Темзы, лабиринт уже существовал.

— Но Зверя еще не было? — спросил Ричард.

— Нет.

Ричард помолчал, прислушиваясь к отдаленному реву.

— Я… я видел Зверя во сне…

Маркиз удивленно вскинул бровь.

— В каком сне?

— В кошмарном.

Маркиз некоторое время раздумывал. Его белки поблескивали в темноте.

— Послушай, Ричард, — сказал он, — Охотницу я беру на себя. Ты можешь остаться здесь, если хочешь. Никто не посчитает тебя трусом.

Ричард покачал головой. Бывают такие ситуации, когда выбора нет.

— Нет. Я не отступлюсь. Особенно теперь, когда они схватили Дверь.

— Ладно. Тогда идем.

Карамельные губы Охотницы исказила ухмылка.

— Вы оба спятили. Вам никогда не выбраться из лабиринта, никогда не пройти мимо чудовища, если у вас нет фигурки Зверя. А у вас ее нет.

Маркиз сунул руку под одеяло, накинутое на плечи, и вытащил обсидиановую статуэтку, которую подобрал в кабинете Портико.

— Ну почему же? — усмехнулся он и подумал, что стоило вытерпеть все, что он пережил за последнюю неделю, хотя бы ради того, чтобы увидеть на лице Охотницы такое выражение.

Они прошли в ворота и оказались в лабиринте.

* * *

Руки у Двери были связаны за спиной. Мистер Вандемар подталкивал ее вперед. Его лапища, унизанная крупными кольцами, лежала у нее на плече. Мистер Круп шагал впереди с обсидиановой статуэткой, которую отобрал у Двери, и воровато оглядывался по сторонам, словно лис, пробирающийся к курятнику.

Лабиринт был совершенно фантастическим. Он состоял из осколков Верхнего Лондона — переулков, переходов, тупиков, — потерянных и забытых, которые в течение тысячи лет исчезали из Верхнего мира и попадали сюда. Круп, Вандемар и их пленница шли по мощеным мостовым, через грязь и мусор, по прогнившим деревянным тротуарам. Они шли через день и ночь, по

улицам, освещенным газовыми рожками, натриевыми лампами, факелами, — тут все постоянно менялось, улицы неожиданно разделялись надвое, шли по кругу.

Статуэтка в руке мистера Крупа дрогнула, и он пошел туда, куда она его повела. Они оказались в узком проулке. Когда-то это были викторианские трущобы, где было поровну всего — и воровства, и грошового джина, и двухгрошового обмана, и трехгрошового секса. И тут они услышали его тяжелое дыхание. А потом он взревел — низко и жутко. Мистер Круп на секунду замер, а потом бросился вперед, взбежал по деревянной лестнице и помчался дальше. В конце проулка он остановился, с сомнением огляделся и повел своих спутников вниз по ступеням в длинный каменный туннель, который когда-то — во времена тамплиеров — вел через болотистую местность у реки Флит.

— Вы боитесь! — заметила Дверь.

Он бросил на нее свирепый взгляд.

— Придержи язык.

Она натянуто улыбнулась.

— Боитесь, что статуэтка не спасет вас от Зверя, так? Что вы задумали? Решили похитить Ислингтона и продать нас обоих тому, кто предложил

хорошую цену?

— Молчать! — бросил мистер Вандемар, а мистер Круп хихикнул.

И тут Дверь поняла, что Ислингтон не на ее стороне.

— Эй! Зверь! — заорала она. — Мы здесь! Йо-хо! Зве-ерь!

Вандемар схватил ее за горло и ударил головой о стену.

— Я же просил помалкивать, — спокойно промолвил он.

Она ощутила металлический вкус, сплюнула кровь в грязь под ногами и снова собралась закричать, но мистер Вандемар это предвидел. Он вытащил из кармана носовой платок и затолкал ей в рот. Дверь со всей силы укусила его за палец, но он этого словно не почувствовал.

— Вот теперь будешь вести себя тихо, — сказал он.

Мистер Вандемар гордился своим носовым платком в зеленых, коричневых и черных пятнах. Когда-то он принадлежал толстяку, торговавшему нюхательным табаком в первой четверти девятнадцатого века. Он умер от апоплексического удара, и его похоронили с носовым платком в кармашке. Мистер Вандемар знал, что некоторые

пятна на ткани остались от толстяка, но все равно очень любил этот платок.

Дальше они шли молча.

* * *

За лабиринтом, в каменном зале, служившем и цитаделью и тюрьмой, ангел Ислингтон пел. Он не пел уже несколько тысяч лет, хотя голос у него был прекрасный: нежный, мелодичный — и, как у всех ангелов, красивого тембра. Он пел песню Ирвинга Берлина[221] и танцевал по залу, залитому светом сотен свечей, медленно покачиваясь в такт собственному пению.

Он пел:

> *Heaven, I'm in Heaven,*
>
> *And my heart beats so that I can hardly speak…*[222]

Ислингтон остановился перед огромной две-

---

[221] notes: 221

Ирвинг Берлин (Irving Berlin; наст. имя Израиль Исидор Бейлин, Израиль Моисеевич Бейлин; 1888–1989) — американский композитор, автор более 900 песен, 19 мюзиклов и музыки к 18 кинофильмам.

[222] notes: 222

Песня «Cheek to Cheek» впервые исполнена Фредом Астером в фильме «Top Hat», начинается словами: «Я на небесах, и мое сердце трепещет от счастья…».

рью из черного камня в раме черненого серебра. Коснулся пальцами гладкой поверхности, прижался к холодному камню щекой. И снова запел, но уже тише, совсем тихо:

Heaven…
I'm in Heaven…
I'm in Heaven…
I'm in Heaven…

Он улыбнулся нежной, ласковой улыбкой ангела — и улыбка эта была чудовищна. Он повторял слова снова и снова, они рассыпались на слоги и замирали в пустом холодном зале, во тьме, едва рассеиваемой светом свечей.

— Я на небесах… — сказал он.

* * *

Ричард вернулся к своему воображаемому дневнику.

«Сегодня я заглянул в бездну, пережил поцелуй смерти и еле вынес побои. И сейчас пробираюсь по лабиринту вместе с безумцем, который воскрес из мертвых, и телохранительницей, которая оказалась совсем не телохранительницей, а… чем-то совершенно противоположным. Я совсем

запутался, словно...»

Он не сумел придумать подходящее сравнение. Быть может, потому, что оказался за пределами мира метафор и сравнений — в мире реальных вещей, в котором и сам изменился.

Они шли по узкой болотистой дороге между двух темных каменных стен. Держа в одной руке фигурку Зверя, а в другой — арбалет, маркиз следовал за Охотницей футах в десяти, стараясь не приближаться. Позади, с копьем и факелом, который маркиз вытащил откуда-то из-под одеяла, заменившего ему плащ, шел Ричард и тоже соблюдал дистанцию. От болота поднималась невыносимая вонь, тучи гигантских комаров кружились вокруг Ричарда, садились на руки, ноги, лицо, вонзали в него свои хоботки. Кожа на месте укусов вспухала и страшно чесалась. Однако ни Охотница, ни маркиз на комаров не жаловались.

Ричарду казалось, что они давно заблудились. Настроение у него было мрачное. Тут и там в болотной жиже виднелись человеческие останки: ссохшиеся тела, бесцветные кости, белесые, распухшие от воды трупы — и это не добавляло оптимизма. Он гадал, давно ли здесь лежат и отчего умерли эти люди — от клыков Зверя или от комариных укусов? Он молча терпел еще пять

минут (насчитав одиннадцать свежих укусов), но потом не выдержал:

— Мы заблудились, — объявил он. — Я уверен, мы здесь уже проходили.

Маркиз поднял повыше обсидиановую фигурку.

— Нет. Статуэтка приведет нас, куда надо. Полезная вещица.

— Ага, — проворчал Ричард. Он не очень-то верил в силу фигурки. — Страшно полезная.

И вдруг маркиз наступил босой пяткой на раздробленные кости грудной клетки, наполовину скрытые в грязи, споткнулся и выронил статуэтку. Черная фигурка Зверя описала в воздухе широкую дугу и с тихим всплеском нырнула в черную болотную жижу, как рыбка, ускользнувшая из рук рыбака. Маркиз выпрямился и нацелил арбалет в спину Охотницы. Морщась от резкой, горячей боли, подумал: «Хоть бы порез был неглубокий». Он и так потерял слишком много крови.

— Ричард! — окликнул он. — Иди сюда. Я ее уронил.

Ричард пошел к нему, разглядывая болотную жижу, надеясь, что в свете ракеты блеснет черный обсидиан.

— Нагнись, поищи в грязи.

Ричард застонал.

— Ты видел во сне Зверя, — проговорил маркиз. — Сомневаюсь, что ты хочешь встретить его наяву. Или я неправ?

Ричард не стал долго раздумывать. Он вонзил копье древком в грязь, рядом воткнул факел, дававший неровный желтый свет, опустился на четвереньки и начал искать статуэтку. Он шарил руками в липкой жиже, опасаясь, что вот-вот наткнется на костяные пальцы скелета или распухшее от воды лицо.

— Бесполезно. Ее не найти.

— Ищи.

Ричард попытался вспомнить, как вообще ищут. Стараясь ни о чем не думать, он принялся спокойно осматривать грязь — так, будто ничего не искал. Вдруг что-то сверкнуло в пяти футах левее. Это была фигурка Зверя.

— Нашел!

Он бросился к ней, шлепая в грязи. Фигурка лежала в луже черной воды. Может быть, из-за того, что его шаги потревожили болотную жижу, а может быть, сработал пресловутый закон подлости (сам Ричард склонялся ко второй версии), однако как только он подскочил к фигурке, раздалось

бульканье, словно у кого-то заурчало в животе, рядом со статуэткой вспух огромный пузырь, с тихим хлопком лопнул — и она исчезла.

Ричард опустился на колени, погрузил руки в грязь и стал отчаянно шарить, уже не думая о том, что ему могут попасться чьи-то костлявые пальцы. Тщетно. Болото поглотило обсидиановую статуэтку навсегда.

— И что теперь будет? — спросил Ричард.

Маркиз вздохнул.

— Иди сюда. Что-нибудь придумаем.

— Поздно, — прошептал Ричард.

Он приближался — так медленно, что сперва Ричарду показалось, что Зверь стар, болен и что он умирает. Но это только сперва. А потом Ричард вдруг осознал, какое расстояние Зверь покрывает за одну секунду. Глядя, как он бежит, взметая фонтаны грязной воды, Ричард понял, что был неправ, — Зверь быстр, как ветер. В тридцати футах от них Зверь с тихим рыком остановился. От его боков валил пар. Он взревел — победно, призывно. Обломки копий, мечей, ножей торчали из его шкуры. В желтом свете ракеты пылали его алые глаза, сверкали клыки, поблескивали копыта.

Зверь склонил свою крупную голову. Ричард

подумал, что он похож на кабана, — но нет, это немыслимо — таких гигантских кабанов не бывает! Он был размером с быка, со слона — огромный, как сама жизнь. Зверь уставился на них, и время остановилось — замерло на сотню лет, которая пролетела за двенадцать ударов сердца.

Охотница опустилась на колено и ловко вытянула из болота копье — оно высвободилось с чавкающим звуком. А потом прошептала:

— Наконец-то! — и в голосе ее звучала радость.

Она забыла обо всем: о Ричарде, увязшем по колено в грязи, о маркизе с его дурацким арбалетом — она забыла обо всем на свете. Это был восторг, ликование — она наконец-то оказалась в своем мире, том, где существовали только двое: Зверь и Охотник. И Зверь это почувствовал. Идеальная пара — охотник и добыча. А кто из них кто — решит время, время и танец.

Зверь ринулся на нее.

Охотница выжидала до тех пор, пока он не подобрался так близко, что она ясно различила клочья пены на его губах, а потом нанесла удар. Но уже пытаясь вонзить копье в его шкуру, она вдруг поняла, что опоздала — на долю секунды, но опоздала, — и копье выпало у нее из рук, а клык Зверя, острый как бритва, вспорол ей бок.

Она почувствовала на себе вес его огромной туши, и его тяжелые копыта раздробили ей руку, бедро, ребра. А потом он скрылся, растворился в темноте. Танец закончился.

* * *

Мистер Круп ни за что бы этого не признал, но он испытал огромное облегчение, когда они выбрались из лабиринта целыми и невредимыми: и он, и мистер Вандемар, и их добыча. Они оказались перед скалой. В ней были крепкие дубовые двери, в одну створку которых было вставлено овальное зеркало.

Мистер Круп коснулся поверхности своей грязной лапой. Зеркало затуманилось, зашипело, вспенилось, как кипящая ртуть, и вдруг стало прозрачным. Из его глубины на них смотрел ангел Ислингтон. Мистер Круп откашлялся.

— Доброе утро, сэр. Это мы. И с нами та юная особа, которую вы хотели видеть.

— А ключ?

Казалось, нежный голос ангела доносится не из зеркала, а неизвестно откуда. Он звучал со всех сторон.

— Ключ болтается на ее лебединой шейке, — ответил мистер Круп. Он не хотел выказывать

нетерпения, но голос предательски дрогнул.

— Войдите, — разрешил ангел.

Дубовые двери отворились, и они вошли.

* * *

Все произошло стремительно: Зверь появился из темноты, Охотница подхватила копье, он налетел на нее и снова растворился в темноте.

Ричард прислушался — и ничего не услышал, только где-то капала вода — кап, кап, кап, — а еще пронзительно звенели комары, и этот звон сводил с ума. Охотница лежала в грязи. Одна рука у нее была неестественно вывернута. Ричард подполз к ней, шлепая по вонючей жиже.

— Охотница! Ты меня слышишь? — тихо спросил он.

Сперва было тихо, но потом он услышал шепот — такой слабый, что он подумал, ему послышалось.

— Да.

Маркиз по-прежнему стоял в сторонке, прислонившись к каменной стене.

— Ричард, не двигайся! — крикнул он. — Зверь вернется. Он просто затаился.

Ричард не стал его слушать. Он думал только об Охотнице.

— Ты… — начал он и вдруг понял, что спрашивать такое ужасно глупо, но все равно спросил: — Ты в порядке? — Ее окровавленные губы растянулись в улыбке, она рассмеялась и покачала головой. — У вас тут, внизу, есть врачи? — спросил он маркиза.

— Таких, как наверху, нет. Есть целители, лекари, костоправы…

Охотница закашлялась, морщась от боли. Изо рта у нее потекла алая артериальная кровь.

Маркиз подошел ближе.

— Может, ты где-нибудь спрятала свою жизнь? — спросил он.

— Я Охотница, — высокомерно прошептала она. — Такие фокусы не для меня… — Она с усилием вдохнула и тяжело выдохнула — дышать становилось все труднее. — Ричард, ты умеешь обращаться с копьем?

— Нет.

— Возьми его.

— Но…

— Давай же, — настойчиво проговорила она. — Возьмись за древко.

Ричард поднял копье.

— Ну, как его взять, я бы и сам догадался.

По ее лицу скользнула тень улыбки.

— Вот и отлично.

— Слушай, — начал Ричард, в очередной раз чувствуя себя единственным вменяемым человеком среди сумасшедших, — потерпи немного. Надо затаиться, подождать — может, Зверь уйдет. Мы попытаемся тебе помочь.

И в очередной раз сумасшедшие не стали его слушать.

— Я совершила плохой поступок, Ричард Мэхью, очень плохой, — печально прошептала Охотница. — Из-за того, что так сильно хотела убить Зверя. И мне нужно было копье.

Она медленно поднялась на ноги. Только теперь Ричард понял, как сильно она пострадала. Он боялся даже вообразить, с какой болью ей приходится бороться. Ее правая рука висела плетью, из-под кожи пугающе торчала белая кость. Глубокая рана в боку кровоточила. И с грудной клеткой явно было *что-то не так*.

— Зачем ты встала?! Ложись! — прошипел он, но безрезультатно.

Левой рукой Охотница сняла с пояса нож, вложила его в правую руку и сжала безжизненные пальцы вокруг рукоятки.

— Я совершила плохой поступок, — повторила она. — И постараюсь его искупить.

— М-м-м-м-м, — вдруг загудела она. — М-м-м-м…

Звук становился то выше, то ниже. А потом она нашла нужный тон, отдававшийся эхом от всех стен, труб — всего вокруг. Охотница продолжала издавать этот звук до тех пор, пока он не заполнил весь лабиринт. Тогда она остановилась, набрала воздух в раздавленные легкие и закричала:

— Эй! Зверь! Где ты?

Вокруг была тишина. Только слышалось, как капает вода. Даже комары притихли.

— Может быть, он… ушел? — предположил Ричард, крепко сжимая копье.

— Вряд ли, — пробормотал маркиз.

— Выходи, трус! — закричала Охотница. — Ты нас испугался?

Прямо перед ними раздался низкий рев. Зверь возник из темноты и снова помчался к ним. В этот раз они не имели права на ошибку. *Танец еще не окончен*, подумала Охотница.

Зверь бежал на нее, выставив вперед рога.

— Ричард, давай! Снизу вверх! *Бей*! — закричала Охотница, и тут Зверь налетел на нее, и она зашлась в отчаянном вопле.

Ричард видел, как Зверь шагнул в круг света. Дальше все происходило медленно, словно во

сне, — точно так же, как во всех его кошмарах. Зверь был так близко, что Ричард чуял его запах, животный запах крови и навоза, чувствовал исходящее от него тепло. И он со всей силы вонзил копье ему в бок. Оно пробило шкуру, прошло глубоко внутрь.

Раздался рык, затем рев. И в этом реве были боль, отчаяние и ненависть. А потом наступила тишина.

Ричард слышал, как сильно бьется его собственное сердце, слышал, как капает вода, слышал звон комаров. Он вдруг заметил, что все еще цепляется за копье, вонзенное в неподвижное тело Зверя. Ричард разжал руку и, пошатываясь, обошел тушу, чтобы посмотреть, что с Охотницей. Падая, зверь придавил ее. Ричард понял, что пытаться ее вытащить бесполезно — она может просто этого не выдержать, а потому он изо всех сил навалился на тушу. Зверь весил не меньше, чем танк, но Ричарду все же удалось наполовину сдвинуть его с Охотницы.

Она лежала на спине. Глаза ее были открыты, но смотрели в никуда, и Ричард догадался, что она уже ничего не видит.

— Охотница, — прошептал он.

— Да, Ричард Мэхью.

Ее голос звучал как будто издалека. Она не перевела на него взгляд, не попыталась на него посмотреть.

— Он издох?

— Кажется, да. По крайней мере, не шевелится.

Она залилась смехом — необычным, странным смехом, словно услышала самую смешную охотничью шутку. И сквозь безумный хохот, временами прерывавшийся резким кашлем, объяснила Ричарду, что ее насмешило.

— Ты убил Зверя. Так что теперь ты — лучший охотник Нижнего Лондона. Ты Воин… — Она вдруг перестала смеяться. — Я не чувствую рук. Возьми мою правую руку.

Ричард нащупал ее кулак под тушей Зверя и сжал похолодевшие пальцы. Кулак Охотницы показался ему на удивление маленьким.

— Нож там? — прошептала она.

— Да.

Он нащупал холодное, липкое лезвие.

— Возьми его. Он твой.

— Но мне не нужен…

– *Возьми!*

Он разжал ее пальцы и забрал нож.

— Теперь он твой, — повторила Охотница, едва шевеля губами. Взгляд ее затуманился.

— Он верно служил мне. Вытри с него кровь… чтобы не заржавел… охотник должен заботиться о своем оружии. — Она судорожно вздохнула. — А теперь… намажь кровью Зверя глаза… и язык.

Ричард подумал, что ослышался, — ведь это какой-то бред.

— Чего?

Он и не заметил, как к ним подошел маркиз. И чуть не подпрыгнул, когда тот прошептал ему в самое ухо:

— Делай, что она велит. Она права. Это поможет тебе выйти из лабиринта. Пошевеливайся.

Ричард провел рукой по копью, нащупал рану в боку Зверя, окунул пальцы в его теплую липкую кровь. Чувствуя себя ужасно глупо, лизнул соленую кровь Зверя. Как ни странно, ему не было противно. Более того, он вдруг подумал, что это совершенно естественно, как попробовать морскую воду. Он провел окровавленными пальцами по векам и ощутил, как кровь жжется, словно пот.

— Намазал, — сказал он.

— Хорошо, — прошептала Охотница и умолкла навсегда.

Маркиз опустился на корточки и закрыл ей глаза. Ричард принялся вытирать нож о рубашку.

Она просила вытереть нож. И он вытирает. Можно ни о чем не думать.

Маркиз встал.

— Идем, — сказал он.

— Мы не можем бросить ее здесь!

— Можем. Вернемся за ней позже.

Ричард до блеска натирал лезвие. Сам того не замечая, он плакал.

— А если не вернемся?

— Тогда кому-то другому придется позаботиться о наших останках. Включая тело леди Двери. Она, кстати, уже заждалась. — Ричард опустил глаза. В последний раз протер нож, засунул за ремень. Кивнул. — Давай, — сказал маркиз. — Иди. Я за тобой.

Ричард постоял немного и вдруг со всех ног бросился бежать.

* * *

Наверное, Охотница была права насчет крови Зверя, — другого объяснения быть не могло. Ричард мчался через лабиринт, который перестал быть для него лабиринтом. Он как будто знал каждый уголок, каждый поворот, каждый туннель, каждый проулок. Он бежал, спотыкаясь, тяжело дыша. Кровь стучала у него в висках. В голове

монотонно звучала песенка, которую он слышал в детстве. Слова ложились в ритм шагов.

В эту ночь, да-да в эту ночь,
И сейчас и на год вперед.
Свечи горят, поленья трещат,
И Христос твою душу возьмет.

Она повторялась снова и снова, как заклинание. *Свечи горят, поленья трещат…*

Ричард пробежал лабиринт насквозь и оказался перед гранитной скалой, в которой была дубовая двустворчатая дверь. На одной створке поблескивало овальное зеркало.

Двери были закрыты. Ричард толкнул их, они бесшумно отворились.

И он вошел.

Глава XVII

Ричард прошел по проходу, по обе стороны которого горели свечи, в зал Ислингтона. Именно здесь они с ангелом пили вино — в огромном зале с восемью стальными колоннами, поддерживавшими каменный потолок, большой дверью из черного камня и серебра, старым деревянным столом и тысячами свечей.

Дверь была прикована за руки к двум колоннам возле черной каменной двери. Когда Ричард вошел, девушка посмотрела на него глазами, полными ужаса. Ангел Ислингтон, стоявший рядом с ней, повернулся и широко улыбнулся. В его улыбке читались сочувствие и теплота, и Ричарду стало страшно.

— Я ждал тебя, Ричард Мэхью. Я ждал тебя, — сказал ангел. — Какой кошмар! Ты выглядишь просто ужасно!

В его голосе слышалась искренняя забота. Ричард остановился.

— Прошу тебя, иди к нам. — Ангел поманил его к себе длинным бледным пальцем. — Думаю, тебе никого тут не надо представлять. С Дверью ты, разумеется, давно знаком. Да и моих помощников,

мистера Крупа и мистера Вандемара, встречал уже не раз.

Ричард огляделся. Справа от него стоял мистер Круп, слева — мистер Вандемар. Вандемар улыбнулся Ричарду, Круп — нет.

— Я искренне надеялся, что ты все же заглянешь к нам, — продолжил ангел. Потом, склонив голову набок, спросил: — Кстати, а где Охотница?

— Она погибла, — ответил Ричард.

Дверь ахнула.

— Бедняжка! — сказал Ислингтон и печально покачал головой, словно сожалея о бессмысленной смерти, о бренности человеческого тела, о горьком уделе всех людей, обреченных на страдание и смерть.

— Ну что ж делать? — беззаботно проговорил мистер Круп. — Лес рубят — головы летят.

Ричард старался не обращать внимания на этих негодяев.

— Дверь, ты в порядке?

— Пока что да. — Нижняя губа у нее распухла, на щеке красовался огромный синяк.

— К сожалению, — сказал Ислингтон, — леди Дверь оказалась слишком упрямой. Я вот как раз собирался приказать мистеру Крупу и мистеру Вандемару… — Он вдруг замолчал, судя по всему,

ему неприятно было говорить о таких вещах.

— Хорошенько ее избить, — радостно подсказал мистер Вандемар.

— Ведь в конце концов, — заметил мистер Круп, — мы прославились на весь мир своим непревзойденным мастерством.

— Да, мы отлично умеем калечить людей, — пояснил Вандемар.

Ангел продолжил, не сводя глаз с Ричарда — и словно не слыша своих помощников:

— Впрочем, я всегда знал, что леди Дверь не из тех, кто быстро сдается.

— Дайте нам немного времени, — попросил мистер Круп. — Поверьте, мы знаем, как сделать ее более сговорчивой.

— Стукнем пару раз, она и заговорит, — сказал мистер Вандемар.

Снисходительно улыбнувшись, Ислингтон покачал головой.

— У меня нет времени, — сказал он Ричарду. — Совсем нет времени. А еще я уверен, что леди Дверь, скорее всего, согласится нам посодействовать, если это облегчит страдания ее друга, простого смертного, такого, как ты, Ричард…

Мистер Круп резко ударил Ричарда в живот, и тот согнулся пополам от невыносимой боли.

Мистер Вандемар схватил его за шею и поднял.

— Так нельзя! — воскликнула Дверь.

Ислингтон задумался.

— Нельзя? — наконец удивленно спросил он.

Подавшись вперед, мистер Круп прошипел прямо в лицо Ричарду:

— Боюсь, он уже очень далек от таких категорий, как «можно» и «нельзя», как «добро» и «зло». Мистер Вандемар, может, присоединитесь ко мне?

Мистер Вандемар схватил Ричарда за левую руку, и, вывернув мизинец, сломал его. Ричард вскрикнул.

Ангел медленно повернулся к Ричарду. Казалось, его что-то отвлекло. Моргнув своими перламутрово-серыми глазами, он сказал:

— Мистер Круп, по-моему, у нас еще гости.

Мистер Круп тут же исчез.

* * *

Прижавшись к гранитной скале, маркиз Карабас неотрывно смотрел на дверь, которая вела к Ислингтону.

У него в голове пронеслась уже сотня планов — но, хорошенько обдумав, он отвергал их один за другим. Прежде ему казалось, что надо лишь

добраться до этой двери, и он сразу поймет, что нужно делать. Но теперь выяснилось, что он понятия не имеет, как поступить, и маркиз страшно разозлился на самого себя. У него в запасе не осталось никаких фокусов, никаких козырей в рукаве, никаких хитростей и уловок, поэтому он просто стоял и смотрел на дверь, размышляя о том, есть ли у ангела охрана и узнает ли Ислингтон, если маркиз откроет дверь. Должно же быть какое-то простое решение, логичный выход. Ну ничего, может, он потом что-нибудь придумает. Хорошо хоть, эти негодяи не подозревают, что он здесь.

И тут маркиз почувствовал, как кто-то приставил к его шее острый нож. Мистер Круп прошептал ему в ухо:

— Я ведь тебя уже один раз убил сегодня. Ну почему же люди никогда не учатся на своих ошибках?

* * *

Когда мистер Круп вошел в зал, подталкивая вперед маркиза Карабаса, Ричард тоже был уже прикован между двух колонн. Разочарованно взглянув на маркиза, ангел покачал головой.

— Вы говорили, что убили его, — заметил он.

— Ну да, убили, — отозвался мистер Вандемар.

— Но он воскрес, — объяснил мистер Круп.

— Не люблю, когда мне врут, — сказал ангел, и в его голосе было уже гораздо меньше теплоты и сострадания.

— Мы никогда не врем, — обиженно огрызнулся мистер Круп.

— Врем, — сказал мистер Вандемар.

Мистер Круп провел грязной рукой по своим жирным рыжим волосам.

— Иногда врем, но не сейчас.

У Ричарда по-прежнему адски болел сломанный палец.

— Как вы можете?! — сердито воскликнул Ричард. — Вы же ангел!

— Я же тебе говорил, — сухо заметил маркиз.

Ричард немного подумал.

— Ну да, ты сказал, что Люцифер тоже когда-то был ангелом.

Ислингтон презрительно улыбнулся.

— Люцифер? Люцифер — полный кретин. Чего он добился? Ничего! Король без королевства!

Маркиз усмехнулся.

— А у тебя вместо королевства — зал со свечками, а вместо подданных — два придурка-головореза! Какой молодец!

Ангел облизнул губы.

— Меня заключили сюда в наказание за Атлантиду. Я сказал, что ничего не мог поделать. Атлантиде просто… — Он задумался, словно подбирая нужное слово, потом с сожалением закончил: — …просто не повезло.

— Но ведь погибли миллионы людей! — воскликнула Дверь.

Ислингтон театрально сжал руки, словно для молитвы, и стал похож на ангела с рождественской открытки.

— Что ж, такое случается, — спокойно проговорил он.

— Конечно, — отозвался маркиз без малейшей иронии в голосе. — Города уходят под воду каждый день. Ты тут совершенно ни при чем!

Казалось, эти слова разбудили в Ислингтоне что-то черное, злое, наполненное непередаваемой яростью и жестокостью. Ричард в жизни не видел ничего страшнее. Красивое лицо ангела вмиг переменилось. Глаза засверкали.

– *Они это заслужили!* — крикнул он, и в этом крике звучали безумие и непоколебимая вера в свою правоту.

В зале воцарилась тишина. Через некоторое время ангел опустил голову и вздохнул, потом снова поднял ее и тихо, печально проговорил:

— Такое случается, — потом указал на маркиза: — Прикуйте его к колоннам.

Круп и Вандемар проворно надели маркизу на руки кандалы и приковали его между колонн рядом с Ричардом. Ангел повернулся к Двери, подошел к ней, взял за подбородок и, подняв ей голову, заглянул в глаза.

— Ты из очень древнего рода, — тихо сказал он. — Очень необычного рода.

— Зачем же ты тогда убил всех моих родных?

— Ну почему же всех?

Ричард подумал, видимо, ангел имеет в виду, что она-то осталась жива, но тут Ислингтон продолжил:

— Ведь ты могла и не согласиться… мне помочь.

Он погладил ее по щеке длинными бледными пальцами.

— В твоем роду все умеют открывать двери. И создавать двери там, где их не было. Могут отпирать запертые двери. Даже те, которые отпирать нельзя. — Он любовно провел пальцами по ее шее и сжал ключ, висевший у нее на груди. — В моей темнице есть дверь, через которую можно выбраться на волю. Ее соорудили те, кто меня сюда посадил. А ключ от двери они отдали чер-

ным монахам, что живут здесь же, в Нижнем Лондоне. Изощренный способ заставить меня страдать. — Он потянул за цепочку, и серебряный ключ выскользнул из-под бесчисленных слоев кружев и оборок. Ислингтон с восхищением провел по нему кончиками пальцев.

И тут Ричарда осенило.

— Черные монахи берегли ключ *от тебя!*

Ислингтон отпустил ключ. Девушка была прикована рядом с огромной дверью из черного камня и потемневшего серебра. Ангел подошел к двери и провел по ней рукой. На фоне черного камня его рука казалась невероятно, ослепительно белой.

— Да, от меня, — согласился Ислингтон. — Ключ. Дверь. Тот, кто способен ее открыть. Жестокая, злая шутка. Когда я заслужу прощение, они пошлют мне того, кто откроет дверь, и ключ. Только зачем ждать? Я решил взять дело в свои руки и немного ускорить процесс.

Он снова повернулся к Двери и погладил ключ. Потом сжал его в руке и резко дернул. Цепочка порвалась. Дверь поморщилась.

— Сначала я поговорил с твоим отцом, Дверь, — продолжал ангел. — Его страшно волновала судьба Нижнего Лондона. Он хотел объединить

все эти бесчисленные графства и вотчины — и, может быть, даже установить некую связь между Нижним и Верхним Лондоном. Я сказал, что помогу ему, если он поможет мне. Но когда я объяснил, чего хочу, Портико только посмеялся надо мной.

Ангел нахмурился и снова повторил последние слова, словно их смысл просто не укладывался в голове:

— Посмеялся. Надо мной.

Дверь покачала головой.

— И ты убил его за то, что он отказался тебе помогать.

— Я его не убивал, — мягко поправил Ислингтон. — Я лишь отдал соответствующий приказ.

— Но он же сказал, что тебе можно доверять! Он велел мне найти тебя. В своем дневнике.

Мистер Круп захихикал.

— Он ничего такого не говорил. Это всё мы. Мистер Вандемар, что он на самом деле сказал?

— Дверь, девочка моя, не доверяй Ислингтону, — сказал мистер Вандемар голосом ее отца. Сходство было потрясающее. — Ислингтон хочет убить нас всех. Он очень опасен, слышишь, Дверь? Не ходи к нему!..

Ислингтон провел по щеке девушки серебря-

ным ключом.

— Я подумал, что, выслушав мою версию, ты окажешься у меня гораздо быстрее.

— Мы взяли дневник, изменили пару фраз и положили его на место, — сказал мистер Круп.

— А куда ведет эта дверь? — спросил Ричард.

— Домой, — ответил ангел.

— В рай?

Ислингтон ничего не ответил, только улыбнулся, — как кот, сожравший не только сметану и канарейку, но еще и курицу, которую хозяин приберег на обед, и крем-брюле в придачу.

— Думаешь, никто не заметит, что ты вернулся? — фыркнул маркиз. — Все скажут: «Ой, глядите, еще один ангел! Давай, хватай арфу и вперед, петь осанну!»

Серые глаза Ислингтона блеснули.

— Ну нет, восхваления, песнопения, гимны, хвалебные молитвы, — все это не для меня. У меня… свои планы.

— Что ж, теперь у тебя есть ключ, — сказала Дверь.

— И ты, — отозвался ангел. — Ты ведь единственная, кто может открыть эту дверь. Без тебя мне не попасть в рай. Открой мне дверь.

— Ты убил ее родных, — сказал Ричард. — Ты

натравил на нее двух убийц. И теперь хочешь, чтобы она открыла тебе дверь на небеса? Знаешь, ты плохо разбираешься в людях! Она не станет тебе помогать!

Ангел пристально посмотрел на него своими глазами, которые были старше, чем Млечный путь.

— О нет, — сказал он и отвернулся, словно не желая видеть того, что сейчас произойдет.

— Вперед, мистер Вандемар! — воскликнул мистер Круп. — Отрежьте ему ухо!

Мистер Вандемар вскинул руку. В ней ничего не было. Он легко, почти незаметно взмахнул кистью, и в сумраке зала сверкнул нож, зажатый у него в кулаке.

— Я же говорил, что ты обязательно попробуешь на вкус свою печень, — сказал мистер Вандемар Ричарду. — Считай, тебе повезло.

Он прижал лезвие к шее Ричарда, под самой мочкой уха, и осторожно потянул нож на себя. Ричард не почувствовал боли, — может быть, он уже успел к ней привыкнуть за сегодня, или просто нож был слишком острым. Зато почувствовал, как по шее тонкими струйками потекла кровь. Дверь смотрела на него, широко раскрыв свои опаловые глаза, в которых светился непе-

редаваемый ужас. Ричард попытался мысленно крикнуть ей: *Держись! Не соглашайся ему помогать! Забудь обо мне!* Но тут мистер Вандемар снова провел ножом у него под ухом, на этот раз гораздо резче и с большим нажимом, и Ричард закричал.

— Пощадите его! — воскликнула Дверь. — Я открою дверь.

Ислингтон махнул своим помощникам, и мистер Вандемар, разочарованно вздохнув, убрал нож. Кровь стекала у Ричарда по шее и собиралась в лужицу над ключицей. Мистер Круп подошел к Двери и снял кандалы с ее правой руки. Какое-то время она стояла, потирая затекшее запястье, — маленькая фигурка между двух высоких, темных колонн. Ее левая рука была по-прежнему прикована к колонне, но все же теперь Дверь могла хоть как-то передвигаться. Она протянула свободную руку за ключом.

— Не забывай, — предупредил ее Ислингтон, — если что, твоим друзьям не поздоровится.

Дверь посмотрела на него с презрением и без малейшего страха, — не зря она была дочерью лорда Портико.

— Дайте ключ, — сказала она.

Ангел отдал ей серебряный ключ.

— Дверь, — воскликнул Ричард, — не надо! Не открывай! Неважно, что они с нами сделают. Наши жизни ничего не стоят!

— Вообще-то, — отозвался маркиз, — моя жизнь кое-чего стоит. Но он прав — не открывай!

Она глянула на Ричарда, потом перевела взгляд на маркиза, пристально посмотрела на кандалы на их руках, на цепи, обмотанные вокруг колонн. Она казалась совсем маленькой и очень хрупкой. Наконец Дверь отвернулась и, насколько позволяла цепь, шагнула к двери из черного камня в окладе из потемневшего серебра. В той двери не было замка. Девушка дотронулась до нее рукой и закрыла глаза, позволяя двери раскрыть свой секрет, — как ее можно открыть, куда вставить ключ. Она изо всех сил старалась настроиться на эту древнюю дверь, а когда опустила руку, в двери образовалась замочная скважина, которой раньше не было. Из нее вырвался луч света — яркого и резкого. Этот луч, как лазер, разрезал сумрак зала.

Дверь вставила серебряный ключ в замочную скважину. Затем, немного помедлив, повернула его в замке. Раздался громкий щелчок, и сквозь щели брызнул яркий свет.

— Когда я уйду, — тихо сказал ангел мистеру

Крупу и мистеру Вандемару — с невероятной теплотой, почти любовью, — можете их убить. Любым известным вам способом.

С этими словами он снова повернулся к двери, которую тем временем пыталась открыть девушка. Каменная дверь открывалась медленно и неохотно. На лбу у Двери выступил пот.

— Ну вот, ваш босс уходит, — сказал маркиз мистеру Крупу. — Надеюсь, он с вами расплатился.

Круп пристально посмотрел на маркиза.

— Что?

— Просто вряд ли вы с ним когда еще увидитесь, — подал голос Ричард. — Он не понял, что задумал маркиз, но решил Карабасу подыграть.

Мистер Вандемар медленно мигнул — его веки дернулись, как шторка в старинном фотоаппарате.

— Что?

Мистер Круп почесал подбородок.

— А эти потенциальные трупы правы, — сказал он своему партнеру и подошел к ангелу, который стоял у двери, сложив руки на груди. — Сэр, прежде чем вы вернетесь в отчий дом, давайте вспомним о том, что вы нам обещали.

Ангел повернулся и посмотрел на него с таким презрением, словно перед ним была мелкая бу-

кашка. Потом отвернулся. «Интересно, над чем он размышляет?» — подумал Ричард.

— Мы потом все обсудим, — наконец проговорил ангел. — Совсем скоро вы, мелкие, презренные твари, получите все, о чем мечтаете. Когда я завладею троном.

— Значит, варенье, как обычно, потом, — сказал Ричард.

— Я не люблю варенье, — откликнулся мистер Вандемар. — От него живот пучит.

Мистер Круп поднял указательный палец.

— Кажется, босс решил нас помучить, — сказал он. — Не советую мучить мистера Крупа и мистера Вандемара. Мы никому такого не прощаем. И всегда берем то, что нам причитается.

Мистер Вандемар встал рядом с мистером Крупом.

— Сполна.

— С процентами! — рявкнул мистер Круп.

— И вкусной печенкой должника, — добавил мистер Вандемар.

— Даже если должник сидит в раю? — спросил Ричард.

Мистер Круп и мистер Вандемар подошли к задумавшемуся ангелу.

— Эй! — воскликнул Круп.

Дверь была открыта. Пусть не полностью, но открыта. Из щели струились потоки яркого света. Ислингтон шагнул вперед. Казалось, он мечтает о чем-то прекрасном. Свет падал ему на лицо, и ангел пил этот свет, точно вино.

— Не бойтесь, — успокоил он своих помощников. — Когда все мироздание окажется в моих руках, и они падут передо мной ниц, я награжу всех достойных и покараю своих мучителей.

Потом прошептал что-то себе под нос. Ричард не разобрал, что именно, однако это было очень похоже на: «И проклятого Гавриила в первую очередь».

Поднатужившись, девушка распахнула дверь. За ней был странный, ни на что не похожий мир — в бесконечной пустоте бушевал вихрь света. Ричард прищурился и отвернулся: оранжево-лиловое сияние было таким мощным, что на него невозможно было смотреть. *Неужели это рай?!* — удивленно подумал он. — *По мне, так больше похоже на ад!*

И тут он ощутил ветер.

Над его головой пролетела свеча и исчезла в дверном проеме. Потом еще одна. Потом еще и еще. Все свечи закружились по залу, одна за другой исчезая в дверном проеме. Казалось, весь

зал засасывает туда, за дверь. И это был уже не просто ветер, Ричард сразу понял. У него заныли запястья под кандалами, — словно он вдруг стал весить в два раза больше, чем раньше. Внезапно Ричард заметил резкую перемену в перспективе: теперь он как будто висел *над* дверью, а она была далеко *внизу*. Так что все улетало в дверной проем под действием силы тяжести. А никакого ветра и не было, — всего лишь воздух, который чужой мир по ту сторону двери всасывал в себя вместе со всем, что было в зале. Ричард стал гадать, что находится там, за дверью. Звезда? Черная дыра? Или что-то вовсе невообразимое?

Ислингтон изо всех сил вцепился в одну из колонн.

— Это не рай! — закричал он. Его серые глаза сверкали, на губах выступила пена. — Ах ты, ведьма! Что ты наделала?!

Дверь ухватилась свободной рукой за цепь, которой она была прикована к колонне, так, что побелели костяшки пальцев. Она торжествующе посмотрела на ангела. Мистер Вандемар вцепился в ножку стола, а мистер Круп — в мистера Вандемара.

— Это был не настоящий ключ! — радостно воскликнула Дверь, стараясь перекричать рев

ветра. — Я заказала себе копию у кузнеца на рынке.

— Но ты ведь открыла им эту дверь! — завопил ангел.

— Нет, — отозвалась девушка с опаловыми глазами. — Я открыла не эту дверь, а совсем другую. У меня не сразу получилось, но я все же смогла ее открыть.

Лицо ангела исказилось. В нем не было больше ни доброты, ни сострадания, — одна только ненависть, черная, холодная ненависть.

— Я убью тебя, — сказал он.

— Как вы убили всех моих родных? Нет, вряд ли вам удастся еще кого-нибудь убить.

Ислингтон все еще цеплялся побелевшими пальцами за колонну, но его тело висело в воздухе параллельно полу. Он уже наполовину скрылся в дверном проеме. Это выглядело и забавно и жутко одновременно.

— Закрой дверь! — попросил он. — Прошу тебя, закрой дверь! Я скажу тебе, где твоя сестра… Она еще жива…

Дверь вздрогнула.

В ту же секунду Ислингтона унесло в дверной проем. Маленькая, машущая руками фигурка мелькнула вдали и исчезла в вихре ослепитель-

ного оранжево-лилового света. Ветер усилился. Ричард отчаянно надеялся, что его кандалы и цепи выдержат. Он чувствовал, как его тоже засасывает в дверной проем. Оглянувшись, он увидел, как маркиз Карабас трепыхается на ветру, будто марионетка, которую вот-вот засосет в пылесос.

Стол, в ножку которого вцепился мистер Вандемар, полетел к двери и застрял в дверном проеме. Мистер Круп и его напарник были уже снаружи, но не собирались сдаваться. Мистер Круп ухватился за фалды пиджака мистера Вандемара, и теперь, глубоко вздохнув, начал медленно ползти по его спине. Стол заскрипел. Мистер Круп посмотрел на Дверь и улыбнулся, как обожравшийся наркоты лис.

— Это *я* убил твоих родных. *Я*, а не он. И теперь я наконец-то доберусь и до тебя…

Тут пиджак не выдержал, и мистер Круп полетел в дверной проем, сжимая в руке клок темной ткани. Мистер Вандемар посмотрел, как напарник летит в никуда, подхваченный оранжевым вихрем, и перевел взгляд на Дверь, но в его взгляде не было ни ненависти, ни жестокости. Пожав плечами, — насколько может пожать плечами человек, цепляющийся за ножку стола, он тихо сказал:

— Пока!

И разжал руки.

Его тут же засосало в дверной проем, и он полетел к мистеру Крупу, уменьшаясь с каждой секундой. Вот уже их крохотные фигурки слились в одну черную точку на фоне бескрайнего моря оранжево-лилового света, а вскоре и эта точка исчезла. «Что ж, — подумал Ричард, — в конце концов, они ведь были напарниками».

Дышать становилось все труднее и труднее. У Ричарда начала кружиться голова. Стол с грохотом разлетелся в щепки, и они полетели в оранжево-лиловый мир. Внезапно у Ричарда расщелкнулись кандалы на правой руке. Он тут же ухватился свободной рукой за цепь, которая вела к кандалам на левой руке. «Как хорошо, что палец у меня сломан на той, которая все еще в кандалах», — подумал Ричард, изо всех сил сжимая правой рукой цепь. Левая рука горела огнем — не только из-за сломанного мизинца, но и из-за того, что кандалы врезались теперь в запястье с удвоенной силой. Ричард закричал от боли.

Он задыхался. Перед глазами повисла белая пелена. Он понимал, что еще немного — и кандалы не выдержат…

Внезапно каменная дверь захлопнулась, и гро-

хот эхом разнесся по залу. Ричарда отбросило назад, он ударился спиной о колонну и рухнул на пол. В подземном зале воцарилась тишина, — тишина и кромешная тьма. Ричард закрыл глаза, но вокруг было и без того темно, поэтому он снова открыл их.

Через некоторое время маркиз сухо спросил:

— И куда же ты их отправила?

И Ричард услышал чей-то голос. Конечно же, это был голос Двери, но он казался таким чистым, тонким, детским, — так говорит ребенок, ложась в постель после долгого и трудного дня.

— Не знаю… Куда-то очень далеко… Я… я очень устала. И я…

— Дверь, сними с нас кандалы, — попросил маркиз.

«Как хорошо, что он это попросил», — подумал Ричард. Надо было как-то избавиться от этих дурацких оков, но сам он был не в состоянии произнести ни слова. Послышался тихий щелчок — это расщелкнулись кандалы, — потом звон цепей, ударившихся о стальную колонну. После этого кто-то зажег спичку, поднес ее к свече, и в темноте огромного каменного зала зажегся крошечный огонек. *Свечи горят, поленья трещат*, подумал Ричард и сам удивился, с чего ему вдруг

вспомнилась эта фраза.

Дверь, шатаясь, подошла к маркизу, освещая себе путь свечой. Она протянула руку, дотронулась до оков, и они упали на пол. Маркиз Карабас потер затекшие запястья. Потом девушка подошла к Ричарду и дотронулась до его кандалов. Они тут же разомкнулись. Вздохнув, Дверь опустилась на пол рядом с Ричардом. Он обнял ее правой рукой за плечи и, прижав к себе, стал укачивать, как ребенка, напевая колыбельную без слов. Было холодно, очень холодно в этом пустом каменном зале. Но едва Ричард и Дверь закрыли глаза, как сон тут же окутал их своим теплым покрывалом.

Маркиз Карабас сидел и смотрел на спящих детей. Он страшно боялся заснуть, — ведь сон так похож на смерть, а маркизу совсем не хотелось снова испытать что-либо подобное. Однако в конце концов он сдался и закрыл глаза.

И все исчезло.

Глава XVIII

Леди Серпентина — вторая из семи сестер (старшую звали Олимпия) — шла по лабиринту к Даун-стрит, высоко вскинув голову. Ее белые сапоги шлепали по болотной жиже. Впервые за последние сто лет она оказалась так далеко от дома. Впереди шагала ее экономка с осиной талией, с головы до ног затянутая в черную кожу. Она несла фонарь. Следом за Серпентиной, на почтительном расстоянии, шли еще две служанки, тоже в черной коже.

Рваный кружевной шлейф белого платья волочился по грязи, но Серпентина не обращала на это ни малейшего внимания. Она заметила далеко впереди огромную черную тень, возле которой что-то блеснуло в свете фонаря.

— Она там!

Служанки бросились туда, куда указала хозяйка. Экономка подняла повыше фонарь, и в его теплом свете неясные тени обрели форму. Блестело длинное бронзовое копье. Изуродованное, окровавленное тело Охотницы, наполовину скрытое болотной жижей, лежало в огромной луже засохшей крови, придавленное тушей

гигантского зверя, похожего на кабана. Глаза Охотницы были закрыты.

Серпентина вытянула тело из-под туши и встала перед ним на колени. Она провела пальцем по холодной щеке Охотницы, коснулась ее почерневших от спекшейся крови губ. Затем поднялась и приказала:

— Возьмите копье.

Одна служанка взвалила на плечи тело Охотницы, другая выдернула из туши Зверя копье. А потом все четверо пошли назад — тем же путем, каким пришли: печальная процессия глубоко под землей.

Фонарь выхватывал из темноты жестокое лицо Серпентины. Оно было совершенно бесстрастным..

Глава XIX

В первую секунду, на границе сна и яви, Ричард не мог понять, кто он. Это было восхитительное, необыкновенное чувство — чувство безграничной свободы. Словно он сам мог решить, кем быть. Словно он мог стать кем угодно: мужчиной или женщиной, крысой или птицей, чудовищем или богом. Но потом послышался шелест, и, окончательно проснувшись, он понял, что он — Ричард Мэхью, что бы это ни значило. Ричард Мэхью, который понятия не имеет, где находится.

Он чувствовал щекой накрахмаленную наволочку. Все тело болело, а в некоторых местах боль была особенно сильной (например, ужасно болел мизинец на левой руке).

Рядом кто-то был. Слышались дыхание и шорох, словно человек что-то делал, стараясь не шуметь. Ричард приподнял голову и обнаружил, что тело болит еще в нескольких местах, а боль гораздо сильнее, чем он думал. Где-то далеко-далеко, возможно, в другом конце здания, пел хор. Пение — низкое, мелодичное — доносилось едва слышно, и он знал: стоит открыть глаза, и музыка стихнет.

Ричард открыл глаза. Он лежал на низкой кровати в крошечной, слабо освещенной комнатке. Рядом — спиной к Ричарду — стоял человек в черной сутане. С тихим шорохом он сметал пыль метелочкой из возмутительно ярких разноцветных перьев.

— Где я? — спросил Ричард.

Монах чуть не выронил метелочку. Он нервно обернулся, и Ричард увидел удивленное темно-коричневое лицо.

— Пить хотите? — спросил монах. Можно было подумать, что ему дали строгие наставления: если пациент проснется, надо спросить, не хочет ли он пить. И последние сорок минут он постоянно повторял про себя эту фразу.

— Я… — начал Ричард и вдруг понял, что и в самом деле страшно хочет пить. Он сел. — Да, хочу. Спасибо большое.

Монах взял старый медный кувшин, налил воды в жестяную кружку и передал ее Ричарду. Тот стал пить маленькими глотками, едва сдерживаясь, чтобы не осушить кружку залпом. Вода была кристально чистой, как алмазы, и холодной как лед.

Напившись, Ричард оглядел себя. Кто-то его раздел и облачил в длинную серую хламиду,

похожую на монашескую рясу. Кто-то наложил шину на сломанный палец и перебинтовал. Он потрогал ухо. Оно было заклеено пластырем, а под ним прощупывался шов.

— Я у черных монахов, — догадался Ричард.

— Да, сэр.

— Как я сюда попал? Где мои друзья?

Нервно поежившись, монах молча махнул в сторону коридора. Ричард встал с кровати, приподнял рясу. Она была надета на голое тело. На ногах и груди красовались огромные фиолетово-малиновые синяки, намазанные какой-то мазью, которая пахла сиропом от кашля и гренками с маслом. Правое колено было перебинтовано. «Интересно, куда они дели мою одежду?» — подумал Ричард. У кровати стояли сандалии. Он сунул в них ноги и вышел в коридор. Навстречу ему шел аббат, держа под руку брата Фулиджиноса. Глаза старика перламутрово блестели из-под темного капюшона.

— Вижу, ты проснулся, Ричард Мэхью, — проговорил аббат. — Как ты себя чувствуешь?

Ричард поморщился.

— Рука немного…

— Палец сломан. Мы оказали тебе первую помощь. Синяки и раны смазали мазью. Тебе нужен

был покой, и мы его обеспечили.

— Где Дверь? Где маркиз? Как мы к вам попали?

— Я велел братьям принести вас сюда, — объяснил аббат и пошел вместе с братом Фулиджиносом по коридору. Ричард поспешил за ними.

— А тело Охотницы? Вы его забрали?

Аббат покачал головой.

— Мы его не нашли. Там была только туша Зверя.

— А… ясно… А моя одежда?..

Они вошли в келью, очень похожую на ту, в которой проснулся Ричард.

Дверь сидела на кровати и читала «Мэнсфилд-парк». Ричард усмехнулся, подумав, что монахи наверняка не подозревали, что у них есть эта книга. На Двери тоже была серая ряса, которая была ей так велика, что вид у девушки был забавный.

Услышав, что кто-то вошел, она подняла голову.

— Привет. Долго же ты спал, — сказала она. — Как себя чувствуешь?

— Нормально. А ты?

Дверь вымученно улыбнулась.

— Не очень, — призналась она.

Из коридора донесся грохот. Ричард выглянул

и увидел маркиза Карабаса в обшарпанной инвалидной коляске, которую толкал перед собой огромный черный монах. Коляска скрипела и грохотала. Ричард подивился, как маркизу удается даже в таких условиях сохранять вид романтического героя, для которого инвалидная коляска — просто новый модный способ передвижения.

Маркиз одарил их белозубой улыбкой.

— Добрый вечер, друзья мои!

— Итак, раз уж все в сборе, настало время поговорить, — объявил аббат.

Он отвел их в огромный зал с камином, в котором гудело и ревело пламя, и предложил сесть за стол. Сам он нащупал стул и тяжело на него опустился. Затем отослал из зала брата Фулиджиноса и брата Тенебра (того великана, что толкал инвалидную коляску).

— Итак, к делу, — сказал аббат. — Где Ислингтон?

Дверь пожала плечами.

— Я постаралась отправить его как можно дальше, за пределы пространства и времени.

— Ясно, — аббат кивнул. — Хорошо.

— Почему вы нас сразу не предупредили? — спросил Ричард.

— Это не входит в наши обязанности.

Ричард хмыкнул.

— И что теперь?

Аббат промолчал.

— А что теперь? — переспросила Дверь. — Ричард, что ты имеешь в виду?

— Ну, ты хотела отомстить за смерть близких. И отомстила. Отправила бог знает куда всех, кто был причастен к убийству. Больше тебе ничто не угрожает, так?

— Пока да, — серьезно проговорила Дверь.

— А ты? Ты получил, что хотел? — спросил Ричард маркиза.

Тот кивнул.

— Да. Я отплатил лорду Портико. И леди Дверь теперь передо мной в огромном долгу.

Ричард поглядел на Дверь. Девушка кивнула.

— А как же я?

— Без тебя мы бы не справились, — сказала Дверь.

— Я не об этом! Как мне попасть домой?

Маркиз удивленно вскинул бровь.

— Она тебе не волшебник страны Оз! Ты не можешь вернуться. Теперь твой дом здесь.

— Ричард, я же тебе говорила.

— Но должен ведь быть какой-то способ! — Ричард стукнул кулаком по столу и тут же охнул от

боли. Не стоит стучать кулаком по столу, когда у тебя сломан палец. Однако охнул он совсем тихо, потому что за последние дни ему приходилось терпеть и не такую боль.

— Где ключ? — спросил аббат.

Ричард покосился на Дверь.

Она покачала головой.

— У меня его нет. Я сунула его тебе в карман на прошлом рынке, когда ты принес карри.

Ричард открыл было рот, но тут же его закрыл. Снова открыл и пробормотал:

— То есть когда я сказал Крупу и Вандемару, что ключ у меня, и они могли обшарить карманы… он действительно был у меня?

Дверь кивнула.

Он вспомнил, как на Даун-стрит ему вдруг показалось, что в кармане что-то есть… Вспомнил, как она хлопнула его по заднице на корабле…

— Вот черт! — только и сказал он.

Аббат нащупал на столе колокольчик, поднял его морщинистой коричневой рукой и тряхнул. На звон тотчас пришел брат Фулиджинос.

— Принеси мне штаны Воина, — велел аббат.

Монах кивнул и вышел.

— Никакой я не воин! — возмутился Ричард.

Аббат улыбнулся.

— Ты убил Зверя, — с неожиданной грустью проговорил он. — Ты Воин.

Ричард скрестил руки на груди и, кипя от негодования, сказал:

— Так значит я не могу вернуться домой, но при этом должен радоваться, что мне дали какое-то никому не нужное звание, очень почетное у вас под землей! Это что, утешительный приз?

Маркиз смерил его холодным взглядом.

— Ты не можешь вернуться. Да, некоторым удается жить на границе между Верхним и Нижним миром. Но разве это жизнь? Ты видел Илиастера и Лира. Ты же не хочешь стать таким, как они?

Дверь погладила Ричарда по руке.

— Мне очень жаль, — прошептала она. — Лучше подумай о том, сколько ты всего сделал. Ты достал нам ключ!

— И зачем это было нужно? Ты все равно заказала новый…

В зал вошел брат Фулиджинос с джинсами Ричарда — рваными, вонючими, покрытыми коркой грязи и каплями запекшейся крови. Монах передал их аббату, и тот принялся проверять карманы.

— Без оригинала Хэммерсмит не смог бы сделать копию, — с нежной улыбкой ответила

Дверь.

Аббат кашлянул.

— Глупые же вы люди, — сказал он. — Ничего-то вы не знаете. — Он вытащил серебряный ключ, сверкнувший в свете камина. — Ричард прошел испытание. Ключ по праву принадлежит ему до тех пор, пока он не вернет его нам. И это не просто ключ…

— Ну да, ключ от двери в рай, — пробормотал Ричард. Он никак не мог понять, к чему клонит аббат.

— Этот ключ открывает дверь в любую реальность, — проговорил старик глубоким мелодичным голосом. — Если Ричард хочет вернуться в Верхний Лондон, ключ ему поможет.

— И все? — удивился Ричард. — Так просто? — Слепой старик кивнул. — И когда я могу туда вернуться?

— В любую минуту. Как только будешь готов.

* * *

Монахи выстирали и заштопали его одежду, и Ричард наконец снял с себя серую рясу. Брат Фулиджинос провел его по переходам аббатства, потом был головокружительный подъем по бесконечным узким лестницам, и вот наконец они

оказались на колокольне. В потолке был тяжелый деревянный люк. Брат Фулиджинос отпер замок, вместе с Ричардом они навалились на крышку, открыли ее и выбрались в узкий туннель, весь затянутый паутиной. В стене Ричард увидел железные скобы. Они стали карабкаться по ним. Наконец, преодолев тысячу футов, оказались на станции метро. На стене висела старая табличка:

НАЙТИНГЕЙЛ-ЛЕЙН

Здесь брат Фулиджинос пожелал Ричарду всего хорошего и велел подождать.

— За вами придут, — сказал он и стал спускаться по скобам вниз. Вскоре он скрылся из виду.

Минут двадцать Ричард сидел на платформе. Он думал о том, что эта станция не похожа ни на действующую станцию, такую, как «Блэкфрайрз», ни на заброшенную — такую, как «Британский музей». Скорее, это была станция-призрак, вымышленная, несуществующая. Он вспомнил, что маркиз с ним не попрощался. Ричард спросил у Двери почему, и она сказала, что, может быть, маркиз не умеет прощаться, так же как не умеет утешать. А потом пробормотала, что ей попала в глаз соринка, торопливо вручила ему листок — на нем было написано, что нужно делать, — и

ушла.

Вдруг в темноте мелькнуло что-то белое. Это был платок, привязанный к палке.

— Эй! — крикнул Ричард.

Вперед выступил старина Бейли в своем одеянии из перьев. Он размахивал платком Ричарда. Бейли нервничал, ему явно было не по себе. Пот ручейками стекал по лицу.

— Гляди, какой флажок! — прокричал он.

— Я рад, что он тебе пригодился.

Старина Бейли напряженно улыбнулся.

— Ага. Я вот о чем. У меня тут… в общем-то… у меня кое-что для тебя есть. Держи.

Он вытащил из кармана длинное черное перо, отливающее синим, зеленым и фиолетовым. К концу его была привязана красная ниточка.

— Э-э… спасибо, — пробормотал Ричард, плохо понимая, зачем ему перо.

— Это перо, — сообщил старина Бейли. — Хорошее перо. На память. Сувенир, так сказать. Совершенно бесплатно. Мой тебе подарок. В знак благодарности.

— Спасибо. Большое спасибо.

Ричард сунул перо в карман. Налетел теплый ветер — к станции приближался поезд.

— Ну вот и твой поезд, — сказал старина Бей-

ли. — Сам я на поездах не езжу. По мне, так лучше крыш ничего нет.

Он пожал Ричарду руку и мгновенно исчез.

Поезд подъехал к станции. Фары у него не горели, и в кабине машиниста никого не было. Состав остановился. Двери не открылись, а в вагонах было темно. Ричард постучал наугад в ближайшие к нему двери. Они разъехались, теплый желтый свет залил несуществующую платформу. Два невысоких старика с медными рожками в руках вышли из вагона. Ричард сразу узнал их — Дагворд и Холворд, солдаты графа из Эрлс-корт, — хотя и не смог вспомнить, кто из них кто. Старики поднесли рожки к губам и сыграли, немного сфальшивив, несколько тактов какой-то торжественной мелодии. Кажется, они пытались изобразить фанфары. Ричард вошел в вагон, и они последовали за ним.

Граф сидел в конце вагона и чесал за ухом ирландского волкодава. Рядом с ним стоял шут. Ричард вспомнил, что его зовут Тули. Больше в вагоне никого не было.

— Кто там? — спросил граф.

— Это он, сэр, — ответил шут, — Ричард Мэхью. Тот самый, который убил Зверя.

— Воин? — уточнил граф, задумчиво почесывая

рыжую с проседью бороду. — Веди его сюда.

Ричард подошел к графу. Тот не спеша оглядел его с головы до ног, явно не узнавая.

— Я думал, ты повыше будешь, — сообщил граф.

— Простите.

— Ладно, начнем. — Старик встал и проговорил, обращаясь к невидимой публике. — Добрый вечер всем! Мы собрались здесь, чтобы почтить юного Мэйфилда. Как там говорится… — пробормотал он и вдруг продекламировал: — «Льется рекой из смертельных ран алая кровь врага. Поднял клинок, от победы пьян, смелый юнец…» Впрочем, он совсем не юнец. Как думаешь, Тули?

— Совсем не юнец, ваша светлость.

Граф протянул руку.

— Дай мне свой меч, юноша.

Ричард вытащил из-за пояса нож Охотницы.

— Сгодится?

— Сгодится, сгодится, — проворчал старик и взял нож.

— На колени, — прошептал Тули шепотом театрального суфлера.

Ричард опустился на одно колено. Граф легонько коснулся ножом сначала одного его плеча, потом другого.

— Встань, сэр Ричард Мэйбери! — проревел он. — Этим ножом я освобождаю тебя от Нижнего мира. Отныне ты волен идти куда хочешь, да ничто не воспрепятствует тебе в твоем пути, да будет дорога твоя… чего-то там… и так далее и тому подобное… бла-бла-бла… — закончил граф.

— Спасибо, — сказал Ричард. — Только не Мэйбери, а Мэхью.

Поезд остановился.

— Тебе выходить, — сообщил граф, вернул Ричарду нож — нож Охотницы, похлопал его по плечу и указал на двери.

* * *

Ричард вышел. Он был уже не в метро. Платформа, на которой он оказался, напомнила ему вокзал Сент-Панкрас с его псевдоготической архитектурой и нарочитой помпезностью. А еще было в этом месте что-то *такое*, что убедило Ричарда: он по-прежнему в Нижнем Лондоне. Может, дело было в странном освещении: серый полусвет, какой бывает незадолго до восхода солнца и в первые минуты после заката, в то смутное время, когда спускаются сумерки, мир теряет свои краски, и невозможно определить, что далеко, а что близко.

Человек сидел на деревянной скамейке и не отрываясь смотрел на него. Ричард настороженно приблизился. В этом странном освещении трудно было разобрать, кто это — кто-то знакомый или нет. Ричард по-прежнему держал нож Охотницы — его нож — и теперь крепче сжимал рукоять. Набравшись смелости, он подошел к человеку на скамейке. Тот тут же подскочил и дернул себя за челку. Ричард видел такое только в экранизациях классических произведений. Выглядел человек одновременно смешно и неприятно. Ричард узнал в нем предводителя крыситов.

Крысит сразу заговорил, торопливо и сбивчиво:

— Так-так, ну и ну… По поводу девчонки, Анестезии — мы не в обиде. Крысы по-прежнему считают тебя своим другом. И крыситы тоже. Заходи в гости. Обращайся.

— Спасибо.

Его отведет Анестезия, вспомнил он. *Ее не жалко*.

Предводитель крыситов наклонился и вытащил из-под скамейки черную спортивную сумку на молнии. Сумка показалась Ричарду очень знакомой.

— Там все на месте. Можешь проверить.

Ричард расстегнул молнию. Внутри были все его вещи. Он увидел даже свой бумажник, который лежал на аккуратно сложенных джинсах. Ричард застегнул сумку, повесил ее на плечо и пошел прочь, не поблагодарив крысита и ни разу не обернувшись.

Он вышел со станции, спустился по серым каменным ступеням.

Было тихо и пусто. Ветер носил по асфальту опавшие листья — желтые, бежевые, коричневые, — яркие пятнышки в сером свете. Ричард спустился в подземный переход. Что-то прошуршало в полумраке. Он настороженно обернулся. Их было двенадцать. Они медленно шли к нему, и в тишине слышался только шелест темного бархата и легкое позвякивание серебряных украшений. Но все эти звуки были едва различимы — даже шорох листьев казался слышнее. Двенадцать бледных женщин глядели на него голодными глазами.

Ему стало страшно. Он сжал нож, зная, что пустить его в ход для него так же невозможно, как перепрыгнуть через Темзу. Оставалось только надеяться, что они испугаются ножа. Он чувствовал удушающий аромат жимолости, ландыша и мускуса.

Ламия обошла своих подруг и приблизилась к Ричарду. Он нервно поднял нож, вспоминая ледяной холод ее поцелуя, его смертоносную сладость. Ламия чуть склонила голову и нежно улыбнулась Ричарду. А потом поднесла ладонь к губам и послала ему воздушный поцелуй.

Ричарда передернуло. Что-то затрепетало в темноте — и дети ночи исчезли, остались лишь тени.

* * *

Ричард прошел по переходу и выбрался на поверхность. Он оказался на вершине поросшего травой холма. Солнце медленно выползало из-за горизонта. В его неясном свете Ричард разглядывал расстилавшуюся перед ним зеленую равнину. Он видел дубы, ясени и буки с голыми ветвями, — различая их по форме, потому что листва облетела. По равнине вилась широкая чистая река. Он заметил, что стоит на острове: две речушки поменьше впадали в реку, огибая холм, на котором он стоял. И вдруг Ричард понял, хотя и не мог бы сказать, откуда пришло к нему это понимание, но он был совершенно уверен, что не ошибся: он по-прежнему в Лондоне, только за три тысячи лет до того, как на берегу Темзы лег

первый камень первого человеческого жилища.

Он расстегнул молнию, убрал в сумку нож, — который лег рядом с бумажником, — и снова закрыл сумку. Небо постепенно светлело, но свет был каким-то необычным, словно солнце было моложе и чище. Оно поднималось на востоке — оранжево-алое — там, где потом будут доки, и Ричард смотрел, как косые лучи ложатся на леса и болота (для него это были Гринвич и Кент), и на море.

— Привет, — сказала Дверь.

Он не заметил, как она подошла. Девушка была все в той же потрепанной кожаной куртке, но под ней было надето что-то новое, впрочем, такое же изорванное, заштопанное, залатанное, из бархата и парчи, шелка и кружева. В лучах восходящего солнца ее рыжеватые волосы отливали медью.

— Привет, — сказал Ричард.

Ее тонкие пальчики легли на его правую руку, сжимавшую ручку сумки.

— Где мы? — спросил он.

— На великом и ужасном острове Вестминстер.

Он подумал, что это, должно быть, цитата, хотя сам он ничего подобного прежде не слышал.

Вместе они начали спускаться с холма, и белая

изморось, покрывавшая длинную траву, таяла у них под ногами. Цепочка темно-зеленых следов вилась туда, откуда они пришли.

— Знаешь, — проговорила Дверь, — теперь, когда ангела нет, в Нижнем Лондоне многое можно изменить. А я совсем одна. Отец мечтал объединить Нижний Лондон… и, мне кажется, я должна закончить то, что он начал. — Рука об руку они шли на север, прочь от Темзы. В небе над ними кружили белые чайки. — Ричард, ты слышал, что Ислингтон где-то спрятал мою сестру. Значит, она жива… Ты спас мне жизнь. И не один раз… — Она запнулась, а потом выпалила на одном дыхании: — Ты был мне хорошим другом, Ричард. И я… мне было хорошо с тобой. Не уходи, пожалуйста.

Он нежно сжал ее ладонь.

— И мне было с тобой хорошо. Но это не мой мир. В моем Лондоне… самое страшное, что может приключиться — это если тебя собьет такси… Ты мне тоже нравишься. Очень нравишься. Но я должен вернуться домой.

Она подняла на него свои удивительные глаза, зелено-синие с огненными искорками.

— Значит, мы больше никогда не увидимся.

— Наверное, нет.

— Спасибо тебе за все, — серьезно проговорила она, а потом обхватила его руками и сжала так сильно, что ему стало больно (синяки еще не прошли). И он обнял ее так же крепко в ответ, не обращая внимания на боль.

— Что ж… Приятно было познакомиться, Ричард. — Она часто заморгала. «Неужели опять скажет, что соринка попала?» — подумал Ричард. Но ошибся. — Готов? — спросила Дверь.

Он кивнул.

— Ключ у тебя?

Он опустил на траву сумку и правой рукой вытащил ключ из заднего кармана джинсов. Отдал его Двери. Она вытянула руку с ключом перед собой, словно вставляя его в невидимую замочную скважину.

— Что ж… Тогда иди. И не оборачивайся.

И он стал спускаться с холма, прочь от синих вод Темзы. Над головой у него промчалась серая чайка. У подножия он обернулся. Дверь стояла на вершине в лучах восходящего солнца. Щеки ее блестели, и оранжевый свет играл на ключе.

Она решительно повернула ключ.

* * *

Он оказался в темноте, наполненной страшным ревом, похожим на рык тысячи разъяренных чудовищ.

Глава XX

Он оказался в темноте, наполненной страшным ревом, похожим на рык тысячи разъяренных чудовищ. Он замигал, вцепившись в свою сумку. Наверное, зря он убрал нож. Мимо прошли какие-то люди. Ричард испуганно отшатнулся от них. Впереди оказалась лестница, и он начал подниматься. Постепенно мир вокруг стал обретать знакомые очертания.

Рев неведомых чудовищ оказался всего лишь шумом моторов. Ричард вышел из подземного перехода прямо на Трафальгарскую площадь. Небо было сочно-голубым, как экран телевизора, когда канал завершает свою работу.

Было теплое октябрьское утро. Ричард стоял на площади, по-прежнему вцепившись в свою сумку и щурясь от яркого солнечного света. Мимо площади в разные стороны проносились черные такси, красные автобусы и легковые машины самых разных марок и цветов. Туристы бросали пузатым голубям корм и радостно фотографировали колонну Нельсона и гигантских бронзовых львов. Ричард стал бесцельно бродить по площади, желая понять, замечают его или нет. Японские

туристы не обратили на него ни малейшего внимания. Он попытался заговорить с какой-то блондинкой, но она лишь рассмеялась, покачала головой и сказала что-то на непонятном языке. Ричард принял его за итальянский, но на самом деле это был финский.

Тогда Ричард подошел к ребенку — то ли девочке, то ли мальчику, непонятно. Ребенок смотрел на голубей и сосредоточенно жевал шоколадный батончик. Ричард присел на корточки.

— Привет, малыш, — сказал он.

Ребенок продолжал жевать батончик, словно не замечая Ричарда.

— Привет, — повторил Ричард, и в его голосе проскользнула нотка отчаяния. — Ты меня видишь? Эй, малыш!

Ребенок повернул к нему измазанное шоколадом лицо и пристально посмотрел на Ричарда. А потом у него вдруг задрожала нижняя губа, он бросился к женщине, стоявшей неподалеку, и крепко обнял ее за ноги.

— Ма-ма! Ко мне дяденька пристает! Вот этот!

Мать, нахмурившись, посмотрела на Ричарда.

— Зачем вы пристаете к нашему Лесли? Оставьте его в покое, иначе я позову полицию!

Ричард улыбнулся. Это была широкая и счаст-

ливая улыбка. Даже если бы его сейчас ударили по голове кирпичом, он все равно не перестал бы улыбаться.

— Прошу вас, простите меня, — извинился он, улыбаясь, как чеширский кот.

И подхватив свою сумку, радостно помчался по Трафальгарской площади, а испуганные голуби разлетались у него из-под ног.

* * *

Он вытащил из бумажника кредитку и сунул ее в щель. Автомат признал трехзначный пароль, посоветовал никому его не сообщать и спросил, что Ричарду нужно. Ричард попросил денег, и автомат тут же выдал запрошенную сумму. Ричард радостно взмахнул руками, но вдруг застеснялся, опустил одну руку и сделал вид, будто пытается поймать такси.

В ту же минуту перед ним остановилось такси — остановилось! — перед ним! Ричард забрался на заднее сиденье и снова расплылся в улыбке. Он попросил водителя довезти его до офиса. Водитель заметил, что быстрее было дойти пешком, но Ричард улыбнулся еще шире и сказал, что никуда не спешит. Когда машина тронулась, Ричард стал умолять водителя поговорить с ним,

Ричардом, о политике, росте преступности и пробках на дорогах. Водитель послал его куда подальше, констатировав, что он «совсем спятил», и угрюмо молчал всю поездку, которая заняла пять минут. Но Ричарду было наплевать. Щедро расплатившись с таксистом, он направился к дверям офиса.

Войдя в здание, Ричард почувствовал, что улыбаться почему-то больше не хочется. Его охватило волнение. Он не знал, стоило ли сюда приезжать. Вдруг здесь по-прежнему о нем не помнят? Ну да, его увидели ребенок, измазанный шоколадом, и таксист, но ведь вполне возможно, что коллеги его не заметят. Что тогда?

Оторвавшись от «Шаловливых нимфеток», которые он прятал под свежим номером «Сан», охранник мистер Фиджис презрительно фыркнул.

— Доброе утро, мистер Мэхью, — пробормотал он.

Ясно было, что ему совершенно наплевать, жив тот, с кем он поздоровался, или нет, а также — действительно ли сейчас утро или уже вечер.

— Фиджис! — радостно воскликнул Ричард. — Доброе утро, мистер Фиджис! Вы отличный охранник!

Никто никогда еще не говорил такого мистеру Фиджису — даже обнаженные красотки в его фантазиях. Он подозрительно посмотрел на Ричарда, а когда тот зашел в лифт и двери закрылись, принялся снова разглядывать шаловливых нимфеток, смутно подозревая, что им всем уже наверняка за тридцать и они могут сколько угодно совать в рот леденец, — это не делает их моложе.

Выйдя из лифта, Ричард медленно пошел по коридору. *Все будет в порядке*, успокаивал он себя. *Только бы там остался мой стол. Если стол на месте — значит, все в порядке*. Наконец он вошел в большой кабинет, в котором проработал три года. Всюду сидели люди, разговаривали по телефону, рылись в ящиках стола, пили дрянной чай и совсем уж отвратительный кофе. Раньше Ричард был одним из них.

Его стол был вон там, у окна. Однако сейчас на этом месте стоял серый стеллаж и большая юкка. Ричарду захотелось повернуться и убежать отсюда, но тут кто-то вручил ему пластиковый стаканчик с чаем.

— А вот и наша звезда, — воскликнул Гарри. — Привет!

— Привет, Гарри, — отозвался Ричард. — А где

мой стол?

— Идем, — сказал Гарри. — Ну что, как там, на Майорке?

— А при чем здесь Майорка?

— Ты же обычно на Майорке отдыхаешь. Или я напутал? — удивился Гарри.

Они поднимались по лестнице на четвертый этаж.

— Нет, на этот раз я был не на Майорке, — объяснил Ричард.

— Я так и думал, — отозвался Гарри. — Что-то ты совсем не загорел.

— Да, точно, — согласился Ричард. — Просто… Понимаешь, иногда хочется перемен.

Кивнув, Гарри указал на дверь, которая, насколько помнил Ричард, вела в архив.

— Перемен, говоришь? Ну что ж, вот тебе твои перемены! Поздравляю!

На двери красовалась новенька табличка:

Р. О. МЭХЬЮ
МЛАДШИЙ ПАРТНЕР

— Везет же тебе, засранец! — радостно воскликнул Гарри и отправился к себе.

Удивленный Ричард вошел в комнату, в которой раньше был архив. Теперь здесь все выгля-

дело по-другому: стеллажи с папками пропали, стены были выкрашены в серый, черный и белый, на полу лежал новый ковролин, а в центре стоял огромный письменный стол. Ричард оглядел его. Да, это был несомненно *его* стол, тролли лежали в одном из ящиков. Ричард тут же вынул их и расставил на столе. Теперь у него было собственное окно с чудесным видом на грязно-коричневую Темзу и ее южный берег. На подоконнике красовался большой цветок в гигантскими плотными листьями, — такие цветы сначала кажутся искусственными, и потом страшно удивляешься, что они живые. Его старый, пыльный монитор кремового цвета заменили на черный, гораздо более изящный, современного дизайна — он занимал на столе гораздо меньше места.

Ричард подошел к окну и, сделав пару глотков из стаканчика, посмотрел на коричневую реку.

— Я так понимаю, вас здесь все устраивает?

Ричард резко обернулся. В дверях стояла Сильвия — секретарь финансового директора, деловая и очень энергичная. Она улыбалась Ричарду.

— Что? А, да, конечно. Знаете, мне надо еще кое-что уладить дома… Ничего, если я сейчас уйду?

— Ну разумеется! Мы вообще ждали вас только завтра.

— Как это? — удивился Ричард.

Сильвия нахмурилась.

— А что у вас с пальцем?

— Сломал, — ответил он.

Она с сочувствием посмотрела на его руку.

— Надеюсь, не в драке?

— Я?

Она улыбнулась.

— Шучу. Наверное, просто дверью придавили. Моя сестра себе так палец сломала.

— Нет, — признался Ричард, — я *действительно* сломал его…

Сильвия удивленно приподняла брови.

— …Дверью, — закончил он.

Ричард добрался до дома, в котором когда-то жил, на такси: он боялся, что не сможет заставить себя спуститься в метро. Надо немного подождать, пока он придет в себя. Ключа у него не было, поэтому он просто постучал в дверь своей квартиры и страшно огорчился, когда ему открыла какая-то женщина. Присмотревшись, Ричард узнал ее: это была та дама, которая чуть было не застала его в ванной. Он сказал, что когда-то жил здесь, и очень скоро понял, что: а) он, Ричард, здесь больше не живет; б) она, миссис Баханан, понятия не имеет, куда делись его вещи. Ричард

записал телефон агентства и имена новых жильцов, попрощался и, поймав такси, отправился к вежливому типу в верблюжьем пальто.

Тип-в-верблюжьем-пальто был на этот раз без пальто. К тому же он оказался совсем не таким вежливым, как думал Ричард. Они сидели у него в офисе. Ричард объяснял, чем именно недоволен, а тип слушал его с таким выражением, будто проглотил огромного паука и теперь вдруг почувствовал, как тот шевелит лапками у него в животе.

— Что ж, — сказал он, просмотрев какие-то документы, — мы действительно допустили ошибку. Понятия не имею, как такое могло произойти.

— Сейчас уже неважно, как это произошло, — спокойно сказал Ричард. — Важно то, что пока я отсутствовал, вы сдали мою квартиру другим людям. — Он сверился с блокнотом. — Джорджу и Адели Баханан. И они не собираются съезжать.

Риэлтор отложил документы.

— Все время от времени совершают ошибки. Ничего не поделаешь, мы ведь не роботы. К сожалению, ничем не в состоянии вам помочь.

Раньше Ричард — тот, который жил в квартире, где сейчас поселились Бахананы, — извинился

бы и ушел. Но теперь он сказал:

— Да что вы? Вы не в состоянии мне помочь? Вы сдали недвижимость, которую я официально снял через вашу контору, посторонним людям, выбросили мои вещи и теперь ничем не можете мне помочь? Знаете, я считаю — и мой адвокат наверняка со мной согласится, — что вы очень даже *в состоянии* мне помочь. И поможете.

Тип-без-верблюжьего-пальто выглядел так, будто проглоченный паук пополз вверх по его пищеводу.

— Понимаете, у нас сейчас нет свободных квартир, похожих на вашу, в этом доме… — пробормотал он. — Только пентхаус.

— Пентхаус, — холодно сказал Ричард, — вполне сойдет… — Тип облегченно вздохнул. — …за ту же цену. А теперь давайте поговорим о компенсации за пропавшие вещи.

* * *

Эта квартира оказалась гораздо лучше прежней. В ней было много окон, балкон, просторная гостиная и большая спальня. Но Ричард прошелся по ней с недовольным видом. Тип-без-верблюжьего-пальто с большой неохотой согласился поставить в спальне кровать, а в гостиной — ди-

ван, несколько стульев и телевизор.

Ричард положил нож Охотницы на каминную полку.

Потом зашел в индийский ресторан напротив, купил себе карри, вернулся домой, сел на застеленный ковролином пол и принялся за еду. Неужели он и правда когда-то ел такое карри ночью на рынке, на палубе крейсера, что стоит возле Тауэрского моста? Теперь все это казалось похожим на сказку.

Внезапно кто-то позвонил в дверь. Ричард встал и открыл.

— Мы нашли почти все ваши вещи, — сообщил тип, который снова надел верблюжье пальто. — Оказалось, их почему-то отправили на склад. Давайте, ребята, заносите!

Двое мускулистых мужчин внесли в квартиру несколько больших деревянных ящиков с вещами Ричарда и поставили их на пол посреди гостиной.

— Спасибо, — поблагодарил Ричард.

Он открыл один из ящиков и извлек оттуда нечто, аккуратно завернутое в бумагу. Это оказалась фотография Джессики в рамке. Ричард посмотрел на нее и положил назад. В другом ящике он нашел свою одежду, вынул ее и отнес

в спальню. В остальные ящики Ричард не стал даже заглядывать. Они так и остались стоять посреди комнаты. Он виновато смотрел на них каждый день, понимая, что надо бы их открыть. Но так и не смог себя заставить это сделать.

* * *

Как-то раз он сидел в своем кабинете и смотрел в окно. Из динамика послышался голос Сильвии:

— Ричард, через двадцать минут совещание у финансового директора по поводу отчета по Вендсворту.

— Хорошо, — отозвался он.

И, не зная чем заняться в эти ближайшие двадцать минут, схватил оранжевого тролля и сделал вид, что тот нападает на тролля поменьше, с зелеными волосами.

— Я — величайший воин Нижнего Лондона! Сейчас ты умрешь! — грозно сказал Ричард и помахал оранжевым троллем.

Потом схватил того, что с зелеными волосами, и пролепетал тоненьким голоском:

— Ладно! Но сначала выпей чайку…

Вдруг кто-то постучал в дверь. Смутившись, Ричард быстро поставил троллей на стол и сказал:

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стояла Джессика. Она казалась очень взволнованной. Ричард совсем забыл, какая она красивая.

— Привет, Ричард, — поздоровалась она.

— Привет, Джесс, — отозвался Ричард и тут же исправился: — Ой, прости, — Джессика.

Она улыбнулась и тряхнула головой.

— Ничего, Джесс вполне пойдет, — сказала она так, будто ее действительно это не разозлило. — Джессика — Джесс. Меня уже сто лет никто не называл Джесс. Мне даже нравится.

— Что привело тебя, в смысле — это большая честь для меня, в общем, зачем ты, ээээ…

— Просто захотела тебя увидеть.

Ричард не знал, что на это сказать.

— Отлично, — в конце концов выдавил он.

Джессика закрыла дверь и шагнула вперед.

— Знаешь, Ричард, все так странно. Я прекрасно помню, как разорвала нашу помолвку, но совершенно забыла, из-за чего мы поругались.

— Правда?

— Впрочем, это ведь неважно, да? — Она огляделась. — Тебя повысили?

— Да.

— Я рада за тебя.

Она сунула руку в карман пальто, вытащила

оттуда маленькую коричневую коробочку и положила ее Ричарду на стол. Ричард открыл ее, хотя и так знал, что внутри.

— Это кольцо ты подарил мне в честь помолвки, — сказала Джессика. — Я решила вернуть его тебе. Может быть, потом, если у нас все сладится, ты мне снова его подаришь.

Кольцо блеснуло на солнце. Оно было страшно дорогое — Ричард в жизни не покупал ничего дороже этого кольца. Он закрыл крышку и протянул коробочку Джессике.

— Оставь его себе, — потом, помолчав немного, добавил: — Прости.

Джессика закусила губу.

— У тебя появилась другая?

Ричард задумался. Он вспомнил Ламию, Охотницу, Анестезию, Дверь. Нет, ни одна из них не была для него той «другой», о которой говорила Джессика.

— Нет. У меня никого нет, — наконец ответил он, потом подумал еще немного и вдруг понял, в чем дело: — Просто я изменился.

Из динамика снова послышался голос Сильвии:

— Ричард, мы вас ждем.

Ричард нажал на кнопку:

— Сейчас приду, Сильвия.

И посмотрел на Джессику. Она промолчала. Наверное, просто не знала, что сказать. Постояв еще немного, она вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Ричард взял нужные документы и провел рукой по лицу, словно пытаясь что-то стереть — печаль, слезы или, может быть, воспоминания о Джессике.

* * *

Ричард снова стал ездить с работы и на работу на метро, однако по дороге больше не читал газет. Вместо этого он внимательно разглядывал людей в вагоне — людей всех классов и рас, — всматривался в их лица, пытаясь понять, все ли эти люди из Верхнего Лондона и о чем они сейчас думают.

Как-то вечером, в час пик — через два дня после разговора с Джессикой, — он вдруг увидел в дальнем конце вагона Ламию. Она стояла к нему спиной, девушка с иссиня-черными волосами и в длинном черном платье. Сердце бешено заколотилось в груди. Распихивая стоявших на его пути пассажиров, Ричард стал пробираться через весь вагон к этой девушке. Он почти добрался до нее, но тут состав подъехал к станции, двери с

шипением открылись, и девушка вышла. Правда, Ричард успел заметить, что это не Ламия, а обычная готесса, решившая поразвлечься где-нибудь на ночь глядя. Он почему-то искренне расстроился.

* * *

Однажды в субботу он увидел во дворе своего дома крупную коричневую крысу. Она сидела на пластмассовом мусорном баке и умывалась с таким видом, будто весь мир принадлежал ей. Когда Ричард подошел ближе, она спрыгнула на асфальт и затаилась в тени бака, настороженно поглядывая на него черными глазками-бусинками.

Ричард опустился на корточки.

— Привет, — прошептал он. — Мы случайно не знакомы? — Крыса не ответила, но и не убежала. — Меня зовут Ричард Мэхью, — тихо продолжал он, — я вообще-то не крысит, но я знал когда-то несколько крыс. И вот я подумал, ты случайно не знаешь леди Дверь?..

Он услышал шаги и обернулся. За ним стояли Бахананы и с любопытством смотрели на него.

— Вы там… что-то потеряли? — спросила миссис Баханан.

— Мозги он там потерял, — пробормотал ее муж, но Ричард сделал вид, будто не слышал.

— Нет, — честно ответил Ричард. — Я просто разговаривал с…

Крыса помчалась прочь.

— Это что, была крыса?! — рявкнул Джордж Баханан. — Я буду жаловаться! Это безобразие. Надо же, и это Лондон!

— Точно, — согласился Ричард. — Лондон такой.

* * *

Посреди комнаты по-прежнему стояли ящики с его вещами.

До сих пор он еще ни разу не включал телевизор. Возвращался домой, ел, а потом становился у окна и глядел на Лондон — на машины, крыши, огни рекламы. Опускались ранние осенние сумерки, в домах зажигали свет. Он стоял в темноте, пока не гасли почти все окна. А потом неохотно раздевался, ложился в постель и засыпал.

* * *

Как-то в пятницу, когда он вскрывал конверты своим ножом — ножом Охотницы, к нему в каби-

нет вошла Сильвия.

— Ричард! Я тут подумала… ты, наверное, в последнее время никуда не ходишь? — Он покачал головой. — Мы сегодня хотели собраться. Хочешь с нами?

— Э-э… да. С радостью.

Никакой радости он по этому поводу не испытывал.

Их было восемь человек: Сильвия со своим приятелем, который занимался раритетными автомобилями, Гарри из отдела корпоративных финансов, недавно расставшийся со своей девушкой… Гарри уверял, что расстались они из-за сущего пустяка: ему и в голову не приходило, что она поднимет такой скандал из-за того, что он спит с ее лучшей подругой. Были еще какие-то хорошие люди и друзья этих хороших людей, а также девушка из техподдержки, недавно пришедшая в компанию.

Сначала они посмотрели фильм на огромном экране в кинотеатре «Одеон» на Лестер-сквер. В фильме непрерывно что-то летало, взрывалось, но главный герой в конце победил. Сильвия усадила Ричарда рядом с девушкой из техподдержки, шепнув, что новенькой нужно поближе познакомиться с коллегами.

Потом они прошлись по Олд-Комптон-стрит на окраине Сохо, где подлинный шик и вульгарная безвкусица соседствуют к взаимной выгоде. Поужинали в «Ла Риш», ели кускус и еще какие-то крошечные экзотические закуски, блюдечками с которыми был уставлен весь их стол и даже часть свободного соседнего. Потом они отправились в небольшой паб на Бервик-стрит — Сильвия уверяла, что хороший. Там они пили и болтали.

Девушка из техподдержки улыбалась Ричарду, а он никак не мог придумать, о чем с ней говорить. Один раз он купил на всех пиво, и девушка из техподдержки помогла ему донести стаканы до стола. Когда Гарри вышел в туалет, девушка пересела на его место — поближе к Ричарду. Голова у него гудела от звона стаканов, лязга музыкального автомата, резкого запаха пива, разлитого рома и сигаретного дыма. Он пытался сосредоточиться на том, о чем говорили за столом, но не мог. И что самое печальное, обнаружил, что ему совершенно не интересны их разговоры.

И вдруг вся дальнейшая жизнь ясно предстала у него перед глазами, так же ясно, как если бы он увидел ее на огромном экране «Одеона». Сегодня он приведет к себе девушку из техподдержки, они займутся сексом — нежно и неторопливо, и

все утро проведут в постели, ведь завтра суббота. К обеду они встанут, вместе распакуют ящики и расставят по местам его вещи. Через год — а может, и раньше — он на ней женится. Получит еще одно повышение. У них будут двое детей, мальчик и девочка. Они переедут в пригород, в Хэрроу, Кройдон или Хэмпстед, а может, и подальше — скажем, в Рединг.

Он знал, что это будет совсем не плохая жизнь. И все же… иногда просто нет выбора.

Гарри вернулся из туалета и с удивлением оглядел компанию. Все на месте, кроме…

— Где Дик? Кто-нибудь видел Ричарда?

Девушка из техподдержки пожала плечами.

* * *

Гарри выскочил из бара на Бервик-стрит. Морозный ночной воздух ударил в лицо, словно его окатили ледяной водой. Чувствовалось, что скоро зима.

— Дик! — закричал он. — Ричард!

— Я тут. — Ричард стоял, прислонясь к стене. — Вышел подышать.

— Ты в порядке?

— Да. То есть нет… не знаю.

— Ага, то ли да, то ли нет. Да уж, третьего не

дано. Может, расскажешь, в чем дело?

Ричард поднял на него серьезный взгляд.

— Ты будешь надо мной смеяться.

— Ну разумеется!

Гарри поглядел на Ричарда и с облегчением отметил, что тот улыбается. Значит, они по-прежнему друзья. Гарри покосился на дверь паба, сунул руки в карманы пальто.

— Пошли. Давай пройдемся. Расскажешь, что тебя мучает. *А потом* я над тобой посмеюсь.

— Сволочь, — буркнул Ричард и впервые за последние недели стал похож на самого себя.

— Всегда пожалуйста. Для чего же еще нужны друзья?

Они неторопливо пошли по освещенной фонарями улице.

— Слушай, Гарри, — начал Ричард, — тебе никогда не казалось, что должно быть что-то еще?

— В смысле?

— Неужели ничего нет, кроме вот этого? — Он обвел рукой пустую улицу. — Работа. Дом. Паб. Девушки. Город. Жизнь. Неужели это все?

— Ну, вроде того.

Ричард вздохнул.

— Дело в том, что я не был на Майорке. То есть я *вообще* никуда не уезжал.

* * *

Ричард все говорил и говорил. Пока они бродили по узким извилистым переулкам между Риджент-стрит и Черинг-кросс-роуд, он рассказал о том, как нашел на улице истекающую кровью девушку и решил ей помочь (не мог же он ее бросить!), и о том, что из этого вышло. А когда окончательно замерзли, они зашли в грязную забегаловку — самую настоящую забегаловку, где все жарят на свином сале, а чай подают крепкий, в огромных белых кружках с выщербленными краями, блестящими от свиного жира. Ричард говорил, а Гарри слушал. Они заказали яичницу с фасолью и тосты. А он все говорил и говорил, пока они ели, и потом — когда макали в тарелки последние кусочки тостов и пили чай. Наконец Ричард добрался до конца рассказа:

— …Дверь повернула ключ, и я снова оказался здесь, в Верхнем Лондоне. То есть в настоящем Лондоне. А… дальше ты знаешь.

Гарри молчал.

— Это все, — сказал Ричард и допил чай.

Гарри задумчиво почесал в затылке.

— Слушай, — проговорил он наконец, — это что, правда? Не прикол? Или сейчас из-за стойки

выскочат оператор и ведущий с криком «Улыбнитесь, вас снимают скрытой камерой!»?

— Надеюсь, что нет. Ты… ты мне веришь?

Гарри посмотрел на счет, отсчитал деньги и положил их на пластиковый стол рядом с пластмассовой банкой кетчупа в виде огромного помидора, на крышке которой были черные засохшие капли кетчупа.

— Я думаю, с тобой действительно что-то произошло… Но не важно, что думаю я. Главное, ты сам-то в это веришь?

Ричард пристально на него посмотрел. Под глазами у него были темные круги.

— Не знаю. Теперь уже не знаю. Раньше верил. То есть я же там был. Кстати, ты тоже там появлялся.

— Ты про это не рассказывал.

— Это не самая приятная часть истории. Ты сказал мне, что я сошел с ума, что у меня галлюцинации и я брожу один по Лондону.

Они вышли из кафе и направились на юг, в сторону Пикадилли.

— Ну, это гораздо больше похоже на правду. А твой особенный Нижний Лондон, где живут те, кто выпал из жизни… это, знаешь… Ричард, я видел тех, кто выпал из жизни. Они не попадают

ни в какой волшебный мир. Они спят в коробках, а зимой замерзают насмерть.

Ричард молчал.

— Думаю, тебя двинули по башке. Или ты сам двинулся, когда Джессика тебя бросила. Некоторое время ты был в шоке, а потом тебе стало лучше.

Ричарда передернуло.

— Может быть, ты прав. И это меня пугает.

— Да почему? Жизнь слишком скучная? Отлично. Меня это устраивает. По крайней мере, я только что нормально поел и скоро пойду домой — спать. А в понедельник отправлюсь на работу. Ясно?

Он посмотрел на Ричарда.

Тот медленно кивнул.

— Ага.

Гарри глянул на часы.

— Вот черт! Начало третьего. Надеюсь, удастся поймать такси.

Они шли по Бруер-стрит, искрящейся огнями ночных клубов и стриптиз-баров. Гарри рассуждал о такси. Это было не оригинально и не интересно. Каждый лондонец считает своим долгом ворчать по поводу такси.

— …У него горела табличка, — говорил Гарри, —

я ему сказал, куда, а он заявил, что едет домой! Черт, где вообще дома у таксистов? Почему ни один не живет в моем районе? Просто надо сначала забираться в машину, а потом уже говорить, что живешь к югу от Темзы. Нет, ну честное слово, можно подумать, Баттерси — это в Катманду!

Дальше Ричард не стал слушать. На Уиндмилл-стрит он перешел на другую сторону и заглянул в витрину магазинчика, где продавались старые журналы. Он глядел на вырезанные из картона фигуры забытых кинозвезд, на старые плакаты, комиксы, журналы. Он словно заглянул в мир фантазии и приключений. Ненастоящий мир. «Ненастоящий», — повторил он сам себе.

— Как думаешь? — спросил Гарри.

Ричард вернулся в реальность.

— Ты о чем?

Гарри понял, что Ричард не слышал ни слова из того, что он говорил.

— Раз такси поймать не удается, может, дойти до автобусной остановки? Вдруг автобусы еще ходят?

— А, да. Давай.

Гарри поморщился.

— Ты какой-то странный.

— Прости.

Они прошли по Уиндмилл-стрит в сторону Пикадилли. Ричард засунул руки в карманы — и растерялся. А потом вытащил смятое воронье перо с красной ниточкой.

— Это еще что? — удивился Гарри.

— Это… это просто перо. Ты прав. Все это чушь.

Он бросил перо в водосток у края тротуара и, не оборачиваясь, пошел дальше.

Гарри явно о чем-то раздумывал. Наконец он заговорил — медленно, тщательно подбирая слова.

— Ты не думал показаться специалисту?

— Специалисту? Гарри, я не псих.

— Ты уверен?

К ним ехало такси с желтым огоньком.

— Нет, — сознался Ричард. — А вот и такси. Поезжай. Я другое поймаю.

— Спасибо.

Гарри тормознул такси и забрался в машину, прежде чем сообщить водителю, что ему нужно в Баттерси. Он открыл окно. Такси тронулось.

— Ричард, это реальность. Смирись. Ничего другого не существует. Давай, до понедельника.

Ричард помахал ему. Он стоял, пока такси не скрылось из виду, а потом повернулся и медленно пошел назад к Бруер-стрит, прочь от огней Пикадилли. Перо исчезло. Ричард остановился

перед старухой, которая спала у дверей магазина. Она укрылась старым изорванным одеялом, а ее скудные пожитки — две картонные коробки и грязный белый зонт — были связаны веревочкой, конец которой старуха обмотала вокруг запястья, — простейшая защита от воров. На голове у бабки была шерстяная шапочка с помпоном непонятного цвета.

Ричард достал бумажник и вытащил оттуда десять фунтов. Нагнулся и вложил бумажку в руку старухи. Она резко проснулась и открыла глаза. Несколько секунд она изумленно разглядывала купюру подслеповатыми глазами.

— Это еще что? — сонно проворчала она, недовольная тем, что ее разбудили.

— Это вам.

Старуха развернула банкноту и запихнула ее в рукав.

— Чего тебе? — подозрительно спросила она.

— Ничего. Мне ничего не надо. Вообще ничего, — сказал Ричард и вдруг понял, что так оно и есть. Он действительно ничего не хочет — и это страшно. — С вами когда-нибудь бывало такое, чтобы вы получили все, что хотели, а потом оказалось, что на самом деле вы хотели совсем не того?

— Не-а, — ответила старуха и потерла глаза. — У меня никогда не было всего, что я хотела.

— Я думал, что мне все это нужно. Думал, что хочу нормальной жизни. Не знаю, может быть, я сошел с ума. Может быть. Но если нет ничего другого, тогда я не хочу быть нормальным. Понимаете? — Она покачала головой. Он сунул руку в карман. — Видите? — он показал ей нож. — Умирая, мне дала его Охотница.

— Пощади меня! Я ничего плохого тебе не сделала.

— Я стер с лезвия ее кровь, — продолжал Ричард, и в голосе его слышалась одержимость. — Охотник всегда заботится о своем оружии. Граф посвятил меня в рыцари и освободил от Нижнего мира.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Пожалуйста, убери нож. Вот так.

Ричард повертел в руке нож, а потом подошел к стене рядом с дверью, у которой спала старуха, и провел по кирпичу три длинные линии — одну горизонтальную и две вертикальные.

— Ты что делаешь? — испуганно спросила старуха.

— Дверь.

Старуха фыркнула.

— Ты бы лучше спрятал нож. А то арестуют — все-таки холодное оружие.

Ричард поглядел на дверь, которую только что нарисовал. Убрал нож в карман и принялся молотить кулаками по стене.

— Эй! Вы меня слышите? Есть здесь кто-нибудь? Дверь! Кто-нибудь!

Ему было больно, но он все равно продолжал колотить по кирпичной кладке.

А потом вдруг успокоился.

— Простите, — сказал он старухе.

Она не ответила — то ли опять заснула, то ли притворилась, что более вероятно. Ричард уселся на тротуар думая о том, как же он мог так испортить себе жизнь. Обернувшись, он поглядел на стену, на которой нарисовал дверь.

В стене темнел проем. А в нем, театрально скрестив руки на груди, стоял человек. Он не двигался до тех пор, пока не убедился, что Ричард его видит. А потом широко зевнул, прикрыв рот темной рукой.

— Ну? — нетерпеливо спросил маркиз Карабас, вскинув бровь. — Идешь или нет?

Ричард мгновение глядел на него, а потом кивнул, не решаясь заговорить, и поднялся с тротуара.

И они ушли в проем, за которым была темнота, вместе, не оставив ничего в этом мире.

Даже двери.

Благодарности

Я хочу поблагодарить всех, кто читал эту книгу, все ее многочисленные версии, за тот вклад, который они внесли, за их ценные предложения и советы, в особенности Стива Берста, Марту Соукап, Дейва Лэнгфорда, Джин Вулф, Синди Уолл, Эмми Хорстинг, Лорейн Гарланд и Келли Бикмен.

Отдельное спасибо за помощь Дугу Янгу и Шиле Эйблмен из «BBC Books», и Дженнифер Херши и Лу Ароника из «Avon Books». Кроме того, я хотел бы поблагодарить всех, кто приходил мне на помощь, когда роман начинал распадаться на первичные элементы.

Спасибо «Norton Utilities».

И наконец, спасибо Питу Аткинсу за работу над последней версией этой книги.

Нил Гейман

Нил Гейман
ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ

Аманде, которая хотела знать.
«Я живо помню свое детство… мне были ведомы страшные вещи. Но я знал — взрослые ни в коем случае не должны догадаться, что я знаю. Это бы их испугало».

Морис Сендак,
из разговора с Артом Шпигельманом.
«Нью-йоркер», 27 сентября 1993 г.

Эта книга — чистый вымысел. Все персонажи, события и диалоги — не более чем плод авторского воображения и не имеют отношения к реальности. Любое сходство с реальными событиями и людьми, ныне здравствующими или мертвыми, является совершенно случайным.

0

Это был всего-навсего пруд с утками, позади фермы. Он был не очень большой.

Лэтти Хэмпсток говорила, это океан, но я знал, так не бывает. Она говорила, они приплыли сюда по океану со своей родины, из Древнего Края.

Ее мать говорила, что Лэтти уже не помнит, что дело это давнее, и в любом случае Древний Край ушел под воду.

Старая миссис Хэмпсток, бабушка Лэтти, говорила, что они обе не правы, что затонувший край не был таким уж древним. Она говорила, что еще помнит *по-настоящему* Древний Край.

Она говорила, по-настоящему Древний Край взлетел на воздух.

ПРОЛОГ

На мне был черный костюм и белая рубашка, черный галстук и начищенные до блеска черные туфли: вещи, в которых обычно мне неуютно, будто я украл чужую униформу или притворяюсь взрослым. Сегодня они придавали какую-то уверенность. Подходящие вещи для трудного дня.

Утром на службе я говорил то, что предписано, и слово реченное шло от сердца, а когда служба кончилась, я сел в машину и поехал наугад, не глядя на карту, оставалось свободное время — около часа, прежде чем снова придется говорить с людьми, которых не видел много лет, жать руки и пить нескончаемый чай из лучших фарфоровых чашек. Я ехал петляющими проселочными дорогами Сассекса, с трудом узнавая местность, пока не понял, что дорога ведет в центр города, тогда я свернул с нее, взял влево, потом вправо. Тут только до меня дошло, куда я ехал, ехал с самого начала, и я тряхнул головой, удивляясь собственной глупости.

Все это время я стремился к дому, который давно ушел из моей жизни.

Я ехал по тракту — когда-то он был проселком

у ячменного поля — и думал развернуться, думал повернуть назад и не ворошить прошлое. Но мне стало интересно.

Старый дом — тот, где я жил семь лет, пока мне не исполнилось двенадцать, снесли, от него ничего не осталось. Новый дом — тот, что выстроили родители в дальнем углу сада, между кустами азалии и зеленым кругом в траве, который мы называли кольцом фей, продали тридцать лет назад.

Увидев новый дом, я сбавил скорость. Для меня он всегда будет новым. Я остановился на подъездной дорожке посмотреть, что сталось с постройкой 1970-х. Совсем забыл, что кирпичи были шоколадно-коричневыми. Из маминого балкона сделали двухуровневую застекленную террасу. Я глядел на дом, думая о своем отрочестве, и вопреки ожиданиям почти ничего не мог вспомнить: ни хорошего, ни плохого. Когда-то я жил в этом доме. Но, похоже, ко мне нынешнему он уже не имел отношения.

Я дал задний ход и вывел машину с дорожки.

Я знал, надо ехать к сестре, в ее шумный, веселый дом, вычищенный по случаю и битком набитый людьми. Говорить с теми, о чьем существовании я давно и думать забыл, они будут

спрашивать о моем браке (развалился десять лет назад, отношения потихоньку изнашивались, пока, как это, верно, всегда и бывает, вконец не расстроились); о том, встречаюсь ли я с кем (не встречаюсь, и даже не уверен, что готов, пока еще нет); и о моей работе — об искусстве (спасибо, с ней все хорошо, стану отвечать я, так и не научившись говорить о том, чем занимаюсь. Если бы мог, не нужно было бы работать. Я занимаюсь искусством. Иногда настоящим, и оно заполняет бреши в моей жизни. Некоторые из них. Не все). Мы будем говорить об ушедших. Будем говорить о тех, кто умер.

Узкий проселок моего детства стал теперь дорогой из темного бетона, границей между двумя раскидистыми жилыми массивами. Я ехал по ней прочь из города, не туда, куда должен был ехать, но на душе было радостно.

Темный глянцевый тракт становился все ***у***же, больше петлял, пока не превратился в тот самый знакомый проселок из утоптанного грунта и гальки.

Скоро я уже ехал по тесной дорожке, двигаясь медленно, подпрыгивая на кочках, а по обеим сторонам, в прогалинах между кустами лещины и высоким бурьяном, тянулись заросли ежевики

и шиповника. Казалось, я проехал назад сквозь время. Все изменилось, а проселок остался прежним.

Я миновал «Тминный двор». Пришло на память, как мальчишкой шестнадцати лет я целую румяную, белокурую Келли Андерс, которая жила здесь и в скором времени переехала вместе с семьей на Шетландские острова, а я так ее и не поцеловал снова, да и больше не видел. Дальше по обеим сторонам дороги лишь поля, и так почти милю: путаная вязь из пойменных лугов. Медленно проселок сужался. Он подходил к концу.

И прежде чем завернуть за угол, прежде чем увидеть сам дом Хэмпстоков из красного кирпича во всем своем обветшалом великолепии, я вспомнил его.

Дом застал меня врасплох, хотя всегда стоял там, где заканчивался проселок. Больше ехать было некуда. Я припарковал машину у забора, не зная, что теперь делать. Интересно, неужели по прошествии стольких лет здесь кто-то еще живет, или, точнее, живут ли здесь еще Хэмпстоки. Непохоже было, но, насколько я помнил, а помнил я не много, они были людьми, ни на кого не похожими.

Стоило выбраться из машины, как в нос ударил

смрадный запах коровьего навоза, и я осторожно стал пробираться через маленький двор к входной двери. Так и не обнаружив звонок, я постучал. Дверь была неплотно затворена, и от стука слегка приоткрылась.

Я был здесь прежде, когда-то давным-давно, правда? Наверняка был. Детские воспоминания иногда скрываются и меркнут под грузом того, что приходит позже, как детские игрушки, забытые взрослыми на самом дне переполненной кладовки, но они всегда начеку и ждут своего часа. Я остановился в прихожей и позвал: «Здравствуйте! Есть кто дома?»

В ответ тишина. Лишь запах свежего хлеба, восковой натирки для мебели и старого дерева. Мои глаза мало-помалу привыкали к темноте: я вглядывался в нее, уже собираясь повернуться и уйти восвояси, как из темного коридора вышла старая женщина с белой тряпкой для пыли в руках. У нее были седые длинные волосы.

«Миссис Хэмпсток?» — спросил я.

Она склонила голову набок, посмотрела на меня. «Да. А я ведь вас знаю, молодой человек», — проговорила она. Я не молодой человек. Уже нет. «Я вас знаю, но когда доживаешь до моего возраста, все начинает путаться. Так кто вы?»

«Кажется, мне было около семи, может, восьми, когда я был здесь в последний раз».

Она улыбнулась: «Так вы друг Лэтти? С того конца проселка?»

«Вы мне давали молока. Парного, из-под коровы». И тогда я понял, сколько лет прошло, и поправился: «Нет, это были не вы, наверное, меня поила молоком ваша мама. Извините». Мы стареем и превращаемся в своих родителей; живем-живем и видим, как со временем лица повторяются. Я помнил миссис Хэмпсток, маму Лэтти, статной, дородной женщиной. Эта женщина была хрупкой и выглядела немощной. Как ее мать, старая миссис Хэмпсток.

Иногда в зеркале я вижу лицо своего отца, не мое лицо, и вспоминаю, как он улыбался себе, глядя в зеркало перед выходом из дома. «Хорош, — говорил он, бывало, своему отражению одобрительно. — Хорош».

«Вы пришли повидаться с Лэтти?» — спросила миссис Хэмпсток.

«А она дома?» Сама мысль удивила меня. Она же куда-то уехала, нет разве? В Америку?

Старушка покачала головой. «Я как раз собиралась ставить чайник. Не хотите ли чаю?»

Я помедлил. Потом попросил, если она не воз-

ражает, проводить меня сначала к пруду.

«К пруду?»

Я знал, что Лэтти как-то странно его называла. Это я помнил. «Она звала его морем. Как-то так».

Старушка положила тряпку на буфет. «Вы же не выпьете воды из моря? Слишком солона. Это как пить живую кровь. Помните, как дойти? Чтобы попасть туда, обогните дом. Просто идите по дорожке».

Если бы час назад вы спросили меня, я ответил бы — нет, я не помню, как дойти. Даже не думаю, что вспомнил бы имя Лэтти Хэмпсток. Но в этой прихожей все возвращалось ко мне. Воспоминания ждали меня, проступая сквозь контуры предметов, и звали к себе. Скажи вы, что мне снова семь, и на мгновение я бы почти поверил.

«Спасибо!»

Я вышел во двор. Прошел мимо курятника, за старый амбар и двинулся по полю вдоль края, узнавая места, припоминая, что мне встретится дальше, и радуясь этому знанию. На этой стороне луга выстроились в ряд кусты орешника. Я сорвал пригоршню неспелых орехов и опустил их в карман.

Сейчас будет пруд, подумал я. *Нужно только обойти этот сарай, и я его увижу.*

Я его увидел и почувствовал себя до странного гордым, будто с пробуждением памяти тревоги дня отступили.

Пруд был меньше, чем я его помнил. На дальнем берегу стоял маленький деревянный сарай, а у дорожки — старинная тяжелая скамья из дерева и металла. С досок облезала краска, их выкрасили в зеленый несколько лет назад. Я присел на скамью и стал смотреть, как отражается небо в воде, собирается ряска на водной кромке и плавает полдюжины листьев кувшинки. Время от времени я бросал орех в середину пруда — пруда, который Лэтти Хэмпсток называла…

Морем или как-то ещё?

А сейчас Лэтти Хэмпсток, верно, была старше меня. Но, судя по тому, как она тогда чудно выражалась, всего на несколько лет. Ей было одиннадцать. А мне… сколько было мне? Это произошло после того неудачного дня рождения. Я точно помню. Так что мне, наверное, было семь.

Интересно, а в пруд мы не падали? Может, это я столкнул туда странную девочку, жившую на ферме в самом конце проселка? Мне помнилось, как она была вся в воде. Может, она тоже толкнула меня.

Куда она уехала? В Америку? Нет, в *Австралию.*

Точно. Куда-то далеко-далеко.

И это было не море. Это был океан.

Океан Лэтти Хэмпсток.

Я вспомнил, и, вспомнив это, я вспомнил все.

1

На мой седьмой день рождения никто не пришел.

Стол ломился от фруктового мармелада и сливочно-ягодных десертов, возле каждой тарелки стояло по праздничному колпаку, посреди стола красовался торт с семью свечами. На нем глазурью была выведена книга. Мама, которая и занималась подготовкой праздника, сказала, что дама из булочной удивилась — они еще не рисовали на тортах книги, в основном для мальчиков заказывали футбольный мяч или космический корабль. Я — их первая книга.

Когда стало ясно, что никто не придет, мама зажгла свечи, и я их задул. Съел кусочек торта, моя младшая сестра и ее подруга тоже (они не участвовали в празднике, только смотрели), потом они помчались, пересмеиваясь, в сад.

Мама приготовила игры, но никого не было, даже сестры, игры лежали нетронутыми, и я сам развернул главный приз «Передай другому», там оказался пластмассовый Бэтмен. Было грустно, что никто не пришел, но зато у меня был свой Бэтмен, а еще подарок на день рождения, кото-

рый ждал, пока я его прочту, — коллекционное издание книг про Нарнию. Я отнес книги к себе, растянулся на кровати и с головой ушел в чтение.

Читать мне нравилось. Как ни крути, книги были надежнее людей.

Еще родители подарили мне сборник «Лучшее из Гилберта и Салливана», у меня уже было две их пластинки. Я любил Гилберта и Салливана с трехлетнего возраста, с тех пор, как младшая сестра отца, моя тетка, повела меня на «Иоланту», оперу про лордов и фей. Мне казалось, что фей понять легче, чем лордов. Вскоре она умерла в больнице от лейкемии.

В тот вечер отец вернулся с работы и принес с собой картонную коробку. В коробке был пушистый черный котенок непонятного пола, он тут же получил имя Пушок и всю мою любовь без остатка.

Ночью Пушок спал со мной на кровати. Иногда, когда сестры не было рядом, я разговаривал с ним, немного надеясь, что он ответит по-человечески. Он не отвечал. Меня это не расстраивало. Котенок был ласковый и жадный до внимания — хороший товарищ для того, кто свой седьмой день рождения отпраздновал в компании стола с

глазированными пирожными, бланманже, торта и пятнадцати пустых складных стульев.

Не помню, чтобы я спрашивал одноклассников, почему они не пришли ко мне на праздник. Мне не нужно было их спрашивать. В конце концов, они не были мне друзьями. Они просто учились в той же школе.

Я медленно сходился с людьми, если вообще сходился.

У меня были книги, а теперь и котенок. Я знал, мы будем, как Дик Уиттингтон и его кот, или, если Пушок окажется особенно смышленым, как сын мельника и Кот в сапогах. Котенок спал у меня на подушке, он даже ждал меня из школы, сидя на подъездной дорожке перед домом у ограды, пока через месяц его не задавило такси, в котором ехал добытчик опалов — он должен был квартироваться у нас.

Когда это случилось, меня не было дома.

Я вернулся из школы, а котенок меня не встречал. В кухне сидел долговязый поджарый мужчина со смуглой кожей и в клетчатой рубашке. Он пил кофе за столом, я почувствовал запах. Тогда весь кофе был растворимый, горький темно-коричневый порошок из жестяной банки.

«Боюсь, у меня тут небольшое происшествие, —

начал он бодро. — Но чур, не волноваться». Он говорил необычно, будто рубил слова: я в первый раз слышал, как говорят южноафриканцы.

Перед ним на столе тоже стояла картонная коробка.

«Черный котенок был твой?» — спросил он.

«Его зовут Пушок», — сказал я.

«Ага. Я же сказал. Тут происшествие. Только не волноваться. От тела избавились. Тебе ничего делать не надо. Обо всем позаботились. Открывай коробку».

«Что?»

Он ткнул в коробку и повторил: «Открывай».

Добытчик опалов был высокого роста. Каждый раз, как я его видел, он был в джинсах и клетчатой рубашке, каждый раз, кроме последнего. Он носил на шее толстую цепь из светлого золота. В последний раз, когда я его видел, она тоже куда-то делась.

Я не хотел открывать коробку. Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Мне хотелось плакать, потому что мой котенок умер, но я не мог, когда кто-то был рядом и смотрел на меня. Мне нужно было выплакать скорбь. Я хотел похоронить своего друга в дальнем конце сада, за кольцом фей, где кусты рододендрона, сплетаясь, образуют

грот, у кучи из прелой травы, там, куда кроме меня никто не ходил.

Коробка шевельнулась.

«Купил для тебя, — произнес человек. — Всегда плачу по долгам».

Я потянулся к коробке, поднял крышку в надежде, что все это шутка, что там мой котенок. Оттуда на меня уставилась свирепая рыжая морда.

Добытчик опалов вытащил кота наружу.

Это был огромный, рыжий, полосатый котяра, у которого недоставало пол-уха. Он злобно глядел на меня. Коту не по нраву пришлось в коробке. Он не привык к коробкам. Я протянул руку погладить его по голове, но он отпрянул, чтобы я не достал, и зашипел, а потом отполз в дальний угол комнаты, сел там и стал смотреть на нас ненавидящим взглядом.

«Вот видишь. Баш на баш», — сказал добытчик опалов и потрепал меня по волосам своей заскорузлой рукой. Он вышел в коридор, оставив меня в кухне с котом, который не был моим котенком.

В дверном проеме снова показалась голова мужчины. «Его зовут Монстр», — сказал он.

Это напоминало дурную шутку.

Я оставил дверь кухни открытой, чтобы кот мог выйти. Поднялся наверх в комнату, лег на кро-

вать и заплакал, я оплакивал умершего друга. Не думаю, что вечером, когда родители вернулись с работы, кто-то вспомнил в разговоре о моем котенке.

Монстр жил с нами около недели или чуть больше. Я накладывал ему в миску еды утром и вечером, как своему котенку. Обычно он сидел у двери и ждал, пока я или еще кто-нибудь не выпустит его. Мы видели, как он шныряет по саду от куста к кусту, лазает по деревьям или прячется в ветвях. За его перемещениями можно было следить по задушенным лазоревкам и дроздам, которых мы находили в саду, но сам он появлялся нечасто.

Мне очень не хватало Пушка. Я знал, что живое существо нельзя заменить просто так, но поговорить об этом с родителями не решался. Они бы не поняли моего горя: в конце концов, вместо убитого котенка мне дали нового. Ущерб возмещен.

Все это пришло мне на память, пока я сидел на зеленой скамье у маленького пруда, который, как уверяла когда-то меня Лэтти Хэмпсток, был океаном, все это вернулось ко мне, но я знал, что ненадолго.

2

Ребенком я не был счастлив. Иногда был доволен. Я больше жил в книгах, чем где-то еще.

В нашем доме было много места и много комнат; когда мы его купили и у отца водились деньги, это было хорошо, а потом — нет.

Однажды после обеда родители позвали меня к себе, ничего не объяснив. Я думал, что наверняка где-то набедокурил, и мне будут выговаривать, но нет: они лишь сказали, что теперь стеснены в средствах и что нам всем придется чем-то жертвовать, что мне придется жертвовать своей комнатой, крохотной комнатушкой на самом верху. Я огорчился: мне в комнату поставили желтый умывальник, маленький, как раз для меня; комната располагалась над кухней, прямо у лестницы, которая спускалась в гостиную, так что ночью у себя наверху через приоткрытую дверь я слышал мерный гул взрослого разговора, и мне не было одиноко. И в моей комнате никто не возражал против незакрытой двери, пропускавшей достаточно света, чтобы не бояться темноты, и, что не менее важно, читать тайком в ночное время при рассеянном свете из коридора,

если хочется. А читать мне хотелось всегда.

Из-за ссылки в просторную комнату сестры я не особенно горевал. Там уже стояло три кровати, я занял кровать у окна. Мне нравилось, что можно вылезать из него на длинный кирпичный балкон, спать, не закрывая окно, и чувствовать ветер и дождь на лице. Но мы с сестрой ссорились — ссорились из-за всего. И спала она с закрытой дверью; наш незамедлительно вспыхнувший спор оставлять дверь открытой или нет тут же разрешила мама — она повесила на дверь изнутри график, где мои ночи чередовались с сестринскими. С тех пор ночью я спал спокойно, если дверь была открыта, или ворочался от страха, если ее закрывали.

Моя бывшая комната на самом верху у лестницы сдавалась, и через нее прошла целая вереница чужаков. Я на всех смотрел с подозрением: они спали в моей комнате, пользовались моим маленьким желтым умывальником, по размеру как раз для меня. Тучная дама из Австралии, которая хвастала нам, что может снимать голову и ходить по потолку; студент-архитектор из Новой Зеландии; американская пара, которую мама, возмущенная, выставила, обнаружив, что они не женаты, а теперь добытчик опалов.

Он был южноамериканец, хоть и зарабатывал деньги на добыче опалов в Австралии. Мы с сестрой каждый получили от него опал, грубый темный камень с зелеными, синими, красными огоньками внутри. Сестру это подкупило, и она носилась со своим опалом. Я не мог простить добытчику смерть котенка.

Был первый день весенних каникул: впереди три недели, и никакой школы. Я проснулся рано — в радостном предвкушении бесконечных дней, когда можно делать все, что душе угодно. Читать. Узнавать новое.

Я натянул шорты, футболку, сандалии. Спустился в кухню. Отец готовил, а мама еще спала. Он надел фартук поверх пижамы. Он всегда готовил завтрак в субботу. Я спросил: «Пап! А где мои комиксы?» Каждую пятницу по дороге с работы он покупал мне свежий выпуск комиксов про супергероев, и в субботу утром я их читал.

«На заднем сиденье в машине. Хочешь тост?»

«Хочу. Только не горелый».

Отец не любил тостеров. Он готовил тосты на гриле, и обычно они подгорали.

Я выскочил из дома на подъездную дорожку. Огляделся по сторонам. Вернулся домой, толкнул дверь в кухню и вошел. Мне нравилась эта дверь

в кухню. Она открывалась в обе стороны — наружу и внутрь — чтобы слуги шестьдесят лет назад могли свободно входить и выходить, даже если у них были полные руки тарелок.

«Пап? А где машина?»

«Стоит на дорожке».

«Там ее нет».

«Ка-ак нет?»

Зазвонил телефон, и отец вышел в коридор, чтобы снять трубку, телефон висел там. Я услышал, как он говорит с кем-то.

На гриле тост начал дымиться.

Я слез со стула и выключил гриль.

«Это из полиции, — сообщил отец. — Кто-то видел нашу брошенную машину на том конце проселка. Я сказал, что даже не успел еще заявить о краже. Вот так. Мы можем сейчас пойти туда, они нас там встретят. *Тост!»*

Он сдернул кусок хлеба с гриля. Тост дымился и почернел с одной стороны.

«А мои комиксы на месте? Или их украли?»

«Не знаю, полицейский про них ничего не сказал».

Отец смазал подгоревшую сторону тоста арахисовым маслом, сменил фартук на пальто, все так же, не снимая пижамы, надел туфли, и мы вместе

направились вниз по проселку.

Мы шли уже, наверное, минут пять по узкой дороге меж полей, когда нас нагнал полицейский автомобиль. Он затормозил, и водитель поздоровался, окликнув отца по имени.

Я прятал за спиной свой горелый тост, пока отец разговаривал с полисменом. Мне было невдомек, почему наша семья не могла купить нормальный белый хлеб в нарезке, тот, что идет для тостеров, как любая другая известная мне семья. Отец нашел одну местную булочную, где пекли тяжелые, толстые буханки черного хлеба, и настойчиво покупал только их. Он утверждал, они лучше по вкусу, что мне казалось полной чушью. Настоящий хлеб был белый, в нарезке и почти безвкусный — вот какой.

Полисмен вышел из машины, открыл заднюю дверь и велел мне забираться туда. Отец поехал на переднем сиденье рядом с водителем.

Автомобиль двигался медленно. Проселок был тогда еще немощеный, грязный, ухабистый и суматошный, шириной не больше одной машины, покрытый липкой галькой, весь изрытый фермерскими тракторами, дождем и временем.

«Ох, уж эта мне ребятня, — ворчал полисмен. — Они думают, это смешно. Угнать машину,

погонять ее по округе и бросить. Вот увидите, это местные».

«Я рад, что хотя бы нашлась быстро», — сказал отец.

Мы миновали «Тминный двор», оттуда выглянула девчушка с румянцем во всю щеку и с такими светлыми волосами, что они казались почти белыми, когда мы проезжали, она не сводила с нас взгляд. Я прятал свой горелый тост на коленях.

«Странно, однако, что они оставили ее здесь, — произнес полисмен. — Это же совсем на отшибе. Возвращаться пешком неудобно».

Проселок повернул, и мы увидели наш миниавтомобиль на краю дороги напротив ворот у поля, его колеса глубоко увязли в бурой грязи. Мы подъехали, припарковались рядом на траве у обочины. Полисмен выпустил меня из машины, и мы втроем направились к «мини», пока полисмен распространялся об уровне преступности в этих краях и доказывал, почему это точно сделали местные мальчишки, отец запасным ключом пытался открыть заднюю дверь.

Он сказал: «Здесь на заднем сиденье что-то оставили». Он наклонился и, несмотря на возражения полисмена, отдернул синее шерстяное одеяло,

покрывавшее то, что лежало сзади, я неотрывно смотрел туда, потому что там обычно были мои комиксы, и увидел — там лежало оно.

То, что я увидел, не выглядело как *человек,* это было *оно.*

Хоть я и отличался живым воображением и мне снились ночью кошмары, я упросил родителей взять меня в Лондон в Музей восковых фигур мадам Тюссо, когда мне было шесть лет, потому что хотел побывать в комнате страха — в той самой комнате с киношными монстрами из моих комиксов. Я ждал, что буду замирать от страха у восковой фигуры Дракулы, чудовища Франкенштейна и человека-оборотня. Вместо этого меня водили по бесконечной череде диорам с ничем не примечательными, угрюмыми мужчинами и женщинами, которые убивали людей — обычно своих квартиросъемщиков или родственников — и которых тоже потом убивали: вешали, сажали на электрический стул, в газовые камеры. Большинство было представлено вместе со своими жертвами в неуклюжих бытовых зарисовках — за обеденным столом, видимо, в ожидании, пока не умрут отравленные члены семьи. Таблички, объяснявшие, кто это был, также сообщали, что в основном люди убивали своих домочад-

цев, чтобы продать тела на нужды *анатомии.* Тогда-то слово «анатомия» приобрело для меня оттенок ужаса. Я не знал, что такое *анатомия.* Знал только, что она заставляет людей убивать собственных детей.

Пока меня водили по комнате страха, я не выбежал оттуда с криками лишь потому, что ни одна восковая фигура не выглядела полностью как настоящая. Они и не могли выглядеть, как настоящие мертвецы, потому что никогда не были живыми.

То, что лежало на заднем сиденье под синим шерстяным одеялом (Я *знал* это одеяло. Одеяло из моей старой комнаты, с полки, им укрывались, когда холодало), тоже не выглядело настоящим. Оно немного напоминало добытчика опалов, но было одето в черный костюм и белую рубашку с кружевным жабо и черным галстуком-бабочкой. Волосы были зачесаны назад и неестественно блестели. Губы отдавали синевой, а кожа очень покраснела. Это смотрелось пародией на здоровье. Золотой цепочки на шее не было.

Из-под него виднелся измочаленный край моих комиксов — с Бэтменом на обложке, который был точь-в-точь как в телевизоре.

Я не помню, кто и что говорил потом, помню

только, что меня увели от «мини». Я перешел на другую сторону дороги и стоял там сам по себе, пока полисмен беседовал с отцом и что-то записывал в блокнот.

Я разглядывал «мини». От выхлопной трубы к окну со стороны водителя тянулся зеленый садовый шланг. Труба была густо обмазана бурой грязью, чтобы шланг не вывалился.

На меня никто не смотрел. Я откусил тост. Он был горелый и уже остыл.

Дома все самые горелые места у тоста ел отец. «Ням-ням! — приговаривал он. — Древесный уголь — полезно для здоровья!» или «Горелый тост! Любимый тост!» и съедал его целиком. Когда я был гораздо старше, он признался, что никогда не любил горелые тосты и ел их, только чтобы не отправлять в мусор — за долю секунды все мое детство стало ложью: как будто один из столпов веры, на которых зиждился мой мир, обратился в прах.

Полисмен стоял около своей машины и говорил по рации.

Затем пересек дорогу и подошел ко мне. «Извини, сынок, — сказал он. — Через минуту здесь будут еще машины. Надо бы найти, где тебе подождать, чтобы не мешаться под ногами. Хочешь,

можешь опять сесть в мою машину?»

Я замотал головой. Там я больше сидеть не хотел.

Кто-то, какая-то девочка предложила: «Он может пойти ко мне на ферму. Это не доставит хлопот».

Она была намного взрослее меня, одиннадцати лет, не меньше. Волосы, коротковатые для девчонки, курносый нос. В веснушках. Красная юбка — в то время девочки не часто носили джинсы, не в этих краях. Мягкий сассекский выговор и пронзительные серые, с голубизной, глаза.

Полисмен и девочка отошли поговорить с моим отцом, ей разрешили взять меня с собой, и теперь я шел вместе с ней вниз по проселку.

Я заговорил первым: «Там, в нашей машине, человек умер».

«Да, он сюда за этим и приехал, — ответила она. — Конец дороги. В три часа ночи здесь его никто не найдет и не остановит. Да и земля здесь сырая, податливая».

«Думаешь, он покончил с собой?»

«Да. Ты любишь молоко? Ба как раз доит Бесси».

«Что, настоящее молоко, прямо из-под коровы?» — спросил я и тут же понял, что сказал глупость,

но она утвердительно кивнула.

Я задумался. До этого я всегда пил молоко из бутылки. «Наверное, люблю».

Мы остановились у небольшого сарая, в нем старая женщина, гораздо старше моих родителей, с седыми длинными волосами, похожими на паутину, и худым лицом, стояла рядом с коровой. К коровьему вымени были приделаны длинные черные трубки. «Раньше мы их доили руками, — пояснила она. — Но так проще».

Она показала мне, как молоко идет по черным трубками от коровы к машине, через холодильную установку в большие металлические бидоны. Бидоны оставляли на массивном деревянном помосте около сарая, откуда их каждый день забирал грузовик.

Старушка подала мне стакан густого молока от коровы Бесси, парного молока, еще не попавшего в холодильную установку. До этого я ничего подобного не пил: оно разливалось полнотой вкуса во рту — наполняло его теплом и совершенным блаженством. Я помнил это молоко, даже когда забыл все остальное.

«Там, на проселке, их теперь еще больше, — сказала вдруг старая женщина. — Кого только нет, и едут с мигалками. Пустая морока. Отведи

мальчика в кухню. Он голоден, что такое стакан молока для растущего организма».

«Ты уже ел?» — спросила девочка.

«Только один тост. Горелый».

Тут она представилась: «Меня зовут Лэтти. Лэтти Хэмпсток. А это ферма Хэмпстоков. Пойдем». Она провела меня через парадную дверь в невероятных размеров кухню, усадила за огромный деревянный стол, который со временем обзавелся таким количеством пятен и трещин, что казалось, будто сквозь старую древесину на меня смотрят какие-то лица.

«Мы здесь рано завтракаем, — объясняла девочка. — Дойка начинается на рассвете. Но в кастрюле еще осталась каша, и есть джем, чтобы в нее добавить».

Она подала мне с плиты пиалу с горячей кашей — в центре высилась горка домашнего ежевичного джема, моего любимого — и налила туда сливок. Перед тем как приняться за еду, я шумно размешал все ложкой, устроив в тарелке пурпурное месиво, и небывалое счастье вдруг захлестнуло меня. Вкус был великолепный.

Вошла крупная женщина. У нее были коротко стриженные каштановые волосы с проседью. Круглые щеки, темно-зеленая юбка до колен и ре-

зиновые сапоги. Она заговорила: «А это, должно быть, мальчик с того конца проселка. Там такое творится из-за этой машины. Скоро всех пятерых надо будет поить чаем».

Лэтти налила из-под крана воды в большой медный чайник. Зажгла спичкой газовую конфорку и поставила чайник на огонь. Потом взяла из буфета пять щербатых кружек и на мгновение задумалась, вопросительно посмотрев на женщину. Та ответила: «Ты права. Шесть. Доктор тоже придет».

Тут женщина поджала губы и шикнула: *«Тсс!»* «Они прошляпили записку, — пояснила она. — Он старался-старался, писал ее, складывал, прятал в нагрудный карман, а они так туда и не заглянули».

«И что в ней?» — спросила Лэтти.

«Сама прочти», — предложила женщина. Я подумал, что это мама Лэтти. Она выглядела как чья-то мама. Она опять заговорила: «Там написано, что он взял все деньги, которые дали ему друзья, чтобы он положил их в Англии в банк, и деньги, вырученные им самим на многолетней добыче опалов, поехал играть в казино в Брайтон, но он не хотел брать чужие деньги. Он просто занял из денег друзей, чтобы отыграться».

«И все спустил, — подытожила женщина. — И жизнь померкла».

«Но он же не это написал, — возразила Лэтти, зажмурив глаза. — Он написал:

> Всем моим друзьям,
> Очень виноват, я не нарочно, и, надеюсь, ваше сердце сможет простить мне то, что я не могу простить себе сам».

«Это одно и то же, — бросила в ответ женщина и повернулась ко мне: — Я мама Лэтти, — начала она. — А мою мать ты уже видел — в коровнике. Я миссис Хэмпсток, но она стала миссис Хэмпсток еще до меня, так что она старая миссис Хэмпсток. А это ферма Хэмпстоков. Самая старая ферма в округе. Она занесена в Книгу Судного дня».

У меня на языке вертелся вопрос, почему все эти женщины звались Хэмпстоками, откуда они узнали о записке или о том, что думал добытчик опалов перед смертью, но я молчал, мне и в голову не приходило спросить. А знали они все досконально.

Лэтти сказала: «Я его слегка подтолкнула, он заглянет в нагрудный карман. Будет думать, что сам догадался».

«Вот и умница! — похвалила ее миссис Хэмп-

сток. — Как только чайник закипит, они явятся сюда спросить, не видела ли я чего-нибудь необычного, и выпить чаю. Может, ты отведешь мальчика к пруду?»

«Это не пруд, — поправила ее Лэтти. — Это мой океан. — Она повернулась ко мне и сказала: Пойдем». Мы вышли из дома тем же путем, что и пришли.

Снаружи все еще хмурилось.

Мы обогнули дом по коровьей тропе.

«Это правда океан?» — поинтересовался я.

«О да!» — ответила она.

Он возник неожиданно: деревянный сарай, старая скамья и между ними пруд, темный водоем с пятнами ряски и листьями кувшинки. На его поверхности, сверкая серебром, как старинная монета, плавала на боку мертвая рыба.

«Непорядок», — пробормотала Лэтти.

«Ты же говорила, это океан, — заметил я ей. — А это всего лишь пруд».

«Это и *есть* океан, — возразила она. — Когда я была совсем маленькой, мы приплыли по нему с нашей родины — из Древнего Края».

Лэтти пошла в сарай и вернулась с бамбуковым шестом, на конце которого было что-то вроде сачка для ловли креветок. Она наклонилась,

аккуратно подвела сачок к мертвой рыбе. И вытащила ее.

«Подожди, ферма Хэмпстоков занесена в Книгу Судного дня, — решил уточнить я. — Твоя мама ведь так сказала. А это было еще при Вильгельме Завоевателе».

«Да», — подтвердила Лэтти.

Она вытащила рыбу из сетки и стала ее осматривать. Рыба, не успев еще окостенеть, была теплая и трепетала в ее руках. Мне еще не доводилось видеть такого соцветия: да, рыба была серебряной, но под слоем серебра играли синие, зеленые, фиолетовые отблески, и каждая чешуйка была с черным обводом.

«Что это за рыба?» — спросил я.

«Очень странно, — проговорила она. — В смысле, обычно рыба в этом океане вообще не умирает». Откуда ни возьмись в ее руках оказался складной нож с роговой рукояткой, она воткнула нож в рыбье брюхо и распорола его вдоль до хвоста.

«Вот что убило ее», — пояснила Лэтти.

Она достала что-то из рыбы. И сунула это что-то, скользкое и грязное от рыбьих кишок, мне в ладонь. Я нагнулся, опустил его в воду, потер пальцами, чтобы отчистить. И поднес к глазам.

На меня смотрело лицо королевы Виктории.

«Шестипенсовик? — удивился я. — Рыба проглотила шестипенсовик?»

«Непорядок ведь?» — нахмурилась Лэтти Хэмпсток. Проглянуло солнце: оно высветило веснушки, которые гнездились у нее по щекам и на носу, а там, где солнечный луч касался ее волос, прядки отливали красной медью. Она вдруг спохватилась: «Твой отец беспокоится, куда ты пропал. Пора идти обратно».

Я попытался вернуть ей маленький серебряный шестипенсовик, но она лишь покачала головой. «Оставь себе, — сказала она. — Купишь шоколадных конфет или лимонных леденцов».

«Нет, вряд ли, — возразил я. — Он слишком маленький. Не знаю, принимают ли такие сейчас в магазине».

«Тогда сунь его себе в свинью-копилку, — предложила она. — Может, он принесет тебе удачу». Она произнесла это задумчиво, как будто сомневалась, удачу ли он принесет.

Полисмен с моим отцом и еще двое мужчин в коричневых костюмах и галстуках стояли у Лэтти на кухне. Один из этих мужчин сказал, что он полисмен, но не носит униформу, и мне показалось это досадным: если бы я был полисменом, я

бы со своей униформой не расставался. В другом мужчине я узнал доктора Смитсона, нашего семейного доктора. Они допивали свой чай.

Отец поблагодарил миссис Хэмпсток и Лэтти за то, что позаботились обо мне, те заверили его, что это не стоило большого труда и что они будут рады видеть меня снова. Полисмен, утром подбросивший нас до «мини», отвез нас обратно домой и высадил у подъездной дорожки.

«Наверное, лучше не рассказывать об этом твоей сестре», — сказал отец.

Я и не собирался никому рассказывать об этом. Я обнаружил необыкновенное место, у меня появился новый друг, пропали комиксы, а в руке я крепко сжимал старинный серебряный шестипенсовик.

Я только спросил: «Чем океан отличается от моря?»

«Он больше, — пояснил отец. — Океан намного больше моря. Почему ты спрашиваешь?»

«Просто так, — сказал я. — А океан может быть маленьким, как пруд?»

«Нет, — ответил отец. — Пруд, он размером с пруд, озеро — размером с озеро. Моря есть моря, а океаны есть океаны. Атлантический, Тихий, Индийский, Северный Ледовитый. Кажется, больше

океанов и нет».

Отец поднялся к себе в комнату поговорить с мамой и чтобы телефон был под рукой. Я опустил серебряный шестипенсовик в свинью-копилку. Она была из тех фарфоровых свиней-копилок, откуда ничего обратно не вытащишь. Однажды, когда монеты туда больше не будут пролезать, мне разрешат ее разбить, а пока в ней оставалось еще много места.

3

Больше я нашего «мини» не видел. Через два дня, в понедельник, отцу по заказу привезли черный «ровер» с потрескавшимися сиденьями из красной кожи. Он был больше «мини», но не такой удобный. Запах старых сигар въелся в кожаную обивку, и от долгих поездок на заднем сиденье в «ровере» нас всегда укачивало.

В понедельник утром доставили не только черный «ровер». Еще мне принесли письмо.

Мне было семь лет, но я никогда не получал писем. Мне приходили открытки на день рождения от бабушек и дедушек, от Эллен Хендерсон, подруги моей матери, которую я лично не знал. На день рождения Эллен Хендерсон, жившая в передвижном трейлере, обычно присылала мне носовой платок. Но даже и так я каждый день бегал к почтовому ящику проверить, не пришло ли что-нибудь мне.

И этим утром кое-что пришло.

Распечатав его, я так и не понял, что это, и понес письмо маме.

«Ты выиграл в лотерею», — объяснила она.

«Как это?»

«Когда ты родился — с рождением каждого внука бабушка покупала по билету Национальной лотереи. И когда выпадают указанные на нем числа, ты можешь выиграть сотни тысяч фунтов стерлингов».

«Я выиграл сотни тысяч фунтов стерлингов?»

«Нет. — Она взглянула на полоску бумаги. — Ты выиграл тринадцать фунтов стерлингов и одиннадцать шиллингов».

Я огорчился, что не выиграл сотни фунтов стерлингов (Я уже знал, что куплю на них. Место, куда можно пойти и побыть одному, как пещера Бэтмена, с потайным входом), но все равно было приятно обладать некоторым состоянием, превосходившим мои прежние мечты. Тринадцать фунтов стерлингов и одиннадцать шиллингов. Можно было купить четыре маленьких лакричных тянучки «Черный Джек» или фруктовые жевательные конфеты в ярких желтых фантиках за пенни: каждая из них стоила фартинг, хотя фартингов тогда уже не было в ходу. Тринадцать фунтов стерлингов и одиннадцать шиллингов, если в одном фунте стерлингов 240 пенсов, и на каждый пенни приходится по четыре конфеты, то это было столько сладостей, сколько я не мог себе сразу представить.

«Я положу их тебе на счет», — сказала мама, возвращая меня на землю.

К конфетам, что мне дали утром, сладостей не прибавилось. Но даже так я был богачом. На тринадцать фунтов стерлингов и одиннадцать шиллингов богаче, чем всего секунду назад. Я еще никогда ничего не выигрывал, никогда.

Я попросил маму показать мне лотерейный билет и мое имя на нем, прежде чем она уберет его к себе в сумку.

Было утро понедельника. После обеда древний мистер Уоллери, приходивший по понедельникам и четвергам после обеда садовничать (миссис Уоллери, его не менее древняя супруга, которая носила поверх туфель галоши, полупрозрачные резиновые ботики, приходила после обеда по средам убираться), копал овощные грядки и наткнулся на бутылку с пенсами, монетами в полпенни, в три пенса и даже фартингами. Все монеты датировались самое позднее 1937 годом, и я провел вторую половину дня, начищая их до блеска вустерским соусом и уксусом.

Бутылку со старинными монетами мама поставила на каминную полку в столовой, сказав, что, может, какой-нибудь нумизмат заплатит за них пару фунтов стерлингов.

Вечером я отправился спать в счастливом возбуждении. Я был богат. Нашлось зарытое сокровище. Этот мир — хорошее место.

Я не помню, как уснул. Но так обычно и засыпают? Знаю, что был в школе, что день не задался, что я прятался от каких-то мальчишек, которые колотили меня и обзывали, но они везде меня находили, даже в густых зарослях рододендрона за школой, и я знал, что это должен быть сон (но во сне я не знал, что это была явь и все взаправду), потому что с ними был дедушка и его друзья, старики с землистого цвета лицами, кашлявшие сухим мелким кашлем. В руках они сжимали острые карандаши, вроде тех, от которых идет кровь, когда уколешься. Я бежал от них, но эти старики и эти большие мальчишки были быстрее, они нагнали меня в туалете, где я обычно прятался в одной из кабинок. Они схватили меня и стали силком разжимать рот.

У дедушки (только это был не мой дедушка: на самом деле это была восковая фигура дедушки, которая хотела продать меня на нужды *анатомии*) в руках было что-то тонкое и блестящее, он принялся запихивать мне это в рот своими скрюченными пальцами. Оно было твердое, острое и знакомое, я подавился и начал задыхаться. Во рту

появился металлический привкус.

А люди в туалете стояли и смотрели на меня злым торжествующим взглядом, я старался не задохнуться, твердо решив не доставлять им такого удовольствия.

Я проснулся, задыхаясь.

Мне не хватало воздуха. Что-то застряло у меня в горле, что-то твердое, острое, оно не давало дышать или позвать на помощь. Проснувшись, я начал кашлять, по щекам бежали слезы, из носа текло.

От отчаяния и страха я отважился и сунул пальцы как можно глубже в рот. Кончик указательного пальца уперся в край чего-то твердого, я, задыхаясь, нащупал средним пальцем обратную сторону предмета, сжал его и вытащил из горла.

Жадно глотнул воздуха, и меня стошнило прямо на простыни, вышло немного слизи вперемешку с кровью — я порезался, пока вытаскивал непонятный предмет.

Я не посмотрел, что это было. Липкое от слюны и слизи, оно лежало у меня в ладони. И я не хотел на него смотреть. Я хотел, чтобы оно исчезло, чтобы не было этого моста между сном и явью.

Я помчался по коридору в ванную, вниз — в дальний конец дома. Я полоскал рот, пил холод-

ную воду из-под крана, сплевывал красную слизь в белую раковину. И только когда закончил, присел на край белой ванны и разжал руку. Я испугался.

Но то, что лежало у меня в руке — то, что оказалось у меня во рту — не было страшным. Это была монета: серебряный шиллинг.

Я пошел обратно в комнату. Оделся, почистил, как мог, испачканные простыни мокрым полотенцем. Я надеялся, они успеют высохнуть до того, как я отправлюсь спать вечером. Затем спустился вниз.

Мне хотелось рассказать кому-нибудь об этом шиллинге, но я не знал кому. Я достаточно разбирался во взрослых, чтобы понимать — если я все-таки расскажу, мне вряд ли поверят. Мне и так не особенно верили, даже когда я говорил правду. С чего бы им верить, когда на правду совсем не похоже?

В саду за домом играла сестра со своими друзьями. Завидев меня, она подбежала и сердито крикнула: «Ненавижу тебя. Все расскажу маме и папе, когда они вернутся».

«Что расскажешь?»

«Сам знаешь, — сказала она. — Я знаю, это был ты».

«Где был я?»

«Бросал монеты в меня. В нас. Из кустов. Это просто отвратительно!»

«Но я не бросал».

«Это же больно!»

Она вернулась к друзьям, они все таращились на меня. Горло драло, глотать было больно.

Я пошел по дорожке прочь от дома. Не знаю, куда я собирался идти, — мне просто не хотелось больше там находиться.

У края дорожки под каштанами стояла Лэтти Хэмпсток. Выглядела она так, будто ждала здесь добрую сотню лет и могла прождать еще сто. На ней было белое платье, но солнечный свет, пробиваясь сквозь молодые весенние листья каштана, оставлял на нем зеленые пятна.

«Привет!» — поздоровался я.

Она спросила: «Тебе ведь снились кошмары?»

Я вытащил из кармана шиллинг и показал ей. «Чуть не задохнулся из-за него, — пояснил я, — когда проснулся. Ума не приложу, как он попал мне в рот. Если бы кто-то мне его попытался засунуть туда, я бы почувствовал. Но я проснулся, а он уже *там».*

«Да», — подтвердила она.

«Сестра говорит, это я бросал в них монеты из

кустов, но это не я».

«Нет, — согласилась она. — Не ты».

Я спросил: «Лэтти? Что происходит?»

«Что-что, — сказала она, как будто все было ясно. — Просто кто-то пытается дать людям деньги, вот и все. Но делает это очень дурно и бередит сон того, кому надлежало бы спать. А это непорядок».

«Это как-то связано с умершим человеком?»

«Как-то связано. Да».

«Это он делает?»

Она отрицательно покачала головой. И спросила: «Ты уже завтракал?»

Я тоже покачал головой.

«Ну, тогда пойдем», — предложила она.

И мы пошли вниз по проселку вместе. То тут, то там нам попадались дома, мы проходили мимо, Лэтти Хэмпсток указывала на дом и что-нибудь рассказывала. «В этом доме человеку приснилось, будто его продали и превратили в деньги. Теперь ему в зеркале все время что-то мерещится».

«В смысле, что-то?»

«Он видит себя. Но из глаз лезут пальцы. И что-то лезет изо рта. Наподобие щупальцев краба».

Я представил, как люди глядятся в зеркало и у них изо рта вылезают щупальца краба. «Почему

у меня во рту оказался шиллинг?»

«Он хотел, чтобы у людей были деньги».

«Добытчик опалов? Который умер в машине?»

«Да. В каком-то смысле. Не прямо так. Началось все с него, это как зажечь фитиль от фейерверка. Его смерть стала спичкой. Но то, что готово взорваться сейчас, это не он. Это кто-то другой. Что-то другое».

Она поскребла свой веснущатый нос грязной рукой.

«Здесь хозяйка сошла с ума, — продолжила свой рассказ Лэтти, и мне бы в голову не пришло сомневаться в ее словах. — У нее в матрас зашиты деньги. И теперь она не хочет вылезать из постели, чтобы их не украли».

«Откуда ты знаешь?»

Она пожала плечами. «Стоит пожить здесь какое-то время, и ты понимаешь, что к чему».

Я пнул ногой камень. «„Какое-то время“ — это значит „долго-предолго“?»

Она кивнула.

«А сколько тебе лет на самом деле?» — спросил я.

«Одиннадцать».

Я подумал немного. Потом снова спросил: «И сколько уже лет тебе одиннадцать?»

Она улыбнулась мне.

Мы прошли «Тминный двор». Там стояли хозяева, которые, как я потом узнал, были родителями Келли Андерс, они кричали друг на друга. А увидев нас, затихли.

Когда мы скрылись за поворотом, Лэтти сказала: «Вот бедные».

«Почему бедные?»

«Потому что у них трудно с деньгами. А сегодня под утро ему приснилось, что она… она занимается дурными вещами. Чтобы подзаработать. Он обшарил ее сумочку и обнаружил целый рулон из банкнот по десять шиллингов. Она клянется, что не знает, откуда они взялись, но он ей не верит. Он не знает, чему верить».

«Все эти ссоры, сны. Это все из-за денег?»

«Не уверена», — ответила Лэтти и показалась мне такой взрослой, что я ее почти испугался.

«Что бы это ни было, — сказала она, поразмыслив, — это все можно выправить. — Она увидела мое лицо, обеспокоенное. Даже напуганное. И добавила: — Но сначала блины».

Блины Лэтти пекла нам в большой металлической сковороде на плите в кухне. Они получались не толще бумаги, блин готовился, Лэтти отжимала над ним лимон, в самую середину плюхала

сливового джема и плотно скручивала в трубочку, как сигару. Когда блинов стало вдоволь, мы сели за кухонный стол и съели их с большой жадностью.

На кухне стоял очаг, в нем еще теплились угли со вчерашней ночи. В этой кухне мне ничего не грозит, подумал я.

«Мне страшно», — признался я Лэтти.

Она улыбнулась. «Я прослежу, чтобы с тобой ничего не случилось. Обещаю. *Мне* не страшно».

А мне все еще было страшно, но уже не так сильно. «Просто все это жутко».

«Я же пообещала, — заверила меня Лэтти Хэмпсток. — Я не позволю, чтобы тебе навредили».

«Навредили? — раздался высокий, скрипучий голос. — Кому навредили? Как навредили? Почему кому-то должны навредить?»

Это была старая миссис Хэмпсток, она придерживала за края передник, где в подоле теснилось столько нарциссов, что их отраженный свет делал ее лицо золотым, и казалось, будто вся кухня залита солнечным светом.

Лэтти стала объяснять: «Что-то неладно. Что-то дает людям деньги. Во сне и наяву». Она показала старушке мой шиллинг. «Мой друг утром проснулся, задыхаясь — у него в горле застрял

этот шиллинг».

Старая миссис Хэмпсток опустила передник на стол и стала быстро выгружать нарциссы на деревянную столешницу. Потом взяла у Лэтти шиллинг. Посмотрела на него, сощурившись, обнюхала, потерла, послушала (во всяком случае, поднесла к уху) и провела по нему кончиком своего фиолетового языка.

«Он новый, — заключила она. — На нем написано тысяча девятьсот двенадцатый год, но еще вчера его не было и в помине».

Лэтти согласилась: «Я знала, что с ним что-то не так».

Я взглянул на старую миссис Хэмпсток: «А как вы узнали?»

«Хороший вопрос, милок. Главным образом по электронному распаду. Чтобы увидеть электроны, нужно смотреть на вещи пристально. Они махонькие такие, похожи на крохотные улыбки. А нейтроны серые и вроде как хмурные. Эти электроны чуть-чуть улыбистей, чем нужно для тысяча девятьсот двенадцатого года, так что я прошлась по краям букв, по голове старого короля, и грани оказались чуток острей и четче. Даже там, где они сносились, это выглядит словно их нарочно сточили».

«Должно быть, у вас очень хорошее зрение», — заметил я восхищенно. Она вернула мне монету.

«Уже не такое как прежде, но вот доживешь до моих лет, тоже зоркости поубавится». И она громко хохотнула, будто сказала что-то смешное.

«А сколько мне еще жить до этих ваших лет?»

Лэтти глянула на меня, и я с беспокойством подумал, что сказал грубость. Иногда взрослым не нравилось, что их спрашивают про возраст, а иногда нравилось. Мой опыт говорил, что старым людям нравилось. Они гордились своим возрастом. Миссис Уоллери было семьдесят семь, а мистеру Уоллери — восемьдесят девять, и они любили рассказывать, сколько лет им исполнилось.

Старая миссис Хэмпсток подошла к буфету и взяла несколько ярких цветастых ваз. «Еще порядочно, — ответила она. — Я помню, как луна родилась».

«А она разве не всегда была?»

«Господь с тобой! Ничуть не бывало. Я помню день, когда появилась луна. Мы смотрели на небо — оно тогда было грязно-бурое, закоптелое, в серых разводах, не зеленое и не синее...» Она поставила вазы в раковину и каждую наполнила до половины водой. Потом достала почерневшие кухонные ножницы и принялась обрезать нар-

циссы, по полдюйма от каждого стебля.

Я снова спросил: «А это точно не призрак того человека? Может, это он нас преследует?»

И девочка, и старая женщина засмеялись, я почувствовал себя дураком. И поспешно извинился: «Простите».

«Привидения не могут ничего создавать, — разъяснила мне Лэтти. — Они даже двигать вещи толком не могут».

Тут старая миссис Хэмпсток сказала ей: «Сходи за матерью. Она стирает». — А затем — мне: «Ты подсобишь мне с нарциссами».

Я помогал ей расставлять цветы по вазам, а она спрашивала моего совета, где их лучше разместить в кухне. Мы ставили вазы туда, куда я говорил, и я чувствовал себя необычайно важным.

В этой кухне среди мебели темного дерева нарциссы стояли как заплатки из солнечного света, добавляя ей яркости. На полу — красная плитка. Стены выбелены известкой.

Старушка подала мне выщербленное блюдце с куском пчелиной соты из улея Хэмпстоков и добавила немного сливок из молочника. Я ел соту ложкой, пережевывая воск, как жвачку, мед растекался во рту, сладкий, клейкий, цветочный.

Я выскребывал из блюдца остатки сливок и меда, когда в кухне появились Лэтти и ее мама. На миссис Хэмпсток все еще были резиновые сапоги, и она влетела в комнату, будто очень спешила. «Мама! — воскликнула она. — Кормить мальчика медом! Ты же испортишь ему зубы».

Старая миссис Хэмпсток повела плечами. «Я переговорю с этой неуемной мелкотней у него во рту, — заверила она. — Они не тронут его зубы».

«Ты же не можешь вот так командовать бактериями, — возразила миссис Хэмпсток. — Они этого не любят».

«Сущий вздор, — отмахнулась старушка. — Дай им только волю, и они совсем распоясутся. А покажешь, кто тут главный, они все сделают, только б тебя умаслить. Ты же пробовала мой сыр. — Она обернулась ко мне. — Я за свой сыр медали получала. Медали! В стародавние времена, бывало, на лошади неделю скакали, лишь бы купить головку моего сыра. Даже поговаривали, что сам король ест мой сыр с хлебом, а королевичи — Дикон, Джеффри и даже маленький Джон клялись, что лучше моего сыра отродясь не едали…»

«Ба», — одернула ее Лэтти, и старушка осеклась.

Мама Лэтти сказала: «Тебе понадобится оре-

ховый прут. И… — добавила она задумчиво, — я думаю, можно взять с собой мальчика. Это его шиллинг, с ней легче справиться, если он будет с тобой. Если будет что-то, что она сама сделала».

«Она?» — удивилась Лэтти.

Девочка держала в руках складной нож с роговой рукояткой, лезвие было спрятано.

«Похоже, что она, — ответила мама Лэтти. — Но учти, я могу ошибаться».

«Не бери с собой мальчика, — вмешалась старая миссис Хэмпсток. — Накличешь беду».

Я расстроился.

«Все будет хорошо, — заверила ее Лэтти. — Я о нем позабочусь. И о себе тоже. Будет нам приключение. И вместе оно веселей. Ба, ну пожалуйста?»

Я с надеждой смотрел на старую миссис Хэмпсток и ждал.

«Не говори, что я тебя не предупреждала, если все пойдет наперекосяк», — проворчала старая миссис Хэмпсток.

«Ба, спасибо! Я тебе слова в упрек не скажу. И буду глядеть в оба».

Старая миссис Хэмпсток шмыгнула носом. «Ну, тогда смотри, не напортачь. Подходи осторожно. Свяжи, перекрой все отходные пути и усыпи».

«Да знаю я, — сказала Лэтти. — Все наизусть знаю. Честно. Все обойдется».

Вот что она сказала. И не обошлось.

4

Лэтти повела меня в заросли лещины у старой дороги (по весне ветви орешника клонились под тяжестью сережек) и выломала прут. Ножом очистила его от коры так, будто делала это уже мириады раз, укоротила, и прут стал похож на рогатку. Она спрятала нож (я так и не понял куда) и взяла по концу рогатки в каждую руку.

«Это — не волшебная лоза, — объяснила она. — Просто проводник. Думаю, для начала мы ищем синюю… синюю бутылку. Или что-то фиолетово-синее и блестящее».

Мы огляделись. «Я ничего такого не вижу».

«Еще увидишь», — заверила она меня.

Я снова глянул вокруг и выхватил взглядом бурую, с рыжиной, курицу, клевавшую что-то в траве на краю подъездной дорожки, ржавый трактор, деревянный стол-помост рядом с дорогой и на нем шесть пустых металлических бидонов из-под молока. Я увидел дом Хэмпстоков из красного кирпича, который высился, как громадный кот, в дреме поджавший лапы. Весенние цветы — заполонившие всё белые и желтые ромашки, золотистые лютики (лютик верный даст

ответ, любишь масло или нет),[223] одуванчики и в тени под молочным помостом запоздалого весеннего гостя — одинокий колокольчик, еще блестящий от ро…

«Он?» — выкрикнул я.

«А у тебя меткий глаз», — похвалила она.

Мы направились к колокольчику. Когда мы с ним поравнялись, Лэтти зажмурилась. Ее тело задергалось во все стороны вместе с выставленным вперед ореховым прутом, как будто сама она была стрелкой часов или компаса, а руки ее вросли в рогатку и направляли нас на какой-то восток или север, не доступные моему зрению. «Черное, — вдруг проговорила она, словно описывала что-то увиденное во сне. — И мягкое».

Мы оставили колокольчик и двинулись вдоль проселка, который, как мне иногда казалось, проложили еще древние римляне. Мы прошли сотню ярдов и у места, где нашелся «мини», она обнаружила это: клочок черной ткани на колючей ограде.

Лэтти приблизилась к нему. Снова выставленный вперед прут, снова и снова медленное

---

[223] notes: 223

У англичан есть поверье: если цветок лютика зажать под подбородком и потом там останется желтая пыльца, то вы наверняка любите животное масло.

вращение. «Красный, — уверенно сказала она. — Ярко-красный. Туда».

Мы пошли в указанном направлении. Через пойменный луг в перелесок. «Вон», — показал я, завороженный. На подстилке из зеленого мха лежало крохотное тельце какого-то животного — по виду полевки. У него не было головы, на шубке и среди ворсинок мха алели бусины крови. Ярко-красные.

«Теперь, — напутствовала Лэтти, — держи меня за руку. Не отпускай!»

Своей правой рукой я схватил ее левую руку, чуть пониже локтя. Она поводила рогаткой и решила: «Сюда».

«А что мы теперь ищем?»

«Мы подходим ближе, — сказала она. — Теперь нам нужна гроза».

Мы продирались сквозь ветви, тесно прижавшись друг к другу, пролесок густел, и листва деревьев смыкалась над нами плотным пологом. Мы отыскали прогалину и шли вдоль нее, все вокруг стало зеленым.

Слева послышалось глухое ворчание дальнего грома.

«Гроза», — пропела Лэтти. И вновь закружилась, а вместе с ней и я. В тот момент, держа

ее за руку, я чувствовал, или мне казалось, что чувствовал, как меня трясет, будто я держусь за мощный двигатель.

Мы опять сменили направление. Вместе перебрались через узкий ручей. Тут она вдруг остановилась, споткнулась, но не упала.

«Мы на месте?» — оживился я.

«Нет, — сказала она. — Еще нет. Оно знает, что мы идем. Оно нас чует. И не хочет, чтобы мы до него добрались».

Ореховый прут завертелся в руках, как магнит у отталкивающего полюса. Лэтти улыбнулась.

Порыв ветра швырнул листьев и земли нам в лицо. На отдалении погромыхивало, будто шел поезд. Разглядеть что-либо становилось все труднее, а небо, пробивавшееся сквозь толщу листьев, было темным, как если бы у нас над головами собрались тяжелые грозовые тучи или утро разом перешло в сумерки.

Лэтти крикнула: «Пригнись!» и приникла к покрытой мхом земле, утягивая меня за собой. Она лежала ничком, я — подле нее, чувствуя себя немного глупо. Земля была влажной.

«Сколько нам еще?..»

«Ш-ш-ш!» — шикнула она на меня почти злобно. Я замолк.

Что-то пробиралось сквозь ветви над нашими головами. Я поднял голову и увидел нечто коричневое, мохнатое и в то же время плоское, как гигантский ковер с хлопающими, загибающимися краями, с лицевой стороны у ковра была пасть, она щерилась множеством мелких острых зубов и смотрела вниз.

Хлопая, оно проплыло над нами и исчезло.

«Что это было?» — спросил я, и мое сердце билось в груди так сильно, что я не знал, смогу ли снова стоять на ногах.

«Шкуроволк, — ответила Лэтти. — А мы зашли дальше, чем я думала». Она поднялась и смотрела вслед мохнатому чудищу. Потом выставила вперед ореховый прут и стала медленно поворачиваться.

«Ничего не чувствую». Она тряхнула головой, чтобы убрать с глаз волосы, не выпуская из рук рогатки. «Либо оно прячется, либо мы подошли слишком близко». Она закусила губу. И попросила: «Шиллинг. Ну, тот, что был у тебя во рту. Достань его».

Левой рукой я вынул его из кармана и протянул ей.

«Нет, — отказалась она. — Мне нельзя до него дотрагиваться, не сейчас. Положи на рогатку у

самой развилки».

Я не спросил зачем. Просто положил серебряный шиллинг, куда было сказано. Лэтти вытянула руки, медленно поворачиваясь и направляя конец ореховой ветки прямо вперед. Я двигался с ней, но ничего не чувствовал. Никаких вибрирующих двигателей. Мы уже прошли полкруга, когда она, замерев, сказала: «Смотри!»

Я посмотрел, куда было обращено ее лицо, но увидел только деревья и тени между ветвями.

«Нет, сюда смотри». Она сделала знак головой.

На конце ореховый прут слегка дымился. Она повернулась немного влево, немного вправо, снова чуть вправо, и конец ветки начал светиться ярко-оранжевым светом.

«Никогда раньше такого не видела, — удивилась Лэтти. — По идее монета должна усиливать сигнал, а тут…»

«Пшиш-буум!» и на конце рогатки вспыхнуло пламя. Лэтти ткнула ее в мокрый мох. Она велела мне забрать монету, что я и сделал, осторожно подхватив шиллинг пальцами, на случай если он разогрелся, но он был холодным как лед. Она оставила ореховый прут лежать на земле, его обугленный конец все еще сильно дымился.

Лэтти шла дальше, я шел рядом. Теперь мы дер-

жались за руки: моя правая ладонь была зажата в ее левой руке. В воздухе пахло странно, как от фейерверка, мы углублялись в лес, и с каждым шагом вокруг становилось все темнее.

«Я же говорила, что не дам тебя в обиду?» — напомнила Лэтти.

«Да».

«Я обещала, что не позволю тебе навредить».

«Да».

«Просто держи меня за руку, — продолжала она. — Не отпускай. Что бы ни случилось, только не отпускай».

Ее ладонь была теплой, но не потной. Это вселяло уверенность.

«Держи за руку, — повторила она. — И ничего не делай, пока я тебе не скажу. Понял?»

«Мне все равно как-то не по себе», — заметил я.

Она не пыталась меня обнадежить. Лишь сказала: «Мы зашли дальше, чем я себе могла представить. Дальше, чем я ожидала. Я даже точно не знаю, что за твари здесь, на границах, живут».

Деревья расступились, и мы вышли на открытую местность.

Я спросил: «А далеко мы от вашей фермы?»

«Нет. Мы все еще в ее пределах. Ферма Хэмпсто-

ков простирается далеко-далеко. Мы много чего забрали из Древнего Края, когда приплыли сюда. Ферма явилась с нами и притащила с собой других своих обитателей. Ба называет их блохами».

Я не знал, куда мы зашли, но мне не верилось, что мы все еще на земле Хэмпстоков, и этот мир не похож был на тот, где я вырос. Небо здесь светилось тусклым оранжевым светом, какой дает аварийная лампа; растения, покрытые шипами, похожие на огромные косматые алоэ, были темно-зеленого цвета и поблескивали серебром, точно их отлили из оружейной бронзы.

Монета у меня в левой руке, разогревшись в ладони, снова начала остывать, пока не стала на ощупь, как кубик льда. Своей правой рукой я изо всех сил сжал ладонь Лэтти Хэмпсток.

«Все, — сказала она. — Мы на месте».

Сначала я подумал, что передо мной какое-то сооружение: оно было похоже на шатер величиной с деревенскую церковь, из серой и розовой холщовой ткани, рвущейся во все стороны под порывами штормового ветра в этом оранжевом небе — сооружение кренилось набок, обветшалое, побитое временем и непогодой.

И тут оно повернулось, я увидел его лицо, услышал чье-то поскуливание, так скулит собака,

которую пнули ногой, а потом до меня дошло, что поскуливал я.

Вместо лица были лохмотья, вместо глаз — две глубокие щели в ткани. За ними — пустота, просто серая маска из дерюги, намного больше, чем я вообще мог себе представить, вся в клочьях и дырах, парящая в потоках сильного ветра.

Что-то сдвинулось, и груда рванья нависла над нами.

Лэтти Хэмпсток приказала: «Назови себя».

Молчание. Два пустых глаза таращились на нас сверху вниз. Затем раздался голос, бестелесный, как шелест ветра: «Я хозяйка этого места. Я поселилась здесь давным-давно. Еще до того, как люди стали приносить в жертву друг друга на скалах. Мое имя принадлежит мне, дитя. Оно не твое. А теперь оставь меня в покое, пока я всех вас не развеяла по ветру». Точно рваный парус, взметнулась в воздух ее тряпка-рука, и меня охватил озноб.

Лэтти Хэмпсток сжала мою ладонь, и я приободрился. Она заговорила: «Слышь, ты, я велела назвать себя. Не брехать про старость и время. Не скажешь, как тебя звать, и пеняй на себя». Ее слова звучали как никогда просторечно, по-деревенски. Может быть, из-за злости в голосе: когда

она злилась, ее речь звучала иначе.

«Нет, — прошелестело спокойно тряпичное существо. Девочка, девочка… кто твой друг?»

Лэтти шепнула: «Молчи». Я закивал и крепко сжал губы.

«Мне это начинает надоедать, — подала голос серая груда лохмотьев, раздраженно всплеснув рваными руками. — Что-то явилось ко мне с мольбой о любви и помощи. Оно поведало, как осчастливить всех подобных ему. Они — существа простые, все, что им нужно, — это деньги, только деньги, и ничего больше. Маленький кругляшок-за-работу. Если бы оно попросило, я бы дала ему мудрость или покой, абсолютный покой…»

«А ну, хватит! — приказала Лэтти Хэмпсток. — Тебе нечего дать им. Не лезь к ним».

Налетел ветер, и громадная фигура закачалась в потоке воздуха, словно корабль с огромными парусами, а когда ветер стих, положение ее изменилось. Казалось, она подлетела ближе к земле и изучает нас, как тряпичный великан-ученый, разглядывающий двух белых мышек.

Двух очень напуганных мышек, сцепившихся лапками.

Теперь рука у Лэтти была влажной. Она стисну-

ла мою ладонь — подбодрить ли меня или себя, не понятно, но я сжал ее руку в ответ.

Рваное лицо, то место, где должно было быть лицо, искривилось. Я подумал, что оно улыбалось. Наверное, улыбалось. Я чувствовал, как оно всматривается в меня, в каждую клеточку. Как будто оно знало обо мне все — даже то, что я сам о себе не знал.

Девочка, державшая меня за руку, пригрозила: «Не назовешься, свяжу тебя, как безымянную вещь. И будешь связанная, привязанная, запечатанная яко призрак какой или баргест».

Она замолкла, существо не отвечало, и Лэтти Хэмпсток начала произносить непонятные слова. Временами она говорила, временами это напоминало песню на неведомом языке, который я до этого никогда не слышал и который больше мне не довелось услышать. А вот мотив я знал. Это была старая детская песенка, мотив, на который мы пели: «Мальчишки, девчонки, гулять идем!» Мелодия была та самая, но слова Лэтти были еще старше. В этом я был уверен.

И пока она пела, под оранжевым небом стало что-то происходить.

Земля вспучилась и зазмеилась червями, длинными серыми червями, выползавшими из-под

наших ног.

Что-то выстрелило в нас из самой гущи развевающегося тряпья. Оно было чуть больше футбольного мяча. В школе на уроках физкультуры, если я что-то должен был поймать, обычно мне это не удавалось, рука опаздывала на секунду, и я получал удар в лицо или живот. Но сейчас это что-то летело прямо в меня и в Лэтти Хэмпсток, и не успел я подумать, как взял и *сделал*.

Вытянул обе руки и поймал его — косматый, извивающийся клубок из паутины и истлевшей ткани. А поймав, почувствовал боль: что-то кольнуло в ступню и тут же прошло, как будто я наступил на кнопку.

Лэтти выбила у меня из рук клубок, он упал на землю и исчез. Она схватила мою правую руку и крепко сжала ее. При этом, не прекращая петь.

Эта песня являлась мне во снах, ее странные слова, незатейливый детский мотив, и иногда, во сне, я понимал, что в ней говорилось. В тех снах я тоже говорил на этом языке, на праязыке, и мог повелевать всем сущим. Во сне это был язык бытия, все сказанное на нем претворяется в жизнь, и ничто реченное не может быть ложью. Он — главный строительный камень мироздания. Во сне я использовал этот язык, чтобы лечить

больных и летать; однажды мне приснилось, что я владелец замечательной маленькой таверны на берегу моря, и каждому своему постояльцу я говорил: «Исцелись», и он становился цельным, снова цельным, а не разбитым, потому что я говорил на языке формы.

И, так как Лэтти говорила на языке формы, даже не понимая, что она говорит, я догадался о том, что было сказано. Отныне существо на поляне было навеки привязано к этому месту, не могло выйти отсюда и не имело власти за пределами своих владений.

Лэтти Хэмпсток закончила петь.

Мне чудилось, что существо завывает, ревет, выкрикивает ругательства, но под оранжевым небом все было тихо, только холщовые лохмотья хлопали на ветру и ветки трещали.

Ветер улегся.

На черной земле ковром лежали клочья серой ткани, как дохлые зверьки или как брошенное кем-то нестираное белье. Они не шевелились.

«Это должно ее удержать», — сказала Лэтти и сжала мою руку. Я понял, что она старается говорить весело, но у нее не получилось. Слова прозвучали зловеще. «Пойдем, надо отвести тебя домой».

Держась за руки, мы прошли отливающий синевой вечнозеленый лес, перебрались через декоративный пруд по лакированному красно-желтому мостику и двинулись дальше по краю поля, где проклевывались молодые ростки кукурузы, словно трава, посеянная рядами; все так же держась за руки, мы взобрались по деревянному перелазу и оказались на другом поле с растениями, похожими на маленькие камыши или мохнатых змеек — черные, белые, бурые, оранжевые, серые, полосатые, все они лениво извивались, сворачиваясь и разворачиваясь на солнце.

«Что это?» — удивился я.

«Хочешь, вытащи и посмотри», — разрешила Лэтти.

Я поглядел вниз: мохнатый завиток у меня под ногами был совершенно черным. Наклонившись, я ухватил его покрепче у корня левой рукой и потянул.

Что-то показалось из земли и стало яростно изворачиваться. Будто сотня мелких иголок впилась мне в левую ладонь. Я стряхнул с него землю и извинился, а оно уставилось на меня скорее в изумлении и замешательстве, чем со злостью. С ладони оно прыгнуло мне на рубашку, я погладил

его: это был котенок, черный и гладкий, с заостренной любопытной мордочкой, с белым пятном на одном ухе, с глазами необычайно яркого сине-зеленого цвета.

«Здесь, на ферме, наши кошки плодятся обычным способом», — пояснила Лэтти.

«А как это?»

«Да то все Большой Оливер. Он очутился на ферме еще в темные времена. Все кошки на ферме пошли от него».

Я взглянул на котенка, повисшего у меня на рубашке.

«Можно мне взять его домой?» — попросил я.

«Не его, а *ее.* И это не простой котенок. Да и вообще не очень хорошая идея брать что-то домой отсюда», — ответила Лэтти.

Я опустил кошку на землю у края поля. Она погналась за бабочкой, то подпускавшей ее к себе поближе, то снова взлетавшей вверх, а потом и вовсе умчалась и даже не оглянулась.

«Моего котенка задавили, — пожаловался я Лэтти. — Он был совсем маленький. Человек, который умер, рассказал мне об этом, хотя и не он вел машину. Он сказал, они не заметили».

«Жалко», — отозвалась Лэтти. Мы как раз проходили под густо цветущей яблоней, и вокруг

пахло медом. «Вот ведь она, какая беда с живыми. Не живут долго. Сегодня котенок, завтра старая кошка. А потом лишь воспоминания. Да и они тускнеют, стираются, затираются…»

Она отворила жердяные ворота, и мы прошли через них. И только тут она отпустила мою руку. Мы стояли на самом конце проселка, у дощатого стола с помятыми бидонами из-под молока. Вокруг ничем необычным не пахло.

«Мы что, правда вернулись?» — спросил я.

«Да, — подтвердила Лэтти Хэмпсток. — И больше от нее нам вреда не будет. — Она помолчала. — Ох и страшная же она была, да? И мерзкая. Никогда еще такую не видела. Если б я знала, что она будет такой старой, большой, такой мерзкой, я бы тебя с собой не взяла».

Я был рад, что она взяла меня с собой.

Лэтти снова заговорила: «Лучше бы ты не отпускал мою руку. Но вроде с тобой все в порядке, да? Все получилось как надо. Обошлись без потерь».

Я заверил ее: «Со мной все хорошо. Волноваться не о чем. Я бравый солдат». Так всегда говорил дедушка. И я повторил за ней: «Обошлись без потерь».

Она улыбнулась мне — весело, с облегчением, и я надеялся, что, сказав это, поступил правильно.

5

Вечером сестра, сидя на кровати, снова и снова расчесывала волосы. Перед тем как лечь спать, она сто раз проводила расческой по волосам и тщательно вела счет. Я не понимал зачем.

«Что ты там делаешь?» — спросила она.

«Ногу смотрю», — отозвался я.

Я разглядывал правую стопу. От бугра под большим пальцем и почти до самой пятки шла по центру розовая линия — ребенком, еще не научившись толком ходить, я наступил на осколок стекла. Помню, как, проснувшись на следующее утро в своей детской кроватке, я разглядывал черные стежки, удерживающие края пореза вместе. Это было мое самое раннее воспоминание. Я привык к розовому шраму. А вот дырочка прямо за ним, на своде стопы, была свежей. Она была как раз там, где я почувствовал острую боль, хотя сейчас она не болела. Это была просто дырка.

Я поковырял ее указательным пальцем, и мне показалось, что в дырке что-то есть.

Сестра перестала расчесываться и смотрела на меня с любопытством. Я встал, вышел из комнаты и направился в ванную в конце коридора.

Не знаю, почему я не пошел с этим к родителям. Я вообще не помню, чтобы ходил за помощью к взрослым, если только совсем некуда было деваться. В тот год я вырезал у себя на коленке бородавку перочинным ножом, заодно узнав, какой глубины должен быть порез, чтобы стало больно, и на что похожи корни бородавки.

В ванной в зеркальном шкафчике хранился пинцет из нержавейки с тонкими, заостренными кончиками, чтобы вытаскивать занозы, и упаковка лейкопластыря. Я сел на металлический край белой ванны и стал обследовать дырку в стопе. Это была простая, круглая дырочка с ровными краями. Насколько глубокая — мне не было видно, что-то мешало. Что-то застряло внутри. И когда в дырку попадал свет, то казалось, что оно уходит вглубь.

С пинцетом наготове я наблюдал. Ничего не происходило. Ничего не менялось.

Указательным пальцем левой руки я осторожно прикрыл дырку от света. Поднес к ней кончик пинцета и затаился. Досчитал до ста — наверное, из-за сестры и ее расчесывания. Потом убрал палец и сунул в дырку пинцет.

Я поймал головку червя, если это был червь, зажав ее между металлическими кончиками, и

потянул.

Вы когда-нибудь пробовали вытащить из норы червяка? Знаете, как они упираются? Как они всем телом цепляются за стенки? Я уже вытащил что-то около дюйма этого червя — розово-серого, в прожилках, словно пораженного вирусом — из дырки в стопе, когда почувствовал, что дальше не идет. Я ощущал, как у меня в ноге он застыл, стал неподатливым. Червяк меня не пугал. Было ясно, что с людьми такое случается, завелись же у соседского кота Дымки глисты. У меня червяк завелся в ноге, и я пытался от него избавиться.

Я стал вращать пинцет, думая, как мне кажется, про спагетти на вилке, и накручивать на него червя. Он сопротивлялся, но мало-помалу я выкручивал его, а потом он совсем застрял.

Я чувствовал, как у меня внутри он упирается, словно жила, цепляясь за липкие стенки эластичного канала. Я наклонился, насколько это было возможно, дотянулся левой рукой до барашка с красным пятном посередине и пустил горячую воду. Вода лилась из крана в сливное отверстие минуты три-четыре, пока не пошел пар.

Тогда я вытянул ногу и правую руку, крепко сжимая пинцет, а с ним и ту часть червя, что мне удалось из себя извлечь. Место, где был пинцет,

я подставил под кипяток. Вода окатила ступню, но мои подошвы так огрубели от частой ходьбы босиком, что я не сильно боялся. Вода обожгла пальцы, но я был к этому готов. А червяк нет. Я ощутил, как он извивается внутри меня, пытаясь увернуться от горячей воды, как он слабеет. Победно я орудовал пинцетом, будто избавлялся от самого ненавистного существа в мире, и оно, поддаваясь, сопротивлялось мне все меньше и меньше.

От горячей воды оно совсем размякло, и я упорно тянул, пока оно почти полностью не вылезло. Но я был слишком самонадеян, нетерпелив и торопился праздновать победу: я дернул слишком быстро, слишком резко, и весь червяк оказался у меня на ладони. Его кончик, показавшийся из стопы, был неровный и сочился слизью, как будто оторвался.

Но если что-то и осталось у меня в ноге, то самый мизер.

Я с интересом рассматривал червя. Он был темно-серый и светло-серый, в розовых прожилках и с кольцами, как обычный земляной червь. Сейчас, когда его вытащили из горячей воды, он вроде бы оживал. Я держал его пинцетом за голову (*голова* ли это была? Откуда мне знать?), а тело

свисало, дергаясь и извиваясь по всей длине.

Мне не хотелось его убивать — я не убивал животных, если можно было обойтись без этого, — но от червя нужно было избавиться. Он был опасен. Я в этом не сомневался.

Я подержал извивающегося червя под струей горячей воды над сливным отверстием. И отпустил, наблюдая, как он исчезает в водостоке. Я оставил воду открытой, вымыл пинцет. Заклеил дырку в стопе кусочком лейкопластыря, заткнул ванну пробкой, чтобы червяк не выкарабкался обратно до того, как закроется кран. Я понятия не имел, умер ли он, но не думаю, что вы бы вылезли назад из нашего водостока.

Я положил пинцет туда, где его взял, — в зеркальный ящик, закрыл створки и посмотрелся.

Меня занимал вопрос, в то время я частенько над этим думал, кто я и что за существо стоит по эту сторону зеркала. Если лицо, которое я видел там, было мною, а я знаю, что оно мною не было, потому что я — это я, что бы с моим лицом ни случилось, тогда что же такое я? И что за существо стоит и смотрит?

Я вернулся в комнату. По графику это была моя ночь, и дверь была открыта, я подождал, пока сестра заснет, чтобы не наябедничала, и потом

при рассеянном свете из коридора читал «Тайны „Секретной семерки“», пока сам не уснул.

6

Кстати, еще кое-что: когда я был маленьким мальчиком, наверное, трех-четырех лет отроду, я вроде как был чудовище. «Ты был маленький мамзер», — твердили мне тетки по разному поводу, когда я таки дотянул до взрослых лет и мои ужасные детские проделки можно было вспоминать с издевкой. Но на самом деле я не помню, что был чудовищем. Помню, только хотел все делать по-своему.

Ребенок, не каждый, конечно, думает, что он бог, и ни за что не успокоится, если остальные смотрят на мир как-то иначе.

Но я уже не был ребенком. Мне исполнилось семь. Когда-то я ничего не боялся, а теперь был ужасно напуган.

Не происшествие с червем в стопе испугало меня. Об этом я никому не сказал. Хотя на следующий день в голове крутился вопрос, часто ли у людей заводятся в ноге червяки, или это случилось только со мной на поляне под оранжевым небом на краю фермы Хэмпстоков.

Проснувшись, я отлепил пластырь и с облегчением обнаружил, что дырка начала затягиваться.

На ее месте было лишь розовое пятно, похожее на гематому.

Я спустился вниз позавтракать. Мама выглядела счастливой. «Хорошие новости, дорогой, — начала она. — Я нашла работу. В оптике „У Диксонов“ требуется офтальмолог, и они хотят, чтобы я начала сегодня после обеда. Я буду работать четыре дня в неделю».

Я был не против. Я прекрасно обходился один.

«У меня есть еще хорошие новости. Кое-кто приедет за вами присматривать, пока меня нет дома. Ее зовут Урсула. Она будет спать в твоей старой комнате на самом верху. Она — наподобие экономки. Будет следить, чтобы вы, дети, были накормлены, и убираться — у миссис Уоллери заболело бедро, и она говорит, что сможет вернуться только через несколько недель. У меня прямо камень с души — кто-то здесь будет, пока мы с папой на работе».

«У вас же нет денег на это, — буркнул я. — Вы же сами сказали, что у вас больше нет денег».

«Вот поэтому я и буду работать офтальмологом, — объяснила она. — А Урсула будет нянчиться с вами за еду и ночлег. Ей нужно остаться здесь на несколько месяцев. Она позвонила сегодня утром. У нее прекрасные рекомендации».

Я надеялся, что она хотя бы окажется милой. Предыдущая экономка Гертруда, за полгода до этого, вовсе не была милой: она любила нас разыгрывать, например, специально заправляя постель так, чтобы мы в ней путались и не могли выбраться, а мы этих ее шуток не понимали. В конце концов мы вышли к дому с плакатами «Ненавидим Гертруду» и «Терпеть не можем стряпню Гертруды», стали подкладывать ей в кровать лягушат, и она уехала обратно к себе в Швецию.

Я взял книгу и пошел в сад.

Был теплый весенний день, светило солнце, и я вскарабкался по веревочной лестнице на нижнюю ветку большого бука, устроился там и стал читать. С книжкой мне было все нипочем: я унесся далеко, в Древний Египет, и узнал о Хатор, о том, как она преследовала египтян, превратившись в львицу, и порешила стольких, что пески Египта побагровели, как ее смогли победить, лишь смешав пиво, мед и снотворное и выкрасив эту смесь в красный, как она приняла смесь за кровь, выпила ее и уснула. А потом Ра, отец всех богов, сделал ее богиней любви, чтобы раны, которые она наносила людям, отныне были только сердечными.

Я все думал, почему боги так поступили. Поче-

му они просто не убили ее, когда появилась такая возможность.

Мне нравились мифы. Они не были историями для взрослых или детей. Они были лучше. Лучше, и все.

Я никогда не понимал историй для взрослых, и начало там было слишком затянуто. После них мне казалось, что у взрослых свои секреты, масонские заговоры, мистификации. Почему они не хотели читать про Нарнию, таинственные острова, контрабандистов и опасных волшебниц?

Голод давал о себе знать. Я слез с дерева и пошел через задний двор мимо прачечной, пахшей стиральным порошком и плесенью, мимо небольшого дровяного навеса, мимо уличной уборной с деревянными дверками травянисто-зеленого цвета и с пауками, которые висели внутри и ждали. Через черный ход, по коридору, на кухню.

Там была мама с незнакомой мне женщиной. При виде ее в сердце кольнуло. То есть буквально, не в переносном смысле: я почувствовал резкую боль в груди, лишь на секунду, а потом она сразу прошла.

Сестра сидела за кухонным столом, поедая из тарелки кукурузные хлопья.

Женщина была прехорошенькая. С короткова-

тыми золотисто-медовыми волосами, огромными серо-голубыми глазами и бледно-розовой помадой. Она казалась высокой, даже для взрослого.

«Дорогой, — обратилась мама ко мне, — это Урсула Монктон». Я ничего не ответил. Просто стоял и смотрел на нее. Мама легонько ткнула меня локтем в бок.

«Привет», — поздоровался я.

«Он стесняется, — сказала Урсула Монктон. — Уверена, вот привыкнет ко мне, и мы станем большими друзьями». Она протянула руку и погладила сестру по блеклым, грязно-коричневым волосам. Та расплылась в беззубой улыбке.

«Вы мне так нравитесь! — восхищенно проговорила сестра. И, глядя на нас с мамой, добавила: — Когда я вырасту, хочу быть Урсулой Монктон».

Мама и Урсула засмеялись. «Ах ты, маленькая умница! — похвалила ее Урсула Монктон и повернулась ко мне: — Так что насчет нас, а? Мы ведь тоже друзья?»

Я молча смотрел на нее, такую взрослую, со светлыми волосами, в серо-розовом платье, и мне стало страшно.

Ее платье не было изношенным. Думаю, оно просто так было сделано, такой тип платья. Но когда я смотрел на нее, мне казалось, что платье

развевается в этой защищенной от сквозняков кухне, наливаясь ветром, точно парус корабля посреди пустынного океана под оранжевым небом.

Не знаю, что я ответил, если что-то вообще ответил. Но из кухни я вышел, несмотря на голод, даже не взяв яблока.

Я пошел с книгой в сад за домом — под балкон, к цветочной клумбе у окна гостиной, и погрузился в чтение, забывая про голод в путешествии по Египту с богами, у которых были звериные головы и которые разрубали друг друга на части, а потом снова воскрешали.

В саду показалась сестра.

«Мне она так нравится, — заявила она. — Урсула — мой друг. Хочешь посмотреть, что она мне дала?» Сестра вынула небольшой серый кошелек-монетницу с металлической застежкой-бабочкой, вроде того, что был у мамы в сумочке. Было видно, что он сделан из кожи. Может быть, из мышиной? Она открыла кошелек, сунула пальцы в щель и достала большую серебряную монету — полкроны.

«Вот, смотри-смотри! — хвалилась она. — Смотри, что у меня есть!»

Я тоже хотел полкроны. Нет, я хотел то, что можно было купить на полкроны — набор фо-

кусника, пластиковые игрушки-развлекушки, книги, ох, столько много всего. Но маленький серый кошелек с монетой в полкроны я не хотел.

«А мне она не нравится», — возразил я сестре.

«Это потому что я первая ее увидела, — нашлась сестра. — Она *мой* друг».

Я не думал, что Урсула Монктон была чьим-то другом. Мне захотелось побежать и предупредить о ней Лэтти Хэмпсток — но что бы я сказал? Что новая няня-экономка носит серое и розовое? Что она странно на меня смотрит?

Зачем я тогда отпустил руку Лэтти?! Урсула Монктон — это была моя ошибка, я знал это наверняка, и от нее не избавиться, просто спустив в водосток или подкладывая в кровать лягушек.

В тот момент и надо было удирать, мчаться без оглядки вниз по проселку, пробежать эту милю до фермы Хэмпстоков, но я не сбежал, такси увезло маму в оптику «У Диксонов», где она показывала людям буквы через линзы и выписывала разные средства, чтобы они лучше видели, а я остался с Урсулой Монктон.

Она вышла в сад с подносом сэндвичей.

«Я поговорила с вашей мамой, — начала она, и под бледно-розовой помадой нарисовалась сахарная улыбка. — Пока я тут, вы, дети, не бу-

дете разгуливать где попало. Можете играть где угодно в доме и в саду и навещать вместе со мной ваших друзей, но выходить за пределы поместья и шататься по округе строго запрещается».

«Конечно», — согласилась сестра.

Я промолчал.

Сестра уплетала сэндвич с арахисовым маслом.

Я умирал от голода. Но мне не давал покоя вопрос: а что, если есть сэндвичи небезопасно? Наверняка я не знал. Я боялся, вот съем один, и он в желудке превратится в червей, они будут ползать внутри, обживутся у меня в теле, а потом, выбираясь наружу, прогрызут дырки в коже.

Я вернулся в дом. Толкнул дверь в кухню. Урсулы Монктон там не было. Я напихал в карманы фруктов — яблок, апельсинов, жестких бурых груш. Взял три банана, сунул их под джемпер и побежал в свою лабораторию.

Моей лабораторией, так я ее называл, был зеленого цвета сарай — пристройка к огромному старому гаражу, удаленная от дома, насколько это было возможно. Около сарая росла смоковница, правда, мы только и видели, что ее разлапистые листья да зеленые плоды, а спелую смокву так ни разу и не отведали. Я называл сарай лабора-

торией, потому что хранил там свой набор юного химика: этот набор, мой вечный подарок на день рождения, запретил держать в доме отец, когда я наделал дел в пробирке. Я намешал что ни попадя, подогрел, смесь почернела и изверглась из пробирки с аммиачным выхлопом, который никак не хотел выветриваться. Отец сказал, что не возражает против моих экспериментов (хотя никто из нас не знал, над чем я вообще колдую. Да и какая была разница, маме тоже дарили на день рождения наборы юного химика, и видите, как хорошо все вышло), но чтобы духу их не было в доме.

Я съел банан и грушу, остальные фрукты спрятал под деревянный стол.

Взрослые идут нахоженными тропами. Дети разведывают новые. Взрослый довольствуется привычным, он идет одним и тем же путем сотни, тысячи раз; и, может, ему никогда не придется свернуть, проползти под кустами рододендрона, найти дырки в заборе. Я был ребенком и знал множество способов выбраться из поместья к проселку, не выходя на подъездную дорожку. Я решил, что выскользну из лаборатории, прокрадусь вдоль стены до края лужайки и юркну в кусты азалии и благородного лавра на краю сада.

Из кустов спущусь по косогору и вылезу через проржавевшую ограду на проселок.

За мной никто не следил. Я бежал, полз, продирался сквозь лавровые кусты, спускался по косогору, путался в зарослях ежевики и обжигался крапивой, которой в прошлый раз еще не было.

У подножия косогора, прямо у проржавевшей ограды, меня поджидала Урсула Монктон. Она никак не могла пробраться сюда, чтобы я ее не увидел, но она была здесь. Стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на меня, и ее платье, серое с розовым, развевалось на ветру.

«Я, кажется, сказала тебе не выходить за пределы поместья».

«А я и не выхожу! — выпалил я с таким напором, какого в себе совсем не ощущал, даже самую малость. — Я на нашей земле. Просто играю в следопыта».

«Все крутишься здесь и вынюхиваешь», — сказала она.

Я промолчал.

«Думаю, тебе самое место в детской, там будет проще за тобой уследить. Итак, пора устроить сон-час».

Я был слишком взрослый, чтобы спать днем,

но понимал, что чересчур маленький, чтобы спорить или одержать в этом споре верх.

«Ладно», — буркнул я.

«Никаких „ладно“, — отрезала она. — Говори „Да, мисс Монктон“. Или „мэм“. Ну-ка скажи: „Да, мэм“». Она взглянула на меня своими серо-голубыми глазами, которые мне напомнили щели в рваной холстине и теперь не казались красивыми.

Я повторил за ней «Да, мэм», и, повторяя, ненавидел себя за это.

Мы стали вместе подниматься по склону.

«Твоим родителям это место больше не по карману, — заговорила Урсула Монктон. — И содержать его им не на что. Скоро они поймут — чтобы решить финансовые проблемы, нужно продать дом вместе с садами застройщикам. Тогда все *это*... — а *это* была беспорядочная путаница ежевичных ветвей, нечесаный уголок мира позади поляны, — превратится в дюжину одинаковых домов и садов. И если вам повезет, один из них получите вы. А если нет, то вам останется лишь завидовать тем, кто получил. Как тебе такой расклад?»

Я любил этот дом, этот сад. Его косматую, заросшую неухоженность. Я любил это место, как

будто оно было частью меня, и, наверное, оно по-своему было.

«Кто вы?» — спросил я.

«Урсула Монктон. Ваша экономка».

«А кто вы на самом деле? — переспросил я. — И почему вы даете людям деньги?»

«Все хотят денег, — удивилась она, словно это было само собой разумеющимся. — Деньги делают их счастливыми. Они и тебя осчастливят, если захочешь». Мы вышли к компостной куче у зеленого круга в траве, который мы называли кольцом фей: иногда в дождливую погоду его заполняли ярко-желтые поганки.

«А теперь, — приказала она, — иди к себе в комнату».

И я припустил от нее изо всех сил — через кольцо фей, по лужайке, мимо розовых кустов и дровяного навеса в дом.

Урсула Монктон встречала меня у черного хода, стоя в проеме двери, хотя она никак не могла проскользнуть мимо. Я бы увидел. Прическа у нее была волосок к волоску, а губы — словно только что накрашены.

«Я же внутри тебя, — усмехнулась она. — Так что, сам понимаешь. Расскажешь кому, тебе не поверят. А я внутри, и я точно узнаю. Возьму и

сделаю так, чтобы ты больше никогда никому ничего не сказал против моей воли, никогда».

Я поднялся к себе и лег на кровать. Место на стопе, где раньше был червяк, пульсировало и болело, а теперь и в груди давило. Я забылся в чтении. Я бежал от реальности, когда жизнь была слишком тяжкой или вовсе заходила в тупик. Брал с полки несколько маминых старых книжек, из ее детства, и читал про школьниц и их приключения в 1930-х и 1940-х годах. В основном они боролись с контрабандистами, шпионами, пособниками из пятой колонны, кто бы это ни был, девочки всегда отличались отвагой и точно знали, что делать. Я отвагой не отличался и не имел ни малейшего представления, что делать.

Мне никогда еще не было так одиноко.

Я все гадал, есть ли у Хэмпстоков телефон. Вряд ли, но не исключалось — может, это миссис Хэмпсток заявила в полицию о «мини». Телефонная книга была внизу, но я знал номер справочной, всего-то нужно было назвать фамилию Хэмпсток и ферму Хэмпстоков. Телефон был у родителей в комнате.

Я встал с кровати, подошел к двери, выглянул. Коридор был пуст. Как можно быстрее и тише я прокрался в комнату рядом с нашей. Стены в

ней были светло-розовые, родительская кровать стояла застеленная покрывалом с набивным рисунком из огромных роз. Окна от пола до потолка выходили на балкон, который с этой стороны опоясывал дом. Кремовый телефон стоял на прикроватном столике, тоже кремовом, только с позолотой. Я схватил трубку, услышал глухой стрекот телефонного гудка и стал набирать справочную, просовывая палец в дырки на диске: один, девять, два. Я ждал, что появится оператор и продиктует мне номер фермы Хэмпстоков. У меня был с собой карандаш — записать номер на обороте книги в синем тканевом переплете с названием «Пэнси спасает школу».

Оператор не появился. Стрекот в трубке продолжался, а сквозь него голос Урсулы Монктон выговаривал: «Благовоспитанный юноша не вздумает пробираться тайком к телефону, а, юноша?»

Я ничего не ответил, хотя и не сомневался, что она слышит мое дыхание. Я опустил трубку на рычаг и вернулся в детскую.

Сел на кровать и стал смотреть в окно.

Моя кровать была придвинута плотно к стене и стояла прямо у окна. Мне нравилось спать с открытым окном. В дождливую ночь больше всего:

я открывал его, клал голову на подушку, закрывал глаза, и чувствовал на лице ветер, и слушал, как деревья качаются и скрипят. Если мне везло, на лицо задувало капли дождя, тогда я представлял себя посреди океана в лодке, качавшейся в такт волне. Я не воображал себя пиратом или что куда-то плыву. Я был просто у себя в лодке.

Но сейчас не шел дождь, и на дворе был день. И все, что я видел из окна, — это деревья, облака и пурпурную даль горизонта.

Под большим пластиковым Бэтменом, подарком на день рождения, у меня был тайник с шоколадом на черный день, я его съел, и пока ел, вспоминал, как отпустил руку Лэтти Хэмпсток и поймал клубок из гнилой дерюги, как потом больно кольнуло в ногу.

Сам ее сюда и притащил, подумал я, зная, что так оно и есть.

Не было никакой Урсулы Монктон. Она была картонной оболочкой этого существа — червя, поселившегося во мне, существа, раздувавшегося в потоках ветра и хлопавшего рваными краями там, на поляне под оранжевым небом.

Я вернулся к приключениям Пэнси, спасавшей школу. Секретные чертежи авиабазы, расположенной неподалеку, перехватили вражеские

шпионы — учителя, занятые на работах в школьном саду: чертежи спрятали в выдолбленных кабачках.

«Великий боже! — воскликнул инспектор Дэвидсон из знаменитого отдела по борьбе с контрабандистами и тайными агентами Скотленд-Ярда (отдел БКТА). — Уж это точно последнее место, где бы мы стали искать!»

«Мы приносим вам свои извинения, Пэнси, — произнесла суровая директриса с несвойственной ей теплой улыбкой и таким блеском в глазах, что Пэнси засомневалась — возможно, все это время она ошибалась на ее счет. — Вы спасли репутацию школы! А теперь, пока вы не слишком возгордились, позвольте спросить, не имеется ли каких французских глаголов, которые вы должны проспрягать для мадам?»

Я еще мог радоваться за Пэнси, хотя все мои мысли были проникнуты страхом. Я ждал прихода родителей. Я бы им рассказал, что происходит. Я бы им рассказал. И они бы поверили.

В то время отец работал всего в часе езды от дома. Я не вполне представлял, что у него за работа. У него была очень милая, симпатичная секретарша, а у нее — карликовый пудель; если мы, дети, должны были приехать к отцу, она всегда

привозила из дома пуделя, чтобы мы с ним играли. Иногда мы проходили мимо каких-нибудь зданий, и отец говорил: «Это одно из наших». Но здания меня не занимали, так что я никогда не спрашивал, как оно могло быть одним из наших, или даже кто это *мы.*

Я лежал на кровати, проглатывая книгу за книгой, пока в двери не показалась Урсула Монктон и не сказала: «Теперь можешь спускаться».

Внизу, в гостиной, сестра смотрела телевизор. Программу «КАК», научно-популярное шоу о том, как все устроено, начинавшееся заставкой, где ведущие в индейских головных уборах с перьями кричали «Как?» и зачем-то издавали боевой клич индейцев.

Я хотел переключить на «Би-би-си», но сестра торжествующе посмотрела на меня и предупредила: «Урсула говорит, я могу смотреть все, что захочу, а тебе переключать нельзя».

Я на минуту присел около нее, на экране усатый старик показывал всем детям Англии, как вручную сделать муху-блесну.

«Она нехорошая», — проворчал я.

«А мне она нравится. Она красивая».

Через пять минут домой вернулась мама, из коридора крикнула нам «привет» и пошла на

кухню к Урсуле Монктон. Затем она вновь появилась. «Ужин будет готов, как только приедет папа. Вымойте руки».

Сестра пошла наверх мыть руки.

«Мне она не нравится, — сказал я маме. — Ты ведь прогонишь ее?»

Мама вздохнула. «Дорогой, это же *не* Гертруда. Урсула — очень славная девушка, из очень хорошей семьи. И она определенно вас *обожает».*

Приехал домой отец, и подали ужин. Густой овощной суп, жареную курицу, молодой картофель с зеленым горошком. Все, что я любил. Я не взял в рот ни крошки.

«Я не голодный», — объяснил я.

«А я не из тех, кто сплетничает, — вмешалась Урсула Монктон. — Но у кого-то были руки и лицо в шоколаде, когда этот кто-то вышел из своей комнаты».

«Зря ты ешь эту дрянь», — рыкнул на меня отец.

«Это же очищенный сахар. От него портятся аппетит и зубы», — добавила мама.

Я боялся, как бы они не заставили меня есть, но они не стали. Я сидел за столом голодный, а Урсула Монктон смеялась над шутками отца. И мне казалось, что шутки у него особенные,

только для нее.

После ужина мы вместе смотрели сериал «Миссия невыполнима». Обычно он мне нравился, но в этот раз я чувствовал себя неуютно — люди вновь и вновь стаскивали с себя лица, обнаруживая под ними новые. Это были резиновые маски, скрывавшие знакомых героев, но у меня свербило — если Урсула Монктон снимет свое лицо, что будет под ним?

Потом мы пошли спать. Это была ночь сестры, и дверь в комнату закрыли. Мне не хватало света из коридора. Я лежал на кровати, с открытым окном, без сна, вслушиваясь в шорохи старого дома на исходе долгого дня, и загадывал про себя, желая изо всех сил, чтобы загаданное сбылось. Я хотел, чтобы родители прогнали Урсулу Монктон, и я пошел бы к Хэмпстокам, рассказал Лэтти, что я наделал, и она простила бы меня и все исправила.

Мне не спалось. Сестра уже заснула. Похоже, она засыпала, стоило только ей захотеть — завидное свойство, которым я похвастаться не мог.

Я вышел из комнаты.

Постоял у лестницы, послушал звук телевизора снизу. Стараясь не шлепать босыми ногами, осторожно спустился на три ступеньки и сел. Дверь в

гостиную была наполовину открыта, спустись я еще на ступеньку, и те, кто у телевизора, могли бы меня увидеть. Так что я решил обождать здесь.

До меня доносились голоса из телевизора, перемежавшиеся короткими взрывами телехохота.

А сквозь эти телевизионные голоса прорывался разговор взрослых.

«То есть по вечерам вашей жены нет дома?» — спросила Урсула Монктон.

Голос отца. «Нет. Она уехала, чтобы кое-что приготовить на завтра. Но с завтрашнего дня это будет каждую неделю. Она собирает деньги для жителей Африки, в деревенском клубе. Чтобы рыть колодцы, хотя я думаю — на контрацептивы».

«Да уж, — поддакнула Урсула. — *Понятное* дело».

И засмеялась высоким, серебристым смехом, в котором слышались дружелюбие, искренность и неподдельность, а совсем не шум развевающихся лохмотьев. Тут она пробормотала: «Ох уж этот мне маленький слухач...», дверь настежь распахнулась, и вот на меня в упор смотрела Урсула Монктон. Она успела подновить макияж, накрасила свои длинные ресницы и освежила бледно-розовую помаду.

«Марш в кровать, — приказала она. — Быстро».

«Я хочу поговорить с папой», — попросил я без особой надежды. Она ничего не ответила, просто улыбнулась, но в этой улыбке не было ни теплоты, ни любви, и я побрел наверх, залез в постель и лежал в темной комнате, а когда совсем отчаялся уснуть, сон, подкравшись, сморил меня, и я спал беспокойно.

7

Следующий день не задался.

Родители уехали еще до того, как я проснулся.

За ночь похолодало, и небо было унылое, некрасивое, серое. Я прошел через комнату родителей на балкон, который тянулся во всю длину родительской спальни и детской, постоял там, глядя в небо и умоляя, чтобы Урсуле Монктон надоела эта игра и чтобы мне ее больше никогда не видеть.

Когда я спустился вниз, Урсула Монктон ждала меня у лестницы.

«Те же правила, что и вчера, маленький слухач, — предупредила она. — Выходить за пределы поместья запрещается. Если попробуешь, запру тебя в комнате на весь день, а родителям вечером скажу, что ты совершил отвратительный поступок».

«Они вам не поверят».

Она приторно улыбнулась. «С чего ты взял? А если я им скажу, что ты вытащил своего дружка из штанов, изгадил весь пол на кухне, и мне пришлось мыть его с хлоркой? Думаю, поверят. Я ли не сумею их убедить?»

Я пошел из дома в лабораторию. Съел там

оставшиеся фрукты. И принялся за «Сэнди не проведешь», еще одну мамину книжку. Сэнди была храбрая, но бедная школьница, которую случайно отправили в элитную школу, где ее все ненавидели. В результате она разоблачила учителя географии, оказавшегося агентом Коминтерна и державшего в заточении настоящего географа. Кульминация пришлась на школьное собрание — Сэнди отважно поднялась со словами: «Я знаю, меня не должны были послать сюда. Это из-за ошибки в документах я попала к вам, а Сенди, которая пишется через „е“, — в обычную муниципальную школу. Но я благодарю провидение, что оно привело меня сюда. Потому что мисс Стриблинг — не та, за кого себя выдает».

И в конце Сэнди бросились обнимать люди, которые до этого ее ненавидели.

Отец вернулся с работы рано — на моей памяти он давно так рано не возвращался.

Я хотел поговорить с ним, но он все время был не один.

Я наблюдал за ними сверху, сидя на ветке моего бука.

Сначала он провел Урсулу Монктон по всему саду, с гордостью показывая розы, кусты черной смородины, вишневые деревья, азалии, как будто

сам имел к ним какое-то отношение, как будто не мистер Уоллери рассаживал их и ухаживал за ними на протяжении пятидесяти лет, пока мы этот дом не купили.

Она смеялась всем его шуткам. Я не мог расслышать, что он говорит, зато мне была видна его косая ухмылка, которая возникала на отцовском лице от сознания, что он шутит.

Она стояла слишком близко к нему. Иногда он опускал ей на плечо руку, словно они были друзья. Я беспокоился, слишком близко он стоял к ней. Он не знал, кто она. Она — чудовище, а он думал — она обычный человек, и потому относился к ней дружелюбно. Сегодня она была одета иначе: серая юбка, их называют «миди», и розовая кофточка.

В любой другой день, увидев отца в саду, я бы побежал к нему. Но не сегодня. Я опасался, что он рассердится, или Урсула Монктон скажет ему что-то такое, от чего он рассердится на меня.

Я ужасно боялся, когда он злился. Его лицо (заостренное и обычно приветливое) наливалось кровью, и он кричал, орал во весь голос, яростно, что меня буквально вводило в ступор. И я не мог думать.

Он никогда не бил меня. Он не верил в битьё.

Он частенько говорил нам, что его отец колотил его, что мать гонялась за ним с метлой, и что сам он выше этого. Когда он сильно злился и срывался на крик, то потом, бывало, напоминал, что не ударил меня, словно я должен быть ему благодарен. В моих книжках про школу плохое поведение часто каралось палкой или тапочкой, потом прощалось и забывалось, и моментами я завидовал этим воображаемым детям, безыскусной чистоте их жизней.

Мне не хотелось приближаться к Урсуле Монктон — не хотелось рисковать и злить отца.

Я прикидывал, стоит ли сейчас попытаться и проскользнуть за ограду, помчаться вниз по проселку, но был уверен, что если попробую, то придется смотреть на разъяренное лицо отца рядом с безмятежно-пригожим лицом Урсулы Монктон.

И я просто наблюдал за ними, сидя на огромной ветке бука. Когда они скрылись из виду за кустами азалии, я спустился вниз по веревочной лестнице и пошел в дом, на балкон, чтобы следить оттуда. На улице хмурилось, но повсюду были россыпи нарциссов, масляно-желтых и белых — с бледными лепестками и темно-оранжевой сердцевиной. Отец нарвал нарциссов и подарил

Урсуле Монктон, она рассмеялась, что-то сказала и сделала реверанс. Он в ответ поклонился, тоже что-то сказал, и опять она засмеялась. Наверное, он объявил себя ее рыцарем в сияющих доспехах или вроде того.

Я хотел окрикнуть его, предупредить, что он дарит цветы монстру, но не крикнул. Просто стоял на балконе и смотрел, а они не глядели наверх и меня не видели.

В моем сборнике мифов Древней Греции было написано: нарцисс назван по имени одного красивого юноши, настолько прекрасного, что он влюбился в самого себя. Увидев свое отражение в воде, он так и не смог оторваться от него и в конце концов умер, а богам пришлось превратить его в цветок. Я читал, и мне представлялся самый прекрасный цветок в мире. Как же я был разочарован, узнав, что это просто белый нарцисс.

Из дома показалась сестра и побежала к ним. Отец подхватил ее на руки. Они пошли по саду вместе — отец с сестрой, обнявшей его за шею, и Урсула Монктон с желто-белым букетом в руках. Я наблюдал за ними. И видел, как свободная рука отца, та, что не держала сестру, опустилась и, невзначай встретившись с юбкой Урсулы Монктон, властно легла туда, где у края ткань

принимала очертания тела.

Сейчас бы я воспринял это иначе. А тогда я вряд ли думал об этом. Мне было семь.

Я залез в окно нашей комнаты, до него было легко достать с балкона, спрыгнул на кровать и открыл книгу про девочку, которая осталась на Нормандских островах, не побоявшись нацистов, потому что не хотела бросать своего пони.

Пока я читал, мне пришла в голову мысль, что Урсула Монктон не может меня держать здесь вечно. Скоро — самое большее через несколько дней — меня возьмут в город или куда-нибудь увезут, и я пойду на ферму на тот конец проселка рассказать Лэтти, что я наделал.

А потом я подумал, что, может, Урсуле Монктон всего-то и *нужно* парочку дней. И испугался.

На ужин Урсула Монктон приготовила мясной рулет, и я к нему не притронулся. Я решил не есть ничего, что она приготовит или к чему прикоснется. Отцу это не казалось забавным.

«Но я не хочу, — объяснял я ему. — Я не голодный».

Была среда, и мама уехала на встречу собирать деньги, чтобы жители Африки, которым не хватало воды, смогли нарыть себе колодцев. Встреча проходила в клубе в соседней деревне.

Мама приготовила плакаты, чертежи колодцев и фотографии радостных людей. За ужином были сестра, отец, Урсула Монктон и я.

«Это полезно, это же пойдет тебе на пользу, а как вкусно, — убеждал меня отец. — И мы в этом доме еду зазря не выбрасываем».

«Я же сказал, я не голодный».

Я соврал. Есть хотелось до рези в желудке.

«Ну, хоть кусочек попробуй, — продолжал он. — Это же твое любимое блюдо. Мясной паштет, картофельное пюре с подливкой. Ты же все это любишь».

В кухне стоял стол для детей, за ним мы ели, когда к родителям приходили друзья или когда они ужинали поздно. Но сегодня мы ели за взрослым столом. Мне больше нравился детский. Там я чувствовал себя невидимкой. Никто не смотрел, как я ем.

Урсула Монктон сидела рядом с отцом и не сводила с меня взгляд, чуть приметно улыбаясь — самыми уголками губ.

Я знал, что нужно держать язык за зубами, молчать, затаиться. Но я не смог удержаться. Я должен был сказать отцу, почему я не хотел есть.

«Я не буду есть то, что она готовит, — заявил я. — Мне она не нравится».

«Ты будешь есть, — ответил отец. — По крайней мере попробуешь. И попросишь прощения у мисс Монктон».

«Не буду».

«Ну, он же не обязан», — добродушно сказала Урсула Монктон, все так же глядя на меня и улыбаясь. Не думаю, будто сестра или отец заметили, что она улыбалась, или то, что ни в голосе, ни в улыбке, ни в ее глазах-дырках на истлевшей дерюге не было ни капли доброты.

«Боюсь, ему придется, — проговорил отец, — слегка повышая голос и немного краснея. — Я не позволю ему так грубить вам! — И он насел на меня: — Назови одну, хоть одну причину, почему ты не извинишься и не будешь есть замечательную еду, которую Урсула нам сготовила».

Я не очень хорошо врал. И сказал правду.

«Потому что она не человек, — стал объяснять я. — Она — монстр. Она… — Как же Хэмпстоки их называли? — Она — *блоха».*

Теперь щеки отца пылали, губы сжались в тонкую линию. «Вон из-за стола. В коридор. Сию же минуту», — процедил он.

У меня упало сердце. Я сполз со стула и побрел за ним в коридор. Там было темно: лишь узкая полоска света пробивалась с кухни через окошко

над дверью. Отец смерил меня взглядом. «Ты пойдешь на кухню. Попросишь прощения у мисс Монктон. Съешь все, что тебе положили, а затем тихо, без выкрутасов, отправишься прямиком наверх спать».

«Нет, — возразил я. — Не пойду и есть не буду».

И припустил по коридору, завернул за угол и помчался вверх, барабаня ногами по ступенькам. Я не сомневался, что отец побежит за мной. Он был вдвое больше и быстрее, но бежать было недалеко. В доме имелась только одна комната, где я мог закрыться, туда я и стремился — наверх, влево, в конец коридора. Я добрался до ванной, опередив отца. Громко захлопнул дверь и щелкнул маленькой блестящей задвижкой.

Он не побежал за мной. Наверное, подумал, что гоняться за ребенком — выше его достоинства. Но через несколько секунд я услышал стук, а затем и голос: «Открой дверь».

Я ничего не ответил. Опустил стульчак и сел на плюшевую крышку, в это мгновение я ненавидел его почти как Урсулу Монктон.

В дверь стукнули посильнее. «Не откроешь дверь, — сказал он громко, чтобы мне было слышно сквозь дерево, — я ее выломаю».

Был ли он способен на это? Я не знал. Дверь

была закрыта. Двери закрывались, чтобы люди не входили. Закрытая дверь означала, что ты внутри, и если кто-то хочет в ванную, то дергает дверь, она не открывается, он кричит: «Извини!» или «Ты там еще надолго?» и…

Дверь проломилась внутрь. Маленький блестящий шпингалет повис, весь изломанный и погнутый; в дверном проеме, заполнив его целиком, стоял отец с расширенными, побелевшими глазами, щеки у него пылали от гнева.

«Ну хорошо», — сказал он.

Больше он ничего не сказал, но его рука вцепилась в мое левое предплечье с такой силой, что мне никогда бы не удалось вырваться. Я ждал, что он сделает дальше. Ударит меня, отошлет в комнату или будет орать так, что мне отчаянно захочется умереть?

Он ничего такого не сделал.

Он толкнул меня к ванне. Наклонился, сунул белую пробку в сливное отверстие. И открыл холодную воду. Вода потоком хлынула из крана, брызгами разлетаясь по белоснежной эмали, и стала медленно, но верно заполнять ванну.

Вода лилась с шумом.

Отец обернулся к открытой двери. «Я сам справлюсь», — сказал он Урсуле Монктон.

Она стояла в проеме и держала за руку сестру с участливым, озабоченным видом, но в глазах светилось торжество.

«Закройте дверь», — велел отец. Сестра начала хныкать, и Урсула Монктон, как могла, прикрыла дверь, но не плотно — мешала сорванная петля и сломанный шпингалет.

Мы остались с отцом один на один. Его щеки из красных сделались белыми, губы были сжаты, и я не понимал, что он собирается делать, зачем набирает ванну, но я был напуган, очень напуган.

«Я извинюсь, — лепетал я. — Попрошу у нее прощения. Я не это имел в виду. Она не монстр. Она… она красивая».

Он ничего не ответил. Ванна наполнилась, и он выключил воду.

Потом сгреб меня. Своими огромными ручищами подхватил за подмышки и поднял с такой легкостью, словно я вовсе ничего не весил.

Я смотрел на него, на его решительное лицо. Прежде чем подняться наверх, он снял пиджак. На нем была светло-голубая рубашка и темно-бордовый галстук с огуречным узором. Он расстегнул ремешок от часов и стряхнул их с руки на подоконник.

Тут до меня дошло, что он собирается сделать,

я рванулся и стал молотить его кулаками, но без толку, он опустил меня в холодную воду.

Меня охватил ужас, но вначале это был ужас от того, что происходящее не укладывается в установленный порядок вещей. Я был полностью одет. Это неправильно. На мне были сандалии. Это неправильно. Вода в ванне была холодная, такая холодная и такая неправильная. Вот что я подумал сначала, когда он сунул меня в воду, но он толкал дальше, пока моя голова и плечи не скрылись под этой холодной водой и на смену тому ужасу пришел другой. Я подумал, что умру.

И, подумав так, я твердо решил жить.

Я начал сучить руками, пытаясь найти что-нибудь и ухватиться, но ничего не попадалось, только скользкие края ванны, в которой я купался последние два года. (Я прочел много книг в этой ванне. Это было одно из тех мест, где я чувствовал себя в безопасности. А теперь меня ждала здесь верная смерть.)

Я открыл глаза под водой и увидел — прямо надо мной мотался мой шанс на спасение, отцовский галстук, и я ухватился за него обеими руками.

Отец толкал меня вниз, а я карабкался вверх, крепко сжимая галстук, цепляясь за него, как

за жизнь, пытаясь выбраться из этой ледяной воды, я держался за него так сильно, что отец не мог обратно запихнуть меня в ванну, сам не угодив туда.

Мое лицо теперь вышло из-под воды, и я вцепился зубами в галстук у самого узла.

Мы боролись. Я был весь мокрый и не без удовольствия отметил про себя, что он тоже вымок, что голубая рубашка прилипла к его огромному телу.

Он снова навалился на меня, но страх смерти дает нам силы: мои руки и зубы тисками сжимали галстук, и он не мог ослабить эту хватку, не ударив меня.

Отец меня не ударил.

Он выпрямился, со всплеском вытаскивая из ванны меня, промокшего, злого, плачущего и напуганного. Я разжал зубы, но галстук из рук не выпустил.

Он сказал: «Ты испортил мне галстук. Отпусти». Узел на галстуке стал величиной с горошину, подкладка намокла и вывалилась. Он добавил: «Радуйся, что матери нет дома».

Я отпустил, плюхнувшись на мокрый ковер. И немного попятился к унитазу. Он, посмотрев на меня, произнес: «Иди в комнату. Чтобы сегодня

вечером я больше тебя не видел».

Я пошел в комнату.

8

Меня била дрожь, я промок насквозь, и мне было холодно, очень холодно. Словно все мое тепло украли. С прилипшей к телу одежды капало. С каждым шагом сандалии смешно хлюпали и через дырку-ромбик на носке плевались водой.

Я скинул с себя все вещи, свалив их мокрой грудой на изразцовом полу у камина, и под ними тут же образовалась лужа. Взяв с каминной полки коробку спичек, я открыл газ и зажег огонь.

(Я смотрел на пруд, и в памяти всплывали невероятные вещи. Почему самым невероятным мне казалось то, что у пятилетней девочки и семилетнего мальчика в комнате был газовый камин?)

Полотенец в комнате не было, и я стоял мокрый, раздумывая, чем бы вытереться. Пришлось взять с кровати тонкое стеганое покрывало и вытереться им, а затем надеть пижаму. Она была из красного нейлона, блестящая и в полоску, с запекшейся отметиной на левом рукаве — однажды я слишком близко наклонился к камину, и рукав загорелся, хотя каким-то чудом рука осталась нетронутой.

На двери висела моя ночная рубашка, почти

ненадеванная, и ее тень расползалась по стене во всю ширь, принимая чудовищные очертания при свете из коридора в ночь незакрытой двери. Я надел ее.

Дверь отворилась, сестра пришла забрать из-под подушки свою сорочку. Она стала дразниться: «Ты вел себя очень плохо, мне даже в одной комнате с тобой быть не разрешают. Я пойду спать к маме и папе в кровать. И папа говорит, мне можно включить *телевизор*».

У родителей в комнате, в углу, стоял старый телевизор в коричневом деревянном корпусе, его почти не включали. На нем дергалось изображение, смазанные черно-белые кадры прыгали, и, подгоняя друг друга, складывались в медленную вереницу: головы людей исчезали внизу экрана, когда сверху на них неторопливо опускались ноги.

«Ну и ладно», — ответил я.

«Папа сказал, ты испортил ему галстук. И еще папа из-за тебя весь мокрый», — с удовлетворением в голосе продолжала сестра.

Урсула Монктон стояла у двери. «Мы с ним не разговариваем, — напомнила она сестре. — И не будем разговаривать, пока ему не разрешат снова выйти к семье».

Сестра выскользнула из нашей комнаты, направляясь в соседнюю — к родителям. «Ты — не моя семья, — сказал я Урсуле Монктон. — Когда мама вернется, я расскажу ей, что сделал папа».

«Ее дома не будет еще два часа, — заметила Урсула Монктон. — И потом, какая разница, что ты ей скажешь? Она же ему в рот смотрит, так ведь?»

Так оно и было. Они всегда выступали сплоченным единым фронтом.

«Не стой у меня на дороге, — пригрозила Урсула Монктон. — У меня тут свои дела, а ты постоянно мешаешь. В следующий раз будет гораздо хуже. В следующий раз запру тебя на чердаке».

«Я тебя не боюсь», — ответил я ей. Но я боялся, боялся ее больше всего на свете.

«Жарко здесь», — проговорила она с улыбкой. Потом подошла к камину, наклонилась и, выключив его, забрала с полки спички.

«Все равно ты — просто блоха», — сказал я.

Она перестала улыбаться. Дотянулась до перемычки над дверью — ребенок так высоко не дотянется — и стащила оттуда ключ. Вышла из комнаты и закрыла дверь. Я услышал, как повернулся ключ, как, щелкнув, сработал замок.

Через стенку говорил телевизор. Хлопнула

коридорная дверь, отрезав две комнаты от всего остального дома, и я понял, что Урсула Монктон спускается вниз. Я подбежал к двери и, сощурившись, заглянул в замочную скважину. Из книжек я знал, что можно карандашом вытолкнуть ключ вниз на лист бумаги и выбраться на свободу… но ключа в скважине не было.

И я заплакал, окоченевший и все еще мокрый, в этой комнате, заплакал от боли, злости и ужаса, заплакал без стеснения, зная, что никто не войдет и не увидит меня, и не станет обзывать плаксой, как обзывали в школе мальчишек, которые имели глупость расплакаться.

В окно мягко забарабанил дождь, и даже это меня не обрадовало.

Я плакал, пока слезы не кончились. Потом несколько раз жадно глотнул воздуха и подумал — Урсула Монктон, косматое чудовище из дерюги, червь и блоха, поймает меня, попытайся я покинуть поместье. Наверняка.

Но Урсула Монктон заперла меня. Она не ожидала, что я сбегу.

И, может быть, если повезет, ее отвлекут.

Я открыл окно и прислушался к ночным шорохам. Легонько шумел, почти шелестел дождь. Ночь выдалась холодная, а я и так порядком озяб.

Сестра в соседней комнате смотрела телевизор. Она ничего не услышит.

Я вернулся к двери и выключил свет.

Прошел по темной комнате и снова забрался на кровать.

Я в постели, мысленно твердил я. *Лежу в постели и расстраиваюсь. Скоро усну. Я в постели, я отчаялся, она победила, и если она захочет проверить, я в постели и сплю.*

Я в постели, я засыпаю… Даже глаза разлепить не могу. Сон накатывает. Я быстро засыпаю, в постели…

Я встал на кровать и вылез в окно. Секунду повисел и спрыгнул на балкон тише тихого. Это было несложно.

Пока я рос, я вычитал в книгах столько примеров для подражания. По большей части они научили меня, что и когда нужно делать, как себя вести. Они были мне советчиками и наставниками. В книгах мальчишки лазили по деревьям, и я тоже лазил, иногда очень высоко, всегда опасаясь свалиться. В книгах забирались в дом и вылезали оттуда по водосточной трубе, и я тоже карабкался и спускался по водостоку. То были старые добрые трубы, тяжелые, из железа, привернутые к кирпичной стене, не сегодняшние пластиковые

пустышки.

Я никогда еще не лазил по водосточной трубе в темноте и под дождем, но я знал, где зацепиться ногой. Еще я знал, что упасть с высоты в двадцать футов на мокрую клумбу — не самое страшное, страшнее было то, что моя труба шла вдоль окна гостиной, где точно сидели у телевизора Урсула Монктон с отцом.

Я старался не думать.

Я полез на стену у балкона, потянулся и нащупал железную трубу, холодную и скользкую от дождя. Ухватился и, сделав большой шаг к ней, пристроил босую ногу на металлическую скобу, которая опоясывала водосток и крепко держала его на кирпичах.

Я двигался вниз, поочередно переставляя ноги и воображая себя Бэтменом, воображая себя сотней героев и героинь из историй про школу, а потом, опомнившись, я принялся воображать себя каплей дождя на стене, на кирпичной кладке, на дереве. *Я лежу на кровати,* мысленно повторял я. Меня здесь нет, нет подо мной этого света, рвущегося из незашторенной гостиной и превращающего дождь на стекле в сетку из блестящих линий и черточек.

Не смотри на меня, думал я. *Не выглядывай*

в окно.

Я медленно пополз дальше. Так бы я перешел на карниз, но только не в этот раз. Осторожно я преодолел еще несколько дюймов, и, поглубже спрятавшись в тень, подальше от света, с ужасом заглянул в комнату, ожидая встретить взгляд отца и Урсулы Монктон.

В комнате было пусто.

Горел свет, работал телевизор, но на диване никого не было, и дверь в коридор была открыта.

Я легко перешагнул на карниз, отчаянно надеясь, что они не вернутся и не увидят меня, потом спрыгнул на клумбу. Мокрая земля была мягкой.

Я собрался бежать, бежать без оглядки, но заметил свет в большой гостиной — отделанной дубом комнате, которую открывали по особым случаям, и куда детям ходить запрещалось.

Гардины были задернуты. Они были зеленые, бархатные, в белую полоску, сквозь щели в ткани просачивался свет, рассеянный и золотистый.

Я приблизился к окну. Шторы были неплотно опущены. Я мог заглянуть в комнату и посмотреть, что там делается.

Я не очень понимал, что происходит у меня на глазах. Отец прижимал Урсулу Монктон к большому камину у дальней стены. Он стоял спиной

ко мне. Она тоже, руками упираясь в огромную каминную полку. Он обхватил ее сзади. Юбка была задрана и моталась у нее вокруг талии.

Я толком не понял, что они делали, да и мне было все равно в тот момент. Главное, что Урсула Монктон отвлеклась от меня; я повернул прочь от щели в занавесках, от этого света, от дома и босиком бросился наутек в дождливую темень.

Хотя было не так уж темно. Стояла облачная ночь — из тех, когда кажется, что облака собирают свет дальних уличных фонарей и домов, возвращая его обратно на землю. Я смог различать предметы, как только глаза освоились. Я помчался в конец сада, мимо компостной кучи, по косогору к проселку. Ежевичные шипы кололись и впивались в ноги, но я продолжал бежать.

Я перелез через низкую металлическую ограду на проселок. Оказавшись за пределами поместья, я почувствовал, будто бы головная боль, которой я, сам того не подозревая, мучился, вдруг рассеялась. Я тут же торопливо зашептал «Лэтти? Лэтти Хэмпсток?», мысленно повторяя, *Я в кровати. Мне все это снится. Такие живые сны. Я в кровати,* правда, я думал, что в тот момент Урсуле Монктон было не до меня.

Я бежал, а перед глазами стоял отец, его руки,

обвившие эту-якобы-экономку, вот он целует ей шею, вот держит меня в ванне, его лицо сквозь ледяную толщу воды — я больше не боялся того, что случилось в ванной; я боялся того, что означал этот поцелуй в шею и отцовские руки, задравшие юбку Урсуле Монктон.

Мои родители были единым целым, неприкосновенным и нераздельным. Будущее вдруг стало зыбким: могло произойти все, что угодно; поезд моей жизни сошел с рельсов и теперь несся вместе со мной через поля по проселку.

Я бежал, и проселочная галька корябала ноги, но мне было все равно. Я был уверен, что скоро это существо, Урсула Монктон, закончит свои дела с отцом. Может, они вместе пойдут наверх проверить меня. Она обнаружит, что я сбежал и погонится за мной.

Я прикинул, *если они и станут ловить меня, то на машине.* Я покрутил головой в поисках какой-нибудь прорехи в живой изгороди у проселка. Заметил деревянный перелаз, вскарабкался по нему и помчался через луг, босой, в липнущей к ногам, мокрой до колена пижаме и ночной рубашке, и сердце грохотало в груди, как самый большой, самый мощный в мире барабан. Я бежал, не думая про коровьи лепешки. На лугу

ногам было вольготнее, чем на галечном проселке. По траве бежать было радостнее, я острее чувствовал жизнь.

Позади пророкотал гром, хотя молнии не было видно. Я перелез через ограду, и нога ушла в податливую, свежевспаханную землю. Я заковылял через поле, иногда падая, но продолжая идти. Снова перелаз, и снова поле, на сей раз невспаханное — я шел по нему вдоль живой изгороди, боясь выходить на открытое место.

Вдруг темноту прорезал слепящий свет, на проселке показалась машина. Я застыл на месте, зажмурил глаза и вообразил себя спящим в постели. Машина, не затормозив, скрылась, лишь вдалеке виднелись красные отблески фар: это был белый фургон, который вроде бы принадлежал Андерсам.

Теперь проселок казался еще опаснее, и я припустил через луг. Добежал до следующего поля, увидел изгородь из натянутой проволоки — сквозь такую легко пролезть, и она не колючая, но только я ухватился за проволочную нить, потянул вверх, готовый нырнуть в щель, как…

Меня словно ударили, и ударили со всего маха, в грудь. Рука, сжимавшая проволоку, конвульсивно дергалась, ладонь горела, будто я только

что локтем врезался в стену.

Я отпустил электрический провод и, спотыкаясь, побрел дальше. Бежать я уже не мог, но все равно шел в темноте сквозь ветер и дождь, торопливо пробираясь вдоль изгороди и стараясь не касаться ее, пока не добрался до жердяных ворот. Прошел ворота и устремился через поле в дальний конец, где было потемнее — деревья, подумал я, перелесок — от края поля я держался на расстоянии, на случай если там меня поджидает электрическая изгородь.

Я задумался, куда идти дальше. Как будто в ответ сверкнула молния, и на секунду, а мне больше и не нужно было, все осветилось. Я увидел деревянный перелаз и бросился к нему.

Вскарабкался. Прыгнул и понял, что угодил в крапивные заросли — голые ноги обожгло, пошли колючие мурашки, но я вновь бросился бежать — бежать, что есть силы. Я надеялся, что не сбился с пути. Не должен был сбиться. Еще одно поле осталось позади, и тут я понял, что больше не знаю, где проселок, то есть не знаю, где и я сам. Я знал одно: ферма Хэмпстоков — в самом конце проселка, но сейчас я блуждал посреди темного поля, тучи сгустились, ночь хоть глаз выколи, шел дождь, пусть уже и не сильный, а

в темноте мне мерещились волки и призраки. Я старался остановить свою фантазию, запретить себе думать, но не мог.

И позади волков, призраков и ходячих деревьев мне виделась Урсула Монктон, она грозила, что если еще раз ослушаюсь, будет намного хуже, и она запрет меня на чердаке.

Я не был отважным. Я бежал от всего, мне было холодно, я вымок и заблудился.

Я закричал во весь голос: «Лэтти? Лэтти Хэмпсток! Ну отзовись же!», но ответа не последовало, да я его и не ждал.

Гром заворчал, зарычал, зашелся в низком протяжном рыке — лев, которого разозлили, и молния засверкала-замигала, как перегоревшая неоновая лампа. В свете зарниц я видел, что поле кончилось, живая изгородь встала сплошной стеной, прохода не было. Не было ни ворот, ни перелаза, кроме того — на другом конце поля, через который я сюда и попал.

Раздался треск.

Я посмотрел в небо. Я видел молнию в фильмах по телевизору — длинные, ломаные, ветвистые полосы света поперек тучи. Молния, которую я видел собственными глазами, была простой белой вспышкой сверху, как у фотоаппарата,

выжигавшей на окоеме проплешины. Но тогда я в небе увидел не вспышку.

И не ветвистую молнию.

В небе змеился слепящий иссиня-белый свет. Он то гас, то снова вспыхивал, и его дробные всполохи освещали луг, так что я мог оглядеться. Дождь забарабанил сильнее, и, хлестнув меня по лицу, вмиг перешел в ливень, за считанные секунды ночная рубашка промокла до нитки. Но я успел увидеть — или мне только привиделось — дырку в изгороди справа и, не в силах уже бежать, засеменил к ней в надежде, что она и вправду там есть. Мокрая ночная рубашка хлопала на ветру, наводя на меня ужас.

В небо я больше не смотрел. И не оглядывался.

Но мне был виден край поля, и в изгороди на самом деле была прогалина. Я почти добрался до нее, когда раздался голос:

«Кажется, я сказала тебе оставаться в комнате. И что же я вижу, ты рыщешь по округе, как моряк-утопленник».

Я обернулся, посмотрел — пусто. Никого.

Я поднял голову.

Существо, называвшее себя Урсулой Монктон, висело надо мной в воздухе на высоте примерно двадцати футов, и молнии, сверкая, ползли по

небу за ней. Она не летела. Она плыла, бесплотная, как воздушный шар, а порывистый ветер ее не трогал.

Он выл и хлестал меня по лицу. На отдалении ревел гром, и громы поменьше потрескивали и недовольно бурчали, а она говорила тихо, но я мог отчетливо слышать каждое слово, будто она шептала мне в ухо.

«Ах ты, душа-дорогуша, испугался, а ведь дело твое дрянь, доигрался».

Она улыбалась, и такого широченного и зубастого оскала у человека я еще не видел, только веселья на лице не было.

Я бежал от нее сквозь тьму уже, наверное, полчаса? Час? Зря я не остался на проселке и побежал в поля. Теперь был бы на ферме у Хэмпстоков. А вместо этого заблудился, да еще и попался.

Урсула Монктон спустилась ниже. Розовая блузка была расстегнута. Под ней виднелся белый бюстгальтер. Юбка развевалась на ветру, открывая икры ног. Непохоже было, чтобы Урсула Монктон промокла, несмотря на грозу. Ее одежда, лицо, волосы были совершенно сухими.

Она плыла надо мной и тянулась ко мне руками.

Каждое ее движение сопровождалось резкой

вспышкой угодливых молний, которые сверкали и сплетались вокруг нее. Ее пальцы раскрывались, как цветы в замедленном фильме, и я знал, что она играет со мной, знал, чего она хочет, и ненавидел себя за то, что подчиняюсь ее желанию и бегу.

Я был для нее потешной зверушкой. Она играла, так же, как Монстр, толстый рыжий котяра, играл с мышью — отпуская ее, и когда та побежит, подцепляя ее когтем и подминая под лапу. Но мышь все бежала и бежала, и у меня не было выбора, и я бежал.

Бежал к проему в изгороди, как можно быстрее, бежал мокрый, спотыкаясь и калеча себя.

Я бежал, а в ушах звенел ее голос.

«Я же говорила, что запру тебя на чердаке? И я запру. Твой папочка теперь меня любит. Он сделает все, что я скажу. Я думаю, каждую ночь он будет залезать по приставной лестнице на чердак и выпускать тебя. Он будет волочить тебя вниз по лестнице. С чердака. И каждую ночь топить в ванне — в холодной-холодной воде. Я скажу топить тебя каждую ночь, а когда мне наскучит, прикажу не вытаскивать тебя, просто держать под водой, пока не прекратишь дергаться, пока в легких не останется ничего, кроме воды и тем-

ноты. Я заставлю его бросить тебя в холодной ванне, и ты больше никогда не шелохнешься. А я каждую ночь буду снова и снова его целовать…»

Я юркнул в проем и помчался по мягкой траве.

Треск молний и странный, резкий, металлический запах были так близко, что мороз пошел по коже. Иссиня-белые всполохи становились ярче и ярче, освещая все вокруг.

«И когда папочка наконец оставит тебя лежать в ванне, ты будешь счастлив», — прошипела Урсула Монктон, и мне показалось, что ее губы коснулись моих ушей. «Потому что на чердаке тебе не понравится. Да, там темно, пауки и привидения. А еще я приведу своих друзей. При свете дня их не видно, но на чердаке они составят тебе компанию, и она будет тебе не в радость. Мои друзья не любят маленьких мальчиков. Они — пауки величиной с собаку. Бестелесная старая ветошь, она вцепится в тебя мертвой хваткой. Заберется в мозги. И тут тебе никаких больше историй и книжек, никаких, никогда».

И я понял, что мне не показалось. Ее губы касались моего уха. Она плыла позади, так что ее голова была рядом с моей, поймав мой взгляд, она улыбнулась своей притворной улыбкой, и я замер как вкопанный. Я едва мог пошевелиться.

В боку кололо, я задыхался, сил не было.

Ноги у меня подкосились, я споткнулся и упал, и на сей раз уже не поднялся.

По ногам разлилось тепло, я опустил взгляд и увидел желтую струйку, выбивавшуюся из пижамных штанов. Мне было семь лет, уже не маленький ребенок, но со страха обмочился, как малышка, и ничего не мог с этим поделать, а Урсула Монктон все висела в воздухе и безучастно наблюдала за мной.

Охота была окончена.

Урсула Монктон стояла в воздухе, выпрямившись, на высоте трех футов над землей. Я растянулся на спине в мокрой траве прямо под ней. Она начала опускаться медленно, неумолимо, как человеческая фигура на экране сломанного телевизора.

Левой руки что-то коснулось. Что-то мягкое. Оно тыкалось носом в руку, и я посмотрел туда, боясь, что это паук величиной с собаку. В свете молний, корчившихся вокруг Урсулы Монктон, я увидел темное пятно. Темное пятно с белой отметиной на ухе. Я подхватил котенка, поднес к груди и прижал к сердцу.

«Я не пойду с тобой. Ты меня не заставишь», — проговорил я. И сел, потому что, сидя, я чувство-

вал себя не таким уязвимым, а котенок свернулся калачиком, поудобней устроившись в моей руке.

«Дорогуша-душа-душа», — начала Урсула Монктон. Она коснулась ногами земли в зареве молний, похожая на портрет женщины в серых, зеленых и синих тонах, а не на живого человека. «Ты же лишь маленький мальчик. А я взрослая. Я была взрослой, когда твой мир был шариком из расплавленной магмы. Я могу сделать с тобой все, что захочу. А теперь поднимайся. Я забираю тебя домой».

Котенок, тыкаясь мордочкой мне в грудь, издал пронзительный звук, но не «мяу». Я отвел глаза от Урсулы Монктон и обернулся.

Через поле к нам шла девочка в блестящем красном дождевике с башлыком и черных резиновых сапогах, казавшихся слишком большими для нее. Она без страха вышла из темноты. Посмотрела на Урсулу Монктон.

«Убирайся с моей земли», — приказала Лэтти Хэмпсток.

Урсула Монктон отступила на шаг, поднимаясь в воздух, и зависла над нами. Лэтти Хэмпсток подошла, и, не сводя с нее взгляда, взяла меня за руку, наши пальцы сцепились в замок.

«Я не касаюсь твоей земли, — ответила Урсула

Монктон. — Прочь с дороги, девочка».

«Ты на моей земле», — отрезала Лэтти Хэмпсток.

Урсула Монктон улыбалась, и молнии в корчах обвивались вокруг нее. Вот так, стоя в потрескивающем воздухе, она была воплощением силы. Она была буря, молния, весь взрослый мир с его мощью и собственными секретами, с этой его дурацкой обыденной жестокостью. Она подмигнула мне.

Я был семилетним мальчишкой с разодранными ногами. Я только что обмочился. А висевшее надо мной существо было громадным и жаждало крови, оно хотело закрыть меня на чердаке, а когда я ему надоем, оно заставит папу убить меня.

Держась за руку Лэтти Хэмпсток, я чувствовал себя уверенней. Но Лэтти была лишь девочка, пусть даже и большая, пусть ей было одиннадцать, даже если ей было одиннадцать уже много-много лет. Урсула Монктон была взрослой. И в тот момент было не важно, что она стала живым воплощением каждого монстра, ведьмы, каждого ночного кошмара. Она была взрослой, а когда взрослые выступают против детей, взрослые всегда побеждают.

«Перво-наперво ты должна вернуться туда,

откуда явилась. Тебе здесь небезопасно. Ради себя самой, ступай обратно», — сказала Лэтти.

Воздух наполнился странным, мерзким, уродливым, болезненным скрежетом, я съежился, а котенок, упершись передними лапами мне в грудь, весь подобрался и ощетинился. Он пополз вверх и, вцепившись когтями в мое плечо, зашипел и зафыркал. Я поднял голову на Урсулу Монктон. И только увидев ее лицо, понял, что это был за скрежет.

Урсула Монктон смеялась.

«Ступай обратно? Когда твои родные пробили брешь в вечности, я не дремала. Я могла бы править мирами, но я пошла за вами и затаилась, набравшись терпения. Я знала, что рано или поздно путы ослабнут, и я ступлю на истинную Землю под Солнце горнее. — Она уже не смеялась. — Все здесь такое хрупкое, девочка. Все ломается так легко. Их желания столь незатейливы. Я возьму от здешнего мира все, что захочется, как пухлощекий ребенок, жадно обрывающий придорожную ежевику».

На сей раз я не выпустил руку Лэтти. И крепче сжал котенка, коготками-иголками уцепившегося за мое плечо, он в ответ куснул меня, с испуга.

В бешеных порывах ветра ее голос слышался

отовсюду. «Ты долго меня сюда не пускала. А тут сама притащила дверь, вот я и воспользовалась мальчишкой — выбралась из клетки. И что ты теперь можешь сделать, когда я уже на свободе?»

Вроде бы Лэтти не злилась. Она задумалась и предложила: «Можно сотворить тебе новую дверь. А еще лучше, попросить бабушку отправить тебя через океан обратно, откуда бы ты ни была родом и как бы далеко это ни было».

Урсула Монктон сплюнула в траву, и там, куда угодил плевок, зафырчал и запенился крохотный шарик огня.

«Отдай мальчишку, — только и сказала она. — Он мой. Я в нем явилась сюда. Я его хозяйка».

«Что ты мелешь, никому ты тут не хозяйка, — огрызнулась Лэтти Хэмпсток. — Не ему-то уж точно». Лэтти помогла мне подняться, она встала позади и обхватила меня руками. Так мы и стояли — двое детей ночью посреди поля. Она держала меня, я держал котенка, а над нами и вокруг нас завывал голос:

«И что ты сделаешь? Заберешь его к себе? Этот мир — мир правил, девочка. Мальчишка принадлежит родителям. Заберешь его, и они явятся за ним, а родители его принадлежат мне».

«Ну, ты и докучала, — проговорила Лэтти Хэмп-

сток. — Вот уж пеняй на себя. Ты на моей земле. Прочь отседова».

И пока она говорила, по коже засновали мурашки, как от воздушного шарика, когда я тер его об свитер и подносил к лицу и волосам. Все ершилось и щекоталось. Мои волосы были мокрыми, но даже и так я чувствовал, как их кончики топорщатся.

Лэтти Хэмпсток крепко обняла меня. «Не бойся», — шепнула она, и я хотел было сказать что-то, спросить, почему я не должен бояться и зачем мне вообще бояться, как поле озарилось.

Оно сверкало золотом. Каждая былинка светилась и мерцала, каждый листик на дереве. Даже живая изгородь. Свет был наполнен теплом. Мне казалось, будто земля под травяным покровом из первоэлемента становится чистым светом, и от этого золотого свечения иссиня-белые молнии, все еще трещавшие вокруг Урсулы Монктон, сильно поблекли.

Урсула Монктон, пошатываясь, поднималась, словно воздух нагрелся и погнал ее вверх. Лэтти Хэмпсток прошептала древние слова, и луг взорвался золотым светом. Я видел, как Урсулу Монктон подбросило и унесло, хотя ветра не чувствовалось, но ее швыряло и вертело, точно

сорванный лист в ураган, так что ветер, наверное, был. Я смотрел, как она кувыркается в ночном небе, а потом Урсула Монктон и ее молнии исчезли.

«Пойдем, — сказала Лэтти Хэмпсток. — Нужно усадить тебя у камина в кухне. И сделать горячую ванну. А то простудишься». Она отпустила мою руку, перестала обнимать и отстранилась. Золотое свечение таяло, медленно-медленно, пока совсем не погасло, рассыпавшись тускнеющими огоньками и искорками по кустам, как после фейерверка в ночь Гая Фокса.

«Она умерла?» — спросил я.

«Нет».

«Она же вернется. И у вас будут неприятности».

«Вполне может статься, — ответила Лэтти. — Есть хочешь?»

Она спросила, и я понял, что хочу. До этого както забыл, а теперь вспомнил. Есть хотелось так, что желудок крутило.

«Дай-ка подумать… — размышляла Лэтти вслух, ведя меня через поля. — На тебе места сухого нет. Надо найти, во что бы тебе переодеться. Пойду гляну в комод в зеленой спальне. Сдается мне, кузен Япет оставил там кой-какую одежду, когда

ушел сражаться в Мышиных битвах. Он был не сильно больше тебя».

Котенок лизал мои пальцы своим маленьким шершавым язычком.

«Я нашел котенка», — сказал я.

«Да, вижу. Она, наверно, шла за тобой от самого поля, где ты ее выдернул из земли».

«Это *тот самый* котенок? Которого я тогда вытащил?»

«Ага. Она не сказала тебе, как ее звать?»

«Нет. А они правда так делают?»

«Иногда. Если внимательно слушать».

Прямо перед нами возникли радушные огни фермы Хэмпстоков, и меня обдало радостью, хотя я не мог понять, как мы с того поля так быстро вышли к дому.

«Тебе повезло, — продолжала Лэтти. — Еще пятнадцать футов, и там уже поле Колина Андерса».

«Но ты бы все равно пришла, — ответил я ей. — И спасла меня».

Она сжала мою руку, но промолчала.

«Лэтти, я не хочу домой», — сказал я. Это было неправдой. Больше всего на свете я хотел домой, но не туда, откуда сбежал этой ночью. Я хотел в дом, где жил до того, как добытчик опалов покончил с собой в нашем маленьком белом «мини»,

до того, как он переехал моего котенка.

Темный меховой шарик прижимался к моей груди, мне хотелось, чтобы это был мой котенок, и я знал, что он моим не был. Снова начал моросить дождь.

Мы зашлепали по глубоким лужам, Лэтти — в своих резиновых сапогах, я — босой, с горящими от боли ногами. Добрались до двора, там стоял резкий запах навоза, и вошли через боковую дверь в огромную кухню.

9

Мама Лэтти ворочала кочергой в гигантском очаге, сдвигая вместе пылающие поленья.

У плиты старая миссис Хэмпсток что-то помешивала в пузатом чугунке большой деревянной ложкой. Она подносила ложку ко рту, театрально на нее дула, втягивала глоток, причмокивала, а потом добавляла щепотку того и пригоршню этого. Наконец она выключила горелку. И окинула меня взглядом — от мокрой головы до голых ног, посиневших от холода. Пока я стоял, на плиточном полу подо мной начала собираться лужа, и вода, стекая с ночной рубашки, падала в нее звонкой капелью.

«В горячую ванну, — вынесла вердикт старая миссис Хэмпсток. — Или сляжет с простудой».

«В точности как я сказала», — согласилась Лэтти.

Ее мама уже вытаскивала жестяную ванну из-под кухонного стола и наполняла ее дымящимся кипятком из большущего черного котла, висевшего над огнем в очаге. Потом подливала кружку за кружкой холодную воду, пока не заключила, что температура подходящая.

«Все готово. Ступай, — сказала старая миссис Хэмпсток. — Ну-ка, марш!»

Я посмотрел на нее в ужасе. Мне что, придется раздеваться перед чужими людьми?

«Мы постираем и высушим твои вещи, а ночную рубашку — починим». С этими словами мама Лэтти взяла у меня рубашку, забрала котенка, которого я, оказывается, еще держал, и отошла.

Я поскорее скинул свою красную нейлоновую пижаму — ее края вымокли, штанины безнадежно порвались и снизу висели клочьями. Я потрогал воду пальцами, залез и сел в жестяной ванне в этой наполненной спокойным уютом кухне у большого огня, потом откинулся назад в горячей воде. Ноги начали пульсировать, возвращаясь к жизни. Я знал, что быть *нагишом* — против правил, но, кажется, Хэмпстоков моя нагота не смущала: Лэтти исчезла, а вместе с ней — моя пижама и ночная рубашка; ее мать накрывала на стол, вынимая разные ножи, вилки, ложки, миски маленькие и побольше, деревянные плошки и доски, раскладывая и перекладывая их с места на место.

Старая миссис Хэмпсток подала мне в кружке суп из чугунка на плите: «Похлебай. Сперва разогрей нутро».

Суп был наваристый и горячий. Я никогда не пил суп в ванне. Совершенно неведомое ощущение. Покончив с супом, я вернул ей кружку, и она вручила мне добротный кусок белого мыла и мягкую мочалку, сказав: «А теперь поскребись хорошенько. Возверни-ка жизнь и тепло в свои кости».

Она уселась в кресло-качалку по другую сторону камина и стала легонько раскачиваться, не глядя на меня.

Я чувствовал себя в безопасности. Словно вся забота, внимание и доброта, какими окружают нас бабушки, без остатка собрались вдруг здесь. Я совсем не боялся Урсулы Монктон, кем бы там она ни была, сейчас уже не боялся. Здесь не боялся.

Молодая миссис Хэмпсток, раскрыв духовку, вынула румяный пирог с блестящей, сверкающей корочкой и отправила его на подоконник охлаждаться.

Мне принесли полотенце, я вытерся, подставляя бока огню, который помогал обсохнуть не хуже, чем полотенце, тут вернулась Лэтти Хэмпсток и протянула мне широченную белую штуковину наподобие девчачьей ночнушки, только из белого хлопка, с длинными рукавами, подолом до пола и белым колпаком. Я не решался

надеть ее, пока до меня не дошло, что это — старинная ночная рубашка. Я видел ее на картинках в книжках. Крошка Вилли Винки бегал по городу в одной из таких в каждом моем сборнике детских потешек.

Я скользнул в нее. Колпак оказался велик и съехал мне на лицо, Лэтти его поправила.

Ужин вышел на славу. Нам досталось по куску говядины с печеной картошкой, золотистой и хрустящей снаружи, мягкой и белой внутри, с какой-то зеленью в масле, сейчас мне кажется, это были крапивные побеги и морковь, сладкая, потемневшая от готовки (я и думать не думал, что люблю вареную морковь, я практически не ел ее, но отважился и попробовал, и мне понравилось, и даже было жалко, что я не распробовал ее раньше). На десерт подали пирог с яблоками, вымоченным изюмом и молотыми орехами, сверху шел толстый слой желтого заварного крема, гуще и насыщеннее которого мне еще не приходилось есть ни в школе, ни дома.

До конца ужина котенок спал на подушке у камина, а потом вместе с домашней дымчатой кошкой, в четыре раза крупнее его самого, пошел лакомиться мясными обрезками.

За ужином о том, что случилось со мной и

почему я здесь, никто не вспоминал. Хозяйки Хэмпсток говорили про ферму — в коровнике нужно выкрасить дверь, похоже, корова по кличке Рианнон вот-вот охромеет на левую заднюю ногу, надо бы прочистить дорожку к запруде.

«А вы только три здесь? — спросил я. — И никаких мужчин?»

«Мужчины! — прыснула старая миссис Хэмпсток. — Это каков же должен быть добрый молодец?! Да здесь, на ферме, я все делаю в два раза быстрей и в пять раз лучше любого из них».

Лэтти добавила: «Иногда у нас бывают мужчины. Они приходят и уходят. А прямо сейчас здесь только мы».

Ее мама кивнула. «Большинство мужчин Хэмпстоков ушли куда глаза глядят — попытать судьбу и удачу. Стоит им услышать этот зов, и здесь их ничто не удержит. Взгляд становится отсутствующим, и вот мы их потеряли, раз и навсегда. При первом удобном случае они уходят в города большие и малые и лишь редкой открыткой напомнят, что вообще когда-то здесь жили».

Старая миссис Хэмпсток сказала: «А вот и его родители! Они едут сюда. Только что проехали вяз у Парсона. Их видели барсуки».

«А она с ними? — забеспокоился я. — Урсула

Монктон?»

«*Она?* — изумилась старая миссис Хэмпсток. — Эта? Ну нет».

Я подумал с секунду. «Они меня заберут с собой, и она запрет меня на чердаке, а когда я ей надоем, велит папе убить меня. Она так сказала».

«Мало ли что она вам сказала, голубчики мои, — возразила мама Лэтти. — Нет уж, дудки, ни этого, ничего другого она не сделает, или меня звать не Джинни Хэмпсток».

Мне нравилось имя Джинни, но меня это не успокоило, и я ей не поверил. Скоро дверь в кухню откроется, и отец будет кричать на меня или подождет до машины и будет кричать там, меня заберут обратно домой на тот конец проселка, и все будет кончено.

«Постойте-ка, — стала рассуждать Джинни Хэмпсток. — Может, нас не будет, когда они явятся? Они приедут в прошлый вторник, а дома никого».

«Ни в коем случае, — урезонила ее старая женщина. — Будешь играть со временем, хлопот не оберешься… Можно во что-нибудь превратить мальчика, и как ни ищи, они никогда его не найдут».

Я заморгал. Неужели это возможно? Мне хо-

телось превратиться во что-нибудь. Котенок покончил с мясными обрезками (и даже, кажется, съел больше домашней кошки), запрыгнул мне в подол и принялся умываться.

Джинни Хэмпсток поднялась и вышла из комнаты. Мне было интересно, куда она пошла.

«Нельзя его ни во что превращать, — заметила Лэтти, убирая со стола оставшиеся тарелки и приборы. — Они же будут в ярости. И если ими управляет блоха, она только сильнее будет их распалять. Сами знаете, тут же нагрянет полиция и станет прочесывать запруду. Или того хуже. Океан».

Котенок лег и свернулся калачиком, превратившись в круглый пушистый кусочек черного меха. Он закрыл свои пронзительно-синие глаза цвета океана и, мурлыча, уснул.

«Итак? — спросила старая миссис Хэмпсток. — Что же ты предлагаешь?»

Лэтти задумалась, поджав губы и поводя ими из стороны в сторону. Ее голова кивала, и я подумал, что она быстро перебирает возможные варианты. Вдруг ее лицо просветлело. «Там подрезать, тут подшить?» — предложила она.

Старая миссис Хэмпсток фыркнула. «Ты, конечно, умница, — начала она. — Я не говорю, что это

не так. Но кройка… понимаешь, она вряд ли тебе по силам. Пока еще нет. Надо отрезать точно и штопать, чтобы швов не было видно. Да и что ты собралась украивать? Блоха не даст *себя* вырезать. Она не вшита в это полотно. Она вне его».

Вернулась Джинни Хэмпсток. У нее в руках была моя старая ночная рубашка. «Я пропустила ее через гладильный каток, — сказала она. — Но все равно она еще сырая. Ровно никак не отрежешь. И ты не любишь штопать по сырому».

Она положила рубашку на стол перед старой миссис Хэмпсток. Затем достала из большого кармана на фартуке ножницы, черные и старые, длинную иглу и шпульку красных ниток.

«Рябина-рябина и красная нить, пора бы ведьму остановить», — прочел я наизусть. Я вычитал это в одной книжке.

«Да, работает, хорошо работает, — сказала Лэтти. — Если в деле замешана ведьма. Только у нас ведьмы нет».

Старая миссис Хэмпсток разглядывала мою рубашку. Та была бурой и полинялой с каким-то коричневатым рисунком вроде шотландской клетки. Мне ее подарили на день рождения несколько лет назад бабушка с дедушкой, родители отца, тогда она была слишком большая и

смешно болталась. «Может быть… — проговорила старушка, словно беседуя сама с собой. — Лучше всего сделать так, чтобы твой отец сам с удовольствием оставил тебя здесь на ночь. Но для этого надо бы избавить их от злости на тебя и даже от беспокойства…»

Черные ножницы были уже у нее в руке, клик-клик-клац-клацая по ткани, когда я услышал стук в парадную дверь, и Джинни Хэмпсток пошла открывать.

«Не отдавайте меня», — попросил я Лэтти.

«Тшш, — сказала она. — Пока бабушка раскраивает, у меня тут своя работа. А ты спи, не волнуйся. И спи спокойно».

Но спокойствия я совсем не чувствовал, и сна не было ни в одном глазу. Лэтти перегнулась через стол и взяла меня за руку. «Не бойся», — успокаивала она.

Тут дверь распахнулась, мои родители вошли в кухню. Мне захотелось спрятаться, но котенок не подавал признаков беспокойства и лишь поудобнее устроился в подоле, а Лэтти улыбалась обнадеживающей улыбкой.

«Мы ищем своего сына, — начал было отец. — И у нас есть основания полагать…», а мама тут же бросилась ко мне. «*Вот* где он! Дорогой, мы так

волновались, *чуть с ума не сошли!»*

«Ну что, молодой человек, нажил ты себе неприятностей», — сказал отец.

Клац! Клац! Клац! Заработали черные ножницы, и неровный лоскут ткани, который выкраивала старая миссис Хэмпсток, упал на стол.

Родители застыли. Они перестали говорить и больше не двигались. Рот у отца все еще был открыт, а мама стояла на одной ноге, не шелохнувшись, как манекен в витрине магазина.

«Что… что вы с ними сделали?» Я не знал, радоваться мне или огорчаться.

Джинни Хэмпсток ответила: «Они в порядке. Просто немного подрезали, сейчас подлатаем, и все будет новое, как с иголочки». Она наклонилась над столом, показывая на обрезок полинялой рубашки в клетку. *«Вот* твой папа и ты в коридоре, а *вот* ванна. Это вырезали. А без этого твоему папе незачем на тебя сердиться».

Я не рассказывал им про ванну. Но не удивился, что она знает.

Теперь старушка вдевала красную нитку в иголку. Она картинно вздохнула, приговаривая: «Старые глаза. Старые глаза». Послюнявила кончик нитки и продела его в игольное ушко без видимых трудностей.

«Лэтти. Тебе нужно узнать, какая у него зубная щетка», — сказала она. И начала зашивать дыру на рубашке мелкими, аккуратными стежками.

«Как выглядит твоя зубная щетка? — спросила Лэтти. — Давай, быстро».

«Она зеленая, — ответил я. — Ярко-зеленая. Как яблоко. Не очень большая. Простая зеленая щетка, как раз для моего рта». Я понимал, что это не очень хорошее описание. Я рисовал ее в голове, пытаясь отыскать, чем еще она отличается от всех остальных зубных щеток. Бесполезно. Я видел ее своим мысленным взором, представлял среди других щеток в красно-белом пятнистом стакане над раковиной в ванной.

«Готово! Хорошая работа», — похвалила Лэтти.

«Я тут почти-почти закончила», — сказала старая миссис Хэмпсток.

Джинни Хэмпсток широко улыбнулась, и ее румяное круглое лицо осветилось. Старая миссис Хэмпсток схватила ножницы, клацнула ими в последний раз, и красная нитка упала на стол.

Мамина нога опустилась. Она сделала шаг и остановилась.

Отец замялся: «Мм…»

Джинни сказала: «…а наша Лэтти так обрадовалась, что ваш мальчик придет и останется у нас

на ночь. Вот только боюсь, в хозяйстве мы тут немного отстали от времени».

Вмешалась старушка: «У нас же есть теперь туалет дома. Куда уж еще современней? Хотя по мне, так и на улицу сходить можно или в горшок».

«Мы хорошо поужинали, — продолжала Джинни. — Да ведь?»

«Мне дали пирога, — сказал я родителям. — На десерт».

Отец наморщил лоб. Он выглядел растерянным. Потом он сунул руку в карман куртки и вытащил что-то длинное и зеленое, верхушка была обернута туалетной бумагой. «Ты забыл зубную щетку, — сказал он. — Я подумал, она тебе пригодится».

«А теперь, если он хочет вернуться домой, то может поехать с нами, — обратилась мама к Джинни Хэмпсток. — Несколько месяцев назад он захотел остаться на ночь у Ковачей, и в девять уже названивал нам, чтобы мы его забрали».

Кристофер Ковач был на два года старше меня и на голову выше, он жил с матерью в просторном доме напротив въезда на наш проселок у старой зеленой водонапорной башни. Его мать была в разводе. Она мне нравилась. Она была замечательной и водила «фольксваген-жук», до

этого я таких машин не видел. У Кристофера было много книг, которых я еще не читал, он входил в «Паффин», знаменитый клуб юного книгочея. Я мог читать его книги, но только у него дома. Он никогда не позволил бы мне взять их с собой.

В комнате у Кристофера стояла двухъярусная кровать, хотя он был единственным ребенком в семье. В ночь, когда я остался у них, меня положили внизу. Как только мы забрались в постель и мать Кристофера Ковача, пожелав нам доброй ночи, выключила свет и закрыла дверь, он свесился сверху и начал брызгать в меня водяным пистолетом, который заранее припрятал у себя под подушкой. Я не знал, что делать.

«Здесь не так, как у Кристофера Ковача, — сказал я маме, смутившись. — Мне здесь *нравится».*

«Что на тебе *надето?*» Она с удивлением разглядывала Вилли Винкину ночную рубашку.

Джинни пояснила: «Да просто мелкое происшествие. Надел, пока пижама сохнет».

«А, ну понятно, — сказала мама. — Что ж, спокойной ночи, милый. Не скучай тут с новой подругой. — Она взглянула на Лэтти: — Как, ты говоришь, тебя зовут, дорогая?»

«Лэтти», — ответила Лэтти Хэмпсток.

«Это сокращенное от Летисия? — спросила ма-

ма. — Была у нас в университете одна Летисия. Конечно, все ее звали Летиска-редиска».

Лэтти только улыбнулась, но ничего не ответила.

Отец положил зубную щетку на стол передо мной. Я развернул туалетную бумагу. Это в самом деле была моя зеленая щетка. Под курткой у отца виднелась чистая белая рубашка без галстука.

Я поблагодарил: «Спасибо».

«Так, — сказала мама. — А в котором часу его забрать утром?»

Джинни улыбнулась еще шире. «Да ладно, Лэтти сама его отведет. Пусть еще поиграют завтра. И прежде чем вы уйдете, вот я напекла сегодня ячменных лепешек…»

И она положила несколько лепешек в бумажный пакет, а мама вежливо взяла его, и потом Джинни проводила их с отцом до двери. Я сидел затаив дыхание, пока звук удаляющегося «ровера» не стих на проселке.

«Что вы все-таки с ними сделали? — спросил я. И тут же задал еще вопрос: — А это правда моя зубная щетка?»

«Это, — с удовольствием в голосе проговорила старая миссис Хэмпсток, — если позволите, очень недурная работа, ладно раскроено, ладно сшито».

Она держала мою ночную рубашку: я не мог различить, где убрали кусок и где зашили прореху. Ни швов, ни рубцов не было. Она пододвинула отрезанный лоскут ко мне. «Вот он, твой вечер, — сказала она. — Оставь себе, если хочешь. Но я бы на твоем месте его сожгла».

По стеклу забарабанил дождь, и оконные рамы задребезжали от ветра.

Я подобрал неровную полоску ткани. Она была сырой. Потом встал, разбудив котенка; он спрыгнул и исчез в темноте. Я подошел к камину.

«Если я его сожгу, — спросил я их, — то как бы ничего и не было? И папа не держал меня в ванне? Я все забуду?»

Джинни Хэмпсток больше не улыбалась. Она посерьезнела. «А сам ты чего хочешь?» — спросила она.

«Я *хочу* помнить, — сказал я. — Это же случилось со мной. И я все еще я». Я швырнул клочок ткани в огонь.

Раздался треск, ткань стала дымиться и загорелась.

Я снова был под водой. Цеплялся за отцовский галстук. Думал, что он хочет меня убить…

Я закричал.

Я лежал на изразцовом полу в кухне Хэмпсто-

ков, катаясь из стороны в сторону, и кричал. Стопа горела, словно я босиком ходил по раскаленным углям. Болело сильно. Еще болело глубоко в груди, боль была терпимее, не такая резкая: там ныло, не жгло.

Подоспела Джинни: «Что такое?»

«Моя ступня. Вся горит. Очень больно».

Она осмотрела ногу, лизнула палец и прикоснулась к дырке, откуда два дня назад я вытащил червяка. Послышалось шипение, и боль стала утихать.

«Ничего такого прежде не видела, — сказала Джинни Хэмпсток. — Как она у тебя оказалась?»

«В ней был червяк, — объяснил я. — Так она и пришла с нами из того места под оранжевым небом. В моей ноге. — Тут я посмотрел на Лэтти, которая стояла на коленях рядом, держа меня за руку, и сказал: — Я притащил ее обратно. Это я виноват. Прости меня».

Подошла и старая миссис Хэмпсток. Она наклонилась, взяла меня за ногу и повернула ее к свету. «Вот мерзавка, — сказала она. — И умная какая. Припасла дырку внутри тебя, чтобы снова воспользоваться. Если что, заберется туда, и ты будешь ей дверью домой. Не зря она хотела закрыть тебя на чердаке. Ну что? Куй железо, пока

горячо, как говаривал солдат на входе в прачечную». Она потыкала в дырку пальцем. Все еще было больно, но боль слегка притупилась. Теперь это напоминало пульсирующую головную боль, только в ноге.

Что-то забилось в моей груди, как крохотный мотылек, и затихло.

Старая миссис Хэмпсток спросила: «Можешь запастись храбростью и потерпеть?»

Я не знал. На счет храбрости не был уверен. В тот вечер, мне казалось, я только и делал, что удирал от всего без оглядки. В руках у нее была игла, которой она штопала мою ночную рубашку, но сейчас она сжимала иголку так, будто вовсе не сбиралась шить, а хотела уколоть меня.

Я отдернул ногу: «Что вы надумали делать?»

Лэтти сдавила мне руку. «Она уберет дырку, — пояснила она. — Я буду держать тебя за руку. Не надо смотреть, если не хочешь».

«Будет больно», — сказал я.

«Чушь собачья», — возмутилась старушка. Она развернула ногу стопой к себе и воткнула иголку… но не в ногу, как я понял после, а в саму дырку.

Больно не было.

Она стала поворачивать иглу, вытягивая ее

обратно. Я завороженно смотрел, как что-то блестящее, казавшееся сначала черным, потом прозрачным, потом ртутно-переливчатым, тянулось из моей стопы вслед за кончиком иглы.

Я чувствовал, как оно уходит из тела — казалось, оно тянется вверх по ноге через пах в желудок и оттуда в грудную клетку. Оно уходило, и я чувствовал облегчение: жгучая боль отступала, а вместе с ней и страх.

Сердце странно заколотилось.

Я смотрел, как старая миссис Хэмпсток наматывает это на иголку, и все не мог до конца понять, что же я вижу. Лаз в пустоте, глубиной больше двух футов, узкий даже для земляного червя, похожий на кожу, сброшенную прозрачной змеей.

Тут ее руки замерли. «Не хочет вылазить, — проворчала она. — Цепляется».

На сердце похолодело, словно туда вонзился осколок льда. Старушка ловко крутанула запястьем, и поблескивающая штука повисла у нее на иголке, отстав от моей ноги (я поймал себя на мысли, что теперь это напоминает не столбик ртути, а склизкий серебряный след от улитки в саду).

Старая миссис Хэмпсток отпустила мою ступню, и я отнял ногу. Маленькая круглая дырочка

полностью исчезла, как будто ее там и не было.

Старая миссис Хэмпсток злорадно захихикала. «Думает, всех облапошила, — сказала она. — Оставить дорогу домой внутри у мальчишки. И это называется хитрость? Нет, никакая это не хитрость. Да эти умники и гроша ломаного не стоят!»

Джинни Хэмпсток достала пустую банку из-под варенья, старушка опустила туда кончик мотающейся штуки и подняла банку вверх, чтобы та оказалась внутри целиком. Наконец она стряхнула поблескивающую невидимую дорожку с иголки и решительно завернула крышку своей костлявой рукой.

«Ха! — усмехнулась она. И снова: — Ха!»

«А можно посмотреть?» — попросила Лэтти. Она взяла банку и поднесла ее к свету. В банке штука стала лениво разворачиваться. Казалось, она плывет, словно банка наполнена водой. На свету она меняла цвет, то чернея, то наливаясь серебром.

В энциклопедии юного мастера я нашел один эксперимент, который, конечно же, и провел: если взять яйцо и подержать его над пламенем свечи, пока оно полностью не почернеет, а затем опустить его в прозрачную емкость с соленой

водой, то будет казаться, что яйцо покрыто серебром — особенным, ненастоящим серебром, получившимся от игры света. Тогда я как раз думал об этом яйце.

Лэтти зачарованно смотрела. «Ты права. Она оставила дорогу домой у него внутри. Неудивительно, что она хотела держать его при себе».

«Лэтти прости, что отпустил твою руку», — сказал я.

«Ой, да брось, — ответила она. — Извинения всегда запаздывают, хорошо, хоть сожаление есть. В следующий раз держись за руку, что бы она в нас ни бросила».

Я кивнул. Кажется, ледяной осколок в сердце стал таять и ко мне вернулось чувство, что я в целости и сохранности.

«Итак, — сказала Джинни. — Мы перекрыли ей путь домой. И мальчику ничего не грозит. Сегодня ночью мы славно потрудились, это уж точно».

«Но у нее остались родители мальчика, — заметила старая миссис Хэмпсток. — И его сестра. Не будет же она разгуливать у нас на свободе, как ветер в поле? Ты вспомни, что вышло при Кромвеле. И раньше тоже. Когда Рыжий Руфус шатался по округе. За блохами приходят хищники». Она произнесла это так, словно это был

закон природы.

«Ничего, обождет до завтра, — сказала Джинни. — А ну-ка, Лэтти. Возьми юношу и найди ему комнату на ночь. У него был долгий день».

Черный котенок, свернувшись, лежал на кресле-качалке. «Можно, я возьму с собой котенка?»

«Если не возьмешь, — сказала Лэтти. — Она сама пойдет и найдет тебя».

Джинни достала два подсвечника с большими круглыми ручками, на каждом высилась бесформенная груда белого воска. Она зажгла лучину от огня в камине и поднесла ее сначала к одному подсвечнику, потом — к другому. Затем отдала один — мне, а другой — Лэтти.

«У вас что, нет электричества?» — спросил я. На кухне с потолка свешивались большие старые лампочки, нить накаливания у них светилась.

«В той части дома нет, — ответила Лэтти. — Кухня новая. Более-менее. Когда идешь, прикрывай ладонью свечу — чтобы не погасла».

С этими словами она сложила ладонь чашечкой и поднесла к пламени, я сделал как она и направился следом. Черный котенок вышел за нами из кухни через белую деревянную дверь и, спрыгнув за порог, оказался в доме.

Вокруг была темнота, и наши свечи отбрасыва-

ли гигантские тени; пока мы шли, мне казалось, что из-за них все приходит в движение: дедовы часы, чучела животных и птиц (*неужто* чучела? Все думал я. Этот сыч шевельнулся, или в пламени свечи мне лишь почудилось, что он повернул голову, когда мы проходили?), стол в коридоре, стулья. Все они двигались, и все стояли как вкопанные. Поднимаясь по ступенькам, мы миновали несколько пролетов и поравнялись с открытым окном.

Лунный свет заливал лестницу, он был ярче наших свечей. Я глянул в окно и увидел полную луну. Ясное небо было усеяно звездами без числа и без счета.

«Вот это луна», — восхитился я.

«Ба любит такую», — сказала Лэтти Хэмпсток.

«Но вчера был полумесяц. А тут полная. А еще шел дождь. Только что шел. И уже нет».

«Ба любит, чтобы с этой стороны дома светила полная луна. Она говорит, это успокаивает и напоминает ей детство, — продолжала Лэтти. — И на лестнице не оступишься».

Котенок поднимался за нами, смешно прыгая по ступенькам. Я улыбнулся.

В доме на самом верху была комната Лэтти, а рядом с ней — еще одна, туда мы и вошли. В

камине пылал огонь, расцвечивая все вокруг оранжевым и желтым. Комната манила теплом и уютом. В каждом углу кровати стоял столб, и у нее были свои занавеси. Что-то такое я видел в мультфильмах, но в жизни — никогда.

«Твои вещи уже приготовлены, наденешь их утром, — объяснила Лэтти. — Если что, я сплю в комнате рядом, вдруг что-то понадобится, ты просто крикни или постучи, и я тут как тут. Ба сказала тебе пользоваться домашней уборной, но туда долго идти и ты можешь заблудиться, так что, если захочется, под кроватью стоит ночной горшок, самый что ни на есть обычный».

Я задул свечу и нырнул под занавеси в кровать.

В комнате было тепло, но постель была холодной. Ее тряхнуло — что-то приземлилось, и по одеялам забарабанили маленькие лапки, меховой комочек уткнулся мне в лицо и тихо заурчал.

Дома все еще хозяйничал монстр, и за ничтожный отрезок времени, который вроде бы извлекли из реальности, случилось столько всего: отец держал меня под водой в ванне, возможно, пытаясь утопить. Я долго бежал в темноте. Я видел, как отец целует и трогает существо, называвшее

себя Урсулой Монктон. Страх не оставил меня.

Но тут, на подушке, лежал котенок, он урчал мне в лицо и в такт своему урчанию мерно подрагивал; я очень скоро заснул.

10

В ту ночь в том доме мне снились странные сны. Я проснулся в темноте и помнил только, что сон был ужасно страшный — не проснулся бы, точно умер, но, как я ни силился, сам сон не мог припомнить. Он преследовал меня, незримо находясь позади — как затылок, который и здесь, и не здесь.

Я скучал по отцу и по маме, по своей кровати у меня дома всего лишь в миле отсюда. Скучал по тому, как было до Урсулы Монктон, до папиной ярости, до ванны. Я хотел, чтобы все вернулось, очень-очень хотел.

Я попытался восстановить сон, выбивший меня из колеи, но он ускользал. Я знал, в нем было предательство, утрата и время. Из-за него я боялся снова заснуть: камин почти погас, и только угольки рдели, напоминая, что когда-то он горел и давал свет.

Я слез с этой остолбленной кровати, пошарил под ней и нащупал тяжелый фарфоровый горшок. Задрал рубашку и справил нужду. Потом подошел к окну и выглянул. Луна была еще полной, но висела в небе низко и светилась тем-

но-оранжевым светом: мама называла такую луну урожайной. Но я-то знал, урожай собирали осенью, а не весной.

Из окна было видно, как в оранжевом лунном свете ходит взад и вперед старушка — я был почти уверен, что это старая миссис Хэмпсток, хотя толком разглядеть ее лицо не удавалось. Она держала большую длинную палку и при ходьбе опиралась на нее, как на посох. Она напомнила мне солдат на параде, которых я видел во время поездки в Лондон, они маршировали туда и обратно у Букингемского дворца.

Я посмотрел-посмотрел на нее и успокоился.

В темноте я залез обратно в постель, положил голову на пустую подушку с мыслью, что теперь мне никак не уснуть, а когда снова открыл глаза, увидел, что уже утро.

На стуле у кровати лежала невиданная одежда. А на маленьком деревянном столике стояло два фарфоровых кувшина, один — с дымящимся кипятком, другой — холодный, и лохань, которая, как я понял, служила раковиной. Пушистый черный котенок лежал в изножье кровати. Стоило мне сесть, как он открыл свои яркие, синие с зеленью, глаза — необычные, странные, как летнее море — и пронзительно мяукнул, словно

спрашивая о чем-то. Я погладил его и выбрался из постели.

Я смешал воду в лохани и вымыл лицо и руки. Потом холодной водой прополоскал рот. Зубной пасты не было, зато я нашел маленькую круглую жестяную баночку, на которой старинными буквами было выведено «Необычайно действенный зубной порошок Макса Мелтона». Я подцепил своей зеленой щеткой немного порошка и почистил зубы. На вкус он отдавал лимоном и мятой.

Я стал рассматривать одежду. Раньше мне никогда ничего подобного носить не доводилось. Трусов не было. Была белая нижняя рубашка без пуговиц, но с длинным подолом. Коричневые штаны до колен, длинные белые чулки и каштановый пиджак, со спины похожий на хвост ласточки. Бежевые носки больше напоминали чулки. Я как мог оделся, жалея, что вместо замков и застежек тут были крючки, пуговицы и тугие, неподатливые петли.

На туфлях спереди красовались серебряные пряжки, но туфли были слишком велики, так что пришлось выйти из комнаты в чулках; котенок последовал за мной.

Прошлой ночью по дороге в спальню я поднялся по лестнице и на самом верху повернул налево.

Сейчас я повернул направо и мимо комнаты Лэтти (ее дверь была приоткрыта, в комнате никого не было) пошел к лестнице. Однако там, где мне помнилось, ее не было. Коридор заканчивался стеной и окном, глядевшим на леса и поля.

Черный котенок с сине-зелеными глазами громко мяукнул, будто привлекая внимание, а потом, высоко подняв хвост, важно зашагал обратно по коридору. Он повел меня за угол, и по проходу, которого я раньше не видел, мы вышли к лестнице. Котенок мячиком запрыгал по ступенькам, и я тоже стал спускаться.

У лестницы стояла Джинни Хэмпсток. «Хорошо поспал, долго, — сказала она. — Мы уже и коров подоили. Завтрак ждет тебя на столе, а для твоего друга припасено у камина блюдце со сливками».

«А где Лэтти, миссис Хэмпсток?»

«Отлучилась ненадолго, достает все, что ей может понадобиться. Нужно убрать это существо из твоего дома, иначе быть беде, иначе будет хуже. Лэтти однажды уже попыталась связать его, но оно ускользнуло, и теперь ей нужно отправить его обратно».

«Я только хочу, чтобы Урсула Монктон ушла, — сказал я. — Я ее ненавижу».

Джинни Хэмпсток пальцем провела по моему

пиджаку. «В наши дни такую одежду уже не носят, — проговорила она, — ну ничего, матушка подфасонила ее немного, никто и не заметит. Можешь разгуливать в ней сколько душе угодно, никому в голову не придет, что она какая-то странная. А где туфли?»

«Не подошли».

«Ну, тогда у меня есть для тебя кое-что подходящее, найдешь у черного хода».

«Спасибо».

И она снова заговорила: «Я не испытываю к ней ненависти. Она делает, что ей положено по природе. Она спала, проснулась, а теперь пытается дать каждому, что он хочет».

«Я от нее ничего такого не получил. Она говорит, что запрет меня на чердаке».

«Вполне может статься. Она явилась сюда через тебя, опасно быть дверью. — Указательным пальцем она постучала мне по груди — над сердцем. — И лучше ей отправиться туда, где она и была. Мы бы спокойно отправили ее домой — проделывали такое с ними не раз и не два. Но эта попалась упертая. Ничему не учатся. Ну да ладно. Завтрак на столе. Если что, я на девятиакровом поле».

На кухонном столе стояла тарелка каши, рядом

с ней — блюдце с большим куском золотистого сота и молочник с жирными желтыми сливками.

Я отколупал ложкой немного сота, добавил его в густую кашу и налил в тарелку сливок.

Еще там был тост с домашним вареньем из ежевики, его поджарили на гриле, точь-в-точь как делал отец. И чашка самого вкусного чая. У камина котенок лакал из блюдечка сливки и урчал так громко, что было слышно на другом конце комнаты.

Если бы и я мог урчать. Вот бы тогда заурчал.

Вошла Лэтти, в руках у нее была старомодная хозяйственная сумка — с такими бабушки обычно ходили по магазинам, вместительные плетеные сумки с веревочными ручками, почти корзины, снаружи отделанные соломкой из рафии, а изнутри — тканью. Сумка была почти полная. Одна щека у Лэтти была расцарапана, но кровь уже запеклась. Она выглядела очень расстроенной.

«Привет», — сказал я.

«Знаешь, — начала она, — вот что я тебе скажу: если думаешь, что я всласть повеселилась, то знай, совсем мне было не весело, ни граммулечки. Мандрагоры так орут, когда ты их тащишь наружу, а затычек для ушей у меня не было, и в обмен отдала бутылку-тенеловку, давнишнюю,

с кучей теней в уксусном растворе...» Она намазала маслом тост, положила на него ломоть золотистого сота и принялась смачно жевать. «И все это, чтобы заманить меня на этот восточный рынок, а сами еще и не думали открываться. Но все-таки большинство из того, что мне нужно, я там раздобыла».

«А дай посмотрю?»

«На, если хочешь».

Я заглянул в корзину. Она была заполнена сломанными игрушками: кукольными глазами, головами, руками, машинками без колес, побитыми шариками из кошачьего глаза. Лэтти потянулась и достала с подоконника банку из-под варенья. Внутри серебристо-прозрачный лаз, проточенный червем, двигался, свивался в кольца, извивался, поворачивался. Лэтти опустила банку в хозяйственную сумку со сломанными игрушками. Котенок спал, не обращая на нас никакого внимания.

Лэтти сказала: «Для этого тебе не обязательно идти со мной. Можешь остаться тут, пока я пойду и поговорю с ней».

Я поразмыслил. «Мне с тобой спокойнее», — ответил я ей.

Казалось, это ее не обрадовало. Она предложи-

ла: «Давай спустимся к океану». Котенок открыл свои чересчур синие глаза и проводил нас равнодушным взглядом.

У бокового входа меня ждали черные кожаные сапоги, похожие на сапоги для верховой езды. На вид они были старые, но ухоженные, и как раз моего размера. Я надел их, хотя в сандалиях мне было удобнее. Вместе с Лэтти мы направились к ее океану, то есть к пруду.

Мы уселись на старой скамье и стали смотреть на безмятежную бурую гладь пруда, на листья кувшинок и тину от ряски у берега.

«Вы, Хэмпстоки, не люди», — сказал я.

«Нет, люди».

Я замотал головой. «Спорим, вы и выглядите не так, — продолжал я. — На самом-то деле».

Лэтти пожала плечами: «Все выглядят иначе, чем изнутри. И ты. И я. Люди гораздо сложнее. Все-все».

Я спросил: «А ты тоже чудовище? Как Урсула Монктон?»

Лэтти бросила в пруд камешек. «Нет, не думаю, — проговорила она. — Чудовища бывают любой наружности и всяческого размера. Некоторых люди боятся. Некоторые походят на тех, кого люди привыкли бояться давным-давно.

Иногда людям бы надо бояться чудовищ, а они не боятся».

Я сказал: «Людям надо бояться Урсулы Монктон».

«Может. А как ты думаешь, чего боится Урсула Монктон?»

«Понятия не имею. С чего ты взяла, что она вообще боится? Она ведь взрослая. А взрослые и чудовища не боятся».

«О, чудовища боятся, — заметила Лэтти. — Что касается взрослых...» Она замолкла, поскребла пальцем свой веснущатый нос. И снова заговорила: «Я сейчас скажу тебе кое-что важное. Взрослые тоже изнутри не такие уж взрослые. Снаружи они большие и безрассудные, и всегда знают, что делают. А изнутри они нисколько не поменялись. Остались такими же, как ты сейчас. А вся правда в том, что и нет никаких взрослых. Ни единого в целом огромном свете. — Она задумалась на секунду. И улыбнулась: — Конечно же, кроме бабули».

А потом мы сидели там рядышком на старой деревянной скамейке и молчали. Я думал о взрослых. И задавался вопросом, было ли это правдой: в самом ли деле они все дети, обернутые взрослыми телами, как детские книжки, запрятанные

внутри скучных, длинных книг. Без картинок и диалогов.

«Я люблю свой океан», — заговорила наконец Лэтти.

«Но это же понарошку, — возразил я с таким чувством, словно, утверждая это, отрекался от детства. — Твой пруд. Это не океан. Так не бывает. Океан больше моря. А твой пруд — он пруд и есть».

«Больше не больше, а такой, как положено, — сердито ответила Лэтти Хэмпсток. — Пойдем лучше отошлем эту Урсулу, или как ее там, обратно, откуда она и пришла. — И добавила: — А я знаю, чего она боится. И вот что я тебе скажу. Я тоже их боюсь».

Когда мы вернулись на кухню, котенка нигде не было видно, хотя дымчатая кошка сидела на подоконнике и смотрела в окно. Остатки завтрака были прибраны, посуда вымыта, а на столе меня дожидались красная пижама и ночная рубашка, аккуратно свернутые, уложенные в большой коричневый бумажный пакет вместе с зеленой зубной щеткой.

«Ты ведь не дашь ей забрать меня?» — спросил я Лэтти.

Она покачала головой, и мы вместе пошли

по петляющему галечному проселку к моему дому и к существу, называвшему себя Урсулой Монктон. Я нес коричневый бумажный пакет со своей одеждой, а Лэтти — непомерно большую плетеную сумку с поломанными игрушками, которые она выменяла на орущую мандрагору и растворенные в уксусе тени.

Дети, как я уже говорил, идут обходными путями и тайными тропами, а взрослым нужна накатанная дорога и протоптанный путь. Лэтти знала, где срезать, — мы свернули с проселка, прошли через поля в большой заброшенный сад вокруг ветшающего дома какого-то богача и оттуда снова выбрались на дорогу. Как раз в том месте, где я ночью перелез через металлическую ограду.

Лэтти потянула носом воздух. «Хищников еще нет, — заключила она. — Это хорошо».

«*Что* за хищники?»

Она только сказала: «Как встретишь, сразу узнаешь. Но надеюсь, ты их не встретишь».

«Проберемся туда украдкой?»

«Это еще зачем? Пойдем по дорожке и зайдем через парадную дверь, как и пристало джентри».

Мы вступили на подъездную дорожку. «Ты ее заколдуешь и прогонишь?» — поинтересовал-

ся я.

«Мы не колдуем, — возразила она. В ее словах слышалось легкое сожаление. — Иногда мы занимаемся знахарством. Но без колдовства и черной магии. Ба их не одобряет. Она говорит, это *пошло*».

«А зачем тогда весь этот хлам в твоей сумке?»

«Чтобы перекрыть отходные пути. Пометить границы».

В лучах утреннего солнца мой дом казался таким приветливым и дружелюбным. Багряные кирпичи, красная черепичная крыша. Лэтти полезла в сумку. Она вытащила кошачий глаз и сунула его в мокрую от росы землю. Затем, вместо того чтобы идти в дом, она повернула налево и двинулась вдоль ограды. У овощных грядок мистера Уоллери мы остановились, и она снова что-то вытащила из сумки — розовое кукольное тельце, без головы и без ног, с очень пожеванными руками. Она зарыла его рядом с горохом.

Мы сорвали несколько стручков и, раскрыв их, съели горошины. Горошины ставили меня в тупик. Я не мог понять, почему взрослые срывают с куста что-то вкусное и закатывают его в банки, превращая в откровенную гадость.

Под дровяным навесом Лэтти спрятала пласт-

массового волчонка, какие есть в настольной игре «Мой зоопарк» или «Ковчег», положив его под большой кусок угля. Там пахло сыростью, темнотой и старыми опилками.

«Эти вещи заставят ее уйти?»

«Нет».

«А зачем они тогда?»

«Чтобы она не ушла».

«Но мы же *хотим,* чтобы она ушла».

«Нет. Мы хотим отправить ее *домой».*

Я уставился на нее, изучая каштановые вихры, вздернутый нос, веснушки. Она выглядела на три-четыре года старше меня. А могла быть на три-четыре тысячи лет, а то и еще в тысячу раз старше. Я не раздумывая пошел бы за ней до самых Адовых врат. И все же…

«Жаль, что ты не можешь объяснить, как следует, — сказал я. — Говоришь и говоришь загадками».

Мне не было страшно, хотя я не смог бы вам объяснить почему. Я доверился Лэтти, как в тот раз, когда мы отправились на поиски косматого существа под оранжевым небом. Я верил в нее, а это означало, что пока я с ней, мне ничего не грозит. Для меня это было так же очевидно, как то, что трава зеленая, у роз есть шипы, а кукурузные

хлопья на завтрак сладкие.

Мы пошли в дом через парадную дверь. Она была открыта — я вообще не помню, чтобы ее закрывали, если только все вместе не уезжали на отдых, — и мы зашли внутрь.

В гостиной сестра упражнялась на пианино. Мы вошли. Она услышала шорох, перестала играть «Собачий вальс» и обернулась.

Она взглянула на меня с любопытством. «Что там вчера случилось? — спросила она. — Я думала, с тобой что-то стряслось, а когда мама с папой вернулись, оказалось, ты просто ночуешь у друзей. С чего это они вообще стали говорить, что ты у друзей? Нет у тебя никаких друзей. — Тут она заметила Лэтти Хэмпсток. — А это еще кто?»

«Моя подруга, — ответил я. — А где этот жуткий монстр?»

«Не называй ее так! — взвилась сестра. — Она хорошая. У нее тихий час».

Про мою одежду сестра ничего не сказала.

Лэтти Хэмпсток вытащила из сумки сломанный ксилофон и бросила его в груду игрушек, которая скопилась между пианино и незакрытой синей коробкой с игрушками.

«Ну вот, — сказала она. — Теперь самое время пойти поздороваться».

Страх шевельнулся в душе, защекотал сердце. «Ты хочешь сказать, пойти к ней в комнату?»

«Ага».

«А что она там сейчас делает?»

«Вмешивается в жизнь людей, — ответила Лэтти. — Пока только в жизнь местных жителей. Люди думают, будто им что-то нужно, и она пытается это дать. Так она подгоняет мир под себя, чтобы ей было тут лучше. Удобней. Почище. И она уже не особо старается осчастливить их деньгами. Сейчас она хочет побольше навредить людям».

Мы поднимались по лестнице, и на каждой ступеньке Лэтти что-нибудь оставляла: прозрачный стеклянный шарик с зелеными прожилками внутри; металлическую фигурку для игры в бабки; бусину; ярко-синие кукольные глаза, скрепленные сзади белой пластмассой, чтобы они открывались и закрывались; магнитик в виде подковы; черный камень-голыш; значок «Мне уже семь» — такие прикалывают на открытки с днем рождения; тоненький спичечный коробок, их еще называют книжицей; пластмассовую божью коровку на черном магните; наполовину сплющенную машинку без колес; и, наконец, свинцового солдатика. У него не хватало ноги.

Мы добрались до самого верха. Дверь в комнату была закрыта. Лэтти сказала: «Она не запрет тебя на чердаке». И, без стука распахнув дверь, зашла в комнату, которая когда-то была моей; я неохотно поплелся следом.

Урсула Монктон с закрытыми глазами лежала на кровати. Она была первой взрослой женщиной, не считая моей матери, которую я видел голой, и я посмотрел на нее с любопытством. Однако комната привлекала мое внимание куда больше.

Это была моя старая комната, но как будто бы и не моя. Уже не моя. Стоял на месте маленький желтый умывальник, как раз моего размера, и стены все еще были лазоревые. Но теперь с потолка серыми, рваными бинтами свешивались лоскуты ткани, одни — длиной только в фут, другие мотались почти до самого пола. Окно было открыто, ветер колыхал их, они мрачно шуршали и качались, и казалось, что вся комната ходит ходуном, как шатер или парус корабля в море.

«Пора тебе уйти», — сказала Лэтти.

Урсула Монктон села на кровати и открыла глаза, они были того же серого цвета, что и свисающие лохмотья. «А я все гадала, как бы мне заманить вас сюда, и вот, поглядите-ка, яви-

лись», — полусонным голосом проговорила она.

«Никто нас сюда не заманивал, — огрызнулась Лэтти. — Мы пришли по собственной воле. И я даю тебе последний шанс убраться подобру поздорову».

«Никуда я сейчас не пойду, — сказала Урсула Монктон с раздражением и досадой, как малыш, которому никак не дают, что он хочет. — Я только пришла. У меня теперь есть свой дом. Свои питомцы: его отец — *душка душкой.* Я дарю людям счастье. Во всем этом мире таких, как я, больше нет. Когда вы вошли, я как раз проверяла. Я одна такая. Они не могут обезопасить себя. Они не знают как. Лучше места и не придумаешь».

Она широко улыбнулась. Для взрослой она и впрямь была хороша, но когда тебе семь, красота — не императив, а лишь абстракция. Интересно, улыбнись она мне вот так сейчас, что бы я сделал: отдал бы я свою душу, сердце, всего себя целиком по первому ее слову, как мой отец?

«Думаешь, так устроен этот мир, — сказала Лэтти. — Думаешь, здесь все запросто. А вот и нет».

«Конечно же, да. Что ты еще мне скажешь? Что ты со своей семьей защитишь этот мир от меня? Ты лишь одна выходишь за пределы вашей фермы, и ты попыталась связать меня, не зная моего

имени. Твоя матушка на такую глупость бы не отважилась. Я не боюсь тебя, девочка».

Лэтти пошарила в сумке. Она вытащила оттуда банку из-под варенья с прозрачным лазом, оставшимся от червя, и протянула ее Урсуле Монктон.

«Вот твоя дорога назад, — сказала она. — Пока что я добренькая и хорошая. Доверься мне. Ступай обратно. Не думаю, что ты найдешь место лучше, чем то, с оранжевым небом, где мы тебя встретили, но и туда путь неблизкий. Я не могу вернуть тебя в край, откуда ты происходишь, — я спрашивала у бабушки, она говорит, его там уже нет, — но стоит тебе вернуться, и мы подыщем тебе подходящее, похожее на него место. Где тебе будет хорошо. Где ты будешь в безопасности».

Урсула Монктон встала с кровати. Она выпрямилась и посмотрела на нас. Вокруг нее больше не обвивались молнии, но, стоя вот так, нагишом, в этой комнате, она казалась страшнее, чем тогда в бурю, когда летела по воздуху. Она была взрослой — нет, даже больше чем взрослой. Она была *старой.* А я никогда еще не чувствовал себя таким маленьким.

«А мне и здесь хорошо, — ответила она. — Очень, очень хорошо. — И потом добавила почти с сожалением: — А вам нет».

Я услышал шорох, треск рвущейся ветоши и приглушенные хлопки. Один за другим серые лохмотья сами отрывались от потолка. Они падали, но не прямо. Со всей комнаты они слетались к нам, как будто мы были для них магнитом. Первый кусок серой ткани приземлился мне на левую руку с тыльной стороны и там прилип. Я схватил его правой рукой и принялся отдирать; он секунду сопротивлялся, а потом, чавкнув, отстал. Кожа под ним побледнела, потом налилась красным, словно я сосал ее долго-долго, дольше и яростней, чем когда-либо в жизни, она была усыпана капельками крови. Красная жидкость сочилась из крохотных дырочек, я дотронулся до нее, и она размазалась по руке, тут мои ноги начал опутывать длинный бинт, я попробовал увернуться, но кусок ткани налетел на лицо, на лоб, еще один обернулся вокруг головы, закрыв глаза и ослепив меня, я попытался стащить эту повязку, но другая тряпка обвилась вокруг запястий, связала их вместе, полностью спеленала мне руки, примотав их к телу, я споткнулся и упал на пол.

Когда я пытался разорвать тканые путы, они больно сдавливали меня.

Перед глазами все было серо. И я сдался. Я лежал

неподвижно и только старательно дышал через щелку, которую тряпки оставили моему носу. Они держали меня, и в них ощущалась жизнь.

Я лежал там и слушал. Что мне еще было делать?

Урсула сказала: «Мальчишка нужен мне невредимым. Я обещала, что запру его на чердаке, что ж, будет ему чердак. Что до тебя, маленькая девочка с фермы. Что же мне сделать с тобой? Что-нибудь этакое. Может, вывернуть тебя наизнанку, чтобы сердце, мозги, кишки — все было снаружи, а кожа — внутри. Свяжу тебя и буду держать здесь, в комнате, и глаза твои будут вечно таращиться в темноту, вовнутрь. Я могу».

«Нет, — проговорила Лэтти. И я поймал себя на мысли, что в ее голосе звучала грусть. — На самом деле не можешь. Смотри, я давала тебе шанс».

«Ты уже угрожала мне. Пустые угрозы».

«Э, нет, грозить — не по мне, — отрезала Лэтти. — Я правда хотела дать тебе шанс. — И добавила: — Когда ты искала в этом мире себе подобных, неужто тебе не приходило в голову, почему эти древние твари сюда не набежали? Нет, никогда не приходило. Ты так радовалась, что одна здесь, а поразмыслить-то об этом и недосуг.

Ба обычно зовет таких, как ты, *блохами,* Шар-

тах из Цитадели. То бишь она могла бы назвать вас еще как-нибудь. Но мне кажется, она думает, что *блохи* — это смешно… Вообще, она не против вас. Она говорит, вы вполне безобидные. Только чуточку туповаты. Но беда в том, что в этой части вселенной водятся блохоеды. *Хищники,* так бабушка их зовет. И они ей *совсем* не по нутру. Она говорит, от них трудно избавиться, они злобные. И прожорливые».

«Я не боюсь, — сказала Урсула Монктон. Ее голос дрожал от страха. — А как ты узнала мое имя?» — спросила она.

«Этим утром ходила за ним. И кое-что еще раздобыла. Буйков, пометить границы, чтобы ты слишком далеко не убежала и больше не напортила. И хлебных крошек, что ведут прямо сюда, в эту комнату. А теперь открой склянку, высвободи дверь, и давай-ка отправим тебя домой».

Я ждал, что ответит Урсула Монктон, но она молчала. Ответа не последовало. Только дверь грохнула, и удаляющиеся шаги частой дробью затопотали по лестнице.

Совсем рядом голос Лэтти произнес: «Лучше бы осталась здесь и сразу приняла мое предложение».

Я почувствовал, как ее руки стаскивают тряпки

с моего лица. Они отходили легко, с хлюпающим звуком, но больше не казались живыми и, отстав, падали на пол, а там лежали не двигаясь. В этот раз кожа под ними не кровоточила. У меня только затекли ноги и руки. Лэтти помогла мне подняться.

Радости на ее лице я не увидел.

«Куда она пошла?» — спросил я.

«Она пошла по крошкам из дома. И она напугалась. Бедная. Так напугалась».

«Ты тоже напугалась».

«Да, капельку. Стало быть, она вот-вот обнаружит, что заперта в пределах, которые я установила», — ответила Лэтти.

Мы вышли из комнаты. Там, где на последней ступеньке остался солдатик, теперь зияла дыра. Я не могу это описать лучше: словно кто-то сфотографировал лестницу и потом оторвал от фотографии кусочек с солдатиком. На его месте разверзлась серая, тусклая пустота, и если я смотрел в нее слишком долго, начинали болеть глаза.

«Чего она так напугалась?»

«Ты слышал. Хищников».

«Лэтти, а ты боишься хищников?»

Она задумалась, и думала чуть дольше обычного. А потом просто ответила: «Да».

«Но ее же ты не боишься. Урсулы».

«А зачем мне ее бояться? Верно Ба говорит. Она вся раздулась от гордости, власти и похоти, точно блоха от крови. Да она и не могла навредить мне. Я в свое время кучу таких выпроводила. Одна объявилась во времена Кромвеля, и вот тут есть о чем потолковать. Она изводила народ одиночеством. Чтобы избавиться от тоски, они выковыривали себе глаза или прыгали в колодец, а все это время жирная тупая скотина сидела себе в винном погребе в трактире „Голова герцога“, она была похожа на пузатую жабу величиной с бульдога». Лестница кончилась, и мы двинулись по коридору.

«Откуда ты знаешь, куда она пошла?»

«Просто ей не свернуть с пути, который я для нее проложила». В гостиной сестра все еще играла «Собачий вальс».

Та-да-ДАМ-пам-пам
та-да-ДАМ-пам-пам
та-да-ДАМ-та-ДАМ-та-ДАМ-пам-пам…

Мы вышли через парадную дверь. «Этот, Кромвельский, был противный. Но до прилета голодных птиц мы с ним управились».

«Что за голодные птицы?»

«Ну, те, которых Ба зовет хищниками. Чистильщики».

Это звучало неплохо. Я знал — Урсула их боится, а я не боялся. Зачем бояться чистильщиков?

11

Мы догнали Урсулу Монктон на лужайке у розовых кустов. У нее в руках была банка из-под варенья с дрейфующим лазом внутри. Она вела себя странно. То судорожно дергала крышку, то переставала дергать и вглядывалась в небо. Потом снова принималась за банку.

Она побежала к моему буку, к тому, что с веревочной лестницей, и изо всей силы швырнула в него банку. Если она хотела банку разбить, то ей это не удалось. Та просто отскочила и, невредимая, приземлилась на мох, прикрывавший корневое сплетение.

Урсула Монктон злобно посмотрела на Лэтти. «Ну зачем?» — спросила она.

«Ты знаешь зачем», — сказала Лэтти.

«Зачем их пускать сюда?» И она заплакала, а мне стало неудобно. Я не знал, что делать, когда взрослые плачут. Я видел такое лишь дважды: бабушка с дедушкой плакали в больнице, когда умерла тетка, и еще мама плакала. Я был уверен, что взрослые не должны плакать. У них же нет матерей, которые утешат и успокоят.

Я все думал, была ли вообще мать у Урсулы

Монктон? Ее лицо и колени были в грязи, и она рыдала, тоненько подвывая.

Вдалеке послышался звук, странный, нездешний: тугое гудение, словно кто-то дернул натянутую струну.

«Не я их сюда пускаю, — сказала Лэтти Хэмпсток. — Они летят, куда хотят. Сюда они не залетают, потому что обычно для них здесь нет корма. А теперь есть».

«Отошли меня обратно», — попросила Урсула Монктон. И я подумал, что сейчас она совсем не похожа на человека. Ее лицо стало каким-то неправильным: случайное нагромождение деталей, в котором мне виделись человеческие черты, как шишковатые серые изгибы и бугры на стволе моего бука или узоры на спинке кровати в бабушкином доме — если при лунном свете я смотрел на них сбоку, мне являлось лицо старика, он широко разевал рот, словно вопил что есть мочи.

Лэтти подняла банку с зеленого мха и попробовала крышку. «Ты убежала, и она наглухо закрылась», — объяснила она. Потом направилась к мощеной дорожке, опрокинула банку вверх дном и, удерживая за дно, осторожно стукнула ее крышкой о камни. Затем вернула банку

в обычное положение и стала открывать. На сей раз крышка отошла и легла в ее руку.

Она отдала банку Урсуле Монктон, та запустила руку внутрь и выудила прозрачную штуковину, мою бывшую дырку в ноге. От прикосновения хозяйки она напыжилась и с видимым удовольствием принялась извиваться, покачиваясь из стороны в сторону.

Урсула Монктон бросила ее на землю. Коснувшись травы, она начала расширяться. Только не расти. А *изменяться:* она словно надвинулась на меня. Я мог заглянуть туда и увидеть, что там, в конце тоннеля. Я мог пробежать по нему, если бы он не уходил в померанцевое небо.

Я рассматривал его, и грудь снова сдавило: обожгло льдом, будто я объелся мороженым и обморозил себе внутренности.

Урсула Монктон пошла ко входу в тоннель. (Как эта штука могла быть тоннелем? Я не понимал этого. В траве по-прежнему поблескивал прозрачный серебряно-черный лаз, проточенный червяком, — не больше фута в длину. Я думаю, это как с фотоувеличением, когда перед тобой крупный план чего-то маленького. В то же время это был тоннель, и через него можно было бы протащить дом.)

Вдруг она остановилась и завыла.

Она начала: «Дорога назад. — Замолкла. — Обрывается, — вскрикнула она. — Разрушена. Не хватает последнего пролета». И в замешательстве стала беспокойно озираться по сторонам. Ее взгляд остановился на мне — не на лице, а на груди. Она ухмыльнулась.

И тут ее *тряхнуло.* Только что это была взрослая женщина, голая и грязная, — и щелк — точно зонтик телесного цвета она раскрылась.

А раскрывшись, потянулась ко мне, схватила и подняла высоко над землей, и я от ужаса тоже вцепился в нее.

Я цеплялся за плоть. Я болтался на высоте пятнадцати футов или даже выше, вровень с верхушками деревьев.

Нет, я цеплялся не за плоть.

Я цеплялся за старую ткань, гнилую, истлевшую дерюгу, а под ней я нащупал дерево. Не добротное, крепкое дерево, а труху, какую я видел на месте расщепленных деревьев, она всегда была сырой на ощупь, ее можно растереть пальцами, — рыхлые опилки с мелкими жучками, мокрицами, затянутые нитевидной грибницей.

Оно держало меня, раскачиваясь со скрипом.

Ты перекрыла пути, — сказало оно Лэтти

Хэмпсток.

«Ничего я не перекрывала, — ответила Лэтти. — У тебя мой друг. Опусти его на землю». Она была где-то далеко подо мной, а я боялся высоты и схватившего меня существа.

Дорога обрывается. Путь закрыт.

«Опусти его вниз. Сейчас же. Осторожно».

Он недостающий пролет. Путь пролегает через него.

И тогда я понял, что умру.

Умирать мне не хотелось. Родители говорили, что по-настоящему я не умру, мое настоящее «я» не умрет: никто по-настоящему не умирает; просто мой котенок и добытчик опалов получили новое тело и скоро вернутся. Я не знал, верить этому или нет. Я знал только, что уже привык быть собой, что люблю свои книжки, дедушку с бабушкой и Лэтти Хэмпсток, а смерть у меня заберет все это.

Я отворю его. Путь закрыт. Пролет остался внутри него.

Я бы лягался, но лягать было нечего. Я корябал удерживающую меня руку, но ногти зарывались в истлевшую ткань и опилки, а под ними было окаменелое дерево, и существо держало меня крепко.

«Пусти меня! — кричал я. — Пус-ти-ме-ня!»

Нет.

«Мама! — кричал я. — Папа! — А потом: — Лэтти, скажи ей, пусть она меня поставит на землю».

Моих родителей там не было. А Лэтти была. Она приказала: «Шартах. Опусти его вниз. Я же пообещала. Отослать тебя обратно будет сложнее — из-за конца тоннеля, который остался внутри его. Но мы можем — если у меня с мамой не выйдет, получится у бабушки. Так что опусти его вниз».

Он у него внутри. Это не тоннель. Теперь. У него нет конца. Перестаралась, когда закрепляла, последний пролет остался внутри. Не важно. Дело за малым — нужно вырвать из его груди горячее сердце, довершить путь и отворить дверь.

Безликое развевающееся существо говорило без слов, они звучали прямо в моей голове, чем-то напоминая мелодичный, красивый голос Урсулы Монктон. Я знал, оно не шутит.

«Твое время истекло», — сказала Лэтти так, точно говорила о погоде. Она поднесла два пальца к губам и свистнула резко, пронзительно, переливчато.

И они явились, словно только того и ждали.

Они парили в вышине, черные, угольно-черные, такие черные, что казалось, будто их и нет на самом деле, просто на поверхности глаза образовались точки и мешают смотреть. Они были с крыльями, но не птицы. Они были старше птиц, и великое множество, наверное, сотни их вились, кружились, петляли в воздухе, и каждая полуптица, хлопая крыльями, медленно, едва приметно снижалась.

Я вдруг представил себе долину с динозаврами миллионы лет тому назад, они погибли, сражаясь, или умерли от болезни; я представил туши разлагающихся ящеров, величиной больше автобуса, и тогдашних стервятников: черных с серым отливом, голых, крылатых, но без единого перышка; чудища из кошмаров — клювообразная пасть с острыми игольчатыми зубами, сделанная для того, чтобы рвать на части и пожирать, и алчущие красные глаза. Эти создания садились на трупы большущих ящеров и съедали все до костей.

И были они огромные, гладкие и древние, и смотреть на них было больно глазам.

«А теперь, — сказала Лэтти Хэмпсток Урсуле Монктон, — поставь его на землю».

Существо, державшее меня, и не думало слушать. Ничего не сказав, оно, точно большой обветшалый парусник, устремилось по траве к тоннелю.

Я видел, как лицо Лэтти Хэмпсток исказилось от ярости, ее кулаки сжались так, что побелели костяшки. Я видел, как над нами голодные птицы кружат и кружат…

Вдруг одна из них камнем упала вниз, мелькнула быстрее мысли. Рядом пронесся порыв воздуха, я увидел черную-черную пасть, усеянную иголками, глаза, пылающие, как два газовых рожка, и услышал треск, будто бы кто-то рвет занавеску.

Крылатое создание взмыло вверх с куском серой ткани в зубах.

У меня в голове и снаружи раздался вой, это был голос Урсулы Монктон.

Они ринулись вниз, словно ждали, кто двинется первым. Они налетели на державшее меня существо, как кошмарный сон, вступивший в схватку с кошмаром, разрывающий его в клочья, и сквозь весь этот шум до меня доносились стоны Урсулы Монктон.

Я просто давала им то, что они хотели, — вопила она с досадой и страхом. — **Я делала их счастливыми.**

«Ты заставила папу сделать мне больно», — сказал я, пока существо, которое держало меня, отмахивалось от порождений кошмара, разрывающих в клочья ткань. Голодные птицы терзали ее, каждая молча отдирала кусок и, тяжело хлопая крыльями, поднималась вверх, а потом, сделав круг, опять возвращалась.

Я никогда никого не заставляла ничего делать, — ответило оно. Я было подумал — оно надо мной смеется, но тут смех превратился в вопль, такой оглушительный, что у меня заболели голова и уши.

Существо, державшее меня, медленно рухнуло, будто ветер стих, оставив в покое разодранный парус.

Я сильно ударился о землю, ободрав колени и ладони. Лэтти помогла мне встать и отвела в сторону от сваленных в кучу останков, называвших себя когда-то Урсулой Монктон.

Это были куски серой ткани, которые не были тканью: они свивались в кольца, змеились вокруг меня по земле под невидимым ветром — живое червивое месиво.

Крылатые создания кидались на него, как морские чайки на рыбу, выброшенную на берег, они рвали его, словно не ели тысячу лет и теперь

нужно было набить желудок, потому что ждать следующей кормежки придется столько же, а то и дольше. Они рвали серую дерюгу своими зубастыми пастями, пожирали гнилую холщовую плоть, а у меня в голове раздавились отчаянные крики.

Лэтти держала меня за руку. Она молчала.

Мы ждали.

Когда крики стихли, я знал, что Урсула Монктон сгинула навсегда.

Расправившись с лохмотьями в траве, не оставив ничего, даже серого клочочка, они повернулись к прозрачному тоннелю, который бился в конвульсиях, раскачивался и извивался как живой. Несколько птиц зажали его в когтях и взлетели, поднимая тоннель в небо, а остальные набросились на него, жадно отхватывая куски своими пастями.

Я думал, закончив, они уберутся прочь, вернутся сам не знаю куда, но не тут-то было. Они спускались обратно. Когда они приземлились, я попытался пересчитать их, и мне это не удалось. Раньше я думал, что их были тысячи и тысячи, но, может быть, я ошибался. Может, их было двадцать. А может, и тысяча. Объяснить этого я не мог; наверное, они явились оттуда, где такие вещи, как арифметика, не работают, из мира за

пределами времени и чисел.

Они приземлились, я вглядывался в них, но видел лишь тени.

Столько теней.

И они пристально смотрели на нас.

Лэтти заговорила: «Вы сделали то, зачем явились сюда. Вы свое получили. Почистили. Теперь ступайте домой».

Тени не шелохнулись.

Она сказала: «Ступайте!»

Тени на траве где были, там и остались. Только теперь они казались темнее и плотнее, чем прежде.

— *Ты не властна над нами.*

«Может быть, — ответила Лэтти. — Но я призвала вас сюда, и сейчас я велю вам вернуться. Вы поглотили Шартах из Цитадели. Вы сделали свое дело. А теперь убирайтесь».

— *Мы чистильщики. Мы приходим чистить.*

«Да, и вы вычистили то, ради чего пришли. Возвращайтесь домой».

— *Не всё,* — вздохнул ветер в кустах рододендрона, и прошелестела трава.

Лэтти повернулась и обхватила меня рукой. «Давай, — сказала она. — Быстро».

И мы быстро пошли через лужайку. «Я веду те-

бя к кольцу фей, — сказала она. — Тебе придется ждать там, пока я не вернусь. Не выходи из него. Ни в коем случае».

«А почему?»

«Вдруг с тобой случится что-то неладное. Не думаю, что смогу довести тебя до нашего дома в целости и сохранности, и я не могу это исправить сама. В кольце тебе ничего не грозит. Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, не выходи из него. Просто оставайся внутри, и с тобой все будет в порядке».

«Кольцо фей — это же понарошку, — возразил я. — Мы просто так играем. Это же круг с зеленой травой, и все».

«Ну, что есть, то есть, — сказала она. — Если что-то захочет навредить тебе, оно не сможет перейти границу. А ты оставайся внутри». Она сжала мою руку и завела меня в зеленый круг. Потом нырнула в кусты рододендрона и исчезла.

12

По краям круга сгущались тени. Бесформенные пятна, собравшиеся здесь, не были галлюцинацией, я их видел, стоило резко повернуть голову. И тогда они принимали очертания птиц. И казались очень голодными.

Мне никогда еще не было так страшно, как в тот день, после обеда, в этом кругу травы с мертвым деревом посередине. Птицы не пели, насекомые не гудели и не жужжали. Все замерло. Я слышал шелест листьев и шепот травы на ветру, но Лэтти Хэмпсток все не было, и в легком шуме ветра не слышалось голосов. Только тени меня пугали, но и их, если смотреть в упор, не очень хорошо было видно.

Солнце клонилось к закату, тени в неясных сумерках сделались еще незаметнее, и я уже не был уверен, есть ли там вообще что-то. Но из круга не выходил.

«Привет! Парень!»

Я обернулся. Он шагал по лужайке ко мне. Он был одет как в последний раз, когда я его видел: смокинг, белая рубашка с жабо, черный галстук-бабочка. Его лицо все еще было тревожного,

вишневого цвета, словно от долгого лежания на пляже, но руки были белые. Он выглядел не как живой человек, а как восковая фигура, какие скорее увидишь в комнате страха. Он осклабился, поймав на себе мой взгляд, и стал похожим на ухмыляющуюся восковую фигуру, я сглотнул, жалея, что солнце уже зашло.

«Ну давай, парень, — продолжал добытчик опалов. — Ты лишь оттягиваешь неизбежное».

Я молчал. Я следил. Его блестящие черные туфли подошли к кругу, но не переступили границу.

Мое сердце бешено колотилось в груди, и я был уверен, что он это слышит. Волосы на шее и на голове у меня зашевелились.

«Парень, — сказал он с сильным южноафриканским акцентом. — Им надо закончить. Это их дело: они могильщики, блюстители пустоты. Такая работа. Зачистить остатки мусора. И полный порядок. Они тебя выскоблят отсюда, и тебя как не бывало. Согласись только. Больно не будет».

Я глядел на него. Когда взрослые так говорили, не важно о чем, потом было очень больно.

Мертвец в смокинге стал медленно поворачивать голову, пока она не оказалась ко мне лицом. Его глаза закатились, и было такое ощущение,

что он, как лунатик, слепо таращится в небо над нами.

«А твоя маленькая подружка не в силах тебя спасти, — проговорил он. — Уже много дней судьба твоя предрешена, с тех пор как их жертва пришла сюда через тебя и пробуравила ход в твоем сердце».

«Не я заварил эту кашу! — возразил я мертвецу. — Это нечестно. С *тебя* все началось».

«Да, — согласился мертвец. — Ну что, ты идешь?»

Я сел, прислонившись спиной к дереву в центре кольца фей, закрыл глаза и не шевелился. Чтобы отвлечься, я принялся вспоминать стихи и читать их про себя, шевеля губами, но не издавая ни звука.

> *Цап-царап сказал мышке:*
>
> *Вот какие делишки,*
>
> *мы пойдем с тобой в суд, я тебя засужу…*[224]

Я выучил наизусть это стихотворение в школе. Его рассказывала мышь в «Алисе в Стране чудес», та самая мышь, которую Алиса повстречала в

---

[224] notes: 224
Перевод Н. Демуровой.

море из своих собственных слез. В моей «Алисе» слова скакали по строчкам туда и обратно, выписывая кренделя, и столбик стихотворения превращался в мышиный хвост.

Я мог рассказать его целиком на одном дыхании, без передышки, до самого неотвратимого конца.

«Я — и суд, я — и следствие, —
Цап-царап ей ответствует. —
Присужу тебя к смерти я,
тут тебе и капут».

Когда я открыл глаза, добытчика опалов уже не было.

Небо затягивалось серым, мир в сумерках становился плоским и терял резкость. Если тени и были все еще там, я их уже различить не мог; точнее, вокруг стеной стояли одни только тени.

Из дома, выкрикивая мое имя, выскочила сестра. Не дойдя до меня, она остановилась и спросила: «Что ты там делаешь?»

«Ничего».

«Папа звонит. Он зовет тебя к телефону».

«Нет. Не зовет».

«Что?»

«Он не зовет меня к телефону».

«Если ты сейчас же не пойдешь, тебе не поздоровится».

Я не знал, моя это сестра или нет, но я был в кругу, а она за его границей.

Я жалел, что не взял с собой книгу, пусть уже почти стемнело и читать было бы трудно. Я мысленно вернулся к «слезному» стихотворению мыши.

И не смей отпираться,
мы должны расквитаться,
потому что все утро
я без дела сижу…

«А где Урсула? — спросила сестра. — Она поднялась к себе в комнату, но там ее нет. И на кухне нет, и в туалете. Я хочу чая. Я есть хочу».

«Можешь сама себе что-нибудь приготовить, — ответил я ей. — Ты уже не ребенок».

«Где Урсула?»

Ее разодрали на клочки стервятники, монстры-пришельцы, и, если уж честно, я думаю, что ты одна из них, или они тобой управляют.

«Не знаю».

«Когда мама с папой вернутся, я им скажу, что ты весь день плохо со мной обращался. Они тебе покажут». Я все пытался понять, моя это сестра

или нет. Судя по словам, точно была она. Но в кольцо, в круг, где трава была зеленее, она не ступила ни шагу. Показав мне язык, она помчалась обратно к дому.

И на это нахалу
мышка так отвечала:
«Без суда и без следствия,
сударь, дел не ведут…»

Плотной тусклой массой навалился сумрак, весь выцветший и тревожный. Вокруг разносилось зудение комаров, один за другим они садились на мои щеки и руки. Я был рад, что на мне необычная, старомодная одежда кузена Лэтти Хэмпсток — с ней открытых мест на теле осталось меньше. Когда комары садились, я тут же отгонял их шлепками, и они разлетались. Один не улетел, присосавшись к запястью с внутренней стороны, он лопнул от моего удара, и кровавая слеза скатилась по руке.

Надо мной кружились летучие мыши. Обычно они мне нравились, но в эту ночь их было очень уж много, они напоминали мне голодных птиц и заставляли дрожать от страха.

Незаметно сумерки перешли в ночь, а я все сидел в дальнем конце сада и уже не мог различить

границ круга. В доме зажегся свет, дружелюбный электрический свет.

Темнота меня уже не пугала. И обычные вещи тоже. Просто я не хотел больше сидеть там и ждать в темноте подругу, которая исчезла, и не понятно, когда вернется.

...Цап-царап ей ответствует. —
Присужу тебя к смерти я,
тут тебе и капут.

Но я сидел и ждал. Я видел, как Урсулу Монктон разорвали на клочки и сожрали могильщики, явившиеся из мира, недоступного моему пониманию. Я был уверен — выйди я из круга, и со мной произойдет то же самое.

Я перешел от Льюиса Кэрролла к Гилберту и Салливану.

И лежишь ты без сна, в голове пелена,
сердце полнится тяжкой тоскою,
ты давай без прикрас, заведи свой рассказ,
коли ночью тебе нет покою...[225]

---

[225] notes: 225

«Песнь о ночном кошмаре», или «Кошмар лорда-канцлера», из оперы Гилберта и Салливана «Иоланта» (*англ.* «The Lord Chancellor's Nightmare», 1882 г.).

Я любил, как эти слова звучат, даже если и не совсем понимал, что они означают.

Захотелось пописать. Я повернулся спиной к дому и чуть-чуть отошел от дерева, боясь сделать лишний шаг и оказаться за кругом. Я помочился в темноту. И только закончил, как меня ослепил свет фонаря, и голос отца спросил: «Какого черта ты здесь делаешь?»

«Я… я просто сижу тут», — ответил я.

«Да. Твоя сестра мне сказала. Ладно, пойдем домой. Ужин на столе».

Я не двинулся с места. «Нет», — сказал я и замотал головой.

«Ну, не глупи».

«Я и не глуплю. Я остаюсь здесь».

«Ну, давай. — И, подбадривая, добавил: — Пойдем, Красавчик Джордж». Он так звал меня, когда я был совсем ребенком. У него даже имелась песенка с этим именем — он напевал ее, качая меня на коленях. Это была лучшая песня в мире.

Я молчал.

«Я тебя домой не понесу, — сказал отец. В голосе его послышался металл. Ты уже большой».

Да уж, подумал я. *А еще, чтобы схватить меня, тебе придется пройти через кольцо фей.*

Правда, кольцо фей казалось теперь глупостью.

Это был мой отец, а не какая-то восковая фигура, сделанная голодными птицами, чтобы меня выманить. Он вернулся с работы. Как раз подошло время.

Я сказал: «Урсула Монктон ушла. Навсегда».

«Что ты ей сделал? — спросил он сердито. — Гадость какую-нибудь? Нагрубил?»

«Нет».

Он посветил фонарем мне в лицо. Из-за света я почти не видел его лица. Но было ясно, что он с трудом сдерживает себя. Он спросил: «Чего ты наговорил ей?»

«Ничего я ей не говорил. Она просто ушла».

Это была правда, ну или почти правда.

«Возвращайся в дом, сейчас же».

«Ну пожалуйста, папочка, мне нужно остаться здесь».

«Сию же минуту иди в дом!» — заорал отец во весь голос, и я не совладал с собой: нижняя губа задрожала, из носа потекло, к горлу подступили слезы. Они застилали глаза, жгли и не капали, и я смаргивал их.

Я не знал, со своим ли отцом говорю.

Я сказал: «Мне не нравится, когда ты кричишь на меня».

«А мне не нравится, когда ты ведешь себя, как

звереныш!» — заорал он, и я заплакал, и слезы ручьем побежали по моему лицу, мне захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда.

За последние несколько часов я видел вещи и похуже. Я вдруг понял, что мне наплевать. Я поднял глаза на темную фигуру, держащую фонарь, и сказал: «Ты чувствуешь себя большим и сильным, когда доводишь ребенка до слез?», и тут же горько пожалел об этом.

Я отраженном свете фонаря мне было видно, как его лицо осунулось, искривилось. Собираясь что-то сказать, он открыл рот и снова его закрыл. Я не мог вспомнить, чтобы отец вообще терял дар речи, ни до этого, ни после. Только тогда. Я похолодел. И подумал, *я скоро умру здесь. Неужели это мое прощальное слово?*

Но свет фонаря уже удалялся. Отец бросил только: «Мы будем в доме. Твой ужин я поставлю в духовку».

Я следил за огоньком: вот он движется по лужайке, мимо розовых кустов, к дому и гаснет, полностью скрываясь из виду. Стукнула боковая дверь.

А когда ты уснешь, как глоток отхлебнешь,

голове и глазам отдых давши,

дрема встретит кошмар, раздувая пожар,

и не спать лучше было б, страдавши…

Кто-то засмеялся. Я перестал петь и оглянулся — вокруг никого.

«Песнь о ночном кошмаре, — раздался голос. — Как кстати».

Она подошла ближе, и я смог разглядеть лицо. Она все еще была неодета и улыбалась. Я видел, как несколько часов назад ее разорвали на куски, но сейчас она была целой и невредимой. Хотя все остальные, кого я видел этим вечером, выглядели убедительнее; за ней виднелись огни дома, они просвечивали сквозь нее. А улыбка ее осталась прежней.

«Ты умерла», — сказал я ей.

«Да. Меня съели», — ответила Урсула Монктон.

«Ты умерла. Ты ненастоящая».

«Меня съели, — повторила она. — Я ничто. Они выпустили меня ненадолго из своей утробы. Там холодно и очень пусто. Но они мне обещали тебя, и мне будет с кем поиграть, посидеть в темноте. Тебя съедят, и ты тоже будешь ничто. Но все, что останется от этого ничто, будет моим, моей

игрушкой, моей забавой до скончания времени. Вот мы *поразвлечемся».*

Прозрачная рука поднялась, дотронулась до улыбающихся губ и послала мне призрачный поцелуй Урсулы Монктон.

«Я буду ждать тебя», — сказала она.

Хруст в кустах рододендрона позади меня и голос, веселый, женский, молоденький: «Все в порядке. Ба все исправила. Все уладили. Выходи».

Над кустом азалии показалась луна — яркий полумесяц, нестриженая полоска на длинном ногте.

Я сидел у мертвого дерева и не двигался.

«Ну давай, глупенький. Говорю же я. Они улетели», — продолжала Лэтти Хэмпсток.

«Если ты и вправду Лэтти Хэмпсток, — сказал я ей, — зайди сюда».

Девочка-тень осталась там, где стояла. Потом разразилась хохотом, вытянулась, мелькнула и растворилась, став обычной ночной тенью.

«Ты хочешь есть», — послышался голос из темноты, и это был уже не голос Лэтти Хэмпсток. Может быть, он звучал в моей голове, но говорил он громко. «Ты устал. Семья тебя ненавидит. Друзей нет. И, как это ни прискорбно, Лэтти Хэмпсток никогда не вернется».

Мне очень хотелось увидеть, кто говорит. Когда знаешь, чего бояться, оно как-то легче.

«До тебя никому нет дела, — безучастно, по-деловому рассуждал голос. — Давай выходи к нам из круга. Сделай один только шаг. Шагни за черту, и мы навсегда избавим тебя от боли — от той, что не дает покоя сейчас, и от той, что еще предстоит испытать. Больше не будет больно».

Теперь голос был не один. В унисон говорили двое. Или сотня. Я не мог различить. Множество голосов.

«Неужели ты думаешь, что в этом мире будешь счастлив? В твоем сердце дыра. Через тебя проходит путь в земли, лежащие за пределами мира, тебе известного. Ты станешь мужать, и они позовут. Ни на секунду ты не забудешь о них, не перестанешь искать в своем сердце то, чем обладать не сможешь, то, что даже не сможешь отчетливо представить себе; и не будет в твоей жизни ни сна, ни покоя, ни радости до тех самых пор, пока в последний раз не сомкнутся глаза, пока любимые домочадцы не дадут тебе яду и не продадут твое тело на нужды *анатомии,* но и тогда ты будешь умирать с дырой внутри, будешь стенать и клясть бездарно прожитую жизнь. Тебе не обязательно взрослеть. Выйди, и мы закончим

начатое, сработаем чисто, иначе так и умрешь там от голода и страха. А когда ты умрешь, круг будет нам не преграда, мы вырвем твое сердце, а душу возьмем на память».

«Может, так все и будет, — сказал я, — а может, и нет. А если и да, то, может, так и суждено было быть. Мне наплевать. Я все равно буду сидеть здесь и ждать Лэтти Хэмпсток, и вот увидите, она вернется ко мне. И если я умру тут, то умру, ожидая ее, пусть лучше уж так умру, чем вы со всеми вашими чудовищами разорвете меня на кусочки, потому что мне внутрь засунули что-то, что иметь мне вовсе не *хочется».*

Наступила тишина. Тени вроде бы снова растворились в ночи. Я обдумывал свои слова, зная, что сказал правду. В ту минуту единственный раз в детстве темнота меня не пугала, и я точно готовился умереть (как готовится умереть любой семилетний ребенок, уверенный в собственном бессмертии), если придется встретить смерть, ожидая Лэтти. Потому что она была моим другом.

Время шло. Я ждал, что тьма снова заговорит со мной, что придут люди, что все призраки и чудовища, населяющие мое воображение, соберутся вдоль круга и станут меня выманивать, но все

было тихо. Пока было тихо. И я просто ждал.

Луна поднялась выше. Мои глаза привыкли к темноте. Я пел про себя, беззвучно шевеля губами.

Ты обычный дряхлец — весь согнулся вконец.

Эко чудо — храпишь, на полу же ты спишь,

Иглы колют в ногах, не ходи в башмаках.

Тело сводит опять, левый бок бы размять.

Ноги в пальцах болят. На носу мухи спят.

У тебя в легких пух. И язык твой набух.

Жаждой глотка горит. В общем, все говорит:

«Ну а спишь, ты, милок, неважно».

Я про себя пропел песню целиком два или три раза, с облегчением отмечая, что помню слова, пусть даже и не всегда их понимаю.

13

Когда пришла Лэтти, настоящая Лэтти, в руках у нее было ведро с водой. Тяжелое, судя по тому, как она его тащила. Перешагнув невидимую границу кольца в траве, она направилась прямо ко мне.

«Извини, — сказала она. — Понадобилось гораздо больше времени, чем я думала. Он никак не соглашался, и в конце концов пришлось позвать бабушку, самое сложное она взяла на себя. Он не стал спорить с ней, но и помогать тоже не стал, а это совсем непросто…»

«О чем ты? — прервал я ее. — О чем ты болтаешь?»

Аккуратно, чтобы не расплескать, она поставила ведро на землю рядом со мной. «Океан, — сказала она. — Он никак не хотел поддаваться. Так сопротивлялся, что Ба сказала, ей потом придется пойти прилечь. Но мы все-таки загнали его в это ведро с водой».

От воды в ведре исходило какое-то зеленовато-синее свечение. Я видел в ней лицо Лэтти. Зыбь, волны, видел, как они набегают и плещутся о ведерный край.

«Я не понимаю».

«Я не могла отвести тебя к океану, — пояснила она. — Но ничто не мешало мне принести океан к тебе».

«Я хочу есть, Лэтти. И мне это не нравится», — сказал я.

«Мама уже сготовила ужин. Но придется еще чуть-чуть потерпеть. Тебе небось одному здесь было страшно?»

«Да».

«Они пытались вытащить тебя из круга?»

«Да».

Она взяла мои руки в свои и сжала. «Но ты оставался, где тебе следовало, и не слушал их. Вот молодчина. Вот это я понимаю». — В ее голосе слышалась гордость. И я позабыл свой голод и страх.

«А что мне теперь делать?» — спросил я ее.

«А теперь, — ответила она, — ступай в ведро. Ни обувку, ничего другого снимать не надо. Просто забирайся».

Мне это даже не показалось странным. Она отпустила одну мою руку, но вторую продолжала сжимать. Я подумал, *ни за что не отпущу твою руку, если только сама не скажешь*. Я сунул ногу в мерцающую воду, и она поднялась почти до краев. Нога коснулась жестяного дна. Вода холодила,

но не обжигала холодом. Сунув в ведро вторую ногу, я пошел вниз, как мраморная статуя, и океан Лэтти Хэмпсток сомкнулся над моей головой.

У меня было такое чувство, как бывает, когда ступишь назад, не глядя, и упадешь в бассейн. Под водой я закрыл глаза, чтобы не щипало, — зажмурил сильно-сильно.

Плавать я не умел. Я не понимал, где я и что происходит, но даже тогда я чувствовал, что Лэтти по-прежнему сжимает мою руку.

Я не дышал.

А когда уже было невмоготу, судорожно глотнул, ожидая, что сейчас задохнусь, закашляюсь и умру.

Я не задохнулся. Я ощутил, как водяной холод — если это была вода — проникает в нос, в горло, заполняет легкие, но со мной ничего не происходит. Он не вредит мне.

Я подумал, *это вода, которой можно дышать.* Подумал, *может быть, есть такой секрет, как дышать водой — это просто, и все это могут, если знать как.* Вот, что я подумал.

Это было первое, что я подумал.

Потом я подумал, что знаю все на свете. Океан Лэтти Хэмпсток протекал через меня, заполняя собой всю вселенную — от Яйца до Розы. Я знал

это. Знал, что представляет собой Яйцо — где зачинался мир под пение предвечных голосов в пустоте, — знал, как цветет Роза — пространство странным образом искривляется и идет гигантскими складками, они сворачиваются, как оригами, превращаясь в причудливые орхидеи, которые зацветут в знак последнего благоденствия перед самым концом всего сущего, перед следующим Большим Взрывом, и он, теперь я это тоже знал, будет совсем не взрывом.

Я знал, что старая миссис Хэмпсток будет там, как и в прошлый раз.

Я увидел мир, в котором жил от рождения, и понял, какой он хрупкий; знакомая мне реальность была лишь тонким слоем застывшей глазури на темном праздничном торте, который кишит червями, пропитан кошмарами и начинен алчностью. Я увидел этот мир сверху и снизу. За пределами нашей реальности, точно пчелиные соты, множились другие миры, открывались другие врата и пути. Я увидел все это и постиг, и оно заполнило меня, как воды океана.

Все во мне зашептало. Заговорило — все и со всем, и мне все это было известно.

Я открыл глаза, желая узнать, что мне явится снаружи, и будет ли оно похоже на то, что

внутри.

Я находился глубоко под водой.

Я глянул вниз, там синяя даль скрывалась во тьме. Взглянул вверх, там было то же самое. Ничто не тянуло меня в глубину и не выталкивало на поверхность.

Я слегка повернул голову, чтобы взглянуть на нее — она, так и не отпустив, держала меня за руку — и увидел Лэтти Хэмпсток.

Мне кажется, я не сразу понял, что открылось моим глазам. Это было ни на что не похоже. Если Урсула Монктон была сделана из серой ветоши, которая развевалась, трещала и рвалась на шквальном ветру, то вместо Лэтти Хэмпсток я видел сейчас струящийся шелк цвета льда, наполненный мерцанием крохотных огоньков от свечей, сотен и сотен свечей.

Могла ли свеча гореть под водой? Там могла. Когда я был в океане, я знал это и даже знал как. Я постиг это точно так же, как постиг Темное начало, материю, создающую то, что должно быть во вселенной, но чего мы не можем найти. Перед моим внутренним взором возник океан, омывающий всю вселенную, словно темная морская вода под деревянными мостками у старого причала: океан, который простирается от вечности

к вечности и все же столь маленький, что может уместиться в ведре, если старая миссис Хэмпсток поможет и если хорошо попросить.

Лэтти Хэмпсток превратилась в туманный шелк и пламя свечей. Интересно, а как тогда выглядел я, но я знал — даже здесь, в пространстве, целиком состоящем из знания, это единственное, что мне знать не дано. И если я загляну внутрь себя, то увижу лишь бесконечную круговерть пристально изучающих меня зеркал.

Шелк, пронизанный огоньками свечи, качнулся медленно, плавно, как и бывает под водой. Течение подхватило его, и показались руки, одна из них по-прежнему сжимала мою, тело, знакомое веснущатое лицо, рот, который открылся и сказал голосом Лэтти Хэмпсток: «Мне очень жаль».

«Почему?»

Она не ответила. Воды океана путали мои волосы и трепали одежду, как летние ветры. Мне больше не было холодно, я знал все на свете и не испытывал голода, а весь огромный, сложный мир стал вдруг простым и обозримым, готовым раскрыться. Мне хотелось остаться здесь до скончания времени, в этом океане, который и есть вселенная, душа, самая суть. Мне хотелось

остаться здесь навсегда.

«Нельзя, — сказала Лэтти. — Он разрушит тебя».

Я открыл рот объяснить ей, что сейчас меня нельзя убить, но она сказала: «Не убить. Разрушить. Растворить. Здесь ты не умрешь, здесь ничто не умирает, но если пробыть здесь слишком долго, ты распадешься на мельчайшие крупицы, и они разлетятся повсюду. А это нехорошо. Тебя уже будет не собрать, и не станет того, что понимает себя как отдельное, цельное „я“. Не станет твоей точки зрения — ты будешь бесконечной чередой точек, твоему зрению недоступных…»

Я хотел возразить. Она ошибалась, наверняка ошибалась; мне очень нравилось это место, состояние, ощущение, и я думал остаться здесь навсегда.

Но тут моя голова вынырнула на поверхность, я заморгал и закашлялся, я стоял по бедра в воде, в пруду, на задворках фермы у Хэмпстоков, и Лэтти Хэмпсток стояла рядом, держа меня за руку.

Я снова закашлялся, и мне показалось, что вода попала и в нос, и в рот, и в легкие. Я жадно втянул в себя чистый воздух; большой, нерезаный круг урожайной луны висел в небе и лил свой свет на красную черепичную крышу Хэмпстоков — в

то последнее мгновение я еще знал все на свете: помню, я знал, как сделать так, чтобы луна была полной, кода тебе нужно, чтобы светила на дом только сзади и каждую ночь.

Я знал все на свете, но Лэтти Хэмпсток настойчиво тащила меня из пруда.

Я по-прежнему был в странной, старомодной одежде, которую дали мне утром, но выбравшись из пруда на траву, росшую на берегу, я обнаружил, что и вещи, и моя кожа были совершенно сухими. Океан снова вернулся в пруд, а я, словно пробудившись от сна в летний день, помнил только, что совсем недавно знал все-все.

Я взглянул на Лэтти в свете луны. «Вот, значит, как оно у тебя?» — спросил я.

«*Что* как оно у меня?»

«Ты не забываешь, и все время все знаешь?»

Она покачала головой. На ее лице не было улыбки. Она сказала: «Скучно это, все знать. Ты вынужден отказаться и забыть, если хочешь копаться в здешнем навозе».

«То есть *когда-то* ты все знала?»

Она наморщила нос. «Все знали. Я же тебе говорила. Знать, как устроен мир, тоже мне невидаль. Ты и вправду вынужден отказаться, если уж вздумал играть».

«Во *что?*»

«В это», — сказала она. И обвела рукой дом, небо, невероятную луну, звездные вихри, спирали, скопления ярких галактик.

Хотел бы я знать, что она имеет в виду. Было такое чувство, будто она говорит о сне, который мы видели вместе. На секунду он стал таким осязаемым, что я почти мог дотронуться до него.

«Наверно, ты сильно проголодался», — сказала Лэтти, и наваждение прошло, верно, я очень хотел есть, и голод, завладев разумом, проглотил мои древние сны.

В доме в огромной кухне на столе на своем обычном месте меня ждала тарелка. А на ней — кусок пастушьего пирога: запеченное до коричневой корочки картофельное пюре с мясным фаршем и овощами в подливке. Я опасался есть в гостях, боялся, что если мне не понравится и не захочется доедать, то будут выговаривать или заставят сидеть за столом и есть, отковыривая помаленьку, все до последней крошки, как в школе, но у Хэмпстоков еда всегда была отличная. Опасений она не вызывала.

Джинни Хэмпсток, дородная, радушная, хлопотала по хозяйству в своем переднике. Я ел молча, уткнувшись в тарелку и запихивая в рот

долгожданную пищу. Женщина и девочка тихо говорили, в их голосах слышалась озабоченность.

«Они не заставят себя долго ждать, — заметила Лэтти. — Их не проведешь. И не уйдут, пока не съедят без остатка то, ради чего явились».

Ее мать хмыкнула. Щеки у нее разрумянились от кухонного жара. «Чушь собачья, — возразила она. — У них и мозгов-то нет, одна сплошная глотка».

Раньше я не слышал этого выражения и подумал, что она говорит, будто у тех созданий кроме горла и рта больше ничего нет. С трудом верилось, что у теней в самом деле были только горло и рот. Я видел, как они сожрали серое существо, называвшее себя Урсулой Монктон.

Мама моей мамы стала бы сейчас меня ругать за то, что я ем, как дикое животное. «Надо *эсн,* есть, — сказала бы она. — Как человек, а не как *хазэр,* свинья. Когда животные едят, они *фрэс.* А люди *эсн.* Ешь по-человечьи». *Фрэсн* — так голодные птицы налетели на Урсулу Монктон, и, несомненно, за меня бы взялись точно так же.

«Я их столько никогда раньше не видела, — сказала Лэтти. — В стародавние времена, когда они сюда залетали, их было раз-два и обчелся».

Джинни налила мне стакан воды. «Сама виновата, — сказала она Лэтти. — Ты же просигналила и позвала их. В колокольчик позвонила и откушать пригласила. Вот они и явились всем скопом».

«Я просто хотела удостовериться, что она точно сгинет», — оправдывалась Лэтти.

«Блохи, — сказала Джинни, тряхнув головой, — они точно куры, выберутся из курятника, гордые все, напыжатся, изготовившись выклевать всех червей, жуков и гусениц, каких захочется, и не думают о лисах». Стоя у плиты, она раздраженно, размашисто взбивала заварной крем длинной деревянной ложкой. «В любом случае теперь у нас тут лисы. И мы их отправим обратно, как и в прошлый раз, когда они ошивались по округе. Мы ведь и прежде это делали?»

«Не то чтобы, — возразила Лэтти. — Мы или отсылали блоху домой и стервятникам здесь делать было нечего, как эту, из погреба, при Кромвеле, или же они прилетали, забирали то, за чем явились, и отправлялись восвояси. Как жирную блоху, из-за которой сбывались людские сны, во времена Рыжего Руфуса. Они забрали ее, снялись с места и улетели. Прежде нам еще не приходилось избавляться от них».

Ее мать пожала плечами. «Это без разницы. Мы просто отправим их обратно, откуда они и явились».

«А откуда они явились?» — спросила Лэтти.

Я сбавил скорость, никак не желая расставаться с пастушьим пирогом, и медленно возил последние кусочки вилкой по тарелке.

«Не важно, — сказала Джинни. — Все равно уберутся. Может, просто надоест ждать».

«Я пыталась угнать их, — деловито пояснила Лэтти. — А им хоть бы хны. Я выставила защитный покров, но вряд ли бы его хватило надолго. Здесь мы в безопасности, понятно, никто не явится на эту ферму без нашего дозволения».

«И ничего *отсюда* не исчезнет», — добавила Джинни. Она убрала мою пустую тарелку, заменив ее чашкой, где дымился пятнистый кусок ягодного пудинга весь в желтых каплях густого заварного крема.

Я с радостью съел и его.

Я не скучаю по детству, но мне не хватает своего тогдашнего умения наслаждаться малым, даже когда рушится то, что внушительнее по значению и больше. Я не мог управлять миром, в котором жил, не мог отрешиться от вещей, людей и событий, причиняющих боль, но я черпал радость в

том, что приносило мне счастье. Заварной крем на вкус был сладким и сливочным, темные, напитанные влагой смородины в плотном пятнистом пудинге были терпкими и взрывались кислинкой в нежной губчатой мякоти, возможно, мне предстояло умереть этой ночью, возможно, мне уже не суждено было попасть домой, но ужин был хороший, и я верил в Лэтти Хэмпсток.

Наружный мир все еще ждал. Домашняя дымчатая кошка Хэмпстоков — не думаю, что я вообще знал, как ее звать — мягко прошла через кухню. Это напомнило мне о…

«Миссис Хэмпсток? А котенок дома? Черный с белым ухом?»

«Сегодня вечером нет, — сказала Джинни Хэмпсток. — Она ушла, бродит где-то. Все послеобедье проспала на стуле в коридоре».

Мне было жалко, что нельзя погладить ее мягкую шерстку. Я поймал себя на мысли, что хочу попрощаться.

«Мм. Я думаю. Если мне *все-таки.* Придется умереть. Сегодня», — начал я, запинаясь, совсем не зная, что собираюсь сказать. Наверное, я собирался попросить — позволить мне попрощаться с мамой и папой или сказать сестре, какая это несправедливость, что с ней никогда ничего пло-

хого не происходит, что она живет припеваючи, в безопасности, под опекой, а я вечно попадаю в беду. Но все казалось неподходящим, и я вздохнул с облегчением, когда Джинни Хэмпсток перебила меня.

«Сегодня точно никто не умрет», — твердо заявила она. Потом забрала мою пустую чашку, вымыла ее в раковине и вытерла руки о передник. Она сняла его, вышла в коридор и через несколько секунд вернулась, на ней было простое коричневое пальто и широкие темно-зеленые резиновые сапоги.

Мне показалось, что Лэтти не так уверена, как Джинни. Но Лэтти, несмотря на возраст и мудрость, была девочкой, а Джинни была взрослой, и ее уверенность обнадежила меня. Я верил в них обеих.

«А где старая миссис Хэмпсток?» — поинтересовался я.

«Она прилегла, — ответила Джинни. — Годы берут свое».

«А *сколько* ей?» — спросил я, не надеясь на ответ. Джинни только улыбнулась, а Лэтти пожала плечами.

Я взял Лэтти за руку, когда мы вышли из дома, пообещав себе, что в этот раз не отпущу ее.

14

Когда я заходил в дом с черного хода, луна была полной, и стояла настоящая летняя ночь. Когда я уходил, мы с Лэтти Хэмпсток и ее матерью вышли из парадной двери, и луна высоко в облаках изогнулась белозубой улыбкой, а ночь полнилась легкими порывами нерешительных весенних ветров; они налетали то с одной стороны, то с другой, каждый раз принося дождевую пыль, которой все никак не удавалось пролиться дождем.

Мы пересекли смердящий навозом двор и двинулись вверх по проселку. Прошли поворот. Несмотря на темноту, я точно знал, где мы. Здесь все и началось. На этом самом углу добытчик опалов припарковал наш белый «мини» и, покраснев, словно гранатовый сок, в одиночестве умер, так и не смирившись с потерей денег, здесь начинались владения Хэмпстоков, здесь граница между жизнью и смертью была зыбкой.

Я сказал: «Думаю, надо бы разбудить старую миссис Хэмпсток».

«Так не пойдет, — пояснила Лэтти. — Если уж она устанет, то спит, пока сама не проснется. Через несколько минут или сотню лет. Разбудить

ее нельзя. Можно с таким же успехом попытаться разбудить атомную бомбу».

Джинни Хэмпсток остановилась, вышла на середину проселка и встала там спиной к дому.

«А ну! — крикнула она во тьму. — Покажитесь».

Тишина. Влажный ветер налетел и утих.

«Может, они уже улетели…» — предположила Лэтти.

«Было бы замечательно, — проговорила Джинни. — А то время еще тратить на всю эту пустопорожнюю чушь».

Я чувствовал себя виноватым. Я знал, что это моя вина. Если бы я не отпустил руку Лэтти, ничего бы этого не случилось. И за Урсулу Монктон, и за голодных птиц ответственность, конечно, лежала на мне. Даже за то, что произошло — или, может, уже и не произошло — в холодной ванне вчера.

У меня возникла идея.

«А выкроить вы ее не можете? Ну, эту штуку из моего сердца, которая им нужна? Ее бы вырезать оттуда, как ваша бабушка вчера вырезала, а?»

В темноте Лэтти сжала мою руку.

«Может быть, Ба и смогла бы, если бы не спала, — сказала она. — Я не могу. И мама, думаю,

тоже. Невероятно трудно выкраивать что-то из времени: нужно убедиться, что края все ровные, даже у Ба не всегда выходит. А тут и того сложнее. Резать по живому. Думаю, даже Ба не смогла бы вынуть ее, не повредив твоего сердца. А сердце тебе еще пригодится. — Потом она сказала: — Вот и они».

Но я и так знал, что что-то происходит, знал еще до того, как она сказала. От земли снова шло золотое свечение; я смотрел, как деревья и трава, живая изгородь, заросли ивы и последние, запоздалые нарциссы наливаются мягким сиянием. Я огляделся по сторонам — мне было и страшно, и любопытно — и заметил, что свет ярче всего за домом, и эта яркая полоса тянется оттуда на запад к пруду.

Я услышал тяжелые взмахи крыльев и удары, словно кто-то колотит дубинкой. Я обернулся и увидел их: блюстителей пустоты из породы могильщиков, голодных птиц.

Здесь, на этой земле, они больше не казались тенями. Они были даже слишком уж настоящими, приземлившись в темноте, как раз там, где заканчивалось золотое свечение. Они зависли в воздухе и расселись по деревьям, придвинувшись как можно ближе к золотой земле Хэмпстоков.

Огромные, ростом гораздо больше меня.

А вот их пасти, морды, лица мне описать было бы очень трудно. Я видел их, смотрел, вглядывался в каждую черту, но стоило мне отвести взгляд, как все уходило, и вместо голодных птиц в памяти оставались острые клювы и когти, или изогнутые щупальца, или грубые хитиновые челюсти. Их истинный облик не удерживался в моей голове. Я отворачивался и наверняка знал лишь то, что их алчные глаза устремлены на меня.

«Вот что, пригожие мои! — громко крикнула Джинни Хэмпсток. Она стояла в своем коричневом пальто, подбоченясь. — Вам здесь оставаться нельзя. Сами знаете. Пора улетать. — И просто скомандовала: — Пшли».

Бесчисленная стая голодных птиц колыхнулась, но с места не сдвинулась и начала шуметь. Я подумал, что они шепчутся, держат совет, а потом этот шум стал мне напоминать насмешливое кудахтанье.

Их голоса звучали отчетливо, но сливались в один, и я не мог различить, кто говорит.

— Мы голодные птицы. Мы пожираем все, будь то дворцы иль миры, короли или звезды. Мы можем оставаться везде, где захотим.

— Мы выполняем, что нам предписано.

— *Мы необходимы.*

И они расхохотались так громко, будто на нас несся поезд. Я сжал руку Лэтти, она сжала мою в ответ.

— *Отдай нам мальчишку.*

«Вы только тратите свое время и мое тоже. Ступайте домой», — отрезала Джинни.

— *Нас призвали сюда. Нам нет нужды уходить, пока не завершим то, зачем пришли. Мы возвращаем все на круги своя. Ты же не станешь мешать нам?*

«Еще как стану, — ответила Джинни. — Вы уже пообедали. А теперь вздумали повыкобениваться. Убирайтесь, покуда целы. Поганые стервятники. Грош вам всем цена. А ну, пошли домой!» — Она резко взмахнула рукой.

Одно из созданий протяжно завыло от голода и нетерпения.

Лэтти крепко держала меня за руку. Она сказала: «Он под нашей охраной. На нашей земле. Сделайте только шаг, и вам конец. Так что убирайтесь».

Казалось, создания сбились кучнее. Сассексская ночь замерла: только листья шелестели на ветру, филин ухал где-то вдали, и ветер, пролетая, легонько вздыхал; но в этом безмолвии мне было

слышно, как голодные птицы совещаются, взвешивают, решают, что делать дальше. И в этом безмолвии я чувствовал на себе их взгляд.

На дереве захлопали огромные крылья, и раздался пронзительный клекот, победный и довольный, в нем слышались голод, радость и одобрение. Я ощутил, как что-то в моей груди отзывается на этот крик, словно крохотная ледяная заноза в сердце.

— *Мы не можем пересечь границу. Это верно. Мы не можем забрать ребенка с вашей земли. И это верно. Мы не можем причинить вред вашей ферме и вашим тварям…*

«Правильно. Не можете. Так что проваливайте! Летите домой. Вам что, больше заняться нечем?»

— *Мы не можем причинить вред вашему миру, все верно.*

— *Но мы можем навредить этому.*

Одна голодная птица своим острым клювом зацепила землю у себя под ногами и принялась ее разрывать, но не как существо, что питается землей и травой, а как если бы она поедала занавес или декорацию с нарисованным на ней пейзажем. Там, где трава была съедена, не осталось ничего — вообще ничего, только цвет, который мне напоминал серый, но серый бесформенный,

пульсирующий — вроде тех подрагивающих помех, которые возникают на экране телевизора, когда выдернешь кабель и изображение полностью исчезнет.

Это была пустота. Не темнота, не то, что мы зовем «небытие». А то, что находится под слегка размалеванным грубым холстом реальности.

И тут голодные птицы начали с шумом размахивать крыльями.

Они сели на вековой дуб, разодрали его и сожрали, за считанные секунды дерево исчезло вместе со всем, что находилось за ним.

Через живую изгородь выскользнула лиса и стала осторожно красться вниз по проселку, свет фермы золотил ее глаза, голову и шерстку. Не успела она проделать и половину пути, как ее вырвали из этого мира, оставив лишь пустоту.

Лэтти сказала: «Он дело говорил. Надо будить Ба».

«Ей это не понравится, — заметила Джинни. — С таким же успехом можно будить…»

«Ну и что. Если мы ее не поднимем, они разрушат весь этот мир».

Джинни ответила просто: «Я не знаю *как*».

Голодная туча, метнувшись ввысь, к кусочку ночного неба, где меж облаков проглядывали

звезды, накинулась на созвездие в форме воздушного змея, название которого я никак не мог выучить, и принялась царапать, рвать, хватать и заглатывать. Не прошло и нескольких мгновений, как на месте неба и звезд оказалась лишь пульсирующая пустота, режущая глаз, если смотреть на нее в упор.

Я был обычным ребенком. То есть я был эгоистом и несколько сомневался в существовании того, что «не-я», зато верил, твердо верил, непоколебимо, что важнее меня нет ничего на свете. Ничего важнее, чем я сам, для меня не существовало.

Но даже и так я понимал, что происходит у меня на глазах. Голодные птицы собирались — нет, *уже* разрывали этот мир, полностью уничтожая его. Еще немного — и мира не будет. Мама, папа, сестра, мой дом, одноклассники, мой город, дедушки, бабушки, Лондон, Музей естественной истории, Франция, телевидение, книги, Древний Египет — из-за меня все это исчезнет, и на их месте ничего не останется.

Я не хотел умирать. Вдобавок я не хотел умирать, как Урсула Монктон — от острых когтей и клювов непонятно каких существ, у которых, может, даже ног и лица не было.

Я вообще не хотел умирать. Поймите.

Я отпустил руку Лэтти Хэмпсток и помчался изо всех сил, зная, что помедлить, даже притормозить — значит передумать, а это хуже всего, и спасти свою жизнь.

Далеко ли я убежал? Думаю, нет, не дальше, чем обычный ребенок.

Лэтти Хэмпсток кричала мне остановиться, но я все бежал по земле, где каждая травинка, каждый камешек на проселке, каждая ива и куст лещины светились золотом, бежал навстречу темноте. Я бежал и ненавидел себя за то, что бегу, как ненавидел себя, когда прыгнул с вышки в бассейн. Я знал, что отступать некуда, что в конце наверняка будет больно, и я знал, что за этот мир я готов отдать свою жизнь.

Они поднялись в воздух, эти голодные птицы, когда я бросился к ним, — совсем как голуби. Они стали носиться, кружиться — мрачные тени в ночи.

Я стоял в темноте и ждал, что они накинутся на меня. Ждал, что их клювы вонзятся мне в грудь, и они сожрут мое сердце.

Я стоял так, наверное, секунды две, а казалось, целую вечность.

И оно случилось.

Что-то обрушилось на меня сзади и повалило в придорожную грязь лицом. Искры посыпались из глаз. Земля врезалась в живот, и у меня перехватило дыхание.

(Тут возникает фантомное воспоминание: неясное мгновение, мутное отражение в колодце памяти. Я знаю, как себя чувствуешь, когда могильщики забирают сердце. Когда голодные птицы, эти огромные пасти, разрывают тебе грудь, хватают сердце, которое еще бьется, и пожирают его, стремясь добраться до того, что в нем спрятано. Я знаю, каково оно, словно это и вправду было частью моей жизни, моей смерти. А потом память проворно кроит все и перекраивает, и…)

Послышался голос: «Идиот! Не шевелись. Лежи смирно», — он принадлежал Лэтти Хэмпсток, а я, если бы и захотел, все равно бы не смог шевельнуться. Она навалилась сверху, и веса в ней было больше моего; она прижимала меня к траве, к влажной земле, и я ничего не видел.

Зато чувствовал.

Я чувствовал, как они бросаются на нее. Она держала меня, создавая живой барьер между мной и всем остальным миром.

Я услышал, как Лэтти закричала от боли.

Почувствовал, как она задрожала и задергалась.

Воздух наполнился противным, хищным, торжествующим гоготом, а мои уши закладывало от собственных рыданий и всхлипов…

Раздался голос: «Это недопустимо».

Голос был знакомый, но я не мог ни понять, откуда он идет, ни повернуть голову и посмотреть, кто говорит.

Лэтти лежала на мне, все еще подрагивая, но, когда голос заговорил, она притихла. Голос продолжал: «По какому праву вы причиняете зло моему дитя?»

Молчание. И потом:

— Она встала между нами и нашей законной жертвой.

«Вы могильщики. Пожиратели требухи, мусора, гнили. Вы чистильщики. Неужто вы думаете, что вам позволено причинять вред моей семье?»

Я понял, кто говорит. Этот голос напоминал голос бабушки Лэтти, старой миссис Хэмпсток. Такой знакомый и вместе с тем незнакомый. Если бы старая миссис Хэмпсток была императрицей, она, наверное, говорила бы так — величавее, строже и еще мелодичнее, чем старушка, которую я знал.

Что-то мокрое и теплое заливало мне спину.

— *Нет… Владычица, нет.*

В первый раз страх и сомнение прозвучали в голосе одной из голодных птиц.

«Есть соглашения, законы, уговоры, а вы все их нарушили».

Воцарилось молчание, и оно было громче слов. Им нечего было сказать.

Я почувствовал, как тело Лэтти скатилось с меня, взглянул вверх и увидел умное лицо Джинни Хэмпсток. Она села на обочине, я и спрятал лицо у нее на груди. Она обхватила одной рукой меня, а другой — Лэтти.

Из полумрака донесся голос голодной птицы, совсем не похожий на голос, он произнес только:

— *Мы сожалеем о вашей утрате.*

«Сожалеем?» Слово выстрелило, как плевок.

Джинни Хэмпсток раскачивалась из стороны в сторону, тихо напевая что-то без слов мне и своей дочери. Ее руки обнимали меня. Я поднял голову и оглянулся на ту, что говорила, мои глаза застилали слезы.

Я вглядывался в нее.

Вроде бы это была старая миссис Хэмпсток. А вроде и нет. Бабушку Лэтти она напоминала так же, как…

То есть…

Она сияла серебром. У нее были те же длинные белые волосы, но теперь она распрямилась и стояла точно юная девушка. Мои глаза привыкли к темноте, и я хотел выяснить, знакомо ли мне ее лицо, но смотреть на него было невмоготу, слишком ярко оно пылало. Как магний, ослепительно белым пламенем. Как фейерверк в ночь Гая Фокса. Как серебряный шиллинг в лучах полуденного солнца.

Я смотрел на нее сколько мог, а потом отвернулся, крепко зажмурившись, и видел лишь пульсирующее яркое пятно.

Голос, напоминающий голос старой миссис Хэмпсток, сказал: «Как мне быть, заточить вас в самом сердце темной звезды, чтобы вы маялись там, где каждая доля секунды тянется тысячу лет? Затребовать Вселенского возмездия и вычеркнуть вас из перечня созидания, словно и не было никаких голодных птиц, а все, что желает влачиться из мира в мир, может делать это бестрепетно?»

Я ждал ответа, но ничего не слышал. Только стон, жалобный крик досады и боли.

«Мне пока недосуг. Придет время, и я разберусь с вами особым образом. А сейчас я нужна детям».

— Да, владычица.

— Благодарствуем, владычица.

«Э, нет, не так быстро. Никто никуда не отправится, пока все это не станет на место. В небе недостает Волопаса. Исчезли дуб и лиса. Вы вернете их всех обратно. *Стервятники»,* — добавила серебряная императрица, и голос ее теперь точно был голосом старой миссис Хэмпсток.

Кто-то напевал мелодию. Я слышал ее словно издалека, и вдруг понял, что пою я, в то же мгновение вспомнив, что это за песня: *«Мальчишки, девчонки, гулять идем!»*[226]

…Светло на улице, как днем.
Оставь свой ужин, оставь кровать.
Айда на улицу гулять.
С гиком и свистом во двор выходи.
А если ты хмуришься, дома сиди…

Я вцепился в Джинни Хэмпсток. От нее пахло деревней и кухней, коровником и едой. От нее шел живой, настоящий запах, а настоящее в тот момент было как раз то, что мне нужно.

Я протянул руку и осторожно тронул Лэтти за плечо. Она не двигалась и не отвечала.

---

[226] notes: 226
Перевод С. Маршака (*англ.* «Girls and boys come out to play»).

И тогда Джинни заговорила, но я не сразу понял, с собой ли она говорит, с Лэтти или со мной. «Они преступили черту, — начала она. — Они могли бы причинить вред тебе, дитя, и ничего бы не изменилось. Они могли бы причинить вред этому миру, им бы слова никто не сказал — в конце концов, это лишь мир, а миры — это просто песчинки в пустыне. Но Лэтти, она же Хэмпсток. Они не властны над ней, над моей малышкой. И они посмели сделать ей больно».

Я посмотрел на Лэтти. Ее голова поникла, скрывая лицо. Глаза были закрыты.

«Она поправится?» — спросил я.

Джинни не ответила, только крепче прижала нас обоих к груди и все качалась и напевала песню без слов.

Ферма и ее земля перестали светиться. Ощущение, что за мной кто-то следит из полумрака, исчезло.

«Да не волнуйся ты так, — сказал старый голос, снова ставший привычным. — Ты здесь как за каменной стеной, крепкой и прочной. Попрочней большинства, что я видела. Они улетели».

«Они снова вернутся, — возразил я. — Им нужно мое сердце».

«Они не вернутся сюда, посули им хоть весь чай

в Китае, — сказала старая миссис Хэмпсток. — Не то чтобы им была какая-то польза от чая или Китая, не больше чем ворону-могильщику».

Откуда я взял, что на ней серебряные одежды? На ней был сильно залатанный домашний халат поверх одеяния, которое, видимо, было ночнушкой, но из тех, что вышли из моды несколько столетий назад.

Старушка положила руку на бледный лоб своей внучки, приподняла его и отпустила.

Мама Лэтти покачала головой. «Все кончено», — сказала она.

Тут наконец до меня дошло, и я почувствовал себя глупо, потому что не понял этого раньше. Девочка, сидевшая рядом на коленях у матери, под сенью материнской груди, отдала за меня свою жизнь.

«Это я им был нужен, а не она», — сказал я.

«Им вообще незачем было вас трогать», — возразила старушка, фыркнув. И чувство вины захлестнуло меня, захлестнуло сильнее, чем когда-либо прежде.

«Надо отвезти ее в больницу, — с надеждой предложил я. — Вызвать доктора. Может, там ей помогут».

Джинни покачала головой.

«Она умерла?» — спросил я.

«Умерла? — повторила старая женщина в домашнем халате. Она явно оскорбилась. — Ни один, — начала она, тщательно выговаривая каждое слово, точно это был единственный способ донести до меня всю их значимость, — ни один Хэмпсток не позволил бы себе такой… *пошлости…*»

«Ее сильно покалечили, — вступилась Джинни Хэмпсток, крепче обнимая меня. — Сильнее *некуда.* Смерть надвинулась так близко, что если ничего не предпринять, причем быстро, то будет поздно. — И, последний раз прижав меня к себе, сказала: — А теперь слезай». Я неохотно сполз с ее колена и встал рядом.

Джинни Хэмпсток поднялась, обхватив руками безвольное тело дочери. Лэтти болталась и тряслась, как тряпичная кукла, пока ее мать вставала, и я с ужасом смотрел на нее.

«Это все я виноват. Простите. Простите меня», — пролепетал я.

Старая миссис Хэмпсток сказала: «Ты же хотел как лучше», но Джинни Хэмпсток не проронила ни слова. Она направилась по проселку к ферме, прошла коровник и за ним свернула. Я подумал, что Лэтти уже слишком большая, чтобы ее носить

на руках, но Джинни несла ее, словно та весила не больше котенка, голова девочки и верхняя часть туловища покоились на плече у матери, будто бы ребенок уснул и его несут наверх в кровать. Джинни шла по дорожке вдоль живой изгороди, все дальше и дальше, пока мы не добрались до пруда.

Ветер стих, ничто не нарушало тишину ночи, мы двигались по дороге, и только лунный свет освещал нам путь; пруд, когда мы вышли к нему, оказался просто прудом. Ни золотого свечения. Ни волшебной луны. Лишь темный, обычный пруд и полумесяц, настоящий, узкий, отражающийся в воде.

На берегу я остановился, старая миссис Хэмпсток встала рядом.

Но Джинни Хэмпсток продолжала идти.

Пошатываясь, она продвигалась дальше, пока вода не дошла до бедер, ее пальто и юбка плыли по водной глади, дробя лунный серп на множество маленьких полумесяцев, которые то бросались врассыпную, то вновь собирались вместе вокруг нее.

На середине пруда, где вода была черной, Джинни Хэмпсток остановилась. Она сняла Лэтти с плеча, придерживая за голову и колени своими

знающими руками, и стала медленно, очень медленно опускать ее в воду.

Вода подхватила тело девочки.

Джинни сделала шаг назад, затем другой, не отводя взгляда от дочери.

Я услышал стремительно нарастающий шум, будто на нас шел ураган.

Тело Лэтти дрогнуло.

Не было ни ветринки, но на поверхности пруда показались белые барашки. Я увидел волны, сначала легкие, плескучие, потом побольше, которые с силой налетали и разбивались о берег. Одна такая поднялась и обрушилась невдалеке от меня, окатив брызгами мою одежду и лицо. Я почувствовал на губах влагу, и она была соленой.

Я прошептал: «Прости меня, Лэтти».

Я силился разглядеть другой берег пруда. Несколько секунд назад он был мне виден. Но бушующие волны поглотили его, и за телом Лэтти виднелась лишь темнота и бескрайние, одинокие просторы океана.

Волны стали выше. В лунном свете вода начала мерцать, как тогда, в ведре, испуская неяркое синее свечение. На поверхности воды черным пятном плыло тело девочки, которая спасла мне жизнь.

Высохшая рука легла на мое плечо. «За что ты просишь прощения, мальчик? За то, что убил ее?»

Я кивнул, не в силах заговорить.

«Она не мертва. Ты не убил ее, как и голодные птицы, хотя они вовсю старались пробиться через нее к тебе. Ее отдали океану. Настанет час, и океан вернет ее».

Мне представились трупы и скелеты с жемчужинами вместо глаз. Русалки с юркими, поблескивающими хвостами, у моей золотой рыбки хвост так же поблескивал, пока она не замерла без движения и не всплыла животом кверху, как Лэтти. Я спросил: «А она останется прежней?»

Старушка разразилась хохотом, словно я отколол самую смешную шутку в мире. «Ничто не останется прежним. Пройдет ли секунда или одна сотня лет. Все беспрестанно бурлит и клокочет. И люди меняются так же сильно, как океаны».

Джинни выбралась из воды и, понурив голову, встала на берегу рядом со мной. Волны шумели, разбивались, разлетались брызгами и уходили. Вдалеке рокотало, и этот рокот становился все громче и громче: что-то неслось на нас через океан. Из далекой дали, из-за тридевяти земель, прорезая мерцающую синеву, на нас надвигалась

тонкая белая линия, и, приближаясь, она росла.

Исполинская волна накатила, все вокруг загрохотало, и я взглянул вверх: она была выше деревьев, выше домов, выше, чем можно себе представить или окинуть взглядом, выше, чем может вынести сердце.

Тело Лэтти Хэмпсток качалось в волнах, и только достигнув его, гребнистый вал ухнул вниз. Я ждал, что промокну насквозь, или того хуже — меня утащит рассерженный океан, и я заслонился рукой.

Но не последовало ни могучего всплеска, ни оглушительного грохота, и когда я опустил руку, то увидел лишь спокойные черные воды ночного пруда, и на его поверхности — несколько листьев кувшинки и задумчивый изгиб полумесяца.

Старая миссис Хэмпсток тоже исчезла. Я думал, что она стоит рядом, но там была только Джинни, которая молча вглядывалась в темную зеркальную гладь маленького водоема.

«А теперь, — сказала она. — Я отвезу тебя домой».

15

Позади коровника стоял «ленд ровер». Дверцы были открыты, и ключ зажигания торчал в замке. Я уселся на застеленное газетой пассажирское сиденье и наблюдал, как Джинни Хэмпсток управляется с ключом. Прежде чем завестись, мотор несколько раз чихнул.

Вот уж не мог представить себе, что кто-то у Хэмпстоков водит машину. Я сказал: «Не знал, что у вас есть машина».

«Ты еще много чего не знаешь, — резко заметила миссис Хэмпсток. Потом посмотрела на меня, взгляд ее потеплел, и она сказала: — Ты и не можешь все знать». Она дала задний ход, и «ленд ровер» загромыхал по колдобинам и лужам, выезжая со двора.

Кое-что не давало мне покоя.

«Старая миссис Хэмпсток говорит, будто Лэтти не умерла, — начал я. — Но она же была как мертвая. Я думаю, она и вправду мертвая. Я думаю, это неправда, что она не умерла».

Казалось, Джинни сейчас что-то скажет, растолкует мне, что есть правда, но она сказала только: «Лэтти ранена. Очень сильно. Океан забрал ее.

Честно, я не знаю, вернет ли он ее обратно. Но мы можем надеяться, так ведь?»

«Да». Я сжал кулаки и изо всех сил стал надеяться.

Мы громыхали и тряслись по проселку со скоростью пятнадцать миль в час.

Я просил: «А она была… она в самом деле ваша дочь?» Я не понимал и до сих пор никак не пойму, почему я ее спросил об этом. Может быть, я просто хотел побольше узнать о девочке, спасшей мне жизнь и не единожды выручавшей меня. Я ничего о ней не знал.

«Более или менее, — ответила Джинни. — Мужчины Хэмпстоки, мои братья, ушли в мир, у них были дети, у их детей были дети. В твоем мире есть и другие женщины Хэмпсток, и я готова поспорить, каждая из них — по-своему чудо. Но чистокровные только бабушка, я и Лэтти».

«У нее был папа?» — продолжал спрашивать я.

«Нет».

«А у вас?»

«А ты у нас один сплошной вопрос? Нет, голубчик. С этим мы никогда не связывались. Мужчины нужны, только если хочешь плодить мужчин».

Я предложил: «Не надо отвозить меня домой. Я

мог бы остаться у вас. Подождать, пока Лэтти не вернется из океана. Мог бы работать на ферме, таскать тяжести, научился бы водить трактор».

Она ответила: «Нет, — но сказала это по-доброму. — Ты займись своей жизнью. Лэтти подарила ее тебе. Так что теперь расти и постарайся распоряжаться этим даром достойно».

Меня обожгло обидой. Жить, выживать в этом мире, искать в нем свое место, делать то, что необходимо, и сводить концы с концами само по себе нелегко, а тут раз за разом придется оглядываться и думать, достойный ли это поступок, каким бы ничтожным он ни был, потому что за одну твою возможность его совершить кто-то когда-то если не *умер*, то поплатился жизнью. Это было несправедливо.

«А жизнь несправедлива», — подтвердила Джинни, как будто я говорил вслух.

Она свернула к нам на подъездную дорожку и остановилась у парадной двери. Я вылез из машины, и она тоже.

«Лучше подготовить твое возвращение», — сказала она.

Миссис Хэмпсток позвонила в дверь, несмотря на то что дверь всегда была открыта, и принялась тщательно шаркать резиновыми сапогами по

коврику на крыльце, пока мама нам открывала. Она уже приготовилась ко сну — на ней был розовый стеганый халат.

«А вот и он, — сказала Джинни. — Цел и невредим вернулся солдат с войны. Он здорово повеселился на празднике в честь отъезда Лэтти, но теперь самое время юноше отдохнуть».

Мама взглянула вопросительно — почти недоуменно, — и вдруг недоумение сменилось улыбкой, словно мир только что перевернулся, и вновь все встало на свои места.

«Ох, не стоило беспокоиться и отвозить его обратно, — сказала мама. — Мы бы сами за ним приехали. — Потом она взглянула на меня. — Дорогой, что нужно сказать миссис Хэмпсток?»

Я машинально проговорил: «Спасибо-за-приятный-вечер».

Мама похвалила: «Правильно, дорогой. — И спросила: — А куда уезжает Лэтти?»

«В Австралию, — ответила Джинни. — К отцу. Нам будет не хватать этого паренька, ну да ладно, мы сообщим вам, когда Лэтти вернется. И он снова сможет приходить и играть с ней».

Усталость брала верх. Праздник получился веселый, хотя я не очень помнил, что там было. Зато я знал наверняка, что больше не пойду на

ферму к Хэмпстокам. Если только Лэтти туда не вернется.

Австралия была далеко-далеко. Я подумал: интересно, сколько лет пройдет, прежде чем Лэтти вернется с отцом оттуда? Наверное, много. Австралия же на другом конце света, за океаном…

В глубине души у меня еще теплилось воспоминание об ином ходе всего происшедшего, но потом и оно исчезло, словно я разоспался и вдруг вскочил, огляделся и, натянув на уши одеяло, снова уснул.

Миссис Хэмпсток села в свой старенький «ленд ровер», весь запачканный грязью (сейчас, в свете фонаря над парадной дверью, мне это было видно), заляпанный так, что следов краски на поверхности почти не осталось, и, дав задний ход, поехала по дорожке к проселку.

Похоже, маму не очень волновало, что я вернулся домой в причудливом одеянии и почти в одиннадцать вечера. Она сказала: «У меня плохие новости, дорогой».

«Что случилось?»

«Урсуле пришлось уволиться. Семейные обстоятельства. Неотложные семейные обстоятельства. Она уже уехала. Сама знаю, как она вам, детям, нравилась».

Я точно знал, что она мне не нравилась, но ничего не сказал.

Теперь в моей комнате на самом верху никого не было. Мама спросила, не хочу ли я там пожить какое-то время. Я отказался, сам не совсем понимая почему. Я никак не мог вспомнить, отчего так невзлюбил Урсулу Монктон — на самом деле я чувствовал себя слегка виноватым из-за такого своего совершенного и необъяснимого ее неприятия, — но у меня не было никакого желания возвращаться в ту комнату, несмотря на маленький желтый умывальник, как раз моего размера, и я оставался в комнате сестры, пока через пять лет наша семья не выехала из этого дома (мы, дети, возражали, но родители, кажется, только вздохнули с облегчением — их финансовые трудности закончились).

Мы выехали, и дом снесли. Я не ходил смотреть, как он стоит пустой, и отказался присутствовать при его сносе. Слишком многое у меня было связано с этими кирпичами и черепицей, с этими водосточными трубами и стенами.

Годы спустя сестра, уже став взрослой, призналась мне, что думает, будто мама уволила Урсулу Монктон (которую она вспоминала с большой любовью как единственно замечательную в че-

реде сварливых нянек) из-за интрижки с нашим отцом. Что ж, возможно, согласился я. Родители были тогда еще живы, и я мог бы спросить их, но не стал.

Отец никогда не упоминал события тех двух ночей.

Если я что-то и взял от него и вынес из своего детства, так это зарок не кричать на людей, особенно на детей.

Мне исполнилось двадцать, и мы с отцом наконец подружились. Когда я был мальчишкой, нас мало что связывало, и наверняка тогда для него я был разочарованием. Он не хотел сына-книжника, живущего в своем собственном мире. Ему нужен был сын, который делал бы все, что и сам он делал когда-то: плавал, боксировал, играл в регби, упоенно гонял на машине, а получился невесть кто.

Я больше не ходил на тот конец проселка. Я и думать забыл про наш белый «мини». Если я вспоминал добытчика опалов, то лишь глядя на два необработанных опаловых камня, которые расположились на нашей каминной полке, и он всегда представлялся мне в клетчатой рубашке и джинсах. Лицо и руки у него были смуглыми, а не вишневыми, как после отравления угарным

газом, и на нем не было галстука-бабочки.

Монстр, рыжий котяра, которого добытчик опалов оставил нам, ходил побирался по соседям, время от времени мы видели, как он, выслеживая добычу, крадется по канаве или прячется на дереве, но на наш оклик он ни разу не отозвался. И мне кажется, я даже был этому рад. Он никогда не был нашим котом. Мы это знали, и он тоже.

Сдается мне, истории рассказывают только затем, чтобы показать, как персонажи меняются. Но когда все это случилось, мне было семь, и в конце истории я был тем же, что и в начале, так ведь? И все остальные тоже. Люди не меняются.

Кое-что, правда, изменилось.

Примерно через месяц после описанных здесь событий; за пять лет до того, как мир, где я жил, сровняли с землей и заставили аккуратными низенькими обычными домами, которые заполнила умная молодежь, работавшая в большом городе, а жившая у нас, она не строила, не копала, не огородничала и не ткала, она делала деньги, переводя их из одного места в другое; за девять лет до того, как я поцеловал улыбчивую Келли Андерс…

Я вернулся из школы домой. На дворе был май, может быть, начало июня. Она ждала у черного

хода, словно точно знала, где она находится и кто ей нужен — молодая черная кошка, ростом уже чуть больше котенка, с большим белым пятном на одном ухе, с глазами яркого, необычного, зеленовато-синего цвета.

Она последовала за мной в дом.

Я накормил ее оставшимися от Монстра консервами, выложив их ложкой в его пыльную миску.

Родители, которые так и не заметили, что рыжий котяра исчез, вначале не обратили внимания на новую кошку, и к тому времени как отец что-то сказал, она жила у нас уже несколько недель, лазила по саду, ожидая моего возвращения из школы, а дождавшись, постоянно находилась со мной, пока я читал или играл. Вечером она сидела под кроватью, и когда огни в доме гасли, устраивалась на подушке рядом и принималась умывать меня, вылизывая волосы и мурлыча так тихо, что никогда не мешала сестре.

Я засыпал, уткнувшись в ее шерстку, а у щеки приглушенно и мягко вибрировал кошачий моторчик.

У нее были необыкновенные глаза. Они напоминали мне берег моря, и, сам не зная почему, я взял и назвал ее Океаном.

ЭПИЛОГ

Я сидел на старой зеленой скамье у пруда за домом из красного кирпича и думал о своем котенке.

Я только помнил, что Океан выросла, став взрослой кошкой, и была моей любимицей на протяжении многих лет. Я никак не мог вспомнить, что с ней потом случилось, и в конце концов махнул рукой, подумав: *К чему теперь эти детали: случилась смерть. Такое случается со всеми нами.*

В доме отворилась дверь, и я услышал, как по дорожке заскрипели шаги. Старушка подошла и села рядом со мной. «Я принесла вам чашечку чая, — сказала она. — А еще сэндвич с помидорами и сыром. Вы уж давненько здесь. Я ненароком подумала, может, свалились в пруд».

«Может, и свалился, — проговорил я. И добавил: — Спасибо вам». Пока я сидел здесь, незаметно стемнело.

Я взял чай, отпил глоток и взглянул на женщину, теперь повнимательнее. Изучая ее, я принялся перебирать свои воспоминания сорокалетней давности. «Так вы не мама Лэтти, — сказал я. —

Вы старая миссис Хэмпсток».

«Да, верно, — невозмутимо подтвердила она. — Вы ешьте сэндвич».

Я откусил. Он был хорош, очень хорош. Свежий хлеб, острый, солоноватый сыр и помидоры, настоящие, вкусные помидоры.

Меня поглотили воспоминания, и я хотел знать, к чему, зачем все это. Я спросил: «Это правда?» и почувствовал себя дураком. Из всех вопросов, которые можно было бы задать, я задал именно этот.

Старая миссис Хэмпсток пожала плечами. «То, что вы вспомнили? Возможно. Более или менее. У разных людей воспоминания разные, не найдется и двух человек, которые хоть что-то помнят одинаково, пусть даже и видели это собственными глазами. Вот вы стоите рядом, а вполне может быть, вы бесконечно далеки и друг от друга, и от самой истины».

Меня мучил еще вопрос. «Почему я пришел сюда?»

Она взглянула на меня так, словно вопрос был с подвохом. «Из-за похорон, — сказала она. — Вы хотели убраться подальше ото всех и побыть наедине с собой. Сначала отправились туда, где жили мальчишкой, и, не получив облегчения, по

своему обыкновению, приехали сюда».

«По своему обыкновению?» Я глотнул чая. Он был еще горячий и в меру крепкий: великолепный «чай для строителей», с молоком, сахаром, наваристый. *В нем ложка встанет,* как говаривал отец про чай, который ему приходился по душе.

«По своему обыкновению», — повторила она.

«Да нет же, — возразил я. — Меня здесь не было, мм, с самого отъезда Лэтти в Австралию. С того праздника. — А потом добавил: — Которого не было. Ну, вы понимаете, о чем я».

«Иногда вы наведываетесь к нам, — сказала она. — Помнится, один раз, когда вам было двадцать четыре. У вас было двое маленьких детей, и вам было страшно. И перед тем, как уехать отсюда; сколько вам тогда было, за тридцать? Я хорошенько накормила вас на кухне, а вы рассказывали мне про сны и свое искусство».

«Я не помню».

Она убрала прядь, упавшую на глаза. «Так проще».

Я отпил чая и доел сэндвич. Кружка была белой и тарелка тоже. Бесконечный летний вечер подходил к своему концу.

Я снова спросил ее: «Почему я приезжал сю-

да?»

«Лэтти так хотела», — ответил кто-то.

Слова принадлежали женщине, которая шла вдоль пруда — в коричневом пальто и резиновых сапогах. Я смотрел на нее в замешательстве. Она выглядела моложе меня. Я помнил ее большой, взрослой, а теперь видел, что ей и сорока нет. Я помнил ее дородной, а она всего-навсего пухленькая, симпатичная, с круглыми щечками. Это была прежняя Джинни Хэмпсток, мама Лэтти, и, вне всяких сомнений, за эти сорок с небольшим лет она ни капли не изменилась.

Она села на скамью с другой стороны от меня, и я оказался между женщинами Хэмпсток. Она сказала: «Я думаю, Лэтти просто хотела узнать, стоило ли оно того».

«Что стоило?»

«Ты», — резко ответила старушка.

«Лэтти сделала для тебя великую вещь, — сказала Джинни. — Думаю, по большому счету ей интересно, что из этого вышло, не зря ли она так поступила».

«Она… пожертвовала собой ради меня».

«В каком-то смысле, дорогой, — подтвердила Джинни. — Голодные птицы рвали из груди твое сердце. Умирая, ты так жалобно кричал. Она не

смогла вынести этого. Она должна была как-то помочь тебе».

Я попытался вспомнить. «У меня в памяти осталось другое», — удивился я. И подумал про свое сердце — интересно, там ли еще холодный осколок двери, и дар ли это тогда или проклятие.

Старушка хмыкнула. «Я же вроде сказала, не найдется и двух человек, которые хоть что-то помнят одинаково?» — заметила она.

«А можно поговорить с ней? С Лэтти».

«Она спит, — ответила мама Лэтти. — Она идет на поправку. Но еще не разговаривает».

«Сначала ей нужно полностью все закончить там, где она сейчас», — сказала бабушка Лэтти, показав то ли на пруд, то ли на небо, я так и не понял.

«А когда она закончит?»

«Как только, так сразу», — ответила старушка, а ее дочь сказала: «Скоро».

«Ну хорошо, — проговорил я. — Раз она так хотела взглянуть на меня, давайте я покажусь ей», — и, не успел я закончить фразу, как понял, что это уже случилось. Сколько времени я провел на этой скамье? Я вспоминал Лэтти, а она меня проверяла. «Ой. Уже, наверное, не надо?»

«Нет, милый».

«И как, я прошел экзамен?»

В сгущающихся сумерках я не мог ничего прочесть на лице старой женщины справа. А женщина помоложе слева от меня сказала: «Жить и быть человеком — это не то, что пройти или провалить экзамен, милый».

Я поставил пустую кружку и тарелку на землю.

Джинни Хэмпсток продолжала: «Мне кажется, тебе лучше, чем в прошлый раз, когда мы виделись. Ты хотя бы начал отращивать новое сердце».

В моих воспоминаниях эта женщина была величиной с гору, и я ревел и дрожал от страха у нее на груди. А теперь я был ростом выше ее и уже не мог представить, что она утешает меня, тем более баюкает на коленях.

В небе над прудом висела полная луна. Даже под страхом смертной казни я бы не вспомнил, шла ли она на убыль или прибывала в последний раз, когда я смотрел на нее. Правда, я вообще не мог вспомнить, когда я в последний раз по-настоящему смотрел на луну.

«А что будет теперь?»

«Все, что каждый раз происходит, когда ты приезжаешь сюда, — ответила старушка. — Ты вернешься домой».

«Я уже и не знаю, где дом», — сказал я им.

«Ты всегда так говоришь», — заметила Джинни.

В моих воспоминаниях Лэтти Хэмпсток все еще была выше меня на целую голову. Ей же было одиннадцать. Интересно, что бы — кого бы — я увидел, окажись она передо мной сейчас.

Луна в пруду опять была полной, и я отчего-то вдруг вспомнил о простаках из старой сказки, о тех, что ловили луну в озере неводом, уверенные, что отражение в воде ближе и поймать его легче, чем шар, висевший в небе.

И безусловно, оно так и есть.

Я поднялся и сделал несколько шагов к пруду. «Лэтти, — позвал я, пытаясь не обращать внимания на двух женщин позади меня. — Спасибо, что спасла мне жизнь».

«Не стоило ей брать тебя с собой в первый раз, когда она отправилась искать то, с чего это все началось. Замечательно справилась бы в одиночку. Не нужно ей было брать тебя за компанию, вот глупышка. Ладно, будет ей урок на будущее».

Я повернулся и посмотрел на старую миссис Хэмпсток. «А вы правда помните, как луна родилась?» — спросил я.

«Я помню кучу всего», — ответила она.

«А я еще вернусь сюда?» — спросил я.

«Тебе этого знать не надо», — сказала старушка.

«А теперь иди, — мягко проговорила Джинни Хэмпсток. — Люди уже волнуются, куда ты пропал».

Она сказала это, и я поежился от неловкости, представив, что сестра, ее муж, ее дети, мои дети, все доброжелатели и те, кто пришел на похороны, и просто гости ломают голову над тем, куда же я делся. Хотя как раз сегодня мою отлучку можно было бы легче простить. День выдался длинный и трудный. Я был рад, что он кончился.

Я сказал: «Надеюсь, я не очень вас побеспокоил».

«Нет, милый, — заверила меня старушка. — Какое тут беспокойство».

Я услышал, как мяукнула кошка. Через мгновение она показалась из сумрака, выйдя навстречу яркому лунному свету. Потом уверенно направилась ко мне и потерлась о мою туфлю.

Я сел перед ней на корточки, почесал лоб, погладил по спине. Это была красивая кошка, черная, или мне так показалось из-за лунного света, который поглощал все цвета. На одном ухе у нее было большое белое пятно.

Я сказал: «Была у меня когда-то такая же кошка. Я звал ее Океаном. Красавица. Правда, не помню, что с ней приключилось».

«Ты принес ее обратно к нам», — напомнила Джинни Хэмпсток. И, тронув меня за плечо, сжав его на секунду, ушла.

Я подхватил тарелку с кружкой и нес их всю дорогу, пока мы со старушкой возвращались к дому.

«Светло на улице как днем, — сказал я. — Как в той песне».

«Да, хорошо, когда луна полная», — согласилась она.

«Вот забавно, — сказал я. — В какой-то момент я подумал, здесь была еще женщина. Странно, правда?»

«Нет, я одна тут, — ответила старушка. — Одна-одинешенька».

«Да, знаю, — сказал я. — Конечно, одна».

Я собрался было отнести тарелку с кружкой на кухню, но у двери дома она остановила меня. «А теперь возвращайтесь к своим, — сказала она. — Они станут вас разыскивать».

«Они поймут», — проговорил я. И надеялся, что так и будет. Сестра разволнуется, а другие, которых я едва знал, огорчатся, что не смогли

выразить мне свои самые, самые искренние соболезнования по поводу моей утраты. «Вы были так добры. Пустили меня посидеть и поразмыслить здесь. У пруда. Я очень вам благодарен».

«Чушь собачья, — возразила она. — Нет в этом ничего такого».

«В следующий раз Лэтти напишет из Австралии, — сказал я. — Пожалуйста, передайте ей привет».

«Передам, — пообещала она. — Лэтти будет рада, что вы о ней вспомнили».

Я сел в машину и завел мотор. Старая женщина стояла в дверях, вежливо провожая меня, пока я не развернул машину и не выехал на проселок.

Я взглянул на дом в зеркало заднего вида, и в неверном сумеречном свете мне показалось, будто две луны светят над ним, как пара глаз, следящих за мной оттуда: одна луна совершенно полная и круглая, а другая, с другой стороны неба — ее брат-близнец, полумесяц.

Я повернулся на сиденье и с любопытством посмотрел назад: над домом одиноко висел полумесяц — невозмутимый, бледный, обычный.

Я задумался, отчего мне причудилась вторая луна, но задумался лишь на секунду, а потом выбросил это из головы. Может быть, слишком

долго смотрел на нее, или просто обман зрения: на мгновение что-то шевельнулось у меня в душе, так екнуло, что я почти поверил в него, а теперь прошло, затухло, затерявшись в прошлом, как забытое воспоминание или тень в темноте.

Благодарности

Книгу вы только что прочли. Дело сделано. Мы дошли до благодарностей. Сказать по правде, они не часть книги. И читать их не обязательно. В основном это лишь имена.

Семья в этой книге — не моя семья, а мои родственники великодушно позволили мне разграбить уголок нашего детства, и следили за тем, как я без особого стеснения переделываю знакомые места, вставляя их в сюжет. Я благодарен им всем, в особенности своей младшей сестре Лиззи, которая поддерживала меня и посылала давно забытые и подстегивающие память снимки (жаль, я вовремя не вспомнил старую теплицу, чтобы и ее вставить в книгу).

Я должен поблагодарить очень и очень многих: тех, кто был рядом в нужную минуту, тех, кто приносил чай, тех, кто написал книги, на которых я вырос. Выделять кого-то из них глупо, и все же…

Закончив книгу, я отослал ее многим друзьям на читку, и они читали придирчивым взглядом, отмечая, что работает, а что нуждается в доработке. Я благодарен им всем, но в особенности я должен сказать спасибо Марии Давана Хедли,

Олге Нуньес, Алине Симон (королеве заголовков), Гэри К. Вульфу, Кэт Ховард, Келли МакКаллоу, Эрику Сассмену, Хейли Кэмпбелл, Вале Дудич-Лупеску, Мелиссе Марр, Элиз Маршалл, Энтони Мартиньетти, Питеру Страубу, Кэт Деннинге, Джину Вулфу, Гвенде Бонд, Энн Бобби, Ли Барнетту («Попугайчику»), Моррису Шамаху, Фаре Мендельсон, Генри Селику, Клэр Кони, Грейс Монк и Корнелии Функе.

Начало этому роману, хотя тогда я не знал, что он дорастет до такого, было положено, когда Джонатан Стрэн попросил меня написать рассказ. Я начал писать про добытчика опалов и Хэмпстоков (которые жили на ферме у меня в голове уже столько времени), и Джонатан великодушно простил меня, когда я в конце концов признался себе и ему, что это совсем не рассказ, и позволил истории стать романом.

В Сарасоте, штат Флорида, Стивен Кинг напомнил мне, какое это счастье — просто писать каждый день. Иногда слова спасают нам жизнь. Тори предоставила мне дом, чтобы я мог спокойно писать, и я безмерно ей благодарен.

Арт Шпигельман любезно позволил мне взять эпиграфом к книге слова Мориса Сендака из их разговора, опубликованного в «Нью-йоркере».

И переделывая книгу во второй раз, и набирая на компьютере первый рукописный черновик, я читал вечером в постели этот дневной отрывок своей жене Аманде и, вот так читая ей вслух, узнал о написанных мною словах куда больше, чем когда-либо. Она была первым читателем книги, и ее замешательство, вопросы и удовольствие вели меня сквозь последующие черновые дебри, (Я написал эту книгу для Аманды, когда она была далеко и я очень скучал. Без нее моя жизнь была бы более серой и унылой.)

Мои дочки Холли, Мэдди и сын Майкл — самые мудрые и добрые критики на свете.

У меня прекрасные издатели по обе стороны Атлантики: Дженнифер Брел, Джейн Морпет и Розмари Броснан, они прочли первый черновик книги, и каждая отметила что-то, что нужно было исправить, отладить и переделать. Джейн и Дженнифер отлично скооперировались, когда книга неожиданно подоспела — неожиданно для нас всех, включая меня.

Я хочу сказать огромное спасибо комитету по организации лекций в память Зены Сазерленд в Чикагской публичной библиотеке: я провел там лекцию в 2012 г., и сейчас, по прошествии времени, мне ясно, что в основном это была бе-

седа с самим собой о том, как писалась эта книга, попытка понять, что и для кого я пишу.

Вот уже двадцать пять лет, как Меррили Хейфец — мой литературный агент. Ее помощь в подготовке этой книги, как и вообще любой другой моей книги на протяжении последней четверти века, поистине неоценима. Джон Левин, мой агент по киноделам, — замечательный чтец и строит недовольные гримасы а-ля Ринго Старр.

Добрые твиттеряне очень выручили меня, когда понадобилось выяснить, сколько стоили лакричные тянучки «Черный Джек» и фруктовые жевательные конфеты в 1960-е гг. Без них я бы писал эту книгу вдвое дольше.

А в завершение я хочу поблагодарить Хэмпстоков, которые так или иначе, но всегда были рядом, когда я в них очень нуждался.

Нил Гейман.
Остров Скай.
Июль 2012 г.

Послесловие переводчика

«А увлекают меня такие книжки, что как их дочитаешь до конца — так сразу подумаешь: хорошо бы если бы этот писатель стал твоим лучшим другом и чтоб с ним можно было поговорить по телефону, когда захочешь». Еще не дочитав «Океана», вспоминаешь Джерома Сэлинджера и его «Над пропастью во ржи». Если ты еще и переводчик, но наверняка с восхищением вспомнишь и о Рите Райт-Ковалевой.

Сейчас, когда прошел уже почти месяц с момента, как перевод окончен, можно, остыв от «мук творчества», оглянуться и спокойно взвесить. Конечно, многое хочется объяснить и отметить. Прежде всего, недоумение, что охватывает тебя, стоит только прочесть несколько первых страниц пролога. Что такое произошло с Нилом Гейманом? Отчего ты и узнаешь, и не узнаешь ту интонацию, ради которой мы все его читаем?

Мало-помалу (а на самом деле с космической скоростью) продвигаясь вперед по тексту, про этот вопрос напрочь забываешь. Он как бы отпадает сам собой. И когда роман завершен, ответ на него читателю кажется очевидным. Потому что,

пройдя вместе с героем сквозь мифологические дебри, которые Гейман старательно взращивает у себя на страницах, ты вроде бы встречаешься с самим собой. Неожиданно для себя совершив путешествие во времени и попав не в чужое детство, а в свое собственное. И тут возникают совсем другие вопросы — к своему детству, к себе тогдашнему и сегодняшнему.

Мифологические дебри, заселившие «Океан», удивительно непроходимы. Они — как та густая живая изгородь, что тянется вдоль Геймановского проселка. Я на правах переводчика, вооружившись отсылками из подлинника, старательно указывал читателям потайные щели, через которые можно пробраться, чтобы двигаться дальше. Но сносок я почти не делал, потому что их не делал автор, и он, на мой взгляд, в таких разъяснительных комментариях не нуждается. Оставшись наедине с книгой, я попытался встать на позицию будущего русского читателя. Потому старался не докучать Нилу Гейману с вопросами. Ни про стародавних английских королей, которых он вспоминает не раз и не два, ни про таинственные Мышиные битвы, ни про кузена с библейским именем Япет. Ни даже про то, что в разное время у одного и того же котенка меняется

цвет глаз. Гейман — очень умный писатель, а значит, все это мозаичные части большого замысла.

Главное отличие «Океана» в том, что автор старательно конструирует реальность, которая на сей раз поразительно нефантастична. Не потому, что там нет места волшебному. Очень даже есть. Просто это волшебное на самом деле вплетено и в нашу с вами действительность, пусть мы о том и не подозреваем, предпочитая не вглядываться и не думать. Нил Гейман неожиданно уходит из пространства большого города и ведет нас туда, где волшебство существует испокон веков. В деревню. Магические ритуалы, описанные в книге, вызовут разве что скептическую ухмылку у завзятого горожанина — обитателя мегаполисов. Но вы углубитесь в деревню, и все, о чем говорит здесь автор, обретет плоть и кровь.

В «Океане» более всего видно, что Гейман идет по стопам своих наставников — Рэя Брэдбери, Майкла Муркока, Роджера Желязны. Он выходит за рамки жанра, который традиционно принято считать низким, и вносит свою немалую лепту в сотворение нашей литературной вселенной.

Напоследок расскажу еще о нескольких версиях оригинала, которые случайным образом попадали мне в руки, пока я переводил. В октябре 2012 г. я получил рукопись и, проглотив роман за сутки, в первый раз заикнулся, что готов его перевести. 18 июня 2013 г. на английском вышла книга. Я тогда только-только закончил четвертую главу и на всякий случай раздобыл вышедший вариант. Оказалось, что именно в четвертой главе прибавилась пара абзацев. Уже закончив переводить десятую главу, я наткнулся на третий вариант оригинала. И он тоже отличался от предыдущего. Дальше пришлось работать, сравнивая три текста. Так я убедился, что Гейман — большой молодец и уж точно не нуждается в переводческих сносках и разъяснениях.

Виталий Нуриев

Нил Гейман – Хрупкие вещи
Сказки и истории

Посвящается Рэю Брэдбери и Харлану Эллисону

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мне кажется… я скорее вспомню жизнь, растраченную неразумно на хрупкие вещи, чем жизнь, потраченную с умом на то, чтобы уклоняться от морального долга». Эти слова приснились мне во сне, и я записал их, когда проснулся, не понимая, что они означают и к кому относятся.

Когда я задумывал эту книгу рассказов и вымышленных историй, лет восемь назад, я собирался назвать ее «Эти люди должны знать, кто мы: они нам подскажут, зачем мы здесь», по реплике одного из персонажей комикса «Приключения малыша Немо» (очень хорошая репродукция этой страницы приведена в книге Арта Шпигельмана «В тени уничтоженных башен»). Предполагалось, что повествование в каждом рассказе будет вестись от лица сомнительного, ненадежного героя, ни единому слову которого нельзя верить: эти герои будут рассказывать о себе, о том, кто они и что с ними происходило, когда они тоже были здесь. Около дюжины рассказчиков, около дюжины историй. Такова была первоначальная задумка; но жизнь, как всегда, переписала все

по-своему, и когда я начал делать рассказы, собранные в этой книге, они сами собой обрели необходимую форму, и если некоторые из них так и остались историями от первого лица — фрагментами чьих-то жизней, — то другие просто не пожелали писаться подобным образом. Одну историю пришлось отдать месяцам года, чтобы они рассказали ее по-своему, и только тогда она стала такой, какой и должна была быть. Еще одна история строилась на игре тождеств, и ее нужно было писать от третьего лица и никак иначе.

Набрав материалы для сборника, я всерьез озадачился его названием, поскольку первоначальное уже не совсем подходило. Как раз в это время вышел альбом (книга + CD) «As Smart as We Are» группы «One Ring Zero», и там была одна песня, и в ней были те самые строки, которые мне приснились, и я призадумался: а что именно я понимал под «хрупкими вещами».

Мне показалось, что это хорошее название для сборника рассказов. В конце концов, в мире столько хрупких вещей. Люди ломаются так легко. Так же легко, как умирают мечты и разбиваются сердца.

ЭТЮД В ИЗУМРУДНЫХ ТОНАХ

Этот рассказ был написан для антологии «Тени над Бейкер-стрит», которую выпустил мой друг Майкл Ривз вместе с Джоном Пиленом. Майкл высказал пожелание: «Мне нужен рассказ, в котором Шерлок Холмс соприкасается с миром Говарда Лавкрафта». Я согласился сделать рассказ, хотя у меня были серьезные сомнения в перспективности такого соприкосновения: мир Шерлока Холмса предельно рационален, в этом мире всему находится объяснение, и каждая тайна имеет свою разгадку, а реальность Лавкрафта, наоборот, предельно иррациональна, она вся пронизана темными тайнами, которые не поддаются разгадке, потому что разгадка сведет человека с ума. И если я собираюсь писать рассказ, сочетающий в себе элементы обоих миров, нужно придумать по-настоящему интересную комбинацию, в равной степени выигрышную и для Лавкрафта, и для сэра Артура Конан Дойла.

В детстве мне очень нравились книги Филипа Хосе Фармера из серии «Уолд-Ньютон», в которых встречаются персонажи самых разных литературных произведений, и меня по-настоящему порадовало, что мои друзья Ким Ньюмен и Алан

Мур создали свои собственные «сборные» миры по типу фармеровского «Уолд-Ньютона» в «Anno Drakula» и «Лиге выдающихся джентльменов» соответственно.

На самом деле моя история получилась значительно лучше, чем я смел надеяться, когда комбинировал ингредиенты. (Написание книг во многом похоже на приготовление пищи. Бывает, пирог не выходит, как ты ни старайся. А бывает и наоборот: пирог получается просто волшебным, хотя ты готовил его, как всегда).

В августе 2004 года «Этюд в изумрудных тонах» получил премию «Хьюго», для меня всякая литературная премия — это по-прежнему повод для гордости. А спустя еще год меня совершенно таинственным образом приняли в почетные члены общества любителей Шерлока Холмса «Baker Street Irregulars», видимо, отчасти благодаря этому рассказу.

ЭЛЬФИЙСКИЙ РИЛ

Стихотворение для чтения вслух

ОКТЯБРЬ В ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОМ КРЕСЛЕ

Этот рассказ я написал для Питера Страуба, для замечательной антологии «Перекрестки», в ко-

торой он выступил специально приглашенным редактором. Но все началось несколькими годами раньше, на конференции в Мэдисоне, штат Висконсин, когда Харлан Эллисон предложил мне написать с ним на пару короткий рассказ. Нас посадили на «ринг», обнесенный веревочным заграждением: Харлана с его пишущей машинкой и меня с моим ноутбуком. Но прежде чем приступить непосредственно к рассказу, Харлану надо было закончить предисловие, и пока он заканчивал предисловие, я придумал начало этого рассказа и показал его Эллисону. «Нет, — сказал он. — Не пойдет. Слишком по Нил-Геймановски». Так что я начал другой рассказ, над которым мы с Харланом работаем до сих пор (и что самое удивительное: каждый раз, когда мы собираемся вместе и пытаемся доделать рассказ, он становится все короче и короче), а фрагменты начатого мною рассказа так и остались валяться на жестком диске. Спустя пару лет Страуб предложил мне поучаствовать в «Перекрестках». Я хотел написать историю про двух мальчиков, живого и мертвого, в качестве пробной разминки для детской книжки, которую давно задумал (она называется «Кладбищенские рассказы», и сейчас я активно над ней работаю). История сложилась

не сразу, а когда я ее завершил, то посвятил Рэю Брэдбери, который бы написал ее лучше — гораздо лучше, чем я.

В 2005 году рассказ получил премию «Локус» в номинации за лучший рассказ.

ТАЙНАЯ КОМНАТА

Все началось с просьбы двух Нэнси, Килпатрик и Холдер, написать что-нибудь «готичное» для их антологии «Чужие». Мне всегда казалось, что история Синей Бороды и ее многочисленные вариация — самая готичная из всех историй, и я написал это стихотворение, действие которого происходит в почти пустом доме, где я в то время жил.

ЗАПРЕТНЫЕ НЕВЕСТЫ БЕЗЛИКИХ РАБОВ В ПОТАЙНОМ ДОМЕ НОЧИ ПУГАЮЩЕЙ СТРАСТИ

Эту историю я начал записывать карандашом в один ветреный зимний вечер в зале ожидания на вокзале Ист-Кройдон, между пятой и шестой платформами. Мне тогда было двадцать два года, даже почти двадцать три. Когда рассказ был закончен, я перепечатал его на машинке и показал паре издателей, которых знал лично. Один только фыркнул и сказал, что это вещь не его формата,

и если честно, то он вообще не представляет, что она может кому-нибудь подойти. А второй прочел рассказ очень доброжелательно, а когда возвращал, объяснил, почему эту вещь никогда не напечатают. Потому что подобный комический бред не печатают в принципе. Я отложил распечатку подальше, очень довольный, что мне не придется испытывать публичное замешательство оттого, что люди прочтут это произведение, и оно им не понравится.

Рассказ так и валялся нечитаным, кочуя из папки в коробку и снова в папку, из кабинета — в подвал, а потом — на чердак, на протяжении двадцати лет, и если я и вспоминал о нем, то лишь с чувством глубокого облегчения, что его не напечатали. И вот однажды меня попросили сделать рассказ для антологии «Готика!», и я вспомнил про рукопись на чердаке, и решил разыскать ее и посмотреть, можно ли как-то ее спасти.

Я начал читать «Запретных невест» и все время, пока читал, улыбался. Мне показалось, что это забавный рассказ: смешной, а главное — остроумный. Конечно, там были некоторые недочеты, но все они относились к помаркам, свойственным для вещей, написанных «на ходу», и исправить их было несложно. В общем, я включил компьютер

и прошелся суровой редакторской правкой по всему рассказу, спустя двадцать лет после того, как он был написан. Потом я сократил название до теперешнего его вида и отправил рассказ редактору. По крайней мере в одном из обзоров были вполне прозрачные намеки на комическую бредятину, но скорее всего это было практически единичное мнение, потому что рассказ потом перепечатали в нескольких сборниках из серии «Лучшее за год» и номинировали на премию «Локус» за лучший рассказ 2005 года.

Я не знаю, чему учит эта история. Иной раз бывает, что ты показываешь свою вещь не тем людям. Есть люди, которым вообще ничего не нравится. Иногда я задумываюсь, а что еще прозябает без дела в коробках на чердаке.

БАСОВЫЙ КЛЮЧ и КРУПИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

На создание первого из этих рассказов меня вдохновила статуя Лайзы Снеллингс-Кларк: мужчина с контрабасом, держащий инструмент точно также, как я держал его в детстве. Второй рассказ был написан для антологии «подлинных» историй с привидениями. У многих авторов сборника истории получились значительно луч-

ше, чем у меня. Хотя у моей истории было одно неоспоримое преимущество: это была чистая правда. Впервые эти рассказы увидели свет в альманахе «Приключения в лавке снов», выпущенном «NESFA Press» в 2002 году.

ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ

Когда Майкл Чабон составлял антологию «жанрового» рассказа с целью собрать средства для программы «826 Valencia», созданной в помощь талантливым детям, которые пишут стихи и прозу (книга вышла под названием «Сокровищница занимательного рассказа МакСуини»), он попросил меня поучаствовать в проекте, и я спросил, какой из жанров еще не охвачен. Оказалось, что Майклу нужна история с привидениями в манере М. Р. Джеймса. Я честно пытался написать настоящую историю с привидениями, но в итоге у меня получился рассказ, в котором значительно больше от моего увлечения «странными историями» Роберта Эйкмана, нежели от Джеймса (плюс к тому, оказалось, что это еще и клубная история, так что Майкл получил сразу два жанра по цене одного). Потом рассказ перепечатали в нескольких антологиях из серии «Лучшее за год» и присудили ему премию «Локус» в номинации

лучший рассказ 2004 года. Все клубы, упомянутые в рассказе, существуют на самом деле, хотя я заменил некоторые названия: например, клуб «Диоген» — это «Троя» на Хэнуэй-стрнт. Наряду с вымышленными персонажами в рассказе действуют персонажи вполне реальные — настолько реальные, что вы даже не можете себе представить. То же самое касается и событий. Когда я писал «После закрытия», я часто задумывался, а существует ли до сих пор этот маленький игровой домик, или его давно снесли и построили на его месте что-то другое. Но честно признаюсь, у меня не возникало желания сходить и проверить.

ВЛИТЬСЯ В ЛЕСА

Эта вещь была сделана для антологии «Зеленый человек» под редакцией Терри Уиндлинг и Эллен Датлоу.

ГОРЬКИЕ ЗЕРНА

В 2002 году я написал четыре рассказа, и этот, мне кажется, самый лучший из всех четырех, хотя он и не получил ни одной награды. Этот рассказ я сделал для антологии «Заклинание: Истории о магии и злых духах», составленной моей давней подругой Нало Хопкинсон.

ДРУГИЕ ЛЮДИ

Не помню, когда и где мне пришло в голову написать этот короткий рассказ, закрученный наподобие ленты Мёбиуса. Помню, я записал основную идею — и первую строчку, — а потом усомнился, что это действительно моя идея. Может быть, мне просто вспомнилась история, которую я прочел еще в детстве: что-то из Фредрика Брауна или Генри Каттнера? У меня было стойкое ощущение, что это чья-то чужая история: какая-то она подозрительно элегантная, изысканно острая и завершенная.

А через год, может чуть больше, когда я летел в самолете, и мне было скучно, я случайно наткнулся на свои давние записи и, дочитав журнал, просто взял и написал рассказ — он был закончен еще до того, как самолет пошел на посадку. Потом я принялся обзванивать знающих друзей. Я читал им рассказ и спрашивал, не читал ли кто что-то похожее раньше. Все отвечали: нет. Обычно я пишу рассказы, когда меня просят написать рассказ, а тут я впервые в жизни сделал рассказ, о котором никто не просил. Я отправил его Гордону ван Гельдеру в «Журнал фэнтези и научной фантастики», и Гордон его напечатал.

Правда, изменив название. Но я вовсе не возражал. (Я назвал рассказ «Жизнь после смерти».)

Я вообще много пишу в самолетах. В самом начале работы над «Американскими богами», я написал небольшой рассказ как раз в самолете, по дороге в Нью-Йорк. Я был уверен, что обязательно вставлю его в роман, но в итоге так и не сумел найти ему место. Когда книга вышла, и этой истории там не было, я переделал ее в рождественскую открытку, отправил кому-то и напрочь о ней забыл. А спустя пару лет издательство «Hill House Press», которое выпускает ограниченные тиражи моих книг в потрясающем оформлении, разослало своим подписчикам этот рассказ под видом собственной рождественской открытки.

Я не придумывал ему названия. Назовем его

КАРТОГРАФ

Как лучше всего описать историю? Рассказать эту историю. Понимаешь? Для того чтобы составить себе представление об истории, для того чтобы дать представление об этой истории другим, ее следует рассказать. Это деяния уравновешивания, и вместе с тем — это сон. Чем подробнее карта, тем больше сходства она имеет с реальной местностью. Значит, самая подробная

карта и будет местностью. Карта, которая будет предельно точной и предельно бесполезной.

История есть карта, которая есть местность. Об этом следует помнить.

Тому назад двести лет правил в Китае один император, одержимый идеей составить подробную карту страны, находившейся под его властью. И по императорскому повелению весь Китай был воссоздан в миниатюре на небольшом островке, сооруженном ценою немалых расходов и даже ценой человеческих жизней (ибо вода глубока была и холодна) посреди озера в имперских владениях. На этом острове каждая гора превратилась в холмик над кротовой норой, каждая река — в крошечный ручеек. Император обходил весь остров по кругу ровно за половину часа.

Каждое утро, в бледном предрассветном свечении, сто мужчин добирались до острова вплавь и приводили его в порядок: чинили и восстанавливали все детали ландшафта, попорченные погодой, или дикими птицами, или водами озера. Также они разбирали и перестраивали участки, поврежденные в действительности — наводнениями, землетрясениями и обвалами, — дабы карта на острове отражала мир правильно. Таким, каким он был на самом деле.

Император был очень доволен, и так продолжалось почти целый год, а потом начал он замечать, что снедает его недовольство, и остров больше не мил его сердцу, и каждую ночь, перед тем как заснуть, раздумывал он над созданием новой карты, в сотую долю своей империи. Каждая хижина, каждый дом, каждый дворец, каждое дерево, каждый холм, каждый зверь будет представлен на ней точной копией в сотую долю реальных размеров.

Это был грандиозный план, для его осуществления пришлось бы опустошить всю имперскую казну. А сколько людей надо было задействовать — то поистине непостижимо уму. Люди, которые чертят карты. Люди, которые измеряют и вычисляют. Землемеры, топографы, счетоводы, художники. Ваятели, гончары, строители и прочие ремесленники. Шесть сотен профессиональных сновидцев должны были бы прозреть природу вещей, скрытых под корнями деревьев, и в самых глубоких горных пещерах, и на дне беспокойных морей, ибо на безупречной карте должны быть представлены обе империи: видимая и невидимая.

Таков был императорский план.

Министр правой руки осмелился возразить

своему императору, когда они прогуливались по ночному дворцовому саду под исполинской золотой луной.

— Вы должны понимать, ваше императорское величество, — сказал министр правой руки, — что ваш замысел...

Тут он запнулся, ибо ему не хватило отваги продолжить. Бледный карп поднялся к самой поверхности, пробив спиной пленку воды, и отражение луны рассыпалось на сотню дрожащих осколков, и каждый был сам по себе, словно крошечная луна, а потом эти луны слились в цельный круг отраженного света, круглое золотое пятно на воде цвета ночного неба — такого насыщенного густо-багрового, что никто бы не стал называть его черным.

— Невозможно осуществить? — мягко подсказал император. Когда императоры и короли проявляют мягкость. В эти мгновения они наиболее опасны.

— Для императора нет ничего невозможного. Каждое его желание — закон, — сказал министр правой руки. — Однако осуществление данного плана будет стоить недешево. Для того чтобы сделать такую карту, придется опустошить императорскую казну. Придется снести города и

селения, дабы освободить землю под вашу карту. И что останется вашим потомкам? Государство, которым они не сумеют править, ибо нищий правитель — уже не правитель. Как ваш советник, я пренебрег бы своими обязанностями, сели бы не попытался вас отговорить.

— Может быть, ты прав, — сказал император. — Может быть. Но если я соглашусь с тобой и забуду о карте, если мой план так и останется неосуществленным, эта несбывшаяся мечта станет томить мою душу, и захватит мой разум, и испортит вкус пищи на языке и вкус вина у меня во рту.

Император умолк на мгновение. Стало слышно, как где-то поет соловей.

— Но эта карта, — сказал император, — все равно только начало. Ибо, как только она воплотится, даже прежде того, как она воплотится, все мои помыслы будут направлены к новой задаче. И это поистине будет шедевр.

— И что это будет? — спросил министр правой руки.

— Карта, — сказал император. — Карта империи, на которой каждое здание будет представлено в свою натуральную величину, каждая гора — точно такой же горой, каждое дерево — дере-

вом того же вида, размера и высоты, каждая река — рекой, каждый человек — человеком.

Министр правой руки поклонился и пошел, погруженный в раздумья, следом за императором, сохраняя дистанцию в положенные три шага.

В летописях говорится, что император умер во сне, и у нас нет оснований не верить, что именно так все и было — хотя мы могли бы заметить, что эта смерть не была полностью ненасильственной, и что старший сын императора, правивший после отца, не питал интереса ни к картам, ни к картографии.

Остров на озере превратился в подлинный рай для птиц, как водоплавающих, так и просто летучих, ибо некому было их разгонять. Птицы распотрошили миниатюрные горы из мягкой глины, растащили их по кусочкам на строительство гнезд, и озерные воды размыли берег, и со временем остров исчез, и осталось лишь озеро.

Карты не стало, не стало картографа, но земля продолжает жить.

СУВЕНИРЫ И СОКРОВИЩА

Этот рассказ, с подзаголовком «История одной любви», начинался как комикс, сделанный для нуар-антологии «В Лондоне темно», составлен-

ной Оскаром Зарате и проиллюстрированной Уорреном Плисом. Уоррен нарисовал замечательно, но я был не очень доволен своей историей, и мне никак не давал покоя один вопрос: почему человек, называющий себя Смитом, стал таким, каким стал? Эл Саррантонио попросил меня сделать рассказ для сборника «999», я решил вновь обратиться к истории мистера Смита и мистера Элиса. Кстати, они появляются в еще одной вещи из этого сборника.

Мне кажется, что есть еще много историй об отталкивающем мистере Смите, которые стоило бы рассказать. Меня особенно интересует та, где пути мистера Смита и мистера Эллиса расходятся окончательно.

ФАКТЫ ПО ДЕЛУ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ МИСС ФИНЧ

Однажды мне показали картину Фрэнка Фразетты, на которой была изображена первобытная женщина с двумя тиграми, и попросили придумать историю к этой картине. История не получилась, и я просто решил рассказать о том, что случилось с мисс Финч.

СТРАННЫЕ ДЕВОЧКИ

...на самом деле это отдельный короткий сборник из двенадцати очень коротких рассказиков, сделанных по мотивам альбома Тори Эймос «Странные девочки». Вдохновившись картинами Синди Шерман, Тори создала характерный образ для каждой песни, а я написал их истории. Мои «Странные девочки» не вошли ни в один сборник, но их напечатали полностью в книге, выпущенной к гастрольной поездке Тори, а строчки из разных рассказов использованы в оформлении буклета для диска.

ВЛЮБЛЕННЫЙ АРЛЕКИН

Лайза Снеллингс-Кларк — художник и скульптор, чьими работами я восхищаюсь уже много лет. На основе ее «Чертова колеса» была сделана книжка под названием «Странный аттракцион»: несколько замечательных авторов рассказали истории пассажиров каждой кабинки. Меня попросили написать историю кассира, продающего билеты на чертово колесо — ухмыляющегося Арлекина.

И я написал.

Как правило, истории не пишутся сами, но что

касается этой истории, я помню только, как сочинил первую фразу. А дальше все было так, словно мне диктовали, а я лишь записывал чьи-то слова, пока смеющийся и тоскующий Арлекин отмечал День влюбленных.

Арлекин — персонаж итальянской комедии дель-арте, веселый пройдоха, плут и ловкач, невидимый шутник в маске, с волшебным жезлом в руках и в костюме, расшитом ромбами. Он любил Коломбину, которую преследовал в каждом действии, вступая в конфликты с шаблонными персонажами типа доктора или клоуна и преображая любого, кто встречался ему на пути.

ЗАМКИ

Английский поэт Роберт Саути переписал «Златовласку и Трех медведей»: в его версии это была старуха и три медведя. Хотя сюжет оставался прежним и действие развивалось так, как ему и положено, читатели знали, что героиней должна быть не старая женщина, а маленькая девочка, и когда они пересказывали историю, там была именно девочка, а не старуха.

Сказки — штука заразная. Они передаются от человека к человеку, из поколения в поколение. Сказки — это валюта, единая для всех. Сказки объ-

единяют нас с теми, кто жил в этом мире задолго до нас. (Когда я рассказываю своим детям какую-то сказку, которую мне рассказывали родители, а им — их родители и так далее, я ощущаю свою сопричастность к великому бесконечному потоку самой жизни.) Моей дочери Мадди было два года, когда я написал для нее эту вещь, а сейчас ей одиннадцать, и мы с ней по-прежнему делим истории на двоих, только теперь это уже телефильмы и кинокартины. Мы с ней читаем одни и те же книги, а потом обсуждаем прочитанное, но я уже не читаю ей книжки — и давно не рассказываю ей сказки, которые придумывал сам.

Я считаю, мы просто обязаны рассказывать друг другу сказки. Это мое убеждение, мой символ веры. Мы обязаны рассказывать друг другу сказки.

ПРОБЛЕМА СЬЮЗЕН

Администратор отеля вызвал мне врача, и врач сказал, что это самый типичный грипп, и поэтому у меня болит шея, и меня постоянно тошнит, и все тело ломит. Врач принялся перечислять названия лекарств, анальгетиков и мышечных релаксантов, которые, по его мнению, мне следует принимать. Я принял какое-то болеутоляющее из списка, вернулся к себе в номер, упал на кро-

вать и умер: я не мог шевелиться, не мог думать, не мог оторвать голову от подушки. На третий день позвонил мой домашний доктор, которого подняла на уши моя ассистентка Лоррейн. «Не люблю ставить диагнозы по телефону, но, похоже, у вас менингит», — сказал он. И оказался прав.

Нормально работать я смог лишь спустя пару месяцев, потому что до этого в голове был сплошной туман, и первое, что я написал после болезни — как раз и была «Проблема Сьюзен». Это был странный опыт: как будто я снова учился ходить. Рассказ предназначался для антологии фэнтези «Полеты», которую составлял Эл Саррантонио.

В детстве я обожал «Хроники Нарнии» и перечитывал их постоянно. Потом, уже будучи взрослым, я читал их вслух детям. Два раза. Мне очень нравятся эти книги, но у меня каждый раз возникает вопрос: почему все погибли, а Сьюзен осталась в живых? Это действительно меня беспокоит. Даже можно сказать — раздражает. Видимо, мне захотелось придумать историю, которая была бы такой же тревожащей и заведомо непонятной, пусть и с другой точки зрения. И еще мне хотелось поговорить об удивительно притягательной силе детской литературы.

ИНСТРУКЦИИ

Хотя я включил несколько стихотворений в «Дым и зеркала», этот сборник я хотел сделать полностью прозаическим. Но потом я подумал и решил все же включить сюда стихи, прежде всего потому, что мне очень нравятся «Инструкции». Если вы принадлежите к тем людям, которые не любят поэзию, можете утешиться мыслью, что стихотворные фрагменты — как и это предисловие — выступают здесь в качестве бесплатного приложения. Без стихов книга стоила бы ровно столько же, сколько стоит со стихами, и мне никто не платил за них дополнительный гонорар. Иной раз приятно взять книжку, отдохнуть пару минут, прочитать что-нибудь легкое и небольшое, а потом отложить книгу и снова заняться своими делами. Также иной раз бывает небезынтересно узнать кое-что из «подноготной истории», которая тебя так или иначе зацепила. И потом, если вы не хотите читать предисловие или стихи, вас никто не обязывает это делать. (И если я «мучился» на протяжении многих недель, размышляя о том, как мне выстроить этот сборник, читателю не возбраняется — наоборот, даже рекомендуется — читать истории в том порядке,

в каком захочется.)

Это действительно инструкция — в буквальном смысле слова, — что надо делать, когда попадаешь в волшебную сказку.

КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ?

Меня попросили сделать рассказ для тематической антологии о горгульях. Крайний срок приближался, а у меня все еще не было ни одной конструктивной мысли.

А потом мне пришло в голову, что горгулий помещали на здания церквей и соборов для того, чтобы они защищали святые места. И тогда я подумал, а что, если поставить горгулью куда-то еще? На что-то такое, что нужно хранить и беречь. К примеру, на сердце...

Сейчас, когда я впервые за восемь лет перечитал эту историю, меня несколько удивило обилие секса, хотя, может быть, это все происходит от общего недовольства рассказом.

ЖИЗНЬ МОЯ

Этот маленький монолог был написан как сопроводительный текст для фотографии обезьянки, сшитой из носков, в альбоме фотохудожника Арне Свенсона, где было собрано более двухсот

фотографий таких обезьянок, сшитых из носков, и который — что неудивительно — назывался «Обезьянки, сшитые из носков». У обезьянки на доставшейся мне фотографии был такой вид, словно она прожила непростую, но интересную жизнь.

Как раз в то время одна моя давняя подруга устроилась делать статьи в «Weekly World News», и я с большим удовольствием сочинял для нее истории. (Она очень скоро ушла из газеты, когда обнаружилось, что они печатают ее статьи с ее подписью, но не платят ей денег.) И я задумался: может быть, где-то есть кто-то, чья жизнь проходит в стиле историй для «Weekly World News». В «Обезьянках, сшитых из носков» текст напечатали в виде прозы, но мне больше нравится, когда он разбит на отдельные строки. Я нисколечко не сомневаюсь, что при должном количестве алкоголя и при наличии хорошего, усердного слушателя рассказчик этой истории мог бы говорить до скончания века. (Время от времени люди пишут мне на сайт и спрашивают, не буду ли я возражать, если они используют этот текст — или что-то еще из моих вещей — для чтения на актерском прослушивании. Я не возражаю.)

ПЯТНАДЦАТЬ РАСКРАШЕННЫХ КАРТ ИЗ КОЛОДЫ ВАМПИРА

Мне осталось придумать еще семь историй на семь старших арканов, и я клятвенно обещал художнику Рику Бери, что когда-нибудь я их напишу, и тогда он сможет их нарисовать.

КТО-ТО КОРМИТ, КТО-ТО ЕСТ

Эта история родилась из кошмара, который приснился мне очень давно. Когда мне было лишь чуть за двадцать.

Я люблю смотреть сны. Я знаю, что логика сна отличается от логики повествования, и что редко когда получается сделать из сновидения историю: при пробуждении сон превращается из золота в жухлые листья, из шелка — в разорванную паутину.

И все же есть веши, которые можно забрать с собой из сновидения в явь: настроение, фрагменты, людей или тему. На моей памяти это — единственный раз, когда мне удалось воссоздать сон целиком.

Изначально это был комикс, проиллюстрированный талантливейшим и многогранным художником Марком Бакингемом. Потом я по-

пробовал сделать из этой истории набросок сценария для фильма ужасов в жанре порно-хоррора, который я так никогда и не снял (он назывался «Съеденные: сцены из фильма»). Пару лет назад издатель Стив Джонс спросил, не хочу ли я возродить какую-нибудь из своих несправедливо забытых историй для его антологии «Сдерживай натиск ночи», и я вспомнил про этот рассказ, засучил рукава и засел за компьютер.

Чернильные грибы — это действительно вкусно, но их надо есть сразу, потому что они расплываются в противную вязкую черную жидкость вскоре после того, как их срезали с грибницы. Поэтому их и не продают в магазинах.

НЕДУГОТВОРЧЕСКИЙ КРИЗ

Меня попросили написать статью для энциклопедии вымышленных болезней («Малой энциклопедии необычных и сомнительных заболеваний Такери Т. Ламбсхеда», составленной Джеффом Вандермеером и Марком Робертсом). Мне показалось, что было бы интересно описать вымышленную болезнь, симптомом которой является недуготворчество — измышление несуществующих, вымышленных болезней. Этот рассказ я написал с помощью давно позабытой

компьютерной программы «Babble» и пыльной книги советов домашнего доктора.

В КОНЦЕ

Я попытался представить последнюю книгу Библии.

Что касается наименования тварей земных, скажу только одно: меня очень порадовало, когда я узнал, что слово «йети» в буквальном переводе означает «а что там за тварь». («Скажи мне, отважный и ловкий житель Гималаев, а что там за тварь?»

«Йети».

«Понятно».)

ГОЛИАФ

Однажды мне позвонил: мой агент и сказал: «Тут очень хотят, чтобы ты написал рассказ. Для официального сайта одного фильма, который скоро выходит в прокат. Фильм называется „Матрица“). Сценарий тебе перешлют». Я с интересом прочел сценарий и написал этот рассказ, который вывесили на сайте где-то за неделю до премьеры фильма. И он висит там до сих пор.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА, НАЙДЕННОГО В КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ОБУВИ, ЗАБЫТОЙ В МЕЖДУГОРОДНОМ АВТОБУСЕ ГДЕ-ТО МЕЖДУ ТАЛСОЙ, ШТАТ ОКЛАХОМА, И ЛУИСВИЛЛОМ, ШТАТ КЕНТУККИ

Этот рассказ я написал для моей давней подруги Тори Эймос, для книги к ее гастрольному туру с альбомом «Прогулки со Скарлетт» («Scarlet's Walk»), и меня очень обрадовало, когда его отобрали для антологии «Лучшее за год». Эта история сделана не по мотивам альбома, а скорее по свободным ассоциациям. Я хотел написать рассказ о путешествиях, самоидентификации и Америке: в качестве маленького дополнения к «Американским богам», где все, в том числе и развязка, маячит поблизости, но ускользает за грань досягаемости.

КАК ОБЩАТЬСЯ С ДЕВУШКАМИ НА ВЕЧЕРИНКАХ

Процесс написания истории завораживает меня не меньше, чем конечный результат. Например, эта история начиналась с двух разных (и неудачных) попыток написать краткий отчет о туристической поездке на Землю для антологии

«Звездный разлом», составленной австралийским редактором и критиком Джонатаном Страханом. (Рассказ не вошел в джонатановский сборник. Сейчас его публикуют впервые. Я очень надеюсь, что напишу для Джонатана что-то другое.) Тот первый замысел не удался: у меня была пара фрагментов, которые никак не желали сложиться в единое целое. Я уже понял, что ничего у меня не получится, и принялся слать Джонатану электронные письма, в которых с прискорбием сообщал, что с моим рассказом у нас ничего не выйдет. Он ответил, что только что получил замечательный: рассказ от писательницы, которой я искренне восхищался, и она его сделала за двадцать четыре часа.

Уязвленный до глубины души, я взял чистый блокнот и ручку, засел в беседке в дальнем конце сада и за полдня написал этот рассказ. А спустя пару недель я прочел его вслух на прощальном концерте на закрытии легендарного нью-йоркского клуба «CBGB». Это было, наверное, лучшее место и время для первого публичного чтения истории про панк и 1977 год.

ДЕНЬ, КОГДА ПРИЗЕМЛИЛИСЬ ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

Вещь написана в Нью-Йорке. В ту неделю, когда я начитывал аудиоверсию моей «Звездной пыли». Я написал ее в номере, пока ждал машину, которая должна была отвезти меня на студию. Стихотворение сделано по просьбе редактора и поэта Рейна Грейвза для сайта www.spiderwords.com. Мне было очень приятно, когда я понял, что людям нравится эта маленькая поэма, когда я читаю ее перед аудиторией. Значит, вещь удалась.

ЖАР-ПТИЦА

Моя старшая дочка Холли сказала мне прямо, какой подарок ей хочется получить на восемнадцатилетие. «Я хочу, чтобы ты подарил мне подарок, папа, который мне не подарит никто другой. Напиши мне рассказ». Она хорошо меня знает и поэтому добавила: «Я знаю, ты вечно опаздываешь и никогда ничего не делаешь вовремя, и мне не хочется тебя напрягать, так что если ты напишешь рассказ к моему следующему дню рождения, на будущий год, это будет нормально».

В городе Талса, штат Оклахома, жил писатель (он умер в 2002 году), который в конце 1960-х — начале 1970-х годов считался лучшим в мире сочинителем рассказов. Писателя звали Р. А. Лафферти, его рассказы не поддавались вообще никакой классификации: они были странными, необычными и совершенно неподражаемыми — читая рассказы Лафферти, ты понимал с первой строчки, что это именно Лафферти. В ранней юности я написал ему письмо, и он мне ответил.

«Жар-птица» — это попытка написать рассказ Лафферти, и она меня кое-чему научила: прежде всего тому, что в жизни все не так просто, как кажется. Холли получила подарок даже не на девятнадцать лет, а на девятнадцать с половиной, когда я застрял где-то на середине «Детей Ананси» и понял, что если не напишу хоть что-то законченное — что угодно, — я, наверное, сойду с ума. С разрешения дочки рассказ был опубликован в сборнике с очень длинным названием, которое обычно сокращают до «Шумные отморозки, недружелюбные дебилы и кое-какие другие штуки, которые не так страшны, как представляются», в рамках программы «826 Нью-Йорк».

Даже если у вас уже есть эта книга, может быть, вы захотите приобрести и тот сборник с очень

длинным названием, потому что в нем опубликован рассказ Клемента Фрейда «Гримбл».

СОТВОРЕНИЕ АЛАДДИНА

Что неизменно приводит меня в замешательство («замешательство» в данном случае выступает синонимом крайней степени раздражения), так это чтение умных академических книг и статей по теме фольклора и народных сказок, в которых говорится, что эти сказки никто не писал, и что нечего даже пытаться определить их авторство: сказки якобы не сочиняют, а собирают, находят или же, в лучшем случае, перерабатывают. Когда я читаю такое, я думаю: «Да, но все сказки когда-то придумались у кого-то в голове. Потому что истории всегда рождаются в голове — это не артефакты и не природные явления».

В одной умной: книге написано, что все волшебные сказки, в которых герой попадает в мир сновидений и встречается там с волшебными существами, родились из снов, пересказанных людьми с примитивным типом мышления, неспособными различать сон и явь — теория, с моей точки зрения, совершенно несостоятельная, потому что любая волшебная сказка, дошедшая до наших дней и пересказанная в различных

вариациях, всегда строится по логике повествования, а не по логике сна.

Истории сочиняются людьми, которые их сочиняют. Если история хорошая, ее запоминают и пересказывают. В каком-то смысле это само по себе волшебство.

Рассказчица Шехерезада — это вымышленный персонаж, как и ее сестра, и царь Шахрияр с наклонностями маньяка-убийцы. Сам сборник «Тысяча и одна ночь» — тоже вымышленная конструкция, составленная из историй и сказок, собранных в самых разных местах, а история Аладдина уже более позднее добавление, включенное в сборник французскими переводчиками всего лишь несколько сот лет назад. Иными словами, моя вариация истории Аладдина, безусловно, существенно отличается от изначальной истории. И тем не менее. И все же…

ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ

Эта история родилась — и существует — из моей страстной любви к отдаленным районам Шотландии, где природа еще не утратила своего первозданного великолепия, где кости Земли местами выходят наружу, где небо окрашено бледно-белым, и красота мира ощущается особен-

но остро. Мне было приятно вновь встретиться с Тенью через два года после событий, описанных в «Американских богах».

Роберт Силверберг попросил меня написать новеллу для его сборника «Легенды II». Ему было без разницы, по какому именно из миров: по «Задверью» или по «Американским богам». Я начал с «Задверья», но там возникли некоторые технические сложности (рассказ называется «Как маркиз вернул свой сюртук», и когда-нибудь я его обязательно допишу). Я начал писать «Повелителя горной долины» в Ноттинг-Хилле, где мы снимали короткометражный фильм под названием «Небольшое кино о Джоне Болтоне», и закончил буквально одним затяжным и безумным рывком в летнем доме у озера, где я сейчас пишу данное предисловие. Легенды о хульдрах и других сказочных существах из Норвегии я узнал от моей давней подруги Исельмы Эвенсен. Исельма также поправила мой норвежский. Как и «Беовульф» из «Дыма и зеркал», эта история навеяна эпосом «Беовульф», и к тому времени, когда я ее дописал, я был уверен, что сценарий «Беовульфа», который мы делали совместно с Роджером Эйвери, так никогда и не будет закончен. Разумеется, я был не прав, и мы доделали этот сценарий, и я

получил истинное удовольствие от настолько разительного различия двух воплощений одного и того же персонажа: матери Гренделя в версии Анджелины Джоли в фильме Роберта Земекиса и в моем собственном варианте.

* * *

Мне хотелось бы поблагодарить всех редакторов и составителей антологий, где эти рассказы и стихотворения были опубликованы впервые. Отдельное спасибо — Дженнифер Брель и Джейн Морпет, моим редакторам в США и Великобритании, за поддержку и помощь, и самое главное — за терпение, и моему литературному агенту, отважной Меррили Хейфец.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне вдруг пришло в голову, что многие вещи, которые мы полагаем хрупкими, на самом деле на удивление крепки и прочны. В детстве мы проделывали разные фокусы с сырыми птичьими яйцами, чтобы показать, что их не так просто разбить, как кажется; и еще нам говорили, что взмах крыльев бабочки в определенных условиях способен вызвать ураган. Сердце можно разбить, но сердце — самая крепкая мышца, которая качает кровь на протяжении всей жизни, сокращаясь семьдесят

раз в минуту, и работает практически без перебоев. Даже сны, самые тонкие, самые неосязаемые субстанции, бывают настолько сильны, что от них не избавишься и в яви.

Истории тоже относятся к хрупким вещам. Как люди и бабочки, как птичьи яйца, сердца и сны. Истории складываются из букв и знаков препинания. Или сплетаются из слов — из произносимых вслух звуков, абстрактных, незримых, исчезающих сразу же после того, как они прозвучат. Что может быть более хрупким?! И однако же некоторые истории — простые, незамысловатые рассказы об удивительных приключениях или о людях, творящих чудеса, о волшебстве и чудовищах, о прекрасном и страшном — пережили всех своих рассказчиков и будут жить еще долго.

Я не думаю, что истории, собранные в этой книге, навечно останутся в памяти человечества, но мне все равно было приятно собрать их всех вместе, найти для них дом, сделать так, что их будут читать и помнить. Надеюсь, они вам понравятся.

Нил Гейман
Первый день весны 2006 года

ЭТЮД В ИЗУМРУДНЫХ ТОНАХ

A Study in Emerald
Перевод. Н. Гордеева
2007

1. Новый друг

Сразу же по возвращении из Большого Европейского тура, где они дали несколько представлений перед КОРОНОВАННЫМИ ОСОБАМИ, срывая овации и похвалы своей великолепной игрой – равно блистательные как в КОМЕДИЯХ, так и в ТРАГЕДИЯХ, – «Лицедеи со Стрэнда» доводят до вашего сведения, что в апреле они выступают в театре «Ройал» на Друри-лейн с УНИКАЛЬНОЙ ПРОГРАММОЙ, в рамках которой будут представлены три одноактные пьесы: «Мой близнец – братец Том», «Маленькая продавщица фиалок» и «Так приходят Великие Древние» (последняя пьеса представляет собой историческую эпопею,

поистине поражающую воображение своим неземным великолепием). Приобретайте билеты в кассах театра.

Все дело в необъятности, я полагаю. В громадности того, что внизу. Во тьме снов.

Но я витаю в облаках. Простите. Я ведь не настоящий писатель.

Мне было необходимо найти жилье, Так мы и познакомились. Я искал человека, с кем можно было бы снять комнаты вскладчину. Нас представил друг другу наш общий знакомый. Дело было в химической лаборатории Сен-Барта.

— Предполагаю, вы были в Афганистане, — это первое, что он сказал.

Я в изумлении открыл рот, и глаза у меня полезли на лоб.

— Потрясающе, — проговорил я,

— Отнюдь, — ответил незнакомец в белом халате. — По тому, как вы держите руку, я понял, что вы были ранены, причем специфическим образом. Вы сильно загорели. К тому же у вас военная выправка, а в Империи осталось не так много мест, где военный человек может загореть и, учитывая специфику ранения в плечо и традиции афганских дикарей, быть подвергнутым пыткам.

Конечно, в таком изложении все кажется про-

стым до абсурда. С другой стороны, так оно и было. Я загорел до черноты. И действительно, как он и сказал, меня пытали.

Боги и люди Афганистана были настоящими дикарями и не хотели, чтобы ими правили из Уайтхолла, или из Берлина, или даже из Москвы, они не были готовы внимать гласу разума. Меня послали в эти холмы вместе с Н-ским полком. Пока бои шли в холмах и в горах, наши силы были равны. Но как только боевые действия переместились в пещеры, во тьму, мы поняли, что оказались на чужой территории и столкнулись с тем, что лежало за пределами нашего понимания.

Я никогда не забуду зеркальную поверхность подземного озера, как не забуду и то, что поднялось из его глубин: мигающие глаза той твари и шепчущие, поющие голоса, которые сопровождали это существо, пока оно поднималось к поверхности — голоса вились вокруг него, подобно пчелам, огромным, как весь этот мир.

То, что я выжил, было поистине чудом, но я выжил и вернулся в Англию, и нервы мои были разодраны в клочья. Место, где меня коснулся похожий на пиявку рот, навсегда обзавелось татуировкой, туманно-белой, въевшейся в кожу

плеча, с того времени — парализованного. Когда-то я был богачом. Теперь у меня не осталось практически ничего, кроме страха перед миром-под-этим-миром, страха, близкого к панике, такого страха, когда тебе проще потратить шесть пенсов из своей армейской пенсии на такси, чем пенни — на поездку в подземке.

Однако туманы и сумрак Лондона успокоили меня, приняли обратно. Я потерял предыдущее жилье, потому что кричал по ночам. Когда-то я был в Афганистане, теперь меня там не было.

— Я кричу по ночам, — сказал я ему.

— Мне говорили, что я храплю, — ответил он. — А еще у меня нет четкого распорядка дня, и я часто использую каминную доску для учебной стрельбы. Мне понадобится гостиная, чтобы принимать клиентов. Я эгоистичен, неразговорчив и замкнут, и на меня легко нагнать скуку. Будет ли это проблемой?

Я улыбнулся, покачал головой и протянул руку. Мы обменялись рукопожатием.

Комнаты на Бейкер-стрит, которые он подобрал для нас, более чем подходили для двух холостяков. Я запомнил, что говорил мой друг о своей страсти к уединению, и не стал спрашивать, чем он зарабатывает на жизнь. Однако мое любопыт-

ство было растревожено. Посетители приходили в любое время дня и ночи. При их появлении я покидал гостиную и отправлялся к себе в спальню, размышляя, что общего может быть у этих людей с моим другом: бледная женщина с белым, как кость, глазом, маленький человечек, похожий на коммивояжера, тучный денди в бархатном сюртуке, все остальные. Некоторые приходили часто, прочие же появлялись лишь однажды, говорили с ним и уходили — с видом встревоженным или, напротив, удовлетворенным.

Он был для меня загадкой.

Однажды утром, когда мы вместе наслаждались великолепным завтраком, приготовленным нашей хозяйкой, мой друг позвонил в звонок, вызывая эту добрую леди.

— Примерно через четыре минуты к нам присоединится еще один джентльмен, — сказал он. — Подайте для него прибор.

— Хорошо, — сказала она. — Поджарю еще сосисок.

Мой друг продолжил внимательно изучать утреннюю газету. Я со всевозрастающим нетерпением ожидал объяснений. Наконец я не выдержал:

— Не понимаю, откуда вы знаете, что через

четыре минуты у нас будет гость? Не было ни телеграммы, ни какого-то другого уведомления.

Он еле заметно улыбнулся.

— Вы слышали, как пару минут назад к нашему дому подъехал кеб? Он притормозил, когда проезжал мимо подъезда — очевидно, кучер узнал нашу дверь, затем экипаж вновь набрал скорость и проехал мимо, на Мэрилбоун-роад. На этой улице множество экипажей и кебов высаживают пассажиров у вокзала и Музея восковых фигур. Идеальное место для человека, который не хочет, чтобы его заметили. Оттуда до нашего дома — ровно четыре минуты пешком ...

Он взглянул на свои карманные часы, и в этот момент я услышал шаги на лестнице.

— Входите, Лестрейд, — сказал мой друг. — Дверь открыта, а ваши сосиски вот-вот поджарятся.

Человек, который, очевидно, и был Лестрейдом, открыл дверь и аккуратно притворил ее за собой.

— Не хотелось бы злоупотреблять вашим гостеприимством, — сказал он с порога. — Но, сказать по правде, утром сегодня мне так и не выдалась возможность позавтракать. И я, безусловно, смогу отдать должное этим сосискам. — Это был

тот самый маленький человечек, которого я уже несколько раз видел у нас, человечек с манерами коммивояжера, продающего резиновые безделушки или патентованную панацею.

Мой друг дождался, пока наша хозяйка не выйдет из комнаты, и только потом обратился к гостю:

— Как я понимаю, это дело государственной важности.

— Вот это да! — воскликнул Лестрейд и побледнел. — Но ведь слухи еще не могли просочиться... Скажите, что нет. — Он начал накладывать себе в тарелку соусы, филе сельди, рыбу с рисом и тосты, но руки у него заметно тряслись.

— Разумеется, нет, — успокоил его мой друг. — Я узнал скрип колес вашего экипажа, хотя по прошествии времени вибрирующая нота «соль», стала заглушать высокую «до». А если инспектор Лестрейд не хочет, чтобы его видели, когда он едет к единственному во всем Лондоне сыщику-консультанту, и тем не менее все равно едет к нему, сразу становится ясно, что это не обычное рутинное дело. Следовательно, оно касается сильных мира сего, из чего, в свою очередь, следует, что данное дело является делом государственной важности.

Лестрейд вытер желток с подбородка салфеткой. Я смотрел на него во все глаза. Он был совсем не похож на полицейского инспектора в моем представлении, но, с другой стороны, и мой друг был совсем не похож на сыщика-консультанта — что бы это ни значило.

— Возможно, нам стоило бы обсудить это дело наедине, — сказал Лестрейд, взглянув на меня.

Мой друг хитро улыбнулся и наклонил голову, как делал всегда, когда наслаждался шуткой, непонятной никому, кроме него самого.

— Глупости, — фыркнул он. — Одна голова хорошо, а две — лучше. То, что можно сказать мне, можно сказать и моему другу.

— Если мне надо уйти ... — резко сказал я, но он знаком заставил меня замолчать.

Лестрейд пожал плечами.

— Мне все равно. — Он на мгновение замешкался. — Если вы раскроете это дело, я сохраню работу. Используйте свои методы, это все, что я могу сказать. Вряд ли от этого станет хуже.

— Если изучение истории нас чему и научило, так это тому, что как бы нам ни казалось, что хуже уже не бывает, потом может выясниться, что бывает, — заметил мой друг. — Когда мы едем в Шордич?

Лестрейд уронил вилку.

— Это уже слишком! — воскликнул он. — Вы насмехаетесь надо мной, а сами все знаете об этом деле! Как вам не стыдно…

— Об этом деле я не знаю ровным счетом ничего. Когда инспектор полиции входит в мой дом со свежими пятнами грязи специфического горчично-желтого цвета на ботинках и брюках, мне вполне можно простить догадку, что до того, как приехать сюда, он проходил по району раскопок на Хоббс-лейн в Шордиче. Это единственное место в Лондоне, где встречается глина такого цвета.

Инспектор Лестрейд был ошарашен.

— Да, если взглянуть под таким углом, — сказал он, — это кажется очевидным.

Мой друг отодвинул от себя тарелку.

— Разумеется, — сказал он слегка раздраженно.

Мы поехали в Ист-Энд в кебе. Инспектор Лестрейд вернулся на Мэрилбоун-роад за своим экипажем, так что мы с моим другом остались вдвоем.

— Так вы и правда сыщик-консультант?- спросил я.

— Единственный в Лондоне, а может быть, и во

всем мире, — сказал мой друг. — Я не берусь за дела. Я консультирую. Люди приходят ко мне и рассказывают о своих неразрешимых проблемах, а я время от времени их решаю.

— Значит, все эти люди, которые ходят к вам ...

— По большей части полицейские служащие или частные детективы...

Утро выдалось погожим и ясным, но мы проезжали окраины трущоб Сент-Джайлза, этого прибежища воров и головорезов, которое портит лик Лондона, как рак кожи портит личико хорошенькой цветочницы, и свет, проникающий в кеб, был тусклым и каким-то зловеще мрачным.

— Вы уверены, что мне стоило ехать с вами?

Мой друг пристально посмотрел на меня.

— У меня предчувствие, — сказал он. — Предчувствие, что нам предназначено быть вместе. Что когда-то в прошлом или, может, в будущем мы сражались спина к спине, и это была славная битва. Не знаю ... Я — человек сугубо рациональный, но я знаю цену хорошему компаньону, и с того мгновения, как вас увидел, я сразу понял, что могу доверять вам так же, как себе самому. И да, я считаю, что вам стоило поехать со мной.

Я покраснел и, возможно, выдавил пару ничего не значащих слов. В первый раз после возвраще-

ния из Афганистана я почувствовал, что в этом мире я что-то значу.

2. Комната

> «Жизненная сила» Виктора! Электрический ток! Вашим членам не хватает энергии? Вы с тоской вспоминаете дни юности? Радости плоти забыты? «Жизненная сипа» Виктора вернет жизнь тому, в чем ее давно нет: даже старый боевой конь сможет снова стать пламенным жеребцом! Верните себе настоящую жизнь: древний фамильный рецепт плюс последние научные разработки. Для получения документации, подтверждающей эффективность «Жизненной силы» Виктора, пишите в компанию «V. von F.», 16 Чип-стрит, Лондон.

Дешевые меблированные комнаты в Шордиче. У парадной двери стоял полицейский, Лестрейд поздоровался с ним, назвав по имени, и распорядился впустить нас. Я уже приготовился войти, но мой друг задержался на крыльце и достал из кармана пальто увеличительное стекло. Он

изучил грязь на кованой железной скребнице, поковыряв ее указательным пальцем. Внутрь мы вошли только после того, как он дал понять, что остался доволен результатом осмотра.

Мы поднялись по лестнице на самый верх. Комнату, где было совершено преступление, мы вычислили сразу: ее охраняли два дородных констебля.

Лестрейд кивнул полицейским, и они отошли в сторону.

Мы вошли внутрь.

Я, повторюсь, не писатель по профессии, и мне сложно решиться на описание этого места, ведь я знаю, что мои слова все равно передадут все неправильно. И тем не менее я начал это повествование, и, боюсь, мне придется его продолжить. Убийство было совершено в самой комнатке. Тело, точнее то, что от него осталось, все еще лежало там, на полу. Я увидел его, но поначалу вроде как и не заметил. Сперва я заметил лишь то, что вытекло из горла и из груди жертвы: цвет этой жидкости варьировался от зеленовато-желтого до ярко-зеленого. Жидкость пропитала потертый ковер и забрызгала обои. На мгновение я представил себе, что это работа какого-то дьявольского художника, который решил написать этюд в

изумрудных тонах.

И только потом, по моим ощущениям — спустя целую вечность, я обратил внимание на тело, распотрошенное как кроличья тушка на колоде мясника, и попытался осознать, что я вижу. Я снял шляпу, мой друг сделал то же самое.

Он встал на колени и осмотрел тело, внимательно изучая раны. Потом достал увеличительное стекло и подошел к стене, чтобы как следует разглядеть капли разбрызганного засыхающего ихора.

— Мы уже все осмотрели, — заметил инспектор Лестрейд.

— Правда? — не без иронии отозвался мой друг. — И к каким вы пришли заключениям? Мне кажется, это какое-то слово.

Лестрейд подошел к тому месту, где стоял мой друг, и задумчиво поднял взгляд. Там действительно было написано слово — зеленой кровью на выцветших желтых обоях — прямо над головой Лестрейда.

— R-A-C-H-E?.. — задумчиво произнес Лестрейд, прочитав слово по буквам. — По-моему, вполне очевидно, что он хотел написать имя Рэйчел, но ему помешали. Значит, надо искать женщину...

Мой друг не сказал ни слова. Он вернулся обрат-

но к телу и осмотрел руки жертвы, сначала одну, потом — другую. Ихора на пальцах не было.

— По-моему, вполне очевидно, что это было написано не его королевским высочеством...

— Какого дьявола вы решили...

— Дорогой Лестрейд. Допустите хотя бы на миг, что у меня все-таки есть мозги. Труп явно принадлежит не человеческому существу. Цвет крови, число конечностей, глаза, расположение лица, — все выдает королевскую кровь. Не могу сказать точно, какая именно это династия, но рискну предположить, что это наследник... нет, второй сын в королевской семье одного из немецких княжеств.

— Поразительно! — Лестрейд умолк в нерешительности, но все же продолжил: — Это принц Франц Драго из Богемии. Он прибыл в Альбион в качестве гостя ее величества королевы Виктории. Решил отдохнуть и сменить обстановку...

— Театры, шлюхи, игорные дома...

— Если вам будет угодно. — Лестрейд явно смутился. — В любом случае вы нам дали хорошую зацепку, надо искать эту женщину, Рэйчел. Не сомневаюсь, с этим мы справимся сами.

— Безусловно, — сказал мой друг.

Он продолжил осмотр комнаты, отпустив

несколько ядовитых замечаний по поводу неквалифицированных полицейских, которые затаптывают следы и передвигают предметы, каковые могли бы оказаться весьма полезными для вдумчивого, наблюдательного человека, пытающегося реконструировать события прошлой ночи.

Его особенно заинтересовала небольшая кучка грязи, обнаруженная за дверью.

Возле камина он также нашел следы грязи и еще, кажется, пепла.

— Вы видели это? — спросил он Лестрейда.

— В полиции ее королевского величества, — важно ответил Лестрейд, — как-то не принято впадать в ажитацию, находя пепел в камине. Ибо ему и пристало там быть. — Он захихикал над собственной шуткой.

Мой друг присел на корточки, взял щепотку пепла, растер ее между пальцами и понюхал остатки. Потом собрал весь оставшийся пепел, рассыпанный возле камина, ссыпал его в стеклянную пробирку, тщательно закупорил и убрал во внутренний карман пальто.

— А что с телом? — спросил он, поднимаясь.

— Из дворца пришлют людей, — сказал Лестрейд.

Мой друг кивнул мне, и мы вместе пошли к выходу.

В дверях он помедлил:

— Инспектор, поиски таинственной Рэйчел вряд ли помогут раскрыть это дело. Помимо всего прочего «Rache», — немецкое слово. Оно означает месть. Проверьте в словаре. Есть и другие значения.

Мы спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Как я понимаю, до сегодняшнего утра вы ни разу не видели королевских особ? — спросил он. Я покачал головой, — Да уж, это поистине тяжкое испытание для неподготовленного человека. Друг мой, да вы весь дрожите!

— Прошу прощения. Через мгновение я буду в порядке.

— Быть может, прогулка пойдет вам на пользу, — сказал он, и я согласился. Мне надо было хоть чем-то заняться. Я был уверен, что если сейчас остановлюсь и задумаюсь, то закричу.

— Что ж, тогда нам туда. — Мой друг указал на темную башню дворца.

И мы пошли.

— То есть сегодня вам в первый раз в жизни довелось воочию увидеть особу королевской крови,

— сказал мой друг.

— Да, — выдохнул я.

— Что ж, пожалуй, у нас есть все основания предположить, что первая встреча не станет последней, — сказал он. — И в следующий раз это будет не труп. Причем это случится достаточно скоро.

— А что дает основания предположить?..

Вместо ответа он указал взглядом на черный экипаж, остановившийся впереди, примерно в пятидесяти ярдах. Человек в черном котелке и шинели молча открыл дверь кареты, на которой был нарисован золоченый герб, знакомый у нас в Альбионе каждому ребенку. Человек в черном явно кого-то ждал, судя по всему — нас.

— Есть приглашения, от которых не отказываются, — сказал мой друг. Он снял шляпу и кивнул лакею, и мне показалось, что он улыбнулся, когда забирался в карету.

По дороге я попытался с ним заговорить, но он покачал головой, приложив палец к губам. Потом он закрыл глаза и, казалось, погрузился в раздумья. Я, в свою очередь, попытался припомнить, что я знаю о немецкой королевской династии, но не сумел вспомнить практически ничего, кроме того, что супруг королевы принц Альберт тоже

был немцем.

Я сунул руку в карман и вытащил пригоршню монет: коричневых и серебряных, черных и зеленовато-медных. Я смотрел на портрет королевы, отчеканенный на каждой из этих монет, и испытывал одновременно и гордость за свою страну, и пронзительный ужас. Я пытался себя убедить, что когда-то я был солдатом, что мне неведом страх — и я даже помнил то время, когда это еще было правдой. На мгновение я вспомнил, каким был сорвиголовой — и, как мне хотелось бы думать, отличным стрелком, — но моя правая рука дрогнула, и на долю секунды ее словно парализовало. Монетки, звеня, рассыпались, и я не почувствовал ничего, кроме горького сожаления.

3. Дворец

Наконец-то свершилось! Доктор Генри Джекил с гордостью сообщает о начале массового выпуска всемирно известного «Порошка Джекила». Теперь это волшебное средство больше не будет привилегией избранных. Освободите свою внутреннюю сущность! Незаменимый препарат для внутреннего и внешнего

очищения! Слишком многие современные люди – как мужчины, так и женщины – страдают от ДУШЕВНОГО ЗАПОРА! Облегчение придет сразу и по разумной цене. Покупайте «порошок Джекила»! (с ароматом ванили или ментола)

Супруг королевы принц Альберт был тучным мужчиной с впечатляющими лихо закрученными усами и редеющей шевелюрой. Вне всяких сомнений, он был человеком. Он встретил нас в коридоре, кивнул моему другу и мне, но не спросил наших имен и не предложил руку для рукопожатии.

— Королева расстроена. — сказал он. У него был странный акцент. Он произносил «с» как «з». «Раззтроена». — Франц был ее любимцем. У нее много племянников. Но только он мог ее рассмешить. Вы ведь найдете того, кто это сделал?

— Сделаю все от меня зависящее, — сказал мой друг.

— Я читал ваши труды, — сказал принц Альберт. — Это я посоветовал им обратиться к вам. Надеюсь, я не ошибся.

— Я тоже на это надеюсь, — сказал мой друг.

А потом огромные двери открылись, и мы вошли в темноту, в покои королевы.

Ее называли Виктория — Победа, — потому что она победила нас в битве семьсот лет назад, ее называли славной, потому что слава ее разнеслась по всему миру, ее называли королевой, потому что человеческий речевой аппарат не приспособлен для произнесения звуков ее настоящего имени. Она была огромной — гораздо больше, чем я мог представить. Она неподвижно сидела в сумраке и смотрела на нас.

— Вы должны разскрыть это убийство, — донеслись слова из темноты.

— Да, мэм, — ответил мой друг.

Ее щупальце изогнулось и прикоснулось ко мне.

— Зделай шаг вперед.

Я честно хотел сделать шаг, но ноги меня не слушались.

Мой друг пришел мне на помощь. Он взял меня за локоть и подвел к ее величеству.

— Не надо боятзса. Надо быть полеззным. Надо помогать, — вот что она мне сказала. У нее было очень приятное контральто, но мне показалось, что в нем слышался отголосок какого-то странного жужжания. Потом она развернула щупальце и коснулась моего плеча. Было мгновение — всего лишь мгновение, — когда все мое существо

охватила боль. Такой пронзительной, страшной боли я не испытывал никогда в жизни, но уже в следующую секунду эта боль сменилась всепоглощающим спокойствием. Я почувствовал, как мышцы плеча расслабились, и, впервые с тех пор, как я вернулся из Афганистана, боль ушла.

Потом к королеве приблизился мой друг. Виктория говорила только с ним, но я все равно слышал ее слова. Быть может, они попадали ко мне в сознание напрямую, минуя слух. Быть может, это и был тот самый Голос королевы, о котором я столько читал в исторических хрониках. Мой друг ответил ей вслух:

— Да, мэм. Я уже выяснил, что в ту ночь ваш племянник был не один. Вместе с ним в комнате в Шордиче находились еще два человека. Они пытались скрыть следы, но я сумел их обнаружить. — Он замолчал, слушая королеву, а потом сказал: — Да, я все понимаю... Полагаю, да... Да.

После этого он замолчал и молчал всю дорогу до Бейкер-стрит.

На улице было уже темно. Я задумался о том, сколько времени мы провели во дворце.

Клочья темного тумана клубились над городом и закрывали небо.

Когда мы вернулись на Бейкер-стрит, я сразу

пошел к себе в спальню, скинул рубашку и глянул в зеркало. Белесая мертвая кожа у меня на плече стала слегка розоватой. Я очень надеялся, что это не плод моего воспаленного воображения и не отблеск лунного света, проникавшего в комнату через неплотно зашторенное окно.

4. Представление

ЖАЛУЕТЕСЬ НА ПЕЧЕНЬ?! СТРАДАЕТЕ ОТ РАЗЛИТИЯ ЖЕЛЧИ?! НЕВРАСТЕНИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА?! ГНОЙНЫЙ ТОНЗИЛЛИТ?! АРТРИТ?! Вот лишь немногие недуги, от которых вас гарантированно избавит профессиональное КРОВОПУСКАНИЕ. Обращайтесь к нам в фирму. Не доверяйте свое здоровье ЛЮБИТЕЛЯМ! Мы практикуем уже очень давно и зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. В. ЦЕПЕШ – ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КРОВОПУСКАТЕЛЬ (правильно произносится Цеп-пеш!). Румыния, Париж, Лондон, Уитби. Вы испробовали уже все, что можно? А теперь ПОПРОБУЙТЕ ЛУЧШЕЕ!

Меня не должен был удивить тот факт, что мой друг — непревзойденный мастер маскировки, однако я все-таки удивился. В следующие десять дней в нашу квартиру на Бейкер-стрит заходили самые разнообразные персонажи: пожилой китаец, молодой франт, рыжеволосая толстуха, чей род занятий не вызывал ни малейших сомнений, и почтенный старик с подагрическими ногами, обмотанными бинтами.

Каждый из них проходил в комнату моего друга и буквально через пару секунд — такой скорости позавидовал бы и артист мюзик-холла, выступающий с номером «мгновенное переодевание», — оттуда появлялся он сам.

Он не распространялся о том, чем занимается в этих обличьях, предпочитая отдыхать, глядя в одну точку и время от времени делая пометки на любом клочке бумаги, попадавшемся ему под руку — пометки, из которых, сказать по чести, я не мог разобрать ни единого слова. Он был полностью поглощен этим делом. До такой степени, что я даже начал слегка опасаться за его здоровье. А потом, как-то под вечер, он вернулся домой в своем обычном обличье и спросил меня, загадочно улыбаясь, интересуюсь ли я театром.

— Как и всякий культурный человек, — отве-

тил я.

— Тогда берите свой театральный бинокль, — сказал он. — Мы идем в «Ройял».

Я ожидал, что мы идем на оперетту или на что-нибудь в таком роде, но вместо этого оказался, по всей видимости, в худшем из театров на Друри-лейн, хотя и с громким названием «Королевский». Если быть совсем точным, этот вертеп располагался даже не на самой Друри-лейн, а в самом конце Шейфтсбери-авеню, где начинался трущобный район Сент-Джайлза. По совету моего друга я спрятал бумажник подальше и, по его примеру, взял с собой трость с набалдашником потяжелее.

Когда мы уселись на свои места (я купил за три пенни большой апельсин у хорошенькой молодой женщины, продававшей их зрителям, и ел его в ожидании спектакля), мой друг тихо сказал:

— Вам еще повезло, что я не брал вас с собой в игорные притоны и бордели. Или в психиатрические лечебницы. Как оказалось, принц Франц любил посещать сумасшедшие дома. Но он нигде не бывал больше одного раза. За исключением...

Вступил оркестр, поднялся занавес. Мой друг замолчал.

Для своего жанра это было достаточно непло-

хое представление: актеры исполнили три одноактных пьесы. В перерывах пели комические куплеты. Исполнителем главной роли был высокий бледный мужчина с приятным голосом; исполнительницей главной женской роли — весьма элегантная дама, чей сильный голос разносился по всему залу. Комедиант отменно пел свои арии.

Первая пьеса была в меру фривольной комедией ошибок: ведущий актер исполнял сразу две роли. Он играл двух близнецов, которые никогда не встречались друг с другом, но, благодаря череде комических случайностей оказались помолвлены с одной и той же юной особой, которая — что особенно забавно — считала, что помолвлена только с одним мужчиной. Двери на сцене открывались и закрывались, и актер менял костюмы и личины.

Вторая пьеса представляла собой трогательную историю про девочку-сироту, которая умирала от голода в лютый мороз, продавая фиалки. В конце концов бабушка девочки узнала ее и поклялась, что это то самое дитя, которое бандиты украли у них десять лет назад, но было уже слишком поздно, и замерзший маленький ангел испустил свой последний вздох. Должен признаться, в

ходе спектакля я не раз промокал глаза носовым платком.

Представление завершилось потрясающей исторической пьесой, действие которой разворачивалось в поселении на берегу океана семьсот лет назад. Вся труппа играла жителей деревни. Однажды все они вышли на берег и увидели странные тени, поднимавшиеся из моря где-то вдалеке. Главный герой радостно объявил остальным, что это Старейшие, Великие Древние, чей приход был предсказан давным-давно. Они возвращаются к нам из Р'льеха, из туманной Каркозы и равнин Ленга, где они спали, или ждали, или проводили свое посмертие. Комедиант возразил, что люди просто едят слишком много пирогов и пьют слишком много хмельного эля — вот им и мерещатся всякие тени. Тучный джентльмен, который играл жреца Римского Бога, утверждал, что тени, встающие из пучины морской, — это демоны и чудовища, которых надлежит уничтожить.

В кульминации пьесы главный герой забил жреца насмерть его же распятием и приготовился встречать Их, когда Они придут. Героиня спела арию, привязчивая мелодия которой тут же засела у меня в голове, и мы увидели потря-

сающее представление, созданное при помощи волшебного фонаря. Тени Старейших медленно пересекали серое небо на заднике сцены: Королева Альбиона, Черный Владыка Египта (его тело было почти человеческим), Древний Козлище, Прародитель Тысячи, Император Китая, Неопровержимый Царь, Тот Кто Правит Новым Миром и Белая Дама Антарктической Твердыни. Каждый раз, когда новая тень пересекала сцену, из уст всех, кто сидел на балконе, вырывался крик «Хаззах!», и вскоре мне стало казаться, что это вибрирует сам воздух. На нарисованном небе взошла луна и достигла своей высшей точки, а потом, силами всемогущего театрального волшебства, превратилась из бледно-желтой, как в старых легендах, в привычно багровую — ту, что сияет над миром сейчас.

Актеры поклонились, потом вышли на бис — под смех и приветственные крики публики, — занавес опустился в последний раз, и представление закончилось.

— Ну, — обернулся ко мне мой друг, — что скажете?

— Отлично, просто отлично, — ответил я, потирая ладони, саднившие от аплодисментов.

— Храбрый вы парень, — сказал он с улыбкой.

— Давайте пройдем за кулисы.

Мы вышли на улицу и, свернув в переулок за театром, подошли к служебному входу, возле которого сидела тощая женщина с жировиком на щеке и деловито вязала на спицах. Мой друг показал ей визитную карточку, и она пропустила нас внутрь. Мы поднялись по лестнице и оказались в маленькой общей гримерке.

Перед закопченными зеркалами горели масляные лампы и свечи, актеры — и мужчины, и женщины — снимали грим и костюмы, ничуть не стесняясь друг друга. Я отвел глаза. Мой друг оставался невозмутимым.

— Могу ли я поговорить с мистером Верне? — громко спросил он.

Молодая женщина, которая играла лучшую подругу главной героини в первой пьесе и нахальную дочь трактирщика — в последней, указала нам в дальний конец комнаты.

— Шерри! Шерри Верне! — позвала она.

Молодой человек, поднявшийся со своего места в ответ на ее зов, был худощав и хорош собой. Его красота была куда более необычной, чем могло показаться из зала. Он вопросительно взглянул на нас.

— Кажется, не имею чести знать...

— Меня зовут Генри Кемберли, — сказал мой друг, сильно растягивая слова. — Возможно, вы слышали обо мне.

— Должен признаться, не слышал, увы, — сказал Верне.

Мой друг вручил актеру визитную карточку.

Верне рассмотрел ее с неподдельным интересом.

— Театральный агент? Из Нового Света? Боже мой! А это?.. — Он посмотрел на меня.

— Это мой друг, мистер Себастьян. Он не нашей профессии.

Я пробормотал что-то о том, как мне понравилось представление, и мы обменялись рукопожатием.

Мой друг спросил:

— Вы бывали в Новом Свете?

— Не имел такой чести, — признался Верне, — хотя это моя заветная мечта.

— Что ж, дружище, — сказал мой друг, имитируя легкую фамильярность выходца из Нового Света, — возможно, вашей мечте суждено сбыться. Последняя пьеса. В жизни не видел ничего подобного. Это вы написали?

— Увы, нет. Не я. Драматург — мой хороший друг. Но я придумал механизм волшебного фо-

наря для представления теней. Лучше нет ни в одном театре.

— А вы не могли бы назвать мне имя этого драматурга? Возможно, мне стоит поговорить с вашим приятелем лично.

Верне покачал головой.

— Боюсь. Это никак невозможно. Он профессионал и не хочет, чтобы кто-то знал о его причастности к нашей постановке.

— Понятно. — Мой друг вытащил из кармана трубку. Сунул ее в рот. А потом рассеянно похлопал себя по карманам. — Прошу прощения, — начал он, — кажется, я забыл свой кисет.

— Я курю крепкий черный табак, — сказал актер, — если вас это не смущает...

— Ни в коем случае, — искренне заверил его мой друг. — Я и сам курю крепкий табак. — Он набил свою трубку предложенным табаком, и мужчины закурили. Мой друг принялся рассказывать о своем видении пьесы, с которой можно было бы отправиться в большой тур по городам Нового Света, от острова Манхэттен и до самого дальнего южного края континента. Первый акт — это будет та пьеса, которую мы видели сегодня. Дальше можно было бы развернуть драматическое повествование о власти Старейших над

людьми и их богами. Или, быть может, о том, что случилось бы с человечеством, если бы за ним не присматривали королевские семьи, о мире варварства и тьмы. — Впрочем, ваш таинственный друг станет автором этой пьесы и сам разберется, что там будет происходить, — сказал в заключение мой друг. — Мы сделаем спектакль по его пьесе. Но я гарантирую вам внимание публики, о котором вы и не мечтали, и значительную часть дохода. Скажем, пятьдесят процентов.

— Очень заманчивое предложение, — сказал Верне. — Надеюсь только, что это не станет еще одной иллюзией волшебного фонаря!

— Нет, сэр, конечно же, нет, — ответил мой друг, дымя трубкой и смеясь над шуткой Верне. — Приходите ко мне на Бейкер-стрит завтра утром, после завтрака, часов, скажем, в десять, вместе со своим другом. Я подготовлю контракты.

После этого актер взобрался с ногами на стул и хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание.

— Дамы и господа, я хочу сделать одно объявление! — сказал он, и его звучный голос как будто заполнил все помещение. — Этот джентльмен — Генри Кемберли, театральный агент, и он предлагает нам переплыть Атлантический океан,

дабы добиться богатства и славы.

Раздалось несколько радостных возгласов, и актер, игравший комических персонажей, заметил:

— Да, это будет приятное разнообразие после селедки и квашеной капусты, — и все рассмеялись.

Мы с моим другом вышли из театра на залитые туманом улицы.

— Мой дорогой друг, — сказал я. — Что бы вы ни затевали…

— Тише. Ни слова больше, — перебил он меня. — В этом городе слишком много ушей.

Мы не обмолвились ни единым словом, пока не поймали кеб.

Уже сидя в карете, мой друг вытащил изо рта трубку и вытряхнул наполовину выкуренный табак в маленькую жестяную банку, которую плотно закрыл и убрал в карман.

— Что ж, — сказал он. — Долговязого мы нашли, а если нет, то тогда я — голландец. Остается надеяться, что жадность и любопытство Хромого доктора приведут его завтра утром к нам в дом.

— Хромой доктор?

Мой друг фыркнул.

— Я его так для себя обозначил. По следам и прочим уликам на месте преступления я понял,

что в ту ночь в комнате, помимо жертвы, было еще два человека: высокий мужчина, которого, если я все понимаю правильно, мы нашли только что, и другой человек, ниже ростом, с хромой ногой, который профессионально выпотрошил принца, что выдает в нем медика.

— Доктора?

— Именно. Мне неприятно об этом говорить, но мой опыт показывает, что если врач переходит на сторону зла, он становится ужаснее и отвратительней самого мерзкого головореза. Взять хотя бы Хьюстона, который использовал ванну с кислотой, или Кэмбелла, который привез в Илинг прокрустово ложе… — Весь остаток пути он продолжал говорить в том же ключе.

Кеб остановился.

— С вас шиллинг и десять пенсов, — сказал кебмен. Мой друг бросил ему флорин, кебмен ловко поймал его на лету и отсалютовал, приложив пальцы к своему поношенному цилиндру. — Премного вам благодарен, — сказал он, и кеб скрылся в тумане.

Мы пошли к парадной двери. Когда я открыл ее, мой друг сказал:

— Странно. Наш кебмен совершенно спокойно проехал мимо вон того человека, на углу.

— В конце смены такое бывает, — заметил я.

— В самом деле, — сказал мой друг.

В ту ночь мне снились тени, огромные тени, затмившие солнце. Я в отчаянии взывал к ним, но они не хотели меня услышать.

5. Кожица и косточка

> Начинайте весну с весенней походки! Ботинки, туфли и броуги от ДЖЕКА. Спасайте свои подметки! Каблуки – наша специальность. Обувь от ДЖЕКА. И не забудьте посетить наш новый магазин готовой одежды и аксессуаров в Ист-Энде: вечерние платья, шляпки, новинки сезона, трости, трости с вкладными шпагами... Магазин ДЖЕКА на ПИКАДИЛЛИ. Все это – нынешней весной!

Первым появился инспектор Лестрейд.

— Вы поставили на улице своих людей? — спросил мой друг.

— Конечно, — ответил Лестрейд. — И дал им строгие указания впускать внутрь любого, кто придет, и задерживать всякого, кто попробует выйти.

— И у вас есть с собой наручники?

Вместо ответа Лестрейд засунул руку в карман и мрачно потряс двумя парами наручников.

— А пока мы ждем, сэр, — сказал он, — может быть, вы расскажете мне, чего именно мы ждем?

Мой друг вынул из кармана трубку, но не закурил, а просто положил ее на стол. Потом достал жестяную коробку, в которую вчера ссыпал табак, и стеклянный пузырек, куда он собрал пепел, найденный у камина в той комнате в Шордиче.

— Вот, — сказал он. — Гвоздь в гроб нашего нового друга, мастера Верне. Если я все понимаю правильно. — Он помолчал, потом достал карманные часы и осторожно положил их на стол. — У нас есть еще несколько минут. — Он повернулся ко мне: — Что вам известно о восстановителях?

— Ровным счетом ничего, — ответил я.

Лестрейд кашлянул.

— Если вы говорите о том, о чем я думаю, — сказал он, — этот разговор следует немедленно прекратить.

— Уже слишком поздно, — сказал мой друг. — Потому что есть те, кто не верит, что пришествие Старейших было благом для человечества, как полагаем все мы. Эти анархисты хотят восстановить старый порядок, когда люди сами вершили

свою судьбу.

— Я не желаю выслушивать этот опасный бред, — заявил Лестрейд. — Должен сказать...

— Должен сказать, — перебил его мой друг, — что не надо быть таким ослом. Потому что именно восстановители убили принца Франца Драго. Они убивают в тщетных попытках заставить наших хозяев оставить нас в покое, «во тьме невежества». Принца убил rache — этим словом раньше называли охотничьих псов, и если бы вы потрудились заглянуть в словарь, инспектор, вы бы наверняка это знали. Также оно означает «месть». Охотник оставил автограф на обоях в комнате, где совершил убийство. Как художник, который подписывает картину. Но принца убил не он...

— Хромой доктор! — воскликнул я.

— Очень хорошо. В ту ночь в комнате был высокий мужчина — я сумел вычислить его рост, потому что, когда люди пишут на стенах, обычно надписи располагаются на уровне глаз. Он курил трубку — в камине остался пепел и табак — и с легкостью выбил трубку о каминную полку. Человек невысокого роста не смог бы этого сделать. Необычный сорт крепкого табака. Следы в комнате были по большей части затоптаны

вашими исполнительными полисменами, но я все же нашел пару четких следов за дверью и у окна. Кто-то ждал там: человек небольшого роста, который, судя по походке, при ходьбе переносит вес тела на правую ногу. На дорожке рядом с домом я нашел еще несколько четких следов, а на скребнице осталась глина. Все это дало мне дополнительную информацию: высокий человек сопроводил принца в меблированные комнаты, а потом вышел оттуда. А в комнате их дожидался второй человек, который так мастерски разделал принца...

Лестрейд издал недовольный звук, но ничего не сказал.

— Я провел не один день, пытаясь отследить передвижения его высочества. Ходил по игорным домам и борделям, обошел все сумасшедшие дома. Я искал человека, который курит трубку, и его друга. Но я не добился успеха, пока не решил просмотреть газеты Богемии в поисках хоть какой-то зацепки, чтобы понять, чем мог заниматься принц, и тогда я узнал, что в прошлом месяце английская театральная труппа была с гастролями в Праге и выступала перед принцем Францем Драго...

— Боже милостивый! — воскликнул я. — Зна-

чит, Шерри Верне...

— Правильно, восстановитель.

Я покачал головой, поражаясь интеллекту и проницательной наблюдательности своего друга, и в это мгновение раздался стук в дверь.

— А вот и наша добыча! — сказал мой друг. — Будьте осторожны!

Лестрейд нервно сглотнул и запустил руку в карман, где у него, без сомнения, лежал пистолет.

— Проходите, пожалуйста! — крикнул мой друг.

Дверь открылась.

Это был не Верне, как и не хромой доктор. Это был арабский мальчик, один из тех уличных мальчишек, которые зарабатывают на жизнь, бегая с поручениями, — «из фирмы „Волка ноги кормят“», как говорили во времена моей юности.

— Уважаемые господа, — сказал он, — есть ли здесь мистер Генри Кемберли? Один джентльмен поручил мне передать ему записку.

— Да, это я, — сказал мой друг. — А что вы можете рассказать мне об этом джентльмене? Скажем, за шесть пенсов?

Паренек, которого звали Уиггинсом, прежде чем спрятать монетку в карман, попробовал ее

на зуб, а потом сказал нам, что веселый малый, который дал ему записку, был высоким, темноволосым и курил трубку.

Эта записка сейчас у меня, и я беру на себя смелость привести ее тут целиком.

> Уважаемый сэр!
>
> Не стану обращаться к вам, как к Генри Кемберли, потому что это не ваше имя. Меня удивило, что вы не назвались своим настоящим именем: это доброе имя, и оно делает вам честь. Я прочел несколько ваших работ, все, которые смог достать. Сказать по правде, мы даже вели с вами весьма оживленную переписку по поводу вашей работы о динамике астероидов.
>
> Мне было безмерно приятно увидеться с вами лично. Не сочтите за дерзость, но вот вам несколько подсказок, могущих оказаться полезными в профессии, которую вы выбрали себе в последнее время. Во-первых, да, у человека, курящего трубку, могла оказаться в кармане совершенно новая трубка, и при этом не оказаться табака – но это крайне маловероятно, как и крайне маловероятно встретить

театрального агента, который понятия не имеет о принятом в театральной среде обычае компенсировать актерам расходы за тур, к тому же в компании неразговорчивого офицера в отставке (служившего в Афганистане, если не ошибаюсь). К тому же, как вы очень верно заметили, в Лондоне повсюду есть уши, и я бы не советовал вам садиться в первый же подъехавший кеб. У кебменов тоже есть уши, и к тому же – отменный слух.

Однако вы, безусловно, правы в том предположении, что именно я заманил полукровку в меблированные комнаты в Шордиче.

Если вас это утешит, сообщаю вам следующее: изучив пристрастия принца в том, что касается проведения досуга, я сказал, что доставил ему девушку из монастыря в Корнуолле, которая в жизни не видела ни одного мужчины, и, стало быть, его вид и его прикосновение наверняка сведут ее с ума.

Если бы эта девушка действительно существовала, она погрузилась бы в пучину безумия еще до того, как он полностью

ею овладел. Он бы высосал ее разум, как человек, пьющий сок из мякоти спелого персика, оставляя лишь кожицу и косточку. Я видел, как они это делают. Я видел, как они делают и более ужасные вещи. Это не та цена, которую стоит платить за мир и процветание. Это слишком большая цена.

Мой добрый друг доктор – который полностью разделяет мои убеждения и который действительно написал нашу пьесу: у него есть талант, и он умеет развлекать публику, – уже ждал нас, держа наготове свои ножи.

Эта записка ни в коем случае не насмешка, не издевательство в манере «поймай меня, если сможешь», потому что мы с доктором уже покинули этот город, и вы не сможете нас найти. Я всего лишь хотел сказать, что мне было приятно хотя бы на мгновение почувствовать, что у меня есть достойный соперник. Куда более достойный, чем эти нелюди из-под земли.

Боюсь, «Лицедеям со Стрэнда» придется искать себе нового актера на главные

роли.

Не стану подписываться, как Верне. Пока не закончится охота и в мире не восстановится прежний порядок, думайте обо мне просто как о

Rache.

Инспектор Лестрейд выбежал: из комнаты, созывая своих людей. Они заставили юного Уиггинса отвести их туда, где мужчина передал ему записку — как будто актер Верне ждал их там, покуривая трубку. Мы с моим другом посмотрели на них из окна и покачали головами.

— Они остановят и обыщут все поезда, которые уходят из Лондона, и все корабли, отплывающие из Альбиона в Европу и в Новый Свет, — сказал мой друг. — Они будут искать высокого мужчину и его спутника, который слегка прихрамывает. Они закроют вокзалы и порты. Они блокируют все выезды из страны.

— Как вы думаете, их поймают?

Мой друг покачал головой.

— Возможно, я ошибаюсь, но готов поспорить, что сейчас они находятся примерно в миле от нас, в трущобах Сент-Джайлза, куда полицейские не осмеливаются заходить меньше, чем вдесятером. И они будут прятаться там, пока не стихнет весь

шум. А потом снова займутся своими делами.

— Почему вы так думаете?

— Потому что, — ответил мой друг, — на их месте я сделал бы именно так. Кстати, записку лучше сжечь.

Я нахмурился.

— Но ведь это улика.

— Это крамольная чушь, — строго заметил мой друг.

Я не стал спорить и сжег записку. Когда Лестрейд вернулся, я сказал ему, что я сделал, и он ответил, что это было правильное решение. Лестрейд сохранил работу, а принц Альберт написал моему другу письмо, в котором выразил восхищение его блистательным интеллектом, но вместе с тем и сожаление о том, что преступник по-прежнему разгуливает на свободе.

Шерри Верне — или как его звали на самом деле — так и не поймали, как не поймали и его друга-убийцу, в котором якобы опознали бывшего военного хирурга Джона (или, может быть, Джеймса) Ватсона. Что любопытно: он тоже служил в Афганистане. Не исключено, что мы с ним даже встречались.

Мое плечо, до которого дотронулась королева, продолжает заживать. Скоро я снова смогу стре-

лять по-снайперски метко — как раньше.

Однажды вечером, несколько месяцев тому назад, когда мы были одни, я спросил моего друга, помнит ли он переписку, о которой упомянул в своей записке человек, называвший себя Rache. Мой друг ответил, что помнит и что «Сигерсон» (тогда актер называл себя так и утверждал, что он из Исландии), видимо, вдохновившись теориями моего друга, также выдвинул несколько невероятных теорий о связи между массой, энергией и гипотетической скоростью света.

— Полная чушь, разумеется, — сказал мой друг без тени улыбки. — Но чушь вдохновенная и опасная.

Из дворца пришло сообщение о том, что королева довольна работой моего друга, и на этом дело замяли.

Однако я сомневаюсь, что мой друг так просто откажется от него. Эта история не закончится, пока один из них не убьет другого.

Я сохранил эти записи. Я попытался как можно точнее рассказать о событиях, связанных с этим делом, причем сказал много такого, чего не стоило говорить. Будь я человеком чуть более разумным, я бы сжег эти страницы, но, с другой стороны, как любит повторять мой друг: даже

пепел может выдать секреты. Я положу эти бумаги в банковский сейф вместе с распоряжением о том, что вскрыть конверт можно лишь после смерти всех участников событий. Хотя в свете происходящего в России, боюсь, этот день может настать много раньше, чем мы полагаем.

С. М. майор (в отставке)
Бейкер-стрит,
Лондон, Новый Альбион, 1881

ЭЛЬФИЙСКИЙ РИЛ

The Fairy Reel
Перевод. Н. Эристави
2007

Когда бы снова я молод был,
И верил бы снам, и не верил бы смерти,
Я б сердце свое пополам поделил,
Чтоб быть среди вас хоть полжизни, поверьте!

Полсердца осталось на ферме моей,
Чтобы об эльфах страдать неустанно,
Полсердца крадется меж серых теней,
По тропке лесной, извилистой, тайной.

Когда бы встретил эльфийку я,
Я б стал целовать ее, робок и жалок.
Она же орлов созвала бы, друзья,
И к древу в огне меня приковала!

И коль из черных сетей ее кос
Глупое сердце мое рвалось бы,

Она б его заперла в клетку из звезд,
И я бы оставил мольбы и просьбы.

Когда бы я опостылел ей,
Она б мое имя забыла даже,
А сердце бы кинула средь ветвей
Костра, вкруг которого эльфы пляшут.

Пусть с сердцем играют они моим,
Пускай его вытянут нитью гибкой,
Пускай обратят его в прах и дым,
Пускай струною натянут на скрипку!

Пусть день и ночь на сердце-струне
Играют они мелодии странные,
Чтоб каждый сгорал в них, точно в огне,
Чтобы плясал, пока ноги не ранит!

Вот – скрипка и танец ведут свой спор,
Чтоб эльфы летели в пламенном риле,
Чтоб в их очах, золотых, как костер,
Огни негасимые проступили!

Но стар я. Уж зим шестьдесят назад
Утратил я сердце свое без возврата,

Что ночь – несется оно сквозь ад,
Мелодий странных за гранью заката.

Я сердце свое разделить не посмел, –
Скитаюсь, слепец, одинок и беден...
К луне ущербной я не взлетел,
А солнцу неведом эльфийский ветер!

О вы, кто не слышит Эльфийский рил –
Похитят сердца ваши скоро, поверьте!
Да, молод был я, и глуп я был,
Оставьте ж меня в одиночестве смерти!

ОКТЯБРЬ В ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКОМ КРЕСЛЕ

October in the Chair
Перевод. Н. Гордеева
2007
Посвящается Рэю Брэдбери

В председательском кресле сидел Октябрь, и вечер выдался прохладным: листья — красные и оранжевые — облетали с деревьев в роще.

Их было двенадцать. Они сидели вокруг костра и жарили на огне большие сосиски, которые шипели и плевались соком, стекающим на горячие поленья. Они пили яблочный сидр, освежающий и прохладный.

Апрель впилась зубами в сосиску, та лопнула, и горячий сок полился по подбородку.

— Проклятие, черт ее раздери, — сказала она.

Коренастый Март, сидевший рядом, рассмеялся, гулко и похабно, а потом вытащил из кармана огромный несвежий носовой платок.

— Держи, — сказал он.

Апрель вытерла подбородок.

— Спасибо. Кажется, я обожглась из-за этого

чертова мешка из-под кишок. Завтра будет волдырь.

Сентябрь зевнул.

— Ты такой ипохондрик, — сказал он через костер. — И такая вульгарная. — У него были тонкие усики и залысина спереди, отчего его лоб казался высоким, а он сам — мудрым не по годам.

— Отстань от нее, — сказала Май. У нее были темные волосы, короткая стрижка и удобные ботинки. Она курила маленькую сигариллу, дым которой пах ароматной гвоздикой. — Она просто слишком чувствительная.

— Пожалуйста, — протянул Сентябрь. — Давай вот без этого.

Октябрь, который ни на секунду не забывал, что сегодня он председательствует на собрании, отхлебнул сидра, прочистил горло и сказал:

— Ладно. Кто начинает? — Кресло, в котором он сидел, было вырезано из цельной дубовой колоды и отделано ясенем, вишней и кедром. Остальные сидели на пнях, равномерно расставленных вокруг небольшого костерка. За долгие годы эти пни стали гладкими и уютными.

— А протокол? — спросил Январь. — Когда я сижу в председательском кресле, мы всегда ведем протокол.

— Но сейчас в кресле не ты, да мой сладкий? — насмешливо осведомился Сентябрь, ироничное элегантное создание.

— Надо вести протокол, — заявил Январь. — Без протокола нельзя.

— Как-нибудь обойдемся, — сказала Апрель, запустив руку в свои длинные светлые волосы. — И я думаю, начать должен Сентябрь.

— С большим удовольствием, — горделиво кивнул Сентябрь.

— Эй, — вмешался Февраль. — Эй-эй-эй. Я не слышал, чтобы председатель это одобрил. Никто не начинает, пока Октябрь не скажет, кто именно начинает, а после этого все остальные молчат. Можем мы сохранить хотя бы какое-то подобие порядка? — Он обвел взглядом собравшихся, маленький, бледный, одетый во все голубое и серое.

— Хорошо, — сказал Октябрь. Борода у него была разноцветная, словно роща по осени — темно-коричневая, оранжевая и винно-красная давно не стриженная путаница на подбородке; щеки — красные, точно яблоки. Он был похож на хорошего доброго друга, которого знаешь всю жизнь. — Пусть начинает Сентябрь. Лишь бы уже кто-то начал.

Сентябрь положил в рот сосиску, элегантно прожевал, проглотил и осушил кружку с сидром. Потом встал, поклонился слушателям и начал:

— Лорен де Лиль был лучшим поваром в Сиэтле, по крайней мере он сам так считал, а звезды Мишлен на двери ресторана это подтверждали. Он был замечательным поваром, это правда. Его булочки с рубленой ягнятиной выиграли несколько наград, его копченые перепела и равиоли с белыми трюфелями «Гастроном» назвал десятым чудом света. А его винные погреба... ах, его винные погреба... его гордость и страсть.

И я его понимаю. Последний белый виноград собирают как раз у меня, и большую часть красного: я знаю толк в хороших винах, ценю аромат, вкус, послевкусие.

Лорен де Лиль покупал свои вина на аукционах, у частных лиц, у дилеров с репутацией. Он настоятельно просил, чтобы ему выдавали генеалогический сертификат каждой бутылки вина, потому что мошенники, увы, попадаются слишком часто, и особенно если бутылка вина продается за пять, десять или сто тысяч долларов, фунтов или евро.

Истинной жемчужиной его коллекции — ее бриллиантом — была бутылка «Шато Лафит»

1902 года. Редчайшее из редчайших вин. Бутылка стоила сто двадцать тысяч долларов, хотя, если по правде, это вино было бесценным, потому что в мире сохранилась всего одна бутылка.

— Извините, — вежливо перебил Август — самый толстый из всех. Его тонкие волосы топорщились на голове золотистыми прядками.

Сентябрь опустил глаза и посмотрел на своего соседа.

— Да?

— Это не та истерия, где один богач купил вино, чтобы выпить его за ужином, а повар решил, что выбор блюд недостаточно хорош для такого вина, и предложил другие блюда, вроде как более подходящие, а у парня обнаружилась какая-то редкая аллергия, и он умер прямо за ужином, а дорогое вино так никто и не попробовал?

Сентябрь ничего не ответил. Он явно был недоволен.

— Потому что если это та самая история, то ты уже ее рассказывал. Сколько-то там лет назад. Глупая история. И с тех пор она вряд ли стала умней. — Август улыбнулся. На его розовых щеках мелькнул отблеск костра.

Сентябрь сказал:

— Разумеется, тонкая чувствительность и куль-

тура не каждому по вкусу. Некоторым подавай барбекю и пиво, а некоторые...

Февраль не дал ему договорить:

— Мне не очень приятно заострять на этом внимание, но Август в чем-то прав. Это должна быть новая история.

Сентябрь поднял бровь и сжал губы.

— У меня все, — коротко сказал он и сел на свой пень.

Месяцы года выжидательно смотрели друг на друга сквозь пламя костра.

Июнь, стеснительная и опрятная, подняла руку:

— У меня есть история про таможенницу, которая работала на рентгеновской установке в аэропорту Ла-Гуардиа, она читала людей, как открытые книги, глядя на очертания их багажа на экране, и однажды она увидела такие чудесные контуры, что влюбилась в этого человека, хозяина чемодана, и ей нужно было понять, чей это багаж, а она не смогла и долгие месяцы страдала. А когда тот человек снова прошел мимо нее на таможенном контроле, она все-таки вычислила его. Это был мужчина, старый мудрый индеец, а она была красивой негритянкой двадцати пяти лет. И она поняла, что у них ничего не получится,

и отпустила его, потому что по форме его чемодана узнала, что он скоро умрет.

Октябрь сказал:

— Хорошая история, Июнь. Рассказывай.

Июнь посмотрела на него, как испуганный зверек.

— Я только что рассказала.

Октябрь кивнул.

— Значит, рассказала, — объявил он, прежде чем кто-то из месяцев успел вставить слово. — Тогда, может быть, перейдем к моей истории?

Февраль шмыгнул носом.

— Вне очереди, здоровяк. Тот, кто сидит в председательском кресле, говорит только тогда, когда выскажутся все остальные. Нельзя сразу переходить к главному блюду.

Май положила с дюжину каштанов на решетку над огнем, предварительно расколов их щипцами.

— Пусть рассказывает, если хочет, — сказала она. — Богом клянусь, хуже, чем про вино, все равно не будет. А у меня много дел. Цветы, между прочим, не распускаются сами по себе. Кто «за»?

— Хотите устроить голосование? — удивился Февраль. — Мне даже не верится. Неужели это происходит на самом деле? — Он вытер лоб сал-

феткой, которую вытащил из рукава.

Поднялось семь рук. Четверо воздержались: Февраль, Сентябрь, Январь и Июль.

(– Ничего личного, — сказала она, как бы извиняясь. — Это всего лишь процедура, и не стоит создавать прецедентов.)

— Стало быть, решено, — сказал Октябрь. — Кто-нибудь хочет что-то сказать, пока я не начал?

— Э ... Да. Иногда, — сказала Июнь, — иногда мне кажется, что кто-то следит за нами из лесса, а потом я смотрю в ту сторону, и там никого нет. Но я думаю, что...

— Это все потому что ты чокнутая, — сказала Апрель.

— Да уж, — сказал Сентябрь, обращаясь ко всем. — Вот она, наша Апрель. Она очень чувствительная, но при этом самая жестокая из всех нас.

— Ну, хватит, — решительно заявил Октябрь. Он потянулся, достал из кармана фундук, разгрыз его зубами, вынул ядрышко, а скорлупу бросил в огонь, где она зашипела и лопнула. Октябрь начал рассказ.

* * *

Жил-был мальчик, сказал Октябрь, которому было по-настоящему плохо в его родном доме,

хотя его никто не бил. Просто он не подходил ни своей семье, ни своему городу, ни своей жизни. У него было два старших брата-близнеца, и они постоянно его обижали или просто не обращали внимания, и их все любили. Они играли в футбол: в каких-то матчах один близнец забивал больше мячей, в каких-то — другой. А их младший брат не играл в футбол. Они придумали ему прозвище. Они прозвали его Коротышкой.

Они называли его Коротышкой с самого раннего детства, и родители сначала их сильно за это ругали.

А близнецы отвечали:

— Но он и есть Коротышка. Посмотрите на него. И посмотрите на нас. — Когда они так говорили, им было по шесть лет. Родители решили, что это мило. Но прозвища вроде Коротышки намертво прилипают к человеку, и очень скоро единственным человеком, который называл его Дональдом, не считая совсем незнакомых людей, — осталась его бабушка, которая звонила раз в год, чтобы поздравить его с днем рождения.

И, наверное, из-за того, что у имен есть какая-то власть над нами, этот мальчик действительно был коротышкой: тощим, мелким и нервным. У него постоянно текло из носа, с самого рождения

— и за десять лет ничего не изменилось. Когда они садились обедать, близнецы отбирали у него еду, если она им нравилась, и подбрасывали свою, если не нравилась, и тогда его ругали за то, что он не доел.

Их отец не пропускал ни одного футбольного матча с участием близнецов и потом всегда покупал призовое мороженое тому, кто забил больше мячей, и утешительное — тому, кто забил меньше. Их мать говорила знакомым, что она журналист, хотя занималась всего лишь продажей подписки и рекламного места. Она вернулась на работу на полный день, когда близнецы научились сами заботиться о себе.

Другим детям в классе, где учился мальчик, нравились близнецы. В первом классе первые две-три недели его называли Дональдом, пока не прошел слух, что братья зовут его Коротышкой. Учителя вообще редко называли его по имени, хотя между собой иногда говорили о том, как жаль, что младший Ковай не такой храбрый, сообразительный и резвый, как его братья.

Коротышка не смог бы точно сказать, когда он в первый раз решил убежать из дома и когда его робкие мечты превратились в реальные планы. К тому времени, когда он признался себе, что

уходит, в большом пластиковом чемоданчике, который он прятал за гаражом, уже лежали три батончика «Марс», два «Милки Вэя», горсть орехов, маленький пакетик лакричных конфет, фонарик, несколько комиксов, нераспечатанная упаковка вяленого мяса и тридцать семь долларов, по большей части четвертаками. Ему не нравился вкус вяленого мяса, но он где-то прочел, что путешественники по несколько недель не ели ничего, кроме этого самого мяса, и именно в тот день, когда он положил пакет с вяленым мясом в чемоданчик, он осознал, что собирается убежать.

Он читал книги, газеты, журналы. Он знал. что если маленький ребенок уйдет из дома, ему могут встретиться плохие люди, которые сделают с ним что-то очень плохое, но еще он читал сказки и знал, что на свете есть добрые люди. Да, они существуют. Бок о бок с чудовищами.

Коротышка был тощеньким десятилетним мальчиком, с вечно сопливым носом и отсутствующим выражением лица. Если бы вам вдруг зачем-то понадобилось выбрать его из толпы других мальчиков, вы бы наверняка ошиблись. Даже если бы он стоял совсем рядом, вы бы его не заметили. Вы бы на него и не взглянули, а если

бы взглянули, то все равно прошли бы мимо.

Весь сентябрь он откладывал свой побег. А потом, как-то в пятницу, когда оба брата уселись на него (уселись — в буквальном смысле, причем тот, который сел ему на голову, пукнул и громко засмеялся), он со всей ясностью осознал, что, какие бы чудовища ни поджидали его в этом мире, хуже точно уже не будет. А скорее будет лучше.

В субботу за ним должны были приглядывать братья, но они почти сразу умчались в город, чтобы встретиться с девочкой, которая нравилась им обоим. Как только братья ушли, Коротышка зашел за гараж, достал из-под полиэтилена пластмассовый чемоданчик и отнес его наверх, к себе в комнату.

Он вытряхнул свой школьный рюкзак на кровать, переложил в него конфеты, комиксы и вяленое мясо. Сходил в ванную и наполнил водой пустую бутылку из-под газировки.

Потом Коротышка пошел в город и сел в автобус. Он поехал на запад, на расстояние в десять-долларов-четвертаками от дома, в место, которое он не знал, но которое показалось ему хорошим началом пути. Он вышел на своей остановке и просто пошел вперед. Здесь не было тротуара, и когда мимо проезжали машины, ему приходи-

лось спускаться в канаву.

Солнце стояло высоко в небе. Мальчик проголодался. Он съел один «Марс», и ему захотелось пить. Он достал воду и выпил почти половину бутылки воды, прежде чем понял, что ему очень скоро придется искать, как пополнить запасы. Ему представлялось, что как только он выберется из города, повсюду будут журчать родники со свежей водой, но здесь не было ни одного. Была только река, которая текла под широким мостом.

Коротышка остановился на середине моста и, перегнувшись через перила, уставился на бурую воду. В школе им говорили, что все реки, в конце концов, впадают в море. Он никогда не был на море. Он спустился на берег и пошел вслед за рекой. Вдоль берега тянулась тропинка, время от времени ему попадалась банка от пива или пластиковый пакет, и он понимал, что тут до него были люди, хотя сам он не встретил ни одного человека. Он допил воду.

Он думал о том, ищут его или нет. Он рисовал себе в воображении полицейские машины и вертолеты, и собак, и поисковые партии — и все они пытались его найти. Но он будет скрываться от них. Он доберется до моря.

Река текла по камням, и он слышал плеск воды. Он видел синюю цаплю, расправлявшую крылья, и редких осенних стрекоз, и иногда — небольшие стайки мошек, ловящих последнее тепло бабьего лета. Синее небо превратилось в закатно-серое, и мимо него проскользнула летучая мышь, отправлявшаяся на ночную охоту. Коротышка задумался, где он будет спать ночью?

Тропинка разделилась на две, и он выбрал ту, которая уводила от реки, понадеявшись, что она приведет его к дому или к ферме с пустым сараем. Сумерки все сгущались, и он уже начал отчаиваться, но тропа все-таки вывела его к дому — вернее, к старой брошенной ферме, развалившейся наполовину. Здание выглядело неприветливо. Коротышка обошел его по кругу и решил, что ничто не заставит его войти внутрь. Он перелез через забор на заброшенное пастбище и лег спать в высокой траве, положив под голову рюкзак.

Он лежал на спине и смотрел в небо. Ему совсем не хотелось спать.

— Наверное, сейчас они уже скучают, — сказал он себе. — И волнуются за меня.

Он представил себе, как вернется домой через несколько лет. Счастье на лицах родителей, когда

он подойдет к дому. Их радость. Их любовь...

Он проснулся через несколько часов от яркого лунного света. Он видел весь мир — ясный, как день, словно в детском стишке, только бесцветный и бледный. Прямо над ним висела полная луна, или, может быть, почти полная, и он представил себе лицо, которое смотрит на него сверху: вполне дружелюбное лицо, проступавшее в лунных тенях и очертаниях.

И тут чей-то голос спросил:

— Ты откуда?

Мальчик сел на траве — ему не было страшно, пока еще не было — и осмотрелся. Деревья. Высокая трава.

— Где ты? Я тебя не вижу.

Рядом с деревом на краю пастбища возникло что-то, что он поначалу принял за тень, а потом Коротышка увидел мальчика, примерно своего возраста.

— Я убежал из лома, — сказал Коротышка.

— Ух ты, — ответил мальчик. — Это надо быть очень смелым.

Коротышка гордо улыбнулся. Он не знал, что сказать.

— Хочешь, пойдем погуляем? — предложил мальчик.

— Конечно, — сказал Коротышка. Он передвинул свой рюкзак поближе к столбу, чтобы потом его не потерять.

Они пошли вниз по склону, стараясь не приближаться к старому фермерскому дому.

— Там кто-нибудь живет? — спросил Коротышка.

— Сейчас нет, — отозвался мальчик. У него были очень красивые волосы, в свете луны они казались почти белыми. — Какие-то люди пытались здесь поселиться, но им не понравилось, и они ушли. Потом приехали другие. Но сейчас там никто не живет. Как тебя зовут?

— Дональд, — сказал Коротышка и добавил: — Но все называют меня Коротышкой. А тебя как зовут?

Мальчик замялся, но все же ответил:

— Безвременно.

— Классное имя.

— У меня было другое имя, но его больше нельзя прочитать, — сказал Безвременно.

Они прошли через большие ржавые железные ворота, одна створка которых была закрыта, и оказались на маленьком лугу в самом низу склона.

— Здесь классно, — сказал Коротышка.

На лугу стояли сотни камней. Большие камни, выше, чем мальчики в полный рост, и маленькие камни, на которые можно было присесть. Камни, поросшие мхом. Камни в разломах трещин. Коротышка понял, что это за место, но ему не было страшно.

Это было хорошее место.

— А кто здесь похоронен? — спросил он.

— По большей части хорошие люди, — ответил Безвременно. — Раньше тут был город. Вон за теми деревьями. Потом построили железную дорогу, а станцию сделали в следующем городе, и тогда наш город высох и разлетелся по ветру. Там, где раньше был город, теперь лишь кусты и деревья. Можно прятаться среди деревьев, забираться в старые дома и выскакивать оттуда, как будто ты кого-то пугаешь.

Коротышка спросил:

— Они как тот фермерский дом? Эти дома?

Если все они были такими, он ни за что бы туда не пошел.

— Нет, — сказал Безвременно. — Туда не ходит никто, кроме меня. Разве что звери, и то иногда. Я тут единственный ребенок.

— Я понял, — сказал Коротышка.

— Может, пойдем туда и поиграем? — предло-

жил Безвременно.

— Пойдем.

Стояла волшебная октябрьская ночь: тепло, почти как летом, и полная луна в ясном небе.

— Какая из них твоя? — спросил Коротышка.

Безвременно гордо выпрямился, взял Коротышку за руку и подвел его к самой заросшей части луга. Мальчики раздвинули густую траву. Камень лежал на земле, и на нем были выбиты даты столетней давности. Большая часть букв стерлась, но под датами можно было разобрать слова:

БЕЗВРЕМЕННО УШЕДШЕМУ
НИКОГДА НЕ ЗА

— Я думаю, «не забудем», — сказал Безвременно.

— Да, я тоже так думаю, — сказал Коротышка.

Они вышли из ворот и спустились по склону оврага в то место, где когда-то был город. Деревья росли прямо из домов, здания разрушались сами по себе, но тут не было страшно. Они играли в прятки. Они забирались в дома. Безвременно показал Коротышке классные места, в том числе домик из одной комнаты, который, по его словам, был самой старой постройкой в этой части города. И дом хорошо сохранился, если учесть,

сколько ему было лет.

— Странно, я хорошо вижу при лунном свете, — сказал Коротышка. — Даже внутри. Все-все вижу. Я и не думал, что это так просто.

— Да, — ответил Безвременно. — А потом начинаешь все видеть и вообще без света.

Коротышке стало завидно.

— Мне нужно в туалет, — сказал он. — Есть тут что-нибудь такое?

Безвременно на секунду задумался.

— Не знаю, — признался он. — Мне-то это уже не нужно. Несколько туалетов еще осталось, но там может быть небезопасно. Лучше пойти в лес.

— Буду, как медведь, — сказал Коротышка.

Он пошел в лес, который начинался за стеной ближайшего коттеджа, и присел за дерево. Он никогда не ходил по-большому на улице. Он чувствовал себя диким зверем. Закончив, он подтерся опавшими листьями. Потом вернулся к дому. Безвременно сидел в пятне лунного света и ждал его.

— От чего ты умер? — спросил Коротышка.

— Я сильно болел, — ответил Безвременно. — Мама плакала и говорила какие-то злые слова. А потом я умер.

— Если бы я захотел тут остаться, с тобой, —

сказал Коротышка, — мне бы тоже пришлось умереть?

— Может быть, — ответил Безвременно. — Да, наверное, да.

— И как это? Быть мертвым?

— Да, в общем, ничего, — сказал Безвременно. — Только скучно и не с кем играть.

— Но там же много людей, — сказал Коротышка. — Они что, с тобой не играют?

— Нет, — вздохнул Безвременно. — Они почти все время спят. А если и выходят наружу, то не хотят никуда ходить, не хотят ни на что смотреть, не хотят ничего делать. И мной заниматься тоже не хотят. Видишь то дерево?

Это был бук. Его гладкий серый ствол потрескался от времени. Он стоял там, где раньше, девяносто лет назад, располагалась главная площадь города.

— Да, — сказал Коротышка.

— Хочешь на него залезть?

— Ну, оно такое высокое ...

— Очень высокое. Но залезть на него проще простого. Я тебе покажу,

И это действительно оказалось просто. Трещины на стволе образовали удобные уступы, и мальчики вскарабкались наверх, как две обе-

зьянки, или как два пирата, или как два воина. С вершины дерева им был виден весь мир. Небо на востоке уже начинало светлеть, но пока — еле заметно.

Все как будто застыло в ожидании. Ночь подходила к концу. Мир затаил дыхание, готовясь начаться вновь.

— Это был лучший день в моей жизни, — сказал Коротышка.

— И в моей тоже, — сказал Безвременно. — Что собираешься делать дальше?

— Не знаю, — сказал Коротышка.

Он представил себе, как будет путешествовать по миру, до самого моря. Он представил себе, как вырастет и повзрослеет, как добьется всего сам. Когда-нибудь он станет невероятно богатым. И тогда он вернется в свой дом, где будут жить близнецы, и подъедет к двери на своей шикарной машине или, может, пойдет на футбол (в его воображении близнецы не выросли и не повзрослели) и посмотрит на них, по-доброму. Он купит им все, что они захотят — близнецам и родителям, — и сводит их в самый лучший ресторан, и они скажут, как плохо, что они его не понимали и так дурно с ним обращались. Они извинятся и заплачут, а он будет молчать. Он позволит их

извинениям захлестнуть его с головой. А потом он подарит каждому по подарку и снова уйдет из их жизни, в этот раз — навсегда.

Это была хорошая мечта.

Но он знал, что в реальности все будет иначе: завтра или послезавтра его найдут и вернут домой, там на него наорут, и все будет по-прежнему, как всегда, и день за днем, час за часом он будет все тем же Коротышкой, только на него будут злиться еще и за то, что он сбежал из дома.

— Уже скоро мне нужно ложиться спать, — сказал Безвременно и полез вниз.

Коротышка понял, что вниз спускаться сложнее. Не было видно, куда ставить ноги, и приходилось искать опору на ощупь. Несколько раз он соскальзывал, но Безвременно слезал перед ним и говорил ему, например: «Теперь чуть вправо», — так что они оба спустились нормально.

Небо продолжало светлеть, луна исчезала, и все было видно не так хорошо, как ночью. Они перебрались обратно через овраг. Иногда Коротышка не понимал, есть ли рядом Безвременно — и был ли вообще, — но потом он добрался до верха и увидел, что мальчик ждет его там.

Обратно по лугу, уставленному камнями, они шли молча. Когда они начали подниматься на

холм, Коротышка положил руку на плечо Безвременно.

— Ну, — сказал Безвременно, — спасибо, что зашел.

— Я замечательно провел время, — сказал Коротышка.

— Да, — кивнул Безвременно. — Я тоже.

Где-то в лесу запела птица.

— А если бы я захотел остаться... — начал было Коротышка, но замолчал, не закончив фразы. «У меня не будет другой возможности все изменить», — подумал Коротышка. Он никогда не попадет на море. Они его не отпустят.

Безвременно долго молчал. Мир стал серым. Птицы пели все громче.

— Я не могу это сделать, — наконец сказал Безвременно. — Может быть, они...

— Кто «они»?

— Те, кто там. — Белокурый мальчик показал на разрушенный фермерский дом, с разбитыми окнами, отражающими рассвет. В сером утреннем сумраке дом казался не менее страшным, чем ночью.

Коротышка вздрогнул.

— Там есть люди? Но ты говорил, что там пусто.

— Там не пусто, — сказал Безвременно. — Там никто не живет. Это разные вещи.

Он посмотрел на небо.

— Мне надо идти. — Он сжал руку Коротышки. А потом просто исчез.

Коротышка остался один. Он стоял посреди маленького кладбища и слушал пение птиц. Потом он поднялся на холм. Одному было сложнее.

Он забрал свой рюкзак с того места, где оставил его вчера. Съел последний «Милки Вэй» и посмотрел на разрушенное здание. Слепые окна фермерского дома как будто наблюдали за ним.

И там внутри было темнее. Темнее, чем где бы то ни было.

Он прошел через двор, поросший сорняками. Дверь почти полностью рассыпалась. Он шагнул внутрь, замешкался, подумал, правильно ли он поступает. Он чувствовал запах гнили, сырой земли и чего-то еще. Ему показалось, он слышит, как в глубине дома кто-то ходит. Может быть, в подвале. Или на чердаке. Может быть, шаркает ногами. Или скачет вприпрыжку. Сложно сказать.

В конце концов он вошел внутрь.

* * *

Никто не произнес ни слова. Октябрь наполнил свою деревянную кружку сидром, одним глотком осушил ее и налил еще.

— Вот это история, — сказал Декабрь. — Вот это я понимаю. — Он потер кулаком свои голубые глаза. Костер почти догорел.

— А что было дальше? — взволнованно спросила Июнь. — Когда он вошел в дом?

Май, сидевшая рядом, положила руку ей на плечо.

— Лучше об этом не думать, — сказала она.

— Кто-нибудь еще будет рассказывать? — спросил Август. Все промолчали. — Тогда, думается, мы закончили.

— Надо проголосовать, — напомнил Февраль.

— Кто «за»? — спросил Октябрь. Раздалось дружное «я». — Кто «против»? — Тишина. — Тогда объявляю собрание законченным.

Они поднялись на ноги, потягиваясь и зевая, и пошли в лес, поодиночке, по парам или по трое, и на поляне остались только Октябрь и его сосед.

— В следующий раз председательствовать будешь ты, — сказал Октябрь,

— Я знаю, — отозвался Ноябрь. У него была

бледная кожа и тонкие губы. Он помог Октябрю выбраться из деревянного кресла. — Мне нравятся твои истории. Мои всегда слишком мрачные.

— Они вовсе не мрачные, — сказал Октябрь. — Просто у тебя ночи длиннее. И ты не такой теплый.

— Ну, если так, — усмехнулся Ноябрь, — тогда, может быть, все не так плохо. В конце концов, мы такие, какие есть, и тут уже ничего не поделаешь.

— В этом и суть, — ответил его брат. Они взялись за руки и ушли от оранжевых углей костра, унося свои истории назад в темноту.

ТАЙНАЯ КОМНАТА

The Hidden Chamber
Перевод. Н. Эристави
2007

Призраков этого дома ты не страшись.
Они
Хлопот тебе не доставят. Мне, например,
весьма приятно присутствие тихое духов –
Шорохи, скрипы, шаги в тишине ночной,
Спрятанные иль передвинутые вещички
Меня забавляют, а уж никак не пугают.
Призраки дому стать помогают уютным
И обитаемым, –
Ведь, кроме духов, никто
здесь не живет подолгу.

Ни кошек, ни мышек. Нет даже летучих мышей.

Нет даже снов... Вот, помню, дня два назад

Видел я бабочку – кажется, павлиноглазку, -

По дому она порхала в танцующем ритме

Или на стены садилась, словно меня поджидая.

Но в этом тихом, пустом месте

Нет даже цветов –

И, испугавшись, что чуду живому

Нечего будет есть,

Я распахнул окно,

Бережно взял в ладони павлиноглазку

(Ощутил мимолетно щекотку ее

трепетавших крыльев)

И отпустил ее, – а после долго глядел,

Как прочь она улетает.

Мне с временами года здесь управляться трудно,

Однако приезд твой

Холод зимы растопил немного.

Пройдись – умоляю! – по дому. Исследуй его закоулки!

Знаешь ли, я подустал немного от древних традиций,

И ежели в доме

И есть тайная комната, запертая на ключ,

Ты ее не заметишь.

Ты не увидишь в камине на чердаке

Ни опаленных волос, ни костей обгорелых.

И крови, конечно, ты не увидишь тоже.

Заметь – там хранится лишь инвентарь садовый,

Стоят машина стиральная рядом с доской гладильной

Да старенький нагреватель. Ну, и еще там

Связка ключей висит на стене.

Нет ничего такого. Забудь тревоги!

Возможно, я мрачен, – но разве не был бы мрачен

Всякий мужчина в годах, что пережил столько бед?

Злая судьба?

Глупость?

Или страданье?

Какая разница – суть тут в боли утраты.

Взгляни получше – увидишь в моих глазах

Покой разбитого сердца и горечь надежды забвенья.

Заставишь ли, дорогая, меня позабыть обо всем,

Что было со мною,

покуда в двери этого дома

Ты бабочкой не впорхнула,

Пока улыбкой своею и взором своим

В мою суровую зиму не принесла свет летний?

Но ныне ты здесь, – и, наверно, услышишь

Докучливых призраков шепот, – всегда за стеною,

Всегда

Не в этой комнате, а в соседней.

Наверно, проснувшись рядом со мною в ночи,

Поймешь ты однажды,

что где-то рядом есть комната без дверей,

Комната, запертая навеки.

Где-то – но ведь не здесь же?

Это всего лишь духи

Стонут и бродят, бормочут и тихо стенают...

Может тебе достанет отваги

Бежать из этого дома в ночную мглу,

Мчаться сквозь зимний холод

В одной кружевной сорочке?

Острый гравий дорожек садовых

Нежные ноги твои до крови изранит –

Если бы я захотел, – пошел бы по следу,

Собирая губами крови твоей

И слез твоих горьких капли...

Но, право, – к чему? Уж лучше я здесь подожду,

Ведь здесь так спокойно и тихо.
А на окно я, пожалуй, свечу поставлю,
Чтоб по пути домой,
любовь моя,
Ты с дороги не сбилась.
Видишь, как жизнь трепещет?
Точь-в-точь мотылек ночной!
И я постараюсь
Запомнить тебя такою –
Склоняясь головою на снежную грудь твою,
Слушая стук твоего сердца
в тайной комнате плоти...

ЗАПРЕТНЫЕ НЕВЕСТЫ БЕЗЛИКИХ РАБОВ В ПОТАЙНОМ ДОМЕ НОЧИ ПУГАЮЩЕЙ СТРАСТИ

Forbidden Brides of the Faceless Slaves in the Secret House of the Night of Dread Desire
Перевод. Т. Покидаева, 2007

I

Где-то в ночи кто-то писал.

II

Она бежала — слепо, безумно — по аллее под сенью темных деревьев, и гравий скрипел у нее под ногами. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось, легкие сейчас взорвутся, больше не в силах вдыхать стылый воздух студеной ночи. Ее взгляд был прикован к большому дому в конце аллеи, свет в единственном окне наверху манил и притягивал ее, как пламя свечи — мотылька. В небе над головою и чуть дальше, в черном лесу за домом, верещали и бились ночные твари. С дороги, оставшейся за спиной, донесся короткий пронзительный вскрик — она очень надеялась,

что это мелкий лесной зверек, ставший добычей голодного хищника, но уверенности все же не было.

Она бежала, как будто за ней по пятам мчались адские легионы. Она ни разу не оглянулась, сберегая драгоценные секунды — до тех пор, пока не взлетела на крыльцо старого особняка. В бледном свете луны белая колоннада казалась иссохшим скелетом какого-то громадного зверя. Она схватилась рукой за дверную раму и жадно ловила ртом воздух, пытаясь отдышаться. Она напряженно смотрела на длинную темную аллею, ведущую к дому. Смотрела долго, как будто чего-то ждала, а потом постучалась в дверь. Сперва — боязливо и робко, потом — чуть настойчивее. Стук отдался гулким эхом в глубинах дома. Ей представилось, судя по эху, вернувшемуся к двери с той стороны, будто там, далеко-далеко, кто-то стучался в другую дверь, приглушенно и мертво.

— Умоляю! — закричала она. — Если тут кто-то есть... кто-нибудь... откройте. Впустите меня, я вас очень прошу. Пожалуйста. — Она не узнала свой собственный голос.

Мерцающий свет в окне наверху потускнел, и исчез, и вновь появился — в другом окне, этажом ниже. А потом — еще ниже. Один человек, со

свечой. Свет растворился во тьме в глубине дома. Амелия затаила дыхание. Казалось, прошла целая вечность, и вот с той стороны двери донеслись звуки шагов, и сквозь щель под порогом наружу проник свет свечи.

— Откройте, — прошептала она.

Голос, когда он раздался, был сухим, точно старая кость — иссохший голос, похожий на хруст древних пергаментов и заплесневелых венков на могилах.

— Кто там? — сказал голос. — Кто стучит? Кто пришел в этот дом в эту ночь всех ночей?

Голос не приносил утешения. Она напряженно вгляделась в ночь, объявшую дом, потом выпрямилась в полный рост, убрала с лица черные локоны и сказала, надеясь, что ее голос не выдает страха:

— Это я, Амелия Эрншоу, с недавних пор сирота, которая теперь поступает на службу гувернанткой к двум детям — сыну и дочке — лорда Фолкмера, чьи жесткие взгляды во время нашего собеседования в его лондонской резиденции вызвали у меня отвращение и одновременно очаровали, и чье орлиное лицо теперь преследует меня в сновидениях.

— Тогда что вы делаете в этом месте, у этого

дома, в эту ночь всех ночей? Замок Фолкмера находится в добрых двадцати лигах отсюда, с той стороны торфяных топей.

— Кучер... гадкий, злой человек, и вдобавок немой... или он лишь притворялся немым, потому что не произнес ни единого слова и выражал свои мысли и пожелания только мычанием и хрипом... он проехал не больше мили по этой дороге, а потом показал мне при помощи жестов, что дальше он не поедет и что мне надо высаживаться. Я отказалась, и он грубо вытолкал меня из кареты, столкнул прямо на холодную землю, а сам развернулся и поехал обратно, настегивая лошадей, как безумный, а в карете остались мои чемоданы и сумка. Я кричала, звала его, но он не вернулся, а мне показалось, что в темноте леса шевельнулась еще более плотная тьма. Я увидела свет в вашем окне, и... и... — Она уже не могла притворяться храброй и разрыдалась, не договорив.

— Ваш отец, — сказал голос с той стороны двери, — уж не достопочтенный ли это был Хьюберт Эрншоу?

Амелия попыталась сдержать слезы.

— Да, это он.

— А вы... вы сказали, что вы сирота?

Она подумала об отце, о его твидовом пиджаке. О водяной воронке, которая подхватила отца, и швырнула его прямо на камни, и унесла прочь от нее — навсегда.

— Он умер, пытаясь спасти жизнь маме. Они оба утонули.

Она услышала тихий скрип — это ключ провернулся в замке. Потом дважды лязгнули железные засовы, отпираемые с той стороны.

— В таком случае добро пожаловать, мисс Амелия Эрншоу. Добро пожаловать в ваши наследственные владения, в этот дом, не имеющий имени. Добро пожаловать — в эту ночь всех ночей.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина с черной свечой в руке; свет дрожащего пламени освещал его лицо снизу, отчего оно казалось нездешним, таинственным и жутким. Она подумала, что он похож на оживший фонарь из тыквы или на престарелого палача.

Он сделал жест, приглашая ее войти.

— Почему вы все время повторяете эту фразу? — спросила она.

— Какую фразу?

— «В эту ночь всех ночей». Вы повторили ее

уже трижды.

Он лишь молча взглянул на нее. Потом опять поманил — пальцем цвета иссохшей кости. Она вошла в дом, и он поднес свечу к ее лицу, близко-близко, и смотрел пристально и испытующе, и глаза его были не то чтобы по-настоящему безумны, но все же далекими от здравомыслия. Он смотрел испытующе, будто бы изучал, а потом тихо хмыкнул, кивнул головой и сказал только:

— Сюда.

Она пошла следом за ним по длинному сумрачному коридору. Мрак, бегущий от пламени свечи, ложился на стены причудливыми тенями. В этом пляшущем свете старинные напольные часы, и изящные кресла, и стол, казалось, слегка пританцовывали на месте. Старик долго перебирал ключи в связке, а потом отпер дверь в стене под лестницей. Из темноты за порогом вырвался запах — плесени, пыли, заброшенности.

Она спросила:

— Куда мы идем?

Он кивнул, как будто не понял вопроса. А потом сказал:

— Есть те, которые есть такие, какие есть. А есть те, которые не такие, какими кажутся. И есть еще те, которые только кажутся такими, какими

кажутся. Запомни мои слова, хорошенько запомни, дочь Хьюберта Эрншоу. Ты меня понимаешь?

Она покачала головой. Он двинулся вперед, не оглядываясь.

Она пошла вниз по лестнице следом за стариком.

III

Где-то там, далеко-далеко, молодой человек бросил перо поверх еще непросохшей страницы рукописи, разбрызгав чернила по стопке бумаги и полированному столу.

— Никуда не годится, — сказал он уныло, тронул тонким изящным пальцем каплю чернил на столе, рассеянно размазал ее по тиковой столешнице, а потом тем же пальцем растер переносицу. На носу осталось темное пятно.

— Не годится, сэр? — Дворецкий вошел почти неслышно.

— Опять то же самое, Тумбс. Юмор, так или иначе, проявляется. Самопародия пусть ненавязчиво, но постоянно присутствует. Я ловлю себя на том, что пытаюсь бежать от литературных традиций и высмеиваю и себя, и писательское ремесло.

Дворецкий смотрел, не моргая, на своего молодого хозяина.

— Насколько я знаю, сэр, юмор высоко ценится в определенных кругах.

Молодой человек обхватил голову руками и задумчиво почесал лоб. Он вздохнул и сказал:

— Дело не в этом, Тумбс. Я пытаюсь создать фрагмент подлинной жизни, точное подобие мира — такого, какой он есть, — передать истинное положение вещей. А вместо этого я постоянно ловлю себя на том, что у меня получается ученическая пародия на своих же собратьев-писателей. Я вижу все их недостатки, я насмехаюсь над ними. Я пытаюсь шутить. — Он размазал чернила по всему лицу. — Но это не самые удачные шутки.

Из запретной комнаты наверху донесся зловещий надрывный вой, прокатившийся эхом по дому. Молодой человек вздохнул.

— Пора кормить тетю Агату. Тумбс.

— Слушаюсь, сэр.

Молодой человек взял перо и почесал ухо его заостренным кончиком.

У него за спиной, в тусклом приглушенном свете, висел портрет его прапрапрадеда. Нарисованные глаза были давным-давно вырезаны из холста, и теперь с лица на портрете смотрели живые глаза — смотрели прямо на писателя. Глаза мерцали рыжевато-коричневым золотом. Если

бы молодой человек обернулся и посмотрел на портрет, он мог бы подумать, что это глаза большой кошки или уродливой хищной птицы, если такое возможно. У людей таких глаз не бывает. Но молодой человек не обернулся. Вместо этого он рассеянно потянулся за новым чистым листом бумаги, окунул перо в стеклянную чернильницу и начал писать:

IV

— Да, — произнес старик, ставя черную свечу на хранящий молчание клавесин. — Он — наш хозяин, и все мы — его рабы, хотя притворяемся для себя, будто это не так. Но в надлежащее время он требует то, чего страстно желает, и наш долг — обеспечить ему... — Он пожал плечами и с шумом втянул носом воздух. А потом сказал только: — Все, что нужно.

Гроза приближалась. В пустых оконных переплетах, где не было стекол, тяжелые шторы дрожали и бились, как крылья летучих мышей. Амелия прижала к груди носовой платок с вышитой монограммой отца.

— А ворота? — спросила она еле слышным шепотом.

— Они были заперты еще при вашем далеком

предке, и он отдал четкие распоряжения, еще до того, как исчезнуть, чтобы так оставалось всегда. Но до сих пор существуют тоннели — то есть ходят такие слухи, — соединяющие старый склеп с новым кладбищем.

— А первая жена сэра Фредерика?..

Старик печально покачал головой.

— Безнадежно душевнобольная и при этом весьма посредственная музыкантша, терзающая клавесин. Он распустил слух, что она умерла, и кто-то, быть может, ему и поверил.

Амелия повторила про себя его последнюю фразу. А потом посмотрела на старика, и теперь в ее взгляде читалась решимость.

— А я? Теперь, когда я узнала, почему я пришла в этот дом, что вы мне посоветуете? Что мне делать?

Старик оглядел пустой зал и настойчиво проговорил:

— Бегите отсюда, мисс Эрншоу. Бегите, пока еще можно. Ради спасения вашей жизни, ради спасения вашей бессмертной ааа...

— Ради чего? — не поняла Амелия, но как только слова сорвались с ее алых губ, старик упал замертво. У него из затылка торчала серебряная арбалетная стрела.

— Он мертв, — в потрясении выдохнула она.

— Да, девочка, мертв, — подтвердил жесткий голос из дальнего конца зала. — Но он был мертвым уже давно. Очень-очень давно.

Амелия смотрела в немом изумлении, как тело, лежащее на полу, принялось разлагаться. Плоть сгнивала буквально на глазах и растекалась густыми струями, кости крошились и осыпались пылью, и уже очень скоро там, где лежал человек, осталась лишь лужа зловонной жижи.

Амелия присела на корточки и окунула палец в разжиженные останки. Потом облизала его и сморщилась.

— Да, сэр. Похоже, вы правы. Кем бы вы ни были, — сказала она. — Я бы сказала, что он был мертвым как минимум сотню лет.

V

— Я очень стараюсь, — сказал молодой человек, обращаясь к горничной, — написать книгу, которая отразит жизнь, как зеркало. Такой, какая она есть в действительности. До мельчайшей детали. Но у меня получается грубая злая насмешка. Что мне делать? А, Этель? Что мне делать?

— Не знаю, сэр, — отозвалась горничная, которая была молода и красива и появилась в имении

при загадочных обстоятельствах чуть меньше месяца назад. Она раздула мехи, и горящий в камине огонь вспыхнул оранжево-белым жаром.
— Это все?

— Да. Нет. Да. Можешь идти, Этель.

Девушка подхватила пустую корзину для угля и направилась к двери.

Молодой человек не стал возвращаться за письменный стол; он еще долго стоял в задумчивости у камина, глядя на человеческий череп на каминной полке и на два скрещенных меча на стене. Огонь в камине трещал и плевался искрами.

Звук шагов у него за спиной. Молодой человек обернулся.

-Ты?!

Человек, стоявший напротив, был почти что его двойником — белая прядь в золотисто-каштановых волосах могла бы послужить неопровержимым свидетельством родства по крови, если свидетельства были нужны. Глаза незнакомца были темны и дики, губы — капризны, но странно тверды.

— Да... это я! Твой старший брат, которого ты считал мертвым уже столько лет. Но я не мертвый... или, возможно, уже не мертвый... я вернулся... да, я вернулся с дороги, по которой не

стоит ходить... вернулся потребовать то, что по праву — мое.

Молодой человек удивленно приподнял бровь.

— Да, наверное. Вполне очевидно, что все здесь — твое. Если ты в состоянии доказать, что ты тот, кем назвался.

— Доказать? Мне не нужны доказательства. Я требую то, что принадлежит мне по праву рождения, по праву крови — и по праву смерти! — Сказав так, он снял со стены два меча и протянул один, рукоятью вперед, своему младшему брату. — Защищайся, брат мой... и пусть победит сильнейший.

Сталь сверкнула в свете от камина, клинки слились в поцелуе, ударились друг о друга и снова слились в поцелуе — в замысловатом танце ударов и отражений ударов. Временами казалось, что это всего лишь изысканный менуэт или тонкий размеренный ритуал, временами — что это свирепая схватка, первозданная дикость, жестокость, которая движется быстрее взгляда. Они кружили по комнате, потом поднялись в мезонин, не заметив ступеней, и снова спустились в каминный зал. Они раскачивались на портьерах и на тяжелых старинных люстрах. Они запрыгивали на столы.

Старший брат был искуснее и опытнее и, вероятно, владел мечом лучше, но зато младший был посвежее и дрался, как одержимый, тесня соперника к ревущему пламени в камине. Старший брат протянул левую руку за спину, схватил кочергу и попытался достать ею младшего. Тот пригнулся и одним элегантным движением проткнул старшего брата насквозь.

— Со много покончено. Я мертвец.

Младший брат молча кивнул.

— Может быть, так даже лучше. На самом деле мне не нужны были ни особняк, ни земля. Я хотел только покоя. — Он лежал на полу у камина, и алая кровь вытекала из раны на серый камень. — Брат? Дай мне руку.

Молодой человек встал на колени и взял руку брата, которая как будто уже холодела.

— Прежде чем я уйду в эту ночь, куда никто не пойдет за мной следом, я должен сказать тебе несколько важных вещей. Во-первых, я искренне верю, что моя смерть снимет проклятие с нашего рода. Во-вторых... — Его дыхание теперь вырывалось из горла клокочущим хрипом, и ему было трудно произносить слова. — Во-вторых... эта тварь... в бездне... остерегайся подвалов... и погребов... крысы... это... оно подступает!

Его голова опустилась на камень, глаза закатились и больше не видели ничего.

Где-то снаружи, на улице, трижды прокаркал ворон. А внутри, в доме, странная музыка взвилась из склепа, обозначая, что для кого-то уже началось пробуждение.

Младший брат, снова единственный — как он надеялся — обладатель титула, принадлежащего ему по праву, взял колокольчик и позвонил, вызывая слугу. Звон еще не затих, а на пороге уже возник Тумбс, дворецким.

— Убери тело, — сказал молодой человек. — Но отнесись к нему с должным почтением. Он умер в искупление своих грехов. Быть может, грехов нас обоих.

Тумбс ничего не сказал, только кивнул, выражая тем самым, что он понимает.

Молодой человек вышел из комнаты. Он пошел в Зеркальный зал — откуда давно были убраны все зеркала и на стенах остались большие пятна неправильной формы, — и полагая, что он там один, принялся размышлять вслух:

— Именно об этом я и говорил. Если бы что-то подобное случилось в одном из моих рассказов — а такое случается постоянно, — я бы стал насмехаться без жалости. Я бы просто не смог

по-другому. — Он ударил кулаком в стену, в том месте, где когда-то висело шестиугольное зеркало. — Что со мною не так? Откуда во мне эта порча?

Странные беспокойные твари что-то бессвязно бормотали в черных портьерах в дальнем конце зала, и за деревянной обшивкой стен, и высоко под потолком, в сумрачных дубовых балках, но они не дали ему ответа. Впрочем, он и не ждал.

Он поднялся по парадной лестнице, прошел по темному коридору — к себе в кабинет. У него было стойкое подозрение, что кто-то рылся в его бумагах и подменил их, подделав почерк. И он выяснит, кто это. Выяснит уже сегодня, но позже. Ближе к полуночи, после Собрания.

Он сел за стол, окунул перо в чернильницу и продолжил писать:

VI

Снаружи выли лорды-вампиры, мучаясь голодом и недовольством — бросались на дверь в ненасытной ярости, но замки были прочны, и Амелия надеялась, что они все-таки выдержат.

Что ей сказал лесоруб? Теперь, в час нужды, его слова всплыли в памяти, как наяву — словно он стоял рядом, буквально в нескольких дюймах,

и его мужской запах, запах честного трудового пота, обвевал ее, словно аромат густых пряных духов, и она слышала его слова, как будто он шептал ей на ухо: «Я не всегда был простым лесорубом, барышня, — сказал он. — Когда-то у меня было другое имя. И другая судьба, не имевшая ничего общего с рубкой деревьев. Ты должна знать... в секретере есть потайное отделение... по крайней мере так говорил мой двоюродный дед, когда напивался не в меру...»

Секретер! Ну, конечно!

Амелия бросилась к старому письменному столу. Поначалу она не сумела найти никаких потайных отделений. Она принялась выдвигать все ящики и тогда обнаружила, что один из них был намного короче всех остальных. Амелия просунула тонкую руку в пустое пространство, где раньше был ящик, нащупала кнопку и яростно на нее надавила. Что-то щелкнуло, и в руку Амелии упал туго свернутый свиток.

Он был перевязан черной лентой, посеревшей от пыли. Дрожащими пальцами Амелия развязала узел, развернула бумагу и принялась читать, с трудом разбирая старинный почерк, пытаясь проникнуть в смысл древних слов. Ее прекрасное лицо стало мертвенно-бледным, фиолетовые

глаза затуманились ужасом.

Изголодавшиеся вампиры продолжали ломиться в комнату. Амелия не сомневалась, что дверь долго не выдержит. Ни одна дверь не удержит их вечно. Они ворвутся сюда, и она станет для них добычей. Если только... если только...

— Прекратите! — закричала она, и ее голос дрогнул. — Я отрекаюсь от вас, ото всех, и прежде всего — от тебя, Князь Мертвечины. Именем древнего договора между твоими людьми и моими.

Грохот и вой прекратились. Потрясенная тишина опустилась на мир. А потом из-за двери раздался хриплый надтреснутый голос:

— Договор?

И еще около дюжины призрачных голосов зашептали нестройным хором:

— Договор, договор, — шелестом неземных звуков.

— Да! — выкрикнула Амелия Эрншоу, и теперь ее голос был тверд. — Договор.

Ибо свиток, столько лет скрытый от мира, и был договором, заключенным еще в незапамятные времена — нерушимым и страшным, — между Владельцами Дома и обитателями склепа. В нем были исчислены и описаны все кошмарные ритуалы, соединившие два клана в веках — обряды

крови, и соли, и еще многого сверх того.

— Если ты прочла договор, — сказал глухой голос из-за двери, — значит, ты знаешь, за чем мы пришли, дочь Хьюберта Эрншоу.

— Вы пришли за невестами.

— Да, за невестами! — прошелестело с той стороны. — За невестами, за невестами! — Шепот все нарастал, растекался по дому призрачным эхом, и, казалось, уже все пространство содрогается в ритме этих слов, бьющихся пульсом тоски, и любви, и неизбывного голода.

Амелия закусила губу.

— Хорошо. Вам нужны невесты. Я приведу вам невест. У нас будут невесты, у всех.

Она говорила тихо, но они услышали ее. За дверью вновь воцарилось безмолвие — глубокая, бархатная тишина. А потом призрачный голос прошипел:

— А может, попросим еще на гарнир этих вкусных рогаликов? Как вы считаете, она не откажет?

VII

Горячие слезы жгли глаза. Молодой человек отодвинул исписанный лист и швырнул перо в стену. Брызги чернил легли темными точками

на белый мраморный бюст прапрапрапрадеда. Огромный печальный ворон, сидевший на мраморной голове, испуганно встрепенулся, едва не сорвался с насеста, бешено замахал крыльями и все-таки удержался. Потом неуклюже переступил с лапы на лапу и недобро уставился на человека одним черным глазом.

— Это невыносимо! — воскликнул молодой человек. Он был бледен, его била дрожь. — Я не могу. Никогда не смогу. Клянусь... э... — Он замешкался, перебирая в уме подходящие к случаю проклятия и клятвы из обширных семейных архивов.

Ворона это явно не впечатлило.

— Прежде чем начнешь клясться, и проклинать, и, может быть, поднимать из могил уважаемых почтенных предков, упокоившихся в мире и, надо сказать, заслуживших свой вечный покой, ответь мне, пожалуйста, на один очень простой вопрос. — Голос ворона был похож на стук камня о камень.

Молодой человек удивленно смотрел на птицу. Всем известно, что вороны разговаривают, но этот ворон не разговаривал еще ни разу, и никто даже не ждал, что он может заговорить.

— Да, конечно. Задавай свой вопрос.

Ворон наклонил голову набок.

— Тебе нравится это писать?

— Что — это?

— То, что ты пишешь. Отражение жизни. Иногда я читаю твои, так сказать, произведения. Тебе нравится это писать?

Молодой человек внимательно посмотрел на птицу.

— Это литература, — объяснил он, словно беседовал с ребенком. — Настоящая литература. Настоящая жизнь. Наша действительность, как она есть. Задача писателя — показать людям мир, в котором они живут. Мы держим для них зеркала.

Молния расколола ночное небо. Молодой человек выглянул в окно: в ослепительной вспышке небесного пламени силуэты скрученных голых деревьев, похожих на черные кости, и руины аббатства на дальнем холме казались особенно мрачными и зловещими.

Ворон прочистил горло.

— Я спросил, тебе нравится это писать?

Молодой человек посмотрел на птицу, потом отвел взгляд и молча покачал головой.

— Вот поэтому ты и пытаешься убивать свои вещи насмешкой, — заявил ворон. — Когда ты делаешь злую сатиру на избитые фразы и одно-

образные серые будни, в тебе говорит не сатирик. Все дело в скуке. Тебе наскучили обыденность и повседневность. Тебя уже не возбуждает жизнь, как она есть. Неужели ты не понимаешь? — Ворон помедлил, поправляя клювом топорщившееся перо, а потом строго спросил: — А ты никогда не задумывался... может быть, тебе стоит начать писать фэнтези?

Молодой человек рассмеялся.

— Фэнтези?! Слушай, я пишу настоящие книги. Настоящую литературу. Фэнтези — это не жизнь. Эзотерические мечты, красивые выдумки, которые меньшинство пишет для меньшинства, это...

— Это то, что ты стал бы писать, если бы понимал, что для тебя хорошо, а что плохо.

— Я приверженец классической школы, — сказал молодой человек и указал на книжную полку с образцами бессмертной классики. «Тайны замка Удольфо», «Замок Отранто», «Рукопись, найденная в Сарагосе», «Монах» и так далее. — Это литература.

— Никогда, — сказал ворон. И больше он не произнес ни слова, отныне и впредь. Ворон сорвался с бюста, расправил крылья и вылетел из кабинета — в темноту, ждущую за распахнутой дверью.

Молодой человек зябко повел плечами. Потом

перебрал в уме стандартные темы фэнтези: автомобили, игра на бирже, сезонные транспортные билеты, домохозяйки и полицейские, советы психологов и реклама моющих средств, подоходный налог, дешевые рестораны, глянцевые журналы, кредитные карточки, уличные фонари и компьютеры...

— Да, это чистой воды эскапизм, — сказал он вслух. — Но не в этом ли главное стремление человека: порыв к свободе, тяга избегнуть обыденности?

Молодой человек вернулся к письменному столу, собрал страницы своего незаконченного романа и безо всякого сожаления убрал их в нижний ящик стола: к пожелтевшим старинным картам, зашифрованным загадочным завещаниям и документам, подписанным кровью. Пыль взметнулась потревоженным облаком, молодой человек закашлялся.

Он взял новое перо, заострил его перочинным ножом. Окунул кончик пера в чернильницу. И снова начал писать:

VIII

Амелия Эрншоу отрезала два ломтика серого хлеба с отрубями, положила их в тостер и нажала

на кнопку ВКЛ. Она настроила таймер на «сильно поджаристый», как любит Джордж.

Сама Амелия любила чуть-чуть подрумяненные золотистые тосты, без коричневой корочки. И ей больше нравился не серый, а белый хлеб, пусть даже в нем не было никаких витаминов и прочих полезностей. Она не ела белого хлеба уже лет десять.

Джордж сидел за столом и читал газету. Он даже не посмотрел на Амелию. Он никогда на нее не смотрит.

«Я его ненавижу», — подумала она, и это простое, по сути, действие — облечение эмоций в слова — несказанно ее удивило. «Я его ненавижу». Это звучало, как песня. «Я ненавижу его за его сильно поджаристые тосты, за его лысину, за то, что он домогается к девушкам в офисе — к молоденьким девочкам, только-только окончившим школу, которые смеялись над ним у него за спиной, — за то, что он не замечает меня, когда не хочет, чтобы я ему докучала, а так происходит всегда, за то, как он говорит: „Что, дорогая?“, когда я к нему обращаюсь с простым вопросом, как будто он больше не помнит, как меня зовут. Как будто он просто забыл, что у меня вообще есть имя».

— Тебе яйца всмятку или вкрутую? — спросила она.

— Что, дорогая?

Джордж Эрншоу был привязан к жене и относился к ней с нежностью, и он бы искренне удивился, если бы узнал, что Амелия его ненавидит. Он относился к ней точно так же — и с тем же эмоциональным зарядом, — как и ко всему, что имелось в доме уже десять лет и по-прежнему продолжало исправно работать. Например, телевизор. Или газонокосилка. Он думал, что это любовь.

— Знаешь, нам все-таки надо сходить на какую-нибудь демонстрацию. — Он постучал пальцем по развороту газеты. — Показать, что нам тоже не все равно, что мы в чем-то участвуем. Э, дорогая?

Тостер пискнул, сообщая, что тосты готовы. Однако наружу выскочил только один сильно поджаристый ломтик. Амелия взяла нож и достала второй, поломавшийся. Тостер им подарили на свадьбу. Подарил дядя Джек. Уже совсем скоро надо будет покупать новый — или учиться делать тосты на гриле, как делала мама.

— Джордж? Тебе яйца всмятку или вкрутую? — спросила Амелия очень тихо, и что-то в звучании ее голоса заставило Джорджа оторваться

от газеты.

— Как хочешь, дорогая, — сказал он, ласково улыбнувшись, и так и не понял — о чем потом сообщал всем и каждому на работе, — почему она вдруг расплакалась.

IX

Перо тихо поскрипывало по бумаге, молодой человек полностью погрузился в работу. Глаза горели, на губах играла довольная улыбка.

Душу переполнял странный восторг.

Странные твари скреблись и шуршали в обшивке стен, но он их не слышал.

Тетя Агата в комнате наверху выла, стенала и гремела цепями. Надрывный потусторонний смех летел сквозь ночь от руин аббатства: разрывал темноту, вздымался волнами маниакального веселья. В темном лесу за домом метались нескладные бесформенные существа, и молодые женщины с волосами цвета воронова крыла в страхе бежали от них в ночи.

— Поклянись! — сказал Тумбс, дворецкий, обращаясь к смелой девчонке, которая выдавала себя за горничную. — Поклянись мне, Этель, поклянись своей жизнью, что не расскажешь об этом ни единой живой душе...

В окнах маячили лица и слова, написанные кровью; одинокий вампир в самых темных глубинах склепа склонился над чем-то, что когда-то, наверное, было живым; молния вспорола ночь мимолетным изломом света; безликие твари бродили по миру; все шло, как должно.

КРУПИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

The Flints of Memory Lane
Перевод. Н. Гордеева
2007

Я люблю, чтобы у всего был сюжет.

Однако в реальности сюжеты встречаются редко, а когда с нами случается что-то странное — тут сюжетов вообще не бывает. У этих странностей нет логического финала. Рассказывать про странное — все равно что рассказывать про свои сны: можно пересказать, что происходило во сне, но попробуй передать словами эмоциональную составляющую, то, о чем потом думаешь целый день.

В детстве я верил, что есть места, где водятся призраки: заброшенные дома и безлюдные пустыри, которые сильно меня пугали. Я решил избегать их по мере возможностей, точно так же, как я молчал, когда мои сестры принимались рассказывать вполне убедительные истории о странных фигурах, мелькающих в окнах пустых домов. Я никогда не рассказывал правдивых историй про привидения. И не рассказываю до

сих пор.

Хотя у меня есть одна история о призраках, причем совершенно неубедительная.

Мне было пятнадцать.

Мы жили в новом доме, который был построен в саду, где раньше стоял старый дом. Я по-прежнему сильно скучал по старому дому, это был большой старинный особняк, и наша семья занимала одну половину. Соседи продали свою половину застройщикам, и отцу пришлось продать и нашу.

Это было в Суссексе, в городе, через который проходит нулевой меридиан: я жил в Восточном полушарии и ходил в школу в Западном.

Старый дом был хранилищем странных вещей: кусков блестящего мрамора и стеклянных шариков, наполненных жидкой ртутью, дверей, за которыми были кирпичные стены, загадочных игрушек, множества старых забытых предметов.

Говорят, в моем собственном доме — викторианской кирпичной громадине в центре Америки — тоже водятся призраки. Немногие решаются провести там ночь в одиночестве. Моя помощница как-то раз там ночевала и рассказывала потом странные вещи: о фарфоровой музыкальной шка-

тулке, которая начинала играть посреди ночи, о явственном ощущении, что за тобой наблюдают чьи-то невидимые глаза. Другие люди тоже говорили о чем-то подобном, если ночевали там в одиночестве.

Со мной никогда не случалось ничего даже похожего, хотя, с другой стороны, один я там никогда не ночевал. И не слишком уверен в том, что захочу провести такой эксперимент.

— Когда я дома, привидений там нет, — как-то ответил я, когда меня спросили, водятся ли у меня в доме призраки.

— Так, может быть, ты и сам призрак? — предположил кто-то, но я сильно в этом сомневаюсь. Если там и живет привидение, то это какое-то робкое запуганное существо, которое боится нас больше, чем мы — его.

Но я начал рассказывать о старом доме, который продали и снесли (мне было больно смотреть, как его сносят и разбирают на части: мое сердце осталось в том доме, и даже сейчас, по прошествии стольких лет, иногда по ночам, перед тем как заснуть, я явственно слышу, как ветер вздыхает в ветвях рябины у меня за окном, двадцать пять лет назад). Мы переехали в новый дом, построенный, как я уже говорил, в том же

саду, где раньше был старый, и прожили там несколько лет.

Дом стоял на извилистой улочке, вымощенной каменными плитами и окруженной деревьями и лугами — как говорится, посреди чистого поля. Я уверен, что сейчас эту улочку заасфальтировали, а поля и луга превратились в современный жилой комплекс. Я бы мог съездить проверить. Но я не поеду.

Мне было пятнадцать, я был тощим и неуклюжим подростком, которому отчаянно хотелось казаться крутым.

Был вечер, осенний вечер.

Возле нашего дома стоял фонарь, его установили после того, как построили новый дом. В нашем захолустье он смотрелся так же нелепо, как смотрелся бы в историях про Нарнию. Это был натриевый фонарь, который горел желтым светом, и этот свет смывал все остальные цвета, все становилось желто-черным.

Та девчонка, к которой я собирался пойти, не была моей девушкой (моя девушка жила в Кройдоне, куда я ходил в школу: невероятно красивая сероглазая блондинка, которой самой было странно — как она часто мне говорила, — почему она стала со мной встречаться), мы с ней просто

дружили, и она жила в десяти минутах ходьбы от меня, за полями, в старой части города.

Я собирался пойти к ней в гости, послушать музыку, посидеть и поговорить.

Я вышел из дома, спустился по поросшему травой склону, выходящему на дорогу, и едва не наткнулся на женщину, которая стояла под фонарем и смотрела на наш дом.

Она была одета, как цыганская королева в каком-нибудь театральном спектакле или как мавританская принцесса. Ее нельзя было назвать красивой в общепринятом понимании, и тем не менее она была очень красивой. Или лучше сказать, выразительной. И в ней не было цветов, в моей памяти она осталась в оттенках желтого и черного.

Я слегка вздрогнул от неожиданности, как бывает всегда, когда видишь кого-то там, где ты не ждал никого увидеть, и машинально сказал:

— Здравствуйте.

Женщина не ответила на приветствие. Она просто смотрела на меня.

Я спросил:

— Вы кого-нибудь ищете? — Ну или что-нибудь в этом роде.

И она вновь ничего не сказала.

Она просто стояла и молча смотрела на меня, эта странная женщина, в нашей невероятной глуши, женщина, одетая, как существо из сна. Она не сказала ни слова, лишь улыбнулась, и эта улыбка очень мне не понравилась.

И вдруг я понял, что мне страшно: невероятно, непостижимо страшно, как бывает во сне, и я быстро пошел вниз по улице и завернул за угол. Сердце бешено колотилось в груди.

За углом я остановился, постоял пару секунд, а потом осторожно выглянул из-за дома и посмотрел на улицу. Под фонарем никого не было.

Я был в пятидесяти шагах от дома, но я не мог, просто не мог развернуться и пойти обратно. Я был слишком напуган. Вместо этого я побежал по темной аллее под сенью высоких деревьев, обрамлявших ее с двух сторон — побежал в старый город, к дому своей подруги, и добрался туда, запыхавшийся и дрожащий, перепуганный до полусмерти, как будто за мной гнались все гончие ада.

Я рассказал ей свою историю, и мы позвонили моим родителям, и те сообщили, что под фонарем никого нет, и согласились, хотя и не слишком охотно, приехать за мной и отвезти домой, чтобы мне не пришлось идти пешком.

Вот, собственно, и вся история. Хотелось бы как-то ее дополнить: например, написать, что потом я узнал, что лет двести назад на том месте сожгли цыганское поселение, или что-нибудь в этом роде — чтобы у истории было логическое завершение, чтобы у нее появился сюжет, — но никакого цыганского поселения не было.

Поэтому, как и во всех остальных случаях, когда в моей жизни случается странное, эта история так и останется без объяснений. И у нее не будет сюжета.

В памяти сохранились лишь желто-черная улыбка той женщины и тень страха, который пришел потом.

ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ

Closing Time
Перевод. А. Аракелов
2007

В Лондоне еще остались клубы. Старинные и имитирующие старину, с вытертыми диванами и трескучими дровами в каминах, газетами, диспутами или традиционным безмолвием; и совсем новые, вроде «Граучо» и его многочисленных копий, куда захаживали актеры и журналисты, желавшие показаться на людях, выпить, насладиться своим сиятельным одиночеством или даже поговорить. У меня есть друзья в клубах обоего типа, но сам я не состою ни в одном из Лондонских клубов. Уже нет.

Много лет назад, буквально полжизни назад, будучи молодым журналистом, я вступил в один клуб. Единственной причиной его существования был строгий закон о лицензировании питейных заведений, запрещавший пабам продавать горячительное после одиннадцати. Этот клуб под названием «Диоген» представлял собой комнату над магазином грампластинок в узком проулке,

который выходил на Тоттенхэм-Корт-роад. Владела им веселая пухлая женщина по имени Нора, и сама тоже не дура выпить. Нора не уставала отвечать всем, кто интересовался — как, впрочем, и тем, кто не очень, — на вопрос, почему клуб получил такое имя: потому, дорогуша, что она все еще ищет правильного человека. Вверх по узкому пролету — и в зависимости от Нориного каприза перед вами могли распахнуться — а могли и не распахнуться — двери клуба. У заведения не было определенных часов работы.

Клуб наполнялся, когда закрывались пабы, и так было всегда, несмотря на заранее обреченные на провал, хотя и упорные попытки Норы подавать еду и ежемесячно рассылать всем членам клуба письма с трогательным напоминанием о том, что в клубе таки подается еда. Несколько лет назад я с грустью узнал, что Нора умерла. Однако я сам поразился тому, какая вселенская скорбь охватила меня, когда в прошлом месяце, приехав в Англию, я ходил по той улочке, пытаясь разыскать «Диоген». Нашел только со второй попытки, разглядев над магазином сотовых телефонов окна закусочной под выцветшими зелеными навесами, на которых красовалось изображение человека в бочке. Эта почти вульгарная перемена

разбудила воспоминания.

В «Диогене» не было ни каминов, ни старинных кресел, но там все равно рассказывали истории.

В основном в клубе пили мужчины, хотя дамы и появлялись время от времени, так что Нора даже приобрела изящный предмет обстановки в виде помощницы, златовласой полячки, которая обращалась ко всем «даракуша» и опрокидывала рюмочку всякий раз, когда оказывалась за барной стойкой. Нагрузившись по самое не хочу, она сообщала всем и каждому, что происходит из графского рода, и умоляла сохранить эту тайну и не рассказывать никому.

Разумеется, в клуб захаживали актеры и писатели. Киноредакторы, радиоведущие, полицейские и забулдыги. Люди со свободным графиком. Люди, которые задерживались допоздна или не хотели идти домой. Иногда там собиралось человек двенадцать–пятнадцать. А бывало, я забредал туда и оказывался единственным посетителем — в таких случаях я брал один виски, выпивал его и уходил.

В тот вечер шел дождь, и после полуночи в клубе осталось четверо.

Нора с товаркой сидели у стойки, трудились над сценарием своего комедийного шоу. Главной ге-

роиней в нем была веселая толстушка, владелица питейного клуба, и ее чокнутая помощница, аристократическая заграничная блондинка, которая смешно коверкала английские слова. Нора всем рассказывала, что продаст его на Бродвей. Одного из персонажей, комичного еврея-домохозяина, назвали в мою честь. Иногда она показывала мне сценарий.

Остальные сидели у окна; актер по имени Пол (известный, как Пол-актер, чтобы не путать его с другими завсегдатаями, Полом-полицейским и Полом-хирургом-расстригой), Мартин, редактор журнала о компьютерных играх, и я. Мы были кое-как знакомы друг с другом, сидели за одним столом и любовались дождем, который баловался с уличными огнями.

В клубе был еще один человек, намного старше любого из нас. Болезненно худой, мертвенно-бледный и седой, он сидел в одиночестве в дальнем углу и медитировал над единственным стаканом виски. Я отчетливо помню его твидовый пиджак с коричневыми замшевыми заплатами на локтях. Он не говорил с нами, не читал, не делал вообще ничего. Просто сидел, глядел на дождь и темную улицу, иногда без видимого удовольствия потягивал виски.

Около полуночи Пол, Мартин и я принялись рассказывать истории о призраках. Я только что закончил самую что ни на есть достоверную страшилку из своих школьных дней: повесть о Зеленой Руке. В начальных классах моей школы никто не сомневался, что некоторые особо «удачливые» ученики видели светящуюся руку без тела. Человек, узревший Зеленую Руку, вскоре умирал. Естественно, всем нам сильно повезло, мы избежали сей тяжкой судьбы, но слышали трагические истории про наших предшественников, которые видели Зеленую Руку и поседели за одну ночь. Согласно школьным легендам, их увозили в психушку, и где-то через неделю несчастные угасали, не промолвив ни слова.

— Подожди, — сказал Пол-актер. — Если они не сказали ни слова до самой смерти, то как люди узнали, что они видели именно Зеленую Руку? Они ж что угодно могли увидеть.

Мальчиком, слушая те истории, я не задумывался над этим, и теперь вопрос Пола поставил меня в тупик,

— Может, они что-то такое писали, — вяло предположил я.

Поспорив какое-то время, мы согласились, что Зеленая Рука — какой-то маловразумительный

призрак. Потом Пол поведал реальную историю о своем друге, который подобрал голосовавшую девушку, подвез до того места, где, как она сказала, был ее дом, а утром, вернувшись туда, выяснил, что это кладбище. Я вспомнил, что точно такая штука стряслась и с моим другом. Мартин заявил, что у его знакомого был случай похлеще: девушка, которую он подвозил, замерзла, и он одолжил ей куртку, а на следующий день, на кладбище, он нашел свою куртку аккуратно сложенной на ее могиле.

Мартин принес новую порцию выпивки, и мы принялись рассуждать, зачем девушкам-привидениям мотаться по ночам по стране и голосовать на дорогах. Мартин предположил, что живые автостопщики повымерли, и они теперь скорее исключение, чем правило.

Потом кто-то из нас сказал:

— Если хотите, вот вам подлинная история. Никогда, ни одной живой душе я ее не рассказывал. Все это было на самом деле, и случилось именно со мной, а не с кем-то еще, но я не уверен, что это история о призраках. Наверное, нет. Это было больше двадцати лет назад. Я столько всего позабыл с тех пор, но эту ночь не забуду, наверное, никогда.

Вот рассказ, прозвучавший в ту ночь в клубе «Диоген».

Это случилось в конце шестидесятых. Мне тогда было лет девять, я ходил в маленькую частную школу недалеко от дома. Учился я там меньше года — достаточно, чтобы невзлюбить владелицу школы, которая купила ее, чтобы закрыть и продать землю под застройку. Вскоре после моего перевода оттуда так и произошло.

После закрытия школьное здание больше года стояло заброшенным, пока его наконец не снесли и не построили на его месте офисный центр. В любом мальчишке есть что-то от домушника, и как-то раз я вернулся в опустевшую школу. Пробравшись внутрь сквозь незапертое окно, я ходил по безлюдным классам, где еще пахло мелом. Я унес из школы только одну вещь, рисунок, сделанный мной на уроке: маленький домик с красным дверным молотком в виде какого-то демона или монстра. На листе стояла моя подпись. Я снял рисунок со стены и забрал домой.

Когда я еще учился в той школе, то каждый день ходил домой через городок, потом — по тенистой просеке, сквозь лес на песчаниковых холмах, мимо заброшенной сторожки. Далее, минуя залитые солнцем поля, дорога вела прямо к моему дому.

Тогда вокруг было множество старых домов и усадеб, викторианских реликтов, доживавших свои дни в ожидании бульдозеров, которые сровняют их с землей, чтобы возвести на этом месте бесконечные улицы современных жилых домов, ведущие в никуда.

Если верить моим воспоминаниям тех лет, то по дороге домой мне встречались исключительно мальчишки. Мы не были знакомы, но, как партизаны на оккупированной территории, мы обменивались информацией. Боялись мы взрослых, а не друг друга. А чтобы бегать по двое-трое или сбиваться в стаи, вовсе не нужно было знать друг друга по имени.

В тот день по дороге из школы, в самом темном месте, я встретил трех мальчишек. Они что-то искали в кустах, в канаве и мусорной куче перед сторожкой. Все трое были старше меня.

Самый длинный из этих парней, настоящая жердь с темными волосами и резкими чертами лица, протянул мне несколько разорванных надвое страниц старого, очень старого порнографического журнала.

— Смотри!

Девушки были черно-белыми, с прическами, как у моих бабушек на старых фотографиях.

Страницы этого замечательного издания разметало по всей дороге и одичавшему саду рядом со сторожкой.

Я включился в бумажную охоту. Совместными усилиями мы собрали почти полный экземпляр «Услады джентльмена», потом перелезли через ограду и принялись разглядывать трофеи. Голые женщины из далекого прошлого. Аромат яблок, свежих и подгнивших, бродящих для сидра, до сих пор напоминает мне о чем-то запретном.

Младших мальчиков, которые все равно были старше меня, звали Саймон и Дуглас, а длинного, которому, возможно, было уже лет пятнадцать, звали Джейми. Я решил, что они братья, но спрашивать не стал.

Пересмотрев страницы, они сказали:

— Мы спрячем журнал в нашем тайном месте. Хочешь с нами? Только ты должен молчать, где оно. Умеешь хранить секреты?

Они сказали, чтобы я плюнул на ладонь, сами сделали то же самое, и мы все четверо пожали друг другу руки.

Тайным местом оказалась заброшенная водонапорная башня в поле недалеко от моего дома. Мы залезли на нее по лестнице. Снаружи башня была грязно-зеленой, а внутри оказалась оранже-

вой от сухой ржавой пыли, покрывавшей стены и пол. На полу лежал бумажник без денег, зато с сигаретными вкладышами. Джейми показал мне карточки — фотки давно состарившихся игроков в крикет. Мальчишки сложили журнальные страницы на полу, придавив их бумажником.

— А теперь пойдем в «Ласточкино гнездо», — сказал Дуглас.

Это было большое поместье недалеко от моего дома, вдали от дороги. Отец говорил, что владельцем усадьбы был граф Тентерденский, но он умер, а новый граф просто закрыл особняк и уехал в город. Я туда как-то ходил, но углубиться в сад не решился. Место вовсе не выглядело заброшенным. Сады были ухожены, а там, где есть сад, полагается быть и садовнику. То есть взрослому. То есть врагу.

Я сообщил им об этом.

— Да ну, — сказал Джейми. — Вряд ли там кто-то живет. Может, раз в месяц кто-нибудь и приезжает постричь газоны. Ты что, боишься? Мы там сто раз уже были. Даже тысячу раз!

Разумеется, я боялся и, разумеется, сказал, что ни капельки не боюсь. Мы дошли до главных ворот, которые были закрыты, и протиснулись между прутьями. Перед небольшим зданием, в

котором, видимо, когда-то жил привратник, стояло несколько ржавеющих железных клеток, в которые могла бы поместиться охотничья собака или ребенок. Мы прошли к парадному входу в «Ласточкино гнездо». Мы таращились в окна, но ничего не увидели. Внутри было слишком темно.

Обойдя дом, мы зашли в заросли рододендронов, за которыми лежала почти сказочная страна. Там был волшебный грот с камнями, нежными папоротниками, причудливыми растениями, которых я никогда не встречал: цветы с пурпурными листьями, забавные стебли, спрятавшиеся драгоценности соцветий. Водопадом скатываясь с камней, по гроту бежал маленький ручеек.

— А давайте я туда посикаю, — предложил Дуглас.

Сказано — сделано. Он подошел к ручейку, стянул шорты и помочился в воду, брызгая на камни. Остальные мальчишки тоже повытаскивали свои штучки и присоединились к Дугласу.

Я помню, как это меня поразило. Меня поразила радость, с которой они принялись за это дело — и то, что они повели себя так погано в этом чудесном месте, осквернили чистую воду и магию грота, превратив его в туалет. Почему-то

мне это казалось неправильным. Закончив развлекаться, они не убрали обратно свои пиписьки, а стряхнули их и повернулись ко мне. У Джейми уже пробивались какие-то волоски.

— Мы кавалеры! — закричал Джейми. — Знаешь, что это значит?

Я читал про английскую гражданскую войну, где кавалеры (неправые, но романтичные) сражались с круглоголовыми (правыми, но неприятными), но он вряд ли он говорил об истории. Я покачал головой.

— Это значит, что мы необрезанные, — объяснил он. — А ты кавалер или круглоголовый?

Теперь я понял, о чем они.

— Я круглоголовый.

— Ну-ка покажь! Давай. Вынимай!

— Нет. Отстаньте, не ваше это дело.

На секунду я решил, что дела совсем плохи, но Джейми рассмеялся, убрал свой член и остальные, как по сигналу, сделали то же самое. Они рассказывали друг другу матерные анекдоты, которые я совершенно не понимал, но, поскольку я был смышленым мальчиком, то все запомнил и чуть не вылетел из школы: рассказал анекдот однокласснику, который порадовал им своих родителей.

В анекдоте было слово «хуй». Тогда я впервые услышал его, в том волшебном гроте.

Директор вызвал моих родителей и сообщил им, что я сказал очень плохое слово, настолько непристойное, что он не решится это повторить.

Родители тогда забрали меня домой, и мама спросила, что это было за слово.

— Хуй, — выпалил я.

— Никогда больше не повторяй этого слова, — сказала мама. Сказала твердо, тихо и доверительно. — Оно плохое, хуже не бывает.

Я пообещал, что больше не буду.

Но чуть позже, изумленный мощью одного-единственного короткого слова, я прошептал его про себя, когда остался один.

Осенним днем после школы в пещере были трое взрослых мальчишек и я. Они рассказывали анекдоты, ржали, и я ржал вместе с ними, хотя не понимал ничего из их шуток.

Потом мы вышли из грота и отправились в английский сад с маленьким мостиком, перекинутым через пруд. Мостик был виден как на ладони, и если что, нас могли бы заметить, так что мы рисковали. Но оно того стоило; в черной глубине пруда мы увидели здоровенную золотую рыбу. Потом Джейми повел нас в лес по мощен-

ной камнями дорожке.

Лес в отличие от сада был совсем запущенный. Казалось, на многие мили вокруг нет ни души. Заросшая травой тропинка петляла между деревьями и неожиданно привела нас на поляну, где стоял маленький домик.

Домик для игр, построенный лет сорок назад для ребенка или для детей. Окна в тюдоровском стиле, с гравированными стеклами, оправленными в свинцовые жилки. Крышу тоже сделали в подражание стилю Тюдоров. Тропинка вела прямо к входной двери.

Мы подошли к домику.

На филенке висел металлический дверной молоток. Он был малинового цвета, отлитый в виде какого-то чертенка, злого эльфа или скалящегося демона со скрещенными ногами, который висел, уцепившись руками за петлю. Как описать его поточнее... я даже не знаю... в общем, недобрая была вещица. Одно выражение лица чего стоило. Помню, я еще подумал, кому, интересно, пришла в голову мысль прибивать такое к двери детского домика.

Стоя на той полянке, в надвигающихся сумерках, я испугался. Я попятился, отступая подальше от домика, и остальные последовали моему при-

меру.

— Я хочу домой, — сказал я.

Мне не стоило этого говорить. Все трое повернулись ко мне и заржали, принялись показывать на меня пальцами и обзывать нюней и сопляком. Уж они-то не боятся какого-то домика.

— Ну, давай, если смелый! — сказал Джейми. — Постучи в дверь, коль не дрейфишь.

Я покачал головой.

— Если не постучишь, — добавил Дуглас, — то навсегда останешься сопляком, и мы не будем с тобой играть.

Вот уж чего мне теперь не хотелось, так это с ними играть — ни сейчас, ни когда-то еще. Они обитали в мирах, в которые я не был готов вступить. Но и сопляком прослыть мне не хотелось.

— Давай. Мы-то не боимся, — сказал Саймон.

Я пытаюсь вспомнить, каким тоном он это сказал. Был ли он испуган и прикрывался бравадой? Или же ему нравилось происходящее? Хотел бы я знать.

Я медленно подошел к домику. Потянулся, схватил ухмыляющегося бесенка правой рукой и с силой ударил по двери.

То есть попытался. Я хотел стукнуть громко, чтобы доказать этим троим, что не боюсь. Ничего

не боюсь. Но что-то произошло, что-то, чего я не ожидал, и молоток издал какой-то вялый бряк.

— А теперь ты должен войти! — закричал Джейми. Я ощутил в его голосе злорадный восторг. Может, они уже были здесь раньше, подумалось мне. И я был не первым, кого они привели сюда.

Но я не сдвинулся с места.

— Нет, вы входите, — сказал я. — Я постучал. Сделал, как вы сказали. Теперь вы заходите. Если не трусите. Покажите, какие вы смелые!

Я знал, что внутрь не пойду. Никогда. Ни сейчас, ни потом. Я почувствовал, как что-то двинулось, как молоток шевельнулся под моей рукой, когда я хотел стукнуть этим лыбящимся бесенком по двери. Тогда я был еще маленьким и доверял собственным ощущениям. Они молчали. Они не двигались.

Потом, очень медленно, дверь распахнулась. Они, должно быть, решили, что это я ее открыл. Дернул, когда стучал. А я не дергал. Точно не дергал. Она открылась потому, что была готова открыться.

Нужно было тогда убежать. Сердце ушло в пятки. Но в меня точно дьявол вселился, и вместо того, чтобы дать стрекача, я посмотрел на трех взрослых мальчишек и спросил:

— Вы что, струсили?

Они пошли к домику.

— Темнеет, — сказал Дуглас.

Они прошли мимо меня, один за другим, и вошли в дверь. На побледневшем лице одного из них был написан готовый вырваться вопрос, почему я не иду за ними. Но как только последний из троицы, Саймон, вошел внутрь, дверь с треском захлопнулась, и Богом клянусь, я к ней не прикасался.

С посеревших досок на меня щерился злобный демон, яркое малиновое пятно в сгущающихся сумерках.

Я обошел домик по кругу, заглядывая во все окна, одно за другим. Темная, пустая комната и никакого движения. Наверное, думал я, они прячутся там, внутри, жмутся к стенкам, изо всех сил сдерживая смех. Может быть, это просто игры для тех, кто постарше?

Я не знал.

Я стоял на полянке у игрового домика и ждал, поглядывая на краснеющее небо. Вскоре стемнело по-настоящему, и взошла луна — огромная осенняя луна медового цвета.

Внезапно дверь распахнулась, но никто не вышел.

Я остался один на поляне, один-одинешенек. Где-то ухнула сова, и я понял, что могу идти. Я повернулся и пошел прочь, по другой тропинке, чтобы держаться подальше от большого дома. Перелезая через освещенную луной ограду, я выдрал клок из своих школьных шорт и пошел — не побежал, в этом не было необходимости — по убранному ячменному полю, через калитку и дальше по каменистой дороге, которая вела — если идти достаточно долго — к моему дому.

Вскоре я там и оказался.

Родители не успели разволноваться, просто отругали меня за перепачканную ржавчиной одежду и порванные шорты.

— И где ты болтался? — спросила мама.

— Гулял, — ответил я. — Забыл про время.

И больше мы к этому не возвращались.

Было почти два часа ночи. Польская графиня уже ушла. Нора с шумом принялась сгребать стаканы и вытирать барную стойку.

— Нет, видимо, это место какое-то заколдованное, — весело говорила она. — Не то чтобы меня это беспокоит. Я люблю пообщаться, иначе не открыла бы клуб. Но, ребятки, у вас что, своего дома нет?

Мы попрощались с Норой, она поцеловала

каждого в щечку и закрыла за нами двери клуба «Диоген». Спустившись по крутой лестнице мимо музыкального магазина, мы прошли через темный дворик и вернулись к цивилизации.

Метро давно закрылось, однако еще оставались ночные автобусы — или такси, для тех, кто мог себе это позволить. (Я не мог. Такие были времена.)

Через несколько лет, ввиду обнаружения рака у Норы и, полагаю, изменения британских законов, легализовавших ночную торговлю выпивкой, клуб «Диоген» закрылся окончательно. Правда, после той ночи я туда редко захаживал.

— А что с ними стало, — спросил Пол-актер, когда мы вышли на улицу, — с теми тремя мальчишками? Ты их видел потом? Что-нибудь про них слышал? Или они пропали без нести?

— Ни то, ни другое, — ответил рассказчик. — В смысле, с тех пор я их не встречал. Но никто не заявлял о пропаже, и не было никаких поисков. Или были, но я о них не слышал.

— А домик так и стоит? — спросил Мартин.

— Не знаю, — признался рассказчик.

— Я не верю ни единому слову, — заявил Мартин, когда мы добрели до Тоттенхэм-Корт-роад и направились к автобусной остановке.

Нас было трое или четверо на той ночной улице, спустя много часов после закрытия. Надо было упомянуть об этом раньше. Один из нас не произнес ни слова, пожилой человек с замшевыми заплатками на локтях, который вышел из клуба вместе с нами. И сейчас он впервые заговорил.

— А я верю, — произнес он тихо, почти извиняющимся тоном. — Не могу объяснить почему, но верю. Джейми умер вскорости после отца. Дуглас не хотел возвращаться, он и продал усадьбу. Хотел, чтобы все снесли. Но дом оставили, пожалели такую красоту. Все остальное, думаю, уже сровняли с землей.

Ночь выдалась прохладная, да еще дождик моросил. Меня передернуло, но только от холода.

— Клетки, о которых вы говорили, — продолжал незнакомец, — те, которые у ворот. Я не вспоминал про них лет пятьдесят. Он запирал нас там, если мы себя плохо вели. А мы вели себя очень плохо. Гадкие, нехорошие мальчики.

Он вертел головой, словно чего-то искал. Потом снова заговорил:

— Дуглас, конечно, покончил собой. Десять лет назад. Я тогда еще в дурке был. Память, конечно, не та. Не та, что раньше. Но Джейми вы описали точно, как в жизни. Никогда не давал нам

забыть о своем старшинстве. Знаете, а нам ведь не дозволялось заходить в игровой домик. Отец не для нас его построил. — Голос его задрожал, и на мгновение я разглядел мальчишку в этом бледном старике. — У папы были свои игры.

Он вздернул руку и крикнул: «Такси!» К обочине подкатила машина.

— В отель «Браунз», — сказал он водителю и сел на переднее сиденье. Не сказав «до свидания», он захлопнул дверцу.

За щелчком замка я услышал, как закрывается множество других дверей. Дверей в прошлое, которых уже нет и которые не открыть заново.

ВЛИТЬСЯ В ЛЕСА

Going Woodwo
Перевод. Н. Эристави
2007

Сброшу с себя плащ и рубаху.
Книги свои отброшу,
И жизнь свою – тоже.
Кину небрежно пустые фляги, точно опавшие листья.
Пойду искать себе пищу.
Пойду искать потаенный
Источник воды ключевой.

Я древо найду, чей ствол не охватят
И десять богатырей.
Из-под корней его серых ручей сочится!
Найду там плоды я, и ягоды, и орехи, –
И нареку это древо домом.

Я имя свое назову одному лишь ветру,
Безумье, возможно, охватит меня средь деревьев, –

Так пусть же охватит!

Иным сумасшествием я полжизни страдал, а ныне

Кожа моя одеяньем мне станет.

О да, я безумен. Я сбросил с себя разум,

Как башмаки и память о теплом доме.

Желудок мой голодом сводит.

Бреду меж деревьями. Брежу;

Душой к корням возвращаясь.

Где ж крона моя? Где шипы ногтей?

Как древо, рожу под ветром...

Покину я путь словесный во имя пути лесного.

Лесовичком зеленым восход встречу, –

Чтоб ощутить, что во рту, как язык незнакомый,

Зреет молчанье.

ГОРЬКИЕ ЗЕРНА

Bitter Grounds
Перевод. Т. Покидаева
2007

1. «Не сумеешь вернуться пораньше – можешь не возвращаться вообще»

По всем счетам, я был мертв. Может быть, где-то внутри, глубоко-глубоко, я кричал, плакал и выл, точно раненый зверь, но это был совершенно другой человек — там, внутри, — совершенно другой человек, у которого не было доступа ни к голове, ни к губам, ни к лицу, ни ко рту, так что на видимом, поверхностном уровне я улыбался, пожимал плечами и как-то жил дальше. Если бы я мог прекратить свое существование, просто перестать быть — безо всяких усилий, не предпринимая вообще ничего, — выйти из жизни так же легко, как выходят за дверь, я бы ушел не раздумывая. Каждую ночь, ложась спать, я надеялся, что не проснусь. Но все равно просыпался, каждый раз — просыпался, и мне опять приходилось

мириться с тем, что я все еще здесь.

Иногда я ей звонил. И всегда бросал трубку. После первого, может быть, после второго гудка.

Тот я, который кричал и плакал, скрывался так глубоко внутри, что никто даже не знал, что он там. Я сам забыл про него и ни разу не вспомнил, пока однажды не сел в машину (я решил съездить в магазин за яблоками), и не проехал мимо магазина, и не выехал за город, и не помчался по трассе. Я ехал и ехал, держась направления на юг и на запад, потому что если бы я повернул на восток или на север, мир закончился бы очень скоро.

Потом у меня зазвонил мобильный. Не глядя, я выбросил его в окно и на секунду задумался: интересно, кто найдет мой телефон, и ответит ли он на звонок, и что будет потом, если он все же ответит и вдруг обнаружит, что ему подарили мою жизнь?

Я заехал на автозаправку и снял все деньги, которые можно было забрать за одну операцию, со всех своих карточек. На протяжении нескольких следующих дней я проделывал то же самое во всех банкоматах на всех заправках, пока деньги на карточках не иссякли.

Первые две ночи я спал в машине.

Я проехал уже половину Теннесси и вдруг понял, что мне нужно в душ — причем до такой крайней степени, что я был согласен за это заплатить. Я снял номер в мотеле, забрался в горячую ванну, задремал и проснулся от холода, когда вода в ванне остыла. Я побрился разовой пластмассовой бритвой из приветственного набора, в котором был и пакетик с пеной для бритья. Потом я упал на кровать и заснул.

Проснулся в четыре утра и понял, что пора ехать дальше.

Я спустился в фойе.

Перед стойкой портье стоял раздраженный мужчина: весь седой, хотя, как мне показалось, совсем не старый. Где-то под сорок, если вообще не тридцать с небольшим. Тонкие губы. Добротный, хотя и помятый костюм.

— Я *заказал* это такси уже *час* назад. Целый *час*.

Мужчина держал в руке бумажник и стучал им по стойке, как бы давая понять, что его бесит подобное отношение.

Ночной портье пожал плечами.

— Я могу позвонить еще раз. Но если у них нет свободных машин, то они все равно ничего не сделают. — Он набрал номер и сказал в трубку:

— Вас опять беспокоят из мотеля «Доброй ночи»... Да, я ему говорил... Я ему говорил.

— Послушайте, — сказал я. — Я не таксист, но зато у меня есть свободное время. Если нужно, могу подвезти.

Мужчина испуганно обернулся и посмотрел на меня, как на психа. В его глазах мелькнул явственный страх. А потом его взгляд преисполнился искренней радости.

— А знаете, нужно.

Теперь он смотрел на меня, как на посланца Небес.

— Только скажите куда, и я вас довезу. Как я уже говорил, у меня куча свободного времени.

— Дайте мне телефон, — сказал седовласый мужчина. Портье протянул ему трубку. — Можете *отменить* этот заказ, потому что Господь посылает мне доброго самаритянина. Люди не просто так появляются в нашей жизни. У всего есть причина. И вам, кстати, стоит об этом задуматься.

Он подхватил свой портфель — у него тоже не было багажа, — и мы вместе вышли на улицу.

Мы поехали сквозь темноту. Он разложил на коленях листок с нарисованной от руки картой и время от времени светил на него фонариком, прикрепленным к брелоку с ключами. Иногда он

говорил: «Здесь налево» или «Здесь прямо».

— Вы меня очень выручили, — сказал он.

— Да без проблем. У меня много времени, я никуда не спешу.

— Я вам очень признателен. Знаете, есть одна в меру древняя городская легенда. Про таинственного человека, который подвозит людей, застрявших на загородных дорогах. Мертвый водитель. Водитель-призрак. Когда я доберусь до места, я непременно расскажу о вас своим друзьям, и они скажут, что вы давно умерли, но до сих пор разъезжаете по дорогам и подвозите автостопщиков.

— Неплохой способ знакомиться с новыми людьми.

Он хихикнул.

— А чем вы вообще занимаетесь?

— Скажем так, я ищу новое место работы. А вы?

— Я антрополог. Профессор антропологии. — Пауза. — Наверное, мне надо было представиться сразу. Я преподаю в христианском колледже. Люди обычно не верят, что в христианских колледжах преподают антропологию, но так тоже бывает. Не везде, но бывает.

— Я вам верю.

Еще одна пауза.

— У меня сломалась машина. Меня подвезли до мотеля. Полицейский патруль. Сказали, что эвакуатор приедет не раньше восьми утра. Я спокойно лег спать. Поспал пару часов. А потом мне позвонили в номер. Сказали, что эвакуатор уже выезжает. И мне надо быть у машины, когда он подъедет. Полный идиотизм. Если меня там не будет, они не станут забирать машину. Просто уедут — и все. Я вызвал такси. Оно не приехало. Надеюсь, мы все же успеем. Пока не приехал эвакуатор.

— Я постараюсь успеть.

— Надо было лететь самолетом. Вообще-то я не боюсь летать. Просто хотел сэкономить. Я еду в Новый Орлеан. Лететь где-то час. Билет стоит четыреста сорок долларов. На машине — одна ночь пути. На все про все — тридцать долларов. Экономия — четыреста десять долларов. Лишние деньги, они никогда не лишние. Правда, пришлось отдать пятьдесят долларов за номер в мотеле, но так всегда и бывает. Человек предполагает, а Бог располагает. Я еду на конференцию. На научную конференцию. В первый раз. На факультете считают, что это напрасная трата времени. Но все течет, все изменяется. Я уже предвкушаю,

как там будет интересно. Антропологи со всего света. — Он назвал несколько имен, которые мне ничего не говорили. — Я читаю доклад о гаитянских кофейных девочках.

— Кофейные девочки — это какие? Которые пьют кофе? Или которые его выращивают?

— Не выращивают и не пьют. Они его продавали. В Порт-о-Пренсе, в начале века. Ходили по домам. Продавали кофе. Всегда — рано утром.

Понемногу светало.

— Многие думали, что они зомби, — продолжал он. — Ну, знаете. Зомби. Ходячие мертвецы. Кажется, здесь направо.

— А это действительно были зомби?

Похоже, ему было приятно, что я задал этот вопрос.

— Ну, с антропологической точки зрения, существует несколько теорий о зомби. Все не так тривиально-шаблонно, как нам пытаются доказать некоторые, с позволения сказать, эксперты, ищущие дешевой популярности, в своих монументальных трудах типа «Змей и радуга». Для начала нам следует определиться с терминологией: о чем мы вообще говорим, о фольклоре и суевериях, о порошке зомби или о «живых» мертвецах?

— Не знаю. — На самом деле я был уверен, что «Змей и радуга» — это фильм ужасов.

— Это были совсем дети. Девочки от пяти до десяти. Они ходили по домам в Порт-о-Пренсе и продавали кофейный порошок. Смесь кофе с цикорием. Всегда — рано утром. Примерно вот как сейчас. Когда солнце еще не взошло, но рассвет уже близко. Они принадлежали одной старухе. Сейчас надо будет свернуть налево. Когда она умерла, все кофейные девочки исчезли. Так написано в книгах.

— А вы сами как думаете? — спросил я.

— Вот она, моя машина, — сказал он с облегчением, указав на машину, стоявшую на обочине. Это была красная «хонда аккорд». Рядом с «хондой» стоял эвакуатор с мигающими габаритными огнями. Водитель курил снаружи. Мы подъехали, к нему.

Антрополог открыл свою дверцу еще до того, как мы полностью остановились. Он схватил свой портфель и выскочил из машины.

— А я уже думал: жду еще пять минут и, если вы не появитесь, уезжаю, — сказал водитель эвакуатора и бросил окурок в лужу. — Ладно, мне нужны ваши права и кредитная карточка.

Антрополог полез за бумажником во внут-

ренний карман пиджака. Потом озадаченно нахмурился. Запустил руки в карманы и растерянно проговорил:

— Мой бумажник.

Он вернулся к моей машине, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, заглянул внутрь. Я включил свет в салоне. Антрополог похлопал рукой по пустому сиденью.

— Мой бумажник, — жалобно повторил он.

— Вы держали его в руках, — сказал я. — Когда разговаривали с портье.

— Черт возьми. Черт возьми.

— Что там у вас? — крикнул водитель эвакуатора. — Все в порядке?

— Давайте мы сделаем так, — быстро проговорил антрополог с нездоровой горячностью в голосе, — Вы вернетесь в мотель. Я, должно быть, оставил бумажник на стойке. Вы заберете его, привезете сюда. А я пока заболтаю водителя. Пять минут. Это займет пять минут. — Он, наверное, заметил, какое я сделал лицо, и быстро добавил: — Люди не просто так появляются в нашей жизни. У всего есть причина.

Я пожал плечами, злясь на то, что меня затянуло в чью-то чужую историю.

Антрополог захлопнул дверцу и поднял вверх

большой палец.

Я подумал, что надо бы просто уехать и бросить его, но было уже слишком поздно что-либо менять, и я поехал в мотель. Портье отдал мне бумажник, сказав, что заметил его на стойке буквально через пару секунд после того, как мы уехали.

Я заглянул в бумажник. Все кредитные карточки были на имя Джексона Андертона.

Дорога обратно заняла не менее получаса: пришлось слегка поплутать. Когда я добрался до места, уже окончательно рассвело. Эвакуатор уехал. У «хонды» было разбито заднее стекло. Дверца со стороны водительского сиденья была распахнута настежь. Я даже подумал, что, может быть, это другая машина, что я приехал совсем не туда, куда нужно; но в подсыхающей луже валялись окурки от сигарет водителя эвакуатора, а в канаве неподалеку обнаружился открытый портфель — абсолютно пустой. Рядом с портфелем валялся картонный конверт. В конверте лежали бумаги, пятнадцать страниц распечатки какого-то текста, квитанция с чеком на предоплату номера в «Мариотте» в Новом Орлеане, зарезервированного на имя Джексона Андертона, и упаковка презервативов — три штуки — с

ребристой поверхностью для дополнительного удовольствия.

На первом листе распечатки стоял эпиграф: «Вот что рассказывают о зомби: это тела без души. Живые мертвецы. Когда-то все они умерли, но потом их призвали обратно к жизни». Херстон. «Сказки будешь рассказывать моей лошади».

Я взял конверт, портфель брать не стал. Потом вернулся к своей машине и поехал на юг под небом в перламутровых переливах.

Люди не просто так появляются в нашей жизни, У всего есть причина.

Очень правильное замечание.

Я никак не мог найти радиостанцию, у которой не сбивался бы сигнал. В конце концов, я нажал кнопку сканирования каналов и не стал останавливаться на каком-то одном. Просто слушал, как радиостанции переключаются наугад в мятущихся поисках устойчивого сигнала: госпелы, старые песни, библейские чтения, обсуждение сексуальных проблем, кантри и джаз — по три секунды на каждую станцию с продолжительным белым шумом в промежутках.

Лазарь был мертв. Совершенно определенно. Лазарь был мертв, как говорится, тут без вариантов, но Иисус воскресил его, дабы мы все

узрели... я говорю, дабы мы все узрели...

В позе, которую я называю «китайский дракон». Это можно вообще говорить в эфире? А когда ты... ну, это... кончаешь девчонке в рот, можно легонько ударить ее по затылку, и все потечет у нее из носа. Я чуть не умер от смеха, когда мы в первый раз...

Если сегодня под вечер ты вернешься домой, я буду ждать в темноте. Я буду ждать свою женщину в компании верной бутылки и верного револьвера...

Так говорит нам Иисус. Чтобы в час смертный, который может прийти нежданно, как тать в нощи, отойти к Господу с чистой душой...

Президент выступил с инициативой...

Начните утро с чашки ароматного кофе. Свежемолотый кофе. Для вас, для меня. Удовольствие каждый день. Потому что у нас каждый день — свежемолотый кофе...

И так — без конца. Волны звука омывали меня всю дорогу.

Чем ближе к югу, тем они становились радушнее — люди. Заезжаешь куда-нибудь перекусить, и в дополнение к еде и кофе получаешь еще разговоры, вопросы, кивки и улыбки. Был вечер, я сидел в какой-то закусочной, ел жареную курицу

с овощным рагу. Официантка мне улыбалась. Еда казалась какой-то безвкусной, но, наверное, дело было не в ней, а во мне.

Я вежливо кивнул официантке, и она приняла это за приглашение подойти и подлить мне кофе. Кофе был горьким, но мне это нравилось. По крайней мере у кофе был хоть какой-то вкус.

— Я вот смотрела на вас и думала, — сказала официантка, — у вас, наверное, есть профессия. В том смысле, что вы производите впечатление человека, который профессионал в своем деле. Можно поинтересоваться, чем вы занимаетесь? — Она именно так и сказала, слово в слово.

— Конечно, можно, — ответил я, чувствуя себя чуть ли не одержимым какой-то посторонней сущностью. При этом я принял вежливо-напыщенный вид, изображая то ли У. К. Филдса, то ли Чокнутого профессора (только профессора солидного и толстого, а не такого, какого сыграл Джерри Льюис, хотя сам я нисколько не толстый; для моего роста у меня почти оптимальный вес). — Я... антрополог, и сейчас еду на конференцию в Новый Орлеан, для обсуждения различных вопросов, консультаций и просто приятного и интересного времяпрепровождения со своими коллегами-антропологами.

— Я так и думала, — сказала она. — Сразу видно, что вы человек интеллигентный. Я сразу подумала: это, наверное, профессор. Или, может быть, стоматолог.

Она опять улыбнулась мне. И я даже подумал, что, может быть, стоит остаться здесь навсегда, в этом крошечном городке. Завтракать в этой закусочной каждое утро. Ужинать тут каждый вечер. Пить этот горький кофе. А она будет мне улыбаться, пока у меня не закончатся кофе, деньги и время.

Я оставил ей щедрые чаевые и поехал дальше на юг. И на запад.

2. «Язык привел меня сюда»

Мест в гостиницах не было. Ни в самом новом Орлеане, ни в пригородах. Джазовый фестиваль «выел» все подчистую. Из-за жары спать в машине было невозможно, но даже если бы я был готов упариться ночью с едва приоткрытым окном, я все равно бы не чувствовал себя в безопасности. Новый Орлеан — настоящий город. И это больше, чем я мог бы сказать о большинстве городов, где я жил. Он — настоящий. Но небезопасный. И недружелюбный.

Я весь чесался, от меня дурно пахло. Хотелось помыться, хотелось спать. Хотелось, чтобы мир перестал двигаться мимо меня.

Я объехал десятки дешевых клоповников и в итоге — собственно, я заранее знал, что так будет — зарулил на стоянку отеля «Мариотт» на Канал-стрит. По крайней мере я мог быть уверен, что у них найдется свободный номер. У меня в картонном конверте лежала квитанция на его оплату.

— Мне нужен номер, — сказал я, обращаясь к одной из женщин за стойкой регистрации.

Она даже не посмотрела в мою сторону.

— Мест нет. И не будет до вторника.

Мне нужно было побриться, принять душ и выспаться.

— На меня должен быть зарезервирован номер. Мне так сказали в университете. На фамилию Андертон.

Она кивнула, что-то быстро набила на клавиатуре, уточнила: «Джексон?» — дала мне ключ от номера, и я расписался в книге регистрации. Поставил инициалы. Женщина показала, где находятся лифты.

Одновременно со мной к лифтам подошел невысокий мужчина с хищным ястребиным лицом, длинными волосами, собранными в хвост,

и трехдневной щетиной, густо пересыпанной сединой. Он откашлялся, прочищая горло, и обратился ко мне:

— Прошу прощения, вы — Андертон из Хоупуэлла? Мы с вами печатались в одном номере «Журнала антропологических ересей». — Он был в белой футболке с надписью: «Антропологи делают это, пока их злобно обманывают».

— Правда?

— Правда. Я Кэмбелл Лах. Университет Норвуда и Стритхэма. До этого — Кройдонский политехнический. Англия. В том номере они напечатали мою статью об исландских бродячих духах и призраках.

— Рад познакомиться — Я пожал ему руку. — У вас совсем не лондонский акцент.

— Я бирмингемец, — сказал он и зачем-то добавил: — Из Бирмингема. Я раньше не видел вас на таких сборищах.

— Я в первый раз на конференции.

— Тогда держитесь поближе ко мне, — сказал он. — Главное, не волнуйтесь. Все будет в порядке. Помню, на самой первой своей конференции я все время боялся. Прямо вот до усрачки боялся, что сделаю что-то не то. Сейчас мы поднимемся в бельэтаж, заберем, что положено, потом пой-

дем приводить себя в порядок. У нас в самолете было не меньше сотни младенцев, честное слово. Не меньше сотни. И все по очереди орали и какались. И еще их постоянно тошнило. Причем одновременно орало не меньше десятка.

Мы поднялись в бельэтаж, забрали беджики и программки.

— Если хотите пойти на «прогулку с призраками», запишитесь заранее, — сказала улыбчивая молодая женщина, сидевшая за столом. — «Прогулки с призраками» по старому Новому Орлеану. Каждый вечер. Группа не больше пятнадцати человек. Так что советую записаться.

Я принял душ, постирал одежду в раковине и повесил в ванной сушиться.

Усевшись голым на кровать, я принялся изучать содержимое картонного конверта. Не особенно вникая в содержание, быстро пробежал глазами доклад, который Андертон собирался представить на конференции.

На чистой обратной стороне листа пятой страницы Андертон записал от руки, мелким, по большей части разборчивым почерком: «В мире, где все совершенно, можно будет сношаться, не отдавая другим частичку своего сердца. Каждый искрящийся поцелуй, каждое прикосновение те-

ла к телу — это еще один мелкий осколок сердца, который ты больше никогда не увидишь.

До тех пор, пока ходить (просыпаться? кричать?) в одиночестве кажется невыносимым».

Когда постиранная одежда почти совсем высохла, я оделся и спустился вниз, в гостиничный бар. Кэмбелл был уже там. Пил джин с тоником. Второй бокал стоял на столе, дожидаясь своей очереди.

Тут же лежало расписание конференции, в котором Кэмбелл обвел кружочками все доклады и мероприятия, которые ему хотелось послушать и посетить. («Правило номер раз: все мероприятия, что до полудня, можно смело задвинуть. Если только на это время не назначено твое выступление», — объяснил он.) Он показал мне мое выступление, обведенное карандашом.

— Я никогда раньше не делал доклады на конференциях, — сказал я.

— Не ссы, Джексон. Прорвемся. Знаешь, что надо делать?

— Не знаю.

— Я тебе расскажу, что я делаю. Просто читаю доклад. Потом народ задает вопросы, и я откровенно гоню, — сказал он. — Причем гоню очень активно. В смысле, противоположном к «пассив-

но». Это самое увлекательное. Гнать пургу. Так что не бойся. У тебя все получится.

— Вообще-то я не умею... э... гнать, — сказал я. — Наверное, я слишком честный.

— Тогда кивай с важным видом и говори, что это очень хороший и дельный вопрос и что он самым подробнейшим образом рассмотрен в твоей текущей работе, а прочитанный тобой доклад — лишь краткие выдержки из этой самой работы. А если какой-нибудь не в меру въедливый дятел начнет докапываться по вопросу, в котором ты явно не догоняешь, сделай высокомерную морду лица и скажи, что дело не в том, во что сейчас модно верить, а в том, что есть истина.

— И что, это действует?

— Еще как действует. Пару лет назад я выступал на конференции с докладом о сектах душителей в персидской армии — прорабатывал вопрос, почему и индусы, и мусульмане в равной степени склонны к образованию таких сект, если учесть, что культ Кали появился значительно позже. Видимо, все начиналось с некоего манихейского тайного общества...

— По-прежнему носишься с этой бредовой идеей? — К нам подошла высокая бледная женщина с роскошными, пусть и седыми волосами, рассы-

панными по плечам. Одета она была явно теплее, чем того требовала погода. Ее наряд производил впечатление чего-то вызывающе агрессивного и одновременно продуманно богемного. Мне почему-то представилось, как она едет на велосипеде с плетеной корзинкой у руля.

— Я не ношусь с этой идеей, я пишу монографию на эту тему, — сказал англичанин. — Кстати, такой интересный вопрос: я сейчас собираюсь пройтись по Французскому кварталу, дабы, как говорится, вкусить удовольствий, которые нам предлагает Новый Орлеан. Кто-нибудь хочет составить мне компанию?

— Я — пас. — Женщина даже не улыбнулась. — А кто твой друг?

— Это Джексон Андертон из Хоупуэллского колледжа.

— Кофейные девочки-зомби? — Теперь женщина улыбнулась. — Я видела в программе. Интересная тема. Еще одно направление для разработки, которым мы обязаны Зоре.

— Наряду с «Великим Гэтсби», — сказал я.

— Херстон знала Фицджеральда? — удивилась женщина. — Я не знала. Мы уже и забыли, каким тесным в то время был нью-йоркский литературный круг, и что для гениев все-таки

приподнимали «цветной барьер».

Англичанин фыркнул.

— Черта с два его приподнимали. Херстон умерла в нищете. А до этого работала уборщицей во Флориде. Никто и не знал, что она написала все, что написала. Не говоря уже о том, что она помогла Фицджеральду с «Великим Гэтсби». Это грустно, Маргарет.

— Зато ее оценили потомки, — сказала высокая женщина и ушла.

Кэмбелл проводил ее взглядом.

— Когда я вырасту, — сказал он, — я хочу быть этой женщиной.

— Зачем?

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Очень правильное отношение. Кто-то пишет бестселлеры, кто-то их читает, кто-то имеет награды, кто-то не имеет. Самое главное — всегда оставаться человеком, правильно? Делать людям добро. Чувствовать себя живым. Быть живым.

Он похлопал меня по плечу.

— Ну а ты-то пойдешь со мной в город? Я тут прочел в Интернете об одном интересном антропологическом феномене. Хочу тебе показать. Такое ты вряд ли увидишь в своей Дальней Задни-

це, штат Кентукки. Id est[227], женщины, которые не показали бы свои сиськи и за сотню фунтов, демонстрируют их всем и каждому за дешевые пластмассовые бусы.

— Универсальное торговообменное средство, — заметил я. — Бусы.

— Ну что, ты идешь? Ты, кстати, когда-нибудь пробовал «стаканчик Джелло»[228]?

— Нет.

— Я вот тоже. Надо думать, изрядная гадость. Давай пойдем и попробуем.

Мы заплатили за выпивку. Мне пришлось напомнить Кэмбеллу, что надо оставить чаевые.

— Да, кстати. А как звали жену Фицджеральда? — спросил я.

— Зельда. А что?

— Ничего, просто так.

Зельда. Зора. Какая разница? И то, и другое на «З».

Мы вышли на улицу.

---

[227] notes: 227

То есть (лат.).

[228] notes: 228

(Jell-O shot) — небольшой бумажный стаканчик, в котором содержится смесь желе с водкой, шнапсом или другим крепким алкогольным напитком.

3. «Нигде ничего не случится»

Полночь, чуть раньше, чуть позже. Мы с английским профессором сидели в одном заведении на Бурбон-стрит, и он активно угощал спиртными напитками — настоящими спиртными напитками: в том месте не подавали «стаканчики Джеслло» — двух темноволосых женщин, с которыми мы познакомились там же, в баре. Они были очень похожи. Как две сестры. У одной в волосах была красная лента, у другой — белая. Они словно сошли с полотна Гогена, только Гоген написал бы их с голой грудью и без серебряных сережек в виде мышиных черепов. Они много смеялись.

Мы увидели в окно, как мимо бара прошла небольшая группа из академиков под предводительством гида с черным зонтом. Я обратил на них внимание Кэмбелла.

Женщина с красной лентой приподняла бровь.

— Они идут на «прогулку с призраками». Они ищут призраков. Где собираются мертвые, где остаются их души. Искать живых проще.

— Ты хочешь сказать, что туристы *живые*? — спросила вторая женщина, изображая насмеш-

ливую тревогу.

— Когда они здесь, — ответила первая, и обе рассмеялись.

Они вообще много смеялись.

Женщина с белой лентой смеялась над каждым словом, сказанным Кэмбеллом. Она просила его:

— Скажи «ебть» еще раз.

И он говорил, и она повторяла: «Епыть, епыть», стараясь скопировать его произношение, а он поправлял:

— Не «епыть», а «ебть», — но она не различала на слух, в чем разница, и снова смеялась.

После второй или, может быть, третьей рюмки он взял ее за руку и отвел в дальнюю часть бара, где играла музыка, и было темно, и уже танцевало несколько пар. Причем они не столько танцевали, сколько терлись друг о друга.

Я остался сидеть на месте, рядом с женщиной с красной лентой в волосах.

Она спросила:

— Ты тоже работаешь в студии звукозаписи?

Я кивнул. Кэмбелл, когда знакомился, сказал, что мы с ним работаем в звукозаписывающей компании. «Не люблю говорить девушкам, что я академик», — пояснил он мне, когда наши новые знакомые отлучились в уборную. Им он сказал,

что это он лично открыл «Оазис».

— А ты чем занимаешься? — спросил я.

— Я жрица сантерии[229], — сказала она. — У меня это в крови. Мой папа — бразилец, а мама — наполовину ирландка, наполовину чероки. В Бразилии все занимаются любовью со всеми, и у них рождаются замечательные смугленькие малыши. В каждом есть кровь чернокожих рабов и индейская кровь. А у папы в роду были даже японцы. Его брат, мой дядя, он вообще очень похож на японца. А папа — просто красивый мужчина. Все считают, что сантерию я унаследовала от папы. Но на самом деле — от бабушки. Мама всегда говорила, что бабушка была из чероки, но я видела старые фотографии. Бабушка больше похожа на чернокожую, только с очень светлой кожей. Когда мне было три года, я уже разговаривала с мертвыми. В пять лет я увидела огромного черного пса размером с «харлей дэвидсон». Пес шел за одним человеком по улице,

[229] notes: 229

Сантерия — религия потомков древнего народа йоруба, живущих на Кубе и в других странах. Первые секты сантерии появились в середине XIX века на Кубе в результате ассимиляции католицизма с традиционными верованиями йоруба. Вероучение сантерии основано на Библии и устных преданиях африканцев и сочетает в себе элементы традиционных верований и католицизма. Считается, что смертные, исповедующие сантерию, могут напрямую говорить с божествами и слушать их наставления.

и никто, кроме меня, его не видел. Я рассказала об этом маме, мама сказала бабушке, и бабушка сказала, что меня надо учить, что я должна *знать*. И меня стали учить. Даже когда я была совсем маленькой. Я никогда не боялась мертвых. Знаешь? Мертвые не сделают тебе зла. В этом городе много плохого и страшного, но мертвых не надо бояться. Они никогда тебя не обидят. Никогда не сделают больно. Живые — да. Живые делают нам больно. Очень больно. Очень.

Я пожал плечами.

— В этом городе все спят друг с другом. Мы занимаемся друг с другом любовью. Чтобы доказать себе, чтобы мы еще живы.

Я задумался: «Это что, откровенный призыв?» И решил, что, наверное, нет. Не похоже.

Она спросила:

— Есть хочешь?

Я сказал, что хочу. Она сказала:

— Здесь рядом есть место. Там подают лучший в городе гомбо. Пойдем?

— Я слышал, что в вашем городе не стоит гулять одному по ночам.

— Все верно, — сказала она. — Но ты не один. Ты со мной. Когда ты со мной, с тобой ничего не случится.

Мы вышли на улицу. Девочки-школьницы сверкали голыми грудками на радость прохожим. Каждый раз, когда кто-то из девочек показывал грудь, в толпе раздавались крики одобрения, и люди бросали пластиковые бусы. Женщина с красной лентой назвала свое имя, когда мы знакомились, но я его не запомнил.

Вернее, сначала запомнил, но теперь оно вылетело у меня из головы.

— Раньше так делали только на Марди-Гра. — сказала она. — Но туристы хотят это видеть, так что туристки развлекают туристов. А местным как-то по барабану. Если захочешь отлить, — добавила она, — скажи мне.

— Хорошо. А зачем?

— Потому что большинство случаев, когда здесь грабят и избивают туристов, происходит в укромных темных переулках, куда туристы ходят отлить. А потом они приходят в себя на Пиратской аллее, с больной головой и пустым кошельком.

— Хорошо, буду знать.

Она указала в пустынный темный переулок, мимо которого мы проходили.

— Вот туда не ходи.

Она привела меня в то волшебное место, где

подавали лучший в городе гомбо. Оказалось, что это самый обычный бар. Телевизор над стойкой показывал «Ночное шоу» с отключенным звуком и включенными субтитрами, которые постоянно распадались на циферки и артефакты. Мы заказали по миске гомбо.

Честно сказать, я ожидал большего от лучшего в городе гомбо. Суп оказался почти безвкусным. Но я все-таки съел всю миску. Потому что мне надо было поесть. Я вообще ничего не ел со вчерашнего вечера.

В бар вошли трое мужчин. Первый — наверное, очень стеснительный — продвигался бочком. Второй выступал степенно и важно. Третий едва волочил ноги. Тот, который стеснительный, был одет, как владелец похоронной конторы викторианской эпохи: высокий цилиндр и все как положено. У него была очень бледная кожа, длинные волосы, свисавшие тонкими прядями, и длинная борода с вплетенными в нее серебряными бусинами. Тот, который степенный и важный, был одет в длинное черное кожаное пальто. Последний, который едва держался на ногах, остался стоять в дверях. Длинные сальные волосы закрывали его лицо. Я сумел разглядеть только то, что его кожа была грязно-серой. Мне

стало жутко.

Первые двое подошли прямо к нашему столику, и на мгновение я по-настоящему испугался. Но они не обратили на меня внимания. Они подошли к женщине с красной лентой и оба поцеловали ее в щеку. Потом спросили о каких-то общих друзьях, которых не видели очень долго: кто с кем, когда, в каком баре и почему. Эти двое напоминали мне лису и кота из «Пиноккио».

— А что стало с твоей симпатичной подругой? — спросила женщина у мужчины в черном.

Он улыбнулся, но как-то невесело.

— Она положила беличий хвост на входе в нашу фамильную усыпальницу.

Женщина поджала губы.

— Тогда тебе без нее будет лучше.

— Я тоже так думаю.

Я посмотрел на того человека, который остался стоять в дверях. От которого мне было жутко. Серая кожа, серые губы. Как у запущенного наркомана. Он смотрел в пол и стоял неподвижно, как статуя. Интересно, подумал я, а что эти трое делают вместе: кот, лиса и измученный призрак.

Мужчина с бусинами в бороде приложился губами к руке женщины с красной лентой, потом поклонился ей, посмотрел на меня, вскинул руку

в насмешливом салюте, и все трое ушли.

— Твои друзья? — спросил я.

— Нехорошие люди, — сказала она. — Макумба[230]. Они никому не друзья.

— А что с тем парнем, который стоял у двери? Он чем-то болен?

Она помялась в нерешительности, а потом покачала головой:

— Не то чтобы болен. Я скажу, но потом. Когда ты будешь готов.

— Скажи сейчас.

Джей Лено в телевизоре беседовал с какой-то худенькой блондинкой.

ЭТ& НЕ ТО. ТО ЧЧЧЧ КИНО — было написано в субтитрах. — А ВЫ SS ВИДЕЛИ SSS ЧЧЧ КУКОЛКУ???

Джей взял со стола небольшую куклу и заглянул ей под юбку, делая вид, что проверяет, насколько она анатомически корректна.

СМЕХ — было написано в субтитрах.

Она доела свой суп, облизала ложку поразительно красным языком и положила ложку в

---

[230] notes: 230

Макумба — культ древних африканских богов, подобный вуду. Жрец макумба входит в транс, во время которого его телом овладевает полубог, известный под именем Старого Черного Раба. Сила, полученная от этого сверхъестественного существа, используется для исцелений и пророчеств, а также для черной магии.

пустую миску.

— Столько молоденьких мальчиков-девочек приезжает сюда, в Новый Орлеан. Кто-то из них читал книги Энн Райс и решил, что здесь из них сделают вампиров. Кого-то из них обижали родители, кому-то было просто скучно. Как бродячие котята, живущие в канаве, они все приезжают сюда. А в канавах Нового Орлеана живет совершенно особая порода кошек. Знаешь?

— Нет.

СМЕ...РЧ — было написано в субтитрах, но Джей продолжал улыбаться, а потом началась реклама.

— Он тоже был беспризорным ребенком. Практически жил на улице. Но у него было место, где можно переночевать. Хороший мальчик. Приехал сюда из Лос-Анджелеса, автостопом. Хотел, чтобы его оставили в покое. Хотел слушать кассеты с «Doors», покуривать травку, изучать магию хаоса и прочесть полное собрание работ Алистера Кроули. Ну и чтобы ему иногда отсасывали. Даже не важно кто. Ясные глазки, пушистый хвост.

— Ой, смотри, — сказал я. — Там Кэмбелл. Только что прошел мимо.

— Кэмбелл?

— Мой друг.

— Который продюсер на студии звукозаписи? — Она улыбнулась, и я подумал: «Она знает. Она знает, что он соврал. Она знает, кто он на самом деле».

Я оставил на столе двадцатку, и мы вышли на улицу. Но Кэмбелла там уже не было.

— Я думал, он будет с твоей сестрой, — сказал я.

— У меня нет сестры, — отозвалась она. — Нет сестры. Только я. Я одна.

Мы свернули за угол и попали в шумную толпу туристов, как в штормовую волну, обрушившуюся на берег. А потом волна схлынула, и от всей толпы остались лишь два человека. Девушка старшего школьного возраста, блевавшая над канализационной решеткой, и молодой человек, который стоял рядом с ней, нервно переминаясь с ноги на ногу. В руках он держал ее сумочку и пластиковый стаканчик с каким-то явно алкогольным напитком.

Я повернулся к женщине с красной лентой в волосах, но ее нигде не было. Я пожалел, что не запомнил, как ее звали и как назывался тот бар, где мы познакомились.

Я собирался уехать в тот же вечер. Сначала — на запад до Хьюстона, а потом — в Мексику.

Но я страшно устал и был пьян на две трети, так что я никуда не поехал и, вернувшись в отель, завалился спать. То есть следующим утром я был еще в «Мариотте». Одежда, в которой я выходил вчера вечером, пропахла духами и гнилью.

Я натянул футболку и брюки, спустился в сувенирный магазинчик при отеле и купил себе еще пару футболок и шорты. В магазине я встретил высокую женщину без велосипеда. Она покупала «алка-зельцер».

Она сказала:

— Ваш доклад перенесли. В зал Одюбона. Начало минут через двадцать, Но сначала вам нужно почистить зубы. Друзья вам такого не скажут, но я почти вас не знаю, мистер Андертон, так что мне вовсе не сложно сказать вам об этом.

Я купил пасту и зубную щетку. Дешевый походный набор. Меня беспокоило, что я обрастаю вещами. У меня было стойкое ощущение, что мне нужно, наоборот, избавляться от всех вещей. Если уж путешествовать, то налегке. Не имея вообще ничего.

Я поднялся к себе, почистил зубы, надел новую футболку с эмблемой джазового фестиваля. А потом — видимо, потому, что у меня просто не было выбора, или же потому, что я был уверен,

что Кэмбелл придет на мое выступление, и мне хотелось с ним попрощаться, — я взял распечатку доклада и пошел в зал Одюбона, где меня уже ждали человек пятнадцать. Кэмбелла среди них не было.

Мне вовсе не было страшно. Я сказал всем «Привет» и принялся читать с листа.

Доклад начинался с еще одной цитаты из Зоры Нил Херстон. «Ходили слухи о взрослых зомби, которые выходят в ночную пору и творят зло. Также рассказывали о маленьких девочках-зомби, которых хозяева посылают бродить по домам в предрассветный час и продавать жареный кофе. Пока солнце еще не взошло, их крики „Café grille“ разносились по темным улицам, и увидеть тех девочек мог только тот, кто, пожелав купить кофе, звал продавщицу к себе на порог. Тогда мертвая девочка становилась видимой и поднималась на крыльцо».

Дальше шел текст самого Андертона, густо пересыпанный цитатами из Херстон и ее современников, а также выдержками из старых интервью с долгожителями-гаитянами. Мысль Андертона, насколько я понял, скакала от странного вывода к еще более странному выводу, превращая фантазии в догадки и предположения,

а догадки и предположения — в факты.

Где-то на середине доклада в зал вошла Маргарет, высокая женщина без велосипеда. Она села в первом ряду и стала слушать, пристально глядя на меня. Я подумал: «Она знает, что я — не он. Она все знает». Но я продолжал читать. А что мне еще оставалось делать?

В конце я спросил, есть ли у кого-то вопросы.

Кто-то спросил об исследовательских методах Зоры Нил Херстон. Я ответил, что это очень хороший и дельный вопрос и что он самым подробнейшим образом рассмотрен в моей текущей работе, а прочитанный мною доклад — лишь краткие выдержки из этой самой работы.

Какая-то невысокая полная женщина встала и объявила, что девочек-зомби не бывает просто по определению: порошки и снадобья зомби подавляют волю человека, вгоняя его в транс наподобие смерти, но все это работает лишь при условии, что человек искренне верит, что он уже мертвый и не имеет собственной воли. «Разве можно заставить четырех-пятилетнего ребенка в такое поверить?» — спросила женщина. И сама же себе ответила: «Нет». Кофейные девочки — это просто еще одна городская легенда. Типа индийского трюка с веревкой.

Я был полностью с ней согласен, но я кивнул с важным видом и сказал, что ее доводы очень логичны. Однако с моей точки зрения — каковая, как я надеюсь, является строго антропологической, — нам важно не то, во что легче поверить. Нам важна истина.

Мне аплодировали, и уже после выступления ко мне подошел бородатый дяденька, представился редактором какого-то антропологического издания и попросил у меня копию доклада, чтобы напечатать его у себя в журнале. Я подумал, что все-таки я сделал правильно, когда решил ехать в Новый Орлеан, и что отсутствие Андертона на конференции никак не скажется на его карьере.

Полная женщина, которую звали Шанель Грейвли-Кинг, как было написано у нее на беджике, дожидалась меня у двери. Она сказала:

— Мне очень понравился ваш доклад. Может быть, вам показалось, что мне не понравилось. Но мне действительно очень понравилось.

Кэмбелл не явился на свой доклад. Никто не знал, что с ним и где он.

Маргарет представила меня какому-то человеку из Нью-Йорка и упомянула, что Зора Нил Херстон помогала Фицджеральду в работе над «Великим Гэтсби». Человек из Нью-Йорка сказал,

что да — теперь об этом известно всем. Я боялся, что Маргарет вызовет полицию, но она была вполне милой и дружелюбной. Я понял, что у меня начинается нервный стресс, и пожалел о том, что выкинул свой мобильный телефон.

Мы с Шанель Грейвли-Кинг поужинали в гостиничном ресторане. В самом начале ужина я попросил: «Давай не будем обсуждать профессиональные темы», — и она согласилась, что только тупые упертые идиоты обсуждают профессиональные темы за ужином, так что мы говорили о рок-группах, которых слушали «живьем» на концертах, о фантастических методах замедления разложения мертвых тел и о сожительнице Шанель, которая была значительно старше нее и владела собственным рестораном. Потом мы пошли ко мне в номер. Шанель пахла жасмином и детской присыпкой. Ее голая кожа липла к моей.

В течение двух часов я использовал два (из трех) презерватива. Когда я вернулся из душа, она спала, и я прилег рядом с ней. Я задумался о словах, которые Андертон написал от руки на одной из страниц своего доклада. Я не помнил, как там было дословно, и хотел посмотреть, но заснул рядом с мягкой уютной женщиной, от которой пахло жасмином.

Мне что-то снилось. Видимо, что-то не очень хорошее, потому что я проснулся в первом часу ночи, и женский голос шептал в темноте:

— Он приехал сюда со своими кассетами «Doors», книгами Кроули и рукописным списком адресов тайных сайтов по магии хаоса. И все было хорошо. У него даже появились ученики, такие же неприкаянные, как и он — дети, сбежавшие из дома, — и, когда он хотел, ему сразу отсасывали, и жизнь казалась прекрасной.

А потом он поверил собственным измышлениям. Поверил, что он — настоящий. Что он самый крутой. Решил, что он большой страшный тигр, а не маленький жалкий котенок. И вот он выкопал... одну вещь... которая принадлежала кому-то другому.

Он думал, что эта вещь будет хранить его и вообще всячески помогать. Глупый мальчик. В одну из ночей, когда он сидел на Джексон-сквер и общался с гадалками на Таро, рассказывал им про Джима Моррисона и каббалу, кто-то подошел сзади и тронул его за плечо, и он обернулся, и этот кто-то дунул ему в лицо порошком, и мальчик вдохнул порошок. Но не весь порошок. Потому что он еще успел подумать, что надо срочно что-то делать, но уже было поздно что-либо делать,

потому что его парализовало. В том порошке были намешаны рыба фугу, жабья кожа, измельченные кости и еще много чего другого, и он все это вдохнул.

Кто-то вызвал «скорую», его отвезли в больницу: но там ему не особенно помогли. Решили, что он наркоман и бродяга без определенного места жительства. На следующий день он уже снова мог двигаться. Хотя разговаривать он смог только три дня спустя.

Проблема в том, что он подсел на этот порошок. Ему хотелось еще и еще. Он знал: в порошке зомби содержится какая-то великая тайна. И ему казалось, что он почти что ее раскрыл. Кое-кто утверждает, что в порошок зомби подмешивают героин. Но в этом не было необходимости. Он подсел плотно.

Ему сказали, что порошок не продается. Но если он выполнит кое-какую работу, ему дадут порошка, чтобы курить его, или нюхать, или втирать в десны, или просто глотать. Иногда ему поручали действительно грязную работу, за которую больше никто не брался. Иногда они просто его унижали — заставляли его есть собачье дерьмо из канавы. И он делал все, что ему говорили. Вполне вероятно, что он убивал людей. Все, что угодно.

За исключением одного: он не мог умереть. Он совсем высох. Кожа да кости. Он делал все, чтобы получить свой порошок.

И он по-прежнему думает, той малой частью сознания, которая еще остается им самим — он по-прежнему думает, что никакой он не зомби. Что он еще жив, он не умер. Не переступил этот последний порог. Только он его переступил, уже очень давно.

Я протянул руку и прикоснулся к женщине, лежавшей рядом. Ее тело было упругим и крепким, стройным и гибким. Ее груди были, как груди, которые мог бы написать Гоген. Ее губы были мягкими, теплыми и податливыми — в темноте под моими губами.

Люди не просто так появляются в нашей жизни. У всего есть причина.

4. «Эти люди должны знать, кто мы. Они нам скажут, что мы еще здесь»

Когда я проснулся, было еще темно, а в номере было тихо. Я включил свет, почти ожидая, что на подушке будет лежать красная лента, или белая лента, или серебряная сережка в форме мышиного черепа, но там не было ничего. Ничего, что

могло бы послужить подтверждением, что этой ночью я спал не один.

Я встал, подошел к окну и раздвинул шторы. Небо уже начинало сереть на востоке.

Я подумал: «Надо ехать дальше на юг. Продолжать свое бегство. Продолжать притворяться, что я еще жив». Но было уже слишком поздно. Теперь я это понял. В конце концов, двери между двумя мирами — миром мертвых и миром живых — открываются в двух направлениях.

Я дошел до предела. Дальше дороги нет.

Кто-то тихонько постучал в дверь номера. Я быстро натянул брюки, футболку и как был босиком пошел открывать.

За дверью меня дожидалась кофейная девочка.

Все пространство за дверью было подернуто светом: безбрежным, прекрасным предрассветным свечением. Было слышно, как в утренней дымке щебечут птицы. Наш дом стоял на вершине холма, и другие дома, выходившие фасадами к нам, казались какими-то странно маленькими. Прохладный туман стелился по земле, завиваясь, как это бывает в старых черно-белых фильмах. Но я знал: он рассеется еще до полудня.

Девочка была очень худенькой и очень маленькой. Лет шести, не больше. Ее глаза были

подернуты странной пленкой. Видимо, катарактой. Ее кожа, когда-то коричневая, теперь была бледно-серой. Она держала в руках белую чашку с эмблемой отеля. Держала бережно и аккуратно; одной рукой — за ручку, другой — снизу за блюдце. В чашке дымился кофе цвета густой грязи.

Я взял у девочки чашку с кофе и отпил глоток. Кофе был очень крепким и очень горячим, и я окончательно проснулся.

Я сказал ей:

— Спасибо.

Кто-то где-то звал меня по имени.

Девочка терпеливо ждала, пока я не допил весь кофе. Я поставил пустую чашку на ковер в коридоре и прикоснулся к плечу девочки.

Она подняла свою серую ручку, растопырила пальчики и обхватила мою ладонь. Она знала, что теперь мы вдвоем. Куда бы мы ни направлялись сейчас, мы пойдем туда вместе.

Я вспомнил, что мне однажды сказали. Хотя и не вспомнил, когда и кто.

— Все хорошо. Потому что у нас каждый день — свежемолотый кофе, — сказал я девочке.

Ее лицо не изменилось, но она кивнула, как будто услышала мои слова, и нетерпеливо потянула меня за собой. Она крепко держала меня своими

тонкими серыми пальцами, и так, взявшись за руки, мы наконец-то пошли в рассвет.

ДРУГИЕ ЛЮДИ

Other People
Перевод. Т. Покидаева
2007

— Время здесь неустойчиво и подвижно, — сказал бес.

Человек сразу понял, что это бес. С первого взгляда. Точно так же, как понял, что место, куда он попал, называется Ад. Ничем другим это быть не могло: ни то, ни другое.

Комната напоминала длинный коридор, и бес ждал его в дальнем конце, стоя рядом с дымящейся жаровней. На серых каменных стенах висели предметы, которые, пожалуй, не стоит рассматривать вблизи, поскольку подобные веши отнюдь не относятся к категории обнадеживающих. Потолок нависал низко-низко, пол был до странности иллюзорен.

— Подойди ближе, — сказал бес.

Человек сделал, как было сказано.

Бес был тощим и абсолютно голым. Все его тело было покрыто глубокими шрамами. Похоже, когда-то давным-давно с него пытались содрать

кожу. У него не было ушей, не было признаков пола. У него были тонкие губы аскета и глаза настоящего беса: они видели много всего и зашли чересчур далеко — под их взглядом человек чувствовал себя ничтожным, как муха. Даже ничтожнее мухи.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь, — сказал бес, и в его голосе не было ни печали, ни удовольствия, ни злорадства — только страшное безжизненное смирение, — тебя будут мучить.

— Долго?

Но бес не ответил, лишь покачал головой. Он прошел вдоль стены, разглядывая различные приспособления, висевшие на крюках. В дальнем конце, рядом с закрытой дверью, висела плеть-кошка, сделанная из колючей проволоки. Бес благоговейно снял плеть со стены трехпалой рукой и вернулся к жаровне. Положил плеть на горячие угли и стал смотреть, как нагреваются проволочные хвосты.

— Это бесчеловечно.

— Ага.

Кончики плети уже накалились мертвым оранжевым блеском.

Замахнувшись для первого удара, бес сказал

так:

— Со временем даже это мгновение станет как нежное воспоминание.

— Врешь.

— Нет, не вру, — произнес бес за миг до того, как опустить руку с плетью, — потом будет хуже.

Хвосты плети-кошки вонзились в спину человека с шипением и треском, разорвали дорогую одежду — обожгли, раскромсали, разрезали плоть, и человек закричал. Не в последний раз в этом месте.

На стенах висело двести одиннадцать разнообразных орудий пытки, и со временем он испытал на себе все до единого.

А когда наконец «Дочь Лазаря», которую он познал самым тесным интимным образом, была очищена от крови и водворена обратно на стену, на свое двести одиннадцатое место, человек прошептал разбитыми губами:

— И что теперь?

— А теперь, — сказал бес, — будет по-настоящему больно.

И было так.

Все, что он сделал — из того, чего делать не стоило. Каждый неверный поступок. Каждый обман, когда он лгал и себе, и другим. Каждая

мелкая боль — и любая большая боль. Все это вытянули из него, дюйм за дюймом, деталь за деталью. Бес содрал все покровы забывчивости, ободрал все до самой правдивой правды — и это было больнее всего.

— Скажи, что ты подумал, когда она вышла за дверь, — велел бес.

— Я подумал: «Мое сердце разбито».

— Нет, — сказал бес без ненависти, — ты подумал не это.

Он смотрел на человека безо всякого выражения в глазах, и человек вынужден был отвести взгляд.

— Я подумал: «Она никогда не узнает, что я спал с ее сестрой».

Бес разодрал его жизнь на куски, по мгновениям, по страшным секундам. Это длилось сто лет или, может быть, тысячу — у них было время, в той серой комнате, у них была целая вечность, — и под конец человек осознал, что бес его не обманул. Муки плоти были добрее.

И это тоже закончилось.

И как только закончилось, опять началось по новой. И теперь пришло знание о себе, которого не было в первый раз, и так все было гораздо хуже.

Теперь, когда человек говорил, он ненавидел себя. Не было никакой лжи, никаких ухищрений и отговорок, не было места ни для чего, кроме боли и ярости.

Он говорил. Он больше не плакал. И когда он закончил, тысячу лет спустя, он молился лишь об одном: чтобы бес подошел к стене и взял нож для свежевания, или железный кляп, или тиски.

— Еще раз, — сказал бес.

Человек начал кричать. Он кричал долго.

— Еще раз, — сказал бес, когда человек замолчал. Словно до этого не было сказано ничего.

Это было похоже на чистку лука. На этот раз, проживая опять свою жизнь, человек узнал о результатах своих поступков — поступков, которые он совершал вслепую, не задумываясь о последствиях. О том, сколько боли доставил он миру — сколько вреда причинил он людям, которых даже не знал, и не был с ними знаком, и вообще никогда не встречал. Пока что это был самый тяжелый урок.

— Еще раз, — сказал бес тысячу лет спустя.

Человек сидел, скорчившись, на полу рядом с жаровней. Он легонько покачивался, его глаза были закрыты, он рассказывал историю своей жизни, и переживал ее снова, пока говорил, от

рождения до смерти, ничего не меняя, ни о чем не умалчивая, глядя правде в глаза. Он открыл свое сердце.

Когда он закончил, то потом еще долго сидел с закрытыми глазами, ждал, когда голос скажет ему: «Еще раз», — но ему ничего не сказали.

Человек открыл глаза. Медленно поднялся на ноги.

Он был один.

В дальнем конце комнаты была дверь, и пока он смотрел туда, дверь открылась.

В комнату вошел человек. У него на лице были написаны ужас, высокомерие и гордыня. Человек, одетый дорого и элегантно, сделал несколько неуверенных шагов и замер на месте.

И когда он увидел этого человека, он сразу все понял.

— Время здесь неустойчиво и подвижно, — сказал он вновь прибывшему.

СУВЕНИРЫ И СОКРОВИЩА

Keepsakes and Treasures
Перевод. А. Комаринец
2000

Пес принца я! – я рыкну на вопрос.
Скажите, сэр, а чей вы сами пес?[231]

Александр Поуп, «Надпись на ошейнике пса, которого я подарил Его королевскому высочеству»

Можете назвать меня ублюдком, если хотите. Это верно, причем во всех смыслах. Мама родила меня через два года после того, как ее заперли ради «ее собственной пользы», и было это в 52-м, когда за пару горячих ночек с местными парнями можно было заработать диагноз: клиническая нимфомания, после чего вас убирали с глаз долой — «для защиты вас самих и общества» — всего лишь по указу «высшей инстанции» в лице двух врачей. Один из двоих был ее отцом, моим дедом, а второй — его партнером, с которым они делили

[231] notes: 231
Перевод. И. Эристави

врачебную практику в Северном Лондоне.

Так что, кто был мой дед, я знаю. А вот мой отец... им мог быть кто угодно, кто соблудил с матерью в здании или на участке «Приюта святого Андрея». Чудное словечко, а? *Приют*. Хочешь не хочешь, подумаешь об убежище: этакое тихое местечко, где тебя укроют от полного опасностей и жестокости старого доброго большого мира. Та еще дыра, этот приют. Я съездил поглядеть на него в конце семидесятых, перед тем как его снесли. Там все еще воняло мочой и сосновым дезинфицирующим средством для мытья пола. Длинные, темные, плохо освещенные коридоры с гроздьями крохотных, похожих на камеры комнатушек. Если б вы искали ад, а нашли «Святого Андрея», вы б не разочаровались.

В ее истории болезни говорится, что она раздвигала ноги для кого придется, но я в этом сомневаюсь. Она ведь тогда сидела взаперти. Так что тому, кто захотел бы ей вставить, сперва пришлось бы обзавестись ключом от ее камеры.

Когда мне было восемнадцать, я последние свои летние каникулы перед университетом провел в охоте за теми четырьмя, кто с наибольшей вероятностью мог быть моим отцом два санитара психиатрички, врач тюремного отделения и

управляющий приютом.

Маме было всего семнадцать, когда за ней закрылись двери. У меня есть маленькая — под размер бумажника — черно-белая ее фотография, снятая прямо перед тем, как ее заперли. Мама опирается о крыло спортивного «моргана», припаркованного на какой-то сельской дороге. Она улыбается, вроде как кокетничает с фотокамерой. Ты была просто красоткой, мама.

Я не знал, который из четверых был мой папочка, и поэтому убил всех. В конце концов, каждый ее трахал: я заставил их в этом признаться, прежде чем прикончил. Лучше всех был управляющий, этакий краснолицый упитанный старый Казанова, и таких, как у него подкрученных вверх усов а-ля Пуаро, я уже лет двадцать как не видел. Я наложил ему жгут из его же гвардейского галстука. Изо рта у него полетели пузырьки слюны, а сам он стал синий, как невареный омар.

В «Святом Андрее» были и другие мужчины, кто мог бы оказаться моим отцом, но после этих четверых я перегорел. Я сказал себе, что разобрался с четырьмя наиболее вероятными кандидатами и что, если я перебью всех и каждого, кто мог забить матери, дело кончится бойней. Так что я завязал.

На воспитание меня отдали в соседний детдом.

Если верить ее истории болезни, маму стерилизовали сразу после моего рождения. Никому не хотелось, чтобы такие гадкие, мелкие, как я, происшествия помешали еще чьему веселью.

Мне было десять, когда она покончила с собой. Это было в 64-м. Мне было десять лет от роду, и я еще играл в «каштаны»[232] и воровал потихоньку сладости в кондитерских, когда она, сидя на линолеумном полу своей камеры, пилила себе запястья осколком битого стекла, который бог знает где раздобыла. Она и пальцы себе раскроила тоже, но своего добилась. Ее нашли утром — липкую, красную и холодную.

Люди мистера Элиса наткнулись на меня, когда мне было двенадцать. Замначальника детдома считал нас, мальцов, своим личным гаремом сексрабов с исцарапанными коленками. Соглашайся и окажешься с больной попкой и шоколадкой «Баунти». Будешь трепыхаться, проведешь пару дней взаперти с взаправду больной попкой и сотрясением мозга в придачу. Мы его прозвали Старой Соплей, потому что он начинал ковырять в носу, как только решал, что мы не видим.

Его нашли в гараже его дома в его собственном

---

[232] notes: 232

Каштаны — английская детская игра, в которой одним привязанным на веревочке каштаном бьют по другим.

синем «моррис миноре»: дверцы заперты, и кусок ярко-зеленого садового шланга идет прямо от выхлопной трубы в окно спереди. Коронер постановил «самоубийство», и семьдесят пять мальчишек вздохнули свободней.

Но Старая Сопля за годы труда на ниве воспитания малолетних оказал пару услуг мистеру Эллису, когда, скажем, следовало позаботиться о приезжем иностранном политике со склонностью к мальчикам или заезжал с визитом главный констебль[233]. Потому мистер Элис послал пару своих следователей — просто убедиться, что все тип-топ. Когда же они сообразили, что единственно возможный преступник — двенадцатилетний мальчишка, они едва штаны не намочили со смеху.

Однако мистер Элис был заинтригован и потому послал за мной. Это было еще в те дни, когда он гораздо чаще принимал во всем личное участие. Полагаю, он надеялся, что я окажусь хорошеньким, но тут его ждал печальный сюрприз. Я и тогда выглядел, как сейчас: худой, словно щепка, профиль — что топор, и уши — как ручки у кастрюли. Больше всего мне в нем тогдашнем

[233] notes: 233

Главный констебль — в Великобритании начальник полиции в графстве, городе.

запомнилось то, какой он был огромный. Тучный. Надо думать, он был в ту пору еще довольно молод, хотя тогда мне так не казалось: он был взрослый и потому враг.

Явилась пара громил и забрала меня после школы — по дороге домой. Я поначалу едва не обделался, но от громил не пахло законом — за моей спиной уже было четыре года игры в прятки со Старым Билли[234], и бобби в штатском я чуял за сто ярдов. Они отвезли меня в крохотную скудно обставленную серую контору в переулочке за Эджвер-роуд.

Стояла зима, и на улице было почти темно, и в конторе была полутьма, если не считать маленькой лампы, отбрасывающей круг желтого света на письменный стол. Необъятных размеров человек за столом царапал что-то шариковой ручкой внизу страницы телекса. Потом, закончив, он поднял на меня глаза. Оглядел меня с головы до ног.

— Сигарету?

Я кивнул. Он протянул мне «Питер Стайвесент» в мягкой пачке, и я взял одну. Он дал мне прикурить от золотой с черным зажигалки.

---

[234] notes: 234
Старый Билли (англ. сленг 50-х гг.) — полиция.

— Ты убил Ронни Полмерстона, — сообщил он мне. В голосе не было и намека на вопрос.

Я промолчал.

— Ну? Ты ничего не собираешься сказать?

— А что тут можно сказать? — сообщил я в ответ.

— Я до этого дошел, только услышав, что он был на заднем сиденье. Он не сел бы назад, собираясь он покончить с собой. Он сидел бы за рулем. Думаю, ты подсунул ему «мики»[235]. Потом запихнул в «мини» — нелегко, наверное, пришлось, он не слабый был мужик, — а вот «мики» и «мини» это и впрямь здорово, — потом отвез его домой, заехал в гараж, к тому времени он уже крепко спал, а ты подстроил самоубийство. Ты не боялся, что тебя заметят за рулем? Двенадцатилетнего мальчишку?

— Темнеет рано, — отозвался я. — И я ехал переулками.

Он хмыкнул. Задал мне еще пару вопросов — о школе, о детдоме, о том, что мне интересно, и все такое. Потом вернулись громилы и отвезли меня назад в детдом.

Неделю спустя меня усыновила пара по фами-

---

[235] notes: 235

«Мики» (англ. сленг 50-х гг.) — спиртной напиток с примесью наркотика.

лии Джексон. Он был специалистом по международному торговому праву, она — экспертом по самообороне. Думаю, они никогда не видели друг друга до тех пор, пока мистер Элис не свел их, чтобы они меня воспитали.

Не знаю, что он во мне увидел в ту первую встречу. Должно быть, какой-то потенциал. Потенциальную лояльность. Я — лояльный человек. Не стоит ошибаться на этот счет. Я — человек мистера Элиса, душой и телом.

Разумеется, на самом деле его имя не мистер Элис, но я с тем же успехом мог бы называть его и настоящим именем. Разницы никакой. Вы все равно о нем не слышали. Мистер Элис — один из десяти самых богатых людей в мире. Скажу вам вот что: вы и о других девяти ничего не слышали. Их имена не появятся ни в одном из списков ста самых богатых людей мира. Никаких там биллов гейтсов или султанов Брунея. Я говорю о *настоящих* деньгах. На свете есть люди, которым платят больше, чем вам за всю жизнь доведется увидеть, только за то, чтобы ни словечка не проскользнуло о мистере Элисе в газетах или по телику.

Мистер Элис любит владеть вещами. И, как я вам уже сказал, одна из вещей, которыми он владеет, я. Он — отец, которого у меня никогда

не было. Это он достал мне папки с историей болезни мамы и сведения о четырех наиболее вероятных кандидатах на роль папочки.

По окончании университета (степень с отличием в экономике и международном праве) я сделал себе подарок: поехал и отыскал моего деда-врача. До тех пор я встречу с ним все оттягивал. Она была чем-то вроде стимула.

Ему оставался год до пенсии, этому старику с топорным лицом и в твидовом пиджаке. Год стоял 1978-й, и некоторые доктора еще ездили на дом. Я следовал за ним до высотки на Мейда-Вейл. Подождал, пока он одарит кого-то там своей врачебной мудростью, и остановил, когда он выходил, помахивая черным саквояжем.

— Привет, дедушка, — сказал я.

Нет особого смысла пытаться выдать себя за кого-то другого. Не с моей внешностью. Он был точная копия меня через сорок лет. Та же до черта безобразная физиономия, только волосы поредели и стали песочно-серыми, а у меня еще была густая и мышино-русая шевелюра. Он спросил, что мне надо.

— Ты вот так взял и запер маму, — сказал я ему. — Не больно-то хорошо это было с твоей стороны.

Он предложил мне убираться или что-то в этом роде.

— Я только что получил степень, — отозвался я. — Тебе следовало бы мной гордиться.

Он сказал, что знает, кто я, и что лучше мне убраться немедленно, или он натравит на меня полицию, и меня засадят.

Я вогнал ему нож в левый глаз — прямо в мозг и, пока он задыхался потихоньку, забрал его старый телячьей кожи бумажник, — в общем, в подарок на память и чтобы выглядело все, как ограбление. Именно там, в бумажнике, я нашел фотографию мамы, черно-белую, улыбающуюся и кокетничающую с камерой двадцать пять лет назад. Интересно, кому принадлежал «морган»?

Через парня, который меня не знал, я сбыл бумажник перекупщику, а потом купил его в лавке, когда за ним никто не пришел. Аккуратный чистый след. Не один умник попался на сувенире. Иногда я спрашиваю себя, не убил ли я в тот день своего отца, не только деда. Не думаю, что он бы мне сказал, даже если бы я спросил. Да и какая разница, верно?

После этого я пошел на постоянную работу к мистеру Элису. Пару лет заведовал делами в Шри-Ланке, потом провел год в Боготе на им-

порте-экспорте, вкалывая, как прославленный коммивояжер. Домой в Лондон я вернулся как только смог. Последние пятнадцать лет я выступал в основном как спец по конфликтам и по сглаживанию трений в проблемных областях. Спец по конфликтам. Круто звучит.

Как я говорил, чтобы никто и никогда о тебе не услышал, нужны настоящие деньги. Никаких там глупостей а-ля рупперт мердок, который ест с рук у коммерческих банков. Вам никогда не увидеть мистера Элиса в глянцевом иллюстрированном журнале, показывающим фотографу свой глянцевый новый дом.

Помимо бизнеса, основной интерес мистера Элиса — секс, вот почему я стоял тогда у входа на станцию Эрлз-Корт с сине-белыми бриллиантами на 40 миллионов американских долларов в карманах макинтоша. В особенности и чтобы быть точным, интерес мистера Элиса к сексу ограничивается отношениями с очень привлекательными молодыми людьми. Нет, не поймите меня неправильно: я не хочу, чтобы вы думали, что мистер Элис какой-то там гомик. Он и не педик, ничего такого. Он — нормальный мужик. Просто нормальный мужик, который любит трахать других мужиков, вот и все. В мире всякой

твари по паре, скажу я вам, что оставляет и мне простор и раздолье. Как в ресторане, где каждый заказывает из меню что-то другое. Chacun á son goût[236], простите мне мой французский. Так что все счастливы.

Это было в июле, пару лет назад. Помнится, я стоял на Эрлз-Корт-роуд, смотрел на вывеску «Эрлз-Корт-стейшн», а потом принялся смотреть на наркоту и алкашей, тусующихся на тротуаре у станции, и все это время высматривал не появится ли «ягуар» мистера Элиса.

Бриллианты во внутреннем кармане макинтоша меня нисколько не тревожили. Я не похож на мужика, у которого есть что-то, ради чего его стоило бы грабить, и я вполне могу о себе позаботиться. Так что я пялился на наркоту и алкашей, убивая время до появления «ягуара» (надо думать, застрявшего посреди дорожных работ на Кенсингтон Хай-стрит) и спрашивал себя, почему наркоманы и алкоголики собираются на мостовой у станции подземки «Эрлз-Корт».

Полагаю, наркоту еще можно понять: они ждут дозы. Но что, черт побери, тут делают алкаши? Никто не обязан передавать тебе пинту «гин-

---

[236] notes: 236
На вкус и цвет товарищей нет (фр.).

несса» или бутылку средства для растирания. И сидеть на мостовой или прислоняться к стене здесь неудобно. Будь я алкоголиком, решил я, в такой чудесный день отправился бы в парк.

Неподалеку пакистанский паренек лет восемнадцати — двадцати оклеивал внутренность стеклянной телефонной будки визитками проституток — ТРАНССЕКСУАЛ С ФОРМАМИ, НАТУРАЛЬНАЯ БЛОНДИНКА, ГРУДАСТАЯ ШКОЛЬНИЦА и СТРОГАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МАЛЬЧИКА ДЛЯ БИТЬЯ. Заметив, что я пялюсь, он бросил на меня сердитый взгляд. Потом, закончив, перешел к следующей будке.

У обочины затормозил «ягуар» мистера Эллиса, и, сделав несколько шагов, я открыл дверцу и сел назад. Это неплохая машина, ей всего года два. У нее есть класс, но на улице — пройдешь мимо и не заметишь.

Шофер и мистер Элис сидели впереди. На заднем сиденье со мной был пухлый человечек, стриженный под ежик и в кричащем клетчатом костюме. Он напомнил мне несостоявшегося жениха в фильме пятидесятых годов, того, кото-

рого под конец бросают ради Рока Хадсона[237]. Я кивнул ему, на что он протянул руку, которую потом убрал, когда я как будто ее не заметил.

Мистер Элис нас не представил, что меня вполне устраивало, поскольку я точно знал, кто он. Я его нашел, на деле я же его и поддел на крючок, хотя он этого никогда не узнает. Он был профессором древних языков в одном из университетов Северной Каролины. Он считал, его одолжил британской разведке госдепартамент США. Ему так сказали, когда вызвали в департамент. Жене профессор сказал, что едет читать доклад на конференции по хеттскому языку в Лондоне. Такая конференция действительно имела место. Я сам ее организовал.

— Почему ты, черт побери, ездишь в подземке? — вопросил мистер Элис. — Не для того же, чтобы сэкономить деньги.

— Я бы думал, что тот факт, что я минут двадцать стоял на углу в ожидании вас, в точности объясняет, почему я не езжу на машине, — сообщил я ему. Ему нравится, что я не падаю тут же на спину и не виляю хвостом. Я — пес с характером.

---

[237] notes: 237

Рок Хадсон (1925–1985 (от СПИДа)) — американский актер, игравший по большей части героев-любовников, остался в истории кино в основном благодаря внешности.

— Средняя скорость транспортного средства по улицам Центрального Лондона в дневное время не изменилась за четыреста лет. Она по-прежнему меньше десяти миль в час. Если есть подземка, спасибо, поеду лучше на поезде.

— Вы не водите машину в Лондоне? — спросил профессор в крикливом костюме. Храни нас Господи от вкуса американских ученых. Назовем его Маклеодом.

— Я вожу ночью, когда улицы пусты, — сказал я ему. — После полуночи. Люблю ездить по ночам.

Опустив окно, мистер Элис закурил небольшую сигару. Я не мог не заметить, что руки у него дрожат. От предвкушения, думаю.

А мы все ехали через Эрлз-Корт, мимо сотни высоких зданий красного кирпича, претендующих на роль гостиниц, и сотни еще более жалких строений, приютивших пансионы и ночлежки, по хорошим улицам и по дурным. Иногда Эрлз-Корт напоминает мне одну из тех старух, которые еще встречаются время от времени и которые держатся до боли благопристойно и чопорно, пока не пропустят пару рюмок, а тогда уже начинают танцевать на столах и рассказывать всем в пределах досягаемости, какими горячими штучками они были, когда отсасывали за деньги

в Австралии или Кении или в какой другой экзотической стране.

Не думайте, что мне нравится это место, откровенно говоря, это далеко не так. Эрлз-Корт — слишком неустойчив, сплошной транзит. Дома, события, люди — все приходит и уходит чертовски быстро. Я не романтик, но в любой день предпочту Саут-Бэнкс или Ист-Энд. Ист-Энд — вот это место, здесь, и нигде больше, все и начинается, и хорошее, и дурное. Это — и утроба, и анус Лондона; они всегда поблизости друг от друга. А Эрлз-Корт — ну я даже не знаю что. Любая анатомическая аналогия обваливается, стоит вам здесь очутиться. Думаю, это потому, что Лондон безумен. Синдром расщепления личности, не иначе. Все эти мелкие городки и поселки, которые разрослись и вдавились друг в друга, чтобы создать единую метрополию, но так и не забыли своих старых границ.

И вот шофер тормозит на улочке, ничем не отличающейся от любой другой, перед высоким домом, стоящим в ряду таких же высоких стандартных домов. Отличие только в том, что этот, возможно, когда-то был гостиницей, да еще в том, что пара окон в нем заколочены.

— Вот этот дом, — сказал шофер.

— Верно, — отозвался мистер Эллис.

Обойдя машину, шофер открыл дверь для мистера Элиса. Мы с профессором Маклеодом вышли без посторонней помощи. Я оглядел улицу. Беспокоиться не о чем.

Я постучал, и мы стали ждать, От нечего делать я улыбнулся и кивнул глазку в двери. Щеки мистера Элиса побагровели, и руки он держал скрещенными перед промежностью, чтобы не осрамиться. Завелся старикан.

Ну и со мной такое бывало. Со всеми нами. Только мистер Элис — другое дело, он может себе позволить потакать своим слабостям.

Я так на это смотрю: одни люди нуждаются в любви, другие — нет. Думаю, учитывая всех и вся, мистер Элис — на деле из тех, что «нет». И я тоже. Со временем начинаешь распознавать своих.

И мистер Элис — прежде всего гурман.

С приглушенным звяканьем отодвинулся засов, дверь открыла старуха, каких обычно описывают как «отталкивающего вида». Одета она была в бесформенную черную хламиду, а лицо с мешками под глазами как будто состояло из сплошных углов и морщин. Я вам скажу, как она выглядела. Случалось вам видеть картинки с изображениями булочек с корицей, которые, как говорят,

похожи на мать Терезу? Вот так она и выглядела, как плюшка с корицей с двумя коричневыми глазами-изюминами, глядевшими с ее коричнево-плюшечного лица.

Старуха сказала что-то на языке, которого я даже не распознал, а профессор Маклеод, запинаясь, ответил. Оглядев подозрительно по очереди каждого из нас, карга скорчила рожу и махнула нам заходить. А потом с грохотом захлопнула за нами дверь. Я закрыл сперва один глаз, потом другой, давал им возможность привыкнуть к полумраку внутри дома.

Все здание воняло, как распроклятая полка с пряностями. Буквально все в этом деле мне решительно не нравилось; есть что-то в иностранцах, когда они настолько иностранные, как эта ведьма, от чего у меня мурашки ползут по коже. Проходя вслед за этой плюшечной летучей мышью, которую я начал мысленно называть мать-настоятельница и которая вела нас теперь все вверх и вверх по лестнице, я видел и других черноробых женщин, выглядывающих на нас из-за дверей и поворотов коридоров. Ковровая дорожка на лестнице давно уже вытерлась, и подошвы моих ботинок, отрываясь от нее, издавали чавкающие звуки. По стенам осыпающимися ко-

мьями свисала старая краска. Это был истинный муравейник, он просто сводил меня с ума. Мистеру Элису не следует приезжать в такие места, в дома, где его нельзя по-настоящему защитить.

Одна за другой в полном безмолвии выглядывали на нас скрюченные карги, а мы все поднимались пролет за пролетом. Старая ведьма с корично-плюшечным лицом говорила с профессором Маклеодом, бросала время от времени несколько непонятных слов, а он, пыхтя и отдуваясь от одышки, отвечал ей как мог.

— Она хочет знать, привезли ли вы бриллианты? — прохрипел профессор.

— Скажи ей, мы поговорим об этом после того, как осмотрим товар, — ответил мистер Элис. Он не задыхался, и если в его голосе и слышалась легкая дрожь, то это была дрожь предвкушения.

Мистер Элис, насколько мне лично известно, поимел половину подающих надежды кинозвезд-мужчин и больше мужчин-моделей, чем те, на кого вы вообще трясли прибором; он поимел самых хорошеньких мальчиков пяти континентов. Никто из них не знал в точности, кто именно их трахает, но всем им очень хорошо заплатили за труды.

Под самой крышей дома, наверху последнего

пролета деревянной без дорожки лестницы оказалась дверь на чердак, а по обеим сторонам ее, будто дубы-близнецы, высились две великанши в черных одеждах. Судя по виду, каждая из них продержалась бы пару раундов против борца сумо. В руках у каждой — и я не шучу — красовался скимитар: они охранили Сокровище шагинаи. И несло от них, как от пары дряхлых кляч. Даже в полумраке я разглядел заплаты и пятна на их робах.

Мать-настоятельница подступила прямо к ним, белка лицом к лицу с двумя питбулями, а я глядел на их бесстрастные лица и размышлял, откуда они такие взялись. Они вполне могли быть родом с Самоа или из Монголии. Или их вытащили с какой-нибудь фермы по разведению уродов в Турции, а может, в Иране или Индии.

По слову старухи стража освободила проход, и я толкнул дверь. Дверь была не заперта. Я заглянул внутрь, так, на случай неприятностей, вошел, огляделся и кивнул: мол, все чисто. Так что я стал первым мужчиной в этом поколении, кому довелось увидеть Сокровище шагинаи.

Он стоял на коленях у походной койки, голова его была опущена.

Легендарные, вот как надо бы называть ша-

гинаи. Это значит, я никогда в жизни о них не слышал и не знал никого, кто бы слышал, а когда я начал разыскивать их, даже те, кто о них слышал, не верили в их существование.

«В конце концов, дорогой друг, — сказал мой ручной академик из России, передавая мне свой отчет, — вы говорите о расе людей, единственное свидетельство существования которых — полдюжины строк у Геродота, стихотворение в „Тысяче и одной ночи“ и речь в „Рукописи, найденной в Сарагосе“. Едва ли это можно назвать надежными источниками».

Но слухи дошли до мистера Элиса, и он заинтересовался. А если мистер Элис чего хочет, то я, черт побери, делаю что могу, чтобы он это получил. В данный момент, глядя на Сокровище шагинаи, мистер Элис выглядел таким довольным, что казалось, того и гляди, лопнет от счастья.

Юноша встал. Из-под кровати до половины выглядывал ночной горшок с лужицей ярко-желтой мочи на дне. Роба юноши была из белого хлопка, тонкая и очень чистая. Еще на нем были голубые шелковые шлепанцы.

В комнате было жарко. Горели с громким шипением два газовых рожка, по одному на каждой

стене чердака. Мальчик жары как будто не чувствовал. Профессор Маклеод начал сильно потеть.

Согласно легенде, мальчик в белых одеждах — на вид лет семнадцати, не больше восемнадцати — был самым красивым мужчиной на земле. Нетрудно поверить.

Мистер Элис подошел к юноше и принялся осматривать его, будто фермер, выбирающий на рынке теленка: заглянул в рот, попробовал мальчика, заглянул в глаза и в уши, взял его за руки и осмотрел пальцы и ногти, а потом, совершенно деловито, приподнял подол белой робы, чтобы проинспектировать его необрезанный пенис, прежде чем повернуть парня кругом и оглядеть состояние его зада.

И все это время глаза и улыбка Сокровища светились радостью и белизной.

Наконец мистер Элис притянул юношу к себе, чтобы поцеловать — медленно и мягко — в губы. Потом отодвинулся, провел языком по его рту, кивнул и повернулся к Маклеоду.

— Скажи ей, мы его забираем, — сказал мистер Элис.

Профессор Маклеод защелкал и запыхтел что-то матери-настоятельнице, и лицо карги разошлось

морщинами коричного счастья. Потом она протянула руки.

— Она хочет, чтобы ей теперь заплатили, — перевел Маклеод.

Я медленно запустил руки во внутренние карманы макинтоша и вытащил сперва один, потом второй, два черных бархатных мешочка. И оба протянул карге. В каждом мешочке хранилось по пятьдесят безупречных бриллиантов D и E класса, совершенной огранки, каждый — весом свыше пяти карат. Большинство их было скуплено за бесценок в России в середине девяностых. Сотня бриллиантов, сорок миллионов долларов. Старуха вытряхнула несколько штук на ладонь, потыкала в них пальцем. Потом, ссыпав бриллианты назад в мешочек, кивнула.

Когда бархатные мешочки исчезли в складках ее робы, она прошла к лестнице и что было сил выкрикнула что-то на своем непонятном языке.

И по всему дому под нами поднялся вопль, будто разом взвыл цельный клан баньши. Под завывания мы спускались по лестницам, под завывания шли по этому мрачному лабиринту; и юноша в белых одеждах возглавлял процессию. Честное слова, волосы у меня на затылке вставали дыбом от этого воя, а от вони влажного

гниения и пряностей я едва не давился блевотиной. Ненавижу иностранцев.

Прежде чем выпустить его из дому, женщины завернули юношу в пару одеял, опасаясь, что он подхватит простуду, несмотря на палящее июльское солнце. Мы запихнули его в машину.

Я проехался с ними до подземки, после чего вышел.

Следующий день, который пришелся на среду, я провел, разбираясь с бардаком в Москве. Слишком много самонадеянных ковбоев. Я молился, что смогу разобраться со всем этим, не выезжая на место лично: от их кормежки у меня запор.

С возрастом я езжу все меньше и меньше, и если уж на то пошло, мне этот город никогда особо не нравился. Но я еще могу применить себя в деле, когда понадобится. Мистер Элис сказал, что боится, что Максвелла придется убрать с доски. Я сказал, что займусь этим сам и ничего больше не желаю об этом слышать. От Максвелла всегда можно ждать чего угодно. Мелкая рыбешка с большим ртом и гнилым характером.

Самый удовлетворительный всплеск, какой мне доводилось слышать.

К вечеру среды я был натянут, как пара вигвамов, так что позвонил знакомому мужику, и на

квартиру в Барбикене мне привезли Дженни. Это привело меня в сносное настроение. Хорошая она девчонка, эта Дженни. И совсем не гулящая. За словами следит и дело знает.

Я был очень-очень нежен с ней той ночью, а потом сунул ей банкноту в двадцать фунтов.

— Но это совсем ни к чему, — пыталась возразить она. — Все улажено.

— Купи себе что-нибудь шальное. — Я взъерошил ей волосы. — Это шальные деньги.

На что она улыбнулась, как школьница.

В четверг был звонок от секретаря мистера Элиса, мол, все удовлетворительно и я должен заплатить профессору Маклеоду.

Мы поселили профессора в «Савое». Так вот, большинство доехало бы подземкой до Чэпинг-Кросс или Набережной Виктории и прошли до «Савоя» по Стрэнду. Не по мне. Я доехал до вокзала Ватерлоо и прогулялся на север через мост Ватерлоо. Это на пару минут дольше, но вид ни с чем не сравнимый.

Когда я был мальчишкой, один из ребят в дортуаре детдома рассказывал, что если задержать дыхание и дотянуть так до середины моста над Темзой, то там можно загадать желание и оно обязательно сбудется. Мне никогда не о чем было

желать, но я проделываю это как упражнение для дыхалки.

Из телефонной будки у опоры моста Ватерлоо (ГРУДАСТУЮ ШКОЛЬНИЦУ НУЖНО НАКАЗАТЬ. СВЯЖИ МЕНЯ — ПРИВЯЖИ МЕНЯ. НОВЕНЬКАЯ БЛОНДИНКА В ГОРОДЕ) я позвонил в номер Маклеода. Сказал, чтоб спускался вниз, я встречу его на мосту.

Его костюм был, если такое возможно, в еще более кричащую клетку, чем во вторник. Он отдал мне коричнево-желтый конверт, набитый компьютерными распечатками: что-то вроде самопального разговорника шагинаи-английского. «Ты голоден?» «Пора мыться». «Открой рот». Все, что может потребоваться мистеру Элису.

Я убрал конверт в карман макинтоша.

— Как насчет того, чтобы поглядеть город? — спросил я, и профессор Маклеод ответил, что всегда хорошо осматривать город с тем, кто в нем родился.

— Эта работа — филологический курьез и лингвистическое наслаждение, — сказал Маклеод, пока мы шли по Набережной Виктории. — Шагинаи говорят на языке, у которого есть много общего и с арамейской, и с угро-финской группой. Это — язык, на котором мог бы говорить Христос,

реши он составить послание первобытным эстонцам. К тому же в нем очень мало заимствованных слов. У меня есть теория, что они, наверное, не раз и не два были вынуждены внезапно спасаться бегством. Моя оплата при вас?

Я кивнул. Достал из кармана пиджака свой старый, телячьей кожи бумажник, а оттуда узкую ярко раскрашенную картонку билета.

— Вот и он.

Мы подходили к мосту Блэкфрайарз.

— Он настоящий?

— Конечно. Государственная лотерея Нью-Йорка. Билет вы купили ни с того ни с сего в аэропорту перед вылетом в Англию. Результаты огласят в субботу вечером. Неделя должна выдаться неплохой. Уже сейчас больше двадцати миллионов долларов.

Он убрал лотерейный билет в собственный бумажник — черный и блестящий и вздувшийся от пластика, а бумажник убрал во внутренний карман пиджака. Его руки то и дело возвращались к карману, оглаживали его — так владелец, сам того не сознавая, удостоверялся, что сокровище на месте. Он был бы великолепной добычей для любого карманника, который пожелал бы узнать, где этот лох держит ценные вещи.

— За это надо выпить, — возвестил Маклеод.

Я согласился, что да, надо, но указал, что такой день, как этот — с сияющим солнцем и свежим бризом с моря, — слишком жалко терять в пабе. Так что мы отправились в винный. Я купил бутылку «Столичной», пакет с апельсиновым соком и пластиковый стаканчик ему и пару банок «гиннесса» себе.

— Дело в мужчинах, понимаете, — сказал профессор, когда мы уже сидели на деревянной скамейке лицом к Саут Бэнку на той стороне Темзы. — Очевидно, их не так много. Один-два на поколение. Сокровище шагинаи. Женщины — хранительницы и опекунши мужчин. Они вскармливают их, лелеют, берегут от зла. Говорят, Александр Македонский купил себе любовника у шагинаи. И Тиберий тоже, и по меньшей мере два папы римских. По слухам, один такой был у Екатерины Великой, но думаю, это враки.

Я сказал ему, что думал, будто шагинаи — это из области сказок.

— Я хочу сказать, только подумайте. Целая раса людей, единственное достояние которой — красота их мужчин. Так что раз в столетие они продают одного из своих мужчин за сумму, которая позволит племени протянуть еще сотню

лет. — Я отхлебнул «гиннесса». — Как по-вашему, женщины в том доме — это все племя?

— Сомневаюсь.

Он долил в пластиковый стакан на палец водки, плеснул еще сока и поднял в мою сторону стакан.

— Мистер Эллис, — сказал он, — он, наверное, очень богат.

— Что да, то да.

— Я не голубой, — Маклеод был пьянее, чем думал, на лбу у него проступили капли пота, — но я трахнул бы мальчишку прямо на месте. Он самое красивое — не знаю, как даже назвать, — что я когда-либо видел.

— Думаю, он в порядке.

— Вы не трахнули бы его?

— Не в моем вкусе, — отозвался я.

По дороге за нами проехало черное такси: оранжевый огонек, означающий «Свободно», был отключен, хотя сзади никого и не было.

— А что же тогда в вашем вкусе? — поинтересовался профессор Маклеод.

— Маленькие девочки, — ответил я.

Он сглотнул.

— Насколько маленькие?

— Лет девять. Десять. Быть может, одиннадцать

или двенадцать. Как только у них отрастает грудь и волосы на лобке, у меня уже не встает. Меня уже не заводит.

Он поглядел на меня так, как если бы я сказал ему, что мне нравится трахать дохлых собак, и какое-то время молчал, только пил свою «Столичную».

— Знаете, — сказал он наконец, — там, откуда я приехал, подобного рода вещи противозаконны.

— Ну, здесь тоже к этому не слишком благосклонны.

— Думаю, мне следует возвращаться в отель, — сказал он.

Из-за угла вывернула черная машина, на этот раз оранжевый огонек светился. Подозвав ее жестом, я помог профессору Маклеоду сесть назад. Это — одно из наших Особых Такси. Из тех, в которые садишься и больше уже не выходишь.

— В «Савой», пожалуйста, — сказал я таксисту.

— Слуш'юсь, начальник, — отозвался он и увез профессора Маклеода.

Мистер Элис хорошо заботился о мальчике шагинаи. Когда бы я ни приходил на совещания или доклады, мальчик всегда сидел у ног мистера Элиса, а мистер Элис крутил в пальцах, и гладил, и играл его черными кудрями. Они обожали друг

друга, любому было видно. Это смотрелось глупо и сентиментально, и, должен признать, даже для бессердечного ублюдка вроде меня трогательно.

Иногда ночами мне снились женщины шагинаи, эти отдающие мертвечиной, похожие на летучих мышей карги, бьющие крылами и устраивающиеся по насестам в огромном и гниющем старом доме, который был одновременно и Историей Человечества, и «Приютом святого Андрея». Взмахивая крылами, некоторые взмывали вверх, унося в когтях мужчин. А мужчины сияли, как солнца, и лица их были слишком прекрасны для людских взоров.

Я ненавидел эти сны. Такой сон — и весь следующий день насмарку, точно как в, черт побери, аптеке.

Самый красивый человек на земле, Сокровище шагинаи, протянул восемь месяцев. А потом подхватил грипп.

Температура у него поднялась до сорока четырех, легкие наполнились водой, он тонул посреди суши. Мистер Элис собрал с полдюжины лучших врачей со всего света, но парнишка просто мигнул и погас, как старая лампочка, так все и кончилось.

Думаю, они просто не слишком уж крепкие.

Растили их, в конце концов, для другого, не для выносливости.

Мистер Элис взаправду принял это близко к сердцу. Он был безутешен: рыдал, как дитя, все похороны напролет, слезы катились у него по лицу, будто у матери, которая только что потеряла единственного сына. Небо мочилось дождем, так что если не стоять с ним рядом, даже и не узнаешь. Мне это кладбище стоило пары взапрямь хороших ботинок, так что настроение у меня было прескверное.

Я сидел в квартире на Барбикэн: практиковался в метании ножа, сварил спагетти с соусом по-болонски, посмотрел футбол по телику.

Той ночью у меня была Элисон. Приятного было мало.

На следующий день я взял десяток хороших парней и отправился с ними в дом в Эрлз-Корт поглядеть, не осталось ли там кого еще из шагинаи. Должны же еще где-то быть молодые мужчины племени. Простая логика, и ничего больше.

Но штукатурка на гниющих стенах была заклеена краденными рок-плакатами, и во всем доме пахло опиумом, а не пряностями.

Крольчатник-лабиринт был забит австралийцами и новозеландцами. Сквоттеры, надо думать.

Мы застали их в кухне за отсасыванием наркотического дыма из горлышка разбитой бутылки «лимонада Р. Уайта».

Мы обшарили дом с подвала до чердака в поисках хоть какого-нибудь следа женщин шагинаи, хотя бы чего-нибудь, что они оставили по себе, какой-нибудь зацепки, чего угодно, чем порадовать мистера Элиса.

Мы не нашли ничего, совершенно ничего.

Все, что я унес с собой из дома в Эрлз-Корт, — воспоминание о груди девчонки, обкурившейся до забвения, спящей голой в комнате наверху. И никаких штор на окнах.

Стоя в дверном проеме, я глядел на нее чуть дольше, чем следовало, и эта картинка отпечаталась у меня в мозгу: полная с черным соском грудь, тревожный овал в едко-желтом свете уличных фонарей.

БАСОВЫЙ КЛЮЧ

Good Boys Deserve Favors
Перевод. Т. Покидаева
2007

Мои дети обожают, когда я им рассказываю правдивые истории из своего детства: как папа был маленьким, как папа грозился арестовать регулировщика, как я дважды выбил сестренке передние зубы, когда играл в близнецов, и даже как я случайно убил полевую мышку.

Эту историю я никогда не рассказывал своим детям. Сам не знаю почему.

Когда мне было девять, я пошел в музыкальную школу, и там нам сказали, чтобы мы выбирали себе инструменты. Можно было выбрать любой инструмент, какой хочешь. Кто-то выбрал кларнет, кто-то — скрипку, кто-то — гобой. Фортепьяно, литавры и альт.

Я был мелким для своего возраста и, единственный из всех учащихся младшей школы, выбрал контрабас, прежде всего потому, что мне нравилось несоответствие размеров. Это было нелепо, а значит, прикольно: такой маленький мальчик

таскает с собой инструмент, который выше его чуть ли не в полтора раза, и даже играет на нем, и ему это нравится.

Контрабас принадлежал школе, и, когда я увидел его в первый раз, он произвел на меня неизгладимое впечатление. Я учился водить смычком, хотя мне больше нравилось щипать струны пальцами. На моем указательном пальце на правой руке образовался перманентный белый волдырь, который со временем превратился в мозоль.

Я почему-то ужасно обрадовался, когда узнал, что контрабас не относится к скрипучему резкому семейству скрипок, альтов и виолончелей; он был мягче, душевнее, нежнее — даже по форме корпуса. На самом деле он остался единственным ныне здравствующим представителем вымершего инструментального семейства виол, и раньше его называли басовой виолой, и это название было по-настоящему правильным.

Все это мне рассказал мой учитель по классу контрабаса, пожилой музыкант, который не работал в школе постоянно, но приезжал дважды в неделю, чтобы давать нам уроки: мне и еще паре ребят постарше. Это был аккуратный, лысеющий дяденька, увлеченный своим инструментом до

самозабвения: всегда чисто выбритый, с длинными пальцами в твердых мозолях. Каждый раз я буквально набрасывался на него, засыпая вопросами: и об истории контрабаса, и о его собственной жизни. Потому что мне было действительно интересно: как он играл в разных оркестрах сессионным музыкантом, как он изъездил почти всю страну на своем велосипеде. На его велике сзади стояло какое-то хитрое приспособление, чтобы перевозить контрабас, и мне очень нравилось смотреть, как он едет, степенно крутя педали, со своим инструментом за спиной.

Он никогда не был женат. Хорошие контрабасисты — плохие мужья, говорил он. У него было много подобных высказываний. Вот, например, из того, что я помню: виолончель — инструмент для женщин, великих виолончелистов-мужчин не бывает. А его мнение об альтистах обоих полов я вообще не решился бы повторить в приличном обществе.

О школьном контрабасе он говорил в женском роде. Она. «Ее нужно как следует отполировать». Или: «Ты позаботишься о ней — и она позаботится о тебе».

Из меня получился не слишком хороший контрабасист. Играл я посредственно, путался в

нотах, и все, что я помню из моих выступлений в школьном оркестре, куда меня затащили на добровольно-принудительных началах, это как я постоянно сбивался и украдкой поглядывал на виолончелистов, дожидаясь, когда они перевернут страницу нотной тетради, чтобы понять, где вступать по новой, внося в какофонию школьного оркестра свой скромный вклад в виде простейших басовых нот.

С тех пор прошло много лет, я почти забыл нотную грамоту, но если бы мне вдруг понадобилось прочитать ноты, я бы прочел их в басовом ключе: A C E G, G B D F A.

Каждый день после уроков в обычной школе ребята, которые учились музыке, шли на занятия в музыкалку, а те, которые не учились, валялись дома на диванах и читали книжки и комиксы.

Я практически не занимался. Тем более что большую часть музыкальных уроков мы практиковались самостоятельно, без присмотра учителя. Я брал с собой книжку и читал ее тайком, сидя на своем высоком табурете и прижимая к себе гладкий бок контрабаса, со смычком в руке — чтобы ловчее обмануть дежурного преподавателя, который иной раз заглядывал в кабинет. Я был ленив и не испытывал вдохновения. Мой

смычок терся о струны с натужным скрипом вместо того, чтобы непринужденно скользить, пальцы были неуверенными и неловкими. Другие ребята старались, осваивали инструменты. Я не старался. Пока я честно отсиживал свои положенные полчаса в музыкальном классе, никому не было до меня дела. У меня был очень хороший, большой кабинет. Контрабас хранился в шкафу в учительской.

В нашей школе, кстати сказать, был всего лишь один знаменитый выпускник. О нем ходили легенды: как его выгнали из школы, когда он сел пьяным за руль и проехался по школьному крикетному полю, и как он потом стал богатым и знаменитым, сперва — как актер на вторых ролях в Илингском театре комедии, потом — как типичный английский невежа и хам практически во всех голливудских фильмах, где подобный персонаж предусмотрен сценарием. Он не стал кинозвездой в общепринятом понимании, но если он появлялся в каком-нибудь фильме в «Воскресном кинозале», мы страшно радовались и кричали «Ура!».

Ручка двери музыкального кабинета дернулась и повернулась. Я быстренько отложил книжку в сторону и потянулся к пюпитру, чтобы пере-

вернуть страницу потрепанного экземпляра учебника «52 упражнения для контрабаса». Директор школы сказал, обращаясь к кому-то, кого мне не было видно:

— Это не просто кружок. У нас настоящая музыкальная школа. А это наш кабинет для самостоятельных занятий...

И они вошли: директор школы, заведующий музыкальными классами (неприметный блеклый очкарик, который на самом деле мне нравился), заместитель заведующего музыкальными классами (дирижер нашего школьного оркестра, который меня ненавидел от всей души) и — да, это был он и никто иной — наш знаменитый выпускник собственной персоной в сопровождении душистой воздушной блондинки, которая держала его под руку и, судя по виду, вполне могла быть какой-нибудь кинозвездой.

Я прекратил делать вид, что пытаюсь играть, сполз со своего высокого табурета и встал, уважительно переминаясь с ноги на ногу и держа контрабас за гриф.

Директор что-то рассказывал о звуконепроницаемом покрытии стен, об акустике, о сборе денег на строительство музыкальной школы, о необходимости сделать ремонт, на который пока нет

средств, и. значит, понадобятся дополнительные дотации. Он как раз приступил к рассуждениям о ценах на стеклопакеты с двойными стеклами, но душистая женщина его перебила:

— Посмотрите, какой он славный!

И все повернулись ко мне.

— Да уж, немалых размеров скрипка... трудно держать ее под подбородком, — пошутил знаменитый выпускник, и все исполнительно засмеялись.

— Такой большой инструмент, — продолжала женщина. — И такой маленький мальчик. Но мы, наверное, мешаем тебе заниматься. Ты продолжай, не стесняйся. Сыграй нам что-нибудь.

Директор школы и заведующий музыкальными классами заулыбались, выжидательно глядя на меня. Заместитель заведующего, не питавший иллюзий по поводу моих музыкальных талантов, принялся объяснять, что в соседнем кабинете занимается первая скрипка школьного оркестра, и он с удовольствием им сыграет...

— Я хочу послушать его, — сказала душистая женщина. — Тебе сколько лет, малыш?

— Одиннадцать, мисс.

Она ткнула знаменитого выпускника локтем под ребра.

— Он назвал меня «мисс». — Почему-то это ее рассмешило. — Какая прелесть. Ты не стесняйся, малыш. Сыграй нам что-нибудь.

Знаменитый выпускник кивнул. Они все смотрели на меня и ждали.

Контрабас на самом деле не предназначен для сольных партий. Далеко не каждый профессиональный контрабасист может сыграть соло на своем инструменте, а в моем случае ни о каком профессионализме не шло и речи. И тем не менее я снова сел на табурет, обхватил пальцами гриф, взял смычок и приготовился опозориться по полной программе.

Сердце гремело в груди, как литавры.

Даже сейчас, двадцать лет спустя, я помню.

Я даже не заглянул в «52 упражнения для контрабаса». Я играл... что-то. Оно гремело, гудело, переливалось и реверберировало. Из-под скользящего по струнам смычка вырывались странные и уверенные арпеджио, а потом я отложил смычок и принялся щипать струны пальцами, извлекая из них замысловатые мелодичные пиццикато. Я творил с контрабасом такое, что не сумел бы сотворить и опытный джазовый музыкант с руками в два раза больше моих. Я играл, и играл, и играл, растекаясь по четырем металлическим

жестким струнам, прижимая к себе инструмент — я обнимал ее так, как не обнимал ни одного человека в жизни. И наконец, запыхавшийся и ликующий, остановился.

Женщина первой захлопала в ладоши, но они все аплодировали. Даже заместитель заведующего, который смотрел на меня с выражением более чем странным.

— Я и не знал, что это такой многогранный инструмент, — заметил директор. — Очень хорошая пьеса. Современная и в то же время — классическая. Замечательно. Браво. — После этого он вывел всех из кабинета, а я сидел, совершенно опустошенный, и рассеянно гладил левой рукой гриф контрабаса, а правой — струны.

Как и во всякой правдивой истории, все закончилось плохо: на следующий день по дороге в школьную часовню, где мы репетировали всем оркестром, я поскользнулся на мокрой мостовой (шел небольшой дождик) и упал, грохнув контрабас о камни. Деревянная подставка отломилась, передняя дека треснула.

Инструмент отдали в ремонт, а когда привезли обратно, это был уже не тот контрабас. Струны были натянуты жестче, их стало труднее щипать. Новую подставку закрепили под каким-то непра-

вильным углом — или просто мне так казалось. Тембр звучания изменился, даже на мой неискушенный слух. Я не сумел позаботиться о ней; и теперь она больше не будет заботиться обо мне.

А на следующий год я перешел в другую школу и перестал заниматься музыкой. Мысль о том, чтобы сменить инструмент, явственно отдавала предательством, а пыльный черный контрабас, который хранился в шкафу в музыкальном классе моей новой школы, похоже, меня невзлюбил. На мне лежала печать другого инструмента. К тому же за лето я вырос, и прикольное несоответствие моего мелкого роста с габаритами контрабаса сошло на нет.

И потом, я же знал, что совсем-совсем скоро у меня будут девочки.

ФАКТЫ ПО ДЕЛУ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ МИСС ФИНЧ

The Facts in the Case of the Departure of Miss Finch
Перевод. Т. Покидаева
2007

Начну с конца: я подцепил тонкий ломтик маринованного имбиря, розовый и прозрачный, положил его на бледный кусочек филе желтохвоста, окунул всю конструкцию — имбирь, рыбу и пропитанный уксусом рис — в соевый соус, имбирем вниз, и съел в два укуса.

— Наверное, все-таки надо пойти в полицию, — сказал я.

— И что мы им скажем? — спросила Джейн.

— Ну, я не знаю... Но можно хотя бы подать заявление о пропаже человека, или как там оно называется.

— А когда вы в последний раз видели юную барышню? — спросил Джонатан тоном сурового полицейского. — Так-так, понятно. Кстати, вы знаете, сэр, что когда занятых полицейских отрывают от дел, это обычно считается оскорблением

при исполнении?

— Но весь цирк...

— Это взрослые люди, сэр. Они были у нас на гастролях, проездом. Если вы назовете мне их имена, я, пожалуй, приму заявление...

Я уныло отправил в рот ролл с лососем.

— Ну, хорошо. Тогда, может быть, обратимся в газету?

— Хорошая мысль, — сказал Джонатан таким тоном, что сразу же стало понятно: с его точки зрения мысль была совершенно дурацкая.

— Джонатан прав, — заметил Джейн. — Они просто не станут нас слушать.

— Почему же не станут? Мы приличные люди, вполне заслуживающие доверия.

— Ты писатель, — сказала Джейн. — Пишешь в жанре фэнтези. Выдумываешь всякое разное и тем зарабатываешь на жизнь. Тебе никто не поверит.

— Но вы тоже все видели. Вы подтвердите.

— Осенью у Джонатана выходят новые серии документалок о культовых фильмах ужасов. Они решат, что он просто пытается сделать себе халявную рекламу. И у меня вот-вот выйдет очередная книга. Так что мы тоже не слишком благонадежны.

— То есть мы даже не можем никому ничего рассказать? — Я отпил глоток зеленого чая.

— Нет, — резонно заметила Джейн. — Рассказать-то мы можем кому угодно. А вот чтобы они нам поверили... Это будет проблематично. Я бы даже сказала, вообще невозможно.

От маринованного имбиря защипало язык.

— Да, наверное, ты права, — согласился я. — И вполне вероятно, что мисс Финч сейчас счастлива и довольна, и там ей лучше, чем здесь. Где бы она ни была.

— Ее зовут не мисс Финч, — поправила меня Джейн. — Ее зовут... — Она назвала настоящее имя нашей исчезнувшей спутницы.

— Да, я знаю. Просто когда я ее увидел, мне сразу подумалось... ну, знаете, как в этих фильмах, — объяснил я. — Когда девушка снимает очки и распускает волосы. «Ух ты, мисс Финч. Вы такая красивая».

— Да, — сказал Джонатан, — она была очень красивая. Во всяком случае, в самом конце. — Его передернуло при одном только воспоминании.

Вот. Теперь вы знаете, чем все закончилось. Закончилось, собственно говоря, ничем. Мы так ничего и не предприняли по этому поводу. Осталось лишь рассказать, с чего все началось, и

прояснить некоторые подробности.

Сразу оговорюсь: я не жду, что вы мне поверите. В конце концов, я же профессиональный выдумщик и обманщик, хотя и честный обманщик, как мне хотелось бы верить. Если бы я состоял в джентльменском клубе, я бы рассказал эту историю другим джентльменам — вечером у догорающего камина за бокалом хорошего крепкого портвейна, — но я никакой не член клуба, и вместо того, чтобы рассказывать историю, я лучше ее запишу. Так мне будет привычнее. Итак, вот история мисс Финч (как вы уже знаете, это не настоящее имя, ничего даже похожего на настоящее имя, поскольку я изменил имена и фамилии, чтобы уберечь виноватых), с изложением фактов, объясняющих, почему эта самая мисс Финч не смогла пойти с нами есть суси. Хотите — верьте, хотите — нет. Если по правде, мне самому уже как-то не верится, что все это было на самом деле. Как будто с тех пор прошла целая вечность.

Я мог бы придумать дюжину разных начал. Но, наверное, лучше всего начать с того утра в гостиничном номере, в Лондоне, несколько лет назад. Было около 11 утра. У меня зазвонил телефон. Это меня удивило. Я взял трубку.

— Алло?

В Америке было еще слишком рано, чтобы мне стали звонить оттуда, и никто из английских знакомых не знал и не должен был знать, что я еду в Лондон.

— Приветы, — произнес в трубке знакомый голос с жутко корявым, монументально-неубедительным, явно фальшивым американским акцентом. — Это Хайрам Мазлдекстер из «Колоссал пикчерс». Мы тут снимаем кинцо, римейк «Индианы Джонса в поисках потерянного ковчега», только вместо нацистов у нас будут роскошные тетки с хроническим бешенством матки. Нам не раз говорили, что у вас... э... замечательное оснащение в исподнем, и что вы наверняка согласитесь сыграть Миннесоту Джонса, то есть главную мужскую роль...

— Джонатан! — Я узнал его сразу. — Как ты меня нашел?

— Ну вот, — обиженно протянул он, переходя на родной лондонский акцент. — Ты знал, что это я.

— Тебя трудно не узнать, — заметил я. — Но ты не ответил на мой вопрос. Никто не должен был знать, что я приезжаю в Лондон.

— У меня есть свои каналы, — ответил он, не сказать чтобы очень загадочно. — Слушай, а если мы с Джейн накормим тебя суси — насколько

я помню, эти штуки ты поглощаешь в таких количествах, что это наводит на мысли о монументальном кормлении животных в «Доме моржей» в Лондонском зоопарке, — а до суси сводим тебя в один театр... Как тебе такое предложение?

— Не знаю. Наверное, нормально. Хотя, зная тебя, все же спрошу: в чем тут хитрость?

— И вовсе даже не хитрость, — сказал Джонатан. — Ну, не то чтобы прямо хитрость. То есть я бы не назвал это *хитростью*.

— По-моему, кто-то мне врет.

Мне было слышно, как кто-то что-то сказал в непосредственной близости от телефона, а потом Джонатан быстро проговорил:

— Погоди, сейчас Джейн возьмет трубку.

Джейн — это жена Джонатана.

— Привет, — сказала она. — Как жизнь?

— Замечательно.

— Слушай, — сказала она. — Ты нас очень обяжешь... то есть не то чтобы мы были не рады увидеть тебя просто так, потому что мы были бы страшно рады, но понимаешь, какое дело... есть одна девушка...

— Твоя подруга, — сказал Джонатан на заднем плане.

— Она мне не *подруга*. Просто знакомая, даже знакомая знакомых, — сказала Джейн мимо трубки, а потом вновь обратилась ко мне: — В общем, так. Тут приехала девушка, и нас попросили за ней присмотреть. Она недавно вернулась в Англию и пробудет в Лондоне пару дней, и я согласилась развлечь ее завтра вечером. На самом деле она кошмарная. Я уже тихо впадала в уныние. А потом Джонатан узнал, что ты в Лондоне. Ему кто-то сказал, с твоей студии. И мы подумали, если ты пойдешь с нами, вечер будет не так безнадежно испорчен. Я тебя очень прошу, скажи «да». Пожалуйста.

И я сказал «да».

Сейчас, уже ретроспективно, я думаю, что во всем происшедшем виноват покойный Ян Флеминг, создатель Джеймса Бонда, Где-то за месяц до описываемых здесь событий мне попалась одна статья. В частности, там приводился совет Яна Флеминга молодым начинающим писателям: если вам нужно доделать книгу, которая категорически не хочет писаться, селитесь в отеле и пишите с утра до ночи. Мне надо было доделать не книгу, а киносценарий, который категорически не писался, и я купил билет на самолет, прилетел в Лондон, клятвенно пообе-

щал большим боссам на студии, что предоставлю готовый сценарий не позднее, чем через три недели, и поселился в одном экстравагантном отеле в Маленькой Венеции.

Я никому не сказал, что прилетаю в Лондон: никому из английских друзей. Если бы они узнали, что я приехал в Англию, я проводил бы все время с ними — круглые сутки, — вместо того, чтобы тупо пялиться в монитор и иногда что-то писать.

Сказать по правде, я уже загибался от скуки и с удовольствием ухватился за эту возможность сделать маленький перерыв в монотонной работе.

На следующий день, ближе к вечеру, я приехал к Джонатану и Джейн. Они жили в собственном доме в Хэмпстеде. У подъезда стояла небольшая зеленая спортивная машина. Я поднялся по лестнице, постучал. Дверь открыл Джонатан. Помню, его элегантный костюм произвел на меня неизгладимое впечатление. Джонатан отрастил волосы: они были заметно длиннее по сравнению с последним разом, когда мы встречались «живьем» и когда я его видел по телику.

— Привет, — сказал Джонатан. — В театр мы не пойдем. Спектакль отменили. Но мы все равно сходим. В другое место. Если ты не против.

Я собирался ответить в том смысле, что поскольку

ку не знаю, куда мы хотели пойти изначально, то мне в общем-то все равно, куда именно идти, но Джонатан уже прошел в гостиную, налил мне газировки, даже не спрашивая, буду я пить или нет, заверил меня, что мы непременно пойдем есть суси и что Джейн выйдет к нам сразу, как только уложит детей.

Джонатан с Джейн, буквально на днях завершили ремонт в гостиной, оформив ее в стиле «мавританский бордель», как определил это сам Джонатан.

— Мы, собственно, не собирались делать из комнаты мавританский бордель, — объяснил он. — Мы вообще не любители бордельной эстетики. Просто так получилось. Мы даже сами не поняли как.

— Он уже рассказал тебе про мисс Финч? — спросила Джейн. Когда мы с ней виделись в последний раз, у нее были рыжие волосы. А теперь они — темно-каштановые.

— Про какую еще мисс Финч?

— Мы говорили о комиксах Стива Дитко. — сказал Джонатан, виновато потупив глаза. — И о «Джерри Льюисе» Нила Адамса.

— Но она уже скоро придет. А он совсем ничего про нее не знает.

По профессии Джейн — журналист. Она стала писателем — *известным* писателем — почти случайно. Ее попросили сочинить так называемый сопроводительный текст: небольшой роман по мотивам телесериала о двух исследователях сверхъестественных явлений, и этот роман неожиданно стал бестселлером и занял первое место в десятке самых продаваемых книг.

Джонатан сделался знаменитым, когда работал ведущим вечернего ток-шоу, и с тех пор очень даже успешно использовал свое неотразимое обаяние в самых разных областях, так или иначе связанных с телевидением. В жизни он точно такой же, как и перед камерой — не самое распространенное явление среди работников телеэфира.

— Это вроде как семейный долг, — объяснила Джейн. — То есть не то чтобы *семейный*...

— Эта девица — подруга Джейн, — весело заявил Джонатан.

— Она мне не *подруга*. Но не могла же я им отказать. Тем более она здесь пробудет всего пару дней.

Я так и не узнал, кто были эти «они», которым Джейн не могла отказать, и в чем состоял ее «не то чтобы семейный» долг, потому что в дверь по-

звонили, и Джейн пошла открывать, и вернулась уже с мисс Финч. Которую, как я уже говорил, звали не так, а совсем по-другому.

Она была в черном кожаном плаще и в черной кожаной фуражке. Ее угольно-черные волосы были гладко зачесаны назад и собраны в небольшой пучок, скрепленный керамической заколкой. Умело наложенный макияж производил впечатление хищной суровости, которой могла бы позавидовать даже профессиональная доминатрикс. Она стояла, плотно сжав губы, и смотрела на мир сквозь очки в выразительной черной оправе — они слишком явно подчеркивали ее строгое, точеное лицо и явно были не просто приспособлением для коррекции зрения.

— Ну что, — спросила она жестким гоном, словно оглашая смертный приговор, — мы идем в театр?

— И да, и нет, — сказал Джонатан. — В смысле, да, мы идем развлекаться, но у нас не получится посмотреть «Римлян в Британии».

— Хорошо, — сказала мисс Финч. — Все равно это полная безвкусица. Даже не представляю, кому могло прийти в голову сделать мюзикл из такой чепухи.

— Так что мы идем в цирк, — сказала Джейн.

— А потом — в ресторан, есть суси.

Мисс Финч сжала губы еще плотнее.

— Не люблю цирк, — сказала она. — Не одобряю подобные развлечения.

— В этом цирке нет дрессированных животных, — сказала Джейн.

— Хорошо. — Мисс Финч громко шмыгнула носом. Я потихоньку начал понимать, почему Джейн с Джонатаном попросили меня пойти с ними.

Когда мы вышли из дома, на улице было темно. Накрапывал мелкий дождик. Кое-как втиснувшись в маленькую машинку, мы поехали в Лондон. Мы с мисс Финч сидели сзади, неуютно прижимаясь друг к другу боками.

Джейн сказала мисс Финч, что я — писатель, а мне — что мисс Финч — биолог.

— Биогеолог на самом деле, — поправила ее мисс Финч. — Джонатан, мы действительно поедем есть суси?

— Э... да. А что, ты не любишь суси?

– *Я* вообще не ем сырую рыбу, — заявила она и выдала нам целый список названий различных червей и других паразитов, которыми буквально кишит мясо всяческих рыб и которые можно убить, только подвергнув означенных рыб теп-

ловой обработке. Она очень подробно рассказала нам об их жизненном цикле, пока мы ехали по городу под дождем, превращавшим вечерний Лондон в разноцветье размытых вспышек неона. Джейн обернулась с переднего сиденья и посмотрела на меня с искренним сочувствием, после чего они с Джонатаном снова принялись изучать рукописный листок с указаниями, как нам проехать до нужного места. Мы переехали через Темзу по Лондонскому мосту. Мисс Финч продолжала рассказывать о слепоте, необратимых умственных расстройствах и печеночной недостаточности; она как раз перечисляла симптомы слоновой болезни, причем с таким гордым видом, как будто выявила их сама, когда Джонатан въехал в узенький переулок рядом с Саутворкским собором.

— А где цирк? — спросил я.

— Где-то здесь, — сказал Джонатан. — Они сами вышли на связь. Выражают желание поучаствовать в нашем рождественском спецвыпуске. Я честно хотел заплатить за билеты, но они очень настойчиво заявили, что мы их гости, и нас пропустят бесплатно.

— Думаю, будет забавно, — сказала Джейн.

Мисс Финч громко шмыгнула носом.

Толстый лысый мужик, одетый средневековым монахом, вынырнул откуда-то из темноты и подбежал к нам.

— Ну, хорошо, что доехали, — сказал он. — А то мы вас заждались. Вы опаздываете. Мы уже начинаем. — Он развернулся и направился к неприметной двери в глухой стене. Мы пошли следом за ним. Дождь стучал по его лысой макушке, капли текли по лицу, размывая густой грим под Фестера Адамса. Дяденька распахнул дверь.

— Нам сюда.

Мы вошли. В крошечном вестибюле собралось уже человек пятьдесят. Женщина, неумело накрашенная под вампира, ходила с фонариком по полутемному залу и проверяла билеты: отрывала квиточки и продавала билеты тем, у кого их не было. Невысокая коротконогая тетенька, стоявшая прямо перед нами, стряхнула с зонта капли дождя и огляделась вокруг, раздраженно хмурясь.

— Будем надеяться, оно того стоит, — сказала она своему спутнику, совсем молодому парню. Наверное, сыну. Она заплатила за два билета.

Вампирская женщина подошла к нам и поздоровалась с Джонатаном.

— Эти люди с вами? Всего, значит, четверо? Да?

Вы в списке приглашенных.

Коротконогая тетенька подозрительно покосилась на нас.

Включилась запись: тиканье часов. Часы пробили двенадцать (на самом деле не было еще и восьми). Деревянные двойные двери в дальнем конце вестибюля распахнулись с натужным скрипом.

— Входите... если осмелитесь! — прогрохотал глухой голос и разразился зловещим хохотом.

Мы вошли в темноту.

В темноте пахло гнилью и сырым кирпичом. Я понял, где мы оказались: в Лондоне существует целая сеть старых подвалов, пролегающих под некоторыми участками наземных линий метро и связанных между собой длинными коридорами. Какие-то из этих подвалов используются под склады для вина или под стоянки подержанных автомобилей, предназначенных на продажу; иногда здесь ночуют бомжи; но большинство помещений пустует — в ожидании неизбежного появления чугунной бабы, свежего воздуха и той минуты, когда обнаружатся все их секреты и тайны.

Над нами прогрохотал поезд.

Дядюшка Фестер и вампирская женщина про-

вели нас по коротенькому коридору в какой-то тесный предбанник, где мы стояли минуты три в ожидании неизвестно чего.

— Надеюсь, там все-таки будет где сесть, — сказала мисс Финч.

Мы прошли в соседнее помещение.

Вампирская женщина выключила фонарик, и тут же зажглись прожекторы.

Зал наполнился людьми. Они появились буквально отовсюду, со всех сторон. Некоторые выехали на мотоциклах и дюноходах. Они скакали, бесились, махали руками и громко смеялись. Я подумал, что тот, кто придумывал им костюмы, явно обчитался комиксов или обсмотрелся «Безумного Макса». Там были монашки и панки, вампиры и разнообразные монстры, стриптизерши и зомби.

Они кривлялись, плясали и прыгали вокруг нас, а шпрехшталмейстер — опознаваемый по черному цилиндру — пел песню Элиса Купера «Добро пожаловать в мой кошмар», причем пел на редкость погано.

— Я знал Элиса Купера, — пробормотал я себе под нос, перефразируя цитату из чего-то наполовину забытого. — А вы, сэр, не Элис Купер.

— Ага, как-то оно все убого, — согласился Джо-

натан. Джейн шикнула на нас. Вскоре музыка смолкла, и шпрехшталмейстер остался один в ярком луче прожектора. Он заговорил замогильным голосом, обходя нашу группу по кругу:

— Добро пожаловать в Театр ночных сновидений.

— Кажется, твой фанат, — шепнул мне Джонатан.

— По-моему, это цитата из «Шоу ужасов Роки Хоррора», — шепнул я в ответ.

— Сегодня вы встретитесь с тварями ночи, с порождениями самых чудовищных снов, с монстрами из полуночных кошмаров, которые заставят вас содрогаться от ужаса — и смеяться от радости. Мы совершим путешествие... — он выдержал паузу, — ...по комнатам снов. И в каждой из этих подземных пещер вас ждет еще один ужас, еще один исступленный восторг, еще одно чудо! Ради вашей безопасности... пожалуйста, слушайте меня внимательно... я особо подчеркиваю: *ради вашей безопасности* не покидайте пределы участка для зрителей, обозначенного в каждой комнате... под страхом физических травм, запредельной боли и потери бессмертной души! Также должен вас предупредить, что в помещениях театра категорически запрещается

фотографировать со вспышкой и вести видеозапись.

После чего к нам подошли несколько молодых девушек с электрическими фонариками и провели нас в соседнюю комнату.

— Похоже, сесть не удастся, — сказала мисс Финч, которую явно не впечатлила проникновенная речь человека в цилиндре.

Первая комната

В первой комнате стояло большое колесо. Дядюшка Фестер с помощником горбуном приковали к нему цепями улыбающуюся блондинку в блескучем бикини и с дорожками от иглы на обеих руках.

Колесо медленно вращалось. Толстяк, наряженный в красную кардинальскую мантию, бросал ножи, очерчивая плотный контур вокруг тела девушки. Потом горбун завязал кардиналу глаза, и последние три ножа тот бросал уже вслепую. Все три вонзились в колесо в непосредственной близости от головы улыбающейся блондинки. Кардинал снял повязку. Девушку освободили и сняли с колеса. Все участники представления поклонились. Мы зааплодировали.

Однако номер еще не закончился. Кардинал

выхватил из-за пояса припрятанный нож и сделал вид, что перерезает девушке горло. Из-под лезвия хлынула кровь. Кто-то из зрителей испуганно вздохнул, одна впечатлительная девица тихонько вскрикнула, а ее подружки нервно захихикали.

Кардинал и блондинка раскланялись в последний раз. Свет погас. Мы прошли по кирпичному коридору следом за бледными лучами фонариков.

Вторая комната

Здесь запах сырости ощущался еще сильнее, как будто нас привели в заплесневелый заброшенный погреб. Откуда-то издалека доносился приглушенный шум дождя. Шпрехшталмейстер представил нам Существо, «сшитое в лаборатории ночи из кусков мертвой плоти и наделенное нечеловеческой силой». Грим этого детища доктора Франкенштейна не отличался особенной убедительностью, но демонстрация силы была впечатляющей. «Существо» без труда подняло каменный блок с сидящим на нем дядюшкой Фестером и остановило на полном ходу дюноход (которым управляла вампирская женщина). Под конец он надул грелку, сдавил ее пальцами, и

она лопнула.

— А когда мы пойдем есть суши? — спросил я вполголоса.

Мисс Финч так же тихо заметила, что, помимо серьезного риска подхватить паразитов, следует принять во внимание и то обстоятельство, что тихоокеанский голубой тунец, меч-рыба и чилийский каменный окунь в скором времени могут исчезнуть с лица Земли по причине чрезмерного промысла, поскольку их вылавливают быстрее, чем они успевают размножаться.

Третья комната

представляла собой темный зал необъятных размеров. Наверное, когда-то здесь был потолок, но его давно сняли, и теперь его заменяла крыша пустующего складского ангара, расположенного над нами. Углы помещения мерцали приглушенным синевато-малиновым светом ультрафиолетовых ламп. Зубы, белые рубашки и все белые детали одежды засветились в темноте. Заиграла негромкая ритмичная музыка. Высоко-высоко, под самой крышей ангара, парили скелет, инопланетянин, волк-оборотень и ангел. Их костюмы светились в ультрафиолетовом излучении. Они раскачивались на невидимых

трапециях, пролетая над нами, как забытые давние сны, а потом разом сорвались вниз и начали падать. Все четверо. Прямо на нас.

Кто-то из зрителей испуганно вскрикнул, но ничего страшного не случилось. Акробаты на долю секунды зависли в воздухе, а потом снова взметнулись вверх, к своим трапециям — словно четыре живых йо-йо. Мы с облегчением поняли, что артисты работают с подстраховкой. На невидимых в темноте резиновых тросах, закрепленных на потолке. Они летали над нами, кувыркались в воздухе, бросались вниз и взмывали вверх. А мы им хлопали и смотрели, затаив дыхание. В тишине, напоенной счастливым восторгом.

Четвертая комната

была больше похожа на сумрачный коридор с низким давящим потолком. Шпрехшталмейстер выбрал из зрителей двух «добровольцев» по собственному произволу — ту самую коротконогую тетеньку с недовольным лицом и высокого чернокожего парня в дубленке и желтовато-коричневых перчатках — буквально вытащил их за руку. После чего объявил, что сейчас состоится показательный сеанс гипноза. Он сделал какие-

то пассы в воздухе и сказал, что женщина ему не подходит. Потом попросил чернокожего парня взойти на дощатый помост.

— Наверняка подсадной, — пробормотала Джейн.

На помост выкатили гильотину. Шпрехшталмейстер положил под нож небольшой арбуз. Нож обрушился вниз и разрезал арбуз пополам. Потом шпрехшталмейстер приказал чернокожему парню положить руку под гильотину и дернул рычаг, отпускающий лезвие. Кисть в желто-коричневой перчатке упала в корзину. Из обрубка хлынула кровь.

Мисс Финч тоненько взвизгнула.

Чернокожий парень достал из корзины свою отрубленную руку и погнался за шпрехшталмейстером вокруг площадки для зрителей под заглавную музыкальную тему из «Шоу Бенни Хилла».

— Искусственная рука, — сказал Джонатан.

— Я так и думала, — сказала Джейн.

Мисс Финч высморкалась в бумажный платок.

— Развлечение на очень сомнительный вкус, — заявила она.

А потом нас отвели в пятую комнату.

Пятая комната

Здесь было светло. У дальней стены располагался грубо сколоченный деревянный стол, за которым стоял молодой лысый парень — продавал пиво, апельсиновый сок и минеральную воду. Над столом висела табличка со стрелкой и надписью: «Туалет». Стрелка указывала на дверь в углу. Джейн пошла купить минералки, а Джонатан отправился в туалет, то есть мы с мисс Финч остались одни, и мне пришлось развлекать ее светской беседой. Честно сказать, я не знал, о чем с ней говорить.

— Как я понимаю, вы вернулись в Англию совсем недавно.

— Я была на Комодо, — сказала она. — Изучала комодских драконов. Это самые крупные ящерицы на Земле. Знаете, почему они стали такими большими?

— Э...

— В ходе естественного отбора они приспособились охотиться на карликовых слонов.

— А были такие слоны? — спросил я с искренним интересом. Беседовать о карликовых слонах — это гораздо приятнее, чем слушать лекцию о вреде суси.

— О да. Это типичная островная биогеология: животные естественным образом тяготеют либо к гигантизму, либо к компактности. Существуют специальные уравнения… — Мисс Финч принялась объяснять, как и почему одни животные становятся больше, а другие, наоборот, меньше. Она говорила очень увлеченно, и ее лицо сделалось более человечным, более живым, и я не то чтобы проникся к ней неудержимой симпатией, но мое мнение о ней изменилось к лучшему.

Джейн принесла минералку. Джонатан вернулся из туалета, радостный и смущенный: пока он делал свои дела у писсуара, к нему подошел человек и попросил автограф.

— Слушай, я все хотела спросить, — обратилась Джейн к мисс Финч. — Я сейчас активно читаю криптозоологические журналы, собираю материалы для следующего выпуска «Путеводителя по необъяснимому». Это мой новый проект. И ты, как биолог…

— Биогеолог, — поправила ее мисс Финч.

— Ну да. Как ты думаешь, каковы шансы, что доисторические животные не вымерли полностью и живут до сих пор в каких-нибудь потаенных уголках Земли, о которых мы даже не знаем?

— Это вряд ли, — сказала мисс Финч тоном

строгой учительницы, которая отчитывает нерадивых учеников. — На Земле нет никаких «затерянных миров» на неоткрытых островах, где до сих пор обитают мамонты, саблезубые тигр и эпиорнисы...

— Кто? — спросил Джонатан.

— Эпиорнисы. Гигантские нелетающие доисторические птицы, — пояснила Джейн.

— А, ну да, — кивнул Джонатан. — Я просто забыл.

— Только они никакие не доисторические, — сказала мисс Финч. — Последние эпиорнисы были истреблены португальскими моряками на острове Мадагаскар в семнадцатом веке. Также существуют надежные исторические свидетельства, что в шестнадцатом веке при дворе русских царей был представлен карликовый мамонт и что римский император Веспасиан купил в Северной Африке несколько больших диких кошек, которые, судя по сохранившимся описаниям, вполне могли быть саблезубыми тиграми. Так что эти животные вовсе не доисторические, а вполне исторические.

— А зачем были нужны саблеобразные зубы? — спросил я. — Разве они не мешали охотиться?

— Что за вздор?! — Мисс Финч даже поморщи-

лась. — Саблезубые тигры были очень умелыми охотниками, если судить по тому, что окаменелости этих животных встречаются в геологических отложениях двух исторических периодов. Мне бы очень хотелось, чтобы они сохранились на нашей планете и по сей день. Но их уже не осталось. Мир изучен вдоль и поперек.

— Мир большой, — нерешительно заметила Джейн, а потом свет замигал, и призрачный голос, идущий как будто из ниоткуда, объявил, что пора идти дальше, в следующую комнату, предупредил, что вторая половина спектакля не рекомендуется для просмотра людям со слабым сердцем, и сообщил, что только сегодня, единственный раз в сезоне. Театр ночных сновидений с гордостью представляет нам Кабинет исполнения желаний.

Мы прошли вместе со всеми в шестую комнату.

Шестая комната

— Дамы и господа, представляю вам Творца боли! — объявил шпрехшталмейстер.

Луч прожектора метнулся вбок и высветил патологически худощавого молодого человека, одетого в плавки и подвешенного к потолку на

крюках, продетых сквозь соски. Две девицы в панковских прикидах помогли ему спуститься на низкий помост и поднесли реквизит. Представление началось. Молодой человек вбил себе в нос шестидюймовый гвоздь, поднял гирю на тросе, прикрепленном к кольцу в проколотом языке, запустил себе в плавки двух хорьков и подставил голый живот в качестве мишени для дротиков, которые бросала одна из припанкованных девиц — та, которая повыше ростом.

— Кажется, мы его уже видели, — сказала Джейн. — Года два-три назад.

— Да, — сказал Джонатан. — У него впечатляющие номера. Он тогда поджигал петарды, держа их в зубах.

— Помнится, вы говорили, что в этом цирке нет дрессированных животных, — сказала мисс Финч. — Как, по-вашему, должны себя чувствовать бедные хорьки в исподнем у этого парня?

— Наверное, это во многом зависит от того, мальчики эти хорьки или девочки, — весело отозвался Джонатан.

Седьмая комната

Здесь нам показали коротенькую комедийную сценку под рок-н-ролл, с плоскими пошлыми

шуточками. У монашки обнажился бюст, а горбун потерял трусы.

Восьмая комната

В восьмой комнате было темно. Мы долго стояли в полной темноте, дожидаясь, пока что-нибудь произойдет. Мне ужасно хотелось сесть. Ноги болели, я изрядно замерз и устал и мечтал лишь об одном: чтобы все это скорее закончилось.

А потом нам в глаза ударил яркий луч света.

— Сегодня ночью, — сказал странный голос, скрипучий и пыльный. Это был не шпрехшталмейстер. — Сегодня ночью у кого-то из вас сбудется самое заветное желание. Сегодня кто-то один обретет то, чего хочет, в Кабинете исполнения желаний. Кто это будет?

— Наверняка очередная подсадная утка, — шепнул я, вспомнив однорукого чернокожего парня в четвертой комнате.

— Тс-с-с. — шикнула на меня Джейн.

— Кто это будет? Вы, сэр? Вы, мадам? — Человек выступил из темноты и приблизился к нам. Нам было трудно его разглядеть, потому что фонарик в его руке светил прямо на нас, а сам человек оставался в тени. Его фигура была очень странной, не совсем человеческой. Я подумал,

что он, наверное, одет в костюм обезьяны. Тем более что его движения напоминали движения большой гориллы. Может быть, это был тот же самый артист, который играл «Существо». — Кто это будет?

Мы щурились на свет и ждали, что будет дальше.

— Ага! Вот он, наш доброволец! — закричал человек в обезьяньем костюме и перепрыгнул через веревочное ограждение, отделявшее участок для зрителей от актерской площадки. Он подскочил к мисс Финч и схватил ее за руку.

— Нет, я думаю, это не самая лучшая мысль, — возразила мисс Финч, но человек-обезьяна уже тащил ее за собой, в темноту. Мисс Финч шла неохотно, но все-таки не вырывалась. Она была истинной англичанкой, слишком вежливой и деликатной, чтобы затеять скандал. Они с человеком-гориллой растворились во тьме вместе со светом фонарика.

Джонатан чертыхнулся.

— Представляю, что она нам устроит. Мало не покажется, можно не сомневаться.

Включился свет. Парень в костюме гигантской рыбы выехал на мотоцикле из боковой двери и трижды объехал комнату по кругу. Потом встал

на сиденье ногами и сделал еще один круг. Потом снова сел и принялся гонять мотоцикл по стенам, вверх-вниз, а потом налетел на кирпич, слетел с мотоцикла, упал на пол, а мотоцикл накрыл его сверху.

Откуда-то сбоку выбежали горбун и монашка с обнаженным бюстом. Они подняли мотоцикл и, подхватив парня в костюме рыбы под обе руки, поволокли его прочь.

— Кажется, я сломал ногу, — бормотал он глухим заторможенным голосом. — Я сломал ногу. Моя нога.

— Это так и задумано? — спросила девушка, стоявшая рядом с нами.

— Кажется, нет, — сказал ее спутник.

Слегка потрясенные, дядюшка Фестер и вампирская женщина провели нас в девятую комнату...

Девятая комната

...где нас ждала мисс Финч.

Помещение было огромным. Я это почувствовал даже в кромешной тьме. Может быть, в темноте, когда нет возможности полагаться на зрение, у нас обостряются все остальные чувства. Может быть, человеческий мозг сам по себе обрабатывает информацию в таких объемах, о

которых мы даже не подозреваем. Эхо наших шагов отражалось от стен, удаленных на расстояние в сотни футов.

А потом я вдруг преисполнился странной уверенности — убежденности на грани безумия, — что где-то там, в непроглядном сумраке, таятся огромные звери, и что они наблюдают за нами голодными хищными глазами.

Прожектор, медленно наливающийся светом, высветил часть пространства, и мы увидели мисс Финч. Я до сих пор задаюсь вопросом, где они взяли костюм.

Она была без очков. Ее темные волосы были распущены. Костюм — то немногое, что было на ней надето — сидел идеально, словно был изготовлен специально для нее. Она держала в руке копье и смотрела на нас равнодушно и отрешенно. А потом к ней подошли две огромные кошки — выступили из темноты на свет. Грациозные хищные звери. Один из них запрокинул голову и зарычал.

Кто-то из зрителей испуганно вскрикнул. Я почувствовал резкий животный запах мочи.

Звери были похожи на тигров, но без полос. С мехом цвета песка на вечернем пляже. Их глаза сверкали, словно топазы. Дыхание пахло кровью

и свежим мясом.

Я смотрел на их пасти. Саблеобразные зубы — это были действительно зубы, а никакие не бивни. Длинные острые клыки, предназначенные для того, чтобы рвать, и терзать, и сдирать мясо с костей.

Огромные кошки принялись ходить вокруг нас, постепенно сужая круги. Мы сбились в тесную кучку, плотно прижавшись друг к другу. В каждом из нас пробудились глубинные воспоминания о тех временах, когда с наступлением темноты мы прятались в пещерах, спасаясь от хищных зверей, выходивших на ночную охоту — о тех временах, когда мы были добычей.

Саблезубые тигры, если это действительно были они, вели себя настороженно и беспокойно. Хвосты бились из стороны в сторону, точно нетерпеливые кнуты. Мисс Финч просто стояла на месте и молча смотрела на своих зверей.

А потом коротконогая тетенька замахнулась зонтом на ближайшего к ней тигра.

— Брысь, животное! Не подходи! — визгливо выкрикнула она.

Зверь зарычал на нее и присел на задние лапы, словно кошка, готовящаяся к прыжку.

Тетенька побледнела, но не опустила зонт,

который держала перед собой, как меч. Она не пустилась бежать во тьму, расплескавшуюся под городом наподобие черного моря, испещренного светом факелов.

Тигр прыгнул и повалил тетку на землю одним ударом большой мягкой лапы. Он встал над ее распростертым телом и зарычал, запрокинув голову. Его торжествующий рык отдался раскатистой дрожью у меня в животе. Тетка, похоже, лишилась чувств. И, наверное, оно и к лучшему. Если ей повезет, она не успеет почувствовать, как острые зубы вонзятся в ее престарелую плоть наподобие двух кинжалов.

Я огляделся в поисках путей к бегству, но второй тигр ходил вокруг веревочного ограждения, обозначавшего участок для зрителей, и если бы я куда-то рванулся, он бы тут же набросился на меня. Мы были, как стадо испуганных овец в загоне под пристальным взглядом голодного хищника.

Джонатан стоял в полной прострации и бормотал себе под нос три матерных слова, повторяя их снова и снова.

— Мы умрем? Сейчас мы умрем? — спросил я и сам не узнал свой голос.

— Похоже на то, — ответила Джейн.

А потом мисс Финч подошла, перегнулась через

ограждение, схватила тигра за шкирку и попыталась оттащить его от упавшей женщины. Зверь сопротивлялся, не желая бросать добычу, и мисс Финч ударила его по носу кончиком копья. Тигр испуганно поджал хвост и лап увести себя прочь, послушный и тихий.

Женщина так и сталась лежать на полу.

Крови не было — это я видел.

Оставалось надеяться, что это был просто глубокий обморок.

В дальнем конце помещения забрезжил свет, постепенно набирая силу. Как будто там занимался рассвет. Влажный туман тропических джунглей вился над гигантскими папоротниками и хостами. Где-то вдали стрекотали кузнечики и пели птицы, приветствуя начало нового дня.

Какой-то частью сознания — своей писательской частью, той самой, которая замечает причудливую игру отблесков света на осколках стекла в луже крови, даже тогда, когда я выбираюсь из разбитого автомобиля после серьезной аварии; той самой частью, которая наблюдает, не упуская ни единой детали, за тем, как разбивается или не разбивается мое сердце, когда у меня в жизни случается подлинная, неподдельная, глубоко личная трагедия, — так вот, именно этой частью

сознания, которую можно назвать внутренним наблюдателем, я отметил, что все это делается очень просто: дымовая машина, искусственные растения и запись звуков природы. И. разумеется, грамотный мастер по свету.

Мисс Финч рассеянно почесала под левой грудью, потом повернулась к нам спиной и пошла навстречу рассвету в туманных джунглях, и тигры шли рядом с ней, бесшумно ступая на мягких лапах. Один — с одного бока, другой — с другого.

Где-то вскрикнула птица.

Рассвет померк, растворившись во тьме. Туман рассеялся.

Женщина с тиграми исчезла.

Сын коротконогой воинственной тетки помог ей подняться. Она открыла глаза. Вид у нее был испуганный и потрясенный, но сама она вроде бы не пострадала. И действительно: мы убедились, что с ней все нормально, когда он подняла с пола свой зонт, оперлась на него и злобно уставилась на нас исподлобья. Мы облегченно вздохнули и захлопали в ладоши.

Никто не пришел проводить нас дальше: ни дядюшка Фестер, ни вампирская женщина, ни шпрехшталмейстер. В десятую комнату мы прошли сами.

Десятая комната

Судя по всему, здесь должно было состояться грандиозное финальное шоу. Тут даже было где сесть. Мы уселись на пластиковые стулья, расставленные вдоль стены, и прождали достаточно долго, но никто из артистов не вышел. Мы подождали еще, и по прошествии четверти часа нам всем стало ясно, что никто и не выйдет.

Люди начали переходить в соседнюю комнату. Было слышно, как там открывается дверь.

Шум оживленного уличного движения. Шелест дождя.

Я посмотрел на Джонатана и Джейн. Мы молча поднялись и прошли в последнюю, одиннадцатую комнату. Там стоял одинокий стол, на котором были разложены сувениры: значки, открытки, плакаты и диски с символикой цирка. Продавца не было. На столе просто стоял жестяной сундучок, куда надо было класть деньги. Желтый свет уличных фонарей лился в комнату сквозь распахнутую настежь дверь, и порывистый ветер, проникавший снаружи, трепал уголки нераспроданных плакатов.

— А мы ее не подождем? — спросил кто-то из нас, и мне бы хотелось, чтобы это был я, но, по-мо-

ему все же не я. В общем, кто-то спросил, надо ли нам подождать мисс Финч, но остальные лишь покачали головами, и мы вы шли под дождь, который теперь превратился в промозглую серую морось.

Нам пришлось поблуждать по запутанным переулкам, пока мы не нашли то место, где оставили машину. Я стоял на ветру, ждал, когда мне откроют заднюю дверцу, и мне вдруг показалось, что сквозь шелест дождя и шум города я услышал рев тигра — где-то рядом, совсем-совсем близко. Низкий раскатистый рев, от которого вздрогнул весь мир. Хотя, может быть, это просто проехал поезд.

СТРАННЫЕ ДЕВОЧКИ

Strange Little Girls
Перевод. Т. Покидаева
2007

Новый век

Она такая крутая, такая сосредоточенная и спокойная, и все-таки ее взгляд остается прикованным к горизонту.

Тебе кажется, ты знаешь все, что вообще можно знать про нее, уже в первый миг после знакомства, но все, что ты знаешь — вернее, думаешь, что знаешь, — это неправильно. Страсть течет сквозь нее, как река крови.

Она отвернулась буквально на миг, и маска сорвалась, и ты упал. Все твои завтра начинаются здесь.

Мама Бонни

Знаешь, как это бывает, когда ты кого-нибудь любишь?

И что самое трудное, самое поганое, даже хуже,

чем «Шоу Джерри Спрингера»: если действительно любишь кого-то, ты уже не перестанешь его любить. Какой-то кусочек этого человека навсегда остается в сердце.

Теперь, когда она стала мертвой, она старается помнить только любовь. Каждый удар она представляет как поцелуй. Макияж, неумело скрывающий синяки, ожог на бедре, прижженном сигаретой, — это были проявления любви, решает она.

Ей интересно, что сделает ее дочь.

Ей интересно, кем она станет.

Она держит торт — в своей смерти. Это тот самый торт, который она всегда собиралась испечь для своей малышки. Быть может, они испекут его вместе.

Они сядут за стол, все вместе, втроем, и съедят этот торт, и комната медленно наполнится смехом и любовью.

Так странно

Есть столько всего, от чего она так упорно пыталась бежать: то, о чем она не будет помнить, и то, о чем она даже не может подумать — никогда не решится подумать, — потому что тогда кричат птицы, и червяки выползают из нор, и у

нее в голове идет дождь, медленная бесконечная морось.

Тебе скажут, что она уехала из страны, что она хотела подарить тебе подарок, но он потерялся и не дошел до тебя. Однажды под вечер зазвонит телефон, и голос, который мог быть ее голосом, скажет что-то такое, что ты не сумеешь истолковать, а потом в трубке раздастся треск, и связь оборвется.

Спустя несколько лет ты увидишь на улице девочку, очень похожую на нее, но ты будешь ехать в такси, и водитель не остановится сразу, а пока ты будешь его уговаривать, она исчезнет. Ты больше никогда ее не увидишь.

Каждый раз, когда идет дождь, ты будешь думать о ней.

Тишина

Тридцать пять лет на эстраде. У нее болят ноги — изо дня в день. Она танцовщица, ноги болят из-за шпилек, но она может спуститься по крутым ступенькам на высоченных шпильках, а на голове — замысловатый убор весом в сорок фунтов, она проходила по сцене со львом, на высоких шпильках, она могла бы пройти через Ад на высоких шпильках, если бы так было нужно.

Есть то, что спасало, помогало держаться, придавало ей силу ходить и держать спину прямо: ее дочь; человек из Чикаго, который ее любил, хотя любил недостаточно сильно; ведущий теленовостей, который выплачивал ей содержание на протяжении десяти лет и приезжал в Вегас не чаще раза в месяц; два мешка с силиконовым гелем; ее осторожность — всегдашнее стремление беречься от солнца пустыни. Скоро она станет бабушкой, уже совсем скоро.

Любовь

А потом наступило такое время, что он просто не стал отвечать, когда она звонила ему на работу. И она позвонила по номеру, про который он даже не знал, что она его знает — она позвонила по этому номеру и сказала женщине, взявшей трубку, что ей страшно неловко, но поскольку он больше с ней не разговаривает, нельзя ли ему передать, что ей все-таки хочется, чтобы он вернул ее черные кружевные трусики, которые он забрал, потому что, как он говорил, они пахнут ею, пахнут ими обоими. Да, кстати, сказала она, когда женщина на том конце линии продолжала хранить молчание, нельзя ли сначала их выстирать, а потом просто отправить ей почтой. У него

есть ее адрес. Покончив с делами, она забывает его — полностью и навсегда — и занимается кем-то другим.

Когда-нибудь она разлюбит и тебя тоже. Твое сердце будет разбито.

Время

Она не ждет. Не совсем. Просто годы уже ничего для нее не значат, сны и улицы больше не задевают ее.

Она остается на краешке времени, непреклонная, целая и невредимая, всегда — по ту сторону, за пределом, и однажды ты откроешь глаза и увидишь ее, а потом не увидишь вообще ничего — только тьму.

Это будет не больно. Она нежно подхватит тебя — как перышко. Не срежет острым серпом, а сорвет, как цветок — чтобы украсить прическу.

Гремучая змея

Она не знает, чья это куртка. Куртка осталась после вечеринки, и никто не пришел ее забирать, и девчонка решила, что куртка ей очень идет.

На куртке написано «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ», но девчонке не нравится целоваться. Многие — и

мужчины, и женщины — не раз говорили ей, что она красивая, но ей непонятно, что именно они имели в виду. Когда она смотрится в зеркало, в зеркале не отражается красота. Только ее лицо.

Она не читает книг, не смотрит телевизор, не занимается любовью. Она слушает музыку. Встречается с друзьями. Она любит «русские горки», но никогда не кричит, когда вагончик несется вниз, и кренится, грозя опрокинуться, и переворачивается колесами вверх.

Если ты скажешь, что куртка — твоя, она просто пожмет плечами и отдаст куртку тебе. Ей все равно, абсолютно все равно.

Золотое сердце

...фразы.

Сестры. Быть может, двойняшки. Хотя, может быть, и двоюродные. Чтобы сказать наверняка, надо взглянуть на свидетельства о рождении. На настоящие свидетельства — не на те, которые они предъявили, когда получали удостоверения личности.

Средства к существованию они добывают так; входят, берут, что им нужно, выходят.

Это не круто. Просто такой бизнес. Может быть, не всегда законный. Просто бизнес.

Они для этого слишком умны, слишком пресыщены.

У них все общее; одежда, косметика, парики, сигареты. Неугомонные хищницы, они отправляются на охоту. Две головы. Одно сердце.

Иногда они договаривают друг за друга начатые...

Понедельник

Стоя под душем под тонкими струйками воды, которая смывает все это, которая смывает *все*, она вдруг понимает, что было самым ужасным: там пахло так же, как в школе.

Она шла по длинным коридорам, сердце бешено колотилось в груди, и там пахло так же, как в школе — и воспоминания вернулись.

Прошло всего лишь шесть лет, может быть, даже меньше, с тех пор, как она заперла свой шкафчик и побежала в класс, *с тех пор, как она наблюдала за своими подругами*, которые плакали, злились и искренне огорчались из-за насмешек, дурацких прозвищ и тысячи бед и напастей, всегда причиняющих боль беспомощным. Никто из них не зашел так далеко.

Первое тело она обнаружила под лестницей.

В тот вечер, уже после душа, который не смыл

то, что ей пришлось сделать, она сказала мужу:

— Мне страшно.

— Чего ты боишься?

— Что я зачерствею на этой работе. Стану кем-то другим. Кем-то, кого я не знаю.

Он обнял ее, притянул к себе, и так — вжавшись друг в друга, — они пролежали до самого рассвета.

Счастье

В тире она себя чувствует, как дома: защитные наушники на месте, бумажная мишень — человек в полный рост — уже готова и ждет.

Она грезит — немножко, она вспоминает — немножко, потом вздыхает и делает первый выстрел. Время пошло. Она больше чувствует, чем видит: простреленная голова и сердце. Запах кордита всегда напоминает ей четвертое июля.

Используй дары, данные тебе Богом. Так говорила ей мама, и почему-то от этого их разрыв кажется еще больнее.

Никто никогда не сделает ей больно. Она лишь улыбнется своей бледной, едва уловимой, прекрасной улыбкой и уйдет прочь.

Дело не в деньгах. Совсем не в деньгах.

Кровавый дождь

Вот: упражнение в выборе. В твоем выборе. Какой-то из этих рассказов — правда.

Она пережила войну. В 1959-м приехала в Америку. Сейчас она живет в собственной квартире в Майами, миниатюрная француженка с белыми волосами. У нее есть дочь и внучка. Она — вся в себе. Она улыбается редко, как будто груз памяти не дает ей обрести радость.

Или все это — неправда. На самом деле ее поймали, когда она переходила границу в 1943-м, ее обнаружили молодчики из гестапо, и она так и осталась на том лугу. Она сама вырыла себе могилу, а потом — одна пуля в затылок.

Ее последняя мысль, за секунду до пули: она беременная, на четвертом месяце, и если мы не сражаемся за наше будущее, у нас просто не будет будущего.

Одна старая женщина в Майами просыпается в тревожном недоумении: ей снился ветер, гнущий цветы на лугу.

В теплой французской земле покоится нетронутый прах, которому снится, как дочка выходит замуж. Хорошее вино пьянит. Если плакать, то только от радости.

Настоящие мужчины

Какие-то девочки были мальчиками.

Точка зрения меняется в зависимости от того, откуда смотреть.

Слова могут ранить, но раны затягиваются.

Все это — правда.

ВЛЮБЛЕННЫЙ АРЛЕКИН

Harlequin Valentine
Перевод. Т. Покидаева
2007

Сегодня 14 февраля. В этот утренний час, когда всех детей развезли по школам и все мужья отправились на работу (кто-то — на собственном автомобиле, кто-то — в набитой битком электричке, с которой они сойдут на окраине города, дыша паром и кутаясь в теплые пальто), я пришпиливаю свое сердце на парадную дверь Мисси. Сердце насыщенно темно-красное, почти коричневое — цвета печенки. Потом я стучу в дверь, очень быстро — *тук-тук-тук*, — хватаю свой жезл, свою палку, свое такое-пронзающе-колющее, украшенное лентами копье и исчезаю, как остывающий пар в мерзлом воздухе...

Мисси открывает дверь. Вид у Мисси усталый.

Я выдыхаю:

— Моя Коломбина, — но она не слышит. Она смотрит сперва в одну сторону, потом — в другую, но на улице все неподвижно. Вдалеке громыхает грузовик. Она возвращается в кухню, и я танцую,

тихий, как ветер, как мышь, как сон — и вот я уже в кухне, стою рядом с Мисси.

Она достает из бумажной коробки пакетик для сандвичей. Открывает шкафчик под раковиной, вынимает аэрозольный баллончик с чистящей жидкостью. Отрывает два бумажных полотенца с рулона над разделочным столиком. Идет к входной двери. Вытаскивает булавку из деревянной панели — это была моя шляпная булавка, которую я случайно нашел... где? Я пытаюсь припомнить. Быть может, в Гаскони? Или в Твикенхеме? Или в Праге?

Она вынимает булавку из сердца и кладет сердце в пакетик для сандвичей. Брызгает чистящей жидкостью на кровь на двери и стирает ее бумажным полотенцем, потом прикрепляет булавку на отворот свитера, где крошечный белолицый Август смотрит на мерзлый мир слепыми серебряными глазами, кривя печальные серебряные губы. В Неаполе. Теперь я вспомнил. Я купил эту булавку в Неаполе, у одноглазой старухи. Она курила глиняную трубку. Это было давным-давно.

Мисси ставит баллончик на кухонный стол, потом надевает старое синее пальто, доставшееся ей от мамы, застегивает все пуговицы — первую, вторую, третью, — решительно убирает в карман

пакет с сердцем и выходит на улицу.

Тайком, тайком, тихий, как мышь, я иду следом за ней, иногда — крадучись, иногда — пританцовывая на ходу, она не видит меня, она меня не замечает, лишь зябко кутается в пальто и идет по крошечному городку в Кентукки, по старой дороге, ведущей мимо кладбища.

Ветер пытается сорвать с меня шляпу, и на мгновение мне становится жалко утраченной булавки. Но я влюблен, и сегодня — День святого Валентина. Надо чем-то пожертвовать.

Мисси вспоминает другие разы, когда она бывала на кладбище, на территории мертвых за железными коваными воротами: когда умер отец; когда они приходили сюда детьми в День всех святых, веселились вовсю и пугали друг друга; когда ее тайный любовник разбился в аварии на скоростной автотрассе, и она дождалась окончания похорон, когда день уже был на исходе, и она пришла уже под вечер, перед самым закатом, и положила белую лилию на свежий могильный холм.

О, Мисси, воспеть ли мне тело твое, твою кровь, твои глаза и губы? Я бы отдал тебе тысячу сердец — как возлюбленный. Как влюбленный. Я гордо машу своим жезлом и танцую, безмолвно пою,

восхищенный собою, пока мы идем по кладбищенской дороге — вместе.

Низкое серое здание. Мисси открывает дверь. Говорит: «Привет» и «Как жизнь?» — девушке за стойкой, та отвечает что-то невразумительное, она только-только окончила школу и сейчас сидит и разгадывает кроссворд в газете, где печатают исключительно кроссворды и ничего, кроме кроссвордов, и если бы ей было кому звонить, она бы звонила с рабочего телефона, используя его в личных целях, но ей некому звонить, и никогда не будет, это, как говорится, и ежу понятно. Ее лицо — сплошь в нарывах гнойных прыщей, и она твердо убеждена, что это имеет значение, и поэтому ни с кем не общается. Ее жизнь расстилается передо мной. Я вижу все, как наяву: она умрет необласканной старой девой — умрет от рака груди через пятнадцать лет, и ее похоронят в низине у кладбищенской дороги, и напишут ее имя на могильном камне, и первый мужчина, который коснется ее груди, будет хирургом-онкологом, и, вырезая вонючую опухоль, похожую на кочан капусты, он скажет своим ассистентам: «Господи, вы посмотрите, какая огромная. Почему, интересно, она никому *не сказала?*» — то есть он не поймет самой сути.

Я нежно целую ее в прыщавую щеку и шепчу ей: «Ты очень красивая». Потом легонько бью ее по голове — раз, два, *три* — своим жезлом и обвиваю яркой лентой.

Она поводит плечами и улыбается. Быть может, сегодня вечером она напьется, и пойдет танцевать, и решит возложить свою девственность на алтарь Гименея, встретит парня, которого больше интересует не ее лицо, а грудь, и однажды он будет мять эту грудь, ласкать ее и сосать, и вдруг скажет: «Котик, а ты обращалась к врачу? У тебя там какое-то странное уплотнение», — и к тому времени у нее больше не будет никаких прыщей, их сотрут, зацелуют и сгладят в забвение...

Но я уже потерял Мисси, и я мчусь вприпрыжку по длинному коридору, застеленному тускло-коричневым ковром, и наконец замечаю синее пальто. Мисси входит в какую-то дверь в дальнем конце коридора, и я иду следом за ней в холодную комнату, отделанную зеленым кафелем.

Запах сшибает с ног — тяжелый, прогорклый, противный. Грузный дядька в грязном белом халате и одноразовых резиновых перчатках. Кожа под носом и на верхней губе лоснится под толстым слоем ментоловой мази. Перед ним на столе — труп мужчины. Чернокожий худой ста-

рик с мозолистыми руками и редкими седыми усами. Толстый дядька еще не заметил Мисси. Он как раз сделал надрез и теперь раздвигает черную кожу, которая отходит с влажным сосущим звуком. Кожа снаружи коричневая, а изнутри — ярко-розовая.

Из портативного радио рвется классическая музыка, выведенная на полную громкость. Мисси выключает радио и говорит:

— Здравствуй. Вернон.

Толстяк говорит:

— Здравствуй, Мисси. Хочешь вернуться к нам на работу?

Видимо, это доктор. Потому что он слишком большой, слишком круглый, слишком роскошно откормленный для Пьеро — и недостаточно застенчивый для Панталоне. Он рад видеть Мисси, его лицо морщится складками удовольствия. Она улыбается ему, и я ревную: сердце пронзает острая боль (сейчас мое сердце — в кармане у Мисси, в прозрачном пакетике для сандвичей), и это гораздо больнее, чем когда я проткнул его шляпной булавкой и приколол к двери возлюбленной.

Кстати, о сердце. Мисси вынимает его из кармана и показывает патологоанатому Вернону.

— Знаешь, что это такое?

— Сердце, — говорит Вернон. — У почек нет желудочков, а мозги — больше и мягче. Откуда оно у тебя?

— Я надеялась узнать у тебя. Я думала, это твоя идея, Вернон. Оригинальная валентинка. Человеческое сердце, прибитое к моей входной двери.

Он качает головой.

— Нет, я тут ни при чем. Может быть, стоит вызвать полицию?

Она качает головой.

— С моей-то удачей, они сразу решат, что я — серийный убийца, и казнят без суда и следствия.

Доктор открывает пакет и тычет в сердце короткими толстыми пальцами в резиновой перчатке.

— Орган взрослого здорового человека, который явно заботился о своем сердце. Вырезано умело. Работа специалиста.

Я с гордостью улыбаюсь и склоняюсь над столом — хочу поболтать с мертвым стариком с мозолистыми пальцами гитариста и вскрытой грудиной.

— Уходи, Арлекин, — тихо бормочет он, чтобы не задеть чувства Мисси и своего доктора. — От тебя одни неприятности. А нам не нужны неприятности.

Я отвечаю ему:

— Замолчи. Если я захочу учинить неприятности, меня ничто не остановит. Учинять неприятности — мое непосредственное назначение. — Но на мгновение мне кажется, что внутри поселяется странная пустота: я тоскую, почти как Пьеро, а это — не дело для арлекина.

О, Мисси, вчера я увидел тебя на улице, ты вошла в продуктовую лавку, и я пошел следом, переполненный буйной радостью и восторгом. В тебе я узнал человека, который сможет меня изменить — забрать меня от меня. В тебе я увидел свою любимую, свою Коломбину.

Я не спал этой ночью. Бродил по городу в пьяном дурмане, подстрекая на безобразия тех, кто вообще никогда не пьет. Моими стараниями три непьющих банкира выставили себя дураками, домогаясь женственных педиков из варьете мадам Зоры. Я проникал в спальни к спящим — невидимый, невообразимый, — украдкой раскладывал свидетельства тайных любовных встреч по карманам, под подушки, по разным щелям и представлял себе, как будет весело, когда наутро кто-то найдет посторонние кружевные трусики в пятнах засохших секреций, кое-как спрятанные под диванной подушкой или во внут-

реннем кармане респектабельного пиджака. Но в сердце моем поселилось иное томление, и перед мысленным взором я видел только лицо Мисси.

О да. Влюбленный Арлекин — жалкое зрелище.

Я пытаюсь представить, что она сделает с моим подарком. Одни девчонки с презрением отвергают мое сердце; другие берут его в руки, целуют, наказывают всеми видами ласки, а потом возвращают обратно. Третьи даже не видят его.

Мисси забирает сердце у Вернона, кладет обратно в пакет.

— Может быть, сжечь его? — спрашивает она.

— Может быть. Ты знаешь, где печь, — говорит доктор, возвращаясь к мертвому музыканту на столе. — И я, кстати, серьезно насчет возвращения на работу. Мне нужен знающий ассистент.

Мне представляется, как мое сердце возносится к небу тонкой струйкой дыма и пепла, накрывая собой весь мир. Не знаю, нравится мне эта мысль или нет, но Мисси твердо качает головой и говорит «до свидания» патологоанатому Вернону. Она сует сердце в карман, выходит из здания и идет по кладбищенской дороге. Возвращается в город.

Я мчусь вприпрыжку, опережая ее. Взаимодействие — это славно, решаю я, и воплощаю свое

решение, притворившись согбенной старухой, спешащей на рынок. Мой костюм в алых блестках спрятан под темным затертым плащом, лицо под маской скрыто в тени капюшона. В конце кладбищенской дороги я выступаю вперед и преграждаю путь Мисси.

Замечательный, чудный, волшебный я. Я обращаюсь к ней голосом древней старухи:

— Милая девушка, не пожалей медной монетки для несчастной старухи, и я открою тебе твое будущее, и твой взгляд засияет радостью.

Мисси останавливается. Достает кошелек, вынимает долларовую купюру.

— Вот, возьмите.

Я хочу рассказать ей про таинственного мужчину, которого она встретит уже очень скоро, он будет одет в красное с желтым, его лицо будет скрыто под маской, он пробудит в ней дрожь возбуждения, и станет любить ее вечно, и никогда — никогда — не бросит (потому что нельзя говорить *всю правду* своей Коломбине), но вместо этого вдруг говорю старым надтреснутым голосом:

— Ты когда-нибудь слышала про Арлекина?

Мисси делает задумчивое лицо. Потом кивает.

— Да. Это персонаж итальянской комедии дель-

арте. Носит маску и костюм из разноцветных ромбов. Как я понимаю, он клоун?

Я качаю головой в тени капюшона.

— Не клоун. Он... — Я вдруг понимаю, что собираюсь сказать ей правду, и глотаю слова, готовые вырваться наружу. Притворяюсь, что кашляю. У старух часто бывают приступы неудержимого кашля. Может быть, это и есть пресловутая сила любви. Не помню, чтобы меня беспокоило что-то подобное с другими женщинами, которых я, как мне казалось, любил — с другими Коломбинами, которых мне доводилось встречать на протяжении стольких веков.

Я смотрю на Мисси глазами старухи. Мисси. Ей чуть за двадцать, у нее губы, как у русалки, полные, четко очерченные и уверенные. Серые глаза, напряженный взгляд.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спрашивает она.

Я кашляю, брызжа слюной, потом снова кашляю, хватаю ртом воздух.

— Хорошо, моя милая. Спасибо.

— Вы говорили, что предскажете мне будущее.

— Арлекин подарил тебе сердце. — Я слышу собственные слова, словно их произносит кто-то другой. — А биение этого сердца ты должна обна-

ружить сама.

Она озадаченно смотрит на меня. Я не могу измениться, не могу исчезнуть, пока она смотрит, я застыл в этом обличье, раздраженный и злой — мой язык меня предал.

— Смотри, — говорю я, тыча пальцем в сторону, — там кролик.

И она смотрит туда, и когда ее взгляд отпускает меня, я исчезаю — *бамс!* — прячусь, как кролик в нору, и когда Мисси опять поворачивается к старой гадалке, ее, то есть меня, уже нет.

Мисси идет дальше, заходит в продуктовую лавку, покупает кусочек сыра, пакет апельсинового сока — натурального, не разведенного из концентрата, — и два авокадо, потом идет в банк и снимает двести семьдесят девять долларов и двадцать два цента, все, что есть на ее депозитном счете, я иду следом за ней, сладкий, как сахар, и тихий, как надгробный камень.

— Доброе утро, Мисси, — говорит хозяин кафе. У него аккуратно постриженная бородка, черная, с легкой проседью, и мое сердце могло бы дрогнуть и пропустить удар, если бы оно не лежало сейчас в пакете в кармане у Мисси, потому что этот мужчина, безусловно, ее вожделеет, и моя легендарная самоуверенность на секунду теря-

ется и сникает. «Я Арлекин, — говорю я себе, — в моем костюме из разноцветных ромбов, и весь мир — мой театр, моя арлекинада. Я — Арлекин, восставший из мертвых, дабы подшучивать над живыми. Я — Арлекин, в моей маске, с моим жезлом». Я тихонько насвистываю себе под нос, и моя самоуверенность вновь встает в полный рост, могуче и твердо.

— Привет, Харв, — говорит Мисси. — Мне, пожалуйста, жареную картошку и кетчуп.

— И все?

— Да. Будет самое то. И еще стакан воды.

Этот Харв, говорю я себе, он — Панталоне, глупый купец, которого я должен обманывать, сбивать с толку, конфузить, дурачить и всячески издеваться. Может быть, там на кухне висит связка колбас. Я настроен весьма решительно. Я внесу в мир восхитительный беспорядок и еще до полуночи уложу в постель соблазнительную Мисси: подарок себе, любимому, на День святого Валентина. Мне представляется, как я целую ее в губы.

В кафе есть еще посетители. Я развлекаюсь, меняя местами тарелки, когда едоки смотрят в другую сторону, но мне почему-то не слишком весело. Официантка — худющая жердь с унылыми

кудряшками, которые лезут в лицо. Она не обращает внимания на Мисси. Очевидно, считает, что Мисси предназначена только для Харва.

Мисси садится за стол, достает из кармана пакет и кладет его перед собой.

Харв-Панталоне подходит к ней, ставит на столик стакан с водой, тарелку с жареной картошкой и бутылочку кетчупа.

— Дайте, пожалуйста, острый нож, — говорит Мисси.

Харв уходит на кухню, и я ставлю ему подножку. Он чертыхается, и мне сразу становится легче, теперь я снова похож на всегдашнего себя, и я шлепаю по заднице официантку, когда она проходит мимо столика, где сидит старый дедок и ковыряется вилкой в салате, одновременно читая газету. Официантка с возмущением смотрит на деда. Я хихикаю и вдруг понимаю, что чувствую себя как-то странно. Я сажусь на пол, сижу.

— Это что у тебя? — спрашивает официантка у Мисси.

— Здоровая пища, Чарлин, — отвечает Мисси. — Содержит много железа.

Я смотрю на ее тарелку. Она режет мясо — мясо цвета печенки — на маленькие кусочки, поливает их кетчупом, накалывает на вилку и ест вместе

с картошкой.

Я смотрю, как мое сердце исчезает во рту возлюбленной. Рот подобен бутону розы. Моя шутка на День святого Валентина уже не кажется мне забавной.

— У тебя малокровие? — спрашивает официантка, проходя мимо столика Мисси с дымящимся чайником кофе.

— Уже нет, — отвечает Мисси, отправляя в рот очередной кусок сырого мяса, тщательно пережевывает и глотает.

И доев мое сердце, она опускает глаза и видит меня, распростертого на полу. Она кивает и говорит:

— Пойдем на улицу. Прямо сейчас.

Она встает и оставляет на столике десять долларов — рядом с пустой тарелкой.

Она сидит на скамейке и ждет меня. На улице холодно и почти пустынно. Я сажусь рядом с ней. Я бы скакал и прыгал, но теперь это кажется глупым — теперь, когда я знаю, что за мной наблюдают.

— Ты съела мое сердце. — В моем голосе явственно слышится раздражение, и меня это бесит.

— Да, — говорит она. — И поэтому я тебя вижу?

Я молча киваю.

— Сними маску, — говорит она. — А то у тебя глупый вид.

Снимаю маску. Мисси смотрит на меня с легким разочарованием.

— Не сказать, чтобы стало намного лучше. — Она говорит: — А теперь дай мне шляпу. И палку.

Я качаю головой. Мисси снимает шляпу с моей головы, отбирает у меня жезл. Она вертит шляпу в руках, ее тонкие пальцы мнут ткань. Ее ногти накрашены ярко-красным лаком. Ее губы растянуты в улыбке. Поэзия покинула мою душу. Я дрожу на холодном февральском ветру.

— Холодно, — говорю я.

— Нет, — отвечает она. –Все замечательно, дивно и просто волшебно. Сегодня же День святого Валентина. Кому может быть холодно в такой день? Сейчас — самое лучшее время года.

Я опускаю глаза. Разноцветные ромбы бледнеют, сходят с моего костюма, который становится призрачно-белым. Белым, как у Пьеро.

— Что со мной происходит? — спрашиваю я у нее. Она отвечает:

— Не знаю. Кажется, ты исчезаешь. Или находишь другую роль... Может быть, роль влюб-

ленного, страдающего от безнадежной любви, погруженного в сладкие грезы, льющего слезы под бледной луной. Тебе нужна только твоя Коломбина.

— Ты. Ты — моя Коломбина.

— Уже нет, — отвечает она. — В этом-то и заключается все веселье арлекинады. Мы меняем костюмы. Меняем роли.

Она улыбается мне. Улыбается так хорошо — теперь. Потом надевает мою шляпу, мою арлекинскую шляпу. Игриво бьет меня под подбородок.

Я ее спрашиваю:

— А ты?

Она подбрасывает в воздух жезл. Он летит по широкой дуге, красные и желтые ленты развеваются на ветру, а потом жезл возвращается в ее руку — аккуратно, почти беззвучно. Она опирается на него, как на трость, и поднимается на ноги — плавным, едва уловимым движением.

— У меня много дел, — говорит она мне. — Взять билеты. Пригрезиться стольким людям. — Ее синее пальто, доставшееся ей от мамы, уже никакое не синее. Теперь оно ярко-желтое, в красных ромбах.

Она наклоняется и целует меня прямо в губы,

по-настоящему.

Громкий выхлоп автомобиля. Я испуганно вздрогнул, обернулся на звук, а когда повернулся обратно, ее уже не было. Пару минут я сидел на скамейке — один.

Дверь кафе распахнулась, и Чарлин выглянула наружу.

— Пит. Ты уже все?

— Все?

— Иди работать. Харв говорит, твой перекур затянулся. И потом, ты замерзнешь. Ладно, давай ноги в руки — и марш на кухню.

Я смотрел на нее. Все смотрел и смотрел. Она накрутила на палец кудрявую прядь и улыбнулась мне. Я поднялся, расправил белую униформу помощника на кухне и пошел следом за Чарлин в кафе.

«Сегодня День святого Валентина, — подумал я. — Вот и скажи ей о своих чувствах. Скажи прямо сейчас».

Но я ничего не сказал. Не решился. Просто вошел в кафе следом за ней — унылый образчик немого томления.

На кухне меня дожидались горы немытых тарелок: я принялся сгребать объедки в мусорное ведро. На одной из тарелок остался кусочек како-

го-то темного мяса и пара ломтиков картошки, щедро политой кетчупом. Мясо, судя по виду, было почти сырым, но я обмакнул его в загустевший кетчуп и, когда Харв отвернулся, быстро сунул кусок мяса в рот, прожевал и проглотил. Оно было жестким, как хрящ, с металлическим привкусом, но я все равно его съел. Почему — сам не знаю.

Капля красного кетчупа сорвалась с тарелки, упала на мой белый рукав и растеклась в форме ромба.

— Эй, Чарлин, — крикнул я. — С Днем святого Валентина!

И принялся насвистывать веселый мотивчик.

ЗАМКИ

Locks
Перевод. Н. Эристави
2007

Друг другу рассказывать сказки –
Занятье не только
Для дочери и отца,
А просто – для двух людей.

Я начинаю – в сотый, наверно, раз:
«Жила-была девочка, звали ее Златовласка,
ведь косы ее золотыми и длинными были.
Пошла она как-то в лес, и там увидала...»

«...коров», – звучит уверенный твой голосок.
(Ты вспомнила явно, как месяц назад,
в роще, близ нашего дома,
блуждали несколько телок, из стада

сбежавших.)

«Ну, предположим, коров она встретила тоже.

Но в самой чаще она увидала дом».

«Большой такой, многоэтажный?»

«Нет. Маленький, весь расписной и очень красивый».

«Не-е. Дом был большой и многоэтажный».

О, как бы мечтал я воспринимать бытие

Столь же ясно, как и моя двухлетняя дочь!

«Ну да, конечно, – огромный, многоэтажный.

Вошла Златовласка в дом...»

Я вспоминаю невольно – в балладе Саути

Локоны героини посеребрила старость.

Старуха и Три медведя – каков номер!

Но, может, когда-то старуха была ребенком,

И косы ее тогда золотились?

Ох. Мы почти что дошли до медвежьей каши.

«Она была...»

«Слишком горячей?»

«Нет...»

«Слишком холодной?»

И – наконец-то в единый голос –

«Она была очень вкусной!»

Домучена каша. Грязные – все три ложки.

Прошла Златовласка в спальню,

Разворошила постели

И в меньшей из всех уснула.

И тут воротились медведи...

Я, все не в силах забыть о Саути.

Рычу на разные голоса:

Суровый рев Папаши-Медведя

Пугает – и восхищает.

Знаешь, дитя мое, – был и отец твой некогда мал.

Он тоже любил эту сказку

Воображал себя

Не кем-нибудь – Медвежонком.

Кто съел мою кашу? Кто пил из моей чашки?

И что за девчонка сопит у меня в постели?

Я жалко скулю, – весь в роли, а ты смеешься.

«Кто ел из моей миски?

Кто пил...»

«Из моей чашки», – ответ твой

подобен слову «Аминь».

Медведи шагом сторожким крадутся наверх.

Их дом обесчещен. Они наконец понимают

Смысл слова «замки». Они доходят до спальни.

«Кто спал у меня в кровати?» – и я замолкаю,

в сознаньи –

отзвуки старых шуток, и порнофильмов нелепых,

и заголовков страшных газетных.

Однажды, дитя мое, рот твой тоже

Скривится усмешкой.

Сначала не станет слов, невинности – позже.

Невинность – товар, что давно уже вышел из моды.

«Если б я мог, – писал мне когда-то отец.

сам, как медведь, огромный, –

Я бы тебе отдал свой жизненный опыт.

Чтоб не был твой опыт столь горьким».

А я бы его опыт тебе завещал...

Но все мы, увы, совершаем свои ошибки. Мы все

Спим в медвежьих постелях.

Когда родятся дети твои, когда твои темные косы

Посеребрит время.

Когда ты начнешь стареть, и выйдут из сумрака ночи

Твои Три медведя, – что в их глазах ты увидишь?

Какие расскажешь сказки?

«А Златовласка выскочила в окошко

и быстро-быстро...»

давай-ка хором! –

«...домой прибежала!»

И ты смеешься: «Еще, еще!»

Друг другу рассказывать сказки – это занятье!

Наверно, теперь я похож на Медведя-папу.

Каждое утро я запираю двери на все замки,

А когда возвращаюсь – проверяю кровати и ложки.

Снова.

Снова,

И снова...

ПРОБЛЕМА СЬЮЗЕН

The Problem of Susan
Перевод. Т. Покидаева
2007

Ей опять снится тот сон.

Она стоит на краю поля боя, вместе с братьями и сестрой. Лето. Трава невероятно зеленая, яркая, сочная, как на крикетной площадке или на склонах Саут-Даунса к северу от побережья. На траве лежат мертвые. Только это нелюди. Вот кентавр с перерезанным горлом, буквально в двух-трех шагах от нее. Она смотрит на мертвого кентавра. Его лошадиная половинка покрыта ярко-каштановой шерстью. Загорелая кожа на человеческой половинке — коричневая, как ореховая скорлупа. Она вдруг ловит себя на том, что смотрит на лошадиный пенис. Интересно, а как размножаются кентавры? Она представляет себе, как он целует ее, крепко-крепко, и его борода щекочет ей кожу. Взгляд сдвигается к ране на горле, к липкой лужице крови черно-красного цвета. Мурашки по коже.

Мухи жужжат над телами мертвых.

Цветы как будто запутались в высокой траве. Они расцвели вчера. В первый раз за последние... сколько лет? Сто? Или, может быть, тысячу? Или сто тысяч лет? Этого она не знает.

Раньше здесь был только снег, думает она, глядя на поле боя.

Еще вчера здесь был снег. Вечная зима без рождественских праздников.

Сестра тянет ее за руку и показывает пальцем куда-то в сторону. Они стоят на вершине зеленого холма, погруженные в беседу. Золотой лев, заложивший обе руки за спину, и колдунья, одетая во все белое. Сейчас она сердится, кричит на льва, а тот просто слушает молча. Детям не слышно ни слова: что говорит льву колдунья, объятая белой холодной яростью, что монотонно бубнит в ответ лев. Волосы у колдуньи — черные и блестящие. Губы — красные, ярко-красные.

Но она все замечает, все видит.

Скоро они завершат разговор, лев и колдунья...

Кое-что ей в себе очень не нравится. Например, запах. От нее пахнет, как пахло от бабушки, как пахнет от древних старух, она ненавидит себя за это, и никогда себе этого не простит, и каждый день принимает ванну с ароматной пеной и душится туалетной водой «Шанель». Несколько

капель — под мышки, несколько капель — на шею. Она вполне искренне полагает, что это — ее единственная причуда.

Сегодня она надевает темно-коричневый парадный костюм. Она называет его про себя «нарядом для интервью» в отличие от «нарядов для лекций» и одежды для «просто слоняться по дому». Профессор вышла на пенсию. Теперь она носит наряды для «просто слоняться по дому» все чаще и чаще. Она встает перед зеркалом, красит губы.

После завтрака она моет бутылку из-под молока и выставляет ее на крыльцо у черного хода. Соседская кошка оставила на коврике у двери голову и одну лапу растерзанной мыши. В целом все это смотрится странно. Как будто мышка плывет по плетеному коврику, погрузившись в соломку, так что наружу торчат только лапа и голова. Профессор поджимает губы, идет на кухню, берет вчерашнюю газету, потом возвращается на крыльцо и подцепляет мышиные останки газетой, стараясь не прикасаться к ним руками.

Сегодняшняя «Дейли телеграф» уже дожидается ее в прихожей вместе с несколькими письмами, которые она быстро просматривает, не вскрывая конвертов, и относит на стол в кабинете. Теперь, когда она вышла на пенсию, она заходит в свой

крошечный кабинет лишь для того, чтобы писать. Сейчас она возвращается в кухню и садится за старый дубовый стол. Очки для чтения висят на шее на тонкой серебряной цепочке. Она надевает очки и начинает с колонки некрологов.

Она не то чтобы ожидает найти сообщение о смерти кого-нибудь из знакомых, но, как известно, мир тесен, и она отмечает про себя, что составители некролога Питера Баррелл-Ганна — может быть, не без мрачного юмора — поместили в газете его фотографию, на которой он точно такой же, каким был в самом начале 1950-х годов, то есть совсем не такой, каким он запомнился ей в их последнюю встречу на рождественском вечере в редакции «Ежемесячного литературного обозрения» года два-три назад: трясущийся, подагрический старик с носом, похожим на загнутый клюв, тогда он напомнил ей карикатурную сову. На фотографии он очень красивый. Неистовый и благородный.

Однажды они целовались весь вечер в саду у чьего-то летнего домика. Она хорошо помнит тот вечер, хотя, наверное, не вспомнит даже под страхом смерти, чей это был сад и чей дом.

Скорее всего, рассуждает она, это был летний дом Чарльза и Нади Рейд. То есть их маленькое

приключение с Питером случилось еще до того, как Надя сбежала от мужа с тем шотландским актером, и Чарльз пригласил профессора в Испанию, хотя, конечно, в то время профессор еще не была профессором. Тогда мало кто думал о том, чтобы провести отпуск в Испании — туда стали ездить гораздо позднее, а в те годы это была экзотическая и опасная страна. Чарльз звал ее замуж, и теперь она даже не может вспомнить, почему отказалась — может, она вовсе и не отказывалась так решительно, как ей кажется. Он был вполне симпатичным и милым, и она отдала ему то, что еще оставалось от ее запоздалой девственности, прямо на одеяле на пляже, одной теплой весенней испанской ночью. Ей тогда было двадцать, и она считала себя такой старой...

Звонок в дверь. Она кладет газету на стол и идет открывать.

Ее первая мысль: какая молоденькая девчонка.

Ее первая мысль: какая древняя старуха.

— Профессор Хейстингз? Я Грета Кампьон. Я буду делать про вас статью. Для «Литературной хроники».

Старая женщина смотрит на нее — такая древняя, хрупкая, уязвимая — и улыбается. Это очень хорошая улыбка, теплая и дружелюбная. Улыбка,

которая сразу же располагает к себе.

— Проходите, моя хорошая, — говорит профессор. — Давайте сядем в гостиной.

— Я принесла вам пирог, — говорит Грета. — Сама испекла. — Она вынимает пирог из пакета, очень надеясь, что он не помялся. — Шоколадный. Я прочла в Интернете, что вы их любите.

Они заходят в гостиную. Профессор кивает на кресло и говорит тоном, не терпящим возражений, чтобы Грета садилась. Сама профессор уходит на кухню и возвращается через пару минут с большим подносом. На подносе — две чашки на блюдцах, заварочный чайник, тарелка с шоколадным печеньем и пирог, испеченный Гретой.

Чай налит, Грета делает восторженное замечание по поводу брошки профессора и вынимает из сумки блокнот, ручку и книжку — последнюю монографию профессора: «Поиски смысла в детской литературной сказке», — густо заложенную разноцветными листочками бумаги. Они беседуют о содержании первых глав, в которых профессор выдвигает гипотезу о том, что изначально литературная сказка не разделялась на детскую и взрослую, и что разделение произошло в викторианскую эпоху, когда в связи с

укрепившимися представлениями о чистоте и безгрешности детской души возникла потребность в создании литературы, предназначенной специально для детей и юношества, литературы, которая была бы...

— Скажем так, чистой, — говорит профессор.

— И безгрешной? — спрашивает с улыбкой Грета.

— Ханжеской и лицемерной, — морщится профессор. — Вы читали «Детей вод»? Как это можно читать без содрогания? Как вообще это можно читать?

Она рассказывает о том, как художники прошлого рисовали детей — точно так же, как взрослых, только поменьше ростом, без соблюдения пропорций детского тела, — она говорит, что братья Гримм собирали сказки для взрослых, без расчета на детскую аудиторию, а потом, когда узнали, что эту книгу читают детям, переписали все сказки заново, чтобы было пристойно. Она рассуждает о «Спящей красавице» Шарля Перро, об изначальной концовке сказки, когда мать прекрасного принца, великанша и людоедка, пытается оклеветать Спящую красавицу и обвинить ее в том, что она съела детей великанши (которых та съела сама), и на протяжении всего

рассказа Грета серьезно кивает, делает записи в блокноте и нервно вставляет короткие реплики, старясь принять хоть какое-то участие в разговоре — чтобы это все-таки было похоже на разговор или хотя бы на интервью, а не на лекцию.

— А откуда он взялся, ваш интерес к детской литературной сказке? — интересуется Грета.

Профессор качает головой.

— Откуда берутся все наши пристрастия и интересы? Откуда *ваш* интерес к детским книжкам?

Грета говорит:

— Я всегда думала, что детские книжки — это самые важные книжки. Во всяком случае, для меня — важные. И когда была маленькой, и когда выросла. Я была, как «Матильда» Роальда Даля... У вас в семье много читали? Любили читать?

— Да нет, не особенно... Они все давно умерли. Или, вернее, погибли.

— Все ваши родные погибли? Одновременно? На войне?

— Нет, моя хорошая. Во время войны нас отправили в эвакуацию. Они погибли уже потом, через несколько лет после войны. При крушении поезда. А меня с ними не было.

— Прямо как в «Хрониках Нарнии» Льюиса, — говорит Грета и тут же смущается. Она себя

чувствует полной дурой. Бестактной, бесчувственной идиоткой. — Простите, пожалуйста. Я сказала ужасную вещь. Так нельзя говорить.

— Почему же нельзя?

Грета чувствует, что краснеет. Она говорит:

— Просто я хорошо помню последнюю книгу. «Последнюю битву». Там тоже было крушение поезда. И все-все погибли. То есть все, кроме Сьюзен.

Профессор спрашивает:

— Еще чаю?

Грета знает, что надо закрыть эту тему, но все равно говорит:

— Знаете, я страшно злилась на Сьюзен...

— Почему?

— Потому что все остальные перенеслись в волшебную страну, то есть в рай. А Сьюзен осталась здесь, в нашем мире, и уже не могла попасть в Нарнию, потому что она перестала быть другом Нарнии и увлеклась другими делами: косметикой, нейлоновыми чулками и вечеринками с мальчиками. Когда мне было двенадцать, я даже пыталась поговорить со своей учительницей литературы — обсудить эту проблему, проблему Сьюзен.

Сейчас они сменят тему, обсудят вопрос о роли

детской литературы в формировании убеждений, которые мы принимаем во взрослой жизни, но профессор интересуется:

— И что вам сказала учительница?

— Она сказала, что даже если Сьюзен отказалась от рая тогда, пока она жива, у нее еще есть время раскаяться и искупить.

– *В чем* раскаяться? *Что* искупить?

— Раскаяться в своем неверии, мне кажется. И искупить первородный грех.

Профессор отрезает себе кусок шоколадного пирога. Она о чем-то задумалась. Может быть, погрузилась в воспоминания.

— Знаете, я сомневаюсь, — говорит она, — что у Сьюзен были возможности покупать себе косметику и нейлоновые чулки после того, как погибла ее семья. У меня точно не было такой возможности. Какие-то деньги — в сущности, никаких денег — от наследства родителей. А ведь надо было на что-то жить, что-то есть... Никаких роскошеств...

— И все-таки что-то с ней было не то, ну, со Сьюзен, — говорит юная журналистка. — Что-то, о чем мы не знаем. Потому что иначе ее бы пустили на Небеса. Но ее не пустили. Я имею в виду все ее близкие — все, кого она любила, — получили на-

граду и попали в волшебный мир, где водопады и вечная радость. А Сьюзен осталась здесь.

— Не знаю, как было в книжке, — говорит профессор, — но если Сьюзен осталась в живых, ее могли пригласить опознать тела братьев и младшей сестры. В том крушении погибло столько людей. Меня привели в ближайшую школу — это был первый учебный день после каникул, и тела отвезли в здание школы. Старший брат был как будто живой. Как будто он просто спал. А второй брат и сестра... на них было страшно смотреть.

— Я так думаю, Сьюзен видела их тела. Как бы там ни было, у них у всех начались каникулы. Замечательные, бесконечные каникулы. Долгие прогулки по зеленым лугам в обществе говорящих зверей, волшебство...

— Да, наверное, видела. Я мало что помню. Помню, я думала: «Какой это кошмар, когда два поезда сталкиваются друг с другом». Люди, которые ехали в тех поездах, они были уже не похожи на людей. Вам, как я понимаю, не приходилось присутствовать на опознании тел?

— Не приходилось.

— Вам повезло. Помнится, я смотрела на них и думала: «А если я все же ошиблась? А если это не он?» Моему младшему брату срезало голову. Бог,

наказавший меня за пристрастие к косметике и вечеринкам в тот кошмарный день в школьной столовой, где лежали тела, и мухи жужжали над ними, и мне надо было рассматривать всех, чтобы опознать Эда... это какой-то неправильный бог, вам не кажется? У него очень жестокие забавы. Как у кота, который играет с уже полумертвой мышью. Выжимает последнюю унцию удовольствия. Или сейчас уже принято говорить «грамм». Не знаю, не знаю.

Она снова уходит в себя, погружается в воспоминания. А потом говорит:

— Прошу прошения, моя хорошая. Я что-то устала. На сегодня, наверное, все. Может быть, мы продолжим в другой раз. Пусть мне позвонит ваш редактор, и мы договоримся о времени.

Грета кивает и говорит: «Да, конечно», — но в глубине души знает, что они больше не встретятся. Никогда.

* * *

В тот вечер профессор поднимается на самый верхний этаж — медленно, по крутой лестнице, шаг за шагом. Достает плед и простыни из сушильного шкафа и стелет себе в гостевой спальне, которая пустует уже столько лет. В спальне почти

нет мебели: только кровать, старый, еще довоенный комод с зеркалом и выдвижными ящиками, пыльный платяной шкаф, в котором лишь голые вешалки и большая картонная коробка. Профессор ставит на комод вазу с красными рододендронами, клейкими и вульгарными.

Она достает из коробки пакет. В пакете — четыре старых фотоальбома. Профессор ложится в кровать, на которой она спала в детстве, и рассматривает черно-белые фотографии, и фотографии цвета сепии, и несколько неубедительных цветных снимков. Она смотрит на братьев и на сестру, она смотрит на папу с мамой. Ей даже не верится, что они были такими юными. Ей не верится, что люди бывают такими юными.

Она вдруг замечает, что на столике у кровати стоит стопка книг, детских книг. Профессор смотрит на них озадаченно. Она что-то не помнит, чтобы она приносила сюда, в эту комнату, какие-то книги. Да и столика у кровати здесь быть не должно. Верхняя книжка — издание в мягкой обложке — старая и потрепанная. Ей, наверное, лет сорок, не меньше. Цена на обложке — еще в шиллингах. Там нарисован лев и две девочки, вплетающие в его гриву гирлянду из маргариток.

От потрясения у профессора дрожат губы. И только теперь она понимает, что это сон — потому что она не хранит эти книги в доме. Под книжкой в мягкой обложке — издание в твердой, в глянцевом супере. Та самая книга, которую профессор всегда мечтала прочесть. «Мэри Поппинс дарит рассвет», которую Памела Трэверс так и не написала при жизни.

Профессор открывает книгу на середине, и там уже ждет история: Мэри Поппинс в свой выходной берет Джейн и Майкла на Небеса, где они встречают мальчика Иисуса (он до сих пор немного побаивается Мэри Поппинс, которая когда-то была его няней), и Святого Духа, который жалуется на то, что с тех пор, как от них ушла Мэри Поппинс, он так и не смог найти няню, которая умеет так здорово отбеливать постельное белье, и Бога-Отца, который говорит:

— Если она что-то скажет, то так и будет. Ее не заставишь сделать что-то такое, чего ей не хочется. Кого угодно, но только не эту женщину. *Она* Мэри Поппинс.

— Но ведь Вы — Бог, — говорит Джейн. — Вы создали мир и всех, кто живет в этом мире. Все должны слушаться Вас.

— Кто угодно, но только не эта женщина, —

повторяет Бог и чешет свою золотистую бороду, подернутую сединой. — Я ее не создавал. *Она* Мэри Поппинс.

Профессор ворочается во сне, а потом ей снится, что она читает свой собственный некролог — читает историю своей жизни и думает: «Я прожила интересную, хорошую жизнь». Вот они, черные буквы на белом фоне. Все — здесь. Даже люди, которых она давно позабыла.

Грета спит рядом со своим парнем, в крошечной квартирке в Кэмдене, и ей тоже снится сон.

Там, во сне, лев и колдунья вместе спускаются с холма.

Она стоит на краю поля боя, держа сестру за руку. Смотрит на золотистого льва, чьи глаза — как горящий янтарь.

— Это совсем не домашней лев, — шепчет она сестре, и обеих пробирает озноб.

Колдунья смотрит на них на всех и говорит, обращаясь ко льву:

— Мы с тобой договорились. Тебе — девчонки, а мне мальчишки.

Она понимает, что сейчас будет. Срывается с места, бежит, но зверь догоняет ее в три прыжка.

Лев пожирает ее — там, во сне. Съедает всю

целиком, оставляет лишь голову и одну руку, как домашняя кошка оставляет куски недоеденной мыши, если в нее уже больше не лезет — или в подарок хозяевам.

Лучше бы он съел и голову тоже. Потому что тогда ей не пришлось бы смотреть на то, что происходит. Но мертвые веки уже не закроются, и она смотрит на жуткое искореженное существо, в которое теперь превратились братья. Большой зверь доедает ее сестру. Теперь он ест медленно, не торопясь. Похоже, сестра ему нравится больше. Но опять же — сестра всегда была его любимицей.

Колдунья снимает белое платье, и ее тело — такое же белое. У нее маленькая высокая грудь. Соски очень темные, так что кажутся черными. Почти черными. Колдунья ложится спиной на траву и раздвигает ноги. Под ее телом трава застывает изморозью.

— Давай, — говорит она.

Лев лижет ее белоснежную расщелину своим розовым языком, и она уже больше не может терпеть, и впивается пальцами в гриву, тащит его на себя, приникает губами к его окровавленной пасти и обхватывает ледяными ногами его золотистое тело...

Мертвая голова на траве. У мертвых глаз не получается отвести взгляд. Они видят все.

И только когда все кончается, и лев и колдунья разжимают объятия — потные, липкие, насытившиеся друг другом, — только тогда лев подходит к мертвой голове и съедает ее, дробя череп мощными челюстями, и только тогда она наконец просыпается.

Сердце бешено бьется в груди. Она пытается разбудить своего парня, но он храпит, и ворчит, и даже не думает просыпаться.

«Значит, так все и было, — думает Грета, глядя в темноту. Это странная мысль, совершенно безумная. — Так все и было. Она не умерла. Она выросла, прожила жизнь и состарилась».

Ей представляется, как профессор просыпается посреди ночи и лежит в темноте, слушая звуки, доносящиеся из старого платяного шкафа: шелест призраков, тихо скользящих в ночи — тревожащий шорох, который легко перепутать с суетливым метанием мыши, с мягкой поступью огромных бархатных лап, с опасной музыкой охотничьего рога вдали.

Она понимает, что это нелепо, хотя ни капельки не удивится, когда прочитает в газете о смерти профессора. «Смерть приходит по ночам, — дума-

ет Грета, прежде чем снова заснуть. — Как лев».

Обнаженная белая колдунья мчится верхом на золотистом льве. Его морда испачкана свежей кровью. Одно движение розового языка — и она вновь безупречно чиста.

ИНСТРУКЦИИ

Instructions
Перевод. Н. Эристави
2007

Коснись деревянной калитки в невиданной
белой стене.
Знай – отопрется задвижка только тогда,
Когда ты ее учтиво об этом попросишь.
Войди.
Пройди по тропинке.
На двери, в зеленый окрашенной,
висит молоток, –
Ручка из красной меди
В виде головки тролля.
Не тронь! Этот тролль тебе пальцы откусит.
По дому иди не спеша,
Ничего не касайся.

Не ешь ничего.

Однако

Ежели кто-то иль что-то скажет тебе,

Что страдает от голода, – накорми.

Ежели скажет, что грязен, –

Помой хорошенько.

Ежели будет кричать, что страдает, –

Любою ценою

Боль его облегчи.

Как выйдешь из задней двери –

в прекрасный сад попадешь.

Из сада

ясно уже увидишь пущу лесную.

Колодец глубокий – прыгай! – укажет тебе путь

В Царство Зимы, а за ним

Лежат уж земли иные.

Ежели трижды ты обернешься –

Вернешься домой невозбранно.

В этом, поверь, нет стыда. Я над то-

бою

Смеяться не стану.

Но коли пройдешь через сад и направишься в лес,

Помни – деревья там стары, и из подлеска

Чьи-то глаза за тобою

Станут следить непрестанно.

Под дубом корявым, возможно, сидит старуха.

Если старуха о чем-то тебя попросит, –

Исполни послушно.

Она тебе

Путь к замку укажет, а в замке

Томятся три юных принцессы.

Меньшой – прекраснейшей – не доверяй.

Иди без оглядки.

На тихой поляне за замком

Двенадцать месяцев

Пьют и поют вкруг костра.

Ноги свои у огня греют,

Травят веселые байки.

Вежлива с ними будь – и многим они помогут.

С ними наешься клубники в мороз январский!

Волкам доверяй, но в меру. Тут главное –

не проболтаться,

Куда и зачем идешь.

А через реку ходит лодчонка.

Старик тебя перевезет.

(Пароль отчаянно прост –

Скажи старику.

Чтобы веслом он плеча твоего коснулся, –

И в лодку прыгай без страха.

Но не забудь – крикни эти слова,

Пока стоишь в отдаленье!)

Если орел подарит тебе перо из крыла своего. –

Спрячь и храни.

Не смей позабыть – великаны спят очень чутко.

А ведьм терзает мучительный, вечный голод.
В броне дракона всегда есть слабое место,
А сердце свое надобно прятать надежно. –
Не вздумай болтать. Пропадешь.

Сестрице своей не завидуй.
Знаешь, выхаркивать горлом
При каждом слове
алмазы и розы
Ничуть не приятней.
Чем мяконьких жаб и ужей.
Алмазы так холодны, а розы –
все в острых колючках!

Имя свое помни.
Не вздумай терять надежду –
Найдется то, что ты ищешь!
Призраки врать не склонны.
Знай: те, кому помогла ты однажды,
Тоже на помощь тебе поспешат.
Снам своим верь.

Верь своему сердцу

И верь сказкам.

Назад возвращайся тем же путем, что и шла.

На каждое доброе слово отплатят тебе добром,

А на услугу – услугой тройною.

Не забывай о хороших манерах.

Назад обернуться – смерть.

На мудром орле лети без опаски – не упадешь!

За хвост Царь-Рыбы схватись – не утонешь!

На сером волке скачи – но держись

за загривок покрепче!

(Помни, что корни Яблони золотой

червь точит черный –

Оттого-то она и сохнет.)

Когда ж возвратишься в тот дивный дом,

Откуда и вышла в путь,

Узнаешь его не вдруг, –

Так покажется мал он и жалок.

Но все же пройди по тропинке.

Скользни через сад

К калитке, что видела только однажды.

А после – иди домой.

Иль – хочешь – останься здесь.

Иль отдохни молча...

КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ?

How Do You Think It Feels?
Перевод. Т. Покидаева
2007

Лежу в постели — сейчас. Чувствую под боком льняную простыню, нагретую до температуры тела, слегка помятую. Я один, рядом нет никого. В груди уже не болит. Я не чувствую ничего. Вообще ничего, Мне хорошо.

С пробуждением сны исчезают, передержанные, как размытые снимки, под взглядом утреннего солнца, которое светит в окно моей спальни. Сны исчезают, сменяются воспоминаниями — медленно: и теперь, когда на подушке остался лишь алый цветок и еще — ее запах, память вдруг переполняется Бекки, и пятнадцать лет сыплются, как конфетти или опавшие лепестки, сквозь мои пальцы.

Тогда ей было двадцать. Я был значительно старше. Двадцатисемилетний мужчина, успешно делающий карьеру. Женатый, с двумя дочками-близнецами. И я был готов бросить все ради нее.

Мы познакомились на конференции в Гамбур-

ге, в Германии. Она выступала на презентации развивающихся технологий в области интерактивных зрелищных развлечений, и я сразу подумал, как только увидел ее в первый раз, что она привлекательная и забавная. У нее были длинные темные волосы и голубые глаза с зеленоватым отливом. Поначалу мне показалось, что она напоминает мне кого-то из знакомых, но потом до меня дошло: на самом деле у меня нет и не было таких знакомых, просто она была очень похожа на Эмму Пил, героиню Дайаны Ригг в телесериале «Мстители». Я влюбился в нее, черно-белую, и бредил ею, когда мне еще не исполнилось и десяти.

В тот же день, ближе к вечеру, когда мы случайно столкнулись в гостиничном коридоре — я как раз собирался на пьянку с участием продавцов программного обеспечения, — я похвалил ее выступление. Она сказала, что она актриса, и что ее наняли специально, чтобы выступить на презентации («В конце концов, не всем же играть в театрах Уэст-Энда»), и что ее зовут Ребекка.

Потом я поцеловал ее у двери. Она вздохнула и прижалась ко мне.

До конца конференции Бекки спала у меня в номере. Я был люто влюблен, и она — хотелось

бы думать — тоже. Наш роман продолжался и по возвращении в Англию: яркий, веселый и восхитительный. Я был влюблен, я знал это точно, и любовь ощущалась шампанским, ударившим в голову.

Я проводил с ней все свободное время. Говорил жене, что задерживаюсь на работе, что без меня у них полный завал. А сам мчался к Бекки в Баттерси.

Мне очень нравилось ее тело: ее золотистая кожа, ее голубые глаза с зеленоватым отливом. Ей было трудно расслабиться во время секса. Похоже, ей нравился секс как идея, но как практическое воплощение он ее не впечатлял. Оральный секс вызывал у нее легкое отвращение, и не только когда она делала что-то сама. Больше всего ей нравился секс, когда все заканчивалось очень быстро. Но меня это не задевало: мне хватало ее красоты и ее остроумия. Мне нравилось, как она лепит из пластилина маленьких человечков с кукольными лицами. Мне нравилось, как пластилин забивается ей под ногти тонкими темными полумесяцами. У нее был красивый голос, и иногда она пела — просто так, от хорошего настроения. Популярные песни, фольклорные песни, отрывки из оперных арий, глупые песенки

из телерекламы — первое, что приходило в голову. Жена вообще никогда не пела. Даже детские колыбельные нашим девочкам.

Краски как будто делались ярче, когда рядом со мной была Бекки. Я стал замечать разнообразные «мелочи жизни», которые просто не видел раньше: разглядел изысканную элегантность цветов, потому что Бекки любила цветы; пристрастился к немому кино, потому что Бекки любила немое кино, «Багдадского вора» и «Шерлока-младшего» я пересматривал по сто раз; я стал собирать фонотеку из кассет и компактов, потому что Бекки любила музыку, а я любил Бекки и любил то, что любила она. Раньше я просто не слышал музыки: не понимал черно-белого изящества, присущего безмолвному клоуну; никогда не смотрел по-настоящему на цветы — до того, как мы встретились с Бекки.

Она сказала, что хочет уйти из театра — что ей нужно уйти из театра, — и заняться чем-то другим, чтобы зарабатывать больше денег и зарабатывать на постоянной основе. Я познакомил ее с моим старым приятелем из музыкального бизнеса, и он взял ее личным секретарем. Иногда меня мучил вопрос, спят они или нет, но расспрашивать я не стал — не решился, хотя много раз

собирался. Я не хотел подвергать опасности то, что было у нас двоих, и знал: у меня нет причин упрекать ее в чем бы то ни было.

— Как ты думаешь, что я чувствую? — спросила она, когда мы вышли из тайского ресторанчика в двух кварталах от ее дома, где мы ужинали всякий раз, когда мне выдавалась возможность приехать к ней. — Когда знаю, что вот ты приехал, и все хорошо, но вечером ты все равно возвратишься к жене. Как ты думаешь, это легко?

Я знал, что она права. Я не хотел никого обижать, не хотел никому делать больно, но у меня было такое чувство, как будто меня разрывает на части. Я совершенно забросил работу в своей компьютерной фирме. Я собирался с духом, чтобы сказать жене: я ухожу. Мне представлялось, как обрадуется Бекки, когда узнает, что теперь я уже безраздельно с ней — насовсем. Да, Кэролайн, жене, будет больно. Больно и тяжело. А девочкам будет еще тяжелее. Но так было нужно.

Каждый раз, когда я играл с дочками, с моими почти одинаковыми близняшками (подсказка: у Аманды над верхней губой — крошечная родинка, лицо у Джессики — чуть круглее) с волосами медового цвета, чуть светлее, чем у Кэролайн, каждый раз, когда мы ходили в парк, когда я

купал их перед сном и укладывал спать, в сердце свербела тягучая боль. Но я знал, что мне делать — что надо сделать. Я знал; боль, которую я ощущаю сейчас, скоро сменится радостью, потому что я буду с Бекки, я буду с ней жить, и любить ее, и проводить с ней все время.

До Рождества оставалось чуть меньше недели, и дни стали короткими — короче уже не бывает. Я пригласил Бекки поужинать в «нашем» тайском ресторанчике и, наблюдая за тем, как она слизывает ореховый соус с палочки куриного сатая, сказал ей, что ухожу из семьи — совсем скоро, — что бросаю жену и детей ради нее. Я думал, она улыбнется. Ждал этой улыбки. Но она ничего не сказала — и не улыбнулась.

Когда мы пришли к ней домой в тот вечер, она не захотела ложиться со мной в постель. Она объявила, что между нами все кончено. Я напился и плакал — в последний раз во взрослой жизни. Я умолял ее передумать.

— С тобой больше не весело, — сказала она, так спокойно и просто, а я сидел на полу у нее в гостиной, брошенный и несчастный, привалившись спиной к старенькому потертому дивану. — Раньше с тобой было весело и хорошо. А теперь стало нехорошо. Ходишь, как неприкаяный… Скучно.

— Прости, — сказал я с неумеренным пафосом. — Прости. Я так больше не буду.

— Вот видишь, — сказала она. — Совершенно не весело.

Она ушла в спальню и заперла дверь на ключ, а я еще долго сидел на полу в гостиной и прикончил бутылку виски, как говорится, в одно лицо, а потом, пьяный в дым, принялся бродить по квартире, трогая ее вещи и пуская слезливые сопли. Я прочел ее дневник. Пошел в ванную, выудил ее трусики из корзины с грязным бельем и прижал их к лицу, жадно вдыхая ее ароматы. В какой-то момент я затеял стучаться в дверь спальни и звать ее, но она не ответила и не открыла.

Ближе к утру я слепил себе горгулью — из серого пластилина.

Помню, как это было. Я почему-то был голый. Нашел на камине огромный кусок твердого пластилина, долго мял его обеими руками, месил, точно тесто, пока он не сделался пластичным и мягким. Потом я мастурбировал в пьяном, злобном и разгоряченном безумии, а когда все закончилось, смешает свою белую сперму с плотной бесформенной серой массой.

Скульптор из меня — никакой, но в ту ночь из-под моих неумелых пальцев вышло стран-

ное нечто. Вышло и обрело форму: большие нескладные руки, ухмыляющаяся рожа, короткие толстые крылья, скрюченные ноги. Существо, сотворенное мной из похоти, злости и жалости к себе и крещенное последними каплями виски, вытряхнутыми из пустой бутылки. Я поставил ее на грудь, поверх сердца — мою крошечную горгулью, — чтобы она защищала меня от красивых женщин с голубыми с зеленым отливом глазами и оберегала от всяких чувств — чтобы я больше уже никогда ничего не почувствовал.

Я лежал на полу с горгульей на груди, а еще через пару мгновений я уже спал.

Когда я проснулся, часа через три, дверь в ее спальню по-прежнему была заперта, а на улице было еще темно. Я дополз до ванной и заблевал весь унитаз, и пол, и разбросанное белье, которое я вытащил из корзины. Потом я поехал домой.

Не помню, что я сказал жене. Может, она ничего не спросила. Потому что есть вещи, о которых лучше не знать. Не спрашивай и не получишь ответа — примерно так. Может быть, Кэролайн что-то съязвила насчет рождественских пьянок. Не помню.

Я больше ни разу не был в той квартире в Баттерси.

Несколько раз мы случайно встречались с Бекки на улице, в метро или в Сити. Эти встречи всегда проходили неловко. Она была нервной и скованной — и я, без сомнения, тоже. Мы говорили друг другу «Привет», она поздравляла меня с очередным достижением — я направил свою энергию на работу и создал империю виртуальных развлечений (как частенько ее называли), хотя скорее не империю, а мелкое княжество музыки, театра и интерактивных приключений.

Иногда я знакомился с женщинами — умными, красивыми, замечательными женщинами, в которых я мог бы влюбиться, которых мог бы любить. Но я их не любил. Я вообще никого не любил.

Сердце и разум: я все-таки слушался разума и старался не думать о Бекки, убеждал себя, что не люблю ее, что она мне не нужна, что я о ней даже не вспоминаю. Но когда я все-таки думал о ней, вспомнил ее глаза, ее улыбку — мне было больно. Боль разрывала мне грудь. Острая, ощутимая, настоящая боль внутри. Словно кто-то впивался мне в сердце когтями.

В такие мгновения мне представлялось, что я ощущаю в груди крошечную горгулью. Холодная, словно камень, она обернулась вокруг моего серд-

ца и защищает меня, пока боль не пройдет, пока не вернется полная бесчувственность. А когда я уже ничего не чувствовал, я опять возвращался к работе.

Прошли годы: дочери выросли и уехали из дома, поступили в колледж (одна — на севере, другая — на юге, мои не совсем одинаковые близняшки), и я тоже ушел из дома, оставил его Кэролайн, а сам перебрался в большую квартиру в Челси и стал жить один, и был если не счастлив, то хотя бы доволен.

А потом было вчера. Дело близилось к вечеру. Бекки заметила меня первой, в Гайд-парке. Я сидел на скамейке, читал книжку на теплом весеннем солнышке, и она подбежала ко мне и прикоснулась к моей руке.

— Не забыл старых друзей? — спросила она. Я оторвался от книжки.

— Здравствуй, Бекки.

— Ты совсем не изменился.

— Ты тоже.

В моей густой бороде поселилась серебристая седина, волосы на голове изрядно поредели. А она превратилась в элегантную женщину «за тридцать». Но я сказал правду. И она — тоже.

— Ты добился успеха, — сказала она. — О тебе

пишут в газетах.

— Это значит лишь то, что мои рекламщики не зря получают зарплату. А ты чем сейчас занимаешься?

Она стала директором пресс-службы одного из независимых телеканалов. Сказала, что очень жалеет, что бросила сцену. Теперь она бы наверняка получила место в одном из театров Уэст-Энда. Она провела рукой по своим длинным темным волосам и улыбнулась, как Эмма Пил, и я бы пошел за ней хоть на край света. Я закрыл книжку и убрал ее в карман.

Мы шли через парк, держась за руки. Весенние цветы кивали нам крошечными головками — желтыми, белыми и оранжевыми.

— Как у Вордсворта, — сказал я. — Желтые цветы.

– *Нарциссы*, — сказала она. — У Вордсворта были нарциссы.

Была весна, мы гуляли в Гайд-парке и почти сумели забыть, что нас окружает огромный город. Мы купили мороженое — два рожка с холодными сладкими разноцветными шариками.

— У тебя кто-то был? — спросил я, как бы между прочим, облизывая мороженое. — Ну, тогда. Ты меня бросила ради кого-то другого?

Она покачала головой.

— Просто ты начал становиться каким-то уж очень серьезным. Вот и все. И я не хотела разбивать семью.

Позже, уже совсем вечером, она повторила:

— Я не хотела разбивать семью. — Она потянулась, лениво и томно, и добавила: — Тогда. А теперь мне все равно.

Я не стал говорить ей, что я развелся. Мы поужинали в японском ресторанчике на Грик-стрит, взяли суш и сасими и большую бутылку сакэ — согреться и напоить вечер мягким сиянием рисового вина. Потом мы поехали ко мне, на такси золотистою цвета.

Вино разлилось светлым теплом в груди. У меня в спальне мы целовались, обнимались и смеялись, как дети. Бекки внимательно рассмотрела мою коллекцию компактов, поставила «The Trinity Sessions» «Ковбой Джанкис» и стала тихонечко подпевать. Это было несколько часов назад, но я не помню мгновения, когда Бекки разделась. Зато я помню ее грудь — по-прежнему очень красивую, хотя уже и не такую упругую, как тогда, когда ей было двадцать, — и возбужденные темно-красные соски.

Я слегка растолстел за прошедшие годы.

Она осталась такой же стройной.

— Ты мне сделаешь языком? Там, внизу? — прошептала она, когда мы легли на кровать, и я сделал, что она просила. Ее пурпурные, ненасытные, гладкие нижние губы жадно раскрылись навстречу моему рту, ее клитор набух под моим языком, и мой мир переполнился солоноватым вкусом ее естества, я лизал ее, и сосал, и дразнил языком и покусывал зубами на протяжении, как мне казалось, бессчетных часов.

Она кончила, один раз — тело дернулось, словно в спазме — под моим языком, а потом она притянула меня к себе, лицом к лицу, и мы целовались, а потом она направила меня в себя.

— У тебя всегда был такой большой член? — спросила она. — И тогда, пятнадцать лет назад?

— Да, наверное.

— М-м-м...

Спустя какое-то время она сказала:

— Хочу, чтобы ты кончил мне в рот.

И уже очень скоро я сделал так, как она хотела.

Потом мы долго лежали — просто лежали, даже не прикасаясь друг к другу, — и она спросила, первой нарушив молчание:

— Ты меня ненавидишь?

— Нет, — ответил я сонно. — Раньше — да. Я

ненавидел тебя много лет. И любил.

— А теперь?

— Нет, я тебя не ненавижу. Все прошло. Улетело в ночь, как воздушный шарик.

Я понял, что говорю правду.

Она прижалась ко мне.

— До сих пор не могу поверить, что я отпустила тебя тогда. Я не повторяю ошибки дважды. Я люблю тебя.

— Спасибо.

— Не «спасибо», дурак. Скажи: «Я тоже тебя люблю».

— Я тоже тебя люблю, — отозвался я сонным эхом и поцеловал ее в губы, все еще липкие и влажные.

Потом я заснул.

Во сне я чувствовал, как что-то шевелится у меня внутри: что-то сдвигается и изменяется. Холод камня, целая жизнь беспросветной тьмы. Что-то рвалось, что-то билось, как будто сердце ломалось на части. Мгновение предельной боли. Чернота, странность, кровь. Наверное, серый рассвет — это тоже был сон. Я открыл глаза, вырвавшись из одного сновидения, но еще не совсем просыпаясь. Моя грудь была вскрыта, темный разрез проходил от пупка до шеи, и огромная бесформенная рука,

пластилиново-серая, погружалась внутрь, мне в грудь. В каменных пальцах запутался длинный черный волосок. Я наблюдал, как рука уходит в разрез на груди — так насекомое прячется в щель, когда в помещении включают свет. Я смотрел, сонно щурясь, и это было так странно, но то, как спокойно я воспринимал эту странность, лишний раз подтверждало, что это просто еще один сон, разрез у меня на груди затянулся, исчез без следа, и холодная рука сгинула навсегда. Мои глаза вновь закрылись. На меня навалилась усталость, и я сорвался обратно в умиротворяющую темноту, пропитанную ароматом сакэ.

Наверное, мне снилось что-то еще, но этих снов я не запомнил.

Я проснулся, уже по-настоящему, буквально через пару минут. Солнце светило мне прямо в лицо. Я проснулся один, рядом не было никого. Только алый цветок лежал на подушке. Сейчас я держу его в руке. Цветок похож на орхидею, хотя я не особенно разбираюсь в цветах. И еще у него странный запах: солоноватый и женский.

Наверное, его оставила Бекки, когда уходила. Пока я спал.

Уже совсем скоро мне надо будет вставать. Вставать с этой постели и продолжать жить.

Интересно, увидимся ли мы снова когда-нибудь? Я вдруг понимаю, что мне все равно. Чувствую смятую простыню под боком, чувствую, как воздух холодит мне грудь. Мне хорошо. Мне действительно хорошо.

Я вообще ничего не чувствую.

ЖИЗНЬ МОЯ

My Life
Перевод. Н. Эристави
2007

– Жизнь моя? Черт подери, не такая она штука,

О которой стоит болтать. Господи Боже,

В глотке-то как пересохло...

Выпить?

Ну, ежели ты угощаешь, а на дворе – жарища,

То – почему бы и нет? Запросто. Только – немножко.

Пивка вот – оно бы неплохо, ну и стопарик виски

выпить в жаркий денек – самое то!

Только – одна проблема:

когда я пьян, вспоминать начинаю. А вспоминать,

– понимаешь! –

не больно-то мне приятно.

Прикинь вот – моя мамаша. Баба как баба была,

Но никогда я бабой ее не видел.

Фотки до операции – видел, правда.

Она твердила – парню, мол, нужен отец.

А мой папаша, мерзавец, ее бросил.

Как только прозрел.

А как он прозрел?

Ему на башку – прикинь! – бирманский котяра свалился,

Выпрыгнул этот кошак из окошка хозяйской квартиры –

И вниз сиганул. С тридцатого, черт, этажа, –

Да прямо отцу по башке. И, заметь, шибанул его

Точнехонько в то место,

Что отвечает за зренье. Чудо – и только!..

Кот-то? А что – кот? Отделался легким испугом

И почесал по делам своим, по кошачьим.

Правду небось говорят – кошки

Приземляются

на все четыре лапы...

Ну, так я про папашу. Прозрел он, значит,

И заявляет мамаше – я, дескать, считал,

Что в жены беру не тебя, а твою сестрицу-двойняшку.

А та сестрица на мамочку вовсе была не похожа,

Но – вот ведь каприз природы! – по голосу их

Мог спутать хоть сам Господь всемогущий.

Судья дал развод без слова – закрыл на пробу глаза

И сам голоса различить не сумел!

Стало быть, из суда мой ублюдок-папаша

Вышел свободным, как ветер. Но – вот незадача!

Прямо на улице насмерть его зашиб

Сгусток дерьма, что свалился прямехонько с неба.

Болтали в народе –

Дескать, выпало это дерьмо из сортира на самолете.

Правда, анализ химический – тот показал другое:

«Фекальные массы содержат в себе элементы,

Неизвестные нашей науке».

Газеты – те прямо сказали:

Не обошлось без пришельцев!

Историю эту, понятно, тут же замяли.

Папашино тело забрали для экспериментов.

Ребята в штатском нам выдали справку.

Но не прошло и недели, как надпись на ней испарилась.

Я думаю – дело в чернилах, но речь-то сейчас не об этом...

Ну, вот. Тогда-то моя мамаша и стала думать,

Что, дескать,

парнишке нужен мужчина в доме.

А коли нет мужиков походящих – сама она

Стать мужиком готова!

Она скорешилась с доктором этим,

И после того, как пара их победила на чемпионате

По подводному танго,

Лекарь сменил ей пол забесплатно.

Я, когда рос, все папою звал мамашу. –

Не знал ничего, прикинь!

Не, больше со мной ничего интересного не было вроде.

Хлопнуть еще? Ну, за компанию разве?

Ага, еще по пивку, – и не забудь мой виски.

Двойной? Пожалуй. Не, я вообще-то не пью,

Просто – такая жарища, тут и непьющий

Пропустит стаканчик-другой для здоровья...

В такой вот жаркий денек

Жена моя рассосалась.

Ага, я тоже читал, как люди

Взрываются сами собой. Спонтанное возгоранье!

Но Мэри-Лу – так супругу мою звали – тут дело другое.

Я, помню, ее повстречал в то утро,

Как вышла она из комы.

Семьдесят лет, прикинь, проспала – не состарилась даже

на день.

Дикие все-таки штуки молнии шаровые

с людьми вытворяют, точно?

И ведь народ весь на той подводной лодке

Тоже заснул и стареть перестал – не только моя Мэри-Лу.

Мы уж женаты были, – а, помню, она

Все так же их навещала,

Сидела с ними в больнице, в их спящие лица глядела...

Я-то? Да я дальнобойщиком был тогда.

...Жили отменно. Ей те семьдесят лет –

Что были, что нет. И вот тебе истинный крест –

Не водились бы призраки в той машине с тральной

(Хотя – какие там призраки, демоны это были).

Была б она и сейчас со мною. Демоны, знаешь,

Душою ее завладели. А где нам взять

Хорошего экзорциста? Нашли одного –

Так он домовым оказался откуда-то из Утрехта,

И даже священником не был. Хотя при полном параде –

Книжка, свеча, колокольчик...

И вот ведь одно к одному –

в тот день, как моей Мэри-Лу тело,

под властью духов подлючей машины стиральной,

в мыльную воду вдруг обратилось,

– прикинь! – у меня грузовик сперли.

Тогда и свалил я из Штатов. Скитаюсь теперь по свету...

Такая тощища – скулы свернуть охота.

Раз только вот... черт, никак всего не припомню.

Ну, и жарища – прямо всю память отшибло.

Еще по одной? Пожалуй...

ПЯТНАДЦАТЬ РАСКРАШЕННЫХ КАРТ ИЗ КОЛОДЫ ВАМПИРА

Fifteen Painted Cards from a Vampire Tarot
Перевод. М. Немцов
2007

0
Дурак[238]

— Чего надо?

Вот уже месяц молодой человек приходил на кладбище каждую ночь. Наблюдал, как луна омывает своим ледяным светом холодный гранит и свежий мрамор, мох на старых каменных плитах и статуях. Вглядывался в тени и смотрел на сов. Созерцал влюбленные парочки, пьяниц и подростков, нервно петлявших среди усыпальниц,

[238] notes: 238

«Дурак» («Шут») — в традиционном расположении младших арканов колоды Таро считается символом «святой простоты». Сочетает в себе ум и глупость, добро и зло, правду и ложь. Символ наивности, неискушенности, но также и большого потенциала, новых начинаний, перемен. Часто используется в качестве «бланки», то есть карты, представляющей субъекта гадания. Предупреждает о возможных непродуманных поступках.

— всех, кто оказывался на кладбище в ночную пору.

Днем он спал. Кому какое дело? В ночи же он стоял один и дрожал от холода. Ему казалось, что стоит он на краю пропасти.

Голос раздался из тьмы, окружавшей его, зазвучал у него в голове и вне ее:

— Чего надо? — повторил голос.

Молодой человек подумал, осмелится ли он повернуться и глянуть, и понял, что нет.

— Ну? Ходишь сюда каждую ночь, сюда — где живым не место. Я тебя видел. Чего тебе?

— Я хотел встретиться с вами, — ответил молодой человек, не оборачиваясь. — Я хочу жить вечно. — Голос его при этих словах дрогнул.

Шаг с края пропасти сделан. Возврата нет. Он уже воображал, как острия клыков вонзаются ему в загривок, — пронзительная прелюдия к вечной жизни.

Начался звук. Низкий и печальный, словно гул подземной реки. Лишь несколько долгих секунд спустя молодой человек сообразил, что это смех.

— Это не жизнь, — произнес голос.

Он не сказал больше ничего, и через некоторое время молодой человек понял, что он на кладбище один.

1
Маг[239].

У слуги графа Сен-Жермена[240] спросили, действительно ли его хозяину[241] тысяча лет, как об этом твердит молва.

— Откуда мне знать? — ответил лакей. — Я служу ему всего триста лет.

2
Верховная жрица[242]

Ее кожа была бледна, глаза темны, а волосы выкрашены в цвет воронова крыла. Она появилась

---

[239] notes: 239

Как правило, «Маг» символизирует человека, со способностями организатора, манипулятора, сильную личность, контролирующую ситуацию. Карта предвещает удачу, прогресс, успех. Может указывать на неоправданное пренебрежение внешними обстоятельствами, неспособность контролировать ситуацию.

[240] notes: 240

Граф Сен-Жермен (ок. 1710–1784?) — имя, под которым стал известен один из самых загадочных авантюристов Европы. Около 1748 г. появился при дворе Людовика XV, где создал себе репутацию искусного алхимика и предсказателя; выполнял разнообразные секретные поручения короля. В 1760 г., поссорившись с герцогом де Шуазель, уехал в Англию, а в 1762 г. оказался в Санкт-Петербурге, что дало повод для предположений о его участии в заговоре по возведению на престол Екатерины II. В 1770–1774 гг. граф снова появился в Париже, где его

видели якобы и во время Великой французской революции 1789 г. По более достоверным сведениям, умер в 1784 г. в герцогстве Шлезвиг (Германия), где он занимался алхимией. Калиостро в своих мемуарах называл Сен-Жермена одним из основателей масонства.

[241] notes: 241

Карта «Хозяин» («Император») — 4-й аркан колоды Таро, символизирует отеческие чувства, хозяйственность, успех, авторитет и власть. Может указывать на человека рационального, энергичного, обладающего большой силой воли. Также может предвещать достижение поставленных целей за счет концентрации сил и контролируемой агрессии. Признак слабости, неуверенности.

[242] notes: 242

«Верховная жрица» («Папесса») — символ интуиции, созидания, понимания, глубокого знания. Карта может говорить о влиянии на ситуацию женщины, указывать на то, что решению существующих проблем помогут вновь обретенные знания. Предупреждает против чрезмерного проявления эмоции, иррациональных, необдуманных поступков.

в дневном ток-шоу и объявила себя королевой вампиров. Оскалила перед камерами свои вылепленные протезистами клыки и вытащила на сцену бывших любовников, которые с различной степенью смущения признались, что она действительно пускала им кровь и пила ее.

— Но ведь вас можно увидеть в зеркале? — спросила ведущая. Хозяйка[243] шоу была самой богатой женщиной в Америке, а помогло ей в этом то, что она ставила перед своими камерами всяких уродов, калек и заблудших, чтобы они являли свою боль всему миру.

Женщину, похоже, это несколько задело.

— Да. Вопреки тому, что думают люди, вампиров можно видеть в зеркалах и телевизионных камерах.

— Ну, хоть это вы наконец поняли, дорогуша, — ответила хозяйка дневного ток-шоу. Но при этом накрыла микрофон рукой, так что в эфир слова эти так и не попали.

---

[243] notes: 243

Карта «Хозяйка» («Императрица» — 3-й аркан, счастливая карта, говорящая о стабильности, процветании, плодородии. Символ любви, заботы, материнства. Может говорить о предстоящем рождении ребенка. Иногда указывает на деспотичную особу женского пола, у которой отсутствует способность критически оценивать свои действия. Семейные неурядицы, возможные служебные трудности.

5
Иерофант[244]

Се тело мое, — сказал он две тысячи лет назад. — *Се моя кровь*.

Единственная религия на свете, давшая то, что и обещала: жизнь вечную для всех своих приверженцев.

Некоторые из нас, живущих и посегодня, еще помнят его. И некоторые из нас утверждают, что он был мессией, а некоторые просто считают его человеком, наделенным особыми талантами. Да какая вообще разница? Кем бы он там ни был, мир он изменил.

6

[244] notes: 244

«Иерофант» («Верховный жрец», «Папа») указывает на человека духовно зрелого, мудрого, авторитетного. Может предвещать постижение некой истины, обретение новых знаний, понимание. Также может указывать на духовное влияние некоего лица, учителя, и на то, что вам дадут важный совет. Предупреждает о возможном плохом совете, лжи.

Влюбленные[245]

Умерев, она стала являться к нему по ночам. Он все больше бледнел, под глазами появились темные круги. Поначалу считали, что он ее оплакивает. А потом как-то ночью он исчез из деревни.

Было трудно получить разрешение на ее эксгумацию, но удалось. Наружу выволокли гроб, развинтили. А затем смогли оценить то, что обнаружили в ящике. На дне было шесть дюймов воды: все железо окрасилось темно-оранжевой ржой. В гробу лежали два тела: ее, разумеется, и его. Он разложился больше. Потом кто-то задался вопросом, как могли два тела поместиться в гроб, сработанный под одного. А особенно — если учитывать ее состояние, сказал этот любознательный; поскольку она, совершенно очевидно, была весьма и весьма беременна.

Поднялось некоторое смятение, поскольку, когда ее хоронили, беременность была не столь заметна.

---

[245] notes: 245

Карта говорит о необходимости выбора из двух взаимоисключающих вариантов: как правило, это конфликт между чувствами и рассудком, духом и телом. Еще одним значением карты может быть любовь. Предупреждает о возможности неправильного решения.

Потом ее выкопали еще разок — по требованию церковных властей, до которых докатились слухи о том, что обнаружили в могиле. Живот ее был плосок. Местный лекарь сказал всем, что живот ей просто раздуло газами. Горожане глубокомысленно покивали в ответ — как будто действительно поверили.

7
Колесница[246]

Генная инженерия в лучшем виде: создали породу людей, коя долетит до звезд. Людям этим нужны были невозможно длинные сроки жизни, поскольку расстояния между звездами велики; места в кораблях мало, поэтому запасы пищи должны быть очень компактными; они должны уметь обрабатывать местные ресурсы и собственным потомством колонизовать миры, которые откроют.

---

[246] notes: 246

Карта символизирует движение, прогресс, успех, победу, говорит о достижении новой высокой ступени в развитии, успешном преодолении препятствий и барьеров. Иногда напоминает о том, что для того, чтобы оставаться победителем, необходим тщательный баланс, умение примирять противоположности и находить взаимовыгодные решения. Карта также может предвещать поездку, путешествие. Говорит об излишнем динамизме, переходящем в суетливость.

Родной мир пожелал колонистам удачи и доброго пути. Все упоминания о собственном местоположении из бортовых компьютеров, однако, стерли — просто на всякий случай.

10
Колесо фортуны[247]

Куда вы девали доктора? спросила она и рассмеялась. Мне показалось, она вошла сюда десять минут назад.

Извините, ответил я. Я проголодался. И мы оба рассмеялись.

Схожу найду ее вам. сказала она.

Я сидел в кабинете врача и ковырялся в зубах. Немного погодя ассистентка вернулась.

Простите, сказала она. Должно быть, доктор просто вышла. Могу ли я назначить вам прием на следующую неделю.

Я покачал головой. Я позвоню, сказал я. Но впервые за тот день солгал.

---

[247] notes: 247

Карта, предвещающая перемены к лучшему, удачу, решение проблем. Также может указывать на то, что в судьбу вмещается счастливый случай. В более общем смысле карта говорит о том, что без падений не бывает взлетов, и иногда необходимо опуститься вниз, чтобы затем вновь подняться вверх. Иногда карта предвещает неудачу, несчастный случай.

11
Справедливость[248]

— Это не по-человечески, — сказал мировой судья, — а потому не заслуживает человеческого суда.

— Ах, — вымолвил адвокат. — Но мы ведь не можем казнить без суда: имеются прецеденты. Свинья, сожравшая младенца, упавшего в ее хлев. Свинью признали виновной и повесили. Пчелиный рой признали виновным в том, что зажалил до смерти старика, и рой публично сжег городской палач. Дьявольскому отродью подобает точно то же самое.

Улики против младенца были неопровержимы. Вина его сводилась к следующему: женщина привезла младенца из деревни. Сказала, что ребенок ее, а муж у нее умер. Остановилась она в доме каретника и его жены. Старый каретный мастер

---

[248] notes: 248

«Справедливость» («Правосудие») говорит о необходимости тщательной оценки всех сторон дела для принятия правильного решения. Напоминает о необходимости баланса, непредвзятости. Также карта может указывать на предстоящий суд над человеком, но это может быть также конкурс или соревнование. Символ неправедного суда, предвзятости в оценках, осуждения по ложному обвинению, нестыковки, несбалансированности.

жаловался на меланхолию и усталость — а затем его самого, его жену и их жилицу слуга обнаружил мертвыми. Младенец в колыбельке был жив — бледный, с широко распахнутыми глазенками. Губы и лицо его были измазаны кровью.

Присяжные определили малютку виновным вне всякого сомнения и приговорили к смерти.

Палачом служил городской мясник. На виду у всего города он разрубил младенца пополам, а куски швырнул в огонь.

Его собственный младенец умер несколькими днями раньше. Детская смертность в те дни была высока — явление тяжелое, но обычное. Жена мясника была безутешна.

Она уже уехала из городка — повидать сестру в большом городе, а через неделю к ней приехал и мясник. Втроем — мясник, его жена и младенец — были такой славной семейкой, что просто загляденье.

14

Умеренность[249]

Она сказала, что она вампир. Одно я уже знал совершенно точно — врать она горазда. Это по глазам видно. Черные как угли, но прямо никогда не смотрят: пялятся на невидимок у тебя за плечом, за спиной, над головой, в паре дюймов у тебя перед носом.

— Ну и как на вкус? — спросил я. Дело было на автостоянке за баром. В баре она работала в ночную смену — готовила великолепные коктейли, но сама ничего не пила.

— Как сок V8, — ответила она. — Только не тот, где пониженное содержание натрия, а оригинальный. Или как соленый гаспачо.

— Что такое гаспачо?

— Это такой холодный овощной суп.

— Ты меня подкалываешь.

— Нисколько.

— Так ты, значит, пьешь кровь? Как я пью V8?

— Не совсем, — ответила она. — Если тебя от

---

[249] notes: 249

«Умеренность» («Воздержание») говорит о необходимости гармонии между материальной и духовной составляющими, напоминает о том, что ко всему нужно относиться с выдержкой и терпением; не стоит слишком глубоко уходить в себя. Карта предвещает удачу для предприятий, успех которых зависит от сложной взаимосвязи многих различных факторов. Символ трудностей, препятствий, связанных с недостатком уравновешенности, гармонии.

V8 начнет тошнить, ты можешь пить что-нибудь другое.

— Ну да, — сказал я. — Я на самом деле, не очень люблю V8.

— Вот видишь? А в Китае мы пьем не кровь, а спинную жидкость.

— А она на что похожа?

— Да ничего особенного. Бульон и бульон.

— Ты пробовала?

— Других знаю.

Я попробовал разглядеть ее отражение в боковом зеркальце грузовичка, у которого мы стояли, но было темно, поэтому наверняка сказать не получилось.

15
Дьявол[250]

Вот его портрет. Посмотрите на эти плоские желтые зубы, на цветущее лицо. У него имеются рога, и в одной руке он держит деревянный кол

---

[250] notes: 250

Карта указывает на скованность, зависимость, возможно, какую-то дурную привычку, мешающую продвижению вперед. Может указывать на эгоизм, непомерную гордыню, вспыльчивость, необузданность характера. Предупреждает о необходимости самоконтроля. Может означать преодоление внутренней слабости, поступок, идущий вразрез с общепринятыми взглядами.

длиною в фут, а в другой — свою деревянную колотушку.

Никакого дьявола, разумеется, не существует.

16
Башня[251]

Построили башню из камня и яда.
Без доброго слова, без доброго взгляда,
– Озлобленный сдобен, кусачий укушен
(Гулять по ночам всяко лучше снаружи).

17
Звезда[252]

---

[251] notes: 251

Как правило, несчастливая карта, предвещающая неудачи, бедствия, крушение планов и надежд. Может также означать разрушение, разорение, попадание в зависимость, болезнь, смерть. В общем случае она означает перемену, крах, внезапный конец существующей ситуации под, влиянием внешних сил. Зависимость от существующих обстоятельств, которые не могут быть изменены.

[252] notes: 252

Счастливая карта, символизирующая надежду, обновление, открытие новых горизонтов, исцеление от болезней и недугов. Предупреждает о возможной духовной слепоте, не позволяющей заметить и использовать новые возможности.

Те, кто постарше и побогаче, идут вслед за зимой, наслаждаясь долгими ночами, когда удается их обрести. Все равно они предпочитают Северное полушарие Южному.

— Видите эту звезду? — спрашивают они, показывая на одну в созвездии Драко — Дракона. — Мы пришли оттуда. Настанет день, и мы туда вернемся.

Те, кто помоложе, презрительно ухмыляются, фыркают и над этим смеются. Но все равно — годы складываются в столетия, их одолевает тоска по тому месту, где они никогда не бывали; а северный климат утешает их, если Драко скручивается в вышине вкруг Большой и Малой Медведиц, возле самой льдистой Полярной звезды.

19
Солнце[253]

— Представь себе, — сказала она, — если бы в небесах было что-нибудь такое, что могло б тебе навредить, возможно даже — убить тебя.

---

[253] notes: 253

Знак того, что удача не за горами, все трудности будут успешно преодолены. Символ победы, триумфа, успеха, радости, счастья. Неудача, крушение надежд, или, в лучшем случае, весьма сомнительный успех.

Какой-нибудь громадный орел или что-нибудь. Представь, вот вышел ты наружу днем, а этот орел тебя сцапал... Так вот, — продолжала она. — С нами все точно так же. Только это не птица. А яркий, прекрасный, опасный дневной свет. Я его уже сто лет не видела.

20
Страшный Суд[254]

Это способ говорить о вожделенье, не упоминая вожделенья, сказал он им.

Это способ говорить о сексе, о страхе секса, о смерти, о страхе смерти — а о чем еще можно говорить?

22
Мир[255]

---

[254] notes: 254

Карта указывает на необходимость переосмысления прошлого, извлечении из него уроков. Символ сожаления, раскаяния, угрызений совести, взаимных упреков и обвинений.

[255] notes: 255

Карта указывает на успешное завершение чего-либо, достижение последней ступени, успех (в том числе материальный), обретение высшего знания, достижение гармонии с миром. Крупная неудача, отсутствие способности или возможности развития.

— Знаешь, что самое грустное? — спросила она. — Самое грустное: мы — это вы.

Я ничего не ответил.

— В ваших фантазиях, — сказала она, — мой народ — такие же, как вы. Только лучше. Мы не умираем, не старимся, не страдаем от боли, холода или жажды. Мы лучше одеваемся. Мы владеем мудростью веков. А если мы жаждем крови — ну что ж, это ничем не хуже вашей тяги к пище, любви или солнечному свету; а кроме того, для нас это повод выйти из дома. Из склепа. Из гроба. Из чего угодно. Вот ваша фантазия.

— А на самом деле? — спросил я.

— Мы — это вы и есть, — ответила она. — Мы — это вы, со всеми вашими продрочками и всем, что делает вас людьми. Вашими страхами, одиночеством, смятением... лучше ничего не становится... Но мы холоднее вас. Мертвее. Я скучаю по свету солнца, по еде, по тому, чтобы кого-нибудь коснуться, заботиться о ком-то. Я помню жизнь, помню, как встречалась с людьми как с людьми, а не как с источником пищи или объектом контроля. И я помню, каково это — что-то *чувствовать*, все равно что: счастье, грусть, *что угодно*... — Тут она замолчала.

— Ты плачешь? — спросил я.

— Мы не плачем, — был ответ.
Я же говорил, врать она мастерица.

КТО-ТО КОРМИТ, КТО-ТО ЕСТ

Feeders and Eaters
Перевод. Т. Покидаева
2007

В этой истории все — правда. Постольку-поскольку. Если это имеет значение.

Дело близилось к ночи. Я страшно замерз — в этом городе, где у меня не было права быть. Во всяком случае, в столь позднее время. Не скажу, в каком именно городе. Я опоздал на последний поезд. Спать не хотелось, и я решил прогуляться по улицам вокруг вокзала и поискать круглосуточное кафе. Место, где можно посидеть в тепле.

Вы знаете, что я имею в виду. Вы бывали в подобных местах: название кафе на неоновой рекламе «Пепси» над грязным окном, засохший яичный желток между зубцами всех вилок. Есть не хотелось, но я все же взял тост и стакан маслянистого чая — чтобы меня оставили в покое.

Посетителей было немного, человека два-три. Всеми покинутые, одинокие люди, страдающие бессонницей. Каждый — сам по себе. За отдельным столиком. Сгорбившись над пустой

тарелкой. Заляпанные грязью пальто и спецовки, застегнутые на все пуговицы.

Когда я отошел от стойки с подносом в руках, кто-то громко сказал:

— Эй, ты! — Это был мужской голос, и я сразу понял, что он обращался ко мне. — Я тебя знаю. Иди сюда.

Я сделал вид, что не слышу. Я не хотел ни с кем связываться. И уж тем более — с человеком, который бывает в подобных местах.

А потом он назвал мое имя, и я обернулся к нему. Когда тебя называют по имени, выбора не остается.

— Не узнаешь? — спросил он. Я покачал головой. Я не знал этого человека. Если бы знал, я бы точно его не забыл. *Такое* не забывается. — Это я, — жалобно прошептал он. — Эдди Барроу. Ты меня знаешь.

Теперь, когда он назвал свое имя, я узнал его. Более или менее. В смысле, я знал Эдди Барроу. Мы вместе работали на стройке, лет десять назад, когда я в первый и единственный раз попробовал заняться ручным трудом.

Эдди Барроу был высоким и статным красавцем, с хорошо развитой мускулатурой и ослепительной голливудской улыбкой. До того

как устроиться к нам на стройку, он работал в полиции. Иногда он рассказывал мне истории о суровых буднях служителей закона, правдивые истории о преступлении и наказании. Он ушел из полиции, когда у него начались неприятности с начальством. Из-за жены старшего инспектора. У Эдди вечно случались какие-то неприятности из-за женщин. Он им нравился, женщинам.

Когда мы работали на стройке, к нему постоянно ходили женщины. Буквально вешались ему на шею, носили сандвичи и прочие вкусности, окружали вниманием и заботой. Он вообще *ничего не делал* для того, чтобы нравиться женщинам. Он просто им нравился. Поначалу я наблюдал за ним, чтобы понять, что он делает, и как именно он привлекает женщин, но, повторюсь, он вообще ничего не делал. В конце концов, я решил, что ему и не надо ничего делать. Ему достаточно просто быть. Вот таким: большим, сильным, не очень умным, но зато невероятно красивым.

Но это было десять лет назад.

Человек, сидевший за столиком в полуночном кафе, был отнюдь не красавцем. Тусклые, красные глаза. Опухшие веки. Упертый в столешницу взгляд, полный отчаяния и безысходности. Лицо — серое, бледное. Он похудел, причем похудел

очень сильно. Сквозь его сальные волосы проглядывала бледная кожа.

— Что с тобой? — спросил я.

— В каком смысле?

— Как-то ты плохо выглядишь, — сказал я, хотя он выглядел хуже, чем просто «плохо». Он выглядел, как покойник. Эдди Барроу был большим крепким мужчиной. А теперь он как будто усох, превратился в ходячий скелет. Сплошь кожа да кости.

— Да, — сказал он. Или, может быть: «Да?», я не понял. Он помолчал и добавил; — Так бывает со всеми, в конце.

Он указал левой рукой на стул, приглашая меня присесть за его столик. Правую руку он прятал в кармане.

Столик Эдди стоял у окна, и каждый, кто проходил мимо по улице, мог его видеть. Я никогда бы не выбрал такое место. Если бы выбирал сам. Но теперь у меня не осталось выбора. Я уселся напротив Эдди и принялся молча цедить свой чай. Да, я молчал, и, наверное, зря. Может быть, если бы мы заговорили, демоны, терзавшие его изнутри, не прорвались бы наружу. Но я молча пил чай, грея руки о чашку. И он, должно быть, подумал, что раз я молчу, значит, мне хочется выслушать

его историю. Значит, мне не все равно. Значит, меня волнуют его проблемы. Но они меня не волновали. Мне хватало своих. Меня совершенно не интересовало, что его довело до такого убогого состояния — пьянство, наркотики или болезнь, — но он начал рассказывать. Он говорил тусклым безжизненным голосом, а я слушал.

— Я приехал сюда пару лет назад, на строительство новой дороги. А потом почему-то остался. Ну, ты знаешь, как это бывает. Снял приличную комнату в старом доме. В переулке рядом с Принс-Риджент-стрит. Комнату на чердаке. Это дом на одну семью, и хозяева жили там же. Сдавали только верхний этаж. Так что жильцов было мало. Всего лишь двое: я и мисс Корвье. Наши комнаты располагались рядом. Я слышал, как она ходит за стенкой. У хозяев был кот. Он иногда заходил к нам на чердак. Ну, вроде как поздороваться. Проявить интерес.

Хозяйка кормила меня за отдельную плату, и я ел вместе со всеми, за общим столом. А мисс Корвье ела отдельно и никогда не спускалась в столовую, и я увидел ее в первый раз где-то через неделю после того, как снял комнату. Она выходила из ванной. У нас была общая ванная, на чердаке. Она была такой старой, мисс Корвье.

Лицо все в морщинах, как у старой обезьянки. Но у нее были длинные волосы, как у молоденькой девушки. По-настоящему длинные волосы. Почти до пояса.

Забавная штука с этими стариками... Мы почему-то уверены, что старые люди чувствуют все по-другому. Не так, как мы. В смысле, что вот мисс Корвье, которая годится мне в бабушки, и... — Он умолк на полуслове. Облизнул губы серым языком. — В общем... как-то под вечер я вернулся к себе, и на полу у меня перед дверью лежал бумажный пакет. В пакете были грибы. Я сразу понял, что это подарок. Подарок — мне. Но это были какие-то странные грибы. И я постучал в ее дверь. И спросил: «Это мне?» «Да, мистер Барроу, — сказала она. — Я их сама собирала».

«А они точно не ядовиты? — спросил я. — Их можно есть? Это не какие-нибудь психотропные грибочки?»

Она рассмеялась. Даже закашлялась от смеха. «Нет, мистер Барроу, — сказала она. — Это хорошие съедобные грибы. Чернильные грибы, так они называются. Но их надо есть сразу. Они быстро портятся. Получается очень вкусно, если поджарить их с чесноком на сливочном масле». Я спросил: «А вы сами будете есть?» «Нет, — ска-

зала она. — Раньше я очень любила грибы. Но теперь мне нельзя. С моим-то желудком. Они очень вкусные. Наверное, самые вкусные грибы на свете. Странно, что люди об этом не знают. Вокруг столько вкусных вещей, но люди их не едят. Просто не знают, что это съедобно».

Я сказал: «Спасибо», — и пошел к себе. Положил грибы под раковину. Через пару дней они превратились в густую жижу, похожую на чернила. Пришлось убрать это все в пластиковый пакет и отнести на помойку.

Я как раз выходил на улицу с пакетом в руках и столкнулся в дверях с мисс Корвье. Она сказала: «Здравствуйте, мистер Барроу».

Я сказал: «Здравствуйте, мисс Корвье». «Называйте меня просто Эффи. — сказала она. — Вам понравились грибы?» «Очень понравились, — сказал я. — Большое спасибо».

После этого она принялась оставлять мне под дверью всякие разные подарки. Чуть ли не каждый день. Цветы в бутылках из-под молока, и все в таком роде. А потом они вдруг прекратились, подарки. Честно сказать, я испытал облегчение.

И вот как-то раз я, как обычно, обедал с хозяевами. Дело было в августе. К ним на каникулы приехал сын. Он учился в политехническом.

И кто-то сказал, что они уже целую неделю не видели мисс Корвье. Меня попросили зайти к ней. Узнать, все ли в порядке. И я сказал: «Да, конечно».

После обеда я сразу пошел к мисс Корвье. Дверь была не заперта, я вошел. Она лежала в постели, укрытая простыней, Но все равно было видно, что она лежит голая. Не то чтобы я очень старался что-то там рассмотреть... Она годилась мне в бабушки, эта старуха. Но она была рада, что я пришел.

«Вам вызвать врача?» — спросил я.

Она покачала головой. «Я не болею, — сказала она. — Просто мне надо поесть».

Я спросил: «Вы уверены? Может быть, все-таки вызвать врача?»

Она сказала: «Эдвард, я не хочу доставлять никому беспокойства, но мне очень хочется есть».

«Я принесу вам поесть, — сказал я. — Что-нибудь легкое для желудка». Она посмотрела на меня как-то странно. А потом очень тихо сказала: «Мяса». Я подумал, что ослышался. Но она повторила: «Мяса. Свежего мяса. И непременно сырого. Буду готовить сама. Никому не даю готовить для себя. Мяса. Пожалуйста, Эдвард».

«Хорошо, мяса так мяса», — ответил я и спу-

стился вниз. Мне вдруг пришло в голову, что можно взять мясо из кошкиной миски. Но, разумеется, я так не сделал. Не знаю, зачем я вообще взялся ей помогать. Все получилось само собой. Она сказала, что хочет есть, и я пошел принести ей еды. У меня просто не было выбора. Я дошел до ближайшего универсама и купил упаковку лучшего говяжьего фарша.

Кот почуял запах мяса. Увязался за мной на чердак. Я сказал: «Кот, ты даже и не надейся. Это не для тебя. Это для мисс Корвье. Она болеет, ей надо хорошо кушать». Кот замяукал с таким надрывом, как будто его не кормили как минимум неделю, хотя он не съел и половины того, что было в его миске. Глупое животное.

Я подхожу к двери мисс Корвье, стучу. Она говорит: «Входите». Она по-прежнему лежит в постели. Я отдаю ей упаковку фарша, и она говорит: «Спасибо, Эдвард. У тебя доброе сердце», а потом раздирает пластиковую пленку дрожащими пальцами. Прямо в постели. Кровь, собравшая на донце лоточка с фаршем, льется на простыню. Мисс Корвье этого не замечает. Мне становится жутко. Я иду к двери и слышу, что она уже ест. Сырой фарш. Хватает его руками и жадно пихает в рот. Не вставая с постели.

А на следующий день она встала. И была очень бодрой. Для ее возраста — прямо на удивление бодрой. Умчалась куда-то на целый день и пришла только под вечер. Вот говорят, мясо вредно. А ей оно явно пошло на пользу. Ну да, она ела его сырым... Ну и что? Даже блюдо такое есть, «фарш по-татарски», и его подают в ресторанах. Ты когда-нибудь ел сырое мясо?

Вопрос застал меня врасплох.

— Я?

Эдди посмотрел на меня своими мертвыми глазами.

— Здесь больше никого нет.

— Да. Только очень давно. Когда я был маленьким. Года в четыре. Или, может быть, в пять. Я ходил с бабушкой в магазин. И продавец из мясного отдела давал мне кусочки сырой печенки. И я их ел. Прямо там, в магазине. И все смеялись. — Я не вспоминал об этом лет двадцать. Но все действительно так и было. Я до сих пор ем печенку почти сырой. А когда я готовлю ее для себя, и у меня в гостях нет никого, и меня точно никто не увидит, я отрезаю кусочек сырой печенки и жую, наслаждаясь плотной консистенцией мяса и чистым вкусом железа.

— А я вот — ни разу, — сказал Эдди. — Я люблю

мясо, но мне нравится, чтобы оно было нормально прожарено. А потом пропал Томпсон.

— Томпсон?

— Хозяйский кот. Кто-то мне говорил, что сначала котов было двое. Их звали Томпсон и Томпсон. Уж не знаю, с какой такой радости. Лично мне непонятно, зачем называть обоих котов одним и тем же именем. Как-то оно по-дурацки выходит. Первого Томпсона раздавил грузовик. — Эдди вдруг замолчал и принялся рассеянно водить пальцем по столу, собирая в кучку рассыпанный сахар. По-прежнему левой рукой. Я уже начал задумываться; «Может быть, у него вообще нет правой руки? Может быть, у него там пустой рукав?». Впрочем, мне не было до этого дела. Жизнь, она не обходится без потерь. Каждый что-то теряет.

Я пытался придумать, как бы потактичней ему намекнуть, что у меня нет ни гроша — на тот случай, если он попросит у меня денег, когда закончит рассказывать свою историю. У меня действительно не было денег: только билет на поезд и несколько пенни — на автобус от вокзала до дома.

— Вообще-то я не люблю кошек, — вдруг сказал Эдди. — Ну, то есть не то чтобы совсем не люблю.

Но мне больше нравятся собаки. Они большие, надежные и верные. И ты всегда знаешь, чего от них ждать. А кошки, они не такие. Целыми днями гуляют сами по себе. Какие у них там кошачьи дела — кто их знает. Когда я был маленьким, у нас дома жил кот. Его звали Рыжик. А в другом доме на нашей улице тоже жил рыжий кот. Мармелад. А потом оказалось, что наш кот и их кот — это один и тот же кот. Жил на два дома и ел за двоих. Они хитрые, кошки. Своего не упустят. Им нельзя доверять.

Собственно, я поэтому и не заметил, что Томпсона нет уже несколько дней. Хозяева переживали. Но я был уверен, что он вернется. Кошки всегда возвращаются.

А потом, как-то ночью, я услышал, что где-то мяукает кошка. Причем постоянно. Не умолкая ни на секунду. Я пытался заснуть, но не мог. Дело было уже за полночь, и кошка мяукала даже не то чтобы очень громко… но когда тебя мучает бессонница, всякий звук раздражает. Я подумал, что это, наверное, Томпсон. Может, застрял где-то в стропилах или на крыше снаружи. Как бы там ни было, я уже понял, что заснуть не удастся. Я встал с постели, оделся. Надел ботинки, на случай, если придется лезть на крышу, и пошел искать кота.

Я вышел в коридор и прислушался. Звуки доносились из комнаты мисс Корвье. Я постучал в ее дверь, но никто не ответил. Я надавил на дверную ручку. Дверь была не заперта. Я вошел. Я думал, что Томпсон где-то застрял. Или, может, поранился. Я не знаю. Мне просто хотелось ему помочь.

Мисс Корвье в комнате не было. То есть там было темно и почти ничего не видно, но ведь всегда можно почувствовать, есть кто-то в комнате или нет. И только в дальнем углу что-то дергалось и надрывалось: «Мяу, мяу, мяу». Я включил свет, и...

Эдди умолк на полуслове и молчал, наверное, больше минуты, ковыряя пальцем колечко засохшего соуса на горлышке бутылки с кетчупом, сделанной в форме большого мясистого помидора. А потом он сказал:

— Он был еще жив. Это невероятно, но он был еще жив. То есть спереди все было живое: голова, грудь, передние лапы... Он дышал, он мяукал... но задние лапы, и ребра, и хвост... все было обглодано до костей. То есть действительно до костей. Как куриные кости, оставшиеся на тарелке. Кости и... как они называются... сухожилия? А потом он поднял голову и посмотрел на меня.

Да, это был кот. Бессловесная тварь. Но я сразу понял, чего он хочет. Прочитал по глазам. — Эдди опять помолчал. — Просто понял, и все. Таких глаз я не видел ни разу в жизни. Если бы ты видел эти глаза, ты бы знал. Ты бы понял, чего он хочет. И я это сделал. Потому что я не бессердечное чудовище.

— Что ты сделал?

— Я избавил его от мучений. — И вновь — долгая пауза. — Крови почти и не было. Я наступил ему на голову. Потом — еще раз, и еще, и еще... пока ничего не осталось. Ничего, что хотя бы отдаленно походило на что-то. И ты бы тоже так сделал. Если бы видел его глаза.

Я не сказал ни слова.

— А потом я услышал, как кто-то поднимается по лестнице на чердак, и подумал, что надо срочно что-то делать. В смысле, все было как-то неправильно, хотя я не знаю, как должно быть правильно, когда ты стоишь рядом с мертвым животным, которое сам и убил, и у тебя все ботинки в его крови, так что я просто стоял, как дурак, и вообще ничего не делал, а потом дверь открылась... Дверь открывается, и в комнату входит мисс Корвье.

Она все видит. Глядит на меня, а потом говорит:

«Ты убил его». У нее странный голос, но я никак не пойму, в чем дело, а потом она подходит ближе, и я вижу; что она плачет.

Что-то есть в стариках такое... когда они плачут, как дети... тебе отчего-то становится стыдно. И вот я стою и не знаю, куда девать глаза. А она говорит: «Кроме него, у меня не было ничего, что давало бы мне силы жить. А ты убил его. Взял и убил. А я так старалась, чтобы он не умирал — чтобы у меня было свежее мясо. Я так старалась...»

Она говорит: «Я совсем старая. Мне нужно мясо.»

А я не знал, что сказать.

Она вытирает глаза рукой, говорит: «Я не хочу доставлять никому беспокойства», — и плачет. И глядит на меня. И еще говорит: «Я привыкла справляться сама». Она говорит: «Это было мое мясо. Кто теперь будет меня кормить?»

Он опять замолчал и подпер подбородок левой рукой. Он сидел с таким видом, как будто вдруг разом устал от всего: от разговора со мной, от истории, которую рассказывал, — вообще от жизни. А потом покачал головой, посмотрел на меня и сказал:

— Если бы ты видел его глаза, ты бы сделал то же, что сделал я. И любой на моем месте сделал

бы то же самое.

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза — в первый раз за все время, пока мы сидели. Мне показалось, что в его взгляде читалась мольба о помощи: что-то такое, о чем он никогда не сказал бы вслух, потому что был слишком горд.

Я подумал: «Сейчас он попросит денег».

Кто-то тихонько постукал в окно снаружи. Звук был еле слышен, но Эдди вздрогнул и засуетился.

— Мне надо идти. Это значит, мне надо идти.

Я лишь молча кивнул. Эдди поднялся из-за стола. Меня даже слегка удивило, что он по-прежнему такой высокий: во всем остальном он казался теперь таким маленьким. Поднимаясь, он задел столик — так что тот даже сдвинулся — и вытащил из кармана правую руку. Наверное, для равновесия. Не знаю.

Может быть, он хотел, чтобы я это увидел. Но тогда почему он прятал руку в кармане все время, пока мы сидели? Нет, скорее всего он не хотел, чтобы я это видел. Просто так получилось. Случайно.

Под пальто у него не было ни рубашки, ни свитера, и я увидел его руку: запястье и кисть. С запястьем все было в порядке. Самое обыкновенное запястье. Но кисть... то есть то, что осталось от

кисти... Как будто ее обглодали до самых костей — дочиста, как куриное крылышко, — и лишь кое-где к кости прилипли кусочки засохшего мяса. Большой палец был съеден наполовину, а мизинца не было вообще. Видимо, кость отвалилась, когда не осталось ни кожи, ни мяса, которые держали ее на месте.

Я это видел. Но уже в следующую секунду он убрал руку в карман, быстрым шагом направился к двери и вышел в студеную ночь.

Я наблюдал за ним сквозь заляпанное грязью окно.

И вот что странно. Если судить по тому, что рассказывал Эдди, мисс Корвье должна была быть очень старой. Но женщине, которая ждала его на улице, не могло быть больше тридцати. У нее были длинные волосы. По-настоящему длинные, почти до пояса. О таких волосах говорят, что на них можно сидеть на попе, хотя мне не нравится это присловье. Похоже на фразу из малопристойного анекдота. Эта женщина чем-то напоминала хиппи. Интересная, даже по-своему красивая — красотой хищного «голодного» типа.

Она взяла Эдди за руку и заглянула ему в глаза, и они вместе ушли в темноту за пределами пятен света из окон кафе, точно двое подростков,

которые еще только начали осознавать, что они влюблены.

Я подошел к стойке, взял еще чаю и пару пакетиков чипсов, чтобы продержаться до утра. Я все думал об Эдди и вспоминал его взгляд, когда он посмотрел мне в глаза — уже в самом конце.

Я уехал на первом же утреннем поезде. Прямо напротив, сидела женщина с ребенком. Ребенок плавал в формальдегиде, в огромной стеклянной банке. Ей нужно было его продать, причем как можно скорее, и хотя я кошмарно устал, мы проговорили с ней всю дорогу: и о том, почему она хочет продать ребенка, и вообще обо всем.

НЕДУГОТВОРЧЕСКИЙ КРИЗ

Diseasemaker's Group
Перевод. А. Аракелов
2007

Недомогание, мучительное по особенностям течения, пугающее в своем размахе, поражает несчастных страдальцев, которые патологически истово коллекционируют и выдумывают недуги.

Первичная, очевидная симптоматика включает головные боли, нервные колики, высказанный тремор и различные высыпания интимного характера. Следует помнить, что совокупности этих признаков, вместе или по отдельности, еще недостаточно для достоверного установления диагноза.

Вторая стадия болезни — психическая: постоянные разговоры о недугах и их причинах, неизвестных науке, а также об их предполагаемых создателях, исследователях и иных персоналиях, причастных к выявлению, диагностике или лечению данных заболеваний. Автор раз и навсегда хочет предостеречь: ни при каких обстоятельствах не следует полагаться на многообещающую

рекламу во внешнем облике, вылупленные глаза; так бывает. Прием небольших доз говяжьего чая или мятного бульона поможет поддержать силы.

На первых двух стадиях недуг поддается лечению.

Однако недуготворческий криз проявляет свою настоящую природу и уверенно диагностируется лишь на третьей стадии. На этом этапе проблемы, отразившиеся на речевом аппарате и мыслительной деятельности, проявляются в речи и на письме пациента, который, в случае неоказания неотложной помощи, вскоре почувствует ухудшение состояния.

Отмечено, что вторжение сна и кипячение двух унций точки удушья; лицо распухает и синеет, носоглотка страдает наследственной склонностью, а язык вдобавок приобретает естественные свойства легких. Любое неуместное упоминание означенного недуга будет скорее всего вызывать эмоции, как упорно и мерзко демонстрировали публике шарлатаны.

Третья стадия недуготворческого криза диагностируется по неприятному обыкновению больного прерывать нормальное течение мыслей и разговора комментариями насчет заболеваний, реальных и воображаемых, лекарств абсурдных

и очевидно полезных. Симптомы напоминают лихорадку: внезапное возбуждение, заметная опухоль в районе коленной бюретки. Откровенно хроническое течение, иногда рвота, туманы, обидные весьма. Пурген имеет щелочную реакцию и представляет собой бесцветный, и рисует крупного кольчатого червя, который встречается во внутренностях.

Особую сложность для диагностики данного недуга представляет тот факт, что люди, находящиеся в группе риска касательно третьей стадии недуготворческого криза, реже всего опрашиваются и чаще осматриваются. Итак: они могут, питание не имбирь и очищенный спирт, вздуты вены, очищенные перегонкой.

Только гигантским усилием воли страдалец может сохранять беглость письма и речи. Однако со временем, в запущенных случаях на третьей стадии болезни все разговоры сводятся к атипичному бормотанию повторения, одержимости и потоку. Пока продолжается очищающий кашель, вены вздуты, глаза выпучены; потрясены самые основы, да так, что вторжению эпидемии предшествовало плотное, темное, и, если этого недостаточно, меланхолия, потеря аппетита, иногда рвота, жар, и язык приобретает природные

свойства ушибленного корня.

Единственным средством, доказавшим на сегодняшний день свою действенность в борьбе с недуготворческим кризом, можно назвать настойку скаммония. Приготовляют ее из равных частей скаммония, пургенового порошка, и автор хочет предостеречь раз и навсегда от очистки перегонкой. Скаммоний широко распространен, но применяется ограниченно; лицо распухает и синеет, носоглотка раздражена, и, может быть, автор хочет предостеречь раз и навсегда от прогрева внутренностей.

Пораженные недуготворческим кризом нечасто осознают истинную природу своего заболевания, Неизбывны печаль и сочувствие, которые всякий зритель испытывает при виде несчастных, сходящих в небытие псевдомедицинского нонсенса; тем паче негоже сердцу эскулапа смягчаться от случайных выбросов мысли среди потока бессмыслицы, а, напротив, гоже возвестить, раз и навсегда, о своем неприятии и противлении изобретению и выдумке воображаемых болезней, коим нет места в современном мире.

Когда кровотечение от укусов пиявок тянется дольше, чем это требуется системе. Их охватывает кипячение двух унций сна и кипячение

двух унций яркой рекламы, которую упорно и мерзко демонстрировали публике шарлатаны. Скаммоний подвержен возбуждению перегонкой на второй день, когда извержения в крепком растворе йода хватит на все.

Это не безумие.

Это больно.

Лицо распухает и синеет, темное, состоящее из двууглекислого поташа, комплексной соли аммония и очищенного спирта, очистительный кашель продолжается, привычное потребление еды свыше разумной необходимости.

Потом ум излюбленных сцен.

Пока излюбленных сцен.

Также они могут быть увеличены.

В КОНЦЕ

In the End
Перевод. Т. Покидаева
2007

В конце Бог отдал человеку мир. И человек обладал целым миром за исключением одного сада. *Это мой сад*, сказал Бог, *и вход сюда людям заказан.*

И подошли к саду двое, мужчина и женщина. И имена у них были: Земля и Дыхание.

Мужчина принес с собой маленький плод, и когда подошли они к саду, мужчина отдал плод женщине, а та отдала его Змею с пламенным мечом, охранявшему Восточные врата.

И взял Змей плод; и поместил плод на дереве в центре сада.

И открылись глаза у Земли и Дыхания, и узнали они, что одеты, и сорвали с себя одежды, и стали наги; и когда Бог проходил по саду, то узрел Он мужчину и женщину которые более не различали добра и зла, но были довольны своим неведением, и увидел Бог, что это хорошо.

И тогда распахнул Бог врата, и отдал людям

сад, и Змей поднялся, и не ходил больше на чреве своем, а ушел гордо на четырех крепких ногах; а куда он ушел, это ведомо только Богу.

А потом в райском саду наступила великая тишь, и только изредка в ней раздавался невнятный звук — то человек отнимал имена у тварей земных.

ГОЛИАФ

Goliath
Перевод. Т. Покидаева
2007

Наверное, я мог бы сейчас заявить, что всегда подозревал о том, что наш мир — дешевый некачественный обман, дрянное прикрытие для чего-то более глубокого, таинственного и странного, и что на каком-то глубинном уровне я с самого начала знал правду. Но мне кажется, мир всегда был таким. И даже теперь, когда я действительно знаю правду — и вы тоже узнаете правду, мои хорошие, раз уж вы это читаете, — мир по-прежнему представляется мне дешевой некачественной подделкой. Другой мир и другая ложь — и тем не менее именно так я его и ощущаю.

Они говорят: «Вот правда». И я отвечаю; «Вся правда?». И они говорят: «Ну, отчасти. То есть даже по большей части. Насколько мы знаем».

Итак. Все началось в 1977 году. Я тогда слабо себе представлял, что такое компьютеры. Для меня самым близким знакомством с компьютерной

техникой стала покупка хорошего дорогущего калькулятора, но я потерял инструкцию и поэтому не знал, как с ним обращаются. Я складывал, вычитал, умножал и делил и тихо радовался про себя, что мне не нужно работать с синусами, косинусами, тангенсами, функциями и со всем остальным, что высчитывает и находит этот агрегат, потому что в военно-воздушные силы меня не взяли, и я устроился скромным бухгалтером в склад-магазин уцененных ковров в Эджвере в Северном Лондоне, в самом верху Северной линии, если искать на схеме. Я старательно делал вид, что мне не больно смотреть на пролетающие в вышине самолеты; что мне плевать, что мои габариты закрывают мне путь в этот мир. Я просто записывал циферки в большой приходно-расходной книге нашей двойной бухгалтерии. В тот день я сидел у себя за столом в самом дальнем конце складского ангара, и вдруг мир начал плавиться и растекаться.

Честное слово. Как будто все, что меня окружало — стены и потолок, рулоны ковров и умеренно-эротический календарь «Новости со всего света», — было сделано из воска и потекло тонкими ручейками, которые сливались друг с другом, образуя причудливые узоры. Я видел соседние

дома, и небо, и облака, и дорогу за ними, а потом *это* тоже расплылось и утекло — и осталась одна чернота.

Я стоял в луже растекшейся реальности, посреди странного, вязкого ярко-красочного нечто, которое тихо плескалось у меня под ногами, не доходя до верха моих коричневых кожаных ботинок. (У меня ноги — как обувные коробки. Таких размеров вообще не бывает в природе. Обувь мне шьют на заказ, что обходится очень недешево.) Лужа светилась жутковатым потусторонним светом.

Будь я героем какой-нибудь книги, я бы, наверное, не поверил своим глазам. Я бы решил, что меня накачали наркотиками, или что мне это снится. А в жизни... черт... все это было по-настоящему и я смотрел в черноту, очень долго смотрел, а потом, когда ничего больше не произошло, я пошел вперед, разбрызгивая жидкий мир. Я кричал: «Кто-нибудь! Отзовитесь!», хотя и не знал, есть ли там кто-нибудь.

Что-то сверкнуло во тьме прямо передо мной.

Какая-то слабая вспышка света.

— Эй, приятель, — раздался голос. Голос был с явным американским акцентом, хотя интонация звучала странно.

— Привет, — сказал я.

Свет замерцал, а потом принял облик элегантно одетого мужчины в роговых очках с толстыми стеклами.

— А ты настоящий гигант, — сказал он. — Тебе об этом уже говорили?

Конечно, мне говорили. Мне тогда только-только исполнилось девятнадцать, а ростом я был под семь футов. У меня пальцы размером с бананы. Меня боятся дети. Вряд ли и поживу до сорока: такие, как я, умирают рано.

Я спросил:

— Что происходит? Вы знаете, что происходит?

— Вражеский снаряд попал в центральный процессорный блок, — ответил он. — Двести тысяч человек, подключенных параллельно, разорвало в мясо. Разумеется, у нас есть зеркала, и мы перешли на резервный блок, и все восстановится прямо сейчас. Мы уже почти подключили Лондон. Еще пара наносекунд, и все вернется в обычное состояние.

Я не понял, о чем он говорил.

— Вы что, боги? — спросил я.

— Да. Нет. Не совсем, — сказал он. — Не в том смысле, в каком понимаешь ты.

А потом мир пошатнулся, и я обнаружил, что

опять собираюсь идти на работу в то утро. Ставлю чайник, пью чай и испытываю самое долгое и самое странное ощущение дежа-вю за всю жизнь. Двадцать минут абсолютного проникновения в ближайшее будущее, когда заранее знаешь все, что сейчас скажут и сделают окружающие тебя люди. А потом все прошло, и время опять потекло, как всегда — секунда за секундой, одна после другой, как им, собственно, и положено.

Так проходили часы, дни и годы.

Меня уволили из магазина ковров, и я устроился бухгалтером в фирму, торговавшую счетными машинами. Женился на девушке по имени Сандра, с которой познакомился в бассейне. У нас родилось двое детей — нормальные дети нормальных размеров, — и мне казалось, что у нас замечательная семья, которую ничто не разрушит, но я ошибся. Жена ушла от меня и забрала детей. Мне тогда было под тридцать. Наступил 1986 год. Я устроился в небольшой компьютерный магазинчик на Тоттенхем-Корт-роад и был доволен своей работой.

Мне нравились компьютеры.

Мне нравилось, как они работали. Это было прекрасное время. Помню нашу самую первую партию AT с жестким диском на 40 мегабайт...

Да, в то время на меня было легко произвести впечатление.

Я по-прежнему жил в Эджвере и ездил на работу на метро. И вот как-то вечером по дороге домой — мы только что проехали Юстон, и половина вагона вышла — я делал вид, что читаю газету, а на самом деле украдкой рассматривал пассажиров в вагоне и думал, кто они такие. Кто они на самом деле, *внутри*: стройная чернокожая девушка, которая что-то писала в блокноте с серьезным видом, миниатюрная старушка в зеленой бархатной шляпке, девочка с собакой, бородатый мужик в тюрбане...

Поезд остановился в тоннеле.

Во всяком случае, мне показалось, что все было именно так, а не как-то иначе: поезд остановился в тоннеле, и стало тихо. Очень тихо.

А потом мы проехали Юстон. и половина вагона вышла.

А потом мы проехали Юстон, и половина вагона вышла. А я рассматривал пассажиров в вагоне и думал, кто они на самом деле, кто они внутри, и поезд остановился в тоннеле, и стало тихо.

А потом поезд тряхнуло так резко, что я подумал, что в нас врезался другой поезд.

А потом мы проехали Юстон, и половина ваго-

на вышла. А потом поезд остановился в тоннеле, и стало…

(*Восстановительные работы уже ведутся*, — прошептал чужой голос у меня в голове.)

На этот раз, когда поезд затормозил, подъезжая к Юстону, я задумался: «Может, я схожу с ума?» У меня было странное чувство, что я попал в видеозапись, которую гоняют рывками вперед-назад. Я как будто попал во временную петлю. Я это осознавал, но не мог ничего изменить. Не мог вырваться из этой петли.

Чернокожая девушка, сидевшая рядом со мной, вынула из блокнота листок и передала его мне. На листке было написано: МЫ ВСЕ УМЕРЛИ?

Я пожал плечами. Я не знал, что происходит. Это было нормальное объяснение. Не хуже любого другого.

Мир поблек и стал белым.

У меня под ногами не было пола, над головой тоже не было ничего. Никакого ощущения пространства, никакого ощущения времени. Я был в некоем белом месте. И я был не один.

— Опять ты? — сказал человек в роговых очках с толстыми стеклами и дорогом элегантном костюме, может быть, даже от Армани. — Большой парень. Мы же только что виделись.

— Не только что, — сказал я.

— Полчаса назад. Когда в центральный процессор попал снаряд.

— В магазине ковров? Это было давно. Полжизни тому назад.

— Тридцать семь минут назад. С тех пор мы работаем в ускоренном режиме, ставим «заплаты» где можем и пытаемся все наладить.

Я спросил:

— Кто запустил этот снаряд? Русские? Иранцы?

— Инопланетяне, — ответил он.

— Хорошая шутка.

— Это не шутка. Мы уже триста лет засылаем в космос исследовательские зонды. Похоже, кто-то нас отследил. Мы узнали об этом, когда ударил первый снаряд. На ликвидацию последствий ушло больше двадцати минут. Поэтому мы и включили ускоренный режим обработки данных. У тебя не было ощущения, что последние десять лет пролетели, как одно мгновение?

— Да, наверное, было.

— Теперь ты знаешь почему. Мы работаем в ускоренном режиме, пытаясь поддерживать реальность в привычном виде, пока основная нагрузка лежит на сопроцессоре.

— И что вы намерены делать?

— Контратаковать. Мы собираемся уничтожить их базу. Но, боюсь, это займет какое-то время. У нас нет подходящих машин. Их еще надо построить.

Окружающая белизна пошла пятнами. Сперва — бледно-розовыми, потом — тускло-красными. Я открыл глаза. В первый раз. Это был мощный удар по визуальным рецепторам. Взгляд задохнулся, если так можно сказать о взгляде.

Мир был резким, насыщенным, темным и странным. Мир был словно сплетение ярких нитей. Мир за гранью возможного, в котором не было смысла. Ни в чем не было смысла. Реальность и сон, явь и кошмар, слитые воедино. Так продолжалось, наверное, секунд тридцать, и каждая ледяная секунда была, как маленькая вечность.

А потом мы проехали Юстон, и половина вагона вышла...

Я разговорился с чернокожей девушкой, сидевшей рядом. Ее звали Сьюзен. Уже через пару недель она переехала ко мне.

Время шло. Даже не шло, а летело, Вероятно, я стал чувствительным к ходу времени. Может быть, я просто знал, где искать — знал, что *есть что-то*, что надо искать, хотя и не знал, что

именно.

Однажды я рассказал Сьюзен кое-что из того, как оно представлялось мне — что мир, окружающий нас, нереален. Что мы просто детали, подключенные к единой цепи, элементы процессора или дешевых схем памяти в некоем гигантском компьютере размером с мир, и наша жизнь — это лишь коллективная галлюцинация, которую нам показывают, как кино, чтобы мы были счастливы и довольны, и мы как будто живем и общаемся друг с другом, о чем-то мечтаем, к чему-то стремимся и при этом используем ту малую часть мозга, которую еще не задействовали они — кто бы ни были эти *они* — для обработки цифровых данных и хранения информации. Я поделился со Сьюзен своими мыслями, и это было моей ошибкой.

— Мы — память, — сказал я ей. — Просто память.

— Ты сам в это не веришь, — сказала она, и ее голос слегка дрожал. — Это все выдумки.

Когда мы занимались любовью, ей хотелось, чтобы я был с ней грубым, но я никогда не решался исполнить ее желание. Я не знал собственной силы и всегда был неуклюжим. Я не хотел сделать ей больно.

Я не хотел делать ей больно и поэтому перестал говорить о своих мыслях. Я попытался представить, что это была просто шутка, причем неудачная шутка...

Но это было уже не важно. Она ушла от меня на следующих выходных.

Мне очень ее не хватало. Мне было плохо, тоскливо и больно.

Но жизнь продолжалась.

Ощущение дежавю появлялось все чаще и чаще. Мгновения запинались, сбивались и повторялись. Несколько раз было так, что целое утро повторялось по два-три раза. Однажды я потерял день. Время как будто распадалось на части.

А потом я проснулся однажды утром, и оказалось, что это снова 1975 год. и мне снова шестнадцать, и я смылся с последних уроков в школе и отправился прямиком в призывной пункт ВВС, располагавшийся рядом с арабской закусочной на Чепел-роад.

— А ты большой парень, — сказал офицер на призывном пункте. Сперва я подумал, что он американец. Но оказалось — канадец. Он носил роговые очки с толстыми стеклами.

— Да,– сказал я.

— И ты хочешь летать?

— Больше всего на свете. — У меня было странное чувство, как будто я почти вспомнил мир, в котором когда-то забыл, как мне хотелось летать на самолетах. Это было действительно странно. Так же странно, как если бы я вдруг забыл свое имя.

— Хорошо, — сказал человек в роговых очках. — Мы, пожалуй, нарушим правила. И уже очень скоро ты будешь летать.

И так все и было.

Следующие несколько лет промчались, как в ускоренной съемке. У меня было стойкое ощущение, что все эти годы я провел в самолетах различных моделей, втискиваясь в крошечные кабины, где мне всегда было тесно, и переключая тумблеры, слишком мелкие для моих пальцев.

Мне дали допуск к работе с закрытыми материалами, потом — к работе с секретными материалами, и в итоге — к работе с совершенно секретными материалами. Такого допуска не было даже у премьер-министра. К тому времени я уже пилотировал летающие тарелки и другие летательные аппараты, которые передвигались без каких-либо видимых средств поддержки.

Я познакомился с девушкой по имени Сандра. Мы стали встречаться, потом поженились, пото-

му что женатым сотрудникам давали отдельные дома в семейном квартале неподалеку от Дартмура. Детей у нас не было: меня предупредили о возможных последствиях радиоактивного облучения, которое, вполне вероятно, выжгло мне все гонады, и я решил, что не стоит заводить детей при таких обстоятельствах. Мне не хотелось, чтобы у меня родились чудовища.

Наступил 1985 год. Ко мне пришел человек в роговых очках.

Жены не было дома. Она уехала к маме. Между нами возникло какое-то напряжение, и она решила недельку пожить без меня, чтобы «вздохнуть свободно». Сказала, что я действую ей на нервы. Но если я и действовал кому-то на нервы, то только себе самому. Похоже, я знал, что должно произойти. Знал с самого начала. И не я один: похоже, все знали, что должно произойти. Как будто вся жизнь была сном, и мы ходили во сне, как лунатики. В десятый, двадцатый, может быть, в сотый раз.

Мне хотелось все рассказать Сандре, но откуда-то я знал, что лучше не надо: что, если я заговорю с ней об этом, я ее потеряю. Но, похоже, я все равно ее терял. В общем, я сидел в гостиной, смотрел по четвертому каналу «Подземку», пил

чай, предавался печали и всячески себя жалел.

Человек в роговых очках вошел в мой дом, как к себе домой.

Он посмотрел на часы.

— Пора отправляться, — сказал он. — Полетишь на «ПЛ-47». Последней модификации.

Даже люди с допуском к совершенно секретным данным не должны были знать о «ПЛ-47». Я летал только на прототипах. С виду это похоже на чайное блюдце. Летает, как фантастические агрегаты из «Звездных войн».

— Наверное, надо оставить записку Сандре? — спросил я.

— Не надо, — ответил он безо всякого выражения. — Сейчас садись на пол и дыши. Ровно и глубоко. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

У меня даже не было мысли, чтобы возразить ему или не подчиниться. Я сел на пол и начал дышать, медленно и глубоко. Вдох, выдох, вдох, выдох, вдох...

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Боль скрутила меня изнутри. Мне в жизни не было так больно. Кажется, я задыхался.

Вдох.

Выдох.

Я кричал, но я слышал свой голос, и это был никакой не крик. Это был сдавленный стон.

Вдох.

Выдох.

Наверное, так ребенок рождается на свет. Ему плохо, ему неприятно. Только дыхание провело меня через эту боль, через клубящуюся темноту, через влажные хрипы в легких. Я открыл глаза. Я лежал на металлическом диске диаметром около восьми футов. Я был голым и мокрым. Меня окружали какие-то толстые длинные провода. Они шевелились, отодвигались от меня, словно напуганные червяки или встревоженные разноцветные змеи.

Я был голым. Я рассматривал свое тело. Ни единого волоска, ни единого шрама, ни единой морщинки. Интересно, а сколько мне лет, если по-настоящему? Восемнадцать? Двадцать? Понять невозможно.

В металлический диск был вмонтирован стеклянный экран. Экран замерцал и ожил. С экрана на меня смотрел человек в роговых очках.

— Ты что-нибудь помнишь? — спросил он. — Тебе открыт полный доступ. Сейчас ты должен помнить практически все.

— Да, наверное, — сказал я.

— Ты полетишь на «ПЛ-47». Первый аппарат готов. Пришлось вернуться назад к истокам, модифицировать некоторые заводы. Но мы его сделали. Завтра будут еще. Но сейчас у нас есть только один аппарат.

— То есть, если я не справлюсь с заданием, у вас будет замена.

— Если мы доживем до завтра, — сказал он. — Очередная бомбардировка началась пятнадцать минут назад. Почти вся Австралия уничтожена. И у нас есть все основания предположить, что это только начало. Пробный удар перед настоящей атакой.

— А что они на нас сбрасывают? Атомные бомбы?

— Камни.

— Камни?

— Большие камни. Астероиды. Мы опасаемся, что завтра, если мы не капитулируем, они обрушат на нас Луну.

— Хорошая шутка.

— К сожалению, это не шутка. — Экран мигнул и погас.

Металлический диск сдвинулся и поплыл сквозь сплетение проводов, сквозь мир спящих

голых людей. Внизу высились остроконечные башни компьютерных микросхем и силиконовые шпили, излучавшие мягкий свет.

«ПЛ-47» ждал меня на вершине металлической горы. По нему деловито сновали крошечные металлические штуковины, похожие на крабов: чистили и проверяли все соединения, болты и заклепки.

Я вошел внутрь космического корабля на негнущихся ногах, одеревеневших от многолетнего бездействия. Сел в пилотское кресло и вдруг обнаружил, что оно было сделано под меня. Точно под мои габариты. Я пристегнулся. Руки легли на пульт управления. Руки знали, что надо делать. Я почувствовал, как что-то воткнулось мне в шею сзади, в том месте, где позвоночник соединяется с черепом. И еще что-то вошло мне в спину чуть выше копчика.

Восприятие мгновенно расширилось. Угол обзора развернулся до 360 градусов: в обе стороны, вверх и вниз. Я сам стал кораблем, и в то же время я был пилотом, сидящим в кабине и активирующим коды запуска.

— Удачи, — сказал человек в роговых очках на крошечном экране слева.

— Спасибо. Можно задать вам один вопрос?

— Почему бы и нет?

— Почему я?

— Ну, — сказал он, — если вкратце, тебя для этого и сконструировали. В твоем случае мы внесли некоторые усовершенствования в базовую модель. Ты крупнее обычного человека. И гораздо быстрее. У тебя выше скорость реакции.

— Наоборот. Я большой и неуклюжий.

— Это в мире, — сказал он. — А я говорю про реальную жизнь.

Я запустил двигатель и взлетел.

Я не видел инопланетян, если вообще есть какие-то инопланетяне. Но я видел их корабль. Он был похож на громадную колонию плесени или на спутанные водоросли: гигантский сгусток тускло мерцавшей органики, движущийся по орбите вокруг Луны. Похожие штуки растут на гнилых деревяшках, наполовину утопленных в морской воде. Он был размером с Тасманию.

Липкие щупальца, длиной в две сотни миль каждая, тащили за собой астероиды самых разных размеров. Они напомнили мне медузу под названием португальский кораблик — странное существо, состоящее из четырех нераздельных организмов, мнящих себя единым целым.

Они принялись швырять в меня камни, когда

я приблизился на расстояние примерно в двести тысяч миль.

Мои руки действовали независимо от меня. Пальцы набрали код запуска боевых ракет, нацеленных на ядро инопланетного корабля. А я думал о том, что я делаю. Спасаю мир? Да, наверное. Но не тот мир, который я знаю. Мир, который я знаю — это кажущаяся реальность. Последовательность единиц и нулей. Если я что-то сейчас и спасаю, то спасаю кошмар...

Но если убить кошмар, вместе с ним умрет и весь сон.

А в том сне была девушка по имени Сьюзен. Я помню ее по какой-то давнишней призрачной жизни. Интересно, она еще жива? (Когда это было? Пару часов назад? Несколько жизней назад?) Как я понимаю, она висит где-то, опутанная проводами, голая, без единого волоска на теле, и не помнит о больном на голову великане с острыми приступами паранойи.

Я был так близко, что различал складки на коже космического существа. Астероиды, летевшие в меня, стали меньше, но удары ложились более прицельно. Приходилось вилять и увертываться, чтобы избегать столкновений. На самом деле экономичный подход противника вызывал у меня

вполне искреннее восхищение: никаких дорогостоящих материалов, по сути, вообще никаких расходов на технологии и сырье — скажем, на лазерные установки или ядерное оружие. Просто старая добрая кинетическая энергия: большие камни.

Если бы хоть один из этих камней попал в мой корабль, я бы умер в ту же секунду. Проще некуда.

Единственный способ избежать удара — лететь быстрее снарядов.

У меня было странное чувство, что корабль противника смотрел на меня. Как будто он весь был — один сплошной глаз.

Я запустил свою ракету с расстояния меньше ста ярдов, развернулся и полетел прочь на предельной скорости.

Когда эта штука взорвалась, я еще не покинул пределы радиуса действия взрывной волны. Это было похоже на ослепительный фейерверк — по-своему даже красиво. А потом не осталось уже ничего, кроме бледного следа сверкающей пыли...

— Есть! — закричал я. — У меня получилось!

Экран замерцал и включился. С экрана на меня смотрели очки в роговой оправе. Теперь за ними

не было лица. Вернее, это было не настоящее лицо. Просто некое схематическое подобие участия и интереса, как в небрежно прорисованном комиксе.

— У тебя получилось, — согласился он.

— Так, и где мне сажать эту штуку? — спросил я. Он на мгновение замялся, а потом сказал:

— Тебе не придется ее сажать. Аппарат не рассчитан на возвращение. Эта была бы излишняя функция, в которой нет необходимости. Нам не нужны дополнительные расходы.

— И что мне делать? Я только что спас Землю. И теперь я умру от удушья?

Он кивнул:

— Да. Именно так.

Свет в кабине померк. Индикаторы на пульте принялись отключаться один за другим. Угол обзора сузился до обычного. Остался лишь я, пристегнутый к креслу посреди космической пустоты, внутри летающей чайной чашки.

— И сколько мне остается?

— Идет отключение всех систем, но у тебя есть как минимум два часа. Мы не будем откачивать оставшийся воздух. Это было бы негуманно.

— В том мире, который я знаю, мне бы дали медаль.

— Разумеется, мы благодарны.

— А что, нельзя выразить свою благодарность как-то более ощутимо?

— Боюсь, что нет. Ты — элемент одноразового использования. Малая часть целого. Когда в осином гнезде умирает отдельная особь, рой не скорбит о потере. Ты уже выполнил свою задачу. Возвращать тебя было бы неразумно, хотя бы с точки зрения экономии ресурсов.

— И вам не нужно, чтобы на Землю вернулся корабль, оснащенный мощнейшим оружием, которое можно использовать против вас?

— Ну, если ты так считаешь...

Экран погас. Просто погас. Со мной даже не попрощались. «Не пытайтесь перенастраивать свой телевизор, — подумал я. — Неисправность в самой реальности».

Когда воздуха остается на два часа, ты начинаешь пронзительно осознавать каждый вдох. Вдох. Задержка дыхания. Выдох. Задержка дыхания. Вдох. Задержка дыхания, Выдох. Задержка дыхания...

Я сидел в полутьме, пристегнутый к креслу. Сидел, ждал и думал. А потом я сказал:

— Эй, меня кто-нибудь слышит?

Один удар сердца. По экрану разлилось слабое

мерцание, сложившееся в разноцветный узор.

— Да?

— У меня есть одна просьба. Послушайте. Вы... люди, машины, или кто вы там, я не знаю... все-таки кое-что вы мне должны. Правильно? В смысле, я всех вас спас.

— Продолжай.

— У меня есть еще два часа, так?

— Уже пятьдесят семь минут.

— Можно меня подключить обратно... к реальному миру. К другому миру. К тому миру, который я знаю?

— Э... Не знаю. Сейчас уточним.

Экран снова погас.

Я сидел — ждал. И пока ждал, дышал. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Мне было спокойно, очень спокойно. Если бы не то обстоятельство, что мне оставалось жить меньше часа, я бы сказал, что мне было по-настоящему хорошо.

Экран вновь зажегся. На этот раз изображения не было. Ни картинки, ни разноцветных узоров — вообще ничего. Просто слабое приглушенное мерцание. И голос, звучавший наполовину у меня в голове, наполовину — снаружи, сказал:

— Твоя просьба будет исполнена.

Затылок пронзило болью. Потом была тем-

нота.

А потом...

1984-й год. Пятнадцать лет назад. Я снова занялся компьютерами. У меня был свой компьютерный магазин на Тоттенхем-Корт-роад. И сейчас, когда мир приближается к новому тысячелетию, я пишу эти строки. На этот раз я женился на Сьюзен. Я искал ее больше двух месяцев, но нашел. У нас есть сын.

Мне уже почти сорок. Обычно такие, как я, не доживают до сорока. Как правило, мы умираем раньше, от остановки сердца. Когда ты это прочтешь, меня уже не будет в живых. Ты будешь знать точно: меня уже нет. Ты увидишь (ты видела), как мой гроб опускают в яму. Нестандартных размеров гроб, куда поместились бы два человека нормального роста.

Но знай, Сьюзен, любимая: мой настоящий гроб вращается по орбите вокруг Луны. Он похож на летающую чайную чашку. Они вернули мне мир и тебя — ненадолго. В последний раз, когда я сказал тебе правду — тебе или кому-то похожему на тебя, — когда я сказал тебе правду или то, что казалось мне правдой, ты ушла от меня. Может быть, это была не ты, и тот я был не я, но я не хочу рисковать. Не хочу потерять тебя снова. Поэтому

я запишу все, что знаю, и ты прочтешь это потом, когда меня не станет. До свидания, Сьюзен.

Да, они бессердечные, бесчувственные, компьютеризированные мерзавцы. Пиявки, присосавшиеся к разуму человечества — того, что осталось от человечества. Но я все равно им благодарен.

Я скоро умру. Но последние двадцать минут — это были лучшие годы моей жизни.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА, НАЙДЕННОГО В КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ОБУВИ, ЗАБЫТОЙ В МЕЖДУГОРОДНОМ АВТОБУСЕ ГДЕ-ТО МЕЖДУ ТАЛСОЙ, ШТАТ ОКЛАХОМА, И ЛУИСВИЛЛОМ, ШТАТ КЕНТУККИ

Pages from a Journal, Found in a Shoebox Lift in a Greyhound Bus Somewhere Between Tulsa, Oklahoma, and Louisville, Kentucky
Перевод. Т. Покидаева, 2007

Понедельник 28-е

Видимо, я гоняюсь за Скарлетт уже очень долго. Вчера я был в Лас-Вегасе. Нашел открытку на стоянке у казино. Там было написано одно слово. Всего одно слово, ярко-красной помадой: *Помни*. На открытке изображен отрезок какой-то автомагистрали в штате Монтана.

Я не помню, что именно мне надо помнить. Сейчас я еду на север.

Вторник 29-е

В Монтане или, может, в Небраске. Пишу эти строчки в мотеле. Снаружи беснуется ветер, я пью черный мотельный кофе — точно так же, как буду пить его завтра и послезавтра. Сегодня в закусочной в каком-то маленьком городке один человек произнес ее имя. «Скарлетт в пути», — сказал тот мужик, полицейский из автоинспекции. Я подошел ближе, чтобы послушать, но он уже сменил тему.

Он рассказывал о какой-то аварии на трассе, о лобовом столкновении. Битые стекла блестели на асфальте, точно бриллианты. Тот мужик обратился ко мне «мадам», очень любезно.

Среда 30-е

— Достает не сама работа, — сказала женщина. — Больше всего достает, как на тебя смотрят люди. — Ее била дрожь. Ночь выдалась зябкой, а женщина вышла одетой явно не по погоде.

— Я ищу Скарлетт, — сказал я.

Она стиснула мою руку, потом погладила меня по щеке, так нежно, так ласково.

— Ищи, милый, ищи. Ты найдешь ее, когда

будешь готов.

Потом она ушла прочь — плавной, скользящей походкой.

Это было уже не в маленьком городке. Может быть, это было в Сент-Луисе. Как понять, что ты оказался в Сент-Луисе? Я искал некий соединительный перешеек, что-то такое, что соединяет Восток и Запад, но даже если оно там и было, я его не заметил.

Чуть позже был мост через реку.

Четверг 31-е

Вдоль дороги — заросли черники. Красная нитка запуталась в кустах. Мне страшно: а вдруг я ищу то, чего больше нет. И, может, и не было никогда.

Сегодня я разговаривал с женщиной, которую когда-то любил. В кафе в пустыне. Она работает там официанткой. Давным-давно.

Она сказала:

— Я думала, ты едешь ко мне. Но, похоже, что я для тебя лишь остановка на пути в пункт назначения. Одна из многих.

Я не смог ничего сказать, чтобы ей стало хоть чуточку лучше. Она меня просто не слышала. Надо было спросить у нее, где Скарлетт. Может,

она что-то знала.

Пятница 32-е

Этой ночью мне снилась Скарлетт. Она была огромной и дикой. Она охотилась на меня. Там, во сне, я доподлинно знал, какая она с виду. Я проснулся в пикапе, припаркованном у обочины автотрассы. Какой-то парень светил фонариком мне в окно. Он обратился ко мне «сэр» и попросил предъявить документы.

Я сказал ему кто я такой (как это виделось мне) и кого и ищу. Он лишь рассмеялся и ушел, качая головой. Он насвистывал какую-то песенку, которую я не знал. Я поехал на юг, в новое утро. Иногда мне становится страшно, что все это уже превращается в одержимость. В какую-то навязчивую идею. Она идет пешком. Я еду в машине. Почему она вечно опережает меня?

Суббота 1-е

Нашел коробку из-под обуви, в которой храню всякие штуки. В джэксонвиллском «Макдоналдсе» съел гамбургер с сыром, выпил шоколадный коктейль. Разложил на столе все, что хранится в коробке. Красная нитка с куста черники; от-

крытка; полароидный снимок, найденный на заросшем фенхелем пустыре рядом с бульваром Сансет — на снимке шепчутся две девчонки, поверяют друг другу свои секреты, их лица похожи на два расплывшихся пятна; аудиокассета; какие-то золотистые блестки в крошечном пузыречке, который мне подарили в Вашингтоне; страницы, выдранные из журналов и книг. Фишка из казино. Этот дневник.

— Сейчас, когда ты умрешь, — говорит черноволосая женщина за соседним столиком, — из тебя могут сделать бриллиант. Тут все по-научному. Я хочу, чтобы меня помнили именно так. Хочу сиять.

Воскресенье 2-е

Тропы, по которым проходят призраки, начертаны на земле буквами древних слов. Духи мертвых не пользуются автотрассами. Они ходят пешком. Может быть, я гоняюсь за призраком? Иногда у меня возникает такое чувство, что я смотрю и вижу ее глазами. А иногда — что она смотрит и видит моими.

И Уилмингтоне, штат Северная Каролина. Пишу эти строки на пустом пляже, и солнечный свет переливается на морской глади, и мне сейчас

так одиноко.

Мы все выдумываем по ходу. Правда?

Понедельник 3-е

Я был в Балтиморе, стоял в переулке под мелким осенним дождем и думал, куда я иду. Кажется, я видел Скарлетт в проехавшей мимо машине. Она сидела рядом с водителем, на переднем сиденье. Я не видел ее лица, но у нее были рыжие волосы. Женщина, которая вела машину — престарелый пикап, — была толстой и донельзя счастливой. У нее были длинные черные волосы. И смуглая кожа,

В ту ночь я спал в доме у незнакомого человека. Когда я проснулся, он сказал:

— Она в Бостоне.

— Кто?

— Та, кого ты ищешь.

Я спросил, откуда он знает, но он не стал говорить со мной. Потом, по прошествии какого-то времени, он попросил меня уйти, и я ушел. Не так чтобы сразу, но все же достаточно быстро. Мне хотелось домой. И если бы я знал, где мой дом, я бы туда и пошел. А так я снова отправился в путь.

Вторник 4-е

В полдень проехал Ньюарк, видел верхушку Нью-Йорка, уже тогда затемненную взвешенной в воздухе пылью, а теперь накрытую грозой, словно ночью. Это мог быть конец света.

Думается, конец света пройдет в черно-белых тонах, наподобие старого кино. (Волосы черные как смоль, моя радость, кожа белее снега.) Может быть, мир не рухнет, пока у нас остаются цвета. (Губы алые, как кровь, напоминаю себе вновь и вновь.)

В Бостон я приехал под вечер. В какой-то момент вдруг поймал себя на том, что ищу ее в зеркалах и отражениях. Иногда я вспоминаю то время, когда белые люди пришли в этот край, и когда черные люди брели, спотыкаясь, по берегу моря в цепях. Я вспоминаю то время, когда в эту землю пришли краснокожие люди, когда земля была гораздо моложе.

Я помню то время, когда земля была одинокой,

— Разве можно продать свою мать? — так ответили первые люди, когда у них попросили продать ту землю, по которой они ступали.

Среда 5-е

Она говорила со мной вчера вечером. Уверен, это была она. Я проходил мимо телефона-автомата на улице в Метайри, штат Луизиана. Телефон зазвонил, я взял трубку.

— У тебя все в порядке? — сказал голос в трубке.

— Это кто? — спросил я. — Может быть, вы ошиблись номером.

— Может быть, — сказала она. — Но у тебя все в порядке?

Я сказал:

— Я не знаю.

— Знай, что тебя любят, — сказала она. И я понял, что это должна быть она. Мне хотелось сказать ей, что я тоже ее люблю, но пока собирался, она уже повесила трубку. Если это была она. Мы говорили меньше минуты, Может быть, кто-то правда ошибся номером, хотя я сомневаюсь.

Я уже близко. Совсем-совсем близко. Покупаю открытку у бездомного парня, который сидит прямо на тротуаре, разложив разные штуки на расстеленном одеяле. Пишу на открытке: «Помни», — ярко-красной помадой, так что теперь я уже никогда не забуду, но порыв ветра вырывает

открытку из рук и уносит куда-то туда, и вот прямо сейчас я, наверное, пойду дальше. И пока буду идти.

КАК ОБЩАТЬСЯ С ДЕВУШКАМИ НА ВЕЧЕРИНКАХ

How to Talk to Girls at Parties
Перевод. А. Аракелов
2007

— Ладно тебе, пошли, — сказал Вик. — Там будет круто.

— Не, не пойду, — ответил я, хотя этот бой был проигран заранее, и я это знал.

— Да ладно тебе, там клево, — в сотый раз повторил Вик. — Девчонки! Девчонки! Девчонки! — скалил он белые зубы.

Мы оба учились в школе для мальчиков в Южном Лондоне. Нельзя сказать, что у нас не было вообще никакого опыта с девчонками: у Вика вроде как было немало подружек, а я три раза целовался с подругами сестры. Но общались мы только с парнями — проще сказать, понимали только парней. Во всяком случае я. За других говорить не могу, тем более что мы не виделись с Виком уже тридцать лет. Если мы сейчас встретимся, даже не знаю, о чем с ним говорить.

Мы шли по запутанному лабиринту проулков,

петляющих позади станции Ист-Кройдон. Кто-то сказал Вику про вечеринку, и он был полон решимости туда попасть, и не важно, хотелось мне этого или нет — а мне не хотелось. Но мои предки уехали на целую неделю на какую-то там конференцию, а я жил у Вика, и потому мне приходилось повсюду таскаться за ним.

— Будет все, как всегда, — сказал я. — Через час ты уже будешь тискать самую красивую девчонку, а я опять окажусь на кухне, и чья-то мама будет грузить меня умными разговорами о политике, поэзии и прочей фигне.

— Ну, так с ними же надо общаться, разговаривать там, все дела... Кажется, нам сюда. — Вик весело взмахнул пакетом с бутылкой внутри.

— А что, ты не знаешь адрес?

— Элисон мне объяснила, я все записал на бумажке, но забыл ее дома. Ладно, найдем.

— Как? — У меня появилась надежда.

— Пойдем по улице, — он говорил со мной, как с идиотом, — увидим дом, поймем, что там вечеринка. Раз плюнуть.

Я огляделся, но вечеринки поблизости не наблюдалось — только ржавеющие машины и велосипеды в окруженных бетоном садиках; пыльные окна газетных киосков, в которых

пахло иноземными пряностями и продавалось буквально все, от поздравительных открыток и подержанных комиксов до журналов настолько порнографических, что они попадают на прилавок запечатанными в непрозрачную пленку. Помню, однажды Вик попытался спереть такой журнальчик и засунул его под майку, но хозяин поймал его уже на улице и заставил вернуть товар.

Мы дошли до конца улицы и свернули в проулок, застроенный одинаковыми домами. Там было пустынно и тихо.

— Тебе хорошо. Ты им нравишься, — сказал я. — Тебе даже и разговаривать с ними не надо.

И это правда. Одна улыбка — и Вик мог брать любую на выбор.

— Не. Не совсем. Разговаривать все-таки нужно.

Когда я целовался с подругами сестры, до разговоров дело не доходило. Все вообще происходило по-быстрому, пока сестра отлучалась куда-то по своим делам. Если кто-то из ее подруг попадал в пределы досягаемости, мы просто целовались. Без разговоров. Я не знаю, о чем говорят с девчонками. Так я ему и сказал.

— Это просто девчонки, — ответил Вик. — А не

какие-то инопланетные пришельцы.

Мы завернули за угол, и надежда на то, что мы все-таки не найдем вечеринку, начала угасать: где-то рядом, приглушенная стенами и дверями, глухо пульсировала музыка. Было восемь вечера, а это не слишком рано, если тебе еще нет шестнадцати. Как, к примеру, было нам.

Моих родителей в отличие от предков Вика всегда волновало, где я и что я. Он был самым младшим из пяти братьев. Мне это казалось почти волшебством: имея двух младших сестер, я чувствовал себя уникальным и одиноким одновременно. Сколько я себя помню, мне всегда хотелось, чтобы у меня был брат. После тринадцатого дня рождения я перестал загадывать желания на падающих звездах, но когда еще загадывал, то думал только о брате.

Мы прошли по камням, которыми была вымощена дорожка, через живую изгородь, мимо пышного розового куста. Позвонили в дверь, и на пороге возникла девушка. Я не смог бы сказать, сколько ей лет, и это, помимо прочего, всегда напрягало меня в девчонках: когда мы еще дети, мы просто мальчики и девочки, растем вместе, с одинаковой скоростью, нам по пять, по семь, по одиннадцать лет. А потом — раз! — и девчонки

как будто вдруг попадают в будущее, они все про все знают, у них месячные, и грудь, и косметика, и бог-еще-знает-что — а ты застрял где-то на уровне четырнадцатилетнего подростка. И диаграммы в учебниках по биологии не делают тебя, в прямом смысле слова, совершеннолетним. А девчонки, твои ровесницы, уже вполне себе совершеннолетние.

А мы с Виком — ни разу не совершеннолетние, и у меня было стойкое подозрение, что даже если я начну бриться по два раза в день вместо раза в месяц, то все равно не преодолею разрыва.

— Привет, — сказала девушка.

— Мы друзья Элисон, — сообщил Вик. С Элисон, рыжей веснушчатой девушкой, мы познакомились в Германии, когда ездили на языковую практику по обмену. Организаторы разбавили группу девчонками из женской школы — для равновесия. Девчонки нашего возраста в основном были шумными и веселыми, почти у всех были взрослые бойфренды с машинами, мотоциклами, работой и даже — как печально поведала мне одна девушка, обладательница кривых зубов и енотовой шубки, на вечеринке в Гамбурге (да, дело было на кухне, а кто бы сомневался?!) — с женой и детьми.

— Ее нет, — сказала открывшая дверь девица. — Элисон здесь не живет.

— Это не важно, — широко улыбнулся Вик. — Я Вик. Это — Эйн. — Одно мгновение, и вот она уже улыбается ему. Вик достал из пакета бутылку вина, «одолженную» из родительского бара. — Куда поставить?

Девушка отошла в сторону, пропуская нас внутрь.

— На кухню, — сказала она. — Туда, где все остальные бутылки.

У нее были вьющиеся золотистые волосы, и она была прекрасна. В коридоре было темно, но я все равно разглядел, насколько она прекрасна.

— А тебя как зовут? — спросил Вик.

Она сказала, что зовут ее Стеллой, а он опять улыбнулся своей белозубой улыбкой и заявил, что это самое красивое имя из всех, что он слышал за всю свою жизнь. Вот ведь гад! И самое поганое, что он говорил так, как будто и сам в это верил.

Вик отправился на кухню, а я задержался в дверях гостиной, где играла музыка. Там танцевали. Стелла вошла в комнату и стала ритмично покачиваться в такт музыке. Она танцевала одна, сама с собой, а я смотрел на нее.

Это была эпоха раннего панка. Мы тогда слуша-

ли «Adverts» и «Jam», «Stranglers», «Crash» и «Sex Pistols». Но на вечеринках играли «ELO», «10cc» и даже «Roxy Music». Ну и Боуи, если очень повезет. В Гамбурге, во время той поездки по обмену, единственной пластинкой, по поводу которой мы сумели сойтись во мнениях, был альбом «Harvest» Нила Янга, и его песня «Золотое сердце» стала фоном всего путешествия: *За золотым сердцем стремясь, я пересек океан....*

Однако звучавшая в гостиной музыка была мне незнакома. Отчасти она напоминала немецкий электропоп типа «Kraftwerk», отчасти — пластинку, которую мне подарили на прошлый день рождения, коллекция странных шумов из звуколаборатории Би-би-си. И все же в музыке был ритм, в такт которому танцевали с полдюжины девушек, находившихся в комнате. Но я смотрел только на Стеллу. Она затмевала их всех.

Отпихнув меня, в комнату вошел Вик с банкой пива в руке.

— Там на кухне столько бухла...

Он подкатил к Стелле и заговорил с ней. О чем — я не слышал из-за музыки, но мне точно не было места в этом разговоре.

Пиво я не любил — тогда не любил. Я отправился на кухню поискать чего-нибудь повкуснее.

На столе стояла большая бутылка кока-колы, и я налил себе полный стакан — правда, пластиковый. В кухне сидели и оживленно болтали две девочки, с которыми я, разумеется, не решился заговорить. У них у обеих была гладкая черная кожа, иностранный акцент, и эти прелестные, живые девчонки были явно вне зоны моей досягаемости.

Я болтался по дому со стаканом колы.

Дом оказался значительно больше и запутанней, чем стандартные двухэтажные здания, к которым я привык. Свет везде был приглушен — сомневаюсь, что где-то имелась лампочка мощнее сорока ватт, — и в каждой комнате кто-то был, причем, насколько я помню, исключительно девушки. Наверх я не пошел.

В зимнем саду я обнаружил одинокую девушку. У нее были светлые, почти белые, длинные волосы. Она сидела на стеклянной столешнице, сцепив руки в замок, и грустно смотрела в сад за окном.

— Ты не против, если я здесь посижу? — спросил я. Она покачала головой, потом пожала плечами, в общем, ей было все равно. Я присел за стеклянный столик.

Мимо двери оранжереи прошли Вик со Стеллой.

Вик на мгновение прервал разговор, посмотрел на меня, сидящего у стола, скованного робостью и застенчивостью, и изобразил рукой открывающийся рот. *Разговаривай!* Ну да, конечно.

— А ты... местная? — спросил я у девушки.

Она покачала головой. На ней была серебристая блузка с глубоким вырезом, и я старался не таращиться на округлости ее груди.

— А как тебя зовут? Меня — Эйн.

— Уэнна Уэйны, — сказала она. — Я второсортная.

— Какое... э... необычное имя.

Ее рассеянный взгляд наконец сосредоточился на мне.

— Это значит, что мой исток — тоже Уэйна, и я обязана перед нею отчитываться. Мне нельзя размножаться.

— А. Ну да. Но для этого еще вроде бы рановато?

Она расцепила руки и подняла их над столом, растопырив пальцы.

— Видишь?

Мизинец на ее левой руке был кривым и раздваивался на кончике, образуя два маленьких пальчика. Небольшой дефект.

— Когда я закончила цикл, им пришлось прини-

мать решение: оставить меня или уничтожить. Хорошо, что решение вышло в мою пользу. Теперь я путешествую, а мои более совершенные сестры остались дома, в стазис-поле. Они без изъянов. А я — второй сорт. Скоро я вернусь к Уэйне и расскажу об увиденном. Передам все свои впечатления об этом месте. Которое ваше.

— Я вообще-то не здесь живу, не в Кройдоне, — сказал я. — Тоже не местный. — Может, она из Америки, подумал я. Странно она разговаривает. Вообще ничего не понятно.

— Как скажешь, — согласилась она, — все мы неместные. — Она прикрыла свою шестипалую руку другой рукой. — Я ожидала, что это место будет больше, чище и красочнее. Но оно все равно уникально.

Она зевнула, прикрыв рот правой рукой, — и тут же вернула ее на место.

— Я устала от путешествий, надеюсь, когда-нибудь они закончатся. Я увидела их на улице в Рио, на карнавале — золотых, очень высоких, с фасеточными глазами и крыльями, — и чуть было не побежала навстречу, но потом поняла, что это всего лишь люди в костюмах. Я спросила у Холы Кольт: «Почему они так стараются быть похожими на нас?». И она мне ответила: «Потому

что они ненавидят себя, свою розовость и коричневость, и то, какие они низкорослые». Вот, что я чувствую. Даже я, не успевшая вырасти. Как будто это мир детей или эльфов. — Она улыбнулась и добавила: — Хорошо, что они не могут видеть Холу Кольт, никто из них.

— Ага, — сказал я. — Потанцуем?

Она покачала головой.

— Это запрещено. Мне нельзя делать ничего, что может нанести вред собственности. Я принадлежу Уэйне.

— Тогда, может, выпьешь чего?

— Воды, — ответила она.

Я смотался на кухню, налил себе еще колы, взял чистую чашку и наполнил ее водой из-под крана. Из кухни — обратно в коридор, оттуда — в зимний сад... Но там уже никого не было.

Какое-то время я гадал, куда она делась — наверное, пошла в туалет, — и, может, она все-таки передумает насчет танцев, если вернется. Потом я вернулся в гостиную. Людей там прибавилось. Танцующих девушек стало больше, появилось несколько незнакомых парней, на вид — явно постарше меня с Виком. Все соблюдали дистанцию, кроме Вика и Стеллы. Он держал ее за руку, а когда песня закончилась, небрежно приобнял

за талию — почти по-собственнически, чтобы никто не покусился.

Я все думал, куда делась девчонка из оранжереи: на первом этаже ее не было.

Затем я перебрался в комнату прямо по коридору и сел на диван. Там уже сидела нервная девушка с темными волосами и короткой стрижкой, торчавшей ежиком.

Говори! — рявкнул внутренний голос.

— Э-э... у меня тут вода пропадает, — выпалил я, — не хочешь?

Она кивнула и очень осторожно, словно не привыкла к своим рукам или не доверяла глазам, приняла чашку из моих рук.

— Мне нравится туризм, — сказала она, неуверенно улыбаясь. Между передними зубами у нее была маленькая щербинка, и она цедила воду сквозь зубы, как взрослые пьют дорогое вино. — В прошлый раз мы летали на Солнце, плавали в солнечных морях вместе с китами. Мы слушали их истории, и мерзли в холоде фотосферы, и ныряли вниз, где глубинное тепло согревало нас и ободряло. Я хотела вернуться. На этот раз я действительно хотела вернуться. Слишком много я видела. Но мы пришли в этот мир. Тебе нравится?

— Что?

Она обвела рукой комнату: диван, кресла, шторы, лампу.

— Ну да, ничего так.

— Я говорила им, что не хочу посещать этот мир, — продолжала она. — Мой родитель-наставник не послушал. Сказал, что мне нужно еще многому научиться. А я ответила: «Я еще больше узнаю на Солнце. Или в межзвездном пространстве. Джесса плетет паутину среди галактик. Я тоже хочу». Но он не слушал, и я пришла в этот мир. Родитель-наставник поглотил меня, и вот я здесь, заключенная в разлагающийся кулек мяса на известковом каркасе. Едва воплотившись, я ощутила внутри себя что-то такое... бьющееся, пульсирующее и хлюпающее. Раньше мне никогда не приходилось вибрировать голосовыми связками, выталкивая воздух из легких, и я сказала родителю-наставнику, что хочу умереть, что, как известно, является беспроигрышным способом бегства из этого мира.

Она постоянно перебирала черные четки, обвивавшие ее запястье.

— Но в этой плоти есть какое-то знание, — сказала она, — и я намерена им овладеть.

Мы сидели почти по центру дивана. Я решил

положить руку ей на плечо, но так... как бы случайно. Просто забросить руку на спинку дивана, а потом незаметно, по миллиметру, спускать ее вниз, пока не коснусь ее плеча.

Она продолжала:

— Эта жидкость в глазах, от которой весь мир расплывается. Мне никто не объяснил, и я ее не понимаю. Я касалась складок Шепота, я летала с сияющими тахион-лебедями, и все равно не понимаю.

Не сказать, что она была *самой красивой* девушкой из тех, кого я видел в доме, но она была милой, и в любом случае она была девушкой. Осторожно, едва дыша, я чуть сдвинул руку и коснулся ее спины. Она промолчала.

Но тут из коридора меня окликнул Вик. Он стоял в дверях, обнимая Стеллу, и махал мне рукой. Я покачал головой, давая понять, что у меня тут кое-что наклевывается. Однако он очень настойчиво позвал меня, и мне пришлось встать и подойти к двери.

— Ну чего?

— Это... В общем, вечеринка... — начал Вик извиняющимся тоном. — Короче, это не та вечеринка. Мы со Стеллой все выяснили. Она вроде как объяснила. Мы ошиблись домом.

— Господи. И что теперь? Нам надо уйти?

Стелла покачала головой. Вик притянул ее к себе и нежно поцеловал в губы.

— Ведь ты рада, что мы появились тут, да, дорогая?

— Ты же знаешь, — сказана она.

Он посмотрел на меня и улыбнулся своей фирменной улыбкой: плутовской и совершенно очаровательной — немного от Артфула Доджера, немного от Прекрасного принца.

— Не переживай. Все равно они все нездешние. Это вроде поездки по обмену, сечешь? Как мы в Германии.

— Да?

— Эйн. Тебе нужно с ними общаться. А «общаться» означает, что надо еще и слушать. Понятно?

— Я говорю. Уже с парочкой поговорил.

— И как успехи?

— Все было отлично, пока ты меня не позвал.

— Ну, извини. Просто хотел ввести тебя в курс дела. Все нормально.

Он похлопал меня по плечу и ушел вместе со Стеллой. Потом они оба поднялись наверх.

Не поймите меня неправильно, в этом полумраке все девушки были прекрасны; у них у всех были такие красивые лица, но, что гораздо

важнее, в них было... даже не знаю... какое-то волшебное своеобразие, легкая асимметрия пропорций, некая странная человечность, которая отличает истинную красоту от холодной безупречности манекена. Стелла, конечно, была красивее всех, но она, разумеется, досталась Вику: они уже наверху, и так будет всегда.

Когда я вернулся обратно в комнату, на диване уже сидели какие-то парни, которые активно общались с щербатой девчонкой. Кто-то рассказал анекдот, и все рассмеялись. К ней теперь пришлось бы пробиваться чуть ли не с боем, однако мой уход не особенно ее огорчил, она явно меня не ждала, и я вернулся в гостиную. Мельком глянув на танцующих, я удивился, откуда играет музыка: не было видно ни проигрывателя, ни колонок.

И я снова пошел на кухню.

Кухни на вечеринках — вещь незаменимая. Чтобы зайти туда, не надо выдумывать никаких причин, и еще большой плюс: на этой вечеринке я не замечал никаких признаков чьей-то мамы. Обследовав батарею бутылок и банок на кухонном столе, я нацедил себе на полдюйма «Перно» и разбавил его кока-колой. Потом бросил в стакан пару кубиков льда и сделал глоток, наслаждаясь

сладким ароматом свежести.

— Что пьешь? — спросил женский голосок.

— «Перно», — ответил я. — Немного напоминает анисовое драже, только со спиртом. — Я не стал говорить, что попробовал напиток только потому, что слышал, как кто-то из толпы просил «Перно» на концертном альбоме «Velvet Underground».

— А мне можно?

Я смешал еще один коктейль и отдал девушке, обладательнице роскошных медно-каштановых волос, завитых в мелкие кудряшки. Сейчас такие прически уже не носят, но тогда они встречались на каждом шагу.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Триолет.

— Красивое имя, — сказал я, хотя далеко не был в этом уверен.

А вот сама девушка точно была красивой.

— Это такой вид стихов, — гордо ответила она. — Как я.

— Так ты, что ли, стихотворение?

Она улыбнулась и опустила глаза, может быть, даже застенчиво. У нее был почти античный профиль: идеальный греческий нос практически сливался в одну линию со лбом. В прошлом году

мы ставили в школьном театре «Антигону». Я играл гонца, который приносит Креонту весть о смерти Антигоны. Мы играли спектакль в полумасках с точно такими же носами. Вспомнив ту пьесу и глядя на девушку, там, на кухне, я думал о женщинах из комиксов Барри Смита про Конана Варвара. Через пять лет я бы вспомнил прерафаэлитов, Джейн Моррис и Лизи Сиддал. Но тогда мне было всего пятнадцать.

— Ты стихотворение? — переспросил я.

Она прикусила верхнюю губу.

— В каком-то смысле. Я поэма, я ритм, я погибшая раса, чей мир поглотило море.

— Это, наверное, трудно: быть тремя вещами одновременно?

— Как тебя зовут?

— Эйн.

— Значит, ты Эйн, — сказала она. — Ты существо мужского пола. И ты двуногий. Тебе трудно быть тремя сущностями одновременно?

— Но это же не разные вещи. То есть они не взаимоисключающие.

На ней было платье из тонкой шелковистой ткани. Глаза были зеленые, такого особенного оттенка, который сейчас сразу навел бы на мысли о контактных линзах; но это было тридцать лет

назад — тогда все было по-другому. Помнится, я тогда думал о Вике и Стелле, уединившихся наверху. «Сейчас, — думал я, — они уже наверняка завалились в спальню». И завидовал Вику, как ненормальный. До боли.

И все же я разговаривал с девушкой, даже если мы оба несли полный бред, даже если на самом деле ее звали не Триолет (детям моего поколения еще не давали хипповских имен: всем Радугам, Солнышкам и Лунам было тогда лет по шесть-семь).

— Мы знали, что конец уже близко, — продолжала она, — и поэтому переложили свой мир в поэму, чтобы поведать Вселенной, кем мы были и зачем мы пришли в этот мир, что мы говорили, о чем думали и мечтали, к чему стремились.

Мы вплели свои сны в ткань слов и скроили слова так, что они будут жить вечно, незабвенно. Потом мы превратили поэму в вихрь, спрятанный в сердце звезды, и разослали свое послание в импульсах электромагнитного спектра, и где-то в далеком звездном скоплении, на расстоянии в тысячу солнечных систем, этот узор расшифровали, и он опять стал поэмой.

— И что было дальше?

Она пристально посмотрела на меня. Казалось,

она глядит на меня сквозь свою полумаску Антигоны, но глаза при этом являются лишь частью маски — может, чуть более глубокой и проникновенной, но все-таки частью маски.

— Нельзя услышать поэму и не измениться внутренне, — сказала она. — Ее услышали, и она заразила их. Тех, кто услышал. Она проникла в них и завладела всем их существом, ее ритм сделался частью их мыслей, ее образы постоянно воздействовали на их метафоры, ее строфы, мироощущение, вдохновение заменили им жизнь. Их дети рождались с поэмой в крови, они знали ее изначально. И уже очень скоро, как всегда и бывает, дети перестали рождаться совсем. В них уже не было необходимости. Осталась только поэма, которая обрела плоть, которая двигалась, распространяя себя по просторам Вселенной.

Я придвинулся к ней и почувствовал, как наши ноги соприкоснулись. Она вроде бы не возражала, даже взяла меня за руку, словно поощряя к дальнейшим действиям. Я расплылся в улыбке.

— Есть места, где нам рады, — говорила Триолет, — а где-то к нам относятся, как к ядовитым сорнякам, или болезни, которую надо немедленно изолировать и уничтожить. Но где кончается зараза и начинается искусство?

— Не знаю, — ответил я, по-прежнему улыбаясь. Из гостиной доносился гулкий ритм незнакомой музыки.

Она наклонилась ко мне и... наверное, это был поцелуй... Наверное. Так или иначе, она прижала свои губы к моим, и потом, удовлетворенная, отодвинулась, словно поставила на мне свое клеймо.

— Хочешь послушать? — спросила она, и я кивнул, не понимая, что мне предлагают, но уверенный, что я хочу все, что она пожелает мне предложить.

Она начала что-то шептать мне на ухо. Странная штука эта поэзия — ее можно почувствовать, даже если не знаешь языка. Слушая Гомера в оригинале, не понимая ни слова, ты чувствуешь, что это поэзия. Я слышал стихи на польском, стихи инуитов, и мгновенно понимал, что это, не улавливая смысла. Таким же был ее шепот. Я не знал языка, но ее слова пронизывали меня, и в воображении рисовались хрустальные башни, и искрящиеся бриллианты, и люди с глазами цвета морской волны: и с каждой строчкой, с каждой рифмой я ощущал неумолимое наступление океана.

Наверное, я поцеловал ее по-настоящему. Не

помню. Знаю только, что очень хотел ее поцеловать.

Помню, как Вик тряс меня за плечо.

— Пойдем отсюда! — кричал он. — Скорее!

Мои мысли медленно возвращались к реальности из далекого далека.

— Идиот! Скорее. Уходим отсюда! — кричал он, ругая меня последними словами. В его голосе звенела ярость.

Впервые за вечер я узнал что-то из музыки, звучавшей в гостиной. Печальный плач саксофона сменил каскад струнных аккордов, мужской голос запел про сыновей безмолвной эпохи. Мне хотелось остаться и дослушать песню.

— Я не закончила, — сказала она. — Он еще не дослушал.

— Извини, дорогуша, — отрезал Вик, который больше не улыбался. — Как-нибудь в другой раз. — Он схватил меня за локоть и поволок вон из комнаты. Я не сопротивлялся Я знал по опыту, что если что-то втемяшится ему в голову, лучше не возражать — а то можно и схлопотать по роже. Не всегда, разумеется: только если он зол или сильно расстроен. Сейчас он был зол. Очень зол.

Протащив меня через гостиную. Вик распахнул входную дверь, и я оглянулся в последний раз,

надеясь увидеть в дверях кухни Триолет, но там было пусто. Зато я увидел Стеллу, стоявшую на верхних ступеньках лестницы. Она смотрела на Вика, и я увидел ее лицо.

Это было тридцать лет назад. С тех пор я многое забыл, и забуду еще больше, а в конечном итоге забуду все. Но если бы я верил в жизнь после смерти, я был бы уверен, что в ней не будет псалмов и гимнов. В ней будет лишь *это* — то, что я никогда не забуду, даже когда позабуду все: лицо Стеллы, смотревшей на убегающего от нее Вика. Я буду помнить его даже на смертном одре.

Ее одежда была в беспорядке, косметика на лице смазана, а глаза...

Не злите Вселенную. Бьюсь об заклад, у разъяренной Вселенной будут точно такие же глаза.

Мы с Виком неслись со всех ног, прочь от той вечеринки, туристов и полумрака; неслись, словно гроза наступала нам на пятки. Это был бешеный суматошный забег по запутанным улочкам — бездумный и безоглядный, — пока мы не остановились за много кварталов оттуда, оглушенные собственным хриплым дыханием и стуком сердец. Мучительно глотая воздух, я держался за стену, а Вика вырвало, вывернуло наизнанку в придорожную канаву.

Он вытер рот.

— Она не... — Он замолчал.

Покачал головой.

Потом продолжил:

— Знаешь... есть вещи... Когда ты заходишь слишком далеко. И если ты сделаешь еще шаг, то перестанешь *быть собой*. Это будешь уже *не ты*, понимаешь? Запретные места... куда просто нельзя заходить... Думаю, сегодня со мной случилось именно это.

Я подумал, что понимаю, о чем он пытался сказать.

— Ты ее трахнул? — предположил я.

Он ударил меня кулаком в висок. Я испугался, что сейчас придется с ним драться — и проиграть, — но он опустил руку и отошел в сторону, издавая странные сдавленные звуки, как будто ему не хватало воздуха.

Я удивленно смотрел на него, пока до меня не дошло, что он плачет: его лицо побагровело, слезы и сопли текли по щекам. Вик рыдал посреди улицы, рыдал откровенно и жалобно, как ребенок. Потом он пошел прочь, и я больше не видел его лица. Я не понимал, что могло произойти на втором этаже, что на него так подействовало, что его так напугало — и даже и не пытался строить

предположения.

Один за другим зажглись уличные фонари; Вик ковылял по дороге, я плелся следом за ним, и мои ноги безотчетно отбивали ритм поэмы, которую, как ни пытался, я так и не смог вспомнить.

ДЕНЬ, КОГДА ПРИЗЕМЛИЛИСЬ ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

The Day the Saucers Came
Перевод. Н. Эристави
2007

В тот день приземлились летающие тарелки. Сотни –

и все золотые.

Они беззвучно спускались с небес, подобно снежинкам

огромным.

Они спускались – и все, без изъятья, земляне

Стояли. Глядели.

Пересыхали рты, зрела надежда понять –

Что там внутри?

Будет ли завтра у нас? Никто об этом не знал.

Но ты не заметил. А все – почему?

Потому что в тот день, когда приземлились

Летающие тарелки,

Как то ни странно звучит, разверзлись могилы –

И мертвецы восстали.

Зомби когтями взрывали мягкую почву

Иль возносились из древних могил – гниющая плоть

и глаза пустые.

Неодолимые, шли они нам – живущим! – навстречу,

И мы смертным криком кричали и, словно крысы, бежали.

Но ты не заметил. А все – почему?

Потому что тот день, когда приземлились

Летающие тарелки.

И могилы покинули зомби, стал днем Рагнарёка.

По всем голубым экранам планеты крутились

Корабль из ногтей мертвецов. Великий змей,

Да Фенрир-волк.

Огромные – их не поймаешь в кадр

И разумом не охватишь.

А репортаж все длился, – и скоро в прямом эфире

И с золотой Вальгаллы рать Аса-Тора сошла, –

Но ты не заметил. А все – почему?

Потому что в день тарелок летающих, зомби и битвы богов

Открылись Врата Преисподней,

И каждый из нас был окружен сонмом

Демонов, эльфов, джиннов, ифритов,

Что предлагали нам вечную жизнь и исполненье желаний,

И чар своих силу, и неземную мудрость,

И вечную дружбу свою.

и горы алмазов и злата, –

Меж тем же Гог и Магог в наши земли вторгались,

А с ними – пчелы-убийцы. А ты что де-

лал?

Ты этого не заметил. И все – почему?

Да потому что в день, когда приземлились тарелки,

В день Рагнарёка, зомби и джиннов,

В день жарких ветров и метелей холодных,

В день, когда все города хрустально-прозрачными стали,

Когда завяли цветы, и рассосался пластик,

Когда компьютеры нам объявили войну

И мониторы нас объявили рабами,

В день, когда пьяные ангелы вышли, шатаясь, из баров,

В день, когда звери заговорили на ассирийском наречье,

А мы поняли речь их,

В день Снежных людей и плащей-невидимок,

В день, когда нас спасали Машины времени,

В день эльфов –

Ты ни черта не заметил. А все – потому.

Что весь этот день ты сидел, запершись.

Заняться ничем не мог – листал бессмысленно книги,

А сам все смотрел да смотрел

В сторону телефона

И ждал,

Чтоб я тебе позвонила!

ЖАР-ПТИЦА

Sunbird
Перевод. А. Аракелов
2007
Для ХМГ – запоздалый подарок на день рождения.

Ребята в Эпикурейском клубе состояли тогда бедовые и небедные. И погулять не дураки. Было их пятеро:

Огастес ДваПера Маккой, человек-гора — объемом с троих, евший за четверых, пивший за пятерых. Прадед его основал Эпикурейский клуб на деньги от страховой лотереи[256], в которой он постарался выиграть — достаточно традиционным способом.

Профессор Мандалай, нервный коротышка, серый, как призрак (а может, действительно призрак: в мире случались и более странные вещи). Пил только воду и ел кукольные порции еды с тарелок размером с блюдечко. Да ладно!

---

[256] notes: 256
Имеется в виду своеобразный вид страхования, когда полис покупают несколько человек, но все деньги получает переживший своих компаньонов участник.

Гурман — не обязательно обжора, а Мандалай не пропускал ни одного блюда из присутствовавших на столе.

Вирджиния Бут, гастроном и ресторанный критик, некогда — писаная красавица, теперь превратившаяся в роскошную величественную развалину, и наслаждавшаяся своей развалённостью.

Джеки Ньюхаус, потомок (непрямой) великого любовника, гурмана, скрипача и дуэлянта Джакомо Казановы. Как и его знаменитый родственник, Джеки Ньюхаус за свою долгую жизнь разбил немало сердец и отведал немало деликатесов.

И наконец, Зебедия Т. Кроукрастл, единственный эпикуреец-банкрот: он вваливался на собрания клуба с бутылкой дешевого пойла в бумажном пакете, небритый, без шляпы, и без пальто, и зачастую — не то чтобы даже в рубашке, а вообще непонятно в чем, но ел с аппетитом, которого с лихвой хватило бы на всех.

Слово взял Огастес ДваПера Маккой.

— Мы перепробовали уже все, что можно, — сказал Огастес ДваПера Маккой, и в его голосе сквозили печаль и горечь. — Отведали мясо стервятников, ели кротов и летучих лисиц.

Мандалай сверился со своим блокнотом.

— На вкус стервятник напоминает протухшего фазана. Крот — трупного червя. Летучая лисица по вкусу — точь-в-точь как упитанная морская свинка.

— Пробовали попугая-какапо, ай-ай и гигантскую панду...

— М-м-м, жареная отбивная из пандятины, — сглотнула слюну Вирджиния Бут.

— Даже кое-что из давно вымерших видов случалось у нас на столе, — продолжал Огастес ДваПера Маккой. — Мы ели быстрозамороженную мамонтятину и мясо гигантского ленивца из Патагонии.

— Жаль, что мамонт был лежалый, — вздохнул Джеки Ньюхаус. — Но зато сразу понятно, почему эти волосатые слоны так скоро закончились — люди быстренько их распробовали. Я, конечно, ценитель изысканных блюд, но в тот раз с первого же куска мои мысли обратились к канзасскому шашлычному соусу, и будь эти ребрышки посвежее...

— - Не вижу ничего страшного в том, что он полежал во льду пару тысяч лет, — заметил Зебедия Т. Кроукрастл. Он оскалился, обнажив кривые, но все же острые и крепкие зубы. — Но если всерьез говорить о вкусном, то правильный выбор

— мастодонт, без вариантов. За мамонтов люди брались, когда не могли достать мастодонта.

— Мы ели кальмаров, гигантских кальмаров, необозримых кальмаров, — говорил Огастес ДваПера Маккой. — Мы ели леммингов и тасманских тигров. Мы ели шалашников, овсянок и павлинов. Мы ели рыбу-дельфина (которая не то же, что дельфин-млекопитающее), гигантскую морскую черепаху и суматранского носорога. Мы ели все, что можно съесть.

— Глупости. Есть еще много сотен блюд, которых мы не попробовали, — заявил профессор Мандалай. — Даже тысяч. Ну, вспомнить хотя бы, сколько тысяч видов жуков мы пока обходили вниманием.

— Ой, Мэнди, — вздохнула Вирджиния Бут. — Отведав одного жука, считай, что знаешь вкус всех. А мы и так перепробовали сотни видов. И только навозники хоть чем-то порадовали.

— Нет, — возразил Джеки Ньюхаус. — Там все дело — в навозных катышках. Сами жуки совершенно неудобоваримы. И все же я с тобой согласен. Мы покорили вершины гастрономии и промерили бездны дегустации. Мы стали, как космонавты, исследователи вселенных наслаждения и миров вкуса, которые другим и не

снились,

— Так, так, так, — сказал Огастес ДваПера Маккой. — На протяжении уже полутора веков раз в месяц происходит заседание клуба, так было при моем отце, моем деде и моем прадеде. Но теперь, боюсь, нам придется прервать традицию, ибо не осталось ничего, что мы или наши предшественники не употребили бы в пищу.

— Жаль, что меня тут не было в двадцатые годы, — посетовала Вирджиния Бут, — когда в меню можно было включить человечину.

— Только после электрического стула, — напомнил Зебедия Т. Кроукрастл. — Продукт уже был наполовину зажарен, с хрустящей корочкой. Среди нас не нашлось ни одного любителя «длинной свиньи»[257]. Хотя нет... был один, обладавший природной склонностью, но он долго не задержался.

— Ой, Красти, зачем делать вид, будто ты сам при этом присутствовал? — зевнула Вирджиния Бут. — Ты еще не настолько стар. Тебе не дашь больше шестидесяти, даже учитывая неспокойное время и жизнь на улице.

— Да, времечко то еще выдалось, — согласился

---

[257] notes: 257

Так дословно переводится термин, употреблявшийся для человечины аборигенами Полинезии и Новой Зеландии.

Зебедия Т. Кроукрастл. — Хорошее время на самом деле. Хотя и не настолько хорошее, как тебе представляется. Так или иначе, осталась куча всего, что мы еще не ели.

— Называй, — сказал Мандалай, нацелив острие карандаша на блокнот.

— Ну, есть такая сантаунская жар-птица, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл и обнажил в ухмылке свои кривые, но острые зубы.

— Никогда о такой не слышал, — заметил Джеки Ньюхаус. — Ты ее выдумал.

— А я вот слышал, — сказал профессор Мандалай. — Правда, в другом контексте. Кроме того, это мифическое существо.

— Единороги тоже мифические, — напомнила Вирджиния Бут, — но боже, запеченный бок единорога в тартаре был весьма недурен. Правда, слегка отдавал кониной и немного — козлятиной, однако каперсы и сырые перепелиные яйца сильно поправили дело.

— В старых записях Эпикурейского клуба вроде упоминалась жар-птица, — пробормотал Огастес ДваПера Маккой. — Но что конкретно, я уже не помню.

— А там не говорилось, какой у нее вкус? — спросила Вирджиния.

— Кажется, нет, — нахмурился Огастес. — Надо будет покопаться в протоколах.

— Не надо, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл. — Это было в обгоревших томах. Все равно ничего не разберешь.

Огастес ДваПера Маккой почесал голову. У него действительно имелись два пера, проходивших через узел тронутых сединой волос на затылке — некогда перья были золотыми, но теперь походили на пучки желтого мочала. Перья достались ему еще в детстве.

— Жуки, — встрепенулся профессор Мандалай. — Я как-то посчитал, что если человек — я сам, к примеру, — будет пробовать по шесть видов насекомых ежедневно, то на исследование всех известных науке жучков уйдет двадцать лет За двадцать лет новых видов наоткрывают еще на пять лет дегустации. Эти пять лет добавят еще два с половиной года занятости, и так далее, и так далее. Это парадокс неисчерпаемости: я назвал его «Жуком Мандалая». Но при этом необходимо, чтобы человеку *нравилось* есть жуков, -- добавил он, помолчав. — Иначе процесс будет не самым приятным.

— Ничего страшного в том, чтобы есть жуков, если это правильные жуки, — ответил Зебедия Т.

Кроукрастл. — Я вот в последнее время запал на огневок. Видимо, в них есть какие-то витамины, которых мне не хватает.

— К жукам скорее относятся светляки, нежели огневки, — заметил Мандалай, — но и тех, и других при всем желании не отнесешь к съедобным.

— Они, может быть, и не слишком съедобны, — возразил Кроукрастл, — зато они хороши как закуска, которая готовит тебя к настоящей еде. Пойду пожарю себе огневок с гавайским перчиком... мням.

Вирджиния Бут была исключительно практичной женщиной.

— Допустим, мы захотим попробовать эту сантаунскую жар-птицу. Где она водится?

Зебедия Т. Кроукрастл поскреб недельную щетину, оккупировавшую его подбородок (длиннее она не становилась: у недельной щетины нет такого обыкновения).

— Что до меня, — сказал он, — то я направился бы в Сантаун, непременно — в летний полдень, нашел бы уютное местечко, к примеру кофейню Мустафы Строхайма, и ждал бы жар-птицу. Потом я поймал бы ее, как полагается, и приготовил бы как положено.

— А как полагается ее ловить? — спросил Джеки Ньюхаус.

— Так же, как твой знаменитый предок ловил перепелов и куропаток, — ответил Кроукрастл.

— В мемуарах Казановы вообще не говорится о ловле перепелов, — удивился Джеки Ньюхаус.

— Твой предок был занятым человеком, — объяснил Кроукрастл. — Не мог же он записывать все подряд. Но перепелов Казанова браконьерил неплохо.

— Кукурузные зерна и сушеная черника, пропитанная виски, — сказал Огастес ДваПера Маккой. — Мой папаша всегда делал так.

— И Казанова тоже, — кивнул Кроукрастл. — Только мешал ячмень с изюмом, вымоченным в коньяке. Он сам меня научил.

Джеки Ньюхаус проигнорировал последнюю фразу. Собственно, так и следовало поступать практически со всем, что говорил Зебедия Т. Кроукрастл, а именно пропускать мимо ушей. Но Джеки Ньюхаус все же спросил:

— А где кофейня Мустафы Строхайма в Сантауне?

— Там же, где и всегда: третья улочка от старого рынка в квартале Сантаун, не доходя до старой сточной канавы, которая некогда была арыком,

но если выйдешь к ковровой лавке Одноглазого Хайяма, значит, ты пропустил нужный поворот, — начал Кроукрастл и вдруг нахмурился. — Судя по вашим не слишком довольным лицам, вы не ожидали такого подробного и конкретного описания. Я понял. Кофейня — в Сантауне, Сантаун — в Каире, Каир — в Египте, и был там всегда. Ну или почти всегда.

— А кто оплатит поездку в Египет? — спросил Огастес ДваПера Маккой. — И кто туда поедет? Хотя стоп, я уже знаю ответ, и он мне очень не нравится.

— Ты и оплатишь. Огастес, а поедем мы все, — все же озвучил малоприятный ответ Зебедия Т. Кроукрастл. — Все это прописано в списке прав и обязанностей членов Эпикурейского клуба. Я, со своей стороны, захвачу фартук и кухонную утварь.

Огастес знал, что Кроукрастл не платил членские взносы с незапамятных времен, но Эпикурейский клуб покрывал недостачу: Кроукрастл состоял в клубе еще во времена Огастесова отца. Он просто сказал:

— Когда выезжаем?

— Отправляемся в воскресенье, — объявил с важным видом Зебедия Т. Кроукрастл. — Через

три воскресенья от этого. Поедем в Египет. Проведем там несколько дней, поймаем сантаунскую жар-птицу и поступим с ней, как полагается.

Бесцветные глаза профессора Мандалая тускло моргнули:

— Но, — начал; он, — в понедельник у меня занятия. По понедельникам я веду мифологию, по вторникам даю уроки чечетки, а по средам обучаю деревообработке.

— Пусть твои классы возьмет помощник, Мандалай. Ах, Мандалай! В понедельник ты будешь охотиться на жар-птицу, — отозвался Зебедия Т. Кроукрастл. — Сколько профессоров в мире могут сказать о себе такое?

В следующие три недели все члены клуба, один за другим, навестили Кроукрастла. чтобы обсудить предстоящее путешествие и поделиться дурными предчувствиями.

Зебедия Т. Кроукрастл не имел постоянного места жительства. При этом существовал ограниченный перечень мест, где его можно было найти. Рано утром он спал на автовокзале — там были удобные скамьи, и транспортная полиция смотрела на его ночевки сквозь пальцы; в полуденную жару он прохлаждался в парке, среди статуй давно забытых генералов, в компании

алкашей и пьянчуг, где взамен содержимого их бутылок предлагал свои откровения эпикурейца, каковые всегда выслушивались уважительно, иногда — еще и с неподдельным восторгом.

Огастес ДваПера Маккой разыскал Кроукрастла в парке; он пришел туда с дочерью, Холлиберри БезПера Маккой. Она была маленькой девочкой, но ум имела острый, как зубы акулы.

— Знаешь, — сказал Огастес ДваПера Маккой, — все это кажется мне знакомым.

— Что — это? — не понял Зебедия.

— Все. Путешествие в Египет. Жар-птица. Как будто я слышал об этом раньше.

Кроукрастл почти кивнул. Он жевал что-то хрустящее из бумажного пакетика. Огастес продолжал:

— Я просмотрел подшивку журналов Эпикурейского клуба и нашел, что искал. Сорок лет назад жар-птица упоминалась в одном оглавлении, но кроме этого узнать ничего не удалось.

— Почему? — шумно сглотнув, поинтересовался Зебедия Т. Кроукрастл.

Огастес ДваПера Маккой вздохнул.

— Я нашел в записях нужную страницу, — сказал он, — но оказалось, что она выжжена, а потом в клубе началась полная неразбериха.

— А вы едите светлячков из пакета, — сказала Холлиберри БезПера Маккой. — Я заметила.

— Совершенно верно, мисс, — кивнул Зебедия Т. Кроукрастл.

— А ты помнишь ту смуту, Кроукрастл? — спросил Огастес.

— Разумеется. — Кроукрастл важно кивнул. — И тебя тоже помню. Тогда тебе было столько же, сколько юной Холлиберри — сейчас. Что же до смуты, то вот она есть, а вот ее уже нет. Это как закат и рассвет.

В тот же день, но уже ближе к вечеру. Джеки Ньюхаус и профессор Мандалай нашли Кроукрастла за железнодорожной насыпью. Он соорудит небольшую угольную жаровню и жарил что-то в консервной банке.

— Что готовишь, Кроукрастл? — спросил Джеки Ньюхаус.

— Древесный уголь, — сказал Кроукрастл, — Очищает кровь, возвышает дух.

На дне банки дымились почерневшие кусочки липового и орехового дерева.

— И что, ты будешь это есть, Кроукрастл? — спросил профессор Мандалай.

Вместо ответа Кроукрастл лизнул языком пальцы и выудил из банки шипящий уголек.

— Хороший фокус, — признал профессор Мандалай. — У огнеглотателей научился?

Кроукрастл закинул уголек в рот и разжевал его своими старыми кривыми зубами.

— У них, — сказал он. — У них.

Джеки Ньюхаус откашлялся.

— Я хотел бы признаться, — пробормотал он, — что у нас с профессором Мандалаем возникли не очень хорошие предчувствия по поводу предстоящего путешествия.

Кроукрастл дожевал уголь.

— Немного не то, — сказал он. Вынув из костра ветку, он отклеил ее огненно-оранжевый кончик. — А вот то, что надо.

— Это иллюзия, — сказал Джеки Ньюхаус.

— Ничего подобного, — возразил Зебедия Т. Кроукрастл. — Это колючий вяз.

— У меня дурное предчувствие, — продолжал Джеки Ньюхаус. — Мне от предков достался сильный инстинкт самосохранения. Тот самый, что заставлял их трястись на крыше или прятаться под водой — от служителей закона и благородных господ, у которых имелось оружие и причины для недовольства. И этот инстинкт очень настойчиво мне подсказывает, что мне лучше не ехать в Сантаун.

— Я преподаватель, — сказал профессор Мандалай, — а посему не имею столь развитых чувств, каковые присущи людям, коим не приходилось проставлять оценки в контрольных, даже их не читая. И все же я нахожу нашу затею чрезвычайно подозрительной. Если жар-птица такая вкусная, почему я о ней раньше не слышал?

— Да слышал, Мэнди, старина. Слышал, — буркнул Зебедия Т. Кроукрастл.

— К тому же я великолепно разбираюсь в географической науке, от Талсы, штат Оклахома, до Тимбукту, — продолжил профессор. — Но ни в одной книге я не встречал упоминания о месте под названием Сантаун в Каире.

— Упоминания? Ты же сам это преподавал, — отозвался Кроукрастл, поливая дымящийся кусок угля острым перечным соусом и отправляя его в рот.

— Я не верю, что ты действительно их ешь, — произнес Джеки Ньюхаус. — Но даже если это какой-то фокус, я все равно себя чувствую неуютно. Видимо, мне пора.

И он ушел. Профессор Мандалай ушел вместе с ним: человек этот был таким серым и призрачным, что его присутствие где-либо всегда находилось под большим вопросом.

В предрассветный час Вирджиния Бут споткнулась о Зебедию Т. Кроукрастла, валявшегося у нее на пороге. Она возвращалась из ресторана, о котором надо было написать отзыв. Вышла из такси, споткнулась о Кроукрастла и упала, приземлившись недалеко от препятствия.

— Ух ты, — сказала она. — Ничего себе полет, а?

— Именно так, Вирджиния, — согласился Зебедия Т. Кроукрастл. — У тебя не найдется спичек?

— Спичек? Да, где-то были. — Она принялась рыться в сумочке, очень большой и очень коричневой. — Вот, нашла.

Зебедия Т. Кроукрастл извлек бутылочку сиреневого ментола и перелил его в пластиковую чашку.

— Метиловый? — удивилась Вирджиния Бут. — Зебби, никогда не думала о тебе, как о любителе метилового спирта.

— А я и не... — сказал Кроукрастл. — Паршивая штука. Гноит кишки и убивает вкусовые сосочки. Но в это время суток проблематично найти другую горючую жидкость.

Он зажег спичку и поднес ее к поверхности жидкости, по которой тут же побежало дерганое пламя. Потом съел спичку, сполоснул горло

горящим спиртом и изрыгнул сноп пламени, да так, что загорелась газета, случайно попавшая в сектор обстрела.

— Красти, — сказала Вирджиния Бут, — так и убиться недолго.

Зебедия Т. Кроукрастл ухмыльнулся.

— Я ведь не пью его, — сказал он. — Только булькаю и выплевываю.

— Играешь с огнем.

— Только так я понимаю, что еще жив, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл.

— О, Зеб! Я волнуюсь. Я так волнуюсь. Как думаешь, какой вкус у жар-птицы?

— Богаче перепела, сочнее индейки, жирнее устрицы и тоньше утки, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл. Попробовав раз, его не забудешь.

— Мы едем в Египет, — сказала она. — Я никогда не была в Египте. — И вдруг добавила невпопад: — А где ты будешь спать?

Он закашлялся, и кашель сотряс все его ветхое тело.

— Староват я стал для ночевок в подъездах и по канавам, — сказал он. — Но и у меня есть своя гордость.

— Что ж, — сказала она, — можешь спать у меня на диване.

— Не то чтобы я не был тебе благодарен за предложение, — ответил он. — Но на вокзале у меня есть собственная скамья.

Он оттолкнулся от стены и величественно уковылял прочь.

На автовокзале у него действительно была личная, именная скамья. Он пожертвовал ее вокзалу давным-давно, когда был на коне, и на небольшой латунной табличке, прикрепленной к спинке, было выгравировано его имя. Зебедия Т. Кроукрастл не всегда был беден. Иногда деньги ему приваливали, но потом всякий раз возникали трудности с их удержанием. Став богатым, он замечал, что общество не слишком благосклонно смотрит на состоятельных людей, которые обедают в бомжиных джунглях у железной дороги и якшаются с алкашами в парке, потому он старался избавиться от богатства как можно быстрее. Разумеется, то тут, то там оставались какие-то крохи, о которых он забывал напрочь, но когда-нибудь, когда он забудет, что быть богатым — это неудобно, он вновь отправится на поиски удачи и непременно ее найдет.

Он не брился уже неделю, и в щетине стала проглядывать белоснежная седина.

И вот подошло воскресенье, когда эпикурейцы

отправились в Египет. Их было пятеро, и Холлиберри БезПера Маккой махала им ручкой с балкона аэропорта. Аэропорт был маленький, там еще можно было помахать рукой на прощание.

— Пока, папа! — крикнула Холлиберри БезПера Маккой. Огастес ДваПера Маккой помахал ей в ответ и пошел по асфальту к маленькому винтовому самолету, с которого начиналось их путешествие.

— У меня такое чувство, — сказал Огастес ДваПера Маккой, — словно я помню, хотя и смутно, очень похожий день. В этом воспоминании я совсем маленький, и тоже машу рукой. Наверное, тогда я видел отца в последний раз, и сейчас меня вновь охватило то самое ощущение приближающегося конца. — В последний раз он посмотрел через все поле на маленькую дочь, и она вновь помахала ему.

— Тогда ты махал не менее энергично, — согласился Зебедия Т. Кроукрастл, — но у нее, кажется, получается чуточку лучше.

Он был прав. Так и было.

Сначала был маленький самолет, потом — большой, снова — маленький, дирижабль, гондола, поезд, монгольфьер и арендованный джип.

Их джип тарахтел на весь Каир. Они проехали

старый рынок и свернули на третью по счету улочку (если бы поехали дальше, уперлись бы в сточную канаву, некогда бывшую арыком). Мустафа Строхайм собственной персоной сидел перед домом в древнем плетеном кресле. Столы и столики его кофейни тоже стояли на улице, которая и так не была особенно широкой.

— Добро пожаловать, друзья, в мою *кахву*. — сказал Мустафа Строхайм. — *Кахва* — это кафе, кофейня по-египетски. Хотите чаю? Или сыграть в домино?

— Хотим, чтобы нам показали наши комнаты, — сказал Джеки Ньюхаус.

— Я не хочу, — заявил Зебедия Т. Кроукрастл. — Буду спать на улице. Тут тепло, и крыльцо вроде удобное.

— Мне кофе, если можно, — попросил Огастес ДваПера Маккой.

— Сию минуту.

— Вода у вас есть? — поинтересовался профессор Мандалай.

— Чей это голос? — удивился Мустафа Строхайм. — А, это ты, маленький серый человечек. Я поначалу подумал, что ты — чья-то тень.

— Мне, пожалуйста, *шай соккар боста*, — сказали Вирджиния Бут, имея в виду стакан горячего

чая с кусочком сахара на блюдце. — И я бы сыграла в нарды. В Каире вряд ли найдется человек, который обыграет меня, если только я вспомню правила.

* * *

Огастесу ДваПера Маккою показали его комнату. Профессору Мандалаю показали его комнату. Джеки Ньюхаусу показали его комнату. Времени это заняло немного; в конце концов, комната была одна на троих. Вирджинии досталась другая комната, в глубине дома, а в третьей жил Мустафа со своей семьей.

— Что ты там пишешь? — спросил Джеки Ньюхаус.

— Все, что относится к Эпикурейскому клубу, — ответил профессор Мандалай. Маленькой черной ручкой он делал записи в большой книге в кожаном переплете. — Я задокументировал наше путешествие и все, что мы ели по дороге. Когда мы будем есть жар-птицу, я запишу все впечатления: все оттенки вкуса и консистенции, все запахи и соки.

— Кроукрастл рассказал, как он будет готовить жар-птицу? — спросил Джеки Ньюхаус.

— Да, — отозвался Огастес ДваПера Маккой.

— Сказал, что выльет пиво из банки, чтобы там осталась ровно треть. Потом набьет банку пряностями и травами. Птицу он водрузит на банку, вроде как нафарширует ее, и поставит на угли. Говорит, так положено. Традиция.

— А не слишком ли новомодно? — шмыгнул носом Джеки Ньюхаус.

— Кроукрастл утверждает, что это и есть традиционный способ приготовления жар-птицы, — повторил Огастес.

— Именно так, утверждаю, — подтвердил Кроукрастл, поднимаясь по ступеням. Дом-то был небольшой, и стены не слишком толстые. — Пиво впервые появилось в Египте, и вот уже больше пяти тысяч лет приготовление жар-птицы не обходится без него.

— Да, но пивную банку изобрели относительно недавно, — возразил профессор Мандалай, когда Зебедия Т. Кроукрастл вошел в комнату. Кроукрастл держал в руках чашку турецкого кофе, черного как смоль, и бурлившего, как расплавленный битум.

— Кофе не слишком горячий? — спросил Огастес ДваПера Маккой.

Кроукрастл пригубил кофе, отпив примерно половину.

— Не-а, — сказал он. — Не слишком. А пивная банка на самом деле не так и нова. Раньше мы делали их из медной амальгамы и олова, иногда добавляли капельку серебра, иногда обходились без него. Зависело от кузнеца и еще от того, что было под рукой. Главное, чтобы температуру держала. Я смотрю, вы мне не очень-то верите. Джентльмены, поймите: нет никаких сомнений, что древние египтяне умели делать пивные банки — иначе в чем бы они держали пиво?

С улицы доносился многоголосый гвалт. Вирджиния Бут уговорила местных сыграть в нарды на деньги, и теперь раздевала их до нитки. В нардах она была настоящей акулой.

За кофейней Мустафы Строхайма располагался небольшой двор с полуразвалившейся жаровней, состоявшей из кирпичного очага, прогоревшей металлической решетки и старого деревянного столика. Весь следующий день Кроукрастл провел за ремонтом и чисткой жаровни. Он также смазал решетку маслом.

— Судя по ее виду, огня там не разводили лет сорок, — сказала Вирджиния Бут. С ней уже никто не хотел играть, но зато коричневая сумочка раздулась от замусоленных пиастров.

— Да, где-то так, — согласился Кроукрастл. —

Может, чуть дольше. Джинни, мне понадобится твоя помощь. Я составил список того, что нужно будет купить на базаре. В основном всякие травы, пряности и особое дерево для дров. В качестве переводчиков можешь взять кого-нибудь из детей Мустафы.

— С удовольствием, Красти.

Три остальных члена Эпикурейского клуба убивали время каждый по-своему. Джеки Ньюхаус налаживал контакты с местными жителями, которых очаровывали его элегантный костюм и мастерская игра на скрипке. Огастес ДваПера Маккой устраивал себе долгие пешие прогулки. Профессор Мандалай коротал время, переводя иероглифы, выдавленные на кирпичах очага. Он объявил, что менее разумный исследователь решил бы, что задний двор Мустафы Строхайма является святилищем Солнца.

— Но я как человек искушенный, — сказал он, — сразу заметил, что когда-то, давным-давно, эти кирпичи были частью храма, и теперь, тысячелетия спустя, им просто нашли новое применение. Сомневаюсь, что эти люди сознавали ценность того, что попало им в руки.

— О, они все прекрасно сознавали, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл. — И кирпичи не были

частью какого-то храма. Они здесь уже тысячи лет, с тех пор как мы сложили очаг. До этого все делалось на камнях.

Вирджиния Бут вернулась с базара с полной корзиной.

— Вот, — сказала она. — Красное сандаловое дерево и пачули, ванильные бобы, веточки лаванды, шалфей, листья корицы, цельные мускатные орехи, чеснок, гвоздика и розмарин: все, что нужно, и даже больше.

Зебедия Т. Кроукрастл довольно улыбнулся.

— Жар-птица будет просто счастлива, — сказал он ей.

До самого вечера он готовил соус для жаркого. Сказал, что это дань уважения, кроме того, мясо жар-птицы часто бывает суховатым.

Эпикурейцы встретили закат в ивовых креслах на улице. Мустафа Строхайм и члены его семьи приносили им чай, кофе и горячий мятный настой. Зебедия Т. Кроукрастл предупредил эпикурейцев, что в воскресенье на обед будет сантаунская жар-птица, так что лучше им на ночь не наедаться, чтобы не потерять аппетит.

— У меня предчувствие надвигающейся беды, — сказал Огастес ДваПера Маккой, укладываясь на кровать, слишком маленькую для его габари-

тов. — И боюсь, ее подадут нам под соусом для жаркого.

На следующее утро все проснулись голодные. Зебедия Т. Кроукрастл надел забавный передник с ядовито-зеленой надписью ПОЦЕЛУЙ ПОВАРА. Он уже разбросал зерно и вымоченный в коньяке изюм под низкорослым авокадо, которое росло за домом, и теперь раскладывал на подушке из древесного угля ароматные щепки, сушеные травы и пряности. Мустафа Строхайм уехал с семьей к каким-то родственникам на другой конец Каира.

— Спички есть у кого? — спросил Кроукрастл.

Джеки Ньюхаус вытащил зажигалку, отдал ее Кроукрастлу, который поджег сухие лавровые и коричные листья и присыпал их древесным углем. В полуденном воздухе заструился еле заметный дымок.

— Сандаловое дерево и корица приманят жар-птицу, — сказал Кроукрастл.

— Приманят откуда? — спросил Огастес ДваПера Маккой.

— С Солнца, — ответил Кроукрастл. — Она там спит.

Раздался осторожный кашель профессора Мандалая.

— Земля в перигелии отстоит от Солнца при-

близительно на 150 миллионов километров. Рекордная зафиксированная скорость птицы, у пикирующего сапсана, немногим превысила 400 километров в час. При такой скорости лететь к нам от Солнца Жар-птица будет почти тридцать девять лет. Если, конечно, ей нипочем темный холод космического вакуума.

— Конечно, — согласился Зебедия Т. Кроукрастл. Он прикрыл рукой глаза и взглянул наверх. — А вот и она.

Казалось, что птица летит прямо из Солнца. Разумеется, это была лишь иллюзия. В конце концов, вы же не станете в полдень таращиться прямо на солнце.

Сначала появился лишь силуэт, черный силуэт на фоне солнца и голубого неба, потом солнце тронуло его перья, и у людей на земле перехватило дыхание. Ничто не сравнится с блестящим на солнце оперением жар-птицы.

Жар-птица взмахнула крыльями и стала описывать постепенно сужающиеся круги над кофейней Мустафы Строхайма.

И приземлилась прямо на авокадо. Ее перья были золотыми, они были серебряными, они были пурпурными. Сама птица была не крупнее упитанного петуха или небольшой индейки,

с длинными ногами и шеей цапли, а ее голова напоминала орлиную.

— Она прекрасна, — прошептала Вирджиния Бут. — Посмотрите, какой у нее хохолок из двух перьев. Такой симпатичным.

— Весьма, — согласился профессор Мандалай.

— Что-то мне эти перья напоминают, — пробормотал ДваПера Маккой.

— Мы ощиплем хохолок перед жаркой, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл. — Так положено.

Жар-птица сидела на освещенной солнцем ветке авокадо. Она словно сияла изнутри, отражая солнце, как если бы ее перья были сплетены из света, переливавшегося пурпуром, зеленью и золотом. Потом это небесное создание принялось прихорашиваться, подставив солнцу расправленное крыло. Оно ворошило и поправляло перья, пока не пригладило все до единого. Затем наступила очередь второго крыла. Завершив процесс, птица удовлетворенно чирикнула и слетела на землю. Близоруко осматриваясь, она потрусила по высохшей грязи.

— Смотрите! — воскликнул Джеки Ньюхаус. — Она нашла зерна.

— Как будто знала, где искать, — сказал Огастес ДваПера Маккой.

— Я всегда сыплю зерна в том месте, — улыбнулся Зебедия Т. Кроукрастл.

— Какая красивая, — повторила Вирджиния Бут. — Но даже отсюда заметно, что она намного старше, чем я себе представляла. Глаза мутные, ноги заплетаются. Но все же какая красивая!

— Птица Бенну — красивейшая из всех птиц, — сказал Зебедия Т. Кроукрастл.

Вирджиния Бут вполне могла объясниться с египетским официантом, но на этом ее языковые познания заканчивались.

— Что за птица Бенну? — спросила она. — Это жар-птица по-египетски?

— Птица Бену, — ответил профессор Мандалай, — ночует на ветках персеи. На голове у нее два пера. Иногда ее изображают, как цаплю, иногда в виде орла. Но это все — только легенды.

— Смотрите, она склевала зерно и изюм! — воскликнул Джеки Ньюхаус. — Теперь ее явно шатает. Но какое величие, даже в опьянении!

Зебедия Т. Кроукрастл подошел к жар-птице, с немалыми усилиями ковылявшей взад-вперед по пыли под авокадо. Он встал прямо перед жар-птицей и вдруг, очень медленно, поклонился ей. Поклонился по-стариковскн, натужно и скрипуче, но все-таки именно поклонился. И жар-птица

поклонилась в ответ, а потом повалилась в пыль. Зебедия Т. Кроукрастл почтительно поднял ее на руки и понес обратно во дворик за кафе Мустафы Строхайма. Остальные последовали за ним.

В первую очередь Зебедия выдернул и отложил в сторону два великолепных золотых пера из хохолка. Потом, не ощипывая птицу, он выпотрошил ее и положил на угли.

— Жар-птица жарится быстро, — предупредил Кроукрастл. — Готовьте тарелки.

Древние египтяне приправляли пиво кардамоном и кориандром, поскольку не знали хмеля. Пиво у них выходило вкусное, душистое и хорошо утоляло жажду. После такого пива можно было и целую пирамиду построить, что иногда и случалось. Пиво в банке внутри жар-птицы кипело и распаривало ее изнутри. Когда жар от углей достиг перьев птицы, они сгорели, будто магниевая фольга, с такой яркой вспышкой, что эпикурейцам пришлось зажмуриться.

Воздух пропитался запахом жареной дичи, сочнее утки, тоньше фазана. У изголодавшихся эпикурейцев потекли слюнки. Казалось, времени прошло всего ничего, и вот Зебедия уже снимает жар-птицу с раскаленного ложа и ставит на стол. Потом он разрезал ее на куски и разложил

дымящееся мясо по тарелкам. Каждый кусочек он полил соусом. Кости отправились прямиком в огонь.

Все члены Эпикурейского клуба расселись на заднем дворе кофейни Мустафы Строхайма вокруг древнего деревянного стола. Они ели руками.

— Зебби, это восхитительно! — воскликнула Вирджиния Бут с набитым ртом. — Так и тает во рту. Вкус просто неземной.

— Это вкус Солнца, — сказал Огастес ДваПера Маккой, поглощая мясо с рвением, на которое способен только по-настоящему большой человек. В одной руке у него была ножка, в другой — кусок грудки. — В жизни не пробовал ничего вкуснее, и я не жалею, что проделал такой долгий путь, чтобы попробовать это чудо. Но я все же буду скучать по дочери...

— Волшебно, — добавил Джеки Ньюхаус. — Это вкус любви и прекрасной музыки. Это вкус истины.

Профессор Мандалай записывал все. Он описывал свои ощущения, записывал впечатления других членов клуба, стараясь при этом не замарать страницы, поскольку в свободной руке у него было зажато крылышко, которое он объедал

с величайшим тщанием.

— Странно, — сказал Джеки Ньюхаус, — по мере насыщения у меня во рту и в желудке становится все горячее.

— Да. Так и должно быть. К этому лучше готовиться заранее, — откликнулся Зебедия Т. Кроукрастл. — Есть огневок и раскаленные угли. Иначе на организм выйдет тройная нагрузка.

Зебедия Т. Кроукрастл трудился над головой птицы, разгрызая кости и клюв. Они молниями вспыхивали у него во рту, но Зебедия лишь ухмылялся и продолжал жевать.

Кости жар-птицы, брошенные в очаг, сначала занялись оранжевым, а потом вспыхнули ослепительно белым пламенем. На двор кофейни Мустафы Строхайма опустился густой жар, все вокруг мерцало, как если бы сидящие за столом смотрели на мир сквозь воду или марево сна.

— Какая прелесть! — чавкала Вирджиния Бут, — В жизни не ела ничего вкуснее. Это вкус моей юности. Вкус вечности. — Она облизнула пальцы и взяла с тарелки последний кусок жаркого. — Сантаунская жар-птица, — сказала она. — А она еще как-нибудь называется?

— Феникс из Гелиополиса, — ответил Зебедия Т. Кроукрастл. — Птица, гибнущая в пламени и

возрождающаяся из пепла, поколение за поколением. Птица Бену, носившаяся над водами, когда еще не было света. Когда приходит время, она сгорает в огне из редких пород дерева, пряностей и ароматных трав и воскресает из пепла, раз за разом, к вечной жизни.

— Горячо! — воскликнул профессор Мандалай. — У меня внутри все горит! — Он хлебнул воды, но легче, видимо, не стало.

— Мои пальцы, — произнесла Вирджиния Бут. — Взгляните на мои пальцы. — Она протянула руку над столом. Пальцы светились изнутри, словно подсвеченные огнем.

Воздух стал таким горячим, что в нем можно было запечь яйцо.

Внезапно с шипением посыпались искры — это два желтых пера в волосах Огастеса ДваПера Маккоя стали стоймя, как струи фейерверков.

— Кроукрастл, — сказал охваченный пламенем Джеки Ньюхаус. — Признайся, как долго ты ешь Феникса?

— Больше десяти тысяч лет, — сказал Зебедия. — Тысячей больше, тысячей меньше. Это не трудно, если наловчиться; наловчиться — вот в чем загвоздка. Но этот Феникс — лучший из всех, что я готовил. Или правильнее сказать, что сегодня я

удачнее всего приготовил этого Феникса?

— Годы! — воскликнула Вирджиния Бут. — Они из тебя выгорают!

— Все верно, — признал Зебедия. — Но прежде чем приступить к трапезе, надо привыкнуть к жару. Иначе запросто можно сгореть.

— Почему я этого не помнил? — спросил Огастес ДваПера Маккой сквозь окружавшие его языки пламени. — Почему я не помнил, как уезжал мой отец, и его отец до того, как они все уезжали в Гелиополис есть Феникса. Почему я вспомнил об этом только сейчас?

— Потому что сейчас и твои годы тоже сгорают, — сказал профессор Мандалай. Он захлопнул книгу в кожаном переплете, потому что страница, на которой он писал, вспыхнула. Обрез книги обуглился, но все остальное не пострадало. — Когда годы сгорают, возвращается похороненная в них память, — Профессор выглядел намного плотнее, живее, и он улыбался. Раньше никому из членов Эпикурейского клуба не доводилось видеть улыбки профессора Мандалая.

— Мы сгорим без остатка? — спросила раскаленная Вирджиния. — Или выгорим обратно в детство, обратно в духов и ангелов, и начнем все сначала? Хотя это не важно. О, Красти, как это

прекрасно!

— Наверное, — произнес Джеки Ньюхаус из-за стены огня, — в соус стоило бы добавить чуть больше уксуса. Такое мясо, думаю, заслуживало чего-то покрепче. — И он исчез, словно растаял в пламени.

— Chacun a son gout, — заметил Зебедия Т. Кроукрастл, что в переводе означает «на вкус и цвет...», облизнул палец и покачал головой. — Лучше не бывает, — сказал он с невероятным удовлетворением.

— Прощай, Красти. — прошептала Вирджиния. Она протянула руку сквозь пламя и на пару мгновений крепко сжала его смуглую ладонь.

В следующий миг на заднем дворе кофейни Мустафы Строхайма в Гелиополисе (который некогда был городом Солнца, а теперь превратился в пригород Каира) не осталось ничего, кроме белого пепла, разносимого мягким ветерком — пепла, похожего на снег или сахарную пудру; не осталось ничего и никого, кроме молодого парня с черными как смоль волосами и ровными белыми зубами, в фартуке с надписью ПОЦЕЛУЙ ПОВАРА.

Из-под толстого слоя пепла, засыпавшего кирпичный алтарь, показалась маленькая пурпур-

но-золотая птичка. Она пискнула и уставилась прямо на Солнце, как дитя смотрит на своего родителя. Расправив тонкие крылышки, она взмыла вверх, к Солнцу, и никто не следил за ее полетом, кроме юноши во дворе.

У ног парня, под пеплом, который недавно было деревянным столом, лежали два длинных золотых пера. Он поднял перья, стряхнул с них пепел и аккуратно уложил в карман куртки. Потом снял передник и ушел своей дорогой.

* * *

Холлиберри ДваПера Маккой — взрослая женщина, мать семейства. Ее некогда черные волосы теперь отливают серебром, а из узла на затылке торчат два золотых пера. Сразу бросается в глаза, что когда-то эти перья выглядели очень эффектно, но с тех пор минуло много лет. Холлиберри является президентом Эпикурейского клуба: богатой и неспокойной компашки. Давным-давно она унаследовала эту должность от отца. Я слышал, что эпикурейцы вновь начинают роптать: говорят, что уже перепробовали все на свете.

СОТВОРЕНИЕ АЛАДДИНА

Inventing Aladdin
Перевод. Н. Эристави
2007

И снова – в который уж раз! –

Она – на супружеском ложе.

В ногах свернулась сестренка.

Она досказала сказку –

И ждет. Девочка знает свою роль,

Торопливо щебечет: «Я спать не могу, сестрица.

Я новую сказку хочу!»

Шахерезада с трудом переводит дыханье

И начинает: «Дошло до меня, о царь.

Что в далеком Пекине жил некогда юный повеса.

Звали его... Аладдином. Отец его умер,

И овдовела мать...»

Нить сказки плетется – приехал колдун-чернокнижник.

Назвался дядюшкой Аладдина, а сам

Втайне лелеял мрачные планы.

Завел он юношу в тайное место в пустыне.

Перстень на палец надел – волшебной, он клялся, силы,

Спустил Аладдина в колодец, а там –

Пещера, полны ее гроты

Бесценных каменьев.

Просил: «Принеси мне лишь лампу!» –

и Аладдин принес,

А дядя столкнул его в пещерную тьму –

На верную гибель...

Пока что довольно.

Пускай Аладдин несчастный еще потомится в пещере!

Она умолкает – а муж опять

Не может дождаться грядущей ночи.

Итак, наступает утро.

Она готовит еду,

Кормит детишек.

Мечтает...

Помнит она: Аладдин – в западне.

Помнит, что сказкой своею

Купила она себе новый

День жизни.

А дальше-то что?

Ох, наперед бы знать!

И только когда на город спускается вечер.

Когда супруг рычит (в который уж раз):

«Уж завтра ты точно расстанешься с головой!»,

Когда сестренка ее Дуньязада невинно мурлычет:

«Сегодня еще не завтра. Ну а пока, –

Что ж с Аладдином случилось?» –

Только тогда

Она понимает, что было дальше.

В пещере, сияющей жаром цветных каменьев,

Трет Аладдин лампу. Вот джинн по-

явился...

Тянется, льется сказка. У Аладдина уже –

Невеста-царевна, дворец, сады и фонтаны.

Но вот – опасность! Вернулся в город колдун.

В обличье старьевщика он по улицам бродит,

Кричит: «На новые старые лампы меняю!»

Теряет все Аладдин...

Она замолкает.

Ну что ж – прожить еще день ей явно позволят!

Тихонько сопит сестра. Захрапел супруг.

Она же лежит без сна и глядит в темноту ночную,

Предвосхищая развитье дальнейших событий.

Как Аладдину вернее удачу вернуть –

Так или этак?

Как воротить свой дворец, сады и царевну?

Она уснет на рассвете.

А сказке нужен конец...

Но, может, сны ей помогут лучше, чем мысли?

Она просыпается.

Кормит детишек.

Жемчуг вплетает в косы.

Лениво плетется на рынок,

Чтобы купить там

Масла для лампы. Торговец нальет

Масла в кувшин

Из бочки огромной –

В сознанье мелькает мыслишка:

«А в бочке такой

И человека ведь спрятать можно!»

В тот день она купит и травки душистой – сим-сима.

Сестренка смеется: «Тебя он казнит не скоро!»

«Не скоро». А в воздухе жарком висит

молчаливо:

«Но все же – казнит».

На ложе ее перстень потрет Аладдин –

Раб Перстня придет на помощь.

(Замерли царь и сестренка.)

...Мертв чернокнижник, спасен Аладдин! –

И она замолкает.

Сказке конец – но конец и рассказчице тоже?

Теперь бы скорее начать сказку другую!

Шахерезада спешно проводит смотр

Войскам своих слов, отрядам случайных придумок.

Сны и дневные событья наводят на мысль

О бочках, в которых прячутся люди.

«Сим-сим, откройся!» – шепчет она, и на губах

уже играет улыбка.

«Дошло до меня, о царь, – жил некогда человек

по имени Али-Баба. И был он честен, но

беден...»

Она говорит, и пока говорит – свободна.

Ну что ж... еще на день жалкая жизнь ее

Опять спасена. Так будет до новой ночи,

Так будет, покуда царь от нее не устанет

Или покуда дар ее не иссякнет.

Так что за новая сказка? Откуда ей знать –

Слова-то еще не пришли...

(А я? Я знаю не больше!)

Но «сорок разбойников» – это звучит красиво.

Так, значит, пускай будет сорок. И молит она небеса –

Пошлите еще хоть несколько дней!

Какой же странной ценою

Мы жизнь свою покупаем...

ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ
новелла из цикла «Американские боги»

The Monarch of the Glen
Перевод. А. Комаринец
2007

Она сама – словно дом, населенный призраками. Она сама не властна над собой; иногда ее предки являются и выглядывают из ее глаз, как из окон, и это выглядит очень пугающе.

Анджела Картер, «Хозяйка дома любви»

Глава первая

— Если хотите знать мое мнение, — сказал Тени худощавый пожилой человек, — вы в своем роде монстр. Я прав?

Если не считать барменши, кроме них в баре при гостинице в городке на северном побережье Шотландии никого не было. Тень сидел себе за столиком, тянул светлое пиво, когда к нему пе-

ресел этот человечек. Лето подходило к концу, и Тени казалось, что все кругом холодное, маленькое и сырое. На столе перед ним лежала книга «Приятные прогулки по окрестностям», и он изучал маршрут, которым собирался пойти завтра: к береговым скалам и дальше к мысу Гнева.

Он закрыл книгу.

— Я американец, — ответил он, — если вы это имели в виду.

Склонив голову набок, человечек театрально подмигнул. У него были отливающие сталью седые волосы, серое лицо и серый дождевик, и выглядел он как провинциальный юрист.

— Это как посмотреть, — сказал он. — Возможно, как раз об этом я и говорил.

За свое недолгое пребывание в этих краях Тень лишь едва-едва научился понимать местный выговор: сплошь гортанная картавость с вкраплениями раскатистого «р» да еще странные слова, но с серым незнакомцем проблем не возникало. Все в речи человечка было маленьким и живым, каждое слово произносилось так четко и правильно, что Тени казалось, будто это он сам говорит с полным ртом овсянки.

Отпив из своей рюмки, человечек продолжал:

— Так, значит, американец. Чрезмерная сексу-

альность, чрезмерная зарплата и к нам — через океан, да? На вышках работаете?

— Прошу прощения?

— Нефтяник? С буровых платформ на шельфе. К нам сюда время от времени эти парни заваливают.

— Нет. Я не с буровых.

Достав из кармана трубку и маленький перочинный ножик, человечек начал счищать со стенок чашечки окалину. Потом, постучав, вытряс черные крошки в пепельницу.

— В Техасе, знаете ли, есть нефть, — сказал он, помолчав, точно поверял великую тайну. — Это в Америке.

— Да, — согласился Тень.

Он подумал было, не сказать ли что-нибудь про Техас, например, что Техас, кажется, действительно находится в Техасе, но решил, что тогда придется объяснять, в чем соль шутки, а потому промолчал.

Тень почти два года старался держаться подальше от Америки. И когда рухнули небоскребы, его там не было. Иногда он говорил себе, что возвращаться ему незачем, и, случалось, почти готов был в это поверить. В Шотландию он приехал два дня назад, высадился в Турсо с парома, при-

шедшего с Оркнейских островов, и в этот городок добрался автобусом.

А человечек все не унимался:

— В Абердин приезжал один техасский нефтяник. Познакомился в пабе с одним стариком, совсем как мы с вами. Так вот они разговорились, а техасец и скажи: «У себя дома я встаю утром, сажусь в машину (уж извините, акцент я передавать не стану), поворачиваю ключ в замке зажигания, вдавливаю педаль акселератора...» — вы ее называете...

— Педаль газа, — покорно подсказал Тень.

— Вот именно. «Давлю после завтрака на газ и даже до обеда не успеваю доехать до конца моего участка». А хитрый старый шотландец только кивает и говорит: «Угу-угу, и у меня когда-то была такая машина».

Человечек пронзительно рассмеялся, показывая, что шутке конец. Тень улыбнулся и кивнул, показывая, мол, понял, что это шутка.

— Что пьете? Светлое. Дженни-солнышко, повтори нам. Мне «Лагавулин»[258]. — Человечек набил в трубку табак, который достал из кисета. — Вам известно, что Шотландия больше Аме-

---

[258] notes: 258
Сорт виски

рики?

Когда Тень вечером сюда спустился, в баре при гостинице не было ни души. Только худая барменша, которая, куря, читала газету. Он пришел сюда посидеть у камина, поскольку номер ему дали промозглый, а металлические батареи на стене были еще холоднее, чем воздух в комнате. Он не рассчитывал на компанию.

— Нет, — отозвался он, всегда готовый разыграть простака. — Не знал. С чего вы взяли?

— Все дело в дробности, — объяснил человечек. — Чем меньшие величины вы рассматриваете, тем больше видите. Если знать, какой дорогой ехать, Америку можно пересечь за тот же срок, что и Шотландию. Непонятно? Ну, возьмем карту, на ней побережье кажется единой плотной линией. Но когда идете по нему пешком, оно изрезанное и извилистое. Все. Об этом целая передача была по телевизору. Удивительные вещи.

— О'кей, — отозвался Тень.

Вспыхнул огонек зажигалки, и человечек стал тянуть и пыхтеть, тянуть и пыхтеть, пока не удостоверился, что раскурил трубку как надо, а тогда убрал зажигалку, кисет и ножик назад в карман пальто.

— Это все не к тому, — сказал человечек. — По-

лагаю, вы останетесь здесь на уик-энд?

— Да, — сказал Тень. — Вы... вы служащий гостиницы?

— Нет-нет. По правде говоря, когда вы приехали, я стоял в холле. Услышал, как вы разговариваете с Гордоном за стойкой.

Тень кивнул. Ему казалось, что, когда он заполнял регистрационную карточку, в холле гостиницы не было ни души, но вполне возможно, человечек просто проходил мимо. И тем не менее... было в этом разговоре что-то неверное. Во всем происходящем было что-то не так.

Барменша Дженни поставила на стойку их кружки.

— Пять двадцать, — сказала она и, развернув газету, снова в нее углубилась.

Сходив к стойке, человечек заплатил и вернулся с кружками.

— Вы к нам надолго? — спросил он.

Тень пожал плечами:

— Хотел поглядеть, каково тут. Побродить по побережью. Посмотреть достопримечательности. Может, на неделю. Может, на месяц.

Дженни отложила газету.

— Это глухая дыра в чертовой заднице, — весело сказала она. — Вам следовало бы подыскать

себе место поинтереснее.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил человечек. — Это глухая дыра посреди задницы только тогда, когда смотришь не с той стороны. Видите вон ту карту, приятель? — Он указал на засиженную мухами карту Северной Шотландии, висящую на стене против стойки. — Знаете, что с ней не так?

— Нет.

— Она вверх ногами! — победно возвестил человечек. — Север наверху. Карта должна говорить людям, где мир кончается. Дальше ходу нет. Там край света. Но понимаешь, раньше все было не так. Раньше это был не север Шотландии. Это была самая южная оконечность мира викингов. Знаешь, как называется предпоследнее графство Шотландии к северу?

Тень поглядел на карту, но она была слишком далеко, подписей не разобрать.

— Сатерленд! — осклабился человечек. — Южный край. Не для всех, разумеется, но для викингов уж точно.

К ним подошла барменша Дженни.

— Я отлучусь ненадолго, — сказала она. — Если до моего возвращения вам что-нибудь понадобится, спросите портье.

Подложив в камин полено, она вышла в холл.

— Вы историк? — спросил Тень.

— Вот насмешили! — хохотнул человечек. — Возможно, вы и монстр, но весельчак. Надо отдать вам должное.

— Я не монстр.

— Ну да, ну да, именно так и говорят все монстры, — отозвался человечек. — Раньше в Сент-Эндрюсе у меня была специализированная клиника. А теперь так, общая практика. Ну, в общем и целом, тоже была. Я почти отошел от дел. Хожу пару дней на неделе в местную больницу, только чтобы скальпель в руке не дрожал.

— Почему вы все время называете меня монстром? — спросил Тень.

— Потому что я сам отчасти монстр, — сказал человечек, поднимая стакан виски с видом человека, приводящего неопровержимый аргумент. — Свояк свояка и так далее... Все мы монстры, разве не так? Прекрасные монстры, плетущиеся по болотам неразумия... — Он остановился отхлебнуть виски, потом сказал: — Скажите, такой здоровяк, как вы... Вы никогда вышибалой не были? «Извини приятель, боюсь, сегодня тебе сюда нельзя, закрытое мероприятие, поэтому сматывай удочки и вали» и так далее?

— Нет, — покачал головой Тень.

— Но чем-то подобным наверняка занимались?

— Да, — согласился Тень, который когда-то работал телохранителем у старого бога, но это было в другой стране.

— И вы... э... простите, что спрашиваю, не поймите меня неправильно... Вам нужны деньги?

— Всем нужны деньги. Но у меня все в порядке. — Это было далеко не так, но истина заключалась в том, что когда Тень нуждался в деньгах, мир как будто из кожи вон лез, чтобы его ими обеспечить.

— А вам не хотелось бы заработать немного на карманные расходы? Побыть вышибалой? Дело плевое.

— На дискотеке?

— Не совсем. На частной вечеринке. Одна компания снимает большой старый дом в наших местах, в конце лета они со всего света сюда приезжают. Но, скажем, в прошлом году, веселье было в самом разгаре, шампанское под открытым небом лилось рекой, а потом возникли проблемы. Серьезные проблемы. Такие кому угодно уик-энд испортят.

— С местными жителями?

— Не совсем.

— Проблемы политические? — спросил Тень. Ему не хотелось впутываться в местную политику.

— Ни в коей мере. Так, щенки. Волосатики и прочие идиоты. И вообще в этом году они скорее всего не вернутся. Вероятно, уже свалили еще в какую-нибудь глушь и там устраивают демонстрации против международного капитализма. Но для перестраховки ребята из большого дома попросили меня поискать кого-нибудь, кто мог бы нагнать на них страху. Вы малый крупный, им именно такой нужен.

— Сколько? — спросил Тень.

— Если придется драться, сумеете за себя постоять? — ответил вопросом на вопрос человечек.

Тень промолчал. Серый человечек смерил его взглядом, потом снова улыбнулся, показывая желтые прокуренные зубы.

— Полторы тысячи фунтов всего за уик-энд. Это хорошие деньги. К тому же наличными. И перед налоговой инспекцией отчитываться незачем.

— В ближайший уик-энд? — спросил Тень.

— Начиная с утра пятницы. Дом большой. По сути, достроенный и перестроенный замок. К западу от мыса Гнева.

— Надо подумать, — сказал Тень.

— Если согласитесь, — продолжал серый человечек, — у вас будет фантастический уик-энд в историческом поместье, и могу гарантировать, что вы познакомитесь со всякими интересными людьми. Чего еще желать в отпуске, да еще денег заработаете. Жаль, что сам я уже немолод. И э... если уж на то пошло, ростом не вышел.

— Ладно, — сказал Тень, и как только произнес эти слова, спросил себя, не пожалеет ли.

— Молодчина. Я еще с вами свяжусь, расскажу, как и что.

Серый человечек встал и, проходя мимо, мягко хлопнул Тень по плечу. А потом ушел, оставив его в баре одного.

Глава вторая

Тень странствовал почти полтора года. С рюкзаком за плечами он пересек Европу и добрался до северной Африки. Он собирал оливки и ходил на лов сардин, крутил баранку грузовика и продавал вино у обочины шоссе. Наконец, несколько месяцев назад он вернулся автостопом в Норвегию, в Осло, где родился тридцатью пятью годами ранее.

Он сам толком не понимал, чего, собственно, ищет. Знал только, что еще не нашел, хотя бывали минуты — на горном склоне, на утесах или у водопада, — у него возникало пронзительное ощущение, что то неведомое искомое совсем рядом: за выступом гранитной скалы или в ближайшем сосновом лесу. И все же возвращение на родину оставило по себе глубокую неудовлетворенность, и когда в Бергене его спросили, не хочет ли он восполнить недостающую половину экипажа моторной яхты, направлявшейся в Канны на встречу со своим владельцем, он согласился.

Из Бергена они пошли под парусом на Шетландские острова, оттуда — на Оркнейские, где провели ночь в пансионе с завтраком в Стормнессе. Утром при выходе из гавани окончательно и бесповоротно отказали двигатели, и судно пришлось на буксире оттащить назад к причалам.

Бьёрн — капитан и вторая половина экипажа — остался на яхте объясняться со страховщиками и отвечать на гневные звонки владельца. Тень не видел причин оставаться и потому сел на паром до городка Турсо на северном побережье Шотландии.

Ему не сиделось на месте. По ночам ему снились трассы, то, как он въезжает на сияющую

неоном окраину города, где люди говорят по-английски. Иногда этот город находился на Среднем Западе, иногда во Флориде, иногда на Восточном побережье, иногда на Западном.

Сойдя с парома, он купил путеводитель живописных прогулок, обзавелся расписанием автобусов и отправился куда глаза глядят.

Вернулась барменша Дженни и начала протирать все поверхности тряпкой. Завязанные в узел волосы у нее были такие светлые, что казались почти белыми.

— И как в ваших краях развлекаются? — спросил Тень.

— Пьют. Ждут смерти; — мрачно откликнулась она. — Или едут на юг. На том, по сути, варианты исчерпываются.

— Вы уверены?

— Ну, сами подумайте. У нас тут нет ничего, кроме овец и холмов. Живем мы, разумеется, за счет туристов, но вас на самом деле слишком мало. Грустно, правда?

Тень пожал плечами.

— Вы из Нью-Йорка? — спросила она.

— Из Чикаго. Но сюда я приехал из Норвегии.

— Вы говорите по-норвежски?

— Немного.

— Тогда вам стоит кое с кем познакомиться, — вдруг сказала она, потом поглядела на часы. — Кое с кем, кто тоже приехал сюда из Норвегии, но это было давным-давно. Пойдемте.

Убрав тряпку, она щелкнула выключателем за стойкой и направилась к двери.

— Пойдемте, — повторила она.

— А вы можете вот так уйти? — спросил Тень.

— Я могу делать все, что захочу, — отозвалась она. — Это ведь свободная страна, так?

— Наверное, да.

Она заперла дверь бара латунным ключом. Они вышли в холл.

— Подождите здесь, — сказала она и исчезла за дверью с табличкой «Частное помещение», откуда появилась через несколько минут в длинном коричневом пальто. — Ну вот, я готова. Идите за мной.

На улице было темно и ветрено.

— Так у вас это поселок или маленький городок? — спросил Тень.

— Это, мать его, кладбище. Нам туда. Идемте.

Они шли по узкой дороге. Луна светила огромная и желтовато-бурая. Тень расслышал шум моря, хотя самого его еще не видел.

— Вас зовут Дженни? — спросил он.

— Верно. А вас?

— Тень.

— Это ваше настоящее имя?

— Так меня называют.

— Тогда пойдемте, Тень.

На вершине холма они остановились. Поселок остался далеко внизу, но перед ними стоял серый каменный дом. Свет внутри не горел. Открыв калитку. Дженни повела Тень по тропинке к входной двери. Он задел росший рядом с тропинкой небольшой куст, и воздух наполнился сладким ароматом лаванды.

— Чей это дом? — спросил Тень. — Выглядит пустым.

— Не волнуйтесь, — сказала Дженни. — Через минуту хозяйка будет дома.

Она толкнула незапертую дверь, и они вошли внутрь. Дженни нажала клавишу выключателя у двери. Большую часть первого этажа занимала кухня, одновременно служившая гостиной. Вдоль одной стены шла крохотная лесенка, уводившая, как предположил Тень, в спальню на чердаке. На сосновой стойке стоял CD-проигрыватель.

— Это ваш дом, — констатировал Тень.

— Дом, милый дом, — согласилась она. — Хотите кофе? Или чего-нибудь выпить?

— Ни того, ни другого, — отозвался Тень, спрашивая себя, что, собственно, Дженни нужно. Она едва на него смотрела, даже не улыбнулась ни разу.

— Я правильно все расслышала? Доктор Гаскелл просил вас помочь приглядеть за вечеринкой на уик-энд?

— Наверное.

— И что вы намерены делать завтра и в пятницу?

— Гулять, — ответил Тень. — У меня есть путеводитель. Там обещают несколько красивых пеших маршрутов.

— Кое-какие из них красивые. Кое-какие опасные. Кое-где даже летом можно найти в тени оставшийся с зимы снег. В тени многое что способно протянуть очень и очень долго.

— Я буду осторожен, — пообещал Тень.

— Вот и викинги так говорили, — с улыбкой отозвалась Дженни. Сняв пальто, она бросила его на ярко-пурпурный диван. — Возможно, на утесах мы встретимся. Я люблю гулять. — Она вытянула шпильку из узла волос у себя на затылке, и по плечам рассыпались светлые-пресветлые локоны. Они были длиннее, чем поначалу решил Тень.

— Вы одна тут живете?

Достав из лежащей на стойке пачки сигарету, она прикурила от спички.

— А вам какое дело? — спросила она. — Вы ведь на ночь не останетесь, так?

Тень покачал головой.

— Гостиница у подножия холма, — сказала она. — Пропустить невозможно. Спасибо, что проводили меня до дома.

Пожелав ей доброй ночи. Тень вышел в лавандовую ночь. Постоял немного, озадаченно глядя на луну над морем. Потом спустился с холма и вышел к гостинице. Дженни была права: пропустить невозможно. Он поднялся по лестнице, отпер дверь своего номера ключом на короткой и толстой палочке-бирке и вошел в комнату. Там было гораздо холоднее, чем в коридоре.

Сняв ботинки, он, не зажигая света, растянулся на кровати.

Глава третья

Корабль был из ногтей мертвецов и ни шатко ни валко плыл сквозь туман, то задирая нос, то скатываясь с гребней бурных волн.

На палубе маячили тени, мужчины ростом с холмы или дома, и, приблизившись. Тень смог

различить их лица: гордые воины, все как один сильные и крепкие духом. И качка им как будто была нипочем, каждый, застыв в ожидании, точно прирос к палубе.

Сделав шаг вперед, один поймал руку Тени в собственную гигантскую лапищу. Тень ступил на серую палубу.

— Добро пожаловать к проклятым, — низким скрипучим голосом сказал тот, кто сжимал руку Тени.

— Привет тебе! — отозвались остальные на палубе. — Привет тебе, солнценосный! Привет тебе, Бальдр!

В свидетельстве о рождении Тени значилось Бальдур Лун, но он покачал головой.

— Это не я, — сказал он им. — Я не тот, кого вы ждете.

— Мы тут умираем, — не отпуская его руки, сказал человек со скрипучим голосом.

Холодно было в этом туманном месте между миром живых и миром потусторонним. Соленая пыль разбивалась о нос корабля, и Тень промок до нитки.

— Верни нас назад, — сказал державший его руку. — Верни нас домой или дай нам уйти.

— Я не знаю как, — ответил Тень.

И тогда мужчины на палубе принялись причитать и выть. Одни ударяли древками копий в палубу, другие били короткими мечами по медным накладкам на кожаных щитах, создавая ритмичный грохот в аккомпанемент крикам, которые из воплей горя превратились в улюлюканье берсерков...

В небе раннего утра кричала чайка. Ночью ветер распахнул окно и теперь стучал рамой о стену. Тень лежал на нерасстеленной кровати в узком номере отеля. Кожа у него была влажной — возможно, от пота.

Начинался еще один холодный день конца лета.

В отеле ему упаковали в контейнер несколько сандвичей с курицей, яйцо вкрутую, пакетик чипсов с сыром и луком и яблоко. Протягивая ему контейнер, портье Гордон спросил, когда его ждать назад, и объяснил, что если он опоздает больше чем на пару часов, они вызовут спасателей, а еще попросил у Тени номер его мобильного.

Мобильного телефона у Тени не было.

Он отправился по маршруту, ведущему к побережью. Пейзаж завораживал дикой, безлюдной красой, звеневшей и отдававшейся эхом в пусто-

тах в душе Тени. Он представлял себе Шотландию мягким краем — сплошь поросшие вереском пологие холмы, но здесь, на Северном побережье, все, даже серые облака, бегущие по бледно-голубому небу, казалось угловатым и острым.

Он шел по проложенному в книжке маршруту — через поросшие кустарником луга, мимо сараев, вверх-вниз по каменистым холмам.

Временами он воображал, что стоит неподвижно, а мир движется под ним, что он просто перебирает землю ногами.

Маршрут оказался утомительнее, чем он ожидал. Он планировал поесть в час, но к полудню ноги у него устали, и вообще захотелось отдохнуть. Он дошел по тропинке до склона холма, где за выступающим валуном можно было удобно укрыться от ветра, и присел на корточки съесть свой ленч. Далеко впереди было видно море... нет. Атлантический океан.

Он думал, что здесь один.

— Отдадите мне свое яблоко? — спросил женский голос.

Это была Дженни, барменша из гостиницы. Ее слишком светлые волосы разметал по плечам ветер.

— Здравствуйте, Дженни, — сказал Тень, отда-

вая ей яблоко.

Достав из кармана коричневого пальто складной нож, она села рядом с ним.

— Спасибо.

— Вы говорите совсем без акцента, — сказал Тень. — Наверное, вы приехали из Норвегии совсем маленькой. Я хочу сказать, на мой взгляд, вы говорите совсем как местные.

— Разве я сказала, что приехала из Норвегии?

— Разве нет?

Наколов кусочек яблока, она манерно ела его с ножа, касаясь только зубами.

— Это было очень давно. — Она глянула на него искоса.

— По семейным обстоятельствам?

Она повела плечами, словно хотела ими пожать, как будто тот ответ, какой могла бы ему дать, считала ниже своего достоинства.

— Вам тут нравится?

Посмотрев на него в упор, она покачала головой.

— Я чувствую себя как «хульдр».

Это слово он слышал раньше. В Норвегии.

— Это ведь какая-то разновидность троллей, да?

— Нет, это создания гор. Они похожи на трол-

лей, но приходят из леса. И они очень красивы. Как я. — Произнося эти слова, она усмехнулась, будто знала, что слишком худая, слишком бледная и мрачная, чтобы считаться красивой. — Они влюбляются в фермеров.

— Почему?

— Откуда мне, черт побери, знать! — отрезала она. — Просто влюбляются. Иногда фермер догадывается, что разговаривает с хульдр, потому что сзади у нее свисает коровий хвост или, еще хуже, сзади у нее вообще ничего нет, она просто полая и пустая, как раковина. Тогда фермер читает молитву или убегает к своей мамочке и своей ферме. Но иногда фермеры не убегают. Иногда какой-нибудь смельчак бросает нож ей через плечо или просто улыбается и берет хульдр в жены. Тогда у нее отпадает хвост. Но она все равно гораздо сильнее обычной женщины. И она все равно томится по своему дому в горах и лесах. Она никогда не будет по-настоящему счастлива. Она никогда не станет человеком.

— И что с ней происходит потом? — спросил Тень. — Она стареет и умирает со своим фермером?

От яблока осталась лишь сердцевинка. Ловким движением Дженни швырнула ее. Описав вы-

сокую дугу, сердцевинка полетела к подножию холма.

— Когда ее муж умирает... Наверное, она возвращается в свои леса и холмы. — Она смотрела перед собой на склон. — Есть история про то, как один фермер взял в жены хульдр, но дурно с ней обращался. Кричал на нее, не помогал по хозяйству и в поле, возвращался домой из селения пьяный и злой. Иногда он ее бил. Так вот. Однажды она готовила завтрак, а он пришел и начал на нее кричать, мол, еда ему не готова, мол, она ничегошеньки не умеет, мол, он вообще не знает, зачем на ней женился. Какое-то время она его слушала, а потом, не произнося ни слова, подошла к очагу и взяла кочергу. Тяжелую чугунную кочергу. Взяла и без малейшего усилия согнула в кольцо. Один в один ее обручальное, только больше. Не хмыкнула, не вспотела, просто согнула, как ты бы согнул тростинку. Увидев это, ее фермер побелел как полотно и ничего больше не сказал про свой завтрак. Он видел, что она сделала с кочергой, и понял, что в любой момент за прошедшие пять лет она могла бы сделать то же самое и с ним. И до дня своей смерти он больше и пальцем ее не тронул, ни разу сурового слова не сказал. А теперь объясните мне, мистер Все-зовут-

меня-Тень: если она могла это сделать, то почему позволяла ему себя бить? Зачем ей вообще сдался такой человек? Ну, как это объяснить?

— Может быть, — сказал Тень, — может быть, она была одинока?

Она вытерла нож о джинсы.

— Доктор Гаскелл все твердил, что вы монстр, — сказала она. — Это правда?

— Не думаю, — ответил Тень.

— А жаль, — сказала она. — С монстрами всегда знаешь, как обстоят дела, верно?

— Вы знаете?

— Абсолютно. Под конец дня попадешь на обед. Только не ты будешь обедать, а тобой пообедают. Кстати об обеде, я вам кое-что покажу. — Встав, она повела его верх по склону. — Видите? Вон там? На дальнем склоне холма, где он обрывается в горную долинку, если присмотритесь, можно разглядеть дом, где вы будете работать в этот уик-энд. Видите? Вон там.

— Нет.

— Глядите внимательнее. Я укажу. Смотрите вдоль моего пальца.

Дженни стала совсем рядом, вытянула руку и показала на склон дальней гряды. Он увидел, как лучи солнца отразились от чего-то, что, наверное,

было озером — это «лох», поправил он самого себя, в конце концов он же в Шотландии, — а над ним темнели на склоне серые камни. Сперва Тень принял их за выступ породы, но они были слишком правильными, несомненно, какое-то строение.

— И это замок?

— Я бы так его не назвала. Просто большой дом в долине.

— Вы на тамошних вечеринках бывали?

— Местных они не приглашают. А меня и подавно. Но вам все равно не надо туда ехать. Вам следовало бы отказаться.

— Они хорошо платят, — объяснил Тень.

Тут она впервые его коснулась: положила белый-пребелый палец на тыльную сторону его темной ладони.

— А какое дело монстру до хороших денег? — спросила она и улыбнулась. Тень, чертыхнувшись, подумал: «А ведь она, черт побери, действительно красивая». Но тут она убрала руку и отступила на шаг. — М-да. Вам, наверное, нужно продолжать прогулку? У вас не так много времени осталось, скоро придется поворачивать назад. Когда начинает смеркаться, в конце лета темнеет быстро.

Дженни осталась посмотреть, как он забрасывает на плечи рюкзак и спускается с холма. У подножия он обернулся и посмотрел вверх. Она все еще глядела ему вслед. Тень помахал, и Дженни помахала ему в ответ.

Когда он оглянулся в следующий раз, на холме уже никого не было.

Через узкий проливчик он перебрался паромом на мыс и стал подниматься к маяку. А обратно вниз поехал на маршрутном автобусе.

В гостиницу он вернулся в восемь вечера, усталый, но довольный. Незадолго до сумерек пошел дождь, но он успел укрыться в покосившемся, заброшенном домишке и, пока по крыше барабанили капли, читал газету пятилетней давности. Через полчаса дождь перестал, но Тень порадовался, что надел крепкие ботинки, так как тропинку развезло.

Он умирал от голода и спустился в ресторан. Там было пусто.

— Эй? — окликнул Тень.

— Угу. — В дверь между рестораном и кухней выглянула пожилая женщина.

— Обед еще подаете?

— Угу. — Она смерила его неодобрительным взглядом от заляпанных глиной ботинок до

встрепанных волос. — Вы у нас остановились?

— Да. В одиннадцатом номере.

— Ну... вам, наверное, захочется переодеться к обеду, — сказала она. — Так добрее по отношению к другим обедающим.

— Значит, подаете.

— Угу.

Поднявшись к себе в номер, он бросил на кровать рюкзак и стащил ботинки. Надел кроссовки, провел расческой по волосом и спустился снова.

В столовой уже не было пусто. За столиком в углу сидели двое, притом настолько отличные друг от друга, насколько вообще могут отличаться два человека. Слева горбилась по-птичьи над столом невысокая женщина лет шестидесяти. Напротив нее сидел молодой человек — крупный, неловкий и совершенно лысый. Тень решил, что это мать и сын.

Он сел за стол в середине.

Появилась с подносом пожилая официантка и поставила перед парой по тарелке супа. Молодой человек начал на суп дуть, чтобы остудить, а мать сильно постучала по его руке ложкой.

— Прекрати, — сказала она и начала ложкой отправлять себе в рот суп, с шумом его всасывая.

Лысый молодой человек грустно оглядел зал

ресторана. Встретившись с ним взглядом. Тень кивнул. Молодой человек вздохнул и вернулся к своему дымящемуся супу.

Тень без энтузиазма проглядел меню. Он уже готов был сделать заказ, но официантка снова исчезла.

Краем глаза Тень уловил мазок серого — в дверь ресторана заглянул доктор Гаскелл. Вошел и направился прямо к столику Тени.

— Вы не против, если я к вам присоединюсь?

— Отнюдь. Прошу вас. Садитесь.

Доктор Гаскелл сел напротив Тени.

— Хорошо провели день?

— Очень хорошо. Много ходил.

— Лучший способ нагулять аппетит. Итак. Завтра с самого утра за вами пришлют машину. Захватите свой багаж. Вас отвезут в дом. Введут вас в курс дела.

— А деньги? — спросил Тень.

— Это они тоже уладят. Половину до, половину после. Еще что-нибудь хотите узнать?

От двери на кухню за ними наблюдала официантка, но как будто и не собиралась подойти.

— Ага. Что нужно сделать, чтобы получить в этих местах чего-нибудь поесть?

— Чего вы хотите? Я бы рекомендовал бараньи

отбивные. Мясо местное.

— Звучит неплохо.

— Прошу прощения, Мора, — громко позвал Гаскелл. — Извини, что тебя беспокою, но можно нам обоим бараньи отбивные?

Поджав губы, официантка вернулась на кухню.

— Спасибо, — сказал Тень.

— Не за что. Еще чем-нибудь могу вам помочь?

— Да. Люди, которые приедут на вечеринку. Почему они не привозят профессиональных телохранителей? Зачем нанимать меня?

— Собственная охрана у них тоже будет, нисколько в этом не сомневаюсь. Своих людей они, разумеется, привезут. Но всегда хорошо иметь под рукой кого-нибудь из местных.

— Даже если этот местный — иностранный турист?

— Вот именно.

Мора принесла две тарелки супа и поставила их перед Тенью и доктором.

— Входят в обед, — мрачно сказала она.

Суп был слишком горячий и на вкус слегка отдавал томатной пастой и уксусом. Тень был настолько голоден, что съел почти всю тарелку, прежде чем сообразил, что суп ему не нравится.

— Вы говорили, что я монстр, — сказал Тень стально-серому человечку.

— Правда?

— Да.

— Ну, в наших краях полно монстров. — Он едва заметно кивнул на пару в углу. Взяв салфетку, маленькая женщина обмакнула ее в стакан с водой и энергично стирала пятнышки алого с губ и подбородка своего сына. Вид у него был смущенный. — Мы живем тихо, в глуши. В сводки новостей попадаем только в том случае, когда какой-нибудь скалолаз пропадает или еще лучше умирают голодной смертью туристы. Большой мир обычно вообще забывает о нашем существовании.

Появились бараньи отбивные — с гарниром из переваренного картофеля, недоваренной моркови и чего-то бурого и мокрого; последнее, как предположил Тень, возможно, в прошлой жизни было шпинатом. Тень начал резать отбивную ножом. Доктор взял свою руками и с удовольствием принялся кусать и жевать.

— Вы сидели?

— Сидел?

— В тюрьме. Вы были в тюрьме. — Прозвучало это как утверждение, а не вопрос.

— Да.

— Значит, умеете драться. Способны, если придется, кому-нибудь наподдать.

— Если вам требуется кому-то наподдать, — сказал Тень, — я, вероятно, не тот, кто вам нужен.

Человечек усмехнулся, раздвинув серые губы в жире от отбивной.

— Уверен, что тот самый. Я просто спросил. Нельзя обижаться на человека только за то, что он спросил. Не будем об этом. Вот он — точно монстр, — продолжил человечек, указывая недоеденной отбивной в угол зала. Лысый молодой человек ел ложкой какой-то белый пудинг. — И его мамаша тоже.

— По мне, так на монстров не похожи, — возразил Тень.

— Боюсь, это не совсем удачная шутка. Местное чувство юмора. О моем следует предупреждать на въезде в городок. Кстати о монстрах. Простите старика. Не верьте ни единому моему слову. — Сверкнув желтыми от табака зубами, доктор Гаскелл вытер рот и руки салфеткой. — Мора! Нам понадобится счет. Я плачу за обед молодого человека.

— Сейчас, доктор Гаскелл.

— Не забудьте, — сказал доктор Тени, — завтра утром в холле гостиницы в четверть девятого. Не

позже. Они люди занятые. Если вас не будет на месте, они просто уедут, а вы упустите полторы тысячи фунтов за каких-то два дня работы, И премию, если они останутся довольны.

Послеобеденный кофе Тень решил выпить в баре. В конце концов, там был камин. Он надеялся, что тепло прогонит пробравший его до костей холод. За стойкой возился Гордон-портье.

— У Дженни сегодня выходной? — спросил Тень.

— Что? Нет, она просто подменяла. Она так иногда делает, когда народу слишком много.

— Вы не против, если я подброшу в камин еще полено?

— Не стесняйтесь.

«Если шотландцы так обращаются со своим летом, — подумал Тень, вспомнив афоризм Оскара Уайльда, — они вообще никакого не заслуживают».

Вошел лысый молодой человек, нервно кивнул Тени. Тень кивнул в ответ. Насколько он мог разобрать, у него вообще никаких волос не было: ни бровей, ни ресниц. От этого молодой человек походил на младенца, был каким-то незаконченным. Тень спросил себя, не заболевание ли это или, быть может, побочный эффект химиотера-

пии. Пахло от него сыростью.

— Я слышал, что он говорил, — заикаясь, произнес лысый молодой человек. — Он назвал меня монстром. И мою маму тоже. У меня уши хоть куда. Я мало что упускаю.

Уши у него действительно были хоть куда: прозрачно розовые и торчащие по бокам головы, как плавники какой-то огромной рыбы.

— У вас прекрасные уши, — сказал Тень.

— Дразнитесь? — Голос у лысого сделался обиженный, а вид — такой, будто он вот-вот полезет драться. Он был лишь на дюйм ниже Тени, а Тень был человеком крупным.

— Если мои слова означают то, что я думаю, то не дразнюсь, даже в мыслях не имел.

Лысый кивнул:

— Это хорошо. — Он сглотнул и помялся. Тень спросил себя, не следует ли ему сказать что-нибудь примирительное, но лысый продолжил: — Я тут не виноват. Это все шум. Я хочу сказать, сюда же приезжают, чтобы спастись от шума. И людей. И вообще там на склоне слишком много людей. Почему бы вам всем не убраться восвояси и не перестать так ужасно шуметь?

В дверях появилась его мать. Нервно улыбнувшись Тени, она поспешила к сыну и потянула

его за рукав.

— Ладно, ладно, — сказала она. — Не расстраивайся так по пустякам. Все в порядке. — Она бросила на Тень птичий, успокаивающий взгляд. — Извините. Уверена, он это не всерьез.

К подошве ее туфли прилип кусок туалетной бумаги, а она этого еще не заметила.

— Все нормально, — сказал Тень. — Знакомиться с новыми людьми всегда полезно.

Она кивнула.

— Тогда ладно, — сказала она.

Ее сын вздохнул с явным облегчением. «А ведь он ее боится», — подумал Тень.

— Пойдем, лапочка. — Старая дама потянула сына за рукав. Он покорно поплелся за ней к двери. А там упрямо остановился и обернулся.

— Вы им скажите, — велел лысый молодой человек, — пусть так больше не шумят.

— Я им передам, — пообещал Тень.

— Я ведь все слышу.

— Не беспокойтесь, обязательно передам.

— Он на самом деле хороший мальчик, — сказала мать лысого молодого человека и, все еще держа его за рукав, увела в холл. Кусок туалетной бумаги так и волочился за ней по полу.

Тень вышел за ними в холл.

— Прошу прощения.

Мать и сын разом обернулись.

— У вас что-то к туфле прилипло, — сказал Тень.

Она опустила глаза. Потом другой туфлей наступила на бумагу и высвободилась, после чего, одобрительно кивнув Тени, наконец удалилась.

Тень подошел к стойке портье.

— У вас есть подробная карта этих мест, Гордон?

— Военно-геодезического управления подойдет? Принесу вам ее в гостиную.

Вернувшись в бар, Тень допил кофе. Гордон принес ему карту. Тень был поражен обилием деталей: на ней как будто была помечена каждая овечья тропа. Он рассмотрел карту внимательно, прослеживая свой сегодняшний путь. Нашел холм, на котором остановился и съел свой ленч. Провел пальцем к юго-западу.

— В ваших местах никаких замков нет?

— Боюсь, нет. Кажется, есть один к востоку. На стойке лежит справочник по замкам Шотландии, могу дать вам его посмотреть...

— Нет-нет, не надо. А как насчет больших усадеб в этих местах? Таких, какие можно было бы назвать замком? Или крупных поместий?

— Ну, есть отель «Мыс Гнева», вот тут. — Он указал на карте. — Но местность в тех местах довольно пустынная. Формально, с точки зрения заселенности, как они там ее еще называют, плотности населения, там просто пустыня. Боюсь, даже никаких колоритных развалин нет. И без машины туда не добраться.

Поблагодарив. Тень попросил разбудить его пораньше. Он пожалел, что не смог найти на карте дом, который видел с холма, но, быть может, он не туда смотрел. Такое с ним уже случалось.

Пара в соседнем номере ссорилась или занималась любовью. Тень не мог разобрать, что именно они делали, но всякий раз, как он начинал засыпать, повышенные голоса или крики вырывали его из дремы.

Позднее он даже не был уверен, действительно ли это случилось, действительно ли она к нему приходила, или это был первый из снов за ту ночь, но незадолго до полуночи (судя по часам на прикроватном радио) в дверь его номера постучали. Он встал.

— Кто там? — позвал он.

— Дженни.

Открыв дверь, он поморщился на свет из коридора. Кутаясь в коричневое пальто, она смотрела

на него неуверенно и нервно.

— Да?

— Завтра вы поедете в тот дом, — сказала она.

— Да.

— Я подумала, надо попрощаться. На случай, если у меня не будет шанса снова с вами увидеться. Если вы не вернетесь в гостиницу. А просто уедете куда-нибудь. И я больше никогда вас не увижу.

— Тогда до свидания, — сказал Тень.

Она оглядела его с ног до головы, осмотрела футболку и длинные трусы, в которых он спал, голые ноги, потом ее взгляд вернулся к его лицу. Вид у нее был встревоженный.

— Вы знаете, где я живу, — наконец сказала она. — Если понадобится, позовите.

Подняв руку, она мягко коснулась его губ указательным пальцем. Палец у нее был очень холодный. Потом отступила на шаг в коридор и так и осталась стоять лицом к нему, не делая никаких попыток уйти.

Закрыв дверь номера, Тень услышал удаляющиеся по коридору шаги. Он снова лег.

А вот дальнейшее точно было сном. Ему снилась его собственная жизнь, перепутанная и искаженная. Вот он сидит в тюрьме, учится фоку-

сам с монетками и убеждает себя, что любовь к жене поможет ему преодолеть все что угодно. А то вдруг — Лора мертва, он на свободе и работает телохранителем у старого мошенника, который велел Тени называть себя Средой. А потом его сон заполнился богами: старыми, забытыми богами, нелюбимыми и брошенными богами, и богами новыми, мимолетными испуганными созданиями, одураченными и растерянными. Это было переплетение неправдоподобностей, «колыбель для кошки», которая превратилась в сеть, которая превратилась в спутанный клубок размером с весь мир...

Во сне он умер на дереве.

Во сне он восстал из мертвых.

А после была лишь тьма.

Глава четвертая

В семь зашелся визгом телефон у кровати. Тень принял душ, побрился, оделся и уложил свой мир в рюкзак. Потом спустился в ресторан на завтрак из пересоленной овсянки, вялого бекона и маслянистой яичницы. А вот кофе был на удивление хорош.

Без десяти восемь он уже ждал в холле.

В четырнадцать минут девятого вошел мужчина в дубленке. Он сосал самокрутку. Мужчина бодро протянул руку.

— Вы, должно быть, мистер Лун, — сказал он. — Моя фамилия Смит. Я вас подброшу в большой дом. — Рукопожатие у него было твердое. — А вы ведь здоровяк, да?

Непроизнесенным осталось: «Но я мог бы вас завалить», но Тень все равно его расслышал.

— Так мне говорят, — отозвался он. — Вы не шотландец.

— Только не я, приятель. Просто приехал на недельку проследить, чтобы все шло как по маслу. Я — лондонец до мозга костей. — Вспышка белых зубов на жестком, как лезвие топора, лице. Тень решил, что ему, наверное, за сорок. — Пойдемте в машину. В курс дела введу вас по дороге. Это ваши вещи?

Тень вынес свой рюкзак к машине, запачканному глиной «лендроверу», мотор которого работал. Забросив рюкзак на заднее сиденье. Тень сел вперед. Затянувшись в последний раз самокруткой, превратившейся теперь в желтовато-белый окурок, Смит выбросил ее в окно со стороны водителя на дорогу.

Они выехали из поселка.

— Так как же произносится ваше имя? — спросил Смит. — Бальдр, Бальдур или как-то еще?

— Тень, — ответил Тень. — Меня называют Тень.

— Хорошо.

С минуту они ехали молча.

— Значить, Тень, говорите? — сказал Смит и повторил: — Тень. Не знаю, как много старый Гаскелл рассказал вам про предстоящую вечеринку.

— Кое-что.

— Ладно, вот что самое важное вам следует знать. Что бы там ни случилось, обо всем молчок. Ясно? Что бы вы ни увидели, это люди просто немного веселятся. Никому ни о чем ни слова, даже если вы узнаете кого-нибудь, если понимаете о чем я.

— У меня плохая память на лица, — сказал Тень.

— Вот молодчина. Мы тут только для того, чтобы гарантировать, что все отлично проведут время и никто не будет им докучать. На этот уик-энд они приедут издалека.

— Понятно, — сказал Тень.

Они подъехали к парому на мыс. Припарковав «лендровер» у обочины. Смит забрал их багаж и запер машину. На другой стороне переправы их

ждал точно такой же заляпанный глиной «лендровер». Открыв дверцы, Смит забросил сумки назад и выехал на проселок.

Они свернули еще до маяка и некоторое время молча ехали по проселку, который быстро превращался в овечью тропу. Несколько раз Тени приходилось вылезать и открывать ворота. Переждав, когда «лендровер» проедет, он закрывал их и снова садился в машину.

Над полями кружили вороны, те же огромные черные птицы провожали Тень безжалостными взглядами с низких каменных стен.

— Значит, были в кутузке? — спросил вдруг Смит.

— Прошу прощения?

— В тюрьме. В каталажке. Полно слов на разные буквы, обозначающих плохую кормежку, никакой ночной жизни, неадекватные средства гигиены и ограниченные возможности перемещения.

— Ага.

— Не слишком-то вы разговорчивы, да?

— Я думал, это достоинство.

— Намек понял. Просто хотел поболтать. Тишина действует мне на нервы. Вам тут нравится?

— Наверное. Я здесь всего несколько дней.

— А у меня мурашки по коже, черт побери. Какая глушь! Я в Сибири знаю места гораздо уютнее. Уже были в Лондоне? Нет? Когда приедете на юг, я вам все покажу. Отличные пабы. Настоящая еда. И всякая туристическая ерунда, которую вы, американцы, любите. Но уличное движение — сущий ад. Здесь хотя бы можно спокойно вести машину. Никаких тебе гребаных светофоров. В начале Риджент-стрит есть один светофор, на котором, клянусь, пять минут можно простоять на красном, а зеленый зажигается секунд на десять. Две машины максимум проскакивают. Ну что за идиотизм! И нам говорят, такова цена, которую мы платим за прогресс. Ну разве так правильно?

— Наверное, — пожал плечами Тень. — Пожалуй.

Они теперь ехали по бездорожью, тряслись и подпрыгивали по поросшей кустарником ложбинке меж двух крутых склонов.

— Гости на этой вечеринке, — сказал Тень, — они на внедорожниках приедут?

— Не-а. Для них у нас вертолеты. Прибудут сегодня к обеду. Вертушкой сюда, вертушкой в понедельник утром обратно.

— Как на острове.

— Если бы! Не пришлось бы иметь дело со свих-

нувшимися местными. Никто не жалуется, что на соседнем острове шумят.

— А на ваших вечеринках много шумят?

— Это не моя вечеринка, приятель. Я только администратор. Слежу, чтобы все было тип-топ. Но — да. Насколько я понимаю, когда они разойдутся, то еще как шумят.

Травянистая ложбинка превратилась в овечью тропу, овечья тропа сменилась асфальтовой дорогой, которая карабкалась на склон под углом почти в сорок пять градусов. Потом внезапный поворот — и вот они уже подъезжают к дому, который Тень узнал сразу. Дженни ему его вчера показала за ленчем.

Дом был старым. Это было видно с первого взгляда. Одни части казались старше других. В правом крыле здания одна стена была сложена из серых валунов, тяжелых и замшелых. Эта стена вдавалась в другую, сложенную из бурых кирпичей. Всю постройку и оба крыла покрывала крыша с темно-серой черепицей. Дом выходил на гравиевую дорогу и небольшое озерцо у подножия холма. Тень выбрался из «лендровера». Поглядел на дом и почувствовал себя малой букашкой. Ему казалось, будто он вернулся домой, и ощущение было не из приятных. На гравиевой

площадке перед домом было припарковано еще несколько внедорожников.

— Ключи от машин висят в буфетной, на случай если вам потребуется взять одну, — сказал Смит. — Я вам покажу, когда будем проходить.

Пройдя в высокие деревянные ворота, они оказались в центральном внутреннем дворе, лишь отчасти вымощенном. В центре журчал небольшой фонтан, вокруг — пятачок неухоженной, клокастой змеящейся травы, зажатой серыми плитами.

— Вот тут будет праздник в субботу вечером, — сказал Смит. — Я покажу, где вы будете стоять.

Через неприметную дверь они прошли в меньшее крыло, миновали комнату, где по стенам висели на крючках ключи, каждый со своей бумажной биркой, и еще одну — с пустыми полками. Прошли тусклый пыльный коридор, поднялись по лестнице. На лестнице не было ковровой дорожки, вообще ничего, кроме побелки на стенах. («Так вот, это помещения для слуг, сечете? На них денег никогда не тратят»). Было зябко, но Тень уже начинал привыкать, что внутри здания холоднее, чем снаружи. Он спросил себя, как же строители добиваются такого эффекта и не секрет ли это английской архитектуры.

Смит привел Тень на самый верх и показал ему темную комнату, в которой стояли антикварный платяной шкаф, узкая чугунная кровать (Тень с первого взгляда понял, что она ему слишком коротка) и старинный рукомойник. Небольшое оконце выходило во внутренний двор.

— Уборная в конце коридора, — сказал Смит. — Ванные комнаты для слуг этажом ниже. Их две: одна — для мужчин, одна — для женщин, никаких душевых. Количество горячей воды, боюсь, в этом крыле дома строго ограничено. Ваша форменная одежда — в платяном шкафу. Померьте ее сейчас, чтобы проверить, не жмет ли что, потом снимите до вечера, когда станут прибывать госта. Стиральных машин здесь мало, одежду надо чистить щеткой. С тем же успехом мы могли быть на Марсе. Если я вам понадоблюсь, я в кухне. Внизу не так холодно, если «Ага» работает. Вниз по лестнице до конца и налево, потом направо. Если заблудитесь, покричите. В другое крыло не ходите, разве что вас туда пошлют.

Он оставил Тень одного.

Тень примерил черный смокинг, белую рубашку, черный галстук. На дне платяного шкафа стояли начищенные до блеска черные туфли. Все сидело отлично, будто было сшито специально

на него, даже новые туфли не жали. Он убрал все назад в шкаф.

Спустившись по лестнице, он нашел Смита на площадке, где тот яростно тыкал в кнопки маленького серебристого мобильного телефона.

— Нет приема, черт побери! Эта дрянь зазвонила, а когда я теперь пытаюсь прозвониться назад, не дает сигнала. Тут у них просто каменный век, будь он неладен. Как ваш костюм? Все в порядке?

— В полном.

— Молодчина. Никогда не трать пяти слов, если можешь обойтись двумя, а? Я мертвецов знавал, которые были более разговорчивы.

— Правда?

— Не-а. Фигура речи. Пошли. Как насчет ленча?

— Конечно. Спасибо.

— Ладно. Двигайте за мной. Тут у них черт ногу сломит, но вы быстро разберетесь.

Ели они в огромной пустой кухне: поглощали полупрозрачную оранжевую копченую лососину на белом хлебе с хрустящей корочкой и кусочки острого сыра с жестяных эмалированных тарелок, запивая все крепким сладким чаем из больших кружек. «Агой», как выяснил Тень,

оказался большой металлический ящик, отчасти печка, отчасти нагреватель воды. Открыв одну из многочисленных дверец в боку, Смит забросил внутрь несколько больших совков угля.

— А где остальная еда? И повара и официанты? — спросил Тень. — Не может же нас быть только двое.

— Хорошо подмечено. Все привезут из Эдинбурга. Сработает как часы. Кормежка и обслуга будут здесь к трем и начнут распаковываться. Гостей привезут в шесть. Фуршет назначен на восемь. Поболтают, поедят, посмеются. Ничего, что потребовало бы больших усилий. Завтра с семи до полудня завтрак. После полудня гости будут гулять, смотреть живописные виды и все такое. Во дворе сложат костры. Потом вечером костры зажгут, все устроят себе бурную ночку под открытым небом, будем надеяться, без вмешательства соседей. Утром в воскресенье ходим на цыпочках из уважения ко всеобщему похмелью, в воскресенье после полудня приземлятся вертолеты, и мы помашем всем ручкой. Вы заберете свой конверт с деньгами, и я отвезу вас назад в гостиницу, или, если вам тут наскучило, можете поехать со мной на юг. Как вам это нравится?

— Тип-топ, — отозвался Тень. — А кто может

объявиться в субботу вечером?

— Просто брюзги. Местные, со скуки решившие испортить всем настроение.

— Какие местные? — спросил Тень. — Тут на несколько миль, кроме овец, никого.

— Местные. Они тут повсюду, — сказал Смит. — Вы их просто не видите. Прячутся, как Соуни Бин и его семейка.

— Кажется, я о нем слышал, — протянул Тень. — Имя знакомое...

— Это реальное историческое лицо. — Шумно отхлебнув чаю, Смит откинулся на спинку стула. — Дело было лет шестьсот назад. После того, как викинги свалили назад в Скандинавию или переженились и приняли христианство, пока не превратились в еще одну горстку шотландцев, но до того, как умерла королева Елизавета, и Яков спустился с гор, чтобы править обеими странами. Где-то в этом промежутке. — Он сделал еще глоток. — Так вот. В Шотландии то и дело исчезали путники. Ничего необычного в этом не было. Я хочу сказать, в те времена если ты отправлялся в дальний путь, то не всегда возвращался домой. Иногда проходили месяцы, прежде чем все понимали, что ты уже не вернешься, а тогда винили волков или непогоду и решали путешествовать

группами и только летом.

Но как-то один путник отстал от своих, большинство уехали далеко по долине, и вот когда они выехали на гребень холма, с деревьев на них попадали, повылезали, точно из-под земли, дети. Целая свора детей, вооруженных кинжалами и ножами, костяными дубинами и крепкими палками. Они набросились на путешественников, стащили их с лошадей и прикончили. Всех, кроме нашего старикашки, который отстал от остальных и потому спасся. Он был единственным, но ведь достаточно и одного, правда? Старикашка добрался до ближайшего городка и там поднял большой шум, а городские власти собрали отряд горожан, позвали солдат и вернулись в холмы с собаками.

Убежище они искали много дней и уже готовы были сдаться, когда у входа в одну пещеру на морском берегу собаки вдруг залаяли. Тогда они спустились вниз.

Оказалось, что под землей целые катакомбы, и в самой большой и глубокой пещере они нашли старого Соуни Бина и его выводок, а еще свисающие с крюков туши, закопченные или зажаренные. Ноги, руки, бедра, кисти и ступни мужчин, женщин и детей были развешены

рядами, как вяленая свинина. Были еще разрубленные тела, залитые известью, на манер солонины. Груды золотых и серебряных монет, горы часов, колец, мечей, пистолей и одежды, невообразимые богатства — они ведь ни пенни не потратили. Сидели себе в своих пещерах, ели, размножались и ненавидели.

Он жил там много лет. Старый Соуни создал свое крохотное королевство, которое состояло из него самого и его жены, его детей и его внуков, а кое-кто из внуков были заодно и его детьми. Сплошь инцест в этой банде.

— Это взаправду произошло?

— Так мне говорили. Есть записи процесса. Все семейство отвезли в Лит, чтобы там судить. Суд принял любопытное решение; в силу своих поступков Соуни не может считаться человеком. Поэтому его приговорили как зверя. Его не повесили и не отрубили ему голову. Просто разожгли костер и бросили в него Бина с женой, чтобы они сгорели дотла.

— А что сталось с его семьей?

— Не помню. Возможно, детишек сожгли, а может, и нет. Скорее всего сожгли. В здешних краях от монстров избавляются без лишних слов и раз и навсегда.

Помыв в раковине тарелки и кружки, Смит поставил их на решетку сушиться. Потом они вышли во внутренний двор, где Смит ловко свернул самокрутку. Лизнув бумажку, он пригладил ее пальцем и прикурил полученный цилиндрик от «зиппо».

— Давайте посмотрим. Что вам нужно знать на сегодня? Ну, основа проста: говорите, когда к вам обратятся... впрочем, с этим у вас, похоже, проблем не будет.

Тень промолчал.

— Ладно, поехали дальше. Если один из гостей у вас что-нибудь попросит, сделайте все возможное, чтобы это обеспечить. Если возникнут сомнения, обратитесь ко мне, но сделайте, как вас попросили, если это не отрывает вас от основных обязанностей или не нарушает первого правила.

— А именно?

— Не. Трахать. Дамочек навеселе. Обязательно найдется какая-нибудь юная леди, которая после бутылки вина пойдет искать на свою голову приключений. А если такое случится, будете изображать «Санди пипл».

— Не понимаю, о чем вы.

— «Наш репортер с извинениями удалился». Понятно? Можно смотреть, но не трогать. Усекли?

— Усек.

— Умница.

Тень поймал себя на том, что Смит начинает ему нравиться, Он сказал себе, что проникаться симпатией к этому человеку неразумно. Ему и раньше случалось встречать таких, как Смит: людей без совести, без морали, без сердца, и они, как правило, были столь же опасными, сколь и располагающими к себе.

В три часа действительно прибыл обслуживающий персонал, доставленный вертолетом, который больше напоминал транспортно-десантный, чем прогулочный. Ящики с вином и коробки с провизией, плетеные корзины с крышками и контейнеры новоприбывшие распаковали с поразительной расторопностью. Еще были коробки, доверху наполненные льняными салфетками и скатертями. Еще были повара и бармены, официантки и горничные.

Но первыми с вертолета сошли охранники: крупные, плотные парни с наушниками и, как Тень без сомнения определил, выпирающими из-под курток кобурами. Один за другим они отрапортовали Смиту, который отправил их инспектировать дом и окрестности.

Тень по возможности помогал: таскал из верто-

лета на кухню ящики с овощами. Он мог унести вдвое больше кого-либо другого. В следующий же раз, когда он проходил мимо освободившегося Смита, он остановился и спросил:

— Если у вас столько ребят в секьюрити, зачем тут я?

Смит приветливо улыбнулся:

— Послушай, сынок. Сюда приедут люди, которые стоят столько, сколько нам с вами и во сне не приснится. Им нужно твердо знать, что о них заботятся. Случаются похищения. У важных людей есть враги. Много что может произойти. Только вот эти ребята ничему такому случиться не позволят. Но заставлять их разбираться с местными ворчунами, все равно что ставить противопехотные мины в саду, лишь бы избавиться от случайных любопытных. Ясно?

— Ясно, — отозвался Тень.

Вернувшись к вертолету, он поставил на землю коробку, помеченную МОЛОДЫЕ БАКЛАЖАНЫ и полную блестящих черных плодов, сверху водрузил ящик с капустой и понес все это на кухню, уже совершенно уверенный, что ему лгут. Ответ Смита был вполне логичным. Даже убедительным. Просто это была неправда. Ему нет никаких причин тут находиться, а если есть какая-нибудь,

то совсем не та, которую ему назвали.

Он пережевывал это и обмозговывай, пытаясь сообразить, зачем его привезли в этот дом, и надеялся, что по его лицу ничего не видно. Тень привык все держать в себе. Так безопаснее.

Глава пятая

Ранним вечером, когда небо порозовело, прилетели еще вертолеты, из которых выбрались с два десятка стильно и дорого одетых людей. Некоторые улыбались и смеялись. Большинству было тридцать — сорок лет. Тень никого не узнал.

Смит небрежно, но плавно переходил от гостя к гостю, уверенно приветствуя прибывающих.

— Добрый вечер, пройдете вот сюда и повернете направо, в главном зале подождите. Там отличный огонь в камине. Кто-нибудь за вами придет и отведет вас в вашу комнату. Ваш багаж уже будет ждать там. Если нет, позвоните мне, но он там будет. Желаю здравствовать, ваша светлость, выглядите вы — загляденье. Прислать кого-нибудь поднести вам сумочку? Ждете хозяина? Как и все мы, как и все мы.

Тень завороженно смотрел, как Смит обходится с каждым гостем, как в его манере смешиваются

фамильярность и уважительность, дружелюбие и особый шарм кокни: менялись интонации, тембр, даже согласные и гласные звуки произносились так или иначе — в зависимости от того, к кому он обращался.

Очень хорошенькая женщина с коротко стриженными темными волосами улыбнулась Тени, когда он вносил в дом ее сумки.

— Дамочка навеселе, — пробормотал, проходя мимо, Смит. — Руки прочь.

Последним появился дородный мужчина, которому, на взгляд Тени, было едва за шестьдесят. Опираясь на дешевую деревянную трость, он подошел к Смиту и что-то сказал ему вполголоса. Смит ответил в той же манере.

«Тут всем заправляет он», — подумал Тень. Это чувствовалось в осанке, в жестах. Смит уже больше не улыбался, больше не улещивал. Он докладывал: тихо и деловито сообщал старику все, что ему следует знать.

Смит поманил пальцем Тень, который тут же подошел к говорящим.

— Тень, — сказал Смит. — Это мистер Элис.

Мистер Элис пожал темную смуглую руку Тени своей пухлой и розовой.

— Приятно познакомиться, — сказал Тень.

— Ну, — снизошел мистер Элис, — продолжайте.

Смит кивнул Тени, мол, он может идти.

— Если вы не против, — сказал ему Тень, — мне бы хотелось оглядеться, пока еще не совсем стемнело. Прикинуть, откуда могут прийти местные.

— Слишком далеко не уходите, — сказал Смит, поднял чемоданчик мистера Элиса и повел его в дом.

Тень обошел дом по периметру. Его подставляют. Он не знал зачем или почему, но был твердо уверен, что сделал правильный вывод. Слишком многое не сходится. Зачем нанимать в охранники бродягу, если привозишь собственных профессиональных телохранителей? В этом смысла не больше, чем в том, что Смит представил его мистеру Элису — и это после того, как два десятка гостей обращались с Тенью скорее как с декоративным украшением, чем как с человеком.

Перед домом тянулась низкая каменная стена. За домом поднимался холм размером с небольшую гору — он полого спускался к озеру. Чуть в стороне шла дорога, по которой его привезли сегодня утром. Пройдя к дальнему углу строения, Тень нашел садик пряных трав, окруженный высокой стеной, за которой расстилалась пустошь.

Спустившись в садик, он подошел внимательнее осмотреть сцену.

— Рекогносцировка? — спросил один из охранников в черном смокинге.

Тень не заметил, как он подошел, а значит, надо думать, он в своем деле дока. Как и большинство обслуживающего персонала, телохранитель говорил с шотландским акцентом.

— Просто осматриваюсь.

— Хотите местность изучить? Очень мудро. За эту сторону дома не беспокойтесь. В сотне ярдов отсюда есть речушка, впадающая в лох, а за ней — обрыв, пара сотен футов мокрых камней. Ногу некуда поставить.

— Вот как. А местные, те, кто может сорвать праздник, откуда они приходят?

— Мне-то откуда знать?

— Я, пожалуй, схожу вон туда, взгляну, как там и что, — сказал Тень. — Посмотрю, не пойму ли, каковы подходы.

— Я бы этого не делал, — сказал телохранитель. — На вашем месте бы не делал. Камни действительно опасны. Заглядитесь на что-нибудь — достаточно поскользнуться: полетите с камнями прямо в лох. Если пойдете туда, даже тела вашего, возможно, не найдут.

— Понимаю, — сказал Тень, который действительно понял.

Он пошел дальше в обход дома. Теперь, когда он их выискивал, он по пути заметил еще пятерых телохранителей и был уверен, что есть те, которых он пропустил.

Через французские окна в главном крыле дома он увидел огромную, обшитую деревянными панелями столовую, где за накрытым столом болтали и смеялись гости.

Тень вернулся в крыло для слуг. После каждой перемены блюд тарелки составляли на буфет, и обслуга угощалась вовсю, наваливая себе деликатесы. Сидя за деревянным кухонным столом, Смит уминал бифштекс с кровью, заедая его крабовым салатом.

— Вон там икра, — сказал он Тени. — «Золотой Осетр», высшего качества. В старые времена распорядители приберегали такое для себя. Впрочем, я не любитель этого лакомства, так что угощайтесь.

Тень из вежливости положил на край тарелки немного икры. Потом прибавил к ней крохотные яйца-пашот, несколько ложек пасты, немного куриного филе под сладким соусом. Сев рядом со Смитом, он принялся за еду.

— Не понимаю, откуда могут приходить местные, — сказал он. — Ваши люди блокировали подъезд. Любому, кто захочет сюда добраться, придется переплыть озеро.

— Значит, полазили вокруг?

— Да.

— Встретили кого-нибудь из моих ребят?

— Да.

— И что скажете?

— Мне бы не хотелось с ними связываться.

Смит ухмыльнулся;

— Такому здоровяку, как вы? Вы сумеете за себя постоять.

— Они убийцы, — просто ответил Тень.

— Только когда требуется, — отозвался Смит, вдруг перестав улыбаться. — Почему бы вам не подняться к себе наверх? Когда вы мне понадобитесь, я вам покричу.

— Конечно, — сказал Тень. — А если я вам не понадоблюсь, это будет очень тихий уик-энд.

Смит посмотрел на него в упор:

— Вы свои деньги отработаете.

По черной лестнице Тень поднялся в длинный коридор на самом верху и толкнул дверь в свою комнату. Снизу доносился шум вечеринки, он выглянул в небольшое оконце. Французские

окна в главном крыле были распахнуты, и гости в перчатках и шубах, с бокалами вина в руках высыпали во внутренний двор. До него долетали обрывки перескакивающих с предмета на предмет разговоров — звуки слышались отчетливо, но слова и их смысл терялись. Временами из общего шелеста вырывалась отдельная фраза.

— А я ему говорю, таких судей, как вы, я не покупаю, а продаю...

Тень услышал женский голос:

— Это монстр, милочка. Совершеннейший монстр. Но что тут поделаешь?

А другая женщина говорила:

— Если бы я то же могла сказать о моем друге!

На это последовал взрыв смеха.

У него было два варианта. Он может остаться или попытаться уйти.

— Я остаюсь, — сказал он вслух.

Глава шестая

Это была ночь опасных снов.

В своем первом сне Тень снова был в Америке, стоял под уличным фонарем. Поднявшись на несколько ступенек, он толкнул стеклянную дверь и вошел в закусочную, похожую на вагон-

ресторан в каком-нибудь поезде. Он слышал, как поет старик — поет низким скрипучим голосом на мотив «Мой милый за океаном»:

Мой дед продает резинки матросам.

Проткнет булавкой – а сам ни при чем.

А бабка – та вытравит плод без вопросов...

Боже, деньжонки текут ручьем!»

Тень прошел вдоль вагона-ресторана. За столиком в конце сидел седой старик с бутылкой пива в руке и распевал: «Боже, деньжонки текут ручьем!» Когда он завидел Тень, его лицо расплылось в широкой обезьяньей улыбке.

— Садись, садись, — ткнул он бутылкой в сиденье напротив.

Тень сел напротив старика, которого знал под именем Среда.

— Ну и в чем беда? — спросил Среда, вот уже два года как мертвый или, во всяком случае, настолько мертвый, насколько бывают подобные ему существа. — Я бы предложил тебе пива, но обслуживание здесь ни к черту.

Тень сказал, что все в порядке. Он не хочет пива.

— Ну? — Среда поскреб в бороде.

— Я в старинном доме в Шотландии с кучей чертовски богатых людей, и они что-то затевают. Мне грозит беда, но я не знаю, в чем она заключается. Но, думаю, дело серьезное.

Среда отхлебнул из бутылки.

— Богатенькие не такие, как мы, мой мальчик, — помолчав, возвестил он.

— И что же это значит?

— Ну, для начала большинство из них скорее всего смертные. Тут тебе волноваться не о чем.

— Не морочь мне этим голову.

— Но ты-то не смертен, — продолжал Среда. — Ты, Тень, умер на дереве. Ты умер и вернулся.

— И что с того? Я даже не помню, как мне это удалось. Если меня убьют на сей раз, я так и останусь мертвым.

Среда прикончил свое пиво. Потом помахал бутылкой, будто управлял невидимым оркестром, и пропел следующий куплет:

Мой братец-монашек спасает шлюшек.

Содержит Святой Магдалины приют.

За грош он вам сдаст блудницу из лучших –

Боже, деньжонки так и текут!

— Помощи от тебя никакой, — сказал Тень. Вагон ресторан превратился вдруг в обычный купейный, грохочущий через снежную ночь.

Поставив пустую бутылку на стол. Среда пригвоздил Тень взглядом своего настоящего, не стеклянного глаза.

— Все дело в повторяемости, в ритуале, — сказал он. — Если они считают тебя героем, то ошибаются. Когда ты умрешь, Беовульфом, Персеем или Рамой тебе уже не стать. Правила совершенно другие. Шахматы, а не шашки. Го, а не шахматы. Понимаешь?

— Ни черта, — разочарованно ответил Тень.

Люди в коридоре большого дома пьяно шумят, шикают друг на друга, пока спотыкаясь и хихикая, нащупывают дорогу в потемках.

Тень спросил себя, слуги ли это или забредшие сюда в поисках приключений гости. Но сны завладели им снова...

Он вновь стоял в обветшавшем домишке, где позавчера укрывался от дождя. На полу — тело мальчика не старше пяти лет. Голое, лежит навзничь, руки-ноги раскинуты. Вспышка ослепительного света. Кто-то прошел мимо Тени,

будто его и вовсе тут не было, и переложил руки мальчика. Снова вспышка.

Тень догадался, что мужчина делает фотографии. Это был доктор Гаскелл, серый человечек из бара при гостинице.

Достав из кармана белый бумажный пакет, Гаскелл выловил из него что-то и положил себе в рот.

— Леденцовая смесь, — сказал он ребенку на каменном полу. — Ням-ням. Твои любимые.

Улыбнувшись, он присел на корточки и сделал еще один снимок мертвого мальчика.

Тень протиснулся через каменную стену домика, ветром просочился в щели между камнями. Он полетел к берегу. На камнях разбивались волны, и Тень заскользил над водой, над серыми морями, вверх-вниз по волнам к кораблю из ногтей мертвецов.

Корабль был далеко в открытом море, а Тень несся над водой, будто тень тучи.

Корабль был огромным. Как это он раньше не понял, какая перед ним громадина? Протянулась могучая лапища, схватила его руку и вытащила из моря на палубу.

— Верни нас домой, — сказал гулкий, как прибой, голос, настойчивый и яростный. — Верни нас

домой или дай нам уйти. — С заросшего бородой лица на него смотрел единственный свирепый глаз.

— Я вас тут не держу.

На палубе корабля стояли великаны, высоченные мужчины, сотканные из теней и замерзшей водяной пыли, порождения пены и снов.

Один, ростом выше других, рыжебородый, сделал шаг вперед.

— Мы не можем пристать к берегу, — прогрохотал он. — Мы не можем уплыть.

— Отправляйтесь домой, — сказал Тень.

— С нашим народом мы приплыли в эти южные земли, — сказал одноглазый. — Но он нас оставил. Они захотели себе других, более тихих, ручных богов, и в сердцах своих от нас отказались.

— Отправляйтесь домой, — повторил Тень.

— Слишком много воды утекло, — сказал рыжебородый. Тень узнал его по молоту. — Слишком много крови пролито. Ты нашей крови, Бальдр. Освободи нас.

Тень хотел ему сказать, что он не их, что он вообще ничей, но тонкое одеяло соскользнуло с кровати, его ноги торчали за ее край, а чердачную комнату залил лунный свет.

В большом доме теперь царила тишина. Среди

холмов кто-то взвыл, Тень поежился.

Он лежал на слишком короткой для него кровати и воображал себе время, которое собирается озерцами и лужицами, спрашивая себя, нет ли такого места, где время висит, как густой туман, где оно громоздится и удерживается... Города, думал он, наверное, полны временем: все места, где собираются люди, куда они приходят и приносят с собой свое время.

Но будь оно так, размышлял Тень, то должны быть и другие края, где люди редки, где земля ждет, горькая, как гранит, а тысяча лет для холмов — что мгновение ока, бег облаков, колыхание волн и ничего больше. В тех местах, где время редко, как сито, как люди...

— Они тебя убьют, — прошептала барменша Дженни. Тень теперь сидел подле нее на склоне холма в лунном свете.

— Зачем им меня убивать? — спросил он. — Я же никто.

— Они всегда так поступают с монстрами, — объяснила она. — Они должны так делать. Они всегда это делали.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но она отвернулась. Сзади Дженни была пустой и полой. Она опять повернулась к нему лицом.

— Уходи оттуда, — прошептала она.

— Ты можешь ко мне прийти, — возразил он.

— Не могу, — сказала она. — На моем пути препятствия. Путь туда труден, и его охраняют. Но ты можешь позвать. Если ты позовешь, я приду.

Тут наступил рассвет, а вместе с ним из болота у подножия холма выбрался рой карликов. Дженни махнула на них хвостом, но без толку. Они накинулись на Тень, как пчелиный рой, пока он не начал вдыхать карликов, пока его нос и рот не заполнились крошечными ползучими, жалящими существами, и он не начал задыхаться в темноте...

Он рывком втянул себя в кровать, в свое тело и свою жизнь, в мир бодрствующих. Сердце колотилось у него в груди, он хватал ртом воздух.

Глава седьмая

На завтрак были копченая сельдь, помидоры с гриля, яичница, тосты, коротенькие и толстые сардельки и куски чего-то круглого, темного и плоского, чего Тень не опознал.

— Что это? — спросил он.

— Кровяная колбаса, — отозвался сидящий рядом с ним мужчина. Это был один из охранников,

который за едой читал вчерашнюю «Сан». — Из крови и пряных трав. — Наложив вилкой на тост яичницу, он откусил кусок. — Не знаю. Так мне, во всяком случае, сказали. Говорят, никогда нельзя смотреть, как готовят колбасу и пишут законы? Что-то в таком духе.

Тень съел все, но кровяную колбасу оставил на тарелке.

На столе стоял кофейник с настоящим, заваренным кофе, и он выпил большую кружку горячего напитка без молока и сахара, надеясь, что это поможет ему проснуться и прочистит мозги.

Вошел Смит.

— А вот и наша тень, — пошутил он. — Можно вас на пять минут?

— Вы же платите, — сказал Тень.

Они вышли в коридор.

— Это мистер Элис, — объяснил Смит. — Хочет вас на два слова.

Оставив позади известковую побелку крыла для слуг, они вышли в обшитые мореным дубом залы старого дома. По гигантской деревянной лестнице поднялись в просторную библиотеку. Там никого не было.

— Он будет через минуту — пообещал Смит. — Пойду скажу ему, что вы ждете.

Книги в библиотеке были укрыты от мышей, пыли и людей за запертыми стеклянными дверями с проволочной сеткой. На стене висела картина с изображением оленя, и Тень подошел, чтобы рассмотреть его поближе. Олень смотрел надменно и гордо, будто чувствовал свое превосходство, в долине у него за спиной клубился туман.

— «Повелитель долины», — сказал мистер Элис, который вошел медленно, опираясь на трость. — Наиболее часто копируемая картина викторианских времен. Это не оригинал, но все равно работа Лэндсира, он написал ее в конце восьмидесятых, воспроизвел собственную картину. Я к ней очень привязан, хотя знаю, что не следует. Это тот самый Лэндсир, который изготовил львов для Трафальгарской площади.

Он подошел к эркеру. Тень сделал несколько шагов следом. Во внутреннем дворе внизу слуги расставляли столы и стулья. У пруда в середине еще несколько человек — гости, насколько мог видеть Тень, — складывали бревна и сучья для костров.

— Почему они не пошлют сложить костры слуг? — спросил Тень.

— А почему слуги должны получать удоволь-

ствие? — вопросом на вопрос ответил мистер Элис. — Это все равно что отправить слугу после обеда пострелять фазанов. Когда сам притаскиваешь сучья и складываешь их на нужное место в определенном порядке, в костре есть нечто особенное. Так, во всяком случае, мне говорили. Сам я такого не делал. — Он отвернулся от окна. — Садитесь. У меня шея затекает на вас смотреть.

Тень сел.

— Я много о вас слышал, — продолжал мистер Элис. — Уже давно хотел с вами познакомиться. Говорят, вы смышленый молодой человек, да еще с большим будущим. Вот что про вас говорят.

— Значит, вы не просто туриста наняли, чтобы он не подпускал к вашей вечеринке соседей?

— И да, и нет. У нас, сами понимаете, было несколько других кандидатов. Просто вы нам больше всего подходите. А когда я догадался, кто вы... Ну, вы просто дар богов, так ведь?

— Не знаю. Действительно дар?

— Несомненно. Понимаете, эти вечеринки устраивают уже очень давно. Почти тысячу лет без перерыва. Ни одного года не пропустили. И каждый год устраивается поединок между их человеком и нашим человеком. И наш человек побеждает. В этом году наш человек — вы.

— Кто... — начал Тень. — Кто такие «они»? И кто такие «вы»?

— Я ваш хозяин, — сказал мистер Элис. — Полагаю... — На мгновение замолчав, он постучал тростью в деревянный пол. — «Они» — те, кто проиграл, впрочем, это было давным-давно. Но мы победили. Мы были рыцарями, а они — драконами, мы — убийцами великанов, а они — оградами. Мы были людьми, а они монстрами. И мы победили! Теперь они знают свое место. Сегодняшний бой — для того, чтобы не дать им забыть. Сегодня вечером вы будете сражаться за человечество. Нельзя дать им одержать верх. Даже в малости. Мы против них.

— Доктор Гаскелл назвал меня монстром, — сказал Тень.

— Доктор Гаскелл? — переспросил мистер Элис. — Это ваш друг?

— Нет, — ответил Тень. — Он работает на вас. Или на людей, которые работают на вас. Кажется, он убивает детей и делает фотографии трупов.

Мистер Элис уронил свою трость и неловко за ней наклонился.

— Я вас, Тень, монстром не считаю, — сказал он наконец. — Я считаю вас героем.

«Нет, — подумал Тень. — Вы считаете меня

монстром. Но вы думаете, что я ваш монстр».

— Так вот, — продолжал мистер Элис, — сегодня вечером вы себя покажете и, уверен, хорошо покажете, а тогда можете назвать свою цену. Вы никогда не задумывались, почему некоторые люди становятся кинозвездами, знаменитостями или миллиардерами? Готов поспорить, что задумывались. «У него же нет таланта? Что такого есть у него, чего нет у меня?» Что ж, иногда ответ очень прост: на его стороне такой человек, как я.

— Вы бог? — спросил Тень.

Тут мистер Элис раскатисто, от души рассмеялся:

— Отличная шутка, мистер Лун. Вовсе нет. Я просто малый из Стритхэма, который пробил себе дорогу в жизни.

— И с кем же я буду бороться? — поинтересовался Тень.

— Сегодня вечером вы с ним встретитесь, — сказал мистер Элис. — А пока нужно кое-что достать с чердака. Почему бы вам не пособить нашему Смити? Для такого здоровяка, как вы, — раз плюнуть.

Аудиенция закончилась, и, словно по сигналу, вошел Смит.

— Я как раз говорил, — сказал мистер Элис,

— что наш друг поможет тебе спустить кое-что с чердака.

— Отлично, — отозвался Смит. — Пошли, Тень. Проложим себе путь наверх.

И они пошли наверх: по темной неосвещенной деревянной лестнице, к запертой на висячий замок двери, которую Смит открыл. Пыльный деревянный чердак был доверху заставлен чем-то, напоминающим...

— Барабаны? — удивился Тень.

— Барабаны, — подтвердил Смит. Они были изготовлены из дерева и звериных шкур. И все разного размера. — Ладно. Давай стащим их вниз.

И они потащили. Смит сносил по одному за раз, держа барабан так, словно он был большой ценностью. Тень носил по два.

— А что, собственно, сегодня произойдет? — спросил Тень на их третий, а может, четвертый заход.

— Ну, — протянул Смит. Они поставили барабаны у подножия лестницы в большом зале. У очага негромко беседовали несколько человек. Когда они вернулись на лестницу и были уже вне пределов слышимости гостей, Смит сказал: — Мистер Элис под вечер нас оставит. А я еще

немного тут покручусь, но потом тоже уеду.

— Мистер Элис уезжает? Разве он не примет участия в вечеринке?

Вид у Смита сделался оскорбленный.

— Он же хозяин. Но. — Тут он остановился. Тень все понял: такие, как Смит, своих нанимателей не обсуждают. Они снесли вниз остальные барабаны, а после вернулись за тяжелыми кожаными мешками.

— Что в них? — спросил Тень.

— Палочки, — ответил Смит и, помолчав, добавил: — Они — древних родов. Я про тех, что внизу. Очень старые деньги. Они знают, кто босс, но это еще не делает его одним из них, Понимаете? Они — единственные, кто будет присутствовать на сегодняшнем празднике. Мистера Элиса они бы там видеть не хотели. Понимаете?

Тень действительно понял и пожалел, что Смит вообще согласился говорить про мистера Элиса. Он почему-то сомневался, что Смит хоть словом обмолвился бы тому, кто, на его взгляд, проживет достаточно долго, чтобы это слово повторить.

Но сказал Тень только:

— Тяжелые у вас барабанные палочки.

Глава восьмая

С наступлением сумерек черный частный вертолетик унес мистера Элиса. «Лендроверы» увезли обслуживающий персонал. На последнем уехал Смит. В большом доме остались только Тень и гости с их дорогими стильными нарядами, с их улыбками. Они разглядывали Тень, как пойманного льва, которого привезли для их увеселения, но с ним разговаривали. Темноволосая женщина, которая по приезде улыбнулась Тени, принесла ему поесть: стейк, едва прожаренный. Она принесла ему тарелку, но никаких приборов, точно считала, что есть он будет руками и зубами, а поскольку он был голоден, то так и сделал.

— Я не ваш герой, — сказал он им, но они отказывались встречаться с ним взглядом. Никто с ним не разговаривал, во всяком случае, напрямую. Он чувствовал себя зверем.

А потом сумерки сгустились. Тень вывели во внутренний двор к пыльному фонтану, под дулом пистолета сняли с него одежду, и женщины намазали его тело густым желтым жиром, который втерли.

На траву перед ним положили нож. Движение

пистолетом — и Тень поднял оружие. Рукоять была из какого-то темного металла, шероховатая и удобная в руке. Клинок выглядел острым.

Потом они распахнули двойные двери из внутреннего двора в большой дом, и двое мужчин зажгли высокие костры. Затанцевало и затрещало пламя.

Остальные открыли кожаные мешки, и каждый из гостей взял по резной черной палочке, больше похожей на тяжелую узловатую дубинку. Тени невольно вспомнились дети Соуни Бина, вылезающие из-под земли с дубинами из берцовых костей.

Расположившись вдоль края внутреннего двора, гости принялись ударять палочками в барабаны. Начали они медленно и тихо, двор сотрясла низкая, пульсирующая вибрация, похожая на биение сердце. Потом они стали выбивать и выстукивать странный ритм, стаккато, которое колебалось и кружило, все громче и громче, пока не заполнило разум и мир Тени. Ему казалось, что само пламя вспыхивает мигает в такт барабанам.

А затем за стенами дома поднялся вой.

В этом вое было страдание, и, перекрывая барабанный бой, он пронесся над холмами, — вопль

боли, утраты и ненависти.

Фигура, которая, спотыкаясь, прошла через ворота во двор, сжимала себе голову, закрывая уши руками, словно чтобы остановить оглушительные звуки. Вот она вышла на свет костров.

Она была огромной, много выше Тени, и нагой. На ней не было ни волоска, и с нее капала вода.

Опустив руки, существо оглянулось по сторонам, его лицо исказила безумная гримаса.

— Прекратите! — возопило оно. — Прекратите шуметь.

А люди в стильной загородной одежде все выбивали и выбивали ритм, все быстрее, все сильнее, так что шум затопил Тени голову и грудь.

Монстр вышел на середину двора и глянул на Тень.

— Ты, — сказало существо. — Я же тебя просил. Я же говорил тебе про шум. — И оно завыло — низким горловым воем вызова и ненависти.

Существо подобралось ближе к Тени, потом увидело нож и замерло.

— Сражайся! — крикнуло оно. — Сразись честно! Не хладным железом! Сразись со мной!

— Я не хочу с тобой сражаться, — отозвался Тень и, уронив в траву нож, медленно поднял пустые руки.

— Слишком поздно, — сказало лысое существо, которое не было молодым человеком. — Для этого уже слишком поздно.

И бросилось на Тень.

Впоследствии, думая про тот поединок. Тень вспоминал его лишь отрывками. Помнил, как рухнул наземь и как перекатился. Помнил глухой барабанный бой и выражение на лицах барабанщиков, голодными глазами следивших за двумя фигурами в огненном свете.

Они сжимали, дубасили и молотили друг друга. По лицу ломавшего Тень монстра бежали соленые слезы. Тени подумалось, что он и его противник стоят друг друга. Монстр ударил Тень локтем в лицо, и Тень почувствовал на языке вкус крови. А еще ощутил, как в нем самом поднимается гнев — алая волна ненависти. Выбросив вперед ногу, он поддел монстра под колено, и, когда монстр отшатнулся, кулак Тени ударил ему в живот, отчего он вскрикнул и взревел с болью и гневом.

Взгляд на гостей: на лицах барабанщиков Тень увидел жажду крови.

Поднялся ветер, холодный ветер, морской ветер, и Тени показалось, что в небе над ним зависли великанские тени, огромные фигуры,

которые он видел на корабле из ногтей мертвецов, и сейчас они смотрели на него с высоты, будто именно этот поединок и удерживал их на корабле, не давая высадиться на берег, не давая уплыть.

Этот бой — древний, подумал Тень, древнее, чем кажется мистеру Элису, и продолжал думать об этом, даже когда когти твари располосовали ему спину. Это бой человека с монстром, старый, как само время: это Тезей сражается с Минотавром, это Беовульф силится одолеть Гренделя, это тот герой, что извечно стоит между светом и тьмой и устало стирает со своего меча кровь чего-то нечеловеческого.

Горели костры, пульсировали и гремели барабаны, точно биение тысяч сердец,

Когда монстр напал снова, Тень поскользнулся на мокрой траве и упал навзничь. Пальцы твари охватили его шею и начали сжимать: Тень почувствовал, как все тускнеет, становится все более далеким. Сомкнув пальцы на кустике травы, он глубже вонзил их в землю, потянул, захватывая пригоршню травы и липкой земли, и с силой вдавил холодную грязь в лицо монстра, на мгновение его ослепив. Он перекатился. Теперь уже он сидел верхом на монстре. С силой ударил его

коленом в пах, и монстр свернулся клубком, завыл и заплакал.

Осознав, что барабанный бой прекратился. Тень поднял глаза.

Гости отложили барабанные палочки.

Они приближались к нему, сжимая круг. Теперь мужчины и женщины поднимали свои палочки, как дубины. Но смотрели они не на Тень: они не отрывали глаз от монстра на земле и, занеся свои резные орудия, надвинулись на него в свете костров.

— Хватит! — вырвалось у Тени.

Первый удар резной барабанной палочкой пришелся по голове существа. Монстр взвыл и извернулся, поднимая руку, чтобы отвести следующий удар.

Тень бросился вперед, заслоняя его своим телом. Темноволосая женщина, когда-то ему улыбавшаяся, теперь бесстрастно обрушила палочку-дубину ему на плечо. Еще одна дубина, на сей раз в руках старика, ударила его по ноге, отчего онемела голень. Третий удар пришелся ему в бок.

«Они убьют нас обоих, — подумал Тень. — Сначала его, потом меня. Вот, что они сделают. Вот что они всегда делают. — А потом ему в голову

пришла новая мысль: — Она сказала, что придет. Если я ее позову».

— Дженни? — прошептал он.

Ответа не было. Все происходило так медленно. Опускалась еще одна дубина, на сей раз целясь ему в кисть. Тень неловко выкатился из-под удара, успел увидеть, как тяжелая дубина ударяет в траву.

— Дженни, — сказал он, стараясь как можно отчетливее представить себе ее слишком светлые волосы, ее худое лицо, ее улыбку. — Я призываю тебя. Приди. Прошу.

Порыв холодного ветра.

Темноволосая женщина высоко занесла дубинку и быстро, с силой обрушила ее, метя Тени в лицо.

Удар не достиг цели. Хрупкая ручка перехватила дубину, точно веточку.

Светлые волосы развевались вокруг ее головы на холодном ветру. Тень не мог бы сказать, во что она одета.

Дженни поглядела на него. И Тени показалось, что в ее глазах он прочел разочарование.

Один мужчина изготовился ударить ее по затылку. И снова дубина ее не коснулась. Она повернулась...

Скрежещущий звук, будто нечто себя разрывает.

А потом взорвались костры. Вот на что это походило. Пылающие поленья и сучья разлетелись по всему двору, их занесло даже в дом. И люди кричали на суровом ветру.

Тень нетвердо поднялся на ноги.

Окровавленный и скрюченный монстр лежал на земле. Тень не знал, жив он или нет. Подхватив тело, он взвалил его себе на плечо и, спотыкаясь, побрел со двора.

Едва переставляя ноги, он вышел на посыпанную гравием стоянку, и тут же у него за спиной захлопнулись тяжелые деревянные ворота. Никто больше не выйдет. Тень стал спускаться по склону — шаг за шагом — к узкому шотландскому озерцу, лоху.

Дойдя до кромки воды, он остановился и, рухнув на колени, насколько мог мягко опустил лысого человека на траву.

Услышав за спиной грохот, он оглянулся на вершину холма.

Дом горел.

— Как он? — спросил женский голос.

Тень повернулся. Она стояла по колено в воде. Мать монстра шла к берегу.

— Не знаю, — честно ответил Тень. — Он ранен.

— Вы оба ранены, — сказала она. — Вы сами весь в крови и синяках.

— Да, — согласился Тень.

— И все же он не мертв. Неплохо для разнообразия.

Выйдя на берег, она села, положив себе на колени голову сына. Достав из сумочки пачку носовых платков, вытащила один, плюнула на него и начала яростно скрести лицо сына, стирая кровь.

Пламя над домом на холме теперь уже ревело. Тень даже не представлял себе, что от горящего здания может быть столько шума.

Старая дама подняла глаза к небу. Издала горловой, похожий на смешок звук, потом покачала головой.

— Знаете, — сказала она, — а ведь вы их впустили. Они так долго были заперты за гранью этого мира, а вы их впустили.

— Это хорошо? — спросил Тень.

— Не знаю, голубчик, — сказала старая дама и снова покачала головой. Она тихонько напевала сыну, словно он был еще маленьким мальчиком, и, послюнив носовой платок, промокала ему раны.

Тень стоял голый у кромки воды, но жар от горящего здания обдавал спину теплом. Он смотрел, как пламя отражается в стеклянной поверхности лоха.

Всходила желтая луна.

Синяки и раны начинали болеть. Завтра боль будет еще сильнее.

За спиной — шаги по траве. Он поднял глаза.

— Привет, Смити, — сказал Тень.

Смит поглядел на троих у воды.

— Тень, — сказал он, покачав головой. — Тень. Тень, Тень, Тень, Тень. Исход должен был быть совсем иным.

— Извините, — отозвался Тень.

— Это доставит столько хлопот мистеру Элису, — сказал Смит. — Те люди были его гости.

— Это были звери, — возразил Тень.

— Может, и так, — сказал Смит, — но это были богатые и влиятельные звери. А теперь придется позаботиться о вдовах и сиротах и еще бог знает о чем. Мистер Элис будет недоволен. — Он произнес это как судья, выносящий приговор.

— Вы ему угрожаете? — поинтересовалась старая дама.

— Я не угрожаю, — бесстрастно ответил Смит.

Она улыбнулась;

— А вот я угрожаю. Если вы или жирный сукин сын, на которого вы работаете, причините хотя бы какой-то малейший вред этому молодому человеку, вам же будет хуже. — Тут она улыбнулась, показав острые зубы, и Тень почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. — Есть вещи пострашнее смерти, — сказала она. — И мне известны почти все. Я немолода и слов даром не теряю. Поэтому на вашем месте, — усмехнулась она, — хорошенько бы присматривала за этим мальчиком.

Одной рукой, точно тряпичную куклу она подхватила тело сына, другой крепче прижала к боку сумочку. Потом кивнула Тени и ушла в темно-стеклянную воду. Вскоре она и ее сын уже скрылись под поверхностью озерца.

— Вот черт, — пробормотал Смит.

Тень не сказал ничего.

Смит порылся по карманам. Отыскав кисет с табаком, он свернул себе самокрутку. Прикурил.

— Вот так-то, — сказал он.

— Вот так-то? — переспросил Тень.

— Надо вас, пожалуй, помыть и найти вам какую-нибудь одежду. Иначе до смерти простудитесь. Вы же слышали, что она сказала.

Глава девятая

В тот же вечер в гостинице Тень уже ждал лучший номер. Меньше чем через час после возвращения Тени Гордон-портье принес ему новый рюкзак, коробку с новой одеждой, даже новые ботинки. Вопросов он никаких не задал.

Поверх одежды лежал пухлый конверт.

Тень его разорвал. В конверте оказались его паспорт (слегка обгоревший), его бумажник и деньги: несколько перетянутых красными резинками пачек новых пятидесятифунтовых банкнот.

«Деньжонки текут ручьем!» — без удовольствия подумал Тень и попытался — без особого успеха — вспомнить, где слышал эту песню.

Он долго лежал в ванне, отмачивая синяки.

Потом спал.

Утром он оделся и по ведущей от порога гостиницы дороге поднялся на холм. Он был уверен, что на вершине есть каменный дом с лавандой в саду полосатая обеденная стойка из сосны и пурпурный диван, но сколько он ни искал, никакого жилья на холме не было, даже признаков того, что здесь хоть когда-то было что-то, помимо

травы и тернового куста.

Он позвал ее по имени, но никто ему не ответил, только налетел с моря ветер и принес с собой первое обещание зимы.

И все же, когда он вернулся к себе в номер, она ждала его. В своем коричневом пальто она сидела на кровати, пристально рассматривая ногти. Когда он отпер дверь и вошел, она не подняла головы.

— Привет, Дженни, — сказал он.

— Привет, — отозвалась она. Ее голос прозвучал очень тихо.

— Спасибо, — сказал Тень. — Ты спасла мне жизнь.

— Ты позвал, — тускло ответила она. — Я пришла.

— Что-то не так?

Тут она на него поглядела.

— Я могла бы быть твоей. — В глазах у нее стояли слезы. — Я думала, что ты полюбишь меня. Может быть. Когда-нибудь.

— Что ж. Быть может, мы могли бы узнать. Завтра мы могли бы пойти вместе вдоль берега. Только, боюсь, недалеко. Физически я не в лучшей форме.

Она покачала головой.

Самое странное, подумалось Тени, что она уже больше не походила на человека: она выглядела как то, чем и являлась — как дикое существо, создание леса. На кровати, под ее пальто, дернулся и затих хвост. Она была очень красива, и он поймал себя на том, что очень, очень ее хочет.

— Беда хульдр, — сказала Дженни, — пусть даже забравшейся далеко-далеко от своего дома, в том, что если не хочешь быть одинокой, то должна любить мужчину.

— Так люби меня. Останься со мной, — сказал Тень и добавил: — Пожалуйста.

— Но ведь ты, — с печальной окончательностью возразила она, — не человек.

Она встала.

— Однако, — сказала она, — все меняется. Теперь я, возможно, смогу вернуться домой. Проведя здесь тысячу лет, я даже не знаю, помню ли я норвежский язык.

Взяв его большую руку в маленькие свои, способные гнуть стальные прутья, способные раздавить в песок камни, она нежно сжала его пальцы. А после ушла.

Тень остался в гостинице еще на день, а потом сел на автобус до Турсо, а оттуда на поезд до Ивернесса.

В поезде он заснул, но ему ничего не приснилось.

Когда он проснулся, на банкетке рядом с ним сидел мужчина. Мужчина с лицом жестким, как лезвие топора, читал книгу в бумажной обложке. Увидев, что Тень проснулся, он ее закрыл. Тень глянул на обложку: «Трудность бытия» Жана Кокто.

— Хорошая книга? — спросил Тень.

— Ничего, нормальная, — ответил Смит. — Тут сплошь эссе. Предполагается, что они очень личные, но создается такое впечатление, что всякий раз, когда он невинно поднимает глаза и говорит: «Это все я», перед тобой какой-то двойной блеф. Но «Belle et la Bete»[259] мне понравился. Когда я его смотрел, мне казалось, я к нему ближе, чем когда читаю его откровения,

— Тут все на обложке, — сказал Тень.

— Вы о чем?

— Трудность быть Жаном Кокто.

Смит почесал нос.

— Вот, прочтите. — Он протянул Тени газету «Скотсмен»[260]. — На девятой странице.

---

[259] notes: 259
«Красавица и чудовище»

[260] notes: 260
«Шотландец»

Внизу девятой страницы была небольшая заметка: отошедший от дел врач покончил жизнь самоубийством, Тело Гаскелла нашли в его машине, припаркованной на стоянке для пикников у прибрежного шоссе. Он проглотил тот еще коктейль из обезболивающих, залив его почти полной бутылкой «Лагавулина».

— Мистер Элис не переносит, когда ему лгут, — сказал Смит. — Особенно наемные работники.

— Про пожар там что-нибудь есть? — спросил Тень.

— Какой пожар?

— И то верно.

— Но я нисколько бы не удивился, узнав, что в ближайшие несколько месяцев сильных мира сего станут вдруг преследовать всякие несчастья. Автокатастрофы. Аварии поездов. Может быть, даже самолет упадет. Убитые горем вдовы, сироты и возлюбленные. Очень грустно.

Тень кивнул.

— Знаете, — продолжал Смит, — мистер Элис очень беспокоится о вашем здоровье. Он волнуется. Я тоже волнуюсь.

— Вот как? — переспросил Тень.

— На все сто. Я хочу сказать, вдруг с вами что-то случится, пока вы в нашей стране? Может, через

дорогу не в том месте перейдете. Пачку денег покажете не в том пабе. Мало ли что? Проблема в том, что, если вы пострадаете, то — как там ее зовут? — мамаша Гренделя может неверно это понять,

— Ну и?..

— И мы считаем, что вам лучше уехать из Англии. Так ведь для всех будет безопаснее, правда?

Некоторое время Тень молчал. Поезд начал замедлять ход.

— Ладно, — сказал Тень наконец.

— Это моя станция, — сказал Смит. — Я тут выхожу. Мы закажем вам билет — разумеется, первым классом, Куда бы вы ни направились. Билет в один конец. Только скажите, куда хотите поехать.

Поезд остановился. Не станция даже, маленький полустанок, как будто посреди нигде. У перрона, на жиденьком солнышке был припаркован большой черный автомобиль. Стекла в окнах были затемненные, и Тень не смог разглядеть, кто в нем.

Опустив окно купе, мистер Смит открыл снаружи дверь вагона и ступил на платформу. Потом повернулся, чтобы через открытое окно погля-

деть на Тень.

— И?..

— Думаю, — сказал Тень, — я несколько недель погуляю по Англии, посмотрю местность. Вам придется просто молиться, чтобы, переходя улицу, я смотрел по сторонам.

— А потом?

И тут Тень понял. Возможно, он с самого начала это знал.

— В Чикаго, — сказал он Смиту, когда поезд дернулся и начал отъезжать от станции. Произнося эти два слова, Тень почувствовал себя старше. Но нельзя же откладывать это вечно.

А потом добавил так тихо, что слышать мог только он один:

— Наверное, я возвращаюсь домой.

Вскоре пошел дождь: огромные капли разбивались о стекла, по окнам хлестали серые струи, отчего весь мир расплывался пятнами серого и зеленого. В пути на юг Тень сопровождали утробные раскаты грома. Ворчала гроза, выл ветер, молнии отбрасывали на небо гигантские тени, и в их обществе Тень понемногу начал чувствовать себя не таким одиноким.